This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА I.

"RUSSKAIA MYSL"
5
110.1-3
1884/1

МОСКВА.

1884.

Редакція и главная контора журнала. Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ **Москвѣ**—Петровскія торговыя линіи.

Въ **С.-Петербургѣ**—при книжномъ Магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ **Кіевѣ**—при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

~~Skow 30.11~~
Sin-605.10 (1884 / Kn.1-3)

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.
DUPLICATE.

DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB 8 1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

РАСПОРЯЖЕНІЕ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

I. МАЗЕПИНЦЫ. Гл. I и II.—**Н. И Костомарова** 1

II. РАБОТА ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ПО ВОПРОСУ О ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИКОВЪ.—**Гр. Л. Л. Комаровскаго** 34

III. ОЧЕРКИ НАРОДНАГО НАСТРОЕНІЯ. Гл. I и II.—**Н. Н. Златовратскаго** 82

IV. НОВЫЯ ДАННЫЯ О ПРЕБЫВАНІИ ПЕТРА ВЪ ПАРИЖѢ.—**М. М. Ковалевскаго** 104

V. ЗАПРОСЫ И ПРОЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ.—**А. С. Пругавина**. 161

VI. КАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. I—VI.—**В. И. Немировича-Данченко**. 200

VII. СИЛЬВЕКЪ. Романъ Элизы Ожешковой. Гл. I и II.—Переводъ съ польскаго 253

VIII. Э. ЛИТТРЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ. Гл. I и II.—**Г. Каро**. Переводъ съ французскаго 295

IX. ФИЛИНЪ. Романъ въ двухъ частяхъ **Фридриха Шпильгагена**. Ч. I, гл. I—IV.—Переводъ съ нѣмецкаго 336

X. ИВА. Поэма Альфреда де-Мюссэ.—**П. А. Козлова** 364

XI. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Гл. I.—**В. Н. Григорьева** 2

XII. БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскія книги.

«Народная жизнь на Сѣверѣ». *С. А. Приклонскаю*. Москва, 1884 г.—«Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи». *Н. Зверева*. Москва. 1883 г.—«Наша новѣйшая литература объ экономическомъ состояніи Россіи». *Д. И.* Москва, 1883 г.—«Исторія XIX вѣка до 18 брюмера». *Минле*. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой.—«Жизнь и счастіе». *Изслѣдованія Владиміра Баранова*. С.-Пб., 1884 г.—**В. А. Гольцева** 41

Иностранныя книги.

«Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи» (Jean Macé et lafondation de la ligue de l'enseignement. *Dessoye;* Essai des droits et des devoirs de la famille et de l'état en matière d'enseignement et d'éducation. *Abbe Jn. Crozat;* L'éducation des enfants aux Etats-Unis. *Marie Loizillon*).—**В. А. Гольцева** . . 49

Стр.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Съ какимъ чувствомъ мы встрѣтили истекающій годъ. — Что онъ принесъ намъ и какая существуетъ разница въ настроеніи нашемъ тогда и теперь.— Толки о золотой рентѣ и нашъ взглядъ на этотъ заемъ.—Значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ для востановленія цѣнности кредитнаго рубля 57

Приложеніе: МАКБЕТЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Шекспира. Пер. **С. А. Юрьева** . . . . . 1—32

Распоряженіе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

16 декабря 1883 года.

Принимая въ соображеніе, что въ журналѣ *Русская Мысль* появлялись въ теченіе послѣдняго времени статьи, несомнѣнно свидѣтельствующія о вредномъ его направленіи, которое, между прочимъ, особенно рѣзко выразилось въ статьѣ *Петербургскія письма*, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ означеннаго изданія.—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. Зак. Т. XIV, по продолж. 1876 г., и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ:* объявить журналу *Русская Мысль первое* предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора Потомственнаго Почетнаго Гражданина Вукола Лаврова и редактора Коллежскаго Секретаря Сергѣя Юрьева.

МАЗЕПИНЦЫ.

I.

Федеративность и московская политика.—Мазепа какъ полякъ.—Народъ малороссійскій противъ Мазепы. — Малочисленность мазепиной партіи. — Лебединъ. – Судъ и расправа надъ мазепинцами. — Опоченокъ. — Дубяга. — Лохвицкій сотникъ Яременко. – Гамалія и Мартосенко.— Данило Таращенко и Яковъ Кудинъ.—Попъ Мловскій.—Сельскій попъ изъ Лубенскаго полка. — Люди Ломиковскаго. — Городецкій и Пекалицкій.—Миргородскій полковникъ и другіе переходятъ обратно отъ Мазепы къ Петру.—Полтавскій полковникъ Левенецъ.—Гамалія и Андрей Горленко.

Въ 1882 году, въ журналѣ *Русская Мысль* печаталась наша историческая монографія: *Мазепа*. Въ ней было указано, что замыселъ измѣнить царю Петру и перейти на сторону его непріятелей не вырабатывался и не созрѣвалъ въ теченіе многихъ предшествовавшихъ лѣтъ, а возникъ уже не задолго до событія, такъ громко и вмѣстѣ такъ позорно обезсмертившаго память Мазепы. Этотъ малороссійскій гетманъ былъ по своей натурѣ эгоистъ; онъ былъ искренно вѣренъ царю Петру до тѣхъ поръ, пока Петръ былъ силенъ, пока Петру не угрожалъ могучій врагъ, въ многолѣтней борьбѣ съ нимъ достигшій такихъ успѣховъ, что уже можно было, казалось, смѣло пророчить ему скоро окончательное торжество. Онъ уже уничтожилъ въ прахъ польскаго короля Августа, Петрова союзника, и готовился расправиться съ послѣднимъ своимъ врагомъ—съ русскимъ государемъ. Вся Европа посылала шведскому герою поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ. Самъ Петръ уже терялъ надежду на успѣхъ и просилъ мира; но гордый побѣдитель не хотѣлъ мириться иначе, какъ на условіяхъ, унизительныхъ для Россіи. Ничто не допускало опасаться, чтобъ слава шведскаго короля скоро затмилась. Шведскій король заранѣе объявлялъ поста-

скому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ царскихъ холопей, такъ чтобы народъ южнорусскій усвоилъ себѣ народность сѣверноруссскую и слился съ народомъ Московскаго государства до потери собственнаго личнаго бытія, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Таковъ былъ идеалъ московской политики по отношенію къ Украинѣ послѣ присоединенія послѣдней къ Московской державѣ,—идеалъ, часто по благоразумію скрываемый, но почти всегда прозрачновидимый и всегда противный малорссіянамъ всѣхъ званій и состояній. Противъ этого-то московскаго идеала стоялъ, такъ сказать, ребромъ другой своеобразный идеалъ, выработанный предшествовавшею исторіею Украины,—идеалъ федеративной связи. Но съ кѣмъ возникнуть могла такая связь послѣ того, какъ Московская держава, принявшая Украину въ свое лоно, не хотѣла знать того, чего желала Украина? Конечно, съ тѣмъ, кто бы согласился принять Украину съ искреннимъ намѣреніемъ уважать ея политическій федеративный идеалъ. Но такого союзника не было; приходилось терпѣть московскую власть, особенно, когда она была сильна.

Успѣхи Карла XII заставляли думать, что сила московской власти скоро пошатнется и сама судьба стеченіемъ обстоятельствъ укажетъ Украинѣ, что наступаетъ часъ подумать самой о себѣ. Для Мазепы, какъ для бывшаго покоёваго при дворѣ польскаго короля Яна Казимира, который посылалъ этого покоёваго въ Украину въ качествѣ королевскаго агента, когда шелъ вопросъ объ удержаніи такъ или иначе Украины подъ властію Рѣчи Посполитой—какой идеалъ могъ быть желаннѣе соединенія Украины съ Польшею на основаніяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ гадяцкому договору! Но въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ со Станиславомъ Лещинскимъ и его покровителемъ, шведскимъ королемъ, уступая Украину Польшѣ, а себѣ выговаривая удѣльное княженіе въ Бѣлоруссіи, Мазепа долженъ былъ скрывать это отъ малороссіянъ, а между тѣмъ возбуждать ихъ противъ Московской державы, чтобы, когда придетъ время, найти ихъ готовыми пристать къ его замыслу. Онъ манилъ ихъ призракомъ независимости. Не мало было способныхъ увлечься такимъ призракомъ, по крайней мѣрѣ, въ кругу тогдашнихъ генеральныхъ и полковыхъ старшинъ и войсковыхъ товарищей, составлявшихъ въ краѣ интел-

лигентный классъ, для котораго былъ доступенъ политическій кругозоръ. Съ самаго вступленія своего въ гетманскій санъ, Мазепа старался расположить къ себѣ этотъ классъ и за то во все продолженіе двадцати-двухлѣтняго его гетманства не терпѣли этого гетмана простолюдины, бѣдняки, всегда ненавидѣвшіе знатныхъ и богатыхъ по общей человѣческому существу завистливости: Мазепу считали покровителемъ и потатчикомъ своевольства значныхъ и ихъ гнета надъ людьми простыми и убогими. Никто изъ гетмановъ не надавалъ столько универсаловъ на маетности, подтвержденныхъ потомъ царскими грамотами, никто, какъ Мазепа, черезъ это не наплодилъ въ Украинѣ столько такъ называемыхъ пановъ, отдавая имъ въ распоряженіе живущихъ на ихъ земляхъ посполитыхъ. Во многихъ своихъ отпискахъ въ Приказъ гетманъ Мазепа часто обвинялъ простой украинскій народъ (поспольство) въ склонности грабить пановъ и вообще зажиточныхъ людей, и тутъ же отвергалъ справедливость слуховъ, будто паны владѣльцы маетностей дѣлаютъ живущимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ какія-то насилія и угнетенія. Какъ бы въ отместку Мазепѣ, малороссійское поспольство заявило себя противъ него въ самыя критическія для него минуты. Въ 1708 г., какъ только разнесся въ народѣ слухъ, что гетманъ измѣняетъ царю и переходитъ къ царскимъ непріятелямъ, въ разныхъ мѣстахъ начались бунты противъ старшинъ и посягательства грабить и бить значныхъ и богатыхъ людей. Между прочимъ, такъ произошло въ Полтавѣ. Полтавскій сотникъ Зеленейскій привезъ въ Полтаву извѣстіе о переходѣ Мазепы къ шведамъ. Тотчасъ стали въ городѣ скопляться мужики изъ окрестныхъ селъ и деревень и кричать, что вотъ, наконецъ, пришла пора обдирать старшинъ и всѣхъ значныхъ и богатыхъ; отъ этого все, что было тамъ значнаго и богатаго, бѣжало искать себѣ спасенія въ иныхъ мѣстахъ. Такъ убѣжало тогда изъ Полтавы семейство Герциковъ. Люди значные, сыновья бывшаго нѣкогда полковникомъ полтавскимъ, владѣльцы маетностей въ полтавскомъ полку, Герцики убѣжали отъ разъяренной толпы чернаго люда за Днѣпръ, съ намѣреніемъ укрыться въ Корсунѣ, гдѣ у нихъ былъ собственный дворъ, но когда доѣхали до Чигирина, оттуда по настоянію соумышленниковъ Мазепы, Гамалѣи, Кандыбы и Кіевскаго, послѣдовали они снова на лѣвую сторону Днѣпра и очутились въ Ромнахъ при Мазепѣ [1]). Такихъ во всей Гетман-

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., мартъ, стр. 599. (Допросъ Герцика. Изъ Арх. Иностр. Дѣлъ).

щинѣ явилось бы, можетъ быть, гораздо болѣе того, сколько ихъ набралось тогда, если бы Мазепѣ не пришлось имѣть дѣло съ государемъ великаго ума и непреклонной энергіи, какимъ былъ Петръ Первый. Но партія Мазепы не могла разростись еще и оттого, что Мазепа не прилагалъ старанія, чтобъ дать возможность разростись ей. Мазепа, какъ всѣ эгоисты, былъ трусливъ за свою шкуру, крайне остороженъ и не твердо увѣренъ въ осуществимости своей цѣли, въ дѣйствительности избранныхъ средствъ. Да и времени у него было мало, такъ какъ и замыселъ измѣнить Петру возникъ у него не раньше года до событія. Мазепа въ свои планы посвятилъ только немногихъ, почему-либо стоявшихъ близко къ нему, преимущественно своихъ родственниковъ и свойственниковъ. Многіе старшины генеральные и полковые не знали о его замыслѣ. Отъ этого и число соучастниковъ отпаденія отъ царя оказалось невелико. Правда, мы почти не въ состояніи произнести о такомъ числѣ хотя бы самый приблизительный приговоръ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые заявили себя его соучастниками, а потомъ попадались въ руки царскаго правосудія или сами заранѣе прибѣгали къ царскому милосердію, обыкновенно выставляли себя не знавшими истинныхъ замысловъ Мазепы, а винились только въ томъ, что повиновались гетману и должны были слѣдовать туда, куда онъ велъ ихъ или посылалъ, не смѣя у него допрашиваться о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Были и такіе, что съ перваго раза съ сочувствіемъ пристали къ замысламъ своего гетмана, но послѣ, замѣтивши, что нельзя надѣяться на удачу предпріятія, въ пору припрятались и показывали видъ, что не знали ни о чемъ, и ни мало не сочувствовали тому, что было противно царю государю. Само собою разумѣется, никто не въ силахъ теперь открыть такихъ, а такихъ-то было безъ сомнѣнія очень много. Можемъ, слѣдовательно, говорить только о тѣхъ, которые, ставши соумышленниками и соучастниками гетмана Мазепы, бѣжали вмѣстѣ съ нимъ послѣ полтавскаго боя, или же о тѣхъ, которые сами сознались въ своемъ соучастіи съ Мазепою—добровольно или невольно. О такихъ только лицахъ мы и сообщимъ теперь свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ и частныхъ архивовъ.

Мы упомянемъ прежде всего объ одномъ соумышленникѣ Мазепы и притомъ, какъ можно думать, немаловажномъ, умершемъ во время стоянки Мазепы съ Карломъ XII въ Ромнахъ и этой смертію избѣжавшемъ вѣроятной возможности понести жестокую

кару отъ московской власти. Это былъ Згура, родомъ грекъ, или молдаванинъ, вообще кто-то изъ христіанъ Балканскаго полуострова. Онъ уже давно поселился въ Украинѣ и былъ неоднократно посылаемъ гетманомъ въ турецкія владѣнія съ разными порученіями. Мазепа выставлялъ его московской власти, какъ человѣка сметливаго, ловкаго и преданнаго царю.

Но втайнѣ Згура присталъ къ замыслу Мазепы и тогда исполнялъ такія порученія, о которыхъ самъ не посмѣлъ бы нигдѣ заикнуться. Не задолго до прибытія шведскихъ войскъ въ Украину, Згура былъ посылаемъ къ Сераскиру-пашѣ [1]). Хотя въ донесеніи Мазепы говорится о посольствѣ этого человѣка, въ видахъ пользы для московскаго правительства, но такъ какъ въ это время Мазепа уже былъ окончательно готовъ встрѣчать въ Украинѣ враговъ Петра, то очень можетъ быть, что Згура у Сераскира исправлялъ отъ Мазепы порученія, полезныя болѣе для шведскаго короля, чѣмъ для русскаго царя. Подобныя порученія возлагались и на какого-то болгарскаго эксъ-архіерея, передававшаго извѣстія отъ Мазепы шведскому королю и Станиславу Лещинскому и привозившаго извѣстія отъ нихъ къ Мазепѣ. Не знаемъ, что сталось съ этимъ эксъ-архіереемъ.

Изъ открытыхъ соумышленниковъ гетмана Мазепы болѣе извѣстными намъ стали тѣ, надъ которыми производились слѣдствіе и судъ. Это происходило въ Лебединѣ, гдѣ была главная царская квартира въ концѣ 1708 и въ началѣ 1709 годовъ. Въ *Исторіи Руссовъ* приписываемой бѣлорусскому архіепископу, Георгію Конисскому, разсказывается, будто въ Лебединѣ происходили страшныя казни и погибло множество малороссіянъ, не только дѣйствительно виновныхъ, но и невинныхъ, казненныхъ по одному подозрѣнію. Это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Это извѣстіе вполнѣ совпадаетъ съ суровостію Петра, безъ всякаго состраданія казнившаго государственныхъ преступниковъ и своихъ недруговъ; но это извѣстіе встрѣчается только въ одномъ источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ, преисполненномъ невѣроятностями и позднѣйшими выдумками; оно не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками. Кромѣ того, въ *Исторіи Руссовъ* сообщается, что казненныхъ хоронили на особомъ кладбищѣ, которое въ народной памяти осталось съ названіемъ гетманцевъ [1]). Если бы тутъ была какая-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ подлинн. 1708 г., май.

нибудь правда и если бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно бы удержалось у мѣстныхъ жителей въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи *Исторіи Руссовъ*. Намъ отвѣчали, что ничего подобнаго не знаютъ и ни о какихъ гетманцахъ, погребенныхъ гдѣ-то въ Лебединѣ, не слыхали. Если старики тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа? [1]).

Къ большому сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; быть можетъ, они гдѣ-нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ. Намъ извѣстны только отрывки изъ показаній нѣкоторыхъ изъ судимыхъ тамъ лицъ и приговоры надъ этими лицами, сохранившіеся въ дѣлахъ архива юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ.

Въ числѣ лицъ, ранѣе другихъ поступившихъ въ Лебединъ на расправу за участіе въ измѣнѣ Мазепы, были войтъ шептаковской волости Опоченокъ и канцелярист Дубяга [2]).

Шептаковская волость подарена была царемъ гетману Мазепѣ въ потомственную собственность и находилась въ его владѣніи уже восемнадцать лѣтъ. Управителемъ или намѣстникомъ владѣльца былъ тамъ Быстрицкій, полякъ по происхожденію, родственникъ или свойственникъ гетмана. Въ октябрѣ 1708 года носился въ народѣ страхъ скораго вступленія непріятельскихъ войскъ. Заволновались обыватели Шептаковъ. Управитель Быстрицкій призываетъ къ себѣ войта и говоритъ: «Войдутъ къ намъ шведы; они дѣлать худаго народу не будутъ; объяви же мужикамъ, чтобъ не боялись шведовъ; пусть остаются у себя въ домахъ и сидятъ спокойно; разоренія никому не учинятъ». Сказавши это, Быстрицкій уѣхалъ въ Стародубъ по какому-то дѣлу. Прошло послѣ того дня два,—и вотъ, въ среду, вступаетъ въ Шептаки шведскій конный отрядъ. Опоченокъ ушелъ въ Новгородокъ-Сѣверскій извѣстить новгородъ-сѣверскаго сотника

[1]) Ист. Руссовъ, 212.
[2]) Арх. Иностр. дѣлъ 1708, дек., № 52.

о вступленіи шведовъ. По его показанію, данному въ Лебединѣ при допросѣ, сотникъ, выслушавъ донесеніе шептаковскаго войта, хотѣлъ отправить въ Шептаки отрядъ козаковъ, но тутъ съ войтомъ шептаковскимъ встрѣчается служитель Быстрицкаго, по прозвищу Усовичъ, и говоритъ: «Вотъ приходятъ москали съ Шепшиковымъ, они будутъ поопаснѣе шведовъ». Далѣе Опоченокъ на судѣ показывалъ, что послѣ того онъ воротился въ Шептаки и засталъ тамъ Быстрицкаго, уже успѣвшаго воротиться изъ Стародуба. У Быстрицкаго увидалъ онъ шведскаго генерала и Быстрицкій сказалъ войту: «Проведи генерала на большую дорогу, а самъ ступай въ Новгородокъ-Сѣверскій и скажи сотнику: пусть не велитъ стрѣлять по шведамъ, а когда придетъ московская пѣхота, пусть велитъ ее рубить». Войтъ, прибывши въ Новгородокъ-Сѣверскій, передалъ приказаніе Быстрицкаго тамошнему сотнику черезъ городничаго, сотникъ отправилъ войта къ черниговскому полковнику, а тотъ отослалъ его къ русскому фельдмаршалу.

Снявши съ Опоченка такое показаніе, усомнились въ его искренности и подвергли его два раза пыткѣ. Подъ пытками онъ сознался, что, явившись въ Новгородокъ-Сѣверскій, онъ кричалъ по улицамъ, чтобъ люди не боялись шведовъ, а потомъ добавилъ, что и сотникъ новгородъ-сѣверскій въ соумышленіи съ Мазепою. Опоченка казнили смертью.

Въ одинъ и тотъ же день снимали показаніе съ канцеляриста Дубяги. Онъ показалъ, что находился за три мили отъ Батурина въ селѣ и тамъ услыхалъ, что гетманъ ѣдетъ къ царю въ Новгородокъ-Сѣверскій и намѣренъ переправиться черезъ Десну у Оболони. О шведахъ носились слухи, что они пошли къ Чернигову. «По всѣмъ этимъ вѣстямъ (говорилъ Дубяга) я поѣхалъ въ Батуринъ. Тамъ начальствовали сердюцкій полковникъ Чечель и гарматный асаулъ Кенигсенъ. Они сказали, что гетманъ уѣхалъ къ государю, а имъ двоимъ поручилъ надзирать надъ Батуриномъ и не велѣлъ пускать въ замокъ великороссійскихъ ратныхъ людей, потому что они чинятъ великое разореніе малороссійскому народу. Я тогда же хотѣлъ уѣхать изъ Батурина, но меня они не пустили: сказали, что уже вечеръ и скоро настанетъ ночь, а гетманъ приказалъ никого не выпускать изъ города въ ночное время. Такъ я пробылъ въ Батуринѣ до утра; утромъ выпустили меня, я намѣревался догнать гетмана и направился на Коропъ. Тамъ сказали, что гетманъ уже перепра-

вился черезъ Десну и поѣхалъ другимъ берегомъ въ Новгородокъ-Сѣверскій къ государю. По такимъ слухамъ я поѣхалъ къ Оболонской переправѣ, а тамъ схватили меня и доставили къ генералъ-майору Беку».

Неизвѣстно, какъ поступлено было съ Дубягою.

Въ тотъ же день, когда происходилъ допросъ двухъ вышепоказанныхъ лицъ (то было въ одномъ изъ первыхъ чиселъ декабря 1708 года), подвергнутъ былъ допросу запорожскій атаманъ Тимоѳей Полугеръ, который со ста товарищами сѣчевиками перешелъ за Десну съ Мазепою, а потомъ посланъ былъ гетманомъ съ письмомъ къ Скоропадскому, котораго Мазепа хотѣлъ склонить на свою сторону. Полугеръ попался и былъ приведенъ въ Лебединъ на расправу. Онъ въ сдѣланномъ ему допросѣ не показалъ ничего особенно важнаго, кромѣ того, что указалъ ничтожность силъ козацкихъ, перешедшихъ съ Мазепою за Десну къ шведамъ: съ гетманомъ было не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ—Кожуховскаго, Андріяша, Кгалагана, да человѣкъ двѣсти изъ трехъ городовыхъ полковъ: Прилуцкаго, лубенскаго и миргородскаго. съ полковниками этихъ полковъ. Неизвѣстна судьба, постигшая Полугера.

Замѣчательно дѣло, производившееся 8 декабря 1708 года о лохвицкомъ сотникѣ Яременкѣ. Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что нѣкоторое время жители городковъ Лохвицы, Прилукъ, Варвы, Лубенъ находились во власти шведскаго войска, занявшаго этотъ край. Старшины вообще склонялись на сторону Мазепы, а простой народъ стоялъ за царскую власть. Сотника Яременка схватилъ и доставилъ въ Лебединъ атаманъ мѣстечка Сенчи, въ то время, когда этотъ сотникъ разъѣзжалъ по селамъ своей сотни и собиралъ провіантъ на шведовъ. Подвергнутый допросу, этотъ сотникъ сознался, что по зову гетмана Мазепы онъ вмѣстѣ съ другими сотниками и атаманами: лубенскими, лукомскими, чигриндубровскими, пирятинскими, чернухскими, сѣнецкими—былъ въ Ромнахъ у Мазепы. Гетманъ приказалъ имъ всѣмъ собрать для шведскихъ войскъ провіантъ 24,000 воловъ, 40,000 свиней и сто тысячъ осьмачекъ муки; но исполнить такого приказанія было невозможно, потому что, при вступленіи шведовъ въ малороссійскій край, народъ разбѣгался, покидая жилыя мѣста. Въ Лохвицу вступилъ шведскій генералъ Меерфельдъ съ четырьмя тысячами шведскаго войска и послалъ сотника собирать для своего отряда запасы. Сотникъ пріѣхалъ въ Сенчу,

гдѣ не засталъ въ домахъ почти никого изъ обывателей. Тамъ его задержали и препроводили къ царскому генералу князю Волконскому, стоявшему въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, а князь Волконскій отправилъ его въ Лебединъ за карауломъ.

Порѣшили этого сотника сослать въ каторжную работу въ Петербургъ. Неизвѣстно, привлечены ли были къ отвѣту сотники и атаманы, ѣздившіе съ Яременкомъ въ Ромны къ Мазепѣ. Вѣроятно, если и они бывали въ Лебединѣ, то ихъ постигла та же участь.

Разомъ съ дѣломъ о сотникѣ лохвицкомъ Яременкѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранился другой документъ, касающійся того же города Лохвицы. Это челобитная обывателей этого города къ царю, въ которой челобитчики заявляютъ свою вѣрность во время бывшей смуты. Тамъ разсказывается, что генеральный асаулъ Мазепы Гамалѣя прибылъ въ Лохвицу вмѣстѣ съ лохвицкимъ сотникомъ Павломъ Мартосенкомъ, и они уговаривали народъ послать значныхъ людей въ Ромны поклониться пану гетману Мазепѣ; а когда въ Лохвицу пришла царская увѣщательная грамота—они ругались надъ нею, приказали посадить въ тюрьму тѣхъ, которые привезли эту грамоту, грозили даже отрубить имъ руки и ноги и повѣсить. «На завтрее день» (разсказывается въ челобитной) обыватели «въ церкви стояли и въ службы (у обѣдни) были, и вѣдомо намъ учинилося, что хотятъ насъ бить смертнымъ боемъ и повѣшать. Божіею помощію зъ церкви подъ часъ таинъ христовыхъ втеклисьмо и чрезъ килька дней крылись з домовъ нашихъ, покамѣстъ послѣ насъ и жоны наши з дѣтми з домовъ нашихъ поутикали, оставя всѣ пожитки свои. И они, асаулъ Гамалѣя да сотникъ Мартосенко, приказали разорить всю нашу худобу пожитковъ нашихъ; и разорено все до конца, и мы, утѣкаючи черезъ степы и поля пахотные до войска его царскаго величества, на дорогѣ встрѣтили двохъ змѣнниковъ Мазепы шпѣжниковъ и единъ з межи ихъ отъ насъ утикалъ, а другого поймалисмо и отвели въ Сорочинцы ко князю Григорію Семеновичу Волконскому» [1]).

Изъ двухъ документовъ, относящихся къ одному и тому же городу Лохвицѣ, видно, что тамъ происходили быстрыя смѣны начальства. Въ декабрѣ являются два лохвицкихъ сотника—Яременко и Мартосенко. Второй былъ, какъ видно, временно по-

[1]) Арх. Иностр. дѣлъ 1708, декабрь, № 128.

сланъ въ Лохвицу, быть можетъ, послѣ выбытія Яременка, тому что этотъ самый Павло Мартосенко былъ полковымъ о нымъ лубенскимъ и въ сентябрѣ того же 1709 года подписа на повинной челобитной къ царю отъ всего лубенскаго по Въ Гетманщинѣ нерѣдко назначались временно для управл полками лица изъ генеральныхъ старшинъ, а для управле сотнями изъ полковыхъ. Здѣсь, вѣроятно, былъ такой же случ

Укажемъ еще на нѣсколько дѣлъ, болѣе или менѣе харак ристическихъ, изъ производившихся въ Лебединѣ. Вотъ два че вѣка изъ черкасъ, то-есть малороссіянъ: глуховскій обывате Данило Таращенко и челядникъ писаря черниговскаго полка Л лавки—Яковъ Кудинъ. Послѣдній давалъ въ Лебединѣ такое казаніе: «Сошлись мы въ Глуховѣ съ Даниломъ Таращенкомъ дн назадъ тому семь или восемь и стояли вмѣстѣ. Приходитъ лядникъ Даниловъ и говоритъ: «жители бѣгутъ, Москва вез грабитъ и нашихъ людей разоряетъ». Данило на такую рѣ сказалъ: «Москва Батуринъ разорила и людей тамошнихъ пер била, даже и малыхъ дѣтей не пощадила; за это и мы не зар каемся въ московской крови по колѣна бродить, потому что з разореніе Батурина вся Украина встанетъ». Яковъ показывалъ что онъ, Яковъ, замѣтилъ тогда ему, Данилу, что такія рѣч непристойны, а Данило сталъ его, Якова, бить по щекамъ и Яковъ ушелъ отъ него, но потомъ, когда Яковъ снова воротился, Да нило приказалъ его связать возжами и связаннаго бросить въ погребъ и говорилъ ему при этомъ: «Коли никому не скажешь, что я про Москву говорилъ—выпущу тебя, а станешь доносить — велю голову отсѣчь!» Яковъ будто бы не захотѣлъ дать обѣ щанія никому не разсказывать того, что сейчасъ слышалъ, и Да нило приказалъ вытащить его изъ погреба, снова бить возжами и запереть въ пекарной избѣ. Яковъ ушелъ изъ своего новаг заключенія и явился съ доносомъ къ князю Меншикову. Призван ный по этому поводу къ отвѣту Данило Таращенко заперся в всемъ, что на него показывалъ Яковъ Кудинъ, и объяснялъ дѣло, бывшее у него съ этимъ человѣкомъ, въ такомъ ви «Я увидалъ, что Яковъ въ нетрезвомъ видѣ безчинствует приказалъ запереть его, чтобъ тогда, какъ онъ проспится, о явить о немъ его господину Булавкѣ».

Чѣмъ кончилось это дѣло,—нѣтъ извѣстія, но оно достато показываетъ намъ вообще, какого рода дѣла въ то время пр изводились въ Лебединѣ.

юбопытно по чертамъ того времени показаніе прилуцкаго Мловскаго отъ 6 декабря о томъ, какъ шведы вели себя, новившись на постоѣ въ городахъ Гадячѣ, Лохвицѣ, Варвѣ, укахъ. «Я видѣлъ,—говорилъ этотъ попъ,—какъ прилуц-полковникъ привелъ въ свой полкъ шведскаго генерала Крейца его отрядомъ и шведы наложили собрать съ прилуцкаго полка)00 воловъ, 17,000 свиней, 20,000 барановъ, 30,000 осьма- овса и ржаной муки, до 7,000 бочекъ соли, все это на одинъ ицъ, а на другой приказывали изготовить столько же всего о». «Я видѣлъ,—говорилъ тотъ же попъ,—какъ въ домѣ мѣ- ина Лихопеки на образъ Пресвятыя Богородицы шведы своя ая испражняли и тотъ образъ выкинули». Прилуцкіе жители ли жаловаться шведскому командиру, находившемуся въ При- ахъ, а тотъ имъ сказалъ, что поступать такимъ образомъ деревомъ нѣтъ грѣха. Другой попъ—изъ одного села въ Лу- скомъ полку,—въ Лебединѣ, на сдѣланномъ ему допросѣ, по- залъ, что лубенскій полковникъ Зеленскій, у котораго въ ку жилъ священникъ, вызвалъ его къ себѣ въ Ромны, гдѣ ъ тогда находился при гетманѣ Мазепѣ. Священникъ засталъ его генеральнаго асаула Максимовича. Зеленскій спрашивалъ га: «ну что мои маетности, цѣлы ли? Не разграбила ли ихъ ква? Ахъ колибъ только Днѣпръ скорѣе сталъ и поляки по- шѣли бы къ намъ. Тогда мы скоро бы разогнали московскія іска!»—«Не хвались,—замѣтилъ сидѣвшій съ нимъ Максимо- ъ,—Богъ одинъ вѣдаетъ, что впередъ станется». Попъ при- вокушлъ, что лубенскій и прилуцкій полковники, живучи въ инахъ, оба какъ-то «зѣло смутны». На дворѣ, гдѣ жилъ пол- вникъ лубенскій, стоитъ шведскій караулъ. Челядники лубен- го полковника говорили попу, что, послѣ ухода миргородскаго ковника, ихъ господинъ хотѣлъ было, по примѣру миргород- о полковника, и самъ уйти, да шведы, подмѣтивши, что его есть такое намѣреніе, поставили караулъ въ сѣняхъ его ѣщенія, никуда его не выпускали, а когда пріѣхала къ Зе- кому жена его вмѣстѣ съ женою Максимовича, то ихъ обо- стали выпускать, только женъ разомъ съ мужьями не вы- тали, когда же выходили со двора жены, то мужья должны оставаться дома. И у прочихъ старшинъ стояло по два че- ка шведовъ на караулѣ. Мазепа «зѣло болѣнъ». Дальнѣй- судьба этого попа, какъ и прилуцкаго попа Мловскаго, вѣстна.

Былъ въ томъ же Лебединѣ допросъ людямъ Ломиковскаго, которые ушли отъ своего господина изъ Роменъ. Ихъ показанія были во многомъ схожи съ показаніемъ попа изъ лубенскаго полка.—Мазепа зѣло болѣнъ—сообщали они,—лечитъ его шведскій аптекарь. У Максимовича и у Зеленскаго поставлены шведскіе караулы и за ними шведы политично присматриваютъ, потому что вслѣдъ за миргородскимъ полковникомъ и они думали уйти. Къ Мазепѣ теперь близки: ихъ господинъ Ломиковскій, судья Чуйкевичъ, бунчужный Ѳедоръ Мировичъ, Семенъ Лизогубъ, Зеленскій, Максимовичъ, но болѣе всѣхъ—Орликъ, Горленко и ихъ господинъ; прочіе «гораздо не въ такой конфиденціи». Ломиковскій говорилъ имъ, что король шведскій думаетъ идти съ войскомъ въ Московскую землю, а Мазепу оставить въ Украинѣ.

Изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ и намъ отчасти извѣстныхъ, бросаются въ глаза, по оригинальности и важности данныхъ при допросѣ показаній, дѣла конюшаго Мазепина, Ѳомы Городецкаго, и писаря Шептаковской волости, Пекалицкаго. Первый, по своей обязанности, ѣздилъ съ возами и лошадьми въ разныхъ мѣстахъ, а во время слѣдованія Мазепы со шведами изъ-за Десны къ Ромнамъ, явился къ своему господину въ его имѣніи въ Бахмачѣ, гдѣ Мазепа останавливался на день или на два. Тамъ гетманъ отдалъ его въ услуженіе шведскому генералу Крейцу и конюшій Мазепы былъ у послѣдняго до великаго поста, а тогда ушелъ отъ него и былъ доставленъ русскими въ Лебединъ. Другой, шептаковскій писарь Пекалицкій, Пархомъ, показывалъ, что Мазепинъ управитель въ Шептаковской волости Быстрицкій, уѣзжая по порученію Мазепы въ шведскій станъ извѣстить, что гетманъ самъ намѣренъ туда прибыть, приказалъ своимъ челядникамъ разглашать по Шептаковской волости, что онъ, Быстрицкій, попался въ плѣнъ къ шведамъ. Пархомъ, услышавши такую вѣсть и считая ее за правду, поспѣшилъ въ Батуринъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, находилась жена Быстрицкаго. Она сказала ему, что дѣйствительно мужъ ея въ плѣну у шведовъ, а Мазепа въ Борзнѣ, но что шведы уже вступили въ Шептаки. По этой вѣсти Пекалицкій поспѣшилъ назадъ въ свои Шептаки, но на дорогѣ встрѣчаетъ его Быстрицкій и приказываетъ ѣхать вмѣстѣ съ собою въ Батуринъ. Въ Батуринѣ Быстрицкій отдалъ его подъ караулъ, приказавши помѣстить въ избѣ вмѣстѣ съ Мазепиными пѣвчими. На другой день явился въ Батуринѣ самъ гетманъ Мазепа. Онъ переночевалъ въ Батуринѣ одну только

ночь и на другой день утромъ уѣхалъ къ шведамъ. Когда русскіе подступили къ Батурину, Пекалицкій нашелъ возможность ускользнуть изъ Батурина вмѣстѣ съ какими-то другими лицами въ село Городище, за милю отъ Батурина, но потомъ въ селѣ Обмочевѣ мужики схватили его и отвезли къ Мазепѣ, а Мазепа передалъ его Быстрицкому. До праздника Рождества Христова Пекалицкій находился при Мазепиныхъ возахъ, а потомъ, улучивши удобный случай, убѣжалъ и не безъ труда достигъ царскаго войска.

Крупными событіями, въ ряду отпаденій отъ Мазепы приставшихъ къ нему козацкихъ старшинъ, были побѣги изъ шведскаго стана миргородскаго полковника Апостола, компанейскаго—Кгалагана и генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы. Двое первыхъ пришли въ царскій станъ не по собственному побужденію, а были подосланы самимъ гетманомъ Мазепою, по крайней мѣрѣ съ бо́льшею вѣроятностью можно это сказать о первомъ. Мазепа соображалъ, что счастіе уже не везетъ шведамъ, какъ прежде, а, главное, видѣлъ ясно, что малороссіяне не пристаютъ къ шведамъ, не вѣрятъ, чтобъ они являлись къ нимъ въ ихъ край для освобожденія отъ московскаго ига, а, напротивъ, повсюду встрѣчаютъ пришельцевъ, какъ непріятелей; поэтому Мазепа пытался помириться съ царемъ и обѣщать ему загладить свою измѣну важною услугою—передать шведскаго короля во власть русскаго царя. Такое порученіе велѣлъ Мазепа передать царю. Отправляя тайно миргородскаго полковника, онъ сообщилъ ему о томъ только словесно: письменныхъ сношеній не рѣшался начинать Мазепа въ этомъ родѣ, не будучи увѣренъ, что можетъ вести ихъ безопасно для своей особы. Есть извѣстіе, что и прибывшій въ царскій станъ другой полковникъ изъ мазепинцевъ, Григорій Кгалаганъ, имѣлъ такое же порученіе отъ Мазепы. Коварная затѣя Мазепы не удалась, хотя царь Петръ благосклонно, если и не совсѣмъ довѣрчиво, отнесся къ этому. Самъ Мазепа испортилъ себѣ дѣло. Не дождавшись за мѣсяцъ отвѣта на свое секретное предложеніе и не зная, какъ примутъ его, онъ продолжалъ начатыя сношенія во вредъ царю Петру и въ пользу его противниковъ, они открылись—и были опубликованы русскимъ государемъ. Царь Петръ имѣлъ тогда, болѣе чѣмъ прежде, поводовъ не довѣрять ни въ чемъ тому, что исходило отъ Мазепы; узналъ это Мазепа; да и со стороны шведской за нимъ такой былъ надзоръ, что трудно было ему, и безъ того всегда крайне осторож-

ному и трусливому, отважиться на слишкомъ опасное дѣло, притомъ же онъ рѣшительно терялъ послѣднее здоровье и явно опускался къ могилѣ. Такъ попытка примириться съ Петромъ, цѣною выдачи Петру новаго своего союзника и протектора, не состоялась, а лица, принявшія на себя званіе посредниковъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, Апостолъ и Кгалаганъ, увидѣвши къ себѣ чрезвычайную милость Петра, стали искренно и полезно служить ему противъ Карла и Мазепы, не заботясь болѣе объ устройствѣ примиренія царя съ отпавшимъ гетманомъ. О третьемъ лицѣ изъ старшинъ, перешедшемъ тогда изъ мазепинскаго стана въ царскій — о генеральномъ хоружемъ Иванѣ Ѳедоровичѣ Сулимѣ, мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что онъ былъ принятъ царемъ ласково [1]), сообразно объявленной прежде амнистіи всѣмъ, кто явится въ опредѣленный срокъ съ повинною.

Шведскій историкъ Нордбергъ, передавши извѣстіе объ уходѣ миргородскаго полковника, говоритъ еще о какомъ-то полковникѣ, ушедшемъ отъ Мазепы, прибавляя, что гетманъ никакъ не ожидалъ этого, будучи особенно увѣренъ въ преданности къ себѣ этого полковника. О комъ здѣсь идетъ рѣчь,—неизвѣстно: разумѣть ли нужно кого-нибудь изъ двухъ, о которыхъ мы говорили, или тутъ говорится о комъ-то иномъ,—мы того рѣшить не можемъ по нашимъ источникамъ. Былъ, однако, въ то время еще одинъ полковникъ, но не изъ тѣхъ, которые перешли за Мазепою въ шведскій станъ, а изъ тѣхъ, которые оставались на своихъ урядахъ, и о вѣрности котораго происходило долго сомнѣніе,— это полковникъ полтавскій Левенецъ. Въ ноябрѣ 1708 года, когда измѣна стараго гетмана стала совершенно ясно извѣстна царю и его приближеннымъ государственнымъ сановникамъ, канцлеръ Головкинъ писалъ къ Левенцу приглашеніе прибыть въ Глуховъ для выбора новаго гетмана, вмѣсто измѣнившаго Мазепы. Левенецъ отъ 10 ноября отвѣчалъ канцлеру, что онъ послалъ созывать всѣхъ сотниковъ своего полка, и когда они съѣдутся, онъ вмѣстѣ съ ними немедленно отправится по назначенію. При этомъ Левенецъ извѣщалъ, что къ нему привозилъ запорожецъ письмо отъ Мазепы, которое онъ, не читая, тогда же препровождалъ къ канцлеру. Но тутъ начались разныя заявленія о неискренности полтавскаго полковника. Вдова Кочубея, казненнаго при Мазепѣ за доносъ на послѣдняго, которую канцлеръ Головкинъ звалъ съ семействомъ въ Глуховъ для полученія царскихъ ми-

[1]) Ригельмана. Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. V, 15.

лостей, отвѣчала, что на пути своемъ встрѣтила препятствіе отъ полковника полтавскаго и его полковыхъ старшинъ, которыхъ всѣхъ съ своимъ полковникомъ обвиняла въ измѣнѣ царю. Затѣмъ, 30 ноября 1708 года, ахтырскій полковникъ Осиповъ, пріобрѣвшій царскую милость во время процесса надъ Кочубеемъ и Искрою, извѣщалъ письмомъ Головкина, что въ Полтавѣ замѣтны признаки шатости; полковникъ собиралъ полковыхъ старшинъ и совѣтовался съ ними, слѣдуетъ ли ѣхать къ царю въ Глуховъ, и когда старшины сказали, что ѣхать слѣдуетъ, полковникъ, напротивъ, отнесся къ этому неохотно и произнесъ: кто къ намъ скорѣе—тотъ намъ и панъ. Въ Полтавѣ, по словамъ Осипова, находились тогда Мазепины и Орликовы пріятели; полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ родной братъ судьи генеральнаго Чуйкевича, и онъ всему былъ тамъ голова, а зять Левенца Иванъ Герцикъ съ двадцатью козаками зимою убѣжалъ изъ Полтавы въ Ромны къ Мазепѣ. Въ апрѣлѣ 1709 года, Меншиковъ, неувѣренный въ преданности престолу полтавскаго полковника, вытребовалъ его съ женою и дѣтьми въ Харьковъ. Левенецъ отдалъ дѣтей своихъ въ харьковскія словесныя школы и дѣти эти служили какъ бы залогомъ вѣрности ихъ родителя [1]).

Миргородскій полковникъ Апостолъ, послѣ своего возвращенія въ царскій станъ, старался загладить свое преступленіе противъ царя и ревностно дѣйствовалъ къ ущербу шведовъ и мазепинцевъ, отличаясь во многихъ битвахъ противъ нихъ. Въ одной изъ такихъ битвъ онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ своихъ зятьевъ, сына прилуцкаго полковника Горленка, и вмѣстѣ съ нимъ генеральнаго асаула гетмана Мазепы Гамалѣю. Препроводивъ ихъ обоихъ въ русскій станъ, Апостолъ ходатайствовалъ за нихъ и, по его ходатайству, они не были отправлены въ Сибирь, а тотчасъ по ихъ доставленіи въ главную царскую квартиру, имъ объявили, что они присуждаются жить въ Москвѣ на свободѣ, наравнѣ съ отправленнымъ уже туда Андреемъ Кандыбою, бывшимъ корсунскимъ полковникомъ, также соучастникомъ Мазепы. Однако, Андрей Горленко не былъ долго отправляемъ въ Москву по назначенію и жилъ въ Украинѣ до января 1711 года, когда Головкинъ приказалъ доставить его въ Москву, но и то произошло потому, что возникло подозрѣніе существованія сношеній между нимъ и его родителемъ, прилуцкимъ полковникомъ,

[1]) Государств. архивъ, письма Меншикова. Апрѣль 1709 г.

находившимся въ Турціи и дѣйствовавшимъ враждебно царю [1]). И Гамалѣя оставался въ Украинѣ. Въ январѣ 1711 года, его потребовали въ Москву по дѣлу о сосланномъ участникѣ измѣны Мазепы, Гречаномъ, который подавалъ челобитную, увѣряя въ ней, что, если онъ былъ нѣкоторое время съ Мазепою, то оттого, что Мазепа держалъ его по неволѣ. Въ этомъ онъ слался на свидѣтельство Гамалѣи [2]).

II.

Переходъ мазепинцевъ къ царю въ день полтавской битвы. — Судьба ихъ. — Андріяшъ.—Невінчаный.—Запорожцы. Бѣглецы малороссійскіе въ турецкихъ владѣніяхъ. — Избраніе Орлика въ гетманы. — Его договоръ съ запорожцами и украинскими бѣглецами.—Протекторатъ шведскаго короля.—Помощь отъ Турціи.—Покушеніе Орлика.—Свирѣпства и вѣроломство татаръ.—Мѣры, предпринятыя противъ Орлика.—Прутскій миръ.—Какъ понимали его смыслъ малороссійскіе эмигранты.

Въ роковой день полтавской битвы нѣкоторые изъ мазепинцевъ уже заранѣе сообразили, что дѣло Карла будетъ проиграно, и явились въ царскій станъ съ повинною. Въ нашей исторической монографіи (напечатанной въ *Русской Мысли* 1882 года) мы привели ихъ показанія. Припомнимъ здѣсь, что всѣ эти показанія съ перваго вида отличаются неискренностію; господа, ихъ писавшіе, старались выставить себя жертвами обмана и насилія и извинить свой проступокъ незнаніемъ тайныхъ замысловъ своего гетмана, которому повиноваться обязаны были они по царской волѣ. Увертки ихъ не помогли имъ. Срокъ, назначенный царемъ въ 1708 году для явки въ царскій станъ съ увѣренностію получить прощеніе, давно истекъ. Слишкомъ было видно, что только одна крайность побудила ихъ теперь явиться съ повинною. Царскою милостію должны были они считать для себя уже и то, что избѣгли смертной казни и она для нихъ была замѣнена ссылкою.

Указомъ 8 августа 1709 года опредѣлено было: генеральнаго судью Чуйкевича, генеральнаго асаула Максимовича, полковниковъ Зеленскаго, Кожуховскаго и Покотилу, Антона Гамалѣю, Семена Лизогуба, писаря Гречаного и канцеляриста Григоровича отправить въ Москву, для водворенія въ ссылкѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но они оставались въ Украинѣ въ тюремномъ заключеніи до апрѣля 1711 года. Тогда Головкинъ написалъ къ гетману

[1]) Судьенка, Матеріалы. II, 165.
[2]) Судьенка, Матер. II, 169.

Скоропадскому, чтобъ ихъ препроводили въ Москву и вмѣстѣ съ ними выслали бы ихъ семьи [1]). Головкинъ прибавлялъ, что, сколько помнится, былъ еще «седьмой» кто-то, котораго также слѣдовало отправить въ Москву, но имени его въ Москвѣ не помнятъ, и этого седьмаго требовалось также прислать съ женою и дѣтьми. Этимъ седьмымъ считали въ Москвѣ нѣсколько времени Гречаного, но послѣ довѣдались, что то долженъ быть Кожуховскій, уже отправленный въ Сибирь; оставалось доставить ему жену его, но это было невозможно, потому что жена его еще прежде умерла.

Украинскіе города, пристававшіе къ Мазепѣ по неволѣ, тогда только, когда къ нимъ приходили шведскія войска, спѣшили при первой возможности посылать царю челобитныя о прощеніи. Послѣднимъ, запоздалымъ въ такомъ заявленіи повинной городомъ были Лубны. Челобитная о прощеніи подана была гетману Скоропадскому только 27 августа 1709 года, за подписомъ полковаго обознаго Павла Мартосенка и нѣсколькихъ сотниковъ Лубенскаго полка [2]).

Уже въ сентябрѣ 1709 года явилось съ повинною еще двое изъ мазепинцевъ: компанейскій полковникъ Андріяшъ и чигиринскій сотникъ Невінчаный, состоявшій временно въ должности полковника. Андріяшъ показывалъ, что не зналъ ничего о замыслахъ Мазепы, да и не могъ знать, потому что передъ вступленіемъ шведовъ онъ находился въ посылкѣ. Впослѣдствіи, хотя Мазепа отправлялъ его компанію въ военныя посылки, но его самого уже не посылалъ ни разу. На полтавской битвѣ онъ не былъ, хотя Мазепа и понуждалъ его къ тому: онъ убѣжалъ тогда въ степь. Тамъ поймали его татары и доставили къ своему хану, а крымскій ханъ, освѣдомившись, что онъ родомъ

[1]) Измѣнниковъ его царскаго величества изъ генеральной старшины Чуйкевича, Максимовича, полковниковъ Зеленскаго и Покотила, Гамалѣю, Гречаного, что писаремъ былъ при Мазепѣ, и Грицка, которые до полтавской баталіи, усмотря тогда невозможность уйти отъ войскъ царскаго величества, пришли сами, и хотя довелись они за измѣну смертной казни, но царское величество пожаловалъ—велѣлъ ихъ послать въ ссылку нѣкоторыхъ въ Сибирь, а другихъ къ городу Архангельску. А понеже въ 1710 году, на Украинѣ было моровое повѣтріе, того ради не мочно было ихъ къ Москвѣ для ссылки взять. Нынѣ же тѣхъ измѣнниковъ прислать за карауломъ и женъ и дѣтей ихъ велѣть Протасьеву за карауломъ въ Москву отправить (Арх. Иностр. Дѣлъ 1711 г., апрѣль).

[2]) Нижъ якіе наши есть преступленія и вина благоволи ваша вельможность, подражая корене милости человѣколюбиваго Бога, простити намъ тотъ грѣхъ и по своемъ панскомъ милосердіи приказать учинити насъ отъ нынѣшняго задержанія свободными дабы его милость панъ полковникъ на насъ яко на своихъ полчанъ былъ ласковымъ. а мы его милости будемъ по прежнему покорятися (Арх. Иностр. Дѣл. 1709 г., № 67),

изъ волоской земли, отпустилъ его на родину. Теперь онъ заявлялъ, что снова желаетъ служить русскому государю. Андріяшъ сообщилъ, что въ Бендерахъ видѣлъ онъ Мазепу, который былъ такъ боленъ, что не могъ уже и говорить. Вѣроятно, Андріяшъ видѣлъ стараго гетмана не за долго до кончины. Показанія Невінчанаго мы не имѣли въ рукахъ. Оба получили прощеніе. О Невінчаномъ мы узнаемъ, что ему велѣно жить въ Москвѣ, но на слѣдующую зиму его отпустили въ Украину, откуда онъ послалъ въ Москву доносъ, что, возвращаясь изъ Москвы, онъ встрѣтился на дорогѣ съ посланцемъ гетмана Скоропадскаго, Подольскимъ, ѣхавшимъ въ Москву, и этотъ Подольскій говорилъ ему, Невінчаному: «Въ Украинѣ носятся слухи, будто царское величество хочетъ переселить малороссійскій народъ за Москву, а въ Украину перевести на поселеніе русскихъ». Невінчаный думалъ, вѣроятно, своимъ доносомъ угодить правительству и жестоко обманулся. Поставили его на очную ставку съ Подольскимъ. Послѣдній заперся и увѣрялъ, что подобныхъ рѣчей не говорилъ. Невінчанаго, какъ уже бывшаго виновнымъ въ измѣнѣ, подвергли три раза пыткѣ огнемъ; онъ и подъ пыткою показывалъ все то же на Подольскаго. По государственнымъ законамъ и уложеніямъ, послѣ того какъ доносчикъ подъ пыткою подтвердилъ свое обвиненіе, слѣдовало подвергнуть пыткѣ обвиняемаго; но Петръ оказалъ Подольскому особую милость и не велѣлъ его пытать; царю было донесено, что родственники Подольскаго издавна всѣ служили вѣрно, братъ Подольскаго былъ убитъ подъ Полтавою, да и самъ онъ участвовалъ въ полтавской битвѣ и получилъ тамъ рану. Однако, Подольскій все-таки не избѣгъ тогда царскаго гнѣва: представили царю, что Подольскій, сидя въ Петербургѣ подъ карауломъ, разглашалъ какія-то «бездѣльницы» и за это царь указалъ сослать его въ Соловецкій монастырь, держать его тамъ безъ ареста и давать пропитаніе. Судьба Невінчанаго осталась нерѣшонною по причинѣ скораго отъѣзда царскаго въ походъ: Головкинъ писалъ о немъ гетману Скоропадскому, что, вѣроятно, ему будетъ учинена смертная казнь или, по послѣдней мѣрѣ, вѣчная каторжная работа [1]).

Самые вѣрные сторонники Мазепы и заклятые царскіе противники были запорожцы. Этотъ народъ, какъ показываетъ вся его предшествовавшая исторія, всегда отличался крайнимъ не-

---

[1]) Судьенка. Матер. II, 168.

постоянствомъ и также легко могъ возмущаться, какъ, возмутившись и забурливши, утишаться и смиряться. Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII и его подручника Станислава Лещинскаго, онъ старался склонить на свою сторону запорожцевъ. Запорожцы колебались. Сперва немногочисленна была между ними партія, рѣшавшаяся на явное отпаденіе отъ православнаго царя. Но рѣшительныя и суровыя мѣры, предпринятыя царскимъ правительствомъ противъ запорожцевъ, озлобили ихъ до крайнихъ предѣловъ. Царь Петръ какъ-то особенно не взлюбилъ ихъ и относился къ нимъ безжалостнѣе, чѣмъ къ преступникамъ изъ Гетманщины. Недостаточно было страшнаго разоренія Сѣчи и погони за разбѣжавшимися по днѣпровскимъ плавнямъ запорожцами, гдѣ отличался свирѣпостію Кгалаганъ, бывшій сѣчевикъ, хотѣвшій пролитіемъ крови прежнихъ товарищей загладить передъ царемъ свое короткое увлеченіе призраками, выставленными Мазепою. Много удалыхъ сѣчевиковъ, если вѣрить запорожцамъ, погибло тогда, въ мучительныхъ истязаніяхъ. Но и этого всего было недостаточно. Послѣ пораженія шведовъ подъ Переволочною происходила новая бойня надъ тѣми запорожцами, которые не успѣли въ пору переправиться черезъ Днѣпръ. Не пощадили даже и тѣхъ, которые сами остались и являлись съ повинною; шведскій историкъ съ особеннымъ ужасомъ отмѣтилъ ихъ казни въ своемъ повѣствованіи. Въ послѣдующемъ году еще продолжали совершаться жестокія кары надъ запорожцами. Изъ тѣхъ, которые были пойманы Кгалаганомъ, послѣ разоренія Сѣчи, гетманъ Скоропадскій, во исполненіе царской воли, приказалъ десятаго казнить смертію, а прочихъ сослать на вѣкъ въ каторжныя работы; но и послѣ, когда миргородскій полковникъ поймалъ еще толпу запорожцевъ, покусившихся сдѣлать набѣгъ на Кременчугъ, то верховная власть повелѣла гетману предать смертной казни двадцать четыре человѣка [1]). Обыкновенный способъ казни, совершаемый надъ запорожцами, было посаженіе на колъ. Но всѣ жестокія мѣры только ожесточали тѣхъ, которые оставались еще въ живыхъ. Тогда запорожцы составляли единственную военную силу изъ малороссіянъ, готовую бороться за дѣло, начатое Мазепою. Лишившись своего прежняго гнѣзда, запорожцы основали себѣ новую Сѣчь на устьѣ рѣки Каменки, впадающей въ Днѣпръ, ниже того мѣста, гдѣ была прежняя Сѣчь. Тамъ запо-

[1]) Судьенка. Матер. II, 158.

рожцы жили до 1711 года, когда Петръ, преслѣдовавшій существованіе запорожцевъ на свѣтѣ, приказалъ гетману Скоропадскому и генералу Бутурлину разорить ихъ новое пристанище. Тогда запорожцы вышли изъ предѣловъ Русской державы и поселились на татарской землѣ, въ Алешкахъ на Днѣпрѣ же, и пробыли тамъ до 1734 года. Потерявши Мазепу, запорожцы служили Орлику, признанному гетманомъ послѣ Мазепы всѣми враждебными Россіи малороссіянами, и признали шведскаго короля протекторомъ надъ Украиною.

Орлика, бывшаго генеральнымъ писаремъ при Мазепѣ, избрали гетманомъ въ апрѣлѣ 1710 года. Избиратели были запорожцы и кружокъ малороссійскихъ бѣглецовъ, послѣдовавшихъ за Мазепою послѣ полтавскаго погрома. Тогда новоизбранный гетманъ заключилъ съ избирателями своими договоръ, или статьи на подобіе того, какъ всегда и прежде при выборѣ гетмана постановлялись статьи, или правила, на которыхъ обязывался управлять новый гетманъ. Конечно, мало знаменательны и неважны въ исторіи могутъ казаться статьи, постановленныя при избраніи въ гетманы Орлика, такъ какъ новый гетманъ избирался въ чужой сторонѣ не всѣмъ козачествомъ и не съ согласія всей Украины, избирался только кружкомъ людей, преслѣдуемыхъ законною верховною властію. Тѣмъ не менѣе, эти статьи замѣчательны по своему содержанію, какъ выраженіе политическихъ стремленій тогдашнихъ старшинъ.

Эти статьи, собственно говоря, и заключались съ запорожцами, потому что запорожцевъ, при выборѣ Орлика въ гетманы, вѣроятно, было болѣе, чѣмъ украинскихъ бѣглецовъ. Главными воротилами были тогда между послѣдними, кромѣ Орлика, Войнаровскій, племянникъ Мазепы, соперникъ Орлика, прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко, два брата Ломиковскіе, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, трое братьевъ Герцики: Григорій, Иванъ и Аѳанасій, Нахимовскій и Третьякъ. Орликъ въ своемъ договорѣ говорилъ съ земляками гораздо открытѣе и прямѣе, чѣмъ Мазепа, который, постоянно опасаясь, чтобъ его тайные замыслы не стали преждевременно извѣстны московскому правительству, то и дѣло что притворялся и таился отъ окружающей его среды. Послѣдующія событія открыли, что Мазепа не высказывалъ всей правды даже и тому небольшому кружку малороссійскихъ старшинъ, которымъ, казалось, особенно довѣрялъ передъ прочими; Орликъ же смѣло и прямо высказывалъ, чего

онъ желалъ для Украины и какой, по его взгляду, порядокъ былъ для ней пригоденъ, когда удастся освободить ее отъ Московской державы. При Мазепѣ ничего подобнаго не только явно, но и тайно не дѣлалось. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа требовалъ полнѣйшаго довѣрія къ своему уму и безусловной покорности своей волѣ. Въ договорѣ, состоявшемся при избраніи Орлика, высказывалось, что прежніе гетманы Войска Запорожскаго присвоивали себѣ самодержавную власть и черезъ то надвередили старинные порядки, права и вольности войсковыя не безъ всенародной тягости. Теперь же генеральные старшины и кошевой низоваго запорожскаго войска, находясь подъ протекціею шведскаго короля, «для исправленія и воздвигновенія павшихъ правъ своихъ» постановляли правила, которыми должны руководствоваться и новоизбираемый гетманъ, и будущіе по немъ гетманы Войска Запорожскаго. По достиженіи Украиною освобожденія отъ «невольническаго ярма московскаго», гетманъ будетъ признавать православіе господствующею религіею и не допускать ни явнаго, ни тайнаго внѣдренія какого-либо иновѣрія въ Украинѣ, а наипаче зловѣрія жидовскаго, но будетъ стараться, чтобы «вѣчно процвѣтала единая православная восточная церковь въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха при расширеніи научнаго просвѣщенія между свободными сынами Малороссіи». Украина въ границахъ отъ Польши по рѣку Случь, проведенныхъ еще при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, должна быть признана навсегда самобытнымъ государствомъ подъ вѣчнымъ протекторствомъ шведскаго короля и его преемниковъ, которые будутъ оборонять ее и не дозволять никому нарушать какъ границъ ея, такъ равно ея правъ и вольностей; при заключеніи мира съ Московскимъ государствомъ шведскій король потребуетъ, чтобы Москва возвратила всѣхъ украинцевъ, доставшихся ей въ плѣнъ въ военное время и вознаградила всѣ убытки и вредъ, причиненный въ странѣ московскими войсками.

По отношенію къ внутренней политикѣ въ этомъ договорѣ проектированы такія соображенія. Нѣкоторые прежніе гетманы,—замѣчалось въ немъ,—присвоили себѣ и узаконили право: такъ я хочу, такъ и повелѣваю. Отсюда происходили всякія нарушенія правъ и вольностей и отягощеніе поспольства. Чтобъ этого не было впередъ, установляется такой порядокъ главнаго управленія: первенствующими совѣтниками при гетманѣ будутъ генеральные старшины и полковники, но, сверхъ того, изъ

каждаго полка будутъ избираться по одной особѣ, совѣтники—старинные значные и благоразумные козаки; они будутъ засѣдать съ генеральными старшинами, и безъ общей воли такого совѣта гетманъ не будетъ имѣть права собственною волею ни начинать, ни рѣшать, ни приводить въ исполненіе какого-либо мѣропріятія. Назначаются въ годъ три собранія, народныя или генеральныя рады — первая о праздникѣ Рождества Христова, вторая о праздникѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова и третья о праздникѣ Покрова Пресвятой Богородицы. На этихъ генеральныхъ радахъ участвовать будутъ не только генеральные чины и всѣ полковники съ своими полковыми старшинами и съ сотниками своихъ полковъ, но и всѣ генеральные совѣтники, выбранные отъ полковъ, а также послы отъ войска запорожскаго низоваго, которые будутъ присылаться по гетманскому ординансу въ назначенный срокъ. Старшины и генеральные совѣтники должны оказывать гетману почитаніе какъ своему начальнику, но имѣютъ право дѣлать гетману выговоры публично на радѣ, и гетманъ не долженъ тѣмъ оскорбляться. Чтобъ преградить гетманамъ на будущее время возможность распоряжаться по своему произволу войсковымъ скарбомъ, возстановляется существовавшая прежде, а впослѣдствіи упавшая должность генеральнаго подскарбія, который будетъ избранъ изъ значныхъ, зажиточныхъ и заслуженныхъ особъ для завѣдыванія войсковымъ скарбомъ, мельницами и всякими статьями доходовъ, относящимися до войсковаго достоянія. Подъ его вѣдѣніемъ будутъ находиться полковые подскарбіи: ихъ будетъ въ каждомъ полку по два; они будутъ избираться полковниками, полковыми старшинами и посполитымъ одобреніемъ (посполитою ухвалкою) также изъ значныхъ и зажиточныхъ особъ своего полка, для завѣдыванія полковымъ скарбомъ и всѣми источниками его доходовъ. Всѣ чины Войска Запорожскаго должны быть выборные и, въ случаѣ какого-нибудь совершоннаго ими проступка, подлежатъ расправѣ генеральнаго суда, а безъ приговора этого суда гетманъ произвольно не можетъ никого подвергать наказаніямъ. Ни гетманъ, ни подчиненные ему козацкіе чины, какъ большіе, такъ и малые, не имѣютъ права распоряжаться работами козаковъ и посполитыхъ людей, неподлежащихъ непосредственно ихъ урядамъ. Аренды и стаціи для содержанія охотныхъ полковъ, компанейскихъ и сердюцкихъ, какъ учрежденія, отяготительныя для посполъства, отмѣнятся, а вмѣсто нихъ, для пополненія скарба,

который чрезъ такую отмѣну понесетъ ущербъ, на генеральной радѣ будутъ учинены распоряженія.

Была при этомъ показана заботливость объ удовлетвореніи старинныхъ претензій Запорожья. По счастливомъ окончаніи войны, гетманъ обязывался стараться, чтобъ уничтожены были крѣпости, построенныя московскимъ правительствомъ на грунтахъ, принадлежавшихъ изстари низовому запорожскому войску, чтобъ городъ Терехтемировъ съ госпиталемъ для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ козаковъ запорожскихъ и съ перевозомъ на Днѣпрѣ поступилъ въ вѣдѣніе Запорожской Сѣчи, чтобъ города: Переволочна, Келеберда и мельницы на рѣкѣ Ворсклѣ, сообразно давнимъ правамъ и привилегіямъ сѣчеваго товарищества, пребывали при низовомъ запорожскомъ войскѣ и, наконецъ, чтобы Днѣпръ, со всѣми рыбными промыслами на всемъ теченіи его отъ Переволочны до Очакова, находился въ исключительномъ владѣніи низоваго запорожскаго войска. Это были статьи, которыя уже прежде служили предметомъ споровъ между Сѣчью и гетманскимъ правительствомъ. Уступка ихъ въ пользу запорожцевъ была неизбѣжнымъ плодомъ того положенія, въ какомъ находился Орликъ, избранный въ гетманы на чужой сторонѣ изгнанниками и не имѣвшій за собою никакой дѣйствующей силы, кромѣ сѣчевиковъ [1]).

10 мая того же 1710 года, этотъ договоръ былъ утвержденъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, въ качествѣ признаннаго малороссіянами протектора [2]) Король шведскій хотя своими посланіями и поддерживалъ у запорожцевъ надежду на помощь отъ Турціи [3]), хотя и направлялъ крымскаго хана содѣйствовать козакамъ, враждебнымъ Россіи [4]), но за перемѣнами, происходившими тогда при константинопольскомъ дворѣ, не могъ долго получить оттуда обѣщанныхъ денегъ для раздачи запорожцамъ [5]). Онѣ были доставлены шведскому королю только осенью и Карлъ XII звалъ къ себѣ въ Бендеры запорожцевъ для полученія присланнаго пособія [6]). Тогда предположено было Орлику вмѣстѣ съ запорожцами, при содѣйствіи крымской орды, двинуться въ походъ

---

[1]) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. Переписка на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Стр. 1—17.—Чтенія 1859 г., книга I, стр. 242—257.

[2]) Переписка, стр. 17—19.—Чтенія 1859 г., I, 255—257.

[3]) Переписка, стр. 21, 24—27.

[4]) Ibid., стр. 22, 25-26.

[5]) Ibid., стр. 24.

[6]) Ibid., стр. 25.

съ цѣлію отобрать Украину отъ Московской державы. Составлены были договоры съ крымскимъ ханомъ отъ Карла XII [1]) и отъ Орлика и запорожцевъ [2]). Ханъ со всѣмъ своимъ царствомъ обязывался сохранять союзъ съ Войскомъ Запорожскимъ по тому образу, какъ нѣкогда состоялся союзъ Богдана Хмельницкаго съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ, безъ всякихъ притязаній на господство надъ козаками и украинскими землями Ханъ долженъ былъ только освободить козаковъ отъ Московской державы и въ продолженіе военныхъ походовъ строго запретить своимъ татарамъ брать плѣнниковъ изъ малороссійскаго народа и разорять церкви въ Украинѣ. Предполагалось вмѣстѣ съ Гетманщиною освободить изъ-подъ Московской державы Слободскую Украину и присоединить ее къ Гетманщинѣ, а въ случаѣ невозможности, по крайней мѣрѣ, способствовать выселенію оттуда малороссіянъ въ Гетманщину по ихъ желанію. Предположено было дѣйствовать разомъ на правобережный и лѣвобережной Украинѣ.

Послѣ такихъ договоровъ, въ мартѣ 1711 года Орликъ двинулся на правобережную Украину съ татарами бѣлогородскими и буджацкими, бывшими подъ начальствомъ салтана, сына крымскаго хана, при содѣйствіи хана, который тѣмъ временемъ долженъ былъ съ ордою идти на Слободскую Украину. Съ Орликомъ шелъ также отрядъ поляковъ, признававшихъ польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго и служившихъ шведскому королю. Ими начальствовали кіевскій воевода Іосифъ Потоцкій и панъ Галецкій. Посланы были впередъ агенты съ возмутительными воззваніями, въ которыхъ убѣждали малороссіянъ ополчиться противъ московской власти. Въ такомъ же духѣ отправилъ Орликъ письмо и къ гетману Скоропадскому, убѣждалъ стать за одно съ нимъ противъ Москвы, въ надеждѣ устроить въ Украинѣ свободную, ни отъ кого независимую республику, сообразивши, что, въ противномъ случаѣ, отчизна падетъ въ такую «руину», что послѣдующія поколѣнія съ ужасомъ будутъ вспоминать судьбу своихъ предковъ. «Если васъ, — говорилъ въ своемъ письмѣ Орликъ, — останавливаетъ носимый мною въ настоящее время санъ, то будьте увѣрены, что, для общаго блага, я уступлю его вамъ, какъ старѣйшему, надѣясь, что и вы не захотите губить меня въ вознагражденіе собственныхъ заботъ и трудовъ. Не вѣрьте тѣмъ, которые станутъ говорить, будто Оттоманская

[1]) Ibid., стр. 43—47.
[2]) Ibid., 47—49.

Порта думаемъ господствовать надъ Украиною. Нѣтъ. Блистательная Порта, его величество король шведскій и ханъ крымскій уже поставили между собою такое условіе, чтобъ Украина не подлегала ни отъ кого вассальной зависимости, но пребывала бы на всегда независимою державою» [1]).

Ни письмо Орлика къ Скоропадскому, ни его универсалы, разосланные по лѣвобережной Украинѣ, не имѣли никакого успѣха. Скоропадскій выслалъ на правую сторону Днѣпра противъ Орлика генеральнаго асаула Бутовича, а самъ выступалъ съ генераломъ царскимъ Бутурлинымъ противъ крымскаго хана. Дошедшіе въ Переяславскій полкъ универсалы Орлика были сожигаемы палачомъ [2]). Впрочемъ, для осторожности (такъ какъ государь вообще тогда все-таки мало довѣрялъ преданности малороссіянъ) приказано было собрать въ Глуховъ женъ всѣхъ полковниковъ, дабы онѣ служили залогомъ вѣрности своихъ мужьевъ, а чтобы скрыть настоящую цѣль такого распоряженія, приказано было самому гетману и всѣмъ чинамъ генеральной старшины оставить женъ своихъ въ Глуховѣ, какъ будто ради безопасности [3]). Замѣчательно, что такая судьба постигла тогда Анну Обидовскую, вдову племянника Мазепы, умершаго давно уже въ походѣ противъ шведовъ въ Лифляндіи. Она была дочь Василія Леонтьевича Кочубея, котораго семейство было такъ милостиво обласкано царемъ, какъ бы въ вознагражденіе за ошибку правительства, учиненную противъ Кочубея. Анна Обидовская не только не была участницею царскаго благоволенія къ роду Кочубея, но по какому-то неизвѣстному намъ дѣлу, касающемуся измѣны Мазепы, она содержалась въ Полтавѣ подъ карауломъ, а въ мартѣ 1711 года была доставлена въ Глуховъ, гдѣ опредѣлено было ей жить хотя безъ караула, но съ обязательствомъ никуда не отлучаться изъ Глухова [4]). Кіевскій губернаторъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ также поступилъ съ женами правобережныхъ полковниковъ—чигиринскаго Галагана, бѣлоцерковскаго Танскаго, недавно заступившаго мѣсто своего тестя, знаменитаго Палія, уже умершаго, и брацлавскаго Григораша, вызвавши всѣхъ ихъ въ Кіевъ во время вступленія Орлика въ правобережную Украину [5]).

[1]) Переписка, стр. 36
[2]) Судьенка. Матер. II, 182.
[3]) Судьенка. Матер. II, 173—177.
[4]) Судьенка. Матер. II, 155.
[5]) Судьенка. Матер. II, 23.

Если на лѣвобережной Украинѣ воззванія Орлика рѣшительно не имѣли успѣха между обывателями, то на правобережной не остались онѣ безъ вліянія. Въ Черкасахъ, въ Каневѣ, въ Мошнахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоцерковскаго полка, а также полковъ Корсунскаго и Уманскаго, жители склонялись на сторону царскихъ противниковъ [1]). Сынъ богуславскаго полковника Самусь прибылъ въ Кіевъ и извѣщалъ, что жители рвутся къ Орлику [2]). Высланный противъ Орлика, генеральный асаулъ Бутовичъ потерпѣлъ подъ Лисянкою пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ [3]). Объ этомъ человѣкѣ возникали тогда подозрѣнія въ его вѣрности. Поданъ былъ на него доносъ отъ нѣкоего Жадковича. Головкинъ въ концѣ января 1711 года писалъ Скоропадскому, что лучше бы замѣнить Бутовича другимъ лицомъ, болѣе надежнымъ [4]). Послѣ Прутскаго мира, въ томъ же 1711 году, въ сентябрѣ, освободился Бутовичъ изъ плѣна и сообщалъ о намѣреніяхъ Орлика, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ, опять начать войну [5]).

Послѣ побѣды, одержанной надъ высланнымъ отъ Скоропадскаго Бутовичемъ, дѣло Орлика пошло еще успѣшнѣе: городки сдавались ему безъ боя одинъ за другимъ. Оставалась въ царской власти одна Бѣлая Церковь да нѣкоторыя мѣстечки Бѣлоцерковскаго полка [6]). Орликъ осадилъ Бѣлую Церковь. Съ нимъ, кромѣ татаръ, былъ тамъ и кошевой съ запорожцами. Уже сѣчевики успѣли овладѣть нижнимъ городомъ, вывели тамъ шанцы и собирались громить верхній городъ или замокъ. Защищали его царскія силы подъ начальствомъ бригадира Анненкова и бѣлогородскіе вѣрные царю козаки [7]). Ночью сдѣлали осажденные вылазку, овладѣли запорожскими шанцами и прогнали запорожцевъ. Орликъ отступилъ, не взявши Бѣлой Церкви. Поляки, помогавшіе Орлику, бывшіе съ нимъ подъ Бѣлой Церковью подъ начальствомъ Галецкаго, отошли въ Полѣсье, а татары, не слушаясь Орлика, разсыпались загонами и стали набирать ясыръ по украинскимъ селамъ. Самъ Орликъ скоро также удалился за Днѣстръ, откуда явился въ Украину [8]). Тогда Орликъ написалъ

[1]) Судьенка. Матер. II, 11.
[2]) Арх. Югоз. Росс. III, 2—181.—Судьенка. Матер. II. 28.
[3]) Судьенка. Матер. II, 29.
[4]) Судьенка. Матер. II, 172—173.
[5]) Судьенка. Матер. II, 346.
[6]) Судьенка. Матер. II, 30
[7]) Судьенка. Матер. II, 35.
[8]) Арх. Югоз. Россіи. III, 2—189.

шведскому королю письмо, въ которомъ изъяснялъ, что виною неудачи его предпріятія были коварные союзники—татары; въ противность договору Орлика съ крымскимъ ханомъ, они брали въ плѣнъ жителей и варварски разоряли край, и это происходило тогда уже, когда этотъ край готовъ былъ добровольно подчиниться ему, Орлику [1]). Салтанъ, бывшій съ Орликомъ подъ Бѣлою Церковью, вдругъ оттуда бѣжалъ съ своею ордою къ Бугу; Орликъ погнался за нимъ, умолялъ остановиться, просилъ оставить ему хоть часть орды, хоть тысячъ десять, — салтанъ обѣщалъ, но не сдержалъ обѣщанія. Не смотрѣли татарскіе мурзы на представленія Орлика и его старшинъ, ссылавшихся на договоръ съ ханомъ, распустили свои чамбулы во всѣ стороны по украинской землѣ. «Какихъ неслыханныхъ подъ луною свирѣпствъ не учинили тогда дикіе татары!—выражается въ своемъ письмѣ къ шведскому королю Орликъ.—Они обдирали и опустошали церкви,—одни превращали въ лошадиныя стойла, другія сожигали въ пепелъ, иныя умышленно предавали всяческому осквернѣнію: опрокидывали престолы церковные, топтали ногами св. дары, издѣвались надъ иконами, насиловали недорослыхъ дѣвочекъ, замучивали людей обоего пола, уже ранѣе лишенныхъ мечемъ, огнемъ и грабежемъ всего своего достоянія. На всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Роси нахватали они въ яссыръ нѣсколько тысячъ духовныхъ и мірскихъ людей, козаковъ, поспольства, женщинъ и дѣтей, и погнали въ свои бѣлогородскія, буджацкія и ногайскія жилища, опустошили огнемъ и мечемъ весь край отъ Роси до Тетерева и до Днѣпра, въ полкахъ Бѣлоцерковскомъ и Каневскомъ истребили города и мѣстечки, а малыхъ дѣтей, неспособныхъ быть взятыми въ яссыръ, кидали въ воду или разсѣкали пополамъ. Перомъ трудно описать безчеловѣчія, какія совершалъ съ своими своевольными татарами сынъ Дзяунъ-бея въ Германовкѣ, несмотря на оберегательные универсалы, выданные отъ меня, отъ кіевскаго воеводы и даже отъ самого салтана. Его впустили въ городъ по его просьбѣ подъ предлогомъ дружбы, а онъ предалъ весь городъ съ святыми церквами расхищенію и пожару, болѣе пяти тысячъ туземцевъ и обывателей сосѣднихъ селъ, искавшихъ въ городѣ безопасности, татары погнали въ яссыръ, малолѣтнихъ дѣвочекъ насиловали и потомъ бросали въ огонь, охватившій весь городъ; до пятидесяти младенцевъ было оторвано отъ матернихъ

---

[1]) *Переписка*, стр. 38—42.

грудей и брошено въ огонь, другихъ раздирали пополамъ или, бравши за ножки, разбивали головками объ стѣны. Несмотря на мои представленія, за такія варварства виновные не подвергались наказаніямъ; напротивъ, когда я требовалъ обузданія татарской наглости, салтановъ визирь Муртаза-ага отвѣчалъ, что татарамъ дано дозволеніе обращать въ пепелъ города, мѣстечки и села и брать яссыръ на пространствѣ отъ Роси до Тетерева и Днѣпра, такъ какъ этотъ край сосѣдствуетъ съ Кіевомъ и Бѣлой Церковью и намъ враждебенъ, за одно съ этими городами. Это неправда. Всѣ жители этого края оказались мнѣ вѣрны и послушны и за свое послушаніе приняли отъ татаръ такое опустошеніе, что едва ли одинъ человѣкъ на мѣстѣ своего жительства цѣлъ и невредимъ. Во время своего бѣгства назадъ, татары, разсыпавшись по тремъ полкамъ: Кальницкому, Уманскому и Тарговицкому, а отчасти по Брацлавскому и Корсунскому, причинили такое же разореніе невинному народу; все разорено, разграблено, выжжено, народъ загнанъ въ неволю, только городъ Умань съ своими предмѣстьями одинъ остался оплакивать бѣдствіе, постигшее Украину. Довольно того сказать, что у меня было болѣе шестнадцати тысячъ козаковъ Войска Запорожскаго, кромѣ мѣщанъ, въ полкахъ Чигиринскомъ, Уманскомъ, Тарговицкомъ, Кальницкомъ, Корсунскомъ, Богуславскомъ, Каневскомъ, и нѣсколько сотенъ въ полку Бѣлоцерковскомъ, теперь же едва три тысячи осталось: не только мѣщане, но и козаки, имѣвшіе въ этихъ полкахъ свои домы и семьи, узнавши о непріятельскихъ поступкахъ татаръ, разошлись отъ меня въ разныя стороны, думая спасать своихъ женъ и дѣтей, а тѣ, что еще при мнѣ остаются, оплакиваютъ потерю своихъ семействъ, братій и друзей!» Посылая такое письмо, Орликъ просилъ шведскаго короля принять къ сердцу вопль несчастной Украины и ходатайствовать предъ падишахомъ какъ о возмездіи татарамъ за бѣдствія, нанесенныя краю, такъ и объ освобожденіи угнаннаго изъ Украины яссыра. Дѣйствительно, Карлъ исполнилъ желаніе Орлика, такъ какъ 31 іюля 1711 года (по мухамеданскому лѣтосчисленію въ послѣдніе дни мѣсяца Ремазіеле увеле 1123 года) послѣдовалъ указъ падишаха Сераскиру пашѣ бендерскому отыскать, собрать и передать Орлику, вождю козацкому, плѣнныхъ, какіе найдутся въ краѣ, управляемомъ этимъ пашею, изъ взятыхъ татарами въ прошлый ихъ походъ въ Украинѣ [1]).

[1]) Переписка, стр. 42

Такимъ образомъ, неудача предпріятія на правобережной Украинѣ постигла Орлика и его соумышленниковъ отъ союзниковъ, которыхъ они пригласили.

Такъ же мало помогъ мазепинскому дѣлу и ханъ крымскій, покусившійся на Слободскую Украину въ то время, когда Орликъ подвизался въ правобережныхъ полкахъ Гетманщины. Сперва хану повезло, казалось, счастье. Онъ удачно расправился съ русскимъ городомъ Сергіевскимъ. Великороссійскіе ратные люди не въ силахъ были оборонять городъ. Малороссійскіе жители сдали городъ татарамъ и выдали имъ царскихъ солдатъ въ неволю. Послѣ этой побѣды, ханъ съ ордою вступилъ въ Слободскую Украину. Онъ дошелъ до мѣстечка Водолагъ Харьковскаго полка. Обыватели этого мѣстечка и другихъ слободъ встрѣчали крымскаго хана съ хлѣбомъ-солью. Ханъ, однако, не рѣшался слѣдовать далѣе въ глубь Гетманщины и повернулъ съ ордою назадъ. Передавшіеся ему слобожане отправлены были къ Вольному, вѣроятно, съ цѣлію разселить ихъ на пустопоросшихъ степяхъ, составлявшихъ владѣніе крымскаго хана. Но за ними отправился въ погоню съ козаками полтавскій полковой судья Петръ Кованько, завернулъ ихъ назадъ и пригналъ къ Полтавѣ. Такъ какъ они хотѣли отбиваться оружіемъ въ то время, когда ихъ догналъ Кованько, то за измѣну царю и за поднятіе оружія противъ государевыхъ воиновъ приговорили десятаго изъ нихъ по жеребью казнить смертью, а остальныхъ, съ женами и дѣтьми, собравши всѣхъ, отправить въ Москву, дабы оттуда по назначенію Приказа разослать въ ссылку [1]). То же постигло и тѣхъ, что сдали Сергіевскій татарамъ.

Въ іюлѣ того же 1711 года произошло знаменитое въ исторіи Прутское дѣло. Царь россійскій Петръ Первый съ своимъ войскомъ былъ окруженъ многочисленными турецкими силами и принужденъ былъ заключить съ визиремъ унизительный для себя миръ. Московскій государь очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ когда-то польскій король Янъ Казимиръ подъ Зборовомъ, когда его съ польскимъ войскомъ окружили Хмельницкій съ козаками и союзникъ Хмельницкаго, крымскій ханъ съ своими ордами. И теперь, противъ московскаго государя стояли такіе же козаки, только уже составлявшіе малый обломокъ той воинственной силы, которая такъ недавно наводила страхъ своею

---

[1]) Судѣенка. Матер. II. 186

многочисленностію и отвагою. За то этотъ обломокъ козачества находилъ себѣ опору въ такой мусульманской силѣ, которая была въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ завлечена Богданомъ Хмельницкимъ противъ поляковъ. Одинъ лѣтописецъ, передающій дѣянія Хмельницкаго, по поводу союза его съ татарами, замѣтилъ, что дружба христіанина съ мусульманиномъ также несостоятельна, какъ дружба между бараномъ и волкомъ. Тоже можно было произнесть и теперь. Политика мусульманскаго двора, вмѣшиваясь въ дѣла христіанскихъ обществъ, всегда имѣетъ въ виду только свои корыстныя цѣли. И на этотъ разъ то же оказалось. Козаки были близки къ достиженію своихъ цѣлей: Петръ былъ уже въ рукахъ ихъ союзниковъ турокъ; ради спасенія жизни и своей державы, онъ долженъ былъ на все согласиться, что́ бы ему ни предложили, еслибъ онъ только сталъ плѣнникомъ турокъ. Но визирь не довелъ войны до того, чтобы взять русскаго царя въ плѣнъ. Визирь заранѣе согласился на миръ, предложенный побѣжденнымъ царемъ. Все обдѣлали деньги и обѣщанія денегъ, которыя всегда были всесильны у всѣхъ турецкихъ визирей, даромъ что едва ли не каждый изъ визирей платился за свое корыстолюбіе сверженіемъ съ своего достоинства, а нерѣдко и жизнію. Многочисленные примѣры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ непрерывно, не могли измѣнить порока, укоренившагося изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, хотя по великодушію визиря царь россійскій съ своимъ воинствомъ могъ безопасно воротиться въ отечество, но договоръ, состоявшійся на берегахъ Прута, все-таки, оставлялъ козакамъ-мазепинцамъ нѣкоторую надежду въ будущемъ. Въ числѣ условій, какія у царя вынудили турки, было такое: царь обязывался не вмѣшиваться какъ въ дѣла Польши, такъ и въ дѣла козаковъ и не безпокоить послѣднихъ. Эти неясныя выраженія Орликъ и его товарищи толковали такъ, что царь совершенно отрекся отъ Украины, и она теперь можетъ считать себя самобытнымъ, ни отъ кого не зависимымъ государствомъ. Недоразумѣнія, возникшія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, препятствовали утвержденію мира Турціи съ Россіею, заключеннаго на берегахъ Прута. Царь медлилъ уничтоженіемъ таганрогской крѣпости и возвращеніемъ Азова, требуя прежде удаленія шведскаго короля изъ турецкихъ предѣловъ, а турки были съ своей стороны недовольны неисполненіемъ договора по вопросу о невмѣшательствѣ царя въ дѣла Польши и козаковъ. Зимою война готова была вспыхнуть снова. По отношенію къ козакамъ спорный

вопросъ состоялъ въ томъ: обязываетъ ли Прутскій договоръ россійскаго царя считать себя отрекшимся отъ Украины, потому что статья, относящаяся непосредственно къ этому вопросу, въ мирномъ договорѣ выражена была не ясно и подавала поводъ къ толкованіямъ на всякіе лады [1]). Бывшій тогда въ Константинополѣ царскій вице-канцлеръ Шафировъ, поддерживаемый послами англійскимъ и голландскимъ, указывалъ, что если бы при заключеніи мирнаго договора шло дѣло объ уступкѣ всей Украины, то зачѣмъ же было говорить объ уничтоженіи крѣпостей Каменнаго-Затона и Новобогородска: если признавать этотъ край уступленнымъ Россіею Турціи, то само собою во владѣніе послѣдней переходили и эти крѣпости [2]). На это козаки съ своей стороны указывали на прежде состоявшееся условіе между королемъ шведскимъ, протекторомъ козаковъ, и крымскимъ ханомъ, вѣрнымъ вассаломъ Турціи; тамъ объ этихъ именно крѣпостяхъ, построенныхъ Москвою, было сказано, что онѣ должны принадлежать Войску Запорожскому, которое должно быть объявлено ни отъ кого независимою державою, слѣдовательно если бы даже Московская держава дѣйствительно въ договорѣ съ Турціею отрекалась отъ владѣнія краемъ, въ которомъ построила эти крѣпости, то это не уничтожало бы права козаковъ считать эти крѣпости принадлежащими Украинѣ уже потому, что Москва уступила ихъ Турціи, а Турція заранѣе отдавала ихъ козакамъ.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Соловьевъ: Истор. XVI, 92.—Въ перепискѣ, бывшей между лицами той эпохи, напечатанной Обществомъ исторіи и древностей въ 1848 г. по латыни: Polonise atque ei adhaerentibus cosaciis et zaporoviensibus et iis cosacis qui serenissimo Hano Crymeae domino Deuletgeraj confederati sunt ex parte Cari nulla in posterum molestia fiat, sedut a longa annorum serie nullumius habuit in illis locis ita modo ex iis omnibus sese subtrahere debeat (стр. 50).

[2]) Соловьевъ: Истор. XVI, 106.

Работы института международнаго права по вопросу о выдачѣ преступниковъ.

Изъ всей обширной области уголовнаго права и процесса, институтъ прежде всего остановилъ свое вниманіе на вопросѣ *о выдачѣ преступниковъ*. Вопросъ этотъ съ точки зрѣнія международной не только одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ, даже въ практическомъ отношеніи, но и выдвигается печальными событіями нашихъ дней на первый планъ. О немъ толкуютъ всюду, пишутъ и спорятъ много, но, при его обсужденіи, даже учеными юристами, преобладаетъ точка зрѣнія извѣстной партіи, пожалуй, государства, а не *международная*, единственно вѣрная и строго безпристрастная. Пока мы будемъ стоять на почвѣ только уголовнаго права и не возвысимся до международнаго, мы не придемъ къ удовлетворительному рѣшенію всѣхъ сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ выдачею преступниковъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ и пренія, которыя были въ Оксфордѣ.

I.

Въ томъ же циркулярномъ обращеніи къ членамъ института 6 іюня 1877 г., въ которомъ излагались первыя общія заключенія по гражданскому праву, подкоммиссія по уголовному представила нѣсколько заключеній относительно уголовной подсудности вообще и наказуемости лица, выданнаго за иныя преступленія, кромѣ того, которое вызвало его выдачу [1]). Эти заключенія по первому пункту соотвѣтствовали работѣ *Броше,* помѣ-

[1]) Annuaire 1878, p. 51—54.

щенной имъ въ Revue 1875 г. [1]), а по второму передавали выводы, къ которымъ приходитъ Баръ въ статьѣ, напечатанной въ 1877 г. въ томъ же журналѣ [2]).

Институтъ занялся уголовнымъ правомъ лишь въ Брюсселѣ. Докладчикъ по этой части, *Броше*, представитъ ему двѣ весьма обстоятельныя и ученыя записки *Объ общихъ началахъ подсудности* [3]) и *О выдачѣ и о взаимномъ содѣйствіи судовъ въ сферѣ уголовнаго правосудія* [4]).

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ работъ, поступили также замѣчанія отъ Горнунга [5]), Мартенса [6]) и Сариполоса [7]).

На основаніи этого матеріала институтъ посвятилъ въ Брюсселѣ не менѣе пяти засѣданій (3, 4, 5 и 6 сентября 1879 г.) обсужденію вопросовъ, поднятыхъ въ докладахъ Броше и, хотя пренія были весьма продолжительны и оживленны [8]), но, кромѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ заключеній, они въ результатѣ повели къ отстрочкѣ рѣшеній какъ по подсудности, такъ и по выдачѣ. Независимо отъ трудности самихъ вопросовъ, мы объясняемъ себѣ такой результатъ двумя обстоятельствами: во-первыхъ, Броше представилъ свои изслѣдованія, не снесшись предварительно съ товарищами по его подкоммиссіи; когда началось обсужденіе его мыслей, между ними явились несогласія и противорѣчія по основнымъ пунктамъ. Это затянуло пренія и затруднило принятіе рѣшеній.

Во-вторыхъ, выводы, къ которымъ пришелъ Броше, отличаются характеромъ по преимуществу отвлеченнымъ, научнымъ; они и по формѣ и отчасти по содержанію мало обращаютъ вниманія собственно на *практическую* сторону дѣла, особенно важную въ вопросахъ, имъ изучаемыхъ; поэтому его выводы не соотвѣтствуютъ цѣли, которую въ этомъ отношеніи преслѣдуетъ институтъ, т. е. они не могутъ служить образцами для предполагаемыхъ статей трактата или закона.

---

[1]) Etude sur les conflits de législation en matière de droit pénal (p. 22—56 и 169—193).

[2]) Interprétation divergentes du traité d'extradition de 1842 entre l'Angleterre et les Etats-Unis (p. 5—17).

[3]) Annuaire 3 et 4 années. T. I (1880), p. 50—86.

[4]) Ib.. p. 202—262.

[5]) Ib.. p. 262—265.

[6]) Ib., p. 265—271.

[7]) Ib.. p. 271—276. Эти замѣчанія Горнунга, Мартенса и Сариполоса напечатаны также въ *Revue* 1879, p. 518—526.

[8]) Ib.. p. 276—296.

Но, несмотря на это, пренія, бывшія въ Брюсселѣ, не лишены въ научномъ отношеніи интереса.

Самый продолжительный и горячій споръ, поведшій и къ отсрочкѣ всего проекта Броше, былъ вызванъ его пятымъ пунктомъ третьей статьи, посвященнымъ *политическимъ преступленіямъ* [1]). Броше выступилъ, относительно ихъ, поборникомъ принципа невыдачи. «Политическіе побѣжденные,—говоритъ онъ,—должны пользоваться правомъ убѣжища, но подъ двоякимъ условіемъ, чтобы они, во-первыхъ, уважали данное имъ гостепріимство и ни въ чемъ не посягали на внутреннюю или внѣшнюю безопасность государства, ихъ принявшаго, и, во-вторыхъ, не пользовались политическими дѣяніями какъ щитомъ для прикрытія общихъ преступленій. Дѣяніе получаетъ политическій характеръ, когда оно направлено противъ верховенства государства, противъ тѣхъ учрежденій, собраній и лицъ, которыя олицетворяютъ это верховенство и чрезъ которыя оно дѣйствуетъ. Убійство главы государства будетъ вообще политическое преступленіе, хотя бы средства, употребленныя для его достиженія, оказали дѣйствіе далеко за предѣлы самой особы государя. Впрочемъ, надо удостовѣриться при этомъ, не лежала ли причина преступленія въ обстоятельствахъ, не выходящихъ изъ области общаго уголовнаго права».

Броше идетъ еще далѣе: онъ требуетъ невыдачи даже для *преступленій политическихъ сложныхъ* или *смѣшанныхъ*, т. е. осложненныхъ преступленіями противъ общаго права, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія были средствомъ, послѣдствіемъ или прямымъ и естественнымъ добавленіемъ (accessoire) къ политическому дѣянію. Тотъ же принципъ онъ прилагаетъ къ преступленіямъ и проступкамъ противъ религіи, къ высказыванію идей путемъ слова или печати, къ отказу въ поступленіи на воен-

---

[1]) Въ немъ сказано: „Выдача предполагаетъ преступленія, достаточно тяжкія, которыя могли бы оправдать столь суровое средство.

«Естественно въ ней отказать или даровать ее на извѣстныхъ условіяхъ, когда наказаніе представляется незаконнымъ или чрезмѣрнымъ.

«То же самое слѣдуетъ сказать о тѣхъ случаяхъ, когда чрезъ выдачу лицо подверглось бы обращенію безчеловѣчному или излишне рискованному (procedure hasardeuse).

«Не существуетъ основанія требовать, чтобы оба народа, между коими идетъ рѣчь о выдачѣ, имѣли одинаковый и общій интересъ въ наказаніи преступника, или чтобы преступленіе было всегда предусмотрѣно въ законахъ обѣихъ сторонъ или же обязаемо равными наказаніями.

«Выдача не должна примѣняться къ преступленіямъ и проступкамъ политическимъ, даже осложненнымъ преступленіями общими".

ную службу и къ дезертирству, за исключеніемъ развѣ побѣга матросовъ.

Къ такимъ же выводамъ приходитъ другой швейцарецъ, *Горнунгъ*, товарищъ Броше по женевскому университету. По его мнѣнію, убійство главы государства есть въ принципѣ политическое преступленіе, которое не должно вести къ выдачѣ преступника. Въ видахъ же устраненія безнаказанности, онъ полагаетъ, что каждое государство обязано всегда карать само и по своимъ законамъ нарушенія международнаго права, совершонныя на его территоріи.

Идти же далѣе этого и наказывать преступленія подданныхъ и даже иностранцевъ, совершонныя за границею, едва ли возможно [1]).

Словомъ, государства обязаны взаимно оберегать другъ друга собственною юстиціею. Вопросъ о выдачѣ въ наше время стремится перейти изъ области международнаго права на почву внутренняго, публичнаго. Прежде въ его рѣшеніи преобладали трактаты и дипломатическій путь, теперь они начинаютъ уступать мѣсто закону и судамъ.

Въ послѣднемъ мнѣніи лежитъ доля правды: дипломатическій путь дѣйствительно призванъ постепенно преобразоваться въ юридическій, но столько же въ смыслѣ международномъ, сколько и государственномъ.

Противъ основнаго воззрѣнія Броше на политическія преступленія выступилъ *Мартенсъ*.

Называя его работу «одною изъ наиболѣе удачныхъ въ числѣ представленныхъ институту», онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, полагаетъ, однако, что докладчикъ невольно «поддался духу рутины, столь удобному, что ему всегда дѣлаютъ большія уступки, хотя въ сущности его слѣдуетъ не одобрять, а ограничивать». Мартенсъ согласенъ съ тѣмъ, что «право убѣжища» съиграло большую роль въ исторіи европейской цивилизаціи. Благодаря ему, *политическіе преступники* могли укрываться на нейтральной почвѣ отъ преслѣдованій и ненависти политическихъ партій. Но необходимо этотъ классъ людей строго отличать отъ *политическихъ преступниковъ*. Въ наше время число первыхъ сокра-

---

1) Нѣмецкій кодексъ наказываетъ преступленія противъ иностранныхъ государей нѣмцевъ внѣ Германіи. Подобную статью находимъ въ австрійскомъ кодексѣ.

Бельгійскій законъ 1858 г. преслѣдуетъ покушенія противъ главы иностраннаго правительства.

щается, а вторыхъ увеличивается въ ужасающей пропорціи. Изгнанники стремились къ тому, чтобы даровать торжество извѣстной политической партіи и замѣнить установленное правительство другимъ. Часто проникнутые горячею любовію къ отечеству и къ своему народу, они боролись то за извѣстную форму правленія, то за падшую династію, то за законы, которые попиралъ ногами какой-либо диктаторъ. Словомъ, они отстаивали идеи, въ истинѣ которыхъ были глубоко убѣждены и которыя могли разсчитывать на уваженіе со стороны каждаго безпристрастнаго человѣка и становились побѣжденными, нерѣдко благодаря одному стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Совершенно иное представляютъ намъ политическіе преступники. Это лица, которыя, какъ члены интернаціоналки, французской коммуны, нигилисты и соціалисты, стремятся путемъ убійствъ и поджоговъ не къ замѣнѣ одной политической формы другою, но къ водворенію анархіи и къ торжеству животныхъ инстинктовъ человѣка. Они объявили отчаянную войну не тому или иному конкретному общественному строю, но общему порядку, самому принципу правительствъ и европейской цивилизаціи. По отношенію къ нимъ право убѣжища немыслимо; выдача становится не только справедливою, но и необходимою. Всѣ государства и всѣ правительства, въ виду этихъ обстоятельствъ, обязаны соединить свои силы для противодѣйствія злу, угрожающему, безъ малѣйшаго исключенія, имъ всѣмъ, и слиться какъ бы въ одно большое общество взаимнаго страхованія.

Становясь на точку зрѣнія Броше, мы естественно приходимъ къ выводу, что послѣдній гражданинъ пользуется большею безопасностью, предоставляемою ему законами, нежели глава государства и органы правительства. Но это стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ текстомъ большинства трактатовъ и законовъ.

Эти мысли Мартенса оказали вліяніе на дальнѣйшія рѣшенія института, потому что въ сущности вѣрно намѣтили исходную точку всего спора о выдачѣ преступниковъ: великія преступленія, — таковъ голосъ совѣсти, все громче раздающійся въ наше время, — требуютъ наказанія, хотя бы они прикрывались политическими мотивами и цѣлями. Въ этомъ отношеніи Мартенсъ только подтвердилъ мнѣніе, высказанное извѣстною англійскою коммиссіею 1877 г., созванною для изученія именно вопроса о выдачѣ. Мы говоримъ, однако, что онъ лишь намѣтилъ дальнѣйшее обсужденіе всего этого вопроса, на томъ осно-

ваніи, что онъ даетъ о политическихъ преступленіяхъ слишкомъ общее и широкое понятіе, не различая въ немъ конкретныхъ случаевъ, и сравнительно мало обращаетъ вниманія на его международную сторону.

Записка Горнунга вызвала критическія замѣчанія *Сарипо-лоса*. Онъ совершенно согласенъ съ ученымъ женевцемъ въ томъ, что предоставленіе судебной власти обсуждать вопросы о выдачѣ составляетъ, сравнительно съ дипломатическимъ путемъ, большой прогрессъ, ибо власть эта въ образованныхъ государствахъ даетъ бо̀льшія ручательства безпристрастія, чѣмъ дипломатія, такъ легко увлекаемая политическими интересами, господствующими въ данную минуту. Но въ убійствѣ главы государства онъ видитъ не исключительно политическое, а сложное преступленіе (délit complexe) и таковымъ оно остается, кѣмъ бы оно ни было совершено: отдѣльнымъ ли лицомъ, или народомъ. «Осужденія къ смерти Карла I и Людовика XVI остаются преступленіями. Исторія свидѣтельствуетъ намъ и о безполезности такихъ дѣяній. Всѣ наслѣдники убитыхъ монарховъ царствовали, а потомки удаленныхъ съ престола лишались его». Онъ вполнѣ понимаетъ, что и партію анархистовъ нельзя уничтожить одною строгостью законовъ, но что главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ ней должно явиться возможно бо̀льшее распространеніе въ массахъ здравыхъ нравственныхъ идей, серьезнаго образованія и воспитанія въ нихъ духа бережливости и взаимнаго содѣйствія въ формѣ кооперативныхъ обществъ. Но этому движенію международное право не можетъ оставаться чуждымъ. Когда преступникъ будетъ знать, что бѣгство въ какую-либо чужую страну не освободитъ его отъ кары, въ случаѣ посягательства имъ на жизнь либо частнаго лица, либо главы государства, мы можемъ быть увѣрены, что онъ два раза поразмыслитъ прежде, чѣмъ дастъ волю своимъ преступнымъ намѣреніямъ».

Всѣ эти противоположныя мнѣнія естественно проявились и въ засѣданіи института 6 сентября. На разсмотрѣніе его поступило четыре формулы относительно опредѣленія преступленій политическихъ и такъ называемыхъ сложныхъ. Одну внесли Вестлекъ, Блунчли и Мартенсъ. Она установляетъ, что «совершеніе преступленія съ политическою цѣлію само по себѣ не освобождаетъ виновнаго отъ выдачи. Нельзя признать политическій характеръ за преступленіемъ противъ общаго права, если оно,

будучи совершено во время междуусобной войны, не заслуживало бы оправданія, какъ дѣяніе войны». Бульмеринкъ, выставивъ принципъ невыдачи за политическія преступленія, требовалъ противоположнаго правила для преступленій общихъ, но осложненныхъ политическимъ характеромъ. Сариполосъ немного видоизмѣнилъ эту мысль въ редакціонномъ отношеніи, а Монлюкъ, въ противоположность имъ, высказался за невыдачу для дѣяній чисто политическихъ и соединенныхъ съ нарушеніями общаго права (crimes connexes à des crimes ou délits de droit commun). Отъ нихъ онъ отличаетъ еще преступленія сложныя (délits complexes), относительно которыхъ рекомендуетъ ограничительное перечисленіе ихъ въ трактатахъ. Въ виду важности всѣхъ этихъ вопросовъ, даже въ наукѣ далеко еще не разработанныхъ, и приближавшагося уже окончанія брюссельской сессіи, институтъ, по предложенію Ассера, рѣшилъ весь вопросъ о выдачѣ отложить до слѣдующаго съѣзда. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ попросилъ *Рено* взять на себя должность втораго докладчика.

II.

Рено принялся за дѣло весьма осмотрительно и практично: онъ составилъ программу, по которой хотѣлъ работать, съ подробными вопросами и разослалъ ее заблаговременно ко всѣмъ своимъ товарищамъ по коммиссіи. Получивъ ихъ мнѣнія, онъ свелъ ихъ въ систему и мѣстами развилъ собственными мыслями, мѣстами подкрѣпилъ новыми мотивами. Такой трудъ, очевидно, стоя ближе къ жизни, могъ скорѣе, нежели единичныя мысли Броше, разсчитывать на санкцію со стороны института.

Между тѣмъ, въ *Брюссельскомъ Обозрѣніи* явилась статья базельскаго профессора *Тейхманна,* очень обстоятельно изучающая вопросъ о политическихъ преступленіяхъ [1]) и не задолго до сессіи въ Оксфордѣ (25 іюля 1880 г.) Блунчли написалъ мотивированное мнѣніе о выдачѣ политическихъ преступниковъ [2]).

Всѣ эти изысканія способствовали установленію между членами института бо́льшаго единодушія и, какъ можно было ожи-

---

[1]) *Teichmann*: Les délits politiques, le régicide et l'extradition (Revue 1879, p. 475—516).

[2]) De l'extradition des refugiés politiques (Ib. 1881. p. 72. Annuaire. 5 année. 1881—82. p. 102—105).

дать, именно въ смыслѣ выдачи политическихъ преступниковъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ и опредѣленныхъ гарантіяхъ.

Записка Рено, заслуживающая полнаго вниманія, распадается на четыре отдѣла: первый говоритъ объ *общемъ принципѣ* выдачи; второй о *субъектахъ* или *лицахъ, подвергающихся ей;* третій объ *объектахъ* или преступныхъ *дѣяніяхъ* и четвертый о *процедурѣ* выдачи и ея послѣдствіяхъ [1]).

Исходною точкою своей работы Рено беретъ мысль, что институтъ въ своихъ рѣшеніяхъ не долженъ стремиться къ выработкѣ какого-либо проекта закона или международнаго договора о выдачѣ. Это завело бы его въ массу излишнихъ подробностей, рѣшаемыхъ на практикѣ политическими, юридическими и даже часто географическими особенностями отдѣльныхъ государствъ. «Мы же,—говоритъ Рено,—должны стараться отыскать основные принципы, которые стоятъ выше разнообразія положительныхъ законодательствъ и, въ свою очередь, опредѣляютъ содержаніе и примѣненіе законовъ и трактатовъ».

I. *Основной принципъ* выдачи институтъ высказалъ уже въ Брюсселѣ въ слѣдующихъ словахъ: обязанность выдачи покоится на общемъ интересѣ государствъ и на требованіяхъ хорошаго отправленія правосудія, или, выражаясь иначе, выдача есть дѣйствіе, которое одинаково соотвѣтствуетъ идеѣ справедливости и интересу государствъ, имѣя въ виду дѣйствительное предупрежденіе и пресѣченіе нарушеній уголовнаго закона.

Это положеніе получаетъ юридическую силу только въ предѣлахъ международнаго права, когда государства возвышаются до сознанія, и въ области права, солидарности между собою, въ силу которой они признаютъ себя обязанными взаимно содѣйствовать другъ другу въ отправленіи правосудія. Броше видитъ въ этомъ ихъ общій долгъ предъ человѣчествомъ и говоритъ, что выдача по природѣ есть двойственный актъ — суверенитета съ одной и содѣйствія съ другой стороны. Выдавая преступника, государство прежде всего само судитъ о справедливости и цѣлесообразности этой мѣры, но оно принимаетъ ее именно въ видахъ содѣйствія правосудію другой страны, никогда, однако, не снисходя до слѣпаго орудія или служителя послѣдней

Обязанность выдачи, вытекая изъ международнаго права, не

---

[1]) Annuaire, ib., p. 70—102.—Извлеченіе изъ нея и обзоръ преній, ею вызванныхъ на оксфордскомъ съѣздѣ, даетъ г. *Даневскій* въ *Юрид. Вѣстн.* 1881, дек., стр. 517—563.

создается трактатами, какъ думали прежде многіе писатели и утверждала Англія, но существуетъ ранѣе положительныхъ нормъ и независимо отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ высказались англійская коммиссія 1877 г. и большинство членовъ настоящей коммиссіи [1]). Но въ силу практическихъ соображеній такія нормы необходимы и должны быть предпочтены обычаямъ.

«Долгое время,—говоритъ Рено,—правительства видѣли въ выдачѣ простую мѣру полиціи, которую они принимали смотря по обстоятельствамъ, и даже до сихъ поръ многимъ писателямъ нравится это воззрѣніе». «Трактаты,—замѣчаетъ Ф. Эли,—ставятъ извѣстныя условія и границы примѣненію права, между тѣмъ какъ обычаи не такъ стѣснительны и лучше соотвѣтствуютъ интересамъ уголовнаго преслѣдованія». Нечего и говорить о несостоятельности этого мнѣнія: будучи актомъ правосудія, выдача не можетъ быть предоставлена случайностямъ минуты, но требуетъ всесторонняго и строгаго опредѣленія. Вотъ почему мы видимъ въ изданіи положительныхъ нормъ—успѣхъ. Только онѣ обезпечиваютъ этому дѣйствію быстроту и согласіе, особенно необходимыя. Кромѣ того, отсутствіе трактата открываетъ возможность для болѣе могущественнаго государства производить давленіе на слабѣйшее, между тѣмъ какъ точныя условія трактата внесутъ болѣе равенства въ ихъ взаимныя обязанности.

И такъ, положительныя нормы необходимы; къ нимъ относятся трактаты и внутренніе законы государствъ. Первые особенно важны: они создаютъ, по отношенію къ выдачѣ, вполнѣ распознаваемое и опредѣленное право, которое, по словамъ Арнца, предупреждаетъ произволъ правительствъ, облегчаетъ ихъ отвѣтственность и ставитъ заинтересованныхъ частныхъ лицъ въ извѣстныя, также опредѣленныя, условія. Кромѣ того, трактаты

---

[1]) Кромѣ Рено,—Баръ, Блунчли, Бруза, Дюбуа, Мартенсъ, Нейманнъ, Горнунгъ и Геснеръ. Этого же мнѣнія держатся Гроцій, Ваттель, Бернеръ, Бульмеринкъ и Моль. Послѣдній, въ своей классической монографіи «Die völkerrechtliche Lehre vom Asyle» (въ Staatsrecht, Völkerrecht und Politik; 1860, B. I, S. 637 — 764), говоритъ, что между всѣми цивилизованными государствами долженъ существовать общій или міровой юридическій порядокъ (Weltrechtsordnung), нарушеніе котораго лицемъ, даже за границею, есть какъ бы нарушеніе его отечественныхъ законовъ. Выдача же совершается на томъ основаніи, что государство, ее требующее, наиболѣе заинтересовано и наиболѣе способно постановить справедливый приговоръ.

Въ отличіе отъ этихъ писателей, одни отвергаютъ совершенно юридическую обязанность государствъ выдавать преступниковъ (Мартенсъ, Клюберъ, Оппенгеймъ, Гефтеръ, Филлиморъ и пр.), а другіе видятъ въ выдачѣ одну нравственную обязанность, которая лишь трактатами превращается въ юридическую (Марквардсенъ, Оливекрона и др.).

приводятъ къ сближенію воззрѣній сторонъ, сокращаютъ медлительность производства. и увеличиваютъ предупредительную силу уголовнаго закона.

Неудивительно, что эти выгоды, вытекающіе изъ трактатовъ, стали болѣе и болѣе сознаваться государствами; число заключаемыхъ ими соглашеній о выдачѣ умножается съ каждымъ годомъ: между тѣмъ какъ Англія до 1870 г. имѣла всего три подобныхъ договора (съ С. Штатами 1842 г., съ Франціею 1843 г. и съ Даніею 1862 г.), она въ одномъ истекшемъ десятилѣтіи заключила ихъ не менѣе 12 [1]). По словамъ Гольцендорфа, до 1880 г. Бельгія заключила 18 трактатовъ о выдачѣ съ европейскими и отчасти даже внѣ-европейскими странами, а Италія—27 [2]). Что касается Россіи, то она имѣетъ такихъ трактатовъ, по мнѣнію Бульмеринка, 8 [3]).

Но трактаты сами по себѣ недостаточны: они требуютъ восполненія со стороны внутреннихъ законовъ государствъ. Есть много вопросовъ о выдачѣ, которые рѣшить удовлетворительно можетъ только законъ. Его задача начертить границы, въ предѣлахъ которыхъ правительство уполномочивается заключать трактаты о выдачѣ, и установить порядокъ производства оной. Обѣ эти цѣли и указываются законами: бельгійскимъ 1874 г., англійскимъ 1870 и 73 гг. и голландскимъ 1875 г., между тѣмъ какъ актъ 1848 г. С. Штатовъ опредѣляетъ лишь дѣлопроизводство. До сихъ поръ, замѣчаетъ Рено, законы о выдачѣ не изданы въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи и, добавимъ отъ себя, въ Россіи. Что касается Франціи, то 2 мая 1878 г. Дюфоръ внесъ проектъ подобнаго закона въ сенатъ, но онъ доселѣ не разсмотрѣнъ еще палатою депутатовъ [4]). Рено касается также *начала взаимности*, которымъ государства на практикѣ часто обусловли-

---

[1]) *Bulmerincq*: Auslieferungsverträge въ Holtzendorff's Rechtslexikon 3 Aufl. (1880). B. II, S. 196—203 О выдачѣ вообще см. обстоятельныя изложенія у *Calvo*: Le Droit international. 3 édit. (1880). T. II, p. 315—440, и у *Fiore*: Traité de dr. pénal international trad. par Antoine (1880). I, p. 285; II, p. 736.

[2]) *Holtzendorff*: Die Auslieferung der Verbrecher und das Asylrecht. S. 28 und 41. Весьма интересный этюдъ съ международной и уголовной точки зрѣнія.

[3]) Съ Швейцаріею, 1873 г; съ Испаніею, 1877 г; съ Италіею, 1871 г.; съ Австріею, 1874 г.; съ Бельгіею, 1872 г.; съ Даніею, 1866 г.; съ Баваріею, 1869 г. и съ Гессеномъ, 1869 г. Недавно Россія заключила еще такую конвенцію съ Нидерландами и обмѣнялась декларацією по этому же вопросу съ Бельгіею. (*Дипломатическій Ежегодникъ* на 1883 г..

[4]) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre 1879, p. 4. О значеніи трактатовъ и законовъ для занимающаго насъ вопроса говоритъ подробно и хорошо Броше въ своемъ докладѣ о выдачѣ.

ваютъ выдачу. Въ этомъ смыслѣ выражается и сейчасъ названный нами французскій проектъ. Но вопросъ о взаимности долженъ быть отнесенъ къ области политики, практической пользы, а не права. Государство, отказывая въ выдачѣ другому, которое и ему не выдаетъ преступниковъ, не совершаетъ несправедливости, какъ и въ случаѣ согласія. Взаимность не есть существенный принципъ законодательства и по отношенію къ ней должно правительству предоставить свободу выбора.

Сводя вышеизложенныя мысли къ общему результату, Рено говоритъ: «Выдача можетъ совершаться самымъ правильнымъ и вѣрнымъ способомъ, подъ условіемъ существованія трактатовъ о ней, и надо желать, чтобы число послѣднихъ расло. Но не эти трактаты сами по себѣ обращаютъ выдачу въ дѣйствіе, соотвѣтствующее праву; она можетъ совершаться и при отсутствіи всякихъ договорныхъ узъ. Законъ долженъ въ каждой странѣ опредѣлять производство ея и указывать на условія, при которыхъ лица, требуемыя какъ преступники, подлежатъ выдачѣ правительствамъ, съ коими не заключено договора. Взаимность въ этихъ дѣлахъ можетъ быть предписываема политикою, но она не требуется правомъ».

Соглашаясь съ мыслями докладчика о значеніи трактатовъ, мы должны, однако, повторить вполнѣ вѣрное замѣчаніе Гооса, что «сходство и тождество этихъ договоровъ даютъ надежду на установленіе въ будущемъ такого порядка, который и представляется идеальнымъ, чтобы всѣ цивилизованныя государства высказали начала, управляющія выдачею, въ *одной общей деклараціи,* которая и сдѣлала бы излишними спеціальные между ними договоры».

II. Относительно *лицъ,* подвергающихся выдачѣ, много спорятъ до сихъ поръ о томъ, обязано ли государство выдавать своихъ гражданъ? Положительные законы почти вездѣ отвѣчаютъ на это отрицательно и предпочитаютъ, чтобы виновные, по совершеніи преступленія за границею и въ случаѣ неотбытія тамъ наказанія, подлежали суду въ отечествѣ. Въ этомъ же смыслѣ рѣшаетъ этотъ вопросъ судебная практика тамъ, гдѣ законъ молчитъ объ этомъ, какъ, напр., во Франціи. Впрочемъ, проекты новѣйшаго французскаго закона о выдачѣ и итальянскаго уголовнаго уложенія прямо воспрещаютъ выдавать гражданъ [1]). Весьма

[1]) Исключеніе составляютъ только двѣ державы: Англія и С. Штаты, но и это на практикѣ не имѣетъ значенія, потому что обѣ эти страны выдаютъ лишь на

авторитетные писатели (Моль, Арнцъ, Баръ, Геснеръ, Гоосъ) поддерживаютъ это воззрѣніе. «Основаніе его,—говоритъ Баръ,—лежитъ не въ недовѣріи къ иностраннымъ судамъ (тогда вообще выдача не могла бы имѣть мѣста) и не въ томъ, что выдачею собственныхъ гражданъ государство нарушаетъ свое достоинство и обязанность охранять ихъ, а въ слѣдующихъ соображеніяхъ: каждый человѣкъ имѣетъ естественное право на пребываніе въ своемъ отечествѣ; если имъ совершено какое-либо дѣйствіе, вызывающее преслѣдованіе со стороны властей, то природный судья его долженъ быть отечественный, а не иностранный» [1]). Въ сущности Баръ воспроизводитъ въ этихъ словахъ постановленіе большинства конституцій, требующихъ, чтобы никто не былъ лишенъ покровительства своихъ природныхъ судей. Нарушеніе этого начала Геснеру представляется несовмѣстимымъ съ судебнымъ верховенствомъ государства. Но въ наше время, по вѣрному замѣчанію Гольцендорфа, обстоятельства, которыя прежде оправдывали это правило, измѣнились: противоположность началъ уголовнаго производства (съ одной стороны, устности и публичности, съ другой—письменности и таинственности), ревнивое поддержаніе собственнаго полновластія, наконецъ, частое приложеніе смертной казни,—все это заставляло государства въ прежнія эпохи относиться къ иностраннымъ судамъ съ величайшимъ недовѣріемъ. Но по мѣрѣ того, какъ ихъ уголовные кодексы болѣе приблизились другъ къ другу, вслѣдствіе коренныхъ преобразованій и улучшеній какъ въ области процесса, такъ и относительно содержанія осужденныхъ, въ наукѣ стало прокладывать себѣ путь то мнѣніе, что абсолютное приложеніе обсуждаемаго нами правила можетъ противорѣчить интересамъ государствъ и даже самихъ частныхъ лицъ, привлекаемыхъ къ суду [2]). Весьма хорошо высказалась на этотъ счетъ англійская коммиссія 1877 г. «Государства,—читаемъ мы въ ея докладѣ,—которыя стремятся установить между собою на правильныхъ основаніяхъ систему выдачи, не могутъ питать взаимнаго недовѣрія къ судамъ. Въ противоположномъ случаѣ имъ не слѣдуетъ выдавать ни своихъ гражданъ, ни даже иностранцевъ. *По природѣ вещей преступленія должны быть судимы по законамъ страны, гдѣ они*

основаніи трактатовъ и по началу взаимности отказываютъ выдавать своихъ гражданъ тѣмъ государствамъ, которыя и по отношенію къ нимъ не держатся этого начала. Впрочемъ, какъ увидимъ, бываютъ и нарушенія этого правила.

[1]) *Bahr*: Das internationale Privat- und Strafrecht.

[2]) Назв. соч.

совершены. Только ея суды компетентны. Имъ всего удобнѣе констатировать факты, выслушать свидѣтелей. *Гдѣ право нарушено, тамъ оно должно быть и возстановлено*. Переводить свидѣтелей въ отечество преступника требуетъ много времени и издержекъ. Отъ этого болѣе всего пострадаетъ самъ обвиняемый. Отобраніе же свидѣтельскихъ показаній на мѣстѣ и пересылка ихъ въ отечество осуждаемаго для него неудобны въ виду того, что свидѣтели допрашиваются тогда не въ его присутствіи и онъ лишается возможности собственнаго удостовѣренія въ ихъ добросовѣстности и знакомствѣ съ дѣломъ» [1]). На этомъ основаніи коммиссія совѣтуетъ въ будущихъ трактатахъ опускать условіе о томъ, что государство собственныхъ гражданъ не выдаетъ.

Доводы ея Рено считаетъ неопровержимыми и полагаетъ, что со временемъ они будутъ приняты большинствомъ цивилизованныхъ народовъ. «Ни одинъ народъ,—говоритъ онъ,—не оберегаетъ такъ ревниво свою національную честь, какъ англичане. Поэтому правило, признаваемое ими справедливымъ, не можетъ казаться посягательствомъ на національное достоинство или уклоненіемъ со стороны государства отъ его прямой обязанности охранять своихъ гражданъ. Но при теперешнемъ состояніи международныхъ отношеній это правило, быть можетъ, еще преждевременно возводить на степень аксіомы. Нельзя требовать отъ дипломатовъ и законодателей, чтобъ они вдругъ на сей счетъ отказались отъ утвердившейся системы и прямо перешли къ противоположной. Достаточно, если юристы будутъ пріучать общественное мнѣніе къ тому воззрѣнію, что выдача государствомъ своихъ гражданъ соотвѣтствуетъ требованіямъ хорошаго уголовнаго правосудія и можетъ быть рекомендована народамъ въ той степени, въ какой различія между ихъ уголовными системами будутъ согласоваться и сами они проникнутся бо́льшимъ и бо́льшимъ довѣріемъ къ отправленію у каждаго изъ нихъ правосудія».

Въ томъ же направленіи высказалось большинство товарищей Рено [2]). Спеціально Гольцендорфъ выражаетъ надежду на упроченіе новаго взгляда, когда въ будущемъ государства вмѣнятъ себѣ за честь, чтобы иностранцы пользовались предъ ихъ судами всѣми правами наравнѣ съ туземцами, и когда путемъ между-

---

[1]) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre.

[2]) Броше, Фіоре, Ассеръ, Вестлекъ, Гольцендорфъ, Блунчли, Мартенсъ, Бруза, Дюбуа, Голландъ, Оливекрона, Горнунгъ и Сарипольосъ.

народныхъ соглашеній будетъ достигнуто, съ одной стороны, извѣстное однообразіе въ наказаніяхъ за одни и тѣ же преступленія, а съ другой—проведена въ жизнь реформа всего тюремнаго дѣла.

Какъ бы переходную степень между двумя системами по занимающему насъ вопросу представляютъ тѣ трактаты, въ которыхъ государства отступаютъ отъ начала взаимности: въ договорѣ 1878 г. между Англіею и Испаніею мы видимъ, что первая согласилась выдавать всякаго виновнаго безразлично (all persons), а послѣдняя за исключеніемъ собственныхъ гражданъ.

Но уже теперь можно сказать, что національность, пріобрѣтенная лицомъ послѣ совершенія имъ преступленія, не должна быть препятствіемъ къ его выдачѣ. Во-первыхъ, перемѣна подданства дѣлается иногда очень легко (напр., для женщины посредствомъ брака) и, во-вторыхъ, можетъ служить преступнику предлогомъ для избѣжанія наказанія. Нѣтъ препятствій къ выдачѣ и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый — подданный третьяго, въ дѣлѣ не заинтересованнаго государства. Спрашивать о согласіи послѣдняго нечего и достаточно одного простаго извѣщенія. Новѣйшіе трактаты объ этомъ часто даже не упоминаютъ [1]).

III. Изученіе преступныхъ *дѣяній*, за которыя виновные выдаются, лучше всего знакомитъ насъ съ существомъ выдачи. Общимъ правиломъ здѣсь признается, что выдаются виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ общаго права и въ преслѣдованіи которыхъ болѣе или менѣе заинтересованы всѣ государства. Напротивъ, эта мѣра не прилагается къ совершителямъ преступленій политическихъ или имѣющихъ лишь мѣстный характеръ. Немыслимо, чтобы государства прибѣгали къ ней въ случаѣ маловажныхъ проступковъ: она всегда соединена для нихъ съ затруднительными дипломатическими переговорами и издержками, а, съ другой стороны, является настолько стѣснительною для

---

[1]) Такъ говоритъ Рено; но Бульмеринкъ (въ назв. ст.) замѣчаетъ, что трактаты требуютъ въ этихъ случаяхъ обращенія съ запросомъ къ отечественному правительству, причемъ либо согласіе послѣдняго необходимо, либо просимое о выдачѣ государство удерживаетъ за собою право выдать обвиняемаго по своему усмотрѣнію его отечеству или государству, требующему его выдачи. Когда о выдачѣ одного и того же лица за различныя преступленія просятъ одновременно нѣсколько государствъ, предпочтеніе даютъ либо первенству требованія (дог. Англіи съ Ит.), либо важности преступленія и бо́льшей легкости передачи обвиняемаго для дальнѣйшаго производства (дог. Россіи съ Ит.). При равной тяжести преступленій перевѣсъ даютъ чаще всего отечеству обвиняемаго, иногда же тому, кто ранѣе заявилъ свое требованіе.

частныхъ лицъ, что лишь самыя серьезныя основанія могутъ ее оправдать.

Кромѣ того, требуется, чтобы дѣяніе, ведущее къ выдачѣ, наказывалось уголовными законами *обѣихъ* странъ, какъ требующей ея, такъ и той, въ которой преступникъ укрылся. «Въ этомъ принципѣ,—говоритъ Гольцендорфъ,—лежитъ для каждаго государства предостереженіе противъ излишняго растяженія преступныхъ категорій. Если какое-либо правительство, не обращая вниманія на общественное мнѣніе цивилизованнаго міра, вздумало бы по своему капризу сочинять и умножать статьи своего уголовнаго кодекса, оно не должно, при ихъ приложеніи, разсчитывать на содѣйствіе другихъ государствъ. На практикѣ возможны, однако, такіе случаи, что хотя извѣстныя дѣянія и признаются государствомъ безнравственными, но не предусматриваются въ его законодательствѣ по той простой причинѣ, что они не могутъ по своей природѣ совершиться на его территоріи. Отказъ въ выдачѣ при этихъ условіяхъ былъ бы излишнимъ примѣненіемъ начала взаимности. Напримѣръ, хотя уголовные законы Швейцаріи не караютъ пиратства, но было бы несправедливо, если бы она на этомъ основаніи отказалась выдавать виновныхъ въ семъ преступленіи» [1]).

Какія же, такъ сказать, *общечеловѣческія* преступленія заслуживаютъ выдачу? Рено полагаетъ, что тутъ нельзя выставить никакой абсолютной нормы. Дѣло трактатовъ опредѣлить ихъ съ точностью, причемъ, однако, слѣдуетъ избѣгать слишкомъ общихъ категорій, могущихъ имѣть неодинаковое значеніе въ различныхъ странахъ. Характеръ и количество перечисляемыхъ дѣяній естественно измѣняются по географическому положенію контрагентовъ, степени развитія ихъ уголовныхъ законодательствъ и т. п. Въ цивилизованномъ мірѣ установилась въ наше время, говоритъ Гольцендорфъ, извѣстная общая *нравственная* оцѣнка тяжкихъ преступленій, но такого единства далеко еще не существуетъ при *оцѣнкѣ юридической*. Классификація преступленій и слѣдуемыхъ за нихъ наказаній еще весьма различна въ уголовныхъ кодексахъ даже европейскихъ народовъ. Каза-

[1]) Поэтому Рено рекомендуетъ статью, принятую объ этомъ институтомъ еще въ Брюсселѣ: „По общему правилу должно требовать, чтобы дѣяніе было предусмотрѣно законами обѣихъ странъ, за исключеніемъ того случая, когда, въ силу особыхъ мѣстныхъ учрежденій или топографическаго положенія страны, въ которую укрылся преслѣдуемый, въ ней не могутъ проявиться фактическіе признаки (les circonstances de fait) преступнаго дѣянія".

лось бы, такое преступленіе, какъ убійство, должно бы вездѣ подлежать одинаковой юридической оцѣнкѣ, а, между тѣмъ, мы видимъ различіе въ ней не только между Англіею и Германіею [1]), но даже между странами, столь близкими другъ къ другу, какъ Германія и Австро-Венгрія.

Прежніе трактаты упоминали о весьма немногихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою выдачу. Одинъ американскій трактатъ 1798 г. говоритъ лишь объ убійствѣ. Но съ умноженіемъ сношеній между государствами и частными лицами и съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, въ нашемъ столѣтіи трактаты начинаютъ упоминать о все бо́льшемъ числѣ преступленій, ведущихъ къ выдачѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія трактаты Италіи, которая болѣе другихъ государствъ старается объ опредѣленіи договорнымъ путемъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ уголовной юстиціи. Трактаты, заключенные Италіею съ другими странами, перечисляютъ до 60 преступныхъ дѣяній, могущихъ вызвать выдачу. Англія по договорамъ выдаетъ теперь въ 40 случаяхъ, Соединенные Штаты въ 24 и т. д. [2]).

Гольцендорфъ ставитъ весьма интересный вопросъ: какія лица и виновныя по какимъ преступленіямъ стараются чаще всего, по указаніямъ опыта, избѣгнуть наказанія посредствомъ бѣгства? Неудовлетворительное положеніе уголовной статистики не даетъ намъ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною достовѣрностію, но уже теперь мы можемъ сказать, что ходячее мнѣніе, принятое въ уголовной полиціи и государственной прокуратурѣ о томъ, будто каждый, совершившій преступленіе, долженъ быть заподозрѣнъ въ намѣреніи бѣжать и поэтому какъ

[1]) Онъ приводитъ въ своей интересной брошюрѣ нѣсколько характерныхъ примѣровъ: мать, убившая своего ребенка въ Германіи, присуждается къ двухъ-лѣтнему тюремному заключенію, а въ Англіи, какъ обыкновенная убійца, къ висѣлицѣ; эта строгость причиною тому, что присяжные обыкновенно въ такихъ случаяхъ не постановляютъ обвинительнаго вердикта. Если двое влюбленныхъ рѣшили покончить съ собою, но одному изъ нихъ эта попытка нечаянно не удалась и онъ остался въ живыхъ — въ Германіи его ожидаетъ, по крайнѣй мѣрѣ, трехлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ, въ Англіи же смертная казнь. То же наказаніе угрожаетъ въ послѣдней странѣ тому, кто даетъ своему другу пистолетъ, зная, что онъ замышляетъ самоубійство, между тѣмъ какъ въ Германіи это дѣйствіе вовсе не подлежитъ наказанію.

[2]) Бульмеринкъ говоритъ, что, за исключеніемъ политическихъ и религіозныхъ преступленій, государства обязываются въ наше время выдавать виновныхъ почти во всѣмъ видамъ преступленій, а именно: за убійство, дѣтоубійство, отравленіе, подѣлку монетъ и кредитныхъ билетовъ, подлогъ, лжесвидѣтельство, злостное банкротство, лжеприсягу, кражу, разбой, плотскія преступленія и преступленія по службѣ (Auslieferungsverträge).

можно скорѣе заключенъ въ тюрьму предварительнаго слѣдствія; это мнѣніе невѣрно въ силу многихъ и важныхъ соображеній психологическаго, экономическаго и умственнаго характера. На основаніи опыта, слѣдуетъ признать, что попытки къ бѣгству дѣлаются болѣе всего послѣ тѣхъ преступленій, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ современнымъ развитіемъ денежныхъ и торговыхъ оборотовъ, т. е. послѣ расхищенія кассъ въ кредитныхъ установленіяхъ и торговыхъ домахъ, поддѣлки монетъ и векселей, злостнаго банкротства. Въ этихъ случаяхъ преступники обыкновенно люди въ умственномъ отношеніи весьма развитые, знакомые съ иностранными языками и заграничными порядками, во всемъ изворотливые и желающіе пожить на чужбинѣ въ удовольствіе на похищенное добро [1]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ англійской коммиссіи 1877 г. о томъ, что различія въ уголовныхъ наказаніяхъ и въ судопроизводствѣ не составляютъ препятствія для выдачи. Съ точки зрѣнія международнаго права, государство можетъ отказать въ выдачѣ преступника его отечеству, если ему угрожаетъ сравнительно съ его законами наказаніе излишне-строгое или жестокое.

Довѣріе къ юстиціи государства, требующаго выдачи,—первое предположеніе, говоритъ Рено, для исполненія его желанія. Если политическое положеніе извѣстной страны повело къ установленію въ ней чрезвычайныхъ судовъ, если права защиты въ ней не уважаются, то, понятно, ей откажутъ въ выдачѣ лицъ, замѣшанныхъ въ ея политическихъ волненіяхъ, хотя бы этихъ лицъ обвиняли въ самыхъ преступныхъ дѣяніяхъ.

Въ послѣднее время почти на степень аксіомы возведено правило, что *политическіе преступники* не выдаются. Ни древность, ни средніе вѣка не знали этого различія между преступленіями политическими и общими. На практикѣ, если государства рѣшались въ прежнія времена, послѣ долгихъ переговоровъ, выдать преступника, то чаще именно виновнаго въ политическомъ отношеніи. Такія лица считались, въ періодъ неограниченнаго абсолютизма, личными врагами монарховъ и укрывательство ихъ признавалось чуть не косвеннымъ объявленіемъ войны. Въ дѣлахъ выдачи все зависѣло тогда отъ политическихъ соображеній и разсчетовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; даже Англія до

---

[1]) *Гольцендорфъ*, назв. соч., стр. 43 и сл.

начала XIX ст. требовала выдачи политическихъ преступниковъ. Германскій союзъ, и особенно Пруссія и Австрія, а также Россія держались того же правила почти до нашихъ дней [1]).

Трактаты и писатели [2]) согласны между собою относительно невыдачи политическихъ преступниковъ. Правило это [3]) установилось съ 1830 г., какъ извѣстно, въ періодъ стремленій европейскихъ народовъ къ либеральнымъ учрежденіямъ. Впрочемъ, въ Англіи оно было признано ранѣе іюльской революціи, а въ Швейцаріи получило силу закона въ 1848 г.

Въ чемъ его разумное основаніе и согласимо ли оно съ принципомъ выдачи?

Нельзя сказать вообще, какъ думаютъ многіе (Ф. Эли, Блунчли, Тейхманнъ), будто политическіе преступники отличаются скорѣе своею смѣлостью, чѣмъ извращенностью, будто они часто болѣе фанатики, чѣмъ преступники, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ иныхъ случаяхъ это положеніе можетъ быть вѣрно, но оно грѣшитъ снисходительностью къ тѣмъ, которые прибѣгаютъ къ насиліямъ для перемѣны существующихъ въ ихъ отечествѣ учрежденій, и склоняется оправдать употребленіе, ради предполагаемой хорошей цѣли, безнравственныхъ средствъ. Не слѣдуетъ забывать, что во время политическихъ переворотовъ рядомъ съ немногими безкорыстными патріотами, которые для блага отечества жертвуютъ всѣмъ, выступаютъ часто на сцену личности самыя темныя и мелкія, движимыя мотивами столь же презрѣнными, какъ и тѣ, которые воодушевляютъ обыкновенныхъ разбойниковъ и убійцъ.

---

[1]) *Teichmann*, назв. ст. Онъ указываетъ на практику по занимающему насъ вопросу до XIX ст. Извѣстна конвенція 1834 г. между этими тремя державами о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ, въ видахъ усмиренія польскихъ провинцій. Послѣ возстанія Венгріи въ 1849 г., Турція отказала Австріи выдать Кошута и другихъ венгерцевъ, укрывшихся на ея территоріи, что вызвало, между прочимъ, извѣстную депешу (отъ 6 октября 1849 г.) лорда Пальмерстона къ англійскому посланнику въ Петербургѣ, Блумфильду: «Если существуетъ какое-либо правило, читаемъ мы въ ней, принятое въ новѣйшее время всѣми независимыми государствами, большими и малыми, цивилизованнаго міра, то оно состоитъ въ томъ, чтобы не выдавать политическихъ изгнанниковъ, кромѣ развѣ случаевъ прямой обязанности по трактатамъ. Но таковыхъ немного, если вообще они существуютъ. Законы гостепріимства и человѣколюбія, а равно и прирожденныя человѣку чувства, осуждаютъ выдачу такихъ лицъ, и всякое независимое правительство, которое по собственному почину на нее согласилось бы, справедливо обезчестило бы себя въ глазахъ всѣхъ».

[2]) Между новѣйшими исключеніе составляетъ только *Дольманъ* (въ Bluntschli's Staatswörterbuch).

[3]) Оно принято даже между кантонами Швейцаріи (по конституціи 1874 г.), но Баръ, Блунчли и Бернеръ полагаютъ, что оно непримѣнимо къ федераціямъ.

Нечего также указывать въ оправданіе невыдачи на разногласіе законодательствъ: дѣянія, говорятъ, строго караемыя въ одной странѣ въ силу ея политическаго строя, не преслѣдуются часто въ другой. Но это соображеніе для вопросовъ о выдачѣ не имѣетъ значенія: выше мы уже сказали, что оно приложимо лишь къ дѣяніямъ преступнымъ и по законамъ страны, въ которую укрылся бѣглецъ.

Съ другой стороны, мы видимъ, что самая опасность политическихъ преступленій значительнѣе вреда, причиняемаго преступленіями обыкновенными. Они не только не ограничиваются извѣстнымъ лицомъ или мѣстностью, но поражаютъ нерѣдко цѣлую страну и имѣютъ гибельныя послѣдствія для сосѣдей. Очевидно, въ интересахъ государствъ преслѣдовать и выдавать виновныхъ въ такихъ дѣяніяхъ [1]).

Несмотря, однако, на эти соображенія, писатели высказываются за невыдачу политическихъ преступниковъ на основаніи слѣдующихъ вѣскихъ доводовъ: 1) Каждое государство прежде всего призвано само заботиться о поддержаніи своего политическаго строя. Различіе формъ правленія не имѣетъ значенія для занимающаго насъ вопроса и нельзя согласиться съ тѣми которые утверждаютъ, что, съ установленіемъ демократическаго начала во всѣхъ государствахъ Европы, между ними возникнетъ *солидарность политическихъ интересовъ,* естественнымъ послѣдствіемъ которой явится взаимная выдача между ними и политическихъ преступниковъ [2]). Какъ бы ни были тождественны формы правленія,— справедливо замѣчаетъ но это Рено,—но практическія ихъ дѣйствія и значеніе могутъ въ дѣйствительности чрезвычайно быть различны, смотря по характеру правителей, населенія и т. д.

2) Въ каждой политической борьбѣ бо́льшею частью трудно, даже для жителей страны, гдѣ она происходитъ, опредѣлить, на чьей сторонѣ право и справедливость. Формальная, исключительно легальная точка зрѣнія расходится далеко съ нравственною оцѣнкою событій, основанною на живой правдѣ. Кромѣ того, результаты борьбы измѣняютъ и искажаютъ сужденія людей. Побѣдителей превозносятъ, хотя бы они были преступны, а несчастныхъ побѣжденныхъ, но, быть можетъ, истинныхъ патріотовъ, ожидаетъ строжайшая кара.

---

[1]) *Renault*: Des crimes politiques en matières d'extradition. (Journal du Droit international privé; 1880, № I—II).

[2]) *Maillet*: De la démocratie dans les rapports avec le droit international 1875.

Вотъ почему *международная оцѣнка политическихъ преступниковъ совершенно иная, чѣмъ государственная*. Третьи, въ политической борьбѣ не участвующія государства, некомпетентны для ея обсужденія. «Вполнѣ справедливымъ судьею надъ нею,—говоритъ Гольцендорфъ,—является исторія, а не ученые юристы или выборные изъ народа присяжные. Всякая партія, какъ таковая, уже пристрастна и вслѣдствіе этого расположена къ злоупотребленіямъ силою по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ».

3) На основаніи этого, именно въ политическихъ дѣлахъ трудно ожидать для виновныхъ безпристрастнаго, вполнѣ справедливаго суда. «Весьма часто,—продолжаетъ Гольцендорфъ,—и судья, назначаемый правительствомъ для охраны общественнаго строя, является, самъ того не сознавая, покорнымъ орудіемъ власти, господствующей партіи или общественнаго мнѣнія».

Кромѣ того, уголовный законъ, по части политическихъ дѣлъ, имѣетъ въ виду не столько требованія справедливости, сколько потребности безопасности. Многія дѣянія, по общимъ правиламъ ненаказуемыя, караются имъ, когда рѣчь заходитъ объ измѣнѣ отечеству. Таковы приготовительныя дѣйствія или заговоръ. Наконецъ, при привлеченіи къ отвѣтственности политическихъ преступниковъ, обыкновенно устраняются многія формы и гарантіи современнаго процесса, вслѣдствіе учрежденія военныхъ судовъ съ суммарнымъ производствомъ, или въ силу удаленія присяжныхъ, или же, наконецъ, изданіе спеціальныхъ законовъ съ усиленною карательною властію [1]).

Очевидно, государство, соглашаясь на выдачу политическихъ преступниковъ, становится какъ бы судьею надъ дѣйствіями другаго и вовлекается въ смуты чужой для него политической борьбы. Пока мы имѣемъ дѣло съ *чисто* политическими преступниками (о преступленіяхъ сложныхъ мы говоримъ ниже), нельзя не согласиться съ словами докладчика англійской комиссіи 1877 г.: «Уже и безъ того немаловажное лишеніе и нелегкое наказаніе—изгнаніе изъ отечества для человѣка, который, ради его блага, не побоялся принести въ жертву свою жизнь. Пусть онъ остается въ странѣ, въ которой нашелъ убѣжище. Можетъ быть, на основаніи этихъ соображеній, общее сознаніе человѣчества осуждаетъ смертную казнь или вся-

---

1). Назв. соч., стр. 31.

кое иное тяжкое наказаніе по отношенію къ политическимъ изгнанникамъ» [1]).

Самое понятіе и объемъ политическихъ преступленій быстро измѣняются по времени и мѣстностямъ. Этою измѣнчивостью они рѣзко отличаются отъ преступленій общихъ, которыя одинаково осуждаются нравственнымъ сознаніемъ народовъ, достигшихъ болѣе или менѣе равнаго уровня цивилизаціи. Многіе изъ тѣхъ передовыхъ людей Германіи, которые, послѣ неудавшихся попытокъ къ ея объединенію въ 1849 и 50 г., были тогда приговорены къ смерти или должны были бѣжать изъ отечества, достигли въ наше время высшихъ почестей и мѣстъ. Въ виду практическаго значенія всего этого вопроса, желательно поэтому дать твердое опредѣленіе самому понятію политическаго преступленія, о которомъ ученые до сихъ поръ далеко не согласны между собою. Многіе отрицаютъ даже существованіе политическихъ преступленій, но этому противорѣчатъ какъ воззрѣнія большинства ученыхъ, такъ и явленія практики. Нельзя также согласиться съ тѣми, которые (какъ, напр., Гольцендорфъ) отчаяваются въ возможности найти научное опредѣленіе. Тейхманнъ, въ статьѣ, о которой мы не разъ упоминали, приводитъ опредѣленія наиболѣе извѣстныхъ криминалистовъ и писателей: Ортолана, Гаусса, Фіоре, Билльо, Милля, Глазера и отдаетъ предпочтеніе формулѣ Гаусса. «Политическія преступленія и проступки,—говоритъ послѣдній,—имѣютъ своею отличительною чертою посягательство на политическій строй страны (atteinte à l'ordre politique). Послѣдній съ *внѣшней* стороны касается независимости государства, неприкосновенности его территоріи и отношеній его къ другимъ государствамъ или сношеній международныхъ, а со стороны *внутренней* онъ простирается на форму правленія, политическія власти (т. е. палаты, монарха и его министровъ), наконецъ, на политическія права гражданъ». Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе отдѣльныхъ категорій преступленій по бельгійскому кодексу. Главное условіе преступности извѣстнаго дѣянія Гауссъ видитъ исключительно въ его политическомъ характерѣ, а не въ томъ, чтобы оно

---

[1]) Еще Гизо сильно высказался противъ смертной казни политическихъ преступниковъ (De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822. Ср. *Teichmann*, назв. ст., стр. 487 и 484,) и то же самое постановила ст. 5 французской конституціи 1849 г. Повторяемъ, здѣсь идетъ рѣчь объ *исключительно* политическихъ осужденныхъ.

угрожая общественному строю, требовало кары въ интересахъ послѣдняго [1]).

Поэтому не всякое преступленіе противъ государства есть политическое: чиновникъ, присвоившій себѣ изъ корыстолюбія извѣстную сумму изъ ввѣренной ему государственной кассы, или судья, постановившій лицепріятный и несправедливый приговоръ, не совершаютъ политическихъ преступленій.

Рено, въ статьѣ, посвященной спеціально этимъ преступленіямъ, говоритъ, что къ нимъ относятся безспорно слѣдующія дѣянія: поднятіе оружія противъ отечества, сообщеніе о немъ свѣдѣній врагу, воззваніе къ возстанію, заговоръ съ цѣлію ниспроверженія установленнаго порядка, покушеніе на жизнь государя, принадлежность къ тайнымъ сообществамъ, неповиновеніе властямъ, нарушенія законовъ о печати, о выборахъ, о собраніяхъ публичныхъ и т. д. Сюда же онъ относитъ нарушеніе новѣйшихъ, такъ называемыхъ религіозныхъ законовъ, вродѣ майскихъ 1873 г. въ Пруссіи, или тѣхъ, которые въ нѣкоторыхъ странахъ уничтожаютъ духовные ордена или возбраняютъ имъ обученіе молодежи. Оговариваясь, что дѣлаемое имъ перечисленіе не можетъ претендовать на полноту, Рено замѣчаетъ, однако, что названныя имъ преступленія суть чисто-политическія, въ силу того, что права и интересы, ими нарушаемые, имѣютъ исключительно политическій характеръ [2]).

Другимъ критеріемъ при классификаціи преступленій является наказаніе, которымъ караютъ преступное дѣяніе, и въ этомъ отношеніи говорятъ, что дѣянія, угрожаемыя смертною казнію, каторжною работою и заточеніемъ (reclusion), не суть политическія преступленія [3]).

Главное препятствіе при рѣшеніи споровъ, вызываемыхъ этими преступленіями, заключается безспорно въ томъ, что на практикѣ они рѣдко представляются въ *чистомъ* видѣ, появляются *смѣшанными*, т. е. *осложняются еще тяжкими нарушеніями общаго права*. Которому изъ двухъ элементовъ, когда возникаетъ вопросъ о выдачѣ, дать перевѣсъ? Это наиболѣе жгучая сторона вопроса. Трактаты разсѣкаютъ его тѣмъ, что распространяютъ условіе о невыдачѣ и на дѣянія, стоящія съ

---

[1]) *Teichmann*, назв. соч, стр. 488 и сл. Онъ напоминаетъ, что терминъ dèlits et crimes politiques впервые возникъ на французскомъ юридическомъ языкѣ.

[2]) Des crimes politiques etc., стр. 13 и 14 (особой брошюры).

[3]) *Teichmann*, назв. ст.

политическими преступленіями въ связи (crimes et délits connexes à des faits politiques). Но это воззрѣніе слишкомъ широко и не имѣетъ въ свою пользу никакого внутренняго оправданія. Неужели, какъ мы нерѣдко видѣли въ послѣднее время, самые тяжкіе преступники, убійцы, поджигатели, отравители не должны выдаваться лишь на томъ одномъ основаніи, что преступленія, ими совершонныя, находятся въ какой-либо связи съ политическою цѣлью или мотивомъ? Таково мнѣніе, однако, Ф. Эли (Hélie): «Коль скоро,—говоритъ онъ,—обыкновенное преступленіе стоитъ въ связи съ политическимъ дѣяніемъ, являясь его дополненіемъ или слѣдствіемъ, оно раздѣляетъ его участь и покрывается даруемою ему привилегіею» [1]). Послѣ подавленія коммуны въ Парижѣ, въ 1871 г., иностранныя правительства не выказали склонности выдать Франціи коммунистовъ, даже замѣшанныхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, и сама Франція поступила позднѣе такъ же относительно карлистовъ, укрывшихся на ея территоріи. Но общественная совѣсть въ наши дни протестуетъ все громче и рѣшительнѣе противъ подобныхъ явленій. Три обстоятельства, какъ намъ кажется, особенно требуютъ усиленія строгости по отношенію къ виновнымъ разсматриваемой категоріи:

1) Нѣкоторый упадокъ нравственнаго чувства въ массахъ вообще и искаженіе въ нихъ нравственныхъ идей. «Люди нашего времени,—замѣчаетъ Рено,—и безъ того очень склонны относиться снисходительно къ тѣмъ, которые пытаются силою измѣнить или ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, особенно въ томъ случаѣ, когда этотъ порядокъ не пользуется всею ихъ симпатіею и не доставляетъ имъ лично всѣхъ желаемыхъ благъ.

«Нечего мирволить этому чувству. Въ интересахъ всѣхъ честныхъ людей, къ какой бы странѣ или партіи они ни принадлежали, противостоять и въ этомъ отношеніи печальному правилу, будто цѣль можетъ оправдывать средства. Словомъ, истинные патріоты и политическіе дѣятели сами должны стараться о томъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ обыкновенными преступниками, для которыхъ политическія идеи не болѣе, какъ маска».

2) Болѣе или менѣе общее распространеніе въ Европѣ либеральныхъ учрежденій, само собою разумѣется, дѣлаетъ насильственныя на нихъ посягательства тѣмъ преступнѣе и излишнѣе, чѣмъ они болѣе пустили корней въ народную почву. «Не забу-

---

[1]) Traité de l'instruction criminelle.

демъ,—говоритъ Тейхманнъ,—что въ наши дни времена существенно измѣнились сравнительно съ 1848 г. Почти всѣ народы достигли нынѣ въ широкой степени тѣхъ правъ и вольностей, въ которыхъ имъ иногда такъ упорно отказывали. Новѣйшія конституціи открываютъ путь всѣмъ новымъ мѣропріятіямъ, необходимымъ для блага народнаго. Конституціонное начало водворилось вездѣ, гдѣ ему не предпочитаютъ принципъ демократическій. Монархи царствуютъ, но не управляютъ. Исчезъ ихъ личный абсолютизмъ, въ силу котораго они руководились однимъ своимъ усмотрѣніемъ, вовсе не обращая вниманія на предупрежденія, желанія и просьбы общественнаго мнѣнія или выборныхъ собраній. Словомъ, чѣмъ бо́льшею свободою пользуются въ странѣ слово и печать, чѣмъ серьезнѣе организовано на разумномъ основаніи и въ границахъ возможнаго право ассоціацій, сходокъ и т. п., тѣмъ умѣстнѣе строгость по отношенію ко всѣмъ нападеніямъ на власть и общественный порядокъ. Вотъ что объясняетъ строгость англичанъ противъ политическихъ преступниковъ, какъ только дѣло заходитъ объ ихъ отечествѣ».

3) Новѣйшія усовершенствованія въ области техники и приложеніе, напр., динамита даютъ преступнику возможность съ извѣстною безопасностью издалека поразить свою жертву и затѣмъ, воспользовавшись паромъ, быстро удалиться отъ мѣста совершенія злодѣянія за границу.

Мы не отрицаемъ, что и во время обыкновенныхъ политическихъ событій примѣшиваются извѣстныя насилія и преступленія. Напр., при возстаніи группа людей завладѣваетъ складами оружія, разрушаетъ дома и употребляетъ ихъ отчасти на возведеніе баррикадъ. Очевидно, это будетъ нарушеніемъ частной собственности, равно какъ и общественнаго порядка. Положимъ, что борьба продолжится; солдаты убиваются или имъ наносятъ раны. Но развѣ можно сказать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ убійцами и грабителями въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова? Конечно, нѣтъ: фактъ возстанія или междуусобной войны будетъ главнымъ характеристическимъ признакомъ этого событія, а всѣ остальные — дополнительными къ нему чертами. Поэтому, если согласны не выдавать виновныхъ за главное дѣяніе, ихъ нельзя выдать также и за дѣянія прикосновенныя къ нимъ или дополнительныя.

Но одновременность дѣйствій далеко еще не обозначаетъ ихъ связи и внутренней неразрывности. Гдѣ найти критерій для

оцѣнки сложныхъ преступленій? Ни уголовное, ни государственное право его намъ дать не могутъ: на него указываетъ лишь право международное, и англійскіе юристы (Clarke, Westlake и др.) дѣлаютъ попытку его выставить, а къ нимъ присоединяются и континентальные писатели (Ортоланъ, Тейхманнъ, Рено, Блунчли и мн. др.). Рено предлагаетъ руководиться двумя слѣдующими правилами: во-первыхъ, дѣйствія, соединяющія въ себѣ всѣ черты общаго преступленія (убійство, грабежъ, подлогъ и т. п.), не покрываются невыдачею въ силу только политическихъ мотивовъ ихъ совершителей, и, во-вторыхъ, дѣйствія, совершаемыя во время возстанія, междуусобной войны, подлежатъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія права войны; если они послѣднимъ узаконяются, они покрываются невыдачею; въ противномъ случаѣ, связь съ возстаніемъ обыкновенныхъ преступленій не можетъ послужить имъ оправданіемъ и отнять присущій имъ уголовный характеръ [1]).

Противъ этого критерія возражаютъ, что онъ страдаетъ неопредѣленностью и его нельзя рекомендовать для положительнаго закона: обычаи войны сами не кодифицированы и вызываютъ на практикѣ не мало недоразумѣній и споровъ (Гольцендорфъ, Бруза). Но ничто не мѣшаетъ государствамъ ихъ кодифицировать, и давно бы слѣдовало это сдѣлать. Кромѣ того, даже при настоящихъ условіяхъ относительно многихъ актовъ и на войнѣ между цивилизованными народами не существуетъ сомнѣнія; граница между дозволеннымъ и преступнымъ обозначается все яснѣе и рекомендуемый нами международный критерій будетъ, можно надѣяться, со временемъ лишь выигрывать въ ясности и практическомъ значеніи.

Писатели, занимавшіеся въ послѣднее время вопросами о выдачѣ преступниковъ, обращаютъ еще вниманіе на одинъ видъ преступленій, который особенно получилъ жгучій характеръ—*на убійство* или *попытки къ убійству главы государства*. Мы, къ позору нашего времени, были зрителями съ 1878 г. цѣлаго ряда такихъ попытокъ, которыя въ 1881 г. повели къ царе-

---

[1]) Ср. подробнѣе въ его статьѣ Des crimes politiques, p. 16 suiv. Тейхманнъ предлагаетъ для будущихъ трактатовъ слѣдующую статью: „Выдача должна имѣть мѣсто по отношенію къ преступленіямъ противъ лицъ, имуществъ или общественнаго строя, если они были совершены во время внутренней политической борьбы или междуусобной войны, и должны быть признаны незаконными даже въ томъ случаѣ, если бы партія, къ которой принадлежитъ преступникъ, имѣла право на своей сторонѣ". Той же точки зрѣнія держится Гоосъ. Арнцъ полагаетъ, что не слѣдуетъ выдавать за общія преступленія, являющіяся необходимымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма полезнымъ средствомъ для дѣянія политическаго.

убійству въ Россіи и къ убійству президента въ С. Штатахъ. Къ какой категоріи преступленій отнести эти злодѣянія? Къ преступленіямъ ли общимъ, или исключительно политическимъ, или же сложнымъ?

И въ этомъ отношеніи сказывалось доселѣ различіе точекъ зрѣнія государственнаго и международнаго права. Большинство уголовныхъ законовъ караетъ покушенія на жизнь государя не болѣе или менѣе тяжкимъ лишеніемъ свободы, какъ въ случаяхъ покушенія на жизнь частнаго лица, но, въ виду политическаго положенія монарха, смертною казнію. Кромѣ того, они наказываютъ не только покушеніе, но даже приготовленія къ нему и состоявшееся на его счетъ соглашеніе,—дѣйствія, которыя, по отношенію къ частнымъ лицамъ, признаются ими безнаказанными.

Несмотря на это капитальное различіе между покушеніемъ на главу государства и на частное лицо, многіе требуютъ, чтобы нападенія на жизнь монарховъ были признаны въ трактатахъ какъ обыкновенное убійство и, слѣдовательно, вели бы къ выдачѣ преступника [1]). Вопросъ этотъ надѣлалъ много шума по поводу покушенія противъ Наполеона III въ сент. 1854 г., когда захвачена была на французской сѣверной желѣзной дорогѣ, между Лиллемъ и Кале, адская машина, долженствовавшая взорвать поѣздъ, на которомъ Наполеонъ III направлялся въ Турне. Одинъ изъ преступниковъ, Jacquin, укрылся въ Бельгіи. Франція потребовала его выдачи. Судебныя власти въ Бельгіи раздѣлились по этому вопросу: судъ первой инстанціи въ Брюсселѣ приказалъ задержать его, но обвинительная палата велѣла освободить его, усмотрѣвъ въ его дѣйствіи преступленіе политическое или, по крайней мѣрѣ, связанное съ таковымъ (connexe à un fait politique). Кассаціонный судъ, однако, кассировалъ это рѣшеніе и передалъ все дѣло на разбирательство другаго суда, въ Льежѣ. Послѣдній рѣшилъ согласно кассаціонной инстанціи, но прежде, чѣмъ правительство утвердило это рѣшеніе, Франція взяла свое требованіе назадъ.

Случай этотъ, однако, не прошелъ безслѣдно: послѣ оживленныхъ преній, бельгійскія палаты утвердили въ 1856 г. законъ, въ которомъ находится слѣдующая статья: «не признается политическимъ преступленіемъ, ни фактомъ, соединеннымъ съ нимъ, (ni fait connexe à un semblable dèlit) покушеніе противъ главы

[1]) *Holtzendorff.*

иностраннаго правительства, или противъ членовъ его семейства, если это дѣяніе будетъ состоять въ покушеніи на убійство или отравленіе».

Слѣдующее важное мѣсто доклада коммиссіи, выработавшей этотъ законъ, рѣшило его участь: «Убійство государя должно отнынѣ въ Бельгіи считаться, по общему желанію, безспорнымъ человѣкоубійствомъ (incontestablement réputé homicide). Жизнь иностраннаго монарха будетъ пользоваться такою же охраною, какъ жизнь всякаго иностранца безъ различія положенія, но ни болѣе, ни менѣе. Сдѣлать болѣе, значитъ возвести печальною привилегіею убійство монарха на степень политическаго преступленія и допустить то, что мы всѣ отвергаемъ—выдачу политическихъ преступниковъ. Сдѣлавъ менѣе, мы лишили бы иностраннаго государя охраны общихъ законовъ и освятили бы несправедливость» [1]).

Вскорѣ послѣ этого Франція заключила съ Бельгіею договоръ (1856 г.), въ который включена и эта статья. Мы встрѣчаемъ ее во многихъ новѣйшихъ трактатахъ какъ Франціи [2]), такъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ [3]). Россія, напр., заключила такіе договоры съ Голландіею въ 1867 г., Баваріею въ 1869 г., Австріею въ 1874 г. и Испаніею въ 1877 г.

Указанная статья, однако, далеко не сдѣлалась еще общимъ достояніемъ трактатовъ: она находится въ 9 бельгійскихъ договорахъ и отсутствуетъ въ такомъ же числѣ. Также не встрѣчается она въ трактатахъ Франціи съ Швейцаріею (1869), Италіею (1870), Перу (1874), Великобританіею (1876), Испаніею (1877) и въ договорѣ Россіи съ Швейцаріею (1873).

Франція, во время переговоровъ съ Италіею и Швейцаріею, при заключеніи двухъ сейчасъ нами названныхъ трактатовъ, напрасно настаивала на внесеніи въ нихъ статьи о покушеніи на монарха [4]). Отказъ Италіи Фіоре объясняетъ тѣмъ, «что правительство ея не можетъ считать абсолютнымъ правиломъ, будто

---

[1]) Teichmann и Renault (Des crimes politiques).

[2]) Съ папою въ 1859; съ Голландіею въ 1860; Чили въ 1860 (впервые республиканское правительство согласилось на это условіе); Баваріею въ 1869; Швеціею и Норвегіею въ 1869; Бельгіею въ 1869 и 74 г., Люксембургомъ въ 1875; Монако въ 1876; Даніею въ 1877. Отсюда видно, что не одно наполеоновское правительство, но и республиканское признало справедливость этого нововведенія.

[3]) Трактаты Германіи съ Бельгіею въ 1874 г., съ Люксембургомъ въ 1876; Даніи съ Люксембургомъ въ 1879; Бельгіи съ Голландіею въ 1862; Австріи съ Черногоріею въ 1872 г. и т. д.

[4]) Attentatsclausel, какъ ее называетъ Гольцендорфъ.

покушеніе на главу государства и на членовъ его семьи не составляетъ политическаго преступленія, въ виду того, что итальянское уложеніе относитъ такое покушеніе къ преступленіямъ противъ внутренней безопасности государства, а, слѣдовательно, къ преступленіямъ политическимъ. Трактаты же не могутъ давать преступленіямъ иное опредѣленіе, сравнительно съ законами». Но, справедливо замѣчаетъ Тейхманнъ, отъ чего же это обстоятельство не помѣшало другимъ правительствамъ согласиться на принятіе обсуждаемой статьи?

Что касается Швейцаріи, то она согласилась бы на выдачу цареубійцъ, если бы они судились за границею, какъ простые убійцы. Но, такъ какъ остальныя европейскія страны не допускаютъ этой точки зрѣнія, она не выдаетъ ихъ, а судитъ по своимъ законамъ. Самый терминъ «цареубійца» (régicide) вноситъ въ это преступленіе элементъ политическій, указывающій, что, кромѣ идеи убійства, тутъ присоединяется еще преступленіе противъ величества (lèse-majésté). Но послѣднее понятіе совершенно чуждо швейцарскимъ законамъ. По ея республиканскому воззрѣнію всѣ люди абсолютно равны между собою [1]).

Въ послѣднее время и въ Англіи замѣтенъ поворотъ въ идеяхъ относительно выдачи, и напрасно думаютъ, что для англичанъ политическая цѣль способна покрыть всякія преступленія и повести къ невыдачѣ убійцъ и поджигателей. Для разсмотрѣнія

---

[1]) Ср. интересную статью *Roguin*: Le droit d'asile en Suisse. La nonextradition des inculpés de délits politiques (въ journal du Droit international privé 1881, № VII—VIII). Въ противоположность общепринятому мнѣнію, будто Швейцарія есть сборный пунктъ для всякаго рода нарушителей политическаго и общественнаго порядка, авторъ старается доказать, что Швейцарія въ цѣломъ всегда стремилась „не быть орудіемъ какъ неограниченныхъ правителей, съ одной стороны, такъ и иностранныхъ революціонеровъ — съ другой“ (изъ ноты союзнаго совѣта 31 января 1849 г.); что она „предоставляетъ убѣжище политическимъ изгнанникамъ (proscrits politiques) безъ различія партій, но лишь подъ условіемъ, чтобъ они заслуживали это убѣжище своимъ мирнымъ поведеніемъ и не продолжали съ ея территоріи своихъ нападокъ на безопасность и существованіе другихъ государствъ“ (изъ ноты того же совѣта 1855). Не отвергая въ нѣкоторыхъ случаяхъ вялости и медлительности властей, авторъ напоминаетъ, что это происходило отчасти вслѣдствіе дуализма политическаго строя Швейцаріи (и вызываемаго имъ антагонизма между кантональными и федеральными властями), а также по причинѣ интригъ иностранныхъ правительствъ, наводнившихъ иной разъ ея территорію массами своихъ шпіоновъ и тайныхъ агентовъ. Рогенъ даетъ намъ весьма интересный очеркъ права убѣжища въ Швейцаріи въ нашемъ столѣтіи, приводитъ статьи о невыдачѣ политическихъ преступниковъ въ ея новѣйшихъ трактатахъ съ Франціею (1869), Россіею (1873), Германіею (1874), Португаліею (1873) и Великобританіею (1874), останавливается на судебной практикѣ и въ заключеніе говоритъ о съѣздѣ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1880 г.) швейцарскихъ юристовъ, который, между прочимъ, обсуждалъ вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, но никакой резолюціи объ этомъ не принялъ.

вопросовъ о выдачѣ были учреждены, между прочимъ, особыя коммиссіи въ 1868 и 77 гг. Первая предложила «актомъ парламента узаконить, чтобы трактаты не допускали выдачи лицъ, совершившихъ преступленія, которымъ ихъ противники, требующіе ихъ выдачи, будутъ придавать политическій характеръ, за исключеніемъ, однако, обвиняемыхъ въ убійствѣ или въ покушеніяхъ къ нему». Коммиссія 1877 г. заявила также, что нѣтъ основанія отказывать въ выдачѣ виновныхъ въ тяжкомъ общемъ преступленіи, хотя бы совершонномъ съ политическою цѣлію, дѣйствительною или предполагаемою (убійство главы государства или другихъ органовъ власти, поджогъ темницы и т. п.). Вестлекъ, въ запискѣ, прочитанной на ливерпульскомъ съѣздѣ (1876 г.) англійскаго общества содѣйствія соціальнымъ наукамъ, поставилъ на видъ, что политическій характеръ извѣстнаго дѣянія опредѣляется не наличностью политическихъ мотивовъ, но самымъ его внутреннимъ характерамъ: «Убійство президента Линкольна,—сказалъ онъ,—хотя внушенное политическою ненавистью, было, тѣмъ не менѣе, убійствомъ и если бы преступникъ укрылся въ нашей странѣ, я почелъ бы его выдачу нашимъ священнѣйшимъ національнымъ долгомъ». То же самое слѣдовало бы сказать, по мнѣнію автора, если бы убійство входило какъ первое дѣйствіе въ планъ возстанія [1]).

Что касается, наконецъ, писателей, то и они, подобно трактатамъ, колеблются между двумя противоположными воззрѣніями: Бильо [2]) не одобряетъ бельгійскій законъ 1856 г. и полагаетъ, что при опредѣленіи политическихъ убійствъ все должно зависѣть отъ условій конкретнаго случая. Въ этомъ смыслѣ высказывается и Фіоре. Выше мы видѣли, что Горнунгъ считаетъ цареубійство исключительно политическимъ преступленіемъ.

Болѣе вѣрнаго мнѣнія держатся Тейхманнъ и Рено, статьи которыхъ бросили такъ много свѣта на эти запутанные вопросы. Первый говоритъ: «Покушеніе на жизнь государя есть прежде всего убійство, ибо представлять государство во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ можетъ только лицо физическое. Затѣмъ, въ виду занимаемаго имъ высокаго положенія, это дѣйствіе есть и преступленіе политическое или, скорѣе, противъ общаго права, но квалифицированное. Исключеніе должно быть

---

[1]) *Renault*: Des crimes politiques.

[2]) Авторъ извѣстнаго сочиненія: Traité de l'extradition. 1874.

сдѣлано только для дѣйствій во время междуусобныхъ войнъ и возстаній».

Рено замѣчаетъ: «Я не допускаю, чтобы преступленіе становилось политическимъ только отъ цѣли или вслѣдствіе политической страсти, руководившихъ преступникомъ. Если лицо, не въ открытой борьбѣ, въ видахъ осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ, убьетъ кого-либо или сдѣлаетъ къ тому покушеніе, это не будетъ политическое преступленіе, а простое убійство, но внушенное политическою страстью, что совсѣмъ другое дѣло.

«Зачѣмъ политической страсти придавать болѣе значенія, чѣмъ всякой другой, быть можетъ, не менѣе ея извинительной? Съ точки зрѣнія *юридической*, не существуетъ *политическаго убійства*, также какъ и нѣтъ убійствъ изъ-за мщенія, корыстолюбія и т. д. Дѣяніе остается все однимъ и тѣмъ же, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось».

Рено полагаетъ, что съ точки зрѣнія международнаго права можно требовать лишь одного, чтобы виновность преступника не усиливалась вслѣдствіе политической цѣли его дѣянія или публичнаго характера его жертвы.

Кромѣ политическихъ преступниковъ, не выдаются еще лица, уклонившіяся отъ *воинской повинности* и вообще виновныя въ нарушеніи военнаго устава. Однако, это правило не признается всѣми государствами и многія изъ нихъ выдаютъ дезертировъ. Рено полагаетъ, что въ виду большаго нравственнаго различія между нарушеніями общаго права и преступленіями собственно военными, которыя (особенно же дезертирство) могутъ быть внушены и политическими мотивами, не слѣдуетъ выдавать обвиняемыхъ исключительно въ этого рода дѣяніяхъ [1]).

Напротивъ, въ случаяхъ дезертирства *моряковъ* практика не только освящаетъ выдачу, но и установила для нея суммарное производство. Это различіе довольно странно; оно объясняется, по мысли Рено, не требованіями справедливости, а соображеніями практической пользы, но и онъ согласенъ, что послѣднія не достаточно объясняютъ это исключеніе: бѣгство матроса съ купеческаго судна менѣе опасно и преступно измѣны солдата своему

[1]) Въ этомъ смыслѣ говорятъ также Моль и Броше, но послѣдній дѣлаетъ исключеніе для мораковъ, въ виду важныхъ послѣдствій ихъ бѣгства. Баръ различаетъ два случая: «1) когда лицо укрылось за границу до поступленія въ ряды войска. Наказанія въ этихъ случаяхъ не бываютъ строги и нечего выдавать виновныхъ. 2) Иное дѣло нарушеніе вѣрности знамени. Оно должно быть наказуемо у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и выдача тутъ въ принципѣ оправдывается».

знамени, особенно въ виду врага внѣшняго или внутренняго. Поэтому нѣтъ основанія подвергать бѣглыхъ матросовъ инымъ наказаніямъ, сравнительно съ бѣглыми солдатами.

Не выдаются, наконецъ, *виновные въ преступленіяхъ чисто мѣстнаго характера* (нарушенія таможеннаго устава и торговля контрабандой по границѣ государства, уклоненія отъ уплаты налоговъ и т. д.), а также обвиняемые въ дѣйствіяхъ, за которыя они или были уже привлечены къ слѣдствію и оправданы, или находятся еще подъ судомъ, или уже отбываютъ наказаніе. Выдачу откладываютъ въ томъ случаѣ, если обвиняемый находится подъ слѣдствіемъ или наказаніемъ за другое, совершонное имъ преступленіе.

Чтобы покончить съ отдѣломъ о преступныхъ дѣяніяхъ, намъ остается сказать еще объ обратной силѣ трактатовъ и о давности.

Рено замѣчаетъ, что, не смотря на сомнѣнія нѣкоторыхъ, должно признать дѣйствіе трактатовъ по отношенію къ поступкамъ, совершоннымъ какъ до, такъ и послѣ вступленія ихъ въ обязательную силу. Нельзя въ опроверженіе ссылаться на то, что уголовные законы не имѣютъ обратной силы. Трактаты о выдачѣ не создаютъ новыхъ наказаній и не усиливаютъ существующія: они просто опредѣляютъ, по извѣстному вопросу, отношенія между государствами, превращая нравственную обязанность въ юридическую. Такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ одинаково наука и практика.

Труднѣе разрѣшить сомнѣнія, вызываемыя приложеніемъ *давности* Какъ поступить, когда обвиняемый по законамъ страны, требующей его выдачи, можетъ быть еще судимъ и наказанъ, но по законамъ государства, въ которомъ онъ находится, дѣяніе его уже покрылось давностью? Которому изъ двухъ законодательствъ дать перевѣсъ? «Почти всѣ договоры,—говоритъ Рено,—законы о выдачѣ, большинство писателей, а также мои товарищи Арнцъ, Баръ, Блунчли, Гоосъ, Горнунгъ, Оливекрона утверждаютъ, что въ этомъ случаѣ выдача не можетъ имѣть мѣста. Государству нечего содѣйствовать въ преслѣдованіи дѣянія, которое уже болѣе ненаказуемо по его законамъ. Дѣло касается какъ будто поступка, дозволеннаго на его территоріи. Да это и нарушило бы начало взаимности».

Рено не согласенъ, однако, съ этимъ общимъ мнѣніемъ и примыкаетъ къ противоположному воззрѣнію, высказанному Гольцендорфомъ, Фіоре, Нейманномъ, Мартенсомъ и Геснеромъ. Аналогія

въ доказательствѣ большинства ему представляется несостоятельною. Здѣсь вовсе не идетъ рѣчь о дозволенности дѣянія по законамъ мѣстности, въ которой находится обвиняемый. Поступокъ его наказуемъ по законамъ обѣихъ странъ. Спрашивается только, который изъ двухъ законовъ компетентенъ для опредѣленія срока давности? Очевидно, законъ мѣстности, гдѣ дѣяніе совершено, ибо тамъ выступили наружу и тѣ условія, которыя опредѣляютъ продолжительность и теченіе давности. Понятно, что эти условія могутъ разнообразиться по странамъ, смотря по состоянію ихъ путей сообщенія, судебной организаціи и способовъ производства слѣдствія. Законы государства, въ которомъ укрылся преслѣдуемый, тутъ не при чемъ и это очевидное преувеличеніе утверждать, что дѣяніе будто бы произошло на территоріи этого послѣдняго государства. Начало взаимности, какъ мы замѣтили выше, не имѣетъ и тутъ рѣшающаго юридическаго значенія. Ту же мысль выражаетъ мѣтко Нейманнъ: «Такъ какъ lex delicti commissi призванъ карать, то и онъ рѣшаетъ вопросъ о давности, если только не принято въ трактатѣ противоположное начало». Какъ бы среднее мнѣніе между обѣими группами высказалъ Бруза, заявивъ, что странѣ убѣжища должна быть предоставлена свобода въ выборѣ того или другаго рѣшенія, смотря по обстоятельствамъ конкретнаго случая». Это мнѣніе слишкомъ казуистично, но доводы Рено намъ представляются съ *юридической* стороны неопровержимыми.

IV. *Производство выдачи* вызываетъ также въ наукѣ и жизни много пререканій. Государства въ этомъ отношеніи распадаются на двѣ группы: большинство европейскихъ странъ производитъ выдачу исключительно *дипломатическимъ путемъ*, видя въ ней актъ высшей администраціи. Напротивъ, Англія, С. Штаты и Бельгія предоставляютъ въ вопросахъ о выдачѣ значительное вліяніе и *судебной власти*, справедливо полагая, что они касаются не однихъ интересовъ правительствъ, но и самыхъ дорогихъ правъ человѣка на свободу, а иногда и жизнь.

Намъ кажется довольно страннымъ мнѣніе Рено, который говоритъ: «Хотя дипломатическій путь при выдачѣ вызываетъ иногда жалобы изъ-за проволочекъ, но его слѣдуетъ держаться и впредь. Прямыя и непосредственныя сношенія между судебными и административными властями государствъ допустимы только для однѣхъ временныхъ мѣръ, напр., для задержанія бѣглеца». Всякое же требованіе о выдачѣ должно идти дипломатическимъ путемъ. Свое

мнѣніе Рено подтверждаетъ тѣмъ, что такое требованіе затрогиваетъ обыкновенно, съ юридической и фактической стороны, множество запутанныхъ вопросовъ, разрѣшить которые способно одно правительство, располагающее всѣми средствами для собранія свѣдѣній и несущее за свои дѣйствія отвѣтственность. Кромѣ того, оно можетъ и принимать необходимыя мѣры съ должною быстротою. Рено опасается, что судебная власть въ этихъ дѣлахъ либо компрометируетъ правительство своею «неумѣстною торопливостью», либо затянетъ дѣло, когда при полученіи требованія о выдачѣ должна будетъ обратиться, все-таки, къ нему за свѣдѣніями.

Трудно понять это недовѣріе Рено къ судебной власти. Мы полагаемъ, напротивъ, чѣмъ болѣе вопросы о выдачѣ будутъ рѣшаться подъ ея вліяніемъ, тѣмъ болѣе они станутъ на твердую почву права и сократится пагубное на нихъ воздѣйствіе политическихъ интересовъ, столь имъ по существу чуждыхъ.

Самъ Рено въ дальнѣйшемъ изложеніи допускаетъ довольно широкое вліяніе судовъ на процедуру выдачи.

Государство, требующее ея, прежде всего должно ее оправдать, и тутъ возникаетъ вопросъ: достаточно ли предъявленія съ его стороны одного приказа о задержаніи даннаго лица, или же нужно ожидать окончанія предварительнаго о немъ слѣдствія? Въ теоріи существуютъ колебанія въ виду важности выдачи и опасаются, чтобы первый путь не слишкомъ тягостно отозвался на правахъ личности, но практическія соображенія, состоящія въ томъ, что трудно производить заочно предварительное слѣдствіе, заставляютъ отдать предпочтеніе второй системѣ и, по полученіи изъ-за границы приказа о задержаніи извѣстнаго лица, правительство распоряжается временно арестовать его. Къ этой же системѣ перешли Бельгія и Люксембургъ, на опытѣ удостовѣрившись въ ея необходимости Въ чемъ состоятъ дѣйствія страны, просимой о выдачѣ? «Мы можемъ тутъ,—говоритъ Рено,—удовольствоваться одними общими указаніями, ибо все зависитъ здѣсь отъ внутреннихъ законовъ отдѣльныхъ государствъ, отъ правъ, которыми надѣляется въ нихъ личность, отъ взаимнаго соотношенія по этому вопросу администраціи къ юстиціи, отъ положенія иностранцевъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, страна, давшая убѣжище, имѣетъ всегда право самостоятельно убѣдиться, насколько констатировано преступленіе лица, выдачи коего требуютъ. Содѣйствуя иностранному правительству въ дѣлѣ юстиціи,

государство никогда не нисходитъ до роли слѣпаго исполнителя чужой воли. Въ интересахъ правительствъ и частныхъ лицъ надо требовать, чтобы это разсмотрѣніе основательности прошенія о выдачѣ производилось не административными властями, а судомъ. Лишь этимъ способомъ государство избѣгнетъ упрека въ податливости предъ иностраннымъ правительствомъ и права преслѣдуемаго лица получатъ должную защиту. Затѣмъ уже дѣло внутреннихъ законовъ государствъ опредѣлить, какому суду будетъ предлежать эта задача». Гольцендорфъ полагаетъ, что было бы полезно назначить какое-либо отдѣльное судебное мѣсто для вѣдѣнія этихъ просьбъ о выдачѣ. Въ смыслѣ докладчика высказалось большинство его товарищей.

Разсмотрѣніе указаннаго прошенія должно ли ограничиваться одною внѣшнею стороною дѣла, т. е. сосредоточиться около вопросовъ: существуетъ ли трактатъ о выдачѣ; Дѣяніе, повлекшее къ требованію послѣдней, указывается ли въ немъ; не имѣетъ ли оно политическаго характера; къ какой національности принадлежитъ преслѣдуемый, или же это разсмотрѣніе должно простираться и на самое юридическое существо дѣла и рѣшить, насколько достаточны предъявленныя противъ преслѣдуемаго улики? Мнѣнія ученыхъ разногласны на счетъ этого. Послѣдній способъ гарантируетъ лучше права лица, но впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе, не оказывая достаточнаго уваженія къ иностранной юрисдикціи, въ вѣдомствѣ которой совершилось преслѣдуемое дѣяніе.

Судъ, при разсмотрѣніи требованія о выдачѣ, высказываетъ ли простое мнѣніе, или постановляетъ настоящее рѣшеніе? Докладчикъ, вмѣстѣ съ Баромъ, Арнцемъ и Гоосомъ, признаетъ наиболѣе удовлетворительною англійскую систему: если судъ найдетъ, что условія, требуемыя при выдачѣ, не на лицо, послѣдняя не совершается; въ противномъ случаѣ, рѣшеніе предоставляется правительству, которое лучше суда можетъ оцѣнить разнообразныя обстоятельства дѣла. Мы полагаемъ, однако, что лучше въ обоихъ случаяхъ безразлично рѣшеніе предоставить одной судебной власти.

Почти всѣ согласны съ тѣмъ, что государство, получившее выданнаго преступника, имѣетъ право судить и наказать его лишь за то дѣяніе, которое повело къ его выдачѣ. Такъ говоритъ и большинство товарищей Рено. Но англійская коммиссія 1877 г., въ противность существующимъ англійскимъ законамъ,

высказалась за противоположное начало. «За исключеніемъ политическихъ преступленій,—говоритъ она,—нечего требовать, чтобы лицо выданное судилось только за дѣйствіе, мотивировавшее его выдачу. Съ того момента, какъ послѣдняя произведена правильно, намъ нечего заботиться о дальнѣйшей участи преслѣдуемаго. Должно только требовать, чтобы съ нимъ было поступлено по праву и справедливости. Даже согласіе государства выдающаго на это излишне. Что же касается неудобства, которое можетъ возникнуть на практикѣ и повести къ тому, что лицо, выданное за обыкновенное преступленіе, будетъ потомъ привлечено къ суду за преступленіе политическаго или чисто мѣстнаго характера, то этому можно воспрепятствовать оговоркою въ трактатахъ, чтобы выданное лицо подлежало суду за иныя преступленія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія таковы, что могутъ повести къ выдачѣ (extraditional character). Эти заключенія коммиссіи вызвали сильныя возраженія одного изъ ея членовъ, Торренса [1]). Они противорѣчатъ, по замѣчанію Рено, и юридическому существу выдачи. Будучи актомъ содѣйствія въ области юстиціи между государствами, правительство, совершающее его, очевидно, должно знать, съ какою цѣлію оно дѣйствуетъ. А развѣ это возможно, если оно останется въ невѣдѣніи тѣхъ обвиненій, которыя взводятся на преслѣдуемаго? Весьма легко преслѣдованіе ради политическихъ цѣлей маскировать иными обвиненіями. Достоинство выдающаго государства требуетъ, чтобы оно дѣйствовало сознательно и не унижалось до органа мести иностраннаго правительства. Но ограничительный принципъ выдачи можетъ имѣть на практикѣ нѣкоторыя неудобства, которыя необходимо предвидѣть. Бываетъ такъ, что иногда послѣ выдачи лица, во время производства надъ нимъ слѣдствія, откроется, что онъ совершилъ еще другія преступныя дѣянія. Неужели за нихъ его не слѣдуетъ судить? Рено полагаетъ, что судъ возможенъ при двухъ предположеніяхъ: 1) когда правительство, его выдавшее, согласится на новый надъ нимъ судъ; въ этомъ случаѣ основной принципъ выдачи ни въ чемъ не нарушается и 2) когда выданное лицо само пожелаетъ быть судимымъ за всѣ взводимыя на него обвиненія. Иногда это лежитъ въ его интересахъ и онъ можетъ разсчитывать чрезъ это расположить въ свою пользу судей. Въ данномъ случаѣ обвиняемый какъ будто

---

[1]) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre, p. 21—27.

самъ предался въ руки правосудія или былъ задержанъ на этой территоріи и, пока давность не истекла, не существуетъ основанія не привлекать къ суду обвиняемаго. Необходимо только, чтобы послѣдній выразилъ свое согласіе сознательно и вполнѣ свободно и чтобы оно, засвидѣтельствованное кѣмъ слѣдуетъ, было препровождено къ правительству, выдавшему его. Съ докладчикомъ были согласны Баръ, Броше, Фіоре, Арнцъ, Ассеръ, Блунчли, Голландъ и только Сариполосъ полагалъ, что согласіе выдаваемаго лица не должно имѣть никакого дѣйствія.

Правительство, получившее выданнаго, въ свою очередь, не можетъ выдать его третьему государству безъ согласія того, отъ котораго оно его получило [1]). Это вытекаетъ изъ того же ограничительнаго дѣйствія принципа выдачи, въ силу котораго лицо выдаваемое можетъ быть судимо, какъ мы сказали, за тѣ лишь дѣйствія, которыя вызвали эту мѣру. Иное дѣло, если лицо, послѣ того какъ оно было либо оправдано, либо наказано, само вступитъ на территорію этого третьяго государства, требующаго его выдачи; въ этомъ случаѣ предъидущая его выдача не имѣетъ дѣйствія. Для этого слѣдовало бы установить въ законахъ и трактатахъ, съ момента освобожденія лица, извѣстный справедливый срокъ, напр., въ одинъ мѣсяцъ.

Послѣдній вопросъ касается положенія выданнаго предъ судомъ, призваннымъ его судить. Прежде всего желательно, чтобы выданный былъ снабженъ документомъ, констатирующимъ дѣянія, за которыя онъ подвергся этой мѣрѣ, и условія ея осуществленія. Такой актъ, полезный для обоихъ правительствъ и для самого обвиняемаго, поставилъ бы суду извѣстныя границы.

Можетъ ли самъ выдаваемый оспаривать правильность выдачи? Многіе писатели отвѣчаютъ на это отрицательно, говоря, что выдача есть мѣра международная, не подлежащая обсужденію судовъ, что условія, выражаемыя относительно ея въ конвенціяхъ, дѣлаются въ интересахъ правительствъ, а не частныхъ лицъ, и что послѣднія, въ случаѣ бѣгства на чужую территорію, не пріобрѣтаютъ никакого новаго права, но, напротивъ, всегда могли бы быть выданы безъ всякихъ формальностей и за отсутствіе мътрактатовъ. «Не подвергая критикѣ существующей практики,—замѣчаетъ Рено,—мы предполагаемъ, однако, что выдача

[1]) Многіе товарищи Рено высказались въ этомъ же смыслѣ, но противоположнаго начала держится Вильсо.

не отдается на произволъ правительствъ, а подчиняется отнынѣ твердымъ правиламъ, и въ такомъ случаѣ кому же оберегать ихъ, какъ не правосудію? Затѣмъ кому на нихъ ссылаться, какъ не частному лицу, не въ интересахъ котораго они, правда, были высказаны, но которое, тѣмъ не менѣе, должно воспользоваться отъ ихъ приложенія? Правила о подсудности составляются не по расположенію къ подсудимымъ, но часто по высшимъ соображеніямъ общественнаго порядка и, между тѣмъ, это не мѣшаетъ заинтересованнымъ лицамъ ссылаться на нихъ. Утверждающимъ, что выдаваемые не могутъ, вслѣдствіе своего бѣгства, пріобрѣсти новое право, мы отвѣтимъ, что развѣ лицо утрачиваетъ всѣ свои права въ силу лишь того, что подвергается, основательно или нѣтъ, обвиненію и что развѣ для правосудія безразлично, какимъ способомъ ни привлекается онъ къ отвѣту или оно обязано обратить вниманіе на законность всякаго арестованія? «Такъ выражаются и Арнцъ, Баръ, Бруза, Горнунгъ. «Я думаю,—говоритъ первый,—что трактаты о выдачѣ будутъ пользоваться бо́льшимъ уваженіемъ, когда они будутъ высказывать опредѣленное и для всѣхъ, какъ для правительствъ, такъ и для индивидуумовъ, равное международное право, нежели когда они обратятся въ орудіе для захвата послѣднихъ».

Само собою разумѣется, что право выдаваемаго оспаривать законность этой мѣры не безгранично. Онъ можетъ ссылаться на существующіе въ странѣ, гдѣ онъ судится, законъ и трактатъ о выдачѣ (по скольку нормы послѣдняго не были къ нему приложены), но онъ не въ правдѣ жаловаться на нарушеніе, по отношенію къ нему, иностраннымъ правительствомъ извѣстныхъ статей тамошняго закона или договора. Суды могутъ не повиноваться незаконному дѣйствію своего правительства, но имъ не дано критиковать дѣйствія чужаго.

III.

Въ заключеніе своей интересной записки Рено представилъ *проектъ рѣшеній,* въ 28 статьяхъ прекрасно резюмирующихъ всѣ его мысли. Этотъ проектъ обсуждался институтомъ въ трехъ засѣданіяхъ (8 и 9 сент.) и, послѣ оживленныхъ и интересныхъ преній [1]), повелъ къ слѣдующимъ главнымъ измѣне-

[1]) Annuaire; V, p. 106—130.

ніямъ: опущены 3 статьи (17, 24 и 26), прибавлена одна (15) и измѣнена ст. 28. Остальныя поправки имѣли болѣе редакціонный смыслъ, касаясь того или другаго выраженія.

Послѣ того, какъ обѣ первыя статьи приняты безъ преній, *статья 3* вызвала нѣсколько возраженій. Она говоритъ, что выдача, и за отсутствіемъ трактатовъ, есть актъ, согласный съ правомъ. За ея удаленіе высказались Принсъ, Твиссъ и Гооль. «Безъ трактата,—сказалъ первый,—выдача не есть юридическое, а произвольное дѣйствіе. Въ трактатѣ лицо выдаваемое находитъ опредѣленіе своего права, полномочій государства, на территоріи котораго находится, и тѣ условія, соблюденіе коихъ, по отношенію къ себѣ, онъ можетъ требовать». За сохраненіе этой статьи высказались Мартенсъ, Роленъ-Жекменъ, Клюне, Лоримеръ, Вестлекъ, Нейманнъ, Голландъ, Черстонъ, и Бекеръ. Доводы, ими выставленные, весьма серьезны. Право выдачи существуетъ ранѣе трактатовъ (Лоримеръ). Основаніе этой мѣры коренится не въ послѣднихъ, но вытекаетъ изъ самого принципа справедливости (Клюне). Выдача покоится на сознаніи государствами ихъ взаимной солидарности. Они образуютъ или должны образовывать союзъ честныхъ людей. Это положеніе предполагаетъ существованіе между ними взаимныхъ обязанностей, для наличности которыхъ безразличенъ фактъ существованія или отсутствія трактатовъ (Мартенсъ). Необходимо высказаться съ точностью о принципѣ ст. 3. При всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду и подтверждать, что *международное право основывается не на трактатахъ, но вытекаетъ изъ права, ранѣе ихъ существующаго.* Ст. 3 говоритъ о правѣ въ наиболѣе широкомъ его смыслѣ: о vinculum juris. Послѣднее обязываетъ государство, даже за отсутствіемъ трактатовъ. Но не слѣдуетъ идти далѣе и говорить въ послѣднемъ случаѣ не о *правѣ,* а объ *обязанности* государствъ выдавать преступниковъ. Такой обязанности не существуетъ. Государство въ правѣ и само карать преступныхъ иностранцевъ. Выдача представляется для нихъ однимъ изъ способовъ служенія идеѣ справедливости (Роленъ-Жекменъ).

Ст. 3 принята съ добавленіемъ слова *одни* къ слову *трактаты.*

Статья 5, упоминающая въ дѣлахъ выдачи о принципѣ взаимности, вызвала возраженія Лавёле и Клюне, которые высказались за необходимость этого начала. Безъ него въ сущно-

сти не бываетъ ни одного трактата (Клюне). Въ отвѣтъ Вестлекъ указалъ на послѣдній договоръ Англіи съ Испаніею. *Ст. 5* прошла съ добавленіемъ лишь слова *условіе* къ *взаимность*.

Кромѣ измѣненій въ редакціонномъ отношеніи (на которыя мы указываемъ ниже), *статья 6*, допускающая выдачу государствомъ своихъ подданныхъ, была критикована Принсомъ. «Выдача эта,—замѣтилъ онъ,—понимается въ силу англійскихъ законовъ, но не законовъ страны, которая (какъ, напр., Бельгія) караетъ преступленія, совершонныя ея гражданами за границею. Въ Бельгіи уже давно утвердилось правило, что никто не можетъ быть лишаемъ своего природнаго судьи». Онъ предложилъ къ разсматриваемой статьѣ добавить, что принципъ ея примѣнимъ лишь къ тѣмъ странамъ, которыя не держатся личнаго начала въ уголовномъ законодательствѣ. Въ отвѣтъ ему Клюне напомнилъ, что вопросъ этотъ подробно обсуждался еще въ Брюсселѣ и тогда же Вестлекъ энергично отстаивалъ принципъ территоріальной юрисдикціи. Гдѣ совершено преступленіе и былъ нарушенъ общественный порядокъ, тамъ всего удобнѣе собрать матеріальныя доказательства его, созвать и выслушать свидѣтелей и т. д.

Поправка Принса отклонена большинствомъ голосовъ.

Статья 7, говорящая, что компетенція государства, требующаго выдачи, должна быть подтверждена не только его собственнымъ закономъ, но и закономъ страны, давшей убѣжище, подверглась замѣчаніямъ со стороны Арнца и Вестлека. Послѣдній возсталъ противъ втораго заключительнаго условія настоящей статьи. Англійскій законъ не признаетъ въ Англіи дѣйствія личной юрисдикціи, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ абсолютно ее отвергалъ и отказывалъ въ выдачѣ всякій разъ, какъ только компетенція государства, ее требующаго, будетъ основана на одной личной юрисдикціи. Въ этомъ же смыслѣ писалъ и Броше: государствамъ пора отказаться отъ воззрѣнія, что все, несогласное съ ихъ собственными законами, достойно осужденія. Какъ поступить въ случаяхъ, когда личная подсудность по извѣстнымъ дѣламъ (напр., прелюбодѣяніе, двоеженство, дуэль) признается въ законахъ одной и отвергается въ законахъ другой страны? Отказъ въ выдачѣ не повлечетъ ли тутъ къ безнаказанному нарушенію компетентнаго закона?

Второму условію *ст. 8* дана, вмѣсто положительной, отрицательная форма: «компетенція государства требующаго... не должна стоять въ противорѣчіи съ закономъ страны убѣжища».

Наиболѣе горячія пренія, какъ и слѣдовало ожидать, происходили изъ-за *статей 14 и 15*, посвященныхъ преступленіямъ сложнымъ или смѣшаннымъ и проступкамъ исключительно военнымъ.

Подъ одно правило невыдачи, вмѣстѣ съ политическими преступленіями (ст. 13), Броше въ письмѣ своемъ желалъ подвести также: преступленія и проступки противъ религіи, нарушенія законовъ печати, свободы слова и вообще дѣянія, относящіяся къ міру идей. Хотя эта мысль не была поддержана институтомъ, но она сама по себѣ вѣрна. Пьерантони предложилъ выкинуть ст. 14. Онъ произнесъ длинную рѣчь съ разными отступленіями и странными, чтобы не сказать болѣе, нападками на Блунчли, котораго онъ, кажется, и не совсѣмъ понялъ. Онъ отказался видѣть преступниковъ въ политическихъ изгнанникахъ, могущихъ быть и героями. Для государствъ, на его взглядъ, не существуетъ международной обязанности дѣйствовать сообща противъ пиратовъ и современныхъ анархистовъ (какую бы кличку они ни носили—коммунистовъ, нигилистовъ и т. п.), преступленія которыхъ, будто бы, имѣютъ прежде всего *мѣстный* характеръ.

Дѣйствительно, это наивный аргументъ, противорѣчащій *всѣмъ* заявленіямъ самихъ анархистовъ. Это и напомнилъ ему Мартенсъ, сказавъ, что невозможно смѣшивать политическихъ изгнанниковъ, какихъ мы видѣли до сихъ поръ и преслѣдующихъ извѣстный правительственный и политическій идеалъ, съ нигилистами, пытающимися ниспровергнуть всякій общественный строй. Даже англійскіе юристы дошли теперь до пониманія этого различія.

Даневскій предложилъ измѣненіе ст. 14. Въ подробной запискѣ о преступленіяхъ политическихъ и смѣшанныхъ, онъ старался доказать, что виновные въ дѣйствіяхъ послѣдняго рода не должны быть выдаваемы, но судимы и наказываемы (только за дѣянія, противныя общему праву) по законамъ территоріи, на которой они укрылись, и притомъ не иначе, какъ по требованію заинтересованнаго въ томъ правительства, на которомъ лежитъ и onus probandi. Хотя Даневскій не скрываетъ отъ себя «величайшія практическія затрудненія» для предлагаемой имъ формулы, но она кажется ему «единственно справедливою», давая удовлетвореніе всѣмъ интересамъ: обвиняемаго, заинтересованнаго государства и всего союза народовъ.

Формула эта представляется ея автору лучшимъ выходомъ изъ двухъ противоположныхъ соображеній: съ одной стороны, лица, обвиняемыя въ преступленіяхъ смѣшанныхъ, *должны быть караемы*, но съ другой—«даже при полной добросовѣстности, государство, борющееся за формы своего политическаго и общественнаго строя, *не можетъ быть безпристрастно* въ сужденіи и наказаніи лицъ, покушающихся на эти формы».

Всѣ государства, безъ различія политическихъ формъ и во всѣ времена, оказывались пристрастными и часто слишкомъ строгими къ политическимъ преступникамъ, особенно же виновнымъ въ общихъ преступленіяхъ.

Предложеніе Даневскаго отклонено на томъ основаніи, что оно, по замѣчанію Клюне, стоитъ въ противорѣчіи съ мыслями, высказанными институтомъ относительно территоріальной юрисдикціи, и представило бы на практикѣ непреодолимыя препятствія.

Пунктъ a) *ст. 14* о сложныхъ преступленіяхъ принятъ большинствомъ 21 голоса противъ 2 (Пьерантони и Клеръ). *Пунктъ b*), о дѣяніяхъ, совершаемыхъ во время междуусобныхъ войнъ, предложилъ вычеркнуть Бернардъ и его поддержалъ Пьерантони. «Дѣянія эти,—сказалъ первый,—нечего оцѣнивать по масштабу обычаевъ войны. Если они имъ противорѣчатъ, они должны, какъ дѣянія политическія, покрываться невыдачею». Вестлекъ, Альберикъ Роленъ и Мартенсъ (усматривавшій въ этомъ пунктѣ одно желаніе) настаивали на сохраненіи его. Собраніе согласилось на это (12 голосами противъ 9), съ прибавкою словъ, предложенныхъ Пьерантони: «возстаніе политическое».

Къ ст. 14 Даневскій и Клюне внесли добавленіе, что, въ случаяхъ сложныхъ преступленій, государство, требующее выдачи виновныхъ, прежде должно дать увѣреніе, что будетъ ихъ судить обыкновенными, а не исключительными судами. Это добавленіе, поддержанное Блунчли, Нейманномъ и Мартенсомъ, принято, какъ ст. 15. Блунчли замѣтилъ, что «хотя подобныя увѣренія не представляютъ абсолютныхъ гарантій, но, все-таки, являются обѣщаніями, обязательными для государствъ. При нормальныхъ условіяхъ народы не могутъ отказать другъ другу въ довѣріи».

Ст. 15, о невыдачѣ дезертировъ и за дѣянія исключительно военныя, повела къ обмѣну нѣкоторыхъ мыслей. Блунчли поставилъ на видъ, что не слѣдуетъ выдавать какъ бѣглыхъ сол-

дать, такъ и матросовъ съ военныхъ судовъ. Выдача же матросовъ съ купеческихъ кораблей не есть таковая въ собственномъ смыслѣ.

Новая, расширенная редакція этой статьѣ дана Клюне.

Ст. 26 отвергнута по замѣчанію Ролена.

Измѣненія, которымъ подверглись остальныя статьи, не представляютъ особаго интереса.

Приводимъ теперь сполна:

Заключенія института по вопросу о выдачѣ преступниковъ.

I. Выдача есть международный актъ, соотвѣтствующій справедливости и интересу государствъ, цѣль котораго дѣйствительное предупрежденіе и пресѣченіе нарушеній уголовнаго закона.

II. Точное и правильное приложеніе выдачи обусловливается лишь существованіемъ трактатовъ и поэтому желательно, чтобы послѣдніе заключались въ возможно большемъ числѣ.

III. Впрочемъ, не одни трактаты превращаютъ выдачу въ дѣйствіе, сообразное съ правомъ; ее можно производить и при отсутствіи всякаго договорнаго обязательства.

IV. Желательно, чтобы въ каждой странѣ законъ опредѣлялъ производство ея, а равно условія выдачи лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ правительствомъ, съ которымъ не заключено трактатовъ.

V. Условіе взаимности въ дѣлахъ этого рода можетъ быть рекомендуемо политикой, но не есть требованіе справедливости.

VI. Между странами, уголовные законы которыхъ покоятся на аналогичныхъ основаніяхъ и которыя имѣютъ взаимное довѣріе къ судебнымъ учрежденіямъ, выдача собственныхъ гражданъ была бы средствомъ обезпеченія хорошаго отправленія уголовнаго правосудія, такъ какъ желательно, чтобы юрисдикція forum delicti commissi [1]) была признана, насколько возможно, компетентною.

VII. Но даже, если принять, вмѣстѣ съ господствующею практикою, невыдачу государствомъ собственныхъ гражданъ,

---

[1]) У Рено: „такъ какъ во имя науки желательно, чтобы насколько возможно территоріальная юрисдикція была признана компетентною“.

не слѣдуетъ при этомъ обращать вниманія на пріобрѣтеніе лицомъ національности послѣ совершенія того дѣянія, на основаніи котораго требуется его выдача.

VIII. Компетентность государства, требующаго выдачи, должна быть подтверждаема собственнымъ его закономъ и не противорѣчить закону страны убѣжища.

IX. Въ случаѣ наличности нѣсколькихъ требованій выдачи за одно и то же дѣяніе, предпочтеніе слѣдуетъ оказать государству, на территоріи котораго было нарушено право.

X. Если одно и то же лицо требуется нѣсколькими государствами за различныя дѣянія, государству просимому о выдачѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на относительную тяжесть этихъ дѣяній.

Въ случаѣ сомнѣнія на счетъ послѣдняго пункта, государство просимое даетъ перевѣсъ первенству просьбы [1]*).*

XI. По общему правилу слѣдуетъ требовать, чтобы дѣянія, къ которымъ приложима выдача, были караемы по законамъ обѣихъ странъ, кромѣ случая, когда, въ силу особыхъ учрежденій или географическаго положенія страны убѣжища, въ ней не могутъ проявиться фактическія стороны преслѣдуемаго дѣянія.

XII. Выдача, какъ мѣра серьезная, прилагается къ болѣе или менѣе тяжелымъ правонарушеніямъ. Трактатамъ слѣдуетъ перечислять ихъ съ точностію, причемъ опредѣленія ихъ будутъ естественно разнообразиться по положенію договаривающихся сторонъ.

XIII. Выдача не можетъ имѣть мѣста за дѣянія политическія.

XIV. Государство просимое опредѣляетъ съ полною независимостью, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ или нѣтъ дѣяніе, вызвавшее требованіе о выдачѣ, политическій характеръ.

При этомъ опредѣленіи ему слѣдуетъ руководиться двумя соображеніями:

а) Дѣйствія, представляющія всѣ черты общихъ преступленій (убійства, поджоги, кражи), не должны покрываться невыдачею въ силу лишь политическаго мотива ихъ совершителей.

---

[1]) Послѣднее условіе добавлено по мысли Клюбе.

b) Для оцѣнки дѣйствій, совершонныхъ во время политическаго возстанія, мятежа или междуусобной войны, слѣдуетъ обратить вниманіе на соотвѣтствіе ихъ или противорѣчіе обычаямъ войны.

XV. Во всякомъ случаѣ выдача за дѣянія, носящія характеръ преступленій политическихъ и противъ общаго права, должна воспослѣдовать не иначе, какъ по полученіи отъ государства, ея требующаго, увѣренія въ томъ, что выданный не будетъ судиться чрезвычайнымъ судомъ.

XVI. Выдача не должна прилагаться къ побѣгу лицъ, состоящихъ въ военной, сухопутной или морской службѣ, ни къ проступкамъ чисто-военнымъ.

Принятіе этого правила не препятствуетъ выдачѣ лицъ, служащихъ матросами на государственныхъ или купеческихъ судахъ.

XVII. Законъ или трактатъ о выдачѣ могутъ примѣняться къ дѣйствіямъ, совершоннымъ до ихъ вступленія въ силу [1]*).*

XVIII. Выдача производится путемъ дипломатическимъ.

XIX. Желательно, чтобы въ странѣ убѣжища судебной власти предоставлялось разсмотрѣніе требованій о выдачѣ послѣ состязательныхъ преній.

XX. Государство просимое не должно выдавать, если, въ силу публичнаго права, судебная власть рѣшитъ, что нельзя согласиться на это требованіе.

XXI. Разсмотрѣніе относящихся сюда обязательствъ предметомъ своимъ должно имѣть общія условія выдачи и [2]*) правдоподобность обвиненія.*

XXII. Правительство, получившее выданнаго за опредѣленное дѣяніе, имѣетъ право й даже, если не существуетъ противоположной объ этомъ конвенціи, обязано судить и карать его только за это дѣяніе.

XXIII. Государство, выдавшее преслѣдуемаго, можетъ впослѣдствіи дать свое согласіе на то, чтобы онъ судился и за иныя дѣянія, кромѣ того, которое мотивировало его вы-

---

[1]) Слѣдующая за этою ст. 17 проекта: „Не слѣдуетъ отказывать въ выдачѣ на томъ лишь основаніи, что преслѣдуемое дѣяніе покрылось бы уже давностію, будь оно совершено лицомъ въ странѣ убѣжища“ — отвергнута по предложенію Пьерантони, какъ „излишне суровая“.

[2]) Вмѣсто „а не“ — какъ у Рено, по мысли Вестлека.

дачу, лишь бы только дѣянія эти сами могли вести къ выдачѣ [1]).

XXIV. Правительство, имѣющее черезъ выдачу въ своихъ рукахъ извѣстное лицо, не можетъ передать его третьему государству иначе, какъ только съ согласія того, отъ котораго оно его получило [2]).

XXV. Актъ, въ которомъ судебная власть объявляетъ о допустимости выдачи, долженъ констатировать условія, при которыхъ она совершится, и дѣянія, повлекшія къ ней.

XXVI. Выданному предоставляется право дѣлать предъ судомъ, имѣющимъ судить его окончательно, въ качествѣ предварительнаго отвода, возраженія противъ неправильности выдачи, которой онъ подвергся [3]).

Мы привели цѣликомъ работы института по вопросу о выдачѣ, потому что онѣ представляютъ большой научный интересъ и въ значительной степени содѣйствуютъ разъясненію одного изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ уголовнаго права. Опредѣляя съ точностью современное положеніе науки и практики въ этой области, онѣ намѣчаютъ дальнѣйшее движеніе относящихся сюда идей въ будущемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что право убѣжища, принесшее много пользы человѣчеству въ прежнія эпохи, какъ оплотъ противъ насилій и варварствъ всякаго рода, начинаетъ болѣе и болѣе отживать въ наше время, а съ тѣмъ вмѣстѣ выдача представляется общею обязанностью для государствъ, независимо отъ договорныхъ отношеній [4]). Безъ выдачи немыслимо въ средѣ цивилизованныхъ народовъ вполнѣ справедливое и обезпеченное отправленіе правосудія. Но для этого

[1]) Заключительное условіе этой статьи прибавлено по мысли Арнца. — За нею слѣдовала ст. 24: „Выданный можетъ, если согласится, быть судимъ по всѣмъ взводимымъ на него обвиненіямъ“. Она вычеркнута по предложенію Блунчли и послѣ замѣчанія Пьерантони, что „согласіе лица, содержимаго въ тюрьмѣ, представляется во всякомъ случаѣ сомнительнымъ и подозрительнымъ“.

[2]) Въ проектѣ Рено слѣдовала еще статья (26): „Оба ограничительныя условія (въ ст. 22 и 24) не имѣютъ болѣе основанія, коль скоро лицо по собственному желанію пребываетъ на территоріи, что допустимо по истеченіи для этого извѣстнаго срока (напр., мѣсячнаго) съ момента его освобожденія“. Эта статья опущена по заявленіи Альб. Роленомъ, что принципъ ея кажется ему опаснымъ. Трудно констатировать, насколько согласно лицо жить на территоріи, на которой пребываетъ послѣ своего освобожденія. Оно можетъ дѣлать это и по недостатку средствъ къ существованію.

[3]) Въ редакціи Роленъ-Жекмена. Рено же признаетъ за судомъ право и обязанность разсматривать условія, при которыхъ совершилась выдача и въ случаѣ нужды объявлять ее недѣйствительною, а выданнаго отпускать на волю. Эта постановка вопроса намъ кажется болѣе вѣрною.

[4]) *Deloume*: Principes généraux du droit international en matiere criminelle. 1882.

необходимо, чтобы она, будучи выраженіемъ международнаго принципа общенія, получила и международное признаніе и примѣненіе. По мѣрѣ того, какъ государства въ законахъ и трактатахъ юридически опредѣлятъ свои воззрѣнія на нее и установятъ извѣстную между собою, столь необходимую солидарность, имъ надо будетъ,—какъ уже указалъ Моль,—на *общемъ конгрессѣ* выработать *декларацію*, которая по своему содержанію могла бы замѣнить болѣе или менѣе спеціальные между ними трактаты [1]). Умножающіяся въ наши дни посягательства на основы политическаго и общественнаго строя,—посягательства, исходящія отъ лицъ, соединившихся въ извѣстныя международныя группы, требуютъ дружнаго коллективнаго противодѣйствія имъ со стороны всего международнаго союза. Силы отдѣльнаго государства, хотя бы и могущественнѣйшаго, оказываются недостаточными. На это указываетъ и Блунчли, справедливо ставящій современныхъ анархистовъ на одну ногу съ пиратами, которыхъ еще древность называла врагами всего человѣчества. «Для государства,—говоритъ онъ,—это есть международный долгъ оказывать взаимное содѣйствіе въ преслѣдованіи преступниковъ, опасныхъ для всѣхъ и безразлично посягающихъ на власти во всѣхъ формахъ и странахъ».

Въ виду послѣднихъ покушеній анархистовъ, мѣтко обозванныхъ динамитчиками, во Франціи, въ Англіи и Испаніи (1883 г.), въ періодическую печать проникли слухи о переговорахъ, идущихъ, будто бы, между государствами, съ цѣлію учрежденія *международной полиціи*, которая повсюду надзирала бы за этими лицами и преслѣдовала бы ихъ быстро, не стѣсняемая границами государствъ. Вѣроятно, грустная необходимость приведетъ къ этой мѣрѣ, но международная полиція сдѣлаетъ еще болѣе необходимою *международную юстицію*, въ подчиненіи которой она и должна состоять.

Мы знаемъ, что одною строгостью уголовныхъ законовъ нельзя лѣчить общественные недуги, но полагаемъ, что при современныхъ обстоятельствахъ необходимо усилить строгость противъ совершителей сложныхъ преступленій. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣми, которые указываютъ на большую или меньшую пристрастность судовъ въ политическихъ процессахъ. Отъ этого не свободны даже страны, въ политическомъ отношеніи

---

[1]) Эту мысль, какъ мы видѣли выше, высказалъ и Гоосъ.

наиболѣе развитыя. Но также неудобно предоставлять судъ надъ названными лицами государству, на территоріи котораго они укрылись. Это противорѣчитъ основному принципу уголовнаго права, территоріальности и, кромѣ того, не предохраняетъ отъ пристрастія суда, быть можетъ, въ противоположномъ направленіи. Единственно вѣрный и справедливый исходъ изъ этихъ противорѣчій мы видимъ въ учрежденіи *международной юрисдикціи*. Судъ, составленный изъ опытныхъ и безпристрастныхъ юристовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, былъ бы наиболѣе способенъ для разсмотрѣнія виновности политическихъ преступниковъ всякихъ оттѣнковъ. Тогда вопросъ о ихъ выдачѣ упростился бы во многомъ. Государство, на территоріи котораго укрылся виновный, выдавало бы его не въ руки, какъ говорятъ теперь, публичной мести, но *безпристрастной юстиціи, судящей отъ имени не того или другаго государства, а общаго и единаго для цивилизованнаго человѣчества права*. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылась бы возможность международнаго же опредѣленія мѣры наказаній и дальнѣйшей участи осужденныхъ названной категоріи [1]).

«Правильная организація выдачи,—говоритъ Гольцендорфъ,—на практикѣ поведетъ къ благимъ послѣдствіямъ двоякаго рода: къ бо́льшей обезпеченности имущественныхъ правъ и къ расширенію личной свободы гражданъ. Послѣднее возникнетъ изъ того, что, съ установленіемъ путемъ трактатовъ во всемъ образованномъ мірѣ правильной системы выдачи, для преступниковъ уменьшится возможность найти гдѣ бы то ни было убѣжище и можно будетъ, въ преступленіяхъ, не особенно тяжкихъ, не стѣснять свободы предварительнымъ заключеніемъ. Практика по отношенію къ послѣднему стоитъ еще на той ступени, на которой она находилась сто лѣтъ тому назадъ, когда, напр., въ средней Германіи стоило лишь сдѣлать нѣсколько тысячъ шаговъ, чтобы укрыться на территоріи сосѣдняго князька или имперскаго города» [2]).

Вмѣстѣ съ выдачею онъ считаетъ возможнымъ *размѣнъ между государствами преступниковъ одинаковыхъ или родственныхъ категорій*: «Какая польза въ томъ,—чтобы содержать въ тюрьмахъ долгіе годы иностранцевъ, для которыхъ все — мѣстные обычаи, языкъ, религія—чужды и тратить на нихъ деньги для того, чтобы, по отбытіи ими наказанія, прогонять ихъ за гра-

---

[1]) Ср. мое соч. „О международномъ судѣ". 1881 г., стр. 527.

[2]) Die Auslieferung der Verbrecher. S. 45, 46.

ницу? Не лучше ли прямо передавать ихъ отечественнымъ властямъ по приведеніи въ порядокъ соединенныхъ съ этимъ расходовъ? Мы позволили себѣ представить эти соображенія на обсужденіе спеціалистовъ, которые съѣдутся въ 1883 г. по тюремному дѣлу».

«Общеніе права между народами,—продолжаетъ онъ,—имѣетъ двоякую исходную точку: матеріальные интересы хозяйственнаго оборота съ одной стороны, вызвавшіе установленіе величавыхъ союзовъ всемірнаго почтоваго и телеграфнаго и нравственное сознаніе неправа (Unrecht),—съ другой, которое также побуждаетъ людей къ положительной, творческой дѣятельности въ области права».

Между тѣмъ какъ для науки, законодательства и правосудія понятіе о правѣ есть основной масштабъ для оцѣнки всего противозаконнаго, въ жизни человѣчества, наоборотъ, ощущеніе и сознаніе безправія является тѣмъ сильнѣйшимъ факторомъ, который вызываетъ къ жизни законъ и юридическій порядокъ. Какъ ни ограниченъ нашъ кругозоръ, омраченный еще при этомъ тучами всякаго рода, но *указанія исторіи убѣждаютъ насъ въ томъ, что принципъ солидарности и общенія между народами и въ области права съ теченіемъ времени будетъ все усиливаться и совершенствоваться*. На эту далекую цѣль, которая составляетъ требованіе нашей совѣсти и о которой свидѣтельствуетъ развитіе и права выдачи, указалъ уже одинъ великій полководецъ и царь древности въ слѣдующихъ словахъ: «Добродѣтельные люди во всѣхъ странахъ между собою братья; только преступники вездѣ чужіе» [1]).

Гр. Л. Комаровскій.

[1]) Тамъ же, стр. 64—66.

Очерки народнаго настроенія.

I.

Сила правоты.

Былъ конецъ іюля. Я только что перевалилъ черезъ рѣку на жиденькомъ, чуть связанномъ по угламъ, досчатомъ паромѣ, и, выбравшись за побережные кусты, вмѣстѣ съ пѣгой шаршавой лошаденкой и такимъ же шаршавымъ парнишкой-возницей, потонулъ въ необозримомъ, зеленомъ, душистомъ морѣ поймы... Ахъ, какой благодатью охватило всю душу! Жутко, страшно жутко было обернуться назадъ, подъ страхомъ обратиться въ соляной столбъ, какъ жена Лота. Я зналъ, чувствовалъ, что и здѣсь, вотъ въ этомъ безпредѣльномъ покоѣ поймы, тоже не Богъ знаетъ какія радости меня ожидаютъ, но... ужь этой-то чарующей благодати воздуха и простора отъ меня не отнимутъ, какъ отняли и растоптали все другое,—не отнимутъ и еще кое-что, что такъ органически переплелось для меня съ этимъ просторомъ поймы, что нѣкогда освѣжило мой мозгъ, заставило увѣреннѣе биться сердце, окрылило мой духъ...

Помню, какъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ я собирался прощаться съ поймой. *Тамъ*, впереди ждало столько свѣтлыхъ надеждъ. У самого такъ много кипѣло въ груди вѣры, такъ ключемъ била кровь, оживленная этой же поймой. Такъ страстно хотѣлось поскорѣе, поскорѣе передать эту страстность полученныхъ отъ поймы впечатлѣній и другимъ. Время не ждало; оно неслось быстро, захватывало духъ. До отъѣзда оставалась всего недѣля. Ко мнѣ въ избу входитъ вотъ этотъ самый шаршавый мальчуганъ, мой возница (тогда онъ былъ еще очень

малъ), и передаетъ, что «дѣдушка Окся (Аксенъ) прислалъ его объявить мнѣ, что у него родился внукъ».

— Ну, и слава Богу, — говорю я.—Скажи, молъ, поздравляетъ.

— Да онъ, дѣдушка-то, проситъ, чтобы ты до время не уѣзжалъ; пущай, говоритъ, денекъ-другой повременитъ... Онъ къ тебѣ самъ зайдетъ. Теперь недосугъ ему, въ поле уѣхалъ... Вернется поздно, слышь... Завтра, говоритъ, зайду.

— Хорошо, хорошо. Еще я не завтра ѣду, — скажи, подожду,—утѣшалъ я мальчугана.

Думаю, зачѣмъ бы это я понадобился дѣду Оксѣ по случаю рожденія у него внука?

Дѣда Оксю я зналъ давно; я почти съ первымъ съ нимъ познакомился въ поймѣ. Это былъ старичекъ маленькій, тоненькій, но такой кряжистый, такой живучій, что только этой живучестью и жилистостью и можно было объяснить, какимъ образомъ можно ухитриться пережить и переиспытать, что пришлось на его долю. Онъ былъ и бурмистромъ, и старостой, и въ въ острогѣ сидѣлъ, и въ ратникахъ служилъ, и у барина въ кучерахъ, и мясникомъ въ городѣ; безъ счету бывалъ сотскимъ, самъ сѣкалъ другихъ и самъ былъ сѣченъ безъ числа; пережилъ трехъ женъ, обвѣнчавшись первый разъ, когда ему было 16, а женѣ 13 лѣтъ; пережилъ двоихъ большаковъ-сыновей отъ первой жены. Это была самая ходячая мужицкая исторія за самое бурное ея время. Онъ пережилъ и переиспыталъ на своей спинѣ и подоплекѣ, т.-е., какъ прямой, непосредственный участникъ, всѣ мужицкія «вѣянія» за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, — все, начиная отъ каторги-барщины, двороваго, до свободы собственника-хлѣбопашца; отъ власти патріарха большой семьи до положенія почти безгласнаго стариченки, отъ безконтрольнаго повелителя тысячи душъ—барскаго бурмистра до ничтожнаго мужиченки, надъ которымъ теперь смѣется, гогочетъ и издѣвается мірской сходъ его деревеньки... Жизнь свою дѣдъ Окея мнѣ разсказывалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, но разсказалъ ли онъ еще все, что могъ припомнить, — это было сомнительно... Да, это была самая ходячая эпопея! Впрочемъ, судите сами.

Вкусилъ ли дѣдъ Окся, въ теченіе своей многообразной и многотрудной эпопеи, хотя минуту спокойствія, просто житейскаго, обычнаго спокойствія, внѣшняго довольства,—трудно было сказать. Да, впрочемъ, врядъ ли въ этомъ можетъ быть и сомнѣніе.

Даже послѣдніе, старческіе дни его жизни были отравлены, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Вотъ уже въ теченіе болѣе десяти лѣтъ въ большой семьѣ его давно начался разладъ; онъ то и дѣло «выдѣлялъ» то того, то другаго сына; всѣ эти «выдѣлы» шли съ длинными перекорами, косыми взглядами, упреками между всѣми членами семьи порознь и между всѣми ими и имъ. Наконецъ, на его глазахъ раздѣлившіеся братья расходились другъ съ другомъ врагами до того, что не хотѣли знать одинъ другаго, не помогали другъ другу; видѣлъ, какъ одни богатѣли, другіе бѣднѣли, доходили до нищенства, и онъ самъ уже не только ничѣмъ не могъ помочь, но даже *не имѣлъ права*, такъ какъ самъ имѣлъ уголъ только и жилъ на хлѣбахъ у самаго младшаго своего сына. За каждую лишнюю корку, которую онъ самъ съѣдалъ,—а не то что уносилъ къ «отдѣленнымъ» внучатамъ-нищимъ, ходившимъ въ кусочки,—онъ подвергался брани, попрекамъ молодой снохи. Наконецъ, самый авторитетъ просто человѣческой его личности,—и тотъ уже ставился ни во что: онъ былъ въ глазахъ семьи «старый дуракъ», «блаженненькій», въ глазахъ міра—«дѣдушка Окся», почти дурачекъ, юродивый, котораго ребятишки таскали сзади за полы кафтана.

Бывали минуты, когда дѣдъ, разсказывая мнѣ о своей настоящей жизни, плакалъ горькими слезами, сморкаясь постоянно въ подолъ своего дерюжнаго кафтанишка. И я надрывался вмѣстѣ съ нимъ, и меня обступали ужасъ и отчаяніе, горькія и безнадежныя сомнѣнія росли въ душѣ... Идешь къ другому старику—и опять тѣ же слезы, или же горой растущія волны горя, готовыя захлеснуть вотъ-вотъ сейчасъ всѣ эти несчастныя существованія. Но что всего изумительнѣе, вслѣдъ за дядей Оксей, глядишь, идетъ его старшій сынъ, мужикъ уже лѣтъ 50; у самого него есть внуки. Разговоришься съ нимъ, распечалишься, попрекнешь его дѣдомъ Оксей, а онъ—тотъ же Окся! Глядишь, а у него тоже на глазахъ чуть не слезы, тоже разъ-другой, смотришь, слазаетъ «укромно, въ сторонку» носомъ въ полу кафтана! Да что же это такое, Господи?..

И чувствуешь, что у самого навертываются слезы, къ горлу что-то подступаетъ... Но разъ только это ощутилъ, какъ уже почувствовалъ къ сердцу «приливъ» благодати. Что это такое?—спрашиваешь опять себя:—сентиментальность, предвзятыя идеи, гуманничанье? Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаешь тутъ-же себѣ... Но въ чемъ же причина его? Гдѣ она скрывается? Въ какихъ добле-

стяхъ окружающихъ, въ какихъ, наконецъ, формахъ, догмахъ религіозныхъ, общественныхъ?.. И опять эта деревня становится страшно близка тебѣ, чѣмъ-то влечетъ къ себѣ неудержимо... Да не въ этихъ-ли благодатныхъ слезахъ? Можетъ быть... Потому что, вскорѣ послѣ того увидишь дѣда Оксю, а онъ ужь—лучезаренъ, сидитъ у себя на заваленкѣ и весело тебѣ улыбается.

— Что, дѣдушка, и унывать пересталъ?

— Да что мнѣ унывать-то?—смѣется.—Вотъ у старшаго-то телочка прибыла... Ходилъ, смотрѣлъ!.. Я знающъ въ этомъ... Пришла за мной сноха-то: поди, дѣдушка, взглянь,—пущать ли на племя?... Славная телушка!... Богъ дастъ, животина выйдетъ барская!.. А мнѣ что унывать? Не унывать мнѣ надоть, а умирать, благословясь, что Господь допустилъ безъ большаго грѣха вѣкъ прожить, да эвоно ли какое племя пустить... Все, вѣдь, крестьяне! Не бойсь, лишняго нѣтъ, али ненужнаго... Всѣ въ пользу будутъ... Всѣ у Бога нужны...

— А горя-то, дѣдъ, сколько?... Самъ плакалъ...

— Ахъ, другъ-другъ,—закачалъ головой дѣдъ. — Плакалъ! Такъ ли еще мы плакали, такими ли слезами-то... Слезъ-то, другъ, никогда не переживешь... Свое время—свои слезы... Плакали! Такъ ли мы еще плакали...

И дѣдъ замолкалъ.

Вообще нужно сказать, что какъ ни близокъ былъ ко мнѣ дѣдъ Окся, какъ онъ ни привязался къ моей семьѣ, но, въ то время, я все еще далекъ былъ отъ него, да и для всей окружной палестины былъ человѣкъ новый, мало-знакомый. И онъ часто обрывалъ разговоръ или запутывалъ его разными присловьями и шуточками. Тогда еще даже самъ дѣдъ Окся наводилъ обо мнѣ справки у попа, у писаря... Ужь если такъ относился Окся, который меня *любилъ*, то о другихъ и говорить нечего. Нужны были очень благопріятныя условія, нужно нѣчто такое *счастливое*, — въ опредѣленіи чего я даже затрудняюсь и теперь,—чтобы установить между мной и обитателями окрестныхъ деревень тѣ по-истинѣ любовныя и душевныя отношенія, въ которыя я къ нимъ сталъ въ концѣ-концовъ.

Повторяю, то были, для нашего времени, условія необычайныя, счастливыя. И даже при этихъ счастливыхъ условіяхъ должно было пройти довольно продолжительное время, пока я могъ разсчитывать не только на любовныя, но просто искреннія отношенія.

Когда искренность эта уже нѣсколько установилась между мной и Оксей, онъ однажды сказалъ мнѣ «потихоньку»:

— Ждутъ... Народъ ждетъ...

— Что ждутъ?

— Правды ждутъ, милости...

— Такъ что же?

— То-то, молъ... Съ каждымъ годомъ народъ бойчѣе живетъ, время короче дѣлается...

— Какъ же такъ, дѣдушка?

— А такъ... Мы вотъ въ свое-то время сколько плакали? Не то что отцы,—и дѣды-то плакали, и прадѣды-то... А правда-то вонъ только когда объявилась!... Наткось, при шестомъ императорѣ... А то все цѣлый вѣкъ однѣми слезами плакали...

— Да, три вѣка.

— Три вѣка, да... вѣрно... три вѣка... А теперь ужь правота-то не сноситъ... Вотъ сколько теперь прошло съ воли-то?..

— 20 лѣтъ.

— Наткось—двадцать лѣтъ! Всего!

И дѣдъ засмѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ, и смѣялся очень долго.

— Что же такое?

— То-то вотъ... какъ время-то укоротилось, ты и смотри!.. Двадцать лѣтъ, а ужь правота говоритъ. Вѣдь, бывало, не то что у нашихъ дѣдовъ, а у самихъ насъ правота-то на самой-то глуби только, ровно ночничекъ, теплилась... Не то что кому стороннему объ ней заикнуться боялись, женѣ не говорили, подушкѣ,—и той боялись свою душу довѣрить... А теперь, вонъ—на улицѣ, всѣ, въ одинъ голосъ... Быть, говорятъ, въ скорости, правдѣ и милости... Потому, говорятъ, много въ народѣ неправды... А безъ правды и милости какъ жить народу?

— И что же, дѣйствительно, много неправды?..

— Много, вѣрно... Жизнь бойчѣе идетъ... Что прежде вѣками расло, теперь растетъ годами... И неправда бойчѣе растетъ... это отъ того... Такъ ужь и пойдетъ до конца міра!.. Все короче да короче... Да! Двадцать лѣтъ!... Всего! — повторялъ дѣдъ и смѣялся опять.

Однако, вернусь къ началу.

Жду слѣдующій день, — нѣтъ дѣда. На третій день, глядь, идетъ его младшій сынъ, у котораго онъ живетъ.

— Пришелъ просить... Не откажите... на крестины... Оченно даже ужь и дѣдушка-то желаетъ...

— Это у тебя родился сынъ?

— Такъ точно... Ужь пожалуйста... Дѣдушка-то оченно желаетъ. Иди, говоритъ, самъ зови... Не все, говоритъ, мнѣ на побѣгушкахъ бѣгать... Я, говоритъ, буду гостей принимать, а ты зови... Пожалуйста, не откажите,—не то что проситъ, а такъ просто приглашаетъ меня молодой отецъ, весь розовый, сіяющій, въ новой красной рубахѣ, жилеткѣ, пиджакѣ и свѣтлыхъ сапогахъ.

— Хорошо, непремѣнно.

Прихожу. Избушка у дѣда маленькая, дряхлая. Тутъ же люлька виситъ, ребятишки ползаютъ, сидятъ какія-то женщины, два-три мужика, должно быть, гости. Самъ дѣдъ, причесанный, въ синемъ кафтанѣ ходитъ какъ-то особенно торжественно. (Оказалось, что это онъ тоже для пущей торжественности самъ не пошелъ звать меня). Однимъ словомъ, дѣдъ такого гонору набрался, что я даже не ожидалъ отъ него.

— Пришелъ!.. Ну, вотъ... Я, вѣдь, зналъ... Говорятъ: «не пойдетъ... Гдѣ ему къ тебѣ идти!.. Вѣдь *имъ* мужицкіе-то ребята, что котята...» Нѣтъ, я знаю... Ты мужицкому счастью не ворогъ...

И вдругъ дѣдъ исчезъ за дверь. Гляжу, всѣ кругомъ сіяютъ и добродушно-лукаво подсмѣиваются. Слышно, за дверью, въ свѣтелкѣ, съ кѣмъ-то дѣдъ споритъ:

— Дура! дура!—говоритъ онъ:—да ты чего боишься? Экая глупая!.. Да вѣдь глазъ глазу рознь... Вѣдь это ежели кому другому, а онъ...

— Не даетъ мать-то, ха, ха!—говорили около меня.—И то затаскалъ совсѣмъ внука-то!

Наконецъ, торжественно входитъ дѣдъ Окся, неся на корявыхъ рукахъ завернутаго въ клѣтчатое одѣяло новорожденнаго. Словно Симеонъ-Богопріимецъ! Лицо такое сдѣлалъ строгое, истово перекрестился и сказалъ: «Нну!.. Не думалъ, Николаичъ... А вотъ дожилъ!.. Слава тебѣ, Господи!.. Смотри, смотри сюда: видишь,—двухголовый?.. Точь въ точь, какъ вотъ онъ, отецъ его... Вылитый, капля въ каплю...»

— Ну, дай Богъ ему счастья!

— Слушай, Николаичъ,—замѣтилъ мнѣ дѣдъ:—ты это... бери въ сурьезъ... Въ этомъ для мужика много, много... Ты и мысли не имѣй въ шутку принять... Я это только тебѣ, потому знаю,—

тебѣ мужицкое счастье поперегъ не стоитъ... А другому, я бы не заикнулся.

— Вѣрю, вѣрю... Искренно говорю: дай Богъ ему!...

— Вотъ такъ же отецъ его у меня родился... Мы такъ съ женой и бабкой и ахнули: головища — во!.. Ну, говорю тогда, старуха, съ нимъ народу счастье народилось... Помяни мое слово, какъ я умру: быть ему вольнымъ!.. Вотъ смотри!..

Я посмотрѣлъ на молодаго, ликующаго отца, на окружающихъ: не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что это дѣйствительно все такъ совершилось.

— Ну, отцу — воля, а сыну что же еще будетъ?

— Ему? Правда и милость!— отчетливо выговорилъ дѣдъ.— Мнѣ ужь не жить... Мнѣ ужь этого не видать... А они доживутъ... Ему была воля, — показалъ онъ на молодаго отца, — а этому—умиренье!... Вотъ, доживете,—помянете мое слово... Ну, рости, рости, мальчуга!—поправляя старыми пальцами одѣяло, проговорилъ дѣдъ, и понесъ внука къ матери.

— Мнѣ ужь не удалось въ мирѣ пожить... Ну, будетъ, что и волю видѣлъ... А въ мирѣ ужь вы поживете,—сказалъ возвратившійся дѣдъ, утирая слезы.

— Объ чемъ молва говоритъ, то ужь будетъ... Это вѣрно... Молва даромъ не говоритъ,—замѣтилъ серьезно одинъ изъ гостей. И врядъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ сомнѣвался въ этомъ, не исключая и меня.

Дѣйствительно, нужно быть объятымъ «мужицкимъ духомъ», жить въ этой атмосферѣ, чтобы понять, почувствовать, до какой степени это общее настроеніе было реально, до какой степени былъ всезахватывающимъ этотъ романтическій порывъ. Все жило въ деревнѣ однимъ имъ: самое молодое и самое старое, самое бѣдное и самое богатое... Все, что не могло даже ни въ какомъ случаѣ раздѣлять общихъ упованій, — и то было захвачено въ этотъ порывъ. Дѣйствительно, «молва даромъ не говоритъ»: какъ ни были иногда нелѣпы формы, въ которыхъ она высказывалась, но подъ ними лежало столь опредѣленное и реальное содержаніе, столь общая и очевидная для всѣхъ жажда «умиротворенія», что въ этомъ не могли сомнѣваться люди, стоявшіе близко къ деревнѣ... И такъ вѣрилось тогда въ это дѣйствительно скорое пришествіе «правды и милости» для всѣхъ, потому что оно было такъ неотвратимо-нужно. Именно одной ея, этой

«правды» не доставало. Надъ народомъ пронеслось слово «личнаго» освобожденія изъ путъ рабства; оставалось одно, чтобы раздалась другая заповѣдь Христа: любите другъ друга!.. И эту заповѣдь «умиренія» народъ-общинникъ въ реальной формѣ не могъ иначе понять и представить, какъ въ формѣ *равненія*.

Да будетъ позволено мнѣ коснуться здѣсь этого, чрезвычайно важнаго, по моему, явленія въ нашей народной психологіи. По странному недоразумѣнію, вопросъ этотъ всегда оставался для литературы закрытымъ. А, между тѣмъ, выясненіе его было бы чрезвычайно поучительно. Мнѣ хотѣлось бы указать здѣсь на нѣкоторыя стороны этого вопроса, которыя, какъ мнѣ кажется, были поняты нѣсколько односторонне; по крайней мѣрѣ, относительно того періода, о которомъ я говорю.

Всегда и во всемъ, въ нашей исторіи, и особенно въ вопросахъ политическихъ, насъ не столько поучалъ, сколько пугалъ «примѣръ Западной Европы». Уже съ давнихъ временъ мы взяли себѣ въ политикѣ за правило каждому явленію нашей жизни подыскивать подходящую аналогію въ западно-европейской политической жизни. Это, само по себѣ, конечно, не представляло бы ничего иного, кромѣ хорошаго, еслибъ, однако, мы ограничивались здѣсь только удобствами сравнительнаго метода.

Къ сожалѣнію, у насъ всегда выходило такъ, что параллели и аналогіи мы тотчасъ же принимали за полное тождество. Въ до-петровскія времена, мы боялись «заразы» латынства и протестантизма; во времена Екатерины, мы вдругъ дали «задній ходъ», лишь во Франціи разразилась великая революція. То же самое мы повторили подъ давленіемъ Меттерниха при Александрѣ I, затѣмъ въ 30 и 48 году. И все это на основаніи того, что отождествляли нѣкоторыя самобытно-характерныя явленія собственной жизни съ аналогическими на Западѣ. Въ послѣднее время эта наклонность и привычка къ поверхностнымъ отождествленіямъ въ особенности сказывались въ вопросахъ экономическихъ. Положеніемъ 19 февраля установивъ въ высокой степени важное начало національной экономической политики, мы, однако, опять очень скоро сошли съ этого благаго пути, испуганные все тѣмъ же «жупеломъ» западно-европейскихъ аналогій. Романтическое настроеніе въ народѣ мы тотчасъ же отождествили съ воинствующимъ походомъ массъ противъ собственности на Западѣ. Но достаточно было только внимательнѣе вглядѣться въ руководящіе мотивы этого настроенія,—наконецъ, просто прислушаться хотя

бы только къ тому, до какой степени *мирно* и всюду, не скрываясь, не конспирируя, толковали объ этомъ «равненіи» въ деревняхъ какъ сами крестьяне между собою, такъ и съ тѣми, которые могли бы считать себя обиженными этими бесѣдами, чтобы понять, до какой степени все это настроеніе было благономѣренно. *Въ общемъ* всѣ desiderata этого настроенія были до того скромны, что едва выходили изъ предѣловъ общинъ, и именно въ *общемъ,* потому что въ «равненіи» были заинтересованы не только экономически-обдѣленные, или голытьба, но именно всѣ, даже тѣ, которые считали себя вполнѣ довольными *надломъ*. Примѣровъ тому мы знаемъ множество. Притомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался личной, «сусѣдской» собственности, онъ рѣшался *совершенно* такъ же, какъ рѣшаются всѣ вопросы въ общинахъ, т. е. путемъ примиренія интересовъ до той степени, чтобы, въ концѣ-концовъ, получилось «единодушное согласіе». Значитъ, путемъ всевозможныхъ уступокъ и выработки такой формы, при которой не могло быть и рѣчи о прямомъ насиліи. Чаще всего приводилась, какъ наилучшая форма, выкупная операція земель государствомъ. А, главнымъ образомъ, это настроеніе было менѣе всего воинствующимъ «противъ собственности»; это было въ полномъ смыслѣ желаніе умиротворенія, «умиренія», упорядоченія жизни, сдвинутой такъ могуче освобожденіемъ съ давно укатанной колеи. Всмотрѣться должнымъ образомъ въ это намъ и помѣшало то, что мы увидали въ этомъ настроеніи вопросъ исключительно экономическій, чисто земельный, — что будто бы народъ ничего иного и не требовалъ, какъ только «чужой собственности». Но мы не съумѣли посмотрѣть на этотъ вопросъ съ другой, не менѣе важной, чѣмъ экономическая сторона, — именно со стороны «упорядоченія» всѣхъ сторонъ какъ экономической, такъ и правовой жизни. А этого-то именно народъ и жаждалъ, и ждалъ. Въ сущности, это настроеніе можно уподобить тому, какое бываетъ въ каждой общинѣ, гдѣ долго не было передѣла. Чрезполосица достигаетъ невѣроятной степени; веденіе правильнаго хозяйства для всѣхъ становится затруднительнымъ; вслѣдствіе наросшей неравномѣрности распредѣленія, въ общинѣ являются ссоры, недовольство; мирная, культурная жизнь дѣлается невозможной, замѣчается общее безпокойство, недружелюбіе, разыгрываются страсти, поднимаются низкіе, эгоистическія вожделѣнія. И вотъ, наконецъ, у большинства все больше и больше является стремленіе «ввести порядокъ», освѣжить общій

духъ, *поднять принципъ, возстановить нарушенную* правоту, возродить общее довольство, совѣтъ и любовь... Причемъ тутъ воинствующій походъ противъ чужой собственности? Въ общинахъ никогда этого почти не бываетъ. Если извѣстная собственность дѣйствительно является нужной общинѣ, то съ собственникомъ ея стараются войти во всевозможныя соглашенія, и лучше отдадутъ себя чуть не въ кабалу, чѣмъ покусятся на насильственную экспропріацію; если хотите, сдѣлаютъ одно: поставятъ въ очень неудобныя условія пользованія ею, но никогда не экспропріируютъ въ свою пользу. Примѣровъ этого мы, кажется, видѣли не мало.

Ничего больше, кромѣ желанія «порядка», общаго подъема принципа, общаго нравственнаго подъема путемъ поставленія всѣхъ узко-эгоистическихъ элементовъ въ положеніе, наименѣе способствующее вредить общимъ интересамъ и общему миру и совѣту.

А это желаніе «порядка» не только было вполнѣ естественно и понятно, но и вполнѣ законно. Такіе великіе историческіе перевороты, каково освобожденіе, не могутъ обходиться безъ чрезвычайныхъ жизненныхъ осложненій. Къ сожалѣнію, у насъ взглянули на этотъ фактъ слишкомъ прямолинейно, чтобы предвидѣть тѣ громадныя усложненія, которыя должны были явиться неизбѣжно въ самой народной психіи. Между тѣмъ, не предусмотрѣвъ этихъ явленій и даже не считая нужнымъ внимательнѣе вглядѣться въ нихъ и теперь, мы отнеслись къ нимъ скептически, подозрительно, приняли ихъ за явленія *враждебныя*... Мы даже безповоротно готовы были рѣшить, что «массы неблагодарны», что «не слѣдуетъ разнуздывать звѣря», что, наконецъ, народъ неспособенъ къ самостоятельной мирной культурѣ, къ самоуправленію, что онъ лишенъ какъ собственнаго ума, такъ и какихъ-либо нравственныхъ, руководящихъ принциповъ, что весь этотъ романтическій порывъ былъ не больше, какъ взрывомъ дикаго, невѣжественнаго, стихійнаго вожделѣнія.

Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ стихіенъ?

Не найдемъ ли мы, при внимательномъ анализѣ этого психосоціальнаго явленія,—не найдемъ ли въ немъ именно драгоцѣннаго залога порядка, свободы и мирнаго культурнаго развитія массъ, если только мы ихъ дѣйствительно желаемъ?

Въ отвѣтъ на это позволю себѣ повторить здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя соображенія, высказанныя мною недавно.

Романтическое народное настроеніе, главнымъ образомъ вы-

званное эпохой освобожденія, сказалось прежде всего въ формѣ упованій «на правду и милость», которыя, по мнѣнію народа, *съ этого момента* уже обязательно должны были придти на помощь никому иному, какъ народу. Народъ все больше и больше проникался вѣрой, что «правда и милость» скажутся, и скажутся очень скоро. Скрываясь въ глубинѣ историческихъ нѣдръ, романтизмъ этотъ послѣдовательно, просто и ясно развился изъ принципа, положеннаго въ основу акта 19 февраля, которымъ санкціонировано за народомъ право на землю. При оцѣнкѣ этого явленія мы постоянно должны имѣть въ виду, что особые историко-этнографическія условія нашей родины сдѣлали то, что въ нашемъ народѣ утвердилось и укоренилось до извѣстной степени довольно ясное сознаніе правоты собственнаго существованія,—сознаніе того, что имъ однимъ держится государство: онъ единственный производитель предметовъ первой необходимости, единственный плательщикъ и наполнитель государственной казны, онъ безкорыстный защитникъ страны, умирающій на поляхъ битвъ. Все крѣпостное право свидѣтельствовало ясно, что это дѣйствительно такъ было, что все, что стояло выше народа, держалось имъ и на немъ. И въ этомъ сознаніи народомъ правоты была его великая нравственная сила. Вотъ, вѣроятно, почему онъ рѣдко высказывался *принципіально* противъ воинской и иныхъ государственныхъ повинностей.

Развитію же въ немъ сознанія этой правоты собственнаго существованія,—не прекращавшемуся даже при крѣпостномъ правѣ,—содѣйствовали, помимо другихъ важныхъ факторовъ, съ одной стороны, историческія традиціи до-крѣпостной земской жизни, земско-областной и земско-общинной, съ другой — полное отсутствіе самостоятельной энергіи у сословій, стоявшихъ выше его. Ни дворянство наше, ни купечество, ни священство, какъ извѣстно, и въ зародышѣ не создали изъ себя чего-либо похожаго на западный феодализмъ и буржуазію, обладавшія личной энергіей, которая въ нихъ развивала самостоятельное сознаніе личной правоты существованія и очень часто заставляла признавать эту правоту и самый народъ. У насъ ничего подобнаго не было. Дворянство и другія сословія могли, и то только въ исключительныхъ личностяхъ, выработать, благодаря своему привилегированному положенію, одну только правоту, это—правоту интеллигентности и то въ значительной степени, въ нихъ самихъ, подорваннуюсознаніемъ, что она возросла исключительно на почвѣ народной

эксплуатаціи,—притомъ, въ сферахъ, стоявшихъ вдали отъ народа; вслѣдствіе чего, къ этому тяжелому сознанію прибавилось сознаніе, что она можетъ быть «заподозрѣна» народомъ, что въ ней не можетъ быть довѣрія къ ней. Что касается несенія государственныхъ повинностей и налоговъ, то въ нихъ привилегированныя сословія, какъ извѣстно, не только не принимали никакого участія (личности — явленіе исключительное и ничего не объясняющее, также какъ и защищаемое славянофилами положеніе, что будто бы купечество и дворянство всегда отзывались на призывъ и пр. «въ великія годины»; то-то и есть, что только въ «великія годины», которыхъ, во-первыхъ, было немного; во-вторыхъ, эти годины были годинами самозащиты, когда говорилось: Sauve qui peut!), но то только и дѣлали, что всячески изыскивали пути отдѣлаться отъ этихъ повинностей и податей. На это тратили они всю ничтожную долю энергіи, какая могла въ нихъ найтись. Тѣ слои этихъ сословій, которые стояли ближе всего къ народу, не внесли въ его душу ни малѣйшаго сознанія о томъ, что они что-либо значатъ для государства. Вотъ почему, между прочимъ, народъ могъ сохранить, при крѣпостномъ правѣ, сознаніе правоты собственнаго существованія, которое и укрѣпляло въ немъ нравственную силу и вѣру въ будущее этой силы.

Народъ могъ мельчать подъ давленіемъ тяжелыхъ условій, могъ временно разлагаться нравственно, переживать тяжкіе нравственные кризисы, но сознаніе правоты до сихъ поръ еще не покидало его; оно носилось надъ нимъ постоянно и постоянно возвращало его къ самому себѣ, постоянно возстановляло въ немъ упадавшія нравственныя силы. Въ критическіе моменты нравственныхъ переломовъ онъ воплощалъ это сознаніе правоты въ разнообразныя религіозныя и общественныя формы: секты, возвраты къ «правотѣ» путемъ покаянія или бѣгства къ землѣ, наконецъ, сама артель община, семья,—все это крѣпилось на этомъ сознаніи правоты, и все это, въ свою очередь, служило для народа всегда средствомъ возстановленія попранной правоты. Не въ одномъ этнографическомъ элементѣ, какова «земля», не въ безсознательномъ стихійномъ началѣ лежатъ основы устойчивости народной, а именно въ этомъ, совершенно, конечно, сознательномъ факторѣ. Благодаря ему, хорошіе элементы, прирожденные нашему народу, могли найти прочность и устойчивость и получить *нравственно-сознательное обоснованіе*. Въ немъ получало нравственную силу и то зиждительное начало, которое вообще присуще

мирнымъ, культурнымъ массамъ; во имя его, это послѣднее никогда не направлялось только стихійно, покорное лишь низшимъ, зоологическимъ инстинктамъ, подобно инстинкту бобровъ и т. п. Это сознаніе правоты несло съ собою великое начало *равноправности* и *уваженія къ личности другаю,* какъ члена одной великой народной семьи, связанной одной общей правотой. Повторяю, на немъ, какъ на одномъ изъ важныхъ факторовъ, покоится религіозная мораль народа, формы его общежитія, его нравственныя гуманическая начала, и въ немъ же заключается та неугасающая вѣра народа въ лучшее будущее, наконецъ, тѣ романтическіе порывы, тѣ попытки отыскиванія свѣта и лучшихъ формъ жизни, которыя есть ничто иное, какъ возстановленіе попранной правоты.

Мы глубоко убѣждены, что какъ бы низко ни палъ народъ подъ гнетомъ тяжелыхъ условій, какъ бы далеко ни сбился онъ съ прямаго пути историческимъ ходомъ, какому бы крушенію ни подверглись его бытовыя формы и даже нравственныя основы,—онъ всегда найдетъ въ себѣ силы къ возстановленію попранной правоты, разъ будетъ въ немъ жить сознаніе ея *).

Если мы дѣйствительно желаемъ мирнаго и свободнаго культурнаго развитія, если мы дѣйствительно желаемъ видѣть свой народъ на высотѣ нравственнаго и умственнаго развитія, мы всѣми силами должны стремиться къ охраненію и поднятію въ немъ именно этого сознанія своей правоты,—сознанія, что онъ равноправный членъ великой семьи — государства. Пусть лучше *прямо* падутъ на него государственныя подати и повинности, чѣмъ *косвенно* возьмутъ на себя отвѣтственность за національное процвѣтаніе и могущество другіе, обративъ народъ въ безгласнаго, хотя бы и экономически сытаго, какъ лошадь, наемника. Тогда уже, вѣроятно, мы будемъ имѣть дѣло дѣйствительно со «стихіей».

Какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда умеръ дѣдушка Окся. Онъ слегъ какъ-то сразу; дня за два до смерти, исповѣдался, пріобщился, потомъ послалъ внученка за мной: пожелалъ «проститься». Я тотчасъ же пошелъ. Дѣдъ лежалъ на лавкѣ, слегка покрытый старымъ полушубкомъ. Тутъ же, попрежнему, жизнь шла своимъ чередомъ: визжала люлька, въ печи стряпали, ребя-

*) Впослѣдствіи я надѣюсь сдѣлать попытку болѣе обстоятельнаго анализа этого элемента нашей народной психіи, въ связи съ другими, не менѣе существенными, а также и связи съ попытками подобнаго же рода, уже имѣющимися въ нашей литературѣ.

тники возились около дѣда. Увидавъ меня, дѣдъ силился приподняться—и не могъ. Весь онъ осунулся сразу, руки дрожали и губы; на немъ была надѣта чистая рубаха, воротъ растегнутъ, видѣлась бурая грудь, сухая, костистая, и мѣдный крестъ на грязномъ снуркѣ. Дѣдъ хотѣлъ что-то мнѣ сказать, но губы только безвучно трепетали. Когда я подошелъ, онъ поймалъ холодными, жесткими пальцами мою руку и пожалъ.

Въ это время вошли два другіе его сына и дочь съ внучатами. Дѣдъ закачалъ головой одобрительно.

— Болитъ у тебя что, дѣдушка?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — проговорилъ онъ съ усиліемъ:—только.... все опало.... Только.... ровно плыветъ.... Ничего!...

И онъ поднялъ глаза къ потолку и перекрестился.

— Пришелъ... ты...—заговорилъ онъ.—Я ужь думалъ меня хуже нѣтъ... А вотъ Богъ меня... внучкомъ...

И дѣдъ улыбнулся, весь просіялъ, еще разъ перекрестился.

— Вотъ ему, дѣдушкѣ, и умирать-то легко... Насъ вотъ сколько вспоилъ, вскормилъ... Тоже не мало поусердствовалъ,—говоритъ старшій сынъ.—Вотъ оно и посылаетъ Господь легкую смерть... У него грѣховъ-то чать ужь нѣтъ... Какіе и были,—и тѣ Богъ простилъ давно... Да, тяжело жилъ, да легко умирать!.. Какъ-то намъ Богъ пошлетъ!

— Гдѣ ужь намъ,—подхватилъ другой сынъ и бабы:—грѣшники мы... Ссора у насъ только вездѣ, да брань, да суды...

— Дѣдушка,—крикнулъ на ухо дѣду Оксѣ старшій сынъ:—ты бы за насъ помолился... Богу-то... Помолись!... Можетъ, онъ и пошлетъ правду и милость...

И старикъ-сынъ отвернулся, утеръ слезы. Дѣдъ вдругъ закивалъ утвердительно головой и замахалъ рукой.

— Подай... младенца-то... Подай,—сказалъ онъ.

Сноха поднесла ему новорожденнаго. Онъ, не повертывая головы, дотронулся ему до головы рукой, и опять махнулъ, давая знакъ, чтобъ унесли.

— За Богомъ не пропадетъ... Правое дѣло...

Потомъ онъ опять сталъ искать мою руку, опять пожалъ ее слегка своими холодными пальцами.

— За дружбу... любилъ... не погнушался!.. Прощай... умру!..

— Полно, дѣдъ, еще увидимся,—сказалъ я.

Онъ закачалъ головой.

— Нѣтъ!... Пріѣдешь еще... приди... на могилку... Вспомяни...

— Да, вотъ они какъ съ бариномъ слюбились, — говорили кругомъ:—вся деревня дивилась, чего это баринъ въ старикѣ нашелъ?... У насъ вонъ и ребятишки-то надъ нимъ ужь смѣялись, а тутъ баринъ съ нимъ дружитъ... Ну, а онъ, вотъ, дѣдушка-то, можетъ всѣхъ насъ святѣе... Вотъ ему Господь-то какую легкую смерть посылаетъ!.. Въ радости умираетъ!... Пошли Богъ всякому...

Въ избу набрался еще народъ, какія-то старушки, ребятишки. Подъ эти рѣчи, я вышелъ почти незамѣтно. У воротъ тоже толпилась кучка народа и смотрѣла, вздыхая, зачѣмъ-то въ сѣни. Ребятишки ужь совсѣмъ назойливо просовывали въ окно даже головы.

— Вонъ и баринъ прошелъ... Должно, совсѣмъ отходитъ,— слышу я, говорятъ мнѣ вслѣдъ.

Вѣсть о рожденіи у Окси «счастливаго внука» и затѣмъ о томъ, что «самъ дѣдъ кончается», дѣйствительно быстро облетѣла всю деревню и приняла даже какой-то особый, таинственный смыслъ для крестьянъ... Но я чувствовалъ, что этотъ «смыслъ» уже не былъ чуждъ и для меня.

На утро я выѣхалъ изъ-за поймы.

II.

Скорбные листки.

Итакъ, прошло шесть лѣтъ, и вотъ я опять перебираюсь черезъ ту же пойму... Шесть лѣтъ всего, а, между тѣмъ, такой, кажется, ужасно длинный и томительный пройденъ путь... Кажется, цѣлая жизнь могла бы умѣститься въ этотъ короткій промежутокъ; да нѣтъ, даже не одна жизнь: его хватило бы на нѣсколько жизней.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я живу опять въ той же деревнѣ, у тѣхъ же хозяевъ, и имѣю удовольствіе наблюдать изъ своихъ оконъ такую прекрасную картину. Напротивъ меня, въ избѣ, поселились супруги-врачи, только что обвѣнчавшіеся и кончившіе курсъ. Они пріѣхали на лѣто къ роднымъ, къ мѣстному священнику. Врачи-супруги были люди видимо хорошіе, простые и даже, можетъ быть, уже черезъ-чуръ усердные въ своей профессіи и внимательные къ мужицкому горю. Маленькой ложкой они усердно старались вычерпать цѣлое море. А море это было

столь велико, что, казалось, готово было совсѣмъ захлебнуть маленькую квартирку съ эскулапами.

Съ ранняго утра до поздняго вечера паціенты, пѣшіе и на подводахъ, буквально осаждали «доброхотовъ» врачей. Молодые эскулапы, рьяные и деликатные, считали даже святотатствомъ ввести въ какія-нибудь опредѣленныя границы назойливость этого деревенскаго горя. Какъ бы ни было, это была картина и грустная, и вмѣстѣ пріятная,—и я не разъ мысленно благословлялъ первые шаги юныхъ эскулаповъ.

Но не прошло еще и двухъ недѣль, какъ я самъ имѣлъ уже удовольствіе видѣть въ своей квартирѣ, если и не столькихъ, то все же довольно многочисленныхъ посѣтителей.

Вѣсть о моемъ прибытіи успѣла уже обойти всѣ окрестныя деревни и, благодаря одной случайности, какъ надо думать, съ черезъ-чуръ лестными для моей особы комментаріями... И вотъ въ мою сторону направился потокъ иного деревенскаго горя; ко мнѣ шло то, что требовало, жаждало, искало совѣта, ласки, участія, разъясненія тяжелыхъ недоумѣній, — шло какъ къ умственному человѣку, обязательно знающему, гдѣ и въ чемъ истинная правда.

Странное дѣло! Вопреки моимъ ожиданіямъ, я чувствовалъ, что это горе, вмѣсто того, чтобы отбиться отъ меня дальше, отступить, уйти въ себя, неожидано подошло ко мнѣ, сердечно, искренно, душевно развертывая передо мною свой скорбный свитокъ. Оказалось, что прежде оно было замкнутѣе, а теперь, напротивъ, какъ-будто даже съ особой уже поспѣшностію и откровенностію спѣшило излиться все, цѣликомъ; какъ-будто нарочно, назойливо било оно въ глаза.

Все это проходившее передо мною горе я часто, въ воображеніи, олицетворялъ въ образѣ дѣда Окси. Мнѣ иногда казалось, что это вотъ онъ пришелъ ко мнѣ, сѣлъ передо мной и, пожимая слегка своими холодными, жесткими пальцами мою руку, смотритъ мнѣ въ глаза съ такимъ недоумѣніемъ, съ такой скорбью и вмѣстѣ съ такой любовью.

— Какъ же это жить-то будетъ чернядь, а?—слышится мнѣ, спрашиваетъ онъ:—какъ-же она жить-то будетъ? безъ вѣры-то? Вотъ, посмотри...

И, чудится мнѣ, развертываетъ передъ мной старый дѣдъ длинный-длинный свитокъ скорбныхъ листовъ, а я подвожу имъ итоги, какъ сводитъ ихъ врачъ, группируя послѣ консультаціи.

Мнѣ припоминается вечеръ, когда я зашелъ къ молодымъ врачамъ-супругамъ. Они именно сводили «таблички» за мѣсяцъ своей деревенской практики, въ итоги которыхъ посвящали и меня. Мы разговорились, дѣлая смотръ цѣлой арміи деревенскихъ больныхъ, изображаемой скорбными листками: въ первую голову идутъ дѣти съ дизентеріей, худосочіемъ, затѣмъ вывихи, ушибы, костоломы и т. д. Но вдругъ я поражаюсь неожиданнымъ фактомъ: за одинъ мѣсяцъ было уже четверо душевно-больныхъ. Невольно при этомъ припомнились недавніе разговоры о случаяхъ самоубійствъ, бывшихъ въ окрестности за послѣднее время. Молодые эскулапы сообщили мнѣ, что это °/₀ градный и что у опытныхъ практиковъ въ деревняхъ констатированъ уже фактъ сильнаго увеличенія душевнобольныхъ и самоубійцъ (конечно, относительно). Сообщили мнѣ также, что наибольшій процентъ душевно-больныхъ стоитъ въ зависимости съ семейными непріятностями. Стали сводить итоги; причинами болѣзней, какъ и слѣдовало ожидать, сначала оказались экономическая нужда и условія труда, а затѣмъ семейныя непріятности, подъ которыми слѣдуетъ, кажется, разумѣть нѣчто болѣе объемистое, такъ какъ жизнь деревенской семьи не изолирована отъ общины. Попробовалъ и я свести итоги собственнымъ «паціентамъ». И, однако же, какая разница! У молодыхъ врачей все это выходило такъ скоро, просто: выставили цифры, сложили, раздѣлили, сопоставили,—и выводъ готовъ, между тѣмъ какъ передо мной проходили цѣлыя вереницы въ страшно хаотическимъ безпорядкѣ, поражающемъ своею сложностію, парадоксальностію и, кромѣ того, неуловимостію. Да, не легко уложить въ статистическія цифры это необъятно-сложное явленіе, не имѣя передъ собой какой-нибудь аріадниной нити. И это въ деревнѣ, въ той «простой» деревнѣ, гдѣ жизнь казалась такой несложной, немудреной, гдѣ все приводится къ одному убійственно-ординарному знаменателю, гдѣ вѣковая тишина, гдѣ одно терпѣніе и «смиреніе»... Чего бы, казалось, легче все это подвести подъ двѣ-три цифры и подписать общій знаменатель?... Въ сожалѣнію, это далеко не такъ легко.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь внимательно теперь въ вереницу деревенскаго люда, который приходилъ ко мнѣ за «умственнымъ совѣтомъ», я невольно поражаюсь тѣмъ фактомъ, что наибольшее число ихъ приходило ко мнѣ *такъ*, *вообще*, просто что-то сказать, объ чемъ-то послушать, объ чемъ-то поговорить... Ихъ гнало ко мнѣ одно, какое-то общее *безпокойство жизни*.

Приходитъ ко мнѣ мой давнишній знакомый, деревенскій сапожникъ, кстати сказать, живущій вполнѣ изолированною жизнію и мало интересующійся собственно крестьянскимъ хозяйствомъ.

Спрашиваешь, «что, Сидоръ Иванычъ, ты объ чемъ? Дѣло, что ли, какое съ кѣмъ?

— Да я такъ... Нѣтъ, дѣла-то большаго чтобы нѣтъ... А такъ...

— Что же такое?...

— Да такъ... Жить-то вотъ какъ будемъ... Неужь все такъ пойдетъ?..

— А что?

— Да что... Смотришь: ровно бы такъ-то жить зазорно... Неужь такъ ничего и не будетъ?

— А чего же тебѣ нужно?..

— Мнѣ-то ничего не нужно... А такъ, за людей какъ-будто безпокойно... Неужь такъ и конца не будетъ?—повторяетъ гость.

— Да чему конецъ-то?

— Да всему... безпокойству конецъ... Въ народѣ спокою нѣтъ... Куда ни взглянешь, вездѣ одно безпокойство, а настоящей жизни нѣтъ...

Да, это правда. И такіе вздохи о «безпокойствѣ жизни» проходятъ красной лентой черезъ всѣ разговоры, ими начинаютъ и кончаютъ и тѣ, которые пришли такъ, и тѣ, кто пришелъ «по настоящему дѣлу».

Насколько это общее сознаніе «безпокойства жизни» укрѣпилось въ народѣ и насколько онъ уже не удовлетворяется простой констатировкой этого факта, можетъ служить указаніемъ слѣдующій характерный разговоръ.

Какъ-то собрались у меня крестьяне, стали говорить о «безпокойствѣ жизни». Былъ тутъ и старообрядецъ. Слушалъ онъ, слушалъ, и, вѣроятно, найдя моментъ удобнымъ для поддержанія своихъ взглядовъ, сказалъ:

— То-то вотъ и есть... Давно сказано...

— Что сказано-то?—спросили его.

— А вотъ что: слушай, да ротъ-то не разѣвай.

И раскольникъ наизусть прочиталъ внятно и съ большимъ апломбомъ извѣстный стихъ:

Совѣсть въ мірѣ пропала,
Милосердіе на гвоздѣ виситъ,
Благодать на небо ушла и т. д.

Прочитавъ, раскольникъ ждалъ, что его стихъ произведетъ эффектъ. Такъ думалъ и я, судя по настроенію моихъ гостей. Но оказалось, что стихъ раскольничій привелъ моихъ собесѣдниковъ въ какое-то раздраженіе.

— Слыхали... Цѣлый вѣкъ только и знай, что болтаютъ одно!— заговорили всѣ разомъ.—Ты хоть бы что поновѣе придумалъ... А то затвердила сорока одну пѣсню, а толку не видно...

Очевидно, одними отрицательными положеніями уже не удовлетворяются, и, можетъ быть, именно потому, что это безпокойство за жизнь слишкомъ уже назрѣло. Теряешься даже, когда слышишь объ этомъ отъ лицъ, повидимому, совсѣмъ застрахованныхъ отъ этого безпокойства, отъ людей экономически обезпеченныхъ.

И вотъ еще вдумчивѣе, еще внимательнѣе стараешься проникнуть въ таинственную сѣть тѣхъ жалобъ и скорбей, которыя слышались отъ людей, уже приходившихъ не только *такъ*, поговорить, но «по настоящему дѣлу».

Какого же рода эти «настоящія дѣла» и какая другая красная нить связываетъ ихъ въ одно, понятное цѣлое? Эта другая красная нить,—помимо «общаго безпокойства жизни»,—дѣйствительно представляетъ нѣчто гнетущее: это *полное недовѣріе къ какому-либо дѣйствующему въ деревнѣ праву*. Нѣтъ такого ничтожнаго дѣла, въ справедливости рѣшенія котораго какой-либо общественной или юридической инстанціей ни сомнѣвались. Кассируютъ всякое рѣшеніе, начиная отъ урядника до волостнаго схода,—и аппелируютъ къ вашему здравому смыслу. И даже не потому, чтобы не было уже здѣсь совсѣмъ резолюцій справедливыхъ, а такъ. *по общему,* уже установившемуся недовѣрію ко всему, по установившейся традиціи о царствѣ «неправды». Повторяю, самое ничтожное дѣло, — лишь только у истца или отвѣтчика есть малѣйшая возможность къ кому-либо аппелировать,—проходитъ безъ конца множество инстанцій, законныхъ и незаконныхъ. И это явленіе столь общее, что ужь, конечно, нельзя же признать его результатомъ простой страсти къ сутяжничеству. А, между тѣмъ, жалобъ всевозможныхъ родовъ безчисленное количество, и самыхъ невѣроятныхъ, часто самыхъ нелѣпыхъ: это стало даже какой-то эпидеміей. Жалуются на мірской сходъ уряднику, писарю, старшинѣ, волостному сходу, въ крестьянское по дѣламъ присутствіе, непремѣнному члену, мировому судьѣ, становому, исправнику, губернатору, окружному суду, судебной палатѣ и сенату и, наконецъ, всякому умственному человѣку. И вы думаете, что, можетъ

быть, это потому, что ужь очень ужасенъ и безобразенъ, молъ, самый мірской сходъ? Ничуть не бывало. Въ свою очередь, берите любую изъ перечисленныхъ безконечныхъ инстанцій (а мы перечислили далеко не всѣ,—напр., духовенство, лѣсное вѣдомство, дорожное и пр.),—и вы увидите, что на нее жалуются всѣмъ прочимъ. На урядника— мірскому сходу, становому, исправнику, мировому судьѣ, губернатору, на старшину — волостному сходу, волостнымъ судьямъ, исправнику, губернатору и т. д., и т. д. И все это, говорю, не только законными и разумными путями, но и беззаконными: если не значится по закону на извѣстное лицо и его рѣшеніе аппеляціи, идетъ въ дѣло доносъ «благородный» и неблагородный.

Одинъ исправникъ мнѣ жаловался, что онъ заваленъ бываетъ доносами въ каждый базарный день: доносятъ на всѣхъ и всѣ,— и дѣйствительно страждущіе и обремененные, и дѣйствительные негодяи и мерзавцы.

Изъ прошедшихъ передо мною явленій я выберу два или три, которыя могутъ служить образцомъ цѣлыхъ сотенъ подобнаго же рода.

Вотъ сынъ жалуется на отца и проситъ распутать его съ нимъ. Дѣло въ томъ, что сынъ хочетъ отдѣлиться, требуетъ выдѣла, но суровый и прижимистый старикъ не желаетъ этого. Сынъ передаетъ дѣло сначала на сходъ, потомъ въ волостной судъ. Но старикъ, зная очень хорошо, что надъ этими двумя самыми «бѣдными» и малосильными «правдами» стоятъ еще десять, сразу повертываетъ къ нимъ,—и идутъ въ ходъ какія-то «завѣщанія» съ засвидѣтельствованіемъ, какая-то «нерушимая» воля отца и пр. Сынъ, въ свою очередь, тянетъ еще выше. Судебныя инстанціи окончательно запутываются при полномъ невниманіи къ обычно-правовымъ воззрѣніямъ, признавая ихъ въ одномъ, отклоняя въ другомъ, поправляя другъ друга и отвергая... Въ виду такихъ «процессовъ», въ большинствѣ общинъ, какъ мнѣ извѣстно, сельскіе и сосѣдскіе сходы совершенно отказались принимать къ разсмотрѣнію дѣла подобнаго рода, и вообще семейныя. А, между тѣмъ, жизнь усложняется, не ждетъ и требуетъ выработки новыхъ приспособленій въ народно-правовыхъ воззрѣніяхъ. Но гдѣ же имъ выработаться? Борьба страстей, въ самомъ разгарѣ, толкаетъ хвататься за первое попавшееся средство, лишь бы оно давало какую-нибудь санкцію... А ихъ представляется вволю! И вотъ входятъ въ народный обиходъ какія-то «седьмыя»,

«четырнадцатыя» доли, нàскоро стряпаются завѣщанія и пр. Волостные суды совершенно теряются и сбиты окончательно съ толку. «Хорошіе люди» рѣшительно отказываются служить въ судахъ, «по двѣнадцати правдамъ».

Но еще болѣе печальны примѣры неустойчивости въ области земли и вообще недвижимой собственности. Подъ давленіемъ экономической нужды и царящихъ надъ деревней «двѣнадцати правдъ», одна другую кассирующихъ, передѣлъ все больше и больше теряетъ свое практически-раціональное значеніе и дѣлается игрой «въ свалку и навалку душъ», при которой, на второй же день послѣ передѣла, только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее statu quo, съ незначительными измѣненіями: надѣлы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими въ своихъ рукахъ до 8—10 надѣловъ, обрабатывать которые нанимаютъ батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы.

Мы можемъ указать въ особенности на большія села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода землевладѣнія, именно «общинъ землевладѣльцевъ», а не «общинъ земледѣльцевъ». Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 40 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей надѣльной земли, нанимая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя арміи батраковъ. Настоящій же, «*правовой*» хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по-міру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селѣ съ 500 — 700 душъ весь сельскій сходъ состоитъ только изъ 40 человѣкъ, да изъ нихъ *только* половина работаетъ сама, а прочіе—лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса,— женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, ушедшіе въ заработки,—не принимаютъ тутъ никакого участія и на сходы не ходятъ. Вслѣдствіе всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ *жить на хлѣбахъ*, т. е. хозяинъ надѣла, уходящій на заработки, очень радъ, если взявшій обработать его надѣлъ дастъ хлѣба его женѣ и ребятишкамъ, чтобы не умереть съ голода до Рождества. Такова чисто экономическая сторона. Переходя теперь къ исключительно *правовой* сторонѣ дѣла, мы видимъ, что общинная земля давно уже фактически сдѣлалась предметомъ купли-продажи, благодаря са-

мому безцеремонному приложенію къ ней понятія *личной* или *товарищеской собственности*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ она разсматривается во всѣхъ высшихъ городскихъ инстанціяхъ и по этому же взгляду составляются нотаріальные акты. Усадебныя мѣста уже сплошь разсматриваются какъ *личная* собственность домохозяина. Съ тѣхъ поръ, когда введенъ отводъ усадебныхъ мѣстъ *цѣпью*, т. е. обязательно для каждаго по 10 сажень. передѣлы усадебныхъ мѣстъ исчезли и принципъ *личной* собственности здѣсь уже заявленъ вполнѣ. Послѣдствія его для деревни громадны, въ развращающемъ смыслѣ. Я былъ свидѣтелемъ множества безконечныхъ тяжбъ между правомъ общины на усадебныя мѣста и *личнымъ*, въ особенности, когда послѣднее пріобрѣтено путемъ купчей лицомъ, непринадлежащимъ уже общинѣ. Эти тяжбы рѣшительно безконечны, такъ какъ однѣ инстанціи рѣшаютъ ихъ въ пользу общины, другія—въ пользу частныхъ лицъ. Не менѣе, если не болѣе, вноситъ смуты и взглядъ нотаріусовъ на сдѣлки, производимыя *общинами*, какъ на сдѣлки, производимыя въ формѣ *товарищества*. Впрочемъ, распространяться объ этомъ не стоитъ, такъ какъ понятно само собой.

Чѣмъ дальше развивался передо мной этотъ скорбный свитокъ, тѣмъ рѣзче и рѣзче выступала третья красная нить: это—*страстная жажда «правды»*. Никогда еще «общинные идеалы» не выступали передо мной съ такой ясностью, никогда стремленіе къ общему упорядоченію жизни не высказывалось такъ страстно, какъ именно теперь, когда передо мной проходила грустная картина полнаго крушенія современной общины, когда дни ея уже были сочтены передо мной, когда обычно-правовыя воззрѣнія народа представляютъ уже фикцію и въ ихъ настоящемъ практическомъ примѣненіи почти совсѣмъ дискредитированы въ глазахъ народа.

— Какъ же жить-то теперь мы будемъ?—спрашивалъ меня Окся:—дѣлать-то что будемъ, дѣлать-то? И смотритъ онъ мнѣ вопрошающе въ глаза и жметъ холодными, сухими пальцами мнѣ руку. И холодъ этихъ пальцевъ передался мнѣ. Я чувствую одно, что что-то въ общей атмосферѣ «надтреснуло» и что-то медленно «перекатывается»...

Н. Златовратскій.

Новыя данныя о пребываніи Петра въ Парижѣ,

почерпнутыя изъ испанскихъ архивовъ. *).

Говоря о причинахъ, побудившихъ Петра поѣхать во Францію, профессоръ Брикнеръ, какъ мы полагаемъ, съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ, что задачей Петра было не заключеніе одного торговаго договора, а вступленіе съ Франціей въ политическій союзъ въ интересахъ скорѣйшаго окончанія сѣверной войны. Къ тѣмъ даннымъ, которыя въ подтвержденіе этой мысли приводятся г. Брикнеромъ, я имѣю возможность прибавить еще слѣдующій интересный документъ. Союзница Россіи въ сѣверной войнѣ, Данія, хорошо сознавала тѣ причины, какія могли побудить Петра къ поѣздкѣ въ Парижъ. Опасаясь, что послѣдствіемъ будетъ разрывъ наступательнаго и оборонительнаго союза, заключеннаго съ нимъ Россіею, датское правительство уполномочило Ганса Джорджа-Вестфалена отклонить Петра отъ поѣздки или, по меньшей мѣрѣ, убѣдить его въ необходимости воздержаться отъ подписанія съ Франціей частнаго соглашенія. 24 апрѣля 1717 года, Вестфаленъ передалъ Петру меморандумъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось, «что его величество король Даніи и Норвегіи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что французскій дворъ не преминетъ обратиться къ Его Величеству Царю съ предложеніемъ посредническихъ услугъ и поведетъ съ нимъ рѣчь о мирѣ съ Швеціей. Какъ чрезвычайный посолъ съ полномочіемъ блюсти интересы датскаго двора, Вестфаленъ считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ Царю съ почтительнѣйшею просьбой не соглашаться ни на какое предложеніе, которымъ его величество король датскій могъ бы остаться недовольнымъ».

*) Настоящая замѣтка вызвана статьями профессора Брикнера въ „Ж. М. Нар. Пр.“ за августъ и октябрь 1883 года.

Вестфаленъ хлопочетъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ на этотъ меморандумъ. «Многіе изъ его соотечественниковъ, — говоритъ онъ, — не зная чистоты намѣреній Его Царскаго Величества, ничего не ожидаютъ добраго отъ поѣздки въ Парижъ. Онъ желалъ бы довести до свѣдѣнія уполномочившаго его двора, съ какою непреклонностью Царь стоитъ за продолженіе войны до тѣхъ поръ, пока шведы не принуждены будутъ удовольствоваться прежними своими естественными границами, а ихъ сосѣди не получатъ серьезныхъ гарантій противъ возможности новыхъ оскорбленій со стороны этой гордой, надменной и кровожадной націи» *).

О путешествіи Петра изъ Дюнкирхена въ Парижъ можно найти интересныя подробности какъ въ сборникѣ, изданномъ историческимъ обществомъ (т. 34), такъ и въ тѣхъ донесеніяхъ французскихъ интендантовъ, которыя были найдены мною въ парижской публичной библіотекѣ и напечатаны въ *Русской Старинѣ* (том. 13., стр. 111 и 114).

Г. Брикнеръ, какъ мнѣ кажется, недостаточно воспользовался этимъ послѣднимъ источникомъ. Въ напечатанныхъ мною донесеніяхъ не мало подробностей, характеризующихъ самую личность Петра. Въ нихъ говорится о томъ, какъ Петръ старался избѣжать всякаго церемоніала, всякой торжественной встрѣчи, какъ докучали ему постояннымъ присутствіемъ при его особѣ французскіе администраторы и какъ, избѣгая ихъ общества, онъ спѣшилъ ночью роспить бутылку въ веселой компаніи музыкантовъ. О пребываніи Петра въ Парижѣ г. Брикнеръ, въ статьѣ, напечатанной имъ еще въ 1881 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, повторяетъ безъ всякой критики все, что ни говорятъ объ этомъ французскіе мемуары. Оно и неудивительно, если принять во вниманіе скудость данныхъ, сообщаемыхъ на этотъ счетъ русскими источниками и невозможность поэтому критической провѣрки иноземныхъ свидѣтельствъ.

Къ ходячимъ свѣдѣніямъ о пребываніи Петра въ Парижѣ я въ состояніи прибавить нѣсколько новыхъ, значительно измѣняющихъ, а подчасъ и восполняющихъ прежнія. Совершенно случайно мнѣ удалось найти въ центральномъ испанскомъ архивѣ, помѣщающемся въ Альколо-Хенаресѣ, весьма интересное донесеніе или, лучше сказать, рядъ донесеній, сдѣланныхъ испанскому двору тайнымъ агентомъ, приставленнымъ къ Петру съ самаго

*) Я нашелъ это письмо въ копіи въ рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ и принадлежащей къ числу новыхъ его пріобрѣтеній. Она помѣчена № 28,155.

момента прибытія его въ Парижъ королемъ Филиппомъ V. Этимъ агентомъ былъ маркизъ де-Гримальдо. Причины, побудившія испанцевъ слѣдить съ такимъ интересомъ за каждымъ шагомъ Петра въ столицѣ Франціи, лежатъ, какъ я полагаю, въ слѣдующемъ: кардиналъ Альберони, стоявшій во главѣ испанской дипломатіи, затѣвалъ уже въ это время свой грандіозный проектъ возвратить Испаніи утраченныя ею владѣнія, одинаково въ Италіи и Нидерландахъ; для него было не безразлично, на чью сторону станетъ его будущій союзникъ, Петръ. Дружба между нимъ и Франціей казалась ему крайне нежелательной и опасной для интересовъ Испаніи. Отсюда вполнѣ понятна попытка узнать доподлинно все, что ни дѣлалось въ царской резиденціи. Отсюда и рѣшимость приставить къ Петру тайнаго агента, отъ котораго при случаѣ можно было бы и отказаться. Не одна Испанія позволила себѣ прибѣгнуть къ такому средству. То же сдѣлано было и саксонскимъ дворомъ. Сенъ-Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ о нѣкоемъ Лоси, состоявшемъ въ саксонской дипломатической службѣ, который всюду слѣдовалъ за царемъ въ качествѣ лазутчика *).

Въ своихъ донесеніяхъ Гримальдо самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ попалъ въ роль тайнаго агента при Петрѣ. 23 ноября 1716 года, русскій резидентъ увѣдомилъ его на счетъ прибытія царя въ Парижъ. Онъ обратился немедленно къ своему правительству съ просьбой дать ему инструкцію, какъ вести себя съ царственнымъ путешественникомъ. Депешей изъ Мадрита дано было знать, чтобы по пріѣздѣ царя въ Парижъ онъ употребилъ все стараніе къ тому, чтобы развѣдать мотивы, побудившіе Петра къ путешествію. Маркизъ де-Гримальдо долженъ былъ также дать отчетъ и о самомъ пріемѣ Петра французскими властями, обращая съ этою цѣлью свои ежедневныя донесенія на имя испанскаго посла, князя де-Халамара.

Та цѣль, съ которой написаны эти донесенія, и характеръ составившаго ихъ лица вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что передаваемые въ нихъ факты сообщаются съ возможною точностью и притомъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Гримальдо неоднократно упоминаетъ о томъ, что тѣ или другія свѣдѣнія получены имъ или благодаря личному присутствію при особѣ Петра, или благодаря сообщеніямъ, сдѣланнымъ ему приставлен-

*) Mémoires, т. LX, стр. 254.

ными къ Петру придворными лицами и посѣщавшими царя посланниками.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ воспользоваться этими донесеніями для провѣрки тѣхъ данныхъ, какія сообщаются французскими мемуарами насчетъ пребыванія Петра въ Парижѣ. Все, несогласное въ этихъ мемуарахъ съ той, довольно сухой передачей фактовъ, какую мы находимъ въ испанскихъ донесеніяхъ, будетъ подвергнуто мною сомнѣнію.

Какъ испанскія донесенія, такъ и мемуары Бюва упоминаютъ о путешествіи Петра по Франціи подъ именемъ графа Петербургскаго. Но тогда какъ Бюва почему-то говоритъ о сопровожденіи его супругою Екатериной, децеши Гримальдо и напечатанныя недавно письма Василія Дмитріевича Олсуфьева, оберъ-гофмейстера Екатерины, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что царица, еще не вполнѣ оправившаяся отъ несчастныхъ родовъ (Павелъ Петровичъ родился въ Везелѣ 2 января 1717 г. и прожилъ всего три часа), не послѣдовала за мужемъ во Францію, а осталась въ Амстердамѣ, пребывая почти все время въ загородномъ домѣ русскаго агента Соловьева *).

Петръ прибылъ въ Парижъ 7 мая 1717 года, въ пятницу, часамъ къ 9 вечера, въ сопровожденіи маршала Тессе и маркиза де-Маньи, которые по порученію двора за 8 льё отъ города выѣхали къ нему на встрѣчу. Испанскій агентъ сообщаетъ о намѣреніи герцога Орлеанскаго привѣтствовать Петра лично при въѣздѣ его въ столицу около Портъ-Сенъ-Дени или, по меньшей мѣрѣ, поручить пріемъ его одному изъ принцевъ крови. Царственный гость самъ отклонилъ сдѣланное ему въ этомъ смыслѣ предложеніе, избѣгая торжественности публичной встрѣчи и стараясь укрыться отъ толпы, которая съ интересомъ поджидала его пріѣзда. Французское правительство рѣшило помѣстить Петра въ Луврѣ. Комнаты королевы, богато реставрированныя, отведены были для его резиденціи. Царя ожидала въ нихъ раскошная трапеза, сервированная на двухъ столахъ, съ 50-ю приборами каждый. Вся эта роскошь видимо не понравилась Петру. Онъ пробылъ въ Луврѣ не болѣе получаса и въ сопровожденіи приближенныхъ переѣхалъ въ отель маршала Ледигьера около Портъ-Сентъ-Антуанъ. Это помѣщеніе было предназначено для него на случай, если онъ не согласится остаться въ Луврѣ. При выборѣ его

*) „Русскій Архивъ“ 1883 года, № 5. Братья Олсуфьевы и ихъ переписка съ Меньшиковымъ, стр. 37.

французское правительство имѣло въ виду удовлетворить высказанному Петромъ желанію имѣть домъ съ видомъ на рѣку. Домъ маршала Ледигьера лежитъ не въ далекомъ разстояніи отъ Сены, вблизи арсенала. Отмѣчаю эту подробность, такъ какъ въ ней наглядно сказывается одна изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Петромъ въ его путешествіи. Отправляясь во Францію, онъ имѣлъ въ виду познакомиться, между прочимъ, и съ состояніемъ въ ней морскаго дѣла. Съ этой цѣлью, по всей вѣроятности, былъ избранъ имъ путь на Кале; она руководила имъ и при выборѣ квартиры въ Парижѣ. Ею же объясняется, правда, не выполненное имъ желаніе побывать въ Брестѣ, «въ которомъ,—какъ пишетъ его спутникъ, Матвѣй Олсуфьевъ,—французскій большой флотъ стоитъ» *).

По пріѣздѣ въ Парижъ, Петръ, отказываясь отъ дальнѣйшаго инкогнито, вступаетъ въ роль странствующаго монарха. Настаивая на строгомъ соблюденіи этикета, онъ воздерживается отъ всякаго рода осмотровъ и посѣщеній и выжидаетъ прибытія къ нему регента, герцога Орлеанскаго. Въ своемъ донесеніи Гримальдо сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ посѣщеніи: едва Петръ узналъ о пріѣздѣ герцога, онъ поднялся ему на встрѣчу; сдѣлавши нѣсколько шаговъ въ направленіи къ главному входу, онъ остановился, не дошедши до него, и сталъ поджидать своего гостя. При встрѣчѣ царь и герцогъ нѣкоторое время продолжали говорить стоя, затѣмъ, подъ предлогомъ переговоровъ о дѣлахъ, съ заботливой торжественностью, какъ значится въ донесеніи, усѣлись въ кресла одинаковой величины, на значительномъ разстояніи отъ сопровождавшей ихъ свиты. Петръ и регентъ переговаривались между собою при посредствѣ переводчика. Гримальдо говоритъ по этому случаю, что царь обладаетъ слабыми познаніями въ нѣмецкомъ языкѣ, совершенно незнакомъ ни съ французскимъ, ни съ испанскимъ, италіанскимъ или латинскимъ и превосходно объясняется только на своемъ родномъ «славянскомъ» языкѣ. По увѣренію того же Гримальдо, собесѣдники послѣ кратковременнаго разговора встали совершенно довольные другъ другомъ и разстались самымъ дружественнымъ образомъ.

Царь, повидимому, не удовольствовался визитомъ регента и рѣшился приступить къ осмотру Парижа не раньше, какъ послѣ посѣщенія его королемъ.

Въ ожиданіи этого визита, приняты были необходимыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать Петру возможно пріятнымъ его пре-

*) „Русскій Архивъ“ 1883 г., № 5, стр. 3

бываніе въ Парижѣ и облегчить ему знакомство съ достопримѣчательностями французской столицы. Два раза въ день въ отелѣ Ледигьера накрывался столъ на 40 персонъ для завтрака и обѣда. За этимъ столомъ сидѣли одни приближенные царя. Французскіе же офицеры, а также весь служебный персоналъ обѣдали отдѣльно. Завѣдываніе кухнею было поручено одному изъ наиболѣе опытныхъ поваровъ Людовика XV, Вертону *). Герцогу Отенскому, въ верховномъ завѣдываніи котораго находились королевскіе дворцы, поручено было составить въ формѣ дневника описаніе достопримѣчательностей Парижа и его окрестностей и этотъ дневникъ приказано перевести на русскій языкъ, чтобы сдѣлать его доступнымъ для царственнаго гостя.

На третій день послѣ прибытія Петра въ Парижъ, послѣдовалъ ожидаемый визитъ короля. При этомъ визитѣ рѣшено было, по словамъ Гримальдо, держаться того же церемоніала, что и при посѣщеніи Людовикомъ XIV низложеннаго англичанами короля Якова II. Малютка-король прибылъ въ сопровожденіи маршала Вильроа и 50-ти гвардейцевъ, предшествуемый трубачами и барабанщиками. Царь спустился по лѣстницѣ къ самой каретѣ, обнялъ молодаго Людовика XV и, взявши его на руки, понесъ вверхъ по лѣстницѣ. *Журналъ регенства* прибавляетъ къ сказанному еще слѣдующія подробности: молодой король, повторяя затверженную имъ рѣчь, любезно, хотя и съ подобающей важностью, привѣтствовалъ царя съ его прибытіемъ во Францію. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе царь отвѣчалъ, что, несмотря на разстояніе, отдѣляющее его владѣнія отъ Франціи, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить эту страну, такъ какъ неоднократно слышалъ, что французское королевство всегда состояло подъ управленіемъ великихъ монарховъ, изъ ряда которыхъ особенно выдѣлялся покойный король, бывшій въ теченіе всей своей жизни «предметомъ всеобщаго восторга и удивленія». Насколько вѣрно переданы эти слова, мы рѣшить не беремся. Они сказаны были въ присутствіи значительнаго числа придворныхъ, которые могли передать ихъ составителю мемуаровъ, Бюва.

Находчивость, съ какою царь, по словамъ мемуаровъ, отвѣчалъ на сдѣланное ему привѣтствіе, вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ намъ объ этой сторонѣ личнаго характера Петра Гримальдо. Предваряя испанскаго посла о необходимости съ осто-

*) Journal de la Régence (1715—1723), par Jean L. Buvat, стр. 263.—Mémoires de Duclos, стр. 314.

рожностью относиться къ тѣмъ слухамъ, какіе ходятъ насчетъ «смѣшныхъ эксцентричностей» этого «великаго монарха», испанскій агентъ, со словъ маршала Тессе, начальника приставленной къ Петру почетной стражи, маркиза де-Маньи и другихъ лицъ, сопровождавшихъ царя, признаетъ поведеніе послѣдняго вполнѣ отвѣчающимъ этикету — «разсудительнымъ, умѣреннымъ и осторожнымъ».

На слѣдующій день послѣ визита короля, Петръ, въ сопровожденіи русскаго посла князя Куракина, вице-канцлера Шафирова и Долгорукова, отправился въ Тюльери. Русскіе гости ѣхали въ королевскихъ каретахъ, предшествуемые скачущими впереди каретъ пятнадцатью гвардейцами и такимъ же числомъ личной стражи съ обнаженными шпагами. У входа въ Тюльери выстроена была въ рядъ дворцовая гвардія, которая при приближеніи Петра отдала ему королевскія почести. Молодой король ждалъ царя у подножія лѣстницы. Во время этого вторичнаго свиданія соблюденъ былъ въ строгости тотъ же церемоніалъ, что и при первомъ.

Не проходитъ и трехъ дней со времени прибытія царя, какъ Гримальдо уже представленъ ему. Вотъ что разсказываетъ онъ о своемъ свиданіи съ нимъ: «Въ послѣобѣденное время я рѣшился, наконецъ, сдѣлать визитъ царю, желая тѣмъ самымъ сообразоваться съ видами его величества короля испанскаго. Я тѣмъ легче рѣшился на этотъ шагъ, что, по собраннымъ мною слухамъ, большинство пословъ, аккредитованныхъ при парижскомъ дворѣ, ходатайствовали у царя объ аудіенціи и Петръ милостиво принялъ ихъ ходатайство. Въ половинѣ втораго, — продолжаетъ Гримальдо,—я отправился къ маршалу Тессе, который согласился сопровождать меня къ царю». Гримальдо говоритъ, что при свиданіи съ нимъ онъ произнесъ ему слѣдующее «краткое и почтительное привѣтствіе: «Слава о вашихъ великихъ дѣяніяхъ и военныхъ подвигахъ, несмотря на разстояніе, достигла до слуха его величества короля испанскаго и расположила его въ пользу *такого историческаго монарха*. Если бы его величество король получилъ чрезъ меня увѣдомленіе о желаніи царя посѣтить его дворъ, онъ несомнѣнно принялъ бы своего гостя съ любовью и должнымъ почетомъ». На эти слова Петръ отвѣчалъ выраженіями признательности, уваженія и привязанности къ испанскому королю. Гримальдо сообщаетъ, что въ то время, какъ царь отвѣчалъ на его привѣтствіе, съ нимъ случился довольно часто повторяющійся судорожный припадокъ. Сенъ-Симонъ говоритъ о подоб-

ныхъ припадкахъ и о томъ невѣрномъ объясненіи, какое давали ему современники, видѣвшіе въ немъ послѣдствіе яда, который былъ данъ Петру въ дѣтствѣ. Этотъ припадокъ заставилъ царя сократить аудіенцію, и онъ удалился въ свои покои, поручивъ Куракину проводить Гримальдо до дверей. Сообщая эти подробности, Гримальдо даетъ слѣдующую характеристику Куракину. По его словамъ, «это человѣкъ самаго изысканнаго обращенія, не сохраняющій ни малѣйшихъ слѣдовъ той невоспитанности и грубости, какая отличаетъ его соотечественниковъ».

Передавая съ чужихъ словъ разсказъ о посѣщеніи Петромъ принцевъ и принцессъ крови, а также объ осмотрѣ имъ публичныхъ зданій и дворцовъ, Гримальдо съ интересомъ останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ: особенно продолжительно было посѣщеніе царемъ адмиралтейства, ботаническаго сада и обсерваторіи. Разъѣзжая по Парижу и его окрестностямъ, царь всегда держитъ при себѣ карандашъ, которымъ набрасываетъ на бумагу чертежъ всего, что покажется ему заслуживающимъ вниманія. Въ другомъ изъ своихъ донесеній Гримальдо прибавляетъ къ сказанному еще слѣдующія черты: съ удивительной обстоятельностью царь заноситъ въ записную книжку все достопримѣчательное. Нерѣдко онъ заходитъ въ магазины, чтобы справиться о цѣнахъ какъ сырыхъ продуктовъ, такъ и мануфактурныхъ издѣлій. Царь не дѣлаетъ большихъ затратъ и обнаруживаетъ во всемъ похвальную бережливость: его нарядъ самый простой, свита малочисленная. «При такихъ условіяхъ единственное невыгодное послѣдствіе его путешествія,—замѣчаетъ Гримальдо,—составляетъ продолжительное отсутствіе его внѣ отчизны. Оно тѣмъ опаснѣе, что наслѣдникъ не раздѣляетъ его взглядовъ и многіе изъ подданныхъ, какъ привязанные къ стариннымъ порядкамъ, недовольны сдѣланными имъ нововведеніями».

Издержки, какія пребываніе царя причинило французскому правительству, были довольно значительны. Онѣ доходили до тысячи экю въ день, не говоря о чрезвычайныхъ расходахъ на устроенныя празднества въ его честь. Въ Парижѣ, по словамъ Гримальдо, разсказываютъ о царѣ анекдоты—намекъ на приписываемыя Петру любовныя похожденія и разгульныя пирушки.

«Я не рѣшаюсь передать ихъ вамъ,—пишетъ онъ въ своемъ донесеніи послу,—не потому только, что они унизительны для чести этого монарха, но и потому, что они баснословны и не заключаютъ въ себѣ ни слова правды». Такимъ образомъ, слѣдуя

испанскимъ депешамъ, можно признать не болѣе, какъ сплетнями тѣ многочисленные разсказы про распутство царя, которыми наполнены французскіе мемуары и которымъ Брикнеръ придаетъ, повидимому, серьезное значеніе *).

Донесенія Гримальдо представляютъ намъ также далеко не въ томъ свѣтѣ характеръ обращенія Петра съ принцами и принцессами крови, въ какомъ рисуютъ его, напримѣръ, мемуары Сенъ-Симона. Въ поведеніи царя Гримальдо не замѣтилъ той надменности, того ежечаснаго опасенія умалить свое достоинство, занять низшій противъ подобающаго рангъ, какой приписываютъ Петру французскіе мемуары. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Гримальдо о посѣщеніи царемъ герцогини Берійской. Герцогиня пріѣхала въ Парижъ для свиданія съ Петромъ изъ своей лѣтней резиденціи и остановилась въ Люксембургскомъ дворцѣ. Со словъ лицъ, присутствовавшихъ при пріемѣ царя, Гримальдо разсказываетъ, что герцогиня вышла на встрѣчу своему гостю и, проводивши его въ свой кабинетъ, предложила ему занять въ немъ самое высокое кресло. Но Петръ отказался отъ этой чести и присѣлъ не раньше, какъ послѣ занятія этого кресла герцогиней.

Причиной назначенія Гримальдо тайнымъ агентомъ къ царю было, какъ мы видѣли, желаніе испанскаго правительства развѣдать мотивы, побудившіе Петра къ путешествію.

Гримальдо постоянно имѣетъ въ виду возложенную на него обязанность, употребляетъ всѣ старанія, чтобы проникнуть тайну переговоровъ Петра и его министровъ съ французскими властями, разспрашиваетъ объ этомъ кого можетъ и все же, въ концѣ-концовъ, не въ состояніи довести до свѣдѣнія своего двора ничего, кромѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ. «Изъ бесѣдъ съ французскими сановниками и дипломатами Швеціи, Пруссіи и Польши,—пишетъ онъ,—я пришелъ къ заключенію, что всѣ они придерживаются того взгляда, что путешествіе царя въ Парижъ вызвано политическими цѣлями. Я не раздѣляю этого мнѣнія: я полагаю, что ближайшей причиной путешествія было простое любопытство. Судя по тому интересу, съ которымъ Петръ изучаетъ все, имѣющее отношеніе къ наукамъ математическимъ, къ механикѣ и техникѣ, а также и къ изящнымъ искусствамъ, я полагаю, что ближайшее ознакомленіе съ ними въ интересахъ пересаженія ихъ на родину была главная, если не единственная цѣль его поѣздки».

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1881 г., мартъ, стр. 60.

«Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно,—продолжаетъ Гримальдо,—что Петръ и его министры имѣли не одну конференцію съ герцогомъ Орлеанскимъ, маршаломъ д'Юксель, президентомъ совѣта иностранныхъ дѣлъ, и аббатомъ Дюбуа, виновникомъ тройнаго союза, въ который недавно вошла Франція съ морскими державами—Англіей и Голландіей. Мнѣ извѣстно также изъ несомнѣнныхъ источниковъ, что въ ихъ бесѣдахъ рѣчь шла неоднократно о Швеціи». Гримальдо считаетъ довольно вѣроятнымъ, что предложеніе вступить въ соглашеніе по этому предмету вышло не отъ царя, а отъ регента. Петръ, повидимому, не имѣлъ въ виду искать французскаго посредничества. Если переговоры начались между обоими дворами, то лишь потому, что герцогъ Орлеанскій не пожелалъ упустить случая услужить своимъ союзникамъ, шведамъ, склонивъ царственнаго гостя къ миру съ ними. «Съ другой стороны, французскій дворъ не прочь,—говоритъ Гримальдо,—оказать на Петра нѣкоторое давленіе съ цѣлью побудить его къ болѣе дружественному отношенію къ Англіи. Новый союзъ съ этой державой—ближайшая къ тому причина. Франція, располагая Петра въ пользу англичанъ, надѣется доказать тѣмъ самымъ Георгу I, какія выгоды можетъ доставить ему недавно состоявшееся соглашеніе съ нею». Прибавимъ отъ себя, что тѣ новыя данныя, которыя приводятся г. Брикнеромъ на основаніи матеріаловъ, изданныхъ историческимъ обществомъ, вполнѣ подтверждаютъ эти догадки. Отношеніе къ Швеціи было дѣйствительно главнѣйшею темою бесѣдъ царя и его министровъ съ французскими дипломатами *). Переговоры эти не привели, въ концѣ-концовъ, ни къ чему, и причину этому указываетъ Гримальдо, говоря о томъ, что московскіе дипломаты ставятъ на первый планъ удержаніе царемъ почти всего завоеваннаго имъ у Швеціи. Соглашеніе съ этой послѣдней державой, полагаетъ испанскій агентъ, состоится не ранѣе и не иначе, какъ послѣ того, когда Швеція помирится съ мыслью потерять Лифляндію съ главнымъ ея городомъ Ригою. Русскіе, которыхъ онъ называетъ московитянами, не могутъ, по его мнѣнію, уступить шведамъ ни вновь построеннаго ими Петербурга, ни портовъ Ревеля и Нарвы. «Невообразимы,—говоритъ онъ,—тѣ затраты, какія понесены были Петромъ при основаніи Петербурга, который онъ сдѣлалъ столицей, какъ бы въ наказаніе Москвѣ за тѣ мятежи, жертвою которыхъ онъ едва не сдѣлался въ своей юности. Ревель же, который, повидимому, ошибочно стоитъ въ депешахъ вмѣсто Крон-

*) „Журн. Мин. Нар. Просв.." стр. 181 и слѣд.

штадта, служитъ какъ бы преддверіемъ къ Петербургу, подобно тому, какъ островъ Техель для Амстердама». Удержаніе обоихъ портовъ, Ревеля и Риги, полагаетъ онъ, необходимо для Россіи, такъ какъ они даютъ и доступъ къ морю, и дѣлаютъ возможными для нея торговыя сношенія съ Западомъ.

Съ другой стороны, для Франціи представляется еще та трудность войти въ союзъ съ царемъ, что, въ силу послѣдняго трактата съ Англіей, она заинтересована въ возвращеніи Георгу Бременскаго герцогства. Согласись русское правительство на уступку шведамъ Ливоніи и Лифляндіи, французамъ удалось бы, пожалуй, побудить ихъ (шведовъ) отказаться отъ названнаго герцогства въ пользу Англіи. При отказѣ же со стороны русскаго царя подобная комбинація представляется рѣшительно невозможной.

Высказывая справедливую догадку насчетъ неуспѣшности дипломатическихъ переговоровъ регента съ Петромъ, Гримальдо въ своихъ донесеніяхъ предсказываетъ, въ то же время, заключеніе въ ближайшемъ будущемъ торговаго трактата между Россіей и Франціей. «Французы,—говоритъ онъ,—желали бы вступить въ прямыя сношенія съ русскими купцами и обходиться безъ посредничества Англіи и Голландіи». Любопытно при этомъ, что Франція разсчитываетъ на вывозъ изъ Россіи тѣхъ же самыхъ продуктовъ, необходимость въ которыхъ вызвала еще во времена Елизаветы Тюдоръ торговые переговоры Англіи съ Россіей. Между ними на первомъ планѣ стоитъ пенька, безъ которой, какъ писали англійскіе дипломаты, флотъ ея величества не будетъ имѣть хорошихъ мачтъ, затѣмъ слѣдуютъ мѣха и строевой лѣсъ. Въ ряду предметовъ вывоза мы не встрѣчаемъ хлѣбнаго зерна—новое подтвержденіе тому, какъ поздно Россія становится житницей для Европы.

Первый торговый трактатъ съ Франціей былъ, какъ извѣстно, подписанъ Петромъ вскорѣ по возвращеніи его въ Россію. Этимъ и ограничились до поры до времени политическія послѣдствія его поѣздки во Францію. Пророческое предсказаніе, сдѣланное имъ насчетъ неизбѣжнаго упадка Швеціи, и необходимость для Франціи искать въ немъ союзника противъ возрастающаго могущества Австріи не были услышаны французскимъ правительствомъ. Внѣшняя политика Франціи приняла на время совершенно иное направленіе, благодаря заключенному ею всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ союзу съ сѣверными морскими державами, соперницами Россіи въ балтійской торговлѣ.

М. Ковалевскій.

Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ.

Въ нашей литературѣ давно уже установились два вполнѣ опредѣленные, но діаметрально-противоположные между собою взгляда на значеніе раскола-старообрядчества съ точки зрѣнія культуры и прогресса. Одни изъ писателей (главнымъ образомъ, духовнаго званія и вѣдомства) съ давнихъ поръ привыкли видѣть въ расколѣ лишь «одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою».

Другіе, наоборотъ, признаютъ расколъ «крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса» и доказываютъ, что «въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ,— не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ,—безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельностьвъ области мысли и убѣжденія» (Н. И. Костомаровъ *).

Быть можетъ, оба эти мнѣнія нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ и оговоркахъ. Но мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ и оцѣнку этихъ взглядовъ, такъ какъ цѣль нашей настоящей статьи нѣсколько иная. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, созданныхъ всѣмъ ходомъ нашей жизни и расшевелившихъ народное сознаніе, въ средѣ русскаго старообрядчества все сильнѣе и замѣтнѣе пробиваются наружу и заявляютъ о себѣ запросы умственной, интеллектуальной жизни.

*) „Исторія раскола у раскольниковъ". „Вѣстникъ Европы" 1871 г., № 4, стр. 469.

Цѣль настоящаго очерка—воочію показать, до какой степени назрѣли эти потребности и какъ настоятельно необходимо немедленное же удовлетвореніе давно наболѣвшихъ нуждъ и запросовъ умственной, духовной жизни многочисленнаго класса русскихъ старообрядцевъ. И такъ, припомнимъ факты, которые такъ или иначе освѣщаютъ различныя стороны поставленнаго нами вопроса.

I.

Порывы къ свѣту.

Хотя мы и замѣтили, что, благодаря извѣстнымъ условіямъ, просвѣтительныя стремленія въ расколѣ съ особенною интензивностью сказались именно въ послѣднее время, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, однако, думать, что прошлая исторія раскола совершенно лишена всякихъ прогрессивныхъ задатковъ и стремленій. Отнюдь нѣтъ. Безъ всякаго преувеличенія, можно положительно утверждать, что въ старинной Руси раскольникъ являлся умственно гораздо развитѣе, осмысленнѣе православнаго.

Г. Костомаровъ прекрасно оттѣняетъ разницу въ умственномъ складѣ и направленіи, какая существовала между раскольникомъ и православнымъ прежняго времени. Въ старинной Руси—говоритъ онъ—грамота была вообще рѣдкостью, — раскольникъ же читалъ и пытался создать себѣ ученіе; «въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокоивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія; раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди, и сбоковъ; ничто ему извнѣ не помогало; напротивъ, все ему препятствовало, все старалось попятить его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ

расколѣ, все-таки, онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію» *).

Эта характеристика культурнаго значенія раскола находитъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ и событіяхъ почти всей исторической жизни русскаго старообрядчества. Отмѣтимъ здѣсь. въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя немногіе изъ этихъ фактовъ, для доказательства, что стремленія къ свѣту, къ просвѣщенію издавна были присущи различнымъ группамъ русскаго раскола.

Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже находимъ въ расколѣ несомнѣнные признаки и проблески умственнаго развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библіотеки **) и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д.; составлялись стихи, сатиры, въ которыхъ осмѣивались тѣ или другіе пороки и смѣшныя стороны въ жизни старообрядчества ***), издавались аллегорическаго содержанія картины и проч. Всѣ эти произведенія старообрядческихъ писателей, во множествѣ циркулируя среди приверженцевъ раскола, неизбѣжно должны были будить спавшую до тѣхъ поръ мужицкую мысль.

Само собою понятно, что школы и учителя, какіе были въ это время у старообрядцевъ, не могли дать своимъ воспитанникамъ ничего, кромѣ простой элементарной грамотности. Но, вѣдь, и это уже не малая заслуга съ ихъ стороны, — особенно для тогдашняго времени. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ средѣ старообрядчества уже въ то время выяснялось сознаніе о недостаточности подобныхъ школъ и постепенно назрѣвала мысль о необходимости болѣе широкаго, научнаго образованія.

Одинъ изъ писателей старообрядческихъ, выгорѣцкій старецъ Андрей Борисовичъ, составлялъ даже проектъ основать въ Вы-

---

*) «Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 4.

**) Напр., «Модный старообрядецъ»—сатира, написанная поморцами Скочковымъ и Андріановъ Сергѣевымъ.

***) Какъ велики были эти библіотеки, можно между прочимъ, судить по слѣдующему факту: при разгромѣ Выговскихъ скитовъ, по свидѣтельству г. Майнова, «было сожжено около 3,000 рукописей». (*Историческій Вѣстникъ* 1880 г, № 11, стр. 542).

горѣціи *академію*, но эта мысль не осуществилась лишь потому, что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ опустошилъ эту поморскую колонію.

Другой, еще болѣе извѣстный и талантливый старообрядческій писатель, Павелъ Любопытный, писалъ къ московскому поморскóму пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты «образовательныя училища», «гдѣ бы преподаваема была *вся словесность наукъ*». Съ жаромъ доказывая пользу и необходимость подобныхъ училищъ, старообрядческій писатель восклицалъ: «Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Демосѳены и Ликурги! Тогда бы скоро церковь наша увѣнчана была покоемъ, множеніемъ, и враги благочестія не смѣли-бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія насилія и вѣроломства».

Такая горячая вѣра въ силу и могущество науки можетъ сдѣлать честь не одному только самоучкѣ-мужику, какимъ въ сущности и былъ Павелъ Любопытный. Но этотъ «мужикъ», во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, остается вѣренъ своей любви къ наукѣ. Вездѣ онъ говоритъ съ большимъ и искреннимъ «сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія въ народѣ» (*Исторія раскола у раскольниковъ*, стр. 518). Онъ скорбитъ и сокрушается по поводу замѣчаемой имъ «величайшей скудости въ ученыхъ мужахъ, которая была и есть въ нашей церкви», и постоянно твердитъ о томъ, «сколь есть нужно и необходимо церкви просвѣщеніе» *).

Мысли Любопытнаго о пользѣ просвѣщенія, о необходимости «образовательныхъ училищъ», гдѣ бы поморское юношество поучалось «словесности и всѣмъ наукамъ», отнюдь не являлись исключительными въ средѣ его современниковъ-поморцевъ. Напротивъ, весьма многіе изъ представителей тогдашняго старообрядчества вполнѣ раздѣляли мысли и стремленія Любопытнаго; таковы были, напримѣръ, архангельскій уроженецъ Крыловъ, наставникъ московскихъ поморцевъ Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ, Емельяновъ и другъ.

При Императорѣ Александрѣ I, петербургскій поморскій пастырь, Ѳедоръ Петровичъ Бабушкинъ, и купецъ Мокій Ивановичъ Ундозоровъ снова возбуждаютъ вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Они поручаютъ Любопытному написать

*) «Историческій словарь старовѣрческой церкви» Павла Любопытнаго. Москва, 1863 г. Изъ «Чтеній въ Им. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ».

воззваніе къ поморской церкви, «дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества». Вскорѣ, дѣйствительно, на Малой Охтѣ было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое предназначалось «въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца». Къ сожалѣнію, какія-то неизвѣстныя причины помѣшали осуществиться этому предпріятію.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, которыя постоянно встрѣчали старообрядцы въ своихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію и образованію, мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной *Записки о расколѣ* графа Н. А. Орлова. «Раскольники,—пишетъ графъ,—живутъ своею, отдѣльною, замкнутою жизнью, и посторонній взоръ рѣдко проникаетъ въ нее. Это отчужденіе возбудило у многихъ мысль, что раскольники гнушаются обществомъ и ненавидятъ просвѣщеніе. Къ счастію, безусловнымъ порицателямъ раскола здѣсь можно отвѣчать фактами». И затѣмъ графъ Орловъ приводитъ слѣдующія данныя.

Въ 1832 году была закрыта въ Ригѣ единственная русская школа *) потому только, что ею управлялъ раскольникъ, и на томъ основаніи, что, по закону, раскольники не могутъ занимать общественныхъ должностей. Сироты, бывшіе въ рижской раскольнической школѣ, переведены въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Подобная же участь постигла московское раскольничье училище, закрытое въ 1835 году.

Въ 1839 году послѣдовало запрещеніе выдавать раскольникамъ свидѣтельства на право обученія дѣтей и, въ то же время, министру народнаго просвѣщенія предписано, при выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ, спрашивать просителей, къ какому вѣроисповѣданію они принадлежатъ.

Въ 1850 году рижскіе раскольники ходатайствовали, чрезъ князя Суворова, о дозволеніе ихъ дѣтямъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено *не иначе*, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ дѣтей къ православію, и предписано немедленно исключать ихъ изъ заведеній, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ религіознаго охлажденія. Раскольники от-

*) Сейчасъ мы увидимъ, что въ Ригѣ существовала не одна старообрядческая школа, а нѣсколько.

казались отъ просвѣщенія, предложеннаго имъ на подобныхъ условіяхъ.

«Вотъ факты,—замѣчаетъ по этому поводу графъ Орловъ,—достаточные въ глазахъ нашихъ для доказательства того, что не раскольники уклоняются отъ просвѣщенія, а что, наоборотъ, возможность учиться отнята у нихъ».

«Намъ, конечно, могутъ возразить,—замѣчаетъ онъ далѣе,—что примѣръ рижскихъ и московскихъ раскольниковъ еще не говоритъ ничего въ пользу ихъ массы, но намъ кажется, что даже масса ихъ расположена къ просвѣщенію едва ли не болѣе массы православныхъ, или—если даже и не расположена, то ни въ какомъ случаѣ не болѣе всего остальнаго народонаселенія имперіи» *).

Г. Лѣсковъ въ статьѣ своей *Иродова работа* сообщаетъ нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности по дѣлу о закрытіи рижскихъ раскольническихъ школъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ доклада, сдѣланнаго имъ по этому поводу, въ качествѣ чиновника министерства народнаго просвѣщенія:

«Школа, существовавшая (въ Ригѣ) при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частныя (старообрядческія) школы закрыты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольническихъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія Остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ по два, по три.

«Дѣти родителей достаточныхъ учились въ своихъ домахъ, а бѣдность, которую, по мѣстному выраженію, подбирали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу, осталась на улицахъ русскаго предмѣстья, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современно съ закрытіемъ школъ, въ винкерахъ русскаго форштата двѣнадцатилѣтнія и даже десятилѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчишекъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицей-

*) *Русская Старина* 1881 г., № 5.

мейстера Грина, дѣлаетъ на нихъ облавы; дѣтей ловятъ и записываютъ въ кантонисты»...

Авторъ статьи задается вопросомъ: «Не было ли въ терпимыхъ нѣмцами русскихъ раскольничьихъ школахъ чего-нибудь столько вреднаго, что ихъ надлежало уничтожить, несмотря на всѣ ужасы, которые отъ того послѣдовали? Ни мало! Изъ представленія рижскаго гражданскаго губернатора, г. фонъ-Фелькерзама, генералъ-губернатору, барону Палену, видно, что школы (старообрядческія) существовали даже «съ разрѣшенія директора училищъ» и что тамъ учили только «чтенію, письму, да ариѳметикѣ, и обученныхъ этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія».

Кажется, чего бы проще, чего позволительнѣе и чего полезнѣе? Однако же, это не такъ: школы были закрыты. «По какому именно поводу вздумали закрыть раскольничьи школы,—пишетъ г. Лѣсковъ, — я не нашелъ точныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ рижскаго архива, но бывшій попечитель общины, Петръ Андреевичъ Пименовъ, говорилъ, что «общество стало *просить о расширеніи программы школы* и это было причиною къ ея закрытію» (*Историческій Вѣстникъ* 1882 г., № 4).

Впослѣдствіи рижскіе раскольники не разъ предпринимали ходатайства и «осмѣливались просить о благосклонномъ разрѣшеніи школъ». Нѣмецкіе ординугсгерихтеры поддерживали раскольниковъ въ этихъ ходатайствахъ и съ своей стороны доказывали «необходимость учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольническихъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ», такъ какъ, по мнѣнію этихъ нѣмецкихъ учрежденій, «принуждать раскольниковъ силою отдавать дѣтей въ школы православныя—неудобно». «Но русское православное духовенство, — замѣчаетъ г. Лѣсковъ,—не раздѣляло этой нѣмецкой выдумки и находило, что принуждать—удобно».

Особенно сурово отнесся къ раскольничьимъ школамъ тогдашній архіепископъ рижскій, высокопреосвященный Платонъ. Онъ явно покровительствовалъ тѣмъ изъ священниковъ, которые обнаруживали непріязненное отношеніе къ раскольничьимъ школамъ. Въ числѣ такихъ священниковъ особенно выдавался своею дѣятельностью протоіерей о. Алексѣевъ. Онъ доносилъ преосвященному Платону, что «раскольники весьма желаютъ открывать у себя школы», а «при такомъ настроеніи весьма важно

было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ», а «чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ сбразомъ», отецъ протоіерей рекомендовалъ способъ негласный. Онъ находилъ, что «довольно будетъ, если его свѣтлость г. генералъ-губернаторъ (кн. Суворовъ) выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ исправникамъ».

Переходимъ затѣмъ къ болѣе близкому къ намъ времени.

II.

Право на образованіе.

Масса русскаго крестьянства обязана расколу своею грамотностью. «*Благодаря* относительной развитости крестьянства и *вліянію раскола*,—говоритъ П. С. Ефименко,—грамотность здѣсь (въ Архангельской губерніи) значительно привилась и даетъ утѣшительную пропорцію: одинъ грамотный на 17 человѣкъ сельскихъ жителей губерніи» (*Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи* П. С. Ефименко. Архангельскъ, 1869 г.). Извѣстный оффиціальный изслѣдователь раскола, г. Синицынъ, говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человѣка неграмотныхъ *). Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами (напр., въ Гуслицахъ), грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе. То же самое встрѣчаемъ мы и въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Вотъ, напримѣръ, что недавно сообщали *Вятскія Губернскія Вѣдомости* о состояніи раскола въ Пинюжанской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи: «*Почти всѣ* (здѣшніе раскольники) умѣютъ читать и писать. На воспитаніе дѣтей и на ихъ образованіе обращается несравненно большее вниманіе, чѣмъ въ средѣ православной... Мальчикъ учится подъ руководствомъ отца, матери или наставника, какого-нибудь почтеннаго. сѣдовласаго старика, который уже бросилъ землю, сдалъ ее общинѣ или домашнимъ и посвятилъ остатокъ своихъ силъ обученію дѣтей грамотѣ и закону. Главные предметы обученія: часословъ, псалтирь и письмо. Въ послѣднее время стали учить «цифири» и *книгамъ гражданской печати*» (*Вятскія Губернскія Вѣдомости* 1883 г., № 6).

*) «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ». г. Кельсіева, выпускъ IV, стр. 166.

«Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ его расширялся настолько, насколько могло этому содѣйствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ церковныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Какъ ни нелѣпы казаться могутъ намъ споры о сугубомъ аллилуіа или о восьмиконечномъ крестѣ, но они изощряли способность русскаго простолюдина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что могъ обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; такъ называемые соборы, на которыхъ раскольники собирались спорить о своихъ недоумѣніяхъ, пріучали ихъ къ обмѣну понятій, вырабатывали въ нихъ общительность, сообщали ихъ уму бѣглость и смышленность. Сфера церковная была для нихъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ» *).

Къ сожалѣнію, всѣ условія общественной жизни раскольниковъ далеко не благопріятствовали такому «обращенію ихъ дѣятельности къ другимъ сферамъ». Напротивъ, вездѣ и повсюду они встрѣчали всевозможныя препоны и преграды. Что, напримѣръ, можетъ быть законнѣе стремленія къ образованію? Однако, и здѣсь, въ этой, казалось бы, совершенно нейтральной области, раскольники до сихъ поръ сталкиваются съ непреоборимыми препятствіями.

Въ 1879 году *Новое Время* передавало, что «въ средѣ старообрядцевъ предпринимается вновь, возбуждавшееся уже неоднократно, но остававшееся до сихъ поръ безъ послѣдствій, ходатайство о разрѣшеніи устройства школы для дѣтей старообрядцевъ съ программою, приспособленною къ потребностямъ торговаго сословія». Что касается необходимыхъ для этой цѣли средствъ, то доставить ихъ выражали готовность нѣкоторые изъ представителей московскихъ и петербургскихъ старообрядцевъ. Со времени появленія этого извѣстія прошло четыре года, а о школѣ—ни слуху, ни духу. Несмотря на эти неудачи, раскольники не теряютъ, однако, надежды добиться права на образованіе для своихъ дѣтей.

«Глубоко сознавая необходимость ученія, мы просимъ разрѣшить намъ завести свои собственныя училища, гдѣ наши дѣти,

*) Н. И. Костомаровъ: «Исторія раскола у раскольниковъ». Вѣст. Европы» 1871 г., № 4.

укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ и преданности царю, *изучали бы кромѣ того и другія науки*». Такъ писали въ 1881 году старообрядцы города Хвалынска въ запискѣ, поданной ими сенатору И. И. Шамшину, ревизовавшему въ то время Саратовскую губернію. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ ихъ голосъ не былъ услышанъ.

Будучи увѣрены, что рано или поздно за ними будетъ, наконецъ, признано право на образованіе, старообрядцы не остаются, однако, безъ школъ. Наоборотъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ они непремѣнно стараются устроить и поддержать свои училища. Мѣстныя власти иногда находятъ возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы на существованіе и возникновеніе подобныхъ школъ.

Въ Москвѣ, у Тверской заставы, около 15-ти лѣтъ существовала, напримѣръ, небольшая старообрядческая школа, содержавшаяся на частныя средства любительницы просвѣщенія А. С—вой, которая сама занималась и преподаваніемъ. Почтенная труженица, поставившая себѣ задачею знакомить старообрядческихъ дѣтей, преимущественно бѣдныхъ, съ начатками грамотности, вела дѣло съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, тратя свои послѣднія средства на учебныя книги и пособія. За все время своей педагогической дѣятельности г-жа С—ва выпустила изъ своей мужской школы до трехсотъ воспитанниковъ. Хотя школа эта была открыта, выражаясь казеннымъ языкомъ, «безъ надлежащаго разрѣшенія», но почтенную основательницу школы никто не безпокоилъ, и она продолжала благое дѣло, принимая на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ старообрядцевъ, такъ что жилище ея представляло, въ то же время, и школу, и пріютъ. Весною прошлаго 1882 года, во время пожара, случившагося въ той мѣстности, гдѣ находилась школа г-жи С—вой, вмѣстѣ съ другими постройками былъ истребленъ и школьный домикъ - пріютъ. Вслѣдствіе этого педагогическая дѣятельность г-жи С—вой должна была прекратиться: она не имѣла денежныхъ средствъ, чтобы возобновить дѣло. Но тутъ на помощь къ ней немедленно же является мѣстное старообрядческое общество и даетъ необходимыя средства на постройку новаго школьнаго домика. Священикъ Ямскаго старообрядческаго прихода, П. Ѳ. Лапшинъ, предоставилъ въ полную собственность г-жи С—вой довольно обширный участокъ земли, такъ что при школѣ будутъ разбиты садикъ и огородъ. (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., №№ 16 и 190).

Въ приведенномъ случаѣ мѣстныя власти ничѣмъ не обнаружили своего вмѣшательства въ дѣло старообрядческой школы. Къ сожалѣнію, это бываетъ далеко не часто. Вотъ, напримѣръ, что случилось въ той же Москвѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Старообрядецъ И. И. Шебаевъ открылъ въ 1868 году училище для дѣтей старообрядцевъ. Училище помѣщалось на Покровкѣ, въ мѣстности, населенной старообрядцами; черезъ мѣсяцъ въ школѣ было уже 40 учениковъ, затѣмъ—80; тутъ были и мальчики, и дѣвочки. Учредитель школы пригласилъ на свой счетъ учителя и обставилъ школу всѣмъ необходимымъ. Высшая духовная власть въ Москвѣ ничего не имѣла противъ этого; все шло прекрасно, и школа съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе завоевывала къ себѣ довѣріе въ средѣ старообрядческаго населенія.

Число учениковъ росло, такъ что черезъ годъ понадобилось другое, болѣе просторное помѣщеніе, что̀ и было сдѣлано. Но тутъ вдругъ начались преслѣдованія. Никакія хлопоты не помогли; въ 1869 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, полиція предписала закрыть школу, иначе грозила закрыть силою. Пришлось, конечно, исполнить это требованіе; сотня учениковъ и учениць была разогнана; многія дѣти горько плакали, покидая школу, къ которой они успѣли привязаться.

Старообрядцы не только не могутъ имѣть своихъ школъ, своихъ учителей, но даже лишены права помѣщать дѣтей въ среднія и высшія учебныя заведенія. Это послѣднее ограниченіе является уже совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ.

Богатые, зажиточные старообрядцы относятся также вполнѣ сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и не отказываются съ своей стороны жертвовать на это дѣло. Такъ, еще недавно сообщалось изъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, что «одной изъ лучшихъ школъ въ уѣздѣ» является фабричная школа, основанная по иниціативѣ извѣстнаго фабриканта - старообрядца Т. С. Морозова. «Успѣхамъ школы много содѣйствуетъ то, что она хорошо обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и изобилуетъ различными учебными пособіями. Школьная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ лучшія педагогическія сочиненія и всѣ выдающіяся изданія для дѣтскаго чтенія. Преподаватели школы, которымъ она платитъ хорошее содержаніе, втрое почти, чѣмъ въ земскихъ школахъ, также изъ лучшихъ, способныхъ педагоговъ» (*Русск. Вѣдом.* 1883 г., № 186). Въ 1880 году, въ селѣ Кудыкинѣ

(Покровскаго уѣзда) «открыто двухкласное училище, благодаря стараніямъ крестьянина Новикова, который принадлежа и сейчасъ къ старообрядчеству, сдѣлалъ доброе дѣло для мѣстнаго населенія, безъ различія религіозныхъ вѣроисповѣданій» (*Русск. Кур.* 1880 г., № 208). Далѣе мы еще не разъ встрѣтимся съ подобными примѣрами.

Стремясь получить право на устройство своихъ собственныхъ школъ, старообрядцы, въ то же время, едва ли не въ большой части случаевъ относятся безъ всякаго предубѣжденія къ существующимъ земскимъ и инымъ народнымъ училищамъ. Они не отказываются пользоваться этими школами и охотно посѣщаютъ ихъ. Въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, дѣти безпоповцевъ въ большомъ количествѣ посѣщаютъ мѣстныя казенныя школы. Въ Бисерскомъ заводѣ (Пермской губерніи), по сообщенію учителя М. И. Вяткина, дѣти раскольниковъ обучаются въ мѣстной земской школѣ, учатся закону Божію, сдаютъ даже экзамены изъ этого предмета, кончаютъ курсъ, и, тѣмъ не менѣе, не покидаютъ раскола.

Изъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, сообщали, что существующая при мѣстномъ Старо-Преображенскомъ монастырѣ школа, со времени своего основанія, выпустила около 900 воспитанниковъ, двѣ трети изъ которыхъ принадлежатъ къ старообрядческимъ дѣтямъ не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ селеній уѣзда. Особеннымъ довѣріемъ старообрядцевъ монастырская школа стала пользоваться съ того времени, какъ въ ней старообрядческимъ дѣтямъ предоставлено право обучаться по старопечатнымъ псалтирямъ и часовникамъ, какъ водится до сихъ поръ повсюду у старообрядцевъ. Помѣщеніе монастырской школы постепенно расширяется, но въ настоящее время въ школѣ нѣтъ уже свободныхъ мѣстъ, вслѣдствіе наплыва дѣтей со всѣхъ сторонъ (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., №№ 84 и 102).

III.

Гуслицкія школы.

Гуслицкій край всегда считался зажиточнымъ, что доказывается и внѣшнимъ опрятнымъ видомъ крестьянскихъ построекъ, и вобще сноснымъ мужицкимъ хозяйствомъ. Зажиточность эта, какъ безошибочно можно замѣтить, находится въ тѣсной связи

почти *съ поголовною грамотностію* здѣшняго населенія. Нигдѣ, надо полагать, не распространена такъ грамотность, какъ въ Гуслицахъ, въ этой старообрядческой Палестинѣ. Въ пятидесяти слишкомъ селеніяхъ, составляющихъ гуслицкій округъ, жители неизмѣнно держатся старовѣрія, составляя основную, надежную паству старообрядческихъ архіереевъ, и грамотность среди здѣшняго старообрядческаго населенія является какъ будто родовымъ, неотъемлемымъ наслѣдствомъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Возникновеніе гуслицкихъ школъ относится къ временамъ глубокой старины. За долго до открытія земскихъ учрежденій, на которыхъ теперь лежитъ попеченіе о народномъ образованіи, въ Гуслицахъ существовалъ не одинъ десятокъ такъ называемыхъ «самородныхъ школъ», которыя разбросаны были по всѣмъ почти селеніямъ Гуслицъ. Основаніе этихъ «самородныхъ» разсадниковъ грамотности принадлежитъ исключительно старообрядцамъ, составляющимъ сплошное населеніе этого края (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 9).

Нельзя, конечно, сказать, чтобъ преподаваніе въ этихъ доморощенныхъ школахъ удовлетворяло хотя на половину современнымъ педагогическимъ требованіямъ; но, тѣмъ не менѣе, гуслицкія старообрядческія школы принесли, все-таки, громадную пользу, поддерживая въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ грамотность въ мѣстномъ населеніи. Въ этихъ школахъ до настоящаго времени неизмѣнно преподавалось одно и то же—чтеніе по церковно-славянскимъ книгамъ, каллиграфія и, вдобавокъ, крюковое древне-церковное пѣніе,—словомъ, та самая «грамота», которою питалась древняя Русь.

Преподавателями въ гуслицкихъ старообрядческихъ школахъ состоятъ мѣстные грамотѣи и книжники, любители просвѣщенія, трудящіеся надъ этимъ дѣломъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ учителями являются дѣвушки-келейницы, удалившіяся отъ мірской жизни. Не мудрствуя лукаво, онѣ знакомятъ старообрядческихъ дѣтей просто съ грамотностью, съ механическимъ чтеніемъ, и не берутся даже разъяснять смыслъ прочитаннаго. Такое обученіе можно, пожалуй, назвать безтолковымъ, но, однако, отнюдь нельзя утверждать, чтобъ изъ него не выходило никакой пользы. Польза доказывается и промышленною предпріимчивостью здѣшняго населенія, и большимъ процентомъ здѣшнихъ грамотныхъ на сторонѣ, занимающихъ выдаю-

щіяся мѣста на фабрикахъ и по торговлѣ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что старообрядческимъ педагогамъ пускаться въ объясненія съ воспитанниками было весьма рискованно и даже опасно. На подобную просвѣтительную дѣятельность полиція и православное духовенство смотрѣли обыкновенно какъ на пропаганду раскола; взгляды эти, къ сожалѣнію, не выдохлись еще и по сіе время. Застращиванія и непосильныя контрибуціи были дѣломъ обычнымъ; нерѣдко возникали и преслѣдованія, приводившія къ печальному исходу безкорыстныхъ тружениковъ просвѣщенія. Но, наперекоръ всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ, старообрядческія школы оказались неискоренимыми; исторія этихъ скромныхъ разсадниковъ просвѣщенія изобилуетъ фактами, представляющими глубокій интересъ для всѣхъ, кого только занимаетъ историческая судьба русской народной мысли.

На ряду съ только что описанными «самородными» школами чисто примитивнаго устройства, у старообрядцевъ въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ училища, правильно организованныя и прекрасно обставленныя въ педагогическомъ отношеніи. Къ числу такихъ школъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести училище, основанное старообрядцемъ Дмитріевымъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

Крестьянинъ деревни Зуевой, Кудыкинской волости, старообрядецъ Романъ Зиновьевичъ Дмитріевъ «открылъ въ сосѣдней деревнѣ Іоновой превосходную старообрядческую школу на 50 мальчиковъ. Обученіе въ школѣ безплатное. Дѣти принимаются безъ всякаго разбора: тутъ есть и дѣти старообрядцевъ, и дѣти православныхъ. Направленіе школы отличается полнѣйшею вѣротерпимостью, что доказываетъ разнообразный выборъ учебныхъ пособій, которыми въ изобиліи снабжена школа: вмѣстѣ со старинными псалтирями и часовниками, въ школѣ имѣются подобныя же книги новѣйшихъ изданій, равно какъ и учебники Ушинскаго, Паульсона и другихъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Едва успѣли открыть эту школу, какъ она уже оказалась переполненною учащимися. Вслѣдствіе этого основатель школы долженъ былъ перевести ее въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Преподаваніе въ школѣ было поручено учителю-старообрядцу изъ мѣстныхъ крестьянъ, которому г. Дмитріевымъ назначено жа-

лованье 25 рублей въ мѣсяцъ. Дѣти бѣднѣйшихъ старообрядцевъ находятъ для себя въ школѣ все готовое: книги, бумагу, перья, учебники и проч. Видное мѣсто въ обученіи занимаетъ каллиграфія. Желающимъ преподается древне-церковное пѣніе, съ которымъ основательно знакомъ преподаватель школы А. П. Гусевъ.

Мѣстное старообрядческое населеніе отнеслось къ предпріятію г. Дмитріева весьма сочувственно; богатые фабриканты-старообрядцы: В. Е. Морозовъ, Зимины и г-жа Морозова не мало содѣйствовали ему въ открытіи училища; сельскій староста деревни Іоновой предложилъ для школы собственный, очень просторный домъ. Попечитель школы, г. Дмитріевъ, не жалѣлъ съ своей стороны средствъ на дѣло образованія; онъ постоянно посѣщалъ школу и внимательно слѣдилъ за успѣхами въ ней.

«Отличные успѣхи школы сказались на первыхъ же порахъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220). Однако, несмотря на это, судьба школы отнюдь не могла считаться обезпеченной; напротивъ, все болѣе и болѣе расли слухи о томъ, что школѣ «почему-то угрожаетъ закрытіе». Мѣстная администрація обратила на школу особенное вниманіе. Произведено было тщательное дознаніе о возникновеніи школы, обревизованы учебныя старопечатныя старообрядческія, а также и старообрядческаго писанія книги, въ которыхъ ничего вреднаго и противозаконнаго, однако, не обнаружено. Надобно замѣтить, что старообрядческое общество деревни Кудыкиной, чтобъ оформить существованіе школы, основанной г. Дмитріевымъ, составило общественный приговоръ о необходимости имѣть училище, съ полнымъ обезпеченіемъ относительно его содержанія.

Но и это не помогло дѣлу. Волостное начальство не рѣшалось засвидѣтельствовать общественный приговоръ, находя какія-то препятствія. Затѣмъ приговоръ былъ представленъ въ уѣздный училищный совѣтъ, который, не находя, будто бы, «законнаго основанія», затруднился закрѣпить существованіе школы. Наконецъ, вся переписка о старообрядческой школѣ была препровождена въ министерство народнаго просвѣщенія, рѣшеніе котораго по этому вопросу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Между тѣмъ, мѣстныя власти не оставляли въ покоѣ школу, и она, какъ сообщалось въ газетахъ, «подверглась опалѣ со стороны полиціи». Въ одинъ прекрасный день въ училище явился уѣздный исправникъ и лично произвелъ ревизію школы, опрашивалъ учителя, разсматривалъ учебники и т. п. Понятно, что

ничего «подозрительнаго» въ школѣ не оказалось (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., №№ 267 и 307).

Школа г. Дмитріева не является одиночнымъ явленіемъ въ Покровскомъ уѣздѣ; напротивъ, можно указать нѣсколько подобныхъ старообрядческихъ школъ, возникшихъ въ самое послѣднее время въ этомъ районѣ. Въ числѣ этихъ школъ, по образцовому устройству, первое мѣсто слѣдуетъ отвести народной школѣ, основанной старообрядцемъ Жаровымъ въ селѣ Перникахъ, Покровскаго уѣзда; подробнѣе о ней мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что же касается болѣе мелкихъ школъ, то онѣ постоянно возникаютъ среди старообрядческаго населенія.

Такъ, напримѣръ, еще недавно возникло старообрядческое училище въ селѣ Кабановѣ, Кудыкинской волости. Затѣмъ старообрядцы многолюдной деревни Губинской рѣшили также открыть у себя школу и, недолго думая, привели свое рѣшеніе въ исполненіе. Они выписали учителя изъ Гуслицъ, заарендовали удобное помѣщеніе для школы, и дѣло уже на ходу: «въ два-три дня набѣжало около двухъ десятковъ ребятишекъ».

Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность гуслицкаго старообрядческаго района,—это именно существованіе въ немъ подвижныхъ школъ, бродячихъ учителей, кочующихъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Объ одномъ изъ такихъ учителей недавно сообщалось въ газетахъ. Крестьянинъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Архипъ Карташевъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и вернувшись на родину, взялся за преподаваніе грамоты крестьянскимъ дѣтямъ. Сперва онъ жилъ въ своей деревнѣ, потомъ перебрался въ сосѣдній Покровскій уѣздъ и провелъ зиму въ селеніи Язвищахъ, а затѣмъ перекочевалъ въ ближайшую деревню Губинскую. По окончаніи лѣтнихъ домашнихъ работъ, онъ снова намѣренъ вернуться въ Покровскій уѣздъ и заняться обученіемъ дѣтей въ Кудыкинѣ или Высокомъ (*Русск. Вѣдом.* 1883 г.). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ упоминаемыя въ этомъ извѣстіи села и деревни являются главными центрами мѣстнаго раскола, а нѣкоторыя изъ нихъ населены почти исключительно одними старообрядцами.

IV.

Преграды и тормазы.

Учителя и руководители старообрядческихъ школъ ежеминутно должны были опасаться преслѣдованій со стороны полиціи

или духовенства за свою педагогическую дѣятельность, которая обыкновенно приравнивалась къ «распространенію раскола», къ «совращенію изъ православія» и т. п. А какъ тяжко подобныя обвиненія отражались на судьбѣ лицъ, подвергшихся имъ, можетъ показать слѣдующій случай.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 года, въ городѣ Глазовѣ, Вятской губерніи, въ засѣданіи временнаго отдѣленія вятскаго окружнаго суда, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ шестидесятилѣтній старецъ, «раскольническій монахъ поповской секты, австрійскаго согласія», Прокопій Соколовъ. Онъ обвинялся въ распространеніи раскола, которое выразилось въ томъ, что Соколовъ у себя въ квартирѣ «училъ дѣтей грамотѣ и религіи». По сообщенію корреспондента, старецъ этотъ проживалъ около Березовскихъ починковъ. Глушь безпросвѣтная: ни школъ, ни больницъ, ничего хоть сколько-нибудь напоминающаго о прикосновеніи цивилизаціи; населеніе состоитъ изъ пермяковъ и русскихъ, большинство которыхъ придерживается раскола. Расколъ здѣсь явился ранѣе православія; въ него обращены очень многіе изъ пермяковъ - язычниковъ. Если вѣрить корреспонденту, на судѣ даже не справились: чьихъ именно дѣтей обучалъ Соколовъ—православныхъ или раскольничьихъ. Соколовъ обвинялся въ совращеніи въ расколъ нѣсколькихъ человѣкъ, но ни одинъ изъ совращенныхъ не былъ представленъ на судъ; мало того, эти лица не были даже указаны какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, судъ вынесъ обвинительный приговоръ и Соколовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край. За кулисами суда, на замѣчанія корреспондента по поводу приговора, одинъ изъ священниковъ съ довольнымъ видомъ воскликнулъ: «а все же таки обвинили!» (*Русскій Курьеръ* 1881 г., № 81).

Впрочемъ, гораздо чаще дѣла о раскольничьихъ школахъ и учителяхъ кончаются лишь тѣмъ, что школы закрываются, а учителя обязываются подпискою «впредь никого ничему не обучать».

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай, имѣвшій мѣсто въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. «Въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ поселился старообрядецъ, «крестьянинъ Михей Алексѣевичъ Поповъ, и началъ обучать грамотѣ ребятъ. Вскорѣ у него набралось до 20-ти учениковъ, которые охотно и правильно навѣщали эту импровизированную школу. Родители были какъ нельзя болѣе довольны учителями-волонтерами и все шло прекрасно. Но о школѣ узналъ мѣстный священникъ и настоялъ

на томъ, чтобы становой приставъ немедленно же запрстилъ Попову обученіе дѣтей. Вслѣдствіе этого съ Попова была взята подписка, въ которой онъ обязывался «впредь отнюдь никого грамотѣ не обучать».

Иногда развязка подобныхъ дѣлъ осложняется еще установленіемъ болѣе или менѣе строгаго полицейскаго надзора за лицами, уличенными въ педагогическихъ наклонностяхъ. Приведемъ здѣсь содержаніе дѣла, найденнаго нами при занятіяхъ въ одномъ изъ уральскихъ архивовъ.

Екатеринбургскій миссіонеръ, протоіерей Николай Смирновъ, донесъ въ 1866 г., что крестьянинъ деревни Губернской, Кузнецкаго прихода, Екатеринбургскаго уѣзда, Николай Зотиковъ Фирсановъ «открылъ въ своемъ домѣ подъ своимъ руководствомъ обученіе восьми крестьянскихъ мальчиковъ по старопечатнымъ псалтирямъ съ раскольническимъ направленіемъ». При этомъ миссіонеръ пояснялъ, что въ Кузнецкомъ приходѣ «считается раскольниковъ всего три дома, въ которыхъ дѣтей мужскаго пола вовсе нѣтъ: а потому *должно полагать*, что крестьянинъ Фирсановъ обучаетъ дѣтей православныхъ родителей и, вмѣстѣ съ обученіемъ ихъ грамотѣ, посѣваетъ въ нихъ расколъ».

Духовная консисторія поручила миссіонеру «строго слѣдить за дѣйствіями Фирсанова и если окажется хотя малѣйшее уклоненіе изъ православія—немедленно донести объ этомъ». Въ то же время пермскій преосвященный архіепископъ Неофитъ счелъ долгомъ сообщить обо всемъ этомъ губернатору. Послѣдній предписалъ екатеринбургскому исправнику «произвести дознаніе о дѣйствіяхъ крестьянина Фирсанова и если донесеніе миссіонера подтвердится, тотчасъ же запретить ему заниматься обученіемъ дѣтей, въ чемъ и обязать его подпискою». Затѣмъ, независимо отъ сего, учредить за нимъ строгій надзоръ, чтобы онъ и впредь не могъ и т. д.

На это исправникъ донесъ, что обвиненіе вполнѣ подтвердилось: «свидѣтельства же на обученіе Фирсановъ никакого не имѣлъ и не имѣетъ», вслѣдствіе чего онъ «обязанъ подпискою, чтобы обученія дѣтей отнюдь не производить, а за дѣйствіями его учрежденъ строгій надзоръ».

Учебное вѣдомство также весьма неблагосклонно относится къ существованію старообрядческихъ школъ. Даже тѣ школы, которыя хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего сектантскаго, но разъ онѣ основаны старообрядцемъ, то со стороны учебнаго вѣдомства встрѣчаютъ разныя затрудненія.

Старообрядецъ В. Я. Жаровъ въ 1880 году построилъ въ своемъ селѣ (Перники, Покровскаго уѣзда) превосходную школу, болѣе чѣмъ на сто учениковъ (мальчиковъ и дѣвочекъ), обставилъ ее большими удобствами въ гигіеническомъ отношеніи (при школѣ дворъ, огородъ и садъ) и снабдилъ различными учебными пособіями; земство прислало учителя, и дѣло пошло въ ходъ *). Но школа, къ сожалѣнію, существовала недолго: въ первыхъ же числахъ января она, по распоряженію покровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, была закрыта. Распоряженіе это сильно озадачило мѣстныхъ жителей. Оказалось, что закрытіе школы мотивировано тѣмъ, что крестьяне отказали въ уплатѣ добавочнаго содержанія учителю, въ размѣрѣ 50-ти рублей. Вышло недоразумѣніе, которое печально отразилось на школѣ. Крестьяне потому только не уплатили денегъ, что были вполнѣ увѣрены въ томъ, что основатель и попечитель школы, г. Жаровъ, все уплатилъ и уплатитъ самъ, безъ всякой помощи съ чьей бы то ни было стороны. Но такъ какъ все это случилось въ отсутствіе г. Жарова, то понятно, что онъ не могъ помочь дѣлу. «Если г. Жаровъ, — писали по этому поводу въ *Русск. Вѣд.*, — затратилъ на школу до 3-хъ тысячъ рублей, если онъ постоянно помогалъ училищамъ, то неужели онъ позволилъ бы закрыть свою школу изъ-за 50-ти рублей? Училищный совѣтъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную поспѣшность, не увѣдомивъ даже о своемъ рѣшеніи и попечителя школы» (*Русск. Вѣд.* 1883 г., № 34).

Отсюда намъ будетъ понятно, почему раскольничьи школы, существовавшія въ прежнее время всюду, гдѣ только были старообрядцы, теперь начинаютъ исчезать, приходить въ упадокъ. Еще недавно сообщалась въ газетахъ, что старообрядческія школы, существовавшія въ селеніяхъ: Бѣливѣ, Мисцовѣ, Заполицахъ, Слободищахъ и Завольномъ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, въ настоящее время совсѣмъ упали.

Между тѣмъ, польза, приносимая этими школами, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; имъ обязано населеніе Гуслицъ своею поголовною грамотностью. Отсутствіе вѣротерпимости и существованіе старыхъ, отжившихъ законовъ относительно раскола губительно отозвались на школахъ, все несчастіе и вина которыхъ состояла только въ томъ, что онѣ числились старообрядческими (*Русск. Вѣд.* 1883 г., январь).

*) «Голосъ» 1880 г., № 98.

Подобное отношеніе къ просвѣтительнымъ стремленіямъ старообрядчества является тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что извѣстные оффиціальные отчеты по духовному вѣдомству изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повторяютъ на тысячу ладовъ мысль о томъ, что «лучшее орудіе» въ борьбѣ съ сектантствомъ и «вѣрнѣйшее средство для искорененія раскола» есть образованіе народа.

Несмотря, однако, на всевозможныя неблагопріятныя условія, въ старообрядчествѣ крѣпко держится сознаніе о крайней, безотлагательной необходимости образованія. Въ собраніяхъ московскаго «старообрядческаго братства», отъ времени до времени, постоянно возбуждается вопросъ о необходимости старообрядческихъ школъ. Годъ тому назадъ, напримѣръ, членъ братства П. Я—въ «полагалъ обязанностію старообрядческаго общества просить правительство о дозволеніи старообрядцамъ имѣть собственныя школы, каковыми пользуются другіе иновѣрцы». Я—въ доказывалъ ненормальность такого порядка вещей, при которомъ старообрядцы вынуждены «производить обученіе своихъ дѣтей домашнимъ образомъ или же въ тайныхъ школахъ, такъ какъ имѣть открыто школы безъ надлежащаго дозволенія воспрещается вообще, о старообрядцахъ же и говорить нечего».

Другой членъ братства, Д—въ, предложилъ открыть школу при Рогожскомъ кладбищѣ, по поводу чего и предполагается хлопотать. Вообще собраніе единогласно признало неотложную нужду въ школахъ и стѣсненіе въ этомъ отношеніи нашло несправедливымъ (*Русск. Вѣд.* 1882 г., отъ 30 января).

V.

Типографіи.

Когда въ царствованіе Екатерины II послѣдовало разрѣшеніе открывать «вольныя типографіи», старообрядцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и устроили цѣлый рядъ типографій — въ Вильнѣ, Острожскѣ, Новгородсѣверскѣ, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ типографіяхъ старообрядцы печатали точныя копіи съ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ, и снабжали этими книгами старообрядческія молельни, раскиданныя по всему пространству земли русской. Но это продолжалось недолго.

Императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго французскою революціею, какъ извѣстно, издалъ въ 1797 году указъ, запрещавшій «партикулярныя типографіи», вслѣдствіе чего всѣ частныя, вольныя типографіи были немедленно и повсюду закрыты. Этой участи не избѣжали, конечно, и старообрядческія типографіи; всѣ онѣ были конфискованы. Несмотря, однако, на кратковременность своего существованія, онѣ успѣли издать значительное количество богослужебныхъ и иныхъ книгъ духовнаго содержанія, перепечатанныхъ съ древнѣйшихъ изданій.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію правительства, клинцовская старообрядческая типографія была переведена въ Москву и передана въ вѣдѣніе московской Троицко-Введенской единовѣрческой церкви, что у Салтыкова (иначе Яузскаго) моста. Здѣсь типографія начала работать съ 1822 года. Печатались преимущественно богослужебныя книги дословно со старопечатныхъ и совершенно одинаковымъ съ ними шрифтомъ.

Сначала старообрядцы отнеслись весьма недовѣрчиво къ изданіямъ московской типографіи, «гнушались» ихъ и почти вовсе не покупали издаваемыхъ ею книгъ, подозрѣвая въ нихъ искаженіе стараго текста. Только вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу со стороны лицъ, завѣдывавшихъ типографскимъ дѣломъ, убѣдило, наконецъ, старообрядцевъ въ безусловной вѣрности текста книгъ московскаго изданія съ книгами, тисненными при патріархѣ Іосифѣ. Тогда явился большой спросъ на книги и онѣ вошли въ употребленіе во многихъ старообрядческихъ молитвенныхъ домахъ. Московскіе книгопродавцы отправляли ихъ цѣлыми транспортами (*Голосъ* 1880 г., № 331).

Вслѣдствіе постояннаго спроса на старопечатныя книги, единовѣрческая типографія постепенно расширяла свою дѣятельность и, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ старообрядцевъ, произвольно возвышала цѣны на свои изданія. Старообрядцы по необходимости принуждены были мириться съ этимъ и платить за книги вдвое противъ прежняго. Благодаря типографіи, единовѣрческая Введенская церковь скопила громадный капиталъ, часть котораго шла, между прочимъ, на разныя благотворительныя дѣла. Такъ, напримѣръ, попечитель церкви, И. Н. Рыжковъ, устроилъ при церкви на доходы типографіи училище для бѣднѣйшихъ старообрядческихъ дѣтей и богадѣльню. Изъ тѣхъ же доходовъ почти ежегодно отдѣлялась значительная сумма на поддержаніе единовѣрческихъ церквей въ западномъ краѣ.

Непомѣрно дорогія цѣны, назначаемыя за книги единовѣрческою типографіею, заставили старообрядцевъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ открыть свои собственныя типографіи. Но всѣ ихъ хлопоты по этому поводу потерпѣли самое рѣшительное фіаско. Тогда они вынуждены были прибѣгнуть къ открытію тайныхъ, подпольныхъ типографій.

И вотъ мы видимъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ центрахъ старообрядчества заводятся тайныя типографіи и печатни, въ которыхъ изготовляются богослужебныя книги до-никоновской редакціи. Многія изъ этихъ типографій были обнаружены полиціей и владѣльцы ихъ подверглись аресту и суду. Въ 1868 году, 21 октября, была открыта въ Москвѣ хорошо устроенная тайная старообрядческая типографія. Въ 1880 г., московскій окружный судъ разсматривалъ дѣло о старообрядцѣ Овчинниковѣ, который также обвинялся въ устройствѣ тайной старообрядческой типографіи. Въ прошломъ 1882 году, *Русскимъ Вѣдомостямъ* сообщали изъ Балахны, Нижегородской губерніи, что въ деревнѣ Новинкахъ, Мысовской волости, въ домѣ старообрядца крестьянина Егора Михайлова была открыта тайная печатня раскольническихъ богослужебныхъ книгъ. Печатня Михайлова была замаскирована устройствомъ столярной и иконописной мастерской, и помѣщалась въ подвалѣ.

При всѣхъ этихъ арестахъ было несомнѣнно дознано, что ни въ одной изъ тайныхъ старообрядческихъ типографій «ничего вреднаго печатаемо не было», и вся дѣятельность ихъ ограничивалась лишь дословною перепечаткою книгъ, изданныхъ при первыхъ пяти московскихъ патріархахъ. И они дѣлали это настолько аккуратно, что даже духовныя консисторіи не могли отличить книгъ, вышедшихъ изъ нелегальныхъ старообрядческихъ типографій, отъ изданныхъ въ прежнее время въ дозволенныхъ правительствомъ типографіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, «раскольническія богослужебныя книги» строго преслѣдовались: въ нашемъ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій до сихъ поръ находится такая статья: «запрещается печатать и продавать раскольническія богослужебныя книги; но дозволяется пріобрѣтать и продавать печатаемыя въ учрежденной особой типографіи въ Москвѣ богослужебныя книги, сходныя съ старопечатными» (53 ст.).

Мѣстныя власти строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ этого закона; однако, старообрядцы находили тысячи путей и

средствъ такъ или иначе обойти эти стѣсненія. И вотъ мы видимъ, что синодъ то и дѣло жалуется на недостатокъ надзора и энергіи со стороны полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія старообрядцевъ за распространяемыя ими книги.

Такъ, въ январѣ 1857 года, синодъ писалъ симбирскому просвященному: «Уставомъ о пред. и прес. прест. запрещается печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, а привозимыя изъ-за границы велѣно конфисковать и отсылать въ св. синодъ; надзоръ же за непечатаніемъ въ типографіяхъ книгъ и сочиненій, цензурою недозволенныхъ, равно за необращеніемъ ихъ въ продажѣ въ книжныхъ лавкахъ и т. п.—возложенъ на полицію. Но, вопреки этому, происходитъ явная торговля на ярмаркахъ и въ лавкахъ раскольничьими иконами и книгами, а особенно на Нижегородской ярмаркѣ, куда пріѣзжаютъ раскольники одни для продажи, а другіе для покупокъ, и все это, равно и распространеніе между ними рукописныхъ книгъ, происходитъ безъ всякаго преслѣдованія» *).

Конечно, подобныя сѣтованія не проходили безслѣдно; послѣдствія ихъ обыкновенно сказывались на раскольникахъ самымъ ощутительнымъ образомъ.

VI.

Книжное дѣло въ расколѣ.

Въ 1874 году, въ городѣ Симбирскѣ, во время ярмарки, полиція произвела обыски въ книжныхъ лавкахъ Большакова, старообрядца Перевощикова и Хотякова, причемъ нашла нѣсколько богослужебныхъ книгъ собственно старообрядческой печати. На этихъ книгахъ значилось указаніе, что онѣ отпечатаны въ типографіи Почаевской лавры, гдѣ въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно печатались старообрядческія книги.

Симбирская духовная консисторія, куда препровождены были арестованныя книги на разсмотрѣніе, признала ихъ безусловно «раскольничьими», несмотря на то, что большая часть конфискованныхъ книгъ принадлежала къ числу рѣдкихъ изданій старопечатной литературы, тисненныхъ во времена первыхъ пяти московскихъ патріарховъ. Съ отзывомъ духовной консисторіи согласилась и Почаевская лавра.

*) „Собраніе постановленій по расколу, состоявшихся по вѣдомству св. синода". СПб., 1858.

Всѣхъ книгъ полиціей арестовано было слишкомъ на 10,000 р. Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлыя пять лѣтъ. Изъ обвиняемыхъ на судъ явились лишь Большаковъ и Хватковъ; Перевощиковъ оказался умершимъ. На вопросъ предсѣдателя суда о виновности, подсудимые виновными себя не признали. Хватковъ объяснилъ, что онъ торговалъ книгами по порученію Большакова и въ сущность книгъ вникалъ очень мало.

Подсудимый Большаковъ (членъ и соревнователь различныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ, коммисіонеръ Императорской публичной библіотеки и Румянцевскаго музея) объяснилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ никакого преступленія не видитъ: онъ торговалъ, какъ торгуетъ и теперь книгами, хотя и безцензурнаго изданія, но, все-таки, дозволенными, употребляющимися не только въ старообрядческихъ молельняхъ, но и въ единовѣрческихъ церквахъ.

«Дѣло это,—сказалъ далѣе обвиняемый,—возникло по жалобѣ московской единовѣрческой типографіи, которой предоставлена монополія по изданію богослужебныхъ старообрядческихъ книгъ». Во время обыска и ареста полиція забирала все безъ разбора, и на протестъ подсудимаго, лишившагося въ этомъ случаѣ цѣлой половины своего достоянія, полицейскій чиновникъ Орловскій отвѣчалъ: «въ консисторіи разберутъ!»

Затѣмъ обвиняемый Большаковъ представилъ въ свое оправданіе то, что въ конфискованныхъ у него книгахъ ничего вреднаго, противозаконнаго нѣтъ, что онѣ состоятъ изъ молитвъ и церковнаго чинослуженія; что полиція, по незнакомству съ дѣломъ, арестовала у него весьма цѣнные экземпляры древнихъ изданій, чѣмъ нанесла ему крупные убытки. Далѣе на вопросы предсѣдателя суда Большаковъ высказалъ, что отобранныя у него книги дѣйствительно изданы безъ дозволенія цензуры; онѣ печатались въ разныхъ типографіяхъ и въ разное время, еще до существованія цензуры, возникшей лишь въ прошломъ столѣтіи; во многихъ книгахъ заглавные листы, за давностью времени, утрачены, почему трудно даже опредѣлить время ихъ выхода въ свѣтъ.

Симбирская духовная консисторія, обозвавъ всѣ книги огуломъ «раскольническими», впала, по словамъ подсудимаго, въ явную ошибку, такъ какъ въ числѣ конфискованныхъ книгъ было много такихъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ расколу, какъ, напримѣръ, «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича», изданное въ 1649 году, и другія, выпущенныя до цензурнаго времени.

Однако, несмотря на все это, прокуроръ поддерживалъ обвиненіе и просилъ судъ примѣнить къ подсудимымъ 205-ю статью уложенія о наказаніяхъ, старопечатныя книги, не относящіяся до раскола, вродѣ «Уложенія царя Алексѣя Михайловича» и другія, возвратить подсудимымъ, а богослужебныя книги, употребляющіяся въ раскольническихъ молельняхъ, передать въ мѣстную консисторію.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, окружный судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: виновныхъ въ распространеніи раскольническихъ богослужебныхъ книгъ—московскаго купца Большакова подвергнуть, на основаніи 205-й ст. улож. о наказ., денежному взысканію въ размѣрѣ 200 рублей, а въ случаѣ несостоятельности, тюремному заключенію на два мѣсяца; крестьянина Хваткова подвергнуть денежному взысканію въ 15 рублей или аресту на три дня.

Само собою понятно, что подсудимые никакъ не могли остаться довольны подобнымъ приговоромъ, и, главнымъ образомъ, потому, что судъ въ своемъ рѣшеніи совершенно игнорировалъ вопросъ о возвращеніи Большакову конфискованныхъ у него въ складѣ, вмѣстѣ съ мнимо-раскольничьими книгами, другихъ, весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Большаковъ обжаловалъ приговоръ симбирскаго суда и перенесъ дѣло въ казанскую судебную палату. Но и палата ограничилась лишь примѣненіемъ къ Большакову наказанія за распространеніе, посредствомъ продажи, раскольническихъ книгъ; что же касается просьбы обвиняемаго возвратить ему неправильно конфискованныя у него изданія, то палата также не постановила точнаго опредѣленія по этому пункту.

Тогда Большаковъ обратился со всеподданѣйшею просьбою къ Государю Императору. По Высочайшему повелѣнію, жалоба его передана была на разсмотрѣніе св. синода, которымъ опредѣлено: возвратить Большакову неправильно арестованныя у него книги, о чемъ и было предписано симбирской духовной консисторіи.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло Большакова является исключительнымъ; напротивъ, подобнаго рода дѣла и по настоящее время то и дѣло возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, газетами было передано слѣдующее извѣстіе изъ города Ростова, Ярославской губерніи: «На-дняхъ, здѣшняя ярмарочная полиція произвела осмотръ книжной лавки П. В. Просвирина, изъ Иваново-Вознесенска, и

нашла у него богослужебныя книги, напечатанныя въ тайныхъ старообрядческихъ типографіяхъ. Весь книжный товаръ у Просфирина конфискованъ» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 76).

Затѣмъ вскорѣ въ газетахъ появились слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія по поводу этого происшествія. Книгопродавецъ Просвиринъ ежегодно посѣщалъ Ростовскую ярмарку и торговалъ все однѣми и тѣми же книгами, исключительно духовнаго содержанія и преимущественно богослужебными—старопечатными и новѣйшаго тисненія. Въ нынѣшнемъ году, едва только Просвиринъ разобрался съ своимъ книжнымъ товаромъ, къ нему немедленно нагрянула полиція и арестовала книги, которыя свезены были въ полицейское управленіе.

Соборный священникъ, приглашенный разсмотрѣть конфискованныя книги, по незнакомству съ старопечатными изданіями, изготовляющимися въ московской единовѣрческой типографіи, далъ заключеніе, что это книги раскольническія. Тогда былъ составленъ актъ и дѣло передано судебному слѣдователю. Къ счастію Просвирина, прокурорскій надзоръ, усмотрѣвъ неосновательность привлеченія Просвирина къ слѣдствію, предписалъ дѣло прекратить. Однако, «конфискованныя книги препровождены въ ярославскую духовную консисторію и Просвиринъ лишенъ почти всего достоянія» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 81).

Нужно ли добавлять, что подобныя мѣры ни мало не достигаютъ своей цѣли? Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какое широкое распространеніе получила въ народѣ такъ называемая «раскольническая литература».

VII.

Раскольническая литература.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ въ 1879 году, былъ отдѣлъ поморскихъ старообрядческихъ народныхъ школъ. Здѣсь будетъ кстати привести описаніе этого отдѣла, сдѣланное въ свое время газетою *Голосъ*.

«Врядъ ли гдѣ-нибудь еще, кромѣ выставки, можно встрѣтить такое богатое собраніе старообрядческихъ рукописей поморскаго толка, распространеннаго среди раскольниковъ-безпоповцевъ, населяющихъ Архангельскую и Олонецкую губерніи. Между

книгами, которыя, замѣтьте, всѣ рукописныя, есть вполнѣ замѣчательныя какъ по содержанію, такъ и по превосходному выполненію «заставицъ», оригинальный рисунокъ которыхъ, своимъ изяществомъ и тонкостью отдѣлки, можетъ поспорить съ печатными книжными орнаментами нашего времени. Отчетливость письма-печати изумительна; она, случается, до того мелка, что ее можно сравнить съ самымъ мелкимъ петитомъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что поморскіе писатели — воспитанники своихъ народныхъ (старообрядческихъ) школъ, и что все здѣсь собранное есть произведеніе конца XVII и XVIII вѣковъ.

«Поморская раскольничья литература представлена тутъ, между прочимъ, слѣдующими экземплярами *типса*. *Поморскіе отвѣты на вопросы монаха Неофита*,—книга, какъ и многія другія, писанная Андреемъ Денисовымъ, портретъ котораго можно тутъ же встрѣтить въ числѣ поморянъ. Потомъ замѣчательны по миніатюрному письму: *Мечъ духовный*, *Поморскія святцы*, съ біографіями многихъ святыхъ, о которыхъ не упоминается въ четьи-миней̀хъ и которые, слѣдовательно, признаются святыми только у поморянъ. Таковы, напримѣръ, Левкій на Рузѣ, память котораго празднуется 17 іюля, Варлаамъ Керецкій, Варнава Ветлужскій, Анна, кашинская княжна, и другіе, — всѣхъ до пятнадцати. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе: поморская *Риторика съ образцами краснорѣчія*, собраніе привѣтствій, поздравленій и проч.,—книга, составленная разными настоятелями поморскихъ обителей и писанная въ женскомъ монастырѣ въ Лексѣ. Тутъ же можно встрѣтить нѣсколько свитковъ, по 60 аршинъ длины въ каждомъ; въ этихъ рукописныхъ свиткахъ, большею частью, изображены различныя сказанія объ антихристѣ, о перстосложеніи и проч. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе и коллекція рисунковъ духовнаго содержанія, черченныхъ рукою поморскихъ мастеровъ, затѣмъ изображеніе поморскихъ скитовъ: Лексинскаго и Выгорѣцкаго. По нимъ легко ознакомиться съ планами и характеромъ построекъ XVII вѣка. Далѣе идетъ *Родословное дерево* знаменитаго у поморцевъ Андрея Денисова; дерево указываетъ, что этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ и знаменитый поморскій толковникъ былъ потомокъ князей Мышецкихъ. Изъ портретовъ поморянъ очень недуренъ и весьма интересенъ акварельный портретъ Павла Любопытнаго» (*Голосъ* 1879 г., № 126).

Среди сельскаго населенія Владимірской губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, можно встрѣтить цѣлую массу старообрядцевъ, держа-

щихся различныхъ согласій и толковъ. «Особенно густо населены старообрядцы въ мѣстности, извѣстной подъ собирательнымъ именемъ «Патріаршины», граничащей съ Богородскимъ уѣздомъ, Московской губерніи. Преобладающимъ здѣсь является безпоповщинское ученіе, распространенное еще съ давняго времени. Изъ всѣхъ старообрядческихъ согласій, безпоповщинское (по увѣренію корреспондента *Порядка*) отличается наибольшею развитостью: наставники ихъ и руководители обладаютъ громадною начитанностью. Рукописная безпоповщинская литература заслуживаетъ особеннаго вниманія. Исключая вопросовъ о церковной іерархіи, отвергаемой безпоповцами, во всемъ остальномъ они держатся самыхъ здравыхъ христіанскихъ понятій и замѣтно прогрессируютъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

«Замѣчательнымъ явленіемъ въ здѣшней глуши,—писали изъ Покровскаго уѣзда, Владим. губ.,—служитъ рукописная раскольническая литература, которая процвѣтаетъ здѣсь издавда. Каждый безпоповщинскій начетчикъ и книжникъ непремѣнно что-нибудь напишетъ въ теченіе своей жизни. Въ настоящее время по рукамъ старообрядцевъ ходитъ новѣйшее сочиненіе начетчика Зыкова (изъ деревни Кабановой) о разногласіяхъ между старообрядчествомъ и православною церковію, написанное по поводу разглагольствія съ извѣстнымъ миссіонеромъ, о. Павломъ Прусскимъ» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Сочиненіе Зыкова, судя по другому сообщенію той же газеты, возбудило большіе толки среди мѣстнаго безпоповщинскаго населенія. «Вышедшій предъ этимъ большой рукописный томъ сочиненій того же Зыкова разошелся очень быстро, несмотря на дороговизну—25 рублей за экземпляръ. Настоящій трудъ Зыкова, копированный во множествѣ экземпляровъ превосходнымъ, весьма отчетливымъ полууставомъ, объемомъ своимъ значительно менѣе перваго сочиненія. За то это послѣднее сочиненіе отличается, по отзывамъ старообрядческихъ начетчиковъ, другими достоинствами, доказывающими громадную начитанность автора, тщательно, какъ видно изъ самой рукописи, изучившаго старообрядческую литературу».

«Я имѣлъ случай познакомиться,—писалъ два года назадъ корреспондентъ газеты *Порядокъ*,—съ сочиненіемъ здѣшняго старообрядческаго писателя И. И. Зыкова, который выпустилъ уже два обширные тома и готовитъ въ настоящее время третій. Нужно замѣтить, что рукописныя сочиненія Зыкова, имѣющія преиму-

щественно полемической характеръ, отличаются яснымъ, толковымъ изложеніемъ и доказываютъ обширную начитанность автора, писаніями котораго руководствуются и поучаются не только мѣстные старообрядцы, но и жители другихъ, дальнихъ мѣстностей» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Умершій два года назадъ московскій старообрядческій архіерей Антоній оставилъ послѣ себя обширную библіотеку, которая, согласно предсмертной волѣ покойнаго, была переведена изъ архіерейской резиденціи на Рогожское кладбище, гдѣ она должна быть открыта для всеобщаго пользованія старообрядцевъ. Книгохранилище Антонія, собранное имъ въ теченіе своего 30-ти-лѣтняго архіерейства, состоитъ преимущественно изъ дорогихъ старопечатныхъ изданій, составляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; между ними есть не мало замѣчательныхъ древнихъ рукописей, для пріобрѣтенія которыхъ покойный не жалѣлъ никакихъ средствъ. Для изслѣдователей старопечатной церковной литературы книжное собраніе Антонія незамѣнимо (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 125). Попечители Рогожскаго кладбища, З. А. Зеленовъ и К. А. Царскій, согласно мысли, высказанной Т. С. Морозовымъ, предполагаютъ приспособить для библіотеки особое удобное помѣщеніе, сдѣлать книжное собраніе Антонія общедоступнымъ для всѣхъ старообрядцевъ, особенно для лицъ, занимающихся изысканіями въ старопечатной литературѣ.

Изъ города Боровска, Калужской губерніи, недавно сообщалось *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что «при тамошнемъ архіерейскомъ старообрядческомъ домѣ открыта небольшая библіотека, состоящая преимущественно изъ старопечатныхъ изданій и рукописей, равно какъ и наиболѣе важныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи церкви. Старообрядческій епископъ Ѳеодосій весьма охотно даетъ объясненія посѣтителямъ, являющимся за книжными справками».

Послѣ смерти умершаго недавно старообрядческаго писателя, автора *Окружнаго Посланія*, И. Е. Ксенова, также осталась обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ цѣнныхъ старопечатныхъ изданій и древнихъ рукописей. Библіотека эта въ настоящее время разобрана старообрядческимъ епископомъ Сильвестромъ стародубскимъ. Часть книгъ поступитъ въ пользу Предтеченскаго старообрядческаго монастыря, находящагося близъ Клинцовъ, гдѣ похороненъ покойный, а остальныя поступятъ въ

продажу. Многіе изъ почитателей покойнаго прислали свои предложенія, желая пріобрѣсти оставшіеся экземпляры изъ его книжнаго собранія (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 99).

Кромѣ библіотеки, Ксеновъ отсавилъ послѣ себя не мало разнаго рода сочиненій въ рукописяхъ. «Болѣе замѣчательныя произведенія автора *Окружнаго Посланія* старообрядцы желали бы видѣть въ печати, но, при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ, желаніе это не можетъ быть удовлетворено, судя по тому, что даже портретъ покойнаго съ его факсимиле не разрѣшенъ къ выпуску» (*Русскій Курьеръ* 1883 г., № 14).

Такимъ образомъ, старообрядческая литература до сихъ поръ принуждена обходиться безъ помощи печатнаго станка, до сихъ поръ по необходимости принуждена довольствоваться *рукописью*. Почти всѣ попытки старообрядцевъ провести тѣ или другія свои изданія въ печать терпѣли полную неудачу. Читатели, вѣроятно, еще не забыли, какъ два года тому назадъ цензурный комитетъ, согласно опредѣленію св. синода, запретилъ къ обращенію отпечатанную въ Москвѣ книгу В. М. К—скаго *Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ*.

Въ послѣднее время среди старообрядцевъ начали все чаще и чаще встрѣчаться разнаго рода литографированныя произведенія. Очевидно, раскольники успѣли обзавестись своими литографіями. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній превосходно изданы, на великолѣпной бумагѣ; таково, напримѣръ, сочиненіе: *Апологія христіанъ-старообрядцевъ или разсмотрѣніе и опроверженіе обвиненій, возводимыхъ на старообрядчество духовно-господствующею литературой*. Сочиненіе это, написанное, кстати сказать, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ обстоятельную, безпощадную и мѣстами весьма рѣзкую критику извѣстной брошюры г. Н. Субботина *О сущности и значеніи раскола въ Россіи*. «Апологія» эта принадлежитъ перу одного изъ самыхъ видныхъ и образованныхъ старообрядческихъ дѣятелей; она начинается словами: «Не пора ли и безправному старообрядчеству выступить со своею защитою отъ направленныхъ противъ него обвиненій?».

Что касается отношенія раскольниковъ къ свѣтской, «гражданской» печати, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что предубѣжденіе, существовавшее у нихъ въ прежнее время къ литературѣ, какъ къ «новшеству», нынѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаетъ. По этому поводу одинъ изъ оффи-

ціальныхъ изслѣдователей экономическаго быта крестьянъ Покровскаго уѣзда, Владимір. губ., между прочимъ, пишетъ: «Многіе изъ раскольниковъ чутко слѣдятъ за событіями современной жизни, выписываютъ газеты, среди которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, на ряду съ распространенными здѣсь *Русскими Вѣдомостями* и *Современными Извѣстіями*, и австрійскаго *Старообрядца*, и *Голосъ*, и *Страну* *).

VIII.

Газеты.

По нѣкоторымъ даннымъ слѣдуетъ думать, что мысль о необходимости имѣть свой собственный органъ печати давно уже живетъ въ передовой части русскаго старообрядчества. Профессоръ Н. Я. Аристовъ сообщаетъ по этому поводу весьма интересный эпизодъ изъ петербургской жизни своего друга Афанасія Прокопьевича Щапова, извѣстнаго изслѣдователя раскола.

Въ 1863 году, рижскіе купцы, «раскольники поморскаго согласія», отправили въ Петербургъ одного уполномоченнаго изъ своей среды, чтобы хлопотать о признаніи гражданскихъ браковъ. Этотъ уполномоченный счелъ своимъ долгомъ посѣтить Щапова, который жилъ въ это время въ Петербургѣ «Долго и задушевно бесѣдовали они между собою о положеніи русскихъ раскольниковъ». Затѣмъ купецъ «завелъ рѣчь о газетѣ раскольничьей, которой имъ не позволяютъ издавать въ Россіи»: при этомъ онъ сообщилъ, что теперь старообрядцы рѣшили издавать свою газету за границей, и тутъ же предложивъ Щапову: «не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ», за что обѣщалъ ему «полное обезпеченіе». Щаповъ отказался и дѣло съ газетою заглохло **).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ австрійской Буковинѣ, въ Коломыи, началъ выходить *Старообрядецъ*, русская «газета церковно-научно-нравственная и экономическая». Отвѣтственнымъ редакторомъ состоитъ нѣкто Левъ Стадниченко, а издателемъ и вмѣстѣ фактическимъ редакторомъ—«инокъ Никола Чернышевъ». Газета выходитъ два раза въ мѣсяцъ—1 и 15 числа. Подписная цѣна на полученіе газеты, съ почтовою пересылкою на

*) «Промыслы Владимірской губ.». Выпускъ IV. Москва 1882 г. стр. 63.

**) «Афонасій Прокопьевичъ Щаповъ», соч. проф. Н. Я. Аристова. СПб., 1883 г., стр. 104.

годъ въ Австріи—4 гульдена, на полгода 2 гульдена и 50 крейцеровъ австрійской валюты; въ Россіи—5 рублей за годъ и 3 рубля за полгода. Каждый нумеръ *Старообрядца* снабженъ эпиграфомъ: «Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что мя біеши?» (Еванг. отъ Іоанна).

Газета поставила себѣ цѣлью служить интересамъ русскаго старообрядчества, причемъ подробно выяснила свою программу въ двухъ первыхъ нумерахъ, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Причины появленія сей газеты и программа». При этомъ редакція заявляла, что она главнымъ образомъ ставитъ себѣ задачею «защищать правоту своей религіи» посредствомъ «неоспоримыхъ историческихъ доказательствъ» и ратовать о томъ, что «нѣсколько милліоновъ старообрядцевъ не имѣютъ свободы исповѣдывать свою религію въ ихъ отечествѣ, Россіи». (Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что газета начала выходить задолго до закона 3 мая 1883 года). На эти темы помѣщено въ газетѣ множество статей, представляющихъ огромный интересъ для всѣхъ, кого сколько-нибудь занимаетъ вопросъ о современномъ состояніи русскаго раскола.

Въ числѣ главныхъ цѣлей, которыя поставила себѣ редакція, видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ образованіи старообрядчества. «Какъ не можетъ человѣкъ жить безъ хлѣба и воды, такъ не можно жить и безъ школъ общественныхъ, такихъ, въ которыхъ могъ бы научиться и сиротка, бѣдной вдовы сынокъ и дочка, не платя учителю ни гроша, божественному чтенію и писанію». Каждый разъ, какъ только касается газета вопроса о школахъ, она всегда называетъ ихъ «самыми полезнѣйшими, самыми необходимѣйшими для жизни человѣка заведеніями» и постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы школы непремѣнно заводились «въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ».

Кромѣ школъ, газета рекомендуетъ старообрядцамъ заводить «общественные банки», которые выдавали бы ссуды бѣднымъ людямъ за маленькіе проценты. Въ доказательство необходимости такихъ банковъ приводятся многочисленные факты экономической эксплуатаціи, которой подвергаются старообрядцы въ австрійскихъ странахъ со стороны евреевъ.

Другой вопросъ, занимающій редакцію,—это именно объединеніе всѣхъ разнообразныхъ развѣтвленій старообрядчества. «Такъ какъ старообрядцы,—говорится въ одной изъ передовыхъ статей,—раздѣлились на нѣсколько частей между собою, то мы будемъ пред-

ставлять имъ здѣсь это великое зло, вкоренившееся у нихъ. И будемъ совѣтывать, чтобы общими силами, по силѣ возможности, искоренять его, ибо оно страшный грѣхъ предъ Богомъ и людьми». Въ другой разъ газета замѣчаетъ: «Въ настоящее время всѣ народы Европы группируются между собою въ общества большія или малыя для учрежденія какого-нибудь полезнаго заведенія, такъ какъ, говоритъ пословица: «одинъ въ полѣ не воинъ»,—отчего они и счастливы и живутъ спокойно и богато». Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, газета постоянно дѣлаетъ призывы о томъ, чтобы «всѣмъ старообрядцамъ, имѣющимъ архіерейство, безпоповцамъ, «тульскимъ» и прочимъ отдѣламъ соединиться въ одну вѣру, въ одну церковь и въ одно общество, такъ какъ намъ можно легко это сдѣлать, имѣя однѣ книги, одни обряды, однѣ причины, раздѣляющія насъ отъ господствующей въ Россіи церкви».

Старообрядецъ, какъ видно, внимательно слѣдитъ за русской періодической печатью и отмѣчаетъ все, что появляется въ ней по вопросу о расколѣ. Относясь съ сочувствіемъ ко всякому правдивому, безпристрастному изслѣдованію, газета, въ то же время, вступаетъ въ горячую полемику съ тѣми изъ органовъ печати, которые,—подобно, напримѣръ, *Московскимъ Вѣдомостямъ*,—«высказываютъ и утверждаютъ всѣмъ очевидную ложь относительно того, что старообрядцы, будто бы, во всемъ свободны».

Въ старообрядческой газетѣ можно встрѣтить корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ Россіи, Австріи, Молдавіи и проч. Въ первыхъ №№, напримѣръ, были помѣщены корреспонденціи: «съ Дона», изъ Москвы, изъ Суздаля, изъ Яссъ, изъ Богородскаго уѣзда, Московской губ., изъ Казани, изъ Галаца (Молдавіи), изъ Измаила, Бессарабской области, «Изъ Уральскихъ хребтовъ», изъ Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., «изъ провинціи», за подписью «крестьянинъ», и проч.

Русская печать, въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ, отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ своему новому и оригинальному собрату и по достоинству оцѣнила его значеніе. Вотъ, напримѣръ, что писалъ *Церковно-Общественный Вѣстникъ* по поводу первыхъ №№ *Старообрядца*: «Подобнаго рода изданіе составляетъ насущную потребность не только для самаго старообрядчества, но и для его изслѣдователей и для органовъ администраціи церковной и гражданской и для общества. Для старообрядчества оно составляетъ центральный пунктъ, въ которомъ

сосредоточиваются его міровоззрѣнія и защищаются его нравственные и матеріальные интересы, и, въ то же время, оно служитъ объединяющимъ факторомъ, приводящимъ къ единству все разнообразіе старообрядческой мысли и жизни... Для администраціи—это необходимый источникъ для узнанія истинныхъ потребностей старообрядчества, цѣлей, которыхъ оно домогается въ государственной и общественной средѣ, и средствъ, какими оно думаетъ достигнуть искомыхъ имъ цѣлей. Нужно, наконецъ, подобное изданіе и для общества: изъ него общество узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, какіе жизненные интересы преслѣдуютъ представители старообрядчества... Вотъ почему появленіе старообрядческой газеты не должно остаться незамѣченнымъ, и мы съ своей стороны встрѣчаемъ ее съ искреннимъ радушіемъ» (*Церковно-Обществ. Вѣстникъ* 1879 г., № 15).

Какъ же отнеслись къ появленію газеты сами старообрядцы? Извѣстная, наименѣе развитая часть русскихъ старовѣровъ отнеслась довольно индиферентно къ этому предпріятію. «Молился бы лучше Богу»,—писали эти люди иноку-издателю.

Но за то болѣе развитая и образованная часть старообрядчества съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила новый печатный органъ. Такъ, изъ Покровскаго уѣзда (Влад. губ.) сообщали, что безпоповцы селеній Кабанова, Іонова, Зуева и др. весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, несмотря на то, что она издается лицомъ вовсе не ихняго согласія. Такъ какъ издатель этой газеты; г. Чернышевъ, человѣкъ вовсе безъ средствъ, то безпоповцами собрана была довольно значительная сумма и отослана въ Коломыю, въ Австрійской Галиціи, гдѣ выходитъ помянутое изданіе» (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 140).

Этотъ фактъ подтверждалъ также и корреспондентъ (*Русскаго Курьера*) изъ Покровскаго уѣзда. «Здѣшніе старообрядцы,—писалъ онъ,—весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, которая получается здѣсь многими изъ безпоповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу издателя помянутой газеты и собранная сумма отослана по принадлежности» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Въ самомъ *Старообрядцѣ* было помѣщено много писемъ и заявленій отъ раскольниковъ, которые выражали свое сочувствіе дѣятельности издателя газеты и изъявляли готовность оказать ему

полное содѣйствіе. Приводимъ здѣсь маленькое извлеченіе изъ одного подобнаго письма, полученнаго г. Чернышевымъ изъ Херсонской губерніи: «Честнѣйшій въ иноцехъ, отецъ Никола! Первымъ долгомъ чувствительнѣйше имѣю честь поздравить васъ на поприщѣ богодухновенной, для всѣхъ старообрядцевъ утѣшительной газеты, которой начало и основаніе положилъ самъ Параклитъ святый. Она—защита и утѣшеніе русскаго народа, безвинно угнетеннаго и безмолвно молчащаго и по нынѣ многотерпѣливо переносящаго несчастную свою долю,—всѣ невзгоды, обиды, насмѣшки, клеветы и порицаніе «раскольникъ», нами не заслуженное. Дерзай, великій народолюбче! не унывай, мы всѣ готовы помогать, только скажи въ чемъ, мы не пожалѣемъ тлѣнныхъ денегъ, только не оставляй своего неоцѣненнаго для насъ труда» и т. д.

Въ заключеніе приведемъ написанные русскимъ старообрядцемъ къ издателю газеты и помѣщенные въ одномъ изъ № *Старообрядца* стихи, въ которыхъ также выражается сочувствіе направленію газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается призывъ ко всѣмъ старообрядцамъ, чтобы они оставили, наконецъ, свой «постыдный разладъ» и сомкнулись бы въ одну дружную, сплоченную семью.

«Богъ въ помощь Вамъ, благодѣтелю нашъ,
Труды Ваши сіи вельми пользуютъ насъ.
Звукъ Вашего голоса извнѣ
Поставляетъ и насъ со всѣми наравнѣ.
Первый тамъ раздался онъ,
Страждущихъ защищаетъ онъ.
Радостно на душѣ стало,
Что такое времячко настало.
Вамъ сила Вышняго вдохнула благодать
Къ оборонѣ своего народа стать.
Кто-жь поднять былъ долженъ примиренья и свободы гласъ,
Какъ не старшій братъ у насъ?
. . . . . .
Поспѣшимте, братья старообрядцы,—
Вѣдь, между собою мы всѣ братцы,—
Сбросить постыдный нашъ разладъ,
Чему изъ насъ, сдается, каждый будетъ радъ.
. . . . . .
Стыдно, стыдно, братцы, цѣль имѣть одну,
А расходиться въ разныя стороны по одному.

Совокупно и въ совѣтѣ нужно быть,
Если хочемъ нашу цѣль осуществить!»

IX.

«Братства».

Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если-бъ мы ничего не сказали о тѣхъ кружкахъ или «братствахъ», которыя возникаютъ въ послѣднее время въ средѣ старообрядцевъ и которые ставятъ себѣ цѣлью обсужденіе и выясненіе не только священнаго писанія, но и всякаго рода вопросовъ, относящихся до церкви, религіи и общественнаго положенія старообрядцевъ. Подобное «братство», лѣтъ 6 тому назадъ, возникло, между прочимъ, въ Москвѣ, подъ руководствомъ старообрядческаго священника Прокопія Лапшина.

Чаще всего въ собраніяхъ этого «братства» идутъ разсужденія и даже читаются цѣлые *рефераты* о различныхъ нуждахъ современнаго старообрядчества или же обсуждаются вопросы, касающіеся исторіи раскола, толкуется объ изданіи тѣхъ или другихъ матеріаловъ, относящихся до исторіи старовѣрія, разбираются выходящія вновь книги по расколу и т. д. Наконецъ, на этихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться рѣчи о необходимости «возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія его».

На одномъ изъ подобныхъ собраній московскихъ старообрядческихъ дѣятелей, недавно, разсуждали, между прочимъ, относительно обнародованія манускриптовъ Павла Великодворскаго, оставшихся послѣ учрежденія австрійско-бѣлокриницкой митрополіи и находящихся въ настоящее время въ рукахъ одного изъ членовъ «братства». Присутствовавшій въ собраніи старообрядецъ Д—въ высказалъ, что нѣкоторые изъ миссіонеровъ господствующей церкви настоятельно требуютъ рукописи Великодворскаго для напечатанія въ видахъ разъясненія истины. Но удовлетворить это требованіе, по мнѣнію Д—ва, никакъ невозможно, по той причинѣ, что все то, что говорится въ нихъ въ пользу старообрядческой іерархіи, будетъ искажено.

Другой изъ членовъ собранія, А—нъ, высказалъ, что «всѣ важнѣйшіе документы, хранившіеся въ архивѣ бѣлокриницкой митрополіи, и такъ уже похищены: при помощи ихъ изданы

цѣлые томы и безчисленное множество брошюръ, направленныхъ противъ старообрядчества, но *правдиваго во всѣхъ этихъ изданіяхъ очень мало*. Поэтому, по мнѣнію А—на, предоставлять въ распоряженіе тѣснителей старообрядчества послѣднія важнѣйшія рукописи было бы крайне опрометчиво. «Когда поослабнутъ, современемъ, цензурныя стѣсненія,—сказалъ въ заключеніе А—нъ,—мы и сами постараемся ознакомить съ ними всѣхъ интересующихся» (*Русск. Вѣдом.*).

Въ другой разъ въ засѣданіи «братства» представлена была собранію только что вышедшая тогда книга извѣстнаго богослова Т. И. Филиппова: *Современные церковные вопросы*, причемъ были прочитаны изъ нея наиболѣе выдающіяся мѣста о несправедливомъ отношеніи господствующей церкви къ старообрядчеству. Собраніе признало полезнымъ рекомендовать трудъ г. Филиппова провинціальнымъ старообрядческимъ дѣятелямъ. Въ тотъ же разъ собраніе постановило: собрать всѣ матеріалы, относящіеся къ исторіи старообрядческой іерархіи, и поручить разработку ихъ старообрядческимъ писателямъ.

Но особенный интересъ представляетъ отчетъ о засѣданіи «братства», происходившемъ 13 декабря 1881 года. Въ началѣ членъ «братства» П. Я—въ прочелъ свой рефератъ «о гоненіяхъ на старообрядцевъ въ царствованія Петра I и Николая I». Заимствовавъ изъ обнародованныхъ архивныхъ матеріаловъ прискорбные факты различныхъ стѣсненій, которымъ подвергались старообрядцы, Я—въ сгруппировалъ собранныя имъ печальныя страницы исторіи русскаго старообрядчества въ небольшомъ сжатомъ очеркѣ. Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ рефератѣ, казались даже невѣроятными, и трудно было бы вѣрить, еслибъ не имѣлись на это неоспоримыя доказательства.

Въ заключеніе Я—въ, указавъ на обширную коллекцію представленныхъ имъ въ собраніе такъ называемыхъ «противораскольническихъ сочиненій», которыми такъ богата наша духовная литература, Я— въ старался доказать, что «этими именно пристрастными писаніями, изложенными далеко не въ христіанскомъ духѣ, а въ духѣ злобы и ненависти къ старообрядчеству, и распространенъ расколъ на Руси».

Другой членъ «братства», И. А—нъ, говорилъ по вопросу о возвращеніи въ Россію заграничныхъ старообрядцевъ. Стѣсненія, направленныя противъ старообрядцевъ, привели къ тому, что многіе изъ ревнителей старины вынуждены были оста-

вить родную землю и переселиться въ басурманскія государства, гдѣ нашли нѣкоторое покровительство. «Для насъ утѣшительно то, по крайней мѣрѣ,—сказалъ, между прочимъ, А—нъ, — что наши братья и за предѣлами Земли Русской не утратили ни языка, ни обычаевъ, ни вообще русской самобытности». Затѣмъ А—нъ прочелъ въ собраніи нѣсколько писемъ заграничныхъ старообрядцевъ, въ которыхъ ясно высказывается ихъ стремленіе на родину, тоска по родной землѣ. По словамъ А—на, «еслибъ не было препятствій относительно религіозной свободы, то эмигранты-старообрядцы давно бы оставили чужбину и вернулись бы домой».

Заявленіе это вполнѣ подтвердилъ другой членъ братства, П—въ, который, между прочимъ, сообщилъ, что единичныя переселенія старообрядцевъ изъ-за границы въ Россію стали повторяться съ 60-хъ годовъ, какъ только у насъ начала обнаруживаться нѣкоторая вѣротерпимость по отношенію къ расколу. «Правительство,—сказалъ П—въ,—однимъ словомъ могло бы вернуть эмигрантовъ на родину, обезпечивъ лишь имъ, а вмѣстѣ съ ними и намъ, свободное отправленіе богослуженія и уравненіе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ».

Затѣмъ въ собраніи выступилъ съ рѣчью г. Д—въ, указавшій на то, что «въ видахъ возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія», архіерейскія старообрядческія кафедры слѣдуетъ замѣщать наиболѣе просвѣщенными іерархами, которые бы являлись всюду представителями старообрядчества, христіанскими пастырями въ полномъ смыслѣ слова, которые бы въ извѣстныхъ случаяхъ ходатайствовали за старообрядцевъ, защищали ихъ отъ полицейскихъ стѣсненій. «Пусть они будутъ достойными представителями 15-ти милліоннаго старообрядческаго міра, — сказалъ Д—въ,—а съ безграмотными пастырями мы далеко не уйдемъ».

Въ концѣ засѣданія членъ «братства» Е—въ обратилъ вниманіе собранія на переписку съ провинціальными старообряческими дѣятелями, находя обмѣнъ мыслей и взглядовъ вообще полезнымъ, особенно въ виду разрозненности, господствующей среди старообрядцевъ. При этомъ были прочтены представленныя Е—вымъ собранію письма старообрядческихъ начетниковъ изъ Казани, Оренбурга, Саратова, Кіева, Клинцовъ и другихъ мѣстъ (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., декабрь).

Въ заключеніе замѣтимъ, что кружки, сходные съ только что описаннымъ «братствомъ», кромѣ Москвы, можно встрѣтить

въ Казани, Хвалынкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Казани, при одномъ изъ такихъ кружковъ, существуетъ даже весьма порядочная библіотечка, постоянно пополняющаяся всѣми изданіями и статьями, которыя имѣютъ хотя отдаленную связь съ вопросомъ о расколѣ.

Да не подумаетъ читатель, что подборомъ фактовъ въ извѣстномъ направленіи мы желаемъ во что бы то ни стало «разрисовать» старообрядчество, представить его исключительно прогрессивнымъ элементомъ въ русской народно-общественной средѣ. Совсѣмъ нѣтъ: мы далеки отъ подобнаго желанія, ибо прекрасно сознаемъ, что если средній раскольникъ дѣйствительно нѣсколько выше по развитію средняго мужика православнаго, то, все-таки, эта «высота» составляетъ еще черезъ-чуръ ничтожную ступеньку въ лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія, чтобы можно было, основываясь на ней, выставлять старообрячество какимъ-то свѣточемъ прогресса и образованія. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на тѣ запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ, которые въ послѣднее время несомнѣнно сказываются въ немъ все сильнѣе, опредѣленнѣе, настойчивѣе и которые поэтому настоятельно нуждаются въ скорѣйшемъ, по возможности, удовлетвореніи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ, клонившихся къ облегченію тяжелаго положенія русскаго старообрядчества. Въ числѣ этихъ попытокъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, закону 3 мая 1883 года, «даровавшему раскольникамъ нѣкоторыя права гражданскія и по отправленію духовныхъ требъ». Но, къ сожалѣнію, и этотъ законъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ удовлетвореніи давно и вполнѣ назрѣвшихъ потребностей умственной жизни раскола.

А. Пругавинъ.

КАИНОВО ПЛЕМЯ.

(Романъ).

I.

Золотая красавица.

— Еще поленту.... двѣ.... три.... заказывалъ на палубѣ парохода «Фениче» маленькій, необыкновенно бодрый старичекъ, выбритый и чистенькій, съ красною ленточкой въ петличкѣ плотно обтягивавшаго его чернаго сюртука, несмотря на то, что солнце сегодня пекло, обливая своими горячими лучами и черномазаго лакея, и двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ за однимъ столикомъ съ нашимъ путешественникомъ. «А вамъ, Татьяна Борисовна?—обернулся онъ къ полной дамѣ, еще хорошо сохранившійся, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

— Я не могу... Мнѣ жарко!—Съ ея покраснѣвшаго отъ зноя лица при каждомъ движеніи осыпалась пудра. Еще красивые черные глаза смотрѣли устало. Завитые съ утра волосы давно уже распрямились и прилипли ко лбу.

— Еще бы вы, тетя, въ бархатъ выряднлись!—засмѣялась золотая красавица. Иначе нельзя было и назвать эту чудную головку, словно сгибавшуюся подъ тяжестью золотыхъ волосъ. Большіе темно-синіе глаза подъ темными бровями горѣли веселостью, молодостью, счастьемъ; тонкія ноздри раздувались, какъ будто ей было мало воздуха, какъ будто грудь не могла надышаться на просторѣ этого чуднаго озера.—А по моему,—продолжала она,—церемонится нечего. Тутъ не дома, значитъ, корсеты долой. Вотъ какъ я...

— Ужь не въ капотѣ ли еще выйти?

— Хотя бы и въ капотѣ. Мы, тетя, все равно, что на необитаемомъ островѣ...

— А люди кругомъ?

— Кто же изъ нихъ понимаетъ по-русски? Теперь можно во всю!

— Надя! —остановилъ ее отецъ.

— Ну, папа, молчи!... Ты тоже хорошъ. Точно въ свою контору собрался. Сюртукъ на всѣ пуговицы... Эта противная ленточка; лучше бы розу въ петличку... Та, по крайней мѣрѣ, хорошо пахнетъ... Вотъ посмотри: около насъ — итальянцы... Видишь, какъ они?

За столикомъ рядомъ сидѣло двое туристовъ. Одинъ изъ нихъ, замѣчательно красивый, съ горячими карими глазами и съ синевато-черною гривою волнистыхъ волосъ на головѣ невольно обращалъ на себя общіе вниманіе. На немъ была соломенная шляпа, поля которой, загнутыя спереди вверхъ, будто нарочно открывали это гордое лицо съ маленькими завившимися отъ природы усами и такою же бородкой. Рядомъ съ нимъ сильно-таки пожившій господинъ, тщательно одѣтый въ пеструю матерію. На обоихъ не было жилетовъ; ихъ, по мѣстному обычаю, замѣняли ярко красныя купальныя фуфайки. За то въ петличкахъ красовались маленькіе букеты цвѣтовъ.

— И какіе они молодцы оба!—словно про себя замѣтила Татьяна Борисовна.

— Смотрите! А если они понимаютъ?—замѣтилъ старикъ отецъ.

— Эти-то понимаютъ!—сорвалась Надя.—Развѣ ты не видишь тинъ какой? У насъ, на сѣверѣ, такихъ нѣтъ.

Камерьеръ бѣгомъ черезъ всю палубу разлетѣлся къ столу, за которымъ сидѣли русскіе, и бросилъ на скатерть двѣ тарелки съ полентой. Пронизанные вилками, воробьи, какъ символъ страждущей невинности, лежали лапками кверху, свидѣтельствуя предъ небесами о кровожадности человѣческаго рода.

— А еще порція?

— Я попрошу синьора или синьоръ вынуть одну изъ вилокъ... У насъ не хватило ихъ для воробьевъ...

— Только-то! засмѣялась Надя. — Вотъ возьмите! И она быстро выхватила изъ своихъ волосъ длинную серебряную шпильку. Громадныя, густыя косы, какъ двѣ золотыхъ змѣи, глухо шурша, упали за спинку стула, оттянувъ назадъ эту горѣвшую румянцемъ молодую головку.

— Послушайте, Надя... можно ли?..—пришла въ ужасъ Татьяна Борисовна.

— У меня, тетя, вѣдь свои, — съ едва-едва замѣтною ироніей оправдывалась Надя, внезапно принимая смиренный видъ.

Татьяна Борисовна разомъ смолкла, недовольно поправляя свой шиньонъ.

— Что же вы?—обернулся къ кельнеру старикъ.

Тотъ стоялъ совсѣмъ оцѣпенѣлый. Косы Нади видимо озадачили его.

— Какая красавица! — едва-едва проговорилъ онъ.—Santa-Maria-Misericordia! спаси меня и всякаго вѣрующаго христіанина отъ такихъ глазъ!

Сидѣвшіе за столомъ невольно расхохотались. Не обращая на это вниманія, камерьеръ взялъ шпильку, съ религіознымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее и медленно отправился на кухню.

— Ну, можно ли такъ шалить, Надя?—вмѣшалась молчавшая до сихъ поръ ея подруга. Это была совсѣмъ изъ другаго поля ягода. Она сидѣла выпрямившись, сложивъ руки на колѣняхъ, и вообще всею своею фигурой изображала самое безпощадное приличіе.

— Да! Вотъ бы ты съ Ксеніи брала примѣръ!—одобрялъ ее старикъ.

— Что мнѣ съ нее примѣръ брать? Она, вѣдь, себя въ Индію готовитъ.

— Куда, зачѣмъ?

— Въ индѣйскіе боги... Сядетъ на подушку, сложитъ ручки, да тысячу лѣтъ такъ и просидитъ, а передъ нею брамины будутъ жечь благоуханія, баядерки танцовать... Бѣлые слоны....

— Ну, довольно.—расхохоталась Ксенія, прерывая ее.

— Почему тебѣ бѣлые слоны не нравятся, Ксенія Истукановна?... Эге... вижу куда ты смотришь.

— Никуда не смотрю!—вспыхнула та.

— И на этого итальянца сосѣда не смотришь, нѣтъ? Вотъ и попалась! Да, вѣдь, и правда, можно засмотрѣться. Папа, поди познакомься съ нимъ!...

— Что ты, съ ума сошла?

— Голубчикъ, папочка, познакомься съ этимъ... ну, пожалуйста... я хочу... а то я сама познакомлюсь.

Двое путешественниковъ рядомъ обмѣнялись взглядами. И они сообразили, что дѣло идетъ о нихъ.

— Съ тобой влетишь!—недовольно отвернулся старикъ.— Богъ знаетъ, чему васъ въ этихъ заграничныхъ пансіонахъ учатъ!

— Закону Божію, математикѣ, исторіи, географіи, словесности...

— Довольно, довольно!...

— Рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ, — сыпала та точно бисеръ, мѣняясь улыбками съ Ксеніей.—Что же, тебѣ мало этого? Ну, зоологіи, ботаникѣ, французскому, нѣмецкому...

Отецъ заткнулъ уши. Надя успокоилась.

— Хоть бы вы, Татьяна Борисовна, прибрали ее къ рукамъ. Ни на что не похоже. Четыре мѣсяца какъ выскочила изъ клѣтки и—не угодно ли? Бѣсенокъ...

— А вотъ я за бѣсенка...

— Ну?

— Возьму да разцѣлую тебя... Сейчасъ, при всѣхъ... И Надя вскочила.

— Сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая... Вонъ влюбленный камерьеръ твою поленту несетъ.

— Точно волхвъ съ дарами!

Камерьеръ дѣйствительно подвигался впередъ медленно, не отводя глазъ отъ Нади. На свое несчастье, онъ не замѣтилъ каната, лежавшаго на палубѣ, споткнулся объ него и разомъ легъ на земь къ ногамъ дѣвушки. Тарелка съ полентой и серебряная шпилька съ воробьями полетѣли за бортъ. Кругомъ послышался неудержимый хохотъ. Освирѣпѣвшій итальянецъ вскочилъ, бросился къ борту, невѣдомо къ кому адресовалъ добрую дюжину ругательствъ, проклялъ при этомъ случаѣ всѣхъ святыхъ и, кстати, словно мимоходомъ, задѣлъ чорта, ткнулъ каблукомъ канатъ и, не зная на кого ему обрушиться, стремглавъ спустился въ кухню, откуда сейчасъ же послышался его негодующій голосъ. Ему отвѣтили тамъ еще болѣе звучною бранью; до путешественниковъ донесся шумъ бравурнаго дуэта и минуту спустя лакей выскочилъ вверхъ весь красный, поправляя прическу и баки и посылая какого-то Антоніо прямо въ лапы къ самому Вельзевулу.

— За это и останешься безъ поленты! — укоризненно замѣтилъ старикъ.

— Во-первыхъ, за что это?... а, во вторыхъ, я хочу вовсе не поленты...

— А чего же?

— Замужъ!..

— Что такое?—привсталъ, точно не вѣря самому себѣ, отецъ.

— Вмѣсто поленты, замужъ хочу; вотъ за этого самого итальянца. Папаша, голубчикъ, посватай меня!

— Не обращайте на нее вниманія, Андрей Федоровичъ!—величественно отвернулась Татьяна Борисовна.

— А тетю выдай за его товарища. Онъ тоже еще красивый!.. Ему не больше сорока пяти...

— Пойду ли я! съ негодованіемъ отозвалась тетя, поправляя развившіеся волосы.

— А если онъ попроситъ, тетя милая, станетъ онъ передъ вами на колѣни, возьметъ за руку и начнетъ: звѣзда души моей, планета моего существованія? О ты, которая изъ дѣтства, внушила мнѣ священный жаръ...

Ксенія не выдержала, расхохоталась. Расхохотались и рядомъ сидѣвшіе итальянцы.

— Видишь ты, до чего довела? Всѣ смѣются надъ нами! —оборвалъ ее отецъ, смущенно поглядывавшій на сосѣдей.

— А тебѣ, папаша, стыдно?.. Знаешь почему стыдно?—не унималась она:—потому, что ты надѣлъ своего Владиміра въ петличку и важничаешь... А если бы у тебя вмѣсто противной ленточки цвѣты были, ты и самъ хохоталъ бы съ нами... Вотъ тебѣ!

Андрей Федоровичъ Столѣшниковъ—банкиръ изъ Петербурга, сдѣлавшійся милліонеромъ, только благодаря своей предпріимчивости и коммерческой смѣтливости, еще помнилъ то время, когда онъ съ покойницей женой, отказывая себѣ во всемъ, перебивался гдѣ-то на высотѣ пятаго этажа въ одной изъ Подъяческихъ, желая дать блестящее воспитаніе единственной дочери своей, Надѣ. Ее отправили въ Дрезденъ, въ знаменитый пансіонъ Гернсаха, и она только весною выпорхнула изъ этой клѣтки, найдя давно овдовѣвшаго отца крупнымъ каниталистомъ и однимъ изъ законодателей петербургской биржи. Столѣшниковъ пригласилъ къ ней не то въ качествѣ дальней родственницы, не то компаніонки Татьяну Борисовну Синегубъ-Бровкину, эффектную даму, задиравшую носъ со всѣми по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, ея мужъ былъ генералъ, хотя и интендантскій, тѣмъ не мѣнѣе превосходительный; во-вторыхъ, ея отецъ происходилъ по прямой линіи отъ того самаго достославнаго князя Оболдуй-Тараканова, который, два раза нещадно побитый батогами, бѣжалъ къ полякамъ, вмѣстѣ съ ними воевалъ противъ русскихъ, но, вы-

сѣченный плетьми какимъ-то Сапѣгой, вернулся опять въ Россію, гдѣ его вновь отодралъ Борисъ Годуновъ. Эти историческія воспоминанія давали Татьянѣ Борисовнѣ необычайный престижъ и она вообще любила поговорить о «страданіяхъ своихъ предковъ». Имъ дѣйствительно везло и Синегубъ-Бровкина вправѣ была гордиться этимъ. Второй, извѣстный въ исторіи, Оболдуй-Тараканов связалъ свое имя съ царствованіемъ Петра Великаго, который не могъ его встрѣтить, чтобы не отдуть знаменитою дубинкою, и, наконецъ, когда мудрому преобразователю Россіи надоѣло это, онъ для краткости взялъ да и повѣсилъ князя. Слѣдующій затѣмъ представитель великаго рода былъ въ числѣ шутовъ при Аннѣ Іоанновнѣ и употреблялся Бирономъ въ качествѣ послуха и доносчика. Этому удалось сохранить себѣ жизнь, но за то онъ поплатился ноздрями и близко ознакомился съ тундрами Сѣвера. Его потомокъ вновь прославился, попавшись во время севастопольской кампаніи въ геніальной попыткѣ продовольствовать солдатъ смѣсью песка и древесной коры, дабы, внушивъ имъ отвращеніе къ жизни, содѣлать христолюбивое воинство еще болѣе храбрымъ. Его не поняли и разжаловали въ солдаты. Синегубъ-Бровкина разсказывала эти эпизоды нѣсколько иначе, добившись до сихъ поръ только одного—названія «исторической дамы», которымъ ее окрестила Надя. Третья особа этого маленькаго кружка—Ксенія, подруга Столѣшниковой, была просто на просто Аксинья Капитоновна Бубнова. Ея мамаша,—кронштадтская мѣщанка Домна,—умерла давно, оставивъ дочку на попеченіе отца — тогда десятника Капитона Бубнова, а теперь милліонера и крупнаго заводчика. Нужно къ этому прибавить, что фамилія ея мамаши была совершенно отлична отъ отцовской и самъ отецъ оффиціально звалъ ее не дочерью, а воспитанницей. Она училась вмѣстѣ съ Надей, готовила себя для сцены, была помѣшана на сдержанности и приличіи и, несмотря на дрезденскій пансіонъ, въ глубинѣ души оставалась все тою же кронштадтской мѣщанкой.

Когда пароходъ двинулся, наконецъ, впередъ, Надя засмотрѣлась на окрестности и мало-по-малу угомонилась.

— Ну, что, мошка, устала языкомъ чесать?—взялъ ее за руку отецъ.

— Ради Бога!.. папочка, потише...

— Это почему?

— А если Татьяна Борисовна услышитъ тебя: «мошка, языкомъ чесать»? что она скажетъ?... Что скажутъ безчисленныя

тѣни Оболдуй-Таракановыхъ, Синегубъ-Бровкиныхъ?.. Ты только подумай.

Столѣшниковъ улыбнулся.

— Она, все-таки, почтенная дама... Ее въ Петербургѣ всѣ любятъ и уважаютъ,—наставительно проговорилъонъ.—Она у самого Сергѣя Сергѣевича Велинскаго чай разливаетъ.

— Который уже разъ ты говоришь о Велинскомъ? Что это такое?

— Не что, а кто... Я на биржѣ—генералъ, а онъ царь... Поняла?.. Онъ, душа моя, въ сорока милліонахъ,—съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорилъ отецъ..

— Поняла. Что-нибудь вродѣ Далай-Ламы или Великаго Могола...

— Ну, вотъ ты всегда такъ! Онъ у насъ бываетъ. Изволь съ нимъ быть любезна...

— Съ нимъ разговаривая, становятся на колѣни, да?..

Столѣшниковъ отмахнулся и отошелъ прочъ съ Татьяной Борисовной. Дѣвушки остались однѣ.

— Какъ хорошо! Ксенія. посмотри...

Едва ли гдѣ-нибудь есть другое такое озеро, какъ Ди-Гуардо. Кто разъ побывалъ здѣсь, тотъ до конца жизни сохранитъ благодарное воспоминаніе объ этой величавой улыбкѣ, которою прощается Италія съ путешественниками, уѣзжающими въ туманы и холода своего далекаго края. Она, ревнуя, какъ будто хочетъ разъ на всегда запечатлѣть въ ихъ сердцахъ свой чудный образъ, чтобы потомъ уже никакая другая страна не могла остановить на себѣ ихъ влюбленнаго взгляда. Позади, на гребнѣ красивой горы, сбѣгалось въ одну группу Дезенцино; прямо передъ нашими путешественниками была безконечная панорама вершинъ, за которыми чудились снѣговые вѣнцы швейцарскихъ и тирольскихъ исполиновъ. Въ этой чудной рамкѣ струится совсѣмъ аквамариновое озеро, съ красными и желтыми парусами своихъ бателло, съ городками, задыхающимися въ своихъ старинныхъ стѣнахъ, какъ рыцарь, растолстѣвшій въ прежнихъ латахъ. Сады за садами... Изъ-за зеленыхъ облаковъ ихъ подымаются то суровыя, разъ на тысячу лѣтъ нахмурившіяся башни, то бѣлыя колокольни соборовъ съ стрѣльчатыми окнами; изъ ущелій между вершинами, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе величавыми ползутъ облака, и точно трудно имъ оторваться отъ этихъ горъ: такъ и замираютъ между ними, лѣнясь подняться къ чи-

стому, дѣвственному сегодня небу. Вонъ длинный мысъ... На нѣсколько верстъ вдался онъ въ спокойныя воды озера съ юга. точно узкая тополевая роща... Изъ-за нея колосальная стѣна старой крѣпости... Еще какой-то замокъ съ мрачной романтической башней... Подъ конецъ мысъ вдругъ выростаетъ, горбится, словно хребетъ сказочнаго чудовища, и массами изорваннаго гранита рушится прямо въ изумрудную влагу. Тутъ стояла знаменитая когда-то вилла римскаго поэта Катулла - Сирміонъ, отъ которой и весь этотъ мысъ получилъ свое названіе. Всюду вершины, ущелья и замки, четыреугольныя зубчатыя башни, зубчатыя стѣны. Зелень точно ведетъ войну съ ними: подступитъ, обойметъ, старается задушить ихъ гущею своихъ вѣтвей. заползаетъ вверхъ, цѣпляясь за каждую скважину, бросаетъ свои губительныя петли на зубцы, цѣлыми снопами зеленой листвы заполоняетъ бойницы, а стѣны стоятъ себѣ да стоятъ, все больше и больше хмурясь на веселый блескъ воды, на горячее солнце, на безпечныя лица рыбаковъ, пользующихся каждымъ порывомъ вѣтра изъ темнаго ущелья. чтобы выкинуть точно священную орифламму—желтый парусъ своего граціознаго суденышка. Вотъ Лазиза — цѣлый городъ замковъ... Одинъ изъ нихъ выступилъ прямо въ воду. Теперь въ немъ тишина. Старуха со стѣны спустила внизъ ноги и жмурится на солнцѣ. Сквозь рѣшетку глядитъ въ воду черномазый мальчуганъ и радуется тому, что бѣлая рубаха матери упала съ бойницы и тихо колышется на спокойной влагѣ едва замѣтнаго прибоя. Ди-Гуарда тѣмъ и хороша, что ласковую прелесть Италіи, ея горячую нѣгу, ея солнце и колоритъ она соединяетъ съ суровымъ величіемъ швейцарскаго пейзажа. Можно тысячу разъ проѣхать по чудному простору этого озера, и всегда оно, какъ лицо любимой женщины, вашему очарованному взгляду будетъ открывать новыя и новыя красоты... Маленькій портъ. Видѣнъ городъ съ старой колокольней готическаго собора. Узкія, обставленныя средневѣковыми домами, улицы перепутываются между собою. Ступени ихъ съ высоты спускаются прямо въ воду, и опять между ними стѣны старыхъ замковъ. И эти города, и эти горы удивительно сжились между собою. Они къ лицу другъ другу. Точно и тѣ, и другія вмѣстѣ родились, вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ отпраздновали свою молодость, вмѣстѣ и состарѣлись. Чизано, Бардолино, Гардо... Одни за другими... И съ ними борется зелень разрастающихся садовъ и отъ нихъ, обезсилѣвъ въ борьбѣ, отступаетъ она назадъ...

— Какъ хорошо, какъ хорошо!—повторяла словно въ забытьи Надя.

Ксенія слегка толкнула ее локтемъ. Дѣвушка очнулась: рядомъ съ нею стоялъ красавецъ-брюнетъ, которымъ она любовалась такъ неприлично, по мнѣнію ея отца.

— Заговори съ нимъ Ксенія. Ты, вѣдь, по-итальянски, какъ по-русски...

— Этого не слѣдуетъ дѣлать,—наставительно проговорила та.

— Жаль, что я не знаю... Я бы сейчасъ объяснилась ему въ любви...

— Съумасшедшая!

— Да, вѣдь, все равно, онъ ничего не понимаетъ...

Къ итальянцу, очевидно, были неравнодушны и другія дамы парохода «Фениче».

Нѣсколько нѣмокъ столпилось вокругъ. Ахи и охи слышались оттуда. Каждая изъ нихъ вслухъ восхищалась пейзажами, искоса поглядывая на красавца. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Какъ я ненавижу этихъ нѣмокъ!—ревниво проговорила Надя.—Особенно берлинскихъ...

— Тутъ есть и вѣнскія... Между ними никакого сходства...

— Ну, какже. Вся и разница, что между гусями и утками... Съ перевалкой на громадныхъ лапахъ и кривобокія, это—берлинскія, а получше оперенныя, но того же семейства,—вѣнки...

Дивное Сирміоне съ его замкомъ, развалинами термъ, виллами и гротомъ Катулла. отошло назадъ. Маленькое бателло съ красными парусами скользнуло у самаго парохода точно яркая птичка, весело распустившая крылья въ тепломъ воздухѣ. По берегамъ выдвигались и прятались въ свои тополи каменныя деревушки. Близко, близко проходилъ пароходъ мимо; часто можно было замѣтить смуглыхъ красавицъ, выглядывавшихъ въ окна домовъ. Вся закутавшаяся туманомъ—вершина горы Бальбо; сверху бѣлою ниткою падаетъ рѣка Тезино; внизу она ярится и пыжится, точно желая смыть тѣснящіяся къ озеру дома. Шумитъ она какъ большая; ворвалась въ сквозныя ворота какой-то башни, на ея кровлю невѣдомо какъ забрался козелъ, и съ какою важностью стоитъ этотъ бородатый философъ, презрительно глядя точно съ каѳедры на толпу дѣвушекъ, смѣющихся надъ нимъ снизу... И вездѣ жизнь и движеніе, вездѣ блескъ. звуки и краски... Все словно торопится куда-то, точно

вотъ-вотъ сейчасъ уже не будетъ времени, нужно окончить быстро, быстро... Вонъ одна гора громадною скалою на озеро надвинулась и точно на минуту пріостановилась, чтобы только пароходъ прошелъ подъ нею, а тамъ она сейчасъ же рухнетъ внизъ въ спокойную лазурь. Еще далѣе отвѣсные утесы стали кругомъ, образуя арену. На ней весь какъ на ладони, будто изваянный изъ одного камня, городъ съ замкомъ графовъ де-Верона... И все это мѣшается опять съ кипарисами, персиковыми деревьями, платанами и айвами... И чудится, что кругомъ съ этихъ скалъ тысячи невидимыхъ существъ любуются внизъ и на суету люднаго города и на задумчивое озеро подъ ними. Надъ водою колосальная ниша: мраморный святой оттуда благословляетъ плывущихъ мимо.

— Посмотри, какая прелесть!—крикнула, не выдержавъ, Надя.

Все время передъ тѣмъ шли дожди. Массы водопадовъ стремятся внизъ по скаламъ. Серебряныя струи и бѣлые каскады то и дѣло шумятъ по сторонамъ. Ляписъ-лазуревыя горы между ними; вѣтеръ оттуда напоетъ воздухъ запахомъ лимона. Цѣлыя рощи его выросли въ горячихъ долинахъ между горами.

— Какъ бы я дорого дала, чтобы узнать, какъ называется этотъ городъ,—показала Надя на громадный замокъ, весь затопленный волнами плюща. Только одна арка видна была ей изъподъ этого наводненія цѣпкой зелени. Точно старыя стѣны отъ солнца прячутся въ нее. Кругомъ дома группами. Улицы ступенями вверхъ бѣгутъ; кое-гдѣ по ступенямъ этимъ словно догоняя кого-то, шумитъ водопадъ...

— Что за чудесное мѣстечко!... Ксенія! спроси у этого красавца, по-итальянски, какъ онъ называется?

— Я вамъ могу отвѣтить по-русски,—неожиданно обернулся къ нимъ сосѣдъ.

— Что?—оторопѣла Надя, мгновенно покраснѣвъ до корней волосъ.

— Я вамъ по-русски скажу. Это—Торре!

— Ксенія... Прыгнуть мнѣ за бортъ?.. А?.. Съ разбѣгу! Я прыгну, право прыгну...

Надя, впрочемъ, моментально овладѣла собою и, церемонно присѣвъ, проговорила съ уморительною серьезностью: Надежда Андреевна Столѣшникова...

— Леонтій Петровичъ Коротковскій!—поклонился «итальянецъ» въ свою очередь.

— И вы все слышали?

— Все!—невозмутимо отвѣтилъ тотъ, любуясь плохо скрываемымъ смущеніемъ дѣвушки.

— И это по вашему честно?

— Что же прикажете мнѣ дѣлать?

— Ксенія, скажи ему, что если бы я была его сестрою, я бы немедленно нарвала ему уши... Ахъ, да!... Ксенія Капитоновна Бубнова! Моя подруга... Готовится въ Патти — меньше нѣ согласна.

— А вы куда готовитесь?

— Я... я...—затруднилась Надя.—Ксенія, куда я готовлюсь?... Я—никуда. Мнѣ и такъ хорошо. А вы кто-жь такіе будете?—у меня няня Савишна, всегда такъ незнакомыхъ спрашиваетъ.

— Я—художникъ.

— Меньше чего не согласны?

— То-есть какъ это?

— Такъ. Она вонъ въ Патти, а—вы въ Рафаэли, что ли?

— Нѣтъ,—усмѣхнулся онъ.—Съ меня и своего довольно...

— Что-жь это мы надѣлали съ вами! совсѣмъ по-дѣтски всполошилась Надя.—Что скажетъ Татьяна Борисовна... Что скажетъ папа!.. Ну ужь теперь отдѣлывайтесь сами. Давайте вашу руку... Вотъ такъ... Ведите меня къ отцу и объясняйте ему какъ сами знаете наше знакомство...

Андрей Федоровичъ совсѣмъ погрузился въ разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ конь Татьяны Борисовны такъ внезапно подобрался къ его королевѣ. Держа въ рукахъ пѣшку, онъ забылъ все на свѣтѣ, какъ вдругъ его привело въ себя восклицаніе Синегубъ-Бровкиной.

— Посмотрите... Ради Бога, посмотрите! — показала она ему на парочку, приближавшуюся къ нимъ.

Надя съ необыкновенною важностью, копируя самоё Татьяну Борисовну, шла подъ руку съ нѣсколько смущеннымъ Коротковскимъ.

— Надя, какъ тебѣ не стыдно!—встрѣтилъ ее отецъ.

— Чего мнѣ стыдиться, папа?

— Ты знакомишься съ каждымъ встрѣчнымъ итальянскимъ шарманщикомъ. Это чортъ знаетъ...

— Позволь папа представить тебѣ нашего извѣстнаго и проч. и проч. и проч. художника Леонтія Петровича Коротковскаго...

— Чего-съ?—оторопѣлъ Столѣшниковъ.

— Простите меня,—началъ было Коротковскій.

— Позвольте мнѣ просить прощенія... У Сергѣй Сергѣевича Велинскаго ваши картины?..

— Мои.

— Извините... Я такъ радъ... Это все она...—вдругъ заторопился Столѣшниковъ.—Это все она напутала... Видите ли, дрезденское воспитаніе... Не угодно ли?.. Въ какое положеніе поставила!..

— Татьяна Борисовна Синегубъ-Бровкина, по матери Оболдуй-Тараканова... Вы Карамзина читали? — съ поддѣльною серьезностію спросила Надя.

— Нѣтъ.

— И Соловьева не читали: «Русскую Исторію»?

— Читалъ!—сконфузился Коротковскій.

— По глазамъ вижу, что врете...

— Надя!

— Оставь, папа, не мѣшай... Но вы не смущайтесь: я и сама не читала. Прочтите, тамъ о предкахъ Татьяны Борисовны много есть... Она «историческая дама»...

— Надежда...

— Я развѣ виновата папа, что князья Оболдуй-Таракановы...

— Оставь, говорю тебѣ...

Послѣ первыхъ минутъ замѣшательства, разговоръ живо завязался между новыми знакомыми. Коротковскій представилъ своего товарища, оказавшагося тоже русскимъ. Это былъ Черноморцевъ—прогорѣвшій отпрыскъ знатной и большой фамиліи, проживавшій гдѣ-то въ Пизѣ только благодаря дешевизнѣ этого города. Разорившійся баричъ не считалъ возможнымъ показываться въ Петербургѣ. Только теперь, сдѣлавъ кое-какія экономіи, Черноморцевъ возвращался въ лоно своего отечества съ цѣлію... поправить свои дѣла женитьбой на богатой невѣстѣ.

— Хоть на козѣ, только съ золотыми рогами!—говорилъ онъ Коротковскому.

II.

Шахъ королевѣ.

Черноморцевъ не терялъ времени.

Ему оставалось недолго. Сорокъ пять лѣтъ уже стукнуло; нужно было торопиться. Слѣдовало или въ эти два-три года

отъискать себѣ подходящую партію, или вовсе отказаться отъ выгодной женитьбы.

— Скажите пожалуйста, ваша племянница Столѣшникова, изъ какихъ она?.. Это не дочь банкира?...

— Да, у насъ,—подчеркнула Татьяна Борисовна,—у насъ въ Петербургѣ банкирская контора... И кромѣ того, у насъ очень много дѣла. Андрей Федоровичъ—человѣкъ предпріимчивый... Онъ изъ ничего милліонеромъ сталъ. У меня же было всегда свое состояніе,—какъ будто мимоходомъ уронила она.

— Вотъ какъ!... У Черноморцева даже засосало подъ ложечкой. — Я такъ много слышалъ... Дѣйствительно, припоминаю теперь.

— Мы отправляемъ лѣсъ за границу черезъ Архангельскій портъ...

— Это... это должно быть очень выгодно,—замиралъ разорившійся баричъ.

— Какъ сказать?—небрежно уронила Татьяна Борисовна.— Разумѣется, мы не такъ богаты, какъ нашъ другъ Велинскій.

— Вы его знаете, значитъ?—совсѣмъ уже глупо переспросилъ Черноморцевъ.

— Какъ же... я у него—почти хозяйка... онъ, вѣдь, холостъ, на всѣхъ вечерахъ распоряжаюсь.

«Да она еще совсѣмъ красавица!—соображалъ Черноморцевъ, окидывая жаднымъ взглядомъ округленныя формы Синегубъ-Бровкиной, которыя едва могъ сдержать въ должномъ повиновеніи стальной корсетъ.—И ростомъ взяла... Вотъ бы мнѣ!... Только надо подойти ловко...

— Я потому васъ разспрашиваю такъ подробно, что у меня у самого есть свободныя деньги. Не знаю только куда помѣстить ихъ,—окончательно справился онъ съ собою.—Такъ тысченокъ двѣсти... Онѣ теперь приносятъ мнѣ пять процентовъ, но этого ужасно мало...

«Какъ я не замѣтила прежде... онъ очень красивъ,—соображала Татьяна Борисовна,—и со средствами... хорошая партія!

— Эта дѣвченка, Богъ знаетъ, какъ ведетъ себя,—внезапно вспыхнула она.—Посмотрите, пожалуйста. Простите, я на минуту оставлю васъ,—обернулась она къ своему спутнику...

Надя съ Коротковскимъ, отойдя отъ всѣхъ въ сторону, безцеремонно разсѣлись на связкѣ каната въ носу парохода и любовались оттуда окрестностями озера.

— Надя, возможно ли это? Отецъ зоветъ васъ...

— Сейчасъ, тетя, сейчасъ... Она теперь будетъ надоѣдать намъ!—фамильярно шепнула она Леонтію Петровичу.

— Я займу ее.

— Пожалуйста!.. Это еще что!

— Не самъ!—улыбнулся Коротковскій,—я напущу на нее Черноморцева.

— А что онъ такое?

— Искатель богатыхъ невѣстъ.

— Отлично... Пойдемте къ нему... пока тети нѣтъ.

Черноморцевъ соображалъ: жениться ли ему, или нѣтъ, когда подошла молодая парочка.

— Вы бесѣдовали съ тетей?—съ притворнымъ равнодушіемъ спросила его Надя.

— Да... Татьяна Борисовна—удивительная женщина!

— А что?

— Какъ она хороша еще!.. Какой умъ, какія манеры!

— И, прибавьте, какое богатство!

— Такъ она дѣйствительно богата?—неосторожно сорвалось у Черноморцева. — Впрочемъ, это самое послѣднее дѣло! Что такое богатство? Мишура,—меланхолически вздохнулъ онъ.—Для счастья не то нужно.

— Я васъ оставляю пока однихъ... мнѣ надо къ отцу...

И Надя отправилась въ каюту.

— Послушай, Викторъ,—перешелъ къ дѣлу Коротковскій.

— Ну?

— Куй желѣзо, пока горячо: баба-то богата какъ чортъ.

— Кого это вамъ угодно называть бабой?—обидѣлся Черноморцевъ.—Кого это вы сравниваете съ чортомъ?

— Да эту... старуху крашеную...

— Кто это—крашеная старуха?—уже совсѣмъ по-павлиньи распустилъ онъ свой хвостъ.

— Фу, дуракъ!.. Если хочешь, чтобъ я тебѣ помогалъ, такъ брось этотъ тонъ со мною.

— Видишь, Леонъ,—внезапно смирился Черноморцевъ,—мои дѣла такъ плохи, такъ запутаны...

— Что тебѣ необходимо жениться?. Ну, такъ не упускай: окончи до Вѣны, а въ Вѣнѣ зови къ себѣ шафером.

— И она, вѣдь, вовсе не дурна еще: какой бюстъ, какія плечи!

— Да, дама рыхлая, что говорить. Вонъ она, вонъ она съ съ Надей... иди къ нимъ...

Надя тоже не теряла времени даромъ.

— Тетя, Черноморцевъ-то... совсѣмъ влюбился въ васъ?.. Только и разговору: какая красавица, какія манеры!...

— Что-жь? Онъ человѣкъ со вкусомъ... и смотритъ джентльменомъ.

— Знаете, тетя: Коротковскій говоритъ, что онъ богатъ,— лукавила Надя.

— До его состоянія мнѣ нѣтъ никакого дѣла!—величественно уронила она.—Вотъ, что,—разомъ перешла она въ другой тонъ.— Узнайте у этого художника, Надя, въ чемъ состояніе Черноморцева: въ деньгахъ или имѣніяхъ?

— Хорошо.

— Меня это мало интересуетъ, но, видите ли, всегда надо знать съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Татьяна Борисовна!—подошелъ въ эту минуту Черноморцевъ,—позвольте показать вамъ... тутъ одно чудное мѣсто...

— Ахъ, пожалуйста... я такъ люблю природу...

— Молодцомъ обстряпалъ!—смѣялся, уходя въ другую сторону, Коротковскій съ сіяющею Надей.

Озеро впереди узилось. Тяжело пыхтя, пароходъ пробѣгалъ мимо длинныхъ горныхъ мысовъ, далеко выступавшихъ въ спокойныя воды. Голубыми заливами вливались онѣ въ прихотливо изгибавшіяся ущелья. Рѣдкая зелень винограда, тяжелыя массы фиговыхъ деревьевъ и серебристый налетъ оливокъ то и дѣло мѣняли колоритъ берега... Опять бѣшеный водопадъ сорвался сверху и, разбившись въ бѣлое облако брызгъ, злится и клокочетъ въ немъ... Слѣдуя за нимъ до вершины, видишь, что эта вода стремится изъ вѣчнаго мрака, изъ самаго сердца горы, пробивъ себѣ сквозь его утесы нежданный выходъ. Не такъ ли и въ душѣ долго хоронится свѣтлая мысль, запасъ силъ и чувствъ — и только найдя выходъ, рвутся они на волю могучимъ потокомъ?.. Противъ маленькаго Кастелето, по другую сторону озера, неожиданно сбрасываетъ съ себя плащъ изъ оливковыхъ и лимонныхъ рощъ старинный Гариньяно. Берегъ всё становится отвѣснѣе. Каменныя стѣны рушатся внизъ. Ближе къ Тиролю, дальше отъ Италіи и горы выше и грознѣе. Холодомъ вѣетъ отъ нихъ. Чувствуются Альпы. Тучи, словно слѣпыя, медленно, ощупью выползаютъ изъ ущелій, припадаютъ къ

водамъ озера и напоенныя уносятся дальше. Изъ одной тѣснины вырвался вѣтеръ, надулъ желтый парусъ маленькаго суденышка, чуть не въ самый пароходъ разогналъ его и съ дикимъ стономъ унесся въ противоположное ущелье — на ту сторону. Каменный островокъ, на немъ каменная башня... Блекнутъ краски дня... Зарево заката горитъ на снѣговыхъ вершинахъ Альпъ. Каменная башня съ каменнымъ островкомъ уже прячутся въ сумерки... Скоро трудно опредѣлить, гдѣ кончаются тучи, гдѣ начинаются снѣга. Вершины ли это горныя или облака, поднявшіяся къ ночи... И всѣ эти горы, утесы и тучи грозною, чудовищною массой повисли надъ Мальтезиной... Какое дивное мѣсто!...

Облокотясь на руку Коротковскаго, Надя заглядѣлась туда. Не оторваться! Такъ хорошо ей, такъ легко.

— Видите вы въ Мальтезинѣ старинную крѣпость?—показала она на угрюмыя, грандіозныя стѣны и башни.—Какая мрачная!

— Эта замокъ Шарлеманя...

— Карла великаго?—вспомнила она свои книжки.

— Да... Посмотрите какъ къ нему жмутся, точно испугались и просятъ защиты, дома этого красиваго городка...

— Я не знаю мѣста лучше...—прошептала она, отъ вечерняго холода прижимаясь ближе къ Коротковскому.

— А я... я не знаю лица красивѣе вашего,—съ страстнымъ шопотомъ наклонился къ ней художникъ.

Она молчала.

— Съ того самаго момента, какъ я васъ увидѣлъ... съ той самой минуты, какъ...

Ея лицо было такъ близко къ нему, точно дразнило его. Онъ чувствовалъ, что ея щеки горятъ теперь... Ишь какъ ходятъ тонкія розовыя ноздри!... Кровь ударила ему въ голову... «Э!.. будь, что будетъ»,—мелькнуло у него въ головѣ. Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ локтемъ ея руку, наклонился и не успѣла дѣвушка понять, что онъ дѣлаетъ, какъ Коротковскій точно скользнулъ губами по ея лицу.

— Вы... вы съ ума сошли?!—разомъ вспыхнула Надя, вырывая свою руку.

— Простите... забылся... Я... люблю васъ!—совсѣмъ уже глупо оправдался онъ.

Надя была неузнаваема. Точно выросла. Она окинула его съ ногъ до головы негодующимъ взглядомъ.

— Прощайте!.. И не оглядываясь пошла къ своимъ.

Хорошо, что былъ уже вечеръ—никто не замѣтилъ. Въ синихъ сумеркахъ его—тонуло все. У Нади лицо горѣло. Кровь то что отхлынула отъ сердца. Мало воздуха. Въ вискахъ стучитъ Она остановилась у мачты и глубоко-глубоко задышала... Странное ощущеніе на лѣвой щекѣ, точно его губы еще касались ея... И какъ это дико — сама злиться, оскорблена вѣдь, старается себя увѣрить въ этомъ, а помимо ея воли что-то теплое, страстное, какая то ласка полная нѣги закрадывается въ ея душу... «Какія у него славныя губы... Что это я?.. Съума сошла, что ли?.. И какой смѣлый... Глаза какъ вспыхнули... Замѣчательно красивъ... Какая же я въ самомъ дѣлѣ подлая! Вѣдь онъ меня обидѣлъ. Такъ сейчасъ же руками и хватается. Къ какому обществу привыкъ онъ? За кого меня принялъ?.. И какъ сильно прижималъ мой локоть къ себѣ. Какая крѣпкая рука у него... И самъ онъ такой стройный!.. Въ сущности это даже пріятно—поцѣлуй этотъ»... Въ безпорядкѣ мѣшались въ ея головѣ обрывки фразъ и мыслей... Она зажмурилась... Его глаза, кажется ей, глядятъ на неё, безмолвно ласкаютъ... Еслибы онъ теперь подошелъ — она не нашла бы силы отогнать его... «Нѣтъ надо взять себя въ руки, а то что это за слабость»!..

И Надя рѣшительно пошла впередъ къ кормѣ, гдѣ какъ она знала, были Черноморцевъ съ Татьяной Борисовной.

Сумерки коротки на югѣ, вечеръ почти уже смѣнился ночью... Дѣвушка подвигалась впередъ чуть не ощупью, распугивая влюбленныя парочки... Всѣ эти вѣнскія гусыни и берлинскія утки были здѣсь со своими Карлами и Альфредами... Изъ угловъ слышался шопотъ, легкія вскрикиванія. Неосторожный поцѣлуй изрѣдка нарушалъ тишину, вызывая снисходительный смѣхъ...

«Что это, климатъ такой, что ли?»—улыбалась про себя Надя.

— Да гдѣ же это наши, однако?

И она остановилась какъ вкопанная.

На кормѣ парохода, Татьяна Борисовна и Черноморцевъ, казалось, забыли все на свѣтѣ. Предательскій фонарь, оставляя палубу въ тѣни, бросалъ на нихъ косой лучъ свѣта. Несчастные, не видя никого, воображали, что и ихъ также никто не замѣчаетъ. Жирная рука Синегубъ-Бровкиной покоилась въ рукѣ Черноморцева, который, наклонясь близко, близко, къ самому лицу генеральши, шепталъ что-то, какъ видно весьма ей пріятное, по-

тому что «историческая дама» даже зажмурилась, какъ котъ, котораго щекочутъ за ухомъ.

— Такъ!—наблюдала Надя.—Ну, ужь если они, такъ мнѣ и Богъ велѣлъ... Ого!...

Черноморцевъ одною рукою обхватилъ талію своей дамы, грудь которой поднималась какъ море въ бурю. Можно было бы услышать скрипѣніе стальныхъ пружинъ и китоваго уса, этой жалкой плотины корсета, едва сдерживавшей напоръ неукротимыхъ волнъ.

— Что я дѣлаю? Вѣдь, это значитъ подслушивать!.. И Надя пріостановилась.—Ужь очень смѣшно!—закончила она.—Тетя!—съ разбѣга наскочила дѣвушка на забывшуюся чету.

— Фу, сумасшедшая!—вскочила «историческая дама».

— Я, кажется, помѣшала вамъ,—извинилась дѣвушка.

— Нѣтъ, я разсказывалъ Татьянѣ Борисовнѣ о своихъ флорентійскихъ впечатлѣніяхъ.

— Да?...

— Чего вамъ нужно? Что вы кидаетесь съ стороны въ сторону?

— Милая тетя, не сердитесь. Я только хотѣла узнать, гдѣ папа.

— Они съ Ксеніей въ каютѣ играютъ въ шахматы.

— Ну, такъ я уйду отъ васъ. Оставлю однихъ,—подчеркнула Надя.—Только, тетя, я на ушко вамъ скажу кое-что...

Она отвела въ сторону Татьяну Борисовну.

— Фонарь... Видно все... Всѣ флорентійскія впечатлѣнія какъ на ладони!

И звонко расхохотавшись, дѣвушка исчезла въ темнотѣ. Черноморцевъ и Татьяна Борисовна пересѣли.

Надя искала недолго. Художникъ, мрачнѣе тучи, мѣрялъ шагами палубу, злясь и на себя, и на встрѣчавшихся ему матросовъ, и на горныя кручи, что смутными массами, едва различаемыя, выступали во мракѣ.

— М-сье Коротковскій!—послышалось за нимъ.

— Это вы, Надежда Андреевна... Вы не сердитесь? Вы прощаете меня?

— На одномъ условіи.

— Именно?

— Чтобы этого больше не повторялось. А то я, ей-Богу...

— Скажете папенькѣ?

— Нѣтъ. Своимъ судомъ—нарву вамъ уши.

— Цѣна подходящая!

— И прощусь съ вами навсегда.

— Вотъ на это я не согласенъ. Лучше ужь вести себя какъ слѣдуетъ... какъ Черноморцевъ, напримѣръ, съ вашею тетенькой.

Надя расхохоталась.

— Чего вы?

— Ну, такъ вести себя я вамъ не совѣтую. Особенно подъ фонаремъ!—подняла она голову на предательскій фонарь, скупо мерцавшій у мачты.

Вдали уже мелькали огоньки по черному берегу. Изъ мрака то и дѣло выступали скалистые острова, между которыми лавировалъ пароходъ. Еще четверть часа—и, залитая свѣтомъ фонарей, набережная Ривы вытянулась передъ нашими путешественниками.

— Какое чудное озеро, какая дивная прогулка! Я никогда ея не забуду!—мечтательно вздыхалъ Черноморцевъ, съ необыкновенно гордымъ видомъ ведя подъ руку Татьяну Борисовну къ трапу парохода.

— Надѣюсь..,

— Мы остановимся въ одномъ отелѣ?

— Если вы этого хотите,—кокетничала «историческая дама».

Въ толпѣ совсѣмъ затерялись Надя и Коротковскій.

— Этого, я вамъ никогда, никогда не прощу!.. И не извиняйтесь!

— Я молчу...

— И не желаю васъ больше видѣть, никогда. Слышите-ли? Никогда!

— Слушаю-съ. Значитъ, я долженъ, согласно вашему приказанію, остаться на пароходѣ.

— Зачѣмъ?—остановилась дѣвушка.

— Да, вѣдь, я не смѣю васъ больше видѣть. Вы отправитесь въ Тріентъ, а я вернусь въ Дезенцино.

— Пожалуйста, не разсуждайте... Извольте въ одномъ съ нами отелѣ занять номеръ... Противный!

Андрей Федоровичъ уже былъ съ мѣшками и чемоданами на набережной.

— Надя! тебя давно отецъ ждетъ. Гдѣ ты пропадаешь?

— Я вотъ съ m-r Коротковскимъ. Ну, а вы, Ксенія Истуканковна, все съ папашей въ шахматы играли?

— Что-жь дѣлать... У меня, вѣдь, не было такого партнера, какъ у тебя.

Надя прикусила язычекъ.

III.

Биржевой царь и его генералы.

Маленькій, полуитальянскій, полутирольскій городокъ весь былъ переполненъ путешественниками. Наши едва нашли мѣсто въ большомъ отелѣ del Sol и разбросались по разнымъ этажамъ его. Переодѣваясь къ ужину, Коротковскій и Черноморцевъ разоткровенничались.

— Мое дѣло въ шляпѣ! — торжествовалъ Викторъ Васильевичъ.—Конецъ собачьей жизни и шлянью по заграничнымъ дешевкамъ! Пора обзаводиться своимъ домкомъ.

— Развѣ клюнуло?

— Еще какъ! Ты знаешь, она совсѣмъ не стара?

— Однако!

— Увѣряю тебя. Я это даже и не по разсчету...

— Да не старайся невинность сохранить!—засмѣялся художникъ.—Я бы самъ непрочь... Только, разумѣется, не на такой руинѣ! Мнѣ развалины, правду говоря, надоѣли уже и въ картинахъ. За Столѣшниковой побольше денегъ, чѣмъ за твоимъ зашнурованнымъ бегемотомъ, да ничего не подѣлаешь. Не таковы у меня дѣла. А какъ она врѣзалась...

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Побалуюсь малость. Ужь очень хороша. «Сердце красавицы, какъ вѣтерокъ полей — все въ ней измѣнчиво и все обманъ»!—запѣлъ онъ, невиносимо фальшивя, изъ Риголетто.—Я ужь началъ — ничего, ходитъ.

Одѣвшись въ черные сюртуки, пріятели поднялись наверхъ.

Андрей Федоровичъ, экономическимъ способомъ прикрывъ свою лысину, для чего обыкновенно онъ дѣлалъ займы въ вискахъ и у шеи, побрившись съ щепетильностью банкира, отправляющагося на биржу, и написавъ какую-то очень нужную телеграмму въ Петербургъ, двинулся также въ общую залу. Тутъ его ждалъ пріятный сюрпризъ. Громадный, залитый огнями и украшенный букетами столъ былъ весь занятъ туристами. Англичане въ бѣлыхъ галстухахъ и англичанки, руки которыхъ, обре-

мененныя безчисленными браслетами, издавали звонъ конскихъ сбруй, глупо-торжественныя, деревянныя нѣмки, сидѣвшія прямо, точно боясь подавиться, болтливые французы, итальянцы, съ конца въ конецъ перекрикивавшіеся между собою, нѣсколько русскихъ, больше обращавшихъ вниманіе на свои блюда, чѣмъ на сосѣдей, и толстые тирольцы въ зеленыхъ курткахъ—казались какою-то этнографической выставкой. Зала отеля напоминала Ноевъ ковчегъ. Пробѣгая взглядомъ по столу, чтобы отыскать себѣ свободное мѣстечко, Столѣшниковъ вдругъ широко раскрылъ глаза и пріостановился. На лицѣ его выразилось самое искреннее изумленіе... «Онъ, точно онъ... Не можетъ быть ошибки»!—проговорилъ банкиръ, быстро направляясь къ верхнему концу. Только на полпути онъ замедлилъ шагъ. Не прилично-де милліонеру, какъ мальчику, кидаться на шею къ своимъ друзьямъ. На такъ называемомъ у насъ архіерейскомъ мѣстѣ стола сидѣлъ самъ великій магъ и волшебникъ, биржевой Зевсъ-громовержецъ, Сергѣй Сергѣевичъ Велинскій. «Онъ, онъ, невозможно подобное сходство!»—еще разъ повторилъ про себя Столѣшниковъ, всматриваясь въ украшенную длинными бакенами лошадиную профиль знаменитаго рѣшителя банковыхъ судебъ. Его цѣпкія, тонкія руки, его впалая грудь и высоко приподнятыя плечи...

— Андрей Федоровичъ! Откуда? — замѣтили и его въ свою очередь.

Пріятели разцѣловались, причемъ Столѣшниковъ, самъ милліонеръ, съ замѣтныхъ оттѣнкомъ почтительности едва коснулся щекою сухой и жесткой какъ подошва щеки Велинскаго.

— И Іосифъ Лазаревичъ здѣсь!—обрадовался Столѣшниковъ.

— Вотъ тебѣ, тотушка, и Семоновъ день!—восхитился въ свою очередь Іосифъ Лазаревичъ Минкинъ, тоже петербургскій банкиръ. Этотъ былъ похожъ на то, если бы къ громадному арбузу прикрѣпили маленькій биллiардный шаръ съ выпученными какъ у рака глазами, а самый арбузъ поставили бы на тонкія и слабыя ножки.

— Збраведливы русски пословицъ скажитъ: горъ на горъ не взойдетъ, а чельвѣкъ на чельвѣкъ всегда съ большой удовольствій.

— Ну, замололъ!—удостоилъ улыбнуться Велинскій.

— Нѣтъ, я хорошо знай алле русски пословицъ... Когда я буль еще зовсѣмъ зеленый мальчикъ...

— Довольно, довольно, Іосифъ прекрасный!... Какъ вы, Андрей Федоровичъ, сюда попали?

— Я съ дочерью и съ ея подругой... Мы обратно въ Россію ѣхали, добрались до Вероны—дальше ни шагу. Наводненіе снесло всѣ мосты, смыло полотно желѣзной дороги. Сунулись на Венецію—та же исторія. Намъ и посовѣтовали поѣхать въ Дезенцино, а оттуда по озеру Ди-Гуардо на пароходѣ. Изъ Ривы на Тріентъ—въ экипажѣ, а въ Тріентѣ опять на чугунку.

— И мы тоже... Разчудесное дѣло!... Значитъ, артелью весь путь.

— На цѣлаго міръ—краснава смерть!—глубокомысленно замѣтилъ Іосифъ.

— Тутъ съ нами знакомый вамъ художникъ, Коротковскій.

— А!.. Леонтій!... какже у меня его картины... Славно, бестія, женское тѣло пишетъ... оно живетъ у него, дотронуться хочется.

— Вотъ и мои! Въ дверяхъ какъ разъ въ эту минуту показались переодѣвшіяся дамы.

Впереди рядомъ съ Черноморцевымъ шла величественная Татьяна Борисовна. Новый слой бѣлилъ и пудры покрывалъ ее лицо. «Ты получишь скоро должность смотрителя дворцовой штукатурки»!—шепнулъ Черноморцеву на ухо Коротковскій въ корридорѣ, замѣтивъ разрисованную историческую даму. Позади торопились дѣвушки, шествіе замыкалъ художникъ, любовавшійся какъ красиво колебался передъ нимъ тонкій станъ Нади и какъ при каждомъ ея движеніи сквозь плотно стянутое платье обрисовывались красивые и округленные рельефы молодаго тѣла.

— Надя... нашъ всесильный Сергѣй Сергѣевичъ Велинскій!.. Моя дочь...

Лошадиная профиль съ бакенами поднялась, Зевсъ дернулъ шеей вмѣсто поклона и опять занялъ прежнее мѣсто.

— Очарованъ... Какая она у васъ красавица!... На биржѣ бы по невозможному курсу пошла.

— Она въ котировку не поступитъ!—засмѣялся отецъ, польщенный туповатою любезностью Велинскаго.

— Ксенія Капитоновна Бубнова, будущая Патти!—продолжалъ шутить Андрей Федоровичъ.

— Ахъ, слышалъ!—Безцеремонная улыбка пробѣжала по лицу Сергѣй Сергѣевича.—Съ вашимъ отцомъ дѣла дѣлаемъ.

Ксенія вспыхнула и отошла въ сторону.

— Татьяна Борисовна!.. Вы какими судьбами? Коротковскій!—Ну, всѣ въ сборѣ. Чудесно. Радъ, очень радъ... Точно и не выѣзжалъ изъ Питера.

— Черноморцевъ!—разлетѣлся тотъ, стараясь всею своею особою выразить почтеніе.

— Хотя не слышалъ, но тоже радъ! Ничего противъ этого не имѣю,—кивнулъ Велинскій, не подавая руки.

Рука Черноморцева такъ и осталась на воздухѣ.

— Позволяйте мнѣ... Съ вашъ фатеръ тоже дѣла ведемъ... И арбузъ, докатившись до Нади, выпучилъ на нее рачьи глаза, поморгалъ, поморгалъ, и вдругъ, нежданно поклонившись, чмокнулъ ее въ руку.

— И съ вашъ папаша тоже!—попробовалъ онъ сдѣлать свой голосъ нѣжнымъ, облизавъ вслѣдъ затѣмъ и руку Бубновой.

— Намъ бы гдѣ-нибудь отдѣльно столъ... Эй, кельнеръ!

Лакей съ физіономіей по крайнѣй мѣрѣ директора департамента точно по рельсамъ на гутаперчевыхъ шинахъ скользнулъ къ Велинскому и благоговѣйно наклонился, всею фигурою изображая страстное желаніе безотлогательно устремиться куда прикажутъ.

— Отдѣльный столъ! Сервируйте получше!

Директоръ департамента каждый звукъ ловилъ, точно это были не слова, а полумперіалы, бросаемые ему.

— Двѣ бутылки шампанскаго!

Получивъ приказаніе, кельнеръ съ выраженіемъ безграничнаго счастья на лицѣ отскочилъ назадъ и на тѣхъ же гутаперчевыхъ шинахъ по тѣмъ же рельсамъ беззвучно удалился въ другую комнату. Не прошло минуты, какъ столъ былъ сервированъ.

— Какая она у васъ красавица!—удивлялся опять Велинскій, любуясь Надей.—Въ нашемъ биржевомъ мірѣ такихъ еще не было.

Надю коробилъ его безцеремоный тонъ. Она посмотрѣла на отца, но у того въ лицѣ было то же выраженіе счастья и гордости, какое она только что замѣтила въ чертахъ говорившаго съ Велинскимъ лакея. Перевела взглядъ на Коротковскаго — красавецъ ловитъ каждый жестъ биржеваго царя и точно въ ротъ ему вскочить хочетъ. «Что это съ ними со всѣми! Какъ папа не похожъ на себя. Какой онъ маленькій сталъ и зачѣмъ онъ такъ горбится?... Что у него за юркость въ манерахъ появилась... И Коротковскій... Фу... какой скверный!»

— Да, Надежда Андреевна, мы и не знали, что у Столѣшникова такой бутонъ распускается.

Вѣдь, пошлость сказалъ, а всѣ кругомъ расхохотались угодливымъ, дробнымъ смѣхомъ, точно въ горлѣ его подленькій

сѣхъ этотъ маслицемъ смазали... Вонъ Іосифъ на нее такъ смотритъ, какъ будто и на ея лицѣ отразилось величіе Сергѣя Сергѣевича.

— Съ вами не безопасно встрѣчаться. Чего добраго, ликвидируешь все,—продолжалъ Велинскій въ томъ же родѣ.

«Чему они смѣются?»—недоумѣвала Надя, хмуря свои красиво очерченныя брови.

— А мы-то тутъ скучали... Вотъ спасибо Іосифу Прекрасному. Развлекалъ онъ меня.

Іосифъ Лазаревичъ поднялся и черезъ столъ поцѣловалъ Велинскаго въ плечо. Такъ и казалось: вотъ-вотъ арбузъ лопнетъ отъ натуги, но нѣтъ... Толстый бархатный жилетъ удержалъ... Поцѣловавъ Велинскаго, точно исполнивъ священный обрядъ, Минкинъ оглядѣлъ всѣхъ съ необыкновенною гордостью, какъ будто онъ неожиданно получилъ Владиміра, давшаго ему дворянство. Это было давнишнею мечтою Іосифа Лазаревича. Онъ не могъ спокойно смотрѣть на ленточку въ петличкѣ у Столѣшникова.

— Что это они всѣ?—продолжала изумляться Надя.

— Помилуйте,—шопотомъ пояснилъ ей Черноморцевъ... Да за такого человѣка только минуточку подержаться, такъ золото само къ рукамъ прилипнетъ...

— А вы... Хороши! Вамъ онъ руки не далъ.

— Самъ я виноватъ! — покраснѣлъ Черноморцевъ.—Разлетѣлся къ нему съ протянутой рукой. Нужно было подождать. Вы знаете, каковъ онъ? Не всякому еще министру руку подастъ... На западѣ Ротшильдъ, а у насъ — онъ. У него сначала заслужить надо!

— Вы-то что ему по собачьи въ глаза смотрите?—обернулась Надя въ другую сторону къ Коротковскому.—Жаль у васъ хвоста нѣтъ, то-то бы виляли теперь. Стыдитесь: художникъ, артистъ!

— А мои картины кто покупаетъ?.. Вы знаете, за Мессалину что онъ мнѣ отвалилъ въ прошломъ году?

— И знать не хочу. И какъ это все наивно? Никто не стѣсняется въ своемъ обожаніи.

Шампанское было розлито. Черноморцевъ сунулся прежде всѣхъ.

— За современаго креза, за средоточіе денежнаго обращ...— началъ онъ было.

— Погодите, погодите, любезнѣйшій... У насъ хозяинъ пер-

вый провозглашаетъ тостъ!—безцеремонно оборвалъ его Велинскій. Іосифъ Лазаревичъ зашикалъ и, покраснѣвъ совсѣмъ апоплексически, замахалъ руками на Черноморцева.

— Не въ свой дрожка не кладись! — торжественно проговорилъ онъ, когда Велинскій замолчалъ.

— Позвольте мнѣ, господа, поднять свой бокалъ,—началъ самъ Велинскій,—за то, что выше славы, могущества, денегъ; за то, что одинаково согрѣваетъ и сердце великаго гешефтмахера Іосифа Лазаревича, и душу юноши, подобнаго Коротковскому; за то, что какъ звѣзда свѣтитъ намъ съ высоты... За красоту, господа—и за художественное ея воплощеніе въ лицѣ Надежды Андреевны, дочери моего уважаемаго сотрудника и стараго друга Андрея Федоровича!

Столѣшниковъ, окончательно осчастливленный, всталъ, подошелъ къ дочери, обнялъ и шепнулъ ей на ухо:

— Сегодня, только сегодня я горжусь тобою... Ты на самого Сергѣя Сергѣевича произвела впечатлѣніе. А онъ — авторитетъ. Я счастливъ, вполнѣ счастливъ.

— Позволяйте мнѣ тоже имѣть свой словъ, — поднялся находчивый Іосифъ. — Я банкиръ, но имѣй чувствительный душа!... Я понимай, что такой красота... Глядить въ мой конторскій книгъ, я будетъ вамъ доказайть, что Іосифъ Минкинъ никогда не жалѣлъ свой гельдъ для красота... Позволяйтъ, обожательный Надежда Андреевна, пожелайть вамъ, чтобъ такой большой капиталъ скоро поподалъ въ хороши рука и умножался бы процентами... Я сказалъ свой словъ...

— Молодецъ Минкинъ! Браво,—расхохотался Сергѣй Сергѣевичъ. Ужасно странною казалась улыбка на этомъ лошадиномъ лицѣ. Ротъ съ громадными, выдавшимися впередъ зубами смѣялся, а глаза хранили свое холодное и высокомѣрное выраженіе.

Ужинъ кончился. Было еще рано.

— Что же, господа, пойдемъ пройдемся по Ривѣ,—предложилъ Велинскій.

Всѣ сорвались съ мѣстъ, точно этого только и ждали.

— Тебѣ подастъ руку Сергѣй Сергѣевичъ. Подожди его... шепнулъ Надѣ на ухо Столѣшниковъ.

— Не хочу, папа. Мнѣ онъ противенъ.

— Кто противенъ? Сергѣй Сергѣевичъ?—съ ужасомъ переспросилъ отецъ.

— Да онъ и все ваше лакейство, все ваше угодничество... Стыдись отецъ!

— Понимаешь ли ты, дѣвченка, что у него сорокъ милліоновъ? Если онъ захочетъ сегодня, завтра же я буду разоренъ.

Но она уже не слушала старика.

— Коротковскій, дайте мнѣ руку,—подозвала она художника.

— Вамъ, Надежда Андреевна, Сергѣй Сергѣевичъ, вѣроятно предложитъ...

— Я вамъ говорю, дайте мнѣ руку!—приказала она ему.

Коротковскій бросилъ умоляющій взглядъ на Велинскаго, точно призывая небеса въ свидѣтели своей невинности и, подавъ ей руку, повелъ, жалкій, жалкій, совсѣмъ пришибленный.

Луна была уже надъ Ривою. Вершины горъ всплывали въ серебристомъ мерцаніи. Озеро заснуло точно въ колыбели. Острова и скалы, окутанные туманомъ, посреди его водъ принимали самыя фантастическія очертанія. Гдѣ-то далеко - далеко по водѣ бѣжалъ огонекъ и слышалась на палубѣ бателло граціозная венеціанская пѣсня Vieni la barca e pronta!... Красивый баритонъ хваталъ за сердце.

— Черноморцевъ! Такъ, кажется, васъ зовутъ?...Подите сюда!... кивнулъ пальцемъ Велинскій, когда передъ его глазами Коротковскій съ Надеждой Андреевной ушли по набережной, туда, гдѣ начиналось подножіе сумрачной горы св. Стефана.

Черноморцевъ совсѣмъ по-собачьи подбѣжалъ къ нему.

— Давно это у нихъ?—показалъ Велинскій глазами.

Тотъ понялъ съ перваго слова.

— Утромъ только увидѣли другъ друга въ первый разъ. На палубѣ парохода «Фениче»...

— Ничего серьезнаго?—понялъ Велинскій.

— Тѣшутся... Пустяки... Коротковскій говорилъ мнѣ, впрочемъ... И Черноморцевъ остановился.

— Что говорилъ?

— Будто она... влюблена въ него... Онъ, Сергѣй Сергѣевичъ, сегодня въ темнотѣ поцѣловалъ ее.

— Немудрено. Красивъ, каналья... Ну, да тутъ ничего не выйдетъ. Вотъ что. Вы ѣдете въ Петербургъ?

— Да.

— Вы другъ Коротковскаго?

— Да... То-есть нѣтъ... А, впрочемъ, какъ угодно вамъ... Мнѣ все равно дѣтей съ нимъ не крестить!

— Вамъ нужны будутъ дѣла въ Петербургѣ?

Черноморцеву, какъ за ужиномъ Минкину, захотѣлось поцѣловать въ плечо Велинскаго. Во время удержался только. Ограничился тѣмъ, что склонилъ покорно голову съ выраженіемъ смиренной Маріи, омывающей ноги Христу.

— Такъ вотъ что... Вы тамъ зайдете ко мнѣ, слышите?..

— Не знаю, чѣмъ заслужилъ... ваше великодушіе...

— Никакого великодушія. Я ничего даромъ не даю... Я покупаю. До тѣхъ поръ, по пути извольте сообщать мнѣ все, что будетъ между ними, слышите?

— Слушаюсь.

— Коротковскій болтливъ?

— Весь тутъ,—разжалъ ладонь Черноморцевъ.

— Скотина!.. Такъ смотрите же... Ну, теперь идите къ Татьянѣ Борисовнѣ... И помните...

Сергѣй Сергѣевичъ еще не встрѣчалъ ни одной женщины, которая произвела бы на него сразу столь сильное впечатлѣніе. Царь биржи до сихъ поръ былъ холостъ. Ему просто оказывалось некогда заниматься такими пустяками, какъ женская любовь. Но въ послѣднее время, бродя по раззолоченнымъ залам своего петербургскаго дома, онъ долго ломалъ голову, чего ему не достаетъ тутъ? Отчего всѣмъ у него такъ скучно и ему самому холодно среди этой роскоши и блеска... Думалъ, думалъ и только Капитонъ Бубновъ навелъ его на настоящее: «Знаешь, Сергѣй Сергѣевичъ, что я тебѣ скажу»...—Что?..—«Бабы тебѣ не хватаетъ здѣсь... Заведи себѣ настоящую бабу, да такую, чтобъ глаза у всѣхъ на затылокъ повыскакали... По твоимъ капиталамъ—это плевое дѣло... Чего хочешь—того просишь»! И Велинскій дѣйствительно понялъ, что этимъ мертвымъ гостиннымъ и заламъ не достаетъ красавицы, какъ не достаетъ души античной статуѣ, чтобы передъ ней склонилось во прахъ человѣчество. Поискалъ онъ эту душу въ Петербургѣ—тамъ ее не было. Доктора послали его лѣчиться въ Италію—и въ Италіи не оказывалось ничего подходящаго. Нужно же было случиться наводненію, судьбѣ—загнать его въ маленькій альпійскій городокъ, какую-то Риву, чтобы именно здѣсь наткнуться на эту золотую головку. Правда, ей нравится Коротковскій. Но этотъ ему не опасенъ. Еще лучше: пускай она обманется въ немъ. Велинскій старъ для нея и горячее сердце дѣвушки не забьется отвѣтнымъ чувствомъ въ его присутствіи. Пусть Коротковскій сначала разобьетъ его

и тогда Надѣ сладокъ покажется отдыхъ даже въ холодныхъ объятіяхъ Сергѣя Сергѣевича. Нужно только обставить это. Во всякомъ дѣлѣ—обстановка главное. Эта биржевая аксіома ко всему подходитъ. Какъ глубоко ошиблись бы наивные люди, которые вообразили бы Сергѣя Сергѣевича влюбленнымъ. Велинскій — и любовь. Такое сочетаніе заставило бы его самого отъ души расхохотаться. Сорокалѣтнее сердце биржевика давно высохло для подобнаго «глупаго» чувства. Онъ просто нашелъ то, что ему было надо, то, что онъ давно рѣшилъ помѣстить среди своей мебели. А разъ рѣшивъ, быстро, всегда какъ въ затруднительныхъ случаяхъ, въ разгарѣ коммерческаго аѳіотажа. дѣлалъ онъ. Велинскій уже прямо пошелъ къ своей цѣли, памятуя, что время — деньги и даромъ его терять не слѣдуетъ никакъ. Да и когда же, царь этого міра, встрѣчалъ онъ отказъ? Прежде всего надо кончить съ отцемъ.

— Іосифъ Лазаревичъ!

Арбузъ на коротких ножкахъ, шедшій подъ руку со Столѣшниковымъ, подбѣжалъ къ Велинскому.

— Подай руку Ксеніи Капитоновнѣ. Видишь, она одна идетъ.

Минкинъ освободилъ Столѣшникова и перекатился къ Бубновой.

— Андрей Федоровичъ!—подозвалъ Велинскій.—Старые мы съ вами друзья и хорошо знаемъ другъ друга.

У банкира сердце ёкнуло. По тону чуялъ: дѣло въ серьезъ идетъ... «О чемъ это онъ»?—догадывался старикъ.

— Расположеніе свое я вамъ доказывалъ не разъ...

— Я, Сергѣй Сергѣевичъ, всегда это помню ..

— Ради Бога. Я вовсе не для того, чтобы напоминать... Рука руку моетъ... А только я цѣню васъ душевно и хотѣлъ бы посовѣтоваться съ вами... Дурь въ голову на старости пришла... Говорятъ же, что бѣсъ въ ребро...

— У васъ-то сѣдины незамѣтно...

— Все равно. Вздумалъ я жениться. Какъ вы думаете?

Лицо Столѣшникова просвѣтлѣло.

— Хорошее дѣло.

— Ну, вотъ видите... На биржѣ жену не добудешь, надо поискать около знакомыхъ. Да что тутъ толковать обиняками—терпѣть не могу этой музыки. Лучше по нашему, по торговому обычаю. Прямо къ цѣли. Дочь свою отдашь за меня?—фамильярно перешелъ онъ на *ты*.

— То-есть... Видите... Я счастливъ... Очень счастливъ... Радъ... Столѣшниковъ даже всхлипнулъ... Только...

— Не бойтесь... Я не потребую, чтобы вы принуждали ее... Роговъ носить я вовсе не желаю. Не для того женюсь... Не для адъютантовъ!... Я для себя хочу... Я только тебѣ (опять перешелъ онъ на ты) поставлю такъ вопросъ: за меня ты или нѣтъ?

— Какъ же вамъ не стыдно! Развѣ это вопросъ?.. Да это для меня такая... такая честь... Помилуйте!

— Вотъ и чудесно. Значитъ, спѣлись. Я говорю: прямо всегда лучше! А пока пусть уходится; не мѣшайте ей... Помните наше правило: дайте бумагѣ хорошей подешевѣть, а тогда ее трахъ за хвостъ, бери въ руки и гони въ гору. Не такъ ли?

— Ужь вы, Сергѣй Сергѣевичъ, у насъ, извѣстно, Соломонъ премудрый.

— Ну, вотъ. Значитъ, до времени объ этомъ и толковать не станемъ. Ну, что ваши старгородскія акціи?

— Гну на пониженіе.

— Скупить хотите?

— Если Богъ поможетъ.

— Богъ тутъ не при чемъ. Онъ всегда за тѣхъ, кто помнитъ его заповѣдь: «не зѣвай»! Вѣдь ихъ на полмилліона у этого Кощея безсмертнаго, Кукина? Нужно ему шепнуть, чтобы онъ продавалъ скорѣе... Изъ редакторовъ кто вамъ знакомъ?

— Все тотъ же Тарасъ Левшинъ—свой человѣкъ. Прежде, помните, мѣняльную лавку держалъ, а теперь съ газетой возится.

— Ну, вотъ... Скажите ему, чтобъ онъ потревожнѣе слухи распускалъ, а я Кукина пугну.

— Боюсь какъ бы дорогѣ не повредить, слухами-то.

— Чудакъ человѣкъ! Когда всѣ акціи будутъ у васъ, а дорога выгодная... Дѣло стоитъ хорошо... Кто же вамъ помѣшаетъ потомъ взбить цѣну?.. Я, пожалуй,—у меня немного есть,—брошу на биржу и почемъ попало отдамъ. Послѣ сочтемся. Кто у васъ тамъ дѣйствуетъ?

— Ронтальской и Гольдмахеръ.

— Знаю ихъ!.. Зайцы бойкіе... Они-то знаютъ суть дѣла?

— Избави Боже.

— То-то... Особенно этотъ Ронтальскій... Очень уже юрокъ. Слышали вы какъ онъ женинными деньгами игралъ на биржѣ?

— Когда она все проигрывала, а онъ выигрывалъ.

— Центръ тяжести-то и перемѣстился—изъ одного кармана въ другой!—расхохотался Велинскій.—Потомъ онъ ее прогналъ, а самъ женился на молоденькой. У нихъ, у жидовъ, это легко дѣлается!

IV.

Женевьева изъ мѣняльной лавки.

Рива назадъ отошла, вся за скалы спряталась. Только уголокъ озера голубѣлъ — послѣднее «прости» Италіи. Скоро и эту чудную улыбку юга заслонили утесы. Альпы тѣснятся. Кругомъ какой-то хаосъ; будто природа здѣсь была остановлена въ самомъ разгарѣ своего своего творчества... Разлившіяся рѣки яро бѣгутъ по зеленымъ ущельямъ. Шумъ воды все время преслѣдуетъ нашихъ туристовъ. Мосты, перекинутые черезъ потоки, затоплены ими. Сады внизу залиты до верхушекъ деревьевъ и только черепичныя кровли болѣе высокихъ домовъ да колокольни тирольскихъ церквей плаваютъ подъ неудержимо стремящимися волнами. Сѣрыя скалы, на сѣрыхъ скалахъ сѣрые замки. Сверху гремятъ водопады, точно имъ хочется и эти вѣковыя башни снести внизъ въ глухо клокочущія бездны. Дали то заволакиваетъ туманъ, то откуда-нибудь изъ ущелья вырвется, словно бѣшеный, вѣтеръ и разорветъ сѣрую пелену мглы. И видитъ тогда Надя красивые, башенные города, замкнувшіеся въ старыя стѣны. Вонъ выглянулъ такимъ образомъ Арко. Вонъ на мгновеніе показался изъ-подъ тумана Венцано и словно ему холодно стало: опять натянулъ на себя однообразный сѣрый покровъ. Скалы все растутъ и растутъ; горы тянутся выше и выше; глубже уходятъ бездны, оглушительнѣе ревутъ водопады... Мостъ повисъ надъ пропастью; за мостомъ долина видна. Въ долинѣ — старинный городъ, словно заснувшій подъ звонъ своихъ тысячелѣтнихъ соборовъ, въ тѣни не вѣсть когда построенныхъ башень, заснулъ съ своими домами, дворцами — и уже не просыпается больше.

— Что это? Что это?—словно въ забытьи повторяетъ Надя. Картина за картиной—некогда очнуться. Одна лучше другой.

— Тріентъ,—мягко улыбается ей Коротковскій.

Лошади едва идутъ. Трудно имъ тащить эту громадную колымагу, гдѣ помѣстились вмѣстѣ всѣ наши путешественники.

Дѣвушка точно сквозь сонъ слышитъ объясненія Велинскаго. Что ей за дѣло до того, что когда-то этотъ городъ назывался Tredentum, что весь этотъ, словно изъ одного куска мрамора высѣченный, замокъ извѣстенъ подъ именемъ Buon-Consiglio. Развѣ Коротковскій сталъ красивѣе, когда она узнала его фамилію? Ей довольно и того, что все кругомъ такъ дико, такъ живописно. Довольно того счастья, которое она читаетъ въ глазахъ Леонтія Петровича. И онъ сегодня ей нравится гораздо больше: не смотритъ въ глаза этому противному Велинскому. Два раза даже оборвалъ его, такъ что биржевой султанъ только высоко поднялъ брови и не нашелся что отвѣтить... Любитъ ли она художника? Сидя на скамьѣ въ пансіонѣ, она мечтала о такой минутѣ. По этимъ мечтамъ выходитъ, что теперь именно пора любить. Даже надо. Настоящее ли это чувство? А почему она знаетъ. Молодость тѣмъ и счастлива, что не анализируетъ, не копается въ душѣ. Тепло ей при немъ, хорошо, каждое прикосновеніе его руки обдаетъ жаромъ. Чего же еще?... И у нея какъ глаза горятъ... Румянецъ такъ и ходитъ подъ смуглою кожею щеки... Развѣ не довольно этого?

Ей даже аристократизмъ его нравится.

— Ненавижу мѣщанскихъ построекъ нынѣшняго вѣка?—говоритъ онъ.—Для меня нѣтъ ничего противнѣе Вѣны.

— Городъ пріятный!—замѣчаетъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Помилуйте, каждый домъ—Минкинымъ смотритъ. Такъ и отдаетъ все разбогатѣвшимъ буржуемъ. Нѣтъ,—среди руинъ, въ старыхъ облупившихся венеціанскихъ палаццо, въ мрачныхъ дворцахъ Флоренціи,—мы, старое дворянство, лучше себя чувствуемъ. Бархатная мантія прошлаго столѣтія, хоть ее черви проточили, все-таки красивѣе лакейскаго фрака.

Черноморцевъ заглянулъ ему въ глаза и обмѣнялся улыбкою съ Велинскимъ.

— Вы дворянинъ какой губерніи?

— Я?.. Рязанской!....

— Такъ...—съ чего-то засмѣялся биржевой тузъ.

— Вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ, это должно быть понятно... Вѣдь вы по шестой книгѣ, кажется, числитесь, хотя и отдались биржѣ.

— Побольше шестой книги,—небрежно уронилъ Велинскій.— Мы изъ Гедиминовичей... Велинскіе всегда впереди были. Прежде, когда силу давала власть и происхожденіе, мы на верху горы

стояли... Ну, теперь деньги всѣмъ ворочаютъ; мы и на это согласны,—усмѣхнулся онъ.

Коротковскій съ завистью взглянулъ на лошадиную профиль своего сосѣда. Его бѣсило олимпійское спокойствіе милліонера.

— Хорошо имѣть много денегъ...

— Трудно!—цѣдитъ сквозь зубы Велинскій. — Нельзя же сидѣть на сундукахъ? Деньги, что ртуть, любятъ движеніе.

— И сколько добра можно сдѣлать.

— Сергѣй Сергѣевичъ не мало его дѣлаютъ,—вмѣшивается Черноморцевъ.—У него больше ста стипендіатовъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ.

— А вы почему знаете?—оборачивается къ нему пріятно удивленный тузъ.

— Слухомъ земля полнится. А больница ваша, а богадѣльня... А какіе пенсіоны вы даете своимъ...

— Ну, за это вамъ: и сюда, и сюда!—попробовалъ пошутить Коротковскій, показывая на шею и на грудь.

— У меня нѣтъ ни одного ордена... Я этихъ балаболокъ не признаю,—коротко отрѣзалъ Велинскій.

«Вотъ ты какой»!—посмотрѣла на него Столѣшникова, и тутъ же припомнила своего отца съ ленточкой въ петличкѣ.

Старинныя улицы Тріента разступились передъ ними. Направо и налѣво выдвигались мрачные соборы, отъ каждаго камня которыхъ вѣяло столѣтіями. Выцвѣтшія статуи святыхъ угрюмо смотрѣли на нихъ съ площадей. Точно нищій въ лохмотьяхъ, вдругъ на самомъ пути становилась пятисотлѣтняя башня, которую мѣстами залилъ плющъ своими зелеными волнами. Вонъ какая-то руина въ сторонѣ и не разобрать въ ней ничего... Въ почернѣвшихъ отъ старости камняхъ ея бассейновъ меланхолически звенѣли струи фонтановъ. Казалось, онѣ оплакивали далекое-далекое прошлое.

— Слава Богу, пріѣхали!—выскочилъ изъ коляски Андрей Федоровичъ передъ громаднымъ отелемъ, на площадку котораго выбѣжало до дюжины кельнеровъ.

Черноморцевъ съ величайшей осторожностію высадилъ Татьяну Борисовну, какъ какой-нибудь дорогой фарфоръ. Та повисла всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ у него на рукахъ и отблагодарила своего cavalier sirvente такою улыбкой, отъ которой поднялась цѣлая туча пудры. Черноморцевъ закашлялся даже.

Вечеромъ за табль д'отомъ собралось большое общество.

Тріентъ, также какъ и Рива, былъ переполненъ путешественниками. Наводненіе согнало ихъ сюда. Наши сѣли за отдѣльный столъ. Велинскаго знали и тутъ: ему прислуживалъ отдѣльный кельнеръ; самъ «директоръ» отеля во фракѣ и бѣломъ галстухѣ явился узнать: доволенъ ли важный гость помѣщеніемъ. Культъ золотаго тельца все яснѣе и яснѣе обрисовывался передъ Надей, со всѣмъ его безстыдствомъ и безцеремонностію. Она только радовалась за Коротковскаго. Подъ ея ли вліяніемъ, или по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, только онъ съ такимъ эффектомъ выдерживалъ сегодня свою независимость, что даже Черноморцевъ ротъ разинулъ.

Въ концѣ ужина, за которымъ всѣ пили болѣе обыкновеннаго, и потому языкъ развязался даже у Велинскаго, когда замороженное шампанское опять заискрилось въ стаканахъ, Коротковскій отодвинулъ свой.

— Что вы это?—удивился Велинскій.—За здоровье Надежды Андреевны.

— Я выпью краснаго вина. У меня еще есть оно.

— Одинъ стаканъ. Вѣдь вы любите Pommeri-sec?

— Мало ли что я люблю, да не могу.

— Почему?

— А потому, что отвѣтить вамъ тѣмъ же у меня средствъ нѣтъ... Такъ я ужь лучше своимъ дешевенькимъ ограничусь,— почти грубо оборвалъ онъ.

— Что за глупости,—сконфузился Сергѣй Сергѣевичъ. А у Нади даже глаза загорѣлись и она такимъ благодарнымъ взглядомъ окинула Коротковскаго, что тому такъ и захотѣлось расцѣловать ее тутъ же. Впрочемъ, Надѣ въ этотъ разъ пришлось переходить отъ удивленія къ удивленію. Часовъ около десяти вечера въ залу вошла довольно-таки пожившая дама съ крупными брильянтами въ ушахъ. Вся она была въ черномъ. Велинскій подскочилъ къ ней и Надѣ въ первый разъ пришлось убѣдиться, что Сергѣй Сергѣевичъ умѣетъ кланяться, и кланяться очень низко. Вслѣдъ за ней слѣдовалъ отвратительный горбунъ еврейскаго типа, къ тому же еще хромавшій на одну ногу. Ему Велинскій только пожалъ руку, не удостоивъ поклономъ.

— Кто этово будетъ?—забезпокоился Минкинъ.

— Развѣ ты не знаешь?... Это баронесса Мишіельсъ съ мужемъ.

— Ахъ... Онъ самый... Великодушный, великій мадамъ Мишіельсъ...

Столѣшниковъ тоже заволновался и приподнялся, чтобы лучше разглядѣть вошедшую.

— Что она такое?... Почему, она великая?—заинтересовалась Надя.

— Видите ли,—началъ Велинскій. Какъ это ни странно: вино на него дѣйствовало и, обыкновенно молчаливый, подъ вліяніемъ шампанскаго онъ любилъ говорить.—Биржа—это цѣлое государство. Въ ней есть свои герои, свои героини. Баронесса Мишіельсъ, это—Женевьева, Жанна д'Аркъ биржи. Она и теперь хороша, но, что это было двадцать лѣтъ тому назадъ! Ослѣпляла. Покойный Максимиліанъ съ ума сходилъ по ней, эрцъ-герцогъ Альбрехтъ хотѣлъ развестись съ женою, чтобы на ней жениться, хотя она дочь простаго банкира. Прославилась она тѣмъ, что когда ея отецъ обанкротился, баронесса Мишіельсъ, тогда просто Эмма Клейнъ, пошла къ влюбленному въ нее главному кредитору жиду Мишіельсу, котораго вы видите рядомъ съ нею... и... ну, понятно... На другой день долги ея отца были заплачены, а черезъ недѣлю она стала мадамъ Мишіельсъ... Ея самопожертвованіе становится еще выше, если я прибавлю къ этому, что Анна Клейнъ была безумно увлечена тогда мадьяромъ Гайосомъ... Они сговорены были.

— Бѣдный. Что съ нимъ сталось?—невольно вырвалось у Нади.

— Вы не безпокойтесь. У насъ не стрѣляются, не отравляются отъ любви. Гайосъ теперь главноуправляющій у Мишіельса. Судьба, какъ видите, справедлива и вознаградила баронессу. Вмѣстѣ съ противнымъ мужемъ она удержала при себѣ любимаго человѣка.

— И это великодушно, и это честно, и это ваша Женевьева?

— А какже! Она спасла отца!..

— И... и...—покраснѣла Надя—и сохранила этого господина?

— Нужно же и ей утѣшиться,—безцеремонно расхохотался Велинскій.

— Хороша ваша нравственность... Хороши ваши герои и героини... Богъ знаетъ, господа, къ какимъ разговорамъ вы меня пріучили... Я сама болтаю всякій вздоръ съ вами.

— Надо привыкать... Нашъ кружокъ не щепетиленъ... Мы—реалисты въ этомъ отношеніи. Въ Петербургѣ услышите еще не то.

— А самъ мужъ ее, Мишіельсъ, развѣ не замѣчателенъ? Я припоминаю теперь о немъ,—вмѣшался Столѣшниковъ.

— Что такое?

— Какже, двадцать лѣтъ тому назадъ ему грозило банкротство; чтобы заплатить по векселямъ, онъ тайкомъ воспользовался кассою своего отца!...

— Чортъ знаетъ что!—возмутился Коротковскій.—Да, вѣдь, вы кражу проповѣдуете...

— Вексель для банкира, молодой человѣкъ, все. Въ немъ и мораль, и честь, и оправданіе... Дѣлай, что хочешь, но плати по векселямъ. Неуплаченный вексель—вѣчное пятно, неоткрывшаяся или недоказанная кража—ноль. Я не обманулъ никого на своемъ вѣку, поэтому имѣю право сказать: честь каждый понимаетъ по своему; на нее толкованій, пожалуй, болѣе, чѣмъ на апокалипсисъ. Ну, а документъ никакихъ варіантововъ и объясненій не допускаетъ. Онъ имѣетъ одно опредѣленное значеніе. У насъ нынче всѣхъ въ подлецы записали. Этакъ, вѣдь, и честныхъ людей нѣтъ. Помилуйте, до того дошли, что Струсберга мошенникомъ ославили!.. А что же онъ сдѣлалъ? Воспользовался только благопріятными обстоятельствами. У дураковъ было семь милліоновъ; онъ пріѣхалъ заплатилъ кому слѣдуетъ куртажъ, и взялъ эти деньги.

— Папа, что ты проповѣдуешь? — съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, всплеснула Надя.

— Дайте,—вмѣшался Велинскій,—вотъ хотя бы Минкину денегъ на честное слово, онъ вамъ не отдастъ ихъ.

— Не отдамъ!—спокойно отозвался Іосифъ прекрасный.

— Ну, а по векселю?

— Повѣшусь, а заплачу. Своему человѣку и по одинъ словъ отдамъ, ну, а чужому...

— Въ обществѣ смѣшеніе понятій страшное. Только на биржѣ у насъ мы разобрались и называемъ предметы ихъ настоящими именами. Мы не пугаемся словъ!.. Разумѣется, кража—подлость, но крупная цифра имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное... Въ данномъ же случаѣ Мишіельсъ явился героемъ вексельнаго права. Брутъ убилъ Цезаря, Мишіельсъ разорилъ отца. Самъ я ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы этаго, но нахожу оправданіе виновному. Нападали на Юханцева... Да помилуйте, мы всѣ вѣдь отчасти Юханцевы. Только въ другой формѣ, въ законной. Стоитъ ли же изъ-за одной формы спорить? (Велинскій чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился все многоглаголивѣе). Вы удивляетесь моей откровенности? Позвольте мнѣ пояснить вамъ при-

мѣромъ. Убійца одного человѣка преступникъ, ну, а Наполеонъ, убившій сотни тысячъ?... Такъ и въ этомъ дѣлѣ: укралъ грошъ—воръ, захватилъ чужой милліонъ и не попался—ловкій человѣкъ. Вы знаете ли какъ пошелъ въ ходъ Минкинъ... Разскажи-ка.

— Я отъ вашъ папенька,—обратился онъ къ Ксеніи,—свой карьеръ получалъ...

— Ну, вѣдь, ты станешь путаться въ русскихъ фразахъ... Капитону Бубнову сдали для постройки желѣзную дорогу. Іосифъ Минкинъ подобрался къ нему и убѣдилъ Бубнова выдать записку о томъ, что поставку шпалъ онъ сдаетъ ему, Іосифу Минкину... Такъ, вѣдь?

— Совершенно такъ,—съ удовольствіемъ кивалъ головою Минкинъ, точно онъ слушалъ какую-нибудь музыку.

— Получилъ Минкинъ запись и на другой же день является къ Бубнову. Такъ и такъ, сколько отступнаго? За что?—изумляется Капитонъ Гавриловичъ. А чтобы я вернулъ тебѣ запись обратно.—Какъ обратно, ты, вѣдь, мнѣ шпалы поставлять будешь?... — И не думаю... Что ты съ меня возьмешь? Самъ къ сроку дорогу не кончишь поэтому. Залоги потеряешь. Повертѣлся, повертѣлся Бубновъ, да и отвалилъ Минкину семьдесятъ пять тысячъ. Вѣрно?..

— Какъ по вексель!—разцвѣлъ восхищенный Минкинъ.

— А честное слово ваше?—вступился Коротковскій.

— Какой честный словъ!... Въ Россіи есть пятнядцать томъ сводъ законъ... Гдѣ о честный словъ сказанъ? Укажить мнѣ... Честный словъ! Вотъ столъ, свѣча, вотъ Ксеній Капитоновна, а гдѣ честный словъ?...

— Честное слово, это—фикція. Внѣ документа нѣтъ ничего. Для себя я считаю слово обязательнымъ, а другіе какъ хотятъ. Могій вмѣстити да вмѣститъ. Ну, а насчетъ документа—никакихъ разсужденій; онъ одинаково обязателенъ для всѣхъ,—подтвердилъ опять Столѣшниковъ.

— Мой вексель — вотъ мой честь! Я не понимай честь на словъ!.. Перомъ писалъ — не рубилъ топоръ! — съ глубокимъ убѣжденіемъ заключилъ Минкинъ.

— Ну, и міръ! Ну, правила!—широко раскрыла глаза Надя. Она была поражена ихъ спокойною откровенностію. Вѣрные служители бога воровъ—Меркурія не сочли даже нужнымъ стѣсняться. Зачѣмъ? Все это казалось имъ весьма естественнымъ. Ихъ кодексъ покоился на незыблемыхъ основаніяхъ.

— Да!—вдохновился Коротковскій.—Правила!.. Прежде тоже все это продѣлывали, да хоть не признавались. Цинизма не было. А нынче, словно подвигами какими, гордятся подлостью. Господи, да что же это!.. Дѣвушка отдается отвратительному горбуну и сохраняетъ при себѣ любовника—она Жанна д'Аркъ... Мерзавецъ обкрадываетъ своего отца, чтобы заплатить другому мерзавцу по векселю,—онъ чуть ли не герой... Голова кругомъ идетъ. Дышать стало нечѣмъ. Недолговѣчно царство ваше. Не такими идеалами живетъ человѣчество. Никогда не повѣрю въ будущее подобнаго порядка... Вамъ удалось пока все закупить... Все служитъ вамъ: и искусство, и наука, и печать... Но изъ-подъ спуда, снизу придутъ новыя силы и на лбахъ вашихъ выжгутъ позорныя клейма... Вы внесете въ исторію отрицательный примѣръ того...

— Ха-ха-ха!—искренно разсмѣялся Велинскій. — Вотъ не зналъ за вами, Коротковскій, такой способности... Ораторъ, настоящій ораторъ... И какъ говоритъ!...

— Ви знаете, молодой чельвѣкъ,—вступился Минкинъ.—Ходите къ намъ въ правленій... У насъ ви свой карьеръ получайтъ... Намъ для простой, добрый акціонеръ нужны такой луди!..

Надя безмолвно пожала руку Коротковскому.

— Нѣтъ, онъ хорошо говоритъ!—сентиментально похвалила и Татьяна Борисовна.—Вы такъ не умѣете!—уколола она Черноморцева.

— Говоритъ-то хорошо, гдѣ только сядетъ...

— Законы разбойничьихъ вертеповъ гораздо нравственнѣе. Честь бандита—идеалъ, въ сравненіи съ вашей...

— Вотъ это хуже!—прервалъ брезгливо Сергѣй Сергѣевичъ.— До сихъ поръ вы говорили съ истиннымъ пафосомъ, а теперь уже навинчиваете себя, въ риторику ударились..: Это портитъ впечатлѣніе...

— Нѣтъ, ви не говорите,—заступился Іосифъ Минкинъ.—Для нашъ акціонеръ и это хорошо...

Коротковскій бросилъ салфетку и вышелъ изъ-за стола, эффектно взбивъ себѣ волосы и мимоходомъ взглянувъ въ зеркало.

Надя въ эту минуту совсѣмъ примирилась съ нимъ... Вчерашняго дня какъ не бывало. Онъ чуть ли не пророкомъ явился ей среди этой пошлости и подлости. Велинскій наклонился къ Черноморцеву.

— Послушайте... Глядите въ оба... Она въ него теперь какъ въ Бога вѣруетъ.

— Слушаюсь.

— Напрасно вы... при дочкѣ-то,—замѣтилъ потомъ Столѣшниковъ.—Нужно бы по осторожнѣе. Ей все это ново, чуждо.

— Видите ли, Андрей Федоровичъ. Ложь мнѣ противна. Съ чего это я стану притворяться? Лишній трудъ. Надежда Андреевна должна меня знать такимъ, каковъ я въ дѣйствительности. Это Коротковскому пристало рядиться въ чужія перья... А ужь меня увольте... Я на всю жизнь хочу ее; слѣдовательно, чѣмъ лучше и вѣрнѣй она меня узнаетъ, тѣмъ легче будетъ потомъ спѣться.

А Коротковскій, выйдя изъ отеля, остановился на его террасѣ.

Что-то ему говорило, что Надя послѣдуетъ за нимъ, что она не останется тамъ, въ этомъ душномъ кружкѣ биржевыхъ тузовъ.

— Глупость я сдѣлалъ, или нѣтъ?—задумывался художникъ.—Поддался впечатлѣнію!

И онъ нервно прошелся по площадкѣ.

— Ну, на Велинскаго теперь разсчитывать нечего... Ни одной картины не купитъ... Впрочемъ, что же? Во Флоренціи я недаромъ познакомился съ княземъ Тагильскимъ... Ему всучу... Да что, впрочемъ, на мой вѣкъ хватитъ... Имя сдѣлаю; теперь плюнь да размажь—покупщикъ найдется. Лишь бы фамилія была подписана...

А ночь была очаровательна.

За старой башней, которая казалась теперь еще громаднѣе, всходила луна. Контуры башни рѣзко очерчивались. Вся черная стояла она на просвѣтлѣвшемъ небѣ. Направо хмурились черныя горы. Съ колоколень древняго собора доносились глухіе удары колокола... Но ни они, ни шумъ рѣки подъ аркадами тяжелаго моста не могли заглушить величаваго ропота водопада, гдѣ то далеко-далеко падавшаго съ высоты въ глубокую пропасть.

— Это тамъ, должно быть!—взглянулъ на сѣверъ Коротковскій. И ему показалось, что въ лунномъ свѣтѣ онъ видитъ бѣлые каскады и серебряныя нити ринувшагося внизъ горнаго потока.

V.

Ночь любви.

Странное дѣло! Нѣсколько фразъ, сначала неискренно брошенныхъ, на удачу, точно очистили воздухъ вокругъ самого Корот-

ковскаго. Легче дышать. Ему себя стало стыдно. Передъ кѣмъ и ради чего онъ унижался, чему служилъ еще недавно? Всѣ эти козырные тузы теперь были ему противны. Откуда ни возьмись, нахлынули воспоминанія и передъ нимъ возникло словно въявь его свѣтлое прошлое. Казалось, онъ давно съ нимъ покончилъ, отошелъ отъ него въ сторону, забылъ и вдругъ опять оно мелькнуло въ памяти, вызвавъ горячій румянецъ на его щеки, невольно рождая въ груди тяжелый вздохъ. Онъ опять былъ тѣмъ же неизвѣстнымъ художникомъ, для котораго карьера, нажива, поклоненіе золотому тельцу, служеніе модѣ казались такъ ничтожны рядомъ съ вѣчными идеалами красоты и правды. Какъ ударъ молніи—эти воспоминанія. Ничего не видно въ безглазую, беззвѣздную ночь,—и вдругъ блеснула вверху огнистая струя и передъ вами мгновенно очертились темныя купы тучъ въ небесахъ съ зигзагомъ случайнаго просвѣта, бѣлый фасадъ какого-то дома, куполъ собора, вершина колокольни, сквозная тополь за старою стѣною, узкою щелью ложащаяся улица... Но мгновеніе прошло,—и опять все темно, только въ памяти еще блеснетъ этотъ неожиданный образъ.

— Да, нужно жить иначе... совсѣмъ иначе!—повторялъ онъ про себя.—И ради чего мы унижаемся передъ этою мелкіоровою знатью биржи? Развѣ не мы-артисты, художники, писатели—истинная соль земли? Аристократія таланта — чѣмъ она ниже аристократіи мѣняльныхъ лавокъ?... Сами себя мы измучили, исковеркали...

— Леонтій Петровичъ, вы здѣсь?—послышалось издали.

— Надя... Надежда Андреевна...

— Я ушла отъ нихъ... Вотъ люди!.. Когда ихъ слушаешь, точно надъ бездной висишь: ни надъ тобой, ни подъ тобой, ни по сторонамъ нѣтъ опоры... А имъ легко... Я не понимаю!... Сегодня вы—пай-мальчикъ. Я люблю, т.-е. буду васъ любить такимъ... А если какъ вчера вечеромъ, такъ ужь лучше и не показывайтесь...

— Это не повторится.

— Нате вамъ за то.—И она прижала къ его губамъ свою маленькую, мягкую ручку.—Кушайте на здоровье...

— За вами не придутъ?

— Нѣтъ; я сказала имъ, чтобы не смѣли... Я, вѣдь, знаете, вольница. Даже отца пріучила. У насъ въ пансіонѣ много американокъ было,—у нихъ заняла такіе пріемы. Ничьей власти надъ собою не признаю и никому не подчинюсь.

— Никогда?

— Никогда... Какъ хорошо тутъ... какая ночь теплая, ясная!.. Знаете что?.. Пойдемте туда, на тотъ мостъ, помните, по которому мы ѣхали сегодня?...

— Далеко... Васъ станутъ искать. Отецъ будетъ безпокоиться.

— Развѣ я дала ему право сомнѣваться во мнѣ?

И столько гордости прозвучало въ эту минуту въ голосѣ Нади, что Коротковскій мгновенно смолкъ. Гордость, это—броня женщины. Она часто спасаетъ ее отъ униженія. Побѣдить женщину—не значитъ только пріобрѣсти ея любовь, но и сломать ее гордость. Оно и понятно: въ любви женщина отдается, мужчина береть. Не потому ли для женщины это самопожертвованіе является священнодѣйствіемъ? Она хочетъ, чтобъ ею не только обладали, но въ эту же минуту и молились на нее. Грубость побѣдителя глубоко оскорбляетъ побѣжденнаго. Женщина поэтому никогда не проститъ, если любимый человѣкъ, переживъ экстазъ, смотритъ на нее равнодушнымъ взглядомъ.

«Какъ онъ смѣлъ, горячъ и энергиченъ»!—убѣждала себя Надя, идя подъ руку съ Коротковскимъ по мрачнымъ улицамъ средневѣковаго города. Она чисто по той же женской гордости надѣляла художника качествами, которыхъ тотъ вовсе не имѣлъ. Для мужчины, если онъ уже нравится женщинѣ, не надо ни ума, ни красоты, ни возвышеннаго характера. Она сама его снабдитъ всѣмъ этимъ; увѣритъ себя, что онъ уменъ, красивъ, съумѣетъ другимъ доказать тоже. Ея самолюбіе не допускаетъ и мысли, чтобы она увлеклась чѣмъ-нибудь обыденнымъ. Женщина, разъ она любитъ, способна найти прелесть въ кривомъ глазѣ и хромой ногѣ своего властелина. Его горбъ или лысина будутъ казаться ей особенными преимуществами, которыми онъ обладаетъ и которыхъ лишены другіе. Немудрено поэтому, что красавецъ Коротковскій казался Надѣ чуть ли не клядеземъ всевозможныхъ физическихъ и духовныхъ совершенствъ.

Старые дома, съ выдвигавшимися впередъ верхними этажами, старые соборы, съ черными статуями святыхъ въ черныхъ нишахъ, старыя башни, съ волнами плюща, старыя стѣны,—все это то уходило въ мракъ, то словно выдвигалось, когда яркое сіяніе мѣсяца струилось на нихъ съ высоты. Тускло блеснули и спрятались опять расписныя стекла готической капеллы, на холодныхъ камняхъ которой когда-то плакалъ и бился Фридрихъ

Барбарола. На площадяхъ, гдѣ сонно рокотали меланхолическіе фонтаны, дома по одну сторону казались изваянными изъ матовыхъ глыбъ серебра, другіе чернѣли въ темнотѣ, откуда изрѣдка, словно чье-то налившееся кровью око, мелькалъ красный огонь изъ круглаго окна. Точно остріе ножа, прорѣзался сквозной лучъ въ бойницѣ угрюмаго замка. Мрачный силуэтъ его, казалось, былъ выхваченъ прямо изъ романтической легенды. Бѣлою полосою ложилась дорога между темными облаками тополей — городъ остался позади.

Городъ остался позади... Оглянувшись, Надя увидѣла кровли домовъ, стрѣльчатые колокольни соборовъ, вершины старыхъ башенъ словно плавающими въ цѣломъ морѣ задумчиваго свѣта. Ночь, завернувшись въ звѣздное покрывало, замедляла свой полетъ надъ ними, точно для того, чтобы налюбоваться на эту красивую молодую пару. Казалось, ей, грустной красавицѣ мрака, хотѣлось прислушаться къ согласному біенію ихъ сердецъ, укрыть счастливцевъ отъ цѣлаго свѣта, чтобы они могли вволю надышаться прохладою остывающихъ полей, нѣгою очарованной природы, молодостью, свободою и счастьемъ, которыя отниметъ яркій день, разгонитъ горячее солнце, вспугнутъ любопытные взгляды...

Городъ остался далеко позади... Теперь уже не видно его куполовъ и башенъ. Платаны, глубоко запустившіе свои корни въ горные склоны, заслонили Тріентъ. Изрѣдка доносится сюда унылый бой часовъ. Пускай бьютъ: ихъ некому считать здѣсь... Какое это красивое дерево—платанъ. Какъ оно хорошо и при свѣтѣ дня, и въ мерцаніи ночи. Оно всегда юно. На его молодой, бѣлой и свѣжей корѣ время безсильно провести свои морщины. Сотни лѣтъ проходятъ мимо. Сѣдины лишаевъ и густыя бороды мху старятъ могучіе дубы, а платаны стоятъ себѣ молодые и свѣжіе, какъ вчера, улыбаясь времени и радуясь каждому новому лѣту.

Теперь уже и боя часовъ не слышно. Теплая долина. Персиковыя деревья на ней. Густо напоенъ воздухъ ихъ возбуждающимъ ароматомъ. Точно тысячи благоуханныхъ устъ раскрылись и дышутъ прохладою южной ночи. Тысячи невидимыхъ кадилъ струятъ къ застоявшемуся посреди неба мѣсяцу свои благодарные фиміамы... И какъ хороши эти деревья! Какъ они разбрасываютъ свои листья и вѣтви во всѣ стороны, точно имъ хочется оторваться, уйти прочь, на свободу, отъ родного ствола! Такъ въ горячкѣ любви разметывается на своемъ знойномъ ложѣ

молодая женщина, мысленно призывая къ себѣ любимаго человѣка... А виноградъ что всползаетъ вверхъ по деревьямъ; точно кольца завившихся на бѣлой шейкѣ кудрей, лозы на свѣтлой корѣ. Днемъ замѣтно, что листья ихъ покраснѣли, но это не чахоточный румянецъ нашей осени... Нѣтъ, это полнота жизни, это ея соки пробиваются наружу; глядя на нихъ, такъ и кажется: изъ-подъ зубчиковъ листа вотъ-вотъ брызнетъ горячая кровь... Лоза—дѣйствительно женщина... Ей надо уцѣпиться за что-нибудь,—кого-нибудь обвить. И опьяняетъ она, какъ женщина... Вѣтеръ бѣжитъ по листвѣ винограда; влюбленный шопотъ слышится въ ней... Влюбленный шопотъ передается разметавшимся вѣтвямъ персиковаго дерева и точно зоветъ оно нашихъ путниковъ къ себѣ подъ свою ароматную тѣнь.

Долины за долинами, холмы за холмами... Все вверхъ и вверхъ поднимаются наши путники.

Ручьи уже шумно бѣгутъ по горнымъ щелямъ. Вонъ маленькій мостикъ перекинулся черезъ самое стремя бѣлаго потока... Надъ нимъ остановилась Надя. Слушаетъ его... Весело бѣсится вода, шумно радуется чему-то. Изъ чащи акацій, каждый листъ которыхъ теперь прижался къ листу, каждая вѣтка къ вѣткѣ, весь вытягиваясь, рвется вверхъ къ свѣту, къ ночному небу, къ ночнымъ звѣздамъ—стройный тополь... Тополь въ луну влюбленъ. Оттого, часто безлистный внизу, онъ уносится къ ней въ высоту, доростаетъ сколько можетъ и уже тамъ въ вольномъ просторѣ раскидываетъ все къ той же лунѣ свои словно вздрагивающія отъ страсти вѣтви...

— Хорошо тебѣ?—И Надѣ нисколько не странно, что ей уже говорятъ «ты». Она бы удивилась, если бы было иначе.

Вмѣсто отвѣта она жмется къ молодому художнику, заглядываетъ благодарно прямо въ его темные глаза.

— Мнѣ не хочется на сѣверъ... Здѣсь бы остаться съ тобою, уйдти отъ всѣхъ куда-нибудь далеко, далеко, въ самую глушь...

— Бѣжимъ!... трепетно шепчетъ она...—Бѣжимъ... Куда-нибудь, по голубому, теплому морю...

— Скоро у насъ будетъ снѣгъ... Туманы пойдутъ... Солнце спрячется за тучи... А тамъ вѣчно зеленыя пальмы все будутъ колыхаться надъ пѣвучими волнами. Безоблачное небо также обойметъ сожженную его поцѣлуями землю. Я, кажется, скоро заговорю стихами. Эта ночь, луна... Эти горы... Ахъ, Надя! Скорѣе, скорѣе бы...

— Что?

— Назвать тебя своею... Не прятаться... Не притворяться...

Она еще крѣпче прижалась къ нему; вотъ рука Коротковскаго обвила вокругъ ея стана. Сильная мужская рука, и Надя чувствуетъ, что вся дрожитъ подъ этою рукой, что и эти тополи, и эти горы, и эти утесы точно сдвигаются съ мѣстъ... а воздуха мало... грудь волнуется — дышать нечѣмъ... Горячая кровь такъ и льется подъ кожей... Жизни, жизни, простора!...

Ночь для нихъ раскрывала вѣнчики лучшихъ цвѣтовъ своихъ, ручьи пѣли имъ самыя звонкія пѣсни, деревья въ полуснѣ шептали ласковый привѣтъ, звѣзды съ высоты небесной глядѣли имъ прямо въ душу... А они все шли и шли впередъ.

Вонъ и тотъ большой каменный мостъ черезъ бездну. Направо гремитъ водопадъ, обдавая ихъ серебряною пылью. Могучая масса воды разбивается въ бѣлое облако. Точно какое-то чудовище жалуется и стонетъ тамъ, на днѣ пропасти, подъ этими ударами. По серединѣ мостъ упирается въ скалу... Будто игла, она поднялась снизу, словно для того, чтобы поддержать смѣлую каменную арку. Далеко-далеко подъ ногами клубится туманъ... И кажется Надѣ, что несутся они надъ этимъ туманомъ, несутся съ этими горами и рощами, съ этимъ водопадомъ... Отсюда опять видѣнъ Тріентъ. Вонъ онъ, словно утомясь, лѣниво прислонился къ откосамъ горъ въ долинѣ, по которой широкимъ изгибомъ струится и поблескиваетъ большая рѣка.

— Удивительно! — проговорила, наконецъ, Надя.

— Что?—Голосъ его звучитъ какъ-то нервно, возбужденно.— Что тебѣ моя дорогая?—А рука все крѣпче и крѣпче обвиваетъ ея станъ.

— Мы молчимъ — и ни на секунду не скучно.. И говорить не хочется.

— Когда любишь, молча понимаешь другъ друга... Можно молча разговаривать... молча передавать другъ другу впечатлѣнія. Не потому ли, что въ эти минуты одно и то же волнуетъ, радуетъ и мучитъ насъ?...

— Минуты, только минуты?—грустно проговорила дѣвушка...

— Въ этихъ минутахъ вся жизнь... Онѣ потомъ какъ солнце согрѣваютъ...

— Какой чудный запахъ! посмотрѣла внизъ Надя.—Что бы это могло быть?... Вотъ-вотъ тамъ. Посмотри. Какъ это красиво...

Въ одной изъ трещинъ скалы, подпиравшей мостъ, поднялось олеандровое дерево. Большія кисти красныхъ цвѣтовъ безстыдно подставляли лунному свѣту свои жадно раскрытыя, страстныя, алыя губы. Коротковскій взглянулъ внизъ. Почти отвѣсная поверхность утеса кое-гдѣ только чернѣла разщелинами.

— Была не была!

— Что?

— Сейчасъ я положу тебѣ на грудь эти цвѣты.

— Что ты... Я умру отъ страха...: Я брошусь за тобою... Милый, дорогой мой?

Но было уже поздно.

Коротковскій живо перескочилъ черезъ парапетъ каменнаго моста, наклонился надъ бездной, смѣлымъ прыжкомъ миновалъ пространство между выступомъ, на которомъ стоялъ, и первою площадкою скалы... Только мелкой щебень съ глухимъ шумомъ сталъ осыпаться внизъ по гранитнымъ откосамъ.

— Ради Бога!... Назадъ!... Назадъ!—билась на верху Надя.

— Сейчасъ у тебя будутъ цвѣты, — весело послышалось снизу.

Онъ схватился руками за холодную горбину камня. Повисъ на ней... Внизу, далеко внизу струится туманъ, гремитъ водопадъ около. Брызги его серебрянной пылью ложатся на скалу. Мокрый камень скользокъ отъ нея. Ноги художника внизу ищутъ опоры. У Нади вся жизнь ушла въ глаза. Она теперь не живетъ, а только видитъ, смотритъ. Сердце замерло... Бьется или нѣтъ?... Словно чьи-то руки схватили за горло и душатъ... Крикнуть силъ нѣтъ... Да и какъ крикнуть!... Точно молнія, въ головѣ мысль: его испугаетъ крикъ... Слава Богу!.. Ноги его нашли опору...

— До цвѣтовъ недалеко уже!—слышится ей голосъ любимаго человѣка.

Онъ цѣпляется за каждую морщинку въ утесѣ. Вставитъ ногу носкомъ въ разщелину, а руками шаритъ за что опять ухватиться. И этотъ оглушающій водопадъ... Бѣлыя массы воды несутся около Коротковскаго. Вдругъ смоютъ внизъ?... Карнизъ встрѣтился... Коротковскій пошелъ по карнизу... Точно лѣсенка внизу... Будто ступени въ скалѣ къ самому олеандру... Вотъ онъ уже уцѣпился за стволъ дерева. Крѣпко уцѣпился... Должно быть, отдыхаетъ... Что это, свѣтъ мѣсяца, или онъ поблѣднѣлъ? Лицо совсѣмъ мертвое-мертвое. Только глаза у него горятъ. Какъ онъ

дышетъ тяжело. И время идетъ какъ медленно! Надѣ казалось, что сама упадетъ сейчасъ. Ногъ подъ собою не чувствуетъ, что-то, какъ облако, заволакиваетъ передъ нею дали... А мгновенія идутъ за мгновеніями—тихо-тихо. И каждое изъ этихъ мгновеній кажется вѣчностью!.. О, Господи!..

— Еще немножко, Надя, и цвѣты твои!—кричитъ Коротковскій снизу.

У нея уже нѣтъ силы отвѣтить ему; хотѣла сказать что-то да въ горлѣ только захрипѣло. Не отводя глазъ, смотритъ она. Вотъ онъ уцѣпился за вѣтви дерева. Ползетъ по нимъ къ цвѣтамъ. Повисъ на вѣтвяхъ. Дерево все книзу склонилось теперь... Вмѣстѣ съ деревомъ, какъ тяжелый плодъ на немъ, виситъ онъ надъ бездной. Ничего подъ нимъ. Ничего, кромѣ Бога и ангеловъ... Хватаясь руками все ближе и ближе къ верхушкѣ Коротковскій опускается ниже... Что, если олеандръ не выдержитъ, что, если корни слабо въ скалѣ сидятъ, оборвутся?... Надя закрываетъ глаза... Она чувствуетъ, что мостъ точно заколыхался подъ нею... Невольно она опускается на его каменныя плиты... Замерла... Ничего теперь ни въ ней, ни кругомъ...

Долго ли продолжался обморокъ, долго ли и какъ любимый человѣкъ всползалъ по этой каменной иглѣ,—она ничего не помнитъ. Надя очнулась потому, что Коротковскій подошелъ и прямо въ лицо ей брызнулъ холодными каплями, сохранившимися въ лепесткахъ цвѣтовъ. Онъ кладетъ ихъ на грудь дѣвушкѣ... Покрываетъ поцѣлуями ея губы... Она уже и не отбивается теперь... Только касается его лица... Точно хочетъ убѣдиться, что это не сонъ, не греза, что это дѣйствительно онъ воротился цѣлъ и невредимъ...

— Что же ты не поблагодаришь меня! Посмотри какъ ихъ румянецъ идетъ къ золоту твоихъ волосъ,—смѣется онъ, еще разъ медленно касаясь своими губами ея раскрытыхъ устъ.

Но вмѣсто благодарности Надя начинаетъ рыдать.

Коротковскій живо подхватываетъ ее на руки и какъ ребенка несетъ черезъ мостъ... Тамъ на концѣ его часовня... Въ темной нишѣ дѣва Марія съ ребенкомъ... Подъ нишей каменная скамья... Прямо сюда бьетъ своими лучами мѣсяцъ... Коротковскій тихо опускаетъ Надю на скамью и самъ становится на колѣни около.

— Зачѣмъ... Зачѣмъ ты это?... Развѣ можно пугать такъ?— только и шепчетъ она, едва успокоиваясь отъ рыданій.

Но онъ не даетъ ей говорить, не слушаетъ ее. Онъ цѣлуетъ ей лобъ, виски, щеки. Она не успѣваетъ отворачивать голову. Онъ гаситъ своими поцѣлуями упреки, вспыхивающіе у нея на губахъ. Его горячая щека жжетъ ее... Руки его жадно ищутъ ея рукъ... Вотъ онъ нашелъ ихъ и жметъ... Точно огонь палятъ онѣ... Вотъ онъ поднялъ ей голову—цѣлуетъ ей шею... Словно жаждующій въ спаленной солнцемъ пустынѣ къ источнику, приникаетъ онъ къ ней... Отыскалъ волоса, завившіяся подъ ея красивымъ затылкомъ; ихъ цѣлуетъ... Во влажную массу косъ погружаетъ свое горящее лицо и, все-таки, не можетъ охладить его... Надя ничего не понимаетъ, но ей хорошо, хорошо. Его поцѣлуи, этотъ огненный дождь, согрѣваетъ ее, возвращаетъ ей жизнь. Смутно, какъ во снѣ, онъ говоритъ ей что-то. Ее самою всю охватило полымемъ... Страстный трепетъ бѣжитъ по ея тѣлу, какъ волны въ бурю... Руки Коротковскаго обвили дѣвушку... Жадные губы слились съ ея губами...

— Господи!... Что это?...

Кто это смотритъ на нее сверху? Кто здѣсь третій?

Она вскочила съ широко раскрытыми глазами, и во время...

Изъ глубины черной ниши, вся озаренная луною, смотрѣла на нее мраморная Мадонна съ мраморнымъ младенцемъ на рукахъ.

VI.

Аксюткины когти.

Когда Надя вернулась съ Коротковскимъ, казалось, въ отелѣ все спало.

Ни въ одномъ окнѣ огонька не было.

— До утра!—прощалась съ нимъ дѣвушка.

— До завтра.

— Ну, впередъ я ужь не буду такъ неосторожна съ тобой...

— Прости меня, забылся совсѣмъ... Да, вѣдь, ничего же дурнаго не вышло?

— Хорошо, что Мадонна спасла!—лукаво улыбнулась дѣвушка. Ахъ да... Милостивый государь!—словно опомнилась она.

— Что тебѣ?...

— На что это похоже?... Вѣдь, вы еще до сихъ поръ формально не изъяснились въ любви... Какой это порядокъ? Я во всѣхъ романахъ читала, что молодой и благородный кавалеръ становится на колѣни и... Станьте на колѣни!

— Ну, что за шалости, Надя!

— Я тебѣ говорю: стань на колѣни... Иначе завтра наединѣ не увидимся. Я хочу этого. Неужели такъ трудно?

Улыбаясь, Коротковскій опустился передъ нею.

— Вотъ, такъ... Въ эту сторону повернитесь... чтобы васъ видно было. Пусть луна удивляется, что это за дуракъ такой?!.. Не смѣйте подниматься ни подъ какимъ видомъ... Ну, теперь— изъясняйте ваши чувства... Не хотите?... Нѣтъ?... Ну, такъ стойте же... пока я не взойду наверхъ и не отворю окна... Стойте!.. Слышите?

— Глупости!

— А я вамъ говорю, что если вы этого для меня не сдѣлаете, такъ я васъ и знать не хочу... Это вамъ будетъ наказаніемъ.

— За что?

— За то, что чуть-чуть не случилось,—уже съ нѣкоторою злостью проговорила Надя, уходя за дверь.

«Что за глупое положеніе... Разнервничилась!... Стой теперь на колѣняхъ»...

— Коротковскій!

Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги.

— Чего вы это на колѣняхъ торчите тутъ?—послышался сверху голосъ Велинскаго.—Я въ окно выглянулъ—и вижу... Глазамъ не повѣрилъ... На луну молитесь, что ли?

— Нѣтъ... Уронилъ золотой и ищу... «Глупая дѣвчонка», ворчалъ онъ про себя.

— То-то... Золотой!.. Спать идите... Гдѣ вы шлялись до сихъ поръ?

— Тріентъ осматривалъ при лунномъ свѣтѣ.

— Одинъ?

— Съ кѣмъ же еще?—спросилъ Коротковскій...

— Какъ съ кѣмъ? Со мной!—задорно откликнулась изъ другаго окна Надя.—Онъ вмѣстѣ со мною гулялъ по всему Тріенту...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!—процѣдилъ сквозь зубы Велинскій.

— И не только по Тріенту... мы на мостъ ходили...

— Какъ на мостъ?.. Ночью, въ эту пору, вдвоемъ, молодая дѣвушка и...

— Ха-ха-ха!... А какъ объ этомъ говоритъ «биржевая» мораль? Въ вексельномъ правѣ не найдется ли что-нибудь? Молодой дѣвушкѣ можно, или нельзя? Съ вами, напримѣръ, такъ

вѣрно можно, а съ Коротковскимъ нельзя... Не такъ ли? Ну, а вы по моему высочайшему повелѣнію стали бы на колѣни тамъ, на мокрыхъ ступеняхъ, или нѣтъ?...

— Такъ это вы его?—разсмѣялся Велинскій, совсѣмъ успокоенный.

— А вы какъ думали?

— Молодецъ, Надежда Андреевна!... Завтра Коротковскій съ насморкомъ.

— Ему за это и награда будетъ!...

— Какая?

— А ужь это не ваше дѣло... Это я одна знаю, да никому не скажу, — смѣялась Надя. — Прощайте, Леонтій Петровичъ, идите спать!...

— Слушаюсь!—съ комическою покорностію отозвался художникъ, уходя съ крыльца.

— Угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ! прошепталъ Велинскій.—Знаете что, Надежда Андреевна?... Бросьте вы эту исторію...

— Какую?

— А вотъ съ Коротковскимъ. Вамъ не то надо... Такая царственная красота, какъ ваша, нуждается во власти, въ силѣ, въ блескѣ... А эти «публичные мужчины»—артисты, не дадутъ вамъ ничего... При нихъ женщина нянька. Она стушевывается въ праздникъ и играетъ роль служанки въ будни... Вамъ надо быть женою человѣка, въ рукахъ котораго—все и который самъ служилъ бы вамъ всѣмъ.

— Не о себѣ ли вы это?

— А хотя бы о себѣ. Вступимъ въ договоръ.

— Какъ вы сказали?

— Я говорю: вступимъ въ договоръ,—спокойно повторилъ Велинскій.— Я — могущество, власть, сила... Вы — красота... Соединимся, вмѣстѣ мы цѣлый свѣтъ повернемъ...

— Что это, формально?

— Хотя бы.

— Изъ окна въ окно? И притомъ вы теперь въ халатѣ... Или по сему торжественному случаю фракъ надѣли?

— Такъ что-жь, что изъ окна?... Развѣ странно? Вамъ должно нравиться это... Помилуйте, внизу въ долинѣ подъ лунным свѣтомъ спитъ городъ... Въ небесахъ сверкаютъ звѣзды. Луна эта. Самая подходящая декорація.

— Для договора?

— Или для формальнаго предложенія...

— Ну, а вы станете на колѣни, какъ Коротовскій?

— Нѣтъ, не стану...

— Такъ я несогласна,—расхохоталась Надя.—Пусть могущество, власть, сила остаются сами по себѣ, а красота—сама по себѣ.

— Это не послѣднее ваше слово?

— Рѣшительное.

— А я вамъ говорю—нѣтъ... А что я говорю, то значитъ такъ и будетъ... Я никогда не ошибаюсь,—и вы, рано или поздно, а станете моею женой.

— Вы слышали, что говорилъ отецъ? Меня на биржѣ не котируютъ.

— Теперь весь міръ биржа... Цари биржи располагаютъ міромъ... Слушайте, Надежда Андреевна... Дѣятельность банкира—рискованное дѣло... Сегодняшній милліонеръ завтра можетъ оказаться на улицѣ. Это—азартная игра. Вашему отцу везетъ, но... Ни что не вѣчно подъ луною!... Кто это сказалъ?... Впрочемъ, все равно... Если вамъ,—и голосъ Велинскаго сталъ необыкновенно серьезенъ,—когда-нибудь нужно будетъ спасти честь отца, его состояніе... Если вамъ понадобится нѣсколько сотъ тысячъ, ну, милліонъ, что-ли, знайте—вы его найдете въ своей свадебной корзинкѣ... Слышите ли?... Я знаю, вы меня не любите, но вы полюбите ту жизнь, которую я дамъ... Да я и не понимаю, что такое любовь? Ни любви, ни зубной боли я никогда не испытывалъ... Такъ вотъ вы и знайте... Въ случаѣ, «чего не дай Боже», какъ пишутъ въ контрактахъ, я выручу и васъ, и вашего отца.

— Благодарю васъ... Чтобы ни случилось съ папа, а этого не будетъ.

— Почему?

— Потому что роль Женевьевы изъ мѣняльной лавки меня не соблазняетъ...

И она захлопнула окно.

Велинскій нисколько не обидѣлся.

— Что за странный типъ,—думалъ онъ,—и какія громадныя дѣла можно сдѣлать съ нею... Въ ней есть смѣлость, задоръ, независимость... Что-то очень мало чистоты... Нѣтъ этой дѣвственности, наивности; ну, да подобный товаръ нынче вообще рѣдокъ.

Да и какъ заглазно опредѣлить его? Невинность дѣвушки и честность банкира обнаруживаются только при ликвидаціи... А она будетъ моей женой. Ея отецъ на волканѣ. Онъ свое состояніе, капиталы вкладчиковъ,—все броситъ въ эту операцію. Тише поѣдешь—дальше пріѣдешь, какъ говоритъ Іосифъ прекрасный.— И Велинскій тоже затворилъ свое окно. Теперь отель точно опустилъ, свои вѣки—шторы и заснулъ окончательно.

Надя, войдя къ себѣ, была очень удивлена.

Ксенія не спала. Она лежала съ широко раскрытыми глазами, закинувъ подъ голову свои красивыя руки. Бубнова смотрѣла прямо въ лицо яркому мѣсяцу, словно застоявшемуся передъ ея окномъ.

— Что ты?—съ участіемъ обратилась къ ней Столѣшникова.—Всегда какъ въ кровать, такъ и спишь.

— Такъ... Не спрашивай... Скверно... Надоѣло все... Захочу говорить, сама заговорю.

— Ну, Богъ съ тобой недотрога - царевна!.. Лежи!

Надя, выглянувъ въ окно, начала съ Велинскимъ уже описанную бесѣду. Ксенія не проронила ни одного слова.

— Слышала?—обратилась къ ней дѣвушка, запирая ставень.

— Слышала.

— Каковъ?

— Настоящій человѣкъ!.. Вотъ бы мнѣ такого, я бы не выпустила изъ рукъ.

— Не хочешь ли, сейчасъ ему сдѣлаю предложеніе отъ твоего имени,—расшалилась Надя, пріотворяя окно.

— Безъ глупостей... Ну, что твой Коротковскій, Подумай сама... Кислятина и ничего больше. Такъ себѣ, мазочка.

— Что такое?

— Мазочка, говорю. За мной въ Петербургѣ кадетъ одинъ ухаживалъ. Они хорошенькихъ товарищей мазочками называютъ. Вотъ и твой Коротковскій ничто иное... Какое же сравненіе съ Велинскимъ? Велинскій—царь и всѣхъ ихъ купить можетъ. Онъ это знаетъ и даетъ имъ настоящую цѣну... Ты наблюдала ли, какъ хорошо воспитанная собака съ хозяиномъ разговариваетъ?

— Что за чушь!

— Сдѣлай одолженіе... Дрожитъ, какъ будто присѣсть на заднія лапы хочетъ, и хвостъ зажметъ, точно его нѣтъ у нея... Ну, и они съ нимъ тоже повизгиваютъ...

— Аксютка, не дури! А то укушу тебя...

— Не совѣтую... Я сегодня взбѣсилась. Укусишь — сама взбѣсишься.

— Да чего ты зла такъ?

— Чему же прикажешь радоваться? Какое мое положеніе? Незаконная дочь Капитона Бубнова!... И что за подлая фамилія! Переносить ее не могу—Аксинья Капитоновна Бубнова, такъ и пахнетъ прачкой... Да это бы еще ничего, а ты скажи мнѣ кто я такое?... Ну?

Ксенія приподнялась на локоть.

— Ты что на меня смотришь?

— Какое у тебя характерное лицо... Блѣдное, блѣдное... Красивые, злые глаза и яркія, красныя губы!..

— Глупости!... За тобою ухаживаютъ всѣ... Собачка вѣрная — Коротковскій на мокрыя ступени склоняетъ колѣни. Прикажи—до утра будетъ сидѣть на заднихъ лапахъ и лаять... Велинскій къ твоимъ ногамъ свою корону складываетъ, въ ночномъ шлафрокѣ, при лунѣ, изъ окна въ окно въ любовые дуэты поетъ, хотя и своеобразно; даже Іосифъ прекрасный, на что жидъ, и тотъ сегодня, когда ты послѣ обѣда вымыла руки въ водѣ, взялъ и выпилъ эту воду, да еще причмокнулъ!... Даже Татьяна Борисовна,—и та нашла обожателя... Я одна, всегда одна. Знаютъ, что въ любовницы не пойду. А на незаконной дочери, на подкидышѣ какого-то Бубнова какъ же жениться? Еще дай мнѣ этотъ самый Капитонъ Бубновъ тысячъ двѣсти, ну сейчасъ увяжутся за хвостомъ. Явятся обожатели и женихи... А теперь... Вонъ Іосифъ прекрасный сегодня говоритъ: «Я бы для васъ десяти тысячъ не пожалѣлъ». Видишь, какъ дорого оцѣнилъ?... А въ обществѣ?.. «Вы знаете, это дочь Бубнова съ лѣвой стороны», да еще чья—Капитона Бубнова!... Позоръ какой!... Тебя принимаютъ вездѣ... А меня? Даже Доменика Станиславовна фонъ-Бушъ, у которой чуть не изъ тюремъ собираются, салонъ ея клубомъ червонныхъ валетовъ зовутъ, и та приглашаетъ меня, когда никого нѣтъ. Развѣ я всего этого не вижу, не знаю? Что-жь, я глупѣе, уродливѣе, бездарнѣе ихъ, что ли? За что же это, за что? Ты знаешь какъ я попала къ вамъ въ дрезденскій пансіонъ?... Узнали у m-me Сальви въ Петербургѣ, что я незаконная, и предложили убираться на всѣ четыре стороны... Что-жь прикажешь? Радоваться, что ли?...

Надя сѣла на ея кровать и обняла Ксенію.

— Ты добра ко мнѣ всегда была... Ты не разу не только не показала виду, кто я, но знаю, тебѣ и въ голову не приходило это... А другіе всѣ... И знай: умирать стану, зла тебѣ не сдѣлаю... А остальнымъ...

— Что остальнымъ?

Ксенія совсѣмъ приподнялась на постели и сѣла.

— Артисткой буду. Знаменитостью... Вся эта мразь за хвостомъ забѣгаетъ... Губить людей начну. Каждый поцѣлуй — чума, отрава... Перестрѣляются изъ-за меня, честь мнѣ подъ ноги кинутъ—растопчу ее... Счастье ихъ семей, имя, славу, богатства—все размечу по вѣтру... Вызову ихъ на позоръ, на преступленіе... Первая отвернусь отъ нихъ, выдамъ, если понадобится... Со сцены буду царицей—и не полюблю, никогда ни кого... Я имъ покажу Аксюткины когти!.. Въ живое мясо... Пусть изъ-подъ нихъ кровь течетъ... Насмѣюсь и натѣшусь... Съ дѣтства терпѣла—все вымещу... Погодите, запоютъ и мои птички.

— Ксенія, опомнись... Что ты говоришь?

— А, ты думаешь это сейчасъ только, разбитые нервы? Нѣтъ, Надя... Я въ себѣ эту злобу съ дѣтства воспитывала... съ тѣхъ поръ, какъ меня сторожа, да десятники подкидышемъ ругали... Каждый день приносилъ проценты на этотъ капиталъ... Онъ хорошо росъ, да и я словно сокровище какое сберегла его. Я тебѣ говорю: у меня есть чѣмъ расплатиться съ людьми... Не даромъ я Аксютка, Капитонова дочь... Погодите... Теперь скоро... Ты знаешь, что мой отецъ отвѣтилъ недавно?... Нужно мнѣ было у Маркези поучиться пѣть еще... Я къ нему обратилась, чтобы помогъ... Такъ онъ мнѣ и отписалъ: достаточно научена, и безъ того я на тебя какую прорву денегъ истратилъ... Можетъ быть, женюсь еще, такъ на законныхъ дѣтей понадобится. Такъ слово въ слово... Что-жь ихъ жалѣть?

— Ты гдѣ думаешь выступить?

— Въ Петербургѣ. Гдѣ же больше? Сразу сдѣлаю имя... Но только... Помни, Надя... Еще разъ повторяю тебѣ: на твоей дорогѣ я никогда не стану... Ни однимъ пальцемъ не повредю тебѣ. Слышишь? Для тебя одной Аксюткины когти будутъ не страшны.

Долго еще послѣ того Ксенія лежала, глядя во мракъ безсонными глазами... И рисовалось ей въ этомъ мракѣ далекое сумрачное дѣтство... безъ свѣта, безъ ласки, безъ тепла,

Холодное, непріютное. Она еще разъ перебирала въ памяти всѣхъ, встрѣчавшихся ей... И все-то ненавистное, все враждебное... Не на комъ остановиться. Одна Надя...

Неслышимо Ксенія встала съ постели и босикомъ подошла къ Надѣ. Подъ простыней высоко подымалась красивая грудь дѣвушки. Покрывало не могло скрыть дивныхъ формъ ея тѣла.

— Красавица!.. Всѣмъ взял

цѣловала ее въ губы.

Надя полуоткрыла глаза. Вл

ницъ на мгновеніе остановился

ее увидѣла дѣвушка.

— Милый, хорошій, дорогой

она, поворачиваясь и во снѣ пр

душки.

(Продолженіе

СИЛЬВЕКЪ.

Романъ Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ польскаго).

Осенній день клонился къ вечеру. Между небомъ и пространствомъ бурыхъ полей висѣла мгла мелкаго дождя. Въ этой мглѣ слышался плачъ степнаго вѣтра и плескъ большой рѣки, бившейся о свои высокіе берега.

Если бы кто-нибудь помѣстился на одной изъ тучъ, тяжело ползущихъ подъ грязновато-сѣрымъ небомъ, и посмотрѣлъ бы внизъ, то его вниманіе привлекло бы три пункта различныхъ размѣровъ, но находящихся на одной линіи и въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга: Первымъ и большимъ былъ городъ, занимающій огромный кругъ земли и выбѣгающій изъ окружности нѣсколькими прямыми и кривыми отростками. Послѣднія напоминали руки гиганта, протянутыя не то съ мольбой, не то съ угрозой. Повитый густою пеленою дождя, какъ будто заключенный въ сосудъ изъ плохаго стекла, городъ точно стремился къ небу башнями костеловъ, точно сожалѣлъ объ одиночествѣ полей и заигрывалъ съ ними, подмигивая красноватыми огоньками жилищъ. Отъ круга, отъ вытянутыхъ рукъ долетали глухіе, хаотическіе звуки, въ которыхъ, если прислушаться внимательно, можно различить стукъ колесъ, звукъ музыки, лай псовъ, громкій хохотъ, прерванный крикъ, однимъ словомъ, вѣчно гремящій, сложный аккордъ городской жизни.

Другимъ пунктомъ было кладбище, широко расположившееся на высокомъ и обрывистомъ берегу рѣки, похожее во мракѣ на лѣсъ, наполненный толпою неясныхъ, сѣрыхъ или бѣлоснѣжныхъ, неподвижныхъ существъ. И здѣсь также не было тишины.

Ея почти не нарушали ни шопотъ вѣтра въ деревьяхъ, ни стукъ дождевыхъ капель о памятники, но за то изъ дома кладбищинскаго сторожа слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ и какой-то поющій, охрипшій голосъ. Домъ этотъ, приросшій къ каменной оградѣ кладбища, былъ скорѣе избушкой, чѣмъ домомъ. На низенькомъ, пожелтѣвшемъ отъ сырости и недосмотра фасадѣ, подъ провалившейся крышей виднѣлись три окна и одна дверь. Въ окнахъ горѣлъ красноватый огонь лучины; снаружи стояла у одного изъ оконъ узкая, влажная, полусгнившая скамья. Отголоски разговора и пѣсни летѣли изъ хаты съ одной стороны къ памятникамъ, съ другой — на болотистое, покрытое сухими стеблями, поле.

Третьимъ пунктомъ была женщина, приближающаяся къ кладбищу. Она шла медленно, съ большимъ трудомъ подвигаясь по крутому берегу рѣки. Откуда она шла? Отъ начала длиннаго пространства бурыхъ полей, что оканчивались у подножія еле замѣтныхъ лѣсовъ, горною лентою обрамляющихъ горизонтъ,—изъ самой глубины той мглы, что царила всюду, изъ какого-то неизвѣстнаго мѣста, откуда вырывался вѣтеръ, который, ударяя своими порывами въ ея плечи, казалось, выталкивалъ ее откуда-то, куда-то гналъ, за что-то преслѣдовалъ. Она шла одна. Ни предъ ней, ни за нею не было ни одной живой души. Вѣтеръ развѣвалъ полы ея одежды; когда въ воздухѣ наставало минутное затишье, она прислонялась къ придорожному дереву или пню, вѣроятно, для отдыха. Дошедши до кладбища, она осторожно и не смѣло подошла къ дому сторожа и сѣла у окна, на наружной лавкѣ. Красноватый огонь падалъ на нее отъ окна. Ея одежда, довольно приличная, была насквозь промочена дождемъ и густо залѣплена грязью, на головѣ и плечахъ большой чорный платокъ, отчасти закрывавшій и лицо, такъ что при скупомъ и мигающемъ свѣтѣ можно было замѣтить только пряди большихъ, черныхъ, безпорядочно спутанныхъ волосъ подъ смуглымъ лбомъ, да черные глаза. Усѣвшись, она положила на колѣни какой-то большой свертокъ, который держала прежде въ рукахъ.

Черезъ окно доносились отрывки разговоровъ и пѣсенъ. Какой-то мужской, тонкій и хриплый голосъ пѣлъ:

Смерть отъ Бога намъ дана...
Пусть же царствуетъ она!
У нея богата нива,—
Дастъ и мнѣ она на пиво!

Напѣвъ циническаго четверостишія отличался тѣмъ, что первые два стиха звучали плясовой мелодіей краковяка, а послѣдніе тянулись уныло и медленно, какъ погребальная церковная пѣснь.

Въ отвѣтъ послышался крикливый и сердитый женскій голосъ:

— Пиво! пиво! У него только и въ головѣ, что пиво! Веселье! хохотъ! пѣсни! Вотъ, погоди, узнаешь ты пиво, какъ тебя ксёндзъ-деканъ отъ «могилокъ» прогонитъ. Палкой тогда тебя, на церковную паперть! Въ молодости былъ лакеемъ, а умрешь церковнымъ нищимъ!

— Ну, ну!—отвѣчалъ голосъ, пѣвшій о смерти,—гдѣ бы ни умереть, только бы прожить повеселѣе! На паперти ли, въ золотыхъ ли палатахъ, смерть все найдетъ и схватитъ! Я—кладбищенскій сторожъ, тотъ—большой панъ; я человѣкъ простой, только и умѣю, что сторожить людской прахъ, тотъ ученый, считаетъ звѣзды на небѣ, а, все-таки, мы равны предъ Отцомъ Всемогущимъ. Аминь!

— Аминь!—повторилъ хоръ нѣсколькихъ голосовъ, а мужской голосъ, тонкій и хриплый, послышался вновь:

— Настя, дай кусочекъ колбасы! А? Дай колбасы на закуску послѣ пива. Ужь коли балъ, такъ балъ!

— Не нужно! не нужно! Пусть пани Лукашова не безпокоится!—отозвались гости. Одинъ изъ нихъ продолжалъ:

— Мы, вѣдь, такъ себѣ, приходимъ сюда поболтать и освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. Пана Лукаша слушать любо: точно изъ священной книги читаетъ!

Хозяйка изъ глубины избы, гдѣ, можетъ быть, розыскивала въ это время колбасу, отвѣчала нѣсколько успокоеннымъ, хотя все еще сердитымъ голосомъ:

— Я ничего не жалѣю для вѣжливыхъ людей, которые оказываютъ намъ свою любезность. Коли есть, сейчасъ подамъ. Ужь *онъ* меня пріучилъ къ этому; только, вотъ, о старости подумать страшно! Человѣкъ голый, какъ сейчасъ только родился на свѣтъ! *Онъ* что заработаетъ, то пропьетъ и прогуляетъ, а дальше что? Побираться придется?

Чѣмъ дольше она говорила, тѣмъ больше слышалось въ ея голосѣ раздраженіе, смѣшанное со слезами. Какая-то глиняная посудина, миска или тарелка, глухо стукнула о столъ, вѣроятно, поставленная сердитою рукой.

Тонкій мужской голосъ опять затянулъ:

— То и наше, что сегодня, Настя, то и наше, что сегодня! Время уходитъ, смерть приближается, вѣчность ожидаетъ! Человѣкъ, рожденный смертною матерью, не знаетъ ни дня, ни минуты своей кончины. Живъ сегодня — завтра тебя не будетъ. Положатъ тебя въ сырую землю, засыпятъ пескомъ глаза чего ты не видѣлъ, того и не увидишь, чего не съѣлъ, того и не съѣшь, чѣмъ не порадовался, тѣмъ и не порадуешься... До царства небеснаго дорога не близкая и ведетъ черезъ чистилище.

За этимъ вновь зазвучала пѣсня:

Эхъ, глубока могила эта,
Куда уходятъ всѣ со свѣта;
Въ ней лежа, грѣшный человѣкъ,
Не выпьешь водки ты во вѣкъ.

— Ха, ха, ха, ха, ха!—писклявымъ, но сердечнымъ смѣхомъ закончилъ поющій, а вслѣдъ за нимъ, точно зараженные его примѣромъ, засмѣялись и прочіе. Въ веселомъ хорѣ только голосъ женщины отсутствовалъ.

Обращала ли вниманіе женщина, сидящая на лавкѣ, снаружи, на всѣ эти разговоры, пѣсни и смѣхъ,—трудно было сказать.

Покрытое чернымъ платкомъ, ея лицо оставалось неподвижнымъ. Блестящіе глаза были устремлены въ одну точку сѣраго пространства. Въ неподвижномъ взглядѣ виднѣлось какое-то тупое отчаяніе, доходящее почти до безсмысленности. Съ выдающагося карниза крыши на ея одежду падали густыя, крупныя капли дождя, а она все сидѣла, не замѣчая этого и не стараясь укрыться. Два раза она вставала съ лавки, точно намѣреваясь идти, стояла нѣсколько времени, съ лицомъ, обращеннымъ къ городу, и вновь садилась.

А въ сторонѣ шумъ то усиливался, то стихалъ. По временамъ раздавался низкій, сердитый голосъ женщины и каждый разъ вслѣдъ за этимъ тонкій мужской голосъ протяжно, на манеръ монотонно читаемой молитвы, начиналъ трактовать о кратковременности человѣческой жизни на землѣ, о необходимости пользоваться, пока есть время, всѣми сладостями жизни, и кончилъ пѣсней съ веселымъ началомъ и погребальнымъ концомъ, гдѣ неизмѣнно фигурировали: смерть и пиво, могила и миска.

Наконецъ, двери сторожки отворились и гости начали одинъ за другимъ удаляться. Это были все простые люди, въ убогой одеждѣ, съ почернѣлыми лицами. Каждый на порогѣ благодарилъ за угощеніе, каждый, проходя мимо сидящей женщины, погляды-

валъ на нее съ равнодушнымъ любопытствомъ и уходилъ. Изъ открытыхъ дверей хозяинъ еще разъ крикнулъ на прощанье:

— Будьте живы и здоровы, потому что ваша смерть человѣку и дырявыхъ сапогъ не зачинитъ.—И онъ запѣлъ на мотивъ краковяка, а окончилъ монотоннымъ голосомъ молитвы:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же властвуетъ она,
Пусть гремитъ своей трещеткой...

— Надъ золотыми палатами, надъ каменными дворцами, надъ полными шкатулками, надъ тѣми, что задираютъ носъ кверху, а передъ Тобой падаютъ во прахъ, да будетъ воля Господня, во вѣки вѣковъ, аминь!

Когда кощунство, страннымъ образомъ перемѣшанное съ молитвой, стихло, въ глубинѣ комнаты, на порогѣ появилась толстая и высокая женская фигура. Она осмотрѣлась кругомъ и крикнула:

— Что это? Сгинь, нечистая сила! Кто сидитъ здѣсь?

Женщина на лавкѣ обратила голову къ говорящей и, вставая, тихо и не смѣло проговорила:

— Простите... это я!..

— Кто я? какая я?—послышался гнѣвный вопросъ.—Бродяга какая-нибудь? Нищая, что ли, или злодѣйка, можетъ быть? Прости, Господи!.. Таскаться по ночамъ, сидѣть подъ чужими окнами...

— Присѣла отдохнуть,—отозвался тихій и несмѣлый голосъ.

— Отдохнуть! Какъ отдохнуть? Гдѣ отдохнуть? Подъ окнами! Можетъ быть, подслушивать и подглядывать! Ужь не Ежевичъ ли это прислалъ васъ сюда, чтобы вы все тутъ разнюхали, да потомъ летѣть къ ксендзу-декану со сплетнями: у Лукàша, молъ, пьютъ, у Лукàша ѣдятъ, у Лукàша гуляютъ! Идите, идите, откуда пришли, и разсказывайте, что видѣли и слышали...

Женщина, теперь совершенно скрытая въ тѣни, проговорила:

— Я пришла издалека...

— Изъ далека, изъ далека! Отъ Ежевича, отъ врага нашего, отъ ябедника, изъ-подъ собора, изъ каменнаго переулка! Изъ далека! Откуда же это, напримѣръ?

Изъ тѣни послышался шопотъ:

— Изъ деревни...

Женщина у порога молчала. Она какъ-то вдругъ смолкла и вытягивала шею по направленію къ пришедшей, желая въ темнотѣ

разсмотрѣть ея лицо. Наконецъ, значительно уже тише и мягче она проговорила:

— Изъ деревни... А откуда, съ какой стороны?

— Изъ Таргова.

— Изъ Таргова? Не знаю. Не слыхала. Гдѣ это?

— Десять миль отсюда... за тѣми большими лѣсами...

— Да, за лѣсами...—въ раздумьи повторила хозяйка и прибавила:—десять миль... Ну, ну, порядочная даль! И что-жь, пѣшкомъ шли? Долго? Сколько дней?

— Пѣшкомъ... три дня. Не могу идти скоро...

— Гм... изъ деревни... за лѣсами... изъ деревни! Лучше бы вамъ въ хатѣ отдохнуть, чѣмъ здѣсь. Съ крыши льетъ... цѣлый божій день шелъ дождь. А? Переночевали бы у насъ? Ночь темная, всѣ скоро спать залягутъ... Если въ городъ придете, то хоть на улицѣ ночевать придется... Пойдемте въ хату.

Прохожая не двинулась съ мѣста. Она молчала...

— Ну, что же?—съ возрастающимъ нетерпѣніемъ повторила хозяйка,—что вы оглохли, что ли, или онѣмѣли? Я ей говорю, какъ человѣку, а она молчитъ, какъ столбъ. О, Матерь Божья! что за погода! Идемте въ хату.

Прохожая еще съ бо́льшею робостью прошептала:

— Благодарю васъ, пани... я переночевала бы... отчего бы нѣтъ? Измучена я, устала и... такъ холодно. Но... не знаю... у меня...

— Да иди же! Слышишь?—крикнула хозяйка, совершенно взбѣшенная.—Ночь такая, что собаки на дворъ не выгонишь, а она тутъ: благодарю васъ! не знаю!... Фокусы разные, церемоніи глупыя! Если сейчасъ не пойдешь, ей-Богу, побью, прогоню и дверь запру! Иди и пропадай! Ну, идешь или нѣтъ?

— Иду, иду,—быстро отвѣтила прохожая и вошла въ избу.

Хозяйка съ трескомъ затворила выходную дверь.

Изба съ двумя небольшими, глубоко сидящими окнами, освѣщалась пламенемъ лучины, догорающей въ щели глиняной печи. При дрожащемъ, красноватомъ огоньке всѣ вещи въ избѣ сливались въ одну неясную, безобразную массу. Тутъ были грубые, неотесанные стулья, деревянныя скамьи, хромые столы, латки, горшки, земледѣльческія и огородническія орудія. Черезъ открытую низкую дверь виднѣлась другая маленькая комната съ двумя широкими войлоками вмѣсто постелей и длиннымъ рядомъ образовъ и образковъ на стѣнѣ, въ разноцвѣтныхъ и золоченныхъ

рамкахъ. Предъ однимъ изъ нихъ, на самой серединѣ стѣны, на мѣдной цѣпочкѣ, слабо горѣла маленькая лампада. Въ первой комнатѣ было сыро, воздухъ отдавалъ затхлостью и жаромъ сильно натопленной печи, чадомъ отъ чего-то жаренаго и дымомъ табаку самаго плохаго сорта. Раздавалось храпѣніе кого-то спящаго. На скамьѣ, у стѣны, съ лицомъ, обращеннымъ къ потолку, и руками, заброшенными за голову, спалъ сухощавый, костлявый человѣкъ, въ выцвѣтшей одеждѣ безъ рукавовъ. Тонкія и длинныя руки его были покрыты рукавами толстой, сѣрой рубахи.

— Вотъ тебѣ!—входя въ избу, пробормотала хозяйка,—ужь и спитъ! И такъ всегда! Наѣстся, напьется, наговорится и храпитъ... а вся работа на моей шеѣ. Кто посуду послѣ него и его гулянокъ вымоетъ? Я. Кто всѣ вещи соберетъ, чтобы по пусту не портились? Я. Кто дровъ изъ сѣней на утро натаскаетъ? Я. Кто Ежевичу глаза выцарапаетъ за его проклятыя сплетни и интриги? Я. Кто передъ ксендзомъ-деканомъ выплачетъ и выклянчитъ, чтобы насъ отсюда не турнули? Я. Все я! А что мнѣ за это? Пока ничего, а подъ старость церковная паперть, и только! Лучше бы я свѣта бѣлаго не видала... чтобы только нищей не сдѣлаться...

То шепча, то ворча, то жалуясь такимъ образомъ, она ходила по комнаткѣ большими, тяжелыми шагами, собирала со стола и мыла глиняную посуду, тщательно собирая остатки кушанья и стирая фартукомъ крошки хлѣба и разлитое пиво.

— Что-жь ты стоишь у порога?—вдругъ обратилась она къ дверямъ.—Отчего не садишься? Можетъ быть, изба наша кажется черезъ-чуръ тѣсною, а лавка твердою?.. Поди, сядь... поговоримъ по-людски, а не то, ступай себѣ... Тутъ мертвецовъ не надо, и такъ ихъ довольно...

Она указала пальцемъ въ сторону кладбища.

Прохожая тихо приблизилась, сѣла на лавкѣ у печки и начала, молча, развертывать свертокъ, который все это время держала въ рукахъ. Хозяйка, какъ вкопанная, остановилась посерединѣ комнаты.

— Что это?—крикнула она.—Ребенокъ?

— Ребенокъ,—проговорила прохожая.

— Чей? Твой?

— Мой.

— Ага! Разверни его, а то, пожалуй, задохнется въ такомъ угарѣ.

Ребенокъ тихо заплакалъ.

— Сколько ему?—распрашивала хозяйка.

— Восемь мѣсяцевъ.

— Съ такой крошкой, въ такую пору пускаться въ дорогу... ну!—Стоя въ нѣсколькихъ шагахъ она пристально всматривалась въ лицо прибывшей.

— Вдова, что ли? Мужъ умеръ?—вновь спросила она.

— Нѣтъ,—послѣдовалъ краткій отвѣтъ.

— Что же? Бросилъ, можетъ быть, какой-нибудь подлецъ?

— Нѣтъ,—еще тише отвѣчала женщина.

— Нѣтъ и нѣтъ! Что же такое? Для чего же ты таскаешься по бѣлу свѣту одна, да еще съ ребенкомъ?

Она вдругъ замолчала и прекратила свои разспросы.

— Да, да, да...—догадалась она.

— Ну, что же? продолжала она ласково.—Что дѣлать? Всякое бываетъ на свѣтѣ. Не хорошо, точно не хорошо. Стыдъ и позоръ... Но ужь когда сдѣлалось, назадъ не вернешь. Іисусъ Христосъ сказалъ намъ: кто не видитъ грѣха за собой, пусть первый броситъ камень.

Въ этомъ замѣчаніи было много снисходительнаго великодушія, но любопытство превозмогало все: маленькіе глазки хозяйки, глубоко сидящіе въ глазныхъ впадинахъ, блеснули огонькомъ и заморгали. Она сѣла на лавку.

— Бѣдняга! кто ты такая? На паненку похожа... Платье когда-то было щегольское, только теперь загрязнилось и продралось, да и плащъ ничего... отъ холода не годится... и тонкій... Кто ты?

Прохожая, казалось, была тронута высказаннымъ сочувствіемъ. Ея черныя глаза, устремленные въ сѣренькіе глазки распрашивающей, походили въ это время на глаза смертельно раненой лани.

— Слугою была,—отвѣчала она немного громче:—гардеробною у покойницы пани, матери молодаго пана... Ребенкомъ взяли меня изъ хаты, любили, учили работать, одѣвали хорошо... Мнѣ было отлично.

Она умолкла.

— Ну, дальше-то, дальше!—настойчиво разспрашивала хозяйка.

Прохожая, укачивая ребенка и не спуская съ лица хозяйки страдальческаго взора, продолжала:

— Когда покойница пани скончалась, я цѣлый годъ пробыла при паннѣ Плацидѣ, родственницѣ пани, а такъ какъ панна Плацида вотъ ужь четыре года, какъ замужемъ, панъ построилъ въ лѣсу домикъ моему брату и сдѣлалъ его лѣсникомъ. Я жила у

брата: пьяница онъ и злой, невѣстка—простая крестьянка, но пана всѣ боялись и мнѣ было хорошо.

— Такъ чего-жь ты ушла отъ нихъ? Нужно было сидѣть въ хатѣ и работать съ родственниками.

— Выгнали.

— Кто выгналъ?

— Братъ.

— А за что онъ тебя выгналъ? Лѣнтяйка, вѣроятно?

— Нѣтъ. Только я ему была совсѣмъ безполезна. Жать не умѣю, огородовъ копать тоже, ни кушанья готовить, потомъ.... люди его за меня... преслѣдовали... и панъ пересталъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ онъ деревья изъ господскаго лѣса продаетъ... Комиссаръ заявилъ ему, что прогонитъ его со службы, потому что онъ пьяница и воръ... Онъ тогда ко мнѣ придрался: «Розалія! такая-сякая! что мнѣ проку отъ тебя? Чего ты сидишь у меня на шеѣ и хлѣбъ ѣшь?» Ужь около года прошло съ того времени... я все выносила, терпѣла... Одинъ разъ онъ напился и такъ побилъ меня, что я начала кашлять и теперь еще все грудь болитъ и я все кашляю... А невѣстка говоритъ: «Иди ты отъ насъ! Онъ когда-нибудь тебя подъ пьяную руку совсѣмъ убьетъ и выйдетъ уголовщина». Я и пошла...

— Ну. ну!—сказала внимательно слушавшая хозяйка,—что на бѣломъ свѣтѣ-то дѣлается! Дурно ты сдѣлала, нечего ужь грѣха таить, дурно! Да и братецъ-то твой... чтобъ его!.. какъ находилъ выгоду держать тебя, держалъ, а потомъ и выгналъ! Ну... Она колебалась минуту, но любопытство, наконецъ, превозмогло все.

— Ну, а... панъ-то?—тихо и надъ самымъ ухомъ Розаліи спросила она.

Вопросъ этотъ произвелъ необыкновенное дѣйствіе на молодую женщину. Она вся вздрогнула, точно отъ электрическаго удара, вскочила съ мѣста, положила на лавку уснувшее дитя и порывистымъ движеніемъ сорвала съ головы платокъ.

— А!—крикнула она:—чтобы ему каждая минута была горька также, какъ моя жизнь, чтобы онъ никогда не видѣлъ счастья! Пусть Господь Богъ не попомнитъ ему моей обиды! Пусть его счастье будетъ также велико, какъ мое несчастье! Пусть его собственное дитя пронзитъ ножомъ ему грудь! Пусть ангелы-хранители хранятъ его отъ такихъ мукъ, какъ мои! Чтобы ему каждая минута была также горька, какъ вся моя жизнь!

Слезы ручьями лились по ея разгорѣвшемуся лицу. Глаза ея горѣли, голосъ то дрожалъ страстью, то звучалъ горемъ и чувствомъ.

Хозяйка кивала головой на половину съ сочувствіемъ, на половину съ усмѣшкой.

— Ты съ ума сходишь, милая,—отозвалась она съ гнѣвною нотою въ голосѣ,—проклинаешь и благословляешь... ненавидишь и любишь... сама не знаешь, что говоришь! Но что же потомъ было, а?

Розалія опустила глаза въ землю.

— Женился.

Она нѣсколько успокоилась, сѣла на лавку и, укачивая на рукахъ ребенка, начала:

— Онъ, можетъ быть, и не женился бы, да люди начали болтать, что онъ въ связи съ одной сосѣдней панной. Кто-то ему это прямо въ глаза и брякнулъ... Вышла цѣлая исторія: онъ вызвалъ на дуэль того, кто о той паннѣ такія вещи говорилъ, и они стрѣлялись, отъ этого сплетни сдѣлались еще больше; онъ былъ раненъ въ руку, и какъ только выздоровѣлъ, присватался къ паннѣ и женился... Пану Сеницкому, своему большому пріятелю, онъ сказалъ: «Я не стерплю, чтобы черезъ меня женщина потеряла честь и уваженіе общества». Я тогда стояла подъ окномъ и слушала. Онъ ужь такой и есть, моя пани: добраго сердца и страшно гордый... и неудивительно, что взялъ панну и вознаградилъ ее за людскую клевету...

Анастазія слушала разсказъ съ улыбкой на блѣдныхъ, выдающихся губахъ. Маленькіе глазки ея горѣли гнѣвной ироніей.

— А тебя-то отчего же онъ не вознаградилъ?

Розалія съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—протянула она.—Та барышня, какъ картина писаная, по-французски говоритъ, на фортепьянахъ играетъ... Какъ же мнѣ равняться съ ней?

Въ ея словахъ не было ни горечи, ни насмѣшки. Она говорила искренно.

Анастазія задумалась. Морщины на ея большомъ лбу двигались и образовывали складки при сильной мозговой работѣ.

— Такъ-то такъ, это правда,—черезъ минуту заговорила она.—Барыня... говоритъ по-французски... что намъ равняться? Однако, если бы мой Лукашъ не спалъ, а слушалъ... Онъ, видишь ли, лѣнивецъ и обжора (не пьяница, сохрани Боже! только пиво

пьетъ, а водки и ко рту не подноситъ, а что обжора, то обжора, и страшный лѣнивецъ, но умный, очень умный, такъ что люди ходятъ слушать, какъ онъ говоритъ)... Такъ вотъ, если бы онъ не спалъ теперь, то непремѣнно сказалъ бы: «Я кладбищенскій сторожъ; тотъ большой панъ, а я человѣкъ простой, тотъ умный и звѣзды считаетъ... а всѣ мы равны предъ Отцомъ нашимъ Всемогущимъ».

Обѣ замолчали. Розалія отозвалась первая.

— Мнѣ бы только мальчика сбыть съ рукъ, тогда устроилась бы... къ мѣсту пошла.

— Въ городъ?

— Въ городъ ли, въ деревню ли,—все равно, но съ ребенкомъ тяжело... не возьметъ никто.

— Такъ вы оставьте ребенка у кого-нибудь на воспитаніи: будете платить за него, а сами служить.

— Да у кого оставить? Въ городѣ я никого не знаю.

Анастазія задумалась.

— Онъ окрещенъ?

— Какже! Въ Тарговскомъ приходѣ. Метрику я взяла съ собой; люди говорили, что безъ нея его никто не приметъ.

Она повернулась къ хозяйкѣ и обняла ея колѣни своими руками.

— Пани,—умоляла она,—отыщите мнѣ какое-нибудь мѣсто, хатку, гдѣ бы взяли ребенка и хоть немного подержали его. Я пойду въ службу и все свое жалованье отдавать буду, только оставлю себѣ на башмаки, да на тряпки какія-нибудь. Отыщите, ради Бога, порекомендуйте, помогите... сама я въ незнакомомъ городѣ, какъ въ лѣсу.

Анастазія долго молчала.

— Пускай,—заговорила она нерѣшительно,—мальчикъ у насъ останется. Дѣтей у насъ нѣтъ; мы живемъ только двое, здѣсь, въ этой кладбищенской дырѣ, точно волки; богатства у насъ нѣтъ, ой, нѣтъ! потому что какъ западетъ лишній грошъ въ нашу хату, *мой* его сейчасъ и проѣстъ...

Розалія схватила и горячо цѣловала ея руки. Однако, протекло много времени, прежде чѣмъ онѣ окончательно сговорились. Анастазія колебалась. Она хотѣла и не хотѣла, обѣщала и отказывала.

— Хорошо бы было имѣть какую-нибудь отраду въ нашемъ нищенскомъ житьѣ, а иногда и смѣхъ дѣтскій услыхать. Мы тутъ только и слышимъ, что трезвонъ, погребальныя пѣсни и

На утро, о восходѣ солнца, въ жилищѣ кладбищенскаго сторожа не было уже пришедшей женщины. Едва наканунѣ начало разсвѣтать, она поднялась, поговорила минуту съ Анастазіей, оставила ей нѣсколько денегъ и, поцѣловавъ ея руку выбѣжала. Это была женщина лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, красивая, съ цыганскимъ цвѣтомъ лица и черными, какъ ночь, глазами. Она шла къ городу, начинавшему пробуждаться, не такъ какъ вчера,—подъ бременемъ тяжести и медленно,—но быстро и смѣло. Было видно, что эта тяжесть спала съ нея, тяжесть непосильная, или, можетъ быть, нежелательная. Ни въ выраженіи лица, ни въ глазахъ ея уже не было ни стыда, ни тревоги. Только лобъ, покрытый слегка складками, свидѣтельствовалъ о прожитой, до сихъ поръ тлѣющей въ глубинѣ сердца горести. Но изъ-подъ этихъ развалинъ поднимались, очевидно, какія-то новыя надежды, жажда жизни, любопытство будущаго. Въ старательно вычищенной и кое-гдѣ украшенной пестрыми лоскутками одеждѣ, она скорѣе бѣжала, чѣмъ шла, и, наконецъ, вошла въ этотъ сосудъ изъ грязнаго стекла, гдѣ масса, составляющая городъ, начинала проясняться, говорить, стонать своими колоколами и блестѣть окнами, горящими пурпурами и золотомъ при лучахъ восходящаго солнца. Она вошла въ этотъ сосудъ и исчезла, какъ песчинка, увлеченная движеніемъ песочныхъ часовъ.

Въ то же самое время, Лукáшъ, кладбищенскій сторожъ, послѣ короткаго разговора съ женой, приблизился къ маленькому окошку, оправленному въ полусгнившую раму, развернулъ смятый листъ бумаги и не безъ труда, по̀ складамъ, прочелъ:

«Лѣта 18... въ приходской тарговской церкви окрещенъ младенецъ мужскаго пола, рожденный отъ Розаліи Клиновой, крестьянки, и неизвѣстнаго отца. Имя ему дано Сильвестръ».

II.

Первая сцена, которую Сильвекъ впослѣдствіи ясно и обстоятельно помнилъ, была слѣдующая:

Въ одно весеннее утро онъ проснулся посреди кладбища на большой наклонной плитѣ бѣлаго мрамора. Босыя ноги опирались о выпуклые мраморные цвѣты, украшающіе памятникъ, а голова покоилась на табличѣ съ эпитафіей. Разсвѣтало. Воздухъ былъ прозраченъ, блѣдно-синяго цвѣта. Сѣрыя кладбищенскія деревья и

бѣлые памятники были молчаливы и неподвижны. Только иногда, внизу, тихо всплескивала рѣка, да отъ времени до времени пробѣгалъ холодный вѣтеръ, всколыхивалъ вѣтки деревьевъ и утихалъ... все вновь возвращалось къ полной тишинѣ и неподвижности.

Холодъ разбудилъ Сильвека; онъ потянулся, зѣвнулъ и закинулъ полунагія руки за голову съ цѣлою копною черныхъ, кудрявыхъ волосъ. Съ поднятымъ къ небу лицомъ онъ слѣдилъ за маленькими облачками: вотъ изъ синеватыхъ они стали желтоватыми, вотъ слегка позлащенный дымъ началъ складываться въ различныя фигуры подъ сводомъ, все болѣе синѣющимъ. Его забавляла эта воздушная игра красокъ и линій; онъ присматривался внимательно и весело. По блѣднымъ, тонкимъ губамъ пробѣгала улыбка, маленькія босыя ноги выбивали тактъ на холодной и твердой мраморной плитѣ. Вдругъ, почти надъ самой его головой, пролетѣла сѣрая птичка, юркнула въ вѣтви плакучей березы, зашуршала ими и сѣла на одну изъ нихъ такъ, что молодые листья коснулись лба мальчика и облили его крупными каплями росы. Сильвекъ громко разсмѣялся. Въ ту же минуту, на краю горизонта выплылъ огромный огненный дискъ солнца. Цѣлый дождь раскаленныхъ искръ брызнулъ между кладбищенскими деревьями. По темнымъ могиламъ, по бѣлымъ памятникамъ поплыли золотыя и розовыя струйки, и цѣлая волна свѣта подкатилась къ подножію плакучихъ березъ, объяла мраморную плиту и лежащаго ребенка, который улыбался висящей надъ его головой на серебрянной вѣткѣ птицѣ. Это была минута невыразимаго восторга для Сильвека. Прежде всего его иззябшіе отъ ночнаго холода и мрамора маленькіе члены насквозь проникались живительнымъ солнечнымъ теплomъ. Собственно говоря, ему ужь не въ первый разъ приходилось засыпать подъ открытымъ небомъ на каменной постели, но при какихъ условіяхъ происходило его пробужденіе, онъ до сихъ поръ не зналъ. У него еще не было яснаго воспоминанія о прошедшемъ. Теперь, въ первый разъ онъ почувствовалъ присутствіе тѣла, отогрѣвающагося послѣ долгаго холода, и почувствовалъ съ силою, свойственной страстной натурѣ. Онъ вытянулся во весь ростъ, протянулъ ноги за гирлянду мраморныхъ розъ, которая шла вѣнкомъ по краямъ плиты, и широко раскинулъ худыя, точно изъ темной бронзы, руки. Однако, кромѣ чисто физическаго наслажденія, онъ испытывалъ нѣчто другое, что было ему какъ будто знакомо раньше, но что только

теперь является для него сознательнымъ, что онъ могъ бы назвать, хотя вовсе не думалъ о названіи. Это былъ восторгъ, восхищеніе. Первая вибрація той струны, которою не каждый организмъ и не въ равной степени обладаетъ, началась въ моментъ, когда Сильвекъ наблюдалъ, какъ синяя предразсвѣтная мгла сгущается въ желтыя, золотистыя, пурпуровыя облачка. Теперь, при солнечномъ освѣщеніи, предъ нимъ развернулась картина съ громаднымъ количествомъ деталей,—картина, которую мать-природа рисуетъ во всякомъ уголкѣ своего царства. Кладбище являлось заколдованнымъ мѣстомъ, но края наполненнымъ прелестью и кипящимъ жизнью. Сильвекъ не различалъ подробностей картины и не останавливался ни на одной изъ нихъ. Онъ смотрѣлъ на все. Смотрѣлъ сначала съ улыбкой, потомъ со вниманіемъ; какъ другія дѣти въ его года забавляются блестящими погремушками, такъ онъ забавлялся прелестью природы. Глядя на идущія надъ нимъ облака, онъ вытягивалъ руки кверху и на половину со смѣхомъ, на половину съ гнѣвомъ шепталъ: «Убѣгаютъ! убѣгаютъ! убѣгаютъ!» Самымъ тонкимъ чувствомъ его былъ слухъ. Когда въ первый разъ поверхъ глухаго шума утра всплыла и потекла грустная мелодія городскихъ колоколовъ. Сильвекъ вскочилъ, сѣлъ, оперся локтемъ о колѣно, положилъ голову на ладонь и началъ слушать. Плывущая по воздуху мелодія возбуждала въ его полунагой груди цѣлую гамму ощущеній, совершенно непонятныхъ, но наполнявшихъ его и болью, и восторгомъ. Въ этомъ чувствѣ опытный психологъ различилъ бы два элемента: грусти и гнѣва. Отчего Сильвекъ грустилъ, на что гнѣвался? Онъ самъ даже не зналъ, что грустить и гнѣвается, а если бы догадался, то не съумѣлъ бы указать на причину своей грусти, на предметъ гнѣва. Но, все-таки, чувство, возбуждаемое въ немъ мелодіею колоколовъ, не было ничѣмъ инымъ, какъ только грустью и гнѣвомъ. Онъ заслушался, нахмурился и жалобно вздохнулъ: «Ой, Боже мой, Боже!» Но когда зазвонили сильнѣе, когда вѣтеръ подулъ въ сторону кладбища и ударилъ цѣлымъ летучимъ аккордомъ, Сильвекъ приподнялъ голову, сжалъ обѣ руки и, потрясая ими въ воздухѣ, крикнулъ: «А, чтобы васъ черти побрали, чтобы земля подъ вами разступилась! Провалиться бы вамъ!» Черныя брови его слились подъ бронзовымъ лбомъ, глаза метали искры.

Въ это время послышался крикъ громкій, гнѣвный. Кричала женщина.

— Сильвекъ! Сильвекъ! Сильвекъ!

Углубленный въ воздушную музыку, занятый своими наблюденіями, Сильвекъ не слыхалъ зова.

— Сильвекъ! Сильвекъ! Сильвекъ! —все раздавался крикъ. Вотъ онъ ближе и ближе, и, наконецъ, мальчикъ очутился въ твердыхъ и сильныхъ рукахъ, которыя стиснули его какъ желѣзные обручи и унесли съ мраморной плиты. Надъ его лицомъ наклонилось женское лицо, большое, желтое, съ маленькими, глубокими, блестящими злобою глазами. На морщинистый лобъ изъ-подъ грязнаго платка падала прядь сѣрыхъ волосъ. Ласковый шумъ деревьевъ и меланхолическая музыка колоколовъ заглушили въ ушахъ у Сильвека градъ брани и ругательствъ.

— Молоко! молоко! —кричала женщина.—гдѣ молоко, что я вчера поставила въ горшкѣ за печкой? Вылакалъ его, воришка, негодяй, подкидышъ ты эдакій! До дна, до остатка, до капли вылакалъ молоко! А намъ теперь постную пищу ѣсть и даже и той приправы, что я на послѣдній грошъ купила, нѣту! Подожди! Вотъ только притащу тебя домой! Будетъ тебѣ молоко!

Ея пальцы впивались въ тѣло Сильвека, изъ задыхающейся груди вырывалась хриплое дыханіе, лицо горѣло. Несмотря на то, что она почти задыхалась, ребенка не выпускала и шла съ нимъ стежками кладбища, минуя могилы.

Въ избѣ горѣлъ огонь въ печкѣ; близъ нея лежала полѣнница неровно нарубленныхъ дровъ. Анастазія вошла въ избу, поставила Сильвека на земь и упала на скамью, тяжко и глубоко дыша. Не имѣя возможности нѣкоторое время ни дышать, ни двигаться, она свирѣпо поглядывала горящими глазами на мальчика, который присѣлъ на земь, подперъ подбородокъ ладонями и безсмысленно поглядывалъ на огонь. Женщина отдохнула немного, вскочила съ лавки, схватила Сильвека и поставила его на колѣни на полѣнницѣ.

— Стой,—крикнула она,—стой тутъ цѣлый день, до вечера! Встать не позволю и ѣсть не дамъ! Пусть тебѣ полѣнья ноги поломаютъ! Съ голоду пропади!

Сильвекъ покорился не вслѣдствіе сознанія своей вины, а изъ боязни, смѣшанной съ глухой злобой. Еслибъ Анастазія захотѣла его убить теперь, то онъ и тогда не сказалъ бы ни слова. Отворачивая голову, онъ упорно смотрѣлъ въ огонь; это его, наконецъ, начало занимать. Но дѣло продолжалось недолго. Шаткій пьедесталъ подъ ребенкомъ, облитымъ горячимъ свѣтомъ пламени, началъ расшатываться. Полѣнья раздвигались. Ничего

не говоря, не спуская глазъ съ огня, Сильвекъ старался сохранить равновѣсіе. Платье его было прорвано; острыя щепки безпрепятственно проникали въ тѣло. Вдругъ все рухнуло, полѣнья распались въ разныя стороны и Сильвекъ упалъ прямо лицомъ.

— О, чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться,—крикнула Анастазія,—поднимайся сейчасъ и становись вновь!

Онъ поднялся и сталъ опять. Нѣсколько капель крови показалось на пораненномъ вискѣ. Его колѣни, опирающіяся на острый край полѣна, дрожали; на поблѣднѣвшемъ, понуромъ лицѣ виднѣлась мука. Подъ окнами дома раздались поспѣшныя шаги и въ избу вошелъ сухой и сгорбленный старикъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и остаткомъ рыжеватыхъ, съ просѣдью волосъ, торчащихъ на полу-лысой головѣ. Громко отпирая двери, онъ воскликнулъ:

— Съ покойникомъ, Настя, съ покойникомъ!

— Съ покойникомъ? А ты почемъ знаешь? Не врешь?

— Вотъ тебѣ на! А зачѣмъ бы я сталъ обманывать и тебя, и себя? Какъ ударили въ колоколъ, я побѣжалъ въ городъ и столкнулся съ Амброзомъ. Ночной сторожъ знаетъ все, что по волѣ Божіей, дѣлалось съ людьми ночью. Умеръ кто-нибудь? спрашиваю.—А ты оглохъ, что ли? говоритъ. Слышишь звонятъ.—А гдѣ смерть прошла?—Склеповой улицей, говорятъ, зашла въ богатый каменный домъ и подкосила купца. Когда онъ кончался, я подъ его окнами заставилъ играть мою трещетку, а онъ, должно быть, думалъ, что это смерть надъ его ухомъ костями погромыхиваетъ! Ха, ха, ха!

Лукàшъ долго и весело смѣялся остротѣ своего пріятеля, ночнаго сторожа.

— Да, будетъ пожива, Настя, будетъ... и хорошая! Покойный оставилъ жену и дѣтей, взрослыхъ уже. Посмотри только, какъ начнется рытье могилы, постановка памятника!... А безъ кладбищенскаго сторожа ничего не обойдется, ничего, ничего! Меня обо всемъ должны просить, потому что я тутъ господинъ... Это мое удѣльное царство, моя аренда, моя казна...

И старикъ, взявшись за бока, пустился въ плясъ и запѣлъ, притопывая дырявыми сапогами:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она,
Пусть гремитъ своей трещеткой...

Вдругъ его взоръ упалъ на ребенка, все остающагося въ прежнемъ положеніи. Лукàшъ остановился и пересталъ пѣть

— А это что такое? За что ты его, Настя, поставила на колѣни? И на обрубкѣ! Ай, ай! отличная подушка! Такъ и кости поломать можно! Что ты надѣлалъ, бездѣльникъ? А? Можетъ быть, дерзко отвѣчалъ своей пріемной матери и благодѣтельницѣ, или, какъ намедни, повытаскалъ изъ печки картофель и съѣлъ? Ха, ха, ха! Ловкій изъ тебя выйдетъ плутъ!

— Смѣйся, смѣйся еще!—заворчала Анастазія, но ужь съ меньшимъ озлобленіемъ,—тебѣ все смѣхъ, а мнѣ только горе и заботы! Молоко выпилъ,—понимаешь ты?—все вытянулъ изъ крынки! Еще вчера выпилъ и убѣжалъ изъ хаты ночевать на мосткахъ. Неравно, когда-нибудь и околѣетъ тамъ, и намъ же его хоронить придется.

— Молоко выпилъ!—протяжно повторилъ Лукашъ, — а, а, молоко выпилъ изъ крынки! Значитъ укралъ, снова укралъ! Тогда картофель, вчера молоко! Нехорошо, очень нехорошо, Сильвекъ! Божья заповѣдь: не укради! Я, вѣдь, тебя научилъ 10-ти заповѣдямъ! Ну, въ наказаніе повтори ихъ! Азъ есмь. Господь Богъ твой... Ну, говори дальше...

— Азъ есмь Господь Богъ твой и не будутъ тебѣ...—зачастилъ дрожащій, дѣтскій, тоненькій голосокъ. Отъ долгаго и неудобнаго стоянья, колѣни Сильвека почти онѣмѣли, щека, раненная щепкой, болѣла... Прежній стоицизмъ его началъ быстро таять, глаза наполнились слезами. Лукашъ съ скрещенными руками сталъ передъ нимъ и самымъ грознымъ тономъ, на какой только былъ способенъ его жидкій голосъ, повторялъ:

— Ну, говори дальше.

Сильвекъ читалъ десять заповѣдей такъ, какъ будто бы, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, долженъ придти конецъ его муки. На словахъ: не укради! Лукашъ остановилъ его.

— А! вотъ видишь, — не укради! Всемогущій Господь, Творецъ нашъ, сказалъ Моисею на Синайской горѣ: не укради! А ты укралъ молоко... Для чего ты укралъ? Почему согрѣшилъ?

Глаза ребенка сразу высохли и блеснули вовсе ужь не дѣтскимъ огнемъ.

— Я былъ голоденъ!—крикнулъ онъ.

Руки Лукаша, протянутыя, съ выразительнымъ жестомъ, упали, голова грустно опустилась на грудь. Онъ замолчалъ на минуту.

— Былъ голоденъ! Укралъ только потому, что былъ голоденъ! Настя, вѣдь, это резонно! Голодъ—вещь скверная... Когда брюхо пусто, то и въ голову начинаютъ залѣзать разныя дур-

ныя мысли... Я ужь это отлично знаю на практикѣ! Хо, хо! Боже мой! сколько разъ бывалъ я голоденъ во время своего земнаго странствованія.

— А, все-таки, воромъ не былъ, хотя и голодалъ,—отозвалась Анастазія, оставляя мѣшать въ горшкѣ. Лукашъ ничего не отвѣчалъ. Сѣдыя брови его нахмурились, глаза опустились внизъ, а клочекъ взъерошенныхъ волосъ теперь казался еще болѣе взъерошеннымъ. Долго молчалъ онъ, наконецъ, сразу поднялъ голову и выпрямился.

— Настя!—сказалъ онъ,—прости ты этому негодяю его вину! И остави намъ долги наши, яко же и мы... Пусть встанетъ себѣ и сядетъ по-человѣчески! Голоденъ былъ... ну, и укралъ.

Анастазія все это время возилась около печки со своими горшками. Перспектива ли хорошаго заработка благопріятно подѣйствовала на расположенія ея духа, или гнѣвъ ея излился въ первыя же минуты, она равнодушно взглянула въ сторону Сильвека и разрѣшила ему встать.

Сильвекъ тяжело поднялся, но тотчасъ же и опустился на земь, у печки. Пораненныя и наболѣвшія ноги не въ состояніи были удержать маленькаго туловища.

Анастазія налила двѣ миски крупяной каши съ картофелемъ и легкими признаками солонины, поставила ихъ на столъ, затѣмъ наполнила до верху меньшую миску и подсунула ее къ печкѣ, поближе къ Сильвеку.

Она принялась было за ложку, но потомъ обратилась къ мальчику, жадно поглощавшему неприхотливую пищу:

— Можетъ, тебѣ ещ еположить картофелю?... А?... Картофелю хочешь?

Не дожидаясь отвѣта, она встала, зачерпнула изъ горшка и выложила нѣсколько картофелинъ въ миску Сильвека.

— Коли есть, то и тебѣ даютъ,—пробормотала она,—а если всѣ голодаютъ, голодай и ты! Что тутъ много разговаривать! У насъ такъ: одинъ день всего много, другой — ничего нѣтъ! Я, что ли, тутъ виновата?

Она смочила холодной водой какую-то тряпочку и обмыла оцарапанную щеку Сильвека. И теперь, при ласковомъ, нѣжномъ прикосновеніи большой, грубой руки, мальчикъ оставался такимъ же равнодушнымъ, безучастнымъ, какъ и раньше, когда тѣ же самыя руки стискивали его, какъ клещами, и, наконецъ, бросили на кучу дровъ. Сильвекъ принялъ обычную свою позу, оперся

локтями на колѣна, закрылъ лицо ладонями и началъ покачиваться вправо и влѣво, иногда жалобно вздыхая: «ой. Боже ты мой, Боже!» Таково было первое ясное воспоминаніе Сильвека.

Въ то время ему было пять лѣтъ.

Вскорѣ произошло событіе, оставившее болѣе твердые слѣды въ его памяти.

То было въ снѣжный, зимній вечеръ, на другой день послѣ похоронъ одного богатаго жителя города.

У Луки́ша были деньги; устраивался балъ. При свѣтѣ одной сальной свѣчки, горящей на столѣ, и яркаго огня въ печкѣ, на скамьяхъ и табуретахъ сидѣло нѣсколько мужчинъ, съ за горѣлыми лицами, въ оборванныхъ, грязныхъ одеждахъ; всѣ пили пиво и закусывали чернымъ хлѣбомъ и твердымъ сыромъ. У печки Анастазія, злая и печальная, какою бывала обыкновенно во время пиршествъ мужа, мѣсила муку на галушки и жарила солонину на таганѣ. За столомъ велась оживленная, но приличная бесѣда: у Луки́ша люди ѣли и пили, но никогда не напивались. Этаго не дозволяло близкое присутствіе кладбища, всегда возбуждающаго нѣкоторый страхъ и уваженіе, не дозволяло самое положеніе кладбищенскаго сторожа, состоящаго подъ контролемъ церковныхъ властей, а прежде всего не допускала Анастазія, которая при одномъ намекѣ на водку обошлась бы и съ гостями, и съ мужемъ со свойственной ей безцеремонностью. Наконецъ, жители убогой части города, отдѣленной отъ кладбища только небольшимъ выгономъ, совершенно искренно утверждали, что посѣщаютъ кладбищенскаго сторожа не столько ради ожидающаго ихъ угощенія, сколько для удовольствія насладиться умными рѣчами хозяина. А Луки́шъ порядочно изъѣздилъ на своемъ вѣку, много любопытныхъ вещей видѣлъ, умѣлъ пѣть пѣсни, и даже сочинять ихъ. Въ его замѣчаніяхъ, въ его пѣсняхъ было нѣчто, что льстило самолюбію и будило затаенныя стремленія такихъ людей, какъ угрюмый, бородатый Амброзъ, ночной сторожъ; старый и сѣдой Якубъ, бывшій плотникъ, нынѣ пильщикъ; блѣдный, высокій Антосекъ, работникъ огородника; Янекъ, каменщикъ, вѣчно сидящій безъ работы, и т. п. Въ городѣ съ ними всякое бывало, но тутъ они были трезвы и только отъ времени до времени какая-нибудь шутка или пѣсня хозяина вызывала залпы веселаго хохота.

Въ одну изъ такихъ-то минутъ общаго веселья, двери отворились и на порогѣ показался человѣкъ, никому изъ присут-

ствующихъ незнакомый. Это былъ низенькій, худой человѣчекъ, въ бараньемъ полушубкѣ, толстыхъ, высокихъ по колѣна сапогахъ и бараньей же шапкѣ. За плечами у него виднѣлась большая котомка, а въ рукахъ продолговатый футляръ, старательно закутанный въ клеенку.

— Покой этому дому!—сказалъ онъ на порогѣ.

Всѣ повернулись къ нему лицомъ.

— Покой простымъ и добрымъ людямъ, веселящимся въ невинности сердецъ своихъ!—прибавилъ еще пришедшій.

— Благодаримъ!—отвѣтили два голоса, а Лукашъ кривнулъ:

— Просимъ путника въ хату, просимъ! На дворѣ морозъ и вьюга. Войдите и отогрѣйтесь!

Анастазія, съ чумичкой въ рукѣ, пожирала глазами и пришельца, который, къ ея великому неудовольствію, увеличивалъ число тѣхъ, кого она называла «прихлебателями», и своего мужа, пригласившаго гостя.

— Благодарю васъ, гостепріимный и добрый человѣкъ,— отвѣтилъ путникъ, входя въ комнату,—я могъ бы пойти и въ городъ заночевать... но увидалъ веселый огонь въ вашихъ окнахъ, услыхалъ ваши веселые голоса и меня потянуло къ вамъ.

Онъ снялъ свою котомку, поставилъ на лавку продолговатый футляръ и, отряхнувъ съ себя снѣгъ, приблизился къ столу.

Трудно было сказать, молодъ ли онъ или старъ. Волосы его были свѣтлые, точно ленъ, высокій бѣлый лобъ изборожденъ сѣтью мелкихъ морщинокъ, глаза голубые, темносапфироваго цвѣта, съ невыразимо добрымъ, ласковымъ взглядомъ. Наконецъ, лицо, блѣдное, безъ признаковъ растительности, казалось и молодымъ, и старымъ въ одно и то же время.

— Я Шимонъ Кенпа *), деревенскій учитель по призванію. Мнѣ нѣтъ надобности утаивать передъ кѣмъ-нибудь мое имя. Ничего дурнаго я никогда и никому не сдѣлалъ; напротивъ, стремлюсь, по мѣрѣ моихъ силъ, служить человѣчеству, въ особенности тѣмъ изъ его членовъ, которые проводятъ жизнь въ простотѣ, незнаніи и незаслуженныхъ мученіяхъ. Я люблю человѣчество, но преимущественно люблю униженныхъ, оскорбленныхъ и обиженныхъ. Люблю и васъ, братья мои, хотя въ первый разъ сталкиваюсь съ вами. Позвольте мнѣ присоединиться къ вашему кружку; я не замараю его ни словомъ, ни дѣломъ.

*) Въ данномъ случаѣ *N* въ фамиліи Кенпа произносится въ носъ, какъ французское n.

Всѣ присутствующіе слушали, разинувъ ротъ; даже Анастазія, и та что-то проворчала одобрительное.

Какъ говоритъ! Точно по книжкѣ читаетъ!

Вылѣзъ и Сильвекъ изъ какого-то темнаго угла, въ которомъ дотолѣ невидимо присутствовалъ, перешелъ въ другой уголъ, поближе къ столу, и жадно устремилъ свои черные, огненные, быстрые глаза на новаго гостя.

Лукашъ пришелъ въ полнѣйшій восторгъ. Появился новый человѣкъ—товарищъ по кружкѣ и по бесѣдѣ, и въ добавокъ человѣкъ разсудительный и краснорѣчивый. Гости раздѣляли вполнѣ чувство хозяина; умная рѣчь среди нихъ высоко цѣнилась.

Всѣ поспѣшно подвинулись и дали мѣсто вновь прибывшему. Тотъ сѣлъ, и хозяинъ, еле сдерживая свое любопытство, началъ его разспрашивать:

— Откуда Богъ несетъ? Издалека навѣрно?

— Нельзя сказать, чтобъ издалека; для меня, привыкшаго къ пѣшимъ путешествіямъ, пройти пятнадцать миль, оглядывая окружности, удивляясь всюду разсѣянными прелестями природы, заходя подъ скромныя кровли, чтобы подѣлиться съ простыми и добрыми людьми хлѣбомъ и бесѣдой—одно наслажденіе и наука. Да, наука, потому что, братья мои, учиться мы должны всѣ и всегда, учиться всему, а въ особенности любви, той взаимной любви, которая все понимаетъ, все прощаетъ, всѣмъ дѣлится и когда-нибудь обратитъ въ рай всю землю.

Онъ замолчалъ. Голубые глаза его засверкали, на губахъ появилась восторженная улыбка. Кто-то вздохнулъ глубоко и протяжно, какъ вздыхаютъ въ церкви послѣ цвѣтистой проповѣди ксендза. Лукашъ моргалъ отъ великаго удовольствія.

— Такъ-то такъ,—заговорилъ онъ,—когда-нибудь, можетъ быть, и лучше будетъ на свѣтѣ, а теперь нужно употреблять всѣ усилія, чтобы прогонять горе и тоску кружкой и веселой пѣсней. Когда Христосъ появится на облакахъ и раздѣлитъ людей на овецъ и козлищъ, кто знаетъ, куда мы попадемъ? Что сегодня, то наше.

— Козлища,—отвѣтилъ Кенна,—это богатые себялюбцы, люди съ затвердѣлыми сердцами, тѣ, которые не только ничего не дѣлаютъ для приближенія минуты воцаренія царства небеснаго на землѣ, но, напротивъ, еще отдаляютъ ее своими грѣхами и злодѣяніями. Овцы, братья, мы, то-есть избранные и благословенные; это вы—трудящіеся въ потѣ лица своего, несущіе крестъ

свой со смиреніемъ; вы—съ чистыми сердцами, да я, который своимъ сердцемъ почувствовалъ, что великая минута будущаго близка и проповѣдую это малымъ, дабы они, узнавъ про то, съ умомъ бы шли къ нему на встрѣчу.

Онъ приложилъ руку къ сердцу. Лицо его сіяло гордой радостью. Слушатели были взволнованы потокомъ словъ, которыя казались имъ и привлекательными, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивляли ихъ. Какъ бы для облегченія, Антосекъ, рабочій огородника, проведшій молодые годы въ деревнѣ, спросилъ:

— А каковъ урожай въ деревняхъ, панъ путникъ? Хороши ли зеленя показались осенью? А то этою зимою хлѣбъ вздорожалъ. Говорятъ, что въ прошломъ году жито погнило подъ ранними снѣгами; какъ бы того же не случилось и въ нынѣшнемъ.

— Урожай, — отвѣтилъ Кенна,—кажется, будетъ не такъ плохъ, какъ въ прошломъ году. Зеленя были хороши, снѣгъ пошелъ во время, упалъ на замерзшую землю... и гдѣ хорошее хозяйство, тамъ и хлѣба будетъ вдосталь. Жаль только, что хозяйства-то не вездѣ хороши, дурныхъ даже больше, чѣмъ хорошихъ. Люди не покорили еще всѣхъ силъ природы, не овладѣли еще всѣми ея богатствами; наконецъ, обрабатывать поле — трудъ не легкій, хотя и онъ со временемъ будетъ снятъ съ людскихъ плечъ.

— Какъ!—воскликнулъ Лукашъ, который весь обратился въ слухъ.—какъ! Люди не будутъ обрабатывать землю? Ни пахать, ни сѣять, ни жать? Какъ же это... само собой...

— Не само собой, добрый человѣкъ, но при помощи машинъ, которыя будутъ придуманы сердцами, горящими любовью къ ближнимъ. Машины все будутъ дѣлать... начало мы уже видимъ, но конецъ далекъ еще, далекъ... При концѣ дѣла земной шаръ будетъ представлять видъ сада—нивы съ роскошными хлѣбами, деревья, гнущіяся подъ тяжестью плодовъ, цвѣты райской красоты и благоуханія... Пустынь, безплодныхъ песковъ, болотъ на всей поверхности земли не останется ни пяди. Нигдѣ не будетъ также ни жаровъ, ни морозовъ, ни снѣговъ, ни проливныхъ дождей и засухи, — надо всей землей воцарится вѣчное тепло, умѣряемое теплыми вѣтрами и живительною влагой чистыхъ, какъ кристалъ, источниковъ, которые серебристою сѣтью опояшутъ нивы, цвѣтники и бѣлыя фермы, — тихія пристанища любви, добродѣтели и покоя.

Теперь восторгъ слушателей достигъ высшаго предѣла. Передъ ихъ глазами разстилалась картина, сверкающая самыми привле-

кательными красками. Въ особенности имъ понравились бѣлые домики, стоящіе среди фруктовыхъ деревьевъ.

— Простите за безпокойство,—тихимъ и глубоко-почтительнымъ голосомъ спросилъ Амброзъ. ночной стражъ. — какъ же это... неужели все... машины могутъ сдѣлать?

— Все это, братьи мои, совершитъ любовь, которая, поселившись въ сердцахъ людей. творитъ чудеса.

— Эхъ!—крякнулъ старый Янубъ,—еслибъ эта любовь поскорѣй поселилась въ людскія сердца! Тогда ужъ ненужно было бы таскать пилу на старой спинѣ и по цѣлымъ днямъ торчать на площадяхъ въ ожиданіи работы. Но, панъ мой, Господь Іисусъ Христосъ давно уже завѣщалъ людямъ. чтобы они любили другъ друга, однако, они не слушаются... и что сдѣлаешь съ ними?

Путешественникъ выпрямился. глаза его засверкали.

— Что дѣлать?—крикнулъ онъ, — учить! проповѣдывать! умолять! взывать! согрѣвать остывшія сердца! будить сонныхъ! громить упрямыхъ!

Лукашъ сіялъ Злобная усмѣшка пробѣгала по его губамъ.

— Вотъ именно, вотъ!—закричалъ и онъ.—Громить. громить! Пусть ихъ смерть громитъ. Я всегда пою:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она.
Пусть громитъ своей трещеткой

тѣхъ, что задираютъ носы кверху, а передъ тобой падаютъ во прахъ, какъ слабыя творенія Всемогущаго. Которому подобаетъ хвала во вѣки вѣковъ. Аминь.

Анастазія поставила по серединѣ стола большую дымящуюся миску, всѣмъ роздала деревянныя ложки, а передъ Шимономъ Кенной поставила фаянсовую выщербленную тарелку.

— Возьмите себѣ изъ миски и кушайте,—предложила она. Гость вскочилъ съ мѣста. схватилъ обѣими руками толстую руку хозяйки и почтительно поцѣловалъ.

— О, Матерь Божія!—вскрикнула Анастазія.—что я святая икона или большая барыня, что вы мнѣ руки цѣлуете?

— Никогда,—отвѣтилъ Кенна, выпрямляясь,—никогда голова моя покорно не преклонялась передъ сильными свѣта. Вашу руку я поцѣловалъ не потому. что вы большая барыня. а добрая и мудрая женщина, строго блюдущая чистоту домашняго очага.

Анастазія долго всматривалась въ него широко открытыми глазами, затѣмъ пошла къ «домашнему очагу». сплюнула и

тихо проговорила: «Господи Боже мой, врешь какъ! А языкъ-то, точно цѣпъ, такъ и болтается! Сумасшедшій, что ли?..»

Кенпа тѣмъ временемъ оттолкнулъ свою фаянсовую тарелку и попросилъ позволенія хлѣбать изъ общей миски. Конечно, всѣ головы наклонились въ знакъ согласія, всѣ головы хоромъ заявили о своемъ удовольствіи.

— Мы сочтемъ это за честь,—важно прибавилъ Лукашъ.— Панъ Кенпа весьма ученый человѣкъ, и хотя всѣ равны предъ лицомъ Всемогущаго Отца...

— О, да!—съ энтузіазмомъ воскликнулъ Кенпа, — да! да! Всѣ мы равны между собою: простые и ученые, всѣ мы, братья, вышли изъ лона одной природы. Я ничѣмъ не хочу отличаться отъ моей братіи, ни головой возвышаться надъ нею, ни ѣсть съ роскошной посуды...

Богу только одному извѣстно, какъ мало походила выщербленная фаянсовая тарелка на символъ великолѣпія. Тѣмъ не менѣе, Кенпа отодвинулъ ее отъ себя и полѣзъ своею деревянною ложкой въ общую чашку. Всѣ ѣли и, какъ это бываетъ съ людьми, рѣдко утоляющими свой голодъ вкусной пищей, мало-помалу приходили въ лучшее расположеніе духа.

— Ну, и галушки пани Лукашовой... ну, галушки!—тономъ высокаго восхищенія проговорилъ Амброзъ.

— Моя покойница тоже хорошая хозяйка была, а, однако, ей такія галушки и во снѣ бы не приснились!—подтвердилъ старый Якубъ и, отирая ладонью длинные, сѣдые усы, со смѣхомъ добавилъ:—вотъ еслибъ каждый день такъ ѣсть, то можно сразу два сажня дровъ напилить.

— А если такой галушкой кого-нибудь въ лобъ угодить, то прямо на смерть убьешь! Ей-Богу!—еле проговорилъ полнымъ ртомъ Антосекъ.

Только одинъ Лукашъ не терялъ времени на пустые разговоры.

— Панъ Кенпа!—сказалъ онъ.—а когда наступитъ золотое время?

Онъ дожевалъ пищу и закончилъ:

— Когда машины будутъ все дѣлать за людей, а земля обратится въ райскій садъ?

Кенпа пересталъ ѣсть и отвѣчалъ:

— То время, добрый человѣкъ, наступитъ тогда, когда на землѣ будетъ больше людей любви, жертвы и отреченія, людей, которые, какъ я, все человѣчество носятъ въ своемъ сердцѣ.

— А какъ же сдѣлать, чтобы эти люди поскорѣй народились на свѣтъ?—нѣсколько шутливо и недовѣрчиво поинтересовался Якубъ.

Таинственная улыбка пробѣжала по устамъ Кенпы.

— Нужно, чтобы мы всѣ работали для этого,—отвѣтилъ онъ.— Я работаю... Вотъ сколько лѣтъ я пишу сочиненіе. а когда окончу его, люди посмотрятъ на свѣтъ, на самихъ себя и на идеалы человѣчества. какъ слѣпые, которымъ открыли глаза. Мое сочиненіе сниметъ завѣсу съ ихъ глазъ, покажетъ что дѣлать они могутъ, а не дѣлаютъ, какія сокровища лежатъ у нихъ подъ руками и какъ они лѣниво протягиваютъ къ нимъ руки! Мое сочиненіе будетъ провозвѣстникомъ новой эры для свѣта...

Всѣ съ глубокимъ изумленіемъ смотрѣли на говорящаго: въ первый разъ имъ удалось видѣть воочію человѣка, пишущаго книжки.

— Панъ Кенпа сочинитель, — въ видѣ объясненія сказалъ Лукашъ.—Какимъ же должны быть вы ученымъ! Я думаю, не одну тысячу книжекъ прочитали...

— Прочиталъ! Да, я много читалъ въ моей молодости, — сказалъ Кенпа,—но теперь читаю только въ собственномъ сердцѣ и списываю то, что въ немъ написано.

— Ваше сердце! О, золотое то сердце, которое дѣлаетъ человѣка такимъ разумнымъ, что онъ и книжки писать можетъ!— восторженно воскликнулъ Лукашъ, и тутъ же прибавилъ:—а почему же вы не кушаете и ложку свою бросили? Или галушки вамъ не нравятся?

— Напротивъ, напротивъ,— поспѣшилъ гость,—онѣ черезъчуръ вкусны, чтобъ я имѣлъ право много съѣсть ихъ! Съ самаго ранняго дѣтства я рѣшилъ не потворствовать слабостямъ своего тѣла. Когда мнѣ что-нибудь очень нравилось, я или совсѣмъ не ѣлъ ничего, или ѣлъ очень мало, а аппетитъ удовлетворялъ чѣмъ попало... Да къ тому же теперь, благодаря вамъ, гостепріимные хозяева, я не голоденъ.

Онъ говорилъ неправду; иначе зачѣмъ бы ему такъ жадно посматривать на дымящуюся чашку, зачѣмъ глотать такіе большіе куски ржанаго хлѣба? Лукашъ еле вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Не ѣсть вкусной пищи, когда она стоитъ на столѣ, это, извините,—величайшая глупость! Во-первыхъ, потому, что она не всегда къ нашимъ услугамъ; во-вторыхъ, ею надо пользоваться... Ха ха, ха! Ну, хоть пивомъ запейте сухой хлѣбъ.

Кенпа отказался.

— Я ничего не пью хмѣльнаго и никогда не пилъ.

Удивленіе и уваженіе Лукаша, кажется, начинало переходить въ иронію.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—желалъ бы я, чтобъ съ вами не было того же, какъ съ тѣмъ, о которомъ, говорятъ, было написано на памятникѣ послѣ его смерти: «не наѣлся ты, не напился; если не будешь въ раю, — значитъ много глупостей надѣлалъ!» Ха, ха, ха!

Кенпа не отвѣчалъ. Съ момента, когда онъ упомянулъ о своемъ сочиненіи, онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Наконецъ, онъ пробудился, обвелъ взоромъ вокругъ и спросилъ:

— Чѣмъ я заплачу вамъ, добрые люди, за ласковый пріемъ, за мѣсто у вашего стола, за хлѣбъ и за соль? Я обидѣлъ бы васъ, еслибъ, взамѣнъ этихъ даровъ, далъ бы вамъ деньги, которыхъ вы, вѣроятно, и не желаете...

— О, какъ еще желаемъ!—вполголоса отозвалась Анастазія, но Кенпа не слыхалъ ея голоса. Онъ всталъ и взялъ со скамейки свой футляръ.

— Отблагодарю васъ чѣмъ и какъ умѣю,—сказалъ онъ,— на минуту вознесу ваши души въ горнія сферы, укрѣплю ихъ высокими чувствами...

Онъ вытащилъ изъ футляра скрипку. Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ радости. Музыку они любили не меньше пышныхъ фразъ.

— Ого!—сказалъ кто-то,—и книжки пишетъ, и играть умѣетъ!

— А также и старую обувь чинить! — шутливо добавилъ Кенпа.—Я этому ремеслу научился еще въ дѣтствѣ отъ отца... Покойникъ былъ хорошимъ сапожникомъ, но потомъ ему какъ-то не повезло, вотъ онъ и давалъ мнѣ только чинить старую обувь... Я тоже дитя народа, братья мои. Вы знаете уже, кто мой отецъ. Мать живетъ и до сихъ поръ торгуетъ на Зеленомъ рынкѣ булками и зеленью.

— На Зеленомъ рынкѣ! Такъ вы родомъ изъ нашего города?

— Изъ вашего, дорогіе мои, изъ вашего! Только давно уже я тамъ не былъ.

Онъ повелъ смычкомъ по струнамъ. Всѣ примолкли, даже Анастазія прислонилась къ печкѣ съ скрещенными руками, ожидая чего-то.

Кенпа началъ играть. Сразу сильно ударилъ онъ по струнамъ

и вызвалъ цѣлый рой звуковъ, полу-веселыхъ, полу-печальныхъ, которые одно время перемѣшивались въ безпорядкѣ, плача и смѣясь, сталкивались, разъединялись для того, чтобъ потомъ потечь мѣрной чередой и соединиться въ одинъ, полный силы, гармоничный аккордъ. Изъ этого аккорда, точно нитка изъ клубка, начала выходить, чудная мелодія. Сначала она напоминала вальсъ, одно изъ тѣхъ музыкальныхъ произведеній, что въ наше время гремитъ по всему свѣту сверху до низу.—отъ сводовъ великолѣпной концертной залы до грязнаго двора, наполненнаго пискливыми звуками скрипки бродячаго музыканта. Вскорѣ, однако, всѣмъ извѣстная, избитая мелодія уступила мѣсто импровизаціи играющаго, импровизаціи отчаянія, горести, куда иногда врывались то звуки бѣшеной радости, безумнаго, дикаго веселья, то вновь все расплывалось въ широкихъ, ласкающихъ модуляціяхъ. Тамъ вопли горести переплетались со вздохами какой-то безотчетной надежды, тамъ гремѣли удары грома и слышались рыданія, тамъ крики и стоны таяли и преобразовывались въ тихій, любовный шопотъ. То не было исполненіе великаго маэстро, знатока дѣла, виртуоза: опытные слушатели не были бы восхищены имъ, но, пожалуй, на минуту и они забылись бы. То была импровизація геніальнаго самоучки, неправильная, но увлекающая игра сумасшедшаго, который, можетъ быть, потому и не сдѣлался извѣстностью, что былъ сумасшедшимъ. Слушатели въ избѣ кладбищенскаго сторожа наклонили свои густо обросшія лица къ столу, покрытому крошками хлѣба и облитаго пивомъ. На столѣ стояла еще опорожненная миска и мерцала вставленная въ бутылку сальная свѣча. Дальше, въ красноватомъ освѣщеніи догорающей печки, рисовалась толстая, неуклюжая фигура Анастазіи; еще дальше, за низенькой дверью, въ сосѣдней комнатѣ мерцала слабымъ огонькомъ лампадка передъ святымъ образомъ; отъ темнаго угла,—отъ того угла, гдѣ когда-то, въ раскаяніи и тревогѣ, стояла мать Сильвека, плыли порывистые, соединяющіеся гдѣ-то въ безбрежной безконечности звуки.

Долго игралъ Кенна; наконецъ, бросилъ. Онъ остановился на половинѣ такта, опустилъ внизъ руку со смычкомъ и тяжело вздохнулъ отъ усталости. Прошло нѣсколько секундъ, а изъ присутствующихъ никто не проронилъ ни звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія: всѣ точно окаменѣли. Въ комнатѣ воцарилась тишина.—впрочемъ, нѣтъ: откуда-то неслись подавленныя рыданія. Кто это плакалъ? Правда, глаза Антосека и Анастазіи были

мокры, но они не плакали. Рыданія доносились снизу, точно изъ-подъ земли.

— Да воскреснетъ Богъ!—перекрестилась Анастазія.

— Исчезни, сгинь, нечистая сила!—вскрикнулъ, сплевывая, Лукашъ.—Вы пробудили умершихъ своею музыкою. Вотъ они теперь пролѣзли, подземнымъ проходомъ, сюда подъ полъ и плачутъ!

— Кто плачетъ?—переспросилъ Кенпа, пробуждаясь отъ своего экстаза.—Кто тамъ плачетъ?—повторилъ онъ и побѣжалъ въ сторону, откуда слышались все болѣе и болѣе возрастающія рыданія. Онъ отодвинулъ скамью, оттолкнулъ столъ, наклонился, и когда выпрямился, присутствующіе увидали въ его объятіяхъ плачущаго Сильвека. Ребенокъ, съежившись въ углу, между стѣной и скамейкой, съ любопытствомъ прислушивался къ разговору за ужиномъ, а когда Кенпа заигралъ, глаза Сильвека загорѣлись, какъ раскаленные уголья, потомъ наполнились слезами. Онъ оставилъ свое мѣсто, залѣзъ подъ столъ и тамъ окончательно разрыдался. Пойманный и вытащенный на свѣтъ Кенпою, онъ вырывался изъ его объятій, стараясь высвободиться, и крѣпко прижималъ маленькія, худыя рученки къ заплаканному лицу.

— Посмотрите, господа!—кричала Анастазія,—это тотъ негодяй плакалъ тамъ подъ столомъ. Погоди, задамъ я тебѣ! Я взяла тебя къ себѣ, чтобъ мнѣ самой веселѣй было, а ты...

— Ты не дала ему галушекъ,—замѣтилъ Лукашъ,—оттого онъ и плачетъ.

Кенпа, цѣлуя, прижалъ ребенка къ груди.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—вы ошибаетесь, добрые хозяева! Ребенокъ плакалъ не отъ голода, а отъ чувства. Моя музыка заставила звучать въ его груди какую-нибудь струну жалости или предчувствія. Звуки музыки представили его глазамъ какой-нибудь чудный, небесный образъ или, можетъ быть, неясною своею рѣчью повѣдали о будущихъ страданіяхъ и мукахъ... Я понимаю это, потому что въ дѣтствѣ самъ испытывалъ такія же впечатлѣнія... Очевидно, натура этого ребенка сходна съ моею — такая же пламенная, глубокая, избранная!...

Онъ сѣлъ на лавкѣ, посадилъ Сильвека на колѣни и ласково отнялъ его руки отъ лица.

— Какія прелестныя черты!—воскликнулъ онъ.—Какая правильность линій! Лицо это удивительно, удивительно напоминаетъ мнѣ какого-то знакомаго, скорѣе двухъ... Хозяйка, это вашъ ребенокъ?

Въ голосѣ Кенны слышалось нетерпѣливое любопытство. Анастазія, какъ всегда, при вопросѣ о происхожденіи Сильвека разразилась гнѣвомъ и жалобами.

— Мой ребенокъ! Мой ли это ребенокъ! Развѣ Всемогущій Господь далъ мнѣ эту радость и счастіе? Бездѣтна я, бездѣтна... А этотъ—подкидышъ, незаконнорожденный... Я взяла его отъ матери на воспитаніе года на два, на три. Она должна была платить за него... клялась, становилась на колѣни передъ образами, руки мнѣ цѣловала... Я смиловалась надъ этой потаскушкой—взяла, а она ушла, потуда ее и видѣли. Пропала, точно въ воду канула... Что-жь? Я на дворъ мальчишку не выкинула, на улицу не выгнала... воспитываю, кормлю, одѣваю, а все мнѣ радости отъ него никакой нѣтъ... Унылый какой-то, упрямый, хаты не любитъ, все по кладбищу таскается, да воруетъ!

Долго, долго она говорила еще на эту тему, все возвышая голосъ, хрипя и тяжко вздыхая. Одно и тоже въ ея рѣчи повторялось по многу разъ. Больше всего доставалось матери, которая взвалила на ея шею ребенка, а сама ушла и не показывается.

— А что будетъ съ нимъ?—продолжала она.—Мы съ Лукашемъ недолговѣчны, учить его намъ не на что, а сами мы не умѣемъ. Помремъ мы... а потомъ? Пойдетъ онъ побираться по міру и еще, сохрани Боже, разбойникомъ какимъ-нибудь сдѣлается... Несчастное твореніе, да и только!

Послѣднія слова она произнесла уже значительно мягче и, повернувшись лицомъ къ печкѣ, грустно покачала головой.

Кенна разсѣянно прислушивался къ рѣчамъ Анастазіи; онъ больше всматривался въ лицо Сильвека и повторялъ про себя безпрестанно:

— Удивительное сходство! удивительное, удивительное! Потомъ онъ внезапно просвѣтлѣлъ и съ глазами полными слезъ началъ цѣловать губы, лобъ и щеки ребенка.

— А!—прошепталъ онъ, вставая, — воспоминаніе... сонъ юности...

Гости тѣмъ временемъ начинали уже выходить изъ-за стола. Всѣ поочередно подходили къ Кеннѣ пожать его руку и поблагодарить за умную бесѣду, музыку и честь.

— Честь!—воспротивился Кенна, — о, нѣтъ, нѣтъ! Никогда этимъ словомъ, братья мои, не сквернite вашихъ чистыхъ устъ! Это слово людей богатыхъ и праздныхъ... О! я зналъ того, ко-

торый рисковалъ своею жизнью за честь женщины, а другую женщину погубилъ и повергъ въ бездну порока... Я братъ вамъ, равный вамъ, счастливъ уже тѣмъ, что вы меня полюбили, тѣмъ, что я могъ усладить хоть одну минуту вашей честной, трудовой жизни...

Понемногу всѣ разошлись.

— Переночуйте у насъ, панъ Кенпа,—сказалъ Лукашъ.

— Если позволите.

— Только, какъ же... замялась Анастазія, — гдѣ же панъ Кенпа спать будетъ? Развѣ мы съ Лукашемъ на лавкахъ, а...

— Ни за что!—закричалъ Кенпа, — я ни за что не согласишусь, чтобы вы пожертвовали для меня своей постелью. Я сосну или здѣсь на скамейкѣ, или на полу; мнѣ ничего и не нужно: котомку подъ голову, а полушубкомъ покроюсь...

Анастазія, все-таки, принесла ему какую-то тощую, какъ блинъ, подушку и старую, суконную сермягу. Черезъ нѣсколько минуть въ домѣ кладбищенскаго сторожа царилъ мракъ и тишина; только лампадка;—она днемъ и ночью горѣла передъ образомъ,—своимъ невѣрнымъ, мигающимъ свѣтомъ освѣщала комнату, въ которой раздавалось то громкое храпѣніе Лукаша, то тяжкій кашель Анастазіи. Кенпа не спалъ. Въ полночь онъ всталъ со скамейки, тихо подошелъ къ печкѣ, гдѣ на полу спалъ Сильвекъ, и провелъ спичкой по стѣнѣ. Спичка вспыхнула и освѣтила мальчика, спящаго на вязанкѣ соломы и прикрытаго сѣрымъ полотнянымъ мѣшкомъ. Мальчикъ спалъ навзничь, съ разгорѣвшимися щеками, съ обнаженными руками, закинутыми надъ растрепанной головой. Спичка погасла. Все вновь погрузилось въ темноту.

— Ея ли это ребенокъ?—прошепталъ Кенпа.—Неужели я нападу на ея слѣдъ!

Еле разсвѣтало, когда онъ вновь стоялъ надъ спящимъ Сильвекомъ. Въ старомъ домикѣ сторожа за ночь сдѣлалось очень холодно. Сильвекъ весь съежился въ комокъ отъ холода. При слабомъ свѣтѣ зимняго дня, на кускѣ сѣрой холстины, изъ-подъ которой выглядывала солома, онъ казался маленькимъ страдальцемъ.

— Хозяюшка!—обратился Кенпа къ Анастазіи, которая въ это время, позѣвывая и кашляя, вошла въ комнату.—хозяюшка!—прибавилъ онъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ.—скажите мнѣ, кто была мать этого ребенка? Какъ вы познакомились съ нею? Сколько времени прошло съ того дня?

Анастазія, застигнутая въ расплохъ, гнѣвно посмотрѣла на гостя и пошла къ печкѣ. По утрамъ она обыкновенно бывала не въ духѣ.

— Ахъ, да оставьте вы меня въ покоѣ съ подкидышемъ и его матерью! Охъ, ночью все мнѣ страшное снилось... Божье ли предзнаменованье, или еще что? Приснилось мнѣ, что будто мы съ Лукашемъ сидимъ на церковныхъ ступеняхъ и просимъ милостыню, а Ежевичъ со своей женой идутъ мимо насъ, смѣются... издѣваются... О, не дай Богъ дождаться этого!

Вся ея большая, грузная фигура вздрогнула отъ страха.

— Уфъ!—простонала она, — въ хатѣ точно въ могилѣ! Холодно! Она босою ногою толкнула спящаго Сильвека.

— Вставай-ка! будетъ спать! Тотъ лѣнивецъ спитъ (она указала на сосѣднюю комнату, откуда несся храпъ Лукаша) и не добудешься, и этотъ еще тутъ, подъ ногами, спать будетъ. Вставать сейчасъ! Натаскай дровъ, да воды принеси изъ сѣней... какъ всегда! Слышишь? Мальчикъ вскочилъ, протеръ глаза, сунулъ свой мѣшокъ за печку и выбѣжалъ въ сѣни. Анастазія подобрала солому, бросила ее въ печку и зажгла.

Комнату наполнялъ бѣлый свѣтъ, отражающійся отъ окрестныхъ снѣговъ. Огонь, разведенный въ печкѣ, весело потрескивалъ. Анастазія предъ печкой согрѣвала свои большія, желтыя, окоченѣвшія отъ холода руки, а Сильвекъ въ худыхъ холстинныхъ штанахъ и кафтанѣ безъ рукавовъ все ходилъ отъ двери къ печкѣ, и наоборотъ, таская воду и дрова. Каждый разъ, какъ отворялись двери, въ комнату врывался потокъ холоднаго воздуха, а намерзшія петли скрипѣли и визжали, какъ будто жалуясь на свою судьбу.

— О, добрая женщина, вы не знаете, какія воспоминанія пробудили во мнѣ черты этого ребенка и какое сожалѣніе... какую грѣшную, но, видитъ Богъ, непобѣдимую злобу я чувствую въ своей груди при взглядѣ на него! Да, всякій гнѣвъ, всякую ненависть я считаю за грѣхъ, за паденіе, отступленіе отъ идеаловъ добра и любви, къ которымъ я всю жизнь стремился и стремлюсь всей своею душою! Что же дѣлать, если я не въ силахъ? Богъ свидѣтель въ томъ, что я не могу позабыть, не простить...

Онъ схватился обѣими руками за свои волосы, такіе свѣтлые и мягкіе, и, угрюмо глядя въ землю, продолжалъ далѣе:

— Я думалъ, что онъ лучше многихъ, равныхъ ему, въ

томъ, что они называютъ рожденіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ... Когда онъ призвалъ меня, когда я ознакомился съ нимъ, то полюбилъ его, полюбилъ искренно, горячо, какъ ребенокъ, никогда не подозрѣвающій измѣны... Прекрасный, влюбленный въ искусство, самъ художникъ, когда онъ дотрогивался до клавишей, мнѣ казалось, что онъ играетъ на моемъ сердцѣ! Картины, статуи, домъ его, точно храмъ искусства; онъ говорилъ, что любить людей...

Кенна горько засмѣялся и остановился на минуту.

— Онъ хотѣлъ просвѣщать народъ, искалъ сельскихъ учителей... Я узналъ о томъ... сталъ рядомъ съ нимъ... три года, три наисчастливѣйшихъ года моей жизни прожилъ тамъ, работая, мечтая и заблуждаясь... О чемъ я мечталъ, великій Боже! точно мои мечты могли осуществиться! Я жаждалъ въ томъ бѣломъ домикѣ, который для меня сдѣлался святыней, гдѣ съ моихъ устъ лились въ непросвѣщенные дѣтскіе умы лучи истиннаго свѣта, зажить съ нею,—съ нею, которая была дочерью народа, также какъ я—его сыномъ, учителемъ и предводителемъ! И мнѣ хотѣлось взять свою долю личнаго счастія... Онъ зналъ о томъ... да я-то ничего не зналъ... три года не зналъ ничего... былъ слѣпъ... вдругъ я прозрѣлъ и, повѣрите ли, добрая женщина?— простилъ. Да, простилъ. Я пришелъ къ нему и сказалъ: возьми ее въ жены и сдѣлай ее счастливой! Я... удалюсь. Нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы я ни пожертвовалъ для счастья ея и твоего. Тогда... вы знаете, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ расхохотался и... приказалъ мнѣ выйти вонъ!

Онъ поднялъ голову и уставился въ глаза Анастазіи такимъ взоромъ, какъ будто бы призывалъ ее въ свидѣтели по страшному преступленію или умолялъ разъяснить непонятную для него тайну. Анастазія уже нѣсколько минутъ оставила свою работу и съ ножомъ въ одной рукѣ и картофелиной въ другой внимательно вслушивалась въ безсвязный разсказъ Кенны.

— Такъ значитъ,—проговорила она,—что вы полюбили нехорошую дѣвушку, которая предпочла богатаго пана... Какова она была собой?

— Охъ, она была прелестна! Высокая, стройная, волосы, какъ вороново крыло, глаза большіе, большіе... Смуглая, какъ цыганка... У этого ребенка и глаза ея, и цвѣтъ лица...

Анастазія тяжело поднялась съ мѣста.

— Сильвекъ!—крикнула она.—перебирай картофель.

Скоро она очутилась въ сосѣдней комнатѣ, отперла сундукъ и потомъ вернулась назадъ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ, старательно завернутыми въ тряпичку.

— Можетъ быть, и та сама... Кто ее знаетъ?—сказала она. Прочтите это; тутъ ея имя и фамилія.

Кенна схватилъ бумагу, развернулъ ее и жадно началъ читать. Кровь горячимъ потокомъ хлынула къ его лицу; онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Рыданій не было слышно, только слезы, какъ тяжелыя дождевыя капли, катились по его щекамъ и падали на одежду.

— Бѣдная! бѣдная!—шепталъ онъ, наклоняясь изъ стороны въ сторону.—роза моя! бѣдное дитя мое, оскверненное, загубленное!

Въ его слезахъ и шопотѣ было столько искренняго, невыносимаго горя, что Анастазія почтительно отошла къ печкѣ, а Сильвекъ устремилъ на плачущаго человѣка свои любопытные, задумчивые глаза. Онъ смутно догадывался, что рѣчь шла о немъ. Наконецъ. Кенна пересталъ плакать и началъ съ лихорадочной поспѣшностью разспрашивать Анастазію: сколько лѣтъ тому назадъ она была здѣсь? что говорила? куда ушла? что намѣревалась дѣлать потомъ?

Анастазія могла сообщить очень немного; она и сама мало знала.

— Хотѣла пойти въ услуженіе и пошла навѣрное, а что съ ней сталось потомъ—развѣ я знаю? Я весь городъ исходила, а ее, все-таки, не нашла. Умерла, можетъ быть, совсѣмъ запуталась, а, можетъ быть, и замужъ вышла... тогда, конечно, срама своего передъ мужемъ и добрыми людьми показывать не захочетъ.

Кенна позвалъ къ себѣ Сильвека, взялъ его на колѣни, осыпалъ его поцѣлуями и дрожащею рукою гладилъ по растрепанной головѣ. Анастазія ничего не имѣла противъ этихъ ласкъ. Она потихоньку приблизилась и тихо, съ затаеннымъ любопытствомъ спросила: «А онъ богатъ? очень богатъ?»

— Очень богатъ,—также тихо отвѣчалъ Кенна,—имѣнія у него огромныя, лѣса вѣковые, дворецъ полонъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, зеркалъ... рай, говорю вамъ, рай земной; а самъ онъ, въ томъ раю, какъ богъ—высокій, красивый и съ такой благородной, возвышенной наружностью. Лицо у него тоже смуглое, а руки бѣлыя, точно выточенныя изъ мрамора... Посмотрите—у ребенка рука тоже отцовская.

Онъ показалъ Анастазіи руку мальчика. Несмотря на загаръ, слѣды ожоговъ и шрамы. рука ребенка отличалась своею изящною формой.

Анастазія полусердито. полусаркастически улыбнулась.

— Это, значитъ,—задумчиво сказала она,—что папаша пользуется всѣми благами жизни, а на шею нашу, бѣдныхъ людей, свалилъ своего ребенка...

Кенна неожиданнымъ движеніемъ спихнулъ ребенка съ своихъ колѣнъ и обѣими руками схватился за голову.

— О, Боже!—воскликнулъ онъ,—изгони изъ моего сердца тотъ гнѣвъ и ту ненависть! О, Боже! дай мнѣ силы для борьбы съ тѣмъ врагомъ!

Борьба дѣйствительная, страстная борьба совершалась теперь въ человѣкѣ, который весь былъ доброта и простодушіе. Теперь, съ опущенными внизъ глазами, онъ шепталъ дрожащими губами:

— «И остави намъ долги наши, яко же мы оставляемъ должникомъ нашимъ»... О, великая молитва, проникни до глубины души моей! О, всепрощеніе, ты неразлучно съ любовью... я, слуга и апостолъ любви, долженъ просить! простить! простить!

Онъ упалъ на лавку, измученный, задыхающійся, отеръ потъ, выступившій на лбу, и проговорилъ подавленнымъ голосомъ:

— Не могу! Не могу забыть, не могу простить! Ненавижу его за нея, за себя, за это невинное существо. — ненавижу за то, что онъ первый влилъ въ меня тотъ разъѣдающій ядъ, осквернилъ мой духъ, сдѣлалъ то, что я не могу уже сказать о себѣ, что я—совершененъ!

Съ потемнѣвшими глазами, съ змѣиной улыбкой на блѣдныхъ устахъ, онъ снова притянулъ къ себѣ Сильвека и, обнявши его, зашепталъ ему:

— Слушай меня, мое дитя, и запомни, хорошо запомни то, что я скажу тебѣ. Ты обиженъ страшно, кроваво обиженъ однимъ изъ тѣхъ, что живутъ тамъ... высоко... Та убогая, холодная лачуга, гдѣ ты выросъ, лохмотья, что покрываютъ тебя, куски, которые тебѣ бросаютъ, вовсе не то, что тебѣ суждено судьбой. Все это только несправедливость по отношенію къ тебѣ... Слышишь? Лачуга, лохмотья, шрамы на твоихъ рукахъ, синяки, которыми тебя наградилъ кто-то, все горе, всѣ невзгоды, какія ты испытываешь, и даже преступленія, какія ты совершишь когда-нибудь, все это несправедливость! Ничто иное, какъ несправед-

ливость! Твое же мѣсто по праву — это роскошный дворецъ, теплый, свѣтлый, полный чудесной прелести, полный нѣги, ласкъ, поцѣлуевъ, счастья... Вотъ, что тебѣ принадлежало на этомъ свѣтѣ и что у тебя отняли! Ты долженъ быть паномъ, будешь нищимъ. Помни, что то вина одного изъ тѣхъ, что живутъ тамъ... высоко. Я не говорю тебѣ: прости! потому что и самъ не могу простить... Но я также не могу и мстить, и потому говорю тебѣ: отомсти! Будь мстителенъ за обиды свои и подобныхъ тебѣ! Ты и я разными дорогами будемъ вести человѣчество по дорогѣ къ совершенству и счастью; я—проповѣдуя любовь, ты—карая за содѣянное зло. Твое дѣло когда-нибудь заставить людей пробудиться отъ сна... Рости, чтобы отомстить!

Онъ выпустилъ изъ рукъ Сильвека и всталъ съ лицомъ полупомѣшаннаго. Анастазія, которая на половину не дослышала его поученій, съ удивленіемъ глядѣла на него, въ особенности, когда онъ прислонился горячимъ лбомъ къ обледенѣвшему стеклу. «Должно быть, рехнулся немного,—ворчала она надъ горшкомъ съ картофелемъ,—а, все-таки, то, что онъ шепталъ мальчишкѣ, дурно! Онъ ужь и безъ того хорошъ, и такъ похожъ на разбойника, а подчасъ такъ смотритъ, что какъ будто у него, прости Господи, въ глазахъ самъ нечистый съ головнёй сидитъ»!...

Въ комнату, потягиваясь и позѣвыя, вошелъ Лукàшъ. Анастазія тотчасъ же набросилась на него, что онъ такъ долго валяется и не помогаетъ ей по хозяйству. Лукàшъ, застигнутый въ расплохъ, разсыпался въ извиненіяхъ и своимъ тонкимъ, охрипшимъ голоскомъ напомнилъ о завтракѣ.

— На вотъ, подавись, если ужь ты такъ голоденъ!—крикнула женщина, со стукомъ ставя на столъ миску съ остатками вчерашнихъ галушекъ. Лукàшъ жадно выловливалъ ихъ деревянной ложкой.

— А, вотъ это отлично! Съѣмъ, съѣмъ и вчерашнія галушечки! Правда, онѣ холодныя, застыли, отвердѣли, не то ужь, что вчера было; но... брюхо не зеркало, что попадетъ туда, то все хорошо! Ха, ха, ха, ха! Панъ Кенпа, прошу къ завтраку! Прошу! Картофель сейчасъ будетъ готовъ... свѣжій, горячій, съ солониной...

Кенпа отвернулся отъ окна.

— Доброе утро,—сказалъ онъ,—благодарю, я не буду ѣсть...

Онъ ударилъ ладонью себя по лбу.

— Зачѣмъ я сказалъ ему это? Зачѣмъ отравилъ невинное

сердце?... О, какъ же я слабъ, какъ скоро сворачиваю съ прямой дороги!

Видно было, что совѣсть сильно угрызала его.

— Если позволите, —добавилъ онъ, —я возьму кусочекъ хлѣба, съѣмъ его на дорогѣ; мнѣ ужь пора идти, а времени мало... Будьте здоровы, добрые люди! Много горькаго, невыносимо горькаго узналъ я подъ вашей кровлей... Будьте здоровы!

— Что онъ городитъ?—тихонько спросилъ у жены Лукáшъ.

Анастазія нетерпѣливо пожала плечами. Кенпа стоялъ уже у порога съ котомкой за плечами и футляромъ со скрипкой въ рукахъ.

— Будьте здоровы, друзья мои,—повторилъ онъ сердечнымъ голосомъ, и вдругъ, принимая проповѣдническій тонъ, прибавилъ:— любите другъ друга, дѣлитесь вашимъ добромъ съ тѣмъ, кто бѣднѣе васъ, освѣщайте своей жизнью и примѣромъ дорогу къ счастью и совершенствованію человѣчества.

Когда двери затворились за нимъ, Лукáшъ приставилъ себѣ ко лбу указательный палецъ и устремилъ на жену полусочувственный, полунасмѣшливый взоръ.

— Ага!—утвердительно отвѣчала Анастазія.

— Жаль,—прибавилъ Лукáшъ,—онъ и ученый, и играетъ отлично, и вещи разныя хорошо разсказываетъ! Охъ, ужь хоть бы поскорѣй машины стали дѣлать все за людей, а земля превратилась бы въ райскій садъ! Ходи тогда себѣ по гладкимъ дорожкамъ, рви яблоки, да ѣшь ихъ. Не знаю только, что въ этомъ саду—будутъ ли сами по себѣ расти галушки съ солониной и зразы?

И онъ опять запѣлъ:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она,
Пусть коситъ безъ сожалѣнья.
И наполнитъ, безъ сомнѣнья,

мою миску зразами, галушками и всяческими явствами, созданными на радость и подкрѣпленіе грѣшнаго человѣка, вины котораго да отпуститъ Господь Всемогущій, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Анастазія молчала, но вдругъ схватила себя за голову.

— Ахъ, дура я!—захныкала она,—ахъ, я несчастная! И того умишка и памяти, что достались отъ Бога, и тѣхъ теперь не осталось! Охъ, и била бы же я себя, и волосы рвала бы, вотъ такъ!

Красная отъ гнѣва, какъ піонъ, она схватила себя за пряди сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ чепца, и немилосердно рвала ихъ. Лукáшъ, привыкшій къ подобнымъ явленіямъ, изрѣдка насмѣшливо посматривалъ на происходящее и спокойно жевалъ галушки.

— Что съ тобою, Настя?—пробормоталъ онъ, наконецъ.—Что ты, душечка, такъ себѣ жизнь отравляешь? Что сегодня, то...

Анастазія не слушала его. Изъ града ругательствъ и проклятій, которыми она осыпала себя, можно было отчасти догадаться, что она не выпытала у путешественника кто такой и гдѣ живетъ отецъ Сильвека. Можетъ быть, онъ наградилъ бы ихъ за присмотръ надъ ребенкомъ, а можетъ быть... можетъ быть, и Сильвеку далъ бы какое-нибудь воспитаніе и обезпечилъ бы его. А теперь, благодаря ея глупости и недогадливости, она лишилась справедливаго вознагражденія и—кто знаетъ? можетъ быть, хорошей пенсіи до самой смерти, а мальчику загородила дорогу къ счастью, за что ей на томъ свѣтѣ непремѣнно придется переносить вѣчныя мученія. Голосъ ея изъ гнѣвнаго перешелъ въ плаксивый тонъ; она перестала дергать себя за волосы и вмѣсто того залилась слезами и почти безъ дыханія упала на скамейку.

Лукáшъ, узнавшій такимъ образомъ, причину ея горя, презрительно махнулъ рукою.

— Э!—флегматически сказалъ онъ, — наплюй ты на это, Настя! Знаешь ли ты, кто таковъ этотъ, какъ и гдѣ онъ живетъ, не знаешь ли,—все одно, потому что если бы ты отправилась къ нему, онъ просто приказалъ бы своимъ лакеямъ вытолкать тебя вонъ. Онъ-то знаетъ ли? помнитъ? повѣрилъ бы тебѣ? Да еще и правда ли, что тебѣ тотъ говорилъ? А если и правда, то мало ли такихъ правдъ ходитъ по бѣлу свѣту? Кто имъ всѣмъ дастъ вѣру? О, о! зналъ я эти вещи, зналъ, какъ свои пять пальцевъ! Былъ лакеемъ, а потомъ долго таскался по свѣту. Вездѣ также точно творится, не иначе. Человѣкъ рожденъ грѣшною матерью, и самъ долженъ грѣшить. Коротокъ день его жизни на землѣ; вотъ онъ и стремится провести его въ радости и наслажденіи. Въ царство небесное приводитъ длинный, тернистый путь... отъ ада и адскихъ мученій да спасетъ всѣхъ насъ Господь. Аминь.

Анастазія все съ бóльшимъ и бóльшимъ вниманіемъ слушала замѣчанія мужа, и мало-по-малу успокоилась. Уваженіе ея къ мужу и краснорѣчію Лукáша было настолько велико, что это одно часто удерживало ее среди страшной вспышки гнѣва. Она

вспомнила о гречневой кашѣ; ей захотѣлось ѣсть. Черезъ четверть часа, сидя за столомъ вмѣстѣ съ мужемъ, она вполголоса разсказывала объ утренней сценѣ съ путешественникомъ.

— Однако же,—замѣтила она,—нехорошія рѣчи онъ ему тутъ говорилъ... о несправедливости, о мести... Пусть Господь самъ отомститъ... ребенку въ голову могутъ придти грѣшныя мысли.

— Э!—махнулъ рукою Лукáшъ,—развѣ онъ могъ понять? Однимъ ухомъ слушалъ, а въ другое выходило! Малъ еще и глупъ.

Да, Сильвекъ въ то время (ему было восемь лѣтъ) былъ малъ, но глупъ не былъ. Столь почитаемый умъ Лукáша не былъ въ состояніи видѣть, какая работа происходитъ въ маленькой головкѣ, какія мысли роятся тамъ. Во весь этотъ день Сильвекъ былъ точно пьяный. Помогая по хозяйству Анастазіи, онъ надѣлалъ массу ошибокъ, разливалъ воду изъ жбана, выпускалъ изъ рукъ посуду, сильно опаливши себѣ руку головней, даже не крикнулъ, только всматриваясь въ рану и подувая на нее, грозно хмурилъ брови. Наконецъ, когда все уже было окончено и Анастазія съ огромными очками на носу засѣла въ сосѣдней комнатѣ чинить бѣлье, а Лукáшъ потащился въ городъ, Сильвекъ, вмѣсто своей обычной прогулки на кладбище, усѣлся на земь, въ самый темный уголокъ избы, положилъ подбородокъ на ладони и задумался. Подъ вечеръ Анастазія заснула, опустивъ голову на разбросанные по столу лоскутья, во всѣмъ домѣ воцарилась тишина, нарушаемая только пѣсней сверчка да поскрипываніемъ деревьевъ за окнами домика. Смеркалось. Зимнія сумерки еле просвѣтлились сквозь мелкія, зеленоватыя стекла, а у печки все также неподвижно сидѣла согнутая фигура мальчика. Въ глубинѣ души Сильвека совершался громаднѣйшій переворотъ; настала та минута, когда человѣкъ въ первый разъ выходитъ изъ потемокъ полусознательной жизни и начинаетъ познавать положеніе, въ какое поставила его судьба. Память мальчика Богъ не обидѣлъ; онъ хорошо запомнилъ все. Чуткій слухъ далъ ему возможность понять интонацію всякой фразы, малѣйшее колебаніе голоса. Воображеніе изъ каждаго слова творило образъ; цѣлая сложная картина возставала передъ его глазами. Все, когда-то слышанное, когда-то видѣнное, развивалось теперь въ одну длинную, длинную цѣпь. Трудно было сначала слабой мысли разобраться среди такого огромнаго матеріала, но первый шагъ сдѣланъ, дальше дѣло пойдетъ легче. Теперь онъ увидалъ причину вспышекъ злобы, которыя такъ скоро овладѣвали имъ. Онъ понялъ, что причины

эти—грязныя и душныя коморки, откуда онъ бѣжалъ при первой возможности, дни голода,—а ихъ было такъ много! кулаки Анастазіи,—онъ чувствовалъ ихъ тяжесть на всѣхъ членахъ своего маленькаго тѣла, смертельный холодъ памятниковъ, его обычной постели, и еще тотъ холодъ, не менѣе удручающій, котораго онъ и теперь еще не могъ понять и только характеризовывалъ такъ: «добраго слова никогда не скажутъ, не приголубятъ». И вотъ теперь передъ нимъ стала выясняться причина грусти, какую онъ испытывалъ, слушая унылую мелодію колоколовъ, жалобный свистъ вѣтра, монотонное потрескиваніе дровъ въ печкѣ и съ особенной силой вчера, благодаря скрипкѣ путешественника. Кромѣ того, онъ думалъ иногда и еще о разныхъ, очень пріятныхъ вещахъ; передъ глазами его мгла легкая, легкая, какая бываетъ лѣтомъ на лугахъ, сгущалась, росла... выростала въ цѣлый рядъ домовъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, такихъ высокихъ, что кровлей имъ служило голубое небо, а окнами—звѣзды. Вотъ раннія, утреннія облака тихо спускаются къ нему; онъ слышитъ въ воздухѣ музыку и пѣніе, точно отголосокъ тѣхъ печальныхъ пѣсенъ, съ какими погребальныя процессіи входятъ на кладбище, или той, которою старшая дочка кузнеца убаюкивала своего маленькаго брата. Теперь онъ уже зналъ, что плакалъ потому, что ему хотѣлось жить въ такомъ бѣломъ домѣ, гдѣ окна свѣтятся, какъ звѣзды, хотѣлось лежать на мягкой постели, слушать такія же серебристыя пѣсни, какими убаюкивали дѣтей кузнеца, или нѣтъ... еще лучше... тѣ, что слышались ему когда-то вдали, въ воздухѣ, подъ самымъ небомъ, въ вѣтвяхъ деревьевъ, среди шумящихъ листьевъ, насквозь пронизанныхъ золотистымъ, ласкающимъ свѣтомъ солнца. Онъ зналъ уже, что плакалъ, желая, чтобы кто-нибудь ласково улыбнулся ему, чтобы ему дали много, много блестящихъ игрушекъ и румяныхъ яблокъ... А яблоки!... Вчера путешественникъ долго говорилъ о поляхъ, съ волнующимся житомъ, и бѣлыхъ домикахъ, что стоятъ по серединѣ этихъ полей! Вокругъ домиковъ все деревья, осыпанныя яблоками, точно красною росою. «Кто живетъ въ этихъ домикахъ и ѣстъ эти яблоки»? спросилъ у себя Сильвекъ, и въ отвѣтъ ему послышался шепотъ Кенны: «помни, что та вина одного изъ тѣхъ, что живутъ тамъ». Такъ, значитъ, если бы не одинъ изъ тѣхъ, то онъ бы жилъ тамъ и ѣлъ тѣ яблоки... «А кто таковъ онъ... тотъ»? И, стискивая руки, Сильвекъ добавилъ: «Тотъ, что обидѣлъ»...

Дальше работа мысли Сильвека не могла идти.

Часы уплывали, подходила ночь. Въ окно хижины, тихой и темной, какъ могила, проникъ лучъ восходящаго мѣсяца, заигралъ на гнилыхъ рамахъ окна, и, спустившись по глиняному полу въ самую глубь комнаты, озарилъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ ребенка, сидящаго у печки. Опершись плечами къ заплеснѣвѣвшей стѣнѣ, покрытый рваными лохмотьями, Сильвекъ безсмысленно глядѣлъ въ пространство, иногда потрясая головой и шепча отъ времени до времени: «несправедливость! несправедливость! несправедливость»!.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Э. Литтре и позитивизмъ.

Г. Каро [1]).

(Переводъ съ французскаго).

Предисловіе автора. Великая смута, происходящая въ настоящее время въ области нравственнаго и религіознаго сознанія человѣчества, замѣтна даже для поверхностнаго наблюдателя. Принципы, которыми жило человѣчество въ прошломъ, которыми оно считаетъ возможнымъ жить въ настоящемъ, подвергаются сомнѣнію подъ напоромъ новыхъ идей, имѣющихъ претензію быть порожденіемъ позитивной науки. Мы полагаемъ, что своевременно будетъ изложить въ короткомъ и точномъ очеркѣ сужденіе о школѣ, служащей наиболѣе авторитетною выразительницею этихъ идей и пользующейся нѣкоторымъ обаяніемъ популярности во Франціи. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, мы считаемъ долгомъ ближе изучить человѣка, резюмирующаго собою исторію этого ученія въ его торжествующей фазѣ, овладѣвшаго, благодаря своему характеру, выдающимся способностямъ и необыкновеннымъ талантамъ, симпатіями общества и въ значительной мѣрѣ склонившаго въ пользу философской школы сочувствіе, лично имъ вполнѣ заслуженное. Человѣкъ этотъ—г. Э. Литтре.

Мы разсмотримъ позитивизмъ въ этой послѣдней его формѣ, прослѣдимъ его по отвѣтамъ, даннымъ имъ весьма недавно въ разрѣшеніе задачъ, ежедневно возникающихъ изъ изученія духа и изъ опытовъ надъ жизнью человѣка. Мы естественно дойдемъ до вопроса о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ эту философію, пользующуюся такимъ успѣхомъ въ настоящемъ. Ея побѣда, если вѣрить нѣкоторымъ громкимъ заявленіямъ, должна

[1]) M. Littré et le positivisme, par E. Caro. Paris, 1883.

быть окончательною (поскольку могутъ быть окончательны побѣды этого рода). Но тутъ-то и возникаютъ вопросы: будетъ ли ея необыкновенный успѣхъ настолько же продолжителенъ, насколько онъ, повидимому, блестящъ? Постоянны ли, неизмѣнны ли причины ея успѣха? Не объясняется ли это быстрое торжество политическими и соціальными условіями настоящаго времени? Въ особенности же мы остановимся на вопросѣ: суждено ли позитивизму, какъ системѣ, пережить двухъ человѣкъ, въ которыхъ онъ воплотился, г. Огюста Конта и г. Эмиля Литтре, и самые шансы его жизненности не стоятъ ли въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ его стройности и твердости, какъ доктрины? Это послужитъ поводомъ къ разсѣянію недоразумѣнія, повидимому, еще продолжающагося въ нѣкоторыхъ умахъ подъ вліяніемъ слова, которое перестало соотвѣтствовать понятію, имъ выражаемому. Я попытаюсь выяснить, что позитивистское движеніе,—размѣровъ и значенія котораго, какъ увидитъ читатель, я отнюдь не отрицаю,—привело, въ концѣ-концовъ, къ совокупности отрицаній, пріобрѣтающихъ тѣмъ бо́льшую силу и популярность, чѣмъ проще и радикальнѣе они кажутся, хотя связь ихъ съ позитивизмомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, основывается на неопредѣленности выраженій, на недоразумѣніи, и сами эти отрицанія противорѣчатъ истинному духу позитивной философіи, — духу абсолютной нейтральности, если бы только нейтральность не была химерою въ философіи, какъ и въ политикѣ.

Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ стоитъ серьезнаго разсмотрѣнія и обсужденія; онъ стоитъ въ связи съ великими задачами настоящаго времени. Отрицанія, исключенія цѣлаго ряда идей и вѣрованій создали капитальную проблему девятнадцатаго вѣка, представляющуюся мнѣ въ такой формѣ: можетъ ли позитивная наука, какъ предполагаютъ иные, своими собственными силами и одними своими знаніями создать новое міровоззрѣніе, создать всецѣло новую цивилизацію и передѣлать человѣчество по предположенному ею образцу? Если это возможно, то каково будетъ новое міровоззрѣніе? Каковы будутъ новая цивилизація и будущее человѣчество, обѣщаемыя намъ въ замѣну существующихъ и извѣстныхъ? Ради чего должны мы поступиться сокровищами нашихъ иллюзій, если намъ будетъ доказано, что сокровища эти мнимыя и что мы жили до сихъ поръ въ какомъ-то снѣ на яву, подъ очарованіемъ послѣдовательныхъ галлюцинацій.

Глава первая.

Эмиль Литтре.—Исторія его работъ и его идей.

I.

Очеркъ этотъ можно было бы озаглавить: *Литературная, политическая и философская исповѣдь г. Литтре*. Въ одномъ изъ наиболѣе любопытныхъ и наименѣе извѣстныхъ своихъ произведеній онъ самъ употребилъ это выраженіе для характеристики описанія послѣдовательнаго развитія своей мысли, тѣхъ колебаній, которыя она испытывала. Онъ любилъ писать объ этомъ, особливо въ послѣдніе годы жизни. Г. Литтре очень охотно самъ себя комментировалъ въ предисловіяхъ, въ примѣчаніяхъ, въ *causeries*, вставляемыхъ въ статьи, не имѣющія личнаго характера, въ разныхъ оправдательныхъ приложеніяхъ, сопровождающихъ бо́льшую часть его произведеній. Мы задались мыслью собрать эти разсѣянные листки, какъ бы затерянные въ массѣ его трудовъ, мало замѣченные при ихъ выходѣ въ свѣтъ, отчасти забытые нынѣ. Для освѣщенія личности писателя и человѣка они цѣннѣе всякихъ объективныхъ этюдовъ, дѣлаемыхъ со стороны. На самомъ дѣлѣ, поразителенъ свѣтъ, проливаемый ими на интеллектуальную и нравственную жизнь г. Литтре, когда они собраны въ одно цѣлое. Разбросаны они болѣе или менѣе повсюду; открыть ихъ можно почти случайно въ его послѣднихъ произведеніяхъ и иногда тамъ, гдѣ всего менѣе ожидаешь. Собранные же и сопоставленные въ должной послѣдовательности, они являются настоящими мемуарами, чѣмъ-то вродѣ интереснѣйшей автобіографіи, полной личныхъ впечатлѣній; наиболѣе обильную жатву въ этомъ отношеніи мы находимъ во второмъ изданіи книги, озаглавленной: *Conservation, Revolution, Positivisme*. Тутъ г. Литтре даетъ полный просторъ своей откровенности. Въ книгѣ этой, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1852 году, были собраны нѣкоторыя его статьи, печатавшіяся въ газетѣ *National*. Перечитывая ихъ для втораго изданія, авторъ увидалъ, что онъ по всѣмъ почти пунктамъ расходится съ тѣмъ, что имъ тогда было написано. Какъ быть съ этимъ? Не желая прикрывать своимъ именемъ идеи, которыхъ онъ уже не допускалъ, ни оставлять въ жертву послѣдующимъ полемикамъ книгу, оказывающуюся компрометирующимъ свидѣтелемъ для его новыхъ идей, онъ рѣшился просто перепечатать

старую книгу, обсуждая каждую ея главу при свѣтѣ своего обновленнаго разума и пріобрѣтеннаго опыта Таковъ былъ найденный имъ выходъ. Съ одной стороны, этимъ способомъ онъ удовлетворялъ мужественное чувство личной солидарности, побуждавшее его не скрывать злополучныхъ страницъ; съ другой стороны, онъ самъ себя исправлялъ и каялся передъ обществомъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Для исторіи умственнаго развитія извѣстнаго лица ничего не можетъ быть интереснѣе такого рода замѣчаній, приложенныхъ къ каждой статьѣ,—замѣчаній, написанныхъ съ неподражаемою наивностью и независимостью человѣкомъ, съумѣвшимъ отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и, что еще важнѣе, отъ самолюбія, самого себя оспаривающимъ, строго осуждающимъ собственныя заблужденія и ложныя сужденія, которыя его самого поражаютъ. Помимо источника драгоцѣнныхъ психологическихъ указаній, мы видимъ въ этомъ совершенно новое и не лишенное величія нравственное явленіе. Это исторія перемѣнчивости убѣжденій ума искренняго, имъ самимъ разсказанная. Передъ нами постепенно выступаетъ изображеніе человѣка, поразительно похожее, многократно ретушированное, передающее его выдающіяся черты, — обширную эрудицію, могучую рабочую силу, всеобъемлющую любознательность, безпокойную любовь къ истинѣ (*irrequietus amor*), въ ихъ сочетаніи съ нѣкоторою неустойчивостью убѣжденій, являющеюся, быть можетъ, ихъ необходимымъ послѣдствіемъ и характернымъ признакомъ. Одинъ блестящій писатель сказалъ разъ не безъ нѣкотораго оттѣнка грусти: «la contradiction est le signe de la verité» (противорѣчіе есть признакъ истины). Мы не пойдемъ такъ далеко, но готовы согласиться, что во многихъ случаяхъ оно есть признакъ искренности. Таковымъ оно, несомнѣнно, оказывается среди политическихъ грезъ и революцій въ области мысли, обуревающихъ наше время, но лишь въ томъ разѣ, когда очевидно, что оно не вызвано соображеніями личнаго честолюбія и выгоды. Полнѣйшее безкорыстіе нигдѣ такъ ясно не проявляется, какъ въ разсказахъ г. Литтре, передающаго намъ свою Одиссею среди современныхъ идей и страстей, стремящагося до послѣдняго дня жизни исправить свои заблужденія, заполнить пробѣлы въ своемъ умственномъ образованіи, достигнуть возможнаго совершенства въ жизни нравственной.

Слѣдуетъ еще добавить, что пользованіе этими личными свидѣтельствами, весьма недавними относительно, даетъ возмож-

ность попытать изслѣдованіе по многимъ новымъ пунктамъ, такъ какъ большинство произведеній, посвященныхъ г. Литтре, относится къ довольно далекому прошлому, когда еще преждевременно было бы вдаваться въ разборъ сложной общности его жизни, когда передъ главою позитивизма лежалъ длинный путь политическаго и интеллектуальнаго опыта, предстояло не мало разочарованій и было впереди много лѣтъ жизни, работы, страданій.

Припомнимъ послѣдовательный рядъ трудовъ, наполнившихъ собою его жизнь, являющихся какъ бы движущеюся картиною развитія его ума. Высокое нравственное наслажденіе находимъ мы для себя въ возможности отдать должную честь тѣмъ, чьихъ убѣжденій не раздѣляемъ. Философскій споръ не долженъ превращаться въ арену грубой борьбы и ожесточенныхъ взаимныхъ избіеній; такой споръ между честными людьми не можетъ выходить изъ области идей, подавшихъ поводъ къ разномыслію, и умалять взаимнаго уваженія спорящихъ. Исполненіе этого требованія очень легко, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ г. Литтре, въ лицѣ котораго мы имѣемъ возможность почтить высокій образецъ человѣческой природы, одинъ изъ тѣхъ типовъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразились возвышенныя нравственныя достоинства, непререкаемая искренность и величайшія усилія дѣятельной, правильной и плодотворной мысли.

Собственно говоря, исторія жизни г. Литтре заключается въ его книгахъ; вся его жизнь такъ тѣсно связана съ его трудами, что выдѣлить ее можно лишь путемъ нѣкоторой абстракціи; вся она есть ничто иное, какъ непрерывный шестидесятилѣтній трудъ. Возникновеніе мысли объ извѣстномъ произведеніи, подготовительныя работы и изысканія, исполненіе самаго произведенія, обстоятельства, задерживающія или ускоряющія это исполненіе,—вотъ вся его исторія съ разнообразными измѣненіями, совершающимися въ его мысли, постоянно напряженно-дѣятельной и какъ бы самое себя контролирующей.

Г. Литтре развивался подъ вліяніемъ идей конвента. Отецъ его, служившій унтеръ-офицеромъ во флотѣ, принадлежалъ къ самой крайней партіи. Г. Литтре почиталъ за счастье, что молодой сержантъ былъ отправленъ въ 1790 году въ Индію и «тѣмъ былъ спасенъ отъ опаснаго участія въ неистовствахъ того времени». По этому поводу онъ передаетъ одинъ случай изъ воспоминаній. Экипажъ праздновалъ въ открытомъ морѣ годовщину взятія

Бастиліи; случилось такъ, что артиллеристъ заставилъ г. де-Вельеля, будущаго министра реставраціи, тогда же простаго офицера, плясать *рондо* вокругъ главной мачты подъ пѣсню, сочиненную молодымъ революціонеромъ. Позднѣе, вѣрный своимъ богамъ, отецъ Литтре часто говорилъ, что Робеспьеръ былъ оклеветанъ и что процессъ его долженъ подлежать пересмотру *). Семейныя связи вполнѣ соотвѣтствовали политическимъ убѣжденіямъ. Близкими людьми были: Ватаръ, печатавшій *Journal des communes libres*, заговорщики Арена, Чераки, Демервиль, нынѣ забытый философъ Секонъ (Second), авторъ книги *Сенситивизмъ*, и Делоръ, историкъ города Парижа. Эти два члена конвента, принадлежавшіе когда-то къ противоположнымъ партіямъ, сошлись въ общей ненависти къ новому правительству, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно уважительный поводъ не любить другаго. Г. Секонъ, монтаньяръ, вотировалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ за смертный приговоръ г. Делору, и этотъ послѣдній едва избѣжалъ гильотины. При встрѣчѣ послѣ подобнаго недоразумѣнія обоюдная неловкость положенія весьма понятна. Неловкость эта была непродолжительна. Г. Делоръ откровенно высказалъ, что, одолѣй въ то время его партія, онъ не задумался бы точь въ точь такъ же распорядиться съ монтаньярами. Это правдивое заявленіе разсѣяло послѣднюю тѣнь холодности. Со стороны матери такія же связи, тѣ же традиціи. Дѣдъ, г. Іогано (Jhoannot), бумажный фабрикантъ и якобинецъ, былъ убитъ во время термидорской реакціи. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на мать г. Литтре, Софію Іогано, было такъ сильно, что не изгладилось во всю жизнь. Это доказывается тѣмъ, что во время переворота 18 брюмера, среди всеобщаго молчанія, она громко и рѣзко укоряла въ Тюльерійскомъ саду одного депутата за то, что онъ, по ея мнѣнію, не достаточно энергично защищалъ собраніе. Сентъ-Бёвъ описалъ ее нижеслѣдующими живыми и яркими чертами: «То была античная женщина, одѣтая, по бо́льшей части, не какъ дама, а какъ служанка, постоянно занятая домашней работой, превосходная хозяйка, образцовая мать; при этомъ она была одарена возвышенною душею и чувствомъ справедливости, которое она должна была передать сыну, составлявшему ея гордость и самолюбіе. Онъ много унаслѣдовалъ отъ нея, какъ равно и отъ отца.

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2-e édition, p. 314.

Въ этой скромной и республиканской средѣ родился Эмиль Литтре 1 февраля 1801 года. Несмотря на свои политическія убѣжденія, его отецъ, не имѣвшій никакого состоянія, поступилъ на службу по финансовому управленію. Онъ былъ человѣкъ очень умный, замѣчательно способный къ труду, съ изъ ряда выходящею силою воли, безукоризненно честный. Среди тяжелыхъ жизненныхъ условій у него достало силъ достигнуть классическаго образованія, котораго въ юности ему дано не было; онъ выучился по-гречески и познакомился даже съ санскритскимъ языкомъ. Ко всему въ жизни онъ относился крайне серьезно. Будучи противникомъ религіозныхъ вѣрованій, къ насмѣшкамъ Вольтера и его послѣдователей онъ относился съ чувствомъ глубокаго отвращенія. Г. Литтре нашелъ въ бумагахъ отца замѣтку, доказывающую, что ему очень не по душѣ были глумленія XVIII в. надъ религіей; что, сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ счелъ себя отвѣтственнымъ передъ дѣтьми за свои религіозныя убѣжденія, заново принялся за изученіе всѣхъ теологическихъ вопросовъ, но изученіе это не измѣнило его убѣжденій *).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда настало время, онъ заставилъ сыновей, Эмиля и Бартелеми, работать такъ же, какъ работалъ самъ. Въ домѣ царила строгость необыкновенная; каждый обязанъ былъ дѣлать свое дѣло безъ отдыха, почти не зная развлеченій. Это была своего рода свѣтская семинарія, въ которой самыя рекреаціи имѣли характеръ обученія и соревнованіе было доведено до крайнихъ предѣловъ. Эмиль Литтре былъ приходящимъ ученикомъ лицея Louis-le-Grand и товарищемъ Ежена Бурнуфа и Гашета. Въ концѣ каждаго года, подъ двойнымъ вліяніемъ личныхъ склонностей и строгости отца, онъ получалъ всѣ награды своего класса. Одинъ проницательный критикъ, г. Гардіа (Guardia), приписываетъ этому основательному ученію и школьнымъ успѣхамъ любовь г. Литтре къ классическимъ авторамъ и къ академическимъ почестямъ, имѣвшимъ для него особую привлекательность. Болѣе серьезную пользу принесла ему школа тѣмъ, что развила въ немъ страсть къ наукѣ и привычку къ занятіямъ; изъ нея онъ вынесъ очень солидныя и обширныя познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ, что было въ тѣ времена большою рѣдкостью, и, кромѣ того, ненасытную любознатель-

*) См. предисловіе къ книгѣ г. Ежена Ноэля; *Mémoires d'un imbécile.*

ность, основанную на убѣжденіи, что школьный курсъ есть не болѣе, какъ подготовка къ занятію наукою.

Позднѣе, въ своихъ наивно-пространныхъ воспоминаніяхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ въ его книгахъ и даже въ чужихъ (въ видѣ предисловій)*), онъ всегда любилъ поговорить о своей семьѣ.

«Сравнивая себя съ отцомъ,—писалъ онъ,—и признавая все его превосходство надо мною, я часто сожалѣлъ о томъ, что житейскія обстоятельства сложились для него менѣе благопріятно, чѣмъ для меня. Что вышло изъ этого? Вышло то, что онъ состарѣлся, занимая мелкую должность, въ могилу сошелъ неизвѣстнымъ, хотя плавалъ по Индѣйскимъ морямъ не безъ кораблекрушеній и сражался съ англичанами. Тогда какъ нѣсколько произведеній, заслужившихъ одобреніе публики, открыли мнѣ двери академій, поставили меня на видное мѣсто среди людей моего времени».

Въ немъ въ высокой степени живо было чувство семейной солидарности; ему бы хотѣлось, чтобы всѣ семьи имѣли свои собственные архивы, общность которыхъ могла бы служить матеріаломъ для настоящей исторіи нравственной жизни народа. «Съ тѣхъ поръ, какъ лучшая философія научила меня высоко цѣнить традицію и охраненіе преданія, я не разъ сожалѣлъ о томъ, что со времени среднихъ вѣковъ буржуазныя семейства не подумали вести скромныхъ записокъ, въ которыя бы вносились всѣ выдѣляющіяся событія домашней жизни съ тѣмъ, чтобы хроники эти передавались изъ рода въ родъ до его угасанія. Какъ любопытны были бы тѣ изъ этихъ лѣтописей, которыя бы дошли до насъ! Сколько погибшихъ указаній, сколько потеряннаго опыта могло бы быть спасено ничтожною заботливостью, духомъ послѣдовательности!»

По выходѣ изъ школы передъ нимъ открылась жизнь во всей своей тревожащей неизвѣстности. «Жизнь,—говорилъ онъ въ откровенной бесѣдѣ послѣднихъ дней,—есть для нѣкоторыхъ завлекательный и блестящій романъ, для большинства же очень скромная повѣсть. Въ ранней молодости каждый ищетъ примѣненія своихъ знаній и способностей, занятій по силамъ и по характеру. Когда это найдено (если только удалось найти), человѣкъ устроивается, женится, работаетъ, испытываетъ удачи и неудачи, выпадаютъ на его долю кое-когда радости и много-

*) Revue de philosophie positive, mai—juin. 1880.

много слезъ; потомъ вдругъ, къ удивленію своему, онъ замѣчаетъ, что сталъ старъ, очень старъ, что жизнь прожита, и у него вырываются слова восьмидесятилѣтняго Вольтера: «Въ томъ золотомъ возрастѣ, когда мнѣ было семьдесятъ лѣтъ!»

Нѣкоторое время по выходѣ изъ школы г. Литтре былъ въ нерѣшительности относительно дальнѣйшаго примѣненія своихъ способностей. Онъ думалъ было поступить въ политехническую школу и, несомнѣнно, исполнилъ бы это намѣреніе, если бы не помѣшала тяжкая болѣзнь. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ состоялъ секретаремъ при графѣ Дарю, а затѣмъ рѣшительно отдался медицинѣ, но врачемъ-практикомъ никогда въ жизни не былъ.

«Я много писалъ о медицинѣ,—говоритъ онъ въ одномъ предисловіи *),—писалъ въ журналахъ, въ словаряхъ, монографію о холерѣ; десять лѣтъ я занимался въ госпиталяхъ, былъ усернымъ ученикомъ г. Рейера (Rayer) и не сдалъ ни одного экзамена, не получилъ никакого диплома и не имѣю званія доктора». Вотъ какъ онъ объясняетъ этотъ странный фактъ. Въ 1827 году онъ приготовился держать экзаменъ, когда смерть отца совершенно измѣнила его положеніе и вынудила его озаботиться не только обезпеченіемъ собственнаго существованія, но и содержаніемъ матери. Онъ рѣшился отказаться отъ карьеры врача и не рискнулъ пускаться въ врачебную практику въ Парижѣ, требовавшую большихъ затратъ на обстановку и сопряженную съ большимъ рискомъ. Онъ сталъ давать уроки, не отказываясь, впрочемъ, отъ занятій медициной. По врожденному упрямству ему не хотѣлось потерять плодовъ начатаго изученія, и онъ продолжалъ, въ качествѣ вольнаго слушателя, посѣщать клинику г. Рейера въ госпиталѣ Charité, гдѣ онъ близко сошелся съ выдающимися молодыми людьми, товарищами по курсу, гг. Мишонъ (Michon) и Наталисъ Гюлльо (Natalis Guillot). Впослѣдствіи онъ практиковалъ лишь случайно, подавая безплатно врачебную помощь крестьянамъ маленькаго села, близъ Мезонъ-Лафита, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Интересно, въ какихъ скромныхъ выраженіяхъ онъ говоритъ о своей медицинской практикѣ:

«При постоянной осторожности въ лѣченіи я приносилъ, конечно, пользу крестьянамъ и получилъ за то лучшую изъ наградъ—ихъ признательность, выражавшуюся въ добромъ ко мнѣ расположеніи и, при случаѣ, въ оказываемыхъ мнѣ ими услу-

*) Médecine et Médecins, préface.

гахъ. На этой практикѣ я, между прочимъ, на себѣ испыталъ, какія волненія причиняетъ врачеваніе, когда въ важныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти человѣка, медикъ не убѣжденъ ни въ вѣрности діагностики, ни въ правильности лѣченія; боязнь ошибки порождаетъ чувство, похожее на раскаяніе въ томъ, зачѣмъ взялся за дѣло безъ твердой увѣренности. Отвѣтственность врача и его власть надъ болѣзнью находятся въ полномъ несоотвѣтствіи; первая громадна, а вторая очень мала, и именно вслѣдствіе крайней ограниченности этой власти, возможность упущенія самой малой ея доли служитъ источникомъ самыхъ тревожныхъ опасеній».

Говоря о нравственномъ удовлетвореніи, испытанномъ имъ благодаря медицины, онъ доходитъ до краснорѣчія: «Ни на что въ мірѣ ни промѣняю я ту долю знанія, которую пріобрѣлъ когда-то упорнымъ трудомъ. Для человѣка, не боящагося отнестись сочувственно къ человѣческимъ немощамъ, въ какой бы формѣ онѣ ни предстали передъ нимъ—въ обезображенномъ ли на столѣ амфитеатра, или на госпитальной койкѣ, молящими о помощи въ страданіи, и о спасеніи,—для такого человѣка немногія знанія могутъ сравниться съ врачебною наукою. Я входилъ въ соприкосновеніе со многими и различными областями знанія, и ни одна изъ нихъ не разочаровала меня въ медицинѣ, въ ея изслѣдованіяхъ и въ созерцаніи патологическихъ явленій, надъ которыми такъ трудно и такъ сладостно одержать побѣду *)».

Къ этому излюбленному предмету, оставшемуся до конца его любимымъ предметомъ среди самыхъ разнообразныхъ занятій, относятся многочисленные труды, обратившіе на него вниманіе публики, какъ на выдающагося представителя этой науки, и открывшіе ему двери медицинской академіи. Онъ долго работалъ надъ изданіемъ и переводомъ твореній Иппократа, появлявшихся въ печати съ 1839 до 1861 года. Первый томъ произвелъ сильное волненіе въ ученомъ мірѣ, возвѣстивъ ему о появленіи настоящаго ученаго. Съ 1832 года г. Литтре издалъ множество произведеній, изъ которыхъ самымъ замѣтнымъ было *Le choléra oriental* (Восточная холера); съ 1837 до 1846 г. онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Дезеймери медицинскій журналъ *l'Expérience;* въ 1848 г. имъ переведена «Естественная исторія» Плинія Старшаго; въ 1851 г. «Руководство къ физіологіи»,

*) Предисловіе къ книгѣ г. Е. Ноэля: *Mémoires d'un imbécile.*

Мюллера; въ 1854 г. онъ работалъ въ сотрудничествѣ г. Шарля Робенъ надъ новымъ изданіемъ *Словаря медицины и хирургіи* Пьера Нистена. Его настоящею спеціальностью въ этой серіи работъ были: научная критика и исторія медицины; его введеніе къ Гиппократовымъ трактатамъ по истинѣ мастерское произведеніе. Хотя сущность текста не достигаетъ совершенства, комментаріи и примѣчанія не могутъ почитаться послѣднимъ словомъ науки, хотя кое-гдѣ встрѣчаются неясности и нѣкоторыя филологическія неточности, тѣмъ не менѣе, этотъ громадный трудъ составилъ эпоху въ наукѣ, и если со временемъ удастся кому-нибудь его превзойти, то не иначе, какъ пользуясь имъ же въ очень большой мѣрѣ. Въ физіологическихъ и медицинскихъ вопросахъ г. Литтре есть, по моему мнѣнію, скорѣе представитель историческаго изслѣдованія и свободной критики, чѣмъ интуиціи, представитель науки какъ эрудиціи, а не науки, ведущей къ открытіямъ. Большая часть ошибочныхъ сужденій о значеніи людей въ области спеціальныхъ знаній происходитъ отъ смѣшенія эрудиціи съ способностью дѣлать открытія. Г. Литтре обладалъ громадными знаніями; онъ работалъ больше, чѣмъ могъ бы работать человѣкъ заурядныхъ способностей, зналъ все, что нужно было знать для столь разнообразныхъ занятій; онъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы стать превосходнымъ историкомъ медицины, и по этой части оставилъ намъ не мало законченнаго, образцово изложеннаго и оцѣненнаго критикою; но изъ своего столь превознесеннаго метода онъ не извлекъ ни одного открытія. Знаменитое изданіе *Словаря* Нистена могло бы такъ же смѣло быть подписано послѣдователемъ Кабаниса, какъ и послѣдователемъ г. Огюста Конта, принимая, разумѣется, во вниманіе разницу времени и успѣхи, сдѣланные наукою. Словарь этотъ есть, конечно, произведеніе позитивной науки, свободной отъ какихъ бы то ни было мистическихъ вліяній или спиритуалическихъ соображеній; но онъ отнюдь не необходимый результатъ позитивизма. Нѣтъ ни одного научнаго открытія, которое стояло бы въ прямой связи съ импульсомъ, даннымъ Огюстомъ Контомъ или его доктриной. Я этимъ не хочу сказать, что никто изъ позитивистовъ не сдѣлалъ ни одного открытія въ области физіологическихъ и медицинскихъ знаній, а лишь ставлю вопросъ: не могли ли тѣ же открытія быть сдѣланы помимо вліянія позитивистской школы?

Г. Литтре былъ, между прочимъ, съ 1831 года сотрудни-

комъ газеты *National*, спеціально занятымъ переводами изъ иностранныхъ журналовъ. Эту невидную обязанность онъ исполнялъ въ теченіе трехъ лѣтъ до конца 1834 года, когда ему пришлось написать нѣсколько статеекъ научнаго содержанія въ отдѣлѣ, называемомъ на языкѣ журналистовъ *Variétés*. Одна изъ нихъ, появившаяся въ началѣ 1835 года, поразила Армана Карреля, сидѣвшаго въ то время въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie, и онъ написалъ по этому поводу матери г. Литтре письмо, которое та хранила болѣе сорока лѣтъ въ портфелѣ и не хотѣла опубликовывать до тѣхъ поръ, пока не была закончена его карьера *). «Вамъ шлю я мой привѣтъ по поводу восхитительной статьи нашего Эмиля, напечатанной сегодня въ *National*. Я знаю, что удовольствіе, которое вамъ это доставитъ, для него всего дороже, и что похвалы, которыхъ его скромность не приняла бы отъ меня, переданныя черезъ ваше посредство, будутъ ему особенно пріятны сознаніемъ радости, доставленной матери. Передайте ему, что онъ выше всѣхъ насъ, что я не знаю въ Парижѣ человѣка, способнаго написать такую статью о Гершелѣ, какъ его статья, и краснѣю при воспоминаніи, что я былъ въ теченіе трехъ лѣтъ главнымъ редакторомъ журнала, въ которомъ онъ довольствовался положеніемъ, столь не соотвѣтствующимъ его знаніямъ и таланту, по меньшей мѣрѣ, равному этимъ знаніямъ. Высоту, до которой достигъ нашъ добрый и скромный Литтре невиднымъ и неустаннымъ трудомъ, я измѣряю лишь сознаніемъ собственнаго невѣденія по множеству предметовъ, о которыхъ онъ, какъ бы шутя, трактуетъ съ такою замѣчательною глубиною». Вотъ письмо, по истинѣ достойное благородной души писавшаго его и того, кому имъ воздавалась честь, кому указывалась блестящая будущность.

Въ это время (1835 г.) г. Литтре женился. Прежде, чѣмъ рѣшиться на женитьбу, онъ пережилъ періодъ тяжелой внутренней борьбы. Говорятъ, будто, подъ напоромъ самыхъ мрачныхъ мыслей, онъ колебался въ выборѣ между бракомъ, дальнимъ путешествіемъ и самоубійствомъ. Мать настояла на женитьбѣ и выбрала для него особу очень умную, съ преданной душой и къ тому же религіозную. «Родившаяся у него дочь,—говоритъ Сентъ-Бёвъ,—ставшая впослѣдствіи столь достойною своего отца, дѣльною помощницею въ его трудахъ, была воспитана въ вѣрѣ

*) Conservation, Révolution, Positivisme, Remarques, 2 édition, p. 201.

матери, т.-е. по христіански. Такъ этотъ философъ, одаренный настолько же нѣжнымъ сердцемъ, насколько былъ возвышенъ его умъ, понималъ вѣротерпимость и практиковалъ ее въ своей семьѣ. Онъ самъ воспитывалъ дочь и подобно тому, какъ уважалъ религіозныя убѣжденія своей жены, такъ же деликатно и нѣжно относился къ убѣжденіямъ дочери». Одинъ изъ его ближайшихъ друзей разсказывалъ нашему ученому товарищу, г. Бодри, какъ по достиженіи дочерью возраста, въ которомъ она могла вполнѣ понимать его, г. Литтре намѣревался изложить ей свои убѣжденія и дать возможность самой сдѣлать выборъ между мнѣніями отца и вѣрою матери; но когда настало время, онъ оставилъ эту мысль, боясь причинить тѣмъ горе женѣ.

Родственныя чувства были очень сильны у г. Литтре, и это проявлялось во всѣхъ важныхъ случаяхъ его жизни—въ 1838 г., когда онъ лишился брата, умершаго жертвою трупнаго зараженія; въ 1842 году, когда скончалась его мать. Лица, видѣвшія его отчаяніе, говорятъ, что онъ на цѣлые мѣсяцы впадалъ въ какое-то отупѣніе, не могъ ничемъ заниматься, не бралъ пера въ руки. Но рабочій человѣкъ не вправѣ надолго предаваться своей горести и въ томъ его спасеніе. Г. Литтре вынужденъ былъ приняться за дѣло; жизнь не ждала вокругъ него и не могла входить въ счеты со смертью. Упорная работа вывела его изъ опаснаго состоянія, которое, по словамъ близкихъ людей, могло окончиться самоубійствомъ или сумасшествіемъ.

Въ 1840 году онъ прочелъ произведенія Огюста Конта и увлекся его философіей. Вскорѣ потомъ онъ познакомился съ самимъ учителемъ и отдалъ свое перо на служеніе человѣку, просвѣтившему его новымъ свѣтомъ; въ этомъ направленіи онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока между ними не возникъ разладъ и г. Литтре уклонился изъ-подъ непосредственнаго вліянія своего учителя. Но въ началѣ и въ теченіе многихъ годовъ г. Литтре былъ вѣрнымъ послѣдователемъ этого ученія и его провѣдникомъ даже на страницахъ *National*, «не потому,—говоритъ онъ,—чтобы главные редакторы раздѣляли ту же доктрину; между ними были послѣдователи очень различныхъ философскихъ школъ; но они предоставляли мнѣ полную свободу высказывать мои убѣжденія, какъ я хотѣлъ и не одинъ разъ, а всегда, когда я находилъ это удобнымъ». Такимъ образомъ съ 1844 года эта газета становится для него какъ бы открытою трибуною для распространенія этой философіи.

Мы еще возвратимся къ возникновенію и послѣдовательнымъ видоизмѣненіямъ позитивистской доктрины въ стойкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижномъ умѣ г. Литтре, а пока ограничимся указаніемъ на изданія, относящіяся къ этой категоріи его трудовъ: *Analyse raisonnée du cours de philosophie positive* 1845 годъ, *Application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés* 1849 годъ, *Conservation, Révolution et Positivisme* 1852 г. Изданія эти представляютъ собою въ бо́льшей своей части собранія статей, появившихся въ *National*. Въ 1859 году вышла книга *Paroles de philosophie positive*, въ 1863 году *Fragements de philosophie positive et de sociologie contemporaine*. Съ 1867 г. онъ основалъ и редактировалъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ журналъ *Revue de philosophie positive* *), ставшій въ послѣдніе годы его жизни единственнымъ органомъ, проводившимъ его идеи.

Внушительный рядъ перечисленныхъ нами философскихъ трудовъ могъ бы наполнить собою долгую жизнь и удовлетворить энергическую дѣятельность. Но одновременно съ параллельными работами по исторіи медицины и по пропагандѣ позитивной философіи г. Литтре писалъ для *Journal des Savants*, для *Journal des Débats* и для *Revue des Deux Mondes* рядъ статей по совершенно иной отрасли знаній, этюды по исторіи и литературной критикѣ, по сравнительной филологіи и лингвистикѣ, составившіе нѣсколько томовъ «Исторіи французскаго языка» (*Histoire de la langue française*),—заглавіе слишкомъ громкое для сборника отрывочныхъ статей, что, впрочемъ, сознавалъ и самъ авторъ; въ 1875 году появились въ свѣтъ *Litérature et histoire*, *Les Barbares et le Moyen Age* и переводъ *Ada* Данта въ 1879 году, наконецъ, *Etudes et Glanures* въ 1880 году. Этими академическими работами онъ, самъ того не предвидя, былъ вовлеченъ въ изученіе стараго французскаго языка и сдѣлался впослѣдствіи великимъ знатокомъ и авторитетомъ по этой части. Въ 1839 г. онъ назначенъ членомъ академіи надписей и изящной литературы и вскорѣ потомъ избранъ на мѣсто г. Форіеля въ коммиссію, которой было поручено составленіе *Исторіи французской литературы*. Онъ взялся за это новое дѣло съ обычнымъ своимъ упрямствомъ, не знавшимъ никогда ни препятствій, ни усталости,

*) Около мѣсяца тому назадъ г. Вырубовъ заявилъ о прекращеніи этого журнала «въ виду равнодушія публики къ общимъ вопросамъ. Какъ писатели, такъ и читатели интересуются чѣмъ угодно, только не высшими научными вопросами».
Примѣч. переводч.

и почувствовалъ въ себѣ пробужденіе невидимыхъ до того времени влеченій, благодаря которымъ и благодаря своей желѣзной волѣ, онъ сдѣлался археологомъ языка, неотразимымъ свидѣтелемъ его преобразованій, первоклассным филологомъ, учителемъ и судьею. Изъ совокупности всѣхъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ, поздно сказавшихся качествъ возникло великое твореніе *Словарь французскаго языка* (*Dictionnaire de la langue française*), монументальное твореніе, котораго одного было бы достаточно для того, чтобы прославить имя автора, и которое является не болѣе, какъ эпизодомъ его многосторонней дѣятельности, но эпизодомъ славно и торжественно ее завершающимъ. Г. Литтре долго готовился къ этому труду изученіемъ происхожденія и органическихъ видоизмѣненій французскаго языка. Убѣжденный, подобно своимъ предшественникамъ, Рейцару и Дицу, въ томъ, что образованіе средневѣковыхъ языковъ не составляетъ случайнаго продукта разложенія латинскаго языка, что ихъ преобразованія подчинены таинственнымъ, но логическимъ законамъ и представляются случайными лишь вслѣдствіе нашего незнанія,—г. Литтре принялся за дополненіе, или, вѣрнѣе, за продолженіе ихъ изысканій и открытій въ томъ же направленіи. Путемъ самыхъ тонкихъ аналогій онъ доискивается грамматическихъ правилъ, которыми обусловились преобразованія языка: онъ усердно занимается просодіей старыхъ французскихъ поэмъ, пытаясь въ словоударенiи уловить законы произношенія и черезъ нихъ добраться до этимологіи. Такимъ образомъ, ему удается опредѣлить способъ образованія промежуточныхъ нарѣчій, настолько ему знакомыхъ и оцѣненныхъ имъ, чтобы открыть въ нихъ черты природной силы и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходства передъ новыми языками, изъ нихъ выработавшимися путемъ сложнаго процесса. Только въ 1846 году, послѣ долгихъ колебаній, онъ счелъ себя въ достаточной мѣрѣ подготовленнымъ къ труду, взяться за который уже въ теченіе пяти лѣтъ его убѣждалъ человѣкъ, достойный занять подобающее ему мѣсто въ исторіи французской литературы XIX столѣтія. То былъ г. Гашетъ, школьный товарищъ г. Литтре, одинъ изъ знаменитыхъ книгопродавцевъ-издателей, одаренныхъ способностью угадывать таланты, выводить ихъ на свѣтъ Божій и становиться издателемъ не только книгъ, но и людей. Безъ его ободреній и упорныхъ настояній, безъ нѣкотораго насилія съ его стороны надъ чрезмѣрною, иногда слишкомъ робкою скромностью стараго

товарища *Словарь*, по всей вѣроятности, никогда бы не былъ оконченъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадности этого произведенія и о размѣрахъ представляемаго имъ труда, слѣдуетъ прочесть разсказъ (*causeries*), написанный г. Литтре за годъ до смерти подъ заглавіемъ: *Какъ я написалъ мой словарь французскаго языка* *); имъ проливается новый свѣтъ на пріемы и методъ, принятые авторомъ, и, въ то же время, на подробности интимной его жизни, неразрывно связанной въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ этимъ произведеніемъ. Въ этихъ *causeries* странно перемѣшаны очень ученыя объясненія, относящіяся къ предварительнымъ изысканіямъ, къ логическому построенію этого грандіознаго памятника, и подробности о дѣлахъ домашнихъ, о полученіяхъ денегъ авансомъ отъ издателя, о послѣдующихъ платежахъ, о неожиданныхъ барышахъ и затѣмъ выраженіе изумленія передъ необыкновеннымъ успѣхомъ изданія. Мы разберемъ нѣкоторыя страницы, дающія интересныя черты къ характеристикѣ г. Литтре. По прошествіи сорока лѣтъ, онъ самъ удивляется, что осмѣлился взяться за такое предпріятіе.

Mais quoi! rien ne remplit
Le vastes appétits d'un faiseur de conquêtes **).

«Посмотримъ, говоритъ онъ, что такое въ сущности мои *vastes appétits* (алчность). Я одаренъ однимъ изъ тѣхъ неугомонныхъ, безпокойныхъ умовъ, которымъ бы хотѣлось охватить разнообразныя области знанія и, по прекрасному выраженію Мольера, уяснить все—*obtenir des clartés de tout;* алчный на пріобрѣтенія и скупой на пріобрѣтенное, я не хотѣлъ ни съ чѣмъ разстаться. Такъ, взявшись уже за мой словарь, я продолжалъ работать надъ моимъ Гиппократомъ. О чемъ только я ни мечталъ? Если бы мнѣ не помѣшали старческая слабость и удручавшія ее болѣзни, я бы взялся съ нѣсколькими сотрудниками за всеобщую исторію, планъ которой уже былъ мною составленъ» ***). Первая мысль о словарѣ возникла въ 1841 году и, въ то же время, имъ былъ заключенъ договоръ съ издателемъ-книгопродавцемъ; но не-

*) «Comment j'ai fait mon dictionnaire de la langue française». Помѣченъ 1 марта 1880 г. и изданъ въ Études et Gravures.

**) «Но что же это? Ничѣмъ не можетъ быть удовлетворена громадная алчность побѣдителя».

***) На эту тему имъ прочитана лекція въ политехнической школѣ въ Бордо во время войны, 1 февраля 1871 года.

обходимо было закончить другія работы, и прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ могъ «ввести это новое дѣло въ рамки своихъ повседневныхъ занятій». Тѣмъ не менѣе, эти годы не были потерянными временемъ для будущаго изданія. «Извѣстно, что иногда во снѣ безсознательной работой мысли выясняется идея, занимавшая насъ наяву; такъ во время слишкомъ продолжительнаго сна моего проекта опредѣлились мои идеи». Съ общаго согласія съ г. Гашетомъ рѣшено было расширить первоначальный планъ и не ограничиваться *этимологическимъ* словаремъ, но прибавить къ его заглавію слово *историческій*. Такая мысль главнѣйшимъ образомъ занимала г. Литтре съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ со всѣхъ сторонъ обдумывать планъ предположеннаго труда. Онъ отнюдь не скрываетъ, что самая идея принадлежитъ не ему. Ея зародышъ встрѣчается еще у Вольтера, предлагавшаго, вмѣсто произвольныхъ примѣровъ, приводить фразы, заимствованныя у лучшихъ писателей. Жаненъ совѣтовалъ смѣло доходить до старо-французскаго языка, которымъ страстно увлекался самъ, и не бояться искать авторитетовъ въ его литературѣ.

Г. Литтре воспользовался идеей Вольтера и совѣтомъ Жанена и создалъ совершенно самостоятельный планъ, лично ему принадлежащій. Онъ первый взялся всецѣло подчинить словарь исторіи. Тѣмъ не менѣе, онъ не безъ колебаній принялъ окончательное предложеніе г. Гашета и потребовалъ двадцать четыре часа на размышленіе.

«Эти двадцать четыре часа я провелъ въ страшномъ волненіи, во всю ночь не сомкнулъ глазъ, мысленно взвѣшивая всю тяжесть дѣла, которое приходилось окончательно принять на себя. Въ жизни никогда еще такой реальной строгостью не звучалъ въ моемъ умѣ непреклонный стихъ Горація: *quid ferre recusant, quid valeant humeri*. Громадность труда, долженствовавшаго, какъ я предвидѣлъ, длиться до моей старости, и необходимость въ теченіе долгихъ лѣтъ такъ расположить его, чтобы онъ не мѣшалъ работамъ, дававшимъ мнѣ средства къ жизни, шли въ разрѣзъ съ моими стремленіями. Наконецъ, къ утру рѣшимость одержала верхъ. Мнѣ стало стыдно отступать назадъ. Соблазнъ осуществить выработанный мною планъ былъ такъ великъ, что я подписалъ договоръ». При чтеніи этого драматическаго разсказа о ночи ученаго невольно приходитъ въ умъ сравненіе съ Александромъ или Конде въ ночь, предшествовавшую рѣшительной битвѣ. И, на самомъ дѣлѣ, то была битва, которую предстояло дать

и выиграть человѣку, имѣющему, по справедливости, право называться «великимъ служителемъ французскаго языка».

Мы не можемъ входить въ безчисленныя подробности всего дѣла, излагаемыя намъ г-мъ Литтре съ неутомимою обязательностью. Мы ограничимся лишь нѣсколькими указаніями. Прежде всего необходимо было выбрать массу примѣровъ изъ классиковъ и изъ книгъ на старо-французскомъ языкѣ. Для этого потребовалась цѣлая мастерская. Въ распоряженіе г. Литтре было дано нѣсколько человѣкъ, обязанныхъ читать за него и дѣлать выписки подходящихъ фразъ на маленькихъ карточкахъ, съ тѣмъ словомъ въ заголовкѣ, къ которому слѣдуетъ прибрать примѣры. Г. Литтре тоже читалъ и дѣлалъ выборки изъ нѣкоторыхъ книгъ. Его указанія, инструкціи сотрудникамъ имѣли очень общій характеръ: собрать сколь можно больше примѣровъ на каждое слово. не опускать ни архаизмовъ, ни неологизмовъ, ни отступленій отъ грамматики, обращать вниманіе на употребленія словъ въ переносномъ или извращенномъ значеніи и отдавать предпочтеніе примѣрамъ, особенно интереснымъ по изяществу или по анекдоту. подавшему къ нимъ поводъ, или по историческому событію. По установленіи программы, мастерская пущена въ ходъ и заработала съ правильною и плодотворною методичностью. Всѣ карточки каждаго изъ подручныхъ сходились въ рукахъ главнаго начальника и слагались въ сборникъ положительныхъ указаній, обработанныхъ для уясненія грамматическаго употребленія *). Общее расположеніе каждой статьи такое: слово, произношеніе, спряженіе глагола, если въ немъ представляются какія-либо неправильности, опредѣленія значенія и разныхъ смысловъ, расположенныя систематически съ подкрѣпленіемъ примѣрами, заимствованными у писателей XVII, XVIII и XIX вѣковъ, примѣчанія. если къ таковымъ представляется поводъ, относительно правописанія, смысла, грамматическаго построенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обсужденіе синонимовъ; историческая часть состоитъ изъ собранія примѣровъ съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка, и. наконецъ, этимологія. Такимъ образомъ каждая отдѣльная статья представляетъ собою монографію слова, его исторію, его положеніе въ настоящемъ и въ прошедшемъ. Ничего подобнаго до того времени не существовало.

Планъ былъ превосходный, но онъ не сразу выяснился во всей своей полнотѣ передъ сознаніемъ автора, а опредѣлился лишь

*) Предисловіе къ словарю, стр. 6 и 36.

послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и многихъ безплодныхъ уклоненій съ надлежащаго пути. Такая первоначальная неопредѣленность представляла первое серьезное затрудненіе. «Тотъ, кто взглянетъ на мои четыре тома, съ ихъ тысячами страницъ въ три колонки, пойметъ, конечно, что на все это потрачено много времени; но онъ никакъ не въ состояніи представить себѣ сколько еще времени безслѣдно ушло на тщетныя попытки, на передѣлки всего заново». Второе затрудненіе представляла необходимость ограничить выборъ примѣровъ. «При тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ я задумалъ мой словарь, я бы потерялся во времени и въ пространствѣ, если бы дозволилъ себѣ увлечься стремленіемъ къ полнотѣ по каждому изъ составлявшихъ его отдѣловъ. Необходимо было рѣшиться на многія жертвы и имѣть въ виду цѣлое, отказавшись отъ полной законченности частей. Я не имѣю поводовъ раскаиваться въ такой рѣшимости. Цѣлое появилось на свѣтъ, и это самое важное, такъ какъ во многихъ случаяхъ ему принадлежитъ господствующее значеніе надъ частями».

Печатаніе началось по настоянію издателя, правильно разсудившаго, что оно никогда не начнется, если дожидаться окончанія труда и одобренія его со стороны автора. Тутъ возникли новыя тревоги. Судя по положенію работъ, несчастный авторъ убѣдился, что скоро у него не хватитъ оригинала, и вслѣдствіе этого печатаніе пойдетъ такъ медленно, что ни онъ, ни издатель, оба люди уже не молодые, не доживутъ до его окончанія. Потеря для обоихъ была бы громадной, но для автора она, сверхъ того, была сопряжена съ большимъ нравственнымъ лишеніемъ. Онъ упалъ духомъ: предстояло либо отказаться совсѣмъ отъ словаря, либо поторопиться его изготовленіемъ и удовольствоваться произведеніемъ спѣшнымъ и незаконченнымъ. Г. Литтре пытался было утѣшиться тѣмъ, что его словарь, какой онъ ни выйдетъ, будетъ, все-таки, стоять далеко выше всѣхъ другихъ произведеній этого рода, и что этимъ можно удовлетвориться; онъ *льстилъ* самъ себѣ, старался самого себя увѣрить въ необходимости ограничиться меньшимъ и худшимъ, сознавая, что большее и лучшее было бы возможно. Искушеніе было громадно, но за то каково же и разочарованіе. Послѣ минутной слабости г. Литтре устыдился того, что считалъ отступничествомъ, и доблестно рѣшился не отступать ни на шагъ отъ предположеннаго плана. Но для его осуществленія необходимо было всю жизнь свою подчинить одной идеѣ, по часамъ распредѣлить на многіе годы свою работу и ра-

боты сотрудниковъ, не знать ни перерыва, ни отдыха, чтобы не отставать отъ типографіи. Г. Бажанъ, потомъ гг. Жюльенъ и Заммеръ, за ними Депра, Бадри, капитанъ Андре смѣняли другъ друга съ неутомимою ревностью. Окончательный просмотръ лежалъ на г. Литтре, но просматривать приходилось такую массу, что онъ не выдержалъ бы непосильнаго труда безъ двухъ помощниковъ—жены и дочери, работавшихъ подъ его наблюденіемъ и въ сферѣ его личной дѣятельности. Благодаря необыкновенной экономіи времени и силъ, достигнутой разумнымъ распредѣленіемъ труда, печатаніе, начавшееся въ послѣдней четверти 1859 года, было окончено въ 1872 году. Оно продолжалось болѣе тринадцати лѣтъ и ему предшествовали два года подготовительныхъ работъ.

Эти пятнадцать лѣтъ были годами истиннаго подвижничества. Съ восьми часовъ утра до обѣда, въ шесть часовъ, и съ семи часовъ вечера до трехъ утра,—такова мѣра ежедневнаго труда, посвященнаго словарю. Только на два часа въ послѣобѣденное время г. Литтре отрывался отъ него для необходимыхъ текущихъ занятій. Правильность этой жизни была нарушена политическими событіями—войною и коммуною. Г. Литтре принялъ всевозможныя мѣры къ сохраненію сокровища—мелкихъ лоскутковъ бумаги, карточекъ, въ которыхъ заключалась будущность его словаря. Онъ самъ передаетъ намъ Одиссею восьми ящиковъ, перенесенныхъ во время войны изъ подвала маленькаго домика въ Мениль-ле-Руа въ подвалы дома Гашетъ. Судя по предосторожностямъ, принятымъ г. Литтре къ ихъ сохранности, можно бы подумать, что въ этихъ ящикахъ заключено богатство банкира; въ нихъ дѣйствительно лежало богатство, только идеальное. Когда представилась возможность вернуться въ Парижъ, все оказалось въ цѣлости, «все спало мирнымъ сномъ, длившимся нѣсколько мѣсяцевъ, и, какъ въ волшебной сказкѣ Перро, все сразу пошло по прежнему». Несмотря на перемѣну въ жизни г. Литтре, сдѣлавшагося членомъ національнаго собранія, перерванный трудъ былъ оконченъ почти въ предположенный срокъ. Г. Литтре было пятдесятъ восемь лѣтъ, когда онъ передалъ въ типографію первый листъ оригинала; въ 1872 году, при окончаніи труда, ему исполнилось семдесятъ одинъ годъ. Блестящій успѣхъ былъ достойной наградою столькихъ волненій, столькихъ нравственныхъ и физическихъ усилій. Успѣхъ этотъ превзошелъ самыя горделивыя ожиданія автора. Французская литература обогатилась великимъ твореніемъ

безъ котораго немыслимо обойтись ни одному писателю. Пройдетъ столѣтіе, по меньшей мѣрѣ, прежде чѣмъ кому-либо удастся превзойти его, каковы бы ни были несовершенства его частностей, исчезающія въ грандіозной стройности и красотѣ цѣлаго.

Съ наивнымъ удовольствіемъ высчитываетъ г. Литтре, что оригиналъ (безъ *дополненія*) составлялъ 415,636 листовъ, что просмотрѣно 2,200 корректурныхъ гранокъ, что если бы напечатать все въ одну колонку, длина ея составила бы 37,525¼ метровъ (около 37 верстъ). Онъ въ восторгѣ отъ великолѣпныхъ результатовъ, достигнутыхъ непрерывною работою безъ отдыха, безъ развлеченій. Одно обстоятельство, неважное, въ сущности, было для автора источникомъ неутѣшной скорби. «Мнѣ хотѣлось,—говоритъ онъ,—собрать за общей трапезой, поздравить моихъ сотрудниковъ, издателя и нѣкоторыхъ старыхъ друзей. Болѣзнь вынудила меня отказаться отъ сборищъ и обѣдовъ. Сперва я полагалъ, что отложить нашъ прощальный обѣдъ придется лишь на время; отложить пришлось навсегда. Время ничего не поправило, а только все ухудшило; эти строки я едва пишу слабою и больною рукою».

Продолжительный, неумолимый недугъ безвыходно заперъ г. Литтре въ его комнатѣ, почти приковалъ къ креслу, «подобно бѣдняку Скарону» *). Но Скаронъ не былъ врачемъ, и г. Литтре имѣлъ надъ нимъ то грустное преимущество, что могъ опредѣлить признаки и прогрессивный ходъ своей болѣзни. Странная идея пришла ему тогда въ голову, а именно: не есть ли его болѣзнь послѣдствіе образа жизни, который онъ велъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, посвященныхъ словарю? Онъ внимательно изслѣдуетъ всѣ признаки болѣзни, тщательно старается отдѣлить личныя поврежденія здоровья отъ наслѣдственнаго расположенія къ подагрѣ и заканчиваетъ любопытное изслѣдованіе наивнымъ восклицаніемъ: «Я признаю словарь рѣшительно невиновнымъ въ удручающихъ меня органическихъ поврежденіяхъ»! Онъ согласенъ быть больнымъ, даже тяжкою и неизлѣчимою болѣзнью, лишь бы никто не могъ обвинить въ томъ словарь. Все хорошо, или, по крайней мѣрѣ, сносно, лишь бы правъ былъ его словарь.

Рядъ почестей былъ наградою трудовой жизни, ненасытнаго стремленія къ знанію. «Мои труды,—говоритъ г. Литтре въ 1874 году,—награждены выше, чѣмъ я когда-либо могъ разсчитывать.

*) Littérature et Histoire, préface.. p. 7.

Немногаго просилъ я у общества; оно дало мнѣ болѣе того, чего я ожидалъ и на что считалъ себя вправѣ. Я свидѣтельствую объ этомъ въ тѣ минуты, когда, достигнувши глубокой старости, уже ничего не ищу, ничего не преслѣдую» *). Онъ, по справедливости, гордился тѣмъ, что всѣ почести выпали на его долю по избранію. Еще молодымъ онъ выбранъ былъ, сорокъ лѣтъ назадъ, членомъ академіи надписей; *Journal des Savants* избралъ его своимъ сотрудникомъ; въ медицинской академіи онъ занялъ одно изъ мѣстъ, предоставляемыхъ этимъ учрежденіемъ лицамъ, не имѣющимъ степени доктора; французская академія, какъ бы сожалѣя о томъ, что отвергла его въ 1863 году, послѣ знаменитыхъ преній, воспользовалась окончаніемъ словаря и избрала автора своимъ членомъ. Наконецъ, пробывши нѣкоторое время депутатомъ, г. Литтре былъ избранъ пожизненнымъ сенаторомъ и, такимъ образомъ, удостоился всѣхъ почестей, доступныхъ для человѣка науки, причемъ никогда не поступился ни малѣйшею долею своей свободы въ пользу какой-либо власти или партіи. Онъ порѣшилъ разъ навсегда: «устроить свою жизнь такъ, чтобы не допустить возможности нареканій, строго ограничивши свое честолюбіе исключительно тѣмъ, что дается избраніемъ или общественнымъ мнѣніемъ». Онъ достигъ этого и тѣмъ самымъ оградилъ себя отъ недоброжелательствъ, возбуждаемыхъ его философскими мнѣніями, которыя безусловно закрывали для него нѣкоторыя карьеры. Оставаясь во все время второй имперіи въ абсолютной оппозиціи, г. Литтре на себѣ доказалъ, что въ нашей соціальной средѣ, помимо карьеры, всѣ желанія причинить вредъ оказываются не имѣющими никакого значенія въ области философіи и литературы. «Противъ меня были возбуждаемы такія полемики, которыми разсчитывали меня уничтожить, или, въ случаѣ упорства съ моей стороны, отклонить толпу и общественное мнѣніе отъ проклятаго человѣка. Чѣмъ же кончилось? Извѣстные и неизвѣстные друзья во Франціи и внѣ ея отнеслись съ презрѣніемъ къ этимъ выходкамъ или не обратили на нихъ никакого вниманія... И на самомъ дѣлѣ противники, разрозненные страстностью и преувеличеніями въ спорѣ, остаются другъ для друга недосягаемыми. Не лучше ли бы было оставить оскорбительные и недобросовѣстные политическіе пріемы» **)? При особенно рѣзкихъ нападкахъ и даже оскорбленіяхъ г. Литтре

*) Études et Glanures, p. 437.

**) Conservation, Revolution, Positivisme, Remarques, 2 éd., p. 46—49.

утѣшалъ себя такого рода размышленіями: «Читатели республиканскихъ журналовъ не читаютъ журналовъ монархическихъ и клерикальныхъ, и наоборотъ. Ни тѣ, ни другіе знать другъ друга не хотятъ, и въ результатѣ получается полное обоюдное незнаніе. Этимъ создается нѣчто похожее на то, что каждый говоритъ какъ бы самъ съ собою для собственнаго удовольствія. Говорятся вещи неправдивыя, неправдоподобныя, не имѣющія никакого вліянія и значенія; противникъ изображается въ искаженномъ видѣ единственно ради того, что пріятно видѣть его изуродованнымъ, и этимъ довольствуется большинство партіи... А такъ какъ люди противныхъ партій не читаютъ другъ друга и въ особенности другъ другу не вѣрятъ, то и выходитъ, что журналы противоположныхъ направленій не въ состояніи дескредитировать человѣка въ средѣ, ему сочувствующей и поддерживающей его» *).

Г. Литтре стремился все знать, все сдѣлать, или, по меньшей мѣрѣ, попытать; онъ былъ даже поэтомъ. Мы говоримъ это не потому, что онъ пробовалъ переводить «Адъ» Данта стихами на языкѣ XIV вѣка; это скорѣе tour de force эрудиціи, чѣмъ поэтическое вдохновеніе; но онъ не разъ пытался придать своей мысли ритмъ и стихотворную форму, напоминающую нѣсколько Ламартина. Этого рода опыты мы находимъ въ концѣ книги *Littérature et Histoire*. Въ этихъ стихахъ вылился избытокъ его чувствъ, возбужденныхъ нѣкоторыми возвышенными сюжетами. «Свѣтъ», «Звѣзды», «Старость», «Земля»,—вотъ чѣмъ вдохновлены эти пѣсни. Въ нихъ встрѣчаются смѣлыя строфы, прекрасные стихи, но общій тонъ не выдержанъ, все построеніе натянуто и тяжеловато. Поэтическія искушенія были, впрочемъ, очень скоропроходящи, и самъ г. Литтре не придавалъ никакого серьезнаго значенія своимъ стихотворнымъ произведеніямъ въ такомъ родѣ:

O terre, mon pays, monde parmi les mondes,
Tandis que je te suis dans les plaines profondes,
Il me prend un plaisir austère et pénétrant
A joindre mes destins aux tiens, dans la carrière
D'où tu viens en arrière,
Où tu vas en avant.

Въ ряду прозаическихъ произведеній, однимъ изъ наиболѣе обработанныхъ и могущихъ дать лучшее понятіе о писателѣ

*) Littérature et Histoire, préface, p. 7.

слѣдуетъ указать его *Рѣчь*, произнесенную въ 1875 году при вступленіи его во французскую академію. Это похвальное слово предшественнику, г. Вильмену, превосходно составлено. Г. Литтре относится къ сошедшему въ могилу академику менѣе строго, чѣмъ его собратія по филологіи, онъ превозноситъ краснорѣчіе профессора, тонко разбираетъ его значеніе въ литературѣ. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній г. Литтре не проявилъ въ такой мѣрѣ достоинствъ писателя, какъ въ академической рѣчи. Онъ достигъ въ ней такой же высоты, какой достигалъ мѣстами въ своей книгѣ *Варвары и средніе вѣка* и въ нѣкоторыхъ страницахъ своихъ философскихъ сочиненій.

Былъ ли онъ писателемъ по природѣ? Несомнѣнно, въ немъ были для того всѣ задатки: сознаніе силы и правды, умѣніе находить удачные, новые образы, стремленіе къ красотѣ, желаніе достигнуть совершенства. Но это самое стремленіе и это желаніе слишкомъ замѣтно проглядываютъ въ томъ, что онъ писалъ. Въ его манерѣ писать, несомнѣнно, видно честное отношеніе къ предмету и нѣкоторая неловкость. Первое побуждаетъ его представить все такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности и каковымъ отражается въ его умѣ; неловкость заключается въ желаніи сказать слишкомъ многое, высказать все. Вслѣдствіе этого основная мысль какъ бы расплывается въ подробностяхъ, теряется въ предложеніяхъ вводныхъ и во всякихъ нагроможденіяхъ. Таковъ естественный результатъ безконечныхъ поправокъ, стремленія къ грамматической точности и психологической вѣрности, вставокъ и дополненій, чрезмѣрно удлиняющихъ и затемняющихъ предложеніе. Г. Литтре излишне хлопоталъ о полнотѣ въ ущербъ ясности, достигаемой не иначе, какъ путемъ постоянныхъ пожертвованій и урѣзокъ, которыхъ онъ не умѣлъ дѣлать. Ему не доставало чувства художественной мѣры. Несмотря на многія прекрасныя страницы, имъ написанныя, его нельзя назвать художникомъ. Онъ это самъ чувствовалъ. «Когда я пишу,—говорилъ онъ,—то бываю порою доволенъ написаннымъ. Но затѣмъ наступаетъ время сомнѣнія (le quart d'heure de Rabelais), потребность перечитывать, исправлять, передѣлывать въ корректурныхъ гранкахъ. Въ этой второй фазѣ я рѣшительно всѣмъ недоволенъ».

Тогда-то именно онъ и портилъ все, желая исправить и добиться лучшаго. Для иныхъ писателей этотъ второй моментъ есть время дѣйствительнаго усовершенствованія ихъ произведеній въ доступной для нихъ мѣрѣ; другіе же тутъ-то и уступаютъ не-

счастному искушенію дополнять и передѣлывать до безконечности. Извѣстно, сколько труда причиняла подобная слабость Бальзаку и какъ дорого она обходилась его издателямъ, доходившимъ съ нимъ до настоящихъ ссоръ. Чуть не насильно приходилось вырывать у него корректурные оттиски, которые онъ все исправлялъ и переправлялъ, требуя новыхъ оттисковъ, мучая типографію безконечной работой. Не доходя до той же крайности, г. Литтре страдалъ тѣмъ же недовѣріемъ къ себѣ. Вслѣдствіе этого его слогъ тяжелъ, фраза длинна, запутана, лишена живости и какъ бы нерѣшительна.

Коснемся послѣдней черты, дополняющей нравственный образъ г. Литтре. Былъ ли онъ человѣкъ скромный и въ какой мѣрѣ?— «Несомнѣнно,—отвѣчаетъ онъ самъ на этотъ вопросъ,—въ смыслѣ мнѣнія, какое я имѣю самъ о себѣ. Давно уже я самъ себя разбираю,—разбираю часто и серьезно,—и не думаю, чтобы передъ такимъ постоянно повторяющимся разборомъ могло во многихъ устоять высокое мнѣніе о себѣ. У меня, по крайней мѣрѣ, оно не устояло. Но если понимать скромность въ томъ смыслѣ, что человѣкъ не выставляется на видъ, не лѣзетъ впередъ, остается даже назади,—въ такомъ случаѣ я считаю нужнымъ сдѣлать оговорку: меня не скромность удерживала назади, а сознаніе недостаточности силъ, которыя я бы могъ противопоставить смутно предвидѣннымъ случайностямъ. Порою я бывалъ слишкомъ самонадѣянъ и теперь, когда мой словарь оконченъ, я нахожу, что много надо было имѣть смѣлости, чтобы взяться за него. На такого рода дѣла у меня всегда хватитъ смѣлости; во всемъ же остальномъ я могъ бы быть хорошимъ солдатомъ и не годился бы въ командиры» *). Эта внѣшняя робость мѣшала ему говорить въ собраніяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ; такъ же рѣдко слышался его голосъ въ академіяхъ. Г. Литтре самъ разсказываетъ, какъ по пятницамъ, день засѣданій академіи надписей и изящной словесности, которыя онъ навѣщалъ очень аккуратно, пока болѣзнь дозволяла,—онъ все время перелистывалъ Боссюэта и пріискивалъ въ немъ примѣры для словаря. Во французской академіи онъ появлялся только во дни выборовъ; онъ уже сильно недомогалъ съ самаго своего избранія въ эту академію и въ ней говорилъ очень рѣдко и лишь когда былъ вынуждаемъ высказать свое мнѣніе относительно опредѣленія или этимо-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 492.

логіи какого-либо слова для нескончаемаго академическаго словаря, за который общество академиковъ принимается вновь, какъ только онъ оконченъ, чтобы оставаться постоянно въ курсѣ измѣненій языка. Но за частымъ отсутствіемъ знаменитаго ученаго, его до нѣкоторой степени замѣнялъ его историческій словарь, никогда не сходившій со стола. Это было его записанное мнѣніе, къ которому обращались во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, который слушали всегда съ уваженіемъ. Такимъ образомъ г. Литтре, все-таки, принималъ большое и достойное участіе во всѣхъ преніяхъ, касавшихся обширной области языкознанія, навсегда неразрывно связанной съ его именемъ.

II.

Г. Литтре былъ скорѣе организаторомъ, чѣмъ изобрѣтателемъ. Самъ онъ, повидимому, того же мнѣнія о себѣ, что и высказано имъ въ послѣсловіи (эпилогѣ) одной изъ его книгъ: «Во мнѣ были способности, давшія мнѣ возможность выдвинуться и обратить на себя вниманіе; но онѣ высказались поздно за недостаткомъ подходящаго для нихъ примѣненія. Мой умъ не изъ быстро находчивыхъ въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ; не было человѣка безпомощнѣе меня передъ внезапными трудностями, если мнѣ не бывало дано времени ихъ изучить и къ нимъ приготовиться. Такимъ образомъ мнѣ пришлось очень долго учиться; но это было необходимо, и я бы считалъ себя теперь неблагодарнымъ, если бы сталъ на это жаловаться, какъ на потерю времени» *). Какимъ онъ былъ въ жизни интеллектуальной, такимъ же оставался и въ практической жизни. У него не было иниціативы идеи; но разъ ему представлялась идея, хотя бы въ зародышномъ состояніи и въ неполномъ видѣ, онъ брался за нее съ свойственною ему одному силою, преслѣдовалъ ее съ послѣдовательностью, на которую только онъ и былъ способенъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что идея эта не болѣе, какъ неполный призракъ истины. Тогда въ немъ возникала новая внутренняя работа; онъ пытался, съ своею обычною добросовѣстностью, *предостеречь* себя противъ собственныхъ интеллектуальныхъ привычекъ и побороть то, что называлъ «своею всестороннею неспособностью». Онъ глубоко чувствовалъ основной недостатокъ своего ума, заключавшійся въ томъ, что «ничего ему не давалось вдох-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 204.

новеніемъ и, такъ сказать, напередъ онъ вынужденъ былъ все пріобрѣтать дорого достающимся и многократно повтореннымъ опытомъ» *).

Этимъ объясняется исторія его убѣжденій. При тщательномъ изученіи ихъ послѣдовательности въ строго хронологическомъ порядкѣ, а не въ ихъ совокупности, вполнѣ выясняются различныя фазы, пройденныя г. Литтре въ политикѣ и въ философіи, тѣ промежуточные шаги, которые вели его отъ одной фазы къ другой, и прегрессивное развитіе его ума подъ одновременнымъ вліяніемъ опыта и мысли. Онъ въ самомъ себѣ осуществилъ законъ эволюціи, проявленія котораго въ человѣческихъ обществахъ имъ изучены съ такою любознательностью. И надо отдать ему полную справедливость въ томъ: перемѣны его убѣжденій никогда не обусловливались какими-либо низкими мотивами, недостойными истиннаго мыслителя. Къ величайшей чести его должно признать, что онъ всегда стремился къ свѣту, какъ бы тяжело и болѣзненно ни было ощущеніе этого свѣта. Г. Литтре принадлежитъ къ числу немногихъ людей, не ставящихъ свое «я» выше истины, своего самолюбія выше правды,—людей, дерзающихъ просто и смѣло произнести два крайне тяжелыхъ слова: «я ошибался».

Любопытно прослѣдить проявленіе такой добросовѣстности въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ пользоваться его собственными указаніями и только ими одними. Самымъ выдающимся документомъ можетъ служить второе изданіе его книги: *Conservation, Révolution, Positivisme.* о которомъ мы уже упоминали. Въ этомъ изданіи мы находимъ драгоцѣннѣйшіе комментаріи, каждая глава снабжена интереснѣйшимъ *post-scriptum,* подвергнута безпощадной критикѣ и безчисленнымъ исправленіямъ, дающимъ возможность оцѣнить перемѣну въ образѣ мыслей автора, вызванную тридцатью годами опыта и работы мысли. Авторъ порою выставляетъ «обстоятельства, смягчающія» его прошлыя ошибки и заблужденія, но съ необыкновенною твердостью исправляетъ ихъ и отказывается отъ ошибочныхъ мнѣній. Мы ограничимся приведеніемъ лишь немногихъ выдающихся примѣровъ. 18 ноября 1850 года, подъ вліяніемъ идей Огюста Конта, г. Литтре написалъ нѣсколько странныхъ, утопическихъ страницъ *о мирѣ запада (la paix*

*) Études et Glanures, p. 425.

occidental). Въ нихъ онъ развиваетъ ту наивную мысль, что за прекращеніемъ всеобщей войны, охватившей Европу тридцать пять лѣтъ назадъ и въ виду тридцати - пятилѣтняго періода мира, есть много шансовъ полагать, что война уже никогда болѣе не вспыхнетъ. «Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ,—говоритъ онъ,—соціологія предвидитъ этотъ вѣчный миръ; она предвидѣла его до потрясеній 1830 года, до грозы, едва не разразившейся въ 1840 году, предвидѣла до февральскихъ событій 1848 года, и постоянно, вопреки самыхъ тревожныхъ признаковъ, событія подтверждали ея предвидѣніе. Равнымъ образомъ и теперь можно предсказать миръ для всей нашей переходной эпохи, за которою наступитъ новая эра западно - республиканской конфедераціи, долженствующая навсегда положить конецъ вооруженнымъ столкновеніямъ. Уже теперь установилась солидарность между націями; она еще болѣе окрѣпнетъ черезъ 10—15 лѣтъ. Нѣмцы, англичане, итальянцы, французы и испанцы научатся понимать другъ друга еще лучше, чѣмъ понимали въ 1848 году, и еще менѣе, чѣмъ тогда, будутъ склонны воевать другъ съ другомъ... Въ настоящее время мы видимъ въ Европѣ политическія побѣды и пораженія, время военныхъ пораженій миновало. Борьба ведется на Западѣ между партіями, а не между націями». Посмотримъ, что говоритъ г. Литтре въ 1878 году объ утопистѣ 1850 года: «Эти несчастныя страницы,—пишетъ онъ,—находятся въ вѣчномъ противорѣчіи съ только что пережитыми нами событіями. Даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я скорблю о довѣрчивости, ихъ внушившей... Едва я успѣлъ сказать, поддавшись суетному воодушевленію, что Европа не увидитъ болѣе военныхъ погромовъ, имѣющихъ смѣниться политическими пораженіями, какъ разразился военный погромъ въ Крыму, затѣмъ Австрія побита въ Италіи, она же побита Пруссіей, Франція потерпѣла пораженія при Седанѣ и Мецѣ и еще недавно разгромлена Турція. Кончится ли на этомъ? Кто знаетъ! Съ самомнѣніемъ, которое теперь мнѣ самому кажется смѣшнымъ, я противопоставлялъ то, что я называю реальною политикою, предвидящею вѣчный миръ вопреки признаковъ противнаго, политикѣ, называемой мною вульгарною, выводящей на основаніи признаковъ заключенія о возможности войны или мира. Несостоятельность реальной политики была вполнѣ доказана, и еще разъ и столь полно восторжествовала вульгарная политика» *).

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 480 et 483.

Къ этому г. Литтре гордо прибавляетъ: «Мнѣ хотѣлось непремѣнно самому напомнить объ этихъ страницахъ, чтобы докончить мою политическую и философскую исповѣдь. Я ошибался. Но кто же не ошибался? Но не это меня смущаетъ. Нѣтъ, меня смущаетъ увѣренность, съ которою я относился къ угрожающимъ явленіямъ, и въ особенности мое безразсудство, поведшее къ тому, что въ подкрѣпленіе вѣры въ соціологію мною выставлены предвидѣнія, долженствовавшія такъ скоро оказаться глубоко ошибочными». Онъ объясняетъ эти необыкновенныя заблужденія двумя причинами: первая причина личная—это абсолютная его вѣра въ непогрѣшимость сужденій г. Огюста Конта. Этому преобладающему вліянію онъ приписываетъ лелѣянныя имъ въ то время химеры о паденіи бонапартизма, объ упроченіи республики въ 1850 году, о необходимости отмѣны бюджетовъ исповѣданія и университета, объ оставленіи навсегда войны, о близости позитивнаго періода и о скоромъ наступленіи окончательнаго торжества доктрины, долженствующей управлять міромъ. Другая причина, которою онъ объяснялъ самонадѣянность своихъ несбывшихся пророчествъ, заключается въ смѣшеніи въ то время въ его умѣ понятій о предреканіяхъ соціологическихъ съ предвидѣніями такихъ наукъ, какъ астрономія. Въ пылу первыхъ увлеченій доктриною, ему представилось, что, подобно тому, какъ превосходство астрономіи доказывается массамъ ея предвидѣніемъ явленій въ пространствахъ небесныхъ, такъ же значеніе соціологіи можетъ быть утверждено предвидѣніемъ въ области политики извѣстныхъ явленій, ею подготовленныхъ и предусмотрѣнныхъ на томъ основаніи, что явленія эти самою соціологіей вызваны. Но впослѣдствіи онъ пришелъ къ соображенію, что чѣмъ проще наука, тѣмъ ея предвидѣнія обширнѣе и безошибочнѣе, и наоборотъ, чѣмъ наука сложнѣе, тѣмъ ограниченнѣе и сомнительнѣе ея предвидѣнія. Такова именно соціологія, сложнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, а потому наименѣе способная предусматривать вдаль вслѣдствіе многочисленности и тонкости элементовъ, входящихъ въ ея разсчеты. Такимъ образомъ онъ дошелъ до установленія между двумя политиками: эмпирической, составляющей достояніе государственныхъ людей, дипломатовъ, министровъ, государей, представительныхъ собраній; эта политика, при помощи ближайшихъ опытовъ и иногда геніальныхъ вдохновеній, рѣшаетъ дѣла, управляетъ ходомъ событій и составляетъ предположенія о ихъ послѣдствіяхъ; другая политика—научная—не

имѣетъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время достаточныхъ средствъ предвидѣть событія и случайности, тѣмъ не менѣе, она указываетъ главнѣйшія теченія соціальнаго развитія, и, слѣдовательно, должна быть весьма принимаема въ соображеніе. При всемъ этомъ можно еще многое сказать противъ правильности ея предположеній и точности указываемыхъ ею теченій по отношенію къ отдаленному будущему. Г. Литтре не разъ повторяетъ это характеристическое признаніе. Въ силу вышесказаннаго онъ прямо отказывается отъ двусмысленной и мудреной роли позитивистскаго пророка, въ которой онъ потерпѣлъ такія крупныя неудачи. Онъ довольствуется собираніемъ возможно бо́льшаго числа наблюденій, ихъ классификаціей, обсужденіемъ причинъ прошедшихъ событій и законовъ, ихъ обусловившихъ, онъ старается разобраться въ постоянно возрастающей сложности этихъ наблюденій и стремится подвести ихъ къ согласованію съ основными причинами. Тутъ онъ въ своей настоящей роли экспериментальнаго философа.

Съ тѣмъ же чистосердечіемъ, очень трогательнымъ въ старикѣ, заслужившемъ столь высокое уваженіе общества, г. Литтре разбиралъ одну за другой свои политическія иллюзіи, не щадя своего самолюбія и ничѣмъ не стѣсняясь. Около 1848 г., подъ опьяняющимъ дѣйствіемъ февральской революціи и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него идеями г. Огюста Конта, онъ убѣждается въ томъ, что пережитые Франціей государственные перевороты предвѣщаютъ наступленіе новой эры и что міръ находится наканунѣ *позитивнаго* періода, когда, при философскомъ согласованіи знаній, всѣ общества обратятся къ *позитивизму*. Оставалось только подготовить переходъ отъ стараго къ новому. Главныя черты этой реформы, долженствовавшей привести насъ къ окончательному складу жизни, состояли въ возможномъ ограниченіи парламентской власти, низведеніемъ ея на рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ, въ соразмѣрномъ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ впредь до полной ея отмѣны съ наступленіемъ духовнаго образа правленія*), въ созданіи, наконецъ, центральной власти, составленной изъ трехъ верховныхъ сановниковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть и избираемыхъ исключительно населеніемъ города Парижа.

«Этимъ путемъ,—говорилъ г. Литтре,—пролетаріи непосредственно получатъ власть въ свои руки. Это необходимо для окончанія

*) См. *Рус. Мысль*, ноябрь 1883 г. «Религія позитивизма». Прим. перев.

долгой революціи Запада. Ради свободы позитивизмъ отмѣнитъ бюджеты вѣроисповѣданій и университетскій, откроетъ клубы и развяжетъ руки прессѣ; ради сохраненія порядка позитивизмъ предоставитъ преобладаніе Парижу, центральной власти и пролетаріямъ *). Парижъ всегда низвергалъ правительство и установлялъ на ихъ мѣсто новыя, и такъ всегда будетъ, пока Франція будетъ Франціей. Во всѣхъ нашихъ революціонныхъ перипетіяхъ силою вещей Парижу постоянно предоставлялось избраніе или признаніе правительства. Что же повелѣваетъ позитивная политика, какъ не признаніе этой неизбѣжности и ея упорядоченіе?... Парижъ, облеченный великою избирательною функціей, не замедлитъ ввѣрить власть рабочимъ, и въ этомъ онъ явится только осуществителемъ здоровыхъ тенденцій. Пролетаріатъ сремится къ власти, а такъ какъ прогрессивные инстинкты развиты въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ, то онъ и достигнетъ власти при болѣе предпочтительныхъ интеллектуальныхъ условіяхъ» **). Управленіе Франціей, городомъ Парижемъ и верховенство пролетаріата, —въ этомъ заключалась вся программа г. Литтре. Онъ отстаивалъ не только права пролетаріата, что составляетъ сущность демократіи, но необходимость поставить его въ привилегированное положеніе, необходимость создать новую аристократію, аристократію на выворотъ, верховенство парижскаго рабочаго, произвольно и легально распоряжающагося судьбами Франціи.

То была идея г. Огюста Конта; но г. Литтре, которому было поручено отъ имени коммиссіи изложить ее передъ собраніемъ общества позитивистовъ, заявляетъ, тридцать лѣтъ спустя, что онъ всецѣло раздѣлялъ ее. «Я неохотно согласился напечатать эти странныя страницы, — писалъ онъ позднѣе,—иначе, какъ странными, я не могу ихъ назвать. Но передъ читателями я не желалъ скрыть всей глубины того, что я теперь считаю моими заблужденіями» ***). Онъ удивлялся даже, что противники не воспользовались противъ него этимъ документомъ во время полемики изъ-за его академической кандидатуры въ 1863 году. Онъ признаетъ, что съ ихъ стороны это былъ бы честный бой и что самъ онъ былъ бы поставленъ въ прискорбную необходимость отступиться отъ своихъ мнѣній въ крайне неудобный моментъ. Свободный отъ этого внѣшняго давленія, г. Литтре изложилъ

*) Conservation, Révolution, Positivisme, предисловіе къ 1-му изданію, выкинутое при второмъ изданіи.

**) Conserv., Rév., Posit., 1 éd., p. 23.

***) Conserv., Rév., Posit., 2 éd., p. 246.

полное отреченіе отъ этихъ мнѣній сперва въ книгѣ: *Огюстъ Контъ и позитивная философія*, потомъ въ *Fragments de philosophie positive* и, наконецъ, въ *Remarques*, написанныхъ въ 1878 году. Онъ передаетъ намъ, какъ событія разнесли до основанія всѣ эти гипотетическія построенія, подобно карточнымъ домикамъ; онъ превосходно выясняетъ, почему нѣкоторыя условія, присущія политической и соціальной жизни Франціи, превращаютъ эти измышленія Конта въ неосуществимую гипотезу. Онъ признаетъ, что всѣ эти измышленія основаны на трехъ крупныхъ фактическихъ ошибкахъ: первая—это мнѣніе, будто февральская революція привела къ положенію, называемому позитивистами «transition» (переходомъ), составляющему единственную ступень между теперешнимъ положеніемъ и окончательнымъ строемъ народной жизни. Вторая ошибка—вѣра въ пролетаріевъ, въ ихъ способность взять въ свои руки и удержать власть, къ чему они оказываются рѣшительно неспособными. На самомъ дѣлѣ, пролетаріи, какъ и заявилъ впослѣдствіи г. Литтре, не представляютъ собою всей полноты классовъ народа, они лишь одна изъ частей его во Франціи, по крайней мѣрѣ; другая часть, очень важная и болѣе многочисленная, состоитъ изъ крестьянства. Третья ошибка заключается въ неправильной оцѣнкѣ соціалистовъ, которыхъ г. Литтре принималъ тогда за полу-позитивистовъ, чѣмъ они отнюдь никогда не были *). Эти три фактическія ошибки, заключаетъ г. Литтре, отнимали всякую надежду на возможность осуществить проектъ революціоннаго и переходнаго правленія, не говоря уже о противодѣйствіи провинцій господству Парижа, буржуазныхъ классовъ преобладанію рабочихъ, крестьянскаго населенія системамъ соціалистическимъ или инымъ.

Вмѣстѣ съ осужденіемъ взгляда на преобладающую роль пролетаріата, разрушились всѣ иллюзіи того же рода, нѣкоторое время занимавшія умъ г. Литтре. Онъ созналъ, наконецъ, что нѣтъ середины между гигантскою химерою непосредственнаго *самоправленія* народной массы, приводящаго къ анархіи или диктатурѣ, и чистою, простою формою парламентскаго режима. Онъ рѣшительно перешелъ на сторону послѣдняго и подъ конецъ жизни сталъ ревностнымъ его защитникомъ. Не разъ онъ развивалъ по этому поводу замѣчательныя соображенія. Дѣло въ томъ, что массы способны дать перевѣсъ чувствамъ и тенденціямъ, поддерживать и санкціонировать и совсѣмъ не способны управ-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, p. 247, 248 et 327.

лять. Чѣмъ многочисленнѣе масса, тѣмъ менѣе она способна постановить какое-либо рѣшеніе въ дѣлѣ управленія государствомъ; у нея не достаетъ знаній, личныя занятія каждаго отнимаютъ у большинства много времени, интересы настолько разнообразны, что примирить ихъ не представляется возможности *). Предоставленіе правительственной власти непосредственно массѣ неминуемо стало бы источникомъ величайшихъ золъ; для избѣжанія этихъ золъ, для пользы дѣла необходимы посредники, то-есть, въ сущности, режимъ парламентскій, и таковой, будь онъ монархическій или республиканскій, оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ настоящему положенію европейскихъ народовъ. Этотъ образъ правленія даетъ достаточныя гарантіи для поддержанія порядка, а равно для ненарушимости свободы, ибо онъ обусловливается свободою печати, преобладаніемъ общественнаго мнѣнія, возможностью гласнаго обсужденія, участіемъ большинства націи черезъ представителей въ управленіи дѣлами государственными и, наконецъ, онъ открываетъ путь къ послѣдующимъ реформамъ, указываемымъ политическимъ опытомъ и общимъ прогрессомъ.

Въ 1879 году г. Литтре въ очень любопытной статьѣ настоятельно указывалъ на крупную ошибку г. Конта, утверждавшаго, будто парламентскій режимъ есть продуктъ британскій, непригодный для переноски на иную почву **). Изъ быстраго обзора роста цивилизаціи на Западѣ, г. Литтре выводилъ совершенно противоположное заключеніе, а именно, что этотъ образъ правленія клонится въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія не къ упадку, а къ правильному развитію на континентѣ Европы. Не вездѣ одинаковый и представляющій собою различныя степени развитія, онъ сильнѣе на континентѣ, чѣмъ въ Англіи, но и тамъ, и здѣсь онъ не измѣняетъ своей характеристической особенности—обезпеченія гласности и свободы обсужденія, лучшихъ гарантій для всѣхъ и каждаго. Г. Литтре остался крѣпко убѣжденнымъ республиканцемъ, какимъ былъ въ теченіе многихъ долгихъ лѣтъ, но сдѣлался республиканцемъ-парламентаристомъ.

Такъ, мало-по-малу умудряемый повторяющимися опытами, правильнымъ мышленіемъ, одушевляемый безусловною правдивостью по отношенію къ своимъ убѣжденіямъ и событіямъ,

*) Remarques, p. 171 et 252.
**) Revue de philosophie positive, juillet-aout 1879, p. 140.

этотъ прогрессирующій умъ расширялся и освобождался изъ-подъ вліянія доктрины, возвышался и умиротворялся. Г. Литтре глубокими и тонкими штрихами очерчиваетъ исторію внутренней жизни ума, самоконтролирующагося, самонаказующагося и безостановочно совершенствующагося: «Очень долгая жизнь среди постоянныхъ страданій, правда, но съ головою, сохраняющею, какъ мнѣ кажется, полную ясность мысли, опять наводитъ меня на обсужденіе прошедшаго путемъ сравненія съ настоящимъ, не увлекаясь, впрочемъ, подобно старцу Горація, ни похвалами прошлому, ни критикой и осужденіемъ настоящаго. Я считаю особенно поучительнымъ для себя лично, по крайней мѣрѣ, оглянуться назадъ, лѣтъ за сорокъ или за пятдесятъ, и сообразить, что сталось, благодаря пережитымъ событіямъ, со всѣмъ тѣмъ, во что мы вѣрили, чего страшились, на что возлагали надежды. Мнѣ сдается, несмотря на увѣренія въ противномъ, что старикъ, не упорный, конечно, не менѣе молодаго способенъ *образумиться (est redressable)* и не можетъ оставаться постоянно вѣрнымъ предубѣжденіямъ, которыми увлекался и которымъ подчинялся когда-то. Я опять ставлю себя на точку зрѣнія позитивной философіи, какою я ее принималъ безъ всякаго ограниченія. Событія научили меня неизбѣжности ограниченій. Много ли найдется старыхъ революціонеровъ, старыхъ консерваторовъ, которые бы рѣшились, подобно мнѣ, старому позитивисту, принять на себя долю вины въ своихъ разочарованіяхъ, не сваливая ее всю цѣликомъ на обстоятельства *)».

Ограниченія, необходимости которыхъ его научили событія, выразились въ его все большемъ и большемъ удаленіи подъ старость отъ школы революціонеровъ, отъ ея историческихъ сужденій, ея правительственныхъ и политическихъ пріемовъ. Опредѣляя *революцію,* онъ говоритъ о ней, какъ о совокупности тенденцій, стремящихся насильственно разрушить прошедшее въ его вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ. Ея источникъ онъ видитъ въ возрастающемъ конфликтѣ между позитивнымъ знаніемъ и теологическими вѣрованіями; ея опасность—въ анархическихъ тенденціяхъ, неизбѣжномъ результатѣ раціоналистическихъ воззрѣній, чисто субъективныхъ, не имѣющихъ поддержки въ опытѣ, умозаключеній, изъ которыхъ каждое имѣетъ настолько привлекательности, чтобы покорить себѣ нѣкоторое число умовъ, но ни одно

*) *Expérience rétrospective au sujet de notre plus récente histoire.*

не обладаетъ достаточною устойчивостью для подчиненія большинства, для полученія значенія закона *). Черезъ это *революція* вноситъ разложеніе въ общество и, въ то же время, рѣзко уничтожаетъ очарованіе поколѣній. Прошедшее ей ненавистно; она ведетъ противъ него ожесточенную борьбу. То и другое служитъ источникомъ величайшихъ ошибокъ и вопіющихъ несправедливостей. *Революція* изрекаетъ безусловное *отлученіе* противъ всего прошедшаго, объявляетъ его всецѣло негоднымъ и позорнымъ; она бы уничтожила его безслѣдно, если бы только могла; исторіи она знать не хочетъ. Въ умахъ просвѣщенныхъ эволюціонная доктрина все болѣе и болѣе вытѣсняетъ собою эту доктрину насилія. Она признаетъ за прошедшимъ его историческія права, объясняетъ основанія его бытія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицаетъ у революціи извѣстной доли законности, смотря по времени и по мѣсту. Медленно и логически, въ пространствѣ и во времени эволюціонная доктрина развертываетъ послѣдовательность идей и генерацій; она ничего не обрываетъ насильственно, она констатируетъ и слѣдитъ за движеніемъ логическаго и естественнаго прогресса, свойственнаго органической жизни общества; она не присвоиваетъ себѣ способности измѣнять въ свою пользу естественный ходъ вещей; она научно подчиняется управляющему имъ закону и лишь на условіи такого подчиненія считаетъ возможнымъ имъ пользоваться.

Изъ этой экспериментальной и умозрительной философіи легко вывести всѣ идеи и всѣ чувства, которымъ руководился г. Литтре при оцѣнкѣ современныхъ событій, которыми обусловливалась его ненависть къ вооруженному соціализму, его неоднократныя осужденія коммуны, его энергическое осужденіе всѣхъ видовъ политическаго убійства **). Противъ всѣхъ этихъ проявленій насилія его приговоръ безпощаденъ и онъ высказывалъ его, не стѣсняясь ничѣмъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей онъ почиталъ политическимъ преступленіемъ всякую инсуррекцію, равно и всякій государственный переворотъ, ниспровергающій или пытающійся ниспровергнуть установленную власть съ тѣмъ, чтобы передать правленіе въ руки какого-либо человѣка или партіи. Это родъ преступленія, по его мнѣнію, есть самый тяжкій, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ современныхъ обществахъ. Отраженные толчки нанесеннаго имъ удара обрушиваются не только на частныхъ лицъ,

*) Remarques, p. 103.
**) Remarques, p. 453, 457 et suiv.

поражаемыхъ ради уничтоженія ихъ сопротивленія, но также на общественное благосостояніе, на положеніе международное, на взаимныя отношенія гражданъ, на общественную нравственность. Этотъ видъ преступленій заслуживаетъ особаго изученія, какъ болѣзненное, соціально-патологическое явленіе *). «Съ 1814 по 1871 годъ (до бордосскаго постановленія, признавшаго третью республику, какъ совершившійся фактъ, до версальскаго постановленія, признавшаго законность факта) исторія наша полна политическихъ преступленій; ихъ совершаютъ короли, императоры, люди изъ народа и подвергаются за то безпощадному приговору передъ судомъ соціологіи... Всѣ въ теченіе этихъ сорока семи лѣтъ, рѣшительно всѣ, легитимисты, республиканцы и имперіалисты, одинаково виновны и подлежатъ равному осужденію. Я сталъ бы презирать себя, если бы допустилъ какое-либо исключеніе въ пользу республиканской партіи на томъ основаніи, что самъ я республиканецъ, и если бы позволилъ себѣ одобрять такія дѣянія этой партіи, которыя я осуждаю у другихъ. Я не допускаю, чтобы дурное для однихъ могло быть хорошимъ для другихъ, ни оправданія средствъ ради конечной цѣли. Я всегда и безусловно на сторонѣ тѣхъ, кто рѣшительно отказывается отъ пути насилія; по отношенію же къ тѣмъ, кто отъ нихъ не отказывается, я сохраняю полное безпристрастіе, но только безпристрастіе, а не равнодушіе, такъ какъ съ глубочайшею сердечною скорбью присутствовалъ при многихъ перипетіяхъ нашей современной исторіи».

Тѣми же принципами объясняются отношеніе г. Литтре, какъ историка, къ христіанству и положеніе, принятое имъ въ качествѣ законодателя при торжественномъ случаѣ, когда онъ нашелъ, что власти погрѣшаютъ противъ либерализма и терпимости. Иногда люди передовой демократической партіи выражали удивленіе по поводу его благопріятныхъ для христіанства сужденій объ исторической роли этой религіи. Г. Литтре держался въ данномъ случаѣ очень простаго различія: какъ послѣдователь позитивнаго ученія, онъ принадлежалъ къ философской партіи и былъ противникомъ теологій, настаивалъ на ихъ несовмѣстимости, по его мнѣнію, съ новымъ міровоззрѣніемъ. Но какъ историкъ, онъ говорилъ и обязанъ былъ говорить совершенно иначе. Тогда онъ вспоминаетъ, что религіи стоятъ въ неразрывной связи съ

*) Révue de philosophie positive, juillet-août 1879.

развитіемъ человѣчества; что развитіе это не можетъ быть отдѣлено отъ вліяній на него религій, и что,—взвѣсивши все и превознося степень достигнутой нами цивилизаціи, — справедливость повелѣваетъ отдать должное постояннымъ и могущественнымъ сотрудницамъ, помогавшимъ цивилизаціи совершить ея дѣло. «Кто бы усмотрѣлъ въ этомъ новомъ положеніи противорѣчіе или отступничество съ моей стороны, тотъ доказалъ бы только узкость своего ума и всю тяжесть своихъ предразсудковъ» *).

Равнымъ образомъ не было бы ни практическимъ противорѣчіемъ, ни отступничествомъ отъ своихъ убѣжденій, если бы г. Литтре, сдѣлавшись государственнымъ человѣкомъ, призваннымъ вѣдать матеріальные и нравственные интересы нашихъ столь сложныхъ обществъ, призналъ бы своею непремѣнною политическою обязанностью предоставить теологіямъ (религіямъ) покровительство и независимость, обязательныя для государства по отношенію ко всѣмъ доктринамъ. Спеціально на эту тему написана даже очень любопытная статья, появившаяся одновременно въ *Revue de philosophie positive* и въ *Temps* въ 1879 году подъ заглавіемъ: *Le catholicisme selon le suffrage universel en France*. Статья эта произвела глубокое впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, въ той партіи, съ которою обыкновенно вотировалъ г. Литтре, и въ противной; первая была скандализирована громкою огласкою такого раскола, вторая—поражена такимъ безпристрастіемъ. Въ сущности же, г. Литтре оставался вѣренъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Конечно, онъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ ни къ клерикализму, ни къ іезуитамъ. Онъ считалъ одною изъ первѣйшихъ заботъ для современной политики—борьбу съ тѣмъ и съ другимъ; онъ опасался торжества ихъ доктринъ и довольно рѣзко излагалъ эти доктрины. Но на этотъ разъ для него дѣло шло не о доктринѣ, а о справедливости. Для отклоненія опасности ихъ торжества представлялись на выборъ двѣ системы: первая—предупредительная, дѣйствуетъ посредствомъ закона, установляя исключенія, поражая интердиктомъ ту или другую ассоціацію, то или другое обученіе; вторая — репрессивная, не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ и принимаетъ репрессивныя мѣры, когда представляется къ тому необходимость, но, ради соблюденія и защиты драгоцѣннѣйшихъ

*) Revue de philosophie positive, mars-avril 1880.

и національныхъ интересовъ, обращается къ сильно развитымъ и поддерживаемымъ свѣтскимъ учрежденіямъ *). Съ этой точки зрѣнія г. Литтре смотритъ на вопросъ и рѣшаетъ его съ необычайною твердостью принциповъ. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, онъ объявляетъ себя противникомъ предупредительной системы и исключительныхъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, т.-е. по отношенію къ свободѣ преподаванія, онъ считаетъ ихъ недостигающими цѣли и вредными, и приводитъ не мало тому доказательствъ. По его мнѣнію, режимъ свободы не только несравненно дѣйствительнѣе вышеуказаннаго, но только одинъ и дѣйствителенъ при условіи постоянства, умѣренности и искусства. Въ видѣ возраженія приводятъ доводы о законности репрессалій. Неужели, говорятъ сторонники первой системы, должно быть терпимымъ относительно того, кто самъ не допускаетъ терпимости? Неужели можно предоставить свободу тому, кто отказываетъ въ ней другимъ? Г. Литтре, не колеблясь, отвѣчаетъ: Да. Съ давнихъ поръ люди свѣтскіе, сторонники новыхъ идей и учрежденій, превозносятъ свое нравственное превосходство надъ изобрѣтателями теологическихъ доктринъ; разумѣть, конечно, надо превосходство въ правосудіи и въ справедливости. Первымъ доказательствомъ служитъ именно терпимость по отношенію къ противникамъ. Эта терпимость есть вѣрнѣйшій залогъ побѣды. Слѣдовательно, должно дозволить іезуитамъ среди народа свободно составлять общины, враждебныя этому народу, вѣчно стремящіяся всякими способами уничтожить всѣ свѣтскія учрежденія? Эти враждебныя общины не прекратятъ своего существованія, будетъ или не будетъ у нихъ отнято право преподаванія. Поддерживающія ихъ религіозныя убѣжденія непоколебимы никакими мѣропріятіями; противопоставлять имъ слѣдуетъ тоже убѣжденіе, а въ таковыхъ нѣтъ недостатка. Кромѣ этого нѣтъ другихъ средствъ; опасность устранить нельзя, съ нею должно считаться, не преувеличивая ее и не умаляя. Къ тому же, разъ мы съумѣемъ стать выше предубѣжденій, ничего не можетъ быть полезнѣе постоянной угрозы и ея послѣдствія—выдержки, къ которой насъ вынуждаетъ опасная бдительность ожесточеннаго врага» **).

Такова сущность знаменитой деклараціи принциповъ, которая явилась какъ бы послѣднимъ словомъ г. Литтре въ сенатѣ. Природная робость, во всякомъ случаѣ, помѣшала бы ему прочесть эту рѣчь,

*) Revue de philosophie positive, septembre-octobre 1879.
**) Revue de philosophie positive, p. 239 et 242.

если бы онъ даже былъ здоровъ, и онъ изъ своего рабочаго кабинета адресовалъ ее своимъ друзьямъ и недругамъ. Она произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе. По его мнѣнію, не правы были тѣ, кто видѣлъ въ этой рѣчи не простой протестъ во имя справедливости, равной для всѣхъ. На этомъ единственномъ пунктѣ г. Литтре разошелся съ своими политическими друзьями. Помимо этого, никакого существеннаго измѣненія въ его мнѣніяхъ не замѣчается; съ высоты позитивистскихъ понятій онъ съ прежнею строгостью осуждаетъ то, что называетъ «теологіями». Тѣмъ не менѣе, все это подало поводъ къ ошибочному пониманію его.

«Когда увидѣли, что на исторической почвѣ онъ стоитъ за католицизмъ среднихъ вѣковъ, тогда многимъ представилось будто въ глубинѣ души онъ питаетъ тайную привязанность къ похваляемой имъ доктринѣ; похвалы были, само собою, только относительныя. Равнымъ образомъ участіе, принятое имъ въ дебатахъ о публичномъ преподаваніи, нисколько не противорѣчило такому заключенію и даже казалось подтверждало его. Онъ явился тутъ рѣшительнымъ сторонникомъ политики, иначе относящейся къ католицизму, какъ религіи большинства націи, чѣмъ къ нему обыкновенно относятся республиканцы» *). Этого довольно было, чтобы внушить однимъ надежды и встревожить другихъ. Г. Литтре объявилъ и надежды, и тревоги совершенно безосновательными.

Чтобы ясно уразумѣть состояніе его духа и мысли въ эти дни, столь близкіе къ смерти, нужно прочесть нѣчто вродѣ философскаго завѣщанія, опубликованнаго въ 1880 г. подъ грустнымъ и серьезнымъ заглавіемъ: «Въ послѣдній разъ» (*Pour la dernière fois*). «Если есть вопросы,—говоритъ онъ,—возвратиться къ которымъ представляется нѣкоторый поводъ, то надо самому себѣ сознаться, что возвращаешься къ нимъ въ послѣдній разъ, когда дожилъ, какъ я, до восмидесятилѣтняго возраста съ изрядною тяжестью патологическихъ разстройствъ на плечахъ».

Г. Литтре припоминаетъ въ общихъ чертахъ кризисы своей философской жизни. Въ началѣ его вѣрованія были деистическія: Богъ, душа и безсмертіе. Эти вѣрованія онъ почерпнулъ въ окружавшей его средѣ безъ догматическаго ученія. Но уже въ ранней молодости онъ отказался отъ религіи натуральной и сталъ *отрицателемъ* (*négateur*) въ духѣ XVIII вѣка. «Много лѣтъ спустя, позитивная философія успокоила его колебанія и привела его къ

*) Revue de philosophie positive; mai—juin 1880.

новой точкѣ зрѣнія, признающей за «теологіями» значеніе историческаго продукта эволюціи человѣчества, убѣждающей насъ въ относительности нашихъ разумѣній и не допускающей ни утвержденія, ни отрицанія въ виду громадности неизвѣстнаго *). Г. Литтре заявляетъ, что съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ его не измѣнился...

Съ спокойствіемъ и твердостью стоика встрѣтилъ онъ старость, пережилъ ее и смотрѣлъ на неизбѣжность смерти, неисчерпаемой темы размышленій и поученій моралистовъ. Но сами они расходятся во взглядахъ: одни вѣрятъ, что смерть есть переходъ къ новой жизни; другіе думаютъ, что ею всецѣло кончается существованіе человѣческой личности. Каковы бы ни были разномыслія и разногласія, всѣ покоряются ея неизбѣжности, одни съ вѣрою въ послѣдующую вѣчную жизнь, другіе съ вѣрою въ вѣчный покой **). Мысль о смерти не покидала Литтре въ послѣдніе годы жизни. Она вдохновляла его лучшія страницы, между прочимъ, нижеслѣдующія, сокращаемыя мною съ величайшимъ сожалѣніемъ: «Молодость мало думаетъ о смерти; но мысль о ней все чаще приходитъ на умъ по мѣрѣ приближенія старости. Доживши до пятидесяти лѣтъ, я оглянулся, чтобы сообразить, какая часть жизни прожита, и снова пустился въ путь, предполагая дожить до семидесяти лѣтъ. Этотъ довольно щедро мною самимъ себѣ назначенный періодъ давалъ возможность пока не особенно думать о смерти. Пришелъ и этотъ возрастъ, и прошелъ, и уже далеко онъ назади; конецъ съ каждымъ днемъ близится и своимъ я считаю лишь прожитой день. Въ старости Вольтеръ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что видъ звѣзднаго неба наводитъ на думы о скоромъ концѣ для него этого зрѣлища, котораго онъ уже вѣчно не увидитъ. Подобно ему, съ мыслью о томъ, что, быть можетъ, это въ послѣдній разъ, люблю и я смотрѣть на яркія звѣзды, на зелень моего сада и на необъятный просторъ моря». Далѣе онъ разбираетъ различные роды смерти, какъ бы самъ готовясь къ концу: «Одни умираютъ покойно, для другихъ конецъ сопряженъ съ мучительными болями. Одинъ рано теряетъ сознаніе, другой до конца сохраняетъ ясность мысли. Одинъ до послѣдняго вздоха надѣется поправиться, другой чувствуетъ приближеніе конца; такъ моя мать за нѣсколько дней до смерти говорила, что пора идти къ своимъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать различныхъ, безчисленныхъ случайностей. Трудно

*) Revue de philosophie positive, octobre 1877 et mai 1880.

**) Remarques, p. 430.

заранѣе приготовиться къ послѣднимъ минутамъ: такъ въ нихъ все разнообразно и случайно! Давно уже я говорю себѣ самому и другимъ: «Всякій умираетъ какъ можетъ, а не какъ хочетъ. Въ смерти, какъ и въ жизни, царитъ случайность». Онъ замѣчаетъ, между прочемъ, что при конечномъ разсчетѣ съ жизнью характеръ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ вѣрованія, и что приготовленія къ смерти должны быть различныя, сообразно характеру каждаго. Тѣмъ, кто безъ сожалѣнія и горя смотритъ на неизбѣжность конца, достаточно поддерживать въ себѣ эти чувства; тѣ же, кому онъ страшенъ и ненавистенъ, «должны стараться преодолѣвать себя самихъ, искать развлеченія въ привязанности близкихъ и въ занятіяхъ». Мы не знаемъ, въ какомъ изъ этихъ расположеній духа застала смерть г. Литтре. На томъ, что приведено нами, оканчиваются достовѣрныя, документальныя свѣдѣнія о его жизни. Какъ протекли послѣдніе дни благороднаго труженника? Это вопросъ, который, вѣроятно, разрѣшится когда-нибудь. Но пока онъ внѣ компетенціи нашего суда и единственнымъ отвѣтомъ съ нашей стороны можетъ быть только почтительное молчаніе.

Мы приняли на себя не легкою задачу передать, основываясь на показаніяхъ самого г. Литтре, его жизнь, всецѣло посвященную труду и мысли, исторію его почти безчисленныхъ работъ, внутреннюю и часто драматическую исторію его души. Каковы бы ни были разногласія съ такимъ человѣкомъ, все-таки, нельзя не питать глубокой симпатіи и полнаго уваженія къ его высокимъ нравственнымъ качествамъ, побуждавшимъ его не оставлять послѣ себя сознательно ни малѣйшаго зародыша заблужденій и употребить послѣдніе годы жизни на своего рода строгій судъ надъ самимъ собою не въ области дѣлъ, а въ области убѣжденій, причемъ онъ сознается въ томъ, что многократно впадалъ въ ошибки. Мы изучили человѣка по его собственнымъ указаніямъ, и если представленный нами портретъ вѣренъ, то наша въ этомъ случаѣ заслуга состоитъ лишь въ точной передачѣ образа, начертаннаго самимъ г. Литтре съ такою трогательною правдивостью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛИНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ Фридриха Шпильгагена.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Часть первая.

Глава I.

Гансъ остановился мимоѣздомъ у постоялаго двора подъ вывѣскою «Zum König von Preussen», осмотрѣлъ только что присланную съ его фермы молочную корову, выслушалъ горячія выраженія благодарности молодой хозяйки, выпилъ, по усиленной просьбѣ Класа Венхака, стаканъ холоднаго пива и вышелъ на улицу, гдѣ работникъ держалъ его верховую лошадь. Класъ Венхакъ опередилъ гостя, взялъ поводъ изъ рукъ работника и хотѣлъ самъ помочь господину барону сѣсть въ сѣдло. Гансъ уже вложилъ было ногу въ стремя, но тотчасъ же опять опустилъ ее. По направленію къ деревенскому трактиру быстро несся маленькій ягдвагенъ. Сидѣвшій въ немъ князь Прора увидѣлъ барона и приказалъ кучеру остановиться. Гансъ подошелъ къ экипажу.

— Добрый вечеръ, милѣйшій баронъ!—дружески протянулъ ему руку князь.—Какими судьбами вы такъ поздно здѣсь?

— По дѣлу, ваша свѣтлость.

— Я такъ только спросилъ потому, что самъ запоздалъ. Будете сегодня на праздникѣ въ Грибеницѣ?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, не буду.

— Какъ нѣтъ? Да мнѣ не дальше, какъ полчаса тому назадъ, когда я ѣхалъ черезъ Грибеницъ, самъ графъ сказалъ, что будутъ и вашъ дѣдушка, и бабушка, и фрейленъ Герта.—Графъ при этомъ такъ лукаво подмигнулъ и такъ выразительно хлопнулъ по плечу своего долговязаго Акселя.—Да, нѣтъ... какъ же

это,—вы, глава фамиліи... Гм... гм... Скажите, милѣйшій, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не будете?

Князь нагнулся и близко заглянулъ въ лицо молодаго человѣка. Легкая краска проступила на смуглыхъ щекахъ Ганса.

— Ну, ну, не сердитесь, мой дорогой,—сказалъ князь.—Я отнюдь не желалъ бы быть нескромнымъ. Гм... гм... Но, все-таки, вы позволите сказать объ этомъ княгинѣ? Т.-е. о томъ, что вы не будете? Быть можетъ, она то же не поѣдетъ въ такомъ случаѣ, и я тоже. Мы собственно только потому и располагали ѣхать, что были вполнѣ увѣрены... Впрочемъ, я васъ, кажется, задерживаю. До свиданія, даже до скораго свиданія. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ, надо же чѣмъ-нибудь покончить насчетъ лѣса. Вы побываете у меня или мнѣ заѣхать? Да ладно, у васъ дѣла больше, чѣмъ у меня; послѣ завтра я поѣду въ охотничій замокъ и заверну къ вамъ утромъ, въ одиннадцать. Adieu, милѣйшій баронъ, au revoir!

Князь еще разъ пожалъ руку молодому человѣку; экипажъ помчался дальше. Гансъ вернулся къ лошади, вложилъ опять ногу въ стремя и задумался. Класъ Венхакъ, прикрытый лошадью и незамѣченный княземъ, слышалъ весь разговоръ отъ слова до слова; полагая, что ему, мѣстному трактирщику, многое неизмѣримо болѣе извѣстно, чѣмъ князю, онъ очень охотно продолжилъ бы, по своему, прерванную бесѣду, но не посмѣлъ и сказалъ, чтобы только что-нибудь сказать:

— Я было забылъ, господинъ баронъ: вамъ сегодня было письмо съ нарочнымъ изъ Зундина. Если бы я зналъ, что вы сюда пожалуете, я бы его оставилъ; а то приказалъ на крѣпко старому Ниммо идти черезъ Ново-Проницъ. Тамъ на пути домой ваша милость его повстрѣчаете. А теперь вы изволите ѣхать на Старо-Проницъ лугами?

Баронъ мелькомъ, какъ бы безсознательно взглянулъ на Класа Венхака, потомъ устремилъ глаза опять куда-то вдаль, погруженный въ свою думу. Сомнѣваясь въ томъ, что баронъ разслышалъ сказанное, Класъ на всякій случай продолжалъ:

— Письмо, навѣрное, отъ Ливоніуса о пшеницѣ. То-есть адресъ написанъ не рукою Ливоніуса и печать не его. Но я знаю, какъ онъ хлопочетъ о пшеницѣ; ну, такъ вотъ если господинъ баронъ продастъ, тогда и другіе господа станутъ продавать. Они только васъ и ждутъ. А цѣны ничего, недурныя, а тамъ, пожалуй...

— Я тоже думаю,—сказала Лизхенъ, грустно качая головою.—Онъ такъ давно даже писать пересталъ, больше года. Говорятъ, онъ уѣхалъ въ Грецію, гдѣ теперь они дерутся съ турками, другъ другу головы рѣжутъ.

— Ну ее, Лизхенъ!—сказалъ Класъ.—Я готовъ объ закладъ побиться, что она, все-таки, выйдетъ за графа. У нея нѣтъ за душою ни талера и во всю жизнь не дождаться ей такой великолѣпной партіи. Хочешь биться объ закладъ, Лизхенъ?

— Нѣтъ, Класъ, не стану я объ закладъ биться про несчастье человѣка.

— Несчастье! Экія глупости! Куда же она дѣнется, когда умрутъ старые господа? А случиться это можетъ очень скоро. Не можетъ же она жить одна въ Старо-Проницѣ. Это, однако, что еще такое?

Изъ аллеи парка, со стороны Зундина, послышались звуки почтоваго рожка.

— Экстра-почта,—сказалъ Класъ.—Вотъ оказія-то! Ни одной лошаденки нѣтъ дома.

— Быть можетъ, они здѣсь останутся,—проговорила Лизхенъ.

— Въ іюнѣ-то? До іюля никогда ни души не пріѣзжаетъ.

— Или, можетъ быть, проѣдутъ прямо въ Грибеницъ? Полчаса еще пробѣгутъ и ихъ лошади.

— Прескверная исторія! Подлѣйшая исторія! — повторялъ Класъ, въ сильномъ волненіи снимая шапку и сильно почесывая голову. — Влетитъ мнѣ въ карманъ это содержаніе станціи! Развѣ обѣихъ караковыхъ...

Почтовая карета обогнула уголъ и направилась къ постоялому двору. Класъ хотѣлъ было уйдти въ домъ, но его придержала Лизхенъ.

— Такъ, такъ, спрячься... а я будь тутъ одна въ отвѣтѣ, въ моемъ-то положеніи! Если потребуютъ лошадей, можно дослать до мясника Дамица, принанять его пару рыжихъ. Только, вотъ увидишь, они останутся здѣсь.

— Прибраны ли комнаты наверху?

— Это уже мое дѣло... Класъ, ты совсѣмъ одурѣлъ! Помоги же господамъ выдти.

Класъ схватился за веревку колокола, возвѣщавшаго о пріѣздѣ посѣтителей, и звонилъ изо всей силы, хотя во всемъ дворѣ, кромѣ него, Лизхенъ и конюха Іохена, ни души не было. Іохенъ со двора услыхалъ почтовый рожокъ и поспѣшилъ выдти къ

воротамъ. Класъ бросилъ веревку и сбѣжалъ съ крыльца къ дверцѣ только что остановившейся почтовой кареты. Лизхенъ быстро оправляла фартукъ, чтобы пріѣзжіе господа не сразу могли замѣтить, въ какомъ она положеніи. Класъ взялся было за ручку каретной дверцы и чуть не опрокинулся навзничь,—дверца быстро распахнулась, показался мужчина и, не касаясь подножки, спрыгнулъ прямо на землю. Онъ тотчасъ же обратился къ особѣ, сидѣвшей въ каретѣ, и заговорилъ на неизвѣстномъ языкѣ. Въ дверцу выглянуло лицо, по которому озадаченный Класъ никакъ не могъ рѣшить: женщина сидитъ въ каретѣ или другой мужчина. Изъ-подъ ярко-краснаго платка, окутывавшаго голову, на него сверкнулъ огненный взглядъ черныхъ глазъ, мелькнули густыя черныя брови и опять исчезли въ глубинѣ кареты. Даже тогда, когда эта странная особа, осторожно спускаясь задомъ, вышла изъ экипажа, трактирщикъ оставался бы въ томъ же недоумѣніи относительно ея пола, если бы не разсмотрѣлъ въ ея рукахъ нѣчто, тщательно закутанное; это нѣчто было, очевидно, очень маленькое дитя. Лизхенъ тотчасъ же сообразила то же самое, быстро сошла съ крыльца и хотѣла взять ребенка изъ рукъ женщины, несшей кромѣ того еще большой узелъ. Недружелюбнымъ взглядомъ и рѣзкимъ жестомъ отклонила пріѣзжая услуги молодой хозяйки. Между тѣмъ, Лизхенъ не замѣтила, какъ изъ кареты вышла другая дама и, слегка опираясь на руку мужчины, очутилась передъ нею, точно изъ земли выросла. По крайней мѣрѣ, Лизхенъ была поражена не меньше, чѣмъ если бы дѣйствительно она выросла изъ земли: такой красоты она въ жизнь свою не видывала; она забыла даже сдѣлать обычный книксенъ. Несомнѣнно, такое же впечатлѣніе произвела дама и на Класа; онъ стоялъ, широко раскрывши глаза и разинувши ротъ, до тѣхъ поръ, пока улыбка дамы, веселый смѣхъ державшаго ее подъ руку мужчины и нѣсколько словъ, обмѣненныхъ ими на неизвѣстномъ языкѣ, не напомнили хозяевамъ трактира ихъ обязанности. Лизхенъ присѣла, Класъ снялъ шайку и отвѣсилъ нижайшій поклонъ; у обоихъ точно гора съ плечъ свалилась, когда пріѣзжій господинъ заговорилъ по-нѣмецки съ едва замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ и потребовалъ двѣ смежныхъ комнаты, а вещи приказалъ вынуть изъ экипажа и внести въ домъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ направился съ своею дамою къ крыльцу; за ними слѣдовала мрачная, черноглазая старуха съ ребенкомъ. Класъ бросился впередъ указывать дорогу, а Лизхенъ приказала Іохену

бѣжать, что есть мочи, въ садъ и звать какъ можно скорѣе Стину и Мину, развѣшивавшихъ тамъ бѣлье.

Глава II.

Черезъ четверть часа Класъ снѣшно накрывалъ столъ въ комнатѣ для почетныхъ гостей къ ужину знатнаго посѣтителя, пожелавшаго кушать внизу; Лизхенъ устроивала наверху помѣщеніе для дамъ и ребенка. Въ томъ, что пріѣзжій—знатный баринъ, не могло быть для Класа никакого сомнѣнія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ его умная Лизхенъ подтвердила эту догадку многозначительнымъ кивкомъ. Класъ не зналъ, откуда онъ пріѣхалъ, но очевидно было, что издалека; а въ далекія путешествія отправляются, какъ всѣмъ извѣстно, одни очень важные господа. Къ тому же только важный баринъ могъ не отвѣтить на вопросъ, сколько ему угодно занять комнатъ, и захватить сразу весь верхъ, всѣ четыре комнаты, расположивши въ нихъ внесенныя вещи. Правда, вещей было не много, всего два сундука, и то небольшихъ, да съ полдюжины узловъ, завязанныхъ въ пестрые платки. Одинъ изъ узловъ развязался на лѣстницѣ и изъ него вывалилось разное чужеземное платье и всякая удивительная, невиданная мелочь. По всей вѣроятности, тамъ, откуда они пріѣхали, все это составляетъ обычную принадлежность знатныхъ господъ. Только откуда они? Баринъ, слава Богу, смотритъ добрымъ христіаниномъ и говоритъ по-христіански. Класъ не зналъ навѣрное: христіане русскіе, или нѣтъ, но пріѣзжій показался ему очень похожимъ на русскаго; самъ онъ ихъ не видывалъ, а лишь слыхалъ отъ знающихъ людей, что русскіе говорятъ на всѣхъ на свѣтѣ языкахъ и деньгамъ у нихъ счета нѣтъ.

Услыхавши шаги пріѣзжаго господина, Класъ поставилъ тарелку и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ словами, что ужинъ сію минуту будетъ готовъ, что господинъ пожаловалъ нѣсколько раненько, такъ сказать, первымъ гостемъ, то-есть первымъ сезоннымъ гостемъ купанья. Обыкновенно же господа изъ Грюнвальда, Зундина или Ростока съѣзжаются только въ іюлѣ. Въ прошломъ году, во второмъ со времени устройства купанья, было уже шестьдесятъ посѣтителей, двадцатью больше, чѣмъ на первый годъ; въ нынѣшнемъ можно ожидать до сотни,—самъ его

свѣтлость говорилъ. Его свѣтлость очень заботится о лучшемъ устройствѣ купаній. Не угодно ли пожаловать кушать? Класъ поставилъ на столъ блюдо, поданное ему въ дверь Стиною. Господинъ, смотрѣвшій до тѣхъ поръ въ открытое окно, обернулся, прошелся по комнатѣ и остановился у стѣны, какъ бы разсматривая висѣвшія на ней двѣ литографіи. Класъ не замедлилъ объяснить, что это портреты его свѣтлости князя и ея свѣтлости княгини Прора, сдѣланные въ Парижѣ въ 1815 году, т.-е. двадцать лѣтъ тому назадъ, однимъ очень знаменитымъ художникомъ,—не литографіи, конечно, а настоящіе портреты въ натуральную величину, находящіеся въ замкѣ. Пріѣзжіе господа приходятъ въ восторгъ отъ этихъ портретовъ.

Пока Класъ все это разсказывалъ, незнакомецъ подошелъ еще разъ къ окну, далеко высунулся изъ него, потомъ выпрямился, встряхнулъ головой, направился было къ двери, но вернулся и сѣлъ къ столу, къ полному успокоенію Класа, уже начинавшаго опасаться, что простынетъ жаркое. Господинъ съѣлъ куска два, залпомъ опорожнилъ налитой трактирщикомъ стаканъ краснаго вина, налилъ еще, выпилъ и этотъ, побарабанилъ по столу пальцами и принялся за жареную телятину съ большимъ аппетитомъ, какъ показалось Класу. Лицо незнакомца прояснилось, и на этотъ разъ, вглядѣвшись пристальнѣе, Класъ нашелъ его очень молодымъ, совсѣмъ подъ пару его супругѣ, настолько юной, что трудно было повѣрить, что у нея уже есть ребенокъ. Привѣтливое выраженіе голубыхъ глазъ и улыбка незнакомца совершенно ободрили Класа и развязали ему языкъ. Началъ онъ съ разсказовъ о княжескомъ семействѣ, причемъ не преминулъ пустить заѣзжему барину пыль въ глаза необыкновеннымъ богатствомъ его свѣтлости. На это незнакомецъ опять какъ-то странно усмѣхнулся. А Класъ, между тѣмъ, уже говорилъ о себѣ самомъ, о томъ, какъ годъ тому назадъ, послѣ смерти стараго Ниммо, брата разносчика писемъ, онъ снялъ постоялый дворъ, трактиръ и почтовую станцію, за что и платитъ аренду князю, единственному владѣльцу земель, лѣсовъ и водъ княжества Прора. Онъ, Класъ, уроженецъ Зундина, не могъ бы, конечно, взяться за все это, если бы не его жена, которая хотя тоже изъ Зундина, но имѣетъ родныхъ и здѣсь, между прочимъ, вдовую тетку, уже давно завѣдующую хозяйствомъ въ одномъ изъ сосѣднихъ помѣстій. Господа очень любятъ тетку и дали ей въ займы денегъ; на эти деньги онъ, съ своей Лизхенъ, снялъ дворъ и содержаніе

почтовыхъ лошадей здѣсь въ Прорѣ. Класъ закончилъ извиненіемъ, что такъ много болтаетъ о вещахъ, мало интересныхъ для его милости. Класъ Венхакъ прибавилъ это потому, что незнакомецъ, слушавшій его до сихъ поръ очень внимательно, сталъ выказывать сперва слабые, а потомъ болѣе замѣтные признаки нетерпѣнія.

— Совсѣмъ напротивъ,—сказалъ онъ, наливши еще стаканъ вина и отпивши большой глотокъ.—Продолжайте, пожалуйста. На самомъ дѣлѣ это должно быть очень добрые господа, и ваша тетушка имѣетъ въ нихъ большую поддержку. Сыръ оставьте, кромѣ ничего ѣсть не буду. Да подайте-ка еще бутылку вина и, кстати, захватите стаканъ для себя. Безъ церемоніи.

Класъ покраснѣлъ до ушей отъ такой чести, не замедлилъ исполнить приказаніе важнаго пріѣзжаго господина и присѣлъ противъ него на край стула. Незнакомецъ налилъ ему полный стаканъ.

— Да, такъ какъ же фамилія господъ, у которыхъ живетъ ваша тетушка? Вы, кажется, ее не назвали?

Несмотря на свое смущеніе, Класъ замѣтилъ, однако, какъ бойко и чисто на этотъ разъ говорилъ по-нѣмецки его гость. Ему пришло въ голову, что онъ, можетъ быть, даже совсѣмъ не иностранецъ, а только женатъ на иностранкѣ. Но теперь ему было не время раздумывать и заставлять важнаго барина ждать отвѣта, притомъ же барина, только что сдѣлавшаго ему такую честь.

— Это баронъ фонъ-Пронъ изъ Старо-Проница,—сказалъ онъ.—Изъ Старо-Проница, въ четверть мили отсюда. Ему же принадлежитъ фольваркъ Ново-Проницъ, на полдорогѣ до помѣстья, расположеннаго на берегу моря. Господинъ баронъ живетъ на фольваркѣ.

— Это почему?—спросилъ гость.—То-есть я хочу сказать, почему же онъ не живетъ въ главномъ имѣньи?

— Онъ предоставилъ тамошній домъ старымъ господамъ; они тамъ и живутъ. Имѣніе все его, до послѣдней борозды, и досталось отъ его покойной метушки; кромѣ того, она оставила ему денегъ для выкупа всѣхъ имѣній, которыми здѣсь когда-то владѣлъ ихъ родъ.

— Вы упомянули про старыхъ господъ. Это что же за старики такіе, если, какъ вы говорите, его мать уже умерла?

— А старые господа—это его дѣдушка и бабушка; вѣрнѣе же только бабушка, такъ какъ она замужемъ за вторымъ му-

женъ. за его превосходительствомъ господиномъ камергеромъ Линдбладъ. Господинъ камергеръ собственно швелъ родомъ и до 1815 года, когда мы отошли къ Пруссіи, онъ былъ шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

— Какъ вы, однако, все обстоятельно знаете! Васъ пріятно послушать. Налейте-ка еще стаканчикъ себѣ и мнѣ тоже. Ну, а отецъ господина барона тоже умеръ?

Незнакомецъ откинулся на спинку стула и игралъ золотой зубочисткой. Подъ красноватымъ свѣтомъ зари трудно было рѣшить, что блеститъ ярче, золото или его бѣлые, гладкіе зубы. Класъ рѣшилъ, что ему рѣдко удавалось видѣть такого красиваго господина и, конечно, никогда въ жизни не встрѣчалось такого, съ которымъ было бы такъ пріятно побесѣдовать.

— Давнымъ давно умеръ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить,—двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Я все это отлично знаю, такъ какъ моя Лизхенъ и тетушка только объ этомъ и разговариваютъ между собою. У тетушки тогда родилось дитя. у барыни тоже; только ребенокъ тетушки жилъ всего два дня, и барыня отдала ей кормить своего сына; сама она была очень слаба, а скоро совсѣмъ слегла съ испуга отъ смерти барина и тоже умерла. Господинъ баронъ, человѣкъ вообще довольно дикаго нрава, сломалъ себѣ шею на охотѣ какъ разъ въ тотъ день, когда его супруга въ первый разъ вышла изъ комнаты.

Незнакомецъ все еще сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, но уже не игралъ зубочисткою. Онъ закрылъ глаза и сильно вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ Класа.

— Какая грустная исторія!—сказалъ онъ.—Но, знаете, она меня крайне заинтересовала. Такъ дитя, бывшее тогда причиною смерти матери, это тотъ самый баронъ, о которомъ вы сейчасъ говорили?

— Нѣтъ, господинъ...—Класъ примолкъ было на минутку, чтобы дать возможность незнакомцу подсказать ему свое имя и титулъ, но, побуждаемый вопросительнымъ взглядомъ собесѣдника, вынужденъ былъ продолжать свой разсказъ:

— Нѣтъ, теперешній баронъ—старшій; въ то время ему было уже лѣтъ пять или шесть, такъ что теперь ему тридцать или около того. Это баронъ Гансъ.

— И вы говорите, что онъ такой добрый?

— Добрѣйшая душа; этого злѣйшій врагъ его не посмѣетъ отрицать; у него, впрочемъ, нѣтъ ни одного врага, такъ какъ

онъ никому въ мірѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ. не то что человѣку, а даже животному. Хоть насъ взять съ Лизхенъ; онъ почти не зналъ насъ, а сколько сдѣлалъ для насъ добра,—я уже говорилъ вамъ объ этомъ,—и только ради тетки. За то Лизхенъ готова за него въ огонь и въ воду. Иной разъ такъ скажешь что-нибудь про него,—не во зло, конечно, а только, чтобы немножко подразнить Лизхенъ,—такъ и Боже упаси, что тутъ поднимется, особливо если назвать его такъ, какъ всѣ его здѣсь зовутъ.

— А какъ его всѣ зовутъ?

Класъ оглянулся на дверь и, понизивши голосъ, отвѣтилъ:

— Его зовутъ здѣсь филиномъ за то, что у него одинъ глазъ, т.-е. глазъ у него собственно два, только видитъ-то онъ всего однимъ, а другой даже не закрывается, какъ у филина. Такъ говорятъ иные; другіе говорятъ, будто его такъ прозвали, что онъ очень робокъ, не похожъ на другихъ господъ изъ благородныхъ и даже изъ купечества, отъ всѣхъ сторонится, дичится, какъ филинъ; а то болтаютъ, будто у него въ верхнемъ этажѣ не совсѣмъ все въ порядкѣ. Лизхенъ увѣряетъ, что это глупый вздоръ, и я тоже думаю; по крайней мѣрѣ, хозяйство онъ ведетъ отлично. Да оно и необходимо. Что касается остальныхъ фонъ-Проновъ, изъ нихъ ни одного путнаго не было, хотя бы начать съ меньшаго барона, его брата, Густава, такъ, вѣдь... Класъ оборвался на полсловѣ; въ открытое окно послышался топотъ конскихъ ногъ и шумъ быстро ѣдущаго экипажа. Пріѣзжій господинъ вскочилъ изъ-за стола и въ одинъ прыжокъ очутился у окна. Класъ послѣдовалъ за нимъ. Черезъ площадь во всю прыть промчалась карета, запряженная четверикомъ съ форрейторомъ, и быстро скрылась въ открытомъ полѣ.

— Это его свѣтлость,—пояснилъ Класъ, — и ея свѣтлость навѣрное тоже въ каретѣ. Его свѣтлость одинъ ѣздитъ всегда парой и въ открытомъ экипажѣ, даже въ гости.

— Что же сегодня, вечеръ, что ли, у кого?

Незнакомецъ продолжалъ стоять у окна. Класу смутно почудилось, что вопросъ этотъ прозвучалъ какъ-то странно; но почему бы пріѣзжему человѣку и не предложить такого вопроса, тѣмъ болѣе, когда всѣ эти разсказы доставляютъ ему, очевидно, большое удовольствіе? Къ тому же представлялся прекрасный случай показать гостю, какъ хорошо извѣстно Класу все, что дѣлается въ домахъ и въ семействахъ знатныхъ господъ всей округи.

— Балъ у графа Грибена въ Грибеницѣ.—отвѣтилъ онъ.— Богатѣйшій человѣкъ графъ, у него пропасть помѣстій здѣсь на Рюгинѣ и по ту сторону, въ Помераніи и въ Мекленбургѣ. Оттуда уже проѣхало нѣсколько господъ, а наше здѣшнее дворянство все тамъ будетъ. Сегодня, говорятъ, у нихъ помолвка ихъ единственнаго сына, молодаго графа Акселя, съ фрейленъ Гертой.

— Съ кѣмъ?—спросилъ незнакомецъ очень громко.

Класъ подумалъ, что онъ не разслыхалъ за шумомъ прибираемой со стола посуды, и повторилъ:

— Съ фрейленъ Гертой фонъ-Пронъ, съ нашей барышней, какъ ее называетъ моя Лизхенъ. Она живетъ тоже въ Проницѣ. Фрейленъ дальняя родственница здѣшнимъ господамъ, кузина какая-то барону Гансу, бѣдная, дочь ротмистра фонъ-Пронъ изъ Зундина. Самъ ротмистръ лѣтъ четырнадцать тому назадъ умеръ; говорятъ, пустой человѣкъ былъ. А жена его добрѣйшая женщина. Про нее намъ разсказывала тетка, жившая съ нею вмѣстѣ въ Проницѣ, когда она послѣ смерти мужа поступила компаньонкой къ старымъ господамъ. Грѣшно и стыдно ихъ превосходительствамъ, говоритъ тетушка, за то, какъ они ее тиранили... на смерть, говоритъ, замучили; всего года два пожила у нихъ и умерла. Она и похоронена здѣсь у церкви въ Прорѣ. Баронъ Гансъ, какъ вступилъ въ хозяйство, такъ поставилъ на ея могилѣ очень хорошій памятникъ.

Говоря это, Класъ успѣлъ убрать всю посуду и подошелъ къ столу, за который опять усѣлся его гость и наливалъ себѣ вина. При этомъ бутылка раза два сильно ударилась объ стаканъ и вино пролилось на скатерть.

— Такъ барышня хочетъ выдти замужъ за графа?

До сихъ поръ ясный голосъ пріѣзжаго прозвучалъ какъ-то глухо. Такіе переходы были хорошо знакомы трактирщику, и онъ уже разсчиталъ, что въ счетъ можно смѣло вписать лишнюю бутылочку. Весело потирая руки, онъ усѣлся противъ пріѣзжаго господина и заговорилъ:

— Хочетъ ли, нѣтъ ли,—объ этомъ говорятъ разно. Одни говорятъ да, другіе — нѣтъ, напримѣръ, наша тетушка. Ей это, конечно, должно быть лучше всѣхъ извѣстно, такъ какъ она знаетъ барышню съ четырехлѣтняго возраста. Только тетушка не можетъ быть настоящимъ судьею: сама нѣсколько заинтересована. Она, вѣдь, была кормилицей мѣньшаго барона, Густава,—

сорванца Густава, какъ его всегда звали,—была, такъ сказать, его второю матерью. Ну, вотъ, баронъ Густавъ и барышня полюбили другъ друга. Только барона произвели тутъ въ офицеры; онъ стоялъ съ полкомъ въ Грюнвальдѣ и столько долговъ надѣлалъ, что пришлось ему уѣхать. Потомъ баронъ Гансъ все выплатилъ до послѣдняго шиллинга, хотя пришлось заплатить страшно большую сумму; но въ то время не оставалось ничего дѣлать, какъ уѣхать куда-нибудь подальше. И вотъ три года неизвѣстно гдѣ онъ странствуетъ; вначалѣ изрѣдка присылалъ письма, а уже больше года нѣтъ отъ него ни вѣсточки, никто не знаетъ даже живъ ли онъ, умеръ ли. Послѣ этого ни одинъ благоразумный человѣкъ не можетъ повинить фрейленъ Герту, если она согласится выдти за графа. У нея нѣтъ за душою ни мѣдной монетки, и живетъ-то она такъ же, какъ старые господа, на счетъ барона Ганса; а графъ немногимъ бѣднѣе будетъ нашего князя. Только тутъ филинъ сидитъ, какъ говоритъ старый Ниммо; то-есть баронъ Гансъ не желаетъ этого. Онъ, по обыкновенію, ничего не говоритъ; но и старые господа, и фрейленъ очень хорошо знаютъ, что онъ не желаетъ этого брака. Сама тетушка говоритъ, и моя Лизхенъ тоже, и я говорю, особливо, послѣ того, что полчаса тому назадъ своими ушами слышалъ...

И Класъ разсказалъ, какъ баронъ Гансъ встрѣтился съ его свѣтлостью, какъ его свѣтлость спрашивалъ, поѣдетъ ли сегодня баронъ въ Грибеницъ, а баронъ Гансъ отвѣтилъ, что не поѣдетъ, и уѣхалъ въ Старо-Проницъ разсчитывать рабочихъ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ по субботамъ. Разсчетъ продолжится съ часъ времени, и тогда уже поздно будетъ ѣхать въ гости, къ тому же ему нельзя будетъ уѣхать изъ дома, изъ Ново-Проница, такъ какъ тамъ онъ найдетъ письмо отъ консула Ливоніуса, крупнаго хлѣбнаго торговца. Дѣло же должно быть крайне спѣшное, потому что Ливоніусъ прислалъ письмо съ нарочнымъ. Ну, да въ здѣшней сторонѣ и съ нарочными письма не очень скоро доходятъ, и старый Ливоніусъ всю бы лысину себѣ изодралъ въ кровь, если бы зналъ, что его письмо и посейчасъ еще не прочитано.

Послѣднія слова Класъ говорилъ у буфетнаго шкафа, стараясь какъ можно осторожнѣе откупорить третью бутылку. Но пробка была забита слишкомъ крѣпко и громко хлопнула. «Вотъ и глупо вышло»,—подумалъ Класъ, такъ какъ въ тотъ же моментъ услыхалъ, что гость вскочилъ изъ-за стола. Черезъ секунду тяжелая рука опустилась на его плечо.

— Лошадь мнѣ... можно лошадь? или экипажъ... все равно, только скорѣе... въ Ново-Проницъ, сію минуту!

Класъ чуть не выронилъ бутылки. Но этотъ первый страхъ не можетъ даже сравниться съ тѣмъ, что онъ почувствовалъ, взглянувши на пріѣзжаго: это лицо, этотъ лобъ и глаза... точно черные глаза барона Ганса вдругъ какимъ-то чудомъ превратились въ голубые... къ тому же голосъ... «лошадей въ Ново-Проницъ»...

— Господи! Батюшки мои!—воскликнулъ Класъ.—Такъ вы, стало быть...

— Да, да, чучело вы, насилу-то сообразили! Убирайтесь скорѣе въ конюшню! Есть лошади?

— Есть, есть, господинъ.

— Не смѣйте произносить моего имени, не то я раздроблю вамъ голову! Слышали? Чтобы ни одна душа, ни даже жена ваша не знала до моего возвращенія... Поняли?

— Да, да, господинъ.

— Въ десять минутъ чтобы были лошади, а я пока наверху управлюсь. Человѣку, который меня повезетъ, скажите, что я ѣду въ охотничій замокъ. Это по той же дорогѣ. А тамъ я уже самъ распоряжусь. Черезъ десять минутъ. Маршъ!

Послѣднія слова онъ произнесъ уже на ходу, таща за собою Класа. Онъ бѣгомъ пустился по лѣстницѣ, а трактирщикъ еще потиралъ руку, на которой отпечатался каждый палецъ барона. Класъ вызвалъ Іохена и приказалъ какъ можно скорѣе запрягать караковыхъ, къ счастью, только что вернувшихся съ поля, а самъ принялся выдвигать изъ сарая голштинку. «Ну, человѣкъ! Ну, человѣкъ!—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Не даромъ его звали Густавомъ-сорванцемъ; должно быть, и года его не исправили. Тамъ, ишь, наверху какая оказія, а въ Проницѣ фрейленъ Герта! Вотъ исторія-то пойдетъ! И все передъ глазами Лизхенъ, а она и не воображаетъ... А я-то вотъ сразу все на свѣжую воду вывелъ, только видъ дѣлалъ, будто... Ну, погоди, Лизхенъ, попробуй ты мнѣ теперь сказать: молчи, Класъ! Ничего ты не знаешь, Класъ!.. Вотъ тебѣ и не знаешь... Іохенъ, готово, что ли?

— Иду, иду,—отвѣтилъ Іохенъ.

Ровно черезъ десять минутъ голштинка, запряженная парою караковыхъ, стояла уже у крыльца. Іохенъ сидѣлъ на козлахъ. Баронъ Густавъ вышелъ изъ дома въ темномъ плащѣ съ подня-

тымъ воротникомъ, почти совершенно скрывавшимъ его лицо. Надъ площадью неслась громадная стая воронъ по направленію къ княжескому парку, затемняя своею черною массою ярко горѣвшую на небѣ зорю. Баронъ Густавъ занесъ было ногу сѣсть въ экипажъ, пріостановился и, какъ показалось Класу, какимъ-то страннымъ взглядомъ провожалъ полетъ зловѣщихъ птицъ. Но вотъ стая промчалась, небо опять прояснилось; баронъ сдѣлалъ движеніе и проговорилъ что-то про себя. Класъ разслышалъ лишь слова: «Э! все глупости!»

Баронъ Густавъ однимъ прыжкомъ очутился въ экипажѣ и крикнулъ:

— Пошелъ и погоняй своихъ клячъ!

Голштинка быстро покатила по площади.

Глава III.

Въ то время, когда баронъ Гансъ, въ тяжеломъ раздумьѣ ѣхалъ верхомъ изъ Проры, у подъѣзда барскаго дома въ Старо-Проницѣ стоялъ экипажъ, ожидая ихъ превосходительства и фрейленъ Герту, собиравшихся на балъ въ Грибениць. Кришанъ нетерпѣливо похлопывалъ длиннымъ бичемъ, сидя на высокихъ козлахъ. Вильгельмъ, стоявшій на террасѣ, прислонившись къ периламъ, сказалъ:

— Что, Кришанъ, не дѣйствуетъ? Хлопни-ка погромче.

— Все равно не подѣйствуетъ,—отвѣтилъ кучеръ.

— Ну, стало быть, подождемъ,—сказалъ Вильгельмъ.

— Извѣстно, подождемъ.

Кришанъ продолжалъ слегка хлопать бичемъ; Вильгельмъ сѣлъ на перила и сталъ болтать ногами.

— Кришанъ, ты сегодня принарядился,—сказалъ онъ.

— А ты-то,—замѣтилъ Кришанъ.

Вильгельмъ снялъ шляпу и передвинулъ немного напередъ большую кокарду.

— Особенными франтами мы оба не смотримъ,—сказалъ Вильгельмъ.—Не мѣшало бы снарядить насъ во все новое.

— Для нашихъ стариковъ хорошо и это.

— Для стариковъ! А для нашей барышни? А что ты думаешь, Кришанъ, выйдетъ у нихъ что-нибудь тамъ или нѣтъ?

— Почему мнѣ знать.—сказалъ Кришанъ.—А ты какъ думаешь?

Вильгельмъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Кришанъ, я не думаю. Вчера мы опять пробыли у нихъ весь вечеръ. Старые господа играли въ бостонъ съ нашими стариками, а молодой графъ сидѣлъ около нихъ и только таялъ, украдкою посматривая на нашу фрейленъ, сидѣвшую съ вязаньемъ за другимъ столомъ. Старый графъ показалъ ему глазами, чтобы онъ шелъ къ фрейленъ. Онъ подсѣлъ къ ней и началъ было разговаривать. Поговорить онъ умѣетъ, только дѣло не пошло: она все смѣялась прямо ему въ глаза, потомъ встала и вышла вонъ.

Кришанъ, соскучившись, повидимому, долгимъ ожиданіемъ, поднялъ бичъ и такъ громко хлопнулъ, что лошади вздогнули и рванулись впередъ; дворовая собака, дремавшая въ сторонкѣ, вскочила на ноги и подняла отчаянный лай; огромная стая голубей взвилась съ сосѣдней крыши и, хлопая крыльями, принялась кружиться надъ дворомъ. Въ верхнемъ этажѣ, какъ разъ надъ подъѣздомъ, открылось окно, выглянула бѣлая голова и послышался сердитый, старческій голосъ:

— Что вы тутъ за шумъ подняли, болваны?

Окно опять захлопнулось.

— Что? Досталось?—сказалъ Вильгельмъ.

— Старая шведская обезьяна!—сорвалъ свою досаду Кришанъ, и оба разсмѣялись.

Закрывши окно, камергеръ все еще грозилъ сжатымъ кулакомъ въ сторону двора, хотя никто не могъ видѣть ни этого жеста, и ни слышать его старческой брани:

— Vile canaille! Les brutes, les... bah! la bêtise de se fâcher! ça agace les nerfs et... dérange le costume!

Онъ подошелъ къ большому зеркалу въ простѣнкѣ между оконъ и, близко всматриваясь, поправилъ два завитка бѣлаго парика, спускавшіеся на лобъ, разгладилъ затѣйливое жабо, длинныя, кружевныя манжеты, краснымъ фуляромъ обмахнулъ борты своего золотомъ расшитаго голубаго фрака и короткихъ черныхъ панталонъ; потомъ отступилъ шага на два, поднесъ къ глазамъ золотую лорнетку и долго самодовольно любовался своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ. Старый дипломатъ охорашивался, отставлялъ то правую ногу, то лѣвую, закладывая то одну, то другую руку за бѣлый жилетъ. Наконецъ, подходящая поза была найдена: камергеръ слегка склонился, поднесъ къ губамъ концы пальцевъ и послалъ зеркалу воздушный поцѣлуй. Ступая осто-

рожными шажками, онъ направился черезъ залу и двѣ слѣдующія комнаты, остановился у затворенной двери и постучался. Извнутри послышалось: «Entrez!» Онъ вошелъ въ ту минуту, какъ его супруга вставала изъ-за туалетнаго столика ему навстрѣчу. Горничная, одѣвавшая старую барыню, собрала кое-какія вещи и исчезла за дверью, скрытою драпировкой.

— Charmant, magnifique!—сказалъ камергеръ и принялъ ту позу, которая такъ ему понравилась передъ зеркаломъ.

— Tournez, s'il vous plait! Vraiment ravissant, madame!

Старушка, улыбаясь, тихо перевернулась и стала опять лицомъ къ лицу съ своимъ супругомъ. Онъ слегка склонился впередъ, поднесъ къ губамъ концы пальцевъ и послалъ воздушный поцѣлуй супругѣ точь въ точь, какъ продѣлалъ за нѣсколько минутъ передъ зеркаломъ. Затѣмъ, съ влюбленнымъ выраженіемъ, онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ; она отвѣтила придворнымъ, низкимъ реверансомъ.

— Я счастлива,—сказала она тоже по-французски,—что все еще немножко нравлюсь своему супругу.

— Все еще!.. немножко!.. нравлюсь!.. Madame, если бы я не имѣлъ уже счастья быть вашимъ супругомъ... если бы вы, madame, были свободны, клянусь небомъ, именно въ эту минуту я бы дерзнулъ выразить мое искательство этой прелестной ручки.

— Льстецъ!...

— Повѣрьте, нѣтъ. Я не скажу вамъ, напримѣръ, что вы совершенство, или, вѣрнѣе, вы могли бы имъ стать, если бы дозволили мнѣ нѣсколько усилить румянецъ этихъ нѣжныхъ щечекъ.

— Я боялась, что мы пріѣдемъ слишкомъ рано, еще при дневномъ свѣтѣ.

— О, не бойтесь ничего, madame, и довѣрьтесь мнѣ; я съумѣю это сдѣлать лучше, чѣмъ ваша камеристка.

Онъ подвелъ старушку къ туалету, усадилъ ее и искусною рукою произвелъ предположенное усовершенствованіе красоты, потомъ оправилъ складки декольтированнаго лифа, бриллiантовый аграфъ, которымъ были прикрѣплены страусовыя перья высокаго тока и, наконецъ, заявилъ, что недостаетъ только королевскаго салона для настоящаго тріумфа, подобающаго такой красотѣ и умѣнью одѣться. Старушка вздохнула.

— Другъ мой,—сказала она,—вы говорите о прекрасномъ прошломъ. Прошли дни Фонтенебло и Тріанона и не вернутся ни-

когда... И теперь моя душа далеко не въ радостномъ настроеніи. Совсѣмъ напротивъ. Меня томитъ какое-то предчувствіе, что не сбудутся наши надежды.

— Этого быть не можетъ!—воскликнулъ старый камергеръ.

— Однако, другъ мой, припомните, какъ она держала себя вчера вечеромъ, наканунѣ помолвки.

— Возмутительно!

— Какъ всегда, впрочемъ. И если сказать правду, другъ мой, то вѣдь она ни разу еще не выразила своего согласія. Все дѣло ограничивается пока желаніемъ съ нашей стороны, ожиданіемъ и надеждою со стороны графовъ Грибенъ.

— Но и положительнаго отказа она тоже не выражала.

— Она только не противорѣчила намъ, не возражала изъ вѣжливости.

— Позвольте вамъ замѣтить, madame, что, по мнѣ, чортъ ее возьми совсѣмъ такую вѣжливость.

Старикъ проговорилъ это чрезвычайно рѣзкимъ тономъ, совсѣмъ не гармонировавшимъ съ его искусственною, напускною манерою. Супруга замѣтно струсила.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ этого,—продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ маленькими, нервными шагами.—Слышать я этого не хочу... Это бѣситъ меня! Это было бы полнымъ разрушеніемъ всѣхъ плодовъ трехлѣтнихъ, необычайныхъ, неслыханныхъ усилій тончайшей дипломатіи! Припомните, вначалѣ ни графъ, ни графиня знать ничего не хотѣли объ этой партіи... припомните, что я сотни разъ терпѣливо сносилъ его сквернѣйшую игру въ карты, его нестерпимый голосъ, и все изъ-за того, чтобы расположить его въ пользу нашихъ плановъ. Чего же нужно этой дѣвушкѣ? Кого ей? Принца крови? Она должна бы на колѣняхъ благодарить насъ за то, что мы устроиваемъ ей такую партію послѣ того, какъ ее безвозвратно скомпрометировалъ ея возлюбленный...

— Олафъ, вѣдь онъ мой внукъ!—молящимъ голосомъ проговорила старуха.

— Тѣмъ хуже для васъ! Тѣмъ хуже... и вы скомпрометированы. Да нѣтъ... я понимаю въ чемъ тутъ дѣло. Согласитесь, что вы менѣе думаете объ этой дѣвушкѣ, которую я считаю достаточно благоразумною для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, согласиться на это замужство,—вы не думаете даже о томъ негодяѣ, который, вѣроятно, никогда не вернется или явится бро-

дягою, отверженнымъ Богомъ и людьми... Вы думаете о его милости, господинѣ вашемъ старшемъ внукѣ, и о томъ, что устройствомъ этого брака мы можемъ навлечь на себя неудовольствіе его высокой милости.

— Не можемъ, а навлечемъ, другъ мой,—возразила старуха.—Онъ такъ любитъ брата, любитъ больше всего въ мірѣ, и употребитъ всѣ средства сберечь для него его невѣсту. А вѣдь онъ ея опекунъ.

— Такой же, какъ и нашъ!—воскликнулъ камергеръ. — То-есть баринъ, у котораго мы живемъ изъ милости! Неужели мнѣ еще разъ указывать вамъ несовмѣстность такихъ отношеній съ нашимъ достоинствомъ, и что мы должны попытать выдти изъ этого положенія во что бы ни стало? А выходъ намъ одинъ: устроить блестящее замужество для бездомной сироты, которую мы же изъ человѣколюбія пріютили въ этомъ домѣ, и тѣмъ заставить ее быть у насъ въ неоплатномъ долгу.

— Кто поручится,—возразила старуха, — что она захочетъ расплачиваться съ этимъ долгомъ? И будетъ ли еще она имѣть къ тому возможность? Вы знаете, Грибены, отецъ и сынъ, до гадости скупы. Про Ганса же можно говорить все, что угодно, но скупымъ его нельзя назвать. Онъ, правда, очень аккуратенъ, себя ограничиваетъ во всемъ, тогда какъ намъ...

—Онъ позволяетъ швырять деньги въ окошко! Договаривайте, madame, договаривайте!

Камергеръ уже не говорилъ, а кричалъ и топалъ ногами; вдругъ онъ со стономъ схватился обѣими руками за больную колѣнку. Перепуганная старуха подбѣжала поддержать его.

— Оставьте, madame!—отстранилъ онъ ее.—Я долженъ привыкать на старости лѣтъ обходиться безъ помощи.

— Дорогой другъ! дорогой другъ!—успокоивала она.—Я съ вами совершенно d'accord, во всемъ d'accord! Я желаю только того, чего вы хотите. Я высказала лишь опасенія, но, все-таки, не теряю надежды, что сегодня все устроится. Этотъ блестящій праздникъ польститъ дѣвочкѣ; онъ для нея устроенъ, она будетъ, такъ сказать, его царицею. Нашъ юный другъ достаточно нами подготовленъ, чтобы рѣшиться, наконецъ, сказать послѣднее слово. Мы воспользуемся благопріятною минутою и повернемъ дѣло такъ, чтобы превратить его въ fait accompli. Тогда и мой внукъ лишенъ будетъ возможности помѣшать этому браку. Немножко терпѣнія, мой другъ, немножко дипломатіи, въ которой

вы такой великій мастеръ, и вы увидите, мы возвратимся домой съ невѣстой. Намъ, однако, пора ѣхать; Герта, навѣрное, уже ждетъ насъ. Видите?

Показавшаяся въ дверяхъ горничная доложила, что барышня прислала узнать, готовы ли ихъ превосходительства. Старуха взяла подъ руку мужа съ тѣмъ, чтобы поддержать его; но въ присутствіи служанки онъ опять пріободрился и, несмотря на продолжающуюся боль въ колѣнкѣ, силился идти своею обычною танцмейстерскою походкою. Намекъ на его высокія дипломатическія способности возъимѣлъ свое обыкновенное дѣйствіе и разогналъ дурное расположеніе духа. Къ тому же онъ имѣлъ скрытыя отъ жены, крайне настоятельныя причины желать, чтобы все устроилось именно такъ, какъ было предположено. Онъ уже мысленно рисовалъ картину, какъ въ большомъ залѣ замка Грибеницъ онъ будетъ принимать поздравленія мужчинъ, съ княземъ Прора во главѣ, какъ въ то же время на другомъ концѣ залы его жена будетъ отвѣчать на привѣтствія дамъ. Радужныя мечты вызвали улыбку на его лицѣ; онъ нѣжно пожалъ поддерживающую его руку и окончательно просіялъ отъ знаменательнаго отвѣтнаго пожатія. Въ такомъ настроеніи духа они миновали пріемныя комнаты и уже подходили къ двери, ведущей въ сѣни и на лѣстницу; шедшая впереди горничная взялась было за ручку, но дверь распахнулась снаружи, и старики очутились лицомъ къ лицу съ барономъ Гансомъ.

Глава IV.

Появленіе внука, не показывавшаго глазъ по цѣлымъ недѣлямъ, и притомъ появленіе въ такую минуту привело старуху въ настоящій ужасъ. Ея испуганный взглядъ принялъ умоляющее выраженіе и, обращаясь къ мужу, какъ бы говорилъ: «Я предчувствовала это, но сдѣлать ничего не въ силахъ». Камергеръ въ смущеніи закашлялъ. Дѣло принимало крайне непріятный оборотъ. Онъ совсѣмъ не разсчитывалъ на серьезное вмѣшательство Ганса и былъ твердо увѣренъ, что по своей апатичной неповоротливости баронъ пропуститъ рѣшительный моментъ и вынужденъ будетъ принять совершившійся фактъ. Зачѣмъ онъ пожаловалъ? Требовать объясненія? Въ такомъ случаѣ надо придумать средство выпутаться изъ неловкаго положенія. Самое лучшее— отъ всего отпереться. Въ сущности, ничего окончательнаго и без-

поворотнаго еще, къ сожалѣнію, не произошло. А затѣмъ необходимо предпринять самыя энергическія мѣры и какъ можно скорѣе все обдѣлать.

Старики имѣли достаточно времени сообразить и обдумать неудобное положеніе, въ которое они попали такъ неожиданно. Гансъ все еще стоялъ на порогѣ, не двигаясь съ мѣста. Былъ ли онъ самъ смущенъ нечаянностью встрѣчи, или, по обыкновенію, не находилъ приличествующихъ случаю выраженій? Надо было этимъ воспользоваться и попытать увернуться. Камергеръ взялъ подъ руку жену и, увлекая ее за собою, двинулся прямо на Ганса со словами:

— Ага! милѣйшій баронъ! Пришли сами сказать, что экипажъ готовъ. Да, да... дамамъ сказать, дамамъ! Прекрасно! Въ самомъ дѣлѣ, давно пора ѣхать.

Онъ разсчитывалъ, что Гансъ посторонится отъ двери и пропуститъ ихъ. Но молодой человѣкъ, вмѣсто того, притворилъ дверь, поклонился, движеніемъ руки предложилъ старикамъ сѣсть и выслалъ изъ комнаты горничную. У старухи подкосились ноги отъ страха; она безсильно опустилась на кресло у круглаго стола среди залы. Она не помнила, какъ добралась до него. Камергеръ почувствовалъ новый приступъ сильнѣйшей боли въ колѣнѣ и тоже сѣлъ. Гансъ продолжалъ стоять на полдорогѣ между ними и дверью.

— Прошу извинить, что задержалъ,—сказалъ онъ.—Я получилъ извѣстіе... письмо получилъ съ нарочнымъ часъ тому назадъ. Я ѣздилъ утромъ въ Бергенъ по дѣлу и до сихъ поръ не былъ дома. Управляющій сейчасъ сюда привезъ его изъ Ново-Проница, такъ какъ зналъ, что я здѣсь. Письмо отъ Густава, бабушка.

Онъ проговорилъ это своимъ тихимъ, конфузливымъ голосомъ, не сводя съ бабки чернаго, не моргающаго глаза, вынулъ изъ кармана письмо, развернулъ и нетвердою рукою протянулъ старухѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Бабушка не шевельнулась; только вѣеръ сильно дрожалъ въ ея рукѣ, затянутой въ перчатку, и сквозь румяны проступала сильная блѣдность на морщинистыхъ щекахъ. Гансу тяжело стало, стало жаль старухи, не смѣвшей при мужѣ выразить радости по случаю полученія вѣсти отъ внука, котораго уже начинали считать погибшимъ.

— Еще разъ прошу извиненія,—сказалъ Гансъ мягко.—Я самъ

такъ пораженъ. Я не понимаю, почему онъ не... впрочемъ, вы, быть можетъ, сами прочтете?...

Гансъ сдѣлалъ еще движеніе по направленію къ бабкѣ и опять остановился. Камергеръ поднялся съ мѣста и протянулъ руку, вѣжливо отстраняя барона.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, мы не хотимъ быть нескромными. Письмо не намъ адресовано. Вы обяжете насъ, если сообщите его содержаніе въ другое время... завтра, если вамъ угодно. Сегодня же, то-есть теперь, намъ необходимо, давно пора отправляться... Весьма вамъ благодарны! Весьма благодарны! Пойдемте, моя милая!

Послѣднія слова онъ проговорилъ по-французски съ такимъ выраженіемъ лица, что старуха тотчасъ же встала, хотя съ трудомъ держалась на ногахъ.

— И такъ до свиданья, до завтра,—продолжалъ камергеръ, дѣлая привѣтливыя движенія рукою.—Еще разъ благодарю, милѣйшій баронъ!

— Да, да, милый Гансъ, благодарю, благодарю, — едва выговаривала бабушка, прощаясь съ внукомъ движеніемъ вѣера.

Рука въ руку старики хотѣли пройти мимо Ганса. Теперь онъ стоялъ въ сторонѣ отъ двери. Его тревожный взглядъ обѣгалъ залу, какъ бы ища помощи, и останавливался на двухъ дверяхъ, ведущихъ во внутреннія комнаты. Вдругъ лицо его просіяло. Одна изъ дверей отворилась и вошла Герта, совсѣмъ одѣтая къ выѣзду. Она пріостановилась на мгновенье, однимъ взглядомъ окинула сцену и быстро вошла въ комнату.

— Простите, бабушка, Лизета опять задержала. Bon soir, excellence! Здравствуй, Гансъ! И ты съ нами? Ахъ, на тебѣ охотничьи сапоги! Стало быть, опять по дѣлу? Ну, дѣла послѣ, теперь не задерживай бабушку. Намъ давно пора ѣхать.

— Прошу тебя, прочти это письмо.

— Какое письмо?

— Вотъ.

Онъ подалъ ей письмо и вышелъ. Герта посмотрѣла ему вслѣдъ, пожимая плечами. Навѣрное опять какая-нибудь непріятность и ей предстоитъ ея обыкновенная роль посредницы между этимъ мечтателемъ и стариками, вѣчно ставящими его своими безумствами въ скверныя положенія. Письмо изъ Зундина, кажется, мужская рука... Можетъ подождать до завтра. Она хотѣла уже бросить письмо на столъ, не прочитавши: но, складывая раз-

вернутый листокъ, невольно взглянула на начальныя строки и прочла: «Милый Гансъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда, и хотя поздно, а твой бродяга вернулся»...

Герта вздрогнула всѣмъ тѣломъ, точно отъ электрическаго удара. Она схватилась рукой за сердце, черезъ секунду оперлась ею на столъ и пробѣжала письмо. Возможно ли это? Правда ли? На минуту она замерла на мѣстѣ, потомъ вдругъ выпрямилась, положила письмо на столъ и, не спѣша, сняла кружевной платокъ, окутывавшій ея голову и шею, и сбросила съ плечъ шаль. Все это произошло крайне быстро, такъ что старики фонъ-Линдбладъ оставались еще на прежнемъ мѣстѣ, — бабушка въ боязливомъ ожиданіи, ея супругъ внѣ себя отъ изумленія и злости. Очевидно было, что дѣвушка намѣрена остаться дома. Камергеръ скорѣе прошипѣлъ, чѣмъ проговорилъ: «Sacré»!... выпустилъ руку жены и подошелъ къ Гертѣ.

— Смѣю льстить себя надеждою, mademoiselle,—заговорилъ онъ по-французски,—что вы не пожелаете лишить насъ удовольствія, на которое мы, — и не мы одни, — сегодня расчитывали?

Герта взглянула на дипломата. Старое лицо, умѣвшее всегда такъ сладко улыбаться, было искажено страхомъ и гнѣвомъ. Дѣвушка знала, насколько золъ и мстителенъ этотъ человѣкъ; она знала также, что ей придется сразу уничтожить его планъ, надъ осуществленіемъ котораго онъ неутомимо хлопоталъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Весьма возможно, что своимъ поступкомъ она давала ему нѣкоторое право быть ею недовольнымъ и выражать свое неудовольствіе; но она не привыкла къ такому тону и ни за старымъ камергеромъ, и ни за кѣмъ въ мірѣ не признавала права распоряжаться ею, вопреки ея желанію. Что и какъ будетъ дальше, она сама не знала, но твердо рѣшила дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

— Очень сожалѣю, — сказала она, — но Густавъ вернулся, онъ въ Прорѣ и проситъ Ганса пріѣхать за нимъ.

Она проговорила это крайне вѣжливо и совершенно спокойно, и даже разсмѣялась надъ тѣмъ, какъ испуганно отскочилъ отъ нея старикъ. Дѣло оказывалось хуже, чѣмъ онъ предполагалъ. Письмо еще туда-сюда, хотя лучше было бы, если бы никакого письма не получалось; но бродяга возвращается самъ, вернулся, въ Прорѣ и сегодня же вечеромъ будетъ здѣсь.

— Это ужасно! Это невозможно!—пробормоталъ старикъ.

— Это вѣрно.—сказала Герта,—онъ самъ пишетъ изъ Зун-

дина. Вотъ письмо, посмотрите сами, excellence. И не правда ли, милая, добрая бабушка, очень понятно и въ порядкѣ вещей мое... я хочу сказать наше желаніе—встрѣтить этого дурнаго человѣка? Это такъ естественно и прилично. Если мы поѣдемъ въ Грибеницъ теперь, именно въ ту минуту, когда узнали, что онъ вернулся и что Гансъ привезетъ его сюда, то это будетъ демонстраціей, которая насъ же свяжетъ, а я не желаю быть связанной даже по отношенію къ Густаву. Я не хочу дать ему замѣтить, насколько меня огорчало его долгое молчаніе. Онъ и безъ того былъ не въ мѣру гордъ и я не думаю, чтобы сталъ теперь скромнѣе.

Герта осталась довольна собою. Все это она высказала очень просто и непринужденно. Старики не могли не замѣтить, какъ болѣзненно билось ея сердце, какъ тяжело было у нея на душѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Госпожа фонъ-Линдбладъ, къ которой были обращены послѣднія слова, продолжала испуганно смотрѣть на мужа; камергеръ съ трудомъ овладѣлъ собою, собралъ всю свою привычную выдержку и заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Перестаньте ребячиться, прошу васъ, mademoiselle! Мы дали слово быть вечеромъ въ Грибеницѣ и сдержимъ свое слово, несмотря на то, угодно будетъ сюда пожаловать или не угодно молодому человѣку, поступившему съ нами въ высшей степени дурно. Вы должны ѣхать, mademoiselle, во-первыхъ, ради себя самой, если въ васъ есть хотя искра гордости и самолюбія, недостаткомъ которыхъ вы вообще не страдаете; во-вторыхъ, вы должны это сдѣлать для насъ, заступившихъ вамъ мѣсто родителей съ четырехлѣтняго вашего возраста и всегда желавшихъ вамъ добра; наконецъ, вы обязаны ѣхать ради нашихъ друзей, графовъ Грибеницъ, которымъ не только прискорбно будетъ, но и въ высшей степени оскорбительно, если невѣста ихъ сына не пріѣдетъ на праздникъ, устроенный единственно въ честь ея.

Въ продолженіе всей этой рѣчи ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Герты; только при послѣднихъ словахъ потемнѣли ея глаза, губы на мгновеніе сжались.

— Вы ошибаетесь, excellence,—заговорила она тихо и отчетливо.—Я никогда не считала себя невѣстою графа Акселя и ни ему, никому другому не подала къ тому ни малѣйшаго повода. Вамъ я очень благодарна за сообщеніе того, какое значеніе придаютъ сегодняшнему балу. Если бы я даже хотѣла ѣхать, то теперь уже рѣшительно остаюсь дома.

Она взяла свои вещи со стола.

— Милая Герта! Дитя мое!—заговорила старуха умоляющимъ голосомъ.—Прошу тебя изъ любви ко мнѣ!...

— Не могу, бабушка,—отвѣтила Герта, подходя къ старухѣ и цѣлуя ея руку.—Теперь окончательно не могу.

Бабушка хотѣла что-то возразить, но мужъ перебилъ ее:

— А! Вы не можете? Теперь окончательно?... Прекрасно! Такъ теперь я вамъ скажу, что я могу и что я сдѣлаю. Сегодня же вечеромъ я объявлю графу, графинѣ, его свѣтлости князю, ея свѣтлости княгинѣ, объявлю всему обществу, что господинъ баронъ Густавъ фонъ-Пронъ сдѣлалъ намъ честь и опять пожаловалъ, и что его кузина, фрейленъ Герта фонъ-Пронъ, осталась дома, чтобы спросить этого господина, не удостоитъ ли онъ взять ее въ жены послѣ того, какъ въ теченіе трехъ лѣтъ, по его милости, она была посмѣшищемъ цѣлаго края?...

Крича и задыхаясь отъ бѣшенства, камергеръ близко подступилъ къ молодой дѣвушкѣ. Она не попятилась ни на волосъ, не сдѣлала ни одного движенія. Только нѣжный румянецъ на ея щекахъ смѣнился страшною блѣдностью, голубые глаза блестѣли почти чернымъ оттѣнкомъ и легкая, чуть замѣтная дрожъ голоса выдавали ея волненіе.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы бы все это сказали и сдѣлали, если бы смѣли. Но, слава Богу, ни сказать, ни сдѣлать вы ничего не смѣете,—проговорила она тихо, отчеканивая каждое слово.

— Вы полагаете?

— Вы знаете, о чемъ я говорю и... о комъ.

Намекъ былъ достаточно ясенъ и безъ сопровождавшаго его взгляда молодой дѣвушки на дверь, за которою только что исчезъ Гансъ. Старикъ отлично понималъ о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. Особенно невыносимо было ему это напоминаніе о зависимости отъ ненавистнаго барона именно въ эту минуту, когда онъ такъ надѣялся избавиться отъ нея и оказывался опять обреченнымъ ей подчиняться.

— А вотъ увидите!—прошипѣлъ онъ съ угрожающимъ жестомъ, схватилъ подъ руку чуть не падающую отъ страха жену и почти вытащилъ ее за собою изъ залы.

Дверь съ шумомъ захлопнулась. Герта глубоко вздохнула полною грудью, подбѣжала къ столу, схватила письмо Густава и прижала его къ губамъ.

— Милый! Дорогой мой! И я могла думать...

Она хотѣла еще разъ прочесть письмо; буквы прыгали и путались въ подступившихъ къ глазамъ слезахъ. Герта быстро отерла ихъ.

—. Какія глупости!—прошептала она.—Какъ бы онъ сталъ смѣяться, если бы увидалъ!

Она сама усмѣхнулась короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ и стала читать:

«Милый Гансъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда, и хотя поздно, а твой бродяга вернулся. Пишу тебѣ изъ Зундина въ 9 часовъ вечера. Выѣду отсюда завтра въ полдень, чтобы дать время дойти письму до тебя; около семи часовъ буду въ Прорѣ, у стараго Ниммо, если Бахусъ еще не призвалъ къ себѣ этого вѣрнаго слугу. Во всякомъ случаѣ надѣюсь встрѣтить тебя на постояломъ дворѣ и поговорить въ тотъ же вечеръ. Больше писать некогда и охоты нѣтъ. Лучше поговоримъ лично.

«Густавъ».

Улыбка счастья исчезла съ лица молодой дѣвушки, письмо выскользнуло изъ рукъ. Пробѣгая письмо въ первый разъ, она поняла только, что онъ вернулся, что онъ здѣсь, и ничего больше. Теперь же—ни слова о ней, ни намека!... Такъ ли бы писалъ любящій человѣкъ, не разлюбившій? Можетъ быть, и вернулся лишь сказать, что разлюбилъ, что она свободна, можетъ располагать собою... Располагать! Выдти замужъ за самаго богатаго! Да, она можетъ...

Герта быстро схватила со стола свои вещи. Въ эту минуту изъ открытаго окна донесся топотъ лошадей и стукъ колесъ отъѣзжающаго экипажа.

Поздно!

Она подбѣжала къ окну. Экипажъ выѣзжалъ уже за ворота.

Поздно! Поздно!

Все пропало. А лишь нѣсколько минутъ тому назадъ ей стоило только протянуть руку и она могла блестящимъ образомъ отомстить измѣннику... если только правда, что онъ измѣнникъ! Но могло ли быть въ томъ сомнѣніе послѣ такого письма?

Со двора опять послышался шумъ, голоса. Къ подъѣзду подвели лошадь Ганса; онъ самъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ сѣдло и во всю прыть помчался по липовой аллеѣ.

Герта горько разсмѣялась. И это человѣкъ, на защиту котораго она такъ смѣло полагалась!... А онъ покинулъ ее одну въ

тяжелую минуту отвратительной борьбы съ злымъ старикомъ; покидаетъ опять, не сказавши даже «спасибо» за то, что она осталась, не выразивши ни однимъ словомъ ни участія, ни сочувствія, ни ободренія! Не много бы времени это отняло у него. Нѣтъ, ему некогда, ему необходимо мчаться сломя голову навстрѣчу возлюбленному братцу, сообщить, какъ можно скорѣе, что домъ и все къ его услугамъ, что его нетерпѣливо ждетъ невѣста, изнывая отъ любви, что она почтетъ за счастье, за неземное блаженство, если онъ соблаговолитъ взглянуть на нее милостивымъ окомъ!

Она отошла отъ окна и тревожно ходила взадъ и впередъ по залѣ. Въ комнатѣ между тѣмъ сгустился вечерній сумракъ, только въ открытое окно еще лился красноватый отблескъ яркой зари и озарялъ фигуру молодой дѣвушки какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ, точно исходящимъ изъ нея самой; свѣтлымъ видѣніемъ отразилась она на темномъ фонѣ зеркала. Герта остановилась и долго, пристально всматривалась въ свое изображеніе; черту за чертою, линію за линіей разбирала она эту стройную фигуру отъ атласнаго башмачка, выглядывавшаго изъ-подъ бальнаго платья, до пышной розы въ темнорусыхъ, волнистыхъ волосахъ. Наконецъ, взглядъ ея остановился на глазахъ, смотрѣвшихъ на нее въ упоръ изъ зеркала, и эти глаза казались все больше и больше, все прекраснѣе и обворожительнѣе.

— Покинута!—проговорила она.—Нѣтъ! Такихъ не покидаютъ!... Она спокойно отвернулась отъ зеркала, собрала свои вещи и направилась къ двери въ корридоръ, ведущій къ ея комнатѣ. Въ эту минуту въ залу быстро вошла фрау Панкъ.

— Гертинька! Фрейленъ Гертинька! Дорогое дитя мое! Я всегда говорила, была увѣрена, что онъ вернется... Мой Густавъ! Я все знаю, онъ все сказалъ мнѣ. Какъ я благодарна вамъ, что вы не поѣхали съ старыми господами. Я приготовлю отличный ужинъ, а вы надѣньте голубое платье, знаете, то платье, въ которомъ онъ васъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Она обняла молодую дѣвушку и зарыдала. Герта высвободилась изъ ея объятій.

— Кто говорилъ тебѣ все это? Густавъ?

— Густинька? Да какъ же могъ онъ говорить со мною, когда онъ еще въ Прорѣ. Баронъ Гансъ говорилъ. Онъ сейчасъ заходилъ ко мнѣ въ кухню; онъ зналъ, какая это для меня радость. Теперь онъ поскакалъ за Густавомъ, привезетъ сюда на-

шего Густиньку! Господи, Господи! Неужели вы не рады, фрейленъ Гертинька?

— Поди и помоги мнѣ переодѣться,—сказала Герта.—А голубое платье пусть виситъ себѣ въ шкафу. Впрочемъ, можешь его взять себѣ.

Герта бросила свои вещи на руки фрау Панкъ и пошла впередъ.

— Черезъ три-то года и вотъ что!—шептала экономка, покачивая головою.—Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же она осталась? Да нѣтъ, вотъ дай имъ только свидѣться, опять обнять другъ друга... Гдѣ тамъ какому-нибудь графу противъ моего Густиньки!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВА.

Поэма Альфреда де-Мюссэ.

Друзья, пусть ива надо мной шумитъ,
Когда меня покинутъ жизни силы.
Ея вѣтвей люблю я грустный видъ,
Ея листы поблекшіе мнѣ милы,
И тѣнь ея собой не отягчитъ
Ту землю, гдѣ почію сномъ могилы...

I.

Въ толпѣ тревожное движенье...
Миссъ Смоленъ пѣсню начала...
Она съ собою принесла
Толпѣ восторгъ и вдохновенье;
Собранье шумное гостей
Умолкло вдругъ, внимая ей.
Она плѣняетъ всѣхъ собой;
На ликъ пѣвицы молодой
Всѣ взоры страстно устремились;
Она задумчива, блѣдна;
Небесъ лазурь и глубина
Въ прелестномъ взорѣ отразились.
Волнистый шелкъ ея кудрей,
Короной свѣтлою вѣнчаетъ
Ее чело; все манитъ къ ней,
Все къ ней невольно привлекаетъ.
Ее ласкаетъ, любитъ свѣтъ;
Вездѣ улыбку и привѣтъ
Она встрѣчаетъ, но во взорѣ
Невинной дѣвы видно горе...
На ней лежитъ тоски печать.
Кто тайны сердца можетъ знать?
На облака закатъ бросаетъ
Порою отблескъ огневой,

Съ трудомъ тотъ отблескъ мракъ ночной
Съ лазури неба прогоняетъ;
Такъ проливаетъ въ сердце радость
Ея улыбка и съ собой
Приноситъ счастье и покой
Ея плѣнительная сладость...
Краса лица и сердца младость
Мечты отрадныя дарятъ.
Ея очей глубокій взглядъ
Сердца плѣняетъ и тревожитъ;
Тотъ взглядъ никто забыть не можетъ...

Про иву, зеленую иву
Запѣла въ волненьи она...
Сначала лишь тихою грустью
Унылая пѣсня полна.
На блѣдномъ лицѣ Десдемоны
Читается скорбь и печаль;
Слезою затмилась улыбка;
Ей свѣтлаго прошлаго жаль...
Но все безотраднѣе горе...
Тоска все растетъ и растетъ;
Какъ будто прощаясь съ землею,
Она эту пѣсню поетъ.
Полна и страданья, и страсти,
Волшебная пѣсня неслась;
Пѣвица въ пылу вдохновенья
Ей всею душой отдалась.
Когда непогода бушуетъ,
Реветъ и клубится потокъ,
Кто знаетъ, куда понесется
Волнами гонимый челнокъ?
Порою подъ звуки напѣва
На память счастливые дни
Приходятъ; забытыя грезы
Въ душѣ пробуждаютъ они...
Забытыя думы.... Какъ призракъ
Прошедшее счастье встаетъ
И въ душу святые восторги,
Надежды отрадныя льетъ...

Все глубже тоска Дездемоны;
Все пѣсня грустнѣй и грустнѣй;
Уныло отъ горя и боли
Струится слеза изъ очей;
Какъ волны колеблятся струны,
Отъ муки сжимается грудь,
Бушуя реветъ непогода;
Убійца направился въ путь...
Въ ней силы слабѣютъ и гаснутъ;
Умчался плѣнительный сонъ;
Волшебную пѣсню смѣняетъ
Тяжелый, болѣзненный стонъ...
И вотъ умолкаетъ пѣвица
Отъ страха нѣма и блѣдна
И арфу, убита кручиной,
Въ объятьяхъ сжимаетъ она.

Подъ звуки страстнаго напѣва,
Внимая голосу любви,
Ты слезы льешь, младая дѣва.
Святыя слезы не таи...
Иной бы далъ и жизнь, и счастье,
Чтобы его холодный прахъ
Слезою теплаго участья
Почтила ты; въ твоихъ очахъ
Пускай, какъ жемчугъ драгоцѣнный,
Слеза сіяетъ и блеститъ...
Отдавшись пѣснѣ вдохновенной,
Въ душѣ больной тоска молчитъ;
Гармоньи пламенные звуки
Ее уносятъ въ свѣтлый край,
Гдѣ молкнетъ тяжкій голосъ муки,
Гдѣ скорби нѣтъ, гдѣ въ сердцѣ рай...
Языкъ любви, языкъ страданья,
Какъ сладко насъ плѣняешь ты!...
Даешь душѣ очарованье,
Рождаешь чудныя мечты.
Когда порой безсильно слово,
Когда поэзія молчитъ,

Твой голосъ пламенный звучитъ.
Ему душа внимать готова,
Исполненъ онъ волшебныхъ чаръ,
Имъ сердце сладостно согрѣто,
Онъ въ душу льетъ потоки свѣта,
И, принося блаженство въ даръ,
Звучитъ, таинственности полнъ,
Какъ листьевъ шумъ, какъ ропотъ волнъ...
Угасло пламенное пѣнье,
Послѣдній звукъ умолкъ съ тоской...
А все пѣвица отъ волненья
Съ трудомъ дышала; такъ порой,
Хоть пѣсня больше не звучитъ,
Гитара стонетъ и дрожитъ...
Толпа съ любовью созерцала
Пѣвицу; взоръ ея горѣлъ,
Ея лицо красой сіяло...
Кому достанется въ удѣлъ
Ея любви огонь мятежный?
Кто пробудить съумѣетъ страсть
Въ ея груди? Душою нѣжной
Кого она признаетъ власть?

. . . . . .

Среди толпы Тиберсъ стоялъ.
Онъ въ старомъ домѣ обиталъ
Близъ замка Смоленъ; съ давнихъ лѣтъ
Онъ гордыхъ Смоленовъ сосѣдъ.
Судьба съ нимъ обошлась сурово:
Съ нуждою горькой онъ знакомъ
И долженъ жить своимъ трудомъ;
Но онъ владѣетъ даромъ слова
И чуднымъ голосомъ. Свой взоръ
Миссъ Смоленъ на него склонила
Любви полна... Съ которыхъ поръ
Ихъ души страсть соединила?—
Никто отвѣтить бы не могъ.
Любовь святую видѣлъ Богъ,
Но про нее не знали люди...
Невольно вырвался изъ груди
У бѣдняка блаженства стонъ.

Надеждой свѣтлою согрѣтый,
Своей любовью увлеченъ,
«Меня ты любишь ли, Жоржета»?—
Ей прошепталъ украдкой онъ.

II.

Въ замкѣ отцовскомъ Тиберсъ обитаетъ.
Ночи онъ трепетно ждетъ:
Только стемнѣетъ—дрожа отъ волненья,
Онъ на свиданье пойдетъ...

Въ замкѣ старинномъ и время, и бѣдность
Грустный оставили слѣдъ...
Тяжкой рукою его подавило
Бремя промчавшихся лѣтъ.
Шумъ пированья, веселыя пѣсни
Въ залахъ пустыхъ не звучатъ.
Слуги исчезли; въ забытыхъ хоромахъ
Мракъ и молчанье царятъ...
Мракъ опустѣнья — убогая бѣдность,
Грустный и тягостный видъ!
Только въ одной изъ заброшенныхъ комнатъ
Лампа уныло горитъ.
Тамъ, гдѣ алхимикъ и денно, и нощно
Тайны природы искалъ,
Подлѣ молельни, тюрьмы или склепа
Бѣдный Тиберсъ обиталъ.
Кто намъ разскажетъ прошедшаго тайны?
Что тамъ скрывалося встарь,
Мы никогда не узнаемъ; съ могилой
Сходство имѣетъ алтарь.
Кто намъ разскажетъ, какъ гордый владѣлецъ
Въ годы прошедшіе жилъ,
Какъ онъ въ далекій походъ снаряжался,
Судъ и расправу чинилъ,
Какъ, увлекаясь завѣтной мечтою,
Думою тайной своей,
Блѣдный алхимикъ страдалъ и трудился
Въ мракѣ безсонныхъ ночей?

Молчатъ уныло мрачныя руины...
На нихъ лежитъ годовъ тяжелый слѣдъ...
Отъ роскоши давно минувшихъ лѣтъ
Лишь уцѣлѣли старыя картины.
Вотъ Рафаэля снятіе съ креста.
Какою мукой дышетъ ликъ Христа!
Убитая тяжелою тоскою,
Въ слезахъ стоитъ Его святая Мать,
Закрывъ лицо дрожащею рукою;
На ней лежитъ отчаянья печать...
Одна молитва дастъ ей утѣшенье;
Неизлѣчима боль сердечныхъ ранъ!
Вотъ кисти Жирико произведенье,
Здѣсь Тинторетъ, тамъ свѣтлый Тиціанъ...
Юдифь Аллори душу наполняетъ
Невольнымъ страхомъ; злобой дышетъ взоръ,
Ея лицо изъ рамки выступаетъ
И Олоферну шепчетъ приговоръ:
Все о быломъ хранитъ воспоминанье,
Лишь бюстъ Наполеона говоритъ
О новыхъ дняхъ; безсмертныя дѣянья
Завистливое время не затмитъ;
Пройдя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Въ сердцахъ людей ихъ слава не умретъ.
Въ убогой кельѣ царствуетъ наука;
Искусству въ ней воздвигнутъ храмъ святой;
Упорный трудъ даетъ душѣ покой
И свѣтлый миръ; въ ней умолкаетъ мука;
Даря восторгъ, бросая въ душу свѣтъ,
Богиня грезъ, богиня пѣснопѣнья
Страдальцу посылаетъ упоенье;
Надеждой онъ утѣшенъ и согрѣтъ...

Забывъ друзей и шумное веселье,
Одной мечтою свѣтлой вдохновленъ,
Тиберсъ свой вѣкъ влачилъ въ убогой кельѣ;
Никто не зналъ, зачѣмъ скрывался онъ.
Одной любви онъ вѣрилъ и служилъ;
Другихъ страстей душа его не знала.

Онъ жизнь свою наукѣ посвятилъ:
Она его манила и плѣняла.
Отдавшись ей, онъ горе забывалъ...
Въ туманѣ скрылись тихія долины;
Заката лучъ, алѣя, догоралъ
И золотилъ высокихъ горъ вершины;
На спящій міръ ложилась ночи тѣнь:
Зимою ночь смѣняетъ быстро день...
Сгущалась тьма; вечернее моленье
Окончено.... толпа домой спѣшитъ;
Лишь пѣсни звукъ, теряясь въ отдаленьи,
Порой о днѣ субботнемъ говоритъ.
Съ росою пало свѣтлое забвенье
На сонный міръ; все рѣже гулъ шаговъ;
Настало царство грезъ и сладкихъ сновъ...
Тиберсъ глядѣлъ съ слезой участья
На проходящихъ поселянъ;
Имъ никогда не свѣтитъ счастье.
Имъ тяжкій крестъ судьбою данъ!...
Ища денное пропитанье,
Они трудиться вѣкъ должны;
На скорбь и вѣчное страданье
Они судьбой обречены...
Глядя на нихъ съ тоской глубокой,
Тиберсъ печаль скрывать не могъ:
И онъ томился одиноко,
И онъ былъ бѣденъ и убогъ...

Бѣдникъ и поэтъ.

О, бѣдность! лучшія стремленья
И сердца лучшія мечты,
Не зная слезъ, ни сожалѣнья.
Рукой желѣзной давишь ты...
Года проходятъ за годами,
А все тоска сжимаетъ грудь;
Ты злая мачиха—слезами
Страдальца орошаешь путь...
Къ дверямъ могилы довременной
Его ведетъ твоя рука...

Онъ къ ней идетъ трудомъ согбенный,—
Ужасна доля бѣдняка!
Но безотраднѣй доля злая
Того, кто думъ вкушаетъ плодъ:
Минуты отдыха не зная,
Двойною жизнью онъ живетъ.
Своей мечтѣ отдавшись страстно,
Простился онъ съ отраднымъ сномъ;
Она стоитъ предъ нимъ всечасно,
Какъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ.
Ее считая за святыню,
Онъ силы ей и жизнь даритъ;
Она-жь въ безмолвную пустыню
Больную душу превратитъ...
Раздался звонъ... Тиберсъ, душой смутясь,
Ему внималъ. «Насталъ молитвы часъ,
«Пусть за меня помолятся они»!—
Онъ молвилъ и исчезъ въ ночной тѣни.

Вечерняя звѣзда.

Когда земля внимаетъ гласу Бога
И человѣкъ почіетъ отъ труда,
Скажи, кому съ лазурнаго чертога
Киваешь ты, вечерняя звѣзда?
Все спитъ кругомъ; чуть слышно льются волны;
Утихла буря; нѣги полонъ лѣсъ;
Въ волшебный часъ, когда земля безмолвна,
Ты для кого блестишь среди небесъ?
На траурномъ плащѣ безмолвной ночи
Сіяешь ты сребристою слезой...
Своимъ лучемъ плѣняя сладко очи,
Куда стремишься ты во тьмѣ ночной?
Гдѣ прячется твой лучъ благословенный,
Когда заря румяная встаетъ?
Въ лѣсу-ль густомъ? иль словно перлъ безцѣнный,
Уходишь ты на дно шумящихъ водъ?...
Недолго насъ ты радуешь лучами;
Заря встаетъ, ты прячешься въ волнахъ...
Хоть краткій мигъ еще останься съ нами!
Звѣзда любви не меркни въ небесахъ!

III.

Въ звѣздахъ горѣлъ небесный сводъ;
Закатъ алѣлъ; кругомъ темнѣло;
Жоржета близъ шумящихъ водъ
Съ подругой милою сидѣла
И думы повѣряла ей....
«Люблю я блескъ ночныхъ лучей,
«Люблю смотрѣть среди тумана,
«Какъ у подножья скалъ сѣдыхъ
«Бушуютъ волны океана.
«Я часто здѣсь, глядя на нихъ,
«Сижу отрадныхъ думъ полна....
— Но ты взволнована, блѣдна,
Въ твоихъ очахъ сіяютъ слезы....
«Я безъ причины слезы лью;
«Въ душѣ восторгъ, а въ сердцѣ грезы..
— Уйдемъ отсюда...
«Я люблю,
«Невольнымъ трепетомъ объята,
«Смотрѣть какъ гаснетъ лучъ заката...
«Куда спѣшишь?
— Твоя рука
Дрожитъ; ты хочешь скрыть тревогу
Своей души.
«Тебѣ тоска
«Не сушитъ грудь; одну дорогу
«Ты только знаешь въ жизни. Свѣтъ
«Передъ тобою чашу бѣдъ
«Не вылилъ; горя ты не знала,
«Хоть мы однихъ съ тобою лѣтъ.
Я путь иной себѣ избрала...
— Ты вся дрожишь; свою тоску
Повѣдай мнѣ...
«Передъ тобою
Скрываться дольше не могу;
Душа полна одной мечтою;
Какъ лучъ вечерній гасну я
И вѣкъ въ страданьи одинокомъ
Влачу уныло; жизнь моя

Течетъ хладѣющимъ потокомъ,
Но сердце полно свѣтлыхъ думъ,
И плескъ волны, и листьевъ шумъ
Мнѣ сладко шепчутъ про любовь;
Внимая голосу природы,
Ищу восторговъ и свободы,
Во мнѣ, пылая, льется кровь;
Я гасну—выслушай меня;
Въ тебѣ найду я утѣшенье;
Тебѣ одной открою я
Души тревожное волненье,
Мечты завѣтныя свои...
Я умираю отъ любви...
Какъ въ бурномъ морѣ пропадаетъ
Чуть слышно льющійся ручей,
Такъ въ этой страсти утопаетъ
Душа моя; отдавшись ей,
Я не могу сносить разлуки...
Къ сопротивленью воли нѣтъ;
Тебѣ открою сердца муки...
Будь мой Горацій, я—Гамлетъ.

IV.

Объятый сладкими мечтами,
Тиберсъ чуть слышными шагами
Дошелъ до замка, гдѣ съ отцомъ
Жила миссъ Смоленъ; все кругомъ
Молчало; замокъ лишь не спалъ;
Въ немъ яркій свѣтъ огни бросали.
И въ окнахъ тѣни промелькали.
Тиберсъ уныло прошепталъ:
«У нихъ веселое собранье.
«Она смѣется надо мной;
«Напрасно жду ее съ тоской—
«Она забыла про свиданье!
Тиберсъ, дрожа, взглянулъ въ окно.
«Урочный часъ прошелъ давно.
«Мнѣ за любовь обманъ наградой»...
Передъ иконами старикъ
Молился; миромъ и отрадой

Дышалъ благочестивый ликъ.
Старикъ стоялъ, склонивъ колѣна,
Своимъ семействомъ окруженъ,
Отъ всей души молился онъ.
Годовъ не вѣдая измѣны,
Надеждой свѣтлою согрѣтъ,
Онъ въ счастье вѣрилъ; горькихъ бѣдъ
Ему судьба не посылала.
Жена и дочь молились съ нимъ.
Словамъ отраднымъ и святымъ
Младая дѣва не внимала.
Тиберсъ, зачѣмъ смущаешь ты
Святой невинности обитель?
Уйди, коварный обольститель!
Тобой полны ея мечты;
Ты отнялъ дочь у старика;
Ея позора онъ не знаетъ.
Ее съ любовью осѣняетъ
Его дрожащая рука.
Она твоя; ея мечтами,
Ея душой ты завладѣлъ
И отъ нея, взмахнувъ крылами,
Хранитель свѣтлый улетѣлъ.
Она разстроена, блѣдна...
Горя отъ страсти и волненья,
Съ тоской нѣмою ждетъ она
Конецъ вечерняго моленья.
Чтобы увидѣться скорѣй
Съ Тиберсомъ; сердце шепчетъ ей:
«Онъ здѣсь; надѣясь и любя,
Давно любовникъ ждетъ тебя...
«Къ нему на сладкое свиданье
«Спѣши»! Глубокое молчанье
Объяло замокъ; онъ заснулъ;
Умолкъ шаговъ тяжелый гулъ...
Пока заря не заалѣла,
Спѣши—минуты дороги!...
Вдругъ дверь чуть слышно заскрипѣла,
И чьи-то робкіе шаги
Раздались....

Въ сердцѣ смутный страхъ,
Въ душѣ невольная тревога,
Когда темно и гласу Бога
Внимаетъ міръ. Въ ночныхъ тѣняхъ
Мелькаютъ призраки; видѣнья
Рисуетъ намъ воображенье.
Во время бури лѣсъ дрожитъ
И вѣтеръ злобно завываетъ;
Такъ ужасъ въ душу проникаетъ,
Когда земля, какъ гробъ, молчитъ...
Душа со страхомъ проситъ сна,
Когда въ природѣ мракъ и тишина.
Къ любовнику Жоржета подошла;
Насталъ волшебный мигъ желанной встрѣчи;
Вздымалась грудь ея, дрожали плечи.
Она его съ любовью обняла,
Сплелися руки въ пламенномъ пожатьи
И онъ, дрожа, упалъ въ ея объятья...

V.

Скажи, зачѣмъ, мой старый другъ,
Ты отъ меня скрываешь горе?
Тоска въ твоемъ померкшемъ взорѣ;
Какая скорбь, какой недугъ
Тебя гнететъ? Ты помолиться
Сегодня утромъ позабылъ;
Ты ходишь мраченъ и унылъ.
Со мною горемъ подѣлиться
Ты долженъ!
«Гдѣ же наша дочь»?
— Твоя печаль ее тревожитъ
И слезъ она скрывать не можетъ;
Скажи, зачѣмъ сегодня въ ночь
Ты вышелъ изъ дому какъ тать
И грозно мнѣ велѣлъ молчать,
Когда тебя я умоляла
Не выходить? Зима настала
И ночи холодны.... Открой
Свою печаль. Одной рѣкой
Счастливо наши дни текли;

Мы душу въ душу провели
Весь вѣкъ.
— Не мука давитъ грудь;
Я боленъ.
«Тщетно обмануть
«Меня ты хочешь; въ часъ ночной
Больнымъ не вышелъ бы изъ дома,
Твоя душа съ тоской знакома....
Зачѣмъ дрожащею рукой
За шпагу старую берешься?
Не уходи! Коль не вернешься,
Что станемъ дѣлать безъ тебя?
Ты—наше счастье и опора.
— Не плачь! домой приду я скоро...
Не бойся.... Гдѣ же дочь моя?

VI.

Луна блѣднѣетъ въ небесахъ;
Алѣютъ сѣрыхъ скалъ вершины:
Купаясь въ утреннихъ лучахъ,
Проснулись спящія долины.
Бѣлѣя, стелется туманъ;
Струятся волны аромата;
Въ одежду пурпура и злата
Облекся бурный океанъ;
Природу солнце освѣтило;
Насталъ молитвы чудный часъ...
Свѣтило дня! ты жизнь и сила
Земли; лучами грѣя насъ,
Ты правишь міромъ; предъ тобой
Безслѣдно грустною чредой
Проходятъ люди; мы живемъ
Лишь мигъ, но наша грудь согрѣта
Лучемъ божественнаго свѣта;
Пускай къ могилѣ мы идемъ
И жизнь волною быстротечной
Проносится; сіяя вѣчно,
Ты одинокъ, а намъ дана
Любовь; когда душа полна

Отрадныхъ грезъ и свѣтлыхъ думъ,
Намъ дѣла нѣтъ до тайнъ природы;
Насъ не тревожитъ грозный шумъ
Стихій; пускай проходятъ годы
И настаетъ кончины часъ:
Одна мечта плѣняетъ насъ...

Въ тотъ свѣтлый часъ, когда заря
Встаетъ надъ спящими полями
И свѣту новый день даря,
Сіяетъ алыми лучами,
Тиберсъ спѣшилъ въ свой бѣдный домъ.
Какъ гробъ молчало все кругомъ...
Вкушая сладкое забвенье,
Онъ шелъ въ раздумье погруженъ;
Какъ рѣдки чудныя мгновенья,
Когда лелѣетъ счастья сонъ,
Когда не давитъ жизни бремя,
Когда свободно дышетъ грудь:
Невольно думаешь, что время
Тогда на мигъ прервало путь...
Блаженствомъ душу наполняютъ
Восторги свѣтлые любви,
Какъ мысли радостно блуждаютъ,
Какой огонь горитъ въ крови!...
О, ночь! ты царство сладострастья.
Ты будишь сладкія мечты,
Даришь душѣ восторгъ и счастье...
О, ночь! зачѣмъ проходишь ты?
Съ тобой сравниться день не можетъ:
Ночная тѣнь—любви покровъ
Пройдетъ и мука сердце гложетъ,
И больше нѣтъ отрадныхъ сновъ...

Глядя съ тоской въ нѣмую даль,
Близъ шумныхъ волнъ сидитъ Жоржета.
Любовью грудь ея согрѣта;
Въ лицѣ читается печаль...
Тиберсъ, въ слезахъ разставшись съ ней,
Ушелъ неровными шагами.

Зачѣмъ влюбленными очами
Слѣдишь за нимъ? Уйди скорѣй!...
Проснулся вѣтръ; туманъ прибрежный
Пропитанъ сыростью и мглой;
Ты о быломъ съ любовью нѣжной
Воспоминай, спѣша домой!...
Тиберсъ къ себѣ вернулся поздно.
Его старикъ какой-то ждалъ
И, на него взирая грозно,
Ему со злобою сказалъ:
«Для насъ разсчета часъ насталъ».

VII.

Въ монастырѣ тревога и волненье...
Хоть ночь давно, никто не можетъ спать.
Монахини проходятъ какъ видѣнья;
То слышенъ шумный говоръ, то опять
Умолкнетъ все; какое-то несчастье
Грозитъ, вселяя въ душу смутный страхъ;
На лицахъ озабоченныхъ участье
Читается; молитвы на устахъ...
Въ обители нѣмое ожиданье...
Унылый крикъ,—страданья полный стонъ
Прервалъ на мигъ тяжелое молчанье.
Въ убогой кельѣ вдругъ раздался онъ,
Гдѣ на колѣняхъ женщины стояли
Передъ распятьемъ, плача и молясь...
Скажите, сестры скорби и печали,
О комъ мольбы? Которая изъ васъ
Кончаетъ вѣкъ, утраченный напрасно,
Прощается съ остаткомъ грустныхъ дней?
Вы ждете смерть вседневно и всечасно;
Съ улыбкою идя на встрѣчу къ ней,
Вы носите печальныя одежды;
Вамъ измѣнили сладкія надежды;
Отрадою не дышетъ ваша грудь;
Вамъ ни любовь невѣдома, ни злоба...
Къ стѣнамъ монастыря ужасенъ путь,
Но не далекъ отъ келіи до гроба...

Нѣмой тоски и мукъ полна,
Лежитъ отшельница младая
Въ борьбѣ неравной погибая.
Со смертью борется она...
Въ ней гаснетъ духъ, слабѣютъ силы;
Не можетъ крестъ она обнять;
Она зоветъ съ слезами мать;
Изъ груди рвется стонъ унылый.
Скажите, въ чемъ ее вина?
Что губитъ жизнь ее до срока?
Зачѣмъ, зачѣмъ, въ тоскѣ глубокой
Кончаетъ грустный вѣкъ она?
Съ тѣхъ поръ лишь два промчались дня,
Какъ въ монастырь старикъ суровый.
Молчанье гордое храня.
Ее привелъ для жизни новой.
Когда она святой обѣтъ
Произнесла покинуть свѣтъ.
Старикъ ушелъ, ее простя...
Ушелъ! а бѣдное дитя
Съ тѣхъ поръ лишилось чувствъ и силы,—
Предъ ней открылась дверь могилы...
Въ убогой кельѣ слышенъ плачъ.
Больная къ жизни не вернется...
Ее спасти не можетъ врачъ,
Молиться только остается...
Она рукой сжимаетъ грудь,
Склонясь безъ силы къ изголовью...
Она жила одной любовью;
Любовь могла-бъ ей жизнь вдохнуть;
Увы, ей сердце измѣнило,
Надежды лучъ въ душѣ губя!
Предъ ней холодная могила,
Она сойдетъ въ нее, любя...
Что сердце дѣвы молодой?
Надеждъ и грезъ веселый рой;
Она цвѣтетъ, благоухая,
Не зная скорби и тревогъ,
Среди семейства; мать и Богъ,
Любовь родныхъ, любовь святая,

Ея защита и оплотъ;
Она безъ нихъ не проживетъ;
Она нуждается въ опорѣ,
Какъ слабый плющъ; опоры нѣтъ
И ей на вѣкъ постынетъ свѣтъ.
Ее сразитъ тоска и горе;
За то, что, сердцу дань платя.
Любила сильно и глубоко,
Какъ Десдемона, жизнь до срока
Окончитъ бѣдное дитя.

* * *

Иныя свѣтлыя созданья
Полны небесной красоты.
Они дарятъ очарованье,
Любовью дышатъ ихъ черты;
Они не созданы для муки;
Имъ не снести тоску разлуки.
Ихъ очернить не можетъ свѣтъ;
Когда предъ ними чаша бѣдъ,
Имъ измѣняетъ жизнь и сила:
Ихъ ждетъ вѣнецъ или могила...
Они для счастья рождены;
Имъ жизнь сулитъ восторгъ и радость;
Ихъ тѣшатъ сладостные сны,
Но злое горе губитъ младость
И смерть влечетъ ихъ за собой;
Такъ каждый вѣкъ кончаетъ свой.
Померкъ послѣдній лучъ надежды;
Судьбы свершился приговоръ!...
Потухъ ея тревожный взоръ;
Ей скоро смерть закроетъ вѣжды;
Тяжелыхъ думъ и мукъ полна,
Она въ борьбѣ изнемогаетъ;
Главу усталую она
На грудь безжизненно склоняетъ;
Но все она кого-то ждетъ
Съ невыразимою тоскою...
Для міра новый день встаетъ.
Заря блеснула надъ землею

И, озаряя блѣдный ликъ,
Къ больной веселый лучъ проникъ,
Надежду ей суля и счастье...
Природа вѣчною красой
Блеститъ, не вѣдая участья;
Что ей до горести людской?
Глядя на міра блескъ и шумъ.
Страдалецъ, полонъ горькихъ думъ,
Объятый горемъ, понимаетъ,
Что въ немъ безплодно льется кровь,
Что лишь пустыню наполняетъ
Его безумная любовь...

Надежда.

Когда въ страдальцѣ гаснетъ сила,
Когда предъ нимъ лежитъ могила
И онъ отчаяньемъ томимъ,
Свѣтла, какъ ангелъ безмятежный,
Одна надежда, съ страстью нѣжной
Еще склоняется надъ нимъ,
Съ его лица стирая слезы;
Она даритъ святыя грезы,
Предъ нимъ свои восторги льетъ,
Блеститъ въ его потухшемъ взорѣ
И, убаюкивая горе,
Въ далекій путь его ведетъ.

Одной любви своей внимая,
Кого-то дѣва молодая
Зоветъ съ глубокою тоской...
Но смерть влечетъ ее съ собой...
Вдругъ все померкло передъ ней;
Потухъ огонь ея очей...
Объята мракомъ вѣчной ночи,
Ужель она во цвѣтѣ лѣтъ
Покинула холодный свѣтъ
И навсегда закрыла очи?
Въ одежду инока одѣтъ,
Какъ алтарей святой служитель,

Въ то время въ мрачную обитель
Какой-то юноша спѣшитъ.
Его унылъ и мраченъ видъ...
Толпа даетъ ему дорогу,
И вотъ къ больной подходитъ онъ,
Скрывая тайную тревогу;
Ему отвѣтилъ слабый стонъ.
«Скажи, ты узнаешь ли друга»?—
Ее со страхомъ онъ спросилъ.
Увы, отъ скорби и недуга
Въ ней угасалъ остатокъ силъ...
Глаза безжизненно блуждали,
Вокругъ монахини стояли.
«Оставьте насъ»,—онъ имъ сказалъ.—
«Я опоздалъ, я опоздалъ»!
Ложилась тѣнь; лучи заката
Бросали отблескъ огневой...
Надежды нѣтъ; лицо больной,
Могильной блѣдностью объято,
Дышало смертью; крестъ упалъ
Изъ хладныхъ рукъ; кругомъ царило
Молчанье; юноша стоялъ
Предъ ней, и образъ сердцу милый
Съ любовью нѣжной созерцалъ...
Любви волшебными словами
Ей жизнь вдохнуть хотѣлъ бы онъ;
Просилъ съ горючими слезами,
Чтобъ на любви молящій стонъ
Она откликнулась; ей руки
Онъ страстно жалъ, но тщетно все.
Съ земною жизнью для нея
Насталъ тяжелый часъ разлуки.
Она должна покинуть свѣтъ;
Ужь смерть открыла ей объятья...
Въ немъ шевельнулися проклятья...
«Я опоздалъ—спасенья нѣтъ»!—
Онъ простоналъ, склоняясь ницъ,
Сраженный горемъ безъ границъ.
Кто испыталъ тоску и муку,
Тотъ знаетъ, какъ томится грудь.

Когда нельзя спасенья руку
Тому, кто гибнетъ, протянуть...
Въ нѣмое горе погруженъ,
Ты даже радъ услышать стонъ:
Щемящій боли крикъ унылый,
Все знакъ что не угасли силы...
Чтобъ только милую спасти,
Ты далъ бы жизнь, но безвозвратно
Погибло все, и еле внятно
Звучитъ послѣднее прости...
Когда любимыя черты
Обезображены кончиной,
Убитый горемъ и кручиной
Невольно понимаешь ты,
Что сердца чудная святыня
На вѣкъ погибла; что весь свѣтъ—
Одна безбрежная пустыня,
Гдѣ для страдальца счастья нѣтъ...

VIII.

Свершилось! Отданы кладбищу
Останки дѣвы молодой...
Никто къ послѣднему жилищу
Не проводилъ ее съ мольбой...
Ея отецъ убитъ тоской;
Его покинула опора
Преклонныхъ лѣтъ; недолго ждать,
За нею въ путь пойдетъ онъ скоро....
Монаха больше не видать;
Онъ скрылся. Спи, дитя несчастья!
Пускай никто съ слезой участья
Къ твоей могилѣ не придетъ—
Она цвѣтами зарастетъ;
Земля съ улыбкою безстрастья
Глядитъ на смерть своихъ дѣтей.
Ея эмблема—лютый змѣй,
Который самъ себя грызетъ...
Природа смертью лишь живетъ;
Она безмолвный мавзолей
Людскихъ желаній и страстей...

Дитя, по волѣ злаго рока
Ты краткій вѣкъ свершила свой;
Ты жизнь окончила до срока,
Какъ роза, смятая грозой...
Тебя одна мечта плѣняла,
Но рано слезы ты узнала,
Страданій горестную тьму.
Тебя покинули надежды
И ты на вѣкъ закрыла вѣжды.
Дитя! миръ праху твоему!...

IX.

Корабль на волнахъ океана
Качался; ночи часъ насталъ;
Среди прибрежнаго тумана
Шотландскій берегъ исчезалъ...
Нѣмой тоски и муки полный,
Одинъ на палубѣ сидѣлъ
Какой-то юноша; на волны
Съ нѣмою скорбью онъ глядѣлъ...
Въ немъ гасла жизнь, въ немъ гасла сила;
Недолго ждать ему конца;
И блѣдность мрачнаго лица
О близкой смерти говорила...
Онъ, умирая, сладко пѣлъ;
Звучала пѣсня Десдемоны;
Ея любви молящей стоны
Онъ въ пѣснѣ выплакать хотѣлъ.
Полны тоски и горькой муки,
Неслися пламенные звуки...
Но все пѣвецъ блѣднѣлъ и гасъ...
Онъ умиралъ отъ тяжкой раны;
Бросая въ волны слѣдъ багряный,
Струею кровь его лилась...

П. Козловъ.

Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи.

(Посвящается памяти А. И. Кошелева).

Предлагаемое изслѣдованіе основано на матеріалѣ, собранномъ при мѣстныхъ работахъ на югѣ Рязанской губ. въ 1882 и частію въ 1881 годахъ. Попутно съ собираніемъ данныхъ (по порученію рязанскаго губернскаго земства) объ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ мѣстнаго населенія южныхъ уѣздовъ губерніи, мы старались собрать возможно полныя свѣдѣнія и о ходѣ переселенческаго движенія изъ нихъ. Въ концѣ 1882 года, мѣстныя статистическія работы рязанскаго земства на время прекратились; неизвѣстно было, когда онѣ вновь начнутся и будутъ ли приняты прежняя программа и прежніе пріемы изслѣдованія. Такимъ образомъ, подробная разработка крестьянскихъ переселеній изъ всей Рязанской губерніи можетъ затянуться на долгое время, а собранный нами матеріалъ могъ устарѣть и сдѣлаться несравнимымъ съ матеріаломъ по другимъ уѣздамъ. Эти соображенія и заставили насъ взяться за обработку данныхъ по переселенческому движенію изъ трехъ южныхъ уѣздовъ (Раненбургскаго, Данковскаго и Скопинскаго), не ожидая окончанія статистическаго изслѣдованія всей Рязанской губерніи.

Пріемы статистическихъ изслѣдованій при мѣстныхъ работахъ въ этихъ 3-хъ уѣздахъ были совершенно тѣ же, какъ и въ Рязанскомъ уѣздѣ *): запасшись необходимыми документальными выборками въ волостномъ правленіи и бросивъ въ немъ первый бѣглый взглядъ на общины-волости, мы объѣзжали всѣ селенія, производя на мѣстахъ перепись крестьянскихъ домохозяйствъ и знакомясь съ общими экономическими условіями цѣлой деревни и ея составныхъ частей—общинъ. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ добывались свѣдѣнія о выселившихся крестьянахъ; но сначала необходимо выяснить, какое понятіе соединяемъ мы съ словомъ *переселе-*

*) Пріемы эти выработаны практикою московскаго земскаго статистическаго бюро; подробнѣе о нихъ см. введеніе къ „Сборнику статистическихъ свѣдѣній по Рязанскому уѣзду“.

нецъ. Обыкновенно о размѣрѣ выселеній судятъ по числу ревизскихъ душъ, оффиціально *отчисленныхъ* по новому ихъ мѣсту жительства. Но, во-первыхъ, на такое перечисленіе новоселовъ необходимъ довольно значительный промежутокъ времени (по крайней мѣрѣ, годъ, два) и, слѣдовательно, указаннымъ способомъ не будутъ охвачены новѣйшіе случаи переселеній, да и по годамъ отчисленія трудно судить о годахъ выхода; во-вторыхъ, не разъ уже указывалось въ печати, что оффиціальныя перечисленія вообще не даютъ истиннаго понятія о размѣрахъ переселенческаго движенія, что масса окончательно выселившихся крестьянъ живетъ по паспортамъ, не отчисляясь отъ своихъ родныхъ селеній. Г. Ядринцевъ, напримѣръ, опредѣляя число перечисленныхъ въ Алтайскій горный округъ съ 1875 года въ 8,000 душъ, говоритъ *): «Но это далеко не даетъ понятія обо всемъ притокѣ переселенцевъ: *множество лицъ живутъ по паспортамъ* въ селеніяхъ до переселенія; другіе же переселяются самовольно и даже не могутъ быть открыты». Онъ же говоритъ въ своемъ трудѣ «Сибирь, какъ колонія» (стр. 152): «Когда начинается перечисленіе, для переселенца наступаетъ переходное состояніе, тянущееся иногда года; мы имѣли случай видѣть людей, *живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ* безъ перечисленія, точно также, какъ и людей *лѣтъ по 11 хлопочущихъ о перечисленіи* и находящихся въ переходномъ состояніи». Мы увидимъ, какъ много крестьянъ нашего района изслѣдованія, распродавъ все свое движимое и недвижимое имущество на родинѣ, живутъ съ своими семьями вдали отъ нея лѣтъ по 10—20 и даже больше и все еще не перечислены по мѣсту новаго жительства. Понятно, мы не могли принять за признакъ переселенца его оффиціальное отчисленіе отъ роднаго селенія; напротивъ, по указаннымъ причинамъ, мы на этотъ признакъ вовсе не обращаемъ вниманія, *считая переселенцемъ всякаго, кто окончательно порвалъ хозяйственную связь съ своимъ роднымъ селеніемъ и ушелъ съ семьей устраиваться на новыя мѣста*; такимъ образомъ, къ числу переселенцевъ отнесены нами и тѣ крестьяне, которые въ самый годъ нашего изслѣдованія распродали все свое имущество и ушли съ своими семьями въ Томскую и другія губерніи. Тутъ можетъ представиться, повидимому, весьма вѣское возраженіе: считая переселенцами и не отчисленныхъ, даже не дошедшихъ еще до мѣста поселенія, мы включаемъ въ число ихъ и такія семьи, которыя могутъ снова вернуться на родину. Но мы увидимъ, что случаи возвращенія въ нашихъ уѣздахъ составляютъ незначительный % всѣхъ выселеній, а, слѣдовательно, и предъидущее возраженіе теряетъ практическое значеніе; кромѣ того, для главной цѣли нашего изслѣдованія—изученія причинъ движенія — необходимо было зарегистрировать и неудачныя попытки

*) „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ", въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества, кн. II за 1880 годъ, стр. 114.

къ выселенію, такъ какъ и эти семьи уходили съ родины подъ давленіемъ общихъ условій, которыя мы желаемъ уяснить.

Подворная перепись велась нами не только наличному населенію, но мы старались и ушедшихъ «на самару»—«самарцевъ» (такъ зовутъ переселенцевъ крестьяне) проводить чрезъ ея графы. Перепись производилась въ порядкѣ дворовъ селенія; когда доходила очередь до самарца, записывался и онъ, и разузнавалось о его хозяйственномъ достаткѣ *въ моментъ выселенія*. Переселенецъ обыкновенно только продажею всего своего имущества получаетъ возможность идти въ далекую сторону съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ; домъ, часть скота (или и весь скотъ), одежда, домашняя утварь, а иногда и земля продаются кому-либо изъ односельцевъ, который, по мѣткому выраженію крестьянъ, «*отпускаетъ* на самару». Вотъ этотъ-то отпускавшій на самару извѣстнаго переселенца или кто-либо изъ его сосѣдей даютъ не только точные отвѣты о немъ на всѣ вопросы переписи, но и нѣкоторыя указанія на причины того или иного состоянія его хозяйства, на то, чѣмъ вызвано его рѣшеніе идти въ далекую сторону, какъ шелъ онъ въ пути и пр. Но чѣмъ раньше ушелъ переселенецъ, тѣмъ труднѣе было получать отвѣты о немъ; иногда не только невозможно было узнать, напримѣръ, о количествѣ скота у него передъ выходомъ, но и показаніямъ о размѣрахъ его семьи и даже о годѣ его выхода слѣдовало придавать лишь приблизительное значеніе; могли даже случаться пропуски цѣлыхъ переселенческихъ семей. Для избѣжанія такихъ пропусковъ мы практиковали слѣдующій пріемъ. Въ переписи противъ каждаго домохозяина (какъ наличнаго, такъ и переселенца) всегда обозначалось число душевыхъ надѣловъ («душъ»), отведенныхъ въ его пользованіе обществомъ; сумма этихъ душъ *по всѣмъ дворамъ* общины должна равняться числу единицъ, на которыя она разверстываетъ надѣльную землю; а общее число единицъ разверстки крестьяне всегда знаютъ. По окончаніи переписи мы дѣлали указанную провѣрку, и очень часто (а въ крупныхъ селахъ всегда) оказывалось, что въ нашей переписи не хватаетъ нѣсколькихъ, а иногда и нѣсколькихъ десятковъ «душъ»; ясно, что произошелъ пропускъ нѣкотораго числа домохозяевъ; начиналось разыскиваніе ихъ, пока не пополнялся недочетъ въ единицахъ разверстки. Изрѣдка въ числѣ опущенныхъ дворовъ попадались и наличные крестьяне, живущіе гдѣ-нибудь «на отшибѣ», «не въ линію» и почему-либо не присутствовавшіе на сходѣ; но въ большинствѣ случаевъ это были сходческіе дворы давнихъ лѣтъ. Несмотря на то, что крестьяне были всегда до мелочей точны въ отыскиваніи «пропавшихъ душъ», и съ большой охотой помогали намъ въ этомъ, но такая работа занимала много времени и утомляла обѣ стороны. Чтобы сократить ее, чтобы пропуски самарцевъ во время самой переписи были возможно рѣже, мы всегда строго различали «души» каждаго домохозяина, данныя ему общиной отъ тѣхъ, которыя онъ арендовалъ у своихъ однообщественниковъ, выясняя, не принадлежатъ ли послѣднія кому-либо изъ ушедшихъ на переселеніе.

Сочетаніе указанныхъ пріемовъ дѣлало почти невозможными пропуски не только наличныхъ домохозяевъ, но и «самарцевъ».

Въ числѣ прочаго матеріала, добытаго при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, слѣдуетъ упомянуть о письмахъ переселенцевъ. Такъ какъ и ими придется пользоваться при уясненіи причинъ и послѣдствій переселенческаго движенія, то необходимо сказать нѣсколько словъ о степени ихъ достовѣрности. Письма самарцевъ, за немногими исключеніями, написаны или ими самими, или кѣмъ-либо другимъ—малограмотнымъ, такъ что нерѣдко разобрать ихъ бывало довольно трудно, достать ихъ тоже не легко: въ большинствѣ случаевъ ихъ тщательно берегутъ и очень боятся, чтобы кто-нибудь не затерялъ ихъ, такъ что письма приходилось переписывать на мѣстахъ, тотчасъ же возвращая оригиналъ ихъ владѣльцу. Случалось, впрочемъ, что и сами крестьяне приносили письма главнымъ образомъ потому, что не все разобрали,—рады показать грамотѣю: авось, доберется! Иногда цѣлый сходъ просилъ прочесть письмо и во время чтенія слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; нѣкоторые вставляли свои замѣчанія, позволявшія судить объ отношеніи ихъ къ автору письма, о степени довѣрія къ нему и о ихъ взглядахъ на переселеніе, о ихъ чаяніяхъ и надеждахъ на этотъ исходъ. Конечно, письма представляютъ собой весьма цѣнный матеріалъ, знакомя съ способами передвиженія, съ тѣмъ краемъ, куда попадаетъ переселенецъ, и съ его первыми шагами на новомъ мѣстѣ, но пользоваться ими нужно съ большой осмотрительностью; сами крестьяне, какъ увидимъ дальше, далеко не удовлетворяются одними письмами, чтобы извѣдать тотъ край, куда они такъ стремятся въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что многіе, «желая къ себѣ родныхъ», рисуютъ край переселенія и свое собственное положеніе болѣе свѣтлыми красками, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Чтобы оцѣнить письма, какъ матеріалъ, чтобы видѣть степень ихъ достовѣрности, воспользуемся разсказами одного изъ вернувшихся домой изъ Томской губерніи—главнаго мѣста стремленія переселенцевъ.

Почти всѣ письма самарцевъ рисуютъ Бійскій округъ, Томской губерніи, въ очень заманчивыхъ краскахъ; между тѣмъ, въ село Зенкино (Раненбургскаго уѣзда) приходили извѣстія оттуда, хотя и одобрявшія тамошнія мѣста, но сильно сдерживавшія потокъ переселенцевъ. Эти письма шли отъ Емельяна Катасонова, тоже зенкинца, выселившагося въ Бійскій округъ. Емельянъ считается односельцами «мужикомъ правдивымъ»; ему вѣрили, и переселенія изъ Зенкина на время стали тише. Скоро (по чисто семейнымъ обстоятельствамъ) вернулся и самъ Катасоновъ. Онъ разсказывалъ, что мѣста въ Томской губерніи дѣйствительно хороши, но что необходимы средства для перваго обзаведенія: нужно на первый разъ не менѣе 100—150 рублей, чтобы стать хозяиномъ, чтобы «соху осилить». Онъ говорилъ, что многіе изъ ушедшихъ не стали полными хозяевами, хотя и имѣютъ 1—2 лошади (какъ увидимъ, необходимо для этого не менѣе 3-хъ лошадей), что они работаютъ по людямъ, что въ письмахъ они часто рисуютъ

свое положеніе въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ на дѣлѣ, «желая къ себѣ родныхъ», и пр. То же говорили и другіе вернувшіеся переселенцы и ходоки, ходившіе на развѣдку новыхъ мѣстъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они (какъ и Емельянъ Катасоновъ) утверждали, что бѣднякъ въ Бійскомъ округѣ голодать не будетъ, что и бѣдный, но хорошій работникъ черезъ два-три года можетъ стать на ноги, вполнѣ обзавестись хозяйствомъ, что человѣку «со средствами» (очень умѣренными, какъ уже было замѣчено) не трудно «соху осилить». Такимъ образомъ и вернувшіеся изъ Томской губерніи разсказывали о ней почти то же, что было въ письмахъ оттуда; ихъ разсказы «окоротили» лишь хозяевъ средняго достатка, которые не въ силахъ сбить рублей 300, чтобы за дорожными издержками принести на новыя мѣста рублей 150, а, между тѣмъ, дома жили еще сносно. Сказаннаго достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить содержимое переселенческихъ писемъ, чтобы при нѣкоторой осторожности можно было ими пользоваться.

I.

Исторія переселеній; ихъ размѣры и направленіе.

Историческія указанія на выселенія изъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ.—Крестьяне Скопинскаго уѣзда, принадлежавшіе къ вѣдомству государственнаго коннозаводства.—Историческія указанія на выселенія изъ Скопинскаго уѣзда. — Размѣры переселеній съ 1859—82-й годъ: поуѣздный, поволостной и поразрядный.—Измѣненія размѣровъ переселенческаго движенія во времени въ разныхъ уѣздахъ и разрядахъ крестьянъ.—Процентныя отношенія переселенцевъ къ наличнымъ крестьянамъ *мѣстности выселенія*.—Пообщинные проценты выселеній.—Направленія переселеній и ихъ измѣненія во времени въ каждомъ изъ уѣздовъ.—Трудность перемѣны направленія для крестьянъ.—Зависимость направленія движенія отъ разряда крестьянъ.

Если земство и администрація обратили вниманіе на переселенческое движеніе въ Рязанской губерніи лишь въ 1881 г., то это объясняется главнымъ образомъ особенно усиленнымъ переселенческимъ потокомъ отсюда весной этого года. На самомъ же дѣлѣ переселеніе крестьянъ изъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи—явленіе далеко не новое. Прослѣдимъ его исторію, насколько то позволятъ матеріалы, добытые мѣстными изслѣдованіями. Разумѣется, до 1861 г. добровольныя переселенія могли происходить только изъ среды бывшихъ государственныхъ крестьянъ; крестьяне, бывшіе помѣщичьи, прикрѣпленные къ землѣ, лишенные права передвиженія, лишь вновь пріобрѣтя это право, начинаютъ примыкать къ переселенческому движенію. Понятно, что и наши матеріалы по исторіи переселеній касаются по преимуществу крестьянъ, бывшихъ государственныхъ.

Государственные крестьяне въ Скопинскомъ уѣздѣ составляютъ почти $^3/_4$ (71%) всего его крестьянскаго населенія, въ Раненбургскомъ уѣздѣ — ихъ 40%, а въ Данковскомъ—36%. Какъ увидимъ дальше, характеръ

переселенческаго движенія въ Скопинскомъ уѣздѣ значительно иной, чѣмъ въ двухъ остальныхъ, а потому и его исторію удобнѣе прослѣдить отдѣльно. Обратимся сначала къ исторіи движенія въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ.

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ почти всѣ бывшіе государственные крестьяне, а въ Данковскомъ значительная часть ихъ составляли нѣкогда особый видъ служилаго сословія (однодворцы, четвертные владѣльцы), получавшаго за свою сторожевую службу не деньгами, а землей. Получивъ въ свое пользованіе обширныя пространства прекраснаго чернозема Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, они стали исключительно земледѣльцами. Земли у нихъ было вволю: «каждый пахалъ, сколько хотѣлъ, и косилъ, сколько могъ», что и до настоящаго времени составляетъ ихъ идеалъ и влечетъ за тысячи верстъ на «вольныя земли». Для нѣкоторыхъ селеній этихъ уѣздовъ, повидимому, пора такого приволья не такъ давно миновала: во время мѣстныхъ изслѣдованій нерѣдко приходилось слышать отъ крестьянъ, что и у нихъ еще на памяти стариковъ была своя «самара» *), были «вольныя земли».

Насколько удалось выяснить при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, начало переселеній въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ отходитъ къ первымъ годамъ текущаго столѣтія. Въ то время многія изъ селеній государственныхъ крестьянъ не имѣли еще вполнѣ устойчиваго вида; внутри ихъ земельныхъ владѣній происходили передвиженія. Даже и до сихъ поръ нѣкоторыя села государственныхъ крестьянъ (съ сильно растянутымъ надѣломъ) выдѣляютъ изъ себя часть домохозяевъ на болѣе отдаленные участки своихъ угодій. Такъ, въ Раненбургскомъ уѣздѣ село Ломовое выдѣлило изъ себя нѣсколько выселковъ. Дальняя часть надѣла села Кривополянья и теперь еще отходитъ отъ него на 15 верстъ; на одномъ изъ отдаленныхъ краевъ этого надѣла недавно поселилось нѣсколько семей кривополянцевъ; онѣ, вѣроятно, послужатъ ядромъ для новыхъ выселокъ изъ этого большаго села (5,616 душъ обоего пола), уже давшаго начало двумъ значительнымъ поселкамъ: Чечорѣ (теперь 476 душъ обоего пола) и Новополянью (883 души обоего пола). Новополянцы такъ разсказываютъ о происхожденіи своего села. Лѣтъ 70 назадъ, одна семья изъ Кривополянья поселилась на отдаленной части (за 11 верстъ) своей душевой земли; мѣсто для поселка было выбрано удачно; начали перебираться сюда и другіе дворы; такимъ образомъ образовался поселокъ дворовъ въ 30, составлявшій все еще одну общину съ Кривополяньемъ. При введеніи владѣнныхъ записей, за Новополяньемъ была замежована часть ихъ общаго надѣла, и оно стало самостоятельной общиной. Чечора вышла изъ Кривополянья го-

*) Съ этимъ именемъ у мѣстныхъ крестьянъ соединяется представленіе о полномъ земельномъ просторѣ, такъ какъ первоначальныя передвиженія шли въ Самарскую губернію, гдѣ первые переселенцы встрѣчали земли „вволю“. Отсюда и названіе переселенца—„самарецъ“.

раздо раньше Новополянья; тогда выселились 42 души на отдаленную часть своей земли,—«на степь».

Такого рода переселенія крестьянъ въ предѣлахъ ихъ земельныхъ владѣній происходили въ началѣ этого столѣтія и въ Данковскомъ уѣздѣ. Деревня Зашево (Жахово, по мѣстному), состоящая теперь изъ 804 душъ обоего пола, образовалась лѣтъ 70—80 назадъ изъ выселенцевъ селъ Звѣрева и Орловки, и до сихъ поръ жаховцы различаютъ въ своей деревнѣ два порядка — орловскій и звѣревскій. Надѣлъ, принадлежащій теперь Жахову, былъ тогда частью владѣній Звѣрева и Орловки, частью отдаленной и отбитой чужими землями. Звѣрево и Орловка, составляя въ то время одну общину, владѣли всѣми своими землями чрезполосно; въ чрезполосномъ же владѣніи находилась и эта отдаленная часть пашни и мелколѣсья. Сначала на эту землю мало обращали вниманія, но возраставшее населеніе все болѣе и болѣе придавало ей цѣну, такъ что, наконецъ, неудобство обработки такихъ удаленныхъ земель заставляло звѣревцевъ и орловцевъ въ первыхъ годахъ столѣтія высадить туда нѣкоторую долю своего населенія. Хотя и метали жребій, кому идти, но выселились на новое мѣсто преимущественно бѣдняки, такъ какъ зажиточные хозяева «откупались», давая въ помощь идущимъ за нихъ переселенцамъ до 10 р. на душу. Такимъ-то образомъ на мѣстѣ теперешняго Жахова и образовались два порядка—по 30 дворовъ въ каждомъ—звѣревскій и орловскій. Земля была здѣсь плохо обработана и неудобрена, почему нѣсколько лѣтъ продолжалось прежнее чрезполосное пользованіе всѣми землями общины: жаховцы пахали близъ Звѣрева и Орловки; звѣревцы и орловцы имѣли участки вблизи новаго поселка. Когда земля подъ Жаховымъ была нѣсколько унавожена и часть новной земли (изъ подъ кустовъ) поднята, сравнявшись по качеству съ остальной землей, каждое селеніе стало пахать ближайшую къ нему землю, получивъ ее на свою долю пропорціонально количеству душъ въ немъ; образовались сначала двѣ общины (Зашево съ одной стороны, Звѣрево съ Орловкой—съ другой), а лѣтъ 25 назадъ Звѣрево и Орловка тоже составили двѣ самостоятельныя земельныя единицы.

О происхожденіи пригородной (при Данковѣ) Козацкой слободы и села Требунокъ сохраняется у крестьянъ такое преданіе. Въ давнія времена съ низовьевъ Дона пришли 12 козацкихъ семей и заняли землю, принадлежащую теперь Козацкой слободѣ и Требункамъ. Захвативъ массу земель, раскинувшихся верстъ на 15 въ діаметрѣ, пришельцы поселились на одномъ изъ краевъ этого участка, на берегу рѣки Дона. Долгое время они и ихъ потомки жили вмѣстѣ, пользуясь землей на захватномъ правѣ. Ростъ населенія заставилъ почувствовать «стѣсненіе въ землѣ»; новыхъ участковъ захватывать было не откуда,—и часть семей Козацкой слободы образовала верстъ за 7 отъ нея новый поселокъ, разросшійся теперь въ большое село Требунки (2,028 душъ обоего пола). Границы земельныхъ

владѣній обѣихъ общинъ были установлены на основаніи прежнихъ захватовъ и до сихъ поръ сохраняютъ крайне неправильную форму.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какимъ земельнымъ просторомъ пользовались въ началѣ столѣтія государственные крестьяне Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ и насколько еще они непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости. Понятно, что и представленіе тогдашняго крестьянина о «стѣсненіи въ землѣ» было значительно иное, чѣмъ въ настоящее время; во всякомъ случаѣ эта относительная тѣснота въ землѣ уже и тогда вызывала переселенія государственныхъ крестьянъ въ Самарскую, Уфимскую Оренбургскую губерніи. Изъ села Требунокъ, сосѣдняго съ нимъ села Бигильдина (Сурки тожь), изъ селъ Малинокъ (Кудрявской волости) и Долгаго выселенія въ указанныя 3 губерніи то отдѣльными семьями, то значительными партіями начались очень давно, такъ что «самые древніе старики не запомнятъ» ихъ начала. Въ Суркахъ старики говорили намъ, что, по разсказамъ ихъ отцовъ, въ Самарскую и Уфимскую губерніи вышло такъ много народу, что въ настоящее время они могли бы образовать такіе же Сурки (въ Суркахъ теперь 2,307 душъ обоего пола). Въ селѣ Долгомъ теперь 1,365 душъ обоего пола, а, по словамъ стариковъ, переселенія изъ него издавна приняли такіе размѣры, что изъ его выселенцевъ должно бы образоваться значительно бо́льшее село, чѣмъ нынѣшнее Долгое. Всѣ эти переселенцы шли безъ всякой правительственной помощи, хотя нѣкоторые и «охлопатывали» себѣ казенные участки на мѣстахъ поселенія, а другіе покупали землю у «татаръ» (киргизовъ?) или приселялись къ существовавшимъ обществамъ. Лѣтъ 60 назадъ вышли значительныя партіи переселенцевъ въ Самарскую губернію изъ селъ Звѣрева, Орловки и уже образовавшагося тогда Жахова. По разсказамъ орловцевъ, изъ ихъ села ушло въ то время до 150 душъ и всѣ онѣ поселились на «охлопотанномъ казенномъ участкѣ».

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ переселеніе началось съ одной изъ самыхъ южныхъ его волостей—Путятинской. Изъ села Путятина уже лѣтъ 70 назадъ были посланы ходоки на розыски «вольныхъ земель»; въ Самарской губерніи они нашли удобное для поселенія мѣсто и вывели за собой до 100 душъ. Лѣтъ 60 назадъ, въ селѣ Ратчинѣ (Путятинской волости) происходило размежеваніе земель сосѣднихъ землевладѣльцевъ съ крестьянскими; отъ ратчинцевъ, по ихъ словамъ, отошелъ тогда значительный участокъ земли, — и «полсела» вышло въ Саратовскую губернію, образовавъ тамъ поселокъ Рычки, не меньшій Ратчина. Около того же времени происходили выселенія въ Самарскую и Уфимскую губерніи изъ ближнихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Истобнаго (Колыбельской волости), Юсова (Крючковской волости) и Ломоваго. Изъ Юсова вышло тогда 5 семей, изъ Истобнаго—10, а Ломовскіе «ссадчики» (ходоки) повели за собой около 30 семей. Въ селѣ Истобномъ намъ говорили, что указанныя 10 семей ушли изъ него, «почувствовавъ стѣсненіе въ землѣ». Интересно,

что тогда считалось стѣснительнымъ? Въ числѣ выселившихся истобенцевъ были двѣ семьи Калашниковыхъ. Про ихъ уходъ разсказываютъ такъ. Всѣхъ дворовъ Калашниковыхъ, состоявшихъ въ близкомъ родствѣ, было 4 съ 13 душами мужескаго пола; въ ихъ владѣніи было 52 десятины пашни. Собрались Калашниковы на совѣщаніе и порѣшили, что отъ такой тѣсноты два двора должны идти на вольныя земли, снабдили выселяющихся деньгами (до 1,000 р. ассигнац.), и тѣ ушли неизвѣстно куда.

Всѣ перечисленные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по личной иниціативѣ крестьянъ, безъ всякой сторонней помощи; только нѣкоторымъ изъ переселившихся, какъ было указано, удавалось выхлопотать себѣ уже по приходѣ на мѣсто казенные участки для поселенія. Скоро правительство обратило вниманіе на эти передвиженія и, повидимому, захотѣло урегулировать ихъ, направивъ переселенцевъ въ опредѣленныя мѣста. Такъ, лѣтъ 50 назадъ, по разсказамъ крестьянъ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, былъ «кличъ отъ правительства», вызовъ «на вольныя земли». Впрочемъ, и на этотъ разъ, повидимому, правительство не давало матеріальной поддержи переселенцамъ: только было разрѣшено послать развѣдчиковъ для выбора мѣстъ переселенія. На вызовъ правительства потянулись переселенцы изъ большихъ селъ Раненбургскаго уѣзда: Зенкина, Кривополянья, Истобнаго, изъ дер. Чечоры и др., а также изъ села Телепнева (Покровское тожь) Данковскаго уѣзда. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ первыми откликнулись на зовъ правительства кривополянскіе выходцы — чечорцы. Чечора къ этому времени уже разрослась въ большую деревню и выдѣлила изъ себя двухъ «ссадчиковъ», братьевъ Харитона и Ивана Медвѣдевыхъ, отправившихся на розыски «вольныхъ земель». Медвѣдевы нашли подходящее для поселенія мѣсто въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, при рѣкѣ Самарѣ. Ссадчики набрали изъ окрестныхъ деревень до 300 душъ, желавшихъ идти на новыя мѣста, и, перечисливъ ихъ въ казенной палатѣ, повели за собой. Образовавшаяся такимъ образомъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ деревня назвалась по имени ссадчиковъ Медвѣдевкой. Теперь уже туда никого не принимаютъ («своихъ стало много»), и деревня превратилась въ большое село съ церковью.

Въ то же самое время, по зову правительства были посланы два ссадчика и изъ села Телепнева, Данковскаго уѣзда; они тоже отыскали мѣсто для поселенія въ Бузулукскомъ уѣздѣ и вывели за собой до половины своего села (въ Телепневѣ тогда было только 100 дворовъ). Поселокъ, образованный переселенцами, разросся теперь въ большое село Ефремово (по имени одного изъ ссадчиковъ); «кабы не болѣзни, было бы оно не меньше Телепнева!»—говорили намъ крестьяне. Дѣло въ томъ, что хотя выбранныя мѣста и оказались очень плодородными, но болотистые берега озера, близъ котораго расположились новоселы, породили массу заболѣваній злокачественными лихорадками. «Всѣ члены нѣмѣли.—разсказывали телепневцы:—затрясется, къ примѣру, борода да такъ и обвиснетъ безсильная. Много

народу перемерло». Теперь озеро осушено, и лихорадки прекратились. Ефремовцы до сихъ поръ не теряютъ связи съ своимъ роднымъ селомъ: у нихъ въ Телепневѣ есть родичи, къ которымъ они заходятъ, идя на поклоненіе кіевской и соловецкой святынямъ. «Если бы въ ту пору не вышло полсела, — заключили свой разсказъ телепневцы,—плохо бы намъ пришлось теперь: земля бы страхъ раздробилась, самая малость ея пришлась бы на душу».

Лѣтъ за 35 назадъ шли выселенія преимущественно изъ Данковскаго уѣзда; они происходили не только по вызову казны, но и съ ея матеріальной поддержкой изъ слѣдующихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Бигильдина (30 семей), Требунокъ (20 семей), Ярославовъ (60 душъ), Теплаго (40 душъ), Малинокъ (4 семьи) и пр. Эти выселенія шли въ Самарскую, Уфимскую и Томскую губерніи. Въ то же самое время, рядомъ съ семьями, идущими на счетъ казны, шли самостоятельныя выселенія; напримѣръ, изъ выселенцевъ села Ярославовъ не всѣ 60 душъ получили пособіе; нѣкоторые изъ нихъ не только на свой счетъ совершили путь, но и на новыхъ мѣстахъ селились не на казенныхъ земляхъ, а на участкахъ, пріобрѣтенныхъ ими у «татаръ» Уфимской губерніи. Изъ Березовки (Еропкинской волости, Данковскаго уѣзда) вышло около того же времени 27 душъ въ Самарскую губернію на свой счетъ; по своей же иниціативѣ выселилось тогда 5 семей въ Урюпинскую станицу изъ села Топокъ, Раненбургскаго уѣзда.

Лѣтъ 25 назадъ (около времени X-й ревизіи), снова идетъ рядъ переселеній съ пособіемъ отъ правительства. На этотъ разъ движеніе было направлено главнымъ образомъ въ Таврическую губернію (Бердянскій уѣздъ), въ Тобольскую и частію въ Самарскую (Бугурусланскій уѣздъ). Изъ села Бигильдина вышло тогда до 25 семей въ Тобольскую и Таврическую губерніи, изъ Требунокъ—туда же до 13 семей, изъ Жахова и Орловки направлялись въ Бугурусланскій уѣздъ и Тобольскую губернію мелкія партіи, изъ Звѣрева въ Таврическую и Самарскую губерніи вышло до 70 душъ, изъ Делихова (Шутятинской волости, Раненбургскаго уѣзда) ушло около 7 семей въ Бердянскій уѣздъ и пр. И на этотъ разъ рядомъ съ правительственными выселеніями шли изъ тѣхъ же и сосѣднихъ селъ самостоятельные «самарцы». Такъ, напримѣръ, около этого времени вышли изъ села Зенкина, Раненбургскаго уѣзда, до 7 семей самостоятельныхъ переселенцевъ въ Оренбургскую губернію, изъ села Колыбельскаго ушло тогда же до 10 бѣднѣйшихъ семей, а около 1860 года ушли изъ села Демкина въ Томскую губернію 10 семей средняго достатка и даже зажиточныхъ.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ переселеній съ пособіемъ казны (въ концѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ) выходили, по словамъ крестьянъ, все больше «мелкомѣстныя» (бѣднѣйшія) семьи; онѣ получали отъ правительства пособіе на дорогу, получали право пасти свой скотъ на всѣхъ встрѣчныхъ

пастбищахъ, а по приходѣ на мѣсто — трехлѣтнюю льготу отъ податей и нѣкоторую сумму денегъ для первоначальнаго обзаведенія.

Вотъ тѣ данныя по исторіи переселенческаго движенія до X-й ревизіи, какія удалось добыть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Они, конечно, крайне неполны; по нимъ нельзя судить объ истинныхъ размѣрахъ движенія, но и они даютъ право утверждать: что переселенія до X-й ревизіи дѣйствительно происходили только среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ; что начало переселенческаго движенія должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія; что первое время движеніе происходило по иниціативѣ крестьянъ, безъ всякой сторонней помощи, и что только впослѣдствіи правительство пробовало его урегулировать, но вполнѣ овладѣть движеніемъ оно или не считало нужнымъ, или не могло, такъ какъ, на ряду съ переселеніями правительственными, шли «самовольныя» выселенія крестьянъ.

До X-й ревизіи переселеніе направлялось главнымъ образомъ въ губерніи Европейской Россіи: Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Саратовскую, Ставропольскую, Землю Войска Донскаго, Таврическую и только отчасти — въ Тобольскую и Томскую; въ настоящее же время главная масса переселенцевъ изъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ направляется въ Томскую губернію и преимущественно въ Бійскій округъ ея. Привольныя мѣста Томской губерніи, повидимому, были раньше и обстоятельнѣе извѣстны переселенцамъ изъ сосѣдней Тамбовской губерніи; отъ нихъ-то раненбургскіе крестьяне и узнали о сибирскомъ просторѣ. Правда, еще въ концѣ 40-хъ годовъ пошли по вызову правительства въ Томскую губернію нѣсколько десятковъ семей изъ Сурковъ и Требунокъ, но тогда это мѣсто переселеній почему-то не привилось; томское направленіе прочно установилось лишь съ 60-хъ и даже съ 70-хъ годовъ *). Первые переселенцы (о которыхъ хорошо помнятъ крестьяне), пошедшіе въ Томскую губернію, были упомянутыя 10 семей демкинцевъ (ушли около 1860 года); онѣ пошли по слѣдамъ переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи. Около 1874 года вышло въ Томскую губернію нѣсколько семей изъ Зенкина по зову односельца, попавшаго туда изъ Оренбургской губерніи, благодаря своему родственнику, тоже тамбовцу. Про начало переселеній въ Томскую губернію изъ Данковскаго уѣзда разсказываютъ такъ. Государственный крестьянинъ села Никольскаго (Долговской волости) Арбузовъ — хорошій плотникъ — отправился на заработки сначала въ Оренбургской губернію, а затѣмъ перешелъ въ Томскую. Тамошнія мѣста ему понравились, и онъ (около 1875 года)

*) Дѣйствительно, г. Ядринцевъ говоритъ, что свободное переселеніе изъ губерній Европейской Россіи въ Алтай началось съ 1864 года; но и до тѣхъ поръ свободной колонизаціи были доступны двѣ волости: въ Бійскомъ округѣ — Смоленская (куда, по нашимъ матеріаламъ, и вышли нѣкоторыя семьи Раненбургскаго уѣзда) и Подонинская — въ Кузнецкомъ. См. „Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества“, кн. II (1880 г.), стр. 113.

сталъ звать (письмами) своихъ односельцевъ на вольныя земли. Хотя всѣ знавшіе Арбузова считали его человѣкомъ, достойнымъ довѣрія, но все же опасались вѣрить его письмамъ и, несмотря на ихъ заманчивыя описанія томскихъ приволій, никто не рѣшался идти по нимъ за тысячи верстъ. Нѣкоторые даже думали, что это письма не его, что онъ гдѣ-то запропалъ и отписали предполагаемому лже-Арбузову, вызывая его вернуться на родину и, если такъ хорошо въ Сибири, забрать туда свою семью и устно разсказать то, что онъ передавалъ письменно. Арбузовъ дѣйствительно вернулся и вмѣстѣ съ семьей поѣхалъ въ Томскую губернію; съ нимъ пошли изъ села Никольскаго нѣсколько домохозяевъ, письмами подтвердившихъ разсказы Арбузова о сибирскомъ просторѣ. Тогда еще вышло нѣсколько семей ужь не только изъ Никольскаго, а и изъ Сурковъ (пошли родственники); въ 1881 г. уже очень многіе изъ этихъ и окрестныхъ селеній направились въ Томскую губернію.

Переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ началось на другой же годъ по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, напримѣръ, изъ Подкидышева и Горлачевки (Зміевской волости, Данковскаго уѣзда) въ 1862 году по нѣсколько семей распродали все свое имущество и ушли «на низы», т.-е. въ Землю Войска Донскаго. Въ 1863 году бывшіе помѣщичьи крестьяне Сергіево-Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, двинулись массой въ 630 ревизскихъ душъ въ Ставропольскую губернію. Это движеніе замѣчательно своей необдуманностью и тяжелыми послѣдствіями для переселенцевъ; сами крестьяне такъ объясняли причину его: «открылась воля; можно было идти на всѣ четыре стороны,—и пошли, кто куда, счастья искать». Еще во время крѣпостнаго права нѣкоторые крестьяне Шереметьевской волости ходили въ Ставропольскую губернію пильщиками и гуртовщиками. Привольное житье тѣхъ мѣстъ имъ нравилось всегда, а когда при введеніи уставныхъ грамотъ имъ показалось, что они «землею обижены», что получаютъ не то, чего ожидали,—они отказались отъ надѣла, распродали имущество и пошли въ Ставропольскую губернію. Такимъ образомъ вышли тогда изъ селъ Сергіево-Шереметьевскаго, Ново-Сергіевскаго и деревни Конюховки до 630 душъ. Въ Ставропольскую губернію они попали въ неурожайный годъ; многіе перемерли и переболѣли лихорадками, а въ особенности были напуганы обязательностью перехода «въ козачій окладъ». Хотя впослѣдствіи путемъ административной переписки и было, кажется, выяснено, что перечислены въ козаки будутъ только желающіе, но пока шла переписка—шереметьевцы массами стали возвращаться на родину, такъ что въ Ставропольской губерніи осталось не болѣе 30 семей. Хотя, повидимому, земля была нарѣзана и уходившимъ на переселеніе шереметьевцамъ, но общества утверждали, что на нихъ земли не дано, что они вовсе отказались отъ нея при уходѣ въ Ставрополь,—и на этихъ основаніяхъ возвратившіеся «ставропольцы» не только не получили пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій отъ своихъ обществъ, но даже

должны платить имъ за право пастьбы скота по общественному пару и жнивью рубля по 2 съ двора. Это дѣлаетъ положеніе вернувшихся «ставропольцевъ» крайне тяжелымъ: кой-кто изъ нихъ успѣлъ обзавестись скотомъ и ведетъ запашку на съемной землѣ, но большинство разбрелось по сторонамъ, а нѣкоторые снова пытаются устроиться въ Ставропольской губерніи.

Иногда цѣлыя вотчины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ охватывало стремленіе уйти на самару; но такіе порывы были настолько еще незрѣлы, необдуманны, что оказывалось достаточнымъ вмѣшательства администраціи и даже просто сельскаго священника, чтобы охладить порывъ и даже совершенно остановить движеніе, крайне еще непривычное для помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьяне-собственники села Хрущева (бывшіе г. Хомякова) около 1876 года надумали было идти на самару; уже ходоковъ выбрали, да—по ихъ разсказамъ—священникъ отговорилъ,—«больно ясную притчу сказалъ: сходи, говоритъ, на толчею *) да послушай; толкачъ, и тотъ твердитъ: «какъ тутъ, такъ и тамъ! какъ тутъ, такъ и тамъ!» Ну, и не пошли: можетъ, и впрямь—вездѣ худое найдется». Приведу еще примѣръ. Той же волости крестьяне деревни Хорошовки хотѣли выселиться всей вотчиной (и другія деревни присоединялись къ нимъ) около 1867 г. Тогда былъ «кличъ на вольныя земли по всему Данковскому уѣзду»; мировой посредникъ чрезъ старшину объявилъ имъ о вызовѣ въ Оренбургскую, Тобольскую и Томскую губерніи; были выбраны 8 ходоковъ и отправлены въ Рязань къ губернатору. Губернаторъ велѣлъ имъ подать письменную просьбу, въ которой бы были изложены причины, заставляющія ихъ выселяться. Просьба была подана; хорошовцы указали на недостатокъ воды въ ихъ деревнѣ, а, главное, на очень тяжелую барщину при тогдашнемъ управляющемъ ихъ помѣщика. Имъ объявили, что выселяться они могутъ, но не всѣ, а лишь 10-й человѣкъ, 9 же должны непремѣнно остаться на мѣстѣ—«храмы блюсти». «Коли всѣ уйдете,—говорилъ, по ихъ разсказамъ, губернаторъ,—храмы Божьи запустѣютъ; на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлается самара,—и начальству придется вызывать сюда кого ни то, чтобы заселить ее». Переселеніе не состоялась, но барщина съ тѣхъ поръ стала легче, а чрезъ 3 года они перешли на оброкъ.

Вообще въ первые годы переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отличалось значительно меньшею стройностью и обдуманностью; у нихъ было больше неудачныхъ случаевъ переселеній, чѣмъ въ установившемся уже движеніи изъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но слухи о новыхъ земляхъ отъ крестьянъ государственныхъ стали все больше проникать и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ; иногда они уже и отъ себя высылаютъ ходоковъ для осмотра новыхъ земель, и хотя выселенія отъ нихъ до сихъ поръ происходятъ въ менѣе значительныхъ размѣрахъ,

*) На мельницу.

но весьма возможно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне скоро станутъ такими же участниками этого движенія, какъ и крестьяне, бывшіе государственные; впрочемъ, еще и теперь есть цѣлыя волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ, куда слухъ о новыхъ земляхъ только что начинаетъ проникать и откуда поэтому не вышло «на самару» ни одной семьи.

Приведу примѣръ того, какъ исподволь назрѣвала мысль о переселеніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

«Въ былое время,—разсказывали намъ крестьяне сельца Пителина (Крючковской волости, Раненбургскаго уѣзда),—здѣсь было лучше всякой самары. Хотя земля у насъ была издавна дѣленая, все же годовъ 70 назадъ ее приходилось больше 7 десятинъ на душу (тягло?), годовъ 50 назадъ—больше 5 десятинъ; лѣсу—сколько хочешь; луга—степь безконечная. Хлѣба было невпроворотъ: въ 1812 году, когда француза въ полонъ брали, скирды гнили... А, между тѣмъ, народу все стало прибавляться,—стали землей утѣсняться, но все еще хорошо было, можно было жить. Даже недавно, при нарѣзкѣ земли, когда часть ея къ барину отошла, жить-перебиваться все же была возможность. Барская земля, что за надѣломъ осталась, пошла тогда по разнымъ рукамъ, но больше все у мѣщанъ Полякова да Малахова была; они сдавали ее по 7—9 р. за десятину. Правда, это было не то, что раньше,—когда десятина сдавалась по 5 р., да и десятины-то были шальныя,—но по нонѣшнему времени и то вспомянешь. Но вотъ купилъ эту барскую землю купецъ Кунинъ; сталъ онъ сдавать ее много дороже, рублей по 18—20 за десятину, да, къ тому же, сдачу сокращать началъ, а на себя запашку увеличилъ. Къ тому времени, какъ земля по нарѣзкѣ отошла отъ насъ, крестьянство наше и то ужь маленько поопустилось: земли стало меньше; лѣсъ былъ сведенъ бариномъ; топки не стало; начали рожь косить пониже; соломка пошла на топку, урожаи—на убыль. Повышеніе аренды подъѣло крестьянство еще больше... Не стало нашей самары; только старики вспоминаютъ о ней. Года три назадъ (около 1878 года) пошли слухи про новую самару—сибирскую; слухи эти шли изъ Чечоръ, Зенкина, Кривополянья, Каликина *); говорили, будто люди въ Сибирь идутъ и что тамъ самара не хуже той, что у насъ была. Дальше да больше. Пошли слухи со всѣхъ сторонъ; разно говорили, а все чаще—хвалили сибирскую сторону, говорили, что стоитъ идти туда. Бывало, на базарѣ одинъ демкинскій мужикъ какъ начнетъ про сибирскую самару разсказывать (онъ нарочно ходилъ туда, а потомъ съ семьей въ Бійскій уѣздъ выписался), такъ вокругъ него толпа на полверсты стоитъ; самъ-то онъ высокій, здоровый, выше всей толпы, да еще на телѣгу взберется и кричитъ, что есть мочи,—самару расписываетъ... Думали, думали,—и стали нашихъ 13 семей сбираться въ Томскую губернію».

*) Все селенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда, а Каликино—Тамбовской губерніи.

Чтобы сталъ яснѣе историческій ходъ переселенческаго движенія изъ Скопинскаго уѣзда, необходимо упомянуть объ особенностяхъ въ условіяхъ жизни бывшихъ государственныхъ крестьянъ его западной части. 30 большихъ селъ, изъ которыхъ въ настоящее время образовано семь западныхъ волостей уѣзда, составляли до 30-хъ годовъ нашего столѣтія одну громадную волость, принадлежавшую къ вѣдомству государственнаго коннозаводства. Неподалеку отъ Скопина, близъ селъ Стараго-Кельца и Журавинокъ было два казенныхъ завода и окружное коннозаводское управленіе. Кромѣ установленнаго оброка, крестьяне этихъ 30 селъ обязаны были отбывать нѣкоторыя натуральныя повинности: они поставляли для заводовъ конюховъ, производили уборку сѣна съ заводскихъ луговъ, чистку конюшень, зимой расчищали снѣгъ, возили дрова и пр. Сверхъ того, крестьяне должны были поставлять въ достаточномъ количествѣ солому для подстилки лошадямъ, а, въ случаѣ недостатка корма, и сѣно. Подчиняясь департаменту государственнаго коннозаводства, мѣстный управляющій (всегда изъ военныхъ) почти настолько же полновластно управлялъ этой громадной волостью, какъ бывшіе помѣщики—своими вотчинами: онъ не только собиралъ оброкъ, отсылалъ его непосредственно въ департаментъ, не только наблюдалъ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, но чинилъ судъ и расправу. Такія громадныя права управляющаго, его удаленность отъ центра (а, слѣдовательно, почти полная безконтрольность) порождали много злоупотребленій властью. До сихъ поръ среди коннозаводскихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда живы воспоминанія о вымораживаніи, розгахъ и иныхъ крутыхъ мѣрахъ при собираніи оброка; называютъ даже фамилію знаменитаго своей жестокостью управляющаго, требовавшаго такихъ натуральныхъ повинностей въ свою пользу, на которыя рѣдко претендовали самые жестокіе помѣщики. А, между тѣмъ, при окружномъ коннозаводскомъ управленіи былъ цѣлый штатъ чиновниковъ, кромѣ управляющаго: два его помощника, ассесоръ, казначей, бухгалтеръ, землемѣръ и нѣсколько писарей; злоупотребленія исходили и отъ нихъ. Понятно, что положеніе бывшихъ коннозаводскихъ крестьянъ весьма близко подходило къ положенію бывшихъ крѣпостныхъ. Обязательныя отношенія къ коннозаводскому управленію окончились около 1836 года, когда и самые заводы были перенесены на югъ, въ болѣе просторную Харьковскую губернію (близъ Бѣловодска).

Въ остальной части Скопинскаго уѣзда преобладали бывшіе помѣщичьи крестьяне; бывшихъ государственныхъ тамъ было около 40%. Хотя крестьяне государственнаго коннозаводства и имѣли право ухода на сторонніе заработки, хотя имъ и выдавались безпрепятственно паспорта (если были выполнены денежныя и натуральныя повинности), но все же окончательно порвать съ своей родиной, распродавъ имущество и поселившись съ семьями на новыхъ мѣстахъ, имъ было настолько же невозможно, какъ и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. И дѣйствительно, въ нашихъ матеріалахъ самые ранніе случаи выселеній изъ коннозаводскихъ волостей

не отходятъ далѣе 40-хъ годовъ; переселенія изъ бывшихъ помѣщичьихъ, конечно, начались лишь послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости; самыя же раннія выселенія могли происходить (и дѣйствительно происходили) изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ восточной половины уѣзда. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія на выселенія раньше 40-хъ годовъ изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской, Корневской, Измайловской и Маклаковской волостей, лежащихъ въ восточной части уѣзда.

Еще въ первыхъ годахъ столѣтія (лѣтъ 80 назадъ) выселилось нѣсколько семей въ Оренбургскую губернію изъ села Большаго Подовечья, Курбатовской волости. Съ тѣхъ поръ до 30-хъ годовъ у насъ есть указаніе лишь на одинъ случай выселенія: около 1820 года (въ «голодный годъ») ушла въ Саратовскую губернію половина села Маклакова. Въ 30-хъ годахъ переселенцы направлялись тоже преимущественно въ Саратовскую губернію: изъ Бакланова (Маклаковской волости) и изъ Полотебнаго (Курбатовской) вышло туда по нѣсколько семей, а другое село той же волости—Дехтярка—выслало $^1/_2$ своего населенія; крестьяне хорошо помнятъ, что въ 30-хъ годахъ посылались предварительно въ Саратовскую губернію «ссадчики» для осмотра мѣстъ будущаго поселенія. Въ 30-хъ же годахъ изъ Чулковскихъ выселокъ (Корневской волости) ушло 5 семей въ Землю Войска Донскаго, но (хотя нѣкоторыя изъ нихъ и устроились полнымъ хозяйствомъ) всѣ онѣ живутъ и до сихъ поръ, по паспортамъ, не отчисляясь отъ своей родной деревни, такъ что даже при дѣлежѣ земли въ 1881 году и имъ нарѣзали землю по числу ихъ мужскихъ душъ. Въ 40-хъ годахъ ходили на развѣдку въ Саратовскую, Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губерніи, и затѣмъ вышло туда по нѣсколько семей изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской волости (изъ Большаго и Малаго Подовечья, Дехтярки и Борщовки), да изъ Спасскаго, Измайловской волости, выселилось тогда около 50 душъ въ Саратовскую губернію. Всѣ переименованные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по иниціативѣ крестьянъ, безъ матеріальной поддержки правительства и даже, повидимому, безъ его вызова и указаній; очевидно, что менѣе значительныя выселенія изъ Скопинскаго уѣзда (сравнительно съ двумя болѣе южными) почти до самой X-й ревизіи не обращали на себя вниманія администраціи.

Около 1856 г. «кличъ на вольныя земли» дошелъ и до Скопинскаго уѣзда; на него отозвались государственные крестьяне Курбатовской волости: ушло нѣсколько душъ изъ Малаго Подовечья, около 10 душъ изъ Большаго Подовечья и изъ Дехтярки—до 50 душъ; всѣ шли въ Самарскую губернію «по манифесту»: правительство, по словамъ крестьянъ, давало помощь на проходку, дозволяло пасти коней на большихъ дорогахъ, а по прибытіи на мѣсто поселенія отпускало для перваго обзаведенія по 140 р. ассигнаціями на двухъ работниковъ и по 39 сотенныхъ десятинъ (въ 100×40=4,000 кв. саженъ каждая). Въ то же время выселялись семьи и на

свой страхъ, безъ казеннаго пособія: вышло нѣсколько семей изъ деревни Полотебнаго и, вѣроятно, изъ деревни Ермолина, Полянской волости, такъ какъ оттуда пошелъ тогда въ Самарскую губернію главный ссадчикъ. Около 1860 года была новая «выкличка» въ Самарскую губернію, но на этотъ разъ, повидимому, матеріальной поддержки со стороны правительства не было. По этому вызову вышло въ Самарскую губернію до 25 душъ изъ Дехтярки, около 11 семей изъ Гулынокъ и Есакова (Курбатовской же волости), изъ Ермолина (Полянской волости) до 70 душъ и нѣсколько семей бывшихъ государственныхъ крестьянъ изъ Лѣтова, Яблоневской волости. Совершенно самостоятельно (хотя и въ томъ же 1860 году и въ Самарскую же губернію) вышло 7 семей изъ Чулковскихъ выселокъ.

Какъ уже замѣчено, отхожіе заработки могли развиваться среди конно-заводскихъ крестьянъ и до прекращенія ихъ обязательныхъ отношеній къ заводскому управленію. Заработки эти носили по бо́льшей части земледѣльческій характеръ (иногда и ремесленный — шерстобиты), а самый выходъ направлялся почти исключительно въ степныя губерніи южной Россіи и Кавказа. Населеніе росло; земельныя условія становились все болѣе и болѣе стѣснительными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивался и отходъ на сторону; уже въ 40-хъ годахъ нѣкоторые работники, по нѣсколько лѣтъ живя въ степи, стали переводить къ себѣ свои семьи, распродавать свое имущество, окончательно поселяясь въ мѣстахъ своихъ заработковъ; большинство такихъ семей и до настоящаго времени не перечислено въ свое новое мѣстожительство, а живутъ по паспортамъ, получаемымъ съ родины, съ которой они имѣютъ очень мало общаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Число такихъ «сходцевъ» (какъ зовутъ ихъ мѣстные крестьяне) все увеличивалось; въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ оно достигло весьма значительной цифры и затѣмъ начало слабѣть все сильнѣе и сильнѣе, окончательно уступивъ свое мѣсто восточному направленію выселеній къ концу 70-хъ годовъ. «Сходцы въ степь», «степняки» — почти исключительная принадлежность Скопинскаго уѣзда, а въ немъ—крестьянъ, принадлежавшихъ до 1836 г. къ вѣдомству государственнаго коннозаводства; въ другихъ разрядахъ крестьянъ и въ другихъ уѣздахъ это направленіе выселеній встрѣчается значительно рѣже.

Извѣстія о просторѣ Томской губерніи проникли въ Скопинскій уѣздъ очень поздно—въ концѣ 70-хъ годовъ: частью изъ сосѣдняго Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи, но, главное, изъ Раненбургскаго уѣзда. Осенью 1882 года зажиточный крестьянинъ села Хворощевки (Затворинской волости) повелъ за собой до 10 семей въ Томскую губернію; но большая часть изъ нихъ осѣла въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, и только нѣкоторыя ушли дальше. Особенно сильный толчекъ движенію въ Томскую губернію изъ Скопинскаго уѣзда былъ данъ весной 1882 года бывшимъ старостой Чулковскихъ выселокъ Петромъ Ивановымъ. Этотъ зажиточный, даже богатый крестьянинъ, прослышавъ отъ своихъ знакомыхъ Раненбург-

ского уѣзда объ изобиліи Томской губерніи, пошелъ лично убѣдиться въ справедливости слуховъ. Мѣста полюбились, — и Петръ Ивановъ вернулся на родину, чтобы окончательно перебраться въ Томскую губернію, забравъ семью и распродавъ имущество. Разсказы этого умнаго и хозяйственнаго мужика о сибирскомъ просторѣ и въ особенности его рѣшимость идти въ такую даль отъ здѣшняго хорошаго житья произвели сильное впечатлѣніе; не только родные, но и посторонніе стали просить Петра Иванова взять съ собой ихъ или хоть ихъ развѣдчиковъ. Онъ повелъ въ Сибирь не одинъ десятокъ семей изъ Чулковскихъ выселокъ и другихъ селеній, — иныхъ даромъ, съ другихъ бралъ по 40 р. съ ревизской души «за показъ мѣста». Эти переселенцы хорошо устроились въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи, хвалятъ мѣста и зовутъ къ себѣ своихъ земляковъ.

Переселенческое движеніе изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда еще очень мало развито (всѣхъ переселенческихъ семей вышло не болѣе 80); есть нѣсколько указаній, что оно началось тотчасъ по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости въ Саратовскую губернію (изъ Кумина, Маклаковской волости) и на Кавказъ (изъ Лыкова хутора, Боровской волости); въ настоящее время и до этого разряда крестьянъ проникла вѣсть о Томской губерніи (частью отъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, частью изъ сосѣдняго Ряжскаго уѣзда), и число переселенцевъ изъ нихъ тоже растетъ.

Познакомясь съ ходомъ переселенческаго движенія до X-й ревизіи во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ изслѣдованнаго района, посмотримъ на размѣры движенія послѣ нея до 1882 года включительно. Въ теченіе этого времени (почти четверти столѣтія) изъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ выселилось до 3,661 семьи съ 22,438 душами обоего пола, что составитъ около 6% всего наличнаго населенія этихъ уѣздовъ вмѣстѣ съ переселенцами *). По отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ процентъ колеблется около той же цифры:

Всѣхъ выселившихся:

	Семей.	Душъ обоего пола.	Наличн. душъ. обоего пола.	% выселеній.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ .	1,595	9,887	134,099	7
» Данковскомъ уѣздѣ. . .	881	5,807	98,224	6
» Скопинскомъ » . .	1,185	6,747	143,124	5
Итого . .	3,661	22,438	375,447	6

*) Не только здѣсь, но и въ послѣдующемъ изложеніи подобныя процентныя отношенія выведены не къ наличнымъ цифровымъ даннымъ разсматриваемыхъ районовъ, а *къ наличнымъ+однородныя данныя выселившихся изъ нихъ крестьянъ*; такимъ образомъ процентныя отношенія получаются болѣе соотвѣтствующими дѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе, что главныя массы переселенцевъ падаютъ на послѣдніе годы изслѣдуемаго періода.

То-есть по относительному размѣру переселеній со времени X-й ревизіи Скопинскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто: въ немъ этимъ путемъ выбыла $^1/_{10}$ часть населенія; Раненбургскій же уѣздъ и по абсолютнымъ, и по относительнымъ цифрамъ выселенія стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя и не особенно обогналъ въ этомъ отношеніи Данковскій и Скопинскій уѣзды.

Но если цѣлыя поуѣздныя территоріи со времени X-й ревизіи выпустили изъ среды себя почти одинаковыя относительныя количества переселенцевъ, то для разныхъ районовъ каждаго уѣзда проценты переселеній весьма различны; такъ, напримѣръ, изъ нѣкоторыхъ волостей переселеній не было вовсе, тогда какъ въ двухъ изъ нихъ убавилось путемъ переселеній болѣе $^1/_8$ части всего населенія. Приведу всѣ волости каждаго изъ уѣздовъ, располагая ихъ по убывающему проценту выселеній; волости разбиты по этимъ процентамъ на естественныя группы.

Раненбургскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоего пола. Наличныхъ	Выселившихся.	%
1. Колыбельская	6,205	1,683	21
2. Путятинская	8,254	1,567	16
3. Зенкинская	5,493	984	15
Итого по 1, 2 и 3-й	19,952	4,234	18

II-я группа.

4. Головищинская	4,089	742	15
5. Ломовская	6,694	982	13
6. Гагинская	4,568	389	8
7. Никольская	4,680	353	7
8. Троицкая	4,624	266	5
9. Дубовская	7,884	385	5
10. Кривополянская	6,499	333	5
11. Крючковская	6,092	341	5
Итого по 4—11-й	45,130	3, 791	8

III-я группа.

12. Сергіево-Шереметьевская	5,189	255	5
13. Вѣдновская	5,438	247	4
14. Просѣчинская	3,972	167	4
15. Пителинская	6,687	206	3
16. Нарышкинская	6,034	145	2
17. Зимаровская	6,872	107	2
18. Старо-Кленская	5,626	57	1
19. Солнцевская	4,010	22	1

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	%
20. Екимецкая	4,430	29	1
21. Ново-Тишевская	6,819	60	1
22. Корповская	3,151	35	1
23. Ивановская	5,174	23	0,4
24. Снѣжетковская	4,086	5	0,1
Итого по 12—24-й	65,488	1,358	2
IV-я группа.			
25. Салтыковская	3,529	502	13

Приведенныя цифры по Раненбургскому уѣзду свидѣтельствуютъ о громадной неравномѣрности выселеній изъ разныхъ его волостей: изъ первыхъ четырехъ вышло на переселеніе больше, чѣмъ изъ остальныхъ 21-й; изъ Снѣжетковской волости за весь разсматриваемый періодъ выселилось только 5 душъ обоего пола, тогда какъ изъ Колыбельской 1,683 души. Первая группа, состоящая изъ 3-хъ волостей, дала движенію 4,234 души обоего пола, т.-е. 18% своего населенія; изъ Салтыковской волости, выдѣленной въ самостоятельную группу (IV-ю), ушло 13% населенія; въ 8 волостяхъ II-й группы убыло путемъ переселенія 8% душъ обоего пола, а переселенцы остальныхъ 13-ти волостей (III-я группа) составляютъ лишь 2% общаго ихъ населенія. О причинахъ такой неравномѣрности выселеній будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія; здѣсь лишь обратимъ вниманіе на географическое положеніе приведенныхъ группъ волостей.

Салтыковская волость лежитъ на сѣверѣ Раненбургскаго уѣзда и переселенческое движеніе изъ нея стоитъ какъ бы внѣ связи съ переселеніями остальной части уѣзда. Остальныя 3 группы волостей расположены сплошными районами; только Карповская волость по своему географическому положенію находится между волостями второй группы, а по % выселеній отнесена къ третьей. Три волости I-й группы занимаютъ самую южную часть уѣзда, граничащую съ Тамбовской губерніей; волости II-й группы идутъ по направленію на сѣверо-западъ отъ I-й (только Дубовская примыкаетъ къ ней съ востока); 13 же волостей III-й группы занимаютъ сѣверо-восточную часть Раненбургскаго уѣзда.

Данковскій уѣздъ.

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	%
I-я группа.			
1. Бигильдинская	4,635	1,211	21
II-я группа.			
2. Долговская	4,975	882	15
3. Ягодновская	4,321	597	12
4. Кудрявская	4,372	437	9

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся	%
5. Зміевская.	5.178	421	8
6. Кочуровская	5,878	468	7
7. Мураевинская	5,730	248	4
Итого по 2-й—7-й	30,453	3,053	9
III-я группа.			
8. Тепловская	5,413	462	7
9. Самодуровская	4,511	214	5
10. Знаменская	5,153	229	4
11. Одоевская.	6,027	96	2
12. Богословская	5,876	123	2
12. Хрущовская	5,803	136	2
14. Спѣшневская	3,070	60	2
15. Лошаковская	4,274	102	2
16. Хитровская.	5,448	47	1
17. Баловневская	3,519	37	1
18. Ерошкинская	5,210	29	1
19. Ивановская.	4,048	—	0
20. Острокаменская.	4.784	5	0,1
Итого по 8-й—20-й. . . .	63,136	1,540	2

И здѣсь, въ Данковскомъ уѣздѣ, видна та же громадная неравномѣрность выселенія изъ разныхъ районовъ его: изъ 7-ми первыхъ волостей ушло почти втрое болѣе переселенцевъ, чѣмъ изъ всѣхъ остальныхъ 13-ти; тогда какъ изъ Ивановской волости нѣтъ ни одного переселенца, изъ Бигильдинской ушло 1,211 душъ, т.-е. больше пятой части всего населенія волости. Бигильдинская волость образуетъ самостоятельную (I-ю) группу съ 21% переселенцевъ; 6 волостей II-й группы выдѣлили изъ себя 9% переселенцевъ, а 13 остальныхъ волостей (III-я группа) дали только 2% ихъ.

Семь волостей I-й и II-й группъ, т.-е. мѣстность съ наибольшимъ количествомъ переселеній, занимаетъ сѣверо-восточный уголъ Данковскаго уѣзда; Бигильдинская волость (21%) лежитъ на югѣ этой переселенческой мѣстности, примыкающей къ западной части Раненбургскаго и къ южной—Скопинскаго уѣздовъ.

Скопинскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоего пола: Наличныхъ.	Выселившихся.	%
1. Чуриковская.	10,790	1.128	9
2. Казинская.	11,449	962	8
3. Павелецкая	10,860	971	8

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	—
4. Чернавская	12,045	1,000	8
5. Затворнинская	11,163	748	6
6. Горловская	8,296	398	5
7. Князевская	11,209	315	3
Итого по 1-й—7-й	75,812	5,522	7
II-я группа.			
8. Полянская	7,622	443	5
9. Корневская	10,704	314	3
10. Маклаковская	5,341	102	2
11. Яблоневская	5,593	133	2
12. Боровская	8,809	66	1
13. Вослебская	6,056	36	1
14. Курбатовская	9,625	114	1
15. Измайловская	7,658	7	0,1
16. Сергіевская	5,904	5	0,1
Итого по 8-й—16-й	67,312	1,220	2

Семь волостей I-й группы занимаютъ сплошное пространство на западѣ Скопинскаго уѣзда; изъ нихъ выселилось 5,522 души, т.-е. въ 4½ раза больше, чѣмъ изъ остальныхъ 9-ти восточныхъ волостей, откуда вышло 1,220 душъ: по процентнымъ отношеніямъ выселеніе изъ западныхъ волостей въ 3½ раза превышаетъ выселенія восточныхъ. Если же разсматривать выселенія изъ отдѣльныхъ волостей, то въ Скопинскомъ уѣздѣ нѣтъ той громадной разницы въ ихъ относительныхъ размѣрахъ, какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ: наибольшій % выселеній (изъ Чуриковской волости) не достигаетъ 10; это главнымъ образомъ зависитъ отъ значительнаго размѣра западныхъ волостей, такъ какъ абсолютныя цифры переселеній и въ Скопинскомъ уѣздѣ подвержены значительнымъ колебаніямъ: отъ 5-ти переселенцевъ Сергіевской волости до 1,128—Чуриковской.

Слѣдующая таблица поможетъ однимъ взглядомъ окинуть неодинаковость выселеній изъ всѣхъ волостей разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздовъ. Всѣхъ волостей 61; изъ нихъ:

Съ 1 % переселенцевъ и менѣе . . . . . 17 волостей
» 5 % » » » до 1 % вкл. 24 волости
» 9 % » » » до 6 % » 11 волостей
» 16 % » » » до 12 % » 7 »
» 21 % » » » . . . . . 2 волости.

Только изъ ⅓ всѣхъ волостей (изъ 20-ти) путемъ переселеній убыло болѣе чѣмъ по 1/20 ихъ населенія и только изъ 9-ти—болѣе чѣмъ по 1/10,

а изъ 16-ти волостей выселенія только что начинаются, изъ одной же не ушло на вольныя земли ни одного человѣка.

Если неравномѣрность распространенія переселенческаго движенія ясна на такихъ крупныхъ единицахъ, какъ волость, то, разсматривая число общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, мы окончательно убѣдимся въ этомъ. Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ—947 общинъ; изъ нихъ со времени X-й ревизіи приняли участіе въ переселенческомъ движеніи только 330, т.-е. немного больше $^1/_3$ (34%); по отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ % нѣсколько колеблется: наибольшій % общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, даетъ Раненбургскій уѣздъ (42%), наименьшій—Скопинскій (29%). Абсолютныя и относительныя цифры для каждаго уѣзда видны изъ слѣдующей таблицы:

	Число общинъ:		
	Всѣхъ.	Съ переселенцами послѣ X-й ревизіи.	%
Раненбургскій уѣздъ	330	143	42
Данковскій »	313	100	32
Скопинскій »	294	87	29.

Говоря о размѣрахъ переселенческаго движенія во всѣхъ 3-хъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, мы не обращали вниманія на разряды крестьянъ; теперь опредѣлимъ долю участія въ движеніи каждаго изъ нихъ. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне войдутъ въ одинъ разрядъ, а категорію бывшихъ государственныхъ необходимо разбить на два подразряда: душевыхъ и четвертныхъ, такъ какъ они весьма различны по своимъ относительнымъ цифрамъ переселенцевъ. Бывшіе государственные душевые (какъ и бывшіе помѣщичьи) владѣютъ всей своей надѣльной землей на общинномъ правѣ, тогда какъ бо́льшая часть надѣла бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ состоитъ въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ; душевые крестьяне, какъ извѣстно, не могутъ продавать своей надѣльной земли; четвертные—предъ уходомъ на переселеніе ее продаютъ, что дѣлаетъ для нихъ передвиженіе въ далекую сторону болѣе легкимъ. Для удобства читателя нелишне здѣсь же замѣтить, что степень зажиточности крестьянъ въ разсматриваемомъ районѣ стоитъ въ прямой связи съ размѣромъ ихъ земледѣлія: наибольшій размѣръ надѣла у четвертныхъ крестьянъ,—они и всѣхъ зажиточнѣе; всѣхъ бѣднѣе и малоземельнѣе — бывшіе помѣщичьи; бывшіе государственные душевые составляютъ средину. При дальнѣйшемъ изложеніи все сейчасъ сказанное будетъ подтверждено цифровыми данными.

Всѣхъ переселенцевъ обоего пола въ разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздахъ, какъ мы видѣли уже, 22,438; изъ нихъ на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ падаетъ 15,712 душъ, а на долю бывшихъ помѣщичьихъ—6,726, т.-е. абсолютное число переселенцевъ бывшіе государственные крестьяне выдѣлили почти въ $2^1/_3$ раза больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи.

Это преобладаніе абсолютнаго числа переселенцевъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ проходитъ чрезъ всѣ уѣзды, хотя оно далеко не одинаково въ каждомъ изъ нихъ:

Переселенцевъ обоего пола съ X-й ревизіи:

	У быв. госуд.	У быв. помѣщ.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ	6,061	3,826
Въ Данковскомъ уѣздѣ	3,387	2,420
Въ Скопинскомъ уѣздѣ.	6,264	479

Принявъ за 10 число переселенцевъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ каждаго уѣзда, мы получимъ слѣдующія цифры для переселенцевъ изъ бывшихъ государственныхъ:

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ.	16
Въ Данковскомъ уѣздѣ	14
Въ Скопинскомъ уѣздѣ	130

Но эти цифры еще не даютъ полнаго представленія о долѣ участія въ переселенческомъ движеніи каждой категоріи крестьянъ; необходимо обратить вниманіе на отношеніе общаго числа выселенцевъ къ наличному населенію каждаго разряда.

Мы уже знаемъ, что по всему району изслѣдованія вышло на переселеніе 6% всего населенія; для отдѣльныхъ же разрядовъ крестьянъ этотъ процентъ значительно колеблется:

Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ:

		душъ обоего пола: Наличныхъ.	Переселенц.	% выселившихся.
Быв. госуд.	Душевые.	160,726	11,143	7
	Четвертные	30,753	4,569	13
	И тѣ и другіе	191,479	15,712	8
Бывшіе помѣщичьи		183,968	6,726	4

Хотя бывшіе государственные четвертные крестьяне и даютъ абсолютное число переселенцевъ меньше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ разрядовъ, но относительное участіе въ переселенческомъ движеніи этой категоріи крестьянъ наибольшее: тогда какъ бывшіе государственные душевые крестьяне выдѣлили изъ себя около $^1/_{14}$ своего населенія, а бывшіе помѣщичьи только $^1/_{25}$, четвертные крестьяне отдали движенію около $^1/_8$ доли всѣхъ душъ обоего пола своего разряда. Мы знаемъ уже, что абсолютное число переселенцевъ изъ всѣхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ изъ разряда бывшихъ помѣщичьихъ; теперь же видимъ, что и проценты переселеній этихъ разрядовъ крестьянъ находятся почти въ томъ же отношеніи (8:4=2:1).

Разсматривая относительныя величины выселеній по отдѣльнымъ уѣздамъ, мы легко замѣтимъ, что они слѣдуютъ тому же закону: наименьшій про-

центъ выселеній даетъ разрядъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, наибольшій—разрядъ бывшихъ государственныхъ четвертныхъ. Скопинскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое уклоненіе: въ немъ первое мѣсто по проценту выселеній занимаетъ категорія бывшихъ государственныхъ душевыхъ, а государственные четвертные отходятъ на второе; въ этомъ же уѣздѣ замѣтно особенное преобладаніе выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ: процентъ его въ 6 разъ больше процента выселеній изъ категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Сказанное легко провѣрить на слѣдующей таблицѣ:

		душъ обоего пола: Наличныхъ.	Переселенц.	% выселеній.
Раненбургскій уѣздъ.				
Быв. госуд.	Душевые	42,297	3,930	8
	Четвертные	11,188	2,131	16
	И тѣ и другіе	53,485	6,061	10
Бывшіе помѣщичьи		80,614	3,826	5
Данковскій уѣздъ.				
Быв. госуд.	Душевые	19,817	1,141	5
	Четвертные	14,920	2,246	13
	И тѣ и другіе	34,737	3,387	9
Бывшіе помѣщичьи		63,487	2,420	4
Скопинскій уѣздъ				
Быв. госуд.	Душевые	98,612	6,072	6
	Четвертные	4,645	192	4
	И тѣ и другіе	103,257	6,264	6
Бывшіе помѣщичьи		39,867	479	1

До сихъ поръ говорилось о размѣрахъ всего вообще переселенческаго движенія, происшедшаго въ разсматриваемомъ районѣ съ X-й ревизіи; теперь обратимъ вниманіе на то, какъ измѣнялись эти размѣры во времени. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ удалось совершенно точно получать годъ выхода переселенцевъ, начиная съ 1877 года; хотя переселенцы начала 70-хъ годовъ довольно часто значатся въ нашихъ матеріалахъ съ точнымъ годомъ выхода, но ужь и здѣсь много такихъ отмѣтокъ: «ушелъ лѣтъ 10 назадъ», «на самару вышелъ въ 1875 или 1874 году» и пр.; чѣмъ ближе подходимъ къ году ревизіи, тѣмъ меньше точности и въ отмѣткахъ годовъ выселенія; ясно только, что такой-то домохозяинъ ушелъ послѣ ревизіи и значится въ ревизіонныхъ спискахъ. Такое свойство матеріала заставляетъ насъ разсматривать размѣры переселеній въ два періода: съ X-й ревизіи по 1876 годъ и съ 1877—82 г. включительно. Только въ послѣднемъ періодѣ возможно разсматривать размѣры переселеній погодно.

Выше были переведены цифры переселенцевъ со времени X-й ревизіи: по всѣмъ 3-мъ уѣздамъ вышло за это время 3,661 семья съ 22,438 душами обоего пола; изъ нихъ въ первыя 18 лѣтъ (т.-е. съ 1859 по 1876 годъ)

ушло 1,537 семей съ 9,246 *) душами обоего пола, а остальныя 13,192 души (въ 2,124 семьяхъ) переселились въ послѣднія 6 лѣтъ (съ 1877—82 г.); такимъ образомъ, въ послѣдній, гораздо меньшій періодъ произошло $^3/_5$ (59%) всѣхъ переселеній, выселяясь среднимъ числомъ ежегодно по 2,199 человѣкъ, тогда какъ среднее годовое выселеніе въ теченіе 18-ти лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за ревизіей, давало 514 душъ или было слишкомъ въ 4 раза слабѣе переселеній 6-ти послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, отдѣльные уѣзды сильно отличаются другъ отъ друга въ этомъ отношеніи: тогда какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ въ 6 послѣднихъ лѣтъ выселилось въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ предшествующіе 18, въ Скопинскомъ уѣздѣ съ 1877 года ушло лишь 20% всѣхъ переселенцевъ, остальные 80% ихъ выселились раньше. Это яснѣе видно изъ нижеслѣдующей таблицы, гдѣ показано число семей и душъ обоего пола, ушедшихъ на переселеніе до и послѣ 1877 года изъ каждаго уѣзда.

Раненбургскій уѣздъ.		До 1877 г.	Съ 1877—82 г.	Итого.
Число переселенческихъ семей		268	1,327	1,595
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	1,688	8,199	9,887
	%	17	83	100.
Данковскій уѣздъ.				
Число переселенческихъ семей		324	557	881
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	2,171	3,636	5,807
	%	37	63	100
Скопинскій уѣздъ.				
Число переселенческихъ семей		945	240	1,185
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	5,386	1,357	6,747
	%	80	20	100

Слѣдующая табличка, показывая среднія годовыя величины переселеній, нагляднѣе представитъ измѣненія размѣровъ переселенческаго движенія въ каждомъ уѣздѣ въ оба разсматриваемые періода:

	Среднее годовое выселеніе.	
	Съ 1859—76 годъ.	Съ 1877—82 годъ.
Раненбургскаго уѣзда	94 души об. п.	1,366 души об. п.
Данковскаго уѣзда.	121 » » »	606 » » »
Скопинскаго уѣзда.	299 » » »	226 » » »

*) При указанномъ (въ предисловіи) способѣ изслѣдованія, о размѣрѣ семьи переселенцевъ, ушедшихъ до 1877 г., часто нельзя было узнать, почему эта цифра только *приблизительная*: она получалась помноженіемъ числа переселеческихъ семей до 1877 г. на средній размѣръ переселенческой семьи каждаго уѣзда; а послѣднія данныя получены изъ точныхъ свѣдѣній о переселенцахъ съ 1877 года. Хотя число переселенцевъ обоего пола, вышедшихъ съ 1859 — 76 годъ и не вполнѣ точно, но оно даетъ болѣе сравнимыя процентныя отношенія къ наличному населенію, не завися отъ измѣнчиваго во времени размѣра семьи.

Ясно, что за послѣднее время роли Раненбургскаго и Скопинскаго уѣздовъ измѣнились: Раненбургскій уѣздъ по размѣрамъ переселеній изъ него стоитъ теперь во главѣ движенія, изъ Скопинскаго же выходитъ наименьшее число переселенцевъ, тогда какъ до 1877 г. онъ давалъ ихъ ежегодно больше не только каждаго изъ двухъ остальныхъ, но и обоихъ ихъ вмѣстѣ. Это произошло отъ того, что среднее годовое выселеніе шести послѣднихъ лѣтъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ возросло въ 14 разъ, въ Данковскомъ хотя и возросло, но значительно тише (въ 5 разъ), въ Скопинскомъ же оно стало менѣе, чѣмъ въ первыя 18 лѣтъ послѣ ревизіи.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ измѣняются во времени размѣры переселеній у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Слѣдующая таблица даетъ необходимыя для этого абсолютныя величины:

		душъ обоего пола.			
		Раненб. у.	Данк. у.	Скоп. у.	По 3-мъ у
Бывшіе государственные крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	800	1,253	5,170	7,223
	съ 1877—82 г.	5,261	2,134	1,094	8,489
Бывшіе помѣщичьи крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	888	918	216	2,023
	съ 1877—82 г.	2,938	1,502	263	4,703

Чтобъ яснѣе представить зависимость размѣровъ переселеній отъ времени и разряда крестьянъ, выведемъ изъ предъидущей таблицы средніе годовые размѣры переселенія для каждаго разсматриваемаго періода выселеній и для каждой категоріи крестьянъ:

Среднее годовое выселеніе.

		Съ 1859—76 г.	Съ 1877—82 г.	Во сколько разъ оно увеличилось или уменьшилось.
Раненбург. уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	44 души об. п.	877 душъ об. п.	+ 19
	Быв. помѣщичьи .	49 » » »	490 » » »	+ 10
Данковскій уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	70 » » »	356 » » »	+ 5
	Быв помѣщичьи .	51 » » »	250 » » »	+ 5
Скопинскій уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	287 » » »	182 » » »	— 1,6
	Быв помѣщичьи .	12 » » »	44 » » »	+ 3,7
По всѣмъ 3-мъ уѣздамъ.	Быв. госуд. крест.	401 » » »	1,415 » » »	+ 3,5
	Быв. помѣщичьи .	112 » » »	784 » » »	+ 7

Мы видимъ, что констатированное выше возрастаніе размѣровъ переселенческаго движенія за послѣднія 6 лѣтъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ произошло какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; въ Скопинскомъ же уѣздѣ среднее годовое выселеніе крестьянъ государственныхъ стало въ $1^1/_2$ раза меньше, но и здѣсь оно болѣе чѣмъ утроилось у категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Цифры послѣдняго вертикальнаго столбца даютъ наглядное представленіе о быстротѣ роста переселенческаго движенія; мы видимъ изъ нихъ, что

въ Раненбургскомъ уѣздѣ возрастаніе переселенческаго движенія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ идетъ почти вдвое медленнѣе, чѣмъ у государственныхъ; въ Данковскомъ уѣздѣ ростъ этого движенія происходитъ одинаково быстро въ обоихъ разрядахъ; о Скопинскомъ уѣздѣ было сказано раньше *).

Обратимся теперь къ ежегоднымъ размѣрамъ переселенческаго движенія за послѣднія 6 лѣтъ. Здѣсь мы имѣемъ совершенно точныя цифры, хотя для переселеній 1882 г. въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ онѣ неполны: главныя массы переселенцевъ уходятъ въ маѣ, а изслѣдованія Раненбургскаго уѣзда производились въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1882 г.; двѣ волости Данковскаго уѣзда были изслѣдованы еще въ 1881 г., но за то въ остальныхъ волостяхъ уѣзда зарегистрованы почти всѣ его переселенческія семьи, такъ какъ изслѣдованія велись май и іюнь 1882 г.; данныя по Скопинскому уѣзду совершенно полны и для 1882 года: въ немъ мѣстныя изслѣдованія производились осенью 1882 года.

Переселенческихъ семей.	Изъ Раненбургскаго уѣзда.		Изъ Данковскаго уѣзда.		Изъ Скопинскаго уѣзда.		ИТОГО.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%		
Въ 1877 году	81	6	30	5	5	2	111	5
„ 1878 „	56	4	18	3	7	3	81	4
„ 1879 „	66	5	16	3	17	7	99	5
„ 1880 „	227	17	42	7	26	11	295	14
„ 1881 „	894	68	407	75	59	24	1,360	64
„ 1882 „	3	0	44	7	126	53	173	8
Итого . . .	1,327	100	557	100	240	100	2,124	100

*) Необходимо замѣтить, что изъ цифръ этого столбца для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ нельзя дѣлать вывода объ вдвое бо́льшемъ (чѣмъ у бывшихъ государственныхъ) ростѣ средней годовой цифры переселеній у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: это зависитъ, такъ сказать, отъ игры среднихъ цифръ и становится яснымъ при внимательномъ просмотрѣ абсолютныхъ данныхъ по Скопинскому уѣзду, гдѣ переселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ особенно сильно преобладали въ ранній изъ разсматриваемыхъ періодовъ, а выселенія бывшихъ помѣщичьихъ вообще незначительны.

Во всѣхъ трехъ уѣздахъ вмѣстѣ наибольшая масса переселенцевъ приходится на 1881 годъ: въ этомъ году вышли почти $^2/_3$ (64%) всѣхъ переселенческихъ семей съ 1877 года; въ Данковскомъ же уѣздѣ на этотъ годъ падетъ $^3/_4$ переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ; только въ Скопинскомъ уѣздѣ годомъ наиболѣе сильнаго движенія былъ 1882 годъ, когда ушло изъ него больше $^1/_2$ (53%) переселенцевъ послѣдняго періода. Вообще въ Скопинскомъ уѣздѣ замѣчается почти совершенно точное ежегодное удвоеніе числа переселенческихъ семей; это зависитъ отъ того, что давній (южный) потокъ переселеній изъ него почти прекратился, а въ послѣдніе годы движеніе приняло восточное, повидимому, болѣе удачное направленіе.

Въ слѣдующей таблицѣ даны ежегодные размѣры движенія по разрядамъ крестьянъ для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Переселенческихъ семей.

		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
У быв. госуд. крестьянъ.	Число.	39	46	65	159	914	108	1,331
	%	3	3	5	12	69	8	100
У быв. помѣщичьихъ.	Число.	77	35	34	136	446	65	793
	%	10	4	4	17	57	8	100

Мы видимъ, что для обоихъ разрядовъ крестьянъ всѣхъ трехъ уѣздовъ вмѣстѣ годомъ наибольшихъ выселеній былъ 1881 годъ, но у бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этомъ году вышелъ особенно большой % переселенцевъ (69%).

Разсматривая ежегодныя поразрядныя выселенія изъ каждаго уѣзда, замѣтимъ, что оба разряда крестьянъ въ этомъ отношеніи весьма несущественно отличаются другъ отъ друга; это ясно изъ таблицы:

Переселенческихъ семей.		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г	1882 г	Итого.
Раненбургскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	20	30	42	108	629	—	829
	% . . .	2	4	5	13	76	—	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	61	26	24	119	265	3	498
	% . . .	12	5	5	24	53	1	100
Данковскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	14	9	9	29	237	7	305
	% . . .	5	3	3	10	77	2	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	16	9	7	13	170	37	252
	% . . .	6	4	2	5	68	15	100

Переселенческихъ семей.		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
Скопинскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	5	7	14	22	48	101	197
	% . . .	3	4	7	11	24	51	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	—	—	3	4	11	25	43
	% . . .	—	—	7	9	26	58	100

Ежегодныя переселенія обоихъ разрядовъ крестьянъ каждаго уѣзда слѣдуютъ почти тѣмъ же измѣненіемъ, какія указаны выше для цѣлыхъ уѣздовъ.

Разсмотрѣніе процентныхъ отношеній всѣхъ переселенцевъ *со времени X-й ревизіи* къ населенію разныхъ разрядовъ крестьянъ привело насъ къ выводу, что бывшіе государственные крестьяне выдѣлили изъ себя вдвое бо́льшія относительныя количества переселенцевъ, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, и что государственные четвертные крестьяне выслали на новыя мѣста наиболѣе крупную долю своего населенія. Слѣдующая таблица показываетъ, что и въ послѣдній шестилѣтній періодъ (съ 1877—82 г.) отношеніе разрядовъ крестьянъ къ размѣрамъ выселеній изъ нихъ осталось то же. Таблица даетъ % % переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ каждаго разряда крестьянъ къ его наличному населенію; необходимыя для того абсолютныя величины были приведены раньше.

		Раненб. уѣздъ.	Данков. уѣздъ.	Скопин. уѣздъ.	По всѣмъ 3-мъ у.
Быв. государств. крестьяне.	Душевые.	8	3	1	3
	Четвертные.	14	10	2	10
	И тѣ и другіе . . .	9	6	1	4
Бывшіе помѣщичьи.		4	2	0,6	2

Слѣдовательно, въ послѣднее шестилѣтіе, какъ и во всѣ 24 года, протекшее съ X-й ревизіи, % выселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ вдвое больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Но какъ здѣсь, такъ и раньше мы брали процентныя отношенія переселенцевъ къ населенію *всего* разряда или къ общему числу жителей, населяющихъ *всю* территорію волости, уѣзда. Поразрядные проценты выселеній значительно измѣнятся, если при выводѣ ихъ станемъ брать во вниманіе только *мѣстности выселеній*, разумѣя подъ ними всѣ общины, вовлеченныя въ движеніе; тогда мы увидимъ, что въ мѣстностяхъ, уже захваченныхъ движеніемъ, помѣщичьи крестьяне далеко не такъ сильно отстаютъ отъ государственныхъ по своему проценту выселеній, а въ Скопинскомъ уѣздѣ даже значительно ихъ опередили.

		Душъ обоего пола. Въ мѣстности выселенія.	У переселенцевъ (съ 1877 г.)	% выселеній.
Раненбургскій уѣздъ.	Быв. государствен.	49,476	5,261	10
	Быв. помѣщичьи. .	34,495	2,938	8
Данковскій уѣздъ.	Быв. государствен.	24,645	2,134	8
	Быв. помѣщичьи. .	18,607	1,502	7
Скопинскій уѣздъ.	Быв. государствен.	66,942	1,094	2
	Быв. помѣщичьи. .	3,267	263	7

Изъ сравненія этой и предъидущей табличекъ становится яснымъ, что изъ очень большаго числа общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ переселенческое движеніе еще вовсе не начиналось, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ вовлеченъ въ движеніе значительно большій % общинъ. И дѣйствительно, объ этомъ непосредственно свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ послѣднее шестилѣтіе изъ всѣхъ 947 общимъ 3-хъ уѣздовъ приняли участіе въ движеніи только 261 или немного болѣе ¼ (28%); по отдѣльнымъ разрядамъ эти цифры распредѣлятся такъ:

Всѣхъ общинъ бывш. госуд. крестьянъ.	178	56%
» » » » » вовлеченныхъ въ движеніе. . . .	100	
Всѣхъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ.	769	21%
» » » » вовлеченныхъ въ движеніе. . . .	161	

Тогда какъ почти ⅘ (79%) всѣхъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не выпустили изъ среды себя ни одного переселенца, у крестьянъ бывшихъ государственныхъ бо́льше ½ (56%) ихъ знакомы съ переселенческимъ движеніемъ чрезъ своихъ однообщественниковъ. Такое неодинаковое отношеніе къ движенію обѣихъ категорій крестьянъ еще рѣзче выступаетъ въ предѣлахъ площадей отдѣльныхъ уѣздовъ:

		Число общинъ. Всѣхъ.	Гдѣ есть переселенцы (съ 1877 г.)	% переселенч. общинъ.	% выселеній съ 77 г. ко всему числу жителей.
Раненбургскій уѣздъ.	Быв. государственные	52	37	71	9
	Выв. помѣщичьи	288	88	30	4
	Всего по уѣзду	340	125	37	6
Данковскій уѣздъ.	Быв. государственные	39	26	67	6
	Быв. помѣщичьи .	274	58	21	2
	Всего по уѣзду .	313	84	23	4
Скопинскій уѣздъ.	Быв. государственные	87	37	43	1
	Быв. помѣщичьи .	207	15	7	0,..
	Всего по уѣзду .	294	52	18	0,..

Процентныя отношенія двухъ послѣднихъ вертикальныхъ рядовъ указываютъ на прямую связь размѣровъ движенія (выраженныхъ крайнимъ вертикальнымъ рядомъ процентовъ) съ пространствомъ, имъ охваченнымъ (средній рядъ % %): измѣненія цифръ обоихъ рядовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу,—% выселеній болѣе въ томъ уѣздѣ или разрядѣ уѣзда, гдѣ большій % общинъ вовлеченъ въ движеніе.

Чтобы покончить съ вопросомъ о размѣрахъ переселенческаго движенія, познакомимся съ пообщинными процентами выселеній за послѣдній изъ разсматриваемыхъ періодовъ, такъ какъ только для него мы имѣемъ достаточно полныя данныя. Мы увидимъ, что неравномѣрность выселеній изъ отдѣльныхъ общинъ значительно больше констатированной выше неравномѣрности ихъ изъ волостей и поволостныхъ районовъ. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы судить о послѣдствіяхъ переселенческаго движенія для остающихся членовъ общины. Напримѣръ: для общинъ, откуда вышло не больше $^1/_{21}$ ихъ населенія (а такихъ $^1/_2$), результаты движенія почти незамѣтны, тогда какъ для $^1/_{10}$ всѣхъ участвующихъ въ движеніи общинъ, выдѣлившихъ изъ себя болѣе $^1/_8$ доли своихъ членовъ, оно не можетъ не имѣть значенія хотя бы въ томъ отношеніи, что количество земли на каждое домохозяйство замѣтно возрастетъ, если только земля переселенцевъ не выйдетъ изъ общины.

Теперь разобьемъ всѣ общины, участвующія въ движеніи послѣдняго періода (261 община), на группы по проценту выселенія изъ нихъ:

Общины, изъ которыхъ происходили выселенія съ 1877—82 г.	Раненб. уѣзда.		Данковск. уѣзда.		Скопин. уѣзда.		Итого.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Общинъ съ 1 и менѣе % переселенцевъ	12	10	12	14	24	45	48	18
„ отъ 1 до 5% включ. „	40	32	28	33	14	27	82	32
„ „ 5% — 10% „ „	35	28	20	24	4	8	59	23
„ „ 10% — 20% „ „	22	18	16	19	6	12	44	17
„ сверхъ 20% „ „	16	12	8	10	4	8	28	10
Итого переселенческихъ общинъ	125	100	84	100	52	100	261	100

Таблица показываетъ, что больше, чѣмъ $^1/_4$ (27%) общинъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ, участвующихъ въ движеніи съ 1877 г., выдѣлили изъ себя свыше $^1/_{10}$ доли своего населенія; $^1/_2$ ихъ дала движенію не болѣе $^1/_{20}$ своихъ наличныхъ членовъ; изъ остальной $^1/_4$ общинъ (изъ 23%) ушло на переселеніе отъ $^1/_{20}$ — $^1/_{10}$ душъ обоего пола. Почти тѣ же процентныя отношенія различныхъ группъ переселенческихъ общинъ въ Раненбургскомъ и

Данковскомъ уѣздахъ; въ Скопинскомъ же особенно большой % общинъ съ незначительнымъ размѣромъ выселеній въ послѣднія 6 лѣтъ: почти ³/₄ (72%) ихъ выдѣлили не болѣе ¹/₂₀, а 45% не болѣе ¹/₁₀₀ своего населенія.

Разряды крестьянъ оказываютъ замѣтное вліяніе на разсматриваемыя процентныя отношенія: для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ относительныхъ, и въ абсолютныхъ величинахъ занимаютъ первое мѣсто по % выпущенныхъ ими переселенцевъ; сказанное въ особенности относится къ Скопинскому уѣзду. Слѣдующая таблица убѣждаетъ насъ въ этомъ цифрами:

Общины.			Отъ 1 менѣе % пересел.	Отъ 1 до 5 % пересел.	Отъ 5 до 10% пересел.	Отъ 10 до 20% пересел.	верхъ 20 % пересел.	Итого всѣхъ переселенческихъ.
Раненбурск. уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	4	10	10	8	5	37
		%	11	27	27	22	13	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	8	30	25	14	11	88
		%	10	34	28	16	12	100
Данковскаго уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	6	6	6	4	4	26
		%	23	23	23	15,₇	15,₅	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	6	22	14	12	4	58
		%	10	38	24	21	7	100
Скопинскаго уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	22	12	1	1	1	37
		%	59	32	3	3	3	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	2	2	3	5	3	15
		%	13,₁	13,₃	20	33,₃	20	100
По 3-мъ уѣздамъ.	Быв. государственныхъ.	Число.	32	28	17	13	10	100
		%	32	28	17	13	10	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	16	54	42	31	18	161
		%	10	34	26	19	11	100

Мы видѣли, что въ 28 общинахъ въ теченіе послѣдняго шестилѣтія выселилось болѣе $^1/_3$ ихъ населенія; 8 изъ нихъ выдѣлило болѣе, чѣмъ по 30% душъ обоего пола; если же добавить, что одна изъ восьми отдала движенію слишкомъ $^1/_2$ своего населенія (53%), да еще одна вышла въ полномъ составѣ, то можетъ явиться представленіе о какомъ-то массовомъ движеніи изъ нѣкоторыхъ частей разсматриваемаго района. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: всѣ упомянутыя 9 общинъ крайне мелки и довольно было, напр., одной изъ нихъ выдѣлить на вольныя мѣста лишь 1 семью въ 8 душъ обоего пола, чтобы % выселенія изъ нея сталъ равнымъ 53-мъ. Слѣдующая таблица, вмѣщающая данныя о наличныхъ размѣрахъ всѣхъ этихъ 9 общинъ и о числѣ выселенцевъ изъ нихъ, устранитъ упомянутое недоразумѣніе:

		душъ обоего пола:		%
		Наличныхъ.	Пересел. съ 1877 г.	выселеній.
1. С. Вѣдное б. госуд. душевые .	Раненбургск. у.	7	8	53
2. Мураевинскіе выселки Федоровой		16	15	48
3. » » Карцевой		63	41	39
4. Кузовлево Вагина		70	39	36
5. С. Истобное Богданова.		86	47	35
6. С-цо Пупки б. госуд. четвертные	Скоп. у.	37	24	39
7. Новиково Трухачева		11	6	35
8. Орловка.		56	30	35
9. Бигильдино, госуд., б. Григорова	Дан. у.	—	39	100

Болѣе подробныя данныя о размѣрахъ переселенческихъ партій въ моментъ ихъ выхода изъ родныхъ селеній, а также о попыткахъ къ массовымъ переселеніямъ будетъ сказано далѣе, когда пойдетъ рѣчь о самомъ процессѣ передвиженія и о сборахъ къ нему.

Теперь познакомимся *съ направленіями движенія*, какія приняли переселенцы изслѣдованнаго нами района. Въ послѣдующихъ таблицахъ всѣ данныя сгруппированы по тѣмъ же двумъ періодамъ; по которымъ мы разсматривали свѣдѣнія о размѣрахъ переселеній; болѣе дробная, погодная группировка была бы возможна лишь для послѣднихъ шести лѣтъ, но и въ ней нѣтъ существенной необходимости, такъ какъ въ послѣднее время (съ 70-хъ годовъ) направленіе ясно опредѣлилось и оставалось почти безъ измѣненія. Свѣдѣнія о направленіи переселеній, добытыя нашими мѣстными изслѣдованіями, довольно полны, что даетъ возможность дѣлать то или иное заключеніе въ предѣлахъ разсматриваемаго района: всѣхъ семей выселилось съ X-й ревизіи 3,661, а въ нашихъ матеріалахъ имѣются данныя о направленіи, принятомъ 3,503 семьями, т.-е. о 96%; причемъ изъ 158 переселенческихъ дворовъ, направленія которыхъ мы не знаемъ, 143 приходится на болѣе отдаленный періодъ (съ 1859—76 г.), что и понятно.

Слѣдующія цифровыя данныя покажутъ намъ число семей каждаго уѣзда, принявшихъ то или иное направленіе въ оба разсматриваемые періода движенія:

Число семей, ушедшихъ на переселеніе.	Въ Томскую губернію.	Въ Тобольскую губернію.	Въ Уфимскую губернію.	Въ Оренбургскую губер.	Въ Землю Войска Донск.	На Кавказъ.	Въ Самарскую губернію.	Въ Тамбовскую губерн.	Въ Таврическую, Харьковскую и Воронежск. губ.	„Въ степь“.	Въ Москов., Петербург., Владимірскую и пр. губ.	Въ Скопинскій уѣздъ.	Въ другіе уѣз. Ряз. губ.	И Т О Г О.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Раненбургскаго уѣзда.														
До 1877 г.	42	5	4	24	35	69	67	19	—	—	3	—	—	268
Съ 1877—82 г.	1.161	9	89	41	12	12	1	1	—	—	1	—	—	1.327
Итого	1.203	14	93	65	47	81	68	20	—	—	4	—	—	1.595
Данковскаго уѣзда.														
До 1877 г.	5	5	14	32	58	2	44	2	5	9	1	—	—	217
Съ 1877—82 г.	439	1	5	43	18	2	29	—	—	—	3	—	—	540
Итого . .	484	6	19	75	76	4	73	2	5	9	4	—	—	757
Скопинскаго уѣзда.														
До 1877 г.	14	4	21	42	153	124	83	15	20	356	13	45	19	909
Съ 1877—82 г.	101	15	20	12	15	55	—	2	—	20	—	2	—	242
Итого . . .	115	19	41	54	168	179	83	17	20	376	13	47	19	1.151
Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ.														
До 1877 г.	101	14	39	98	246	195	194	36	25	365	17	45	19	1.394
Съ 1877—82 г. . . .	1.701	25	114	96	45	69	30	3	—	20	4	2	—	2.109
Итого . . .	1.802	39	153	194	291	264	224	39	25	385	21	47	19	3.503

Нелишне замѣтить, что цифры этой таблицы указываютъ лишь то направленіе, какое принимаютъ переселенцы по выходѣ съ своей родины; впрочемъ, онѣ очень близки къ дѣйствительному распредѣленію ихъ на но-

выхъ мѣстахъ, хотя, напримѣръ, бѣдняки, направляясь въ Бійскій округъ, нерѣдко задерживаются въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ на время и даже навсегда. Если удавалось узнать, что нѣкоторыя семьи во время пути по какимъ-либо причинамъ измѣнили свое направленіе, мы дѣлали необходимыя поправки. Въ таблицѣ есть графа крайне неопредѣленная: «въ степь»; уже изъ историческаго обзора движенія извѣстно, что подъ именемъ «степняковъ» крестьяне Скопинскаго уѣзда разумѣютъ своихъ выходцевъ, осѣвшихъ въ степныхъ и низовыхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а также въ Ставропольской губерніи и Кубанской области Кавказа; поэтому, соединяя графы предъидущей таблицы (для избѣжанія дробности цифръ) въ болѣе общія рубрики, семьи «степняковъ» необходимо присоединить къ семьямъ графъ отъ 5—9 включительно; двѣ губерніи Сибири тоже соединимъ въ одной общей графѣ; такъ же поступимъ съ Уфимской и Оренбургской губерніями, лежащими рядомъ и недавно только раздѣленными; семьи, ушедшія изъ своихъ селеній въ Скопинскій и другіе уѣзды Рязанской губерніи, помѣстимъ тоже въ одну рубрику. Сдѣлавъ все это, мы получимъ слѣдующія данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Семей выселившихся:	Съ 1859—76 г. Число	%	Съ 1877—82 г. Число	%	Съ 1859—82 г. Число	%
Въ Томскую и Тобольскую губ.	115	8	1,726	81,4	1,841	53
Въ Уфимскую и Оренбургскую губ.	137	10	210	10,2	347	10
Въ степныя и низовыя губ.						
Европ. Россіи и на Кавказъ . .	1,061	76	167	8,1	1,228	34,6
Въ промышленныя губерніи . . .	17	1	4	0,2	21	0,6
Внутри Рязанской губерніи . . .	64	5	2	0,1	66	1,8
Итого . .	1,394	100	2,109	100	3,503	100

То, что мы видѣли мелькомъ въ историческомъ обзорѣ движенія, теперь наглядно подтверждаютъ цифры этой таблицы.

Господствующимъ направленіемъ переселенческаго движенія со времени X-й ревизіи суть переселенія въ Сибирь и притомъ почти исключительно въ Томскую губернію: въ Сибирь ушло больше ½ (53%) всѣхъ переселенцевъ; затѣмъ слѣдуютъ степныя и низовыя губерніи Европейской Россіи съ Кавказомъ: больше ⅓ (34,6%) переселенцевъ ушло туда. Но эти господствующія направленія рѣзко помѣнялись своими ролями въ два разсматриваемые періода: до 1877 г. переселеніе въ Томскую губернію только что начиналось (оно дало 8% всѣхъ переселенцевъ за 18 лѣтъ); въ послѣднее шестилѣтіе Сибирь приняла въ себя больше ⅘ (81,4%) всѣхъ переселенческихъ семей этого періода. «Степняки» же съ 1877 — 82 годъ составляютъ только 8%, переселеній, тогда какъ въ ранній періодъ ихъ было болѣе ¾ всѣхъ выходцевъ (76%).

Оренбургско-уфимское направленіе сохранило свое относительное значеніе въ оба періода, составляя 1/10 долю всего движенія.

Выходцы внутри Рязанской губерніи и въ губерніи промышленной полосы составляютъ незначительный %; въ послѣднее шестилѣтіе число ихъ совершенно ничтожно (6 семей).

Тѣ же явленія ясно выразились и въ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ, но далеко не въ одинаковой степени. Посмотримъ на таблицу.

Семей выселившихся:		Въ Томск. и Тобольск.	Въ Уфим. и Оренбур	«Въ степь».	Въ промышленныя губ.	Внутри Рязанской губерніи.	Итого.
Изъ Раненбурскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	47	28	190	3	—	268
	%	18	10	71	1	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	1,170	130	26	1	—	1,327
	%	88	10	2	0,1	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	1,217	158	216	4	—	1,595
	%	76	10	14	0	0	100
Изъ Данковскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	50	46	120	1	—	217
	%	23	21,3	55	0,5	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	440	48	49	3	—	540
	%	81	9	9	1	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	490	94	169	4	—	757
	%	65	12	22	1	0	100
Изъ Скопинскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	18	63	751	13	64	909
	%	2	7	83	1	7	100
Съ 1877—82 г.	Число	116	32	92	—	2	242
	%	48	13	38	0	1	100
Съ 1859—82 г.	Число	134	95	843	13	66	1,151
	%	12	8	73	1	6	100

Мы видимъ, что только Скопинскій уѣздъ отступаетъ отъ намѣченныхъ среднихъ основаній въ направленіи движенія для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ: въ немъ для всего 24-хъ лѣтняго періода переселеніе «въ степь» является преобладающимъ и хотя оно значительно сократилось за послѣднія 6 лѣтъ, уступивъ первое мѣсто переселеніямъ въ Сибирь, но все же держится въ немъ прочнѣе, чѣмъ въ двухъ остальныхъ уѣздахъ. Выселенія внутри губерніи происходили исключительно изъ Скопинскаго уѣзда, составляя за весь періодъ со времени X-й ревизіи 6% всѣхъ его «сходцевъ». Въ Данковскомъ и особенно въ Раненбургскомъ уѣздѣ переселенцы въ Сибирь получили въ послѣднее шестилѣтіе громадный перевѣсъ; въ Ранен-

бургскомъ уѣздѣ ихъ до $^9/_{10}$ ($88^0/_0$) всѣхъ «самарцевъ», такъ что самое выраженіе «самарцы» смѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженіемъ: «томенцы», т.-е. переселяющіеся въ Томскую губернію. Вообще въ послѣднее время *южное* направленіе переселеній окончательно уступаетъ мѣсто *восточному:* если къ сибирскимъ губерніямъ присоединить и Оренбургскую съ Уфимской, то за послѣднее шестилѣтіе вышли сюда болѣе $^9/_{10}$ ($91^0/_{0,6}$) всѣхъ переселенцевъ изслѣдуемаго района.

Эти перемѣны въ направленіи движенія совершаются крайне осмотрительно и даются крестьянину нелегко; толкаемый необходимостью оставлять свои родныя поля, онъ крѣпко держится разъ отысканнаго его родичами и земляками направленія, такъ какъ о другомъ или не слыхалъ вовсе, или и есть слухи, да силы нѣтъ провѣрить ихъ. Часто приходится крестьянину горько платиться за такую непроизвольную косность. Вотъ, напримѣръ, какимъ тяжелымъ опытомъ пришлось убѣдиться въ непригодности для переселеній Самарской губерніи, и притомъ этотъ опытъ послужилъ лишь самимъ пострадавшимъ, ихъ односельцамъ, да самому незначительному, ближайшему къ нимъ району.

Изъ историческаго очерка движенія мы знаемъ, что издавна нѣкоторыя селенія Данковскаго уѣзда посылали своихъ сходцевъ въ Самарскую губернію; мы знаемъ, что изъ села Телепнева (на югѣ уѣзда) выходили «на самару» еще въ 50-хъ годахъ, что изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ Зашева, Звѣрева и Орловки около того же времени шли переселенія въ Самарскую губернію; были переселенія туда же изъ этихъ селъ и позже, переселенія болѣе или менѣе удачныя. Но вотъ уже около 1870 г. попытка теленневцевъ выселиться въ Самарскую губернію окончилась неудачей. «Ссадчики» пошли зимой, облюбовали мѣсто («По насту все хорошо!»—говорилъ одинъ изъ ссадчиковъ), но когда они повели за собой лѣтомъ до 20 семей, многимъ показалось невозможнымъ устроиться на новомъ мѣстѣ,—и они вернулись, на этотъ разъ благополучно, «съ деньгами», благодаря встрѣтившимся въ тѣхъ мѣстностяхъ хорошимъ заработкамъ.

Въ 1876 году снова потянулись въ Самарскую губернію изъ Звѣрева, Орловки и Зашева больше 30 семей на 60 подводахъ; но изъ нихъ только 3 семьи остались на новомъ мѣстѣ, остальныя вернулись. Возвращеніе было тяжелое: на обратномъ пути всѣ переболѣли лихорадкой; нѣкоторые умерли, а дошедшіе домой не имѣли и здѣсь пристанища. Вотъ кое-что изъ разсказовъ одной женщины (изъ Зашева), особенно пострадавшей отъ этой крайне неудачной попытки къ переселенію. Пошла она въ семьѣ изъ 11 человѣкъ на 2-хъ лошадяхъ съ 20 рублями, пошла по зову отправлявшагося туда зажиточнаго родственника изъ Орловки. По приходѣ на мѣсто, у ея семьи не было силы нанять квартиры (пока тянулись переговоры о пріемкѣ) и они провели нѣсколько дней въ повозкахъ на выгонѣ. Переговоры съ разными обществами окончились неудачно: тамъ, гдѣ земля понравилась, гдѣ были и лѣсъ, и вода,—пріемка дорога, а въ другихъ мѣ-

стахъ—земля оказалась неподходящей. Рѣшили вернуться назадъ; тутъ-то они и вытерпѣли страшныя лишенія. Сначала поработали, сбились съ силами и тронулись въ путь. Въ ихъ семьѣ было 2 работника, 2 работницы, остальные семеро—мелочь да старики. Вскорѣ по выѣздѣ, вся семья заболѣла жестокой лихорадкой; умеръ одинъ работникъ; умерла старуха. Лошадь пала,—пришлось остановиться и еще поработать. Справили плохую лошаденку (за 5 р. ее продали, придя домой) и пошли дальше. Ѣхали одни, всѣ больные; вошь напала; не разъ ночевали въ полѣ, а разъ пришлось провести ночь въ своихъ телѣгахъ среди небольшой рѣчки: лошади стали, а изъ нихъ никто не могъ выйти изъ телѣги,—лихорадка измучила всѣхъ; такъ и простояли, пока отдохнувшія лошади не надумали ихъ вывезти изъ воды. Больными вернулись домой; въ жилую избу никто не принималъ, боясь заразы; нашлась въ селѣ пустая изба; въ ней сначала и помѣстились; потомъ выжили 2 года на квартирѣ, пока не поставили своей избенки. Остальныя изъ возвратившихся семей дошли до своихъ селъ тоже изнуренными и разорившимися; ихъ примѣръ и разсказы остановили движеніе въ Самарскую губ. изъ окрестныхъ селеній, а такъ какъ вѣсть о томскомъ просторѣ только еще начинаетъ проникать къ нимъ, то и вообще переселенческое движеніе съ юга Данковскаго уѣзда почти прекратилось.

Оканчивая вопросъ о направленіи крестьянскихъ переселеній въ наслѣдуемой мѣстности Рязанской губерніи, обратимъ еще вниманіе на зависимость его отъ разрядовъ крестьянъ; слѣдующая таблица выясняетъ эту связь для всего 24-хъ лѣтняго періода движенія (съ X-й ревизіи):

Семей, выселившихся съ 1859—82 г.		Въ Сибирь.	Въ Уфимск. и Оренбур губ.	«Въ степь».	Въ промышл. губер.	Внутри Рязанской губерніи.	Итого.
Изъ Раненбурскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	805	54	93	4	—	956
	%	84	6	9,6	0,4	—	100
У быв. помѣщ.	Число	412	104	123	—	—	639
	%	64	16	20	—	—	100
Изъ Данковскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	285	18	108	3	—	414
	%	69	4	26	1	—	100
У быв. помѣщ.	Число	205	76	61	1	—	343
	%	60	22	18	0	—	100
Изъ Скопинскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	109	74	829	8	62	1,076
	%	10	7	76	1	6	100
У быв. помѣщ.	Число	25	21	20	5	4	75
	%	33	28	27	7	5	100

Бывшіе мѣщичьи крестьяне Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ дали нѣсколько меньшій % переселеній въ отдаленныя губерніи Сибири, чѣмъ крестьяне бывшіе государственные.

% уфимскихъ и оренбургскихъ выходцевъ наглядно подтверждаютъ намѣченный раньше фактъ, что менѣе обезпеченные помѣщичьи крестьяне, не осиливая пути въ Сибирь, осѣдаютъ по дорогѣ въ болѣе близкомъ Оренбургскомъ краѣ: у нихъ переселенія туда даютъ значительно больший %, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Вслѣдствіе громаднаго преобладанія переселеній «въ степь» у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, % его сибирскихъ сходцевъ преобладаетъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ 66 семей, выселившихся изъ Скопинскаго уѣзда въ предѣлы губерніи, 62 приходятся на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Не слѣдуетъ думать, что направленіе переселеній находится въ большой зависимости отъ степени достатка крестьянъ; въ нашемъ районѣ эта причина играетъ далеко не главную роль, на что указываетъ и малая разница поразрядныхъ процентовъ выселеній въ разныя мѣста; все зависитъ преимущественно отъ условій, какія ждутъ новоселовъ на новыхъ мѣстахъ: чѣмъ они лучше, чѣмъ легче устроиться тамъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе по тому направленію. Это особенно ясно на движеніи послѣдняго шестилѣтія (преднамѣренномъ, а не случайномъ), когда не только бывшіе государственные, но и бывшіе помѣщичьи крестьяне устремились въ далекую Сибирь, проходя мимо менѣе благопріятныхъ для поселенія Самарской, Уфимской и Оренбургской губерній. Поэтому-то причины выбора переселенцами томскаго направленія станутъ яснѣе впослѣдствіи, когда познакомимся съ условіями разныхъ мѣстъ поселенія.

При историческомъ обзорѣ переселенческаго движенія мы видѣли, что въ Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, и въ западной части Скопинскаго на выборъ направленія оказывали существенное вліяніе отхожіе заработки крестьянъ въ мѣста, обильныя землей, но теперь даже и для Скопинскаго уѣзда пора такого вліянія миновала: низовыя и степныя губерніи Европ. Россіи и Кавказа уже не представляютъ прежняго простора, такъ что даже и отходъ туда значительно сократился, смѣнившись болѣе выгодными торфяными заработками въ сѣверныхъ губерніяхъ, о переселеніи въ которыя не можетъ быть и рѣчи.

В. Григорьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Народная жизнь на Сѣверѣ. *С. А. Приклонскаго.* Москва, 1884.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ выпустилъ сборникъ статей, которыя, въ сокращенномъ видѣ, печатались въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ концѣ 1879 и началѣ 1880 гг. Статьи г. Приклонскаго *(письма объ Олонецкой губерніи)* въ свое время обратили на себя вниманіе жизненностью содержанія и литературными достоинствами изложенія. Напрасно, поэтому, г. Приклонскій оговаривается, что издаетъ книгу *отъ бездѣлья;* его книга не будетъ лишнею при нынѣшнемъ *небываломъ литературномъ оскудѣніи*. Сквозь рубище этого заявленія станутъ, пожалуй, разглядывать нѣкую гордыню. *Народная жизнь на Сѣверѣ*—хорошая книга. Статьи *Русскихъ Вѣдомостей* отчасти не производили достаточно сильнаго впечатлѣнія, потому что долго тянулись въ газетѣ. Наконецъ, книга разсчитана на все образованное русское общество, а не на однихъ читателей уважаемой московской газеты. Если прибавить къ сказанному, что послѣдняя глава книги—*Народная школа и рабочая жизнь* появляется въ печати впервые, то станетъ совершенно понятенъ интересъ къ сочиненію г. Приклонскаго.

Скажемъ нѣсколько словъ именно о послѣдней главѣ книги.

Въ крестьянской средѣ на нашемъ Сѣверѣ, замѣчаетъ г. Приклонскій, ясно обозначились два слоя—культурный и некультурный, сельскіе богачи и рабочая масса. Глубокая разница между этими двумя слоями сказывается, между прочимъ, и въ дѣлѣ народнаго образованія. Авторъ обращается къ фактамъ, которые подмѣчены сельскими священниками, дьяконами, волостными писарями и деревенскими учителями, «которые близко стоятъ къ народу и отнюдъ не могутъ быть заподозрѣны въ какихъ-либо предвзятыхъ тенденціяхъ» *). Не подвергая сомнѣнію точности свѣдѣній, которыми поль-

*) Г. Приклонскій пользуется статьями *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

зовался г. Приклонскій, замѣтимъ, однако, что въ отношеніи духовенства къ земской начальной школѣ можно предположить и нѣкоторую тенденціозность. Очень недавно мы пережили походъ противъ земской школы подъ знаменемъ школы церковно-приходской. Конечно, этотъ походъ, къ счастію неудачный, предпринятъ былъ не сельскимъ духовенствомъ, но сочувствіемъ болѣе или менѣе значительной части этого духовенства онъ не могъ не пользоваться.

«Всѣ наблюдатели сельской жизни,—говоритъ г. Приклонскій,—почти единогласно утверждаютъ, что крестьянское рабочее населеніе безучастно, а отчасти даже враждебно относится къ народной школѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ ея существованія. Напротивъ, сельскіе богачи дѣятельно заботятся о распространеніи школьнаго образованія, своимъ вліяніемъ на крестьянъ стараются сломить ихъ противодѣйствіе школѣ и дѣлаютъ значительныя денежныя пожертвованія на школьныя нужды». Одинъ изъ учителей Повѣнецкаго уѣзда, г. Миролюбовъ, такъ описываетъ отношеніе къ школѣ мѣстныхъ крестьянъ: «Къ сожалѣнію, ихъ полудикій образъ жизни, борьба съ лишеніями и бѣдностью, крайнее невѣжество не скоро даютъ имъ понять всю важность толковой грамотности. Въ нихъ не замѣчается, точно, ни отвращенія, ни ненависти къ обученію дѣтей и къ училищу, ни усердія и готовности быть на пользу и за училище. За то въ средѣ ихъ есть не мало ходалыхъ людей, которые съумѣли бы разумно оцѣнить заслуги училища и учителей, но прирожденная имъ самою природою черствость, дикость нрава и затаенная ненависть ко всему новому не только не дозволяютъ имъ повліять однимъ словомъ на меньшихъ своихъ собратовъ и тѣмъ дать обильный (?) толчекъ училищу въ трудномъ дѣлѣ просвѣщенія корелъ, но, кажется, напротивъ, они едва удерживаютъ себя отъ порывовъ противъ училища». Въ крестьянскихъ толкахъ о школьномъ образованіи, говоритъ г. Приклонскій, очень часто слышится полнѣйшее непониманіе практической пользы его, а иногда—весьма основательныя указанія на плохую постановку школьнаго дѣла, отчего школьныя занятія становятся пустою тратою времени. Г. Приклонскій указываетъ, съ другой стороны, на то важное и прискорбное обстоятельство, что жизнь крестьянина «до такой степени вся поглощена безконечнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба, что онъ не въ силахъ ничего удѣлить на школу и не можетъ отпустить дѣтей въ училище безъ ущерба для своего нищенскаго хозяйства». Большое затрудненіе въ посѣщеніи школъ происходитъ и отъ того, что въ Олонецкой губерніи деревни малолюдны (три, пять, много десять дворовъ) и разбросаны среди сплошнаго лѣса, на дальнихъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Послѣдствія всего этого крайне печальны. «Крестьянскія дѣти изъ домашней среды выносятъ такъ мало словъ и понятій и до такой степени непривычны къ быстрому и правильному мышленію, что школьный учитель, одновременно съ обученіемъ грамотѣ, долженъ развивать въ нихъ мышленіе, объяснять незнакомыя имъ понятія и учить новымъ, непонятнымъ имъ словамъ».

Школа вноситъ въ крестьянскую жизнь новыя мысли, новыя свѣдѣнія; она перерабатываетъ міровоззрѣніе сельскаго населенія. Одни привѣтствуютъ школу съ восторженною радостью, другіе видятъ въ школѣ только вредъ. «Представителями перваго взгляда являются сельскіе богачи, а противниками школьнаго вліянія—рабочая бѣднота». Школа, говоритъ далѣе уважаемый авторъ, «развиваетъ въ крестьянинѣ человѣческую личность, которая въ рабочей семьѣ совершенно подавлена безпрекословнымъ подчиненіемъ власти большака». Г. Приклонскій настаиваетъ на всеобщемъ и равномѣрномъ распространеніи образованія. «Конечно,—прибавляетъ онъ,—нечего и думать о возможности этимъ путемъ рѣшить рабочій вопросъ. Но, съ другой стороны, всѣ попытки къ разрѣшенію этого вопроса останутся безъ успѣха, пока образованіе не распространится въ рабочей средѣ, хотя бы настолько, чтобы самый низшій образовательный уровень, въ видѣ начальнаго школьнаго образованія, сдѣлался достояніемъ всѣхъ, безъ исключенія, работниковъ». Соглашаясь вполнѣ съ этою мыслью, мы не находимъ возможнымъ согласиться съ другимъ требованіемъ г. Приклонскаго. Но его мнѣнію, необходимо изъять начальную школу изъ вѣдѣнія земства, освободить послѣднее отъ расходовъ на народное образованіе. «Земство можетъ имѣть,—говоритъ г. Приклонскій,—только мѣстный контроль надъ народными школами, но самыя школы непремѣнно должны находиться въ рукахъ правительства». Для насъ представляется затруднительнымъ допустить контроль части надъ цѣлымъ, земства надъ государствомъ. Кромѣ того, желаніе почтеннаго автора, чтобы начальное образованіе «во всемъ государствѣ было строго подчинено одной и той же системѣ, такъ, чтобы оно повсемѣстно давало народу однообразный *minimum* культурнаго развитія», кажется намъ или не совсѣмъ точно формулированнымъ, или нарушающимъ важное педагогическое требованіе. Школа, даже начальная, дающая тотъ *minimum* развитія, о которомъ говоритъ г. Приклонскій, должна до извѣстной степени приспособляться къ этнографическимъ и другимъ мѣстнымъ особенностямъ. Мы стоимъ поэтому за земскую школу подъ контролемъ государства, но требуемъ содѣйствія государства для всеобщаго и равномѣрнаго созданія школъ въ имперіи. Самъ г. Приклонскій признаетъ заслуги земства въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Онъ говоритъ, что земство дало этому дѣлу рѣшительный и быстрый толчекъ.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторую, думается намъ, несправедливость почтеннаго автора, который выставляетъ дворянъ врагами народнаго образованія. Во многихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ большинство принадлежитъ дворянамъ, мѣры для развитія начальныхъ училищъ находятъ постоянную и твердую поддержку. Въ этомъ отношеніи дворянство, если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, не хуже духовенства или купечества.

Читатель найдетъ въ книгѣ г. Приклонскаго много интересныхъ фактовъ и соображеній.

Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи. *Н. Звѣрева.* Москва, 1883.

Методологическое изслѣдованіе г. Звѣрева было представлено имъ въ юридическій факультетъ московскаго университета, какъ магистерская диссертація. Написана эта книга замѣчательно живымъ, простымъ и яснымъ языкомъ, и поэтому можетъ разсчитывать на довольно обширный кругъ читателей. Въ первой части своего сочиненія авторъ говоритъ о психологическихъ данныхъ логики; о сопоставленіи и сравненіи, о значеніи классификаціи, какъ пріема изученія, и т. д. Г. Звѣревъ опирается въ своемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, на труды Бена, Спенсера, Д. С. Милля и на нѣмецкихъ писателей сходнаго направленія. Эти главы читаются съ большимъ интересомъ, хотя нѣкоторые изъ второстепенныхъ выводовъ автора и представляются нѣсколько односторонними. Вторая часть книги посвящена тщательному разбору многочисленныхъ попытокъ классифицировать государства. Эту спеціальную работу авторъ предназначаетъ, само собою разумѣется, ученой критикѣ, но многія страницы и здѣсь отличаются доступностью и поучительностью для образованнаго человѣка вообще. Г. Звѣревъ принимаетъ аристотелевское дѣленіе формъ государственнаго устройства, комбинируя его съ классификаціей Канта. Въ основу дѣленія авторъ кладетъ кантовскій признакъ: государства бываютъ простыя или сложныя, смотря потому, раздѣлена ли верховная власть между составными органами, или нѣтъ. И простыя, и сложныя государства подраздѣляются уже, по Аристотелю, на монархію, аристократію и демократію. Г. Звѣрева можно упрекнуть за преимущественно формально-логическую обработку предмета. Конечно, авторъ воленъ ставить себѣ какую угодно цѣль, но и читатель имѣетъ свои права. Намъ кажется, что для нѣкоторыхъ дѣйствительно существующихъ государствъ классификація уважаемаго ученаго будетъ прокрустовымъ ложемъ. Намъ непонятно, напримѣръ, зачисленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ сложныя государства, куда они должны попасть по классификаціи г. Звѣрева. Существованіе всеобщей подачи голосовъ, въ нашихъ глазахъ, обусловливаетъ принадлежность великой заатлантической республики къ чистой демократіи, такъ какъ всѣ органы власти вытекаютъ изъ единаго источника—народной воли. Тѣмъ не менѣе, въ Соединенныхъ Штатахъ судъ отдѣленъ отъ законодательной власти, которая, до извѣстной степени, распредѣлена между конгрессомъ, сенатомъ и президентомъ, а исполнительная находится въ подчиненномъ положеніи относительно двухъ первыхъ. Г. Звѣревъ можетъ возразить, что онъ имѣлъ въ виду лишь классификацію, какъ предварительный пріемъ изученія; но противъ этого можно привести слѣдующее соображеніе. Нужно ли въ настоящее время такое размѣщеніе государствъ, которое составляетъ, какъ справедливо утверждаетъ почтенный авторъ, лишь начало работы? Неужели вопросъ о государствѣ до сихъ поръ не вышелъ изъ такого состоянія? Неужели еще не установлено въ наукѣ самое *понятіе* государства? А, между

тѣмъ, такое утвержденіе составляетъ главный аргументъ г. Звѣрева въ возраженіяхъ Форлендеру и другимъ писателямъ. Мы придаемъ, наоборотъ, особенно важное значеніе именно попыткамъ классифицировать государства по ступенямъ развитія. Для насъ, поэтому, Родбертусъ, о которомъ не пришлось упомянуть г. Звѣреву, неизмѣримо важнѣе цѣлой дюжины нѣмецкихъ писателей, пересаживавшихъ государства съ одного мѣста на другое. Родбертусъ указываетъ на то, что въ основѣ древнихъ государствъ лежало рабство. Сюда относятся теократическія, кастовыя государства, сатрапія персовъ и полисъ грековъ. Въ новое время являются церковныя, сословныя и представительныя государства. Человѣкъ пересталъ быть собственностью управляющей группы, какъ было, напримѣръ, въ Аѳинахъ; затѣмъ земля подвергается подобному же измѣненію, а также орудія труда (въ будущемъ). Мы не станемъ защищать классификацію Родбертуса; но въ основѣ его взгляда лежитъ вѣрная и плодотворная мысль.

Г. Звѣреву самому тѣсно въ рамкахъ его темы. Государства распредѣляетъ онъ по возрастающей или убывающей силѣ государственной власти. «Здѣсь,—говоритъ уважаемый авторъ,—мы наблюдаемъ борьбу двухъ основныхъ принциповъ общежитія: личной свободы и порядка». Проектируемая г. Звѣревымъ классификація можетъ, по его словамъ, привести къ важнымъ выводамъ; но въ такомъ случаѣ она уже не первоначальный пріемъ размѣщенія, облегчающій начало научной работы, а то, что Вундтъ называетъ *генетическою классификаціею*, въ противоположность *описательной* (*Wundt*: Logik, II; Methodenlehre, 42, 45—51). Замѣтимъ мимоходомъ, что, на нашъ взглядъ, противопоставленіе свободы порядку не представляется правильнымъ. Свободѣ противоположна необходимость, въ государствѣ личной свободѣ гражданина противоположна власть цѣлаго, авторитетъ. Отъ признанія гражданской свободы порядокъ не уменьшается, а только механическое, рабское подчиненіе замѣняется разумнымъ соглашеніемъ, добровольнымъ подчиненіемъ высшимъ началамъ общежитія.

Въ этой библіографической замѣткѣ мы указали лишь на часть богатой содержаніемъ книги г. Звѣрева. Его изслѣдованіе вызоветъ, по всей вѣроятности, критическія статьи спеціалистовъ, такъ какъ оно составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу научную литературу. Стройность изложенія и по истинѣ изящная отчетливость работы заслуживаютъ особенной похвалы.

Наша новѣйшая литература объ экономическомъ состояніи Россіи. *Д. И.* Москва, 1883.

Эта небольшая брошюра составлена изъ статей, которыя печатались въ газетѣ *Русь*. Понятно, поэтому, что въ ней мы встрѣчаемъ шаблонныя вылазки противъ либерализма и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній въ защиту народныхъ интересовъ. Г. Д. И. разбираетъ сочиненія гг. Шаврова, Новосельскаго, Менделѣева и Даниловскаго и придаетъ этимъ сочиненіямъ, на нашъ взглядъ, преувеличенное значеніе. Авторъ является рѣшительнымъ

сторонникомъ покровительственной системы. Однако, защита высокаго *національнаю* тарифа сопровождается въ брошюрѣ многознаменательными оговорками. Необходимо *разумное* развитіе новыхъ отраслей производства путемъ покровительственной системы (15); говоря о докладѣ проф. Менделѣева, г. Д. И. признаетъ, что главную мысль этого доклада «составляетъ измѣненіе условій образованія въ Россіи». Г. Данилевскій также «вполнѣ увѣренъ, что одно возвышеніе тарифа неспособно вызвать производство въ самой Россіи всѣхъ предметовъ, которые нынѣ ввозятся». Затѣмъ г. Д. И., вмѣстѣ съ г. Менделѣевымъ, признаетъ, что теперь «самое покровительство промышленности, раздробленное у насъ между многими вѣдомствами, обращается въ покровительство отдѣльнымъ лицамъ и отдѣльнымъ заводамъ, что скорѣе возбуждаетъ не предпріимчивость, а искательство, и потому не успѣваетъ ничего сдѣлать въ общемъ интересѣ». Эти замѣчанія — горькая правда, но какъ же послѣ этого патетически нападать на либераловъ, которые возстаютъ противъ современнаго покровительства всѣмъ хищнымъ стремленіямъ и закоренѣлой, невѣжественной косности нашихъ крупныхъ капиталистовъ?

Г. Д. И. стоитъ за государственныя желѣзныя дороги; но за пріобрѣтеніе рельсовыхъ путей государствомъ высказываются давно и настойчиво и русскіе либералы. Напрасно только авторъ замѣчаетъ, что «въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ *статья* г. Головачова послужила важнымъ подспорьемъ г. Шаврову». Г. Головачовъ написалъ обширное изслѣдованіе и длинный рядъ въ высшей степени замѣчательныхъ статей по вопросамъ желѣзно-дорожнаго хозяйства. «Освободивъ ее (одну изъ статей г. Головачова),—продолжаетъ г. Д. И.,—отъ вреднаго нароста либерально-космополитическихъ разсужденій, г. Шавровъ правильно воспользовался здоровымъ основаніемъ статьи». Либерально-космополитическій наростъ принадлежитъ, разумѣется, къ излюбленнымъ словесамъ, которыя должны не вразумлять, а оглушать. Вотъ какъ, между прочимъ, *правильно* пользуется г. Шавровъ здоровымъ *основаніемъ* статьи г. Головачова. Онъ предполагаетъ построить желѣзную дорогу на азіатскій Востокъ. «Стоимость постройки не превыситъ 45 т. на версту. Подъ построенныя дороги можно выпустить облигаціи, которыя, кромѣ самой дороги, будутъ обезпечиваться еще полосою земли вдоль дороги, по 5-ти верстъ въ каждую сторону: это будетъ болѣе 10 тысячъ десятинъ на каждую версту. Употребивъ эту землю на водвореніе поселенцевъ (что, добавимъ, не мало облегчитъ эксплуатацію дороги), можно будетъ путемъ весьма умѣреннаго обложенія однимъ этимъ доходомъ обезпечить исправное поступленіе процентовъ по облигаціямъ. Подобное примѣненіе къ намъ американскихъ порядковъ достойно полнаго вниманія». Да проститъ намъ почтенный авторъ, но шавровская дорога сильно напоминаетъ маниловскій мостъ. Эта дорога будетъ, надо думать, не короче 1,000 верстъ. Прилегающей къ ней по проекту земли окажется десять милліоновъ десятинъ. Дадимъ переселенцу по 20 десятинъ, предположимъ, что его семья состоитъ только изъ

четырехъ человѣкъ (мужъ, жена, двое дѣтей); окажется, что для *правильнаго* пользованія основаніемъ статьи г. Головачова надо вытянуть вдоль шавровской дороги два милліона населенія изъ такъ мало населенной Европейской Россіи. Нечего говорить о другихъ затрудненіяхъ для осуществленія этого американскаго предпріятія. Отступленіе отъ самобытнаго жестоко наказуется.

Г. Д. И. нѣсколько колеблется въ вопросѣ о нашемъ кредитномъ рублѣ, но высказывается за «созданіе той почвы, на которой твердо можно строить улучшеніе нашего рубля». Постройка эта, по справедливому замѣчанію автора, дѣло не легкое, требующее серьезнаго знанія производительныхъ силъ страны, а теперь «въ извѣстныхъ кругахъ опять оживилась вѣра въ силу и всесцѣляющее значеніе циркулира и предписанія» (53).

Г. Д. И. возстаетъ противъ «поверхностнаго образованія и его эпидемическаго распространенія по Россіи». Но кто же защищаетъ поверхностное образованіе?

Въ заключеніе два замѣчанія. Либералы, дѣйствительно, считаютъ (и съ полнымъ основаніемъ) выигрышные займы безнравственнымъ поощреніемъ игры въ счастье. Государство разрѣшаетъ, и то съ трудомъ, лотереи въ пользу безпріютныхъ дѣтей и неисцѣлимыхъ больныхъ. Зачѣмъ оно устроиваетъ такую же лотерею и для себя? Наконецъ, на стр. 66 своей интересной брошюры г. Д. И. говоритъ слѣдующее: «Дѣлая многое, что было необходимо и неизбѣжно (рѣчь идетъ о великихъ реформахъ Александра II), кстати измѣнили многое, что надлежало сохранить, позабыли оградить многое, что, будучи легкомысленно заброшено, потребуетъ не мало времени для своего возстановленія. Такъ, напримѣръ, признавъ совершенно правильно необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, забыли охранить многія учрежденія крѣпостнаго строя, которыя служили на пользу самихъ крестьянъ (хлѣбные магазины, больницы, школы, кредитныя учрежденія, установленные порядки для огражденія отъ пожаровъ и пр.)». Любопытно было бы знать, какія это школы и больницы для крестьянъ существовали при позорной памяти крѣпостномъ правѣ?

Исторія XIX вѣка до 18 брюмера. *Мишле*. Томъ II. (Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой).

Русская литература очень бѣдна оригинальными и переводными сочиненіями по исторіи текущаго столѣтія. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданія г-жи Цебриковой, которое знакомитъ насъ съ однимъ изъ произведеній великаго французскаго историка. Симпатія къ книгѣ, переведенной М. К. Цебриковою, еще усиливается тѣмъ, что прибыль съ нея назначена на такое честное и благотворное дѣло, какъ поддержка высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говоритъ Мишле о судѣ исторіи. «Проклятіе—посмертная мука, которую налагаетъ ужасъ, внушаемый человѣче-

ству; этотъ адъ исторіи страшенъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства». Мишле считаетъ обязанностью историка, которую онъ никогда не терялъ изъ виду,—воздавать каждому должное, творить историческій судъ надъ великими и малыми міра. Правосудіе исторіи «соединяетъ тѣхъ, которые жили въ разное время, вознаграждаетъ многихъ, которые появились только на мгновеніе для того, чтобы исчезнуть. Всѣ они живутъ теперь съ нами, и мы чувствуемъ, что мы имъ родные, друзья. Такъ создается одна семья, одинъ градъ, общій для мертвыхъ и живыхъ». Въ теченіе своей долгой дѣятельности, Мишле старался представлять правдивую оцѣнку прославленныхъ руководителей государственной жизни, изъ которыхъ многіе оказывались достойными глубокаго презрѣнія; великій историкъ, съ другой стороны, напоминалъ о забытыхъ герояхъ, объ истинныхъ вождяхъ человѣчества, которые боролись и гибли за справедливость и свободу.

Мишле пламенно любитъ свою прекрасную родину. Онъ говоритъ, что, подъ вліяніемъ первой французской республики, «все западное человѣчество потребовало правъ своихъ и сочло себя способнымъ управлять само собою и повиноваться законамъ разума, такимъ, какими ихъ провозгласилъ восемнадцатый вѣкъ. Тогда Франція пережила прекрасное мгновеніе великодушія, чудесный порывъ мужественнаго братства. Никогда еще она не доходила такъ близко до великой поэтической мечты своей — *освобожденія міра*, до идеала человѣчества, совершеннолѣтняго подъ республиканской формой». Но Мишле стремится къ безпристрастію, говоря о другихъ народахъ. Историкъ долженъ входить въ идеи чужаго народа, брать въ разсчетъ его преданія и естественное увлеченіе страстныхъ минутъ.

Достоинство и недостатки Мишле, какъ историка, извѣстны русскому образованному обществу. *Исторія XIX вѣка до 18 брюмера* прочтется съ большимъ интересомъ многочисленнымъ кругомъ читателей.

Жизнь и счастье. *Изслѣдованіе Владиміра Баранова*. Спб., 1884.

Подъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ вышла брошюра, повергнувшая насъ въ сильное недоумѣніе. Авторъ прислалъ ее въ редакцію, и я обязанъ поэтому дать о ней отзывъ. Никому не посовѣтую читать это «изслѣдованіе», которое, несмотря на свою краткость, возбуждаетъ большую скуку. Г. Барановъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ прочелъ въ Лондонѣ, по-англійски, лекціи о жизни и счастьи. Эти лекціи «обратили вниманіе публики настолько, что автора просили издать ихъ отдѣльной брошюрой». Изъ отзывовъ печати г. Барановъ можетъ теперь убѣдиться, что надъ нимъ неделикатно подшутили. Нашъ соотечественникъ полагаетъ, что, «безъ всякаго сомнѣнія, русская публика отнесется снисходительно къ одному изъ первыхъ опытовъ русской мысли двигаться не въ хвостѣ европейской, а предложить самостоятельную формулировку вопросовъ, всегда интересовавшихъ человѣчество». Къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ признаковъ

самостоятельнаго мышленія, въ сколько-нибудь серьезномъ смыслѣ этого слова, мы не нашли въ мнимомъ изслѣдованіи г. Баранова. Особенность русскаго духа, говоритъ авторъ,—«пригвождать къ жизни широчайшее отвлеченіе, мѣшала русскому уму завоевать себѣ направляющее начало въ средѣ европейской цивилизаціи». Прекрасно, допустимъ, что это маловразумительное утвержденіе справедливо; но какимъ же образомъ авторъ видитъ *ту же мысль* въ утвержденіи иностранцевъ, что русскіе «задаются такими всеобъемлющими задачами, разрѣшить которыя подъ силу только поколѣніямъ»? Какое же это пригвожденіе къ жизни широчайшаго отвлеченія? Невозможно подвергать разбору странное произведеніе г. Баранова, утверждающаго, что «божество и камень,—вотъ два предѣла человѣческаго счастья». Книжка, къ сожалѣнію, издана очень изящно.

В. Гольцевъ.

Иностранныя книги.

Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи. (*Jean Macé et la fondation de la ligue de l'enseignement.* Dessoye; *Essai des droits et des devoirs de la famille et de l'état en matière d'enseignement et d'éducation.* Abbé Jn. Crozat; *L'éducation des enfants aux E'tats Unis.* Marie Loizillon).

Какъ извѣстно читателямъ, во Франціи, послѣ паденія второй имперіи, происходитъ обширное и глубокое движеніе въ организаціи народнаго образованія. Правительство республики осуществляетъ много въ высшей степени благодѣтельныхъ преобразованій. Частный починъ, сильно стѣсненный при Наполеонѣ III, получаетъ быстрое развитіе, благодаря новымъ условіямъ политической и общественной жизни. Между различными направленіями въ педагогіи, между сторонниками свѣтскихъ школъ и защитниками школъ, руководимыхъ духовенствомъ, происходитъ оживленный споръ, который переходитъ нерѣдко въ страстное, ожесточенное нападеніе. Въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ вопросы народнаго образованія обсуждаются знаменитѣйшими людьми Франціи, и пренія народныхъ представителей, въ свою очередь, возбуждаютъ критику и сочувствіе въ различныхъ слояхъ французскаго общества. То, что происходитъ на нашихъ глазахъ во Франціи, имѣетъ міровое значеніе, и слѣдить за ходомъ дѣла народнаго образованія въ этой странѣ является поэтому обязанностью для русскаго публициста.

Три названныя въ заглавіи сочиненія представляютъ значительный интересъ. Остановимся сначала на книгѣ Дессуа: *Жанъ Масе и основаніе союза образованія.* Знаменитый историкъ, Анри Мартенъ *), говоритъ въ коротенькомъ предисловіи къ этому изданію, что за Жаномъ Масе по всей справедливости должна быть признана заслуга учрежденія и распространенія великаго союза. Вотъ, въ краткихъ чертахъ, кто такой Масе и что сдѣлано имъ и его сотрудниками для распространенія просвѣщенія во Франціи.

*) Онъ скончался въ декабрѣ прошлаго года.

Русскіе читатели знаютъ основателя *Союза образованія* по написанной имъ *Исторіи кусочка хлѣба*. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1848 году брошюрою: *Письма національнаго гвардейца къ своему сосѣду*. Ему было тогда 32 года, и до этого времени Масе совсѣмъ не занимался политическими вопросами. Въ твердыхъ и ясныхъ выраженіяхъ, *Письма національнаго гвардейца* говорили о необходимости расширенія избирательнаго права и политической свободы. Вслѣдъ затѣмъ Масе напечаталъ другую брошюру: *Доблести республиканца*. Восторженнымъ надеждамъ молодаго писателя, какъ и надеждамъ всѣхъ честнѣйшихъ и даровитѣйшихъ французовъ той эпохи, не суждено было осуществиться. Предательскій переворотъ, совершонный Наполеономъ, показалъ, какъ недостаточно подготовлено было французское общество къ пользованію тѣми учрежденіями, къ воплощенію тѣхъ идей, на служеніе которымъ выступилъ Жанъ Масе. Послѣ переворота, Масе удалился преподавателемъ пансіона для дѣвочекъ въ маленькое мѣстечко Эльзаса (*Beblenheim*). Въ то время, говоритъ Дессуа, когда деспотизмъ все болѣе и болѣе тяготѣлъ надъ Франціей, заграждая уста каждому свободному голосу, Жанъ Масе находилъ возможное утѣшеніе въ прекрасномъ и святомъ дѣлѣ воспитанія. Въ эти годы имъ было написано нѣсколько сочиненій для дѣтскаго чтенія, которыя справедливо занимаютъ почетное мѣсто среди лучшихъ сочиненій подобнаго рода, не только французскихъ, но и вообще европейскихъ. Масе умѣлъ соединить строгую точность научныхъ свѣдѣній съ необыкновенною простотою и живостью изложенія.

Хорошо понимая, говоритъ Дессуа, что, въ интересахъ пропаганды, личный починъ имѣетъ значеніе по стольку, по скольку распространены свѣдѣнія о немъ, Масе не пренебрегалъ случаями, когда онъ могъ объяснить свой образъ дѣйствія, представить новыя данныя о ходѣ дѣла, которому отданы были его силы. Въ книгахъ, въ многочисленныхъ статьяхъ, неутомимый труженикъ какъ бы говорилъ читателямъ: я сдѣлалъ то-то и то-то; я—простой учитель въ пансіонѣ для дѣвочекъ, въ маленькой деревушкѣ; неужели вы не сдѣлаете того же? Въ 1865 году вышелъ сборникъ статей Масе подъ очень удачнымъ заглавіемъ: *Моралъ въ дѣйствіи, движеніе пропаганды умственнаго развитія въ Эльзасѣ*. О политикѣ въ сочиненіяхъ Масе тогда не упоминалось, а императорское правительство и не допустило бы говорить объ этомъ. Но вожди нравственнаго возрожденія французскаго народа ясно понимали, что въ человѣкѣ, въ которомъ сегодня вы пробудили интересъ къ знанію и чувство собственнаго достоинства, завтра пробудится *гражданинъ*.

Въ концѣ 1862 года Жанъ Масе положилъ начало народной библіотекѣ въ Бебленгеймѣ. Къ январю 1865 года въ ней считалось уже 1,345 томовъ. Добрый примѣръ вызвалъ счастливое подражаніе, хотя и не сразу. Въ этомъ же году, благодаря содѣйствію одного изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Эльзаса, Энгель-Дольфюса, Масе учреждаетъ *Общество сельскихъ*

библіотекъ Верхняю Рейна. Задачами новаго общества были поставлены пропаганда общинныхъ библіотекъ, возбужденіе частнаго почина и поддержка этого послѣдняго. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ извѣстный патріотъ, Жанъ Дольфюсъ, секретаремъ—Масе.

Дѣло пошло на ладъ. Однако, несмотря на тщательное исключеніе изъ области обсужденія и дѣятельности общества политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, духовенство подняло тревогу, и съ церковныхъ каѳедръ нерѣдко раздавались проклятія противъ Масе и его товарищей. Священникъ въ Кинцхэймѣ, открыто, въ церкви, назвалъ Масе убійцею душъ, и на вопросъ смущеннаго этимъ мера, чѣмъ же плохи книги, распространяемыя обществомъ народныхъ библіотекъ, священникъ не безъ основанія возразилъ, что эти-то не плохи, но тотъ, кто ихъ прочтетъ, станетъ читать и другія. Тѣмъ не менѣе, число народныхъ библіотекъ все увеличивалось. Общество повсюду стремилось вызвать сознаніе необходимости этихъ библіотекъ и приходило на помощь усиліямъ мѣстныхъ жителей основать въ той или другой деревушкѣ общедоступную читальню. Въ 1866 году число общинныхъ библіотекъ департамента Верхняго Рейна было уже 83.

Около этого времени въ Бельгіи образовался *Союзъ образованія (Ligue de l'Enseignement)*, чтобы противодѣйствовать нетерпимости католическаго духовенства, которое захватило въ свои руки народное образованіе. Жанъ Масе записался въ число членовъ союза. Разставаясь съ своими бельгійскими товарищами послѣ годичнаго собранія общества въ Льежѣ, знаменитый педагогъ, восхищенный успѣхами дѣла, заявилъ о своемъ намѣреніи основать подобный союзъ и во Франціи. Ему отвѣтили улыбками: въ наполеоновской Франціи, которая боялась и душила свободную мысль, учрежденіе лиги образованія должно было встрѣтить непобѣдимыя затрудненія. Жанъ Масе рѣшилъ поставить на своемъ. Въ октябрѣ 1866 года онъ напечаталъ воззваніе къ французскому обществу (въ *Opinion nationale*). Разсказавши о бельгійскомъ союзѣ, онъ спрашивалъ, почему же нельзя создать такой союзъ и во Франціи? Не скрывая препятствій для благаго дѣла, которыя заключались въ тогдашней политической организаціи, Масе призывалъ, однако, къ бодрой работѣ въ предѣлахъ возможнаго. Черезъ два дня послѣ обнародованія воззванія, явились три подписчика, имена которыхъ должно занести въ исторію образованія во Франціи. Это были: Антуанъ Мами, желѣзнодорожный кондукторъ, Жанъ Пти, каменщикъ, Лярмье, городовой. Послѣдній лишалъ *союзъ* оппозиціоннаго правительству характера.

Число сторонниковъ росло, движеніе усиливалось. Жанъ Масе энергично настаивалъ на развитіи личнаго почина, на децентрализаціи дѣла, на устраненіи стѣснительной опеки и регламентаціи. Черезъ годъ онъ могъ уже возвѣстить созывъ въ Парижѣ общаго собранія представителей провинціальныхъ отдѣленій или кружковъ союза. Правительство долго не давало разрѣшенія, и собраніе пришлось отложить. По счастью, министромъ народнаго образованія былъ тогда Дюрюи, который хотѣлъ освободить жен-

скія учебныя заведенія отъ гнетущаго вліянія духовенства. Это вызвало протесты и проклятія, гдѣ участь министра раздѣляла и лига, основанная Масе. Само собою разумѣется, что правительство не могло поэтому отнестись къ лигѣ съ особенною враждебностью, а сочувствіе къ ней со стороны общества быстро возрастало. Идея, замѣчаетъ Дессуа, завоевывала Францію. Жанъ Масе твердо поставилъ лигѣ великую, религіозную, какъ онъ выражается, цѣль: она должна стремиться къ справедливому распредѣленію среди людей знаній, къ развитію просвѣщеннаго братства. Лига переступила Средиземное море, и ея кружки появились въ Алжиріи. Въ началѣ 1870 года число кружковъ было 59, число членовъ—17,850. Движеніе распространилось и на другія страны.

Дессуа посвящаетъ особую главу парижскому кружку лиги, который получилъ выдающееся значеніе, благодаря трудамъ и энергіи Эммануила Воше (Emmanuel Vauchez). Этотъ кружокъ пріобрѣлъ руководящее вліяніе въ провинціи. Отмѣтимъ, что однимъ изъ первыхъ его членовъ былъ знаменитый Сенъ-Бевъ.

Лига становилась силою и возбуждала яростное негодованіе враговъ. Воше получалъ письма, въ которыхъ не щадились крѣпкія выраженія. Одно изъ подобныхъ писемъ было напечатано и вызвало горячее сочувствіе газетъ, преданныхъ католическимъ интересамъ. *Univers* прямо заявляла, что невѣжество во сто разъ разъ предпочтительнѣе того свѣта, который зажигали Жанъ Масе и его сотрудники. Нападенія клерикаловъ и реакціонеровъ усиливали сочувствіе лучшей части общества къ лигѣ и ея руководителямъ. Пожертвованія умножались, число членовъ въ кружкахъ увеличивалось. Но расло, конечно, и раздраженіе въ рядахъ католическаго духовенства и его слѣпыхъ сторонниковъ. Въ департаментѣ Верхней Марны, напримѣръ, произошелъ слѣдующій случай. Одна изъ мѣстныхъ учительницъ (въ Жуанвиллѣ) вызвала за свою плодотворную дѣятельность особенную благодарность лиги. Парижскій кружокъ прислалъ Клемансъ Мюньеро награду, а на торжество раздачи наградъ пріѣхалъ одинъ изъ вице-президентовъ кружка, Фламмаріонъ. На другой день жуанвильскій кюрэ произнесъ съ церковной каѳедры громовую рѣчь противъ лиги, Жана Масе и госпожи Мюньеро и грозилъ отлученіемъ тѣхъ дѣтей, которыя будутъ посѣщать нечестивыя школы, гдѣ стремятся освободить женщину изъ-подъ вліянія духовенства. «Останемся, братья,—заключилъ ораторъ,—вѣрными нашимъ старымъ преданіямъ католической церкви; пусть всѣ истинно вѣрующіе, соединенные милостью, пребудутъ въ подчиненіи у духовныхъ пастырей». Для либеральной печати этотъ случай послужилъ новымъ поводомъ для разъясненія великаго значенія лиги, умѣренности, терпимости, талантовъ и энергіи ея руководителей.

Въ мартѣ 1870 г. въ Страсбургѣ началось движеніе въ пользу безплатнаго и всеобщаго начальнаго образованія. Здѣсь былъ учрежденъ комитетъ, и, благодаря лигѣ, къ 15 іюля этого года было собрано 350,000 подписей

на петеціи, которую предполагали представить въ законодательный корпусъ. Но вспыхнула война, вызванная династическими интересами Наполеона III и политическими стремленіями кн. Бисмарка. Несчастной странѣ было не до заботъ объ образованіи. Лига стала хлопотать о раненыхъ. Воше пошелъ добровольцемъ въ солдаты, и его примѣру послѣдовали многіе другіе члены лиги.

Война разрушила часть того, что было уже сдѣлано. Бебленхеймъ отошелъ къ Германіи и, такимъ образомъ отъ, Франціи была отнята деревушка, откуда раздался впервый призывъ Жана Масе. Кружки лиги въ Эльзасѣ и Лотарингіи должны были разорвать связь съ любимымъ отечествомъ. Новое движеніе началось съ Парижа, и на первое мѣсто выдвигается дѣятельность Эммануила Воше. Рѣшено было возобновить дѣло, поднятое въ Страсбургѣ. Въ октябрѣ 1871 года съ этою цѣлью по всѣмъ кружкамъ былъ разосланъ циркуляръ отъ парижскаго кружка, гдѣ возвѣщался новый *крестовый походъ противъ невѣжества*. Подписные листы были озаглавлены слѣдующимъ образомъ: Mouvement national du sou contre l'ignorance. Pétition en faveur de l'instruction obligatoire et gratuite pour les enfants des deux sexes.

Противъ этого движенія въ пользу безплатнаго и обязательнаго обученія дѣтей обоего пола съ непримиримымъ ожесточеніемъ возстало, конечно, католическое духовенство. Въ числѣ другихъ средствъ борьбы, послѣднее прибѣгло также къ петиціи, для которой подписи собирались тайно, чтобы дѣйствительныя побужденія духовенства не подверглись разоблаченію республиканской печати. Но *Siècle* добыла этотъ любопытный документъ и безъ труда доказала, что за фразами о семьѣ, свободѣ и т. п. скрывается твердое намѣреніе эксплуатировать въ свою пользу невѣжество населенія вообще и женщинъ въ особенности. Съ той и другой стороны напрягались усилія за или противъ безплатности, обязательности и свѣтскости образованія. 19 іюня 1872 года Жанъ Масе, во главѣ депутаціи, представилъ національному собранію петицію, покрытую болѣе, чѣмъ 800,000 подписей. Эти подписи были собраны только въ семь съ половиною мѣсяцевъ. Къ январю 1873 года прибавилось еще нѣсколько десятковъ тысячъ сторонниковъ требованій лиги, и общее число голосовъ, поданныхъ въ странѣ за эти требованія, достигло 917,267. Если сюда присоединить имена участвовавшихъ въ страсбургской петиціи (многіе изъ нихъ уже не подписывались на новыхъ листахъ), то за лигою стояло много болѣе милліона лицъ. Но реакціонное большинство версальскаго собранія не допустило доклада объ этой исполинской петиціи. Жанъ Масе работалъ безъ устали. Онъ писалъ статью за статьей, разъѣзжалъ по Франціи, устраивая публичныя лекціи и бесѣды, поддерживая энергію однихъ, пробуждая интересъ къ дѣлу у другихъ. Ему приходилось возражать на множество нападеній, внутреняя несостоятельность которыхъ скрывалась подъ удачною внѣшностью, иногда за ловкою фразою, за остроумнымъ выраженіемъ. Надо было считаться и съ такимъ мнѣніемъ, по которому «наивное невѣжество во сто кратъ пред-

почтительнѣе полуобразованія». Жанъ Масе долженъ былъ доказывать, что начальное образованіе необходимо для всѣхъ, что оно служитъ орудіемъ для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ знаній и большаго развитія, что никто не въ правѣ лишать ребенка этого образованія, наверстать которое въ зрѣлые годы будетъ уже, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣломъ невозможнымъ. Эммануилъ Воше не уступалъ Жану Масе въ энергіи и горячности отношенія къ святому дѣлу образованія народныхъ массъ. Благодаря Воше, было основано много военныхъ библіотекъ, гдѣ можно было найти и лучшихъ французскихъ писателей, и много доступно написанныхъ научныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что эти библіотеки основывались съ разрѣшенія военныхъ министровъ республики.

Реакція, усилившаяся при Макъ-Магонѣ, вступила въ открытую борьбу съ союзомъ народнаго образованія. Мы не будемъ слѣдить за этою борьбою, въ которой побѣда осталась на сторонѣ лиги, такъ какъ могущественное общественное движеніе въ скоромъ времени опрокинуло Макъ-Магона и нанесло тяжкое пораженіе клерикаламъ и монархистамъ. Извѣстно, какая важная роль выпала въ этомъ движеніи на долю Леона Гамбетты. Великій государственный человѣкъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ, ради котораго основана была *лига образованія*. Его рѣчь на торжественномъ засѣданіи общаго собранія лиги произвела глубокое впечатлѣніе во всей Франціи. «Вы утверждаете,—говорилъ Гамбетта, обращаясь къ основателямъ лиги,—что обученіе не имѣетъ ничего общаго съ политикой. О, позвольте мнѣ сказать, отъ вашего имени, что обращаться къ еще не пробужденнымъ умамъ, что обращаться къ еще спящему духу, идти къ невѣдающимъ, имъ приносить свѣтъ, имъ сообщать сознаніе собственныхъ правъ и обязанностей,—все это политика, и самая лучшая политика. Выйдемъ изъ городовъ, пойдемъ по деревни,—воскликнулъ Гамбетта,—внесемъ туда свѣтъ книгой, газетой, лекціей, библіотекой! Всякій разъ, когда пренебрегаютъ умственными способностями человѣка, страну обкрадываютъ; ее, быть можетъ, лишаютъ сокровища. Нѣтъ задачи, соціальной или политической, которую можно разрѣшить безъ помощи образованія и воспитанія народныхъ массъ, имѣя въ виду *порядокъ въ прогрессѣ*».

Въ послѣдніе годы лига образованія переустроилась. Она составляетъ теперь федерацію провинціальныхъ республиканскихъ обществъ, во главѣ которыхъ стоитъ генеральный совѣтъ. Президентомъ совѣта избранъ Жанъ Масе *), а въ числѣ тридцати членовъ находится нѣсколько женщинъ (г-жи Карно, Доріанъ, Жаваль). Въ іюнѣ 1883 года въ составъ федераціи входило 598 обществъ. Такъ какъ каждый департаментъ, вносящій въ общій фондъ лиги 500 франковъ ежегодно, имѣетъ право избирать депутата въ генеральный совѣтъ, то число членовъ послѣдняго возросло до 45. Жюль Ферри, бывшій министръ народнаго образованія и министръ-президентъ въ

*) Ему теперь 68 лѣтъ.

настоящее время, открыто признаетъ, что онъ многимъ обязанъ въ дѣлѣ преобразованія французскихъ школъ Жану Масе и *лишь образованія.*

Жанъ Масе до сихъ поръ состоитъ учителемъ въ пансіонѣ для дѣвочекъ въ Монтье (Monthiers, Aisne). Здѣсь воспитываются дочери республиканцевъ. «Какъ не говорить этимъ дѣтямъ,—восклицаетъ Масе, возражая на упреки,—объ отечествѣ, о политикѣ? Вѣдь эти дѣвочки будутъ впослѣдствіи матерями и имъ придется воспитывать честныхъ и мужественныхъ гражданъ». Къ счастію, и въ этомъ отношеніи во Франціи, послѣ паденія имперіи, совершается благодѣтельное измѣненіе и, въ значительной степени, вслѣдствіе усилій лиги, основанной Жаномъ Масе. Республиканское правительство поняло, какъ важно, насколько необходимо освободить женщину изъ-подъ власти католическаго духовенства, которое повинуется велѣніямъ непогрѣшимаго папы. Въ нашихъ рукахъ книжка, которая представляетъ небывалое во Франціи явленіе: это отчетъ г-жи Маріи Луазильонъ, генеральной инспектрисы женскихъ школъ (Ecoles Maternelles), которую министерство народнаго образованія посылало для изученія дѣтскихъ садовъ и вообще школьнаго дѣла въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Отчетъ составленъ такъ умѣло, съ такою любовью къ дѣлу и добросовѣстностью, что сдѣлалъ бы честь самому выдающемуся педагогу. Въ *Русской Мысли* были напечатаны обстоятельныя статьи, посвященныя народному образованію въ великой Сѣверо-американской республикѣ, и я не буду приводить интересныхъ данныхъ, которыя заключаются въ отчетѣ г-жи Луазильонъ.

Въ виду успѣховъ истиннаго просвѣщенія, католическое духовенство напрягаетъ всѣ усилія, чтобы удержать за собою руководящее значеніе въ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Путемъ пропаганды, отлученій и проклятій, путемъ ученыхъ изслѣдованій, католицизмъ старается вновь укрѣпиться на почвѣ, которая, къ счастью, ускользаетъ понемногу изъ-подъ его ногъ. Къ числу любопытнѣйшихъ попытокъ борьбы съ наукою научными, до извѣстной степени, пріемами, относится сочиненіе аббата Кроза: *Права и обязанности семьи и государства въ дѣлѣ обученія и воспитанія.* Эта книга (въ рукописи) заслужила награду въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Ученый аббатъ коварно прибавилъ въ печати *дополнительный этюдъ* о правахъ и обязанностяхъ церкви въ педагогическомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что, по мнѣнію Кроза, католическая церковь одна и исключительно владѣетъ истиною, что она признается вполнѣ независимою, стоящею выше государства и тѣмъ болѣе отдѣльнаго лица. Она соединяетъ въ своей сверхъестественной природѣ двойную миссію семьи и государства. На политическомъ значеніи римско-католической церкви Кроза энергически настаиваетъ. Государство въ дѣлѣ доктрины обязано подчиняться, по словамъ аббата, этой церкви (L'Etat est soumis doctrinalement au pouvoir intellectuel de l'Eglise). Этого,—негодуетъ Кроза,—не могутъ понять юристы и либералы, и этого, прибавимъ мы, никогда не допуститъ просвѣщенный наукою человѣческій разумъ. Современное государство не

станетъ въ положеніе вассала папскаго престола, какъ того требуетъ авторъ. Церковь, утверждаетъ онъ, имѣетъ право запрещать и предписывать государству въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Читая эту книгу, которая выгодно выдѣляется по своимъ качествамъ изъ ряда сочиненій, написанныхъ въ защиту притязаній католической церкви, убѣждаешься, какъ велика еще опасность, грозящая свободѣ и просвѣщенію отъ этой могущественной организаціи. Становятся понятными опасенія Гамбетты, его неутомимая борьба съ клерикализмомъ и та ожесточенная ненависть, которую встрѣчаетъ въ значительной части французскаго общества реформаторская дѣятельность Жюля Ферри и Поля Бера. Но, повидимому, дѣло народнаго образованія уже получило во Франціи правильную постановку. Женщина ускользаетъ отъ вліянія католическаго духовенства, ея умственный горизонтъ расширяется и она начинаетъ вполнѣ сознательно относиться къ великимъ вопросамъ, волнующимъ современное человѣчество. А то общество, гдѣ женщина понимаетъ святость гражданскаго долга и требуетъ отъ каждаго исполненія своей обязанности, по всей справедливости можетъ считаться обществомъ, которое стоитъ на пути прочнаго и плодотворнаго развитія.

Аббатъ Кроза возстаетъ противъ того воззрѣнія, по которому бракъ составляетъ свободный договоръ. Онъ утверждаетъ, что семья вполнѣ независима отъ государства, что она имѣетъ свои права, вытекающія изъ того, что освященіе брачному союзу даетъ церковь. Кроза вооружается противъ всемогущества государства во имя разума, естественнаго закона и общаго блага. Во имя этихъ-то началъ аббатъ отвергаетъ обязанность государства обезпечить всѣмъ начальное образованіе, и эта мнимая защита личной свободы католическимъ священникомъ служитъ наглядньмъ примѣромъ злоупотребленія и разумомъ, и общимъ благомъ. Государство не имѣетъ права налагать свою тяжелую руку на свободу совѣсти и мысли, на свободу воспитанія; оно не имѣетъ права навязывать дѣтямъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ область вѣры есть область церкви и семьи. Но доставить дѣтямъ начальное образованіе есть основная обязанность государства, его прямой долгъ по отношенію къ гражданамъ.

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ какимъ чувствомъ мы встрѣтили истекшій годъ. — Что онъ принесъ намъ и какая существуетъ разница въ настроеніи нашемъ тогда и теперь.—Толки о золотой рентѣ и нашъ взглядъ на этотъ заемъ.—Значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля.

Еще одинъ годъ канулъ въ Лету въ такой моментъ исторической жизни русскаго народа, когда для него имѣетъ большое значеніе не только цѣлый годъ, но каждый день, и потому намъ не мѣшаетъ оглянуться нѣсколько назадъ и посмотрѣть, какъ употреблено это золотое для насъ время и чѣмъ подарилъ насъ истекшій годъ.

Золотой онъ для насъ не потому, что онъ принесъ намъ какія-либо блага, а въ томъ лишь смыслѣ, въ какомъ англичане говорятъ вообще, что *время есть деньги*, а такія деньги, какъ мы думаемъ, въ настоящее время должны для насъ имѣть особое значеніе въ виду того положенія, въ которое вступила наша жизнь. Встрѣчая истекшій годъ, мы назвали переживаемый нами моментъ переходнымъ временемъ на слѣдующемъ основаніи. «Послѣ лихорадочныхъ реформъ,—говорили мы,—вызванныхъ предшествовавшимъ застоемъ, прошло уже болѣе десятилѣтія, въ которое опытъ могъ показать какъ достоинство, такъ и недостатки ихъ, и намъ предстоитъ не только пересмотръ почти всѣхъ отдѣльныхъ законоположеній и обобщеніе ихъ между собою, но и упраздненіе въ нашемъ дореформенномъ законодательствѣ всего, что такъ или иначе мѣшало осуществленію тѣхъ принциповъ, которые введены вновь въ нашу общественную жизнь. Необходимость подобнаго пересмотра сознана уже правительствомъ и съ этою цѣлью образованы коммиссіи не только для пересмотра всѣхъ положеній мѣстнаго управленія, но и для начертанія новаго уголовнаго и гражданскаго законодательства, регулирующаго не только отношенія мѣстнаго населенія къ правительству, но даже бытовую сторону гражданъ между собою. Сравнивая предстоящую для рѣшенія задачу настоящаго времени съ той, которая предстояла эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, мы думаемъ, что настоящая задача много труднѣе и требуетъ гораздо большей

осмотрительности, чѣмъ та, которую мы пережили. Мы не хотимъ этимъ умалить задачу дѣятелей шестидесятыхъ годовъ; напротивъ, мы думаемъ, что реформировать крѣпостную Россію и ввести въ нее новыя начала, выработанныя цивилизаціей, было дѣломъ не легкимъ. Но тогда можно было остановиться на нѣкоторыхъ болѣе рельефныхъ уродливостяхъ дореформеннаго быта и постараться по возможности исправить ихъ или сгладить. Нашъ дореформенный бытъ представлялся до такой степени уродливымъ, что всякое улучшеніе, какъ бы оно слабо ни было, имѣло громадное практическое значеніе и встрѣчалось сочувственно. Ошибки и промахи, недостатокъ обобщеній, непослѣдовательность и даже слишкомъ прозрачныя уступки порядкамъ добраго стараго времени были неизбѣжны и легко извинялись въ надеждѣ, что практическій опытъ поведетъ къ устраненію недостатковъ и къ пополненію пробѣловъ. Такое настроеніе общества было тѣмъ болѣе естественно, что значеніе сдѣланныхъ ошибокъ и промаховъ и въ особенности размѣры вредныхъ послѣдствій, возникшихъ отсюда, въ то время не могли быть ясно сознаваемы не только массою общества, но и передовыми дѣятелями. Всѣ вѣрили въ наступленіе эпохи нашего возрожденія и потому все представлялось въ розовомъ свѣтѣ.

Теперь не то. Теперь общество, умудренное опытомъ, знаетъ, что не все то золото, что блеститъ: оно успѣло наглядно изучить процессъ замѣны старыхъ порядковъ новыми и понимаетъ всѣ трудности, которыя при этомъ возникаютъ. Вслѣдствіе этого въ настоящую минуту общество способно относиться критически къ тѣмъ законодательнымъ актамъ, которые должны послѣдовать въ недалекомъ будущемъ. Съ другой стороны, этими проектами должно быть достигнуто обобщеніе нашего разнопринципнаго законодательства и устраненіе тѣхъ недостатковъ и пробѣловъ, вслѣдствіе которыхъ частію были парализованы благодѣтельныя послѣдствія произведенныхъ реформъ, частію же получались результаты, совершенно противуположные тѣмъ, которыхъ ожидали. Поэтому настоящимъ дѣятелямъ, призваннымъ къ начертанію новыхъ проектовъ, въ видахъ правильной критической оцѣнки существующаго порядка вещей, необходимо владѣть не только послѣднимъ словомъ научнаго знанія, но и значительнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній о самомъ характерѣ нашихъ экономическихъ, юридическихъ и соціальныхъ отношеній, сложившихся большею частію внѣ всякаго вліянія законодательства, и въ особенности имъ необходимо изучить тѣ послѣдствія и перемѣны въ условіяхъ народнаго быта, которыя вызваны политикою послѣдняго двадцатилѣтія. Насколько люди, призванные обновить условія нашей жизни, будутъ стоять въ уровень съ подобною задачей,—это мы увидимъ впослѣдствіи, но не можемъ не замѣтить, что всякій ошибочный шагъ въ настоящее время отзовется на народной жизни болѣе чувствительнымъ образомъ, нежели въ періодъ первоначальныхъ реформъ, на томъ основаніи, что онъ будетъ, такъ сказать, закрѣпленіемъ уже сдѣланныхъ ошибокъ, создастъ болѣе твердую почву

подъ ногами тѣхъ людей, которые пользуются подобными ошибками, и поколеблетъ въ обществѣ надежду на возможность устраненія неблагопріятныхъ условій въ нашей жизни. Вотъ почему мы называемъ настоящее время *переходнымъ* и настоящій законодательный періодъ *болѣе труднымъ* въ сравненіи съ періодомъ шестидесятыхъ годовъ». Въ виду такого значенія переживаемаго нами времени и въ виду тѣхъ жизненныхъ фактовъ, по которымъ нашъ сатирикъ приходитъ къ заключенію, что въ обществѣ исчезаетъ стыдъ и на сцену безъ всякой застѣнчивости выступаютъ хищники не только въ лицѣ Макшеевыхъ и Бушей съ ихъ братіею, но даже въ лицѣ Перфильевыхъ,—нельзя не дорожить временемъ. Наши старые бюрократическіе порядки, даже обновленные отчасти реформами прежняго царствованія, слишкомъ узки и формальны, чтобъ быть въ состояніи удерживать хищническіе элементы русской широкой натуры на той широкой колеѣ экономическаго развитія, на которую вдвинуто наше отечество за послѣднія 25 лѣтъ. Если въ русской жизни встрѣчаются такіе факты, какіе обнаружились на послѣднемъ, къ сожалѣнію, прерванномъ интендантскомъ процессѣ,—факты, о которыхъ свидѣтельствовалъ генералъ-контролеръ дѣйствовавшей арміи; если, говоримъ мы, въ виду этихъ фактовъ, не только обвиняемый г. Россицкій, но даже призванный въ качествѣ свидѣтеля, бывшій главный интендантъ арміи г. Аренсъ, безъ всякой застѣнчивости, притомъ публично и гласно рѣшаются свидѣтельствовать о безукоризненной дѣятельности товарищества, принявшаго на себя продовольствіе арміи; если извѣстная перемѣна вѣяній въ высшихъ сферахъ имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ низменные инстинкты извѣстной части нашего общества, прятавшіеся до той поры въ своихъ конурахъ, смѣло подняли голову и огласили воздухъ обвиненіями въ неблагонадежности все честное и патріотическое; если такіе возгласы проникли даже въ крестьянскую среду и она была до такой степени напугана распространеніемъ сплетни и доноса, что слова «*поглядывай*, *посматривай*» сдѣлались въ этой средѣ почти лозунгомъ при появленіи человѣка интеллигентнаго, то ясно, что въ нашемъ быту не все обстоитъ благополучно и что терять золотое время нельзя. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы и назвали истекшій годъ *золотымъ временемъ*.

Посмотримъ же, что было сдѣлано для устраненія такого положенія дѣлъ въ теченіе истекшаго года.

Что касается хищничества, то противъ этого недуга русскаго общества состоялось только одно распоряженіе о томъ, что директорами городскихъ общественныхъ банковъ не могутъ быть лица, участвующія въ городскомъ управленіи. Все остальное остается по прежнему, если не считать нѣсколькихъ уголовныхъ процессовъ противъ казенныхъ хищниковъ. Но, какъ извѣстно, карательная система не удерживаетъ негодяевъ отъ преступленій этого рода: соблазнъ и шансы на безнаказанность такъ велики, что уголовная отвѣтственность вовсе не страшна, тѣмъ болѣе, что ловкій воръ

находитъ полную возможность сохранить при себѣ бо́льшую часть украденнаго и отправляется въ мѣста отдаленныя, какъ медвѣдь дѣдушки Крылова въ берлогу, и *«лапу съ медомъ тамъ сосетъ»*. Такія кары не пугаютъ казнокрадовъ и они живутъ себѣ припѣваючи даже въ мѣстахъ отдаленныхъ. Въ этомъ отношеніи нужны мѣры предупредительныя, которыя, создавали бы положительную невозможность воровать. Но такъ какъ подобные результаты создаются только коренными реформами управленія и отвѣтственностію лицъ, стоящихъ во главѣ управленій, то въ теченіе истекшаго года противъ подобнаго зла не могло быть принято такихъ мѣръ.

Относительно нашего экономическаго положенія, дѣйствительно, прошлый годъ былъ не потерянным годомъ Въ этомъ отношеніи были приняты двѣ мѣры, имѣющія существенное значеніе, а именно приведено въ исполненіе рѣшенное еще въ прошломъ году учрежденіе крестьянскаго земельнаго банка и частію совершенно сложена, а частію уменьшена подушная подать. Дѣятельность новаго кредитнаго учрежденія, несмотря на недавнее его открытіе, начинаетъ приносить полезные результаты. Хотя для правильной ея оцѣнки мы не имѣемъ оффиціальныхъ данныхъ, но, судя по слухамъ, проникшимъ въ печать, можно предполагать, что практика банка становится на правильную дорогу и въ значительной степени устранитъ тѣ опасенія, которыя могли возникать изъ неопредѣленности положеній, которыми установлены функціи банка. Будемъ надѣяться, что лица, поставленныя во главѣ этого учрежденія, признаютъ полную необходимость гласности своихъ оборотовъ и будутъ сообщать публикѣ періодически свѣдѣнія объ этихъ оборотахъ, такъ какъ всякое кредитное учрежденіе нуждается въ довѣріи общества, а тѣмъ болѣе такое, какимъ является крестьянскій поземельный банкъ. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что размѣръ оборотовъ и, слѣдовательно, и успѣхъ дѣятельности банка будетъ всегда зависѣть отъ того кредита, которымъ будутъ пользоваться облигаціи этого учрежденія въ цѣлой массѣ общества, а не въ средѣ капиталистовъ и биржевыхъ воротилъ. Разсчитывать на поддержку этихъ людей банкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Они оперируютъ преимущественно тѣми бумагами, которыя представляютъ возможность спекуляціи на курсѣ. между тѣмъ какъ облигаціи банка не могутъ и не должны представлять шансовъ для спекуляціи, а могутъ служить только средствомъ для помѣщенія сбереженій той части общества, которая далека отъ всякой биржевой игры. Кромѣ того, рыцари спекуляціи, какъ представители капитализма, по своимъ принципамъ должны чуждаться этой бумаги и не могутъ сочувствовать ея назначенію, имѣющему въ виду обезпеченіе хозяйственной самостоятельности рабочаго люда, такъ какъ такое обезпеченіе далеко не совпадаетъ съ интересами этой группы людей. На этомъ основаніи мы убѣждены въ томъ, что операціи крестьянскаго поземельнаго банка въ интересахъ самого дѣла должны подлежать полной гласности для того, чтобы масса публики, имѣющая возможность дѣлать сбереженія, могла вполнѣ ознакомиться

съ практикою банка и предъявить спросъ на облигаціи этого кредитнаго учрежденія. Въ виду этихъ соображеній, мы думаемъ, что лица, стоящія главѣ банка, сдѣлаютъ все возможное въ этомъ отношеніи и не замедлятъ дать печати возможность говорить о дѣятельности новаго учрежденія на основаніи положительныхъ данныхъ.

Другой мѣрой на этомъ пути, какъ мы сказали, было сложеніе подушной подати съ нѣкоторыхъ категорій крестьянъ и уменьшеніе ея съ другихъ. Въ свое время мы говорили довольно подробно объ этомъ мѣропріятіи, указали, что оно далеко превысило размѣры облегченія, сдѣланнаго въ предъидущемъ году, но серьезно пожалѣли, что оно совпало съ увеличеніемъ акциза на вино, чѣмъ должны парализоваться хорошіе результаты этой мѣры. Характеръ нашего бюджета отъ подобной замѣны прямаго налога косвеннымъ на предметъ общенароднаго потребленія нисколько не измѣнился, между тѣмъ какъ именно въ измѣненіи самаго характера бюджета и нуждается наше отечество. Центръ тяжести его по прежнему опирается на классъ народа, менѣе всего обезпеченный въ имущественномъ отношеніи, тогда какъ справедливость и интересъ государственнаго казначейства требуютъ, чтобъ каждая реформа переносила его постепенно на классы болѣе состоятельные, чего можно достигнуть только установленіемъ подоходнаго налога, а отнюдь не возвышеніемъ акциза съ вина.

Наше экономическое положеніе страдаетъ также и вслѣдствіе отсутствія заграничнаго спроса на хлѣбъ. Въ теченіе всей навигаціи настоящаго года изъ всѣхъ портовыхъ городовъ сообщалось о скопленіи въ складахъ значительнаго запаса хлѣбныхъ грузовъ и постепенномъ паденіи цѣнъ, такъ что въ теченіе осени подвозъ ихъ значительно ослабѣлъ. Цѣны на пшеницу—этотъ важнѣйшій предметъ нашего отпуска—упали въ сравненіи съ прошлогодними болѣе чѣмъ на два рубля, а между тѣмъ, и по этимъ цѣнамъ требованіе не увеличивается, что, несомнѣнно, должно отзываться на пониженіи стоимости нашего рубля. Прямою причиной отсутствія спроса является, разумѣется, конкуренція Америки, которая пользуется всѣми усовершенствованіями перевозки, нагрузки и выгрузки и потому гораздо менѣе теряетъ на непроизводительныхъ тратахъ и накладныхъ расходахъ; но сваливать весь неуспѣхъ нашей внѣшней торговли на одно это обстоятельство никакъ нельзя. Цѣны въ Америкѣ въ послѣдніе годы понизились отнюдь не настолько, чтобъ можно было ограничиться указаніемъ этой одной причины. Очевидно, что одной изъ причинъ этого упадка служитъ и наша внутренняя политика. Мы неоднократно повторяли, что, ограничивая ввозъ заграничныхъ товаровъ, мы тѣмъ самымъ необходимо ограничиваемъ и вывозъ собственныхъ продуктовъ. Это—conditio sine qua non. Между тѣмъ, у насъ одновременно дѣйствуютъ три причины, ограничивающія потребленіе заграничныхъ продуктовъ. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности: *во-первыхъ*, возвышеніе государственнаго бюджета должно было необходимо повліять въ этомъ отношеніи, такъ какъ плательщики налоговъ даже при сохраненіи

своихъ прежнихъ доходовъ должны были по необходимости ограничить свое потребленіе и, разумѣется, что такое ограниченіе должно было отразиться прежде всего на предметахъ заграничнаго ввоза, т.-е. они должны были или вовсе отказаться отъ потребленія этихъ продуктовъ, или удовлетвориться продуктами внутренняго приготовленія, хотя и низшаго достоинства, но болѣе дешевыми, или, наконецъ, уменьшить количество потребляемыхъ заграничныхъ товаровъ. Излишнія средства, поступающія въ государственное казначейство, не съ неба же къ намъ упали, а взяты изъ средствъ потребителей, у которыхъ вслѣдствіе этого оказалось ихъ меньше для всѣхъ другихъ тратъ, а, слѣдовательно, и для покупки заграничныхъ товаровъ; *во-вторыхъ*, паденіе курса кредитнаго рубля должно было имѣть также большое значеніе. Самое наибольшее количество заграничныхъ товаровъ потреблялось, разумѣется, среднимъ классомъ населенія, къ которому принадлежатъ люди, состоящіе на государственной и частной службѣ, получающіе извѣстные оклады, опредѣленные въ кредитной валютѣ; сюда же относятся люди, живущіе пенсіями, арендными и другими доходами, опредѣленными заранѣе на продолжительный срокъ. Доходы этихъ людей нисколько не повысились, между тѣмъ какъ всѣ предметы потребленія и въ особенности заграничные сильно вздорожали, что необходимо должно было вызвать ограниченіе потребленія вообще и предметовъ заграничнаго ввоза въ особенности. Наконецъ, *въ-третьихъ*, самая главная причина сокращенія потребленія заграничныхъ продуктовъ состоитъ въ нашей покровительственной системѣ, которая въ особенности усилилась въ послѣдніе годы; сюда относятся слѣдующія мѣры: золотая пошлина, обложеніе машинъ, установленіе правила для нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ о пріобрѣтеніи подвижнаго состава внутренняго производства, выдачи премій, казенные заказы подвижнаго состава, рельсовъ и скрѣпленій, общее возвышеніе таможенныхъ сборовъ на 10% и частное возвышеніе ихъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, послѣдовавшее въ прошломъ году. Всѣ эти мѣры необходимо должны были повліять на ограниченіе нашего ввоза. Но какъ извѣстно всякому изъ ежедневнаго опыта, никто не уступитъ другому принадлежащіе ему товары, не получивъ взамѣнъ ихъ эквивалента этихъ товаровъ. Какіе же эквиваленты мы могли получить, еслибъ нашъ отпускъ продолжался въ прежнихъ размѣрахъ при ограниченіи ввоза? Золото? Но оно составляетъ предметъ нашего вывоза и не имѣетъ обращенія на внутреннемъ рынкѣ вслѣдствіе его переполненія бумажными деньгами. Процентныя бумаги? Но, какъ извѣстно, Россія не настолько богата, чтобъ могла снабжать заграничные рынки своими капиталами или уплачивать въ значительномъ размѣрѣ капиталы, занятые ею на заграничныхъ рынкахъ. Приливъ нѣкоторой части нашихъ фондовъ въ кредитной валютѣ на нашъ рынокъ очень скоро переполнилъ его и повелъ къ пониженію цѣнности и нашихъ фондовъ, и нашей валюты. Заграничные же товары, вслѣдствіе высокой пошлины и паденія цѣнности кредитнаго рубля, становятся просто недоступными для русскаго покупателя. Естественно, что при такихъ усло-

віяхъ международныя сдѣлки должны ослабѣть и заграничные торговцы, не имѣя возможности продавать намъ свои товары, не могутъ и купить нашихъ товаровъ, пока цѣны послѣднихъ не упадутъ настолько, что разница въ ихъ цѣнѣ у насъ и за границею не покроетъ пошлинъ, установленныхъ у насъ на привозные товары, т.-е. пока барышъ отъ покупки предметовъ нашего вывоза не дастъ возможности продать заграничный товаръ съ убыткомъ на всю сумму установленныхъ пошлинъ. Тогда международныя сдѣлки опять становятся возможными, а таможенныя пошлины въ окончательномъ результатѣ падаютъ на предметы нашего вывоза и оплачиваются производителями русскаго хлѣба. Вмѣсто покровительства народному труду, является подрываніе его въ отрасли промышленности, наиболѣе распространенной въ нашемъ отечествѣ. Такое переложеніе таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ ввоза на предметы вывоза въ особенности удобно у насъ вслѣдствіе того механизма, который установился въ нашей международной торговлѣ. Извѣстно, что наши конторы, занимающіяся экспортомъ, отнюдь не капиталисты, а только коммиссіонеры заграничныхъ фирмъ, которыя кредитуютъ ихъ только товарами. Если такой коммиссіонеръ можетъ продать заграничный товаръ въ Россіи, то онъ получаетъ его въ кредитъ и, получивъ коносаментъ, можетъ дисконтировать его въ любомъ банкѣ, а затѣмъ купить русскій хлѣбъ для отправки за границу; если-жъ такой возможности ему не представляется, то онъ не воспользуется заграничнымъ кредитомъ и, слѣдовательно, не купитъ и русскаго хлѣба. Ясно, что онъ долженъ выжидать такихъ низкихъ цѣнъ на русскій хлѣбъ, при которыхъ онъ могъ бы вознаградить себя за потерю въ цѣнѣ заграничнаго товара при ея пониженіи, для того чтобъ сдѣлать его доступнымъ для русскаго покупателя. Такимъ образомъ страдаетъ и нашъ производитель хлѣба отъ пониженія цѣны, и фабрикантъ отъ конкуренціи заграничнаго продукта.

Наши доморощенные экономисты и представители фабричнаго производства кричатъ въ подобныхъ случаяхъ о коварствѣ заграничныхъ производителей, которые, какъ они думаютъ, понижаютъ цѣну своихъ товаровъ для того, чтобъ убить нашу внутреннюю производительность, а затѣмъ наводнить нашъ рынокъ своими произведеніями по возвышеннымъ цѣнамъ. Но подобная тенденція была бы слишкомъ опрометчива и рискованна, чтобъ люди со смысломъ могли на нее рѣшиться. Кто можетъ поручиться за то, что снабженіе нашего рынка останется за тѣмъ, кто жертвовалъ своимъ капиталомъ для того, чтобъ убить нашу промышленность? Подобное предположеніе слишкомъ нелѣпо и его могутъ дѣлать только наши доморощенные экономисты, ничего не видящіе далѣе своего носа и не понимающіе, что подобное явленіе есть прямое и необходимое слѣдствіе торговаго механизма, перелагающаго, при извѣстныхъ условіяхъ, таможенныя пошлины съ предметовъ ввоза на предметы вывоза.

И такъ, три причины одновременно вліяютъ на ограниченіе ввоза къ намъ заграничныхъ товаровъ и, слѣдовательно, на ограниченіе вывоза нашего

хлѣба. Что ограниченіе вывоза должно послѣдовать именно въ продуктахъ нашего производства, а не въ вывозѣ золота или процентныхъ бумагъ, то это ясно изъ того, что золото на нашемъ рынкѣ не имѣетъ никакого обращенія и представляетъ собою товаръ, наиболѣе удобный для вывоза, а процентныя бумаги могутъ идти на заграничные рынки только тогда, когда существуетъ возможность оплатить ихъ товарами заграничнаго производства, т.-е. при возрастаніи, а не при сокращеніи ввоза. Ясно, что сокращеніе должно послѣдовать въ вывозѣ хлѣба, какъ главнаго предмета нашего отпуска, и ведетъ къ пониженію цѣнъ; усиленіе нашего вывоза можетъ быть слѣдствіемъ значительнаго ихъ паденія. Отсюда должно возникнуть такое положеніе, что мы будемъ отпускать за меньшее количество заграничныхъ товаровъ бо́льшее количество своихъ произведеній. Таково послѣдствіе покровительственной системы, всегда подрывающей экономическое положеніе той страны, къ которой она примѣняется.

Впрочемъ, у нашихъ доморощенныхъ экономистовъ въ видѣ возраженія готовъ всегда примѣръ Америки, которая постоянно расширяетъ свой вывозъ и не только отбиваетъ у насъ европейскій хлѣбный рынокъ, но и вызываетъ своимъ дешевымъ хлѣбомъ сельско-хозяйственный кризисъ въ самой Англіи, оставаясь при довольно строгомъ покровительственномъ тарифѣ. Мы на это можемъ сказать, что Сѣверо-Американскіе штаты достигаютъ подобныхъ результатовъ не потому, что держатся покровительственной системы, но вопреки ей и могутъ легко выносить подобную систему вслѣдствіе другихъ въ ней существующихъ условій. Такъ, Америка, имѣетъ ничтожную армію и тратитъ на нее далеко не то, что тратитъ Россія; затѣмъ страна эта издерживаетъ на народное образованіе въ десять разъ болѣе, чѣмъ Россія, а это такой производительный расходъ, который возвращается ей сторицею, вслѣдствіе пріобрѣтаемаго народомъ умѣнья пользоваться знаніемъ и силами природы. Кромѣ того Соединенные Штаты съ окончаніемъ войны тотчасъ приступили къ уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ во время войны, и возвращаютъ промышленности капиталы сотнями милліоновъ долларовъ, между тѣмъ какъ у насъ всѣ сбереженія поглощаются займами государственнаго казначейства. При такихъ условіяхъ Соединенные Штаты могутъ себѣ позволить роскошь дорого стоющей системы покровительства внутренняго производства. Но даже и тамъ противъ этой системы начинаютъ возвышаться голоса, въ особенности въ штатахъ съ земледѣльческимъ характеромъ, которые, подобно Россіи, могутъ только нести потери отъ подобной политики: оплачивая монополію и привилегіи промышленныхъ штатовъ, сами они не могутъ пользоваться никакимъ покровительствомъ, никакой охраной. Если покровительственная система до сихъ поръ держится въ этой странѣ, то это только потому, что законодательная власть послѣ войны остается въ рукахъ побѣдителей, т.-е. представителей промышленныхъ штатовъ, поддерживаемыхъ негритянскимъ населеніемъ южныхъ штатовъ. Большинство это въ настоящее время начинаетъ колебаться и

недалеко уже то время, когда будетъ положенъ конецъ этой политикѣ. Вотъ нашъ отвѣтъ гг. протекціонистамъ.

Всего болѣе, разумѣется, интересуетъ наше общество реформа административная. Такой интересъ поддерживается въ обществѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что несостоятельность существующихъ порядковъ сознана самимъ правительствомъ и по этому поводу имѣются не только заявленія высшихъ правительственныхъ лицъ, но и существуетъ Высочайше утвержденная коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, которой поручено составленіе новаго положенія о мѣстномъ управленіи. Къ сожалѣнію, о дѣятельности этой коммиссіи въ теченіе настоящаго года не было никакихъ положительныхъ извѣстій, если не считать лѣхъ слуховъ, которые проникали въ общество и въ печать и которые кажутся намъ до того несообразными, что рѣшительно не хочется вѣрить ихъ справедливости, о чемъ мы говорили въ послѣдней книжкѣ нашего журнала и прибавить къ тому въ настоящую минуту ничего не можемъ. Одно мы можемъ сказать нашимъ читателямъ, и то по слухамъ. Говорятъ, что въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* будетъ напечатанъ проектъ кахановской коммиссіи. Насколько подобный слухъ справедливъ и скоро ли осуществится, мы не знаемъ, а потому остается ожидать и надѣяться...

Въ сферѣ судебнаго вѣдомства въ теченіе настоящаго года совершилось важное событіе: судебные уставы въ полномъ объемѣ введены въ сѣверо-западномъ краѣ. Нельзя не порадоваться этому давно ожидаемому событію, такъ какъ въ цѣломъ обширномъ краѣ старый дореформенный порядокъ вещей уступаетъ мѣсто новому правовому порядку. Будемъ надѣяться, что вновь назначенныя на судебныя должности лица вполнѣ поймутъ все значеніе первыхъ шаговъ своей дѣятельности и станутъ въ уровень съ той высокой задачей, къ разрѣшенію которой они призваны. Мы тѣмъ болѣе вправѣ разсчитывать на такой результатъ, что, судя по слухамъ, министерство юстиціи было крайне разборчиво въ выборѣ кандидатовъ на замѣщеніе этихъ должностей. Въ обществѣ говорятъ, что число желающихъ поступить на эти должности было весьма значительно и что люди, зарекомендовавшіе себя своей дѣятельностію и безукоризненной честностію, въ продолженіе многихъ лѣтъ не могли получить назначенія, между тѣмъ какъ служащіе сравнительно недавно и даже не получившіе юридическаго образованія были назначаемы. Если такой слухъ справедливъ, то, конечно, только *особыя способности* могли дать этимъ лицамъ въ глазахъ министерства право на занятіе вновь открывшихся должностей и потому мы вправѣ разсчитывать, что судъ въ сѣверо-западномъ краѣ будетъ держать высоко свое знамя и вполнѣ оправдаетъ выборъ министерства. Если же, паче чаянія, этого не случится, то министерство юстиціи будетъ нравственно отвѣтственнымъ за нарушеніе тѣхъ статей судебныхъ уставовъ, которыми опредѣляются права на занятіе извѣстныхъ судебныхъ должностей. Впрочемъ, введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ сѣверо-западномъ краѣ при всей

его неоспоримой важности имѣетъ только мѣстное, а отнюдь не общее значеніе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія можно только пожалѣть, что примѣненіе судебныхъ уставовъ идетъ у насъ такъ медленно и что, несмотря на предположеніе ввести ихъ повсемѣстно въ теченіе 5 лѣтъ, прошло уже 19 лѣтъ со времени ихъ изданія, а они введены далеко не вездѣ.

По части народнаго образованія истекшій годъ ознаменовался однимъ явленіемъ. Такъ долго изготовлявшійся и пересматривавшійся проектъ университетскаго устава получилъ, наконецъ, окончательную редакцію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Мы, конечно, не знаемъ его содержанія, такъ какъ этотъ проектъ закона, несмотря на громадное его общественное значеніе, не былъ опубликованъ заранѣе, какъ это принято дѣлать по другимъ вѣдомствамъ, даже въ случаяхъ, гораздо менѣе важныхъ. Поэтому какъ общество, такъ и печать были лишены возможности разсмотрѣть его подробно и высказать о немъ свое мнѣніе, тогда какъ подобный законъ затрогиваетъ всего болѣе интересы самого общества и притомъ интересы не матеріальные, а умственные и нравственные, что гораздо важнѣе. Понятно, что при такомъ значеніи проекта закона и при томъ интересѣ, съ которымъ относилось къ нему общество, онъ не могъ оставаться секретомъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Очень скоро стало извѣстнымъ, что новый уставъ задается главнымъ образомъ политическими и дисциплинарными цѣлями; цѣли же научныя отходятъ въ немъ на второй планъ. Само собою разумѣется, что при дѣйствіи такого устава наука и ея преподаваніе будутъ далеко не свободны; между тѣмъ, этотъ принципъ составляетъ основу нынѣшней цивилизаціи и во всей Европѣ считается безспорнымъ.

По счастію, разсмотрѣніе новаго университетскаго устава затянулось въ департаментѣ государственнаго совѣта и, какъ говорятъ, встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ, а поэтому есть надежда, что не пройдетъ въ общемъ собраніи вовсе.

Обращаясь теперь къ земской жизни, мы встрѣчаемся здѣсь съ фактами, далеко не утѣшительными. Въ теченіе текущаго года во многихъ губерніяхъ измѣнился составъ гласныхъ и, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ такое измѣненіе представляется явленіемъ отнюдь не радостнаго свойства. Дѣло въ томъ, что люди добросовѣстные и преданные земскому дѣлу сходятъ со сцены и мѣста ихъ занимаютъ люди, для которыхъ земская служба есть достиженіе личныхъ цѣлей, а не общественныхъ. Мы не называемъ никого, но не можемъ не замѣтить, что гоненія на статистику, ходатайства объ обезпеченіи исполненія договоровъ личнаго найма и подобные пріемы вовсе не говорятъ въ пользу новыхъ дѣятелей. По всему видно, что эгоистическіе интересы, прежде скрываемые, теперь поднимаютъ голову и рвутся наружу, и невольно приходится вмѣстѣ съ нашимъ сатирикомъ спросить: *отчего прежде былъ стыдъ, а теперь его нѣтъ?* Въ самомъ дѣлѣ, отчего нашимъ землевладѣльцамъ оказалось недостаточною гарантіею

исполненія договоровъ личнаго найма та экономическая зависимость рабочаго люда, въ которой онъ нынѣ находится, и имъ сдѣлались необходимы даже уголовныя кары за неисполненіе сдѣлокъ, несмотря на ничтожность задѣльной платы? Если подобные вопросы становятся предметомъ обсужденія въ земскихъ собраніяхъ, несмотря на то, что они вовсе не относятся къ предметамъ ихъ вѣдомства, то не ясно ли, что эгоистическіе интересы въ нихъ беруть верхъ и низменные элементы общества поднимаютъ голову...

Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала мы не имѣли возможности высказать нашего взгляда о послѣднихъ финансовыхъ операціяхъ правительства по недостатку времени, оставшемуся въ нашемъ распоряженіи, и теперь думаемъ пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ этихъ операцій, а именно выпускъ золотой ренты, вызвала не только различные толки объ этой мѣрѣ въ русскихъ и заграничныхъ газетахъ, но даже полемику между различными органами нашей печати. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ представить читателю болѣе обстоятельную оцѣнку этой мѣры въ связи съ предъидущими мѣропріятіями нашего финансоваго управленія.

Начало этихъ мѣропріятій должно отнести къ 1 января 1881 года, когда состоялся Высочайшій указъ о постепенной въ 8 лѣтъ уплатѣ государственному банку долга государственнаго казначейства за кредитные билеты, временно выпущенные въ обращеніе на покрытіе расходовъ военнаго времени, съ тѣмъ, чтобы государственный банкъ могъ приступить къ постепенному изъятію кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и уничтоженію ихъ. По нашему крайнему убѣжденію, это мѣропріятіе не выдерживало строгой критики. Мы думаемъ, что прежде всякихъ мѣропріятій слѣдовало бы разрѣшить безповоротно вопросъ: куда мы идемъ? Имѣется ли въ виду полное возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, допускается ли возможность его девальваціи или, наконецъ, избирается средній путь, т.-е. возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля лишь до извѣстной степени и затѣмъ девальвація его? Такое категорическое рѣшеніе требовалось потому, что всякое правительство въ подобныхъ операціяхъ по необходимости должно опираться на кредитъ, создаваемый не одностороннимъ распоряженіемъ, а тѣмъ одобреніемъ, которое встрѣчаетъ такое распоряженіе на денежномъ рынкѣ. На этомъ основаніи не только упомянутое категорическое рѣшеніе, но и подробный планъ подлежащихъ операцій, которыми предполагается достигнуть цѣли, должны быть заранѣе извѣстны всему обществу, такъ какъ, съ одной стороны, ясное пониманіе цѣли ожидаемыхъ мѣропріятій устраняетъ всякую возможность недоразумѣній и вслѣдствіе этого значительно облегчаетъ условія кредитныхъ операцій, а съ другой—означенныя мѣропріятія не застаютъ общество въ расплохъ и тѣмъ не создаютъ на денежномъ рынкѣ внезапныхъ и неожиданныхъ пертурбацій, отъ которыхъ

одни находятъ возможность получать незаслуженныя выгоды, другіе же несутъ невозвратимыя потери. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ кредитныя операціи, совершаемыя правительствомъ во сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, всегда имѣютъ большое вліяніе на экономическое положеніе народа, а тѣмъ болѣе такія крупныя событія, какъ операція возстановленія или упроченія курса денежной валюты, послѣдствія которой не могутъ быть безразличны для частныхъ лицъ, и поэтому послѣднія имѣютъ полное право ожидать, что они будутъ заблаговременно поставлены въ извѣстность о предполагаемыхъ мѣропріятіяхъ. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что неизвѣстность въ этомъ отношеніи естественно должна задерживать всякую предпріимчивость: при настоящихъ условіяхъ всякая сдѣлка, заключенная на нѣсколько лѣтъ, при повышеніи курса нашей валюты и, слѣдовательно, при паденіи существующихъ цѣнъ, необходимо должна принести громадный убытокъ для одной стороны и такой же выигрышъ—для другой. По этому мы думаемъ, что опубликованіе подробнаго плана предполагаемыхъ мѣропріятій обязательно для финансоваго управленія не только въ интересахъ риска, но и въ силу тѣхъ нравственныхъ мотивовъ, отъ которыхъ несвободны даже и частныя лица, если ихъ интересы затрогиваютъ интересы другихъ лицъ.

Теперь представляется вопросъ: насколько же намъ извѣстны будущія мѣропріятія въ видахъ упроченія курса нашей валюты? Мы знаемъ, что указомъ 1 января 1881 года было повелѣно уплачивать государственному банку въ теченіе 8 лѣтъ ежегодно по 50 мил. руб. въ видахъ снабженія его средствами для изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и уничтоженія ихъ. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, государственный банкъ съ того же времени приступилъ къ этому изъятію и, по уплатѣ ему со стороны государственнаго казначейства 117 мил. рублей, довелъ свою кассовую наличность къ 1 апрѣля 1883 года одними кредитными билетами до 195 мил. руб. Тѣмъ не менѣе, до сего времени не было приступлено къ уничтоженію ихъ, такъ какъ въ указѣ 1 января 1881 года моментъ этого уничтоженія не опредѣленъ, а прямо сказано, что оно должно быть сдѣлано по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ, самое главное, что нужно было знать обществу,—а именно, когда послѣдуетъ уничтоженіе кредитныхъ билетовъ,—это-то и осталось неизвѣстнымъ, и денежный рынокъ постоянно могъ ожидать, что изъятые изъ обращенія кредитные билеты вновь появятся на рынкѣ, тѣмъ болѣе, что министерство финансовъ, повидимому, само раздѣляло это мнѣніе, не находя возможности приступить къ этому уничтоженію. Министръ финансовъ въ своемъ всеподданѣйшемъ докладѣ при представленіи государственной росписи на 1883 годъ даже указывалъ на необходимость осторожности въ этомъ отношеніи на выгоду, которую можетъ получить государственный банкъ отъ расширенія ссудной операціи вообще и ссудъ землевладѣльцамъ въ особенности. Возможность появленія на рынкѣ уже изъятыхъ изъ обращенія

кредитныхъ билетовъ не заставила себя ожидать, такъ какъ въ теченіе нынѣшняго лѣта, къ 1 октября сего года, наличность кассы государственнаго банка сократилась кредитными билетами на 64 мил. рублей. Само собою разумѣется, что такого рода неизвѣстность и колебанія въ исполненіи предположеннаго сокращенія бумажно-денежнаго обращенія не могли содѣйствовать упроченію нашего кредита на заграничныхъ биржахъ, вслѣдствіе чего курсъ нашихъ бумагъ, писанныхъ на кредитную валюту, понизился и началася переходъ ихъ на нашъ рынокъ, что не осталось безъ вліянія на паденіе курса нашей валюты, такъ какъ наши банки платили за нихъ кредитными билетами. Рядомъ съ этими фактами произошли и другія явленія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи, но объ нихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію срока, опредѣленнаго для изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

Такой срокъ опредѣленъ въ 8 лѣтъ. Прежде всего замѣтимъ, что это предположеніе было бы понятнымъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ были опредѣлены безповоротно всѣ подробности погашенія безпроцентнаго долга, предусмотрѣны нужды государственнаго казначейства и средства къ ихъ удовлетворенію, а также тѣ послѣдствія, которыя могли возникать отъ постепеннаго изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Въ такомъ ли положеніи находилось наше финансовое управленіе въ концѣ 1880 года, чтобъ не только предусмотрѣть всѣ эти обстоятельства, но получить утвержденіе подобной программы и выполнить ее въ дѣйствительности? Смѣло можно отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно и доказательства тому на лицо: государственная роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1881 годъ въ концѣ 1880 года сведена была съ незначительнымъ дефицитомъ въ 4 мил., между тѣмъ, по отчету государственнаго контроля, этотъ дефицитъ оказался въ 81 мил. руб. Если такимъ образомъ въ концѣ 1880 года не могъ быть предусмотрѣнъ дефицитъ въ 78 милліоновъ рублей, предстоявшій на слѣдующій годъ, то спрашивается, какимъ образомъ могъ быть предусмотрѣнъ планъ погашенія 400 милліоннаго долга въ теченіе 8 лѣтъ? Если случайности могутъ у насъ имѣть такое значеніе, что расходы государственнаго казначейства возрастаютъ на такую цифру, то дѣлать предположенія на 8 лѣтъ по меньшей мѣрѣ рискованно. Обстоятельства могутъ уничтожить всякую для этого возможность или сложиться такъ, что отъ подобныхъ жертвъ не будетъ никакихъ ощутительныхъ послѣдствій. Такъ, со времени изданія указа прошло уже три года, государственное казначейство уплатило банку 117 мил. и готовится къ уплатѣ еще 50 мил. рублей, а результатовъ этой жертвы мы не видимъ: курсъ нашей валюты не только не улучшается, но постоянно падаетъ, и на чемъ остановится такое паденіе, мы положительно не знаемъ.

На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ замѣтить, что срокъ, предположенный для погашенія долга за кредитные билеты, едва ли оправдывался съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ которыхъ находились въ то время какъ финансовое управленіе, такъ и положеніе государственныхъ финансовъ, тѣмъ

болѣе, что такая отсрочка возстановленія цѣнности кредитнаго рубля обходилась правительству гораздо дороже, чѣмъ одновременный заемъ въ четыреста милліоновъ металлическихъ рублей.

Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что такой заемъ былъ въ то время невозможенъ, но мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Мы думаемъ, что если Франція послѣ нанесеннаго ей погрома могла заключить заемъ въ 5 милліардовъ франковъ для уплаты контрибуціи, то для Россіи отнюдь не былъ невозможенъ заемъ въ три раза меньшій для того, чтобъ возстановить цѣнность своей валюты и тѣмъ поднять стоимость своихъ доходовъ въ 600,000 мил. рублей, по крайнѣй мѣрѣ, на 25%. Положимъ, что такой заемъ обошелся бы Россіи даже въ 6½%, а съ погашеніемъ даже 7%, т.-е. прибавился бы расходъ въ 28 мил. рублей металлическихъ; но, вѣдь, тогда правительство въ однихъ заграничныхъ платежахъ по своимъ займамъ выигрывало бы болѣе 40 мил. рублей и вся сумма операціонныхъ расходовъ правительства понизилась бы, по меньшей мѣрѣ, на 25%, затѣмъ уменьшилась бы и приплата по гарантіи акцій и облигацій, выпущенныхъ обществами желѣзныхъ дорогъ въ металлической валютѣ.

Выгода такого займа была бы очевидна для каждаго заграничнаго капиталиста, тѣмъ болѣе, что такой заемъ упрочивалъ наше финансовое положеніе, и сомнѣваться въ томъ, что Россія, избавляясь отъ излишества бумажныхъ денегъ—этой язвы, убивающей нашъ кредитъ,—нашла бы средства для уплаты 28 мил. мет. рублей, конечно, никто не могъ. Само собою разумѣется, что, въ видахъ большаго успѣха операцій, одновременно съ ней необходимо слѣдовало найти и спеціальный источникъ для покрытія этого расхода и въ то время такой источникъ уже былъ въ виду: проектъ подоходнаго налога былъ тогда уже составленъ, все общество ожидало его утвержденія и, конечно, не почувствовало бы его бремени, еслибъ онъ послужилъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. По разсчету же коммиссіи, составлявшей проектъ, подоходный налогъ могъ дать болѣе 40 мил. рублей, не касаясь поземельныхъ доходовъ, а вмѣстѣ съ ними могъ быть доведенъ отъ 60—70 мил. рублей.

Къ сожалѣнію, такой энергичный образъ дѣйствій почему-то считается у насъ невозможнымъ и мы, дѣйствуя ничтожными средствами, приносимъ съ теченіемъ времени гораздо болѣе жертвъ, нисколько не подвигаясь къ намѣченной цѣли. Такъ, нашъ бюджетъ достигъ уже цифры 750 мил. рублей; въ прошломъ 1882 году мы сдѣлали заемъ въ 100 мил. рублей, а въ настоящемъ выпустили 10 мая краткосрочныхъ обязательствъ на 20 мил. рублей *) и, по недостатку доходовъ, 10 ноября должны были ихъ замѣнить новымъ выпускомъ также 20 мил.; затѣмъ послѣдовалъ новый

*) Цѣль выпуска такихъ обязательствъ состоитъ въ томъ, чтобъ снабдить казначейство средствами на то время, когда производство расходовъ идетъ впереди поступленія доходовъ; поэтому они должны бы подлежать погашенію изъ текущихъ доходовъ.

выпускъ билетовъ государственнаго казначейства на 24 мил. рублей; наконецъ, выпущена золотая 6% рента на 50 мил. металлическихъ, что составитъ 82 мил. кредитныхъ. Несмотря на всѣ эти жертвы, нашъ курсъ не только не улучшился, но продолжаетъ падать. Очень можетъ быть, что суммы, подлежащія къ переводу на платежъ за золотую ренту, нѣсколько поддержатъ курсъ нашей валюты на зимніе мѣсяцы, но очень немудрено, что подобные взносы будутъ оплачены продажей на нашъ рынокъ облигацій восточныхъ займовъ, даже съ значительнымъ пониженіемъ ихъ настоящей цѣны, такъ какъ эти послѣднія бумаги гораздо менѣе выгодны, чѣмъ золотая рента. Тогда нашъ курсъ не только не повысится, но можетъ даже упасть, хотя бы вся сумма золотой ренты перешла на заграничные рынки. Такой результатъ очень понятенъ, если принять въ соображеніе, что наши долги сдѣланы не съ производительною цѣлью и теперешніе займы идутъ исключительно на уплату процентовъ, вслѣдствіе чего мы платимъ сложные проценты и при такомъ порядкѣ вещей возрастаніе долга идетъ по геометрической прогрессіи, удваиваясь въ очень небольшое число лѣтъ. При такой перспективѣ разсчитывать на возстановленіе курса нашей валюты трудно.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, есть еще одно, роняющее курсъ нашей валюты въ сильной степени. Мы имѣемъ въ виду обращеніе въ публикѣ купоновъ процентныхъ бумагъ будущихъ, еще не наступившихъ сроковъ. Выгодность подобной аферы очевидна для всякаго, и капиталисты не пренебрегаютъ ею, хотя бы со скидкою нѣсколькихъ процентовъ. Обычай производить платежи досрочными купонами такъ распространился, что завелась особая торговля ими, и лица, не брезгующія подобными пріемами, нарочно покупаютъ ихъ въ мѣняльныхъ лавкахъ при наступленіи срочныхъ платежей, заявляя при этомъ, что иныхъ средствъ для уплаты въ виду не имѣется. Получатель, нуждающійся въ средствахъ, волей-неволей долженъ согласиться на подобную сдѣлку, тѣмъ болѣе, что сбытъ подобныхъ денежныхъ знаковъ возможенъ при самой незначительной скидкѣ. Само собою разумѣется, что получившій такія деньги старается по возможности сбывать ихъ по номинальной цѣнѣ. Застой въ торговлѣ въ значительной степени благопріятствуетъ подобному сбыту и такимъ образомъ въ послѣднее время обращеніе этихъ новыхъ денежныхъ знаковъ получило очень широкое распространеніе. Нерѣдко случается встрѣтить купоны, отрѣзанные даже за три и четыре года впередъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что правительство платитъ въ годъ до 200 мил. руб. процентовъ, что по всей вѣроятности, половина государственныхъ фондовъ находится на нашемъ рынкѣ, что отрѣзываются купоны не только отъ государственныхъ фондовъ или гарантированныхъ правительствомъ облигацій, но и отъ облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ и даже отъ закладныхъ листовъ частныхъ поземельныхъ банковъ, то легко себѣ представить какое громадное количество новыхъ денежныхъ знаковъ явилось у насъ въ обращеніи. Смѣло

можно утверждать, что сокращеніе денежнаго обращенія, котораго достигъ государственный банкъ со времени появленія указа 1 января 1881 года, не могло имѣть никакого вліянія на курсъ нашей валюты: изъятые имъ около 150 мил. руб. до 1 апрѣля 1883 года, безъ всякаго сомнѣнія, съ избыткомъ были пополнены на денежномъ рынкѣ изъ указаннаго нами источника. Вслѣдствіе этого подобное медленное изъятіе не производило замѣтнаго вліянія на нашемъ рынкѣ и не могло произвести его даже въ томъ случаѣ, еслибъ эти кредитные билеты были вовсе уничтожены; оставаясь же въ кассѣ государственнаго банка, они могли явиться вновь на рынкѣ, что отчасти и случилось, а, слѣдовательно, необходимо должны были дѣйствовать понижающимъ образомъ на стоимость нашей валюты.

Это появленіе купоновъ въ качествѣ новыхъ денежныхъ знаковъ на нашемъ рынкѣ обращаетъ на себя вниманіе именно потому, что служитъ новымъ доказательствомъ ошибочности той политики, которая предполагаетъ улучшить систему нашего денежнаго обращенія путемъ палліативныхъ мѣропріятій, разсрочивая ихъ на 8 лѣтъ. Спекуляція всегда найдетъ средства парализовать эти мѣропріятія и приспособиться къ возникающимъ обстоятельствамъ для того, чтобъ не только поддержать цѣны на всѣ предметы потребленія, до которой они дошли, но и возвышать ихъ по возможности; или, что все равно, держать стоимость нашей валюты на низкомъ уровнѣ. Весь интересъ спекуляціи состоитъ именно въ этомъ, тогда какъ возвышеніе курса нашей валюты можетъ выразиться только въ паденіи цѣнъ на товары. Отсюда прямо видно, какъ ошибоченъ тотъ взглядъ, который опасается уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ стѣснить денежное обращеніе, и какое глубокое противорѣчіе заключается между стремленіемъ поднять курсъ нашей валюты и опасеніемъ стѣснить денежный рынокъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что даже значительнымъ сокращеніемъ количества кредитныхъ билетовъ, совершенно необходимое для поднятія ихъ курса, стѣсненіе денежнаго рынка достигнуто не будетъ, на томъ простомъ основаніи, что у насъ, помимо купоновъ, имѣется громадный запасъ денежныхъ знаковъ въ билетахъ государственнаго казначейства (серіяхъ), которыхъ выпущено въ прежнее время на 216 мил. руб. и которые, вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, нынѣ не обращаются на рынкѣ, но могутъ явиться на немъ при первомъ стѣсненіи. Къ этому запасу въ настоящую минуту прибавлено еще 24 мил. и, какъ указано въ мотивахъ этой мѣры, она принимается во избѣжаніе стѣсненія рынка въ виду предстоящаго сокращенія количества кредитныхъ билетовъ. Не замѣняется ли, такимъ образомъ, уничтожаемое худшимъ, такъ какъ денежные знаки, приносящіе проценты, вреднѣе безпроцентныхъ?

Намъ могутъ возразить, что если люди прибѣгаютъ, для удовлетворенія своихъ платежей, къ такимъ средствамъ, какъ уплата досрочными купонами и если эти купоны встрѣчаютъ удобную почву для своего обращенія, то это прямо указываетъ на недостатокъ денежныхъ знаковъ и необходимость

пополнить этотъ недостатокъ. Но мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: неужели люди, выражающіе подобное мнѣніе, вовсе не знакомы съ исторіею денежнаго обращенія? Неужели они никогда не слыхали, что въ странахъ съ исключительно бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ всегда чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, какое бы количество ихъ ни было выпущено въ обращеніе? Такъ было во Франціи при господствѣ системы Ло и во время первой республики, такъ было въ Австріи въ первой половинѣ настоящаго вѣка, такъ было и у насъ послѣ крымской войны и теперь повторяется то же явленіе. Дѣло въ томъ, что увеличеніе денежнаго обращенія необходимо вызываетъ возвышеніе цѣнъ, такъ какъ въ цѣнахъ выражается отношеніе между количествомъ товаровъ и количествомъ денежныхъ знаковъ, находящихся на рынкѣ. Съ возвышеніемъ же цѣнъ усиливается производство, вызванное не спросомъ потребителей, а кажущеюся выгодою дѣла. Но прежнее равновѣсіе между количествомъ денегъ и товаровъ возстановляется путемъ возвышенія цѣнъ или, лучше сказать, путемъ паденія цѣнности денегъ. Появленіе новаго количества товаровъ на рынкѣ, вызванное искусственно возвышеніемъ цѣнъ, вновь нарушаетъ это равновѣсіе и раздается крикъ: денегъ нѣтъ! При существованіи металлическаго денежнаго обращенія, подобные возгласы невозможны: всякій знаетъ, что золото или серебро изъ пальца не высосешь и что количество денежныхъ знаковъ увеличить нѣтъ возможности. Вслѣдствіе этого, если равновѣсіе между количествомъ товаровъ и денежныхъ знаковъ нарушается увеличеніемъ количества первыхъ, то товарныя цѣны падаютъ и равновѣсіе возстановляется вновь; спекуляція же ищетъ возможности приспособиться къ новымъ пониженнымъ цѣнамъ и сократить издержки производства путемъ различныхъ улучшеній. Совсѣмъ другое бываетъ при исключительно бумажномъ денежномъ обращеніи. При этихъ искусственно созданныхъ условіяхъ денежнаго рынка, конечно, никто не хочетъ и думать о естественныхъ послѣдствіяхъ такого порядка и всѣ ожидаютъ, что положеніе дѣлъ можетъ быть улучшено также искусственными мѣрами. Никому и въ голову не приходитъ, что на всю сумму бумажныхъ денегъ, вновь выпущенныхъ въ обращеніе, потребны дѣйствительныя цѣнности, а въ замѣнъ ихъ поступили цѣнности фиктивныя, которыя съ паденіемъ цѣнности денегъ исчезли, и что страна сдѣлалась бѣднѣе на всю сумму этихъ цѣнностей. Подобныхъ соображеній никто знать не хочетъ; пониженіе цѣнъ и приспособленіе къ нимъ путемъ улучшеній въ производствѣ считается немыслимымъ, а вслѣдствіе этого вся забота сосредоточивается на поддержаніи существующихъ цѣнъ и на требованіи новаго выпуска бумажныхъ денегъ. Если подобныя требованія удовлетворяются, то снова повторяется прежняя исторія, узелъ затягивается все болѣе и болѣе, а развязка его становится все труднѣе и труднѣе. Довольно припомнить исторію нашихъ бумажныхъ денегъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что никакое ихъ количество не можетъ удовлетворить рынокъ. Ихъ выпускъ есть своего рода наркозъ, съ которымъ организмъ

свыкается очень скоро и требуетъ для извѣстнаго дѣйствія все бо́льшаго и бо́льшаго количества наркотическаго вещества. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ излишняго количества бумажныхъ денегъ вполнѣ сознанъ и даже считается необходимымъ изъятіе ихъ изъ обращенія, крики объ отсутствіи денегъ и требованія новаго ихъ выпуска не остаются безъ вреднаго вліянія, вызывая извѣстную осторожность,—совершенно излишнюю въ этомъ случаѣ,—осторожность, которая, дѣйствуя полумѣрами, ведетъ только къ напраснымъ тратамъ, нисколько не приближая къ намѣченной цѣли, въ особенности когда спекуляція имѣетъ возможность прибѣгать къ такимъ средствамъ пополненія денежныхъ знаковъ, какъ отрѣзка досрочныхъ купоновъ процентныхъ бумагъ. Мы уже не говоримъ ни о билетахъ государственнаго казначейства, составляющихъ запасъ вполнѣ законныхъ денежныхъ знаковъ, ни о фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ, которыхъ также нельзя игнорировать и которые иногда могутъ очень долго оставаться въ обращеніи.

Но какое средство, скажетъ читатель, остановить обращеніе досрочныхъ купоновъ въ обществѣ, если люди соглашаются ихъ брать вмѣсто денегъ? Запретить этого невозможно, такъ какъ подобныя сдѣлки совершаются добровольно. Недавно, прибавитъ онъ, послѣдовало воспрещеніе платить купонами рабочимъ; но, какъ извѣстно, такое запрещеніе не имѣло никакого значенія, такъ какъ платящій купонами всегда можетъ обставить дѣло такъ, чтобы отрицать фактъ подобнаго платежа. Мы, конечно, не будемъ утверждать, что можно воспретить подобную расплату, но нельзя отрицать, что возможность подобнаго порядка создается тѣми условіями, въ которыя у насъ поставлены оплата срочныхъ купоновъ и пріемъ процентныхъ бумагъ въ залогъ какъ въ государственномъ, такъ и въ частныхъ банкахъ. Купоны оплачиваются у насъ въ кассахъ министерства финансовъ и государственнаго банка при ихъ предъявленіи отдѣльно отъ облигацій. Конечно, отрѣзка купоновъ раньше наступленія сроковъ платежа не могла бы имѣть мѣста, еслибъ подобнаго правила не существовало и еслибъ платежъ по купонамъ производился лишь въ томъ случаѣ, когда они предъявлены въ кассу вмѣстѣ съ бумагами. Но мы готовы согласиться, что такой порядокъ вещей былъ бы затруднителенъ не только для кассъ, но и для владѣльцевъ облигацій, и создавалъ бы возможность для кассировъ злоупотреблять подобнымъ порядкомъ оплаты. Но затѣмъ можно безъ всякихъ затрудненій установить правило, что при залогѣ бумагъ какъ въ государственномъ, такъ и частныхъ банкахъ, а также при представленіи ихъ въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ во всѣ правительственныя учрежденія купоны, которымъ сроки еще не наступили, должны находиться при бумагахъ, иначе послѣднія не должны приниматься въ залогъ. Мы увѣрены, что такое правило разомъ бы уничтожило всякую попытку пользоваться стоимостью досрочныхъ купоновъ; между тѣмъ, какъ настоящій порядокъ вещей, при которомъ лишь удерживается изъ назначенной ссуды стоимость

куноновъ, даетъ право думать, что подобное пользованіе нисколько не предосудительно и тѣмъ поощряетъ его.

Мы указываемъ на необходимость принять нѣкоторыя мѣры противъ этого зла на томъ основаніи, что оно парализуетъ всѣ усилія нашего финансоваго управленія—сколько-нибудь улучшить курсъ нашей валюты. Чтобъ судить о дѣйствительномъ значеніи этого зла, необходимо вспомнить, что правительство выплачиваетъ по купонамъ до ста милліоновъ рублей ежегодно внутри государства, а такъ какъ пишущему эти строки случалось видѣть въ ходу купоны за два и за три года впередъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что ихъ обращается на рынкѣ не менѣе какъ на 100 мил. рублей. Оставлять безъ вниманія такую цифру новыхъ незаконныхъ денежныхъ знаковъ никакъ бы не слѣдовало, между тѣмъ какъ та осторожность, съ которой у насъ готовятся приступить къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ, свидѣтельствуетъ, что какъ это обстоятельство, такъ и запасъ билетовъ государственнаго казначейства, которые могутъ также сдѣлаться платежными знаками, вовсе не принимаются въ соображеніе.

Также не принимается, повидимому, въ соображеніе и то количество кредитныхъ билетовъ, которое находится на заграничныхъ рынкахъ и которое во всякое время можетъ служить для пониженія ихъ курса. Еслибъ положеніе нашего рынка могло внушать опасеніе, что уничтоженіе значительнаго количества кредитныхъ билетовъ породитъ затрудненіе, то, конечно, не могло бы имѣть мѣсто такое явленіе, какъ предложеніе на продажу нашихъ кредитныхъ билетовъ не только въ Берлинѣ, но въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Всѣ эти билеты легко могутъ явиться въ петербургскихъ банкахъ при малѣйшемъ повышеніи ихъ курса; стало быть, опасаться недостатка денежныхъ знаковъ, когда курсъ ихъ падаетъ, невозможно, и намъ скорѣе угрожаетъ не недостатокъ ихъ, а избытокъ.

Повидимому, все это очень просто и ясно, и не замѣчать этого, конечно, наше финансовое управленіе не можетъ. Мы убѣждены, что оно лучше нашего понимаетъ дѣйствительное положеніе рынка, тѣмъ болѣе, что отсутствіе заграничнаго спроса на предметы нашего отпуска и полный застой въ торговлѣ, жалобы на который раздаются со всѣхъ сторонъ, не могутъ вызвать усиленнаго спроса на деньги. Чѣмъ же объяснить ту осторожность, о которой говорятъ газеты и которая заставила ограничить сумму кредитныхъ билетовъ, назначенную къ уничтоженію 30 мил. рублей, несмотря на то, что государственный банкъ находилъ, что въ кассахъ имѣется до 80 мил. излишнихъ кредитныхъ билетовъ и что изъ нихъ можетъ быть безъ неудобства уничтожено до 40 мил.? Намъ кажется, что въ виду двухлѣтняго опыта и нынѣшняго положенія рынка, можно не только согласиться съ государственнымъ банкомъ, что въ его кассахъ есть до 80 мил. рублей излишнихъ кредитныхъ билетовъ, но можно думать, что ихъ есть даже 100 мил.; а если они излишни, то, конечно, могутъ быть уничтожены и нѣтъ надобности ограничивать это количество ни 40, ни 30 милліонами.

Изъ всего, что нами высказано выше, втдно, что мотивомъ для такого рѣшенія не могли быть условія денежнаго рынка и если, какъ говорятъ газеты, такое рѣшеніе дѣйствительно состоялось, то его надо искать въ финансовомъ положеніи государственнаго казначейства. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе государственныхъ доходовъ къ расходамъ таковы, что безъ содѣйствія кредита обойтись какъ въ текущемъ, такъ и въ будущемъ году, едва ли возможно, и условія выпуска золотой ренты не настолько выгодны, чтобъ можно было разсчитывать на легкое осуществленіе заграничныхъ займовъ. Всякій же внутренній заемъ отнимаетъ у русской промышленности капиталы, въ которыхъ она не можетъ не нуждаться. Ясно, что посреди такихъ условій необходимо было оставить въ кассахъ государственнаго банка извѣстныя средства, которыя въ крайнемъ случаѣ могли бы служить воспособленіемъ къ средствамъ государственнаго казначейства, въ замѣнъ которыхъ банкъ можетъ получить какія-либо новыя обязательства государственнаго казначейства. Конечно, эта мѣра поведетъ за собою увеличеніе бумажнаго денежнаго обращенія на рынкѣ, но, вѣдь, мы говоримъ только о крайнемъ случаѣ, когда условія денежныхъ рынковъ не позволятъ прибѣгнуть къ другой операціи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о новомъ выпускѣ билетовъ государственнаго казначейства (серій) на 24 милліона рублей, о чемъ мы упомянули выше лишь мимоходомъ. Съ перваго взгляда заемъ въ этой формѣ представляется очень выгоднымъ для государственнаго казначейства, такъ какъ онъ оплачивается $4^1/_3\%$; но если принять въ соображеніе, что билеты эти принимаются во всѣ платежи государственному казначейству, т.-е. имѣютъ ту же самую гарантію, какъ и кредитные билеты, и служатъ, слѣдовательно, такимъ же платежнымъ средствомъ, то нельзя не согласиться, что они имѣютъ на рынкѣ совершенно одинаковое значеніе и могутъ вызывать одинаковыя послѣдствія съ бумажными деньгами, несмотря на то, что государственное казначейство платитъ за нихъ проценты. На этомъ основаніи билеты эти могутъ считаться наиболѣе вреднымъ видомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Такое значеніе этихъ денежныхъ знаковъ давно уже было сознано въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и къ увеличенію ихъ количества правительство давно уже перестало прибѣгать. Если же и дѣлались новые выпуски, то только для замѣны прежнихъ, въ виду положительной невозможности приступить къ погашенію этого долга. Нельзя отрицать, что бумаги эти въ послѣдніе годы очень рѣдко попадаются въ обращеніи, но это объясняется тѣмъ, что масса кредитныхъ билетовъ вытѣсняетъ ихъ съ рынка, такъ какъ гораздо выгоднѣе хранить денежный знакъ, приносящій $4^1/_3$ процента, чѣмъ вносить въ банкъ на текущій счетъ или хранить безпроцентныя бумажныя деньги. Но при сокращеніи бумажнаго денежнаго обращенія серіи не замедлятъ появиться на рынкѣ, будутъ играть одинаковую роль съ кредитными билетами и поэтому, разумѣется, никакого стѣсненія денежнаго рынка не произойдетъ, а, слѣдовательно, не

можетъ быть и пониженія товарныхъ цѣнъ, т.-е. возвышенія курса нашей валюты, до тѣхъ поръ, пока сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія не превзойдетъ количества выпущенныхъ билетовъ государственнаго казначейства. Вотъ почему при всѣхъ предположеніяхъ объ урегулированіи нашего денежнаго обращенія и о консолидаціи нашего безпроцентнаго долга вмѣстѣ съ количествомъ бумажныхъ денегъ принималось въ соображеніе и количество выпущенныхъ въ обращеніе серій, какъ подлежащее также консолидаціи, безъ которой всѣ заботы о сокращеніи бумажныхъ денегъ не могутъ привести къ достиженію намѣченной цѣли. Само собою разумѣется, что разрѣшеніе вопроса о времени этой консолидаціи нельзя рѣшить теоретически, а слѣдуетъ представить это рѣшеніе указанію практическаго опыта. Мы думаемъ, что въ настоящую минуту вся забота финансоваго управленія,—если только оно серьезно стремится къ возстановленію стоимости нашей валюты,—должно быть сосредоточено на сокращеніи количества кредитныхъ билетовъ; но появленіе въ обращеніи билетовъ государственнаго казначейства будетъ достаточнымъ признакомъ, что моментъ консолидаціи этого долга наступилъ. Тогда для правительства выгоднѣе будетъ погашать процентныя бумажныя деньги, чѣмъ безпроцентныя, а результатъ для денежнаго рынка будетъ одинъ и тотъ же.

При такомъ значеніи билетовъ государственнаго казначейства мы были немало удивлены, что финансовое управленіе для увеличенія своихъ ресурсовъ вновь прибѣгаетъ къ такому крайнему средству, которое давно уже было признано вреднымъ и парализующимъ дѣйствіе тѣхъ мѣропріятій, которыя направлены на возстановленіе стоимости кредитнаго рубля. Изъ этого факта мы можемъ вывести только одно заключеніе, что въ данное время возстановленіе цѣнности нашей валюты считается невозможнымъ, хотя, съ другой стороны, заемъ въ металлической валютѣ и указываетъ на существующее стремленіе къ подобной цѣли.

То же слѣдуетъ сказать и о краткосрочныхъ четырехъ-процентныхъ обязательствахъ государственнаго казначейства. Бумаги эти, конечно, не служатъ платежнымъ знакомъ, но онѣ, въ виду низкаго ихъ процента, не покупаются и публикой, а всецѣло поступаютъ въ государственный банкъ, увеличивая счетъ процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ банку, а потому представляютъ только замаскированный выпускъ банкомъ кредитныхъ билетовъ за счетъ государственнаго казначейства, что также не можетъ содѣйствовать повышенію курса нашей валюты, а, напротивъ, имѣетъ совершенно обратное дѣйствіе.

Предпосылая все сказанное до сихъ поръ обсужденію новаго металлическаго займа, мы имѣли въ виду показать, при какихъ условіяхъ должна была совершиться эта операція. Условія эти, какъ оказывается, далеко не были благопріятны и нашъ кредитъ на заграничныхъ рынкахъ вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, а также въ виду различныхъ политическихъ соображеній, оказывался далеко не въ авантажѣ. Поэтому нисколько не-

удивительно, что министерство финансовъ, имѣя передъ собою безусловную необходимость найти средства для уплаты 50 мил. руб. государственному банку и покрыть нѣкоторые желѣзнодорожные расходы, было вынуждено предложить капиталистамъ особенно выгодныя для нихъ условія: оно не имѣло возможности ни выжидать болѣе благопріятной минуты, ни рисковать неудачей, тѣмъ болѣе, что при прошлогоднемъ займѣ наши банки и банкиры, оставившіе весь заемъ за собою, не только не имѣли никакой выгоды, но, повидимому, потерпѣли убытки, а такія обстоятельства могутъ до извѣстной степени умѣрить то *чувство патріотизма*, которымъ,—какъ говорила тогдашняя городская молва,—они были увлечены въ прошломъ году.

Теперь мы обратимся къ тѣмъ возраженіямъ, которыя были сдѣланы въ литературѣ противъ золотой ренты, и посмотримъ насколько они были основательны.

Прежде всего послышались упреки въ томъ, что рента выпущена въ металлической, а не кредитной валютѣ. Но намъ кажется, что простая логика требовала этого. Если въ правительственныхъ сферахъ остается какая-либо надежда на возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, то оно по необходимости должно было выпустить заемъ въ металлической валютѣ, такъ какъ, выпуская въ кредитной, оно получало бы дешевые кредитные билеты, а принуждено было бы платить проценты или, въ случаѣ необходимости, возвращать капиталъ дорогими деньгами, что было бы совершенно невыгодно и несправедливо. Затѣмъ, еслибъ правительство выпустило заемъ въ кредитной валютѣ, то этимъ оно подрывало бы свои средства для изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія и тѣмъ заявило бы, что оно само не разсчитываетъ на возможность возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. На этомъ основаніи мы думаемъ, что всѣ займы, совершонные со времени заключенія мира въ кредитной валютѣ, были значительною ошибкой. Будь они въ металлической, правительство могло бы значительную ихъ часть употребить на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и курсъ нашей валюты былъ бы теперь много выше, чѣмъ въ настоящую минуту. На этомъ основаніи заемъ въ металлической валютѣ былъ мѣрою вполнѣ раціональною.

Затѣмъ было высказано, что финансовое управленіе назначило слишкомъ низкую цѣну облигацій этого займа при такомъ высокомъ процентѣ, а именно при полной оплатѣ 96½%. Такой упрекъ едва ли имѣетъ свои основанія. По всей вѣроятности, финансовое управленіе имѣло предварительные переговоры съ банкирами и установило такой курсъ и такой процентъ, выгоднѣе которыхъ на заграничныхъ рынкахъ нельзя было достигнуть по условіямъ нашего финансоваго положенія. Нельзя конечно отрицать, что при сравненіи биржевыхъ цѣнъ на различные наши займы какъ на Петербургской, такъ и на Берлинской, съ выпускной цѣной золотой ренты, цѣны послѣдней кажутся чрезвычайно низкими. Такъ, наши пятипроцентные восточные займы стояли до подписки 92%, а поэтому 6% заемъ по этому

разсчету долженъ былъ стоить 110 руб. Нашъ 6% заемъ прежнихъ лѣтъ стоялъ на биржѣ 113 руб. Но отъ того, что новый заемъ выпущенъ въ металлической валютѣ, цѣна облигацій могла только выиграть, а не потерять. Наши консолидированныя 5% облигаціи дѣйствительно стоятъ нѣсколько ниже какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, а именно 85%, и по сравненію съ этой цѣной золотая рента должна стоить 102%; но этотъ курсъ объясняется низкой цѣной, по которой облигаціи выпускались въ прежнее время, такъ какъ это обстоятельство сохраняетъ на долго свое значеніе. Еслибы выпускная цѣна не имѣла значенія, то въ виду такого курса консолидированныхъ облигацій наши восточные займы не могли бы стоять такъ высоко. Кромѣ того наши 4% облигаціи Николаевской желѣзной дороги на Берлинской биржѣ стояли 77%, а 4% консолидированныя облигаціи послѣдняго выпуска 72%. По сравненію съ этими бумагами золотая рента должна бы стоить 115% и 108% Намъ могутъ замѣтить, что здѣсь имѣетъ значеніе премія, получаемая при погашеніи, которое производится по номинальной цѣнѣ, тогда какъ выпускъ бываетъ по болѣе низкой; но разница въ этомъ случаѣ не можетъ быть такъ значительна. Ежегодный шансъ выпаденія въ тиражъ такъ незначителенъ, что онъ можетъ цѣниться не болѣе, какъ въ два или три процента на стоимость бумаги. Если мы возьмемъ цѣну нашихъ бумагъ, о которыхъ мы говорили, на Петербургской и Берлинской биржахъ и оцѣнимъ премію на 4% облигаціи даже въ три процента, то оказывается, что средняя цѣна 6% бумаги составится изъ четырехъ цѣнъ: 110, 102, 111 и 105, т.-е. будетъ равна 107%. Мы понимаемъ, что подписчики должны имѣть выгоду противъ средней биржевой цѣны, иначе они не согласятся принять условій подписки, но такая выгода не должна же превышать 4—5%. Такимъ образомъ казалось бы, что по этимъ весьма выгоднымъ для капиталистовъ условіямъ 6% золотая рента могла быть выпущена по 102 при полной оплатѣ, между тѣмъ какъ цѣна ей была назначена 96½%, т.-е. на 5½% ниже. Все это, конечно, совершенно вѣрно, но если предварительные переговоры, безъ которыхъ не можетъ состояться никакой заемъ, не представляли возможности установить эти условія, то отсюда можно заключить, что кредитъ нашъ на заграничномъ рынкѣ со времени послѣднихъ заграничныхъ займовъ до извѣстной степени пошатнулся и потому потребовались болѣе выгодныя условія, чтобъ привлечь капиталистовъ къ подпискѣ. Но, скажутъ намъ, вѣдь, находятся же капиталисты, которые платятъ указанныя выше цѣны на бумаги, прежде выпущенныя. Подобныя возраженія могутъ быть сдѣланы людьми, не вникавшими въ дѣло. На обыкновенныя биржевыя цѣны имѣетъ большое вліяніе та публика, которая помѣщаетъ въ бумагахъ свои сбереженія; она въ своихъ привычкахъ довольно постоянна и продолжаетъ покупать тѣ бумаги, къ которымъ привыкла, хотя бы обстоятельства до нѣкоторой степени измѣнились. При подпискѣ же необходимо нужно имѣть въ виду совсѣмъ другихъ людей, которые покупаютъ бумаги не для

помѣщенія въ нихъ своихъ сбереженій, а для перепродажи. Только эти люди имѣютъ всегда готовыя средства для того, чтобъ обезпечить подписку, и безъ нихъ ничего не подѣлаешь. Между тѣмъ, эти люди имѣютъ смѣкалку и знаютъ гдѣ раки зимуютъ, а потому при извѣстныхъ обстоятельствахъ, т.-е. при извѣстной необходимости въ ихъ содѣйствіи, условія диктуются не финансовымъ управленіемъ, а этими подписныхъ дѣлъ мастерами, въ особенности, если заемъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, не можетъ быть отсроченъ, что для подобныхъ господъ, конечно, не могло быть секретомъ. На этомъ основаніи мы никакъ не можемъ ставить въ вину финансовому управленію невыгодность условій займа, такъ какъ эти условія опредѣляются фактическимъ положеніемъ дѣлъ данной минуты.

Утверждали также, что высокій процентъ, назначенный по займу, будетъ имѣть послѣдствіемъ пониженіе всѣхъ другихъ нашихъ бумагъ, обращающихся на заграничныхъ биржахъ, и вслѣдствіе этого явится невыгоднымъ для Россіи прецедентомъ при будущихъ русскихъ займахъ, что если до сихъ поръ онъ не вызвалъ значительнаго пониженія, то это только вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ займа. Что касается высоты процента, то мы думаемъ, что гораздо правильнѣе назначать такой процентъ, который допускалъ бы возможность реализаціи бумагъ по цѣнѣ номинальной или близко къ ней подходящей, чѣмъ понижая его, вмѣстѣ съ тѣмъ понижать и выпускную цѣну бумагъ, напрасно увеличивая такимъ образомъ номинальную цифру долга и премію по выходящимъ въ тиражъ бумагамъ. Эта послѣдняя система займовъ создаетъ ничѣмъ не заслуженный барышъ для капиталистовъ, вызываетъ ажіотажъ и является переложеніемъ бремени настоящаго поколѣнія на будущее, на что мы едва ли имѣемъ право, такъ какъ не можемъ знать, въ какихъ обстоятельствахъ оно будетъ находиться. Относительно же возможности пониженія нашихъ цѣнностей, выпущенныхъ на условіяхъ болѣе благопріятныхъ, и невыгодности подобнаго прецедента для дальнѣйшихъ русскихъ займовъ, неизбѣжность которыхъ отрицать никто не будетъ, то, конечно, надо согласиться, что только ограниченность размѣровъ займа не вызвала до сихъ поръ значительнаго пониженія курса нашихъ бумагъ, но нѣкоторое пониженіе дѣйствительно существуетъ и вызывается, конечно, желаніемъ замѣнить менѣе выгодную болѣе выгодной бумагой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя оспаривать и того предположенія, что послѣ настоящаго займа, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, болѣе выгодныя условія для нашего займа не только стали невозможными, но что нѣтъ ничего мудренаго, если эти условія сдѣлаются менѣе благопріятными и командиры денежнаго рынка возвысятъ свои требованія. Если же это будетъ такъ, то каждый новый заемъ для уплаты государственному банку остальныхъ 250 милліоновъ (на что у насъ не имѣется въ виду никакихъ другихъ источниковъ, помимо займовъ) будетъ сопровождаться болѣе невыгодными для государственнаго казначейства послѣдствіями и можетъ даже остановить исполненіе плана, разсчитаннаго на восемь лѣтъ впередъ.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство, въ особенности при какихъ-нибудь международныхъ осложненіяхъ, возможность которыхъ въ ближайшемъ будущемъ отрицать никакъ нельзя, представляетъ новое доказательство, почему мы не можемъ признать планъ погашенія безпроцентнаго долга государственному банку правильнымъ: случайныя обстоятельства, которыхъ предусмотрѣть положительно невозможно, могутъ помѣшать его исполненію.

По нашему крайнему разумѣнію, такое погашеніе гораздо вѣрнѣе могло быть исполнено при одновременномъ займѣ въ металлической валютѣ всей необходимой для этого суммы. Для достиженія подобной цѣли даже болѣе выгодныя для капиталистовъ условія займа, чѣмъ золотая рента, не могли быть обременительны для Россіи, въ виду тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать отъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. Но даже неудача подобной операціи и невозможность разомъ помѣстить на денежномъ рынкѣ такого значительнаго количества облигацій не повлекла бы за собою такихъ послѣдствій, какихъ можно ожидать въ случаѣ невозможности дальнѣйшаго погашенія долга по принятому нынѣ порядку: при неудачѣ операціи одновременнаго займа положеніе дѣлъ осталось бы въ прежнемъ видѣ и не было бы принесено никакихъ частичныхъ и притомъ напрасныхъ жертвъ. Тогда бы пришлось прибѣгнуть къ девальваціи, какъ къ послѣднему средству; но очень немудрено, что и теперь намъ придется прибѣгнуть къ этому средству для упроченія нашей валюты, но только послѣ принесенныхъ жертвъ и, слѣдовательно, при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Въ заключеніе намъ остается сдѣлать одно замѣчаніе по поводу той осторожности, съ которой наше финансовое управленіе приступаетъ къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ. Если, говоря выше о причинахъ этой осторожности и считая этой причиной финансовое положеніе государственнаго казначейства, мы ошибались, если дѣйствительнымъ мотивомъ такой осторожности были дѣйствительно опасенія стѣснить обороты государственнаго банка и тѣмъ самымъ обороты его кліентовъ, то позволительно остановиться на вопросѣ, что важнѣе: прекращеніе ли того ненормальнаго порядка вещей, который вызывается низкимъ курсомъ нашей валюты и отъ котораго терпитъ убытки цѣлая Россія, или временное стѣсненіе денежнаго рынка, отъ котораго пострадаютъ одни капиталисты, умѣвшіе въ послѣдніе годы наживать милліоны вслѣдствіе обилія денежныхъ знаковъ и паденія ихъ цѣнности? Мы думаемъ, что стѣсненіе оборотовъ государственнаго банка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежнаго рынка, какихъ бы размѣровъ оно ни достигало, можетъ затрогивать лишь интересы той кучки людей, представителемъ интересовъ которой служитъ государственный банкъ, т.-е. того класса, который, не производя ничего, обогащается на счетъ производителя и потребителя. Сколько бы ни потерялъ этотъ классъ людей, онъ потерялъ бы лишь то, что умѣлъ нажить въ послѣднее время, и русскій народъ по-

ложительно не почувствовалъ бы никакого стѣсненія отъ подобныхъ потерь; между тѣмъ какъ настоящій порядокъ вещей отзывается на всѣхъ классахъ народа и преимущественно на плательщикахъ податей вслѣдствіе возрастанія государственнаго бюджета и увеличенія налоговъ. Какимъ же образомъ, спросили мы, можно ставить въ какое-нибудь сравненіе интересы цѣлой массы русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго казначейства съ интересами незначительной кучки людей, которая группируется около государственнаго банка, и интересы которой могутъ пострадать отъ стѣсненія денежнаго рынка? Смѣло отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, что эти послѣдніе интересы въ данномъ случаѣ не заслуживаютъ такого вниманія. Между тѣмъ, люди, не раздѣляющіе нашего взгляда и опасающіе стѣснить денежный рынокъ, не замѣчаютъ того, что они, охраняя отъ замѣтныхъ потерь эту кучку людей, вызываютъ незримыя потери для милліоновъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ потери для государственнаго казначейства, такъ какъ быстрое возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля могло бы упрочить наше финансовое положеніе и избавило бы отъ тѣхъ частичныхъ жертвъ, принесеніе которыхъ можетъ оказаться совершенно напраснымъ.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

О дѣятельности Благотворительнаго общества при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы чернорабочихъ въ Москвѣ.

1-го декабря текущаго года происходило открытіе дѣйствій Благотворительнаго Общества при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы чернорабочихъ. Общество это, имѣющее въ настоящее время болѣе 70 членовъ. фактически существуетъ уже три года и имѣетъ пріютъ, въ помѣщеніи коего (Селезневская улица, домъ Игнатова, близъ Сущевской части) и происходило первое общее собраніе. Изъ устава этого Общества видно, что цѣль его заключается въ слѣдующемъ:

1) оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ, находящимся въ Старо-Екатерининской больницѣ и выходящимъ изъ нея, а равно и ихъ семействамъ;

2) снабжать выздоровѣвшихъ больныхъ одеждою и самымъ необходимымъ для существованія на первое время по выходѣ изъ больницы;

3) снабжать нуждающихся необходимыми для нихъ медицинскими приспособленіями (костылями, бандажами и т. д.).

4) содержать дѣтей тѣхъ родителей, которые, поступая въ больницу, не могутъ оставить ихъ на чье-либо попеченіе;

5) помѣщать этихъ дѣтей, въ случаѣ надобности, въ какія-нибудь заведенія;

6) сверхъ того, если позволятъ средства, учреждать при пріютѣ особыя постоянныя отдѣленія для тѣхъ выходящихъ изъ больницы, которые по слабости, по старости или инымъ уважительнымъ причинамъ окажутся совершенно уже неспособными прокормить себя работой, а равно и для тѣхъ дѣтей, которыхъ не удастся помѣстить въ какое-либо заведеніе *(§ 1 устава Общества)*.

Изложенное говоритъ само за себя. Излишне распространяться насколько, при такой цѣли, дѣятельность этого Общества можетъ быть благотворна. Учредительницы этого Общества начали дѣло съ крайне скудными средствами,—въ ихъ распоряженіи было всего 500 рублей. Дѣло встрѣ-

тило сочувствіе во многихъ. Частная благотворительность поддержала его, дала возможность еще, до оффиціальнаго открытія дѣйствій Общества, вести его почти три года, основать и содержать пріютъ. Пріютъ этотъ въ настоящее время имѣетъ три отдѣленія: мужское, женское и дѣтское. Чрезъ него по 1 ноября текущаго года прошло 452 человѣка (297 мужчинъ, 85 женщинъ и 70 дѣтей), кромѣ того, Общество оказало пособіе еще 15 человѣкамъ, не бывшимъ въ пріютѣ. Одежды и обуви роздано 843 штуки. Изъ числа бывшихъ въ пріютѣ 6 человѣкъ взрослыхъ размѣщены въ другія благотворительныя заведенія и пристроено 22 дѣтей.

Пріютъ устроенъ весьма просто, скромно, безъ всякой не подобающей въ такомъ дѣлѣ роскоши. Пріемъ желающихъ поступить въ пріютъ происходитъ по указанію больничнаго доктора, безъ всякихъ формальностей. Въ пріютѣ они безпрепятственно остаются до тѣхъ поръ, пока совершенно не окрѣпнутъ силами и не найдутъ себѣ подходящаго труда. Никакой обязательной работы на нихъ не лежитъ и днемъ они свободно могутъ уходить для пріисканія себѣ мѣста. Имѣющимъ просроченные паспорты или адресные билеты таковые выправляются на счетъ пріюта; желающихъ уѣхать на родину отправляютъ въ сопровожденіи прислуги на вокзалъ, гдѣ имъ покупаютъ билетъ и даютъ на дорогу деньги, соразмѣряя количество ихъ по времени, которое требуется провести въ дорогѣ; нуждающимся выдается и одежда, соотвѣтствующая времени года, и вообще все необходимое.

Что касается дѣтей, то болѣе взрослыя изъ нихъ, во время пребыванія въ пріютѣ, обучаются грамотѣ или какимъ-нибудь рукодѣліямъ, а затѣмъ или возвращаются родителямъ, въ случаѣ желанія послѣднихъ, или же, какъ выше сказано, помѣщаются въ какія-либо учебныя или ремесленныя заведенія.

Служебный персоналъ пріюта состоитъ изъ двухъ прислугъ и надзирательницы, на обязанности которой, кромѣ наблюденія за чистотою и порядкомъ въ пріютѣ, лежитъ еще закупка провизіи и раздача призрѣваемымъ пищи.

Въ случаѣ заболѣванія кого-либо изъ находящихся въ пріютѣ, ихъ или тотчасъ же отправляютъ обратно въ больницу, или, если родъ болѣзни ихъ не требуетъ лѣченія въ больницѣ, они, оставаясь въ пріютѣ, пользуются совѣтами больничныхъ докторовъ и уходомъ нѣкоторыхъ изъ фельдшерицъ.

На содержаніе пріюта и на пособіе призрѣваемымъ израсходовано:

въ 1881 году	. . . . .	2,397 р.	71 к.
» 1882 »	. . . . .	2,706 »	69 »
» 1883 »	(по 1 ноября)	2,411 »	96 »
	Всего . . .	7,516 р.	36 к.

На 1 ноября у общества оставался капиталъ въ 8,807 р. 52 к.

Какъ ни утѣшительны результаты дѣятельности этого учрежденія, тѣмъ не менѣе существованіе его далеко нельзя считать обезпеченнымъ. Насущная нужда Общества—имѣть собственный домъ для помѣщенія пріюта. Въ хорошія помѣщенія домохозяева не пускаютъ пріюта, имѣющаго дѣло съ больницей, и приходится доброму дѣлу ютиться въ плохомъ, нездоровомъ и неудобномъ жилищѣ. Да и помимо этого, для самаго существованія пріюта, для дальнѣйшаго развитія дѣятельности Общества собранныхъ средствъ недостаточно.

Позволяемъ себѣ думать, что въ насъ, русскихъ людяхъ, не оскудѣлъ еще духъ христіанской любви къ ближнему и между нами найдется достаточно теплыхъ сердецъ, готовыхъ откликнуться на нужды несчастныхъ, облегчить участь безпріютныхъ, холодныхъ и голодныхъ, сохранить многимъ изъ нихъ жизнь, и призрѣвъ осиротѣвшихъ дѣтей, дать имъ возможность сдѣлаться впослѣдствіи честными тружениками.

Пожертвованія принимаются деньгами, вещами, бѣльемъ, старымъ платьемъ, припасами и проч.

Лица, желающія жертвовать, могутъ обращаться:

къ предсѣдательницѣ правленія Общества Варварѣ Сергѣевнѣ Ершовой, Гагаринскій переулокъ, домъ кн. Оболенской;

къ завѣдующей пріютомъ княжнѣ Маріи Александровнѣ Ливенъ, Грузинская площадь, д. Дмитріева;

къ казначею общества Александру Ивановичу Барановскому, на Арбатѣ, въ домѣ Сабашниковыхъ;

къ секретарю Общества Платону Алексѣевичу Богданову, Сытинскій переулокъ, домъ Житарева

или въ пріютъ Общества, Селезневская улица, домъ Игнатова, близъ Сущевской части.

Членами Общества могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, платящія на нужды Общества не менѣе пяти рублей въ годъ; для поступленія въ члены ничего иного не требуется, кромѣ уплаты этого взноса.—

О ПЕЧАТКИ

въ декабрьской книгѣ 1883 г. въ статьѣ И. И. Дитятина «Къ исторіи земскихъ соборовъ».

Страница.	*Строка.*	*Напеч.*	*Слѣд читать.*
89	19 сверху	нельзи заключить	нельзя не заключить
89	30 и 31 св.	между тѣмъ, и въ другихъ отвѣтахъ	между тѣмъ и другимъ отвѣтами
95	11 сверху	бродятъ мести дворъ	бродятъ межъ дворъ
102	19 »	молчанье	мотчанье
105	3 »	Ниданію	Нижній-Новгородъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

8

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1884.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ Магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

DUPLICATE.

DUPLICATE.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СУДЪ НАДЪ ИСТОРІЕЙ. (Нѣчто о философіи исторіи).—**Н. И. Карѣева**. 1

II. ЕВРОПЕЙСКІЕ ИНТЕРЕССЫ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ И АЗІАТСКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.—**А. И. Воейкова**. 31

III. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.—Гл. VI и VII. *Продолженіе*.—**В. И. Семевскаго** . 75

IV. КАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. VII—X. *Продолженіе*.—**В. И. Немировича-Данченко** 121

V. МАЗЕПИНЦЫ. Гл. III. *Продолженіе*.—**Н. И. Костомарова** . . . 155

VI. АВДОТЬЯ-ДВУМУЖНИЦА. Разсказъ изъ народнаго быта.—**Д. К. Гирса**. 168

VII. Э. ЛИТТРЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ. **Г. Каро**. Переводъ съ французскаго. Гл. II. *Продолженіе* 198

VIII. СИЛЬВЕКЪ. Романъ **Элизы Ожешковой**. Переводъ съ польскаго. Часть I. гл. III и часть II, гл. I. *Продолженіе*. 221

IX. ФИЛИНЪ. Романъ **Фридриха Шпильгагена**. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть I, гл. V—XV. *Продолженіе* 265

X. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ВОЛГАРІИ. Гл. I и II.—**Ѳ. Кондратовича**. 1

XI. БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскія книги.

«Слово и дѣло». *М. И. Семевскаго*. Спб., 1884.—«Сводный старообрядческій синодикъ». *Изд. А. Н. Пыпина*. Спб., 1883.—«Исторія классическаго періода греческой литературы». *Магаффи*. (Пер. А. Веселовской, изд. г. Солдатенкова). Москва, 1883.—«За Дунаемъ». *В. И. Немировича-Данченко*. Москва, 1884.—«Бѣжинъ лугъ» и «Дядюшка Яковъ». Складныя картинки. *Изд. А. А. Попова*. Москва, 1884.—«Сочиненія Павла Якушкина». *Изд. В. Михневича*. Спб., 1884 21

Иностранныя книги.

«Психологія ассоціаціи, съ Гоббса до нашихъ дней». *Луи Ферри*. («La psychologie de l'association». *Luis Ferri*. 1882).—«Очеркъ психологіи или ученія о развитіи душевной жизни въ человѣкѣ». *Людвига Штрумпелля*. («Grundriss der Psichologie oder der Lehre von der Entwickelung des Seelenlebens in Menschen». *Ludwig Strmpell*. Leipzig, 1884).—«Происхожденіе разума». *Юліуса Келлера*. («Der Ursprung der Vernunft». *Julius* Keller. Heidelberg, 1884).—Новыя сочиненія о соціализмѣ. («Les origines du Socialisme contemporain». *Paul Janet*.—«Le Socialisme contemporain». *Emile de Laveleye*.—«Der Emansipationskampf des vierten Standes». *R. Meyer*). 31

Стр.

XII. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Гл. II.—*Продолженіе.*—**В. Н. Григорьева** 40

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отчетъ государственнаго контроля за 1882 г.—Результаты заключенія государственной росписи на 1882 г.—Государственная роспись на 1884 г.—Общая программа министерства финансовъ 77

XIV. ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ «ЗАПИСКАМЪ СУМАСШЕДШАГО» Н. В. ГОГОЛЯ. ИЗД. К. ШАПИРО.—**Ан.** 106

XV. МАЛЕНЬКІЙ ОТВѢТЪ КРИТИКУ. По поводу новой замѣтки г. Слонимскаго.—**Н. И. Карѣева.** 111

Приложеніе: МАКБЕТЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Шекспира. Пер. **С. А. Юрьева** . . . . . 33—64

СУДЪ НАДЪ ИСТОРІЕЙ.

(Нѣчто о философіи исторіи).

I.

Въ мірѣ человѣческой мысли есть предметы, которыхъ постигаетъ странная судьба: напишите объ одномъ изъ такихъ предметовъ цѣлую книгу, громадный томъ, одолѣть который не у всякаго хватитъ терпѣнія,—всегда найдутся люди, чтобы сказать вамъ, что вы не исчерпали предмета, и, въ то же время, о томъ же самомъ вы можете написать статью, брошюру, въ которой коротко и ясно вы представите то, что не исчерпывается, повидимому, цѣлымъ томомъ. Къ числу такихъ предметовъ относится такъ называемая *философія исторіи*.

Философія исторіи!... Что такое въ самомъ дѣлѣ эта философія исторіи, о которой вотъ уже болѣе столѣтія говорятъ и пишутъ на всевозможныхъ языкахъ и люди всевозможныхъ профессій? Что такое, спрашиваемъ мы, философія исторіи? И вы, читатель, имѣете право повторить этотъ вопросъ, потому что сами станете недоумѣвать, если пороетесь въ литературѣ, посвященной философіи исторіи, или только прислушаетесь къ разговорамъ, касающимся этого предмета. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ будетъ развивать передъ вами древнюю мысль, что «исторія есть наставница жизни» (historia est magistra vitae), своего рода моралистка по формулѣ—«сей басни смыслъ таковъ».—и сообразно съ такимъ взглядомъ на нашу науку опредѣлитъ характеръ ея философіи. Не успѣли вы вдуматься въ эту мысль, какъ приходитъ къ вамъ другой и, исходя совсѣмъ изъ другаго взгляда на задачи человѣческаго знанія, доказываетъ вамъ приблизительно

слѣдующее: когда не было химіи, была алхимія, когда не было астрономіи, была астрологія; теперь алхиміи и астрологіи нѣтъ, а есть химія и астрономія; таково же отношеніе между философіей исторіи и соціологіей, а такъ какъ пора же, наконецъ, создать положительную науку объ обществѣ, то по боку философію исторіи. Третій не такъ радикаленъ, и для него философія исторіи только синонимъ именно этой самой соціологіи. Четвертаго не удовлетворяетъ и это рѣшеніе вопроса: онъ видитъ въ спорной наукѣ, такъ сказать, квинтъ-эссенцію исторіи, что, согласитесь, не одно и то же, что наука объ обществѣ. Наконецъ, пятый заявитъ вамъ, что, по его мнѣнію, это система предписаній о томъ, какъ слѣдуетъ заниматься исторической наукой. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ? Болѣе ста лѣтъ говорятъ и пишутъ о вещи, которая до сихъ поръ не опредѣлена, какъ слѣдуетъ, и которая является передъ вами, какъ Протей, подъ тысячами образовъ. Вотъ почему, начиная говорить о предметѣ, соприкасающемся съ философіей исторіи, мы хотимъ прежде всего опредѣлить, въ какомъ смыслѣ мы будемъ употреблять это выраженіе.

Мы нисколько не противъ того, чтобы извлекать изъ исторіи мораль: опытъ вѣковъ не долженъ же пропадать для насъ даромъ, — но мораль морали рознь: одно дѣло извлекать поученія изъ отдѣльныхъ фактовъ, хотя бы, напр., о непрочности человѣческаго величія по поводу печальнаго конца Наполеона I, другое — извлечь нѣчто поучительное изъ всего хода исторіи, философское изученіе которой можетъ показать намъ, куда мы идемъ и куда придемъ, если будемъ относиться къ исторической жизни спустя рукава, какъ относились къ ней культурные народы Востока и Запада, жившіе до и послѣ нашей эры, пока не задумались надъ внутреннимъ смысломъ великой драмы человѣчества. Развѣ это алхимія, развѣ это астрологія? Вотъ, если вы будете додумываться до сокровенной сущности исторіи, не отряхая пыли съ вѣковыхъ хартій, а «доходя до всего собственнымъ умомъ», строя поэтически-воздушные замки, то *это* будетъ алхимія и астрологія. Но ненадежность воздушныхъ замковъ все болѣе и болѣе дѣлается очевидною, и скоро не останется на бѣломъ свѣтѣ ни одного человѣка, который считалъ бы возможнымъ построить всемірную драму изъ однѣхъ категорій логики. А, вѣдь, были такіе люди, и они-то такъ дискредитировали философію исторіи, что приходится доказывать многимъ ея право на существованіе, хотя и съ

опаской, какъ бы васъ не причислили къ сонму обскурантовъ, астрологовъ и алхимиковъ. Дѣло, однако, не упрощается, если вы убѣдите невѣрующихъ, что можно создать научную философію исторіи: на первыхъ порахъ вы достигаете только того, что ваши противники заключаютъ коалицію съ тѣми, которые признаютъ тождество философіи исторіи съ соціологіей. Новыя недоразумѣнія, новые споры! Противъ васъ выходятъ теперь противники съ знаменемъ, на которомъ начертано: соціологія единая и нераздѣльная! То-есть: или философія исторіи то же самое, что соціологія, или она не должна существовать.

Мы имѣемъ претензію думать иначе: это само по себѣ, а то само по себѣ. Пусть соціологія изслѣдуетъ *законы*, которыми управляются общественныя явленія, пусть философія исторіи укажетъ вамъ на послѣдовательную смѣну соціальныхъ *явленій* во времени. Есть законы психологіи, управляющіе духовною жизнью людей, но если существуетъ психологія, то резонъ ли уничтожать біографіи, а, вѣдь, исторія есть именно біографія человѣчества, и подобно тому, какъ изъ всякаго жизнеописанія можно извлечь нѣкоторую квинтъ-эссенцію, называемую характеристикой, такъ можно дать характеристику исторіи отдѣльныхъ народовъ и всего человѣческаго рода, и она-то, эта характеристика, должна называться философіей исторіи. Вы, положимъ, соціологъ,—вотъ примѣрная программа вашей науки: понятіе объ обществѣ, роды и виды соціальныхъ союзовъ, ихъ строеніе и функціи, семья, родъ, племя, государство, законы ихъ развитія и т. д. въ этомъ родѣ. Совсѣмъ по другому плану вы будете писать философію исторіи, и этотъ планъ, вѣроятно, будетъ такой: древнѣйшія цивилизаціи Востока, греческій міръ, Римъ и его имперія, средніе вѣка, новое время и т. п. Нужно же, вѣдь, связать въ одно цѣлое то, что называется всемірно-историческимъ процессомъ и внести въ изученіе этого цѣлаго одну руководящую идею, извѣстную точку зрѣнія, прогрессируемъ мы или регрессируемъ, смѣняются ли вѣкъ золотой серебрянымъ, серебряный мѣднымъ, мѣдный желѣзнымъ, или же смѣна эта происходитъ въ обратномъ порядкѣ, если только не окажется лучшимъ сравнить исторію съ приливами и отливами, съ круговоротомъ небесныхъ свѣтилъ и другимъ чѣмъ-нибудь подобнымъ. Такъ и смотримъ мы на задачу философіи исторіи, которой позволяемъ мирно существовать рядомъ съ соціологіей. Въ какихъ отношеніяхъ должны между собою находиться обѣ науки,—это другой вопросъ, о которомъ распростра-

няться здѣсь не мѣсто: намъ довольно указать на то, что у каждой своя особая задача,—у одной характера аналитическаго, у другой синтетическаго.

Такъ вотъ что, по нашему, философія исторіи. Передъ вами вся жизнь человѣчества: мало громаднаго тома, чтобы исчерпать этотъ предметъ, и, въ то же время, достаточно сравнительно небольшой брошюры, чтобы изложить въ ней квинтъ-эссенцію исторіи, въ рядѣ формулъ, обобщающихъ смыслъ отдѣльныхъ моментовъ процесса.

Но почему, спросятъ насъ, не назвать этого,—конечно, если имѣется въ виду, по крайней мѣрѣ, солидныхъ размѣровъ томъ,—почему не назвать этого исторіей цивилизаціи? Да, и исторіи цивилизаціи писались: писалъ Гизо, писалъ Бокль, писали нѣмцы, предпочитая, впрочемъ, терминъ *культура*, да и насъ судьба не обидѣла, хотя, къ сожалѣнію, намъ на память приходитъ только имя г. Жеребцова, издавшаго на французскомъ языкѣ сочиненіе о русской цивилизаціи. Конечно, изъ-подъ пера этихъ и другихъ изслѣдователей выходили книги далеко неодинаковаго достоинства, но задача ихъ приблизительно была одинакова.—и знаете ли, къ нашему понятію о философіи исторіи онѣ подходятъ, дѣйствительно, довольно близко. Но мы, все-таки, не хотѣли бы помириться на этомъ названіи, какъ оно ни благозвучно: по крайней мѣрѣ, открытыхъ враговъ цивилизаціи меньше, чѣмъ явныхъ скептиковъ относительно всякой философіи. Вотъ нашъ резонъ. Мы говоримъ «философія исторіи», но *чьей* исторіи? Конечно, исторіи человѣческой, исторіи людей. Помните ли вы глубокаго смысла слова великаго Учителя: «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка»? Такъ вотъ въ исторіяхъ цивилизаціи мы часто имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ, а съ такой *субботой*, которая и называется въ данномъ случаѣ цивилизаціей: въ исторію людей войдетъ повѣствованіе объ этой *субботѣ*, изъ исторіи цивилизаціи человѣкъ можетъ легко ускользнуть во имя чего-то *an und für sich;* не все же, вѣдь, въ исторіи было цивилизаціей, много было въ ней вещей всякаго рода, которыя назывались совершенно иначе, вродѣ глада, мора, труса, нашествія иноплеменниковъ. Зачѣмъ подходить къ наукѣ съ предвзятою мыслью и на заголовкѣ книги, многія и многія страницы которой могутъ назваться мартирологомъ, писать слово *цивилизація*, съ самыми звуками котораго сраслось представленіе о довольствѣ и комфортѣ? Притомъ будемъ послѣдовательны: цивилизація, вѣдь, абстрактъ,

общее и очень расплывчатое понятіе; только метафизики особаго закала способны были бы представить ее въ видѣ нѣкотораго рода сущности и художники, слишкомъ злоупотребляющіе аллегоріей, въ видѣ, положимъ, какого-нибудь человѣкообразнаго существа. Мы никогда не видѣли *такой* цивилизаціи, но мы видѣли и видимъ людей: это они дѣлали и дѣлаютъ исторію и цивилизацію, это они испытываютъ радость или горе отъ той и другой, а потому одни они въ сущности и имѣютъ *настоящую* исторію. Цивилизація, если хотите, только та измѣняющаяся среда, въ которой живутъ и дѣйствуютъ люди, но это-то часто и забывается писателями, не всегда держащими въ головѣ, что не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Въ сущности они всѣ находятся въ такомъ случаѣ подъ вліяніемъ современности: есть въ послѣдней разнаго рода бо́льшею частью для нихъ пріятныя вещи, совокупность которыхъ называется цивилизаціей, и весь интересъ поэтому сосредоточивается на томъ, какъ произошли эти вещи, т.-е. на ихъ генезисѣ; при такомъ взглядѣ сошедшія съ исторической сцены поколѣнія, народы, искалѣчившіеся на службѣ цивилизаціи, чуть не весь родъ человѣческій являются *только* орудіями, безъ которыхъ эти вещи не могли бы возникнуть, развиться и поступить въ наше пользованіе. Къ чему такой эгоизмъ, къ чему возведеніе себя самихъ въ цѣль историческаго процесса? Отойдемъ въ сторону! Пусть развернется передъ нами картина исторіи людей и пусть сами заинтересованные произнесутъ свой судъ надъ своими судьбами: въ исторіи цивилизаціи мы становимся нерѣдко, сами того не замѣчая, на слишкомъ личную точку зрѣнія. Впрочемъ, сколько бы доводовъ ни привели намъ въ пользу существованія направленія, съ которымъ связаны блестящія имена Гизо и Бокля, мы, вѣроятно, и не отвергнемъ ни одного, потому что не вычеркиваемъ сами исторіи цивилизаціи изъ числа гуманныхъ наукъ; мы только хотимъ сказать, что философія исторіи и исторія цивилизаціи не совсѣмъ совпадаютъ, поскольку имѣютъ разные предметы. Опять не мѣсто распространяться здѣсь о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ отраслей знанія: это завело бы насъ слишкомъ далеко, да и изъ послѣдующаго читатель увидитъ, что мы возлагаемъ на философію исторіи нѣсколько спеціальную задачу, о которой не говорятъ ни Гизо, ни Бокль и, можетъ быть, не говоритъ и г. Жеребцовъ. Относительно послѣдняго не имѣемъ данныхъ. Вообще, кстати, прошу не смотрѣть на эти бѣглыя замѣтки, какъ на полный трактатъ

о философіи исторіи вродѣ тѣхъ философскихъ разсужденій объ исторической наукѣ и обо всемъ къ ней относящемся, которыя сами иногда неосновательно называются философіями исторіи. Такія разсужденія вполнѣ законны, но для нихъ ужь положительно мало рамокъ журнальной статьи.

Пора, однако, подвести итоги всему предъидущему, которое можетъ показаться черезъ-чуръ скучнымъ и длиннымъ предисловіемъ къ предмету, объявленному въ заглавіи статьи. Мы не свели пока къ одному знаменателю «наставницу жизни» съ «квинтъ-эссенціей исторіи». Какимъ образомъ и чему, въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя можетъ поучать? Вотъ вопросъ, на который читатель въ правѣ ожидать отвѣта. Прежде всего замѣтимъ, что наша «квинтъ-эссенція исторіи», конечно, не какой-нибудь метафизическій принципъ, изъ котораго дедукціей философы выводили столько прекрасныхъ правилъ, и еще менѣе она, понятное дѣло, какое-либо существо, диктующее намъ моральныя предписанія: *мы сами* должны извлечь изъ исторіи ея уроки, а этого мы не можемъ сдѣлать, не произнесши надъ ней того или другаго, *нашего же* суда. Сообразно съ тѣмъ приговоромъ надъ ходомъ исторіи, который мы изрекаемъ, мы такъ или иначе располагаемъ свою дѣятельность и выбираемъ ту или другую дорогу. Всѣ философы исторіи дѣйствительно были болѣе или менѣе ея судьями—оптимисты и пессимисты, энтузіасты и скептики прогресса, гуманисты и субботники (да простится мнѣ этотъ неологизмъ). Судъ надъ исторіей,—вотъ сущность философіи исторіи.

Судъ надъ исторіей!... Легко сказать! Не слишкомъ ли большая эта претензія, потому что, въ концѣ-концовъ, задача сведется, пожалуй, къ тому, чтобы одинъ человѣкъ судилъ дѣла милліоновъ людей и сотней людскихъ поколѣній? Да, именно судъ надъ людьми и судъ надъ человѣчествомъ! Что же? Не мы первые говоримъ о такой задачѣ, не мы, вѣроятно, и послѣдніе, и были же, кромѣ того, мыслители, которые совершали подобный судъ надъ исторіей, чтобы оправдать Бога, какъ будто Богъ нуждается въ этомъ оправданіи. Я говорю, наприм., о Лейбницѣ и его *Теодицеѣ*, я говорю, напр., о Гегелѣ, который самъ называлъ свою *Philosophie der Geschichte*—eine Rechtfertigung Gottes. Такихъ претензій мы, конечно, не имѣемъ, да и странно ихъ было бы имѣть черезъ сто лѣтъ послѣ Канта. Но взгляните въ тайники своей души, обернитесь къ окружающимъ васъ людямъ, и вы увидите, что всѣ мы постоянно судимъ исторію и ея результаты для насъ

и для другихъ; не лучше ли будетъ, если мы, вмѣсто того, чтобы рубить, что называется, съ плеча, положимъ въ основу нашего приговора данныя строгой науки? Въ этомъ и заключается raison d'être философіи исторіи, а потому, право, нужно немножко подумать, прежде чѣмъ выкидывать ее за бортъ въ тотъ океанъ забвенія, гдѣ потонули алхимія и астрологія съ ихъ философскими камнями и гороскопами.

II.

Во всякой настоящей философіи исторіи, хотя бы она и не носила этого названія, вы непремѣнно найдете эти три вещи: болѣе или менѣе широкія обобщенія, или то, что мы назвали квинтъ-эссенціей исторіи, извѣстнаго рода судъ надъ нею, или то, что разумѣется подъ именемъ ея смысла, и поученіе, т.-е. взглядъ на то, что должно быть признано желательнымъ для будущаго. Правда, послѣднее иногда не выражено ясно, но, тѣмъ не менѣе, красной нитью проходитъ черезъ все сочиненіе. Возьмите, напр., *Исторію цивилизаціи въ Европѣ* Гизо; хотя она и не подходитъ вполнѣ подъ нашъ идеалъ философіи исторіи, тѣмъ не менѣе, мы вынуждены дать ей это имя, потому что въ этой общей картинѣ исторіи Европы вы найдете и судъ надъ прошлымъ въ томъ оптимизмѣ, который характеризуетъ Гизо, и объясненіе политическихъ взглядовъ автора книги. Мало того: нѣтъ ни одного историческаго сочиненія, въ которомъ не было бы никакихъ обобщеній, никакого приговора надъ прошлымъ и никакой «морали»; только въ обыкновенныхъ историческихъ сочиненіяхъ обобщенія, приговоры, поученія не играютъ первой роли. Но, въ сущности, каждый человѣкъ поступаетъ такъ же, какъ философъ исторіи, и вотъ какимъ образомъ.

Вся индивидуальная жизнь слагается изъ массы опытовъ: жизненный опытъ для человѣка есть школа, жизненный опытъ для него и предметъ, подлежащій его суду, и тотъ же, наконецъ, жизненный опытъ обобщается для него въ характеристику его личнаго существованія. Но что такое личное существованіе? Результатъ суммы разнообразныхъ условій. Чѣмъ созданы эти условія? Всѣмъ прошедшимъ того общества, къ которому человѣкъ принадлежитъ. Слѣдовательно, характеристика личнаго существованія есть, такъ сказать, квинтъ-эссенція одного изъ моментовъ исторіи; приговоръ надъ условіями личнаго существованія—судъ

надъ однимъ изъ результатовъ исторіи, а изъ личнаго опыта каждый извлекаетъ для себя поученіе. Извлекши изъ совокупности отдѣльныхъ опытовъ общій взглядъ на современность, личность произноситъ надъ нею тотъ или другой судъ, который, въ то же время, есть судъ надъ исторіей: кто доволенъ настоящимъ, тотъ тѣмъ самымъ оправдываетъ создавшее его прошедшее; кто имъ недоволенъ, тотъ тѣмъ самымъ осуждаетъ ходъ исторіи, приведшій къ такимъ результатамъ. Вмѣстѣ съ этимъ каждый находитъ нужнымъ дѣйствовать такъ, чтобы поддержать *status quo* или измѣнить его въ ту или другую сторону, и въ личномъ опытѣ ищетъ соотвѣтственныхъ наставленій. Безъ этого невозможна никакая, а тѣмъ болѣе историческая дѣятельность: самый забитый рабъ римскаго богача имѣлъ общее представленіе о современномъ ему моментѣ исторіи, такъ или иначе судилъ прошлое въ его результатахъ и извлекалъ себѣ урокъ изъ личнаго опыта, обусловленнаго опять-таки созданными исторіей и создающимися современностью обстоятельствами. Другими словами, у каждаго человѣка есть извѣстнаго рода обобщеніе хотя бы самаго минимальнаго кусочка исторіи, извѣстнаго рода судъ надъ самымъ хотя бы незамѣтнымъ для другихъ результатомъ прошлаго, извѣстное наставленіе, извлеченное изъ самой хотя бы незначительной доли одного изъ моментовъ историческаго процесса. Мы живемъ, слагая себѣ общее представленіе о жизни, мы такъ или иначе судимъ свою жизнь, такъ или иначе она насъ учитъ. Конечно, между взглядомъ каждаго смертнаго и взглядомъ историка должна быть цѣлая пропасть, но въ сущности мы видимъ только переходныя ступени: опытъ единицы обогащается опытомъ другихъ, опытомъ современниковъ и соотечественниковъ, опытомъ сошедшихъ въ могилу поколѣній своего и иныхъ народовъ, опытомъ цѣлаго человѣчества. Самая послѣдняя ступень поэтому—философія исторіи. т.-е. характеристика жизни не одной особи, а всѣхъ особей, составляющихъ человѣчество, не одного момента, а цѣлаго процесса, т.-е. судъ надъ нимъ не единицы, а, такъ сказать, вселенскій, т.-е. наставленіе не для того или другаго лица, а для всего человѣчества, для всѣхъ грядущихъ поколѣній. Мы судимъ жизнь, мы требуемъ отъ жизни уроковъ и безъ этого не можемъ даже жить; жизнь такъ или иначе на насъ всегда дѣйствуетъ, и этимъ сказано все. Проклятое существованіе! воскликнетъ, напр., человѣкъ, подавленный непосильнымъ трудомъ и безъисходной бѣдностью,—но если я не буду работать, я умру

съ голода, разсуждаетъ онъ далѣе,—вотъ очень простой обращикъ приговора надъ жизнью и урока изъ жизненнаго опыта, еще не самый элементарный обращикъ, и уже здѣсь есть судъ надъ исторіей, ибо это «проклятое существованіе» одинъ изъ ея результатовъ. Но пусть единица прислушается къ голосу другихъ, ибо исторія имѣла результаты не для нея одной; пусть единица попробуетъ вывести общую формулу существованія всѣхъ, имѣвшаго мѣсто въ прошедшемъ, имѣющаго мѣсто въ настоящемъ и вѣроятнаго для будущаго, и съ этой точки зрѣнія попытается опредѣлить ходъ исторіи; пусть единица эта задумаетъ извлечь отсюда какой-либо великій урокъ,—она получитъ, конечно, лучшее пониманіе жизни, нежели если бы судила о ней только по личному опыту, если бы не знала цѣпи причинъ, создавшихъ условія ея собственнаго существованія на бѣломъ свѣтѣ, если бы, наконецъ, извлекала только уроки для себя, не понимая, что наше благополучіе или несчастье зависитъ не отъ одного нашего поведенія и что наше поведеніе въ свою очередь оказываетъ вліяніе не на одно наше благополучіе или несчастье.

Тутъ, я думаю, и заключается законность, необходимость философіи исторіи, и всѣ люди вообще и въ частности историки всегда поэтому философствовали, философствуютъ и будутъ философствовать надъ жизнью и исторіей. Нужно только это систематизировать, и систематизація такая началась давно, а съ нею возникла и философія исторіи. Когда это было, я не знаю. Впрочемъ, и никто этого не знаетъ, потому что отъ простаго приговора личности надъ своею жизнью до философіи исторіи есть цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ. Нельзя, однако, не отмѣтить одного момента въ жизни Европы, когда появилась первая философія исторіи въ формѣ книги. Было начало V вѣка нашей эры. Римъ находился въ полномъ упадкѣ. Варвары стучались и врывались въ ворота имперіи. Тогда въ части языческаго общества явилась мысль, что во всемъ виновато христіанство: прежде имперія процвѣтала, теперь падаетъ; въ жизни происходитъ ухудшеніе; нужно вернуться къ старому, забытому, оставленному порядку вещей. Разсужденіе это ничѣмъ не отличается отъ другихъ разсужденій въ этомъ родѣ, дѣлавшихся и раньше, и позже, но оно вызвало противъ себя первое сочиненіе, въ которомъ дана была квинтъ-эссенція исторіи, хотя и неумѣлая, произнесенъ былъ надъ исторіей судъ, хотя и въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, что бѣдствія-де бывали и прежде, и выведено

наставленіе въ формѣ защиты христіанства. Сочиненіе это называется *Семью книгами исторій противъ язычниковъ;* авторъ его былъ испанскій священникъ Орозій. Это дѣйствительно первая книга, на заглавномъ листѣ которой можно было бы написать: философія исторіи. Пока общество будутъ волновать разные вопросы сколько-нибудь общаго свойства, будутъ писаться подобныя сочиненія, краткія и пространныя, плохія и сносныя, будутъ ли называться ихъ авторы Боссюэтами, Гегелями или Контами, и сколько бы при этомъ ни являлось людей, которые станутъ кричать о необходимости уничтоженія алхиміи и астрологіи или, спутывая понятія, твердить, что философія исторіи и соціологія одно и то же.

Алхимія и астрологія вызваны чисто фантастическими задачами, но имѣть общее представленіе о жизни человѣчества, произносить надъ ней свой приговоръ, учиться изъ ея опыта—задача не фантастическая, и люди все это будутъ дѣлать вѣчно, пока будутъ способны обобщать частности, испытывать наслажденія и страданія, руководиться въ своемъ поведеніи какими-либо программами. Конечно, въ самую реальную задачу можно внести фантастическій элементъ, и его, дѣйствительно, частенько вносили: лучшій примѣръ Гегель. Общее его представленіе хода исторіи не есть результатъ обобщенія, а продуктъ діалектики; судъ надъ ходомъ исторіи произносится у него не съ человѣческой точки зрѣнія, а ужь не знаю съ какой; наставленія никакого, ибо что ты ни дѣлай, помни, что ты орудіе *Вельтгейста*, который, какъ положительно заявляетъ берлинскій философъ, только «хитритъ» съ тобою!

Литература по философіи исторіи довольно обширна и это читателю теперь понятно. Она, однако, могла бы быть и больше, но особенно жалѣть нечего, что увидѣло свѣтъ такое-то количество книгъ,—а не двойное или тройное,—посвященныхъ этому предмету. Больше всего занимались имъ, кажется, нѣмцы, но вмѣсто того, чтобы обобщать факты для полученія общихъ формулъ хода исторіи, они большею частью предпочитали играть понятіями и логически построять исторію. Они не прислушивались къ голосу человѣчества, вѣчно судящему исторію, а подходили къ ней съ предвзятой идеей, мѣряли ее аршиномъ какой-нибудь узенькой идейки или расплывались въ такихъ широкихъ понятіяхъ, что судьбы человѣчества, радости и горести людскія, являлись чѣмъ-то безконечно-малымъ передъ величіемъ міроваго процесса. Можно ли ожидать, чтобы съ такой

системой философствованія исторія чему-либо поучала сколько-нибудь пригодному въ этой жизни и чтобы поученія эти были. дѣйствительно, наставленіями самой исторіи? Французы. которые только немного, пожалуй, менѣе искушались въ той же области знанія, не умѣли строить такихъ блестящихъ и симметрическихъ системъ, какъ нѣмцы, но это не спасало и ихъ отъ крайне поверхностныхъ обобщеній, отъ крайне невѣрнаго представленія общаго хода исторіи, не давало ихъ суду болѣе прочной основы и не заставляло дѣлать болѣе подходящія къ дѣлу поученія: иногда передъ глазами вашими развертывается вся картина судебъ человѣчества лишь для того, чтобы оправдать минутныя требованія какой-либо политической партіи, вызванныя такими обстоятельствами, которыя сегодня есть, а завтра ихъ нѣтъ. Вотъ почему. повторяю, нечего особенно жалѣть, что такъ. все-таки, мало сравнительно существуетъ книгъ, посвященныхъ философіи исторіи. А затѣмъ все остальное, что необходимо для философіи исторіи. дѣлается въ разбродъ: историки-спеціалисты рѣдко задаются философскими цѣлями, судъ надъ исторіей произносятъ, большею частью, въ ея результатахъ для настоящаго. публицисты. учить общество берутся часто люди, которымъ неизвѣстенъ историческій опытъ и которые плохо знаютъ даже окружающую дѣйствительность. Никто не въ выигрышѣ отъ такого раздѣленія труда. но, напротивъ, проигрываютъ всѣ, а болѣе всего общество: о ходѣ исторіи, создавшемъ современныя отношенія. оно знаетъ крайне отрывочнымъ образомъ, для произнесенія приговора надъ настоящимъ у него нѣтъ сравнительной мѣрки. принципы для руководства въ поведеніи и разныя «программы» не вытекаютъ изъ историческаго опыта. Мы дѣлали бы гораздо менѣе ошибокъ и промаховъ въ нашей общественной жизни (трудно сказать. гдѣ кончается жизнь частная и начинается общественная). если бы лучше знали философію исторіи.

Нельзя, впрочемъ, сѣтовать, что философія исторіи находится въ такомъ положеніи. Давно ли стали прилагать къ изученію всего человѣческаго научные методы? Давно ли историческая наука стала какъ слѣдуетъ изучать прошлое и много ли она еще сдѣлала дѣйствительно важныхъ открытій? Давно ли люди, умѣющіе писать книжки, стали прислушиваться къ голосу массъ и принимать его въ разсчетъ при своихъ сужденіяхъ о судьбахъ человѣчества? Давно ли, наконецъ, перестали требовать отъ исторіи только частныхъ уроковъ, вродѣ того, какъ полководецъ изъ исторіи войнъ, походовъ и сра-

женій минувшаго времени думаетъ извлечь указанія относительно тѣхъ ошибокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать въ будущемъ? Давно ли? Очень и очень недавно, и далеко еще не всѣ пишущіе возвысились до такого пониманія задачъ науки. Еще много историковъ работаетъ надъ какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ не потому, что нужно пополнить какой-либо существенный пробѣлъ въ знаніи, а вслѣдствіе разныхъ чисто-случайныхъ обстоятельствъ. А сколько писателей судятъ исторію и современность, толкуютъ о прогрессѣ и регрессѣ (чаще все о прогрессѣ), имѣя самыя смутныя и неточныя представленія о томъ, какими путями на самомъ дѣлѣ шло человѣчество. Мы не говоримъ уже о тѣхъ совѣтахъ что дѣлать, которые даются ежедневно обществу людьми, не имѣющими никакого понятія о томъ, какіе плоды дастъ слѣдованіе этимъ совѣтамъ въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ судьбахъ человѣчества. Каждая новая идея съ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу въ общество: много приходится ей бороться съ рутиной, ограниченностью, предразсудками, умственною лѣнью. И чѣмъ сложнѣе, чѣмъ труднѣе новая задача, тѣмъ позднѣе она появляется, тѣмъ съ бо́льшимъ трудомъ уясняется, тѣмъ медленнѣе прокладываетъ себѣ дорогу. Немудрено поэтому, что вокругъ насъ раздаются и такіе голоса: мы не имѣемъ еще настоящей философіи исторіи. Мы въ самомъ дѣлѣ ея не имѣемъ.

Но мы должны ее имѣть. Безъ нея мы не можемъ жить, и ея отсутствіе могутъ замѣнить намъ только крайне несовершенное пониманіе жизни, крайне близорукій судъ надъ нею и почти никуда негодныя правила общественнаго поведенія, которыя одни и возможны при недостаточномъ опытѣ.

Но возможна ли сама философія исторіи въ настоящее время? И нѣтъ, и да, c'est selon.

Если вы хотите такой же точной, такой же неизмѣнной въ своихъ принципахъ науки, какъ математика, то вы дѣйствительно требуете невозможнаго, но оно невозможно не только сегодня, но и завтра, и послѣ завтра, и черезъ годъ, и черезъ столѣтіе, и черезъ тысячу лѣтъ и во вѣки вѣковъ, ибо сама жизнь вѣчно передѣлываетъ пониманіе исторіи. Но если ваши претензіи идутъ не такъ далеко, если вы ограничиваетесь представленіемъ хода исторіи на основаніи данныхъ современной науки, если вы довольствуетесь тѣмъ судомъ, который въ состояніи произнести наше время, не стремясь, такъ сказать, предвосхитить окончательный судъ послѣднихъ поколѣній человѣчества на

землѣ, если вы ищете въ исторіи пригодныхъ для васъ уроковъ, не мечтая найти нѣчто такое, что не подвергнется ни малѣйшему измѣненію со стороны вашихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ и такъ далѣе изъ рода въ родъ,—то, могу васъ увѣрить, вы требуете совершенно возможнаго. Пусть эта философія исторіи и не оправдаетъ всѣхъ вашихъ ожиданій, но помните, что успѣхи исторической науки, новые приговоры надъ жизненными фактами, бо́льшій запасъ опытности будутъ постоянно совершенствовать философію исторіи. Съ прогрессомъ жизни прогрессируетъ и пониманіе жизни.

Но не лучше ли подождать, пока мы основательнѣе изучимъ извѣстные факты, узнаемъ новые, совершимъ побольше открытій, сдѣлаемъ побольше обобщеній? Такъ часто говорятъ историки-спеціалисты. Рано, рано, преждевременно, подождемъ... Мы такъ часто слышали это отъ спеціалистовъ историческаго дѣла, что намъ страшно иногда признаться даже въ простомъ интересѣ къ философіи исторіи. Подождать! Не значитъ ли это, однако, не дождаться? Чтобы получить полную и основательную разработку исторіи, нужно еще много и много работать, и мы, нынѣ живущіе люди, конечно, не дождемся состоянія историческихъ знаній, которое позволило бы составить, по крайней мѣрѣ, такое представленіе о ходѣ исторіи въ общемъ и въ частностяхъ, чтобы преемникамъ нашимъ не оставалось ничего для исправленія и пополненія. И знаете ли что? Ради успѣшности въ разработкѣ частностей исторіи, необходима какая ни на есть ея философія, ибо безъ этого мы будемъ работать въ разбродъ, не зная, что существенно нужно, что важно и что неважно, не имѣя опредѣленной цѣли, если не будемъ постоянно подводить итоги подъ сдѣланнымъ и намѣчать программу дальнѣйшихъ работъ. Люди науки не должны, вѣдь, работать только для себя или для того отдаленнаго будущаго, когда другіе люди найдутъ, что вотъ теперь совсѣмъ ужь пора изъ собраннаго матеріала строить зданіе. Начнемъ строить его теперь же: будущее покажетъ, гдѣ нужны передѣлки, а развитіе науки будетъ постепенно подготовлять и новые матеріалы для пополненія пробѣловъ. Что бы вы сказали человѣку, который такъ посовѣтовалъ бы людямъ, желающимъ построить для себя новый городъ: подождемъ бо́льшихъ успѣховъ архитектуры, займемся приготовленіемъ камня, дерева, желѣза, стекла? А людямъ-то, вѣдь, пока нужно же жить гдѣ-нибудь: хоть шалаши, да должны же они себѣ построить. Въ одномъ, впрочемъ,

историки абсолютно правы: лучше не имѣть никакихъ домовъ, чѣмъ сдѣланныя изъ паутинной ткани и поддерживаемыя соломенками палатки, а такихъ именно не мало было написано философій исторіи. Вѣдь кое-что уже есть и для болѣе солидныхъ построекъ: не даромъ же роемся мы въ архивахъ и книгахъ, пишемъ историческія сочиненія, издаемъ сборники документовъ и спеціальные журналы, устраиваемъ ученыя общества, съѣзды. Неужели и изъ шалашей городъ для насъ—преждевременная роскошь и неужели нельзя, когда явится возможность, снести постепенно эти шалаши и замѣнить ихъ дворцами, построенными изъ мрамора, стали и хрусталя по всѣмъ правиламъ архитектуры и по всѣмъ предписаніямъ гигіены? Готовьте матеріалъ, составляйте идеальные планы, разрѣзы, фасады домовъ, но помогайте намъ строиться... Если намъ не дадутъ матеріала и не покажутъ плановъ, мы уйдемъ подъ паутинныя палатки или, живя подъ открытымъ небомъ, чтобы хоть воображеніе наше потѣшить, создадимъ себѣ воздушные замки.

Кажется, дѣло простое, и историкамъ нужно будетъ сдаться, нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, перестать смотрѣть на философію исторіи, какъ на химеру, какъ на утопію, какъ на преждевременную задачу. Но тутъ новое затрудненіе: вы хотите, скажутъ многіе, еще какого-то суда надъ исторіей,—да научно ли это? Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ. Объективизмъ, объективизмъ!—кричатъ вамъ со всѣхъ сторонъ.

Да, объективизмъ! Мы сами вотируемъ за объективизмъ. Но что это за штука? Нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Если объективизмъ—доктрина безпристрастія, да здравствуетъ объективизмъ! Констатируйте факты *sine ira et studio*, какъ говоритъ Тацитъ. Истина, говорятъ, нага: обнажайте истину, не подрумянивайте и не черните ее, не накидывайте на нее покрывала, если она некрасива, не создавайте для нея искусственнаго освѣщенія, чтобы эффектнѣе выставить ея красоту. Но неужели затѣмъ вы съ одинаковымъ чувствомъ будете смотрѣть на Венеру Милосскую и на Квазимодо? Тутъ объективизмъ переходитъ уже въ индифферентизмъ, безпристрастіе дѣлается безстрастіемъ, а послѣднее есть, переводя буквально, апатія. Неужели мы будемъ апатію возводить въ догматъ?... Какъ! И это вы не назовете судомъ надъ исторіей, если скажете, что въ ней все безразлично? И это, вѣдь, судъ и притомъ куда какой невѣрный: милліоны людей вамъ скажутъ, что для нихъ не безразлично, какое направленіе принима-

ла исторія. Вотъ какъ мы смотримъ на этотъ вопросъ: слѣдователю подобаетъ безпристрастіе, но судья не долженъ быть безстрастнымъ къ закону, праву, справедливости и не можетъ объявить безразличнымъ то, что попрало законъ. нарушило право, оскорбило чувство справедливости.

III.

Судъ надъ исторіей? Гдѣ и кто судьи. подсудимые и свидѣтели. обвинители и защитники, истцы и отвѣтчики?

Кто дѣлаетъ исторію? Люди; ихъ дѣятельность обусловливаетъ ходъ исторіи. Вотъ вамъ подсудимые. Не будемъ разбирать здѣсь вопросъ о степени ихъ отвѣтственности, о смягчающихъ обстоятельствахъ, о дѣйствіи по неразумію и т. п.; будемъ, однако, помнить, что сами люди — продуктъ исторіи, что они поступаютъ такъ, какъ научила ихъ исторія, и что потому главная виновница всего — сама исторія. Ее, значитъ, и судить нужно, она одна и отвѣтчица. Конечно, ее нельзя засадить въ тюрьму и взыскать съ нея бываетъ, пожалуй, и нечего, нужно только подумать, чтобы она впредь иному учила; но это уже не прямое дѣло судьи, а законодателя, который долженъ же чему-нибудь научиться изъ уроковъ, данныхъ этой самой исторіей. Гдѣ же теперь истцы? Кому исторія нанесла тотъ или другой ущербъ? Одни давнымъ-давно сгнили въ своихъ гробахъ и ничего теперь не ищутъ. и какъ ихъ удовлетворить,—вопросъ, пожалуй, самый сложный изъ всѣхъ существующихъ на бѣломъ свѣтѣ вопросовъ. Но судья, все-таки, долженъ постановить приговоръ: исторія должна впредь исправить всѣ свои ошибки, а исполнителямъ приговора, т.-е. человѣчеству же, дѣлающему исторію, рекомендуется принять это къ свѣдѣнію и руководству. Передъ этимъ судьей должны далѣе выступить и оптимисты—адвокаты изъ тѣхъ внучковъ исторіи, которымъ она хорошо наворожила, и пессимисты—обвинители изъ тѣхъ ея пасынковъ, въ сердцѣ которыхъ она посѣяла одну горечь, и безпристрастные свидѣтели-историки, отъ коихъ судья ждетъ только констатированія факта; всѣхъ ихъ онъ долженъ выслушать, самъ же обязанъ забыть, кто для него лично исторія—бабушка или мачиха, въ какихъ онъ находится отношеніяхъ къ той или другой категоріи истцовъ, къ защитникамъ и обвинителямъ, и, конечно, не скрывать того, что самъ онъ знаетъ, какъ свидѣтель, а изъ показаній другихъ вывести

самое строгое резюме. Такимъ-то вотъ судьей долженъ быть философъ исторіи: ему принадлежитъ только резюмированіе суда человѣчества.

Другими словами, философія исторіи есть судъ человѣчества надъ самимъ собой: оно находитъ формулу своего поведенія, подвергаетъ его суду и выводитъ заключеніе о томъ, каково должно быть впредь это поведеніе. Такъ поступаетъ и единица, когда замѣчаетъ, что въ ея жизни что-то не ладно; такъ долженъ поступить и цѣлый народъ, и все человѣчество, найти формулу своего поведенія, подвергнуть ее критикѣ и извлечь для себя спасительный урокъ.

Что же мы видимъ у большинства философовъ исторіи? Показанія свидѣтелей, рѣчи защитниковъ и обвинителей не выслушиваются, исторія разсматривается не какъ результатъ человѣческой дѣятельности, а какъ самъ для себя существующій процессъ и процессъ, самъ для себя существующій, и судья свое личное мнѣніе возводитъ на степень абсолютнаго приговора. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ Гегеля, но что у Гегеля соединено въ одно цѣлое, развито въ стройную систему, у другихъ мы находимъ въ разбивку. Тутъ ужь философія исторіи изъ суда человѣчества надъ самимъ собою превращается въ судъ абстрактно понятаго процесса передъ лицемъ одного человѣка: пришелъ человѣкъ, съ одного взгляда опредѣлилъ, что такое исторія, и нашелъ, что все совершается такъ, какъ тому и быть подобаетъ, дабы, въ концѣ-концовъ, и привести къ философіи этого человѣка. Самъ Гегель предъявилъ къ исторіи этотъ искъ; исторія его удовлетворила, значитъ...

А значитъ это, что о другихъ истцахъ заботиться нечего. Замѣчательно, что не одинъ Гегель, не однѣ родственныя ему натуры, но даже люди другой категоріи съ трудомъ находятъ истцовъ въ судѣ надъ исторіей. Послѣдней ставится извѣстная цѣль—благополучіе человѣчества, такъ или иначе понимаемое, т.-е. въ сущности почти всегда благополучіе имѣющихъ придти послѣдними. Цѣль дана, все остальное, значитъ, средства: вся вѣковая работа поколѣній только средство для осуществленія цѣли. Пусть страждетъ человѣчество, послѣ ему будетъ хорошо, и изъ зла возникнетъ благо. Это, конечно, весьма утѣшительно, но скажите, почему философъ считаетъ исторію отвѣтственной только передъ имѣющими придти послѣдними? Или онъ думаетъ, что человѣчество, которому будетъ хорошо, *то же самое* чело-

вѣчество, которому было прежде дурно? Странное заблужденіе! Понятно, что исторіи, какъ и вообще человѣческой дѣятельности, нужно поставить какую-либо цѣль; понятно, что цѣль эта можетъ быть достигнута въ отдаленнѣйшемъ будущемъ, но нужно помнить, что отъ хода исторіи испытываютъ то или другое вообще всѣ люди одинаково, бывшіе, настоящіе и будущіе, и никому въ этомъ отношеніи нельзя отдавать предпочтенія. Прошлыя радости и горести такъ же реальны, какъ и настоящія, и будущія: для философа не можетъ быть выбора. Одинаково нехорошо, если радости внуковъ куплены цѣною страданія дѣдовъ, какъ и то, если слишкомъ веселая жизнь дѣдовъ подготовила для внуковъ одни бѣдствія, а то и другое бываетъ сплошь и рядомъ, хотя, конечно, лучше, когда исторія готовитъ больше благъ, чѣмъ золъ для какихъ бы то ни было людей, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Прошлое отличается отъ будущаго только тѣмъ, что перваго не воротишь, а второе еще въ нашихъ рукахъ. И вотъ, если вамъ говорятъ о прогрессѣ, то не судите о немъ лишь по отношенію къ окончательному результату, а смотрите и на то, чего стóилъ, какою цѣною покупался этотъ прогрессъ. Результаты исторіи не только впереди,—они существуютъ всегда и всегда существовали: въ каждый моментъ мы можемъ вообразить конецъ исторіи и дать формулу ея результатовъ, и такъ оно и бываетъ, когда единица изъемлется изъ этого міра, перестаетъ быть факторомъ исторіи, ибо въ этотъ моментъ все для нея, этой единицы, прекращается, и исторія сказала ей свое послѣднее для нея слово. Изъ единицъ слагаются поколѣнія, изъ поколѣній человѣчество, и общимъ результатомъ исторіи нельзя считать частные ея результаты для послѣдняго воображаемаго поколѣнія на землѣ: это долженъ быть, дѣйствительно, общій итогъ по отношенію ко всѣмъ единицамъ всѣхъ поколѣній. Если мы видимъ, что для каждаго поколѣнія результаты улучшаются, если мы видимъ, что каждая эпоха подготовляетъ, по крайней мѣрѣ, возможность такого улучшенія въ будущемъ, мы говоримъ о прогрессѣ, а безъ этого въ послѣднемъ словѣ есть недоразумѣніе. Философы исторіи слишкомъ привыкли смотрѣть на всю совокупность людей въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, какъ на одного человѣка, и на ихъ вѣковую жизнь, какъ на своего рода Одиссею: въ поэмѣ Гомера, однако, одинъ и тотъ же человѣкъ страждетъ въ пути и успокоивается у домашняго очага: по философамъ исторіи, выходитъ,

какъ-будто то же и съ человѣчествомъ. Но, конечно, совсѣмъ не то: до такой степени не то, что Пьеръ Леру, чтобы спасти свой оптимизмъ, придумалъ цѣлую теорію о вѣчномъ возрожденіи однихъ и тѣхъ же поколѣній. Но чаще всего людей совсѣмъ забываютъ, а говорятъ только о наукѣ, о философіи, объ искусствѣ и т. п., какъ будто все это существуетъ само по себѣ и само для себя. Отчего же? Говорить можно, только нужно помнить постоянно о томъ, кто для кого существуетъ—человѣкъ для субботы или суббота для человѣка.

И какъ съ точки зрѣнія такой негуманной философіи все въ исторіи выходитъ отлично! Кинэ смѣялся надъ своими отечественными историками, которые оправдывали каждый фактъ въ прошломъ необходимостью слѣдующаго за нимъ факта, въ концѣ-концовъ чего получилась теперешняя Франція. Но и историки другихъ странъ частенько грѣшатъ подобнымъ же пріемомъ. Мы думаемъ, что кто въ настоящемъ видитъ все въ розовомъ свѣтѣ, тотъ и въ прошедшемъ, создавшемъ это настоящее, все оправдаетъ. Или мы не знаемъ, что въ жизни добро перемѣшано со зломъ, свѣтъ съ мракомъ, бѣлое съ чернымъ? И странно, что для такого критическаго ума, какъ Вольтеръ, нужно было такое грандіозное событіе, какъ лиссабонское землетрясеніе, чтобы отказаться отъ формулы: все къ наилучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Философъ исторіи не можетъ быть оптимистомъ: противъ него будетъ вопіять вся пролитая человѣческая кровь, всѣ пролитыя людьми слезы.

Старая штука! Проповѣдь пессимизма на новый ладъ! Боже меня сохрани! Пессимизмъ непримиримъ съ исторіей. Прочтите у Шопенгауера объ этомъ. Противъ философа исторіи пессимиста подымется притомъ не мало голосовъ: его осмѣютъ на праздникахъ жизни, надъ нимъ улыбнутся грядущія поколѣнія, которыя съумѣютъ разумнѣе устроить свою жизнь. Историкъ не можетъ отказаться отъ идеи прогресса, потому что есть же въ самомъ дѣлѣ прогрессъ, и философія исторіи его вамъ докажетъ.

Не оптимизмъ и не пессимизмъ, что же въ такомъ случаѣ? Не знаю. Называйте, какъ хотите, но только знайте, что не объективизмъ, не индифферентизмъ, не апатія. Мы противъ обозначенія слишкомъ сложныхъ вещей однимъ словомъ. Будемъ судить исторію, какъ часто судимъ жизнь: это не нѣчто такое, о чемъ говорятъ ни то, ни се, потому что бываетъ и такъ, и сякъ, то свѣтло, то тёмно, то тепло, то холодно. Для отвлечен-

ныхъ цѣлей придумываютъ среднія температуры, въ дѣйствительности же бываютъ морозъ, холодъ, тепло, жара. Про себя мы можемъ держать какую угодно идею, но вносить личное настроеніе въ исторію не годится. Можно ли полагаться на человѣка, страдающаго вѣчнымъ ознобомъ, если онъ вамъ скажетъ, что въ Лапландіи и Африкѣ одинаково холодно? Вы прибѣгнете къ показаніямъ термометра. Къ сожалѣнію, у историка нѣтъ такого термометра, но все же онъ знаетъ, что людямъ жилось всегда лучше во время мира, чѣмъ во время войны, послѣ хорошаго урожая, чѣмъ во время недобора и т. д. А противъ оптимиста всегда можно выставить свидѣтельства людей, которые искренно проклинали жизнь, какъ противъ пессимиста—свидѣтельства діаметрально-противоположнаго свойства. Вотъ почему мы говоримъ: не оптимизмъ и не пессимизмъ. Что же касается будущаго, то оно до извѣстной степени въ нашихъ рукахъ, и чтобы его устроить, насколько возможно хорошо, нужно знаніе и добрая воля. Знаніе, по крайней мѣрѣ, безъ уроковъ историческаго опыта невозможно, добрая же воля... что въ самомъ дѣлѣ сказать о доброй волѣ? Я думаю, что за одно можно простить многіе грѣхи исторіи: несомнѣнно, что безъ нея не было бы знанія и даже не было бы никакого понятія о доброй волѣ.

Тѣмъ, которые противъ суда надъ исторіей, принципіально противъ, я еще разъ сдѣлаю возраженіе: въ вашемъ личномъ настроеніи, въ вашемъ оптимизмѣ или пессимизмѣ уже заключаются зародыши этого суда. Для пессимиста моментъ начала жизни, начала исторіи есть бѣдствіе, для оптимиста—радостное событіе, и въ этомъ заключается осужденіе или оправданіе исторіи. а въ личной жизни нельзя быть ни тѣмъ, ни другимъ: стоическій индифферентизмъ есть апатія, моральная смерть. Пусть каждый лично для себя радуется или печалится, что существуетъ исторія: его приговоръ не имѣетъ общеобязательной силы, общеобязательно признать только фактъ начала исторіи и что таковъ-то былъ ея ходъ, и что если мы будемъ поступать такъ-то, то получимъ то-то и то-то, а иначе—то-то и то-то. Изъ исторіи вы и узнаете, при какихъ обстоятельствахъ рождается въ единицахъ и массахъ то или другое настроеніе и какъ создаются такія обстоятельства. Не забывайте, что наша подсудимая, вѣдь, и учительница наша, и чѣмъ строже мы ее судимъ, тѣмъ лучшіе она намъ даетъ уроки.

Критика прошлаго существовала всегда. Нужно ее регули-

ровать. Вотъ задача философіи исторіи. Но для критики нуженъ критерій, для суда нуженъ принципъ. Только люди безъ царя въ головѣ судятъ безъ принципа, но за то судятъ вкривь и вкось. Гдѣ та идея, во имя которой мы хотимъ судить исторію, та мѣрка, подъ которую мы будемъ ее подводить? Эта идея, эта мѣрка—прогрессъ. Оставимъ на время прежнюю точку зрѣнія и станемъ на другую. Мы называемъ разумнымъ все то, что цѣлесообразно, и во всемъ сущемъ стараемся отыскать такой смыслъ: такъ ужь устроенъ человѣкъ, что вещь, не имѣющая цѣли, кажется ненужной, безсмысленной. Философы исторіи всегда стремились постигнуть смыслъ этой постоянной смѣны однихъ состояній общества другими. Каковъ смыслъ исторіи? Каково значеніе этихъ перемѣнъ? Если мы не идемъ ни взадъ, ни впередъ. то всѣ измѣненія, которыя мы видимъ въ исторіи, не имѣютъ. значитъ, никакого смысла: не все ли равно, что историческая жизнь, что первобытное существованіе? Но мы, конечно, движемся въ ту или другую сторону, и въ обоихъ случаяхъ перемѣны, выходитъ, имѣютъ извѣстный смыслъ. Для насъ, конечно, не безразлично, куда мы идемъ: если къ худшему, нужно жалѣть, что мы не родились раньше, но если къ лучшему, то порадуемся, что раньше не явились на свѣтъ. Весьма естественно спросить, куда ведетъ насъ исторія, и потребовать у нея самой отвѣта на этотъ вопросъ. Въ сущности, однако, это—обобщеніе всѣхъ отдѣльныхъ претензій, предъявляемыхъ къ нашей отвѣтчицѣ ея многочисленными истцами. Что совершается въ исторіи: прогрессъ или регрессъ? Въ другой формѣ вопросъ этотъ ставится такъ: какіе результаты имѣетъ каждая перемѣна для какихъ бы то ни было людей, гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было? Чѣмъ благопріятнѣе перемѣна для современниковъ или для слѣдующихъ поколѣній, тѣмъ лучше, т.-е. тѣмъ скорѣе и полнѣе совершается прогрессъ. Каждая перемѣна приноситъ извѣстные результаты. осуществившіеся уже или возможные, и вотъ по этимъ-то результатамъ мы должны судить о прогрессѣ. Прогрессъ—это, такъ сказать, идеальная дорога, по которой должна была бы идти исторія, чтобы имѣть опредѣленный смыслъ и смыслъ для насъ благопріятный. Вся задача историка—слѣдить, шла ли исторія по правому пути, т.-е. сравнивать ея дѣйствительный ходъ съ идеальной линіей, нами начертанной, и мы, конечно, будемъ, съ одной стороны, судить исторію за ея уклоненія, а съ другой — стараться направить ее на истинный путь. Представьте исторію

въ видѣ рѣки: идеальнымъ направленіемъ ея теченія была бы прямая линія, которую вы провели бы отъ ея истока къ избранной вами точкѣ, но она течетъ зигзагами, и вы узнаёте только на извѣстномъ мѣстѣ ея теченія, что оно направляется нѣсколько не туда, куда вы хотите плыть. Что остается вамъ сдѣлать? Прежде всего узнать дѣйствительное направленіе рѣки, потомъ опредѣлить его отношеніе къ вашей прямой линіи и, наконецъ, изъ знанія того и другаго вывести заключеніе о томъ, какъ заставить рѣку проложить себѣ русло въ желательномъ для васъ направленіи. Вотъ это-то опредѣленіе отношенія дѣйствительнаго къ идеальному, даннаго къ желательному и будетъ вашимъ судомъ. Человѣкъ (и это очень понятно) хочетъ видѣть смыслъ только въ такой перемѣнѣ, которая создаетъ лучшее или необходимое условіе для лучшаго, и, разумѣется, отъ каждой перемѣны онъ будетъ требовать этого смысла: онъ осудитъ перемѣну къ худшему, какъ регрессъ, онъ осудитъ застой, какъ отсутствіе прогресса, ибо разъ движеніе началось, какой смыслъ въ остановкѣ? И это, конечно, не помѣшаетъ ему постигать, въ то же время, причинную связь между всѣми этими перемѣнами: развѣ нельзя понимать и судить, т.-е. опредѣлять взаимное отношеніе двухъ фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находить результатъ этого отношенія дурнымъ или хорошимъ? Возстановите ходъ исторіи и прикиньте его къ тому идеальному пути, который вы называете прогрессомъ: совпаденія, конечно, не будетъ, но, все-таки, вѣдь, можно же будетъ сказать, шли ли доселѣ обѣ линіи въ одномъ направленіи вообще и когда въ частности одна изъ нихъ очень ужь отклонялась въ сторону отъ другой или когда замѣтно принимала желаемое направленіе. Дѣло это, однако, очень сложное, потому что хода исторіи вы никакъ не ухитритесь изобразить одной линіей: во-первыхъ, разные народы идутъ разными дорогами; во-вторыхъ, пути отдѣльныхъ классовъ, на которые распадаются народы, тоже расходятся; въ-третьихъ, движеніе совершается въ разныхъ сферахъ, взаимно вліяя одно на другое весьма для разныхъ временъ и мѣстъ неодинаково, въ сферахъ умственной, нравственной, политической, юридической и экономической. Тутъ есть надъ чѣмъ поломать голову, чтобы рѣшить такую задачу. Но во всякомъ случаѣ безъ формулы прогресса, какъ выраженія идеальнаго хода исторіи, т.-е. послѣдовательности такихъ перемѣнъ, которыя ведутъ человѣческія общества все къ лучшему,— безъ такой формулы философу исторіи обойтись нельзя.

Замѣчательно, что и на дѣлѣ нѣтъ ни одной философіи исторіи, въ основѣ которой не было бы подобной формулы. Но, Господи, сколько здѣсь новыхъ ошибокъ! Первая изъ нихъ, очень распространенная, это—предположеніе, что та или другая формула прогресса—самый законъ исторіи, что дѣйствительный ходъ исторіи совпадаетъ съ идеальнымъ: тутъ корень историческаго оптимизма многихъ философовъ. Другая ошибка, это—узкое пониманіе прогресса не въ смыслѣ улучшенія результатовъ исторіи или возрастанія возможности ихъ улучшенія, а въ какомъ-нибудь частномъ, одностороннемъ отношеніи. Таковы многія философіи исторіи, которыя съ бо̀льшимъ правомъ могли бы назваться исторіями религіи, философіи, науки, государства, права и т. п. Поэтому выработка формулы прогресса дѣло первостепенной важности, и это чувствовали, конечно, всѣ тѣ, которые писали большіе и малые трактаты о прогрессѣ. Теорія прогресса должна быть дѣйствительно послѣднимъ словомъ соціологіи и первымъ словомъ философіи исторіи.

Прогрессъ! Мы такъ часто слышимъ это слово и такъ, кажется, хорошо его понимаемъ. Прогрессъ! Есть ли это вообще движеніе или движеніе въ опредѣленномъ направленіи? Читатель, конечно, догадывается, какой нашъ отвѣтъ. Но если это—движеніе въ опредѣленномъ направленіи, то гдѣ конечный пунктъ, гдѣ цѣль? Гдѣ же, какъ не въ томъ, въ чемъ можетъ только человѣкъ видѣть цѣль, достойную вѣковой работы человѣчества. Объявляемъ прямо, что говоримъ о томъ, что называется идеалами.

Да, такъ торжественно приходится объявлять это въ настоящее время. Недавно еще нужно было запирать двери философіи исторіи передъ идеализмомъ и защищать реализмъ въ исторіи. Теперь послѣдній, повидимому, такъ прочно утвердился въ наукѣ, что не нуждается въ защитѣ, но люди склонны понимать каждый принципъ односторонне: если одни во имя почтеннаго принципа объективизма проповѣдуютъ индифферентизмъ, то другіе (въ сущности бо̀льшею частью тѣ же самые) во имя реализма отвергаютъ всякій идеализмъ. Но, вѣдь, идеализмъ идеализму не чета. Одно, я думаю, дѣло выдавать идеи, продукты нашего мышленія, за вещи, существующія внѣ нашего мышленія и независимо отъ него, другое—имѣть идеи и идеи, не только о томъ, что есть, но и что должно быть. Съ точки зрѣнія идей послѣдняго рода мы судимъ свое и чужое поведеніе, судимъ жизнь, современность, исторію. Не дать мѣста такому идеализму въ философіи исторіи зна-

чить испугаться только слова, названія. Или идеализмъ будетъ играть принадлежащую ему роль въ философіи исторіи, или лучше ужь откажемся отъ этой науки, а чтобы отказаться отъ рѣшенія такой задачи, какую она себѣ ставитъ, нужно имѣть очень серьезные мотивы или очень большую храбрость, граничащую... съ развязностью. Въ сущности дѣло и тутъ поставлено такъ, что нужно выбирать между принципами и индифферентизмомъ. Говорятъ, съ послѣднимъ легче живется. Мало ли что! Извѣстно, что кому очень ужь легко живется, тому истина въ руки дается съ трудомъ.

IV.

Намъ кажется, что, помимо всего сказаннаго, само изученіе исторіи немыслимо безъ суда надъ нею даже для тѣхъ изслѣдователей, которые вовсе не задаются цѣлями, намѣченными выше для философіи исторіи. Къ числу фактовъ, составляющихъ предметъ науки, относятся не только дѣянія людскія (res gestae) и ихъ результаты, но и сужденія о нихъ современниковъ и потомства. Какъ относилась та или другая эпоха къ тому или другому событію, какъ относились различные классы общества и отдѣльныя единицы къ окружавшей ихъ современности, людскіе восторги и жалобы, разочарованія и надежды, — все это факты, мимо которыхъ историкъ не имѣетъ права проходить даже въ томъ случаѣ, если не задается широкими цѣлями фисософіи: въ противномъ случаѣ мы будемъ въ полномъ правѣ спросить его, почему *эти* факты онъ не считаетъ достойными изслѣдованія, въ противномъ случаѣ онъ не будетъ въ состояніи отвѣтить намъ, почему люди дѣйствовали тогда-то и тогда-то такъ, а не иначе. Но разъ это такъ, является задача сравнивать событія съ сужденіями о нихъ, чтобы видѣть, насколько вѣрно было пониманіе того, что дѣлалось, у людей изучаемой эпохи, чтобы видѣть, какой общественный классъ показалъ болѣе проницательности и какой вслѣдствіе своей близорукости надѣлалъ пагубныхъ ошибокъ, чтобы видѣть, насколько основательно было отношеніе этихъ классовъ къ современности, насколько было цѣлесообразности въ ихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ объясняются разочарованія и возможно ли было осуществленіе данныхъ надеждъ. А развѣ все это не требуетъ отъ историка собственнаго мнѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ, извѣстной критики, извѣстнаго суда? Люди при

оцѣнкѣ своей эпохи упустили изъ виду существенныя стороны ея характера, — нужно поправить, а поправить чужую оцѣнку значитъ дать свою и, въ нашемъ случаѣ, оцѣнку, основанную на лучшемъ знаніи исторіи. Отдѣльные классы общества взглянули на современность односторонне, не съумѣли дать такого о ней приговора, который удовлетворилъ бы насъ, — нужно измѣнить этотъ приговоръ, попытаться основать его на болѣе разностороннемъ взглядѣ, но опять - таки измѣненіе чужаго приговора есть произнесеніе своего. Люди дѣйствовали нецѣлесообразно; они жаловались на то, на что менѣе нужно было жаловаться, и не жаловались на то, что дѣйствительно этого заслуживало, не понимая настоящей причины своихъ бѣдствій; они восторгались вещами, которыя влекли за собою несчастія, и не замѣчали явленій, которыми могли бы воспользоваться ради своихъ цѣлей, не имѣя понятія о естественныхъ послѣдствіяхъ того или другаго явленія; они возлагали надежды на то, что при лучшемъ знаніи жизни вовсе не должно было бы вызывать этихъ надеждъ, и разочаровались иногда слишкомъ поздно, когда заранѣе можно было предвидѣть печальные результаты. Развѣ не случается это сплошь и рядомъ? Развѣ сплошь и рядомъ мы не высказываемъ подобныхъ сужденій по поводу своего и чужаго поведенія? Развѣ въ своихъ и чужихъ ошибкахъ мы не ищемъ объясненія разныхъ неудачъ и разочарованій? И если историкъ не будетъ прибѣгать къ этому методу для *объясненія* изучаемыхъ имъ явленій, можно ли отъ него ожидать пониманія исторіи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И, дѣйствительно, историки вѣчно въ этомъ отношеніи творятъ судъ надъ прошлымъ, каждый по мѣрѣ своихъ способностей и своего разумѣнія. Мы даже осмѣливаемся утверждать, что, пользуясь этимъ методомъ, современемъ историки будутъ въ состояніи оказывать обществу громадныя услуги. Мы даже осмѣливаемся утверждать, что многія наши ошибки въ общественной жизни именно отъ того и происходятъ, что мы не прибѣгаемъ къ историческому методу или слишкомъ поздно начали имъ пользоваться, чтобы совсѣмъ отстать отъ прежнихъ привычекъ. Если историки будутъ отказываться отъ суда, а люди, судящіе и на своихъ приговорахъ основывающіе правила поведенія, будутъ сторониться исторіи, то путнаго ничего не выйдетъ ни въ наукѣ, ни въ жизни: наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ! Если люди практической жизни очень часто относятся скептически къ наукѣ, то хотя и односторонне, но они

бываютъ правы: знаніе, значитъ, не выполняетъ одного изъ требованій, которыя ему предъявляются обществомъ. Съ другой стороны, если люди науки находятъ практическую жизнь черезъчуръ мелкою, то и они бываютъ правы, хоть опять-таки односторонне: значитъ, общество, ихъ окружающее, равнодушно къ знанію, а потому безъидейно, значитъ, общество не хочетъ учиться даже тогда, когда у науки есть чему поучиться. Тутъ выходитъ какой-то circulus viciosus, одинъ изъ тѣхъ заколдованныхъ круговъ, которыми полна жизнь и исторія, и его нужно разорвать. Кто его разорветъ? Кому это ближе всего сдѣлать?

А, между тѣмъ, историки, и не думая объ этомъ, все - таки, продолжаютъ судить и рядить: такъ велика эта потребность суда. Одни развѣнчиваютъ, снимаютъ съ пьедесталовъ, записываютъ на черную доску тѣхъ, кому кланялось человѣчество; другіе занимаются реабилитаціей, возвышеніемъ, прославленіемъ Тиберіевъ, Нероновъ, Ѳеодоръ византійскихъ и Лукреціи Борджіа. Одни за Помпея, другіе за Цезаря, одни за папу, другіе за Лютера, одни за Мирабо, другіе за Робеспьера и т. д., и т. д. Гдѣ исторія, тамъ и судъ, но часто судъ односторонній, пристрастный, неправый, не стоящій того, чтобы имъ занимались, но, все-таки, судъ и судъ! Прогоните его въ явной формѣ, онъ вотрется къ вамъ невидимкой: въ выборѣ, освященіи предмета вы увидите его, этотъ судъ. Изгоните его и въ этой его формѣ, но тогда вамъ нельзя будетъ заняться ничѣмъ живымъ, тогда за исторіей останется узкое поле критики источниковъ (да и то, когда не приходится имѣть дѣло съ личностью автора), рѣшенія разныхъ археологическихъ вопросовъ, въ которомъ году, на какомъ мѣстѣ, какъ звали, чей былъ сынъ и т. п. историческихъ ребусовъ, именно своею трудностью и превлекающихъ къ себѣ вниманіе записныхъ любителей умственной гимнастики, безъ всякаго отношенія къ тому, какой изъ всего этого прокъ. *Такой* науки практическая жизнь никогда знать не захочетъ, но такая наука именно и можетъ обойтись безъ суда, остановиться на одномъ слѣдствіи, хотя бы предметъ его заключался въ томъ, какъ звали человѣка, который прошелъ по пыльной дорогѣ, оставивъ на ней слѣды отъ сапога съ необыкновенной подошвой.

Все, что мы говоримъ, конечно, очень старо, да мы и не думаемъ объ этомъ много распространяться. Науку для науки и науку для жизни понимаютъ вообще очень односторонне. Мы за науку для науки, но если подъ этимъ разумѣютъ удовлетвореніе

любопытства, какъ бы вздоренъ ни былъ его предметъ, мы за науку для жизни, но опять-таки съ ограниченіемъ: если подъ этимъ разумѣютъ служеніе исключительно однимъ интересамъ дня, то мы опять за науку для науки. Пора, кажется, бросить этотъ споръ. На наукѣ должна отражаться жизнь, но именно очищенная наукой; наука должна вліять на жизнь, но именно наука, не разорвавшая съ нею связи. Примѣняя это къ вопросу объ исторіи, мы найдемъ, что знаніе прошлаго, не оторванное отъ жизни и претендующее оказывать на нее вліяніе, именно и не можетъ обойтись безъ суда надъ этимъ прошлымъ. Все, находящееся внѣ этого, есть знаніе мертвое и безполезное или только необходимая ступень для живаго и полезнаго знанія.

И люди науки, и люди практической жизни (что дѣлать! такое раздѣленіе существуетъ) часто не видятъ послѣдняго: первые ради средствъ забываютъ цѣль, другіе не понимаютъ, какихъ средствъ требуетъ достиженіе цѣли. Вотъ и возникаетъ споръ о наукѣ для науки и о наукѣ для жизни. Въ сущности, если требованія жизни таковы, что судъ надъ исторіей необходимъ, то то же нужно и для самой науки: безъ суда нѣтъ истиннаго пониманія исторіи. Результаты исторіи зависятъ въ извѣстной степени отъ людскихъ ошибокъ, но кто говоритъ ошибка, тотъ произноситъ судъ. Съ другой стороны, если исторія не будетъ заниматься вопросами, не имѣющими прямаго отношенія къ жизни, понимаемой въ самомъ узкомъ смыслѣ, къ современности, взятой въ значеніи текущей минуты, то она никогда не будетъ серьезной наукой. Будемъ ли мы смотрѣть на міръ Божій изъ окна ученаго кабинета или глазами уличной толпы, мы такимъ образомъ не можемъ, въ концѣ-концовъ, отказаться отъ суда надъ исторіей.

И жизнь, и наука предъявляютъ намъ, слѣдовательно, одинаковыя требованія. Кто хочетъ понимать, дѣйствительно понимать реальную жизнь, кто не разлагаетъ ее на абстрактныя формулы, помогающія пониманію, но дать его неспособныя, кто не ограничивается возней съ абстракціями, хотя бы и очень интересными и научно добытыми, кто не прикрываетъ лѣности мысли требованіями строгаго объективизма (въ смыслѣ индифферентизма) или во имя требованій научности, ошибочно понятыхъ, не искажаетъ, не калѣчитъ стремленій своего ума, кто не устраняетъ изъ разсмотрѣнія фактовъ, требующихъ по своей природѣ субъективнаго отношенія къ себѣ со стороны изслѣдователя,—тотъ непремѣнно пониманіе свяжетъ съ сужденіемъ, науку съ жизнью,

и только тотъ, повторяю, будетъ понимать, понимать въ самомъ дѣлѣ.

Но не возвращаемся ли мы къ тому, что сказано было нами прежде? Что это за факты, по природѣ своей требующіе субъективнаго къ себѣ отношенія? Это и есть приговоры людей надъ современностью, судъ человѣчества надъ исторіей: они-то, эти приговоры, доставляютъ философу исторіи основанія для его суда надъ нею и матеріалы для пониманія ея перипетій. Каждая единица можетъ быть верховнымъ судьей въ вопросѣ, чѣмъ *для нея* была исторія, матерью или мачихой, и тутъ историкъ не имѣетъ права навязывать своего мнѣнія: жалуется человѣкъ, — значитъ ему скверно. Но каждый индивидуумъ можетъ обобщать свое личное настроеніе, не понимать, гдѣ условія его благополучія и гдѣ причины его страданій, ошибаться относительно средствъ, полагаться на обманчивыя надежды, не видѣть основъ своихъ будущихъ разочарованій, словомъ, ошибаться въ своихъ общихъ приговорахъ надъ жизнью, въ своемъ судѣ надъ исторіей, и тутъ для историка открывается широкое поле для критики, для суда надъ людскими мнѣніями. Но судьба человѣка зависитъ отъ другихъ людей, и дѣятельность каждаго, кромѣ непосредственныхъ результатовъ, имѣетъ еще болѣе широкіе, болѣе отдаленные для всей исторіи: развѣ тутъ нѣтъ предмета для суда, для оцѣнки дѣятельности людей, какъ полезной и какъ вредной, какъ прогрессивной и какъ регрессивной? А, наконецъ, весь ходъ исторіи въ сравненіи съ формулой прогресса!

Судъ надъ судьбой людей, судъ надъ мнѣніями ихъ, обусловленными этой судьбой, судъ надъ дѣйствіями, вытекающими изъ этихъ мнѣній, судъ надъ дѣйствіями, направляющими ходъ исторіи, судъ надъ ходомъ исторіи, обусловливающимъ судьбу людей,—посмотрите, какъ все это тѣсно и неразрывно связано: выбросьте одно звено, цѣпь порвана, а, между тѣмъ, каждое изъ нихъ связано тѣсно и съ особой, независимой отъ прочихъ звеньевъ, основой.

Вліяніе исторіи на человѣка—предметъ, самъ по себѣ достойный изученія?

Мнѣнія людей о вліяніи исторіи на ихъ судьбу—предметъ, самъ по себѣ достойный изученія?

Вліяніе человѣческихъ дѣяній на общій ходъ исторіи—предметъ, самъ по себѣ достойный изученія?

Еще бы отвѣчать отрицательно на эти вопросы!

Но одинъ изъ этихъ предметовъ немыслимъ безъ другаго, и всѣ немыслимы безъ суда. Люди судятъ свою судьбу, историкъ судитъ ихъ мнѣнія о ходѣ исторіи и ихъ дѣйствія по отношенію къ этому ходу. Люди практической жизни должны послушать науку о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ идетъ исторія, люди науки должны прислушаться къ голосу человѣчества, чтобы самимъ имѣть вполнѣ вѣрное представленіе о его судьбахъ. Опять мы приходимъ къ необходимости постояннаго взаимодѣйствія науки и жизни, теоретической и практической мысли.

Да, именно теоретической и практической мысли! И знаете, почему одна теоретическая мысль безсильна передъ задачей исторіи? Да именно потому, что жизнь, вѣчно управляемая практическою мыслью во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ инстинкта до самаго высокаго идеализма, не въ состояніи быть понята иначе, какъ при помощи того, что создаетъ ее самоё, т.-е. безъ участія мысли практической.

Я гдѣ-то,—не помню, у кого,—вычиталъ мысль, что та же дѣятельность, которая создаетъ исторію, создаетъ и ея пониманіе. Это очень вѣрно. Жизнь слагается изъ суммы впечатлѣній, но мы воспринимаемъ ихъ не пассивно, мы ихъ стремимся понять и оцѣнить. Пониманіе и оцѣнка прошлаго,—вотъ задача и исторіи, но никакъ не пассивное воспроизведеніе прошлаго. Историческая книга, историко-философская теорія не простое зеркало, въ которомъ отражается внѣшняя сторона прошлаго, не самопишущій аппаратъ, отмѣчающій общественныя явленія и создающій нѣчто вродѣ протокола, это — продуктъ мысли, перерабатывающей въ своемъ горнилѣ данныя опыта, продуктъ той же способности, которая оцѣниваетъ впечатлѣнія и стремится къ новымъ, продуктъ творческаго духа, практической мысли въ одной изъ ея формъ. Связь тутъ такая, что исторію философіи исторіи вы не поймете безъ исторіи жизни, безъ исторіи общества, возьмете ли вы Боссюэта, Лорана, Гегеля, Канта или кого угодно. И если бы мы когда-либо взялись за благодарную, но очень трудную тему прослѣдить развитіе нашей науки, то первымъ дѣломъ признали бы необходимымъ слѣдить за нимъ въ тѣсной связи съ перипетіями общественной жизни, съ философскими, соціальными, моральными доктринами разныхъ эпохъ: тутъ важно не то, что сказалъ такой-то авторъ, а почему онъ это сказалъ. Мы увидѣли бы тогда, что время отъ времени являлись люди, которые брали на себя задачу подвести итогъ всѣму прошлому и

сдѣлать ему оцѣнку; мы увидѣли бы, кто изъ этихъ людей стоялъ на высотѣ пониманія, возможнаго для данной эпохи, кто отставалъ отъ уроковъ жизни, кто стремился предвосхитить идеи будущихъ поколѣній; мы увидѣли бы, насколько предсказанія философовъ исторіи оправдывались общимъ теченіемъ дѣлъ. Особенно было бы интересно сдѣлать это для послѣднихъ двухъ вѣковъ, ибо только съ XVIII вѣка идетъ непрерывная традиція философіи исторіи, какъ системы: до XVIII вѣка мы имѣемъ бо́льшею частью только предшественниковъ философіи исторіи. И знаете ли, почему это такъ? Да именно потому, что только въ XVIII вѣкѣ наука и жизнь стали между собою сближаться, и хотя въ историко-философской литературѣ первое мѣсто принадлежитъ Германіи, особенное вліяніе жизни на исторію и историческихъ идей на жизнь мы наблюдаемъ во Франціи.

Теперь я могу кончить, потому что главные аргументы высказаны всѣ. Интересы и жизни, и науки, инстинкты нашей природы и стремленія нашего разума одинаково требуютъ суда надъ исторіей. Какихъ же еще аргументовъ нужно? Если кого смутитъ то соображеніе, что гдѣ же гарантіи противъ суда неправеднаго, то ихъ, конечно, нѣтъ нигдѣ, кромѣ научнаго и общественнаго воспитанія историка. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ философы исторіи были плохими судьями: національныя и политическія пристрастія, профессіональная ограниченность, односторонній интересъ къ тому или другому продукту общественной жизни значительно искажали правый судъ. Да, гарантіи противъ судьи необходимы, и какъ всякій судъ находитъ ихъ въ формахъ судопроизводства, такъ и тутъ необходимы формы. Не скроемъ отъ читателя, что хотя историки и философы уже искали эти формы, и многіе даже въ изслѣдованіи ихъ полагали сущность философіи исторіи, сколько, тѣмъ не менѣе, еще спорнаго въ этой области, сколько противорѣчій! Представьте одновременное существованіе юристовъ, изъ которыхъ одни признаютъ ордаліи, другіе — судебный поединокъ, третьи — пытку, четвертые — систему формальныхъ уликъ, какъ лучшіе способы доказательства, и вы получите приблизительное понятіе о той умственной анархіи, которая господствуетъ въ средѣ философовъ исторіи. Дисциплина необходима, необходима система «исторической мудрости». Если философія исторіи не праздная игра ума, а серьезное дѣло науки, то наука должна поставить на очередь этотъ вопросъ.

Изъ этой-то области мы и взяли одинъ предметъ въ этой

статьѣ. Мы не имѣли претензіи дать тутъ полное рѣшеніе вопроса, исчерпать его: для этого нуженъ, пожалуй, цѣлый томъ, а не такая небольшая замѣтка; но иногда важно намѣтить вопросъ, указать, въ какомъ направленіи его слѣдуетъ рѣшать, высказать просто личное мнѣніе, подсказанное опытомъ. Велико ли, мало ли будетъ наше знакомство съ исторической литературой вообще и въ частности съ историко-философской, мы вынесемъ изъ него непремѣнно глубокое убѣжденіе, что нужно систематизировать судъ надъ исторіей, дать для него опредѣленныя формы, обставить его научными гарантіями. Но въ томъ-то и весь вопросъ въ наше время, законенъ ли еще этотъ судъ? Опять позволю себѣ сказать, что и личный опытъ, и наблюденіе надъ развитіемъ исторической литературы и общественной жизни подскажутъ намъ рѣшеніе, какъ мнѣ кажется, въ пользу нашей компетентности: самое любопытное—то, что отрицающіе законность суда, тѣмъ не менѣе, судятъ постоянно такъ или иначе.

Нѣтъ, предъ неизбѣжностью нужно преклониться, а если умъ нашъ открываетъ въ ней вредныя стороны, то остается только создать условія, которыя бы ихъ устранили. Мы знаемъ, что для умовъ, предпочитающихъ свободный полетъ фантазіи кропотливому добыванію истины, всякія рамки тѣсны; мы знаемъ, что другіе умы, слишкомъ осторожные, добровольно накладываютъ на себя цѣпи и ограничиваютъ свой кругозоръ; мы знаемъ, что вообще нѣтъ совершенства въ человѣческой мудрости, и потому-то нужно точно очертить кругъ правъ и обязанностей нашего ума, нашей критики. Философія исторіи «нынѣ не въ авантажѣ обрѣтается»; мы подымаемъ голосъ за философію исторіи, но, помня старые ея грѣхи, мы еще разъ ей напоминаемъ: нужно знать то, что судишь.

На этомъ и кончимъ! Если читатель нашъ думалъ прежде то же самое, что прочиталъ на этихъ страницахъ, то ему, конечно, пріятно, что не одинъ онъ такъ думалъ, но если онъ думалъ иначе и нашелъ, что вопросъ заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, новаго пересмотра, то это все, чего мы думали достигнуть этими бѣглыми замѣтками, въ которыхъ хотѣли показать, что судъ надъ исторіей не заключаетъ въ себѣ ничего ненаучнаго: напротивъ, онъ необходимъ, онъ законенъ, того требуютъ и жизнь, и наука, и та тѣсная связь между ними, про которую сказано въ мудрой пословицѣ древнихъ: *non scholae, sed vitae discimus*.

Н. Карѣевъ.

Европейскіе интересы на дальнемъ Востокѣ и азіатскія желѣзныя дороги.

Географическій кругозоръ европейскихъ народовъ все расширяется, и это не относится къ одной области чистой науки. Практическіе интересы также уже не ограничиваются Европой и даже Америкой.

Азія все болѣе входитъ въ кругъ европейскихъ или, точнѣе, мировыхъ интересовъ; ея народы оказываются далеко не такими неподвижными, какъ прежде думали, не зная ихъ. Дальновидные люди не сомнѣваются, что все, что происходитъ въ Азіи, должно оказывать большое вліяніе на Европу и что важнѣе всего тѣ части Азіатскаго материка, которыя называютъ дальнимъ Востокомъ.

Россія болѣе другихъ странъ заинтересована въ дѣлахъ дальняго Востока, такъ какъ часть ея владѣній принадлежитъ къ нему, а съ Китаемъ она граничитъ на тысячи верстъ.

I.

Начинаю съ Индіи, какъ страны, которая уже болѣе ста лѣтъ находится подъ властію англичанъ, гдѣ, слѣдовательно, вліяніе европейцевъ всего сильнѣе, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы въ Индіи построено большое количество желѣзныхъ дорогъ (болѣе 15,000 верстъ), которыя связали съ портами и болѣе отдаленныя части страны. Очевидно, что такимъ образомъ въ значительной степени облегчились ихъ сношенія съ Европой. Можно сказать, что, благодаря господству англичанъ, желѣзнымъ дорогамъ, полной свободѣ торговли и привилегированному положенію

всѣхъ европейцевъ, сравнительно съ туземцами, европейская торговля поставлена въ такія выгодныя условія, въ какихъ она не стоитъ и врядъ ли будетъ когда-нибудь стоять въ другихъ странахъ дальняго Востока.

Еще благопріятное условіе европейской торговли въ Индіи состоитъ въ томъ, что, при господствѣ англичанъ, индійская промышленость почти совсѣмъ упала. Еще въ XVIII столѣтіи Индія снабжала Европу не одними колоніальными товарами, но и мануфактурными, въ особенности хлопчато-бумажными. Вскорѣ послѣ покоренія страны, англичане приняли мѣры для ослабленія промышленности Индіи. При ввозѣ въ Англію индійскіе мануфактурные товары платили высокую пошлину. Торговля съ другими европейскими странами почти не существовала, благодаря монополіи Остъ-Индской компаніи. Затѣмъ на ремесленниковъ и кустарей Индіи были наложены высокія подати. Такъ какъ, въ то же время, англійская промышленость переходила къ употребленію машинъ и паровыхъ двигателей, причемъ, конечно, стоимость мануфактурныхъ произведеній понижалась, то вскорѣ англійскія произведенія завладѣли индійскимъ рынкомъ. Туземная промышленность уменьшилась до крайности, такъ что позже уничтоженіе ввозной пошлины съ мануфактурныхъ товаровъ въ Англіи и свобода торговли Индіи съ другими странами уже не помогли индійскимъ промысламъ. Такъ какъ ручная работа не могла бороться съ машинной работой Европы, то Индія, по характеру своей торговли, приблизилась къ идеалу англичанъ. Она вывозитъ сырыя произведенія для англійскихъ фабрикъ и нѣкоторые питательные продукты и ввозитъ около девяти-десятыхъ мануфактурныхъ произведеній, потребляемыхъ жителями. Достаточно упомянуть о томъ, что Англія доставляетъ ей хлопчато-бумажныя ткани (предметъ одежды громаднаго большинства населенія) и желѣзо во всѣхъ его видахъ, отъ чугуна до самыхъ дорогихъ стальныхъ инструментовъ.

Каково же личное участіе европейцевъ въ торговлѣ съ Индіей? Изъ посѣщенія страны и большаго количества собранныхъ мною свѣдѣній, разспросныхъ и печатныхъ, оказывается, что европейцы сами занимаются торговлей только въ портахъ. Здѣсь они покупаютъ у туземныхъ купцовъ товары, назначенные для вывоза, и продаютъ имъ европейскіе товары. Покупка продуктовъ у производителей, переходъ ихъ изъ рукъ въ руки и доставка ихъ къ портамъ, затѣмъ распространіе европейскихъ товаровъ

по странѣ и продажа ихъ оптомъ и въ розницу,—все это дѣло туземныхъ купцовъ.

Причины того обстоятельства, что, несмотря на господство англичанъ и безопасность своей жизни и собственности, европейцы не принимаютъ личнаго участія въ торговлѣ внутри Индіи, состоятъ въ томъ, что 1) европейцы такъ мало знаютъ туземцевъ, ихъ обычаи и потребности, что ихъ личное участіе могло бы имъ принести одни убытки и 2) всякій европеецъ въ Индіи привыкъ къ такой роскоши, что содержаніе европейскихъ прикащиковъ обошлось бы слишкомъ дорого. Можно безъ преувеличенія сказать, что европейскіе прикащики и мелкіе чиновники тратятъ въ годъ болѣе многихъ богатыхъ туземныхъ купцовъ.

Нѣкоторые европейскіе купцы имѣютъ конторы внутри Индіи, но эти конторы занимаются не торговлей, въ собственномъ смыслѣ, а приготовленіемъ индійскихъ товаровъ для вывоза. Назову въ особенности хлопковые прессы и шелкомотальни, слѣдовательно, такого рода заведенія, для которыхъ требуется примѣненіе европейской техники. Европейцы считаютъ индусовъ неспособными къ подобнаго рода занятіямъ, хотя это мнѣніе справедливо лишь относительно.

Довольно много европейцевъ живетъ еще внутри Индіи, занимаясь отраслями сельскаго хозяйства, которыя даютъ предметы вывоза въ Европу и требуютъ тоже нѣкоторыхъ техническихъ приспособленій, для которыхъ высшій надзоръ европейцевъ считается до сихъ поръ необходимымъ. Изъ подобныхъ отраслей хозяйства назову индиговыя плантаціи въ Бенгалѣ (извѣстно, что приготовленіе краски довольно сложно и производится на самихъ плантаціяхъ и что вообще это дѣло требуетъ большихъ капиталовъ). Затѣмъ, чайныя плантаціи въ Ассамѣ и на склонѣ Гималаевъ и кофейныя плантаціи на югѣ полуострова также находятся въ рукахъ англичанъ и продукты ихъ вывозятся, такъ какъ туземцы Индіи почти не употребляютъ ни чаю, ни кофе.

Изъ средствъ для увеличенія торговли Индіи съ Европой и для подъема производительности страны, общественное мнѣніе Англіи и англо-индійскіе государственные люди остановились прежде всего на желѣзныхъ дорогахъ.

Нужно замѣтить, что ни одна страна по способу постройки желѣзныхъ дорогъ не подходитъ ближе къ Индіи, чѣмъ Россія. Какъ тамъ, такъ и у насъ, большая часть желѣзныхъ дорогъ построена съ гарантіей и субсидіей отъ правительства, а въ по-

слѣднее время нѣкоторыя линіи построены казной. Рельсы, локомотивы, вагоны и желѣзныя части мостовъ привезены изъ Англіи, такъ что значительная часть денегъ, истраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, осталась въ Англіи. Англичанамъ же достается значительная часть расходовъ, ежегодно производимыхъ желѣзными дорогами, въ видѣ крупныхъ окладовъ разнаго рода, до машинистовъ включительно, такъ какъ и на эти должности англичане рѣдко берутъ туземцевъ. Точно также и расходы по ремонту рельсовъ и подвижнаго состава остаются въ Англіи. Индійскіе плательщики податей приплачиваютъ иногда довольно крупныя суммы по гарантіямъ (всего до настоящаго времени приплата по гарантіямъ составила болѣе 250 милл. рублей).

Понятно, что, помимо увлеченія желѣзными дорогами, общаго въ Европѣ отъ сороковыхъ до половины семидесятыхъ годовъ, англичанъ побуждали къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ еще двѣ причины: 1) упомянутые барыши англійской промышленности отъ поставки подвижнаго состава и желѣза въ разныхъ видахъ и 2) стратегическія цѣли: при большомъ пространствѣ и населеніи Индіи и маломъ количествѣ войскъ, которыя Англія можетъ содержать тамъ, очевидно, нужно было озаботиться о быстромъ передвиженіи войскъ, съ ихъ артиллеріей и обозомъ, съ тѣмъ, чтобы поспѣвать всюду, гдѣ оказалась бы опасность владычеству Англіи.

Стратегическая цѣль достигнута желѣзными дорогами, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, обогащеніе Англіи на счетъ Индіи тоже достигнуто, но, спрашивается, насколько достигнуто развитіе производительныхъ силъ страны? Слѣдующая таблица даетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ, причемъ я ограничиваюсь самой, такъ сказать, англійской точкой зрѣнія, такъ какъ беру внѣшнюю торговлю, считая не одни товары, но и благородные металлы.

Милліоны металлическихъ рублей.

Годы.	Привозъ.	Вывозъ.	Сумма.
1861—70	290	344	634
1880—82	357	477	834
увеличеніе въ 16 лѣтъ %	19	39	30

Замѣчу, что приблизительно съ 1864 до середины семидесятыхъ годовъ индійская торговля развивалась довольно медленно,

несмотря на то, что въ это время было именно построено большое количество желѣзныхъ дорогъ. Только въ послѣдніе годы торговля стала нѣсколько быстрѣе развиваться. Этому способствовалъ, вѣроятно, и упадокъ цѣнности серебра, сравнительно съ золотомъ. Монетная единица въ Индіи серебряная и, вслѣдствіе упадка цѣнности серебра, индійскіе продукты стали дешевле при разсчетѣ на золото.

Если сравнить быстроту развитія торговли Индіи съ тою, которая имѣла мѣсто въ другихъ странахъ земнаго шара, то увидимъ, что она гораздо медленнѣе, чѣмъ для странъ, вывозящихъ преимущественно сырые продукты, каковы Россія, Соединенные Штаты и Австралія, такъ и странъ, вывозящихъ преимущественно мануфактурные продукты, каковы Франція и Англія. Вездѣ въ этихъ странахъ, въ то же время, торговля удвоилась или почти удвоилась. Нужно замѣтить еще, что сила вещей и положеніе туземцевъ ведутъ къ тому, что Индія вывозитъ все бо́льшій процентъ продуктовъ сырыхъ и дешевыхъ. Такъ, наприм., изъ предметовъ, вывозъ которыхъ особенно сильно увеличился за послѣдніе годы, нужно въ особенности упомянуть о джутѣ, пшеницѣ, льняномъ сѣмени и рисѣ. Все это предметы, требующіе сравнительно мало умѣлаго труда и техническихъ знаній. Къ тому же это предметы, которые могутъ вывозиться въ значительномъ количествѣ изъ Индіи въ Европу благодаря чрезвычайно дешевымъ морскимъ фрахтамъ. Наприм., въ 1882 г. фрахтъ за провозъ пуда пшеницы изъ Бомбея въ Лондонъ обходился въ 19 1/2 коп. металл. съ пуда, изъ Калькутты—22 1/2. Такая дешевизна стала возможна благодаря большимъ успѣхамъ въ постройкѣ пароходовъ и конкурренціи судохозяевъ между собой. Изъ предметовъ болѣе дорогихъ, составляющихъ результатъ болѣе значительнаго и умѣлаго труда, только вывозъ чая увеличивается въ значительной степени. Вывозъ индиго и опіума остается приблизительно тотъ же, а вывозъ шелка даже сокращается.

И въ настоящее время многіе продукты Индіи совсѣмъ не пользуются желѣзными дорогами, наприм., рисъ, потому что вывозъ его идетъ преимущественно изъ Нижняго Бенгала и Бирмы, гдѣ мало желѣзныхъ дорогъ и много судоходныхъ рѣкъ. Чай и другіе продукты Ассама тоже сплавляются въ Калькутту водой. Точно также и нѣкоторыя произведенія сѣверо-западныхъ провинцій и Ауда доходятъ до Калькутты водой по Гангу и его притокамъ.

Еслибъ оправдались надежды на индійскія желѣзныя дороги, какъ на главныя перевозочныя средства страны, то, очевидно, Бомбей значительно опередилъ бы Калькутту. Онъ находится въ связи со всею Индіею посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и портъ его превосходенъ, къ тому же морской путь изъ Бомбея въ Европу слишкомъ на двѣ тысячи семьсотъ верстъ короче, чѣмъ изъ Калькутты. Чтобъ дойти до послѣдняго города, нужно пройти по Бенгальскому заливу и по Хугли (притоку Ганга). И тамъ, и тутъ плаваніе опасно. Если Бомбей не развился такъ скоро, какъ можно было ожидать, и не переросъ Калькутту, то именно потому, что къ послѣдней сходятся внутренніе водяные пути, а къ Бомбею ихъ нѣтъ.

Въ странахъ, какъ Индія, гдѣ торговля свободна, и въ которую ввозятъ большую часть нужныхъ для нея мануфактурныхъ произведеній, очевидно, что внѣшняя торговля можетъ служить важнымъ указаніемъ на благосостояніе страны *). Абсолютныя цифры торговли Индіи велики, но понятно, что не онѣ могутъ служить мѣриломъ благосостоянія страны, а лишь цифры ввоза и вывоза по отношенію къ числу жителей.

Вотъ ввозъ и вывозъ на жителя, въ рубляхъ и копѣйкахъ металлическихъ, за 1879—80 года:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Сумма.
Англійская Индія	1 р. 27 к.	1 р. 68 к.	2 р. 95 к.
Нидерландскія владѣнія Малайскаго архипелага (Ява и т. д.)	3 р. 43 к.	3 р. 72 к.	7 р. 15 к.
Отношеніе.			100 : 240

Я взялъ для сравненія съ Индіей не Европу, Соединенные Штаты или Австралію, т.-е. страны, которыя стоятъ настолько выше Индіи по своему развитію, что сравненіе между ними невозможно, а страну, близкую къ Индіи по климату, точно также владѣніе европейцевъ и притомъ по племеннымъ свойствамъ стоящую ниже Индію. Замѣчу еще, что въ голландскихъ владѣніяхъ внѣшняя торговля гораздо болѣе стѣснена высотой пошлинъ и административными распоряженіями, чѣмъ въ Индіи. Въ

*) Нужно еще замѣтить, что контрабанда въ Индіи очень мала, что зависитъ отъ того, что страна со всѣхъ сторонъ окружена моремъ и высокими горами. Къ тому же и жители имѣютъ мало склонности къ мореходству.

результатѣ оказывается, однако, что количество ввоза и вывоза на жителя въ 2½ раза менѣе, чѣмъ въ голландскихъ владѣніяхъ. Эта разность можетъ быть объяснена только бѣдностію жителей. Желѣзныя дороги — только средство обращенія продуктовъ, но гдѣ ихъ мало производится, тамъ, конечно. и перевозка продуктовъ не можетъ быть значительна, а гдѣ населеніе очень бѣдно, тамъ. конечно, ввозъ не можетъ быть великъ, такъ какъ не достаетъ средствъ на покупку товаровъ.

Коренная ошибка англичанъ въ управленіи Индіей состояла въ томъ, что они обращали слишкомъ мало вниманія на дѣйствительное развитіе производительныхъ силъ страны и богатство ея жителей. Для страны чисто земледѣльческой, какъ Индія. съ теплымъ климатомъ и многочисленнымъ населеніемъ, прежде всего слѣдовало позаботиться объ обширной системѣ искусственнаго орошенія. Англичане кое-что сдѣлали въ этомъ отношеніи. но далеко не достаточно. Во многихъ частяхъ Индіи, въ особенности на югѣ, прежніе туземные государи и даже иные мусульманскіе завоеватели гораздо лучше понимали потребности страны и оставили оросительныя работы въ громадныхъ размѣрахъ.

Причина того, что англичане слишкомъ мало сдѣлали въ этомъ отношеніи,—малое знаніе страны и невниманіе къ ея потребностямъ. Тяжелому англійскому уму трудно свыкнуться съ мыслью, что вода—главная потребность земледѣлія Индіи, такъ какъ онъ привыкъ къ мысли, что осушеніе земель (дренажъ) принесло большую пользу въ Англіи. Впрочемъ, есть англичане, хорошо знающіе Индію и имѣющіе вѣрное понятіе о ея потребностяхъ, но на ихъ мнѣнія не обращаютъ вниманія.

II.

Китай находится въ совершенно другихъ условіяхъ къ европейцамъ и ихъ торговлѣ. Какъ ни велико вліяніе европейцевъ въ этой странѣ, они далеко еще не проникли всюду, и каждое новое расширеніе правъ доставалось имъ, такъ сказать, съ бою, если не буквально, то въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ ловкая китайская дипломатія дѣлаетъ все возможное, чтобъ затруднить доступъ иностранцамъ. Въ теченіе послѣдняго столѣтія можно различить четыре періода морской торговли европейцевъ съ Китаемъ. До 1842 года они были еле терпимы въ Кантонѣ и подвергались всевозможнымъ униженіямъ. Въ 1842 году торговля стала

на твердую ногу открытіемъ пяти портовъ и пріобрѣтеніемъ острова Хонгъ-Конга англичанами. Здѣсь и до сихъ поръ остался центръ денежныхъ разсчетовъ Европы съ Китаемъ. Европейскіе банки хранятъ здѣсь свои металлическіе запасы подъ защитой англійскимъ пушекъ. Новое расширеніе торговли произошло вслѣдствіе пекинскаго трактата, окончившаго войну Франціи и Англіи съ Китаемъ въ 1860 году. Особенно важны были права имѣть посольства при пекинскомъ дворѣ и открытіе для торговли и плаванія европейскихъ судовъ всего нижняго и средняго теченія Голубой рѣки, до города Ханькау. Въ семидесятомъ году, съ открытіемъ Суэзскаго канала и послѣдовавшей вскорѣ постройкой двухъ телеграфныхъ линій, связавшихъ Европу съ Китаемъ, одна чрезъ Индію, другая чрезъ Сибирь, начинается четвертый, современный періодъ сношеній Европы съ Китаемъ.

Оставляю въ сторонѣ время до сорокъ втораго года, а періоды съ 1842 до 1860 и отъ 1860—70, несмотря на большое развитіе торговли, представляютъ большое сходство. Главная характеристика ихъ состоитъ въ томъ, что торговля была сосредоточена въ рукахъ немногихъ богатыхъ, особенно англійскихъ фирмъ, которыя получали отъ нея огромные барыши. Несмотря на ловкость китайскихъ торговцевъ, ихъ замѣчательное единодушіе и способность къ стачкѣ, они были безсильны въ борьбѣ съ европейцами и оставляли въ ихъ рукахъ бо́льшую часть выгодъ отъ торговли. Въ то время телеграфа въ Китаѣ еще не было, почтовые пароходы ходили медленно и теряли много времени въ Сингапурѣ. Крупныя англійскія фирмы имѣли свои быстрые пароходы, служившіе для перевозки чая, шелка и опіума. Часто эти пароходы ждали прибытія почты изъ Европы въ Сингапурѣ и сейчасъ же отправлялись въ китайскіе порты, привозя своимъ хозяевамъ извѣстія изъ Европы двумя или тремя днями ранѣе, чѣмъ могли ихъ получить китайцы и болѣе мелкіе европейскіе купцы. Понятно, что они пользовались этимъ для выгодныхъ торговыхъ операцій, въ которыхъ никто не могъ съ ними конкуррировать. Какъ ни велики были выгоды отъ этой законной торговли, онѣ далеко не составляли всего: болѣе крупныя наживы получались и другими путями. Въ первое время особенно процвѣтала контрабанда опіума. По трактатамъ съ Англіей, ввозъ этого яда былъ разрѣшенъ, но обложенъ высокой пошлиной. Пока китайская таможня была дурно организована, контрабанда опіума доставляла огромные барыши. Въ этомъ отношеніи

положеніе очень измѣнилось еще до семидесятаго года. Китайское правительство поставило во главѣ таможни англичанина Харто, который набралъ себѣ помощниковъ изъ европейцевъ. Большіе оклады жалованья давали возможность строгаго выбора, въ таможнѣ водворился порядокъ, и контрабанда стала гораздо затруднительнѣе. Таможенные доходы дали китайскому правительству средства уплатить въ семь лѣтъ военную контрибуцію Англіи и Франціи. Цѣлый рядъ возстаній въ Китаѣ, отъ начала пятидесятыхъ до начала семидесятыхъ годовъ, далъ возможность производить выгодную контрабанду оружіемъ. А разоренія европейскихъ факторій, иногда съ вѣдома китайскихъ властей, а иногда мятежниками, давали поводъ къ требованію вознагражденія, иногда въ десятеро болѣе дѣйствительныхъ убытковъ. Наконецъ, для Шанъ-Хая самое выгодное время наступило въ 1864 году. Мятежники разорили окрестности и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осаждали китайскій городъ. Китайцы толпами спасались на европейскія концессіи *) и платили баснословныя цѣны за самыя жалкія лачуги. Развилась бѣшеная спекуляція на дома и мѣста подъ ихъ постройку. Вскорѣ, однако, большимъ барышамъ европейцевъ наступилъ конецъ; англичане и французы стали опасаться большаго ослабленія пекинскаго правительства и полной анархіи въ Китаѣ, вредной для торговли. Они стали покровительствовать вступленію европейскихъ офицеровъ на службу Китая и устройству регулярныхъ войскъ. Англичанинъ Гордонъ, командовавшій подобными китайскими войсками въ 1864 году, побѣдилъ татинговъ, самыхъ опасныхъ враговъ манчжурской династіи. Это повело къ умиротворенію центральныхъ, самыхъ богатыхъ областей Китая, и возстановленію правильной торговли.

Время отъ 1862 до 1870 года положило глубокій отпечатокъ на весь характеръ торговли и вообще на положеніе европейцевъ въ Китаѣ. Еще менѣе, чѣмъ въ Индіи, были возможны прямыя сношенія европейскихъ купцовъ съ производителями товаровъ, привозимыхъ въ Европу, и съ потребителями товаровъ, ввозимыхъ въ Китай. Не было даже прямыхъ сношеній между европейцами и китайскими купцами: какъ въ прежнее время въ Кантонѣ, такъ и теперь, при большемъ развитіи торговли, всѣ

*) Концессіями въ Китаѣ и въ Японіи называются мѣста, отводимыя для поселенія европейцевъ въ открытыхъ портахъ, гдѣ они имѣютъ право строить дома и заниматься торговлей. Туземцы имѣютъ право жить на концессіяхъ только какъ прикащики и прислуга европейцевъ.

дѣла дѣлались чрезъ компрадоровъ, т.-е. китайскихъ прикащиковъ европейскихъ купцовъ, чрезъ которыхъ заключались всѣ сдѣлки. Крупные обманы европейцевъ компрадорами были рѣдки. но, все-таки, они современемъ наживались и пріобрѣтали значительный капиталъ. На нихъ же лежало завѣдываніе складами. Большіе барыши европейцевъ и американцевъ положили глубокій отпечатокъ на весь складъ ихъ жизни. Большія средства, высокое понятіе о своемъ достоинствѣ и энергія европейцевъ поставили ихъ въ положеніе хозяевъ европейскихъ концессій. Они считали все себѣ позволеннымъ, и если даже англійская дипломатія дѣйствовала недостаточно-рѣшительно относительно китайцевъ, то она подвергалась самымъ рѣзкимъ осужденіямъ въ мѣстныхъ англійскихъ газетахъ. Жизнь установилась на самую широкую ногу: громадные дома, снабженные всей европейской роскошью, многочисленная прислуга, богатый столъ и въ особенности большое количество вина, азартная игра въ клубахъ и конскія скачки стали рѣшительною потребностію для европейцевъ Китая. Европейское общество было очень немногочисленно, и при преобладаніи англичанъ, подобный образъ жизни сталъ почти обязателенъ для всякаго европейца. Еще болѣе, чѣмъ въ самой Англіи, извѣстный образъ жизни считался необходимою принадлежностью джентельмена, и кто рѣшался жить иначе, тотъ, по выраженію англичанъ, терялъ касту, что для купца, понятно, было равносильно потерѣ кредита. Подобный роскошный образъ жизни, соединенный съ широкимъ гостепріимствомъ, описанъ многими европейскими путешественниками. Одно изъ лучшихъ описаній этой жизни мы находимъ въ книгѣ: «Hubner promenade autour de monde».

Понятно, что европейскіе путешественники отзывались въ хвалебномъ тонѣ о европейцахъ дальняго Востока, послѣ того, какъ пользовались ихъ широкимъ гостепріимствомъ. Нельзя сказать, чтобы разсказы путешественниковъ были ложны; скорѣе можно замѣтить, что въ нихъ раскрывалась лишь одна доля истины. Оставаясь мало времени въ странѣ и находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейскими купцами и дипломатами, очень понятно было смотрѣть на дѣло ихъ глазами. Европейцы, остававшіеся долѣе въ Китаѣ, въ особенности синологи, конечно, имѣли возможность скорѣе ознакомиться съ страной, но относительно ихъ можно замѣтить, что занятія китайской литературой, какъ извѣстно, очень трудное для европейцевъ, часто отвлекало

отъ разсмотрѣнія практическихъ вопросовъ: къ тому же многіе изъ этихъ ученыхъ были англичане, которымъ очень трудно отрѣшиться отъ предразсудка противъ другихъ народовъ, особенно не европейскихъ. Общая характеристика жизни европейцевъ въ Китаѣ, въ особенности до 70 года, представляетъ картину большой предпріимчивости и дружной, согласной работы, по крайней мѣрѣ, англичанъ и американцевъ, которые здѣсь въ торговлѣ дѣйствовали за одно. Результаты этого короткаго времени во многихъ отношеніяхъ замѣчательны, особенно въ Шанхаѣ, самомъ важномъ изъ открытыхъ портовъ Китая. На необитаемой прежде, болотистой низинѣ выросъ большой городъ европейской постройки, съ великолѣпными набережными и всевозможными приспособленіями для склада товаровъ, ихъ нагрузки и выгрузки. Дома, въ которыхъ живутъ европейцы, ихъ клубы и другія общественныя собранія представляютъ верхъ комфорта и роскоши; почтовая и телеграфная служба хорошо устроена, наконецъ, выходятъ газеты, редактированныя съ талантомъ и представляющія всѣ необходимыя свѣдѣнія для торговли. Другіе открытые порты стараются до нѣкоторой степени приблизиться къ Шанхаю; вездѣ есть особенныя европейскія концессіи, и вездѣ европейцы съумѣли обставить свою жизнь возможно удобно. Сношенія европейцевъ съ туземцами ограничиваются только торговлей, да и та идетъ, какъ выше замѣчено, чрезъ посредство китайскихъ компрадоровъ. Трудно себѣ представить большее отчужденіе, чѣмъ существующее между европейцами и китайцами, несмотря на постоянныя торговыя сношенія. Миссіонеры, до нѣкоторой степени, составляютъ исключеніе, но ихъ сношенія съ туземцами тоже незначительны, и по мнѣнію, распространенному въ Китаѣ, обращеніе въ протестантизмъ ограничивается немногими лицами низшихъ сословій, притомъ сомнительной нравственности. Католическіе миссіонеры имѣютъ большій успѣхъ, въ особенности вслѣдствіе того, что не сторонятся отъ китайцевъ и стараются приспособиться къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Это идетъ такъ далеко, что они носятъ даже китайскій костюмъ, не исключая и косы; такъ, напр., въ Ци-ка-вей, около Шанхая, въ большомъ іезуитскомъ учрежденіи, гдѣ находится цѣлый рядъ учебныхъ заведеній и превосходная магнито-метеорологическая обсерваторія. Лица, показывавшія мнѣ это заведеніе, были всѣ одѣты по-китайски. Это произвело странное впечатлѣніе послѣ сношеній съ англичанами, которые упорно сохраняютъ и здѣсь свои мельчайшіе обычаи. Въ

Ци-ка-вей я могъ убѣдиться и въ другой причинѣ успѣха католическихъ миссіонеровъ. Обученіе ремесламъ у нихъ отлично организовано, и воспитанники, изъ туземныхъ христіанъ, по окончаніи курса, получаютъ пособія и устраиваются хорошо. Практическіе китайцы, понятно, высоко цѣнятъ подобныя условія и охотно переходятъ въ католицизмъ.

Кромѣ отчужденія отъ китайцевъ, европейцы, особенно англичане, внесли на дальній Востокъ обычаи, которые не особенно похвальны. По примѣру Индіи, и здѣсь кулачная расправа съ туземцами считается дѣломъ позволительнымъ и часто практикуется. Такъ какъ европейцы здѣсь судятся съ участіемъ своихъ консуловъ, то,-понятно, китайцамъ трудно добиться правосудія, а развѣ за увѣчье взыскивается иногда штрафъ.

Вслѣдствіе этихъ условій, какъ въ Китаѣ,- такъ и въ Японіи, существуетъ довольно рѣзкое различіе между работниками и особенно прислугой у европейцевъ и туземцевъ. Первые получаютъ гораздо бо̀льшее вознагражденіе и работаютъ менѣе, но за то не взыскиваютъ съ хозяевъ за побои и вообще за грубое обращеніе. Послѣдніе довольствуются меньшею платой и работаютъ болѣе, но за то съ ними обращаются по-человѣчески.

Исключительность и грубость европейцевъ въ обращеніи съ туземцами, въ особенности въ такой странѣ, какъ Китай, гдѣ правила вѣжливости выработаны до послѣдней степени, понятно, не могли расположить къ нимъ туземцевъ. Большое вліяніе европейскихъ купцовъ также противорѣчитъ понятіямъ китайцевъ; у нихъ, какъ извѣстно, всего выше стоятъ ученые, а купцы не пользуются особеннымъ почетомъ.

Въ послѣдніе годы, однако, вліяніе Европы на Китай значительно увеличилось, хотя далеко не всегда въ томъ направленіи, какое желательно для европейцевъ, и не къ ихъ выгодѣ. Однако, нужно разсмотрѣть сначала, какое вліяніе имѣло открытіе Суэзскаго канала, постройка двухъ телеграфныхъ линій и вообще ускореніе и удешевленіе сношеній съ Европой и Америкой. Фрахты на товары понизились, скорость доставки давала возможность торговать съ меньшимъ капиталомъ, а телеграммы изъ Европы и Америки облегчили торговлю менѣе крупнымъ купцамъ и коммиссіонерамъ. Все это пошатнуло положеніе крупныхъ торговыхъ домовъ и лишило ихъ того преимущества, которое они имѣли прежде. Основалось большое число болѣе мелкихъ торговыхъ домовъ, въ особенности коммиссіонныхъ; въ торговлѣ на-

чали принимать участіе и другіе народы, въ особенности нѣмцы и швейцарцы, и конкурренція между европейцами повела къ пониженію цѣнности европейскихъ товаровъ и къ повышенію китайскихъ. Уже не разъ чай былъ проданъ дешевле въ Лондонѣ, чѣмъ онъ обошелся покупкой въ Китаѣ и фрахтомъ до Англіи. Нерѣдко, вообще, торговля съ Китаемъ давала убытки, которые объясняются какъ послѣднимъ обстоятельствомъ, такъ и тѣмъ, что, несмотря на измѣнившіяся условія, европейцы, особенно англичане, продолжаютъ жить такъ же роскошно, какъ и прежде; несмотря на ненависть къ китайцамъ, европейскіе купцы и дипломаты на дальнемъ Востокѣ признаютъ, что они первые купцы въ мірѣ и что конкуррировать съ ними чрезвычайно трудно. Примѣнившись къ европейскимъ торговымъ обычаямъ, умѣя пользоваться телеграфомъ и другими новѣйшими усовершенствованіями, они, кромѣ того, дѣйствуютъ всегда сообща и ловко пользуются соперничествомъ европейцевъ между собой. Довѣріе къ ихъ состоятельности даже между европейцами очень велико и, говорятъ, не было случая потери европейца отъ несостоятельности китайца. Въ случаѣ несчастнаго банкротства, члены его цѣха или гильдіи складываются и уплачиваютъ его долги, не желая, чтобы страдала торговая репутація китайцевъ. Объясненіе того обстоятельства, что европейскія фирмы продолжаютъ торговлю съ Китаемъ, несмотря на малые барыши, а иногда и убытки, заключается въ томъ, что многія изъ этихъ фирмъ коммиссіонныя. Онѣ получаютъ проценты со сдѣланныхъ ими оборотовъ, а убытки ложатся на крупныя фирмы Лондона, Ливерпуля, Гамбурга и Нью-Іорка, которыя даютъ имъ заказы. Нѣкоторыя изъ крупныхъ фирмъ продолжаютъ торговлю въ Китаѣ, несмотря на то, что иногда она даетъ убытки. Они занимаются и нѣкоторыми другими дѣлами довольно прибыльно, между прочимъ, поставкой судовъ, оружія и другихъ предметовъ для китайскаго правительства и каботажнымъ судоходствомъ между портами Китая и по Голубой рѣкѣ. Это дѣло пока еще прибыльнѣе, чѣмъ судоходство дальняго плаванія. Лица, хорошо знакомыя съ дѣлами Китая и его торговлей, увѣрены, что главная причина, почему эти фирмы не оставляютъ своихъ дѣлъ въ Китаѣ, состоитъ въ томъ, что онѣ желаютъ быть на мѣстѣ и сохранить свои торговыя и административныя сношенія къ тому времени, когда тамъ начнется постройка желѣзныхъ дорогъ и разработка каменноугольныхъ копей и желѣзныхъ рудъ. Въ Китаѣ, по ихъ мнѣнію, не достаетъ

крупныхъ капиталовъ для подобнаго рода дѣлъ, а также не достаетъ техническихъ знаній, поэтому они думаютъ, что эти прибыльныя дѣла не уйдутъ изъ ихъ рукъ и дадутъ превосходный случай затратить свои собственные капиталы и заработать крупныя суммы на посредничествѣ между китайцами и европейскими банкирами, на разницѣ въ курсѣ бумагъ и т. д., что стоитъ еще выждать нѣсколько лѣтъ въ виду такой заманчивой будущности. Богатство Китая каменнымъ углемъ и желѣзными рудами дѣйствительно громадно, и въ этомъ отношеніи развѣ Россія и Соединенные Штаты могутъ съ нимъ сравниться.

Давно уже было извѣстно европейцамъ, что въ Китаѣ есть каменный уголь и что онъ употребляется съ незапамятныхъ временъ. Но лишь въ послѣднія 10 лѣтъ стало извѣстно дѣйствительное богатство Китая. По изслѣдованію его особенно потрудился баронъ Рихтхофенъ. По его мнѣнію, площадь каменноугольныхъ залежей не менѣе 200,000 кв. верстъ, а такъ какъ далеко не весь Китай изслѣдованъ въ этомъ отношеніи, то, вѣроятно, эта цифра еще очень увеличится. Одинъ каменноугольный бассейнъ южной части губ. Шаньси занимаетъ до 75,000 кв. верстъ и, по его мнѣнію, ни одинъ обширный бассейнъ не представляетъ такихъ благопріятныхъ условій для разработки. Рѣки и овраги глубоко врѣзались въ слои каменнаго угля и даютъ удобные водные пути. Мало того, слои толсты и имѣютъ небольшой склонъ, достаточный для стока воды.

Какъ въ нашемъ Донецкомъ бассейнѣ и Пенсильванскомъ въ Сѣверной Америкѣ, восточная часть даетъ антрациты, западная—смолистый уголь. Добыча угля такъ легка, что, несмотря на отсутствіе механическихъ приспособленій, тонна антрацита продается за 6 пенсовъ, а смолистаго угля—за 3—4, что составляетъ отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ коп. металл. за пудъ. Такъ какъ рядомъ съ углемъ есть превосходная желѣзная руда, трудъ дешевъ и китайцы очень способны къ промысламъ и торговлѣ, то понятно, что эта страна имѣетъ блестящую будущность, такъ какъ каменный уголь и желѣзо — главныя основы современной промышленности.

Для того, чтобъ вполнѣ воспользоваться естественными богатствами Китая, необходимы средства европейской техники и хорошіе пути сообщенія. Европейскіе купцы обратили большое вниманіе на изслѣдованія Рихтхофена и надѣялись, что за из-

слѣдованіемъ каменноугольныхъ копей пойдетъ постройка желѣзныхъ дорогъ.

До сихъ поръ, однако, не видно, чтобы Китай склонился на призывъ европейскихъ благодѣтелей и отдалъ имъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Одна небольшая линія между Шанхаемъ и Вузунгомъ, самовольно построенная европейцами, была закрыта и разобрана китайскимъ правительствомъ. Не станемъ обвинять китайцевъ въ отсталости; они хорошо знакомы съ желѣзными дорогами, но, рядомъ съ хорошей стороной ихъ, не закрываютъ глаза и на дурную. Быстрое перемѣщеніе капиталовъ, обогащеніе немногихъ на счетъ массы при быстрой постройкѣ вполнѣ имъ извѣстно. Кромѣ того, они сознаютъ, что пришлось бы обратиться къ европейцамъ и дорого заплатить за ихъ услуги. Условія, въ которыхъ находится Китай относительно европейцевъ, и измѣненія, которыя должны произойти съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, объясняютъ еще болѣе колебанія китайцевъ. Вслѣдствіе трактатовъ, заключенныхъ европейцами, Китай обязался взимать лишь очень небольшія ввозныя пошлины. При дешевизнѣ фрахтовъ и преимуществахъ европейской промышленности, это повело бы къ такому же упадку китайскихъ промысловъ, какой мы видѣли въ Индіи, если бы не было двухъ обстоятельствъ: внутреннихъ пошлинъ и дороговизны провоза изъ портовъ во внутрь страны. Европейцы, особенно англичане, давно добивались уничтоженія, или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ пошлинъ, и достигли нѣкотораго успѣха, но не полнаго. Постройка желѣзныхъ дорогъ давала бы возможность европейцамъ гораздо удобнѣе проникать во внутрь страны, чѣмъ теперь, и имѣть постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы подобныя пошлины не взимались вопреки трактатамъ. Кромѣ того, несомнѣнно, что европейцы, принимаясь за постройку желѣзныхъ дорогъ, выговорили бы себѣ полное уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ по всему протяженію дорогъ. При подобныхъ условіяхъ, очевидно, китайская промышленность пострадала бы болѣе, чѣмъ теперь, отъ европейской конкурренціи. Вздорожаніе китайскихъ продуктовъ, вывозимыхъ въ Европу, вслѣдствіе дешевизны провоза до портовъ, также не соблазняетъ китайцевъ, особенно чиновниковъ. Они боятся дороговизны жизни какъ для себя, такъ и для бѣднѣйшихъ классовъ.

Нѣкоторые факты указываютъ на то, что китайцы кое-чему выучились изъ примѣра Европы и Америки и что они цѣнятъ

многія европейскія изобрѣтенія, но нисколько не увлекаются ученіями манчестерской школы. Покровительство туземной промышленности не тѣми способами, которые употреблялись до сихъ поръ, а посредствомъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ, какъ въ Россіи, Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, конечно, входитъ въ виды государственныхъ людей Китая и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что еслибъ Китай пользовался такой же свободой относительно тарифовъ на европейскія и американскія государства и могъ бы оградить свою промышленность высокими ввозными пошлинами, то, вѣроятно, и постройка желѣзныхъ дорогъ не внушала бы такихъ опасеній, какъ въ настоящее время.

Развитіе судоходства въ китайскихъ водахъ въ послѣдніе годы доказываетъ, насколько китайское правительство покровительствуетъ туземной промышленности съ примѣненіемъ новѣйшихъ европейскихъ открытій. Долгое время послѣ 1842 и 1860 гг. судоходство между китайскими портами и даже по Голубой рѣкѣ, по открытіи послѣдней для европейцевъ, было въ рукахъ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ, которые своими пароходами все болѣе и болѣе вытѣсняли неуклюжія китайскія джонки и получали огромные барыши отъ каботажнаго судоходства. Послѣ того, какъ Императорскій каналъ сталъ негоденъ для судоходства, даже перевозка риса изъ средины Китая на сѣверъ и къ столицѣ перешла въ руки европейцевъ. Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ была устроена большая китайская компанія, которая скупила пароходы у американскаго дома и въ настоящее время имѣетъ большое число пароходовъ, плавающихъ по Голубой рѣкѣ вдоль береговъ. Правительство дало ей крупную ссуду на покупку пароходовъ и, кромѣ того, даетъ ей казенные грузы. Благодаря этому, каботажные фрахты значительно понизились, и монополіи иностранцевъ насталъ конецъ. Это показываетъ, что китайское правительство сознаетъ пользу европейскихъ усовершенствованій, но желаетъ, чтобы они оставались въ рукахъ китайцевъ.

Въ настоящее время строются телеграфныя линіи, но тутъ точно также стараются не отдавать ихъ въ руки иностранцевъ.

Относительно вооруженія арміи и флота, китайцы, наученные горькимъ опытомъ войнъ съ Англіей и Франціей и многихъ возстаній, сдѣлали большіе успѣхи. И тутъ видно стремленіе возможно менѣе пользоваться услугами европейцевъ. Относительно дѣйствительной готовности къ войнѣ китайцевъ мнѣнія очень

различны, но люди, наиболѣе знающіе дѣло, въ числѣ которыхъ нужно въ особенности упомянуть В. П. Васильева, невысокаго мнѣнія о китайскомъ войскѣ. Дѣло въ томъ, что сравнительно легко ввести техническія усовершенствованія, но гораздо труднѣе поднять духъ войска. Въ Китаѣ уже давно утратилась воинственность, и очень трудно въ подобной странѣ произвести рѣшительныя измѣненія въ нравахъ и обычаяхъ народа; къ тому же неумѣлость и продажность китайской администраціи, особенно военной, составляютъ другое крупное препятствіе, которое не легко обойти. Армія, прекратившая возстанія въ китайскомъ Туркестанѣ и занявшая Кульджу, послѣ выхода оттуда русскихъ войскъ, считалась лучшей въ странѣ. Отсутствіе дисциплины, постоянные грабежи въ своей странѣ и многія другія неурядицы, не совмѣстимыя съ понятіями европейцевъ о регулярной арміи, постоянно встрѣчались здѣсь, и люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, убѣждены въ томъ, что русскій отрядъ въ 3—4 тысячи человѣкъ могъ бы положить конецъ господству манчжурской династіи во всемъ застѣнномъ Китаѣ. Подобное положеніе дѣлъ нельзя не признать очень счастливымъ для всѣхъ европейскихъ странъ, въ особенности для Россіи. Достаточно вспомнить, какое впечатлѣніе производилъ Н. М. Пржевальскій со своими 10—12 спутниками. Они спокойно ходили туда, куда не смѣли показаться крупные китайскіе отряды.

III.

Японія, какъ извѣстно, подверглась очень сильному вліянію европейцевъ въ послѣднія тридцать лѣтъ, гораздо большему, чѣмъ Китай, причемъ способы воздѣйствія на нее были нѣсколько различны. Ни одна изъ европейскихъ странъ не вела войны съ Японіей или, по крайней мѣрѣ, съ японскимъ правительствомъ, и открытіе страны для европейцевъ было достигнуто сравнительно мирными средствами, хотя не безъ угрозы флотовъ европейскихъ странъ и Соединенныхъ Штатовъ. Достаточно извѣстно, что до 1854 года Японія была еще болѣе замкнута для иностранцевъ, чѣмъ Китай, и что многочисленныя попытки разныхъ странъ, между прочимъ, и Россіи, завести съ нею сношенія остались безъ послѣдствій. Извѣстно также, что послѣ того, какъ Соединенные Штаты въ 1854 году добились перваго торговаго трактата съ Японіей, за ними послѣдовали Россія, Франція, Англія и другія

страны, и иностранцы въ открытыхъ портахъ Японіи были поставлены, приблизительно, въ тѣ же условія, какъ въ Китаѣ, относительно производства торговли и консульской юрисдикціи. Извѣстно также, что въ послѣднія 15 лѣтъ Японія стала съ изумительной быстротой подражать европейскимъ обычаямъ. Мнѣ кажется, однако, что истинныя причины крупныхъ измѣненій, происшедшихъ въ этой странѣ, не вполнѣ вѣрно понимаются, особенно въ Россіи. Причины быстраго измѣненія отношенія японцевъ къ европейской цивилизаціи нужно искать въ положеніи страны въ 50-хъ годахъ и въ народномъ характерѣ.

Въ то время, когда начались сношенія съ европейцами, Японія была страной феодальной, раздѣленной на множество почти самостоятельныхъ владѣній, причемъ Микадо, считавшійся законнымъ государемъ, былъ лишенъ почти всякой власти и главная доля ея принадлежала Сіогуну, который занималъ положеніе чего-то вродѣ наслѣдственнаго перваго министра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнѣйшаго изъ владѣтельныхъ князей (даиміо). Принявъ его за государя Японіи, европейскія державы заключили съ нимъ трактаты; это еще болѣе осложнило внутреннія условія Японіи, и безъ того очень запутанныя. Превышеніе власти со стороны Сіогуна раздражило гордую японскую аристократію. Грубость европейцевъ и ихъ неуваженіе къ законамъ и обычаямъ страны повели къ цѣлому ряду столкновеній между европейцами и самураями (дворянами). За убійствомъ европейцевъ слѣдовали требованія вознагражденія, а въ одномъ случаѣ даже бомбардировка, именно Кагосимы, главнаго города сильнаго Сатцумскаго княжества. Раздраженіе все росло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, росло и убѣжденіе въ томъ, что иностранцы слишкомъ сильны, чтобъ бороться съ ними. Въ Японіи не было такого упадка воинственности, какъ въ Китаѣ, господствующій классъ былъ военнымъ по преимуществу, но не было ни регулярной арміи, сколько-нибудь подходящей къ европейскимъ понятіямъ, ни европейской техники военнаго дѣла. Къ тому же болѣе 200 лѣтъ Японія не вела войнъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ *).

Мало-по-малу европейцы стали догадываться, что Сіогунъ не есть то, за что онъ себя выдавалъ, стали вступать въ сношенія съ даміосами (князьями) и продавать имъ оружіе. Наиболѣе

*) Съ того времени, какъ изъ Японіи были изгнаны иностранцы и Іейясъ, родоначальникъ династіи Токугавы, побѣдилъ своихъ противниковъ, въ первыхъ годахъ XVII столѣтія.

воинственное Сатцумское княжество всего болѣе озаботилось тѣмъ, чтобъ пріобрѣсти оружіе и обучить своихъ самураевъ европейскому строю. Мало того, когда бомбардировка Кагосимы доказала все превосходство европейскаго оружія, изъ самыхъ ярыхъ противниковъ европейцевъ сатцумцы почти сразу превратились въ поклонниковъ Европы или, точнѣе, убѣдились въ томъ, что нужно усвоить себѣ многія условія европейской цивилизаціи, хотя бы для того, чтобъ не оставаться настолько безсильными въ борьбѣ съ иностранцами.

Къ этому присоединился внутренній вопросъ—борьба съ Сіогуномъ. Сатцума сошлась съ другими княжествами южной Японіи, наиболѣе враждебными Сіогуну, и съ придворными Микадо (Куге), которые по японскимъ законамъ стояли выше даиміо, но на дѣлѣ не пользовались властью и жили въ бѣдности. Возстановленіе власти Микадо стало лозунгомъ противниковъ Сіогуна. По немногу готовились войска, обученные по-европейски и хорошо вооруженные, и въ 1867 году южные даиміо открыто выступили за Микадо. Войска Сіогуна, обученные еще по старому, не оказали большаго сопротивленія, самъ онъ былъ прогнанъ изъ своей столицы Еддо, его приверженцы на Нинонѣ тоже скоро должны были покориться и только на о. Ессо около года еще власть Микадо не признавалась.

Онъ водворился въ Еддо, переименованное въ Токіо (Восточную столицу), и вмѣсто гоненія на иностранцевъ, ожидаемаго многими, началась эра преобразованія по европейскому образцу всего строя японской жизни. Побужденія были тѣ же, что и у сатцумцевъ, т.-е. желаніе поскорѣе выучиться у ненавистныхъ иностранцевъ ихъ наукамъ и искусствамъ, чтобы поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Что подражали часто тому, что неважно, что бросались прежде всего на внѣшность и выказывали совершенно ненужную торопливость, а истинныхъ причинъ превосходства Европы не умѣли подмѣтить, все это было, конечно, неизбѣжно и нисколько не можетъ быть поставлено въ упрекъ министрамъ молодаго Микадо и вообще японской интеллигенціи.

Что касается европейцевъ, то ихъ отношеніе къ Японіи и ея «эрѣ реформъ» (мейджи) было двояко. Издали и въ первое время по пріѣздѣ въ Японію страну превозносили до небесъ, ожидали отъ реформъ немедленнаго дѣйствія и т. д. Убѣдившись въ томъ, что не все то золото, что блеститъ, переходили въ другую крайность, говоря, что японцы лишены всякой вы-

держки, неспособны къ серьезному труду и не имѣютъ никакой будущности. Такъ высказываются состоящіе на службѣ у японскаго правительства и купцы, недовольные тѣмъ, что Японія далеко неспособна потребить столько иностранныхъ товаровъ, сколько бы туда ни привезли, и что торговля нерѣдко даетъ убытокъ.

Въ первые годы, еще до «эры реформъ», было иное. Живя подъ постояннымъ страхомъ нападеній вооруженныхъ самураевъ, европейцы зарабатывали много денегъ, и это время осталось въ ихъ воспоминаніи какъ хорошая пора. Недостатка въ храбрости не было: постоянная тревога, большіе барыши и гомерическіе кутежи придавали жизни обстановку, отличную отъ обыкновенной жизни купцовъ. Въ самые первые годы получали огромные барыши отъ размѣна золота на серебро въ отношеніи 1 къ 3 (между тѣмъ какъ на всемірномъ рынкѣ существовало отношеніе 1:15, а теперь даже 1:18). Японія была настолько замкнута, что въ ней установилось отношеніе между металлами, совсѣмъ отличное отъ существовавшаго возлѣ ея, и правительство Сіогуна имѣло неосторожность обязаться передъ европейцами мѣнять серебро на золото по вышеозначенному курсу. Очевидно, что большая часть золота была быстро вывезена изъ Японіи.

Затѣмъ началась выгодная торговля шелкомъ и яичками шелковичнаго червя, особенно въ 60-хъ годахъ, времени болѣзни шелковичнаго червя въ Европѣ. Французы и итальянцы давали такія цѣны за яички, что разстроили японское шелководство, такъ какъ лучшія были проданы, а оставленныя на племя оказались слабыми. Начался вывозъ японскихъ «рѣдкостей» (curios), т.-е. превосходныхъ произведеній художественной промышленности (бронзы, фарфора, лака и т. д.), сравнительно за безцѣнокъ и привозъ въ Японію залежавшихся европейскихъ товаровъ, продаваемыхъ очень выгодно. «Эра реформъ» вызвала усиленное требованіе на оружіе, военныя суда, машины разнаго рода, ткани для обмундированія войскъ по-европейски; однимъ словомъ, вызвало крупные казенные расходы, иногда не соображенные съ потребностями. Частныя лица также набросились на европейскіе товары, ввозъ усилился въ огромныхъ размѣрахъ, а вывозъ далеко не могъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ производительныя силы страны возрастали медленно. Отсюда невыгодный разсчетный балансъ, вывозъ почти всего золота и серебра и введеніе бумажныхъ денегъ.

Въ первые годы онѣ стояли al pari, были даже случаи лажа на бумажки, т.-е. высокій курсъ ихъ сравнительно съ сереб-

ромъ: лажъ осенью 1876 доходилъ до 8 и 9%. Усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ, при перевѣсѣ привоза, съ 1877 года повелъ къ упадку ихъ курса и вскорѣ лажъ на серебро сталъ колебаться между 20—40%.

Японскій рынокъ скоро былъ заваленъ европейскими товарами, которые часто не находили покупателей, и положеніе европейскихъ купцовъ стало критическимъ; особенно пострадали поселившіеся въ Хіого (Иобе), второмъ, по торговлѣ, открытомъ портѣ Японіи. Положеніе его вблизи лучшихъ чайныхъ округовъ, сосѣдство Ивото, древней столицы, и Оосаки, богатѣйшаго торговаго города Японіи, вызвало самыя преувеличенныя надежды. Европейская концессія выстроилась на славу, гораздо лучше, чѣмъ въ Іокахамѣ. но вскорѣ убѣдились, что дѣла идутъ плохо. Въ 1876 году, когда я былъ въ Хіого, тамъ продавались дома за недоимку городскаго сбора и не находили покупателей. Въ числѣ предметовъ вывоза Японіи первое мѣсто принадлежитъ шелку и чаю. Чаю вывозится въ годъ около 24 мил. фунтовъ, на сумму 12 мил. металлическихъ рублей, шелку приблизительно на 15 мил. рублей, причемъ количество очень колеблется изъ года въ годъ, въ зависимости отъ количества сбора шелка во Франціи, Италіи и Китаѣ и хода шелковыхъ фабрикъ.

Вотъ размѣры торговли Японіи за разные годы въ тысячахъ металлическихъ рублей:

	Привозъ.	Вывозъ.
1865	18,722	24,593
1874—76	34,597	29,120
1877—79	40,725	33,389
1880—82	42,896	41,657

Что касается участія разныхъ странъ въ торговлѣ, то чай идетъ въ Соединенные Штаты, шелкъ во Францію и Англію, рисъ, рыба и морская капуста въ Китай. По привозу всего важнѣе Англія: ея ввозъ состоитъ особенно изъ хлопчато-бумажныхъ тканей и металловъ; Франція ввозитъ особенно легкія шерстяныя ткани, Китай—сахаръ и хлопокъ.

Въ доказательство того, какъ мало помогло бы европейской торговлѣ открытіе новыхъ портовъ, приведемъ то, что Ніигата въ 1878 и 1879 гг. не имѣла привоза изъ-за границы и вывоза туда, хотя находится въ центрѣ страны очень плодородной, съ избыткомъ риса, есть близъ города шелководство и чайныя план-

тацiи. Привозъ въ Хакодаде ничтоженъ, а вывозъ идетъ исключительно въ Китай. Важная торговля Iокахамы составляетъ $^{3}/_{4}$ всей внѣшней торговли Японiи, Iокахамы и Хiого вмѣстѣ $^{19}/_{20}$. Торговля Японiи съ Россiей совершенно ничтожна и имѣетъ случайный характеръ. Нѣтъ ни одного русскаго торговаго дома.

Особенное вниманiе обращаетъ на себя преобладанiе китайцевъ въ торговлѣ Японiи: мелкая торговля открытыхъ портовъ въ ихъ рукахъ, они же преобладаютъ и въ оптовой торговлѣ Нагасаки и Хакодаде. Ихъ преимущество передъ европейцами состоитъ въ томъ, что они скоро усвоиваются съ японскими обычаями, тратятъ не много на свою жизнь и въ торговомъ умѣньи превосходятъ какъ европейцевъ, такъ и японцевъ. Европейскiе купцы и дипломаты, хорошо знакомые съ положенiемъ дѣлъ въ Японiи, убѣдились въ томъ, что открытiе новыхъ портовъ для иностранной торговли и право селиться по всей Японiи было бы полезно однимъ китайцамъ. Замѣченное выше объ Индiи и Китаѣ вполнѣ подтверждаетъ это мнѣнiе, но только относительно торговли въ собственномъ смыслѣ.

Есть, однако, нѣкоторыя предпрiятiя, въ которыхъ европейцы могли бы имѣть успѣхъ въ Японiи. Къ нимъ нужно отнести прежде всего горное дѣло: въ Японiи довольно много золотыхъ рудниковъ; мѣдная руда ея высокаго качества и содержитъ золото; наконецъ, Японiя довольно богата каменнымъ углемъ. Для разработки этихъ богатствъ европейскiе капиталы и европейская техника были бы весьма полезны. Кромѣ того, есть и сельско-хозяйственныя предпрiятiя, гдѣ европейцы могли бы имѣть успѣхъ, напримѣръ, табачныя плантацiи, овцеводство на горныхъ лугахъ, плантацiи сахарнаго тростника и сахарные заводы, которые могли бы имѣть успѣхъ, благодаря тому, что есть изобилiе воды и рабочiя руки дешевы. Изъ промышленныхъ предпрiятiй можно указать особенно на шелкомотальни.

Японское правительство сознаетъ пользу европейскихъ капиталовъ и техники, но не желаетъ допустить иностранцевъ внутрь страны до уничтоженiя консульской юрисдикцiи; такъ какъ иностранныя державы не желаютъ отказаться отъ послѣдней, то переговоры остались безъ результатовъ, и это повело къ еще бо́льшему желанiю японцевъ усвоить себѣ результаты европейской цивилизацiи, но попытки примѣнять ихъ самимъ, при меньшей выдержкѣ японцевъ сравнительно съ китайцами и разстройствѣ финансовъ, не всегда были удачны; лучше всего

устроилось пароходство: существуетъ большая пароходная компанія съ субсидіями отъ правительства, содержащая сообщенія между японскими портами и заходящая въ Шанхай. Кромѣ того, существуетъ много небольшихъ пароходовъ, въ особенности во внутреннемъ морѣ.

Японія по своему меньшему пространству и меньшему населенію не можетъ представлять такой важности для европейской торговли, какъ Китай; что касается собственно Россіи, то Японія ужь потому менѣе важна для насъ, что болѣе отдалена и раздѣлена моремъ; однако, все-таки, можетъ возникнуть довольно значительная торговля, особенно Амурскаго края съ Японіей.

IV *).

Русская торговля на дальнемъ Востокѣ далеко не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ торговля Англіи. Въ Индіи и Японіи она имѣетъ случайный характеръ и даже произведенія этихъ странъ, которыя потребляетъ Россія, большею частью получаются не прямо, а изъ Англіи, Франціи или Германіи; только въ одномъ Китаѣ русская торговля нѣсколько болѣе утвердилась и хотя отчасти производится прямо.

Исторія торговли Россіи съ Китаемъ до 1862 г., когда привозъ чая моремъ былъ разрѣшенъ, достаточно извѣстна, чтобъ останавливаться на ней. Хорошая сторона торговли того времени состояла въ томъ, что сбывались русскія мануфактурныя издѣлія, дурная—въ томъ, что чай былъ очень дорогъ.

Дозволеніе привоза чая моремъ измѣнило прежнія условія. Старая кяхтинская торговля все болѣе и болѣе уменьшалась, привозъ чая моремъ шелъ чрезъ руки иностранцевъ и требовалъ звонкой монеты.

Тогда русскіе купцы рѣшились взять дѣло въ свой руки. Тяньдзинскій трактатъ, заключенный гр. Путятинымъ, и пекинскій, заключенный въ 1860 году съ Китаемъ Н. П. Игнатьевымъ, дозволили возможность взяться за дѣло. Русскіе купцы (Ивановъ и Оборинъ, Токмаковъ и Шевелевъ, Пономаревъ и др.) поселились внутри Китая на плантаціяхъ и приступили къ приготовленію байховаго (чернаго) и кирпичнаго чаевъ для русскаго рынка. Когда это дѣло начиналось, англичане тоже собирались взяться за него,

*) См. книгу г. Скальковскаго: *Русская торговля въ Тихомъ океанѣ*. Спб., 1883.

но не рѣшились жить внѣ европейскихъ концессій и подвергаться опасностямъ отъ китайцевъ.

Въ настоящее время сбытъ рускихъ издѣлій въ Китай вообще уменьшается. Отчасти въ этомъ нужно видѣть вліяніе болѣе высокой стоимости издѣлій въ Россіи, а также дороговизны фрахта; неблагопріятныя условія для платежей для русскихъ тоже не мало мѣшаютъ торговлѣ: въ Китаѣ нѣтъ русскаго банка и всѣ разсчеты затрудняются этимъ. Безсовѣстныя поддѣлки русскихъ издѣлій англичанами также уменьшили сбытъ ихъ въ Китаѣ.

Въ послѣднее время прекратилась выдѣлка байховаго чая русскими фирмами и осталась только выдѣлка кирпичныхъ, сосредоточенная теперь въ Ханькау и Фучау. Эти чаи отправлаются частью моремъ въ Тяньдзинъ и оттуда на Кяхту въ Сибирь. отчасти идутъ моремъ въ Владивостокъ и Николаевскъ на Амурѣ. Кирпичные чаи, какъ извѣстно, не идутъ въ Европейскую Россію. Байховый чай покупается русскими фирмами у китайцевъ и идетъ отчасти прямо въ Россію на судахъ добровольнаго флота. Предпріимчивость русскихъ въ Китаѣ заслуживаетъ поддержки правительства.

Нужно вспомнить, что вся европейская торговля въ Китаѣ держится энергическими усиліями дипломатіи: безъ поддержки она не могла бы существовать. Русская торговля въ Китаѣ еще болѣе нуждается въ этомъ, такъ какъ ей приходится пользоваться караванными путями, гдѣ лишь постоянный страхъ вмѣшательства нашей дипломатіи можетъ содѣйствовать безопасности. Частыя убійства и ограбленія нашихъ каравановъ въ Монголіи и Кульджѣ, оставшіяся безнаказанными или по которымъ долго тянулась переписка, не содѣйствуютъ чести русскаго имени въ Китаѣ. Вспомнимъ, что убійство Моргори у западной границы Китая послужило англичанамъ поводомъ не только требовать вознагражденія, но и добиться открытія новыхъ портовъ и другихъ льготъ для торговли.

Еслибъ русскіе встрѣчали такую же поддержку, какъ англичане, они могли бы сдѣлать болѣе послѣднихъ, такъ какъ болѣе способны сойтись съ туземцами, примѣниться къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Правильное портовое пароходство изъ портовъ Чернаго моря во Владивостокъ, съ посѣщеніемъ китайскихъ и японскихъ портовъ, и русское банковое учрежденіе въ Китаѣ— также необходимыя условія для развитія торговли. Франція можетъ послужить примѣромъ: до устройства линій Messageries

Maritimes и конторъ парижскаго Comptoir d'Escomte Франція получала китайскій и японскій шелкъ изъ Лондона. Теперь Лі-онъ сдѣлался главнымъ шелковымъ рынкомъ Европы.

Изъ русскихъ товаровъ, которые могутъ получить большой сбытъ вездѣ на дальнемъ Востокѣ, нужно упомянуть и о керосинѣ. Американскій керосинъ привозится туда въ большихъ количествахъ, но онъ не будетъ въ состояніи выдержать соперничества съ русскимъ, потому что, во-первыхъ, провозъ гораздо долѣе; во-вторыхъ, онъ воспламеняется при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ бакинскій, слѣдовательно, представляетъ большую опасность отъ огня, особенно въ жаркихъ странахъ.

Относительно фрахта, Панамскій каналъ уменьшитъ разность, которая теперь существуетъ, въ пользу Россіи, но при надлежащей постановкѣ дѣла высокая температура воспламененія можетъ дать русскому керосину преимущество передъ американскимъ. Чѣмъ болѣе будутъ примѣнять тяжелыя нефтяныя масла къ горѣнію въ лампахъ, тѣмъ выгоднѣе для насъ: этихъ маслъ въ бакинской нефти много, и чѣмъ они тяжелѣе, тѣмъ выше точка воспламененія, слѣдовательно, тѣмъ безопаснѣе продуктъ. Кромѣ Китая и Японіи, Индія заслуживаетъ полнаго вниманія. Потребленіе керосина тамъ увеличивается, кромѣ того ледъ изъ портовъ Чернаго моря можетъ составить выгодный грузъ. До сихъ поръ онъ привозится изъ Бостона, въ Соединенныхъ Штатахъ, кругомъ мыса Доброй Надежды. Очевидно, что фрахтъ изъ портовъ Чернаго моря можетъ быть дешевле. Обратныхъ грузовъ въ Индію довольно, начиная съ хлопка, котораго Россія ввозитъ достаточное количество, но чрезъ посредство англійскихъ и нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, вслѣдствіе чего онъ становится дороже.

Внѣшняя торговля Китая:

Тысячи металлическихъ рублей *).

Годы.	Привозъ.	Вывозъ.	Сумма.
1866—67	116,671	92,479	209,150
1872—74	118,989	126,872	245,861
1875—77	126,793	130,325	257,118
1878—80	140,394	130,402	270,796
1881—82	150,863	124,911	275,774

*) Таможенный лажъ принятъ мною равнымъ 1 р. 80 коп. металл.

Годы.	Привозъ.	Вывозъ.	Сумма.
Увеличеніе въ % съ 1866—67 до 1881—82	29	35	31

Отсюда видно, что внѣшняя торговля Китая развивается не такъ быстро, какъ можно было ожидать вслѣдствіе открытія новыхъ портовъ и разныхъ облегченій для нея.

За 1881 и 1882 годы участіе разныхъ странъ и главныхъ товаровъ въ этой торговлѣ было слѣдующее:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Сумма.
Великобританія	38,245	40,545	78,790
Хонъ-Конгъ	54,228	30,730	84,958
Остъ-Индія	40,575	884	41.459
Соединенные Штаты	5,920	16,778	22,698
Европейскій матер., кромѣ Россіи.	4,462	17,172	21,634
Россія, черноморскіе порты	8	1,778	1,786
Россія, чрезъ Сибирь	102	6,128	6.230
Японія	7,312	3,178	10,490
Опіумъ	57,922		
Хлопчато-бумажныя издѣлія	43,878		
Шерстяныя издѣлія	9,318		
Металлы	8,577		
Чай	—	57,644	
Шелкъ и шелковыя издѣлія	—	44,735	
Сахаръ	—	5,118	

Вслѣдстіе того, что о. Хонъ-Конгъ служитъ денежнымъ центромъ для разсчетовъ европейцевъ съ Китаемъ и къ тому же тамъ порто-франко, то нѣтъ возможности точно опредѣлить участія разныхъ странъ въ торговлѣ съ Китаемъ, какъ какъ въ Хонъ-Конгъ корабли часто заходятъ за приказами, особено для ввоза товаровъ въ Китай. Характерна торговля Китая съ Индіей, состоящая почти въ одномъ ввозѣ опіума. Вслѣдствіе одного этого обстоятельства, въ общемъ разсчетномъ балансѣ Англія и ея владѣнія ввозятъ въ Китай болѣе чѣмъ вывозятъ; всѣ остальныя, кромѣ Японіи, вывозятъ значительно болѣе. Въ особенности таковъ характеръ торговли Китая съ Россіей. Нужно замѣтить, что прямой ввозъ чая изъ Китая составляетъ менѣе $^1/_4$ русскаго ввоза.

остальное идетъ чрезъ Англію и Германію. Есть, слѣдовательно, еще обширное поле для русской торговли. Такъ какъ часть товаровъ, вывезенныхъ изъ портовъ по Голубой рѣкѣ и привезенныхъ туда, очищается пошлиной въ Шанхаѣ, то по размѣрамъ торговли, показанной въ таможенныхъ отчетахъ, чрезъ Шанхай идетъ болѣе половины торговли. Вѣрнѣе будетъ раздѣлить Китай на три части, и получатся такіе результаты:

	Вывозъ.	Привозъ.	Сумма.
Манчжурія и Сѣверный Китай (Ньючвангъ, Тяньдзинъ и Чифу) . .	2,532	4,521	7,053
Шанхай и Голубая рѣка . . .	66,964	44,797	111,761
Порты къ югу отъ Шанхая (Нингно, Фучау, Тамзуй, Такао, Амой, Сватао, Кантонъ. Чинъ-чеу и Пакхой)	34,540	33,958	68,498

Изъ южныхъ портовъ самые важные Кантонъ, Фучау и Амой.

V.

Вслѣдствіе сосѣдства, торговля Восточной Сибири съ Китаемъ и Японіей можетъ быть, конечно, очень оживлена и разнообразна; но прежде чѣмъ перейти къ торговлѣ, нужно бросить взглядъ на самый край, который возбуждалъ такія надежды при своемъ занятіи и такъ мало ихъ оправдалъ до сихъ поръ.

Извѣстно, что этотъ край раздѣленъ на двѣ области: Амурскую и Приморскую, и что въ послѣднюю вошла часть прежнихъ владѣній Россіи по берегамъ Охотскаго и Берингова моря и Камчатка. Это, конечно, не такой край, гдѣ человѣкъ могъ бы жить безъ работы, но при умѣломъ, согласномъ трудѣ администраціи и жителей онъ можетъ быть однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи. Нужна работа, чтобъ воспользоваться богатствами края, но они щедро вознаградятъ за нее.

Зима вездѣ сурова, даже во Владивостокѣ она холоднѣе, чѣмъ въ Архангельскѣ, но за то нѣтъ сырости и ненастья нашихъ зимъ. Погода почти постоянно ясная *) и внутри края обыкновенно затишье или слабые вѣтры, причемъ и сильные морозы легко выносятся. Кто привыкъ къ климату Восточной Сибири, къ ея яс-

*) См. мою статью „Климатъ области муссоновъ въ Восточной Азіи“, въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общ.“ за 1879, а также книгу „Климаты земнаго шара“.

ному небу и яркому солнцу, тотъ не легко выноситъ наши сырыя, вѣтряныя зимы со свинцовымъ небомъ и отсутствіемъ солнца по цѣлымъ недѣлямъ.

Лѣто внутри края достаточно тепло для прибыльнаго земледѣлія. По Уссури и среднему теченію Амура теплое и притомъ дождливое лѣто вызываетъ замѣчательно роскошную растительность лиственныхъ лѣсовъ, луговъ и степей.

Кромѣ разнообразныхъ лиственныхъ деревьевъ, тамъ растетъ дикій виноградъ. На самомъ берегу моря климатъ неблагопріятенъ для земледѣлія, вслѣдствіе частыхъ тумановъ и холодныхъ вѣтровъ лѣтомъ. Но и здѣсь растутъ превосходные строевые лѣса, которые могутъ составить важный предметъ отпуска въ Китай и Японію. Въ настоящее время дѣло стоитъ такъ, что кругомъ Владивостока лѣсъ истребленъ; въ бо́льшей части другихъ мѣстъ вырубка казеннаго лѣса запрещена, но нѣтъ возможности оградить лѣса отъ хищниковъ: цѣлые корабли иногда пріѣзжаютъ за ними, напр.; въ бухты Охотскаго моря, между тѣмъ не только Китай, но и Калифорнія могли бы составить рынокъ для лѣса Амурскаго края; послѣдняя лишь для подѣлочнаго лѣса твердыхъ породъ (дуба, ясеня и т. д.). Рыбное богатство края такъ велико, что съ нимъ могутъ сравниться развѣ Каспійское море со своими притоками и Ньюфаундлендскія мели.

Море у береговъ изобилуетъ сельдями, которыя ловятся гораздо болѣе японцами, чѣмъ русскими, но могли бы составить предметъ огромнаго вывоза, особенно въ Китай.

Во всѣ рѣки и рѣчки входятъ массы рыбы семужьихъ породъ (кита, горбуша), которыми тоже мало пользуются.

Нельзя не указать на Орегонъ, гдѣ приготовленіе консервовъ изъ рыбы производится въ такихъ размѣрахъ, что составляетъ предметъ большаго отпуска въ Европу. Подобное дѣло было бы вполнѣ возможно, но можно сдѣлать болѣе. Китайскій рынокъ даетъ громадный сбытъ всякаго рода рыбъ и далеко не требуетъ такого тщательнаго приготовленія и упаковки, какъ европейскій.

Охотское море чуть ли не самое богатое въ мірѣ китами. Несмотря на запрещеніе ходитъ туда, бой китовъ и контрабандная торговля съ чукчами составляетъ прибыльную статью для американцевъ.

Камчатка все еще богата пушными звѣрями, особенно бобрами, а острова Беринговъ и Мѣдный—самые богатые котиками послѣ американскихъ св. Павла и св. Матвѣя.

Изъ минеральныхъ богатствъ стоитъ упомянуть особенно о каменномъ углѣ. Извѣстны очень хорошія копи на о. Сахалинѣ и близъ Владивостока. При малой разработкѣ китайскихъ копей, а также находящихся на о. Ессо, при сравнительно дурномъ качествѣ углей, разрабатываемыхъ на о. Кіусіу (близъ Нагасаки), уголь Приморской области имѣетъ большое значеніе, тѣмъ болѣе, что копи находятся вблизи моря.

Золото, какъ извѣстно, есть во многихъ мѣстахъ Амурской области, гдѣ пріиски очень богаты содержаніемъ его, а также въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и около Владивостока.

Внѣ Амурскаго края, но въ бассейнѣ Амура, находится Нерчинскій горный округъ, богатый серебро-свинцовыми рудами. Тамъ же находятся оловянныя и другія руды и масса полудрагоцѣнныхъ камней.

Изъ этого краткаго перечня видно, что край богатъ разнообразными произведеніями. Онъ уже почти 30 лѣтъ принадлежитъ Россіи. Что же сдѣлано для его колонизаціи и развитія его производительныхъ силъ?

Достаточно извѣстно, что очень и очень мало. Онъ все еще составляетъ тяжелое бремя для казны, причемъ расходы, сдѣланные до сихъ поръ, не изъ тѣхъ производительныхъ, которыхъ было бы не жаль.

Колонизація края русскими поселенцами идетъ медленно и бытъ ихъ далеко не обезпеченъ. Торговля края ничтожна и притомъ почти вся въ рукахъ иностранцевъ, остальныя богатства края еле тронуты, за исключеніемъ одного золота, разработка котораго производится уже сравнительно давно.

Фактъ, сравнительно мелкій, очень ясно указываетъ на современное положеніе края: мука, нужная для продовольствія войскъ и флота въ Приморской области, привозится моремъ изъ Кронштадта. При способности края къ земледѣлію, при существованіи русскихъ поселенцевъ, это весьма странно. Между тѣмъ, при отсутствіи требованія на хлѣбъ со стороны казны, единственнаго крупнаго покупателя, крестьянамъ и козакамъ некуда дѣвать хлѣбъ при хорошемъ урожаѣ. Вывоза нѣтъ вслѣдствіе малыхъ размѣровъ хлѣбопашества въ краѣ, дороговизны морскихъ фрахтовъ и т. д.

Во всякомъ случаѣ было бы жаль оставлять такой богатый край въ подобномъ положеніи, тѣмъ болѣе тратить еще на него большія деньги: но до очень недавняго времени, по крайней мѣрѣ,

онъ былъ окруженъ очень слабо населенными областями Китая (за исключеніемъ мѣстности по среднему теченію Амура, которая и ранѣе была нѣсколько населена). На сосѣднихъ моряхъ также было мало движенія и эти части дальняго Востока не входили еще въ кругъ европейской политики. Теперь это измѣняется: движеніе увеличивается, увеличивается и значеніе этихъ странъ.

Въ послѣдніе годы на нашей границѣ съ Китаемъ произошли такія измѣненія, которыя заставляютъ серьезнѣе подумать объ Амурскомъ краѣ и его будущности. Китай оправился послѣ потрясеній отъ возстаній тайпиновъ и дунганей. Косвенное содѣйствіе, оказанное ему Россіей при подавленіи послѣдняго возстанія, и возстановленіе китайской власти по обѣ стороны Тяньшана, затѣмъ уступка Кульджи считаются теперь крупными ошибками. Но прошлаго не воротишь.

По границѣ съ Амурскимъ краемъ Россія ничего не уступила, но въ послѣдніе годы Китай принялся очень серьезно за заселеніе части Манчжуріи, ближайшей къ русской границѣ, постройку укрѣпленій и проведеніе дорогъ. Очевидно, что китайцамъ было бы очень легко отрѣзать часть Амурской и всю Приморскую область отъ Россіи. Опасеніе подобнаго движенія со стороны китайцевъ заставляетъ держать болѣе войскъ, чѣмъ было необходимо прежде. Такое положеніе, конечно, неудобно и должно бы, кажется, заставить серьезнѣе прежняго подумать о томъ, что именно необходимо сдѣлать въ этомъ краѣ.

Мнѣ кажется, что есть только одинъ правильный исходъ изъ настоящихъ затрудненій, сообразный съ достоинствомъ Россіи, съ пользой для края и съ его безопасностью: колонизація въ широкихъ размѣрахъ, соединенная со строго обдуманной системой развитія его богатствъ.

При общей воинской повинности и нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣрахъ, какъ, напр., вооруженіе пограничнаго населенія и обученіе его стрѣльбѣ, само оно будетъ служить лучшей защитой для края и для безопасности отъ китайцевъ: не потребуется ни содержанія значительнаго числа солдатъ, ни тѣмъ болѣе отправленія войска изъ Россіи. Вѣроятно, даже присутствіе вооруженнаго русскаго населенія на границѣ Амурскаго края будетъ лучшимъ средствомъ избѣгнуть серьезныхъ затрудненій съ Китаемъ, такъ какъ это была до сихъ поръ единственная часть границы, гдѣ Россія была слаба, а Китай располагалъ большими силами. Возможностью удержать Кульджу въ случаѣ

войны съ Россіей могли увлекаться китайскіе генералы, упоенные легкими успѣхами надъ дунганами, но государственные люди врядъ ли увлекаются подобными мечтами.

Заселеніе Амурскаго края — одна изъ важнѣйшихъ государственныхъ потребностей настоящаго времени.

При необходимости заселенія края и отдаленности его отъ центра Россіи, очевидно, что оно немыслимо безъ казенныхъ пособій.

Пока пути черезъ Сибирь не устроены, перевозка моремъ черезъ Суэзскій каналъ — самый удобный способъ. Очень великъ при этомъ выигрышъ времени. Взявъ переселенцевъ въ Одессѣ или Севастополѣ въ февралѣ, пароходы доставятъ ихъ во Владивостокъ къ апрѣлю, а въ маѣ могутъ послать въ китайскіе порты, къ открытію чайнаго сезона, дающаго самые выгодные фрахты. Переселенцы такимъ образомъ не потеряютъ рабочаго времени и къ началу полевыхъ работъ могутъ быть на мѣстахъ.

Не имѣя данныхъ относительно пространства удобныхъ земель, нельзя опредѣлить, сколько русскихъ поселенцевъ могло бы безбѣдно жить тамъ. Одно можно сказать съ увѣренностью: земель тамъ болѣе, чѣмъ достаточно для того числа жителей, которое можетъ поселиться тамъ въ скоромъ времени. Теперь въ областяхъ Амурской и Приморской около 100 тыс. жителей. Нѣтъ сомнѣнія, что земель хватитъ на 2—3 милліона жителей, а подобнаго числа русскихъ тамъ долго еще не будетъ. Поселенія 100 тыс. земледѣльцевъ будетъ пока достаточно. При благосостояніи и отсутствіи многихъ заразныхъ болѣзней Европы, населеніе несомнѣнно быстро размножится.

Послѣ земледѣльцевъ для края всего нужнѣе рыбаки и моряки. Выше уже замѣчено, что рыбное богатство края громадно. Нужны люди, умѣющіе имъ пользоваться. Въ Россіи нѣтъ недостатка въ нихъ: нужно умѣть вызвать ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ коренные рыбаки. Берега Архангельской губерніи и большихъ озеръ сѣвера Россіи, низовья Волги, Урала и Кубани, берега Прибалтійскаго края дадутъ достаточный выборъ. Привыкшіе къ ловлѣ рыбы въ рѣкахъ найдутъ себѣ мѣсто на Амурѣ и его притокахъ, а занимающіеся морскими рыбными и звѣриными промыслами — на берегахъ моря, отъ залива Петра Великаго, на крайнемъ Югѣ, до мѣна на Охотскомъ морѣ, кромѣ того еще на Сахалинѣ. Богатство китами поведетъ къ занятію кито-

ловнымъ промысломъ, и очевидно, что русскіе, живущіе близко, будутъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для него, чѣмъ американцы, пріѣзжающіе издалека. Крейсеры военнаго флота для охраненія русскихъ китолововъ будутъ, конечно, полезнѣе, чѣмъ теперь, когда они посылаются въ воды, не посѣщаемыя русскими судами.

Какъ земледѣльцы дадутъ прочную основу для защиты края и для военныхъ дѣйствій въ Китаѣ, такъ моряки и рыболовы должны дать людей для флота на Тихомъ океанѣ. Очевидно, что здѣсь необходимъ значительный флотъ, особенно изъ быстрыхъ крейсеровъ, и здѣсь онъ былъ бы гораздо полезнѣе, чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ. Посылка эскадры въ Тихій океанъ, когда ожидали войны съ Китаемъ, кажется, ясно доказала необходимость флота здѣсь. Онъ необходимъ не только для того, чтобы дѣйствовать на Китай, но будетъ очень полезенъ и для поддержанія наилучшихъ сношеній съ Англіей. Ея интересы въ Тихомъ океанѣ очень велики и не ограничиваются однѣми китайскими и японскими водами: на другомъ берегу океана лежитъ Британская Колумбія, которая пока не имѣетъ большаго значенія, но станетъ очень важна, когда окончится канадская желѣзная дорога къ Тихому океану. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія не можетъ содержать большія эскадры въ Тихомъ океанѣ, не ослабляя себя въ другихъ странахъ. До сихъ поръ малая населенность страны служила препятствіемъ для содержанія сильнаго флота и особенно для того, чтобъ создать необходимый базисъ для него въ видѣ арсеналовъ, доковъ и т. д. При населеніи все это будетъ гораздо легче; слѣдовательно, и для развитія морскихъ силъ колонизація необходима. Укажу еще на рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія края и его прочной связи съ Россіей. Ничто не могло бы болѣе содѣйствовать развитію земледѣлія на первое время, какъ покупка хлѣба казной отъ самихъ крестьянъ, по заранѣе опредѣленной цѣнѣ; она должна бы быть немного ниже того, во что обходится хлѣбъ, привезенный изъ Кронштадта. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро можно будетъ покупать весь хлѣбъ на мѣстѣ, гораздо дешевле того, во что обходится привозный, и съ большей пользой для края. Излишекъ можетъ послужить на случай неурожая.

Для сообщенія съ Европейской Россіей въ нѣсколько лѣтъ можно устроить смѣшанной водно-желѣзный путь, по которому сообщеніе будетъ медленно, но провозъ пассажировъ и товаровъ

недорогъ. Вотъ путь, который можетъ быть намѣченъ, и необходимыя работы для его устройства:

Отъ Перми на Камѣ по уральской желѣзной дорогѣ до Тюмени. Участокъ до Екатеринбурга готовъ, до Тюмени строится.

Отъ Тюмени до Томска существуетъ уже пароходство, слѣдуетъ только или привести рѣку Туру въ состояніе пропускать большіе пароходы и баржи во все время навигаціи, или провести желѣзную дорогу далѣе Тюмени. Каналъ между Обью и Енисеемъ продолжитъ непрерывный водный путь далѣе въ глубь Сибири. Для судоходства по Ангарѣ до Иркутска и озера Байкала нужно устранить опасность отъ Ангарскихъ пороговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это возможно.

По Байкалу уже существуетъ пароходство, точно также и по Селенгѣ.

Между Селенгой и системой Амура волокъ слишкомъ высокъ и маловоденъ для проведенія канала. Придется построить желѣзную дорогу. Если принять мѣры къ улучшенію судоходства по рѣкамъ, она, вѣроятно, будетъ не длиннѣе 200 верстъ.

По Амуру, Уссури и озеру Ханка уже существуетъ пароходство. Съ развитіемъ края, оно, очевидно, улучшится и будетъ возить пассажировъ и товары дешевле. Отъ озера Ханка до Владивостока придется построить желѣзную дорогу.

При передвиженіе товаровъ массой, посредствомъ баржъ съ пароходной тягой, перевозка пуда товара обойдется не дороже 1 р. 50 коп. и, вѣроятно, даже 1 р. Я основываю этотъ расчетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: изъ этого пути длиной около 9.000 верстъ, почти 8.000 придется по системамъ Оби, Енисея (до Байкала) и Амура, гдѣ каждая баржа пройдетъ большое пространство въ одинъ путь, что удешевляетъ перевозку. На Волгѣ, при большихъ разстояніяхъ, плата не выше 6 коп. съ пуда на 1000 верстъ. При такомъ же размѣрѣ фрахта, на 8,000 верстъ онъ обойдется 48 коп. Положимъ даже, что судоходство по мелкимъ рѣкамъ и о. Байкалу и желѣзныя дороги займутъ протяженіе въ 1,200 верстъ и что здѣсь фрахтъ на версты впятеро дороже, чѣмъ по Волгѣ, то это составитъ на 1.200 верстъ 36 коп. съ пуда, а вмѣстѣ съ 48 всего 84. Слѣдовательно, даже изъ Нижняго во Владивостокъ перевозка обойдется не дороже 1 р. съ пуда.

Волжскіе пароходы возятъ пассажировъ 3 класса въ крытомъ помѣщеніи на большихъ разстояніяхъ за 4 р. на 1,000 верстъ, а артели и значительно дешевле. Положимъ, что для судоходства

на пространствѣ 8,000 верстъ по сибирскимъ рѣчнамъ можно принять 3 р. за 1000 верстъ, слѣдовательно, 24 р. за все разстояніе, и на 1,200 верстъ мелкихъ рѣкъ, озера Байкала и желѣзныхъ дорогъ, положимъ, 10 р. за 1000 верстъ (тарифъ средній между 3 и 4 классами по желѣзнымъ дорогамъ), слѣдовательно, за 1,200 верстъ 12 р. Переѣздъ изъ Перми во Владивостокъ, конечно, не возьметъ болѣе 40 дней; считая продовольствіе по 20 коп. въ день, оно обойдется въ 8 р. Слѣдовательно, плата за весь переѣздъ съ продовольствіемъ будетъ 44 р. съ человѣка. Такъ какъ за такую плату врядъ ли можно провести пассажира изъ Одессы во Владивостокъ моремъ, то, очевидно, этотъ путь дешевле. Для переселенцевъ онъ будетъ неудобенъ только потому, что онъ возможенъ лишь съ мая по октябрь и при этомъ теряется дорогое рабочее время.

Начавъ съ подобнаго пути, можно будетъ по немногу его усовершенствовать, улучшая рѣки, замѣняя неудобные водные пути желѣзными дорогами, наконецъ, строя желѣзныя дороги для сокращенія разстоянія; такъ, напримѣръ, могли бы быть построены желѣзныя дороги отъ озера Ханка до такого мѣста на Уссури, гдѣ судоходство большими баржами не встрѣчаетъ препятствія. Желѣзная дорога между Селенгой и Шилкой могла бы быть продолжена въ обѣ стороны и дать прямой путь отъ берега Байкала до Усть-стрѣлки у соединенія Шилки съ Аргунью, гдѣ начинается вполнѣ удобное судоходство по Амуру. Что касается Западной Сибири, то постройка желѣзныхъ дорогъ въ этомъ краѣ скоро будетъ нужна для его собственныхъ потребностей и, вѣроятно, скоро совершится. Какая-нибудь линія желѣзной дороги изъ Европейской Россіи до Томска дѣло недалекаго будущаго, а такая дорога, конечно, облегчитъ движеніе пассажировъ, почты и цѣнныхъ товаровъ и въ Амурскій край. Кромѣ устройства удобныхъ путей сообщенія съ Европейской Россіей чрезъ Сибирь, очевидно, что и правильное пароходное сообщеніе съ портами Чернаго моря необходимо. Оно послужитъ и для сношеній съ сосѣдними густо населенными странами — Китаемъ и Японіей; они будутъ все болѣе развиваться по мѣрѣ населенія Амурскаго края и развитія его богатствъ. Эти страны должны сдѣлаться такими же важными рынками для Амурскаго края, какъ Западная Европа для Европейской Россіи. Японія менѣе важна, чѣмъ Китай, какъ потому, что она менѣе населена, такъ и потому, что сама производитъ и можетъ вывозить часть тѣхъ продуктовъ, что и Амурскій край.

Я уже выше указалъ на сбытъ *рыбы* въ разныхъ видахъ въ Китай. Это то изъ богатствъ края, которое всего легче вывозить. Японія въ этомъ отношеніи является нашимъ конкуррентомъ: она сама богата рыбой, особенно на сѣверѣ, а по трактату съ Россіей японцы имѣютъ право рыбной ловли у береговъ Сахалина и право устраивать становища на островѣ. Но, несмотря на подобную конкурренцію, рыбная ловля въ краѣ можетъ быть очень выгодна, а Китай въ состояніи потребить огромныя количества рыбы. Не нужно забывать, какъ велико его населеніе и какъ мало скотоводство этой страны. Между тѣмъ, китайцы далеко не вегетаріанцы по принципу; при дешевизнѣ рыбы, ея потребленіе можетъ очень увеличиться. При предстоящемъ промышленномъ развитіи Китая, средства его населенія возрастутъ. Вѣрно и то, что китайцы далеко не такъ взыскательны относительно качества питательныхъ продуктовъ, какъ европейцы. Пока рыба такъ дешева, какъ теперь на Амурѣ, она можетъ найти рынокъ и въ Европѣ, но, конечно, лишь лучшіе сорта, тщательно консервированные или, можетъ быть, вывезенные во льду.

У береговъ Амурскаго края и Сахалина добывается водоросль, называемая *морской капустой*. Она потребляется въ большомъ количествѣ въ Китаѣ и Японіи; послѣдняя вывозитъ ее въ Китай. Этотъ продуктъ тоже можетъ составить предметъ торговли съ Китаемъ, а, въ случаѣ сдачи участковъ въ аренду, и предметъ казеннаго дохода.

Китоловство доставитъ не мало предметовъ для торговли съ Китаемъ и болѣе отдаленными странами. Охотское море считается внутреннимъ русскимъ моремъ и потому китоловство въ немъ можетъ быть устроено такъ, чтобъ не истреблять породу, а дать ей возможность размножаться. Русскіе ученые должны изслѣдовать вопросъ о жизни кита, а затѣмъ дѣло правительства будетъ уже издать законы и смотрѣть за ихъ исполненіемъ.

Лѣса въ краѣ такъ много, что онъ можетъ дать ему вѣрную статью торговли не только съ Китаемъ, но и съ Японіей и Калифорніей, безъ истощенія лѣснаго богатства.

Что касается вывоза *хлѣба*, то трудно еще высказаться опредѣленно. Сосѣднія страны, Китай и Японія, не потребуютъ зернового хлѣба изъ тѣхъ, которые могутъ расти на Амурѣ: Китай постоянно ввозитъ лишь рисъ, а Японія даже вывозитъ его. *Пшеничная мука* хорошаго качества можетъ составить предметъ вывоза, особенно для потребленія европейцевъ въ мѣстахъ даль-

няго Востока. При большемъ развитіи хлѣбопашества возможенъ и вывозъ въ Европу, такъ какъ онъ производится изъ Калифорніи, которая находится еще далѣе отъ Европы.

Мѣха могутъ составить предметъ вывоза менѣе изъ Амурскаго края, чѣмъ изъ Камчатки и побережій Охотскаго моря. Пока не принято мѣръ для раціональнаго хозяйства въ этомъ отношеніи, т.-е. сбереженіе звѣрей, можно ожидать лишь уменьшенія добычи мѣховъ.

Въ числѣ предметовъ отпуска упомяну и о *льдѣ*. Уже русско-американская компанія вывозила его, а Амурскій край находится въ очень выгодныхъ условіяхъ: онъ имѣетъ удобные порты, а зима настолько сурова, что образуется толстый ледъ. Китай, Японія, Зондскіе острова, Австралія, Индія—выгодные рынки для сбыта льда.

Золото, добываемое въ краѣ, конечно, будетъ сбываться главнымъ образомъ въ Россію. *Серебро*, вѣроятно, еще долго пойдетъ въ Китай, такъ какъ разсчетный балансъ Россіи съ Китаемъ еще долго потребуетъ отъ насъ уплаты серебромъ. Развитіе Амурскаго края должно уменьшить эту приплату: вывозя много товаровъ въ Китай и Японію, онъ врядъ ли будетъ ввозить много мануфактурныхъ произведеній оттуда; вѣроятно, только чай составитъ предметъ крупнаго ввоза. Облегченіе сношеній съ Европейскою Россіей посредствомъ морскаго пароходства и устройства удобныхъ путей чрезъ Сибирь поведетъ къ потребленію русскихъ издѣлій. Уничтоженіе безпошлиннаго ввоза иностранныхъ товаровъ будетъ содѣйствовать этому.

Развитіе горнаго промысла въ Нерчинскомъ краѣ должно повести къ разработкѣ другихъ металловъ, напр.. *свинца* и *олова*. Тотъ и другое требуются въ Китай и Японію.

Колонизація Амурскаго края и развитіе его производительныхъ силъ возможны лишь при перенесеніи административнаго центра изъ Иркутска на Амуръ. Въ настоящее время Владивостокъ болѣе доступенъ изъ Петербурга, чѣмъ изъ Иркутска. Отдаленность отъ Иркутска и трудность сообщеній съ нимъ очень много мѣшаютъ развитію края. Я, конечно, не утверждаю, чтобъ однимъ перенесеніемъ центра администраціи на Амуръ главное было достигнуто, но думаю, что это будетъ, все-таки, шагъ въ желательномъ направленіи.

VI.

Вопросъ о большихъ желѣзныхъ дорогахъ, связывающихъ страны дальняго Востока съ Европой, уже въ теченіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ занимаетъ въ Европѣ многихъ людей, умѣющихъ видѣть нѣсколько далѣе текущихъ интересовъ дня. Постоянно возрастающее значеніе странъ дальняго Востока для Европы и вѣроятность ихъ дальнѣйшаго развитія, при устройствѣ болѣе удобныхъ путей сообщенія, а также и примѣръ успѣшной постройки большихъ американскихъ дорогъ, связывающихъ Атлантическій океанъ съ Тихимъ, даютъ возможность освоиться съ мыслью объ этихъ громадныхъ сооруженіяхъ. Время передъ послѣдней восточной войной было богато проектами азіатскихъ дорогъ разнаго рода; теперь они нѣсколько затихли, но это не доказываетъ безполезности или невозможности подобныхъ предпріятій. Особенно намъ, русскимъ, не мѣшаетъ освоиться съ подобными мыслями, такъ какъ Россія, не только европейская, но и азіатская—великая держава, и наболѣе важныя и менѣе трудно исполнимыя изъ этихъ желѣзныхъ дорогъ должны пройти по ея территоріи и въ сферѣ ея вліянія.

Первые проекты азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ какое-либо международное значеніе, имѣли въ виду не столько развитіе торговли между наиболѣе населенными странами Европы и Азіи, но интересы англійскаго могущества или, точнѣе, страхъ передъ нашествіемъ русскихъ на Индію. Проектъ евфратской желѣзной дороги, которая должна связать берега Сиріи съ Персидскимъ заливомъ, былъ составленъ еще въ 1837 году. Затѣмъ послѣдовали другіе проекты, которые можно назвать англійскими или англо-австрійскими. Всѣ они имѣютъ ту общую черту, что заняты огражденіемъ интересовъ и власти Англіи устройствомъ для нея удобнаго пути въ Индію рядомъ съ евфратской желѣзной дорогой, которая собственно была бы безполезна для торговли съ Индіей, очень мало сокращая морской путь и требуя двойной перегрузки. Возникли проекты прямыхъ желѣзнодорожныхъ путей изъ Европы въ Индію, чрезъ Константинополь, Азіатскую Турцію, Персію и Авганистанъ. Варіантовъ много, но главная цѣль, все-таки, создать линіи внѣ русскихъ предѣловъ. Онѣ выходятъ къ Инду въ Пешаверѣ или Шикармурѣ.

Всѣ онѣ сопряжены съ значительными трудностями, проходя по гористымъ мѣстностямъ; безопасность движенія по нимъ и обиліе мѣстныхъ грузовъ болѣе чѣмъ сомнительны, такъ какъ линіи прошли бы по странамъ бѣднымъ, разореннымъ дурнымъ управленіемъ, и гдѣ разбойничество очень развито; южные варіанты линій и евфратская дорога проходятъ по обширнымъ пустыннымъ мѣст-

ностямъ. Безъ занятія войсками европейской державы нельзя было бы ручаться за спокойствіе постройки и эксплуатаціи.

Такъ какъ Англія врядъ ли рѣшится занять эти страны *), на что потребовалось бы, можетъ быть, не менѣе европейскихъ войскъ, чѣмъ для Индіи, то подобныя линіи не имѣютъ никакой надежды на успѣхъ, пока радикально не измѣнится положеніе странъ отъ Босфора до Инда. Но положимъ, что постройка дорогъ возможна. Страны, по которымъ онѣ пройдутъ, дадутъ очень мало пассажировъ и грузовъ; что касается Индіи, то я уже въ гл. I коснулся характера ея торговли. Она производитъ сравнительно мало такихъ дорогихъ продуктовъ, которые могли бы выдержать перевозку по желѣзной дорогѣ. Особенно бѣдны ими западныя части Индіи, которыя были бы ближе къ Европѣ по желѣзной дорогѣ, а почти всѣ они производятся въ Бенгалѣ и Ассамѣ (чай, шелкъ, индиго), отстоящихъ отъ 2,000—3,000 верстъ отъ Инда и болѣе чѣмъ на 1000 верстъ отъ Западной Европы. Такъ какъ еще Индія не богата углемъ и желѣзной рудой хорошаго качества и ея населеніе, при нынѣшнемъ его положеніи, не отличается особенными способностями къ промышленности, то и нельзя ожидать, что, пока она подъ властью англичанъ, она будетъ бѣдна и развитіе ея торговли будетъ идти по направленію, выгодному для ея завоевателей, т.-е. въ сторону все большаго вывоза сырыхъ дешевыхъ продуктовъ, которые будутъ перевозиться попрежнему морскимъ путемъ.

Отсюда ясно заключеніе, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, желѣзная дорога изъ Европы въ Индію чрезъ Азіатскую Турцію и Персію не нужна и не имѣетъ шансовъ быть построенной.

Другіе проекты (Лессепсъ - Катеръ) занимались вопросомъ желѣзной дороги изъ Европы въ Индію чрезъ Киргизскія степи, русскую Среднюю Азію и Авганистанъ (напр., линія Оренбургъ-Ташкентъ - Самаркандъ - Балхъ - Кабулъ - Пешаверъ). Выгода такихъ линій состоитъ въ томъ, что онѣ на большомъ протяженіи проходятъ по русскимъ владѣніямъ, что Россія можетъ найти интересъ въ ихъ постройкѣ и помимо ихъ международнаго значенія и что до границъ Авганистана онѣ будутъ вполнѣ безопасны и не встрѣтятъ серьезныхъ техническихъ затрудненій. Тѣмъ труднѣе представить себѣ постройку линій чрезъ Авганистанъ до границы Индіи. Россіи нѣтъ особеннаго интереса хлопо-

*) Не упоминая уже о согласіи Россіи на подобное занятіе.

тать объ ихъ постройкѣ и охраненіи, а интересамъ Англіи онѣ были бы прямо враждебны, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти интересы тамъ понимаются. Всякая русская линія по направленію къ Индіи возбудитъ въ Англіи большія опасенія и, конечно, не можетъ надѣяться на ея содѣйствіе. Къ тому же путь чрезъ Авганистанъ очень затруднителенъ (перевалы чрезъ Гиндукушъ, особенно черезъ Баміанскій и другіе хребты). Разстояніе отъ Западной Европы до Индіи приблизительно то же, что чрезъ Малую Азію и Персію. Большая международная линія имѣетъ, кажется, столь же мало шансовъ на успѣхъ, какъ по послѣднему направленію, но начало постройки (считая съ сѣверо-запада имѣетъ за себя болѣе вѣроятностей.

По поводу закаспійской желѣзной дороги также заговорили о пути въ Индію *). Начать съ того, что путь, упирающійся въ Михайловскій заливъ, не есть прямой рельсовый путь изъ Европы въ Индію. Таковой была бы линія отъ Владикавказа чрезъ Петровскъ, Баку, южное прибрежье Каспійскаго моря, Гератъ, Кандахаръ до Инда. Но и здѣсь техническія трудности были бы не малы мѣстами, и столь же мало шансовъ на согласіе Англіи на постройку пути въ Индію, идущаго чрезъ Россію.

Пути изъ Европы въ Китай и нашъ Амурскій край отличаются тѣмъ отъ путей въ Индію, что вполнѣ проходятъ по владѣніямъ цивилизованныхъ государствъ, слѣдовательно, были бы достаточно безопасны и къ тому же сокращаютъ морской путь гораздо болѣе, чѣмъ пути въ Индію.

Непрерывный рельсовый путь до Владивостока пока не имѣетъ значенія для всемірной торговли. Амурскій край слишкомъ мало населенъ, а для пути изъ Европы въ Китай разстояніе слишкомъ велико и къ тому же всѣ наши порты замерзаютъ. Выше я уже наметилъ то, что слѣдуетъ сдѣлать для созданія удобнаго пути въ Амурскій край. Непрерывный рельсовый путь понемногу построится по мѣрѣ того, какъ того потребуетъ развитіе края.

Желѣзныя дороги изъ Западной Европы въ Китай чрезъ Россію имѣютъ наибольшее значеніе изъ всѣхъ *большихъ азіатскихъ линій* и, конечно, хоть одна изъ нихъ будетъ построена ранѣе другихъ.

Изъ нихъ нѣкоторые (напр., Богдановичъ, Мейссель) думаютъ направить линію чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ, расходясь лишь въ

*) М. Н. Анненковъ: „Ахалъ-Текинскій оазисъ и пути въ Индію“.

восточной части линіи, т.-е. направляя ее или на Кяхту и Ургу, а затѣмъ по степи Гоби на Калганъ, а другіе идутъ на Читу, Хайралъ и по западной окраинѣ Монголіи, т.-е. по странѣ болѣе гористой, но и болѣе богатой водой и другими средствами.

Выгода этихъ проектовъ состоитъ въ томъ, что до западнаго или средняго Забайкалья они избираютъ путь, который связываетъ Россію съ ея восточной окраиной, невыгоды—въ трудности пути чрезъ Байкальскіе хребты и особенно въ томъ, что они выходятъ въ сѣверо-восточный Китай, страну сравнительно бѣдную, особенно товарами, выносящими перевозку по желѣзной дорогѣ, т.-е. чаемъ и шелкомъ.

Другой проектъ принадлежитъ извѣстному геологу и путешественнику по Китаю барону Рихтхофену. По его мнѣнію, линія должна идти изъ Европейской Россіи въ Самипалатинскъ на Иртышѣ и оттуда проникнуть въ Монголію чрезъ наиболѣе удобный входъ между Китаемъ и Тарбогатаемъ, гдѣ подъемъ на плоскогорье очень отлогъ. Пройдя къ сѣверу отъ озеръ Зайсана и Улюнгуръ, онъ пойдетъ на Булунъ-Тохой, Баркуль, къ востоку отъ Хами (чтобъ избѣгнуть отроговъ Тяньшана), далѣе на Сачжеу, Ганьчжеу, Лянчеу и Ланчеу, гдѣ вступитъ въ густонаселенныя области собственно Китая и пойдетъ на Синганфу. Здѣсь она найдетъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая, ключъ къ путямъ на Западъ и древнюю столицу. Отсюда проектируется линія на ВЮВ. въ Ханькау, торговый центръ средняго Китая, и другая на востокъ, въ Шанхай, съ вѣтвью въ Пекинъ.

Этотъ проектъ связываетъ самыя производительныя области Китая со средней Азіей и Европой, по пути, намѣченному природой и исторіей, чрезъ горный проходъ у Ланчеу и отлогій подъемъ на плоскогорье Монголіи у Чернаго Иртыша. Къ сѣверу въ сравнительно небольшомъ разстояніи находятся богатыя каменно-угольныя копи и желѣзныя руды губерній Шеньси и Шаньсей, по дорогѣ тоже много угля, также у Ганьчжеу, во многихъ мѣстахъ отсюда до границы Россіи, затѣмъ близъ Семипалатинска.

Техническія трудности не велики; самая главная, внѣ собственнаго Китая,—переходъ чрезъ пески къ югу отъ Хами. Отъ Иртыша до Желтой рѣки не будетъ ни одного значительнаго моста. Въ населенныхъ частяхъ Китая трудности есть, но такой богатый край дастъ и большіе грузы, окупающіе издержки. Все протяженіе дороги, за немногими исключеніями, хотя сколько-нибудь на-

селено и жители потребляютъ китайскіе товары, особенно чай и шелковыя издѣлія. При удобствѣ провоза и русскіе найдутъ сбытъ, такъ какъ уже теперь онъ существуетъ, несмотря на дороговизну провоза. Не только застѣнный Китай будетъ поставленъ въ удобныя условія для торговли съ Россіей, но и западныя части собственнаго Китая, очень богатыя и еще сравнительно мало получающія европейскихъ товаровъ.

Китай вывозитъ въ особенности чай и шелкъ, товары дорогіе, для которыхъ скорость доставки и сбереженіе на страхованіи очень важны; это заставитъ ихъ предпочесть путь по желѣзной дорогѣ морскому, тѣмъ болѣе, что морской путь въ Китай гораздо длиннѣе и опаснѣе, чѣмъ въ Индію. Чай изъ Китая вывозится въ Россію въ большомъ количествѣ, причемъ сухопутная пошлина по азіатской границы на 25 к. съ фунта ниже взимаемой при привозѣ въ европейскіе порты и по европейской границѣ. Шелкъ идетъ болѣе всего во Францію, и онъ тоже найдетъ болѣе удобный путь по желѣзной дорогѣ и часть его останется въ Россіи. Многія мануфактуры изъ Средней и Западной Европы, вѣроятно, также пойдутъ по желѣзной дорогѣ, какъ пути болѣе быстрому. Для путешественниковъ и почты преимущество ея передъ кружнымъ морскимъ путемъ несомнѣнно.

Относительно безопасности этотъ путь находится почти въ такихъ же условіяхъ, какъ пути чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ. Китай вполнѣ справился съ возстаніями въ своихъ застѣнныхъ областяхъ, а еслибъ они когда-нибудь возобновились, то въ интересѣ Россіи возстановить миръ въ этихъ странахъ. Желѣзныя дорога еще усилитъ эту необходимость.

Разрѣшеніе постройки этой дороги и пособія ей, какъ и для дорогъ чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ, вполнѣ зависятъ отъ обоихъ правительствъ, русскаго и китайскаго.

Даю сравненіе главныхъ азіатскихъ транзитныхъ путей, по которымъ предположено строить желѣзныя дороги, связывающія Европу съ дальнимъ Востокомъ непрерывнымъ путемъ. Въ отсутствіи точныхъ изысканій, понятно, и разстояніе можетъ быть дано лишь приблизительно. Поэтому я округлилъ цифры до сотенъ верстъ.

Индійскія и индо-китайскія линіи чрезъ Малую Азію.

Отъ Лондона или Парижа до Константинополя	3,100
» Константинополя до Пешавера.	4,400

Отъ Пешавера до Калькутты	2,200
» Калькутты до верхней Голубой рѣки	1,600
Всего отъ Лондона до Калькутты	9,700
» » Лондона » верхней Голубой рѣки	11,300

Индійскія линіи чрезъ Россію, Среднюю Азію или Кавказъ.

Отъ Лондона или Парижа до Оренбурга прямымъ путемъ	3,900
» Москвы до Оренбурга	1,500
» Оренбурга до Ташкента	2,000
» Ташкента до Пешавера	1,300
Всего отъ Москвы до Калькутты	7,000
» » Лондона » Калькутты	9.400

Отъ Лондона или Парижа до Ростова-на-Дону прямымъ путемъ	3,100
» Москвы до Ростова-на-Дону	1,200
» Ростова-на-Дону до Владикавказа	1,600
» Владикавказа до Тегерана	1,000
» Тегерана до Пешавера	2,000
Всего отъ Москвы до Калькутты	7,000
» » Лондона » Калькутты	8.900

Русско-китайскія линіи на Иркутскъ.

Москва—Екатеринбургъ		1,600
Екатеринбургъ—Иркутскъ		3,300
Иркутскъ—Пекинъ на Кяхту		2,000
Иркутскъ—Пекинъ на Читу и Хайларъ		2,200
Чрезъ Кяхту.	Всего отъ Москвы до Пекина	6,900
	» » Лондона » Пекина	9,600
Чрезъ Читу.	Всего отъ Москвы » Пекина	7,100
	» » Лондона » Пекина	9,800

Русско-китайскія линіи на Семипалатинскъ и Ланчеу.

Москва—Семипалатинскъ	3,200
Семипалатинскъ—Ханькау чрезъ Ланчеу и Синганфу	3,900
Всего отъ Москвы до Ханькау	7,100
» » Москвы » Шанхая	7,600
» » Лондона » Ханькау	9,800
» » Лондона » Шанхая	10,300

Изъ этого обозрѣнія видно, что даже изъ Западной Европы ближе до чайныхъ и шелковыхъ центровъ Китая, чѣмъ до Калькутты, которая лежитъ въ центрѣ чайныхъ и шелковыхъ округовъ Индіи. Эта близость на первый взглядъ противорѣчитъ тому, что показываетъ карта, но это объясняется 1) тѣмъ, что наиболѣе обыкновенныя меркаторскія карты показываютъ низкія широты въ слишкомъ маломъ видѣ, а пути въ Индію идутъ по болѣе низкимъ широтамъ, чѣмъ пути въ Китай и 2) вслѣдствіе морей и горъ, желѣзная дорога въ Индію должна отклоняться болѣе отъ прямой линіи, чѣмъ дорога въ Китай.

Что касается излюбленныхъ англійскихъ проектовъ желѣзныхъ дорогъ изъ Индіи (или Бирмы) въ Китай, то изъ таблицы видно, что по нимъ разстояніе отъ Лондона до верхней Голубой рѣки, гдѣ судоходство не совсѣмъ удобно, на 3,000 верстъ длиннѣе, чѣмъ чрезъ Россію до Ханькау, центра чайныхъ плантацій Китая. Къ тому же техническія трудности для постройки индо-китайскихъ линій чуть ли не болѣе, чѣмъ какихъ-либо другихъ. Наконецъ, обмѣнъ Индіи и Китая будетъ всегда незначителенъ, такъ какъ обѣ страны вывозятъ главнымъ образомъ тѣ же продукты и ввозятъ тѣ же.

Очевидно, что въ настоящее время невозможно еще хотя приблизительно опредѣлить возможное торговое движеніе по желѣзной дорогѣ изъ Европы въ Китай. Одно только можно сказать съ увѣренностью: оно должно быть болѣе, чѣмъ по тѣмъ, которыя связываютъ Атлантическій и Тихій океаны въ Сѣверной Америкѣ. Не забудемъ, что тамъ въ штатахъ по Тихому океану и Британской Колумбіи не живетъ и 1½ милліона людей и, однако есть уже 4 линіи готовыхъ и строющихся (канадская, сѣверная, центральная и южная тихо-океанскія). Неужели 400 милліоновъ китайцевъ не дадутъ болѣе грузовъ? Не забудемъ, что это одинъ

изъ самыхъ производительныхъ народовъ въ мірѣ и что естественныя богатства страны еще далеко не разработаны.

Какой бы путь ни былъ избранъ, онъ на тысячи верстъ пройдетъ чрезъ Россію, слѣдовательно, очень близко касается нашихъ интересовъ. Результаты постройки этой линіи будутъ важнѣе, чѣмъ какой-либо другой, не исключая и американской къ Тихому океану.

Чрезъ Россію долженъ такимъ образомъ пройти міровой путь въ самомъ широкомъ смыслѣ. Отъ насъ будетъ зависѣть, чтобъ этотъ путь служилъ интересамъ Россіи. Пора намъ расширить нашъ географическій кругозоръ и вспомнить, что у насъ есть важные интересы не на одномъ ближнемъ Востокѣ, но и на дальнемъ.

А. Воейковъ.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I *).

VI.

Взгляды на крестьянскій вопросъ Карамзина, Шишкова, масоновъ Лопухина и Поздѣева, Каразина и неизвѣстнаго украинскаго помѣщика.

Мы уже видѣли, что консерваторы (въ лицѣ Ростопчина) старались прямымъ вліяніемъ на Императора Александра задержать рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Другимъ убѣжденнымъ и энергическимъ противникомъ либеральнаго направленія правительственной дѣятельности явился Карамзинъ, подавшій государю, въ 1811 г., въ Твери свою знаменитую записку *О древней и новой Россіи*. Но прежде, чѣмъ остановиться на томъ мѣстѣ ея, которое было посвящено крестьянскому вопросу, посмотримъ, какъ еще ранѣе Карамзинъ высказался по этому предмету.

Въ своемъ *Вѣстникѣ Европы* онъ напечаталъ посвященное крестьянскому вопросу *Письмо сельскаго жителя*. Если обратить вниманіе на то, что оно появилось въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1803 г. (№ 17), то будетъ очевидно, что напечатаніе его находится въ связи съ изданіемъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Консерваторы, недовольные этимъ закономъ, указывали на то, что имъ воспользуются лишь помѣщики, стремящіеся къ удовлетворенію собственной корысти, что господа, желающіе блага своимъ крестьянамъ, напротивъ, никогда не сложатъ съ себя бремени управленія вотчиной. «Ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ, — писалъ Ростопчинъ въ своемъ возраженіи на книгу Стройновскаго, — не захо-

*) „Русская Мысль“ 1883 г., кн. XII.

четъ отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ части людей, подъ защитою его живущихъ». Эта же мысль положена въ основаніи статьи Карамзина, который былъ хорошо знакомъ въ Москвѣ съ Ростопчинымъ и, быть можетъ, даже находился въ извѣстной степени подъ его вліяніемъ. Словомъ, эта статья Карамзина была какъ бы отвѣтомъ московскихъ консерваторовъ на освободительныя начинанія петербургскихъ либераловъ. Сельскій житель, отъ имени котораго написано письмо, разсказываетъ, какъ онъ разочаровался въ своей мысли, что стоитъ только предоставить крестьянамъ возможность самимъ распоряжаться собой, и они будутъ счастливы: передача имъ всей земли, назначеніе умѣреннаго оброка и устраненіе помѣщичьяго надзора привели, будто бы, къ обѣднѣнію крестьянъ и сильнѣйшему развитію пьянства. Такимъ образомъ, Карамзинъ высказывается вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими сельскими хозяевами противъ оброчной системы: дѣйствительно, она была менѣе выгодна для помѣщика, но, вопреки трогательной картинѣ, набросанной авторомъ, множество фактовъ свидѣтельствуетъ, что крестьяне оброчные были зажиточнѣе барщинныхъ. Напротивъ, непосредственное управленіе заботливаго помѣщика приноситъ, какъ старается показать здѣсь Карамзинъ, превосходные результаты. Крестьяне, разумѣется, преисполнены благодарностью къ добродѣтельному господину за его попеченія, а онъ устраиваетъ еще три раза въ годъ патріархальные пиры для своихъ земледѣльцевъ, оканчивающіеся веселыми плясками. Крестьяне, подпивши, безпрестанно бросаются цѣловать руки помѣщика и называютъ его «самыми ласковыми именами»; само собою разумѣется, что во весь остальной годъ у нихъ не бываетъ во рту ни маковой росинки, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ не хочетъ заводить у себя виннаго завода, какъ бы это ни было для него прибыльно. Понятно, какой выводъ имѣлъ въ виду авторъ этой идиллической картинки: Россія нуждается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ добродѣтельныхъ помѣщикахъ, заботящихся о своихъ крѣпостныхъ. Много ли было такихъ помѣщиковъ въ дѣйствительности, благопріятствовали ли ихъ появленію тѣ условія, въ которыхъ воспитывался и жилъ неограниченный повелитель ихъ душъ,— эти вопросы, естественно, приходятъ въ голову, но Карамзинъ, если и не рѣшается утверждать, что «всѣ помѣщики также трогательно добродѣтельны», но старается увѣрить читателя, что они, по крайней мѣрѣ, никогда не посягнутъ на собственность своего

крѣпостнаго, между тѣмъ какъ крестьяне лѣнивы и трудятся только изъ-подъ палки. «Иностранные путешественники, — говоритъ онъ,—видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. «Какъ ему охотно трудиться, говорятъ сіи господа, когда помѣщикъ можетъ всегда отнять у него имущество?» Но смѣю увѣрить ихъ, что такая философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ, въ самомъ дѣлѣ, отнимаетъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ними богатыхъ и промышленныхъ?... У насъ много вольныхъ крестьянъ; но лучше ли господскихъ они обрабатываютъ землю? По большей части, напротивъ». Авторъ не рѣшается прямо отвергать, что продолжительное дѣйствіе свободы могло имѣть весьма полезное вліяніе *), но онъ утверждаетъ, что немедленнымъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ было бы уменьшеніе среди нихъ хлѣбопашества, и потому въ настоящее время желаетъ для нихъ только хорошихъ господъ и просвѣщенія. Заключительныя слова всей статьи выражаютъ ту же мысль, которую мы находимъ и въ приведенныхъ выше строкахъ изъ возраженія Ростопчина на книгу Стройновскаго: «Главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ: кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный».

Въ другой статьѣ Карамзинъ опять рисуетъ въ розовомъ свѣтѣ положеніе нашихъ крѣпостныхъ. «Чужестранные писатели,— говоритъ онъ,— которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ несчастливы, удивились бы, если бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ, видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ *злоупотребленіе господской власти,* которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры,—вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣ-

*) „Не знаю, — говоритъ онъ, — что вышло бы черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ: время, конечно, имѣетъ благотворное дѣйствіе“.

лѣ,—вотъ его право!» Все, повидимому, обстоитъ благополучно; но «просвѣщенію» приходится, однако, по заявленію автора, истреблять «злоупотребленіе господской власти», а «сельскій житель» въ своемъ письмѣ совершенно умолчалъ объ этомъ; слѣдовательно, не всегда оброчная система невыгоднѣе для крѣпостныхъ. И далѣе, обличая безразсудную роскошь, авторъ упоминаетъ, что разоряющійся человѣкъ «скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ». Такимъ образомъ, идиллія, нарисованная «сельскимъ жителемъ», совершенно разрушается самимъ ея творцомъ.

Еще подробнѣе и яснѣе высказалъ Карамзинъ свои мнѣнія по крестьянскому вопросу въ извѣстной запискѣ *О древней и новой Россіи*, поданной имъ Императору Александру въ 1811 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1804 г.), въ виду того, что торговля рекрутами приняла громадные размѣры, правительство издало указъ, въ которомъ еще разъ и довольно рѣшительно пробовало положить этому предѣлъ *). Торговля рекрутами была запрещена при Императрицѣ Екатеринѣ. Въ коммиссіи для составленія новаго уложенія громадное большинство ораторовъ находило нужнымъ даже и совершенное запрещеніе продажи людей безъ земли. Карамзинъ въ этомъ отношеніи отсталъ болѣе чѣмъ на 40 лѣтъ. Переходя въ запискѣ *О древней и новой Россіи* къ крестьянскому вопросу, онъ, прежде всего, находитъ нужнымъ протестовать даже противъ запрещенія торговли рекрутами **). Вредъ отъ этой мѣры Карамзинъ видитъ, прежде всего, въ томъ, что лучшіе крестьяне, прежде копившіе деньги, чтобы имѣть возможность купить рекрутовъ за свою семью, утратятъ главное побужденіе къ трудолюбію и трезвой жизни. Крѣпостные «тирана-помѣщика», который, изъ жадности къ деньгамъ, могъ бы про-

*) Извѣстно, что мѣщанскія общества и казенныя селенія покупали крестьянъ у помѣщиковъ подъ видомъ свободной приписки къ нимъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ господами на волю. Для пресѣченія этого было предписано ни самихъ такихъ людей, ни ихъ дѣтей, прижитыхъ до приписки, не принимать въ рекруты до новой ревизіи, а дѣтей, рожденныхъ послѣ приписки, дозволено было сдавать въ рекруты лишь тогда, когда до нихъ дойдетъ очередь. Крѣпостныхъ, продаваемыхъ безъ земли однимъ помѣщикомъ другому, велѣно принимать не ранѣе, какъ черезъ три года послѣ продажи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещена продажа между помѣщиками рекрутскихъ квитанцій и предоставлено отдавать ихъ въ казну за 360 руб.

**) „Слыхали мы о дворянахъ извергахъ, — говоритъ онъ,—которые торговали людьми безчеловѣчно; купивъ деревню, выбирали крестьянъ, годныхъ въ солдаты, и продавали ихъ врознь. Положимъ, что такіе звѣри были въ наши времена; надлежало бы грознымъ указомъ запретить сей промыселъ и сказать, что имѣніе дворянъ столь недостойныхъ будетъ отдаваемо въ опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполненіемъ; вмѣсто сего, запрещаютъ продажу и куплю рекрутъ".

дать ихъ въ рекруты, также не сдѣлаются счастливѣе. (Казалось бы. не трудно, кромѣ продажи въ рекруты, найти иное средство для улучшенія ихъ быта, а именно ограниченіе закономъ крѣпостнаго права, но Карамзинъ желалъ, чтобы все осталось по старому). Наконецъ, помѣщики потеряли бы, такимъ образомъ, возможность сбывать въ рекруты своихъ лѣнивыхъ и вообще нравственно испорченныхъ крѣпостныхъ и утратили бы важное средство устрашенія относительно своихъ людей. Рисуя еще въ статьяхъ *Вѣстника Европы* идеальныя картины положенія крѣпостныхъ, Карамзинъ, конечно, и въ запискѣ *О древней и новой Россіи* не могъ отнестись сочувственно къ освободительнымъ стремленіямъ правительства, противъ которыхъ онъ выдвигаетъ аргументы, основанные на исторіи. «Нынѣшніе господскіе крестьяне, — говоритъ онъ,—никогда не были собственниками земли, и она неотъемлемо принадлежитъ дворянамъ; крестьяне—потомки холоповъ—также «законная собственность» дворянъ, и потому не могутъ получить даже и личной свободы безъ вознагражденія помѣщиковъ. Такимъ образомъ, только вольные, укрѣпленные Годуновымъ за господами, могутъ справедливо требовать прежней свободы; но такъ какъ мы не знаемъ теперь, кто изъ нихъ происходитъ отъ холоповъ и кто отъ вольныхъ, то законодателю очень трудно распутать этотъ гордіевъ узелъ, если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди свободны». Карамзинъ признаетъ, что самодержавный государь можетъ отмѣнять законы своихъ предшественниковъ, но спѣшитъ оговориться, «что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими». Онъ не допускаетъ и мысли о возможности другаго освобожденія крестьянъ, какъ безъ земли; но, ставъ на такую точку зрѣнія, онъ справедливо указываетъ на вредъ для самихъ крѣпостныхъ отъ безземельнаго освобожденія: въ этомъ заключается единственная полезная сторона разбираемой записки по отношенію къ крестьянскому вопросу. Господа могутъ предписать крестьянамъ самыя тяжелыя условія за пользованіе землею, говоритъ авторъ: «дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ»*),—мысль, составляющая повтореніе того, что говорилъ

*) Нѣсколько лѣтъ позднѣе, Карамзинъ, въ одномъ частномъ письмѣ, говоритъ по поводу эстляндскаго уложенія 1816 г., которымъ крестьяне были освобождены

и Ростопчинъ въ своемъ возраженіи на сочиненіе Стройновскаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карамзинъ повторяетъ и всѣ затасканные доводы крѣпостниковъ, знакомые намъ еще со времени Императрицы Екатерины II. Если крестьяне начнутъ переходить съ мѣста на мѣсто, то не потерпитъ ли казна убытка въ сборѣ податей, не пострадаетъ ли земледѣліе? Крестьяне, лишенные помѣщичьяго надзора, начнутъ пьянствовать, ссориться, заводить тяжбы. Однако, если даже не говорить объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, такъ какъ эта идея была мало распространена въ эпоху Александра I, то, все-таки, между сохраненіемъ statu quo и безземельнымъ освобожденіемъ есть еще средній исходъ — серьезныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права; но Карамзинъ, утѣшая себя тѣмъ, что «крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ налогомъ, или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника», и, забывая о «тиранахъ-помѣщикахъ», которыхъ онъ выдвигалъ, какъ аргументъ за сохраненіе торговли рекрутами, не требуетъ вовсе ограниченія помѣщичьей власти точнымъ закономъ, а довольствуется предложеніемъ «*подъ рукою* взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ», чего легко можно достигнуть посредствомъ одного губернаторскаго надзора. Противъ совершеннаго же освобожденія крестьянъ онъ находитъ нужнымъ еще разъ, и весьма энергично, протестовать: «Не знаю,—говоритъ онъ,—хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашніе обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется,—осмѣливается онъ даже сказать,—что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу,* къ которой надо готовить ихъ исправленіемъ нравственнымъ». Не даромъ Карамзинъ былъ историкомъ «государства Россійскаго»: интересы народа были для него на второмъ планѣ; но какъ историку, ему стыдно было забыть разиновщину и пугачевщину и, такимъ образомъ, упустить изъ виду, что порабощеніе людей—плохой фундаментъ для прочнаго государственнаго зданія. Также плохо продумано было и требованіе предваритель-

безъ земли: „Слѣдствія новаго эстляндскаго устава о крестьянахъ развѣ *впредь* окажутся благодѣтельными; тогда, и не прежде, совѣтую... говорить объ этомъ способѣ, для соглашенія выгоды крестьянъ и дворянства".

наго нравственнаго улучшенія крѣпостныхъ крестьянъ, для которыхъ помѣщики не заводили даже и простыхъ школъ грамотности. Въ заключеніе, онъ обращается къ Императору Александру съ слѣдующими словами: «Государь! исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (*«положимъ*, какъ бы противъ воли соглашается онъ, что неволя крестьянъ есть рѣшительное зло»), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Крѣпостничество Карамзина уже было энергично осуждено однимъ изъ нашихъ историковъ. «Мы не стали бы оспаривать у него права быть человѣкомъ своего времени, дѣлить предразсудки и заблужденія этого времени,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—если бы Карамзинъ не давалъ намъ права предъявлять къ нему болѣе высокія требованія, чѣмъ къ массѣ его современниковъ, если бы самъ онъ не говорилъ такъ много о натурѣ, о свободѣ, о просвѣщеніи, о человѣчествѣ; естественно требовать, чтобы онъ, въ извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ, наконецъ, сколько-нибудь исполнялъ тѣ прекрасныя правила, которыми его сочиненія переполнены. Къ сожалѣнію, изъ-за красивыхъ фразъ о натурѣ и человѣчествѣ безпрестанно выглядываетъ самое дюжинное крѣпостничество... Здѣсь еще разъ приходится убѣждаться, что преувеличенная чувствительность слишкомъ часто бываетъ одною фразою и можетъ граничить съ совершеннымъ безсердечіемъ на дѣлѣ». Современники осуждали отношенія Карамзина къ крѣпостному праву и въ его исторіи. «Онъ легко скользитъ по этому предмету,—говоритъ Тургеневъ всякій разъ, какъ онъ ему встрѣчается, — и если находятся вещи, которыя онъ совершенно не можетъ опустить, онъ отсылаетъ ихъ въ примѣчанія» *).

Мы скоро познакомимся съ однимъ изъ дѣятелей эпохи Александра I, который, будучи ярымъ защитникомъ крѣпостнаго права, былъ, въ то же время, идеальнымъ помѣщикомъ: это извѣстный Александръ Ивановичъ Шишковъ. Карамзинъ былъ, напротивъ, самымъ заурядным душевладѣльцемъ, который такъ же мало

*) Въ исторіи царствованія Ѳедора Ивановича мы читаемъ: «Годуновъ, безъ сомнѣнія, *желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ*, желая утвердить между ними *союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ*, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ... въ 1592 или 1593 году, закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами».

возвышался надъ среднимъ уровнемъ дворянства на практикѣ, какъ относительно крестьянскаго вопроса въ теоріи, и тѣ симпатичные факты, которые намъ встрѣчаются въ его отношеніяхъ къ крѣпостнымъ, не составляютъ чего-либо выдающагося, какъ то было у Шишкова. Такъ, въ 1801 г. онъ велитъ немедленно отпустить на волю своего слугу, которому прежде выдалъ отпускную, вступающую въ силу лишь по смерти господина. Въ началѣ 1813 г., послѣ французскаго погрома, онъ не рѣшился требовать съ нихъ полнаго оброка, но это требованіе тогда едва ли и было бы исполнено; погорѣвшимъ крестьянамъ онъ прощалъ оброкъ на половину или и за цѣлый годъ, но это дѣлалось и всѣми мало-мальски сносными помѣщиками. Защищая отчужденіе крестьянъ безъ земли въ теоріи, онъ готовъ былъ пользоваться имъ и на практикѣ. Такъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти у брата въ форейторы мальчика лѣтъ 14, хотѣлъ помѣняться людьми. Разсердившись на пьянство своихъ слугъ, онъ отправилъ одного изъ нихъ въ полицію для тѣлеснаго наказанія и затѣмъ сдалъ въ рекруты. Своимъ крестьянамъ Карамзинъ писалъ такія трогательныя наставленія: «Я всѣхъ васъ люблю равно, какъ дѣтей своихъ, и судъ мой безпристрастенъ; я хочу только вашего добра общаго, отвѣчая за васъ Богу», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавалъ иногда весьма странныя приказанія. Такъ, въ этомъ же письмѣ мы находимъ такое оригинальное распоряженіе: узнавъ, что въ его селѣ есть кликуши (женщины съ извѣстною нервною болѣзнію), порчу которыхъ приписывали тремъ крестьянамъ, онъ приказалъ: «кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать; если же не уймутся», то приказалъ старостѣ «высѣчь ихъ розгами, ибо это обманъ и притворство». Всѣ эти отношенія рисуютъ намъ совершенно заурядnаго помѣщика, а не широко-образованнаго господина, въ теоріи умѣвшаго нарисовать идиллически-патріархальныя отношенія къ крѣпостнымъ, въ программу которыхъ совсѣмъ не входило тѣлесное наказаніе несчастныхъ старухъ, вѣрившихъ въ то, что онѣ «испорчены».

Карамзинъ вооружался противъ скораго уничтоженія крѣпостнаго права и требовалъ сначала нравственнаго улучшенія крестьянъ; поэтому онъ стоялъ за распространеніе грамотности въ народѣ. Шишковъ шелъ гораздо далѣе: онъ не могъ и представить себѣ Россіи безъ крѣпостнаго права, а грамотность для народа считалъ величайшимъ зломъ. И съ этимъ-то человѣкомъ Импе-

ратору Александру, еще не отказавшемуся отъ своихъ освободительныхъ стремленій, пришлось стать въ ближайшее отношеніе послѣ паденія Сперанскаго, замѣщеннаго Шишковымъ въ званіи государственнаго секретаря. Такимъ образомъ, вмѣсто либерала Сперанскаго, отъ котораго, впрочемъ, народъ не скоро могъ дождаться освобожденія, императору приходилось бесѣдовать съ завзятымъ защитникомъ крѣпостнаго права. Но Шишковъ былъ ужь слишкомъ проникнуть устарѣлыми взглядами, чтобы имѣть возможность вполнѣ склонить государя на свою сторону, тѣмъ болѣе, что онъ хлопоталъ не о сохраненіи крѣпостнаго права лишь до поры до времени, а о признаніи его совершенно необходимымъ для Россіи вообще. Очень характерная въ этомъ отношеніи сцена произошла между государемъ и Шишковымъ по окончаніи отечественной войны.

Какъ извѣстно, въ 1812 году крестьяне ожидали, что за ихъ сопротивленіе непріятелю и всѣ перенесенныя лишенія они получатъ свободу; во многихъ мѣстностяхъ они перестали признавать власть господъ. Въ концѣ этого же года, произошелъ бунтъ ополченія въ Пензенской губерніи. Планъ возстанія былъ заранѣе обдуманъ ратниками, такъ что оно началось одновременно въ трехъ мѣстахъ. Ратники хотѣли, истребивъ офицеровъ - дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его; потомъ принести повинную государю и, въ награду за службу, выпросить себѣ прощеніе и вѣчную свободу отъ помѣщиковъ. Крестьяне были убѣждены, что государь требовалъ ополченія не съ нихъ, а только съ дворянъ. Всего сильнѣе было возстаніе въ гор. Инсарѣ, гдѣ офицеры были жестоко избиты; меньшія волненія произошли въ Саранскѣ и Чембарѣ. Возстаніе было быстро усмирено и больше 300 ратниковъ были жестоко наказаны: экзекуція длилась три дня.

И вотъ при такомъ-то настроеніи народа, Шишковъ хотѣлъ, чтобы, по окончаніи войны, въ милостивомъ манифестѣ ко всѣмъ сословіямъ, составленіе котораго было ему поручено, государь выразилъ свое одобреніе крѣпостному праву. Въ проектѣ манифеста дворянство призывалось увеличить заботу «о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами, достойныхъ любви его, домочадцевъ». Крестьянамъ же, которые восхвалялись за «духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшіе примѣръ въ бытописаніи», возвѣщалось, что они получатъ мзду

свою отъ Бога, со стороны же государя высказывалась только увѣренность, что помѣщики о нихъ позаботятся. «Существующая издавна между ими,—сказано было въ проектѣ манифеста,—*на обоюдной пользѣ основанная,* русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь... не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ яко о чадахъ своихъ заботою, а съ другой—они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства». Государь нѣсколько разъ приказывалъ автору перечитывать манифестъ и остался имъ очень недоволенъ. На другой день онъ рѣшился было подписать его, взялъ уже перо, но вдругъ оттолкнулъ бумагу со словами: «Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ». Наконецъ, онъ вычеркнулъ выраженіе (связь) «на обоюдной пользѣ основанная». Шишковъ такъ объясняетъ въ своихъ запискахъ причины неудовольствія императора: «Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка внушено въ него было находившимся при немъ французомъ Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ и, словомъ, отъ всего русскаго». Такимъ образомъ, крѣпостное право въ глазахъ Шишкова казалось неотъемлемою принадлежностью русскаго народа.

Но, будучи завзятымъ крѣпостникомъ въ теоріи, Шишковъ былъ самымъ идеальнымъ помѣщикомъ на практикѣ, или, лучше сказать, онъ потому и защищалъ крѣпостное право, что отношенія всѣхъ господъ къ крѣпостнымъ рисовались ему по образцу его собственныхъ отношеній къ крестьянамъ. Какъ только его денежныя обстоятельства позволили, онъ пересталъ брать оброкъ съ своей вотчины, пожалованной ему Императоромъ Павломъ, хотя многіе, и даже Мордвиновъ, находили такое безкорыстіе излишнимъ и неумѣстнымъ. Многіе крестьяне Шишкова жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что ихъ баринъ получалъ небольшое жалованье и жилъ весьма небогато. Годъ случился неурожайный, и въ Петербургѣ явилась дороговизна на съѣстные припасы. Однажды Шишкову докладываютъ, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить:

это были выборные изъ его села. Поклонясь въ ноги, несмотря на запрещеніе господина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что на мірской сходкѣ имъ приказали ѣхать въ Питеръ и просить барина, чтобы за прежніе льготные годы онъ обложилъ ихъ хоть по тысячѣ рублей, а впредь они будутъ платить оброкъ, какой имъ назначатъ. Отъ такихъ рѣчей Шишковъ пришелъ въ неописанное умиленіе, особенно оттого, что онѣ были похожи на языкъ старинныхъ грамотъ, приказалъ ихъ угостить и отпустить. отказавшись отъ оброка и замѣтивъ, что надобности въ деньгахъ не имѣетъ по милости царской. Впрочемъ, впослѣдствіи, на нихъ былъ наложенъ небольшой оброкъ, но и тотъ употреблялся на ихъ собственныя нужды. Мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться со взглядами Шишкова на крестьянскій вопросъ, высказанными имъ въ государственномъ совѣтѣ: и тутъ онъ оставался такимъ же ярымъ защитникомъ крѣпостнаго права; но, въ виду его отношеній къ крестьянамъ, нельзя не признать, что его дѣйствія въ этомъ вопросѣ были основаны на глубокомъ убѣжденіи и что въ нравственномъ отношеніи до него было далеко какъ царедворцу Сперанскому, «отваживавшему» свою Каневку, такъ и противнику послѣдняго по убѣжденію, Карамзину, бывшему самымъ заурядным помѣщикомъ.

Въ числѣ людей консервативнаго образа мыслей въ крестьянскомъ вопросѣ мы встрѣчаемъ и нѣсколькихъ масоновъ. Это и естественно: выдвигая на первый планъ вопросы нравственнаго усовершенствованія, они могли, подобно Карамзину, думать, что народъ въ состояніи достигнуть высокой степени нравственности и при существованіи крѣпостнаго права, и вмѣстѣ съ нимъ утверждать, что свободу нужно «завоевать въ своемъ сердцѣ». Защитниками крѣпостнаго права среди масоновъ были какъ люди безукоризненно честные, которыхъ, по ихъ нравственнымъ достоинствамъ, можно сравнить съ Шишковымъ (таковъ былъ И. В. Лопухинъ), такъ и рѣшавшіе этотъ вопросъ съ исключительно эгоистической точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, Поздѣевъ.

И. В. Лопухинъ, человѣкъ идеально честный, не выпрашивавшій себѣ подачки въ царствованіе Императора Павла, несмотря на расположеніе къ нему государя въ первое время царствованія, всегда прямо высказывавшій свое мнѣніе, постоянно помогавшій бѣднымъ и нищимъ, рѣшительно стоялъ за крѣпостное право, былъ противъ всякаго ограниченія помѣщичьей власти, такъ что находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ Импе-

ратора Павла о трехдневной барщинѣ. Назначенный въ концѣ 1806 году для наблюденія за внутреннимъ спокойствіемъ и тишиною въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, при собраніи земскаго войска или милиціи, онъ въ донесеніи государю энергично протестовалъ противъ того, что въ данной по этому случаю инструкціи было прямо сказано, чтобы для сбора и ученія милиціи было назначено два дня въ недѣлю, именно изъ числа опредѣленныхъ для помѣщичьей работы. Лопухинъ самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ государя, чтобы при этомъ не возобновлялся «указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ *не сходно съ этою пользою,* указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его (намекъ на волненія крестьянъ при Павлѣ, вызванныя именно чрезмѣрностью помѣщичьей власти), и который, смѣю сказать, *хорошо что оставался какъ бы безъ исполненія*». «Въ Россіи, — продолжаетъ Лопухинъ, — ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дорожившъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было... Я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойствія, какъ разслабленіе оной связи». Засѣдая въ московскомъ сенатѣ, Лопухинъ также являлся строгимъ консерваторомъ въ дѣлахъ относительно людей, ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Такъ какъ освободительныя стремленія императора были извѣстны, то многіе высшіе представители служебной іерархіи, даже не раздѣлявшіе взглядовъ государя на крестьянскій вопросъ, старались, все-таки, къ нимъ прилаживаться: поэтому и московскіе сенаторы рѣшали дѣла въ пользу ищущихъ вольности, если даже такое рѣшеніе не соотвѣтствовало буквѣ закона; напротивъ, Лопухинъ всегда стоялъ за строгое его соблюденіе. Когда министръ юстиціи предложилъ, чтобы при рѣшеніи подобнаго рода дѣлъ не обращали вниманія на законъ о десятилѣтней давности, то Лопухинъ протестовалъ противъ этого предложенія на томъ основаніи, что министръ безъ указа государя не можетъ перемѣнить законовъ. Если не признавать десятилѣт-

ней давности, замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ, то нужно не признавать никакихъ сроковъ,—кто же останется тогда крѣпостными? «И такъ, взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно, не допуститъ. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ станутъ производить иски о вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеніемъ на нее, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутьями, ссылками, ежели не висѣлицами, что также бывало». Замѣчанія эти въ извѣстной степени основательны: дѣйствительно, нужно было не болѣе мягкое толкованіе существующихъ законовъ, которое могло совершенно исчезнуть при иномъ настроеніи правительства, а изданіе новыхъ, болѣе благопріятныхъ для крестьянъ. Но было бы ошибочно думать, что самъ Лопухинъ смотрѣлъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, что онъ не желалъ различными палліативами отдалять категорическое рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Нѣтъ, онъ считалъ крѣпостное право недбходимымъ для Россіи при данномъ нравственномъ состояніи народа, упуская изъ виду, какой тормазъ относительно улучшенія его нравственности составляетъ неограниченная помѣщичья власть. Онъ, напротивъ, думалъ, что господа имѣютъ благотворное вліяніе на своихъ крѣпостныхъ, но бѣда въ томъ, что для прочнаго нравственнаго усовершенствованія необходимо и извѣстное умственное развитіе, которое было невозможно безъ развитія народнаго образованія, а давать образованіе крѣпостнымъ, по справедливому замѣчанію Сперанскаго, было бы просто жестокостью. Вновь повторяя, что онъ первый, можетъ быть, желаетъ, «чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка», онъ, однако, прибавляетъ: «*но народъ требуетъ обузданія и для собственной ею пользы;* для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобы начальники губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество или пристрастіе и столько же бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство». Такимъ образомъ, если бы правительство стало дѣйствовать согласно съ желаніями Лопухина, то оно должно было бы не только отмѣнить законъ Императора Павла о трехдневной барщинѣ, но и обставить предписаніе, данное намѣстникамъ въ учрежденіяхъ о губерніяхъ, объ

обузданіи тиранства и жестокости такими оговорками, которыя сдѣлали бы его совершенно недѣйствительнымъ; и при довольно обширныхъ правахъ, данныхъ въ этомъ отношеніи губернаторамъ, помѣщики, повинные въ самомъ вопіющемъ обращеніи съ крестьянами, все-таки, кричали иной разъ о притѣсненіи, когда ихъ подвергали за то отвѣтственности. Лопухинъ, какъ мы уже упоминали, строго примѣнялъ къ дѣлу свои взгляды въ качествѣ сенатора: такъ, онъ настаивалъ на укрѣпленіи за помѣщикомъ, на основаніи закона, дѣтей, прижитыхъ солдатками безъ мужей и воспитанныхъ въ ихъ вотчинахъ; протестовалъ также противъ разсмотрѣнія жалобы крѣпостнаго крестьянина, такъ какъ крѣпостнымъ запрещено подавать жалобы и доносы, кромѣ первыхъ двухъ пунктовъ.

Другой вліятельный масонъ того времени, Поздѣевъ, былъ завзятымъ крѣпостникомъ изъ совершенно эгоистическихъ разсчетовъ: онъ не только, подобно Лопухину, вооружался противъ какого бы то ни было ограниченія крѣпостнаго права, но и прямо былъ дурнымъ помѣщикомъ. Въ Вологодской губерніи, Кадниковскомъ уѣздѣ, у Поздѣева было имѣніе, купленное имъ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Его крестьяне, въ челобитной на имя Императора Павла, разсказываютъ, что помѣщикъ сначала, сверхъ оброка, обременялъ ихъ многими постройками, затѣмъ, переселивъ одну деревню, устроилъ на этомъ мѣстѣ стеклянный заводъ, и, кромѣ другихъ работъ, потребовалъ, чтобы каждый мужчина, отъ 15 до 70 лѣтъ, ставилъ для завода ежегодно по 30 саженъ дровъ, да по 30 четвертей золы. Наконецъ, онъ переселилъ на другое мѣсто 15 человѣкъ, да, кромѣ того, многихъ продалъ въ рекруты. Тогда не мало крестьянъ отъ тяжелыхъ работъ, суровыхъ наказаній и всяческихъ притѣсненій разбѣжалось изъ вотчины. Это не заставило Поздѣева нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ крѣпостнымъ; напротивъ того, чтобы попрежнему удовлетворять надобностямъ завода, онъ еще болѣе увеличилъ повинность, а именно: съ каждаго тяглаго работника сталъ требовать по 3 четверти золы и по 3 сажени дровъ *въ недѣлю*, а за неисполненіе урока сурово ихъ наказывалъ. Свидѣтели, удостовѣрившіе справедливость этихъ показаній, прибавили, что крестьяне Поздѣева «пришли въ крайнюю бѣдность», не имѣютъ «дневнаго пропитанія», одежды и обуви, ходятъ по міру, не имѣя возможности исполнять работъ въ свою пользу и потому ихъ дома и поля «пришли въ запу-

стѣніе». 31 декабря 1796 г., разсказываютъ далѣе крестьяне въ своей челобитной, пріѣхалъ помѣщикъ на стеклянный заводъ съ пучками палокъ и кнутьевъ, сталъ нѣкоторымъ сбривать волосы на головѣ и хотѣлъ всѣхъ пересѣчь, но они не дались.

Поздѣевъ объяснилъ это ослушаніе крестьянъ не чрезмѣрностью возложенныхъ на нихъ работъ, а исключительно вліяніемъ распространившейся молвы, что крѣпостныхъ заставляютъ присягать новому государю (чего прежде не было), потому что впредь они будутъ не за помѣщиками, а за государемъ («все будетъ государщина»), хотя нельзя, впрочемъ, отрицать, что этотъ слухъ также имѣлъ на нихъ вліяніе. Когда же Поздѣевъ хотѣлъ арестовать одного изъ главныхъ зачинщиковъ, то въ ту же ночь около 70 человѣкъ вломилось къ нему въ домъ съ полѣньями, и ему съ трудомъ удалось ихъ успокоить. Привезенный помѣщикомъ исправникъ съ двумя старыми солдатами, единственными стражами общественнаго спокойствія въ уѣздномъ городѣ, арестовалъ главныхъ зачинщиковъ, но крестьяне освободили ихъ, и представителю мѣстной администраціи пришлось даже обратиться въ бѣгство. Поздѣевъ, воспользовавшись тѣмъ, что его собратъ по масонству, Лопухинъ, былъ это время въ большой милости у государя, поспѣшилъ отправить къ нему письмо, гдѣ сильно преувеличивалъ народное движеніе и требовалъ присылки на постой въ Вологодскую губернію цѣлаго полка. «Въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, *весьма похожій на пугачевскій*,—инсинуировалъ онъ,—ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ времени Пугачева духа—*дабы не было дворянъ*, да и теперь же у нихъ слышится, что и *городовъ не будетъ, что есть точно иллюминантическій духъ* (sic) безначальства и независимости, распространившійся, какъ знаете, по всей Европѣ; если не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребителенъ». Поздѣевъ просилъ Лопухина ходатайствовать у государя, чтобы скорѣе послали къ нимъ хотя одинъ баталіонъ, а то трехъ солдатъ, присланныхъ къ нему губернаторомъ, недостаточно для его охраненія. «Спокойство здѣшняго края, — говоритъ онъ, — требуетъ такого *экзекутнаго духа*, каковъ есть государевъ для присылки помянутой команды». Поздѣеву все грезилась пугачевщина; по его словамъ, крестьяне, «напоенные желаніемъ безначальства, уже готовы»; однако, предсказанія его не сбылись, и князю Рѣпнину, посланному для усмиренія возстанія, не пришлось въ этой мѣст-

ности прибѣгать къ оружію: кадниковскіе иллюминаты, при первомъ увѣщаніи оставить свои заблужденія, пали на колѣни и просили прощенія, которое и было имъ даровано.

Господинъ, такимъ образомъ, относящійся къ крестьянамъ, несмотря на нравственныя доблести, требуемыя масонскимъ орденомъ, къ которому онъ принадлежалъ, не могъ, конечно, быть сторонникомъ уничтоженія крѣпостнаго права. Даже въ тяжелое время 1812 г., среди всѣхъ страданій, принесенныхъ войною. Поздѣева всего болѣе тревожатъ слухи объ освобожденіи крестьянъ, какъ это видно изъ его длинныхъ посланій, которыя, по справедливому замѣчанію одного ученаго, «представляютъ пеструю смѣсь натянутаго и туманнаго мистицизма, лести, заискиванія и самаго положительнаго обскурантизма». Но эти вопли завзятаго крѣпостника, хотя бы и въ частной перепискѣ, могли приносить извѣстную долю вреда, такъ какъ Поздѣевъ считался въ это время главою старыхъ масоновъ и къ нему относились съ большимъ уваженіемъ многія лица изъ высшаго круга. Вотъ что писалъ, напр., Поздѣевъ въ сентябрѣ 1812 г. изъ Вологды къ С. С. Ланскому. Упомянувъ о томъ, что будто бы только дворянами и держится повиновеніе народа государю, онъ продолжаетъ: «а дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами французскими и изъ русскихъ, а нынѣ и паче французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, и именно связь государя съ дворянами». На эту же тему и почти тѣми же словами писалъ Поздѣевъ и гр. Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, тогда министру народнаго просвѣщенія, который, сдѣлавшись масономъ, смиренно выслушивалъ длинныя наставленія и разглагольствованія духовнаго главы.

Въ 1814 г., по поводу слуховъ о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства, Поздѣевъ составилъ записку, подъ названіемъ: «Мысли противу дарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы». Такъ какъ записка эта была вызвана слухами «о конституціяхъ», то авторъ говоритъ не только о крестьянскомъ вопросѣ, но также и о вредѣ свободныхъ учрежденій. Прежде всего, подобно другимъ консерваторамъ, онъ указываетъ на то, что людямъ слѣдовало бы позаботиться, прежде всего, о пріобрѣтеніи внутренней свободы, т.-е. избавиться отъ своихъ пристрастій, пороковъ и пр. «Мнимо гражданская свобода, —

продолжаетъ онъ, — вредна, пагубна, бунтующа и, особливо въ государствахъ большихъ пространствъ, никакъ неудобна и неспособна»; она только разрушитъ связь и зависимость между тремя состояніями, составляющими какъ бы одно дерево: корнемъ, или крестьянами, стеблемъ, или купцами, и вѣтвями и плодами, т.-е. дворянами. Крестьяне, если ихъ освободить, станутъ гораздо менѣе заниматься тяжелою земледѣльческою работою, будутъ бросать ее при первой возможности: и теперь, разбогатѣвъ, они переходятъ въ купеческое сословіе. «Кто же будетъ ограждать государя и стоять за отечество, — спрашиваетъ Поздѣевъ,—не имѣя собственности въ земляхъ и въ людяхъ?» Владѣніе капиталами не привязываетъ такъ къ государству, какъ владѣніе населенными землями, ибо первое легко перевести въ другое мѣсто. Поздѣевъ увѣряетъ, будто дворяне научили крестьянъ обрабатывать и удобрять землю, а безъ этого имъ, какъ при прежнихъ царяхъ, было бы нечѣмъ «малаго числа податей заплатить»; дворяне курятъ и вино, отъ котораго государство получаетъ большой доходъ. По словамъ автора, крестьяне, получившіе свободу, работаютъ весьма лѣниво, а обѣднѣвъ, дѣлаются рабами богатыхъ крестьянъ и не могутъ освободиться изъ этого тяжелаго ярма; между тѣмъ, дворяне оказываютъ помощь своимъ крѣпостнымъ во время неурожая, пожара и другихъ бѣдствій. Освобожденіе крестьянъ было бы крайне вредно и потому, что помѣщики составляютъ полицеймейстеровъ, разсѣянныхъ по всему пространству государства, и если бы ихъ не было, то невозможно было бы поддерживать въ немъ спокойствіе и повиновеніе правительству. Поздѣевъ указываетъ, что и въ Западной Европѣ существуетъ лишь кажущаяся свобода крестьянъ, и беретъ для примѣра Англію. «Тамъ ошибочно называемые вольные въ такомъ состояніи, что онъ имѣетъ парусинный кафтанъ, рубашку, чулки и деревянные башмаки; и если онъ который день урока не выработаетъ, то ему ѣсть нечего. Даже множество есть холостыхъ, потому только, что жену кормить нечѣмъ. Какіе же это вольные? А взять и въ другихъ государствахъ поселянъ, имѣющихъ землю: они... родъ здѣшнихъ маленькихъ помѣщиковъ, ибо обрабатываютъ свою землю бѣдными крестьянами, у коихъ этой земли нѣтъ; то они у нихъ работаютъ или по нуждѣ... или закабалены на время, а потому, какіе же это вольные?» Подобныя замѣчанія были, дѣйствительно, вѣскимъ возраженіемъ противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ, но

авторъ старается увѣрить, что и наши экономическіе, дворцовые и удѣльные крестьяне и вольные хлѣбопашцы находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостные, и въ доказательство указываетъ на то, что помѣщикъ справедливѣе распредѣляетъ рекрутскую повинность, а у крестьянъ не крѣпостныхъ міроѣды притѣсняютъ людей бѣдныхъ и одинокихъ. Не даромъ и Императрица Екатерина прикрѣпляла къ землѣ и малороссіянъ. Проповѣдь уничтоженія крѣпостнаго права Поздѣевъ, подобно другимъ консерваторамъ, объясняетъ подстрекательствомъ со стороны враговъ Россіи, которые чувствуютъ, что ее «ничѣмъ другимъ раздробить нельзя, какъ этою свободою», и стараются, распространяя слухи объ освобожденіи, произвести въ народѣ волненія. Необходимо оставить крестьянъ въ прежнемъ положеніи,—таковъ выводъ Поздѣева изъ всѣхъ его разсужденій. «Да останемся въ тихости, не желая вѣрителей народныхъ, или депутатовъ, какъ то было при покойной Екатеринѣ II. Тогда, во время бунта, увидѣла сама, что всѣ крестьяне возстали противъ нея и посадили раскольника на престолъ, а за нее были только дворяне; удержавъ съ ихъ помощью власть, она сама стала утверждать за дворянами собственность въ людяхъ и земляхъ. Не нужно слишкомъ много цеховыхъ и художниковъ: коренныя ученія весьма просты, немногословны и основаны на правилахъ доброй жизни, а безъ того распространяемыя ученія подаютъ способы и средства къ умничанью и къ разнымъ затѣямъ, дабы фальшивыми правилами людей морочить; къ чему можно весьма отнести и тѣхъ людей, кои съ плеча проповѣдуютъ о мнимой гражданской свободѣ», между тѣмъ какъ изо всѣхъ этихъ «конституціевъ» не выходитъ никакого толка. Особенно вредно распространеніе «учености» среди крестьянъ, которые должны только знать, что нужно «не лгать, не воровать и не обманывать, не пьянствовать, а повиноваться властямъ». Нельзя допускать всякаго стремиться къ перемѣнѣ своего состоянія: «позволять, чтобы ноги поднимались выше рукъ, или паче выше головы, есть сущій безпорядокъ».

Тѣ же идеи повторяетъ Поздѣевъ и въ своихъ письмахъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому 1818 г. и къ С. С. Ланскому 1817 г. (послѣдній сообщалъ ему ходившіе въ то время слухи о близкомъ освобожденіи крестьянъ). Не передавая уже извѣстнаго намъ, отмѣтимъ только одну черту, проглядывающую, хотя не такъ откровенно, и въ только что изложенной

запискѣ: мы разумѣемъ самое высокомѣрное презрѣніе къ русскому простому народу, на котораго Поздѣевъ смотрѣлъ, какъ на какого-то дикаго звѣря. Повторяя свою прежнюю мысль о важномъ значеніи для государственнаго спокойствія власти помѣщиковъ, этихъ прирожденныхъ «полицеймейстеровъ», авторъ говоритъ: «Россія такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмирить»... «Россія не то, что Польша еще. Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ». Въ этомъ циническомъ презрѣніи къ народу крѣпостникъ Поздѣевъ, старающійся во всемъ быть ультра-русскимъ, совершенно сходится съ бар. Унгернъ-Штернбергомъ, который такъ любовно рекомендовалъ картечь вмѣсто всякихъ уговариваній народа во время волненій.

Какъ и многіе другіе консерваторы, Поздѣевъ считалъ нашъ народъ неподготовленнымъ къ дарованію ему свободы: онъ требовалъ отъ него предварительно освобожденія внутренняго, освобожденія отъ его слабостей и пороковъ, какъ будто это когда-нибудь возможно. Карамзинъ также считалъ необходимымъ, чтобы просвѣщеніе народа предшествовало его освобожденію. Какъ напоминаетъ это взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые также усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что извѣстный строй общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоятельно необходимой и плодотворной работы. Однимъ изъ проповѣдниковъ такихъ идей былъ Достоевскій; ихъ рабски повторяютъ и его восторженные поклонники. «Пока темная основа нашей природы, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—злая въ своемъ исключительномъ эгоизмѣ и безумная въ своемъ стремленіи осуществить этотъ эгоизмъ, все отнести къ себѣ и все опредѣлить собою,—пока эта темная основа у насъ на лицо не обращена, и этотъ первородный грѣхъ не сокрушенъ, до тѣхъ поръ невозможно для насъ никакое настоящее *дѣло* и вопросъ, *что дѣлать*, не имѣетъ разумнаго смысла. Представьте себѣ толпу людей, слѣпыхъ, глухихъ, увѣчныхъ, бѣсноватыхъ, и вдругъ изъ этой толпы раздается вопросъ: что дѣлать? Единственный разумный здѣсь отвѣтъ: ищите исцѣленія»... «Человѣкъ считаетъ себя сильнымъ, но онъ

во власти чужихъ силъ: онъ гордится своею свободою, но онъ рабъ внѣшности и случайности» *). Развѣ не то же говорилъ Поздѣевъ, обличая тѣхъ людей, которые «съ плеча проповѣдуютъ о мнимой гражданской свободѣ, не зная того, что они *сами въ себѣ свободы не имѣютъ и съ собою въ своихъ стремленіяхъ и умничаніяхъ не сладятъ*»? И этотъ самый проповѣдникъ нравственнаго улучшенія, какъ мы видѣли, жестоко обращался съ крестьянами, чрезмѣрно обременялъ ихъ повинностями и распродавалъ въ рекруты. Не то же ли думалъ и Карамзинъ? Въ одной замѣткѣ, въ его записной книгѣ, сказано: «Либералисты! чего вы хотите? Счастья людей! Но есть ли счастье тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощью Божіей. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію». И проповѣдникъ этихъ истинъ съ «миромъ совѣсти» и полнѣйшимъ довѣріемъ къ Провидѣнію приказывалъ сѣчь своихъ крѣпостныхъ кликушъ. Этими указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго застоя поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣева, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т.-е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не причинами экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его наклонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма.

Мы привели мнѣніе двухъ старыхъ масоновъ—Лопухина и

*) *Владиміръ Соловьевъ*: „Объ истинномъ дѣлѣ (въ память Достоевскаго)“, въ газетѣ *Русь* 1883 г., № 6, стр. 25.

Поздѣева по крестьянскому вопросу и убѣдились, что и тотъ, и другой были горячими противниками ограниченія помѣщичьей власти. Мы полагаемъ, что такихъ же мнѣній держалось и большинство масоновъ, по крайней мѣрѣ, старой школы, среди которыхъ и Лопухинъ, и Поздѣевъ имѣли большое вліяніе. Но если вѣрить свидѣтельству Н. И. Тургенева, были и между масонами люди, иначе смотрѣвшіе на этотъ предметъ. «Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что, поработавъ надъ распространеніемъ народнаго образованія, масонскія общества непремѣнно обратили бы свое вниманіе и свои усилія къ освобожденію крѣпостныхъ... Въ этомъ можно тѣмъ менѣе сомнѣваться, что въ ихъ журналахъ, какъ и въ произведеніяхъ (certaines écrits) нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ, встрѣчаются столь же справедливыя, какъ и остроумныя нападки на рабство, это ужасное учрежденіе». «Узнавъ нѣсколько вліятельныхъ членовъ этого общества,—продолжаетъ Тургеневъ,—я могъ изъ бесѣдъ съ ними убѣдиться, что если они не занялись освобожденіемъ крестьянъ во время своей филантропической горячки, то лишь потому, что тогда эта идея не волновала умы (Тургеневъ, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь дѣятельность Новикова и его кружка въ царствованіе Екатерины II), но они не выражали отвращенія къ эмансипаціи, какъ большинство русскихъ помѣщиковъ. Съ ними можно было, по крайней мѣрѣ, разсуждать объ этомъ остромъ вопросѣ... для ихъ убѣжденія приходилось выдвигать христіанство, и тогда они сдавались какъ честные люди и добрые христіане». Какъ мы видѣли изъ мнѣній Лопухина и Поздѣева, во-первыхъ, далеко не всѣ масоны были таковы, какъ говоритъ Тургеневъ, а, во-вторыхъ, въ разсматриваемую эпоху крестьянскій вопросъ сильно занималъ масоновъ, но только наиболѣе вліятельные представители старой школы высказывались относительно его съ ультра-консервативной точки зрѣнія. Если Тургеневу масоны казались болѣе склонными къ освобожденію крестьянъ, то не объясняется ли это тѣмъ, что Н. И. Тургеневу пришлось ближе узнать членовъ новой школы, послѣдователей Шредера и Феслера, къ которымъ старые масоны относились съ злобою и проклятіемъ и не прочь были и поинсинуировать противъ нихъ лицамъ, власть имѣющимъ? Извѣстно, что и Сперанскій, находившій необходимымъ улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, а затѣмъ и совершенно уничтожить крѣпостное право, былъ поклонникомъ Феслера, и потому, когда до Поздѣева дошла вѣсть о ссылкѣ этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго госу-

дарственнаго дѣятеля, онъ поспѣшилъ указать Разумовскому, что Сперанскій «не изъ братьевъ (т.-е. старыхъ масоновъ), а съ Феслеромъ хотѣли свое завести».

Мы познакомились въ этой главѣ съ представителями двухъ направленій русской мысли въ эпоху Александра I: Сперанскій ставилъ на первый планъ реформы политическія, и, ясно сознавая необходимость уничтоженія крѣпостнаго права, не думалъ, однако, особенно спѣшить съ рѣшительными мѣрами въ этомъ направленіи; другіе, какъ Карамзинъ, Шишковъ, Лопухинъ, Поздѣевъ, считали крѣпостное право необходимымъ при данномъ состояніи народа; къ нимъ примыкалъ гр. Ростопчинъ и нѣкоторые другіе. Многіе представители того и другаго направленія имѣли возможность защищать свои взгляды письменно или устно предъ самимъ государемъ, который опасался сильнаго противодѣйствія консерваторовъ, быть можетъ, и преувеличивая значеніе нѣкоторыхъ изъ ихъ доводовъ, и все откладывалъ исполненіе своихъ освободительныхъ плановъ.

Но, кромѣ двухъ указанныхъ направленій, въ крестьянскомъ вопросѣ было еще и среднее теченіе, представители котораго желали не уничтоженія крѣпостнаго права, а только его смягченія, обращенія въ прикрѣпленіе къ землѣ. Однимъ изъ общественныхъ дѣятелей разсматриваемой эпохи, такимъ образомъ смотрѣвшимъ на вещи, былъ уже извѣстный намъ В. Н. Каразинъ, черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Александра I подбросившій во дворцѣ анонимную записку съ различными либеральными совѣтами и увѣщаніями молодому государю и затѣмъ, въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ, пользовавшійся его большимъ расположеніемъ. Въ это время онъ принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи и обработкѣ многихъ проектовъ относительно народнаго образованія. Кромѣ того, благодаря его хлопотамъ и вліянію, былъ учрежденъ харьковскій университетъ, такъ какъ онъ уговорилъ мѣстныхъ помѣщиковъ и купцовъ сдѣлать весьма крупныя пожертвованія съ этою цѣлью. Утративъ расположеніе государя, Каразинъ поселился въ своемъ харьковскомъ имѣніи и занялся устройствомъ быта крестьянъ на новыхъ началахъ, такъ какъ еще въ первой своей запискѣ Императору Александру онъ требовалъ ограниченія крѣпостнаго права.

Реформы Каразина въ его имѣніи обратили на себя вниманіе слободско-украинскаго губернатора Бахтина, который обратился къ нему съ просьбой сообщить о нихъ подробныя свѣдѣнія. Ка-

разинъ отвѣчалъ на это въ началѣ 1810 г. весьма обширнымъ посланіемъ, обстоятельно знакомящимъ насъ со взглядами его на крестьянскій вопросъ *).

Въ началѣ письма Карамзинъ говоритъ, что еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1792 г. вступилъ въ управленіе наслѣдственнымъ имѣніемъ, т.-е. съ 19-тилѣтняго возраста, его занимала извѣстная задача, объявленная въ 1766 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ о правѣ собственности. «Но мысли мои въ то время,— продолжаетъ онъ. — были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ ложныхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерній нашихъ, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы». Теперь авторъ отказался отъ прежнихъ мечтаній «о вольности неограниченной» и считаетъ «власть» не «выраженіемъ общей воли (которая прямо *общею* никогда быть и не можетъ), но излiяніемъ самаго божества, которое на *единоначаліи* и нисходящей подчиненности основало всю природу». Далѣе въ черновой, болѣе полной редакціи, авторъ указываетъ на преимущества наслѣдственной монархіи, но, въ то же время, желаетъ для подданныхъ свободы заявлять свое мнѣніе. «Для узнанія общественныхъ нуждъ, — говоритъ онъ. — достаточно въ помощь единовластію дать *общественное мнѣніе,* т.-е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи не въ парламентахъ и площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и скромныхъ бесѣдахъ въ печати (это исключено во второй редакціи). Но единоначаліе нужно не только при управленіи всѣмъ государствомъ: въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ его великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и, слѣдовательно, помѣщики для благосостоянія селеній земледѣльческихъ столько же нужны **), сколько монархъ для подданныхъ вообще, и *также точно дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властью верховною*» ***). Придавая такое огромное значеніе помѣщичьей власти,

*) Оно извѣстно намъ въ двухъ редакціяхъ: черновой и той, въ которой оно было отправлено къ Бахтину; списокъ съ послѣдней авторъ поднесъ и кн. Ад. Чарторыжскому „въ доказательство глубочайшаго почтенія и полной довѣренности къ его просвѣщенію и сердцу".

**) Во второй редакціи сказано: „*почти* столько же нужно".

***) Словъ, набранныхъ курсивомъ, нѣтъ во второй редакціи.

Каразинъ сходится съ крѣпостниками во мнѣніи, будто бы казенные крестьяне менѣе полезны для государства, чѣмъ крѣпостные; среди нихъ чаще недоимки, они менѣе змнимаются земледѣліемъ, болѣе предаются тяжбамъ и пьянству. Переходя къ задачѣ вольнаго экономическаго общества, авторъ указываетъ на затруднительность обратить крестьянина въ собственника земли: нельзя же сдѣлать «истинную несправедливость», отнявъ землю у помѣщиковъ, а для покупки ея государство не имѣетъ средствъ. Или оставить помѣщикамъ землю, а крестьянъ отпустить въ степи и пустыни? Но возможно ли это и что будутъ дѣлать помѣщики со своими землями? Право собственности важно, — оно возбуждаетъ трудолюбіе, но, съ другой стороны, крайне важенъ и полезенъ «просвѣщенный надзоръ за работою». Изъ этого, однако же, не слѣдуетъ, по мнѣнію Каразина, чтобы нужно было поставить работниковъ въ неограниченную зависимость отъ хозяевъ. Много было писано съ половины XVIII вѣка о злоупотребленіяхъ власти, но указано ли на пользу ея и неужели нѣтъ средствъ сдѣлать ее безвредною? «Помѣщика разумѣю я,—говоритъ Каразинъ, — наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ земли для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ (поселянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, *онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*». Несмотря на нѣкоторое преувеличеніе значенія и власти помѣщика, въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое сознаніе того, что населенныя имѣнія въ Россіи не составляютъ безусловной собственности помѣщиковъ, что владѣніе ими сопряжено съ извѣстными обязательствами относительно государства,—обязательствами, которыя не прекратились и съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы государству. Каразинъ желаетъ даже уничтожить наиболѣе ненавистную форму крѣпостнаго права, т.-е. личное рабство. Онъ заявляетъ Бахтину, что не разсматриваетъ своихъ «людей, какъ собственность», и не находитъ нужнымъ считать зависимость, въ которой находятся его поселяне, рабствомъ въ томъ прямомъ значеніи слова, какой ему придаютъ англичане въ своихъ колоніі

Поселяне,—говоритъ онъ,—«мнѣ принадлежатъ, но не въ иномъ смыслѣ, какъ дѣти принадлежатъ своимъ отцамъ и подданные во всякомъ монархическомъ правленіи своимъ государямъ. Самая продажа помѣстьевъ въ отношеніи къ людямъ, на нихъ поселеннымъ, есть ли что другое, какъ уступка права управленія, отрѣшеніе отъ онаго въ пользу другаго лица?» Это много разъ. говоритъ Каразинъ, дѣлалось въ Западной Европѣ относительно цѣлыхъ областей, не возбуждая и мысли о продажѣ при этомъ людей, подобно вещамъ или безсловеснымъ животнымъ. Онъ спѣшитъ, однако, оговориться, что весьма далекъ «отъ понятія законопреступной свободы» и что онъ «не токмо не колеблетъ нынѣ существующихъ отношеній помѣщика къ поселянамъ. но утверждаетъ ихъ еще на очевиднѣйшихъ началахъ», а чтобы отдѣленіе владѣнія своимъ имѣніямъ отъ власти начальника было не мнимое, а дѣйствительное, необходимо точно опредѣлить повинности крестьянъ. Для того, чтобы денежный оброкъ не былъ произвольнымъ, нужно было найти неизмѣнный масштабъ для оцѣнки земли, поступающей въ «собственность» поселянъ и вносимыхъ за нее повинностей; Каразинъ взялъ такимъ масштабомъ день земледѣльческой работы, оцѣняемый по средней стоимости его за послѣднія пять лѣтъ. Въ 1805 г., на основаніи показаній своихъ и сосѣднихъ крестьянъ и хозяйственныхъ вѣдомостей, онъ опредѣлилъ среднюю цѣну дня земледѣльческой работы въ 30 коп. «на собственныхъ харчахъ работника», а затѣмъ высчиталъ цѣну десятины хорошей пахотной земли, десятины сѣнокоса, лѣса, употребленнаго на усадьбу, дровъ и пр. Каждый, достигшій совершеннолѣтія «поселянинъ», а также и сирота, хотя бы несовершеннолѣтній, получаетъ въ наслѣдственное пользованіе опредѣленный надѣлъ: ½ дес. земли подъ усадьбу, 7½ дес. пахотной и 1 дес. сѣнокоса, слѣдовательно, всего 9 десятинъ, по его желанію—въ одной ли межѣ, или въ разныхъ мѣстахъ по раздѣленію полей; владѣльцу выдается и планъ отведеннаго ему участка. За предоставляемый ему ежегодно въ пользованіе капиталъ въ видѣ земли и усадьбы, считая по 6%, а также за дрова и проч., крестьянинъ, по разсчету Каразина, долженъ былъ работать на него 150 дней въ году, или платить по оцѣнкѣ 1805 г. 45 рублей *). Сообщая этотъ разсчетъ, Каразинъ обращаетъ вниманіе на то, что онъ совершенно согла-

*) За соотвѣтственныя повинности крестьянинъ могъ требовать и втораго участка пахотной и сѣнокосной земли.

суется съ указомъ Императора Павла о трехдневной барщинѣ, причемъ еще отъ крестьянина не требуется, чтобы онъ непремѣнно отработалъ эти дни, а предоставляется ему уплатить за нихъ деньгами. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, при девятидесятинномъ размѣрѣ надѣла, 45-ти рублевый оброкъ съ тягла былъ несоразмѣрно великъ для того времени. Такой результатъ вычисленія былъ полученъ вслѣдствіе того, что принята была средняя поденная плата, довольно значительная, и, повидимому, не было сдѣлано различія между конными и пѣшими днями, тогда какъ множество сельскихъ работъ, около половины ихъ, производится безъ лошади. Самъ Каразинъ, очевидно, сознавалъ, что опредѣленный имъ оброкъ довольно обременителенъ, такъ какъ онъ ставитъ вопросъ, можетъ ли крестьянинъ отказаться отъ своего надѣла, и рѣшаетъ его отрицательно: «государственный порядокъ требуетъ», чтобы поселяне были земледѣльцами; свою землю отъ считалъ «государственнымъ капиталомъ», ему или его предку пожалованнымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ «приносилъ свой законный процентъ», и считалъ избытокъ, получаемый имъ надъ вольною арендною платою, жалованьемъ, обязательно вносимымъ ему сельскимъ обществомъ, надъ которымъ онъ поставленъ высшимъ правительствомъ. По прошествіи десяти лѣтъ со времени полученія участка, поселянину позволяется закладывать или даже продавать его, но только или русскимъ жителямъ той же вотчины, или поступающему при самомъ пріобрѣтеніи участка въ число поселянъ. Каразинъ предвидитъ, что не найдется желающаго пріобрѣсти землю, обложенную ежегодною повинностью по 5 руб. съ десятины; но онъ увѣряетъ, во-первыхъ, что такая десятина даетъ 15 и болѣе рублей чистаго дохода, забывая, что участокъ въ сосѣднемъ казенномъ селеніи, при меньшей арендной платѣ, принесетъ еще болѣе, а, во-вторыхъ, указываетъ на то, что при его системѣ повинность остается неизмѣнною и потому, когда, быть можетъ, черезъ полвѣка пользованіе землею, вмѣсто 150, должно было бы оплачиваться 200—300 дней работы, будетъ выгодно передать ее за прежнюю повинность 150 дней. Слѣдовало бы, однако, оговориться, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣна на трудъ весьма повысится, а это отразится и на переложеніи натуральной повинности въ денежную, производимомъ каждыя 5 лѣтъ. Слѣдовательно, нельзя не признать, что это возраженіе было плохо опровергнуто Каразинымъ, и онъ напрасно съ гордостью заявляетъ: «все, что я себѣ при учрежденіяхъ

моихъ позволяю», есть только утвержденіе нынѣшнихъ выгодъ помѣщика, а не умноженіе ихъ соразмѣрно населенію; напротивъ, давая крестьянской семьѣ небольшой надѣлъ, онъ требовалъ за нее тяжелой повинности и имѣлъ въ виду постоянно повышать размѣръ оброка по мѣрѣ возвышенія цѣнности работы. Такая, будто бы на законномъ и научномъ основаніи опирающаяся система, должна была тяжелѣе отозваться на крестьянинѣ, чѣмъ прежняя патріархальная (по крайней мѣрѣ, у порядочнаго помѣщика), а, между тѣмъ, онъ наставительно восклицаетъ: «Боже, сохрани насъ, русскихъ дворянъ, имѣть въ виду довести когда-нибудь земледѣльцевъ своихъ до того состоянія, въ которомъ они находятся въ другихъ (слишкомъ превозносимыхъ) краяхъ Европы, состоянія жалостнѣйшаго, гдѣ они, имѣя полную свободу, обязаны скотоподобно работать у того или другаго фермера отъ пѣтуховъ до темной ночи, не зная ни сладкаго отдыха въ семействѣ, ниже другихъ жизненныхъ наслажденій». Система, предлагаемая Каразинымъ, имѣетъ свои достоинства сравнительно съ другими, современными ему мнѣніями по крестьянскому вопросу, но она, при установленной имъ нормѣ повинностей, должна была тяжело отозваться на интересахъ крестьянъ. Впрочемъ, и на основаніи словъ самого Каразина можно заключить, что оброкъ, имъ назначенный, былъ не легокъ; онъ свидѣтельствуетъ, что еще не всѣ изъ нихъ изъявили желаніе вполнѣ замѣнить барщинную повинность денежнымъ взносомъ.

Стремясь сдѣлать всѣхъ своихъ поселянъ землевладѣльцами, Каразинъ, однако же, «терпѣлъ» и мастеровыхъ. Родители могли отдавать своихъ дѣтей въ обученіе мастерству, но безъ всякаго пособія отъ помѣщика. По окончаніи ученія и по достиженіи совершеннолѣтія, мастеровой получалъ усадьбу, но безъ полеваго участка; однако, повинности онъ долженъ былъ нести наравнѣ съ крестьянами, не только тогда, когда онъ поселялся въ своемъ селѣ, но даже и въ томъ случаѣ, если бралъ паспортъ и уходилъ на заработки. Обложеніе мастероваго повинностью, сравнительно болѣе тяжелою, такъ какъ онъ не пользовался землею, составляло, по словамъ Каразина, пеню за устраненіе хлѣбопашества. Дворовые, до поры до времени, остаются въ прежнемъ положеніи, но послѣ они должны быть замѣнены или вольнонаемными слугами, или дѣтьми тѣхъ родителей, которые не будутъ въ состояніи ихъ прокормить и пожелаютъ отдать на «выслугу» помѣщику.

Землю, оставшуюся отъ раздачи, Каразинъ обрабатывалъ вольнонаемными людьми въ ожиданіи того, когда, съ размноженіемъ населенія, ее придется отвести въ надѣлъ; если же весь запасъ будетъ совершенно истощенъ, тогда онъ обратится къ правительству съ просьбою пожаловать пустопорожнія земли для него и для его поселянъ. Обыковенно въ оброчныхъ вотчинахъ вся земля передавалась въ пользованіе крестьянъ, между тѣмъ, Каразинъ, стремясь уничтожить у себя барщину, оставлялъ часть земли въ своемъ личномъ пользованіи.

Въ заключеніе описанія экономическаго быта своихъ крестьянъ, авторъ говоритъ: «Получаемый доходъ не заставляетъ меня раскаяваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды барщины (въ черновой редакціи: «порабощенія барщинскаго») и угнетеніе поселянъ множествомъ мелкихъ сборовъ на сіе сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служитъ одно чистое право собственности». Онъ упоминаетъ затѣмъ, что намѣренъ, по истеченіи нѣкотораго времени, когда его учрежденія докажутъ на дѣлѣ свою полезность, просить верховную власть объ ихъ утвержденіи съ тѣмъ, чтобы они были обязательны и для его наслѣдниковъ (въ случаѣ же преждевременной его смерти, просилъ слободско-украинскаго губернатора сдѣлать это вмѣсто него). Освободившись отъ мелочныхъ хозяйственныхъ заботъ, которыя только обращали бы его въ «надзирателя рабовъ», онъ сдѣлался, по его словамъ, «нравственно свободнымъ, и теперь относительно крестьянъ на немъ лежатъ только обязанности, налагаемыя религіею и правительствомъ, которое, прибавляетъ онъ, хотя и не требуетъ отчета отъ насъ, помѣщиковъ, но строгій взоръ, который оно на насъ съ нѣкотораго времени обращаетъ, даетъ намъ замѣтить, что права какъ пріобрѣтаются, такъ и утверждаются должностями» (т.-е. обязанностями).

Еще въ 1793 г. Каразинъ устроилъ въ своей вотчинѣ сельскую думу, состоявшую изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ поселянами, и самого помѣщика. Съ 1805 г., въ преобразованномъ видѣ, она состояла изъ помѣщика, какъ предсѣдателя, старшаго выборнаго, младшаго выборнаго, который назывался благочиннымъ (помѣщикъ утверждаетъ этихъ людей въ должности и смѣняетъ ихъ, но не ранѣе какъ черезъ годъ); еще въ думѣ присутствуетъ «надзиратель должностей», старый офицеръ, живущій у Каразина на покоѣ и занимающій мѣсто помѣщика во время

его отсутствія, а также при обсужденіи касающихся до него дѣлъ; нерѣдко бываетъ и священникъ. Всѣ постоянные члены этого учрежденія получаютъ жалованье изъ общественной суммы. «Поселяне» Каразина не освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ, по его мнѣнію, они по разуму похожи на дѣтей. Благочинный можетъ, «безъ дальняго изслѣдованія, вслѣдъ за проступкомъ», дать виновному отъ одного до трехъ ударовъ лозою; это же предоставлено всякому хозяину надъ его домашними; но для наказанія десятью ударами и болѣе нуженъ уже приговоръ думы. Поселянамъ было, конечно, не легче отъ того, что оставленіе въ силѣ тѣлесныхъ наказаній основывалось на глубокихъ философскихъ соображеніяхъ Каразина, который считалъ корнемъ всякаго зла упрямство, особенно опасное тамъ, гдѣ развивается понятіе о свободѣ; оно ставитъ своеволіе на мѣсто свободы, а «послѣдствіемъ своеволія должно быть рабство, почему за упрямство, т.-е. малѣйшее умышленное пренебреженіе порядка», и назначено рабское тѣлесное наказаніе. Должникъ, оказавшійся несостоятельнымъ не по своей винѣ, получаетъ пособіе изъ общественной суммы; несостоятельный же «по нерадѣнію *отдается въ рабство* (sic) тому, кому онъ долженъ, и до окончательной выплаты никакой собственности имѣть не можетъ».

Каразинъ возмущается торговлею людьми, какъ вещью, но есть одинъ случай, гдѣ онъ допускаетъ продажу ихъ безъ земли: эта мѣра примѣняется къ поселянину, относительно котораго «общество опытами удостовѣрится, что никакія мѣры не исправляютъ его отъ порока»; такой закоренѣлый преступникъ поручается помѣщику съ тѣмъ, чтобы онъ «устранилъ его изъ села продажею», иначе сказать, чтобы онъ «передалъ его тому *изъ наслѣдственныхъ полицеймейстеровъ государства*, кто еще надѣется обратить» его въ полезнаго подданнаго. Каразинъ оправдывается соображеніемъ, что растлѣнный и другихъ заразить могущій членъ—*отсѣкается*; эта послѣдняя мѣра, къ которой мы должны приступить ради нашей безопасности! «Но и то деньги за проданнаго крестьянина идутъ не помѣщику, а въ общественную казну, такъ какъ на общество падаютъ подати и другіе казенные сборы за удаленнаго изъ него члена. Если покупателя не найдется, то такого поселянина передаютъ губернскому начальству для отправки на поселеніе.

Каразинъ считаетъ, однако, нужнымъ сдѣлать оговорку, чтобы его не заподозрили въ слишкомъ либеральныхъ мнѣніяхъ, и

при этомъ сжато опредѣляетъ свои взгляды на крестьянскій вопросъ. Приведемъ это мѣсто по черновой редакціи, гдѣ оно гораздо полнѣе: можно подумать «изъ непризнанія моего и барщины.... и продажи людей, что я отвергаю вовсе такъ называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ). Напротивъ! Я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить беззаконныя средства къ пріобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобы *злоупотребленія этого права были искоренены, а главнѣйшія изъ сихъ злоупотребленій суть барщина, т.-е. произволъ въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ, какъ вещей.* Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни». Выходъ этотъ изъ крѣпостнаго права состоитъ въ томъ, что всякій, внесшій цѣну 2.000 дней работы, т.-е. по первоначальной оцѣнкѣ—600 руб., получаетъ свободу. Въ имѣніи Каразина была первоначальная школа; дѣтей, кончившихъ въ ней курсъ, родители могли отдавать въ уѣздное училище, и тѣ, которые обнаружатъ тамъ «таланты необыкновенные», должны были получать отпускную, но съ обязательствомъ внести при первой возможности 600 руб. въ общественную сумму.

Окончивъ описаніе всѣхъ введенныхъ имъ въ своемъ имѣніи учрежденій, Каразинъ не безъ гордости спрашиваетъ, согласятся ли его поселяне сдѣлаться работниками англійскихъ фермеровъ, не только лишенныхъ всякой недвижимой собственности, но большею частью и надежды имѣть ее когда-либо? Авторъ оговаривается, впрочемъ, что не считаетъ себя изобрѣтателемъ отдѣленія начальнической власти помѣщика отъ права собственности и заявляетъ, что ему извѣстно множество сельскихъ учрежденій, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ ввелъ въ своемъ имѣніи. Вообще онъ старается рисовать въ розовомъ цвѣтѣ отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ; онъ не отрицаетъ, что у насъ можно встрѣтить дурныхъ дворянъ, но, тѣмъ не менѣе, авторъ въ восторгѣ отъ нашего государственнаго строя: «Политическія истины наши основываются не на парижской энциклопе-

діи, но на энциклопедіи, которая несравненно старѣе,—на Библіи. Цари наши не суть репрезентанты народа,—нелѣпое и вмѣстѣ безчеловѣчное мечтаніе! — но репрезентанты того, который владѣетъ царствами, и ему же хощетъ, даетъ». Въ заключеніе письма Каразинъ предостерегаетъ правительство отъ освобожденія крестьянъ, утверждая, что вліяніемъ, какое правительство можетъ имѣть на помѣщиковъ, «направленіемъ, каковое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, едва ли не болѣе можетъ сдѣлать для пользы народа россійскаго, нежели освобожденіемъ его тѣмъ или другимъ образомъ изъ мнимой неволи». Онъ даже противъ того, чтобы помѣщики освобождали своихъ крестьянъ. «Тѣ изъ насъ мѣлкомѣстныхъ,—говоритъ онъ,—которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя. Провидѣніемъ и коренными законами ихъ отечества на нихъ возложенное, для того, чтобы съ капиталами своими погрязнуть въ лѣности и развращеніи городовъ, чтобы быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго... При отрѣшеніи наслѣдственной зависимости,—продолжаетъ авторъ,—прекратится, правда, возможность къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключится наиобильнѣйшій источникъ благодѣяній человѣчества. Что возвратитъ земледѣльцамъ природныхъ о нихъ попечителей?

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя Каразинъ старается нарисовать картину идиллическихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но, однако, онъ хорошо сознаетъ, что крѣпостное право даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, поэтому онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ, неотъемлемаго владѣнія землею, подъ условіемъ ихъ исправнаго отбыванія, опредѣленія размѣра выкупа, уничтоженія наказаній безъ суда и продажу людей безъ земли. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти мѣры онъ предоставляетъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружается противъ ограниченія крѣпостнаго права закономъ. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ взглядамъ, такъ какъ даже въ эпоху своихъ либеральныхъ увлеченій, какъ видно изъ записки 1801 г., онъ желалъ предоставленія крестьянамъ права собственности и ограниченія ихъ зависимости «не закономъ, но постепенностью обычая». До какой степени онъ не желаетъ вмѣшательства правительства въ отношенія помѣщика къ крестьянамъ, видно изъ то-

го, что онъ готовъ еще допустить жалобу крѣпостныхъ на господина предводителю дворинства, который, конечно, будетъ держать сторону своего собрата, но энергически вооружается противъ дозволенія жаловаться въ общія судебныя учрежденія. Къ числу недостатковъ плана Каразина, кромѣ обременительности установленныхъ имъ денежныхъ повинностей, слѣдуетъ отнести и то, что созданныя имъ учрежденія оставляли слишкомъ много власти помѣщику и отличались значительною искусственностью. Но каковы бы ни были недостатки описаннаго Каразинымъ устройства быта крестьянъ, оно имѣетъ одно громадное достоинство сравнительно съ весьма многими проектами, ему современными: Каразинъ прекрасно сознаетъ невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ и предоставляетъ каждому изъ нихъ опредѣленный надѣлъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что его письмо къ Бахтину не было напечатано въ свое время, но это оказалось бы, вѣроятно, невозможнымъ по цензурнымъ причинамъ: даже при перепискѣ своего посланія Каразинъ опустилъ вовсе или смягчилъ болѣе сильныя мѣста. Тѣмъ не менѣе, оно не осталось вовсе безъ вліянія, такъ какъ самъ авторъ старался распространить копіи съ своего произведенія въ высшихъ сферахъ, какъ это можно заключить изъ поднесенія одной изъ нихъ кн. Чарторыжскому.

Въ своемъ письмѣ къ Бахтину Каразинъ упоминаетъ, что ему извѣстны многія, подобныя его собственному, учрежденія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Что дѣйствительно подобные взгляды не были исключительнымъ достояніемъ Каразина, видно изъ любопытнаго мнѣнія одного украинскаго помѣщика по поводу указа 1816 г. объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ безъ земли, которое мѣстами, и по содержанію, и по языку, до такой степени напоминаетъ произведенія Каразина, что даже первоначально было неосновательно ему приписано.

Обращаясь къ исторіи Россіи, авторъ находитъ, что «*репрезентація народа*—слово столь же безсмысленное, какъ и самая вещь, было неизвѣстно нашимъ предкамъ», хотя тогда и «собирали лучшихъ людей для совѣщанія о пользахъ царства»; они полагали, что власть должна быть необходимо наслѣдственною во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ. Наслѣдственное подчиненіе превращается въ рабство только посредствомъ злоупотребленія. Помѣщикъ «точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха. Вотъ репрезентація... приличнѣе, естественнѣе ре-

презентаціи толпы бурной черни въ закупаемомъ короною парламентѣ. Самодержавіе, наслѣдственное самодержавіе отъ монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающаго дѣтьми, да будетъ залогомъ нашего блаженства; но да имѣетъ оно законы». Да будутъ помѣщики «*особенными государственными чиновниками*, какъ и прочіе репрезентанты великаго монарха для сотней и тысячъ народа; но да учредится надъ ними надзоръ». Существующіе по этому предмету законы нужно исполнять безъ всякаго послабленія.

Важное значеніе разсматриваемаго мнѣнія заключается въ энергическомъ протестѣ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ по поводу подобной мѣры въ Эстляндіи въ 1816 г. «Чудное распредѣленіе: дворянству оставить земли! — восклицаетъ авторъ,—дворянству, которое не можетъ ихъ обрабатывать, которое и воспитывается къ иному назначенію! отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежатъ, поелику въ потѣ лица изъ вѣка оныя воздѣлывалъ! По моему понятію, чуть ли не кроется вопіющая неправда подъ личиною милосердія (замѣчательно мѣткое опредѣленіе остзейской реформы); бѣдный народъ пускаютъ на волю, какъ птицу, какой-нибудь нѣмецкій юристъ устами эстляндскаго дворянина говоритъ ему: «Иди во всѣ страны свѣта, но иди нагъ, безъ подпоры и безъ промысла о тебѣ!... Иди!... и проси нищенски позволенія дворянства воздѣлывать уголокъ земли, которая тебя щедро питала прежде! Но нѣтъ, ты рѣдко и такимъ образомъ для себя можешь ее получить. Ты будешь только наемникомъ у той части собственной твоей братіи, которая найдетъ способы и будетъ имѣть всѣ выгоды обращать тебя въ рабочій скотъ». Благодѣтельныя узы между помѣщикомъ и крестьянами теперь совершенно разорваны, и первый превратился въ «торгаша» своею землею. Негодованіе на обезземеленіе крестьянъ заставляетъ автора высказать слѣдующія замѣчательныя слова, доказывающія, что онъ правильнѣе, чѣмъ всѣ его современники, смотрѣлъ на вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ: «*Земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками* *); сіи два состоянія всегда жили у насъ одно для другаго, и общаго права ихъ на владѣніе землею никогда не оспаривалъ законъ. Верховное неправосудіе было бы отнять то, что кому искони принадлежало. У насъ помѣщики были всегда только распорядителями земли и другихъ угодій, подобно какъ одинъ

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

есть хозяинъ и распорядитель силъ и богатствъ монархіи, хотя назвать по сей причинѣ монархію его лично исключительною собственностью было бы странно». Такимъ образомъ, авторъ ясно понималъ, что помѣщики владѣютъ крестьянами не на гражданскомъ, а на государственномъ правѣ, и даже утверждалъ, что они только «распорядители» населенныхъ земель, исполняющіе извѣстныя обязанности относительно государства. Дальнѣйшіе его взгляды на крестьянскій вопросъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) нужно назначить извѣстную сумму, которую крестьянинъ долженъ внести хотя бы и не помѣщику, а въ государственную казну въ томъ случаѣ, если желаетъ навсегда оставить мѣсто своего рожденія, т.-е. сдѣлаться свободнымъ: это будетъ «обузданіемъ безпутныхъ переходовъ», вредность которыхъ для частнаго и государственнаго хозяйства извѣстна жителямъ Украины; 2) «продажа людей, о которой легко доказать, что она есть отступленіе отъ коренныхъ законовъ россійскаго царства, естественно должна прекратиться на вѣчныя времена»; 3) жалоба поселянъ на помѣщиковъ ихъ должна быть позволена, но, въ отвращеніе своевольствъ, одному только лицу, изъ помѣщиковъ же, назначенныхъ государемъ (или *въ извѣстное нѣкое время,* подобно, какъ жалоба солдатъ допускается при смотрахъ); 4) и во всемъ прочемъ права земледѣльцевъ, на ряду съ другими состояніями, должны быть строго опредѣлены»; между прочимъ, помѣщикъ будетъ имѣть право взять крестьянина къ себѣ въ услуженіе не иначе, какъ предварительно выдавъ ему отпускную. Поэтому нынѣшніе дворовые люди, получивъ свободу по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ услуги ихъ «воспитателямъ», т.-е. помѣщикамъ, должны составлять особый цехъ, подобный цехамъ ремесленниковъ, и приписываться къ городамъ.

Во всѣхъ этихъ требованіяхъ авторъ уже тѣмъ идетъ гораздо далѣе Каразина, что настаиваетъ на общихъ правительственныхъ мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, желаетъ изданія для этого особаго «устава», а не предоставляетъ рѣшенія крестьянскаго вопроса личному усмотрѣнію самихъ дворянъ; точно такъ же Каразинъ не высказалъ бы мысли, что земля есть собственность столько же крестьянъ, сколько и помѣщиковъ. Но между взглядами обоихъ авторовъ есть и черты сходства, какъ, напримѣръ, отрицательное отношеніе къ «репрезентаціи народа», т.-е. къ конституціоннымъ стремленіямъ, взглядъ на помѣщика, какъ на государственнаго чиновника; наконецъ, авторъ разсматриваемаго мнѣнія

стоитъ за предоставленіе помѣщику половины времени крестьянина, причемъ не упоминаетъ о возможности замѣны этой барщины опредѣленнымъ оброкомъ и даже, какъ видно, не желаетъ считать «земледѣльское воздаяніе помѣщикамъ» полезнымъ и для интересовъ государства, какъ средство для поддержанія трудолюбія и уничтоженія вредной праздности. Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, Каразинъ правильнѣе смотрѣлъ на дѣло, стремясь къ совершенному уничтоженію барщины, хотя въ дѣйствительности онъ установилъ черезъ-чуръ высокій размѣръ оброка.

Дѣятельность Каразина по крестьянскому вопросу не ограничивается попытками улучшить бытъ своихъ крестьянъ, описаніемъ принятыхъ имъ мѣръ въ обширномъ посланіи къ Бахтину, наконецъ, распространеніемъ копій съ него. Въ 1818 году онъ печатаетъ въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* за подписью В. К. «Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями», находящагося въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, а затѣмъ издаетъ за полною своею подписью отдѣльною брошюрою съ болѣе общимъ заглавіемъ: «Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ». Въ предисловіи къ нему Каразинъ упоминаетъ, что въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, появляются «опыты сельскихъ уставовъ». Авторъ рѣшается и самъ издать подобный опытъ, въ увѣренности, что «публичное сообщеніе другъ другу» такихъ идей можетъ «наилучшимъ образомъ способствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ», а, слѣдовательно, и самихъ помѣщиковъ. Уставъ этотъ исполняется временно, пока крестьянамъ можно будетъ дать другой, уже 14 лѣтъ «съ пользою» примѣняемый въ слабодско-украинскомъ имѣніи автора. Авторъ заявляетъ, что испрашиваетъ разрѣшенія на изданіе этого послѣдняго устава.

Сравнивая временный уставъ сельца Анашкина съ правилами, изложенными въ письмѣ Каразина къ Бахтину, мы находимъ выгодную сторону перваго въ томъ, что земля не разбивается на отдѣльные участки, а передается въ полномъ составѣ, кромѣ заповѣднаго лѣса и помѣщичьей усадьбы, во владѣніе крестьянъ, слѣдовательно, при этомъ сохраняется общинное пользованіе ею. Передѣлы земли, безъ сомнѣнія, остались въ вѣдѣніи мірской сходки и тѣмъ болѣе неправильнымъ кажется предоставленіе раскладки денежныхъ сборовъ сельской думѣ, которая по этому

уставу состоитъ уже изъ членовъ, не выбираемыхъ крестьянами, а назначаемыхъ помѣщиками. Что касается правъ крестьянъ, то и здѣсь имъ предоставлено выкупаться на свободу и они избавлены отъ продажи, сдачи въ рекруты и поступленія въ дворовые, по усмотрѣнію помѣщика, но все это, однако, допущено по приговору мірской сходки, постановляемому простымъ большинствомъ голосовъ, чего, конечно, не трудно было добиться при той большой власти, которою пользовалась дума не выбираемая, а назначаемая помѣщикомъ. Между тѣмъ, въ уставѣ слабодско-украинскаго имѣнія отдача въ дворовые допускалась лишь по желанію родителей.

Подробный уставъ Каразина не появился, какъ онъ желалъ, въ печати *). безъ сомнѣнія, по причинамъ, отъ автора не зависящимъ. Въ февралѣ 1821 попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа сообщилъ цензурному комитету повелѣніе государя, чтобы «печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся», было запрещено. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ этому распоряженію послужило ходатайство Каразина объ изданіи его полнаго устава; а не задолго передъ тѣмъ съ нимъ случилась и другая, гораздо болѣе серьезная непріятность, о которой мы раскажемъ ниже.

VII.

Крестьянскій вопросъ въ научныхъ сочиненіяхъ: курсъ политической экономіи Шторха; взгляды проф. Шада, Грибовскаго, проф. Арсеньева; книга Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ".

Ко многимъ аргументамъ противъ крѣпостнаго права, высказаннымъ еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II и основывавшимся, главнымъ образомъ, на требованіяхъ нравственныхъ, въ литературѣ эпохи Александра I присоединился еще важный экономическій доводъ: крѣпостной трудъ гораздо менѣе производителенъ, чѣмъ свободный, и потому уничтоженіе крѣпостнаго права будетъ выгодно для самихъ помѣщиковъ. Впервые наша читающая публика узнала эту мысль изъ классическаго труда Адама Смита, который появился въ русскомъ переводѣ въ самые первые годы царствованія Императора Алек-

*) Только два небольшихъ мѣста изъ него были приведены Каразинымъ въ его рѣчахъ въ харьковскомъ филотехническомъ обществѣ, напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1811 и 1813 гг.

сандра I и который имѣлъ большое вліяніе на наше общество: знакомство съ этимъ произведеніемъ считалось обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Прямое вліяніе Адама Смита еще болѣе увеличилось тѣмъ, что принципы, положенные имъ въ основаніе своего труда, сдѣлались достояніемъ и нашей экономической литературы вообще, и трактатовъ по крестьянскому вопросу въ частности. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ новой экономической науки была объявлена и задача вольнаго экономическаго общества на 1812 годъ о томъ, что выгоднѣе для хозяина: обрабатывать ли землю вольнонаемными людьми, или собственными крестьянами? Профес. Якобъ, авторъ отвѣта, награжденнаго большою золотою медалью на средства, пожертвованныя самимъ государемъ, доказалъ, что свободный трудъ выгоднѣе принудительнаго *).

Вслѣдъ за трактатомъ Якоба, стоявшимъ на уровнѣ тогдашней экономической науки, появился въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ обширный курсъ политической экономіи нашего академика и извѣстнаго ученаго Шторха, гдѣ былъ, между прочимъ, затронутъ и вопросъ о крѣпостномъ трудѣ. Шторхъ былъ хорошо извѣстенъ при дворѣ: еще въ царствованіе Императора Павла онъ былъ учителемъ молодыхъ великихъ княгинь и чтецомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; поэтому при Императорѣ Александрѣ ему было поручено преподаваніе политической экономіи великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ; плодомъ этихъ-то лекцій и былъ вышеупомянутый курсъ политической экономіи.

Несмотря на то, что Шторхъ обильно пользуется трудами своихъ предшественниковъ, прежде всего, Адама Смита, а затѣмъ Гарнье, Сэ, Сисмонди, Тюрго, Стюарта, Юма и др., и дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки, несмотря на то, что самъ авторъ съ величайшею скромностью приписываетъ все лучшее въ своемъ произведеніи этимъ ученымъ, оно не лишено, по отзыву такого спеціалиста по исторіи политической экономіи, какъ Рошеръ, серьезнаго научнаго значенія. Еще важнѣе для насъ, что академикъ Шторхъ не принесъ научной истины въ жертву своему положенію царедворца: онъ не прикрашивалъ печальной русской дѣйствительности, онъ настойчиво указывалъ на крѣпостное право, какъ на главное препятствіе къ развитію экономическаго благо-

*) См. подробности объ этомъ въ нашей статьѣ: „Крестьянскій вопросъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1803—1822 гг.“ *Русская Мысль* 1883 г., кн. 1.

состоянiи Россiи, и, безъ сомнѣнiя, его уроки были одною изъ причинъ того желанiя ограничить крѣпостное право, которое въ теченiе всего своего царствованiя обнаруживалъ его ученикъ, Императоръ Николай Павловичъ. «Политическая экономiя,—говоритъ авторъ въ предисловiи, безъ сомнѣнiи, имѣя при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, крѣпостное право,—затрогиваетъ иногда деликатные вопросы. Я не оправдалъ бы довѣрiя, которымъ меня почтили, если бы представилъ ихъ своимъ августѣйшимъ ученикамъ не съ точки зрѣнiя истины и разума... Если долгъ всякаго писателя—защищать дѣло справедливости и человѣчности, то это вдвойнѣ обязанность наставника великихъ князей, мнѣнiя которыхъ такъ сильно вліяютъ на судьбу народовъ». Авторъ говоритъ, что, вполнѣ понимая необходимость сдержанности въ нѣкоторыхъ вопросахъ, при условiяхъ, въ которыхъ находится Россiя, онъ, все-таки, скорѣе не напечаталъ бы книги, чѣмъ отказался бы отъ независимости своихъ убѣжденiй, и выражаетъ надежду, что его трудъ, изданный съ одобренiя цензуры и на средства самого государя, послужитъ доказательствомъ либеральныхъ принциповъ, которыми руководится правительство Императора Александра. Къ сожалѣнiю, эти надежды оправдались лишь отчасти: французское изданiе труда Шторха, дѣйствительно, вышло въ свѣтъ, но русскiй переводъ его не былъ дозволенъ цензурою.

Говоря о накопленiи богатствъ, авторъ указываетъ на то, что для развитiя экономическаго благосостоянiя страны необходима свобода личности и безопасность собственности, какъ это подтверждаетъ примѣръ Англiи. Между тѣмъ, «наши крѣпостные (esclaves) рѣдко копятъ: съ одной стороны, ихъ удерживаетъ отъ этого боязнь, что у нихъ отнимутъ сбереженiя», съ другой — они не заботятся о будущемъ, надѣясь, что въ старости ихъ прокормитъ помѣщикъ, сбереженныя же деньги они прячутъ и, такимъ образомъ, извлекаютъ ихъ изъ обращенiя. Въ четвертомъ томѣ своего сочиненiя авторъ посвѣщаетъ нѣсколько главъ несвободному труду. Положенiе нашего крѣпостнаго,—справедливо замѣчаетъ онъ,—очень различно отъ положенiя раба въ европейскихъ колонiяхъ, но, все-таки, «рабство существуетъ вездѣ, гдѣ есть право собственности человѣка надъ человѣкомъ». Неизбѣжнымъ его слѣдствiемъ является чрезмѣрное размноженiе класса, составляющаго прислугу, и, слѣдовательно, увеличенiе непроизводительнаго потребленiя; такъ было и въ древнемъ Римѣ, и у

насъ, въ Россіи. Указавъ на три способа пользованія рабскимъ трудомъ—барщину на своего господина, отдачу рабовъ въ наемъ другому и обложеніе ихъ денежнымъ сборомъ—авторъ, вопреки многимъ агрономамъ, рѣшительно высказывается за «очень обычную» въ Россіи оброчную систему, которая «всего менѣе тяжела для раба и менѣе неблагопріятна для развитія національнаго богатства», а самымъ вреднымъ считаетъ отдачу рабовъ въ наемъ другому. Рабскій трудъ — плохаго качества: рабъ хуже работаетъ и дороже стоитъ, чѣмъ свободный работникъ. Напротивъ, оброчная система имѣетъ многія выгоды; столь распространенная въ Россіи, она значительно «ослабляетъ у насъ пагубныя слѣдствія рабства, и если когда-нибудь его серьезно задумаютъ уничтожить, то она представляетъ самое простое и удобное средство». Но, однако же, рабъ и находящійся на оброкѣ, все-таки, не вполнѣ обезпеченъ въ пользованіи плодами своего труда и можетъ быть черезъ-чуръ обремененъ денежными повинностями. Отъ такихъ *крѣпостныхъ*, которыхъ авторъ называетъ рабами (esclaves), онъ совершенно справедливо отличаетъ *прикрѣпленныхъ къ землѣ* (serfs), размѣръ повинностей которыхъ опредѣленъ закономъ и собственность которыхъ обезпечена (къ ихъ числу принадлежатъ наши казенные крестьяне). Если иногда эти послѣдніе живутъ у насъ бѣднѣе помѣщичьихъ, то это объясняется притѣсненіями со стороны чиновниковъ. «Отсюда,—говоритъ Шторхъ,—нельзя, однако, сдѣлать заключенія (какъ это, замѣтимъ отъ себя, дѣлали многіе крѣпостники); что рабство лучше свободы, какъ нельзя считать счастливымъ положеніе средневѣковыхъ виллановъ, на томъ основаніи, что многіе свободные люди, въ виду отсутствія общественной безопасности, добровольно отказывались отъ своей свободы». Но что вообще наши казенные крестьяне зажиточнѣе крѣпостныхъ, это видно, по мнѣнію автора, уже изъ того, что большинство селъ, превращенныхъ при Императрицѣ Екатеринѣ II въ уѣздные города, было казеннаго вѣдомства. Далѣе онъ подробно указываетъ на то, какое вредное вліяніе имѣетъ рабство на земледѣліе, промышленность и торговлю, и замѣчаетъ, что при арендной системѣ землевладѣлецъ получаетъ съ земли гораздо болѣе дохода, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, такъ какъ производительность ея чрезвычайно увеличивается, благодаря свободному труду. Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что арендная система можетъ быть приложима лишь въ странѣ съ развитымъ благосостояніемъ.

Шторхъ не развиваетъ здѣсь подробно своихъ взглядовъ о томъ, какъ слѣдуетъ произвести освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи; онъ только выражаетъ сочувствіе арендной системѣ и нѣкоторымъ попыткамъ на Западѣ перевести крѣпостныхъ крестьянъ въ положеніе свободныхъ фермеровъ. Уже изъ этого видно, что онъ ничего не имѣетъ противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. Однако, въ то же время, онъ выражаетъ сочувствіе какъ закону 1804 года, которымъ Императоръ Александръ уничтожилъ рабство въ Лифляндіи и сдѣлалъ тамошняго крестьянина прикрѣпленныхъ къ землѣ на «справедливыхъ условіяхъ», такъ и учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ. Подробнѣе относительно этихъ послѣднихъ онъ высказался въ своемъ изданіи «Russland unter Alexander dem Ersten», гдѣ, вполнѣ допуская освобожденіе со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ, онъ, въ то же время, считаетъ возможнымъ безземельное освобожденіе съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность.

Мы видѣли, что Шторху его книгу не дозволили издать на русскомъ языкѣ. Гораздо печальнѣе была исторія другаго ученаго, харьковскаго профессора Шада. По рекомендаціи Гёте и Шиллера, онъ былъ приглашенъ въ 1804 году на каѳедру философіи въ Харьковъ; со временемъ на него былъ поданъ доносъ, и министерство народнаго просвѣщенія, а затѣмъ и комитетъ министровъ усмотрѣли вредное направленіе въ изданныхъ имъ книгахъ: «De viris illustribus urbis «Romae» и «Institutiones juris naturae». Такъ, во второй изъ нихъ нашли много разсужденій, «несогласныхъ съ нашими учрежденіями», какъ, наприм. о власти государя, о недозволеніи никакихъ особыхъ толковъ и ересей между православными, несогласныя съ нашими правами сужденія о бракѣ и проч. По рѣшенію совѣта министровъ, утвержденному государемъ, Шадъ въ 1816 году былъ удаленъ отъ должности и высланъ за границу, а обѣ изданныя имъ книги велѣно было уничтожить. Не останавливаясь подробнѣе на всей этой исторіи и не касаясь содержанія запрещенныхъ сочиненій Шада вообще, мы переведемъ только изъ его книги «Institutiones juris naturae» (1814 года) мѣсто, трактующее о рабствѣ: «Рабство, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь,—говоритъ авторъ,—противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были

и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь, и не только у нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства, и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако, такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т.-е. безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязательство безъ всякаго права. Такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества, притомъ оно основано не на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть ничто иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни». Эти идеи сочиненія, напечатаннаго на латинскомъ языкѣ, разумѣется, не могли достигнуть большаго распространенія, но очень важно то, что онѣ высказывались профессоромъ, который, слѣдовательно, и на каѳедрѣ былъ проводникомъ освободительныхъ взглядовъ въ среду русской молодежи.

Мы имѣли уже случай указать, что и другой харьковскій ученый изъ иностранцевъ, а именно профессоръ политической экономіи Якобъ, въ изданномъ имъ тамъ въ 1809 году на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіи по полицейскому праву, а позднѣе и въ своемъ отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества, явился горячимъ противникомъ крѣпостнаго права. Понятно, что эти освободительныя идеи должны были отразиться въ извѣстной степени и на мѣстныхъ молодыхъ ученыхъ изъ русскихъ. Въ 1816 году, т.-е. въ то же время, когда правительственная кара постигла профессора Шада, въ Харьковѣ появилась книга «доктора обоихъ правъ» М. Грибовскаго *О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи*, любопытная уже по самому выбору темы, но имѣющая и серьезныя внутреннія достоинства, такъ какъ она ясно представляла положеніе нашихъ крестьянъ по существовавшимъ тогда законамъ съ нѣкоторыми историческими свѣдѣніями. Мы привели уже выше то мѣсто изъ этого сочиненія, гдѣ авторъ выражаетъ полное сочувствіе учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ; но Грибовскій не осмѣливается такъ рѣшительно отрицать рабство, какъ, напр., Шадъ. Въ самомъ началѣ своего сочиненія онъ оговаривается, что считаетъ «слишкомъ пристраст-

нымъ» мнѣніе тѣхъ, которые признаютъ рабство совершенно противнымъ уму и унижающимъ человѣческую природу. Сопоставивъ это мѣсто съ приведеннымъ отрывкомъ изъ книги Шада, нельзя не видѣть въ словахъ Грибовскаго намека на мнѣніе этого профессора. Оправданіе для рабства, по крайней мѣрѣ, при извѣстномъ состояніи общества, авторъ находитъ въ аналогіи съ семействомъ, гдѣ дѣти также находятся въ зависимости отъ родителей. «Пока государство,—говоритъ Грибовскій,—не достигнетъ той степени совершенства, что дѣйствія всѣхъ членовъ его не могутъ уже поколебать общественнаго порядка, до тѣхъ поръ рабство и власть господъ необходимы. Власть сія замѣняетъ часть власти полицейской въ государствѣ: она управляетъ поступками рабовъ, направляетъ ихъ къ общей цѣли и обуздываетъ неумѣстные порывы. Кажется, что это есть вмѣстѣ и причина, почему находимъ почти у всѣхъ народовъ при первоначальномъ ихъ образованіи рабство, и оправданіе, почему оно иногда бываетъ необходимо государству». Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказываетъ мысль, что при извѣстномъ состояніи государства несвободный трудъ можетъ быть выгоднымъ и на фабрикахъ. Но, въ то же время, онъ не прочь отъ освободительныхъ мѣръ, принятыхъ съ осторожностью. «Постепенное и нечувствительное (?!) освобожденіе крестьянъ,—говоритъ авторъ,—не дѣлая сильнаго переворота, можетъ принести пользу»; для освобожденія онъ требуетъ извѣстной подготовки крестьянъ и повторяетъ знаменитое выраженіе Руссо, похваленное Болтинымъ. «Крестьяне,—продолжаетъ онъ, — привыкнувъ къ власти господъ, не могутъ не придти въ безпорядокъ, когда, неприготовленные къ тому, будутъ вдругъ освобождены»; но крестьяне, постепенно пріучаемые къ свободѣ и освобождаемые въ небольшомъ количествѣ, приносятъ большую пользу. «Они легко сыскиваютъ себѣ занятія и ни правительство, ни прочія состоянія не принуждаются перемѣнять введеннаго и привычкою давно утвержденнаго образа жизни». Такимъ образомъ, сочувствуя учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ, авторъ тутъ, повидимому, не прочь и отъ безземельнаго освобожденія.

Грибовскій довольно уклончиво отнесся къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, но были русскіе ученые, и именно ученые профессора, которые высказывались, насколько позволяли тогдашнія условія печати, противъ крѣпостнаго права. Такимъ ученымъ былъ профессоръ главнаго педагогическаго института, а затѣмъ пе-

тербургскаго университета Кон. Арсеньевъ, авторъ *Начертанія статистики россійскаго государства* (С.-Пб. 2 ч., 1818—1819 года). Въ этомъ сочиненіи, однимъ изъ главныхъ препятствій къ усовершенствованію земледѣлія онъ называетъ крѣпостное право (или,—по выраженію автора,—«крѣпостность земледѣльцевъ»). Относительно непроизводительности крѣпостнаго труда въ земледѣліи авторъ ссылается на сочиненіе Якоба, о промышленности же онъ замѣчаетъ, что для поощренія къ бо́льшей дѣятельности и къ бо́льшему производству «нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода». Приведя суровые отзывы иностранцевъ Перри и Кокса о тяжеломъ положеніи крестьянъ въ Россіи, Арсеньевъ замѣчаетъ, что хотя они преувеличиваютъ «невыгоды крѣпостности, но во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свои основанія», и затѣмъ указываетъ на безправное положеніе крѣпостныхъ по нашимъ законамъ: на то, что помѣщикъ можетъ продавать ихъ съ землею и безъ земли, можетъ переселять по своему усмотрѣнію, что «всякая жалоба или доносъ со стороны крестьянина на своего господина считается неповиновеніемъ, ибо первый на послѣдняго истцомъ быть не можетъ», что помѣщичьи крестьяне не могутъ пріобрѣтать никакого движимаго имѣнія и пр. Авторъ, впрочемъ, признаетъ, что многіе господа заботятся о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ и что есть очень богатые помѣщичьи крестьяне. Арсеньевъ соглашается съ мнѣніемъ Якоба и Шторха, что оброчные крѣпостные находятся въ лучшемъ положеніи, нежели барщинные; послѣдніе «бо́льшею частью бѣдны». «Есть помѣщики въ Россіи,—продолжаетъ авторъ,—которые пользуются и оброкомъ, и личными работами крестьянъ, и собираніемъ съ нихъ различныхъ пошлинъ натурою. Крестьяне, таковымъ владѣльцамъ принадлежащіе, имѣютъ еще менѣе средствъ къ своему благосостоянію и суть истинные рабы не по названію, а по существу своему». Вообще же существующія отношенія «невыгодны» и для господъ, и для крѣпостныхъ.

Наставникъ Арсеньева, извѣстный ученый статистикъ Германъ, задѣвалъ крѣпостное право въ университетскихъ лекціяхъ. Это, конечно, не могло пройти ему даромъ въ эпоху реакціи, и понятно, что Германъ и Арсеньевъ находились въ числѣ тѣхъ профессоровъ, противъ которыхъ было воздвигнуто гоненіе въ 1821 году (кромѣ нихъ, подверглись преслѣдованію профессора исторіи философіи Галичъ и общей исторіи Раупахъ). Не касаясь

подробностей этого печальнаго событія, упомянемъ только, что главное правленіе училищъ признало ученіе Германа, усвоенное и Арсеньевымъ, опаснымъ для государства и постановило статистическія сочиненія ихъ обоихъ совершенно не допускать къ употребленію по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Магницкій предлагалъ даже выслать Германа и Раупаха за границу. Всѣ эти профессора лишились своихъ мѣстъ, но, вслѣдствіе разногласія въ комитетѣ министровъ, дѣло о нихъ, къ счастью, затянулось и, наконецъ, въ 1827 году по именному повелѣнію было прекращено.

Благодѣтельное вліяніе университетской науки въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ обнаруживалось всего болѣе въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые черпали знаніе изъ перваго источника — въ заграничныхъ университетахъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ молодыхъ людей при Екатеринѣ II былъ Радищевъ; затѣмъ мы видѣли, что въ первые годы царствованія Императора Александра и Кайсаровъ внесъ свою лепту въ литературу крестьянскаго вопроса; но самымъ виднымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи изъ питомцевъ западной науки въ разсматриваемую теперь эпоху былъ, несомнѣнно, Н. И. Тургеневъ. Николай Ивановичъ (родившійся въ 1789 году), сынъ директора московскаго университета, И. П. Тургенева, началъ образованіе въ тамошнемъ университетскомъ пансіонѣ, подъ руководствомъ профессора Антонскаго, а затѣмъ довершилъ его занятіями въ гетингенскомъ университетѣ и путешествіями по всей Западной Европѣ. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ русскимъ коммиссаромъ при баронѣ Штейнѣ, въ центральной правительственной коммиссіи, учрежденной со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Германію. По собственному его сознанію, Тургеневъ еще въ дѣтствѣ былъ пораженъ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ въ Россіи; теперь и университетское образованіе, и личное знакомство съ такимъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ Штейнъ, должно было не мало способствовать развитію его взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Тургеневу были извѣстны мѣры Штейна относительно прекращенія крѣпостнаго права въ Пруссіи. Онъ зналъ, конечно, также, что по указу 1811 г., изданному въ Пруссіи, тамошнимъ крѣпостнымъ было дозволено пріобрѣтать въ собственность поземельные участки, находившіеся въ ихъ пользованіи, и совершенно развязывать отношенія къ помѣщикамъ, уступивъ имъ только одну треть своихъ земель. Личныя отношенія съ Штейномъ также

должны были направить вниманіе Тургенева на главное зло современной ему Россіи, такъ какъ Штейнъ еще въ 1809—1810 годахъ высказывалъ, что главнымъ и необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и богатства русскаго народа должно быть освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ землею за извѣстную возрастающую ренту продуктами (до трети или половины ихъ), но съ сохраненіемъ полицейскаго и судебнаго надзора дворянства.

Еще будучи въ университетѣ, Тургеневъ набросалъ вчернѣ свой трудъ *Теорія налоговъ*, который издалъ въ 1818 году, черезъ два года по возвращеніи въ Россію. Здѣсь онъ задѣвалъ, какъ мы увидимъ ниже, крѣпостное право и потому его сочиненіе могло бы встрѣтить препятствіе со стороны цензуры, но Тургеневу попался честный цензоръ, который рѣшился пропустить его трудъ цѣликомъ и не пострадалъ за это, хотя Аракчеевъ и высказывалъ удивленіе, что можно писать и печатать подобныя вещи.

По собственному выраженію Тургенева въ его мемуарахъ, онъ старался въ этомъ сочиненіи доказать, что «какъ для экономическихъ и финансовыхъ теорій, такъ и для теорій управленія, есть лишь одно истинное основаніе—свобода». Онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы говорить объ Англіи, ея могуществѣ и богатствахъ и приписываетъ всѣ эти выгоды ея свободнымъ учрежденіямъ. Въ главѣ, посвященной налогамъ «съ дохода отъ работной платы», Тургеневъ касается крестьянскаго вопроса въ Россіи. Онъ указываетъ на то, что противъ крѣпостнаго права писали по бо́льшей части иностранцы, неимѣющіе необходимыхъ свѣдѣній о нашей странѣ и потому сравнивавшіе русскихъ крестьянъ съ неграми; защитники же его воображаютъ, что крестьянинъ можетъ не иначе приносить помѣщику доходъ, какъ составляя его собственность. И то, и другое мнѣніе односторонне, но, все-таки, первое ближе къ истинѣ». Имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду взгляды крѣпостниковъ, вродѣ кн. Волконскаго, Ростопчина и Поздѣева, Тургеневъ говоритъ, что если защитникамъ сохраненія statu quo въ крестьянскомъ вопросѣ «говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они дѣлали восклицанія противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ

созидается благосостояніе государствъ, должны влечь за собою уничтоженіе религіи и законовъ! Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовью, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противуположныхъ причинъ». Въ этой мысли Тургеневъ сходится съ гр. Строгоновымъ, который въ неоффиціальномъ комитетѣ также доказывалъ, что бездѣйствіе правительства относительно крѣпостнаго права можетъ вызвать народныя волненія. «Благоустроенное государство,—продолжаетъ авторъ,—не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа».

Книга Тургенева очень быстро получила свою извѣстность; въ печати она принята была очень сочувственно; такъ, напримѣръ, профессоръ Куницынъ въ своей рецензіи этой книги говоритъ, что «авторъ Опыта, подчиняя правила теоріи налоговъ правиламъ справедливости и человѣколюбія, исполнилъ долгъ свой по совѣсти»; онъ не похожъ на тѣхъ сочинителей «политическихъ трактатовъ, которые, при торжественныхъ увѣреніяхъ въ ихъ любви къ отечеству, проповѣдуютъ правила, угнетательныя для ихъ согражданъ». Многіе уважаемые люди либеральнаго направленія пожелали познакомиться съ Тургеневымъ; среди консерваторовъ онъ пріобрѣлъ не мало враговъ, но даже нѣкоторые люди съ отсталыми взглядами отдавали справедливость его труду: такъ, напримѣръ, Тутолминъ, членъ государственнаго совѣта (Тургеневъ служилъ тогда въ канцеляріи этого учрежденія) сказалъ, что его сочиненіе можетъ служить руководствомъ при изученіи финансовыхъ вопросовъ и сильно поможетъ ихъ рѣшенію. Такіе просвѣщенные сановники, какъ адм. Мордвиновъ и графъ Потоцкій, сблизились съ Тургеневымъ; канцлеръ Румянцевъ захотѣлъ съ нимъ познакомиться. Скоро потребовалось новое изданіе книги, которое и появилось въ 1819 году. Послѣ 1825 года, по свидѣтельству автора, книга его подверглась гоненію: ее разыскивали и отбирали всѣ найденные экземпляры.

Съ замѣчательною личностью Н. И. Тургенева мы встрѣтимся еще не разъ въ исторіи крестьянскаго вопроса при Александрѣ I.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАИНОВО ПЛЕМЯ *)

(Романъ).

VII.

Неудача Черноморцева.

Наводненіе 1882 года въ Тиролѣ и сѣверной Италіи было въ полномъ смыслѣ слова ужасно. Горные ручьи вздулись бѣшенными потоками; потоки разлились рѣками; рѣки, словно озера, затопили долины. Ровиго, Виченца, Падуа, Адріа были подъ водою. Каменныя деревушки снесло прочь, виноградники и сады смыло вмѣстѣ съ плодородною почвой, только верхушки колоколенъ да башни торчали изъ-подъ разлива. Каналы чудной Венеціи выступили изъ береговъ и залили площади; на Санъ-Марко ходили волны, онѣ же подъ вѣтромъ бились о несокрушимую твердыню Веронской арены. Къ легендарной могилѣ Ромео и Джуліи подплывали на лодкахъ. Желѣзныхъ дорогъ какъ не бывало. Напоромъ стремительныхъ водъ снесло и грунтовые пути—остались однѣ горныя тропинки—и по нимъ-то пришлось теперь идти нашимъ туристамъ.

Общество русскихъ за Тріентомъ представляло оригинальный видъ.

Барыни подобрали платья и укоротили юбки. Велинскій нашелъ въ своемъ багажѣ высокіе сапоги. Іосифъ Лазаревичъ облекся въ зеленый тирольскій костюмъ, отчего его сходство съ арбузомъ еще болѣе усилилось. Всего смѣшнѣе была на немъ

---

*) Русская Мысль, кн. I.

остроконечная мягкая шляпа съ пѣтушьими перьями и зеленые гетры, обтягивавшіе его тоненькія ноги. Онъ на первыхъ порахъ казался бодрѣе всѣхъ.

— Я, о, я умѣй кадить пѣшкомъ!.. Вы не умѣй, — оборачивался онъ къ старику Столѣшникову, — и вамъ будетъ очень трудно... потово—гусь свиньѣ—не конный и пѣшій, какъ говоритъ мудрый русскій народъ, да!

Но уже на первомъ всходѣ Минкинъ осовѣлъ.

Случилось это надъ впаденіемъ Лавизы въ Адижъ. Обѣ рѣки вздулись неимовѣрно. Тысячи каскадовъ срывались въ нихъ съ окружающихъ высотъ. Синія горы съ рѣзко очерченными вершинами толпились кругомъ, точно желая заглянуть, что тамъ такое творится внизу, въ этихъ несчастныхъ низинахъ. Мокрый, облѣзлый виноградъ—тамъ, гдѣ вода спала, едва-едва трепался по склонамъ; дороги, обсаженныя акаціями и клочками уцѣлѣвшія на высотахъ, были влажны: еще на-днях по нимъ, какъ по руслу, то и дѣло стремились горные потоки. Громадныя, живописныя долины, гдѣ въ обыкновенное время такъ красивы капризные изгибы Адижа, теперь сверкали подъ солнцемъ бездонными озерами... Вонъ весь мокрый готическій городокъ на склонѣ... Мимоходомъ кажется, что онъ сползаетъ внизъ по влажному спуску въ наводненную котловину... Желтая Лавиза, впадая въ голубой, чистый Адижъ, оретъ во все горло... Лѣпясь по карнизу опаснаго отвѣса, Іосифъ Лазаревичъ до того испугался этого шума, что совсѣмъ потерялъ голову. Еще до Сантъ-Микель кое-какъ двигались наши. Но въ этомъ, уже послѣднемъ въ Тиролѣ итальянскомъ мѣстечкѣ Іосифъ Лазаревичъ рѣшительно снялъ свои гетры, швырнулъ шляпу съ пѣтушьими перьями въ Адижъ и, обратившись къ Велинскому, трагически попросилъ приказать бросить его, Минкина, въ рѣку.

— Зачѣмъ же?

— Потово, что я не можетъ. Топить меня, пожалуйста топить меня.

Собрался военный совѣтъ. Долго судили, рядили, наконецъ, итальянцы нашлись.

— Subito, subito!—успокоивали они путешественниковъ.

Мигомъ изъ какого-то сарая вытащили ручную тачку, подняли Минкина и уложили въ нее, такъ что издали видна была только зеленая круглая масса.

— Avanti!—скомандовалъ словно весь обгорѣлый проводникъ.

— Sempre avatiti!—отозвались позади носильщики багажа, и процессія двинулась впередъ.

Черноморцевъ шелъ съ Татьяной Борисовной, помогая ей и поддерживая почтенную даму на каждомъ шагу. Та, впрочемъ, падала нарочно на его руки, заставляя несчастнаго чуть не опускаться на колѣни подъ ея тяжестью. Наконецъ, это ему надоѣло—и разъ онъ, словно обезсилѣвъ, разжалъ руки... Рыхлая масса Синегубъ-Бровкиной рухнула прямо на дорогу... Черноморцевъ, извиняясь, живо поставилъ ее на ноги и все обошлось бы однимъ смѣхомъ, но у нея, къ сожалѣнію, лопнулъ позади лифъ. Для Черноморцева отсюда начались новыя испытанія. Татьяна Борисовна потребовала, чтобы онъ шелъ впереди, не желая показывать ему внезапно обнаружившихся тайнъ своего туалета. Въ то же время, она не отказалась отъ его помощи: идя передъ нею, Черноморцевъ протянулъ руки назадъ и велъ ее на буксирѣ, пока не дошелъ до совершеннаго отчаянія.

— Черноморцевъ въ потѣ лица зарабатываетъ приданое!—засмѣялся Коротковскій. Онъ съ Надей все время старались или далеко уйти впередъ, или отстать такъ, чтобы ихъ не видѣли другіе.

— Да, ему не даромъ достанется историческая дама... Не то что ты: онъ не лѣнтяй.

— Хочешь, я понесу тебя на рукахъ?—предложилъ тотъ.

Они были далеко отъ всѣхъ.

— Хватитъ ли силы...—засмѣялась она.

Не говоря ни слова, онъ наклонился, обнялъ ея ноги — и выпрямился. Надя оказалась на воздухѣ.

— Оставь... оставь!—боролась она.—Не могу... Слышишь? Не могу.

Но возбужденный ея близостью, опьяненный здоровымъ ароматомъ свѣжаго, молодаго тѣла, Коротковскій быстро шелъ впередъ.

— Увидятъ...

— Нѣкому... Сиди, тебѣ же лучше...

— Неудобно такъ...

Леонтій Петровичъ посадилъ ее на руки и понесъ какъ перышко. Волосы Нади разсыпались. Художникъ теперь все видѣлъ точно сквозь золотую сѣтку. Дѣвушка то прислонялась къ нему щекой къ щекѣ, то, откидываясь назадъ, заглядывала ему прямо въ глаза и цѣловала красавца въ губы... Такъ продолжалось, пока онъ не споткнулся. Она воспользовалась этимъ

моментомъ, выскользнула у него изъ рукъ и побѣжала впередъ. Коротковскій за нею. Скоро они догнали Велинскаго.

— Что это вы?—улыбнулся онъ ихъ разгорѣвшимся лицамъ.

Въ Надѣ сказался женскій инстинктъ. «Заставлю-ка я тебя поревновать!» мелькнуло у нея въ головѣ.

— Да Леонтій Петровичъ все... Такой шалунъ!

— Надоѣдаетъ?

— Нѣтъ, напротивъ... онъ милый...

— Въ чемъ же выразилась это «милость»?

— Онъ меня на рукахъ несъ, — вдругъ въ упоръ точно выстрѣлила она, сдѣлавъ совершенно серьезное лицо.

— Что?—изумился Велинскій.

— Онъ меня на рукахъ несъ... поднялъ вотъ такъ и понесъ... И это очень пріятно... пріятнѣе, чѣмъ въ сѣдлѣ.

— Могу себѣ представить!—овладѣлъ собою Велинскій.

— Очень, очень, очень пріятно... мнѣ нравится! Коротковскій, вы еще меня понесете немножко, да? А вы Сергѣй Сергѣевичъ не можете...

— Не не могу, а не хочу.

— Да у васъ силы не хватитъ!

— Я сильнѣе Коротковскаго,—спокойно замѣтилъ Велинскій.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала.

— Хотите? Попробуемъ!—обратился биржевой тузъ къ художнику.

— Да я сломаю васъ! Зачѣмъ же пробовать?

— Дурачиться, такъ дурачиться. Нужно же мнѣ доказать, что могу, да не хочу... Ну... вотъ площадка.

Велинскій и Коротковскій обнялись. Прошло нѣсколько секундъ, второй покраснѣлъ весь отъ натуги, лошадиная физіономія перваго была все также блѣдна и спокойна... Коротковскій попробовалъ сильнѣе упереться въ почву ногами, но вдругъ почувствовалъ, что онъ отдѣляется отъ земли... Еще мгновеніе, и онъ повисъ на рукахъ Велинскаго. Банковый тузъ подержалъ, подержалъ его на вѣсу и уложилъ на ближайшее сухое мѣстечко плашмя. Нужно сказать правду: онъ едва удержался отъ искушенія задушить его.

— Да, у васъ ничего... тоже есть силенка!—даже похвалилъ онъ Коротковскаго.

Надя чуть не поблѣднѣла отъ злости.

— Вотъ бы вы изъ христіанскаго человѣколюбія понесли на

рукахъ Татьяну Борисовну... И по силамъ вамъ, и для души хорошо... Бѣдная на буксирѣ у Черноморцева задыхается совсѣмъ...

Велинскій только усмѣхался, глядя на раздувавшіяся ноздри дѣвушки.

Коротковскій, сконфуженный, подошелъ было къ ней.

— Идите отъ меня прочь!... Васъ какъ цыпленка душатъ, а вы позволяете.

— Да чѣмъ же я виноватъ? Вы сами требовали...

— Почему же я знала, что вы слабѣе курицы?...

— Слава Богу, повысили въ чинѣ: изъ цыплепка—въ курицу... авось дастъ Богъ и до пѣтуха доберусь,—попробовалъ было поглупить Коротковскій, но, замѣтивъ слезы въ глазахъ дѣвушки, остановился.

Велинскій вѣжливо приподнялъ шляпу и пошелъ впередъ, оставляя ихъ однихъ. Онъ отлично зналъ свое дѣло, зналъ, что добиться любви женщины можно заставивъ ее думать о себѣ, хотя бы даже и въ непріятномъ смыслѣ.

— За что ты на меня?

— Мнѣ за тебя досадно... Этотъ нахалъ теперь носъ подыметъ.

— Это, все-таки, не причина—при немъ обрывать меня!—угрюмо проговорилъ Коротковскій.—Буйволъ еще сильнѣе, что же изъ этого слѣдуетъ? Носорогъ и буйвола сломаетъ.

Надя расплакалась.

Наконецъ, большая дорога пошла горнымъ склономъ. Въ ближайшей деревушкѣ наши туристы нашли экипажъ—и вечеръ засталъ ихъ среди дикихъ ущелій, снѣговыхъ вершинъ и гремучихъ водъ. То и дѣло сквозь разсѣлины направо и налѣво открывались заманчивыя дали. Колокольчики стадъ, спасавшихся на этихъ высотахъ отъ наводненія, привѣтливо перебалтывались между собою, изрѣдка слышалась пѣсня, невѣдомо откуда залетѣвшая сюда... Вонъ туча вся въ розовомъ блескѣ заката спустилась на снѣговую вершину... ползетъ внизъ... заволакиваетъ гору... кое-гдѣ прорвется и словно сквозь лохмотья нищаго—видно его исхудалое все въ язвахъ и морщинахъ тѣло—показываются каменные уступы разорванныхъ трещинами утесовъ... Солуренъ съ громадами башенъ и стѣнъ, на которыя погасающее солнце бросало свою послѣднюю золотую улыбку, остался уже позади—и къ ночи наши путники въѣхали въ большое, отлично

обстроенное тирольское село Кей-Маркть. Синіе горные великаны вокругъ совсѣмъ закутались въ тучи. Кое-гдѣ въ небесахъ сквозь туманъ робко мигала звѣздочка.

— Ну, что, какъ дѣла?—спросилъ Черноморцева Коротковскій, когда они остались одни въ педантически чистомъ номерѣ нѣмецкой деревенской гостинницы.

Тотъ разсматривалъ по стѣнамъ портреты самыхъ невозможныхъ кейзеровъ и ихъ зеленыхъ съ краснымъ супругъ.

— Дѣла?... Дѣла такъ себѣ...

— Однако?

— Ни да, ни нѣтъ... Придется, пожалуй, въ Пизу обратно ѣхать.

— Что ты?

— Впрочемъ, сегодняшняя ночь рѣшитъ все... нужно быть смѣлымъ... Я пойду на проломъ: панъ или пропалъ! Знаешь, голубчикъ, мнѣ уже эта жизнь въ проголодь надоѣла, да и притомъ она все же еще хорошенькая.

— Жизнь въ проголодь?

— А, чортъ!... Татьяна Борисовна... Правда, толста ужь очень, тяжела, всѣ руки оттянула... Двери-то здѣсь безъ замковъ?

— Да, не запираются.

— Она заняла комнату въ концѣ корридора.

— Понимаю... Да будетъ надъ тобой мое благословеніе... Дерзай мой сынъ — и пусть тебя ни на минуту не оставляетъ мысль о голодѣ въ Пизѣ и приданомъ въ Питерѣ.

Когда путешественники улеглись и все смолкло, Черноморцевъ вышелъ изъ своей комнаты. Длинный корридоръ тянулся передъ нимъ. Въ окно свѣтила луна.

Въ этомъ этажѣ были только онъ съ Коротковскимъ, да, какъ онъ думалъ, Татьяна Борисовна.

Викторъ Васильевичъ остановился у ея двери. Прислушался. За нею слышалось храпѣніе. Нѣсколько минутъ колебанія. Потомъ Черноморцевъ тихо стукнулъ въ дверь.

Храпъ прекратился; онъ стукнулъ еще разъ и еще перекрестился. Храпѣніе послышалась сильнѣе.

— Храпитъ еще, подлая, въ такую минуту... и какъ храпитъ-то, какъ жандармъ!

Черноморцевъ рѣшительно отворилъ двери и вошелъ въ комнату.

Толстая масса каким-то горбомъ лежала подъ одѣяломъ, закрытая съ головою.

— Она!...

На ночномъ столикѣ горѣла свѣча. Черноморцевъ задулъ ее. Въ комнатѣ съ завѣшанными шторами стало темно. Ощупью отыскавъ голову,—ея голову!—онъ коснулся ея щеки трепещущими губами... Но тутъ случилось нѣчто необычайное.

— Wer ist da?—заорала внезапно проснувшаяся масса. И сильныя толстыя руки схватили Черноморцева за горло.

— Пустите, задушите!—шепнулъ сконфуженный Черноморцевъ по-русски.—О, чортъ!—началъ онъ ругаться.—Пусти, говорю...

— Wer ist da?... Іоганъ, Карлъ, Альфредъ!—ревѣла столь неожиданно пробужденная туша.

Когда Карлъ, Альфредъ и Іоганъ сбѣжались со свѣчами, оказалось, что Черноморцевъ тщетно бьется въ объятіяхъ хозяина гостинницы, жирнаго; тщательно выбритаго нѣмца, ужасъ котораго равнялся его силѣ.

Что было дѣлать!...

Викторъ Васильевичъ коснѣющимъ языкомъ объяснилъ, что онъ русскій, заблудился... попалъ не въ свой номеръ—и вотъ!... предложилъ даже за чѣмъ-то посмотрѣть свой паспортъ и неизвѣстно для чего сунулъ въ руку глупому Іогану серебряный гульденъ.

Іоганъ, Карлъ, Альфредъ и даже самъ хозяинъ, пришедшій въ себя, поторопились извиниться въ свою очередь и проводили его со свѣчей къ нему.

Коротковскій, все слышавшій и хохотавшій какъ сумасшедшій, уткнувъ носъ въ подушку, притворился спящимъ.

— Ну что?—спросилъ онъ у Черноморцева утромъ.

— Сама судьба хранитъ ея невинность! — сантиментально закончилъ искатель богатыхъ невѣстъ.

— Не удалось?

— Не въ ту комнату попалъ; чуть руки назадъ не скрутили.

— Что же ты будешь дѣлать теперь?

— Сегодня ночью повторю попытку. Нужно все кончить до Вѣны... тамъ она, пожалуй, ускользнетъ изъ моихъ рукъ... Радъ одному!

— Что?

— Это, значитъ, не она такъ храпѣла. А то я пришелъ было

въ отчаяніе... Не понимаю, какъ я могъ ошибиться... Да, надо быть рѣшительнымъ и смѣлымъ!... О Таня, Таня, если бы ты знала, что я терплю за тебя!... Жаль, что у меня нѣтъ съ собою моего калабрійскаго плаща... Онъ такъ идетъ ко мнѣ... Какъ ты думаешь, Коротковскій, къ лицу ли мнѣ сѣрые брюки въ клѣтку... если я ихъ надѣну сегодня?...

VIII.

Добродѣтель торжествуетъ.

Угрюмый, старокатолическій Ботценъ, весь точно спрятавшійся подъ тѣнь своего собора, сегодня утромъ, казалось, вздрагивалъ отъ грозныхъ ударовъ его колокола. Гулъ этого торжественнаго звона медленно расплывался по темнымъ средневѣковымъ улицамъ, наполнялъ маленькія площади съ статуями святыхъ, упругою волною бился въ готическія окна домовъ, еще помнившихъ закованныхъ въ сталь и желѣзо рыцарей и, словно ему тѣсно было здѣсь, широко расходился по полямъ, долинамъ и ущельямъ, откуда ему звучалъ отвѣтный благовѣстъ деревенскихъ колоколенъ. Сплошь затянутые въ черное, тирольки, съ ихъ короткими юбками, таліями подъ мышками, гусиными ногами въ черныхъ чулкахъ, спѣшно бѣжали въ соборъ, шумя, точно крыльями, бѣлыми полотнищами своихъ громадныхъ чепчиковъ. Но и онѣ останавливались невольно полюбоваться на процессію, двигающуюся къ выходу изъ города. Два толстыхъ нѣмца медленно везли передъ собою на ручной тачкѣ Іосифа Лазаревича въ томъ же неизмѣномъ зеленомъ костюмѣ. За ними шла вся наша компанія. Шествіе замыкали Черноморцевъ и Татьяна Борисовна. На этой парочкѣ, впрочемъ, слѣдуетъ остановиться. Викторъ Васильевичъ сегодня разстался съ своимъ вѣчно меланхолическимъ видомъ. Онъ велъ толстую барыню съ необыкновенною гордостью. Если бы ему пришлось вести такимъ образомъ королеву англійскую Викторію, императрицу Индіи тожь, едва ли онъ распустилъ бы пышнѣе свой павлиній хвостъ. И это было вполнѣ понятно. Совершилось великое событіе. Судьба на этотъ разъ была благосклонна къ нему. Онъ не ошибся дверями, не попалъ въ объятія къ нѣмецкому медвѣдю. Короче, Черноморцевъ сегодня исправно заработалъ приданое Татьяны Бо-

рисовны. За то генеральша являла во всей своей особѣ самое плѣнительное смущеніе. Это была павшая Лукреція, кающаяся Магдалина, — все, что хотите, только не торжествующая Юдифь. Она бросала на Виктора Васильевича сконфуженные взгляды и только изрѣдка шептала ему: «Я никогда, никогда не прощу вамъ этого», но такимъ тономъ, изъ котораго было видно, что она не только уже простила, но и не прочь была отъ повторенія. На нихъ, впрочемъ, мало обращали вниманія остальные путешественники. Столѣшниковъ, очевидно чѣмъ-то встревоженный, шелъ неровною поступью, то забѣгая впередъ, то зачѣмъ-то подходя къ Велинскому. Подойдетъ — помнется, помнется, и прочь опять. Сергѣй Сергѣевичъ понялъ это и незамѣтно наблюдалъ за старикомъ. Очевидно, биржевому козырю была извѣстна причина его волненія. Только при выходѣ изъ города банкиръ рѣшился на что-то. Онъ осторожно, точно восковую куклу, взялъ Сергѣя Сергѣевича подъ руку и отвелъ его прочь.

— Я имѣю маленькое дѣло! — началъ онъ, но такимъ тономъ, который показывалъ, что дѣло, напротивъ, и очень большое, и очень серьезное.

— Радъ служить! — совершенно равнодушно отвѣтилъ Велинскій.

— Сегодня утромъ отъ Домеики Станиславовны была телеграмма.

— Почему она знаетъ, гдѣ вы?

— Изъ Тріента я послалъ депешу и просилъ отвѣта въ Ботценъ.

— Такъ... Слушаю-съ.

— На биржѣ совсѣмъ непредвидѣнное дѣло... Я скупилъ, знаете сами, старгородскія акціи... Ну, и онѣ чудесно летятъ внизъ, сломя голову... Мои зайчики едва успѣваютъ хватать ихъ.

— Что же? Это хорошо, поздравляю васъ.

— Не совсѣмъ... У меня, вѣдь, много паевъ «Лѣсопромышленности»... Слышали?

— Гмъ!...

— Представьте... На-дняхъ неизвѣстно отъ кого на биржу представлено болѣе чѣмъ на милліонъ этихъ паевъ... «Лѣсопромышленность»-то со всѣхъ четырехъ копытъ и повалилась. Отдаютъ почемъ попало. А дѣла общества и безъ того были не блестящи!

— Кто же представилъ?—спросилъ Велинскій, очень странно глядя сверху внизъ на Столѣшникова.

— А ужь этого Доменика Станиславовна никакъ узнать не могла... Маклеруетъ тамъ Слонимскій.

— Сигизмундъ?... Знаю... Ну, если онъ, такъ ничего не добьетесь... Сигизмундъ не проболтается... Да что же васъ это такъ волнуетъ?

— Я очень много убилъ денегъ на Старгородку.

— Ну! Пустяки... Вѣдь, вклады поступаютъ въ контору... на хранѣніе?...

— Это слава Богу... Недавно еще кѣмъ-то разомъ пятьсотъ тысячъ. На неизвѣстнаго.

Насмѣшливая улыбка едва замѣтно скользнула по губамъ Велинскаго.

— Ну, вотъ видите. Чего же волноваться-то? Все, значитъ, въ порядкѣ. Въ деньгахъ нужды не будетъ. Мой совѣтъ: не останавливайтесь. Бросайте все—и вклады, и свои на эти акціи. Дѣло, очевидно, выгодное.

— Я, знаете... какъ бы чего не вышло...

— Какіе пустяки! Старѣть начинаете, Андрей Федоровичъ. Помните, какъ мы съ вами оболванили когда-то Шлезингера? Тамъ чѣмъ пахло? Не однимъ банкротствомъ, а похуже. А что намъ это принесло? Въ два мѣсяца полтора милліона.

— Да, были времена!

И Столѣшниковъ, потирая руки, задумчиво отошелъ въ сторону.

— Папа!—послышалось за нимъ,—дай руку... Что ты сегодня такой хмурый? У... не люблю такого!.. Улыбнись... Къ тебѣ ужасно идетъ, когда ты смѣешься. Вокругъ глазъ сейчасъ гусиныя лапки и глаза въ щелочки уходятъ...

— Дѣла, дѣла не веселятъ, Надя. Черныя точки показываются.

— Это, что въ газетахъ?... На счетъ политики тамъ всегда черныя точки.

— Нѣтъ... У насъ свои, биржевыя... Похуже будутъ.

— И охота тебѣ, отецъ!

— Что охота?

— Кажется, достаточно у насъ. Вѣдь, насъ двое? Ты, да я, и всѣ тутъ. Закрылъ бы лавочку, да и жилъ спокойно... Ей Богу, папа. Брось свои противныя дѣла... Не люблю я ихъ.

— Глупенькая, какъ же это банкиръ можетъ дѣло бросить? Я всю жизнь на этомъ.

— А такъ. У васъ это, кажется, называется ликвидаціей.

— Ликвидація—смерть для меня... Легко сказать: брось! Теперь дѣла вздулись-то какъ. Подъ самое небо, Надя... Коли все выгоритъ, знаешь сколько у тебя приданаго черезъ два года?

— Очень мнѣ интересно, нечего сказать!

— Потому и не интересно, что не понимаешь... Два съ половиной милліона!.. Слышишь?... Вѣдь, это номинально десять милліоновъ франковъ!.. А если я сейчасъ прекращу дѣла, сію минуту, знаешь сколько у меня?

— Хватитъ намъ.

— Минусъ у меня, — минусъ единица съ шестью нолями. Поняла?.. Зарвался я, скажешь. Анъ нѣтъ, не зарвался. Я свою игру веду,—тонко веду,—и выиграю, и выиграю... Поняла?...

— Ну, а тогда...

— Спекуляціи оставлю... Займусь одной конторой... такъ, въ ничью чтобы было, или небольшимъ барышомъ ограничусь.

— Зачѣмъ же это, отецъ? Отдохнуть, вѣдь, пора.

— Ахъ ты... умница моя... Вѣдь, кромѣ тебя, у меня еще дочь есть... И я ее люблю, меньше тебя, а люблю.

Надя вполошилась, даже за руку отца схватила.

— Какъ же, отецъ, ты мнѣ ни разу не говорилъ этого... Гдѣ она, какъ зовутъ ее?

— Гдѣ?... На углу Морской и Гороховой, а зовутъ ее... «Банкирская контора А. Ф. Столѣшникова». Вторая моя дочь—моя фирма. Теперь поняла, почему ее нельзя оставить? Ну, вотъ... умру и она умретъ со мною... А вы будете жить да поминать старика отца. И другіе вспомнятъ... Ни одного вкладчика я до сихъ поръ не подвелъ и не обманулъ... довольны мною... А, вѣдь, какъ ты думаешь?—по семи процентовъ имъ отваливаю... На мою контору, какъ на государственный банкъ, смотрятъ,—съ гордостью проговорилъ старикъ.

Въ Бриксенѣ, наконецъ, можно было сѣсть въ вагоны желѣзной дороги, и къ вечеру того же дня наши путешественники были въ Вѣнѣ. Тутъ они рѣшили провести три дня, для того, чтобы отпраздновать счастливый бракъ Черноморцева и Татьяны Борисовны. Женихъ просилъ Велинскаго быть посаженнымъ отцомъ и не встрѣтилъ отказа. Татьяна Борисовна краснѣла и задыхалась подъ вѣнцомъ и должна была ровно вдвое противъ обыкновеннаго употребить бѣлилъ и пудры, чтобы скрыть свое волненіе... Мы минуемъ блаженные часы, слѣдовавшіе за вѣнчаніемъ; скажемъ только, что едва ли міру приходилось видѣть бо-

лѣе встрепаннаго и великолѣпнаго пѣтуха, какимъ былъ въ этотъ день Викторъ Васильевичъ. Онъ не ходилъ, а носился. Дѣвственный поцѣлуй своей невѣстѣ по приглашенію священника онъ далъ съ такою торжественностію, что Коротковскій не выдержалъ и фыркнулъ. Вечеромъ за маленькимъ ужиномъ онъ держалъ себя столь величаво, что даже оберъ-кельнеръ Грандъ-Отеля, тоже павлинъ не по слѣдней руки, рѣшилъ позаимствовать у него нѣсколько манеръ. Когда съ молодыми прощались, Черноморцевъ дошелъ до того, что даже къ Велинскому отнесся въ тонѣ благосклонной снисходительности. Утро слѣдующаго дня застало новобрачныхъ въ восхитительномъ tête-à-tête. Онъ былъ въ красномъ бархатномъ халатѣ, она въ какомъ-то ажурномъ пеньюарѣ, нисколько не скрывавшемъ обильныхъ формъ ея сорокалѣтняго тѣла. На лицахъ у обоихъ были написаны восторгъ и нѣга. Каждый, казалось, мысленно говорилъ: наконецъ-то я пристроился!.. Наконецъ-то я пристроилась!.. и нѣжно глядѣлъ на виновника своего благополучія... Особенно Татьяна Борисовна; та просто таяла и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ... Наконецъ, утренній кофе былъ выпитъ и, Богъ видитъ, который поцѣлуй уже данъ ими другъ другу, когда Черноморцевъ принялъ серьезный видъ и заговорилъ, пожимая руки своей супругѣ, но глядя куда-то въ сторону. Очевидно, все до сихъ поръ было не настоящее. Самая суть всей этой комедіи начиналась сейчасъ.

— Наконецъ-то!—повторилъ онъ, очевидно, думая о чемъ-то другомъ.

— Наконецъ-то!—отвѣчала ему еще вчера генеральша Синегубъ-Бровкина, а нынѣ жена отставнаго ротмистра Черноморцева.

— Ты не повѣришь, какія это счастливыя минуты!... О, никогда, никогда въ жизни...

— Я тоже... Первый разъ... Ни одинъ мужчина не могъ дать мнѣ этого счастія...

— Какъ ни одинъ мужчина?—всполошился мужъ.

— Ахъ... я говорю о своемъ покойникѣ,—покраснѣла Татьяна Борисовна,

— Это все равно!... Я не ревную къ прошлому,—великодушничалъ Черноморцевъ.—О моя Таня, мы будемъ счастливы, безконечно счастливы... Не такъ ли?.. Мы должны блистать... Вспомни, что по матери ты Оболдуй-Тараканова... Мы должны занять надлежащее мѣсто въ обществѣ... Но, въ то же время,

ни одного рискованнаго шага!.. Будемъ мудрецами. Станемъ проживать именно столько, сколько позволятъ наши обоюдныя (подчеркнулъ онъ) средства.

Татьяна Борисовна, очевидно, была не совсѣмъ пріятно поражена этимъ оборотомъ разговора.

— Мой другъ,—тѣмъ не менѣе, нѣжничала она,—я съ тобой готова раздѣлить самую нищету!.. Что богатство, деньги?.. Развѣ они могутъ дать намъ...

— Однако,—перервалъ довольно нетерпѣливо для влюбленнаго Черноморцевъ,—однако, должны же мы условиться, какъ намъ жить, какую нанять квартиру, какихъ лошадей купить...

— Я это предоставлю тебѣ!—томно роняла Татьяна Борисовна,—ты такъ великодушенъ... У тебя столько вкусу...

— Да, моя радость... это такъ... но давай поговоримъ серьезно... Опредѣлимъ нашъ бюджетъ... Вѣдь, мы не дѣти, хотя у насъ, можетъ быть, будутъ они.

— Ахъ, Викторъ!—почла своимъ долгомъ сконфузиться она.

— Да, у насъ навѣрное будутъ дѣти,—попалъ онъ на очевидно благодарную тему.—Должны же мы подумать о нихъ...

— Это какъ ты хочешь, соображай самъ... Мнѣ совсѣмъ чужды эти разсчеты...

— Вотъ именно... Ты поручи мнѣ все это. Прежде всего, необходимо знать, сколько приносятъ твои деньги.

— Какія?—встрепенулась вчерашняя генеральша.

— Ну, тамъ... о которыхъ ты говорила...

— Ахъ, эти... Видишь, мой Викторъ... онѣ мои... но еще не мои... У меня есть бабушка... Когда она умретъ...

— Чо-ортъ!—вскочилъ, какъ подъ ударомъ хлыста, Черноморцевъ. — Какъ бабушка!... Какая бабушка?.. Сколько же лѣтъ твоей бабушкѣ?

— О, она такая добрая, добрая старушка... И такъ любитъ меня...

— Да забодай ее быкъ съ ея любовью... Плевать я хочу на всѣхъ добрыхъ старушекъ... Твои-то капиталы... гдѣ они?

— У меня личныхъ своихъ мало... Очень мало... въ сравненіи съ тобой... съ твоимъ богатствомъ.

— Сколько, сколько, я спрашиваю?—уже съ негодованіемъ, весь блѣдный отъ ужаса, оралъ Черноморцевъ.—Не тяни ты изъ меня жилы... Сколько?.. Подавай мнѣ цифру... Слышишь ли? Цифру, а не бабушку. Бабушка!.. Чортъ ее возьми, твою бабушку.

— У меня есть тоже... Двѣ тысячи пятьсотъ рублей сомною... Да за годъ жалованье у Андрея Федоровича—всего четыре... Да вексель на генерала Курикова въ пять тысячъ.

— Что... четыре тысячи? Четыре только!—не вѣря самому себѣ, близкій къ сумасшествію, наступалъ на нее счастливый мужъ. — Какъ четыре?.. Какія четыре тысячи? Что ты мнѣ лжешь, старая карга!

Татьяна Борисовна начала всхлипывать.

— Пожалуйста, безъ наводненія... То потѣетъ, то плачетъ. Этакъ утонешь съ тобою!—злился мужъ.—Какія четыре? А остальныя гдѣ?.. Гдѣ твоя доля въ банкирской конторѣ?.. Ты, вѣдь, пайщица Столѣшникова?

— Никогда... никогда я вамъ этого не говорила!

— Да мнѣ объ этомъ Коротковскій натолковалъ... Вѣдь, ты же тетка Надеждѣ Андреевнѣ?

— Неправда,—ревѣла Татьяна Борисовна.—Она изъ вѣжливости меня называла тетей... До сихъ поръ всѣ были вѣжливы со мною... Всѣ любили меня... Я имъ дѣйствительно дальняя, дальняя родственница.

— Такъ позвольте... Въ качествѣ чего же вы при нихъ состояли?

— Надя... еще такъ молода... ей... надо было компаньонку... А въ домѣ Андрея Федоровича...

— Экономку, что ли? Провались вы сквозь землю!.. Какъ вы смѣли, какъ вы смѣли надуть меня?.. Кто вамъ позволилъ?... Господи, да за что же это!.. Бросить все... пожертвовать всѣмъ, чтобы жениться, и на комъ же?.. На дряхлой развалинѣ... на экономкѣ господина Столѣшникова!.. Да гдѣ я?... Что со мною?—рвалъ онъ на себѣ волосы.

— Вы сами богаты... Какъ вамъ не стыдно... такъ обижать жену свою... такъ платить за ея любовь.

— Я богатъ, я?—сжавъ кулаки, наступалъ на нее Черноморцевъ.—Я богатъ?..

— Да вы сами говорили... сколько разъ.

— Такъ вотъ же тебѣ... У меня ничего... Слышишь?... Сорокъ рублей пенсіи въ мѣсяцъ отъ брата...

— Какъ сорокъ рублей!—вскочила внезапно утратившая всѣ свои слезы Татьяна Борисовна.

— Такъ сорокъ... 480 въ годъ... Поняла?

— А имѣніе, дома, бумаги... триста тысячъ?

— Неужели же ты, старая дура, вообразила, что если бы у меня были имѣнія, дома, бумаги, такъ я бы повѣсился на такой скверной веревкѣ, какъ ты?...

— Такъ вы меня обманули! — освирѣпѣла Татьяна Борисовна.—Такъ вы нищій?... Нищій?

— Да, нищій, еще болѣе бѣдный, чѣмъ вчера... Вчера я еще могъ бы поправить свои дѣла выгодной женитьбой... А теперь...

— Онъ нищій!.. Да кто же бы пошелъ за тебя? — начала орать нѣжная дама.—Какъ ты смѣлъ обманывать меня, несчастную, одинокую женщину?... Какъ ты смѣлъ?...

— Молчать!—вышелъ онъ изъ себя.

— А, молчать?— И энергическая супруга схватила его за горло.—Молчать? Ты думаешь, я—слабая дама, такъ меня всякій можетъ оскорбить?... Я не позволю смѣяться надъ собой... Не позволю!...

И, держа его одной рукой за горло, другою она начала обрабатывать его тщательно выбритыя щеки.

— А я къ вамъ!.. Что это?—какъ вкопанный остановился въ дверяхъ Велинскій.

— Ахъ, я несчастная! Сергѣй Сергѣевичъ, онъ, этотъ извергъ, обманулъ меня. И добѣжавъ до Велинскаго, Татьяна Борисовна рухнула у его ногъ въ обморокъ.

— Что такое!.. Что случилось здѣсь?—удивился даже Велинскій, никогда ничему не удивлявшійся.

— Сергѣй Сергѣевичъ,—трагическимъ тономъ началъ Черноморцевъ,—я женился на нищей... Она говорила...

Но тутъ Татьяна Борисовна мгновенно очнулась.

— Не вѣрьте ему... я ничего не говорила... Онъ самъ нищій, Сергѣй Сергѣевичъ... Представьте: у него ни домовъ, ни имѣній, ни бумагъ. Ничего!

— Она обѣщала триста тысячъ,—торопился Черноморцевъ,—и вдругъ четыре тысячи!...

— Сорокъ рублей въ мѣсяцъ... милостыня отъ брата!..

— Постойте, друзья мои... Такъ васъ не разберешь... сначала садитесь. Викторъ Васильевичъ сюда, Татьяна Борисовна туда... Можете вы теперь помолчать минуту?

— Сергѣй Сергѣевичъ...

— Ну, и чудесно... Что вы тутъ наболтали: нищій, нищая? Царь въ головѣ есть—какіе же вы нищіе?.. Я пришелъ къ вамъ

съ однимъ предложеніемъ. Если вы примете его, никогда никакая нищета грозить вамъ не станетъ.

— Я слушаю.

— Мы слушаемъ... голубчикъ! — продолжала всхлипывать Татьяна Борисовна.

— Знаете вы Доменику Станиславовну фонъ-Бушъ?

— Знаю.

— Я не знаю...

— Доменика Станиславовна, — обернулся онъ къ Черноморцеву, — держитъ салонъ, гдѣ у нея сталкиваются люди биржи, мы, и люди власти, науки, люди общественнаго значенія. Это тоже своего рода биржа, но въ частной квартирѣ. Тамъ обдѣлываются крупныя дѣла. Одни получаютъ нужные имъ капиталы взамѣнъ за услуги, оказываемыя ими въ различныхъ учрежденіяхъ. Тамъ начинаются знакомства, плодомъ которыхъ бываютъ громадныя предпріятія. Короче, все, чему нѣтъ мѣста на биржѣ, совершается у Доменики Станиславовны.

— Я, кажется, начинаю васъ понимать!— ожилъ Черноморцевъ.

— Очень радъ этому... Доменикой Станиславовной я въ послѣднее время недоволенъ. Во-первыхъ, у нея стало появляться сомнительное общество, дамы пошатнувшейся репутаціи, мужчины какого-то необыкновенно холуйскаго вида... Сверхъ того, у нея начали играть... она завела рулетку. Въ строго-коммерческомъ салонѣ ничего этого не должно быть. Поняли? Кромѣ того, Доменика Станиславовна, которую я создалъ, которой я покровительствовалъ, вышла изъ предѣловъ моей инструкціи. Нѣкоторыя мои приказанія были недавно выполнены ею не съ буквальною точностью...

Татьяна Борисовна и Черноморцевъ боялись проронить хоть слово.

— Вы, Татьяна Борисовна, дама хорошаго воспитанія и прекрасной фамиліи.

Татьяна Борисовна бросила уничтожающій взглядъ на мужа.

— Вы, мусье Черноморцевъ, человѣкъ хорошаго общества и манеръ.

Счастливый супругъ презрительно покосился на жену.

— Домеикѣ Станиславовнѣ мѣшало еще то, что она... мужъ ее, чортъ знаетъ, какую роль играетъ въ Константинополѣ. Называетъ себя то графомъ, то княземъ, а въ Россію не смѣетъ

въѣхать... а при его супругѣ въ это время все какіе-то необыкновенно бравые офицеры состоятъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Немедлено вы отправляйтесь въ Петербургъ... Я думаю, вамъ не надо много времени на вашъ медовый мѣсяцъ?—усмѣхнулся Велинскій.—Я вамъ дамъ самыя неограниченныя средства; кромѣ того, вы, Викторъ Васильевичъ, теперь же поступаете ко мнѣ на службу съ жалованьемъ въ 12,000 въ годъ. Ваши расходы по содержанію квартиры, по устройству вечеровъ плачу я... Вы, Татьяна Борисовна, получаете отъ меня 6,000 въ годъ... Согласны?

Мужъ и жена оцѣпенѣли отъ неожиданнаго счастья.

— Мое условіе одно: соблюденіе строжайшихъ приличій. Это долженъ быть одинъ изъ самыхъ блестящихъ и педантическихъ салоновъ Петербурга. Поняли? Впрочемъ, вотъ еще что,—это вамъ будетъ понятнѣе: въ случаѣ малѣйшаго уклоненія отъ моихъ приказаній, я васъ лишаю своего покровительства. Имѣйте въ въ виду, что Доменика Станиславовна не безъ борьбы уступитъ вамъ свое мѣсто. Но въ этомъ случаѣ я надѣюсь на вашу ловкость, да и самъ съумѣю помочь вамъ... А теперь—первое мое приказаніе: не угодно ли вамъ немедленно помириться... Я бы предложилъ вамъ поцѣловаться, да боюсь, чтобы вы не укусили другъ друга... О ссорѣ вашей никто не долженъ знать и такихъ чтобъ впередъ не бывало... Слышите? Иначе...—недокончилъ онъ.

— Не безпокойтесь, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Я и не безпокоюсь, я вамъ плачу — вы должны повиноваться. Не послушаетесь—цѣняйте на себя!

И Велинскій вышелъ, забывъ подать имъ руку на прощаніе.

— Слава Богу! Все устроилось!—забѣгалъ по комнатѣ Черноморцевъ.

— Я вамъ никогда, никогда не прощу этого!—примирительнымъ тономъ заговорила Татьяна Борисовна.

— Если женщина говоритъ никогда, значитъ сейчасъ... Да и зачѣмъ намъ ссориться? Мы одного поля ягоды. Повѣрьте, что въ союзѣ мы будемъ и сильнѣе, и спокойнѣе. Давайте руку.

И онъ наклонился поцѣловать ее.

— Объявимъ весь міръ на военномъ положеніи и станемъ создавать себѣ фортуну. Не удалось въ одномъ — повезетъ въ другомъ.

— Что?...

— Забудемъ объ этой безобразной сценѣ, какъ будто ея не было,—разчувствовалась Татьяна Борисовна.

— Тата, милая.

И нѣжные супруги упали въ объятія другъ къ другу.

IX.

Первый ударъ.

Курьерскій поѣздъ изъ Вѣны медленно подходитъ къ нашей границѣ.

За Прерау послышались первые звуки русскаго языка; это возвращавшіеся назадъ соотечественники, наконецъ, рѣшились выдать свое инкогнито. Бѣлобрысенькій нѣмчикъ съ тщательно прилизанными височками, сидѣвшій въ одномъ вагонѣ съ знакомыми читателю туристами, вдругъ оказался московскимъ купеческимъ сыномъ, да еще Саввой, да еще Синепуповымъ. Толстый господинъ, котораго за его рыжіе бакены, безцвѣтные глаза и шотландскую шапочку все время принимали за англичанина, объявился Евфремомъ Ферапонтовичемъ Преображенскимъ, довольно извѣстнымъ сотрудникомъ большой петербургской газеты, а чахлая француженка съ носомъ больше ее самоё и зоркими черными глазами, утонувшая въ уголку вагона, ни съ того ни съ сего крикнула: «Батюшки, гдѣ мой узелокъ?.. Родные! вѣдь, я его на станціи забыла!..» Узелокъ тотчасъ же отыскался у ней за спиною и сама она вышла Анной Васильевной Пятницкой изъ Нижняго, безъ толку пролечившейся нѣсколько мѣсяцевъ за границей. Всѣ расхохотались. Словно нарочно, ясная погода по мѣрѣ приближенія къ сѣверу стала портиться. Подъ Оденбергомъ пошелъ дождь.

— Ахъ, папа, оставались бы мы лучше въ Италіи... Теперь въ Петербургѣ туманъ, слякоть...

— А все-таки дома!—довольнымъ тономъ отозвался Столѣшниковъ.

— Что-жь дома? Хорошъ домъ!

— Я тоже соскучилась по Россіи!—томно отозвалась Татьяна Борисовна, въ пылу супружескихъ ласкъ совсѣмъ прижавшая бѣднаго Черноморцева къ стѣнѣ.—Наконецъ-то мы, Витя, успокоимся и отдохнемъ... Витя попробовалъ было сдвинуть на-

валившуюся на него тушу и только вздохнулъ, сообразивъ тщету своихъ усилій. Коротковскій тоже былъ мрачнѣе тучи.

— Я не понимаю васъ!—шепнула ему Надя, когда они выходили изъ вагона въ Прерау.

— Что такое?

— Вы меня любите?

— Больше жизни, Надя! Что значитъ это «вы»?

— Что же вы молчите?.. Вы знаете, папа во мнѣ души не слышитъ... Онъ не откажетъ.... или вы не хотите?..

— Надя!—запротестовалъ было художникъ, но въ это время дали третій звонокъ и они вошли въ вагонъ.

— Что ты такой угрюмый сегодня?—приставалъ къ нему Черноморцевъ.

— Такъ, ничего...

— Или совѣсть неспокойна? Вѣрно, хвостъ замаранъ, — боишься? Признавайся: боишься?

— Ничего я не боюсь.

— Во всѣхъ Женевахъ побывалъ, а вотъ сейчасъ пожалуйте къ разсчету... Потомственный дворянинъ Коротковскій здѣсь?.. Здѣсь... Целѣно васъ представить...

— Какую ты чушь несешь!

Поѣздъ пошелъ тише... и вовсе остановился. Вдали блеснули огоньки вокзала.

Граница.

— Господа, пожалуйте ваши паспорта!—показался въ дверяхъ вагона жандармъ.

— Ну, пропалъ бѣдный Леонтій Петровичъ!—не выдержалъ Черноморцевъ.—Теперь, братъ, подавай свою внутреннюю политику на чистоту...

— Что съ вами въ самомъ дѣлѣ?—съ участіемъ обратилась къ Коротковскому Надя.

— Такъ себѣ... на меня туманъ скверно дѣйствуетъ... Мы, художники, любимъ солнце.

— Солнце нужно съ собою въ душѣ носить. Оно тогда и будетъ освѣщать все.

— Ого, Надежда Адреевна, да вы совсѣмъ поэтъ,—отозвался Велинскій, — у васъ солнце не въ одной душѣ, и въ волосахъ тоже. Кто это васъ золотою красавицей назвалъ первый?

Надя покраснѣла.

— Въ Генуѣ. италіанецъ одинъ...

— Да, теперь золото въ цѣнѣ.

— А что? Бумажки опять упали?—очнулся старикъ Столѣшниковъ.

Всѣ расхохотались. Поѣздъ докатился до вокзала. Таможенные чиновники набросились на чемоданы. Одинъ все добивался у Коротковскаго, зачѣмъ у него столько платья новаго. «Я не ношу стараго, лакеямъ дарю»,—отбился онъ. Другіе переворошили сундуки Татьяны Борисовны и съ особеннымъ удовольствіемъ вынимали и развертывали на виду разные секретные предметы дамскаго гардероба. Ишь у васъ кружевца-то... повсемѣстно, а за кружевца-то, ежели по всей строгости, надо бы пошлину.

Наконецъ, все кончилось... разсѣлись опять по вагонамъ... вошелъ тотъ же жандармъ.

— Господа, ваши паспорта... Дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Сергѣевичъ Велинскій.

— Я.

— Получите... Отставной ротмистръ Черноморцевъ. Получите. Временный первой гильдіи купецъ Столѣшниковъ.

— Я.

— Вашъ-съ...Бронницкій мѣщанинъ...Левонтій Коротковскій...

— Какъ мѣщанинъ!—вырвалось у кого-то... Леонтій Петровичъ?... Вѣрно перемѣшали, случается...

— Это ошибка... это—такъ,—покраснѣлъ и растерялся художникъ, не зная куда ему дѣваться.

— Паспортъ вашъ-съ?—озабочено обратился къ нему жандармъ.

— Мой...

— И получайте... А ошибки у насъ быть не можетъ... мы къ этому дѣлу приставлены; намъ ошибаться нельзя. Да-съ.

— Развѣ это не все равно?—недоумѣвающимъ голосомъ переспросила Надя.

— Разумѣется, все равно,—сомнительно протянулъ Велинскій.

— Нѣтъ, я потому, что Леонтій Петровичъ давича, помните, о шестой книгѣ говорилъ,—какъ будто оправдывался Черноморцевъ.

Надя вспыхнула и разозлилась.

— Знаете, Черноморцевъ, я этихъ дѣленій не знаю. Я воспитывалась въ странѣ, гдѣ на это давно перестали обращать вниманіе порядочные люди... Изъ-за чего это толкуютъ, право?

Коротковскій,—простите, что я васъ такъ фамильярно называю,—Коротковскій—признанный талантъ и дѣлаетъ честь странѣ, которой онъ принадлежитъ... Если онъ и мѣщанинъ (не могу сообразить, зачѣмъ онъ стыдится этого и скрываетъ!), такъ ему слѣдуетъ помнить, что мѣщанинъ Коротковскій одинъ, а дворянъ Черноморцевыхъ по сорока на дюжину... Сколько угодно...

— Какъ по сорока на дюжину!.. Это еще что такое?—расхохотался Велинскій.

— Такъ у меня средніе люди на три сорта дѣлятся. По сорока на дюжину—послѣдній сортъ, по двѣнадцати—второй и по одному—первый.

— Такъ вы меня къ послѣднему сорту отнесли?—засмѣялся въ сущности глубоко уязвленный Черноморцевъ.

— Теперь,—наклонился къ нему Велинскій, сидѣвшій противъ,—помните, что я говорилъ вамъ?

— Какъ же!—тоже шопотомъ отвѣтилъ Черноморцевъ.—Я развѣ потому, Надежда Андреевна... Я совсѣмъ иныхъ убѣжденій человѣкъ. Меня въ корпусѣ за либерализмъ даже драли. Я не то, что. Въ шестидесятыхъ годахъ въ юмористическихъ журналахъ стихи даже писалъ. А я потому, что въ недоумѣніе пришелъ... Какъ же, думаю, нашъ знаменитый, талантливый—ужь это, извините, я за глаза и въ глаза справедливъ—нашъ знаменитый, талантливый Коротковскій—мѣщанинъ, а жена его, Александра Яковлевна, купчихой первой гильдіи пишется....

Точно громомъ ударило. Надя помертвѣла вся... Не нашлась. Что это: сонъ или въ явѣ?... Какъ голова болитъ.

— Да вы лжете, лжете... Слышите?... Лжетъ, вѣдь, онъ, Лебитій Петровичъ?

Коротковскій, побѣлѣвшій, какъ стѣна, молчитъ... Только глаза горятъ...

— Зачѣмъ же мнѣ лгать?... Вѣдь, я и Капитона Гавриловича Бубнова имѣю честь знать,—также точно недоумѣвающимъ тономъ продолжалъ Черноморцевъ, ни къ кому, повидимому, не обращаясь.

— При чемъ тутъ мой отецъ?—грубо оборвала его Ксенія.

— Виноватъ, простите... При дочери бы не слѣдовало... А только г-жа Коротковская Капитону Гавриловичу и не совсѣмъ чужая. Что же, дѣло обыкновенное! Г. Бубновъ еще не старикъ. Дѣвушки, разумѣется, этого не понимаютъ.

— Витя!

— Что, милая?

— Довольно... Будетъ тебѣ говорить гадости... Эти мужчины, Сергѣй Сергѣевичъ... да, впрочемъ, вы сами знаете...

Надя еще ничего сообразить не можетъ. Ужь очень неожиданно пришибло... Вотъ чѣмъ она окончилась, эта чудная поэма любви! Ахъ, не даромъ у нея еще вчера такъ болѣло сердце!.. Да за что-жь? Что она-то имъ сдѣлала? Говорилъ, любитъ—и лгалъ, лгалъ... Впрочемъ, когда же онъ лгалъ? Онъ молчалъ только... Господи! хоть бы уйти куда. Заперли всѣхъ вмѣстѣ— и сиди тутъ, слушай, что будутъ говорить они... «Скоро же ты кончилось, мое счастье! Какъ разомъ пришло, такъ и ушло негаданно... И онъ ни слова... Что же сказать ему?.. Какъ въ виски стучитъ. И душно, душно здѣсь, дышать нечѣмъ». Она опустила раму окна и высунула голову на воздухъ. Поѣздъ несся шибко, шибко, вѣтеръ прямо въ лице ея дулъ, шумя въ ушахъ, обдавая ее чадомъ отъ локомотива, уголь падалъ въ ея волосы, на ея щеки.

— Надя... Надя! — кто-то взялъ ее за руку.—Закрой окно— простудишься.

Столѣшниковъ беретъ ее за талію и сажаетъ. Какое молчаніе кругомъ—всѣмъ тяжело. Никто ни слова.

— Ксенія!—нервно заговорила Надя, точно не умѣя совладать съ собою.

— Что?—очнулась та.

— Ты права... Помнишь въ Тріентѣ ночью разговоры наши? Ты права, совсѣмъ права...

Долгій, протяжный свистъ. Поѣздъ останавливается.

— Выйдемъ-те, Надежда Андреевна. Вамъ надо успокоиться,— отеческимъ тономъ предложилъ ей Велинскій.

— Дайте вашу руку, Сергѣй Сергѣевичъ. Благодарю васъ... Что это, что это все значитъ?

— Да развѣ вы не знали объ этомъ?

— Нѣтъ... а вы знали?

— Зналъ, но молчалъ. Иначе и не могло быть. Если бы я сказалъ это, вы объяснили бы самыми низкими побужденіями съ моей стороны. Я предоставилъ Коротковскому самому сообщить вамъ о своихъ дѣлахъ, разъ уже вы имъ заинтересовались. Поймите, я не могъ говорить объ этомъ. Нужно быть такимъ негодяемъ, какъ Черноморцевъ...

— Благодарю васъ... Куда уйдти мнѣ?... Я не могу сидѣть

теперь со всѣми вмѣстѣ. Особенно съ этимъ, съ Коротковскимъ!— принудила она себя назвать его фамилію.

— Это я вамъ сейчасъ устрою. Кондукторъ, есть купе? И Велинскій всунулъ ему въ руку какую-то бумажку.

— Есть, прошу пана... тутъ...

— Садитесь, Надежда Андреевна. Онъ сейчасъ принесетъ вамъ ваши вещи.

— Позовите ко мнѣ Ксенію.

Оставшись одна, Надя бросилась лицемъ въ подушки. Бубнова, войдя къ ней, застала дѣвушку рыдающей.

— Хорошо?—подбѣжалъ Черноморцевъ къ Сергѣю Сергѣевичу.

— Я доволенъ вами... Вотъ еще: разъ навсегда, не ожидайте отъ меня одобреній. Вы исполняете свою обизаность по договору, я вамъ плачу. Мы квиты. Зачѣмъ еще похвалы?

— Ахъ, Сергѣй Сергѣевичъ, мнѣ такъ жаль Коротковскаго,— вступилась Татьяна Борисовна.

— И мнѣ его жаль. Совсѣмъ съ пьедестала долой... Разбился бѣдный божокъ.

— Эге! такъ я карашо знай этотъ дамъ,—вдругъ только теперь опомнился Іосифъ Прекрасный.

— Какую даму, что такое?

— Этотъ дамъ я карашо знай!—торжествовалъ Минкинъ.— Господинъ Бубновъ—какъ же! О, она ему большой гельдъ стоитъ. Красивы дамъ такой, совсѣмъ какъ Рафаэль...

— То-есть, какъ это?.. Что вы хотите сказать?

— Особно красивы дамъ, совсѣмъ какъ Рафаэль. Табло есть, Рафаэль прозывается.

— Рафаэль художникъ былъ, а не картина. Онъ самъ рисовалъ картины.

— Ну, это мнѣ се равно... я не хочу покупать его... но этотъ дамъ—серьезный дамъ.

— Вотъ какъ!

— Да... я самъ разъ видалъ... она взялъ такъ Капитонъ Гаврилычъ... фалда отъ сюртукъ въ свой рука и далъ ему до воротникъ. Потомъ она сдѣлалъ строгій физіономіе и пустилъ ему канделабръ, хорошій канделабръ, семьсотъ рублей стоитъ... и въ самый... самый назе...

— Попала?

— Нѣтъ,—вдругъ восхитился Іосифъ.—Капитонъ надувалъ ее.

— Какъ?

— Онъ себя спряталъ подъ столъ... и канделабра очень хорошо разбивалъ большой венеціанскій зеркалъ. О, я вамъ гаварютъ... это былъ настоящій романъ... романъ, который на театръ представляйтъ.

Коротковскій не зналъ, что ему дѣлать.

Онъ при первой остановкѣ поѣзда перенесъ свои вещи въ другой вагонъ и, бросившись въ уголъ, зажмурилъ глаза, точно ему хотѣлось спрятаться отъ самого себя. А думы невеселыя, старыя думы такъ и лѣзли въ голову. Просыпались давно забытыя змѣи и, шипя, поднимали свои головы... О Господи! что же онъ сдѣлалъ такого?... Исторія его была самой обыкновенной исторіей; тысячи людей дѣлаютъ то же!...

Сынъ прогорѣвшаго купца въ уѣздномъ городѣ, онъ съ дѣтства показалъ такой талантъ, что чудакъ помѣщикъ, пріѣхавшій къ себѣ въ имѣніе по сосѣдству, выпросилъ мальчика у отца и увезъ его заграницу. Коротковскій тамъ работалъ, тамъ и учился. Онъ росъ то на чудныхъ набережныхъ Неаполя въ виду ласковаго, теплаго голубаго моря, то въ старинныхъ улицахъ Рима, гдѣ новые дома и постройки, кажется, жмутся къ сторонѣ, точно желая дать болѣе мѣста остаткамъ славнаго прошлаго. Его дарованіе развивалось среди яркихъ красокъ, въ мірѣ сильныхъ страстей. подъ южнымъ знойнымъ небомъ. Ему свѣтило не наше холодное солнце, и когда онъ выросъ и вернулся, первая выставка сдѣлала ему имя. Восемнадцати лѣтъ онъ былъ уже замѣченъ. Потомъ онъ опять уѣхалъ въ Италію. Въ Конильяно. близъ Генуи, онъ заперся рисовать. Рядомъ поселилось русское семейство. Заграницей знакомятся быстро. Черезъ два мѣсяца Коротковскій женился, тогда ему еще не было и девятнадцати. Первый угаръ страсти прошелъ—и новобрачные убѣдились, что они совсѣмъ не понимаютъ даже другъ друга. На разныхъ языкахъ говорятъ... Быть женою художника оказалось далеко не такъ заманчиво, какъ издали казалось. Мужъ часто нуждался, у нея также не было ничего своего... Мелкія заботы, грошовые интересы... Онъ сталъ уходить отъ нихъ изъ дому; она, по итальянскому обычаю, завела себѣ чичисбея; Коротковскій не замѣчалъ этого. Отъ плохаго тенора, она перешла къ еще болѣе плохому композитору. Композитора смѣнилъ молодой офицеръ берсальеръ, съ пѣтушьими перьями и пѣтушьимъ задоромъ на словахъ, и въ свою очередь уступилъ свое мѣсто какому-то русскому князю. Коротковскій и съ теноромъ, и съ композиторомъ, и съ берсалье-

ромъ былъ на «ты». А князя только что собирался вызвать къ барьеру, какъ тотъ самъ удралъ обратно въ Россію, да кстати прихватилъ съ собою и жену художника. Леонтій Петровичъ махнулъ рукою на все и очень мало интересовался потомъ, что она дѣлаетъ. Какъ-то ему намекнули на то, что она попала на содержаніе къ купцу-желѣзнодорожнику. Это его только удивило.

— Мало ли Коротковскихъ на свѣтѣ... Что мнѣ за дѣло? Пусть какъ хочетъ, такъ и живетъ. Лишь бы мнѣ только не мѣшала...

Какъ-то года два назадъ онъ получилъ отъ нея письмо и не читая бросилъ въ огонь. Казалось, онъ совсѣмъ покончилъ съ своимъ прошлымъ. Но оно опять стало передъ нимъ лицомъ къ лицу... И когда? Когда онъ дѣйствительно, какъ ему казалось, полюбилъ! На что онъ разсчитывалъ въ данномъ случаѣ?

На что разсчитываютъ люди, сорвавшіеся съ кручи. Внизъ уноситъ,—разсчитывать поздно!

X.

Капище бога Плутоса.

Андрей Федоровичъ сегодня неузнаваемъ. Куда дѣвалась его семенящая походка, быстрыя движенія? Гдѣ его добродушіе, шутливость?... Увы! все это оставлено вмѣстѣ съ прочитанными газетами и окурками сигаръ въ вагонѣ. Теперь онъ на дѣлѣ, у себя, въ своей банкирской конторѣ, и тотъ, кто его видѣлъ въ пути, навѣрно нашелъ бы, что это два разныхъ человѣка. Если не самъ Юпитеръ, то, несомнѣнно, одинъ изъ олимпійцевъ передъ вами. Брови его нахмурены, глаза смотрятъ строго. Ему нѣкогда — онъ даетъ аудіенціи, по нѣсколько минутъ каждая. И онъ, разумѣется, вправѣ гордиться и собою, и своей конторою. Казалось, никогда еще богу Плутосу не воздвигалось болѣе приличнаго капища. Всюду палисандръ и мраморъ. Мраморный столъ, палисандровая мебель, палисандровыя бюро... Даже за рѣшетками кассъ, словно необыкновенныя зоологическія особи, два такихъ толстомордыхъ артельщика, которымъ позавидовалъ бы любой бульдогъ. Конторщики, разумѣется,— блистательнѣйшіе изъ служителей этого культа. Безукоризненно одѣты, но безъ шестроты, въ свѣжемъ и тонкомъ бѣльѣ, опрысканные англійскими духами, съ словно расколовшимися на двое отъ англійскихъ про-

боровъ затылками, погружены въ длиннѣйшіе ряды цифръ и итоговъ. Тишина здѣсь невозмутимая, такая тишина, что даже вкладчики говорятъ только шепотомъ, словно и ихъ охватываетъ священный ужасъ. Одни артельщики щелкаютъ костяшками на счетахъ, да шелестятъ толстыми пачками ассигнацій. Громадныя зеркальныя окна пропускаютъ сюда вволю свѣта, и самое солнце, проникая въ этотъ банкирскій храмъ, дѣлается какъ будто скромнѣе. Съ величайшимъ почтеніемъ оно отражается на внушающей необыкновенное довѣріе вкладчикамъ громадной лысинѣ главнаго помощника, у котораго, очевидно, всѣ волосы, сойдя съ своего мѣста, помѣстились пучками подъ круглыми, какъ у совы, глазами. Скользнувъ благоговѣйно по этой классической лысинѣ, солнечные лучи на мгновеніе теряются въ выхоленныхъ бакенахъ до такой степени внушительнаго господина, читающаго газету, что самыя неукротимыя обоего пола лица мгновенно понижаютъ тонъ, говоря съ нимъ. Его, впрочемъ, и держатъ только за представительность. Это отставной генералъ Любскій-Дубасовъ. Его обязанность читать газету и разговаривать съ посѣтителями. Бесѣдуя съ вами, онъ дѣлаетъ вамъ одолженіе, указывая вамъ на кресло — милость. Если вы ему по незнанію протягиваете пачку ассигнацій, онъ брезгливо показываетъ выхоленнымъ пальцемъ на одного изъ толстомордыхъ артельщиковъ и кратко роняетъ: «туда!» Но и онъ, подходя къ дверямъ святилища, гдѣ, если не поджавъ ноги подъ себя на бархатной подушкѣ, то все равно развалясь въ креслѣ, сидитъ самъ Столѣшниковъ, божество сихъ мѣстъ,—подходя къ этимъ дверямъ, генералъ сначала откашливается, секунду прислушивается и, наконецъ, полунаклонясь, осмѣливается пріотворить ихъ. Вообще въ этой конторѣ вы теряетесь разомъ. Явились вы съ деньгами и видите, что ряды такихъ же, какъ и вы, стоятъ и сидятъ съ своими дарами въ рукахъ, ожидая очереди. Громадный швейцаръ съ четырьмя георгіями на груди и такими усами, изъ которыхъ можно было бы выкроить двѣ хорошихъ бороды, нехотя отворяетъ вамъ двери, неодобрительно смотритъ на васъ. «Много васъ такихъ шляется», словно говоритъ его взглядъ. «Туда!» односложно показываетъ онъ на длинный хвостъ ожидающихъ. Подойдете вы къ одному изъ безукоризненныхъ молодыхъ людей, засѣдающихъ за своими бюро, онъ молча наклонитъ голову, молча выслушаетъ васъ и тоже уронитъ въ тонъ одно слово «туда», показывая на слѣдующее бюро. Въ слѣдующемъ окинутъ васъ съ ногъ до головы

уничтожающимъ взглядомъ, посмотрятъ въ книги, свѣрятъ, что надо, черкнутъ какое-то китайское слово на клочкѣ, ткнутъ этотъ клочекъ вамъ въ руки—и опять: «туда», по направленію къ кассѣ. Въ концѣ-концовъ, вы преисполняетесь такой робости, что, рискуя разрывомъ сердца, задерживаете кашель, машете руками на даму, громко разговорившуюся съ вами, и сами ужъ шепчете ей на ухо: «туда!» Почтительное солнце скользитъ по всѣмъ этимъ наклоненнымъ, лысымъ и расчесаннымъ, чернымъ и русымъ головамъ и, такъ сказать, погладивъ ихъ, меланхолически блеститъ на полированныхъ дверяхъ святилища. Словно и ему хочется поклониться божеству сихъ мѣстъ. Но увы! божество сихъ мѣстъ столько же нуждается въ солнцѣ, сколько священный бѣлый слонъ въ гиперборейскихъ льдахъ, и бѣдному лучу остается только уныло трепетать на палисандрѣ и озарять простыхъ смертныхъ, окончательно растерявшихся и перепуганныхъ отъ этого однообразнаго и постояннаго: «туда... туда... туда»... Вотъ послышался звонокъ телефона. Главный помощникъ подошелъ къ нему. Оказывается, что-то важное. Выслушалъ, записалъ и двинулся къ дверямъ, какъ-то неслышно, крадучись, какъ умная кошка приближается къ неосторожному воробью. Стукнулъ въ дверь, дождался отвѣта оттуда и вошелъ.

— Что такое?—недовольно оглянулся Столѣшниковъ.

— Доменика Станиславовна проситъ сегодня вечеромъ. Важныя извѣстія. Она узнала, что завтра поступаютъ на биржу паи «Лѣсопромышленности» опять по низкой цѣнѣ.

Андрей Федоровичъ сдвинулъ брови.

— Громадный убытокъ... громадный убытокъ... Ничего не понимаю... Ронтальскій здѣсь?

— Ждетъ.

— Пошлите.

Главный помощникъ неслышно выскользнулъ изъ кабинета, также неслышно скользнулъ къ еврею, сидѣвшему въ креслахъ среди публики, и шепнулъ ему, указывая на дверь: «туда». Еще недавно Мошка, а теперь Моисей Моисеевичъ Ронтальскій, подобрался, почему-то втянулъ въ себя животъ, смахнулъ шелковымъ платкомъ пыль съ сапоговъ, послюнилъ палецъ и прижалъ имъ какъ-то непокорный клокъ волосъ на вискѣ, очевидно, послѣдній остатокъ когда-то красовавшейся здѣсь пейсы, и на носочкахъ вошелъ къ Столѣшникову.

— Здравствуйте, Ронтальскій... Я вами доволенъ... Вы получили тамъ куртажъ?

Ронтальскій безмолвно поклонился.

— Доменика Станиславовна передаетъ, что завтра онять поступитъ на биржу партія «Лѣсопромышленности».

Еще молчаливый поклонъ.

— Я положительно теряюсь, что это значитъ... ничего не понимаю. Общество стоитъ твердо... Кому надо? Главная масса паевъ у меня и у Велинскаго.

Ронтальскій все еще не разжималъ рта: онъ ожидалъ приглашенія.

— Вы... Что вы думаете?..

— Одинъ странный признакъ... Я замѣтилъ, что акціи предлагаются, но когда являются покупатели, Слонимскій объявляетъ, что все уже запродано... Очевидно, только игра на пониженіе идетъ... Я уже исповѣдывалъ Сигизмунда Болеславича, но онъ молчитъ. Значитъ, или ему хорошо заплачено, или...—колебался Ронтальскій.

— Что или?

— Или это идетъ,—онъ совсѣмъ заговорилъ шепотомъ,—отъ очень могущественнаго лица.

— Напримѣръ.

Ронтальскій подошелъ къ самому уху Столѣшникова.

— Велинскій,—только и уронилъ еврей.

— Не можетъ этого быть! Какая ему цѣль? Мы и безъ биржи могли бы столковаться; всю жизнь вмѣстѣ работали.

— И я не знаю, почему и какъ, но вотъ здѣсь.—коснулся онъ своего боковаго кармана,—мнѣ что-то говоритъ, что это Велинскій. Бумаги предлагаются слишкомъ большими партіями.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть... Этому я никогда не повѣрю. А что это за штука такая съ старгородскими акціями? За послѣднее время вы ихъ покупаете по очень высокой цѣнѣ.

— Вы приказали.

— Да, но надо уронить ихъ. Я же сообщалъ вамъ свой планъ.

— Тотъ же Сигизмундъ Болеславичъ Слонимскій вздулъ ихъ. На десять рублей акцію поднялъ.

— Да позвольте... Такъ, значитъ, онъ совсѣмъ противъ меня? Хорошо!—Столѣшниковъ прижалъ пуговку электрическаго звонка.

Генералъ Любскій-Дубасовъ показался въ дверяхъ.

— На какую сумму у насъ векселей г. Слонимскаго?

— Всѣ оплачены.

— Какъ оплачены!—привскочилъ Столѣшниковъ.

— Недѣлю тому назадъ еще... до послѣдней копѣйки...

Андрей Федоровичъ молча смотрѣлъ на Ронтальскаго. Ронтальскій на него.

— Идите!—приказалъ онъ обоимъ.

«Нѣтъ, тутъ что-нибудь другое... Велинскій—никогда не повѣрю! Эта какая-нибудь новая сила на биржу пробивается. Велинскому никакой прямой выгоды нѣтъ... и не можетъ быть... Но какъ ловко, какъ вѣрно дѣйствуютъ... Нужно узнать!.. Непремѣнно нужно узнать... У меня уже полмилліона убытку. Когда еще удастся взбить старгородскія акціи!»

Столѣшниковъ долго сидѣлъ молча, о чемъ-то соображая, пока въ дверь не послышался стукъ. Генералъ просунулъ голову и доложилъ:

— Редакторъ Тарасъ Васильевичъ Левшинъ.

Маленькій, юркій человѣчекъ, вихрастый, съ очками, все сползавшими на кончикъ вздернутаго, какъ у моськи, носа, вбѣжалъ въ комнату, схватилъ руку Столѣшникова и сталъ ее пожимать, точно пробуя свою силу.

— Радъ... Вотъ какъ радъ... Соскучился. Ну что, во всѣхъ заграницахъ побывали?

— Да... съѣздилъ. Какъ дѣла?

— А!—отмахнулся Левшинъ.—Какія дѣла... Кто читаетъ въ настоящее время? Кому литература нужна? Кабакъ нуженъ, публичный домъ еще того нужнѣе, а печать псу подъ хвостъ! Дѣла! Вотъ четвертый годъ борюсь съ равнодушіемъ подписчиковъ, и побороть его не могу. Еще до сихъ поръ изъ первой тысячи выйти не могу... Ужь, кажется, на что я ни пускался. Никому печать не нужна теперь!

— Ну, отчего же? Это журналамъ плохо, а газеты идутъ недурно. Голосъ, Новое Время большіе дивиденды даютъ.

— Имъ везетъ, а мнѣ не везетъ. Они угодили, а я не угодилъ. Ужь, кажется, практикъ, вѣдь, я въ литературу не съ небесъ сунулся: жизнь изучалъ (Левшинъ до газеты содержалъ мѣняльную лавку и гласную кассу ссудъ), а ничего не могу!

— Ужь очень проходимисты сотрудники у васъ.

— Ну, какже... Одинъ профессоръ даже, а теперь я къ себѣ такую собаку залучилъ...

— Кого это?

— О Преображенскомъ слышали? Ну, вотъ. Онъ самый. Экономистъ, и ругатель, и практикъ тоже. Не изъ нищихъ. Въ правленіи засѣдаетъ, въ сенатѣ служитъ. А, главное, кусаться мастеръ... Въ клочки изорветъ, потомъ даже и не сообразить за что!

— Я его встрѣтилъ на дорогѣ... Послушайте, что это вы со мной дѣлаете? Вѣдь, не по уговору.

— На счетъ чего же-съ?

— А относительно старгородской желѣзной дороги. Что вы обѣщали: рядъ статей. Надо было уронить ее на биржѣ.

— Я было и началъ печатать.

— Ну?

— А это видѣли?—и Левшинъ вытащилъ изъ кармана нумеръ какой-то большой газеты.—Имъ. вѣдь. до всего дѣло есть. Коммерціи не понимаютъ и съ своею глупою честностью только портятъ намъ все. Прочтите-ка передовую.

— Послушайте... Да, вѣдь, здѣсь неопровержимо доказывается, что старгородская дорога прочно стоитъ, а вы молчите!

— Сами, вѣдь. говорите: неопровержимо... Что-жь тутъ скажешь? А, впрочемъ. и на это начхать. Отвѣтили бы. А вы на цифры-то обратили вниманіе?

— Ну-съ?

— Не понимаете? Развѣ это въ редакціи составлено? Вы вдумайтесь. Вѣдь, эту статью сообщилъ кто-нибудь изъ нашихъ же. Вѣдь, въ редакціи развѣ такъ пишутъ? Никакихъ разсужденій: одни итоги и цифры. Понюхайте-ка, чѣмъ эта статья пахнетъ. Кто такъ можетъ написать? Вышнеградскій — онъ не станетъ. Живаго теперь сановникомъ сталъ и только одною опереткою занимается...

— Чортъ знаетъ что... Все противъ меня нынче. Когда статья появилась?

— Сегодня.

— Странно. Вы помните статьи Велинскаго въ прежнее время?

— Еще бы! Я и хотѣлъ сказать, это не безъ Сергѣя Сергѣевича; есть тутъ его коготокъ...

— Вы будете отвѣчать?

— Разумѣется; я уже спустилъ съ цѣпи Преображенскаго. Завтра прочтете. Только клочья шерсти вверхъ полетятъ. Я вамъ говорю, такой собаки давно не было... Толстый, спокойный, ка-

жется, глаза какъ у мерзлаго судака—мертвые, а онъ весь ядомъ пропитанъ. Но ему... вы знаете, особо.

— Хорошо, хорошо, вы генералу счетъ дадите; они, вѣдь, и въ родствѣ, кажется; онъ уплатитъ. Вотъ еще что: на биржѣ интрига идетъ противъ «Лѣсопромышленности»... Общество прочное, а акціи стараются уронить. Возьмите у моего главнаго помощника цифры и, пожалуйста, погорячѣе статейку, чтобъ въ носъ била. Вечеромъ у Доменики Станиславовны увидимся.

— Да, какже.

— Кстати, захватите съ собой и Преображенскаго. Надо его ввести въ нашъ кругъ.

— Ну, ужь на это слуга покорный.

— Почему?

— А потому, что я ему ходу давать не намѣренъ. Платить буду, и хорошо платить, а концовъ въ руки ни за что. Преображенскихъ, батюшка, нужно въ черномъ тѣмъ держать, потому онъ или перебѣжитъ, каналья, или свою газету сейчасъ. Какъ только силу почувствуетъ, сейчасъ свою газету. Вѣдь, у нихъ развѣ совѣсть?—патетически сокрушался редакторъ,—у нихъ вмѣсто совѣсти-то табличка умноженія...

Левшинъ ушелъ.

За дверями послышались шаги и въ кабинетъ къ Столѣшникову вбѣжала, отряхиваясь отъ обильно усыпавшихъ ее капель дождя, Надя; за нею показалось блѣдное личико Ксеніи.

— Я на одну минутку къ тебѣ, папа... только посмотрѣть, что ты тутъ дѣлаешь. Мы поѣхали кататься...

Въ эту минуту въ контору влетѣлъ Рентальскій.

— Простите, что я безъ доклада... Важное дѣло.

— Что?

— Сегодня «Лѣсопромышленность» рухнула.... ужь теперь предлагаютъ покупать ее—никто не хочетъ. Что дѣлать?

Андрей Федоровичъ схватился за голову.

— Зовите Семена Семеновича. Семенъ Семеновичъ, сколько у насъ вкладовъ сегодня? Вообще сколько денегъ всего?

— Сейчасъ скажу,—и главный помощникъ исчезъ въ контору.

— Кто же продаетъ? Слонимскій?

— Нѣтъ, Слонимскій сегодня придержался; другіе владѣльцы перепугались и продаютъ за что ни попало.

— У насъ по кассѣ сто пятьдесятъ тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ рублей.

— Нужно поддержать... Ронтальскій, на всю сумму заказъ на биржу. Скупить всю партію «Лѣсопромышленности»... во что бы то ни стало!

И Столѣшниковъ выпрямился.

— Посмотримъ, чья возметъ. Кто бы ни былъ ты, неизвѣстный врагъ, а я съ тобой еще потягаюсь!... Не даромъ я тридцать лѣтъ веду эту игру... Ронтальскій, въ банкъ. и какъ можно самоувѣреннѣе... говори прямо, что все станемъ скупать.— перешелъ онъ на «ты».

Главный помощникъ, генералъ и Ронтальскій низко-низко склонились передъ нимъ, когда онъ вышелъ вонъ, никого не видя и ничего не замѣчая. Вѣтеръ дулъ ему въ лицо, дождь хлесталъ его. Андрей Федоровичъ быстро оставилъ за собою Морскую и двинулся къ набережной. Онъ прошелъ насквозь черезъ Адмиралтейство и повернулъ къ одному изъ новыхъ громадныхъ домовъ надъ Невою.

— Сигизмундъ Болеславичъ Слонимскій дома?

— Дома, пожалуйте,— впустилъ его въ подъѣздъ швейцаръ.

Сбросивъ мокрое пальто, старикъ поднялся въ четвертый этажъ и позвонилъ.

Толстый господинъ съ длинными усами и необыкновенно благородной, какая бываетъ только у шулеровъ, физіономіей отворилъ ему дверь.

— Андрей Федоровичъ... Васъ ли я вижу?.. Дорогой гость... Какая честь,—заторопился тотъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Слонимскій, и на одну минуту!

— Въ кабинетъ, въ кабинетъ... Вотъ вамъ мягкое кресло, сигарочку. У меня отъ Фохта, да вы не безпокойтесь: сто рублей—ящикъ. Недурныя...

— Слонимскій. вы помните 1874 годъ? Кто васъ спасъ отъ тюрьмы?

— Развѣ я забылъ когда-нибудь, Андрей Федоровичъ? Умирать буду...—какъ-то сжался онъ, не докончивъ.

— Кто помогъ устроиться вашей сестрѣ... или кузинѣ, что ли?.. Кто васъ еще въ январѣ выручилъ?.. Я знаю, что въ нашемъ мірѣ благодарность считается глупостью. Люди платятъ только по векселямъ, но, вѣдь, быть можетъ, придетъ еще время, когда я вамъ понадоблюсь. Разсчитайте это. Слонимскій... Я вамъ задамъ только одинъ вопросъ.

— Пшепрашемъ... Сейчасъ... Все, что вамъ угодно,—заторопился тотъ.

— Не суетитесь. Акціи «Лѣсопромышленности» падаютъ... Старгородскія идутъ въ гору. Я терплю страшные убытки. Но я выдержу,—все это пустяки,—сжалъ онъ зубы.—Слонимскій, весь узелъ этого въ вашихъ рукахъ.

— Посмѣлъ ли бы я?..

— Не лгите... Помните, я не требую отъ васъ ни именъ, ни указаній. Я знаю: вамъ хорошо заплачено. Скажите мнѣ только одно: случайность это или мнѣ объявлена война?

Слонимскій задумался. Столѣшниковъ зорко смотрѣлъ ему въ лицо.

— Видитъ Богъ, я бы вамъ не сказалъ ни слова,—внезапно тронутымъ голосомъ заговорилъ онъ.—Ни то, что вы спасли меня отъ тюрьмы, ни то, что не разъ выручали меня,—все это ни къ чему меня не обязываетъ. Я, Андрей Федоровичъ, помню другое, то, что вы забыли. Когда я былъ моложе и честнѣе, или глупѣе, что ли, я очень любилъ жену... Она, умирая, оставила мнѣ дочь. И вотъ она-то отдаетъ меня въ ваши руки... Помните, дочь моя въ оспѣ лежала? Меня здѣсь не было и нашелся только одинъ ангелъ, который не отошелъ отъ ея постели, не испугался, до конца выдержалъ и спасъ мою малютку!

— Моя Надя?

— Да!.. и ради нее я вамъ скажу... Ваши неудачи не случайны. Противъ васъ ведетъ войну могущественный врагъ. Именемъ Надежды Андреевны клянусь вамъ, я не понимаю его побужденій. Я не могу взять въ толкъ, что ему надо. Я знаю только одно: васъ хотятъ разорить.

— До какой суммы велѣно вамъ дѣйствовать?

— На это ассигнованъ милліонъ.

Весь блѣдный вскочилъ Столѣшниковъ и зашатался. Слонимскій кинулся къ нему и поддержалъ во время.

— Дайте воды, воды... Спасибо... Ничего. Теперь я самъ... Не ведите меня; я оправился... Теперь я твердъ. Благодарю, Слонимскій, и за это!.. О нашемъ свиданіи никому ни слова.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Молчать въ моихъ интересахъ.

— Еще одинъ вопросъ, Сигизмундъ Болеславичъ. Этотъ мой врагъ имѣетъ поводъ меня ненавидѣть?

— Нѣтъ.

— Что онъ выигрываетъ отъ моего разоренія?

— Ни копѣйки. Напротивъ, проигрываетъ.

— Когда онъ началъ дѣйствовать?

— Двѣ недѣли назадъ.

— Меня не было въ Петербургѣ?

— Да.

— Вы лично отъ него получали приказанія?

— Больше не спрашивайте: я не скажу вамъ ни слова.

— Ну, и на томъ спасибо. Настанутъ лучшія времена. Я не изъ тѣхъ, которые сдаются безъ боя. Что-жь? И отъ неравнаго не прочь... У меня тоже есть друзья и союзники. Я приказалъ сегодня скупить всѣ предложенные на биржѣ паи «Лѣсопромышленности».

— У васъ есть акціи дементьевской мануфактуры?

— Есть.

— Завтра я брошу на биржу ихъ на пятьдесятъ тысячъ по самой низкой цѣнѣ.

— Новый ударъ?

— Да... Еще одинъ совѣтъ: будьте осторожны съ крупными вкладами.

— Мои вкладчики мнѣ вѣрятъ... Фирма моя стоитъ прочно.

— Вѣрьте, что я первый этому радуюсь.

— Вѣрю... Да вамъ и не за что меня ненавидѣть... Прощайте, Слонимскій...

И опять вѣтеръ и дождь встрѣтили старика на улицахъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЗЕПИНЦЫ *).

III.

Козацкое посольство въ Константинополь.—Данная этому посольству инструкція.—Вліяніе козаковъ на вопросъ о примиреніи Турціи съ Россіею.—Колебаніе турецкой политики.—Царь приказываетъ собрать и прислать въ Москву родню малороссійскихъ эмигрантовъ, скрывавшихся въ Турціи.—Ихъ имущества.—Архимандритъ Одорскій и другіе малороссійскіе духовные.—Племянница Мазепы.—Челядники Мазепы.—Компанейскій полковникъ Новицкій.—Доносничество въ Украинѣ.—Данило Забѣла.—Гадяцкій протопопъ Ласогскій.—Лубенскій монахъ Дамаскинъ.—Письмо Шафирова изъ Константинополя.

Козаки старались во что бы то ни стало не допустить мира Россіи съ Турціею на такихъ условіяхъ, которыя бы оставляли царю возможность предъявить права на власть надъ малороссійскимъ народомъ. Въ декабрѣ 1711 года, изъ Бендеръ, отъ имени Орлика, носившаго титулъ гетмана, и отъ имени козачества, отправилось въ султанскую столицу посольство, состоявшее изъ слѣдующихъ лицъ: прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, Клима Довгополенка, носившаго званіе генеральнаго судьи, Ивана Максимовича, генеральнаго писаря, и Григорія Герцика, только что передъ тѣмъ пожалованнаго Орликомъ въ чинъ генеральнаго асаула. Съ ними поѣхалъ Костя Гордіенко, какъ представитель Запорожской Сѣчи и низоваго козацкаго войска.

Въ инструкціи, полученной для руководства этимъ посольствомъ отъ Орлика въ городѣ Бабѣ 3 декабря 1711 года, было сказано, что послы козацкіе прежде всего должны отъ имени Войска Запорожскаго и всей Украины изъявить благодарность Блистательной Портѣ за благодѣяніе, оказанное сосѣдствующему малороссійскому народу освобожденіемъ его отъ безчеловѣчнаго

*) *Русская Мысль*, кн. I.

московскаго ига; малороссіяне, какъ будто бы, показывали себя увѣренными, что ихъ судьба на будущее время была рѣшена по милости Турціи: она своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ принудила москаля къ миру на подходящихъ для нея условіяхъ, и, между прочимъ, обязала москаля признать Малую Россію или Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра страною, навсегда свободною и никогда силою оружія не бывшею присоединенною къ Московской державѣ. Затѣмъ это посольство должно было просить Блистательную Порту привести окончательно въ исполненіе этотъ мирный договоръ и понудить москаля, отказавшись навсегда отъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, передать ее въ управленіе избраннаго гетмана и его преемниковъ, какихъ Войско Запорожское послѣ его смерти будетъ избирать вольными голосами; далѣе посольство должно было домогаться, чтобы Блистательная Порта приняла на себя посредничество въ томъ, чтобы москали на будущее время ни явно, ни тайно не отваживались заявлять притязаніе на господство надъ Украиною послѣ того, какъ она освободится отъ рабства на вѣки. «Москаль,—говорилось въ инструкціи,—принужденный отречься отъ Украины навсегда, пусть обязанъ будетъ вывести изъ нашихъ предѣловъ свои военныя силы и выпустить на свободу задержанныхъ въ прошлую войну и сосланныхъ въ Сибирь или другія отдаленныя мѣста нашихъ военачальниковъ, чиновныхъ лицъ и всякаго званія людей украинскаго происхожденія, въ числѣ ихъ и посланцевъ изъ Запорожской Сѣчи, задержанныхъ въ Лебединѣ, и тѣхъ запорожскихъ товарищей, которые, бывши приглашены на работы въ Петербургъ за деньги, впослѣдствіи были задержаны,—одни въ Сѣвскѣ, другіе въ Вильнѣ,—а потомъ отправлены въ каторжныя работы. Пусть также москаль отпуститъ на свободу женъ и дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, сотниковъ и другихъ чиновныхъ людей, которыхъ прошлою зимою москаль, услышавши о намѣреніи Блистательной Порты объявить войну, приказалъ свезти въ Глуховъ, чтобъ устрашить украинцевъ и тѣмъ утвердить свою власть въ Украинѣ. Уходя изъ малороссійскаго края, войско московское должно передать всѣ крѣпости во власть гетмана и само, отступая, отнюдь не должно причинять ни явныхъ, ни тайныхъ оскорбленій украинскимъ жителямъ, не уводить съ собой плѣнныхъ и никому не наносить никакого ущерба. Сверхъ того, всѣ орудія, взятыя въ Сѣчи и свезенныя въ Бѣлую Церковь, москали должны возвратить или, въ слу-

чаѣ, если это имъ окажется затруднительнымъ, замѣнить ихъ другими изъ украинскихъ крѣпостей, которыя тамъ должны будутъ остаться по выступленіи московскихъ гарнизоновъ. Вообще же слѣдуетъ домогаться, чтобъ вознаграждены были всѣ убытки и потери, понесенныя украинскими жителями отъ московскихъ войскъ въ предшествовавшую войну. Прошлою зимою москаль публиковалъ въ своихъ и чужихъ краяхъ манифестъ, въ которомъ увѣрялъ, будто шведскій король, побуждая Блистательную Порту къ войнѣ противъ Московскаго государства, объявилъ ей, что польская Рѣчь Посполитая и Украина будутъ подвластны Турціи и станутъ платить харачъ. Чтобъ удерживать малороссійскій народъ подъ своею властію, москаль распространилъ вѣсть, будто наша греческая церковь будетъ унижена, церкви наши обратятся въ мечети, а народъ подвергнется взиманію тяжелыхъ налоговъ отъ Оттоманской имперіи. Для опроверженія такой клеветы посольство козацкое будетъ просить Блистательную Порту утвердить договоръ, заключенный между гетманомъ Войска Запорожскаго и крымскимъ ханомъ, и издать отъ себя удостовѣрительный документъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ намъ былъ данъ подобный отъ шведскаго короля. Въ этомъ удостовѣрительномъ документѣ (assecuratorium) пусть означится, что Украина обѣихъ сторонъ Днѣпра, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, признается на вѣчныя времена независимою отъ всякаго внѣшняго господства [1]) Хотя козаки желаютъ пребывать въ братствѣ и въ дружественномъ союзѣ съ Крымскою державою, но никто не имѣетъ права подъ какимъ бы то ни было предлогомъ домогаться вассальнаго господства надъ Украиною, а тѣмъ менѣе брать съ малороссійскаго народа дань. Никто не можетъ занять оставляемыхъ московскимъ войскомъ крѣпостей, ни воздвигать другихъ на украинской землѣ. Гетманъ Войска Запорожскаго будетъ всегда избираться вольными голосами: Блистательная Порта не можетъ его низложить, ни вмѣсто него назначить иного. Гетманъ по своемъ избраніи будетъ оказывать Блистательной Портѣ честь не личнымъ явленіемъ, а письменнымъ извѣщеніемъ о своемъ избраніи. Козаки, живущіе въ низовьяхъ Днѣпра, имѣютъ право, по прежнему обычаю, заниматься рыбными и звѣриными промыслами по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и урочи-

[1]) Ukraina ab utraque parte Borysthenis cum exercita Zaporoviensi Genteque Parvae Rossiae perpetuo sit ab omni extera dominatione libera.

щамъ вплоть до Очакова, безъ всякихъ препятствій со стороны Блистательной Порты, а украинскимъ купцамъ должно быть предоставлено право торговать во всей Турецкой имперіи наравнѣ съ природными турками безъ платежа пошлинъ. Войско Запорожское признало надъ собою протекторство шведскаго короля и не желаетъ отступать отъ этого; но это не будетъ препятствовать вѣчной дружественной связи съ Крымскимъ ханствомъ и не послужитъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между Портою и Украиною; напротивъ, дружественный союзъ между Портою и Шведскимъ королевствомъ чрезъ то прочнѣе можетъ утвердиться, для взаимной обороны отъ москалей—ближайшихъ сосѣдей съ Шведскимъ королевствомъ» [1]). Вотъ что должно было представить Портѣ козацкое посольство.

Посольство это на нѣкоторое время произвело въ Константинополѣ вліяніе, нежелательное для интересовъ россійскаго царя. При содѣйствіи крымскаго хана и французскаго посла, дѣйствовавшаго, сообразно политикѣ своего двора, въ пользу Карла XII и противъ царя Петра, турецкій дворъ осенью 1711 года сталъ уже наклоняться къ враждебному отношенію къ Россіи, а козацкіе послы, явившись въ Константинополѣ, подзадоривали турокъ надеждами на успѣхъ въ войнѣ съ Петромъ и увѣряли ихъ всѣми святыми, что вся Украина готова подняться противъ царской власти.

Вице-канцлеръ Шафировъ, видѣвшій близко ходъ тогдашнихъ дѣлъ, писалъ изъ Константинополя, что турокъ болѣе всего возстановляютъ противъ царя козаки и что нужно беречь Украину, чтобъ тамъ не произошло смятенія. Собственно самъ тогдашній визирь, заправлявшій политическими дѣлами, обдаренный русскимъ золотомъ, былъ на сторонѣ мира съ Россіею и, при посредствѣ англійскаго и голландскаго пословъ, постановлено было съ Россіею перемиріе, по которому Петръ отрекался отъ правобережной Украины, оставляя за собою только городъ Кіевъ на правой сторонѣ Днѣпра. Много, а, быть можетъ, и болѣе всего, пособило россійскому государю то, что онъ приказалъ въ 1711 г. очистить и сдать туркамъ Азовъ и срыть укрѣпленія Таганрога, чего добивались отъ него турки. Козаки были сильно встревожены этимъ перемиріемъ и Орликъ въ письмѣ къ великому ви-

[1]) Ne pro eliberatione et tutela subtquivis praetextu praetendant sibi supra Ukrainam, Exercitumque Zaporoviensem absolutum dominium vasallitum et subiectionem neve exigant aliquid vectigal aut tributum. (Переписка, стр. 64).

зирю представлялъ, что Кіевъ не можетъ существовать безъ Украины, а Украина безъ Кіева, что Кіевъ для всего малороссійскаго народа имѣетъ священное значеніе, какъ городъ, гдѣ была впервые принята и утвердилась христіанская вѣра греческаго обряда, гдѣ основался центръ просвѣщенія для малороссійскаго юношества, что Кіевъ необходимо оставить при гетманѣ Войска Запорожскаго со всею Украиною, иначе москаль, владѣя Кіевомъ, будетъ повелѣвать и Украиною; а изъ того особенно произойдетъ вредъ тогда, когда Московская держава вздумаетъ объявить войну Турціи. Орликъ представлялъ, что если отдавать козакамъ правобережную Украину, освобождая ее отъ московской власти, то нѣтъ основанія оставлять въ рукахъ москаля лѣвобережную. «Отъ правобережной Украины москаль давно уже отказался, осуждая ее оставаться пустынею,— говорилъ Орликъ въ своемъ письмѣ,—и если намъ теперь отдаютъ только эту пустыню, а лѣвобережную, заселенную, оставляютъ въ московской власти, то что же это за освобожденіе? Не только всѣ мои предшественники со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ добивались освободить отъ московскаго ига лѣвобережную Украину, болѣе близкую къ Московщинѣ, чѣмъ правобережная, но и самъ гетманъ Мазепа не въ иныхъ видахъ соединилъ оружіе войска запорожскаго съ оружіемъ войскъ его величества шведскаго короля, и вмѣстѣ съ его величествомъ прибѣгнулъ къ покровительству Блистательной Порты, какъ въ тѣхъ именно, чтобъ увидѣть независимою всю Украину и преимущественно лѣвобережную, болѣе многолюдную. Что могло этого вождя, уже престарѣлаго, безпотомнаго, богатствами преисполненнаго, любовію, милостями и довѣріемъ царя московскаго почтеннаго, что могло побудить его всѣмъ этимъ пожертвовать, какъ не желаніе даровать свободу своему отечеству? Онъ пренебрегъ всѣмъ, что могло быть ему дорогимъ на свѣтѣ, пренебрегъ и самою жизнію, лишь бы поднять свое отечество и освободить его отъ московскаго ярма» [1]). Орликъ умолялъ визиря приложить все стараніе, чтобы Турецкая имперія, ради вѣчной славы своего имени и въ видахъ обезпеченія собственной безопасности, содѣйствовала освобожденію отъ московской власти всей Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра съ главнымъ ея городомъ Кіевомъ.

При турецкомъ дворѣ опять настало колебаніе. Визири, и прежній Болтаджи, и заступившій его мѣсто въ концѣ 1711 г.

[1]) Переписка, хранящ. въ оруж. палатѣ. 1847 г. стр. 57–60.

Юсуфъ-Паша, одинаково были противъ войны съ Россіею; былъ противъ нея и великій муфтій, истолкователь божественнаго закона. Но самъ тогдашній падишахъ, султанъ Ахмедъ III, напротивъ, расположенъ былъ воевать съ царемъ Петромъ и въ особенности принималъ къ сердцу козацкое дѣло.

Толстой извѣщалъ царя Петра, что 16 сентября султанъ въ разговорѣ съ своею матерью сказалъ: «Московскій царь не исполняетъ договора и не выводитъ войскъ своихъ изъ Польши: видно, хочетъ онъ войны съ нами снова. Надѣюсь на Бога, что царь московскій насъ теперь не проведетъ! Я съ нимъ не помирюсь, пока не отниму отъ него всей козацкой земли»[1]).

Въ Москвѣ узнали, что препятствіемъ къ прочному утвержденію мира съ Турціею служатъ паче всего козацкія интриги, и весною прибѣгнули къ такой мѣрѣ — вывести изъ Украины родню тѣхъ мазепинцевъ, которые, живя въ турецкихъ владѣніяхъ, искали опоры у турецкаго правительства. Возникало подозрѣніе, что ихъ родственники и свойственники, оставаясь въ Украинѣ, ведутъ съ ними тайныя сношенія. 8 апрѣля 1712 года, чрезъ канцлера Головкина послѣдовалъ царскій указъ гетману Скоропадскому и находившемуся при немъ постоянно царскому резиденту Протасьеву выслать въ Москву на жительство близкихъ родственниковъ важнѣйшихъ мазепинцевъ, пребывающихъ въ Турціи: сына Ломиковскаго, брата Максимовичева, мать, жену и братьевъ Мировича, жену Дмитрія Горленка [2]), жену Бутовича, женъ двухъ братьевъ Герциковъ, шурьевъ Орлика и Семена Забѣлу, котораго жена тогда находилась при Орликѣ. По сенатскому указу опредѣлено жить имъ безвыѣздно въ Москвѣ, на посольскомъ дворѣ, отпускать ихъ дозволено въ церковь и въ городъ за покупками; они могли держать при себѣ собственныхъ челядниковъ и посылать ихъ по своимъ дѣламъ въ Украину, но письма, которыя будутъ посылаться съ этими челядниками, а равно и письма, которыя будутъ доставляться изъ Украины къ нимъ въ Москву, должны просматриваться, и вообще запрещалось вовсе писать къ тѣмъ своимъ родственникамъ, которые находились въ Турціи, а въ тѣхъ письмахъ, которыя писались къ лицамъ, живущимъ въ Украинѣ, дозволялось писать только то, что касалось домашнихъ дѣлъ [3]). Надзирать надъ помѣщенными въ

[1]) Соловьевъ: Истор. XVI, 113.

[2]) Требовалась по ошибкѣ. Ее въ Украинѣ не было. Она находилась съ мужемъ.

[3]) Изъ указа 8 апрѣля: „Понеже богоотступникъ измѣнникъ Орликъ и съ нимъ многіе другіе донынѣ въ области султана турецкаго живутъ, а нѣкоторые въ са-

Москвѣ на посольскомъ дворѣ малороссіянами поручалось подъячему Ѳедору Рогову: его обязанность состояла въ томъ, что онъ каждый день долженъ былъ посѣщать ихъ, но денегъ имъ ни на кормъ, ни на подводы отправляемымъ въ Украину челядникамъ ихъ отнюдь не давать, потому что по великой царской милости имъ оставлены маетности (которыхъ списокъ былъ доставленъ) и имущества, и они съ нихъ могутъ себя содержать [1]).

Присылка въ Москву требуемыхъ туда лицъ состоялась 6 сентября того же года. Отправленныя туда особы были: старуха Мировичева, мать генеральнаго бунчужнаго Ѳедора Мировича, который находился при Орликѣ въ званіи генеральнаго асаула, а ея дочь была за Семеномъ Забѣлою и съ мужемъ находилась

момъ Царьградѣ обрѣтаются, что подаетъ великое подозрѣніе, и не можно инако разсудить, что они на содержаніе тамо себѣ довольство получаютъ изъ Украины отъ своихъ родственниковъ, которые въ домахъ ихъ живутъ и маетностями и пожитками владѣютъ, притомъ и корреспонденціи и пересылки межъ собою имѣютъ, чего трудно усмотрѣть и пресѣчь, пока они тамо на Украинѣ жить будутъ. Сего ради указалъ великій государь всѣхъ измѣнниковъ, которые нынѣ въ турецкой землѣ и по многимъ увѣщательнымъ граматамъ царскаго величества и обнадеженіямъ въ прощеніи вины ихъ въ отечество свое не возвратились и именіямъ ихъ роспись при семъ прилагается, женъ и дѣтей ихъ и матерей и братьевъ выслать къ Москвѣ за присмотромъ и велѣть имъ тамъ жить, покамѣстъ опасность со стороны турецкой минется, и тѣмъ корреспонденціи сумнѣніе отнять, въ различность показавъ ихъ отъ тѣхъ, которые всегда въ вѣрности его царскому величеству пребывали. И ваша вельможность, исполняя то его величества повелѣніе, извольте оныхъ измѣнничьихъ родственниковъ выслать къ Москвѣ, чтобъ тамъ жить безъ всякаго утѣсненія какъ Андрей Горленко, Гамалѣя и иные тамъ на Москвѣ живутъ; тѣхъ нижеписанныхъ собрать и къ Москвѣ выслать мужеска пола съ женами, а женска съ мужьями и дѣтьми. А которыхъ дворы, маетности и всякіе заводы тѣхъ измѣнниковъ на Украинѣ есть и кому они безъ себя оное прикажутъ управлять изъ своихъ свойственниковъ или изъ посторонніхъ, тѣмъ извольте ваша вельможность указъ его величества подъ смертнымъ страхомъ оказать, чтобъ они отнюдь никому измѣнникамъ изъ тѣхъ маетностей денегъ и иного ничего не посылали и корреспонденціи съ ними не имѣли и въ томъ дать ихъ всѣхъ на поруки, а изъ тѣхъ маетностей довольствовали бы тѣхъ, которые нынѣ къ Москвѣ посланы будутъ. Тѣ ихъ маетности належало бы у нихъ вовсе отнять противъ иныхъ такихъ измѣнниковъ, однакожъ его царское величество по великой своей милости учинить сего невелѣлъ".

Прилагается роспись измѣнничьимъ родственникамъ. Архивъ Иностр. Дѣлъ 1712 г., апрѣль. Подлинники.

[1]) Имущества малороссійскихъ старшинъ, находившихся въ Турціи, значатся по актамъ того времени.

Генеральнаго обознаго Ломиковскаго: въ Черниговскомъ полку въ сосницкомъ уѣздѣ въ селѣ Вербѣ два двора; на одномъ—хоромнаго строенія столовая свѣтлица съ комнатою, изба пекарная съ комнатою, конюшня, сарай, крытые тесомъ, баня, садъ, въ саду винница, въ винницѣ 4 котла. На другомъ дворѣ свѣтлица съ комнатою, изба пекарная, одинъ амбаръ, двѣ клѣти.

Генеральнаго писаря Филиппа Орлика: въ Черниговскомъ полку въ менскомъ уѣздѣ въ селѣ Домашлинѣ дворъ, а въ немъ хоромнаго строенія свѣтлица съ комнатою, изба пекарная, двѣ конюшни (имѣніе Домашлино досталось Полуботку).

Полковника прилуцкаго—Дмитрія Горленка въ городѣ Прилукахъ въ замкѣ дворъ, въ немъ хоромнаго строенія три свѣтлицы, пять комнатъ, на верху двѣ горницы,

при Орликѣ; съ старухою Мировичевою доставлены были въ Москву двое женатыхъ сыновей ея съ женами и дѣтьми: первый, Семенъ, былъ женатъ на дочери Ломиковскаго, второй, Василій,—на дочери кіевскаго полковника Мокіевскаго; оба тестя Мировичей находились при Орликѣ. Съ женатыми братьями Мировичами привезены были ихъ холостые братья: Яковъ, Дмитрій и Иванъ Мировичи. Затѣмъ были тогда же присланы: братъ уже прежде осужденнаго Максимовича (котораго дѣти жили въ то время на Двинѣ), Дмитрія, именемъ Степанъ, у котораго еще одинъ братъ находился при Орликѣ, Иванъ Бутовичъ, у котораго родной братъ находился при Орликѣ, двѣ Герциковы, жены Григорія и Ивана, шурьевъ Орликовыхъ,—Анастасія, урожденная Громыковна, и Агриппина, урожденная Левенцовна.

въ сѣняхъ фонарь большой, свѣтлица съ комнатою подлѣ воротъ на мшеникахъ, свѣтлица съ комнатою на леднику и на омшенику, челядная свѣтлица съ комнатою, изба пекарная съ сѣнцами, конюшня въ стани, сарай, крытый тесомъ, два погреба каменныхъ, скарбница каменная, баня съ сѣнцами, свѣтлица съ комнатою подлѣ бани, клѣтка подлѣ воротъ. Въ городѣ Прилукахъ на Чернявщинѣ на подворкахъ его же дворъ съ хоромнымъ строеніемъ—двѣ столовыхъ свѣтлицы, четыре комнаты съ сѣнцы, одна горница на верху, двѣ избы пекарныхъ, подлѣ одной пекарни свѣтлица, подлѣ другой пекарни двѣ клѣти, погребъ каменный, конюшня, амбаръ съ закромы, винница съ шестью котлами мѣдными, у тѣхъ котловъ 18-ть мѣдныхъ трубъ, подлѣ винницы клѣть. Тѣмъ дворомъ владѣлъ Андрей Горленко. Прилуцкимъ полковникомъ послѣ Дмитрія Горленка былъ Иванъ Носъ.

Полковника лубенскаго Дмитрія Зеленскаго въ городѣ Лубнахъ дворъ, на дворѣ церковь св. мученицъ Татіаны и Параскевіи со всею утварью, домъ его — двѣ свѣтлицы столовыхъ, одна комната, двѣ свѣтлицы круглыя, покоевыя съ сѣнцами, двѣ свѣтлицы боковыхъ съ сѣнцами, одна комната съ простѣнкомъ, на верху двѣ горницы, да собрано въ одну горницу 15-ть стеклянныхъ оловооправныхъ оболоней, двѣ деревянныхъ оболони, на двухъ амбарахъ свѣтлица съ комнатою и съ сѣнцами, двѣ свѣтлицы челядныхъ, два простѣнка, на верху чердакъ, конюшня со станями, два простѣнка, изба пекарная, свѣтлица съ комнатою, возлѣ нея пристѣнъ, деревянный погребъ съ выходомъ, амбаръ на леднику.

Семена Забѣлы въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Клишкахъ дворъ, а въ немъ хоромное строеніе — свѣтлица столован съ комнатою, а въ ней 4-ре иконы на полотнѣ, 5-ть на деревѣ неокладныхъ, два стола, на одномъ килимъ полосатый, а на стѣнѣ персидскій коверъ, на другомъ столѣ сукно голубое въ четыре аршина, въ свѣтлицѣ и комнатѣ 9-ть окончинъ стеклянныхъ, въ сѣняхъ фонарь большой стеклянный, да двѣ окончины стеклянныя, да напротивъ двѣ свѣтлицы и двѣ комнаты, въ нихъ 9-ть оболоней стеклянныхъ, да коверъ на столѣ персидскій, да коверъ накладованъ на полотнѣ сукномъ травчатой, 5 иконъ окладныхъ, изъ которыхъ одна обложена серебромъ, окладъ чеканный, а 4-ре обложены мѣдью, да распятіе г-дне на полотнѣ, да килимецъ на столѣ полосатый, шкатулка изломана, обита мѣдью, 3 ручницы полосатыхъ, свѣтлица отхожая съ комнатою, въ ней 30-ть оболонеи стеклянныхъ, ледникъ, на немъ амбаръ, на амбарѣ горница, позади хоромъ садъ и въ немъ амбаръ, а за нимъ погребъ каменный да баня съ сажалкой, а рыбы нѣтъ. На дворѣ пекарная изба, амбаръ большой, конюшня, а въ ней коляска обита кожею, а сукно красное ободрано, колеса обиты желѣзомъ, да коломази полбочки. Изба у воротъ, сарай да закромъ подъ сараемъ, винница съ 5-ю котлами и мѣдными трубами, у 4-хъ котловъ 12-ть трубъ, одинъ котелъ для варенія браги, скотный дворъ подлѣ винницы, 14-ть коровъ, 19-ть свиней. Въ с. Клишкахъ 4-ре пруда,

Изъ свойственниковъ тѣхъ, которые были съ Орликомъ въ турецкихъ владѣніяхъ, не присланы въ Москву и оставлены въ Украинѣ по особымъ благоволеніямъ слѣдующія лица: сынъ Ломиковскаго, зять миргородскаго полковника, за котораго просилъ тесть, жена Ѳедора Мировича, сестра черниговскаго полковника, за которую просилъ ея братъ, и по заступничеству фельдмаршала Шереметева, одинъ изъ Забѣлъ, братъ находившагося при Орликѣ. Оставалась въ Украинѣ непосланною въ Москву жена лубенскаго полковника Зеленскаго, уже прежде присланнаго и осужденнаго на ссылку. По донесенію, отправленному отъ гетмана въ Приказъ, «она была баба старая, больная и зѣло убога: ни лошадей, ни людей, ни пожитковъ у ней нѣтъ ничего, живетъ по свойственникамъ своимъ» [1]).

въ нихъ мельницы, 4-ре амбара и 9-ть камней, 10-тый немелетъ, толчея и вальница, гдѣ сукно валятъ. Да его же Забѣлы въ трехъ верстахъ отъ Клишекъ хуторъ; а въ хуторѣ пасѣка 20 ульевъ со пчелами, 12-ть гусей, 50-тъ утокъ, 12-ть индѣекъ, 15-ть русскихъ куръ, по обѣ стороны рѣки Азоты возлѣ хутора лѣса 12-ть десятинъ.

Григорія Герцика дворъ, а въ немъ хоромнаго строенія четыре свѣтлицы съ три комнаты, подлѣ воротъ двѣ свѣтлицы и двѣ комнаты, челядная свѣтлица съ комнатою, изба пекарная, сарай, крытый тесомъ, 6 лавокъ торговыхъ пустыхъ.

Ѳедора Мировича, генеральнаго бунчужнаго въ Переяславскомъ полку, с. Столяги—11 дворовъ, с. Нехайки—33 двора, деревня Жерноклевъ — 17 дворовъ. Его же дворъ въ г. Переяславѣ, въ немъ хоромнаго строенія двѣ свѣтлицы, четыре комнаты, изба пекарная съ сѣнцами, амбаръ, сараи, крытые тесомъ, погребъ деревянный съ выходомъ, конюшня безъ крыши. Въ с. Столягахъ дворъ, а въ немъ одна изба черная, а за дворомъ винница пустая, по сказкѣ Василія Чухны, человѣка Мировичева, было 4-ре котла винныхъ, и тѣ котлы побрали козаки отъ наказнаго полковника Бырла, что нынѣ судьею, и взяли кухву вина и два рыдвана, обитые кожею. Близь деревни Коломыецъ хуторъ и гребля, на той гребляѣ одна клѣтка, одинъ камень и 4-ре ступы, на хуторѣ три избы, подлѣ хутора лѣсу на полверсты. Рухомыи речи — мужскіе — кунтушъ аксамитный зеленый съ золотымъ снуркомъ, кунтушъ табиновый чорный, подшитый попелицами, опушка соболья, другой табиновый віолетный, подшитый, брюшками куничными, кафтанъ аксамитный червоный, крашениною жолтою подшитый, кафтанъ блакитный квитчастый, мусульбасомъ червонымъ подшитый, хутро лисье старое, шапка соболевая аксамитная червоная, талѣрокъ цыновыхъ 24, шабля срѣбломъ оправная съ позлоткою. Женскаго платья куртa аксамиту рытого, подшитая соболями, куртa жолтая лудановая, лисьемъ хутромъ подшитая, куртa аксамитная червоная съ золотымъ голѣнкомъ, мусульбасомъ червонымъ подшитая, куртa адамашковая квіты золотыи и голѣны пестрозлотистыи, подшитая крашениною зеленою, куртa златоглавная червоная, голѣнъ золотый, мусульбасомъ подшитая, три спідныци: одна табиновая червоная, голѣны золотыи у двое, вторая лудановая блакитная, голѣны пестрыи у двое, третья рожевая, матеріальная. (Арх. Юстиціи, книги №№ 116—127, листы 64—65. 242—243. 173—174).

Нѣтъ свѣдѣнія объ имуществѣ генеральнаго асаула Максимовича, полковника Юрія Кожуховскаго, обознаго полковаго полтавскаго Дороша и полтавскаго полковаго судьи Ивана Красноперича. У кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго въ селѣ Козарахъ козелецкаго уѣзда домъ, а другой домъ въ г. Боришполѣ, при которомъ солодовня. У Григорія Бутовича домъ въ г. Прилукахъ. Умершій Тимоѳей Згура имѣлъ крестьянъ въ селѣ Безукѣ яготинскаго уѣзда въ Переяславскомъ полку. (Замѣчаніе современное въ актахъ Юстиціи).

[1]) Судьенка. Матер. II, 444.

Присланныхъ въ Москву родственниковъ мазепинцевъ помѣстили на посольскомъ дворѣ, гдѣ уже жили прежде лица, доставленныя туда изъ Гетманщины. Изъ прежнихъ оставались тамъ еще: жена полковника Покотилы и жена канцеляриста Григорія; недавно передъ тѣмъ жила тамъ жена генеральнаго судьи Чуйкевича, но она перешла въ какой-то монастырь и подала на царское имя челобитную, извѣщавшую, что мужъ ея, сосланный въ Сибирь, тамъ постригся, и она «для старости и скорби своей обѣщалась еще прежде царскаго о нихъ указу постричься, и нынѣ живетъ въ монастырѣ».

Кромѣ этихъ лицъ, содержавшихся по своемъ прибытіи въ Москву въ зданіи посольскаго двора, жили въ Москвѣ въ дворахъ частныхъ лицъ, по особому изъятію, малороссіяне; такими были: Андрей Горленко, сынъ Дмитрія—зять миргородскаго полковника, Михайло Гамалѣя хоружій, полковникъ Кандыба, сотникъ Ждановичъ и, конечно, еще нѣкоторые другіе, о которыхъ нѣтъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Жена Михайла Гамалѣи по царской милости, вслѣдствіе своей челобитной, получила дозволеніе жить у своей матери въ Сумахъ.

Въ началѣ 1712 года доставлены были въ Москву два запорожскіе атамана, игравшіе немаловажную роль въ числѣ мазепинцевъ: Куценко и Нестулей; послѣдній былъ въ Переволочнѣ атаманомъ въ то время, когда кошевой Гордѣенко ѣздилъ для свиданія съ Мазепою и отданія поклона шведскому королю. Въ сентябрѣ того же 1712 года кіевскій губернаторъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ прислалъ въ Москву, въ качествѣ мазепинцевъ, архимандрита батуринскаго Николаевскаго монастыря Гедеона Одорскаго, съ нимъ двухъ монаховъ и двухъ челядниковъ, лохвицкаго протопопа Іоанна Рогачевскаго, чернеца Іоанна Витковскаго, Мазепину племянницу черницу Марѳу, ея служительницъ: келейницу Магдалину и дѣвку Екатерину. Архимандритъ Одорскій обвинялся въ томъ, что принималъ на храненіе въ монастырѣ какія-то вещи отъ Орлика и, кромѣ того, составилъ какую-то духовную, которой содержаніе не одобрялось правительствомъ [1]).

Въ чемъ обвинялись прочія лица—не знаемъ. Государь указалъ сослать Одорскаго и другихъ духовныхъ особъ въ Соловецкій монастырь, а черницъ—въ Горицкій женскій монастырь

[1]) Судьенка. Матер. II, 81.

на р. Шексне [1]). Тогда же, или вслѣдъ за прежними, присланы были челядники Мазепы — Янъ Перевескій и Степанъ Рузановичъ, челядникъ Быстрицкаго Терновскій, краснянскій сотникъ и козакъ Прилуцкаго полка Иванъ Борисенко. Намъ неизвѣстно, за что ихъ привозили въ Москву, но извѣстно, что всѣхъ ихъ отправили въ Сибирь. Тогда же былъ доставленъ въ Москву, а оттуда отправленъ въ Сибирь Григорій Новицкій, бывшій при Мазепѣ компанейскимъ полковникомъ; онъ съ пятнадцатью козаками былъ сосланъ въ Тобольскъ и тамъ поверстанъ въ службу. Живучи въ Сибири, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательное сочиненіе о Сибири, отличающееся и богатствомъ сообщаемыхъ свѣдѣній, и наблюдательностію автора.

Возникшая у правительства подозрительность относительно вѣрности царю малороссійскаго края породила доносничество, на которое всегда падки были малороссіяне. Самымъ типичнымъ лицомъ въ этой области дѣятельности былъ тогда Данило Забѣла. Онъ сдѣлался извѣстенъ доносничествомъ еще при Мазепѣ. Въ 1699 году онъ подавалъ доносъ на гетмана, но не имѣлъ успѣха. Царь Петръ слишкомъ любилъ Мазепу и былъ увѣренъ въ его преданности престолу. Данило былъ преданъ въ распоряженіе гетмана, подвергся войсковому суду, приговоренъ былъ къ смерти, но, по благодушію гетмана, смертная казнь замѣнена была для него пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ; когда же Мазепа измѣнилъ и царь, милостями, оказанными семейству Кочубея, передъ цѣлымъ свѣтомъ заявилъ, что ошибался, считая Мазепу себѣ вѣрнымъ, и напрасно не довѣрялъ тѣмъ, которые своими доносами на гетмана предостерегали своего монарха,—Данило вообразилъ, что теперь пришла пора, когда его доносы будутъ приниматься съ полнымъ довѣріемъ, началъ писать доносы на самаго гетмана Скоропадскаго, извѣщая, что онъ приблизилъ къ себѣ людей, оказавшихся прежде сторонниками Мазепы. Не видно, чтобъ этотъ доносъ возъимѣлъ дѣйствіе, но замѣчательно, что резидентъ царскій, жившій при гетманѣ Скоропадскомъ, Ѳедоръ Протасьевъ, также сообщалъ, что гетманъ надѣлилъ маетностями подозрительныхъ лицъ [2]).

---

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ. № 27.

[2]) А именно: канцеляриста Терновскаго двумя селами въ Прилуцкомъ полку, когда вотчимъ его батуринскій сотникъ казненъ за измѣну, канцеляриста Трещинскаго—однимъ селомъ, а этотъ человѣкъ былъ свойственникомъ Мазепѣ и отецъ его умеръ въ Кіевѣ за карауломъ; сыновьямъ казненнаго Нестеренка Скоропадскій подарилъ село Свинопухи; прилуцкому попу Лесеновичу далъ универсалъ на село

Мы не находили рѣшенія, чѣмъ кончилось дѣло по этому сообщенію Протасьева, подтверждавшему доносы Данилы Забѣлы [1]).

Характеристичны того же времени доносы гадяцкаго протопопа Ѳедора Лисовскаго и чернеца Мгарскаго лубенскаго монастыря Дамаскина. Ѳедоръ Лисовскій, впослѣдствіи по волѣ царя ставшій изъ священника сотникомъ козацкимъ, доносилъ на гадяцкаго полковника Чарныша [2]), что тотъ во время царскаго молебна не велѣлъ палить изъ пушекъ и назначилъ у себя въ полку полковымъ асауломъ запорожца, бывшаго въ измѣнѣ, а городничимъ какого-то козака, во время шведскаго нашествія подводившаго непріятеля къ городу Веприку [3]).

Доносъ Дамаскина еще характеристичнѣе: здѣсь извѣтъ на всѣхъ вообще малороссійскихъ жителей, преимущественно же Лубенскаго полка [4]).

и мельницу, а этотъ попъ былъ прежде полковымъ писаремъ при Дмитріѣ Горленкѣ, прилуцкому козаку Якову, присланному нѣкогда Горленкомъ въ качествѣ наказнаго полковника въ Прилуки — подарилъ два села; сыну Карпеки Данилу Скоропадскій отдалъ пожитки бывшаго кіевскаго полковника Мокіевскаго три села и двѣнадцать хуторовъ, тогда какъ этотъ Карпекинъ сынъ былъ съ женою при Мазепѣ, и тамъ жена его родила, а воспріемникомъ былъ шведскій полковникъ; племянникъ Чечеля, казненнаго за сопротивленіе русскимъ въ Батуринѣ, получилъ отъ Скоропадскаго универсалъ на село Голубчичи въ Черниговскомъ полку; нѣкто Сергіенко, бѣжавшій съ Мазепою въ Турцію и возвратившійся уже по смерти Мазепы, получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ хуторы и мельницы; въ Стародубскомъ полку получили села бывшій конюшій Мазепы Городинскій, слуги его Добринскій и Деульскій: послѣдняго Мазепа отправлялъ въ Стародубскій полкъ изъ Ромна возмущать народъ, въ Нѣжинскомъ полку на села и мельницы далъ Скоропадскій универсалы сотнику Пирадскому и полковому асаулу Тарасенку, хотя оба находились въ подозрѣніи, а также выдалъ универсалы на такія же статьи Тополницкому и Самойленку, свойственникамъ Мазепы, которые во время прихода шведовъ въ Украину находились въ Польшѣ, куда были отправлены для воспитанія, а родному ихъ брату была отсѣчена головавъ Сумахъ. Въ Гадяцкомъ полку получили маетности бывшій Мазепинъ канцеляристъ Яснопольскій и полковой писарь Сытенскій, говорившій во время вступленія шведскаго корбля въ Гадячъ поздравительную рѣчь, и еще нѣкто Ращековскій, бывшій студентъ кіевской коллегіи, никогда не служившій въ козацкомъ войскѣ и неизвѣстно за что удостоившійся гетманской милости. Въ Лубенскомъ полку далъ гетманъ универсалъ на владѣніе селомъ полковому лубенскому писарю, а онъ съ своимъ полковникомъ Зеленскимъ находился при Мазепѣ и явился съ повинною уже послѣ полтавскаго боя. Сверхъ того, неизвѣстно въ какихъ полкахъ получили отъ гетмана универсалы на села и мельницы: челядникъ Кочубея Григоровичъ и попъ Кулаковскій, женатые на дочеряхъ измѣнника полковника Кожуховскаго, бывшій слуга Мазепы Малашевскій, Иванъ Борза, взятый на полтавской битвѣ и ускользнувшій отъ ссылки, куда бы слѣдовало его отправить, и бывшій сотникъ иваницкій, подозрѣвавшійся въ измѣнѣ. Наконецъ, указывалось и на то, что гетманъ Скоропадскій оставилъ во владѣніи жены сосланнаго канцеляриста Грицка его маетность. Арх. Юст. Подлинники.

[1]) Арх. Юстиц. кн., № 79—1806, л. 352, 355—357.

[2]) Судьенка. Матер. II, 64.

[3]) Судьенка. Матер. II, 215.

[4]) «Удивляюсь не по малу,—выражается доносчикъ,—чему-то осударь довѣряетъ намъ людямъ черкасскимъ: онѣ люди хитрыи, не можно ихъ дознатися правды,

Доносъ мгарскаго монаха остался безъ послѣдствій, хотя доносчикъ не подвергся наказанію за доносъ, какъ дѣлалось въ прежнее время съ доносчиками на Мазепу, когда Мазепа пользовался царскимъ довѣріемъ. Дѣйствительнѣе оказались тогда доносы на обознаго Лубенскаго полка и на роменскаго сотника: ихъ обвиняли въ произнесенія дерзкихъ ругательныхъ словъ о государѣ [1]). Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, кіевскій воевода, принявъ во вниманіе слухи о прежнемъ послушаніи этихъ лицъ Мазепѣ уже послѣ отпаденія гетмана отъ царя, приказалъ арестовать ихъ и не хотѣлъ выпустить ихъ, какъ ни просилъ за нихъ гетманъ Скоропадскій.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

нынѣ будто-то государю споможенье даютъ, на подъѣзды ѣздютъ,—только змовлятися, абы тыхъ людей къ себѣ принять на помочъ; бо сами не могутъ того учинити, такъ въ раду на помощь затягаютъ запорожцевъ и турчина, абы государевы войска запропастить. Если государь того вчинити не изволитъ—побрати полковника лубенскаго, судію, писаря, асаула полковаго Максима Дорошенка, Сухановскаго, лекаря Косинскаго, Ничипора сотника войскового, а въ монастырю игумена и съ братомъ Каленикомъ и съ братіею палатною, имяны ихъ Филаретъ, Илія, Савватій, Иларіонъ, Діонисій пятый (казначей по руску) бо въ нихъ одна мысль з полковникомъ, также и переяславскаго полковника со всѣмъ улусомъ узети, а въ монастыри Межигорскомъ также побрати старшихъ усихъ; бо были въ одномъ совѣтѣ: студентовъ ховаютъ, запорожцовъ также ховаютъ по монастыряхъ, черническими чины покрываютъ, а по городамъ, по винницамъ, по броварнямъ ховаются, также и по степамъ. Если государь усихъ ихъ изволитъ выбрати по городамъ и по монастырямъ, и въ ихъ мѣсто русскихъ поставляти, по городамъ воеводъ, а по монастырямъ законниковъ русскихъ игуменовъ, намѣстниковъ духовныхъ, казначеевъ, писаревъ, да и сторожу въ монастыряхъ лубенскомъ и межигорскомъ, также и въ переяславскомъ, также изволте узять епископовъ и русскихъ поставляйте; у Кіевѣ также по всѣхъ поставляйте русскихъ, будете знати и скарбы монастырскіи. Бо у нихъ одна думка у всѣхъ яко епископовъ и архимандритовъ, такъ и игуменовъ. Мгарскій игуменъ хитрѣйшій зъ усихъ; изволь поискать отъ востока до запада, то такихъ не знайти хитрыхъ; бо одно сами хитры, а другое братовъ такихъ маютъ хитрѣйшихъ, бо зъ Мазепою за брата живали. А они за Мазепу безпрестанно Бога просятъ; а такіе каверзники: коли заочно они, то ихъ сѣкутъ и рубаютъ, а коли въ очи, то на образъ гледючи святыми мужами называютъ! Такіе то законники! Если государь изволитъ Украину подъ собою держати, то изволте русскихъ людей держать по городамъ, а то не только Украины ничего будетъ, але на столици и самъ не одержится: если сихъ часовъ не похватаютъ ихъ усихъ, то пождавши оны весны, да зберутся укупу и Запорожцовъ и Орды межъ сіи люде; тогда имъ чаяти що будетъ столица ихъ, а не твоя будетъ. Изволь, государь, во первыхъ гетмана узять, изволте духовный чинъ перемѣнить скоро, скоро, потомъ... мало пишу, много челомъ бью. Наинисшій слуга и богомолецъ за государя света великаго". Арх. Иностр. Дѣлъ 1712, № 52.

[1]) Судьенка. Матер. II, 18.

АВДОТЬЯ-ДВУМУЖНИЦА.

(Разсказъ изъ народнаго быта).

I.

Мокрый октябрскій вечеръ стоялъ надъ деревней Малое Заручье. Жизнь, и безъ того вялая въ это время года въ деревнѣ, окончательно теперь затихала. Колодезное колесо средь улицы, весь вечеръ уныло скрипѣвшее, когда бабы поили скотъ да таскали воду по избамъ, давно уже не поетъ болѣе. Тишина. Огни еще свѣтятся по избамъ; но во многихъ домахъ уже темно и народъ, видимо, уклался на отдыхъ.

Въ избѣ крестьянина Ивана Кононова вся семья сидитъ за ужиномъ. Около длиннаго стола, въ углу, подъ образомъ, сѣдятъ: самъ хозяинъ, сѣдой, кривой на одинъ глазъ, но еще крѣпкій на видъ, мужикъ; «бабка»—жена его, сморщенная, глуховатая старуха, почти совсѣмъ укутавшая лице головнымъ бумажнымъ платкомъ, концами котораго она теперь изрѣдка вытираетъ влажные отчего-то глаза, все ежащаяся и зябнущая; женатый сынъ Ѳедоръ; двѣ невѣстки хозяевъ, да бѣлосоватая внучка Пашка, дѣвочка лѣтъ шести. Лица у всѣхъ озабочены чѣмъ-то. Посрединѣ стола стоитъ желтоватая каменная чашка, на днѣ которой виднѣется остатокъ молока, да сѣроватые, мокрые куски гречневой каши. У края стола лежитъ большой каравай хлѣба, прикрытый толстымъ полотенцемъ. Всю эту картину тускло освѣщаетъ чадящая въ желѣзномъ свѣтцѣ лучина надъ кадушкой.

Отъужинали, видно.

Ложки положены на столъ передъ каждымъ ѣдакомъ; на столѣ

насорено крошками чернаго хлѣба и намочено, передъ дѣвчонкою, лужицами разплесканнаго молока.

— Что, Авдотья, не видать? Выглянь-ка,—отнесся старикъ-хозяинъ къ одной изъ невѣстокъ, сидѣвшей съ края стола, около Пашки, и еще подкармливавшей молокомъ изъ ложки дѣвчонку.

Молодица, — рыжеватая баба лѣтъ двадцати трехъ, со множествомъ веснушекъ на лицѣ, но бѣлотѣлая и грудастая,—утерла рукавомъ рубахи свои заплаканные глаза, быстро оглянулась къ оконцу, у котораго не была заперта ставенька, приложила лицо къ зеленоватому, разбитому стеклу и проговорила:

— Ни видать, батя.

Ужинавшіе остались въ прежнемъ ожидательномъ положеніи у стола. Кононовъ тихо заговорилъ о чемъ-то съ Ѳедоромъ. Лица у обоихъ тоже какъ-то серьезны не вмѣру.

— Идутъ! никакъ идутъ!—торопливо сказала, немного погодя, Авдотья и снова бросилась къ оконцу, заслышавъ чьи-то шаги на улицѣ.—Они и есть.

Всѣ пришли въ нѣкоторое движеніе.

Въ сѣняхъ раздалась топотня, отряхиваніе ногъ отъ грязи, цокнула щеколда у двери и, вслѣдъ за сырымъ, напущеннымъ въ избу холодомъ, вошла какая-то старуха въ сопровожденіи подростка парнишки. У дверей они еще принялись вытирать ноги объ рогожу.

— Спаси, Господи... Здравствуйте, — проговорила вошедшая:—небось, ругаете, что замѣшкались. Мы тожь только что отвечеряли... Слышала, давиче, о вашей бѣдѣ.

— Садись, Ѳедотьевна, — холодно сказалъ хозяинъ (Ѳедоръ посторонился и даже вовсе отошелъ отъ стола). Баба присѣла на лавку.—Вотъ бѣда-то стряслась, Ѳедотьевна,—продолжалъ старикъ:—Павлушку-то мово, дунькина мужа, убили на войнѣ. Бумага, письмо отъ него пришло. Въ волостномъ Дунькѣ сегодня читали.

— Тц, тц, тц!—прошептала баба, качая головою.—Молодою бабенкою Дунька осталась. Все воля Божья.

— Не убили, онъ не такъ сказываетъ,—замѣтилъ Ѳедоръ гостьѣ-старухѣ,—а поранили. Понимаешь, тетка Ѳедотьевна?

— Понятно, понятно, все одно бѣда! Тц, тц, тц!

— Хотимъ сами теперь прочитать письмо.—Парнишка сталъ середи избы.—Почитай намъ, Андрюша!—ласково обратился къ нему хозяинъ:—покажи, на что грамота нужна; поучи насъ,

дураковъ. Вотъ, кстати, у меня сладкій рожокъ есть,—вынимая изъ кармана портовъ обломокъ сладкаго стрючка, добавилъ Кононовъ.—Дунька, гдѣ бумага-то?

— Самъ положилъ, да и не найдетъ,—съ упрекомъ замѣтила Авдотья и, потянувшись, достала съ полочки подъ образомъ желтоватый конвертъ съ нѣсколькими сургучными печатями.

— Сумрачно только въ свѣтлицѣ; увидитъ-ли?—замѣтилъ старикъ-хозяинъ.—Ѳедоръ, запали новую лучину, либо дай фонарь изъ той горницы: тамъ есть еще никакъ большой огарокъ.

Сынъ вышелъ въ сѣни и, чрезъ минуту, вернулся съ деревяннымъ, заплывшимъ саломъ, фонарчикомъ. Стали зажигать и прилаживать свѣчу въ глиняный подсвѣчникъ.

Потѣя отъ теплаго полушубка, бывшаго на немъ, и отъ волненія, заикаясь и заминаясь на каждомъ словѣ, повторяя по десяти разъ одну и ту же фразу, принялся разбирать вслухъ письмо парнишка. Письмо было отъ Павла, втораго сына хозяина, мужа Авдотьи, бывшаго въ солдатахъ уже шестой годъ и находившагося теперь гдѣ-то на войнѣ. Павелъ, вообще, довольно рѣдко писалъ домой.

II.

Мальчикъ читалъ:

«Дрожайшіе родители, батюшка Иванъ Миронычъ и матушка Пелагея Афанасьевна! Письмо ваше, пущенное отъ 15 мая сего года, я получилъ и за гостинецъ 3 рубля чувствительнѣйшее благодареніе приношу. На деньги сіи я, въ городѣ молданскомъ Букарештѣ, себѣ сапоги и ситцевую рубашку справилъ. Чувствительнѣйше благодарю. А на водку ничего не истратилъ, да въ этой сторонѣ ея и нѣтъ, а есть только сливовица».

— То-то-то,—какъ бы самъ съ собою разсуждая, вслухъ произнесъ старикъ и лукаво усмѣхнулся.

«Радъ, что вы всѣ во здравіи и благополучіи пребываете,—продолжалъ читать Андрюша.—И шлю вамъ сыновнее почитаніе, на вѣки нерушимое, и поклонъ, и всего хорошаго себѣ и вамъ желаю отъ Господа Бога. И посылаю поклонъ любезному братцу моему Ѳедору Ивановичу и законной супругѣ его Анисіи Петровнѣ; и посылаю еще, поклонъ любезному дяденькѣ моему Авдѣю Миронычу и законной супружницѣ его Александрѣ Миколавнѣ со чадами; и посылаю еще поклонъ любезной законной супругѣ моей

Авдотьѣ Ермолаевиѣ и дочкѣ нашей возлюбленной Прасковьѣ Павловнѣ со родительскимъ моимъ поцѣлуемъ и благословеніемъ, на вѣки нерушимыми.

«И еще извѣщаю васъ, что какъ теперь у насъ война съ турками, что вы, вѣрно, знаете, то мы уже находимся въ турецкомъ царствѣ, въ Турціи, за Одессою, въ болгарской странѣ, и стоитъ нашъ полкъ подъ ихнею крѣпостью Плевною. Начальство хотѣло взять силою крѣпость; но турецкая сила очень велика, да и одинъ румынъ — братушка — измѣнилъ, прибѣжалъ и сказалъ ихнему главному пашѣ, что мы идемъ нападать. Много народу напрасно легло. И солдатовъ, и гг. офицеровъ. А теперь стоитъ нашъ полкъ подъ крѣпостью. Турокъ сидитъ на высокихъ горахъ и не стрѣляетъ, коли мы не стрѣляемъ, а только не подпущаетъ къ себѣ. Теперь ждемъ себѣ подмоги изъ Россіи. Говорятъ, царская гвардія придетъ и тогда на штурмъ пойдутъ. Дай, Боже, успѣха начальству! А сторона здѣсь богатая—и земли, и овецъ, и лошадей, и коровъ ужасти сколько. Бери земли сколько хочешь! Только все горы — трудно пахать. И народъ здѣшній болгары, братушками называются; народъ ничего себѣ, богатый, христіане, только скупые очень — ничего не достанешь; изъ жадности, должно быть, просяной да кукурузный хлѣбъ ѣдятъ. И турокъ ихъ въ некрута не бралъ вовсе, сказываютъ, а только они должны были по 2 рубля подушныхъ за это платить туркѣ. А они не хотѣли, изъ жадности, двухъ рублей платить и лучше хотѣли въ солдаты идти. Изъ-за этого и война началась. Да еще изъ-за того, что турки не позволяли имъ въ церквахъ звонить. Изъ-за этого и кровь христіанская теперь проливается.

«И еще извѣщаю васъ, дрожайшіе родители, что я въ полку болѣе не нахожусь, а лежу раненый въ зимницкомъ госпиталѣ. Ранилъ мена турокъ 19 августа изъ пушки, гранатою. Однимъ разомъ повалило пять человѣкъ изъ нашей роты. Мнѣ осколкомъ этой гранаты бокъ опалило и кусокъ ляшки выкусило. Также тугъ сталъ на лѣвое ухо. Зашивали иголкою мясо на ногѣ. Теперь лучше; сестра милосердія намедни говорила, что буду живъ, если тифія не придетъ. А прежде того лежалъ въ дивизіонномъ лазаретѣ. И пріѣзжалъ къ намъ Государь Императоръ, удостоилъ. Обходилъ и благодарилъ за службу, и разговаривалъ со всѣми. Одному солдатику, что ноги оторвало ядромъ и онъ умиралъ, егорьевскій крестъ самъ на грудь положилъ, и на койкѣ его сидѣлъ, и за руку долго держалъ и слезно плакалъ, какъ люди

плачутъ. И со мною говорилъ. Испужался я сначала, вытянулся на койкѣ, руки по швамъ, какъ слѣдуетъ.—«Что чувствуешь? Больно «милый»? спрашиваетъ.—«Больно, Ваше Императорское Величество», говорю.—«Въ какомъ дѣлѣ раненъ?» спрашиваетъ.—«При наступательномъ движеніи непріятеля къ Палешоту и Сгалевицѣ, Ваше Императорское Величество.»—«А, говоритъ, знаю». Опять, говоритъ, много тутъ нашихъ молодцовъ легло... Ну, да мы у него, все-таки, Плевну возьмемъ; не правда ли? говоритъ и усмѣхается. — «Возьмемъ, Ваше Императорское Величество, прикажите только».—«Молодецъ, говоритъ; спасибо за службу!»—«Ради стараться для Вашего Императорскаго Величества».—«Знаю, знаю, говоритъ; спасибо, спасибо!... Всѣ вы молодцы!... Не нужно ли чего?» спрашиваетъ.—«Никакъ нѣтъ, Ваше Величество; всѣмъ довольны», говорю.—«А табакъ куришь»? спрашиваетъ. И самъ такъ глазами усмѣхается.—«Грѣшенъ, говорю, Ваше Императорское Величество».—«Ну, вотъ тебѣ царица кисетъ для табаку прислала». И точно, подбѣжалъ адъютантикъ, Императоръ взялъ и далъ мнѣ собственноручно кисетъ.—«Нравится?» спрашиваетъ.—«Нравится, Ваше Величество».—Руку ласково положилъ мнѣ на лицо.—«Ну, говоритъ, выздоравливай, молодецъ»! И пошелъ далѣе. Одному молодому солдатику гармонію подарилъ. Всѣмъ намъ приказалъ адъютанту тотчасъ выдать: трудно-раненымъ—по три, а легко-раненымъ — по рублю. Вотъ, милые родители, что на свѣтѣ иногда увидишь въ солдатской жизни!... А потомъ меня перевезли сюда, въ Зимницу. А на прошлой недѣлѣ былъ здѣсь каптинармусъ нашей роты, такъ сказывалъ, что меня къ егорьевскому кресту представили и намъ еще по 3 рубля награды выйдетъ. Сподобился, милые родители, отъ начальства награды, какъ видите, за Царя и Русь святую! И Дунькѣ, говорятъ, пенція выйдетъ, если умру: пусть не плачетъ. А какъ полегчаетъ мнѣ, такъ въ Россію, говорятъ, повезутъ и домой на поправку отпустятъ. Дай-то, Господи! А впрочемъ—я здоровъ и благополученъ, чего и вамъ желаю отъ Бога».

Далѣе что-то слѣдовало объ адресованіи писемъ чрезъ госпитальную сестру милосердія какую-то Антонину Матвѣевну Казакову.

Авдотья слушала это чтеніе, держа Пашку на рукахъ и время отъ времени утирая рукавомъ слезы, капавшія изъ ея глазъ. Она не сводила глазъ съ Андрюши, читавшаго письмо. Письмо это разъ ужь она слышала сегодня, когда оно было ей прочитано, по ея просьбѣ, писаремъ, въ волостномъ правленіи, куда

она ходила за письмомъ. Теперь же она лишь вдумывалась въ ужасный его смыслъ. Глаза ея сквозь слезы вдумчиво щурились.

— Соколикъ мой!—вырвалось у ней, когда Андрюша прочиталъ извѣщеніе о ранѣ и нахожденіи Павла въ госпиталѣ.

— Може ужь и померъ,—хладнокровно замѣтилъ старикъ Кононовъ, когда Андрюша кончилъ чтеніе.—Поди Яшка-то Курнакъ ждетъ этого, не дождется.

И старикъ ехидно взглянулъ на Авдотью.

Та сердито дернула плечами при этихъ словахъ свекра, косо взглянуло на него и, поставивъ Пашку на полъ, лихорадочно стала убирать миску и ложки со стола. Другая невѣстка толкнула мужа локтемъ и тоже ехидно показала глазами на сноху.

— Померъ! Чего померъ?—замѣтилъ недовольно Ѳедоръ, направляясь къ двери, куда двинулась за нимъ и жена его.—Еще не умеръ человѣкъ, а мы отчитываемъ... Пустое, нешто каянный раненый помираетъ!

— Ну, помретъ,—съ какою-то неестественною злостью произнесъ старикъ.

Гостья еще поболтала съ хозяевами съ минуту, пожевала откушенный кусокъ сладкаго рожка, подареннаго Кононовымъ Андрюшѣ, и поплелась себѣ вонъ изъ избы. («Бабка»-же давно ужь лежала на палатяхъ, укрытая тулупомъ).

Авдотья подошла, чтобы убрать хлѣбъ, да стереть со стола наточенное.

— Авдотьюшка!—нагибаясь къ ней и кладя ласково руку на ея плечо, зашепталъ старикъ, и единственный глазъ его заискрился какъ-то особенною страстностью.—Дунюшка, доченька моя, боярынька бѣлолицая, ничего для тебя не пожалѣю, не горюй! Ни въ чемъ тебѣ нужи не будетъ. Полюби старика только... Ты сегодня...

Онъ зашепталъ ей что-то почти на ухо и запустилъ руку за спину.

— Бога ты не боишься, кривой чортъ!—увертываясь отъ его объятій, съ сердцемъ произнесла невѣстка и оттолкнула его отъ себя изо всей силы.—Какъ только ты можешь думать объ эвтомъ въ таку минуту! Безстыжіе твои глаза! О смерти бы думалъ лучше, старый козелъ! Жены-то тебѣ законной какъ не совѣстно, внучки малой, дитяти ужь разумнаго? Вотъ еще послалъ наказаніе Господь! Сказано тебѣ разъ навсегда...

И, сорвавъ со стола хлѣбное полотенце, она съѣздила имъ

старика по бородѣ и ушла сердито къ печкѣ, гдѣ устанавливалась ею немытая посуда.

Старикъ задыхался отъ злобы.

— Такъ-то?!.. Ну, постой, милая снохушка,—тряся бородою, произнесъ подавленнымъ голосомъ Кононовъ.—Такъ-то ты свекрову хлѣбъ-соль помнишь... Помянешь меня, длинная шкура. Я тебя съ дочкой твоей поскудною... У меня на улицѣ будете суточничать, по милостынѣ пойдете, какъ матка твоя ходитъ!.. И муженьку-то твоему милому, пьянчужкѣ, не будетъ отъ меня болѣе гостинцевъ: пусть околѣваетъ тамъ теперь на гошпитальной крупѣ!.. Анафемы вы оба! Рты-то только у васъ жратвистые всегда были! Еще дочку ихъ корми! Помянете меня. Видно, Яшкѣ курнаковскому одному только можно, гордячка? Постой, пораспишу я все мужу-то! Я те...

— Кривой чортъ,—огрызалась у печки Авдотья,—не боюсь я твоего поклепа. Завтра я сама бабкѣ-то поразскажу о тебѣ.

Но въ это время вошли въ избу Ѳедоръ съ женою и сцена эта сама собою прекратилась. Это тѣмъ болѣе было кстати, что Пашка, не понимавшая всей этой сцены, но испуганная руганью дѣда съ ея матерью, заревѣла вдругъ благимъ матомъ на всю горницу.

— Давайте-ка спать легать: утрось рано вставать,—произнесъ вошедшій.—Да кому очередь идти овинъ-то палить? Тебѣ, Дунька? Справляйся скорѣй, да иди: курнаковскіе ужь пошли.

Старикъ-свекоръ, скрежеща зубами, поднялся съ своего мѣста и поплелся на палати.

— Охъ, охъ!—проговорилъ онъ, тяжело карабкаясь на вышку:—времена нонѣ! Всякъ выше всѣхъ хочетъ быть, своимъ умомъ жить, свое соизволеніе имѣть!

Авдотья, раздѣвъ дѣвочку и унявъ ея ревъ, стала подсаживать дочку къ бабкѣ на палати.

III.

Время ужь за полночь.

Сидитъ Авдотья передъ овинною печью на задворкахъ деревни. Сидитъ на корточкахъ и задумчиво длинною жердью помѣшиваетъ въ раскаленной печи. Сидитъ она въ длинномъ полушубкѣ, заплатанномъ на рукавахъ и полахъ большими новыми вставками. Отъ жары распахнулась шуба на груди; коса выби-

лась изъ-подъ платка и разсыпалась по плечамъ, а самъ платокъ сползъ съ головы на затылокъ; лице раскраснѣлось...

Все-то у ней изъ головы не выходятъ нерадостныя вѣсти сегодняшняго письма.

«Ну, какъ и взаправду умретъ Павелъ, какъ говоритъ старикъ Кононовъ?—думается ей:—что тогда? Выгонитъ старикъ, чортъ проклятый, изъ семьи, хотя и безъ того немилой». (Своей семьи у Авдотьи не было, потому что она была взята Павломъ почти сиротою отъ матери, проживавшей гдѣ-то верстъ за двадцать, въ другой деревнѣ, и побиравшейся на старости по сельскимъ базарамъ и погостамъ милостынею).

На дворѣ слышно какъ каплетъ вода съ крыши, а внутри самаго овина ходитъ ѣдкій дымъ, стелясь почти по низу. Въ сторонѣ храпятъ нѣсколько мужиковъ и бабъ, лежащихъ на соломѣ подъ овчинными полушубками. Они во второй очереди и теперь высыпаются до молотьбы.

Около печи, на ворохѣ соломы, тоже подъ тулупомъ, виднѣется неспящій крестьянинъ лѣтъ сорока. Онъ лежитъ на брюхѣ и, уставивъ на Авдотью ласковые глаза, ведетъ съ ней, время отъ времени, бесѣду въ полголоса. Онъ потягиваетъ табачекъ изъ деревянной трубочки. Это тотъ Яковъ Курнаковъ, которымъ старикъ Кононовъ попрекалъ ревниво невѣстку. Но это была чистая напраслина. Авдотья была баба строго-нравственная и хотя Яковъ пріударялъ за солдаткой, что было очевидно для всей деревни, но въ отношеніяхъ ихъ еще ничего не было предосудительнаго.

Теперь Авдотья подтвердила Курнакову о печальныхъ вѣстяхъ сегодняшняго письма.

— То-то солдатское житье,—со вздохомъ проговорилъ Курнаковъ, поправляя пальцемъ табачекъ въ трубкѣ.—Что-жь ты, Авдотьюшка, будешь дѣлать, коли твой солдатъ и взаправду помретъ?

— Ума не приложу. Въ Павловой семьѣ только не останусь.

Нѣкоторое время оба молчали въ раздумьѣ.

— Въ нашу семью иди.

— Дѣвчонка на плечахъ, Яковъ Авдѣичъ.

— Пашку дѣдъ вѣрно захочетъ оставить у себя: тебѣ легче.

— Не оставлю я ему дѣвку, непутному. Дѣвка не вѣкъ будетъ малой. Знаешь, какой онъ!

— Тоды и ее къ намъ въ домъ возьмемъ... Я тебя возьму за себя, какъ есть, по закону: могу—вдовый мужикъ. Опять

знаешь, у насъ въ домѣ полное ублаготвореніе: семья небольшая—я да матка Дарья, ни братьевъ, ни невѣстокъ; два коня, да корова съ телушкой; хлѣба не занимаемъ у другихъ... Ты-жь баба трезвенная, негулящая—хоша и солдатка—работящая; маткѣ будетъ помощь, не помѣха; домъ будешь въ порядкѣ, какъ слѣдъ, держать. Ты не Анисья, твоя снохушка милая; зари просыпать не станешь.

— Что ужь говорить!

— Баба-жь ты кажинному мужику по скусу придешься, тѣльная, чистая съ лица, бѣлая; дѣти у насъ будутъ,—сыпалъ льстиво Курнаковъ, одушевляясь.—Моя покойница хозяйка—царствіе ей небесное!—сама знаешь, кажонъ годъ тяжела ходила, да Господь жизни малюточкамъ не давалъ отчего-то! А потомъ и самую родильницу къ себѣ на небо прибралъ. Не тужи!

Авдотья, казалось, съ тайною усладою вслушивалась въ эту сердечную, хорошую рѣчь Якова. Глаза Курнакова смотрѣли на нее такъ ласково, участливо, что она и сама забыла на минуту свою невзгоду и развеселилась духомъ. Она довольно улыбнулась на послѣднюю рѣчь Якова и, зардѣвшись еще болѣе румянцемъ удовольствія, нагнулась, чтобы заглянуть въ печь и, можетъ быть, если нужно, помѣшать тамъ обуглившеюся жердью. Ея полная грудь еще явственнѣе обрисовалась теперь на распахнувшейся шубейкѣ. Яковъ не сдержался и, быстро кинувъ взглядъ въ сторону спящихъ мужиковъ, потянулся и крѣпко схватилъ рукою бабу за локоть.

— Тс! люди тутъ; Яковъ, чортъ, не балуй!—увернулась Авдотья.

— По закону, Авдотья, хочу состоять съ тобой, не такъ, озорничествомъ только!

— Ну, пока еще что тамъ будетъ, а теперь убери, убери подальше хапалы-то свои. Куда суешь!—отводя его руку, смѣялась солдатка.—Не балуй, не то уйду, ей-Богу, уйду, Яковъ. Я этого не люблю! И то кривой чортъ—прости Господи!—коритъ тобою утро и вечеръ.

Яковъ, любовно улыбаясь ей, опять спокойно сталъ укладываться на свое мѣсто.

Вскорѣ они стали будить вторую смѣну мужиковъ.

IV.

Не за что сердясь на Павла, старый Кононовъ не отписывалъ сыну, на его послѣднее письмо, вплоть до Крещенья. Эгоисти-

ческую натуру старика даже не тронуло теперешнее положеніе раненаго сына въ госпиталѣ.

— Кто его знаетъ, можетъ уже померъ,—опять холодно заговорилъ старикъ, когда Ѳедоръ какъ-то напомнилъ ему о необходимости снова списаться съ братомъ.—Что попусту писать? Успѣемъ: да и дадутъ извѣщеніе, коли что дурное, помретъ, или что приключится. Начальство знаетъ, что дѣлать.

Возможность возвращенія въ деревню сына какъ будто не особенно его радовала. Къ Авдотьѣ же онъ сталъ за это время еще болѣе придирчивъ, ежедневно попрекалъ ее тѣмъ, что она, будтобы, воруетъ хлѣбъ и передаетъ таскающейся по дворамъ маткѣ своей, и, изъ сердцевъ на Авдотью, два раза принимался не за что таскать за вихры Пашку; да ужь мать съ бабкой отняли ребенка.

О Крещеньи собрались, однако, написать Павлу по указанному имъ адресу, на имя госпитальной сестры милосердія Казаковой, а Авдотья отъ себя даже послала мужу гостинцемъ два рубля, занятые у Якова.

Такъ дней чрезъ шесть послѣ отправки этого письма, произошло событіе, имѣвшее роковыя послѣдствія для Кононовской семьи или, вѣрнѣе, для Авдотьи.

Какъ-то сотскій, вернувшійся изъ волости, сообщилъ Авдотьѣ, что въ волостномъ получена «бумага» объ ея мужѣ—никакъ померъ, и что ее самоё требуютъ въ правленіе. Встревожившаяся Авдотья на другой день спозаранку побѣжала туда вмѣстѣ съ Ѳедоромъ. Въ волости имъ объявили, что, дѣйствительно, пришли бумаги о смерти въ госпиталѣ Павла. «Волею Божіею, отъ тифозной горячки, помре», сказано было въ бумагѣ.

Авдотью это, впрочемъ, не особенно поразило. Она, какъ будто, уже была приготовлена къ этому извѣстію, какъ бы предчувствовала его. Но она, все-таки, искренно всплакнула, повыла; потомъ—такъ какъ всякому горю бываетъ конецъ—зашла съ Ѳедоромъ и десятскимъ въ кабакъ и выпила за упокой Павловой душеньки. Идя назадъ, до самой своей деревни, баба голосила и убивалась при встрѣчахъ и разговорахъ съ односельцами.

Вся деревня перебывала у Кононова въ теченіе дня, выражая свое сожалѣніе къ его семейному несчастью. Авдотья и «бабка»—мать Павла—голосили по покойному вплоть до самыхъ сумерокъ, какъ того требовалъ деревенскій этикетъ. Въ избѣ, у

образа, затеплилась на много дней лампадка. Самъ же старикъ-хозяинъ принялъ это извѣстіе довольно хладнокровно, перекрестился на образъ, утѣшилъ семью, что Павелъ померъ, по крайней мѣрѣ, на службѣ царской, и только сказалъ, что нужно не забыть поминки справить на-дняхъ, да заказать попу Афанасію сорокадневное поминанье въ церкви.

Чрезъ дней пять, деревенская жизнь опять вошла въ обычную колею; лишь солдатка Авдотья стала считаться вдовою. Ѳедоръ и Анисья боялись, чтобы «солдатка» не стала требовать выдѣла своей вдовьей и дочкиной частей; но вскорѣ успокоились, замѣчая, что Авдотья, видимо, хочетъ пока оставаться въ ихъ семьѣ. Авдотья же, замѣтно, еще болѣе поналегла на работу: она, можетъ быть, хотѣла забыться за нею.

Однако, несладкая ея жизнь въ Павловой семьѣ вскорѣ стала еще горше.

Уже на третій день послѣ всего вновь происшедшаго, старый Кононовъ замѣтилъ ей ехидно:

— Что, теперь смиришься, небось, гордячка? Не будешь теперь хвостомъ высоко поважывать, господыня важная? Поклонишься!

— Анъ не поклонюсь.

— А тодѣ къ маткѣ иди. Развѣ мы теперь обязаны тебя съ дочкой хлѣбомъ кормить? У матки твоей вы много браги наварите,—засмѣялся Кононовъ.—Иди, иди!

— А по мнѣ хоть сейчасъ! И пойду. Возьму Пашку на руки—да и вся тутъ была! Сама себѣ теперь дышло. Нешто твоей власти, кривой чортъ, стану спрашиваться? Нешто кромѣ вашего хлѣба не найду?

— Небось, у Яшки хлѣбисто?

— А хотя-бъ и у него! Не хуже васъ человѣкъ!

— Иди, иди! Такую шкуру держать не будемъ. Пашку только оставишь намъ,—поддразнилъ старикъ.

— А вотъ не оставлю! Не тебѣ ли оставить дѣвку? Пашка моя. Гдѣ матка, тамъ и дочка!

Яковъ все это время держался какъ бы въ сторонѣ. Онъ не докучалъ Авдотьѣ никакими разспросами, предложеніями; даже старался рѣже встрѣчаться съ нею. Онъ понималъ, что она переживаетъ теперь горечь первыхъ минутъ тяжелаго и естественнаго страданія для всякой замужней женщины. При встрѣчахъ, онъ здоровался съ нею, холодно подымая шапку на головѣ и

ничего не упоминая о возможности теперь для него жениться на ней. Даже на поминкахъ, въ домѣ свекра Авдотьи, когда почти всѣ деревенскіе мужики перепились, онъ, вмѣстѣ со всѣми, лишь хвалилъ покойнаго Павла и ничѣмъ не подалъ захмѣлѣвшему Кононову предлога придраться къ нему, дабы сказать какую-нибудь колкость насчетъ невѣстки.

На восьмой, либо на десятый день, встрѣтясь случайно съ Авдотьей у сѣнныхъ сараевъ за деревней, въ полѣ, гдѣ она выбирала на возъ сѣно для скота, Яковъ ласково окликнулъ ее:

— Богъ въ помощь, Авдотьюшка!

— Спасибо милому человѣку,—переставая на минуту грести сѣно и подавая Якову руку, отвѣтила баба.

— Не помочь ли?

— Ужь кончила, набрала, спасибо, поздно пришелъ,—засмѣялась Авдотья.—Домой время ѣхать.

Курнаковъ постоялъ съ минуту въ нерѣшительности.

— Что-жь, Авдотья, пораздумала-ль ты о чемъ сказывалось по осени, какъ овины топили? Теперь ты сама своей судьбѣ командерша,—деликатно замѣтилъ Яковъ.

— Про то-то?—Она покраснѣла слегка.—Что-жь, Яковъ, какъ ты... Коли Богу угодно было мово солдата прибрать къ себѣ и мнѣ не жить съ нимъ болѣ, то, точно, вольна я теперь въ своей судьбѣ. Въ свекровой семьѣ не ужиться мнѣ долго. *Кривой* теперь еще болѣ не дастъ мнѣ покою. Только ёрничество отъ него видно, да попреки за кажинную корку хлѣба. Горшенька такая жизнь!

— Возьму за себя, какъ сказалъ, коли любъ тебѣ.

Она потупилась глазами на секунду и подумала.

— Возьми; твое соизволеніе. Не хочу лгать: любъ ты мнѣ, потому, что крестьянинъ ты еще не старый, хозяйственный, все у тебя въ исправности, и водку, чортову кровь, прости Господи, не гораздо любишь трескать. За нелюбова, либо пьющаго—видѣла я ужь такого!—не пошла бы теперь, хотя бы и нищенкой опять осталась. А только подумай хорошенько, Яковъ Авдѣичъ.

— Думать надоть было прежде. Сказано разъ. Чего тутъ думать! Вотъ сведу мерина на базаръ въ мѣстечко Заручевье, продамъ,—и есть на что свадьбу играть. Свахъ буду засылать къ тебѣ. Матка моя перечить не будетъ. У насъ въ семьѣ худа себѣ не увидишь. Засылать?

Авдотья поклонилась въ поясъ.

— Засылай. засылай въ добрый часъ; я не перечу. Бабой покорной буду, узнаешь.

Они какъ-то важно подали другъ другу руки, какъ бы въ знакъ подтвержденія уговора. Яковъ даже приподнялъ опять шапку на головѣ, въ знакъ признательности. Никакой другой нѣжности не проявилъ никто изъ нихъ въ эту минуту и только, когда, вслѣдъ затѣмъ, Авдотья тронула наполненный возъ съ мѣста, чтобы ѣхать домой, Яковъ шелъ съ ней рядомъ нѣкоторое время, дружески положивъ руку ей на плечо.

И Авдотья теперь не протестовала противъ такой фамильярности.

V.

Свадьбу сыграли скоро, торопясь окончить дѣло до заговѣнья.

Старикъ Кононовъ, правда, отговаривалъ Авдотью торопиться вѣнчаньемъ, приводя резономъ то обстоятельство, что ей, какъ вдовѣ, можетъ выйдти изъ казны «пенція», либо награда: ея мужъ, все-таки, умеръ на войнѣ, гдѣ былъ и раненъ къ тому же. Но Яковъ не хотѣлъ медлить, говоря, что пособіе выйдетъ какое-нибудь, въ «два-три» цѣлковыхъ; кромѣ того, онъ подозрѣвалъ въ совѣтахъ старика какой-нибудь новый умыселъ относительно Авдотьи. Однако, послѣднее было несправедливо. Старикъ теперь никакого хитраго умысла не имѣлъ, потерявъ окончательно надежду задобрить въ свою пользу невѣстку и предвидя неизбѣжность того, что она уйдетъ рано или поздно изъ семьи.

Онъ даже не удерживалъ особенно Пашку въ домѣ, уступилъ ее матери довольно скоро, отдалъ Авдотьѣ корову, въ счетъ мужниной доли, наддавъ еще отъ себя два мѣшка муки въ придачу и подаривъ ей старый Павловъ тулупъ, перину и подушки. Кривой даже хотѣлъ, чтобы свадьбу играли у него въ домѣ; но Яковъ воспротивился, объявивъ, что свадьбу онъ будетъ играть у себя, и настоялъ-таки на этомъ. Кононовъ уступилъ.

На самой же свадьбѣ старикъ порядкомъ напился, и въ честь молодыхъ, и въ память покойнаго Павла, лѣзъ цѣловаться и съ Авдотьей, и со всѣми молодыми бабами, и былъ уведенъ Ѳедоромъ и Анисьею лишь силою домой: онъ все порывался вступить въ драку съ матерью Авдотьи, нищенкою. Болѣе всѣхъ довольна

была новымъ положеніемъ вещей Пашка. У ней оказалась третья бабка, мать Якова, вскорѣ начавшая ее частенько кормить вкусною лапшею; а дѣвчонка, кромѣ того, по нѣскольку разъ въ день бѣгала къ «глухой бабкѣ», Кононовой, угощавшей ее сластями.

Предъ свадьбой пришлось выправить для отца Афанасія болѣе солидныя бумаги относительно вдовства солдатки, безъ чего священникъ не хотѣлъ вѣнчать. Авдотьѣ пришлось ѣхать съ Яковомъ въ городъ, дня на три, дабы получить какое-то удостовѣреніе изъ канцеляріи воинскаго начальника. Съ помощью трехъ рублей, обѣщанныхъ старшему писарю, все скоро было устроено. Въ выданномъ ей свидѣтельствѣ значилось, что мужъ подательницы прошенія въ управленіе солдатки Ермолаевой, по мужу Кононовой, рядовой Павелъ Ивановъ Кононовъ, —ской губерніи, Старосильскаго уѣзда, Малозаручьевскаго крестьянскаго общества, набора 187* года, по увѣдомленію командира —скаго пѣхотнаго полка, основанному на извѣщеніи конторы зимницкаго военно-временнаго № 00 госпиталя отъ 15 ноября 1877 года за № такимъ-то, волею Божіею, отъ тифозной горячки, ноября въ 8 день, скончался и въ г. Зимницѣ (Румынія) похороненъ по православному обряду священникомъ о. Іоанномъ Кладбищенскимъ въ 11-й день того же ноября мѣсяца 1877 года.

Авдотья была повѣнчана, перешла въ домъ Якова и счастливо зажила въ Курнаковской семьѣ.

Озадачило семью криваго Кононова и самую Авдотью лишь то обстоятельство, что, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ Авдотьиной свадьбы, было получено ими письмо отъ вышеупомянутой сестры милосердія Казаковой, — уже не изъ Земницы, а изъ какого-то другаго города,—въ которомъ сердоболка, возвращая присланныя на ея имя, для передачи Павлу Иванову Кононову, письмо и деньги, увѣдомляла, что порученія этого, къ крайнему своему сожалѣнію, она не могла исполнить, такъ какъ означенный рядовой еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ Зимницы «эвакуированъ» въ Россію, и гдѣ въ настоящее время находится, ей неизвѣстно. Почему деньги и письмо распечатаннымъ и возвращаются родителямъ Кононова, какъ отправителямъ.

Недоумѣніе и предположенія, однако, недолго продолжались въ семьѣ старика Кононова. Объяснили, что сердоболка, должно быть, перепутала; что письмо, видно, не застало уже въ живыхъ Павла, будучи поздно отправлено ему, лишь въ январѣ, и что полкъ, если увѣдомлялъ о смерти Павла, то зналъ, что дѣлалъ.

Однако, толки, вынесенные изъ избы на деревню болтливостью Ѳедора и Анисьи, а, можетъ быть, и ужь извѣстнаго намъ Андрюши съ его маткою, читавшихъ это письмо опять, по просьбѣ Кононовыхъ, вскорѣ породили слухи, ходуномъ заходившіе по деревнѣ, а потомъ и по цѣлой волости, о томъ, что Павелъ, первый мужъ Авдотьинъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ живыхъ находится... Стали говорить, что тутъ дѣло нечисто, что Авдотья вновь повѣнчана при живомъ мужѣ, что она двумужница. Послѣдняя, да и самъ Яковъ, были въ самомъ неловкомъ, сконфуженномъ состояніи, хотя и старались не придавать этимъ толкамъ особеннаго значенія.

Наконецъ, разъ и самъ кривой Кононовъ, когда вновь зашла рѣчь въ семьѣ объ этихъ пересудахъ, произнесъ подозрительно:

— Коли что нечисто, такъ тутъ не безъ Яшкиныхъ штукъ. Знаю: онъ ѣздилъ къ воинскому съ Дунькой, въ городъ. За что они тамъ заплатили три рубля, онъ самъ мнѣ сказывалъ, тоды? Извѣстно, деньгами все можно сдѣлать!.. Да и Дунька, поскудница,—я всегда сказывалъ, непутящая баба... Объявится коли что, подождите!

VI.

Прошло еще нѣсколько недѣль.

Былъ ясный мартовскій день. Пахло весной въ деревнѣ. По улицѣ Малаго Заручья, широкимъ потокомъ, уже неслась талая вода въ сосѣдній ярокъ. Верба на изгороди пустила почки барашномъ. На крышахъ весело щепетали птички, чувствуя приближеніе теплаго времени. Дѣтей ужь не держали бабы взаперти и они съ радостнымъ крикомъ рѣзвились по цѣлымъ днямъ на улицѣ и въ переулкахъ. Пробужденіемъ жизни сказывалось все въ природѣ—и только бы теперь жить, да быть счастливымъ...

Не для всѣхъ, однако, бываетъ такъ уготовано судьбою!

Авдотья была спокойно занята въ избѣ по хозяйству въ этотъ день. Ей помогала старуха Дарья, мать Якова. Они беззаботно болтали. Пашки не было дома; она убѣжала на улицу играть съ прочими дѣтьми. Яковъ же, который въ деревнѣ отчасти и шорничалъ, починялъ кому-то старый хомутъ, приладивъ свою мастерскую у оконца, смотрѣвшаго на задворокъ. Онъ сидѣлъ спиною къ женѣ и не обращалъ вниманія на то, что дѣлаютъ бабы у другаго окошка, выходившаго на улицу.

Вдругъ кто-то спѣшно постучался въ окошко къ Авдотьѣ и, вслѣдъ затѣмъ, раздался съ улицы дѣтскій голосокъ:

— Тетка Авдотья, а тетка Авдотья!

— Кто тамъ?—подходя къ окну, опросила Авдотья.

— Твой солдатъ Кононовъ пришелъ!

У Авдотьи и ложка выпала изъ рукъ, которою она изъ горшка огребала творогъ въ кадушку. Вся кровь, казалось, прилила къ ея сердцу.

Моментально, вслѣдъ затѣмъ, прибѣжала въ избу и Пашка, запыхавшаяся, со слезами не то радости, не то испуга на глазахъ:

— Мамка, мамка! Мой батька пришелъ! Зоветъ тебя.

Авдотья, какъ сжатый снопъ, опустилась на лавку и смогла лишь безсмысленно уставиться глазами на мужа.

— Что она сказываетъ, я не пойму, что?—простонала она, обращаясь къ Якову.

— Господи Іисусе Христе!—закрестилась на образъ Дарья.

— Что ты тутъ нескладное несешь, глупая?—сердито закричалъ на Пашку отчимъ, поднимаясь съ своего мѣста и чувствуя, что и у него самого сердце закатилось испугомъ.—Вотъ я тебя...

— Сама видѣла, побей Богъ,—сквозь слезы проговорила дѣвочка!... Иди, мамка, скорѣй. Зоветъ!

Всѣ почувствовали, что это неспроста, что это не дѣтская выдумка.

— Скверно, недужно мнѣ, Яковъ!—простонала Авдотья, оставаясь неподвижною на лавкѣ, безъ кровинки въ лицѣ.—Нутро оборвалось; худо чувствую. Охъ, ноженками невластна, Яковъ! Что это, Господи!

Яковъ спѣшно черпнулъ горсть воды на руку изъ висѣвшаго надъ ушатомъ глинянаго рукомойника и плеснулъ ею въ лицо женѣ. Авдотья, все-таки, сидѣла неподвижно.

Между тѣмъ, какъ Яковъ и Дарья метались по горницѣ, не зная какъ помочь Авдотьѣ, щелкнула щеколда и торопливо въ избу вошла Александра, жена Авдѣя Кононова, сосѣдка Курнаковыхъ по избѣ, баба, вообще, добрая, сердечная. Лицо ея тоже изображало сильную тревогу.

— Милая... милая Авдотьюшка!—участливо заговорила вошедшая.—Охъ, какой грѣхъ, какое чудо приключилось! Охъ, и выговорить-то не хочется! Солдатъ-то твой... Павелъ пришелъ. Сидитъ у отца. Хочетъ тебя видѣть. Все ужь знаетъ. Плачетъ...

Вотъ притча-то, вотъ чудеса!... Яковъ Авдѣичъ, иди и ты. Что-жь, развѣ вы причинны такой бѣдѣ? Что будетъ, то будетъ. Идите. Охъ, грѣхъ какой приключился, исторія просто!

Яковъ съ минуту стоялъ какъ остолбенѣлый.

— Пустое вы всѣ сказываете! Можетъ ли это быть?!

— Не пустое... Живъ-живехонекъ; сама зрѣла, Авдичъ.

— Идемъ, Дунька!—срывая шапку съ гвоздя и на ходу натягивая въ рукава полушубокъ, произнесъ рѣшительно Яковъ.— Можетъ ли это быть?

И онъ бросился вонъ изъ избы.

Успѣвъ только накинуть на плечи суконную поддевку, мертвенно блѣдная, вышла за нимъ на улицу и Авдотья. (Убѣжавшая заблаговременно Пашка уже была давно онять въ Кононовской избѣ, около отца).

Проводивъ хозяевъ и оставшись на крыльцѣ, мать Якова, старуха Дарья, еще долго издали крестила ихъ, поминутно приговаривая:

— Господи Іисусе Христе!... Мати, Царица Небесная, помилуй и сохрани! Господи Іисусе Христе, спаси и отжени напасть... Что-жь это такое?

Выйдя на улицу, сейчасъ можно было замѣтить, что въ деревнѣ произошло что-то необыкновенное. Еще издали Авдотья примѣтила, что у избы свекра Кононова стоитъ толпа бабъ, громко галдящихъ о чемъ-то, а со всѣхъ концовъ деревни двигались торопливо, по тому же направленію, нѣсколько мужиковъ и бѣжали ребятишки.

Какъ ни шустро рванулся впередъ Яковъ, однако, опѣшилъ, приближаясь къ дому Кононова. Онъ пропустилъ Авдотью впередъ. У него у самого колѣни тряслись какъ въ лихорадкѣ, хотя никакой вины за собой онъ не чувствовалъ. Но нашествіе бѣды лютой для его семейной жизни, неминучей, было для него очевидно—и въ сердцѣ у него защемило какъ клещами.

Толпа галдѣвшихъ бабъ смолкла, едва завидѣла приближеніе Курнаковыхъ. Она уставилась на нихъ широкими глазами. Болѣе солидныя старухи даже потупились глазами и вслухъ вздохнули. Несчастье, стрясшееся съ Курнаковыми, было теперь очевидно для всѣхъ и не время было издѣваться и судачить. Нѣкоторыя даже глубокомысленно, нарочито громко, произнесли, крестясь: «Господи, Господи! что бываетъ на свѣтѣ съ людьми, какъ подумаешь!» Молодухи же встрѣтили пришибленную несчастьемъ

бабу съ затаенными улыбочками насмѣшки. Одна молодица, съ видимымъ злорадствомъ, даже поздравила ее:

— Съ находкою, Авдотьюшка!

Это вызвало легкій смѣхъ въ нѣкоторой части толпы. Но Авдотья не обратила на это вниманія и, опустивъ глаза долу и придерживая рукой поддевку у подбородка, блѣдная, но рѣшительная, твердою поступью прошла чрезъ толпу до крыльца кононовскаго дома, поклонившись толпѣ лишь однимъ общимъ, холоднымъ поклономъ. Она поднялась также твердо на лѣсенку. Черная дверная пасть сѣней вскорѣ скрыла ее отъ глазъ любопытствующихъ.

— На судъ идетъ,—сказалъ кто-то изъ толпы.

Нѣсколько бабъ бросились за Авдотьей слѣдомъ въ избу: подстрекало ихъ любопытство и желаніе быть свидѣтельницами первой встрѣчи главныхъ лицъ этой сельской драмы.

VII.

Въ избѣ Кононова даже душно: такая масса народу набралась. Во-первыхъ, бабы и ребятишки тѣснились у дверей и у печки; во-вторыхъ, на длинной лавкѣ, вдоль лицевой стѣны, уже засѣдалъ цѣлый ареопагъ заручьевскихъ «стариковъ», сбѣжавшихся сюда тоже изъ любопытства. Самъ старый Кононовъ съ братомъ Авдѣемъ и сыномъ Ѳедоромъ сидѣли у стола, подъ образомъ.

Переступивъ знакомый порогъ, Авдотья окинула нетерпѣливымъ взглядомъ избу, ища глазами Павла. Она его не видѣла столько лѣтъ!...

Однако, она его тотчасъ признала, хотя онъ и возмужалъ значительно за эти шесть лѣтъ разлуки. Онъ сидѣлъ съ краю стола, около старухи-матери, которая, почти совсѣмъ опустивъ платокъ на лицо, держала его за руку въ то время, когда голова ея грустно покоилась на правомъ плечѣ сына. Онъ на колѣняхъ держалъ Пашку, ласково обнявъ ее лѣвою рукою. Павелъ былъ въ потертой солдатской шинели съ бѣлымъ погономъ; грязные сапоги свидѣтельствовали о дальности пути, который они выдержали; дорожная холщевая котомка гостя еще виднѣлась рядомъ съ нимъ, на лавкѣ; лѣвое ухо солдата было повязано грязноватымъ платочкомъ чрезъ голову.

Завидѣвъ входящую въ избу, съ новою толпою народа,

Авдотью, Павелъ поднялся съ мѣста. (И онъ ее тоже призналъ сразу). По солдатскому инстинкту онъ обтянулъ рукой полу шинели и поправилъ свой георгіевскій крестъ на груди. Онъ былъ болѣзненно-блѣденъ; глаза его были заплаканы. Сердце Авдотьи удручающе сжалось...

Въ нерѣшительности, она сдѣлала нѣсколько робкихъ шаговъ вбокъ и продвинулась вдоль лавки, гдѣ сидѣли «старики».

На минуту все, бывшее въ избѣ, притаило дыханіе.

— Что-жь, здоровайтесь!—повелительно крикнулъ сыну старикъ Кононовъ,—аль чужіе люди?

— Здравствуй... Дуняша,—подавленнымъ голосомъ, чуть слышно, пролепеталъ солдатъ.—Признаешь ли?

«Онъ», подсказало ей сердце.

Но она хотѣла всмотрѣться въ него еще попристальнѣе—и не смогла: встрѣчный взглядъ его, казалось, сжигалъ ее справедливымъ укоромъ. Ей стало почему-то вдругъ необыкновенно совѣстно. Робко сдѣлавъ шагъ навстрѣчу и какъ-то инстинктивно вскрикнувъ, Авдотья, не выдержавъ, безсознательно повалилась ему въ ноги.

— Не причинна этому, голубчикъ Паша, не причинна, хоть убей!—кричала она, заливаясь слезами.—Безъ вины виновата предъ тобою, безъ вины! Охъ, какой грѣхъ приключился! Охъ, моя несчастная головушка!

— Казнись, Авдотьюшка, казнись,—зло приговаривалъ старый Кононовъ:—сама себя раба бьетъ, знаешь, коль нечисто жнетъ.

— Неповинна, милый Пашенька, неповинна, разрази меня Богъ!—между тѣмъ, кричала несчастная баба, обнимая ноги плачущаго Павла.

Изъ толпы присутствующихъ раздалось нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ.

Солдатъ обтеръ рукавомъ глаза и нагнулся, чтобы поднять Авдотью съ полу.

— Знаю,—сквозь слезы проговорилъ онъ:—все знаю... Аль не смогла дождаться? Видно что такъ... Такая наша доля съ тобою, видно, Авдотья Ермолавна!

Онъ еще разъ вытеръ рукавомъ заплаканные глаза и, опускаясь на лавку около матери, прибавилъ:

— Зналъ бы, что такую срамоту принять придется въ деревнѣ, въ службѣ остался бы лучше; поправки бы не взялъ. Лучше было бы мнѣ отъ турки лечь смертью.

Вставшая на ноги Авдотья продолжала горько плакать, стоя середь избы.

— Плачетъ теперь!—полунасмѣшливо произнесъ кривой Кононовъ.—Плачь, плачь! Извѣстно, женскія слезы, что водица... Сгубила мужу жизть—да и плачетъ теперь! «Непричинна», говоритъ! Я сказывалъ—«обожди»... «Непричинна!» А зачѣмъ было къ воинскому съ Курнаковымъ ѣздить?... Это твои, Яковъ, штуки, твои! Теперь я вижу,—обратился онъ укорительно къ Якову Курнакову, который стоялъ убито позади жены, впереди остальной толпы народа,—подождите, объявится, если что я сказывалъ!

Яковъ зло вскинулъ глазами на старика.

— Что ты грѣхъ-то лишній на душу берешь, Миронычъ, клеплешь на людей напраслину? Непричинны мы тутъ ничему! Готовъ побожиться на образъ! Грѣхъ ужь такой случился, а вины нашей тутъ нѣтути.

— А вы за что тамъ платили у воинскаго 3 рубля, ты самъ мнѣ сказывалъ?

— За что? За скорость, а не за фальшь!

— Пустое, за фальшь и есть. Твое да Дунькино непотребство всю эту смуть завело. Сговорились заранѣе...

— Да помяни же, старая собака.—горячился Яковъ,—что полкъ прежь всего отписалъ о смерти...

— Полкъ! — презрительно повторилъ кривой Кононовъ:—теперь полкъ виноватъ. Вы съ Дунькой смутьяны всему этому дѣлу; ваше непотребство, блудливость... Тоже поскуда, хоть и гордячка!—кивая на плачущую Авдотью глазами, произнесъ старикъ презрительно.—Если бы все да поразсказать мужу...

Авдотья и плакать перестала. Она какъ-то не то вслушалась, ни то вдумалась въ послѣднія слова свекра. И вдругъ она смѣло на него взглянула, гордо поднявъ голову.

— Поразсказать? Что-жь поразсказать мужу? Ну, скажи, скажи... Молчишь? Аль я еще неправо жила? Ужь не тебѣ бы сказывать это, да хулить людей, кривой чортъ! Если бы я была поскуда, какъ ты называешь, а не правая, чистая, россейская баба, то давно бы скверность твоей похоти, старый ёрникъ, была бы на мнѣ, самъ знаешь!—закричала нервно Авдотья.

— Авдотья, полно!—строго замѣтилъ Яковъ, хватая ее за руку.

— Авдотьюшка, полно, полно!—раздалось изъ толпы «стари-

ковъ».—Теперь что-жь объ этомъ вспоминать, да корить! Теперь дѣло не въ этомъ...

— Именно,—поскорѣе согласился Павловъ дядя Авдѣй:—теперь дѣло не въ этомъ!... А что теперь, православные, скажите, дѣлать?

— Что?—оговорился одинъ изъ крестьянъ, сидѣвшихъ на лавкѣ, мужикъ Андрей:—извѣстно что: мужнинъ судъ какъ скажетъ.

— Да мужьевъ-то тутъ два,—улыбаясь, замѣчаютъ крестьяне.

(Это замѣчаніе вызываетъ почему-то легкій смѣхъ въ толпѣ бабъ).

— О мужѣ законномъ, Павлѣ, я сказываю.

— А Яшка Курнаковъ нешто незаконный?—смѣясь, опять замѣчаютъ изъ толпы.

— Нѣтъ, пусть Павелъ скажетъ, какъ быть? Законъ ему опять Дуньку отдастъ, коли до суда дѣло дойдетъ... Павелъ, а?

— Какъ люди разсудятъ,—робко отвѣчаетъ солдатъ.—Какъ міръ нарядитъ... Не могу теперь объ этомъ думать. До того-ль! Кой день въ тревогѣ. Еще у воинскаго начальника, въ городѣ, какъ услышалъ объ этой притчѣ, такъ не знаю какъ и жизнь-то перенесъ. Два дня бѣгомъ бѣжалъ сюда, все не вѣрилось. Еще воинскій меня спросилъ, земляки: «Ты, говоритъ, Павелъ Ивановъ Кононовъ, —скаго пѣхотнаго полка»?—«Точно такъ, говорю, ваше вскородіе». — «Ты же померъ», говоритъ. Я такъ и спужался.—«Никакъ нѣтъ, говорю, ваше вскородіе, и не думалъ».—«Нѣтъ, говоритъ, ты померъ, я лучше знаю, и женѣ твоей, говоритъ, я помню, недавно выдано свидѣтельство на вступленіе въ новый бракъ». Я такъ и сомлѣлъ ужасомъ. «По нашимъ бумагамъ, говоритъ, ты померъ отъ тифіи. Вѣрно, говоритъ, ты самозванецъ, за кого другаго назвался» —«Никакъ нѣтъ, говорю, извольте въ полкъ запросить, также кіевскаго воинскаго, да этапнаго начальниковъ; и деревенскіе всѣ меня, вѣрно, признаютъ». — «Хорошо, говоритъ, такъ и сдѣлаемъ; а пока иди въ деревню съ этими бумагами и мы будемъ считать, до новаго увѣдомленія полка, что ты мертвый». Испужался я такъ, православные, что вотъ до сей поры трясучка бьетъ, какъ было послѣ турецкой раны.

— Дѣла-то, дѣла! охъ, охъ!—тяжело вздохнувъ, замѣтилъ кто-то изъ толпы стариковъ, когда Павелъ окончилъ свой разсказъ.—Что, подумаешь, бываетъ на свѣтѣ!

Съ минуту опять царило глубокое раздумье на лицахъ всѣхъ присутствующихъ.

— Что-жь теперь?—вновь нетерпѣливо освѣдомился Павловъ дядя Авдѣй.

— А коли онъ мертвый, Павелъ, такъ и Авдотью какъ же ему отдавать?—полуиронически замѣчаетъ одинъ изъ крестьянъ, пріятель Курнакова.—Пусть будетъ Якова. Чего мѣшаться міру?

— Судъ все едино отберетъ и отдастъ законному.

— Не отберетъ. Нешто Яковъ тожь не три раза попомъ вкругъ церкви воженъ?

— Отберетъ, отберетъ! Архарей разведетъ, коли дѣло на то пойдетъ,—раздаются голоса вокругъ.

Опять нѣкоторая пауза недоумѣнія.

— Нужно слушать, сосѣди, каковъ мужнинъ судъ будетъ для Авдотьи,—опять говоритъ бородастый мужикъ Андрей.—Что солдатъ скажетъ, аль Курнаковъ.

— Какъ міръ рѣшитъ; какъ люди, старики скажутъ. Не могу въ эвтомъ дѣлѣ судить,—опять робко говоритъ Павелъ Кононовъ въ тревогѣ.

— Я несогласенъ,—рѣшительно произноситъ Яковъ:—міру въ такомъ дѣлѣ не судьбачить. Я тоже повѣнчанъ не татарскимъ муллою. Не отдамъ Авдотью,—да и все тутъ! Коли архарей прикажетъ—иное дѣло; пусть тогда попа, о. Афанасія, что вѣнчалъ, подъ судъ отдастъ, разстрижетъ... А безъ того я несогласенъ.

— И прикажетъ, Яковъ, и разведетъ! Помяни слово.

— Не прикажетъ.

— Прикажетъ!

Яковъ, въ сердцахъ, рѣшительно повернулся спиною, какъ бы собираясь уйдти и не желая болѣе продолжать пустыхъ разговоровъ.

Но вдругъ Авдотья какъ бы вышла изъ оцѣпенѣнія. Она, видимо, захотѣла что-то сказать и отъ себя.

— Послушаемъ теперь женщину, православные. Что сама Авдотья скажетъ! Нешто-жь она тожь бадья колодезная, въ самомъ дѣлѣ, изъ которой кажный воленъ только напиться, аль тварь безсловесная, которую всякъ, кто купилъ, можетъ со чужаго двора свести, да въ свой дворъ поставить? Человѣкъ!—произнесъ разсудительный Андрей.

— Правда, и то правда!—раздались голоса.

Авдотья кашлянула въ руку, какъ бы собираясь говорить.

Произошло новое движеніе въ толпѣ. Многія бабы у дверей,

съ нетерпѣнія, даже взлѣзли на лавку съ ногами. Изъ толпы людской образовалась вдругъ пирамида головъ.

VIII.

Авдотья высморкнулась тихо въ кончикъ платка, которымъ была повязана ея голова, вытерла слезы и твердо произнесла:

— Слушала я ваши рѣчи, поштенные господа; послушайте теперь и вы моей глупой бабской рѣчи... Я сама себѣ рѣшеніе положу. Міру я была завсегда послушница и раба; а только въ эвтомъ дѣлѣ міръ не судья мнѣ. Не міру жить съ Павломъ, либо съ Яковомъ. Смута вся эта отъ Бога ниспослана. Такая, видно, ужь моя доля! Грѣха да фальши тутъ нѣтъ. Объявится все—узнаете, что я съ Яковомъ тутъ непричинны. Полкъ всю эту смуть поднялъ: онъ написалъ и въ волость, что Павелъ Богу душу отдалъ въ шпиталѣ. Я стала вольна. Судьба ужь наша такая, видно, штобъ стать смѣхотою въ людяхъ. Срамота только!... А я положу себѣ такое рѣшеніе: любъ мнѣ Павелъ, супругъ законный, любъ и Яковъ Авдѣичъ, съ которымъ по закону тоже вѣнчана. Коли сказываете, что меня опять Павлу архарей отдастъ, такъ не хочу обиждать я и Курнакова, который лаской, да любовью, да честнымъ именемъ бралъ меня, а не озорничествомъ. И какъ мнѣ быть иначе? Разсудите: если попы на первый бракъ меня поворотятъ, значитъ второй блудомъ былъ. Не можно такъ. Я теперь недужна, можетъ быть, тяжела ужь отъ Якова — чей будетъ рабенокъ, коли Богъ пошлетъ? какимъ непотребнымъ именемъ станете вы его звать? что его за долюшка будетъ въ Павловой семьѣ? Разсудите.

— Такъ, такъ! Что такъ, то такъ! О Господи!—со вздохомъ, раздаются голоса вокругъ говорящей бабы.

— Я честная баба—и такъ мнѣ неможно. Шла я чистою дѣвкою за Павла, по церковному вѣнчанію; шла и за Якова съ поповскаго благословенія; всѣ вы это знаете... Не хочу нести срамоты, да смѣшковъ, да покоровъ людскихъ. Не останусь за Яковомъ—не буду и Павловой, прямо говорю. Никого не хочу обиждать; штобъ зависти никому не было. И никто меня заставить не можетъ... Таково мое конечное рѣшеніе, честные сосѣдушки, рѣшеніе бабье, а твердое!—Она опять высморкалась въ платочекъ и вытерла слезы.—И пусть себѣ мужья судятся, если хотятъ, а я сама себѣ рѣшеніе выдамъ. Со срамотой на выюшкѣ не

слѣдъ жить чистой россейской бабѣ на бѣломъ свѣтѣ!... И штобы чего худаго не сказали люди, уйду нонѣ же, нонѣ же, къ маткѣ своей, коли сумлѣніе есть, што я въ законѣ съ Яковомъ состою... Сама себѣ положила это рѣшеніе... Теперь вы слышали, православные...—Она оборотилась къ Павлу и поклонилась ему до земли.—Прощай, Пашенька, милый супругъ, прощай! Спасибо за ласку, которую когда-то видѣла отъ тебя въ жизни, хотя и пожить-то мнѣ съ тобой не довелось въ волюшку. Прости и не осуди! Судьба наша такая! Была я тебѣ вѣрной, покорной супругой, и тогда, когда ты былъ здѣсь, и когда тебя столько годковъ не было,—люди знаютъ, спроси.—хотя молодой бабѣ такъ долго безъ мужа быть трудно, трудно быть, повѣрь слову. Побереги дѣвчонку-то, Пашку, отеческою ласкою: малое дитятко безъ родительской ласки, что молодое древушко безъ солнца, пропадаетъ... Кланяюсь тебѣ.

Она вновь ему поклонилась низко. Затѣмъ она повернулась къ свекру и къ старухѣ Кононовой и съ тою же важностью поклонилась имъ въ ноги:

— Кланяюсь милымъ—свекру и свекровушкѣ. Благодарю за хлѣбъ, за соль ихъ, да теплый кровъ, что находила у нихъ. Худа ничего не помню!... Кланяюсь честному образу, Спасу Нерукотворному...

Она перекрестилась и поклонилась образу.

— Кланяюсь горенькѣ, гдѣ прожила, въ молодыхъ, столько лѣтъ, почти мужа не знаючи,—продолжала Авдотья, кланяясь съ какою-то лихорадочною восторженностью всѣмъ угламъ: — ложу супружескому, съ котораго честно встала когда-то такою бабою, что людямъ въ глаза несрамотно глядѣть, на которомъ честно милое дѣтище родила... Всѣмъ кланяюсь.

Она обратилась къ Якову.

— Кланяюсь и тебѣ Яковъ Авдѣевичъ, тоже законному, а не подракитному супругу, кланяюсь и благодарю за ласку и любовь, за все, что видѣла въ домѣ твоемъ.

Она поклонилась толпѣ крестьянъ.

— Всѣмъ кланяюсь. Не поминайте лихомъ Авдотьи... Прощай, мое дитятко!—набросилась она съ воплемъ отчаянія на Пашку.

— Полно, Дуня!

— Полно, Дуняша!—воскликнули почти одновременно и Павелъ, и Яковъ, растроганные причитаньемъ Авдотьи.

— Полно, шабашъ, Авдотьюшка! Богъ съ тобою!... Да что

ты въ самомъ дѣлѣ!—кричала толпа разнаго деревенскаго люда, наполнявшая избу Кононовыхъ.—Что это, Господи!

Но Авдотья, оторвавшись отъ поцѣлуевъ Пашки, быстро совладала съ собою и, нервно вскинувъ на себя спустившуюся съ плечъ поддевку, раздвинула толпу и рѣшительною поступью вышла изъ избы.

Павелъ и Яковъ бросились за ней. Павелъ схватилъ ее за руку.

— Авдотья!

— Оставь, Паша, оставь! Поздно.

Яковъ загородилъ ей дорогу въ сѣняхъ.

— Ермолаевна, выслушай!

— Пусти, Яковъ, пусти, дорогой! Конецъ всему теперь, конецъ!... Авдотья не поскудница, какъ обзываетъ кривой чортъ; люди теперь увидятъ!

— Поглядывайте, православные!—кричала вслѣдъ толпа мужиковъ, хлынувшая на улицу изъ Кононовской избы: —еще, пожалуй, руки на себя баба наложитъ! Не пущайте! Вотъ приняла-то!

Авдотья спустилась съ крыльца Кононовскаго дома и на минуту остановилась середь толпы бабъ, заливши вновь слезами. Многія бабы тоже плакали.

— Полно, Дуняша!

— Утѣшься, Ермолаевна!—раздавалось вокругъ несчастной Авдотьи.—Эка, гордая какая!

— Экъ, отчего убивается баба!—замѣтила извѣстная деревенская воструха, насмѣшница Агафья. — Счастья своего не понимаешь, Дуняша. Это счастье твое пришло. Есть отъ чего плакать!... А ты двухъ возьми. Съ одного проси платокъ, а съ другаго — нитокъ мотокъ. Такъ лучше: съ двухъ-то полей сытнѣй животина бываетъ! Кабы на меня...

— Тебѣ бы, Агашка, только лясы точить,—строго замѣтила ей одна изъ старухъ.—Рáзонъ человѣкъ бываетъ.

— Да право же, бабушка Уля, я ей добра желаю,—стояла на своемъ Агафья, пересмѣиваясь въ толпѣ молодокъ.

— Срамоты-то, срамоты сколько, Господи!—съ отчаяніемъ произнесла Авдотья. — Александрушка, возьми меня къ себѣ; къ тебѣ пойду, покуда матку не оновѣщу. Не пойду я и въ домъ Якова: не хочу, чтобы сказывали что неладное. Не блудливая я баба, не пакостница!

Такъ говорила Авдотья, обращаясь къ извѣстной уже намъ Александрѣ, сосѣдкѣ своей, женѣ Авдѣя Кононова.

— Иди, иди, милая, горемычная!

Громадная толпа народа, мужики и бабы, Павелъ и Яковъ, Пашка, всѣ Кононовы сопровождали Авдотью до избы Александриной, уговаривая и успокоивая бабу разными утѣшеніями и указывая на то, что все еще можетъ устроиться по чести. Солдатъ Павелъ вдругъ вышелъ изъ своей апатіи. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, голосилъ, клялъ судьбу и службу, указывалъ всѣмъ и каждому, что онъ не простой солдатъ, а «кавалеръ», да еще раненый, грозилъ, что до «самого Императора дойдетъ» и рвалъ на себѣ одежу... Но Яковъ былъ холоденъ и сосредоточенъ въ своемъ горѣ.

Авдотья, все-таки, осталась непреклонною.

IX.

Такимъ образомъ, слухи, смутно ходившіе въ народѣ о повѣнчаніи Авдотьи вторымъ бракомъ при жизни перваго мужа, нашли себѣ теперь подтвержденіе: Павелъ былъ на лицо, вставъ предъ очами всѣхъ сумнящихся какъ бы изъ мертвыхъ. Уже чрезъ день послѣ этого происшествія, всей волости была извѣстна въ подробности сцена, разыгравшаяся въ семьѣ Кононовыхъ и только что нами разсказанная въ предъидущей главѣ. Пошли толки и предположенія о будущемъ.

Случай этотъ немедленно вызвалъ тревогу и среди сельской и уѣздной администраціи. Уже на другой день пріѣхалъ въ Малое Заручье волостной старшина съ писаремъ; на третій—перепуганный о. Афанасій; на четвертый—становой, членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и т. д. Авдотью, Павла и Якова допрашивали, осматривали ихъ бумаги и, найдя, со стороны мѣстнаго начальства, все правильнымъ и успокоившись за себя, лишь диву дались, да высказали предположеніе о необходимости немедленно поднять «дѣло» каждому власте-начальнику по своему вѣдомству. Всѣ они подтвердили предположеніе деревенскихъ юристовъ о томъ, что Авдотью, вѣрнѣе всего, разведутъ съ Яковомъ, отдадутъ Павлу. Кононовы, всей семьей, ѣздили въ городъ, къ воинскому начальнику. Но и тамъ фальши тоже не оказалось: мѣстная воинская власть, провѣривъ документы по извѣщеніямъ госпитальнымъ, полка и другихъ воинскихъ и этапныхъ начальниковъ, нашла, что не на нее падаетъ отвѣтственность за этотъ грѣхъ. Требовалось искать разъясненія дальше

и списаться «съ дунайской арміею». Обѣщали тотчасъ поднять это дѣло. Предположеніе Кононовыхъ о фальши Якова и Авдотьи, устроившихъ, будто бы, все это дѣло чрезъ подкупъ военныхъ писарей, значитъ, не подтвердилось... Теперь всѣ стали приписывать этотъ случай злой судьбѣ всѣхъ участвующихъ въ этой драмѣ лицъ.

Самой Авдотьѣ отъ этого было, однако, не легче, хотя она и дѣлала видъ, что равнодушна ко всему, что творится вокругъ нея. Напротивъ, въ душѣ она очень страдала: ея опасенія большаго скандала даже находили себѣ подтвержденія. Тѣмъ не менѣе, она продолжала жить у Александры, никого другаго изъ деревенскихъ не видя, и ласкала лишь забѣгавшую къ ней поминутно Пашку, называя ее теперь не иначе, какъ «несчастненькой», въ тихомолку же плакала... Но она твердо оставалось при своемъ рѣшеніи не идти въ мужній домъ, а идти къ матери.

На третій день прибѣжала и ея матка: она услышала странные толки по деревнямъ про случай съ ея Авдотьей. Съ кривымъ Кононовымъ она опять чуть не подралась изъ-за его попрековъ и ругательствъ на Авдотью и рѣшила непремѣнно увести дочь къ себѣ.

— Лучше побираться станемъ вмѣстѣ Христовымъ именемъ, а сраму этого не снесемъ!—ободряла старуха Авдотью.—Да нѣтъ, Авдотья работящая; заживемъ еще опять, какъ прочіе люди!

Авдотья стала собираться къ отъѣзду.

Но даже и за вещами своими гордячка-Авдотья не рѣшилась идти одна къ Якову.

— Еще скажутъ что̀,—опять объяснила она пріятельницѣ своей, Александрѣ:—а я, вѣдь, не поскуда, какъ называетъ кривой чортъ Кононовъ; я покажу...—И она просила дружку идти съ ней.

Якову и Дарьѣ она опять кланялась въ ноги и просила Курнакова возвратить Кононовымъ корову, полученную отъ нихъ при Авдотьиной свадьбѣ, что тотъ и обѣщалъ сдѣлать.

Яковъ при этомъ свиданіи опять былъ чрезвычайно сдержанъ, но ласковъ и подтвердилъ дважды, что не думаетъ уступать жену добровольно Кононовымъ и будетъ «тягаться», для чего ужь и подыскалъ адвоката и руководителя въ лицѣ одного разстригидьячка, большаго знатока законовъ.

Довести себя съ вещами до маткиной деревни, на собственной лошади, однако, Авдотья позволила Якову, но лишь подъ условіемъ, что Александра, извѣстная въ деревнѣ за самую нрав-

ственную женщину, будетъ сопровождать ее при этомъ переѣздѣ. Расходившійся вдругъ изъ-за оказаннаго Якову предпочтенія, Павелъ возревновалъ и подрался съ Курнаковымъ. Не пришлось ему участвовать даже въ деревенскихъ проводахъ Авдотьи, такъ какъ Кононовы должны были запирать его въ хлѣвъ на это время, ибо пылкій мушкатеръ рѣшительно порывался взять штурмомъ избу Якова, а самого врага, Якова, котораго прозвалъ «проклятымъ Османомъ», готовился зарубить топоромъ на выѣздѣ изъ деревни.

Вся деревня опять вышла провожать отъѣзжающую. Къ ея несчастью, видимо, стали всѣ относиться теперь болѣе участливо. Она опять всѣмъ кланялась низко и просила не поминать лихомъ. Никакіе уговоры сосѣдей не подѣйствовали и послѣднія ея слова, обращеныя къ народу, были:

— Сама себѣ выдала такое рѣшеніе, православные, сама. Силой меня не отдадутъ ни Павлу, ни Якову; нѣтъ, не таковая я баба!... И не поскудница Авдотья, какъ говоритъ кривой чортъ Кононовъ, нѣтъ,—вы увидѣте... Авдотья чистая, честная русская баба, охъ! чистая.

Укорительная фраза стараго Кононова «поскудница», видимо, уже легла надолго, если не навсегда, угнетающимъ камнемъ на душу бѣдной Авдотьи: она никакъ не могла ни переварить ее, ни забыть.

Уѣхала, наконецъ.

Взволнованная жизнь деревни стала успокоиваться.

X.

Однако, долго еще говорили объ Авдотьѣ.

Сначала пронеслись по деревнѣ толки, что Авдотья у матери груститъ безъ Пашки, а что Кононовы нарочно не хотятъ отдать ребенка, надѣясь тѣмъ вернуть ее въ семью перваго мужа. Послѣ стали ужъ говорить, что баба все плачетъ. Дѣйствительно, ее напугала мысль, подсказанная ей кѣмъ-то изъ деревенскихъ, что у ней нѣтъ никакого вида ни отъ перваго, ни отъ втораго мужа, ни отъ попа, ни изъ волости и что Павелъ можетъ водворить ее у себя полицейскою властью, въ случаѣ церковнаго расторженія ея брака съ Яковомъ. Она испугалась и стала чаще обыкновеннаго плакать.

Затѣмъ меньше стали ею заниматься. Наконецъ, забыли...

Вдругъ пронеслась вѣсть, что Авдотья исчезла.

Въ первое время думали: не пошла ли она куда-нибудь въ наймички. Потомъ повѣрили словамъ матери, что Авдотья, истомившись душевнымъ страданіемъ, ушла куда-то далеко, далеко, на богомолье... Но какъ было идти далеко, въ чужую сторону, безъ паспорта? Это, вѣдь, не своя волость, гдѣ всѣ знаютъ въ лицо другъ друга

Посудили, порядили въ деревнѣ,—забыли и про это.

Занялись другою интересною новостью: у воинскаго получилась, въ городѣ, наконецъ, бумага насчетъ судьбы Павла Кононова. Предписывалось считать его не мертвымъ, а живымъ человѣкомъ. Но полкъ тоже не признавалъ здѣсь своей вины. Это, видите ли, «несчастная описка» госпитальнаго писаря или фельдшера въ Зимницѣ: умеръ отъ тифа не Кононовъ, Павелъ Ивановъ, а канониръ Павелъ Ивановъ, взятый наборомъ не изъ Малозаручьевскаго крестьянскаго общества, а изъ мѣстечка Заручьевскаго, хотя и той же губерніи и уѣзда, и солдатъ какой-то артиллерійской бригады, а не рядовой —скаго пѣхотнаго полка. А Кононовъ, Павелъ Ивановъ, раненый рядовой —скаго полка, «эвакуированъ въ Россію, чрезъ Кіевъ». По насмѣшкѣ судьбы, въ утѣшеніе Кононовыхъ, вѣроятно, сообщалось, что уже начато строгое разслѣдованіе всего этого «прискорбнаго случая» и что подозрѣніе падаетъ на вольнонаемнаго госпитальнаго писаря Ивана Зубровскаго, нынѣ умершаго.

Нашему Павлу все это разъясненіе было мало интересно, впрочемъ: онъ не хотѣлъ себя признавать умершимъ еще тогда, когда приказывалъ ему таковымъ считаться воинскій начальникъ въ Старосилѣ. Теперь же онъ успѣлъ освоиться даже и со своею долею соломеннаго вдовца, развернулся въ деревнѣ, заживилъ окончательно рану и, погрустивъ сначала по Авдотьѣ, сталъ, затѣмъ, искать развлеченій въ заведеніи общаго деревенскаго «пріятеля и благодѣтеля», кабатчика Волчка.

Тутъ дѣло пошло на ладъ довольно быстро.

Ко времени полученія «бумаги» о воскресеніи его изъ мертвыхъ и разрѣшеніи ему вновь именоваться живымъ человѣкомъ, бо́льшая часть военнаго туалета Павла уже была въ закладѣ у Волчка. Павлуша сталъ нерѣдко штурмовать, «какъ Плевну»,— объяснялъ онъ,—кабакъ пріятеля силою, когда тотъ отказывался давать водку въ долгъ; солидный Волчекъ неоднократно уже вынужденъ былъ напоминать ему, что онъ ведетъ себя «совсѣмъ

не по-кавалерски». Тогда солдатъ пригрозилъ другимъ манеромъ: если ему не будетъ кредита въ кабакѣ, то онъ не захочетъ и оставаться въ деревнѣ, уйдетъ вновь на службу ранѣе «срока поправки» и тѣмъ неизбѣжно сдѣлаетъ то, что весь его долгъ Волчку пропадетъ окончательно.

— Ты знаешь,—убѣдительно доказывалъ Павелъ кабатчику:— теперь жены у меня нѣтъ... Ну ее прахомъ, въ самомъ дѣлѣ!— Одна голова: все равно пропадать, здѣсь ли отъ твоей водки, аль на службѣ отъ османскаго ятагана. Давай!

Цѣловальникъ, смѣясь искренно, давалъ ему еще водки, но уже снималъ съ него, закладомъ, драгоцѣнный для солдатскаго сердца Павла «егорій».

Одинъ Яковъ, значитъ, стоически-твердо переносилъ свое сиротствующее положеніе безъ Авдотьи.

Вдругъ, въ концѣ мая того же года, громомъ пронеслась вѣсть, что на Кичеевской мельницѣ, въ пятнадцати верстахъ, у запруды, вынесло трупъ утопленницы. Наѣхала полиція, слѣдователь...

Народъ тотчасъ призналъ въ утопленницѣ заручьевскую Авдотью. Мужъ и матка ея подтвердили то же. Сама ли сгубила себя несчастная баба, или извелъ ее кто другой, по злому на нее умыслу,—осталось неразъясненнымъ. Слѣдователь долго собиралъ, стороною, свѣдѣнія о мужьяхъ бабы, объ ея семейной жизни и объ ихъ отношеніяхъ къ ней. Но на Павла не могло пасть подозрѣнія по обстоятельствамъ дѣла: онъ, со дня прихода домой въ мартѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ни разу не отлучался такъ далеко изъ деревни; доказано было его полнѣйшее alibi; объ Яковѣ же Курнаковѣ были собраны самыя одобрительные отзывы отъ всѣхъ сельскихъ властей и отъ народа.

— Сама на себя, видно, руки наложила, гордячка,—единогласно говорили судебному слѣдователю окрестные крестьяне.— Долюшка ужь такая ея была, горемычная судьба!.. А чистая, правая была баба, неча сказать!

Дмитрій Гирсъ.

Э. Литтре и позитивизмъ.

Г. Каро.

(Переводъ съ французскаго).

Глава вторая *).

Позитивная философія, ея измѣненія и ея будущность.

I.

Какая бы участь ни постигла позитивизмъ въ будущемъ, устоитъ ли онъ въ своихъ основныхъ чертахъ или превратится, какъ я полагаю, въ болѣе радикальныя и простыя ученія, имя г. Литтре останется неразрывно связаннымъ съ его началомъ и съ его успѣхами. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, отмѣченныхъ его эрудиціей, его нельзя назвать изобрѣтателемъ и начинателемъ. Никогда и ни въ какой изъ интеллектуальныхъ сферъ онъ не проявилъ того, чѣмъ обусловливается великое учительство, — иниціативы идей. Всѣ идеи, отмѣченныя его именемъ, встрѣчены имъ болѣе или менѣе случайно на различныхъ путяхъ его многосторонней дѣятельности, конечно, не безъ тайной къ нимъ предрасположенности. Онѣ возникли не въ его собственномъ сознаніи, а открыты имъ у другихъ и иногда довольно поздно. Но, разъ увлекшись ими, онъ усвоиваетъ ихъ съ обычнымъ серьезнымъ энтузіазмомъ, налагаетъ на нихъ отличительную печать своей добросовѣстности, распространяетъ ихъ съ усердіемъ неофита, стремящагося силою пропаганды наверстать потерянное время. Въ то же время и въ силу того же умственнаго процесса, ради лучшаго ихъ усвоенія, онъ приспособляетъ ихъ къ харак-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

теру своего ума, видоизмѣняетъ ихъ для того, чтобы лучше отстаивать. По праву основательнаго и уважаемаго критика и неутомимаго апологета, онъ откидываетъ представляющееся недостойнымъ поддержки для пользы дѣла, удерживая лишь то, что ему кажется существеннымъ.

Такова вкратцѣ исторія его встрѣчи съ позитивизмомъ и послѣдующихъ къ нему отношеній. Съ философіей г. Конта онъ познакомился, уже проживши полжизни, на пятнадцатомъ году существованія самой доктрины, и съ первой же минуты отдался ей всею душею; съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ онъ излагаетъ ея ученіе, поддерживаетъ ее съ неизмѣннымъ постоянствомъ и непоколебимою силою убѣжденія; силою своего авторитета онъ выводитъ ее съ новыхъ ложныхъ путей, на которые увлекалъ ее слишкомъ смѣлый и безпокойный вождь. Былъ ли онъ въ этомъ самобытенъ, такъ сказать, оригиналенъ? Конечно, нѣтъ, если рѣчь идетъ объ основныхъ концепціяхъ, породившихъ это философское направленіе; тѣмъ не менѣе, за нимъ должно признать извѣстнаго рода самобытность (оригинальность) въ смыслѣ критическихъ пріемовъ, послужившихъ къ уясненію идей, а равно и за его діалектику, несомнѣнный продуктъ его личной настойчивости и знаній, ежедневно противупоставляемую имъ въ борьбѣ съ возраженіями и предубѣжденіями, находящею новые доводы противъ новыхъ препятствій. Въ исторіи философіи нашего времени онъ займетъ мѣсто рядомъ съ основателемъ школы, мѣсто, равное съ нимъ, быть можетъ. Такъ почти въ каждой философской школѣ на ряду съ ея основателемъ мы встрѣчаемъ имя организатора доктрины или ея защитника,—Ксенофонта рядомъ съ Парменидомъ или Зенономъ.

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что Литтре выступаетъ защитникомъ позитивизма лишь послѣ того, какъ поставилъ его въ мѣру, почитаемую имъ пріемлемою, и рѣшительно пожертвовавши частями доктрины, казавшимися ему несостоятельными и негодными. Многіе выводы и положенія, первоначально имъ принятые, сами собою падаютъ подъ его рукою; позитивизмъ все болѣе и болѣе подвергается урѣзкамъ. Ничто не можетъ быть поучительнѣе измѣненій, которымъ подверглась эта философія въ двадцатилѣтній періодъ со смерти Огюста Конта до смерти Литтре.

Огюстъ Контъ умеръ 5 сентября 1857 года. Посмотримъ, въ какомъ видѣ представлялось, въ этотъ торжественный для исторіи школы моментъ, философское ученіе, впервые возвѣщенное

за тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ небольшою брошюрою, изданною всего въ ста экземплярахъ, прошедшею въ то время почти незамѣченною и представляющую нынѣ единственный интересъ точнаго указанія даты. Въ теченіе долгихъ послѣдующихъ лѣтъ плодотворная дѣятельность Огюста Конта не ослабѣла ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, за исключеніемъ времени, отнятаго недугомъ, удручавшимъ въ болѣе или менѣе серьезныхъ формахъ могучій мозгъ, надрываемый работою. Капитальный трудъ, прославившій его имя, воздвигался постепенно, подобно зданію, съ этажа на этажъ до его увѣнчанія. Въ 1826 году ему предшествовало опубликованіе окончательнаго плана. Съ 1830 до 1842 года появились въ свѣтъ шесть томовъ, составляющіе *Курсъ позитивной философіи;* въ нихъ систематически распредѣлены общія, прелиминарныя положенія, философія математическая, философія физики, въ тѣсномъ смыслѣ, философія химіи и философія біологіи; все заканчивается философіей соціальною. Такъ создалось то, что г. Литтре называлъ «философскимъ твореніемъ XIX вѣка» (*l'oeuvre philosophique du XIX siècle*), задачею котораго было «примѣнить къ философіи положительность научнаго метода и дать наукамъ стройность философской системы». Шестнадцать лѣтъ прошло отъ возникновенія замысла до его осуществленія; но замыселъ былъ настолько вѣренъ, что, несмотря на такой долгій промежутокъ времени, исполненіе оказалось въ точности соотвѣтствующимъ ему *).

Можно было предположить, что, достигнувши такого результата, великій труженикъ удовлетворится и ограничится распространеніемъ своего творенія, убѣжденіемъ несогласныхъ. Ни чуть не бывало. Едва окончивши эту часть своей задачи, которую можно назвать теоретическою, онъ уже задумывалъ или мечталъ о второй части, посвященной политическимъ и соціальнымъ примѣненіямъ его теорій. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обдумыванія, съ 1851 до 1854 года, онъ издалъ *Système de politique positive ou Traité de sociologie instituant la religion de l'humanité.* Къ этому новому ряду политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ концепцій относится нѣсколько разнообразныхъ его сочиненій: *Календарь позитивизма, Библіотека позитивизма, Катехизисъ позитивизма* **); наконецъ, за годъ до его смерти появляется первый томъ книги: *Synthèse subjective, ou système uni-*

*) Principes des philosophie positive, préface d'un disciple, p. 8.

**) *Русская Мысль* 1883 г., ноябрь: „Религія позитивизма".

versel des conception propres à l'état normal de l'humanité. Мы не станемъ передавать здѣсь, цѣною какихъ испытаній было совершено великое произведеніе. Этого рода идеи захватываютъ человѣка всецѣло и не оставляютъ мѣста ничему иному. «Огюстъ Контъ имѣлъ возможность заниматься философіей въ Парижѣ, чего лишенъ былъ Декартъ. Но всю жизнь онъ прожилъ въ бѣдности и неизвѣстности; а подъ конецъ ему грозила даже полная нищета. Беззаботное отношеніе къ завтрашнему дню облегчалось для него непосредственностью его призванія» *). Послѣдніе годы онъ жилъ исключительно вспомоществованіями друзей и послѣдователей; но онъ жилъ и умеръ въ счастливомъ сознаніи, что мечты его осуществились. Возможно ли бо̀льшее счастье для человѣка? «Что такое жизнь великаго человѣка? Идея юности, осуществленная въ годы зрѣлости», — сказалъ Альфредъ де Виньи. Огюстъ Контъ воспользовался этими словами для характеристики своей жизненной карьеры. Въ этомъ нельзя видѣть ни заносчивости, ни самохвальства, а единственно вѣрное сознаніе великости совершеннаго дѣла. Онъ былъ человѣкомъ единой идеи **).

Цѣлью его стремленій была универсальность какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣла. Однимъ разомъ, усиліемъ единичнаго ума онъ думалъ основать одновременно теоретическую и практическую систему, всеобъемлющую философію, резюмирующую собою частныя философіи всѣхъ наукъ, политику или соціальную организацію, которая бы примирила и согласовала прогрессъ съ порядкомъ, и, наконецъ, религію, которая замѣнила бы собою всѣ другія религіи и управляла бы всѣми человѣческими стремленіями посредствомъ опредѣленнаго идеала. За осуществленіе этой задачи онъ взялся съ удивительною энергіей, съ необычайнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ. Послѣ довольно продолжительной неизвѣстности и тяжелой борьбы, онъ кончилъ тѣмъ, что пріобрѣлъ нѣсколькихъ преданныхъ послѣдователей, а въ философскомъ мірѣ, долго остававшемся равнодушнымъ, вызвалъ нѣкоторое волненіе, въ которомъ преобладающими чертами были удивленіе и до извѣстной мѣры безпокойство. Но самое вниманіе на него было обращено очень поздно. Книги Огюста Конта, переполненныя отвлеченностями и техническими выраженіями, утомительными длиннотами, написанныя непріятнымъ, рѣзкимъ слогомъ, распространялись крайне слабо и медленно въ средѣ не-

*) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple p. 21.
**) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 1.

многихъ интересующихся философскими вопросами и той части публики, «которая носитъ въ себѣ зародыши предрасположенія къ принятію позитивистскихъ доктринъ». Со стороны автора не было, впрочемъ, ничего предпринято къ распространенію своихъ произведеній; онъ издавалъ ихъ, и только; какъ пойдутъ они, онъ о томъ не заботился и лишь отъ времени до времени поддерживалъ ихъ публичными, безплатными чтеніями, не пользовавшимися особенною извѣстностью. При всемъ своемъ желаніи пріобрѣсти послѣдователей, для привлеченія ихъ онъ не прибѣгалъ даже къ самымъ элементарнымъ средствамъ, ни къ личному вліянію, которое онъ могъ имѣть *). Онъ самъ признавался, что никогда не разсчитывалъ болѣе, чѣмъ на полсотни послѣдователей на всемъ европейскомъ Западѣ, и высказывалъ свое удовольствіе, когда число ихъ оказалось больше. Онъ предполагалъ, правда, что впослѣдствіи начнутся обращенія массами; онъ былъ убѣжденъ, что весь міръ пойдетъ за нимъ; наступленія этого часа онъ ждалъ съ увѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ своей непогрѣшимости и въ своей универсальности. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе приближалъ предопредѣленный судьбами моментъ обращенія человѣчества. Но должно замѣтить, что въ это время онъ находился въ томъ «патологическомъ періодѣ», о которомъ его ученики говорятъ съ большою скорбью. Онъ уже не спорилъ, не доказывалъ,—онъ изрекалъ и первосвященствовалъ, пользовался всѣми прерогативами первосвященства, совершалъ браки и преподавалъ другія таинства новаго культа; онъ уже не писалъ писемъ, а разсылалъ пастырскія посланія. Позитивизмъ дошелъ до полнаго осуществленія того, что о немъ сказалъ г. Гексли: «это католицизмъ безъ христіанства».

Несмотря на важныя разногласія, уже ясно опредѣлившіяся въ эти послѣдніе годы, г. Литтре былъ признаннымъ преемникомъ дѣла Огюста Конта, во-первыхъ, какъ человѣкъ непререкаемой честности и всѣми за нее чтимый; во-вторыхъ, какъ обладающій энциклопедическими знаніями, передъ которыми всѣ преклонялись. Онъ познакомился съ г. Контомъ въ 1840 году. Удрученный тяжелыми обстоятельствами, онъ искалъ развлеченія внѣ сферы своихъ обычныхъ работъ и занятій. Одинъ пріятель далъ ему прочесть *Систему позитивной философіи*. Г. Контъ, узнавши, что онъ читаетъ его книгу, прислалъ ему ея экземп-

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 665.

ляръ. Съ этого началось ихъ знакомство. Литтре всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, имѣвшемъ такое огромное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. «Г. Контъ не ошибся, оказавши мнѣ такое вниманіе,—говорилъ онъ.—Его книга произвела на меня подавляющее впечатлѣніе. Во мнѣ поднялась внутренняя борьба между моими прежними мнѣніями и новыми. Послѣднія одержали рѣшительную побѣду, показавши мнѣ, что мое прошлое было не болѣе, какъ положеніемъ подготовительнымъ, съ которымъ они не были въ противорѣчіи, а являлись его расширеніемъ и развитіемъ. Съ тѣхъ поръ я сталъ послѣдователемъ позитивной философіи и остаюсь имъ навсегда, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя были вызваны безпрерывными усиліями ввести соотвѣтствующія исправленія и расширенія» *). Ниже мы увидимъ, въ какой широкой мѣрѣ оказались необходимыми эти исправленія, мы увидимъ, что наслѣдство учителя принято ученикомъ далеко не безусловно. Какъ распорядился онъ, какъ разобрался въ этомъ запутанномъ наслѣдіи? Что взялъ онъ для себя изъ сокровищницы съ крайне смѣшаннымъ содержаніемъ, что включилъ въ свое интеллектуальное достояніе и что отбросилъ какъ подозрительное и негодное? Мы долго занимались изученіемъ идей г. Литтре и считаемъ себя вправѣ сказать, что въ его умѣ крѣпкая связность доктрины незамѣтно ослаблялась, что догматизмъ первыхъ дней начиналъ уступать мѣсто болѣе или менѣе свободнымъ концепціямъ, единственнымъ связующимъ звеномъ коихъ оставалось отрицаніе, такъ что, въ концѣ-концовъ, позитивная философія, основанная для того, чтобы избѣжать чисто отрицательнаго направленія восемнадцатаго вѣка, послѣ величайшихъ усилій совершить философское и соціальное переустройство, вынуждена была возвратиться къ своему исходному пункту. Если прослѣдить внимательно всѣ пути восхожденія и нисхожденія этой школы, всѣ кажущіяся колебанія, обманывающія глазъ, то яснымъ станетъ, что отметаніе ею теологическихъ и метафизическихъ умозрѣній есть, очевидно, идея отрицательная и представляетъ собою единственный догматъ, непоколебимо устоявшій къ концу долгой, полувѣковой разработки, и что; въ то же время, въ этой идеѣ кроется наиболѣе явная и рѣшительная причина популярности самой школы въ средѣ массы публики, не имѣющей времени вникать въ подробности и всматриваться въ оттѣнки.

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, préface

Конечно, разложеніе это выяснилось не сразу. Несмотря на возникновеніе нѣкоторыхъ сомнѣній и на потрясеніе довѣрія по инымъ важнымъ вопросамъ, Литтре всегда оставался крѣпко преданнымъ первоначальной идеѣ позитивизма, равно искреннимъ почитателемъ Конта и его безусловнымъ апологистомъ во всемъ, что касалось изложенія всей цѣлостности ученія. Онъ не переставалъ провозглашать интеллектуальныя и въ особенности нравственныя благодѣянія, преподанныя этою философіей ему лично и людямъ его времени, страдавшимъ однимъ съ нимъ нравственнымъ недугомъ. По его мнѣнію, она есть, въ одно и то же время, продуктъ и врачеваніе эпохи глубокихъ смутъ. Глухой, смутный ужасъ охватывалъ людей мысли и безсознательную толпу. На самомъ дѣлѣ, что происходило кругомъ? Долгія потрясенія, обманутыя надежды, безпрерывныя колебанія, боязнь возврата къ отринутому прошлому и неувѣренность въ будущемъ, опредѣлить которое нѣтъ возможности. Эта смута въ настоящемъ, неурядица въ убѣжденіяхъ, отсутствіе внутренняго равновѣсія душъ, поразительная неустойчивость вѣрованій, всѣхъ равно удручающія,— все это, заявляютъ намъ, есть слѣдствіе антагонизма постоянно возрастающаго знанія съ случайно уцѣлѣвшими остатками господства теологіи и метафизики, чувствующими, что ихъ разрушаютъ знанія. Огюстъ Контъ первый созналъ ясно, что истинное призваніе новой философіи должно состоять въ приведеніи связи между умственною и соціальною устойчивостью и устойчивостью науки, покоящейся на незыблемыхъ основахъ, созданныхъ всѣмъ прогрессомъ цивилизаціи, и въ извлеченіи изъ позитивныхъ знаній цѣльной системы вѣрованій, долженствующей прекратить вѣчную, прискорбную борьбу между вѣрою и знаніемъ. Таковъ центръ, къ которому сойдутся всѣ, покинувшіе традиціонныя вѣрованія подъ разрушительнымъ вліяніемъ соціальной среды. Собравши и связавши во едино всѣхъ разрозненныхъ, новая философія окажетъ величайшую соціальную услугу; возведя реальное познаніе міра въ интеллектуальный догматъ, она поставитъ нравственнымъ догматомъ служеніе человѣчеству *)

Литтре признаетъ Огюста Конта благодѣтелемъ подобно тому, какъ древле Лукрецій таковымъ признавалъ Эпикура, и провозглашаетъ его освободителемъ своей собственной души и порабощеннаго міра. «Будучи обязанъ ему такимъ благотворнымъ свѣтомъ, могу ли я ставить ему на счетъ нѣкоторыя заблужденія,

*) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple.

въ которыя былъ имъ вовлеченъ? Если бы меня не просвѣтили его труды, я не вышелъ бы, по складу ума и по характеру моихъ занятій, изъ положеній отрицательныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, послѣ многократныхъ усилій, сознавалъ невозможность удовлетвориться какою-либо теологическою или метафизическою философіей, а, съ другой стороны, сознавалъ собственное безсиліе возвыситься до универсальной точки зрѣнія, могущей замѣнить для меня метафизику и теологію. Эту точку зрѣнія указалъ мнѣ г. Огюстъ Контъ. Это произвело во мнѣ настоящій переворотъ; мой умъ прояснился, и я обрѣлъ спокойствіе» *). Если бы въ дѣйствительности Огюстъ Контъ возвратилъ утраченную ясность духа взволнованному поколѣнію, похвала эта не была бы преувеличенною и никакая благодарность не въ состояніи была бы сравняться съ оказаннымъ имъ благодѣяніемъ. Но сознаніе очень и очень многихъ людей этого поколѣнія протестуетъ и громко заявляетъ, что если и нашлись одиночные мыслители, подобно Литтре, исцѣлившіеся такимъ средствомъ и для своего успокоенія удовлетворившіеся простымъ исключеніемъ идеи абсолютнаго, то средство это далеко не дѣйствительно для огромнаго большинства, для всѣхъ, и душевная пустота слишкомъ велика для того, чтобы можно было ее заполнить фактами и формулами законовъ. Даже нерѣшеннымъ остается, всегда ли удовлетворяло это средство самого г. Литтре.

За это именно, за эти услуги въ особенности, г. Литтре признаетъ Огюста Конта новаторомъ,—за то, что утишилъ внутреннюю борьбу безъ устраненія философіи, обыкновенно враждебной знанію, а придавши философіи всѣ атрибуты знанія, тѣ же методы, иначе сказать, отождествивши ее съ позитивнымъ знаніемъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нея независимую и, по тому самому, враждебную силу; не за то, что имъ предложены принципы доктрины и организаціи (многими было дѣлаемо это до него), а за то, что имъ предложенъ новый принципъ, сконцентрировавшій въ себѣ всѣ качества положительнаго знанія, единаго неуязвимаго и возрастающаго, принципъ, вносящій связность и логическую послѣдовательность, элементы интеллектуальнаго мира, и радикально уничтожающій въ умахъ всякія причины и поводы къ противорѣчію. Въ томъ, кто проникнется этимъ принципомъ, установляется, если можно такъ выразиться, единое сознаніе, какъ результатъ единаго способа мышленія,—позитив-

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 516.

наго *). Этимъ устраняются всякіе поводы къ внутренней борьбѣ, возникающей въ умахъ между данными положительнаго знанія и заманчивыми химерами, влекущими умъ въ иную сторону. Ограничивая сферу мысли областью *провѣреннаго* знанія, г. Контъ окончательно исключаетъ знаніе *умозрительное* (connaissance *imaginée*); онъ вынуждаетъ его сначала укрыться въ абсолютное, а затѣмъ послѣднимъ усиліемъ закрываетъ доступъ къ этому абсолютному, признанному гипотетичнымъ и во всякомъ случаѣ недоступнымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что благодарный ученикъ,—забывая всю исторію эмпиризма, постоянно приходящаго къ тѣмъ же результатамъ подъ другими формами и наименованіями, — доходитъ до энтузіазма въ прославленіи учителя, принесшаго освобожденіе міру: «Лучъ генія озарилъ г. Конта. При исходѣ безпорядочной борьбы XVIII вѣка г. Контъ въ началѣ XIX увидалъ фиктивную или субъективную сторону, присущую всякой теологіи и всякой метафизикѣ; онъ составилъ проектъ и усмотрѣлъ возможность устранить эту ихъ сторону, представляющую своимъ вѣчнымъ разладомъ съ реальною спекулятивностью величайшее затрудненіе настоящаго времени; онъ сознялъ, что для достиженія такого устраненія необходимо предварительно найти динамическій законъ исторіи, и онъ нашелъ этотъ законъ; возвысившись черезъ это важное открытіе надъ всѣми человѣческими знаніями, онъ пришелъ къ тому выводу, что точный и плодотворный научный методъ можетъ быть обобщенъ, и обобщилъ его; наконецъ, онъ понялъ существованіе неразрывной связи между всеобъемлющею философіей и соціальнымъ строемъ и первый указалъ на основы раціональнаго управленія человѣчествомъ. Совершившій все это, говоритъ Литтре, заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ величайшими людьми, имена которыхъ связаны съ эволюціею, обусловившею собою прошлое и имѣющею обусловить грядущее». Этою страницею, представляющею собою не столько краткій очеркъ философіи, сколько гимнъ въ честь философа, стоящаго во главѣ ея, заканчиваетъ г. Литтре свой трудъ, посвященный учителю, просвѣтителю и утѣшителю.

Вообще говоря и становясь на высоту точки зрѣнія автора, такое восхваленіе меня не удивляетъ; оно трогаетъ меня даже своею искренностью, своею торжественностью. Но, признаюсь, для меня менѣе понятна другая страница, заимствованная изъ той же книги и кажущаяся мнѣ стоящею въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ

*) Principes de philosophié positive, préface d'un disciple-

противорѣчіи съ эволюціями ученика, ставшаго независимымъ. Я считаю нужнымъ привести ее дословно, такъ какъ она переходитъ за предѣлы мнѣній г. Литтре и можетъ легко быть обращена противъ самого г. Литтре. «Нынѣ, — говорилъ онъ въ предисловіи, написанномъ въ 1863 году,— прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ приверженцемъ этой философіи, и ни разу не было обмануто внушенное мнѣ ею довѣріе, установившееся послѣ долгихъ размышленій и многихъ колебаній. Чтобы предохранить себя отъ иллюзій и предразсудковъ, я прибѣгалъ къ двойной провѣркѣ: во-первыхъ, посредствомъ личнаго опыта, постоянно обращаясь къ помощи этой философіи; во-вторыхъ, наблюдая, какъ она оправдывается общимъ ходомъ вещей. Будучи занятъ весьма разнообразными предметами, исторіей, языкознаніемъ, философіей, медициною, я постоянно пользовался ею, какъ орудіемъ, указывающимъ мнѣ родовое мѣсто, происхожденіе и конечное значеніе каждаго вопроса и предохраняющимъ меня отъ впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, тяжкаго недуга нашего времени. Во всемъ она удовлетворяетъ меня, никогда не обманываетъ и всегда освѣщаетъ. Не менѣе личнаго опыта говоритъ за нее и общій ходъ вещей. Онъ не только опровергаетъ ея значенія, но, наоборотъ, всякое явленіе въ наукѣ или въ политикѣ приноситъ новое подтвержденіе.» Глазамъ не вѣришь, перечитывая эту страницу послѣ *Remarques*, написанныхъ въ 1878 году къ новому изданію отдѣльною книгою *Conservation*, *Révolution*, *Positivisme*. Мы разбирали эти *примѣчанія* въ предъидущей главѣ и выяснили, что они представляютъ собою простую исторію искренняго человѣка, отказавшагося отъ прежнихъ мнѣній, признанныхъ имъ ошибочными, неосторожно принятыхъ когда-то безъ достаточной провѣрки, подъ вліяніемъ позитивизма и патроната Огюста Конта. Каждое изъ этихъ *примѣчаній* можетъ быть противупоставлено увѣреніямъ г. Литтре, будто позитивная философія всегда предохраняла его отъ впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, отъ этого *тяжкаго недуга нашего времени*. Вся эта удивительная книжка, съ которою мы познакомили читателей, есть повѣствованіе о противорѣчіяхъ, въ которыя впадалъ добросовѣстный человѣкъ, признающійся въ своихъ многократныхъ заблужденіяхъ и ошибкахъ. Изъ нея же явствуетъ, что ходъ вещей столь же мало послужилъ къ практической демонстраціи состоятельности позитивизма, сколько и личный опытъ автора. Г. Лит-

тре перечислилъ въ ней длинный рядъ ошибочныхъ выводовъ своего учителя, не оправдавшихся послѣдующими событіями и приведшихъ къ горькому заключенію, что исторія не подчиняется индукціямъ соціологіи. Для безпристрастнаго сужденія о цитированной страницѣ необходимо принять во вниманіе извѣстную временную экзальтацію, отъ которой не избавлены лучшіе умы въ увлеченіи своимъ предметомъ и какъ бы опьяняемые идеей.

Извѣстно, впрочемъ, что еще при жизни Огюста Конта, за нѣсколько лѣтъ до его смерти, г. Литтре сбросилъ съ себя сдѣлавшееся слишкомъ тѣснымъ и тяжелымъ ярмо, наложенное учителемъ, который закончилъ тѣмъ, что превратилъ свой авторитетъ въ господство, въ произвольную и мистическую тиранію. Поводомъ къ таковой относительной и не безъ труда совершившейся эмансипаціи послужили политическія разногласія. Начало разрыва тѣсной интимности относится къ времени государственнаго переворота 1851 года. Въ погонѣ за могущественными покровителями для политики, имъ измышленной, Огюстъ Контъ присталъ къ людямъ, совершившимъ переворотъ во Франціи, какъ впослѣдствіи обращался за тѣмъ же въ Россію. Кончилось тѣмъ, что г. Литтре совершенно отдалился отъ общества позитивистовъ, не прекращая, впрочемъ, взноса субсидій, которыми жилъ въ это время г. Огюстъ Контъ. По мѣрѣ удаленія отъ человѣка, имѣвшаго такое огромное вліяніе на него въ теченіе одиннадцати лѣтъ, г. Литтре все болѣе и болѣе сознавалъ необходимость подвергнуть провѣркѣ позитивнымъ методомъ все то, что проповѣдывалъ учитель въ послѣдніе годы жизни и что вначалѣ было принято ученикомъ на вѣру. «Я не думаю, — говоритъ г. Литтре съ благороднымъ смиреніемъ,—чтобы я въ состояніи былъ это сдѣлать, если бы оставался подъ непосредственнымъ вліяніемъ г. Конта» *). Вначалѣ критика доктринъ г. Конта, на которую отважился его ученикъ, ограничивалась вопросами о методѣ, правда, очень важными, и о послѣдствіяхъ, изъ него вытекающихъ: преобладаніе чувства, провозглашенное г. Контомъ, подчиненіе разума сердцу, настоящая теократическая политика, возвратъ, наконецъ, къ новому теологическому порядку вещей, по методу, ничѣмъ не различествующему отъ прежняго. Но начавшаяся критика не могла остановиться на полпути и довела свое дѣло до конца. По послѣдующимъ произведеніямъ г. Литтре мы имѣемъ возможность прослѣдить ходъ измѣненій во мнѣніяхъ

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 602.

ученѣйшаго и популярнѣйшаго изъ послѣдователей г. Конта, начавшихся при жизни основателя школы и завершившихся послѣ его смерти.

Мы отмѣтимъ эти измѣненія въ ихъ послѣдовательности. Наступилъ моментъ, когда Огюстъ Контъ, воображая и завѣряя, что лишь развиваетъ свою доктрину, всецѣло измѣнилъ весь свой методъ,—именно тогда, «когда онъ задумалъ перейти отъ принциповъ, установленныхъ въ системѣ позитивной философіи, къ примѣненію ихъ, установленному въ системѣ позитивной политики». Онъ самъ признается, что въ то время оставилъ объективный методъ, направленный къ изысканію объясненій въ обобщеніи фактовъ, для субъективнаго метода, ставящаго на мѣсто концепціи законовъ личную интуицію и умозрѣніе.

Въ это время онъ уже не обсуждаетъ, не обращается къ фактамъ,—онъ измышляетъ, онъ декретируетъ свои личныя мнѣнія относительно политическаго и соціальнаго примѣненія системы. Въ политикѣ, напримѣръ, въ ожиданіи всеобщаго обновленія, основаннаго на разграниченіи духовной и свѣтской власти, онъ считаетъ необходимымъ установленіе *завѣдомо революціоннаго* правительства на періодъ времени, называемый имъ *междуцарствіемъ*, т.-е. на переходное время. Мы уже знаемъ, что онъ мечталъ объ учрежденіи диктатуры при посредствѣ тріумвирата, избираемаго исключительно населеніемъ Парижа изъ среды пролетаріевъ. Г. Литтре имѣлъ неосторожность принять въ 1848 г. безъ должной критики такія идеи, отъ которыхъ ему пришлось отказаться впослѣдствіи.

«Это было для меня сильнымъ нравственнымъ пораженіемъ,—говоритъ онъ,—и я не обинуясь признаюсь въ томъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ представляется мнѣ, во-первыхъ, полученный урокъ быть скромнѣе, во-вторыхъ, предостереженіе не слишкомъ полагаться на себя, а для моихъ читателей—возможность видѣть во мнѣ вѣрнаго вожака лишь постольку, поскольку самъ онъ не ошибается» *).

Въ дѣлѣ религіи разномысліе было еще рѣшительнѣе. Едва Контъ замѣтно отклонился отъ позитивистскаго положенія, «что всѣ явленія подчинены постояннымъ законамъ, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить ни молитвою, ни поклоненіями», какъ Литтре удалился отъ него. Онъ ни на одну минуту не склонился въ пользу болѣе, чѣмъ странныхъ концепцій, отзывающихся гал-

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 587.

люцинаціями, по которымъ земля, или великій фетишъ, пространство, или великая среда, необъятное, или великое существо, называемые Контомъ великою Троицею, противупоставляются христіанской Троицѣ. Понятно, когда теологія говоритъ именемъ откровенія. А здѣсь что мы видимъ?—спрашиваетъ г. Литтре.—Фикцію? Но фикція не можетъ быть объектомъ какого бы то ни было вѣрованія, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Реальная дѣйствительность? Но кто же можетъ повѣрить, будто у земли есть воля и добрыя намѣренія по отношенію къ будущему человѣческому роду, и кто же станетъ сообразовать съ этимъ свое поклоненіе и образъ дѣйствій? Къ тому же Огюстъ Контъ въ этотъ періодъ своей жизни открыто заявляетъ, что разумъ человѣческій не можетъ обходиться безъ вѣры въ независимыя воли, участвующія своимъ вмѣшательствомъ въ міровыхъ событіяхъ. Такое признаніе наноситъ смертельный ударъ всей позитивной философіи. На самомъ дѣлѣ, въ основѣ этой философіи лежитъ положеніе, что разумъ не есть необходимо ни теологиченъ, ни метафизиченъ, что таковымъ онъ пребываетъ лишь въ переходномъ состояніи. Если же намъ заявляютъ, что таковъ онъ необходимо, въ такомъ разѣ надо возратиться къ предшествовавшему теологическому состоянію и навсегда оставить надежду на возможность серьезнаго противупоставленія безсильныхъ измышленій теологіи, исходящей изъ глубины исторической и освященной вѣковымъ величіемъ установленій и оказанныхъ ею услугъ *).

По всѣмъ этимъ пунктамъ политическаго, соціальнаго и религіознаго синтеза, г. Литтре, не безъ тайной скорби, рѣшительно отдѣляется отъ Конта: «Я бы очень желалъ, чтобы этого не случилось. Будучи послѣдователемъ первой части системы, я въ той же мѣрѣ готовъ былъ стать адептомъ и второй ея части, подъ вліяніемъ непреодолимаго влеченія, обусловливаемаго демонстрированіемъ истины. Такого влеченія не стало, и мнѣ пришлось отказаться отъ выводовъ, не имѣвшихъ для меня разумной причины бытія. Такимъ образомъ, твердо оставаясь вѣрнымъ позитивной философіи, какъ основѣ, я не менѣе твердо отказываюсь, поскольку это лично меня касается, отъ позитивной политики, выведенной г. Контомъ изъ его философіи». Г. Литтре увѣряетъ, будто, въ сущности, онъ не разбилъ на части созданнаго г. Контомъ и пребывающаго цѣльнымъ и непоколебимымъ, и что онъ выдѣлилъ только неподходившіе выводы и примѣненія.

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 562—564.

Но ему выпало на долю раздѣлить на двѣ части ученіе г. Конта, что было крайне горько; ему пришлось показать, что самъ Огюстъ Контъ измѣнилъ своимъ принципамъ и своему методу *). Эту измѣну, признаваемую имъ съ такою скорбью, Литтре приписываетъ болѣзненному состоянію г. Конта и ослабленію, произведеннымъ чрезмѣрною работою.

Вполнѣ ли это вѣрно? Къ тѣмъ ли только пунктамъ, которые указаны въ этой трогательной исповѣди, относится измѣна или диссиденство ученика? Я прошу замѣтить, что ни на мгновенье не усумнился въ безусловной искренности этого, по истинѣ, честнаго человѣка; но не могу не отмѣтить, что, помимо указанныхъ, есть другіе пункты, по которымъ мнѣнія его измѣнились подъ вліяніемъ опыта, размышленія, соприкосновенія съ людьми и событіями; и нѣтъ никакой возможности сказать, что твореніе Огюста Конта осталось «цѣльнымъ и непоколебимымъ» даже въ своей первой части, какъ говоритъ г. Литтре. Энтузіазмъ первыхъ лѣтъ смѣнился размышленіемъ, и оно совершило свою медленную, но неустанную работу. Г. Литтре совершенно вѣрно замѣчаетъ: «Во всякомъ случаѣ дѣло ученика критиковать. Я разумѣю, конечно, добросовѣстную критику, выдѣляющую ошибочное лишь для того, чтобы въ болѣе яркомъ свѣтѣ показать вѣрное». Если бы Огюстъ Контъ написалъ только одну книгу, наиболѣе устойчивую противъ нападеній,— *Систему позитивной философіи*, то и эту книгу слѣдовало подвергнуть очень серьезному изученію и въ ней слѣдовало, по тщательномъ разсмотрѣніи, отмѣтить слабыя стороны и пробѣлы. При жизни Огюста Конта и при его раздражительности, его послѣдователи вынуждены были относиться къ его произведеніямъ съ величайшею сдержанностью, и, само собою разумѣется, г. Литтре менѣе, чѣмъ кто-либо, былъ склоненъ потревожить послѣдніе его дни. Въ иныхъ условіяхъ оказывается произведеніе по смерти автора. По отношенію къ нему всякая сдержанность была бы неумѣстною, оскорбительною даже; въ этомъ разѣ дѣло идетъ о торжествѣ метода и принциповъ, хотя бы цѣною уничтоженія и гибели того или инаго. Огюстъ Контъ стоитъ выше всякихъ панегириковъ; хвалы ему и единственныя достойныя его хвалы воздаетъ исторія, эта вѣчная критика идей и вещей, достойныхъ жить въ исторіи и управлять ея ходомъ **).

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, préface, p. IV.
**) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 651.

Исполняя долгъ критика, возлагаемый на него уваженіемъ къ истинѣ, г. Литтре не преминулъ указать слабыя стороны системы и ея неудовлетворительность. Мы не можемъ вдаваться во всѣ подробности контраверса, но считаемъ своею обязанностью отмѣтить то, что г. Литтре исключаетъ изъ позитивистской программы, чѣмъ считаетъ нужнымъ дополнить ее, и, наконецъ, тѣ части системы, которыя кажутся ему допущенными лишь временно. Въ заключеніе своего труда, при общемъ обзорѣ позитивной философіи, онъ указываетъ въ ней на три существенныхъ пробѣла. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ политическую экономію. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы она была исключена г. Контомъ, догматически, какъ наука ложная: онъ признаетъ, что наука эта составляетъ неотдѣлимую часть соціологіи и не можетъ быть оставлена въ пренебреженіи безъ ущерба для всей теоріи послѣдней. Новѣйшая школа высоко цѣнитъ такую мысль, что соціальный организмъ есть вѣрное, хотя въ увеличенныхъ до громадности размѣрахъ, воспроизведеніе живаго организма. Въ соціальномъ организмѣ политическая экономія представляетъ собою то, чѣмъ служитъ питаніе для живаго организма, т.-е. его вегетативная часть, ежедневно поддерживающая его существованіе. Путемъ анализа и сравненія не трудно вывести, что высшія отправленія соціальнаго организма, тѣ, которыя управляютъ нравственною, эстетическою, научною частями и обусловливаютъ эволюцію, находятся въ абсолютной зависимости отъ низшихъ отправленій, обезпечивающихъ матеріальное существованіе общества, что можетъ быть названо промышленностью, подобно тому, какъ въ живомъ организмѣ высшія отправленія нервной системы находятся въ зависимости отъ питанія, безъ котораго они не могутъ существовать, ни быть познаваемы. И такъ, пропускъ политической экономіи составляетъ важный пробѣлъ въ соціологіи и крупная ошибка въ методѣ, установляющемъ іерархію наукъ. Второй пробѣлъ, требующій непремѣннаго заполненія, относится къ теоріи мозга. Гипотеза Галля, принятая слишкомъ неосмотрительно, или, вѣрнѣе, приспособленная съ нѣкоторыми измѣненіями г. Контомъ къ его системѣ, введена въ нее опрометчиво. Необходимо поспѣшить удаленіемъ изъ зданія негодныхъ матеріаловъ сооруженія; но удаленіе ихъ произведетъ очень важную пустоту, придется заново и сполна создать *біологическую психологію*, всю совокупность органическихъ условій, при которыхъ проявляется мысль. Понятая въ такомъ смыслѣ, эта теорія

относится къ біологіи; ее должно изучить въ анатоміи, въ психологіи, въ зоологіи, въ эволюціи по возрастамъ, въ патологіи. Правда, для ученыхъ она представляется пока въ зародышномъ состояніи, будучи самою сложною и самою трудною частью біологіи; но уже пріобрѣтенный въ этой области запасъ знаній и ежедневно пріобрѣтаемый показываютъ, чѣмъ будетъ эта наука современемъ. Наконецъ, самый важный пробѣлъ образовался отъ пропуска психологіи, не психологіи, какъ мы ее разумѣемъ, не той, которую защищаетъ Стюартъ Милль противъ рѣзкаго приговора Огюста Конта, не индивидуальной психологіи, а психологіи коллективнаго человѣка, называемой имъ «субъективною теоріею человѣчества» и заключающей въ себѣ, кромѣ изученія формальныхъ условій мысли, еще мораль и эстетику. Этихъ теорій нѣтъ въ позитивной философіи, тогда какъ онѣ необходимы для нея. Онѣ составляютъ непремѣнное дополненіе къ ней. Пока онѣ не конституированы, масса истинно философскихъ положеній остаются не классифицированными, безъ связи, безъ послѣдовательности. Но, какъ говоритъ г. Литтре, «онѣ являются лишь послѣдствіемъ объективнаго знанія»; только при помощи этого знанія и по окончаніи совершоннаго пути можно разсматривать субъективный инструментъ, сдѣлавшій этотъ путь и его побѣдившій; теорія субъекта есть необходимое дополненіе теоріи объекта *).

И такъ, въ доктринѣ Огюста Конта нашлось и указано не мало пробѣловъ и, притомъ, очень важныхъ пробѣловъ. Но, подобно ему, его ученикъ и критикъ въ то же время не вышелъ изъ подготовительнаго періода, изъ эры программъ. Одна изъ этихъ программъ, хорошо выполненная, сослужила бы истиннымъ интересамъ науки болѣе существенную и важную службу, чѣмъ всѣ эти неопредѣленныя обѣщанія, всѣ преждевременно составляемые перечни будущихъ знаній или препирательства о неполнотѣ предложенныхъ таковыхъ перечней. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, что г. Литтре не оставилъ послѣ себя очень важныхъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя закончены; но эти произведенія не имѣютъ отношенія къ спеціальному ученію, которому онъ посвятилъ столько трудовъ, съ которымъ тѣсно связано его имя. Тутъ и онъ, какъ его учитель, оставилъ только очень рѣзкія критическія нападки на метафизику и теологію и проекты будущихъ побѣдъ, наброски въ самыхъ общихъ чертахъ научнаго будущаго, какимъ

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 663.

оно ему представлялось, манифесты въ честь наступленія эпохи позитивизма.

Г. Литтре суждено было испытать не мало разочарованій даже въ такой наукѣ, какъ соціологія, на которую онъ наиболѣе полагался. А, между тѣмъ, съ какимъ восторгомъ онъ ее привѣтствовалъ! «Названіе и сущность,—говорилъ онъ гордо,—созданы г. Контомъ; я настолько уже старъ, что помню, съ какимъ презрѣніемъ было встрѣчено это варварское наименованіе. Что добраго могло скрываться подъ этимъ плохимъ неологизмомъ? Этикетъ былъ достоинъ товара, имъ прекрываемаго. И что же? Товаръ и этикетъ всѣми приняты; названіе получило право гражданства вездѣ и во Франціи, и важное научное движеніе, вызванное идеей, еще только что начинается» *).

Мы не станемъ вдаваться въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли это созданіе г. Конта такъ оригинально, какъ полагаетъ Литтре, и правда ли, будто ранѣе позитивизма не существовало подъ болѣе простыми наименованіями ни исторіи человѣческихъ обществъ, ни изученія соціальной жизни, ея органовъ и функцій; мы лишь констатируемъ, что г. Литтре видѣлъ настоящій критерій доктрины въ точности соціологическихъ законовъ и въ ихъ послѣдовательномъ осуществленіи. Къ этой наукѣ и къ ея непогрѣшимымъ предвѣдѣніямъ онъ обращался ради убѣжденія умовъ непокорныхъ. Его приводило въ отчаяніе непримиримое несогласіе противуположныхъ убѣжденій и въ этой-то наукѣ онъ искалъ примиряющаго средства: «Я очень хорошо знаю, что люди, которыхъ я признаю весьма выдающимися людьми, отнюдь не убѣждаются тѣмъ, что представляется мнѣ очевиднымъ, и, наоборотъ, то, что мнѣ кажется убѣдительнымъ, не имѣетъ для меня ни значенія, ни силы. Когда два человѣка, одинъ изъ очень холоднаго, другой изъ очень жаркаго помѣщенія, сходятся въ помѣщеніе съ среднею температурою, то одинъ изъ нихъ находитъ эту температуру теплою, другой холодною. Разногласіе между этими равно истинными ощущеніями можетъ быть разрѣшено только безличнымъ термометромъ.. Я долго искалъ термометра, по скалѣ котораго я бы могъ провѣрять принятыя мною мнѣнія». Онъ полагалъ, что обрѣлъ такой «безличный термометръ» для философскихъ идей въ двойной скалѣ, показывающей одновременно въ исторіи человѣчества уменьшеніе сверхъестественнаго и возрастаніе естественнаго, умень-

*) Conservation, Revolution, Positivisme, 2 ed. Remarques, p. 277.

шеніе понятій субъективныхъ и увеличеніе понятій объективныхъ, уменьшеніе божественнаго права и возрастаніе права народнаго, уменьшеніе войнъ и увеличеніе промышленности *). Онъ не сомнѣвался въ томъ, что такой термометръ можетъ своими колебаніями регулировать мнѣнія и достигнуть желанной цѣли — быть судьею человѣческихъ разногласій. Но самъ Литтре къ концу жизни долженъ былъ сознать и созналъ, насколько такія указанія неопредѣленны, сомнительны, противорѣчивы, сколько неизвѣстныхъ входитъ во всѣ подобныя вычисленія и лишаетъ выводы точности. Я остановлюсь на одномъ только примѣрѣ. Можетъ ли, съ точки зрѣнія соціологіи, быть что-нибудь очевиднѣе закона уменьшенія войнъ по мѣрѣ возрастанія промышленности? Что же оказывается? Исторія и практика какъ нельзя убѣдительнѣе доказываютъ ложность такого положенія, и по личному опыту, по тому, что происходило и происходитъ передъ нашими глазами, мы вынуждены признать полную несостоятельность предвѣдѣній, основанныхъ на этомъ положеніи. Въ одной изъ своихъ *Remarques*, звучащихъ глубокою грустью, г. Литтре самъ принужденъ въ томъ сознаться. Въ то время, какъ индустрія, слѣдуя гиганскими шагами за успѣхами наукъ, не перестаетъ развиваться и увеличивать власть человѣка надъ природою, связываетъ народы постоянными обмѣнами и создаетъ между ними извѣстнаго рода солидарность всѣхъ съ каждымъ и каждаго со всѣми, заставляетъ насъ смотрѣть на всякій перерывъ этихъ общеній не только какъ на частное бѣдствіе, но какъ на бѣдствіе общее, и чрезъ то становится великимъ агентомъ всеобщаго мира,—въ это самое время, по какому-то странному противорѣчію, война становится болѣе грозною, чѣмъ когда-либо, надежда на миръ исчезаетъ передъ громадными вооруженіями народовъ, передъ духомъ завоеваній и національностей, стремящимся все передѣлать, перестроить по своему **). Войны племенъ, вооруженіе цѣлыхъ націй, арміи въ полтора, два милліона человѣкъ, постоянно готовыя броситься одна на другую и кроваво-огненнымъ ураганомъ пронестись надъ старою Европой, сама промышленность, направленная на службу грубой силы, на изготовленіе орудій разрушенія, — все это не можетъ, конечно, особенно радовать друзей мира и укрѣплять вѣру въ мирныя предсказанія. Въ дѣлѣ текущей политики такая же участь по-

*) Principes de philosophie positive, prèface d'un disciple, p. 71.
**) Remarques, p. 278.

стигла большинство предсказаній Конта. Трудно ошибаться чаще и впадать въ болѣе полновѣсныя ошибки, чѣмъ онъ, когда брался за роль пророка, и г. Литтре перечисляетъ его промахи съ обычною добросовѣстностью и честностью.

Къ чему же сводится эта соціологія, отъ которой наобѣщали намъ такъ много? Къ теоріи прогресса на землѣ, прогресса человѣчества. Но надежды этого рода не составляютъ монополіи позитивизма. Тюрго, Гердеръ, Кантъ, Гегель, всѣ новѣйшіе мыслители выражали подобныя чаянія, каждый по своему, и я весьма сомнѣваюсь въ томъ, что позитивизмъ разъяснилъ задачу цѣлымъ рядомъ своихъ увѣреній, вродѣ того, что цѣль прогресса состоитъ въ приноровленіи соціальнаго существованія человѣка къ позитивной концепціи вселенной, что прогресъ не зависитъ ни отъ государей, ни отъ народовъ и совершается помимо ихъ, вопреки имъ, безпрерывно, единственно *эволютивною силою исторіи*, что все дѣло человѣка заключается просто въ томъ только, чтобы согласовать свои дѣйствія съ этою силою, чѣмъ самая эта эволюція получаетъ значеніе одной изъ формъ универсальнаго фатума. Изъ всего этого ясно выдѣляется одна идея—комбинированное понятіе прогресса и необходимости, ведущее несомнѣнно къ уменьшенію нравственной отвѣтственности отдѣльной личности и коллективной отвѣтственности народовъ. Намъ говорятъ еще, что революція приняла на себя отрицательную часть дѣла, т.-е. уничтоженіе вѣрованій и учрежденій, оказавшихъ свою долю пользы въ прошломъ и непригодныхъ для порядка вещей, имѣющаго наступить въ будущемъ. Позитивизму предстоитъ организовать общество на расчищенной такимъ образомъ почвѣ. По настоящему, слѣдовало бы опредѣлить организацію этого «имѣющаго наступить порядка вещей». Г. Литтре нигдѣ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Обезкураженный примѣромъ необычайнаго фіаско *Позитивной политики* и *Субъективнаго синтеза*, онъ уже не рискнулъ самъ пускаться на ненадежную почву свободной утопіи и ограничился неопредѣленными формулами. Организовать общество сообразно позитивному міросозерцанію, — дальше онъ не идетъ. Желая дать болѣе точныя опредѣленія, онъ указываетъ на великіе законы соціологіи, на непрерывность развитія науки и на постоянно возрастающую свѣтскость (лаичность) въ современномъ человѣчествѣ. Но достаточно ли этого для водворенія навсегда благоденствія и счастья на землѣ?

При внимательномъ разсмотрѣніи всего, написаннаго г. Литтре,

въ хронологическомъ порядкѣ, оказывается, что догматизмъ его сводится на очень немногое. Вліяніе позитивной философіи на его умственное развитіе было очень глубоко, но мало-по-малу ея догматы утратили въ его умѣ свою опредѣленность. Любопытный *Эпилогъ*, написанный имъ уже слабѣющею рукою въ заключеніе комментированнаго имъ изданія книги: *Conservation, Révolution, Positivisme*, даетъ ясныя указанія на состояніе его духа, на что до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Въ нисьмѣ къ одному американцу, хорошо знакомому съ французскою литературою (г. Гариссу), Сентъ-Бёвъ такъ выразился о г. Литтре: «Этому здоровому, крѣпкому и даже сильному уму не достаетъ оттѣнковъ, и этотъ недостатокъ даетъ себя чувствовать даже въ его интеллектуальной вѣрѣ (представляющейся мнѣ своего рода суевѣріемъ и довѣрчивостью) въ систему, которая въ своихъ общихъ чертахъ, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ необходимой связи съ неяснымъ, темнымъ и часто больнымъ мозгомъ Огюста Конта». Г. Литтре, познакомившись впослѣдствіи съ содержаніемъ этого письма, отвѣчалъ на него, противупоставляя свое философское направленіе направленію своего критика: «Сентъ-Бёвъ отказывался отъ всякой опредѣленной философіи. Онъ хотѣлъ быть свободнымъ мыслителемъ и сохранять полную независимость мнѣній... Онъ осуждаетъ мое подчиненіе философскимъ догматамъ, называя его суевѣріемъ». Вслѣдъ за этимъ Литтре пользуется случаемъ, почти послѣднимъ въ его жизни, и излагаетъ, такъ сказать, исповѣданіе своей философской вѣры: «Не во гнѣвъ этому выдающемуся уму и сильному критику, я признаю господство догматовъ, и сводное мыслительство меня не удовлетворяетъ». Положимъ—такъ; но въ чемъ же состоитъ его позитивистское *Credo*? «Для меня убѣдительна іерархія наукъ; соціологія указываетъ мнѣ нѣкоторые великіе законы: и я не могъ и теперь не могу отказаться быть послѣдователемъ философіи, являющейся результатомъ такого упорядоченія человѣческихъ знаній». Вотъ и все.

Пересмотримъ строчку за строчкой всю эту программу; въ ней мы найдемъ знаменитую классификацію наукъ, которая, по существу, не имѣетъ необходимой связи съ позитивизмомъ и легко можетъ быть отдѣлена отъ него *), особливо, если ввести въ

*) Г. Литтре не разъ возвращался къ теоріи іерархіи наукъ и ихъ упорядоченія, столь излюбленной Огюстомъ Контомъ. Онъ излагалъ ее и защищалъ въ своей книгѣ: *Огюстъ Контъ и позитивизмъ*», въ *Лекціи, читанной въ политехнической школѣ въ 1871 году*, въ предисловіи къ книгѣ: *Науки съ точки зрѣнія философіи*. Онъ

нее, какъ указывалъ самъ г. Литтре, политическую экономію, теорію мозговыхъ отправленій, психологію, эстетику и ученіе о нравственности. Далѣе что? Нѣсколько законовъ соціологіи, крайне общихъ законовъ, безъ достовѣрности въ указаніяхъ на будущее, вслѣдствіе чрезвычайной сложности этой науки, каковъ, напримѣръ, законъ эволюціи, совершенно вѣрный по отношенію къ прошлому,—законъ, включенный Огюстомъ Контомъ въ его доктрину и сослужившій прекрасную службу г. Литтре въ его историческихъ опредѣленіяхъ, но законъ этотъ существовалъ, несомнѣнно, ранѣе Конта и Литтре и принимается очень многими философами, не имѣющими ничего общаго съ позитивизмомъ, и, въ концѣ-концовъ, «философія, являющаяся результатомъ упорядоченія человѣческихъ знаній», т.-е., говоря проще, позитивное міровоззрѣніе. Это одно безусловно позитивистскаго происхожденія. Но въ чемъ сущность этого міровоззрѣнія? Мы не удивимъ никого изъ стоящихъ въ курсѣ этихъ вопросовъ, если скажемъ, что это не столько догматъ, сколько отрицаніе. Намъ говорятъ: оно есть противуположеніе двумъ другимъ міровоззрѣніямъ,—теологическому, въ силу котораго въ мірозданіи и въ управленіи міромъ человѣку чудятся невидимые виды, изъ которыхъ онъ создаетъ себѣ боговъ, или единая воля, изъ которой онъ создаетъ единаго бога, и метафизическому, въ силу котораго человѣкъ отрицаетъ таковыя воли и ставитъ на ихъ мѣсто антитезы, силы, вѣчныя причины. Позитивное міровоззрѣніе ничего не создаетъ и ничего не предполагаетъ; оно передаетъ то, что видитъ и что поддается его наблюденію, міръ явленій, которымъ управляютъ законы, а не воли и не таинственныя силы,—міръ, изъ котораго, вмѣстѣ съ старыми теологіями, изгнаны абсолютное и безконечное старой метафизики, міръ, въ которомъ все, исходящее изъ опыта, возвращается къ опыту, въ которомъ знаніе есть не болѣе, какъ точное выраженіе того, что далъ опытъ, въ которомъ признано, что ничто реально сущее не можетъ быть уста-

---

крѣпко стоитъ за нее, но, сколько мнѣ извѣстно, самъ воспользовался ею всего одинъ разъ, единственно для того, чтобы расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ весьма разнообразныя статьи, составляющія содержаніе послѣдней книги, и чтобы придать имъ нѣкоторый видъ связности и послѣдовательности, котораго онѣ не имѣли бы безъ этого. Это одна изъ теорій, представляющихъ извѣстный спекулятивный интересъ; но для ея примѣненія къ исторической эволюціи знаній необходимо подвергнуть ее многимъ исправленіямъ и измѣненіямъ. Во всякомъ же случаѣ, ученые и философы могутъ безразлично принимать ее, или не принимать, нисколько не становясь черезъ это адептами позитивной доктрины. Слѣдовательно, между нею и доктриною нѣтъ необходимой связи.

новлено ни черезъ индукцію, ни черезъ умозрѣніе, ничто не можетъ быть угадано, въ которомъ все, не поддающееся непосредственному наблюденію, почитается какъ бы несуществующимъ. Что это, какъ не исключеніе изъ философіи всего того, что не есть ощущаемое явленіе или законъ? И если намъ говорятъ, что отнынѣ всякое разногласіе между позитивною философіей и позитивною наукою становится невозможнымъ, то мы съ своей стороны скажемъ, что насъ крайне удивило бы противное, такъ какъ достояніемъ философіи становится исключительно лишь то, что въ нее вноситъ эта наука. Въ своей сущности и въ своемъ методѣ философія превращается въ высшее обобщеніе частныхъ наукъ; собственнаго у нея ничего нѣтъ; она не болѣе, какъ «упорядоченіе позитивныхъ знаній». Это позитивная наука, дополненная отрицаніемъ. Правда, самое отрицаніе не есть безусловное; она не отрицаетъ ни безконечнаго, ни абсолютнаго, ни начальной причины; она ихъ не знаетъ и знать не хочетъ. Ей нѣтъ дѣла ни до чего, неподающагося опытному изслѣдованію; о чемъ либо таковомъ не должно даже задумываться, ничего такого она не знаетъ и похваляется своимъ незнаніемъ. Таково міровоззрѣніе, извлеченное г. Литтре изъ обширнаго запаса эрудиціи и діалектики, пущенныхъ въ дѣло Огюстомъ Контомъ. Въ этомъ міровоззрѣніи вся конечная сущность его мнѣній; оно же есть заключительный выводъ всего позитивистскаго движенія, послѣдняя связь, уцѣлѣвшая между различными группами мыслителей, считающихъ себя въ большей или меньшей степени послѣдователями позитивизма.

Во Франціи первое мѣсто должно быть отведено вѣрнымъ адептамъ, послѣдовавшимъ за Огюстомъ Контомъ до конца, каковы докторъ Робине и г. Лафитъ, а на ряду съ ними тѣмъ, которые отошли вмѣстѣ съ г. Литтре при его анти-теологическомъ расколѣ, каковы г. Вырубовъ и докторъ Шарль Робенъ. Группа вѣрныхъ насчитываетъ въ Парижѣ никакъ не болѣе сотни человѣкъ; нѣсколько группъ существуетъ въ провинціи; таковыя же есть въ Швеціи и въ южной Германіи. Для Англіи необходимо сдѣлать то же различіе, какъ и для Франціи, смотря по тому, послѣдовали ли адепты до конца за Контомъ (*Later Comtism*) и сполна ли принимаютъ его систему философскую, соціальную и религіозную, или же держатся исключительно *Курса позитивной философіи* (*earlier Comtism*). Миссъ Гарріетъ Мартино, Ричардъ Конгревъ, уклонившійся впослѣдствіи въ

піетизмъ, и докторъ Бриджъ были вначалѣ наиболѣе ревностными послѣдователями. Докторъ Бриджъ велъ очень живую полемику съ Стюартомъ Миллемъ, нѣкоторое время интересовавшую Англію. Онъ поддерживалъ ненарушимость единства доктрины Огюста Конта, тогда какъ Милль разбивалъ эту доктрину на двѣ независимыя другъ отъ друга части, изъ которыхъ «одна содержитъ въ себѣ великія истины при небольшомъ числѣ заблужденій, а въ другой нѣсколько удачныхъ положеній едва-едва проглядываютъ сквозь настоящій хаосъ непослѣдовательностей». Но самъ Стюартъ Милль и многіе англійскіе мыслители, въ томъ числѣ первокласные, гг. Бэнъ, Бэлей, Льюисъ, Гербертъ Спенсеръ, въ значительной степени подчинялись вліянію позитивизма, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей философской карьеры. Всѣ они очень легко освободились отъ этого вліянія во всемъ томъ, что оказывалось слишкомъ узкимъ и исключительнымъ. Но, я увѣренъ, ни одимъ изъ нихъ не станетъ отвергать начальнаго вліянія. Вслѣдъ за этими позитивистами первой или второй формаціи во Франціи и въ Англіи, нельзя не упомянуть о колеблющейся и постоянно возрастающей въ числѣ массѣ позитивистовъ, ученыхъ, политиковъ, свѣтскихъ людей, которые, не углубляясь въ сущность доктрины, приняли два ея положенія, ясно понятыя ими сквозь усложненія и неясности подробностей и въ которыхъ къ тому же резюмируется вся философія школы: отбросить метафизику и ограничить знанія позитивною наукою, долженствующею всему удовлетворить, такъ какъ она одна даетъ результаты, могущіе быть провѣренными, и даетъ средства избѣжать ошибокъ и противорѣчій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИЛЬВЕКЪ*).

Романъ Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ польскаго).

III.

Несправедливость, на которую Сильвекъ жаловался ночи и свѣту мѣсяца, вскорѣ представилась ему въ болѣе осязательной формѣ.

Ему было около восьми лѣтъ, когда онъ въ первый разъ отважился пойти въ городъ. Онъ давно бы поддался чувству любопытства, если бы его не удерживали боязнь съ одной стороны, стыдъ—съ другой. Громадная масса города, при солнечномъ освѣщеніи ослѣпительно блестящая бѣлизною стѣнъ и металлическимъ отблескомъ кровель на домахъ и церковныхъ башняхъ; хмурая, повитая туманами въ непогожіе дни; ночью черная, мигающая тысячью золотыхъ огоньковъ, и вѣчно,—днемъ ли, ночью ли, въ погоду или непогоду, шумящая и кричащая, представлялась въ воображеніи ребенка чѣмъ-то живымъ и движущимся, манящимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшнымъ. То былъ исполинъ, и на этого исполина, не осмѣливаясь приблизиться, пугливо смотрѣлъ ребенокъ. Притомъ, какъ только Сильвекъ подумывалъ познакомиться съ нимъ поближе, его обнималъ невыразимый стыдъ. Онъ смотрѣлъ на свои босыя ноги, на колѣна, выглядывающія изъ прорѣхъ штановъ, на лохмотья, висящіе вмѣсто рукавовъ, и стыдился своей одежды. Откуда могъ явиться этотъ стыдъ? Изъ окружающихъ никто не смѣялся надъ его одеждой, никто не щего-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

лялъ передъ нимъ своею... Стыдъ Сильвка былъ просто инстинктивнымъ проявленіемъ его чуткой натуры, наслѣдствомъ, родившимся вмѣстѣ съ нимъ на свѣтъ.

Однажды случилось одно обстоятельство, наполнившее его сердце радостью. Не часто приходилось видѣть ему обновки, а тутъ Анастазія сшила ему, изъ своей старой ваточной юбки, одежду, алжирку, какъ она называла,—алжирку, гдѣ,— о невыразимая радость!—не было ни малѣйшей дыры, и снабженную такими длинными рукавами, что въ нихъ совершенно исчезали руки ребенка. Анастазія долго шила этотъ нарядъ, перекраивая и ломая голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ бы миновать пятна и прорѣхи, украшавшія самый матеріалъ? Наконецъ, дѣло было кончено. Анастазія самодовольно вздохнула, призвала мальчика, одѣла его въ новый нарядъ и, въ знакъ особой щедрости, подпоясала алжирку красной тесьмой. Въ тотъ день расположеніе ея духа было отличнѣйшее (нѣсколько недѣль она ничего не слыхала ни о Ежевичѣ, ни о его женѣ); нарядивъ мальчика, она улыбнулась и потрепала его своею огромною рукою по щекѣ.

— Ну,—сказала она,—теперь ты ужь не будешь дрожать отъ холода! Юбку-то я и сама могла бы еще носить, да ужь Богъ съ тобой! Носи себѣ на здоровье алжирку!

Очевидно, въ своемъ новомъ костюмѣ Сильвекъ былъ защищенъ отъ холода, за исключеніемъ ногъ, отъ колѣнъ до ступни прикрытыхъ только рваными холстинными штанами. Все-таки, ему казалось, что онъ одѣтъ очень удовлетворительно, и если-бъ только обувь, хоть какая-нибудь обувь, онъ былъ бы вполнѣ, идеально счастливъ. Конечно, и красная тесьма тоже вещь далеко не плохая! Одна изъ причинъ, отдалявшихъ его отъ города, устранялась. Теперь ему уже нечего было стыдиться; правда, оставался страхъ, да и тотъ превозмогло любопытство. Онъ пошелъ. Никто и не думалъ спрашивать его, куда и зачѣмъ шелъ онъ, никто даже и не замѣтилъ его отсутствія. Анастазія была занята очень тяжелою для нея работою—мытьемъ бѣлья, Лукашъ, лежа на войлокѣ, весь погрузился въ чтеніе какой-то старой, растрепанной книжки, вчера доставленной Амброзомъ.

День стоялъ холодный, но тихій, ясный. Городскія стѣны сверкали своею ослѣпительною бѣлизной; снѣгъ, покрывавшій землю, сіялъ тысячами искръ; деревья садовъ и бульваровъ стояли, точно изваянныя изъ мрамора и осыпанныя дождемъ бриллiантовъ. Почти все населеніе города высыпало на улицу; по срединѣ

неслись сани, визжа полозьями; по тротуарамъ взадъ и впередъ сновали пѣшеходы. Сильвекъ, достигши главныхъ улицъ, прижимался какъ можно тѣснѣй къ стѣнамъ, чтобы не помѣшать проходящимъ. Такъ вотъ каковъ онъ, этотъ гигантъ, который издали своимъ видомъ наполнялъ его сердце страхомъ и уваженіемъ къ себѣ! Онъ былъ изумительно прелестенъ и черезъ край наполненъ людьми. Только людьми. Роскошь различныхъ предметовъ, отовсюду бросавшихся въ глаза Сильвка, привела его сразу въ изумленіе, но вскорѣ это прошло и замѣнилось чувствомъ восторга и какой-то мечтательности, составлявшей одну изъ главныхъ сторонъ его характера. Боязнь тоже уступила мѣсто полной увѣренности въ своихъ силахъ. Доколѣ онъ могъ только воображать себѣ городъ, доколѣ воображеніе рисовало ему Богъ знаетъ что, до тѣхъ поръ онъ боялся; теперь же, когда онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ дѣйствительностью, боязнь исчезла безъ слѣда. Какъ видно, смѣлость и отвага тоже лежали въ основаніи его характера; онъ могъ дрожать только передъ фантомами своего собственнаго пылкаго воображенія.

Сильвекъ шелъ, смотрѣлъ, удивлялся и восхищался; онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Вдругъ онъ остановился, еще шире, чѣмъ прежде, раскрылъ глаза; изъ груди его вырвался не то крикъ, не то протяжный стонъ. Онъ на городской площади, засаженной деревьями, обычнымъ мѣстѣ игръ дѣтей горожанъ. Дѣти! Въ первый разъ въ жизни Сильвекъ увидалъ сразу такое количество дѣтей (да еще такихъ, какъ эти, что съ криками и смѣхомъ проносились передъ его глазами, словно рой бабочекъ), порхающихъ надъ снѣгомъ. Дѣвочки, всѣ розовыя или голубыя, скакали черезъ веревочку и сами то сплетались въ длинную цѣпь, то образовывали огромный подвижной кругъ. Мальчики бросали и ловили мячи, галопировали на деревянныхъ коняхъ и скользили по зеркальной поверхности замерзшихъ лужицъ, а солнечные лучи весело отражались на ихъ лакированныхъ сапожкахъ, опушенныхъ мѣхомъ. Сильвекъ остановился на улицѣ, прислонился къ дереву и смотрѣлъ. Пока онъ шелъ, ему было тепло; теперь холодъ начиналъ давать себя чувствовать.

Новая алжирка на самомъ дѣлѣ была очень стара, а ноги жестокій морозъ могъ пощипывать безъ малѣйшаго препятствія. Вообще всему тѣлу Сильвка было холодно, но ноги... онѣ почти совсѣмъ окоченѣли.

Онъ крѣпче прижался къ осыпанному инеемъ дереву и, дро-

жа съ ногъ до головы, смотрѣлъ. Все вниманіе его привлекалось однимъ предметомъ, вѣрнѣе сказать, одною категоріею предметовъ, это—обувью играющихъ дѣтей, и чѣмъ дольше онъ глядѣлъ, тѣмъ мрачнѣе становилась глубь его черныхъ глазъ. Онъ поперемѣнно поджималъ то одну, то другую ногу, усиливаясь какъ-нибудь отогрѣть ее подъ алжиркой, и все смотрѣлъ на красивую обувь ровестниковъ. «Чтобъ ихъ черти побрали!»—прошепталъ онъ. Какъ разъ въ это самое время въ его сторону бѣжала маленькая дѣвочка, вся съ ногъ до головы, въ голубомъ, даже въ голубыхъ сапожкахъ, опушенныхъ мѣхомъ. Злобная, ядовитая усмѣшка пробѣжала по синимъ губамъ Сильвка. Онъ высунулъ изъ-подъ алжирки свою покраснѣвшую ногу и изо всей мочи ударилъ ею по маленькой ножкѣ дѣвочки. Обладательница голубой одежды болѣзненно и испуганно вскрикнула и упала прямо лицомъ въ снѣгъ. Сильвекъ спрятался за дерево и засмѣялся короткимъ, но злымъ смѣхомъ. «Вотъ тебѣ!—пробормоталъ онъ,—что ходишь въ такихъ сапожкахъ...»

И онъ бросилъ взглядъ кверху, по направленію къ верхнимъ этажамъ каменныхъ домовъ, къ большимъ окнамъ, за которыми виднѣлись живописныя складки матерчатыхъ занавѣсокъ и широкіе листья какихъ-то невѣдомыхъ Сильвку растеній. А морозъ съ каждою минутой все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Больше стоять не было никакой возможности. Сильвекъ пошелъ. Опять та же самая людная улица, но Сильвекъ уже не разсматривалъ, какъ прежде, выставки на окнахъ магазиновъ, не любовался быстроногими рысаками, проѣзжающими срединою улицы въ своихъ разноцвѣтныхъ сѣткахъ и звѣнящей сбруѣ,—онъ только неспокойными, лихорадочно блестящими глазами отыскивалъ, среди проходящихъ, маленькія дѣтскія фигуры и тотчасъ обращалъ вниманіе на ихъ обувь. Одна мысль, одно чувство, всецѣло завладѣло имъ. Онъ не зналъ, что это чувство была зависть, но, тѣмъ не менѣе, зависть грызла его маленькое сердце и спазмодически сжимало его горло, заставляло скрежетать бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами.

Начинало смеркаться. Въ красивыхъ каменныхъ домахъ начинали зажигаться огни; изъ оконъ доносились слабые звуки музыки. Долго еще бродилъ Сильвекъ по ярко освѣщеннымъ тротуарамъ. Какъ ни озябъ онъ, какъ ни былъ голоденъ, онъ, все-таки, не могъ оторваться отъ зрѣлища, въ которомъ видѣлъ осуществленіе самыхъ радужныхъ своихъ мечтаній. Иногда онъ останавливался и, поднимая голову къ освѣщеннымъ окнамъ,

и еще выше, къ небу, тихонько говорилъ: ага!... Наконецъ-то онъ видитъ тѣ прелестные, бѣлые дома, которымъ небо служитъ крышею, а звѣзды окнами. Теперь онъ вполнѣ ясно понялъ значеніе словъ Кеппы о тѣхъ, что живутъ тамъ... высоко!

Наконецъ, онъ оставилъ городъ. Во все время своего перваго путешествія онъ не заблудился и ни разу еще не потерялъ дороги. Вотъ и городъ кончился, вотъ потянулись поля, а за полями сейчасъ будетъ и кладбище. На половинѣ дороги, окруженная убогими домиками, стояла кузница и бросала изъ своихъ открытыхъ дверей снопы красноватаго, свѣта на покрытую снѣгомъ землю. Въ кузницѣ кузнецъ со своими работниками хлопоталъ надъ какимъ-то кускомъ раскаленнаго желѣза; у дверей дѣти кузнеца играли въ снѣжки. Сильвекъ хорошо зналъ этихъ дѣтей; они часто въ своихъ играхъ добѣгали до воротъ кладбища, а иногда, въ сопровожденіи отца или матери, заходили въ домикъ кладбищенскаго сторожа. Сильвекъ никогда не разговаривалъ съ съ ними, хотя ему очень хотѣлось этого. Старшая сестра, еще маленькая дѣвочка, съ льняными волосами и кроткими глазами, каждый вечеръ убаюкивала своего крохотнаго братишку серебристыми, грустными пѣсенками, которыя такъ нравились Сильвеку и заставляли его тихонько подкрадываться подъ самое окно дома кузнеца и въ нѣмомъ молчаніи застаиваться долгое время. Теперь онъ почувствовалъ, какъ какая-то непреодолимая сила потянула его къ дѣтямъ кузнеца. То не были розовыя или голубыя дѣвочки, то не были веселые, щегольски одѣтые мальчики, которыхъ онъ видѣлъ на городской площади и которымъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ перебилъ камнями тепло обутыя ноги. То были дѣти, похожія на него, въ коротких, грубыхъ кафтанахъ и холстинныхъ штанахъ. Одинъ изъ нихъ былъ даже босъ. Веселый хохотъ дѣтей заражалъ Сильвка; онъ тоже усмѣхался, стоя въ сторонѣ, а иззябшія ноги такъ и просились донести его къ товарищамъ. Наконецъ, онъ наклонился, быстро слѣпилъ изъ снѣга огромный комокъ и съ громкимъ смѣхомъ, который освѣтилъ все его лицо дѣтской невинностью, бросилъ его въ шумливую кучку. Бѣлая бомба угодила въ старшаго мальчика. Раненый схватился за голову и пронзительно вскрикнулъ:

— Кто тамъ такой?

Сильвекъ отъ радости подпрыгивалъ на мѣстѣ.

— Смотрите! и онъ здѣсь! Зачѣмъ ты пришелъ сюда, подкидышъ, нищій ты эдакій?

Остальныя дѣти подхватили слова брата; шумъ все болѣе усиливался. Всеселость. Сильвка изчезла, какъ мимолетный метеоръ; ее замѣнило недоумѣніе, которое вскорѣ перешло въ бѣшенство. Онъ вскрикнулъ, сжалъ кулаки и стремительно бросился на старшаго сына кузнеца. Борьба длилась не долго; гибкое, эластическое тѣло Сильвка, точно змѣя, обвилось вокругъ толстаго, мускулистаго мальчика. Скоро противникъ лежалъ на землѣ, а Сильвекъ, наступивъ на него колѣномъ, энергически дѣйствовалъ кулаками.

— Что такое? Что тамъ случилось?—послышался со стороны дома чистый, гармоническій голосъ, который пѣлъ каждый вечеръ серебряныя пѣсни надъ колеблющейся въ тактъ колыбелью ребенка. Сильвекъ тотчасъ же пересталъ бить своего противника. всталъ и съ наклоненной головой началъ отчищать свою алжирку отъ снѣга. Дѣти съ крикомъ побѣжали навстрѣчу сестрѣ.

— Мáгдзя! Мáгдзя! Кладбищенскій Сильвекъ... пришелъ къ намъ... неизвѣстно откуда... Франка поколотилъ...

— Кладбищенскій Сильвекъ? — почти надъ самой головой Сильвка зазвучалъ дѣвичій голосокъ, но, увы! какъ измѣнившійся! Теперь въ немъ звучали гнѣвъ и презрѣніе.

Сильвекъ медленно и не смѣло поднялъ глаза. Дѣвочка съ льняными волосами стояла въ дверяхъ кузницы, вся облитая краснымъ огнемъ, строгая и разгнѣванная.

— Кладбищенскій Сильвекъ!—повторила она, все возвышая голосъ.—Зачѣмъ ты пришелъ? Кто просилъ тебя? Еще Франка бить будешь! Не угодно-ли! Подкидышъ! бродяга бездомный! оборвышъ! Мы, слава Богу, люди хорошіе, чтобы знаться съ такими, какъ ты. Она протянула руку впередъ и прибавила:

— Прочь!

Она схватила подъ мышки младшаго мальчика и побѣжала домой; остальныя дѣти за нею. По мѣрѣ того, какъ она удалялась, голосъ ея, такой рѣзкій и высокомѣрный при разговорѣ съ Сильвкомъ, все болѣе и болѣе смягчался, а у дверей домика уже совсѣмъ напоминалъ серебряный колокольчикъ, призывающій дѣтей домой.

Послушная кучка исчезла въ дверяхъ стараго домика, къ ярко горящему очагу, а Сильвекъ пошелъ въ другую сторону, туда, гдѣ кладбищенскія деревья сливались въ однообразную черную массу, кое-гдѣ прорѣзанную бѣлыми контурами надгробныхъ памятниковъ.

Нѣсколько слѣдующихъ дней Сильвекъ былъ такъ блѣденъ, что цвѣтъ его лица скорѣе переходилъ въ желтый, подъ глазами появились синіе круги, а самые глаза такъ свѣтились, что, по выраженію Анастазіи, можно было подумать, что въ нихъ сидитъ нечистый съ головой въ зубахъ. Лукашъ прежде всего обратилъ вниманіе, что ребенокъ почти ничего не ѣстъ. Анастазія какъ-то притронулась къ его головѣ и вскрикнула отъ изумленія: голова была горяча, какъ раскаленная заслонка. Лукашъ выразилъ нѣкоторое безпокойство о Сильвкѣ.

— Не послать ли его къ доктору?—сказалъ онъ.

— Еще что!—запротестовала Анастазія. — Послѣдній злотъ тратить на него! Поболитъ и перестанетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней голова Сильвка охладилась, лицо приняло прежнюю окраску, аппетитъ возвратился. Онъ выздоровѣлъ. Но никто не зналъ, никто не догадывался, что это была за болѣзнь и какіе глубокіе слѣды оставила она послѣ себя.

Наконецъ, Сильвекъ не всегда бывалъ печальнымъ. Въ теплые, въ особенности въ солнечные дни имъ овладѣвало какое-то тревожное волненіе. Тогда внутренность домика казалась ему болѣе, чѣмъ когда-либо тѣсною, душною, отвратительною, а такъ какъ огородъ, разстилающійся подъ окнами, постоянно бывалъ на запорѣ, то Сильвекъ бѣжалъ на кладбище, въ то мѣсто, откуда домъ сторожа не былъ видѣнъ и куда Лукашъ рѣдко приходилъ со своими садовыми инструментами. Тогда, въ болѣе отдаленныхъ и дикихъ частяхъ кладбища, можно было видѣть мальчика, съ дикими прыжками и криками играющаго между могилъ. Онъ гонялся за бабочками, а тѣ прятались отъ него за желѣзныя рѣшетки монументовъ; старался поймать въ пригоршню солнечный лучъ, играющій въ зелени; съ кошачьей ловкостью взбирался на деревья и, усѣвшись среди вѣтвей, срывалъ золотистыя дикія яблоки, либо красныя ягоды рябины.

Иногда, никѣмъ нестѣсняемый, онъ обвивался вокругъ какого-нибудь высокаго креста, добирался до самой его вершины и, повиснувъ на одномъ изъ его крыльевъ, улыбался двумя рядами бѣлыхъ зубовъ небу, землѣ и воздуху. Къ вечеру, измученный, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ тяжело дышащей грудью, онъ падалъ на свою любимую плиту изъ бѣлоснѣжнаго мрамора и съ лицомъ, обращеннымъ къ небу, слѣдилъ за игрою облаковъ. Тогда уста его долго и тихо, почти неслышно шептали что-то.

Онъ говорилъ и разсказывалъ о чемъ-то пчеламъ, жужжащимъ вокругъ его головы, птицамъ, чирикающимъ въ вѣтвяхъ плакучей березы, порывамъ вѣтра, обвѣвающимъ его лицо и обнаженную грудь. Случалось, раздастся внизу свистокъ, застучатъ колеса, и онъ торопливо вскакиваетъ, садится и напряженно смотритъ на легкій мостъ, переброшенный черезъ рѣку. Черезъ минуту изъ глубокой выемки выбѣгаетъ и со свистомъ, сопровождаемымъ длинною лентою бѣлаго дыма, проносится черезъ мостъ безконечная цѣпь вагоновъ. Сильвекъ знаетъ, что эти вагоны полны народомъ, что эти люди ѣдутъ въ далекія страны, туда, туда... гдѣ небо сходится съ землей, на самый край свѣта... Тамъ-то, вѣроятно, тамъ, куда они ѣдутъ, на самомъ краю свѣта и стоитъ тотъ прекрасный, бѣлый домъ, въ которомъ ему суждено было бы жить, еслибъ не несправедливость! Дикій ребенокъ съ надгробной плиты со страстнымъ любопытствомъ и горемъ протягивалъ свои руки къ дѣтищу цивилизаціи, мчащемуся въ далекія страны.

Осенью самыми лучшими минутами для него бывали тѣ, когда къ Анастазіи приходили поболтать ея знакомыя и ровестницы, старыя женщины, съ головами, обвязанными полинялыми тряпицами, съ пожелтѣвшими, изборожденными всяческими невзгодами лицами, съ болтливыми языками. Были между ними и такія, которыя умѣли и любили разсказывать длинныя, удивительныя, страшныя исторіи о покойникахъ и оборотняхъ, о разбойникахъ и разныхъ ужасныхъ случаяхъ всякаго рода. Когда женщины разсядутся на скамейкахъ, начнутъ свои бесѣды, когда Анастазія, въ глубокомъ, внимательномъ молчаніи, варитъ вечернюю пищу, либо усиливается прясть больною, трясущеюся рукой, когда Лукашъ дремлетъ или прерываетъ женскій разговоръ своими поучительными сентенціями, Сильвекъ, скрытый въ самомъ темномъ углу комнаты, жаднымъ ухомъ ловитъ каждое слово и изъ каждаго учится познавать свѣтъ и людей. Въ такіе вечера онъ узнаетъ и о томъ, что на свѣтѣ есть горы высокія, моря широкія, поющія деревья, говорящія птицы, источники водъ, изцѣляющія всякія людскія болѣзни и горести; что гдѣ-то далеко стоятъ темные, необозримые лѣса, въ которыхъ кроются и выжидаютъ путешественниковъ какіе-то огромные, необычайно сильные люди, охочіе до богатствъ и золота; что на дорогахъ, проходящихъ черезъ эти лѣса, происходятъ кровавыя, убійственныя схватки, люди людей хватаютъ за горло, валятъ на земь и грабятъ. И — странное дѣло! — въ этихъ разсказахъ, поучающихъ

Сильвка познавать свѣтъ и людей, разбойники, поджидающіе въ темныхъ лѣсахъ проѣзжающихъ, всегда представлялись людьми красивыми, съ мужественною осанкою, съ сильными руками, а иногда даже милосердыми, добрыми; то были люди, которые, какъ нѣкогда ангелы противъ Бога, взбунтовались... противъ чего? Объ этомъ сами разкащицы ничего не знали, да и разузнать не любопытствовали, но ребенокъ, сверкая блестящими глазами изъ темнаго угла, отвѣчалъ самому себѣ: противъ несправедливости! Значительно уже меньшее впечатлѣніе производили на него разсказы объ умершихъ, что для разныхъ надобностей и въ разныхъ видахъ возвращались на свѣтъ. Со смертью и со всѣми ея послѣдствіями онъ былъ вполнѣ знакомъ; они сдѣлались для него обыденнымъ явленіемъ и утратили все свое грозное значеніе. Онъ прыгалъ и плясалъ на могилахъ, ночи часто проводилъ въ глубинѣ склеповъ или на днѣ свѣже-выкопанныхъ ямъ, куда завтра, передъ его глазами, съ глухимъ стукомъ опускался гробъ; не разъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ и кости умершихъ людей. То бывало, когда, немного подросши, онъ помогалъ Лукашу содержать въ чистотѣ памятники, сметать сухіе листья съ дорожекъ, и Лукашъ, вырывая могилу, нападетъ лопатою на какой-нибудь твердый предметъ, наклонится, вытащитъ его изъ песка и, со свойственной ему насмѣшливой улыбкою, осмотритъ его со всѣхъ сторонъ и покажетъ ребенку. Когда не было другихъ слушателей, онъ любилъ говорить хоть съ кѣмъ-угодно.

— Видишь?—спроситъ онъ.—Что это?

— Что это?—повторяетъ Сильвекъ, широко раскрывая глаза.

— А что? Голова человѣческая! Ха ха ха! Вотъ она, скалитъ зубы, какъ дѣвка парню! Слушай же! На чьихъ плечахъ ты сидѣла при жизни? а? Не отвѣчаешь. Ну, и пусть ее! А вотъ еще косточка! Ужь это непремѣнно ручка, которая, можетъ быть, когда-нибудь щеголяла въ лайковыхъ перчаткахъ... Посмотри на нее... какая маленькая, деликатная, дѣвичья, должно быть. а можетъ и отъ старости такъ высохла... Да будетъ благословенно имя Божіе во вѣки вѣковъ, аминь.

Лукашъ долго еще распространялся о краткости жизни вообще и о равенствѣ людей всѣхъ званій предъ смертью въ особенности, причемъ попеременно то смѣялся, то читалъ молитву, наконецъ, съ благоговѣйнымъ почтеніемъ закапывалъ кости вновь въ землю, бормоча себѣ подъ носъ:

— Не знаешь, человѣче, рожденный смертною матерью, ни дня, ни часа смерти своей... Положатъ тебя въ сырую землю, засыплятъ пескомъ глаза; чего не видалъ, того ужь и не увидишь, чего не съѣлъ, того не съѣшь, и чѣмъ не радовался, тѣмъ не возрадуешься. Грустна земная жизнь человѣка!... Богородице Дѣво... А ты отчего не становишься на колѣна, Сильвекъ, а? Слышишь, небось, что я молюсь за души тѣхъ, что были погребены въ этой могилѣ?

Сильвекъ становился на колѣна и безсмысленно повторялъ слова давно знакомой молитвы, лишенной для него всякаго смысла и значенія. Гораздо болѣе занимала его игра физіономіи Лукàша, коль скоро послѣдній сталкивался въ воротахъ кладбища съ родственниками умершихъ, въ особенности съ тѣми, кто болѣе походилъ на богатаго жителя города. Въ присутствіи таковыхъ лицо Лукàша сразу принимало скорбное выраженіе. Съ обнаженной головой сопровождалъ онъ прибывшаго посѣтителя къ надлежащей могилѣ, наклонялся и внимательно очищалъ муравy отъ прошлогднихъ сухихъ листьевъ, смахивалъ пыль съ дорогихъ памятниковъ, потомъ становился позади колѣнопреклонепнаго, нерѣдко плачущаго родственника, и тяжко вздыхалъ. Когда вся церемонія кончалась и горожане оставляли кладбище, Лукашъ слѣдовалъ за ними съ шапкою въ рукахъ и грустнымъ, тихимъ голосомъ пересчитывалъ достоинства памятника, поставленнаго на могилѣ; скорбѣлъ, что цвѣты, за которыми онъ такъ старательно ухаживалъ, не росли, какъ должно; предлагалъ проекты насажденія новыхъ, красивыхъ кустарниковъ и т. д. У воротъ онъ останавливался съ самымъ грустнымъ видомъ. Сильвекъ, однако, отлично замѣчалъ, что въ это время его сѣрые глаза безпокойно бѣгали, а концы губъ подергивались саркастической улыбкой. Если прибывшій давалъ ему мелкую монету, Лукашъ молча, съ достоинствомъ кланялся и потомъ, высоко поднявши кверху свой трофей, отправлялся домой, приплясывая по дорогѣ и повторяя:

— Дай тебѣ Богъ прожить долгія лѣта въ счастіи и благополучіи и какъ можно позднѣй въѣхать въ предѣлы моего царства на тріумфальной колесницѣ.

Случалось такъ, что ему ничего не перепадало. Тогда онъ злобно смотрѣлъ во слѣдъ удаляющемуся и бормоталъ сквозь стиснутые зубы:

— Чтобъ вся твоя жизнь прошла такъ же весело, какъ идетъ моя, а по смерти чтобъ тебя черти грызли такъ, какъ Настя

грызетъ меня за тотъ рубль, что я вчера оставилъ въ городѣ!

Иногда родственники покойниковъ забывали какіе-нибудь предметы: мокрые отъ слезъ платки, блестящіе крестики, запонки, мелкія монеты. Ничто не укрывалось отъ вниманія Лукàша, который, однако, не поднималъ ихъ съ земли, пока потерпѣвшій не пройдетъ, по крайней мѣрѣ, всей дороги отъ кладбища до города.

Лишь тогда онъ торопливо возвращался назадъ, поспѣшно наклонялся и потерянная вещица изчезала въ его кулакѣ. Этого онъ не несъ домой торжественно, какъ бывало съ деньгами, пріобрѣтенными честнымъ образомъ, отъ щедротъ посѣтителей. Напротивъ, въ этотъ день онъ бывалъ очень задумчивъ, а подъ вечеръ и совсѣмъ впадалъ въ уныніе, причемъ клокъ рыжеватыхъ волосъ на его головъ черепѣ ежился какъ-то особенно. Тогда Анастазія поглядывала на него съ видимымъ безпокойствомъ.

— Лукашъ,—спрашивала она,—что съ тобою? Ты сидишь точно въ воду опущенный...

Она приближалась къ нему и въ сумеркахъ можно было замѣтить, какъ ея большая рука съ материнской нѣжностью поглаживала по жесткимъ волосамъ и морщинистому лбу мужа.

— Не болѣнъ ли ты? Скажи, не болѣнъ ли?

Послѣ минуты молчанія, Лукашъ, самымъ тонкимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Когда Іисусъ Христосъ покажется на огненномъ облакѣ и раздѣлитъ людей на овецъ и козлищъ... Куда мы пойдемъ, Настя, куда мы пойдемъ? Съ овцами ли или съ козлищами?

Онъ вздыхалъ и прибавлялъ молитвеннымъ шепотомъ:

— Спаси и сохрани насъ, Господи, отъ мукъ адскихъ. Аминь.

— Ну, ну!—успокоивала Анастазія,—снова на тебя напали твои грустныя думы! Зачѣмъ намъ идти съ козлищами? Что мы съ тобой грѣшники, что ли, нераскаянные? Работаемъ мы, хвораемъ, страдаемъ, переносимъ нужду, а грѣховъ у насъ на совѣсти нѣтъ. Ни злодѣи мы, ни убійцы, ни развратники! Богъ милостивъ, съ козлищами не будемъ!

Лукашъ вздыхалъ и грустилъ еще нѣсколько времени, потомъ бралъ шапку, шелъ въ городъ и возвращался съ пивомъ, закусками и пріятелями.

Сильвка предметы, оставляемые на кладбищѣ и попадающіе во власть Лукàша, занимали всегда, а со временемъ еще болѣе начали интересовать. Его гибкая, ловкая фигура поспѣвала всюду, быстрые глаза все видѣли.

— Находитъ онъ, найду когда-нибудь и я!—говорилъ онъ про себя.

На что могли пригодиться ему потерянныя монеты или блестящія бездѣлушки, онъ и самъ не зналъ хорошенько, но плановъ своихъ не оставлялъ. Однако, не легко было обмануть и опытное око Лукàша. Сильвку удалось это одинъ только разъ; но, о радость! предметъ, оставшійся послѣ ухода какой-то блѣдной, убитой горемъ, богато одѣтой женщины,—предметъ, не замѣченъ Лукàшемъ, былъ перстень, золотой, съ блестящимъ зеленымъ камешкомъ. Сильвекъ отлично зналъ, что Лукашъ найденныя вещи продаётъ въ городѣ, цѣнность же мелкихъ ассигнацій и монетъ ему тоже были не безъизвѣстны; все, что происходило въ домѣ кладбищенскаго сторожа, мальчикъ жадно поглощалъ и усвоивалъ. Когда его обязанности по хозяйству были покончены, онъ осмотрѣлся, и, замѣтивъ, что за нимъ никто не слѣдитъ, пустился въ городъ. Тогда ему было уже одиннадцать лѣтъ и городъ болѣе не пугалъ его. Проходя мимо дома кузнеца, онъ остановился на минуту и издали посмотрѣлъ на группу играющихъ дѣтей, посмотрѣлъ гнѣвнымъ взоромъ и улыбнулся гордою, презрительною улыбкою. О, въ эту минуту онъ былъ неизмѣримо богаче своихъ ровестниковъ, которые когда-то оттолкнули его отъ себя за его нищенскую одежду, за его лохмотья! Лохмотья! Въ послѣдній разъ онъ носитъ ихъ на себѣ. Посмотримъ, какимъ онъ будетъ, когда возвратится изъ города черезъ часъ, много черезъ два, увидятъ они... эти дѣти кузнеца... увидятъ!..

Сильвекъ остановился только въ одной изъ тѣсныхъ улицъ города. Тамъ можно, опершись локтемъ о шаршавую стѣну, вынуть изъ кармана свое сокровище и налюбоваться имъ вволю. Вдругъ за его плечами, какъ разъ подъ самымъ ухомъ, раздалось восклицаніе:

— Ого! какое хорошенькое колечко!

Сильвекъ, нисколько не испугавшійся, оглянулся назадъ. За нимъ стоялъ мальчикъ, года на два или на три постарше его. въ тѣсномъ сюртучкѣ, съ металлическими пуговицами въ красивой шапочкѣ, обшитой серебрянымъ галуномъ. Лицо мальчика было бѣло, съ яркимъ румянцемъ, изъ-подъ шапочки выглядывали пряди густыхъ волосъ, только скверната, желтоватаго цвѣта; свѣтлоголубые глаза его, немного косые, съ жаднымъ любопытствомъ впивались въ перстень Сильвка.

— Хорошенькое колечко!—повторилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались восторгъ и сарказмъ.

— Конечно, хорошенькое!—самодовольно произнесъ Сильвекъ и съ любопытнымъ началъ оглядывать лицо и одежду новаго знакомца.

— Любопытно, очень любопытно, какъ у такого оборванца, какъ ты, могло очутиться такое кольцо... Укралъ ты его, что ли?

— О, нѣтъ!—равнодушно отвѣтилъ Сильвекъ,—вовсе не укралъ... нашелъ.

— Нашелъ? Скажи, пожалуйста, гдѣ такія вещи сѣютъ? И я пойду собирать! Гдѣ ты нашелъ его?

— Гдѣ же иначе? *На могилкахъ*... Пани какая-то потеряла.

— Пани какая-то потеряла? Скажите... чтобъ ее! Отчего она не шла около меня, когда теряла это колечко?...

— А на что тебѣ находить такое колечко?—спросилъ Сильвекъ. Незнакомый мальчикъ выпрямился.

— Прежде всего, любезный, ты долженъ знать, что такому оборванцу, какъ ты, нельзя обращаться со мной такъ фамильярно... Ты оборванецъ, или нищій... что-то вродѣ этого, а я... я паничъ... Моя мать вдова чиновника и двоюродная сестра пана Титуса Тòржица, очень богатаго человѣка, который меня на свой счетъ въ школу... чортъ бы ее побралъ!... посылаетъ... и который даетъ матери 50 рублей ежемѣсячнаго содержанія... Вотъ кто я таковъ! Видишь? Такъ не смѣй же мнѣ «тыкать» или иначе я закачу тебѣ такую затрещину, что ты свѣта Божьяго не взвидешь и колечко свое бросишь...

Сильвекъ слушалъ эту тираду безъ малѣйшаго удивленія и гнѣва,—напротивъ, съ насмѣшливой улыбкой. Мальчикъ умолкъ и Сильвекъ заговорилъ, подражая тонкому, хриплому голосу Лукáша:

— Всѣ мы равны передъ Отцомъ нашимъ Небеснымъ, ему же подобаетъ всякая слава во вѣки вѣковъ, аминь.

Мальчикъ покатился со смѣху; Сильвекъ засмѣялся тоже.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! Какъ же ты меня спрашиваешь, на что мнѣ такія дорогія вещи?

— Вы такъ хорошо одѣты и отъ васъ такъ отлично пахнетъ,—отвѣтилъ Сильвекъ.

Дѣйствительно, гимназическій мундиръ мальчика былъ весь пропитанъ запахомъ нарфюмерной лавки.

— Вѣрно,—сказалъ онъ,—мамаша любитъ духи и я тоже... Господа всегда душатся... Но гдѣ ты видишь мою хорошую одежду,—этого я ужь не знаю. Мундиръ и только! Часовъ даже,—и тѣхъ у меня нѣтъ. Вотъ у дяди Таржица, такъ часы! Когда я былъ въ Женевѣ... впрочемъ, что я говорю?... какъ будто ты, дуракъ, знаешь, что такое Женева? Ты человѣкъ темный, въ школу не ходишь... за что, между прочимъ, можешь благодарить Бога съ ранняго утра до поздней ночи всю свою жизнь... Ну, а тебѣ-то на что это кольцо? Что ты то съ нимъ сдѣлаешь?

— Продамъ,—промолвилъ Сильвекъ.

— Продамъ! продамъ! Я знаю, что не съѣшь его... но съ деньгами что сдѣлаешь?

— Куплю себѣ сапоги и сюртукъ.

— Фью, фью! — свиснулъ мальчикъ,—какъ расходился! За одно кольцо пару сапоговъ и сюртукъ третій! Да и гдѣ ты продавать будешь? Кому?

Веселое до тѣхъ поръ лицо Сильвка омрачилось тревогой. Онъ медленно почесалъ затылокъ и нерѣшительнымъ голосомъ проговорилъ:

— Не... не знаю...

Дѣйствительно, онъ до сихъ поръ не подумалъ, кому онъ продастъ кольцо. Думалъ, что продастъ его въ городѣ, и конецъ.

Мальчикъ въ мундирѣ задумался на минуту.

— Знаешь что?—сказалъ онъ, наконецъ,—гдѣ ужь наша не пропадала! Такъ и быть, дамъ тебѣ пару сапоговъ и сюртукъ... о! такой же точно сюртукъ съ серебряными пуговицами... Давай кольцо!

Сильвекъ весь задрожалъ отъ радости и боязни.

— А гдѣ же...—началъ было онъ.

— Гдѣ? гдѣ?—предупредилъ его мальчикъ,—понятно, не ношу же я ни въ карманѣ, ни подъ мышкой своего гардероба... сапоги и сюртукъ дома; какъ только дашь мнѣ кольцо, то я сейчасъ же побѣгу и принесу... Въ мигъ буду назадъ, вотъ увидишь!

— А ты гдѣ живешь?—спросилъ все еще колеблющійся Сильвекъ.

Мальчикъ указалъ рукою въ пространство.

— Вонъ тамъ! за тою улицею направо, потомъ въ переулокъ, изъ переулка на площадь, съ площади налѣво, а потомъ опять направо, на третій дворъ десятаго каменнаго двора, одиннадцатая дверь!

Сильвекъ слушалъ сначала внимательно, потомъ махнулъ рукой.

— Пойду и я съ тобой!—сказалъ онъ.

— Еще что!—презрительно крикнулъ мальчикъ,—съ такимъ красавцемъ очень пріятно прогуливаться по городу! Кромѣ того, у насъ сегодня обѣдаетъ дядя Таржицъ, и если увидитъ тебя, то прикажетъ собаками тебя травить... Онъ большой господинъ... Понимаешь ли ты, что такое значитъ имѣть дядей большаго господина, ты, бездомный? Ну, даешь кольцо, или нѣтъ? Не дашь, такъ и не нужно: продавай кому-нибудь другому, а я тебѣ только одно скажу, что не всѣ, какъ я, повѣрятъ тебѣ, что ты дѣйствительно нашелъ... Скажутъ, что укралъ и отправятъ въ полицію. Вотъ тамъ и увидишь сапоги и сюртукъ.

Сильвекъ отдалъ кольцо.

— Я ужь лучше здѣсь подожду,—сказалъ онъ, съ безпокойствомъ всматриваясь въ лицо мальчика.

— Подожди, подожди! я сейчасъ вернусь!...

Мальчикъ вынулъ изъ кармана красивый портмоне изъ слоновой кости, спряталъ туда кольцо и ушелъ. Сначала шаги его были медленны, потомъ все шибче, шибче, пока онъ не скрылся за поворотомъ улицы.

Сильвекъ сѣлъ на земь и цѣлый часъ просидѣлъ спокойно, разсматривая окна противуположнаго дома и рѣдкихъ прохожихъ. Потомъ онъ почувствовалъ безпокойство, наконецъ, тревогу. Онъ вставалъ, шелъ на уголъ улицы, заглядывалъ въ глубь расходящихся оттуда переулковъ, возвращался назадъ и нервно сжималъ руки.

Прошло нѣсколько часовъ; имъ овладѣло полное отчаяніе. Онъ пошелъ искать незнакомца и долго таскался по разнымъ улицамъ, площадямъ, переулкамъ, заглядывалъ въ ворота домовъ, входилъ во дворы и нетерпѣливымъ взоромъ окидывалъ двери и лѣстницы. Нѣсколько разъ дворники, замѣтивъ его, кричали ему, чтобъ онъ поскорѣй убирался со двора, а одинъ изъ нихъ, во время попытки Сильвка заглянуть въ какія-то великолѣпныя сѣни, схватилъ его сзади за шиворотъ и съ бранью вышвырнулъ на улицу. Слезы, крупныя, частыя, дождемъ полились изъ глазъ ребенка. Сильвекъ возвратился на условное мѣсто, усѣлся гдѣ-то въ уголку, но, однако, такъ, чтобъ можно было видѣть всю улицу, и, положивъ разгорѣвшуюся щеку на ладонь, просидѣлъ въ такомъ положеніи до поздняго вечера. И только когда въ

окнахъ домовъ погасли послѣдніе огни, когда узенькая улица замолкла и опустѣла, когда затрещали трещотки ночныхъ сторожей, Сильвекъ вышелъ изъ свой засады, тихонько, прижимаясь къ стѣнамъ, проскользнулъ изъ города и пошелъ домой.

Онъ понялъ, что былъ обманутъ. Но—странная вещь!—къ обманщику онъ питалъ не одно чувство злобы,—нѣтъ; тутъ было еще и удивленіе, даже нѣчто вродѣ почтенія, которое въ мысли его выразилось двумя словами: «Ого, какой!...» Это «какой» значило: умный.

Впрочемъ, вечеромъ этого дня Сильвекъ не имѣлъ много времени раздумывать надъ случившимся. Приближаясь къ кладбищу, онъ услыхалъ громкій крикъ Анастазіи, перемѣшанный съ спазмодическими рыданіями и громкимъ говоромъ еще нѣсколькихъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ. Никогда, даже въ самые веселые вечера, въ домѣ Лукáша не было ничего подобнаго. Заинтересованный Сильвекъ ускорилъ шаги и, какъ котъ, цѣпкими руками ухватившись за стѣну, заглянулъ въ окно. Онъ хотѣлъ сначала осмотрѣть позицію, удостовѣриться, можно ли, безъ всякаго ущерба для себя, войти въ эту минуту въ домъ, или не благоразумнѣе ли ему ночевать на кладбищѣ. Онъ не зналъ, что эти крики, рыданія и громкій говоръ были для него предвѣстниками новой фазы жизни.

Въ то время, когда Сильвекъ носилъ въ городъ найденное кольцо, а потомъ ожидалъ расплаты, въ домѣ кладбищенскаго сторожа происходили сцены, имѣющія рѣшительное вліяніе на будущія судьбы его владѣльцевъ.

Уже двѣ недѣли до ушей Анастазіи доходили извѣстія, что Ежевичъ, издавно поглядывавшій завистливыми глазами на постъ Лукáша, вновь началъ подводить подъ него разныя интриги. Одно время онъ притихъ было, а теперь вновь послалъ жену куда надлежало, чтобы она разсказала правду и неправду и довела до нищенской сумы противника. Притомъ, нѣсколько недѣль тому назадъ произошла перемѣна въ личномъ составѣ церковныхъ властей; были приняты новыя, болѣе суровыя мѣры. Анастазія ходила, какъ въ воду опущенная, угрюмая, молчаливая и злая-презлая... Сердито швыряла она разныя домашнія вещи, на предлагаемые вопросы не отвѣчала, а если и отвѣчала, то дерзостью; однажды Лукáша, который изъявилъ было желаніе поѣсть какого-то болѣе изысканнаго кушанья, изо всей силы

ударила кулакомъ въ спину, а потомъ, часа черезъ два, чуть сама не плакала. Долго сквозь слезы смотрѣла она на мужа, наконецъ, отерла глаза рукавомъ рубашки и глубоко вздохнула: Боже Всемогущій! Отче Всемилосердый! Смилуйся надъ нимъ!

Неудивительно, что, будучи въ такомъ расположеніи духа, Анастазія, при видѣ своего смертельнаго врага, приближающагося къ кладбищу, выскочила изъ дома такъ, какъ будто бы ее кто-нибудь выгонялъ оттуда огненнымъ мечемъ, и, загородивъ дорогу худой, желтой женщинѣ, начала съ того, что сорвала трясущейся рукой пестрой платокъ съ головы прибывшей и бросила его на землю. Худая и желтая женщина какъ змѣя бросилась на грудь Анастазіи и схватила ее за волосы. Началась формальная драка. Кричали обѣ, одна густымъ, задыхающимся, другая пискливымъ, пронзительнымъ голосомъ; въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ отборнѣйшихъ ругательствъ. Лукашъ тогда вышелъ изъ дому и, тревожно покачивая головой, потягивалъ за платье то одну, то другую изъ борющихся сторонъ, ломалъ руки отъ отчаянія и самымъ пискливымъ голосомъ усовѣщивалъ окончить распрю. Привлеченный шумомъ, прибѣжалъ и кузнецъ, въ кожаномъ фартукѣ, съ молотомъ въ рукахъ, сильною рукою отбросилъ Анастазію къ самому порогу дома, а маленькую Ежевичову, которая порывалась докончить начатое, схватилъ въ охапку и отнесъ на значительное разстояніе. Съ пискливымъ, пронзительнымъ крикомъ Ежевичова стрѣлою пустилась въ городъ, а Анастазія, еле дыша, опустилась на лавку, плача и вырывая цѣлыя пряди волосъ изъ головы. Въ этотъ день Лукашъ самъ готовилъ обѣдъ, а дѣло его все какъ-то не ладилось; каждую минуту онъ оборачивался въ сторону жены, пожималъ плечами и шепталъ себѣ подъ носъ:

— Умретъ еще, пожалуй, чего добраго! Вотъ бѣда-то!

Послѣ обѣда въ домикѣ явился какой-то мальчикъ и позвали Лукаша къ ксендзу-декану.

— Вотъ и конецъ свѣта!—прошептала Анастазія.

Лукашъ надѣлъ на себя лучшую одежду и пошелъ, но вскорѣ вернулся. Хорошее расположеніе духа и болтливость совершенно покинули его. Брови его нахмурились, волоса растрепались въ разныя стороны.

Женщина, лежащая на лавкѣ, съ головой, обвязанной мокрой тряпкой, посмотрѣла на входящаго угасающимъ, длиннымъ, пытливымъ взоромъ.

— Да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли,—про-

бормоталъ Лукашъ и тутъ же, вдругъ, прибавилъ: — выгнали! Чтобъ ихъ такъ же Архангелъ Михаилъ огненнымъ мечомъ выгналъ изъ царства небеснаго!

Женщина вскочила съ лавки и отчаянно зарыдала. Вскорѣ пришли знакомые, притащились кумушки, и цѣлый вечеръ до поздней ночи, при свѣтѣ сальной свѣчки, вправленной въ бутылку, проболтали передъ черной, зіяющій пастью печи, которую на этотъ разъ никто и не думалъ растопить.

На утро Анастазія не встала съ постели. Нѣсколько разъ пробовала она подняться и, безсильная, падала вновь. Дыханіе ея съ хрипотой вылетало изъ запекшихся устъ. Видно было, что она испытывала тяжелыя страданія, хотя никто не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы. Физическая боль уступала мѣсто болѣе могущественной—нравственной. Анастазія говорила съ большимъ трудомъ, но не переставая, то шепотомъ, то громко. Глаза ея, казалось, съ нѣмою мольбою обращались къ кумушкамъ, окружавшимъ постель, съ лекарствами, совѣтами и утѣшеніями.

— Копалъ могилы,— шептала она,— копалъ... вотъ и выкопалъ!

Минутами на лицѣ ея выражался величайшій ужасъ.

— Къ собору...— стонала и хрипѣла она,—къ собору, прямехонько! Сѣсть только на ступеняхъ и руку протягивать! О. Боже мой милосердый! Родилась я шляхтянкой... отецъ пахалъ свою землю своими же волами, мать своихъ коровъ доила и свой ленъ пряла... О, отчего я малымъ ребенкомъ не легла въ отцовскую землю, отчего не сшили мнѣ изъ льна матери погребальную рубашку!

Такъ плакалась она цѣлый день на свою судьбу.

Лукашъ ни на шагъ не выходилъ изъ дому и съ величайшей заботливостью ухаживалъ за больной женой. Каждую минуту онъ поправлялъ и перекладывалъ ея подушки, приносилъ воду и перемѣнялъ компрессы, бросалъ въ жаровню, стоящую около кровати, освященныя травы, отчего вся комната наполнялась клубами удушливаго дыма. Около полудня онъ вынулъ изъ шкафа каравай чернаго хлѣба, отрѣзалъ огромный кусокъ и наклонился надъ женой.

— Что, Настя?—тихо спросилъ онъ.—Какъ тебѣ? Не лучше?

На Сильвка въ этотъ день никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ гдѣ-то, въ углу шкафа, розыскалъ куски твердаго, какъ камень, сыра и неторопливо грызъ его за печкой.

Къ вечеру Анастазія немного притихла и взоромъ, который начиналъ принимать какое-то торжественное выраженіе, слѣдила за движеніемъ мужа. Когда онъ наклонился къ ней съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и прежде, она махнула рукой въ сторону нѣсколькихъ женщинъ, которыя, собравшись въ кучку у окна, о чемъ-то шептали и соболѣзновательно покачивали головами.

— Пусть идутъ!—выговорила она, — пусть себѣ идутъ!— и съ необычною для нея мягкостью прибавила:—съ Богомъ! съ Богомъ!

Черезъ минуту кумушекъ въ домѣ уже не было. Лукашъ, съ изысканной вѣжливостью, въ длинной рѣчи поблагодарилъ ихъ за любезность и просилъ зайти завтра.

— А пока я самъ за женой присмотрю,—закончилъ онъ.— Передъ алтаремъ я клялся ей въ любви до гроба, и да поможетъ мнѣ въ этомъ Господь Богъ. Аминь. Онъ утеръ рукавомъ свои влажные глаза. Когда домикъ опустѣлъ, Лукашъ приблизился къ постели жены, присѣлъ у ея изголовья и долго, долго смотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой, Настя? Ты умираешь?

— *Должна* умереть, — послѣ минуты молчанія отвѣтила Анастазія и повторила голосомъ, полнымъ покорности судьбѣ:— да, умираю...

— Вотъ,—прибавила она,—точно предчувствіе какое было: такъ мнѣ хотѣлось быть на прошлой недѣлѣ у св. исповѣди. Съ Богомъ я примирилась, а что нагрѣшила въ прошлую недѣлю, то Отецъ милосердый... Она не закончила, но не потому, что не могла говорить, — нѣтъ! — она теперь дышала гораздо легче; только на нее находила какая-то глубокая задумчивость. Въ потухающихъ сумеркахъ можно было видѣть, какъ ея глаза неподвижно остановились на мужѣ. Черезъ минуту изъ-подъ груды лохмотьевъ, которыми она была покрыта, освободилась большая, желтая, какъ воскъ, рука, и, дрожа, опустилась на плечо Лукаша.

— Бѣдный ты!—прошептала она,—что ты теперь станешь дѣлать безъ мѣста и безъ жены? Хаты не будетъ, жены не будетъ!.. Бѣдный ты!

— Ничего,—успокоивающимъ голосомъ началъ Лукашъ,—не тревожься обо мнѣ въ свои послѣднія минуты. Кого Господь Богъ сотворилъ, того не покинетъ. Птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, однако, живы бываютъ... и цвѣты полевые...

Тутъ, неизвѣстно почему, онъ замолкъ. Не потому, вѣроятно, что не зналъ конца сказанія о полевыхъ цвѣтахъ... грудь его что-то стиснуло, что-то не давало ему говорить.

— Не безпокойся! Тебѣ легко говорить... ты никогда не безпокоился ни о чемъ... безпокоилась обо всемъ я. Богъ свидѣтель, что я болѣе безпокоилась о твоей головѣ, чѣмъ о своей... Развѣ я не жена твоя? Развѣ я не дѣлила съ тобой и дурное, и хорошее столько лѣтъ?.. О, Боже ты мой! столько лѣтъ! Сорокъ, я думаю, будетъ, а?... Подъ вѣнецъ съ тобой меня палкой не гнали; напротивъ, отговаривали, бранили... пошла, все-таки... и никогда не жалѣла о томъ и... не жалѣю... Разно бывало... но, все-таки, была замужемъ не за пьяницей, а за человѣкомъ съ головой, съ умомъ.

Тутъ Лукашъ громко застоналъ.

— Настя! о, Настя! Когда предстанешь предъ судомъ Всемогущаго, моли, чтобъ онъ отпустилъ мои тяжкіе грѣхи!

Анастасія не отвѣчала. Глаза ея становились все болѣе неподвижными, рука, лежащая на плечѣ Лукаша, болѣе тяжелою. Теперь она смотрѣла уже не на Лукаша, а на лампадку передъ образомъ.

— Когда ты бездѣльничалъ, — зашептала она, — я бранила тебя, даже била... и, все-таки, жалѣла... Когда ты безъ толку тратилъ деньги, я поѣдомъ ѣла тебя... а все мнѣ тебя было жалко...

Она замолчала и долго лежала неподвижно. Лукашъ, сидя на землѣ, нѣкоторое время вздыхалъ, а потомъ, мало-по-малу, началъ дремать. Около полуночи его разбудилъ какой-то глухой шепотъ. Кто-то нѣсколько разъ назвалъ его по имени.

— Что, Настя, что?—спросилъ онъ, пробуждаясь.—Какъ ты себя чувствуешь? Лучше тебѣ, а?

Она не отвѣтила на его вопросъ, только прошептала:

— Лукашъ! нагнись ко мнѣ... сюда, ко мнѣ... вотъ такъ, подставь ухо!... Дай мнѣ одно обѣщаніе... въ эту послѣднюю мою минуту... дай обѣщаніе, что... никогда не будешь воровать... слышишь? никогда!... навсегда погубишь душу... и водки тоже не пей... а то сопьешься, сохрани Боже! Ты былъ хорошимъ человѣкомъ... и честнымъ... теперь будешь нищимъ! Что дѣлать? Воля Божья!... Честнымъ и помри... Слышишь?

— Слышу, Настя, слышу!—зарыдалъ Лукашъ, — не забуду твоей воли... иначе пусть меня Господь Богъ забудетъ!

Анастазія вздохнула легче, точно съ ея груди свалился тяжелый камень. Послѣ долгаго молчанія она заговорила опять, но ужь почти неслышнымъ голосомъ:

— Въ первый разъ я увидала тебя на зеленомъ лугу... въ лѣсу березовомъ... въ зеленомъ лѣсу; тогда еще куковала кукушка, когда я въ первый разъ сказала, что буду твоею... Солнышко свѣтило... органъ игралъ... когда ксендзъ приказалъ намъ обмѣняться кольцами... Быть можетъ, на томъ свѣтѣ милосердый Богъ снова... соединитъ... насъ...

Она больше уже ничего не говорила. Глаза ея неподвижно уставились въ мерцающую лампадку. Лукашъ уснулъ и проснулся лишь тогда, когда порывы вѣтра разсѣяли туманы осенней ночи, когда деревья кладбища начали по немногу освобождать изъ мрака свои сухія вѣтви и мокрые памятники, точно рой видѣній, забѣлѣлись на сѣромъ фонѣ. Разсвѣло. Анастазія лежала неподвижная, нѣмая и вовсе не похожая на самоё себя. «Нечистый», который, по ея словамъ, вступилъ въ нее съ горемъ, теперь исчезъ вмѣстѣ съ концомъ ея горестной жизни. На большой лобъ спускались пряди сѣдыхъ волосъ и прикрыли морщины, вѣчное молчаніе сомкнуло ея уста печатью улыбки, стеклянные глаза задумчиво глядѣли въ пространство безъ тревоги и волненія. Теперь въ ней можно было усмотрѣть сходство съ прежней дѣвушкой, что когда-то, давно, давно, на отцовскомъ зеленомъ лугу, прислушивалась къ голосу кукушки, кукующей въ березовомъ лѣсу...

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Анастазіи, Лукашъ, сидя на лавкѣ, съ распухшими отъ слезъ глазами, разговаривалъ съ Сильвекомъ:

— Я тебѣ, мальчикъ, кое-что скажу сейчасъ. Только навостри уши и слушай, слушай хорошенько, потому что дѣло идетъ о судьбѣ, о судьбѣ твоей и моей. Понимаешь? Судьба—это, видишь, тотъ же вѣтеръ. Гонись за нимъ, грѣшный смертный, отъ колыбели до могилы! Схватишь—хорошо! Не схватишь—страдай! А, все-таки, гнаться нужно всегда. Мы съ покойницей Настей,—упокой Господь ея душу! — сорокъ лѣтъ ловили этотъ вѣтеръ своими горстями; онъ все уходилъ... бѣдная жена умерла отъ горя и отчаянія. А знаешь, чего она отчаявалась? Что я, послѣ ея смерти, пойду побираться. А я вотъ и не пойду. Знала она меня 40 лѣтъ слишкомъ, а того и не знала, какой у меня разумъ. Я пораздумалъ и рѣшилъ, что нищимъ не сдѣлаюсь, и,

можетъ быть, судьбы своей еще добьюсь... Только ловить ее мы будемъ вмѣстѣ... да, да, такъ должно быть по справедливости. Вѣдь, я тебя выростилъ и вскормилъ своею трудовою копѣйкой... Рука руку моетъ; такъ самъ Богъ Всемогущій повелѣлъ, чтобы было...

— Ну-ка, что вы придумали? Разсказывайте,—съ любопытствомъ перебилъ Сильвекъ.

— А вотъ что я выдумалъ. Завтра намъ надо выбираться отсюда. Ежевичъ придетъ,—чтобы онъ попалъ въ неугасимый огонь на вѣки вѣковъ, аминь! Завтра въ печкѣ, гдѣ, бывало, варила моя покойница,—упокой Господи, ея душу въ селеніяхъ праведныхъ!—жена Ежевича варить и жарить станетъ,—чтобъ ее черти варили и жарили въ раскаленной смолѣ отнынѣ до вѣка, аминь! Что намъ дѣлать? Сшить сумочки, надѣть ихъ, да идти: ты въ одну сторону, я въ другую? Скверно какъ-то, и мнѣ не хотѣлось бы. Я не таковъ, какъ другіе; у меня голова на плечахъ сидитъ. Всякую рухлядь, что здѣсь находится, я вчера еще продалъ. Въ сорокъ лѣтъ набралось порядочно таки этой дряни. Покойница берегла добро наше, о! берегла, и за лоскутъ, за черепокъ, готова была глаза выцарапать. Черезъ часъ за всѣмъ этимъ придутъ жиды и дадутъ малую толику деньжонокъ. Немного дадутъ... эхъ! немного, а, все-таки, достаточно, чтобы купить у Каспара (знаешь, горбатый немного? кривой?) шарманку.

— Шарманку! — протяжно повторилъ Сильвекъ и глаза его загорѣлись радостью.

— Шарманку, — торжественнымъ голосомъ повторилъ Лукашъ.—Старикъ захворалъ, по улицамъ таскать ее не можетъ. Взяла ее себѣ дочь, та... что за Амброзомъ, ночнымъ старожемъ... а Амброзъ и говоритъ мнѣ: инструментъ-то хоть бы продать кому, все бы нѣсколько рублей можно выручить... Ну, положимъ, она у него не удержится—натура у него моя—гроша за душой не удержитъ... Да что тамъ, впрочемъ, толковать! Я сказалъ ему, что покупаю шарманку, и баста!

Сильвекъ вскочилъ и захлопалъ въ ладоши отъ радости.

— Подожди, дурень, и слушай рѣчи старшихъ!—важно проговорилъ Лукашъ. — Да, братецъ, будемъ играть! да, будемъ играть!... Да ужь не ты ли на своихъ плечахъ будешь таскать такую коробку? Я буду; и вертѣть ручку тоже... а ты около меня и шарманки будешь танцовать.

Сильвекъ вовсе не выразилъ изумленія. Ему часто приходи-

лось видѣть на улицахъ дѣтей, танцующихъ передъ толною зѣвакъ. Онъ заявилъ только, что не умѣетъ танцовать.

— Не умѣешь! велика наука! Что ты, въ господскіе залы, что ли, пойдешь... кадриль или польку трамблямъ съ княжнами да графинями танцовать? По улицамъ, братецъ, ходить будешь, по дворамъ... а тамъ особеннаго искусства не требуется... прыгай, и довольно, какъ на могилкахъ прыгалъ, бывало. Точно я не видалъ твоихъ прыжковъ вокругъ памятниковъ, гдѣ покоится священный прахъ умершихъ? Видѣлъ все, хорошо видѣлъ, только смотрѣлъ сквозь пальцы, и покойницѣ не говорилъ, а то бы она загрызла и тебя, и меня... Ноги у тебя крѣпки, не бойся! а когда разыграешься, то ты на аршинъ отъ земли скачешь и по деревьямъ лазаешь, точно бѣлка. О! я отлично тебя знаю! Сошью я тебѣ красную куртку, зеленый поясъ, шапку съ красной кисточкой и башмаки... сапоговъ не надо—они тяжелы и дороги,— въ башмакахъ прыгать легче... тесемками перевьемъ до колѣнъ... какъ тиролецъ... люди подумаютъ, что ты и есть тиролецъ... Можетъ быть, даже, вмѣсто шапки съ кисточкой я тебѣ куплю и настоящую тирольскую шляпу, знаешь, какъ въ горахъ носятъ... Вотъ и отлично! Каждый посмотритъ, послушаетъ, дастъ что-нибудь... Я старый, ты малый... Къ старымъ и малымъ люди вездѣ снисходительны, да намъ и особаго снисхожденія не нужно— мы не даромъ будемъ деньги брать. Такъ-то вотъ! денегъ пособираемъ, и весело себѣ жить будемъ... а? Хорошо?

— Конечно, хорошо,—согласился Сильвекъ.—Коли прыгать, такъ прыгать... а вы позволите мнѣ по вечерамъ самому играть на шарманкѣ?

— Отчего же нѣтъ? Я — человѣкъ добрый; сердце у меня точно воскъ! Если ты хорошо будешь танцовать, я тебя, пожалуй, самъ научу вертѣть ручкой.

— Э! э! — отвѣтилъ Сильвекъ, — точно я-то не умѣю! Дай Богъ мнѣ столько счастливыхъ дней, сколько я часовъ провелъ въ городѣ передъ шарманками... знаю, какъ это дѣлается.

Черезъ два часа въ обѣихъ комнатахъ церковнаго сторожа было совершенно пусто. Жиды, послѣ долгихъ торговъ, споровъ и разговоровъ, разобрали между собою и разнесли весь плодъ сорокалѣтнихъ трудовъ Анастазіи. Столъ и стулья, скамейки, горшки, миски, сундуки, напиханные разнообразнѣйшими лохмотьями, даже образа, въ такомъ количествѣ украшавшія спальню, исчезли. Лукашъ, получивъ отъ покупателей нѣсколько грязныхъ

бумажекъ и двѣ пригоршни мѣдяковъ, пошелъ въ городъ, а Сильвекъ набралъ кучу хворосту и затопилъ печку. Лукашъ возвратился скоро, кряхтя подъ тяжестью большой коробки, спустилъ ее на земь и оглянулся вокругъ. Пустыя комнаты, голыя стѣны, покрытыя зелеными пятнами плѣсени, вызвали въ немъ рой грустныхъ воспоминаній.

— Уфъ!—простоналъ онъ,—страшно здѣсь, точно въ могилѣ... При покойницѣ веселѣй было... веселѣй:.. упокой ее Господи!

Онъ присѣлъ на единственную скамью и, осмотрѣвшись вокругъ, точно искалъ слѣдовъ умершей, заплакалъ. Слезы ручьемъ лились изъ старыхъ глазъ, рыданія сжимали горло... Лукашъ поднялъ руку, хотѣлъ было утереть рукавомъ слезы, но рукавъ что-то долго остановился на глазахъ. А Сильвекъ въ это время подкрался къ коробкѣ, снялъ съ нея клеенку и дотронулся до мѣдной ручки. Рука его дрожала, глаза горѣли отъ восторга и нетерпѣнія. Внутри этого бездушнаго деревяннаго ящика былъ заключенъ цѣлый рой легкихъ волшебныхъ звуковъ, которые столько разъ вызывали въ немъ массу разнообразныхъ впечатлѣній, когда въ городѣ онъ, бывало, проскользнетъ съ улицы на какой-нибудь узкій и грязный дворъ, и слушаетъ, слушаетъ до самозабвенія музыку разбитой шарманки. Теперь этотъ волшебный инструментъ передъ нимъ. Онъ сначала робко дотронулся до ручки, потомъ схватилъ ее и нѣсколько разъ повернулъ кругомъ. Въ пустой комнатѣ раздалась печальная пѣсня. Лукашъ вскочилъ со скамейки.

— Ага!—крикнулъ онъ,—уже заигралъ, заигралъ, негодный! Еще инструментъ испортишь! Подожди, не такъ нужно: заиграю я, а ты танцуй! Ну, танцуй! Я поставилъ вальсъ! Тра-ла! тра-ла! тра-ла!

Печальная пѣсня смѣнилась игривыми звуками вальса.

— Ну, танцуй же!—кричалъ Лукашъ,—отчего не танцуешь, дуракъ ты эдакій?

Сильвекъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Я не могу танцовать,—прошепталъ онъ.

Дѣйствительно, онъ не могъ танцовать. Ноги его окаменѣли, руки, какъ плети, опустились внизъ.

— Ты упрямый и непослушный мальчишка,—выговорилъ Лукашъ, переставая играть,—если тебѣ приказываютъ, какъ ты можешь не слушаться? Чти отца твоего и матерь твою, сказалъ Господь Богъ Моисею на Синайской горѣ... а я тебѣ вмѣсто

отца... Можетъ быть, ты не знаешь?.. Нечего дѣлать! Приходится побезпокоить старыя ноги и дать тебѣ урокъ! Ну, смотри ты! точно барчукъ какой-нибудь будешь учиться танцамъ! Стань здѣсь и поверти ручку, а я буду танцовать... вотъ увидишь, какъ.

Онъ остановился посреди комнаты и уперся руками въ боки.

— О, да! въ молодости, когда служилъ въ знатныхъ домахъ, я видалъ разные танцы... да еще какіе!.. Смотри въ оба, да верти ручку хорошенько...

Со слѣдующаго дня жители города могли видѣть незнакомаго еще имъ шарманщика. Маленькій, блѣдный, рыжій человѣчекъ, согбенный подъ тяжестью большой коробки, входилъ во всѣ ворота, останавливался у всякаго балкона и, нагнувшись, старательно вертѣлъ ручку инструмента. Аріи изъ Трубадура, Лючіи и Травіаты смѣнялись польками, вальсами и кадрилями. Но не шарманщикъ, не его музыка привлекали всеобщее вниманіе уличной толпы; предметомъ этимъ былъ товарищъ, сопровождавшій старика, одиннадцатилѣтній мальчикъ, въ фантастическомъ костюмѣ, дѣлавшимъ еще болѣе оригинальною и безъ того не дюжинную его наружность. Одежду его составляла красная или ярко-зеленая блуза, положимъ, засаленная и оборванная, но за то отлично идущая къ его чернымъ, какъ вороново крыло, волосамъ и смуглому цвѣту лица. Опоясанный цвѣтной лентой, въ дырявыхъ башмакахъ, сквозь которые просвѣчивались пальцы, въ тирольской шляпѣ, закрывающей верхнюю часть лица, мальчикъ этотъ, все-таки, не походилъ на уличнаго музыканта или паяца. При взглядѣ на него скорѣе приходили на память фантастическія исторіи о дѣтяхъ, которыя были похищены изъ золоченныхъ колыбелей и воспитывались въ цыганскихъ таборахъ. Высокій для своихъ лѣтъ, стройный, онъ обладалъ какой-то особой, прирожденной граціей, почти не свойственной людямъ низшихъ слоевъ общества. Когда онъ плясалъ и выдѣлывалъ ногами различныя фигуры, никто изъ зрителей не чувствовалъ охоты засмѣяться. Бывали дни, когда мальчикъ плясалъ, очевидно, только по принужденію, но достаточно было малѣйшаго поощренія со стороны зрителей, и онъ оживлялся. Тогда танецъ его носилъ какой-то дикій, бѣшеный характеръ. Стремительнымъ движеніемъ онъ сбрасывалъ съ своей головы помятую шляпу и бросался впередъ, точно догоняя что-то, а его воспаленныя, горячія губы шептали: скорѣй! скорѣй!

Старикъ вертѣлъ ручку, какъ могъ, быстрѣй. Черные глаза мальчика горѣли, а на его лбу и въ складкѣ губъ рисовалось гордое презрѣніе и ненависть къ чему-то.

Со временемъ мальчикъ началъ вводить въ свое ремесло разныя нововведенія. Однажды, начиная танецъ, онъ высоко поднялъ надъ головой металлическій дискъ и началъ ударять въ него такою же палочкой. Рѣзкій звукъ металла соединялся съ печальными нотами шарманки и, казалось, побуждалъ его къ новымъ прыжкамъ, къ еще болѣе сумасшедшимъ движеніямъ.

Потомъ онъ началъ пѣть подъ звуки своего импровизированнаго инструмента. По его знаку шарманка умолкала и въ воцарившейся тишинѣ лились звуки полудѣтскаго, чистаго, какъ кристалъ, голоса. То были по бо́льшей части пѣсни безъ словъ, эхо тѣхъ, которыя ухо ребенка улавливало изъ оконъ домовъ или открытыхъ дверей костеловъ, схваченныя вѣрно, но повторяемыя съ различными варіаціями. До нѣкоторой степени его учили этимъ пѣснямъ, потому что иногда можно было услыхать, какъ онъ пѣлъ о высокомъ солнцѣ, о далекомъ небѣ, о райскихъ садахъ и адскихъ мукахъ, о смерти, любви и вѣчномъ спасеніи. Кто научилъ его этимъ словамъ, безсмысленнымъ на первый взглядъ, но основаннымъ непремѣнно на какомъ-нибудь грустномъ фундаментѣ? Кто знаетъ? Можетъ быть, старый шарманщикъ или жители избушекъ на курьихъ ножкахъ, что сѣрѣли тамъ, надъ самымъ берегомъ рѣки, далеко за городомъ, куда каждый вечеръ скрывались наши музыканты.

Вѣроятно, отсюда вынесъ онъ и ту циническую пѣсенку, которую однажды исполнилъ, съ самой отвратительной мимикой и жестикуляціей, передъ толпою своихъ слушателей:

— Шла дѣвица черезъ рѣчку, черезъ рѣчку. Замарала свою юбку, юбку...—пѣлъ Сильвекъ и подмигивалъ глазами, а его тонкія, коралловыя губы складывались въ циническую улыбку, такъ неидущую къ дѣтскому лицу. Въ первый разъ его слушатели могли засмѣяться надъ нимъ, а когда онъ кончилъ свою пѣсню, оглашающую обыкновенно внутренность кабаковъ,—тѣ, кто былъ постарше, покачивали только головой.

— Смотрите! Такой маленькій, а ужь столько знаетъ!

Онъ вовсе не былъ маленькимъ; напротивъ, его можно было бы назвать подросткомъ, когда въ одинъ ясный весенній день онъ, вмѣстѣ съ старикомъ Лукашемъ, взошелъ на большой, чистый дворъ, вокругъ котораго вытянулись небольшіе домики.

— Мы, дѣдушка, тутъ еще никогда не были,—замѣтилъ Сильвекъ.—Отчего такъ?

— А я почему знаю? Обходили какъ-то... не доглядѣли.

Старикъ остановился у крыльца и началъ играть. Сколько ни вертѣлъ онъ ручку шарманки, ни въ окно, ни на крыльцо никто не показывался.

— Да будетъ вамъ! будетъ!—шепнулъ ему мальчикъ,—тутъ хоть до страшнаго суда играйте, никто не услышитъ.

Шарманщикъ остановился играть. Какъ видно, не онъ, а имъ повелѣвали. Мальчикъ ударилъ въ металлическій кругъ и пустился въ плясъ. Желанный результатъ не заставилъ себя ждать. Въ окнахъ, за широкими листьями растеній, промелькнуло чье-то лицо, исчезло вновь и вскорѣ появилось на балконѣ, да еще не одно, а въ сопровожденіи двухъ другихъ людей. Одна изъ этихъ особъ была пожилая женщина въ скромномъ черномъ платьѣ, въ бѣломъ чепцѣ на сѣдѣющихъ волосахъ; другой—высокій, видный, очень красивый мужчина, съ прекрасными глазами, тоже слегка посѣдѣвшій; третій—мальчикъ лѣтъ пятнадцати, въ потертомъ гимназическомъ мундирѣ, рыжеватый, слегка косящій глазами какого-то неопредѣленнаго голубовато-сѣраго цвѣта. Женщина казалась небогатою, изнуренною горемъ, мѣщанкою; мужчина, очевидно, былъ богатымъ, важнымъ бариномъ; подростокъ въ мундирѣ удивлялъ особенно наглымъ выраженіемъ своего лица.

Когда всѣ вышли на балконъ, шарманщикъ быстро снялъ шапку и, согнувшись подъ своей ношей, принялъ еще болѣе покорный, угнетенный видъ. Мальчикъ не переставалъ пѣть и танцовать.

— Прелестное дитя,—глядя на него, произнесла женщина.

— Странный ребенокъ,—усмѣхнулся мужчина,—замѣчаете, кузина, какъ онъ танцуетъ, съ какой граціей?.. А поетъ?.. Теноръ... отличный теноръ... Что-то о высокомъ солнцѣ поетъ... Слышите? Что-то очень поэтичное.

Онъ повернулся къ шарманщику:

— Позови своего мальчика! Я хотѣлъ бы поближе посмотрѣть на него.

— Сильвекъ!—заторопился шарманщикъ,—Сильвекъ! Сильвекъ! Перестань, довольно! Панъ зоветъ тебя... Слышишь?... Лукашъ долго повторялъ одно и то же, пока мальчикъ не услыхалъ его зова и не остановился. Точно очнувшійся отъ глубокаго сна,

онъ оглянулся вокругъ, и съ пылающимъ лицомъ, съ блестящими глазами, легкими шагами приблизился къ балкону.

Женщина въ черномъ платьѣ съ сожалѣніемъ поглядывала на него, но въ глазахъ пана виднѣлось чувство побольше простаго любопытства.

— Знаете, кузина, — сказалъ онъ, — этотъ мальчикъ можетъ служить отличною моделью для портрета. Жаль, что я давно забросилъ свою палитру... Изъ него вышелъ бы отличный лаццарони или... ребенокъ, украденный цыганами... что-нибудь вродѣ исторіи Трубадура. Впрочемъ, нѣтъ, для лаццарони онъ черезъ-чуръ подвиженъ, черезъ-чуръ живъ... Это твой сынъ, старикъ?

Голосъ пана былъ мягкій, ласковый. Лукашъ низко поклонился.

— Нѣтъ, ясновельможный панъ, то не мой сынъ,—онъ сирота, несчастный, покинутый всѣми. Я его выростилъ, вскормилъ и вспоилъ только изъ милости, для славы Господа Бога, коему подобаетъ всякая хвала во вѣки вѣковъ, аминь.

— Voila,—шепнулъ панъ своей сосѣдкѣ,—voila, ou les bonnes oeuvres viennent se nicher... А какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

Мальчикъ не отвѣчалъ. Глаза его впились въ лицо пана съ какимъ-то жаднымъ, страстнымъ любопытствомъ.

— Сильвекъ, а Сильвекъ! что жь ты не отвѣчаешь?—понукалъ его старикъ.

— Робокъ,—замѣтила женщина.

— О, нисколько!—перебилъ мужчина,—скорѣе дикъ. Но что за глаза, что за глаза! Я видѣлъ такіе глаза... Кого-то они мнѣ напоминаютъ... Ну, мальчикъ, говори, какъ тебя зовутъ?

— Сильвекъ,—неохотно прошепталъ мальчикъ.

— То-есть тебя зовутъ, вѣроятно, Сильвестръ. А фамилія твоя?... Какъ ты прозываешься?

Нѣсколько громче и съ улыбкой, неимѣющей въ себѣ ничего веселаго, Сильвекъ проговорилъ:

— Кладбищенскій.

— Странно! Неужели есть и такія прозвища? Отчего, мой милый, у тебя такая печальная фамилія?

Глаза мальчика смѣло и даже вызывающе уставились въ глаза пана.

— Оттого,—отрѣзалъ онъ,—что я выросъ и воспитался на кладбищѣ.

— О,—съ сожалѣніемъ сказалъ панъ,—правда, изъ тебя вышелъ настоящій звѣрокъ кладбища, красивый и печальный.

Онъ положилъ на кудрявую голову мальчика свою маленькую, холеную руку.

— Такъ что жь...—началъ было онъ, но Сильвекъ отскочилъ назадъ и вновь началъ пытливо глядѣть въ глаза владѣльцу ласкавшей его руки.

— Дикій ребенокъ!—вполголоса произнесъ панъ, и прибавилъ, обращаясь къ своей собесѣдницѣ: — удивительно, какъ при нашей цивилизаціи могутъ родиться и теперь такія первобытныя существа!

Онъ вынулъ изъ кармана изящный бумажникъ, досталъ оттуда пятирублевую бумажку и подалъ ее Сильвеку.

— Вотъ тебѣ, милый, на сапоги... твои башмаки худы, а ты танцуешь по камнямъ.

Но Сильвекъ настолько углубился въ свое созерцаніе, что не замѣтилъ подарка, за то старый шарманщикъ согнулся чуть ли не вдвое и разсыпался въ благодарностяхъ и благопожеланіяхъ вѣчнаго счастья.

Въ это время изъ-за плечей высокаго мужчины высунулось лицо гимназиста. Видно было, что робость въ немъ боролась съ жадностью, но послѣдняя превозмогла.

— Но, дядюшка,—воскликнулъ онъ,—на что ему столько денегъ? Такой уличный бродяга...

Теперь Сильвекъ увидалъ его въ первый разъ и весь вздрогнулъ.

— Ага!—невольно крикнулъ онъ отъ удивленія и радости.

Они посмотрѣли другъ на друга и во мгновеніе ока рыжеватый мальчикъ исчезъ неизвѣстно куда. Совершенно растерявшійся, онъ быстро юркнулъ въ открытую дверь, а Сильвекъ опять принялся разсматривать пана, продолжавшаго разговоръ съ пожилой женщиной.

— Маврицій съ каждымъ днемъ мнѣ все менѣе нравится. Я не говорю уже о томъ, что онъ плохо учится... сердца у него никакого нѣтъ...

Женщина умоляюще сложила свои блѣдныя, худыя руки.

— Ахъ, Титусъ,—прошептала она,—не будьте такъ суровы! Я—мать; я лучше знаю, какое это золотое сердце, какой это великодушный ребенокъ!... Лѣнивъ онъ немного, правда, но за то такъ молодъ!

— Ну, ужь не особенно молодъ... избаловали вы его, Пла-

цида, и, сказать по совѣсти, во многомъ виноваты сами. Я вамъ рѣшительно говорю, что если онъ въ этомъ году не перейдетъ въ слѣдующій классъ, я его отдамъ въ ученье къ какому-нибудь ремесленнику...

Женщина вздохнула и съ грустно опущенной головой пошла къ двери. Мужчина послѣдовалъ за ней, почтительно уступая ей дорогу.

Во все время этой бесѣды Сильвекъ не переставалъ глядѣть на высокаго пана. Онъ вовсе не прислушивался къ тому, что говорятъ, казалось, даже, совсѣмъ забылъ о встрѣчѣ съ подросткомъ въ мундирѣ, а встрѣча эта должна была сильно интересовать его: когда-то этотъ мальчикъ обманнымъ образомъ выманилъ у него найденное кольцо... Сильвекъ все время смотрѣлъ на гордый лобъ пана, на его небрежно откинутые назадъ волосы, на его изящный сюртукъ, на его золотую цѣпочку... Словно, онъ давно видѣлъ его, только издали, а теперь познакомился воочію.

— Дѣдушка,—сказалъ онъ,—помните вы того пана, что былъ у насъ когда то... тамъ... говорилъ такъ долго и игралъ на скрипкѣ?

Лукашъ задумался.

— Что-то не помню... нѣтъ, не помню.

— А я помню!—воскликнулъ Сильвекъ.

— Ну, такъ что же?

Мальчикъ поднялъ кверху свою голову. Бѣлые зубы его сверкнули, точно онъ хотѣлъ укусить кого-то.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ,—такъ себѣ... припомнилось мнѣ, когда я смотрѣлъ на того, что живетъ... тамъ высоко!

Часть вторая.

I.

То было маленькое, грязное окно, днемъ скудно пропускающее свѣтъ, а вечеромъ мигающее огнемъ лампы, стоящей за цѣлымъ рядомъ бутылокъ на деревянномъ прилавкѣ. Въ темныя, осеннія и зимнія ночи окно это было единственнымъ источникомъ свѣта въ длинномъ узкомъ переулкѣ, который прямо упирался въ развалины когда-то великолѣпнаго дома.

По обѣ стороны этого окна, прорѣзаннаго въ почернѣлой, облупившейся стѣнѣ, царствовалъ глубокій мракъ; напротивъ, неясный лучъ падалъ изъ окна на гніющій заборъ, а внизу отражался и трепеталъ въ лѣниво текущихъ водахъ сточной канавки.

Вечеръ былъ не поздній, но очень темный; во всемъ переулкѣ царила тишина, которую можно было бы назвать мертвою, еслибъ ея не нарушали слабые отголоски, доходящіе иногда изъ отдаленнаго города, да, ставши подъ единственное освѣщенное окно, можно было услыхать, какъ сквозь двойную раму проникалъ какой-то неясный шумъ. То были звуки какихъ-то голосовъ, то утихавшіе, то усиливающіеся.

Не знаю, почему это окно особенно интересовало маленькую дѣвочку, которая усилилась заглянуть внутрь, въ комнату со стойкой, уставленной рядами бутылокъ.

— Папа! папа! папа!—кричалъ серебристый голосокъ, чуть не плача.

Зовъ былъ напрасенъ: никто не откликался. Дѣвочка, скорчившись, усѣлась на мокрыхъ каменьяхъ, не спуская своихъ сафировыхъ глазъ съ освѣщеннаго окошка.

— Сидитъ и сидитъ! снова напьется и полѣзетъ на лѣстницу! Еще когда-нибудь упадетъ, разобьется и умретъ! Какъ Тадзя... умеръ, и нѣтъ его!

И, напрягая всѣ силы своей маленькой груди, колыхающейся отъ рыданія, она вновь закричала:

— Папа! папа! папа!

Опять глухое молчаніе, опять тотъ же неясный отголосокъ говора многихъ голосовъ.

— Пойду, возьму его за руку и поведу домой... Не сидѣть же мнѣ тутъ цѣлую ночь подъ окномъ, словно послѣдней пьяницѣ!

Она сдѣлала движеніе, точно собираясь двинуться къ маленькой, узкой двери, какъ вдругъ ея взглядъ упалъ на верхнюю часть окна. Она вновь остановилась.

— Ахъ!—вдругъ крикнула она, и лицо ея озарилось свѣтлой улыбкой.—Птичка! птичка! пѣвунья! маленькая моя!

Предметъ, привлекшій вниманіе ребенка, была клѣтка, висѣвшая надъ батареей бутылокъ. Въ клѣткѣ, на деревянной насѣсти, сидѣла канарейка. Огонь закопченной лампы билъ прямо ей въ глаза. Птица не могла уснуть и грустно смотрѣла своими

маленькими, черными, неподвижными глазами. Губы ребенка, сидящаго у канавы, сложились въ соболѣзнующую улыбку надъ участью птицы, проводящей безсонную ночь въ шинкѣ.

Въ это время въ улицѣ, прилегающей къ переулку, послышался голосъ шарманки. Арія заключеннаго въ башню трубадура, та, которая столько разъ восхищала сотни посѣтителей театровъ, теперь оглашала только безлюдную, грязную, темную улицу. Пѣсня умолкла, за то раздались ровные, сильные мужскіе шаги, все ближе, ближе...

— А! ты, Клара, снова здѣсь!—сказалъ звучный, молодой голосъ,—сидишь въ грязи, словно лягушка, и все ждешь отца! Эй! Клара! Это ты или какой-нибудь щенокъ?

— Я,—отвѣтила дѣвочка и прибавила вопросительно:—а это ты, Сильвекъ?

— А это ты? это ты?—передразнилъ мужской голосъ,—можетъ быть, волкъ, медвѣдь, цыганъ... У! у!

Вслѣдъ за подражаніемъ рычанію медвѣдя, какой-то тяжелый предметъ сильно стукнулъ о каменья тротуара и двѣ сильныхъ и гибкихъ руки обняли ребенка и подняли его кверху. Мутный свѣтъ лампы освѣтилъ новую группу: красивый, статный юноша, въ блузѣ, перепоясанной ременнымъ поясомъ, держащій въ рукахъ пятилѣтнюю дѣвочку, съ головы которой съѣхалъ мокрый платокъ и обнажилъ длинные золотистые волосы. Голова юноши была покрыта грибообразной шляпой, а тонкія, пунсовыя губы съ усмѣшкой приближались ко лбу ребенка.

— Отнести тебя домой, а? котенокъ ты маленькій! А то опять, какъ тогда, упадешь въ канаву и вся выкупаешься въ грязи... Ну, пойдемъ! отнесу къ матери.

Ребенокъ сердито бился въ его объятіяхъ.

— Я жду отца!—крикнула она.—Папа тамъ! такъ ужь долго! Бѣдный папа! Папу обидѣли! Я хочу дождаться его!

— Вотъ что!—протяжно засмѣялся юноша въ блузѣ,—папу обидѣли! Папа бѣдный! Ты какъ скворецъ повторяешь, что́ папа городитъ, когда налижется. Не бойся, ничего съ нимъ не сдѣлается. Придетъ домой пьяный, выспится и завтра опять напьется. А вотъ ты, если такъ будешь валяться въ грязи, то захвораешь и умрешь... какъ Та́дзя.

Дѣвочка, обвивая его шею одною рукою, успокоилась. Она приложила свой крохотный пальчикъ къ блѣднымъ губамъ и вновь сосредоточила все свое вниманіе на канарейкѣ.

— Сильвекъ!—защебетала она,—о! видишь? птичка! Бѣдная птичка... пѣвунья моя маленькая!

Группа мало-по-малу выходила изъ освѣщеннаго пространства, мало-по-малу погружалась въ темноту. Маленькая рученка съ пальцемъ, протянутымъ по направленію къ канарейкѣ, исчезла послѣдней, а изъ темноты послышался голосъ юноши:

— Да! хорошо живется тамъ твоей пѣвуньѣ! Вчера Винцентъ, каменщикъ, хотѣлъ было ей глаза выколоть, а потомъ намочилъ булку въ водкѣ и напоилъ до пьяна. Папа птичку твою отдалъ въ залогъ за стаканъ водки, а выкупать и не думаетъ... развѣ ужь я ее когда-нибудь выкуплю, когда мнѣ изъ оконъ набросаютъ побольше серебряныхъ денегъ...

Тутъ со стукомъ и визгомъ отворилась калитка въ наклонившемся отъ старости заборѣ. Сильвекъ, съ Кларой на рукахъ, взошелъ на узкій и длинный дворъ, напоминающій собой какое-то дикое ущелье. Съ одной стороны виднѣлся низенькій, длинный домикъ, другая представляла собой сплошной ветхій заборъ, а въ глубинѣ, даже на фонѣ мрачнаго ночнаго неба, вырисовывались огромныя развалины какого-то строенія.

Домикъ былъ тотъ самый, который выходилъ въ переулокъ однимъ окномъ и одною узкою дверью. Оттуда онъ казался небольшимъ, на самомъ же дѣлѣ былъ вовсе не такъ малъ. Одна сторона его выходила на дворъ, другая—на узкую, болотистую полоску земли, вѣчно пустую и огороженую такимъ высокимъ заборомъ, что ни дневной свѣтъ, ни нескромный глазъ не могли заглянуть въ окна. Окна полуразвалившагося дома были закрыты ставнями, откуда кое-гдѣ вырывался узкою полоскою свѣтъ. Несмотря, однако, на всѣ предосторожности, шумъ, едва слышный въ переулкѣ, здѣсь былъ гораздо слышнѣй.

Юноша со своею ношей миновалъ окна длиннаго дома и направился къ развалинамъ, чернѣющимъ въ глубинѣ двора. Сильный и ловкій, хорошо знакомый съ мѣстностью, онъ, все-таки, нѣсколько разъ споткнулся о кучу каменьевъ или сора, а ноги его такъ и шлепали по лужамъ, мирно стоящимъ въ углубленіяхъ испорченной, выбитой мостовой. Наконецъ, онъ достигъ развалинъ, вошелъ въ темныя сѣни, отдѣлявшіяся отъ двора только одной скрипучей дверью, ощупью отыскалъ другую и направился по узкому корридору. Шаги его гулко отдавались въ ничѣмъ не нарушимой тишинѣ корридора, мрачно глядѣвшаго своими двумя окнами со сгнившими рамами. Лѣстница... еще лѣстница... на-

конецъ, онъ провелъ рукою по шаршавой стѣнѣ и отыскалъ дверь, тоже ничѣмъ не запертую.

— У васъ двери, кажется, никогда не запираются,—проворчалъ Сильвекъ и прибавилъ:—впрочемъ, что жь! нищему нечего воровъ бояться!

Онъ остановился въ дверяхъ комнаты. Какой-то женскій голосъ, нѣжный и звучный, но болѣзненный доносился изъ темноты:

— Это единственное мое утѣшеніе, дорогая пани, единственная отрада въ моей грустной жизни! Что бы, я, несчастная, стала дѣлать, еслибъ не было моихъ любимыхъ книгъ, еслибъ я не упивалась ими, еслибъ онѣ не уносили меня въ лучшіе, призрачные міры? Вы не повѣрите, какое я испытываю наслажденіе, когда, въ воображеніи, уношусь въ область изящнаго, салоновъ, рыцарей, графовъ и князей... въ мое прошлое... Вы знаете, дорогая пани Лирская, что это не чуждо мнѣ.

— Да, да,—отвѣтилъ другой женскій голосъ,—только я всегда думаю, откуда ты, Элена, достаешь эти книжки... вѣдь, это не дешево стоитъ.

— Ихъ немного осталось у меня отъ стараго, лучшаго времени, а потомъ... признаюсь вамъ, милая пани Плацида, что иногда я не доѣмъ, не допью... потащусь въ городъ,—именно потащусь, потому что съ моимъ здоровьемъ мнѣ очень трудно ходить,—потащусь и куплю... не допью, не доѣмъ, не одѣнусь, а куплю...

— Но... дѣти твои... дѣти!

Въ это время отозвался Сильвекъ:

— Клару принесъ!

— Ахъ! ахъ!—испугано вскрикнула женщина, но Сильвекъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія, смѣло и даже рѣзко продолжалъ далѣе:

— Благоволите зажечь свѣчу и взять Клару. Она валяется тамъ въ грязи, въ канавахъ. Измокла, какъ щенокъ.

— О, пани Лирская, безцѣнная пани Лирская! зажгите свѣчку, умилосердитесь, зажгите свѣчку! Ахъ! какъ я испугалась! О, сердце мое, сердце... разорваться готово!... Пани Плацида, свѣчку! скорѣй свѣчку, а то я еще болѣе перепугаюсь!...

— Да я не знаю, гдѣ свѣчка и спички!—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія отвѣчалъ другой женскій голосъ.

— Тамъ... тамъ... на комодѣ, у стѣны... Ай! ноги мои... одеревенѣли... не могутъ двинуться!...

Наконецъ, въ комнатѣ блеснулъ огонекъ спички и женщина въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, съ добрымъ, блѣднымъ лицомъ и сѣдѣющими волосами, зажгла огарокъ стеариновой свѣчки, вставленный въ подсвѣчникъ, который, вѣроятно, цѣлый годъ не отчищался отъ толстаго слоя сала и стеарина.

Теперь можно было оглядѣться въ этомъ оригинальномъ жилищѣ, которое никогда не запиралось и въ которомъ, посреди мертвящаго холода и сквознаго вѣтра изъ сѣней, корридоровъ и лѣстницъ, нѣжный женскій голосъ говорилъ объ изяществѣ, салонахъ, рыцаряхъ, графахъ и книжкахъ. Все помѣщеніе состояло изъ двухъ большихъ, высокихъ комнатъ. Когда-то здѣсь были комнаты людей богатыхъ, или, что еще вѣрнѣе, фабричныя залы. Теперь высокія стѣны, совершенно голыя, съ отвалившейся мѣстами штукатуркой, глядѣли какъ-то особенно уныло. Также уныло смотрѣли и огромныя окна съ перегнившими рамами и перебитыми стеклами. Первая отъ входа комната была совершенно пуста, если не считать желѣзной печки въ одномъ углу, да двухъ соломенныхъ тюфяковъ и разной рухляди въ другомъ. За то вторая комната обладала большимъ количествомъ мебели: двѣ кровати съ блинообразными матрацами, комодъ, гдѣ въ безпорядкѣ валялось нѣсколько засаленныхъ книжекъ, шкафъ съ небольшимъ количествомъ посуды, нѣсколько стульевъ, дѣтская, еще новая кроватка и, наконецъ, кушетка, покрытая страшно грязнымъ, засаленнымъ перкалемъ, на которой въ изысканной, утомленной позѣ полулежала женщина средняго роста, высокая и худая, страшно худая, съ ввалившимися глазами. Несмотря на царящую вокругъ нищету, видно было, что когда-то она была очень красива, да и теперь еще ея лицо не утратило всей прежней красоты. Въ особенности хороши были волосы, густые, золотистаго цвѣта. Костюмъ ея состоялъ изъ истрепаннаго темнаго платья; на плечи былъ кокетливо наброшенъ какой-то розовый лоскутъ.

Когда пожилая женщина зажгла свѣчку, Сильвекъ поставилъ Клару на землю и, держа ее за руку, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но, все-таки, не вошелъ въ другую комнату. Женщина на кушеткѣ смотрѣла на него слегка прищуренными глазами. Она опомнилась отъ своего страха и съ гордымъ кивкомъ головы проговорила:

— Напрасно ты безпокоился, мой любезный! Клара возвратилась бы домой одна, а я ужь столько разъ говорила тебѣ,

чтобы ты не приближался къ моимъ дѣтямъ... Ты не можешь быть для нихъ приличнымъ товарищемъ.

За порогомъ сосѣдней комнаты раздался громкій, насмѣшливый голосъ.

— Ха, ха, ха!—заливался Сильвекъ, — я и не имѣю намѣренія приближаться къ вашимъ дѣтямъ... Они сближаются еще съ худшими, чѣмъ я... Владзю я видѣлъ сегодня, какъ онъ играетъ съ уличными ребятишками на кучахъ сору, а Дамекъ. кажется, укралъ что-то вчера у жены мастера и очень приблизился къ плеткѣ хозяина. Вотъ что! А что касается Клары, то тутъ уже вы ничѣмъ не поможете! Мы въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ того самаго времени, когда я ее, пьяную, вытащилъ изъ кабака, отнесъ къ доктору, вылечилъ и такъ потомъ окормилъ пирожками, что она едва вновь не расхворалась...

Голосъ Сильвка дѣлался мягче, смѣхъ утратилъ свой насмѣшливый оттѣнокъ. Клара, усѣвшаяся на своей кроваткѣ, поглядывая на своего друга, тоже весело смѣялась.

— Матерь Божія!—воскликнула пожилая женщина въ черномъ платьѣ,—такая крошка и была уже пьяна!

— Такъ точно, пани,—отвѣчалъ изъ темноты мужской голосъ,—пошла она за отцемъ... въ кабакъ... тамъ ее и напоили для забавы... точь въ точь какъ вчера канарейку! Будьте здоровы! Покойной ночи, Клара.

Громкій поцѣлуй, посланный рукой въ сторону ребенка, раздался въ темной комнатѣ. Сильвекъ ушелъ.

— Кто это такой, Элена?—спросила пожилая женщина. На ея блѣдномъ, симпатичномъ лицѣ рисовалось полное отвращеніе.

Элена зажмурила свои глаза и умирающимъ голосомъ проговорила:

— Ахъ, этотъ? Шарманщикъ какой-то! Кажется, былъ сначала уличнымъ паяцомъ, потомъ каменщикомъ, а теперь ходитъ съ шарманкою, вѣчно покровительствуетъ ей! У этого ребенка какая-то изумительная притягательная сила! Необыкновенное сходство со мной! Вы замѣчаете, пани Плацида, что у Клары совершенно мои черты, мои волосы, мои глаза? И я тоже... когда-то... была очень счастлива, также привлекала къ себѣ всѣхъ... Помню, когда въ первый разъ съ mamаn я была на балѣ князя...

— Милая Элена,—ласково перебила собесѣдница,—что было, то прошло. Но теперь, когда вы такъ обѣднѣли, тебѣ не мѣшало бы лучше присматривать за дѣтьми.

Элена схватилась за голову бѣлыми, страшно исхудалыми руками.

— Ахъ, ахъ! голова моя! бѣдная моя голова! У меня и такъ постоянно болитъ голова, а по ночамъ, милая пани Плацида, я еле не задыхаюсь отъ кашля... Въ груди точно раскаленные уголья.

Она прижала руку ко впалой, тяжело поднимающейся подъ розовымъ платочкомъ, груди.

Плацида Лирская съ участіемъ смотрѣла на нее.

— Ты живешь въ нездоровой обстановкѣ,—начала та,—почти никогда не выходишь изъ этого сыраго, холоднаго дома, плохо ѣшь и цѣлыя ночи проводишь безъ сна, за книжками... Тутъ Геркулесъ, и тотъ бы не выдержалъ. Я уже сколько разъ совѣтовала тебѣ: вмѣсто того, чтобы брать обѣды изъ плохой кухмистерской, займись сама хозяйствомъ, ходи въ городъ, покупай, готовь... развлечешься, будешь здорова...

Элена съ презрительнымъ отвращеніемъ махнула рукой.

— Не умѣю,—прешептала она,—и... не могу! Нервы у меня такъ впечатлительны... я вздрагиваю при видѣ сыраго мяса... Наконецъ, меня ничто не интересуетъ... Я жду только той минуты, когда все утихнетъ вокругъ меня, чтобъ взять книгу и читать... читать... читать до забвенія объ окружающемъ, до упоенія. Ночь для меня—самое лучшее время: тогда всѣ спятъ и мнѣ ничто не мѣшаетъ. Только у меня не всегда бываютъ свѣчи... я и обхожусь, какъ могу... поэтому и васъ принимала въ темнотѣ... Кромѣ этого огарка, въ комодѣ осталась только одна свѣча, а купить не на что...

— Вотъ то-то и дѣло!—сказала пани Лирская,—еслибъ ты поменьше читала свои романы... еслибъ хоть немного примирилась съ жизнью, хотя и тяжкою, но...

Элена выпрямилась. Румянецъ яркими пятнами выступилъ на ея худыхъ щекахъ, глаза блеснули.

— О!—крикнула она,—странное дѣло! Всѣ имѣютъ право дѣлать, что имъ угодно, только я одна нѣтъ! Сколько женщинъ, въ моемъ положеніи, въ мои года, наконецъ, съ моей наружностью начали бы искать счастья... хоть бы на дорогѣ порока! А я?... Я осталась вѣрной женой, да какого мужа? Я заживо погребена въ нуждѣ и униженіяхъ! Я умираю отъ горя и скуки и, все-таки, не схожу съ пути добродѣтели! А на свѣтѣ, все-таки, есть любовь и счастье... на свѣтѣ есть довольство, увеселенія, ро-

скошь... Если я не могу обладать всѣмъ этимъ въ дѣйствительности, то не мѣшайте мнѣ пользоваться имъ хоть въ воображеніи!

Плацида ничего не отвѣчала. Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, она тихо и несмѣло сказала:

— Что Иля́рій? Часто теперь напивается?

Элена горько усмѣхнулась.

— Какъ когда. Бываютъ трезвые дни, когда онъ работаетъ, переписываетъ бумаги для адвокатовъ и всѣ заработанныя деньги отдаетъ мнѣ... Признаюсь вамъ, что эти дни для меня самые тяжелые... вѣчно подъ бокомъ торчитъ что-то... ни минуты уединенія... Потомъ онъ надоѣдаетъ мнѣ выговорами за мое чтеніе... говоритъ, что я дѣтьми никогда не занимаюсь, и говоритъ въ такихъ неделикатныхъ выраженіяхъ, что когда онъ кладетъ перо и перестаетъ писать, у меня сердце перестаетъ биться изъ опасенія, чтобы онъ не заговорилъ со мной... Но, къ счастью, онъ чаще всего тогда сажаетъ на колѣни Клару и ласкаетъ ее по цѣлымъ часамъ. Годъ тому назадъ, въ такомъ же припадкѣ трезвости, онъ отдалъ Дамка въ науку къ слесарю... Я умоляла его, просила, чтобы онъ не дѣлалъ этого, повторяла сто разъ, что когда-нибудь мои родные да отзовутся же, вспомнятъ обо мнѣ, и тогда наши дѣти пойдутъ далеко... Онъ ничего и слушать не хотѣлъ, наговорилъ мнѣ кучу непріятностей и отдалъ Дамка по контракту, на срокъ... Мой сынъ—ученикъ слесаря! О! иронія судьбы!

Пани Лирская опять покачала головой.

— Что же дѣлать, душечка?—кротко замѣтила она,—знать теперь времена такія... Мнѣ самой было очень, очень тяжело, когда мой кузенъ, Титусъ Та́ржицъ, отдавалъ моего Мориса на кожевенный заводъ... Я вѣрю въ его умъ и вѣчно останусь благодарна за его ангельскую доброту ко мнѣ и къ моему сыну... но, все-таки, мнѣ было какъ-то грустно. Покойникъ, мой возлюбленный мужъ, происходилъ изъ шляхетской фамиліи и все время былъ чиновникомъ... моя мать—Таржицъ по фамиліи... Странно мнѣ казалось, чтобъ Морисъ сдѣлался кожевникомъ, хотя Титусъ клялся, что если мальчикъ оправдаетъ его ожиданія, онъ дастъ ему небольшой капиталъ на устройство собственной фабрики... Я не противилась желанію человѣка, по милости котораго мы существуемъ, но въ глубинѣ души желала, чтобы Морисъ окончилъ гимназію и пошелъ бы по другой какой-нибудь дорогѣ. Ребенокъ былъ слабъ здоровьемъ, науки какъ-то плохо ему дава-

лись, наградъ не получалъ... Потомъ и на заводѣ пробылъ не долго; работа не по его силамъ... онъ такой нѣжный, свободу любитъ... конечно, какъ всякій молодой человѣкъ. Титусъ разгнѣвался, пенсію платитъ мнѣ, какъ и прежде, но къ Морису сталъ совершенно равнодушенъ, почти вниманія не обращаетъ. Вотъ и теперь, признаюсь тебѣ, Элена, я пришла, чтобы... чтобы...

Она замялась и опустила внизъ глаза. Голосъ ея началъ дрожать.

— Конечно, прежде всего, чтобъ навѣстить тебя, а потомъ... мнѣ сказали, что Морисъ бываетъ иногда... на вашемъ дворѣ... въ томъ самомъ мѣстѣ... гдѣ бываетъ и твой мужъ... Вотъ, я и думала, не разузнаю ли я какимъ-нибудь способомъ, правда ли это?... Я даже намѣрена просить твоей помощи въ этомъ дѣлѣ...

— Какъ же я могу помочь вамъ, пани Плацида?—спросила Элена, которая отъ времени до времени все посматривала на лежащія на комодѣ книжки. Съ минуты, когда она перестала говорить о себѣ, присутствіе гостьи становилось для нея утомительнымъ.

— Я думала... что ты пошлешь кого-нибудь... посмотрѣть...

— Кого же я могу послать? Ливрейной прислуги нѣтъ у меня.

— Какая досада! какая досада!—прошептала про себя женщина въ бѣломъ чепцѣ,—что я не попросила того шарманщика... Хоть это и стыдно, да что-жь дѣлать? Я знала бы, по крайней мѣрѣ, какъ отвѣчать тѣмъ, что о моемъ сынѣ такія сплетни распускаютъ! Элена! милая! помоги мнѣ, пошли кого-нибудь... ну, хоть сосѣда какого-нибудь... сосѣдку...

— Я со здѣшними жильцами не вхожу ни въ какія сношенія, — уже съ нескрываемой скукой и утомленіемъ отвѣтила Элена.—Еслибъ Дамекъ или Владзя были дома, то послала бы кого-нибудь.

— Какъ!—вскрикнула Плацида,—сыновей своихъ... сыновей... послала бы въ... въ...

Она остановилась. Языкъ не могъ выговорить названія мѣста, куда, какъ она опасалась, ходитъ ея сынъ..

Элена пожала плечами.

— Что-жь дѣлать! Они привыкли къ этому, часто ходятъ туда за отцомъ... Они, пани Плацида, больше дѣти Илярія, чѣмъ мои... всѣ пошли въ Илярія... Даже Клара... и она ко мнѣ совершенно равнодушна, а отца любитъ страстно. Съ того вре-

мени, когда мой старшій, мой красавецъ Та́дзя умеръ, я... считаю себя бездѣтною. Для меня ни въ чемъ и нигдѣ радости нѣтъ... только и живу воображеніемъ. Во мнѣ...

Она снова разговорилась и оживилась. А ея грустная собесѣдница, казалось, и не слушала ея, вся ушла въ свою глубокую, безрадостную думу.

— О, Господи!—медленно и задумчиво сказала она, наконецъ,— что́ бы сказалъ мой милый Винцентъ, еслибъ всталъ изъ гроба? Лучшій другъ его, Илярій Шарскій, такой умный, такой положительный человѣкъ, въ... кабакѣ... Родной его сынъ, такой добрый, такой прекрасный ребенокъ, можетъ быть... Что дѣлается съ людьми на свѣтѣ! Были пріятелями, сослуживцами въ одномъ управленіи... вдругъ трахъ! обоихъ выгнали! За что? Боже милосердый! будь Ты судьей нашимъ. Несправедливость такъ поразила ихъ, что одинъ терзалъ себя и затерзалъ до смерти, а другой... до сегодня ищетъ успокоенія въ водкѣ!.. О! Боже справедливый, будь Ты мстителемъ нашимъ!..

Она достала изъ кармана платокъ и отерла свои влажные глаза, а Элена въ это время втихомолку вытащила изъ-подъ грязной подушки книгу и нетерпѣливо переворачивала ея листы своими худыми, бѣлыми пальцами.

Вдругъ кто-то съ трескомъ отворилъ входныя двери; въ темной комнатѣ послышался топотъ двухъ паръ ногъ, — одной въ обуви, другой босикомъ. Отворились и другія двери и на порогѣ показались два мальчика: старшій, обутый въ сѣромъ сюртучкѣ, лѣтъ тринадцати; младшій—босой, въ какой-то неопредѣленной одеждѣ, не то блузѣ, не то рубашкѣ, моложе десяти. Они остановились у порога.

— Отецъ дома?—спросили разомъ два задыхающіеся голоса.

Клара, которая въ своемъ грязномъ платьицѣ заснула было на маленькой кроваткѣ, теперь повернула къ братьямъ свою растрепанную головку и жалобнымъ голоскомъ закричала:

— Папы нѣту! нѣту! Папа въ кабакѣ! Напьется и опять на лѣстницѣ... Сонъ сомкнулъ ея вѣки, маленькая головка вновь повалилась на грязный валикъ, служащій вмѣсто подушки.

Элена прижимала руку къ груди.

— Тише! тише!—простонала она,— не кричите только, мои милые! Охъ, голова моя... голова! Какъ вы меня перепугали! Кто же такъ внезапно и съ такимъ крикомъ входитъ въ домъ?

Неужели мнѣ никогда не удастся пріучить васъ къ приличнымъ манерамъ!

Не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на жалобы матери, ни на присутствіе посторонняго лица, оба мальчика, толкая другъ друга, направились прямо къ шкафу, гдѣ виднѣлось нѣсколько горшковъ и тарелокъ. Дверцы шкафа съ шумомъ растворились, горшки застучали, тарелки зазвенѣли.

— Ничего нѣтъ!—заоралъ старшій.

— Ничего нѣтъ! — съ отчаяннымъ пожатіемъ плечей повторилъ младшій.

— Вотъ тебѣ! И всегда такъ! Человѣкъ возвращается съ работы и не находитъ дома ни крошки хлѣба! Учись такъ-то слесарному ремеслу, учись и съ голода хоть желѣзо гложи!

Младшій мальчикъ обѣ руки запустилъ въ свои растрепанные золотистые волосы.

— Такъ всегда!—плаксиво началъ онъ жаловаться.—Когда отца дома нѣтъ, то и поѣсть нечего! Мама сама, все сама съѣстъ, или книжекъ себѣ накупитъ, а намъ шишъ! Томашъ гораздо счастливѣе: ему мать каждый день такой кусокъ хлѣба отрѣжетъ, просто страхъ, и картофелю... и Антка счастливѣе: всегда что-нибудь выпроситъ у прохожихъ...

Изъ груди Элены вырвался глубокій вздохъ.

— О! какъ меня мучатъ эти дѣти! Убиваютъ меня! И какая несправедливость, о, Боже! Что я ѣла сегодня? Обѣдъ изъ кухмистерской купить было не на что... Илярій, что у него было, все забралъ съ собою... Съѣла одинъ только хлѣбъ и полстакана прокислаго молока. А они мнѣ выговоры читаютъ, что я все поѣдаю...

Нѣсколько слезинокъ потекли по ея худымъ щекамъ, блѣдныя губы задрожали, а глаза, сквозь слезы, съ жаднымъ нетерпѣніемъ все обращались на раскрытыя страницы книги. Плацида, грустная и разстроенная, все время знаками подзывала къ себѣ мальчиковъ, но тѣ не обращали на нее ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, пани Лирская достала изъ кармана кошелекъ, и мальчики сразу догадались, въ чемъ дѣло. Теперь, когда они подошли ближе къ свѣчкѣ, можно было и разсмотрѣть ихъ. Глаза старшаго какъ-то странно бѣгали изъ стороны въ сторону; младшій, напротивъ, былъ неповоротливъ и постоянно смотрѣлъ въ землю.

Плацида вынула изъ маленькаго портмоне серебряную монету и подала ее старшему мальчику.

— Подите въ кухмистерскую,—ласково сказала она,—и купите тамъ себѣ чего-нибудь на ужинъ.

Глаза обоихъ мальчиковъ блеснули и оживились; по губамъ старшаго промелькнула едва замѣтная, хитрая усмѣшка. Оба сдѣлали что-то вродѣ намека на поклонъ и собирались было выйти, какъ пани Лирская невѣрнымъ голосомъ проговорила:

— Подождите, дѣтки, подождите немного!

Тѣ остановились, дрожа отъ нетерпѣнія.

— Милая Элена!—тихо начала женщина, — такъ какъ они всегда тутъ ходятъ... то, можетъ быть, все одно... можетъ быть, ты пошлешь Дáмця, чтобы онъ посмотрѣлъ... нѣтъ ли тамъ... моего Мориса... а?

Элена медленно повернула голову къ дѣтямъ.

— Дáмекъ!—проговорила она слабымъ голосомъ, — поди къ виноторговцу... попроси отца возвратится домой, да, кстати, посмотри, тамъ или нѣтъ панъ Маврицій Лирскій... ты знаешь, вѣдь, его? сынъ пани...

— Какъ не знать!—крикнулъ было Дáмекъ, но Владзя перебилъ его.

— Тамъ, тамъ навѣрно! Я его столько разъ видѣлъ тамъ!

— Ты ошибаешься, милочка, — дрожащимъ голосомъ проговорила пани Лирская, — лгать—очень дурная привычка... Онъ тамъ до сегодня никогда не бывалъ, а я просто хочу узнать *теперь* не тамъ ли онъ, чтобъ проводилъ меня домой! Дáмекъ! ты старшій... не солжешь! Поди, посмотри и приходи тотчасъ же, чтобъ сказать мнѣ...

— Иду!—крикнулъ Дáмекъ.

— И я иду!—еще громче повторилъ Владзя.

— Только скорѣй возвращайтесь и разскажите!—бросила имъ въ догонку Плацида.

— Въ одну секунду будемъ назадъ!—уже изъ-за двери послышался голосъ Дáмка.

Женщины снова остались однѣ. Элена молчала и смотрѣла на книжку. Плацида, съ глазами, устремленными въ землю, крѣпко прижавъ руки къ груди, колыхалась изъ стороны въ сторону. Она была блѣднѣе, чѣмъ прежде.

— Вотъ до чего дошло! До чего дошло!—шептали ея блѣдныя губы,—да нѣтъ! не можетъ быть! одни сплетни...

Дáмекъ сдержалъ свое обѣщаніе. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ возвратился и отрапортовалъ на порогѣ:

— Тамъ! тамъ! играетъ на бильярдѣ...—и снова исчезъ.

Плацида вскочила съ мѣста и судорожно схватилась за голову.

— Что мнѣ теперь дѣлать?—отчаянно прошептала она,—что дѣлать? Идти туда и просить его... умолять... чтобъ вышелъ... или утромъ сказать... или сдѣлать видъ, что ничего не знаю? О, дѣтя мое, бѣдное дитя! Что скажетъ Титусъ, если узнаетъ отъ кого-нибудь? Что чувствуетъ теперь мой незабвенный Винцентъ?...

Шепча, она собирала съ трехногихъ стульевъ свою одежду.

Вдругъ она остановилась на срединѣ комнаты. Какое-то героическое рѣшеніе вырисовалось на ея встревоженномъ лицѣ.

— Пойду,—сказала она,—пойду и выведу его оттуда... Что изъ того, что тамъ кабакъ?.. О, Боже мой! Пока живу, никогда нога моя... въ такихъ мѣстахъ...

Слезы хлынули изъ ея глазъ ручьемъ.

— А какъ онъ обидится... скажетъ, что его преслѣдуютъ. шпіонятъ, жизнь отравляютъ?... Бѣдный ребенокъ! Грустно живется ему, правда, правда!.. Лучше ужь утромъ скажу... стану передъ нимъ на колѣна... буду умолять... а теперь только въ окно загляну... хоть въ щель... можетъ быть, и неправда!

Она вышла, забывъ даже проститься съ хозяйкой, но Элен не обратила на это никакого вниманія. Съ момента, когда ушли дѣти, а Плацида перестала съ ней разговаривать, она всею душею углубилась въ книжку. Не слыхала она крика Дамка о пребываніи въ шинкѣ Мавриція Лирскаго, не видала отчаянія колебаній и удаленія своей собесѣдницы. Глаза ея оторвались отъ книги только тогда, когда свѣчка почти совсѣмъ догорѣла и еле-еле освѣщала страницы книги. Только тогда она встала. выпрямила свою стройную фигуру и неровными шагами подошла къ комоду. Тамъ хранился огарокъ стеариновой свѣчки... А сколько можно перевернуть страницъ, пока догоритъ онъ!

Въ большихъ, голыхъ комнатахъ воцарилась гробовая тишина; только отъ времени до времени вѣтеръ постукивалъ плохо затворенными дверями, да жалобно жужжала муха, попавшая въ паутину. Лежащая на кушеткѣ женщина дрожащими пальцами перевертывала страницы маленькой книжки, 12-го тома какого-то безконечно длиннаго романа, гдѣ фигурировали князья и злодѣи, дамы высшаго свѣта и падшія женщины, салоны и вертепы, геройства и преступленія, блаженство и муки любви. Она

поглощала это всею глубиною своей впалой груди, всею силою мозга, читала съ увлеченіемъ, забываясь все болѣе и болѣе. Худыя щеки ея разгорѣлись, глаза засверкали, густые, свѣтлые волосы разсыпались по подушкѣ. Машинально, какъ будто ее что-то давило, она сбросила съ себя розовый платочекъ и разстегнула нѣсколько пуговицъ ворота. Теперь она походила или на пьяную женщину, или на вакханку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛИНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ Фридриха Шпильгагена.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Часть первая.

Глава V *).

Гансъ проскакалъ въ галопѣ до конца липовой аллеи; выѣхавши за ворота, онъ далъ вороному шпоры и отпустилъ поводья. Вороной попытался пуститься въ карьеръ, но видимо изнемогалъ отъ усталости; Гансъ придержалъ утомленнаго коня и пустилъ его шагомъ: съ четырехъ часовъ утра онъ былъ подъ сѣдломъ и сдѣлалъ уже шесть миль по жарѣ. Вернуться и взять свѣжаго Фигаро Герты? — подумалъ было Гансъ, но это задержитъ еще на долго. Къ тому же, Герта видѣла его, быть можетъ, изъ окна, сойдетъ, пожалуй, внизъ, начнетъ распрашивать, зачѣмъ онъ вернулся; придется взглянуть ей въ глаза, прочесть въ нихъ счастье... Господи Боже! Да кто же и доставилъ ей это счастье? Кто же, какъ не онъ, хлопоталъ объ этомъ? Не останови онъ ее, и она бы уѣхала въ Грибеницъ, была бы на балѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Этого не могло случиться, онъ никогда не вѣрилъ, несмотря на то, что всѣ говорили. Но если бы Густавъ еще дольше не пріѣхалъ? Почему онъ не явился прямо сюда, а хотѣлъ сперва повидаться съ нимъ, съ Гансомъ? Боится, что за это время Герта... Конечно, конечно! Грустная была бы для него встрѣча. И ты, Гансъ, выносилъ это? Боже! если бы онъ зналъ, что я вынесъ... что выношу! Нѣтъ, она должна быть твоею; нѣтъ, ты никогда не узнаешь... никогда! такъ же, какъ и она не узнаетъ...

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Я бы не пережилъ этого... И тогда это, конечно, не могло бы показаться случайностью. Позднѣе! Позднѣе, когда все устроится, когда я имъ не нуженъ буду... тогда у ружейнаго шкафа, при чисткѣ оружія... или вечеромъ на тягѣ...

Онъ взглянулъ на опушку лѣса, отдѣленнаго отъ дороги полосою пшеницы. Эта полоса составляла его гордость,—лучшей не было на всемъ островѣ; а этотъ лѣсъ... сколько разъ онъ готовъ былъ его вырубить, когда въ кассѣ не было ни копѣйки, и никогда не могъ рѣшиться; духа не хватало уничтожить эти громадныя, развѣсистыя ели. Въ ихъ тѣни, у ихъ обросшихъ мохомъ корней онъ такъ часто мечталъ о ней, когда она была еще почти ребенкомъ... Выросла она, развернулась, какъ чудный цвѣтокъ, и никого у нея не было во всемъ мірѣ, кто бы могъ ее защитить... Она была его дитей! Другое дитя—красивый, своенравный мальчикъ! Въ восемнадцать, въ двадцать лѣтъ онъ былъ для нихъ обоихъ братомъ, отцомъ, защитникомъ... всѣмъ! А дѣти дразнили другъ друга, ссорились, любили, цѣловались передъ его глазами... Чтобы не видать, ему стоило закрыть только одинъ глазъ,—такъ подшучивалъ когда-то Густавъ; онъ всякій разъ смѣялся надъ этой шуткой, чтобы не дать замѣтить дѣтямъ, какъ тяжело у него на сердцѣ, какъ болѣзненно бьется это сердцѣ.. Да, да, подъ могучими елями... короткій выстрѣлъ пронесется по лѣсу, и ляжетъ онъ, уснетъ вѣчнымъ, покойнымъ сномъ. А они... утѣшатся... скоро утѣшатся, не до того имъ будетъ, чтобы сокрушаться о старомъ, некрасивомъ, глупомъ Гансѣ, только мѣшавшемъ имъ и, наконецъ, догадавшемся навсегда закрыть свой единственный глазъ. Эхъ, Гансъ, Гансъ! Не стыдно ли тебѣ?

Лѣсъ и поле, все исчезло за тяжелою слезою, набѣжавшею на его глазъ. Гансъ сморгнулъ слезу и тронулъ лошадь.

«Ну-ну, вороной, еще двѣ тысячи шаговъ, и на покой. Доберемся до Проры, тамъ Класъ Венгакъ запряжетъ намъ пару своихъ почтовыхъ клячъ. Кто знаетъ, что ждетъ тебя завтра, какъ станетъ гонять тебя твой баринъ? Въ былое время онъ не жалѣлъ тебя, а съ тѣхъ поръ ты постарѣлъ на три года. Измѣнился ли онъ, мой милый малый? такъ ли онъ хорошъ, какъ былъ тогда?»...—И передъ Гансомъ проносился образъ юноши, готовящагося броситься въ воду съ деревянныхъ мостковъ, на которыхъ весною моютъ овецъ. Яркое солнце освѣщаетъ красивую, стройную фигуру, широкія плечи, высокую грудь. Кудрявая голова обращается къ нему. Гансъ, готовъ? Разъ, два, три... раз-

дается веселый, звонкій голосъ. Прыжокъ, всплескъ воды, черезъ минуту голова показывается далеко отъ берега, сильныя руки бодро разсѣкаютъ голубыя волны... Какъ онъ гордился этимъ юношей и вправѣ былъ гордиться: онъ выучилъ его плавать и на конькахъ кататься, верхомъ ѣздить, стрѣлять, грести и править рулемъ... всему выучилъ. И все это такъ легко ему давалось, точно само собою, во всемъ онъ превзошелъ учителя; только въ стрѣльбѣ отсталъ,—несмотря на свой единственный глазъ, Гансъ всегда стрѣлялъ лучше брата.

Подковы воронаго застучали по настилкѣ мостика, ведущаго во дворъ между амбарами и скотнымъ дворомъ. У Ганса сильно забилось сердце, когда онъ увидалъ у подъѣзда голштинку Класа Вентака, очевидно, только что подъѣхавшую, такъ какъ лошади еще едва переводили дыханіе. Прислалъ ли Густавъ за нимъ или, быть можетъ, самъ...

— Густавъ!

Гансъ спрыгнулъ съ лошади и очутился въ объятіяхъ брата.

— Милый, дорогой мой!

— Старина! Другъ!

— Да ты ли это?

— Какъ видишь, самолично... Ну, пойдемъ, пойдемъ скорѣе въ домъ...

Густавъ взялъ брата за руки и тащилъ на крыльцо.

— Постой минутку,—сказалъ Гансъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—я только распоряжусь, чтобы скорѣе запрягали. Ты, Іохенъ, можешь ѣхать домой.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди... Мнѣ самому нужно... видишь, со мною даже нѣтъ моихъ вещей... Пойдемъ, я все объясню тебѣ... Да иди же, наконецъ!

Не дожидаясь отвѣта брата, Густавъ вошелъ въ домъ. Гансъ усмѣхнулся. Несмотря на бороду и чужеземное платье, сильно измѣнившія наружность молодого человѣка, это былъ все тотъ же, прежній Густавъ. Гансу извѣстна и понятна причина его нетерпѣнія; стоитъ ему сказать только одно слово, и эта тревога смѣнится восторженною радостью.

— Да, все такой же!—сказалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ рабочимъ, сбѣжавшимся на дворъ привѣтствовать молодаго барина, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ выросли вмѣстѣ. Ихъ удивило, что Густавъ не взглянулъ даже ни на кого, не сказалъ ни съ кѣмъ ни слова.

— Завтра, ребята, со всѣми повидается какъ слѣдуетъ. А теперь надо скорѣе убрать сѣно съ возовъ; ночью, пожалуй, дождь пойдетъ. А ты, Іохенъ, прикрой лошадей попонами, хотя простоять тебѣ и не долго придется.

Люди разошлись каждый къ своему дѣлу; Іохенъ вынулъ попоны изъ задка экипажа и прикрылъ лошадей. Баронъ сказалъ, что ждать не долго, а онъ уже началъ бояться, какъ бы послѣ тяжелой дневной работы его не продержали здѣсь съ лошадьми до поздней ночи. Покурить онъ, все-таки, успѣетъ, но на всякій случай, изъ предосторожности, Іохенъ набилъ лишь половину трубки, закурилъ и сталъ на досугѣ раздумывать обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, изъ чего онъ понялъ очень немногое. Его занималъ, между прочимъ, вопросъ, почему господинъ баронъ живетъ не въ Старомъ Проницѣ, гдѣ, по слухамъ, есть прекрасный замокъ и большой паркъ, а живетъ здѣсь въ одноэтажномъ домикѣ; мало чѣмъ отличающемся отъ обыкновеннаго крестьянскаго жилья? Впрочемъ, у Ганса-Филина голова не совсѣмъ въ порядкѣ; это говорилъ самъ Класъ Венгакъ и тутъ же упоминалъ о «бѣшеномъ Густавѣ,» котораго Іохенъ совсѣмъ не зналъ.

Скоро ли они выйдутъ, однако? Сидятъ они, кажется, въ той комнатѣ, что влѣво отъ входной двери; оттуда слышатся ихъ голоса, т.-е., собственно, одинъ голосъ младшаго барона, а баронъ Гансъ либо все время молчитъ, либо говоритъ такъ тихо, что его не слышно. Разобрать нельзя ни одного слова; несмотря на жару, у нихъ окна закрыты. Духота, должно быть, тамъ; здѣсь на дворѣ и то можно бы задохнуться, если бы не продувалъ вѣтерокъ. И огня не зажигаютъ, хотя уже стемнѣло. Вонъ и мѣсяцъ выходитъ изъ-за деревьевъ; его свѣтъ играетъ на ряби пруда, отражается отъ оконныхъ стеколъ.

Сколько времени они держатъ Іохена! Послѣ половины трубки онъ успѣлъ выкурить двѣ полныхъ, а ихъ все нѣтъ. Если бы онъ зналъ это, непремѣнно бы отпрегъ лошадей. Давно бы слѣдовало поужинать. Ишь народъ въ людской ужинаетъ; а онъ стой тутъ у экипажа съ своими усталыми, голодными клячами. О немъ никто и не подумалъ, а еще Класъ Венгакъ всегда увѣряетъ, будто господинъ баронъ добрѣйшій баринъ. Хороша доброта, нечего сказать! Всѣмъ-то этимъ господамъ одна цѣна. Іохенъ сошелъ съ козелъ и прохаживался взадъ и впередъ. Яркія звѣзды скрылись за набѣжавшими облаками; луна едва проглядывала сквозь ихъ сѣроватую дымку. Сумракъ быстро сгущался.

Въ тополяхъ у въѣзда кричалъ сычъ; какая-то большая птица, громко хлопая клыльями, пролетѣла передъ самымъ лицомъ Іохена.

— Если они еще сидѣть будутъ,—ворчалъ кучеръ,—я подожду минутъ пять и уѣду. Здѣсь просто жутко становится человѣку... Насилу-то!

Наружная дверь отворилась; оба брата сошли съ крыльца. Баронъ приложилъ пальцы къ губамъ и громко свиснулъ. На этотъ зовъ изъ людской вышелъ прикащикъ. Гансъ тихо сказалъ ему что-то и подошелъ къ экипажу. Молодой баронъ взялъ съ сидѣнья свой плащъ, накинулъ на плечи и сѣлъ въ голштинку: Гансъ помѣстился рядомъ съ нимъ. Іохенъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: куда прикажутъ ѣхать? Между собою братья не промолвили ни слова и даже не отвѣтили кучеру. При свѣтѣ луны ихъ лица показались Іохену страшными, точно у мертвецовъ, такъ что онъ не рѣшился повторить своего вопроса, вспрыгнулъ скорѣе на козлы и, не оглядываясь, погналъ лошадей наудачу къ Прору.

Глава VI.

Въ то время, какъ Класъ угощалъ пріѣзжаго господина въ столовой, Лизхенъ изъ всѣхъ силъ хлопотала наверху услужить женщинамъ и устроить какъ можно лучше ребенка, но очень скоро пришла къ убѣжденію, что взялась за очень трудную задачу. Сначала, пока тамъ былъ пріѣзжій баринъ, дѣло шло довольно гладко. Подъ руку съ молодою дамой онъ обошелъ всѣ комнаты и, улыбаясь, одобрилъ предложенный Лизхенъ планъ размѣщенія; потомъ спросилъ, не найдется ли на ужинъ для женщинъ цыпленка съ рисомъ, а для него чего-нибудь такого, что могло бы быть скоро подано? На утвердительный отвѣтъ Лизхенъ онъ сказалъ, что, слѣдовательно, все обстоитъ въ наилучшемъ видѣ. Лизхенъ была того же мнѣнія, сошла въ кухню приказать Стинѣ готовить ужинъ, а Мину отправила наверхъ помогать пріѣзжимъ дамамъ. Но не прошло пяти минутъ, какъ Мина сбѣжала въ кухню и съ воплями объявила, что она ничего не можетъ тамъ сдѣлать, что ее никто не понимаетъ, а старая вѣдьма, какъ воплощенный дьяволъ, оретъ и тычетъ ей прямо въ глаза своими черными пальцами. Наверхъ она не пойдетъ теперь ни за что на свѣтѣ, хотя бы сейчасъ ей отказали отъ мѣста; она нанималась служить христіанамъ, а не язычникамъ или какимъ-то туркамъ. Мина бросилась на лавку и продолжала выть

и причитать. Стина, только что принявшаяся ощипывать цыпленка, сказала:

— Не умѣешь сама обойтись съ ними, вотъ и все. Пусть ко мнѣ придетъ; я отлично ей все объясню.

Лизхенъ оставила дѣвушекъ въ кухнѣ и съ тревожнымъ сердцемъ пошла опять сама наверхъ, гдѣ тѣмъ временемъ все измѣнилось къ худшему. Добродушный господинъ ушелъ внизъ и, вмѣсто него, распоряжалась страшная старуха по своему. Распоряженія эти состояли въ томъ, что она первымъ дѣломъ раскидала вещи по всѣмъ комнатамъ; вездѣ валялись растрепанные узлы съ пестрымъ, невиданнымъ платьемъ, постели были перебуробаны, чистыя простыни сброшены и замѣнены рваными шерстяными одѣялами.—безобразіе полнѣйшее. При этомъ старуха, не отводя голоса, трещала на своемъ непонятномъ языкѣ, переходя отъ густаго баса къ самымъ высокимъ, крикливымъ нотамъ. Снаружи можно было подумать, что здѣсь спорятъ и отчаянно ругаются съ полдюжины мужчинъ и женщинъ. Ребенокъ лежалъ середи комнаты на кучѣ одѣялъ и жалобно кричалъ; а молодая мать,—къ удивленію и немалому негодованію Лизхенъ,—покойно сидѣла, привалившись въ уголъ дивана, и такъ безучастно смотрѣла на все это кроткими, темными глазами, какъ будто ей ни до чего дѣла не было.

Лизхенъ уже готова была послѣдовать примѣру Мины, расплакаться и убѣжать въ кухню подальше отъ ужасной старухи, отъ ея крика и черныхъ пальцевъ, которыми она теперь тыкала въ лицо хозяйки; ее остановило движеніе молодой женщины. Она приподнялась на диванѣ, поманила рукою Лизхенъ и показала ей на плачущаго ребенка. Лизхенъ поняла, сердцемъ угадала ея желаніе, взяла ребенка и поднесла его къ матери. Дитя припало къ открытой, прелестной груди и успокоилось. Эта нѣжная картина сразу разогнала страхъ и дурное расположеніе Лизхенъ; ей вспомнилось, что скоро и она такъ же прижметъ къ своей груди слабое, дорогое созданіе, и на ея глазахъ навернулись слезы. Между тѣмъ, ребенокъ уснулъ и выпустилъ грудь. Лизхенъ тихо взяла его и смѣло пронесла мимо злой старухи къ колыбели, давно припасенной для ея собственнаго ожидаемаго дитяти, а теперь поставленной для чужаго ребенка въ сосѣдней комнатѣ. Она уложила крошку, твердо рѣшившись дать старухѣ рѣзкій отпоръ въ томъ случаѣ, если бы та вздумала мѣшать ей. Но, къ ея великому удовольствію, старуха, повидимому, накричалась до

сыта и угомонилась, или ее успокоили нѣсколько словъ, сказанныхъ молодою дамою,—только она не тронулась съ мѣста. Да кого бы и не успокоилъ такой чудный голосъ? раздумывала Лизхенъ, и слезы опять подступили къ ея глазамъ.

Послѣ словъ молодой чужеземки старуха вышла изъ комнаты и спустилась съ лѣстницы; ея противный голосъ трещалъ внизу, въ сѣняхъ. Очевидно, она тамъ сражалась съ прислугой. Лизхенъ слышала отъ пріѣзжаго господина, что молодая дама понимаетъ немного по-нѣмецки и по нуждѣ сама можетъ сказать нѣсколько словъ, почему и поспѣшила объяснить, что ей нужно идти въ кухню похлопотать объ ужинѣ, а доброй барынѣ недурно было бы отдохнуть съ дороги и попытаться заснуть часокъ; дитя теперь покойно, а если бы проснулось и заплакало, то милая барыня услышитъ,—колыбель тутъ рядомъ, за дверью. Молодая женщина ничего не отвѣтила, но по выраженію ея лица, освѣтившагося нѣжною улыбкою, Лизхенъ догадалась, что пріѣзжая ее поняла. Она подошла къ незнакомкѣ и поцѣловала ея красивую, бѣлую руку, унизанную кольцами; потомъ подложила ей подъ голову подушку, прикрыла одѣяломъ ножки, обутыя въ расшитыя золотомъ туфли, и тихо вышла изъ комнаты, осторожно ступая на пальцы, несмотря на свое положеніе.

Старуха была теперь въ кухнѣ, какъ о томъ не трудно было догадаться по крикамъ и воплямъ, долетавшимъ до Лизхенъ. Хозяйка поспѣшила туда и застала немного испугавшую ее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, забавную сцену. Здоровенная Стина, не уступавшая ни одному мужчинѣ, схватила старую за плечи, всею тяжестью навалилась на нее, заставила опуститься на колѣни и до тѣхъ поръ трясла изо всей силы, пока красный платокъ не слетѣлъ съ косматыхъ волосъ.

— Пусти ее, Стина!—крикнула Лизхенъ.

Стина встряхнула ее еще нѣсколько разъ, потомъ подняла побѣжденную противницу и сказала:

— Это тебѣ на первый разъ; а если еще разъ попробуешь начать то же, то пѣняй на себя,—хуже будетъ.

— Какая ты глупая, Стина,—сказала Лизхенъ,—вѣдь, она не понимаетъ ни одного слова изъ твоего простонароднаго говора.

— Э, хозяйка,—возразила Стина, — съ старой вѣдьмой на какомъ языкѣ ни говори, все одинъ чортъ будетъ; а что меня она поняла, за то могу поручиться.

Стина вынула изъ горшка недощипаннаго цыпленка, котораго

старуха, придя въ кухню, вырвала у нея изъ рукъ и бросила въ кипятокъ, и принялась за стряпню. А старуха задомъ вышла изъ кухни, продолжая размахивать руками и бормотать какія-то непонятныя слова, неимѣвшія, очевидно, ничего общаго ни съ молитвами, ни съ призываніемъ Божьяго благословенія на присутствующихъ.

Въ кухнѣ все успокоилось; наверху, сверхъ всякаго чаянія, было тоже тихо, и Лизхенъ нашла, наконецъ, время пойти въ чуланъ, рядомъ съ нижнею столовою, достать бѣлье для ужина. Роясь въ шкафу и раздумывая обо всемъ, только что происходившемъ передъ ея глазами, она слышала отъ слова до слова все, что говорилъ Класъ пріѣзжему господину. Сквозь неплотную, тонкую перегородку, отдѣлявшую чуланъ отъ столовой, можно было не только слышать, но, приложивши глазъ къ щели, даже видѣть, что дѣлается въ общей комнатѣ постоялаго двора.

— Я не любопытна,—подумала про себя Лизхенъ,—а, все-таки, очень желала бы знать, почему Класъ все одинъ болтаетъ и не даетъ сказать ни слова молодому господину.

Прямо противъ щели, освѣщенный яркимъ вечернимъ свѣтомъ, склонивши голову на руку, сидѣлъ у стола молодой незнакомецъ, а Класъ, по своему обыкновенію, безъ умолку болталъ про господина барона и про консула Ливоніуса изъ Зундина, про письмо, посланное съ нарочнымъ, и про всякіе пустяки, по мнѣнію Лизхенъ, ничуть неинтересные для пріѣзжаго барина, какъ вдругъ онъ вскочилъ, и Лизхенъ увидала и услыхала такія вещи, отъ которыхъ у нея сердце замерло и ноги подкосились; не будь тутъ скамейки, молодая женщина навѣрное бы упала на полъ. Она все еще не могла оправиться и сидѣла на томъ же мѣстѣ, когда простучали колеса экипажа, увозившаго барона Густава, а Класъ бѣгалъ по всему дому и по двору, клича ее по имени. «Бѣдная, бѣдная молодая красавица тамъ наверху! Бѣдная красавица фрейленъ въ Проницѣ! Господи, Господи, что же это такое дѣлается на свѣтѣ? И это питомецъ, кумиръ тетушки, котораго фрейленъ Герта ждала цѣлыхъ три года! Только мужчины способны на это! Молодая, едва вышедшая изъ дѣтства женщина, навѣрное, ни о чемъ понятія не имѣетъ и очутится въ одномъ домѣ съ фрейленъ, которая съ своей стороны тоже не подозрѣваетъ и не ожидаетъ ничего подобнаго... И при этомъ самой не смѣть ни слова сказать, ни предупредить, точно ничего не знаешь!

— Лизхенъ, Лизхенъ! — кричалъ Класъ, отворяя дверь чу-

лана. — Что ты сюда забилась, Лизхенъ? Кушанье для барыни давно готово...

— Я все слышала, Класъ,—сказала Лизхенъ, указывая на щель въ перегородкѣ.

— Э-э-эхъ! — вымолвилъ Класъ и зачесалъ затылокъ. Ему опять не удалось узнать что-либо такое, чего бы не знала его умная Лизхенъ. Впрочемъ, это и не дурно было, такъ какъ теперь можно съ нею посудить, порядить обо всемъ; только жена не дала ему слова сказать.

— Ужь молчи ты у меня, пожалуйста, Класъ,—остановила она мужа.—Не хочу я ничего слушать. Какъ только хватаетъ духа смѣяться, когда такія нехорошія вещи происходятъ у тебя на глазахъ?!

— Ахъ, Лизхенъ,—возразилъ Класъ,—это даже не умно съ твоей стороны. Намъ-то что за дѣло до всей этой исторіи? Пусть себѣ знатные господа разбираются сами, какъ знаютъ. Мнѣ досадно только, что намъ ничѣмъ не придется отъ нихъ попользоваться; завтра же они переберутся со всѣми пожитками въ Старо-Проницъ... Знаю я барона Ганса!

— Еще бы! — съ горечью проговорила Лизхенъ. — Онъ же опять станетъ хлопотать все уладить, устроивать во что бы ни стало замужство фрейленъ Герты за графа. Добрый баронъ Гансъ постарается для милаго братца, а бѣдная фрейленъ Герта будетъ несчастною на всю жизнь... И все потому, что вы, мужчины, такъ гадки, такъ гадки, что просто можно усумниться въ правосудіи Божіемъ,—прости мнѣ, Господи, мое согрѣшеніе!—но я знаю, что дѣлать... Пойду и все разскажу этой несчастной женщинѣ; по крайней мѣрѣ, она предупреждена будетъ.

— Лизхенъ, Лизхенъ... Смотри не обожгись!

— Это мнѣ все равно,—отвѣтила Лизхенъ, запирая шкафъ.— Лучше пусть я обожгусь, а не стану я терпѣть такихъ гадостей, такой лжи.

Глава VII.

При всей своей рѣшимости выяснить молодой женщинѣ ея положеніе, Лизхенъ не могла не сознавать опасности такого сообщенія. Кто могъ ручаться, что незнакомка не остановитъ ея на первыхъ же словамъ и не скажетъ: «Фрау Венгакъ, прошу въ мои дѣла не путаться», или: «Подождите, фрау Венгакъ, пока васъ не спросятъ», или что-нибудь въ томъ же родѣ, отъ

чего Лизхенъ сгоритъ со стыда. Наконецъ, Лизхенъ вспомнила, что терзается совсѣмъ напрасно, такъ какъ незнакомка, хотя и понимаетъ нѣсколько словъ по-нѣмецки, во всякомъ случаѣ не въ состояніи будетъ понять длиннаго разсказа. Слѣдовательно, не изъ-за чего волноваться и обдумывать, какъ начать объясненіе. порѣшила Лизхенъ, прислуживая пріѣзжей дамѣ за ужиномъ. Мина ни за что не согласилась войти въ комнаты, гдѣ могла встрѣтиться съ ужасною старухою. Но старуха куда-то скрылась, и для Лизхенъ было бы очень удобно пуститься въ разговоры и узнать, понимаетъ ли что-нибудь молодая дама, или нѣтъ. Но та попрежнему упорно молчала, съ аппетитомъ кушала цыпленка съ рисомъ и отъ времени до времени улыбалась хозяйкѣ, чѣмъ какъ нельзя лучше доказывала, что сама считаетъ невозможными какіе бы то ни было разговоры.

Лизхенъ тоже молчала, очень довольная въ душѣ, что можетъ избѣжать непріятной сцены. Да, чѣмъ больше она раздумывала, тѣмъ хуже казалось ей то, что она было задумала, и она уже благодарила про себя Класа за его совѣтъ помолчать, хотя, какъ теперь оказывалось, совѣтъ этотъ былъ совершенно излишнимъ. Лизхенъ собрала посуду, покрыла столъ опять красною скатертью, зажгла свѣчу и спросила, не прикажетъ ли барыня еще чего-нибудь.

Незнакомка тѣмъ временемъ пріютилась опять въ углу дивана и не отвѣтила ни слова. Лизхенъ сдѣлала книксенъ и направилась было къ двери, ведущей на лѣстницу, когда позади ея послышались слова на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Добрая женщина, не уходите. Добрая женщина, много говорить хочу.

Лизхенъ къ мѣсту приросла отъ неожиданности, почти отъ страха. Въ первую минуту она подумала, что это такъ ей показалось только отъ чрезвычайнаго внутренняго возбужденія; но голосъ, хотя крайне тихо, прозвучалъ, однако же, очень явственно. Дрожащими руками поставила Лизхенъ подносъ и тихо обратилась къ пріѣзжей дамѣ. Та приподнялась немного, манила къ себѣ рукою и показывала на стулъ около дивана. Лизхенъ молча повиновалась. У нея такъ сильно дрожали колѣни, что она едва дошла до стула. Молодая незнакомка взяла ея дрожащія руки, ласкала ихъ, заглядывала въ лицо своими кроткими, темными глазами, прикладывала къ ея глазамъ свой надушенный платокъ и мягко говорила:

— Не надо плакать, добрая женщина, не надо... Сестрами будемъ! Несчастной сестрѣ все сказать про добраго брата... добрый братъ любитъ дурнаго брата... и про красавицу дѣвушку: она любитъ дурнаго брата. Дурной братъ боится добраго брата и всегда лжетъ Изеѣ: всегда лжетъ. Изея несчастная, очень, очень несчастная!

Когда это милое созданіе назвало ее нѣжнымъ именемъ сестры и совсѣмъ по-дѣтски, но совершенно понятно, увы, слишкомъ понятно для Лизхенъ заговорила о своемъ несчастьи, потомъ приложила платокъ къ лицу и тихо зарыдала, тогда Лизхенъ не выдержала и исполнила ея просьбу; не могла она не сдѣлать этого, хотя бы ей грозили смертью. Она разсказала все, что знала, разсказала осторожно, щадя, какъ только могла, несчастную женщину; но передала все правдиво и честно,—такъ, какъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ старшая сестра стала говорить съ любимою младшею сестрою.

Когда она кончила, красавица, ея младшая сестрица, подставила ей для поцѣлуя свои восхитительныя губки. Этотъ поцѣлуй и сильно возбужденное состояніе точно опьянили Лизхенъ; едва передвигая ноги и пошатываясь, она вышла изъ комнаты и даже забыла захватить подносъ съ посудою. Дверь за нею затворилась. Изея просидѣла еще нѣсколько секундъ, прижавшись въ уголъ дивана и тихо посмѣиваясь, потомъ приподнялась и захлопала въ ладоши. На этотъ зовъ вошла старуха.

— Долгонько, однако,—проговорила она.

— За то я теперь все знаю, — возразила Изея. — Садись сюда, милая Зоя, я разскажу тебѣ.

— Едва ли придется мнѣ услыхать много новаго,—проворчала старуха, опускаясь на подушку, брошенную ей съ дивана молодою женщиною.

— Новаго, правда, не много,—сказала Изея. — Въ послѣднее время онъ и самъ уже не особенно скрывалъ истину.

— Какъ лисица потихоньку выползаетъ изъ норы, когда чуетъ, что сзади нея горитъ огонь,—ворчала Зоя.

— Постой, не прерывай меня. Во-первыхъ, онъ не такъ богатъ, какъ вначалѣ увѣрялъ отца и меня, и не такъ бѣденъ, какъ мы съ тобою думали впослѣдствіи.

— Игрокъ! Разбойникъ!—не выдержала старуха.

— Молчи, говорю тебѣ! Во-вторыхъ, онъ изъ знатной фа-

миліи. Въ этомъ я, впрочемъ, не сомнѣвалась съ тѣхъ поръ, какъ его принималъ король въ Мюнхенѣ.

— Кто его знаетъ, что онъ этому королю навралъ? Развѣ онъ не сочинилъ цѣлую исторію?... Онъ вѣчно лжетъ.

— Молчи! У него на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни отца, ни матери, а только старшій братъ, которому и принадлежитъ все состояніе,—насколько я поняла изъ разсказа этой женщины, — такъ какъ Густавосъ промоталъ свою часть еще до отъѣзда отсюда. Но этотъ братъ не женатъ, никогда не женится и такъ любитъ меньшаго брата, что попрежнему ни въ чемъ не откажетъ.

Старуха зло разсмѣялась и сказала:

— Если бы это было такъ, то зачѣмъ же бы онъ сталъ до сихъ поръ все скрывать отъ брата?

— Вѣрно замѣчено,—сказала Изея.—Тутъ-то и начинается ложь. Молодая дѣвушка, его родственница, про которую онъ въ послѣднее время разсказывалъ раза два, какъ они росли вмѣстѣ и какъ нравились другъ другу дѣтьми,—эта дѣвушка была его невѣстою передъ Богомъ и передъ людьми, и по обычаямъ и по законамъ этой страны онъ долженъ былъ на ней жениться. Она очень хороша собою и за нею многіе ухаживаютъ. Онъ надѣялся, что, не получая отъ него извѣстій, она соскучится ждать и выйдетъ замужъ; но она этого не сдѣлала, и теперь онъ въ скверномъ положеніи, въ особенности потому, что его братъ любитъ эту дѣвушку, какъ родную сестру, и не проститъ ему его измѣны.

— Зачѣмъ же онъ ѣхалъ сюда, если надѣялся отдѣлаться такимъ способомъ? Зачѣмъ тащилъ насъ въ эту варварскую страну?

— Онъ говоритъ, что баварскій король далъ ему порученіе къ одному изъ здѣшнихъ государей, дочь котораго должна вступить въ бракъ съ нашимъ королемъ Оттономъ, и чтобы исполнить это порученіе, ему необходимо сперва повидаться съ здѣшними родственниками. Кромѣ того, ты знаешь, что въ послѣднее время ему очень не везло въ карты. Да, наконецъ, мнѣ самой надоѣла эта неопредѣленность, и я сама хотѣла выяснить положеніе. Чему ты смѣешься?

— А что? Развѣ мнѣ уже запрещено и смѣяться? — огрызнулась старуха.

— Я не люблю, когда ты смѣешься; это знакъ, что тобою овладѣваетъ злой духъ. Я хотѣла еще многое, очень важное

разсказать, но теперь не вѣрю тебѣ. Ты слишкомъ сильно ненавидишь его.

— За то люблю тебя,—воскликнула старуха, приподнимаясь и обнимая колѣни красавицы.—Люблю тебя, свѣтъ очей моихъ, радость моего сердца! дитя мое! Вѣдь, я замѣняла тебѣ мать чуть не со дня твоего рожденія; мое сердце обливалось кровью, когда твой отецъ, по своему безумію, отнялъ тебя у меня и отправилъ въ большой городъ франковъ. Мое сердце разрывалось отъ радости, когда черезъ четыре года потомъ я прижала тебя къ моей груди на родной землѣ, въ нашемъ Наполисѣ... Сіяя красотою, какъ богиня, сошла ты съ корабля подъ руку съ нимъ... О! зачѣмъ это случилось! Я бы тогда же передъ глазами твоего отца бросила тебя въ море, если бы подозрѣвала, что этотъ чужеземецъ, твой спутникъ, обворожитъ тебя... обворожилъ уже! Убила бы тебя, едва ступила твоя нога на святую землю отчизны, передъ глазами твоего жениха, который ждалъ тебя съ такимъ восторгомъ... осыпалъ бы тебя драгоцѣнными каменьями и жемчугами!... Такими точно жемчугами, какъ тѣ, что онъ своими руками повязалъ на твою чудную шею, на твою дивную грудь, принадлежащую храброму Вальяносу... И этою грудью ты кормишь теперь ребенка рыжаго нѣмца, изолгавшагося, измошенничавшагося варвара! О, я ненавижу его! Да, да, ненавижу! Какъ не ненавидѣть его, когда онъ, разлюбилъ тебя... нѣтъ, не разлюбилъ, а не любилъ никогда? Обманулъ онъ тебя, обольстилъ потому, что считалъ дочь знаменитаго купца Андреаса Колокотрони богатѣйшею добычею. Онъ повѣнчался съ тобою въ чужой землѣ, въ чужомъ, въ католическомъ храмѣ, для того, чтобы заставить отца, вопреки желанію, отдать ему свое единственное дитя. Негодяй! Разбойникъ! Онъ отшвырнулъ бы тебя прочь, если бы предвидѣлъ, что случится черезъ недѣлю... Проклятые слуги позора, называющіе себя правителями Греціи, намѣстниками короля!... Въ тюрьму заперли отца твоего за то, что онъ велъ свободную торговлю, какъ его отцы и ихъ дѣды, и не хотѣлъ знать таможенныхъ собакъ съ ихъ подлыми пошлинами... Все имѣніе захватили, все конфисковали, чтобы наполнить свои пустые сундуки, осрамили, опозорили честное имя, тогда какъ ихъ самихъ не должно существовать, если есть еще на островахъ благородныя сердца и острые кинжалы! Неужели ты думаешь, что останется неотмщеннымъ позоръ, которымъ этотъ хитрый варваръ покрылъ сѣдую голову твоего отца, имя Коло-

котрони и весь нашъ островъ Тино? Развѣ ты забыла, чему у насъ подвергается обольститель дѣвушки? Развѣ не знаешь, что всякій другъ семьи, всякій честный тиногъ имѣетъ право, мало того, обязанъ убить обольстителя, какъ бѣшеную собаку? Что же вы думаете, васъ не найдетъ мститель потому, что вы уѣхали за моря въ чужія земли? А я говорю тебѣ: наступитъ день, и передъ вами явится этотъ мститель, храбрый Вальяносъ, убьетъ онъ соблазнителя, убьетъ и тебя, несчастная! Тебя... моя радость, мое счастье!.. О, пожалѣй ты себя! Бѣжимъ, бѣжимъ, пока можно. Его нѣтъ, онъ вернется не скоро. Въ гавани я видѣла корабли многихъ странъ, можетъ быть, найдется греческій корабль. Насъ примутъ на него, я добьюсь этого... Ночь на дворѣ. Темнота прикроетъ, защититъ насъ... Я поведу тебя, на рукахъ тебя унесу... О! пойдемъ, бѣжимъ!...

Старуха цѣловала руки, край платья, ноги своей госпожи, потомъ обхватила ее костлявыми руками и, какъ ребенка, подняла съ дивана. Изея не сопротивлялась, но, едва ставши на ноги, выскользнула изъ рукъ старухи и, смѣясь, легла на прежнее мѣсто.

— Не хочешь?—закричала старуха и затопала ногами.

Изея покачала головою, улыбнулась и закрыла глаза.

— Ты съ ума сошла, Зоя. Въ двадцатый разъ, кажется, ты разыгрываешь ту же сцену. Сначала это забавляло меня, но становится скучно, наконецъ. Если хочешь говорить со мною, придумай что-нибудь позанимательнѣе. Перестань дурачиться, старая. Сдѣланнаго не вернуть и не передѣлать: надо думать о томъ, какъ поумнѣе вести дѣло теперь. И я думаю, что кое-что можно сдѣлать. Я хочу быть здѣсь, у этихъ варваровъ, княгиней, принцессой.

— Ты достойна быть царицей, радость души моей,—проговорила старуха.

— И буду, — продолжала Изея, смѣясь.—Развѣ я не Колокотрони и развѣ Ѳеодоръ Колокотрони не владѣтельный князь Мореи?

Старуха удивленно смотрѣла на смѣющуюся красавицу.

— Ты, кажется, бредишь, дитя,—сказала она.—Твоего отца зовутъ Андреемъ; онъ былъ бѣднымъ шкиперомъ, потомъ разбогатѣлъ, сталъ купцомъ. Ахъ, лучше бы ему остаться бѣднякомъ, какъ его родители: не былъ бы онъ теперь въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ!

— И Ѳеодоръ Колокотрони въ тюрьмѣ, и онъ закованъ въ цѣпи,—сказала Изея, подзадоривая старуху.

— Чтобы дьяволы удушили тѣхъ, кто его заковалъ!—закричала старуха.—Его... нашу надежду, нашу гордость, орла нашихъ горъ, героя Клеонеи... его, освободителя Эллады отъ собакъ — турокъ! И что они сдѣлали съ нашею Элладою? Отдали въ добычу нѣмецкимъ варварамъ! О, если бы онъ былъ нашимъ королемъ, не засадилъ бы онъ въ тюрьму твоего отца не потому, что онъ носитъ одно съ нимъ имя.—орелъ и ворона носятъ тоже одно имя — обѣ птицы, а потому, что орелъ, вылетая на добычу. не запрещаетъ воронѣ кормиться, какъ она умѣетъ. Горе, горе намъ! Убьютъ они обоихъ. застрѣлятъ орла, а для вороны годится первая попавшаяся веревка. Отсохни руки у ихъ палачей!..

Изея не шевельнулась во все время, пока старуха бѣсновалась и металась по комнатѣ, совершенно забывши первоначальный предметъ разговора. Только раза два вскинула на нее молодая женщина осторожный, проницательный взоръ. Хорошо, что она остановилась во время, не сообщила старухѣ, что Густавосъ придумалъ посредствомъ новой лжи сразу создать себѣ и ей высокое положеніе въ этой странѣ. Ей трудно было бы справиться съ патріотизмомъ старой дуры. Во всякомъ случаѣ надо подождать удобнаго случая и не пускаться въ откровенности. Изея приподнялась немного и, улыбаясь, сказала:

— Зоя, милая, во всемъ этомъ надо положиться на милость Пресвятой Богородицы. А теперь слѣдуетъ подумать о настоящемъ. Густавосъ поѣхалъ за братомъ, привезетъ его сюда. Братъ, повидимому, полный господинъ здѣсь; а за кого господинъ, тому нѣтъ необходимости заискивать милость у другихъ. Наряди меня, Зоя, сдѣлай еще красивѣе. Впрочемъ, нѣтъ. Его братъ, говорятъ, человѣкъ простой, и одѣтая просто я больше понравлюсь ему. Сними съ меня жемчугъ, возьми кольца. Помоги мнѣ снять платье и подай ночной капотъ. Такъ, хорошо, моя добрая, старая Зоя. Хорошо тебѣ будетъ въ богатомъ домѣ, въ который мы ѣдемъ и гдѣ я буду госпожей; всѣ въ глаза тамъ будутъ смотрѣть моей старой Зоѣ... Скорѣй, скорѣй! Я слышу стукъ экипажа. Это они. Иди и оправься хорошенько; ты ни на что не похожа. И слушай, Зоя. какъ только я захлопаю руками, такъ внеси сюда ребенка. Идутъ по лѣстницѣ... уходи, уходи!

Старуха, казалось, забыла свои волненія, усердно помогала

красавицѣ и тихо исчезла изъ комнаты, подправляя подъ платокъ растрепанные волосы. Изея, съ видомъ только что проснувшагося ребенка, разбуженнаго стукомъ въ дверь, провела руками по лицу, встрѣтила вошедшихъ долгимъ, изумленнымъ взоромъ, слегка вскрикнула, какъ бы отъ нечаянности, поднялась на ноги и, стыдливо опустивши глаза, съ кроткою улыбкою, съ молящимъ жестомъ рукъ, пошла навстрѣчу Гансу, сконфуженно остановившемуся у двери. Онъ протянулъ ей свою широкую руку и окончательно растерялся, покраснѣлъ до ушей, когда красавица схватила его руку своими маленькими ручками и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, поцѣловала ее, потомъ прижала къ своей груди.

Дверь затворилась, и Класъ Венгакъ, провожавшій наверхъ посѣтителей, къ величайшему своему прискорбію, не видалъ, что было дальше.

Глава VIII.

На башенкѣ капеллы въ паркѣ пробили часы. Герта, стоя у открытаго окна своей комнаты, сосчитала удары колокола и обратилась къ фрау Панкъ, вязавшей у стола при свѣтѣ лампы.

— Десять часовъ,—сказала дѣвушка.—я ложусь спать.

— Обыкновенно вы никогда не ложитесь раньше одиннадцати.—тихо проговорила фрау Панкъ.

— А сегодня хочу лечь раньше.

Старая экономка вздохнула и продолжала вязать, не поднимая глазъ. Герта подошла къ столу.

— Слышала? Я хочу ложиться. Собирай свою работу!

— Мнѣ все равно нужно дожидаться старыхъ господъ, — сказала фрау Панкъ.—Внизу, въ столовой, тоже все стоитъ какъ мы приготовили. Они каждую минуту могутъ пріѣхать. Подождите еще полчасика, фрейленъ Герта.

— Ни полминуты!

— Три-то года прождавши,—прошептала фрау Панкъ и нагнулась поднять упавшій клубокъ. Но этимъ ей не удалось скрыть слезъ, набѣжавшихъ на ея глаза. Она опустила вязанье на колѣни, закрыла лицо руками и тихо заплакала. Герта прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановилась передъ старухою и сказала:

— Ты добрая душа, Панкъ, я это знаю. Но добра ты, въ сущности, только къ нему, а обо мнѣ не думаешь, или думаешь

такъ только. кстати. ради него. А я должна о себѣ думать и прямо говорю тебѣ: будь на моемъ мѣстѣ ангелъ, такъ и его бы терпѣніе лопнуло. А я не ангелъ и не желаю быть ангеломъ. Въ послѣдній разъ. собирай свои ножитки и уходи!

Это было сказано твердымъ тономъ. недопускающимъ возраженія. Панкъ дрожащими руками уложила работу въ корзинку.

— Они пріѣдутъ. непремѣнно пріѣдутъ. — шептала она. — Что я скажу ему. фрейленъ Герта?

— Скажешь. что я легла спать. вотъ и все.

— И все? И ничего больше? Ничего. фрейленъ Герта?

Она поднялась съ мѣста и умоляющимъ взоромъ смотрѣла въ глаза своей молодой госпожѣ. Но прелестные глаза оставались серьезными и мрачными. съ тонкихъ губъ прозвучалъ короткій и жесткій отвѣтъ:

— Ничего ровно. Покойной ночи.

Экономка вышла изъ комнаты. но звукъ ея тяжелыхъ шаговъ по корридору не тотчасъ долетѣлъ до слуха Герты. Она нѣсколько минутъ простояла у двери. поджидая. не вернетъ ли ее дѣвушка.

— Такъ лучше. такъ и слѣдуетъ.—проговорила про себя Герта.

Она подошла запереть окно и пріостановилась. облокотившись на подоконникъ. Сквозь густыя облака просвѣчивала почти полная луна: черныя массы деревьевъ выдѣлялись неясными очертаніями на потемнѣвшемъ небѣ; даже бѣлая башенка капеллы едва была замѣтна въ общемъ мракѣ; въ воздухѣ было тихо. душно. лишь изрѣдка пробѣгалъ трепетный шумъ листвы по вершинамъ деревьевъ. и опять все погружалось въ мертвую тишину.

Безотчетная тоска томила сердце молодой дѣвушки; ее облегчили бы слезы. но слезъ не было. Горящій взоръ упорно былъ устремленъ въ непроглядный сумракъ ненастной ночи. Откуда-то издалека доносился глухой, жалобный лай собаки.

— Прождавши три года.—прошептала Герта.—Да. она права, и всякій теперь вправѣ сказать: она три года ждала его! Иначе осталась ли бы она дома... сегодня?... И опять ждала, ждала до глубокой ночи... А онъ? Ему что? Пусть ждетъ. въ три года могла привыкнуть; должна быть счастлива. если онъ завтра пріѣдетъ... Зачѣмъ я не поѣхала? Я могла бы завтра сказать ему, что Герту нельзя заставлять ждать года! Смѣшно! Онъ отлично зналъ. что я буду ждать. ждать терпѣливо. какъ собака у за-

пертой двери, до тѣхъ поръ, пока хозяину не заблагоразсудится впустить несчастное, дрожащее животное.

Глухой лай собаки, превратившійся было въ жалобный вой, стихъ совсѣмъ.

— Умереть бы!—проговорила Герта.

Большая ночная бабочка присѣла на край окна, встряхнула крыльями и улетѣла, скрывшись въ ночной мглѣ.

— Или бы вотъ такъ исчезнуть вдругъ, такъ, чтобы никто не зналъ, что сталось со мною.

Громче зашелестили листья, точно звали подъ свою сѣнь, точно шептали: «Сюда, къ намъ иди!»

Герта оглянулась. На спинкѣ стула висѣла ея шаль. Дѣвушка накинула ее на плечи и быстро вышла изъ комнаты. Въ коридорѣ передъ стеклянною дверью горѣла одинокая лампа. Крутая лѣстница, ведущая въ садъ, была темна; ея старыя ступени трещали и скрипѣли подъ легкими, крадущимися шагами Герты. Нижняя дверь была, по обыкновенію, заперта лишь изнутри. Она отперла ее и вышла въ садъ.

На дорожкахъ, обѣгавшихъ прихотливыми изгибами группы кустарниковъ, было почти такъ же темно, какъ на лѣстницѣ; свѣтлѣе стало на полукруглой площадкѣ передъ балкономъ, ведущимъ въ садъ изъ столовой. На нее падалъ свѣтъ изъ оконъ и стеклянной двери. Герта тихо взошла на балконъ и увидѣла, что фрау Панкъ собираетъ со стола, накрытаго два часа тому назадъ и убраннаго ею самою лучшими цвѣтами сада. Стало быть, даже эта вѣрная душа потеряла надежду, что пріѣдетъ ея любимецъ, ея дитя ненаглядное! Ея прежняя увѣренность была однимъ притворствомъ; теперь же, полагая, что ее никто не видитъ, она не считала нужнымъ скрывать слезъ, безпрерывно набѣгавшихъ на ея глаза. Вотъ она пріостановилась, затаила дыханіе и какъ бы прислушивается; вѣроятно, до нея долетѣлъ какой-нибудь шумъ со двора. Но нѣтъ, ничего не слышно; она качаетъ головою и опять принимается за уборку.

У Герты на мгновенье потемнѣло въ глазахъ, удары сердца отдавались въ голову. Что если онъ войдетъ сейчасъ, красивый, стройный!... Она бросится ему навстрѣчу, повиснетъ на его шеѣ, замретъ въ поцѣлуѣ... Восторгъ! Счастье!.. Срамъ и стыдъ!...

И опять бродитъ она по саду, среди цвѣточныхъ клумбъ, льющихъ опьяняющій ароматъ резеды и розъ, бродитъ въ не-

проглядномъ мракѣ крытыхъ аллей, подъ вѣтвями могучихъ буковъ, въ вершинахъ которыхъ гудетъ, точно стонетъ, поднявшійся вѣтеръ. Ея щеки горятъ, а лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Она плотнѣе завернулась въ шаль, пошла скорѣе. Мечты, почти бредъ, роями тѣснятся въ возбужденномъ мозгу. Она видитъ себя въ огромномъ бальномъ залѣ Грибеница подъ руку съ стройнымъ графомъ Акселемъ, сіяющимъ отъ счастья; всѣ тѣснятся вокругъ нихъ, всѣ поздравляютъ... Довольныя лица, веселыя улыбки... Сотни разряженныхъ дамъ и мужчинъ, съ хоръ несутся чудные звуки оркестра, говоръ, смѣхъ... Вдругъ раздается громовый голосъ: «Измѣнница!» Видѣнье исчезло. Непроглядная ночь. Съ моря несется грозный шумъ. Налетѣвшая буря реветъ, гнетъ вершины столѣтнихъ деревьевъ, съ трескомъ ломаетъ засохшіе сучья и воетъ, и стонетъ кругомъ. Крупныя капли дождя пробиваются сквозь густую листву, брызжатъ въ пылающее лицо холодною влагой. Герта быстро миновала полукругъ передъ балкономъ и вошла въ столовую черезъ стеклянную дверь, оказавшуюся теперь отворенною. Со стола все было убрано, но на немъ все еще стояли канделябры съ зажженными свѣчами. Дверь корридора была тоже отворена; изъ нея слышались голоса: говорила Фрау Панкъ; ей отвѣчалъ мужской голосъ.

— Она у себя наверху,—долетѣли до молодой дѣвушки слова экономки.—Я сію минуту, только вотъ потушу свѣчи въ столовой.

Въ мигъ очутилась Герта у балконной двери; но дверь захлопнулась и не поддавалась усиліямъ отворить ее. Съ другой стороны залы раздался въ эту минуту громкій крикъ; фрау Панкъ узнала свою молодую госпожу и въ страхѣ отступила назадъ въ корридоръ. Изъ-за нея на порогѣ показалась высокая фигура мужчины.

— Густавъ!—воскликнула Герта радостно и бросилась навстрѣчу вошедшему; но вдругъ остановилась, точно пораженная молніей.

— Ты? ты здѣсь?

— Да, я,—отвѣтилъ Гансъ, окидывая ее грустнымъ взоромъ.

Движеніемъ руки онъ приказалъ фрау Панкъ оставить ихъ однихъ.

Глава IX.

Ноги подкосились у Герты, и она опустилась на диванъ, занимавшій всю стѣну столовой. Гансу тоже не подъ силу было стоять, сѣлъ и онъ на тотъ же диванъ, но довольно далеко отъ дѣвушки. Съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ, съ опущенною головою и неподвижнымъ взоромъ, устремленнымъ въ одну точку пола, онъ сидѣлъ молча, тщетно стараясь найти подходящія слова. Герта собрала всю свою энергію, взглянула на него и сразу угадала и могла бы сказать эти страшныя слова: «Онъ разлюбилъ меня»... Но вымолвить ихъ ей препятствовала гордость, которой она не могла побороть и которая съ каждою минутою все гнѣвнѣе поднималась изъ глубины оскорбленной души. Вдругъ въ ея головѣ мелькнула мысль, по какой-то странной случайности не приходившая до сихъ поръ ей на умъ; теплымъ лучемъ животворнаго свѣта блеснула она и озарила мракъ, охватившій страдающее сердце. Герта приподнялась съ своего мѣста и проговорила:

— Онъ потому не писалъ такъ долго, что ему стыдно было... совѣстно... Его дѣла плохи, онъ въ нищетѣ... Дѣдушка постоянно говорилъ это. Теперь онъ стыдится показаться... Ради Бога, скажи, не скрывай отъ меня... Мнѣ ты можешь смѣло сказать... я...

Лучъ надежды только блеснулъ и погасъ. Не прояснилось блѣдное, мрачное лицо, на которое съ такимъ ожиданіемъ, почти съ мольбою былъ устремленъ ея тревожный взоръ. Гансъ покачалъ головою и, не обращаясь къ ней, какъ бы разсуждая самъ съ собою, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Приди онъ какъ послѣдній нищій, бродяга,—я объ этомъ тоже не разъ думалъ,—но съ нимъ ничего подобнаго не случилось... Совсѣмъ напротивъ! То-есть было время, когда ему приходилось плохо... но нѣтъ, причина не та. Онъ потому не писалъ... О, Герта, видишь ли, я бы съ радостью отдалъ единственный мой глазъ за возможность избавить тебя отъ этого объясненія... Но кому же, какъ не мнѣ, сказать тебѣ все?.. Онъ измѣнилъ... Забудь его. Ты должна, ты найдешь въ себѣ силы забыть. Ты не виновата... а онъ, онъ никогда не любилъ тебя.

— Онъ самъ сказалъ это?—воскликнула Герта съ сверкающимъ взоромъ, съ пылающими щеками.

Гансъ опять отрицательно покачалъ головою и чуть слышно отвѣтилъ:

— Если бы любилъ тебя, развѣ могъ бы забыть... разлюбить?

Герта громко, отрывисто засмѣялась.

— Забавно! Одинъ братъ измѣнилъ и посылаетъ другаго сообщить объ этомъ въ любезныхъ выраженіяхъ. Это «развѣ могъ бы забыть» восхитительно! Благодарю, крайне лестно для меня!..

Она встала и нервно заходила по комнатѣ. Гансъ не смѣлъ поднять глазъ; онъ слышалъ только, какъ шуршало ея платье, какъ прерывисто, тяжело она дышала, силясь подавить подступающія къ горлу рыданія. Какъ ни тяжело было несчастье Герты, ей, все-таки, было легче, чѣмъ барону Гансу быть свидѣтелемъ ея страданій и вызывать эти страданія своими сообщеніями. Его сердце разрывалось, готово было крикнуть ей: «Я люблю тебя, люблю безгранично и жизнь готовъ отдать за то, чтобы хотя разъ въ жизни прижать тебя къ моей груди, цѣловать край твоей одежды!». А, между тѣмъ, онъ еще не сказалъ самаго главнаго, самаго ужаснаго, что ожидаетъ ее впереди: ни слова не сказалъ про красавицу, занявшую ея мѣсто, про восхитительнаго, темноглазаго ребенка... Нѣтъ, онъ не въ силахъ былъ заговорить о нихъ; онъ взялъ на себя слишкомъ тяжелую обязанность. На этотъ разъ довольно, слишкомъ довольно. Завтра онъ сильнѣе будетъ... завтра...

Въ ту минуту, какъ Гансъ хотѣлъ подняться съ мѣста, проходившая мимо Герта вдругъ обернулась и остановилась прямо передъ нимъ.

— Онъ не одинъ?

Гансъ вздрогнулъ точно отъ электрическаго удара. Какъ могла она угадать?

— Нѣтъ!—сказалъ онъ коротко, и ему почудилось, что это не онъ сказалъ, а кто-то другой тамъ, въ дальнемъ концѣ комнаты. Кровь быстро приливала къ головѣ и отливала къ сердцу, въ ушахъ стоялъ неясный, прерывистый гулъ, щеки горѣли, какъ въ огнѣ.

— Хороша она?

— Да,—прозвучало еще глуше, еще дальше. А передъ его полузакрытымъ глазомъ съ необыкновенною отчетливостью всталъ образъ прелестной чужестранки; старуха вноситъ и подаетъ ей плачущаго ребенка. Она открываетъ грудь, кормитъ дитя, ни-

чуть не стѣсняясь, какъ будто она одна въ комнатѣ. Онъ не знаетъ, куда смотрѣть, куда дѣваться... и вдругъ ему стало за себя совѣстно, за свое волненіе. Что видѣлъ онъ? Юную мать съ своимъ дитятей... нѣжную, святую картину, которую никто не вправѣ оскорбить даже взглядомъ, онъ же менѣе, чѣмъ кто нибудь. Да, не оскорбить только, защитить онъ ихъ обязанъ, этихъ беззащитныхъ, юную мать, ея ребенка, закинутыхъ судьбою далеко отъ родины, далеко отъ родныхъ, на рукахъ дикаго, вѣтренаго человѣка, всегда легкомысленно относившагося ко всѣмъ обязанностямъ.

Все это пронеслось передъ нимъ, какъ освѣжающее дуновеніе чистаго воздуха въ запертой комнатѣ, гдѣ задыхался человѣкъ. Онъ поднялъ голову и заговорилъ. Голосъ былъ, правда, грустный, порою вздрагивалъ и прерывался, но въ немъ уже не слышно было глухихъ, задавленныхъ нотъ. Онъ передавалъ все то, что братъ разсказалъ ему за два часа передъ тѣмъ въ темной комнатѣ ново-проницкаго домика,—странную исторію о томъ, какъ Густавъ, наскучивши безцѣльнымъ скитаньемъ, рѣшился осуществить свою старую мечту и отправился въ Грецію сражаться за ея освобожденіе. Королемъ Греціи въ то время уже былъ несовершеннолѣтній баварскій принцъ Оттонъ; но борьба партій все еще раздирала на части несчастную страну. Густавъ принялъ живое участіе въ этой борьбѣ, ставши на сторону знаменитаго героя Греціи Ѳеодора Колокотрони. Его дѣло онъ считалъ правымъ, отдался ему всею душею и бился за него до той роковой ночи, когда правительственныя войска послѣ кровопролитнаго штурма ворвались въ горный замокъ престарѣлаго героя, попавшаго въ плѣнъ съ большею частью своихъ родныхъ. Густаву удалось спастись бѣгствомъ изъ объятаго пожаромъ замка. Онъ бѣжалъ не одинъ. Въ послѣднюю минуту старикъ, любившій его, какъ роднаго сына, поручилъ ему свою единственную, юную дочь, которую Густавъ увидѣлъ тутъ въ первый разъ. Сквозь тысячи опасностей ему удалось увезти ввѣренную его попеченію дѣвушку изъ Греціи, гдѣ ихъ преслѣдовали по всѣмъ тропинкамъ и закоулкамъ. Они перебрались въ Италію вмѣстѣ съ старухою, кормилицею дѣвушки. Но и въ Италіи дочь героя-князя не могла укрыться отъ вражды и гоненій. Будучи связанъ словомъ, даннымъ отцу защитить его дочь, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тронутый безпомощнымъ положеніемъ юной принцессы, наконецъ, ея любовью, онъ оказался вынужденнымъ жениться на

ней. Послѣ долгихъ скитаній и упорной борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, добрался онъ до Мюнхена. Но и здѣсь ихъ преслѣдовала вражда партіи, одержавшей побѣду въ Греціи, вражда, тѣмъ болѣе опасная, что къ этой партіи принадлежалъ одинъ изъ родственниковъ Колокотрони, имѣвшій виды на руку его дочери. На первое время имъ пришлось долго скрываться; но, наконецъ, онъ нашелъ доступъ ко двору и такъ прожилъ годъ въ постоянныхъ хлопотахъ о смягченіи участи своего тестя, заключеннаго въ тюрьму. За это время онъ успѣлъ заслужить личное расположеніе баварскаго короля, и, къ величайшей досадѣ придворныхъ, получилъ отъ него тайное порученіе къ ольденбургскому двору. Для исполненія этого порученія онъ съ женою и двухмѣсячнымъ ребенкомъ покинулъ тихую и привольную жизнь въ Мюнхенѣ и вернулся на родину.

Всю эту исторію Гансъ могъ передать только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ разсказѣ Густава, переполненномъ событіями и подробностями, совершенно ему незнакомыми, онъ многаго не понялъ, многаго не сообразилъ. И теперь нѣкоторыя очень важныя обстоятельства представлялись ему не совсѣмъ ясными, другія, важность которыхъ онъ самъ уразумѣлъ лишь при пересказѣ ихъ Гертѣ, проскользнули какъ-то незамѣченными въ повѣствованіи Густава и имѣли какой-то загадочный характеръ. Ясно и неотразимо было одно: его измѣна любимой дѣвушкѣ, любившей его искренно, цѣлыхъ три года ждавшей его возвращенія. И опять каждая фраза, каждое слово, сказанныя имъ, залегали все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ на его сердце; опять стали путаться слова и фразы. Не будучи въ силахъ продолжать, онъ оборвался на неоконченной рѣчи и смолкъ.

Наступившее затѣмъ молчаніе показалось ему еще ужаснѣе. Герта сидѣла на томъ же мѣстѣ, поодаль отъ него на диванѣ, не шевельнувшись ни разу во все время его разсказа, слегка наклонившись впередъ, опершись подбородкомъ на руку. Вдругъ она вздрогнула и взглянула на дверь въ корридоръ. Сквозь шумъ вѣтра и дождя послышался стукъ экипажа, въ которомъ старики возвращались съ бала. Карета остановилась, хлопнула дверь подъѣзда, раздался шумъ голосовъ, изъ котораго выдѣлялся сердитый и крикливый голосъ камергера; шаги поднимались по лѣстницѣ: стукъ двухъ затворенныхъ дверей, колесъ отъѣхавшаго экипажа и опять прежняя тишина.

Гансъ во все время не отрывалъ глазъ отъ блѣднаго лица

своей собесѣдницы, обращеннаго къ двери въ боязливомъ ожиданіи. На немъ, какъ въ раскрытой книгѣ, онъ читалъ все то, что волновало душу Герты: какъ покажусь я имъ завтра, какими глазами взгляну имъ въ глаза? Вѣдь, они, по своему, хлопотали о моемъ счастьи, все подготовили къ нему; стоило только послѣдовать ихъ совѣту, только протянуть руку, и я бы протянула ее, если бы не остановилъ братъ измѣнника... не остановилъ лишь затѣмъ, чтобы сказать черезъ два часа: ты обманута, обмануть и я, такъ долго помогавшій тебя обманывать!

Гансъ закрылъ лицо руками. Страшный порывъ бури и грохотъ хлынувшаго ливня заставили его опомниться. Его взглядъ обратился къ Гертѣ; но мѣсто, гдѣ она сидѣла за минуту, было пусто. Молодая дѣвушка стояла у стеклянной двери и, казалось, смотрѣла на ночную грозу. Вдругъ она отворила дверь и вышла. Въ одинъ мигъ Гансъ перебѣжалъ черезъ столовую и, стоя на балконѣ, пристально всматривался въ окружавшую темноту; внизу лѣстницы мелькнула бѣловатая тѣнь, готовая скрыться въ чащѣ парка. Однимъ прыжкомъ Гансъ очутился рядомъ съ нею, обхватилъ ее, поднялъ на руки, внесъ въ столовую, положилъ на диванъ и заперъ дверь. Потомъ опять подошелъ и опустился на колѣни передъ лежащею безъ чувствъ Гертою. «Что, если умерла?» мелькнуло въ его головѣ. И для нея, и для него лучше было бы... И, все-таки, радостно дрогнуло сердце, когда опущенныя вѣки полуоткрылись и слабо блеснулъ ея взоръ.

— Зачѣмъ ты не далъ мнѣ умереть, Гансъ?

— Затѣмъ, что не могу жить безъ тебя!

Неописуемый ужасъ овладѣлъ имъ, когда онъ сообразилъ, что проговорилъ это громко, что она слышала, поняла его. Ея чудные глаза широко открылись и ослѣпили его своимъ необычайнымъ, страннымъ блескомъ. Глухой стонъ вырвался изъ его измученной груди. Собравши всѣ свои силы, онъ поднялся съ колѣнъ, шатаясь добрался до стола и оперся на него, чтобы не упасть. Сколько секундъ или минутъ прошло такъ, онъ не могъ отдать себѣ отчета; онъ почувствовалъ только, что силы мало-по-малу возвращаются, что ихъ хватитъ, наконецъ, на то, чтобы выбраться изъ комнаты, и не поднимая головы, не поднимая глазъ, онъ тихо побрелъ къ двери. Онъ уже готовъ былъ взяться за ручку двери, когда услыхалъ шорохъ платья за своею спиною, рядомъ съ собою, впереди... Онъ поднялъ умоляющій взглядъ: «Позволь мнѣ уйти, ради самого Бога!» Но, Боже...

Господи! что это?.. Ея глаза сверкаютъ не гнѣвомъ и ненавистью, они сіяютъ яснымъ, тихимъ свѣтомъ...

— Гансъ!

Сердце замерло, перестало биться въ груди, когда онъ почувствовалъ ея руки на своихъ плечахъ.

— Гансъ, ты не можешь жить безъ меня, такъ позволь же мнѣ съ этой минуты жить для тебя, для тебя одного... быть твоею невѣстою... женою... завтра... когда хочешь... Богъ да поможетъ мнѣ, да поможетъ тебѣ... обоимъ намъ, мой добрый Гансъ!

Что было потомъ? Ея руки обвились вокругъ шеи Ганса... онъ обнялъ, прижалъ къ своей груди ея гибкій станъ... вдохнулъ ея поцѣлуй... На яву то было или бредъ разстроеннаго воображенія,—Гансъ утвердительно сказать не могъ, оставшись одинъ въ полутемной комнатѣ, освѣщенной послѣднею догорающею свѣчею. Свѣча погасла. Гансъ ощупью выбрался изъ комнаты, вышелъ изъ дома на одинокую дорогу, ведущую къ его усадьбѣ. Онъ не чувствовалъ, не сознавалъ ни грозныхъ порывовъ бури, ни проливнаго дождя, ни мрака ночи; на душѣ было свѣтло, изъ сокровенной глубины ея поднималась молитва о томъ, чтобы не бредомъ оказалось пережитое, чтобы наступающій день не разогналъ чудной мечты, чтобы день этотъ далъ ему силы пережить счастье, казавшееся слишкомъ громаднымъ его бѣдному, вѣрному сердцу.

Глава X.

Вправду ли все это было, или бредъ?

Сотню разъ задавалъ себѣ Гансъ этотъ вопросъ на слѣдующее утро, пока горячее іюньское солнце не обсушило листвы и травы, орошенныхъ ночнымъ дождемъ. Но чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ свѣтлѣе становилось у него на душѣ; все кругомъ него, и небо, и земля, и давно знакомые луга, и поля казались точно обновленными, и самъ онъ чувствовалъ себя какъ бы совсѣмъ инымъ. Такимъ же показался онъ и рабочимъ, перетряхавшимъ сѣно; многіе съ недоумѣніемъ оглядывались, слыша какъ всегда молчаливый баронъ разговорился о погодѣ, объ ожиданіи удачной уборки сѣна, въ которомъ чувствовалась крайняя нужда послѣ трехлѣтнихъ неурожаевъ. При этомъ онъ такъ привѣтливо улыбался, такъ ласково трепалъ по шеѣ

воронаго и такъ бодро крикнулъ, уѣзжая: «Прощайте, ребята!» что прикащикъ покачалъ головою и пробормоталъ себѣ подъ носъ что-то вродѣ: «Не передъ добромъ».

Было около восьми часовъ, когда Гансъ вернулся домой и нашелъ у подъѣзда большую карету, за которою раннимъ утромъ посылалъ въ Старо-Проницъ, чтобы ѣхать въ ней за братомъ. Телѣга для пожитковъ должна была ѣхать впередъ.

Кришанъ сообщилъ, что съ большимъ трудомъ могъ исполнить приказаніе, такъ какъ его превосходительство хотѣлъ самъ ѣхать въ каретѣ съ визитомъ въ Грибеницъ и три раза присылалъ изъ-за этого въ конюшню. Само собою разумѣется, что онъ не послушался стараго барина, — его превосходительство можетъ и въ маленькой каретѣ съѣздить, — а Вильгельмъ остался дома, такъ какъ самъ господинъ баронъ приказалъ ему быть всегда къ услугамъ стараго барина.

— Хорошо, — отвѣтилъ Гансъ, — я самъ поѣду.

Сначала онъ было не хотѣлъ ѣхать, чтобы не занимать лишняго мѣста въ каретѣ и тѣмъ не стѣснять семью брата; теперь же, такъ какъ лакей остался дома, онъ могъ въ случаѣ нужды сѣсть съ Кришаномъ на козлы или даже въ телѣгу для вещей, которая только что уѣхала съ работникомъ. Гансъ послалъ съ нимъ записку, извѣщавшую, что онъ пріѣдетъ черезъ полчаса въ каретѣ. На самомъ дѣлѣ было приличнѣе ему самому ѣхать за молодою невѣсткою въ Прору, чѣмъ встрѣтить ее здѣсь и проводить верхомъ въ Старо-Проницъ. Гансъ приказалъ Кришану подождать пока онъ переодѣнется; спѣшить было не за чѣмъ.

Было дѣйствительно еще очень рано; но съ переодѣваніемъ произошла совсѣмъ особенная исторія. Отворивши шкафъ съ платьемъ и оружіемъ, Гансъ замѣтилъ, что оружія немного, за то все оно превосходное, что платья тоже мало, только оно далеко не щегольское. «Да, не щегольское, а скорѣе плохое», — раздумывалъ Гансъ, вынимая одну вещь за другою и внимательно осматривая. Даже фракъ съ принадлежностями, костюмъ, который онъ надѣвалъ въ торжественныхъ случаяхъ, и тотъ былъ, правда, свѣжъ и чистъ, но давно вышелъ изъ моды. Все это онъ зналъ и прежде, но не обращалъ на то никакого вниманія; теперь же онъ нашелъ, что правъ былъ старикъ портной Краузе въ Прорѣ, выражая пять лѣтъ тому назадъ сомнѣніе въ томъ, можно ли господину барону ѣхать въ этомъ платьѣ на земское собраніе въ Зундинъ. Во всякомъ случаѣ на этотъ разъ дѣло

шло не о фракѣ; надо было умудриться собрать какъ-нибудь подходящую пару. Въ наличности оказывались: зимній охотничій костюмъ, пара поношеннаго лѣтняго полотнянаго платья, верховый костюмъ, бывшій въ это время на немъ и еще не совсѣмъ просохшій отъ ночнаго дождя, и еще двѣ вещи, крайне сомнительнаго достоинства и отнюдь не подходящія. И такъ все переодѣваніе Гансъ вынужденъ былъ ограничить тѣмъ, что смѣнилъ грязные сапоги на чистые и передъ маленькимъ зеркальцемъ поправилъ волосы и бороду.

Пока онъ расчесывалъ волосы старымъ гребнемъ и, вопреки обыкновенію, внимательно всматривался въ свое лицо, отраженное зеркаломъ, вся его бодрость, все его свѣтлое настроеніе исчезли. Всѣ носятъ короткіе волосы и не бороды, а бакенбарды; бывшіе военные носятъ коротко остриженные усы. Онъ же, Богъ знаетъ сколько лѣтъ, не зналъ ни ножницъ, ни бритвы; волосы длинными, густыми локонами покрывали голову и шею такъ, что въ нихъ гребень ломался; густая, черная борода спускалась на грудь... Кривой глазъ съ бѣлымъ пятномъ вмѣсто зрачка страшно смотрѣлъ, не моргая и точно насмѣхаясь надъ здоровымъ глазомъ съ его робкимъ взглядомъ... Боже! Объ этомъ-то она не подумала! Этого она, навѣрное, не видала, когда вчера вечеромъ обвила руками его шею и сказала, что хотетъ быть его невѣстою, его женою и въ свидѣтели, въ помощь призывала Бога! Да, именно тутъ только развѣ Богъ поможетъ...

Онъ отошелъ отъ зеркала и остановился передъ открытымъ окномъ. Передъ нимъ въ вѣтвяхъ деревьевъ запущеннаго садика суетились и щебетали птички, по цвѣтамъ красныхъ лилій, тамъ и сямъ вырывавшимся изъ густой травы, весело порхали пестрыя бабочки.

— Хорошо вамъ,—подумалъ Гансъ,—васъ кормитъ, васъ одѣваетъ Отецъ небесный, и нѣтъ вамъ ни о чемъ заботы. Вчера, пока я былъ такимъ же малотребовательнымъ, какъ вы, и я, подобно вамъ, хотя и не былъ счастливъ, но былъ доволенъ своею судьбою. Сегодня у меня явились иные, высшіе запросы, и я бѣденъ, прискорбно бѣденъ, чувствую себя приниженнымъ... Нечего тутъ сокрушаться, Гансъ; вѣдь, этимъ не поможешь. Теперь у тебя новыя обязанности по отношенію къ старикамъ, и надо держать ухо остро, а то не выпутаешься изъ всей этой исторіи... А исторія тамъ непремѣнно выйдетъ съ злымъ старикомъ и съ безхарактерною бабушкою. Потомъ эта встрѣча Герты

съ Густавомъ... и въ какія отношенія станетъ Герта къ его женѣ? Да, Гансъ, много, очень много есть еще вопросовъ, а отвѣтить на нихъ никто не можетъ. Лучше ѣхать скорѣе въ Прору!

Но неотвязныя, тяжелыя думы не давали ему покоя и въ каретѣ, цѣлою толпою осаждали они его голову, воскрешали въ ней рои воспоминаній о прошломъ, и не могъ онъ отогнать ихъ отъ себя. Въ этой каретѣ онъ не сидѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ ѣхалъ въ ней за гробомъ матери къ церковному кладбищу въ Прорѣ. Тогда онъ въ первый разъ увидѣлъ камергера, пріѣхавшаго съ бабушкой на похороны и оставшагося здѣсь навсегда въ качествѣ опекуна его и только что родившагося брата; и началъ камергеръ хозяйничать и проигрывать ихъ наслѣдственное состояніе, какъ прохозяйничалъ и проигралъ свое. Страшная опека для осиротѣвшихъ дѣтей, въ особенности для такого рѣзваго и своенравнаго мальчика, какимъ былъ Густавъ! Да и самъ-то онъ развѣ не былъ на пути къ тому, чтобы сдѣлаться воромъ и негодяемъ, когда изо дня въ день, а нерѣдко дни и ночи шлялся съ долговязымъ Пребровомъ? Ему было въ то время отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, и никому дѣла не было до того, гдѣ онъ, что дѣлаетъ. Позднѣе онъ понялъ, что опекунъ даже поощрялъ такое безобразное поведеніе и когда бывалъ при деньгахъ, то снабжалъ ими юношу, а тотъ дѣлился ими съ старымъ бродягой. Все это начинало уже приносить должные плоды, и было время, что заигрывающіе глазки и веселый смѣхъ рыжей Ганны не давали покоя ни днемъ, ни ночью... Слава Богу, это скоро миновало. Изъ тумана, охватывавшаго его голову, блеснула чистая звѣзда,—ее звали Гертой... Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ все ярче и ярче становился ея чудный блескъ и освѣщалъ его путь, терзалъ его и мучилъ, и вотъ теперь,—если это только не сонъ,—этотъ свѣтъ будетъ его счастьемъ. Боже мой, Господи! Какъ все сдѣлалось совершенно иначе, чѣмъ я предполагалъ. Не далѣе, какъ вчера вечеромъ, когда я опять обнялъ его... Да, Гансъ. надо признаться, очень тяжело было у тебя на сердцѣ, когда ты думалъ, что черезъ нѣсколько минутъ они соединятся навсегда... И вотъ его вчерашняя невѣста сегодня стала твоею невѣстою; а самъ ты ѣдешь, чтобы привести къ ней ту женщину, ради которой ей измѣнилъ легкомысленный женихъ... привезти его жену и ребенка, его самого. Какъ-то странно даже представить себѣ, что Густавъ женатъ, что онъ отецъ... И вдругъ мы

всѣ должны очутиться подъ одною кровлей. Нѣтъ, Гансъ, это неподходящее дѣло, совсѣмъ неподходящее; ты съ Гертою будешь жить въ Ново-Проницѣ. То-есть какъ же, однако? Гертѣ жить въ крошечной, дрянной лачугѣ... Нѣтъ, это рѣшительно невозможно! Густавъ съ женою?.. съ дочерью владѣтельнаго князя? Нѣтъ, и это немыслимо. Придется, по меньшей мѣрѣ, новый домъ строить. Но на какія средства, на какія деньги? И безъ того, насколько дороже будетъ стоить двойное хозяйство, можно сосчитать по пальцамъ.

Гансъ долго теръ себѣ озабоченно лобъ, потомъ отворилъ дверцу, выпрыгнулъ изъ кареты и сказалъ Кришану, что пойдетъ прямо лѣсомъ и будетъ ждать его на перекресткѣ. Кришанъ поѣхалъ лѣсною дорогою, а Гансъ углубился въ чащу лѣса.

Едва успѣлъ онъ пройти нѣсколько шаговъ по мягкому грунту, какъ къ нему опять возвратилась оставившая было его бодрость духа. Иначе и быть не могло: ему невыносимо было подъ крышею; то ли дѣло подъ сѣнью зеленаго лѣса, сквозь вѣтви котораго просвѣчиваетъ ясное небо? А она въ состояніи ли понять, раздѣлить это чувство? Правда, разъ она съ большимъ удовольствіемъ проскакала съ нимъ верхомъ; а такъ, пѣшкомъ пуститься по лѣсамъ и полямъ, чтобы надышаться этимъ воздухомъ, наслушаться этихъ звуковъ, насмотрѣться всего того, что кругомъ растетъ и живетъ,—это едва ли по ней будетъ... Вонъ пробѣжалъ черезъ дорогу кѣмъ-то спугнутый заяцъ, вонъ змѣя скользнула въ травѣ и скрылась въ рытвинѣ, наполненной водою, тамъ влѣво въ кустахъ веселая пѣсенка зяблика, гдѣ-то вправо, на вершинѣ ели ворона кричитъ... Нѣтъ, не для нея все это. А почему бы не для нея?.. Какъ шло къ ней вчера ея бѣлое платье и блѣдно-розовая камелія въ волосахъ! И она сознавала это, она довольна была, счастлива была бы въ Грибеницѣ тѣмъ, что лучше всѣхъ... вокругъ нея толпились бы молодежь и старики... Нѣтъ, Гансъ, за это ты не вправѣ упрекнуть ее; и когда впослѣдствіи она будетъ жить съ тобою, придется и тебѣ какъ-нибудь отдѣлаться отъ твоей неповоротливости, отъ конфузливости... и прежде всего отъ молчаливости, а также и отъ слишкомъ простаго платья. Это непремѣнно. По дорогѣ ничего не стоитъ зайти къ портному Краузе и заказать ему пару, даже двѣ пары; мѣрка у него, навѣрное, есть. Вправѣ же ты, наконецъ, что-нибудь на себя истратить; вѣдь, пять лѣтъ на твой гардеробъ не израсходовано

ни одного пфенига. Вообще съ пфенигами теперь начнутся другіе распорядки; ихъ только припасай.

Гансъ остановился и окинулъ лѣсъ зоркимъ взглядомъ покупателя. Князь уже раза два предлагалъ ему купить этотъ участокъ; для князя онъ былъ не подъ руками и подходилъ почти къ самымъ воротамъ Ганса такъ же, какъ къ воротамъ стараго Преброва. Плохой сосѣдъ этотъ Пребровъ, особливо для него, такъ какъ онъ не могъ судиться съ нимъ за кражу дичи, подобно князю; но и тому не удалось ни разу уличить стараго плута. Впрочемъ, пусть старый стрѣляетъ себѣ на здоровье; ему лѣсъ нуженъ на срубъ. Несмотря на высокую цѣну, назначенную княземъ, изъ него можно выручить изрядный кушъ. А жаль, очень жаль этотъ лѣсъ; каждый кустъ, каждое дерево въ немъ его старые знакомые, старые пріятели съ дѣтства!

Какое ребячество, Гансъ! Ты права не имѣешь теперь думать только о себѣ. Нѣтъ, Гансъ, нѣтъ! Ты обязанъ о столькихъ заботиться и не думать о томъ, до чего тебѣ нѣтъ дѣла... Шалости! Такъ, пожалуй, въ старыхъ сапогахъ останешься!

Глава XI.

Гансъ съ трудомъ вытащилъ ногу изъ тины и осторожно сталъ пробираться по краю камыша, окаймлявшаго болотистую, лѣсную поляну. Въ прежнее время болото занимало только середину поляны, и между нимъ и деревьями оставался во всякое время свободный проходъ и проѣздъ. Но съ года на годъ дорога портилась, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Пребровъ, постоянно судившійся съ княземъ, на зло ему приказалъ завалить сточную канаву, пролегавшую по его лугу. Для Ганса отъ того убытка не предвидѣлось. Когда онъ купитъ лѣсъ и вырубитъ, тогда доберется и до болота, выволочитъ тину и свезетъ ее для удобренія своихъ полей, конечно, предполагая, что долговязый Пребровъ не найдетъ еще какой-нибудь придирки и не начнетъ судиться изъ-за болотной тины.

Гансъ усмѣхнулся, подумавши, какъ онъ измѣнился со вчерашняго вечера. Когда это бывало, чтобы онъ задумывалъ такъ далеко впередъ? Въ настоящемъ же надо было первымъ дѣломъ вытереть сапоги; невозможно въ такомъ видѣ явиться къ молодой женщинѣ знатнаго владѣтельнаго рода.

Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, узенькая тропинка вела сквозь ка-

мышъ къ маленькому мостику, у котораго стояла лодка, до половины ушедшая въ тину. Гансъ хотѣлъ попытать дойти до нея. Сдѣлать это было, повидимому, очень легко: вначалѣ тропинка была совсѣмъ сухая, а ближе къ водѣ наложены большіе камни. Когда-то давно онъ самъ вмѣстѣ съ Пребровымъ натаскалъ ихъ сюда, чтобы удобнѣе доходить до лодки, съ которой они ловили рыбу въ маленькомъ озерцѣ. Странно! здѣсь былъ уже кто-то въ это утро. Вотъ свѣже помятые цвѣты, слѣды ногъ, очевидно, не огромныхъ болотныхъ сапоговъ стараго Преброва,—отпечатокъ женскихъ ботинокъ, городскихъ, съ высокими каблуками. Кто бы могъ сюда забраться? Ганна Преброва? Но она уже два года живетъ въ Зундинѣ. Да и зачѣмъ она зайдетъ въ эту глушь?... Нѣтъ, она! Господи! Что это она хочетъ дѣлать?...

— Ганна! — крикнулъ онъ громко и въ тотъ же мигъ подбѣжалъ къ дѣвушкѣ, стоявшей на краю мостика и готовой броситься въ воду. Гансъ обхватилъ ее за талію и на рукахъ вынесъ сквозь камыши на лѣсную поляну. Тутъ онъ осторожно опустилъ ее на землю.

— Бѣдняжка Ганна!—проговорилъ онъ, поддерживая голову дѣвушки, лишившейся чувствъ.

Ни задумываться, ни спрашивать о причинахъ, побудившихъ ее на самоубійство, не предстояло надобности. Все было слишкомъ ясно видно по ея ввалившимся глазамъ, когда-то такимъ бойкимъ и плутовскимъ, по блѣдному, осунувшемуся лицу, въ былое время смѣявшемуся такимъ задорнымъ смѣхомъ. Увы! Измѣнилось не одно только хорошенькое личико... И вотъ несчастная въ послѣдней крайности искала пріюта въ отцовскомъ домѣ по ту сторону дороги, у опушки лѣса; но отецъ выгналъ ее изъ дома, или, по меньшей мѣрѣ, допустилъ, что ее выгнала мачиха; и бѣдная Ганна пришла сюда покончить съ собою. Какъ она могла подумать, что злая мачиха приметъ ненавистную падчерицу, возвращающуюся въ такомъ положеніи!

Дѣвушка мало-по-малу пришла въ себя, узнала Ганса и сдѣлала попытку приподняться. Онъ воспользовался этимъ моментомъ и усадилъ ее, прислонивши спиною къ обросшему мохомъ толстому буку, а самъ присѣлъ на его могучіе корни.

— Посиди тутъ, оправься,—сказалъ онъ,—а потомъ я уведу тебя отсюда. Нечего тебѣ мучиться и бояться; все устроится. Ты знаешь, я всегда былъ расположенъ къ тебѣ. Брось всѣ эти глупости, Ганна.

Она взяла его руку и припала къ ней губами прежде, чѣмъ онъ успѣлъ помѣшать. Гансъ покраснѣлъ до ушей.

— Не стою я...—прошептала Ганна,—не стою, чтобы вы обо мнѣ хлопотали. Въ озеро мнѣ одна дорога, и конецъ всей исторіи.

— Пустяки все это, Ганна, — сказалъ Гансъ. — Какъ не стыдно! Наконецъ, ты не вправѣ даже теперь только о себѣ одной думать; твоя жизнь принадлежитъ твоему ребенку.

По исхудалому лицу дѣвушки скользнула горькая усмѣшка.

— Я объ немъ-то именно только и думаю,—отвѣтила она.— Что съ нимъ, бѣдняжкой, будетъ! Отецъ знать ничего не хочетъ, самъ написалъ мнѣ объ этомъ... Ахъ, Боже мой! Гдѣ же они?... Ахъ, вотъ.

Она потянулась было за небольшою связкою писемъ, выпавшихъ изъ-за ея кофточки. Гансъ поднялъ ихъ и подалъ дѣвушкѣ. При взглядѣ, случайно брошенномъ на адресъ лежавшаго сверху письма, рука показалась Гансу знакомою. Кто писалъ это? А, да... Неужели онъ? Неужели Аксель Грибеницъ? Гансъ невольно удержалъ связку въ рукѣ нѣсколько долѣе, чѣмъ было необходимо. Дѣвушка пытливо смотрѣла ему въ лицо боязливымъ взоромъ, какъ ему показалось; но онъ успѣлъ овладѣть собою и не выказалъ ни малѣйшаго признака удивленія. Успокоенная Ганна спрятала письма, пробормотала: «благодарю васъ», потомъ кое-какъ застегнула кофту, развязала шелковый платокъ, свалившійся на спину, опять обвязала его вокругъ шеи и принялась заплетать растрепанные, густые, рыжіе волосы, безпорядочно падавшіе ей на плечи. При этомъ она улыбнулась Гансу, какъ бы извиняясь передъ нимъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, разсмѣялась, замѣтивши, что онъ смущенно опустилъ глаза. Гансъ просто хотѣлъ скрыть отъ нея тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него проявленіемъ грубаго кокетства черезъ минуту послѣ покушенія на самоубійство. «Попрежнему пустая дѣвушка, только и думающая, какъ бы понравиться, — подумалъ онъ. — Впрочемъ, мнѣ какое дѣло? Чѣмъ она легкомысленнѣе, тѣмъ менѣе внушаетъ она довѣрія въ томъ, что сознаетъ и исполнитъ свою обязанность... Она только что доказала, какъ понимаетъ свой долгъ! Тѣмъ болѣе необходимо внушить ей, указать, что надо дѣлать».

Тутъ-то именно и нуженъ былъ добрый совѣтъ. Ея отецъ, какъ узналъ отъ нея Гансъ, не былъ при возмутительной сценѣ изгнанія ея мачихою. Но, по мнѣнію Ганны, дѣло отъ этого ни-

сколько не измѣнялось; отецъ, конечно, не сталъ бы такъ бить ее, но все равно не оставилъ бы въ домѣ изъ-за мачихи, совершенно забравшей его въ свои руки. Въ этомъ случаѣ разговоръ барона съ отцемъ не можетъ принести никакой пользы, тѣмъ болѣе, что старикъ изъ себя выходитъ, злится на барона за то, что тотъ когда-то съ нимъ разошелся. Гансъ ничего не отвѣтилъ; онъ сидѣлъ погруженный въ раздумье. Что дѣлать? Онъ могъ бы поклясться, что письмо, только что бывшее въ его рукахъ, писано графомъ Акселемъ Грибенъ; но пока Ганна сама не заговоритъ объ этомъ, онъ считалъ неловкимъ ее спрашивать. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что въ настоящее время графъ Аксель, по доброй волѣ, ничего не сдѣлаетъ для бѣдной дѣвушки.

Пока Гансъ безплодно ломалъ себѣ голову надъ устройствомъ дальнѣйшей судьбы несчастной, его взглядъ упалъ на сапоги, настолько испачканные тиною, что требовалась основательная ихъ чистка въ то время, когда онъ зайдетъ къ портному Краузе...

Да чего же лучше! Какъ это раньше не пришло ему въ голову? Добрые, бездѣтные старики считали себя очень многимъ обязанными ему за то, что онъ когда-то выручилъ ихъ, въ тяжелое время, или, какъ они говорили, спасъ отъ погибели. Ганна жила у нихъ съ полгода передъ отправленіемъ своимъ въ Зундинъ. Старуха Краузе говорила, что охотно бы оставила ее у себя долѣе, хотя въ сущности не видѣла въ ней большаго прока. Да, такъ и слѣдуетъ поступить. Это не только выходъ, но даже лучшій выходъ, какой только можетъ представиться.

Онъ сообщилъ Ганнѣ о своемъ рѣшеніи и о томъ, что намѣренъ сейчасъ же въ своей каретѣ отвезти ее въ Прору, передать Краузе и переговорить съ ними обо всемъ необходимомъ. Ганна сперва было задумалась, но тотчасъ же пришла въ настоящій восторгъ. Если господинъ баронъ пожелаетъ только, то старики ,навѣрное возьмутъ ее къ себѣ. Она будетъ смирнехонько сидѣть въ свѣтелкѣ, выходящей въ садъ, и ни одинъ человѣкъ не будетъ подозрѣвать ея пребыванія тамъ. Но если бы даже это и случилось... это продлится недолго, всего какихъ-нибудь недѣли двѣ... Все-таки, для нея большая помощь. И всѣмъ этимъ она обязана ему, всегда такому доброму, слишкомъ доброму, и даже теперь такъ объ ней заботящемуся, какъ будто онъ самъ и есть виновникъ постигшаго ее несчастья.

Она опять схватила его руки; но на этотъ разъ онъ успѣлъ

ихъ вырвать, вскочилъ на ноги и почти сурово сказалъ, что не можетъ медлить ни одной минуты и, если она не желаетъ сдѣлать ему непріятнаго, то чтобы избавила его отъ подобныхъ выраженій благодарности. Ганна слегка надула свои пухленькія губки и искоса посматривала на него полусердитымъ, полусмѣющимся взглядомъ, но не возразила ни слова, идя за нимъ по узкой лѣсной тропинкѣ. Онъ нѣсколько разъ обращался къ ней съ вопросомъ, не слишкомъ ли скоро онъ идетъ?

Ганна всякій разъ отвѣчала отрывистымъ, сердитымъ «нѣтъ», такъ что Гансу показалось, будто она обидѣлась. Она же съ своей стороны считала себя вправѣ обидѣться: почему онъ не хотѣлъ дать ей цѣловать руки? Было же время, когда она цѣловала его въ губы, говорила ему «ты» и такъ любила, какъ никогда не любила графа. Сказать ли ему про графа, или не говорить? Вчера она слышала въ Зундинѣ, — и это привело ее собственно къ полному отчаянью, — что графъ помолвленъ съ фрейленъ Гертою, слѣдовательно, вступаетъ въ родство съ Гансомъ; а противъ родственника онъ не пойдетъ. Что же касается помолвки, то она не могла бы совершиться безъ его согласія. Навѣрное графъ такъ сурово отнесся къ ней изъ боязни, что гордая фрейленъ Герта откажетъ ему, если узнаетъ о его отношеніяхъ къ бѣдной швеѣ. Впослѣдствіи онъ будетъ благодаренъ ей за то, что она исполнила его настоятельныя просьбы, его рѣзкія приказанія и скрыла все до конца, какъ скрывала до сихъ поръ. Теперь же это тѣмъ легче было сдѣлать, что баронъ Гансъ принималъ на себя всю заботу и тѣмъ навлекалъ самъ на себя сильнѣйшее подозрѣніе! Почему бы и не такъ? По пословицѣ: въ тихомъ омутѣ... Въ Зундинѣ онъ бываетъ по дѣламъ очень часто; нѣтъ у него ни семьи, ни близкихъ; почему бы ему и не возобновить, не продолжить, въ тихомолку и въ большой тайнѣ, старыхъ отношеній къ ней? Ничего въ томъ не будетъ неправдонодобнаго. Самъ же онъ, насколько она его знала, слишкомъ гордъ для того, чтобы начать опровергать такіе слухи, если бы они дошли до него. Къ тому же едва ли они и могутъ дойти; самъ онъ говорить не охотникъ, и съ нимъ тоже никто не любитъ разговаривать.

— Вотъ и дорога,—сказалъ Гансъ. — Подожди тутъ; я посмотрю, нѣтъ ли кого на дорогѣ.

Она видѣла сквозь густо разросшіеся кусты, какъ баронъ перепрыгнулъ черезъ канаву къ каретѣ, дожидавшейся его у са-

маго выѣзда изъ лѣса, и слышала, какъ онъ тихо обмѣнялся нѣсколькими словами съ Кришаномъ. Черезъ двѣ-три минуты онъ вернулся назадъ.

— Ни души не видно,—сказалъ онъ.—Я приказалъ закрыть окна и спустить сторы... не ради себя, конечно, — прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь.

Ганна усмѣхнулась и подумала про себя: чѣмъ таинственнѣе, тѣмъ лучше.

Гансъ сошелъ въ канаву и поднялъ дѣвушку на руки, причемъ она прижалась къ нему крѣпче, чѣмъ было необходимо, такъ что ему довольно трудно было осторожно спустить ее на другую сторону канавы. Это обстоятельство помѣшало ему обратить вниманіе на трескъ, послышавшійся съ той стороны дороги, какъ бы отъ переломленной сухой вѣтки, на которую наступила нога. Сквозь чащу мелкаго лѣса нельзя было видѣть, есть ли тамъ дѣйствительно кто-нибудь, или сучекъ хрустнулъ отъ бѣга испуганной дичины.

У отворенной дверцы стоялъ Кришанъ, держа въ рукахъ вожжи.

— Почему ты не сѣлъ на козлы?—сказалъ Гансъ.

— Да ишь, дверка-то проклятая, — отвѣтилъ Кришанъ,—ни съ чѣмъ не затворишь.

Гансъ помогъ дѣвушкѣ войти въ карету, потомъ сѣлъ самъ. Ганна пристально посмотрѣла въ лицо кучеру; но Кришанъ стоялъ съ такою миною, какъ будто бы все такъ и быть должно, и ему ни до чего, кромѣ проклятой дверки, дѣла нѣтъ. Онъ распахнулъ ее еще шире, чтобы сильнѣе захлопнуть. Въ эту минуту лошади дернули. Тпрру! крикнулъ Кришанъ и схватился обѣими руками за вожжи. Лошади свернули въ сторону, къ канавѣ. Ганна громко вскрикнула; Гансъ сдѣлалъ движеніе выпрыгнуть изъ кареты, поставилъ уже ногу на подножку и долженъ былъ пріостановиться, чтобы не попасть подъ лошадей двухъ всадниковъ, только что выскакавшихъ изъ лѣса и несшихся во весь опоръ. Въ этихъ всадникахъ онъ узналъ графа Акселя фонъ Грибена и его закадычнаго друга Генриха фонъ Мальхова. Къ счастію, ни одинъ изъ нихъ не узналъ барона Ганса; обоимъ было не до него, такъ какъ ихъ бойкія лошади, испуганныя неожиданнымъ препятствіемъ, готовы были понести. Между тѣмъ, Кришанъ успѣлъ справиться съ своими лошадьми и захлопнуть дверцу. Гансъ откинулся къ спинкѣ кареты. Если бы въ немъ

оставалось еще какое-нибудь сомнѣніе, то страшная блѣдность, покрывшая лицо дѣвушки, разогнала бы его окончательно. Ему выдали бы ея тайну и взглядъ Ганны, неподвижно устремленный черезъ незакрытое переднее окно по тому направленію, въ которомъ исчезли всадники, и дрожь, пробѣгавшая по ея губамъ, неслышно шептавшимъ имя Акселя, и, въ особенности, украдкой брошенный на него взглядъ, полный опасенія, не заподозрилъ ли онъ правды. Это былъ точь въ точь такой же взглядъ, какимъ она смотрѣла на него въ ту минуту, когда онъ поднялъ и подалъ ей упавшія на землю письма. Она могла быть совершенно спокойна. Онъ самъ не желалъ бы услыхать отъ нея то, что она такъ хотѣла скрыть и воображала, что скрыла отъ Ганса. Да, онъ дорого бы далъ за то, чтобы все это осталось для него тайною. Только теперь сообразилъ онъ, какъ близка была возможность замужства Герты за человѣка, увѣрявшаго ее въ любви и, въ то же время, поддерживавшаго недостойныя отношенія съ другою женщиною, съ которой, въ свою очередь, поступилъ такъ отвратительно. И такъ Герта тоже стояла на краю ужаснаго болота, и онъ спасъ, оттащилъ ее отъ вѣрной гибели, подобно тому, какъ сейчасъ оттащилъ эту несчастную дѣвушку и спасъ отъ смерти!

Изъ-за зелени парка показались первые бѣлые дома Проры. Карета свернула въ переулокъ, въ которомъ жили старики Краузе. Ганна стыдливо разсмѣялась, показывая блестящіе, бѣлые зубы, и влюбленными глазами смотрѣла на Ганса, обратившагося къ ней съ первыми словами съ тѣхъ поръ, какъ они сидѣли вмѣстѣ въ каретѣ.

— Не бойся, Ганна, я передамъ имъ все то, что имъ необходимо знать. Къ тебѣ они не будутъ приставать ни съ какими распросами. Прежде всего, Ганна, скажи, чтобы тебя накормили; ты, вѣроятно, страшно проголодалась.

Ганна ожидала услыхать нѣчто совсѣмъ другое и тѣмъ привѣтливѣе разсмѣялась. Карета остановилась. Гансъ вышелъ изъ нея и направился къ дому. Ганна быстро пересѣла на его мѣсто, до половины подняла зеленую стору и видѣла, какъ портной и его жена радостно встрѣтили Ганса и тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ вошли въ комнату. Черезъ открытое окно, заставленное горшками левкоевъ, ей видно было, какъ всѣ трое спѣшно обмѣнялись нѣсколькими фразами. Потомъ старуха Краузе подошла къ окну и рукою позвала ее къ себѣ. Ганна вышла изъ кареты и

не знала, радоваться ей или досадовать, когда, обернувшись, увидала, что у дверей двухъ сосѣднихъ домиковъ стоятъ жена сапожника Бланка съ дочерьми Линой и Рикой и жена Пазедага, слуги изъ замка, съ своими тремя невѣстками, и видятъ, какъ она, Ганна Преброва, выходитъ изъ кареты барона Ганса.

— Точно въ тюрьму ведутъ!—прошептала про себя Ганна, слѣдуя за старухою Краузе по лѣстницѣ, ведущей въ свѣтелку. Она еще не дошла до послѣдней ступеньки, какъ уже услыхала стукъ кареты, увозившей Ганса.

Глава XII.

— Однако, про сапоги-то я опять забылъ,—громко проговорилъ самъ съ собою Гансъ, сидя одинъ въ каретѣ и разсматривая сапоги, покрытые до отворотовъ засохшею тиною.—Не могу же я ей объяснить, какъ и гдѣ я ихъ такъ отдѣлалъ. Молодая красавица получитъ обо мнѣ очень плачевное мнѣніе. Можетъ быть, она не услышитъ, какъ я подъѣду, и я успѣю незамѣченнымъ пробраться во дворъ къ колодцу... Что это за шумъ?

Карета выѣхала на площадь, и Гансъ однимъ взглядомъ увидалъ и сообразилъ, что попалъ въ самую неблагопріятную минуту. Передъ постоялымъ дворомъ стояла посланная имъ за вещами телѣга, окруженная густою, безпрерывно увеличивающеюся толпою учениковъ школы. На крыльцѣ самаго школьнаго дома собрались учителя. Всѣ лица были обращены къ постоялому двору и къ телѣгѣ, около которой суетилась Зоя, повидимому, наблюдавшая за укладкою вещей. Въ эти минуту показался изъ двери Іохенъ съ большимъ узломъ на плечѣ. Утихшіе было крики поднялись съ новою силой. Въ отвѣтъ раздался дикій голосъ ругающейся старухи и громкіе возгласы изъ оконъ трактира, у которыхъ стояло нѣсколько человѣкъ съ стаканами въ рукахъ и съ раскраснѣвшимися отъ вина лицами, хорошо знакомыми Гансу. Вправо отъ дома вдоль садовой рѣшетки было привязано нѣсколько верховыхъ лошадей; какой-то малый вываживалъ взмыленныхъ коней Акселя Грибена и Генриха Мальхова.

Гансъ сразу увидалъ все это, къ своему величайшему неудовольствію. Онъ предполагалъ увезти ихъ втихомолку, безъ всякаго шума. И вдругъ цѣлый скандалъ, цѣлая толпа непрошенныхъ зрителей! Какъ непріятно должно быть Густаву! Какъ оскорбительно для молодой женщины! И все по его винѣ, потому,

что онъ не подумалъ объ этомъ прежде, выбралъ неудобный, слишкомъ поздній часъ и къ тому же еще опоздалъ... Всему онъ одинъ виною. Густавъ бѣсится теперь и вправѣ злиться.

Карета остановилась.

— Вздоръ все это,—проговорилъ Гансъ.—Какъ бы ни было, а все равно всѣ бы узнали... Теперь, по крайней мѣрѣ, узнали всѣ сразу и не придется сообщать каждому поодиночкѣ.

Онъ отворилъ дверцу,—къ счастью ту, которая легко отворялась,—и вышелъ изъ экипажа какъ разъ въ ту минуту, когда неистовствующая старуха, не замѣчая его, побѣжала обратно въ домъ. Съ его появленіемъ все приняло сразу иной видъ. Господа, стоявшіе у окна, тотчасъ же удалились въ глубину комнаты такъ, что, обратившись вторично къ окну, онъ едва могъ разсмотрѣть пару вытянутыхъ, удивленныхъ лицъ, издали все еще посматривавшихъ въ окошко. Въ то же время, раздался изъ школы звонокъ, призывавшій учениковъ къ завтраку. На этотъ пріятный зовъ толпа весело хлынула долой съ площади; учителя разошлись ранѣе. Даже вышедшіе на шумъ садовые рабочіе изъ княжеской оранжереи ушли къ своему дѣлу. На всей площади остались только два экипажа передъ постоялымъ дворомъ и лошади у рѣшетки сада. Гансъ усмѣхнулся; ему часто случалось слышать, что всѣ его боятся, и это было ему всегда непріятно; теперь онъ былъ этимъ очень доволенъ.

Онъ подошелъ къ телѣгѣ посмотрѣть, много ли было уложено, и ему стала сразу понятна причина хохота ребятишекъ и шутокъ компаніи, сидѣвшей въ трактирѣ. Подвода имѣла безобразный видъ воза, нагруженнаго цыганскихъ хламомъ: пара потертыхъ сундуковъ и чемодановъ, полдюжины большихъ узловъ, завязанныхъ въ разноцвѣтные, полинявшіе и изорванные платки, деревянная укладка съ оторванною крышкою, изъ-подъ которой виднѣлись невообразимо-нестрыя женскія шелковыя платья, разнохарактерный домашній скарбъ, объ употребленіи котораго Гансъ не могъ даже составить себѣ понятія, дѣтскія перины, дѣтское бѣлье, все перебуробано, свалено грудою; на всемъ неотразимая печать безпорядочности и неряшества, поразившая Ганса болѣе, нежели самая бѣдность пожитковъ, особенно бросавшаяся въ глаза при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Бѣдный Густавъ! Давно бы слѣдовало ему возвратиться и, въ особенности, слѣдовало не выставлять на видъ передъ всѣми этого безобразія! Но гдѣ же онъ самъ?

Со вздохомъ отошелъ Гансъ отъ телѣги и направился къ крыльцу. Навстрѣчу ему неслась старая Зоя, таща въ рукѣ еще одинъ изъ своихъ ужасныхъ узловъ. На плечѣ у нея висѣлъ голубой шлафрокъ, обшитый галуномъ, въ которомъ наканунѣ вечеромъ ея госпожа встрѣтила Ганса. Ея курчавые, черные волосы съ замѣтною сѣдиною выбились изъ-подъ сдвинувшагося набокъ платка и висѣли лохматыми космами надъ искаженнымъ злобою смуглымъ лицомъ; черные глаза горѣли, какъ у хищнаго звѣря, готоваго броситься на врага. Она пріостановилась на верхней ступени, очевидно, пораженная тишиною и пустотою площади. Увидавши Ганса, она сдѣлала попытку поклониться брату своего господина, поднесла свободную руку ко лбу, потомъ, насколько позволялъ узелъ, скрестила обѣ руки на груди. Черезъ секунду въ нѣсколько прыжковъ она уже была у телѣги, швырнула въ нее узелъ и платье и, сильно размахивая руками, начала метаться то къ окнамъ, то къ двери, то опять къ окнамъ, съ неистовыми криками указывая на площадь и на школу. Но, поняви, по выраженію лица Ганса, совершенную безцѣльность обращенія къ нему, она вдругъ смолкла и опять убѣжала въ домъ, мимо Класа Венгака, только что вышедшаго изъ двери. Увидавъ Ганса, онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Слава Богу, что вы, наконецъ, пріѣхали, господинъ баронъ,— сказалъ Класъ. — Мы съ Лизхенъ въ настоящемъ отчаяніи.

— Гдѣ братъ?—спросилъ Гансъ.

— Въ томъ-то и бѣда, — возразилъ Класъ, — что его нѣтъ уже болѣе двухъ часовъ. Мы съ Лизхенъ потеряли головы. А тутъ еще наѣхали всѣ эти господа.

Влѣво отъ дома были ворота, ведущія во дворъ. Туда сперва и направился Гансъ; ему необходимо было нѣсколько уяснить себѣ положеніе и переговорить съ Класомъ въ тишинѣ двора, а не въ шумномъ домѣ. Ему не легко было удерживать Класа отъ отступленій и не разъ пришлось прерывать его болтовню, чтобы выспросить то, что ему хотѣлось узнать.

— Еще ночью,—разсказывалъ Класъ,—было много хлопотъ съ ребенкомъ. Бѣдная Лизхенъ, несмотря на свое положеніе, пробыла все время на ногахъ, ухаживала за ребенкомъ и воевала съ старухой, такъ какъ господинъ баронъ и его супруга рѣшительно ни о чемъ не заботятся.

— А утромъ?—спросилъ Гансъ.

— Утромъ все шло хорошо, — отвѣтилъ Класъ, — до тѣхъ поръ, пока съ часъ тому назадъ не пріѣхала подвода за вещами и не получилась записка, которою господинъ баронъ извѣщалъ, что къ девяти часамъ пріѣдетъ самъ въ каретѣ. Тутъ-то хватились вашего братца и нигдѣ не нашли. Ни я, ни Лизхенъ и никто изъ людей не видали, какъ онъ ушелъ. А безъ него что тутъ подѣлаешь? Лизхенъ, на что, кажется, не труслива, а и она отказалась идти опять наверхъ изъ опасенія, что старуха ей глаза выцарапаетъ. Я и говорю ей: Лизхенъ, говорю, ты должна сдѣлать это для нашего господина барона. Правда, сказала Лизхенъ и понесла наверхъ записку и объяснила барынѣ, что въ ней написано. Барыня объяснила, должно быть, старухѣ, такъ какъ та сейчасъ подняла страшную возню и шумъ. А барыня опять-таки ни о чемъ не позаботилась и стала одѣваться; моя добрая Лизхенъ принуждена была помочь ей одѣваться. Лизхенъ говоритъ, что понять не можетъ, откуда вдругъ взялся изъ всего ихняго хлама такой хорошій нарядъ.

— Дальше!—сказалъ Гансъ.

— Да, — продолжалъ Класъ, — тутъ опять начала кричать маленькая барышня, Лизхенъ опять попала въ няньки; должно быть, и о сю пору при томъ же дѣлѣ; ишь, старая-то вѣдьма... не погнѣвайтесь, господинъ баронъ,—вы сейчасъ сами изволили видѣть, какова она...

— А гдѣ барыня?—спросилъ Гансъ.

— Этого я, право, не могу сказать, — отвѣтилъ Класъ, — и посмотрѣть не успѣлъ, по хозяйству все хлопоталъ. Сразу со всѣхъ сторонъ господа понаѣхали: сперва господинъ фонъ Зальховъ и господинъ фонъ Креве, потомъ господинъ фонъ Думзевицъ...

— Дальше,—сказалъ Гансъ.

— Ну, тутъ оказалось, что они уже все въ точности знаютъ, что молодой господинъ баронъ вернулся, что съ нимъ пріѣхала его супруга, ну и все прочее. А узнали они обо всемъ, я полагаю, такимъ путемъ, господинъ баронъ: вчера вечеромъ, пока вы еще изволили быть тамъ наверху, сюда пріѣзжалъ управляющій изъ Грибеница за пятидесятью бутылками моего краснаго вина,—своимъ-то они не очень могутъ похвастаться; скаредно вѣдь все у нихъ тамъ въ Грибеницѣ, сами изволите знать, господинъ баронъ...

— Дальше,—сказалъ Гансъ.

— А я, хоть сейчасъ побожиться, господинъ баронъ, ни одного слова ему не говорилъ; а вотъ Іохенъ, что возилъ-то васъ вчерашній день, ну, этотъ языка не придержалъ, да все и выболталъ управляющему. А тотъ, какъ только вернулся въ Грибеницъ, такъ, уже навѣрное, сію же минуту передалъ все молодому графу, а графъ разсказалъ другимъ господамъ. Вотъ они, должно быть, и сговорились пріѣхать сегодня и увидѣть все своими глазами. Съ четверть часа тому назадъ пріѣхали молодой графъ и господинъ фонъ Мальховъ... они должны были обогнать господина барона... Тутъ поднялся такой гвалтъ и шумъ... Услыхали въ школѣ... Ну, опять пошло тамъ...

Изъ сѣней дома послышались крики, зовъ нѣсколькихъ голосовъ. Класъ тревожно обернулся.

— Ладно, идите,—сказалъ Гансъ,—я уже достаточно знаю.

— Я сію минуту вернусь. Извините, господинъ баронъ!— сказалъ Класъ и побѣжалъ въ домъ.

Гансъ остался на томъ же мѣстѣ, машинально смотря на большую черную насѣдку, окруженную своимъ пискливымъ выводкомъ, усердно копавшуюся у хлѣва, и на ласточекъ, сновавшихъ по двору къ гнѣздамъ подъ соломенными крышами; подлетитъ ласточка, прилѣпится минуты на двѣ къ гнѣздышку, покормитъ дѣтей и летитъ опять прочь.—Бѣдное дитя! Вчера Изея выказывала такую нѣжную заботливость о миломъ созданіи, а сегодня... если только не преувеличила Лизхенъ!.. Но Лизхенъ добрая, надежная женщина; она уже теперь безпрерывно думаетъ объ ожидаемомъ ею ребенкѣ. А Густавъ, смотрѣвшій вчера съ такою гордостью на мать и на дитя! Да, при этомъ скитаніи на чужбинѣ, вдали отъ родины, при вѣчныхъ переѣздахъ и даже здѣсь при неудобствѣ постоялаго двора... невозможно и требовать порядка и домовитости! Если бы Густавъ не уходилъ, или, по крайней мѣрѣ, вернулся бы скорѣе!.. Такъ не можетъ продолжаться ни минуты долѣе... надо объяснить это Изеѣ...

Гансъ сдѣлалъ шага два по направленію къ дому, откуда все еще доносился шумъ, но уже много тише, чѣмъ прежде; посѣтители, вѣроятно, возвратились въ столовую къ новой бутылкѣ вина. Теперь онъ не повстрѣчаетъ ихъ въ сѣняхъ, идя наверхъ. А что если Изея не согласится ѣхать безъ Густава? И вообще пойметъ ли она его?

Гансъ пріостановился и покачалъ головой. Опять придется, по вчерашнему, очутиться въ незавидномъ положеніи съ его ма-

лымъ знаніемъ французскаго языка; хотя Лизхенъ и увѣряетъ, будто молодая женщина говоритъ немного по-нѣмецки, однако, вчера она не сказала ни слова. Къ тому же еще эти грязные сапоги... ну, да все равно.

Онъ, все-таки, еще разъ оглянулся на колодецъ. Какъ разъ рядомъ съ колодцемъ черезъ низкую рѣшетчатую дверь изгороди, между высокими кустами смородины, видна была изъ конца въ конецъ прямая дорожка, пролегавшая отъ калитки черезъ весь садъ. Посреди ея на деревянной подставкѣ красовался стеклянный шаръ. Ослѣпительный отблескъ его такъ поразилъ Ганса, что онъ невольно еще разъ взглянулъ въ ту сторону. Кто же бы это могъ быть тамъ, у этого шара, неужели Изея? А за шаромъ, почти скрытый имъ... Густавъ? Нѣтъ, быть не можетъ... Аксель! Какими судьбами попалъ онъ въ садъ и заговорилъ съ нею? Судя по движеніямъ его длинныхъ рукъ и ея вѣера, бесѣда шла очень оживленно! И вотъ онъ разслышалъ ея смѣхъ, очень короткій, но такой глубокій и мягкій, что у него дрогнуло сердце.

Черезъ секунду онъ вошелъ въ садъ черезъ отворенную калитку и быстрыми шагами приблизился къ разговаривавшимъ и настолько увлеченнымъ бесѣдою, что только теперь они замѣтили Ганса и оба одновременно обернулись. Аксель оборвался на полусловѣ, сдержанно поклонился и смотрѣлъ на Ганса, хотя нѣсколько испуганнымъ, но въ то же время, злымъ и враждебнымъ взглядомъ. Но Гансу было теперь не до него, когда дѣло шло о женѣ его брата, и—слава Богу! — передъ нимъ было прелестное личико вчерашняго вечера, съ чистыми, правильными и, тѣмъ не менѣе, мягкими чертами, съ милой улыбкой пухленькихъ и нѣжныхъ губокъ. Слава Богу! Она такъ хороша, добра, навѣрное! и такъ молода еще, совсѣмъ дитя; придетъ время и она поймѣтъ обязанности матери и другія свои обязанности.

Точно прочитавши все это въ его взглядѣ, она дружески кивнула ему и положила свою маленькую, бѣлую ручку въ его широкую, загорѣлую руку. Она, повидимому, поняла также, когда онъ, не пускаясь въ объясненія на французскомъ языкѣ, сказалъ по-нѣмецки, что пріѣхалъ за нею и что карета стоитъ у подъѣзда. На этотъ разъ она кивнула еще любезнѣе, взяла поданную имъ руку, простилась съ Акселемъ легкимъ кивкомъ черезъ плечо и подъ руку съ Гансомъ пошла по садовой дорожкѣ. Едва они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ къ

Гансу возвратилось его обычное спокойствіе. Въ глубинѣ души онъ бранилъ себя за то, что утратилъ было его на минуту. Встрѣча Изеи съ Акселемъ представлялась странною и очень непріятною случайностью, но во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ случайностью; и почему бы ей не быть вѣжливою и любезною съ незнакомымъ человѣкомъ, встрѣтившимся съ нею въ садикѣ постоялаго двора и, притомъ, съ такимъ ловкимъ и такъ бойко владѣющимъ французскимъ языкомъ, какъ Аксель?

Гансъ пошелъ тише и сказалъ:

— Вѣдь, вы понимаете меня, когда я говорю медленно и отчетливо?

Она взглянула на него снизу вверхъ, улыбаясь, и сдѣлала утвердительный знакъ глазами.

— А когда вы не очень быстро и отчетливо говорите по-французски, тогда и я могу кое-какъ понять,—продолжалъ Гансъ.— Такимъ способомъ мы можемъ разговаривать пока, до возвращенія Густава.

Она еще разъ улыбнулась и проговорила съ разстановкою, какъ бы ища каждое слово, и съ чужеземнымъ выговоромъ, но совершенно отчетливо по-нѣмецки:

— Вы такъ добры.

Это вышло у нея такъ мило и забавно, ея темные глаза приняли такое дѣтски-плутовское выраженіе, что Гансъ невольно разсмѣялся. Она тоже громко разсмѣялась тѣмъ же смѣхомъ, который онъ слышалъ за нѣсколько минутъ; но теперь этотъ смѣхъ не показался непріятнымъ, какъ тогда, а, напротивъ, въ высшей степени привлекательнымъ и какъ нельзя лучше идущимъ къ ея милому и необыкновенному существу.

Тѣнь пробѣжала по лицу Ганса. Ему показалось, будто ея смѣху вторилъ другой смѣхъ сзади нихъ. Но ему могло только показаться, такъ какъ, въ то же время, хлопнула отворенная имъ для Изеи калитка и громко продребезжала щеколда.

Глава XIII.

Смѣхъ Акселя былъ вызванъ досадой и ограничился, собственно, очень короткимъ взрывомъ. Какъ благовоспитанный человѣкъ, онъ понималъ, что неприлично смѣяться за спиною дамы, съ которой только что разговаривалъ такъ любезно и такъ нечаянно. «Иначе, какъ Богъ святъ, — преподнесъ бы я этому Филину, и преподнесу... клянусь Богомъ!»

Аксель прошелъ нѣсколько шаговъ по прямой дорожкѣ, свернулъ на узкую поперечную дорожку и остановился между высокими кустами смородины, передъ сѣтью паутины большаго, голоднаго паука-крестовика, подкараулившаго добычу.

Съ Филиномъ шутки плохія; на это еще никто не осмѣливался, хотя всѣ подсмѣивались надъ нимъ втихомолку. Во всякомъ случаѣ необходимо было найти подходящій поводъ, изъ-за котораго не слишкомъ рѣзко выдавалась бы настоящая причина. Никакого сомнѣнія не можетъ быть, самъ камергеръ Линдбладъ разсказалъ ему, что Герту задержалъ вчера Гансъ, и нельзя спустить ему даромъ мерзѣйшаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ передъ цѣлымъ обществомъ, и отвратительной сцены, сдѣланной потомъ ему отцомъ. Положимъ, старикъ былъ пьянъ, но, въ сущности, онъ, все-таки, правъ: не будучи увѣреннымъ въ согласіи Герты, не слѣдовало давать бала, или, по крайней мѣрѣ, не благовѣстить на весь міръ и не увѣрять, что на этомъ балѣ произойдетъ его помолвка съ Гертой. Но кто же могъ ожидать? Кому могло придти въ голову, что именно въ это то время и явится Густавъ? Ни старики Линдбладъ, ни сама Герта, конечно, не подозрѣвали, что онъ пожалуетъ въ Проницъ съ женою и ребенкомъ. Но Гансъ не могъ не знать этого, хотя передъ Гертой и стариками дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ... Этому злому, коварному Филину нельзя довѣрять ни на іоту. Но какая цѣль была у него разстроить Гертѣ лучшую партію, какую только можетъ сдѣлать дѣвушка во всей Верхней Помераніи и на Рюгенѣ? Какая, какъ не чистѣйшая злость на весь міръ и завистливость ко всѣмъ? Хорошъ онъ былъ сейчасъ съ лохматой, цыганской бородой, въ обтрепанномъ платьѣ, въ которомъ его видятъ десять лѣтъ сряду, и въ какихъ-то управительскихъ сапогахъ, нечищенныхъ столько же лѣтъ! Онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что за него ни одна дѣвушку не пойдетъ, если бы онъ осмѣлился сунуться съ предложеніемъ; такъ вотъ же, не удавайся и другимъ! Куда ему въ наше общество! Развѣ съ крестьянскими дѣвками только... Ганна дѣлала какіе-то намеки. Почему знать, можетъ быть эта дѣвченка тамъ у него за спиною и продолжала свои нѣжности съ прежнимъ возлюбленнымъ! Во всякомъ случаѣ, онъ былъ совершенно вправѣ не дать такъ, безъ дальнихъ околичностей, навязать себѣ ребенка. Допустика-ка такія штуки, такъ житья отъ этихъ дѣвченокъ не будетъ! Нужна очень ему теперь Ганна! Дѣло идетъ о Гертѣ! Даже не о ней,

собственно. Становись она теперь на колѣни, умоляй жениться, такъ онъ и не подумаетъ. Дѣло въ томъ, чтобы отомстить баронамъ фонъ Пронъ, тому и другому брату, хотя лично Густавъ ничего ему не сдѣлалъ, кромѣ того, что постоянно стоялъ поперегъ дороги между нимъ и Гертой, а потомъ взялъ да всѣмъ на смѣхъ, и въ особенности ему на смѣхъ, и вернулся съ молодою женою... А прелесть она, ей Богу! Глаза одни чего стоятъ! И мастерски же она ими работаетъ!

Аксель все еще стоялъ между кустами на самомъ солнечномъ припекѣ и только что бросилъ въ сѣти голоднаго паука-крестовика четвертую, пойманную имъ, муху. Изъ трактира доносился непрерывавшійся ни на минуту шумъ. Вдругъ открылось боковое окно, выходившее въ сторону сада, и сразу четыре голоса начали выкрикивать его имя. Если Филинъ-Гансъ попалъ въ это общество, то, несомнѣнно, тамъ вышелъ скандалъ. Трезвый ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился бы его затронуть; но изъ четверыхъ трое были опять пьяны, если даже успѣли проспаться со вчерашняго, и каждый изъ нихъ поклялся при первомъ же случаѣ отплатить Филину за афронтъ, нанесенный имъ Грибенамъ. Ну, и пусть ихъ исполняютъ клятву! Много лучше будетъ даже, если они съ нимъ раздѣлаются, такъ какъ обида касается ихъ лишь косвенно, какъ товарищей и пріятелей; тогда какъ онъ, выступивши впередъ, тѣмъ самымъ докажетъ, насколько это сильно его задѣло. Тутъ за заборомъ стоятъ лошади... прыжекъ черезъ заборъ и былъ таковъ; а они пусть расправляются, какъ знаютъ.

— Халло! Эй! Аксель! Куда его черти унесли?

— Вонъ онъ!.. Аксель, куда же ты?

Приходилось остаться. Съ досады онъ махнулъ хлыстомъ по паутинѣ и пошелъ въ домъ, гдѣ въ дверяхъ общей комнаты его встрѣтили пріятели съ полными стаканами въ рукахъ и съ громкими криками:

— Э! это что же значитъ? Шляется тамъ по саду, а мы тутъ за него раздѣлывайся!.. Филинъ-то явился!.. Ну-ка, задай ему!.. Вотъ, хвати для храбрости!

— Пить для храбрости, подобно вамъ, я надобности не имѣю,—сказалъ Акселъ и поставилъ на столъ поданный ему стаканъ.

— Онъ на попятную!—воскликнулъ Альбертъ фонъ Зальховъ.

— Кто на попятную?!—крикнулъ Аксель.—Пока вы ничего лучшаго не придумали тутъ, какъ только пить и шумѣть,

я уже успѣлъ одержать побѣду. Дѣтки! Я видѣлъ ее, его жену!

— Какъ? Гдѣ? Разсказывай скорѣй!..

— Такъ перестаньте же кричать зря. Слушайте!

И Аксель разсказалъ въ полголоса тѣснящимся вокругъ него товарищамъ, какъ, сходя съ лошадей съ Генрихомъ Мальховъ, онъ замѣтилъ въ саду даму и тотчасъ же подумалъ, не жена ли это Густава. Онъ ничего не сказалъ, чтобы не помѣшали, тихонько ушелъ изъ комнаты и засталъ ее еще въ саду.

— Быть не можетъ! Постой, не мѣшай! Ну, а потомъ? Собой какова?

— Ребята!—заговорилъ Аксель, еще понижая голосъ.—Ничего подобнаго мы не видывали! Настоящая принцесса!

— Вретъ все!—крикнулъ Карлъ фонъ Думзевицъ.

— Посмѣй еще разъ повторить это!—воскликнулъ Аксель, хватаясь за возможность подъ притворнымъ гнѣвомъ скрыть овладѣвшее имъ смущеніе.

Карлъ фонъ Думзевицъ громко расхохотался.

— Вотъ ещё пустяки-то выдумали!—возразилъ онъ.—Разсказываетъ человѣкъ какія-то небылицы въ лицахъ, и не смѣй ему сказать, что вретъ!

— А я тебѣ говорю, что это правда,—горячился Аксель.—Я съ нею четверть часа разговаривалъ...

— По-гречески?—спросилъ Эрнстъ фонъ Креве.

— Да здравствуетъ греческая странствующая принцесса!—закричалъ Альбертъ фонъ Зальховъ.—Hurra hoch!

— Hurra hoch!—подхватилъ хоръ, повторилъ еще и еще и вдругъ смолкъ.

Мимо отворенной двери прошелъ Гансъ. Несмотря на рѣшимость не обращать вниманія на пьяныхъ, онъ невольно взглянулъ на шумящую компанію. Лицо его было еще серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно, взглядъ былъ такъ выразителенъ, что всѣ присутствующіе сразу его поняли и смолкли.

— Вонъ онъ идетъ,—сказалъ тихо Альбертъ фонъ Зальховъ.

— И пѣсенки не поетъ!—добавилъ Карлъ фонъ Думзевицъ, пытаясь разсмѣяться. Охотниковъ вторить его смѣху не оказалось.

— Ну?—произнесъ Эрнстъ фонъ Креве, обращаясь къ Акселю такимъ тономъ, который тотъ отлично понялъ.

— По моему мнѣнію, теперь же...—добавилъ Альбертъ фонъ Зальховъ.

— Ребятки! бросьте вы эту травлю!—сказалъ Генрихъ фонъ Мальховъ.

— А то Филинъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ разсердится,—подразнивалъ Эристъ фонъ Креве.

— Приметъ Акселя за мышь,—продолжалъ Альбертъ фонъ Зальховъ.

— И сцапаетъ его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ въ нору улизнуть!—закончилъ Карлъ фонъ Думзевицъ.

Вся компанія громко расхохоталась; не выдержалъ самъ фонъ Мальховъ. Аксель выходилъ изъ себя.

— Тебѣ-то какъ не стыдно, Генрихъ!—крикнулъ онъ пріятелю.—А если вы тамъ воображаете, что меня можно травить, какъ зайца...

— Именно, именно, воображаемъ!.. Ты зубами его... зубами за сапогъ съ отворотомъ!.. Ату его! Улю его! Hetz! Hetz!

— Ну, съ вами я еще поговорю!—крикнулъ Аксель и выбѣжалъ изъ комнаты, хлопнувши дверью. За нимъ раздавался громкій хохотъ пьяныхъ.

Ему не пришлось искать Ганса, такъ какъ онъ стоялъ тутъ же у подъѣзда передъ отворенною дверцею кареты.

— Не можете ли удѣлить мнѣ минутку времени, баронъ?—проговорилъ Аксель, едва переводя духъ.

Гансъ тихо обернулся и пристально взглянулъ на графа своимъ блестящимъ и спокойнымъ взглядомъ. Тотъ не выдержалъ и опустилъ глаза.

— На одну минуту,—прибавилъ онъ, запинаясь.

Гансъ кивнулъ головой и отошелъ отъ кареты, мимо оконъ трактира, до угла дома. Тамъ онъ остановился и, обратясь къ слѣдовавшему за нимъ Акселю, сказалъ:

— Вамъ угодно затѣять со мною ссору. Я признаю, что вы имѣете нѣкоторые поводы къ неудовольствію на меня. Я не былъ вчера на вашемъ балѣ, и случилось такъ, что моя кузина тоже не была. Это совершенно вѣрно. Но я не говорилъ ей ни слова о томъ, чтобы она не ѣздила. Она осталась дома по собственному побужденію, узнавши отъ меня о пріѣздѣ Густава. Согласитесь, что это совершенно понятно. Я думаю, вы найдете это объясненіе удовлетворительнымъ для себя.

Выслушивая Ганса, Аксель старался скрыть свое замѣша-

тельство подъ гнѣвнымъ выраженіемъ лица; онъ переступалъ съ ноги на ногу, похлопывалъ концомъ хлыста по сапогу и грызъ свои длинные усы но не имѣлъ духа взглянуть въ единственный глазъ противника и, чтобы не дать ему этого замѣтить, обводилъ нетерпѣливымъ взоромъ окна постоялаго двора. Въ одномъ изъ нихъ толпились его товарищи съ вытянутыми шеями и любопытными лицами. Во что бы ни стало необходимо было довести дѣло до конца.

— Объясненіе ваше я нахожу совершенно неудовлетворительнымъ!—возразилъ Аксель.—Тѣмъ болѣе неудовлетворительнымъ, что имѣю поводы предполагать, что вамъ желательно было не опускать фрейленъ Герту въ наше общество. Вы всегда были противъ меня.

— Я этого не отрицаю,—сказалъ Гансъ.

— И вы думаете, что я такъ преспокойно и позволю дѣлать изъ себя посмѣшище всей округи, стану смирнехонько выслушивать отъ роднаго отца, что вы изволили мнѣ подать карету? Неужели вы воображаете, что я проглочу вчерашній афронтъ и сдѣлаю видъ, будто ровно ничего не было? Не такъ же я наивенъ въ самомъ дѣлѣ. Если я могъ казаться фрейленъ Гертѣ недостойнымъ ея руки, то себѣ-то я кажусь неподходящимъ для роли подставной пѣшки для вашего братца. Можете передать это отъ меня вашей кузинѣ. Вы, кажется, ея опекунъ?

— Да,—сказалъ Гансъ,—четыре года и...

Онъ запнулся, сильно покраснѣлъ и тихо договорилъ:

— И со вчерашняго вечера я ея женихъ.

Аксель ушамъ не повѣрилъ, отступилъ шага на два назадъ и пристально взглянулъ въ лицо Ганса. Первое побужденіе громко расхохотаться моментально исчезло подъ тихимъ блескомъ большаго глаза, твердо устремленнаго на него.

— Приношу мое поздравленіе,—сказалъ Аксель насмѣшливо.

— А я вамъ не приношу моей благодарности, такъ какъ поздравленіе идетъ не отъ чистаго сердца,—возразилъ Гансъ.— Странно было бы мнѣ и требовать отъ васъ иного.

Онъ приподнялъ шляпу и повернулся отойти въ ту минуту, какъ Изея показалась на крыльцѣ, пріостановилась на верхней ступенькѣ и, улыбаясь, звала его къ себѣ жестомъ.

— Вотъ лучшій путь для мести,—подумалъ Аксель и быстро догналъ Ганса.

— Баронъ,—сказалъ онъ,—еще секунду! Я былъ неправъ

и прошу извинить меня. Если бы я зналъ, что вы и фрейленъ Герта... но я не могъ знать этого... И такъ, прошу васъ извинить слова, сорвавшіяся у меня въ минуту понятнаго и простительнаго возбужденія, и прошу позволенія откланяться баронессѣ, вашей невѣсткѣ, съ которою я уже имѣлъ честь познакомиться.

Гансъ не сразу принялъ протянутую Акселемъ руку. Это движеніе графа удивило его; но онъ не счелъ себя вправѣ оттолкнуть отъ души поданную руку, тѣмъ болѣе, что такимъ оборотомъ дѣла облегчалось вступленіе въ общество Густаву и Изеѣ; равнымъ образомъ сохраненіе добрыхъ отношеній съ Акселемъ могло послужить на пользу Ганнѣ... ей болѣе, чѣмъ кому-либо.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку графа.

Компанія, наблюдавшая за этою сценою изъ столовой, была поражена совершенно неожиданнымъ ея исходомъ. Удивленіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда Аксель, снявши шляпу, подошелъ къ молодой женщинѣ, которую его товарищи видѣли теперь въ первый разъ. Вмѣстѣ съ Гансомъ, графъ усадилъ ее въ карету, потомъ помогъ войти старухѣ съ ребенкомъ на рукахъ, еще разъ пожалъ руку Гансу, крикнулъ кучеру: «пошелъ!...» и, обратившись къ окну трактира, проговорилъ, смущенно посмѣиваясь:

— Что! Кто вралъ, я или вы? Поѣдемъ, Генрихъ; у меня цѣлый коробъ новостей для тебя; а вы тамъ подождите, пока у васъ головы прояснятся!

Глава XIV.

Нетерпѣливое желаніе узнать, какъ приняла Герта извѣстіе о его женитьбѣ, подняло Густава съ постели въ то время, когда Изея еще крѣпко спала. Между нимъ и Гансомъ было условлено, что до полученія извѣстія отъ брата Густавъ останется на постояломъ дворѣ; онъ самъ просилъ Ганса не слишкомъ торопиться; кто знаетъ за собою вину, какъ онъ, тотъ не особенно спѣшитъ узнать ея послѣдствія; чѣмъ позднѣе получится непріятное извѣстіе, тѣмъ лучше. Къ тому же Изея не встаетъ раньше десяти часовъ.

Было же только восемь. Какъ убить время? Онъ думалъ, что Гансъ не обратитъ вниманія на подобныя рѣчи, которыя и го-

ворились совсѣмъ не серьезно. Но Гансъ остался. чѣмъ былъ, такимъ же педантомъ, принимавшимъ каждое слово за чистую монету и буквально и цѣнившимъ свое слово дороже всякихъ сокровищъ. Отъ скуки Густавъ сталъ разспрашивать Класа Венгака о старыхъ знакомыхъ, въ особенности объ Акселѣ, своемъ ровесникѣ и когда-то большомъ пріятелѣ. Они были школьными товарищами, жили тутъ напротивъ въ угольной комнатѣ третьяго этажа, потомъ служили въ одномъ полку: онъ *авантажёромъ* *), Аксель вольноопредѣляющимся; отчаянный малый, только уже слишкомъ распутный: ни одной юбки не могъ видѣть равнодушно! Разспрашивалъ Густавъ и про молодыхъ дамъ: нашла ли себѣ мужа графиня Ульрика Узелинъ? такъ ли же хороша, какъ была, Матильда фонъ Зальховъ? что сталось съ рыжею Ганною? Живъ ли старый Пребровъ, не опился ли гдѣ, или не зарѣзался ли?

Но вопросы онъ предлагалъ какъ попало и разсѣянно выслушивалъ отвѣты болтливаго Класа; а когда пришла почта и хозяинъ оставилъ его одного, самъ же ушелъ присмотрѣть за перепряжкой лошадей и отправкой, тогда Густавъ походилъ по саду, посмотрѣлъ на домъ, вынулъ часы,—было половина девятаго,—постоялъ нѣсколько секундъ въ раздумьѣ, потомъ рѣшительно отворилъ калитку и вышелъ въ еловый лѣсъ, прилегавшій вплоть къ саду. По знакомой тропинкѣ онъ дошелъ до мѣста, гдѣ дорога раздваивается: влѣво черезъ лѣсъ на Ново-Проницъ, вправо сперва опушкою лѣса, потомъ полями, лугами и береговыми дюнами къ парку Старо-Проница.

Онъ остановился перевести духъ отъ быстрой ходьбы и мрачно посмотрѣлъ влѣво на дорогу, ведущую къ лѣсу. На ней не видно было ни души. Онъ покачалъ головою, взглянулъ на безоблачное небо, на поля, залитыя знойными лучами солнца, и на луга, гдѣ только подъ рѣдкими ивами можно было найти кое-какую тѣнь.

— Все равно!—проговорилъ онъ и повернулъ вправо.

Дорога шла высокою, почти спѣлою рожью; ночная буря мѣстами повалила ее и перепутала. Густавъ шелъ сперва тихо, потомъ все скорѣе, все усиливая шагъ и самъ того не замѣчая подъ напливомъ мысли, разбудившей его и недававшей покоя все утро: «Какъ приняла она извѣстіе о немъ?»

*) *Avantageur*—такъ въ прусской арміи называются молодые люди, поступающіе въ полкъ съ правами производства въ офицеры черезъ шесть мѣсяцевъ, при обязательствѣ, впрочемъ, сдать установленный офицерскій экзаменъ. Это нѣчто вродѣ нашихъ подпрапорщиковъ. *Примѣч. переводчика.*

Мало-по-малу эта неотвязная мысль всецѣло захватила голову молодаго человѣка, тяжелымъ гнетомъ залегла въ ней и перешла въ желаніе, въ непреодолимую потребность увидать Герту. Онъ шелъ быстро, не сознавая ни жары, ни усталости. Въ душѣ вставало смутное впечатлѣніе: что если онъ спалъ и все происшедшее лишь во снѣ видѣлъ? Что если все это не болѣе, какъ сумасбродный и безобразный сонъ? И вотъ опять тѣ же родныя поля, тотъ же на нихъ родной хлѣбъ; сквозь его золотистыя волны они столько разъ проходили рука въ руку, катились въ легкомъ кабріолетѣ, скакали рядомъ на бойкихъ пони. Тѣ же кузнечики стрекочатъ; она всегда упрямо увѣряла, будто слышитъ только однообразные, безразличные звуки, тогда какъ онъ ясно отличалъ ихъ тоненькіе голоса. Вонъ жаворонокъ взвился; дѣтьми они слѣдили за его полетомъ, заслушивались его пѣсни и спорили о томъ, кто дольше различитъ крошечную точку, утопающую въ лазурной вышинѣ. И васильки—старые друзья; какъ часто рвалъ онъ ихъ, какъ часто сравнивалъ ихъ цвѣтъ съ цвѣтомъ ея глазъ и увѣрялъ, что передъ ними васильки блѣднѣютъ, а иной разъ, желая подразнить ее, доказывалъ, что только слѣпой не разберетъ, насколько лазурь цвѣтка темнѣе и ярче ея глазъ. Но то была неправда: глаза Герты синѣе и блестящѣе цвѣтовъ. Передъ нимъ, какъ живой, вставалъ стройный, гибкій станъ едва развившейся дѣвушки; изъ неяснаго шума полей, изъ знойной выси небесной до него долеталъ чарующій голосъ и смѣхъ серебристый; онъ звалъ, укорялъ и ласкалъ: «Скорѣй ко мнѣ, скорѣй! Какъ могъ ты такъ долго быть далеко отъ меня? Неужели можетъ что-либо въ мірѣ задержать тебя, когда ты знаешь, какъ нетерпѣливо я жду? Что задержало, что могло задержать тебя?»

— Прочь же, прочь, привидѣнья! Прочь, созданья ночной тьмы!

Что было съ нею, когда она узнала? Плакала она, или глаза ея остались сухи, только взглядъ ихъ сталъ упрямѣе и темнѣе, какъ въ былое время, когда она сердилась или обижалась и крѣпко сжимала губы, блѣднѣя? Вчера вечеромъ, ночью хотѣлъ бы онъ знать все это... Гансу онъ сказалъ, что время терпитъ до утра... Сказалъ, а тому и дѣла нѣтъ, какую пытку онъ выноситъ! Развѣ этотъ безчувственный человѣкъ способенъ понимать любящее сердце?.. Любящее все, все прекрасное, И больше всего въ мірѣ ее, болѣе прекрасную, въ тысячу болѣе прелестную, чѣмъ эта пестрая, сладострастная

— Прочь, прочь! Зачѣмъ ты здѣсь? Тебѣ не мѣсто подъ этимъ чистымъ небомъ!

Какъ сказалъ Гансъ ей? Навѣрное рѣзко и неловко, — съ дуру, какъ съ дубу! Такова его всегдашняя манера, по его мнѣнію, очень честная, а, въ сущности, крайне грубая,—ничто иное, какъ неспособность ограниченнаго человѣка, отсутствіе чуткости къ чужой душѣ, пониманія того, кто одаренъ свѣтлою головою, пламеннымъ воображеніемъ, пылкимъ, впечатлительнымъ сердцемъ. Воображеніе, сердце, чуткость, пылкость души,—все это страшные недостатки, преступленія въ его глазахъ... въ его единственномъ глазу. Несносный глазъ... невыносимый своимъ спокойнымъ, тупымъ выраженіемъ! Сколько разъ приходилось Густаву прятаться отъ этого глаза! Хорошо, что вчера вечеромъ ему не пришлось смотрѣть на этотъ глазъ и разсказывать свои исторіи въ потемкахъ!

— А знаменитая исторія! Лихо!..

Въ эту минуту у самыхъ ногъ Густава выскочила на дорогу лисица съ только что пойманнымъ зайченкомъ и ловкимъ прыжкомъ исчезла во ржи.

Молодой человѣкъ пріостановился и разсмѣялся.

— Sauve qui peut! Точь въ точь какъ я! Только не задумывайся ни надъ чѣмъ. Мнѣ въ жизни случалось и не такіе прыжки выдѣлывать. Во второй разъ я, кажется, самъ не въ состояніи буду разсказывать,—въ необыкновенномъ ударѣ былъ, могъ бы повѣствовать еще часа два, пожалуй. Только не слишкомъ ли я пересолилъ! У него злодѣйская память, а мнѣ еще не разъ придется повторить всю исторію... Не бѣда: вывернусь какимъ-нибудь salto mortale не хуже этой рыжей шельмы... Вотъ Изея не напутала бы; по настоящему слѣдовало сегодня по утру еще разъ ее прослушать. У нея ловчѣе моего выходитъ. Все дѣло въ томъ, чтобы не было противорѣчій въ нашихъ разсказахъ. Вернусь я не ранѣе одиннадцати часовъ; тѣмъ временемъ Гансъ, навѣрное, пріѣдетъ... и она, того-гляди, проболтается, пока я здѣсь бѣгаю, какъ влюбленный мальчишка... Настоящее безуміе... сантиментальная дичь! Неизвѣстно даже, удастся ли увидѣть ее...

Онъ остановился опять.

*) А Однако, мнѣ въ первый разъ въ жизни приходитъ въ го-
въ полк то какое-нибудь безуміе слишкомъ безумно для меня!
зательствъ
нашихъ по

Чѣмъ отчаяннѣе, тѣмъ лучше! Тѣмъ яснѣе для нея будетъ, что я люблю ее...

Онъ бодро пошелъ дальше, очень довольный своей силой, тѣмъ, что даже полящее солнце было ему нипочемъ. Правда, за это время онъ и не подъ такимъ солнцемъ побывалъ, выносилъ и не такія жары; и если въ былое время онъ могъ съ кѣмъ угодно потягаться въ любомъ тѣлесномъ упражненіи, то теперь уже подавно ему нѣтъ соперниковъ. Никто изъ здѣшнихъ молодыхъ дворянъ не посмѣетъ и сравниться съ нимъ; всѣ эти Зальховы и Мальховы, и другіе, гдѣ они бывали? что видѣли? Много-много, что до Берлина разъ во всю жизнь доѣхали, по бо̀льшей же части дальше Зундина и Грюнвальда нигдѣ не были; всѣ ихъ разсказы, всѣ ихъ геройства ограничиваются подвигами на скачкахъ въ Зундинѣ, да на плацъ-парадѣ въ Грюнвальдѣ... И вдругъ ее-то, Герту, уступить безъ спора какому-нибудь Акселю, который во̀ всю свою жизнь ничего кромѣ не дѣлалъ, какъ объѣзжалъ лошадей, болталъ по-французски, игралъ въ фараонъ, гонялся за дѣвченками и нахальствомъ замѣнялъ недостатокъ остроумія. Изеѣ, навѣрное, понравятся его плоскости... для нея, вѣдь, чѣмъ пошлѣе, тѣмъ луше... А Герта, съ ея бойкимъ умомъ, съ ея тонкимъ остроуміемъ, съ чуткимъ пониманіемъ юмора... да развѣ она пара этому долговязому пошляку?!.. Тьфу! чортъ возьми! Болѣнъ, что ли, онъ былъ вчера, что могъ подумать объ этомъ, могъ желать, какъ выхода изъ положенія, казавшагося въ высшей степени затруднительнымъ, даже отчаяннымъ, тогда какъ, въ сущности, нѣтъ ровно ничего подобнаго; совсѣмъ напротивъ, все это очень пикантно, чрезвычайно пикантно и можетъ казаться опаснымъ только дураку или трусу. Но вѣчная нужда въ деньгахъ сдѣлала его и глупымъ, и трусливымъ. Ради чего онъ притащилъ сюда Изѐю и ребенка, а не оставилъ ихъ въ Мюнхенѣ? Никто бы ничего̀ не зналъ и не подозрѣвалъ даже, что онъ надѣлъ себѣ на шею такую петлю... петлю, изъ которой, все-таки, въ концѣ-концовъ, можно̀ выскочить. Что это за бракъ въ какомъ-то итальянскомъ разбойничьемъ притонѣ, бракъ, совершонный католическимъ попомъ... безъ свидѣтелей даже... или съ такими свидѣтелями, какъ церковный сторожъ и старая греческая вѣдьма, чортова родная бабушка?... Очень возможно, что здѣсь такой бракъ не имѣетъ ни значенія, ни силы... долженъ быть вновь совершонъ... или, по крайней

мёрёт, можетъ быть, безъ особенныхъ хлопотъ уничтоженъ и расторгнутъ... И тогда—свобода! Свобода и Герта!

Онъ стоялъ на вершинѣ холма; за нимъ разстилалось только что пройденное ржаное поле. Подъемъ былъ не особенно крутъ: но отъ быстрой ходьбы по глубокому песку лобъ Густава увлажился и сильнѣе забилось сердце. Легкій, освѣжающій вѣтерокъ потянулъ съ моря, синѣвшаго за лугами и разстилавшагося гладкою лазурью на югъ до низкихъ береговъ Померанін, и уходившаго на востокъ, мимо лѣсистаго Эйланда въ необозримую даль. Тамъ, противъ Эйланда, у самаго моря, въ упоръ освѣщенные яркимъ солнцемъ, подобно бронзовой стѣнѣ, возвышались вѣковые буки и сосны старо-проницкаго парка, окруженнаго невысокою, бѣлою стѣною, то сбѣгавшею внизъ по отлогости холма, то высоко поднимавшеюся надъ свѣжею зелснью приморскаго луга. Изъ-за темной зелени вырывалась стройная башенка капеллы и виднѣлись крыши замка.

Необыкновенное волненіе охватило вдругъ Густава. Много лѣтъ онъ не испытывалъ ничего подобнаго и не воображалъ, что можетъ испытать когда-либо. Исчезла даже мысль о Гертѣ, приведшая его сюда,—точно утонула въ нѣжномъ туманѣ.

— Что же это такое?—прошепталъ онъ.—Думалъ ли я когда, воображалъ ли насколько иначе... совсѣмъ иначе...

И вдругъ, при видѣ отчизны, роднаго дома, изъ глубины души воскресли, поднялись воспоминанья отъ золотыхъ дней невиннаго дѣтства до настоящей минуты и вырвались однимъ стономъ: «Погибшій!.. Погибъ, несмотря на всѣ дары природы, на силу, ловкость, красоту, хитрость, умъ, обходительность, которыми ты могъ возвыситься надъ всѣми; несмотря на даръ слова, которымъ могъ господствовать надъ людьми; несмотря на любовь, которая сама шла всегда тебѣ навстрѣчу, шла въ безмѣрномъ избыткѣ... погибъ, изгаженъ! Прекрасная игрушка, растрепанная своенравнымъ ребенкомъ въ негодные клочья, валяющіеся у его ногъ!»

Глухой стонъ, вырвавшійся изъ груди, заставилъ Густава опомниться; онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся кругомъ.

«Э! Ты, просто, не выспался, не плотно позавтракалъ; бѣденъ притокъ крови къ мозгу, вотъ тебѣ и лѣзутъ въ голову ночныя привидѣнія среди бѣлаго дня».

Онъ снялъ шляпу. Свѣжій вѣтерокъ заигралъ его влажными кудрями, обдулъ горячій лобъ, пылающіе глаза.

— Назадъ идти нельзя; кто знаетъ, что ждетъ тамъ впереди? И такъ, впередъ, впередъ!

Онъ надвинулъ шляпу на лобъ и почти бѣгомъ сошелъ съ холма на береговую дорогу, пролегавшую лугами отъ морскихъ купаній. Проры мимо старо-проницкаго парка къ охотничьему замку. Дальше опять подъемъ и поворотъ къ парку. Густавъ могъ различить уже стволы деревьевъ. Съ вершины одиноко стоящей громадной сосны слетѣлъ морской орелъ и кругъ за кругомъ все выше и выше парилъ надъ усадьбой.

— Доброе предзнаменованіе! Не напрасно я прошагалъ по этой проклятой дорогѣ,—увижу ее. Начнутся слезы, упреки, гнѣвъ, отчаянье... восхитительная сцена. Мнѣ не трудно будетъ играть въ ней мою роль, такъ какъ я самъ себя сію минуту только угощалъ отборнѣйшими упреками, наизабавнѣйшимъ гнѣвомъ и ребячьимъ отчаяньемъ. А мой Филиппъ пока хлопочетъ тамъ съ багажемъ; вотъ вытаращитъ глазъ-то, какъ вернется и найдетъ орла уже въ гнѣздѣ! Такова вѣчная участь Филиппа— днемъ ничего не видѣть и сидѣть чучелой; а орелъ смотритъ на солнце и побѣждаетъ.

Глава XV.

Тревожныя думы долго не давали уснуть Гертѣ. Но и охватившій ее, наконецъ, сонъ не принесъ желаннаго покоя; это былъ не сонъ даже, а мучительное полузабытье, полубредъ съ безпрерывно мѣняющимися картинами, одна другой страшнѣе. Мнилось ей, она несется надъ темнымъ лѣсомъ; за нею гонится какое-то чудовище; вотъ оно уже близко; его черная тѣнь рядомъ съ нею, обгоняетъ ее. Нѣтъ, это не чудовище, это Плутонъ, сен-бернардская собака Ганса. Поднялся онъ на заднія лапы и положилъ ей переднія на плечи, смотритъ на нее добрыми глазами... однимъ глазомъ, глазомъ Ганса, и не Плутонъ, а Гансъ держитъ ее въ объятіяхъ. Она хотѣла разсмѣяться надъ страннымъ превращеніемъ; онъ все крѣпче и крѣпче прижимаетъ ее къ себѣ. Она знаетъ, что онъ задушитъ ее, если она опять не полюбитъ его. Просить о пощадѣ, умолять объ отсрочкѣ: она полюбитъ, полюбитъ его, какъ онъ того стоитъ... Голоса нѣтъ, силы нѣтъ слова вымолвить; вотъ-вотъ она умретъ. А глазъ все смотритъ на нее: она его видитъ, хотя припала лицомъ къ груди Ганса. Вдругъ изъ этого глаза хлынулъ потокъ слезъ и разлился рѣкою... Между

тихо шелестящихъ камышей плыветъ она по этой рѣкѣ въ маленькой лодкѣ; рядомъ съ нею сидитъ мужчина въ чужеземной одеждѣ, съ лицомъ, закрытымъ полумаскою. Страшно ей и сладко съ нимъ, — несмотря на маску, она знаетъ, что это Густавъ. Маска упала, и страстный взоръ жжетъ ее и ласкаетъ. Она готова разсердиться; но онъ упалъ на колѣни, его голова склонилась на ея ноги, и плачетъ онъ, и рыдаетъ. Съ нимъ вмѣстѣ плачетъ и она. Вдругъ онъ поднялъ голову и тихо спросилъ, не боится ли она Ганса, цѣлящагося въ нихъ съ берега изъ ружья. Гансъ въ жизни своей не давалъ промаха и убьетъ ихъ обоихъ на мѣстѣ. Выстрѣлъ грянулъ; Густавъ лежитъ мертвый у ея ногъ, а Гансъ поставилъ ему на грудь прикладъ ружья; изъ ствола несется кверху голубоватый дымокъ. Гансъ продолжаетъ грустно смотрѣть ей въ лицо и говоритъ, не разжимая губъ: «Теперь за тобою очередь». Но ружье превратилось въ стройный стволъ пихты, голубоватый дымъ въ могучій, темный кронъ. Она взлетѣла на него и прячется въ его густыхъ хвояхъ. Напрасно: вѣтви разступаются, выдаютъ ее; надъ нею вьется стая птицъ и кричитъ: «здѣсь, здѣсь она!» Внизу подъ деревомъ бѣгаетъ Плутонъ и лаетъ: «Вотъ она, вотъ она!» Гибкій сучекъ, за который она схватилась, спускается все ниже, глубже, глубже... Герта летитъ въ пропасть, и просыпается.

Въ окно сквозь занавѣски пробивался красноватый свѣтъ утра; въ густой листвѣ деревьевъ щебетали птицы, со двора доносился лай цѣпной собаки.

Герта поднялась и сѣла. Только что видѣнный сонъ въ мельчайшихъ подробностяхъ опять проносился въ ея воспоминаніи, только въ обратномъ направленіи, съ момента паденія въ пропасть до погони за нею чудовища надъ темнымъ лѣсомъ.

— Да, мнѣ нужно время,—прошептала она,—я справлюсь съ собою.

Утомленная головка опять склонилась на подошку; покойный, тихій сонъ безъ сновидѣній прикрылъ ее своимъ живительнымъ крыломъ.

Фрау Панкъ разбудила молодую дѣвушку.

— Я не потревожила бы васъ, всего восемь часовъ, а у насъ уже давно идетъ война въ домѣ. Господинъ баронъ ранымъ-ранехонько пріѣзжалъ сюда. Я, конечно, была уже на ногахъ. Но онъ не зашелъ ко мнѣ въ кухню и не выпилъ чашки кофе, какъ всегда дѣлаетъ, а пошелъ къ конюшнѣ и приказалъ Кришану,

чтобы къ девяти часамъ онъ былъ съ каретою въ Прорѣ... Знаете, вѣдь, фрейленъ Гертинька... Кришанъ только что сталъ запрягать, вдругъ,—представьте себѣ, фрейленъ Гертинька!—его превосходительство въ халатѣ выходитъ самъ на дворъ и требуетъ себѣ карету ѣхать въ Грибеницъ... Каково это, фрейленъ Гертинька?... Въ Грибеницъ въ семь часовъ утра! Само собою разумѣется, никуда онъ не поѣхалъ, а хотѣлъ только попугать Кришана...

— Уѣхалъ Кришанъ?—спросила Герта.

— Господинъ баронъ приказалъ. Иначе какъ же они сюда доберутся? Вотъ не придумаю я только, гдѣ же они будутъ жить? Развѣ что тутъ внизу, въ четырехъ комнатахъ, выходящихъ въ садъ. У нихъ ребенокъ, ближе будетъ выносить его... Какъ вы полагаете, фрейленъ Гертинька?.. Къ тому же...

— Да, да,—сказала Герта,—отлично будетъ... подъ руками. Гансъ распорядится самъ... Гансъ...

— Господи, батюшки! Гертинька, что съ вами?

Герта слушала старуху какъ бы въ полудремотѣ, въ полудремотѣ отвѣчала ей до тѣхъ поръ, пока два раза повторенное имя Ганса не заставило ее вдругъ очнуться и разомъ все припомнить. Вчера ночью... сегодня на разсвѣтѣ въ забытьѣ она не вполнѣ сознавала... А теперь, при яркомъ свѣтѣ дня... невѣста Ганса! Черезъ нѣсколько минутъ онъ привезетъ его сюда, съ нимъ вмѣстѣ войдетъ къ ней, съ нимъ...

Герта сидѣла съ широко открытыми глазами, съ неподвижнымъ взглядомъ.

— Да что съ вами, фрейленъ? Что съ вами? — испуганно повторяла Панкъ.—Случившагося уже не передѣлать. Я и сама не ожидала отъ моего Густава. Не слѣдуетъ такъ мучиться, такъ близко принимать къ сердцу и, особливо, выказывать передъ людьми. И безъ того довольно разговоровъ будетъ.

— Панкъ,—сказала Герта съ тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ,—все равно, узнаешь же ты... я выхожу за него замужъ.

Старуха такъ и замерла на мѣстѣ. Что это такое? Замужъ за Густава? Она узнаетъ объ этомъ? Неужели ей суждено видѣть первые припадки? Это блѣдное, спокойное лицо, остановившійся взоръ, боязливый голосъ? Господи Боже! Только этого не доставало къ довершенію несчастья!

— Фрейленъ Гертинька, милая Гертинька! Оставьте, не думайте вы объ этомъ! Онъ дурной человѣкъ, не стоитъ онъ моей до-

рогой Гертиньки, никогда не стоилъ. Я сама ему скажу это въ глаза. Я была его кормилицей, мать ему замѣнила. Прямо скажу ему; не боюсь я его.

Она взяла руку дѣвушки и гладила ее, какъ руку больнаго ребенка. Герта нетерпѣливо отдернула руку и быстро, рѣзко проговорила:

— Что ты мнѣ о немъ растолковываешь? Какое мнѣ дѣло до него? Я выхожу замужъ за Ганса; вчера вечеромъ дала ему слово! Неужели не понимаешь? Вчера вечеромъ я дала слово Гансу! Что же ты молчишь?

Панкъ не въ состояніи была вымолвить ни слова; у нея отнялся языкъ, отнялись руки и ноги. Ей легче было бы, кажется, если бы бѣдная дѣвушка бредила въ горячкѣ. Замужъ за господина барона! За мрачнаго, молчаливаго, криваго Ганса! Ея веселая хохотунья Герта, любившая ея красавца Густава, ея питомца, любящая его до сихъ поръ! Да и можно ли разлюбить его!

По ея полному лицу пробѣжала дрожь. Она хорошо сознавала, что не должно, не слѣдуетъ, но силъ не хватило удержаться, и слезы хлынули потокомъ. Герта ожидала этого. Откинувшись на подушки, она кусала губы и отъ времени до времени украдкою поглядывала на плачущую старуху. Вдругъ она поднялась и сказала:

— Ну, довольно. Надоѣла. Если ты такъ глупа, то убирайся вонъ отъ меня. Я уже не дитя—сама знаю, что дѣлаю, и не желаю, чтобы ты надо мною ревѣла, точно я какое преступленіе сдѣлала. Перестанешь ты?

— Ахъ, фрейленъ Гертинька, фрейленъ Гертинька!—рыдала Панкъ.

— Хочешь плакать, такъ уходи вонъ изъ моей комнаты. Уходи, говорятъ тебѣ, уходи!

Панкъ тяжело поднялась и, не переставая рыдать, вышла изъ комнаты.

— Глупая старуха!—прошептала Герта,—даже не попыталась удержаться отъ своихъ дурацкихъ слезъ. Она способна побѣжать въ кухню и выть передъ всею прислугою, повѣствуя о случившемся несчастьи. Удивитъ это всѣхъ, конечно; не можетъ не удивить. Тѣмъ лучше: я не дитя и сама знаю, что дѣлаю.

Одѣваясь, она раздумывала, не надѣть ли голубое платье, въ которомъ ее видѣлъ Густавъ въ послѣдній разъ и о которомъ

она вчера приказала старой Панкъ напомнить Гансу. Она хотѣла надѣть это платье не для Густава, отнюдь нѣтъ! а для того, чтобы понравиться Гансу. Онъ, навѣрное, находилъ, что оно шло къ ней, если только обращалъ когда-нибудь вниманіе на ея нарядъ. Но скромное лѣтнее платьице такъ невидно и къ тому же вышло изъ моды. Въ немъ рѣшительно нельзя показаться при греческой принцессѣ; та явится разодѣтая въ шелки и бархаты, обвѣшанная цѣпями, унизанная кольцами, надушенная розовымъ масломъ... И ей нельзя плохо одѣться. Это не понравится Гансу, а она только для него была такъ прихотлива въ выборѣ туалета на этотъ разъ. Наконецъ, она осмотрѣлась въ послѣдній разъ въ зеркало и рѣшила, что хороша необыкновенно, несмотря на дурно проведенную ночь. Тѣмъ не менѣе, ея сердце сильно билось, когда она сходила въ столовую. Тамъ она должна встрѣтиться съ бабушкою и съ камергеромъ. Говорить ли имъ, или предоставить это Гансу?

Она остановилось у двери. Въ столовой гремѣли посудой. Вотъ сцена-то будетъ! Ну, все равно! Рано ли, поздно ли, надо же кончить; лучше сейчасъ!... И, все-таки, она легко вздохнула, отворивши дверь и увидавши, что въ комнатѣ никого нѣтъ, кромѣ Вильгельма, накрывавшаго столъ къ завтраку.

— Ихъ превосходительства приказали подать имъ завтракъ наверхъ, — объяснилъ слуга, — и приказали доложить барышнѣ, что къ обѣду тоже не сойдутъ. Они просятъ барышню не безпокоиться приходить наверхъ. Ихъ превосходительства дурно провели ночь и желали бы быть одни. Не угодно ли чего приказать доложить ихъ превосходительствамъ?

Вильгельмъ, вопреки обыкновенію, проговорилъ все это недовольнымъ и сердитымъ тономъ. Онъ, очевидно, уже все зналъ... кромѣ одного, быть можетъ, если только Панкъ не успѣла уже сообщить.

Гертѣ страшно хотѣлось разъяснить это; но спросить невозможно. Она приказала только передать ихъ превосходительствамъ свой поклонъ и желаніе скорѣе поправиться.

Она осталась одна и принялась за завтракъ, раздумывая о вчерашнемъ вечерѣ. При свѣтѣ солнца, обильно лившаго свои лучи черезъ отворенныя окна и двери, Герта долго не могла возстановить въ памяти всѣ подробности происходившей здѣсь сцены. Какъ все это случилось? Могло ли, должно ли было такъ случиться? Тамъ она сидѣла на диванѣ; шагахъ въ двухъ отъ

отъ нея сидѣлъ Гансъ. Во все время его разсказа про Густава она страшно злилась на него за то, что онъ осмѣлился ей разсказывать; за то, что у него хватаетъ духа приглашать сюда клятвопреступника, вынуждать ее жить съ нимъ подъ одною кровлею и ставить вопросъ такъ, какъ будто это само собою разумѣется, что и вопроса никакого нѣтъ, точно она прислуга, у которой никто не спрашиваетъ, пріятны или непріятны ей приглашенные гости. Ея возбужденному воображенію представлялись всѣ предстоящія ей униженія, которымъ она подвергнется по милости Ганса, обязаннаго быть ея покровителемъ и защитникомъ. Безъ его вмѣшательства она поѣхала бы въ Грибеницъ, была бы помолвлена съ Акселемъ и встрѣтила бы греческую принцессу и ея возлюбленнаго уже невѣстою графа Акселя, какъ будущая графиня и владѣтельница майората фонъ Грибенъ. Даже, если бы она впослѣдствіи извинилась передъ родителями Акселя и передъ нимъ самимъ въ томъ, что не была у нихъ на балѣ, развѣ они не пришли бы всѣ въ восторгъ, развѣ не встрѣтили бы ее съ распростертыми объятіями? Старый графъ безъ ума въ нее влюбленъ, графиня въ ней души не чаетъ, и она можетъ дѣлать изъ нея все, что ей угодно! Она не шутила всѣмъ этимъ: она стремилась показать всѣмъ и каждому, что, если и ждетъ Густава, то совсѣмъ не потому, что не можетъ сдѣлать приличной партіи... Не разъ въ минуты отчаянія ей приходила въ голову возможность того, что теперь случилось; не разъ говорила она себѣ: я могу очутиться на его пути къ достиженію честолюбивыхъ цѣлей и не желаю ставить его въ прискорбную необходимость раздавить меня на этомъ пути. Все это проносилось въ ея головѣ вчера вечеромъ, пока она слушала Ганса. А потомъ что было? Да... потомъ исчезло послѣднее сомнѣніе въ его измѣнѣ, въ томъ, что она покинута, брошена любимымъ человѣкомъ, потомъ припадокъ бѣшенства, какого-то сумасшествія, потомъ... потомъ что было? Какъ это произошло? Онъ сказалъ, что любитъ ее, всегда любилъ... Нѣтъ, не то! Что онъ говорилъ? Что она отвѣчала?

Она оперла голову на руку и старалась припомнить; но никакими усиліями ей не удалось возстановить сказанныя имъ слова, приведшія ее въ такое волненіе. Нѣчто подобное она испытала разъ въ жизни, когда готовилась принять первое причастіе, и старый пасторъ, конфирмировавшій ее, дрожащимъ отъ умиленія голосомъ говорилъ о Тѣлѣ, за насъ ломимомъ, о Крови,

за насъ излитой, а потомъ о судѣ надъ тѣмъ, кто ѣстъ и пьетъ, будучи недостойно приготовленъ! Господи! Да развѣ она была приготовлена вчера? И не потому ли именно она была такъ поражена, что бросилась ему на шею въ порывѣ благодарности за благородную любовь, которую онъ столько лѣтъ таилъ? Не приготовлена! Но кто могъ знать, подозрѣвать, что таится въ душѣ такого страннаго, молчаливаго человѣка! Подготовлена ли даже теперь? Приготовлена ли достойно отплатить за такую любовь? Есть ли возможность когда-нибудь отвѣтить на нее такою же любовью?

Чтобы отогнать чѣмъ-нибудь мучительныя думы, Герта подошла къ столу и взяла «Зундинскую Газету», которую Вильгельмъ забылъ отнести наверхъ. Не сознавая прочитаннаго, она пробѣгала глазами послѣднюю страницу, занятую объявленіями. Ея вниманіе остановилось на объявленіи Карла Адольфа Преброва, что онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ платить долговъ своей дочери Іоганны, которая два мѣсяца тому назадъ, вопреки его желанію, ушла отъ хозяина, у котораго жила въ Зундинѣ, вопреки его желанію оставалась въ городѣ и жила нахлѣбницей у вдовы Фишеръ, а три дня тому назадъ неизвѣстно куда скрылась. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ было помѣщено заявленіе вдовы башмачника Фишеръ, что она будетъ судомъ преслѣдовать, какъ за клевету, тѣхъ, кто позволитъ себѣ распространять слухъ, будто она выгнала изъ дома и вообще дурно обходилась съ дѣвицею І. П., жившею у нея два мѣсяца на хлѣбахъ, но ничего не платившею. Герта бросила листокъ съ страннымъ чувствомъ, очевидно, вызваннымъ ея возбужденнымъ состояніемъ. Она встала и пошла въ садъ, разсчитывая, что утренняя прохлада освѣжитъ голову. Но прежде, чѣмъ она успѣла переступить порогъ, мрачныя мысли опять охватили ее и задержали въ дверяхъ.

Рыжая Ганна! Со словъ Панкъ и прислуги она знала, что рыжая Ганна нехорошая дѣвушка, и находила это очень естественнымъ, не особенно близко принимала къ сердцу судьбу этой дѣвушки. Было время, когда Ганна Преброва часто приходила въ замокъ играть съ Гертой, несмотря на то, что была на четыре или на пять лѣтъ старше ея и могла скорѣе быть товарищемъ Густаву. Ганна и Густавъ отлично сошлись между собою; она не могла выносить этого и потребовала, чтобы Ганна не смѣла являться въ замокъ. Густавъ разсмѣялся и сказалъ: «Мнѣ это все равно, пусть убирается рыжая; но я знаю од-

ного человѣка, который порадуется тому, что она не будетъ приходить въ замокъ и останется дома. Дома она будетъ все такою же хорошенькою, а въ лѣсу поцѣлуи не менѣе пріятны, чѣмъ въ замкѣ». Вскорѣ потомъ разрушилась странная дружба между Гансомъ и старымъ Пребровомъ. Герта отлично помнила, какъ съ этого времени Гансъ сталъ совсѣмъ другимъ, сдѣлался тихъ, сосредоточенъ и несообщителенъ, какимъ и остался до сихъ поръ. Выросши, Герта часто останавливалась надъ вопросомъ: не продолжаетъ ли Гансъ поддерживать тайно прежнія отношенія къ старому сосѣду и къ его дочери, которую теперь звали чаще красавицею Ганною, чѣмъ рыжею Ганною? Не привлекаютъ ли, попрежнему, нелюдимаго Ганса, бѣгающаго отъ женщинъ и сидящаго цѣлыми днями одиноко въ своей усадьбѣ, стройный и роскошный станъ рыжей, ея полныя губы и страстные глаза, за которые нѣкоторые и считали ее красавицей? Потомъ, когда мачиха выгнала Ганну изъ дома, всѣмъ было извѣстно, что Гансъ помѣстилъ ее въ Прорѣ у своихъ старыхъ друзей... у Ганса всегда были очень странные друзья! А графъ Аксель какъ-то въ разговорѣ случайно сказалъ, что и въ Зундинѣ она продолжаетъ пользоваться покровительствомъ Ганса. Аксель долженъ былъ хорошо знать это, такъ какъ весь зимній сезонъ проводилъ въ городѣ съ родителями. Герта отлично помнитъ, когда и гдѣ онъ говорилъ это; она сдѣлала видъ, что не поняла ни его двусмысленныхъ словъ, ни довольно выразительной улыбки. Но она все поняла и... всему повѣрила. Былъ ли на самомъ дѣлѣ Гансъ такимъ, какимъ казался, или это одно притворство? Да, возможно, что онъ ничѣмъ не лучше другихъ, хуже даже тѣмъ, что у этихъ другихъ хватитъ смѣлости не скрывать свои иногда не очень хорошіе поступки и мнѣнія! Это было два мѣсяца тому назадъ, на балѣ у Зальховъ... она повѣрила, а теперь?

Теперь она не должна такъ думать, не имѣетъ права вѣрить послѣ того, какъ онъ сказалъ, что любитъ ее, что всегда любилъ! Эти слова вырвались у него въ минуту сильнѣйшаго возбужденія и выдали его тайну, которую онъ столько лѣтъ хранилъ въ своей скрытной душѣ. Она отвѣтила обѣщаніемъ, клятвою любить его взаимно.

Но можно ли заставить себя любить? Можно ли приказать сердцу? Развѣ она знаетъ, какъ полюбила того? Свѣтитъ солнце и играетъ на травѣ и цвѣтахъ; она видитъ солнце и цвѣты

потому, что у нея есть глаза, и она не можетъ не видѣть ихъ... она слышитъ щебетанье птицъ, — не можетъ ихъ не слыхать... Можно ли любить... не любить, по произволу?

Какъ бы желая убѣжать отъ мучительныхъ думъ, Герта быстро сошла съ балконной лѣстницы въ садъ. Изъ лѣваго флигеля, частью скрытаго отъ нея густыми кустарниками, слышался сердитый голосъ Панкъ и передвиженіе мебели. По настоящему, это ея обязанность была бы тамъ распорядиться, присмотрѣть; но приготовлять помѣщеніе для Густава и для его жены... этого никто не вправѣ отъ нея требовать... не вправѣ требовать, чтобы она встрѣтила ихъ, привѣтствовала обычнымъ: добро пожаловать! Съ собою она, конечно, съумѣетъ справиться, не опустить глазъ передъ его женою, не...

— Проклятыя мысли! Не хочу... не стану больше мучить себя... Не хочу я!

Она миновала кругъ передъ балкономъ и безцѣльно бродила по саду и парку, тщетно ища покоя, тщетно стараясь сосредоточить вниманіе то на одномъ, то на другомъ. Неотвязныя думы преслѣдовали ее, и она безпрерывно ловила себя на одномъ, неизмѣнно повторяющемся вопросѣ: какъ мы встрѣтимся съ нимъ?

Куда бы она ни направлялась, о чемъ бы ни старалась думать, ее неудержимо влекло къ одному мѣсту парка; до сихъ поръ она тщательно избѣгала его, такъ какъ знала, что тамъ именно менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, она способна овладѣть собою. И вотъ она, все-таки, очутилась на площадкѣ, расчищенной на верху холма подъ огромной сосной, служившей маякомъ для шкиперовъ въ морѣ. Тутъ на скамьѣ, подъ тѣнью этого дерева, какъ часто сидѣла она и думала о немъ, слѣдя взоромъ за каждымъ убѣгавшимъ вдаль парусомъ, уносясь вмѣстѣ съ нимъ мечтою туда, въ эту синѣющую даль... къ нему, къ нему!

— Еще разъ... еще разъ воскресить эти мечты, мечты юности... въ послѣдній разъ!

Она вздрогнула и подняла голову, испуганная неожиданнымъ шумомъ крыльевъ орла, слетѣвшаго съ вершины дерева и поднимавшагося широкими кругами высоко надъ паркомъ. Ея глаза, точно прикованные невидимою силою, слѣдили за полетомъ птицы, не могли оторваться отъ удаляющейся точки, плывущей въ неизмѣримой вышинѣ, готовой исчезнуть въ лазури яснаго неба, исчезнуть навсегда, подобно тому, какъ безвозвратно унеслись и готовы исчезнуть ея юность, ея счастье, любовь... все, все,

что, несмотря на причиненныя слезы, было такъ дорого въ жизни, составляло всю прелесть жизни... Невыносимо тяжелое чувство залегло на сердце, давило его. Слезъ бы! слезъ, чтобы душу всю выплакать! Но слезъ не было...

Герта опустилась на скамью, захватила голову руками, устремила неподвижный взоръ на лежащіе у ея ногъ пестрые узоры смѣняющихся свѣта и тѣней и прислушивалась къ шелесту вѣтра, игравшаго въ вершинахъ деревьевъ.

«Какъ мы встрѣтимся съ нимъ? Достанетъ ли у него духа взглянуть мнѣ въ глаза? Если бы у него хватило смѣлости, онъ пріѣхалъ бы вечеромъ... несмотря ни на что! Онъ сказалъ бы...»

— Герта...

Она вскрикнула и устремила испуганный взоръ на человѣка, неожиданно появившагося передъ нею на краю площадки.

— Густавъ!

Точно поднятая невидимыми крыльями, неслась она ему навстрѣчу, въ распростертыя къ ней объятья. Вдругъ она остановилась и отшатнулась назадъ такъ, что и онъ не посмѣлъ приближаться къ ней. Не любовь свѣтилась въ устремленныхъ на него глазахъ! Его руки опустились; на губахъ появилась горькая усмѣшка обманутаго ожиданія, которой онъ силился придать выраженіе грусти.

— Такъ-то мы встрѣчаемся!—проговорилъ онъ тихо.

То былъ отвѣтъ на долго и безплодно терзавшій ее вопросъ. На ея губахъ тоже скользнула судорожная улыбка; но она и не подумала даже скрывать всю горечь этого невеселаго смѣха.

— Да, такъ,—сказала она.—И твоя вина въ томъ, что не иначе!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Экономическія замѣтки о Болгаріи.

I.

Землевладѣніе въ Болгаріи и разные его виды. — Общинно-семейное землевладѣніе и остатки общинно-деревенскаго.

Кромѣ того интереса, какой представляетъ для насъ Болгарія въ качествѣ славянской страны, національное возрожденіе которой совершилось почти на нашихъ глазахъ, она въ высшей степени интересна и поучительна, какъ одна изъ тѣхъ странъ, экономическій строй которыхъ находится въ почти примитивномъ еще состояніи. Историческія обстоятельства хотя и разрушили уже въ этой странѣ такія древнія общественно-экономическія формы, какъ первобытная деревенская община во всей ея цѣлости, но пощадили еще очень многое, оставшееся еще отъ этихъ формъ, и, кромѣ того, помѣшали развитію тѣхъ условій, при которыхъ усложняется общественное раздѣленіе труда, происходитъ дифференцированіе сословій и проч. Поэтому въ экономической жизни этой страны мы встрѣчаемъ довольно много явленій, давнымъ давно пережитыхъ уже Западной Европой и какъ бы нарочно сохраненныхъ ходомъ событій для освѣщенія европейскаго прошлаго. Такія страны слишкомъ драгоцѣнны въ соціологическомъ смыслѣ, чтобы оставлять ихъ безъ вниманія, но, къ сожалѣнію, въ этомъ-то именно отношеніи, т.-е. въ отношеніи соціально-экономическомъ, Болгарія изо всѣхъ южно-славянскихъ земель наименѣе еще изслѣдована. А, между тѣмъ, и въ теоретическомъ отношеніи, и для освѣщенія очень многихъ сторонъ нынѣшняго политическаго положенія Болгаріи—этой во всякомъ случаѣ во многихъ отношеніяхъ близкой намъ страны будущаго—экономическія свѣдѣнія о ней могутъ быть для насъ не только интересны, но и очень полезны. Въ виду этого мы считаемъ для себя позволительнымъ познакомить читателей съ небольшимъ количествомъ этого рода свѣдѣній, собранныхъ нами во время пребыванія въ Болгаріи. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что свѣдѣнія эти относятся главнымъ обра-

зомъ къ восточной части Болгаріи и представляютъ собою результатъ отчасти личныхъ наблюденій, отчасти же и главнымъ образомъ,—по возможности систематическихъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей *).

До сихъ поръ сдѣланныя археолого-историческія изслѣдованія, какъ кажется, не даютъ еще возможности опредѣлить сколько-нибудь ясно экономическую организацію древнихъ болгаръ и тѣ измѣненія въ экономическомъ строѣ, какія должны были произойти отъ смѣшенія ихъ съ славянскими племенами на Дунаѣ. О временахъ, далеко еще предшествовавшихъ появленію турокъ, преданіе говоритъ, что люди жили тогда въ Болгаріи «колибами» или «хижами»—хуторами, каждая семья или, лучше сказать, родъ, отдѣльно. Самое слово «*колиба*» (турец. *kouliba*) или «*хижа*» означаетъ шалашъ, хижину, вообще лѣтнюю легкую постройку**). Въ такомъ смыслѣ оно употребляется и теперь въ Добруджѣ, гдѣ рыбаки живутъ на рыбныхъ заводахъ въ колибахъ изъ тростника. Въ Болгаріи же этимъ словомъ называлось, а въ Тырновскомъ округѣ и въ Балканахъ и теперь называется цѣлое общинное поселеніе—постройка или группа построекъ, представляющая собою хуторъ, въ которомъ подъ одной крышей или въ одномъ дворѣ живетъ цѣлая родственная между собой община. Вокругъ собственно-колиды, т.-е. жилой постройки, находились принадлежавшіе къ ней огороды и нивы. Хозяйство въ такихъ колибахъ велось сообща, подъ управленіемъ старѣйшинъ. Если населеніе общины размножалось до того, что пространство первоначальной колибы не могло уже вмѣщать ее, то новыя семьи выдѣлялись и устраивали возлѣ старой колибы новыя. Такимъ образомъ, изъ нароставшихъ постепенно другъ около друга хуторовъ составились потомъ нынѣшнія деревни, а такъ какъ все населеніе каждой деревни происходило отъ общаго предка, то и самыя деревни и до сихъ поръ носятъ названія, указывающія на это обстоятельство: козаровцы, драгнювцы, илювцы и т. д. Составляли ли выдѣлившіяся колибы съ первоначальной одну экономическую единицу, т.-е. владѣли ли они землею сообща и сообща же ее обрабатывали, объ этомъ свѣдѣній не имѣется, даже и по преданіямъ, но, по всей вѣроятности, это было именно такъ. На это прямо указываетъ существующее и по настоящее время обычное право преимущественной покупки земли сосѣдями и односельчанами. И теперь, если кто-нибудь продаетъ свою землю, то, по обычаю, сосѣди пользуются правомъ купить ее преимущественно передъ лицами посторонними, а также, если земля будетъ куплена жителемъ чужаго села, то мѣстные жители имѣ-

*) При этомъ считаемъ своею обязанностью выразить особенную благодарность г. Харлампію Ангелову, бывшему окружному управителю Разградскаго округа, которому мы обязаны главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи.

**) Слово *хижа* существуетъ и въ украинскомъ языкѣ и означаетъ плетеную изъ хвороста и обмазанную глиной холодную пристройку къ хатѣ. Лѣтомъ въ ней живутъ, а зимою она служитъ вмѣсто кладовой. Въ правобережной Украйнѣ хижа называется еще *ванькиръ*.

ютъ право выкупить ее обратно, внеся уплаченныя за нее деньги. Эти обычаи, по толкованію Лавэлэ, могли произойти не иначе, какъ въ видѣ остатка отъ того времени, когда каждый только *пользовался* частью общинной земли, право собственности на которую принадлежало всей общинѣ. Еще больше заставляетъ предполагать это, а также и то, что болгарская семейная община, теперь еще существующая, произошла отъ первобытной сельской общины, тотъ фактъ, что и по настоящее время, какъ мы увидимъ далѣе, пастбища и лѣса въ Болгаріи составляютъ общинное владѣніе и только одни поля (кромѣ, конечно, усадебъ и состоящей при нихъ земли) представляютъ частную или личную собственность, дающую, между прочимъ, право участія и въ общинномъ пользованіи лѣсами и пастбищемъ.

Какъ бы то ни было, но, переходя изъ сферы преданій и догадокъ въ область историческихъ фактовъ, мы видимъ, что во время владычества турокъ Болгарія представляла уже собой въ экономическомъ смыслѣ агломератъ семейныхъ общинъ, совершенно похожихъ на сербскую «задругу» и существующихъ рядомъ съ государственнымъ и личнымъ землевладѣніемъ и въ настоящее время. Начало частной поземельной собственности въ Болгаріи было положено, по всей вѣроятности, турками. По завоеваніи этой страны, вся земля въ ней была объявлена принадлежащей султану. Часть ея была тогда же выдѣлена и поступила въ вѣдѣніе духовенства, съ тѣмъ, чтобы доходы съ этихъ земель (вакуфовъ) были употребляемы въ пользу мечетей, школъ и другихъ религіозно-общественныхъ учрежденій. Затѣмъ прочая земля или была оставлена въ качествѣ государственной собственности и давалась частнымъ лицамъ во временное пользованіе на всевозможныхъ условіяхъ, или же была роздана, на основаніяхъ, близкихъ къ феодальнымъ, турецкимъ военнымъ начальникамъ и другимъ лицамъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній видъ турецкаго землевладѣнія превратился въ обыкновенное частное крупное землевладѣніе—*чифлики*, владѣльцы которыхъ *чифликчи* или *беи*, т.-е. помѣщики, пользовались крѣпостнымъ или, лучше сказать, сеньоральнымъ правомъ надъ людьми побѣжденной національности, населявшими эти чифлики, т.-е. болгарами. Что касается этихъ послѣднихъ, то еще во время завоеванія турки отобрали у нихъ для себя нѣкоторую часть неразработанныхъ земель и бо́льшую часть разработанныхъ, и вотъ тогда именно, когда пришлось разграничить землю, доставшуюся завоевателямъ и оставленную побѣжденнымъ,—оставшимся безъ земли болгарамъ было преодставлено разрабатывать для себя новые участки, съ тѣмъ, что участки эти послѣ шестилѣтней обработки поступали уже въ полную собственность разработавшаго ихъ, который и получалъ тогда на эту землю и документы, какъ собственникъ. Точно также были выдаваемы документы и цѣлымъ селамъ на земли, которыя приписывались къ нимъ для общиннаго пользованія (metruké) или оставались у нихъ отъ прежняго времени въ качествѣ такихъ же *мэтрукэ* или же *гораджіэ*, т.-е. земель, оставленныхъ побѣдителями во владѣніи туземцевъ, на условіи извѣстной подати

(б. ч. десятины) и сеньоральнаго подчиненія бегамъ. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе земли, укрѣпленіе извѣстнаго количества ея въ частную собственность и юридическое оформленіе этой собственности. Что касается чифликовъ, то беги довольно долго пользовались своими помѣщичьими правами относительно поселянъ. Нужно сказать, впрочемъ, что права эти были скорѣе сеньоральнаго характера, чѣмъ помѣщичьяго въ русскомъ смыслѣ. т.-е., другими словами, чифликчи пользовались только извѣстнымъ количествомъ обязательнаго труда со стороны крестьянъ, ихъ поля должны были обрабатываться раньше крестьянскихъ, ихъ жатвы должны были сниматься раньше, чѣмъ крестьянскія, и т. п. Наконецъ, въ 1858 году, когда вообще регулировались поземельныя отношенія въ Турціи, обязательный трудъ болгаръ въ пользу беговъ былъ и вовсе отмѣненъ и замѣнился въ чифликахъ трудомъ по найму, что, разумѣется, значительно облегчило болгарское населеніе, хотя, конечно, турки имѣли достаточно простора, чтобы не исполнять своихъ обязательствъ и дѣлать разныя другія обиды. Окончательно же и формально обязательныя отношенія болгаръ къ бегамъ прекратились только теперь, по освобожденіи Болгаріи.

Въ настоящее время всѣ земли Болгаріи въ отношеніи владѣнія раздѣляются на государственныя, вакуфныя и частныя. Что касается государственныхъ земель, то ихъ теперь не особенно много и они состоятъ главнымъ образомъ изъ лѣсовъ и сѣнокосовъ; пахотныхъ же земель, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, почти нѣтъ, кромѣ тѣхъ земель, которыя остались послѣ выселившихся изъ Болгаріи черкесовъ. Эти пахотныя земли сдаются (какъ и въ турецкое время) въ аренду, съ половины продуктовъ, причемъ половина эта выплачивается или натурой, или деньгами. Земли, оставшіяся послѣ черкесовъ, или отдаются также въ аренду, или (главнымъ образомъ) надѣляются бѣженцамъ изъ Ѳракіи и Македоніи и прочему безземельному люду. Вакуфныя земли составлялись изъ а) земельныхъ участковъ, завѣщанныхъ и пожертвованныхъ на содержаніе мечетей, монастырей, училищъ, мостовъ, фонтановъ и т. п.; b) земель, десятина съ которыхъ назначена государствомъ въ пользу мечетей и проч., и с) земель, отданныхъ владѣльцами при жизни, съ сохраненіемъ ими права пользоваться извѣстной частью доходовъ для себя. Земли первой и послѣдней категоріи находятся въ завѣдываніи самихъ жертвователей или ихъ наслѣдниковъ; въ случаѣ же смерти жертвователей и отсутствія наслѣдниковъ, земли эти поступали прежде въ завѣдываніе такъ называемаго эвкафа, особаго министерства вакуфовъ, управляющаго въ Турціи землями 2-й категоріи и вообще всѣми дѣлами вакуфовъ; теперь же администрація этихъ земель лежитъ, конечно, на болгарскомъ правительствѣ. Обыкновенно въ каждомъ округѣ окружный совѣтъ сдаетъ всѣ эти вакуфныя земли въ аренду, а доходъ съ нихъ находится въ депозитѣ казначейства, откуда и выдается «джаміямъ» (мечетямъ), школамъ и прочимъ турецкимъ учрежденіямъ по мѣрѣ надобности и съ разрѣшенія окружнаго управителя. Къ сожалѣнію,

ни турецкое общество, ни духовенство не имѣютъ никакой возможности контролировать это управленіе вакуфами, что, разумѣется, не можетъ способствовать установленію добрыхъ отношеній между турецкимъ населеніемъ Болгаріи и ея правительствомъ.

Наконецъ, частная поземельная собственность въ Болгаріи распадается на сравнительно небольшое *крупное* землевладѣніе—чифлики и *мелкое*. При отсутствіи въ настоящее время правильныхъ статистическихъ свѣдѣній о Болгаріи невозможно и сколько-нибудь точное опредѣленіе размѣровъ этихъ двухъ родовъ землевладѣнія. Приблизительно же, по отзывамъ болгаръ, можно думать, что чифлики составляютъ не болѣе $^1/_4$ всей поземельной собственности и только въ нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, округахъ, половина всей земли принадлежитъ бегамъ. Чифликами владѣютъ почти исключительно турки и только въ самое послѣднее время появились чифликчи изъ болгаръ и то въ самомъ ничтожномъ пока количествѣ. Благодаря этому обстоятельству, министерству Каравелова удалось безъ всякаго труда провести законъ, который запрещаетъ продажу чифликовъ въ цѣломъ ихъ видѣ и никакой судъ не имѣетъ права утверждать крѣпостныхъ актовъ, относящихся къ такой продажѣ, могутъ же быть продаваемы земли крупныхъ имѣній только по частямъ, причемъ каждому лицу предоставляется покупать не болѣе 25 дюлюмовъ въ однѣ руки. Это ограниченіе пріобрѣтать землю въ количествѣ, превышающемъ 25 дюлюмовъ, относится, нужно замѣтить, не только къ покупкѣ земли изъ чифликовъ, но и вообще ко всякой покупкѣ кѣмъ бы то ни было, у кого бы то ни было. Понятно, что такая мѣра, въ виду неудобства положенія нынѣшнихъ чифликчи-турокъ въ современной Болгаріи, при серьезномъ ея выполненіи могла бы. въ концѣ-концовъ, повести ни къ чему иному, какъ, если не къ полному уничтоженію, то къ большому затрудненію развитія въ будущемъ крупнаго землевладѣнія въ Болгаріи. Мѣра эта, впрочемъ, была вызвана не столько соображеніями этого рода, сколько опасеніями, чтобы турецкое крупное землевладѣніе не замѣнилось землевладѣніемъ какихъ-нибудь другихъ иностранцевъ, которые могли бы въ такомъ случаѣ явиться сильнымъ и притомъ не особенное желательнымъ факторомъ внутренней болгарской политики. Вѣроятно, поэтому законъ этотъ не имѣлъ до сихъ поръ вполнѣ строгаго примѣненія и постоянно обходится, особенно теперь, посредствомъ покупки земли не только на имя одного лица, но также и на имя его жены, каждаго изъ дѣтей, прочихъ родственниковъ и т. д. Понятно, что, въ виду этого, вопросъ о томъ, поведетъ ли этотъ аграрный законъ къ уравненію землевладѣнія и помѣшаетъ ли развиться новому крупному землевладѣнію—остается вопросомъ, разрѣшеніе котораго будетъ зависѣть отъ очень сложныхъ экономическихъ и политическихъ отношеній, могущихъ возникнуть и внутри страны, и особенно внѣ ея—съ сосѣдними государствами. Предсказывать въ этомъ отношеніи что-нибудь, конечно, трудно, хотя, кажется, вполнѣ слѣдуетъ пожелать, чтобы мелкое землевладѣніе продержалось въ

Болгаріи до тѣхъ поръ, пока крупное земледѣльческое хозяйство могло бы водвориться въ Болгаріи на другихъ основаніяхъ, чѣмъ это было до сихъ поръ въ Западной Европѣ.

Переходя затѣмъ къ мелкому частному землевладѣнію, мы должны замѣтить, что оно въ Болгаріи и до сихъ поръ, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть вполнѣ названо *частнымъ*. Въ настоящее время землевладѣніе частныхъ лицъ можно раздѣлить на два вида: личное владѣніе землей и семейно-общинное землевладѣніе, причемъ оба эти вида связаны съ чисто общиннымъ владѣніемъ или пользованіемъ общественными лѣсами, пастбищами, а иногда и сѣнокосами. Что касается *личнаго* владѣнія, то обыкновенно, кромѣ усадебной земли, предметомъ его бываетъ участокъ «нивы»—пахатной земли и «левады», сѣнокоса, въ размѣрѣ того и другаго вмѣстѣ, среднимъ числомъ отъ 20 до 60 дюлюмовъ *). Наиболѣе бѣдные землевладѣльцы имѣютъ около 5-ти дюлюмовъ, самые же богатые около 200; но это уже цифры крайнія, встрѣчающіяся довольно рѣдко, вообще же среднее землевладѣніе колеблется между указанными нами выше размѣрами; при этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что землевладѣльцы-турки владѣютъ сравнительно бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ болгары, но это, по всей вѣроятности, очень скоро измѣнится, какъ вслѣдствіе переселенія турокъ, такъ и потому, что они, все-таки, потеряли уже свое прежнее, болѣе или менѣе привилегированное, положеніе въ странѣ.

Самый интересный въ теоретическомъ отношеніи видъ землевладѣнія въ Болгаріи—это, разумѣется, семейно-общинный. Къ сожалѣнію, относительно этой формы хозяйства, процвѣтающей еще въ Сербіи подъ именемъ «задруги», мы менѣе всего богаты личными наблюденіями, такъ какъ семейная община, находящаяся въ настоящее время въ Болгаріи вообще въ состояніи разложенія, почти исчезаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, съ которыми намъ пришлось познакомиться. Поэтому мы должны будемъ ограничиться только нѣкоторыми свѣдѣніями, добытыми путемъ разспросовъ, остальное же постараемся дополнить данными, почерпнутыми изъ очень обстоятельной книги Богишича: *О юго-славянскомъ обычномъ правѣ* **).

Оставляя пока въ сторонѣ подробное описаніе болгарской семейной общины, мы коснемся только характерныхъ чертъ ея, относящихся къ землевладѣнію. Постояннымъ, т.-е. недѣлимымъ и неотчуждаемымъ имуществомъ семейной общины бываетъ обыкновенно *непокретно имание*, т.-е.

*) *Дюлюмъ* или *уратъ* или *пдіонъ*, практикуемая въ Болгаріи мѣра поверхности, состоитъ изъ 4-хъ *лехов*, изъ которыхъ каждый представляетъ собой десять квадратныхъ шаговъ (*ра́скрач*—шагъ, отъ слова *крак*—нога). Для болѣе конкретнаго опредѣленія этой послѣдней мѣры, т.-е. шага, служитъ разстояніе между колесами обыкновенной крестьянской телѣги (колы), равняющееся почти 1-му метру. Такимъ образомъ дюлюмъ можно считать равняющимся приблизительно почти 40 квадратнымъ метрамъ.

**) *V. Bogisic*: „Zbornik sadosnijh pravnih obicaja u juznih slavena". Кн. I. Zagreb, 1874.

именно прежде всего *земля*, а затѣмъ *орудія труда*. Нивы, левады, виноградники, иногда участки пастбища и лѣса, а также жилища, хозяйственныя постройки, мельницы, сельско-хозяйственныя орудія — составляютъ основное общинное имущество, унаслѣдованное общиной отъ предковъ и долженствующее перейти потомству и называемое: *имание*, *мюлкъ*, *стока*, *бащниа*, *бъдниа*. Самыя названія такого общиннаго имущества показываютъ какъ его происхожденіе, такъ и характеръ, представляя антитезу личной собственности — «*свойщины*», *особины: добитъкъ*, *жива стока*, *покущнина*, которая пріобрѣтается, независимо отъ общаго наслѣдственнаго капитала, путемъ чисто личнаго труда или промысла. Такимъ образомъ, значитъ, болгарская семейная община владѣетъ сообща извѣстнымъ земельнымъ участкомъ на чисто общинныхъ основаніяхъ, т.-е. скорѣе *пользуется* землей, чѣмъ владѣетъ, такъ какъ по существующему обычаю земля, полученная отъ предковъ—*бащниа*, *бъдниа*, должна быть передана слѣдующей генераціи въ такомъ же видѣ, въ какомъ была унаслѣдована живущей генераціей. Общинная земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждена; продажа ея можетъ состояться только развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ, вродѣ безъисходной бѣдности, уплаты долга по рѣшенію суда и т. п. Небольшой участокъ поля или виноградника можетъ еще быть обмѣниваемъ на другой, или даже проданъ иногда съ цѣлью пріобрѣтенія бо́льшаго или лучшаго участка, но и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, не иначе, какъ съ согласія всѣхъ рѣшительно полноправныхъ членовъ общины-семьи. Никто и не станетъ въ Болгаріи покупать общинную землю, не заручившись напередъ такимъ согласіемъ, и если даже, наконецъ, такое согласіе и будетъ получено и земля перейдетъ въ собственность другихъ лицъ, то члены общины или ихъ потомки, все-таки, сохраняютъ всегда за собой право выкупить свою землю обратно, возвративши заплаченныя за нее деньги. Общинная земля и прочее постоянное недвижимое имущество, какъ мы сказали, должны всегда оставаться принадлежащими общинѣ и изъ нихъ никогда не можетъ быть выдѣлена никакая часть ни по выдѣлу, ни по завѣщанію въ отдѣльное владѣніе кому-нибудь изъ членовъ общины. Пока существуетъ семейная община, ея земельный участокъ остается въ полной неприкосновенности, дѣлежъ же происходитъ только при окончательномъ распаденіи самой общины, о которомъ мы будемъ говорить послѣ. Для болѣе полной характеристики семейно-общиннаго землевладѣнія прибавимъ еще, что семья не только сообща владѣетъ землей, но и сообща ею пользуется. При недѣлимости семьи, при жизни всей семьи, какъ бы велика она ни была, подъ одной крышей, все хозяйство, а въ томъ числѣ прежде всего обработка земли, производится сообща всѣми членами семьи-общины, подъ управленіемъ главы семьи—*домакина*, которымъ бываетъ или отецъ (баща), или кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ; сообща же, какъ увидимъ далѣе, происходитъ и потребленіе продуктовъ этого общиннаго хозяйства.

Такою представляется въ отношеніи землевладѣнія болгарская *семейная* община, которая теперь, какъ мы сказали уже, почти никогда не охватываетъ собою цѣлаго поселенія, за исключеніемъ совсѣмъ еще примитивныхъ балканскихъ «колибъ», представляющихъ собой еще деревенскую общину въ малыхъ размѣрахъ. Но, несмотря на то, что каждая изъ составляющихъ современную болгарскую деревню семейныхъ общинъ, владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ земли, несмотря на то, что, вслѣдствіе постоянно прогрессирующаго распаденія семейныхъ общинъ, современная Болгарія теперь уже представляетъ собой въ значительной степени страну личнаго землевладѣнія; *деревенская* община еще сохранила извѣстную долю своего первобытнаго экономическаго характера, владѣя сообща въ качествѣ коллективнаго юридическаго лица лѣсами, пастбищами и иногда сѣнокосами, а въ нѣкоторыхъ округахъ, по словамъ книги Богишича, и пахотными землями, находящимися по берегамъ рѣкъ (вѣроятно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается рисъ), каменоломнями, залежами глины, кирпичными заводами, церковнымъ имуществомъ и, наконецъ, общественными суммами деревни. Всѣмъ этимъ болгарская деревенская община владѣетъ какъ самостоятельная экономическая, а не только административная единица (какою она въ сущности никогда и не была), и владѣетъ, нужно замѣтить, вполнѣ общиннымъ способомъ, по крайней мѣрѣ, относительно пастбищъ и лѣсовъ, которые въ Болгаріи почти никогда не бываютъ предметомъ личнаго владѣнія. Какъ лѣснымъ матеріаломъ для построекъ, такъ и деревомъ для топлива каждый членъ деревенской общины имѣетъ право пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ своихъ потребностей. Пользованіе это, впрочемъ, регулируется тѣмъ, что каждый, желающій вырубить для себя извѣстное количество лѣса, долженъ заявлять объ этомъ *кмету* (старшинѣ) своей деревни и получить отъ него письменное разрѣшеніе; что же касается дровянаго лѣса, то ежегодно, по рѣшенію схода деревенской общины, отводится для рубки топлива извѣстная дѣлянка, въ которой каждый изъ членовъ общины имѣетъ право рубить столько дровъ, сколько ему необходимо, разумѣется, опять-таки, съ вѣдома и подъ надзоромъ кмета. Кромѣ того, пользованіе лѣсомъ обусловливается еще оставшимся со времени турокъ налогомъ въ пользу казны въ размѣрѣ 10% со стоимости вырубливаемаго лѣса. Этотъ лѣсной налогъ взимался во времена турецкаго управленія исключительно только съ строеваго лѣса, теперь же онъ взимается со всѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ. Тѣ деревни, которыя въ предѣлахъ своихъ владѣній не имѣютъ лѣсовъ, пользуются лѣснымъ матеріаломъ изъ большихъ лѣсовъ сосѣднихъ деревень, составляющихъ такимъ образомъ предметъ совмѣстнаго пользованія нѣсколькихъ селъ. Въ случаѣ же отсутствія такихъ лѣсовъ, деревенская община пользуется казенными лѣсами на тѣхъ же основаніяхъ. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что деревенскія общины пользовались иногда своими правами относительно лѣсовъ самымъ хищническимъ образомъ, продавая ихъ на срубъ, гуртомъ, или губя ихъ въ

высшей степени безпорядочною рубкою, особенно во время турецкаго правительства. Въ результатѣ этого оказывается и теперь уже значительное обезлѣсеніе Болгаріи и величайшая трудность удержать лѣсоистребленіе теперь, несмотря даже на очень строгіе законы въ этомъ отношеніи. Что касается затѣмъ пастбищъ, то они находятся также въ общемъ пользованіи всей деревни и притомъ безъ всякихъ ограниченій относительно числа головъ пасомаго скота,—ограниченій, практикуемыхъ, какъ извѣстно, на общинныхъ пастбищахъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи. Въ Болгаріи каждый членъ общины имѣетъ право выгонять на пастбища столько скота, сколько онъ имѣетъ; что же касается лицъ, постороннихъ общинѣ, то они могутъ пользоваться пастбищемъ только по договору съ общиной, большею частію по найму. Иногда случается, что нѣсколько деревень имѣютъ одно пастбище, въ такомъ случаѣ особеннымъ предметомъ общаго вниманія бываетъ наблюденіе, чтобы никакая часть общаго пастбища не была обращена которою-нибудь изъ деревень подъ пахоть или сѣнокосъ. Выдѣлъ части пастбища допускается только въ томъ случаѣ, если обнаруживается у нѣкоторыхъ членовъ деревенской общины недостатокъ въ сѣнокосахъ, и тогда выдѣляемая часть пастбища превращается въ общественный сѣнокосъ, сѣномъ съ котораго пользуются всѣ, неимѣющіе собственныхъ левадъ. Понятно, что такой выдѣлъ общественнаго выгона совершается не иначе, какъ по рѣшенію всей деревенской общины.

Такіе факты, какъ общинное владѣніе землями и пастбищами, совмѣстность этого владѣнія между нѣсколькими деревнями, право пользоваться сосѣдними и казенными лѣсами въ случаѣ недостатка своихъ и, наконецъ, внесеніе 10% налога со всякаго вырубленнаго лѣснаго матеріала, отъ котораго налога не свободны даже владѣльцы чифликовъ, если они рубятъ и свой собственный лѣсъ,—все это, по нашему мнѣнію, нельзя не разсматривать, какъ признаки когда-то существовавшей вполнѣ правильной деревенской общины, распавшейся потомъ на общины семейныя, соотвѣтствующія сербской задругѣ. Налогъ на рубку лѣса, обязательный даже для чифликчи, помѣщиковъ,—это несомнѣнный остатокъ того отдаленнаго времени, когда лѣса и пастбища были еще res nullius и когда только развѣ возникшее позже государство могло считаться чѣмъ-то вродѣ верховнаго ихъ собственника. Если же мы прибавимъ ко всему этому еще фактъ существованія обычая, по которому, какъ мы упоминали уже, потомки личныхъ владѣльцевъ земли или даже сосѣдніе землевладѣльцы сохраняютъ за собой въ Болгаріи право выкупа или преимущественной передъ прочими пріобрѣтателями покупки земельнаго участка, въ случаѣ его продажи, то мы, кажется, должны придти къ заключенію, что и въ настоящее время абсолютное право собственности на землю въ Болгаріи еще не существуетъ *).

*) Къ сожалѣнію, отсутствіе какой бы то ни было статистики рѣшительно не позволяетъ намъ опредѣлять хоть съ приблизительной точностью то отношеніе, которое существуетъ между частнымъ и общинно-семейнымъ землевладѣніемъ въ Болгаріи.

Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, начиная отъ личнаго мелкаго землевладѣльца, обязаннаго обычаемъ уступать свою землю потомкамъ прежнихъ владѣльцевъ или сосѣдямъ преимущественно передъ другими покупщиками, и кончая помѣщикомъ, не имѣющимъ права рубить свой лѣсъ безъ уплаты десятины въ казну, право земельной собственности является чѣмъ-то условнымъ и во всякомъ случаѣ неполнымъ. Это, впрочемъ, и вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, что Болгарія, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, попала подъ власть турокъ въ то время, когда римскія юридическія воззрѣнія на собственность не могли еще пустить въ ней прочныхъ корней. Благодаря этому, а также благодаря почти полному невмѣшательству турокъ въ коммуннальные обычаи и общественную оганизацію подвластныхъ имъ народовъ, въ Болгаріи точно также, какъ въ Сербіи, несмотря на слабыя попытки турецкой феодализаціи, сохранились чисто славянскія воззрѣнія на собственность и многія первобытно-славянскія экономическія формы. И только теперь начинаютъ видоизмѣняться эти воззрѣнія и формы, но уже подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ условій, о которыхъ мы скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о распаденіи современной болгарской семейной общины и о связанныхъ съ этимъ распаденіемъ прочихъ общественныхъ явленіяхъ.

II.

Охотничьи промыслы въ Болгаріи: ловля звѣрей и рыболовство, рыболовныя «содружничества».—Земледѣліе: земледѣльческія орудія (между прочимъ, и каменныя) и пріемы.—Орошеніе.—Организація земледѣльческаго труда.—Толока и общественныя запашки.—Рабочія „дружства" или артели земледѣльцевъ.—Хозяйство чиновниковъ.—Скотоводство, пчеловодство и проч.

Совершенно въ параллель съ примитивностью землевладѣнія идетъ въ Болгаріи и примитивность земледѣлія, равно какъ и другихъ видовъ промысла и продукціи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ поселеній по берегамъ Дуная и по окраинамъ Чернаго моря, гдѣ держится еще рыболовство въ качествѣ спеціальнаго занятія жителей, охотничьи промыслы въ Болгаріи существуютъ уже только въ видѣ прибавочныхъ къ земледѣлію и другимъ формамъ труда, играя при этомъ, все-таки, видную роль въ хозяйствѣ. Каждый болгарскій земледѣлецъ зимою, кромѣ того, и *ловчій*; съ наступленіемъ зимы

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и при существованіи статистики опредѣленіе это было бы очень труднымъ, такъ какъ раздѣлъ сем. общины не всегда еще служитъ началомъ личной собственности. Семья до того еще крѣпка въ Болгаріи, что даже обособившись, она имѣетъ тенденцію снова развиться въ семью-общину. Мы знаемъ примѣры большихъ семействъ, давно уже оставившихъ земледѣліе и практикующихъ полное раздѣленіе труда между своими членами, но, все-таки, живущихъ совмѣстно, со многими признаками общинности. Такими являются очень часто семьи, напр., купцовъ и даже чиновниковъ и проч.

онъ отправляется охотиться на кабановъ, участвуетъ въ облавахъ, устраиваемыхъ на волковъ, и проч. Такъ же точно рядомъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ идетъ очень часто и занятіе рыболовствомъ. Самый простѣйшій и вмѣстѣ примитивнѣйшій видъ этого промысла состоитъ въ ловлѣ просто *руками*. Такимъ образомъ ловятъ преимущественно небольшихъ сомовъ: человѣкъ осторожно входитъ въ воду, держась возлѣ какихъ-нибудь свай или камыша, объ которые любятъ тереться сомы, подкарауливаетъ ихъ, быстрымъ движеніемъ хватаетъ пальцами за жабры и нанизываетъ пойманную рыбу на гибкій ивовый прутикъ. Достаточно примитивенъ также, хотя и не лишенъ оригинальной замысловатости, способъ ловить рыбу на скакалецъ или штурецъ. Штурецъ или скакалецъ—это ни что иное, какъ обыкновенный кузнечикъ; ихъ ловятъ, прикрѣпляютъ къ ихъ заднимъ ножкамъ небольшіе шарики изъ тѣста, сдѣланнаго изъ какого-то растенія, называемаго просто «желта-трава», очень ядовитаго для рыбъ, и пускаютъ въ такомъ видѣ на поверхность воды. Рыба, замѣтивши движенія кузнечиковъ, хватаетъ шарики, прикрѣпленные къ ихъ ножкамъ, отравляется или одурѣваетъ, какъ отъ употребляемаго у насъ кукельвана, и выплываетъ на поверхность воды, откуда ее и вылавливаютъ саками. Въ неособенно глубокой водѣ часто ловятъ рыбу большими саками, форма которыхъ представляетъ половину конуса, разрѣзаннаго по оси. Еще чаще употребляется восточный довольно оригинальный рыболовный снарядъ, называемый по-турецки *сертме* или по-болгарски *мрѣжя*; это круглая сѣтка, обвѣшанная по окружности свинцовыми шариками. Ее берутъ въ руки за центральную часть, собираютъ какимъ-то особеннымъ образомъ въ рукѣ и бросаютъ такъ, что она ложится на воду, развернувшись полнымъ кругомъ, и затѣмъ, разумѣется, тонетъ, послѣ чего ее вытаскиваютъ такъ, что свинцовые грузики сходятся внизу вмѣстѣ и сѣтка образуетъ родъ мѣшка, въ которомъ трепещется захваченная рыба. Всѣ эти способы рыболовства одиночны, т.-е. не требуютъ болѣе одного человѣка. Затѣмъ ловля рыбы *кошами* требуетъ уже, по крайней мѣрѣ, двухъ человѣкъ. Она производится, какъ и у насъ, посредствомъ сплетенныхъ изъ лозы или тростника конусообразныхъ снарядовъ, которые разставляются въ разныхъ, преимущественно въ глубокихъ, мѣстахъ рѣки. Наконецъ, въ большихъ размѣрахъ, требующихъ уже большаго количества рукъ, рыбу ловятъ неводами—*боазъ-кесенъ*, имѣющими совершенно такое же устройство, какъ и у насъ. Въ организаціи рыбнаго промысла отчасти уцѣлѣла еще старая артельная форма «*содружничества*», отчасти же замѣнилась уже и замѣняется ловлей отъ хозяина-предпринимателя. Содружничество—это совершенно свободная артель, образующаяся иногда на нѣсколько дней, иногда же на все лѣто. Входя въ эту артель, каждый изъ «содружниковъ» вноситъ что-нибудь изъ вещей, необходимыхъ для промысла: кто лодку, кто сѣть, кто весла и т. д.; затѣмъ каждый вноситъ свою долю съѣстныхъ припасовъ, потребленіе которыхъ происходитъ, впрочемъ, сообща всѣми разомъ. Роль атамана или

распорядителя въ содружествѣ поручается обыкновенно кому-нибудь болѣе опытному въ рыболовномъ промыслѣ, но она не соединяется рѣшительно ни съ какими привилегіями, и при раздѣлѣ улова всѣ содружники получаютъ по ровну. При ловлѣ отъ хозяина, всѣ рыболовныя снасти принадлежатъ, конечно, ему, а рыболовы играютъ роль простыхъ наемныхъ рабочихъ, получающихъ независимо отъ улова поденную или помѣсячную плату. Переходъ отъ артельной формы къ предпринимательству въ рыбномъ промыслѣ обусловливается, прежде всего, создаваемой правительствомъ, съ фискальными цѣлями, монополизаціей промысла, посредствомъ отдачи рыбныхъ озеръ, лимановъ и проч. въ аренду и взиманія десятины съ рыбы, пойманной въ морѣ или въ Дунаѣ. Кромѣ того, играетъ свою роль, конечно, и расширеніе самаго промысла, связанное съ усовершенствованіемъ орудій, требующимъ большихъ издержекъ, а, главное, постоянства артели.

Господствующую въ Болгаріи систему сельскаго хозяйства едва ли даже можно назвать трехпольною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ, особенно малоземельныхъ хозяйствахъ, землю, вмѣсто того, чтобы оставлять подъ паромъ, засѣваютъ овсомъ (на сѣно, впрочемъ) или кукурузою. Земля вспахивается обыкновенно раломъ, плугъ же (въ одну или въ двѣ пары воловъ или буйволовъ) употребляется только для вспахиванія нови или залежи. Оба эти орудія такого же примитивнаго устройства, какъ и у насъ, съ той развѣ разницей, что ярмо для воловъ отличается еще бо́льшей неуклюжестью, чѣмъ наше малороссійское. Удобреніе почвы производится очень рѣдко. На озими въ первый разъ вспахиваютъ землю въ сентябрѣ и затѣмъ второй разъ въ октябрѣ для закрытія посѣва. На яровые посѣвы вспахиваютъ землю съ осени и затѣмъ перепахиваютъ весною въ мартѣ. Для запахиванія посѣва рѣдко употребляется даже рало или борона, обыкновенно же привязываютъ къ лошади какой-нибудь сухой кустъ съ положенными на него камнями или что-нибудь въ этомъ родѣ и таскаютъ по полю. Сѣютъ рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо, кукурузу; въ сѣверной Болгаріи главнымъ образомъ рожь, въ южной же пшеницу; собираютъ хлѣбъ съ полей точно такъ же, какъ и у насъ въ Малороссіи, свозятъ на гумно и складываютъ въ *кладнѝ* (13 сноповъ, складываемыхъ крестообразно колосьями къ центру). Затѣмъ молотьба производится посредствомъ такъ наз. *гармана́* или *харман-бѣ* и почти никогда цѣпами, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нужна бываетъ въ хозяйствѣ солома въ снопахъ, что случается рѣдко, такъ какъ для крышъ почти всегда употребляется исключительно черепица. Гарманъ — это круглая, тщательно утоптанная площадка съ врытымъ посрединѣ столбомъ, къ которому привязывается на веревкѣ нѣсколько лошадей. На этой площадкѣ раскладываются снопы и лошадей заставляютъ бѣгать по нимъ, вокругъ столба, отъ времени до времени передвигая и подравнивая солому, чтобы она попадала подъ лошадиныя копыта, которыми зерно и выбивается изъ колосьевъ. Затѣмъ послѣ достаточнаго повторенія этой операціи, солому

убираютъ и приступаютъ къ очисткѣ оставшагося на площадкѣ зерна, посредствомъ вѣянія. Хозяева же, не имѣющіе достаточнаго для этой цѣли количества лошадей или воловъ, употребляютъ для молотьбы особое довольно оригинальное орудіе—*диканы*, на которое намъ хотѣлось бы обратить вниманіе археологовъ и этнографовъ. Это орудіе представляетъ собой нѣчто вродѣ днища обыкновенныхъ русскихъ саней, конечно, безъ полозьевъ, или, другими словами, довольно длинную, широкую и тяжелую доску, съ одной стороны загнутую вверхъ на подобіе передка саней; нижняя сторона этой доски усажена вбитыми въ нее небольшими камнями, расположенными въ нѣсколько продольныхъ рядовъ. Молотьба посредствомъ этого каменнаго орудія производится такъ, что вмѣсто нѣсколькихъ лошадей на гарманѣ, впрягаютъ въ эти диканы, къ приподнятому ихъ концу, одну или двѣ лошади и таскаютъ такимъ образомъ это орудіе по снопамъ, причемъ камни выбиваютъ зерно изъ колосьевъ. Если тяжесть диканъ оказывается недостаточной, то на нихъ становится человѣкъ, или накладываются еще камни сверху. Кромѣ диканъ, употребляются еще для той же цѣли высѣченные изъ камня тяжелые цилиндры съ продольными насѣчками въ видѣ желобковъ; цилиндры эти также прикрѣпляются къ упряжкѣ лошади и ихъ такимъ образомъ таскаютъ по гарману. Иногда, вмѣсто такихъ каменныхъ цилиндровъ, употребляются просто толстые древесные пни, усаженные множествомъ вбитыхъ въ нихъ клиньевъ. Послѣ вѣянія, очищенное и просушенное на солнцѣ зерно складываютъ въ *житницу*. Это деревянная постройка, помѣщающаяся довольно высоко надъ землей на каменныхъ столбахъ и раздѣленная обыкновенно перегородками на 4 отдѣленія, замѣняющія собою наши закрома — для ржи, ячменя, овса и кукурузы. Иногда житница бываетъ только о 3-хъ отдѣленіяхъ, тогда кукуруза помѣщается въ особой пристройкѣ, называемой *кошъ*. Кошъ представляетъ собой плетеную изъ лозы и обмазанную извнутри, а иногда и снаружи глиной постройку, въ видѣ усѣченнаго конуса, метра $1^1/_2$ въ основаніи, съ полукруглой крышей. Въ нижней части коша дѣлается небольшая дверца, посредствомъ которой выбираютъ изъ коша кукурузу, чтобы не раскрывать крыши, снимающейся только во время наполненія его. Оставшаяся послѣ вѣянія мякина помѣщается въ особой постройкѣ, называемой *плъвникъ*, которая дѣлается также изъ хвороста. на подобіе хлѣвовъ какъ нашихъ малороссійскихъ, такъ и болгарскихъ, очень другъ на друга похожихъ. Для помѣщенія сѣна служатъ *чардакъ* или *поуръ* — деревянная платформа, помѣщающаяся на деревянныхъ же столбахъ въ человѣческій ростъ вышиною, на которой и складываются стоги сѣна, во избѣжаніе порчи отъ сырости и мышей. Всѣ эти хозяйственныя постройки, равно какъ и помѣщенія для скота, располагаются опредѣленнымъ способомъ въ двухъ дворахъ, находящихся при всякой болгарской усадьбѣ, объ обыкновенномъ устройствѣ которой будетъ сказано ниже. Овины, какъ и у насъ въ Украйнѣ, здѣсь вовсе неизвѣстны.

Кукурузу, обломавши съ стеблей, связываютъ въ пучки и развѣшиваютъ для просушки; когда же она просохнетъ, то обираютъ зерна просто руками, собираясь для этого по нѣсколько семей по очереди другъ у друга.

Рисъ *(урисъ)* разводится только въ Румеліи около Пловдива (Филиппополя) и Татаръ-Пазарджика, на поляхъ, называемыхъ *челтицы*, находящихся по берегамъ рѣкъ, искусственно заливаемыхъ для этой цѣли водою. Въ прошломъ году, впрочемъ, рѣшеніемъ областнаго собранія было постановлено уничтоженіе этихъ рисовыхъ плантацій (челтиковъ) въ виду распространяемыхъ ими болѣзней. Картофель разводится въ небольшомъ количествѣ и почти только въ огородахъ. Табакъ воздѣлывается на левадахъ и на поляхъ, ленъ и конопля — на нивахъ. Изъ масличныхъ растеній особенно важенъ въ Болгаріи кунжутъ *(шерланъ)*. Изъ овощей разводятся бобы, горохъ, фасоль и проч. — на огородахъ, огурцы, дыни, арбузы, тыква — на бахчахъ. Въ садахъ главнымъ образомъ сливы, черешни, вишни, груши, яблоки, дюли (айва), волошскіе орѣхи. Виноградники (лозя) бываютъ въ небольшомъ видѣ при усадьбахъ, въ градинахъ (садахъ), но главнымъ образомъ совсѣмъ отдѣльно, за селомъ, причемъ виноградники всего села или даже города почти всегда бываютъ расположены вмѣстѣ. По большей части тамъ же, вмѣстѣ съ виноградниками, бываютъ и фруктовые сады.

Орошеніе полей почти не существуетъ, но за то практикуется замѣчательно старательная система орошенія огородовъ и иногда луговъ. Около рѣки, стовка, ручья, а то и просто нарочно выкопаннаго водоема, расположеннаго такъ, чтобы въ него отовсюду стекала по канавкамъ дождевая вода, устанавливается колесо вродѣ мельничнаго, съ сдѣланными по окружности его деревянными или желѣзными ящиками, открытыми сбоку вдоль окружности и, разумѣется, въ одну сторону. Это колесо вращается посредствомъ вала, захватываемаго зубчатымъ колесомъ самаго примитивнаго устройства: колесо же это приводится въ движеніе посредствомъ рычага, къ которому припрягается пара лошадей или биволицъ (буйволовъ). Вращаясь, мельничное колесо зачерпываетъ своими ящиками воду, подымаетъ ее вверхъ и выливаетъ въ довольно высоко помѣщенное корыто, изъ котораго вода течетъ сначала по желобкамъ, а потомъ по канавкамъ, прорытымъ на пространствѣ (иногда очень большомъ) всего огорода. Канавки эти, развѣтвляясь, обходятъ каждую изъ очень многочисленныхъ грядокъ, на которыя разбитъ весь огородъ, и приспособлены такъ, что буквально каждые 2—3 квадр. фута поверхности очень обильно снабжаются водою. Весь этотъ оросительный аппаратъ чрезвычайно простъ и можетъ быть устроенъ не только плотникомъ, но и каждымъ крестьяниномъ, умѣющимъ обращаться съ топоромъ. Онъ не требуетъ почти никакихъ особенныхъ расходовъ и приноситъ замѣчательно хорошіе результаты, давая возможность поддерживать въ огородахъ самую богатую растительность во время даже очень большой засухи. Введеніемъ этой системы орошенія болгары обя-

заны туркамъ, которые, отличаясь страстью и даже религіознымъ уваженіемъ въ водѣ, дошли въ этомъ отношеніи до невѣдомой европейцамъ степени совершенства. Каницъ, помѣщая въ своей книгѣ *) рисунокъ описаннаго нами аппарата для орошенія, говоритъ объ этой системѣ съ большимъ уваженіемъ, считая ее хотя и позаимствованною у турокъ, но оригинальною, все-таки, для придунайской Болгаріи. Это послѣднее, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ система эта распространена во всей Румыніи, благодаря, впрочемъ, тамошнимъ болгарамъ-огородникамъ, а, кромѣ того, намъ приходилось видѣть ее также по берегамъ Роны въ Швейцаріи и слышать о ея существованіи въ южной Франціи, куда она занесена, по всей вѣроятности, отъ испанскихъ мавровъ. У насъ, въ Россіи, система эта могла бы найти очень широкое примѣненіе также на огородахъ, въ особенности на югѣ, а, кромѣ того, на табачныхъ плантаціяхъ и т. п. Говоря объ орошеніи, нельзя не прибавить, что во всей Болгаріи, да и въ Румыніи тоже, точно также, какъ и вездѣ, куда только проникала восточная цивилизація, трудно встрѣтить какой-нибудь ручей въ его первобытномъ видѣ: всѣ вмѣстилища воды самымъ тщательнымъ образомъ регулируются и направляются къ сохраненію и утилизаціи всякой атмосферной и почвенной влаги.

Что касается организаціи земледѣльческаго труда, то она почти совершенно одинакова и въ семейной общинѣ, и въ надѣльномъ мелкомъ хозяйствѣ. Объ устройствѣ семейной общины мы намѣрены говорить далѣе, такъ какъ въ цѣльномъ изложеніи это будетъ гораздо интереснѣе для читателя. Въ отдѣльныхъ же хозяйствахъ взрослые, т.-е. могущіе работать, члены семьи представляютъ собою почти исключительно весь контингентъ рабочей силы. Раздѣленіе земледѣльческаго труда между членами семьи почти совершенно то же, что и у насъ: разработка новыхъ нивъ, корчеваніе пней, паханіе, посѣвъ, косьба, рубка дровъ, производство и починка хозяйственныхъ орудій и инструментовъ,—все это виды труда, лежащаго исключительно на мужчинахъ, какъ требующіе или довольно большаго количества силы, или особеннаго умѣнья. Затѣмъ въ жатвѣ, кладкѣ сноповъ, работѣ въ виноградникахъ и огородахъ, на кукурузныхъ плантаціяхъ, молотьбѣ на гарманѣ, а иногда и въ пастьбѣ стадъ принимаютъ участіе и женщины. Баштá (отецъ) руководитъ и распоряжается всѣми работами, принимая, разумѣется, и самъ въ нихъ участіе, если не занятъ дѣлами, требующими его отсутствія, вродѣ поѣздокъ, участія въ общественныхъ дѣлахъ и т. п. Посторонніе рабочіе въ малыхъ хозяйствахъ встрѣчаются очень рѣдко, но если бываютъ, то работаютъ обыкновенно наравнѣ съ членами семьи и плату получаютъ, по бóльшей части, натурою; кромѣ того, получаютъ пищу и обувь тоже отъ хозяевъ.

Нѣкоторыя земледѣльческія и хозяйственныя работы совершаются всѣми

*) *F. Kanitz*: „Donau-Bulgarien“, p. 220.

жителями деревни сообща или соединенными силами бо́льшей или меньшей группы сосѣдей. Таковы прежде всего работы на общественныхъ поляхъ, предназначенныхъ для содержанія церквей, школъ и другихъ учрежденій и составляющихъ выдѣленную для этой цѣли часть общественнаго пастбища. Эта общественная работа—*тлъка* (названіе, вполнѣ, кажется, соотвѣтствующее малорусской *толокъ* и великорусской *по́мочи*) совершается обыкновенно всегда въ праздники и сопровождается угощеніемъ, музыкой, танцами (хора) и проч. и въ ней всегда принимаетъ участіе все рабочее населеніе деревни. Въ другихъ случаяхъ толоки, не имѣющихъ такого вполнѣ общественнаго значенія, какъ поддержка церкви и т. п., а имѣющихъ частный характеръ, участвуетъ обыкновенно только группа сосѣдей. Посредствомъ такой тлъки производятся: сборъ винограда для вина, сборъ конопли, трепаніе ея и чистка послѣ вымочки, вылущиваніе кукурузы и т. п. Толокою также совершается и очистка дворовъ отъ навоза. Это обыкновенно бываетъ разъ въ году въ день св. Игнатія, передъ Рождествомъ, всегда во всей деревнѣ разомъ, причемъ деревня дѣлится на группы («кутки», какъ говорится на Украйнѣ) въ 15 — 30 сосѣдей, и каждая группа, собирась вмѣстѣ, производитъ очистку навоза по очереди другъ у друга. Приготовленія къ этому дню дѣлаются какъ къ какому-нибудь празднику; въ самый же день всѣ встаютъ очень рано, ночью еще, собираются въ назначенный заранѣе дворъ и приступаютъ къ его очисткѣ, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе «съ винкомъ» и музыкой; затѣмъ переходятъ въ слѣдующій дворъ, продѣлываютъ то же самое и т. д. до конца.

Кромѣ этихъ видовъ земледѣльческой общественной кооперації, постоянно практикуется въ Болгаріи, также, какъ и у насъ на Украйнѣ, «спряжка», т.-е. соединеніе рабочаго скота и орудій нѣсколькими сосѣдями и обработка полей поочереди общими силами, «спілка», т.-е. аренда поля сообща и совмѣстная его обработка и т. п. Изъ этого рода ассоціацій особенно интересны земледѣльческія рабочія «дружества», описаніе которыхъ мы позаимствуемъ изъ книги Богишича, такъ какъ нами непосредственно они не могли быть изслѣдованы; а, между тѣмъ, представляютъ собой очень интересное экономическое явленіе. Лѣтомъ, въ Лѣсковацкомъ округѣ, рабочіе, не имѣющіе достаточнаго количества работы дома, отправляются на такъ называемыя «мабаща», т.-е., соединяясь въ «дружество» или артель, идутъ въ Румынію, Сербію, Турцію, Венгрію, Австрію, иногда и въ южную Россію, гдѣ или снимаютъ землю на лѣто и обрабатываютъ ее сами на свой счетъ и рискъ, или же просто нанимаются всѣмъ дружествомъ на жатву и прочія земледѣльческія работы. Такое земледѣльческое дружество составляется изъ 15—60-ти, а иногда 100 человѣкъ, подъ предводительствомъ «главатаря». Члены такого дружества бываютъ разнаго рода, смотря по размѣрамъ своего участія трудомъ и капиталомъ: 1) члены, участвующіе и трудомъ, и капиталомъ, 2) однимъ трудомъ безъ капитала, 3) участвующіе какъ въ прибыли, такъ и въ убыткахъ, 4) принимающіе участіе только въ

прибыли, но не раздѣляющіе риска предпріятія, 5) «случи» и 6) поденщики. Дружество обыкновенно составляется къ 18 января или къ 1 февраля, или 1 марта, а ликвидируетъ свои дѣла и расходится въ Николинъ день: Участіе въ прибыляхъ предпріятія, конечно, всегда бываетъ пропорціонально съ участіемъ въ предварительныхъ издержкахъ: кто вноситъ бо́льшую долю капитала и труда, тотъ получаетъ бо́льшую долю и въ прибыли, но принимаетъ также на себя и долю риска, участвуя также въ убыткахъ. Пользующіеся же меньшей долей прибыли «простые работники» въ убыткахъ не участвуютъ. Вслѣдствіе этого и того, что «сами работники не всѣ одинаковы», и доли прибыли, получаемыя членами дружества, бываютъ очень различны. «Главатарь», который управляетъ всѣмъ предпріятіемъ и который бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе крупнымъ вкладчикомъ въ капиталъ предпріятія, имѣетъ и наибольшую долю въ прибыли; онъ обыкновенно получаетъ 2 или даже 3 доли. Затѣмъ остальные, смотря по степени участія, получаютъ 2, $1^1/_3$, $1^1/_2$, 1, $^3/_4$, $^1/_2$, $^1/_4$, и даже $^1/_8$ доли. Очень важное обстоятельство при составленіи капитала для предпріятія составляетъ то, что каждый желающій участвовать не только трудомъ, но и капиталомъ, но не имѣющій при этомъ денегъ, можетъ, тѣмъ не менѣе, внести извѣстную долю въ капиталъ, уплативши % на извѣстную сумму въ размѣрѣ обыкновенно 20%; тогда онъ считается участникомъ въ капиталѣ предпріятія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и должникомъ кассы «дружства». Иногда это же самое достигается путемъ частнаго займа у главатаря или у кого-нибудь изъ членовъ дружства. Всякій работаетъ сколько и какъ можетъ, конечно, въ зависимости отъ общаго хода работы; работаетъ и самъ главатарь, сколько успѣетъ, такъ какъ онъ имѣетъ на себѣ много другихъ обязанностей: онъ представляетъ собой все дружество, ведетъ дѣла съ разными лицами и властями, онъ снимаетъ земли для обработки, хранитъ у себя кассу, выдаетъ, что кому нужно, — однимъ словомъ, заботится обо всѣхъ интересахъ дружства. Въ случаѣ, если кто изъ членовъ дружства заболѣетъ во время работы, его лечатъ на счетъ общей кассы, но потомъ вычитаютъ издержки на леченіе изъ его доли. Если кто заболѣетъ очень сильно, такъ что лишится надолго возможности участвовать въ работахъ, но не желаетъ, тѣмъ не менѣе, выйдти изъ дружства, то онъ можетъ поставить вмѣсто себя наемнаго работника. Когда работы окончатся, наступаетъ разсчетъ и дѣлежъ прибылей. Прежде всего получаютъ свою долю низшіе члены дружства—не заплаченные еще поденщики, слуги и члены, не раздѣляющіе риска. Затѣмъ оцѣниваются оставшіяся орудія, сѣмена на посѣвъ, посуда и прочее мелкое имущество дружства, которое обыкновенно главатарь оставляетъ за собою, вычитая изъ своей доли соотвѣтствующую сумму по оцѣнкѣ; затѣмъ происходитъ дѣлежъ между членами дружства по условленнымъ долямъ.

На жатву ржи и косьбу идутъ для заработковъ больше въ старо-планинскіе округи, въ Румелію или Добруджу. Собираются обыкновенно отъ

50 до 100 *момче* и *момичекъ* (парней и дѣвушекъ), образуютъ собой рабочее дружество и подъ предводительствомъ «драгомана» отправляются на заработки. Такъ какъ для этого сорта артели особеннаго капитала не требуется, то и участіе въ ней гораздо проще: все, что зарабатывается, идетъ въ общую артельную кассу и по возвращеніи дѣлится поровну. «Драгоманъ» играетъ такую же роль въ этомъ дружествѣ, какъ главатарь въ предъидущемъ (за исключеніемъ, конечно, капитала); ему же поручаютъ родители и надзоръ за своими, часто еще очень молодыми дѣтьми, особенно за дѣвушками.

Хозяйство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (чифликахъ) почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства въ отношеніи системы, орудій и т. п. Вся разница заключается въ томъ, что въ чифликахъ работаютъ больше лошадьми, чѣмъ волами или буйволами, каменныхъ орудій для молотьбы не употребляютъ, хотя не употребляютъ и европейскихъ молотилокъ и т. п. Вообще сельско-хозяйственныя машины и агрономическія усовершенствованія здѣсь почти вовсе не нашли еще себѣ мѣста; насъ увѣряли, что во всей Болгаріи существуетъ всего одинъ только паровой плугъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы припомнимъ, что чифликами владѣютъ съ нѣсколькими единичными исключеніями только турки, люди, вообще, не особенно склонные къ реформамъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что хотя теперь бо́льшая часть земли въ чифликахъ и обрабатывается самими владѣльцами, но годъ отъ году количество земли, отдаваемой въ *исполицу* и въ аренду, увеличивается. Какъ на причину этого, кромѣ недостатка хозяйственной энергіи владѣльцевъ, указываютъ еще и на постоянно возрастающую дороговизну наемнаго труда. Чифликчи отдаютъ свои земли обыкновенно съ половины урожая, причемъ владѣлецъ земли даетъ отъ себя зерно для посѣва и землю, а половинщикъ—свой трудъ и всѣ заботы по обработкѣ, начиная отъ оранки и посѣва до сбора сноповъ включительно. Дѣлежъ происходитъ снопами—на половину. Въ аренду крупные землевладѣльцы отдаютъ земли на 1 или 2—3 года съ платой по 2 крины (10 окъ=30 фунт.—зерна) за дюлюмъ. Кромѣ чифликчи, отдаютъ свою землю въ аренду преимущественно горожане; беруть же ее сельскіе жители, не имѣющіе достаточнаго количества собственной земли.

При обработкѣ чифликовъ самими владѣльцами посредствомъ наемныхъ рабочихъ, эти послѣдніе нанимаются обыкновенно отчасти на годъ, отчасти же на извѣстное только время лѣта, причемъ плата производится или натурой, или деньгами. Годовые рабочіе при хозяйской пищѣ и обуви получаютъ обыкновенно отъ 2-хъ до 10-ти полуимперіаловъ—если деньгами, или 2—3 килъ (кила=100 окъ=300 фунт.) ржи, смотря по условію. На лѣто нанимаются отъ св. Георгія до св. Димитрія, т.-е. на 6 мѣсяцевъ, тоже или за деньги, или за жито. Въ первомъ случаѣ за лѣто при хозяйской пищѣ и обуви (цервули) работникъ получаетъ отъ 5 до 6-ти полу-

имперіаловъ; во второмъ же половину или треть урожая, со скидкой въ пользу хозяина въ вознагражденіе за посѣвъ. Временно рабочіе обыкновенно нанимаются на день или на уврать *). При платѣ деньгами поденный рабочій получаетъ—мужчина 1 или 1½ франка въ день, а женщина 1 фр. при хозяйской пищѣ; натурой же во время жатвы рабочій получаетъ также ½ или ⅓ снятаго хлѣба, причемъ дѣлается вычетъ въ пользу хозяина за посѣвъ. Что касается условій самой работы, то рабочій день для наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ начинается передъ разсвѣтомъ и продолжается обыкновенно до захода солнца. Перерывы работы бываютъ при этомъ для завтрака отъ ½ часа до 1 часа и для обѣда отъ 2 до 3-хъ часовъ, считая и время послѣобѣденнаго сна. Вообще же какъ количество, такъ и интензивность дневной работы опредѣляются, какъ и у насъ, различными обстоятельствами и хозяйственными соображеніями вродѣ погоды, времени и т. д.

Скотоводство находится въ Болгаріи хотя не въ блистательномъ состояніи, но, все-таки, его можно назвать удовлетворительнымъ въ смыслѣ достаточности для земледѣльческихъ и домашнихъ потребностей. Спеціальное скотоводное хозяйство или, лучше сказать, полудикое скотоводство существуетъ больше на равнинахъ Добруджи, гдѣ съ этой цѣлью скотоводы или имѣютъ собственныя пастбища, или же арендуютъ земли у сельскихъ общинъ или въ чифликахъ; собственными пастбищами владѣютъ, впрочемъ, немногіе. Разводятся преимущественно овцы, затѣмъ волы и буйволы—количество головъ достигаетъ отъ 1—2,000 до 8—10,000. Улучшенныя породы скота почти не разводятся и вообще раціональнаго скотоводства нѣтъ даже и въ зародышѣ; овцы разводятся обыкновенной породы, рогатый же скотъ измельчавшей и смѣшавшейся венгерско-украинской расы. Въ обыкновенныхъ хозяйствахъ держатъ отъ 1 до 20 лошадей, смотря по состоянію, 1 или 2 пары воловъ или буйволовъ и отъ 20 до 500 штукъ овецъ; коровъ или буйловицъ держатъ почти во всякомъ дворѣ, самые же бѣдные люди держатъ для молока козъ. При стадахъ почти всегда можно видѣть 2—3-хъ ословъ, въ качествѣ вьючныхъ животныхъ для пастушьяго имущества. Помѣщеніе для скота (хлявъ) строится совершенно такъ же, какъ и наши малороссійскія кошары. Вообще можно сказать, что недостатка ни въ рабочемъ, ни въ домашнемъ скотѣ въ Болгаріи нѣтъ, и несомнѣнно, что этимъ страна обязана прежде всего существованію общинныхъ пастбищъ, дающихъ полную возможность каждому держать необходимое для него количество какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота. Количество это, конечно, регулируется въ извѣстной степени количествомъ сѣнокосовъ, находящихся въ личномъ владѣніи хозяевъ, но, при продолжительности лѣта въ Болга-

*) *День*, кромѣ единицы времени, означаетъ въ этомъ случаѣ, какъ и у насъ на Украинѣ, мѣру поверхности, т.-е. количество земли, могущее быть обработанным однимъ человѣкомъ въ одинъ день. *Уврать*—значитъ то же, что день (оборотъ солнца).

ріи, бѣдные люди имѣютъ несравненно больше возможности держать скотъ, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, разумѣется, количество скота находится и въ прямой зависимости отъ общаго уровня зажиточности, который въ Болгаріи, конечно, гораздо выше, чѣмъ въ Россіи.

Что касается пчеловодства, то въ каждомъ частномъ хозяйствѣ всегда можно найти нѣсколько ульевъ, но существуютъ и спеціальныя пчеловодныя хозяйства. Такіе спеціалисты *пчелари* имѣютъ обыкновенно пасѣки (*пчелиники*) отъ 5 до 500 пней. Пчелъ держатъ въ «тровнахъ» или «кошорахъ»—ульяхъ, сплетенныхъ на основѣ изъ прутьевъ изъ особаго вьющагося растенія *повитокъ* и обмазанныхъ глиной или кизякомъ. Если сборъ меда такъ удаченъ, что ульи наполняются сотами совершенно, тогда подъ ними копаютъ ямы съ ходами въ бокъ; въ такомъ случаѣ и ямы эти, и даже иногда боковые ходы наполняются сотами. Затѣмъ въ Болгаріи въ довольно значительныхъ размѣрахъ существуетъ также и «вѣдение-то на буби»—шелководство, но и оно находится въ очень грубомъ еще состояніи, а поэтому и болгарскій шелкъ не имѣетъ на европейскомъ рынкѣ такого сбыта, какой бы онъ могъ имѣть при болѣе усовершенствованномъ веденіи дѣла. Впрочемъ, теперь шелководство должно бы развиться успѣшнѣе, такъ какъ болгарское правительство уничтожило налогъ, большой тяжестью лежавшій на этомъ производствѣ при туркахъ.

Ѳ. Кондратовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Слово и дѣло. *М. И. Семевскаго*. (Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка). Спб., 1884.

Чрезвычайно интересный сборникъ г. Семевскаго выходитъ вторымъ изданіемъ пересмотрѣннымъ и исправленнымъ, очерковъ и разсказовъ, которые помѣщались почтеннымъ историкомъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, въ 1860—1862 гг. Въ *Словѣ и дѣлѣ* напечатаны слѣдующія статьи: *Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ; Самуилъ Вымарковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. Камеръ-фрейлина Гамильтонъ; Сны Петра Великаго; Петръ I, какъ юмористъ*. Къ изданію приложены рисунки наказанія батогами и пытки дыбою (виска). Отпечатанъ сборникъ изящно и стоитъ недорого (два рубля).

Матеріаломъ для г. Семевскаго послужили, главнымъ образомъ, прежде недоступные архивные документы, и впечатлѣніе эти живо написанные разсказы производятъ потрясающее. Страшное развитіе доноса, горе, разореніе и развратъ того времени предстаавлены г. Семевскимъ на основаніи подлинныхъ бумагъ *тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи* (при Петрѣ Великомъ). Люди страдали за неосторожное слово, произнесенное иной разъ въ ссорѣ или во хмѣлю, страдали за разсказъ о небесномъ видѣніи, за *необычный поклонъ*. 27 іюня 1721 года въ Петербургѣ праздновалась годовщина полтавской битвы. Церковный и военный парадъ произвелъ особенно пріятное впечатлѣніе на крестьянина Максима Антонова, который успѣлъ уже зайти въ *австерію* и выпить винца. Антоновъ приблизился къ императору и отвѣсилъ ему поклонъ, самый необычный, но отъ полноты души, затѣмъ другой, третій. Антонова схватили, избили, связали, и черезъ два дня предсталъ онъ предъ грозное, но неправедное судилище. Дѣло тянулось долго, Антонова пытали, и только по манифесту тайная канцелярія подвела бѣднягу подъ *генеральное прощеніе*. По этому *прощенію* Антонова

рѣшено «послать въ Сибирь и быть ему тамъ при работахъ государевыхъ до его смерти неотлучно».

Доносы шли со стороны и чужихъ, и родныхъ. Боязнь подвергнуться наказанію за умолчаніе, корысть и другіе презрѣнные инстинкты побуждали многихъ неустанно кричать: слово и дѣло! 26 декабря 1721 года, въ усадьбѣ помѣщика новгородскаго уѣзда, Петра Ивановича Баранова, была пирушка. Здѣсь былъ гвардіи капитанъ Петръ Наумовичъ Мельгуновъ (онъ пріѣхалъ для описи всѣхъ лицъ мужскаго пола), гренадерскаго пѣхотнаго полка поручикъ Телѣгинъ, коммиссаръ Арцыбашевъ, дворянинъ, призванный для подписки объ опрошенныхъ душахъ, Василій Семеновичъ Харламовъ, подъячіе Чекмаревъ и Збургской. Угощеніе было обильное. Болѣе всѣхъ охмѣлѣлъ Харламовъ, который сталъ болтать вздоръ и браниться. «Дуракъ ты, дуракъ,—замѣтилъ поручикъ Телѣгинъ,—будетъ тебѣ врать-то!»

— «А что за бѣда,—болтнулъ въ отвѣтъ пьяный,—въ Санктпетербургѣ и государь Петръ Алексѣевичъ вретъ!»

— «Взять его подъ караулъ!»—закричалъ Мельгуновъ. Отправили Харламова въ Петербургъ, въ тайную канцелярію. Скоро состоялся приговоръ: «Новгородцу Харламову за непристойныя слова учинить наказаніе: бить батоги нещадно». По наказаніи, помѣщика освободили.

Въ Боровскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Фроловскомъ, проживалъ въ отпуску мелкопомѣстный дворянинъ, прапорщикъ Скобѣевъ. Любилъ онъ сильно выпить, а жена возставала противъ этого пьянства. Заспорили они передъ Рождествомъ того же 1721 года, и Матрена Прокофьевна стала упрекать мужа въ пьянствѣ и безобразіи. Скобѣевъ возразилъ:

— «Что ты мнѣ указываешь? Вѣдь, такъ самъ государь Петръ Алексѣевичъ дѣлаетъ».

Эти «глупыя и непристойныя слова» слышалъ Акимъ Ивановъ, дворовый человѣкъ Скобѣевыхъ. 17 апрѣля 1722 года явился онъ съ *словомъ и дѣломъ*. Скобѣева схватываютъ и привозятъ въ Петербургъ, и перваго мая назначаются батоги. «А доносителю Акиму Иванову, за его извѣтъ, дать паспортъ, въ которомъ написать, что ему, Акиму, съ женой и съ дѣтьми отъ Скобѣева быть свободну и жить, гдѣ похочетъ».

Читатель найдетъ въ книгѣ г. Семевскаго много подобнаго рода вопіющихъ фактовъ. Вотъ въ Кронштадтѣ писарь Козьма Буницъ, домашній секретарь вице-адмирала Сиверса, столковавшись съ женой, пишетъ, чтобы поправить свое имущественное положеніе, ложный доносъ на старуху-акушерку Маремьяну Полозову. Несчастную искалѣчили пытками и сослали, наконецъ, въ Пустоозерскъ. Школяръ, въ Глуховѣ, доноситъ на своего товарища, который, въ пьяномъ видѣ, произнесъ нѣсколько бранныхъ выраженій противъ Петра I. Отецъ Іосафъ, монахъ Даниловской (въ Переяславлѣ) обители доноситъ на другихъ монаховъ, подъ хмѣлькомъ пѣвшихъ многолѣтіе въ пріятельской пирушкѣ, причемъ одинъ изъ нихъ отказался возглашать многолѣтіе императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, потому что

считалъ царицею первую супругу Петра. «Лютыя пытки,—говоритъ г. Семевскій,—въ то суровое время какъ бы порождали людей, способныхъ переносить самыя ужасныя истязанія, натуры желѣзныя, которыя сами, очертя голову, какъ бы напрашивались на рядъ всевозможныхъ мученій». Пытали страшно: встряхивали на дыбѣ, ошпаривая спину горячимъ вѣникомъ, растравляя язвы солью... Руководители тайной канцеляріи, инквизиторы Петръ Толстой, Ушаковъ и Писаревъ, «столько пропустили мимо себя самыхъ разнородныхъ людей, отправляли ихъ на такія наилютѣйшія истязанія и казни, что не могли снисходить ни къ кому. Сердца ихъ были чужды жалости, не вѣдали состраданія; слово *отмѣна*, либо только смягченіе наказанія были имъ незнакомы. Да имъ было некогда и разбирать дѣло подробно: при какихъ обстоятельствахъ сказано то-то, пьянъ ли былъ человѣкъ, не безуменъ ли онъ—все едино. *Слово сказано*, слѣдовательно, *преступленіе сдѣлано*,—а преступнику можетъ ли быть пощада?»

Сводный старообрядческій синодикъ. (Памятники древней письменности и искусства). Спб., 1883.

Въ 1880 г. А. Н. Пыпинъ издалъ неизвѣстный до тѣхъ поръ въ литературѣ историческій памятникъ *Старообрядческій синодикъ* (напечатанъ въ *Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ*). Въ предисловіи почтенный ученый говоритъ, въ какомъ неудовлетворительномъ положеніи находится у насъ изученіе этой отрасли старины. *Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви* Павла Любопытнаго давно указывалъ на необходимость правильнаго описанія старовѣрческой и иной раскольнической книжности: само старовѣрчество старалось привести въ извѣстность свой литературный матеріалъ, и давно было бы пора, чтобы этотъ предметъ сдѣлался достояніемъ научно-историческаго изслѣдованія». Это тѣмъ болѣе необходимо, что расколъ принадлежитъ и настоящему, а не прошедшему только времени, что онъ живетъ и растетъ на нашихъ глазахъ. А особый видъ этого раскола, современное старообрядчество, замѣчаетъ г. Пыпинъ, «не только ищетъ сохранить, но дѣйствительно сохраняетъ старое преданіе XVII в.: держится до-никоновскихъ книгъ, до-никоновскаго обычая, отвергая всякія позднѣйшія *новшества*, какъ, съ другой стороны, на немъ продолжаетъ тяготѣть проклятіе, наложенное болѣе двухъ столѣтій тому назадъ. Въ понятіяхъ, нравахъ, литературѣ старообрядчества мы нерѣдко можемъ очутиться въ XVII столѣтіи, увидать его воочію». Только историческое изученіе можетъ дать удовлетворительное объясненіе расколу, въ разнообразныхъ видахъ котораго находится отъ 10 до 15 милліоновъ чисторусскаго населенія имперіи.

Новое изданіе *синодика* составлено А. Н. Пыпинымъ по четыремъ рукописямъ (XVIII и XIX вѣковъ) и за текстомъ слѣдуютъ историческія замѣчанія ученаго издателя. Можно думать, что *синодикъ* этотъ былъ въ значительномъ и даже, вѣроятно, обычномъ церковномъ употреб-

леніи въ старообрядчествѣ. Появился онъ, какъ можно догадываться, при самомъ началѣ отпаденія старообрядцевъ отъ господствующей православной церкви, въ эпоху преслѣдованій и мученій, которыя выпали на долю раскола. Сходство четырехъ списковъ, говоритъ г. Пыпинъ, «показываетъ, что долженъ былъ быть одинъ центръ, гдѣ сходились свѣдѣнія и гдѣ они заносились въ общій синодикъ. Этимъ центромъ былъ, вѣроятно, Выгорѣцкій скитъ, центръ поморскаго старообрядчества. Въ этотъ же поморскій центръ стекались потомъ и заказы о поминовеніи, которые остались въ длинныхъ спискахъ *братскаю* синодика».

Гнетущее впечатлѣніе производитъ скорбный перечень самосожженныхъ и сожженныхъ раскольниковъ. Первыя самосожженія были дѣломъ отчаянія: старообрядцевъ «убѣждали» плетьми, пытками, издѣвательствомъ, казнію, и они, сознавая невозможность сопротивленія, боясь мучительства, «сами сожигахуся». Впослѣдствіи «самосожженіе превратилось въ ужасающую эпидемію, едва ли не безпримѣрную въ исторіи. Сожигались не одинокіе фанатики, не отдѣльныя группы, а цѣлыя массы, сотни, даже тысячи людей». Въ посланіяхъ митрополита сибирскаго Игнатія сообщается, что въ одномъ случаѣ сгорѣло 1,700 человѣкъ; въ Пудогѣ, въ 1693 г., сгорѣлъ скитъ съ старцемъ соловецкимъ Іосифомъ и съ его учениками, *числомъ къ другой тысяцы нѣсколько*, и т. д.

«Страшный обычай держался очень долго. Въ первое время самосожженія были, конечно, неожиданностью для правительственной власти, и она долго, повидимому, была въ недоумѣніи—какъ быть съ этимъ фанатизмомъ?» Стали, наконецъ, заботиться о томъ, чтобы не допускать раскольниковъ до сборищъ, побѣговъ и самосожженій. Въ 1737 году, напримѣръ, предписывалось *обороняное, а не свирѣпое дѣйствованіе на раскольниковъ*. Въ 1762 г. (при Петрѣ III) появляются указы о прекращеніи слѣдствій о саможигательствѣ, объ успокоеніи раскольниковъ, о защитѣ ихъ отъ чинимыхъ имъ обидъ и притѣсненій. Но преслѣдованія скоро возобновляются. Страшный обычай начинаетъ, однако, падать, съ измѣненіемъ общественныхъ нравовъ. Въ 1772 году, говоритъ г. Пыпинъ, было, кажется, послѣднее самосожигательство: въ лѣсу, смежномъ съ уѣздами Пошехонскимъ и Вологодскимъ, сожглось 17 человѣкъ. Существовавшей въ то время системѣ борьбы съ расколомъ мы обязаны этими мрачными страницами фанатическаго отчаянія и, конечно, не жестокія преслѣдованія, а смягченіе нравовъ, какъ справедливо замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, вызвало прекращеніе ужасающаго явленія.

Исторія классическаго періода греческой литературы. *Магаффи.* (Переводъ Александры Веселовской. Изданіе г. Солдатенкова. Томъ II).

Второй томъ сочиненія дублинскаго профессора посвященъ прозѣ. Мы можемъ лишь отмѣтить и привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ этого почтеннаго труда.

Магаффи начинаетъ второй томъ своего изслѣдованія съ зарожденія письменности. Онъ указываетъ на древніе писанные кодексы законовъ, на вліяніе религіи и философіи. Отцемъ греческой исторіи англійскій ученый считаетъ Гекатея Милетскаго, а не Геродота, какъ принято это думать. Общій складъ сочиненій послѣдняго, «съ ихъ многорѣчивыми повтореніями и непринужденною безсвязностью предложеній (столь цѣнившеюся въ старину знатоками грамматики), отличается своеобразно-легкимъ и безъискусственнымъ тономъ, болѣе похожимъ на милую бесѣду, чѣмъ на правильное сочиненіе; особенно характеренъ постоянный переходъ отъ повѣствованія къ діалогу,—переходъ, совершающійся до того непринужденно, что часто остается незамѣтнымъ». Геродотъ, однако, изображалъ типы удачнѣе, чѣмъ личности. Сознаніе эфемернаго ничтожества жизни помогло, быть можетъ, знаменитому писателю достигнуть справедливаго и безпристрастнаго взгляда на людскіе пороки и добродѣтели.

Магаффи даетъ слѣдующую характеристику другаго великаго греческаго историка, Ѳукидида: «Какими бы недостатками слога, какимъ бы зависящимъ отъ прихоти моды способомъ воплощенія мыслей онъ ни былъ обязанъ своему софистическому воспитанію и желанію проявлять глубину и проницательность взглядовъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что подъ руками Ѳукидида искусство историческаго бытописанія сдѣлало громадный шагъ впередъ и достигло такого совершенства, до котораго не доходилъ ни одинъ изъ послѣдующихъ эллинскихъ писателей и до котораго вознеслись лишь весьма немногіе изъ новѣйшихъ историковъ». Предметъ повѣствованія у Ѳукидида не широкъ, приводимыя имъ подробности нерѣдко ничтожны; но нельзя не удивляться тому высокому чувству достоинства, съ которымъ греческій историкъ относился къ каждой части своей задачи. Магаффи упрекаетъ его за нѣкоторыя умолчанія, которыхъ слѣдовало бы избѣжать въ интересахъ безпристрастія. Такъ, Ѳукидидъ, ненавидѣвшій демократію, не сообщаетъ о нѣкоторыхъ проявленіяхъ замѣчательно честнаго и возвышеннаго чувства среди аѳинскаго народа. Магаффи возстаетъ противъ чрезмѣрнаго преклоненія нѣмецкихъ ученыхъ предъ Ѳукидидомъ и говоритъ по этому случаю, что малое развитіе такта и отсутствіе способности оцѣнивать явленія (?) отличаютъ нѣмцевъ не менѣе, чѣмъ трудолюбіе и энтузіазмъ.

Весьма интересны тѣ главы сочиненія британскаго ученаго, въ которыхъ онъ говоритъ объ ораторскомъ искусствѣ. Распространеніе образованности въ массѣ и развитіе демократическихъ учрежденій подняли значеніе живой рѣчи и поставили краснорѣчіе выше всѣхъ отраслей литературы. Греки и прежде глубоко цѣнили высокій даръ слова; но демократическое право свободной рѣчи вызвало ея роскошный разцвѣтъ. Въ народномъ собраніи и на судѣ краснорѣчіе пріобрѣло громадное, нерѣдко рѣшающее значеніе. Понятно поэтому, что появились учителя краснорѣчія, создалась теорія ораторскаго искусства. Чисто-политическое краснорѣчіе

быстро развилось, благодаря Периклу, рѣчи котораго, по глубинѣ мысли, по образности и изяществу формы, производили чарующее впечатлѣніе на слушателей. Магаффи полагаетъ, что собственно политическое краснорѣчіе Демосѳена было ниже перикловскаго. Геніальному противнику Филиппа Македонскаго отведена въ *Исторіи классическаго періода греческой литературы* обширная глава. Въ рѣчахъ Демосѳена, говоритъ Магаффи, «изложены великіе и послѣдовательные политическіе взгляды, сказывается стремленіе поддержать царственную роль и достоинство Аѳинъ цѣною личныхъ жертвъ и личныхъ опасностей. И теперь намъ, совсѣмъ чуждымъ классическихъ воспоминаній, нельзя безъ глубокаго волненія читать пламенныхъ и мощныхъ рѣчей Демосѳена, которыми онъ пробуждалъ погасавшую въ аѳинянахъ любовь къ свободѣ».

Переводъ сочиненія Магаффи исполненъ съ замѣчательною добросовѣстностью и читается легко. Жаль, что остались непереведенными нѣкоторыя греческія цитаты; но это единственный упрекъ, кажется, который можно сдѣлать переводчицѣ.

За Дунаемъ. Очерки и разсказы для дѣтей изъ сочиненій *В. И. Немировича-Данченко*. Изданіе учебнаго магазина «Начальная школа». Москва. 1884.

Писать для дѣтей о войнѣ—дѣло не легкое, выбирать съ этою цѣлью отрывки изъ сочиненій, написанныхъ не для дѣтей,—еще, пожалуй, труднѣе. При подобнаго рода выборкѣ чаще всего впадаютъ въ приторно-патріотическій тонъ, стараются настроить дѣтское воображеніе на

Громъ побѣды раздавайся!

Ничего не можетъ быть ужаснѣе и безобразнѣе войны, и только война оборонительная можетъ быть признана закономѣрною и справедливою. Рисовать ребенку кровавыя картины, знакомить его съ варварскими мученіями людей, съ висѣлицами и, рѣзнею нѣтъ никакой надобности. Сѣмена религіозной и племенной ненависти могутъ принести горькій плодъ. Эту ненависть и безъ того будетъ еще долгое время питать сама жизнь, и благо тѣмъ дѣтямъ, которыя въ ранніе годы слышали не бряцаніе войно-любивыми словесами, а теплую заповѣдь гуманности.

Разсказы г. Немировича-Данченко о войнѣ, которой онъ былъ очевидцемъ, хорошо извѣстны. Авторъ,—надо отдать ему справедливость,—относится къ туркамъ безъ шовинистскаго задора, безъ того отвратительнаго глумленія надъ побѣжденнымъ врагомъ, отъ котораго не свободны многіе «патріотическіе» писатели. Но много тяжелыхъ ощущеній пробудитъ эта книжка у чуткаго ребенка. Вотъ раздается крикъ: «Бей ихъ, проклятыхъ!... Въ спину ихъ... Ишь побѣжали,—катайте ихъ, ребята, отбейте охоту соваться къ намъ!»

— Чѣмъ они проклятые? Зачѣмъ такъ ругать? Надо жалѣть ихъ. (Слышался шепотъ сестры милосердія). Развѣ не такъ же, какъ и нашихъ сол-

датиковъ, и ихъ, бѣдныхъ, повели! Приказали,—и пошли. Что тутъ сдѣлаешь? Развѣ они виноваты? Ахъ, нѣтъ! Пожалѣйте ихъ, пожалѣйте! Поди, у нихъ дома дѣтишки малыя, голодныя.

И много въ разсказахъ г. Немировича-Данченко сценъ, въ которыхъ выступаетъ изнанка блистательныхъ побѣдъ и горделивыхъ подвиговъ личной храбрости. Для дѣтей разсказы эти будутъ тягостны, а общій смыслъ ихъ смутенъ. Надо воевать, чтобъ освободить болгаръ, потому что ихъ жестоко притѣсняютъ турки; а для этого надо оторвать отъ дѣтей, отъ полезнаго труда нашего солдатика, послать его на смертельный бой. Необходимо колоть врага штыкомъ, разбивать ему голову, косить людей картечью, для того, чтобъ служить религіи и свободѣ. Тутъ и взрослому есть надъ чѣмъ призадуматься.

Бѣжинъ лугъ и Дядюшка Яковъ. Складныя картинки. *Изд. А. А. Попова.* Москва, 1884.

Къ числу занимательныхъ для дѣтей игрушекъ принадлежатъ складныя картинки. Ихъ въ продажѣ у насъ довольно много. Г. Попову пришло въ голову счастливое соображеніе: эту игру можно осмыслить, слѣдуетъ придать ей педагогическое значеніе. «Наша литература,—говоритъ почтенный издатель,—даетъ богатый матеріалъ для подобныхъ картинокъ». Въ видѣ опыта, имъ изданы двѣ названныя картинки. Кромѣ соотвѣтствующаго текста, г. Поповъ приложилъ краткую біографію Тургенева и Некрасова и портреты этихъ писателей. По справедливому замѣчанію г. Попова, «для полноты успѣха въ пониманіи предлагаемыхъ картинокъ желательно руководство старшихъ, при участіи которыхъ дѣти безъ труда и вполнѣ осмысленно могутъ усвоить себѣ ихъ содержаніе».

Было бы желательно, по нашему мнѣнію, слѣдующее улучшеніе въ изданіи г. Попова: складныя иллюстраціи къ доступнымъ для дѣтей сочиненіямъ нашихъ писателей должны быть составлены изъ кубиковъ. Тогда составлять картинки будетъ труднѣе, и каждая игрушка, съ другой стороны, будетъ давать шесть иллюстрацій къ разнымъ моментамъ разсказа, вслѣдствіе чего послѣдній запомнится лучше и цѣльнѣе. Не можемъ не выразить желанія, чтобы разумная педагогическая мысль г. Попова получила возможно широкое приложеніе.

Сочиненія Павла Якушкина. Съ портретомъ автора, его біографіей, составленною *С. В. Максимовымъ*, и товарищескими о немъ воспоминаніями *П. Д. Боборыкина*, *П. И. Вейнберга*, *И. Ѳ. Горбунова*, *А. Ф. Иванова*, *Н. С. Курочкина*, *Н. А. Лейкина*, *Н. С. Лѣскова*, *Д. Д. Минаева*, *В. Н. Никитина*, *В. О. Португалова* и *С. И. Турбина*. Изданіе *Вл. Милневича*. Спб., 1884.

Какое это было славное, счастливое, полное радостныхъ надеждъ время! Мы говоримъ про 1858 годъ, годъ необычайнаго оживленія, восторженной

работы, безграничныхъ упованій. Свѣжія силы появлялись отовсюду, новое вино лилось широкою струею въ старые мѣхи, въ ожиданіи, когда они будутъ замѣнены новыми. Нарождались новые типы, въ литературу входили властно люди, которыхъ до того времени никто не зналъ. Появились *Губернскіе очерки* Щедрина, десятками нарождались новыя періодическія изданія, Мартыны Задеки стараго добраго времени или присоединялись къ горячей молодежи, честно хотя и шумно выходившей на арену, или прекращали свое ветхозавѣтное мурлыканье. Тургеневъ—вышелъ на болѣе широкую дорогу, явились крупныя созданія Достоевскаго, заговорила своимъ настоящимъ языкомъ муза Некрасова. Книжка журнала составляла чуть не эпоху, статья популярнаго писателя дѣлалась событіемъ. Не было такого медвѣжьяго уголка, гдѣ бы ожирѣвшіе степняки ни волновались, ни слушали въ запуски новыхъ пѣсенъ, запѣтыхъ еще вчера неизвѣстными людьми. Старые пути оказывались уже негодными, литература искала новыхъ и вотъ однимъ изъ искателей этихъ новыхъ, не проторенныхъ дорогъ и былъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, типическую фигуру котораго и характерную рѣчь съ удивительною ясностью помнятъ участники этой русской «весны». Съ перваго раза П. И. Якушкинъ бросался въ глаза. Полумѣщанскій, полукрестьянскій костюмъ, не тотъ, который мужики принимаютъ за тирольскій, а настоящій, отличалъ его по видимости отъ всѣхъ людей того времени. Онъ уже десять лѣтъ носилъ его, живя одною жизнью съ народомъ, занимался «труднѣйшею работою изученія русскаго крестьянства, встрѣчался глазъ на глазъ съ нимъ въ самыхъ источникахъ, гдѣ тихо и скромно струятся они, въ густыхъ зарослякъ, едва примѣтные глазу и съ трудомъ доступные». Павелъ Якушкинъ явился тогда именно тою подспудною силою, которая вышла на требованіе новаго времени. Народъ былъ еще тайной; одни, какъ Григоровичъ, рисовали его исключительно идеалистически, служа ему въ этомъ отношеніи великую службу. Крестьянина считали чуть не гориллой и идеализировавшіе его писатели подымали мужика высоко, очень высоко. Это до тѣхъ поръ былъ единственный способъ возможнаго протеста. Павелъ Якушкинъ выдвигалъ мужика настоящаго. Онъ никогда и ничего не сочинялъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ даже горюетъ о томъ, что не можетъ ничего разукрасить воображеніемъ. Это была ходячая камеръ-обскура, въ которой отражалось именно то, что мелькало мимо. Не разъ онъ отмѣчаетъ: «Говорилъ съ крестьяниномъ, имя котораго, къ сожалѣнію, забылъ». Въ этомъ отношеніи добросовѣстность и правдивость его доходила даже до подлинности именъ. Онъ не ходилъ въ народъ, а жилъ съ нимъ. Въ курныхъ избахъ, по обозамъ зимнихъ путей, въ постоялыхъ дворахъ, въ бродячихъ артеляхъ, даже въ арестантскихъ уѣздныхъ и губернскихъ полицій,—это былъ свой человѣкъ, понятный народу и понимавшій его. Онъ не вносилъ въ народъ никакихъ идей, никакихъ новыхъ понятій. Работа этого рода была чужда Якушкину. Не учить, а учиться онъ хотѣлъ въ бездонныхъ моряхъ рус-

скаго крестьянства, погружался въ нихъ «смиренно» и выносилъ оттуда истинныя жемчужины. Онъ собралъ массу пѣсенъ и сказаній для Кирѣевскаго, и когда Кирѣевскій умеръ, и наслѣдники его умерли, П. Якушкинъ не хотѣлъ помириться съ передачей этого завѣтнаго ему дѣла Безсонову и явился въ Петербургъ, тридцати восьми лѣтъ отъ роду, полнымъ силъ и энергіи, чтобы самому издать свой сборникъ. Но Петербургъ не на долго удержалъ его. Какъ ни привѣтливо принялъ его литературный кружокъ, какъ ни спокойно было здѣсь послѣ странствій по сѣверному Поволжью съ лубочнымъ коробомъ за спиною, набитымъ офенскимъ товаромъ, какъ ни великъ былъ интересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, Якушкину не сидѣлось. Его тянуло опять на глухіе проселки, туда, гдѣ и путь теменъ, и приключеній бездна—и жердочка тонка, и рѣчка глубока: велика опасность въ грязи и бездорожицѣ. Это было не странствіе по желѣзнымъ дорогамъ и на обывательскихъ лошадяхъ съ открытыми листами отъ начальства. Пѣшкомъ, въ одиночку, слушая вой волковъ, выбѣгавшихъ на дорогу, или мятели, заносившіе его снѣговыми сугробами, шелъ онъ отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ. Иной разъ измученнаго и разбитаго странника не пускали на ночлегъ въ избы, приходилось заночевать въ караулкахъ, либо въ стогѣ сѣна, а если были мѣста—на грязномъ полу, на голыхъ доскахъ, въ повалку съ другими—такъ это казалось ему раемъ. Сколько разъ раннею весною онъ тонулъ въ зажорахъ, какъ часто больнаго тифомъ его прогоняли изъ теплой избы на холодъ, на мятель, чтобы не попасть въ отвѣтъ, если неравно умретъ «странный человѣкъ». И какъ странно читать и вспоминать, на какія незначительныя средства дѣлалось имъ его крупное дѣло. Онъ боялся большихъ денегъ, не бралъ ихъ. Пятьдесятъ рублей было для него капиталомъ; иногда Якушкинъ ухитрялся мѣсяца два-три странствовать, исходить, Богъ знаетъ, какое пространство на эти деньги. «Онъ мнѣ прислалъ много денегъ», пишетъ онъ часто и тутъ же оказывается, что эти много денегъ были какихъ-нибудь несчастные двадцать рублей. «Выходъ Якушкина,—говоритъ С. В. Максимовъ,—былъ новый, никто до него такихъ путей не прокладывалъ, никто не дерзалъ на такіе смѣлые шаги, систематически разсчитанные и на дерзостные поступки—встрѣча глазъ на глазъ съ народомъ. По духу того времени затѣя Якушкина была положительнымъ безуміемъ. Нужно помнить, что это было время, когда Далевскій сборникъ, наконецъ, былъ забракованъ какъ собраніе «народныхъ глупостей». Народная поэзія являлась въ видѣ цыганскихъ хоровъ; послѣ этого заслуга Якушкина совершенно ясна. Нынче смѣшно даже читать, какъ уѣздныя и губернскія власти ловили «ходебщика», прозирая въ невинномъ собирателѣ пѣсенъ и наблюдателѣ народныхъ обычаевъ что-то ужасное, а что—имъ самимъ было невѣдомо. Предполагались «измѣны», какія и кому—объ этомъ не думали. Сколько разъ сотскіе, понявъ въ немъ «душа-человѣка», говорили Якушкину: «Тебя велѣно поймать, а я тебя ловить не буду. Найми лошадь, я тебѣ помогу!»

Такимъ образомъ, не останавливаемый ничѣмъ, Якушкинъ посѣщалъ мѣста, заражонныя эпидеміями. Разъ схватилъ оспу, навсегда изуродовавшую его. Простота души и доброта его были безконечны. Онѣ сквозятъ въ каждой строкѣ его. Читаемъ написанныя имъ страницы и онѣ теплятся, живутъ передъ вами, точно въ нихъ бьются живые пульсы любви къ народу, и народъ понималъ, чутко понималъ это. Якушкинъ не былъ чуждъ ему: отъ него не сторонились, какъ отъ другихъ переодѣтыхъ баръ; напротивъ, «Палъ Иванчъ» навсегда оставался другомъ и хорошимъ человѣкомъ для деревни, въ которой онъ хоть разъ побывалъ. С. В. Максимовъ называетъ его миссіонеромъ и толковникомъ народа. А что пришлось этому миссіонеру и толковнику испытать и вынести, объ этомъ разсказываютъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, посвятившихъ ему свои яркія воспоминанія. Муки этаповъ, лишенія и нищета ссылки, затворы тюремъ, облава уѣздно-полицейскихъ чиновъ! Не странно ли, что все это было направлено противъ этого хорошаго человѣка прежде всего, не задававшагося никогда и никакими политическими цѣлями? Въ самую тяжелую минуту, когда Якушкину приходилось разрывать со всѣмъ дорогимъ и милымъ, онъ оказался такимъ несчастнымъ, жалкимъ, кровно обиженнымъ и при этомъ совершенно беззащитнымъ, что пріятель не выдержалъ и обратился къ нему:

— До чего тебя, Павелъ, наконецъ, затормошила неугомонная жизнь и чѣмъ ты тутъ во всемъ этомъ виноватъ?

— А ты не плачь... Мнѣ тогда самому смѣшнѣй будетъ.

Ему даже патріотическія увлеченія не удались. Во время крымской войны П. Якушкинъ надоѣдалъ просьбами принять его въ ряды «христолюбиваго воинства». Генералъ-губернаторъ Кокошкинъ позвалъ его къ себѣ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него:

— Какой ты воинъ? Посмотри ты на себя, развѣ бываютъ такіе защитники отечества?

Прибавьте ко всему этому, что Якушкинъ обладалъ способностью терять все, отъ денегъ до собственныхъ памятныхъ записокъ. Такимъ образомъ онъ нѣсколько разъ терялъ свой паспортъ и, въ концѣ-концовъ, принялся странствовать безъ него; отсюда всевозможныя непріятности, осмотры, задержки, аресты и высылки. Ко всему этому онъ относился стоически. Къ обидамъ и огорченіямъ онъ былъ нечувствителенъ.

— Стало, такъ надо. Видно онъ (обидѣвшій) лучше меня про то знаетъ, если говоритъ мнѣ въ глаза.

Сплошь и рядомъ возвращавшіеся домой друзья находили у себя бездомнаго скитальца, не имѣвшаго гдѣ главу преклонить, преклонившимъ ее на полѣнѣ, расположившись на полу. Когда его приглашали въ комнату на диванъ, на постель, онъ отвѣчалъ:

— Отвыкать не хочу!—и часто просто уходилъ спать къ дворнику того дома. Самъ онъ никогда почти не имѣлъ своей квартиры, и все свое имущество, т.-е. пару бѣлья да нѣсколько лоскутковъ исписанныхъ бумажекъ,

таскалъ съ собою въ узелкѣ. Умирая, безъ гроша въ карманѣ, Павелъ Ивановичъ самъ себѣ выдалъ аттестатъ, обращаясь къ пользовавшему его врачу:

— Припоминая все свое прошлое, я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя!

И, дѣйствительно, ему, этому усердному служителю народа, было не въ чѣмъ каяться!.. Жизнь не ласкала его, и онъ не помнилъ за ней никакого баловства. Д. Д. Минаевъ разсказываетъ, что маленькая дѣвочка, встрѣтившая разъ на улицѣ Якушкина, боязливо прижалась къ матерѣ и спросила ее.

— Ахъ, маман, человѣкъ это или нарочно?

Точно такое же недоумѣніе этотъ талантливый пролетарій возбуждалъ и въ остальныхъ и за это-то предполагаемое «нарочно» ему приходилось страдать и долго, и много.

Сочиненія П. И. Якушкина, собранныя теперь нашимъ извѣстнымъ писателемъ Вл. О. Михневичемъ въ одинъ громадный томъ, имѣютъ не одно историческое значеніе. Черезъ двадцать лѣтъ ихъ перечитываешь съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и тогда, когда они были напечатаны. Ихъ простодушная, не прикрашенная правда увлекательно дѣйствуетъ на читателя, привыкшаго за послѣднее время къ тендендіознымъ очеркамъ изъ народной жизни. Короткая, мѣткая фраза, народная рѣчь, чуждая той полубезсмысленной, полубалаганной формѣ, въ которую облекаютъ ее нѣкоторые изъ писателей, живымъ напоромъ впечатлѣній, типовъ и встрѣчъ этого совсѣмъ необыкновеннаго путешественника, не даютъ возможности оторваться отъ книги, пока она не дочитана до конца. Въ этомъ отношеніи г. Михневичу большое спасибо! Видно сразу, что сочиненія П. И. Якушкина были изданы не книгопродавцемъ-ремесленникомъ, а образованнымъ писателемъ. Масса библіографическихъ справокъ, примѣчаній, воспоминанія двѣнадцати болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, являющихся здѣсь каждый съ своими характерными особенностями, съ своей манерою письма, съ своимъ освѣщеніемъ личности Якушкина, такъ что онъ является передъ читателемъ со всѣхъ сторонъ, выгодно выдѣляютъ эту книгу изъ цѣлой массы таковыхъ. Можно пожелать другимъ русскимъ писателямъ счастья найти такого же издателя. Превосходно сдѣланный, вѣрный портретъ покойнаго нарисованъ спеціально для этой книги молодымъ художникомъ А. В. Серебряковымъ, подъ наблюденіемъ академика М. О. Микѣшина. Въ книгѣ около 900 страницъ большаго формата и убористой печати, въ виду чего и цѣна ея 4 р. 30 к. оказывается весьма умѣренной.

Иностранныя книги.

Психологія ассоціаціи, съ Гоббза до нашихъ дней. Луи Ферри. (La psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'a nos jours. Louis Ferri. 1883).

Названное сочиненіе (его авторъ—профессоръ римскаго университета) увѣнчано французскою академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Разборъ этой книги былъ порученъ Франциску Булье и напечатанъ въ приложеніи къ *Психологіи ассоціаціи*. Академія поставила такую задачу: изложить и обсудить философскія доктрины, которыя сводятъ способности человѣческаго духа и самое *я* къ единому факту ассоціаціи, возстановить законы, принципы и существованія (les existences), которые упомянутая доктрина искажаетъ или отвергаетъ. Изъ постановки вопроса ясно, что увѣнчанный трудъ относится отрицательно къ *психологіи ассоціаціи*. Ферри нѣсколько передѣлалъ въ печати свой обширный мемуаръ, сообразуясь съ критическими замѣчаніями Булье.

Школа, ученіе которой разбираетъ Ферри, есть почти исключительно школа англійская. Гоббзъ, Локкъ, Берклей подготовили теорію, которая является развитою у Давида Юма и совершенствуется въ особенности трудами Джемса Милля, Д. С. Милля, Бена и Герберта Спенсера. Новѣйшихъ британскихъ мыслителей глубоко отличаетъ отъ ихъ предшественниковъ лишь теорія космологическаго и психологическаго эволюціонизма (принадлежащая Герберту Спенсеру). Но анализъ душевныхъ явленій сдѣлалъ, конечно, весьма значительные успѣхи послѣ Юма. Теоріи инстикта, привычки и памяти, тѣсно связанныя между собою и съ законами ассоціаціи, возобновлены на основаніи массы наблюденій. Передать критическія замѣчанія Ферри нѣтъ, разумѣется, никакой возможности въ библіографической замѣткѣ, такъ какъ замѣчанія эти слѣдуютъ за изложеніемъ отдѣльныхъ ученій и непонятны, будучи взяты отдѣльно. Скажемъ нѣсколько словъ о третьей части сочиненія, въ которой заключаются общія соображенія автора.

Ридъ раздѣляетъ послѣдовательность или слѣдованіе мыслей *(the train of our thoughts, suites de pensées)* на два вида: въ одномъ случаѣ душевныя состоянія смѣняются сами собой, текутъ, какъ вода въ ручьѣ; въ другомъ случаѣ мысли регулируются и направляются къ опредѣленной цѣли дѣятельнымъ усиліемъ духа *(principe associateur)*. Гамильтонъ искалъ внутренній принципъ ассоціаціи (развивая ученіе Рида) въ объединяющей (синтетической) дѣятельности самого человѣка (сознающаго субъекта). Ферри признаетъ это воззрѣніе глубокимъ и вѣрнымъ. Оно не отвергаетъ пассивной роли данныхъ въ нашихъ ощущеніяхъ, но присоединяетъ сюда дѣятельное начало ума, безъ котораго невозможно было бы разъяснить ни какъ образуются группы ощущеній, ни какъ онѣ превращаются впослѣдствіи въ иныя группы. Ассоціацію мыслей и синтезъ ихъ необходимо различать, ибо послѣдній является сознательнымъ воспроизведеніемъ расчлененной, пассивно образовавшейся ассоціаціи. Ферри убѣжденъ въ чрезвычайно важномъ значеніи ассоціаціи въ дѣлѣ образованія нашего знанія, и для него вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобы опредѣлить истинныя границы ассоціаціи, показать, чего она не въ состояніи сама по себѣ достигнуть. Для Спенсера сознаніе представляетъ сложное единство, составленное по законамъ ассоціаціи, изъ множества ощущеній, чувствъ и т. д. Ферри считаетъ эту теорію глубокою психологическою ошибкою.

Первый предѣлъ ассоціаціи онъ видитъ въ единствѣ интуиціи (unité de l'intuition sensible), въ неразложимости первоначальныхъ актовъ сознанія. Съ другой стороны, сужденіе также не можетъ быть, по мнѣнію Ферри, сведено на психологическую ассоціацію. Уже синтетическое сужденіе отличается отъ простой ассоціаціи, а сужденіе аналитическое съ еще бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть выставлено противъ исключительныхъ притязаній ассоціаціонной школы въ психологіи: анализъ противоположенъ составленію, ассоціаціи. Первоначальныя группы ощущеній основываются на сосуществованіи и послѣдовательности. Сходство и различіе привходятъ впослѣдствіи: ощущенія ассоціацируются сначала не потому, что они сходны или различны, а потому, что одно изъ нихъ слѣдуетъ за другимъ или сопутствуетъ другому. Отношенія времени и пространства позволяютъ, воспроизводя ощущенія, находить въ нихъ сходство и различіе.

Многія изъ критическихъ замѣчаній Ферри заслуживаютъ серьезнаго вниманія; но положительная часть его труда, по нашему мнѣнію, не оригинальна и слаба.

Очеркъ психологіи или ученія о развитіи душевной жизни въ человѣкѣ. *Людвига Штрюмпелля.* (**Grundriss der Psichologie oder der Lehre von der Entwickelung des Seelenlebens im Menschen.** *Ludwig Strümpell.* 1884, Leipzig).

Это сочиненіе лейпцигскаго профессора направлено противъ матеріализма.

Въ душевной жизни, говоритъ авторъ, прежде всего останавливаетъ вниманіе различіе между сознательнымъ и безсознательнымъ состояніемъ, популярно выражаясь,—между бодрствованіемъ и сномъ. Между этими двумя состояніями происходитъ постепенная смѣна. Звукъ, который отчетливо слышенъ, вполнѣ ясно доходитъ до нашего сознанія, слабѣя все болѣе и болѣе, становится недоступнымъ для этого сознанія; незамѣтно человѣкъ переходитъ ко сну, и т. д. Когда-то бывшее въ сознаніи забывается, изглаживается, но при обстоятельствахъ, напоминающихъ былое, вновь сознается. Всѣ эти и подобныя явленія наблюдаются каждымъ изъ насъ.

Непосредственно сознаваемое Штрюмпелль дѣлитъ на двѣ группы: впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, и впечатлѣнія (ощущенія) въ области нашей духовной жизни, при нашихъ воспоминаніяхъ, желаніяхъ и т. п. Авторъ посвящаетъ много страницъ анализу различныхъ видовъ сознанія, но въ его разсужденіяхъ нѣтъ ничего выдающагося, плодотворнаго для науки.

Наши представленія смѣняются либо непроизвольно, либо произвольно. Но Штрюмпелль справедливо указываетъ на самообманъ, заключающійся въ положеніи: можно думать и представлять, что угодно. Нашу волю связываетъ и опредѣляетъ въ этомъ отношеніи наша прошлая душевная жизнь. Въ психическомъ механизмѣ, въ большинствѣ случаевъ, состоянія, вызванныя разнообразными (внутренними и внѣшними) причинами, сопровож-

даются чувствованіями (Stimmung oder Gefühl) Эти чувствованія (пріятнаго и непріятнаго, и т. п.) выводятъ душу, говоритъ нѣмецкій профессоръ, изъ безразличнаго существованія. Въ чувствѣ душа впервые пріобрѣтаетъ возможность вступить въ лишь отъ нея исходящую, свободную причинность (in eine von ihr allein ausgehende und frei wirkende Causalität einzutreten). Штрюмпелль принужденъ, однако, сознаться, что чувствованія образуются чисто механическимъ путемъ, что мы не въ состояніи произвольно ни вызвать ихъ, ни усилить или ослабить. Въ душѣ возникаютъ разнообразные образы счастья и несчастья, и эти образы оказываютъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на нашу практическую дѣятельность. Изъ сравненія подобныхъ образовъ вытекаютъ сужденія, и причинную зависимость нашихъ поступковъ отъ нашихъ сужденій Штрюмпелль не считаетъ механическою, а называетъ свободною. Въ логической причинной связи (logische Causalität), говоритъ, германскій ученый, душа становится вполнѣ свободною отъ механизма. Подъ вліяніемъ мышленія, желанія превращаются въ свободную волю, и поэтому послѣдняя пріобрѣтается, а не есть нѣчто первоначальное.

Въ общемъ, книгу Штрюмпелля можно назвать ученымъ пустоцвѣтомъ.

Происхожденіе разума. *Юліуса Келлера.* (**Der Ursprung der Vernunft. Eine kritische Studie über Lazarus Geigers Theorie von der Enstehung des Menschengeschlechts.** *Julius Keller.* Heidelberg, 1884).

Все, что развивается, говоритъ авторъ, подлежитъ, съ одной стороны, описанію, а съ другой — историко-генетическому изслѣдованію. Первый способъ изученія необходимо предшествуетъ второму, ибо прежде всего слѣдуетъ составить ясное и точное понятіе о предметѣ, который, развиваясь, достигнулъ извѣстной формы и значенія. Этимъ объясняется, что вопросъ о происхожденіи нашихъ духовныхъ способностей до послѣдняго времени оставался неразработаннымъ, и большая заслуга Гейгера заключается въ многостороннемъ и внимательномъ анализѣ возникновенія и роста разума. Германскій ученый указываетъ на особенное развитіе у человѣка зрительныхъ нервовъ и членораздѣльныхъ звуковъ. Первоначальный крикъ съ теченіемъ времени превращается въ слово, а законы рѣчи и составляютъ законы мышленія. Въ этомъ воззрѣніи, которое Гейгеръ подтверждаетъ многочисленными фактами и соображеніями, заключается оригинальность этого мыслителя. Для Гейгера историко-сравнительное изслѣдованіе различныхъ языковъ даетъ возможность заглянуть въ процессъ сознанія разума *).

Первый философскій трудъ Гейгера былъ написанъ въ 1857 году, а напечатанъ въ 1865 году. Въ 1870 году Гейгеръ умеръ, и нѣсколько сочиненій появились уже по смерти его, въ незаконченномъ видѣ.

---

*) При этомъ нельзя не вспомнить извѣстнаго положенія, что наука—*une langue bien faite.*

Рѣчь, по Гейгеру, случайна, случайно и порождаемое ею мышленіе. Гейгеръ считаетъ случайнымъ всякое развитіе, все въ природѣ; но его опредѣленія и соображенія, относящіяся къ этому предмету, отличаются, однако, шаткостью и неточностью. Гейгеръ даже допускаетъ здѣсь заключеніе отъ существованія слова *(случай)* къ существованію объекта. Но, по справедливому замѣчанію Келлера, повсюду, куда только проникаетъ научное изслѣдованіе, мы видимъ непрерывную причинную связь, и утвержденіе Гейгера, будто по истинѣ цѣлесообразно то, что не имѣетъ основанія *), представляетъ только остроумный парадоксъ.

Келлеръ указываетъ далѣе, что Гейгеръ не даетъ строгаго опредѣленія разума. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его сочиненій можно заключить, что разумомъ называетъ онъ совокупность духовныхъ особенностей человѣка; но искусство, нравственность и религію Гейгеръ выводитъ не изъ разума, а изъ другаго источника. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, у автора *Происхожденія и развитія человѣческой рѣчи и разума* мы находимъ много сбивчиваго и недоказаннаго. Стремленіе Гейгера построить логику на психологическихъ основаніяхъ не сопровождается, по мнѣнію нѣмецкаго критика, никакими плодотворными для науки результатами. Настаивая на томъ, что думать значитъ говорить, Гейгеръ не подвергаетъ, однако, разбору, въ какомъ отношеніи грамматика стоитъ къ логикѣ, и не рѣшается доказывать тождественности первой со второй.

Новыя сочиненія о соціализмѣ. *(Происхожденіе современнаго соціализма.* Поль Жанэ. *Les origines du Socialisme contemporain.* Paul Janet. *Современный соціализмъ.* Эмиль Лавлэ. *Le Socialisme contemporain.* Emile de Laveleye **). *Борьба четвертаго сословія за освобожденіе.* Р. Мейэръ. *Der Emancipationskampf des vierten Standes.* R. Meyer) ***).

Первое изъ названныхъ сочиненій составляетъ переработанный курсъ, который Жанэ читалъ въ *школѣ политическихъ наукъ*. Часть его была напечатана раньше (о Сенъ-Симонѣ и его послѣдователяхъ). Жанэ имѣетъ въ виду происхожденіе французскаго соціализма. Онъ доказываетъ, что въ великую революцію, какъ въ Германіи во время реформаціи, соціализмъ былъ случайнымъ явленіемъ. Революція 1789 г. была соціальною, но не соціалистическою. Строй собственности претерпѣлъ глубокое измѣненіе, но основанія частной собственности не были поколеблены. Революція опиралась, говоритъ Жанэ, на право верховной власти регулировать собственность закономъ, и послѣ преобразованій индивидуальная собственность получила болѣе прочную постановку, чѣмъ во Франціи стараго порядка.

Жанэ представляетъ доказательства того, что учредительное собраніе отмѣнило феодальныя права, строго соблюдая принципъ частной собствен-

*) „Das Grundlose ist das wahrhaft Zweckmässige, ja unentbehrlich Notwendige".

**) Второе изданіе.

***) Второе изданіе, томъ первый.

ности. Одна часть этихъ правъ составляла накопленныя вѣками несправедливыя привилегіи и льготы, которыя тяготѣли надъ крестьяниномъ. Сюда относилось, напримѣръ, право охоты на крестьянскихъ земляхъ, право конфискаціи имущества лица, осужденнаго на смерть, и т. п. Всѣ эти несправедливыя права феодальныхъ владѣльцевъ были отмѣнены безъ всякаго выкупа. Другая группа феодальныхъ правъ, куда входили разнообразныя крестьянскія повинности и оброки, была подвергнута возможно тщательному разбору и выкуплена на сходныхъ для крестьянства условіяхъ. Жанэ сознается, однако, что народъ отказывался производить подобнаго рода платежи, и позднѣйшее революціонное законодательство дошло до конфискаціи упомянутыхъ феодальныхъ правъ. Конфискація имущества эмигрантовъ, говоритъ далѣе французскій ученый, является мѣрою старого порядка и противорѣчитъ духу первой революціи. Онъ не останавливается поэтому на этой мѣрѣ и переходитъ къ вопросу объ отчужденіи духовныхъ имуществъ. Жанэ приводитъ любопытныя извлеченія изъ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту и противъ отчужденія. Въ первыхъ часто ссылались на Тюрго. Знаменитый мыслитель находилъ, что корпораціи и разнообразныя учрежденія вообще существуютъ не для себя, а для общества. Частныя лица, которыя основываютъ какія-либо благотворительныя и религіозно-нравственныя заведенія, могутъ быть людьми невѣжественными и ограниченными; они не должны до безконечности связывать общество. Наконецъ, самая цѣль, ради которой было организовано то или другое учрежденіе, можетъ потерять съ теченіемъ времени всякій смыслъ и значеніе. Такъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ жертвовались деньги на больницы для прокаженныхъ. Было бы нелѣпо сохранять эти суммы для ихъ первоначальнаго назначенія, когда проказа исчезла совершенно.

Ходъ цивилизаціи требовалъ уничтоженія учрежденій того строя, который возникъ изъ войны и анархіи и не соотвѣтствовалъ трудолюбивому и образованному обществу. Эту великую задачу исполнило, говоритъ Жанэ, учредительное собраніе. Но съ паденіемъ старыхъ принциповъ возникала необходимость замѣны ихъ новыми. Было отмѣнено феодальное право первородства и исключительнаго наслѣдованія въ мужской линіи. Двѣ системы наслѣдованія предстали тогда законодателю: система свободы завѣщанія (въ областяхъ, гдѣ владычествовало римское право) и система равнаго раздѣла, который сочетался и съ правомъ первородства, (въ областяхъ, гдѣ господствовало обычное право). Отвлеченная форма революціонныхъ законовъ о наслѣдованіи, замѣчаетъ французскій ученый, не должна вводить въ заблужденіе: въ этой формѣ выражались жизненныя потребности, въ нее облекались историческія нужды. Въ учредительномъ собраніи свобода завѣщанія защищалась Казалесомъ, опровергалась Мирабо и Робеспьеромъ. Противоположная система поддерживалась также Тронше (впослѣдствіи, въ государственномъ совѣтѣ, Порталисомъ). Она восторжествовала. Жанэ признаетъ это правильнымъ: неограниченная сво-

бода завѣщанія повела бы къ праву лишить собственности въ пользу немногихъ всѣхъ остальныхъ.

Жанэ анализируетъ проявленія соціалистическаго движенія въ первую революцію и распредѣляетъ ихъ въ слѣдующія группы: соціализмъ франмасонскій, анархическій, доктринарный. Масоны не играли крупной роли въ эту знаменательную эпоху, какъ и вообще въ исторіи Франціи. Ихъ проповѣдь гуманности носила отчасти соціалистическій характеръ, но въ евангельскомъ смыслѣ. Самымъ выдающимся дѣятелемъ среди масоновъ былъ аббатъ Фоше, впослѣдствіи погибшій, какъ жирондистъ. У Фоше, однако, мы встрѣчаемъ довольно опредѣленные намеки на то, что стало потомъ называться *правомъ на трудъ*, а нѣкоторыя выраженія въ рѣчахъ и статьяхъ аббата звучатъ сильно и рѣзко противъ господствующаго строя собственности.

Подъ анархическимъ соціализмомъ Жанэ разумѣетъ всѣ несистематическія нападенія на собственность, на богачей, въ которыхъ звучало или чувство состраданія къ неимущимъ, или ненависть къ тѣмъ, кому на долю выпало богатство. Съ самаго начала революціи появились памфлеты съ подобными нападеніями. Въ *Quatre Cris d'un patriote* спрашиваютъ, напримѣръ, для чего нужна конституція народу, у котораго остались кости да кожа? Названія другихъ памфлетовъ ясно показываютъ, каково ихъ содержаніе: *Тетрадь четвертаго сословія*, *Тетрадь бѣдныхъ*, *Катехизисъ рода человѣческаго*, и т. д. Къ представителямъ анархическаго соціализма принадлежитъ и Маратъ, заявлявшій въ своемъ *Другѣ народа*, что надо либо задушить рабочихъ, либо кормить ихъ. Маратъ, случалось, прямо возбуждалъ народъ. А съ другой стороны Маратъ идетъ съ реакціонерами. Онъ возстаетъ противъ продажи церковныхъ имуществъ, противъ отмѣны цеховъ, и утверждаетъ, что рабочіе безъ дарованія никогда не должны быть хозяевами, мастерами. Съ иныхъ сторонъ раздавались требованія объ уничтоженіи наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, объ освобожденіи отъ налоговъ той части имущества каждаго гражданина, которая строго необходима для его существованія (нѣмецкій *Existenz—minimum* въ наши дни). Одинъ изъ членовъ конвента, малоизвѣстный Дюпонъ, ставилъ въ принципъ, что въ республикѣ никто не долженъ существовать, не трудясь. Арманъ (de la Meus) требовалъ, чтобы произведена была революція не въ настроеніи только, не во взглядахъ, но и въ вещахъ (dans les choses). Равенство передъ закономъ, заявлялъ онъ, недостаточно, и не слѣдуетъ соблазняться политическою свободою, которая не улучшаетъ положенія бѣднаго. Фуше, будущій герцогъ отрантскій, будучи проконсуломъ въ Антверпенѣ и Ліонѣ, издавалъ предписанія, въ которыхъ возвѣщалъ, что бѣдные будутъ содержаться на счетъ богатыхъ и всѣ здоровые граждане будутъ обезпечены работою. Изъ всѣхъ этихъ статей, памфлетовъ, указовъ и заявленій выдѣляется книга, написанная до начала революціи (въ 1778 или 1780 г.) знаменитымъ Бриссо: *Философскія изслѣдованія о собственности и кражѣ*.

Жанэ считаетъ и этотъ трудъ, какъ всѣ сочиненія Бриссо, очень плохимъ, но въ немъ находится фраза, впослѣдствіи повторенная и самостоятельно развитая Прудономъ: «исключительная собственность есть кража».

Доктринарный или оффиціальный соціализмъ,—потому, что его исповѣдывали лица, имѣвшія власть,—представляется, главнымъ образомъ, Сенъ-Жюстомъ, Робеспьеромъ и Барèромъ, въ особенности первымъ. Свою теорію, гдѣ онъ утверждалъ, что несчастные суть владыки земли, что они имѣютъ право говорить, какъ властелины, Сенъ-Жюстъ пытался осуществить въ дѣйствительности. Но декреты 8 вантоза, принятые конвентомъ, не получили сколько-нибудь серьезнаго практическаго примѣненія. Робеспьеръ не былъ послѣдовательнымъ соціалистомъ. Употребляя въ борьбѣ съ жирондою соціалистическія положенія, какъ орудіе противъ враговъ, онъ возставалъ противъ нихъ при иныхъ условіяхъ. То же самое говоритъ Жанэ и обо всемъ конвентѣ. Представителемъ систематическаго, крайняго соціализма, коммунизма, явился лишь Бабёфъ, сторонникъ террора *). Вторая половина книги Жанэ посвящена изложенію ученія и разсказу о заговорѣ Бабёфа.

Французскій ученый утверждаетъ, что современные анархисты являются лишь учениками этого знаменитаго заговорщика. Онъ вообще склоненъ сильно преувеличивать значеніе французскихъ соціалистовъ и коммунистовъ въ ходѣ европейской мысли и исторіи. Болѣе безпристрастнымъ является въ этомъ отношеніи извѣстный бельгійскій экономистъ Эмиль Лавлэ, сочиненіе котораго переведено и на русскій языкъ. Второе изданіе *Современнаго соціализма* вышло безъ перемѣнъ, поэтому намъ достаточно лишь упомянуть о немъ. Наоборотъ, новое изданіе сочиненія Рудольфа Мейера пересмотрѣно авторомъ и увеличено.

Мнѣ приходилось уже указывать на аристократическо-консервативныя и католическія симпатіи Мейера. Онъ превозноситъ магнатовъ, которые, какъ графъ Белькреди, «съ желѣзною настойчивостію въ теченіе многихъ лѣтъ работаютъ для осуществленія великой системы соціальнаго преобразованія». Безпрестанно ссылается Мейеръ на мнѣнія клерикальныхъ изданій и производитъ вылазки противъ либерализма, которыя не заключаютъ въ себѣ, однако, ничего сильнаго и оригинальнаго.

Мейеръ утверждаетъ, что между консервативными и церковными соціалистами, съ одной стороны, и между соціалъ-демократами, съ другой стороны, различіе заключается только въ способѣ дѣйствія. Первые стремятся достигнуть общественнаго переустройства съ помощью власти церкви, владѣющихъ классовъ, и желаютъ при этомъ пощады всѣхъ пріобрѣтеній цивилизаціи; вторые и слышать не хотятъ о подобномъ починѣ сверху. Къ сожалѣнію, прибавляетъ Мейеръ, до сихъ поръ сомнѣнія и опасенія соціалъ-демократовъ имѣли достаточное основаніе. Особенность своего труда Мейеръ видитъ, между прочимъ, въ подробныхъ указаніяхъ дѣятельности

*) Кабэ утверждаетъ, что слово *терроризмъ* изобрѣтено Бабёфомъ.

католической партіи въ области соціальныхъ отношеній. По его мнѣнію, католическая церковь есть величайшая соціальная сила нашего времени. Въ значительности этой силы и мы не сомнѣваемся, только сила эта враждебна и просвѣщенію, и общественной свободѣ.

Обсуждая положеніе дѣлъ въ Германіи, Мейеръ хвалитъ князя Бисмарка за то, что онъ прекращаетъ борьбу съ римско-католическою церковью, но предсказываетъ, что недалеко то время, когда къ имперскому канцлеру будутъ относиться такъ, какъ относятся къ Наполеону III, послѣ франко-германской войны. Примиреніе съ Римомъ Мейеръ объясняетъ, впрочемъ (что весьма правдоподобно), необходимостью для Бисмарка обезпечить внутренній миръ въ Германіи на случай войны съ Россіей и Франціей. Но едва ли уступки, до сихъ поръ сдѣланныя папскому престолу, могутъ удовлетворить его; а, съ другой стороны, противъ желѣзнаго канцлера грозно поднимается, непрерывно возрастая, нѣмецкая соціалъ-демократическая партія. Мейеръ кончаетъ свою книгу выраженіями опасенія за грядущую судьбу Европы, такъ какъ его идеи и идеи его единомышленниковъ не возбуждаютъ сочувствія у сильныхъ міра.

Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи *).

II.

Причины движенія.

Мнѣнія о причинахъ переселенческаго движенія мѣстныхъ жителей и въ особенности крестьянъ.—Причины движенія вообще.—Экономическая сила переселенческихъ семей по уѣздамъ и разрядамъ крестьянъ.—Размѣръ переселенческихъ семей сравнительно съ наличнымъ населеніемъ.—Сравнительный размѣръ надѣла переселенческихъ семей.—Значеніе земельной аренды для хозяйства мѣстнаго края.—Неравномѣрность распредѣленія надѣльной земли.—Плохое качество почвы и неудобства въ расположеніи надѣловъ.—Мѣстные и отхожіе заработки.—Подати и недоимки.—Безводіе, неурожаи, пожары и проч.—Вліяніе писемъ и примѣровъ зажиточныхъ крестьянъ.

Знакомые съ размѣрами и направленіемъ переселенческаго движенія въ 3-хъ изслѣдуемыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи и имѣя нѣкоторыя историческія указанія, перейдемъ къ выясненію вѣроятныхъ причинъ этого явленія. Выясняя постоянно дѣйствующія и временныя причины, вызывающія переселенія вообще, постараемся объяснить и извѣстный уже намъ фактъ большаго % выселенія изъ лучше обставленнаго въ экономическомъ отношеніи разряда крестьянъ, бывшихъ государственныхъ. Сдѣлаемъ также и нѣкоторыя указанія для уразумѣнія того явленія, что уѣзды сѣвера губерніи почти не участвуютъ въ переселенческомъ движеніи, хотя ихъ земельныя условія (въ почвенномъ и иныхъ отношеніяхъ) значительно хуже южныхъ черноземныхъ уѣздовъ.

Производя изслѣдованіе переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ, мы старались прислушаться къ говору мѣстныхъ жителей объ этомъ явленіи, къ ихъ объясненіямъ причинъ движенія; но изъ всего слышаннаго трудно вывести хоть сколько-нибудь устойчивое заключеніе по интересующему насъ вопросу. Одни утверждали, что малоземелье гонитъ крестьянъ изъ ихъ родныхъ селеній; но, говоря такъ о движеніи вообще,

*) *Русская Мысль*, кн. I.

они совершенно противорѣчили себѣ, объясняя усиленный выходъ на новыя земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими, владѣющими худшимъ надѣломъ. Знакомые съ недостаточнымъ количествомъ фактовъ, они доходили до такихъ странныхъ увѣреній, что помѣщичьи крестьяне обставлены въ экономическомъ отношеніи лучше, чѣмъ бывшіе государственные, благодаря близости къ нимъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ имъ возможность мѣстныхъ заработковъ. Едва ли надо указывать неосновательность такого мнѣнія; замѣтимъ только, что крестьяне, получая за полную обработку и уборку десятины отъ 3—5 р. (изрѣдка 6 р.), по большей части *забираютъ деньги впередъ за годъ, за два* и что зажиточный крестьянинъ всячески избѣгаетъ такой работы, какъ крайне вредной для его хозяйства. Мѣстные землевладѣльцы прекрасно это понимаютъ и нерѣдко сдаютъ въ аренду землю при *непремѣнномъ* условіи въ счетъ арендной платы обработать и убрать опредѣленное число десятинъ экономіи; при этомъ имѣется въ виду совершенно вѣрный разсчетъ, что нужда въ землѣ заставитъ крестьянина взять ненавистный для него заработокъ. Другіе же, не желая признать первой причины, указываютъ на какой-то «переселенческій зудъ», на свойственное русскому крестьянину непосѣдство, видя въ этомъ основную причину движенія. Одни утверждаютъ, что идетъ съ родины бѣднякъ и пропойца, другіе не сомнѣваются, что чуть ли не одни богачи составляютъ контингентъ переселенцевъ. Нѣкоторые видятъ едва ли не исключительную причину движенія въ легковѣріи крестьянина къ заманчивымъ вѣстямъ изъ далекихъ, но обильныхъ мѣстъ, а есть и такіе, что увѣрены въ осмотрительности крестьянина. Словомъ, даже у мѣстныхъ жителей, близко видѣвшихъ движеніе, но неохватившихъ достаточнаго числа фактовъ,—масса мнѣній, исключающихъ другъ друга; очевидно, приведенныя сужденія зависятъ отъ тѣхъ случаевъ переселенія, съ какими приходилось сталкиваться ихъ автору. Сами крестьяне, если заговорить съ ними о переселенческомъ движеніи *вообще*, даютъ настолько же спутанные и противорѣчивые отвѣты. Другое дѣло, если заходитъ рѣчь объ извѣстномъ домохозяинѣ, ушедшемъ «на самару»; тутъ отвѣты вполнѣ опредѣленны, хотя тоже крайне разнообразны. Въ имѣющемся у насъ матеріалѣ (подворной переписи каждаго переселенца) ихъ очень много; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Раненб. уѣздъ. Идетъ въ Томскую губ. крестьянинъ села Буховаго; семья его изъ 10 человѣкъ; съ собою взяли 500 р.; про него говорятъ: «Кредитный былъ человѣкъ, да земли только на 1 душу,—ну и пошелъ». Изъ села Колыбельскаго уходитъ на вольныя земли богачъ, тысячникъ: «ребятъ, говорятъ, на вольныя земли повелъ: 5-ти работникамъ на 10-ти десятинахъ дѣлать нечего, да и сватъ звалъ». Изъ Колычева уходитъ «на самару» кое-какъ перебивавшійся крестьянинъ, на дорогу сбилъ 100 р. да 2 повозки: «дѣти одолѣли,—не прокормитъ ихъ на нашей землѣ». Идетъ въ Уфимскую губ. изъ Салтыковъ крестьянинъ, имѣвшій 13 десятинъ соб-

ственной земли и собравшій отъ распродажи своего имущества 2,500 р.; даютъ такое объясненіе: «выгоны и усадьбы тѣснили, а тамъ земля дешева». Изъ Демкина двинулся въ Бійскій округъ богатый мужикъ; съ собой понесъ 1,500 р.; про него говорятъ: «жилъ здѣсь—лучше не надо, да тѣсно скотинѣ, говорилъ». Изъ Ляпуновки пошелъ съ 200 рублями: «скотины держать нельзя,—штрафы (за потраву скотомъ) одолѣли». Вообще тѣснота угодій для скота, тѣснота усадьбы и боязнь, что у дѣтей земли будетъ мало,—почти всегдашнее объясненіе переселеній зажиточныхъ крестьянъ. Эти причины, конечно, не менѣе вліятельны и на стремленіе къ выселенію бѣдняковъ.

Изъ Буховаго выселился однолошадный домохозяинъ съ 150-ю рублями; про него говорятъ: «жилъ сносно, да отъ зенкинскаго поля бѣжалъ,—неспокойно было на одной лошади». «Зенкинское поле»—лучшая часть надѣльной земли буховскихъ крестьянъ; она лежитъ за 15 верстъ отъ села. Въ селѣ Дубовомъ такая замѣтка противъ переписи одного изъ самарцевъ: «Годъ отъ году все трудней становится, да и дальше хорошаго не видать. Собралъ 270 р. и уѣхалъ за другими». Изъ села Колыбельскаго идутъ два бѣдняка; каждый взялъ съ собою по 50 р. Про одного говорятъ: «хлѣба не хватало; дровъ купить не на что»; про другого: «земля была сдана на 12 лѣтъ; самъ жилъ въ людяхъ,—врядъ добромъ вспомянетъ свою сторону». Временно-обязанный крестьянинъ села Гагина пошелъ въ Томскую губ. съ 70 рублями: «отъ тяжелаго оброка, говорилъ, ѣду да отъ трудной кормежки». Переселенецъ въ Уфимскую губ. изъ Анненскаго беретъ съ собою 400 р.; про него: «жилъ хорошо, да опускаться сталъ отъ дорогой аренды,—захотѣлось устроиться попрочнѣй». Изъ Просѣчья (бывшіе г. Прокоповича) ушли двое. Одинъ «жилъ неплохо, съ собой взялъ 400 р., да на 1 душѣ (земли) впятеромъ житье тяжелое»; другой понесъ 25 р.: «былъ старшиной, да аренда въ худой годъ разорила, поправляться ушелъ». Одинъ «самарецъ» пишетъ: «Слава Богу, отъ картошки убегъ»,—разумѣя подъ этимъ вообще худшія условія питанія на своей родинѣ: «въ Шубенкѣ (деревня Бійскаго округа) пшеницу ѣмъ, а дома ржи не хватало!» Изъ этихъ примѣровъ видно, что нужда въ разныхъ ея проявленіяхъ гонитъ крестьянина въ далекую, но просторную сторону: то неудобное расположеніе надѣла, то аренда на тяжелыхъ условіяхъ, то недостатокъ топлива, то хлѣба не хватаетъ, подати тяжелы.

Въ этой, почти исключительно земледѣльческой сторонѣ отхожихъ промысловъ «не уважаютъ», хотя въ западной части Скопинскаго уѣзда они и развиты; обращаются къ нимъ въ крайности и иногда идутъ «на самару», чтобы избавиться отъ нихъ; про одного «самарца» говорятъ: «зиму и лѣто онъ на заработкахъ (отхожихъ),—не въ охоту, а тамъ (въ Томской губ.), Богъ дастъ, жителемъ (настоящимъ хозяиномъ-землепашцемъ) станетъ». Или: идетъ на самару семья съ 3-мя работниками; земли у нея $2^1/_4$ деся-

тины (четвертная); уходъ объясняютъ: «земли мало; ребята на сторонѣ (т.-е. на заработкахъ) балуются; оттого и пошелъ».

Подобныя же объясненія, почему та или другая семья рѣшилась уйдти съ родной стороны, давали намъ и въ двухъ другихъ уѣздахъ. Идетъ въ Томскую губ. зажиточный крестьянинъ села Требунокъ; съ собой собралъ около 500 р. «Былъ первымъ жителемъ у насъ, говорятъ про него сосѣди. да наемка (аренда земли) дорога стала, а на своей землѣ не прожить». Изъ Подкидышева ушелъ въ Бійскій округъ бѣднякъ съ 5 рублями; на родинѣ онъ жилъ въ пастухахъ. «Хуже не будетъ!» передаютъ его слова предъ выходомъ. Тоже и въ Скопинскомъ уѣздѣ. Богатый крестьянинъ изъ Поплевина, понесшій съ собой около 1,500 р., оттого «удумалъ въ самару, что здѣсь телка негдѣ привязать», т.-е. выгоновъ нѣтъ. Или бѣднякъ изъ села Топилъ пошелъ за другими въ Сибирь, до того добившись въ родномъ селѣ, что «зимой съ дѣтьми въ печи ночевалъ,—отопиться нечѣмъ было».

Кромѣ такихъ общераспространенныхъ причинъ переселенія, крестьяне указывали иногда основанія переселеній чисто мѣстнаго характера; временныя, иногда совершенно случайныя причины тоже играютъ весьма видную роль въ объясненіяхъ крестьянами ухода на самару того или иного своего односельца. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Изъ Кузовлева (Раненбургскаго уѣзда) ушелъ на самару зажиточный крестьянинъ на 3-хъ лошадяхъ, съ 800 р.: «Скотинѣ тѣсно, а пуще изъ воды ушелъ» (большой недостатокъ въ водѣ). Изъ Буховаго идетъ въ Томскую губ. съ 50 рублями: «Сгорѣлъ, на штрафовку (страховку) пошелъ; здѣсь бы ему не подняться, а тамошнее житье не сравнится съ здѣшнимъ». Или: «маломощный былъ человѣкъ: лошадь увели, потомъ сгорѣлъ,—и пошелъ на самару съ Козлова по окнамъ», т.-е. побираясь, такъ какъ съ нимъ было лишь около 10 р.; вдвоемъ съ женой пошелъ. Уходитъ изъ с. Троицкаго бѣднякъ съ 8 рублями: «Тамъ (на самарѣ), говорилъ, куски больше подаютъ». Кузовлевскій богачъ уходитъ въ Томскую губ. «отъ стыда: 1½ года въ острогѣ за воровство отсидѣлъ»; подобное же объясненіе даютъ уходу въ Томскую губ. «главнаго ссадчика» новѣйшихъ переселенцевъ изъ Скопинскаго уѣзда (Петръ Ивановъ, староста Чулковскихъ выселковъ): «Умный былъ мужикъ: общество и продастъ, и выкупитъ; жилъ богато (5,000 руб. съ собою взялъ) да не вытерпѣлъ,—стали за глютство (міроѣдство) стыдить».

Объясняютъ иногда стремленіе на вольныя земли чужимъ примѣромъ: изъ Зыкова (съ 400 р.) пошелъ одинъ, «на пиковскаго (изъ дер. Пиковыя Рясы) богача глядя,—видно хорошо, коли тотъ собрался!» или: «ушла мать жены; жена мужа потащила». Давались и такія объясненія: «отъ пьянства ушелъ; тамъ, говорилъ, пить не стану» или: «шахта доканала», т.-е. показалась очень тяжелой работа на мѣстныхъ каменно-угольныхъ копяхъ (въ Скоп. у.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ объясненія крестьянъ ясно, что они ви-

дятъ причину переселеній отдѣльныхъ семей «въ тѣснотѣ отъ земли», въ несоразмѣрности надѣловъ съ рабочими силами семьи, въ тяжелыхъ условіяхъ аренды, въ нуждѣ вообще. Иной и зажиточный живетъ недурно да вдругъ «заробѣетъ», что дальше плохо будетъ, а на самарѣ можно прочнѣй устроиться. Видно, что въ изслѣдуемомъ районѣ крестьяне привыкли быть земледѣльцами почти исключительно: отхожіе промыслы ихъ тяготятъ, и манитъ та сторона, гдѣ можно «пахать, гдѣ хочешь, косить, сколько въ силахъ, а въ лѣсу объѣздчиковъ нѣтъ», какъ рисуетъ Бійскій округъ одинъ переселенецъ въ письмѣ на родину. Въ глазахъ крестьянъ среди поводовъ къ переселеніямъ имѣютъ значеніе и нѣкоторыя иныя частныя и временныя причины; играютъ роль и родственныя зазыванія. Какъ ни интересно знать мнѣніе крестьянъ о причинахъ движенія, но на нихъ нельзя строить выводовъ уже въ силу ихъ отрывочности: далеко не о каждой переселенческой семьѣ имѣются приведенные отзывы односельцевъ.

Въ подворной переписи переселенцевъ мы имѣемъ цифровыя данныя, позволяющія составить довольно точное понятіе объ экономической силѣ уходившихъ на самару: почти противъ каждаго самарца стоитъ сумма денегъ, какую онъ понесъ съ собой. Хотя эти цифры лишь приблизительны, но все же весьма близки къ истиннымъ потому, во-первыхъ, что сообщалъ ихъ, какъ сказано въ предисловіи, «отпускавшій на самару» или сосѣдъ самарца, хорошо знавшіе собранную переселенцемъ сумму; во-вторыхъ, потому, что скрывать было незачѣмъ,—вѣдь, самого самарца на лицо не было; въ-третьихъ, иногда эта сумма получалась такимъ путемъ: «отпускавшій на самару» пересчитываетъ, напримѣръ: «избенка и прочая стройка продана за 38 р., корова—20 р., землю продалъ (четвертной 1½ дес. было) по 55 руб. за десятину, — всего 140 р.; за лошадь далъ (безлошадный былъ) 40 р., проѣлъ до дороги близъ 50 р., да должишки были рублей на 20; съ собой понесъ 30 р.» Указавъ степень точности цифръ, воспользуемся ими, чтобы приблизительно судить о достаткѣ уходившихъ на переселеніе. Какъ эти, такъ и всѣ послѣдующія цифровыя данныя имѣются у насъ лишь для переселенцевъ послѣдняго шестилѣтняго періода (съ 1877—82 г.).

Изъ всѣхъ 2,125 переселенческихъ семей позднѣйшаго періода, зарегистрованныхъ нашей переписью, мы только о 163 не имѣемъ требуемыхъ данныхъ; сумма, собранная въ дорогу каждою изъ остальныхъ 1,961 семей (92%), намъ извѣстна. Сгруппируемъ же эти данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Менѣе 50 руб. взяли съ собой	415	семей, т. е.	21%
Отъ 50—150 р. » »	745	» »	38%
» 150—300 » » »	438	» »	22%
» 300—800 » » »	306	» »	16%
Сверхъ 800 » » »	57	» »	3%
Итого. . .	1,961		100%

57 семей понесли съ собою по 1,000 руб. и болѣе, а три изъ нихъ по 5,000 руб.; эти домохозяева жили съ полнымъ достаткомъ и на родинѣ, и на новыхъ мѣстахъ, конечно, хорошо устроятся; они составляютъ $^{3}/_{100}$ доли общаго числа переселенческихъ семей. Если къ нимъ присоединить предъидущую группу (взявшихъ отъ 300 — 800 р.), то окажется, что зажиточныхъ и богатыхъ домохозяевъ пошло на самару менѣе $^{1}/_{5}$ (19%) всѣхъ переселенческихъ семей. Нѣсколько болѣе $^{1}/_{5}$ (22%) приходится на среднюю группу переселенцевъ, понесшихъ съ собой отъ 150—300 руб. Остальные $^{3}/_{5}$ самарцевъ (1,160 семей или 59%), распродавъ все свое имущество, не въ силахъ были выручить на дорогу больше 150 руб.; едва ли можно сомнѣваться, что все это — хозяева ниже средняго достатка. Изъ нихъ 415 семей (болѣе $^{1}/_{3}$ всѣхъ вышедшихъ на самару) выселились отъ крайней бѣдности, взявъ съ собою менѣе 50 р.; и дѣйствительно, перепись показываетъ, что все это безлошадные домохозяйства; у нѣкоторыхъ не было дома и даже земельнаго надѣла (изъ бывшихъ дворовыхъ, отставныхъ солдатъ и пр.). Нѣкоторыя изъ этихъ семей пошли съ 10-ю, 5-ю и 3-мя рублями, пошли съ самаго мѣста выхода христовымъ именемъ или нанявшись въ работники къ зажиточному домохозяину, идущему въ Томскую губ.

Стремленіе бѣдняковъ на просторныя земли, желаніе ихъ обезпечить будущее своихъ дѣтей и свое собственное существованіе настолько велико, что иногда даже семейные рѣшаются идти за тысячи верстъ почти вовсе безъ средствъ. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ: крестьянинъ с. Дубоваго продалъ избу и остальное имущество за 60 р.; справивъ кое-какіе запасы и подводу за 35 р., онъ съ остальными 25 р. отправился (самъ-пятъ) въ Томскую губ., надѣясь пройти этотъ громадный путь христовымъ именемъ, на пятирублевой лошади.

Абсолютныя цифры семей, взявшихъ съ собой (идя на переселеніе) ту или иную сумму денегъ, даетъ для каждаго уѣзда слѣдующая таблица:

		Ранен. у.	Данков. у.	Скоп. у.
Менѣе 50 руб. взяли съ собой	(I груп.)	235 семей.	133 семей.	47 семей.
Отъ 50—150 р. » »	II »	512 »	175 »	58 »
» 150—300 » »	III »	286 »	121 »	31 »
» 300—800 » »	IV »	208 »	64 »	34 »
Сверхъ 800 » »	V »	35 »	9 »	13 »
Итого		1,276 семей.	502 семей.	183 семей.

Выражая въ процентахъ:

	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Раненбургскій уѣздъ	19%	40%	22%	16%	3%	100%
	59%			19%		

Данковскій уѣздъ . .	26%	35%	24%	13%	2%	100%
	61%			15%		
Скопинскій уѣздъ . .	26%	31%	17%	19%	7%	100%
	57%			26%		

Процентныя отношенія Раненбургскаго уѣзда почти не отклоняются отъ того средняго для всѣхъ изслѣдуемыхъ уѣздовъ, который только что нами разсмотрѣнъ; изъ Данковскаго уѣзда зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ вышло на переселеніе нѣсколько менѣе (15%), а Скопинскій съ 1877 г. выслалъ на вольныя земли 47 семей (1/4 всѣхъ своихъ переселенцевъ), унесшихъ съ собой болѣе 300 р.

Теперь посмотримъ, какъ распредѣлятся въ разсматриваемомъ отношеніи всѣ переселенческія семьи по разрядамъ крестьянъ. Вотъ абсолютныя данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

	Бывшіе государственные. Душевые.	Четвертн.	И тѣ и др.	Бывшіе помѣщичьи.
Менѣе 50 р. взяли съ собой (I гр.)	162	57	219	196
Отъ 50—150 р. » » » (II »)	315	153	468	277
» 150—300 » » » » (III »)	131	143	274	164
» 300—800 » » » » (IV »)	126	96	222	84
Сверхъ 800 » » » » (V »)	19	21	40	17
Итого . .	753	470	1,223	738

Или въ процентахъ:

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Бывшіе государств.	Душевые . .	22%	42%	17%	16%	3%	100%
				36%			
	Четвертные .	11	35	30	20	4	100
				54			
	И тѣ и др. .	18	38	22	19	3	100
					22%		
Бывшіе помѣщичьи		27	38	22	11	2	100
					13%		

Сравнивая разрядъ всѣхъ бывшихъ государственныхъ съ бывшими помѣщичьими, видимъ, что послѣдніе рѣшаются идти на самару съ меньшими средствами: бывшіе государственные крестьяне дали бо́льшій % выселенцевъ изъ зажиточныхъ и богатыхъ группъ (IV и V), а весь недостающій въ нихъ % (9%) у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ пополняетъ группа бѣдняковъ, понесшихъ съ собой на вольныя земли менѣе 50 руб.; процентныя отношенія II и III группъ въ обоихъ разрядахъ одинаковы. Бывшіе государственные четвертные крестьяне дали движенію наибольшій %

3-хъ болѣе зажиточныхъ группъ переселенцевъ, а именно 54%, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ только 36% всѣхъ выходцевъ съ 1877 г. унесли болѣе, чѣмъ по 150 р., а у бывшихъ помѣщичьихъ такихъ семей 35%. Процентныя отношенія I и II группъ тоже свидѣтельствуютъ о бо́льшемъ числѣ бѣдняковъ, ушедшихъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ категоріей крестьянъ государственныхъ душевыхъ.

То же замѣчается и по отдѣльнымъ уѣздамъ: наименьшій % бѣдняковъ и наибольшій % зажиточныхъ и богатыхъ изъ числа переселенческихъ семей даютъ бывшіе государственные четвертные; наибольшій же % бѣдныхъ и наименьшій—зажиточныхъ шлютъ на самару бывшіе помѣщичьи; государственные душевые занимаютъ среднее мѣсто. Въ слѣдующей таблицѣ совмѣщены абсолютныя данныя по разрядамъ каждаго уѣзда; переселенческія семьи разбиты на тѣ же V группъ по количеству денегъ, которыя онѣ захватили съ собой, отправляясь на вольныя земли.

Раненбурскаго уѣзда.

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Бывшіе государств.	Душевые . .	88	249	103	98	9	547
	Четвертные .	33	88	69	50	11	251
	И тѣ и др. .	121	337	172	148	20	798
Бывшіе помѣщичьи		114	175	114	60	15	478

Данковскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевые . .	34	27	8	4	—	73
	Четвертные .	24	64	73	41	8	210
	И тѣ у др. .	58	91	81	45	8	283
Бывшіе помѣщичьи		75	84	40	19	1	219

Скопинскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевые . .	40	39	20	24	10	133
	Четвертные .	—	1	1	5	2	9
	И тѣ и др. .	40	40	21	29	12	142
Бывшіе помѣщичьи		7	18	10	5	1	41

Выражая это въ %%, получимъ:

Раненбурскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевые . .	16%	45% (61%)	19%	18%	2%	100%
	Четвертные .	13	35,1	27,4	20	4,5	100
	И тѣ и др. .	15	42	22	19	2	100
Бывшіе помѣщичьи		19	40 (59%)	22	16	3	100

Данковскаго уѣзда.

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Бывшіе государств.	Душевые . .	47	38	10	5	—	100
		85%					
	Четвертные .	11	31	35	19	4	100
	И тѣ и др. .	20	32	29	16	3	100
Бывшіе помѣщичьи		36	37	18	9	—	100
		73%					

Скопинскаго уѣзда.

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Бывшіе государств.	Душевые . .	30	29	15	18	8	100
		59%					
	Четвертные .	—	11	11	56	22	100
	И тѣ и др. .	28,5	28,5	15	20	8	100
Бывшіе помѣщичьи		17	45	24	12	2	100
		62%					

Проглядывая приведенныя поуѣздныя цифры, находимъ замѣтное отступленіе отъ замѣченныхъ среднихъ основаній (для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ) лишь въ Данковскомъ уѣздѣ, гдѣ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ бо́льшій процентъ переселенцевъ двухъ бѣднѣйшихъ категорій, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, и гдѣ вообще переселенцы изъ бывшихъ государственныхъ душевыхъ крестьянъ менѣе зажиточны, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ.

Но чтобы судить о степени достатка переселенческихъ семей, чтобы сдѣлать болѣе обоснованное заключеніе о томъ, кто же эти переселенцы,—богачи, бѣдняки или крестьяне средняго достатка,—для этого мы воспользуемся точными цифрами переписи; онѣ тѣмъ пригоднѣе для поставленной цѣли, что *вполнѣ сравнимы* съ однородными данными не участвующихъ въ переселенческомъ движеніи домохозяевъ. Мы будемъ сравнивать достатокъ переселенческихъ домохозяйствъ, выбывшихъ изъ общины съ 1877—1882 г., съ оставшимися домохозяйствами всѣхъ общинъ (261), вовлеченныхъ въ движеніе за это время, т.-е. тѣхъ же общинъ, откуда вышли и переселенцы. Къ выясненію причинъ неравномѣрности выселеній изъ различныхъ районовъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ мы обратимся впослѣдствіи. Необходимо замѣтить, что изъ 2,125 переселенческихъ семей, о которыхъ шла до сихъ поръ рѣчь, 159 не составляли самостоятельныхъ домохозяйствъ, выдѣлясь изъ другихъ семей лишь передъ самымъ выходомъ на переселеніе; поэтому дальше будетъ рѣчь только объ остальныхъ 1,966 дворахъ, составлявшихъ и на родинѣ самостоятельныя хозяйственныя единицы.

Какой же признакъ примемъ для указанія экономической силы переселенческихъ и наличныхъ домохозяйствъ? Наиболѣе общимъ такимъ признакомъ въ разсматриваемой земледѣльческой полосѣ будетъ количество скота вообще и лошадей въ особенности. Вотъ среднія цифры головъ крупнаго скота (считая 10 мелкаго за одну крупнаго) для всѣхъ уѣздовъ:

		Дворовъ.	Головъ крупнаго скота. Общее число.	На дворъ.
Раненб. уѣзда . .	Наличное населеніе . . .	12,906	34,954	2,7
	Переселенцы съ 1877 г. .	1,216	2,797	2,3
Данк. » . .	Наличное населеніе . . .	6,487	18,203	2,8
	Переселенцы съ 1877 г. .	517	1,115	2,2
Скоп. » . .	Наличное населеніе . . .	9,752	28,388	2,9
	Переселенцы съ 1877 г. .	233	437	1,9
По 3-мъ уѣздамъ.	Наличное населеніе . . .	29,145	81,549	2,8
	Переселенцы съ 1877 г. .	1,966	4,353	2,2

Цифры таблицы показываютъ, что на 10 переселенческихъ домохозяйствъ приходится среднимъ числомъ 22 головы крупнаго скота во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ, тогда какъ у 10 наличныхъ дворовъ крупнаго скота 28 головъ. То же замѣтно и для всѣхъ уѣздовъ: въ каждомъ изъ нихъ среднее количество скота на переселенческій дворъ ниже, чѣмъ на дворъ кореннаго жителя. То же самое можно прослѣдить почти во всѣхъ волостяхъ. Уже это даетъ право заключить, что достатокъ *средняго переселенца ниже достатка средняго кореннаго домохозяина*.

Но, чтобы оцѣнить не среднюю, а дѣйствительную силу домохозяйствъ, необходимо взглянуть на распредѣленіе скота между отдѣльными дворами. Возьмемъ наиболѣе важный видъ скота,—рабочую силу хозяйства,—лошадь. Для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Домохозяевъ.	Наличныхъ. Число.	%		Переселенцевъ съ 1877 г. Число.	%	
Безлошадныхъ	9,685	33		623	32	
Съ 1 лошадью	7,933	28		749	38	
» 2 »	6,057	20	39%	394	20	30%
» 3 и болѣе	5,469	19		200	10	
Итого	29,144	100		1,966	100	

Мы видимъ, во-первыхъ, что около $^1/_3$ переселенцевъ (32%), живя дома, не имѣли и одной лошади; хозяйство такихъ крестьянъ почти всегда въ полномъ разстройствѣ: они не въ силахъ слѣдить за нимъ, добывая себѣ пропитаніе отхожимъ или мѣстнымъ заработкомъ, а землю или сдаютъ въ аренду односельцамъ, или обрабатываютъ наймомъ на чужой лошади. Хозяйство однолошаднаго двора крайне непрочно: дороговизна корма, лиш-

ній семейный расходъ, пожаръ или иной экстренный случай переводятъ его въ категорію безлошадныхъ; а, между тѣмъ, 749 самарцевъ (38%) однолошадны. Эти цифры ясно указываютъ на то, что больше $^1/_2$ (безлошадные и значительное число однолошадныхъ) всѣхъ переселенцевъ жили на своей родинѣ очень бѣдно, что исправныхъ и богатыхъ изъ нихъ было не болѣе $^3/_{10}$ (дву и болѣе лошадные).

Во-вторыхъ, сравнивая переселенческія и наличныя домохозяйства, нельзя не замѣтить, что экономическая сила первыхъ значительно ниже: процентныя отношенія безлошадныхъ и двулошадныхъ почти одинаковы у обѣихъ группъ, но у коренныхъ жителей на 9% болѣе многолошадныхъ хозяйствъ, чѣмъ у переселенцевъ, у которыхъ этотъ недостающій % возмѣщается однолошадными дворами.

Почти такія же отношенія замѣчаются и въ отдѣльныхъ уѣздахъ:

Число домохозяйствъ.	Раненбур. уѣзда.		Данков. уѣзда.		Скопин. уѣзда	
	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.
I. Безлошадныхъ . . .	4,446	368	2,014	153	3,225	102
II. Съ 1 лошадью . . .	3,538	482	1,676	190	3,719	77
III. » 2 » . . .	2,647	247	1,312	115	2,098	32
IV. » 3 и болѣе . . .	2,275	119	1,484	59	1,710	22
Итого. . .	12,906	1,216	6,486	517	9,752	233

Выражая абсолютныя величины каждой группы въ %% къ поуѣздному итогу, получимъ:

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	Итого.
Раненбур. уѣзда.	Наличные . . .	34%	27% (61%)	21%	18%	100%
	Переселенцы .	30	40 (70%)	20	10	100
Данков. уѣзда .	Наличные . . .	31	26 (57%)	20	23	100
	Переселенцы .	30	37 (67%)	22	11	100
Скопин. уѣзда .	Наличные . . .	33	28 (61%)	22	17	100
	Переселенцы .	43	33 (76%)	14	10	100

Во всѣхъ уѣздахъ подворное распредѣленіе лошадей указываетъ на меньшую хозяйственную силу переселенцевъ сравнительно съ оставшимися на мѣстѣ домохозяевами, а также и на малый достатокъ переселенцевъ вообще.

Обращаясь къ распредѣленію среднихъ цифръ скота у разныхъ разрядовъ крестьянъ, расположимъ весь матеріалъ въ нисходящемъ порядкѣ зажиточности разрядовъ: бывшіе государственные четвертные, бывшіе государ-

ственные душевые и бывшіе помѣщичьи. Сначала для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Головъ крупнаго скота.

			Число дворовъ.	Общее число.	На 10 дворовъ.	
Бывшіе государственные.	Четвертные.	Наличное населеніе . .	3,554	11,756	33	—12
		Переселенцы съ 77 г.	473	1,016	21	
	Душевые.	Наличное населеніе . .	16,580	47,789	29	— 7
		Переселенцы съ 77 г.	754	1,684	22	
	И тѣ и другіе.	Наличное населеніе . .	20,134	59,545	30	
		Переселенцы съ 77 г.	1,227	2,700	22	
Бывшіе помѣщичьи.		Наличное населеніе . .	9,011	21,999	24	— 2
		Переселенцы съ 77 г.	739	1,653	22	

Крайній вертикальный рядъ этой таблички какъ бы говоритъ намъ: *чѣмъ зажиточнѣе крестьяне, тѣмъ относительно менѣе достаточные переселенцы выходятъ изъ среды ихъ;* тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ средній достатокъ наличнаго и переселенческаго двора почти одинаковъ, у бывшихъ государственныхъ душевыхъ средній переселенческій дворъ бѣднѣе кореннаго больше, чѣмъ на $^1/_2$ головы крупнаго скота (на $^7/_{10}$). а у четвертныхъ—на $1,_2$ головы. Да это и понятно, если обратить вниманіе на экономическую силу средняго переселенческаго двора: она почти одинакова во всѣхъ разрядахъ и выражается 22 головами крупнаго скота на 10 дворовъ, тогда какъ достатокъ средняго наличнаго двора у разныхъ категорій крестьянъ подверженъ значительнымъ колебаніямъ (почти на цѣлую голову крупнаго скота).

Замѣченное нами правило для средняго переселенческаго двора 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ вполнѣ подтверждается и для каждаго уѣзда въ отдѣльности. Ограничимся только средними цифрами, такъ какъ абсолютныя величины въ данномъ случаѣ не имѣютъ особаго интереса.

Головъ крупнаго скота на 10 дворовъ.

			Раненб. у.		Данков. у.		Скоп. у.	
Бывшіе государственные.	Четвертные.	Наличное населеніе .	32	—13	34	—11	37	—16
		Переселенцы съ 77 г.	19		23		21	
	Душевые.	Наличное населеніе .	29	— 4	29	— 7	29	—12
		Переселенцы съ 77 г.	25		19		17	
	И тѣ и другіе.	Наличное населеніе .	30		30		29	
		Переселенцы съ 77 г.	23		22		18	
Бывшіе помѣщичьи.		Наличное населеніе .	24	— 1	26	— 6	25	— 1
		Переселенцы съ 77 г.	23		20		24	

Эта табличка, пополняя предъидущую, даетъ право сдѣлать заключеніе

о нѣкоторой нормальной *средней* экономической силѣ переселенческаго домохозяйства для цѣлыхъ разрядовъ каждаго уѣзда: она уклоняется отъ средней для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ ($2_{,2}$ головы крупнаго скота на дворъ) въ обѣ стороны не болѣе, чѣмъ на $^1/_2$ головы крупнаго скота, равняясь въ крайнихъ своихъ величинахъ $1_{,7}$ и $2_{,5}$ головамъ крупнаго скота на дворъ.

Отъ этихъ среднихъ цифръ перейдемъ къ болѣе детальному, подворному распредѣленію скота (лошадей) у крестьянъ разныхъ категорій. Вотъ необходимыя для этой цѣли относительныя цифры:

Въ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ:

Домохозяевъ (въ %%).			Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 и болѣе.	Итого.
Бывшихъ государственныхъ.	Четвертныхъ.	Наличныхъ. . . .	27%	23%	22%	28%	100
					50%		
		Пересел. съ 77 г.	32	40	20	8	100
					28		
	Душевыхъ.	Наличныхъ. . . .	33	29	20	18	100
					38		
		Пересел. съ 77 г.	34	38	18	10	100
					28		
	Итѣхъ и другихъ.	Наличныхъ. . . .	31	28	21	20	100
		Пересел. съ 77 г.	34	38	19	9	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.		Наличныхъ. . . .	36	26	20	18	100
					38		
		Пересел. съ 77 г.	30	37	21	12	100
					33		

Какъ видимъ, и эти цифры подтверждаютъ только что высказанныя заключенія: хозяйственная сила переселенческихъ дворовъ всегда ниже по сравненію съ силой наличныхъ домохозяйствъ соотвѣтствующаго разряда, причемъ эта разница тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ благосостояніе разряда выше.

То же сохраняетъ силу и для разрядовъ каждаго отдѣльнаго уѣзда, что видно изъ слѣдующей таблицы; въ ней безлошадные домохозяева составляютъ первую группу (I), однолошадные—вторую (II), двулошадные—третью (III), а въ четвертую (IV) вошли 3-хъ и болѣе лошадные; буква Н. означаетъ наличное населеніе, П.—переселенцевъ.

Домохозяева (въ %%-хъ).		*Бывшіе государственные.*						*Бывшіе помѣщичьи.*	
		Четвертные.		Душевые.		И тѣ и другіе.			
		Н.	П.	Н.	П.	Н.	П.	Н.	П.
Раненбург. уѣздъ.	I.	28%	40%	33%	28%	32%	32%	37%	28%
	II.	24	39	29	42	28	40	27	39
	III.	25	15	20	20	21	19	20	21
	IV.	23	6	18	10	19	9	16	12
		48	21	38	30			36	33
Итого. . . .		100	100	100	100	100	100	100	100

Домохозяева (въ %%-хъ).		*Бывшіе государственные.*						*Бывшіе помѣщичьи.*	
		Четвертные.		Душевые.		И тѣ и другіе.			
		Н.	П.	Н.	П.	Н.	П.	П.	П.
Данковскій уѣздъ.	I.	26%	22%	31%	37%	28%	26%	34%	34%
	II.	22	41	32	35	26	39	26	34
	III.	21	26	19	18	22	24	20	20
	IV.	31	11	18	10	26	11	20	12
		52	37	37	28			40	32
Итого		100	100	100	100	100	100	100	100
Скопинскій уѣздъ.	I.	26%	31%	33%	50%	33%	48%	42%	22%
	II.	21	38	28	28	28	29	26	54
	III.	16	23	22	12	21	13	17	17
	IV.	37	8	17	10	18	10	15	7
		53	31	39	22			32	24
Итого		100	100	100	100	100	100	100	100

Чтобы закончить съ цифровыми данными, дающими возможность судить объ экономическомъ достаткѣ переселенцевъ, обратимъ вниманіе еще на слѣдующіе факты: изъ 623 безлошадныхъ переселенческихъ дворовъ (во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ) 173 (9% всѣхъ переселенцевъ) вовсе не вели на родинѣ земледѣльческаго хозяйства, а сдавали весь свой надѣлъ сосѣдямъ, не имѣя силъ уплатить за обработку его въ свою пользу; 42 домохозяина, ушедшихъ на самару, на родинѣ были вовсе безъ земли, а 93 не имѣли даже и избы, живя съ семьей въ батракахъ или на квартирѣ.

Разсмотрѣнныя цифровыя свѣдѣнія указали намъ, что хотя среди переселенцевъ даннаго района можно встрѣтить и богача, и бѣдняка, и крестьянъ средняго достатка, но что эти три категоріи крестьянъ далеко не въ одинаковой степени пополняютъ контингентъ переселенцевъ; напротивъ того: значительное большинство самарцевъ владѣли на родинѣ крайне непрочными земледѣльческими хозяйствами или вовсе ихъ не имѣли. Мы видѣли, что во всѣхъ уѣздахъ и разрядахъ уѣзда достатокъ переселенческихъ семей ниже достатка ихъ наличныхъ жителей; мы видѣли, какъ много полныхъ бѣдняковъ участвуютъ въ движеніи. Послѣ этого становится яснымъ, что *главной побудительной причиной переселенческаго движенія является нужда во всѣхъ ея видахъ*, что она «гонитъ на самару», какъ характерно выражаются крестьяне, желая указать этимъ трудность покинуть родную сторону, ввѣряясь обманчивой надеждѣ на обѣтованную землю. Вотъ какъ (почти дословно) крестьяне с. Бигильдина объясняли значеніе нужды въ переселенческомъ движеніи своихъ односельцевъ: «Бѣдность и при мало и при многоземеліи гонитъ на самару. Запутавшійся или замотавшійся человѣкъ не видитъ здѣсь средствъ выйти изъ своего положенія: земли у него или мало, или она позаложена на года; капиталу нѣтъ. Продать землю *) и уйти съ деньгами туда, гдѣ она дается чуть не даромъ (да еще ка-

*) Дѣло идетъ о наслѣдственной „четвертной“ землѣ; въ Бигильдинѣ господствуетъ четвертное право.

кая!), гдѣ все остальное дешево, — представляется очень хорошимъ средствомъ стать на ноги. Безъисходная нужда туда же двигаетъ. Плохой годъ, нѣтъ хлѣба, продано все, кромѣ необходимѣйшаго.... продать домъ или землю? Помирать, побираться придется; а продавать надо. Послѣ этого только и остается, что хоть на удачу идти, хоть христовымъ именемъ: кой-какая надежда на успѣхъ ѣсть, а хуже, чѣмъ здѣсь, не будетъ».

Вообще сами крестьяне очень часто указываютъ, какъ на основную причину выселеній, на тяжелыя земельныя условія своей родины, но и по ихъ словамъ, *непосредственнымъ поводомъ къ выселенію почти всегда является или бѣдность, или обстоятельства, разстраивающія хозяйство, или, по крайней мѣрѣ, позволяющія предвидѣть это разстройство.* Неурожайные годы, пожары и вообще всѣ острыя несчастія, подрывая хозяйство, усиливаютъ выселеніе. Одни, по ихъ словамъ, идутъ на самару «вовсе подбившись,— имъ не съ чѣмъ взяться за дѣло, не у чего жить здѣсь»; другіе, хотя еще и ведутъ хозяйство, но, чѣмъ-либо подкошенные, предвидятъ близкую возможность (для себя или дѣтей) спуститься на низшую ступень благосостоянія—и тоже идутъ на вольныя земли.

Если нужда является такимъ сильнымъ стимуломъ къ переселеніямъ, то она же нерѣдко и задерживаетъ движеніе. Часто намъ приходилось встрѣчать довольно сильное стремленіе на вольныя земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма незначительное число ушедшихъ туда; причиной этому во многихъ случаяхъ являлась нужда, невозможность сбить необходимую сумму на дорогу и на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Это особенно часто встрѣчалось среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, болѣе бѣдныхъ и менѣе знакомыхъ съ движеніемъ, а потому съ еще большей осторожностью рѣшающихся на него. «И рады бы въ Томскую губ., да не съ чѣмъ взяться»; «средствъ не хватаетъ»; «если и все продадимъ, то не уплатить долговъ съ податями; до самары ли тутъ!» Эти и подобныя объясненія отсутствія переселеній или малаго числа ихъ очень часто приходилось слышать отъ крестьянъ. И дѣйствительно иногда иного объясненія и дать нельзя не только для отдѣльныхъ семей или общинъ, но даже для цѣлыхъ волостей; напримѣръ, мы должны были отнести одну изъ волостей Раненбургскаго уѣзда (Карповскую) въ группу съ низшимъ % выселеній (третью), хотя по своему географическому положенію она должна бы занять мѣсто во второй группѣ. Объ этомъ придется говорить подробнѣе; теперь замѣтимъ только, что крайне тяжелыя экономическія условія этой волости усиленно гнали крестьянъ на самару, но многіе не могли найти покупателей на свое скромное имущество, а иные, распродавъ его, не въ силахъ были раздѣлаться съ долгами и уплатить недоимку. Не только въ Карповской (самой бѣднѣйшей волости Раненбургскаго уѣзда), а и въ другихъ (Гагинской, Головинщинской, Зміевской, въ двухъ трехъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда) встрѣчалась таже причина, останавливавшая движеніе на самару: не находилось покупщиковъ не только на землю, скотъ, избу, но и на домашнюю

утварь готовящагося на переселеніе. При большомъ числѣ уходящихъ на самару это встрѣчалось почти вездѣ: имущество или вовсе нельзя было продать, или продавалось за безцѣнокъ; случалось такъ, что, распродавъ все зимой, крестьянинъ весной шелъ на самару христовымъ именемъ или оставался побираться на родинѣ: всѣ вырученныя деньги едва прокормили его съ семьей до весны. Трудность распродажи имущества при большомъ числѣ выселяющихся является одной изъ причинъ, отчего массовыя выселенія встрѣчаются крайне рѣдко, да и то изъ очень большихъ селъ съ значительнымъ числомъ зажиточныхъ домохозяевъ, а выселенія цѣлыхъ обществъ почти никогда не могутъ состояться.

Характеристика хозяйственной физіономіи переселенческихъ семей была бы не полна, если бы мы прошли молчаніемъ составъ ихъ рабочей силы. Очень часто и въ этомъ случаѣ бываютъ сильныя разногласія: одни утверждаютъ, что переселенцы главнымъ образомъ вербуются изъ многорабочихъ семей; другіе говорятъ, что уходятъ на самару малорабочіе бѣдняки. Но мы уже знаемъ, что основной причиной движенія является нужда (а она можетъ застигнуть и мало и многорабочія семьи), то и вправѣ ожидать, что въ этомъ отношеніи переселенцы мало будутъ отличаться отъ наличнаго населенія своей родины. Посмотримъ, что скажутъ цифры. Такъ какъ въ изданномъ II томѣ *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губ.* при распредѣленіи семей по составу ихъ рабочей силы включены и полурабочіе, то совершенно такую же группировку семей сдѣлаемъ и для переселенцевъ; получивъ, такимъ образомъ, сравнимыя цифры, мы станемъ разсматривать переселенцевъ параллельно съ наличнымъ населеніемъ мѣстности выселеній. Изъ всѣхъ 1,966 семей самарцевъ (съ 1877 года), составлявшихъ на родинѣ самостоятельную хозяйственную единицу—дворъ, мы могли распредѣлить указаннымъ образомъ почти всѣ (1,965). Слѣдующая таблица даетъ указанную группировку для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Семей.	Общее число. Налич.	Пересел.	% къ итогу Налич.	Пересел.
I. Безъ рабочей силы	1,200	22	4	1
II. Только съ полуработниками .	630	16	2 (6)	0,8 (1,8)
III. Съ 1 работн. (безъ полуработн.)	11,357	839	40	42,8
IV. Отъ 1—2 *) рабочихъ включ.	9,410	659 (1,498)	32	34
V. Отъ 2—3 » »	4,343	304	15 (22)	16 (22)
VI. Сверхъ 3-хъ рабочихъ . . .	2,159	125	7	6
Итого . . .	29,099**)	1,965	100	100

*) Т.-е. съ 2 рабочими или съ 1 рабочимъ при одномъ или нѣсколькихъ полурабочихъ. Подъ полурабочимъ здѣсь разумѣется подростокъ отъ 14—18 лѣтъ, а также и старикъ свыше 60 лѣтъ, если онъ составляетъ единственную рабочую силу семьи и ведетъ хозяйство.

**) Составъ остальныхъ 45 семей остался невыясненнымъ.

Переселенческія семьи по составу ихъ рабочей силы встрѣчаются во всѣхъ шести категоріяхъ, но главная масса ихъ (больше $^2/_3$ всего числа переселенческихъ дворовъ) отправилась на новыя мѣста съ 1 работникомъ; если же къ нимъ присоединить слѣдующую группу, то окажется, что почти 1,500 переселенческихъ семей, т.-е. больше $^3/_4$ ихъ (76,$_2$%), имѣли одного, двухъ рабочихъ или одного работника съ полурабочими; группы же переселенцевъ съ болѣе выгоднымъ рабочимъ составомъ включаютъ въ себѣ немного болѣе $^1/_5$ (22%) всѣхъ самарцевъ; семьи безъ рабочей силы и съ неполными работниками составляютъ менѣе $^1/_{50}$ всѣхъ переселенцевъ.

Просматривая составъ рабочей силы у наличнаго населенія, замѣтимъ, что онъ весьма близокъ къ разсмотрѣнному составу переселенческихъ дворовъ; наиболѣе существенное отличіе замѣтно въ размѣрѣ первыхъ двухъ группъ: процентныя отношенія ихъ у переселенцевъ слишкомъ втрое менѣе, чѣмъ у ихъ оставшихся на родинѣ земляковъ. Подобныя отношенія наблюдаются и въ каждомъ изъ уѣздовъ и несомнѣнно свидѣтельствуютъ о крайней осмотрительности, съ какой пускаются на новыя мѣста семьи съ неполной рабочей силой или и вовсе безъ нея.

Тѣ же сравнительныя цифровыя данныя помѣщаемъ для каждаго изъ уѣздовъ. Сначала абсолютныя:

	Наличныхъ.			Переселенческихъ.		
Число семей.	Ранен. у.	Данк. у.	Скоп. у.	Ранен. у.	Данк. у.	Скоп. у.
I группы . .	656	289	255	12	5	5
II » . .	287	145	198	12	3	1
III » . .	5,191	2,728	3,438	500	221	118
IV » . .	4,139	2,001	3,270	412	175	72
V » . .	1,802	902	1,639	195	81	28
VI » . .	807	411	941	84	32	9
Итого .	12,882	6,476	9,741	1,215	517	233

Выводя %%, получимъ:

	Раненбург. уѣзда.		Данковск. уѣзда.		Скопинскаго уѣзда.	
%% семей.	Налич.	Пересел.	Налич.	Пересел.	Налич.	Пересел.
I группы . .	5	1	4	1	3	2
II » . .	2 } 7	1 } 2	2 } 6	0 } 1	2 } 5	0 } 2
III » . .	40	41	42	43	35	50
IV » . .	33	34	31	34	34	31
V » .	14	16	15	16	17	13
VI » .	6 } 20	7 } 23	6 } 21	6 } 22	9 } 26	4 } 17
Итого . .	100	100	100	100	100	100

Какъ видимъ, замѣченное для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ приложимо и къ каждому изъ нихъ, только въ Скопинскомъ % многорабочихъ семей у пе-

реселенцевъ (V и VI группы) меньше, чѣмъ въ другихъ двухъ, семьи же съ 1 рабочимъ (III группа) составляютъ $^1/_2$ всѣхъ его самарцевъ.

Распредѣленіе семей на группы по составу ихъ рабочей силы въ разныхъ разрядахъ крестьянъ не имѣетъ особеннаго интереса. Замѣтимъ только, что наибольшій % многорабочихъ семей даютъ бывшіе государственные четвертные крестьяне*). Это, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ крайней неравномѣрностью въ распредѣленіи ихъ наслѣдственной надѣльной земли, причемъ несоотвѣтствіе между рабочей силой и количествомъ надѣла должно особенно сказываться у многорабочихъ семей, а это, какъ сейчасъ увидимъ, наиболѣе распространенное условіе, вызывающее переселенческое движеніе.

Размѣръ средней переселенческой семьи мало отличается отъ средняго размѣра семьи наличнаго населенія; для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ онъ равенъ:

У переселенцевъ . . . . 6,4 душамъ обоего пола.
У наличнаго населенія . . 6,7 » » »

Для каждаго уѣзда отдѣльно размѣръ средней семьи выразится слѣдующими цифрами:

	Раненб. уѣзда.	Данк. уѣзда.	Скоп. уѣзда.
У переселенцевъ	6,3 д. об. п.	7 д. об. п.	6 д. об. п.
У наличнаго населенія. .	6,5 » » »	6,6 » » »	7 » » »

Наибольшая разница наблюдается въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ на среднюю переселенческую семью приходится одной душей обоего пола меньше, чѣмъ у наличнаго населенія.

Мы познакомились съ хозяйственной физіономіей переселенцевъ, видѣли что нужда—основной стимулъ, толкающій крестьянина въ далекую сторону. Посмотримъ же, при какихъ земельныхъ и другихъ условіяхъ сложился намѣченный типъ переселенца и какія изъ нихъ наиболѣе могущественны и распространенны? Начнемъ съ земельныхъ условій вообще, а въ частности съ распредѣленія надѣльной земли по отношенію къ рабочей силѣ переселенцевъ сравнительно съ распредѣленіемъ ея у наличнаго населенія той же мѣстности.

Въ общей сложности у всѣхъ переселенцевъ (съ 1877 — 82 г.) разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздовъ было во владѣніи 14,848 десятинъ надѣльной земли; она принадлежала только тѣмъ 1,966 дворамъ, которые и на родинѣ составляли самостоятельныя семьи. Такъ какъ во всѣхъ этихъ дворахъ было 3,217 рабочихъ мужскаго пола, то на каждаго рабочаго-переселенца приходилось среднимъ числомъ по 4,6 десятины надѣльной земли.

Во всей мѣстности выселенія (т. - е. у всѣхъ 261 общинъ, участвующихъ въ движеніи съ 1877 г.) крестьяне владѣютъ въ настоящее время

*) Впрочемъ, поуѣздныя цифры выражаютъ это недостаточно рельефно: въ Данковскомъ уѣздѣ % многорабочихъ семей въ разрядѣ четвертныхъ крестьянъ одинаковы какъ для наличнаго населенія, такъ и для переселенцевъ.

273,291 десятиной надѣльной земли; вычтя отсюда всю землю, оставленную ими переселенцами *) (т.-е. 14,848 десятинъ), мы получимъ то количество надѣльной земли, какимъ владѣли оставшіеся на мѣстахъ своего жительства крестьяне изслѣдуемой мѣстности. Разложивъ всю эту землю (258,443 дес.) на общее число рабочихъ наличнаго населенія (46,870 дес.), мы получимъ, что на каждаго остававшагося дома рабочаго приходилось среднимъ числомъ $5,_4$ десятины.

Такимъ образомъ мы видимъ, что *средній рабочій-переселенецъ былъ почти на 1 десятину бѣднѣе надѣльной землей, чѣмъ средній рабочій, остававшійся дома.*

Сдѣлавъ указанныя выкладки для каждаго уѣзда, мы повсюду увидимъ меньшую надѣленность землей переселенцевъ сравнительно съ населеніемъ той же мѣстности, оставшимся на мѣстахъ прежняго жительства:

		Число рабочихъ.	Десятинъ надѣл. земли. Всего.	На работника.	
Раненбур. уѣзда.	Наличное населеніе.	19,978	108,845	$5,_4$	$-0,_7$
	Переселенцы	2,003	9,464	$4,_7$	
Данковск. уѣзда.	Наличное населеніе.	10,209	63,194	$6,_2$	$-1,_8$
	Переселенцы	883	3,945	$4,_4$	
Скопинск. уѣзда.	Наличное населеніе.	16,683	86,404	$5,_2$	$-0,_9$
	Переселенцы	331	1,439	$4,_3$	

Дѣйствительно, во всѣхъ уѣздахъ количество земли на работника у переселенцевъ было менѣе, чѣмъ у населенія, воздержавшагося отъ переселенія, а въ Данковскомъ уѣздѣ эта разность достигаетъ почти 2-хъ десятинъ.

То же ясно замѣтно и въ различныхъ разрядахъ крестьянъ каждаго уѣзда, причемъ у бывшихъ государственныхъ четвертныхъ въ Данковскомъ уѣздѣ разница эта особенно велика: здѣсь на средняго рабочаго изъ переселенцевъ приходится надѣльной земли на $3,_3$ десятины менѣе, чѣмъ на оставшагося, не ушедшаго на переселеніе работника. Приводимъ только среднія количества десятинъ надѣла земли на работника:

			Десятинъ надѣл. земли на работника. Ран. уѣзда.		Данк уѣзда.		Скоп. уѣзда.	
Бывшіе государственные.	Четвертные.	Наличное насел.	7	$-2,_8$	$8,_6$	$-3,_3$	5	$-0,_9$
		Переселенцы . .	$4,_3$		$5,_3$		$4,_1$	
	Душевые.	Наличное насел.	$6,_1$	$-0,_3$	$6,_7$	$-2,_1$	$5,_2$	$-0,_5$
		Переселенцы . .	$5,_9$		$4,_6$		$4,_6$	
	И тѣ и другіе.	Наличное насел.	$6,_5$		$7,_7$		$5,_2$	
		Переселенцы . .	$5,_4$		$5,_2$		$4,_6$	
Бывшіе помѣщичьи.		Наличное насел.	4	$-0,_6$	$4,_2$	$-0,_8$	$4,_1$	$-0,_9$
		Переселенцы . .	$3,_4$		$3,_4$		$3,_2$	

*) Впослѣдствіи мы увидимъ, что почти вся земля переселенцевъ осталась въ рукахъ крестьянъ, преимущественно односельцевъ.

Мы видимъ, что наиболѣе многоземельные переселенцы ушли изъ бывшихъ государственныхъ душевыхъ Раненбурскаго уѣзда и изъ четвертныхъ Данковскаго, но и въ этихъ обоихъ случаяхъ (какъ и во всѣхъ остальныхъ) переселенцы, въ среднемъ, владѣли меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ оставшіеся на мѣстѣ ихъ земляки. Это правило настолько обще, что его можно прослѣдить на еще болѣе мелкихъ группахъ, чѣмъ поуѣздный разрядъ крестьянъ: почти во всѣхъ волостяхъ и даже въ громадномъ большинствѣ общинъ мы видимъ у переселенцевъ бо́льшее несоотвѣтствіе надѣла съ рабочей силой, чѣмъ у крестьянъ, оставшихся дома.

Возьмемъ по двѣ общины каждаго уѣзда съ наибольшимъ % зажиточныхъ переселенцевъ и посмотримъ, каковы были земельныя условія у ихъ переселенцевъ сравнительно съ оставшимся населеніемъ. Степень зажиточности переселенцевъ опредѣлимъ количествомъ денегъ, взятыхъ ими на дорогу:

		Переселенчес. семей.	Переселенцевъ, взявшихъ съ собой До 300 р. Число.	%	300 р. и бол. Число.	%
Ранен. уѣз.	Салтыки	47	20	43	27	57
	Демкино	69	43	62	26	38
Данк. уѣз.	Бигильдино	98	61	62	37	38
	Подкидышево	12	4	33	8	67
Скоп. уѣз.	Чуловскіе выселки	17	1	6	16	94
	Хворощевка	18	4	22	14	78
	Итого по 6 общинамъ.	261	133	51	128	49

Какъ мы видѣли, по всему изслѣдуемому району нашлось меньше $^1/_5$ (19%) всѣхъ переселенцевъ, взявшихъ съ собой 300 р. и болѣе; въ этихъ же шести общинахъ почти $^1/_2$ (49%) переселенческихъ семей понесли съ собой такую значительную сумму, т.-е. почти $^1/_2$ сходцевъ жили на родинѣ или богато, или зажиточно. Каковы же земельныя условія переселенцевъ этихъ исключительныхъ общинъ?

	Число рабоч. Налич.	Перес.	Десятинъ надѣльной земли. Всего. Налич.	Перес.	На 1 рабочаго. Налич.	Перес.	Разнос.
Салтыки	494	68	2,116	318	4,3	4,7	+0,1
Демкино	457	114	3,361	651	7,3	5,7	—1,6
Бигильдино	535	165	4,889	905	9,1	5,5	—3,6
Подкидышево	102	15	346	47	3,4	3,1	—0,3
Чуловскіе выселки	232	20	1,156	139	5	7	+2
Хворощевка	578	17	2,989	64	5,1	4	—1,1
Итого	2,398	399	14,857	2,124	6,2	5,3	—0,9

Даже и въ этихъ общинахъ (взятыхъ вмѣстѣ) средній рабочій переселенческихъ семей владѣлъ на родинѣ почти на цѣлую десятину надѣльной земли меньше рабочаго, не принявшаго участія въ движеніи. Только въ двухъ общинахъ (Салтыки и Чулковскіе выселки) на работника-переселенца приходилось больше земли *).

Такимъ образомъ, разсмотрѣнныя цифровыя данныя приводятъ къ такому заключенію: *непремѣннымъ, почти не имѣющимъ исключенія условіемъ выхода на новыя земли является* (въ изслѣдуемомъ районѣ) *несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ.*

Крайняя тѣснота въ выгонахъ и трудность арендованія земли по сколько-нибудь сходнымъ цѣнамъ—тоже весьма распространенныя условія, вызывающія движеніе крестьянъ съ своей родины.

Богатая черноземная почва, весьма значительная густота населенія **) и земледѣльческій характеръ разсматриваемыхъ уѣздовъ вызвали здѣсь усиленное стремленіе къ распашкамъ: выгоны, пространства изъ-подъ вырубленныхъ лѣсковъ, лощины въ поляхъ, а иногда даже и прирѣчные луга,—все пораспахано. Во многихъ селеніяхъ выгоновъ и пастбищъ для скота совсѣмъ нѣтъ, въ другихъ этихъ необходимыхъ для хозяйства угодій осталось совершенно ничтожное количество и только очень небольшое число общинъ располагаетъ достаточными выгонными пространствами, но это вѣрный признакъ малой годности ихъ для обработки. Сказанное относится почти въ одинаковой степени ко всѣмъ 3-мъ уѣздамъ. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ Раненбургскаго уѣзда. Въ селѣ Колыбельскомъ выгона нѣтъ вовсе; въ Мелеховомъ его самое незначительное количество,—все, что можно было, распахано. Хотя въ Ратчинѣ пастбища и довольно просторны, но уже всѣ лощины въ поляхъ пораспаханы, распаханы до 300 десятинъ заливнаго луга (сѣять гречу на гречу, и родится хорошо); подумываютъ добраться и до пастбищъ. Въ сельцѣ Путятинѣ 7 десятинъ выгону; сѣнокосъ за 10 верстъ отъ селенія. Демкино: лѣсъ верстъ за 10 отъ села и не можетъ служить пастбищемъ; выгонъ—за 7 верстъ и тѣсенъ. Приведенные примѣры (кромѣ сельца Путятина) взяты изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ, значительно лучше обставленнаго въ земельномъ отношеніи, чѣмъ бывшіе помѣщичьи.

По даннымъ центральнаго статистическаго комитета въ 3-хъ уѣздахъ

*) Надо замѣтить, что объ эти общины являлись піонерами движенія (Салтыки—въ Уфимскую губ., Чулковскіе выселки—въ Томскую) для своей мѣстности, а въ такихъ случаяхъ вообще выходятъ болѣе зажиточныя семьи, хотя тоже почти всегда гонимыя земельными неудобствами. Эти общины не представляютъ исключенія: салтыковцы крайне стѣснены въ выгонахъ (на 1,365 головъ крупнаго скота 50 десят. выгона); Чулковскіе выселки сдали часть своихъ надѣльныхъ угодій подъ каменноугольныя копи и жили арендной землей, но въ послѣднее время арендныя цѣны такъ вздорожали, что «хоть всѣхъ лошадей размотай», говорили чулковцы.

**) На квадратную милю въ каждомъ изъ уѣздовъ приходится больше 2,000 душъ обоего пола: въ Скоп.—2,340, въ Раненб.—2,315. въ Данк.—2,111.

нашего района около $^{1}/_{3}$ всей площади распахано и только остальная пятая доля занята усадьбами, лѣсами, кустами, лугами и выгонами. Для земель, находящихся въ собственности и пользованіи крестьянскихъ общинъ, показаны слѣдующія процентныя отношенія для каждаго уѣзда:

Раненбургскій уѣздъ.	78,6%	пашни и	21,4%	остальныхъ	угодій.
Данковскій уѣздъ	82,7%	» »	17,3%	»	»
Скопинскій уѣздъ	76,5%	» »	23,5%	»	»

Если имѣть въ виду весьма часто встрѣчающееся здѣсь неудобство въ расположеніи надѣловъ (растянутость и изрѣзанность ихъ фигуры, пересѣченность чужими землями и пр.), то по этимъ цифрамъ станетъ достаточно яснымъ, насколько бѣдны выгонами крестьяне этихъ 3-хъ уѣздовъ. Понятно, что при такой обширной распаханной площади (и при соотвѣтствующемъ количествѣ скота) своихъ сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій для здѣшнихъ крестьянъ крайне недостаточно, но и нанять выгона и луговъ имъ негдѣ, такъ какъ частные землевладѣльцы не менѣе крестьянъ стремятся превратить все въ пашню. По тѣмъ же даннымъ мы имѣемъ для земель, состоящихъ въ личной собственности, слѣдующіе %%:

Раненбургскій уѣздъ	83,9%	пашни и	16,1%	остальныхъ	угодій.
Данковскій уѣздъ.	82,8 »	» »	17,2 »	»	»
Скопинскій уѣздъ.	75,6 »	» »	24,4 »	»	»

При громадномъ преобладаніи трехпольнаго сѣвооборота въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, они сами должны бы ощущать не меньшій недостатокъ луговъ и выгоновъ, если-бъ здѣсь не была сильно развита система обработки земли крестьянскимъ скотомъ. Но, несмотря на малое развитіе скотоводства въ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ, имъ все же почти нечего сдавать въ аренду крестьянамъ изъ сѣнокосныхъ и выгонныхъ угодій. Ничтожное значеніе для крестьянъ арендныхъ луговъ всего яснѣе выражаютъ цифры, добытыя при подворной переписи. Всего арендовано луга крестьянами:

Раненбургскаго уѣзда.	333 десятины.
Данковскаго уѣзда	170 »
Скопинскаго »	563 »

При такомъ ничтожномъ количествѣ своихъ и арендныхъ травяныхъ выгоновъ, скотъ здѣшняго крестьянина почти исключительно пасется по жнивью и паровому полю. Съ самой ранней весны его выгоняютъ на паръ; если гдѣ и есть выгоны, ихъ берегутъ на время «межупарья»,—когда паръ взметанъ, а время уборки хлѣбовъ еще не наступило; уберутъ рожь,—скотъ идетъ на ржище, скосятъ овесъ,—мѣстомъ выпаса служитъ «овсянье»; здѣсь онъ пасется до глубокой осени. При скромныхъ размѣрахъ крестьянскаго пара (до $^{2}/_{3}$ десят. на душу) вообще скудная паровая рас-

тительность скоро окончательно исчезнетъ подъ копытами крупнаго и мелкаго скота: въ жаркій и сухой іюль надъ стадомъ стоитъ черное облако пыли, и всякій хоть сколько-нибудь зажиточный крестьянинъ все лѣто «прикармливаетъ свою скотину»; скотъ пасется «будто какъ для прогулки». Недостаточность выгона по своимъ полямъ вынуждаетъ крестьянина съ жадностью хвататься за всякій случай для найма «кормовъ» своему скоту. За нихъ онъ въ большинствѣ случаевъ платитъ работой, но нерѣдко и деньгами, причемъ выпасъ по пару и жнивью частныхъ землевладѣльцевъ обходится отъ 50 к. до 1 р. съ овцы и отъ 3—5 р. съ головы крупнаго скота.

Дальше будетъ сказано о существующей во многихъ селеніяхъ южной части Раненбургскаго уѣзда системѣ полеводства (о «пестропольѣ») безъ правильнаго чередованія хлѣбовъ, при которой сплошнаго пароваго пространства нѣтъ вовсе. Правда, во всѣхъ этихъ селеніяхъ подъ пестропольемъ только часть пахотныхъ земель, остальныя же разбиты на 3 поля, но все же недостатокъ выгона, благодаря пестрополью, дѣлается еще ощутительнѣе. Особенно рѣзкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ большое село Кривополянье. Надѣлъ этой общины имѣетъ фигуру неправильной трапеціи; узкая сторона ея (версты въ 3) подходитъ къ селу, а широкая, верстъ въ 10, отходитъ отъ него на 15 верстъ. Только ближайшая часть пашни (на 3 версты отъ Кривополянья) разбита на 3 поля; остальная — подъ пестропольемъ. Размѣръ пароваго поля такимъ образомъ не болѣе 5 квадр. верстъ или 520 десят., а, между тѣмъ, скотъ Кривополянья дѣлится на 50 стадъ, состоящихъ болѣе, чѣмъ изъ 2,000 головъ крупнаго скота (1,192 рабочихъ лошади, 595 коровъ, 3,676 овецъ, телята, жеребята, свиньи), такъ что на голову крупнаго скота придется немного болѣе $^1/_4$ десят. пара; не даромъ кривополянцы говорили намъ, смѣясь, что ихъ коровы «другъ другу бока въ кровь изотрутъ, по нашему пару ходючи». При новомъ передѣлѣ земли они намѣрены значительно сократить или даже и вовсе уничтожить пестрополье.

Этихъ краткихъ указаній достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о степени вліятельности тѣсноты въ выгонахъ на переселенія крестьянъ разсматриваемой мѣстности; мы видимъ, что крестьяне имѣли полное основаніе часто указывать на недостатокъ «угоды для скота», какъ на причину выселенія многихъ семей, особенно зажиточныхъ: онѣ, благодаря тѣснотѣ въ выгонахъ, не могли завести необходимаго скота и шли искать въ далекую сторону болѣе благопріятныхъ условій для своего хозяйства.

Мы видѣли уже, что надѣльной земли на средняго рабочаго-переселенца во всей мѣстности выселенія приходится $4,_6$ десят., а на рабочаго той же мѣстности, не ушедшаго на самару, $5,_5$ десят. Считая въ томъ числѣ до 80% пашни, получимъ на средняго рабочаго изъ переселенцевъ $3,_4$ дес. пашни, а изъ наличнаго населенія $4,_4$ дес. пашни, т.-е. въ каждомъ полѣ при-

дется даже на наличнаго работника меньше $1^1/_2$ десят., а на работника-переселенца $1^1/_5$ десятины. Понятно, что при такой средней надѣленности землей далеко не всѣ рабочія силы мѣстнаго населенія могутъ быть заняты обработкой своего надѣла; въ изслѣдуемомъ земледѣльческомъ районѣ онѣ ищутъ исхода въ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ, но прежде всего пытаются пополнить недостатокъ своего надѣла арендой земли у сосѣднихъ частныхъ землевладѣльцевъ.

При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ часто встрѣчались примѣры того, что не только благосостояніе отдѣльныхъ семей, но цѣлыхъ общинъ и даже волостей исключительно зависѣло отъ условій и возможности аренды, или. по крайней мѣрѣ, аренда значительно вліяла на ихъ достатокъ. Если размѣръ аренды болѣе или менѣе значителенъ и условія ея выгодны, то достатокъ общины иногда обезпеченъ, несмотря на малый размѣръ надѣла; но даже аренда на довольно тяжелыхъ условіяхъ нерѣдко поддерживаетъ благосостояніе крестьянъ на среднемъ уровнѣ. Съ другой стороны, когда условія аренды становятся непосильны для крестьянъ или размѣръ сдаваемой земли сокращается, благосостояніе ихъ замѣтно падаетъ и подъ вліяніемъ наступившей нужды создается или усиливается стремленіе къ переселеніямъ. Приведемъ примѣры.

Село Снѣжетокъ, община временно-обязанныхъ г-жи Рахмановой. Всей надѣльной земли 117 десят., т.-е. по 2 дес. на ревизскую душу или $3_{,6}$ дес. на работника; надѣлъ малъ, значительно ниже выведеннаго средняго. а, между тѣмъ, это вполнѣ зажиточная община, занимающаяся почти исключительно земледѣліемъ и извозомъ; всѣ домохозяева хорошо удобряютъ землю и имѣютъ возможность не брать земледѣльческихъ заработковъ. тогда какъ почти всѣ лошадные хозяева сосѣднихъ общинъ завалены работой на частновладѣльческой землѣ и чрезъ то упускаютъ свое хозяйство. Такой достатокъ Рахмановской общины исключительно зависитъ отъ выгодныхъ условій ихъ аренды: уже 15 лѣтъ вся община снимаетъ всю свою занадѣльную землю (109 дес. пашни въ 3-хъ поляхъ), платя по 9 руб. за посѣвную десят., тогда какъ кругомъ ихъ 17—20 руб. за десятину—обыкновенная цѣна такой десятины.

Большинство общинъ Зміевской волости имѣютъ возможность арендовать землю у сосѣднихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Условія аренды мало выгодны: земля сдается по бо́льшей части изъ вторыхъ рукъ и плохаго качества; иногда часть платы обязательно отработать; но уже самая возможность аренды по невысокой цѣнѣ (отъ 6—15 р. десятина) въ значительной степени обусловливаетъ зажиточность такихъ общинъ сравнительно съ остальными той же волости, не имѣющими аренды.

Благосостояніе сельца Путятина стало видимо понижаться лѣтъ 8 тому назадъ, когда, вмѣсто испольной аренды, крестьяне этой общины начали платить по 18—20 р. за посѣвную десятину.

Въ двухъ общинахъ села Нарышкина, обѣихъ общинахъ сельца Ни-

кольскаго, въ Воскресенскомъ и Лазовкѣ (всѣ Нарышкинской волости) благосостояніе крестьянъ видимо ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ много дворянскихъ земель перешло въ руки купцовъ: они завели свою запашку (крестьянскимъ инвентаремъ), и сдача земли въ аренду значительно сократилась, а цѣна аренды повысилась; теперь стоимость десятины аренды доходитъ здѣсь до 23 р., да еще большую часть платы обязательно отрабатывать на землѣ экономіи.

Въ с. Воскресенскомъ, Кочуровской волости, съ 1882 года крестьяне имѣютъ возможность арендовать землю (по 1—3 десят. на домохозяина); до 1880 г. они арендовали ее въ такомъ же количествѣ, но въ этомъ году почему-то вся земля понадобилась самой экономіи князя Шаховскаго (гдѣ крестьяне брали аренду); крестьянамъ не дали ни одной десятины ни въ 1880, ни въ 1881 году. «Боязно стало», говорили крестьяне; сразу ощутили они недочетъ земли въ своихъ хозяйствахъ, — и въ 3 года (1880—1882 гг.) ушли на переселеніе 32 семьи съ 162 душами обоего пола, т.-е. 21% всего населенія общины.

Изъ этихъ примѣровъ ясна важность аренды для благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ; но, чтобы виднѣе стала распространенность ея значенія въ 3-хъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, приведемъ цифры аренды внѣнадѣльной пашни изъ II тома *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи:*

	Домохозяевъ.		% арендующихъ дворовъ.	Десятинъ аренды.	
	Всѣхъ.	Арендующихъ.		Общее число.	На арендующій дворъ.
Раненбургскаго уѣзда . .	19,990	5,280	26	17,711	3,3
Данковскаго » . .	14,584	3,881	27	13,622	3,5
Скопинскаго » . .	20,236	5,160	25	17,041	3,4

Такимъ образомъ, благосостояніе больше 1/4 всѣхъ дворовъ нашихъ 3-хъ уѣздовъ находится въ сильной зависимости отъ съемной пашни: въ среднемъ на дворъ подъ яровой и озимый посѣвы они снимаютъ около 3 1/2 десят., а въ 3-хъ поляхъ—5 десятинъ. Такъ какъ средній подворный участокъ надѣльной земли для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ равенъ 8 1/2 десят., то путемъ аренды онъ увеличивается у этихъ 14,300 домохозяевъ значительно больше, чѣмъ въ 1 1/2 раза.

Понятно, что, при такомъ значеніи арендной пашни для здѣшняго крестьянина, возвышеніе арендныхъ цѣнъ и уменьшеніе количества сдаточной земли вызоветъ сильное разстройство его хозяйства, нужду, т.-е. послужитъ могущественнымъ толчкомъ къ переселеніямъ.

Не только организаціонный планъ хозяйства даже здѣшняго крупнаго землевладѣльца, но и самое право на владѣніе извѣстнымъ земельнымъ участкомъ чрезвычайно неустойчивы: способы веденія хозяйства, размѣры собственной запашки экономій, управляющіе и сами владѣльцы здѣсь часто измѣняются. Конечно, съ этимъ связано и измѣненіе въ размѣрахъ сдаточныхъ земель: если въ среднемъ (напримѣръ, по уѣзду) количество та-

кихъ земель и не измѣнится, то въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ такія колебанія происходятъ постоянно. Но съемка земли для крестьянъ становится особенно тяжелой, иногда разорительной, благодаря сильному росту арендныхъ цѣнъ за послѣднія 8—9 лѣтъ: тогда какъ въ началѣ 70-хъ годовъ цѣна посѣвной десятины колебалась между 6—10 рублей, въ настоящее время *средняя* стоимость съемной десятины:

въ Раненбургскомъ уѣздѣ	17	р.	— к.
» Данковскомъ »	12	»	30 »
» Скопинскомъ »	13	»	80 »

Теперь очень часто десятина аренды идетъ въ 20—23 р., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной части Раненбургскаго уѣзда стоимость съемной озимой десятины доходитъ до 30 р., неговоря уже, что подъ табакъ (Раненбургскій уѣздъ) и огородныя овощи (лукъ въ Скопинскомъ уѣздѣ) десятина приусадебной земли сдается по 70 р. Необходимо помнить, что урожаи послѣднихъ лѣтъ понизились и что крестьянинъ сѣетъ хлѣбъ на арендной землѣ преимущественно не для продажи (это показываетъ и средній участокъ съемной земли—въ $3^1/_2$ дес.), а для своего потребленія, что и при арендной землѣ ему къ веснѣ нерѣдко придется прикупить хлѣба, а, слѣдовательно, и повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ не облегчаетъ ему условій аренды.

Такія несоразмѣрно высокія арендныя цѣны на земли вызываютъ весьма понятныя послѣдствія. Въ урожайный годъ крестьянинъ сниметъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія своей семьи, а иной и продастъ; частію отъ этой продажи, но больше изъ сторонникъ заработковъ или обработкой земли экономіи онъ оплатитъ аренду; въ плохой же годъ онъ непремѣнно является несостоятельнымъ плательщикомъ, такъ какъ иногда не сберетъ съ съемной земли не только ея арендной стоимости, но и сѣмянъ. Этимъ рискомъ землевладѣльцевъ и объясняется отчасти тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ избѣгаютъ имѣть дѣло съ мелкими съемщиками-крестьянами, а, сдавая имъ, требуютъ иногда вдвое бо́льшую плату, чѣмъ при огульной сдачѣ крупному арендатору. Ясно, что аренда земли для крестьянина очень рискованное дѣло и нуженъ нѣкоторый достатокъ, чтобы быть въ силахъ арендовать вообще и, въ особенности, чтобы вынести неурожайный годъ; при настоящихъ цѣнахъ этотъ достатокъ долженъ быть настолько великъ, что многіе домохозяева не въ силахъ арендой поддерживать своихъ хозяйствъ и, впадая въ нужду, являются кандидатами на переселеніе.

Разбирая земельныя и земледѣльческія условія, вызывающія нужду въ разныхъ видахъ (а съ нею и стремленіе къ переселенію) среди мѣстнаго крестьянства, слѣдуетъ упомянуть и о весьма вліятельномъ условіи такого же рода—о плохой обработкѣ почвы и переживаемомъ или только что пережитомъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ многими общинами юга Раненбургскаго уѣзда. Но подробнѣе объ этомъ будетъ сказано дальше.

Отсутствіе коренныхъ передѣловъ и наслѣдственное владѣніе землей, вызывая неравномѣрное распредѣленіе ея между отдѣльными домохозяйствами, создаютъ главное условіе переселенческаго движенія—несоотвѣтствіе количества земли съ рабочими силами двора. Коренные передѣлы распространены только въ Скопинскомъ уѣздѣ; въ Данковскомъ къ нимъ приступилъ весьма небольшой % общинъ, а въ Раненбургскомъ ко времени изслѣдованія только двѣ общины привели свои надѣлы въ соотвѣтствіе съ наличными силами семей; понятно, что въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ малое развитіе коренныхъ передѣловъ не можетъ не способствовать усиленію движенія. Наибольшая же неравномѣрность владѣнія проявляется, конечно, при наслѣдственно-четвертномъ пользованіи землей, т.-е. у разряда бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ. Послѣднее условіе оказываетъ свое наибольшее вліяніе въ Данковскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертной земли слишкомъ 28,000 десятинъ, затѣмъ—въ Раненбургскомъ, гдѣ такой земли до 13,000 десятинъ, а въ Скопинскомъ уѣздѣ ея лишь 5½ тысячъ десятинъ.

Къ довольно вліятельнымъ земледѣльческимъ условіямъ, вызывающимъ переселенія, слѣдуетъ отнести плохое качество почвы и неудобство въ расположеніи надѣловъ. Хотя всѣ 3 изслѣдуемые уѣзда обладаютъ прекрасною черноземною почвою отъ ¾ до 1½ аршина глубиной, но все же и здѣсь есть мѣстности, гдѣ черноземъ не только становится до крайности мелокъ, но и вовсе исчезаетъ, уступая мѣсто суглинку, глинѣ, сыпучему песку. По малой распространенности такихъ неудобныхъ для земледѣлія почвъ это условіе для цѣлыхъ уѣздныхъ площадей не имѣетъ большаго значенія, но на отдѣльныя общины, получившія, напримѣръ, значительную часть надѣла изъ сыпучаго песка, оно оказываетъ сильное вліяніе, разстраивая ихъ хозяйства и вызывая стремленіе къ выходу на новыя мѣста. Значительно распространеннѣе второе изъ упомянутыхъ условій, вызывающихъ выселенія,—неудобство въ расположеніи надѣловъ: то значительная часть надѣла удалена отъ селенія и лежитъ за чужими землями, то оврагъ мѣшаетъ вывозу навоза на болѣе или менѣе значительную часть полей, то надѣлъ примкнулъ только угломъ къ усадьбамъ, а съ остальныхъ сторонъ къ нимъ подошла земля частнаго владѣльца, вызывая неизбѣжныя пререканія и штрафы за потравы; иногда надѣлъ состоитъ изъ узкой и длинной полосы, дѣлающей невозможнымъ прогонъ скота на нѣкоторую часть полей и проч. Неудобства въ расположеніи надѣла встрѣчаются главнымъ образомъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и бывшіе государственные далеко ихъ не избавлены; у нихъ даже особенно часто встрѣчается растянутость надѣловъ. Селенія и общины бывшихъ государственныхъ крестьянъ значительно крупнѣе, размѣръ надѣла ихъ больше, благодаря чему у нихъ во многихъ общинахъ нѣкоторыя части надѣловъ отходятъ отъ усадебъ на 12—15 и даже 20 верстъ. Мы видѣли уже, что однолошадные бѣдняки изъ государственныхъ крестьянъ села Буховаго «бѣгутъ» отъ зенкинскаго поля, удаленнаго отъ

села на 15 верстъ: можно было бы привести и другіе примѣры подобнаго рода.

Если же оба указанныя условія (плохое качество почвы и неудобное расположеніе надѣла) соединятся вмѣстѣ, дѣйствіе ихъ бываетъ особенно сильно; иногда цѣлая община, получившая подобный надѣлъ, готова подняться на переселеніе; такъ, напримѣръ, было въ Демкинскихъ выселкахъ. До освобожденія крестьянъ эта община жила исправно, исправно внося оброкъ своей госпожѣ; теперь она одна изъ бѣднѣйшихъ общинъ Раненбургскаго уѣзда: въ ней больше $^3/_4$ дворовъ безлошадны и въ среднемъ на дворъ приходится 22 р. 60 к. недоимки. До 1861 г. Демкинскіе выселки пользовались всей землей своей госпожи. По освобожденіи, крестьянамъ отведенъ надѣлъ въ двухъ мѣстахъ: у деревни 65 десятинъ песку, а остальныя 81 десятина 246 саженъ чернозема— за 3 версты отъ усадебъ, за чужой землей; прогона для скота на нихъ нѣтъ. На занадѣльной землѣ владѣлица поставила хуторъ и завела свое хозяйство, сдавая лишь часть пашни. Къ 1880 году крестьяне настолько обѣднѣли, что уже не были въ силахъ снимать землю (да и сдача земли почти прекратилась), а на одномъ надѣлѣ не прожить; имъ представлялся одинъ исходъ—выселеніе. Въ 1880 г. вся община собралась въ Томскую губ., и если такого массоваго движенія не произошло (за трудностью подняться и раздѣлаться съ надѣломъ).—все же 27% наличнаго населенія Демкинскихъ выселокъ ушли тогда въ далекую Сибирь.

Другой подобный же примѣръ представляетъ община села Истобнаго временно-обязанныхъ крестьянъ г. Богданова; только здѣсь къ неудобству расположенія надѣла присоединяется и весьма малый размѣръ его. До 1861 г. крестьяне г. Богданова состояли на барщинѣ, имѣя, по ихъ словамъ, пахотной земли въ каждомъ полѣ по $2^1/_2$ десятины на тягло, а въ 3-хъ поляхъ—$7^1/_2$ десятины одной пахоти; они владѣли землей чрезполосно съ своимъ помѣщикомъ и съ государственными крестьянами того же села Истобнаго. Кромѣ того, у нихъ были просторныя усадьбы (по 2 десятины на дворъ) между усадьбами крестьянъ государственныхъ; вмѣстѣ съ ними же они имѣли по $1^1/_2$ жеребья сѣнокосу. Жили «богдановскіе», по словамъ сосѣдей, достаточно, скота держали помногу. Въ 1861 году имъ былъ отведенъ надѣлъ за версту отъ села, за землей помѣщика; онъ тянется полосой въ 120 саж. ширины и около 2 верстъ длины; размѣръ его на всѣ 41 душу общины 66 десятинъ, т.-е. по 1 десятинѣ 1,492$^1/_2$ саж. на душу. Выпасъ скота на такомъ надѣлѣ настолько затруднителенъ, что «богдановскіе» остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства: часть на землѣ государственныхъ крестьянъ, часть на землѣ помѣщика (на 12 лѣтъ), платя за усадьбу по 3 р. въ годъ съ двора. За прогонъ скота и проѣздъ платятъ помѣщику по 2 р. съ двора, за выпасъ скота платятъ государственнымъ крестьянамъ по $1^1/_2$ р. съ коровы и по 3 р. съ лошади. 4-мъ дворамъ пришлось недавно выселиться на свой надѣлъ, такъ какъ

владѣлецъ земли не пожелалъ продолжить арендный срокъ. Такія условія вынудили переселиться болѣе, чѣмъ $^1/_3$ всей общины: изъ 133 душъ обоего пола ушло 47, т.-е. 35,$_4$%.

Мы не разсматриваемъ чрезвычайно важнаго фактора по его вліянію на переселенческое движеніе — размѣра надѣла; громадное значеніе его ясно само собой, разъ установлено, что наиболѣе распространеннымъ условіемъ выхода на самару оказывается несоотвѣтствіе количества земли съ рабочими силами населенія; несоотвѣтствіе это, конечно, значительнѣе у малоземельныхъ общинъ.

Познакомясь съ земельными условіями, вліяющими на переселенія изъ изслѣдуемаго района, посмотримъ, какое значеніе въ жизни крестьянъ имѣютъ мѣстные и отхожіе заработки и какъ они вліяютъ на изучаемое явленіе.

Размѣръ надѣльной и арендной земли не въ силахъ дать необходимыхъ средствъ для пропитанія мѣстнаго крестьянина: ужь не говоря о безлошадныхъ и сдающихъ свой надѣлъ сосѣдямъ, но и большинству крестьянъ, лично обрабатывающихъ свою землю, не хватаетъ хлѣба на цѣлый годъ даже при среднемъ урожаѣ; иные начинаютъ покупать его только весной, другіе съ масляницы, а есть и такія семьи, которымъ своего хлѣба едва хватаетъ до Рождества. Понятно, что всѣмъ такимъ крестьянамъ необходима работа внѣ своихъ земельныхъ надѣловъ и внѣ арендной земли. И дѣйствительно, всѣ силы, лишнія въ своемъ хозяйствѣ, заняты мѣстными и отхожими заработками; по переписи видно, что изъ многихъ семей, даже лично ведущихъ свое хозяйство, но имѣющихъ больше одного рабочаго, всѣ остальные берутъ какіе-нибудь заработки на мѣстѣ или принуждены отправляться въ отходъ; понятно, что всѣ рабочіе безлошадныхъ дворовъ или въ батракахъ, или въ поденной работѣ, или на сторонѣ. Чтобы яснѣе видѣть значеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, возьмемъ цифровыя данныя для нашихъ уѣздовъ во всемъ ихъ объемѣ. Для отхожихъ заработковъ мы имѣемъ цифру переписи объ общемъ числѣ рабочихъ, ими занятыхъ, для мѣстныхъ же—о числѣ промысловыхъ семей; подъ послѣднимъ терминомъ надо понимать тѣ семьи, въ которыхъ хотя одинъ рабочій имѣетъ заработокъ внѣ своей надѣльной, собственной или арендной земли.

	Раненб. уѣзда.		Данков. уѣзда.		Скопин. уѣзда.	
Всѣхъ наличныхъ семей. . .	20,875	54%	15,251	56%	20,643	39%
» промысловыхъ семей.	11,381		8,599		8,151	

Таблица показываетъ, что въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ больше, чѣмъ изъ $^1/_2$ крестьянскихъ дворовъ выходитъ для мѣстныхъ заработковъ одинъ или нѣсколько рабочихъ мужчинъ; въ Скопинскомъ уѣздѣ такой родъ занятій значительно менѣе распространенъ: тамъ мѣстные заработки имѣютъ значеніе менѣе, чѣмъ для $^2/_3$ всѣхъ наличныхъ дворовъ.

За то по развитію отхожихъ промысловъ первое мѣсто занимаетъ Скопинскій уѣздъ: тамъ больше $^1/_3$ (37%) всѣхъ наличныхъ рабочихъ заняты работой на сторонѣ, тогда какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ только $^1/_5$ такихъ рабочихъ. Это видно изъ слѣдующей таблички:

	Раненб. уѣзда.		Данков. уѣзда.		Скопин. уѣзда.	
Всѣхъ наличныхъ рабочихъ .	31,856	20%	23,416	21%	33,905	37%
Рабочихъ, занятыхъ отхожими заработками	6,310		4,835		12,722	

Не только въ цѣлыхъ поуѣздныхъ площадяхъ, но и въ предѣлахъ уѣзда мѣстные и отхожіе промыслы развиты далеко не въ одинаковой степени. Объ этомъ придется говорить впослѣдствіи; теперь замѣтимъ только, что неравномѣрность эта достигаетъ своего высшаго развитія въ Скопинскомъ уѣздѣ: тогда какъ въ западной половинѣ его мѣстные заработки играютъ самую невидную роль, въ восточной—они значительно распространены и наоборотъ: отхожіе заработки, почти неразвитые въ восточной части уѣзда, занимаютъ собой до $^1/_2$ рабочаго населенія западныхъ волостей.

Имѣющіяся данныя позволяютъ намъ въ цифрахъ указать, какой родъ мѣстныхъ заработковъ особенно распространенъ въ каждомъ уѣздѣ:

Число семей.

	Раненб. уѣзда.	Данк. уѣзда.	Скоп. уѣзда.
Гдѣ есть мастеровые.	1,507	1,025	949
Имѣющихъ земледѣльческіе заработки.	7,889	6,219	4,586
Съ прочими заработками.	1,985	1,355	2,616
Итого промысловыхъ	11,381	8,599	8,151

Во всѣхъ уѣздахъ наиболѣе распространенный мѣстный заработокъ земледѣльческій; семьи, занимающіяся имъ, составляютъ:

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ. . 69% всѣхъ промысловыхъ семей.
Въ Данковскомъ уѣздѣ . . . 72 » » » »
Въ Скопинскомъ уѣздѣ . . . 56 » » » »

Подъ земледѣльческимъ заработкомъ здѣсь разумѣется: подесятинная обработка земли частновладѣльческихъ экономій, поденщина, батрачество и «обработка душъ» своимъ безлошаднымъ односельцамъ. Особенно значительное развитіе здѣсь имѣютъ подесятинные заработки, благодаря упомянутому способу обработки своихъ земель въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ (крестьянскимъ инвентаремъ). Обыкновенно крестьянинъ еще съ осени обязывается произвести полную обработку и уборку извѣстнаго числа десятинъ какой-либо экономіи; онъ обязывается 3 раза вспахать, забороновать, засѣять, скосить, связать, свезти хлѣбъ на гумно, сложить его въ скирды и даже покрыть ихъ, словомъ, произвести всѣ сельско-хозяйственныя операціи, кромѣ молотьбы. Обычная плата за такую работу во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ—4—5 р. съ десятины; изрѣдка она спускается до 3 р. 30 к.

(при двухъ вспашкахъ) и подымается до 6 р. Иногда къ указаннымъ операціямъ крестьянинъ за ту же плату обязывается вывезти навозъ со двора экономіи. Обязанный производить всѣ работы по первому требованію экономіи, т.-е. въ самый разгаръ и своихъ полевыхъ работъ, крестьянинъ тяготится подесятинными заработками: только крайняя нужда въ деньгахъ по осени (большая часть платы выдается впередъ) и указанныя раньше арендныя условія (съ обязательной отработкой части арендной платы) заставляютъ крестьянина «забираться» такими заработками даже и при существующихъ низкихъ цѣнахъ. Рѣдко подесятинные заработки поддерживаютъ хозяйство крестьянъ; напротивъ, значительное распространеніе ихъ—вѣрный признакъ его разстройства и малой зажиточности крестьянъ. Конечно, при такихъ условіяхъ разсматриваемый видъ земледѣльческихъ заработковъ и указанный взглядъ на него крестьянъ долженъ былъ бы вызывать усиленное переселеніе. Съ другой стороны, земледѣльческіе заработки удерживаютъ крестьянина отъ отхода на сторону,—отхода, едва ли не еще болѣе вредящаго хозяйству, чѣмъ подесятинный заработокъ: кромѣ того, крестьяне часто, забравъ деньги впередъ, не выполняютъ своихъ обязательствъ,—и годъ отъ году все больше, по ихъ выраженію, «опутываются заработками», накапливая на себѣ значительный долгъ; такимъ образомъ, подесятинные заработки являются и сдерживающею силою переселенческаго движенія. Мы скоро увидимъ, что переселенія происходятъ и изъ мѣстъ съ большимъ развитіемъ мѣстныхъ земледѣльческихъ заработковъ и изъ такихъ, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе, но, повидимому, ихъ сдерживающее вліяніе сильнѣе.

Батрачество и поденщина тоже довольно развиты. Въ батраки идутъ изъ безлошадныхъ или изъ другихъ захудавшихъ семей, получая въ лѣто отъ 25—35 р., или въ годъ отъ 40—50, рѣже 60. Плата поденщику тоже не высока: мужчина получаетъ зимой около 20 к., весной 25—30 к., лѣтомъ во время уборки отъ 30—50 к.; плата женщинѣ еще ниже: больше 30 к. въ сутки она когда не получаетъ, а зимой ея дневной заработокъ не превышаетъ 15, иногда 12 копѣекъ. Плата за обработку надѣловъ безлошадныхъ домохозяевъ весьма различна, но обыкновенно она превышаетъ значительно подесятинную плату при обработкѣ частновладѣльческой земли: тамъ деньги получаются впередъ, здѣсь—по уборкѣ хлѣба.

Занятіе мастерствами, какъ показываютъ и вышеприведенныя цифры, здѣсь мало развито; здѣшніе мастеровые удовлетворяютъ лишь потребности мѣстнаго населенія; о сбытѣ продуктовъ на рынкѣ не можетъ быть и рѣчи: это все плотники, кузнецы, сапожники, портные и т. п. мастера, необходимые въ крестьянскомъ быту. Впрочемъ, плотники иногда живутъ на мѣстныхъ паровыхъ мельницахъ, а, напримѣръ, журавинскіе портные ходятъ по окрестнымъ селамъ, имѣя опредѣленный и довольно постоянный заработокъ: хорошій плотникъ на мельницѣ получаетъ отъ 60—120 р. въ годъ, ходячій портной зарабатываетъ 8—10 р. въ мѣсяцъ.

Въ разрядъ «прочихъ» заработковъ отнесены весьма разнообразные мѣстные промыслы. Въ двухъ болѣе южныхъ уѣздахъ (Раненбургскій и Данковскій) преобладаютъ работы на винныхъ заводахъ, подвозъ къ нимъ картофеля и пр., въ Раненбургскомъ уѣздѣ — кой-какіе лѣсные заработки (рубка лѣса, жженіе угля), работы на желѣзной дорогѣ, а также ломка камня, что еще чаще встрѣчается по берегамъ Дона и въ иныхъ мѣстахъ Данковскаго уѣзда. Мѣсячный рабочій на винномъ заводѣ получаетъ отъ 5—9 р.; но лошадные крестьяне еще чаще работаютъ на нихъ безъ всякой платы—изъ-за прокорма лошади бардой. Вообще и этотъ видъ «прочихъ» заработковъ и по своему малому распространенію, и по размѣру рабочей платы даетъ ничтожную поддержку здѣшнему крестьянину-земледѣльцу. Наибольшее число семей этой категоріи оказывается въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ для нѣсколькихъ волостей имѣетъ большое значеніе разработка каменнаго угля близъ Чулкова и Воскресенскаго (Побѣдное тожь). Заработокъ здѣсь («на шахтѣ», какъ говорятъ крестьяне) значительно выше, чѣмъ могутъ дать другія мѣстныя работы: зимой шахтеръ получаетъ 40—45 к. въ день, лѣтомъ отъ 50—80 к. Но многіе крестьяне пугаются этой непривычной, тяжелой работы подъ землей,— работы, вредно вліяющей на здоровье, и даже есть случаи, что бѣгутъ отъ нея на просторъ Томской губ.

Многіе изъ видовъ отхожихъ промысловъ тоже носятъ земледѣльческій характеръ. Довольно развитъ уходъ изъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ на уборку хлѣбовъ въ Землю Войска Донскаго, въ Самарскую, Воронежскую, Тамбовскую и другія южныя губерніи: уходятъ въ гуртовщики преимущественно въ Ставропольскую губ., нанимаются въ батраки къ крестьянамъ промышленныхъ подмосковныхъ уѣздовъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ средній размѣръ заработка колеблется отъ 40—60 р. въ лѣто. Но наиболѣе распространенный видъ отхожихъ заработковъ—работа на московскихъ и владимірскихъ торфяныхъ болотахъ. На торфяныя работы уходятъ въ первыхъ числахъ мая и работаютъ или на такъ называемомъ «столовомъ, ручномъ торфу»—до 8 іюля, или идутъ на машинный торфъ, гдѣ работа тянется до первыхъ чиселъ августа; при работѣ на столовомъ торфу средній заработокъ отъ 30 до 40 р., на машинномъ 50—70 р. Въ виду такого значительнаго заработка, а, главное, соблазняясь задаткомъ съ осени въ 15—20 р., крестьяне все сильнѣе и сильнѣе стремятся «на торфъ», несмотря на крайне антигигіеничныя условія этого промысла. Уходъ на торфяные заработки принимаетъ особенно сильное развитіе въ западной части Скопинскаго уѣзда, гдѣ совершенно нѣтъ возможности ни арендовать земли, ни найти какой-либо работы на мѣстѣ. Въ одной изъ волостей этой части Скопинскаго уѣзда (Чуриковской) уходъ на сторону вообще и на торфъ преимущественно до того развитъ, что не только въ безлошадныхъ дворахъ, но и у семей, лично обрабатывающихъ свою землю, *всѣ* работники уходятъ на сторону; развѣ только въ наиболѣе зажиточныхъ и многосемейныхъ домохозяйствахъ одинъ работникъ остается все лѣто дома. Въ случаѣ отлучки

всѣхъ работниковъ семьи, они уходятъ, взметавъ яровые, а одинъ изъ нихъ возвращается ко времени уборки, нанявъ кого-либо изъ остающихся произвести взметъ пара. Въ послѣднее время изъ западныхъ волостей Скопинскаго уѣзда стали уходить на торфъ и женщины, получая по осени задатокъ рублей въ 5—6 и зарабатывая въ лѣто (отъ 6 мая по 15 августа) отъ 15—25 р. Вообще эта часть Скопинскаго уѣзда развитіемъ отхожихъ промысловъ напоминаетъ сѣверные уѣзды губ., напримѣръ, Рязанскій, и рѣзко отличается отъ остальныхъ частей изслѣдуемаго района; но и здѣсь замѣтна еще нелюбовь къ уходу на сторону, куда гонитъ ихъ недостаточный надѣлъ при полномъ отсутствіи съемной земли и мѣстныхъ заработковъ, и здѣсь живо помнятъ время, когда столько было земли, что «ночами поле пахивали, съ огнемъ хлѣбъ молачивали»,—время, когда «денегъ было съ нужу, а хлѣба—съ душу»; теперь, благодаря сильному росту населенія, «утѣсненіе въ землѣ» стало очень ощутительно.

Только въ западной части Скопинскаго уѣзда отхожіе промыслы стали почти обычнымъ явленіемъ; въ другой части его и въ уѣздахъ Раненбургскомъ и Данковскомъ они не такъ давно стали развиваться и при упомянутомъ «неуваженіи» къ нимъ крестьянъ они не въ силахъ не только сдержать, но и умѣрить переселенческаго движенія; встрѣчаются даже такіе случаи, что крестьяне, взявъ съ осени задатки у рядчиковъ на торфяныя работы и распродавъ зимой свое имущество, весной отправляютъ на эти средства свои семьи съ односельцами, идущими въ Томскую губ.; сами же отправляются на торфъ, чтобы съ заработанными деньгами догнать своихъ на пароходѣ.

Если сравнить относительныя цифры рабочихъ, занимающихся отхожими заработками у переселенцевъ и у наличнаго населенія той же мѣстности, то оказывается: въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ ушедшія на Самару семьи выдѣляли изъ себя въ отходъ большій %, а въ Скопинскомъ уѣздѣ—значительно меньшій, чѣмъ наличные дворы, т.-е., какъ будто, изъ Скопинскаго уѣзда выселялись (съ 1877—82 г.) семьи, еще не сильно вовлеченныя въ отходъ на сторону. Впрочемъ, это заключеніе нельзя считать вполнѣ устойчивымъ: число переселенцевъ Скопинскаго уѣзда съ 1877 г. очень мало. Упомянутыя сейчасъ цифры видны изъ таблички:

	Раненбур. уѣз.		Данковск. уѣз.		Скопин. уѣз.	
	Наличн.	Пересел.	Наличн.	Пересел.	Наличн.	Пересел.
Всѣхъ рабочихъ.	19,978	2,003	10,209	883	16,683	331
Рабочихъ въ отхож. пром.	4,369	612	1,909	215	7,359	52
%. . . .	22	30	19	24	44	16

Хотя мы не имѣемъ необходимыхъ данныхъ, чтобы прослѣдить, насколько за послѣднее время возрасла тяжесть крестьянскихъ податей и налоговъ, но нельзя не упомянуть, что крестьяне иногда приводили этотъ фактъ, какъ одну изъ причинъ, понижающихъ ихъ достатокъ и влекущихъ

ихъ въ переселенческій потокъ. Иногда они указывали на тяжесть оброка (временно-обязанные), особенно, если имъ приходилось его отрабатывать; иногда ихъ сильно стѣсняли сроки взносовъ платежей и трудность «оберпуться», добыть къ сроку денегъ при почти полномъ отсутствіи кредита; но чаще всего ихъ смущалъ ростъ платежей, сравнительно съ предъидущими годами, хотя благосостояніе ихъ не только не улучшилось, но подъ вліяніемъ многихъ причинъ идетъ къ упадку. Такъ, напримѣръ, по даннымъ Дубовскаго волостнаго правленія въ 1865 г. на окладную душу села Дубоваго приходилось всѣхъ платежей 6 р. 68 к., но съ тѣхъ поръ возросъ земскій налогъ, установленъ налогъ за право пользованія лѣсомъ (крестьяне государственные), перешли къ денежному платежу въ продовольственный капиталъ,—и теперь приходится всѣхъ платежей 12 р. 10 к. съ души. Правда, по цѣлому уѣзду съ окладной души бывшихъ государственныхъ крестьянъ сходитъ только 10 р. 40 к., но и возрастаніе платежей у цѣлаго разряда крестьянъ почти по 4 р. съ души за послѣднія 15—16 лѣтъ не можетъ не быть весьма ощутительнымъ. Хотя тяжесть платежей и не вызываетъ ни въ одномъ уѣздѣ особенно большихъ недоимокъ, но все же въ Раненбургскомъ уѣздѣ на средняго домохозяина приходится ея 12 р. 30 к., въ Данковскомъ—1 р. 20 к., въ Скопинскомъ—90 к. Эти среднія данныя еще не говорятъ о незначительности недоимки не только у отдѣльныхъ домохозяевъ или общинъ, но даже и у цѣлыхъ волостей. Напримѣръ, въ самой бѣдной волости Раненбургскаго уѣзда (Карповской) въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 41 р. 60 к. недоимки; въ одной изъ общинъ этой волости (большая Карповка) средній размѣръ недоимки на домохозяина—67 р. 90 к. У отдѣльныхъ крестьянъ размѣръ недоимки иногда доходитъ до 100 рублей и болѣе. Понятно, что такіе дворы, общины, волости почти лишены возможности идти на вольныя земли: общество безъ уплаты недоимки не отпуститъ, а уплатить ее, распродавъ имущество,—ничего не останется на дорогу. Дѣйствительно, трудность уплаты недоимки являлась въ нѣкоторыхъ общинахъ сильнымъ тормазомъ переселенческаго движенія; особенно на это указывали крестьяне Карповской, Нарышкинской и Головинщинской волостей Раненбургскаго уѣзда.

Въ ряду постоянныхъ (хотя и мало распространенныхъ) условій переселенческаго движенія слѣдуетъ упомянуть о безводіи. Въ этихъ уѣздахъ, по характеру мѣстности напоминающихъ степныя пространства южной Россіи, не только чувствуется большой недостатокъ въ текучихъ водахъ, не только вполнѣ отсутствуютъ озера, а пруды лѣтомъ пересыхаютъ, зимой вымерзаютъ, но и грунтовыя воды находятся иногда на такой глубинѣ, что рытье колодцевъ совершенно невозможно. На недостатокъ въ водѣ, какъ на условіе, вызывающее переселенія, указывали крестьяне Ягодновской и Кочуровской волостей—Данковскаго уѣзда, Никольской волости—Раненбургскаго уѣзда и нѣкоторые другіе. Слѣдуетъ замѣтить, что эта причина никогда не являлась вполнѣ самостоятельной, а приводилась рядомъ съ безлѣсьемъ, съ

тѣснотой земельной вообще и пр.: да это и понятно: иначе должны бы выходить селенія въ полномъ составѣ, тогда какъ этого не случалось и отъ безводья выходили только отдѣльныя семьи.

До сихъ поръ имѣлись въ виду условія переселенческаго движенія, дѣйствующія постоянно, хотя и съ различной степенью напряженности; теперь скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи неурожайныхъ годовъ, пожаровъ, аукціонныхъ продажъ крестьянскаго имущества за недоимку и другихъ причинахъ, хотя и временныхъ, но сильно разстатывающихъ крестьянское хозяйство и способствующихъ напряженности переселеній. Изъ такихъ временныхъ причинъ особенно вліятельна по своей распространенности и силѣ—неурожайные годы. Мы знаемъ уже, что главная масса (больше $\frac{3}{4}$) всѣхъ переселеній послѣдняго шестилѣтія падаетъ на 1881 г. Это объясняется не только тѣмъ, что открылась новая благодатная страна для выселенцевъ—Бійскій округъ, что съ 70-хъ годовъ стала появляться масса вызововъ въ тотъ благословенный край со стороны поселившихся тамъ родныхъ, но, главное, неурожаями послѣднихъ лѣтъ вообще и въ особенности неурожаемъ 1880 года: 1881-й годъ далъ средній урожай.—и переселенческая волна сразу упала. Въ бѣдственные годы неурожаевъ всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе такимъ земледѣльческимъ краемъ, каковъ югъ Рязанской губ., составляющій предметъ нашего изслѣдованія. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастіе, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять,—стремятся туда. Зажиточный мужикъ, проѣвъ въ голодный годъ кое-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастія; хозяйство средняго крестьянина сильно разстатано неурожаемъ,—онъ тоже спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевъ хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ благодарной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безъисходная нужда идутъ туда же: «хуже не будетъ!» Крестьяне повсюду говорили, что въ плохой годъ или послѣ него всегда больше идутъ на самару, и что урожайный годъ, оживляя надежды, удерживаетъ многихъ на мѣстахъ: «кому захочется отъ своего хлѣба за чужимъ гнаться?» замѣчали они.

Подобно неурожаямъ, усиливаютъ переселенческое движеніе и другія временныя бѣдствія: пожары, продажи за недоимки и пр. Они не имѣютъ такого распространенія, дѣйствуютъ на меньшій районъ, но за то едва ли не сильнѣе неурожаевъ разстраиваютъ хозяйства тѣхъ, на кого обрушиваются. Пожаръ заставляетъ рѣшиться на выходъ съ родной стороны не только тѣхъ, кто и раньше подумывалъ объ этомъ: онъ иногда гонитъ съ родины и такихъ крестьянъ, которые до тѣхъ поръ вовсе не собирались переселяться: увидятъ, что имъ не подъ силу, снова обзаводиться хозяйствомъ, постройками—и пойдутъ съ страховой суммой въ Томскую губер.

Въ 1880 г. въ с. Троицкомъ сгорѣли до 60 дворовъ; сгорѣли и риги съ хлѣбомъ; многіе стали выселяться на страховку, хотя было и избы «сгоряча поставили», да увидали, что нечѣмъ будетъ обсѣиться, что не на что завесть «ни клѣти, ни сарая, ни сохи съ бороной». Въ томъ же году выгорѣло 34 двора въ Журавинкахъ; 10 изъ нихъ ушло въ Томскую губ. «Хоть и продешевили стройку (получивъ страховую премію), да покупщиковъ искать не пришлось; огонь, батюшка, живо выкупилъ». Въ Протасьевѣ (Вѣдновской волости) въ 1875 г. ушла на самару 21 семья; 13 изъ нихъ только что выгорѣли. Въ 1881 и 1882 годахъ ушло изъ села Бол. Кочуры 13 семей; нѣкоторыхъ изъ нихъ погналъ неурожай 1880 г., нѣкоторыхъ—аукціонъ того же года, когда было продано за недоиму на 800 р. крестьянскаго имущества и пр.

При разсмотрѣнныхъ земледѣльческихъ условіяхъ, вызывающихъ переселенческое движеніе, при малой распространенности и невыгодности мѣстныхъ заработковъ, при недружелюбномъ отношеніи крестьянъ къ отходу на сторону и проч.,—при наличности такихъ условій письма родственниковъ изъ Томской губ., рисующія мѣста своего новаго жительства чрезвычайно заманчивыми красками, почти всегда сулящія удовлетворенія излюбленнаго идеала своихъ земляковъ: «паши, гдѣ хочешь, и коси, сколько сѣсилишь».—такія письма не могутъ не вліять не только на направленіе переселеній, а и на самую ихъ напряженность. Но ошибочно было бы думать, что переселенцы разсматриваемаго района идутъ, не взвѣсивъ трудностей пути и устройства на новыхъ мѣстахъ. Если довольно многіе идутъ съ недостаточными средствами и даже вовсе безъ нихъ, то потому только, что и на родинѣ они были въ безвыходныхъ условіяхъ, что имъ терять нечего. Мы видѣли уже, что такіе обстоятельные крестьяне, какъ Емельянъ Катасоновъ, и письмами, и личнымъ вліяніемъ «окорачиваютъ» движеніе; то же самое дѣлали крутовскіе ходоки, ломовскіе «оглядчики» и нѣкоторые другіе, ходившіе разузнавать на мѣстѣ далекую и просторную Сибирь. Вообще крестьянъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они опрометчиво идутъ въ невѣдомую даль; скорѣе, зная условія ихъ жизни, можно удивляться ихъ сдержанности, привязанности къ родной сторонѣ и тому, какъ они настойчиво стремятся разсѣять неизвѣстность, царящую надъ далекой, но манящей къ себѣ стороной, посылая туда своихъ пытовщиковъ и разузнавая объ ней отъ земляковъ, побывавшихъ тамъ, надо удивляться осторожности, съ какой они относятся къ ихъ письмамъ и разсказамъ. Впрочемъ, крестьянинъ и не можетъ поступать менѣе осмотрительно: для него это шагъ безповоротный; распродавъ все имущество, онъ дѣлаетъ для себя почти невозможнымъ возвращеніе на родину. Мы видѣли, какъ осторожно относились крестьяне села Никольскаго къ заманчивымъ описаніямъ новыхъ мѣстъ ихъ односельцемъ, Арбузовымъ: несмотря на полное довѣріе къ нему, они готовы были подумать, что Арбузовъ погибъ и что его именемъ кто-то хочетъ сыграть съ ними злую шутку, заманивъ ихъ въ далекій край сво-

ими письмами о просторѣ въ Томской губ. Разсказывали, что иногда отецъ не довѣряетъ сыну, зовущему его на новыя земли: отправляясь къ нему, онъ оставляетъ свою семью дома, пока лично не убѣдится, что тамъ можно хорошо устроиться. Еще больше, чѣмъ письма, увлекаетъ крестьянъ примѣръ зажиточныхъ земляковъ: богатый крестьянинъ Чулковскихъ выселковъ (Скопинскаго уѣзда) Петръ Ивановъ весной 1882 года повелъ за собой въ Томскую губ. нѣсколько десятковъ семей изъ своей и сосѣднихъ деревень: то же было въ Демкинѣ (Раненбургскаго уѣзда) и окрестныхъ селеніяхъ въ 1881 году, когда вернулся съ развѣдокъ Бійскаго округа извѣстный богачъ въ околоткѣ Матвѣй Гуровъ: онъ распродалъ свое имущество и, захвативъ семью, ушелъ на мѣсто развѣдокъ; за нимъ двинулось много народу. Но такіе случаи вполнѣ понятны: «если ужь богачи переселяются, переселяются не зря, а побывавъ на новыхъ мѣстахъ, то, значитъ, тамъ хорошо». — такъ объясняли крестьяне значеніе подобныхъ примѣровъ.

В. Григорьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ государственнаго контроля за 1882 годъ.—Результаты заключенія государственной росписи на 1882 годъ. — Государственная роспись на 1884 годъ. — Общая программа министерства финансовъ.

Въ январской книжкѣ нашего журнала мы высказали наше мнѣніе о томъ положеніи дѣлъ, при которомъ министерству финансовъ пришлось реализировать средства для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ по уплатѣ государственному банку долга за кредитные билеты и по издержкамъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ за счетъ правительства. Въ виду неудовлетворительности этого положенія и шаткости нашего кредита, мы нашли весьма естественными тѣ условія, которыя были предложены министерствомъ для подписки на послѣдній заемъ. Но послѣ того, какъ мы высказали это мнѣніе, были обнародованы важные государственные документы, весьма рельефно изображающіе наше финансовое положеніе и въ значительной степени подтверждающіе наши взгляды. Мы говоримъ объ отчетѣ государственнаго контроля за 1882 годъ и государственной росписи на 1884 годъ вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ министра финансовъ, въ которомъ заключается не одно разъясненіе сдѣланныхъ на предстоящій годъ предположеній, но и цѣлая программа финансовой политики въ будущемъ. Въ настоящемъ обозрѣніи мы разсмотримъ эти документы съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они требуютъ по важности фактическихъ свѣдѣній и предположеній, ими сообщаемыхъ. Начнемъ съ отчета государственнаго контроля.

Исполненіе государственной росписи за 1882 годъ по даннымъ отчета представляется какъ нельзя болѣе удовлетворительнымъ и неожиданнымъ, въ особенности въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало заключеніе росписи за 1881 годъ. Мы напомнимъ читателю, что роспись этого послѣдняго года была заключена съ дефицитомъ въ 81 мил. рублей и поэтому мы имѣемъ полное право сказать, что заключеніе росписи 1882 года съ дефицитомъ менѣе, чѣмъ въ 6 мил. руб., является дѣйствительно неожиданнымъ.

Дѣйствительный результатъ исполненія представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: доходы государственные (обыкновенные и оборотные) достигли суммы въ 703.711,502 р.. т.-е. превысили цифру поступленія 1881 года на 52 мил. рублей; расходы же сократились на 23 мил. рублей и представляютъ сумму въ 709.849,693 руб. Мы принимаемъ эту цифру за дѣйствительный расходъ 1882 года, а не 701.661.256 руб., какъ показываетъ отчетъ государственнаго контроля, на томъ основаніи, что, во-первыхъ, не считаемъ возможнымъ сверхсмѣтные расходы 1882 года за прежнее время въ суммѣ 1.391.429 руб. исключить изъ суммы дѣйствительнаго расхода, такъ какъ потребность такихъ расходовъ открылась только въ 1882 году и подобные расходы могутъ встрѣчаться ежегодно; а, во-вторыхъ. къ числу расходовъ, вызванныхъ войною, считаемъ возможнымъ отнести только сумму въ 1.307,169 руб., остальные же затѣмъ расходы на крѣпостныя работы, на вооруженія, на принятіе мѣръ предосторожности на границахъ Китая и на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе мы считаемъ обыкновенными расходами, которые могутъ повторяться также ежегодно. Но и при такомъ взглядѣ результатъ исполненія росписи 1882 г. оказывается весьма благопріятнымъ, такъ какъ дефицитъ не превышаетъ 6 милліоновъ рублей.

При сравненіи отчета государственнаго контроля съ смѣтными предположеніями на 1882 годъ оказывается значительная разница какъ въ доходной, такъ и въ расходной смѣтѣ. Первая предположена была въ суммѣ 676.385,938 руб., а вторая въ суммѣ 680.760,219 руб. Такимъ образомъ. доходы превысили смѣтное назначеніе болѣе, чѣмъ на 27 мил., а расходы на 29 мил. руб. Въ виду такой разницы со смѣтою и въ особенности съ доходами и расходами 1881 года, намъ не лишнее будетъ разсмотрѣть отдѣльныя цифры этого отчета съ тѣмъ. чтобы опредѣлить дѣйствительныя причины этой разницы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію исполненія доходной смѣты въ подробностяхъ. мы должны прежде всего уменьшить общую цифру доходовъ на сумму, не составляющую дѣйствительнаго дохода. Сюда относятся: 1) возвратъ ссудъ на сумму 6.654,268 руб., такъ какъ эти деньги были отпущены на постройку желѣзныхъ дорогъ изъ суммъ, полученныхъ займами. и 2) доходы разнаго рода на сумму 6.608,275 руб., поступившіе отъ китайскаго правительства, такъ какъ эта сумма слѣдуетъ въ возвратъ издержекъ по принятію мѣръ предосторожности при переговорахъ съ Китаемъ. отнесенныхъ по отчетамъ государственнаго контроля за 1880 и 1881 годы къ расходамъ чрезвычайнымъ, покрытымъ займами. Обѣ послѣднія суммы должны быть отнесены не къ обыкновеннымъ доходамъ, а къ чрезвычайнымъ рессурсамъ, обращеннымъ на покрытіе дефицита. Такимъ образомъ сумма обыкновенныхъ доходовъ должна уменьшиться на 13.262.543 руб. и составитъ 670.157,217 рублей.

Затѣмъ, обращаясь къ податному налогу, удовлетворительное или неудовлетворительное поступленіе котораго прямо указываетъ на степень состоятельности плательщиковъ, оказывается недоборъ не только по отношенію къ предположеніямъ смѣты, но даже и по отношенію къ дѣйствительному поступленію 1881 года. Оно ниже первой цифры почти на 6 мил. рублей, ниже второй на 2½ мил. руб. и достигаетъ только 112.970,077 р. Въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія доходъ по этой статьѣ поступилъ въ меньшемъ размѣрѣ только въ 1880 году, вслѣдствіе значительнаго неурожая во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества; во всѣ же остальные годы онъ поступалъ въ значительно большемъ размѣрѣ и доходилъ иногда до 120 мил. руб.

Налогъ на право торговли и промыслы превысилъ смѣтное предположеніе и далъ 19.704,054 руб. менѣе, чѣмъ въ 1881 году, но это потому, что въ виду возвышенія торговыхъ сборовъ, установленнаго закономъ 16 декабря 1880 года, выдача торговыхъ документовъ была отсрочена и доходъ, долженствовавшій поступить въ декабрѣ 1880 года, поступилъ въ январѣ 1881 года, чѣмъ и объясняется недоборъ 1880 года и излишекъ поступленія 1881 года. Увеличеніе налога на гильдейскія свидѣтельства и билеты, а также на прикащичьи свидѣтельства перваго класса на основаніи закона 16 декабря 1880 года, по разсчету государственнаго контроля, доставило казнѣ 3.648,637 руб. и если вычесть эту сумму изъ дѣйствительно поступившей, то естественное возрастаніе этого дохода будетъ очень незначительно, всего на сумму 214,605 руб. или на 1,3%.

Самое большое возвышеніе дохода далъ питейный налогъ, который въ этомъ году поступилъ въ суммѣ 251.887,498 руб. Если сравнить эту цифру съ общей суммой доходовъ, за исключеніемъ оборотныхъ, не составляющихъ въ сущности никакого дохода, а также отнесенныхъ нами къ чрезвычайнымъ ресурсамъ, то указанная цифра составитъ 37,5% всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Такое положеніе дѣлъ мы считаемъ положительно ненормальнымъ по многимъ соображеніямъ. Прежде всего такой порядокъ вещей ставитъ все финансовое положеніе государства въ зависимость отъ исправнаго поступленія дохода только по одной этой статьѣ и создаетъ довольно шаткое и рискованное положеніе государственному казначейству: какое-нибудь новое открытіе въ винокуренной промышленности или замѣшательство въ торговлѣ спиртными напитками можетъ сильно колебать цифру поступленія этого дохода и серьезно вліять на интересы фиска. Ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ не существуетъ ничего подобнаго. Въ Англіи, на которую иногда указывали, какъ на страну, въ которой спиртные напитки обложены особенно высоко, доходъ по этой статьѣ какъ собираемый таможнями, такъ и акцизнымъ управленіемъ, составляетъ только 16% общей суммы дохода, во Франціи же 13,7%; въ остальныхъ государствахъ налогъ этотъ имѣетъ еще меньшее значеніе. Исторія нашего питейнаго дохода со времени введенія акцизной системы

указываетъ, что съ каждымъ возвышеніемъ обложенія потребленіе спирта сокращалось и что для поддержанія цифры этого дохода на извѣстной высотѣ требовалось періодическое возвышеніе обложенія, причемъ цѣна его въ розничной продажѣ возвышалась гораздо болѣе, чѣмъ на сумму акциза. При разсмотрѣніи смѣты въ 1882 году, въ нашемъ журналѣ было положительно доказано вредное вліяніе высокаго обложенія на народное благосостояніе, такъ какъ народъ при такомъ порядкѣ оплачиваетъ, помимо казеннаго налога, едва ли не большій налогъ въ пользу виноторговцевъ, поэтому желающихъ ближе познакомиться съ этими соображеніями мы отсылаемъ къ этой статьѣ. Но, независимо отъ этихъ соображеній, слѣдуетъ замѣтить, что высокое обложеніе спирта вызываетъ корчемство внутри государства и контрабанду на границѣ. Но самое главное неудобство высокаго обложенія состоитъ въ томъ, что оно ставитъ интересы государственнаго казначейства въ прямое противорѣчіе съ тѣми мѣрами, которыя считаются необходимыми въ видахъ сокращенія пьянства.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что поступленіе этого дохода въ 1882 году могло достигнуть этой цифры только потому, что возвышеніе акциза съ 7 на 8 коп., послѣдовавшее въ 1881 году, не могло еще отозваться на винокуреніи періода 1881—82 годовъ, а выкуренное за этотъ періодъ вино слѣдовало оплатить акцизомъ во всякомъ случаѣ, хотя оно и не было выпродано вполнѣ. Пониженіе цѣнъ на спиртъ къ концу 1882 и въ началѣ 1883 года прямо указываетъ на остатки его въ складахъ, что и могло отразиться на сокращеніи винокуренія только въ періодъ 1882—83 годовъ и, слѣдовательно, можетъ отозваться на уменьшеніи казеннаго дохода только въ 1883 и въ особенности въ 1884 году. На этомъ основаніи сумму поступившаго въ 1882 году акциза необходимо считать наивысшей, какая могла поступить при существующемъ обложеніи; въ слѣдующихъ же годахъ необходимо ожидать ея пониженія, что и подтверждается недоборомъ этого дохода въ истекшемъ году. Кромѣ того, на сумму поступленія виннаго дохода въ 1882 году имѣла вліяніе выдача въ 1881 году патентовъ не на цѣлый 1882 годъ, а на первое только полугодіе, въ виду предположеннаго въ то время введенія новыхъ правилъ о торговлѣ спиртными напитками, такъ что въ суммѣ поступившаго въ 1882 году патентнаго сбора заключается доходъ за полтора года. Поэтому для исчисленія дѣйствительной цифры дохода за 1882 годъ необходимо цифру поступившаго въ этомъ году патентнаго сбора 21,780,320 руб. уменьшить по меньшей мѣрѣ на 5 мил. рублей, которые и должны относиться къ поступленію 1881 года. Такимъ образомъ, при такой поправкѣ поступленіе патентнаго сбора за послѣдніе четыре года выразится въ постоянномъ пониженіи: въ 1879 году оно доходило до 20.250,000 руб., въ 1880 году уже было въ 18.337,868 руб., въ 1881 году въ 17.987,246 руб., а въ 1882 въ 16.780,320 руб. Такое паденіе патентнаго сбора, съ одной стороны, указываетъ на предстоящее сокращеніе потребленія вина, а съ другой—на развитіе безпатентной тор-

говли. Мы просимъ читателя запомнить эти выводы въ виду предстоящаго намъ разсмотрѣнія смѣтныхъ предположеній на 1884 годъ.

Акцизъ съ табаку и свеклосахарнаго производства далъ превышеніе дохода не только въ сравненіи съ смѣтнымъ предположеніемъ, но и въ сравненіи съ дѣйствительнымъ поступленіемъ прежнихъ лѣтъ, но это усиленное поступленіе перваго явилось слѣдствіемъ возвышенія налога съ 1 января 1883 года, заставившаго табачныхъ фабрикантовъ, не скажемъ усилить производство, какъ говорится въ отчетѣ государственнаго контроля, а только выбрать излишнее количество бандероля, что можетъ имѣть вліяніе на уменьшеніе дохода въ 1883 году. Увеличеніе же дохода съ свеклосахарнаго производства слѣдуетъ отнести всецѣло къ измѣненію системы учета производимаго продукта и введенію болѣе раціональнаго пріема взвѣшиванія, чѣмъ прежній, состоявшій въ опредѣленіи нормы перерабатываемаго количества свекловицы. Во всякомъ случаѣ возвышенію налога на эти предметы нельзя не сочувствовать, такъ какъ акцизъ съ табаку облагаетъ прихоть, а акцизъ съ сахара при существующихъ цѣнахъ, установившихся подъ вліяніемъ монополіи биржевыхъ спекулянтовъ, упадетъ не на потребителя, а на барыши заводчиковъ и оптовыхъ торговцевъ.

Переходя къ разсмотрѣнію цифры таможеннаго дохода, мы далеко не можемъ сказать того же. Здѣсь неудовлетворительность принятой торговой политики выражается въ самыхъ яркихъ краскахъ, по крайнѣй мѣрѣ, для тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на дѣло безъ предвзятыхъ идей и умѣютъ взглянуть и на оборотную сторону медали. Доходъ по этой статьѣ за 1882 годъ поступилъ въ суммѣ 94.461,457 руб., т.-е. на 6 мил. руб. менѣе, чѣмъ былъ предусмотрѣнъ смѣтою, и только на 1.300,000 руб. превысилъ поступленіе 1879 года, тогда какъ между этими годами нашъ таможенный тарифъ измѣнился весьма серьезно. Прежде всего надо указать, что съ тѣхъ поръ установлена пошлина съ хлопчатой бумаги, которая прежде ввозилась безпошлинно и что эта пошлина доставила въ 1882 году сумму въ 4,599,000 рублей; затѣмъ съ начала 1881 года всѣ пошлины возвышены на 10%, что должно было бы увеличить поступленіе, по меньшей мѣрѣ, на 9.000,000 рублей, еслибъ наши международныя торговыя отношенія остались бы въ прежнемъ видѣ; наконецъ, съ половины 1882 года установлены новыя и увеличены прежнія пошлины на нѣкоторые предметы, что по приблизительному разсчету государственнаго контроля (см. объяс. записку къ отчету 1882 года) должно было дать прибавку въ 5.000,000 рублей. Такимъ образомъ, принятыя съ 1879 года мѣры должны были дать прибавку къ доходу этого года въ 18.599,000 рублей, если бы, повторяемъ, ввозъ заграничныхъ товаровъ у насъ остался въ прежнихъ размѣрахъ, т.-е. доходъ долженъ былъ бы возрасти на 20%; но такъ какъ онъ возросъ только на 1,3%, то мы вправѣ предположить, что нашъ ввозъ за это время сократился на 18,7%. И прекрасно, скажутъ намъ гг. протекціонисты: значитъ, наша промышленность избавляется отъ заграничной конкурренціи и можетъ раз-

виваться. Въ отвѣтъ на это мы замѣтимъ мимоходомъ, что о развитіи нашего фабричнаго дѣла что-то не слыхать, а, напротивъ, всѣ твердятъ о застоѣ, объ увольненіи рабочихъ массами: наши механическія заведенія существуютъ только казенными заказами подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ, котораго правительство не знаетъ куда дѣвать и который за ненадобностію поглощаетъ свою стоимость издержками на его храненіе. Но положимъ, что все это не такъ, что, напротивъ, наша промышленность оживилась: во всякомъ случаѣ, если ввозъ сократился, то отсюда слѣдуетъ, что или сократился вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ вывозъ, вслѣдствіе чего должна пострадать наша земледѣльческая промышленность, или, наоборотъ, нашъ вывозъ производится въ томъ же размѣрѣ. Но въ такомъ случаѣ представляется вопросъ, что же мы получаемъ взамѣнъ нашихъ продуктовъ, если ввозъ заграничныхъ предметовъ сократился? Золото? Но оно составляетъ предметъ нашего вывоза, такъ какъ мы добываемъ его значительное количество и оно не имѣетъ обращенія на нашемъ рынкѣ. Остаются одни процентныя бумаги, которыя могутъ поступить въ Россію въ обмѣнъ на наши продукты. Если же это такъ, а это не можетъ быть иначе, то это значитъ, что капиталы, которыми такъ бѣдна Россія и которые были привлечены на нашъ рынокъ въ прежнее время съ такими пожертвованіями, уходятъ обратно на заграничные рынки. Спрашивается, насколько это выгодно для Россіи? Привлеченіе этихъ капиталовъ обошлось намъ не дешево. Въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ, во что обходилась намъ реализація нашихъ процентныхъ бумагъ. Наши государственные пятипроцентные фонды реализованы на заграничныхъ рынкахъ отъ 68 до 90%, консолидированныя облигаціи первыхъ выпусковъ 79 и 80%. Гарантированныя же акціи и облигаціи частныхъ обществъ выпускались по курсу, еще болѣе низкому. Въ настоящее время курсъ всѣхъ этихъ бумагъ значительно выше и Россія не только лишается капиталовъ, но и платитъ заграничнымъ капиталистамъ за кратковременное владѣніе ими значительную премію. Такимъ образомъ, торговая политика послѣднихъ лѣтъ создаетъ такія условія, при которыхъ капиталы, привлеченные съ большими жертвами, вытѣсняются съ нашего рынка, а при отливѣ капиталовъ курсъ нашего кредитнаго рубля не только не можетъ подняться, но долженъ падать все болѣе и болѣе. На этомъ основаніи мы никакъ не можемъ понять той политики, которая стремится къ возстановленію цѣнности кредитнаго рубля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленіемъ протекціонизма создаетъ условія, вытѣсняющія капиталы съ нашего рынка; имѣетъ въ виду содѣйствовать развитію земледѣльческой, наиболѣе распространенной у насъ промышленности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣсняетъ сбытъ ея произведеній и возвышаетъ цѣну всѣхъ предметовъ, потребителемъ которыхъ она является. Не тарифъ создаетъ промышленность; ее создаютъ капиталы матеріальные и умственные, а потому необходимо заботиться не объ изгнаніи ихъ, но объ облегченіи имъ доступа на нашъ рынокъ. Капиталъ же переходитъ съ заграничнаго рынка не иначе,

какъ въ видѣ товаровъ, а высокій тарифъ прямо препятствуетъ этому переходу. Само собою разумѣется, что, въ концѣ-концовъ, высота процента на нашемъ рынкѣ, все-таки, привлечетъ къ намъ капиталъ и онъ будетъ ввезенъ также въ видѣ товара, продаваемаго по дешевымъ цѣнамъ, но при условіи значительной дешевизны предметовъ нашего вывоза, такъ что мы получимъ меньшую сумму капитала за бо́льшее количество нашихъ продуктовъ. Протекціонисты закричатъ тогда, что это коварство заграничныхъ фабрикантовъ, которые продаютъ свои товары въ убытокъ, желая подорвать наши фабрики, чтобъ потомъ брать съ насъ двойныя цѣны; но для подобныхъ явленій не нужно прибѣгать ни къ какому коварству и они очень просто объясняются механизмовъ торговыхъ оборотовъ: убытокъ въ цѣнѣ товаровъ покрывается частію высотою процента отъ помѣщенія капитала на нашемъ рынкѣ, частію дешевизною предметовъ нашего вывоза. Стало быть, если явятся подобныя послѣдствія, то въ нихъ можно будетъ винить только насъ самихъ. А что эти послѣдствія уже наступаютъ, что предметы нашего вывоза теряютъ заграничные рынки и что къ намъ возвращаются наши процентныя бумаги, въ этомъ, повидимому, сомнѣваться не можетъ ни одинъ человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ практическимъ положеніемъ дѣлъ.

Если же таковы послѣдствія господствующей у насъ торговой политики, то неудовлетворительное поступленіе таможеннаго дохода, о которомъ свидѣтельствуетъ государственный контроль въ объяснительной запискѣ къ отчету за 1882 годъ, должно продолжаться и въ слѣдующихъ годахъ, на томъ основаніи, что ограниченіе вывоза нашихъ продуктовъ, въ свою очередь, будетъ вызывать ограниченіе ввоза заграничныхъ, и государственное казначейство, лишаясь возможности усилить доходность этимъ путемъ, будетъ лишено возможности реформировать нашъ бюджетъ на началахъ, соотвѣтствующихъ интересамъ народа.

При этомъ мы позволимъ себѣ пожалѣть, что государственный контроль такъ легко относится къ факту неудовлетворительнаго поступленія этого дохода. Онъ объясняетъ его лишь мимоходомъ сокращеніемъ привоза подъ вліяніемъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ и нѣкоторымъ застоемъ въ торговлѣ. Отсюда можно заключить, что этому факту не придается большаго значенія; между тѣмъ, мы думаемъ, онъ служитъ признакомъ серьезнаго разстройства въ нашей экономической жизни и вызывается всей системой нашей торговой политики.

Гербовой сборъ, крѣпостныя, судебныя и канцелярскія пошлины, какъ видно изъ отчетовъ, постоянно возрастаютъ, но причина такого возрастанія заключается, съ одной стороны, въ возвышеніи самаго сбора, съ другой — въ обложеніи сборомъ актовъ и документовъ, прежде не плативщихъ подобныхъ сборовъ. Мы согласны съ тѣмъ, что всякаго рода имущественныя сдѣлки, по возможности, должны быть облагаемы сборомъ, такъ какъ подобные сборы представляются однимъ изъ немногихъ способовъ

привлеченія къ платежу налоговъ людей состоятельныхъ; но мы думаемъ, что въ суммѣ ихъ поступленія есть значительная доля фиктивнаго дохода, который оплачивается самимъ государственнымъ казначействомъ. Сюда относятся, во-первыхъ, всѣ гербовыя пошлины по договорамъ съ казною и по перепискѣ о заключеніи и исполненіи ихъ. Есть полное основаніе думать, что лица, оплачивающія подобные сборы, возмѣщаютъ ихъ съ лихвою на цѣнѣ тѣхъ предметовъ и работъ, къ поставкѣ и производству которыхъ они обязываются. Затѣмъ всѣ желѣзныя дороги, получающія гарантію, производя расходъ на гербовую бумагу, записываютъ этотъ расходъ на счетъ эксплуатаціи и получаютъ обратно въ видѣ гарантіи чистаго дохода. Положимъ, что уплата гарантіи считается ссудой, которая при извѣстномъ доходѣ общества будетъ уплачиваться правительству. Но такая надежда, судя по финансовому положенію большинства казенныхъ дорогъ, представляется намъ также фиктивной. Поэтому мы бы думали, что гораздо было бы выгоднѣе отказаться отъ подобнаго дохода и освободить отъ платежа гербовыхъ пошлинъ всѣ договоры съ казною и переписку объ ихъ заключеніи и исполненіи, а также и всѣ желѣзнодорожныя общества, не получающія чистаго дохода въ размѣрѣ гарантированнаго.

Насколько пошлины съ имущественныхъ сдѣлокъ представляются намъ справедливыми, настолько же несправедливыми мы считаемъ судебныя и гербовыя пошлины по дѣламъ тяжебнымъ и исковымъ. Мы думаемъ, что правосудіе должно быть доступно всякому и безъ всякаго за то платежа. Вообще къ суду люди обращаются только въ крайнемъ случаѣ, когда они не имѣютъ возможности осуществить свое право инымъ способомъ: другими словами, когда они терпятъ убытки отъ незаконныхъ дѣйствій другихъ лицъ. Поэтому дѣлать подобное невыгодное положеніе человѣка объектомъ обложенія и продавать, такъ сказать, правосудіе, намъ кажется, совершенно несправедливымъ. Поэтому мы позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы всѣ подобные сборы были уничтожены.

Въ ряду нашихъ учрежденій, завѣдывающихъ сборомъ государственныхъ доходовъ, почтовое и телеграфное вѣдомства стоятъ, какъ намъ кажется, на самой правильной дорогѣ. При постоянномъ пониженіи таксы этихъ сборовъ, доходъ, состоящій въ вѣдѣніи этихъ учрежденій, постоянно и довольно быстро возрастаетъ. Въ теченіе десяти лѣтъ почтовый и телеграфный сборъ возросъ съ суммы 14.436,808 руб. до 23.098,216 руб., т.-е. увеличился почти на 60%, при пониженіи таксы сбора почтоваго на 30%, а телеграфнаго еще болѣе. Еслибъ наше акцизное вѣдомство придерживалось подобной политики, то мы думаемъ, что результаты были бы другіе, и государственное казначейство получило бы большій доходъ безъ обремененія плательщиковъ.

Мы разсмотрѣли всѣ главнѣйшіе виды государственныхъ доходовъ, отъ которыхъ въ большей или меньшей степени зависитъ финансовое положеніе нашего отечества, и должны придти къ заключенію, что значительное

возвышеніе государственнаго дохода въ 1882 г. зависѣло вовсе не отъ развитія народнаго богатства, а отъ установленія новыхъ налоговъ и возвышенія старыхъ и что это возвышеніе ихъ было далеко не въ той степени, какъ это могло показаться при первомъ взглядѣ на общіе итоги. Дѣло въ томъ, что къ общимъ итогамъ дохода присоединены возвратъ издержекъ, покрытыхъ чрезвычайными рессурсами, и сумма, слѣдовавшая въ доходъ 1881 года, но поступившая въ 1882 году вслѣдствіе случайнаго распоряженія. Если же въ счеты 1882 года внести надлежащія поправки, то общая сумма обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ должна уменьшиться на 18.265,513 руб., а сумма доходовъ 1881 года должна увеличиться на 5.000,000 руб. За этими поправками сумма дохода 1881 года окажется въ 656.754,010 руб., а сумма дохода 1882 года въ 685.448,995 руб., т.-е. превышаетъ сумму смѣтнаго назначенія на 9 милл. руб. Возвышеніе дохода послѣдняго года въ сравненіи съ предъидущимъ составляетъ сумму въ 28.694,985 руб., которая далеко не соотвѣтствуетъ мѣрамъ, принятымъ въ видахъ возвышенія государственныхъ доходовъ и, слѣдовательно, не можетъ возбуждать надеждъ на дальнѣйшее повышеніе ихъ вслѣдствіе естественнаго роста, а, наоборотъ, приводитъ къ заключенію о неизбѣжности ихъ пониженія и, притомъ, по самымъ главнымъ статьямъ. Это подтверждается не только дѣйствительнымъ поступленіемъ въ 1883 году, но и всеподданнѣйшимъ докладомъ г. министра финансовъ при представленіи росписи на настоящій годъ, въ которомъ прямо говорится, что въ 1883 году надо ожидать недобора доходовъ. Какъ бы ни прогрессировали остальные доходы нашего бюджета, но они по своей незначительности не въ состояніи пополнить недоборовъ, которые могутъ явиться въ главныхъ статьяхъ. Поэтому для поддержанія равновѣсія въ нашемъ бюджетѣ мы должны имѣть въ виду неизбѣжность установленія новыхъ налоговъ или возвышеніе прежнихъ.

Выше мы объяснили, почему общей суммой расходовъ, произведенныхъ въ счетъ росписи 1882 года, мы считаемъ сумму въ 709.849,693, а не 701.661,256 руб., какъ показано въ отчетѣ государственнаго контроля. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ анализу этой цифры, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи ея къ смѣтному назначенію и къ расходамъ прежнихъ лѣтъ. Сравнивая ее съ смѣтнымъ назначеніемъ, мы видимъ, что она превышаетъ назначеніе по росписи болѣе, чѣмъ на 29 мил. рублей. Сравнивая же ее съ расходами прежнихъ лѣтъ, мы должны замѣтить, что она представляетъ явленіе небывалое и совершенно выходящее изъ ряда: расходы всѣхъ предъидущихъ лѣтъ постоянно возрастали, такъ что съ 1873 года по 1881 годъ они возвысились съ 539 мил. руб. до 732 мил., т.-е. на 193 мил. или почти на 36%. Но въ 1882 году они неожиданно падаютъ въ сравненіи съ предъидущимъ годомъ на 22.563,457 руб., несмотря на то, что платежъ процентовъ по государственнымъ долгамъ возвысился на 5.049,758 руб. Такое явленіе тѣмъ болѣе заставляетъ удивляться, что по нѣкоторымъ

министерствамъ расходы также увеличились, расходы же по военному вѣдомству, за исключеніемъ расходовъ, которые мы признаемъ вызванными войною, обошлись въ 202.968,924., т.-е. сократились въ сравненіи съ расходами 1881 года (225.664,056 р.) на 22.695,135 руб.

При ближайшемъ же разсмотрѣніи отдѣльныхъ расходовъ мы не можемъ признать за этими цифрами безусловной точности. Денежныхъ суммъ по смѣтѣ 1882 года военное министерство потребовало дѣйствительно менѣе на означенную выше цифру, но это, однако же, не значитъ, что расходы его сократились. Такъ, напримѣръ, заготовленіе провіанта по § 4 ст. 1-й обошлось въ 23.787,011 руб., а въ 1881 году оно обошлось въ 39.771,119 руб., т.-е. дешевле на 15.990,108 руб. Но такая экономія не могла явиться въ 1882 г. слѣдствіемъ уменьшенія штатнаго числа людей, такъ какъ суммы по тому же § ст. 3 на приварочныя, порціонныя и кормовыя деньги отпускается по числу людей, а по этой статьѣ въ 1882 году издержано 19.705,308 руб., тогда какъ въ 1881 году этотъ расходъ составлялъ сумму въ 19.030,528 руб., т.-е. на 674,780 руб. меньше, чѣмъ въ 1882 году. Такимъ образомъ, изъ этихъ цифръ оказывается, что число людей въ арміи въ этомъ году было никакъ не меньше, чѣмъ въ предъидущемъ. Точно также это не могло произойти и отъ удешевленія цѣнъ на провіантъ, такъ какъ это бы значило, что цѣны на провіантъ въ 1882 году, въ сравненіи съ 1881 годомъ, понизились на 40%, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не было. Подобная экономія объясняется просто меньшимъ количествомъ заготовленнаго провіанта въ виду излишнихъ заготовокъ прежнихъ лѣтъ и, по всей вѣроятности, излишнимъ заготовленіемъ 1881 года, такъ какъ въ этомъ году расходъ по этой статьѣ особенно выдается по сравненію съ другими годами. На этомъ основаніи мы думаемъ, что для опредѣленія точной цифры этого расхода въ 1882 г. необходимо принять среднюю цифру расхода за эти два года, т.-е. 31.776,665 руб. Показанная же въ отчетѣ государственнаго контроля экономія въ сущности не составляетъ экономіи, такъ какъ дѣйствительная потребность покрыта уменьшеніемъ запасовъ. Такимъ образомъ, сумму расходовъ военнаго вѣдомства по этой статьѣ слѣдуетъ увеличить на 7.989,654 рубля, убавивъ ее изъ расходовъ 1881 года.

Точно также не составляетъ экономіи сокращеніе расхода на обмундированіе по § 3 смѣты интендантскаго вѣдомства, хотя расходъ по этой статьѣ сократился на 8.628,319 рублей; точно также не составляетъ экономіи сокращеніе расхода по §§ 5, 6 и 7 смѣты артиллерійскаго вѣдомства по заготовкѣ оружія, несмотря на то, что онъ уменьшился на 6.648,682 рубля, такъ какъ, по заявленію государственнаго контроля (объяснительная записка къ отчету 1882 года, стр. 52), эти потребности 1882 года покрыты излишними заготовленіями военнаго времени, а мы знаемъ, что эти заготовленія производились на счетъ особыхъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, полученныхъ посредствомъ займовъ. Если же эти запасы пошли на удовлетвореніе потребности 1882 года, то для правильнаго учета расходовъ 1882 года суммы, за нихъ

заплаченныя, должны быть списаны съ расхода, вызваннаго войною, и прибавлены къ расходамъ военнаго министерства за этотъ годъ. Такимъ образомъ, расходъ военнаго министерства за 1882 годъ доходитъ до 226.234,780 руб. и потому онъ не только не уменьшился, но значительно возросъ въ сравненіи съ расходомъ 1881 года, такъ какъ послѣдній слѣдуетъ уменьшить на 7.989,654 рубля и онъ составитъ 217.674,402 рубля.

Указанные выше цифры и разсчеты приводятъ къ заключенію, что государственные расходы вообще и военнаго вѣдомства въ особенности продолжаютъ возрастать.

Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и министерство финансовъ, такъ какъ сокращеніе его расходовъ съ 108 мил. въ 1881 году на 101 мил. въ 1882 году является уменьшеніемъ расхода на уплату гарантіи чистаго дохода желѣзнодорожнымъ обществамъ, что могло явиться слѣдствіемъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Вообще въ цифрѣ этого расхода встрѣчается значительное колебаніе, что можетъ быть видно изъ нижеслѣдующей таблицы этихъ расходовъ за 10 лѣтъ:

Годы.	Сумма платежей.	Годы.	Сумма платежей.
1873	11.484,959 руб.	1878	11.321,617 руб.
1874	5.096,816 »	1879	14.386,791 »
1875	8.259,849 »	1880	19.499,000 »
1876	14.279,285 »	1881	20.442,894 »
1877	16.616,999 »	1882	13.628,907 »

Изъ этой таблицы оказывается, что суммы, выплачиваемыя правительствомъ въ теченіе извѣстнаго года, не имѣютъ никакого отношенія ни къ валовому, ни къ чистому доходу обществъ за извѣстный годъ, такъ какъ общества требуютъ суммы на платежъ гарантированныхъ процентовъ по полугодіямъ и не имѣютъ еще въ виду окончательной цифры своихъ доходовъ. Поэтому часто случалось, въ особенности въ семидесятыхъ годахъ, что изъ отпущенныхъ суммъ оставались значительные остатки въ распоряженіи обществъ и засчитывались въ послѣдующіе платежи. Точно также случалось, что общества, не имѣя возможности опредѣлить суммы необходимой приплаты и имѣя достаточныя средства для покрытія расходовъ эксплуатаціи и для оплаты полугодоваго купона, отсрочивали свои требованія до опредѣленія точной цифры; другіе же для такой оплаты прибѣгали къ частному кредиту, такъ какъ при гарантіи чистаго дохода платежъ процентовъ по займамъ сносился на счетъ эксплуатаціи и не доставлялъ никакого убытка обществамъ. Послѣдній случай сталъ повторяться особенно часто, когда министерство установило особый порядокъ выдачи, стало требовать извѣстныхъ опредѣленныхъ свѣдѣній и стало свѣрять требованія съ своими счетати. Необходимо замѣтить, что разсчеты съ желѣзными дорогами никогда не отличались въ министерствѣ особенною точностію, а общества, считая представленіе этихъ свѣдѣній излишнею формальностію, не относились

къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что они составлялись на будущее время на основаніи гадательныхъ данныхъ. Поэтому въ удовлетвореніи требованій обществъ часто происходили задержки, которыя и заставляли ихъ прибѣгать къ частному кредиту, иногда очень тяжелому, тѣмъ болѣе, что общества, не имѣя своихъ векселей, должны были прибѣгать къ посредникамъ и платить коммиссіонный процентъ или входить въ частныя соглашенія съ банками и банкирами объ оплатѣ купоновъ отъ ихъ бумагъ по текущему счету, на условіяхъ, конечно, очень выгодныхъ для банковъ, но, какъ мы замѣтили выше, эти убытки не касались обществъ и выплачивались изъ гарантіи, а потому общества нисколько не тяготились и не тяготятся подобными порядками.

Мы нарочно коснулись этого вопроса, объясняющаго значительныя колебанія въ цифрѣ расхода по уплатѣ гарантіи, и вслѣдствіе этого имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что уменьшеніе этого расхода въ 1882 году можетъ объясняться чистѣйшею случайностію, такъ какъ выдача суммъ могла быть только отстрочена до 1883 года и обстоятельство это не можетъ служить мѣриломъ на будущее время, въ особенности въ виду паденія курса кредитнаго рубля и гарантированныхъ доходовъ въ металлической валютѣ. Весьма вѣроятно, что, при повѣркѣ показанной суммы расхода за 1882 годъ съ отчетами желѣзныхъ дорогъ и съ цифрой ихъ чистаго дохода, сумму эту придется значительно увеличить: иначе нельзя объяснить значительной ея разницы съ предъидущими годами и въ особенности съ расходомъ 1879 года, когда валовой доходъ обществъ составлялъ наивысшую сумму за все указанное время.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ расходы на оплату процентовъ по государственнымъ займамъ, заключеннымъ въ металлической валютѣ. Дѣло въ томъ, что платежи эти разсчитываются и вносятся въ смѣты по 1 р. 50 коп. кредитныхъ за рубль металлическій. Такихъ платежей въ 1882 году назначено болѣе 104 мил. рублей кредитныхъ. Но очевидно, что министерство финансовъ, оплачивая купоны металлическихъ займовъ, платило въ 1882 году за каждый металлическій рубль не 1 р. 50 коп., а 1 р. 62 коп. по тогдашнему курсу. А такъ какъ означенные 104 мил. составляютъ около 70 мил. рублей металлическихъ, то министерству приходилось прибавлять по 12 коп. на каждый металлическій рубль, т.-е. въ опредѣленномъ кредитѣ долженъ оказаться недостатокъ, по меньшей мѣрѣ, 8,4 мил. рублей. А такъ какъ изъ отчета государственнаго контроля видно, что въ 1882 году уплачено только 48 мил. металлическихъ рублей, а 22 мил. руб. металлическихъ оставалось уплатить въ истекшемъ году по курсу, еще болѣе низкому, то указанный нами недостатокъ кредита окажется еще болѣе. Теперь представляется вопросъ, изъ какого же кредита пополнитъ этотъ недочетъ министерство? Такъ какъ подобное неправильное счетоводство продолжается съ 1877 года, т.-е. со времени значительнаго паденія курса нашей валюты, и такъ какъ мы не видимъ въ отчетахъ государственнаго

контроля назначенія какого-либо кредита на пополненіе недостатковъ ассигнованія по системѣ кредита, то поставленный нами вопросъ пріобрѣтаетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ недостатокъ кредита на расходы 1882 года. Онъ затрогиваетъ весь порядокъ счетоводства по системѣ кредита. Если министерство финансовъ до сихъ поръ не встрѣчало затрудненій въ платежахъ этого рода, то это только потому, что существующая система счетоводства и отчетности по этимъ расходамъ несостоятельна, а ревизіи расходовъ вовсе не существуетъ. Суммы же, подлежащія къ отпуску, переходятъ изъ года въ годъ и до сихъ поръ могли представлять источникъ для покрытія недостатковъ ассигнованія; но недалекъ тотъ моментъ, когда этихъ суммъ будетъ недостаточно и придется для покрытія ихъ требовать особыхъ ассигнованій, относя ихъ къ расходамъ, не заявленнымъ ко дню заключенія смѣтъ.

Нельзя въ этомъ случаѣ ссылаться на поступленіе таможенныхъ пошлинъ, которыя, поступая въ металлической валютѣ, записываются въ отчетахъ по тому же курсу 1 р. 50 коп., какъ и расходы въ металлической валютѣ, на томъ основаніи, что суммы поступленій и платежей далеко не совпадаютъ. Такъ, за 1881 годъ эта разница составляетъ 14 мил., а за 1882 до 7 мил. руб., вслѣдствіе чего курсовая разница на эти суммы окажется положительнымъ недостаткомъ на оплату процентовъ. Если бы даже эти полученія и платежи были равны, то и тогда подобный порядокъ былъ бы неправиленъ, такъ какъ курсъ колеблется, а поступленія и платежи производятся не въ одно и то же время, вслѣдствіе чего курсовая разница можетъ доставлять и прибыли, и убытки, а, между тѣмъ, не только останется внѣ всякой ревизіи, но даже внѣ отчетности. Кромѣ того, государственное казначейство производитъ платежи въ металлической валютѣ не по однимъ долговымъ обязательствамъ. У него есть масса металлическихъ платежей: по заграничнымъ покупкамъ, по заграничному плаванію, по содержанію заграничныхъ посольствъ, наконецъ, по платежу гарантіи желѣзнодорожнымъ обществамъ. На какомъ же основаніи курсовая прибыль отъ таможенныхъ сборовъ вся должна идти на уменьшеніе расходовъ по системѣ кредита, а не по другимъ металлическимъ платежамъ казначейства? Подобный порядокъ вещей можетъ, серьезно подрывать авторитетъ такихъ важныхъ государственныхъ актовъ, какъ государственная роспись и отчетъ государственнаго контроля, которые не должны ни въ какомъ случаѣ давать поводъ къ недоразумѣніямъ: въ нихъ все должно быть отчетливо, и ясно. Въ противномъ случаѣ становятся возможны всякія инсинуаціи. Такъ, напримѣръ *Московскія Вѣдомости* и въ прошломъ году, и нынѣ взводили и на государственный контроль, и на министерство финансовъ Богъ знаетъ какія обвиненія. Положимъ, что обвиненія эти вздорныя и могли быть сдѣланы только людьми, не понимающими порядка счетоводства и отчетности,—доказать это, конечно, не трудно,—но они, все-таки, могутъ колебать государственный кредитъ.

Что *Московскія Вѣдомости* не понимаютъ того, что онѣ взялись разъяснять, это видно изъ того, что онѣ приписали министерству финансовъ

небывалое и невозможное злоупотребленіе, а, между тѣмъ, проглядѣли серьезную ошибку въ способѣ ассигнованія и въ порядкѣ отчетности по системѣ кредита,—ошибку, которая повторяется уже много лѣтъ и остается неисправленной до сихъ поръ. Заграничные финансисты, конечно, умѣютъ понимать въ чемъ дѣло и не повѣрятъ вздорнымъ обвиненіямъ *Московскихъ Вѣдомостей;* но они, конечно, не могутъ не встрѣтить тѣхъ недоразумѣній, на которыя мы указываемъ какъ по системѣ кредита, такъ и по расходамъ военнаго вѣдомства.

Въ виду предстоявшаго свода государственной росписи на 1882 годъ съ дефицитомъ и, по всей вѣроятности, въ виду предусмотрѣннаго неудовлетворительнаго исхода исполненія росписи на 1881 годъ, какъ извѣстно, заключенной съ дефицитомъ въ 80 мил. рублей, предсѣдатель департамента государственной экономіи, министръ финансовъ и государственный контролеръ 18 декабря 1881 года испросили Высочайшее Государя Императора повелѣніе, коимъ было постановлено, чтобы, независимо отъ произведенныхъ въ смѣтахъ департаментомъ государственной экономіи измѣненій, министрами и главноуправляющими были сдѣланы дальнѣйшія сокращенія, сумма коихъ для каждаго вѣдомства была бы назначена государственнымъ совѣтомъ, при участіи министерства финансовъ и государственнаго контроля.

На основаніи означеннаго Высочайшаго повелѣнія министръ финансовъ и государственный контролеръ сдѣлали предположеніе о сокращеніи внесенныхъ въ роспись кредитовъ въ процентномъ отношеніи, за исключеніемъ тѣхъ кредитовъ, которые по своему назначенію не могли подлежать сокращенію или сокращеніе которыхъ могло быть сопряжено съ ущербомъ для государственнаго хозяйства. Исчисленная такимъ образомъ сумма составила 3.420,000 руб.; недостающую затѣмъ сумму на покрытіе оказавшагося уже въ то время по росписи дефицита въ 4.377,281 руб. предположено было въ видѣ пособія государственному казначейству въ 1.000,000 руб. отнести на средства эмеритальной кассы, въ виду ежегоднаго остатка ея доходовъ въ 4 мил. руб.,—доходовъ, образовавшихся вслѣдствіе значительныхъ ежегодныхъ пожертвованій государственнаго казначейства въ пользу этой кассы.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній въ государственномъ совѣтѣ, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе 20 апрѣля 1882 года, коимъ постановлено было предоставить министрамъ и главноуправляющимъ сдѣлать въ смѣтахъ на 1882 годъ возможныя по ближайшему ихъ усмотрѣнію сокращенія, приближающіяся къ суммамъ, указаннымъ въ соображеніяхъ министра финансовъ и государственнаго контролера, съ тѣмъ, чтобы предположенія вѣдомствъ о таковыхъ сокращеніяхъ были внесены въ государственный совѣтъ, а въ случаѣ невозможности сократить подлежащую смѣту на указанную сумму были представлены подробныя объясненія таковой невозможности.

Теперь спрашивается, къ чему же привели всѣ эти попытки къ сокращенію расходовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ также въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля и онъ состо-

итъ въ томъ, что нѣкоторые министры признали положительно невозможнымъ сократить кредиты, назначенные въ ихъ распоряженіе, остальные же изъявили согласіе на сокращеніе ихъ смѣтъ на сумму 1.218,896 руб. 97 коп. Что же касается отчисленія въ пособіе государственному казначейству 1.000,000 руб. изъ суммъ эмеритальной кассы, то оно вовсе не состоялось.

Но такое сокращеніе оказалось фиктивнымъ, такъ какъ въ теченіе смѣтнаго періода ассигнованные кредиты всѣхъ вѣдомствъ были увеличены на сумму 44.158,598 руб. 41 коп., а расходы возрасли до 709.849,693 руб., т.-е. увеличились противъ смѣты (680.760,219 руб.) болѣе, чѣмъ на 29 мил. рублей.

Изъ прилагаемой таблицы видно, по какимъ вѣдомствамъ признано было возможнымъ сократить смѣтное назначеніе и на какую сумму увеличены ихъ кредиты въ теченіе смѣтнаго періода:

	Сокращеніе смѣтнаго назначенія.	Сверхъсмѣтное назначеніе.
По смѣтѣ системы государст. кредита . .	61,146 р. 49 к.	1.222,619 р.
» » высшихъ государст. учрежденій.	7,724 » — »	592,395 »
» » вѣдомства святѣйшаго синода .	9,174 » — »	19,753 »
» » министерства Императ. двора. .	80,586 » — »	2.588,338 »
» » министерства иностран. дѣлъ .	33,170 » — »	608,491 »
» » министерства финансовъ. . . .	278,568 » — »	6.883,809 »
» » министерства государств. имущ.	135,657 » — »	903,201 »
» » министерства внутрен. дѣлъ. .	373,183 » — »	4.226,068 »
» » министерства путей сообщенія.	23,283 » 97 »	569,397 »
» » министерства юстиціи	151,014 » — »	555,854 »
» » государственнаго контроля. . .	21,305 » — »	29,331 »
» » государственнаго коннозаводст.	8,382 » — »	10,554 »
» » гражданскаго управленія Закавказскаго края	35,703 » — »	616,816 »
Итого.	1.218,896 р. 97 к.	18.826,626 к.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по государственному контролю и государственному коннозаводству произведены дѣйствительныя сокращенія, такъ какъ остатки ихъ смѣтныхъ ассигнованій, закрытые ко дню заключенія смѣтъ, превышаютъ ихъ сверхсмѣтные кредиты.

Изложенное обстоятельство, заимствованное нами изъ источника, не подлежащаго никакому сомнѣнію, прямо указываетъ, насколько основательны могутъ быть надежды на сокращенія нашихъ расходовъ. Что же касается приведенной нами выше цифры расходовъ 1882 года (709.849,693 руб.), то она должна быть увеличена на всю стоимость потребностей военнаго министерства, удовлетвореніе которыхъ въ 1882 году упало или на расходы 1881 года, или на расходы военнаго времени. Стоимость же этихъ потреб-

ностей, какъ мы указали выше, достигаетъ 23.266,655 руб., каковая сумма и должна быть присоединена къ предъидущей. Но, кромѣ того, непремѣнно долженъ оказаться недостатокъ и по системѣ кредита, который, по меньшей мѣрѣ, будетъ достигать 8.400,000 рублей. Слѣдовательно, общая сумма расходовъ за 1882 годъ дойдетъ до 741.516,318 руб. Если же мы исключимъ изъ этой суммы доходы, поступившіе въ счетъ смѣты этого года, т.-е. 685.498,995 руб., то окажется, что превышеніе расходовъ надъ доходами составляло 66.017,323 руб., т.-е., что дефицитъ 1882 года сократился въ сравненіи съ 1881 годомъ вслѣдствіе возвышенія нѣкоторыхъ налоговъ только на 15 мил. рублей. Выводы эти, конечно, неутѣшительны, но они вполнѣ объясняютъ трудное положеніе, при которомъ нашему министерству финансовъ приходится обращаться къ кредиту. Все это мы говоримъ въ назиданіе *Московскимъ Вѣдомостямъ*, которыя такъ неумѣстно осыпали упреками министерство за низкій курсъ, назначенный при выпускѣ золотой ренты.

Отчетъ государственнаго контроля вмѣстѣ съ результатами исполненія государственной росписи даетъ свѣдѣнія и о состояніи наличности во всѣхъ кассахъ министерства въ государственномъ и заграничныхъ банкахъ. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что къ 1881 году въ распоряженіи министерства финансовъ состояло 242.751,510 руб., а къ 1883 году, несмотря на сдѣланные въ этотъ періодъ займы, осталось 153.089,119 руб., т.-е. наличность сократилась на 89.662,391 руб.

Изложивъ наши замѣчанія по поводу отчета государственнаго контроля, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію государственной росписи на 1884 годъ. Общіе итоги этой росписи представляются въ слѣдующемъ видѣ: обыкновенные доходы, не считая оборотныхъ, исчислены въ 709.778,153 рубля, обыкновенные же расходы въ 718.382,006 р., а съ присоединеніемъ къ послѣдней цифрѣ 3 мил. руб. на непредвидѣнные смѣтою расходы, дефицитъ исчисляется въ 11.603,853 руб. Остановимся пока на этихъ общихъ цифрахъ.

Прежде мы сравнимъ ихъ съ дѣйствительнымъ доходомъ и расходомъ 1882 года. Изъ этого сравненія оказывается, что доходъ 1884 года предполагается на 24.279,158 руб. выше, чѣмъ въ 1882 году; расходъ же на 20.134.312 руб. ниже выведенной нами цифры расходовъ за тотъ годъ. Подобнаго увеличенія доходовъ и уменьшенія расходовъ, какъ намъ кажется, ожидать трудно: во-первыхъ, потому, что съ того времени къ ихъ увеличенію не было принято никакихъ серьезныхъ мѣръ, кромѣ незначительныхъ пополненій, и то отчасти только того пробѣла, который остается за сложеніемъ извѣстной суммы подушныхъ податей, во-вторыхъ же,—въ виду неудавшихся попытокъ къ сокращенію расходовъ, сдѣланныхъ въ 1882 году.

На это намъ, конечно, могутъ возразить, что наше исчисленіе расходовъ военнаго министерства невѣрно, что расходъ запасовъ, сдѣланныхъ въ

прежнее время, не можетъ относиться къ расходамъ 1882 года, такъ какъ деньги израсходованы не въ этомъ году и что дѣйствительная цифра стоимости этихъ запасовъ намъ неизвѣстна. Хотя наши выводы взяты не съ вѣтра, а основаны на замѣчаніи государственнаго контроля, что расходы уменьшились противъ 1881 года не вслѣдствіе сокращенія самой потребности, а вслѣдствіе употребленія запасовъ, сдѣланныхъ въ военное время, что давало намъ полное право вывести эту стоимость изъ сравненія расходовъ 1881 и 1882 годовъ, но мы готовы допустить, что точной цифры этого расхода мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, если въ нашъ разсчетъ и вкралась ошибка, то она не можетъ превышать 25% съ прибавленной нами къ расходамъ военнаго вѣдомства суммы, т.-е. 5½ мил. рублей. Допуская эту поправку, расходы 1882 года, все-таки, будутъ составлять 736 мил. рублей, т.-е. почти на 15 мил. руб. болѣе, чѣмъ предположено по смѣтѣ на 1884 годъ.

Но помимо этого доказательства справедливости нашего мнѣнія, мы можемъ сослаться еще и на другія.

Для этого мы обратимся къ сравненію росписи настоящаго года съ росписью истекшаго года. Обыкновенные доходы этого года были исчислены въ суммѣ 700.038,007 рублей. Между тѣмъ, представляя настоящую роспись на Высочайшее усмотрѣніе, г. министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ говоритъ слѣдующее: «Обыкновенные доходы за всѣ три предъидущіе года поступили въ бо́льшей суммѣ, нежели были исчислены по росписямъ, а въ 1882 превышеніе достигло 27 мил. рублей. Что же касается 1883 года, то есть основаніе допустить недоборъ въ доходахъ по росписи». На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что изъ предъидущаго мы знаемъ, отъ чего произошло возвышеніе дохода въ 1882 году и что дѣйствительный доходъ превысилъ смѣту только на 9 мил. рублей. И такъ въ 1883 году оказывается недоборъ въ доходахъ по смѣтѣ, исчисленной въ меньшей суммѣ, то, казалось бы, нѣтъ рѣшительно никакого основанія разсчитывать на поступленіе въ текущемъ году суммы, выше прошлогднихъ предположеній на 9.740,146 руб., тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ всеподданѣйшаго доклада говорится, что по разсчету самого министерства доходъ отъ податей долженъ сократиться вслѣдствіе исключенія изъ оклада части подушной подати на 9.768,413 руб.

Г. министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ не указываетъ, какъ можетъ быть великъ недоборъ въ доходахъ за истекшій годъ; но для подтвержденія нашего мнѣнія достаточно пока указанія на фактъ недобора, при разсмотрѣніи же отдѣльныхъ статей дохода мы будемъ въ состояніи опредѣлить, конечно, приблизительно и цифру недобора. Тѣмъ не менѣе, сравненіе поступленій за первые 9 мѣсяцевъ 1882 и 1883 годовъ можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе объ этомъ недоборѣ, предполагая, что доходы 1883 года будутъ находиться въ томъ же отношеніи къ поступленію за 9 мѣсяцевъ, въ какомъ они были въ 1882 году. Но при этомъ

мы позволимъ себѣ изъ трехъ цифръ, принимаемыхъ нами для разсчета, исключить суммы, поступившія на возвратъ ссудъ, такъ какъ, во-первыхъ, эти поступленія вовсе не составляютъ дѣйствительнаго дохода и выдавались обыкновенно изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, добываемыхъ займами, а, во-вторыхъ, поступленія эти неравномѣрны и поэтому не могутъ служить для сравненія поступленій одного года съ другимъ. Внося такую поправку, мы получаемъ въ круглыхъ цифрахъ: общая цифра дохода 1882 года 691 мил. рублей, доходъ за девять мѣсяцевъ того же года 449 мил. руб., доходъ за 9 мѣсяцевъ 1883 года 442 мил. (*Указат. прав. распоряженій* 1883 года, № 49-й). Изъ отношенія этихъ цифръ мы заключаемъ, что доходъ 1883 года, по всей вѣроятности, не превыситъ 680 мил. рублей. На этомъ основаніи предполагать сумму обыкновенныхъ доходовъ въ 1884 году въ 709 мил. рублей, когда подушная подать сокращена на 15½ мил. руб., весьма рискованно.

Еще менѣе возможно разсчитывать на сокращеніе расходовъ, если принять въ соображеніе не смѣтное предположеніе на 1883 годъ, а дѣйствительный расходъ за первые 9 мѣсяцевъ въ сравненіи съ таковыми же въ 1882 году. Въ этомъ году, какъ заявлено въ *Указателѣ правительственныхъ распоряженій*, было израсходовано по 1 октября 450 мил. руб., а общій расходъ простирался до 709 мил. (по отчету государственнаго контроля), въ теченіе же 9 мѣсяцевъ 1883 года израсходовано 472 мил. рублей. Изъ отношенія этихъ цифръ оказывается, что расходъ 1883 года не можетъ быть менѣе 743 мил. рублей.

Мы остановились сначала на общихъ итогахъ государственной росписи и нашли, что фактическое положеніе дѣлъ за послѣдніе два года не оправдываетъ сдѣланныхъ предположеній. Мы въ этомъ можемъ убѣдиться, если взглянемъ на нѣкоторыя подробности.

На основаніи смѣтныхъ правилъ, доходы, по которымъ замѣчаются колебанія, вносятся въ смѣту въ размѣрахъ трехлѣтней сложности доходовъ за предъидущее время. На этомъ основаніи ожидаемая сумма податей лѣснаго и поземельнаго налога должна быть исчислена по трехлѣтней сложности 1880, 1881 и 1882 годовъ, такъ какъ, судя по отчетамъ государственнаго контроля, колебанія въ поступленіи этой суммы за послѣдніе годы довольно замѣтны. Такимъ образомъ, общая сумма дохода за эти три года составляетъ 338.036,223 руб., а средняя цифра опредѣлится въ 112.678,741 рубль. Но въ виду установленнаго сложенія и пониженія подушной подати съ нѣкоторыхъ классовъ плательщиковъ, сдѣланныхъ на 1883 годъ и предположенныхъ на 1884 годъ вслѣдствіе закона 13 мая 1883 года, а также вслѣдствіе повышенія поземельнаго налога и налога съ недвижимой въ городахъ собственности, въ этой цифрѣ опредѣленнаго по трехлѣтней сложности дохода должны быть сдѣланы необходимыя поправки. По разсчету самого министерства финансовъ, приведенному во все-

подданнѣйшемъ докладѣ г. министра, сумма пониженій подушной подати на 1883 и 1884 годы составитъ 19 мил. рублей, а сумма увеличенія поземельнаго налога и налога съ городской недвижимости равняется 5.917,000 рублей. Убавляя и прибавляя эти цифры къ выведенной нами по трехлѣтней сложности, мы получимъ сумму въ 99.595,741 рубль, а не 109.990,783 руб., какъ предположено въ государственной росписи. Разница получается отъ того, что министерство въ своемъ разсчетѣ отправляется не отъ цифры трехлѣтней сложности поступившихъ доходовъ, а отъ гадательной цифры, предположенной по смѣтѣ истекшаго года, и въ ней дѣлаетъ указанныя поправки: пріемъ едва ли основательный, тѣмъ болѣе потому, что поступленія истекшаго года далеко не оправдываютъ сдѣланныхъ предположеній и самъ г. министръ финансовъ ожидаетъ за этотъ годъ недобора доходовъ противъ смѣты, а этотъ недоборъ всего сильнѣе выразился въ поступленіи податей, какъ видно изъ вѣдомости о поступившихъ доходахъ за первые 9 мѣсяцевъ сравнительно съ 1882 годомъ. По этой вѣдомости, дохода отъ податей до 1 октября поступило въ 1883 году 46,2 мил. рублей, а въ 1882 году 53,6 мил. Общее же поступленіе 1882 года было 112,9 мил. Изъ отношенія этихъ цифръ доходъ 1883 года приблизительно опредѣлится въ 97,3 милліона рублей. На основаніи всего, изложеннаго мы предполагаемъ по этой статьѣ недоборъ, по меньшей мѣрѣ, въ 10 мил. рублей.

Что касается налога на право торговли, то онъ, по нашему мнѣнію, не даетъ права разсчитывать на такое значительное повышеніе, какое сдѣлано въ государственной росписи. Возвышеніе стоимости нѣкоторыхъ торговыхъ документовъ, послѣдовавшее по закону 16 декабря 1880 года, не даетъ намъ возможности принять въ соображеніе трехлѣтнюю сложность дохода, а потому для вывода мы можемъ взять только поступленія 1882 г. и вѣдомость о сравнительномъ поступленіи этого дохода за 9 мѣсяцевъ 1882 и 1883 годовъ. Общій доходъ 1882 года представляетъ сумму въ 19.704,054 рубля; доходъ же за 9 мѣсяцевъ 1882 года 9.889,543 рубля, а 1883 года 9.949,912 рублей; изъ отношенія этихъ цифръ мы можемъ предположить, что общій доходъ 1883 года составитъ приблизительно 19.823,000 руб. Отсюда можно смѣло заключить, что самое большое, чего можно ожидать въ 1884 году, это 20.000,000 рублей. Если же принять въ соображеніе господствующій застой въ торговлѣ, то можно опасаться даже уменьшенія этого дохода въ сравненіи съ 1883 годомъ. Поэтому можно почти навѣрное утверждать, что цифра ожидаемаго по росписи дохода 21.660,000 преувеличена, по меньшей мѣрѣ, на 1.660,000 рублей.

Питейный доходъ предположенъ въ суммѣ 250 мил. рублей, «по соображенію, говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ, съ постояннымъ возрастаніемъ этого дохода въ послѣднее трехлѣтіе и въ виду возвышенія патентнаго сбора съ винокуренныхъ заводовъ и трактирныхъ заведеній согласно Высочайше утвержденному 23 апрѣля

1883 года мнѣнію государственнаго совѣта». Главная статья питейнаго дохода есть акцизъ съ вина и спирта и доходъ по этой статьѣ возвышался вслѣдствіе возвышенія акциза съ 7 на 8 коп., но такая причина возвышенія дохода можетъ имѣть вліяніе только на первые годы, пока сокращеніе потребленія не ограничитъ винокуренія. При разсмотрѣніи отчета государственнаго контроля мы замѣтили, что 1882 годъ былъ именно такимъ годомъ, въ которомъ все выкуренное вино подлежало оплатѣ акцизомъ въ 8 коп., а самое винокуреніе въ періодъ $188^1/_2$ годовъ производилось въ прежнихъ размѣрахъ, но что это сокращеніе винокуренія должно начаться въ періодъ винокуренія $188^2/_2$ годовъ и вполнѣ можетъ выразиться только въ періодъ $188^3/_4$ годовъ. Такимъ образомъ, обстоятельство это можетъ отразиться на поступленіи акциза отчасти въ 1883 и вполнѣ въ 1884 году. Извѣстные до сихъ поръ факты прямо подтверждаютъ сказанное нами. Всякое повышеніе акциза въ прежнее время вызывало такія же послѣдствія *). Пониженіе количества оплаченнаго акцизомъ спирта замѣчается даже въ 1882 году въ сравненіи съ 1880 на 200,000 ведеръ и представляетъ цифру въ 27.717,787 ведеръ, а въ 1883 году за первые 9 мѣсяцевъ доходъ упалъ въ сравненіи съ 1882 годомъ почти на 4 мил. рублей. Всѣ эти факты прямо указываютъ, что въ 1884 году необходимо ожидать пониженія цифры оплаченнаго акцизомъ спирта не только въ сравненіи съ 1882, но даже въ сравненіи съ 1883 годомъ. Что же касается патентнаго сбора, то увеличеніе его съ винокуренныхъ заводовъ и трактирныхъ заведеній способно развѣ только пополнить ту убыль, которая замѣчается въ постоянномъ паденіи этого сбора съ питейныхъ заведеній: въ 1879 году онъ превышалъ 20 мил. руб., а въ 1882 году, по всей вѣроятности, не превышалъ и 16 мил. рублей, такъ что доходъ отъ этой статьи съ каждымъ годомъ уменьшается болѣе, чѣмъ на 1 мил. рублей. На этомъ основаніи, если мы предположимъ количество ведеръ безводнаго алкоголя, съ котораго долженъ поступить акцизъ, въ 27 мил. ведеръ, т.-е. предположимъ уменьшеніе выкуриваемаго вина въ теченіе двухъ лѣтъ только на 717,787 ведеръ, то и тогда акцизъ поступитъ въ суммѣ 216 мил. Если сумма патентнаго сбора дастъ даже 17 мил. рублей, а всѣ прочіе питейные доходы поступятъ въ размѣрѣ дохода 1882 года, то и тогда общая сумма питейнаго дохода, какая можетъ быть ожидаема въ 1884 году, не превыситъ 240 мил. рублей, вслѣдствіе чего можетъ оказаться недоборъ въ 10 мил. рублей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мы допустили наиболѣе благопріятныя обстоятельства и очень немудрено ожидать, что сокращеніе винокуренія послѣдуетъ въ большихъ размѣрахъ, а здѣсь каждая сотня тысятъ ведеръ уменьшенія оплаченнаго акцизомъ спирта грозитъ недоборомъ акциза въ 800,000 рублей.

---

*) Смотри таблицу оплаченнаго акцизомъ спирта въ статьѣ „Государственная роспись на 1882 годъ“ („Русская Мысль“, апрѣль, стр. 151).

На этомъ основаніи мы не остановимся только на этихъ разсчетахъ и провѣримъ ихъ другимъ способомъ. Мы видѣли, что въ сумму дохода 1882 года вошелъ патентный сборъ 1881 года и по разсчету государственнаго контроля (отчетъ за 1881 годъ, стр. 49) недоборъ этого дохода въ суммѣ 6.362,753 рублей объясняется выдачею патентовъ въ 1881 году только на полугодіе. Такимъ образомъ, если мы эту сумму исключимъ изъ дохода 1882 года, то сумма поступившаго въ томъ году питейнаго дохода составитъ 245½ мил. рублей. Поступленіе же за 9 мѣсяцевъ въ 1883 году доходитъ до 172 мил., а въ 1882 до 176 мил. руб. Изъ отношенія же этихъ трехъ цифръ мы выводимъ, что доходъ 1883 года не будетъ превышать 239 мил. рублей и очень немудрено, что въ 1884 году онъ понизится даже противъ этой цифры, на томъ основаніи, что сокращеніе винокуренія должно выразиться вполнѣ только въ періодѣ винокуренія 188⅞ годовъ. Поэтому и повѣрка, сдѣланная нами, удаляется незначительно отъ сдѣланныхъ нами выше предположеній.

Таможенный доходъ предположенъ былъ на 1883 г. въ суммѣ 101.270,000 рублей, а на 1884 годъ цифра эта понижена и опредѣлена въ размѣрѣ 101.053,000 руб. Такое пониженіе, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада г. министра финансовъ, сдѣлано *по соображенію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ этихъ пошлинъ въ послѣднее трехлѣтіе*. Между тѣмъ, обратившись къ цифрамъ отчета государственнаго контроля, а также къ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ *Указателѣ правительственныхъ распоряженій*, мы нашли, что поступленія послѣдняго трехлѣтія и даже поступленія за первые 9 мѣсяцевъ истекшаго года не только не приняты въ соображеніе, но оставлены безъ всякаго вниманія, такъ какъ, соображаясь съ этими цифрами, слѣдовало бы понизить предположенную на 1884 годъ сумму не на 217,000 рублей, а на 11.270,000 и не назначать ее выше 90 мил. рублей. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что общая сумма доходовъ, поступившихъ въ 1880, 1881 и 1882 годахъ, представляетъ сумму въ 276 мил., что въ среднемъ выводѣ даетъ 92 мил. рублей, но такъ какъ за первые 9 мѣсяцевъ въ 1883 году замѣчается довольно значительное пониженіе этого дохода въ сравненіи съ поступленіемъ 1882 года, а именно 70 мил., тогда какъ въ 1882 году за то же время поступило 73 мил. рублей, то отсюда дѣйствительный доходъ 1883 года не превзойдетъ 90 мил. рублей и на этомъ основаніи намъ бы казалось, что и доходъ 1884 года не слѣдовало бы ожидать въ суммѣ, превышающей доходъ 1883 года.

Дохода съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и товаровъ большой скорости въ 1882 году поступило 8.347,253 руб., а за первые 9 мѣсяцевъ 1883 года 5.601,015, тогда какъ за то же время 1882 года 6.149,827 руб. Изъ отношенія этихъ цифръ можно вывести, что доходъ 1883 года приблизительно будетъ въ суммѣ 7.600,000 рублей, между тѣмъ доходъ предположенъ въ суммѣ 8.600,000 руб.

Сумма поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ на платежи процентовъ

по облигаціоннымъ капиталамъ предположена въ 19.827,106 рублей. Несмотря на нѣкоторое объясненіе во всеподданнѣйшемъ докладѣ основаній такого назначенія, мы, все-таки, не можемъ понять, какимъ образомъ можно ожидать возвышенія этого дохода на три милліона въ сравненіи съ дѣйствительнымъ поступленіемъ 1882 года. Хотя поступленіе этого дохода и усилилось въ теченіе 1883 года, но такое усиленіе позволяетъ разсчитывать на доходъ въ этомъ году не болѣе, какъ въ 17,8 мил. рублей, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобъ доходъ этотъ могъ въ текущемъ году возрасти на 2 мил. рублей въ сравненіи съ прошедшимъ годомъ, тѣмъ болѣе, что съ паденіемъ курса кредитнаго рубля расходы желѣзныхъ дорогъ должны возрастать, а движеніе на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ вовсе не увеличивается, вслѣдствіе сокращенія спроса со стороны заграничныхъ рынковъ на продукты нашей земледѣльческой промышленности. На этомъ основаніи нѣтъ ничего мудренаго, что и по этой статьѣ явится недоборъ въ два милліона рублей.

Такимъ образомъ, провѣривъ отдѣльныя цифры наиболѣе обильныхъ статей нашего дохода, мы полагаемъ, что недоборъ по этимъ статьямъ долженъ доходить до крупной цифры 35.660,000 рублей. Если затѣмъ допустить, что по нѣкоторымъ мелкимъ статьямъ и будетъ превышеніе доходовъ противъ смѣтнаго назначенія, то во всякомъ случаѣ онъ не превыситъ 5 или 6 мил. рублей, т.-е., что общая цифра дѣйствительнаго дохода должна дать недоборъ, близко подходящій къ 30 милліонамъ рублей.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію расходной смѣты по ея отдѣльнымъ рубрикамъ.

По системѣ кредита назначенная сумма на платежъ процентовъ составляетъ сумму въ 206.021,245 руб., т.-е. 30% исчисленнаго нами дохода. Разсматривая же отчетъ государственнаго контроля, мы пришли къ заключенію о недостаточности ассигнованія на платежъ процентовъ по металлическимъ займамъ. Та же неточность повторяется и здѣсь, съ тою только разницею, что количество предстоящихъ металлическихъ платежей въ 1884 г. увеличивается, а курсъ кредитныхъ билетовъ значительно ниже и, слѣдовательно, недостаточность ассигнованія будетъ еще значительнѣе. Имѣя въ виду, что платежи по металлическимъ займамъ исчислены въ суммѣ 108.602,388 руб. кредитныхъ по курсу 1 р. 50 коп., оказывается, что предстоитъ заплатить металлическими рублями 72.401,592 рубля; а такъ какъ по курсу въ настоящемъ году за каждый металлическій рубль приходится платить 1 р. 64½ коп., то недостатокъ ассигнованія составитъ 10.498,230 руб. 84 коп. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ указана необходимость реализаціи облигацій на сумму 116,4 мил. рублей. На этомъ основаніи новый заемъ въ текущемъ году необходимъ, вслѣдствіе чего долженъ увеличиться и кредитъ на платежъ процентовъ.

По слѣдующимъ затѣмъ четыремъ рубрикамъ расходовъ, а именно на содержаніе высшихъ государственныхъ учрежденій, вѣдомства святѣйшаго синода, министерства Императорскаго двора и министерства иностранныхъ дѣлъ, предположено израсходовать 27.016,332 руб., т.-е. на 1.100 тыс. руб. менѣе, чѣмъ приходилось по трехлѣтней сложности 1880, 1881 и 1882 гг. (28.117,027 р.). Противъ такого предположенія, конечно, нельзя сдѣлать никакого замѣчанія, такъ какъ подобная экономія при добромъ желаніи очень возможна. Затруднительно только достигнуть экономіи, какъ намъ кажется, по министерству иностранныхъ дѣлъ, которая предположена въ 387,000 рублей въ сравненіи съ расходомъ 1882 года, именно въ виду значительнаго паденія курса нашей валюты.

Что же касается расходовъ военнаго министерства, то назначеніе по смѣтѣ 196.551,571 рубля насъ крайне удивляетъ именно въ виду анализа цифры расходовъ этого вѣдомства за 1882 годъ, сдѣланнаго нами выше при разсмотрѣніи отчета государственнаго контроля. Руководствуясь объяснительной запиской къ этому отчету, мы показали, что расходы эти достигаютъ суммы въ 226 мил. руб. и сокращены лишь временно отнесеніемъ на особые рессурсы значительной части расходовъ этого вѣдомства. Между тѣмъ, въ настоящей смѣтѣ расходы министерства исчислены въ той же приблизительно суммѣ, какъ и въ 1882 году; по нѣкоторымъ же статьямъ они предусматриваются даже въ меньшемъ размѣрѣ. По отношенію же къ расходамъ 1881 и 1880 годовъ они сокращены въ громадныхъ размѣрахъ. Такъ, по § 3 на обмундированіе и снаряженіе войскъ по смѣтѣ назначено 11.976,008 руб., и хотя въ 1882 году на этомъ предметѣ издержано только 8.569,696 руб., но, какъ мы видѣли, такое сокращеніе произошло вслѣдствіе потребленія запасовъ, заготовленныхъ въ военное время и отнесенныхъ на счетъ чрезвычайныхъ рессурсовъ; но въ 1881 году эта статья расходовъ потребовала 17.197,013 руб., а въ 1880 г. 23.189,411 руб. Такимъ образомъ сумма, предположенная къ расходу на настоящій годъ, составляетъ въ сравненіи съ суммой, израсходованной въ 1881 году, только 69½%, а въ сравненіи съ суммой, израсходованной въ 1880 году, только 52%.

Не останавливаясь на этомъ сравненіи, идемъ далѣе. По § 4, на продовольствіе людей и лошадей на текущій годъ назначена сумма въ 63.166,275 р. Между тѣмъ, даже въ 1882 году, когда часть этой суммы на заготовленіе провіанта была сокращена, какъ мы видѣли при разборѣ отчета государственнаго контроля, на 15 милл. рублей, по этой рубрикѣ расходовъ издержано 67.628,340 рублей, а въ 1881 году сумма этого расхода доходила до 86.651,024 руб. Такимъ образомъ, расходъ этотъ въ сравненіи съ 1881 г. представляетъ сокращеніе на 27%, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что цѣны на провіантъ и фуражъ не падали въ такой мѣрѣ, чтобъ объяснить подобное небывалое у насъ сокращеніе расходовъ. Если мы возьмемъ даже трехлѣтнюю сложность расходовъ на этотъ предметъ, то и тогда дѣй

ствительный расходъ опредѣлится въ 75.832,783 р., т.-е. на 12.666,508 р. болѣе, чѣмъ предположено на текущій годъ. При сравненіи предположенныхъ расходовъ съ цифрою расхода по трехлѣтней сложности, нельзя даже принимать въ соображеніе пониженіе цѣнъ, такъ какъ нѣсколько возвышенныя цѣны на провіантъ въ 1881 году ослабляются цѣнами предъидущаго и послѣдующаго годовъ; цѣны же на фуражъ не понижаются, а постоянно возвышаются.

Но еще болѣе удивительно сокращеніе расходовъ на денежное довольствіе войскъ по § 5 смѣты военнаго министерства. Расходъ этотъ за три предшествующіе года представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1880 году 52.464.266 р., въ 1881 г. 51.641,360 р. и въ 1882 г. 52.681,002 руб. Между тѣмъ, на 1883 г. назначена была сумма только въ 46.376,037 р., а на 1884 г. нѣсколько увеличена и опредѣлена въ 46.906,883 рубля. На такое сокращеніе не могло имѣть вліянія штатное сокращеніе войскъ, о которомъ говорится въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1882 г., такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о сокращеніи на 1882 г., въ которомъ расходъ по этой статьѣ не уменьшился, а увеличился. Кромѣ того, нижніе чины нашей арміи получаютъ самое ничтожное денежное довольствіе, вслѣдствіе чего отъ сокращенія ихъ числа можетъ получиться самая ничтожная экономія. Стало быть, уменьшеніе расходовъ можетъ послѣдовать только вслѣдствіе значительнаго сокращенія числа офицеровъ. Но едва ли такое предположеніе будетъ справедливымъ, потому что ни о чемъ такомъ слуховъ никакихъ не было. Къ тому же сокращеніе расходовъ прямо предположено по смѣтѣ 1883 года безъ всякой постепенности: поэтому, еслибъ уменьшеніе числа офицеровъ въ арміи было дѣйствительнымъ фактомъ, то такой фактъ не могъ бы остаться незамѣченнымъ. Поэтому мы не можемъ себѣ объяснить, какимъ образомъ могло состояться сокращеніе расходовъ по этой статьѣ и, притомъ, въ размѣрѣ почти 11% въ сравненіи съ 1882 годомъ.

Расходы морскаго вѣдомства предположены по смѣтѣ въ 33.915,998 рублей, на три милліона болѣе, нежели дѣйствительный расходъ 1882 года, хотя этотъ годъ представляетъ наибольшую сумму въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

По министерству финансовъ внесенъ въ смѣту расходъ въ суммѣ 97.798,499 рублей, т.-е. на 3½ милл. рублей менѣе, чѣмъ дѣйствительный расходъ 1882 года, который представляетъ собою наименьшую цифру въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Такое сокращеніе объясняется уменьшеніемъ приплаты гарантіи обществамъ желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящую смѣту расходъ этотъ занесенъ въ суммѣ 13.416,000 рублей, т.-е. на 200 тыс. менѣе дѣйствительнаго расхода 1882 года. Цифра этого расхода совершенно гадательная, такъ какъ онъ зависитъ отъ болѣе или менѣе успѣшнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Въ виду же общаго застоя промышленности, очень можетъ быть, что назначенной суммы будетъ недостаточно.

По другимъ расходамъ министерства сокращеніе предположено по статьѣ наемъ зданій, строительные, хозяйственные и операціонные расходы, относящіеся до питейной, таможенной и монетной части, въ 1.400,000 руб. и на расходы прежняго времени, производимыя на основаніи существующихъ постановленій, на 1.300,000 рублей. Эти сокращенія показаны нами по отношенію къ смѣтѣ 1883 года, такъ какъ расходъ по 1-й статьѣ нельзя сличить съ дѣйствительнымъ расходомъ 1882 года въ виду разнесенія его въ отчетѣ государственнаго контроля по разнымъ смѣтамъ и параграфамъ, а расходъ по 2-й статьѣ въ прежнихъ смѣтахъ и отчетахъ государственнаго контроля не встрѣчается.

Расходы по министерству государственныхъ имуществъ на текущій годъ опредѣлены въ размѣрѣ 20.872,155 руб. Главная функція министерства состоитъ въ завѣдываніи доходами съ государственныхъ имуществъ. Общая сумма этихъ доходовъ, по отчету государственнаго контроля за 1882 годъ, представляетъ сумму въ 30.850,378 руб.; такимъ образомъ, расходы поглощаютъ болѣе, чѣмъ $^2/_3$ дохода. Намъ укажутъ, что въ министерствѣ состоитъ департаментъ сельскаго хозяйства, на обязанности котораго лежитъ забота о развитіи той промышленности, на которой зиждется все благосостояніе русскаго народа. Но на дѣлѣ мы что-то не видимъ благихъ результатовъ дѣятельности этого департамента, и сельское хозяйство въ Россіи ведется чуть ни допотопными способами.

Наиболѣе непроизводительныя издержки этого министерства являются по горному департаменту, такъ какъ сумма расходовъ этого департамента достигаетъ 7.758,856 рублей, а весь доходъ, со включеніемъ даже горныхъ податей, приноситъ только 8.823,945 рублей. Такимъ образомъ, расходъ поглощаетъ почти 88% дохода. Что же касается частной горной промышленности, то она, повидимому, вовсе не пользуется содѣйствіемъ горнаго вѣдомства, а, наоборотъ, очень часто случается слышать жалобы на стѣсненіе, которое она встрѣчаетъ со стороны чиновъ горнаго вѣдомства. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что полезныхъ результатовъ дѣятельности горнаго департамента у насъ какъ-то незамѣтно и все горнозаводское дѣло находится у насъ не въ авантажѣ, несмотря на покровительственныя пошлины, его ограждающія.

Нашъ разборъ государственной росписи значительно расширился, а потому мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе подробностей въ расходахъ остальныхъ вѣдомствъ и предположимъ, что они удовольствуются тѣми кредитами, которые имъ ассигнованы. Впрочемъ, это наше pia desideria, на осуществленіе которой трудно разсчитывать, а потому нужно ожидать, что сверхсмѣтныя ассигнованія превзойдутъ сумму ассигнованій 1882 года, т.-е. сумму 34 милл. рублей, такъ какъ въ текущемъ году, по всей вѣроятности, не будетъ тѣхъ запасовъ военнаго времени, изъ которыхъ могли удовлетворяться потребности военнаго вѣдомства въ 1882 году.

На этомъ основаніи, если доходы, какъ мы видѣли выше, сократятся

милліоновъ на 30, а расходы возрастутъ только на 34 милл. рублей противъ смѣтнаго назначенія, то дефицитъ долженъ оказаться не въ 11.6 милл., а составитъ приблизительно сумму въ 75 милл. рублей. Само собою разумѣется, что такое предположеніе дѣлается на тотъ случай, если не будутъ созданы новые налоги для покрытія дефицита.

Намъ остается разсмотрѣть самую программу финансовой политики г. министра, изложенную имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ при представленіи государственной росписи.

Однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ улучшенію финансоваго положенія г. министръ считаетъ сверхсмѣтныя ассигнованія, что совершенно справедливо. Ни одно хозяйство, а тѣмъ болѣе государственное, не можетъ идти правильнымъ ходомъ, если составленный планъ при его исполненіи существенно измѣняется и отъ распорядителя требуются новыя средства, на необходимость которыхъ онъ не разсчитывалъ заранѣе. Для избѣжанія этой неурядицы г. министръ предлагаетъ «назначеніе въ росписи на экстраординарные расходы извѣстной валовой суммы, предназначенной въ теченіе года на всѣ непредвидѣнныя потребности, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ представленій министерствъ, съ тѣмъ, чтобы никакіе расходы, кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть отнесены на эту сумму въ промежуткѣ времени между утвержденіями двухъ росписей, допускаемы не были». Позволимъ себѣ замѣтить, что новое средство не только не сократитъ сверхсмѣтныхъ требованій, но можетъ увеличить ихъ на томъ основаніи, что прямо будетъ извѣстно, что средства для покрытія этихъ требованій опредѣлены смѣтою. Вся разница будетъ состоять въ томъ, что будутъ удовлетворены не тѣ требованія, которыя всего менѣе могутъ быть отсрочены, а тѣ, которыя заявлены ранѣе; при существующихъ же порядкахъ и основательности позднѣйшихъ требованій кредитъ на экстраординарныя потребности будетъ увеличенъ.

Затѣмъ министръ финансовъ разсчитываетъ покрыть превышеніе обыкновенныхъ расходовъ надъ доходами новымъ добавочнымъ налогомъ на торговлю и промыслы, производимые въ болѣе значительныхъ размѣрахъ: проектъ этого закона уже внесенъ въ государственный совѣтъ. Но мы видѣли выше, какъ великъ долженъ оказаться этотъ дефицитъ, и потому думаемъ, что проектированный налогъ въ 11 мил. руб. будетъ далеко недостаточенъ для этой цѣли.

Далѣе, говоря объ увеличеніи нѣкоторыхъ существующихъ налоговъ, г. министръ замѣчаетъ, что министерство финансовъ не рѣшилось проектировать общій подоходный налогъ, потому что, по его мнѣнію, цѣль соразмѣрнаго обложенія доходовъ, получаемыхъ частными лицами, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута другимъ путемъ, съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній и, притомъ, не откладывая преобразованія до учрежденія уѣзднаго податнаго управленія, потребность въ

которомъ становится со дня на день все болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство и заставило министерство нѣсколько замедлить преобразованіемъ, которое, однако, должно быть осуществлено при первой къ тому возможности». Такое заявленіе г. министра и порадовало насъ и при этомъ поставило въ нѣкоторое недоумѣніе. Мы порадовались потому, что вполнѣ сочувствуемъ категорически заявленному намѣренію г. министра ввести подоходный налогъ и думаемъ, что теперь исполненіе этого намѣренія будетъ поставлено на первую очередь и не будетъ откладываться въ долгій ящикъ, какъ это было прежде, потому что необходимость въ немъ очевидна. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не могли отрѣшиться отъ нѣкотораго недоумѣнія въ виду тѣхъ мотивовъ, которыми обусловливалась отсрочка этого преобразованія. Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить, что всѣ частныя мѣры, принятыя до сихъ поръ, если и призывали нѣкоторые болѣе состоятельные классы къ платежу государственныхъ налоговъ, то онѣ были очень далеки отъ возможности даже приблизиться къ цѣли соразмѣрнаго обложенія получаемыхъ частными лицами доходовъ. Затѣмъ самое трудное дѣло при введеніи подоходнаго налога есть опредѣленіе платежной способности торговли и промысловъ, а такъ какъ проектъ добавочнаго налога въ три процента съ болѣе крупныхъ предпріятій уже внесенъ въ государственный совѣтъ, то, стало быть, и самая трудная задача при введеніи подоходнаго налога должна будетъ разрѣшиться немедленно по утвержденіи проектированнаго закона, а, слѣдовательно, и необходимо будетъ особое податное учрежденіе, на обязанность котораго должно быть возложено опредѣленіе платежной способности лицъ, занимающихся торговлей и промыслами. Затѣмъ опредѣленіе доходности остальныхъ имущественныхъ классовъ не представило бы большихъ затрудненій.

Обращаясь къ торговой политикѣ министерства финансовъ, мы видимъ, что она является чисто протекціонной, и г. министръ указываетъ, какъ на признакъ успѣшности этой политики, на тотъ фактъ, что въ 1882 году нашъ вывозъ превзошелъ ввозъ на 27 милл. руб., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выставляетъ стремленіе заграничныхъ капиталистовъ, продолжающееся болѣе двухъ лѣтъ, сбывать въ Россію русскія процентныя бумаги, какъ фактъ, не благопріятный для нашего экономическаго положенія. Прежде всего мы позволимъ себѣ замѣтить, что точность опредѣленія въ цифрахъ стоимости нашего ввоза и вывоза не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ она опредѣляется на основаніи таможенныхъ свѣдѣній и имѣетъ въ виду только товары, прошедшіе черезъ таможню; тогда какъ изъ одного государства въ другое ежедневно переходитъ масса цѣнностей, недоступныхъ таможенному учету. Но даже соглашаясь съ тѣмъ, что нашъ вывозъ превзошелъ ввозъ и что это явленіе есть слѣдствіе того ограниченія ввоза, которое достигнуто таможеннымъ законодательствомъ, мы должны сказать, что между этимъ фактомъ и возвращеніемъ на нашъ рынокъ нашихъ процентныхъ

бумагъ есть прямое отношеніе какъ причины къ слѣдствію. Если заграничные рынки пересылаютъ къ намъ наши процентныя бумаги, то это потому, что обязанные уплатить за вывезенные наши товары, они не могутъ высылать для этой цѣли свои товары, ввозъ которыхъ сдѣлался къ намъ менѣе доступенъ, и потому пріискали другой подходящій товаръ, ввозъ котораго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть затрудненъ. Но это явленіе означаетъ не болѣе и не менѣе, какъ то, что капиталы, прежде стремившіеся на нашъ рынокъ, теперь въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ уходятъ съ нашего рынка за границу и это есть несомнѣнное послѣдствіе той политики, которой придерживается министерство. Россія, при всей недостаточности капиталовъ для развитія своихъ производительныхъ средствъ и ихъ дороговизнѣ, поставлена въ необходимость уплачивать капитальную сумму своихъ долговъ. Г. министръ объясняетъ пріостановку роста государственныхъ доходовъ въ 1883 году, равно какъ и нѣкоторыя затрудненія, испытанныя промышленностію, паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе конкурренціи со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Но по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ англійскимъ статистическимъ бюро, видно, что Соединенные Штаты значительно сократили свою конкурренцію въ 1883 году. Мы думаемъ, что и застой въ хлѣбной торговлѣ, и вызванный этимъ застоемъ недостатокъ сбыта мануфактурныхъ товаровъ являются прямымъ слѣдствіемъ указаннаго выше отлива капиталовъ съ нашего рынка и возвращеніемъ къ намъ нашихъ процентныхъ бумагъ, что, въ свою очередь, есть прямое слѣдствіе тѣхъ протекціонныхъ началъ, которыя такъ сильно развились у насъ въ послѣдніе годы.

Возвращеніе на нашъ рынокъ процентныхъ бумагъ преимущественно въ кредитной валютѣ объясняется очень просто постояннымъ паденіемъ нашей валюты и умѣньшеніемъ дохода при переводѣ его на металлическую валюту. Заграничный капиталистъ считаетъ сумму своего дохода въ этой послѣдней и при пониженіи его, хотя бы незначительномъ, изъ опасенія большихъ потерь, обмѣниваетъ бумагу въ кредитной валютѣ на металлическую, вслѣдствіе чего первыя скопляются въ рукахъ банкировъ и, разумѣется, идутъ на нашъ рынокъ для уплаты разницы по международной торговлѣ, въ свою очередь вызывая пониженіе стоимости нашей валюты.

Смѣемъ также не согласиться съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ томъ же докладѣ, что «возвышеніе курса кредитнаго рубля можетъ быть плодотворно только тогда, когда оно совпадетъ съ возрастаніемъ народнаго благосостоянія и развитіемъ нашей отпускной торговли и когда сокращеніе суммы бумажныхъ денегъ безъ стѣсненія промышленности и торговли облегчитъ принятіе мѣръ, направленныхъ къ возстановленію металлическаго обращенія». Настоящій низкій курсъ нашей валюты увеличиваетъ не только финансовыя затрудненія правительства, но онъ производитъ замѣшательство во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ особенности при нынѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого онъ является положительнымъ тор-

мазомъ для развитія народнаго благосостоянія, и если для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля мы должны ждать развитія народнаго благосостоянія, то надо отложить всякую мысль о подобномъ возстановленіи. Мы, напротивъ, думаемъ, что необходимо во что бы то ни стало стремиться къ этому возстановленію и тѣмъ ввести Россію на тотъ путь, при которомъ только и можетъ развиваться народное благосостояніе; медленное же изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, система котораго принята министерствомъ, можетъ вовсе не вызвать той спасительной реакціи, которая необходима для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, и приведетъ только къ полному застою въ промышленности и торговлѣ, при которомъ даже и незначительное количество кредитныхъ билетовъ можетъ оказаться совершенно излишнимъ, такъ какъ количество денежныхъ знаковъ, необходимыхъ въ обращеніи, опредѣляется количествомъ оборотовъ и быстротою обмѣна. Осторожность, съ которою министерство финансовъ предполагаетъ идти къ возстановленію цѣнности кредитнаго рубля, можетъ привести къ такому положенію, что всѣ принесенныя жертвы для достиженія цѣли окажутся напрасными и мы принуждены будемъ идти къ девальваціи кредитнаго рубля. Между тѣмъ, быстрое повышеніе кредитной валюты прямо увеличило бы дѣйствительную стоимость государственныхъ доходовъ и не только освободило бы правительство отъ необходимости устанавливать новые налоги, но дозволило бы уменьшить старые...

Иллюстраціи къ „Запискамъ сумасшедшаго“ Н. В. Гоголя.

Изданіе Константина Шапиро.

Извѣстный петербургскій фотографъ г. Шапиро издалъ недавно «Иллюстраціи къ *Запискамъ сумасшедшаго* Н. В. Гоголя, снятыя съ московскаго артиста Андреева-Бурлака при исполненіи имъ роли Поприщина». До сихъ поръ мы видали множество иллюстрацій къ драматическимъ и не драматическимъ произведеніямъ; но всѣ иллюстраціи дѣлались художниками и, слѣдовательно, были созданіями фантазіи самого рисовальщика, вдохновленнаго содержаніемъ иллюстрируемаго произведенія или исполненіемъ его на сценѣ выдающимся актеромъ. Въ послѣднемъ случаѣ фантазіи и произволу художника простора меньше, и извѣстная часть творчества принадлежитъ артисту, но часть крайне неопредѣленная и непостоянная, стоящая въ необходимомъ подчиненіи субъективному впечатлѣнію иллюстратора. Существовавшіе давно уже и весьма распространенные фотографическіе портреты артистовъ въ костюмахъ изображаютъ только одинъ извѣстный моментъ роли, вѣрнѣе же сказать, изображаютъ единственно костюмъ, въ которомъ играна роль, позу и жестъ, которыхъ, быть можетъ, на сценѣ и не было и которые, ради картинности, впервые придуманы и приняты во время самой позировки для портрета. Все это, т.-е. иллюстраціи перомъ, карандашемъ или фотографіей, не имѣло серьезнаго значенія. Идея иллюстрацій г. Шапиро нова и оригинальна тѣмъ, что этими иллюстраціями при помощи фотографіи воспроизводится цѣлый рядъ положеній и движеній артиста въ данной роли, вся роль цѣликомъ въ ея выдающихся моментахъ и, притомъ, воспроизводится фотографически, т.-е. безъ участія посредника—художника. По такому альбому, разсматривающій его получаетъ возможность судить о степени талантливости исполненія роли, по крайней мѣрѣ, о внѣшности исполненія; кромѣ того, подобными альбомами можетъ быть увѣковѣчено исполненіе выдающимися артистами ихъ лучшихъ ролей, чего мы до сего

времени, къ сожалѣнію, не имѣли. Для насъ погибли Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Мочаловъ, Каратыгинъ и многіе, создавшіе по истинѣ неподражаемые, геніальные типы. Такую утрату мы только теперь понимаемъ вполнѣ, благодаря указанію г. Шапиро того, что бы мы могли имѣть, что имѣть было бы столь желательно и дорого для насъ и для будущихъ поколѣній. А утрата эта такого рода, что можетъ быть сравнена съ потерею какой-либо рѣчи геніальнаго оратора, повѣствователя или рапсода, которая не была бы записана съ его словъ, а воспроизведена впослѣдствіи въ перезсказѣ другаго лица. Какъ бы ни былъ талантливъ пересказчикъ, онъ, все-таки, не въ состояніи передать всѣхъ оттѣнковъ подлинника; онъ придастъ всему свои оттѣнки, свою окраску, и подлинникъ будетъ потерянъ, тогда какъ при дословномъ воспроизведеніи утратился бы только живой голосъ оратора или перваго повѣствователя. Такъ въ фотографическомъ воспроизведеніи роли, первый опытъ котораго сдѣлалъ г. Шапиро, тоже утрачивается лишь голосъ артиста, но сохраняется, по крайней мѣрѣ, внѣшняя часть исполненія имъ роли.

Недавно изобрѣтенная моментальная фотографія даетъ могущественныя средства артисту и фотографу. Она дастъ первому возможность не позировать, а играть, не обращая вниманія на то, что дѣлаетъ фотографъ, не стѣснялся ни однимъ жестомъ, не насилуя себя ни на секунду. Умѣлый фотографъ схватитъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ движеній и игры лица, и передъ публикою явится такое точное изображеніе, какое въ дѣйствительности проходило передъ глазами зрителя на сценѣ.

Такова прекрасная идея г. Шапиро; за нее нельзя не поблагодарить художника-фотографа, нельзя не пожелать ей дальнѣйшаго развитія и полнаго успѣха. Альбомъ съ «иллюстраціями къ «Запискамъ сумасшедшаго» представляетъ собою первый опытъ осуществленія этой идеи. Опытъ этотъ, несмотря на глубокое наше сочувствіе дѣлу и первымъ его исполнителямъ, мы не почитаемъ вполнѣ удачнымъ, начиная съ самаго сюжета иллюстрацій. Гоголь писалъ свои «Записки сумасшедшаго» не для сцены, и мы не видимъ никакой разумной причины переносить на сцену это произведеніе геніальнаго писателя, оставившаго для нея такую грандіозную вещь, какъ «Ревизоръ» или даже «Женитьбу». Если бы былъ иллюстрированъ фотографически «Ревизоръ», не весь, пожалуй, а двѣ или три роли, тогда первый опытъ былъ бы и первою заслугою; тогда какъ «Записки сумасшедшаго» ни по размѣрамъ своимъ, ни по содержанію не могутъ быть перенесены на сцену цѣликомъ. Брать же изъ нихъ произвольные отрывки значитъ искажать Гоголя, на что мы не признаемъ ни за кѣмъ права. У Гоголя мы видимъ послѣдовательное развитіе страшнаго душевнаго недуга, отъ первыхъ приступовъ неяснаго, неопредѣлившагося еще психоза до полной потери сознанія дѣйствительности. Въ проведеніи этой послѣдовательности, въ психически вѣрной передачѣ всего того, что переживаетъ больная, страдающая голова несчастнаго, заключается все достоинство произведенія Го-

голя. Превращеніе столоначальника Поприщина въ испанскаго короля Фердинанда VIII совершается не сразу, а является результатомъ всего предшествовавшаго, его развитіемъ. А это предшествовавшее есть цѣлая внутренняя драма. Поприщинъ является въ ней настоящимъ типомъ, тѣмъ типомъ, изъ котораго вырабатываются короли, пророки и боги пріютовъ для умалишенныхъ. На сценѣ все это выкинуто, пропало для зрителя: ему представляютъ *готовую* безумца, уже впавшаго въ дикій бредъ съ галлюцинаціями, доводящими его до бѣшенства. Типа нѣтъ ровно никакого, а есть только болѣе или менѣе похожее на дѣйствительность изображеніе нѣсколькихъ сценъ, произвольно выхваченныхъ изъ обыденной жизни любаго дома сумасшедшихъ. На что это кому нужно? Какой въ этомъ смыслъ? Развѣ только какъ этюдъ, чтобы показать публикѣ мастерство и силу артиста въ изображеніи очень трудной вещи? Но для этого едва ли предстояла необходимость выкраивать изъ Гоголя: слѣдовало подыскать иной этюдъ; лучше даже было бы, на нашъ взглядъ, взять болѣе тонкій этюдъ, менѣе грубый.

Въ видѣ предисловія къ альбому приложенъ отзывъ В. В. Стасова, извлеченный изъ газеты *Новости*. Въ немъ г. Стасовъ говоритъ, что, разсматривая альбомъ, «былъ сильно пораженъ талантливостью и правдивостью г. Андреева-Бурлака, котораго онъ никогда прежде не видалъ на сценѣ». Мы тоже не видали г. Андреева-Бурлака въ исполненіи имъ *роли* Поприщина и тѣмъ болѣе легкимъ для себя считаемъ высказать наше сужденіе собственно о фотографіяхъ, лежащихъ передъ нами. Впечатлѣніе, воспринятое со сцены, не будетъ сбивать нашего сужденія о томъ, что намъ представлено въ альбомѣ. И вотъ, имѣя передъ глазами только фотографіи, мы не раздѣляемъ восторженнаго мнѣнія г. Стасова. Что г. Андреевъ-Бурлакъ артистъ талантливый, мы знаемъ по многимъ, прекрасно исполненнымъ имъ ролямъ, но поразительной правдивости и, въ особенности, выдержанной правдивости въ исполненіи роли Поприщина (какъ оно передано фотографіей) мы не находимъ и вопросъ объ этомъ считаемъ весьма спорнымъ. Нѣкоторыя изъ фотографій, дѣйствительно, могутъ поразить безумнымъ выраженіемъ рта, глазъ, всего лица и даже отчасти фигуры: и такихъ, надо сказать правду, не мало. Но за то другія, именно почти всѣ тѣ, на которыхъ лицо смѣющееся, будучи вынуты изъ альбома и показаны безъ объясненія изображаемаго предмета, не произведутъ требуемаго впечатлѣнія. Больничная обстановка, съ дощечкою надъ кроватью и надписью на ней,—вотъ единственное указаніе на тѣхъ двухъ фотографіяхъ, напримѣръ, гдѣ Поприщинъ говоритъ, какъ онъ подписалъ поданную ему бумагу (№ 7 и 8); ни въ позѣ, ни въ выраженіи лица нѣтъ на нихъ ничего сумасшедшаго. Начиная со словъ: «Спасите меня! возьмите меня!» г. Андреевъ Бурлакъ ведетъ всю сцену, прыгая по кровати. На сценѣ это проходитъ, можетъ быть, очень быстро, но въ альбомѣ занимаетъ ровно третью его часть, девять листовъ, и производитъ впечатлѣніе дѣланности,

искусственности, въ ущербъ правдивости. Послѣдняя фотографія, изображающая заключительный моментъ: «А знаете ли, что у Алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?»—грѣшитъ, на нашъ взглядъ, тѣмъ, чѣмъ всѣ изображенія смѣха. На этой фотографіи, впрочемъ, смѣхъ вышелъ болѣе *глупымъ*, чѣмъ на другихъ. И тутъ опять возникаетъ вопросъ, правдиво ли изображеніе смѣха сумасшедшаго *глупымъ*? По нашему мнѣнію, по нашимъ наблюденіямъ надъ умалишенными, это невѣрно. Есть въ смѣхѣ сумасшедшаго свои особенности, крайне трудно уловимыя, есть своя тонкая черточка, отличающая этотъ смѣхъ отъ смѣха здороваго человѣка, но ни глупаго, ни идіотическаго выраженія мы никогда не замѣчали. Вообще, смѣхъ у сумасшедшихъ (не впавшихъ въ идіотизмъ) явленіе сравнительно рѣдкое; въ нихъ преобладаетъ серьезность, излишняя серьезность. Къ такому открытію, какъ нахожденіе шишки подъ носомъ у Алжирскаго бея, сдѣлавшій это открытіе умалишенный не можетъ относиться шуточно, и въ этомъ-то весь трагизмъ сумасшествія, что страдающій имъ съ утрированною важностью и серьезностью дѣлаетъ самыя странныя открытія. Онъ не шутитъ, не смѣется. А попробуйте вы отнестись съ улыбкою къ его сообщеніямъ объ этихъ открытіяхъ, вы рискуете навлечь на себя его неудовольствіе и всѣ послѣдствія таковаго.

Не вдаваясь въ болѣе подробный разборъ изображеній Поприщина въ передачѣ г. Андреева-Бурлака, мы считаемъ возможнымъ ограничиться сказаннымъ. На сценѣ многое скрадывается живымъ голосомъ, быстротою движеній, смѣною выраженій лица, переходами и т. п., и естественно можетъ и должно производить совершенно иные эффекты, чѣмъ на неподвижномъ и нѣмомъ фотографическомъ изображеніи.

Въ началѣ мы упомянули о моментальной фотографіи. Повидимому, для лежащихъ передъ нами снимковъ г. Шапиро не воспользовался ею, а воспроизводилъ ихъ обыкновеннымъ способомъ, что должно было крайне затруднять позирующаго артиста и послужить въ ущербъ дѣлу. Отдавая должную справедливость многократно доказанному превосходству мастерской г. Шапиро, мы находимъ, что «иллюстраціи къ «Запискамъ сумасшедшаго» оставляютъ желать лучшаго. Отсутствіе ретушовки, выставляемое на видъ издателемъ, какъ достоинство, можетъ быть и есть таковое въ техническомъ отношеніи, но въ данномъ случаѣ, какъ намъ кажется, послужило къ ущербу дѣла. Умѣлая ретушь ничего бы не испортила, а иное могла бы исправить, какъ, напримѣръ, на листѣ 13, гдѣ, вслѣдствіе отсутствія ретушовки, пропадаетъ вся нижняя часть лица, заслоненная рукою, вышедшею слишкомъ черно. Лакировку фотографій мы тоже считаемъ не достоинствомъ, а скорѣе ошибкою. Безъ нея, хотя и съ ретушовкою, изображенія вышли бы менѣе претенціозными, за то болѣе натуральными, а, главное, они не отражали бы, не отсвѣчивали бы, что портитъ впечатлѣніе, вынуждая разсматривающаго изыскивать такое положеніе, чтобы отсвѣты не мѣшали ему вглядѣться въ фотографію. Все это, конечно, легко поправимо, стоитъ

только сдѣлать одно — ретушировать и не дѣлать другаго — не лакировать, что бы мы и рекомендовали г. Шапиро въ убѣжденіи, что изданіе его можетъ лишь выиграть отъ этого.

Въ заключеніе выскажемъ наше горячее желаніе, чтобы г. Шапиро не ограничился этимъ первымъ опытомъ и чтобы нашелъ себѣ подражателей. выскажемъ надежду, что послѣдующія изданія этого рода иллюстрируютъ намъ уже дѣйтвительно сценическія произведенія Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, воспроизведутъ игру нашихъ даровитыхъ артистовъ и артистокъ въ Шекспирѣ, Мольерѣ, въ ихъ выдающихся роляхъ. Доброму началу—всѣ наши добрыя пожеланія.

Ан.

Маленькій отвѣтъ критику.

(По поводу новой замѣтки г. Слонимскаго).

Замѣтка *Pro domo sua*, помѣщенная мною въ XII книгѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ, вызвала со стороны критика моихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, г. Слонимскаго, отвѣтъ въ январской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1884 г. Въ этомъ отвѣтѣ есть вещи, касающіяся лично меня и касающіяся моей книги. Избѣгая личной полемики, я останавливаюсь въ новомъ своемъ возраженіи г. Слонимскому только на существѣ дѣла, т.-е. обхожу молчаніемъ тѣ обвиненія, которыя касаются лично меня, и говорю лишь о томъ, что относится прямо къ дѣлу.

Каждый авторъ, серьезно относящійся къ критикѣ, естественно стремится доискаться причины того или другаго возраженія: есть возраженія, объясняющіяся различіемъ точекъ зрѣнія автора и критика; есть возраженія, основанныя на недоразумѣніи; есть возраженія, проистекающія отъ недостаточно внимательнаго отношенія къ разбираемой книгѣ, и т. д. и т. д. Многія возраженія г. Слонимскаго на мои *Основные вопросы философіи исторіи*, по моему мнѣнію, относятся къ послѣдней категоріи, что я и старался поставить на видъ въ замѣткѣ *Pro domo sua*, отложивъ до другаго раза разборъ остальныхъ возраженій г. Слонимскаго въ связи съ разборомъ того, что будетъ сказано по поводу моихъ взглядовъ другими критиками. Новая «Замѣтка» г. Слонимскаго даетъ мнѣ поводъ представить нѣсколько объясненій вопроса, причемъ я воздерживаюсь отъ какого бы то ни было вывода относительно его критики вообще, за исключеніемъ одного: г. Слонимскій не разсматриваетъ по существу тѣхъ девяти пунктовъ, на которые распадается мой первый отвѣтъ ему. Теперь я ставлю новые пункты.

1) Мой критикъ и я даемъ различное опредѣленіе понятію *прогресса:* у него это понятіе вытекаетъ «изъ анализа всей совокупности историческихъ фактовъ», у меня—изъ идеи высшей, разумной (субъективно установленной)—цѣли исторіи. Г. Слонимскій въ своей статьѣ *Законы исторіи*

(В. Е. 1883. XI, 278) прямо говоритъ: «прогрессъ обнимаетъ не одни умственные, нравственные и соціальные успѣхи, но и многое другое; совершенствуется искусство повальнаго истребленія людей на войнѣ» и т. д. Это прямо стоитъ у г. Слонимскаго, а по «Замѣткѣ» выходитъ, будто я «вывожу» такое мнѣніе изъ разсмотрѣнія моимъ критикомъ «произвольности» моей теоріи прогресса. Но подобныхъ явленій я и не игнорирую въ своей книгѣ: о борьбѣ за существованіе, къ которой относится и истребленіе людей, у меня говорится много. Я различаю между понятіями *эволюціи*, т.-е. развитія, осуществляющаго равнодушно добро и зло, и *прогресса*, т.-е. развитія, ведущаго только къ добру. Г. Слонимскій говоритъ теперь, что «все дѣло сводится къ вопросу о названіи». Далеко нѣтъ: цѣлый большой отдѣлъ моей книги посвященъ «субъективнымъ элементамъ въ философіи исторіи», чтобы установить наше право *понимать* прогрессъ субъективно, а не объективно, какъ это дѣлаетъ г. Слонимскій. Различеніе названій есть логическій выводъ изъ этого отдѣла и имѣетъ существенное значеніе во всей книгѣ.

2) Г. Слонимскій еще разъ возстаетъ противъ моего взгляда на исторіософію, который, по словамъ его, «никуда не годится», такъ какъ я будто бы создаю исторіософію «рядомъ съ соціологіей и независимо отъ нея». Смѣю увѣрить, что дѣло у меня представлено иначе. Соціологіи я ставлю ограниченную задачу быть теоріей соціальной организаціи и ея эволюціи, но для занятія философіей исторіи этого мало: тутъ нужны еще и общефилософскія идеи, и методологическіе принципы, и данныя психологіи и т. д., совокупность чего *плюсъ* данныя соціологіи я и называю исторіософіей (*Основ. Вопр.* I, 109—111); слѣдовательно, по моей мысли исторіософія и соціологія существуютъ *не* рядомъ и первая—*не* независимо отъ второй, разъ соціологія входитъ въ составъ исторіософіи.

3) Что я «во второмъ томѣ опровергаю содержаніе перваго», г. Слонимскимъ, по моему мнѣнію, доказано не было. Воздерживаюсь отъ какого бы то ни было объясненія того, почему мой критикъ нашелъ «противоположныя мнѣнія, развиваемыя въ различныхъ мѣстахъ моего труда».

4) Въ статьѣ *Законы исторіи* г. Слонимскимъ сказано: «Картина историческаго хаоса, приведенная авторомъ, можетъ быть повторена буквально по отношенію ко всей вообще внѣшней природѣ» (263). Г. Слонимскому показалось тогда, что я явленія природы исключаю, но въ своемъ отвѣтѣ я указалъ, что дѣло у меня представленно именно такъ; теперь мой критикъ сводитъ вопросъ къ тому, что я не признаю будто бы «въ исторіи такихъ же законовъ, какъ и въ природѣ». Прошу въ *Основныхъ вопросахъ* прочесть слѣдующее: «Историческій процессъ отъ процесса природы не отличается; оба подчиняются внутренней необходимости управляющихъ ими законовъ» (I, 209). Въ сущности г. Слонимскій въ статьѣ *Законы исторіи* противъ меня выставилъ то же самое, что у меня самого есть. Въ шестомъ пунктѣ *Pro domo sua* я это только выставилъ на видъ.

5) Я сказалъ, что, по мнѣнію г. Слонимскаго, я запрещаю историкамъ оказывать помощь соціологамъ. Мой критикъ утверждаетъ, что этого не говорилъ. Въ такомъ случаѣ я не понимаю, въ какомъ же смыслѣ у него въ видѣ возраженія мнѣ написано слѣдующее: «Почему историкъ долженъ ждать указаній отъ соціолога, когда самъ можетъ снабдить его множествомъ историческихъ наблюденій, примѣровъ и выводовъ?... Философы-историки должны доставлять соціологамъ обобщенія... Соціологія должна получать часть своего матеріала отъ исторической науки... а по автору выходитъ наоборотъ» (*Законы исторіи*, 261). Къ чему вообще вся аргументація г. Слонимскаго на стр. 261 *Законовъ исторіи* въ защиту права историка дѣлать обобщенія, которыми могъ бы воспользоваться соціологъ, если бы ему не казалось, что я не позволяю историку дѣлать все это?

6) Г. Слонимскій, разбирая мой взглядъ на законы, находитъ, что я не понимаю ихъ условности, и аргументируетъ такъ: «ненаучно было бы утверждать, что извѣстныя формы государственнаго устройства возникаютъ въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ, независимо отъ условій, съ которыми онѣ неразрывно связаны» (*Зак. ист.*, 266). Съ той точки зрѣнія, которая мнѣ приписывается г. Слонимскимъ, дѣйствительно такъ должно было бы выходить, но въ пунктѣ седьмомъ своего отвѣта я показалъ, что мой критикъ не такъ меня понялъ, а теперь онъ утверждаетъ, что въ мое пониманіе законовъ онъ не вкладывалъ указаннаго смысла. Во всякомъ случаѣ г. Слонимскій приписывалъ мнѣ въ статьѣ *Законы исторіи* такое пониманіе законовъ, противъ котораго въ самой моей книгѣ кое-что сказано.

У г. Слонимскаго сказано противъ меня: «называть обычный естественный процессъ ненормальнымъ странно» (*Зак. ист.*, 277), и все это мѣсто въ его статьѣ основано на отождествленіи нормальнаго съ естественнымъ. Почему же теперь г. Слонимскій находитъ, что я не такъ передалъ его мысль, говоря, что для него нормальное и естественное синонимы? Не самъ ли критикъ мой говоритъ, что тутъ я долженъ былъ бы заняться анализомъ «условій и причинъ», вмѣсто «поисковъ за нормами и идеалами»?

8) По мнѣнію г. Слонимскаго, не одобрять войны, быть противъ замкнутости и враждебности націй и т. п. равносильно неодобренію землетрясеній, бурь и непогоды. Нѣтъ, разница есть, и у меня она выяснена, основанія ея показаны: бури и землетрясенія не отъ насъ зависятъ, а воевать или не воевать, замыкаться за китайской стѣной или стремиться къ общечеловѣческому сближенію отъ насъ зависитъ. Судъ возможенъ только надъ людскимъ поведеніемъ и его принципами.

9) Въ статьѣ *Законы исторіи* г. Слонимскій находитъ страннымъ, что я, теоретикъ прогресса, ставящій свой идеалъ въ благѣ личностей безъ всякаго минуса, обрекаю мелкія этнографическія группы на погибель. Опустивъ пожеланіе, которое при этомъ мною было высказано, г. Слонимскій усмотрѣлъ противорѣчіе между моимъ идеаломъ и моимъ приговоромъ. Те-

перь онъ объясняетъ, что опустилъ мое пожеланіе по его безцѣльности. Какой смыслъ оно имѣетъ, это другой вопросъ, но если-бы г. Слонимскій не опустилъ моей оговорки, то не нашелъ бы и противорѣчія, а въ этомъ-то и все дѣло *).

10) Я могъ бы распространиться еще о задачахъ *серьезной* критики и о пріемахъ научной полемики, но здѣсь пришлось бы вступить на путь личныхъ пререканій, отъ которыхъ я уклоняюсь. Замѣчу только, что я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи о задачахъ критики: критикъ долженъ всегда имѣть въ виду точку зрѣнія и терминологію автора и тщательно изучать разбираемое произведеніе во всѣхъ его подробностяхъ. Не думаю, чтобы г. Слонимскій сталъ спорить противъ этого принципіально: возможна ли основательная критика того, что недостаточно изучено?

Н. Карѣевъ.

*) Страннымъ мнѣ кажется вотъ еще что: г. Слонимскій говоритъ, что „безцѣльныя личныя пожеланія не имѣютъ смысла въ серьезномъ научномъ разсужденіи," а вмѣстѣ съ тѣмъ одобряетъ идеалы. Если пожеланіе соотвѣтствуетъ идеалу, вытекаетъ изъ него, есть ли ему мѣсто въ научномъ трудѣ? Съ другой стороны, для крайнихъ объективистовъ и идеалы имѣютъ ту же цѣну, что и безцѣльныя личныя пожеланія: законны ли идеалы въ наукѣ? Точка зрѣнія автора намъ неясна.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**

Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

ОПЕЧАТКИ

въ январской книгѣ 1884 г. въ переводѣ С. А. Юрьева «Макбетъ».

Страница.	*Строка.*	*Напеч.*	*Слѣд. читать.*
16	16 снизу	Нашъ долгъ главнѣйшій охранять,	Нашъ долгъ главнѣйшій охранять, король,
16	20	Которыя приличны лишь печали	Когда онѣ приличны лишь печали
4	19 снизу	!	:

Во всѣхъ магазинахъ учебныхъ пособій и дѣтскихъ игръ, а также въ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу

НОВЫЕ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

БѢЖИНЪ ЛУГЪ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ разсказу *И. С. Тургенева,* съ приложеніемъ портрета писателя-художника, краткой его біографіи и отрывка изъ разсказа «Бѣжинъ лугъ». **Цѣна 60 коп.**

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ стихотворенію *Н. А. Некрасова,* съ приложеніемъ портрета Н. А. Некрасова, краткой его біографіи и стихотворенія «Дядюшка Яковъ». **Цѣна 60 коп.**

За пересылку прилагается почтовая плата за одинъ фунтъ по разстоянію.

Картинки гравированы на камнѣ и отпечатаны красками въ 8 тоновъ, причемъ каждая картинка со всѣми къ ней приложеніями заключена въ изящную коробку.

Главный складъ у издателя А. А. Попова (Москва, уголъ Пименовской улицы и Щемиловки, домъ Мартыновой).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1884.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ Магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ—при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

'JPLICATE.

DUPLICATE.

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. МАЗЕПИНЦЫ. Гл. IV и V. *Продолженіе.*—**Н. И. Костомарова.** . 1
II. МОИ ВДОВЫ. Повѣсть.—**Н. Л.** 30
III. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.—Гл. VIII. *Продолженіе.*—**В. И. Семевскаго** . 70
IV. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Разсказъ **Джоржа Кэбля**. Переводъ съ англійскаго. 106
V. Э. ЛИТТРЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ. **Г. Каро**. Переводъ съ французскаго. Гл. II. *Продолженіе* 123
VI. «ТО ВЪ СВѢТЛУЮ БЕЗДНУ, ТО ВЪ ТЕМНУЮ БЕЗДНУ...» Стихотвореніе.—**Я. П. Полонскаго.** 149
VII. РЫБОЛОВНЫЯ АРТЕЛИ.—**Г. П. Сазонова** 150
VIII. ФИЛИНЪ. Романъ **Фридриха Шпильгагена.** Переводъ съ нѣмецкаго. Часть I, гл. XVI—XXII. *Продолженіе.* 171
IX. НАМУНА. Восточная повѣсть **Ал. де-Мюссе**. Переводъ **П. А. Козлова.** 236
X. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Гл. II. *Продолженіе.*—**В. Н. Григорьева.** 1
XI. НАУЧНАЯ ХРОНИКА 31
XII. САМАРСКІЕ ЧУВАШИ.—**И. Краснoперова.** 46
XIII. ВОЛОСТНОЕ И УѢЗДНОЕ УСТРОЙСТВО ПО ЗЕМСКИМЪ ПРОЕКТАМЪ.—**В. Ю. Скалона.** 53
XIV. БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскія книги.

«О свободѣ совѣсти». *В. Кипарисова.* 1884 90

Иностранныя книги.

«Среди льда и снѣга. Поиски экпедиціи «Жаннеты» и путешествіе на саняхъ черезъ Сибирь». *В. Гильдера.* (In Eis und Schnee. Die Aufsuchung der Jannete-Expedition und eine Schlittenfahrt durch Sibirien. *Von W. Gilder*).—«Критика современныхъ системъ морали». *А. Фуллье.* (Critique des systémes de morale contemporains *A. Fouillée.* Paris, 1883).—«Двѣ маски. Трагедія-комедія». *Поля де-Сень-Виктора.* (Les Deux Masques. Tragédie-comedie. *Paul de Saint-Victor.* Paris, 1883). —«Великія супруги». *Де-Лескюра.* (Les grandes épouses, études morales et portraits d'histoire intime. *De Lescure.* 1884) 106
XV. ПРАВОСЛАВІЕ НА ВОСТОКѢ.—**А. А. Майкова.** 125
XVI. ОПЕРА Г. ЧАЙКОВСКАГО «МАЗЕПА» НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ.—**А. Размадзе.** 152

Стр.
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 157
XVIII. КАРТИНА К. Е. МАКОВСКАГО «СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ».—N** . 188
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Судебное вѣдомство передъ судомъ *Московскихъ Вѣдомостей* 193
XX. Н. А. ИВАНОВЪ. Замѣтка.—Z. 219
Приложеніе: МАКБЕТЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Шекспира. Пер. **С. А. Юрьева** . . . . . 65—96
Объ открытіи дѣйствій общества попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ.

МАЗЕПИНЦЫ [1]).

IV.

Письмо вице-канцлера Шафирова изъ Константинополя.—Попытка Дмитрія Горленка примириться съ царемъ. — Его письма къ Скоропадскому. — Письмо Горленка къ Орлику, доставшееся въ руки Скоропадскому.—Родственники мазепинцевъ пишутъ, подъ угрозами себѣ смерти, письма къ нимъ въ Турцію.—Новое колебаніе турецкой политики.—Окончательное примиреніе Турціи съ Россіею.—Переписка Дмитрія Горленка съ кн. Голицынымъ и съ гетманомъ Скоропадскимъ. — Прибытіе Дмитрія Горленка и его товарищей въ Украину.—Отъѣздъ въ Москву. — Челобитная царю отъ возвратившихся малороссійскихъ эмигрантовъ.—Ихъ положеніе въ Москвѣ.

Сильнѣе всѣхъ доносовъ подѣйствовало на правительство письмо вице-канцлера Шафирова, посланное изъ Константинополя въ августѣ 1712 года. Шафировъ извѣщалъ, что малороссійскіе измѣнники возбуждаютъ турецкій дворъ противъ Россіи и они-то есть главная причина, мѣшающая установленію мира; они живутъ въ турецкихъ владѣніяхъ оттого, что получаютъ пособія изъ Украины. Шафировъ подавалъ совѣтъ заставить ихъ родственниковъ написать къ нимъ и послать черезъ нарочнаго письма, въ которыхъ побуждать, чтобъ они или возвратились на родину, или поселились бы гдѣ-нибудь вдали отъ русскихъ границъ и не производили бы смутъ, угрожая имъ, что если они такъ не поступятъ, то родню ихъ казнятъ смертію [2]).

Еще прежде чѣмъ успѣли по письму Шафирова сдѣлать распоряженіе о высылкѣ въ Москву малороссійскихъ семействъ съ цѣлію принудить ихъ писать письма къ своимъ роднымъ, пребывавшимъ въ турецкихъ владѣніяхъ, гетманъ Скоропадскій

[1]) *Русская Мысль*, кн. II.

[2]) Арх. Юст., малор., дѣла, № 120.

сталъ получать письма отъ одного изъ коноводовъ кружка мазепинцевъ, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, который рѣшился на этотъ шагъ послѣ того, какъ, пробывши всю зиму въ Константинополѣ, ничего не успѣлъ, и видѣлъ, что миръ съ Россіею заключается и малороссійскимъ изгнанникамъ мало остается надежды на помощь отъ Турціи. Онъ воротился въ Молдавію и оттуда написалъ Скоропадскому первое письмо, съ просьбою о ходатайствѣ за него предъ государемъ. Въ письмѣ своемъ Горленко старается выставить себя жертвою обмана и насилія и свое преступленіе называетъ невольнымъ прегрѣщеніемъ [1]). Во второмъ своемъ письмѣ къ Скоропадскому Горленко извѣщалъ, что ханъ крымскій хочетъ послать его въ правобережную Украину въ полки Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, въ край, который турки отдавали для водворенія козаковъ, уступая царю лѣвобережную Украину съ Кіевомъ. Горленко указывалъ, что для него это будетъ желаннымъ предлогомъ перейти на царскую сторону и обѣщалъ, при оставленіи турецкихъ владѣній, издать универсалъ къ народу, предостерегающій отъ признанія надъ собою бусурманской власти. Въ случаѣ, если бы не состоялось предположеніе о посылкѣ его въ Украину, онъ постарается пробраться чрезъ Польшу въ Украину, заручившись ассекураціею со стороны царской въ своей безопасности. Наконецъ, если даже царь не даруетъ ему прощенія, онъ, все-таки, не будетъ до конца своей жизни царскимъ врагомъ, хотя при этомъ и оговаривался, что, находясь въ рукахъ враговъ, онъ, противъ собственнаго своего желанія, долженъ будетъ исполнять

[1]) Арх. Юст., № 120. И счастливый той человѣкъ иже не соблазнился за лукавою того вождя малудукіею, а той еще нансчастливѣйшій и видимая благодать Божія принемъ, которого судбы Божія тои его слѣпого вождя нашого измѣны где инде отъ боку его на его царского пресвѣтлого величества службу воковали, бо певне всякъ на той часъ боку его присутсвующій подобнымъ же способомъ якъ мы в сіе невивилняне забралъ быси лабиринты и кого колвекъ бы з женою и з дѣтми в свою вражую уплутавъ сѣтку, трудно бы всякому было з оной выплутатися, що найбарзѣй справлю намъ неслушне чрезъ него привлащенное самодержавіе и власть незвычайная вишше мѣры ему надъ нами врученная; гды жъ если бы который колвекъ зъ насъ прозрѣвши въ немъ злохитрное ку богохранимому монархи своего маестатовѣ намѣреніе схотѣлъ вѣрность свою в перестереженю освѣдчити, то певноби тиранско пострадалъ смертію. Устрашалъ кождого з насъ прикладъ викований над покойными Кочубеемъ и Искрою за правду и вѣрность пострадавшими; то зась наигортая же онъ хитрецъ змершій вождъ нашъ престереженій зоставши з утѣчки нѣкоторихъ колвекъ нашихъ такъ насъ всѣхъ позосталихъ з жонами и дѣтми взялъ в клюби ижъ жодными мѣры отъ рукъ его избѣгти было невозможно: на всѣ поступки наши и на всѣ обороты не тилко полную мѣлъ анимадверсію, але всегда аки въ отхланѣ пекелнои ангели лукавими стрегоми бѣхомъ и въ той часъ от его неусыпной инспекціи свободихомся когда смертелнымъ сномъ очи его заслѣплены зостали.

ихъ приказанія, какъ прежде дѣлалось, потому что онъ не въ силахъ будетъ избавиться отъ крайности [1]).

Письма эти писаны были дѣйствительно въ крайности. Надежда на Турцію все болѣе и болѣе испарялась. Въ апрѣлѣ 1712 года заключенъ былъ турецкимъ правительствомъ съ Россіею миръ, который отнималъ у малороссіянъ возможность увидѣть всю свою Украину освобожденною отъ московской власти и предоставлялъ имъ въ будущемъ пріютъ только въ трехъ правобережныхъ полкахъ, о которыхъ писалъ Горленко Скоропадскому.

Но апрѣльскій мирный договоръ не завершилъ дѣла. Оно затянулось еще на годъ и малороссіяне опять стали гоняться за призракомъ освобожденія Украины съ помощію турокъ. Опять начали они обивать пороги дивана и пытаться возбуждать турокъ противъ москалей. По этому-то поводу написалъ Шафировъ

---

[1]) ...Ханъ 14 марта посылалъ мурзу ко мнѣ чтобы я постомъ прибылъ и за пріѣздомъ моимъ въ Килію обнадежилъ меня скоро по возвращеніи везиря своего изъ Стамбула, который тогожъ времени посланъ, отпустить меня совсѣмъ въ Украину въ Чигиринскій, Каневскій и Черкасскій полки до которыхъ что уже поляки неимѣютъ тѣмъ увѣрилъ крѣпко. И ежели та ихъ декларація мнѣ объявленная не солжется, то дай Боже, чтобъ я з женою и дѣтми моими вырвався къ Днѣпру могъ приближитися, тамъ буду всемилостивѣйшого государя его царского пресвѣтлого величества за почтеннымъ ходатайствомъ сіятельныхъ министровъ и вельможности вашей, моего давнего благодѣтеля, ассекураціи ожидати, которую если могу получити, то, отъѣзжая до милости монаршой, имѣю универсалами моими тое предъ народомъ тамъ будучимъ розголошати, хуля и уничтожая ихъ богомерскую и вѣрѣ нашей христіанской противную бусурманскую оборону и защищеніе, чтобъ нихто не дерзалъ на землѣ той, которая не дай Боже имѣла бы подъ бусурманскою властію быти, селитися и сноватися, не надѣясь на бусурманскую оборону и не уповая отъ нихъ себѣ добра и цѣлости, но чтобы люди тамошніи приходили подъвысоко державную руку православного монархи нашого... А че не дай Боже еслибъ я не имѣлъ милосердія монаршого еще совершенно получити (въ которого благоутробіе сумнѣватися не могу), то хотя бы мнѣ пришлось и подъ бусурманскою обороною вѣкъ кончати, то вельможности вашей объявляю душею христіанскою и Христа распятого во свидѣтелство ставлю, что какъ съ начала тои проклятои измѣны Мазепиной не былъ я врагомъ государю нашему, и до кончины живота моего никогда не буду и умирати съ вѣрностію моєю праведному монарху всеусердно желаю. А что сія сторона мнѣ розказываетъ и до какихъ ни есть посылокъ употребляла и употреблять имѣетъ, по неволѣ чинить принужденъ буду, ибо чѣмъ бы того избыть въ ихъ рукахъ живучи и способовъ изыскати не могу... А еже ли буду годнымъ милости Божіей подлинную амнистію всѣмъ винамъ моимъ зи милосердія монаршого получу, а бусурманская солжется декларація, что не отправятъ меня въ полки назначенные, тогда принужденъ буду до часу Орлика держатися и съ нимъ купно старатися, чтобъ я могъ какимъ ни есть способомъ з сеи земли жену мою и дѣтей выпроводити, хотя в державу лядскую, а какъ мнѣ зъ державы лядской къ дому пріѣхати, о томъ всемъ секретного наставленія и показанія способу вельможности вашои покорно для Христа распятого прошу, ибо подъ пресвѣтлымъ монархомъ моимъ подъ которымъ родился и умирать желаю.

въ цидулѣ проспть не показывать никому ни подателю писма сего. (Арх. Юст., № 120).

вышесказанное письмо, совѣтуя употребить въ дѣло родню эмигрантовъ. Еще прежде полученія въ Россіи донесенія Шафирова, но, какъ предполагать можно, уже по полученіи Горленковыхъ писемъ, гетману попался въ руки документъ, изъ котораго Скоропадскій могъ ясно заключить, что увѣренія Горленка въ преданности царю и готовности служить ему съ вѣрностію не заслуживаютъ довѣрія. Попалось гетману письмо Горленка къ Орлику, доставленное нѣкіимъ переволочанскимъ козакомъ Ковальчукомъ, которому передалъ его по секрету Костя Гордѣенко, пріѣзжавшій изъ Бендеръ въ Сѣчу. Скоропадскому это письмо досталось въ маѣ, а было оно писано Горленкомъ Орлику немного ранѣе письма, посланнаго Горленкомъ Скоропадскому, которое мы привели выше. Изъ письма Горленка къ Орлику [1]) видно, что тогдашній визирь турецкій, склонный къ примиренію съ Россіею, еще манилъ малороссійскихъ эмигрантовъ пустыми надеждами, а Горленко, все еще принимая за чистую монету визирскія увѣренія, убѣждалъ Орлика ходатайствовать у крым-

---

[1]) Письмо Горленка къ Орлику изъ Стамбула 27 февр. 1712 г.

Ясневельможный милостивый господине гетмане нашъ зѣло милостивый господине и благодѣтелю!... 20 февраля настоящаго писали мы чрезъ его милость господина Босбрягу Капичи-башу вторицею в дѣлѣ нашемъ ѣдучого до наияснѣйшаго хана его милости листъ нашъ до вельможности вашей, объявляя, что о Кіевѣ написалъ до самого пресвѣтлѣйшаго салтанова величества, челобитную (также написалемъ какъ и листъ къ хану его милости писали мы) отдали до рукъ наияснѣшого везиря его милости, отъ котораго при поданіи челобитной отвѣтъ получили: мы де всѣ дѣла с Москвою кончили, толко в субботу имѣли мы о Украинѣ разговоры; уже Москва цѣлую Украину уступаетъ, только проситъ насъ объ одномъ Кіевѣ, того для мы потомъ намыслилися было (еслибы инако обойтись не мочно) не стояти за Кіевъ, а теперъ выразумѣвши якъ Украинѣ Кіевъ есть потребенъ, будемъ стараться, чтобъ и Кіевъ при васъ былъ, о чемъ за нѣсколько дней какъ постановится будете отъ насъ имѣть извѣщеніе, котораго до сего времени не имѣли мы, понеже о томъ послано до нынѣшняго хана его милости господина Багри-агу Капичи-башу, требуя отвѣта какъ бы с Кіевомъ поступити. Пишемъ къ вельможности вашей и покорно просимъ: изволте самъ какъ наискорѣе до наияснѣйшаго хана его милости ѣхати и прилѣжнымъ своимъ прошеніемъ къ тому его милость склонити, чтобъ склонянъ тутъ за Кіевъ стояти, понеже тутъ какъ видимъ мы всего нашего дѣла совершенство на его совѣтѣ выведется, и если оттуду сюды отвѣтъ о уступленю Кіева принесенъ будетъ, то тутъ оную с радостію примутъ. Для того тамъ бодро належитъ вельможности вашей старатися, чтобъ нихто со стороны нашей не далъ себѣ слышати о уступленю Кіева, ибо тутъ розные бываютъ на насъ искушенія, но мы пристойную сохраняемъ осторожность. Пространно о семъ для подлинныхъ оказій не дерзаемъ писати, токмо покорно просимъ: изволте вельможность ваша какъ наискорѣе всякими способами, пока Багри-ага оттуда сюда возвратится, о Кіевѣ старатися, ибо здесь по тѣхъ мѣстъ трактаты не скончаются, поки отъ его ханской милости не будетъ вѣдомости о томъ.

Копію съ листа писаннаго нами до хана его милости чрезъ его милость господина диванъ-эффенди про запасъ и нынѣ посылаемъ до вельможности вашей, а насъ самыхъ съ вѣрными около общаго добра услугами господской его милости на всегда вручаемъ. (Арх. Юст.).

скаго хана о содѣйствіи къ удержанію Кіева за козаками. Это дѣлалось за какой-нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ до обращенія того же Горленка къ Скоропадскому. Понятно, что письма Горленка, посылаемыя въ Россію, не удостоивались отвѣта.

Семейства, на которыхъ указывалъ Шафировъ въ своихъ донесеніяхъ, уже ранѣе были привезены въ Москву и послѣ сообщенія, доставленнаго Шафировымъ, подвергнуты были стѣсненіямъ и угрозамъ. Ихъ принудили писать къ своимъ родственникамъ, находившимся въ турецкихъ владѣніяхъ, что если они не перестанутъ возбуждать турокъ противъ россійскаго царя, то за это ихъ родственниковъ, остающихся подъ царскою державою, казнятъ смертію. Бутовичъ и Максимовичъ написали къ своимъ братьямъ [1]), двѣ женщины, жены братьевъ Герциковъ,—къ своимъ мужьямъ [2]); мать Ѳедора Мировича съ оставшимися при

[1]) Бутовичъ къ брату: Я до васъ, брате мой пане брате, пишу. Когда Господа Бога въ сердцѣ маешъ, вспамятай—но принаймнѣй на матку, которая тебе родила, за тебе единого должна неволю терпѣти и за малымъ смертью в тои неволѣ в Глуховѣ не постраждала, также и я ажъ до сего часу въ царствующемъ градѣ Москвѣ за тебе, брате, въ неволѣ стражду. Вѣдаешъ ты тое же тамъ ты отнюдь непотребный: ты неспобный а нѣ до войны, а нѣ до рады якои. Вспоминай же на указъ государственный, що въ немъ выражено: же за тебе единого, ежели не возвратишися до стороны государевои, то всѣ мы сродственники будемъ безъ жадного милосердія смертію казнены. Теды прошу со слезами: будь яко сынъ матцѣ, да не погибнетъ за тебе смертью, а менѣ не будь братоубійцею. Ежели сумнѣватимешся возвратитися ку сторонѣ государевои, то прошу тебе, брате, удалившися въ страны волоскіе албо мультанскіе, сиди тамъ щобъ тебе нѣ сычъ нѣ сова не знали. Зичливый братъ и вязень Иванъ Артамоновичъ Бутовичъ.

Въ письмѣ Максимовича къ брату такого же содержанія: ...Яви любовъ свою ко мнѣ брату своему, оставь свое намѣреніе, не будь самоволнымъ братнимъ убійцемъ, игды ужъ и такъ пройшло заданное желѣзо душу мою; а на остатокъ ежели тово не престанешъ, лечъ еще болше забавишся, въ своемъ передсвятю, то Богъ на тебѣ позыщетъ моеи невинной напрасной смерти и неповинно в молодомъ вѣку моемъ мечнаго постеня. Вашъ-мости, зичливый братъ Стефанъ Максимовичъ.

[2]) Милые малжонки наши Григоріе и Иване! По указу пресвѣтлѣйшаго монарха нашого его царскаго величества запроважены мы въ царствующій градъ Москву, но безвинно, за ваше преступленіе противъ царскаго величества, и подъ жестокимъ карауломъ зостаемъ сковани, зачимъ по его жъ государеву указу пишемъ до васъ бѣдницы. Аще имѣете любви своеи малженскои хотъ маленко ку намъ, то пощадѣте насъ и дѣтей своихъ и сами возвратитеся яко заблудшіе сыны къ первому его царскаго величества любимаго отца достоянію, а онъ, видѣвше ваше смиреніе, несумнительно, яко евангельскій отецъ, любезно воспріиметъ вы. Аще же ожесточенное сердце ваше о насъ не умилится, то мы за ваше преступленіе смертную безъ милости отъ его царскаго величества понесемъ казнь. А ежели нужды какія ради, отъ противныхъ вамъ нанесенныя, не можете возвратитися, то принаймнѣй не прилучайтесь до ихъ совѣтовъ, противныхъ его царскому величеству, также и мѣсце собѣ близко границъ царскаго величества не старайтесь имѣти, но оподаль либо в волоской землѣ либо в мультанской либо где индѣ, для полегкости намъ сидючимъ у вязеню бо ежели будете поблизу мешкаве имѣти, то народъ вамп смущатиметься зъ чого болшій гнѣвъ и крайнюю бѣду на насъ и на себе отъ царскаго величества немилость пріобрѣтете. А що мы слезне зъ любви нашой малженской къ вамъ просимъ и себе сохранѣте и насъ вѣчне зъ дѣтками не погубѣте.

ней сыновьями, въ своемъ письмѣ къ сыну-эмигранту, вспоминаетъ о вѣрной службѣ его родителя, скончавшаго жизнь свою въ плѣну у тѣхъ враговъ, къ которымъ онъ, сынъ его, теперь присталъ, извѣщаетъ, что ее взяли подъ караулъ и держатъ съ дѣтьми въ неволѣ, послѣ того, какъ узнали, что онъ, ея сынъ, появлялся въ польскихъ владѣніяхъ съ Быстрицкимъ и полякомъ Грудзинскимъ. Мать умоляла его не губить родной матери и своихъ братьевъ, но возвратиться къ прежней покорности своему государю или, по крайней мѣрѣ, отдалиться и не вмѣшиваться въ политическія дѣла, наносящія ущербъ царю [1]).

но паче до прежней царскаго величества любви и милостиваго прощенія за преступленія ваши наклоняйтеся, которому васъ и насъ самихъ вручаемъ и зостаемъ ваши всего добра зичливые малжонки.

Анастасія Громиковна Герцикова,
Агриппина Левенцовна Герцикова.
(Арх. Юст., № 120).

[1]) Письмо Мировичевой къ сыну.

Отдаленный отъ моего материнскаго благословенія сыну Ѳеодоре Мировичу, царскій же преступниче!

Приказалъ намъ его величество всѣмъ сидячимъ за карауломъ и скованнымъ здесь на Москвѣ: же бысьмо писали до васъ упамятаючи и приводячи вамъ на памъять грѣхъ вашъ и преступленіе, противное ему монарсѣ нашому, за що тожмо, аще кающеся зъ повинною до его монаршого простительного милосердія прибѣгнете, безъ вонтпеня получите милостивную в животѣ своемъ свободу. Въ томъ тебе, сыну мой возлюбленный (аще и недостоинъ нарещи тя), матерински молю з сынами а братами твоими: вспомяни на первобытную отца твоего до его царскаго величества вѣрность, на которой васъ ради потомства своего и цѣлаго дому житіе свое скончалъ отъ стѣсненя того, которому теперь приключился еси, заслуговуючи вамъ на потомныи часы милость монархи своего, якую ты преступленіемъ предъ лицемъ монаршимъ царскаго величества вѣчной памяти отдалесь и вмѣсто милости монаршой и благодаренія за явленную отцомъ вашимъ кровію и ранами своими заслуженную вѣрность, твоего ради преступленія, отъ царскаго величества воспріемлешъ казнь, аки въ разбойничествѣ и злодѣяніи якомъ. Аще на персвазію мою материнскую не возвратишися до первого вѣрности своеи познанія, молю тя слезне подъ неблагословеніемъ моимъ материнскимъ принаймнѣй в дѣла тамошніе противные царскому величеству не втручатися и помѣшканя себѣ близь границѣ царскаго величества избирати нехоти, толко в одлеглости якои любъ волоско и любъ в молтанской границѣ любъ якои иннои далекости же бысь еси своимъ непостоянствомъ кривѣ моеи материнской и братерской не пролилъ, яко-сь и прошлого лѣта явилесь въ Полщѣ з Быстрицкимъ и зъ полякомъ Грузѣнскимъ и з запорожцами, за яное твое преступленіе за всѣми дѣтми моими з братами твоими взятамъ за караулъ и теперъ терплю тяжкое вязенье зо всѣми дѣтками моими. Затѣмъ яви улѣтоване надо мною маткою и братами твоими, ухилися отъ тои противнои стороны, а коли того не учинишъ, то безъ милосердія и безъ всякого пощадѣнія смертію будемъ казнены. Которое мое материнское листовное выражене совѣтую исполнити, Божію и монаршую милость, а мое материнское благословеніе получити желаю, всего добразичливая матка з братами твоими.

Пелагія Сологубовна Мировичевая. Семенъ, Василь, Яковъ, Димитрій и Іоаннъ Мировичи.

А ежели паки ты в сторону царскаго величества возвратишися, то будешъ дарованъ животомъ.

Декабря 2. 1712. року.
(Арх. Юст., № 120).

О томъ, что высочайшій указъ былъ объявленъ всѣмъ привезеннымъ въ Москву родственникамъ мазепинцевъ, скрывавшихся въ Турціи, сообщено было русскому посольству въ Константинополь 20 октября 1712 года, а письма ихъ къ роднымъ въ Турціи подписаны вторымъ числомъ декабря того же года. Они были отправлены съ курьеромъ по назначенію, но не достигли своей цѣли. Съ Турціей у Россіи опять возникалъ разрывъ; царское посольство заключено было въ Едикулъ. Опять турки заговорили объ оторваніи Украины отъ Московской державы. Опять, казалось, оживали надежды мазепинцевъ. Но на этотъ разъ обольщеніе было недолговременно. Колебаніе турецкой политики подъ враждебными другъ другу вліяніями, съ одной стороны, пословъ англійскаго, голландскаго и русскаго, съ другой—шведскаго и французскаго, улеглось не далѣе какъ лѣтомъ 1713 года. Подтверждено было прежде постановленное перемиріе съ россійскимъ царемъ на двадцать пять лѣтъ. Тутъ малороссіяне увидали, что нѣтъ имъ болѣе надежды—и оставаться въ Турціи безполезно. Уже признанный ими протекторъ Карлъ XII собирался уходить изъ султанскихъ владѣній: турки прогоняли его изъ своего края. Немногіе изъ мазепинцевъ готовы были слѣдовать за нимъ, но другіе хватились за попытки примириться съ царемъ и испросить себѣ отъ государя прощеніе. Они обратились къ іерусалимскому патріарху и упрашивали его ходатайствовать за нихъ передъ царскимъ посольствомъ. 14 августа 1713 года, Шафировъ извѣстилъ царя, что іерусалимскій патріархъ ходатайствовалъ за малороссіянъ, по просьбѣ бывшаго прилуцкаго полковника Горленка, писаря Максимовича и булавничаго (вѣроятно, такъ передѣлали чинъ генеральнаго бунчужнаго) Мировича, чтобы подканцлеръ далъ царскимъ именемъ удостовѣреніе, что они будутъ приняты въ отечествѣ и оставлены цѣлыми и невредимыми въ здоровьѣ и имуществѣ. Подканцлеръ, уже имѣвшій отъ государя наставленіе, какъ ему поступать въ подобномъ случаѣ, отвѣчалъ патріарху, что если эти виновные царскіе подданные возвратятся, то не будетъ никакой напасти ихъ здоровью и жизни, и получатъ они прощеніе за всѣ свои прежнія вины, но возвращенія ихъ прежнихъ маетностей онъ не можетъ обѣщать, потому что послѣ ихъ измѣны большая часть этихъ маетностей была роздана другимъ лицамъ, оставшимся всегда вѣрными царю. Современемъ, однако, могутъ быть пожалованы имъ кое-какія изъ отобранныхъ маетностей, если въ теченіе извѣстнаго времени они покажутъ

свою вѣрность. Послѣ того Шафировъ, по условію, постановленному съ кіевскимъ губернаторомъ, послалъ патріарху тридцать какихъ-то знаковъ съ цифрами и съ словами: «сему изволь вѣрить!» Эти знаки могли малороссіяне, возвращаясь въ отечество, представить кіевскому губернатору для своей безопасности. Въ то же время подканцлеръ сообщилъ объ этомъ кіевскому губернатору и фельдмаршалу Шереметеву и извѣстилъ о томъ царя, котораго просилъ отъ себя послать приказаніе этимъ сановникамъ принимать малороссіянъ, являющихся со знаками. Посылая знаки патріарху, подканцлеръ извѣщалъ, что кто явится съ этими условными знаками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ милостивомъ пріемѣ, «дабы то вѣдая всѣ возвратились безъ сумнѣнія и безъ опасенія кары за свои преступленія». Патріархъ, получивши знаки, отвѣчалъ, что, когда время позоветъ, онъ раздастъ ихъ знатнымъ особамъ, «а подлые и такъ идутъ».

Царь отвѣчалъ на извѣщеніе Шафирова, что уже посланы указы кн. Голицыну и фельдмаршалу Шереметеву принимать знатныхъ особъ изъ измѣнниковъ козаковъ со знаками отъ посольства, а простыхъ, когда придутъ изъ чужой земли въ Украину, принимать и безъ всякихъ знаковъ [1]).

Съ тѣхъ поръ до апрѣля 1714 года мы не встрѣтили сношеній съ эмигрантами. Весною 1714 года кіевскій губернаторъ получилъ изъ Яссъ письмо отъ Дмитрія Горленка и Максимовича съ приложеніемъ секретной информаціи, гдѣ были изложены желанія, съ которыми эмигранты возвращались. Въ письмѣ была просьба къ кіевскому губернатору о ходатайствѣ передъ царемъ за раскаявшихся и возвращавшихся преступниковъ [2]). Информаціи мы не нашли при письмѣ Горленка. Шафировъ и Толстой, завѣдывавшіе русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ, дали всѣмъ вообще малороссіянамъ, остававшимся въ турецкихъ владѣніяхъ, удостовѣреніе (ассекурацію) отъ имени государя, что всѣмъ имъ безъ изъятія, въ какомъ бы тяжкомъ преступ-

[1]) Арх. Юстиц., малор. дѣла, № 120.

[2]) Изъ письма Горленка къ кн. Голицыну:

....теперъ зась когда головы неспокойніе передсявзяте свое преломили, отверзаетъ намъ двери ходатай нашъ вашему сіятелству свѣдомый благоутробія вашей княжей милости присного моего патрона и древняго благодѣтеля, которому чрезъ сію мою подлую карту доземне челомъ упадаючи, всепокорственно прошу дабы ваше сіятелство, з натуралной своей доброты и милости, поважную и многомощную свою до всемилостивѣйшаго монархи его царскаго величества внести инстанцію и отческаго своего приложити старанія, же бытѣ наши прегрѣшенія в онъ же насъ злоба вождя нашого впровадила во всемъ простити и до прежней принити ласки подъ высокодержавную и богохранимую свою руку по прежней своей милости изволилъ для

леніи кто-нибудь изъ нихъ ни обвинялся, даруется полная амнистія и обѣщается не только безопасность жизни, но и свобода отъ всякой укоризны.

Въ мартѣ 1714 года толпами приходили въ Украину городовые козаки и запорожцы, возвращающіеся изъ Турціи. Однихъ запорожцевъ пришло 555. Главные измѣнники—Горленко съ товарищами старшинами—все еще добивались особой царской ассекураціи: выданная Шафировымъ съ его подписью казалась имъ недостаточною.

Прибывавшихъ въ отечество изгнанниковъ водворяли въ сѣверныхъ предѣлахъ Гетманщины, по рубежу съ Московскимъ государствомъ, вблизи Конотопа и Глухова, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, что оттуда труднѣе будетъ уйти снова, если бы кому захотѣлось [1]). Только въ концѣ лѣта прибыли въ Гетманщину Дмитрій Горленко, Максимовичъ, зять Горленка, двое Ломиковскихъ: Илья и Михаилъ, Максимъ Самойловичъ, Антонъ Антоновичъ. Они явились въ Кіевѣ къ губернатору, и князь Голицынъ сообщилъ имъ, что по царской волѣ они должны будутъ пребывать въ Москвѣ; впрочемъ, дозволялось имъ остаться нѣкоторое время въ Украинѣ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Горленко захватилъ съ собою изъ Турціи гетманскіе клейноты, переданные ему Орликомъ, и отдалъ ихъ Скоропадскому. Максимовичъ, состоявшій въ званіи писаря, отдалъ свою печать. О Горленкѣ мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ, по возвращеніи своемъ изъ турецкихъ владѣній, пробылъ въ Гетманщинѣ до лѣта 1715 года, посѣтилъ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ былъ іеромонахомъ сынъ его Пахомій, пожертвовалъ въ пользу обители тысячу злотыхъ на поминъ души своей послѣ своей смерти и усѣлся было въ Прилукахъ, всячески оттягивая время своей поѣздки въ Москву, тогда какъ гетманъ Скоропадскій, по приказанію верховнаго правительства, торопилъ его ѣхать въ столицу. Въ отсутствіи Горленка Скоропадскій, по царскому соизволенію, раздавалъ бывшія горленковы маетности

дохованя нашей подданской до кончины живота нашего вѣрности. И что намъ потребно есть, о томъ вашей княжей милости изъ информаціи секретной при семъ включенной извѣстно будетъ, въ которой информаціи выраженныя прошенія благоволи ваша княжеская милость повагою своею исполнити. Сердечне супликую и призрительной мя его же давней ласцѣ и милосердію навсегда вручаю яко есмь

вашей княжеской милости патрона моего и благодѣтеля всеизящнѣйшаго уставичный слуга и наиниссій подножокъ

Дмитрій Горленко.

З Ясъ. Апрѣля 18, 1714. року (ibid).

[1]) Судьенко. Матер. II, 227.

разнымъ лицамъ, не оставляя при этомъ и себѣ получить малую толику; поэтому Скоропадскому не мило было встрѣчаться съ бывшимъ изгнанникомъ, и онъ искренно желалъ, чтобъ и Горленко, и всѣ ему подобные скорѣе убрались изъ Гетманщины. Горленко уклонялся отъ поѣздки то подъ предлогомъ разныхъ домашнихъ дѣлъ, то, наконецъ, по болѣзни. Онъ потребовалъ слѣдовавшихъ ему прежде, по званію прилуцкаго полковника, арендныхъ денегъ съ шинковъ. Скоропадскій по этому поводу писалъ къ нему, что сдѣлать этого скоро нельзя, но обѣщалъ произвесть розыскъ. Горленко въ это время былъ также занятъ двумя родственными спорами объ имуществѣ. Первый споръ былъ съ сестрою, дочерью матери Горленка, Евфросиніи, бывшей прежде первый разъ за мужемъ за Раковичемъ и имѣвшей дочь отъ этого брака. Дочь эта по смерти матери хотѣла захватить въ свои руки все оставшееся послѣ нея имѣніе, устранивъ отъ наслѣдства дѣтей своей матери отъ втораго брака съ Лазаремъ Горленкомъ. Другой споръ былъ съ племянникомъ Якимомъ Горленкомъ. Послѣдній претендовалъ, что, по смерти дѣда, Лазаря Горленка, родитель его не получилъ слѣдуемой ему наслѣдственной части. Дмитрій Горленко оба эти спора кончилъ взаимнымъ соглашеніемъ. Уже наступила весна 1715 года. Дмитрій Горленко продолжалъ сидѣть въ Прилукахъ, отговариваясь болѣзнію. Скоропадскій посылалъ къ нему гонцовъ за гонцами, письма за письмами, убѣждалъ ѣхать скорѣе въ Москву, чтобъ иначе не навлечь на себя царскаго гнѣва, тѣмъ болѣе, что уже прочіе товарищи его изгнанія, воротившіеся подъ царскую державу, уже уѣхали въ Москву [1]). Наконецъ, уже не ранѣе іюня, Горленко двинулся въ невольную дорогу вслѣдъ за своими товарищами. Въ Москвѣ объявили отъ имени государя возвратившимся изъ

---

[1]) Третье письмо Скоропадскаго къ Горленку.

Мой ласкавый пріятелю пане Горленку!

Поневажъ превосходительный его милость господинъ Ѳедоръ Ивановичъ Протасьевъ при боку нашемъ резидуючій кучитъ намъ о скорой вашъ-мостиной къ Москвѣ выправѣ а и повторный царскаго пресвѣтлаго величества указъ, о якомъ и вашъ-мость вѣдаешъ, повелѣваетъ немедленно вашмости ехать до Москвы, куда уже панъ Максимовичъ и прочіе з вашмостю прибывшіе выправлены. Теды мы первое наше листовное предложеніе потвержаючи, жадаемъ вашъ-мости, если хоча и мало въ своемъ здоровю чуешъ сили, належите прибравшися въ тую дорогу прибувалъ до насъ въ Глуховъ, о чемъ полецилисмо обширнѣй пану Тарновскому вашмости предложити. При семъ зичимъ вашмости доброго здоровя, з Глухова мая 23, року 1715.

Вашмости зичливый пріятель Іоаннъ Скоропадскій гетманъ. (Переписка Дмитрія Горленка съ Скоропадскимъ. Изъ фамильныхъ бумагъ, сообщенныхъ однимъ изъ потомковъ Дмитрія Горленка, Василіемъ Петровичемъ Горленкомъ).

изгнанія малороссіянамъ, что всѣ ихъ преступленія прощаются, но они должны жить безвыѣздно въ Москвѣ и не ѣздить болѣе въ Украину. Такимъ образомъ желанное и такъ щедро обѣщанное имъ царское прощеніе оказалось на дѣлѣ призрачнымъ благополучіемъ, особенно, когда у нихъ отобраны были маетности и на возвращеніе какихъ-нибудь частицъ отъ нихъ, въ видѣ милости, оставлялась слабая надежда. Воротившись изъ чужой земли, имъ пришлось, все-таки, жить не въ своей землѣ, не посреди своего народа, не на мѣстахъ, знакомыхъ издѣтства, а въ Московщинѣ, которую въ тѣ времена не любили малороссіяне, даже такіе, которыхъ вѣрность къ престолу всегда была безукоризненна. Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ того же 1715 года, Горленко отъ имени своего и другихъ товарищей подалъ благодарственную челобитную, составленную въ самомъ униженномъ тонѣ и подписанную шестью лицами. Челобитчики называютъ себя извергами, поношеніемъ человѣковъ, прахомъ и пепломъ. Они просили постоянной выдачи опредѣленныхъ имъ кормовыхъ суточныхъ денегъ [1]).

Трудно было отказывать имъ послѣ того, какъ у нихъ отобрали ихъ маетности. Прежде сосланнымъ въ Москву изъ Украины малороссіянамъ выдавались суточныя въ различномъ размѣрѣ.

---

[1]) Мы, изверги, поношеніе человѣковъ и уничиженіе и покиваніе главы въ людехъ ниже достойны нарещися рабы вашего царскаго величества, кое благодарствіе принесемъ своему владыцѣ и благодателю, ими побѣдными вѣнцы увѣичаемъ побѣдоносные стопы государя своего за сію неизреченную и неисчетную намѣстнику и помазаннику Божію свойственную милость, что ваше царское священнѣйшее величество, образъ Божій на себѣ носящъ, послѣдовательнымъ Божію милосердію прикладомъ насъ грѣшниковъ почаящихся приняти и житіемъ и здравіемъ неповредимымъ пожаловати благоизволилъ. Точію самого Бога истиннаго всѣхъ благъ подателя молебствуемъ и молебствовати до кончины живота нашего не престанемъ да сей возблагодаритъ вашему царскому величеству счастливымъ всѣхъ вашихъ намѣреній окончаніемъ. А сами мы, припадше предъ праведнѣйшимъ маестатомъ вашего царскаго величества до лица земли, горючими слезами нашими омочаемъ побѣдоносные стопы ваши монаршескіе государя своего всемилостивѣйшаго, молящеся смиренно: благоволѣте, государь всемилостивѣйшій, тое житіе и здравіе наше, которыми насъ ваше царское величество изволили пожаловати препитати, повся лѣта кормовое давать жалованье, ибо безъ сего зде въ Москвѣ пребывающе иного житія нашего препитаніе имѣти невозможно, токмо донеле же указъ премощный вашего царскаго величества, о сіе наипаче милосердіе и милость монаршескую падши до лица земли сторицею челомъ бьемъ. Вашему царскому священнѣйшему величеству государю своему всемилостивѣйшему подножки ногъ побѣдоносныхъ прахъ и пепелъ.

Дмитрій Горленко.
Иванъ Максимовичъ.
Илія Ломиковскій.
Михаилъ Ломиковскій.
Максимъ Самойловичъ.
Антонъ Антоновичъ.
Григорій (фамильное прозвище въ подлинникѣ вырвано). (Арх. Юст., № 120).
Сентября 18 въ Москвѣ.

Въ 1712 году присланные въ Москву «колодники» Кандыба съ товарищами въ числѣ восьми человѣкъ подавали челобитную о прокормленіи своемъ «для своей всеконечной нищеты», жаловались, что «они конечно таютъ отъ голода и могутъ съ голода помереть вскорѣ, если не получатъ что-либо на пропитаніе». По этой челобитной указано было давать Кандыбѣ по десяти денегъ въ день, сотникамъ короповскому Логиненку и корсунскому Ждановичу—по шести денегъ, а прочимъ по четыре деньги. Привезеннымъ теперь малороссіянамъ назначенъ былъ различный размѣръ суточныхъ: Горленку и Максимовичу по 10 копѣекъ, прочимъ по пяти. Впослѣдствіи имъ прибавляли, такъ что Горленку въ 1729 году давали по 50 копѣекъ, Максимовичу по 10, прочіе оставались при пяти. Горленку счастливилось паче другихъ и просьбы его о прибавкѣ суточныхъ ради «скудости и старости» имѣли успѣхъ. Сынъ его Андрей присылалъ ему пособіе изъ Украины, куда былъ отпущенъ изъ Москвы съ Кандыбою, Ждановичемъ, Гамалѣею и Степаномъ Бутовичемъ тотчасъ по прибытіи изъ Турціи малороссіянъ и въ ихъ числѣ брата Бутовичева Ивана [1]). Положеніе другихъ было горькое. Сохранилась слезная челобитная къ царю двухъ женъ Герциковыхъ [2]), писанная на третій годъ послѣ прибытія въ Москву. Что положеніе ихъ всѣхъ не поправилось съ годами заточенія, показываетъ челобитная отъ имени всѣхъ содержавшихся въ Москвѣ малороссіянъ, составленная Горленкомъ по ихъ общему желанію въ 1729 году. Въ ней жаловались они, что «живутъ въ крайней нищетѣ и многими долгами одолжали и никакого ни откуда не имѣютъ вспомогательства на пропитаніе и одѣяніе».

Такъ колонія малороссійскихъ эмигрантовъ, проживавшая въ Турціи и нѣсколько лѣтъ сряду возбуждавшая эту державу къ

---

[1]) Судьенка. Матер. II, 243.

[2]) Пресвѣтлѣйшій и великодержавнѣйшій государь царь нашъ всемилостивѣйшій! Уже се третій годъ якъ мы здесь на Москвѣ за премощнымъ указомъ вашего царскаго величества пребываемъ тося ради вины, что, мужи наши Григорій и Иванъ Герцики вашему царскому величеству измѣнивши пошли за богоотступнымъ Мазепою на сторону непріятельскую, где и нынѣ препомнѣвши страха Божія обрѣтаются, а мы за ихъ злодѣянія и противность здесь з дѣтми своими бѣднѣ живемъ и отъ глада изнемогаемъ, не мѣючи нѣ отколь помощи и ратуняу на пропитаніе наше, убо повергаемъ себе до лица земли предъ пресвѣтлѣйшимъ вашего царскаго величества маестатомъ и со слезами молимъ: благоволи ваше царское величество яко благоутробный монарха намъ бѣднѣ живущимъ на пропитаніе наше и дѣтей нашихъ повелѣть опредѣленіе учинить да здесь при великой нищетѣ нашей отъ глада не погибнемъ. Вашего царскаго величества

нижайшіи рабынѣ

Анастасіи и Горпина Герцикове (Арх. Юст., кн. 120).

враждѣ съ Россіею, съ постоянно проводимою задачею освобожденія Украины, разсыпалась совершенно. Горленко съ товарищами воротился въ Россію. Немногіе не пошли за этими господами, но уже не оставались въ Турціи, убѣждаясь, что уже тамъ имъ нечего дѣлать. Орликъ ранѣе всѣхъ пытался сблизиться съ Россіею и примириться съ царемъ. Съ этою цѣлью онъ посылалъ къ миргородскому полковнику Апостолу письмо вскорѣ послѣ полтавскаго сраженія и въ этомъ письмѣ проклиналъ Мазепу [1]). То была, кажется, только проба. Орликъ остался главнымъ двигателемъ замысла возстановить противъ Россіи Турцію. Но когда Турція заключила съ Россіею миръ, а шведскій король долженъ былъ оставить Турцію, Орликъ не присталъ къ тѣмъ, которые обратились къ царю съ просьбою о прощеніи: Орликъ пошелъ вслѣдъ за Карломъ XII искать пріюта и опоры въ Шведскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ Орликомъ ушли изъ Турціи за Карломъ: Войнаровскій, племянникъ Мазепы, братья Герцики, Нахимовскій, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, бывшій дозорца переволоченскій Ѳедоръ Третьякъ и, вѣроятно, еще другіе, которыхъ имена не сдѣлались извѣстными. Орликъ самъ усѣлся въ Христіанштадѣ съ женою и дѣтьми. У него ихъ было—одинъ сынъ Григорій, взрослый, другой,—неизвѣстный намъ по имени, моложе Григорія, третій Яковъ, малолѣтній, родившійся во время пребыванія родителя въ Бендерахъ, крестникъ Карла XII; было у него двѣ дочери: одна уже взрослая дѣва, лѣтъ за двадцать, другая, рожденная въ Бендерахъ. Пока живъ былъ Карлъ XII, Орликъ на себя и на своихъ товарищей получалъ королевскую субсидію въ 13,000 шведскихъ талеровъ въ годъ. Но по кончинѣ Карла XII малороссійскіе изгнанники перестали получать это пособіе, хотя имъ подтверждали прежнія увѣренія въ покровительствѣ [2]). Орликъ изъ своего убѣжища заправлялъ поступками своихъ товарищей.

V.

Войнаровскій.—Его показаніе и ссылка.—Григорій Герцикъ.—Его показаніе и судьба.—Участь прочихъ малороссіянъ, содержимыхъ подъ карауломъ.—Ссылка въ Сибирь семейства Мировичей.—Ихъ освобожденіе.

Число эмигрантовъ, упорно не хотѣвшихъ мириться съ царемъ, рѣдѣло. Нѣкоторые попались мимо собственной воли въ руки царскаго правосудія.

[1]) Судьенка. Матер. II, 182.

[2]) „Кіевск. Стар.“ 1883 г., мартъ, стр. 603, 606.

Такая судьба неожиданно постигла Андрея Войнаровскаго, племянника по сестрѣ гетмана Мазепы и любимца послѣдняго. Онъ былъ арестованъ въ Гамбургѣ по требованію русскаго резидента, получившаго о томъ приказъ отъ своего государя. Войнаровскій былъ отправленъ въ Россію. Его подвергли допросу, но онъ не объявилъ ничего важнаго, тогда какъ особенно отъ него надѣялись узнать многое: никто не былъ такъ близокъ къ Мазепѣ, какъ онъ. По показанію Войнаровскаго [1]), умыселъ дяди его возникъ въ 1705 году, когда онъ былъ съ козацкимъ войскомъ близъ Дубна и видѣлся съ княгинею Дольскою, матерью по первому браку князей Вишневецкихъ, сродницею Станислава Лещинскаго. Она-то уговорила его дядю поступить снова въ подданство польскаго короля, прельщала его милостями отъ Станислава, обѣщала ему сама выйти за него замужъ. Съ того времени сталъ Мазепа вести съ нею корреспонденцію, и Станиславъ къ нему писывалъ: одно письмо Станиславово нашелъ Войнаровскій по смерти дяди въ шкатулкѣ, показывалъ его Орлику и другимъ, но незнаетъ, куда оно дѣлось. Войнаровскій отозвался незнаніемъ—кто изъ генеральныхъ особъ зналъ въ самомъ началѣ о замыслахъ его дяди, но сообщалъ, что за нѣсколько дней до того, какъ государь проѣзжалъ черезъ Кіевъ, слѣдуя въ Жолкву, у Мазепы въ собраніи были полковники, и онъ, Войнаровскій, слышалъ, какъ дядя его говорилъ: «когда-бъ я за васъ не стоялъ, то васъ бы уже солдатами сдѣлали!» На то миргородскій полковникъ отвѣчалъ: «мы покойнаго Богдана Хмельницкаго благодаримъ за то, что насъ освободилъ отъ ляхскаго ига, а васъ будемъ проклинать, ежели вы за насъ стоять не будете и насъ погубите!» Болѣе ничего не слыхалъ онъ ни отъ дяди, ни отъ кого другого, — не былъ онъ, Войнаровскій, допущенъ въ совѣтъ ихъ никогда, и не чаетъ, чтобъ кромѣ Орлика, его креатуры, кто о томъ зналъ до самаго послѣдняго времени, какъ уже онъ переѣзжалъ изъ Коропа за Десну въ шведскую армію. Войнаровскій увѣрялъ, что ему, Войнаровскому, неизвѣстно: объявлялъ ли его дядя о своемъ замыслѣ перейти на шведскую сторону заранѣе тѣмъ полковникамъ, которые съ нимъ перешли за Десну. Это произошло оттого, что Войнаровскій былъ тогда въ отсутствіи: дядя изъ Салтыковой Дѣвицы посылалъ его съ «комплиментами» къ князю Меншикову, когда Меншиковъ, послѣ побѣды, одержанной надъ Левенгауптомъ, маршировалъ съ драгунскими полками въ Украину. Дядя

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ, миллеровскія бумаги.

поручилъ ему, Войнаровскому, сообщить князю Меншикову, что видѣться съ нимъ не можетъ, потому что самъ «гораздо болѣнъ». Пріѣхавши къ князю Меншикову въ Горскъ, Войнаровскій послалъ къ дядѣ извѣстіе, что князь желаетъ съ гетманомъ видѣться вскорѣ. Мазепа того же посланнаго къ нему отъ Войнаровскаго опять отправилъ съ письмомъ къ Меншикову и приказывалъ вручить Войнаровскому для передачи князю письма, а изустно приказалъ, чтобъ Войнаровскій поскорѣе уѣзжалъ къ шведу, такъ какъ онъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Меншиковъ ѣдетъ къ гетману съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ гетмана взять. Войнаровскій, услышавши объ этомъ, былъ въ недоумѣніи, на что рѣшаться: отдавать ли князю письма, или немедленно уходить; онъ сообразилъ, что дядя его и прежде, бывало, тревожился, какъ только услышитъ, что къ нему ѣдетъ кто-нибудь отъ царскаго величества, опасаясь, что его возьмутъ: и на этотъ разъ Войнаровскій, какъ изъяснялъ въ своемъ показаніи, подумалъ, что дядя его напрасно тревожится, а потому отдалъ письма Меншикову и, по отдачѣ писемъ, послалъ къ дядѣ человѣка извѣстить, что Меншиковъ хочетъ съ нимъ видѣться въ воскресенье. Потомъ, самъ не зная что дѣлать, вздумалъ Войнаровскій ѣхать вслѣдъ за тѣмъ же посланнымъ къ дядѣ человѣкомъ, не простясь съ княземъ. Войнаровскій тогда опасался, чтобъ кто-нибудь изъ людей, бывшихъ съ нимъ, узнавши, что онъ хочетъ отъѣзжать, не довелъ объ этомъ до свѣдѣнія князя, и князь бы не задержалъ его безвинно. Войнаровскій догналъ своего посланнаго за три мили и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до Борзны, а дядя его переѣхалъ тогда въ этотъ городъ. Войнаровскій остановился въ предмѣстьѣ и послалъ къ дядѣ о себѣ извѣстіе. У Мазепы готовъ былъ обѣдъ, но Мазепа, получивши отъ племянника извѣстіе, что Меншиковъ скоро пріѣдетъ, не сталъ обѣдать и наскоро уѣхалъ въ Батуринъ, а Войнаровскому приказалъ ѣхать туда же, но сторопою, такъ, чтобъ никто его не видалъ и не замѣтилъ; къ Меншикову же гетманъ отправилъ полковника Анненкова съ «экскузаціею» за своего племянника, чтобъ князь не изволилъ сомнѣваться по поводу внезапнаго его отъѣзда: племянникъ испугался чего-то, самъ не зная чего, и ушелъ. Прибывши въ Батуринъ, дядя его пробылъ тамъ только одну ночь и на другой день утромъ, забравши свои пожитки, уѣхалъ въ Коропъ, приказавши ѣхать вслѣдъ за собою всѣмъ старшинамъ и ему, Войнаровскому, но чтобъ идти къ шведу, тогда не ска-

зывалъ, да и всю дорогу до Коропа. Войнаровскій, ѣдучи съ дядею, не слыхалъ отъ него объ этомъ ни слова, а говорилъ ли дядя о томъ со старшинами и полковниками—ему, Войнаровскому, неизвѣстно. На слѣдующій день переправились черезъ Десну. Тутъ прибылъ къ гетману Быстрицкій, котораго Мазепа посылалъ къ шведскому королю, придавши ему капитана изъ иноземцевъ въ качествѣ толмача. Быстрицкій проводилъ гетмана до шведскихъ аванпостовъ. Тамъ его приняли съ почетомъ. Оттуда гетманъ поѣхалъ въ каретѣ; передъ каретою, по бокамъ ея и позади, слѣдовало четыреста человѣкъ шведской кавалеріи, а въ сторонѣ стояло шведское войско, выстроенное въ парадѣ. Такимъ образомъ, переночевавши одну ночь на шведскихъ аванпостахъ, пріѣхалъ гетманъ къ шведскому королю и король шведскій принялъ «пріятно дядю и всѣхъ бывшихъ съ дядею».

Войнаровскій отозвался незнаніемъ: велъ ли его дядя съ кѣмъ корреспонденцію въ то время, какъ находился у шведскаго короля, съ лицами, оставшимися вѣрными царскому величеству, потому что онъ, Войнаровскій, къ дѣламъ ихъ не былъ допущенъ, но знаетъ, что, по приходѣ своемъ къ шведамъ, дядя его неоднократно посылалъ къ Оттоманской портѣ и къ хану, возбуждая ихъ противъ царскаго величества. Послѣ полтавской битвы, когда уже дядя былъ въ Очаковѣ и въ Бендерахъ, имѣлъ ли онъ корреспонденцію съ кѣмъ-нибудь въ Украинѣ, того онъ не знаетъ, «но чаетъ, что не имѣлъ, потому что былъ тогда гораздо болѣнъ», да и тѣ, которые при немъ тогда находились, отъѣзжали отъ него въ Яссы. Также Орликъ и прочіе имѣли ли съ кѣмъ въ Украинѣ корреспонденцію—того онъ, Войнаровскій, не знаетъ, а слыхалъ только отъ Орлика, что всѣ они считали опаснымъ писать къ своимъ свойственникамъ въ Украину, чтобъ ихъ тѣмъ не погубить. По смерти дяди, онъ, Войнаровскій, никакими дѣлами не интересовался и, когда его хотѣли избрать гетманомъ, онъ того чина принять не захотѣлъ, отчего откупаясь, далъ Орлику триста, а кошевому двѣстѣ червонныхъ. Былъ онъ, Войнаровскій, при шведскомъ королѣ затѣмъ, что король шведскій, по смерти дяди, забралъ остававшіеся послѣ дяди 240,000 талеровъ. Войнаровскій хотѣлъ ихъ отъ короля получить и отдать ихъ для храненія куда-нибудь въ банкъ, а самъ думалъ просить милости у царскаго величества, и въ этихъ видахъ не принималъ у шведскаго короля службы. Другихъ денегъ у него нѣтъ. Будучи въ Бендерахъ, онъ женился

на вдовѣ Забѣлиной, которая теперь живетъ въ Бреславлѣ: при ней нѣтъ никакого пожитка. Съ королемъ шведскимъ пошли Орликъ, Довгополенко, двое Герциковъ, Мировичъ и Третьякъ. Орлику и инымъ даны, какъ онъ слышалъ, маетности въ Швеціи. Самъ онъ, Войнаровскій, въ Швеціи не бывалъ и, по выѣздѣ изъ Турціи, проживалъ въ Вѣнѣ и Бреславлѣ.

Вмѣстѣ съ допросомъ Войнаровскаго, въ дѣлахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась на нѣмецкомъ языкѣ челобитная царю Войнаровскаго въ такомъ смыслѣ: «Я боялся обратиться къ царю, страшась его гнѣва, но когда получилъ ордеръ, то добровольно явился къ царскому резиденту Беттигеру и отдался ему. Я никогда не былъ допущенъ въ совѣтъ съ гетманомъ; дядя всегда удалялъ меня изъ той комнаты, гдѣ сходились съ нимъ его адгеренты; быть можетъ, имѣя въ виду мою юность, онъ подозрѣвалъ, что, памятуя царскія милости, къ нимъ я не пристану. Послѣ кончины дяди, я не принялъ гетманскаго чина и тѣмъ навлекъ на себя нерасположеніе шведскаго короля, послѣ того какъ гетманское достоинство дано было Орлику. Я не чинилъ ничего противнаго царскому величеству и оттого въ службу шведскую не вступалъ. При жизни дяди и послѣ его смерти не могъ я добиться отъ шведскаго короля возвращенія моихъ 240,000 талеровъ: отъ меня отдѣлывались только добрыми словами, а, между тѣмъ, это меня удерживало отъ исполненія моего постояннаго желанія просить царскаго милосердія. Много разъ имѣлъ я мысль повергнуться къ стопамъ царевича, сына царскаго, но не представлялось удобнаго случая. Надѣюсь, что царь великій государь не станетъ наказывать меня неповиннаго за грѣхъ моего дяди». Царь указалъ сослать Войнаровскаго въ отдаленныя мѣста Сибири. Онъ былъ отправленъ въ Якутскъ, гдѣ и прожилъ до старости, одичалый и забытый всѣми.

Въ 1720 году достался въ руки россійскаго правительства другой изъ эмигрантовъ, ушедшихъ изъ Турціи за шведскимъ королемъ. То былъ Григорій Герцикъ. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ Станислава Лещинскаго, Понятовскій, неразлучный сопутникомъ Карла XII въ его изгнаніи, вмѣстѣ съ нимъ прибывшій въ Швецію, по смерти Карла XII перебрался въ свое польское отечество и взялъ съ собою туда малороссійскихъ эмигрантовъ Нахимовскаго и Мировича [1]). За ними вслѣдъ поѣхалъ туда же Григорій Герцикъ съ порученіями отъ

1) Сенатск. дѣла Архива Юстиціи, кн. № 36—1823, стр. 311.

Орлика, остававшагося тогда еще въ Швеціи. Царскій резидентъ въ Варшавѣ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій приказалъ арестовать Герцика и отправилъ его въ Петербургъ. Его посадили въ Петропавловскую крѣпость, а 15 марта 1721 года повезли въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тамъ, въ «публичномъ аппартаментѣ», передъ полковникомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и предъ ассессорами, Герцикъ былъ подвергнутъ допросу. О началѣ измѣны Мазепы этотъ соумышленникъ не могъ сообщить почти ничего, такъ какъ онъ присталъ къ Мазепѣ уже тогда, когда Мазепа находился съ шведскимъ королемъ въ Ромнахъ; о самомъ себѣ, по отношенію къ этому времени, Герцикъ сказалъ только то, что, пребывая съ Мазепою и другими соумышленниками въ Ромнахъ, онъ ради насущныхъ нуждъ занимался шинковымъ промысломъ, несмотря на то, что свойство его съ Орликомъ (женатымъ на сестрѣ Герцика) давало право на лучшее мѣсто въ обществѣ мазепинцевъ. Послѣ полтавской битвы, Григорій Герцикъ, вмѣстѣ съ другими своими братьями, Иваномъ и Аѳанасіемъ, послѣдовалъ за Карломъ XII и Мазепою въ турецкія владѣнія. Тамъ, по порученію Войнаровскаго, Григорій Герцикъ отвозилъ тѣло умершаго гетмана Мазепы въ Галацъ для погребенія, потомъ Орликъ посылалъ его къ запорожцамъ съ девятью кесами (кошельками), изъ которыхъ въ каждомъ было по 500 левковъ, всего 4,500 левковъ; потомъ Герцикъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ Горленкомъ въ числѣ другихъ въ посольство, снаряженное въ Константинополь. Вспоминая объ этомъ времени, Герцикъ въ своёмъ показаніи сообщаетъ интересное извѣстіе, показывающее, что между мазепинцами, пребывавшими тогда въ турецкихъ владѣніяхъ, не было взаимнаго довѣрія. Отправляя посольство въ Константинополь, Орликъ составилъ три инструкціи: одну представилъ онъ шведскому королю и въ ней старался сколько возможно поддѣлаться къ нему; другая составлена была для Турціи: тамъ просили Порту оказать протекцію, дать денегъ и провіанта, и, сколько помнилось Герцику, посылалось обѣщаніе вѣрности Портѣ. Третья инструкція была секретная, извѣстная только Орлику да Максимовичу, бывшему тогда въ званіи генеральнаго писаря. Ни Горленко, бывшій во главѣ этого посольства, ни Герцикъ, пожалованный передъ тѣмъ отъ Орлика чиномъ генеральнаго асаула, никакъ не могли узнать, что̀ заключалось въ этой третьей инструкціи, а только догадывались, что въ ней было что-то такое,

что укрывалось и отъ шведскаго короля. Но потомъ Горленко, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, таились отъ Герцика и показывали къ нему недовѣріе: турецкій визирь выдалъ на содержаніе козацкаго войска восемь «кесъ» денегъ, но не вручилъ ихъ посольству, а отправлялъ съ агою при письмѣ къ Орлику. Горленко и Максимовичъ достали себѣ латинскій переводъ этого турецкаго письма, но не показали его Герцику. (Когда шведскій король уѣзжалъ изъ Турціи, Герцикъ, вслѣдъ за Орликомъ и другими, перебрался въ Швецію. Оттуда-то, уже по кончинѣ Карла XII, Орликъ, не безъ вѣдома тогдашняго шведскаго короля, преемника Карлова, послалъ Герцика въ Польшу съ намѣреніемъ, при посредствѣ благосклонныхъ польскихъ пановъ, заручиться ходатайствомъ польскаго короля Августа предъ царемъ о прощеніи изгнаннымъ малороссіянамъ или же высмотрѣть возможность пріютиться въ Польшѣ. Герцикъ, по этому поводу, разсказалъ въ своемъ показаніи о такой продѣлкѣ Орлика: онъ составилъ письмо будто бы отъ запорожцевъ къ нему, призывающее его, Орлика, къ себѣ въ войско, поручилъ Герцику найти въ Бреславлѣ какого-то малороссіянина, по имени Костю, служившаго когда-то у Войнаровскаго, дать ему переписать это письмо, запечатать посланною Орликомъ печатью и препроводить къ нему, Орлику, чрезъ почту. Орликъ надѣялся, показавши это письмо въ шведской королевской канцеляріи, получить изъ королевской казны денежное пособіе и найдти лучшій способъ къ своему отправленію изъ Швеціи. Герцикъ получилъ отъ Орлика письма къ запорожцамъ и хану крымскому, но самъ не поѣхалъ съ этими письмами, а съ согласія пана Понятовскаго и съ вѣдома королевскаго министра Флемминга, отправилъ туда Нахимовскаго съ Орликовыми грамотами [1]). Польскій король, какъ сообщали Герцику паны, былъ склоненъ ходатайствовать у царя о прощеніи Орлику и его товарищамъ, совѣтовалъ, однако, самому Орлику прекратить корреспонденціи съ турками, татарами и запорожцами, а написать о ходатайствѣ передъ царемъ къ англійскому королю [2]).

Герцикъ содержался въ Петропавловской крѣпости подъ строгимъ карауломъ до 1724 года, а съ этого времени въ адмиралтействѣ подъ такимъ же строгимъ карауломъ, получая посуточно сперва только по три копѣйки, а потомъ по шести копѣекъ на свое прокормленіе. По кончинѣ царя Петра Перваго, уже въ

---

[1]) „Истор. Малор." Марк. IV, 350.

[2]) „Кіев. Стар." 1883 года, мартъ, стр. 601—610.

1727 году, Герцикъ билъ челомъ, чтобъ его перевели въ Москву и отдали въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дабы можно было ему жить въ Москвѣ, гдѣ находились его жена и дѣти. Прошеніе его было исполнено въ декабрѣ 1727 же года. Въ маѣ 1728 года онъ жилъ въ Москвѣ съ семьею и былъ отданъ подъ строгій надзоръ капралу Быкову и солдату Лободину, которые должны были находиться въ его помѣщеніи неотступно и смотрѣть, чтобъ ни онъ, ни семья его не съѣхали изъ Москвы [1]). Жена его Анастасія Громыковна (т.-е. урожденная Громыка), привезенная въ Москву съ тремя сыновьями, въ 1722 году подавала на царское имя челобитную, жалуясь, что князь Алексѣй Васильевичъ Долгорукій, пріѣхавши изъ Петербурга въ Москву, нашелъ въ своемъ домѣ поступившаго туда на службу ея сына Петра, заперъ его въ банѣ, держалъ его такимъ образомъ шесть недѣль, подвергая истязаніямъ, наконецъ, отправилъ въ Преображенскій приказъ къ розыску. Молодой Герцикъ сидѣлъ «въ бѣдности» и былъ помѣченъ въ ссылку въ Сибирь. О его освобожденіи и о доставкѣ изъ Преображенскаго приказа въ Посольскій, вѣдавшій всѣхъ малороссіянъ, била челомъ его мать [2]). Неизвѣстно, что послѣ того съ нимъ сталось, какъ равно неизвѣстно, въ чемъ былъ онъ обвиненъ и за что посланъ былъ въ Преображенскій приказъ. Но въ 1728 году, когда Григорій Герцикъ былъ водворенъ въ Москвѣ и жилъ вмѣстѣ съ семьею, въ числѣ лицъ, составлявшихъ его семейство, мы встрѣчаемъ жену его Анастасію Васильевну, четырехъ дѣтей: Василія, Семена, Павла и Параскевію, но о сынѣ Петрѣ нѣтъ помина. При Григоріѣ Герцикѣ значатся двое лицъ прислуги.

Еще до перевода своего мужа на жительство въ Москву, въ 1724 году била челомъ Анастасія Герцикова о дозволеніи воротиться на родину, но не получила такой милости [3]).

Вступленіе на престолъ государыни Анны Ивановны не ознаменовалось никакимъ знакомъ милосердія къ Герцику. Въ 1732 г. умерла жена его, а самъ онъ тогда находился въ такой нищетѣ, что не могъ ее похоронить на свой счетъ [4]). Оставаясь въ Москвѣ вдовцемъ, Григорій Герцикъ въ 1735 году былъ освобожденъ изъ подъ постояннаго караула и сталъ получать по 25 копѣекъ въ

---

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 58—1785.
[2]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 31—1758.
[3]) Ibid. Сенатск. кн. № 41—1768, стр. 279, № 58—1785.
[4]) Бант.-Каменск.: „Истор. Малоросс." III примѣч., стр. 55.

сутки. Ему предоставили жить на свободѣ, но въ Москвѣ, съ обязательствомъ никогда не съѣзжать въ Малороссію [1]).

О другой Герциковой, женѣ Ивана, не возвратившагося въ Россію, въ сенатскихъ дѣлахъ сохранилось свѣдѣніе, что родитель ея, Левенецъ, бывшій въ 1727 году правителемъ генеральной канцеляріи, билъ челомъ о возвращеніи къ нему дочери и не получилъ желаемаго [2]).

Изъ всѣхъ сосланныхъ малороссіянъ счастливѣе всѣхъ обошлось сравнительно Дмитрію Горленку. Ему легче было переносить лишенія, какъ мы уже указывали, а въ 1731 году онъ получилъ свободу, «ради своей старости и дряхлости». Ему дозволили жить на родинѣ, но запрещено было выбирать его въ какую бы то ни было должность [3]). Ограниченіе въ сущности неважное, такъ какъ престарѣлый и истомленный невзгодами Горленко едва ли уже и былъ способенъ къ исправленію какой-либо должности. Онъ окончилъ дни свои при нѣжно любимой женѣ Марьѣ Голубовнѣ и при сынѣ Андреѣ и былъ погребенъ въ Густынскомъ монастырѣ.

Изъ фамиліи Максимовичей, обвиненныхъ за участіе въ измѣнѣ Мазепы, мы знаемъ, что Дмитрій Петровичъ Максимовичъ, бывшій при Мазепѣ генеральнымъ асауломъ и отдавшійся на волю царя въ день полтавской битвы, былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ находился у дѣлъ до 1726 г. и умеръ въ 1732 году [4]). Братъ его, Иванъ, воротившійся изъ Турціи разомъ съ Горленкомъ, въ 1722 г. былъ сдѣланъ справщикомъ сунодальной типографіи; по приговору протектора Троицко-Сергіевской лавры архимандрита Гавріила (впослѣдствіи рязанскаго архіерея), поручено было ему наблюдать за библіотекою и составлять каталогъ; Максимовичъ исполнялъ это порученіе удовлетворительно [5]), но въ 1726 году, по доносу какого-то лица, былъ удаленъ отъ этихъ занятій въ виду того, что былъ прежде прикосновенъ къ измѣнѣ Мазепы. По освобожденіи его товарища Горленка, Максимовичъ не былъ, подобно послѣднему, отпущенъ на родину, но оставался въ Москвѣ, получая на свое содержаніе по 25 копѣекъ въ сутки [6]). О сыновьяхъ умершаго въ Архангельскѣ Дмитрія Максимовича, Ѳедорѣ и

---

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. экспед. № 110—1837, стр. 116.
[2]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. экпед., № 58—1785, стр. 824—825.
[3]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1731 г., № 90—1817. стр. 13.
[4]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1826 г., № 46—1773.
[5]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1727 г., № 58—1785, стр. 662.
[6]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1736 г.. № 110—1837, стр. 154—115.

Иванѣ, извѣстно, что они оба, находясь на царской службѣ, хлопотали о возвращеніи себѣ отцовскихъ маетностей, розданныхъ разнымъ лицамъ и доставшихся, между прочимъ, частью и самому Скоропадскому. Хлопоты ихъ были безуспѣшны; они не могли обѣлить память своего родителя, увѣряя, что, будучи увлеченъ обманомъ въ шведскій станъ, онъ принималъ всякія мѣры, чтобъ уйти оттуда и писалъ къ разнымъ государственнымъ сановникамъ, сообщая въ своихъ письмахъ изъ непріятельскаго стана извѣстія, полезныя для русскаго войска. На такое заявленіе Ѳедору и Ивану Максимовичамъ данъ былъ такой оффиціальный отвѣтъ. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, чтобъ отецъ ихъ Дмитрій Максимовичъ изъ шведскаго войска къ государственному канцлеру и къ князю Меншикову и къ прочимъ бывшимъ тогда министрамъ писалъ о благопотребныхъ тогда вѣдомостяхъ къ россійской сторонѣ, а можетъ быть что и писалъ, но во время турецкаго похода при рѣкѣ Прутѣ бывшія при походной посольской канцеляріи всѣ такія письма утрачены [1]).

Болѣе всѣхъ изъ опальныхъ малороссійскихъ семействъ того времени представляетъ интереса богатствомъ и оригинальностью домашней жизни событій семейство Мировичей. Старуха Пелагея Захарьевна, вдова переяславскаго полковника Ивана Ивановича, доставлена была, какъ выше сказано, съ дѣтьми и внуками на житье въ Москву и принуждена была посылать къ сыну Ѳедору, находившемуся за рубежомъ, увѣщательное письмо, которое не произвело вліянія. Ѳедоръ Мировичъ хотя вначалѣ и обращался вмѣстѣ съ Горленкомъ къ патріарху съ просьбою о ходатайствѣ предъ царемъ, но потомъ не прибылъ въ Россію по ассекураціи, выданной Горленку съ товарищами, а послѣдовалъ за Карломъ XII. Это воспрепятствовало освобожденію его матери и братьевъ изъ Москвы. Мировичи, удержанные въ столицѣ, были размѣщены по разнымъ дворамъ, подъ надзоръ учрежденнаго надъ ними караула. Но вотъ 4 іюля 1715 г. въ Посольскомъ приказѣ одна женщина, иноземка, жена занимавшагося парикмахерскимъ ремесломъ мастера, заявила, что ея знакомая, жена сосланнаго малороссіянина Василія Мировича, хочетъ объявить о какомъ-то противогосударственномъ умыслѣ своего мужа.

Доставили указанную особу въ Посольскій приказъ. Это была дочь бывшаго кіевскаго полковника Мокіевскаго, Анна Констан-

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малоросс. экспед. 1732 г.. № 95—1822.

тиновна, жившая съ мужемъ дурно [1]). Она доносила, что мужъ ея, Василій Ивановичъ Мировичъ, собирается убѣжать за границу и посылалъ служившаго у него шведа Ирика къ своему брату Ѳедору сказать ему, чтобъ онъ не ѣздилъ въ Россію, и что самъ Василій съ братьями будетъ искать способовъ убѣжать къ нему [2]).

Позвали къ допросу Василія Мировича. Онъ отрицалъ все, что показывала на него жена его, объяснялъ, что шведъ Ирикъ Витманъ служилъ у него съ годъ и по его желанію отпущенъ, потомъ онъ приходилъ въ гости къ другимъ иноземцамъ, состоящимъ въ прислугѣ у него и у брата его Якова. Шведъ этотъ, вѣроятно, въ Москвѣ, такъ какъ онъ его недавно встрѣтилъ у Чистыхъ прудовъ. Онъ, Василій, желалъ бы, чтобъ этого шведа поставили съ нимъ на очную ставку [3]). Послѣ этого показанія Василій Мировичъ заявилъ секретарю Павлу Шафирову и Михайлу Ларіонову, что онъ научалъ этого шведа нарочно сказать женѣ его и кухаркѣ-иноземкѣ, будто онъ отправляетъ его, Ирика, въ шведскую землю отдать поклонъ брату Ѳедору, а это сдѣлалъ онъ только затѣмъ, чтобъ испытать жену—станетъ ли она объявлять о томъ или нѣтъ [4]). Этимъ не кончились допрашиванія Василія Мировича. Возникли подозрѣнія по поводу сношеній его съ плѣнными шведами [5]). Отыскана была, при обыскѣ, произведенномъ у него, переписка съ какимъ-то лейтенантомъ, замѣтили въ письмѣ Василія Мировича неясныя выраженія, воз-

[1]) Показ. Анны Константиновны: Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., № 137—1864, стр. 610—613.

[2])... Тотъ шведъ при отходѣ своемъ зъ малоросс. двора, зная то, что мужъ ея съ нею живетъ въ несогласіи и нелюбовно и вѣдая его секреты, сказалъ ей на одинѣ, что мужъ ея посылаетъ его зъ Москвы къ брату своему родному къ Ѳедору Мировичу, который нынѣ обрѣтается при шведѣ и велѣлъ его сыскавъ гдѣ можетъ объявить, чтобъ онъ зъ той стороны въ Москву не ѣздилъ, а былъ бы тамъ неотмѣнно, а они де будутъ промыслъ имѣть какъ бы имъ туда же уйти, улуча къ тому способное время. Ibid.

[3]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед., № 134—1864, стр. 614—620.

[4]) Тамъ же.

[5]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малорос. экспед., кн. № 137—1864, стр. 604—609. Василій Мировичъ показалъ: напредъ сего съ прибытія нашего въ Москву со шведскими офицеры и съ ихъ служителями знаемости совершенной и разговоровъ противныхъ сторонѣ царскаго величества ни съ кѣмъ онъ не имѣлъ, а бывалъ въ компаніи для гуляніи въ слободѣ Нѣмецкой, ѣздя зъ Посолскаго двора съ солдатами, а именно въ домѣ майора Кольберга съ пять разъ, гдѣ были многіе иноземцы и шведскіе офицеры, а именно поручикъ Люндиоль, учитель Александра Ивановича Головина да поручикъ Панфельтъ, который нынѣ въ Сибири, и иные которыхъ именъ не знаетъ, и въ домѣ генерала Инфлянта и у дѣтей его, и тутъ прихаживали шведскіе офицеры, а кто имяны того не знаетъ, только противныхъ разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ и писемъ никакихъ въ шведскую сторону къ брату своему и ни къ кому ни о чемъ во всю бытность свою въ Москвѣ не посылалъ и никому шведамъ не отдавывалъ и словесно противнаго ничего не приказывалъ.

буждавшія двусмысленныя толкованія; при письмѣ, кромѣ того, приложены были записочки на шведскомъ языкѣ, которыя, для перевода ихъ на русскій языкъ, нарочно посылались въ Петербургъ [1]). Тѣмъ временемъ отыскали шведа Ирика Витмана. По распоряженію адмирала Апраксина, онъ былъ взятъ въ городѣ Або въ Финляндіи, гдѣ опредѣлился служить у шведскаго офицера, надѣясь съ нимъ воротиться въ отечество. По требованію государственной посольской канцеляріи, его доставили въ Санктпетербургъ. Тамъ сняли съ него показаніе: выяснилось, что онъ служилъ въ шведской арміи рейтаромъ, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Полтавою и отправленъ на работы. Прапорщикъ Мироновъ отпустилъ его на свободу, замѣнивъ въ спискѣ другимъ плѣннымъ шведомъ. Онъ находился въ услуженіи сперва у одного шведскаго офицера, а потомъ пробылъ цѣлый годъ у Василія Мировича. Живучи у послѣдняго, узналъ онъ, что у него есть братъ за границею, и самъ Василій Мировичъ говорилъ, что если бъ ему не жаль было матери и жены, то ушелъ бы за границу къ брату. Когда же Ирикъ отходилъ отъ Мировича, то послѣдній поручилъ ему, если увидитъ брата, передать отъ него, Василія, чтобъ онъ не возвращался въ Россію, а оставался бы въ чужомъ краѣ, потому что тѣ, которые отъ шведа воротились, содержатся подъ карауломъ.

29 января 1716 года Ирикъ Витманъ изъ государственной посольской канцеляріи присланъ былъ въ Москву въ Посольскій

---

1) Переводъ латинскаго письма къ какому-то лейтенанту:

P. S. Доношу также: по отъѣздѣ вашемъ третьяго мѣсяца наша свобода премѣнилась въ плѣнъ, въ иные перевели насъ дворы, мы два съ Яковомъ братомъ живемъ на одномъ дворѣ, прочая братія на другомъ; изъ двора никуда не пущаютъ, ни къ намъ; развѣ по прошенію солдатъ можемъ съ пріятели въ ночи поговорить и сойтись нечастымъ временемъ посѣтити и то съ великою трудностію и опасеніемъ бываетъ.

Такъ скоро вороны какъ прежде лебеди были, и такъ живемъ какъ птица въ оборонѣ безъ крылъ или художникъ какой безъ снасти, такъ и мы живемъ безъ компаніи, какъ русаки отъ собачія суть близкіе или голова безъ разсужденія, которыя статейки... предай огню! Довольно разумному! Превосходительство ваше также братъ мой добрымъ здоровьемъ и поведеніемъ поздравляетъ и услуги любвѣ предпосылаетъ Яковъ Мировичъ што больши цвѣтами свѣтлый давно безъ почтенія компаніи обрѣтается и великой меланхоли себе предалъ, что болѣзнь тому припала, которого нынѣ лечатъ докторы.

А по шведски писаное на двухъ лоскуткахъ переведено въ Санктпетербургѣ, а по переводу написано:

1. Короля да сохрани и защити своею рукою, жизни его время умножи.

2. Азъ окаянный и грѣшный человѣкъ во грѣхѣ зачатый и рожденный и потому во грѣсехъ днехъ живота моего.

3. Отъ Бога отлучатися не хощу, понеже и онъ отъ меня не отлучается; онъ будетъ меня по...

приказъ, а 21 февраля того же года поставленъ на очную ставку съ Василіемъ Мировичемъ.

Шведъ уличалъ Василія Мировича въ произнесеніи желанія уйти къ брату за границу. Василій Мировичъ запирался. Василія Мировича подвергли пыткѣ, и не одинъ разъ, а два раза сряду. Онъ во всемъ повинился, но утверждалъ, что его мать и братья ничего про то не знали. О двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя находили въ его письмѣ къ плѣнному шведскому офицеру, онъ отзывался, что то писано было только для забавы [1]).

Послѣ всѣхъ вопросовъ и пытокъ, Василій Мировичъ былъ закованъ въ кандалы и отосланъ въ Сибирскій приказъ для отправки въ дальніе сибирскіе города на работу, а мать его Пелагея Захарьевна съ дочерью Мариною, съ женатымъ сыномъ Семеномъ и его женою Еленою, съ ихъ дѣтьми Григоріемъ и Ульяною, и, кромѣ того, съ холостыми сыновьями Яковомъ, Дмитріемъ и Иваномъ послѣдовала въ Тобольскъ и тамъ была водворена на вѣчное житье. Доносчица, жена Василія, получила свободу и отпущена въ Украину, съ письмомъ къ гетману Скоро-

---

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малоросс. экспедиц. 1716 г., кн. 137—1864., стр. 640—642.

На очной ставкѣ шведъ Ирикъ Витманъ говорилъ, что онъ Василій въ словахъ при немъ нѣсколько разъ говаривалъ, что братъ его при шведскомъ королѣ и при отъѣздѣ его изъ Москвы онъ Василій Мировичъ приказывалъ ему сказать тому брату своему, чтобъ онъ въ Россію не возвращался и былъ бы тамъ для того де, что которые малороссіяне и возвратились отъ шведа въ Россію, и тѣ держатся въ арештѣ, и ежели бъ не жаль ему было матери своей и жены, то бы онъ и самъ туда уѣхалъ.

Василій Мировичъ въ томъ запирался. А потомъ онъ, Василій, подыманъ на виску и по поднятіи проспалъ, чтобъ его спустить для того: скажетъ правду.

И потомъ говорилъ, что онъ при отъѣздѣ зъ Москвы того шведа съ нимъ приказывалъ сказать брату Ѳедору, который нынѣ при королѣ шведскомъ чтобъ онъ въ Россію не возвращался и былъ бы тамо, для того, что которые де малороссіяне возвратились отъ шведа въ Россію и тѣ держатся за арештомъ, такожъ и тѣ слова: ежели бъ ему Василію не жаль матери своей и жены, то бъ и онъ зъ Москвы давно уѣхалъ. И то онъ говорилъ во болѣзни своей предъ отъѣздомъ того шведа за мѣсяцъ, а не при самомъ отъѣздѣ, а при отъѣздѣ ему такихъ словъ не говаривалъ, и такова де подлиннаго намѣренія, чтобъ ему зъ Москвы уѣхать въ шведскую сторону къ брату своему, не было и говоритъ де онъ то самое истиною, а не ради страху и истязанія.

Владиміръ Мировичъ, Василій тожъ.

Потомъ онъ Василій Мировичъ пытанъ: дано тринадцать ударовъ и на вискѣ держанъ долгое время. И съ пытки говорилъ тѣже слова что и передъ пыткою.

И Василій Мировичъ на пыткѣ сказалъ, что иного никакого противнаго намѣренія у него, такожъ и съ шведскими плѣнными никакого согласія и къ брату его Ѳедору въ Швецію ни чрезъ кого пересылки никакой не было, а въ письмѣ латинскомъ писанномъ отъ него къ поручику Панфелю скрытныя рѣчи писаны яко къ другу для забавы и съ простоты своей и съ печали, что въ компанею никуды долгое время былъ не отпускиванъ и чтобъ такіе враки кому не попались, для того и огню предать написалъ, а не для иного какого противнаго намѣренія и умыслу ко злу.

А мать его и братья Яковъ и Семенъ въ намѣреніи противномъ ни въ какомъ съ нимъ не были и ни про что не вѣдаютъ.

падскому, которому поручено было пристроить ее у ея родственниковъ.

Василій Мировичъ, сосланный неизвѣстно въ какой дальній сибирскій городъ, вступилъ вторично въ бракъ съ сибирячкой дворянкой Марьей Ѳедоровной Фефиловой и умеръ въ 1732 году, оставивши послѣ себя сына отъ втораго брака, Степана, который не ранѣе какъ уже въ 1747 году получилъ дозволеніе жительствовать во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи съ обязательствомъ не выѣзжать за границу [1]).

Пелагея Захарьевна Мировичъ пробыла въ ссылкѣ въ Тобольскѣ двадцать восемь лѣтъ, Воцарялись одни за другими на русскомъ престолѣ: Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна, оказывались разныя милости, и никто не вспомнилъ объ этихъ отверженныхъ малороссіянахъ: облегчалъ ихъ судьбу только зять Пелагеи Захарьевны, Лизогубъ, владѣвшій маетностями Мировичей, порученными ему въ досмотръ съ обязательствомъ содержать тещу и ея семейство въ ссылкѣ [2]). Не ранѣе какъ по воцареніи Елисаветы, да и то не тотчасъ, блеснула заря освобожденія для этого опальнаго семейства. 21 января 1744 года состоялся сенатскій указъ объ освобожденіи, по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста 15 декабря 1741 года, Пелагеи Захарьевой Мировичевой съ сыномъ Димитріемъ [3]). Прочихъ сыновей уже не было на свѣтѣ. 21 мая 1745 года Пелагея Захарьевна, находясь уже въ Москвѣ, подала челобитную, чтобъ ее за старостію и дряхлостію отпустить въ Малую Россію къ свойственникамъ для пропитанія и дать ей изъ правительствующаго сената паспортъ. На эту челобитную послѣдовало разрѣшеніе. Опальные возвратились на родину, но съ принятіемъ мѣръ, чтобъ они не сносились съ Ѳедоромъ Мировичемъ и ни съ кѣмъ изъ пребывающихъ за границею, подъ опасеніемъ лишенія живота [4]).

---

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 150—1877, стр. 386.

[2]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 41—1768, стр. 286. Изъ челобитной Лизогуба: Чтобы мнѣ съ тѣхъ же маетностей всякое ей тещѣ моей Мировичевой съ дѣтми въ пищи и одѣяніи чинити вспоможеніе, и я оные маетности въ собственномъ моемъ завѣдываніи лѣтъ семь имѣвши знатнымъ моимъ стараніемъ и працею во всемъ господарствѣ устроилемъ разводъ и пріобрѣтеніе; изъ того по указу и по моей должности помянутой старой Мировичцѣ съ дѣтми ея для пропитанія изъ того потребную грошми и запасами разными чинилемъ посылку...

[3]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. 31—1758, стр. 283.

[4]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 137—1864, стр. 675—676 и № 150—1877, стр. 624.—По челобитью малороссійской бывшей полковницы переяславской Пелагеи Мировичевой съ сыномъ ея Димитріемъ, которою объявляетъ, что блаженныя и вѣчно достойныя памяти всеражайшаго родителя ея императорскаго вели-

Отъ старшаго сына Мировичевой, Семена, умершаго въ 1726 году, остался сынъ Григорій, который воспитывался у бабки; съ 1743 года былъ на службѣ въ Сибири, а въ 1743 году отпущенъ съ правомъ жительствовать и служить, гдѣ пожелаетъ [1]).

Кромѣ Пелагеи Захарьевны и ея дѣтей и внуковъ, бывшихъ въ ссылкѣ въ Сибири, находились въ Россіи сыновья пребывавшаго за границею мазепинца Ѳедора, Петръ и Яковъ. Объ нихъ остались намъ такія свѣдѣнія: въ 1724 году они, по доносу Данила Забѣлы (прославившаго свое имя цѣлымъ рядомъ доносовъ), были привлечены къ политическому дѣлу черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка, ихъ роднаго дяди по матери. На допросѣ, которому они были подвергнуты, они показывали, что не знаютъ за ихъ дядею Полуботкомъ злого умысла и противности его императорскому величеству. Указомъ 4 февраля 1725 года Императрица Екатерина I повелѣла: «Полуботковыхъ племянниковъ, братьевъ Мировичей, которыхъ отецъ находится въ измѣнѣ, опредѣлить въ школы или въ академію, въ какое дѣло будутъ достойны по разсмотрѣнію директоровъ, а въ Малую Россію не отпускать никогда» [2]). Далѣе, мы узнаемъ, что Петръ Мировичъ сталъ секретаремъ царевны Елисаветы Петровны, въ 1729 году отправился по паспорту въ Малороссію и, не явившись обратно въ срокъ, велъ тяжбу съ своими двоюродными братьями Полуботками объ имѣніи [3]), а

чества Петра Перваго указомъ въ 1712 году взята она со всѣмъ ея домомъ въ Москву, а въ 1716 году сослана въ ссылку въ Сибирь, гдѣ черезъ двадцать восемь лѣтъ обрѣталась, и при счастливѣйшемъ восшествіи на наслѣдный престолъ ея императорскаго величества по всемилостивѣйшимъ именнымъ ея императорскаго величества указамъ съ прочими она изъ той ссылки свобождена, и проситъ, чтобъ съ сыномъ ея Димитріемъ за старостію и дряхлостію ее отпустить въ Малую Россію къ свойственникамъ ея для пропитанія и для того бы дать ей изъ правительствующаго сената паспортъ. И по справкѣ въ Сенатѣ оная полковница Мировичева съ дѣтми сослана въ Сибирь за измѣну сына ея Ѳедора Мировича, который нынѣ въ Россію не возвратился. Приказали: вышеписанной бывшей полковницѣ Мировичевой и сыну ея Дмитрію для проѣзду ихъ въ Глуховъ дать паспортъ, съ которымъ явиться имъ въ Малой Россіи въ министерской канцеляріи, а той канцеляріи велѣть оную вдову Мировичеву и сына ея обязать крѣпко съ подпискою съ знатными поруками, чтобъ они за границу никуда не отъѣзжали и никакой бы съ вышеупомянутымъ сыномъ ея Ѳедоромъ Мировичемъ или съ кѣмъ заграничными жители корреспонденціи не имѣли подъ лишеніемъ живота; буде же въ томъ по ихъ знатныхъ порукъ не будетъ, то выслать ихъ для житья въ Москву немедленно, и что учинено будетъ, въ Правительствующій Сенатъ репортовать. И о томъ въ генеральную войсковую канцелярію послать указъ.

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед. 1744 г., кн. № 137—1864, стр. 663—664.

[2]) Архивъ Юстиціи., сенатск. книги по Малорос. экспед., № 96—1823, стр. 517

[3]) Ibid., стр. 144—145.

Яковъ находился при подстоліи Великаго Княжества Литовскаго Антоніи Потоцкомъ его секретаремъ [1]). Въ 1732 году оба брата, Петръ и Яковъ, неизвѣстно за что и откуда, были отправлены въ Сибирь и опредѣлены тамъ въ службу въ званіи дѣтей боярскихъ [2]). Въ 1735 году Петръ Ѳедоровичъ былъ воеводою въ Енисейскѣ; находясь въ этомъ званіи, онъ сообщилъ Миллеру рукописный экземпляръ Сибирской лѣтописи, которая въ настоящее время издается археографическою коммисіею. Въ 1743 г. оба брата были освобождены съ правомъ поступить въ службу, куда пожелаютъ [3]).

Яковъ Мировичъ былъ, по его желанію, назначенъ воеводою въ гор. Кузнецкъ, Сибирской губерніи [4]), а Петръ былъ сперва опредѣленъ экзекуторомъ при св. сунодѣ, а потомъ, согласно своему желанію, воеводою въ гор. Енисейскъ [5]). Извѣстіе, приведенное нами выше о Сибирской лѣтописи, показываетъ, что онъ уже тамъ былъ прежде и отпросился на знакомое мѣсто. Видно, онъ сжился съ сибирскимъ краемъ, когда самъ добровольно пожелалъ туда воротиться, а не просилъ о водвореніи на родинѣ. Сынъ кузнецкаго воеводы, подпоручикъ Василій Яковлевичъ, былъ казненъ смертію 15 сентября 1764 года на Петербургской сторонѣ въ С.-Петербургѣ за попытку освободить заточеннаго въ Шлиссельбургѣ Императора Іоанна Антоновича.

Когда уже семейство Мировичей томилось въ ссылкѣ, виновникъ всѣхъ его злоключеній Ѳедоръ Мировичъ не хотѣлъ искать царскаго прощенія, и съ другими, уже немногочисленными мазепинцами продолжалъ безплодныя усилія освободить Украину отъ Россійской державы. Мы выше упомянули, что онъ изъ Швеціи перебрался вмѣстѣ съ Нахимовскимъ въ Польшу, вслѣдъ за возвратившимся туда сторонникомъ Карла XII, Понятовскимъ. Это произошло въ 1719 году. Съ той поры Ѳедоръ Мировичъ нашелъ себѣ пріютъ у князей Вишневецкихъ. Онъ былъ помѣщенъ гостепріимными владѣльцами въ особомъ, уступленномъ ему дворѣ и имѣлъ собственную козацкую команду, предоставленную ему въ распоряженіе. Сыновья его, какъ уже было показано, пребывали въ Россіи. Въ 1732 году Ѳедоръ Мировичъ писалъ къ гетману Данилу Апостолу, что сынъ его Яковъ былъ у отца во время

[1]) Ibid., стр. 317.
[2]) Ibid., № 132—1859 стр. 328—330.
[3]) Ibid., стр. 329.
[4]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед. 1743 г., № 132—1859, стр. 331.
[5]) Ibid., стр. 341.

прошедшаго Гродненскаго сейма, и сообщалъ родителю, что гетманъ вообще милостивъ къ нему и къ его брату. Мировичъ благодарилъ гетмана за вниманіе къ его дѣтямъ [1]). Письмо свое онъ отправилъ съ козакомъ своей команды и съ нимъ же послалъ письмо къ своему зятю, генеральному обозному Лизогубу, касавшееся его семейнаго дѣла [2]). Гетманъ, получивши эти письма, задержалъ привезшаго ихъ козака и сообщилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. О томъ же доносилъ въ коллегію жившій при гетманѣ царскій резидентъ Тургеневъ. Коллегія, не видя ничего политическаго въ письмахъ изгнанника, порѣшила отправить козака назадъ и приказать ему словесно сказать Мировичу, что съ нимъ, какъ съ измѣнникомъ, не дозволяется никому изъ россійскихъ подданныхъ вести сношеній, а потому пусть онъ впередъ не отправляетъ въ Россію никакихъ посылокъ [3]).

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед., № 96—1823, стр. 306—307.
[2]) Ibid., стр. 308—309.
[3]) Ibid., стр. 310—311. Въ указѣ гетману Апостолу изъ коллегіи.

МОИ ВДОВЫ.

Глава I.

Въ деревнѣ.

Барыня съ Горки (не буду знакомить васъ съ ея настоящимъ именемъ; она получила крещеніе землею, и имя, данное ей отъ прадѣдовской землицы, звучало понятнѣе, привѣтнѣе для сотни грубыхъ ушей, которымъ ничего бы не сказала ни ея фамилія, ни высокородный чинъ) съ утра ощущаетъ высочайшій подъемъ духа, который только способна дать ея жизненная обстановка. Глаза ея свѣтлы, поступь легка, голосъ звученъ, она даже хороша, а она бываетъ обыкновенно хороша только при подъемѣ духа. Дается же онъ ей рѣдко: для этого надо много тонкихъ, трудно достижимыхъ въ практикѣ, чистѣйшей пробы фактовъ. Давно, въ нѣкое лучезарное, весеннее время горячихъ порывовъ, могучихъ гимновъ и трубныхъ звуковъ, въ мою барыню запало нѣкое благодатное сѣмя и не поклевалось птицами, не заросло терніемъ. Промелькнула весна, безсильны и безумны оказались порывы, настала сѣрая непогодь, гимны и трубные звуки смѣнились органчиками съ занумерованными валиками, а доброе сѣмя, пустившее глубокіе корни, хоть и не поднялось пышною жатвой, а давало убогій, жалкій плодъ, но прочно и цѣпко держало почву ея души въ своей власти... За все, пытавшееся подточить его корни, лишить ихъ пищи и свѣта, оно платило злымъ унынiемъ, тяжкимъ недовольствомъ моей бѣдной барынѣ. А шутка ли было и питать неумирающее сѣмя! Вѣдь, оно хо-

тѣло, чтобы барыня жива была «не хлѣбомъ единымъ», чтобы давала «мѣрою утрясенною и угнетенною», отверглась лукавствъ и корысти, выгодныхъ разсчетцевъ, суеты и тщеславія, чтобы не холодѣлъ въ ней жаръ любви къ брату, стремленіе помочь, поднять, страстная жалость къ чужимъ тяготамъ и печалямъ! А она была небогата, семейна, связана по рукамъ и по ногамъ, да и въ скорбномъ листѣ ея значился не одинъ органическій недостатокъ, не одно родовое и благопріобрѣтенное увѣчье, значительно сбавлявшія силы. Очевидно, хороша и свѣтла она могла быть рѣдко. Если ее видѣли такою, то безошибочно можно было сказать, что она или «спасала», или уразумѣла что-нибудь новое, высокое, иное развила и обобщила, — вообще, что она «совершила» что-нибудь. Бѣдная барыня! Кому еще можно уподобить ее?

Она была похожа на человѣка, начавшаго жить въ великолѣпномъ дворцѣ, съ амфиладой роскошныхъ, ярко освѣщенныхъ комнатъ, алтарями, колоннами, благоуханіями... Время, недостатокъ, горькая ошибка въ собственныхъ силахъ и средствахъ понемногу выживаютъ обладателя изъ дивныхъ чертоговъ; одинъ за другимъ гаснутъ, тускнѣютъ и холодѣютъ свѣтлые покои, гаснутъ дорого стоющіе огни, вянутъ живые цвѣты. Испуганный, обезсиленный, плохо разчитавшій хозяинъ запираетъ покой за покоемъ, покуда не очутится у себя въ передней, убитымъ, униженнымъ сторожемъ своего собственнаго, когда-то кипѣвшаго жизнью, дома. И войти-то туда онъ рѣдко смѣетъ... Холодомъ, страхомъ такъ и пахнетъ отовсюду. Вѣдь, что ни запертый покой, то когда-то дорогой мертвецъ! Такъ было и съ моей барыней. Въ мелкой, однообразной толчеѣ провинціальной жизни, въ тяжелой передрягѣ болѣзней и дѣторожденія, очутившись у себя въ передней, заваленной драгоцѣнными, скорѣе мѣшающими, чѣмъ нужными, больно надсаживающими душу «реликвіями» прошлаго, вѣчно сторожа запустѣлый домъ своей юности, барыня начала даже съ ума сходить. Ни личное счастье, ни любовь не вывозили. Въ минуту, когда начинается этотъ очеркъ, она уже нѣсколько лѣтъ жила въ деревнѣ... Жилось легче. Иногда ей казалось, что и она живетъ не безъ мысли, не безъ пользы, не безъ святаго огня въ душѣ, не безъ жертвъ, хоть скудныхъ и скромныхъ, на своихъ алтаряхъ.

Смотрите, какой свѣтлый ей вышелъ сегодня денекъ.

Время было весеннее, тугое, оскудѣвшее. Оно всегда да-

вало моей барынѣ то, что мужъ въ шутку называлъ: «весенней гордыней». Что̀ недосѣянныхъ полосокъ закидывалось ея чистымъ, добрымъ овсецомъ, что̀ «пудиковъ» уносилось отъ ея амбара на плечахъ горькою нуждою! Что̀ больныхъ толпилось на ея кухнѣ, какъ наивно сводились по вечерамъ и «закруглялись» ея счеты, съ вѣчнымъ откидываньемъ грошиковъ отъ людскаго горя! Весело звенѣли прадѣдовскіе амбарные ключи, звучно раздавался голосъ барыни по всей усадьбѣ.

А сегодня все приходитъ такое крупное, исключительное. Хмурая безземельная вдова Наталья пришла писать письмо дочкѣ въ Питеръ: «4 года забывала мать, чаю восьмушки ейнаго не выпила, пачпортъ крадучись брала,—говорила она отрывистымъ басомъ, глядя въ сторону,—а вонъ теперь сама дочку нажила, мать небось вспомнила: возьми на выкормку.... Пишите—нѣтъ тебѣ прощенья, а ребенка дѣвай куда хочешь».

А послѣ часа горячихъ увѣщаній, усердныхъ представленій, Наталья уносила на почту смягченное письмо, съ «материнскимъ благословеніемъ, на вѣки нерушимымъ» и условіями, на которыхъ соглашалась принять внучку. Затѣмъ было дано, послѣ долгаго размышленія, какое-то позволеніе тоскливо-жадно глядѣвшему мужику, позволеніе не изъ мелкихъ, потому что мужикъ окриленно побѣжалъ за лошаденкой, а барыня не то сконфузилась, не то крѣпко призадумалась... А тутъ же пришлось обрѣзать кожу съ ладони, обмывать карболкой и вычищать червей изъ раненой руки запаршивѣвшаго бурлака-боровичанина, только твердившаго во время операціи: «Охъ солнышко мое, охъ меженный мой денечекъ!»

Вотъ, смотрите: сидитъ теперь моя барыня на заваленкѣ у скотнаго двора; подлѣ нея чанъ съ квашенымъ кормомъ, прикрытый рогожей, ведерочки съ солью, месеткой; передъ нею чистенькая усадебка, весело смотрящая на майскомъ солнцѣ каждымъ вѣнцомъ новыхъ струганныхъ стѣнъ, мелкой чешуйкой дранничныхъ крышъ. Ярко и жарко, несмотря на ранній часъ. Длинныя утреннія тѣни протянулись по росистой травѣ отъ липовой аллеи, отъ господскаго дома; на прохладномъ крылечкѣ сидитъ кудрявый мальчикъ и что-то стругаетъ, мурлыча пѣсенку. Сквозь деревья нестерпимымъ, искристымъ блескомъ сверкаютъ рѣчныя струи; слѣпни суетливо проносятся, чуя солнце и зной.

По двору, по узенькой, протоптаной дорожкѣ къ погребу, бѣ-

жить съ ношей миніатюрныхъ горшечковъ высокая, худенькая дѣвочка... Вотъ выбѣжала она изъ прохладной тѣни липъ и дома, на солнцѣ засверкала золотая коса до пояса, освѣтился рѣдкой красоты профиль... «Сюда, сюда иди!»—кричитъ она, оборачиваясь низкимъ, грудным голосомъ. «Это по росѣ-то!»—откликается откуда-то недовольный голосъ. Черезъ секунду по той же дорожкѣ бѣжитъ, переваливаясь, двухлѣтній ребенокъ. Солнце услужливо, рельефно обливаетъ свѣтомъ черную, въ кружокъ подстриженную головку, розовое личико, толстую, съ трудомъ улепетывающую фигурку, очевидно, боящуюся преслѣдованія.

А мальчикъ все мурлычитъ пѣсенку да стругаетъ, наклоняя то на одинъ бокъ, то на другой свою кудрявую голову.

«Стругай, стругай, мое дитятко,—думаетъ барыня,—а работника изъ тебя не выйдетъ... Вонъ та красавица—дѣло другое... И уродилась же на свѣтъ такая краса,—дивится мать, когда на черномъ фонѣ открытой погребной двери, лицомъ къ яркому солнцу, появляется дѣвочка.—Кажется, и солнцу-то весело лечь свѣтовой линіей на этотъ стройный носикъ, обогнуть овалъ чуднаго личика! А эти мягкіе, солнечные блики на высокъ лбу, а золотыя искры на волосахъ!»

Барыня наслаждается; любовь и нѣжность волной заливаютъ и заставляютъ биться ея сердце... «А вечеромъ и онъ пріѣдетъ, послѣ недѣли работы... О мои возлюбленные!»

Личное счастье — великая вещь, но барыня никогда не могла ухитриться освѣтить и отопить имъ свой дворецъ, не находила въ немъ ни ключей къ дверямъ его лучшихъ покоевъ, ни масла для гаснувшихъ свѣтильниковъ, ни достойныхъ жертвъ и фиміама для своихъ алтарей. Съ достойнымъ избранникомъ своего сердца, съ любимцемъ души своей — ласковымъ сынишкой, съ дочкой—красавицей на диво—она, все-таки, жила у себя въ передней и съ ноющимъ сердцемъ сторожила своихъ мертвецовъ.

Чу! что за тоненькій, уныло дребезжащій звукъ въ ржаномъ полѣ, на задворкахъ усадьбы? Чуть онъ коснулся слуха разнѣжившейся барыни, какъ стеръ солнце и блескъ мая, обаянье дѣтской красоты и любовь и покой данной минуты, обдалъ ее мракомъ долгихъ зимнихъ ночей, пахнулъ душнымъ воздухомъ дѣтской, запахомъ сальнаго ночника. Какъ живое передъ нею—набойчатое платье, заунывное причитанье крѣпостной дѣвушки подъ сухой звукъ шевелящихся спицъ... «Ужь я что же горе-

мычная»,—несется рабскій стонъ изъ ея далекаго, проклятаго, Богомъ забытаго дѣтства. «Ты мое ли милое ладушко!—отзывается живой голосъ за скотнымъ дворомъ, и снова молчаніе... «На кого меня покинуло!»—слышится опять ближе, дрожащѣе, заунывнѣе...

Заскрипѣли «кулгачи» и черезъ секунду показалась изъ-за угла женщина-крестьянка. Лицо ея, изъ опустившагося, суроваго, глубоко озабоченнаго разомъ подтянулось, глаза приняли умильное выраженіе, губы изогнулись въ улыбку. Она направилась къ барынѣ:

— Государынька ты моя,—начала она мягко, вкрадчиво.

— А. Лукерья,—ласково сказала барыня,—садись, потолкуемъ. Съ чѣмъ пришла?

Лукерья подобрала сарафанъ и полы чистаго сѣраго кафтана, съ благоговѣйною осторожностью избѣгая прикосновенія къ барынинымъ сосудамъ.

— Охъ сольцу-то твою, охъ месеточку-то какъ бы не...»—И она умѣстилась на закраинкѣ, у колодезной бадьи, звучно ронявшей тяжелыя, хрустальныя капли.—Съ чѣмъ я то пришла, съ чѣмъ пришла?—умильно вкрадывалась Лукерья,—да съ чѣмъ же, какъ не «съ горчинкой» своей, матушка ты моя!

Теперь я разскажу вамъ, что за женщина была Лукерья.

Во-первыхъ, она была не Лукерья и подъ этимъ именемъ едва ли кто и призналъ бы ее. Она была Лушка Бѣлозериха, вдова, крестьянка деревни Овинца, деревни сѣрой, «заувѣйной», гдѣ можно было встрѣтить и лычко, и ряднину на балахончикахъ, и отсутствіе самоваровъ и сотни рубликовъ въ «коробкахъ» у молчаливыхъ, угрюмыхъ мужиковъ, умѣвшихъ улыбаться только при «господахъ». Лушка вдовѣетъ лѣтъ пять. Мужъ ея, Василій Бѣлозеръ, былъ далеко не сѣраго, заувѣйнаго типа. Попробовалъ онъ «лодокъ», по каналу до Питера ходилъ, былъ немного бахвалъ, забубенная головушка, пилъ лихо, работалъ хорошо, но и спускалъ заработанное ловко. Ни семьей, ни хозяйствомъ онъ похвалиться не могъ. Завалящаяся девяностолѣтняя матка, братъ солдатъ, безшабашный пьянчужка, ни въ семьѣ, нигдѣ не уживавшійся,—вотъ и все тутъ. Но и отъ бабки, и отъ Василья, и отъ солдатишки-пропойцы такъ и вѣяло родимою ласкою, широкимъ весельемъ и удалью. Лушка была заботливѣе, хозяйственнѣе семьи, злая на работу баба, «скоростная», какъ называли ее сосѣдки за горячій нравъ, горячія слова. Схваты-

валась она часто съ мужемъ за кабакъ, за прогулы. но жили они дружно, хорошо, другъ друга любили. Четверо дѣтокъ было, одинъ къ одному: два сынка, двѣ дочки, старшей 10 лѣтъ. Лушка и красива была; такихъ чудесныхъ, темно-голубыхъ глазъ рѣдко встрѣтишь у крестьянки; лицо румяное, чистое; говорила она тоже хорошо, мѣткими старинными выраженіями и оборотами, начинающими исчезать изъ нашего деревенскаго языка. Такъ и жили Бѣлозеры, «пропѣхиваясь» отъ одной мели до другой, какъ живетъ большинство нашихъ крестьянъ, съ весенней нуждой и съ недоимками, «съ старостой подъ окошкомъ» и всякимъ прочимъ нашимъ деревенскимъ горемъ.

Была горячая страда. Такой ужь давно не помнили старожилы.

Рожь покрасиѣла по горбамъ, сунулась колосомъ въ землю, «смоталась», какъ у насъ говорятъ; овесъ, словно жемчугъ, крупный, желтый, звалъ серпъ, а съ сѣнокосомъ не вездѣ еще справились. «Богачи» сзывали помочи.

У одного изъ нихъ, Григорья Степанова, мужика «стариннаго завѣта», крѣпкаго и съ деньгой, былъ собранъ весь Овинецъ. Работали, пили и ѣли...

Василій Бѣлозеръ перевязалъ лычкомъ кудри, балагурилъ, широчайшими взмахами косилъ траву и то и дѣло пропускалъ «чайныя чашечки» водки, а хмѣлѣть не хмѣлѣлъ. Закусили; гости-работники разбрелись отдыхать. Василій съ Лушкой улеглись на сѣновалѣ хозяина, но Василья и сонъ не бралъ, какъ не бралъ хмѣль.

— Эка ты поди,—говорилъ онъ, лежа на спинѣ и заложивъ руки за голову,—чего, чего у кума только не запасено! Экій тесища здоровенный! Двухдуймовки, чай! Вотъ мы, Луша, такого тёсу и на гробъ себѣ не наживемъ. Смотри, какъ я помру, проси у кума самыихъ этихъ тесинъ мнѣ на домъ.

Лушка отплюнулась, огрызнулась:

— Спи лучше; это ты съ «чайныхъ-то чашечекъ» страшное такое говоришь.

— Нѣ, я не пьянъ, а соснуть—сосну. Приди разбудить...

Онъ повернулся на бокъ, подложилъ руку подъ щеку и затихъ. Лушка повертѣлась, повертѣлась, встала и пошла навѣдать ребятъ; уходя, она невольно оглянулась на здоровенныя доски, бѣлѣвшія на балкахъ. «Ишь какъ отпечаталъ,—подумалось ей:—проси мнѣ на домъ!»

Черезъ малое время, молчаливый, озабоченный хозяинъ сталъ подымать гостей-работниковъ: «Вставайте, православные, пропустите по чашечкѣ, да милости просимъ на полосу». Лушка побѣжала будить мужа: «Василій, а Василій, люди встаютъ, кумъ подымать велѣлъ». Василій не шевельнулся. Она наклонилась надъ нимъ, взяла за плечо, глянула въ лицо... Угодники Христовы! Широко открытые глаза неподвижны, ротъ чуть-чуть скосило на сторону, въ уголкѣ рта—пѣна, лицо пожелтѣло... А лежитъ какъ легъ, даже рука подъ щекой... Ну что же? Не добромъ вспоминалъ угрюмый Григорій свою помочь: поскакали за становымъ; покуда бабы галдѣли, суетились, «отливали» водой окаменѣвшую Лушку, за подолъ которой цѣплялись перепуганныя дѣти, мужики соображали: нужно ли будетъ сторожить и потрошить? Къ счастію, смерть приключилась до того на глазахъ у всѣхъ, положеніе мертвеца было столь тихо, что ни сторожить, ни потрошить не пришлось... Торопились только омыть да похоронить Василія. Время жаркое, несвободное, мертвецъ же не вылежался. Кумъ Григорій, дай ему Богъ здоровья, несмотря на сбитую помочь, далъ «самыхъ этихъ здоровенныхъ тесинъ» на домовину Василью; Лушка не сдѣлала никакого цѣннаго вклада въ деревенскую бабью хронику своимъ поведеніемъ на похоронахъ мужа. «Отливали» ее больше по кодексу, чѣмъ по необходимости. «Что камень»,—говорили сосѣдки. «Ой вы,—стыдила ихъ бабушка Егориха, видывавшая виды на своемъ вѣку старушонка, ухитрившаяся схоронить шестнадцать человѣкъ дѣтей, — не видите развѣ? Баба «ужахнувшись». Гдѣ же ей плакать?»

— И была я ужахнувшись, государынька ты моя,—разсказывала потомъ Лушка барынѣ,—ровно до глубокой осени. Рѣдко кое выду изъ ужаса, грянусь о земь, вою, по полу катаюсь, ажно дѣти изъ избы поразбѣгутся, а потомъ опять «ужахнусь» и словно каменная стану. А кругомъ-то, кругомъ! А сосѣдки, а родня-то! Ниткой не помогутъ, тебя же въ пяти водахъ переполощутъ, а на слова да на совѣты куда щедры были! Какъ заладили: «Ой, Лушка, думай ты, думай о дѣтяхъ, о домѣ думай. Чтожь ничего не думаешь?» А бабушка Егориха, царство ей небесное: «Дитятко, не думай ты ничего покуда; встань утромъ, да куда люди по «крестьянству», туда и ты ступай, да дѣло дѣлай, какъ Богу гоже, а думать не моги: ничего тебѣ теперь не выдумать». Повѣришь, государынька, послѣ его смерти двѣ недѣли я сле-

зинки не выронила, а какъ первый разъ заплакала — скажу тебѣ. Помню, шла я съ дѣтками съ поля; полоски у меня у одной не убраны были, въ суслонахъ стояли, а мужики грозятъ: лошадей пустимъ. Примаялась я до смередушки. Пуще дѣло вновѣ было, а особливо изгороду городить: не вбить кола, да и только! Пошли мы домой, обрала я и вилы, и что потяжельше у своихъ-то у дѣтушекъ; одной-то дала бурачекъ нести, другой— пальтушечку... Иду сзади, шатаюсь, а дѣвченочкамъ весело— щелкочутъ... А я и подумала: «А какъ-то вы бы теперь шли съ поля, мои касатушки, кабы меня, а не его, взяла мать-сыра земля?» И въ первый разъ подумала я: «Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Милосердному! Я-то вытерплю, я-то вынесу»... И пала я на тропиночку...

Тутъ всегда плакали и Лушка, и барыня.

Пріубрались съ работами, деревня люднѣе стала, начались общія бабьи работы: льны да огороды. Заработали язычки, расходилась заботливая роденька... «Ой, думай, Лушка, какъ проживешь, какъ безъ мужика проживешь! Ой, не ужить, не ужить!»— твердили вдовѣ на всѣ лады. Лушка, потерявъ поддержку страды, труда до самозабвенія, заколебалась сама. Прошелъ спасительный ужасъ, поднялись страхъ и тоска, нахлынули черныя думы.

Все, что у насъ зовется множествомъ ученыхъ, модно-звучныхъ именъ, что лишаетъ докторовъ часа-другаго законнаго отдыха, задаетъ работу аптекарямъ, тревожитъ въ неурочные часы прислугу,—все испытала бѣдная баба. То дѣтей охватитъ, не насмотрится, не намилуется, то рада бы зарѣзать ихъ и съ ними въ могилу лечь; въ долгія осеннія ночи стала мужа слышать: вотъ-вотъ на крыльцо идетъ, въ сѣни; его шаги, его кашель...

Первая уступка Лушки общественному мнѣнію была та, что она призвала на житье къ себѣ деверя-солдата. «Охъ ты, дѣвка,— говорили досужія теты,—не чужой, вѣдь! Гдѣ-жь тебѣ безъ мужика? Сама разсуди: сынки малы, дѣвчонкѣ десять лѣтъ... Куда-жь ты дошла? А «пасѣка» откроется, а «староста подъ окошко»?

Пришелъ деверь, помолился, поклонилась ему до земли горькая вдова; поплакалъ солдатъ, обласкалъ сиротъ, сладилъ меньшому трещотку, передъ Царицей Небесной пообѣщалъ бабѣ на ея дѣтей жить. Недѣли три работалъ какъ муравей, сбрую чинилъ, дворъ, избу ухитилъ на зиму. Теты торжествовали; у

бѣдной Лушки поотлегло на сердцѣ... Вдругъ въ одно воскресенье деверь исчезъ... Нѣтъ и нѣтъ и къ вечеру, и на другой день. Смекнула, кинулась Лушка въ клѣть—а Васильевы охорáчешки, новая поддевочка, гдѣ онѣ?! Озлилась горькая, припомнили озадаченныя совѣтчицы, что Лушка баба «скоростная» и на слова горячая, а сиротинкѣ Ванѣ такъ и не пришлось носить тятиной поддевочки... Зашла къ горюшицѣ въ сумеречки бабушка Егориха и говоритъ: «Помни крѣпко и на умѣ держи одно: отца имъ не вернешь, отца имъ и не ищи, будь имъ и отецъ и мать, а силы Богъ дастъ».

Покуда злоба держалась въ бѣдной вдовѣ, какъ-то не боялась она ни пасѣки, ни старосты подъ окошкомъ. Не дала сволочить себя въ правленіе, продала овсеца въ городѣ, отдала оброкъ и подушныя, купила дѣтямъ кое-чего; старшую побаловала платочкомъ, запасла себѣ и ей теплаго на зиму, «авось еще выпилимъ съ ней дровецъ на подрядъ», погрызла взятый изъ дома кусочекъ хлѣбца и, укрывшись рогожей отъ закутившей метели, потрусила домой, оставя дровни односельчанъ, всѣ до единыхъ безъ сѣдоковъ, въ нестройной массѣ разношерстныхъ лошадокъ, брошенныхъ зипуновъ и покупокъ, у кабака на выѣздѣ и на рядý пошла вмѣстѣ съ сосѣдями. Матвѣй Ивановичъ, прикащикъ, посмѣялся, а велѣлъ вдѣлить ее «по силѣ» въ лѣсные участки, а, выдавая возчикамъ ведро водки, далъ ей отдѣльно тридцать копѣекъ. Она купила напильникъ: старый истерся весь.

Послѣднее колебаніе свое на вдовьемъ пути Лушка разсказывала барынѣ такъ:

— Отступились сосѣдки, кои порасфыркались, а кои присудили: «поживи, молъ, и такъ, коли горда, да умнѣе всѣхъ». А гдѣ я горда? Я ужь зимой чуть жива бродила, глазъ не осушала, въ лѣсу съ Машей пилю — плачу, домой иду — вою, прясть сяду — ревма реву... Тутъ и приступи ко мнѣ зять съ Лепши.... Знаешь его, государынька? Торговый, неглупый человѣкъ.—Лушка очень гордилась «торговымъ зятемъ». Онъ ходилъ каждый день «при жилетѣ и фуражкѣ», носилъ мѣдные перстни на кривыхъ и красныхъ пальцахъ, говорилъ о себѣ «мы», «намъ», торговалъ рѣшительно всѣмъ: окаменѣлыми отъ давности кренделями, яйцами, пѣтухами, клюквой, скотиной, урванной въ безвыходныя минуты у крестьянской нужды, даже живыми зайцами... Мѣтилъ въ сельскіе старосты и дровопромышленники. — Вотъ и началъ онъ: «Молода ты еще, Лукерь-

юшка, не проживешь безъ мужика; первое горе огорюешь — соскучишься, а тамъ на какого еще чорта тебя насунетъ... Что грѣха, что срама! Дѣтки за милостынькой, сама спустишься... И ни-ни, и не зарекайся! Не прожить такъ, не прожить... А лучше, пока мало нешто, да до весенняго горя не дожила— сдѣлай «апробацью», возьми мужа въ домъ... «Мы» тебѣ совѣтуемъ любя, для «насъ», вѣдь, все равно... А у «насъ» и на примѣтѣ есть человѣкъ: конечно, «мы» тебя не манимъ: пьетъ! Да кто нонѣ не пьетъ? И твой Васильюшка пилъ. Такъ-то... такъ...» И пошелъ, и пошелъ, красное ты мое солнышко, и голову мою бѣдную всю скружилъ; подумала я: аль я умнѣе всѣхъ? «Приходи, говорю, Петрій Ивановичъ, съ женихомъ, пусть моихъ сиротъ посмотритъ, да избенку со скотинкой, да меня, горюшицу, въ придачу». И взвыла и сунулась я на лавку... Уговаривалъ, уговаривалъ меня зять и ушелъ: завтра, дескать, будемъ. Я къ скотинѣ, а на деревнѣ затрезвонили въ большой колоколъ: «Лушку завтра женихъ смотрѣть придетъ, въ домъ ей дается!»

Иду это я съ подойникомъ со двора, на душѣ тоска смертная, лихорадка колотитъ всю, анъ вижу бабушка Егориха проворно таково шасть изъ избы... Я дверь толкнула, гляжу: у иконы свѣчка зажжона, а мои горькіе, мои-то родимые, всѣ четверо рядышечкомъ стоятъ, за рученьки взявшись, да какъ повалятся мнѣ въ ноги, да какъ завоютъ: «Не давай ты намъ чужаго отца, родимая матушка, пожалѣй ты насъ желанная»... А Маша моя: «Будемъ лучше вмѣстѣ жить, работать; я съ тобой за мужика пилить стану; Ваню въ овчари отдадимъ, кормилица, мамушка!» Какъ я ихъ тутъ всѣхъ охватила, какъ грянулась о земь, такъ и обмерла. Бабушка Егориха, — добрая душа! — подъ дверьми слушала, еле меня водой отлила. На другой день къ зятю отказъ послала... Посердился, покаурился — обошлось... Ванюшкѣ къ Пасхѣ ужь и жилеточку подарилъ, съ стеклянными такими пуговочками...

Съ той самой поры вдовѣетъ Лушка уже не колеблясь; ни единый ехидный языкъ не повернется сказать что про нее. «Живетъ, какъ Богу гоже.» Нажила сухой кашель, бокъ побаливаетъ...

Пропѣхивается не хуже любаго мужика. Повинность, оброки платитъ, сынишку въ пастухахъ выдержала, покуда не окрѣпъ; Маша выросла удалой работницей, ладной, ловкой дѣвушкой...

Гдѣ можно урвать подходящую работку, Бѣлозериха съ дѣтьми тутъ какъ тутъ. Не валится ея доля изгороди, не протекаютъ скирды, посѣвъ ровный, что у мужика... Не брали съ нея ни гроша два страшилища нашей деревенской жизни—кабакъ и кулаки. Разъ навсегда «ужаснувшееся» сердце поставило ее высоко, высоко надъ всякимъ баловствомъ, всякимъ уклоненіемъ. Она жила заботою и трудомъ; метала зароды и парила кринючки; клала заплатки и ходила на ряды, отстаивала свои права и заполоски, отгрызалась отъ обиды людской, «горѣла что свѣча неугасимая», въ вѣчномъ подвигѣ — ночномъ и дневномъ, большомъ и маломъ.

Но подвигъ этотъ совершался въ суровой, безжалостной простотѣ, безъ привѣта и поддержки. «Дивья Бѣлозерихѣ,—говорятъ сосѣди,—что ей! Кабакъ небось не разоритъ, не пропьетъ въ годъ-то гроша. А праздники теперь! Кто съ нея взыщетъ? Справляетъ, какъ хочетъ. Ишь, до «нови» свой хлѣбъ жретъ! Что ей? Съ работы придетъ, да еще что домашняго дѣла передѣлаетъ—куда ей идти? А опять лошадь? Осьмой годъ служитъ... Бабья «берёговата» извѣстна: у кабака не проморитъ, «трухъ-трухъ», иди въ канюшенку... Оброки тожъ — трясется — припасаетъ... Потому баба боязливѣе и запасливѣе...»

Но Лушка была живою радостью барыни съ Горки; ея здоровые, чисто одѣтые ребята, гладкія коровы, вся въ яблочкахъ, круглая соврасая лошадка всегда подымали въ барынѣ странно - нѣжное чувство, туманили ей глаза радостными, именно радостными слезами.

— Съ какой же такой «горчинкой»?—переспросила барыня, сразу сообразивъ, что нетелка Лушки, сытая, красная нетель должна висѣть на волоскѣ. Положимъ, хлѣбъ у Лушки свой; положимъ, она посѣялась съ помощью барыньки, да и Машка съ братомъ не зѣвали весною и напилили сажень пятнадцать короткихъ дровъ, а, все-таки, нетель была въ опасности. Податей требовали, староста уже «ходитъ подъ окошкомъ», крутой такой на сей разъ: семь денъ въ арестанской высидѣлъ, лѣсные хозяева не высылали инструкцій прикащикамъ, разсчеты за дрова затянулись. Что дѣлать? За пять рублей оброку продавай нетель...

— Я бы и не докучала тебѣ, солнышко мое, ублюла бы отъ овса съ осени, да вотъ самый этотъ овесъ съ рукъ вырвали. Пріѣхалъ стойщикъ, да староста къ нашему Егору, пили, пировали и пошли по деревнѣ овесъ подъ закладъ брать за

послѣднюю четверть. Какъ такъ? Пошто не ко всѣмъ, а къ бѣднякамъ только? Поспорила я, а отказать не смѣла,—вижу Ѳедотика идетъ ужь къ амбарушкѣ, Шубачъ покорился... Одно я смекнула: не дамъ я вамъ, винныя вы бутылки, того овса, что въ амбарѣ лежитъ... «Брызговичекъ» былъ, государынька. Рига насажена, говорю, завтра молотить буду, и представлю.... И подрадѣла же я имъ,—грубо, злобно промолвила Лушка,—что ни на есть торицы, да охвостья имъ навѣяла. Жрите, окаянные!... А все-жь со счету да разсчету сбилась. Дай пять рублей, заработаемъ... Хотѣла я у тебя Пашуткѣ на обновочку къ Варламью просить, да ужь лучше не стану: пусвай въ старенькомъ, бѣло-розовенькомъ еще сей годъ межъ народомъ потрепещется, а ужь нетелки жалко... Пропехай еще на сей разъ, не сведи скотинки со двора безо времени...

Барыня слушала эту исторію о вырванномъ «винными бутылками» овсѣ во второй разъ; слушаемъ мы эти сказки совершенно хладнокровно, и даже барыня пережила пору возвышенныхъ негодованій; она пособображала: «Могу дать, кажется,—увѣряла она себя,—хорошо, что я оброкъ ея въ виду имѣла». «Сейчасъ принесу»,—сказала она громко и пошла къ дому легкой, эластичной поступью. Она не шла, а «текла»; она мысленно растворяла двери одного изъ своихъ завѣтныхъ покоевъ; алтарь его не былъ пустъ: на немъ «возложена» была Лушкина красная нетелка.

* *
* *

— Чего у васъ просила Бѣлозериха?—спрашиваетъ у барыни скотница Прасковья, полчаса спустя послѣ описаннаго. И барыня, и она теперь уже на скотномъ дворѣ и разносятъ пареный кормъ по яслямъ и кормушкамъ. Становится все жарче, слѣпни гудятъ; того и гляди прибѣгутъ, бѣшено мотаясь, измученныя коровушки. Сухая, пышно настланная солома хруститъ подъ ногами; щели кажутся золотыми стрѣлами въ полутьмѣ двора; ласточки внезапно, безшумно влетаютъ и вылетаютъ въ сіяющее слуховое окно.

Барыня съ засученными рукавами и въ подоткнутой блузѣ поливаетъ кормъ разсоленной водой; Прасковья за нею, помѣшиваетъ его палкою.

Двѣ руки, одна бѣлая, круглая, другая громадно-толстая, темная, съ кожей, до обмана зрѣнія похожей на древесную кожу, работаютъ рядомъ.

Прасковья, на языкѣ барыни, Пашуха или вдова Маркушиха—по народному названью, одна изъ «спустившихся» на всю волость. Нѣтъ въ ея женской, крестьянской жизни чего-либо имѣющаго цѣну, чего бы она ни спустила. Скотъ, домъ, землю, себя, дѣтей, послѣднюю «шиотинку», послѣдній конецъ точки и жердь изъ надѣла,—все было спущено ею глупо, жалко, зря, что называется. Она никогда не извлекла ни мимолетной выгоды изъ спускаемаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не была отчаяннымъ и разгульнымъ существомъ, которому все трынъ-трава. Нѣтъ, въ ней неотступно держались неумирающій страхъ и безсильное горе. Съ воемъ и тяжкимъ страданіемъ продавала она коровъ, отводила сыновей въ ученье, снаряжала младшихъ за милостынькой, заколачивала окна своей обрушившейся избенки, уходя въ работницы къ ближнему арендатору. Десять лѣтъ она смиренно принимала сыворотку, муку съ мякиной, да потычки съ мелкимъ надувательствомъ за невозможные, сказочные труды... И со всѣмъ этимъ горемъ, въ безъисходной работѣ она тепло, беззавѣтно, искренно, непремѣнно съ иллюзіей и чувствомъ отдавала свое огрубѣвшее, древовидное тѣло и мягкое сердце всякому, кто сказалъ ей хоть два-три участливыхъ слова. Ея безчисленныя связи не были ужъ такъ низменны. «Я вѣрила, жалѣла, вѣдь». Но и въ любовныхъ связяхъ ея доля была—терпѣть и быть «попранной». Вдоволь погуляли на ея крѣпкомъ тѣлѣ оглобли, дуги да кулаки ея любовниковъ. Но одно слово поласковѣе, и она все забывала. Что это было? «Рюмочка» ли своего рода послѣ тяжкихъ трудовъ, удовольствіе ли, поддерживавшее въ нѣкоторомъ равновѣсіи ея существованіе? А не то и взаправду иллюзія сердца, что вотъ любятъ, жалѣютъ? Барыня до этого добраться не могла и не умѣла. Пашуха была связана съ нею особаго рода узами. Она, т.-е. барыня, еще трехлѣтнею дѣвочкою, бережно принесенною въ избу, присутствовала на вечеринахъ Пашухи, и въ туманѣ этого воспоминанія ярко помнила, какъ та, распустивъ желтые, длинные волосы, заунывно продавала «свою красоту». Выдавала ее бабушка-барыня за дохленькаго, чахоточнаго мужичонка. Тринадцать лѣтъ работала за него и за всю семью Пашуха, выносила и родила тринадцать человѣкъ дѣтей. «Вотъ

жалятся бабы, что ребятищи одолѣли,—говаривала она,—а мое дѣло каково было? Мужъ съ постели не встаетъ, а каждый годъ дѣти; злой въ чахоткѣ былъ, частенько трепалъ... И что это за болѣзнь—чахотка! И ѣсть, и баба нужна, и драться сила есть, а работать не можетъ».

Маркушъ, наконецъ, померъ; на той же недѣлѣ пропала лошадь—увязла въ трясинѣ.

Вдова осталась съ пятью дѣтьми и кривой золовушкой Ненилой. Въ хозяйствѣ вездѣ тонко, не за что взяться; на плечахъ тринадцать лѣтъ ломовой, убившей съ корнемъ и самолюбіе, и самодѣятельность, жизни. Къ ней сразу словно прибили ярлычекъ съ надписью: ломовикъ, плата «сколько кто хочетъ». Сила въ бабѣ была великая, неистощимая, здоровье даже не желѣзное,—это обычное сравненіе казалось и слабо, и словно утонченно,—а какъ бы глыба руды, непроницаемой, несдвигаемой съ мѣста, безъ мѣры и вѣса...

Чего, чего не дѣлала она за оглодки, за десять фунтовъ муки, тряпицу, а частенько за ласку, за посулъ! И всѣмъ она вѣрила и всѣхъ боялась. И дѣтей жалѣла до баловства, покуда не проѣли они двухъ коровъ,—не имѣла силы сунуть ихъ въ люди или послать за милостынькой. А пришла неминучая, поразсовала старшихъ во что ни на есть худшія мѣста, гдѣ терпѣли сироты муку кромѣшную. А сама работала безъ отдыха да плакала безъ счету. Раздѣлилась межъ арендаторомъ и своей землицей: три дня на него, три на себя; въ страду, безъ ночнаго отдыха съ работы на работу ходила, камни на себѣ возила. У арендатора, бывало, весь-то урожай усадебный, въ кубачахъ яровой и ржаной соломы, съ дальняго гумна на плечахъ перетаскаетъ...

Полюбилась лукавому мужику «сказочная» безотвѣтная работница, сталъ онъ ее уговаривать земли рѣшиться совсѣмъ. «Да куды она тебѣ? Будетъ только въ убытокъ... оброки да правленья; переходи-ка лучше совсѣмъ ко мнѣ».... Арендаторша тоже «сдобрилась», чайкомъ напоила; въ бурачкѣ сыворотки, каждый вечеръ уносимомъ Пашухой въ видѣ «милости», выловили ея младшіе въ сей вечеръ не одинъ кусочекъ творожку... Умилилась баба!... А къ обществу подвернулся ловкій, до всего дошлый Левша, безземельный дворовый: «Присудите, православные, Маркушихѣ сдать мнѣ землю; съ нея что міръ возьметъ? Безпокойства да прижимка отъ правленья за не-

доимки. Въ работѣ несправна, по заполоскамъ задержка. Я же всегда съ моимъ удовольствомъ водочку каждогодно, а вносить оброки—первымъ долгомъ».

Отступилась отъ земли баба, передала въ безсрочную аренду Левшѣ, очутилась въ безъисходныхъ батрачкахъ, удержавъ, какъ тѣнь хозяйственной самостоятельности, кривящуюся избенку съ подопрѣвшими углами. Упорно ходила Пашуха года три отъ арендатора ежедневно за версту, въ осенніе дожди и зимніе заносы, ночевать въ свою хату, на свою печку, на родную лавочку, терпя ругань и срамъ за каждую, стащенную на топку, чурочку. Но провалилась родимая печурочка, сгнилъ полъ, послѣднюю дочку свела она въ няньки, заколотила окна избушки и подперла дверь коломъ.

О починкѣ избенки она и не мечтала; арендаторъ платилъ ей «кое-чѣмъ»; опредѣлить свое жалованье ей и въ мысль не приходило... Сердце только все ныло. Такъ и шла жизнь въ каторжномъ трудѣ, безсильной мукѣ о ребятишкахъ и любовныхъ связяхъ, не дававшихъ ей ни лишняго гроша, ни заступы, ни облегченія... Такою застала ее и приняла отъ арендатора барыня вмѣстѣ съ разоренной усадьбишкой, какъ нѣчто органически съ нею связанное—не то какъ лошадь, не то орудіе хозяйственное. Барыня моя горячо принялась поднимать и «спасать» Пашуху. Случалось ли ея чистой, цѣломудренно-щекотливой натурѣ негодовать на «уклоненія» Пашухи, ей стоило только взглянуть на монументальныя ноги бѣдной женщины, всѣ въ синихъ узлахъ и желвакахъ по выпуклымъ, что древесные корни, жиламъ, на ея мощныя ступни, спину и шею вьючной скотины, перенесшія во всѣ сорокъ лѣтъ бабьей жизни десятки тысячъ пудовъ; на эти безобразныя руки, почти не умѣвшія владѣть ни иглой, ни ножницами, и она чувствовала, что всѣ счеты и начеты нравственныхъ требованій разомъ смяты и сметены чѣмъ-то подавляюще-тяжелымъ—и смиренно склоняла голову...

— Дивья Бѣлозерихѣ!—проговорила Прасковья, переходя къ другому жолобу.—А тутъ разсаливать станете?

— Стану. Ужь тебѣ-то грѣхъ бы повторять за людьми: «дивья»; сама знаешь, дивья ли ей!

— Да я не объ горѣ, не объ работѣ говорю, а что Богъ далъ ей сердце неробкое да горячее. Она сразу круто да строго взяла... А я вотъ и работала, и горевала впятеро противъ

ейнаго, а ничто въ прокъ не шло... Всѣхъ-то боялась, всѣмъ вѣрила...

— Тутъ есть еще кое-что и другое, Прасковья,—мягко замѣтила барыня.

— Знаю, знаю, объ чемъ вы это намекаете... Нѣ, нѣ, нѣ!... «Это» не причемъ тутъ. А сестру мою Акулину, вдову, помните? Помните, какъ ей, при передѣлѣ огородовъ, мужикъ, Киршей звался, руку въ плечѣ вывихнулъ, а она на его съ коломъ шла? Строгая была, горячая; какъ дѣтей выростила, какое богачество по крестьянству въ домѣ соблюла! Самый этотъ вашъ папенька, при всемъ народѣ, въ церкви ей просвирку пожаловалъ: «на, трудящаяся вдова», сказалъ. А не въ осудъ ей будь сказано, дружковъ, что лапти мѣняла. Я, бывало, покуль за мужикомъ жила, говаривала ей: «Ой Куша, да что тутъ за сласть!» А она: «Поработай-ка ты за мужика, да пошляйся-ка ты весь вѣкъ на міру, по лѣсамъ, да по кабакамъ, да по большимъ дорогамъ, и пьяная и тверезая, и днемъ и ночью,—сама мужикомъ сдѣлаешься. А Настя рожешница? Почитай съ каждымъ, кому рожки кидаетъ. А хозяйство какъ ведетъ? Какъ послѣ мужа домъ подняла, скотъ нажила? Кто ее обидитъ, аль осудитъ? Сколько разъ, не суди сестры Куши, на міръ съ коломъ ходила. Помню, какъ она отъ мужниныхъ недоимокъ отбоярилась, когда сынишку старшаго хотѣли отъ общества въ пастухи отдать. Почернѣла вся, да на старосту съ кулаками: «Деревню запалю!» Отступились, небось: «бѣды бы не нажить съ дурой-бабой, православные»; не стали, небось, утыкать поведеньемъ да дружковъ считать.

Прасковья и мѣшать кормъ бросила, заволновалась, потемнѣла; обыкновенно мягкій голосъ прибралъ низкія, грубыя ноты; подбородокъ дрожалъ.

— Это щасть моя такая окаянная, да сиротскій «трепетъ» съ малыхъ лѣтъ, да то, что кажиннаго совѣстилась, кажинному вѣрила...

Она вдругъ замолчала.

— Намъ Сивохѣ да Батѣ лучше въ тѣхъ хлѣвкахъ «особинку» сладить, а то здѣсь обижать станутъ...

— Я не утыкаю и не считала дружковъ,—еще мягче говорила барыня, перебираясь со своими сосудами въ хлѣвки,—а просто думаю, что живи ты, какъ Бѣлозериха, у тебя и дѣло спорѣе бы шло, и меньше трепету и «совѣсти» было бы, кабы ты была

кругомъ совсѣмъ чиста... И въ головѣ больше бы ума да покоя было и силы тоже...

— Ужь не знаю, ужь не знаю,—мягко, раздумчиво промолвила Прасковья, переворачивая мякину огромной рукой.—Подлейте-ка сюда еще солененькаго... Вѣдь, не сразу же я спустилась... Вотъ, какъ передъ Богомъ, три года послѣ своего мужика ничего худаго за собою не знала... Не знаю... аль сказать вамъ, какъ «это» первый разъ со мною случилось?

И она стыдливо усмѣхнулась.

— Ну, скажи.

— Ходила я на Липное къ богачамъ, подённо жала... Хлѣбъ у меня въ тѣ поры давно ужь весь вышелъ. Что дадутъ, то и съѣшь. А давали кое-что, кое-какъ... Жну, жну, не разгибаясь, да еще: Маркушиха, подотри избу,—это въ отдыхъ-то,—да пособи вечеромъ коровъ подоить. Идешь домой, а что несешь? Пятерымъ и поужинать мало. Вотъ иду я разъ въ тёмочкахъ ужь, причитаю, вывожу голосомъ, а на краю у каземата жилъ въ тѣ поры отставной солдатъ, сапожникъ, бравый изъ себя...

Прасковья говорила все мягче, медленнѣе, стыдливѣе, усмѣхаясь, останавливаясь.

— Ну, отворилъ онъ окно: вдовушка, а вдовушка! Снеси дѣткамъ краюшечку... И подалъ—да чуть не полхлѣба!... Вѣдь, я ему въ ноги поклонилася, на улицѣ поклонилася...

— Да зайди, вдовушка, завтра, да съ мѣшечкомъ, еще дамъ; жаль мнѣ тебя, вдовушка.—И тепло мнѣ, и весело таково стало—хоть одинъ-то, думаю, безъ корысти пожалѣлъ. Ну, и зашла на другой день съ мѣшечкомъ... Какъ это вамъ и сказать, не знаю ужь... оно непригоже... ужь и не вышла отъ него такою, какъ вошла...

— А въ мѣшечекъ ничего не положилъ?

— Нѣ, ничего...

— Такъ это «за одну краюшечку»?

— Да, должно быть, что за одну... Да еще по осени подъ старые сапоги подметки подкинулъ... И все-то у меня евто такъ,—съ покорнымъ вздохомъ добавила Прасковья,—за сывороточку, да за корочку, да за тряпочку...

Она замолчала, барыня смиренно поникла головой. Въ наступившемъ затишьѣ выдѣлились всѣ окружавшіе звуки: и щебетъ ласточекъ, и гудѣнье слѣпней, и восхищенная пѣсня жаворонка надъ крышей двора.

— А это не коровы ли ужь идутъ?—вздохнула и насторожилась барыня.

— Это никакъ вашъ баринъ ѣдетъ,—промолвила, послушавъ, Прасковья.—Бубенчики, а не коровьи колокола...

Барыня вспыхнула, обдернула рукава, блузу и кинулась въ ворота. Черезъ минуту она была уже у крыльца.

Пара почтовыхъ, гремя бубенцами, яростно билась и отмахивалась отъ слѣпней. Прислуга вынимала укладочки и корзинки. Дѣти прыгали на ступенькахъ около высокаго, чернобородаго мужчины, съ красивымъ профилемъ, львиной, густоволосой головою, неторопливо расплачивавшагося съ ямщикомъ. Еще секунда и барыня крѣпко, радостно обнимала за всю недѣлю разлуки своего дорогаго гостя.

* * *

Супруги очень любили другъ друга, но термометръ, занущенный въ самую святая святыхъ ихъ отношеній, не далъ бы высокаго градуса. Правда, онъ не далъ бы за то почти никакихъ колебаній. Сразу обстановивъ себя «идейно», давъ слово «уважать свободу другъ друга», глубоко заложивъ складку сдержанности и осторожности, они неизбѣжно расхолодили свои отношенія. Она съ трудомъ, отчасти съ болью воздержалась на первыхъ порахъ отъ всякаго поползновенія завладѣть всѣмъ существомъ мужа, отъ любящей, женской тираніи; онъ не подчинялъ себѣ ни единымъ намекомъ воли и дѣйствій жены. Никогда не ощущали они присутствія и «побрякиванія цѣпей», но за то были лишены тепла и тѣснаго соединенія двухъ прикрѣпленныхъ другъ къ другу существъ. Опытъ показалъ, что рядомъ съ нимъ, любя и вѣря ему, она способна съ ума сойти въ болотной мертвечинѣ уѣзднаго городка, безъ всякой самостоятельной дѣятельности...

Устроивъ, съ широкимъ человѣческимъ сочувствіемъ, скромную арену этой дѣятельности на свѣжемъ воздухѣ, онъ полгода обходился безъ жены и семьи съ удивительною ясностью, многимъ казавшеюся равнодушіемъ. Имъ обоимъ словно достаточно было другъ друга на одинъ день въ недѣлю, ласковый, свѣтлый, теплый денекъ. Мелочи, раздоры и зацѣпки были устранены ими изъ жизни точно по уговору. Она была утончена и «деликатна», онъ спокоенъ и силенъ, на все смотрѣлъ просто и ши-

роко, все судилъ «по существу»; не было въ немъ духовной суетливости, задору, нетерпимости.

Пресловутые «вопросы», общественныя страсти и треволненія, идейныя увлеченія понималъ онъ только по теоріи. Владѣть даннымъ моментомъ, дѣлать всякое дѣло «на чистоту», быть всегда самимъ собою, нелицепріятнымъ и независимымъ, часто рѣзкимъ, суровымъ, но никогда мелочнымъ и деспотичнымъ,—вотъ что было дано ему въ высшей степени. Онъ былъ реалистъ въ лучшемъ значеніи этого слова и природный, такъ-таки и уродившійся «несословный» человѣкъ. Онъ одинаково, совсѣмъ одинаково гремѣлъ и сердился за партіей преферанса съ тузами и начальствомъ и въ пулечкѣ съ мелкими чиновниками, одинаково обрывалъ дуру-генеральшу и дуру-бабу паціентокъ, одинаково сливался съ дѣльнымъ дровопромышленникомъ, дегтяремъ, мельникомъ и дѣятелемъ высшихъ сферъ, высшихъ сословій. Вкусы его перевѣшивали всегда, впрочемъ, на сторону техники и практики.

Говорить онъ не умѣлъ; никого не судилъ; всего болѣе претили ему, возбуждали въ немъ тяжелое, мерзительное, гнѣвное чувство фарисейство, узкая нетерпимость и противорѣчіе между дѣломъ и красивыми словоизверженіями. Чиновничество, форма, канцеляризмъ не отняли у его жизни ни минуты серьезной думы или заботы, не легли на него и мимолетной тѣнью. На немъ лежала благословенная печать человѣка земли. Запрятанный въ грушевые и вишневые сады, съ душистымъ пчельникомъ, бойкими, доморощенными лошадками, съ сановитою фигурою степеннаго старика-отца, литовскій хуторокъ, взростившій его дѣтство, поддерживавшій его труженическую юность, такъ и овладѣлъ имъ на вѣки. Теперь земелька жены, ея сѣверные лѣса, поля и болота были любимою заботою и отдыхомъ его трудовой, однообразной жизни.

Таковъ былъ избранникъ моей барыни. Она изучала его долго, тщательно тая свою борьбу, мучась, подымаясь и падая. Годы шли; накапливавшіеся факты сложились въ одно сильное, хорошее цѣлое...

— Знаешь,—сказала она однажды мужу, не задолго до начала нашего разсказа,—гдѣ я нашла и доподлинно узнала, что ты есть за человѣкъ?... Я узнала это въ Евангеліи, мой милый.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ онъ, не то смѣясь, не то удивляясь.

— Да,—и барыня, откашлявшись, прочла громко, внушительно: «И будьте какъ Отецъ вашъ Небесный, который велитъ

солнцу своему свѣтить надъ злыми и добрыми, и дождю кропить грѣшныхъ и праведныхъ....»

— Много чести, голубушка.

— Но, вѣдь, я тебя съ глупымъ, неразсуждающимъ свѣтиломъ сравниваю, которое одинаково глазѣетъ на идеальныхъ существъ...

— Вродѣ тебя,—смѣясь вставилъ онъ.

— Ну, хоть вродѣ меня...

Оба засмѣялись; она бросила работу и сказала:

— Ну, вотъ же тебѣ и другое мѣсто; точно про тебя сказано: «Се человѣкъ, въ коемъ нѣтъ ни малѣйшаго лукавства».

Голосъ ея задрожалъ, глаза покраснѣли отъ близкихъ слезъ; она поцѣловала его въ лобъ, въ глаза, живо, нѣжно.

— Ну, на это, пожалуй, еще можно согласиться, милая.

И онъ отвѣтилъ ей ласковымъ поцѣлуемъ.

Чудеснымъ, сіяющимъ вечеромъ оканчивается счастливый день моей барыни. Мужъ ушелъ въ дальнюю лѣсную прогулку съ лучшими своими пріятелями — мужиками, словно изъ земли выросшими по пріѣздѣ барина. Одинъ изъ нихъ—лѣсной «ходокъ», длинный, худощавый старикъ, съ табачнымъ носомъ, хитрыми сѣрыми глазами и вѣчною стереотипною фразой: «Что ужь тутъ! Надо дѣло говорить!» Замѣчательно было то, что онъ словно забывалъ это изреченіе, когда дѣйствительно съ чѣмъ-нибудь соглашался, но неизмѣнно подкрѣплялъ имъ всякое, даже пустячное «господское» мнѣніе. Пришелъ онъ извѣстить, что, дескать, нашелъ въ трущобной лягѣ одинадцатисаженную ель, на мачту,— «что ужь и за деревина!»

Юрко прибѣжалъ Пашухинъ арендаторъ, бойкій, плутоватый Левша:

— Высмотрѣлъ я, баринъ... какъ вамъ и сказать, ужь и не знаю.—И Левша словно стыдливо почесался.—Высмотрѣлъ я «пучину».

— «Пучину»?!—съ живымъ интересомъ переспросилъ баринъ. На губахъ его полуулыбка, тоже какъ будто стыдливая; онъ избѣгаетъ встрѣчи съ лукаво смѣющимися глазами жены.

— Да такую «пучину»,—добавилъ, ободряясь, Левша, — что если теперь провести изъ нее канавку въ мельничный ручей, то отличное дѣло будетъ.

— Что ужь тутъ! Надо дѣло говорить!—скрѣпилъ Дмитрій.

Поцѣловавъ жену, дѣтей, неторопливо, по обычаю, но оживленно сдвинувъ фуражку на затылокъ, подставляя усталый лобъ и тяжелую голову весеннему вѣтерку, близости зеленаго, свѣжаго лѣса, ушелъ городской труженикъ.

«Поди, побродн, моя радость, отдохни душою въ моихъ зеленыхъ дебряхъ»,—думалось барынѣ, и снова лукаво усмѣхнулась она, глядя вслѣдъ мужу. Къ нему откуда-то изъ-за плетня ковылялъ копачъ-бѣлоруссъ, спина дугой, настоящій лѣсной Кикимора, съ огромнымъ сизо-багровымъ носомъ. Онъ оживленно жестикулировалъ и что-то пояснялъ.

«Всѣ съ заработкомъ будутъ»,—любовно, доброжелательно подумалось барынѣ.

Ниже спустилось солнце и барыня съ дѣтьми идетъ разыскивать мужа. Вотъ онъ сидитъ на крыльцѣ людской, окруженный мужиками; попрежнему сдвинута фуражка на затылокъ, лицо словно отошло, помолодѣло. Присѣла и барыня на поставленныя ребромъ дровни... О чемъ тутъ ни трактуется! Какъ бы сходить двумъ-тремъ выборнымъ въ Л. къ тузу—известчику и сдать ему сухую осину, помимо перекупщиковъ; да какъ добыть планы изъ «присутствія»; идутъ совѣты хозяйственные, техническіе, юридическіе. Барыня зорко наблюдаетъ. Какое дружное согласіе, поддакиванье встрѣчаютъ разсказы барина о сохахъ, плугахъ, запашкѣ, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ вставляетъ Дмитрій свое: «Что ужь тутъ! Надо дѣло говорить!». «А, вѣдь, знать ничего не хотятъ,—думаетъ барыня,—думаютъ: «потѣшимъ барина». Но вотъ смотрите, какъ напряженно-серьезно, молча слушаютъ они юридически-практическія толкованія, правила мировыя, рекрутскія, мелкіе законы и постановленія... Покуда мать по неисправимой привычкѣ наблюдаетъ и философствуетъ, сынишка суется между колѣнъ отца, красавица-дочка чинно сидитъ подлѣ нея на дровняхъ, лучезарный вечеръ спускается на поля и долины; разбрелись мужики, хозяева обошли еще по росистой межѣ озимое поле съ матерою, изъ-синя темною рожью, уже шедшею въ трубки...

А поздній вечеръ всецѣло принадлежитъ моей барынѣ... Лежитъ онъ, вытянувшись во весь богатырскій ростъ, заложивъ руки за волосатую голову. Высокіе сапоги, синяя блуза, опоясанная ремнемъ, чрезвычайно шли къ его могучей фигурѣ. Онъ весь отдыхалъ послѣ дальней лѣсной прогулки, отдыхало его лицо, съ крупными, правильными чертами, немного низкимъ лбомъ,

мягкимъ, кротко очерченнымъ ртомъ... Его улыбка и голосъ были замѣчательно хороши. Жена, сидя въ ногахъ у него, съ работою въ рукахъ, горячо сообщаетъ ему все до мелочей, сдѣланное, слышанное, замѣченное... Не мастеръ комбинировать, развивать и обобщать, онъ чутко находилъ правду и всегда принималъ ее къ свѣдѣнію. Жену любилъ слушать и, съ мягкой насмѣшкой исключая иное, во многомъ искренно сочувствовалъ ей.

— Ахъ, милый, я еще новое знакомство сдѣлала... Баба тутъ у насъ въ Васильковѣ есть торговая, «Сѣру́шкой» зовутъ. Мужъ калѣка, ноги ему бревномъ перешибло, а у нея одно легкое совсѣмъ плохо. И что̀ э̀то за изворотливое, цѣпкое, право, рѣдкое у насъ существо! Представь: смѣнилась она съ однимъ «приписавшимся» постройкою за то одно, что онъ особнякомъ выстроился, развела садикъ, молоко, сметану стала въ городъ за пятнадцать верстъ носить. Тяжело и невыгодно было, но баба связи полезныя завела, опытности набралась... По хорошимъ домамъ все вынюхивала, высматривала: то сѣмянъ огородныхъ, то черенокъ ягодный или яблочный. то узорчикъ на полотенце. Все у нея въ прокъ идетъ... Теперь она стала и телятъ выпаивать и рябочковъ скупать... Калѣка-мужъ совсѣмъ-то не свѣжихъ ощиплетъ, мясо сварятъ, а пухъ да перо дѣвушкамъ на «приданыя подушечки»... Потомъ, какъ присмотрѣлась въ городѣ, какъ варенье варятъ, начала свои ягоды, яблоки варить: то «богачамъ» деревенскимъ въ постные дни продаетъ, то въ городъ носитъ... А любознательна до жадности, до трепета, такъ во все и вникаетъ, и впивается: «Охъ и это можно, охъ можно, ой охота у меня смертная!»... Вотъ завтра придетъ и о груди своей съ тобой поговорить... Ахъ самодѣятельность какая рѣдкая!... Но я тебя-то не спрашиваю, — какъ будто опомнилась барыня послѣ небольшой паузы,—ну, что у васъ тамъ?

— Ничего у насъ, голубушка. Вожусь съ больными, устаю. Вонъ за полтораста верстъ еще трястись придется... Прокуроръ распорядился бабу добывать изъ могилы... семь мѣсяцевъ уже какъ похоронена... Препираются тамъ со слѣдователями, а тутъ кости ломай...

— Бѣдный мой! А пулечки, а винтъ?

— Случается...

— Ну, а больше ничего?

— Ничего.

— А у меня здѣсь, вѣдь, не въ примѣръ лучше? — съ живостью воскликнула барыня.

— Лучше, гораздо лучше, моя радость,—шепнулъ онъ, обнимая и привлекая къ себѣ жену.

Розовыя зори не гаснутъ на свѣтломъ майскомъ небѣ; соловьи щелкаютъ за рѣкою; сладко, упоительно течетъ поздній вечеръ надъ головой моей барыни и заканчиваетъ послѣдній, счастливый день ея жизни. На утро въ ея только что открывшіяся очи глянетъ смерть, подастъ ей руку и пойдетъ она неразлучно съ этой суровой спутницей до могилы. Не чаетъ, бѣдная, что надъ нею заносится ударъ, что ей очищается мѣстечко въ ряду «вдовъ-подвижницъ». Тихонько пробирается она, еще вся горячая отъ ласкъ любимаго человѣка, въ комнату, гдѣ спитъ съ дѣтьми, осторожно цѣлуетъ, укрываетъ ихъ и неслышно ложится въ постель. «Что, замолчалъ, мой червячокъ? Видишь, можно жить на свѣтѣ не совсѣмъ безъ мысли и безъ дѣла, не совсѣмъ безъ счастья!» И она сладко, блаженно засыпаетъ.

Глава II.

Cette pauvre Додо.

Вотъ мы и не въ деревнѣ съ вами, читатель. Далеко всѣ Бѣлозерихи и прочія горюшицы, далеки тихія долины, идущая въ трубочку росистая рожь и соловьиное щелканье за рѣкою. Бѣлая майская ночь прозрачно и мертвенно стоитъ надъ большимъ городомъ, гремящимъ и грохочущимъ даже въ этотъ поздній часъ. У большаго блѣдно-сѣраго дома останавливаются дрожки. Изъ нихъ торопливо, суя въ руку извощика заранѣе приготовленную монету, выходитъ наша барыня. Лицо ея горитъ отъ дороги и усталости; безъ шляпки, вся тревожная, неувѣренная и торопящаяся, она такъ и выдаетъ «пріѣзжую». Сличаетъ она номеръ, осматриваетъ подъѣзды сѣрой громады и входитъ. Пробираясь по лѣстницѣ, лѣтней петербургской лѣстницѣ, съ ведрами извести, краской и кистями, пачкая неловко спущенное платье, барыня останавливается и звонитъ тихо, несмѣло. Но дверь, послѣ долгаго ожиданія, едва тронутая рукою, отворяется сама. Въ квартирѣ мертвая тишина; барыня толкаетъ другую дверь: передъ нею прелестная, ярко освѣщенная гостинная... Ея деревенскимъ глазамъ, послѣ сѣрыхъ, неопрятныхъ дорожныхъ

картинъ просто волшебными кажутся и зелень трельяжей, и блестящія бездѣлушки на изящныхъ столахъ, и ярко бѣлѣющіе бюсты въ группахъ цвѣтовъ, и ковры и позолота, повторенные въ нѣсколькихъ зеркалахъ... Чинно и молчаливо засѣдаютъ въ гостинной пять-шесть черныхъ, изящныхъ дамскихъ фигуръ; нѣкоторыя въ шляпахъ, одна въ перчаткахъ... Взадъ и впередъ, неслышно ступая по ковру, прогуливается мужчина съ орденской ленточкой въ петлицѣ.

На всѣхъ смотритъ барыня и всѣ смотрятъ на нее. Одна изъ дамъ мягко поднимается съ кресла.

— La soeur de notre pauvre malade, j'espère,—полуспрашиваетъ она.

— Oui, madame,—тихо отвѣчаетъ барыня.—Каковъ онъ?

— Безъ надежды, безъ надежды. Вотъ Альбертъ Васильевичъ...—и дама жестомъ указываетъ на доктора.

— Tout est fini, madame,—качаетъ тотъ со вздохомъ головою, — никогда, никогда не берегся... систематически губилъ себя...

— Додо, Додо,—тихо зоветъ дама въ другую комнату.—Какъ онъ ждалъ васъ,—обращается она къ барынѣ.

— Узнаетъ ли онъ меня? Могу ли я войти къ нему?

Что-то стройное, прелестное, свѣтлое безшумно является изъ внутренней двери, подходитъ и обнимаетъ барыню. Къ ея горячимъ щекамъ прижимаются блѣдныя, холодныя щечки, въ лицо ей глядитъ полудѣтское личико съ синими, грустными глазами; вышитый, свѣжій домашній туалетъ, подвитые волосики,—все изящно, пригнано какъ на картинкѣ.

— Пойдемте,—говоритъ Додо,—посмотрите, какъ онъ лежитъ тамъ! Простите, что поздно телеграфировала. Дорогая моя, еслибъ не ma tante, я бы не сообразила... Я такъ измучилась.

Онѣ переходятъ въ спальню, тоже изящную, красивую. На креслѣ у окна, запрокинувъ голову, мертво спитъ усталый лакей. Въ ногахъ кровати, въ глубокомъ креслѣ сидитъ сестра милосердія, съ дряблымъ, равнодушнымъ лицомъ; кругомъ запахъ мускуса.

Съ трепетомъ, едва удерживая душащія слезы, подходитъ барыня къ постели и опускается на колѣни, заслоняя своей крупной фигурой и бѣлый чепецъ, и золотой крестъ, эффектно выдѣляющіеся въ полутьмѣ... Въ бѣлоснѣжныхъ подушкахъ и покрывалахъ мечется и беззвучно, неясно шепчетъ что-то умирающій... Красивое,

исхудалое лицо, изъязвленныя губы... Глаза остро, рѣзко ищутъ чего-то; безпокойно повертывается голова.

— Ахъ, страшно, страшно какъ онъ смотритъ,—шепчетъ Додо, останавливаясь у изголовья,—не могу, не могу...

Дрожь проходитъ по тѣлу барыни, неудержимыя рыданія спираютъ ей грудь, вырываются, нарушаютъ приличіе и тишину смертной обстановки, и тяжко рыдаетъ она, прижимая пылающее лицо къ похолодѣвшимъ пальцамъ, судорожно хватающимъ простыню...

Пересталъ шептать умирающій, пересталъ метаться, глаза ищутъ чего-то; онъ, очевидно, прислушивается... Сестра ближе наклоняетъ къ нему искаженное, рыдающее лицо.

— Мальчикъ мой, Сережа, родной мой, это я пріѣхала. Узнаешь ли ты меня?

Громкіе, нѣжные звуки проносятся и потрясаютъ мертвую тишину; невольно зашевелились и переглянулись сидящіе въ гостинной; искорка любопытства дрогнула на лицѣ сестры милосердія.

Яркимъ сознаніемъ освѣтилось лицо умирающаго... «Оля, сестра»,—слышится шепотъ, и въ поцѣлуй пытаются сложиться потемнѣвшія, холодныя губы.

Говоритъ съ нимъ сестра роднымъ, съ дѣтства знакомымъ, общей, далекой юностью звучащимъ голосомъ, громко, внятно, съ рыданьемъ и страстной лаской... Зачѣмъ это чужое лицо прямо передъ его потухающими глазами, зачѣмъ эта мертвая тишь кругомъ? Звуковъ ему, нѣжныхъ, жизненныхъ звуковъ, знакомыхъ, любимыхъ лицъ, пока онъ можетъ видѣть и слышать, ласкъ ему и объятій, пока онъ чувствуетъ ихъ!...

Шепчетъ, шепчетъ уходящій на вѣки и жадно ловитъ сестра слова его. «Такъ молода... такъ молода...—слышится ей.—Дѣтей, дѣтей посмотри... Когда пріѣхала!—слышится ей горькимъ упрекомъ,—смотри, я ужъ похолодѣлъ...» И опять движеніемъ губъ зоветъ поцѣлуи... Подходитъ Додо, касается губками холодной щеки мужа и отходитъ, вся нервно содрагаясь; является докторъ, озабоченно смотритъ на часы, даетъ знакъ сестрѣ милосердія. Та встаетъ, приготовляетъ мускусъ, даетъ и снова садится, не шевеля ни однимъ мускуломъ безстрастнаго лица.

Часы ли, минуты ли идутъ, Богъ ихъ знаетъ: мучительно медленно тянется агонія, лампы погашены, бѣлыя, спущенныя сторы на окнахъ ярко порозовѣли... Чуть слышенъ отры-

вочный шепотъ, тускнѣющіе глаза смотрятъ куда-то вдаль, мимо родныхъ лицъ, а остатки жизни упорно держатся, длится, длится агонія...

Ярко свѣтитъ утреннее солнце, когда, наконецъ, все кончено... Додо, блѣдную и покорно-тихую, отводятъ...

— Когда отворяютъ у Крундышева?—озабоченно спрашиваетъ одна дама.

— Успѣемъ, ma chère; помни, всѣ мелочи у Мерсіо, tu trouveras la liste au salon. Крепъ я уже разсчитала.

— Ma tante, къ кому обратиться? Къ судебному приставу или къ мировому судьѣ?—растерянно шепчетъ молодой блондинъ, натягивая перчатки.

— Ахъ Коко, юристъ еще... да почемъ я знаю?

— Въ министерство, въ министерство, Альбертъ Васильевичъ. Пожалуйста! Субсидію, помощь.... immédiatement... si c'est possible... Cette pauvre Додо!

* * *

«Что это? Точно ли смерть, сиротство? — думаетъ наша барыня, стоя на ступеняхъ катафалка, глядя на застывшее лицо брата, на скорбныя, горькія складки между бровей, около почернѣвшихъ устъ.—Мальчикъ мой! скажи, какъ ты, свободолюбивый, горячій, ненавидѣвшій все мелочное, узко-условное, какъ ты жилъ здѣсь, какъ ты жилъ такъ?» Слезы текутъ по ея щекамъ и капаютъ на холодный, высокій лобъ мертвеца. «Стыдно плакать здѣсь, — унимаетъ она себя,—неумѣстно, стыдно терзаться и спрашивать съ мукой и недоумѣвать передъ грозно-встающими, пронзающими, какъ мечъ, пришибающими, какъ обухъ, вопросами: какъ быть, какъ жить? Думаетъ ли кто-нибудь объ этомъ?»

Если и есть мука, горе, ужасъ,—не чуетъ ихъ барыня, и дико, словно лишенная смысла фантасмагорія, проходитъ передъ нею церемоніалъ «прилично» обстановленныхъ похоронъ. Чинно, все погруженное въ мелочи, даже не безъ оживленія и интереса проходитъ время. Додо еще не въ крепѣ, но граціозно удрапирована въ черное кружево; на прелестномъ личикѣ не прочесть ничего... «А, можетъ быть, «ужахнувшись»?—думается барынѣ. Съ безконечною жалостью смотритъ она на нее, рвется къ ней всѣмъ сердцемъ. Приводятъ дѣтей: восковая куколка-дѣвочка, съ голыми ножками, подъ надзоромъ бонны, сидитъ неподвижно

въ креслѣ; большіе глаза слѣдятъ за наваленными на столѣ матеріями, креповыми бантиками; старшіе мальчики шалятъ съ кузинами и тантами, тормошатъ бонну, капризно просятъ завтрака и брезгливо-испуганно отшатываются отъ заплаканнаго, взволнованнаго, чуждаго лица деревенской тетки. Она и сама всѣмъ существомъ чувствуетъ себя чѣмъ-то лишнимъ, громоздкимъ, безобразнымъ, какимъ-то пятномъ, густо легшимъ на гармонирующіе типы стройной картины. Какъ тѣни волшебнаго фонаря, проходятъ мимо бѣдной барыни многочисленные друзья и родные Додо, и опять ни слезы, ни скорби... Худенькая, юркая дама повѣтствуетъ, какъ ловко, быстро, вездѣ захватывая «конку», добралась она изъ какихъ-то дальнихъ палестинъ; другія двѣ спорятъ о фасонахъ траурныхъ шляпъ; «ma tante» доказываетъ, что тальмочку надо прострочить не менѣе, какъ въ двадцать рядовъ...

Cousin Додо, въ качествѣ практическаго и серьезнаго члена семьи, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на «дѣла» этой бѣдной кузины.

— Они тратились; жили Богъ знаетъ какъ скромно, но трогали капиталъ, madame! У Додо, съ пенсіей, которую ей, понятно, выхлопочетъ mon oncle, всего на все тысячи полторы въ годъ... C'est une misére, madame... Съ тремя дѣтьми...

— Конечно, конечно,—безсильно говоритъ барыня,—но я думала бы...—И она останавливается.

— Отнынѣ она въ рукахъ дядюшки,—продолжаетъ cousin.—Конечно, она не будетъ ему обузой.... avec sa richesse, vous savez! Но, все-таки... cette pauvre Додо!

Барыня молчитъ, словно придавленная: безобразною нелѣпицей кажется ей робко вставшее соображеніе, что этотъ дядюшка могъ бы доставить и занятіе, легкое, хорошо оплачиваемое... Она даже вздрагиваетъ, оглянувшись кругомъ. «Экое безуміе, экая химера!»—думаетъ она.

Вносятъ картонки; общее, странное возбужденіе кругомъ... Словно каждый изъ сидящихъ связанъ таинственнымъ механизмомъ съ появившимися предметами. Встаетъ малютка, встаетъ и Додо; кузина надѣваетъ на нее шляпку, cousin накидываетъ «mantelet». Инстинктивно-граціозно, именно такъ, какъ нужно, драпируютъ точеные пальчики туманныя складки креповаго вуаля... Синіе глазки уныло смотрятся въ зеркало.

— Charmant,—говоритъ кто-то.—Нѣтъ, что вы тамъ ни говорите, а лучше Mathilde рѣдко кто сдѣлаетъ!

— Ну, вотъ еще!—хвастливо опровергаетъ ma tante,—во-первыхъ, Додо, легко: «одѣть шляпкой», а, во-вторыхъ, вѣдь, она ужь лѣтъ пятнадцать на меня работаетъ...

Служатся въ урочные часы паннихиды, кладутъ въ гробъ «съ пѣвчими».

— Скорѣе бы кончить,—говоритъ ma tante,—и вести ее на дачу: сколько хорошихъ дней уже пропущено.

«Кончаютъ» скоро; барыня замираетъ и покоряется; вопросы, мучительная жалость, страхъ и тоска, словно потерявшія смыслъ, форму, сжимаются и, съеженныя, укладываются куда-то глубоко на дно... Поверхъ ихъ, давя невыносимымъ гнетомъ, лежатъ картонки, бантики, косыночки отъ Мерсіо; въ глазахъ мелькаютъ изящныя фигуры, полныя, тощія, всѣ черныя, всѣ словно на одно лицо и въ однихъ лѣтахъ... Старыя—всѣ моложавы, затянуты, бодры; молодыя—блѣдны, истощены, чуть живы.

А вотъ и похороны... Прелестнѣе, трогательнѣе вдовы трудно найти; стройная, юная, граціозная, идетъ Додо за гробомъ мужа; прелестно восковое личико ея дочки, окруженное крепомъ. Вотъ сослуживцы, толкующіе вполголоса о своихъ дѣлахъ, вотъ старенькій, съ жирнымъ брюшкомъ и усталымъ, скучающимъ лицомъ, начальникъ. Барыня, какъ и всѣ, уже не плачетъ, только тяжесть на сердцѣ прибавляется съ каждымъ часомъ, въ головѣ туманъ.

Земля беретъ «ставшаго землею», песчаный бугоръ моментально украшается крестомъ. Скоро, чинно, красиво... Всѣ весело размѣщаются по экипажамъ... Прощаются...

— Ну, вечеромъ можно и на дачу,—говоритъ ma tante.—Описи, очистка квартиры, пенсія, toute cette corvée, пусть ужь тамъ безъ насъ!

— Додо, не могу ли я чего-нибудь сдѣлать для васъ?—говоритъ дрожащимъ голосомъ барыня, съ неудержимыми слезами глядя въ минуту прощанья въ кроткое, неподвижное личико.

— Да вотъ все, что нужно по имѣнію, по тѣмъ дѣламъ попросите мужа...

— Знаю, знаю... а еще чего-нибудь?

И подъ этими словами у барыни накипаетъ, дрожитъ, просится весь готовый тревожный вопросъ:

— Что-жь ты думаешь дѣлать, какъ быть, какъ жить теперь, моя бѣдная, горькая, одинокая?

— Mercі, моя дорогая.—Додо кротко цѣлуетъ барыню.—Ma tante, мои родные... я ужь, право, ничего не знаю...

Барыня ретируется. Вечерній поѣздъ увозитъ ее, отуманенную, придавленную, изъ большаго города.

Глава III.

Въ дорогѣ и дома.

— Ну, намучимся теперь, барынька, — крихтя промолвилъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ и скручивая папиросу. Сморенная дремотой, покачивающаяся, барыня вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Передъ нею спускъ къ широкой, многоводной рѣкѣ. Далекую, тихую гладь румянитъ разгорѣвшаяся заря; тяжко, медлительно, незамѣтно для глаза плыветъ грузовая лодка.

— Теперь, барынька, хоша бы газетину цѣлую, и ту успѣешь прочитать, — прибавилъ балагуръ-ямщикъ, — потому паромщики всю ночь наскрозь прогуляли.

— Ого-о-о-о-о-о! — раскатывается его голосъ по едва еще просыпающейся рѣкѣ.

— Ого-о-о-о-о-о! — подхватила группа пѣшеходовъ, ожидавшая внизу, у перилъ пристани.

Наша путница потянулась, протерла глаза и сморщилась точно отъ внезапной боли.

— Господи! какой гнетъ на сердцѣ! Да неужели я сегодня вечеромъ не буду дома, съ нимъ опять, съ дѣтьми!? Словно смерть вездѣ, и тамъ, и со мной, и впереди.

— Ого-о-о-о-о-о!—снова покатилось по рѣкѣ. Барыня прислушалась къ говору пѣшеходовъ.

Маленькая старушка, съ лицомъ въ мельчайшихъ морщинкахъ, съ глубоко запавшими, крошечными глазками, повѣствуетъ своей товаркѣ:

— Сама посуди, Тарасьевна, и въ ширину, и въ долину все я одна. А большухѣ моей отъ баловства единое спасеніе—великій трудъ. Какъ придетъ она домой, да дойдетъ до лавки, да падетъ,—вся она тутъ и пала... А чуть бы повальготнѣе, Тарасьевна, ничего бы ей со своею молодостью не подѣлать, збаловалась бы...

«Вотъ откуда у насъ эта многодумность проклятая, — разсуждаетъ барыня. Переѣхать рѣку! Что за пустякъ? А глядишь: прочное впечатлѣніе, образы, навсегда отмѣченныя памятью слова, а тамъ и мысли, и выводы...»

— Пошевелились, аспиды!—торжествуетъ кто-то изъ пѣшеходовъ.

Отвѣтное «ого-о-о-о» пронеслось съ того берега и, словно тоже обрадовавшись, вспыхнули искорками кресты церквей на той сторонѣ. «Господи помилуй»,—крестясь не то на нихъ, не то на показавшееся солнышко, вымолвили двое-трое изъ ожидавшихъ.—«Да шевелитесь, окаянные, издрогли мы».

— Отъ думы одной разумъ мутится,—продолжала бормотать вся ушедшая въ свою скорбь старушка,—ночью—хоть глаза сшей.... то ты на печь, то на лавку...

— Скорѣй!—дружно грянули и ямщики, и пѣшеходы. Скорбящая старушка вздрогнула и перекрестилась.

— Ну, слава Богу, вотъ мы и на паромѣ,—утѣшаетъ себя, добрые полчаса спустя, барыня, унимая тоскливое, безпокойное стремленіе впередъ и опять прислушиваясь, присматриваясь и философствуя.

Причалили. Ямщикъ садится, подбирая возжи; старикъ съ добродушной улыбкой протягиваетъ дрожащую съ перепоя руку за двугривеннымъ.

* * *

Остановки нигдѣ не было; къ вечеру уже почувялась близость дома, родимыхъ мѣстъ. Измученная барыня качается въ тарантасѣ, неудержимо дремлется ей... Какая дикая, страшная греза!... Снится ей, что прямо передъ нею виситъ на желѣзномъ крюкѣ мертвая, окровавленная щука, виситъ, вздрагивая и качаясь въ тактъ телѣжнымъ толчкамъ, и въ упоръ смотритъ на нее неподвижно-стеклянными глазами. Хищная, злая пасть широко раскрыта, съ длиннаго, холоднаго тѣла медленно стекаетъ кровь... Барыня откинулось въ сторону, слабо крикнула. проснулась... Домъ, вотъ и домъ близокъ; отъ каждаго кустика, пригорка вѣетъ теплomъ, своимъ, родиной. Слава Богу!

Звеня и гремя, въѣзжаютъ на дворъ, но пусто крыльцо, пуста и тиха усадьба. До боли, тяжело стучитъ и замираетъ сердце страннымъ предчувствіемъ... Но вотъ шаги; бѣгутъ, отпираютъ двери; прыгаютъ дѣтки... «Всѣ тутъ? Живы, здоровы? Слава Богу,—сжимаетъ ихъ барыня въ объятіяхъ.—А папа? Папа не пріѣхалъ? Нѣтъ его здѣсь?»

— Папа болѣнъ; тамъ на твоемъ столѣ много писемъ,—говоритъ дѣвочка.

—А, вотъ она, эта тоска безумная, эти страшныя грезы!—И барыня какъ безумная метнулась къ столу. Его почеркъ, дрожащій, слабый: «Пріѣзжай, когда немного отдохнешь съ дороги; запасись бѣльемъ, платьемъ, боюсь провозишься со мною долго; совсѣмъ болѣнъ...» Еще письма, зовутъ, опасно, говорятъ, кажется, тифъ... Смерть, смерть, чую это, знаю...—И она, ломая руки, зашаталась по комнатѣ.—Милые, дорогіе, прощайте, къ папѣ ѣду...

Черезъ десять минутъ она уже летитъ на станцію... Тамъ храмовой праздникъ—пьяно, шумно... Кому-то уже запрягаютъ лошадей подъ навѣсомъ, побрякиваютъ бубенчиками, кричатъ. «Попутчика до города не желаете ли»?—Да, да, только бы скорѣй. Выпившій прикащикъ садится съ нею, силясь соблюсти равновѣсіе; зажимая въ кулакъ закуренную папиросу, лихо кричитъ пьяненькій ямщикъ и въ бѣлую, холодную лѣтнюю ночь несется барыня. Вся она застыла и замерла въ предчувствіи смертельнаго удара. А кругомъ все мертвенно, странно безлично... Бѣлы и воздухъ, и небо, и песокъ на дорогѣ; поблѣднѣли угрюмые. сосновые лѣса. Что-то просится ей на языкъ; машинально, безсознательно, много разъ сряду повторяетъ она: «oh, heavy hur! Oh! insupportable!». Повторяетъ она этотъ дикій крикъ непереносимаго страданія и шире и глубже раздвигаются передъ нею эти четыре слова, словно пропасть, и въ нее заглядываетъ барыня... У, какая бездонная скорбь, какая пытка; она сливается со смертью!... А ночь бѣлѣетъ, блѣднѣетъ, словно призракъ, словно и она—смерть.

Дремлетъ подлѣ попутчикъ, лихо покрикиваетъ торопящійся оборотиться скорѣе къ праздничку ямщичокъ. Вотъ и невзрачный, тоже побѣлѣвшій въ холодномъ воздухѣ, городокъ, сбѣгающій кучками домиковъ, рѣдкими церквами, жиденькими садиками съ пологихъ холмовъ къ необъятнымъ, блѣднымъ пустырямъ; вотъ и улицы, мостовая; лай проснувшихся собакъ; вотъ и домъ барыни.

Она вылѣзаетъ, изнемогая, со стономъ звонитъ... Тихіе, осторожные шаги по лѣстницѣ; отворяетъ знакомый фельдшеръ.

— Что?

— Тяжелъ; жаръ какъ сталъ, въ одной порѣ; сна нѣтъ...

— Въ памяти?

— Ни минуты бреду, слышалъ и колокольчикъ, и звонокъ вашъ...

Барыня пробирается въ прихожую. Все знакомое, уютное, привѣтное, но ощущеніе, что она уже тутъ, что онъ близко, странно живитъ ее.

— Оля!—слышится голосъ.

Барыня дрогнула, бросилась въ спальню къ мужу, глянула, и чувство невыразимаго облегченія прояснило ее всю. Нѣтъ, нѣтъ, «это» не смерть, это «его» лицо, блѣдное, больное, но совсѣмъ живое. Могучая волна любви, надежды, энергіи, способной воскресить мертваго, поднялась въ ея сердцѣ и окрылила ее всю.

— Радость моя, родной мой! Вотъ я и пріѣхала, отхожу, подниму, вылечу, на рукахъ унесу къ себѣ въ деревню на поправку,—говорила она, обливая его руки радостными слезами.

Больной усмѣхнулся.

— Ну, до этого еще далеко... Спасибо, милая, спасибо, что скоро пріѣхала.

* * *

Пробило шесть часовъ утра. Перенесенный въ гостинную, просторную, нарядную комнату, съ яркой зеленью цвѣтовъ, свѣжимъ, утреннимъ вѣтеркомъ, шевелившимъ бѣлыя занавѣси у открытыхъ оконъ, больной лежалъ, дыша все тяжелѣе и чаще, глядя безконечно-тоскливо кругомъ, быстро мѣняясь, желтѣя, заостряясь каждою чертою лица... Жена стояла на колѣняхъ, едва успѣвая отирать потъ съ застывающаго лба; лицо ея горѣло, все тѣло ея билось и трепетало тысячью пульсовъ въ тактъ частому, словно торопящемуся дыханію умирающаго; горло сдавлено, во рту пересохло; съ дикимъ ощущеніемъ страха она слышитъ приближеніе чего-то неотразимаго, ужасающаго, налетающаго какими-то ровными, могучими взмахами—все ближе, темнѣе, холоднѣе... Она знаетъ, что это смерть.

Но ясный духъ этого человѣка еще принадлежалъ жизни.

— Это кризисъ, видишь, потъ... Еще поживемъ, погорюемъ вмѣстѣ, милая.... Чего испугалась? Не мускуса ли?...—И коснѣющій языкъ съ трудомъ докончилъ добродушную шутку. Нестерпимо, часто дышетъ онъ, словно выбившійся изъ силъ, добѣгающій послѣдніе шаги тяжелаго пути; бьются, трепещутъ въ ея тѣлѣ отвѣтные пульсы, странные взмахи близко, близко.... что-то страшное, темное налетѣло, покрыло ихъ, пригнуло ея ужаснувшуюся голову къ краю его постели—и стихло.

Она выпрямилась, наклонилась къ нему, его лицу, прижала

губы къ его щекѣ... Онъ весь стихъ, чуть слышно рѣдкое дыханіе, чуть замѣтна жизнь тускнѣющихъ очей...

— Видишь ли ты меня, радость моя?

— Вижу, милая,—тихо, тихо, но ясно слышится ей. Еще на минуту остатки движенія, дыханія, жизни... Жена жадно, долго смотритъ въ остановившіяся очи, чувствуетъ, какъ стынетъ въ ея рукахъ влажная, безсильная рука; потомъ цѣлуетъ и руки, и очи; да, закрыть ихъ надо, закрыть. Бережно спускаетъ она вѣки на неподвижные зрачки... «Что же это? охъ, что же это! Одна теперь, одна, одна.... а мои бѣдные тамъ, мои сироты!» И тяжкій, мучительный вопль потрясъ тихую, сіяющую комнату... Въ отвѣтъ набѣжалъ вѣтерокъ, вздулъ бѣлыя занавѣси, зашелестилъ листьями пальмъ и драценъ, внесъ живые уличные звуки, плачъ ребенка, грохотъ почтовой тройки, веселый перезвонъ церковныхъ колоколовъ, повѣялъ въ искаженное отчаяніемъ, пылающее лицо вдовы и замеръ около покойника...

— Лаврово-вишневыхъ капелекъ не прикажете ли, Ольга Ивановна,—послышался голосъ фельдшера.

Она оглянулась. Фельдшеръ, сморкаясь и утирая глаза, подносилъ рюмочку.

— Благодарствуйте,—и она кротко выпила.

— Распорядиться нужно, Ольга Ивановна, всѣмъ распорядиться бы... Городъ, вѣдь, знаете, нельзя; покойничекъ же столь уважаемъ былъ.

— Я и распоряжусь, Иванъ Васильевичъ,—вымолвила убитая.

Она съ трудомъ поднялась на дрожащія ноги, съ мукой оглядѣлась кругомъ...

— Тяжкій часъ! О, невыносимо!...

Глава IV.

Смѣта на будущее.—Ѳома Кемпійскій.—Родная землица.

«Вотъ я и умерла, вотъ и похоронена»,—думала барыня нѣсколько дней спустя, не чувствуя толчковъ въ колеяхъ, глядя сухими, горячими глазами впередъ на скатертью стлавшуюся, безлюдную дорогу съ телеграфными столбами, угрюмымъ сосновымъ боромъ по сторонамъ, верескомъ и брусничникомъ на желтыхъ пескахъ. Бодрая, но нескорая рысь лошади, безшумный бѣгъ шведской двухколески, молчаливый старичекъ-работникъ

подлѣ, теплый, дождливый вечеръ и это скорбное, неподвижное лицо, а подъ нимъ въ десятый разъ повторяющіяся слова: «вотъ я и умерла, вотъ и схоронена». Много дней кряду, одно за другимъ вымирало, уходило все, что было счастьемъ и условіями ея жизни. Увидѣла она его, одѣтаго, тяжело поддерживаемаго суетящимися людьми, словно живаго, но съ безсильно поникшей головой; вся замирая, не отрываясь, глядѣла въ сгладившееся прекрасное лицо съ полуулыбкой ласки и безмятежнаго довольства, и скорбно-гнѣвнымъ воплемъ встрѣтила, на послѣднее утро, темное, смрадное тлѣніе, обезобразившее это возлюбленное лицо. Увидѣла она плачущихъ дѣтей подлѣ мертваго, безотвѣтнаго отца. Предала его землѣ, вернулась домой, осталась одна. Не было ни совѣтовъ, ни участія. Рѣзкими, голыми, чисто практическими фактами наносились удары ея прошлому, вынимались, отпадали и уносились бревнышки, кирпичики изъ упраздненнаго зданія ея жизни. Увели, послѣ упорнаго торга, красивыхъ лошадокъ. Приставъ, разившій водкой, съ нетвердымъ языкомъ и весь въ пуху, наклеилъ ярлычки куда слѣдуетъ, прислали бумажку съ позволеніемъ охранять дѣтей и имущество.

Толстая купчиха шныряла по двору, присматривая дорожныхъ тарантасовъ; ямщикъ торговалъ отмѣнный, старинный колокольчикъ, «что за пять верстъ слышенъ»; щеголь фельдшеръ, собиравшійся держать экзаменъ на первый чинъ, просилъ посмотрѣть «фрачка». Величественная дама въ свѣтло-синемъ туалетѣ, съ чайными розанами на шляпѣ и слоемъ пудры на красноватомъ лицѣ и крѣпкомъ, горбатомъ носѣ, явилась нанимать домъ.

— Помилуйте, madame, къ чему же вамъ теперь такое помѣщеніе?—говорила она съ снисходительнымъ укоромъ, оглядываясь кругомъ, какъ на публичное достояніе, на милыя комнаты, еще полныя такой страшной, свѣжей скорби.

— Я подожду еще, подожду...

— Какъ знаете. А, право, я бы взяла.... къ чему вамъ теперь?...

Позвали барыню въ кухню. Старичекъ какой-то спрашиваетъ.

Умильно осклабляясь ньяненькимъ, старушичьимъ лицомъ, румяными ввалившимися губками, подходилъ къ ней древній, заштатный фельдшеръ-пьянчужка, безпріютное, завалящееся существо, и, бормоча что-то о «благодѣтелѣ-покойничкѣ», предлагалъ себя въ помощники и управляющіе.

Въ отвѣтъ ему горькая, невольно горькая усмѣшка и поношенный сюртукъ покойника.

Благодаря и уходя, жалкая развалина все еще бормочетъ что-то о «мужчинѣ», «помощникѣ». Дескать, какъ же въ вашемъ дѣлѣ теперь, и безъ мужчины?

— Въ какой-нибудь «центръ» переѣдете, для воспитанія дѣтей?—полуспрашиваютъ одни.

— А имѣніе въ аренду сдадите навѣрное,—говорили другіе.— Помилуйте, какое-жь хозяйство одной?! Мужчины бросаютъ... Къ намъ, въ городъ, на постоянное жительство, домикъ свой, покойнѣе!...

— Аллейка для прохладности, курочекъ пятокъ, — такъ и слышится бѣдной... Какъ будто хочется усмѣхнуться ей.

Но вотъ одна она; обласканы, уложены дѣтки, написаны письма, сдѣлано неотложно-нужное и изъ мертвой тишины кругомъ подымается грозное страшилище, и манитъ, и велитъ поближе приглядѣться къ себѣ... Мучительно противится все существо ея, жаждетъ отдыха, покоя отчаянія, чистой, отвлеченной скорби, но страшилище подходитъ само, хватаетъ, сжимаетъ, давитъ, наполняетъ ее всю острой болью, ужасомъ и забираетъ въ полную власть. Это страшилище — смѣта на будущее, мучительная смѣта вдовы и матери малыхъ сиротъ.

И вотъ, вся еще вѣя смертью, свѣжею могилою, въ скорби самыхъ первыхъ дней, таскала она свой крепъ, свое вдовство, свое измученное лицо по полицейскимъ управленіямъ, нужнымъ людямъ, служебной аристократіи, прося, улаживая, подготовляя дорогу къ пенсіи. «Взяла круто, строго, сразу»,—припоминались ей слова Прасковьи о Бѣлозерихѣ... И брала она круто и строго, безъ поблажки, безъ льготы, до смертной муки, до полнаго изнеможенія подчасъ.

* * *

Тихо катилась телѣжка, тихо развертывалась безконечная дорога, тихо сидѣлъ старичекъ Емельянъ подлѣ убитой барыньки. Хорошій онъ былъ и жилъ давно въ Горкахъ. Маленькій, съ мелкими чертами лица, небесно-голубыми глазами, блѣдными, мягко очерченными губами, чинный, неторопливый, опрятный, бережливый, заботливый, копошунъ-старичекъ, свою скитальчески-сиротскую 65-тилѣтнюю жизнь онъ свелъ въ нѣсколько несложныхъ, но незыблемыхъ формулъ практически-философ-

ского свойства и, повидимому, не ощущалъ никогда ни страховъ, ни смятеній, ничему не удивлялся, не ахалъ, не кипятился. Но тупаго, забитаго отношенія къ жизни въ немъ не было. Судилъ онъ охотно обо всемъ, толково, неторопливо, подгоняя фактъ подъ одну изъ своихъ формулъ, подкрѣплялъ примѣромъ и пребывалъ безмятежнымъ, что бы ни подлежало его сужденію: преступленіе ли, горе ли, великая ли удача... Несложна была и жизнь его.

«Угнали» его мать—дѣвушку отъ него, трехъ-годоваго, въ скотницы верстъ за сто, въ другую усадьбу; его «гоняли» на побѣгушкахъ лѣтъ до десяти, потомъ согнали въ пастухи, а тамъ и въ работники въ ближній монастырь. Былъ онъ и ратникомъ въ великую крымскую войну.

Въ Горку онъ попалъ послѣ долгихъ лѣтъ труда и бродни по уѣзду, изъ больницы, гдѣ лежалъ со сломанной рукою; жилъ онъ у барыньки лѣтъ шесть. Она любила и берегла его, любила иногда черпать въ его опытѣ, убѣжденіяхъ, философіи и ей, высоко-развитой женщинѣ, попадались иногда крупныя «цѣнности», бережно отцѣживаемыя и крѣпко запоминаемыя ею.

Теперь, въ чистомъ сѣромъ кафтанѣ, чинно опоясанномъ ремешкомъ, правилъ онъ Рыжимъ и долго поглядывалъ на свою горькую спутницу, прежде чѣмъ заговорилъ.

— Дождичекъ... благодать Божья... Хорошее дѣло теперь дождички... Овесъ въ бронь пошелъ, а цвѣта со ржи не собьетъ, ишь тихій какой! Ну, и травы прибудетъ... А косить скоро-ль нонече собираетесь?

Тоскливое смущеніе прилило и медленно прошло по сердцу барыни; имъ встрѣчаетъ она каждый возвратъ, каждый шагъ въ обыденную жизнь.

— Нынѣ на ваше горе да на сиротство урожаи великіе Богъ послалъ, — продолжалъ Емельянъ, — что ржи одной! Что далѣ, а сей годъ земля вамъ въ убытокъ не будетъ. Да, и не будетъ она въ убытокъ,—промолвилъ старикъ, оживляясь,— вы не обезсудьте, Ольга Ивановна, что я вамъ скажу... Разное про васъ теперь говорятъ... Оно, конечно, какъ заведется, гдѣ горе большое, либо радость большая, что жь людямъ дѣлать, какъ не говорить?...— И онъ усмѣхнулся и помолчалъ, словно отмѣчая, припоминая всю видѣнную имъ массу радостей, скорбей ни ересудовъ людскихъ.

— А вы земли не бросайте; вонъ тамъ, откуда ѣдемъ, въ

городѣ, все бросьте, въ убыли не будете... Подальше теперь отъ людей; вамъ съ ними ужь не житье... нѣтъ...

— Да теперь-то мнѣ и считаться съ людьми надо на каждомъ шагу, Емельянъ,—вымолвила барыня.

— Считайтесь, считайтесь, дѣла ведите, а не живите, не ждите отъ нихъ ничего, дружбы не заводите... Всякъ теперь будетъ наровить: нельзя-ль, по эйному слабому женскому уму, у ней чего отщипнуть... Сбивка да спутка одна вамъ люди теперь... Особливо, какъ съ ласками да совѣтами полѣзутъ. Кому вы теперь нужны?! Однѣ вы отъ самого Бога оставлены, одной вамъ и быть надлежитъ...

Больно щипля и щекоча, подступили къ глазамъ барыни горькія слезы и замерли, не увлаживъ сухихъ, воспаленныхъ вѣкъ.

— Охо, охъ, охъ,—вздохнулъ старикъ,—трудно оно сперва-началу, а потомъ поукрѣпитесь и слюбится... Что люди? Люди издали-то и лучше. Издали-то я годы на человѣка смотрю, да думаю: вотъ-то хорошій да честный, а подойди къ нему ближе да свяжись съ нимъ—одинъ грѣхъ да досада, только каяться станешь...

Барыня блѣдно усмѣхнулась.

— Ѳома ты Кемпійскій у меня, я вижу; онъ то же говоритъ.

— Ась?—отозвался Емельянъ.—Земелька, да дѣтушки,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—и дѣтушки отъ васъ уйдутъ, а она, матушка, останется; въ нее и ляжете... У васъ съ покойничкомъ многонько ужь добра въ нее позапущено; изъ народа вы кругомъ никого не обидѣли, постройку, скотинку понаправили, лѣса вонъ шумятъ-растутъ, просторъ да спокой... Не прозѣвайте вы только земельки; она тишкомъ да молчкомъ, а съ голоду не уморитъ, сынка вонъ выроститъ, да и внука еще приголубитъ.

Барыня все глядѣла впередъ на дорогу. Рыжко, убаюкиваемый тихими рѣчами Емельяна, шагалъ, чутко поводя ушами; боковая колея подвела ихъ подъ навѣсъ темныхъ, могучихъ сосенъ; нижнія вѣтви окропили горькую женщину влагой, дохнули въ лицо смолистымъ ароматомъ... Въ сердцѣ у нея въ первый разъ шевельнулось что-то похожее на возможность, на правдоподобность дальнѣйшаго существованія.

— Опять же, много ль вамъ и надо супротивъ хоть бы вдовца? Теперь разсудите: барину-вдовцу что нужно? И сладкія тамъ водочки, и клубы, и карточки, и запряжка, а, глядишь, долго-ль мужчина по грѣхамъ своимъ безъ бабы проживетъ! Ну,

а вамъ-то, особливо покуль дѣтки малы, вамъ-то много-ль нужно? Кофейку-то чашечку, да перинку помягче... До нарядовъ вы и при немъ не охочи были... Хорошая, скромная женщина, что деревенская коровушка—аржаной соломкой живетъ, а всю семью молочкомъ кормитъ...

— Ну, ты!—крикнулъ онъ на коня, собиравшагося окончательно остановиться и въ покоѣ внимать его рѣчамъ.—А хоть бы народъ кругомъ, хоть бы, въ примѣръ сказать, мы, рабочіе... Никто васъ очень-то не обидитъ... чтобъ вамъ все бросить было нужно... Ну, по малостямъ развѣ... Не васъ беречь будутъ, да бояться, а земли вашей... Сдадите на-ренду, продадите, какой еще аспидъ налетитъ, всѣмъ кругомъ Сибирь чистую сдѣлаетъ. А вы «простые» господа. Ну, и будемъ беречь—вамъ лучше и намъ лучше... А, главное дѣло, не страшиться да не заглядывать далеко, не загадывать: что, какъ! Мы того не узнаемъ; мы-то узнавать, а Богъ-то отбавлять... Онъ этого не любитъ...

— Ѳома Кемпійскій,—какъ-то свѣтлѣе улыбнулась барыня.

— Ась?—переспросилъ снова Емельянъ.

Оба замолчали. Порѣдѣли, раздались лѣса; пошли изгороди; за ними широко-далеко разстилались поля. Близилось жилье.

«Всю жизнь мою какъ на ладонь выложилъ,—думала барыня.—Одна, одна на вѣки вѣчные, соломкой живи, семью питай, отъ людей, какъ отъ огня, сторонись!» И она съ горечью глянула сбоку на старичка. Безмятеженъ былъ онъ, какъ и всегда.

«Покой да просторъ; шумятъ-растутъ лѣса»,—повторилось въ ней.—«Добра въ землю, въ народъ позапущено»... Словно поотошло мое сжатое сердце... Жить надо; жить, какъ будто, и можно... Не такъ, какъ бѣдная Додо!—И она вся возмутилась, содрогнулась.—«Себя», прежде всего, въ горѣ найти нужно, подъ ногами что-нибудь ощупать, хоть шатаясь, да стоять, а она? О, бѣдная, кругомъ подпертая... Кѣмъ? Людьми, Емельяновыми «людьми!» А лучшіе изъ нихъ мѣняются, колеблятся холодѣютъ, уходятъ... О нѣтъ, нѣтъ—лучше одной...» Свободнѣе дохнула стѣсненная грудь, слабо мелькнулъ первый проблескъ надежды, далекій намекъ на утѣшеніе...

* * *

— Остановись здѣсь, Емельянъ,—говоритъ барыня,—у спуска съ горы передъ усадьбою; я приду пѣшкомъ черезъ поле... Дѣтей увидишь, скажи, чтобъ бѣжали ко мнѣ навстрѣчу.

Она спрыгнула съ телѣжки, отворила заскринѣвшія ворота и очутилась на влажной отъ дождя, травянистой дорожкѣ, между двухъ стѣнъ матёрой, сплошь зацвѣтшей ржи. Такъ было тихо, что не шелохнулись легкія, шелковисто-мохнатыя бахромки цвѣтущихъ колосьевъ; такъ сладко-душисто, влажно и зелено кругомъ!... Лѣто въ самой ранней порѣ глядѣло отовсюду, полное цвѣта, надеждъ, богатыхъ обѣщаній. Все еще бережно, свято охраняется, нетронутое, непомятое; гордо цвѣтутъ травы каждой былинкой; холеные, молодые хлѣба манятъ, ласкаютъ взоръ; могучая влага теплаго вечера льется въ широко-дышащую грудь. И между этихъ травъ и хлѣбовъ, нѣги и жизни идетъ тихо, поминутно останавливаясь, убитая женщина... Ноги, столько дней безотвѣтно и безчувственно носившія ее, дрожатъ и подгибаются; натянутое, напряженное, словно каменное лицо опускается, слабѣетъ каждымъ нервомъ, каждымъ мускуломъ... Великая скорбь, невмѣстимая, какъ эти необъятныя поля, могучая, какъ эта земля, все покоряющая, какъ грозно поднявшаяся стихія,—встала, заступила ей дорогу, пошатнула и ударила о «сыру мать-землю». На грудь этой нѣмой, но могучей матери хлынули потоки слезъ, задержанныхъ мелочью людскою; ласково приняла росистая трава изнемогшее тѣло, ласково дышалъ воздухъ, ласково обступала кругомъ гордая, какъ будто оберегая, пряча отъ людскаго взора великое, къ ней одной пришедшее горе, цвѣтущая рожь.

«Родная, святая, вѣчная вдова,—рыдала бѣдная женщина, страстно прижимаясь къ родной землицѣ,—онъ любилъ тебя, онъ ушелъ въ тебя... побереги же, не оставь... меня горькую, съ его малыми дѣтушками... Силу твою великую, молчаливую, неизмѣнную дай мнѣ; помоги ихъ выкормить, вырастить, тебя любить научить... И тогда возьми скорѣе меня, кормилица и учительница, укрой, упокой глубокимъ, безмятежнымъ, безконечнымъ упокоеніемъ!»... И замерла бѣдная въ потрясающихъ стонахъ и рыданіяхъ.

Легко бѣгутъ дѣтскія ножки, не слышно ихъ шаговъ, слышны только переговаривающіеся, звенящіе голоски за высокой рожью, на поворотѣ дорожки. Жаворонокъ вдругъ сорвался съ межи и, залившись восторженной пѣсней, высоко поднялся надъ лежащей женщиной; солнце на прощанье, между двухъ тучекъ, озарило все кругомъ алымъ, благодатнымъ лучемъ...

Жизнь, жизнь зоветъ... Вставай же и иди навстрѣчу ей, ты,

ставшая отнынѣ чѣмъ-то отвлеченнымъ, лично убитая, но вѣчно живая для долга и заботы, ставь скорѣе въ заголовокъ «смѣты на будущее» подвигъ до могилы! Мѣсто, мѣсто дайте моей барынѣ въ рядахъ своихъ, вы, тянущія лямку день и ночь безъ позаимствованій, безъ передышки, безъ ропота и уклоненій, вы, держащія сиротъ, домъ, дѣла на уровнѣ мужскаго и женскаго труда, сложенныхъ вмѣстѣ, вы, бодрыя, терпѣливыя, безупречныя русскія вдовы и матери!... Подайте руку, встрѣчайте, еще прибыла одна—не посрамитъ она васъ!

Н. Л.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I *).

VIII.

Проекты гр. Стенбока, Берга, Киселева.—Попытка дворянъ Петербургской губерніи.—Проекты Аракчеева, Малиновскаго, Мордвинова, Каикрина, Н. Тургенева.—Попытка устроить общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ; отношенія къ этому дѣлу Карамзина.—Проекты Якушкина и динабургскаго дворянства.

Мы разсмотрѣли развитіе идей по крестьянскому вопросу въ неоффиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ Императора Александра въ первые годы его царствованія, познакомились съ нѣкоторыми правительственными мѣрами по этому предмету, какъ, напр., съ учрежденіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, разобрали научныя произведенія, касающіяся крестьянскаго вопроса, а также изучили борьбу мнѣній либераловъ и консерваторовъ въ особыхъ, неизданныхъ въ свое время, запискахъ и частной перепискѣ **). Теперь мы посмотримъ, какъ назрѣвающія освободительныя идеи формулировались въ проектахъ измѣненія быта крѣпостныхъ, составленныхъ или по собственному побужденію ихъ авторовъ, или вслѣдствіе прямаго желанія Императора Александра. Тутъ прежде всего мы имѣемъ два проекта, составленные на французскомъ языкѣ еще въ 1809 году гр. Стенбокомъ и Бергомъ, къ сожалѣнію, извѣстные намъ не вполнѣ, а лишь въ краткомъ изложеніи.

Гр. Стенбокъ предлагаетъ раздѣлить пахотныя земли на фермы и раздать ихъ крестьянамъ по контрактамъ, съ тѣмъ, чтобы

*) *Русская Мысль*, 1883 г., кн. XII.

**) Въ виду значительныхъ размѣровъ нашей статьи, мы опускаемъ характеристику мнѣній по крестьянскому вопросу въ журналистикѣ первой четверти XIX вѣка.

аренда уплачивалась помѣщику не деньгами и не барщиною, а только произведеніями земли. Это было бы выгодно, по мнѣнію автора, и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для государства: крестьяне не должны будутъ отправляться въ отхожіе промыслы для зарабатыванія денежнаго оброка и современемъ получатъ возможность пріобрѣсти арендуемые ими участки «въ свое вѣдѣніе», т.-е., вѣроятно, въ полную собственность; помѣщики будутъ болѣе обезпечены въ вѣрномъ полученіи дохода; выиграетъ и государство, такъ какъ съ уничтоженіемъ денежнаго оброка значительно разовьется хлѣбопашество и потому увеличится вывозъ земледѣльческихъ произведеній заграницу. Не имѣя въ рукахъ всего проекта, мы не знаемъ, какую аренду имѣлъ въ виду авторъ: на извѣстный ли срокъ, или безсрочную, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей; быть можетъ, онъ предлагалъ введеніе послѣдней, такъ какъ въ изложеніи его проекта не упомянуто о правѣ помѣщика повышать аредную плату, и ожидаемое увеличеніе цѣнности имѣнія обусловливается только возвышеніемъ цѣнъ на сельскія произведенія. Не совсѣмъ ясно также, предоставлялась ли крестьянамъ при введеніи арендной системы сразу полная личная свобода, или сохранялись какія-либо ограниченія права перехода; но во всякомъ случаѣ ясно, что дѣло идетъ здѣсь объ освобожденіи безъ обязательнаго выкупа земельнаго надѣла; пріобрѣтеніе участка крестьяниномъ въ собственность предоставляется «свободному» соглашенію землевладѣльца и крестьянина. Что касается внесенія оброка натурою, то едва ли это нашли бы выгоднымъ для себя тѣ помѣщики, которые не имѣли удобныхъ средствъ для сбыта хлѣба, тѣмъ болѣе, что предполагаемое увеличеніе количества земледѣльческихъ произведеній могло бы повести къ уменьшенію ихъ цѣны. На невыгодность для землевладѣльцевъ этого способа вознагражденія въ странахъ малолюдныхъ указывалъ и гр. Стройновскій въ своемъ, уже извѣстномъ намъ, произведеніи.

Проектъ Берга, доступный намъ также не въ полномъ видѣ, при первомъ ознакомленіи съ нимъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Авторъ предполагаетъ осуществить постепенное освобожденіе крестьянъ посредствомъ выкупа, вносимаго, впрочемъ, не цѣлыми вотчинами, а каждымъ крестьяниномъ отдѣльно, причемъ цѣна выкупа не должна быть постоянная, опредѣленная разъ навсегда, а ее должны назначать особые комитеты по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ. Сумму, слѣдую-

щую за выкупъ, предполагалось не выдавать владѣльцу, а вносить въ казну, правительство же выплачивало бы ему лишь законные проценты. Чтобы и бѣднымъ крестьянамъ дать возможность пріобрѣсти свободу, Бергъ предлагалъ составить для вспомоществованія имъ съ этою цѣлью особый капиталъ, изъ котораго и выдавать необходимую для выкупа сумму за 3%. На суммы, вносимыя въ казну за освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія, правительство выплачивало бы 7%; изъ нихъ 6% помѣщику, а 1% назначался бы именно на составленіе вспомогательнаго для крестьянъ капитала. Крестьянинъ, получающій такое вспомоществованіе подъ отвѣтственностью цѣлаго общества, долженъ былъ вносить 3% съ выданной ему суммы и 1% на погашеніе долга. Проектъ этотъ можетъ показаться замѣчательнымъ для своего времени, даже приближающимся по своимъ принципамъ къ реформѣ 1861 г.; тутъ есть и опредѣленіе размѣра выкупа, и содѣйствіе для этого со стороны правительства. Въ чемъ же разница? Не говоря уже о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о выкупѣ не цѣлыхъ имѣній, а отдѣльныхъ крестьянъ, не достаетъ самаго существеннаго; не даромъ въ проектѣ, насколько онъ намъ извѣстенъ, ни разу не упоминается слово *земля*; очевидно, авторъ предлагаетъ *выкупъ одной личной свободы крестьянина*, т.-е. того, что 50 лѣтъ спустя онъ получилъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, совершенно безплатно. Можно было бы признать замѣчательною для своего времени и мысль о точномъ опредѣленіи размѣра выкупа, если бы авторъ проекта, повидимому, остзейскій помѣщикъ, не предполагалъ довѣрить это дѣло мѣстнымъ комитетамъ, не упоминая даже, будутъ ли въ ихъ составѣ коронные чиновники, или только землевладѣльцы, а насколько въ послѣднемъ случаѣ гарантировали бы подобные комитеты интересы крестьянъ, хорошо извѣстно изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ. Имѣетъ значеніе для своего времени мысль объ участіи правительства въ выкупной операціи и можно пожалѣть, что авторъ не соединилъ ее съ основными правилами указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ: предложеніе ссудъ изъ казны для выкупа крестьянъ цѣлыми вотчинами съ землею по опредѣленной правительствомъ цѣнѣ имѣло бы не малое значеніе для своего времени, такъ какъ хотя и были случаи, когда правительство давало ссуды выкупающимся на основаніи правилъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, но безъ соблюденія указанныхъ условій.

Нѣсколько лѣтъ спустя былъ составленъ проектъ «о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи» флигель-адъютантомъ Киселевымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ министромъ государственныхъ имуществъ и самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Императора Николая. Достовѣрно извѣстно также, что этотъ проектъ былъ представленъ государю въ Москвѣ въ 1816 г. Записка начиналась словами: «гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія». «Истина сія столь мало подвержена сомнѣнію,— продолжаетъ Киселевъ,— что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколько желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, *неправильно лишенныхъ оной*». Киселевъ хорошо понималъ, подобно гр. Строганову, что освобожденія крестьянъ требуетъ простое благоразуміе, такъ какъ неминуемымъ слѣдствіемъ бездѣйствія въ этомъ вопросѣ будутъ серьезныя волненія. Онъ ссылался на то, что успѣхи просвѣщенія и сближеніе съ Европой, усиливая броженіе умовъ, указываютъ правительству необходимость предупредить требованія, «которымъ отказать будетъ уже трудно или невозможно», какъ это доказываетъ «кровью обагренная революція французская». Дѣйствительно, непосредственное знакомство съ западно-европейскою жизнью во время походовъ заграницу послѣ 1812 г. содѣйствовало распространенію въ обществѣ освободительныхъ идей, да и крѣпостные ждали свободы, какъ награды за вынесенныя ими страданія во время нашествія непріятеля. Авторъ оговаривается, что сразу уничтожить крѣпостное право было бы не безопасно; необходимо «постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ» и «ограниченіе власти, помѣщиками незаконно присвоенной». Киселевъ предлагаетъ: во-первыхъ, дозволить капиталистамъ всякаго званія покупать отъ дворянъ помѣстья, съ тѣмъ, чтобы въ такихъ имѣніяхъ права и обязанности какъ крестьянъ, такъ и ихъ новыхъ помѣщиковъ были опредѣлены закономъ *). Въ виду непомѣрнаго количества дворовыхъ, нужно, по мнѣнію Киселева, запретить дворянамъ брать во дворъ земледѣльцевъ, а изъ нынѣшнихъ дворовыхъ составить «особенное сословіе», которое

*) Въ 1810 г. было дозволено почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой гильдіи покупать населенныя имѣнія, но только продаваемыя казною изъ арендныхъ и другихъ, «во временномъ частномъ владѣніи состоящихъ», для уменьшенія количества ассигнацій и уплаты государственныхъ долговъ.

приписать къ домамъ или помѣстьямъ, обязавъ владѣльцевъ платить за нихъ всѣ подати: это поведетъ постепенно къ уменьшенію, а затѣмъ и къ совершенному уничтоженію дворовыхъ. Извѣстно, что впослѣдствіи, уже будучи министромъ государственныхъ имуществъ, Киселевъ много задумывался надъ вопросомъ объ ограниченіи количества дворни и составилъ даже обширный проектъ по этому предмету, гдѣ предлагалъ учрежденіе цеха слугъ; но это предположеніе не было выполнено вслѣдствіе нежеланія Императора Николая запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ. Такъ какъ особенно тяжелы для крестьянъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ, по словамъ автора, «крѣпостная зависимость еще болѣе угнетательна», то онъ выражалъ желаніе, чтобы дворяне, при устройствѣ фабрикъ въ своихъ помѣстьяхъ, были обязаны «признать независимость крестьянъ» на тѣхъ же основаніяхъ, какія будутъ установлены для владѣльцевъ населенныхъ имѣній изъ разночинцевъ.

Онъ предлагаетъ также дозволить и основаніе майоратовъ, подъ условіемъ перехода въ нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы; это полезно и потому, что такимъ образомъ уменьшится число мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые «отъ скудности и невѣжества отягощаютъ непомѣрнымъ образомъ бѣдственное состояніе рабовъ, имъ принадлежащихъ». Киселевъ стоитъ также за опредѣленіе размѣра выкупа крѣпостныхъ крестьянъ, причемъ предлагаетъ назначить «откупную цѣну, сколько можно для дворянъ выгодную»; дворовымъ же людямъ, по его мнѣнію, дозволять этого не слѣдуетъ, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы прибавить лишнее побужденіе для дворянъ обращать дворовыхъ въ земледѣльцевъ. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну оригинальную мысль проекта Киселева: онъ предлагаетъ опредѣлить, какое количество крестьянъ необходимо для обработки земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (которая для этого должна быть вновь измѣрена), излишнее же населеніе правительство должно по мѣрѣ возможности выкупать и переселять въ малонаселенныя губерніи на казенныя земли съ обращеніемъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы, а деньги, издержанныя на эту операцію, взыскать въ извѣстные сроки съ переселенцевъ. Въ заключеніе проекта Киселевъ заявляетъ, что дарованіе «нѣкоторой независимости» крѣпостнымъ крестьянамъ, работающимъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, и воспрещеніе увеличивать число дворовыхъ переводомъ въ ихъ составъ земледѣльцевъ «признается многими благомыслящими дворянами

полезною и желательною мѣрою». Это заявленіе чрезвычайно любопытно, такъ какъ оно показываетъ, во-первыхъ, что среди дворянства шли уже довольно оживленные толки о крестьянскомъ вопросѣ и, во-вторыхъ, что лучшіе представители этого сословія соглашались на принятіе двухъ мѣръ, на которыя правительство не рѣшалось до самаго паденія крѣпостнаго права.

Что дѣйствительно многіе дворяне въ это время не только живо интересовались крестьянскимъ вопросомъ, но и допускали ограниченіе крѣпостнаго права, видно еще изъ слѣдующаго факта. Въ томъ же 1816 г., когда была составлена записка Киселева, многіе изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ Петербургской губерніи, зная желаніе государя улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, согласились обратить ихъ въ «обязанныхъ поселянъ» на основіи существовавшихъ тогда по этому предмету постановленій. Неизвѣстно, какого рода законы имѣлись при этомъ въ виду: если бы рѣчь шла просто объ обращеніи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, то для этого не нужно было бы никакого соглашенія между дворянами, а только согласіе крестьянъ каждаго изъ помѣщиковъ на предложенныя имъ условія; можно думать поэтому, не желали ли помѣщики Петербургской губерніи распространить на своихъ крѣпостныхъ тѣ права, которыя предоставилъ лифляндскимъ крестьянамъ законъ 1804 г., т.-е. сдѣлать ихъ прикрѣпленными къ землѣ или именно «обязанными крестьянами». Какъ бы то ни было, составленный объ этомъ приговоръ былъ подписанъ 65-ю помѣщиками, поднести же его на утвержденіе государя было поручено одному изъ замѣчательныхъ дѣятелей 1812 г., пользовавшемуся расположеніемъ Императора, Ил. Вас. Васильчикову. Принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ полагали, что государь ничего не знаетъ о происходившихъ по этому поводу собраніяхъ, но были увѣрены, что онъ благосклонно приметъ ихъ предложеніе. Однако. Императоръ Александръ зналъ о рѣшеніи дворянъ, и какъ только Васильчиковъ сталъ говорить ему о немъ, государь, прервавъ его рѣчь, спросилъ:

«Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?»

— Безъ сомнѣнія, Вашему Императорскому Величеству, какъ самодержцу имперіи,—отвѣчалъ Васильчиковъ.

«Такъ предоставьте же мнѣ издавать тѣ законы, которые я

считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ»,—сказалъ государь.

Нельзя не припомнить, что еще въ 1780 г. ораніембаумскіе и ямбургскіе дворяне составили точныя правила относительно повинностей своихъ крѣпостныхъ, изложенныя нами въ другомъ мѣстѣ *); въ этомъ соглашеніи участвовало всего только 16 человѣкъ, да и то двое изъ нихъ не одобрили рѣшенія большинства, несмотря на то, что установленныя правила были очень выгодны для помѣщиковъ. Намъ неизвѣстно, однако, осуществилось ли на дѣлѣ соглашеніе 1780 г. или оно окончилось ничѣмъ, также какъ и попытка 1816 г., сдѣланная уже вчетверо большимъ числомъ землевладѣльцевъ.

Неблагопріятное отношеніе Императора Александра къ проекту петербургскихъ дворянъ, содержанія котораго мы къ тому же не знаемъ, не означаетъ, что государь совершенно охладѣлъ въ это время къ дѣлу реформы; напротивъ, даже такимъ личностямъ, какъ Аракчеевъ, приходилось по его желанію составлять проекты измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Извѣстна ужасная дѣятельность Аракчеева въ качествѣ устроителя военныхъ поселеній; менѣе знаютъ его, какъ помѣщика села Грузина (Новгородской губ.), пожалованнаго ему Императоромъ Павломъ, и мы упомянемъ объ этой сторонѣ его жизни, такъ какъ она еще болѣе оттѣнитъ намъ личность его въ качествѣ составителя проектовъ по крестьянскому вопросу. Не считая, при своемъ желѣзномъ упрямствѣ, ничего невозможнымъ, онъ заставлялъ крестьянъ села Грузина исполнять самыя тяжелыя работы. Лѣсъ, росшій около имѣнія на берегу Волхова, былъ уничтоженъ по желанію помѣщика и земля выравнена; канавы рылись даже во время морозовъ; крестьянскіе дома были построены по извѣстному образцу. Строго предписывалось, какъ крыть и провѣтривать избы, какъ выгонять скотъ, какъ мести улицы передъ домомъ, и за нарушеніе малѣйшаго правила виновный подвергался суровому наказанію. Непосильныя работы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и строжайшія кары такъ вредно отзывались на здоровьѣ жителей, что чахотка сдѣлалась наслѣдственною болѣзнью въ Грузинѣ.

Въ 1818 г. Императоръ Александръ приказалъ Аракчееву составить проектъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго

*) «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II». „Отеч. Зап." 1879 г., № 12, стр. 433—436.

состоянія, съ оговоркою, чтобы этотъ проектъ «не заключалъ въ себѣ *никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ*, и особенно, чтобы мѣры сіи *не представляли ничего насильственнаго со стороны правительства*; напротивъ, чтобы онѣ сопряжены были съ выгодами помѣщиковъ и возбудили бы въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать правительству въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, сообразномъ духу времени и успѣхамъ образованности и необходимомъ для будущаго спокойствія самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей». Впрочемъ, владѣльца Грузина нечего было предостерегать отъ мѣръ «стѣснительныхъ для помѣщиковъ»: мы знаемъ, что даже скромныя вылазки Н. И. Тургеневъ (въ его книгѣ *Теорія налоговъ*) противъ крѣпостнаго права казались Аракчееву чѣмъ-то ужаснымъ. Владѣлецъ Грузина придумалъ только покупать помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну или по добровольнымъ условіямъ, если бы помѣщики пожелали продать свои имѣнія въ полномъ составѣ, или на основаніи особыхъ для этого правилъ, если бы вмѣстѣ съ крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякій помѣщикъ могъ требовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ всего по 2 десятины на ревизскую душу, причемъ оцѣнку имѣнія должны были производить уѣздный предводитель дворянства, три мѣстныхъ помѣщика и два уполномоченныхъ отъ правительства, слѣдовательно, при большинствѣ голосовъ дворянъ отъ нихъ въ сущности и зависѣла оцѣнка; цѣнность же оброчнаго имѣнія предполагалось опредѣлить, капитализируя оброкъ изъ 5%. Для пріобрѣтенія имѣній въ казну Аракчеевъ находилъ нужнымъ отпускать ежегодно 5 милл. рублей; если же у правительства не оказалось бы наличныхъ денегъ, — выпускать ежегодно особые билеты государственнаго казначейства, которые приносили бы помѣщикамъ, получившимъ ихъ въ уплату за имѣніе, по 5%: такъ зарождалась уже мысль о возможности выкупа крестьянъ посредствомъ кредитной операціи. Аракчеевъ прекрасно понималъ, что крестьянамъ будетъ недостаточно 2-хъ десятинъ для веденія собственнаго хозяйства, но онъ на это и разсчитывалъ, прямо заявляя, что предложенныя имъ мѣры будутъ полезны для дворянъ, такъ какъ, уплативъ полученными деньгами свои долги, они не перестанутъ быть помѣщиками: въ ихъ владѣніи останется болѣе половины земель и угодій, которыя крестьянамъ придется арендовать по недостаточности собственнаго надѣла, или просто наниматься у дворянъ для обработки оставшейся у послѣднихъ

земли. Есть извѣстіе, что эти предположенія Аракчеева были бы осуществлены, если бы этому не помѣшали «политическія обстоятельства» и возникшія тогда смуты въ нѣкоторыхъ государствахъ южной Европы, а особенно, если бы исторія семеновскаго полка не произвела рѣзкаго измѣненія въ мысляхъ и намѣреніяхъ государя.

Говоря о Сперанскомъ, мы видѣли, что именно въ это время распространились слухи о близкомъ освобожденіи крестьянъ; Сперанскій приписывалъ это вліянію рѣчи государя въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма въ 1818 г., хотя въ послѣдней шла рѣчь о свободѣ политической; но, быть можетъ, подобные слухи объясняются тѣмъ, что Императоръ Александръ приказалъ Аракчееву и, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторымъ другимъ лицамъ подготовить проектъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Увеличенію тревоги не мало содѣйствовало и совершавшееся въ это время освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. По свидѣтельству Канкрина, московская публика была очень недовольна либеральнымъ направленіемъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Консервативное настроеніе Москвы въ этомъ отношеніи выражается, между прочимъ, и въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой. Появившееся въ 1817 г. возваніе генералъ-губернатора Паулуччи къ курляндскому дворянству подняло на ноги все московское общество. «Разговоры по этому предмету заставляютъ содрогаться,—писалъ Кристинъ.—Надѣюсь, что въ Петербургѣ извѣстно общее настроеніе умовъ и что тамъ не отважатся ни на какую окончательную мѣру безъ зрѣлаго обсужденія и не принявъ въ разсчетъ возможныхъ послѣдствій такого шага». Воображенію москвичей представлялись всякіе ужасы; Кристинъ передавалъ слухи, будто въ различныхъ губерніяхъ уже начались безпорядки, будто крестьяне, прочитавъ прокламацію Паулуччи, «съ газетой въ рукахъ» отказывали въ повиновеніи помѣщикамъ, будто мѣстныя власти принуждены были прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для подавленія безпорядка.

Но такъ какъ желаніе государя серьезно заняться крестьянскимъ вопросомъ сдѣлалось извѣстнымъ, то нѣкоторыя лица спѣшили представить свои записки по этому предмету; такъ, въ бумагахъ Аракчеева найденъ проектъ А. Ѳ. Малиновскаго, составленный также въ 1818 г. Авторъ его прежде всего излагалъ исторію крѣпостнаго права въ Россіи, затѣмъ указывалъ на тѣ опасенія, какія можетъ возбудить внезапное дарованіе сво-

боды и, наконецъ, возвращаясь къ мысли, промелькнувшей у Импер. Екатерины въ 80 годахъ прошлого столѣтія, предлагалъ, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ сельскимъ населеніемъ Россіи въ 1812 г., объявить свободными всѣхъ дѣтей обоего пола, рожденныхъ послѣ этого года и не вошедшихъ въ 7-ю ревизію, а также впредь рождаемыхъ дѣтей помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Нечего и говорить, какъ вредно было бы осуществленіе подобнаго проекта постепеннаго безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Повидимому, къ этому же времени относится составленіе на французскомъ языкѣ проекта неизвѣстнаго автора, который предлагалъ прежде всего объявить закономъ, что помѣщикъ—собственникъ земли, а не поселенныхъ на ней крестьянъ, и постановить, что впредь населенныя имѣнія могутъ быть продаваемы только въ полномъ составѣ, безъ раздробленія какимъ бы то ни было способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ предлагалъ объявить въ особомъ манифестѣ, что за заслуги, оказанныя дворянствомъ въ отечественную войну, государь установитъ неотчуждаемыя и переходящія къ одному старшему въ родѣ (съ вознагражденіемъ остальныхъ наслѣдниковъ деньгами) *ленныя помѣстья*, владѣльцы которыхъ, сообразно приносимому имѣніемъ доходу, будутъ получать званіе бароновъ, графовъ и маркизовъ (!). По проекту, въ которомъ не трудно узнать какого-нибудь остзейскаго нѣмца, помѣщики такихъ ленныхъ имѣній обязаны отдѣлить своимъ крестьянамъ часть земли, достаточную для ихъ продовольствія, за что тѣ обязываются такое же количество земли обработать въ пользу владѣльца или же платить денежный оброкъ по взаимному соглашенію. Если принять во вниманіе, что въ это время крѣпостные обрабатывали на помѣщика менѣе земли, чѣмъ на себя, то будетъ ясно, что осуществленіе такого проекта немедленно ухудшило бы положеніе крестьянъ. Мы видѣли, что Киселевъ предлагалъ дозволить обращеніе имѣнія, по желанію помѣщиковъ, въ майоратъ, но онъ предполагалъ обусловить это переходомъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, которымъ, слѣдовательно, предоставлялось договориться съ помѣщикомъ о размѣрѣ и формѣ ихъ повинностей, а не подвергаться весьма обременительной барщинѣ.

Въ 1818 г. адмиралъ Мордвиновъ также составилъ записку объ одной изъ мѣръ для освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Мордвиновъ, человѣкъ честный, пользовавшійся общимъ ува-

женіемъ, представлялъ собою смѣсь консерватора съ либераломъ на англійскій манеръ: онъ былъ либераломъ въ политическомъ отношеніи и консерваторомъ въ самомъ главномъ соціальномъ вопросѣ, который предстояло разрѣшить Россіи, — въ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Мы видѣли, что крайній крѣпостникъ Шишковъ былъ, въ то же время, идеальнѣйшимъ помѣщикомъ; Мордвиновъ, напротивъ того, исходя изъ мысли о преждевременности уничтоженія у насъ крѣпостнаго права, вооружался не только противъ такого ограниченія помѣщичьей власти, какъ продажа людей безъ земли по одиночкѣ, что было совсѣмъ неприлично для англомана, но даже противъ такихъ одиночныхъ послабленій, какъ то, что Шишковъ не бралъ со своихъ крестьянъ оброка, утверждая, что подобныя исключенія могутъ поселять негодованіе и ропотъ въ остальныхъ. Мало того: для осуществленія своихъ идеаловъ онъ желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи и для этого готовъ былъ даже на еще бо́льшее распространеніе крѣпостнаго права; получивши самъ значительныя и населенныя имѣнія при Императорѣ Павлѣ, онъ, подобно нѣкоторымъ вельможамъ второй половины XVIII и первой четверти XIX вѣка, желалъ, чтобы Императоръ Александръ «раздѣлилъ между знатнѣйшими русскими фамиліями *всѣ казенныя земли*», слѣдовательно, и населенныя. Тогда палата перовъ или лордовъ, составленная изъ членовъ этихъ семействъ, была бы, по плану Мордвинова, «могущественнымъ элементомъ для утвержденія конституціи». Умнаго, горячо убѣжденнаго противника своимъ вреднымъ для русскаго народа мечтаніямъ Мордвиновъ встрѣтилъ въ Н. И. Тургеневѣ, котораго возмущала такая смѣсь крѣпостничества съ искреннимъ либерализмомъ.

Тургеневъ полагаетъ, что онъ не отказался бы содѣйствовать освобожденію крестьянъ, если бы правительство серьезно къ нему приступило, но, по мнѣнію Мордвинова, это было еще преждевременнымъ: Россія для этого не созрѣла. Въ своемъ позднѣйшемъ мнѣніи 1833 года онъ прямо утверждаетъ, что крѣпостное право «необходимо для общаго спокойствія, для внутренняго благоустройства» и что наше государство достигнетъ «освобожденія крестьянъ отъ рабства», когда народонаселеніе его возрастетъ, когда явятся капиталы, достаточные для найма рабочихъ рукъ, и проч. «Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на своей землѣ рабовъ».

— Въ вашихъ глазахъ, — говаривалъ Мордвиновъ Тургеневу,—всѣ рабы святые, а всѣ помѣщики тираны.

— Почти что такъ,—серьезно отвѣчалъ Тургеневъ.

Возвратимся, однако, къ той запискѣ Мордвинова, гдѣ онъ безъ сомнѣнія, зная о намѣреніи государя освободить крестьянъ, отозвался на насущный вопросъ того времени, обсужденіемъ котораго принужденъ былъ заниматься даже Аракчеевъ.

Въ началѣ своего мнѣнія Мордвиновъ въ высокопарныхъ фразахъ развиваетъ мысль о необходимости осторожности и постепенности въ такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ дарованіе народу «гражданской свободы», которая должна быть наградою «трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку»; поэтому онъ предлагаетъ назначить опредѣленный выкупъ за освобожденіе. Мордвиновъ великодушно не требуетъ его отъ крѣпостныхъ ниже 2-хъ и стариковъ болѣе 60 лѣтъ; слѣдовательно, съ изданіемъ предлагаемаго имъ закона дряхлые старики, взявъ на руки своихъ годовалыхъ внуковъ и правнуковъ, могли отправиться на всѣ четыре стороны, если ненависть къ крѣпостному праву была у нихъ такъ велика, что они предпочитали ему голодную смерть. Не такъ легко было раздѣлаться съ рабствомъ по проекту Мордвинова людямъ отъ двухъ до 60 лѣтъ: дѣти до 5 лѣтъ оцѣнены по 100 р., отъ 5 до 10 по 200 р., отъ 10 до 15 по 400 р., люди старые отъ 50 до 60 лѣтъ — по 500 р., юноши отъ 15 до 20 лѣтъ—по 600 р., люди пожилые отъ 40 до 50 лѣтъ—по 1000 р., наконецъ, взрослые работники въ цвѣтѣ силъ—отъ 20 до 30 лѣтъ по 1500 р. и отъ 30 до 40 лѣтъ по 2000 р. Мордвиновъ не говоритъ, полагается ли взысканіе означенной суммы только за крѣпостныхъ мужскаго пола или, какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ не захотѣлъ и женщинъ лишить права внести за свою свободу отъ 100 до 2000 р. с. Вѣроятно, онъ не прочь отъ послѣдняго, такъ какъ вообще утверждаетъ, что «цѣна должна быть ближе къ высокой, чѣмъ къ низкой» для возбужденія трудолюбія, результатомъ котораго будетъ богатство и благосостояніе народа. Мордвиновъ ожидаетъ отъ предлагаемой имъ мѣры наилучшихъ результатовъ; пріятно и то, что, если вѣрить ему, «такое мирное перехожденіе изъ зависимаго состоянія въ свободное никакому другому сословію не навлечетъ непріятностей и потерь... Крестьяне получатъ свободу (правда безъ земли), помѣщики останутся полными владѣтелями земель своихъ и съ денежнымъ еще капиталомъ». Благосостоя-

ніе Россіи зависѣло, по мнѣнію автора, отъ патріархальнаго управленія народа помѣщиками *). Справедливо указывая на то, какъ вредно отразилось на земледѣльческомъ сословіи въ Англіи преждевременное дарованіе ему свободы, Мордвиновъ забываетъ, что освобожденіе крѣпостныхъ привело тамъ къ дурнымъ результатамъ именно вслѣдствіе того, что они получили свободу безъ земли, а такую-то свободу и предлаетъ онъ нашимъ крѣпостнымъ покупать за дорогую цѣну по одиночкѣ. Таковы были мнѣнія этого либерала-крѣпостника въ крестьянскомъ вопросѣ. Гораздо послѣдовательные были тѣ, которые, также считая, что Россія не созрѣла еще для освобожденія крестьянъ, указывали на вредъ для самого народа отъ безземельнаго освобожденія и подвергали строгой критикѣ мнѣнія тѣхъ либераловъ, которые легкомысленно готовы были лишить народъ окропленной его потомъ земли, лишь бы поскорѣе раздѣлаться съ ненавистнымъ крѣпостнымъ правомъ. Мордвиновъ же допускалъ безземельное освобожденіе, хотя и за большой выкупъ, и, въ тоже время, вооружался противъ попытокъ ограничить наиболѣе отвратительныя проявленія крѣпостнаго права. Вліяніе его въ этомъ отношеніи было тѣмъ вреднѣе, что за свою честность онъ пользовался большимъ уваженіемъ, а какъ человѣкъ умный, владѣлъ перомъ лучше большинства тогдашнихъ членовъ государственнаго совѣта. На вредное вліяніе Мордвинова по крестьянскому вопросу въ этомъ послѣднемъ учрежденіи намъ придется скоро указать.

Въ числѣ лицъ, поспѣшившихъ содѣйствовать правительству въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, былъ еще генералъ-интендантъ Канкринъ, который въ томъ же 1818 г. составилъ и препроводилъ къ императору черезъ гр. Нессельроде записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости. Канкринъ, сынъ ученаго техника, выписаннаго изъ Германіи для управленія старо-русскими соляными варницами, получилъ образованіе въ марбургскомъ и гессенскомъ университетахъ. Званіе генералъ-интенданта во время войны 1812 г. дало ему возможность быть очевидцемъ тѣхъ ужасныхъ страданій, которыя приходилось выносить въ это время крестьянамъ въ западной Россіи: онъ ви-

*) «Если наши крестьяне освободятся отъ власти помѣщика,—говоритъ онъ,—то они попадутъ въ зависимость отъ деревенскаго кулака, выгоды котораго будутъ тѣмъ больше, чѣмъ бѣднѣе его сосѣди, какъ это и бываетъ въ казенныхъ селеніяхъ, между тѣмъ какъ для помѣщика выгодно, чтобы его крестьяне были богаты».

дѣлъ тамъ несчастныхъ мужиковъ, которые, какъ полоумные, бродили по лѣсамъ. Принужденный вообще много путешествовать по обязанностямъ службы, онъ хорошо познакомился съ незавидными положеніемъ нашихъ крѣпостныхъ и задумывался надъ средствами для улучшенія ихъ быта. Всецѣло воспитавшись подъ нѣмецкими вліяніями, Канкринъ въ своихъ взглядахъ на крестьянскій вопросъ былъ болѣе нѣмцемъ, чѣмъ русскимъ, но хорошо уже то, что онъ явился горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія, которое вслѣдъ за проведеніемъ его въ Прибалтійскомъ краѣ серьезно грозило въ это время и всей Россіи, и, въ то же время, онъ не только не былъ крѣпостникомъ, какъ Карамзинъ, Поздѣевъ и друг., но настаивалъ на постепенномъ исполненіи строго обдуманнаго плана уничтоженія крѣпостнаго права. Въ этомъ громадная заслуга Канкрина въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ началѣ своей замѣчательной записки Канкринъ дѣлаетъ обзоръ освобожденія крестьянъ въ различныхъ государствахъ Европы, замѣчаетъ, что обезземеленіе всего низшаго сословія въ Англіи было слѣдствіемъ преждевременнаго или необдуманнаго уничтоженія крѣпостнаго права, и высказываетъ убѣжденіе, что въ такомъ дѣлѣ нужно держаться строгой постепенности. Считая необходимымъ измѣнить положеніе нашихъ крѣпостныхъ, онъ подтверждаетъ эту мысль неприглядною картиною русской дѣйствительности *). Канкринъ справедливо замѣчаетъ, что «выписываемыя нѣкоторыми землевладѣльцами, по большой цѣнѣ, изъ Англіи пахотныя орудія дѣлу не помогутъ, ибо дѣйствительныя улучшенія въ земледѣліи состоятъ не въ слѣпомъ подражаніи тому, что неприменимо ни къ степени развитія нашихъ земледѣльцевъ, ни къ нашимъ учрежденіямъ, ни къ климату, но въ изысканіи средствъ и системы усовершенствованія,

*) «Естественное послѣдствіе крѣпостнаго состоянія, по самому свойству своему ничѣмъ неограниченнаго,—говоритъ онъ,—роскошь и разныя другія причины, въ особенности же непосильныя, предпринимаемыя помѣщиками, винокуренныя операціи, необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ, тягость подводной повинности, привели, наконецъ, нашего крестьянина въ ужасающее положеніе. Губерніи, находившіяся нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи, какъ, напр., Подольская, разорены до того, что крестьяне лишены тамъ первыхъ потребностей жизни. Никогда Бѣлоруссія не была доведена до той степени бѣдствія, въ какой она находится въ настоящее время; этому, впрочемъ, содѣйствовало пагубное вліяніе многочисленнаго еврейскаго населенія и событія послѣдней войны. Богатыя губерніи, Орловская, Курская, Харьковская, Рязанская и др., далеко не похожи на то, чѣмъ были онѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Однѣ только малоземельныя губерніи, занимающіяся мануфактурными производствами и ремеслами, какъ, напр., Ярославская, находятся еще

сообразныхъ съ положеніемъ дѣла въ нашемъ отечествѣ». Канкринъ подобно Киселеву хорошо понималъ, что наше непосредственное знакомство съ западно-европейскою жизнью не можетъ пройти безслѣдно, замѣчалъ, что идеи, распространяемыя военными, возвратившимися изъ-за границы, «настоятельно требуютъ другаго порядка вещей», и указывалъ на то, какъ опасно «покоиться на огнедышащей горѣ». Разомъ отпустить крестьянъ на волю было бы «несправедливо, неосторожно и даже невозможно»: несправедливо потому, что большая часть имѣній пріобрѣтена подъ условіемъ существованія крѣпостнаго права; неосторожно потому, что крестьяне могутъ «предаться необузданнымъ порывамъ страстей»; невозможно потому, что такой внезапный переходъ разстроилъ бы народную производительность.

Канкринъ приводитъ далѣе мнѣніе самого императора о томъ, что̀ нужно сдѣлать для улучшенія быта крѣпостныхъ: «слѣдовало бы держаться системы, принятой въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи и Эстляндіи, т.-е. соразмѣрить и облегчить повинности крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ, дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ, составить новое, точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостнаго состоянія».

Приведя это мнѣніе государя, Канкринъ тутъ же заявляетъ, что онъ не можетъ съ нимъ согласиться. По его мѣткому замѣчанію, опытъ показываетъ, что слѣдствіемъ «торопливаго опредѣленія закономъ повинностей крѣпостныхъ» всегда бываетъ не уменьшеніе этихъ повинностей, а увеличеніе: при подобномъ опредѣленіи нѣтъ никакой возможности сообразить всѣ мѣстныя условія, а, между тѣмъ, это совершенно необходимо, такъ какъ помѣщики обращаютъ въ свою пользу всякое упущеніе закона. «Вотъ почему,—прибавляетъ Канкринъ,—въ Остзейскомъ краѣ

въ лучшемъ положеніи... Огромное количество дворовыхъ людей... отрываетъ, съ одной стороны, слишкомъ много рукъ отъ земледѣлія, съ другой—препятствуетъ въ городахъ необходимому для нихъ развитію ремесленнаго производства», а упадокъ городовъ мѣшаетъ въ свою очередь усовершенствованію земледѣлія, которое, впрочемъ, «не дѣлаетъ у насъ настоящихъ успѣховъ» главнымъ образомъ потому, что «до сихъ поръ всѣ усилія сельскихъ хозяевъ обращены были не столько къ улучшенію быта крестьянъ, сколько къ ихъ угнетенію. Увеличить поборы—единственная цѣль помѣщика. Съ незапамятнаго времени не сдѣлано въ Россіи ни одного шага къ усовершенствованію въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя сѣверныя губерніи, Псковская, Новгородская, Тверская, съ тѣхъ поръ, какъ лѣса ихъ обращены въ пашни, истощенныя посѣвами льна, видимо бѣднѣютъ, и крестьянинъ скитается съ мѣста на мѣсто, ища средствъ къ пропитанію по бо̀льшей части въ печальномъ извозномъ промыслѣ».

помѣщики поддались такъ легко на преобразованіе, но часто возобновляющіяся тамъ возмущенія крестьянъ доказываютъ, повидимому, что быть ихъ не улучшился». Если авторъ разумѣетъ тутъ законъ о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г., то слѣдуетъ замѣтить, что помѣщики согласились на его изданіе не легко, а только уступая прямому требованію самодержавной власти, и, притомъ, черезъ двухъ своихъ представителей въ лифляндскомъ комитетѣ сдѣлали все возможное, чтобы обмануть русское правительство и ослабить осуществленіе его добрыхъ намѣреній. Что же касается обезземеленія крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г., то тамошніе помѣщики хорошо понимали выгодность для себя такой операціи. Какъ бы то ни было, замѣчаніе Канкрина, что слѣдствіемъ «торопливаго» опредѣленія повинностей крѣпостныхъ постоянно бываетъ ихъ увеличеніе, — въ высшей степени справедливо, и мы имѣли возможность указать подобный случай въ законодательствѣ Императора Павла. Вторымъ доводомъ противъ мнѣнія Императора Александра Канкринъ выставляетъ то, что изданіе новаго, полнаго закона относительно крѣпостныхъ, хотя бы на время и облегчающаго ихъ положеніе, имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увѣковѣченіе крѣпостнаго состоянія и потребовало бы поэтому современемъ новыхъ, совершенно противоположныхъ узаконеній. Слѣдуетъ подрывать и разрушать мало-по-малу крѣпостное право, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы опредѣлить мѣру зла, но чтобы вырвать его съ корнемъ. Это замѣчаніе скорѣе остроумно, чѣмъ справедливо, и оно примѣняется развѣ только къ такому «торопливому» законоположенію, о которомъ авторъ упоминалъ выше. Дѣйствительно, правила, составленныя нерѣшительно и неясно, могутъ повести, пожалуй, даже къ ухудшенію положенія крестьянъ; но въ бытѣ нашихъ крѣпостныхъ были возмутительныя вещи, вродѣ продажи людей безъ земли по одиночкѣ, которыя слѣдовало немедленно уничтожить. Еще можно было бы понять подобный доводъ въ устахъ человѣка, который не желаетъ никакого смягченія крѣпостнаго права для того, чтобы оно скорѣе рухнуло цѣликомъ, хотя и тутъ еще вопросъ, насколько можно дѣлать такіе эксперименты надъ милліонами людей и справедливо ли не облегчить ихъ страданія, если нельзя сразу уничтожить все зло; но Канкринъ самъ допускалъ постепенное смягченіе крѣпостнаго права, именно требующее изданія различныхъ правилъ и законо-

положеній, противъ которыхъ онъ вооружается. Въ чемъ же состоялъ его собственный проектъ?

Онъ предлагаетъ «цѣльную и заранѣе обдуманную систему освобожденія», даже съ точнымъ указаніемъ времени, когда должна быть осуществлена та или другая мѣра. Въ 1819 г. необходимо учредить секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу и, въ то же время, назначить «тайныхъ попечителей» надъ крестьянами въ губерніяхъ. Въ слѣдующемъ году сенатъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что у насъ нѣтъ закона, запрещающаго крѣпостному пріобрѣтать собственность, что ему неотъемлемо принадлежатъ домъ и движимость, что онъ можетъ покупать земли и проч. Еще черезъ два года общинное землевладѣніе государственныхъ крестьянъ превращается въ подворное, съ воспрещеніемъ впредь передѣловъ; та же мѣра примѣняется и къ помѣщичьимъ вотчинамъ, съ точнымъ опредѣленіемъ удобной земли, принадлежащей собственно помѣщику, и съ раздѣленіемъ лѣсовъ на господскіе и вотчинные. Послѣ того подушный налогъ можно замѣнить подворнымъ. Въ 1825 г. издается указъ, опредѣляющій и ограничивающій въ формѣ общихъ правилъ повинности крестьянъ и уже открыто ставящій ихъ подъ покровительства лицъ, назначаемыхъ съ этою цѣлью правительствомъ. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ Канкринъ предлагаетъ принять одну за другою такія мѣры: издать полицейское исправительное уложеніе для крестьянъ и законъ относительно наслѣдованія дворовъ; подчинить вотчинный судъ надзору отвѣтственныхъ чиновниковъ; для предотвращенія вреднаго дробленія помѣщичьихъ владѣній ввести права первородства при наслѣдованіи имѣній менѣе 250 душъ; устроить бытъ дворовыхъ на законномъ основаніи; опредѣлить размѣръ выкупа крѣпостнаго на свободу съ землею и безъ земли и для этого учредить заемный банкъ. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе подробное и льготное опредѣленіе крестьнскихъ повинностей, съ дозволеніемъ отчасти выкупать ихъ; владѣльцамъ большихъ помѣстій вмѣняется въ обязанность производить вотчинный судъ черезъ отвѣтственыхъ лицъ.

Въ теченіе слѣдующаго затѣмъ тридцатилѣтнаго періода (1850—1880 гг.), а если нужно, то и въ большее количество лѣтъ, земельные надѣлы объявляются собственностью каждаго семейства, подъ условіемъ уплаты соразмѣрной повинности; даруется право перехода; судъ и расправа предоставляются исключительно правительственнымъ чиновникамъ; всѣ личныя повин-

ности могутъ быть выкупаемы и пр. Канкринъ увѣренъ, что исполненіе такого плана будетъ выгодно для крестьянъ и доставитъ имъ «настоящее благосостояніе», да и помѣщикъ получитъ отъ своей собственности болѣе дохода, чѣмъ пріобрѣтаетъ теперь «способами, противными законамъ божескимъ и человѣческимъ».

Проектъ Канкрина представляетъ сколокъ съ западно-европейскихъ, точнѣе сказать, нѣмецкихъ отношеній и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя предложенія, исполненіе которыхъ вредно отразилось бы на экономическомъ бытѣ крестьянъ, какъ, напр., уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, или которыя устанавливаютъ совершенно чуждыя русской жизни отношенія, вродѣ вотчиннаго суда черезъ отвѣтственныхъ лицъ (нѣмецкіе юстиціары); къ этому послѣднему предложенію можно примѣнить замѣчаніе самого Канкрина, что подобныя мѣры не «подрываютъ», а усиливаютъ крѣпостное право. Но нельзя отрицать, что въ его проектѣ мы встрѣчаемъ и весьма разумныя предложенія, какъ, напримѣръ, опредѣленіе повинностей, гарантированіе собственности крѣпостныхъ отъ посягательства помѣщиковъ и т. п.

Хотя Канкринъ, какъ и другіе его современники, не пришелъ къ мысли объ обязательномъ выкупѣ, но, все-таки, онъ предлагаетъ свободу не съ обезземеленіемъ крестьянъ, которое допускаетъ, напр., Якобъ въ болѣе мелкихъ имѣніяхъ, а съ установленіемъ для всѣхъ наслѣдственной аренды, съ опредѣленными платежами. Не всѣ мѣры, предложенныя Канкринымъ, удачны, но примѣненіе его проекта было разсчитано на долгій срокъ, въ теченіе котораго многія частности его могли быть измѣнены правительствомъ. И самъ Канкринъ не считаетъ себя непогрѣшимымъ; въ заключеніе своего проекта онъ высказываетъ слѣдующую замѣчательную мысль: «Предначертаніе столь громадное и многосложное можетъ быть обдумано и приведено въ исполненіе не иначе, какъ съ общаго содѣйствія лицъ, самыхъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ изъ разныхъ сословій,—какъ тѣхъ, которыя по положенію своему лично заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, такъ и другихъ, чуждыхъ въ ономъ личнаго участія». Къ сожалѣнію, Канкринъ не указываетъ, въ какой формѣ могло бы проявиться участіе «просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ» людей всѣхъ сословій (а не однихъ помѣщиковъ), но мысль его сама по себѣ весьма замѣчательна и, конечно, среди крестьянъ нашлось бы не мало разумныхъ людей, мнѣніе которыхъ могло бы весьма пригодиться при окончательномъ обсужденіи крестьянской реформы:

стоитъ только вспомнить, что въ екатерининской законодательной коммиссіи было не мало весьма разумныхъ и полезныхъ членовъ изъ низшаго сословія.

Къ прежнимъ проектамъ крестьянской реформы, представленнымъ самому Императору Александру Киселевымъ, Аракчеевымъ, Канкринымъ, быть можетъ, и Мордвиновымъ, въ 1819 г. присоединилась еще умно и обстоятельно составленная записка Н. И. Тургенева, едва ли не самое замѣчательное изъ всего, что было представлено по этому предмету Императору Александру I. Она была написана по слѣдующему поводу. Однажды Тургеневу сказали, что петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, по отзыву Николая Ивановича, «человѣкъ открытый, честный, но нѣсколько легкомысленный», желаетъ имѣть записку о крѣпостномъ правѣ для того, чтобы представить ее императору и поговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Его адъютантъ и другъ, полковникъ Г., по словамъ Тургенева, «честнѣйшій и лучшій изъ людей», поддерживалъ добрыя намѣренія своего начальника и предложилъ автору *Теоріи налоговъ* составить требуемую записку, что тотъ и исполнилъ въ концѣ декабря 1819 г.

Тургеневъ начинаетъ съ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли расширять политическія права, которыми уже отчасти пользуются дворяне и купцы, и рѣшаетъ его отрицательно въ виду существованія въ Россіи милліоновъ людей, которые лишены даже и гражданскихъ правъ. «Всякое расширеніе политическихъ правъ дворянъ было бы противно интересамъ крѣпостныхъ,—говоритъ Тургеневъ.—Въ этомъ отношеніи самодержавная власть—якорь спасенія для нашей страны: только отъ этой власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Недозволительно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ несчастные не знаютъ простой человѣческой свободы».

Упомянувъ о мѣрахъ, уже принятыхъ при Императорѣ Александрѣ на пользу крѣпостныхъ, а именно о прекращеніи пожалованія населенныхъ имѣній и освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, причемъ авторъ не высказываетъ никакого порицанія произведенному тамъ обезземеленію народа (новое доказательство, какъ даже для столь выдающагося дѣятеля въ исторіи крестьянскаго вопроса было неясно, что освобожденіе крѣпостныхъ необходимо произвести не иначе, какъ съ земельнымъ надѣломъ), Тургеневъ указываетъ на то, какъ много остается еще

сдѣлать. Онъ справедливо считаетъ положеніе оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ неизмѣримо благопріятнѣе, чѣмъ барщинныхъ. и, признавая значительное распространеніе оброчной системы великимъ благомъ для народа, что бы ни говорили по этому поводу ея порицатели, указываетъ на то, что, при значительной высотѣ у насъ рабочей платы, крестьянину не трудно заработать оброкъ, что вотчины, состоящія на оброкѣ, пользуются значительнымъ самоуправленіемъ, ссылается и на то, что нашему правительству не приходилось принимать никакихъ ограничительныхъ мѣръ относительно размѣра денежныхъ повинностей, между тѣмъ какъ при Императорѣ Павлѣ пришлось опредѣлить закономъ количество барщинныхъ дней. Тургеневъ также совершенно справедливо возражаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что казенные крестьяне находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи, дѣлая исключеніе лишь для арендныхъ имѣній, населеніе которыхъ можетъ весьма позавидовать крѣпостнымъ; онъ остроумно замѣчаетъ, что самый мелкій изъ правительственныхъ чиновниковъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся казенные крестьяне, имѣетъ дѣло со многими тысячами людей. и потому какъ бы ни были велики его вымогательства, они дѣлаются, все-таки, менѣе чувствительными, распредѣляясь на относительно бо́льшее число жертвъ.

Въ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ, по словамъ Тургенева, «рабство является намъ со всѣми своими ужасами». Извѣстно, продолжаетъ онъ, «что всѣ помѣщики не довольствуются тремя днями работы своихъ крѣпостныхъ; многіе, сверхъ того, требуютъ взносовъ натурою или деньгами и еще различнаго рода мелкихъ работъ. Нѣкоторые принуждаютъ ихъ трудиться не три, а четыре, пять и даже шесть дней въ недѣлю, выдавая имъ въ этомъ случаѣ извѣстное количество зернового хлѣба для пропитанія. Почему же не соблюдается законъ Павла?» Жестокость помѣщиковъ относительно крестьянъ проявляется также въ барщинныхъ вотчинахъ и по бо́льшей части остается совершенно безнаказанною. «Тѣ, кто живалъ внутри Россіи,—говоритъ Тургеневъ, — согласятся, что въ каждомъ уѣздѣ есть нѣсколько помѣщиковъ, угнетающихъ крестьянъ и виновныхъ въ вымогательствѣ и жестокости, поведеніе которыхъ не обращаетъ, однако же, на себя вниманія властей. Въ одной изъ центральныхъ губерній есть господа, ежегодно пригоняющіе на ярмарку извѣстное количество дѣвушекъ для продажи азіатскимъ купцамъ... А

что же смотритъ предводитель дворянства этой губерніи? Онъ, съ своей стороны, и, быть можетъ, въ то же самое время, продалъ всѣхъ танцовщицъ своего театра другому помѣщику, который обращеніемъ съ крестьянами постоянно доказываетъ, что благородство души не составляетъ необходимой принадлежности высокаго положенія и извѣстнаго имени».

Основнымъ принципомъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу Тургеневъ ставитъ требованіе, чтобы они исходили отъ самого правительства, такъ какъ при распространенности у насъ оброчной системы наиболѣе просвѣщенные помѣщики не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и потому не могутъ знать нуждъ и истиннаго положенія своихъ крестьянъ. «Можно безошибочно сказать,—утверждаетъ онъ, стараясь побудить государя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—что многимъ русскимъ помѣщикамъ не противна мысль объ освобожденіи крестьянъ; напротивъ, они были бы въ восторгѣ начать это святое дѣло, если бы имѣли средства и возможность его исполнить»; но «само правительство должно взять на себя иниціативу въ улучшеніи быта крѣпостныхъ». Для этого необходимо прежде всего устранить самыя вопіющія злоупотребленія крѣпостнаго права, т.-е. обремененіе крестьянъ чрезмѣрною барщиною, продажу людей по одиночкѣ и жестокое съ ними обращеніе.

Тургеневъ сознаетъ трудность защитить крестьянина отъ требованія со стороны помѣщика непосильной барщины, но и онъ, все-таки, находитъ полезнымъ подтвердить строгое исполненіе закона Императора Павла, дополнивъ его правиломъ, что трехдневная обязательная работа избавляетъ отъ всякой другой повинности, какъ натуральной, такъ и денежной. Онъ считалъ также необходимымъ обратить вниманіе на судьбу дѣтей обоего пола, которыхъ съ недавняго времени, вслѣдствіе «несчастной маніи заводить фабрики», стали посылать на работу, и предлагать не допускать на нее дѣтей, не достигшихъ 12-тилѣтняго возраста. Кромѣ того, Тургеневъ придумалъ слѣдующую мѣру относительно барщины: было бы полезно, говоритъ онъ, обязать помѣщиковъ доставлять въ началѣ года предводителю дворянства списки всѣхъ работъ и сборовъ, требуемыхъ съ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы, по просмотрѣ ихъ предводителемъ и губернаторомъ, они публиковались и доводились до свѣдѣнія народа посредствомъ чтенія въ церквахъ. Затѣмъ губернаторъ изъ этихъ данныхъ составлялъ бы сводъ для министра внутреннихъ дѣлъ, а на основаніи всѣхъ

полученныхъ правительствомъ отчетовъ можно было бы представить въ печати общую характеристику быта крѣпостныхъ. Тургеневъ надѣется, что вліяніе общественнаго мнѣнія сдѣлало бы невозможными многія притѣсненія и злоупотребленія, совершающіяся теперь благодаря отсутствію гласности.

Продажа людей по одиночкѣ, по словамъ Тургенева, приняла лѣтъ 40 тому назадъ, слѣдовательно, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, такіе размѣры, что въ Петербургъ приплывали цѣлыя барки съ людьми, назначенными для розничной распродажи. Мѣры, принятыя для ограниченія торговли крѣпостными при Императорѣ Александрѣ, еще весьма недостаточны. Тургеневъ требуетъ запрещенія всякой продажи людей по одиночкѣ и дозволенія отчуждать ихъ лишь въ видѣ населенныхъ имѣній. Часто крѣпостными владѣютъ лица, не имѣющія на то права и которыя, однако, продаютъ ихъ и покупаютъ: такъ, въ Астрахани купцы-магометане покупаютъ дѣвушекъ себѣ въ наложницы, а затѣмъ и ихъ дѣтей записываютъ своими крѣпостными. Тургеневъ предлагаетъ впредь запретить владѣніе крѣпостными всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ помѣстья. Всякій крѣпостной, проданный вопреки закону, долженъ немедленно получать свободу. Подъ угрозою такой же кары, слѣдуетъ запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ.

Но всякія постановленія въ пользу крѣпостныхъ окажутся, по мнѣнію Тургенева, недѣйствительными до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ будетъ имѣть право подвергать ихъ всевозможнымъ наказаніямъ по своему усмотрѣнію. Въ Прибалтійскомъ краѣ было запрещено господамъ наказывать крѣпостнаго болѣе, чѣмъ пятнадцатью ударами за одинъ разъ, но это не повело ни къ чему, такъ какъ подобное наказаніе повторяли много разъ сряду. Какъ ни трудно защитить крѣпостныхъ въ этомъ отношеніи, но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно оставить ихъ на всей волѣ помѣщиковъ. По мнѣнію Тургенева, нужно прежде всего запретить господамъ, живущимъ въ городахъ, самимъ наказывать слугъ: они должны предоставить это полиціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя не была простою исполнительницею воли господина, а соразмѣряла наказаніе съ проступкомъ. Что касается дворовыхъ и крестьянъ въ деревнѣ, то нужно опредѣлить закономъ, какія наказанія дозволены, число ударовъ и время, въ теченіе котораго нельзя ихъ возобновлять. Нужно также по возможности опредѣлить, какіе проступки подлежатъ суду господина, предоставивъ

остальные въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій; наблюденіе же за исполненіемъ законовъ относительно крѣпостныхъ нужно ввѣрить особымъ коммисарамъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которые вмѣстѣ съ губернаторами и предводителями дворянства могутъ составить комитеты для разсмотрѣнія свѣдѣній о повинностяхъ крѣпостныхъ, и, въ случаѣ надобности, ихъ ограниченія подъ угрозою отдачи имѣнія въ опеку. Крестьяне должны получить право жаловаться коммиссару на помѣщика.

Не ограничиваясь мѣрами, необходимыми для прекращенія самыхъ главныхъ злоупотребленій помѣщичьею властью, Тургеневъ говоритъ въ заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ, что нужно сдѣлать для прочнаго и основательнаго улучшенія быта крѣпостныхъ. Онъ находитъ недостаточнымъ законъ относительно свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ какъ онъ не опредѣляетъ съ необходимою точностью отношенія между помѣщикомъ и освобожденными крестьянами; не отдавая себѣ отчета въ томъ, что главное его значеніе состоитъ въ недопущеніи освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами безъ земли, Тургеневъ предлагаетъ особенно регулировать тотъ случай, когда помѣщикъ сохраняетъ въ своей власти землю, предоставивъ крестьянамъ только временное пользованіе ею. Онъ желаетъ также, чтобы крестьянамъ было дано право перехода. Такимъ образомъ, въ это время, какъ и впослѣдствіи, Тургеневъ готовъ былъ допустить даже и безземельное освобожденіе крестьянъ *). Наконецъ, онъ требуетъ дозволенія свободнаго обсужденія вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ книгахъ и періодическихъ сочиненіяхъ, такъ какъ крестьяне читать ихъ не будутъ.

Записка Н. И. Тургенева такъ понравилась Милорадовичу, что, когда, во время чтенія ея, входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ. Встрѣтивъ автора въ государственномъ совѣтѣ, онъ расхвалилъ его проектъ во всеуслышаніе и сообщилъ, что уже вручилъ его императору. По прочтеніи записки Тургенева, государь выразилъ свое одобреніе, и съ нѣкоторымъ возбужденіемъ (какъ всегда, когда ему приходилось затрогивать крестьянскій вопросъ) сказалъ Милорадовичу, указывая на печать, гдѣ были вырѣзаны пчелы вокругъ улья: «Видите ли: это девизъ мой и моей ба-

*) Въ позднѣйшихъ разсужденіяхъ по этому предмету онъ требуетъ для крестьянъ весьма небольшаго земельнаго надѣла, а въ крайнемъ случаѣ допускаетъ и одно личное освобожденіе. Онъ не понимаетъ также важнаго значенія общиннаго землевладѣнія.

бушки; я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ; я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь».

Каковы бы ни были недостатки записки Тургенева (онъ самъ признаетъ, что принужденъ былъ ограничиться въ ней мѣрами палліативными), нельзя не признать, что она заключала въ себѣ не мало весьма важныхъ практическихъ предложеній: приходится поэтому искренно пожалѣть, что она не имѣла никакого существеннаго результата. Повторяемъ: мѣры ограниченія крѣпостнаго права, предложенныя Тургеневымъ, были однѣ изъ наиболѣе необходимыхъ и практичныхъ; что же касается окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, то можно только радоваться его отсрочкѣ, такъ какъ въ эту эпоху оно приняло бы форму исключительно личнаго освобожденія.

Въ слѣдующемъ 1820 г., Тургеневъ принималъ участіе въ новой попыткѣ подвинуть впередъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса. «Два лица,—разсказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—отличающіяся столько же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и образованіемъ, гр. Воронцевъ (М. С.) и князь Меншиковъ (А. С.). рѣшились начать было освобожденіе и начать серьезно. Я настаиваю на этомъ послѣднемъ словѣ,—говоритъ Тургеневъ,—ибо въ такихъ домахъ нерѣдко можно видѣть такъ называемыхъ филантроповъ, которые постоянно говорятъ объ улучшеніи участи крѣпостныхъ, о гарантированіи имъ извѣстныхъ выгодъ, объ ограниченіи произвола господина, наконецъ, объ уничтоженіи злоупотребленій властью человѣка надъ человѣкомъ; всѣ эти фразы доказываютъ только или простоватость, или недобросовѣстность тѣхъ, которые выставляютъ ихъ на видъ. Въ это время въ Петербургѣ находился человѣкъ, суетившійся въ этомъ смыслѣ въ пользу крѣпостныхъ. (Изъ примѣчанія Тургенева ясно, что это былъ Каразинъ, который игралъ весьма неблаговидную роль въ дѣлѣ устройства общества, о которомъ идетъ рѣчь ниже). Было полезно, даже необходимо, — продолжаетъ Тургеневъ,—прежде всего отдѣлаться отъ подобныхъ помощниковъ, поэтому два вышеупомянутыя лица начали съ заявленія, что цѣль ихъ состоитъ въ полномъ освобожденіи крестьянъ. Желая оградить свое предпріятіе и самихъ себя отъ недоброжелательства и всякихъ ложныхъ толковъ, они хотѣли, чтобы само правительство руководило мѣрами, которыя они ему предложатъ, и потому рѣшились ничего не предпринимать, не поговоривъ предварительно съ

императоромъ. Они желали не только ознакомить его съ сущностью своего предпріятія, но и сообщить, что другіе помѣщики раздѣляютъ ихъ намѣренія относительно своихъ крѣпостныхъ. Для этого одинъ изъ нихъ составилъ нѣчто вродѣ декларацiи, въ которой подписавшіе ее обязывались сдѣлать своихъ крестьянъ совершено свободными *). Для этого они просили императора разрѣшить учрежденіе общества изъ помѣщиковъ, въ составъ котораго вошли бы всѣ члены, подписавшіе декларацію, и которое тотчасъ по открытіи выбрало бы изъ своей среды комитетъ для выработки положенія о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. По обсужденіи и одобреніи его всѣми членами или лицами, подписавшими декларацію, предполагалось представить проектъ положенія министру внутреннихъ дѣлъ, который долженъ былъ получить по этому предмету приказаніе отъ самого императора. Гр. Воронцовъ сообщилъ этотъ документъ нѣсколькимъ своимъ родственикамъ и друзьямъ, и онъ былъ съ величайшею готовностью подписанъ гр. П. и М. В., которые, какъ и два вышеупомянутыя лица, были генералъ-адъютантами государя, графомъ В. Д., камергеромъ и дипломатомъ, кн. В. (Вяземскимъ), однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ литераторовъ; все это люди очень богатые, владѣвшіе вмѣстѣ болѣе, чѣмъ ста тысячами душъ. Мой братъ и я, очень скромные помѣщики, также подписали. Гр. Воронцовъ взялся представить это заявленіе императору. Въ первый разъ, когда государь услышалъ объ этомъ проектѣ, онъ, казалось, былъ очень доволенъ, съ большою добротою слушалъ объясненія графа и сказалъ ему, что нѣтъ никакихъ препятствій къ осуществленію намѣреній лицъ, которыя подписали заявленіе. Авторы проекта вовсе не дѣлали изъ него секрета и, казалось, онъ не долженъ былъ встрѣтить серьезной оппозиціи: однако же, какъ только одинъ изъ нихъ переговорилъ съ императоромъ, нѣсколько лицъ подняли тревогу и начались обычные крики противъ либераловъ и революціонеровъ. Между прочимъ, одна придворная дама, извѣстная своею грубостью, увидѣвъ имя одного изъ своихъ зятьевъ среди подписей на заявленіи объ обществѣ, дала ему такой сильный нагоняй, что этотъ несчастный убѣдительно просилъ какъ можно скорѣе вычеркнуть его имя. Другіе говорили, что заявленіе могло бы еще пройдти подъ за-

*) Въ подлинномъ заявленіи сказано, что «цѣлью общества должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ».

щитою именъ графовъ В. (Воронцова), П., князя М. (Меншикова) и т. д., но такія якобинскія имена, какъ Т. (я и мой братъ) не могутъ оставлять никакого сомнѣнія въ томъ, что это предпріятіе имѣетъ революціонную цѣль». Далѣе Тургеневъ разсказываетъ, что во второе свиданіе графа Воронцова съ государемъ, императоръ въ концѣ разговора сказалъ ему: «Зачѣмъ вамъ соединяться? Подписавшіе заявленіе не изъ одной губерніи: пусть каждый поработаетъ особнякомъ и представитъ свой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ». «Этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить графа и другихъ лицъ, подписавшихъ заявленіе, отказаться отъ своего плана. Мнѣ говорили также, что бывшіе въ ихъ числѣ генералъ-адъютанты императора испытывали въ теченіе нѣкотораго времени холодность двора. Одинъ изъ нихъ даже оставилъ службу вслѣдствіе этого событія» *).

Основатели общества принуждены были съ самаго начала отдѣлываться отъ участія въ немъ Каразина, который, какъ оказывается изъ его собственныхъ словъ, хотѣлъ соединить съ этимъ предпріятіемъ совершенно постороннія цѣли. Замѣчая усиленіе общественнаго недовольства, онъ еще въ 1817 г. писалъ государю о «сомнительномъ положеніи» Россіи. Находясь въ 1820 г. въ Петербургѣ, онъ высказалъ въ разговорахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Кочубеемъ, что находитъ въ обѣихъ столицахъ особое направленіе умовъ, подобное тому, которое замѣчали во Франціи предъ революціею. На требованіе министра подтвердить свои заявленія документально Каразинъ отвѣчалъ отказомъ, но въ одну изъ бесѣдъ съ Кочубеемъ предложилъ ему основать общество подъ предсѣдательствомъ его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое сверхъ гласнаго своего назначенія улучшать участь помѣщичьихъ крестьянъ, имѣло бы «нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми *вольными*, явными и тайными обществами». По его словамъ, ему удалось впослѣдствіи пригласить съ этою цѣлью «извѣстныхъ государю особъ», слѣдовательно, если вѣрить Каразину, ему и принадлежитъ первая мысль о томъ обществѣ, разсказъ о которомъ Тургенева мы только что привели и члены котораго, быть можетъ, и не подозрѣвая скрытыхъ намѣреній Каразина, поспѣ-

*) Кн. Вяземскій въ своей *Исповѣди* говоритъ: «Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій эту бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно, былъ главнѣйшею причиною неудачи этого предпріятія». Собраніе сочиненій кн. Вяземскаго. II, 88.

шили отдѣлаться отъ его собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. 31 марта 1820 г. Каразинъ даже и письменно изложилъ Кочубею свои мысли и опасенія, а 21 апрѣля, придравшись къ тому, что по его прошенію государь простилъ долги его тестя, написалъ Императору Александру посланіе о «странномъ направленіи умовъ». Получивъ чрезъ Кочубея приказаніе подробнѣе объяснить свое письмо, Каразинъ рѣшительно отказался назвать имена, но предложилъ, учредивъ статистическій департаментъ, сдѣлать его начальникомъ этого учрежденія, обѣщая въ такомъ случаѣ «подъ предлогомъ однихъ статистическихъ обозрѣній» открыть «въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ», особенно, если, въ то же время, онъ будетъ правителемъ дѣлъ общества, предлагаемаго имъ и другими особами. Основателямъ удалось оттѣснить его отъ этого дѣла; однако, и послѣ того, какъ заявленіе объ обществѣ было подано государю, Каразинъ, разъ вызванный правительствомъ на изложеніе своихъ мыслей, исписывалъ цѣлыя тетради о всевозможныхъ предметахъ: объ іезуитахъ, евреяхъ, о безпорядкахъ въ дѣлахъ разныхъ исповѣданій, о преобразованіи духовенства, о библейскомъ обществѣ, о финансахъ и просвѣщеніи, о морскомъ дѣлѣ, о томъ, какъ полезны правительству подобные ему «обсерваторы». Тутъ же онъ указывалъ на неотложную необходимость обратить вниманіе «на отношеніе поселянъ къ ихъ помѣщикамъ» и, между прочимъ, говоритъ: «Многія тысячи народа, запроданныя, какъ рабочій скотъ, подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя (тогда какъ онъ ни о чемъ столько не заботился, какъ о доставленіи имъ благосостоянія и свободы)». Волненіе въ семеновскомъ полку (въ октябрѣ 1820 г.) побудило Каразина написать Кочубею новую (уже пятую) тетрадь, гдѣ, по прежнему выражая неодобреніе конституціонному правленію, онъ совѣтуетъ, однако, правительству въ виду общаго неудовольствія обратиться къ содѣйствію просвѣщеннаго дворянства: «Цари наши,—замѣчаетъ онъ,—всегда были внушаемы государственною думою. Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нуждъ вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить въ столицѣ средство, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось.

Кто теперь, въ настоящемъ положеніи вещей, передаетъ общественное мнѣніе государю? Можетъ ли государь даже въ томъ быть увѣренъ, что они умѣютъ понимать его, различать своевольныя мысли черни, различныя по временамъ и обстоятельствамъ, отъ мыслей людей просвѣщенныхъ и благонамѣреныхъ? Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?. «Эти общія реформы связываются у Каразина и съ улучшеніемъ быта крестьянъ. Онъ увѣренъ, что при осуществленіи его плана «рабство въ частныхъ владѣніяхъ помѣщиковъ, какъ и въ имперіи вообще, уступитъ мѣсто наслѣдственной благотворной подчиненности.»

Результатъ этихъ посланій Каразина былъ самый неожиданный: онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ провелъ шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ высланъ въ свое имѣніе. Такъ печально покончилъ свою дѣятельность въ Петербургѣ добровольный «обсерваторъ» либеральнаго броженія умовъ: вмѣсто того, чтобы получить мѣсто директора «статистическаго» департамента, онъ попалъ въ тюрьму; задуманное имъ общество для улучшенія быта крестьянъ не встрѣтило сочувствія въ государѣ. Любопытно припомнить позднѣйшія отношенія къ крестьянскому вопросу лицъ, выступившихъ гласными основателями этого общества: М. С. Воронцова и А. С. Меншикова. Воронцовъ, сохранивъ умѣренно-либеральные взгляды по этому предмету и въ царствованіе Императора Николая, тайкомъ переписывался о крестьянскомъ вопросѣ съ Киселевымъ; Меншиковъ же въ новое царствованіе былъ самымъ ярымъ врагомъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія крѣпостнаго права и въ крайнемъ случаѣ соглашался на освобожденіе крестьянъ не иначе, какъ по остзейской системѣ, т.-е. совершенно безъ земли. Къ счастію, печальные результаты такого освобожденія крѣпостныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не остались безъ вліянія на правительство, и Императоръ Николай былъ рѣшительнымъ противникомъ этой системы.

Приблизительно въ то же время, когда была сдѣлана попытка основать въ Петербургѣ общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія крестьянъ, одинъ смоленскій помѣщикъ, какъ мы увидимъ ниже, извѣстный декабристъ Якушкинъ, составилъ записку о способѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ которой совѣтуетъ другимъ и выражаетъ со своей стороны готовность осво-

бодить крестьянъ безплатно, уступивъ имъ усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Остальная земля должна остаться собственностью помѣщика и обрабатываться отпускаемыми на волю крестьянами по условіямъ, добровольно заключеннымъ съ ними *послѣ ихъ увольненія*. Такимъ образомъ личная свобода и собственность крестьянъ будутъ обезпечены; что же касается остальной земли, кромѣ усадебной, то, по мнѣнію автора, «собственность крестьянъ въ Россіи состоитъ не въ землѣ, ибо она вездѣ общая (т.-е. находится въ общинномъ пользованіи и отъ времени до времени передѣляется), но въ имуществахъ, состоящихъ въ дворахъ ихъ». Затѣмъ между землевладѣльцами и крестьянами установятся отношенія, по мнѣнію автора, «равно выгодныя для обѣихъ сторонъ: помѣщикъ будетъ получать тотъ же оброкъ, но только въ другомъ видѣ; вольные, увѣренные въ своей собственности и въ своей личной свободѣ, будутъ работать прилежнѣе, пріобрѣтутъ болѣе и, слѣдственно, могутъ платить болѣе». На совершенно справедливое возраженіе, что помѣщикъ заставитъ въ такомъ случаѣ платить крестьянъ за землю все, что ему вздумается, авторъ отвѣчаетъ, что помѣщики могутъ и теперь это сдѣлать, а, кромѣ того, располагаютъ ихъ личностью, берутъ во дворъ, заставляютъ работать на фабрикахъ, въ рудникахъ, мѣняются и торгуютъ ими. Но авторъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что помѣщикъ отвѣчаетъ за исправную уплату податей своими крѣпостными и потому опасеніе поплатиться за нихъ въ случаѣ ихъ разоренія было, все-таки, нѣкоторою уздою для помѣщичьей алчности, а эта узда совершенно исчезла бы съ освобожденіемъ крестьянъ. Затѣмъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ указываетъ на то, что, въ случаѣ притѣсненій со стороны бывшаго помѣщика, крестьяне могутъ нанимать землю у другихъ землевладѣльцевъ, не предвидя возможности стачки со стороны послѣднихъ. Что крестьяне не начнутъ съ освобожденіемъ бродяжничать, это подтверждается усидчивостью на одномъ мѣстѣ казенныхъ поселянъ или однодворцевъ, которые даже при весьма ничтожномъ количествѣ земли не переходятъ на другія мѣста. Что они не бросятъ земледѣлія, доказываетъ особенно тщательная обработка земли въ такой губерніи, какъ Ярославская, гдѣ чрезвычайно развиты отхожіе промыслы. Исправная уплата податей, которыя не должны превышать денежныхъ повинностей казенныхъ крестьянъ, будетъ обезпечиваться круговою порукою. Въ высшей степени важно,

что, въ отличіе почти отъ всѣхъ своихъ современниковъ, стоявшихъ за освобожденіе крестьянъ, авторъ понималъ огромныя выгоды общиннаго пользованія землею. «Общественное владѣніе,—говоритъ онъ,—имѣетъ нѣкоторыя неудобства, конечно, но имѣетъ также большія выгоды. Всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности, и при ономъ не можетъ быть нищихъ. Всякій сохраняетъ свое право на участокъ земли, какъ бы ни увеличилось населеніе, а тунеядцевъ общественная власть принуждаетъ къ работѣ». При такихъ взглядахъ понятно, что авторъ совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать земли цѣлымъ обществомъ *). Къ изложенному мнѣнію смоленскаго помѣщика присоединена «бумага, поданная правительству», съ заявленіемъ о желаніи освободить крестьянъ; и здѣсь, повторяя уже извѣстныя намъ условія освобожденія, составитель настаиваетъ на важности общиннаго землевладѣнія. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Впрочемъ, я готовъ принять всякія постановленія, основанныя на *взаимной пользѣ* крестьянъ и помѣщика и не лишающія послѣдняго его собственности, состоящей *въ землѣ*».

Сопоставивъ этотъ проектъ съ тѣмъ, что сообщаетъ о своихъ планахъ освобожденія крестьянъ декабристъ Якушкинъ, также смоленскій помѣщикъ, мы придемъ къ убѣжденію, что этотъ проектъ принадлежитъ ему; изъ его записокъ намъ извѣстна и дальнѣйшая судьба его попытки освободить крестьянъ. Послѣ того, какъ онъ послалъ заявленіе о томъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, вяземскій предводитель дворянства получилъ изъ министерства предписаніе потребовать отъ Якушкина свѣдѣній, на какихъ условіяхъ хочетъ онъ сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами и сколько земли передаетъ онъ имъ; потомъ опросить крестьянъ, согласны ли они вступить въ новое званіе на предложенныхъ помѣщикомъ условіяхъ, словомъ, исполнить предписанія закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Якушкинъ жалуется, что въ министерствѣ не обратили вниманія «на смыслъ его просьбы»; этотъ укоръ несправедливъ: такъ какъ законъ допускалъ освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами только на основаніяхъ, установленныхъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ, то министерству не оставалось ничего другаго, какъ примѣнить эти

*) Указомъ 1788 г. обществамъ казенныхъ крестьянъ дозволено было покупать у помѣщиковъ населенныя земли; указомъ 1801 г. дозволено крестьянамъ вообще пріобрѣтать ненаселенныя земли, но тутъ уже не упоминалось о покупкѣ ихъ цѣлыми обществами.

правила и въ данномъ случаѣ, т.-е., между прочимъ, спросить согласія у самихъ крестьянъ, изъ бесѣды съ которыми Якушкинъ могъ убѣдиться въ огромной важности этого требованія. Когда онъ объяснилъ имъ подробно свои планы и когда они узнали, что помѣщикъ предполагаетъ оставить землю въ своей собственности, они сказали: «Ну, такъ, батюшка, оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша» — и не поддались никакимъ увѣщаніямъ. Не теряя, однако, надежды, что крестьяне современемъ примирятся съ условіями, имъ предложенными, Якушкинъ въ началѣ 1820 г. отправился въ Петербургъ; тутъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Н. Тургенева онъ явился къ Джунковскому, директору департамента, въ которомъ было его дѣло, и, узнавъ изъ бесѣды съ нимъ, какъ незначительно число крестьянъ, освобожденныхъ по учрежденію о вольныхъ хлѣбопашцахъ, еще болѣе убѣдился, что нельзя разсчитывать на законъ 1803 г., какъ на средство уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи. Джунковскій бывалъ заграницей, имѣлъ взгляды «человѣка европейскаго, и потому,—замѣчаетъ Якушкинъ съ своей позднѣйшей точки зрѣнія,—освобожденіе крестьянъ, которымъ не предоставлялось земли въ собственность, нисколько не возмущало его»; признавая, что въ предлагаемомъ способѣ много дѣльнаго, онъ, однако, утверждалъ, что новый министръ гр. Кочубей (смѣнившій Козодавлева въ ноябрѣ 1819 г.) не согласится ни на волосъ отступить отъ правилъ 1803 г., составленныхъ во время его перваго управленія министерствомъ. Добившись съ трудомъ свиданія съ самимъ министромъ, онъ услышалъ отъ него, между прочимъ, слѣдующее возраженіе: «Я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній,—сказалъ ему Кочубей,—но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно крестьянъ», на что Якушкинъ возразилъ, что и теперь это легко сдѣлать, продавши ихъ на сводъ. Тѣмъ не менѣе, Кочубей былъ нравъ: допущеніе освобожденія крестьянъ съ одною усадебною землею могло бы весьма вредно отразиться на ихъ интересахъ, а указаніе на возможность продать крестьянъ для переселенія ничего не доказываетъ въ данномъ случаѣ. Въ томъ-то и заключается важное значеніе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, не смотря на небольшіе видимые его результаты, что онъ охранилъ многихъ крѣпостныхъ отъ обезземеленія въ такую эпоху, когда, благодаря незрѣлости еще идеи объ освобожденіи съ земельнымъ

надѣломъ, такое обезземеленіе могло быть совершено даже съ добрыми намѣреніями, какъ у Якушкина. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и въ своемъ весьма несовершенномъ видѣ проектъ Якушкина имѣетъ хорошія стороны, пригодныя для будущаго. Во-первыхъ, признаніе того принципа, что личную свободу крестьянинъ долженъ получить безъ всякой платы,—взглядъ, до котораго не возвысились многіе землевладѣльцы еще и въ первые годы царствованія Императора Александра II; затѣмъ безплатное предоставленіе крестьянамъ усадебъ и выгоновъ и, наконецъ, признаніе необходимости сохранить общинное пользованіе землею.

Къ чести Якушкина слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что впослѣдствіи онъ самъ призналъ ошибочность своихъ прежнихъ взглядовъ, весьма умно указавъ, въ то же время, въ своихъ запискахъ и на причины распространенности въ то время среди людей, истинно благонамѣренныхъ, мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ. «Вскорѣ потомъ я убѣдился,—говоритъ онъ,—что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ современемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства».

«Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, «либералы»,—продолжаетъ Якушинъ, болѣе всего желали уничтоженія крѣпостнаго состоянія и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи—тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей. Крѣпостное же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями». Въ приведенныхъ словахъ сказываются результаты уже позднѣйшихъ наблюденій и размышленій, но что необходимость земельнаго обезпеченія крестьянъ Якушкинъ сознялъ довольно скоро, видно изъ слѣдующихъ словъ его о жизни въ Жуковѣ въ 1824 и 1825 г.: «Я пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ и часть моихъ полей уже обрабатывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что, при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ, они скоро найдутъ возможность

платить мнѣ оброкъ, *часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку той земли, какою они пользовались*, и что со временемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю». Слѣдовательно, въ это время онъ стремился къ замѣнѣ барщины оброкомъ съ цѣлью зачитывать часть оброка въ уплату за землю: тутъ уже были въ зародышѣ идеи крестьянской реформы 1861 г.; стоило только слить мысль Якушкина съ другою, уже высказанною тогда въ нѣкоторыхъ проектахъ о выкупной операціи при пособіи правительства. Впрочемъ, даже и при такой поправкѣ нуженъ былъ еще одинъ важный шагъ: признаніе такой операціи *обязательною*.

Мы знаемъ содержаніе еще одного проекта неизвѣстнаго автора о постепенномъ улучшеніи быта крестьянъ, который, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ мало новаго. Въ немъ предлагаютъ, во-первыхъ, дать нѣкоторыя права крестьянамъ, особенно право собственности на движимое имущество, а также право поступать по своему желанію въ солдаты, съ выдачею помѣщику зачетной рекрутской квитанціи; затѣмъ нужно опредѣлить разные способы заключенія добровольныхъ условій между помѣщиками и крестьянами или для совершеннаго ихъ освобожденія, или для точнаго опредѣленія повинностей. Эти условія могутъ быть слѣдующія: 1) выкупъ семействъ безъ земли, съ опредѣленіемъ максимума цѣнъ и съ облегченіемъ перехода въ города *); 2) исправленіе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, съ дозволеніемъ отпускать крестьянъ на волю по духовныхъ завѣщаніямъ и пр.; 3) выкупъ цѣлыхъ селеній съ землею въ свободные хлѣбопашцы съ платежемъ помѣщику вѣчнаго непремѣннаго оброка по разсчету на хлѣбъ, вмѣсто уплаты капитала; 4) выкупъ отдѣльныхъ семей съ особо обмежеванною землею или съ платою вѣчнаго оброка и пр.; наконецъ, 5) условія крестьянъ съ помѣщиками о размѣрѣ повинностей на вѣчныя времена съ уплатою единовременно опредѣленной суммы за сдѣланное облегченіе, съ обязательствомъ со стороны господина не брать крестьянъ въ дворовые и со введеніемъ крестьянскихъ судовъ по образцу остзейскихъ провинцій; условія эти должны заключаться съ согласія крестьянъ и утверждаться правительствомъ. Авторъ надѣется, что всѣми этими

*) Размѣръ выкупа, назначенный авторомъ, еще выше предложеннаго Мордвиновымъ (отъ 18 до 40 лѣтъ—2000 р., отъ 40 до 60 – 1000 р., отъ 15 до 18 и выше 60 лѣтъ 600 р., ниже 15 лѣтъ 300 р.), съ тою только разницею, что тутъ упомянуто объ освобожденіи отъ платы женщинъ.

способами, особенно послѣднимъ, будетъ произведена въ теченіе тридцати лѣтъ рѣшительная перемѣна въ положеніи крестьянъ. Какія мѣры принимать послѣ того, будетъ зависѣть отъ времени, но, по мнѣнію автора, должно имѣть въ виду слѣдующія главныя постановленія: 1) болѣе точное опредѣленіе положенія тѣхъ крестьянъ, съ которыми до тѣхъ поръ не будетъ заключено добровольныхъ сдѣлокъ, а потомъ и дарованіе имъ личной свободы, съ «наймомъ земли» или «полученіемъ ея въ ограниченную собственность»; 2) опредѣленіе выкупа всѣхъ условленныхъ повинностей по извѣстной сложности, какъ цѣлыми обществами, такъ и семействами, съ полученіемъ земель въ собственность; 3) повсемѣстное учрежденіе крестьянскихъ судовъ безъ личнаго участія помѣщика въ судѣ и расправѣ надъ крестьянами; 4) «распредѣленіе земель въ твердые участки по семействамъ» (т.-е. уничтоженіе общиннаго землевладѣнія) и «ближайшее законодательство о крестьянской собственности» и пр.

Въ этомъ проектѣ всего любопытнѣе то, что по истеченіи періода, опредѣленнаго авторомъ на добровольныя сдѣлки, онъ допускаетъ довольно энергическое вмѣшательство правительства для измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ и, между прочимъ, предлагаетъ дарованіе свободы съ предоставленіемъ земли въ ограниченную собственность, а также установленіе правилъ для выкупа повинностей и пріобрѣтенія земли въ собственность; но, все-таки, видимо, автору болѣе близки остзейскія поземельныя отношенія, и онъ не понимаетъ особенностей нашего поземельнаго строя.

Мы видѣли, что къ 1819 и 1820 годамъ относится составленіе многихъ проектовъ по крестьянскому вопросу; это объясняется тѣмъ, что государь прямо выразилъ нѣсколькимъ лицамъ желаніе принять мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ. Какое волненіе среди дворянства произвели слухи объ этомъ, мы видѣли изъ писемъ Сперанскаго и Кристина и изъ свидѣтельства Канкрина; подобные же слухи сообщалъ Сперанскому и Кочубей въ апрѣлѣ 1819 г., когда онъ еще не сдѣлался вторично министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Безпокойство насчетъ вольности крестьянъ,—писалъ Кочубей,—коего вы были въ продолженіи многихъ лѣтъ свидѣтелемъ, не уменьшается. Приписываютъ Его Величеству намѣреніе произвести оную по одиночкѣ въ губерніяхъ. Остзейскія губерніи получили уже преобразованіе. Витебская губернія, или нѣсколько уѣздовъ оныя, просятъ, чтобы по тому же примѣру

было образовано сословіе крестьянъ. Въ Виленской образуется также новый порядокъ вещей; сказываютъ, но за сіе я не ручаюсь, что Псковская посредствомъ маркиза Паулуччи получитъ сообразное съ Лифляндіею для крестьянъ учрежденіе, между тѣмъ какъ Полтавская и Черниговская также объ ономъ просить будутъ, ибо все сіе производится посредствомъ добровольнаго желанія дворянства». Все это ничто иное, какъ «гаданіе многихъ, ибо если и существуетъ такое предположеніе, то оно составляетъ тайну государя, о коей никто ничего положительнаго не знаетъ». Тутъ любопытно приписываемое государю намѣреніе производить измѣненіе быта крестьянъ по отдѣльнымъ губерніямъ; оно подтверждается замѣчаніемъ Императора Александра Воронцову въ 1820 г. по поводу проектируемаго общества, что помѣщики, подписавшіе заявленіе, не принадлежатъ къ одной губерніи. Мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній объ обсужденіи крестьянскаго вопроса въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской; относительно Виленской мы находимъ подтвержденіе въ запискахъ Шуазель-Гуфье *); сообщеніе Кочубея, что Витебская губернія или нѣсколько ея уѣздовъ просятъ устройства быта крестьянъ по примѣру Прибалтійскаго края, имѣетъ основаніе, хотя въ дѣйствительности дѣло происходило не въ цѣлой губерніи и даже не въ нѣсколькихъ уѣздахъ, а лишь въ одномъ Динабургскомъ. Очевидно, примѣръ остзейскихъ бароновъ оказывался для многихъ соблазнительнымъ.

По донесенію бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Виртембергскаго о намѣреніи дворянства Динабургскаго уѣзда даровать право личной свободы своимъ крестьянамъ, въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя герцога объ учрежденіи изъ дворянъ коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданнымъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и внесенія его затѣмъ на утвержденіе государя. Коммиссія составила положеніе, по которому дворянство, сохраняя за собою право собственности на всю землю, отказывалось отъ владѣльческихъ правъ на крестьянъ, предоставляя впредь опредѣленіе взаимныхъ отношеній добровольнымъ условіямъ. Для постепеннаго перехода крестьянъ въ свободное состояніе было опредѣлено тринадцать лѣтъ, изъ которыхъ первые три года назначались для устройства

*) Онъ сообщаетъ, что Императоръ Александръ чрезъ посредство генералъ-губернатора предложилъ дворянству великаго княжества Литовскаго освободить крестьянъ; оно отвѣчало уклончиво, что готово «послѣдовать примѣру своихъ старшихъ братьевъ русскихъ».

мірскихъ обществъ и крестьянскихъ судовъ, для составленія инвентарей о поземельныхъ повинностяхъ и раздѣленія крестьянъ на классы, по которымъ, въ остальные затѣмъ годы, долженъ былъ совершиться постепенный переходъ всѣхъ крестьянъ въ свободное состояніе. Въ продолженіи этого періода крестьяне не могли оставлять своего прихода, не имѣли права пріобрѣтать недвижимую собственность и обязаны были по прежнему исполнять господскія повинности. Затѣмъ, по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ положеніемъ, составленнымъ коммиссіей динабургскихъ дворянъ, содержащіяся въ немъ постановленія о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ, о раздѣленіи ихъ на мірскія общества, объ учрежденіи крестьянскихъ судовъ сходны въ главныхъ основаніяхъ съ остзейскими положеніями.

Выработанный коммиссіею проектъ былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго собранія дворянъ Динабургскаго уѣзда, въ которомъ лишь небольшая часть подтвердила «сдѣланный прежде вызовъ, а остальное дворянство рѣшительно отказалось отъ какихъ-либо ограниченій въ правахъ на владѣніе крестьянами». Съ такими отзывами положеніе это было представлено въ 1824 г. государю генералъ - губернаторомъ кн. Хованскимъ. Въ 1829 г. дѣло это разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, а въ слѣдующемъ—вновь въ собраніи динабургскихъ дворянъ, гдѣ опять произошло разногласіе, и, повидимому, все это дѣло осталось, къ счастью для крестьянъ, безъ всякихъ послѣдствій.

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Разсказъ Джорджа Кэбля.

(Переводъ съ англійскаго).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія только что установившееся американское правительство было предметомъ всеобщей ненависти въ Луизіанѣ. Креолы всюду возставали противъ такихъ возмутительныхъ нововведеній, какъ, напримѣръ, судъ присяжныхъ, законы о контрабандистахъ и печатаніе губернаторскихъ воззваній на англійскомъ языкѣ. Притокъ англо-американской эмиграціи, которому въ скоромъ времени суждено было наводнить всю дельту, уподоблялся еще въ ту отдаленную эпоху жалкому ручейку, уже заставлявшему, однако, креоловъ трепетать за прочность своего положенія. Въ эту самую пору въ небольшомъ разстояніи отъ Canal-street'a и далеко за линіею виллъ, окаймлявшихъ Новый Орлеанъ со стороны рѣки, стоялъ старый, полуразвалившійся домъ поселенцевъ-плантаторовъ.

Стоялъ онъ вдали отъ всего образованнаго міра; принадлежавшія къ нему поля, въ прежнее время покрытыя плантаціями индиго, снова вернулись къ своей первобытной дикости и превратились въ самую ужасную топь, какую только можно было встрѣтить на пятьдесятъ миль въ окружности.

Домъ былъ построенъ изъ тяжелаго кипарисоваго лѣса и возвышался на сваяхъ, уродливый, прочный, какъ бы заснувшій; его тяжеловѣсная архитектура краснорѣчиво свидѣтельствовала о той отдаленной порѣ, когда человѣку не отъ кого было ждать защиты, а возстанія негровъ составляли ежедневное явленіе.

Крыша и стѣны дома, темныя и пострадавшія отъ непогоды, какъ-то растерянно возвышались надъ заросшею кустарникомъ

равниной, подобно гигантской военной повозкѣ, увязшей въ грязи и покинутой отступающею арміей. Вокругъ дома густо разстилался низкорослый ивнякъ и виднѣлась группа разновидныхъ колючихъ и зловонныхъ кустарниковъ, названія которыхъ не встрѣчаются на языкѣ ученыхъ ботаниковъ. Вокругъ стволовъ обвивались безчисленными вѣтвями блѣдныя и колючія водяныя растенія, а непроходимо-грязная почва была сплошь покрыта, точно щетиною, низкорослымъ видомъ пальмы. Два сиротливыхъ, засохшихъ кипариса стояли въ самой срединѣ болота, покрытые ястребиными гнѣздами. Неглубокая вода совершенно поросла миріадами болотныхъ растеній; подъ грубыми и безжизненными цвѣтами ихъ скрывались милліоны большихъ и малыхъ гадовъ, отъ одного вида которыхъ человѣкъ приходилъ въ содроганіе.

Домъ стоялъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, на насыпи канала. Вода этого канала не текла, а, казалось, ползла и была переполнена громадными, жадными рыбами и аллигаторами, отстаивавшими свои владѣнія отъ всякаго посторонняго нашествія.

Таково было жилище Жанъ-Мари Покелена, нѣкогда богатаго плантатора, высокочтимаго въ старомъ городѣ, а нынѣ—отшельника, всѣми избѣгаемаго. Отецъ его покоился подъ плитою въ соборѣ св. Людовика между своими двумя женами, и старикъ Покеленъ ежедневно посѣщалъ это мѣсто. Его младшій братъ... но увы! вотъ тутъ-то и крылась загадка. Никто не зналъ, что сталось съ его кроткимъ молодымъ братомъ, который былъ болѣе чѣмъ на тридцать лѣтъ моложе его и всегда казался его любимцемъ. Семь лѣтъ тому назадъ онъ исчезъ безслѣдно и никакого ключа не осталось для разгадки его судьбы.

Казалось, они были такъ счастливы въ своей взаимной привязанности! Ни отца, ни матери, ни жены, ни какого-либо родства не было у нихъ на всемъ земномъ шарѣ. Старшій братъ былъ смѣлый, порывистый, рыцарски-честный искатель приключеній; младшій—кроткій, трудолюбивый отшельникъ, страстно преданный наукѣ. Жили они въ прародительскомъ имѣніи, точно птицы въ гнѣздѣ; одинъ—постоянно на отлетѣ, другой—дома.

Ни одна черта въ характерѣ Жана Покелена не была такъ хорошо извѣстна его немногимъ друзьямъ, какъ именно его очевидная привязанность къ «маленькому брату». «Этого хочетъ Жакъ», постоянно слышали всѣ отъ него. «Я предоставилъ Жаку рѣшить то или другое, потому что Жакъ «уменъ», или «добръ», или «справедливъ»,—смотря потому, о чемъ шла рѣчь.

Благодаря подвижности характера одного брата и «книжности» другаго, имѣніе пришло въ упадокъ. Жанъ-Мари, какъ истый джентльменъ, проигралъ одного за другимъ всѣхъ своихъ невольниковъ, пока, наконецъ, въ домѣ не осталось никого, кромѣ стараго, нѣмаго африканца.

Культура индиго приходила мало-по-малу въ Луизіанѣ въ упадокъ. Нѣкоторые предпріимчивые люди замѣнили ее разведеніемъ сахарнаго тростника; но въ то время, какъ Жакъ былъ слишкомъ спокойнаго характера для такой энергической мѣры. братъ его ожидалъ болѣе значительной и, по понятіямъ того времени, столь же почтенной наживы сначала отъ контрабанды, а впослѣдствіи отъ торговли африканскими невольниками. Какое зло могъ онъ видѣть въ этомъ? Всѣ вокругъ него утверждали, что это была жизненная необходимость, а удовлетворять жизненной необходимости — дѣло похвальное... Такимъ образомъ онъ наживалъ не малыя суммы, которыя нисколько не роняли его въ общественномъ мнѣніи.

Въ одинъ прекрасный день старикъ Жанъ-Мари готовился предпринять плаваніе, продолжительнѣе всѣхъ прежнихъ. Жакъ настоятельно упрашивалъ его не ѣхать, но онъ тольно отшучивался; наконецъ, поцѣловавъ его, сказалъ:

— Adieu, petit frère!

— Нѣтъ,—возразилъ Жакъ,—я ѣду съ тобой!

Они оставили старый домъ свой на исключительномъ попеченіи нѣмаго африканца и отплыли вдвоемъ къ гвинейскому берегу.

Два года спустя, старикъ Покеленъ вернулся домой безъ своего судна. Вернулся онъ, по всему вѣроятію, ночью, такъ какъ никто не видалъ его пріѣзда. Никто не видалъ также и его «маленькаго брата»; носились слухи, что и онъ возвратился: однако, съ той поры онъ уже никому не попадался болѣе на глаза.

Мрачное подозрѣніе пало на стараго торговца невольниками. Тщетно немногіе друзья его напоминали своимъ согражданамъ о той нѣжности, которою всегда отличались его отношенія къ пропавшему брату. Они только качали головою. «Извѣстно, что у него вспыльчивый и свирѣпый нравъ!»—говорили одни. «Зачѣмъ онъ окружаетъ себя такой таинственностью?—прибавляли другіе.—Горе его прошло бы, еслибъ онъ сказалъ всю правду».

— Но,—возражали немногіе милосердые люди,—взгляните на

сго лицо и вы увидите на немъ выраженіе истинной гуманности. Они глядѣли ему въ лицо, но когда онъ смотрѣлъ на нихъ, то читалъ въ ихъ глазахъ нѣмой вопросъ: «А гдѣ твой братъ Авель?» Люди милосердые принуждены были замолкнуть, прежніе друзья Покелена вымерли, и самое имя его сдѣлалось символомъ всѣхъ адскихъ преступленій и предметомъ возмутительнѣйшихъ сказокъ.

И домъ, и хозяинъ внушали суевѣрный страхъ. Охотники за бекасами и утками покинули болото, а дровосѣки—каналъ. Временами наиболѣе смѣлые мальчики, отважившіеся являться туда бить змѣй, слышали на водѣ медленный плескъ веселъ. Они переглядывались тогда, наполовину обрадованные, наполовину испуганные, бросали вслѣдъ затѣмъ свою охоту и преслѣдовали насмѣшками безобиднаго, сморщеннаго старика, сидѣвшаго въ своемъ поношенномъ нарядѣ у руля, между тѣмъ какъ веслами управлялъ сѣдовласый, нѣмой африканецъ.

— Oh, Jean-ah-Poquelin! Oh, Jean-ah! Jean-ah-Poquelin!

Прибавлять къ этому ничего не нужно было; одного только имени, произнесеннаго тономъ насмѣшки: «Oh, Jean-ah-Poquelin!» было совершенно достаточно. И въ то время какъ мальчики падали другъ черезъ друга въ безцѣльно-торопливомъ бѣгствѣ, старикъ осторожно вставалъ съ мѣста, между тѣмъ какъ престарѣлый африканецъ продолжалъ грести, не подымая головы,— и, сжавъ загорѣлый кулакъ, и протягивая его въ сторону своихъ мучителей, разражался такимъ залпомъ нечестивыхъ французскихъ проклятій и ругательствъ, который чуть не сводилъ съ ума отъ восторга негодныхъ ребятишекъ

Домъ сдѣлался предметомъ тысячи суевѣрныхъ толковъ среди бѣлаго и чернаго населенія города. Шла молва, будто каждую полночь блуждающій огонь отдѣлялся отъ болота и перебѣгалъ по комнатамъ, сверкая въ окнахъ. Всѣ безусловно вѣрили разсказу нѣсколькихъ молодыхъ людей, утверждавшихъ, что когда они проводили ночь въ лѣсу, не желая проходить мимо таинственнаго дома въ темнотѣ, они видѣли при солнечномъ закатѣ окна, залитыя кровавымъ свѣтомъ, а на каждой изъ четырехъ трубъ сидѣли совы, которыя поворачивали головы изъ стороны въ сторону и стонали и хохотали человѣческими голосами. Подъ полусгнившею верандою, около самой входной двери находился, какъ всѣ съ увѣренностью утверждали, бездонный колодезь, и

кто вступалъ на порогъ, тотъ навсегда исчезалъ въ скрывавшейся подъ нимъ безднѣ.

Что же удивительнаго, что болото заглохло, подобно африканскимъ пустырямъ! Во всемъ предмѣстіи св. Маріи и въ цѣломъ городѣ не нашлось бы ни одного смѣльчака, который съ наступленіемъ ночи отважился бы пройти мимо таинственнаго дома.

Иноземные пришельцы, стекавшіеся къ Новому Орлеану, стали мало-по-малу находить немногія улицы, названныя по имени бурбонскихъ принцевъ, слишкомъ тѣсными для себя. Начавъ вращаться, колесо фортуны отбросило ихъ за старинные корпоративные предѣлы и распространило вдаль цивилизацію и торговлю. Поля превращались въ дороги, дороги—въ улицы. Всюду мелькали инженеры; рабочіе прорубали пути въ чащѣ ивняка и розовыхъ кустовъ, а обливавшіеся потомъ ирландцы копали голубоватую глину своими длинными лопатками.

— Все это прекрасно,—говорили приверженцы старины, видѣвшіе укоръ себѣ въ этой необычайной предпріимчивости,—подождите только, пока они доберутся до болота Жана Покелена, ха, ха, ха!... Одна мысль объ этомъ приводила ихъ въ такой восторгъ, что они хохотали до слезъ, потому что, увязнутъ ли въ болотѣ отважные строители, или попытаются проложить путь чрезъ владѣнія старика Покелена, но во всякомъ случаѣ можно было ожидать много забавнаго.

Тѣмъ временемъ линія тонкихъ шестовъ, съ воткнутыми въ ихъ расщепленныхъ концахъ кусочками бумаги, постепенно распространялась все дальше, прямо чрезъ таинственное пространство, и пересѣкла, наконецъ, каналъ.

— Мы засыплемъ этотъ ровъ,—говорили работники, облеченные въ болотные сапоги, проходя около на-глухо запертыхъ воротъ заколдованнаго дома. Увы, Жанъ Покеленъ! Это были уже не креолы, которыхъ можно было обратить въ бѣгство одной грубой бранью!

Покеленъ пошелъ къ губернатору, который посмотрѣлъ на его странную фигуру не безъ любопытства. Жанъ Покеленъ былъ низкаго роста, плотнаго сложенія, съ загорѣлымъ, львинымъ лицомъ. Лобъ его былъ широкій и глубоко изборожденный; большіе и черные глаза имѣли смѣлый и открытый взглядъ боеваго коня; губы были крѣпко сжаты. Одѣтъ онъ былъ въ платье изъ бумажной ткани, а разстегнутая и откинутая въ сторону сорочка обнаруживала геркулесовскую грудь, покрытую сѣдыми во-

лосами. Ничего вызывающаго или дикаго не было въ его взглядѣ, никакихъ слѣдовъ беззаконной жизни или необузданнаго нрава, а скорѣе какая-то спокойная неустрашимость. Не въ одной какой-либо отдѣльной чертѣ его лица, а точно разлитой по всей его физіономіи, подобно едва уловимой тѣни, замѣчался отпечатокъ никому невѣдомаго, но большаго горя. Безпечный глазъ могъ не подмѣтить этой черты, но разъ подмѣченная, черта эта всегда кидалась въ глаза,—слабая, но несомнѣнная.

Губернаторъ поклонился.

— Parlez vous français?—спросилъ Покеленъ.

— Я предпочелъ бы говорить по-англійски, если это вамъ удобно,—возразилъ губернаторъ.

— Меня зовутъ Жанъ Покеленъ.

— Чѣмъ могу я вамъ служить, господинъ Покеленъ?

— У меня тамъ домъ, *dans le marais là-bas*.

Губернаторъ еще разъ поклонился.

— Этотъ *marais* принадлежитъ мнѣ.

— Да?

— Мнѣ, Жану Покеленъ. Это моя собственность.

— Ну, такъ что же?

— Оно не вамъ принадлежитъ, а перешло ко мнѣ отъ моего отца.

— Насколько мнѣ извѣстно, это вполнѣ вѣрно.

— Вы хотите проложить тамъ улицу?

— Не знаю, право; это весьма вѣроятно; но городъ вознаградитъ васъ за всѣ убытки, которые вы понесете. Вамъ заплатятъ, понимаете?

— Тамъ нельзя проложить улицы.

— Объ этомъ вамъ придется поговорить съ членами муниципальнаго совѣта.

Горькая усмѣшка промелькнула по лицу старика.

— Pardon, monsieur, такъ не вы *le gouverneur*?

— Да, я губернаторъ.

— Mais, вы—le gouverneur. Хорошо! Ну, я пришелъ къ вамъ и говорю, что улица не можетъ пройти мимо моего дома.

— Вамъ придется поговорить...

— Я къ *вамъ* пришелъ. Вы—le gouverneur. Я не знаю новыхъ законовъ. Я французъ. Когда съ французомъ что-нибудь неладно, онъ идетъ къ своему gouverneur. Я пришелъ къ вамъ и хочу, чтобы вы что-нибудь сдѣлали для меня.

— Но что же именно?—спросилъ терпѣливый губернаторъ.

— Я хочу, чтобы вы сказали monsieur le président, что улица не можетъ пройти мимо моего дома.

— Сядьте, господинъ Покеленъ.

Но старикъ не шевельнулся. Губернаторъ взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ одному изъ членовъ городскаго совѣта, рекомендуя старика и прося оказать ему всевозможное вниманіе. Потомъ передалъ Покелену записку и растолковалъ, кому ее вручить.

— Господинъ Покеленъ,—прибавилъ онъ вслѣдъ затѣмъ съ заискивающею улыбкою,—скажите, пожалуйста, это о вашемъ домѣ наши креолы разсказываютъ такія странныя вещи?

Старикъ сурово поглядѣлъ на говорящаго и съ неподвижными чертами лица произнесъ:

— Вы меня когда-нибудь накрыли при продажѣ гвинейскихъ невольниковъ?

— Нѣтъ.

— Вы изловили меня, быть можетъ, въ занятіи контрабандою?

— О, нѣтъ.

— Ну, такъ я—Жанъ-Мари Покеленъ и занимаюсь только своими собственными дѣлами. Это, кажется, правильно. Прощайте.

Онъ надѣлъ шляпу и вышелъ. Вскорѣ онъ стоялъ съ письмомъ въ рукахъ передъ тѣмъ лицомъ, къ которому оно было адресовано. Разговоръ пошелъ черезъ переводчика.

— Онъ говоритъ,—передавалъ переводчикъ своему начальнику,—что не хочетъ имѣть улицы около своего дома.

— Почему?

Старый торговецъ невольниками далъ подробное объясненіе.

— Онъ говоритъ,—снова началъ переводчикъ,—что болото—мѣсто, нездоровое для житья...

— Но мы его осушимъ.

— Что каналъ—частная собственность.

— О, что касается рва, то мы его засыплемъ.

Членъ городскаго совѣта видимо забавлялся гнѣвомъ старика.

— Скажите ему,—прибавилъ онъ,—что къ тому времени, когда мы окончимъ работы, въ его лачугѣ не останется болѣе ни одного привидѣнія.

Переводчикъ началъ свои объясненія.

— Je comprends, je comprends,—прервалъ его старикъ съ нетерпѣливымъ жестомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ разразился страш-

ными проклятіями Соединеннымъ Штатамъ, президенту, конгрессу, губернатору и всѣмъ его подчиненнымъ, между тѣмъ какъ слушатели помирали со смѣху отъ восторга.

— Знаете ли вы, почему Жанъ Покеленъ бѣснуется такимъ образомъ?—спросилъ переводчикъ по уходѣ старика.—Я вамъ сейчасъ скажу.

Переводчикъ крутилъ себѣ папиросу и пріостановился, чтобы зажечь ее; потомъ, выпустивъ дымъ двойной струей чрезъ ноздри, продолжалъ торжественнымъ тономъ:

— Онъ колдунъ!

— Ха, ха, ха!

— Вы не вѣрите? Какое хотите пари?

— Да почему же вы знаете?

— А вотъ послушайте. Разъ какъ-то подъ вечеръ я охотился на болотѣ за дичью. Я убилъ трехъ птицъ, и мнѣ было трудно ихъ найти, потому что уже стемнѣло. Когда я ихъ, наконецъ, отыскалъ, я отправился домой мимо владѣній Покелена. Шелъ я медленно, не дѣлая никакого шума, и уже почти совсѣмъ миновалъ усадьбу, какъ вдругъ увидалъ передъ собой два предмета. Я похолодѣлъ и задрожалъ, какъ листъ. Вы думаете, конечно, что передо мной ничего не было? Несмотря на темноту, я совершенно ясно видѣлъ Жана-Мари Покелена, а рядомъ съ нимъ — что-то вродѣ человѣка,—однако, все-таки, не человѣка, а что-то бѣлое, какъ снѣгъ. Я упалъ на траву со страха и они исчезли изъ виду, но клянусь честью, что это былъ духъ Жака Покеленъ, его брата.

— Ну, вотъ вздоръ!—сказалъ слушатель.

— Руку дамъ на отсѣченіе,—продолжалъ переводчикъ.

— Но развѣ вамъ никогда не приходило въ голову,—возразилъ его собесѣдникъ,—что это могъ быть самъ Жакъ Покеленъ, живой и здравствующій, но, по какой-нибудь причинѣ, скрываемый братомъ?

— Никакихъ такихъ причинъ нѣтъ,—съ увѣренностью сказалъ переводчикъ. Тутъ появленіе новыхъ лицъ прервало бесѣду.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и улица была проложена. Прежде всего вырыли каналъ черезъ болото, потомъ засыпали узкій ровъ, проходившій у самаго дома Покелена, и улица или, вѣрнѣе, залитая солнечными лучами дорога угломъ коснулась воротъ старинной усадьбы. Болото высохло. Ядовитые гады, его населявшіе, скрылись; стада, свободно пасшіяся на окрѣпшей

почвѣ, приняли слишкомъ обильную растительность. На мѣстѣ, гдѣ прежде виднѣлись камыши, теперь цвѣли лиліи. Птицы чирикали въ кустахъ, подъ которыми зрѣла ежевика. А надъ всѣмъ этимъ разливался чистый, здоровый воздухъ, какого никогда прежде не вѣдало это мѣсто.

Владѣлецъ его, однако, и не помышлялъ строиться. Сквозь чащу ивняка веселые новые домики, вытянутые въ рядъ или стоявшіе особнякомъ, заглядывали съ любопытствомъ въ уединенное жилище старика, распространяясь все далѣе на югъ. Сперва возникла хижина дровосѣка, потомъ избушка огородника, затѣмъ расписной коттеджъ, и мало-по-малу предмѣстье почти совсѣмъ окружило домъ Жана Покелена и его высушенное болото.

Тогда закипѣла всеобщая ненависть къ старику. «Разбойникъ! Что это онъ не хочетъ строиться, когда того требуетъ общественная польза! Старый тиранъ! вотъ мы смажемъ его дегтемъ да и обсыплемъ перьями. Ужь справимся же мы съ нимъ!»

Жанъ Покеленъ не можетъ уже теперь возвращаться домой въ лодкѣ по старому каналу; онъ ходитъ пѣшкомъ. Въ послѣднее время онъ очень опустился, и уличные мальчишки всегда гонятся за нимъ по пятамъ. Старикъ по временамъ оборачивается и произноситъ безцѣльныя проклятія.

Вскорѣ онъ сдѣлался воплощеніемъ и провозвѣстникомъ всѣхъ общественныхъ или частныхъ бѣдствій. Суевѣрныя бредни народа сосредоточивались исключительно на немъ. Если загорался чей-нибудь домъ, это приписывали его чарамъ. Если съ женщиной случался припадокъ, то непремѣнно благодаря его колдовству. Если ребенокъ пропадалъ изъ дому на самое короткое время, мать дрожала отъ одной мысли, что Жанъ Покеленъ принесъ его въ жертву какимъ-нибудь таинственнымъ божествамъ. «Пока домъ этотъ будетъ стоять,—говорили сосѣди,—намъ во всемъ будетъ неудача. Развѣ вы не видите, что овощи наши вянутъ и сады наполняются пылью, между тѣмъ какъ въ лѣсу всякій день идетъ дождь? Дождь никогда не пройдетъ мимо дома Покелена. Онъ знаетъ такое заклинаніе!»

Компанія «Построекъ и усовершенствованій» присоединилась къ травлѣ Жана Покелена. Владѣнія его были бы прекраснымъ мѣстомъ для постройки базарнаго зданія. Компанія отрядила депутацію къ старику, чтобы просить его продать домъ. Депутаціи не удалось даже проникнуть за запертыя ворота, и она не добилась ничего, кромѣ безплоднаго свиданія съ нѣмымъ афри-

канцемъ. Предсѣдателю было тогда дано полномочіе посѣтить Покелена и убѣдить его подписаться на акціи общества.

— Дѣло въ томъ, господа, —доложилъ онъ въ слѣдующемъ засѣданіи, —что понадобится цѣлый годъ, чтобы разъяснить господину Покелену нѣсколько своеобразныя основанія нашей системы, да и тогда онъ все равно не подпишется. Къ тому же единственная возможность видѣть его, это изловить его на улицѣ!

— Господинъ президентъ, —возразилъ одинъ изъ членовъ совѣта, —базарное зданіе, какъ мнѣ кажется, дѣло общественной пользы. Мы можемъ быть увѣрены, что радѣемъ объ интересахъ публики, если постараемся удалить изъ своей среды стараго нечестивца. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что Жанъ Покеленъ держитъ въ заточеніи своего брата. Если это такъ, и еслибъ мы могли уличить его, — тутъ говорящій нѣсколько замялся, — это было бы очень полезно для насъ. Мнѣ кажется, что мы обязаны сдѣлать это для общины.

— Какъ же вы полагаете приступить къ дѣлу? — спросилъ президентъ.

— Я думаю, —продолжалъ ораторъ, —что намъ, какъ директорамъ, неловко было бы начать искъ, имѣющій видъ нарушенія правъ собственности. Хорошо бы было, еслибъ вы, господинъ президентъ, попросили кого-нибудь, ну, хоть нашего уважаемаго секретаря, заняться этимъ вопросомъ такъ, изъ одной только любознательности.

Секретарь Уайтъ былъ кроткій, добродушный человѣчекъ, не знавшій на свѣтѣ другаго страха, кромѣ страха сдѣлать дурной поступокъ.

— Я скажу вамъ откровенно, —сообщилъ онъ потомъ частнымъ образомъ президенту, — что я соглашаюсь на ваше предложеніе исключительно изъ личныхъ причинъ.

На слѣдующій день, съ наступленіемъ ночи, можно было видѣть, какъ этотъ маленькій человѣкъ крался вдоль задней изгороди владѣній Покелена, готовясь перепрыгнуть черезъ нее на заросшій травою дворъ. Картина, представившаяся его взору, не могла развеселить его умъ. Старый домъ вырѣзывался на западномъ небосклонѣ, мрачный, безмолвный и грозный. Продолговатая, блѣдная полоса на свинцовомъ небѣ, —вотъ все, что оставалось отъ дневнаго свѣта. Никакихъ признаковъ жизни не было замѣтно; никакого огня въ окнахъ, развѣ, быть можетъ, на той сторонѣ дома, которая была скрыта отъ глазъ. Никакихъ совъ

не было на трубахъ, ни собакъ на дворѣ. Секретарь вошелъ за ограду и притаился около маленькаго шалаша, стоявшаго въ сторонѣ отъ дома. Черезъ одну изъ многочисленныхъ щелей этого шалаша онъ легко разсмотрѣлъ нѣмаго африканца, крѣпко спавшаго, свернувшись передъ пылающимъ костромъ.

Секретарь рѣшился проникнуть въ домъ и съ этой цѣлью принялся его разсматривать. Широкое переднее крыльцо не могло принести ему никакой пользы, такъ какъ тутъ онъ легко столкнулся бы съ кѣмъ-нибудь. Онъ измѣрялъ глазами столбы, поддерживающіе крыльцо, и обдумывалъ, не вскарабкаться ли ему по нимъ, какъ вдругъ услыхалъ чьи-то шаги. Кто-то придвигалъ стулъ къ рѣшеткѣ, потомъ какъ бы раздумалъ сѣсть и принялся ходить по верандѣ, и необыкновенно звонко раздавались по сухимъ доскамъ звуки шаговъ. Уайтъ отступилъ немного назадъ; фигура ходившаго вырѣзалась на фонѣ неба, и онъ узналъ сутуловатый и широкоплечій обликъ стараго Покелена.

Секретарь сѣлъ на лежавшее близъ него бревно и, во избѣжаніе уколовъ стаи жужжащихъ москитовъ, закрылъ лицо и шею платкомъ, оставивъ свободными только глаза.

Онъ сидѣлъ въ такомъ положеніи не болѣе минуты, какъ вдругъ почувствовалъ странный, отвратительный запахъ, слабый, какъ бы занесенный издали, но смрадный и ужасный.

Откуда несся онъ? Не изъ шалаша, не изъ болота, совершенно высохшаго, и не изъ воздуха. Казалось, что онъ распространялся изъ самой почвы.

Поднявшись на ноги, секретарь впервые увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя узкую тропинку, ведущую къ дому. Онъ взглянулъ въ эту сторону—и о ужасъ! Что-то двигалось прямо на него, блѣдное, какъ привидѣніе!

Съ быстротой молніи онъ беззвучно притаился около шалаша. Это былъ смѣлый шагъ, и надо сознаться, что маленькій секретарь почувствовалъ приливъ страха. «Это не духъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—я знаю, что это не можетъ быть духъ»,—а, между тѣмъ, онъ, все-таки, обливался потомъ и воздухъ казался ему раскаленнымъ. «Это живой человѣкъ,—продолжалъ онъ думать,—я слышу его шаги. Теперь онъ прошелъ. Вотъ онъ снова возвращается. Что за могильный запахъ!»

Секретарь приподнялся и, плотно прижавшись къ шалашу, напряженно глядѣлъ вдоль тропинки. Фигура человѣка, или одѣтаго въ бѣломъ, или голаго, этого Уайтъ не могъ разсмотрѣть

за темнотою, страдальческой поступью удалялась отъ него. «Великій Боже! Неужели мертвые ходятъ по землѣ?» Секретарь снова отнялъ руки, которыми онъ невольно закрылъ глаза. Странное существо прошло между двумя колоннами и исчезло подъ домомъ. Уайтъ прислушался. Раздался слабый звукъ, точно кто-нибудь шелъ по лѣстницѣ; потомъ все смолкло, кромѣ шаговъ Жана Покелена на верандѣ и тяжелаго дыханья нѣмаго слуги въ шалашѣ.

Секретарь готовился уже удалиться, но, взглянувъ еще разъ на заколдованный домъ, онъ увидалъ вдругъ слабый свѣтъ въ щели завѣшаннаго окна; вслѣдъ затѣмъ появился Жанъ Покеленъ, таща за собой стулъ, и сѣлъ какъ можно ближе къ свѣтлому отверстію. Онъ говорилъ по-французски тихимъ и нѣжнымъ голосомъ, очевидно, предлагая какой-то вопросъ. Извнутри комнаты раздался отвѣтъ, но былъ ли это человѣческій голосъ? Такъ неестественно, глухо и нестройно звучалъ онъ! Секретарь дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а когда что-то шелохнулось въ кустахъ—быть можетъ, только крыса—и юркнуло въ травѣ, онъ не выдержалъ и пустился бѣжать. «Теперь я понимаю, — вырывалось у него по временамъ изъ груди,—я все понимаю».

Странно, что съ той поры Уайтъ сдѣлался ярымъ защитникомъ Жана Покелена! Кстати или не кстати, а всякій разъ, когда кто-либо произносилъ хоть слово противъ него, секретарь спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично спрашивалъ, на какомъ основаніи дѣлалось заявленіе. Но, такъ какъ онъ никому не объяснялъ причины страннаго поведенія, то подозрѣнія, столько лѣтъ тяготѣвшія надъ Покеленомъ, распространились и на него.

Не далѣе, какъ черезъ день послѣ своего страшнаго приключенія, секретарь привелъ въ изумленіе цѣлую толпу мальчишекъ, приказавъ имъ прекратить ихъ неприличную травлю. Старикъ Покеленъ, махавшій палкою, извергавшій безконечныя проклятія, внезапно остановился, изумленно посмотрѣлъ на него, потомъ вѣжливо поклонился и продолжалъ свой путь. Подъ вліяніемъ неожиданности мальчишки унялись, но одинъ маленькій ирландецъ, болѣе дерзкій, чѣмъ всѣ остальные, бросилъ въ старика комъ земли, который ударился между его плечами и разсыпался въ прахъ. Разъяренный Покеленъ хотѣлъ погнаться за негодяемъ, но споткнулся и упалъ. Уайтъ поспѣшилъ къ нему на помощь, но онъ грубо отстранилъ его, шатаясь поднялся на ноги и побрелъ домой. Губы его были покрыты кровью.

Секретарь шелъ, чтобы дать отчетъ о своемъ похожденіи совѣту директоровъ.

— Я не могу помѣшать вамъ начать дѣло противъ старика,— сказалъ онъ,—но самъ въ немъ участвовать не буду.

— Этого мы отъ васъ никакъ не ожидали, господинъ Уайтъ.

— Лучше и не назначайте дальнѣйшихъ разслѣдованій,—продолжалъ секретарь,—вы доживете съ ними до бѣды! Это не угроза, а совѣтъ; предупреждаю васъ, что тотъ, кто возьмется за это дѣло, будетъ сожалѣть объ этомъ до гробовой доски.

Директоръ замѣтилъ, что секретарь говорилъ, точно человѣкъ, только что пробудившійся отъ кошемара.

— Ну, ужь если вы непремѣнно хотите знать,—возразилъ Уайтъ,—я дѣйствительно видѣлъ кошмаръ и предупреждаю васъ, что и вамъ онъ приснится, если вы станете добиваться свиданія съ Покеленомъ.

— Уайтъ,—шутливо сказалъ одинъ изъ членовъ,—духа-то вы видѣли?

— Да, видѣлъ,—рѣзко возразилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Послѣ этого разнесся слухъ, что кто-то (всѣ боялись назвать маленькаго Уайта) ходилъ ночью въ домъ Покелена и видѣлъ тамъ что-то ужасное. Нѣсколько отважныхъ мальчишекъ рѣшились пробраться по высохшему болоту и подойти къ дому въ самый жуткій часъ ночи, когда воздухъ былъ полонъ летучихъ мышей. Что-то, видѣнное ими лишь наполовину,—и ужь этого было вполнѣ достаточно, — заставило ихъ броситься опрометью назадъ чрезъ кусты акацій и чащу ивняка и бѣжать домой съ громкими криками.

— Былъ онъ весь бѣлый?—Да—нѣтъ—почти что мы не знаемъ, но мы его видѣли!—И въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, глядя на ихъ помертвѣвшія лица.

— Еслибъ этотъ старый негодяй жилъ у насъ,—говорили нѣкоторые жители изъ американцевъ, мы бы его давно вымазали дегтемъ. Не такъ ли, Сандерсъ?

— Еще бы!

— Вотъ что вы можете сдѣлать,—продолжали они, обращаясь къ собравшимся вокругъ нихъ креоламъ.—Какъ это у васъ называется, вотъ, когда старикъ женится на молоденькой, и вы приходите къ нему съ рогами и...

— *Charivari*?—спросили креолы.

— Да да! Что же вы не устроите ему *шаривари*?

Уайтъ и его жена сидѣли на крыльцѣ своей квартиры и глядѣли на солнечный закатъ. Они переселились въ новопроложенную улицу. Мѣстность, ихъ окружавшая, не отличалась большой красотой. Дома были маленькіе и разбросанные, а сквозь чащу акацій виднѣлся мрачный домъ Покелена, отнимавшій у нихъ послѣдніе лучи заката. Надъ одной изъ его трубъ блѣдно и стройно вырѣзывался молодой отрогъ луны.

— Ты говоришь, Патти,—продолжалъ секретарь, обращаясь къ женѣ,—что старый нѣмой прошелъ здѣсь одинъ. Ужь не затѣваетъ ли Покеленъ чего-нибудь недобраго? Не сходить ли мнѣ лучше посмотрѣть?

— Сходи,—сказала жена.

Она сидѣла одна около получаса, слѣдя за быстрымъ угасаньемъ дня, такъ свойственнымъ этимъ странамъ.

— Патти,—раздался, наконецъ, голосъ Уайта,—говорятъ, мальчишки хотятъ устроить Покелему *charivari*. Я пойду этому помѣшать!

— Не ходи,—возразила жена,—они тебя ушибутъ.

— Ну, такъ я посижу здѣсь, пока они покажутся. Они, вѣдь, должны пройти мимо насъ.

Мужъ и жена долгое время сидѣли еще у своихъ дверей, толкуя о домашнихъ дѣлахъ.

— Слушай,—сказала вдругъ жена.

По улицѣ несся страшный шумъ. Сабаки и мальчишки лаяли и визжали; мужчины хохотали, кричали, стонали, играли на рожкѣ, ударяли въ сковороды и горшки, звонили въ колокольчики, выли и гикали.

— Они направляются къ намъ,—сказалъ Уайтъ.—Ты бы лучше ушла въ домъ, Патти!

— И ты тоже,—возразила жена.

— Нѣтъ, я посмотрю, не могу ли я ихъ остановить.

Черезъ нѣсколько минутъ секретарь очутился передъ толпой, но тщетно возвышалъ онъ голосъ. Онъ бросился тогда къ тому человѣку, который, судя по размѣрамъ его сковороды и по производимому имъ шуму, казался предводителемъ отряда. «Остановите этихъ людей, Bienvenu, остановите ихъ на минуту, пока я съ ними поговорю». Толпа остановилась.

— Bienvenu,—сказалъ тогда Уайтъ,—не устраивайте Покелену сегодня шаривари; онъ...

— Кто это сказалъ, что мы хотимъ устраивать кому-нибудь шаривари?—отвѣчалъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, Bienvenu.—Ты думаешь, я пьянъ, потому что я играю вотъ на этой сковородѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты совершенно въ порядкѣ. Только я думалъ, что вы, быть можетъ, не знаете, что старикъ Покеленъ очень болѣнъ.

— Эти citoyens хотятъ только просить Покелена пожертвовать двѣсти пятьдесятъ долларовъ на Урсулинокъ. Ну, а если онъ откажетъ, тогда мы угостимъ его нашей музыкой.

— Но старикъ очень болѣнъ.

Такъ не отъ насъ же онъ болѣнъ,—закричалъ какой-то щедушный креолъ. — Если мы ужь разъ сказали, что устроимъ шаривари, что жь намъ, солгать, что ли?

— Да вы можете устроить шаривари кому-нибудь другому,— сказалъ въ отчаяніи Уайтъ.

— Правда, — закричалъ Бьенвеню, — а Жану Покелену — завтра.

— Пойдемъ къ мадамъ Шнейдеръ!—раздались голоса, и толпа двинулась въ путь.

Уайтъ постучался къ себѣ.

— Это ты?—раздался голосъ жены.

— Да, Патти, мнѣ удалось уладить дѣло. Они пошли дѣлать шаривари той старухѣ, которая вышла замужъ за любовника своей падчерицы.

Мужъ и жена легли спать. Чрезъ нѣсколько времени мистрисъ Уайтъ проснулась, слыша, что мужъ берется за часы.

— Патти,—сказалъ онъ,—я не могъ заснуть ни на минуту. Эти негодяи все еще на ногахъ. Слышишь?

— Да, они идутъ къ намъ.

— Знаю,—сказалъ Уайтъ, торопливо одѣваясь.—Ты лучше отойди отъ окна, Патти. Боже! что за шумъ!

— Они ужь тутъ, — сказала мистрисъ Уайтъ, но мужа ея уже не было въ комнатѣ. Человѣкъ триста быстро шло по широкой новой улицѣ, направляясь къ ненавистному дому. Шумъ былъ ужасенъ. Она видѣла мужа своего во главѣ толпы; онъ махалъ руками, видимо желая что-то сказать, но толпа только смѣялась и гикала все громче и прошла мимо, увлекая передъ собою Уайта.

Быстро миновали они дома и освѣщенную тусклыми лампами

улицу и вступили въ заколдованную мѣстность. Нѣкоторые струсили и повернули назадъ, но большинство продолжало путь, оглашая воздухъ криками.

Впереди толпы, на длинной, темной дорогѣ виднѣется слабый, колеблющійся огонекъ. Онъ долженъ быть очень близко отъ стараго дома. Такъ и есть. Огонекъ остановился. Это фонарь, и онъ стоитъ подъ хорошо извѣстнымъ всѣмъ деревомъ, выросшимъ близъ дороги съ тѣхъ поръ, какъ засыпали каналъ. Теперь свѣтъ таинственно колеблется изъ стороны въ сторону.

Въ толпѣ многіе изъ наиболѣе боящихся привидѣній отказываются идти дальше, но человѣкъ сто пускаются впередъ бѣгомъ, еще усиливая свой адскій вой.

Да, это фонарь, и подъ деревомъ два человѣка. Толпа приближается. Одинъ изъ двухъ неизвѣстныхъ—нѣмой африканецъ. Онъ поднялъ фонарь такъ, что свѣтъ его упалъ прямо на лицо другаго; толпа отшатнулась; шумъ сразу затихъ; и вдругъ, съ крикомъ ужаса и страха, вся масса кинулась назадъ, роняя по пути все, что ей ни попадалось, пронеслась мимо маленькаго секретаря и остановилась лишь тогда, когда болото осталось далеко позади; тутъ только всѣ спохватились, что никто, собственно, не зналъ хорошенько настоящей причины переполоха.

— Господа,—раздался тогда изъ толпы чей-то пьяный голосъ,—насъ оскорбляютъ; наше право мирно ходить по городскимъ улицамъ нарушено. Потерпимъ ли мы это? Теперь ужь день. Пойдемъ при солнечномъ свѣтѣ и силою проложимъ себѣ путь по общественной дорогѣ!

Порѣдѣвшая и полусонная толпа покорно побрела назадъ къ старому дому; но, подойдя къ дереву, всѣ снова остановились. Уайтъ сидѣлъ на пригоркѣ по ту сторону дороги, грустный и суровый. Каждому, вновь прибывающему, онъ неизмѣнно предлагалъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Вы пришли, чтобы видѣть стараго Покелена?

— Да.

— Онъ умеръ.—И если испуганный слушатель хотѣлъ удалиться, онъ прибавлялъ:—не уходите.

— Почему?

— Я хочу, чтобы вы присутствовали на его похоронахъ.

Всѣ молча двинулись въ путь. Уайтъ шелъ во главѣ отряда; толпа послѣдовала за нимъ. Ворота, всегда бывшія на запорѣ, стояли теперь настежъ. Уайтъ остановился недалеко отъ нихъ;

за нимъ стала вся масса. Что-то двигалось около веранды. Всѣ тревожно устремили туда взоры. Нѣмой африканецъ тихо шелъ къ воротамъ, ведя за веревку небольшаго вола, запряженнаго въ грубую телѣгу. На ней, подъ чернымъ сукномъ, виднѣлись очертанія длиннаго ящика.

— Шапки долой, господа,—сказалъ Уайтъ, и толпа молча обнажила головы.

— Господа,—продолжалъ Уайтъ, — вотъ бренные останки Жана-Мари Покелена, человѣка лучшаго, несмотря на всѣ его грѣхи, да, лучшаго, болѣе добраго, болѣе самоотверженнаго, чѣмъ всѣ вы, вмѣстѣ взятые, когда-либо будете.

Водворилась глубокая тишина, и телѣга, скрипя, появилась въ воротахъ; но когда она повернула по направленію къ лѣсу, всѣ, стоявшіе впереди, внезапно дрогнули, кинулись назадъ, потомъ снова остановились, вперивъ взоры въ одну точку. За гробомъ, опустивъ глаза въ землю, страдальческой поступью двигался живой призракъ, «маленькій» Жакъ Покеленъ, давно исчезнувшій братъ,—*прокаженный*, бѣлый, какъ снѣгъ.

Нѣмая отъ ужаса, пристыженная толпа глядѣла на этого живаго мертвеца. Въ молчаливомъ страхѣ слѣдила она за тѣмъ, какъ процессія медленно спускалась по длинной прямой улицѣ, какъ очертанія ея дѣлались все меньше и меньше, пока, наконецъ, она остановилась тамъ, гдѣ дикая, полузаросшая тропинка терялась въ кустарникѣ, позади стараго города.

— Они идутъ въ землю прокаженныхъ—la terre aux lépreux,—шепотомъ сказалъ кто-то въ толпѣ. Остальные только молча слѣдили за ними.

Маленькій волъ былъ отпряженъ; нѣмой африканецъ, съ силою обезьяны, поднялъ длинный ящикъ на свое плечо. На мгновенье и онъ, и прокаженный еще оставались въ виду у толпы, потомъ, не бросивъ ни одного взгляда на этотъ недобрый міръ, повернувшись въ то направленіе, гдѣ находилась такъ называемая *земля прокаженныхъ*, они вступили въ чащу и скрылись въ ней. Съ той поры никто ихъ ужь болѣе не видалъ.

Э. Литтре и позитивизмъ.

Г. Каро.

(Переводъ съ французскаго).

Глава вторая*).

Позитивная философія, ея измѣненія и ея будущность.

I.

Мы сказали, что отрицаніе есть единственное общее положеніе и единственная связь между различными группами, на которыя распадается школа позитивистовъ; вѣрнѣе было бы сказать—двойное отрицаніе, результатъ двухъ послѣдовательныхъ исключеній. Позитивизмъ исключаетъ и тѣмъ самымъ отрицаетъ идеи религіи и метафизики; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по офиціальнымъ программамъ, онъ исключаетъ и тѣмъ отрицаетъ матеріализмъ и атеизмъ.

Я хорошо знаю, что г. Литтре говоритъ, будто ничего не отрицаетъ теоретически; при всякомъ изложеніи программы онъ твердо держится рѣшеній оставаться равно далекимъ отъ противуположныхъ утвержденій, не догматизировать ни за, ни противъ реальностей невидимыхъ, ни за, ни противъ сущности вещей, не видѣть и не знать ничего внѣ удостовѣренныхъ фактовъ и демонстрированныхъ законовъ, не выходить изъ области физическихъ явленій, исключительно имѣющихъ характеръ положительности (позитивности), требуемой школою. Догматизируя, онъ постоянно остается вѣренъ догмату ничего не утверждать, ничего не отрицать такого, что стоитъ внѣ круга, строго намѣченнаго

*) *Русская Мысль*, кн. II.

опытомъ, доступнымъ чувствамъ. На этотъ счетъ его афоризмы категоричны и многочисленны. Здѣсь стоитъ привести одну изъ послѣднихъ написанныхъ имъ страницъ, какъ образецъ опредѣленности и твердости его заявленій: «Не зная ни начала, ни конца всего существующаго, мы не имѣемъ основанія отрицать существованіе чего-либо внѣ этого начала и этого конца (это противъ матеріалистовъ и атеистовъ), какъ не имѣемъ основанія утверждать... (это противъ спиритуалистовъ, метафизиковъ и теологовъ). Позитивная доктрина обходитъ конечный вопросъ о божественномъ разумѣ,—обходитъ въ томъ смыслѣ, что, подобно частнымъ наукамъ, составляющимъ какъ бы ея притоки, она заявляетъ о полномъ своемъ невѣдѣніи того, что касается начала и конца вещей, изъ чего необходимо вытекаетъ заключеніе, что, не отрицая божественнаго разума и не утверждая его существованія, она остается совершенно нейтральною между утвержденіемъ и отрицаніемъ, представляющимися равносильными, съ указанной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что она исключаетъ матеріализмъ, объясняющій то, чего никто объяснить не можетъ. Она не скрываетъ также всей чудовищности натурализма, такъ какъ, подобно г. де Местру, говоря о Природѣ, она ставитъ вопросъ: «Это что за женщина?» Если Природа представляетъ общность познаваемыхъ нами вещей, тѣмъ лучше; это знаніе, какъ и сами вещи, относительное, экспериментальное и не касается сферъ, называемыхъ нами *непознаваемыми (inconnaissable)*, которыхъ и мы избѣгаемъ по ихъ непознаваемости. Если же, наоборотъ, Природа представляетъ безконечную силу, созидающую и *устрояющую (arrangeur)* вселенную, тѣмъ хуже; никакое позитивное знаніе не открыло такой силы, которая, по этому самому, и должна быть обходима строгимъ молчаніемъ. Экспериментально мы находимся въ полномъ невѣдѣніи относительно вѣчности матеріи и гипотезы Божества. На чемъ основано мнѣніе о вѣчности матеріи? На томъ, что мы не видимъ ни ея роста, ни умаленія, ни зарожденія, ни уничтоженія? Но догматъ, несомнѣнный въ границахъ познаваемаго, далѣе этого не идетъ и имѣетъ не бо́льшее значеніе, чѣмъ какой бы то не было опытъ; этимъ мы разумѣемъ, что опытъ не даетъ никакихъ знаній ни о началѣ, ни о концѣ времени. Итакъ, мы не знаемъ, безконеченъ ли міръ во времени, какъ не знаемъ, ограниченъ ли онъ въ пространствѣ, ни обратно—безконеченъ ли міръ въ пространствѣ и конеченъ ли во времени». Равнымъ обра-

зомъ нѣкоторые философы неправы тѣмъ, что упрекаютъ Лапласа за *дерзость*, съ которою онъ, при изъясненіи системы міра, отвергаетъ Божество, какъ безполезную гипотезу. «Выраженіе *дерзость (insolence)* не должно имѣть мѣста въ языкѣ философа,—говоритъ г. Литтре.—Если отрицаніе есть дерзость, то не менѣе дерзко будетъ и утвержденіе; и то, и другое равно неубѣдительно для позитивной философіи. Сами эти философы и метафизики, толкуя о высшемъ принципѣ порядка, гармоніи, единства, вынуждены сознаться, что принципъ этотъ, иначе говоря, Божество, не поддается сознательному уразумѣнію, научному изслѣдованію. А все то, что не можетъ быть ни изслѣдовано, ни сознательно воспринято внѣшними чувствами,—не есть ли же это только гипотеза, относительно которой мнѣнія свободны и не могутъ почитаться дерзкими *)?» Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтѣ г. Стюарту Миллю, по мнѣнію г. Литтре, отступившему отъ этого основнаго закона, г. Литтре очень твердо резюмируетъ всю свою доктрину по этому предмету въ слѣдующихъ словахъ: «Не должно полагать, будто позитивное *философствованіе (le philosopher positif)*, трактуя о второстепенныхъ причинахъ, оставляетъ полную свободу мнѣній относительно начальной причины. Нѣтъ, на этотъ счетъ оно не даетъ никакой свободы; оно признаетъ начальную причину неизвѣстною и непознаваемою. Признаніе непознаваемости не заключаетъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія. Отсутствіе утвержденія и отсутствіе отрицанія нераздѣлимы, и нельзя произвольно откидывать одно и держаться другаго; нельзя служить одновременно двумъ господамъ, относительному и абсолютному. Составлять себѣ какое-либо опредѣленное мнѣніе тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ неизвѣстнаго, значитъ не соглашать, а противупоставлять другъ другу несовмѣстимости».

Заявленіе достаточно опредѣленное. Но тутъ возникаетъ важный вопросъ: возможно ли существованіе такого идеальнаго равновѣсія? Можетъ ли умъ человѣческій удовлетвориться имъ надолго безъ систематическихъ усилій, непремѣнно временныхъ и преходящихъ? Не склонится ли онъ необходимо вправо или влѣво, въ сторону того и другаго изъ противуположныхъ утвержденій, чѣмъ доказано будетъ, по меньшей мѣрѣ, что подобная неопредѣленность противна человѣческой природѣ, самому существу

*) Transrationalisme. Revue de philosophie positive, janvier 1880, p. 42.

человѣческаго разума? Программа обязательнаго нейтралитета въ вопросахъ о причинахъ и началѣ міра установлена со всевозможною опредѣлительностью. Вѣренъ ли ей г. Литтре на практикѣ? Вѣрнѣе ли, чѣмъ онъ, остались ей другіе позитивисты? Да и вообще въ философіи, какъ въ политикѣ, соблюдалась ли когда-нибудь съ неизмѣнною точностью программа нейтралитета? Не будучи самымъ рѣшительнымъ скептикомъ, крайне трудно остаться въ такой химерической средѣ и долго держать въ положеніи неустойчиваго равновѣсія. Подобное состояніе почти невозможно; о немъ мечтали часто; осуществлялись же эти мечты очень рѣдко. И почти всегда выходило такъ, что если нейтралитетъ этого рода склоняется въ какую-либо сторону, то скорѣе въ сторону отрицанія. Есть ли поводъ удивляться этому? Принимая въ соображеніе вещи въ ихъ естественной связи и человѣческій умъ въ его логичности, иначе и быть не можетъ. Не отдавая себѣ самому вполнѣ яснаго отчета, разумъ уступаетъ влеченію къ великимъ проблемамъ, особливо раздражающимъ своею недоступностью, и инстиктивно склоняется къ разрѣшенію ихъ въ томъ или иномъ смыслѣ, притомъ въ одномъ смыслѣ предпочтительнѣе, чѣмъ въ другомъ, и предпочтеніе оказывается въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ отрицанія. Происходитъ такъ уже потому, что въ самомъ исходномъ актѣ, въ актѣ признанія неразрѣшимости этого рода проблемъ, сказывается нѣкоторое враждебное усиліе одолѣть и отбросить метафизическіе и религіозные инстинкты, прирожденные всѣмъ людямъ. Думая остаться нейтральнымъ, человѣкъ склоняется въ извѣстную сторону, такъ какъ самая нейтральность пріобрѣтается цѣлью своего рода внутренней борьбы *).

Въ такомъ именно положеніи находился г. Литтре. Выходя изъ идеальнаго равновѣсія, въ которомъ онъ напрасно думалъ удержаться, онъ склоняется не на сторону спиритуалистовъ и метафизиковъ, а на сторону ихъ противниковъ. Нужны ли тому доказательства? Въ нихъ недостатка нѣтъ, стоитъ только отрыть любое изъ философскихъ произведеній г. Литтре. Многочисленность ссылокъ была бы въ данномъ случаѣ неумѣстна; но во избѣжаніе какихъ бы то ни было сомнѣній и возраженій, мы ограничимся немногими примѣрами и укажемъ на слѣдующую выдержку изъ его *Paroles de philosophie positive*: «Міръ въ

*) Тѣ же мысли высказаны въ другомъ сочиненіи г. Каро: «Materialisme et la Science», chap. III.

его настоящемъ видѣ представляется намъ заключающимъ въ самомъ себѣ свои причины; причины эти мы называемъ законами. Наука объясняетъ *вселенную* причинами, въ ней самой заключающимися, началомъ *саморазвитія (immanence)*... Саморазвитіе безконечно непосредственно, ибо оставляя типы и формы, оно безъ посредниковъ приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ вѣчными двигателями безконечной вселенной и открываетъ пораженному и восхищенному уму міры, несущіеся надъ безднами пространства, и жизнь, несущуюся надъ безднами времени» *). Повидимому, въ этихъ словахъ заключается очень опредѣленная доктрина. Ею противуполагаются другъ другу идея надприроднаго *(de la trancsendance)* идеѣ саморазвитія *(de l'immanence)*, объясняющей вселенную причинами, заключающимися въ ней самой, и утверждающей, что въ ней (во вселенной) самой причина ея бытія, необходимости и безконечности этого бытія. Такое утвержденіе довольно странно заходитъ за предѣлы «области явленій, провѣренныхъ опытомъ, и доказанныхъ законовъ».

На практикѣ г. Литтре отступаетъ также отъ нейтралитета, столь горячо имъ рекомендуемаго въ программахъ, когда дѣло касается природы души. Для послѣдовательнаго позитивиста душа должна оставаться простымъ X, неизвѣстностью, невѣдомою причиною явленій въ области мысли, чувства и воли, въ чемъ бы сама причина ни заключалась, въ самомъ организмѣ или въ началѣ, отъ него отличномъ и высшемъ. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что г. Литтре оказывается противникомъ души, какъ таковой, и низводитъ ее на степень отправленій нервной системы. Онъ охотно даетъ свой патронатъ, публичную почесть предисловія, подписаннаго его именемъ, такимъ книгамъ, какъ *Matérialisme et Spiritualisme* г-на Лебле, въ которой одна доктрина побивается ради торжества противуположной. Изъ этого есть достаточныя основанія заключить, что дипломатическій нейтралитетъ позитивистовъ прикрываетъ собою ихъ секретный союзъ съ противниками общаго врага спиритуализма и что немалою наивностью было бы воображать, будто, при великомъ столкновеніи между доктринами, позитивисты могутъ оставаться безпристрастными. Въ предисловіи къ книгѣ г. Лебле г. Литтре утверждаетъ, что мысль есть для нервнаго вещества то же самое, что тяжесть для матеріи, т.-е. нѣчто неотвлекаемое и, при настоя-

*) Стр. 34.

щемъ состояніи нашихъ знаній, въ себѣ самомъ заключающее объясненіе себя: «Подобно тому, какъ физикъ признаетъ, что матерія вѣситъ, такъ физіологъ констатируетъ, что нервное вещество мыслитъ, причемъ ни тотъ, ни другой не претендуютъ объяснять, почему одна вѣситъ и почему другое мыслитъ». Противъ такихъ положеній не сказали бы ни слова ни г. Молешотъ, ни г. Карлъ Фогтъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается души, г. Литтре явно склоняется на сторону доктринъ психохимизма. Онъ возстаетъ противъ довольно невиннаго положенія г. Курно, сказавшаго, «что человѣкъ составилъ себѣ понятіе о душѣ единственно для уясненія себѣ собственнаго существа, своихъ высшихъ способностей, явленій познаванія, не имѣющихъ ничего общаго съ явленіями, научно изучаемыми физіологомъ». Г. Литтре протестуетъ противъ такого полуспиритуалистическаго тезиса, очевидно, безпокоящаго его, и заявляетъ: «Въ психическихъ штудіяхъ я на сторонѣ физіологовъ, а не психологовъ. Я готовъ на всевозможныя уступки относительно нѣкоторыхъ психическихъ явленій, покрытыхъ еще мракомъ; но достовѣрно извѣстно, что всѣ явленія познаванія происходятъ въ мозгу, безъ него не существуютъ, уничтожаются, какъ скоро мозгъ подвергнется разрушительнымъ поврежденіямъ; а мозгъ составляетъ достояніе физіологіи. Отдѣлять органъ отъ его функціи въ наше время противунаучно» *). Я не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса по существу, а лишь указываю на оттѣнки высказанныхъ положеній; относительно же этихъ оттѣнковъ сомнѣніе невозможно. Изъ нихъ явствуетъ вся платоничность, вся мнимость вышеуказаннаго нейтралитета.

Но въ то время, какъ большинство позитивистовъ подъ безсознательнымъ давленіемъ своего ученія склоняется къ чистому и простому матеріализму, меньшинство неожиданно уклоняется въ иную сторону и, какъ бы уступая непреодолимому влеченію, вопреки догмату о чувственномъ, осязаемомъ опытѣ, стремится выйти изъ этого круга, пылкимъ умозрѣніемъ переступить запретную грань и унестись мыслью въ тѣ сферы, въ которыхъ сокрыты невѣдомыя причины. Это движеніе, противуположное только что описанному, представляетъ не мало любопытнаго и, своимъ новымъ и еще болѣе удивительнымъ противорѣчіемъ основамъ ученія, доказываетъ, насколько трудно позитивизму оста-

*) Revue de philosophie positive, janvier 1880, p. 43.

ваться вѣрнымъ старой программѣ полнаго, научнаго безстрастія, какъ тяжело для него неопредѣленное и нерѣшительное положеніе между положительнымъ и отрицательнымъ въ вопросѣ о начальныхъ причинахъ и какъ, повинуясь непреодолимой логикѣ, онъ вынужденъ или не касаться невѣдомаго и вмѣстить безконечное въ природу, или показать за предѣлами вселенной безграничную дѣйствительность, безконечную силу и тѣмъ возбудить въ сознаніи человѣка неукротимую жажду проникнуть въ сферы невѣдомаго..

Чтобы показать непреодолимость возвратнаго влеченія въ область, объявленную позитивной наукой запретною, намъ стоитъ только припомнить примѣръ г. Канта во второмъ періодѣ его философской жизни, приведшей его къ своего рода гуманитарному мистицизму. Послѣ высокомѣрнаго витійствованія противъ всякой теологіи и всякой метафизики, онъ возвращается самъ къ теологіи и къ какой еще! Онъ доходитъ до того, что вѣритъ въ воли *(à des valontés)*; онъ, не вѣрившій ни во что, кромѣ законовъ, пишетъ въ стилѣ оракуловъ слѣдующій стихъ, противорѣчащій всей позитивной философіи:

Pour compléter les lois il faut des valontés.
(Для дополненія законовъ нужны воли).

Онъ покончилъ тѣмъ, что основалъ религію человѣчества. Какое блестящее доказательство вѣрности мысли, высказанной однимъ современнымъ философомъ: «Такова сила метафизическихъ инстинктовъ, что если выгнать метафизику изъ области вѣрованій дверью науки, то она быстро возвращается дверью поэзіи и мистицизма».

Самъ г. Литтре, добровольно заключившійся въ позитивныя рамки, склонный даже къ механистической теоріи, не избѣжалъ, кажется, притягательнаго вліянія таинственныхъ сферъ. Мы приведемъ одну очень странную выдержку изъ его книги. *Огюстъ Контъ и позитивная философія* (стр. 505): «Уму человѣческому рѣшительно недоступно все то, что внѣ фактовъ и законовъ,—матеріально, напримѣръ, глубины безконечнаго пространства, интеллектуально—безконечное взаимнодѣйствіе причинъ. Но недоступность не обусловливаетъ несуществованія. Необъятность, какъ матеріальная, такъ и интеллектуальная, тѣсно связана съ нашими знаніями и черезъ эту связь становится идеей позитивной и принадлежитъ къ тому же порядку. Я хочу сказать, что, сопри-

касаясь съ знаніями и охватывая ихъ, необъятность представляется имѣющею двоякій характеръ реальности и недоступности. Это океанъ, волнующійся у нашихъ береговъ, для плаванія по которому нѣтъ у насъ ни лодки, ни паруса, но созерцаніе котораго столь же полезно, сколь поразительно». На сколько мыслей можетъ навести насъ признанная реальность безконечнаго, «соприкасающаяся съ нашими знаніями и охватывающая ихъ со всѣхъ сторонъ», а равнымъ образомъ это полезное и поразительное видѣніе, привлекающее и подавляющее насъ! То же видѣніе представлялось г. Стюарту Миллю. Онъ видѣлъ «просвѣты въ окружающей насъ стѣнѣ», черезъ которые проскальзываетъ лучъ свѣта, озаряющаго невѣдомое пространство внѣ замыкающей насъ стѣны. Онъ пытается даже указывать, что вмѣстѣ съ усвоеніемъ позитивной философіи возможно представленіе въ невѣдомомъ божества, управляющаго міромъ. «Что до меня касается,—говоритъ г. Литтре,—я не рискую заходить такъ далеко. Я принимаю важныя поученія, истекающія изъ неизвѣдываемаго. Оно прямо противится этимъ безразсуднымъ стремленіямъ, противится безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, безъ споровъ, однимъ своимъ существованіемъ. Для меня достаточно созерцанія его на тронѣ мрачнаго величія для того, чтобы освободиться отъ какого бы ни было догматизма» *). Но для всѣхъ этого недостаточно, и при подобныхъ видѣніяхъ не легко освободиться отъ догматизма.

Никто изъ мыслителей, въ большей или меньшей степени связанныхъ съ школой позитивистовъ, не принялъ съ бо́льшею смѣлостью необходимость такой концепціи непознаваемаго и ея послѣдствій, никто съ такою ясностью и рѣшительностью не высказалъ ея настоящій смыслъ и значеніе, чѣмъ г. Гербертъ Спенсеръ. Но тѣмъ самымъ логически разбивается позитивизмъ. Вотъ сущность его положеній: доводы, коими доказывается непознаваемость абсолютнаго, не полно выражаютъ истину; они единственно выражаютъ ея логическую сторону, а не психологическую. Всѣ положенія этого рода опускаютъ или, вѣрнѣе, исключаютъ одно обстоятельство величайшей важности. Рядомъ съ опредѣленнымъ сознаніемъ, законы котораго формулируются логикою, есть сознаніе неопредѣленное, не могущее быть формулированнымъ. Существуетъ цѣлый порядокъ мыслей, реальныхъ, хотя неопредѣляемыхъ, составляющихъ нормальное явленіе познавательной

*) Revue de philosophie positive, janvier 1880, p. 49.

способности. Говорятъ, что мы не можемъ знать абсолютнаго; но разъ говорится о невозможности знать абсолютное, тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ признается существованіе абсолютнаго. Если мы отрицаемъ возможность познать сущность абсолютнаго, то, слѣдовательно, допускаемъ его существованіе; и этого единственнаго обстоятельства достаточно, чтобы доказать, что абсолютное представлялось разуму *не какъ ничто, а какъ нѣчто*... Постоянно присущее разуму представленіе существованія реальнаго и субстанціональнаго составляетъ самую основу познаванія. Относительное немыслимо, если оно не поставлено въ соотношеніе съ реальнымъ абсолютнымъ; въ противномъ случаѣ само относительное превратится въ абсолютное, и доводъ окажется противорѣчащимъ себѣ самому... Разсматривая дѣятельность мысли въ ея условіяхъ и въ ея законахъ, мы равнымъ образомъ видимъ, насколько невозможно для насъ отрѣшиться отъ представленія реальнаго, скрытаго кажущимся, и какъ изъ этой невозможности вытекаетъ наше неразрушимое вѣрованіе въ такую реальность *).

Въ этомъ твердомъ реализмѣ, противупоставляемомъ разлагающему всемірному феноменизму, въ этой невозможности представленія относительнаго безъ соотношенія съ реальнымъ абсолютнымъ какъ будто слышится отдаленный, но явственный отголосокъ знаменитой теоріи Декарта о необходимомъ, которое предполагается существованіемъ случайнаго, о безконечномъ, какъ о послѣдней степени конечнаго, и высшей опорѣ существованій, какъ о послѣдней реальности, на которой зиждятся сцѣпленія идей и міровъ. Любопытно, что самый смѣлый изъ философовъ экспериментальной школы такъ ясно установилъ вышеуказанную двоякую невозможность, логическую невозможность одного относительнаго, если оно не стоитъ въ причинной связи съ абсолютнымъ, и психологическую невозможность для насъ отрѣшиться отъ идеи субстанціи, Кантовскаго *ноумена*, вездѣ противуполагаемаго какъ антитеза *феномена*, вездѣ и необходимо мыслимаго какъ начало существа и разума. Такой возвратъ къ метафизикѣ былъ неизбѣженъ съ того момента, какъ только было допущено внѣ границъ позитивнаго значенія существованіе таинственнаго внѣшняго, будь то смутно указываемое г. Литтре необъятное, на грани котораго онъ тщетно усиливается остановить умъ чело-

*) Premiers principes, chap. IV, p. 93—10[illegible].

вѣка, или будь то непознаваемое, въ которомъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ видятъ безъименное начало существующаго, неизсякаемый источникъ силы. Тщетно объявляется это начало въ одно и то же время реальнымъ и недоступнымъ. Разъ оно признается реальнымъ, стало быть оно до нѣкоторой степени извѣстно, если же оно доступно въ какой бы ни было мѣрѣ познаванію, то можно ли воспрепятствовать мысли къ нему стремиться, хотя бы мысль подвергалась опасности разбиться о «непереходимую стѣну», о которой говоритъ г. Стюартъ Милль, или подвергнуться крушенію въ пространствахъ, пускаться въ которыя запрещаетъ г. Литтре, погибнуть въ пустотѣ или въ «океанѣ, волнующемся у нашихъ береговъ, для плаванія по которому у насъ нѣтъ ни лодки, ни паруса»?

Есть только одно средство уничтожить подобныя стремленія, эти вѣчно возрождающіеся порывы ума и окончательно, навсегда изгнать призракъ абсолютнаго, не дающій намъ покоя, — это рѣшительное отрицаніе. Запретить мысли исканіе начальныхъ причинъ можно только заявленіемъ, что таковыхъ не существуетъ. Но это будетъ опять-таки своего рода метафизика,—метафизика обратная. Отрицаніе какой бы то ни было начальной причины есть тоже догматъ, хотя отрицательный; а этого не допускала философія Конта, ни первоначальный духа его школы. Что же вышло? Уже со второго поколѣнія большинство послѣдователей позитивизма вышло изъ химерической и невозможной неопредѣленности и стало на сторону простаго, чистаго отрицанія и, желая избѣгнуть какого бы то ни было подозрѣнія въ идеализмѣ, или опасности впасть въ идеализмъ, оно приняло болѣе точныя и ясныя положенія Бюхнера и Молешота. Послѣдствіемъ было неизбѣжное столкновеніе и союзъ между упрощеннымъ позитивизмомъ и научнымъ матеріализмомъ; союзъ этотъ остается ненарушимымъ и даже укрѣпляется, повидимому. Ряды послѣдователей чистаго позитивизма съ его неопредѣленностями рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, что мы говоримъ все это изъ-за мелочнаго желанія поймать на противорѣчіи себѣ самой сильную философскую школу, что ради этого только мы указывали двоякое и противуположное стремленіе, которому невольно поддаются ея главные представители,— одни возносясь порывомъ транцендентной мысли къ высшему источнику существованій и силъ, другіе, возвращаясь къ началу саморазвитія (имманенціи), недопускающаго никакихъ внѣ-природныхъ источниковъ

и причинъ. Отнюдь нѣтъ. Мы представили эту поучительную картину противуположныхъ стремленій, порожденныхъ однимъ и тѣмъ же ученіемъ, для того, чтобы показать на блестящемъ примѣрѣ ничѣмъ непреоборимое свойство человѣческаго ума, влекущее его къ догматизированію о сущности вещей, — чтобы доказать, что позитивная философія преслѣдовала химеру, установляя свой знаменитый принципъ неразъединимаго отклоненія, утвержденія и отрицанія, что ни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей позитивной философіи не остался вѣренъ этой программѣ, что всѣ или утверждали, или отрицали что-либо, выходящее изъ ряда изслѣдуемыхъ явленій и законовъ, причемъ одни указывали на недоступныя проблемы, представляющіяся уму и все болѣе и болѣе его привлекающія, другіе ихъ отвергали и заявляли просто, что вѣрованіе въ такія проблемы есть послѣдній изъ предразсудковъ человѣческаго ума. Въ обоихъ случаяхъ первоначальная программа школы, очевидно, нарушается. На такое постоянно повторяющееся явленіе, въ которомъ сказывается одинъ изъ законовъ мышленія, конечно, стоило указать, къ какому бы выводу это ни привело впослѣдствіи.

II.

Виды скептицизма измѣняются сообразно съ особенностями ума и сообразно съ временемъ. Только по отношенію къ особо выдающимся людямъ можетъ быть рѣчь о сомнѣніи, подобномъ сомнѣнію Паскаля, которое было ничѣмъ инымъ, какъ пламеннымъ исканіемъ высшихъ истинъ и отчаяніемъ отъ невозможности придать имъ геометрическую очевидность. Равнымъ образомъ никто, кромѣ какихъ-нибудь диллетантовъ, не станетъ говорить объ ученомъ, изящномъ и эпикурейскомъ сомнѣніи на манеръ Монтеня или объ ученой, переполненной абстракціями и формулами критикѣ Канта, доступныхъ только философамъ по профессіи, которымъ однимъ доступно пониманіе волненій субъективнаго идеализма. Позитивизмъ естественно привлекалъ къ себѣ большое число мыслящихъ людей своего времени, однихъ въ силу инстинктивнаго нерасположенія и презрѣнія къ метафизикѣ, имъ незнакомой; другихъ, благодаря утомленію вѣчными и безплодными спорами. Они нашли въ этой философіи форму скептицизма, удобную и популярную для нашего времени, времени успѣха наукъ, ихъ плодотворнаго примѣненія, постоянства и безошибочности ихъ выводовъ. Это ограниченный скептицизмъ. Говоря по правдѣ, абсолютный скептицизмъ сталъ невозможенъ;

повторенные опыты, безошибочныя предвидѣнія астрономовъ, возможность постоянной провѣрки явленій физическихъ, точность вычисленій исключаютъ возможность сомнѣнія, по крайней мѣрѣ практически, въ порядкѣ явленій физическихъ и доступныхъ чувствамъ. Новѣйшій скептицизмъ, сообразно научному характеру и нѣкоторымъ предубѣжденіямъ нашего времени, остается скептицизмомъ лишь по отношенію къ метафизикѣ; во всемъ остальномъ онъ превратился въ узкій догматизмъ, вѣрить въ явленія физическія и постоянное соотношеніе явленій; онъ вѣритъ также, но безъ точныхъ ея опредѣленій, въ природу (la nature), въ ея необходимость и вѣчность.

Благодаря всему этому современное поколѣніе возмнило видѣть свой собственный образъ въ позитивной философіи и сразу увѣровало въ нее.

Помимо вышеуказанной, есть еще другая причина, заключающаяся въ нашихъ политическихъ и соціальныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ разгорающейся все болѣе и болѣе борьбѣ между свѣтскимъ государствомъ и теологическими вѣрованіями. Г. Литтре вѣрно угадалъ, какія преимущества даетъ это соперничество представляемой имъ доктринѣ; онъ отлично понималъ, что свѣтское общество, вынужденное противупоставить догматъ догмату, не колеблясь схватится за доктрину позитивную, дабы противупоставить ее теологіи, которую она радикально разрушаетъ, или же различнымъ метафизикамъ съ ихъ абсолютнымъ, оставляющимъ широкую возможность возврата къ религіознымъ концепціямъ и потому заподозриваемымъ массою публики въ единомысліи «съ общимъ врагомъ». Его не могло удивить предпочтеніе, оказанное въ торжественныхъ случаяхъ нѣкоторыми партіями и нѣкоторыми политическими дѣятелями Огюсту Конту, и ихъ попытки сдѣлать изъ этого имени символъ и знамя; причемъ они упустили изъ вида, что знаменитый главарь школы отнюдь не поборникъ свободы и всю свою жизнь стремился къ установленію подъ разными видами духовной диктатуры, которою и облекалъ себя самого въ пламенныхъ и упорныхъ мечтаніяхъ. Въ предшествовавшей главѣ мы видѣли, съ какимъ высокимъ чувствомъ правды и права г. Литтре возставалъ противъ всякаго примѣненія предупредительныхъ законовъ, противъ всякаго призыва къ оружію. Тѣмъ не менѣе, онъ гордился успѣхами «новаго свѣтскаго государства» и противупоставлялъ ихъ послѣдовательному упадку «стараго теологическаго государства». «Много искусства

нужно нашимъ противникамъ, — говоритъ онъ, — больше, чѣмъ сколько они проявили до сихъ поръ, для того, чтобы удержать или возвратить громадную область, потерянную ими въ то время, какъ всѣ позиціи были въ ихъ рукахъ. Невѣріе проникло во всѣ слои общества, отъ верхняго до нижняго, и въ настоящее время, кажется, въ большей мѣрѣ проникло въ нижніе слои; оно отняло у церкви, если можно такъ выразиться, выкинуло *на духовную мостовую* (*a mis sur le povè spirituel*) множество людей, которымъ въ морали и въ политикѣ нечѣмъ руководиться, кромѣ революціонныхъ и метафизическихъ идей. Но этого мало; запросъ существуетъ на нѣчто бо́льшее. Позитивная философія открываетъ имъ убѣжище, безопасное отъ наступательнаго возврата теологическихъ доктринъ, даетъ имъ *научную вѣру* (*la foi scientifique*) и открываетъ обширное поприще ихъ соціальной дѣятельности»*).

Кажущійся успѣхъ позитивной философіи долженъ быть приписанъ совокупности этихъ вліяній. Но большинство послѣдователей позитивизма сдѣлало изъ этого наименованія только лозунгъ партіи и до странности упростило доктрину. Оно низвело вопросъ къ формѣ, представляющейся мнѣ послѣднимъ видоизмѣненіемъ, которому должно подвергнуться это ученіе; въ такой обновленной формѣ, болѣе доступной массѣ, вопросъ этотъ есть, быть можетъ, самый важный изъ вопросовъ нашего времени. «Не достаточно ли одной науки (должно разумѣть позитивную науку) для того, чтобы дать человѣку все необходимое ему какъ въ области идеала, такъ и въ области промышленной и физической? Можетъ ли быть нужно еще что-нибудь? Какая надобность тревожить нашъ умъ отблесками свѣта, когда у насъ тутъ подъ руками и передъ глазами неизсякаемый источникъ свѣта, никогда не обманывающаго, осязательный опытъ и неопровержимая повѣрка явленій и фактовъ? У насъ все есть, и критерій всякой очевидности. Чего же еще желать?»

Но въ дѣйствительности достаточно ли этого? Можно ли думать, что позитивная наука на самомъ дѣлѣ способна удовлетворить сполна благородные и возвышенные запросы человѣческой мысли? Область позитивнаго опыта слишкомъ тѣсна, заключена въ слишкомъ узкія границы, въ которыхъ нѣтъ возможности удержаться. У самого Литтре на каждомъ шагу прорывается какъ бы сожалѣніе о такой недостаточности, о пробѣлахъ. Въ концѣ

*) Remarques, p. 313.

своихъ изслѣдованій о гипотезахъ космогоніи онъ признается, что позитивная космогонія въ состояніи изложить только послѣдовательную связь между нѣкоторыми фазами эволюціи, но добровольно отказывается отъ объясненія чего-либо, выходящаго изъ этихъ предѣловъ; она не вправѣ даже, что бы ни говорилось по этому поводу, принять такія гипотезы, какъ гипотеза трансформизма, «хотя, по мнѣнію г. Литтре, теорія эта въ высшей степени одобрительна» (*éminemment recommandable**). Случается, что, изложивши всѣ проблемы науки о природѣ, окинувши взоромъ всѣ высоты, къ изслѣдованію которыхъ стремится умъ человѣка, ученый останавливается усталый и недовольный и восклицаетъ: «Не съ гордымъ чувствомъ удовлетворенности оставлю я читателя. Я изложилъ гипотезы, относящіяся до вселенной, до земнаго шара, до живыхъ существъ. Ничто неспособно въ равной мѣрѣ дать уму человѣка осязательно узнать предѣлы, его ограничивающіе. Какъ только онъ дѣлаетъ попытку добраться до того, что означается гордымъ наименованіемъ космогоніи, ему приходится пройти многія огромныя ступени; но какое бы обширное пространство онъ ни прошелъ, до какихъ бы высотъ онъ ни достигъ, передъ нимъ открываются новыя необозримыя пространства, и онъ остается обреченнымъ на невѣдѣніе».

Самыя гипотезы этого рода не стоятъ ли въ противорѣчіи съ методомъ школы, которая, говоря строго, не должна допускать ничего непровѣреннаго, а, слѣдовательно, должна бы заниматься только тѣмъ, что можетъ подлежать провѣркѣ? Употребляемое г. Литтре выраженіе *позитивныя гипотезы* не можетъ почитаться удовлетворительнымъ послѣдователями чистой доктрины, такъ какъ гипотезы эти подлежатъ колебанію въ степени достовѣрности по мѣрѣ открытія новыхъ фактовъ, имъ благопріятныхъ или противныхъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ ни въ какой мѣрѣ не имѣютъ характера позитивности. Кто же не пойметъ, сколько проблемъ будетъ вѣчно ускользать отъ изслѣдованій этой школы, даже въ области физики и психологіи, каковы, напримѣръ, имѣющія предметомъ сущность матеріи и силы, начало движенія, начало жизни, источникъ чувствъ? Г. Литтре даетъ такой отвѣтъ: «Тутъ уже начинается область вещей, знать которыя невозможно. Относительно таковыхъ я заявляю, что не должно существовать ни отрицанія, ни утвержденія. Я не знаю непознаваемаго и лишь конста-

*) La Science au point de vue philosophique, p. 559 et préface.

тирую его существованіе; въ этомъ заключается высшая философія. Идти далѣе значитъ вдаваться въ химеры, не доходить до этой грани—покинуть свое дѣло». Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы запретить вдаваться въ изысканія на этомъ опасномъ и величественномъ пути. А кто же не сознается, какому приниженію подвергся бы человѣческій разумъ (настоящему *capitis diminutio*), если бы ему вмѣнено было въ безусловную обязанность ограничиваться сферою провѣряемыхъ фактовъ и доказываемыхъ законовъ? При такомъ положеніи разумъ долженъ, повидимому, совершенно отказаться отъ смѣлыхъ предположеній, составляющихъ его высшее выраженіе, и оставаться неподвижнымъ на грани позитивной науки, за которую эти предположенія неудержимо стремятся и вѣчно ее раздвигаютъ, открывая ей же новые, безконечные горизонты.

Особливо же явно сказывается немощность позитивизма въ изслѣдованіяхъ, относящихся до феноменовъ духа, до духа самаго и законовъ, имъ управляющихъ. Я приведу только два примѣра и ограничусь, притомъ, простыми указаніями. Каждый изъ этихъ двухъ пунктовъ, въ полномъ развитіи, потребовалъ бы цѣлаго изслѣдованія, которое повело бы насъ слишкомъ далеко, до безконечности. Сущность психологіи и установленіе нравственности застаютъ позитивную науку совершенно врасплохъ. Никакимъ логическимъ пріемомъ невозможно извлечь изъ нея что-либо, могущее помочь намъ въ удовлетворительномъ изученіи этихъ двухъ проблемъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, позитивизмъ долженъ былъ бы ихъ просто устранить. Г. Литтре не разъ пытался разрѣшить ихъ и всякій разъ терпѣлъ неудачу. Мы не его въ томъ винимъ, конечно, а непригодность употребленнаго имъ орудія, слишкомъ узкій методъ, въ которомъ, по системѣ, онъ замыкается съ какимъ-то непреодолимымъ упорствомъ, обрекающимъ заранѣе на безплодность всѣ его усилія.

Начнемъ съ психологіи. Г. Литтре допускалъ когда-то этотъ терминъ и даже, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, былъ сторонникомъ самаго понятія, какъ это видно изъ его книги объ Огюстѣ Контѣ. Впослѣдствіи онъ легко увидалъ, что терминъ этотъ можетъ послужить поводомъ къ своего рода спиритуалистическому экивоку. Дабы избѣжать таковаго, онъ кончилъ тѣмъ, что совершенно отвергъ этотъ терминъ и замѣнилъ его выраженіемъ *психическая физіологія* или, короче, *психофизіологія (psychophysiologie)*, опредѣляя словомъ *психическій* относящее-

ся до чувствъ и мыслей, а словомъ *физіологія* образованіе и соотношеніе этихъ чувствъ и мыслей, сообразно съ устройствомъ и дѣятельностью мозга. Но перемѣна наименованій отнюдь не измѣняетъ сущности предмета, и предметъ можетъ сказать: «Какимъ именемъ меня ни называй, я остаюсь тѣмъ, что я есть». Г. Литтре напрасно старается насъ увѣрить, будто описаніе психическихъ явленій съ ихъ соподчиненіемъ и взаимною связью есть чистая физіологія, изученіе функціи и ея послѣдствій, будто интелектуальныя и моральныя явленія принадлежатъ нервной ткани, будто человѣкъ въ этомъ отношеніи есть только кольцо, правда, самое крупное кольцо въ цѣпи безъ точно опредѣленаго конца, нисходящей до послѣднихъ животныхъ *); все это не болѣе, какъ рядъ личныхъ мнѣній, высказанныхъ безъ доказательства, а потому ничуть не убѣдительныхъ. Я скажу даже, что онъ и не пробуетъ убѣждать въ короткихъ страницахъ, написанныхъ имъ скорѣе по поводу этого вопроса, а не для разрѣшенія его. Онъ не доказалъ самаго существеннаго, это—мнимой невозможности субъективной психологіи. Возраженія эти повторяются каждыя пятнадцать-двадцать лѣтъ по различнымъ новымъ поводамъ, но отъ времени не пріобрѣтаютъ значенія. Равно г. Литтре не доказалъ, чтобы при всѣхъ анатомическихъ и физіологическихъ наблюденіяхъ надъ мозгомъ можно было обходиться безъ предварительной психологіи, нужной для уясненія такихъ опытовъ и безъ которой невозможнымъ кажется установить какое-либо различіе между функціями различныхъ органовъ мозга и понять что-либо въ различіи движеній, происходящихъ въ нервной системѣ или въ сѣромъ веществѣ, такъ какъ вся общность этихъ явленій представляетъ собою рядъ признаковъ, безусловно нѣмыхъ для того, кто не имѣетъ о нихъ надлежащаго предварительнаго понятія.

Стюартъ Милль съ необычайною силою анализа разбивалъ такія претензіи позитивной философіи, съ которою онъ расходился по этому капитальному вопросу. «Если бы даже,—говоритъ онъ,—было доказано (чего въ данномъ случаѣ нѣтъ), что всякому состоянію сознающихъ способностей неизмѣнно предшествуетъ какое-либо особливое состояніе нервной системы, и спеціально въ ея центрѣ, въ мозгу, и, все-таки, остается неопровержимымъ, что никому неизвѣстно, въ чемъ заключаются эти нервныя со-

*) La Science au point de vue philosophique, p. 308.

стоянія, о которыхъ постоянно такъ говорится, какъ будто они извѣстны. Мы не знаемъ и не имѣемъ никакихъ средствъ узнать, чѣмъ одни отличаются отъ другихъ. Даже для изученія законовъ ихъ послѣдовательности и существованія мы не имѣемъ иныхъ способовъ, какъ только наблюденіе надъ состояніемъ духа, коего они суть предполагаемые источники и причины. Въ противуположность претензіямъ мозговой психологіи, ничто такъ хорошо не установлено, какъ невозможность для насъ въ настоящее время дѣлать выводы объ интеллектуальныхъ и нравственныхъ явленіяхъ изъ физіологическихъ законовъ организаціи нервовъ. Доступныя для насъ свѣдѣнія о нихъ могутъ быть получены только путемъ непосредственнаго изученія черезъ мысленное наблюденіе. Такимъ образомъ, несомнѣнно существуетъ обособленная наука о духѣ». Стюартъ Милль заканчиваетъ словами: «Въ очень крупную, въ очень важную въ практическомъ отношеніи ошибку впадаетъ тотъ, кто обдуманно отказывается отъ средствъ, которыя намъ даетъ психологическій анализъ, и кто берется создавать теорію духа на основаніи физіологическихъ данныхъ. При всемъ несовершенствѣ науки о духѣ, я не колеблюсь утверждать, что она ушла, все-таки, много дальше, чѣмъ соотвѣтствующая ей часть физіологіи, и отказываться отъ первой ради послѣдней кажется мнѣ противнымъ истиннымъ правиламъ индуктивной философіи» *). Со времени г. Литтре и одновременно съ нимъ въ Германіи, въ Англіи и во Франціи было сдѣлано не мало попытокъ подвести всю науку о духѣ подъ психологію мозга. Я полагаю, что на этомъ пути не сдѣлано ни шагу впередъ; по прежнему все дѣло ограничивается безмѣрными надеждами, возлагаемыми на новую науку, неоправданнымъ презрѣніемъ и устарѣлыми эпиграммами, бездоказательными утвержденіями и непогрѣшимыми программами. Дальше этого никто не пошелъ.

Установленіе науки о нравственности повстрѣчало такія же неудачи. Г. Литтре съ своими возвышенными побужденіями, высокимъ развитіемъ, съ чистотою жизни и благородствомъ привычекъ, былъ, какъ и подобало, однимъ изъ мыслителей, наиболѣе искренно занятыхъ условіями нравственности и ея будущностью въ мірѣ, преобразованномъ позитивизмомъ. Ему невыносимо прискорбно было бы видѣть нарушеннымъ или умаленнымъ фонъ нравственныхъ идей въ представлявшейся ему картинѣ будущаго

*) Stuart Mille, La logique, chap. IV.

общества, управляемаго новыми законами. А такъ какъ для него эти новые законы отождествлялись съ торжествомъ позитивной науки, имѣющей сдѣлаться единственною властительницею и непогрѣшимою руководительницею личной дѣятельности каждаго и соціальной эволюціи, то ему казалось, съ точки зрѣнія науки, необходимымъ, а съ точки зрѣнія нравственнаго сознанія обязательнымъ возстановить на всемірно принятыхъ основаніяхъ идею правды и весь нравственный строй, стоящій отъ нея въ зависимости.

Сдѣлать это онъ пробовалъ нѣсколько разъ. Въ первомъ своемъ трудѣ *) увлеченный исканіемъ этихъ основаній въ физіологіи, онъ пытался доказать, что нравственность истекаетъ изъ двухъ противуположныхъ импульсовъ, изъ любви къ себѣ и любви къ другимъ, изъ *эгоизма* и *альтруизма* (по словарю позитивистской школы), которые въ свою очередь происходятъ — первый изъ необходимости питанія, налагаемой на организмъ для его существованія какъ особи; второй (*альтруизмъ*) исходитъ изъ необходимости любить, налагаемой на него соединеніемъ половъ для существованія вида. Но тщетно старается г. Литтре возвысить и облагородить эти два влеченія своими обобщеніями; тщетно подводитъ онъ подъ терминъ эгоизма всевозможныя формы любви къ самому себѣ: на низшихъ ступеняхъ въ видѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей, безъ которыхъ невозможно продолженіе жизни; надъ этою элементарною ступенью онъ ставитъ эгоизмъ разумный въ видѣ употребленія всѣхъ средствъ къ достиженію наиболѣе продолжительнаго существованія и наибольшей суммы счастья. Тщетно предупреждаетъ онъ насъ, что подъ страннымъ терминомъ *альтруизмъ* (производимымъ имъ отъ различія половъ) должно понимать все то, что служитъ къ продолженію вида и чѣмъ обусловливаются до безконечности разнообразные импульсы, приводящіе къ любви къ семьѣ, потомъ, восходя и обобщаясь далѣе, къ отечеству и всему человѣчеству. Онъ, повидимому, самъ недоволенъ своими положеніями и не увѣренъ въ имѣющихъ получиться результатахъ. Подобные элементы ничего иного породить не могутъ, какъ только постоянныя столкновенія между эгоизмомъ и добродушіемъ при отсутствіи какого бы ни было авторитета, могущаго предупредить или регулировать эти столкновенія. Какое высшее

*) Revue de philosophie positive, janvier 1870.

начало будетъ призвано для рѣшенія спора между такого рода инстинктами или страстями? Итакъ, міръ предоставляется безпорядочной и безконечной борьбѣ. Намъ говорятъ, будто изъ этой борьбы выработается нравственность и совершитъ свою необходимую эволюцію «по мѣрѣ того, какъ понятіе о человѣчествѣ будетъ подавлять эгоизмъ и развивать альтруизмъ». Кто же поручится намъ за это? Кто можетъ удостовѣрить, что въ этой борьбѣ побѣжденнымъ останется эгоизмъ, что возбуждаемый низкими инстинктами и смутными воспоминаніями о своемъ происхожденіи онъ не возвратится въ порывахъ ужасающаго атавизма, что не произойдетъ взрыва наслѣдственнаго звѣрства, что въ человѣкѣ никогда не проснется животное и, подобно потоку, сорвавшему преграды, не снесетъ работу вѣковъ, плоды человѣческой цивилизаціи, побѣды исторіи, всѣ формы «индивидуальной и коллективной идеализаціи», всѣ научныя основы новаго соціальнаго строя, заложенныя геніальною рукою, упроченныя опытомъ и временемъ?

Изъ двухъ физіологическихъ явленій ни одно не можетъ имѣть превосходства надъ другимъ; на какомъ же основаніи можетъ явиться надежда на продолжительное господство одного надъ другимъ? Г. Литтре не могъ не чувствовать неудовлетворительности своей теоріи. Нѣсколько лѣтъ опустя, онъ пытался дополнить ее довольно неожиданнымъ объясненіемъ идеи правды (justice) *) и придать ей посредствомъ этого новаго источника характеръ авторитетности, необъяснимый при біологическомъ происхожденіи отъ потребностей. Онъ сразу низводитъ эту идею, управляющую всею нравственностью, къ «простѣйшему психическому явленію», къ сознанію равенства двухъ крайностей. Онъ говоритъ: «Она есть не иное что, какъ отвлеченіе чисто интеллектуальнаго и крайне простаго явленія, черезъ которое мы интуитивно узнаемъ сходство или различіе двухъ предметовъ. А есть А, или А не есть В,—вотъ крайній предѣлъ, къ которому приводятъ всѣ наши разсужденія, какъ будущей точкѣ отправленія. Эта интуиція неразложима, несократима, непревращаема въ иные элементы; это одна изъ основъ нашей логической системы». Тутъ можно бы остановить г. Литтре и спросить, что означаетъ на языкѣ церебральной физіологіи многократно повторяемыя выраженія *интуитивное явленіе* и *интуиція*, довольно плохо вяжущіяся съ дан-

*) La Science au point de vue philosophique, p. 331, 339 et 346. Эти двѣ теоріи г. Литтре разобраны г. Каро въ книгѣ: «Problèmes de morale sociale», chap. V.

ными позитивной науки и очень схожія съ прирожденными и формальными законами мышленія, по «пагубному» ученію метафизики. Его можно было бы также спросить, по какому праву онъ переноситъ чисто интеллектуальное понятіе въ область дѣйствія и посредствомъ какого непредвидимаго превращенія аксіома противорѣчія становится источникомъ всякой нравственности? Г. Литтре даетъ не совсѣмъ ясный отвѣтъ на это возраженіе. «Такой переходъ,—говоритъ онъ,—очень естественъ и легокъ. Извѣстно, что, анатомически, интеллектуальныя (познавательныя) способности и способности аффективныя имѣютъ одинъ общій центръ и, въ силу этого, воздѣйствуютъ другъ на друга, какъ бы ни объяснялось это воздѣйствіе, различіемъ ли познавательныхъ клѣточекъ отъ аффективныхъ, или, наоборотъ, тождественностью ихъ строенія, во всякомъ случаѣ дѣятельность ихъ разнится лишь сообразно получаемому нервному впечатлѣнію, внутреннему или внѣшнему». Я весьма сомнѣваюсь въ томъ, что подобное объясненіе удовлетворитъ кого бы то ни было, сомнѣваюсь даже, что оно удовлетворяло самого автора.

То, что мы называемъ нравственнымъ равенствомъ двухъ лицъ, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго или сходнаго ни съ логическою тождественностью двухъ выраженій, ни съ математическимъ равенствомъ величинъ. Предполагаемая передача одного и того же впечатлѣнія «отъ познавательной клѣточки аффективной» не выясняетъ намъ, какъ возникаетъ и переходитъ въ сознаніе нравственное начало, состоящее въ уваженіи къ личности и ея неприкосновенности, въ обязательности соблюдать таковое самому, что составляетъ долгъ, и въ требованіи того же отъ другихъ, что составляетъ право. Равенство двухъ трехугольниковъ констатируется позитивною наукою, установляется простымъ измѣреніемъ величинъ. Двѣ машины, выпущенныя изъ разныхъ мастерскихъ, производятъ равное количество работы,—это опять-таки относится къ вѣдѣнію позитивной науки; опредѣленіе работы дѣлается точно, величины получаются равныя, слѣдовательно, машины равносильны. Это такъ. Но что же изъ этого выходитъ въ примѣненіи къ человѣку? Естественная исторія, въ область которой сводится человѣкъ и все ему свойственное, по своимъ законамъ и условіямъ, не признаетъ такого рода равенствъ. Тутъ понятія о равенствѣ величинъ теряютъ всякій смыслъ, понятіе же о нравственномъ равенствѣ двухъ человѣческихъ существъ, подчиненныхъ одинаковымъ законамъ и ограж-

денныхъ одинаковымъ правомъ, есть понятіе очень сложное и очень позднее по времени происхожденія; оно продуктъ развитія цивилизаціи и далеко не «первобытное и неразложимое психическое явленіе». Дѣло въ томъ, что если мы ограничимся мрачнымъ свѣтомъ, проливаемымъ на этотъ вопросъ наукою о природѣ, и не заимствуемъ иного свѣта изъ высшей сферы, иныхъ, болѣе чистыхъ знаній, если природа есть единственный нашъ учитель нравственности, то она представляетъ намъ свои законы, стоящіе въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ придуманною людьми нравственностью: прирожденное неравенство расъ, организмовъ и мозговъ, чудовищное неравенство силъ и умственныхъ способностей между лицами одной расы, одного народа, одной семьи,— неравенство вездѣ, со всѣми его послѣдствіями: съ господствомъ права сильнаго во всемъ его ужасѣ на всѣхъ ступеняхъ животной жизни, борьба за существованіе въ нарождающемся человѣчествѣ, какъ и во всемъ живущемъ на землѣ, гибель слабыхъ въ этой битвѣ за жизнь, господство полезности вида надъ личными интересами, безсмысленная трата зародышей и особей, до которыхъ дѣла нѣтъ міровой силѣ, слѣпой создательницѣ, вызывающей ихъ къ бытію лишь за тѣмъ, чтобы обречь на смерть, какъ только обезпечено сохраненіе различныхъ типовъ.

Таковъ единственный нравственный законъ науки о природѣ, которому логически должно бы слѣдовать человѣчество. Само собою разумѣется, что онъ совершенно противуположенъ нравственности, какъ ее понималъ г. Литтре и о какой мечталъ Огюстъ Контъ. Но въ томъ-то и вопросъ, не обращался ли г. Литтре, помимо науки о природѣ, еще куда-либо въ поискахъ за основами эстетической культуры и нравственности, картины которыхъ онъ развертываетъ передъ нашими глазами. Мы съ удовольствіемъ воспроизводимъ слѣдующія глубоко прочувствованныя слова г. Литтре: «Не напрасно видимъ мы въ людяхъ, отошедшихъ въ вѣчный мракъ, нашихъ предковъ и отцовъ; въ людяхъ, живущихъ съ нами подъ однимъ солнцемъ, не напрасно мы видимъ братьевъ и товарищей труда; не напрасно видимъ мы въ людяхъ, нарождающихся или имѣющихъ народиться, нашихъ чадъ и самую дорогую частицу насъ самихъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ удаляется отъ эгоизма, тѣмъ лучше и счастливѣе сознаетъ онъ себя. Если отечество внушало столько самоотверженія и такого трогательнаго самоотверженія, то чего же не въ силахъ сдѣлать человѣ-

чество, всемірное отечество *)?» Мы восхищены такими прекрасными картинами будущаго, такимъ торжественнымъ заявленіемъ человѣческой солидарности. Но во всемъ этомъ мы видимъ, по примѣру самого г. Литтре, преподанному имъ по поводу жизни г. Конта,—изліянія чувствъ, доходящія до своего рода лиризма, выраженія *субъективнаго* расположенія, достойныя всякаго уваженія. Мы не можемъ уяснить себѣ тайной для насъ логической связи между этими чувствами и позитивнымъ взглядомъ на міръ, т.-е. непремѣннымъ условіемъ принимать за правило только физическія явленія и доказанное ихъ соотношеніе. Тутъ мы достигли высшей человѣческой сферы, и оказывается очевидная противуположность между работою человѣка и работою природы, что бы ни говорила объ этомъ позитивистская школа. Физическая природа даетъ только уроки эгоизма. Она не знаетъ личнаго права, или презираетъ его; она не знаетъ ни добродушія, ни милосердія; она уважаетъ и заставляетъ уважать одинъ законъ—право сильнаго. Человѣчество, руководимое чудными инстинктами, ведетъ свою работу въ обратномъ направленіи; оно не лишаетъ права на жизнь слабыхъ и немощныхъ; напротивъ, оно ихъ уважаетъ, призрѣваетъ и любитъ; къ праву и правосудію оно присоединило милость и милосердіе; оно не подражаетъ природѣ, а реформируетъ ее. Г. Литтре сдѣлалъ какъ разъ то же самое; онъ беретъ во всей ея суровости позитивную науку, даетъ клятву повиноваться ей до конца, а въ концѣ его трудовъ оказывается, что онъ всецѣло измѣнилъ, передѣлалъ неблагодарныя и безчеловѣчныя данныя этой науки. Произошло же это потому, что, самъ того не подозрѣвая и вопреки логикѣ, онъ вложилъ въ дѣло свою душу. Только ею, единственно своею душою онъ создалъ такую нравственность, настолько же чуждую безстрастной природѣ, насколько сама природа чужда нашимъ страстямъ и нашимъ скорбямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію неудача, которую потерпѣлъ г. Литтре въ своей попыткѣ создать научную психологію и нравственность. Что же касается проблемъ, выходящихъ изъ сферы знанія, то онъ ихъ просто отстраняетъ и ограничивается насмѣшками надъ спиритуалистами и ихъ тщетными усиліями разрѣшить эти проблемы. «Насъ упрекаютъ,—говоритъ онъ,—въ томъ, что мы оставляемъ большіе пробѣлы, которые будутъ вѣчнымъ препятствіемъ къ пре-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 édition, p. 395.

обладанію позитивной доктрины въ управленіи нравственною жизнью обществъ. Говорятъ, что мы нисколько не удовлетворяемъ потребностямъ человѣческой души, влекущимъ ее возвыситься за предѣлы видимаго міра, заниматься непостижимыми тайнами и повиноваться инстинкту, внушающему намъ вѣрованія въ продолженіе жизни за гробомъ. На это намъ легко отвѣчать не потому, конечно, что мы хотя сколько-нибудь удовлетворили подобныя желанія, но потому, что, любопытствуя не менѣе нашихъ противниковъ проникнуть въ загробныя и внѣміровыя тайны, мы никогда не имѣли возможности удовлетворить собственную любознательность. Несомнѣнно, очень прискорбно быть какъ бы запертымъ въ кругу относительнаго; но выдти изъ него намъ не удалось; мы покорно повторяемъ слова поэта:

Sors tua mortalis, non est mortale quod optas

и ждемъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыя теперь въ ходу».

Я не стану ловить на словѣ г. Литтре, не стану излагать болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыя его не удовлетворили. Въ настоящее время я веду рѣчь совсѣмъ объ иномъ предметѣ. Но, быть можетъ, мы вправѣ были бы просить нашего строгаго критика быть разборчивѣе въ возраженіяхъ по вопросамъ этого рода. Обратите вниманіе на нерѣшительность, явно сказавшуюся въ его разборѣ идеи конечнаго, основной идеи метафизики, неразрывно связанной съ гипотезою о планѣ и предначертаніи въ природѣ. Перечитавши *Préface d'un disciple* *), легко убѣдиться въ нерѣшительности этого систематическаго и правдолюбиваго ума, боящагося сдѣлать опасную для школы уступку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считающаго возможнымъ несправедливо отвернуться отъ очевидности, представляющейся ему въ иныхъ неотразимыхъ случаяхъ. Возраженіе, состоящее въ томъ, что очевидность эта во многихъ случаяхъ утрачиваетъ свою ясность и затемняется, ничего не доказываетъ. Тамъ, гдѣ гипотеза провѣрена (какъ г. Литтре признаетъ относительно устройства глаза и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ), есть ли возможность отказываться признать существованіе какой-либо причины, у которой былъ извѣстный планъ и предположенная цѣль, ею достигнутая? По добросовѣстности своей, г. Литтре не можетъ не признать факта, но уклоняется отъ такого его

*) Principes de philosophie positive.

объясненія и прибѣгаетъ къ иному, которое ничего не уясняетъ: «Нѣтъ основанія спрашивать, почему живая субстанція слагается въ такія формы, въ которыхъ аппараты, съ большею или меньшею точностью, приспособлены къ извѣстной цѣли, къ извѣстной функціи. *Такая приспособляемость есть одна изъ имманентныхъ, изъ себя самой развивающихся способностей живаго вещества*, каковы способности питаться, сокращаться, чувствовать, мыслить». Сколько возраженій вызываетъ дающій подобное объясненіе! «Удивительно,—очень вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ осмѣиваемыхъ спиритуалистовъ *),—удивительно, что г. Литтре, человѣкъ настолько сильный въ научномъ методѣ, думаетъ такъ легко отдѣлаться словами. Кто же не узнаетъ въ этомъ одного изъ пріемовъ, какими пробавлялась схоластика и которые современная наука стремится изгнать отовсюду?» И это настолько вѣрно, что другой писатель-позитивистъ, г. Робенъ, по этому очень важному пункту, отдѣляется отъ г. Литтре. Не существуетъ того, что называется организованною матеріей, которая будто бы одарена, неизвѣстно почему и какъ, способностью стремиться къ достиженію извѣстной цѣли; или, если таковая существуетъ, то какъ вы можете знать ее, когда вы знаете лишь явленія и законы? Говорить о приспособляющейся способности *(vertu accommodatrice)* матеріи то же, что воскрешать усыпляющія способности и т. п., навсегда убитое Мольеромъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи г. Литтре горячо возстаетъ противъ самоизлѣчивающей способности Гиппократова ученія. Почему же нелѣпо признавать за организованной матеріей способность самоизлѣчиваться и не нелѣпо признавать за нею способность самоприспособляться къ извѣстной цѣли **)?

Сколько разъ можно бы было поймать г. Литтре не на противорѣчіи, собственно, съ самимъ собою, а на полномъ разладѣ между заполонившею его системою и увлекающимъ его свѣтомъ разума! Онъ говоритъ гдѣ-то, что ничто не трогаетъ его такъ сильно, какъ созерцаніе безграничной вселенной, видимой глазами, инструментами, посредствомъ вычисленій, и слабаго, но мыслящаго человѣчества, брошеннаго въ непостигаемыя пространства. «Когда человѣкъ пустился въ неустанные поиски за сущностью вещей, ему обѣщано было таинственнымъ инстинктомъ, что дѣйствительность, истина не отнимутъ чудеснаго у его воо-

*) Les Causes finales, par M. Paul Janet, 2 éd., p. 631.
**) Les Causes finales, par M. Paul Janet, 2 éd., p. 631.

браженія, ни теплоты у его сердца. Обѣщаніе было исполнено: вселенная раскрылась въ величіи, составляющемъ высшую красоту». Я знаю, что не должно слишкомъ придираться къ метафорамъ. Но что же такое, наконецъ, этотъ таинственный инстинктъ, о которомъ говорится столь торжественно? Не есть ли это опять-таки одна изъ запретныхъ конечныхъ причинъ? Нѣтъ ли тутъ опять чего-либо, превосходящаго узкій кругъ феноменовъ? Не есть ли это отголосокъ вѣчнаго, таинственнаго голоса, какъ бы говорящаго человѣку: «Поднимайся все выше, все выше!» Наконецъ, когда г. Литтре, съ какимъ-то религіознымъ энтузіазмомъ, показываетъ намъ человѣчество, идущее впередъ изъ вѣка въ вѣкъ, существованіе идеальное и, въ то же время, реальное, долго остававшееся неизвѣстнымъ, затѣмъ освобождающееся отъ скрывавшаго его мрака, всюду оплодотворяющее землю, ревниво охраняющее умственныя и нравственныя богатства поколѣній и совершенствующее насъ изъ рода въ родъ своими материнскими поученіями и благотворнымъ вліяніемъ; когда онъ начертываетъ намъ картину «реальнаго идеала, который должно знать (наука и образованіе), любить (религія), украшать (искусства), обогащать (промышленность) и который такимъ образомъ захватываетъ подъ свою верховную власть все наше существованіе, индивидуальное, семейное и соціальное» *),—тогда намъ хотѣлось бы остановить г. Литтре и спросить его, какимъ образомъ, будучи замкнутъ въ кругъ явленій, видимыхъ и научно констатируемыхъ, при помощи какихъ строго-позитивныхъ данныхъ можетъ онъ создавать мечты блаженства среди нищеты и борьбы настоящаго времени, какъ можетъ онъ воздвигать волшебные дворцы, въ которыхъ живетъ преобразившееся человѣчество, — эти *templa serena,* творенія поэта и мечтателя? Г. Литтре отвѣтилъ бы мнѣ, что способность идеализировать есть одно изъ благороднѣйшихъ качествъ человѣческаго ума. Идеалъ— его мечта и культъ въ одно время; человѣческій умъ стремится къ нему и обожаетъ его, очеловѣчиваетъ его и самъ подъ его вліяніемъ идеализуется **). Допустимъ, что это такъ. Но что же такое сама способность идеализировать, какъ не способность видѣть бо́льшее и лучшее, чѣмъ дѣйствительное, реальное, убѣгать отъ холоднаго величія космическихъ пространствъ, влагая въ нихъ свою мысль, или отъ

*) Conservation, Revolution, Positiviste, 2 éd., p. 409.
**) Ibid., p. 395.

зрѣлища человѣческихъ обществъ, замѣняя своимъ собственнымъ твореніемъ созданное безчувственною природою и безнравственною исторіей, т.-е. двумя формами грубаго царства фактовъ? Эта способность, могущая все идеализировать, есть ли она сама созданіе только чистаго механизма? А вѣчная работа человѣка, старающагося осуществить свою мечту на землѣ при помощи знаній, искусствъ, милосердія, пересоздать міръ по своей идеѣ, не есть ли она самый сильный протестъ противъ всякой философіи, объясняющей человѣка слѣпыми законами матеріи и случая и дѣлающей такимъ образомъ изъ мысли и разума самыя непонятныя явленія во вселенной, проникнутой мыслью и понятой разумомъ?

Мы высказали наши разногласія съ г. Литтре по очень важнымъ вопросомъ. Мы думаемъ, что ему не удалась попытка создать новую философію и что онъ началъ воздвигать ее на основаніи, слишкомъ узкомъ для нашихъ идей. Но другіе возьмутся за то же дѣло. Ихъ много, между ними есть ученые, есть сильные; это уже важный задатокъ въ жизненной борьбѣ. Кромѣ того, поприще для будущей борьбы расчищено отъ всего того, что могло мѣшать борьбѣ; положенія ясно опредѣлены; новые бойцы бросили весь безполезный багажъ. Старый позитивизмъ реформированъ; онъ умеръ въ доктринальной формѣ, наложенной на него г. Контомъ и отчасти принятой г. Литтре; онъ умеръ, какъ разъ въ ту минуту, когда вступалъ въ политику, когда получалъ освященіе отъ новыхъ властей и отъ партій, которымъ, повидимому, принадлежитъ будущее. Но освобожденный отъ старой доктрины онъ болѣе живучъ, чѣмъ когда-либо; своими отрицаніями онъ начинаетъ превращаться въ оффиціальную философію Франціи. Это даетъ намъ поводъ предвидѣть очень серьезныя столкновенія. Несмотря на предсказанія соціологіи, ни душевный міръ, ни міръ между націями далеко не обезпеченъ. Все, чего мы требуемъ, это, чтобы едва начатая и обѣщающая быть очень жаркою борьба не переносилась на улицу, чтобы ареною ея было сознаніе, судьею разумъ, единственнымъ оружіемъ слово и чтобы ни одна изъ партій, принимающихъ участіе въ этой борьбѣ идей, не прибѣгала бы къ силѣ, которую случай можетъ дать въ ея распоряженіе. Истина должна сама совершить свое дѣло. Таково было желаніе г. Литтре, таково и наше желаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну,
Крутясь, шаръ земли погружаетъ меня;
Питаютъ—пытаютъ мой разумъ и вѣру
То призраки ночи, то призраки дня.
Не вѣрю я мраку, не вѣрю и свѣту,
Они—грезы духа, въ нихъ ложь и обманъ...
О, вѣчная правда, откройся поэту,
Отвѣй отъ него разноцвѣтный туманъ!
Чтобъ могъ онъ, великій въ сознаньи обмана,
Ничтожный, какъ всплескъ посреди океана,
Постичь, какъ сливаются вѣчность и мигъ,
И сердцемъ проникнуть въ Святая-святыхъ...

Я. Полонскій.

РЫБОЛОВНЫЯ АРТЕЛИ.

Рыболовныя и звѣроловныя артели сѣвера, или, точнѣе, бассейна Ледовитаго Океана представляютъ *три опредѣленныхъ типа организаціи: покрутъ*, *чистая артель и артель-міръ*. Первый типъ господствующій; это, если можно такъ сказать, кулацкая артель. Сфера ея дѣйствія тамъ, гдѣ требуется болѣе значительный капиталъ въ видѣ кредита труду, рыболовныхъ снастей и продуктовъ продовольствія. Базисъ ея—обездоленный рабочій, оторваный отъ орудій производства, доведенный невыгодными экономическими и общественными условіями до полной кабалы капиталисту-кулаку. Результатомъ таковыхъ печальныхъ условій является безусловное господство капитала, полное подчиненіе ему труда.

Другіе два типа организаціи въ сущности очень близки другъ къ другу. Единственное существенное различіе ихъ состоитъ въ томъ, что артель составляютъ нѣсколько сговорившихся на общее дѣло равноправныхъ товарищей; въ артели мірской равноправными и равнообязанными товарищами являются всѣ члены міра, дѣйствующіе или всѣ единовременно, или группами по очереди, или товарищи составляются изъ представителей отдѣльныхъ равныхъ группъ. Существенныя черты обоихъ типовъ однѣ и тѣ же: справедливость и равенство во всемъ — въ правахъ и обязанностяхъ, въ составленіи потребнаго капитала и въ пользованіи полученнымъ продуктомъ. Въ нихъ капиталъ не отдѣленъ отъ труда и тѣмъ болѣе не господствуетъ надъ нимъ: членъ-рабочій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и капиталистъ; нѣтъ поэтому кабалы капитала и всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій ея. Единственно дисгармонирующее обстоятельство, это—маломочные члены, не могущіе внести потреб-

ный на ихъ часть небольшой капиталъ и потому при дѣлежѣ продуктовъ получающіе на свою часть менѣе тѣхъ, которые являются и представителями капитала.

Покрутъ.

Справедливая и выгодная во всѣхъ отношеніяхъ артельная организація уступаетъ, гдѣ приходится столкнуться съ организаціей капиталистической—покрутомъ. Вообще говоря, можно сказать, гдѣ дѣло ведется на широкую ногу, гдѣ большое производство, гдѣ требуется значительный капиталъ, гдѣ и пожива для него большая, тамъ господствуетъ покрутъ.

Типичнымъ представителемъ покрута являются промыслы: новоземельскіе моржовые, тюленьи и мурманскіе тресковые.

«Особенность артели, устроенной на началѣ покрута, та, что капиталъ, необходимый для веденія дѣла, и на первомъ планѣ орудія производства принадлежатъ одному лицу, которое можетъ участвовать или не участвовать въ артели личнымъ трудомъ; остальные члены артели ничего въ нее не вносятъ, кромѣ своей рабочей силы. Хозяину принадлежитъ весь капиталъ промысловой артели. Онъ доставляетъ судно: ладью или шкуну, промысловыя спасти, ружья, порохъ, сѣти,—все, что относится къ орудіямъ производства. Онъ на собственный счетъ заготовляетъ съѣстные припасы, сколько ихъ нужно промышленникамъ на все время промысла, приблизительно въ такомъ размѣрѣ на человѣка: около 7 пуд. муки ржаной и ячменной, 1½ ячменной крупы и толокна, столько же соленой трески, 1½ пуд. солонины, 10 фун. масла коровьяго и 10 фун. коноплянаго, ушатъ творогу и т. п.; промыслы продолжаются съ конца мая, когда западный берегъ Новой Земли освобождается отъ льда, до начала сентября. Такимъ образомъ вся артель состоитъ почти на полномъ содержаніи у хозяина; онъ доставляетъ даже нѣкоторыя принадлежности одежды членамъ артели» *).

Особенно значительный капиталъ требуется на мурманскомъ промыслѣ; здѣсь въ становищѣ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, которое артель избираетъ для временнаго пребыванія на промыслѣ, «хозяинъ обязанъ заготовлять для своихъ покрученниковъ жилье, амбары для склада припасовъ, амбары для посола рыбы, про-

*) Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. Ст. А. Ефименко. Выпускъ 1, стр. 26—27.

мысловыя орудія, топливо, соль для посола и жерди для сушки рыбы, кожи, кожаные фартуки и разную необходимую мелочь; съѣстные припасы на все время промысла заготовляются хозяиномъ въ становищѣ съ осени предъидущаго года и лежатъ тамъ цѣлую зиму подъ присмотромъ лопарей. Впрочемъ, изъ съѣстныхъ припасовъ заготовляютъ только муку по 1 кулю на человѣка и крупъ, остальную пищу промышленники добываютъ сами изъ моря. Вообще, хозяева стараются сдѣлать содержаніе своихъ покрученниковъ какъ можно скуднѣе и не долюбливаютъ, если кто-нибудь составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе»*).

Послѣднее обстоятельство, стремленіе хозяина свести потребности рабочаго къ невозможному minimum'у, бросается въ глаза всѣмъ наблюдавшимъ покрутъ, какъ ученымъ изслѣдователямъ, такъ и командируемымъ чиновникамъ.

Вотъ что говоритъ г. Максимовъ**) о новоземельской артели: «Промысловыя артели обряжаются изъ рукъ вонъ безтолково: какъ хозяинъ, монополистъ видитъ въ своихъ покрученникахъ простое орудіе для своей личной прибыли, не понимая (и, къ несчастью, нестолько не умѣя, сколько не желая понимать) ни его высокочеловѣческаго достоинства, ни его требованій, какъ разумнаго существа. Сырой избой, утлымъ судномъ, на ½ испорченною провизіей, рваной одеждой, скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ обставленъ безжалостнымъ монополистомъ всякій покрутъ, снаряжающійся имъ на Новую Землю за моржами. Вотъ почему теперь бо́льшая часть печерцевъ и мезенцевъ обратилась къ роднымъ рѣкамъ, богатымъ семгой, и почему одни только самоѣды крутятся на новоземельскихъ промыслахъ,—самоѣды, не сознающіе еще своего нравственнаго человѣческаго достоинства и злоумышленно своими хитрыми сосѣдями поддерживаемые въ животномъ, невѣжественномъ коснѣніи. Изъ дальняго Кемскаго поморья идетъ сюда крайняя, рваная, беззащитная бѣдность, у которой нѣтъ иной вѣры, какъ вѣры въ случай, и надежды, всегда кроткой посланницы небесъ, хотя не всегда оправдываемой».

Покрутъ, оставаясь въ сущности такимъ, какимъ мы его видѣли сейчасъ, видоизмѣняется нерѣдко въ нѣкоторыхъ частяхъ, принимая то ту, то другую форму. Въ примѣръ можно привести кольскія тресковыя артели, по бѣдности не могущія завести свои

*) Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ къ Россіи. Ст. А. Ефименко. Выпускъ 2, стр. 30.

**) „Годъ на Сѣверѣ". Т. II, стр. 138.

промысловыя орудія, какъ лопари и бѣднѣйшіе изъ жителей Колы.

«Они идутъ *) въ покрутъ къ хозяевамъ, составляя такія же артели покрученниковъ, какъ тѣ, которыя мы разсматривали, т.-е. поморскія; но устройствомъ кольскія артели нѣсколько отличаются отъ поморскихъ. Хозяинъ обязывается дать своимъ покрученникамъ только содержаніе и главныя изъ орудій производства. Остальное, необходимое для промысла, покрученники берутъ у хозяина въ аренду: напримѣръ, за неводъ для ловли наживки, которымъ могутъ пользоваться 12 шнякъ, артельщики платятъ хозяину 12 руб., т.-е. по рублю съ артели, за столъ, котлы, чаны—5 руб. и т. д. Пользованіе шнякой уплачивается хозяиномъ и артелью пополамъ; такъ какъ арендная плата шняки 10 руб. въ годъ, то артель уплачиваетъ хозяину 5 руб., если судно принадлежитъ ему, и наоборотъ: хозяинъ платитъ ту же сумму, если судно идетъ отъ промышленниковъ».

Точно также, какъ утверждаетъ г. Полѣновъ **), въ мурманскомъ промыслѣ не всѣ продукты хозяйскіе; часть ихъ—чай, сахаръ, ромъ—вычитаются по оцѣнкѣ изъ паевъ покрученниковъ.

Такимъ образомъ *въ покрутъ весь капиталъ, нужный для промысла, въ видѣ промысловыхъ орудій, продуктовъ питанія и проч., доставляется однимъ лицомъ—хозяиномъ-капиталистомъ.* Капиталистъ именно хозяинъ: онъ даже подбираетъ членовъ артели, назначаетъ кормщика, главу ея, если, разумѣется, не принимаетъ участія въ промыслѣ самъ. Послѣднее обстоятельство зависитъ исключительно отъ него же. Въ тюленьихъ артеляхъ, напр., хозяинъ почти всегда принимаетъ участіе, въ мурманскихъ рѣдко, такъ какъ большинство хозяевъ снаряжаетъ по нѣсколько артелей, не рѣдко болѣе 10.

Мы видимъ въ покрутѣ *два элемента: хозяева-предприниматели и рабочая сила—покрученники.*

Первые элементъ активный—весь капиталъ промысла ихъ, какъ и иниціатива и организація артелей. Вторые—элементъ пассивный, рабочая сила, идущіе на промыселъ «съ однимъ брюхомъ», всецѣло подчиненные капиталисту.

Развитіе капитализма не остановилось на отдѣленіи труда отъ орудій производства, не остановилось на закабаленіи артельщика

*) Ефименко. Выпускъ 2, стр. 38.

**) Отчетъ по командировкѣ на Мурманскій берегъ. «Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1876 г., ч. CXXI.

кулаку; капитализмъ пошелъ далѣе: сталъ концентрироваться, разростаться, подавлять мелкій, подчинять его себѣ, жить, такъ сказать, на его счетъ, какъ этотъ живетъ на счетъ труда. Вотъ что говоритъ г. Полѣновъ *), одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей:

«У крупныхъ рыбопромышленниковъ Мурманскаго берега свои корабли, которые къ началу промысла подходятъ къ мѣсту нахожденія факторіи промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Владѣльцы кораблей не держатъ рабочихъ для лова, а покупаютъ или, правильно говоря, принимаютъ рыбу, выловленную шняками, на свои корабли, гдѣ находятся вѣсы для взвѣшиванія привезеннаго товара и гдѣ кормщику выдается квитанція въ пріемѣ рыбы. Корабли отправляютъ рыбу въ Питеръ. Стараясь сдѣлать болѣе рейсовъ, крупные промышленники заботятся о привлеченіи на свою сторону какъ можно болѣе шнякъ. Способъ привлеченія весьма простъ; онъ заключается въ ссуженіи владѣльцевъ шнякъ столь необходимыми ему деньгами. Этотъ послѣдній выдаетъ вексель на занятую сумму и отдаетъ приказъ своимъ кормщикамъ сдавать рыбу на корабли ссудившаго рыбопромышленника, который въ отношеніи своего должника и его покрученниковъ называется хозяиномъ. Кредитъ, которымъ пользуется владѣлецъ шнякъ, находится въ прямомъ отношеніи къ числу ихъ и простирается отъ 50—200 руб. Въ сущности, это своеобразный способъ найма рабочихъ, съ одной стороны избавляющій крупнаго промышленника отъ непріятности найма рабочихъ, часто нарушающихъ заключенныя ими условія, а съ другой—дающій возможность шнякамъ продавать на сторону излишнюю рыбу».

Черезъ 10 строкъ г. Полѣновъ замѣчаетъ: «Къ сожалѣнію, и тутъ является знакомое промышленнымъ странамъ неумѣренное господство капитала. Крупные промышленники пользуются тѣмъ, что, ссудивши хозяина шняки, ставятъ его въ совершенную отъ себя зависимость и употребляютъ всѣ усилія, чтобы не давать ему возможности выйти изъ этого положенія; въ этомъ ихъ прямая выгода... Такимъ образомъ, онъ имѣетъ возможность устанавливать во время промысла цѣну на рыбу.»

Теперь уже конкуррируютъ на Мурманѣ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ, какъ Савинъ, Паллизенъ, Базарный, Зебекъ,

*) Отчетъ.

Филипповъ и др. Общій оборотъ факторій доходитъ до 150 тысячъ рублей и свыше *).

Представители труда называются покрученниками. Участіе ихъ въ трудѣ не равно: одни вносятъ сырую рабочую силу, безъ всякихъ спеціальныхъ обязанностей,—это *простые покрученники;* другіе же, кромѣ того, вносятъ свое искусство, знаніе дѣла, какъ люди или очень опытные, или щедро надѣленные природою. А такъ какъ отъ этихъ качествъ въ значительной степени зависитъ успѣхъ предпріятія, то и распредѣленіе выгодъ дѣла находится отъ нихъ въ большой зависимости. Такъ, самый опытный и искусный дѣлается старшимъ въ артели; онъ управляетъ судномъ, ходомъ промысла, такъ сказать, ведетъ все дѣло,—это *кормщикъ.* Второй послѣ него, наприм., въ новоземельской артели, по опытности и искусству называется полукормщикомъ, третій—полууженщикомъ. Но обыкновенно только кормщикъ выдѣляется какъ глава артели, руководитель, а прочіе остаются покрученниками.

Въ мурманской артели каждый изъ 4-хъ человѣкъ ея имѣетъ свое спеціальное занятіе, возлагаемое на него раздѣленіемъ промысловаго труда, и согласно своему главному назначенію получаетъ и особое названіе: кормщика, весельщика тягляца, наживочника, или наживляльщика. Кормщикъ считается главой артели и представителемъ хозяйскихъ интересовъ; иногда обязанность кормщика исполняетъ самъ хозяинъ артели. Кормщикъ, кромѣ присмотра за общимъ ходомъ дѣла и управленія судномъ, во время промысловой работы долженъ указывать мѣсто, куда выметывать ярусъ и какъ выметывать; при самомъ процессѣ выметыванія, требующемъ нѣкотораго искусства и сноровки, кормщикъ играетъ также важную роль,—онъ же и поднимаетъ ярусъ. Также принимаетъ онъ участіе и въ «дѣланіи» выловленной рыбы, т.-е. въ ея приготовленіи: его обязанность пластать рыбу и очищать ее отъ внутренностей. Три остальные, «рядовые» члена артели—тяглецъ, весельщикъ и наживочникъ—ничемъ не разнятся другъ отъ друга по своимъ правамъ: всѣ они должны равно повиноваться кормщику, всѣ имѣютъ равную долю въ общей добычѣ, но обязанности ихъ различны. Тяглецъ получилъ свое названіе отъ того, что онъ помогаетъ кормщику тянуть ярусъ; наживочникъ отъ того, что онъ наживляетъ уды;

*) Немировичъ-Данченко: «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ». „Отеч. Записк." 1874 г., № 8.

весельщикъ отъ его обязанности грести. Когда кормщикъ поднимаетъ ярусъ, то ему помогаетъ тяглецъ, въ то же время весельщикъ гребетъ, а наживляльщикъ очищаетъ уды отъ наживки, «глушитъ» ихъ, т.-е. завязываетъ такъ, чтобы онѣ не задѣвали другъ за друга, и, укладывая ярусъ въ порядкѣ, перебрасываетъ выловленную рыбу въ носъ или корму шняки. Въ дѣланіи рыбы тяглецъ также помогаетъ кормщику. Его обязанность отвертывать рыбѣ голову, которую онъ бросаетъ въ воду или откладываетъ для сушки, и затѣмъ подавать рыбу кормщику для чистки. Обязанность весельщика вынести рыбу на мѣсто посолки; наживляльщикъ же очищаетъ отъ выброшенныхъ внутренностей максу, т.-е. печень, и складываетъ въ особую посуду. Такое же раздѣленіе труда существуетъ и въ другихъ частяхъ промысловыхъ занятій *).

Количество членовъ въ разсматриваемыхъ артеляхъ различно; въ мурманскихъ каждая артель состоитъ изъ 4-хъ человѣкъ; ново-земельскія моржевыя изъ 8—15, а по г. Максимову **) до 20; тюленьи также состоятъ изъ неодинаковаго числа. По словамъ г. Полѣнова ***), нормалый составъ мурманскихъ артелей изъ 4-хъ человѣкъ измѣняется при женскомъ элементѣ: двѣ женщины идутъ за одного мужчину и называются половинками. Кромѣ того, въ каждой артели одинъ или два мальчика—зуйки, въ качествѣ помощниковъ-учениковъ. Обязанность зуекъ—готовить пищу, содержать въ чистотѣ жилище и прочія работы; въ случаѣ же болѣзни артельщика, зуйка замѣняетъ его, получая должную плату. Зуйкѣ обыкновенно дается съ двухъ тюковъ снасти по одной рыбѣ. Такимъ образомъ, кромѣ прекраснѣйшей практической школы рыболова, зуйка получитъ и заработокъ иногда рублей до 25 ****).

Обратимся къ чрезвычайно важному вопросу, *это—ассоціація капитала и труда, насколько она выгодна для представителей того и другаго, что даетъ труженику и кулаку*. Въ этомъ отношеніи имѣется значительный матеріалъ: многіе изслѣдователи и даже нѣкоторые предприниматели дѣлали вычисленія.

«По прибытіи въ Архангельскъ,—говоритъ, кажется, рыбопро-

*) Ефименко. Выпускъ 2, стр. 31.
**) «Годъ на Сѣверѣ», т. II.
***) Отчетъ по командировкѣ на Мурманскій берегъ.
****) „Отечественныя Записки“ 1874 г., № 8.

мышленникъ *),—обыкновенно къ ярмарочному времени, грузъ продается партіями пріѣзжимъ покупателямъ изъ окружающихъ уѣздовъ и губерніи и вырученныя деньги раздѣляются на три части, изъ коихъ двѣ части получаетъ хозяинъ за перевозку рыбы въ Архангельскъ, за промысловыя суда и снаряды и за продольствіе промышленниковъ, и только $^1/_3$ раздѣляется между промышленниками. Эти вырученныя деньги, которыя въ хорошій промышленный годъ составляютъ 70—100 руб. на человѣка, служатъ и семейству его зимнимъ пропитаніемъ до февраля, когда опять отправляются».

$^1/_3$ *труду*, $^2/_3$ *капиталу—это самое общее явленіе покрута*, гдѣ бы онъ ни былъ.

О томъ же Мурманѣ г-жа Ефименко говоритъ **): «Размѣры участія артели опредѣляются обычаемъ, который устраняетъ свободный договоръ между хозяиномъ и его покрученниками, кромѣ кормщика; опредѣляется же такъ: весь промыселъ дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ хозяину, а одна на артель. Эта треть дѣлится между всѣми членами артели, включая и кормщика, поровну, значитъ каждый получаетъ $^1/_{12}$ всей промысловой добычи. Вотъ эта-то $^1/_{12}$ принимается при разсчетахъ за единицу и называется паемъ; слѣдовательно, на долю хозяина приходится 8 паевъ, а всѣ рабочіе вмѣстѣ получаютъ 4 пая. Пай считается мѣриломъ улова и цѣнность добываемаго промысла опредѣляется количествомъ денегъ, приходящимся изъ общей выручки на пай; напр., если говорится, что на пай пришлось 50 руб., значитъ вся промысловая выручка артели 600 руб., изъ которыхъ хозяинъ получаетъ 400 руб., а всѣ рабочіе 200 руб. Но кормщику, какъ представителю и блюстителю своихъ интересовъ, хозяинъ уступаетъ еще половину одного изъ своихъ паевъ («половой» пай) и сверхъ того даетъ, смотря по предварительному уговору, 10—15 р. Эти деньги называются «свершонокъ»; размѣры свершонка зависятъ отъ репутаціи кормщика, его искусства, честности, старательности и т. д. Такимъ образомъ, на долю кормщика приходится около $^1/_6$ общей цѣнности промысла. Передъ отправкой на Мурманъ хозяинъ даетъ еще каждому изъ своихъ покрученниковъ полтинникъ или рубль, который называется «запивной» или «заручной» и при разсчетѣ

*) Зебекъ: О «рыбномъ промыслѣ на Мурманскомъ берегу». «Морской Сборникъ» 1867 г., № 11.

**) Сборникъ. II, стр. 32.

не идетъ въ общій счетъ. Вотъ какъ распредѣляется промысловый продуктъ между артелью и ея хозяиномъ».

Почти то же говоритъ изслѣдователь болѣе ранняго періода, г. Данилевскій *): «На основаніи постояннаго и неизмѣннаго правила, сумма, выручаемая за всю наловленную на Мурманскомъ берегу рыбу, дѣлится такъ: $^2/_3$ ея идутъ хозяину, а $^1/_3$ на работниковъ. Каждый получаетъ поровну, по $^1/_{12}$ доли, что составляетъ пай, служащій мѣриломъ улова. Хозяинъ, кромѣ обыкновеннаго пая, отдаетъ кормщику $^1/_2$ пая своего, да еще свершонокъ 10—50 руб. Кормщикъ есть не только распорядитель лова, начальникъ экипажа шняки, но и хранитель хозяйскаго добра и всѣхъ его интересовъ. Итакъ, хозяинъ беретъ себѣ $7^1/_4$ паевъ, а 4 работника вмѣстѣ получаютъ $4^3/_4$ пая».

«Добытый промыселъ, по словамъ Максимова **), дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда; остальная $^1/_3$ добычи дѣлится поровну между 4 работниками. Кормщикъ получаетъ отъ хозяина еще половой, т.-е. половину того, что ему досталось по раздѣлу $^1/_3$, и, сверхъ того, награду — свершонокъ отъ 50—5 руб., смотря по своимъ способностямъ и по богатству промысла».

Къ тому же приходятъ и позднѣйшіе наблюдатели *). «По продажѣ добычи въ Архангельскѣ, вырученная сумма дѣлится на 12 паевъ, изъ которыхъ 8 хозяинъ беретъ себѣ, а 4 отдаетъ рабочимъ, причемъ $^1/_4$, рѣдко $^1/_2$ пая даетъ по достоинству кормщику. Сверхъ того этотъ еще вначалѣ получаетъ подарокъ—свершонокъ—5—20 руб.».

Но не всегда бываетъ такъ легко опредѣлить долю члена артели, какъ въ тресковомъ промыслѣ, гдѣ всѣ артели имѣютъ опредѣленный размѣръ — 4 человѣка — и прочно установились взаимныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Такъ, напр., новоземельская артель, состоящая изъ 8—15, даже 20 человѣкъ, значительно уклоняется при распредѣленіи продукта отъ мурманской артели. Здѣсь нѣтъ такихъ строго опредѣленныхъ правилъ; многія мѣстности руководятся своимъ обычаемъ. Кормщикъ артели, выходящей изъ Кемскаго уѣзда, получаетъ 2 — $2^1/_2$ пая, а низшіе покрученники получаютъ менѣе пая; въ Мезенскомъ же уѣздѣ раза въ 4—6 болѣе обыкновеннаго покрученника, полукормщикъ половину этого, полуженщикъ—четверть. Но при по-

*) «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи», т. VI.

**) Немировичъ-Данченко. „Отечеств. Записки" 1874 г., № 8.

добномъ разнообразіи общее для всѣхъ способовъ распредѣленія есть то, что за единицу принимается «пай», т.-е. доля артельщика среднихъ качествъ. Но какъ опредѣляется величина пая? Въ Поморьѣ Кемскаго уѣзда въ ходу слѣдующій способъ для опредѣленія размѣровъ пая: весь промыселъ дѣлится на столько частей, чтобъ ихъ приходилось въ три раза больше, чѣмъ людей въ артели (напр., если въ артели 8 человѣкъ, то на 24 части, если 10, на 30, если нѣсколько больше 10, напр., 14, то на 40 и т. д.); каждая же такая часть и есть пай, величиною котораго опредѣляется размѣръ участія въ промысловомъ продуктѣ зауряднаго члена артели. При такомъ способѣ дѣлежа всѣ артельщики, вмѣстѣ съ кормщикомъ, получатъ только треть всѣхъ паевъ, а $^2/_3$ приходятся на долю хозяина. Но эти $^2/_3$ хозяинъ получаетъ еще только въ томъ случаѣ, если онъ не принимаетъ въ промыслѣ никакого личнаго участія, на практикѣ же часто бываетъ, что онъ самъ отправляется на промыселъ, обыкновенно въ качествѣ кормщика. Тогда онъ, конечно, сверхъ вознагражденія за капиталъ, получаетъ долю, какая причитается кормщику за его трудъ и искусство *).

Тюленьи артели имѣютъ въ этомъ отношеніи такое рѣшительное отклоненіе отъ общихъ понятій объ артели, что, повидимому, сами себя отрицаютъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія теоріи. Артель ловитъ звѣрей сообща, но добыча не составляетъ общей артельной собственности. «Еще недавно,—говоритъ г-жа Ефименко **),—все, что было добыто промышленниками, принадлежащими къ одной артели, считалось собственностью всей артели и дѣлилось на паи, распредѣленіе которыхъ между хозяиномъ и его покрученниками или покрутчиками опредѣлялось обычаемъ и предварительнымъ условіемъ, опредѣлялось большею частію такъ: хозяинъ получалъ на одинъ пай больше, чѣмъ всѣ покрученники вмѣстѣ, число же паевъ, значитъ, и величина каждаго пая опредѣлялись числомъ членовъ артели. Теперь же дѣло устроено иначе: каждый промышленникъ сохраняетъ за собой частное право на свой промыселъ, впрочемъ, не на тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ успѣлъ убить, такъ какъ охота ведется артельно, сообща, а на тѣхъ, которыхъ успѣлъ «выволочить», т.-е. вытащить до становища. Такое измѣненіе въ самыхъ основаніяхъ дѣлежа произошло отъ того, что въ этомъ промыслѣ

*) Ефименко. Сборникъ. I, стр. 28.
**) Ibid. I., стр. 39—40.

успѣхъ много зависитъ отъ личныхъ качествъ промышленника; впрочемъ, главнымъ образомъ, отъ его физической силы. Сила эта нужна не для того, чтобы вести самую охоту, а чтобы вытащить добычу, выволочить ее до промысловой избы, которая иногда находится въ значительномъ разстояніи отъ мѣста охоты.

«...Каждый промышленникъ здѣсь является представителемъ выволоченной имъ части промысла, и самъ уже дѣлится съ хозяиномъ на условіяхъ, опредѣленныхъ предварительнымъ договоромъ; впрочемъ, пай хозяину за лодку, а у иныхъ хозяевъ еще особый пай за котлы и винтовки, артель платитъ сообща, но чѣмъ тутъ опредѣляется пай, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Кромѣ того, еще одинъ юрокъ артель завѣщаетъ Богу; на завѣщанномъ юркѣ ставится крыжъ (крестъ), чтобъ не смѣшать его съ другими. Затѣмъ каждый промышленникъ дѣлится съ хозяиномъ или изъ половины, или изъ пятой. Изъ половины, это значитъ, что если онъ вытянулъ четыре юрка, то два отдается хозяину, два себѣ; если изъ пятой, то добыча покрученниковъ дѣлится на пять частей, изъ которыхъ хозяинъ беретъ себѣ три, а покрученнику оставляетъ двѣ. Послѣдній способъ дѣла (дѣлежа) считается крайне стѣснительнымъ для покрученниковъ. Вообще, когда промыселъ удачный, хозяинъ получаетъ огромный барышъ. Но такъ какъ удачные годы бываютъ далеко не постоянно, то иногда хозяину приходится содержать покрученниковъ совсѣмъ задаромъ; всѣ свои убытки онъ наверстываетъ въ промысловый годъ. Экономическія отношенія хозяина къ покрученникамъ не ограничиваются обыкновенно временемъ промысла; онъ цѣлый годъ помогаетъ имъ въ случаѣ нужды, изъ чего и вытекаютъ обязательныя отношенія къ хозяину его покрученниковъ, крайне невыгодныя для послѣднихъ».

Этого достаточно. На различныхъ отклоненіяхъ отъ этого типа организаціи не станемъ останавливаться. Теперь обратимся къ вопросу: *что даетъ эта ассоціація капитала и труда работнику и предпринимателю?* Многіе останавливались на этомъ вопросѣ, беря главнымъ образомъ мурманскій тресковый промыселъ. Одинъ изъ слѣдователей, г. Данилевскій [1]), говоритъ: «Покрутъ потому лучше, что 1) убытки и барыши равномѣрнѣе распредѣляются между участниками промысла; 2) не всякій хозяинъ имѣетъ возможность слѣдить за своимъ ловомъ; 3) при напередъ опредѣленной платѣ между хозяевами могло бы быть со-

[1]) Изслѣдованіе, т. VI.

перничество, отъ чего всѣ лучшіе работники перешли бы къ богатѣйшимъ; 4) система покрута имѣетъ для рабочихъ прелесть лоттереи».

«Съ перваго взгляда, — продолжаетъ онъ, — можетъ показаться такое распредѣленіе весьма стѣснительнымъ для рабочихъ и черезъ-чуръ уже выгоднымъ для хозяевъ, какъ многіе и думаютъ». Онъ старается подорвать это мнѣніе слѣдующимъ разсчетомъ: «Свѣдѣнія, собранныя мною отъ опытныхъ (!) хозяевъ, говорятъ иное. Если положить на пай 200 р.—средній уловъ, то хозяинъ получитъ 16,000 руб. асс. Расходовъ выходитъ 820 руб., да проценты за капиталъ, который онъ беретъ въ долгъ въ видѣ продуктовъ, перевозка и проч.—1,238 руб. Чистый доходъ 362 руб. асс., т.-е. менѣе двухъ паевъ. Но если хозяинъ имѣетъ собственное судно и небольшой капиталъ, то выгоды его увеличиваются на 468 руб., всего 830 руб. Немногіе рѣшились бы сдѣлаться хозяевами, если бы не исполняли вмѣстѣ съ тѣмъ должность кормщика» *).

Мы сейчасъ увидимъ, насколько правъ г. Данилевскій. «Всѣ заведенія, — говоритъ современный г. Данилевскому изслѣдователь,—**) стоютъ не дороже 600 руб. асс., а ежегодный ремонтъ около 50 руб. Съ такой поддержкой рыбацкіе снаряды служатъ не менѣе 6-ти лѣтъ. Въ 6-ти лѣтнюю сложность промышленники получаютъ въ каждое лѣто по 100 руб. асс. на брата; поэтому на часть хозяина причитается по 800 руб., и изъ нихъ, если вычесть продовольствіе работниковъ, стоющее при готовой рыбѣ 200 руб., ремонту 50 руб., за соль около 100 руб., преміи кормщику 50 руб. и возвратъ капитала съ суммы, употребленной на первоначальное обзаведеніе 100 руб., то остается чистаго барыша 300 руб., т.-е. 50% на вкладной капиталъ».

Заслуживаетъ вниманія разсчетъ, сдѣланный человѣкомъ, близко знакомымъ съ дѣломъ, промышленника Оскерко ***). Онъ беретъ средняго промышленника, снаряжающаго 4 судна. При первомъ обзаведеніи его затраты будутъ: 1) на четыре судна четыре яруса, по 150 руб. каждый, да неводъ 30 руб., всего 630 руб.; 2) станъ, амбары для склада продовольствія, снастей, для посола рыбы, жерди для сушки ея и пр. 400 руб.; 3) четыре промысловыхъ судна, приготовленныя для промысла съ па-

*) Ibid.

**) «Указаніе средствъ поднять промыслы на сѣверн. берегахъ Россіи». О. Б. 1857 г.

***) Промысл. Мурманскій берегъ.„Архангельскія Губерн. Вѣд.“ 1868 г., №№ 51—58.

эта дѣлается обыкновенно половиной ужны. Иногда покрученникъ крутится изъ пятой; это значитъ, что онъ изъ своей восьмой обязывается отдать $^3/_5$ хозяину, оставляя $^2/_5$ себѣ. Пусть артель добыла всего 120 кожъ, тогда на ужну приходится по 15 кожъ, полагая цѣну кожи 3 руб., всего на 45 руб. Изъ этихъ 15 покрутчикъ, въ первомъ случаѣ, отдаетъ хозяину $7^1/_2$ кожъ на $22^1/_2$ руб., во второмъ 9 на 27 руб. Остальную часть ужны онъ также обязательно продаетъ хозяину».

Приведенныхъ разсчетовъ, думаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы судить объ экономическомъ значеніи покрута и о распредѣленіи продукта между трудомъ и капиталомъ. Большинство изслѣдователей, какъ видно, занималось мурманскимъ треско-вымъ промысломъ и имъ характеризовало покрутъ. Это и понятно. По большимъ размѣрамъ, по огромному значенію для извѣстной части Архангельскаго края и по типичности артельной организаціи тресковый промыселъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Остановимся немного на приведенныхъ разсчетахъ.

Гг. Данилевскій и Полѣновъ являются крайне тенденціозными наблюдателями въ смыслѣ оптимизма, причемъ г. Полѣновъ увѣряетъ, что это—«прекрасное и едва ли не лучшее сочетаніе условій для развитія вполнѣ свободнаго труда!» Г. Данилевскій же старается уменьшить доходъ хозяина и показать выгоды рабочаго въ самомъ розовомъ цвѣтѣ, выставляя на видъ то обстоятельство, что онъ получилъ свѣдѣнія «отъ опытныхъ хозяевъ». Онъ беретъ, напр., предпринимателя при самомъ невыгодномъ положеніи, ведущаго дѣло въ кредитъ, безъ собственнаго капитала, на тяжкихъ условіяхъ,—предпринимателя, снаряжающаго только одну шняку, что совсѣмъ не вѣрно: каждый предприниматель снаряжаетъ среднимъ числомъ 4—5 шнякъ и болѣе. Вычисляя чистые барыши покрученника, г. Данилевскій непозволительно забываетъ необходимые расходы его на дорогу отъ дома до Колы или Разниволоцкой станціи, которые по нѣкоторымъ даннымъ доходятъ до 8—12 руб. Рабочій беретъ у хозяина зимою хлѣбъ, разные съѣстные припасы, одежду, обувь, все это беретъ, разумѣется, по произвольно назначенной хозяиномъ цѣнѣ. Весьма основательный разсчетъ сдѣланъ человѣкомъ, глубоко знавшимъ условія производства, промышленникомъ Оскерко *). Мы видимъ, что онъ кладетъ расходы производства при четырехъ шнякахъ въ 1,500 руб.; въ первый же годъ промышленникъ добу-

*) Промысловый Мурманскій берегъ. «Арханг. Губерн. Вѣд.» 1868 г., №№ 51—59.

детъ продуктовъ на свою часть на 1,676 руб., т.-е. всѣ расходы покрываются и хозяинъ получитъ болѣе 10% чистаго барыша (вѣрнѣе почти 12%) и это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что г. Оскерко писалъ, по его словамъ, съ цѣлью доказать, что мурманскіе промышленники вовсе не такъ эксплуатируются, какъ объ этомъ думаютъ. Но остановиться на на этомъ разсчетѣ значитъ остановиться на полпути; необходимо вести разсчетъ далѣе, т.-е. посмотрѣть, какіе барыши получитъ предприниматель въ слѣдующіе 4 года, такъ какъ нѣкоторые большіе расходы дѣлаются разъ въ пять лѣтъ. Въ этомъ отношеніи дополненіемъ къ разсчету г. Оскерко могъ бы служить разсчетъ г. Немировича-Данченко, если бы послѣдній не уклонялся въ противоположную сторону, вслѣдствіе чего къ его разсчету слѣдуетъ относиться очень осторожно.

Мы видѣли уже, что г. Немировичъ-Данченко въ первый годъ высчитываетъ проценты предпринимателя, опредѣляя ихъ въ 65 (вѣрнѣе, 60% по его же цифрамъ); во второй и третій годъ, по его словамъ, проценты доходятъ до 260! Въ теченіе 5-ти лѣтъ на 10 шнякъ предприниматель истратитъ 8,700 руб., а выручитъ 22,500 руб. За тѣ же 5 лѣтъ работникъ получитъ 300 руб. за упорный 30-ти мѣсячный трудъ! «Въ дѣйствительности же,—продолжаетъ г. Немировичъ-Данченко,—покрученникъ не получитъ и этого, такъ какъ зимой забираетъ хлѣбъ въ долгъ у хозяина. За пудъ хлѣба онъ даетъ 1 р. 30 к. За соль на рыбу и на себя въ бѣломорскихъ селахъ міроѣды грабятъ по 70—90 коп., тогда какъ имъ обошлось 30 — 50 коп. и менѣе. Такимъ образомъ, капиталистъ съ покрученника на хлѣбъ беретъ 25—30%, на соли отъ 40—100%. Кромѣ того, по дорогѣ изъ Норвегіи хозяинъ завозитъ ромъ, за ведро котораго беретъ 7—8 руб., тогда какъ ему обошелся по 2 руб. 40 коп., т.-е. беретъ по 300%».

Если этотъ разсчетъ покажется излишне мрачнымъ, вернемся къ нѣсколько оптимистическому взгляду г. Оскерко и продолжимъ его. Изъ перечисленныхъ статей расхода, на второй годъ останутся только расходы на содержаніе рабочихъ 200 руб. и 200 р. на соль, положимъ хоть 500 руб., выручитъ же онъ среднимъ числомъ тоже 1,676 руб., т.-е., все-таки, чистыхъ 235%! То же будетъ на второй и на третій годъ и только на четвертый и пятый годъ доходы значительно упадутъ.

Результаты такихъ порядковъ крайне печальны. «Вездѣ, гдѣ

вы только встрѣтите покрутчика,—говоритъ г. Маликовъ *),—онъ находится въ неисходномъ долгу у хозяина и я даже сомнѣваюсь, возможно ли найти гдѣ-либо такое счастливое исключеніе, чтобы хотя одинъ изъ нихъ не былъ долженъ». По словамъ г. Немировича, «одни и тѣ же промышленники изъ лѣта въ лѣто крутятся въ артель одного хозяина. Они ему привержены, по мѣстному выраженію, т.-е. находятся у него въ вѣчной кабалѣ, вслѣдствіе долга, наросшаго мало-по-малу на отцахъ и дѣтяхъ» **).

«Разсчитываясь съ хозяиномъ по окончаніи промысла,—говоритъ тотъ же авторъ,—промышленникъ не видитъ денегъ вовсе, а покрываетъ насколько возможно старый долгъ, который почти всегда бываетъ такъ великъ, что не можетъ быть покрытъ уплатою, и тутъ же молитъ Христомъ-Богомъ міроѣда не отказать ему въ новомъ кредитѣ. Весною ему опять понадобятся деньги на уплату податей,—опять иди на поклонъ къ міроѣду. Покрученникъ всегда работаетъ для того, чтобы расплатиться съ долгомъ, всегда живетъ подъ гнетомъ обязательствъ. Немудрено поэтому, что покрученникъ, несмотря на свой страшно тяжелый трудъ, въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ, не сводитъ даже концы съ концами, а о какихъ-либо сбереженіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ созидается здѣсь болѣе чѣмъ крѣпостная зависимость. И это еще не все. Часто хозяева въ свою пользу вычитаютъ за каждый прогульный день рубль».

То же самое подтверждаетъ и г-жа Ефименко ***). «Отношенія покрученниковъ къ своимъ хозяевамъ,—говоритъ она,—не ограничиваются только промысловымъ временемъ; напротивъ, они обнимаютъ собою всю жизнь покрученниковъ, которые стоятъ въ вѣчной экономической зависимости отъ своихъ хозяевъ. По заявленію лицъ, компетентныхъ въ дѣлѣ, едва ли можно найти въ Поморьѣ такого крестьянина изъ покрученниковъ, который не былъ бы долженъ хозяину: большинство состоитъ въ неоплатномъ долгу. Хозяину, конечно, выгодно поддерживать такія отношенія къ своимъ покрученникамъ, доставляющія ему всегда обязательно готовое количество необходимыхъ рабочихъ силъ. Поэтому хозяинъ всегда готовъ дать покрученнику что нужно, конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ, точно также, какъ готовъ при всякомъ случаѣ

*) «Архангельскія Губернскія Вѣдомости» 1872 г., № 15.
**) „За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ".
***) Сборникъ. Выпускъ II, стр. 33–34.

утянуть что-нибудь въ содержаніи, не додать при разсчетѣ, пользуясь зависимымъ положеніемъ покрученника, и т. д.

«Когда происходитъ дѣлежъ промысловой добычи въ Архангельскѣ, послѣ продажи рыбы, покрученникъ тутъ же уплачиваетъ хозяину долгъ, который бываетъ почти всегда такъ великъ, что не можетъ быть покрытъ уплатою. А, между тѣмъ, ему надо заправить на зиму хлѣба и пр., — денегъ нѣтъ, онъ опять дѣлаетъ «заборъ» у хозяина, и это такъ тянется изъ года въ годъ, даже изъ поколѣнія въ поколѣніе. Покрученникъ всегда работаетъ для того, чтобы расплатиться съ долгомъ, всегда живетъ подъ гнетомъ обязательствъ. И чѣмъ достаточнѣе хозяинъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ возможности затягивать въ эти обязательныя отношенія рабочія силы, тѣмъ тяжелѣе эти обязательства, тѣмъ труднѣе выбраться изъ нихъ покрученнику».

О санитарныхъ условіяхъ жизни покрутчиковъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ даннымъ *):

«Въ Шельпино въ рабочей избѣ попригляднѣе на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженей жило до 20-ти человѣкъ. Несмотря на отсутствіе промышленниковъ, воздухъ въ ней былъ спертъ и душенъ; въ немъ, казалось, еще клубились міазмы отъ сушившейся обуви и другихъ ингридіентовъ.

«Нары были неимовѣрны грязны. Я поднялъ съ одной свалившуюся рогожу и отдернулъ руку съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу,—тамъ кишмя кишѣла разная мерзость. Сквозь щели плохо сложенной печи сквозилъ ѣдкій дымъ, а въ щели плохо сложеннаго сруба дуло холодомъ, насквозь пронизывала струя вѣтра. На полу лежали груды сору и мусору; тутъ и грязь, и органическія вещества. Толстый слой сажи ложился вокругъ печи.

«— Неужели здѣсь у васъ спятъ 20 человѣкъ?

«— А какъ же не спать,—умаешься, заснешь.

«— И не душно?

«— Бываетъ, кто ночью на корячкахъ выползетъ за дверь, да такъ и ложится на вѣтеръ. Ужь это если очень одурѣетъ. А то ничего, спятъ. Тепло — кости размаетъ. Тутъ хоть буди, не добудишься».

Въ другихъ станахъ было еще хуже.

«Куда ни зайди, все равно, развѣ что найдешь еще хуже. Въ одномъ станѣ люди помѣщались въ два яруса. Одни на на-

*) Немировичъ-Данченко. „Отечественныя Записки" 1874 г., №№ 8—10.

рахъ, другіе подъ ними. Всюду какія-то войлочныя да рогожныя палатки, въ которыхъ кишмя кишитъ всякая нечисть. Нигдѣ ни малѣйшаго удобства. Напротивъ, чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ хуже ихъ станъ, тѣмъ они грязнѣе и тѣснѣе. Были избы, гдѣ нельзя было оставаться ни минуты. Оттуда такъ и отшибало. «Точно полѣномъ по лбу», выразился провожавшій. Въ колоніи Вайда артели глядятъ, сравнительно съ колонистами, какими-то жалкими, приниженными, голодными. Вотъ идетъ толпа ихъ. Всѣ глядятъ въ землю; ни громкаго слова, ни веселой пѣсни. На плечахъ лохмотья, ноги двигаются какъ-то криво. Точно толпа потеряла что-то и ищетъ на землѣ.

«— По многу ли на брата заработаете?

«— У насъ, братъ, хоть какой ловъ будь, все едино; все въ хозяйскій карманъ уйдетъ, ничего не останется намъ; вода, бываетъ, какъ каша загустѣетъ рыбой, а покрученнику развѣ грошъ перепадетъ, а больше ничего. Бывали такіе годы послѣ зимней голодовки, что женкѣ и на ленту не хватитъ со всего промысла.

«Внутри ихъ становъ мерзость запустѣнія доходитъ до ужаса, точно въ ночь видишь какой-то кошемаръ передъ тобой. Чернота, вонь, гадость самая омерзительная. «А грязь эта по мордѣ бьетъ», мѣтко говоритъ промышленникъ. Мы вышли отсюда одурманенные».

Къ чему можетъ вести все это, показываютъ слова г. Соловцова *): «Хозяева плохимъ содержаніемъ покрутчиковъ доводятъ ихъ до того, что они для улучшенія пищи тайно продаютъ рыбу, сало, даже снасти, и при этомъ всѣ дѣйствуютъ за одно съ круговой порукой. Измѣнника ожидаетъ смертная казнь: покрутчики при первомъ удобномъ случаѣ сталкиваютъ доносчика сошняки въ воду, или сбрасываютъ со скалы на каменья, или же убиваютъ побоями».

Таковъ покрутъ; таково это экономическое безобразіе! Вотъ до чего доходитъ дикій разгулъ капитала тамъ, гдѣ ему не кладется никакихъ преградъ!... Огромные барыши немногихъ кулаковъ и нищенское существованіе тысячъ рабочихъ, закабаленныхъ хуже чѣмъ при крѣпостничествѣ. Покрутъ—это очень хитрая организація, дающая всѣ выгоды кулаку и закабаляющая, унижающая, убивающая массу.

Что касается покрута не въ смыслѣ экономической органи-

*) „Архангельск. Губерн. Вѣд." 1861 г., № 44.

зации, а бытовой, то въ этомъ отношеніи онъ представляетъ не мало интереснаго. Такъ. нерѣдко нѣсколько артелей (маленькія весновальныя артели) обыкновенно соединяются для промысловыхъ работъ по 3—5, чаще всего по 4 человѣка; большая артель, составившаяся изъ маленькихъ, называется ромшей. Ромшане (члены ромши) «состоятъ въ одномъ заговорѣ», какъ выражаются крестьяне, т.-е. промышляютъ сообща, останавливаются въ одномъ мѣстѣ, на одной льдинѣ. Того изъ промышленниковъ, кто поумнѣе и поопытнѣе, ромша выбираетъ въ «юровщики»; обязанность юровщика распоряжаться ходомъ работъ. Ромша ѣстъ сообща; сколько останется съѣстныхъ припасовъ, то по окончаніи лова разверстывается между всѣми артелями; не принимается въ разсчетъ, если какой-нибудь промышленникъ, въ той или другой артели, не могъ принять участія въ промыслѣ, напр., по болѣзни, или потому, что былъ оставленъ въ стану для надзора. Дѣлятъ же добычу между артелями, наблюдая, чтобъ каждой досталось одинаковое количество звѣрей одного достоинства и одинаковой цѣнности, напр.. поровну дѣлятъ сначала звѣрей съ крыломъ, или лысуновъ, потомъ малыхъ звѣрей—сѣруновъ. Раздѣливъ поровну, еще прикидываютъ на вѣсъ, чтобъ провѣрить, дѣйствительно ли всѣ получили поровну. Послѣ общаго дѣлежа, каждая отдѣльная артель дѣлитъ добычу между собой *).

Подобное соединеніе, кромѣ тюленьихъ артелей, бываетъ и въ моржовыхъ, гдѣ такая большая артель называется плотною котляною. Такое же соединеніе нѣсколькихъ артелей бываетъ и въ тресковыхъ артеляхъ, только не для тресковаго лова, а для ловли наживки **).

Для характеристики отношеній внутри артелей особенно замѣчательны новоземельскія артели. «Опытъ нѣсколькихъ столѣтій,—говоритъ г-жа Ефименко ***), укрѣпилъ въ промышленникахъ представленіе о необходимости поддерживать въ артели строгую дисциплину. И, дѣйствительно, малѣйшій недостатокъ въ дружномъ дѣйствіи, какое-нибудь ослушаніе или безпорядокъ можетъ произвести полнѣйшую неудачу промысла, а въ иномъ случаѣ можетъ грозить даже гибелью судна: не надо забывать, что дѣло происходитъ въ совершенной пустынѣ, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ жилья, посреди постоянныхъ опасностей. Вслѣдствіе этого необ-

*) Сборникъ. Выпускъ I, стр. 51—52.
**) Ibid. Выпускъ II, стр. 40.
***) Ibid. Выпускъ I, стр. 29.

ходимость безусловнаго повиновенія кормщику настолько глубоко сознается промышленниками, что обыкновенно не только не допускается ослушаніе, но даже и малѣйшее противорѣчіе главѣ артели («я не видалъ ни одного случая неповиновенія,—говоритъ Беръ,—волѣ хозяина и даже не слышалъ малѣйшаго противорѣчія»), хотя внѣ артели онъ рѣшительно ничѣмъ не стоитъ выше другихъ. По отношенію другъ къ другу, члены артели обязуются вести себя ласково и дружелюбно, по отношенію ко всей артели честно, т.-е. должны заботиться объ общемъ интересѣ, все добытое должны вносить въ артель, ничего не скрывая въ свою частную пользу. Въ этомъ отношеніи любопытенъ разсказъ академика Бера *). Беръ далъ мальчику рубль за пойманную имъ мышь и отецъ мальчика сказалъ: «этотъ рубль принадлежитъ артели и долженъ быть раздѣленъ». Беръ былъ пораженъ строгостью, съ коей промышленники слѣдуютъ правиламъ, введеннымъ обычаемъ. Эти правила исполняются точнѣе, чѣмъ писанный законъ во всѣхъ государствахъ. «Никто одинъ другаго не обманываетъ,—говоритъ Беръ,—но каждый поступаетъ честно, ибо неизвѣстный за честнаго не можетъ составить артели и быть принятъ въ нее. Я никогда не слыхалъ, чтобы въ похвалу кого-либо на Новой Землѣ называли добрымъ, но всегда честнымъ... Удивила меня въ этой странѣ всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности, при совершенномъ отсутствіи полиціи и правителей... Избы не имѣютъ замковъ. Обыкновеніе это, повидимому, имѣетъ силу закона. Но изъ такой избы никогда ничто не пропадало и если бы вся артель вымерла, то и тогда наслѣдники получили бы слѣдующее имъ». Беръ приводитъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытные примѣры. Въ этой необыкновенной честности, отличающей всѣ отношенія промышленниковъ не только между собою, но и къ постороннимъ лицамъ, нельзя не замѣтить вліянія старинной стройной организаціи «морскаго устава». Ставя постоянно на первый планъ общій интересъ, заставляя подчинять этому общему свой личный и частный и, притомъ, не физическимъ давленіемъ, а очевидной для всѣхъ взаимной связью интересовъ, эта организація замѣчательно подняла нравственный уровень новоземельскихъ промышленниковъ.

Г. Сазоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Беръ. «Записки Русск. Географ. Общества» 1846 г., № 1.

ФИЛИНЪ *).

Романъ въ двухъ частяхъ Фридриха Шпильгагена.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Часть первая.

Глава XVI.

Герта отвернулась и быстро направилась къ тропинкѣ, ведущей въ глубину парка. Густавъ мрачно посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Какъ она хороша! Красивѣе, много красивѣе, чѣмъ была! Полнѣе стала, хотя казалась выше и стройнѣе: прелестное, восхитительное созданіе! Къ тому же самое горячее его желаніе исполнилось, точно чудомъ какимъ; онъ шелъ въ паркъ, ломая себѣ голову надъ вопросомъ, какъ устроитъ, чтобы увидать ее одну, поговорить съ нею безъ свидѣтелей до пріѣзда тѣхъ... и вдругъ она здѣсь, въ уединенномъ мѣстѣ, которое они оба когда-то такъ любили, которое она, очевидно, любитъ до сихъ поръ.

Онъ догналъ ее и, держась чуть-чуть назади, сталъ спускаться съ лѣсенки, вырубленной въ кручи.

— Герта!—проговорилъ онъ тихимъ, просящимъ голосомъ.

Она шла ровнымъ, быстрымъ шагомъ, не оборачивая головы.

— Герта!—повторилъ онъ тѣмъ же тономъ, но, видя, что она не обращаетъ на него вниманія, онъ поровнялся съ нею и громко, почти угрожающимъ голосомъ еще разъ назвалъ ее по имени.

— Что тебѣ нужно отъ меня?—спросила она, вскинувъ на него глазами.

*) *Русская Мысль*, кн. II.

— Нужно сказать тебѣ, что ты поступаешь неправильно. Самаго тяжкаго преступника не обвиняютъ, не выслушавши его оправданій. Если бы кто поступилъ иначе, то это было бы жестоко и дико, а въ данномъ случаѣ и съ твоей стороны очень глупо. Ты слишкомъ умна, чтобы не сообразить этого, подумавши хотя одну секунду. Твое теперешнее поведеніе со мною можетъ только льстить моей гордости, то-есть произвести впечатлѣніе, совершенно противуположное тому, которое было бы тебѣ желательно.

Она сама, безъ его словъ, давно уже чувствовала это и тщетно усиливалась вернуть самоувѣренность и присутствіе духа, которыми она славилась и гордилась. Она сознавала, что дала ему перевѣсъ надъ собою и что онъ имъ воспользовался противъ нея съ своею прежнею ловкостью. Надо было во что бы ни стало поправить дѣло. Герта пошла тише и сказала, глядя ему прямо въ глаза:

— Я не могу запретить истолковывать мои поступки, какъ тебѣ угодно. Если же первое впечатлѣніе, произведенное ими на тебя, льститъ твоей гордости, то это доказываетъ, что за это время ты кое-что забылъ... меня, напримѣръ... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не научился тому, что, на мой взглядъ, было бы тебѣ въ особенности къ лицу.

— Смиренію, хочешь ты сказать?

— По крайней мѣрѣ, хоть названіе тебѣ извѣстно.

— Ты слишкомъ натягиваешь свой лукъ.

— Какъ видишь, пока не ломается.

— За то слишкомъ скоро разстрѣляешь всѣ стрѣлы!

— Лишь бы задѣвали тебя!

Онъ громко разсмѣялся; ея бойкіе отвѣты приводили его въ восторгъ. Она тоже усмѣхнулась.

— Знаешь, Герта, въ настоящую минуту у насъ обоихъ въ головѣ одна и та же мысль.

— Весьма прискорбно было бы, если это такъ.

— Опять! Согласна признаться, если я скажу вслухъ мою мысль и если окажется, что ты такъ же думала?

— Могла бы, но не желаю.

— Такъ пусть остается невысказаннымъ то, чего, по правдѣ говоря, и не выскажешь. Въ былое время мы узнавали другъ у друга мысли по лицу; можетъ быть, еще не разучились.

Онъ опередилъ ее, сбѣжалъ съ послѣднихъ ступенекъ лѣ-

стницы, повернулся и, загородивши ей дорогу, прямо въ упоръ смотрѣлъ ей въ глаза пылающимъ взоромъ. Гертѣ страшно стало подъ этимъ взглядомъ, но во что бы ни стало она должна была скрыть страхъ и выдержать его взглядъ, чтобы не дать еще большей пищи его гордости. Ей пришло на помощь одно обстоятельство: Густавъ не казался ей теперь такимъ красивымъ, какимъ былъ прежде. Когда-то нѣжныя и мягкія черты лица сдѣлались мужественнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грубѣе; свѣжій румянецъ смѣнился темнымъ загаромъ. Усы тоже потемнѣли, стали больше и гуще; прибавившаяся къ нимъ эспаньолка, вмѣстѣ съ чужеземнымъ покроемъ платья, придавала ему видъ иностранца. Герта хорошо сознавала всю необходимость такой помощи: въ замѣну утраченной доли красоты, въ немъ, очевидно, развились тѣ именно качества, которыми онъ на ея глаза такъ превосходилъ всѣхъ мужчинъ. И вотъ въ сознаніи своей ни передъ чѣмъ неостанавливающейся смѣлости, ловкости и умѣнья говорить, онъ оставилъ своихъ и поспѣшилъ сюда увидѣть ее наединѣ, смутить своими рѣчами... Насколько это удалось ему, ей сказало страшное біеніе сердца. Герта призвала на помощь всѣ силы своей души, не опустила глазъ, не сморгнула подъ его искрящимся взглядомъ; она твердо рѣшилась скорѣе умереть, чѣмъ сознаться, выказать ему его торжество. Съ быстротою молніи пронеслось все это въ ея головѣ и вновь зажгло въ ней почти угасшую смѣлость. Легкимъ движеніемъ, какъ бы отгоняя надоѣдливое насѣкомое, она отстранила растерявшагося молодаго человѣка и прошла мимо на широкую дорожку парка.

— Не задерживай!—бросила она ему на ходу.—Гансъ можетъ сейчасъ пріѣхать съ твоими. Гдѣ ты ихъ оставилъ?

— Нигдѣ... то-есть Гансъ еще не пріѣзжалъ. Я прошелъ... тутъ полевой дорогой, черезъ дюны... Они не знаютъ, гдѣ я.

Молодая дѣвушка осталась довольна собою, довольна сильно упавшимъ тономъ своего собесѣдника, а равно и тѣмъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о происшедшемъ между нею и Гансомъ, чего она такъ боялась вначалѣ.

— Не знаютъ гдѣ ты?... И будутъ ждать! Ну, это уже слишкомъ для отца семейства! Впрочемъ, ты давно привыкъ всѣ свои дѣла сваливать на Ганса. Онъ, бѣдняга, половину ночи изъ-за тебя былъ на ногахъ, такъ уже за одно ему. A propos, какъ же Гансъ станетъ объясняться съ твоею женою? Вѣдь, она гре-

чанка, если я не ошибаюсь? Насколько мнѣ извѣстно, Гансъ не силенъ въ греческомъ языкѣ.

— Изея говоритъ по-французски.

— Извини, я не сообразила! Принцесса... само собою разумѣется!... Ее зовутъ Изея? Хорошенькое имя! Гансъ говоритъ, что она и сама очень хороша. Только онъ, Гансъ-то, по-французски тоже не особенно...

— Она говоритъ немного и по-нѣмецки.

— А, ну и слава Богу! Я хотѣла только сказать, что съ своимъ французскимъ языкомъ Гансъ не далеко уѣдетъ. Вамъ слѣдуетъ какъ-нибудь сойтись съ стариками; они, повидимому, нѣсколько оскорблены. Много винить ихъ въ томъ нельзя. Ты знаешь, они, по старо-французскимъ обычаямъ, придерживаются извѣстнымъ формамъ; когда вчера Гансъ сообщилъ имъ о твоемъ возвращеніи, то нельзя сказать, чтобы они особенно сильно возрадовались, хотя еще не знали.. Съ тѣхъ поръ я не видала ихъ... Они и до сей минуты не знаютъ, что ты не одинъ пріѣхалъ. Любопытно, какъ-то они примутъ эту новость; я боюсь, что имъ придется сообщить ее очень осторожно.

Ей удалось проговорить всѣ эти колкости самымъ непринужденнымъ тономъ, даже съ оттѣнкомъ добродушнаго расположенія. Густавъ внутренно бѣсился, хотя, въ то же время, такъ бы и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, такъ бы и зацѣловалъ эти чудныя, насмѣшливыя губки. Однако же, онъ преодолѣлъ себя и сказалъ, тоже, повидимому, совершенно спокойно:

— Благодарю за добрый совѣтъ и заранѣе за все то, что ты для насъ сдѣлаешь. Какъ бы ни было, всегда тяжело положеніе такихъ скитальцевъ, какъ мы, и ты можешь болѣе даже, чѣмъ Гансъ, помочь облегчить это положеніе. Онъ сама любовь и великодушіе; но ты тоже великодушна, и не будь я глубоко убѣжденъ въ этомъ, я бы скорѣе пустилъ себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ вернуться сюда, хотя бы не имѣлъ нигдѣ пристанища.

Онъ помолчалъ съ минуту, хотя не ожидалъ никакого иного отвѣта на эти слова, кромѣ недовѣрчивой усмѣшки, скользившей на ея губахъ.

— Я бы могъ...—продолжалъ Густавъ тѣмъ же смиреннымъ тономъ. — Какъ бы это сказать?.. надѣяться... нѣтъ, это не подходящее слово; въ немъ слышится какъ бы выраженіе желанія... Нѣтъ, я могъ ожидать, что во время моего долгаго отсутствія совершится нѣчто такое, что я счелъ бы заслуженною

отплатою себѣ за мою... ну, да, за мою измѣну. Ты понимаешь, о чемъ я говорю?

Ею опять овладѣлъ страхъ. Неужели онъ уже знаетъ? Но какъ же могъ онъ узнать, когда со вчерашняго вечера не видалъ Ганса! Она невольно остановилась у выхода изъ темной буковой аллеи. Передъ ними весь залитый солнцемъ разстилался цвѣтникъ, на который выходилъ балконъ столовой. Занавѣси оконъ залы были спущены, спущенъ полотняный навѣсъ надъ отворенною дверью. Взглядъ Герты былъ устремленъ на эту дверь. Что если онъ пріѣхалъ и вдругъ выйдетъ искать ее въ паркѣ?.. Выйдетъ и застанетъ ее тутъ... Встрѣтиться съ нимъ въ первый разъ со вчерашняго вечера въ присутствіи Густава... подъ его удивленнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, признаться въ томъ, что она вчера сдѣлала! Какое тяжелое и справедливое наказаніе! Какъ она ни старалась овладѣть собою, ея волненіе не ускользнуло отъ молодаго человѣка. Итакъ, онъ нашелъ-таки больное, уязвимое мѣсто! Стало быть, и она не лучше его, какъ онъ, измѣнила; вся разница въ томъ, что продержалась немного дольше!

Густавъ заложилъ руки за спину, прислонился къ дереву и, наслаждаясь ея смущеніемъ, продолжалъ дрожащимъ отъ ревности голосомъ:

— Это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей; странно было бы и ждать иного. Я это самъ себѣ повторялъ еще вчера, когда въ первый разъ услыхалъ въ Прорѣ отъ молодаго хозяина постоялаго двора. Онъ женатъ на племянницѣ нашей старой Панкъ, слѣдовательно, все знаетъ и преподнесъ мнѣ эту новость въ видѣ дессерта послѣ жареной телятины. Потомъ то же подтвердилъ Гансъ. Онъ, однако же, говорилъ объ этомъ съ большимъ сомнѣніемъ, не зная еще, что я потерялъ всякое право огорчаться, и вообще какъ-то очень неохотно. Добрый малый онъ! По его мнѣнію, ты не можешь быть счастлива съ Акселемъ, не можешь любить такого человѣка... Онъ тебя не стоитъ. Да кто же и стоитъ тебя, по его мнѣнію? Гансъ и меня считалъ недостойнымъ, несмотря на всю его нѣжную любовь ко мнѣ. И онъ правъ, тысячу разъ правъ. Но ни любовью, ни одною добротою люди не могутъ удовлетвориться, а ты менѣе, чѣмъ кто-нибудь! Не даромъ ты была всегда любимицей стараго дѣда и его прилежною ученицею. Онъ всегда былъ противъ нашей любви, увѣрялъ, что ты рождена для власти, что тебѣ бы слѣ-

довало быть королевой. Ну, faute de mieux, можно во всякомъ случаѣ помириться на владѣлицѣ богатаго майората... Синица въ рукахъ лучше, чѣмъ журавль въ небѣ, — то ли его поймаешь, то ли нѣтъ. Я говорилъ это вчера Гансу, и Гансъ...

Герта едва слушала Густава; она замѣтила какое-то движеніе въ столовой,—мелькнуло свѣтлое, пестрое женское платье, высокая, темная фигура мужчины... Пріѣхали!

Ея пристальный взглядъ привлекъ, наконецъ, вниманіе Густава, не спускавшаго съ нея глазъ. Онъ обернулся къ замку въ ту минуту, когда Гансъ вышелъ изъ балконной двери, прикрывая рукою глаза отъ яркаго солнечнаго свѣта. Гансъ увидалъ Герту, обратился къ Изеѣ, вышедшей за нимъ слѣдомъ, и указалъ ей по направленію Герты, потомъ подалъ ей руку и повелъ ее между цвѣточными клумбами къ буковой аллеѣ, гдѣ все еще стояли молодые люди, повидимому, настолько увлеченные разговоромъ, что не обратили вниманія на его зовъ. Но они какъ нельзя лучше видѣли приближающихся къ нимъ пріѣзжихъ. Глаза Густава блеснули зловѣщимъ огнемъ и потомъ обратились къ стоявшей передъ нимъ блѣдной дѣвушкѣ. Какъ хороша она! Какъ страстно онъ любитъ ее! Что значатъ муки, которыя она заставила его вытерпѣть, въ сравненіи съ наслажденіемъ быть съ нею! И стала ли бы она такъ терзать его, если бы не любила, несмотря ни на что! Онъ наклонился къ ней и заговорилъ тихимъ, страстнымъ голосомъ:

— Не выходи за Акселя! Ради себя, ради меня... не выходи! Подожди! Я на все готовъ рѣшиться, если ты еще хотя немного меня любишь! Я... я люблю тебя безумно! Я...

Онъ не посмѣлъ продолжать; они были уже близко, такъ близко, что Герта могла отчетливо разглядѣть черты лица подходившей къ нимъ молодой женщины. Духъ замеръ въ ея груди. О! Вотъ, вотъ она, измѣна! Вотъ ея смертный приговоръ! Красавица, обворожительная красавица, передъ которою она должна померкнуть, какъ луна передъ блескомъ солнца!... Чудное созданіе подходило все ближе и ближе, съ веселою улыбкою на прелестныхъ устахъ, съ ласкающимъ взглядомъ мягкихъ, темныхъ глазъ! А онъ еще говоритъ о любви... онъ, называющій своею эту очаровательницу!...

— Вотъ наша молодая невѣстка,—началъ было Гансъ счастливымъ и довольнымъ тономъ, но тотчасъ же смолкъ. Пораженный необыкновенною блѣдностью и неподвижнымъ взглядомъ

Герты, онъ выпустилъ руку Изеи, подбѣжалъ къ молодой дѣвушкѣ и испуганно проговорилъ:

—, Боже мой, Герта! Что съ тобою?

— Ничего, ничего,—прошептала она. — Все прошло уже... Гансъ, Гансъ!

Не обращая вниманія на Изею, она бросилась въ объятія Ганса и припала головою къ его груди. Такъ прошло секунды двѣ. Потомъ она выпрямилась, не выпуская его руки, съ пылающимъ взоромъ, съ странною усмѣшкою на вздрагивающихъ губахъ, подошла къ Изеѣ, протянула ей свободную руку и сказала по-французски:

— Я вижу, вы уже все знаете, и, надѣюсь, извините, что я прежде поздоровалась съ нимъ, а потомъ съ вами. Я рада васъ видѣть.

Она обратилась къ Густаву, стоявшему въ сторонѣ съ такимъ же блѣднымъ лицомъ, какимъ за минуту было ея лицо, съ такимъ же растереннымъ взглядомъ.

— Прости и ты, что я до сихъ поръ ничего не сказала тебѣ! Я хотѣла удивить тебя, зная, какъ это тебя обрадуетъ. Что же ты не поздравляешь насъ, не желаешь намъ счастья?

— Отъ всей души!—едва проговорилъ Густавъ, бросаясь на шею брату.

— Обниметесь и мы съ вами,—сказала Герта, обвивая руками молодую красавицу, не проронившую до сихъ поръ ни слова.—Прошу полюбить меня, хотя немножко!

— De tout mon coeur! — отвѣтила Изея, въ свою очередь обнимая и цѣлуя Герту.

— Я всегда любилъ ее!—шепнулъ Гансъ на ухо Густаву.— Доволенъ ты?

— Еще бы!... Можешь ли сомнѣваться?—пробормоталъ Густавъ.

Глава XVII.

На слѣдующій день время близилось къ обѣду. Гансъ еще съ утра утащилъ брата прокатиться верхомъ по полямъ; имъ уже давно бы пора было вернуться. Герта и Изея поджидали ихъ, сидя у выхода изъ буковой аллеи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ вчера въ первый разъ встрѣтились. За ними разстилался тѣнистый паркъ, передъ ними обширный, нарядный цвѣтникъ и залитый солнцемъ замокъ. Маркизы и драпировки во всѣхъ окнахъ

спущены. Только въ одной нежилой комнатѣ верхняго этажа, предназначенной для гостей, занавѣси окна были настолько раздвинуты, насколько это требовалось, чтобы просунуть театральную трубу, которую камергеръ съ полчаса не спускалъ съ молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ въ тѣни вѣковыхъ буковъ.

— Elle est ravissante! — проговорилъ онъ, опуская руку, утомленную тяжелою подзорною трубою. Въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ опять приняться за свои наблюденія, дверь скрипнула и послышалось шуршаніе шелковаго платья. Онъ обернулся, тщетно стараясь засунуть въ карманъ фрака предательскій оптическій инструментъ, и улыбкою встрѣтилъ вошедшую въ комнату супругу.

— Какъ, вы здѣсь, другъ мой! — удивилась старуха. — Я искала васъ по всему дому. Что вы тутъ дѣлаете? Ахъ, вотъ что... Вы рѣшительно неисправимы.

Она замѣтила театральную трубку и тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло, отчасти по раздвинутымъ драпировкамъ, особливо же потому, что лишь за минуту передъ тѣмъ сама смотрѣла изъ-за сторы сосѣдней комнаты на группу у выхода изъ парка. Она усмѣхнулась, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ не до веселья, и похлопала вѣеромъ по рукѣ уличеннаго супруга. Г. фонъ-Линбладъ тоже сконфуженно разсмѣялся, но тотчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

— Было бы, дѣйствительно, очень смѣшно все это, если бы только не надъ самимъ собой приходилось смѣяться. Уйдемте отсюда, моя милая, здѣсь невыносимая жара, а я бы желалъ съ вами поговорить очень серьезно.

Онъ подалъ старухѣ руку и молча провелъ ее въ залъ, выходившій окнами на противуположную сторону, вслѣдствіе чего въ немъ еще царила пріятная прохлада. Усадивши жену въ покойное кресло у окна, онъ сѣлъ противъ нея и задумчиво проговорилъ:

— Необходимо теперь же рѣшить, моя милая.

Онъ сказалъ это по-шведски; такое начало было для старухи яснымъ признакомъ, что предстоящій разговоръ не обойдется безъ крупныхъ словъ. Ей поневолѣ приходилось выслушать ихъ терпѣливо и кротко, такъ какъ у нея была отъ него тайна, и тайну эту можно было сообщить старику лишь тогда, когда онъ будетъ въ добромъ расположеніи духа; но и при этомъ даже условіи дѣло не могло обойтись безъ очень непріятной сцены.

— Я думала, вы уже рѣшили,—возразила она съ притворнымъ смѣхомъ.

— Изъ чего же вы это заключили?

— Герта прислала намъ сказать, что столъ будетъ накрытъ къ часу. Теперь двѣнадцать, и, я вижу, вы во фракѣ.

— Для васъ, моя милая, единственно для васъ.

Онъ безпокойно задвигался въ креслѣ и продолжалъ послѣ короткой паузы:

— Ну, да... вамъ я могу признаться, была минута, когда я подумалъ, что роль, которую мы со вчерашняго дня играемъ, которую заставляютъ насъ играть... Такую роль нѣтъ средствъ выдерживать долго. Она невозможна. Весь вопросъ въ томъ, должны ли мы, вправѣ ли даже такъ скоро отказаться отъ нея? По зрѣломъ размышленіи, я, съ вашего позволенія, рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ.

— Позволите мнѣ узнать, почему?

— Это-то именно я имѣлъ въ виду изложить вамъ. Говоря коротко, потому, что, замедляя наше прощеніе неслыханному пренебреженію, оказанному намъ, откладывая нашу уступку скандалу, который осмѣлились произвести передъ нашими глазами, мы ровно ничего не терямъ и можемъ только выиграть.

— Но что же мы выиграемъ, мой милый?

— Ахъ, Боже мой,—воскликнулъ камергеръ, напуская на себя притворный гнѣвъ,—мнѣ кажется, что это ясно, какъ день. Кто хочетъ, чтобы его уважали, тотъ, во-первыхъ, долженъ самъ себя уважать. Допустите малѣйшее пренебреженіе къ себѣ, допустите какъ нѣчто очень обыкновенное, и вы тѣмъ докажете, что не уважаете себя сами. Кажется, достаточно ясно.

— Конечно, конечно, — поспѣшила согласиться старуха, не понявшая ни слова изъ того, что онъ проговорилъ такъ самодовольно.

— Прекрасно,—продолжалъ онъ, осторожно поднося къ носу маленькую щепотку табаку.—Съ моими основными положеніями, смѣю льстить себя увѣренностью, вы согласитесь, а затѣмъ имѣю основаніе полагать, не отвергнете и заключеній, которыя я вывожу изъ нихъ. Констатируемъ сперва фактъ... или факты, если угодно. Три года тому назадъ уѣхалъ юноша, молодой человѣкъ, вашъ внукъ... мальчикъ, съ дѣтства осыпанный нашею ласкою, добромъ, несмотря на то, что далеко не заслуживалъ этого... Ровно годъ онъ не подавалъ о себѣ ни одной вѣсточки,

не написалъ ни строчки, и это было прощено, какъ прощены два года его безумной расточительности. Затѣмъ опять цѣлый годъ непозволительнаго, неприличнаго молчанія; мы уже готовы были горько оплакивать его, какъ пропавшаго безъ вѣсти, какъ покойника... И вдругъ этотъ молодой человѣкъ, говорю я, возвращается сюда, подъ кровъ дѣда и родной бабки, не нашедши нужнымъ даже предупредить ихъ, возвращается какъ на постоялый дворъ, съ женою и съ ребенкомъ...

— Съ моимъ правнукомъ,—прошептала старуха.

— Тѣмъ хуже!.. То-есть, конечно, это вашъ правнукъ, такъ какъ вы имѣете сомнительное счастье быть бабушкою его отца, крайне неуважительнаго, дерзкаго господина... Но вотъ вы меня перебили...

Онъ потерялъ нить своихъ положеній и, вопреки обыкновенію, отправилъ въ носъ полную щепоть табаку.

— Извините.

— Прошу васъ, не стѣсняйтесь!—воскликнулъ онъ, захлопывая табакерку.—Къ чему такія церемоніи! Что кому за дѣло, извиняю я, или не извиняю? Старый приживальщикъ, существующій изъ милости на хлѣбахъ вашего старшаго внука! Но во всемъ этомъ меня одно утѣшаетъ, это предстоящій бракъ, противъ котораго онъ втихомолку вѣчно интригуетъ... Не спорьте, не спорьте... интригуетъ не изъ обезьяньей любви къ своему братцу, какъ вы полагаете; ничуть не бывало, а единственно и исключительно для того, чтобы сдѣлать намъ напротивъ, чтобы насъ бѣсить... ну, меня, пожалуй, если вамъ угодно. Но что бы онъ тамъ ни дѣлалъ, я доведу это дѣло до конца, несмотря на вчерашній афронтъ. Только всенижайше прошу васъ не мѣшать мнѣ, не сбивать моихъ дипломатическихъ ходовъ вашею фамильною сентиментальностью, такъ особенно одолѣвающею васъ въ послѣднее время, къ моему величайшему прискорбію. Только при такомъ условіи я могу имѣть крѣпкую надежду довести дѣло до желаннаго и блистательнаго конца. Еще вчера, въ Грибенищѣ, я уже сдѣлалъ одинъ чрезвычайно ловкій дипломатическій маневръ. Необходимо было найти подходящее, удобное объясненіе отсутствію Герты. Я приписалъ ея поступокъ чрезмѣрному испугу несчастной дѣвушки... прошу васъ, madame, обратить ваше полное вниманіе на мои слова!... испугу, охватившему несчастную дѣвушку при извѣстіи о возвращеніи молодаго человѣка, за котораго она, повинуясь волѣ старшаго брата, должна была выдти

замужъ въ то время, какъ готовилась стать невѣстою человѣка, котораго избрало ея сердце! Понимаете, моя милая, понимаете вы меня? Избранникъ ея сердца! Вы опять заговорите о томъ, что, повидимому, сдѣлалось съ нѣкотораго времени вашею idée fixe: Герта не чувствуетъ любви къ нашему молодому другу. И пускай себѣ! А я вамъ говорю, что теперь она его полюбитъ, должна полюбить, если въ ней есть хотя искра самолюбія, того самоуваженія, о которомъ я только что говорилъ; а въ недостаткѣ того и другаго ее нельзя, кажется, обвинить. Какъ бы, впрочемъ, ни было,—любя, или не любя,—а она должна быть его женою и на колѣняхъ благодарить меня, если я возьму на себя исправить надѣланныя ею неловкости. Теперь я передамъ вамъ условіе, на которомъ я соглашусь принять вашего младшаго внука, извинить неприличіе его поведенія и заключить въ мои незлобивыя объятія его молодую супругу, заслуживающую по наружности быть настоящею принцессою. Это условіе состоитъ въ томъ, чтобы Герта, во-первыхъ, извинилась за ужасную сцену, разыгранную ею съ нами третьяго дня вечеромъ; затѣмъ, чтобы она дала мнѣ plein pouvoir покончить за нее въ Грибеницѣ и назначить день помолвки, которая и совершится en petit comité. Для выясненія ей всего этого вы благоволите, madame, дать ей испрашиваемую ею аудіенцію, если угодно, даже немедленно. И такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что ей ничего болѣе не остается дѣлать, какъ въ порывѣ благодарности цѣловать ваши руки, то... то нашъ туалетъ окажется вполнѣ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ и мы удостоимъ нашимъ присутствіемъ первый семейный обѣдъ.

Послѣднюю половину рѣчи онъ проговорилъ по-французски, что служило яснымъ доказательствомъ его увѣренности въ благопріятномъ исходѣ дѣла и полномъ согласіи на все со стороны супруги. А ей приходилось именно теперь открыть ему то, о чемъ не было никакой возможности умалчивать долѣе, и тѣмъ разрушить его пріятныя мечты о предстоящей великолѣпной роли великодушнаго родственника, прощающаго виновныхъ и заблудшихъ, ласково принимающаго внука и его красавицу жену.

— Герта только что была у меня...—начала старушка, задыхаясь отъ волненія.—Была сегодня утромъ прежде, чѣмъ вы встали. Она...

— Ну?—сказалъ камергеръ, не ожидавшій ничего добраго отъ такого приступа.—Ну, и что же?... Вы поступили очень

дурно, принявши ее вопреки моему формальному запрещенію... Но въ чемъ же дѣло? Въ чемъ?

— Вы разсердитесь на меня, хотя я рѣшительно ни въ чемъ тутъ не виновата; я была такъ перепугана, такъ перепугана, какъ и вы испугаетесь...

— Не хочетъ? Не согласна, даже теперь? Да говорите же, чортъ возьми...

— Не можетъ она... не можетъ послѣ того, какъ третьяго дня вечеромъ...

— Да говорю же вамъ, что все это я устрою...

— Она дала слово Гансу.

Чтобы выговорить это, старушка собрала весь остатокъ своихъ силъ и затѣмъ въ изнеможеніи откинулась на спинку кресла. Въ первую минуту камергеръ подумалъ, что ослышался. Блѣдное, убитое лицо жены устраняло всякое дальнѣйшее сомнѣніе въ невозможномъ. Онъ хотѣлъ было насмѣшливо расхохататься, но отъ бѣшенства, вмѣсто смѣха, у него вырвалось изъ груди какое-то страшное хрипѣніе.

— Bravo! — воскликнулъ онъ. — Превосходно! Глупость на глупости! Не удалось сдѣлать великолѣпную партію, такъ давай бросусь на шею первому встрѣчному! Видали мы это, видали! Но не такому же!... Человѣкъ безъ манеръ, безъ образованія, безъ сердца, полуумный... нашъ тиранъ, нашъ тюремщикъ! Это неслыханно, это позорно! Это просто преступленіе! Измѣна какая-то, заговоръ... противъ насъ заговоръ, madame, противъ насъ! Заговоръ, затѣянный змѣею, которую мы согрѣли на своей груди, которая изъ благодарности, какъ и слѣдуетъ, кусаетъ своихъ благодѣтелей, убиваетъ ихъ! Я убить, на смерть убить!... Тяжело было жить въ зависимости отъ этого криваго клоуна, отъ этого неотесаннаго болвана... очень тяжело. Но имѣть госпожею эту... нищую, взятую нами изъ милости, дочь какого-то пьянчуги и особы, бывшей, по просту говоря, вашею горничною... этого я не переживу! Безстыжая кокетка! Подлая, фальшивая тварь! Понятно, нужно же было ей поймать кого-нибудь такого, кто бы не помѣшалъ ея продѣлкамъ. По крайней мѣрѣ, и это утѣшеніе. Заранѣе поздравляю васъ, madame, съ правнучками... съ немножко пестренькими правнучками... и чѣмъ пестрѣе, тѣмъ лучше!... А такъ какъ вы, повидимому, изволили заключить полный миръ съ вашими милѣйшими, почтительными родственниками, то прошу васъ не стѣсняйтесь ради меня, сдѣлайте

одоленіе, отправляйтесь кушать съ ними... Я же осмѣлюсь испросить разрѣшеніе дозволить мнѣ удалиться въ свою комнату. Я готовъ былъ покориться необходимости имѣть одну внучку, но двухъ внучекъ и притомъ заразъ... c' est plus fort que moi! Merci! Adieu, madame, adieu!

Прихрамывая и ковыляя, камергеръ убѣжалъ въ свою комнату, на весь домъ хлопнулъ дверью, заперъ ее на ключъ и для большей безопасности, вѣроятно, съ шумомъ задвинулъ задвижку. Старая бабушка не попыталась даже удерживать разсвирипѣвшаго супруга; она знала по опыту всю безполезность подобныхъ усилій, къ тому же у нея такъ дрожали ноги и руки, что лишали возможности сдѣлать какое-либо движеніе. Она осталась въ креслѣ у открытаго окна. Теплый лѣтній вѣтерокъ доносилъ къ ней ароматъ цвѣтущихъ липъ и мѣшалъ его съ запахомъ духовъ ея носоваго платка, который она поднесла къ рѣсницамъ и ловила на лету слезы, чтобы не дать имъ скатиться на раскрашенныя щеки. Все произошло именно такъ, какъ она ожидала. Ненависть къ Гансу заставила старика забыть, что онъ, можетъ быть, еще вчера, а сегодня навѣрное, рѣшился помириться съ Густавомъ и любезно принять его красавицу жену. Могъ ли онъ противустоять такой приманкѣ, когда въ добавокъ красавица—дочь владѣтельнаго князя! Бракъ Герты съ Акселемъ, въ который, по его мнѣнію, она готова была вступить по собственному желанію, былъ бы ему очень на руку, и сама Герта сдѣлалась его любимицею съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ надежду на ея замужство за графа Грибена. Понятно, что теперь, когда все это рушилось, онъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для невѣсты Ганса.

Бѣдный Гансъ! Старикъ безповоротно возненавидѣлъ его съ той минуты, какъ она сказала про ребенка, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на дѣда, ея перваго мужа. Какъ это было неосторожно! И зачѣмъ только сорвалось это у нея съ языка! Покинутый, ни въ чемъ неповинный мальчикъ сталъ, между тѣмъ, въ глазахъ мужа своей бабушки постояннымъ, живымъ напоминаніемъ о человѣкѣ, котораго тотъ никогда не видалъ, но воспоминаніе о которомъ было для него вѣчно незаживающею раною; самое ничтожное прикосновеніе къ этому больному мѣсту причиняло старику невыносимыя страданія... Ревность?.. Можетъ быть, въ началѣ. Но, увы! теперь этимъ сказывалась только гордость, одно самолюбіе, не мирившееся съ мыслью, что она когда-то, прежде него, могла любить другаго!

Любила! И какъ онъ заслуживалъ ея любовь! Какъ ребенка носилъ онъ ее на рукахъ; въ семнадцать лѣтъ она и была, впрочемъ, ребенкомъ... избалованнымъ, гордымъ ребенкомъ, страстно любившимъ наряды... Этому ребенку все извинялось, все дозволялось; всякая прихоть, дорого стоящая фантазія удовлетворялась съ царскою расточительностью. При этомъ ни словомъ, ни взглядомъ онъ никогда не показалъ неудовольствія, хотя, конечно, видѣлъ,—не могъ онъ не видѣть, — какъ его крупное состояніе, точно вода, утекаетъ сквозь ея незнающія счета руки... А ея Гарольдъ, ея единственное дитя, весь въ нее, своенравный, легкомысленный, избалованный... Она бросила его юношей, едва вышедшимъ изъ дѣтства, и послѣ очень короткаго вдовства влюбилась въ красавца шведа, послѣдовала за нимъ. Какъ часто впослѣдствіи все это представлялось ей настоящимъ безумiемъ!

Старушка безпокойно задвигалась въ своемъ креслѣ. Съ какой стати все это пришло ей теперь на память? Вся жизнь проносилась передъ нею въ видѣніяхъ и образахъ, точно рядъ картинъ волшебнаго фонаря... и именно въ эту минуту, когда льется въ окно яркій свѣтъ веселаго дня, веселыя пѣсни птицъ, ароматы цвѣтовъ, а надъ всѣмъ безоблачный блескъ небесной лазури...

Такъ же сіяло небо, такъ же ярко свѣтило лѣтнее солнце, когда тамъ по липовой аллеѣ двигалась похоронная процессія, уносившая изъ дома тѣло юной супруги Гарольда на вѣчное ложе, рядомъ съ его едва закрывшейся могилой. Держа въ рукахъ ея холодѣющую руку, она обѣщала умирающей быть доброю бабушкою кроткому мальчику съ черными пугливыми глазами и новорожденному малюткѣ, обѣщала по мѣрѣ силъ своихъ замѣнить имъ отца и мать... И какъ же сдержала она это обѣщаніе!... Боже мой, Боже! А, между тѣмъ, она клялась съ твердымъ намѣреніемъ, съ горячимъ желаніемъ все сдѣлать къ лучшему, и сдѣлала бы навѣрное, если бы...

О, она не хотѣла его винить! Вѣдь, онъ же, все-таки, любилъ ее,—иначе зачѣмъ бы онъ женился, когда она была на три года старше его и ничего не имѣла, кромѣ вдовьей части, оставленной ей первымъ мужемъ? Для него это была ничтожная бездѣлица; онъ на одну карту ставилъ большія суммы и выигрывалъ ихъ, и проигрывалъ. Несчастныя карты! Сотни разъ онъ на колѣняхъ клялся ей не брать ихъ въ руки и вслѣдъ затѣмъ игралъ потихоньку отъ нея, проигрывалъ состояніе ея внуковъ, которымъ

долженъ былъ замѣнить отца. Ставши ихъ опекуномъ, онъ пустилъ бы ихъ нищими по міру, если бы не подросъ Гансъ и не успѣлъ спасти послѣднихъ остатковъ отцовскаго имѣнія. Не для себя,—для мота-брата, для нихъ—стариковъ, для поддержанія, по мѣрѣ возможности, ихъ обычной обстановки; тогда какъ себѣ онъ во всемъ отказывалъ, жилъ бѣднѣе послѣдняго изъ работниковъ и работалъ съ ними въ запуски. Бѣдный Гансъ! Бѣдный, добрый, великодушный Гансъ! За все добро тебѣ платятъ неблагодарностью и ненавистью; у тебя хотятъ отнять единственную награду, единственное счастье...

Но какъ ни ненавидитъ его старикъ, онъ сдѣлать ничего не въ силахъ, не можетъ лишить его счастья... Только счастье ли это будетъ для Ганса? Она обворожительное существо; ей стоитъ захотѣть, и она всякаго можетъ сдѣлать счастливымъ. Захочетъ ли? Она сама сказала, что еще не любитъ его, но надѣется, что сможетъ полюбить, какъ онъ того заслуживаетъ. Многозначительныя слова въ ея устахъ, всегда умѣвшихъ найдти точное и подходящее выраженіе мысли, занимавшей ея умную головку. Но при этомъ,—не говоря уже о другихъ многочисленныхъ обожателяхъ,—присутствіе здѣсь Густава... Вѣдь, она же любила его до третьеводняшняго вечера, иначе для чего бы ей было оставаться дома? Едва ли это доведетъ до добра, едва ли кончится благополучно. Бѣдный, бѣдный Гансъ! А я... я ничѣмъ не могу ему помочь... Что я могу сдѣлать, угнетенная, забитая тираномъ мужа, больная, семидесятилѣтняя старуха?

Слезы хлынули неудержимымъ потокомъ, и она уже не ловила ихъ на рѣсницахъ, забыла о своихъ набѣленныхъ и нарумяненныхъ щекахъ. Безпомощно скрестивши руки на колѣняхъ, открытыми глазами она опять видѣла, какъ проносились передъ нею и смѣнялись одна другою сцены ея столь счастливо начатой жизни... въ разгарѣ молодости—красота и любовь... потомъ все пустѣе, все холоднѣе и безпривѣтнѣе становится вокругъ; подъ конецъ пошлая комедія, въ которой она, въ угоду гордости мужа, продолжала разыгрывать старую роль, всюду слѣдуя на немъ въ общество, присѣдая, улыбаясь по заказу, играя вѣеромъ, слушая пустословіе, пустословя сама... а голова пуста, пусто сердце и старыя кости такъ устали, такъ невыносимо устали...

Глава XVIII.

Въ разговорѣ молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ у входа въ паркъ, произошелъ перерывъ, длившійся уже нѣсколько минутъ. Изея, повидимому, не замѣчала этого, тогда какъ Герта очень искренно страдала. Она вынуждена была сознаться, что ея прославленное умѣнье вести бесѣду оказалось на этотъ разъ несостоятельнымъ. О чемъ, о чемъ только ни пыталась она заводить рѣчь съ иноземкою-родственницею! О своемъ прошломъ красавица, очевидно, не желала говорить, иначе она бы не оставила безъ поддержки, безъ отвѣта клонившіеся въ эту сторону намеки Герты. На всѣ попытки дѣвушки выяснить положеніе, во многихъ отношеніяхъ выходящее изъ ряда вонъ, она дѣлала такой видъ, какъ будто все само собою ясно и понятно и никакого объясненія не требуетъ. Такое равнодушное, безучастное отношеніе къ настоящему устраняло всякую возможность какой бы то ни было рѣчи о будущемъ, полномъ самыхъ живыхъ вопросовъ. Спокойная, невозмутимая красавица казалась Гертѣ съ каждою минутою все загадочнѣе. Она просто глупа, должно быть, десятки разъ думала Герта, и каждый разъ видѣла полное опроверженіе такого предположенія въ тонкихъ чертахъ прелестнаго лица, въ выразительномъ взглядѣ большихъ, темныхъ глазъ, въ привлекательной улыбкѣ, отъ времени до времени скользившей на восхитительныхъ губкахъ. Молодая дѣвушка подыскивала объясненіе этой красивой, живой загадкѣ въ обычаяхъ ея родины, въ привычкѣ, въ обязательности даже скрывать свою душу подобно тому, какъ восточныя женщины скрываютъ лица подъ покрывалами. Но Изея почти ребенкомъ оставила родину, четыре года прожила въ Парижѣ,—правда, прожила въ монастырѣ, но, все-таки, во Франціи... Во всякомъ случаѣ, достало же у нея смѣлости полюбить Густава, довѣриться ему послѣ несчастья, постигшаго ея семью. Затѣмъ годъ скитальчества по чужимъ странамъ долженъ былъ развить эту душу, снять съ нея ея восточное покрывало... не даромъ же пережила она годъ заботъ, страха и отчаянія, не даромъ узнала она любовь въ ея двоякомъ проявленіи, любовь супруги и матери.

Или, быть можетъ, ея молчаніе есть признакъ ума? Не скрываетъ ли она подъ нимъ неувѣренность въ своемъ положеніи на чуждой сторонѣ, на которой она очутилась такъ неожиданно? Хочетъ ли она сперва получить увѣренность въ томъ, что ея

маленькія ножки стоятъ на достаточно твердой почвѣ? Или, прежде чѣмъ самой довѣриться кому-нибудь, она хочетъ заручиться доказательствами довѣрія къ ней въ особенности со стороны той женщины, о которой она знала, что та была невѣстою ея мужа, что она отняла у нея любимаго человѣка, истинныя чувства которой оставались ей неизвѣстными послѣ быстрой помолвки этой дѣвушки съ братомъ ея мужа? Всего этого Изея не выдала ни словомъ, ни намекомъ.

«Иначе и быть не можетъ,—говорила сама себѣ Герта,—она не вѣритъ мнѣ, не довѣряетъ моей искренности. Она не вѣритъ, пожалуй, и Густаву? Права она въ этомъ или нѣтъ? Не отъ меня ли зависитъ опять привлечь къ себѣ этого непостояннаго человѣка? Не далѣе, какъ вчера, въ ту минуту, когда они подходили, у него хватило духа опять заговорить со мною о любви. И хотя съ той поры онъ скрываетъ свою игру, но она, вѣдь, его жена и, быть можетъ, лучше его самого видитъ, что́ на душѣ у этого безумца».

— Изея,—сказала Герта вслухъ.

Изея взглянула на нее своими чудными глазами и улыбнулась.

— Изея,—повторила дѣвушка,—мы съ вами о многомъ, обо всемъ говорили, только объ одномъ не сказали ни слова, о томъ, что въ настоящую минуту должно меня интересовать больше всего и больше всѣхъ на свѣтѣ.

Спокойный взглядъ Изеи былъ все такъ же ясенъ и невозмутимъ. Знала ли она, о комъ будетъ рѣчь? Хотѣла ли вызвать Герту на продолженіе этой рѣчи? Все равно, Герта для себя лично хотѣла говорить о немъ, облегчить душу отъ тяжести, охватывавшей ее съ новою силою.

— Вы знаете о комъ? О Гансѣ,—договорила она медленно.

Она хотѣла было сказать: о моемъ Гансѣ, но языкъ не повернулся. Изея кивнула головою и отвѣтила своимъ всегдашнимъ апатичнымъ, хотя и очень милымъ тономъ:

— Онъ очень красивый мужчина.

Герта вздрогнула. До третьяго дня она никогда не думала о томъ, красивъ или некрасивъ Гансъ. Ей казалось, что онъ былъ все такимъ же, какимъ она помнила его съ дѣтства,—большимъ, черномъ, робкимъ, молчаливымъ, въ костюмѣ и въ положеніи хорошаго управляющаго, готоваго смутиться какъ только къ нему обращается кто-нибудь изъ членовъ барской семьи и вѣчно старающагося избѣжать встрѣчи съ господами. Лишь смутно пом-

нила она то время, когда его лицо не было такъ серьезно и печально, и борода не была такъ длинна; но кривымъ онъ былъ для нея всегда, хотя потерялъ способность видѣть однимъ глазомъ, когда ей уже было семь лѣтъ. Со вчерашняго дня она не разъ пыталась разсмотрѣть его украдкой, но не пришла ни къ какому иному заключенію, какъ лишь къ тому, что, несмотря на его тридцать лѣтъ, онъ можетъ считаться молодымъ человѣкомъ. Теперь же, къ удивленію своему и къ не малому страху, она слышитъ, что онъ хорошъ собою, слышитъ отъ женщины, отъ красавицы, видѣвшей его въ первый разъ всего два дня тому назадъ.

— Вы серьезно это говорите? — сказала она, принужденно улыбаясь.

— Конечно,—возразила Изея. — Онъ много красивѣе моего мужа; онъ самый красивый изъ мужчинъ, какихъ я когда-либо видала.

Она проговорила это съ необыкновенною живостью, поразившею Герту болѣе, чѣмъ странность ея словъ.

— Красивѣе и лучше всѣхъ,—продолжала Изея.—Но этого, все-таки, мало; почти всѣ мужчины гадки, тщеславцы, безчестны, думаютъ только о себѣ. Его и сравнивать нельзя съ другими. Онъ добръ, и не подозрѣваетъ этого; онъ хорошъ собой, и этого не подозрѣваетъ; онъ честенъ, и этого не знаетъ; онъ простодушенъ, какъ дитя, онъ кажется дикимъ, глупымъ... и все это потому только, что никогда не думаетъ о себѣ, а думаетъ лишь о другихъ. Третьяго дня вечеромъ... я чувствовала себя такою одинокою, такою несчастною, покинутою всѣми. Меня терзалъ вопросъ: какъ примутъ меня, моего ребенка? Всѣмъ мы будемъ непріятны, всѣмъ въ тягость... Вошелъ онъ, и весь мой страхъ разсѣялся. Такое чувство должны ощущать люди, когда къ нимъ является ангелъ. А вчера утромъ... меня снова охватили заботы... мужъ исчезъ, моя кормилица злится, воюетъ, въ домѣ шумная компанія мужчинъ... Одинъ изъ нихъ встрѣтилъ меня въ саду, когда я хотѣла скрыться, заговорилъ со мною... Я думала, что умру отъ страха... Явился онъ, взялъ меня за руку, и опять страха какъ не бывало... Осмѣлься кто-нибудь тронуть бѣдную Изею, осмѣлься сдѣлать ей что-нибудь дурное! Никто не смѣетъ, всѣ безсильны передъ добрымъ, сильнымъ, храбрымъ!

Изея смолкла, и опять ея мечтательный взоръ блуждаетъ по густой зелени деревьевъ; только еще глубже, еще блестящѣе

стали темные глаза, точно изъ нихъ свѣтилось одушевленіе, съ которымъ она пѣла хвалебный гимнъ Гансу. Пѣсня эта далеко не пріятно прозвучала въ ушахъ Герты. Что это такое? Что заставило вдругъ заговорить эту нѣмую красавицу? Простая благодарность не находитъ такихъ выраженій, такихъ звуковъ, не зажигаетъ въ глазахъ такого темнаго блеска. Не можетъ же она любить въ одно время Густава и Ганса! Или она уже не любитъ мужа? Неужели возможно, чтобы по странному совпаденію мечтательница полюбила мечтателя, разлюбивши полнаго жизни мужа, котораго она съумѣла обворожить на короткое время, но не смогла привязать къ себѣ и удержать?

Такія думы тѣснились въ головѣ Герты, сидѣвшей молча рядомъ съ умолкнувшею опять чужеземкою. Мысленно она повторяла себѣ, что всѣ эти вопросы и сомнѣнія не могли такъ мучить ее, если бы уже не одолѣвали ее со вчерашняго дня, если бы все было такъ, какъ быть должно, если бы была настоящая, честная любовь, а не какое-то смутное исканіе въ неясныхъ потемкахъ, не искусственно вызываемыя, дѣланныя чувства.

Съ каждою секундою ея расположеніе духа становилось все мрачнѣе, и вотъ, какъ бы для того, чтобы довести это состояніе до полной невыносимости, Гертѣ показалось, будто въ воротахъ парка направо отъ дома мелькнула фигура мужчины, Акселя фонъ-Грибенъ. Черезъ два-три мгновенія фигура выдѣлилась изъ скрывавшихъ ее кустовъ,—это былъ дѣйствительно Аксель. Онъ оглянулся на замокъ, потомъ на противуположную сторону и съ такимъ видомъ, какъ будто нашелъ то, что искалъ, издали поклонился дамамъ и быстро направился къ нимъ. Герта не смогла удержаться отъ досадливаго восклицанія, обратившаго вниманіе Изеи на посѣтителя. Она лѣниво повернула голову и проговорила тихимъ, апатичнымъ голосомъ:

— Смотрите, вчерашній господинъ! Какъ называлъ его вашъ женихъ?

Такъ это отъ Акселя избавилъ ее Гансъ? И ей ни слова не сказали про встрѣчу, которая, несомнѣнно, должна была интересовать ее. Уже не думаетъ ли Гансъ, что ему не слѣдуетъ говорить съ нею объ этомъ человѣкѣ изъ за какой-то деликатности, казавшейся ей обидною?

Между тѣмъ, Аксель подошелъ къ нимъ, раскланялся, держа шляпу въ рукахъ, и усмѣхнулся съ замѣтнымъ смущеніемъ, да-

леко не согласовавшимся съ его обычною самоувѣренностью и беззастѣнчивостью.

— Bon jour, mes dames!—заговорилъ онъ по-французски.— Прошу извинить, если я нарушилъ вашъ восхитительный tête-à-tête. Но я не могъ противустоять желанію справиться о здоровьи прелестной дамы, съ которою имѣлъ счастье познакомиться вчера утромъ, о чемъ вамъ, mademoiselle, вѣроятно, сообщилъ вашъ женихъ... А равно узнать и о томъ, какъ вы поживаете, и имѣть честь передать вамъ искреннѣйшія привѣтствія матушки и батюшки. Позволяете? Благодарю, тысячу разъ благодарю!

Онъ сѣлъ на одинъ изъ садовыхъ стульевъ и, обращаясь къ Гертѣ, проговорилъ:

— Они было нѣсколько разсердились на васъ, не смѣю скрыть... признаюсь, въ первую минуту и я тоже; но, увѣряю васъ, только въ первую минуту. Потомъ мнѣ тотчасъ же пришло въ голову: да, вѣдь, совершенно понятно, въ порядкѣ вещей ваше желаніе встрѣтить cousin, товарища дѣтскихъ игръ, возвращающагося послѣ трехлѣтняго отсутствія, побыть съ нимъ наединѣ, ни мало, конечно, не затрогивая тѣмъ правъ его прелестной супруги... А какъ, однако, всѣхъ удивилъ нашъ дорогой Густавъ своею женитьбою... По крайней мѣрѣ, насъ, его друзей, и... если не ошибаюсь, свое семейство тоже. Вы, фрейленъ, не станете оспаривать, что съ его стороны это было не совсѣмъ хорошо? Но... развѣ вы не знаете нашего Густава? У него, вѣдь, все дѣлается не такъ, какъ у насъ, простыхъ смертныхъ! Въ данномъ же случаѣ онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что его оправдаютъ и друзья, и недруги. Согласны вы со мною, фрейленъ Герта?

— Извините,—сказала дѣвушка,—я вижу старую Панкъ; вѣроятно, ей нужно что-нибудь по хозяйству, и я,—съ вашего позволенія,—должна пойти помочь ей. Я вернусь черезъ нѣсколько минутъ. А такъ какъ вы уже старые знакомые...

— Старые знакомые! Это прелестно, восхитительно! — воскликнулъ Аксель, громко смѣясь.—Восхительно! На двѣ минуты, фрейленъ, не болѣе, какъ на двѣ минуты!

Послѣднія слова онъ проговорилъ въ то время, когда Герта уже шла между клумбами къ балкону, гдѣ ее, повидимому, ждала Панкъ. Аксель пересѣлъ на мѣсто Герты ближе къ Изеѣ и насмѣшливо заговорилъ, показывая глазами въ сторону удаляющейся дѣвушки:

— Бѣдняжка! Винить ее нельзя! Теперь вы сами видите, madame, насколько я былъ правъ вчера, позволивши себѣ сказать, что вы натолкнетесь здѣсь на довольно запутанныя обстоятельства. Но тогда я не зналъ даже, что наша маленькая фрейленъ поспѣшила еще болѣе увеличить всю эту путаницу... въ особенности путаницу въ собственномъ нѣжномъ сердечкѣ... и, par dépit, сдѣлала выборъ, деликатно выражаясь, крайне поразившій ея друзей.

— Васъ перваго?

Изея такъ неожиданно приподнялась изъ своего полулежачаго положенія, что онъ не въ шутку испугался и невольно вспомнилъ черную змѣю, разъ точно такъ же поднявшуюся изъ травы передъ нимъ на охотѣ и сверкавшею на него искрящимися глазами. Онъ усмѣхнулся, полусмущенно, полусамодовольно, и сказалъ:

— Простите мое любопытство; отъ кого вы знаете то, что, какъ мнѣ казалось, здѣсь имѣли поводы держать въ тайнѣ?

Она опять опрокинулась на спинку стула и опять устремила разсѣянный, полузакрытый взоръ на зеленый сводъ дрожавшей надъ ними листвы.

— Ни отъ кого.

— Однако...

— Иное видишь, иное слышишь, иное угадываешь такъ, стоитъ только не закрывать глазъ и не затыкать ушей.

— Да?

— Васъ удивляетъ это?

— Только не въ васъ, madame... не въ васъ!

— Это почему?

— Потому что такіе большіе глаза должны все видѣть, такія маленькія ушки должны все слышать. Это понятно. Ахъ, madame...

Онъ несмѣло взглянулъ на нее жадно-страстными глазами. Она сидѣла въ той же небрежной, мечтательной позѣ. Сквозь зелень деревьевъ пробился золотой лучъ солнца и точно заигрывалъ съ ея раскошными, какъ смоль черными, волосами, ласкалъ нѣжный румянецъ щеки и прятался за античнымъ изгибомъ шеи. Аксель не могъ оторвать отъ нея опьяненнаго взора и въ душѣ клялся себѣ во что бы ни стало овладѣть красавицею, хотя бы это стоило ему жизни.

— Послушайте, скажите мнѣ...

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ; ему показалось, будто медленно поднявшіеся на него глаза молодой женщины прочли въ его душѣ волновавшія его безумныя мечты.

— Что вамъ угодно?

— Скажите, вы настоящій другъ Густава?

— Былъ другомъ съ самаго ранняго возраста. Мы ровесники.

— Были? А теперь развѣ не желаете остаться тѣмъ же, чѣмъ были?

— Желаю ли я!... Это будетъ зависѣть единственно отъ него. Я горю нетерпѣніемъ увидать его. Вѣроятно, онъ скоро вернется; я слышалъ, онъ уѣхалъ съ барономъ Гансомъ.

— А съ нимъ вы тоже дружны?

— Конечно; но онъ старше меня лѣтъ на пять или на шесть. Онъ всегда былъ довольно страннымъ человѣкомъ, съ которымъ не легко сойтись близко, и, притомъ, казалось, жилъ только для одного человѣка, для Густава, любилъ его, какъ зеницу ока... Pardon! Извините!

— Въ чемъ?

— Я не подумалъ... о непріятной исторіи съ другимъ-то глазомъ. Онъ при мнѣ его лишился.

— Разкажите.

— Мы играли, то-есть Густавъ, я и еще два мальчика. Баронъ Гансъ былъ тутъ же. Онъ всегда былъ тамъ, гдѣ Густавъ, и училъ насъ разнымъ играмъ... на это онъ великій мастеръ. Въ тотъ разъ мы играли лукомъ,—знаете, такая штука... Ахъ, да, вы знаете. Прекрасно! Онъ самъ сдѣлалъ намъ лукъ и попадалъ постоянно въ самый центръ. Онъ, вообще, замѣчательный стрѣлокъ, первый стрѣлокъ во всей странѣ. Намъ, конечно, далеко было до него. Густавъ въ особенности злился на это... Онъ всегда изъ себя выходилъ, когда видѣлъ, что кто-нибудь дѣлалъ что лучше, чѣмъ онъ. Онъ и сказалъ брату: «Если ты въ слѣдующій разъ опять попадешь въ точку, а я промахнусь, то я прострѣлю тебѣ глазъ». Мы расхохотались, смѣялся и баронъ Гансъ, попавшій опять въ центръ, тогда какъ стрѣла Густава не попала даже въ доску. Тутъ поднялись крики, шумъ, хохотъ... Я не видалъ, что произошло потомъ. Только вдругъ Густавъ громко вскрикнулъ и выронилъ лукъ; баронъ Гансъ, стоявшій шагахъ въ пяти отъ него, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; въ лѣвомъ глазу у него торчала стрѣла... Ужасно! Вы

можете себѣ представить нашъ страхъ, продолжавшійся, правда, очень не долго, одинъ моментъ, такъ какъ баронъ Гансъ тотчасъ же спокойно вынулъ стрѣлу, засѣвшую иголкой въ его глазъ, и сказалъ, что это ничего; поднялъ Густава, катавшагося по травѣ, кричавшаго и плакавшаго, точно не онъ, а его ранили. Гансъ взялъ его за руку и пошелъ съ нимъ прочь, прикрывая глазъ платкомъ. Глазъ, какъ вы видѣли, зажилъ; осталось только бѣлое пятнышко внизу зрачка. Во всемъ остальномъ нѣтъ почти никакой разницы съ здоровымъ глазомъ; развѣ только, что онъ менѣе блестящъ и подвиженъ. Но баронъ Гансъ имъ рѣшительно ничего не видитъ, и я твердо убѣжденъ, онъ съ перваго момента зналъ, что останется навсегда безъ глаза.

— Онъ герой,—сказала Изея.

Аксель закусилъ губу; онъ дѣлалъ на этотъ разъ глупость за глупостью. Неужели онъ не могъ лучше употребить свое время, какъ на подобные разсказы хорошенькой женщинѣ, слушавшей его, правда, съ интересомъ... съ излишнимъ даже интересомъ, очень лестнымъ для барона Ганса и весьма мало желательнымъ для самого разскащика?

— Васъ, кажется, удивляетъ мое одушевленіе, — сказала молодая женщина, повидимому, опять угадавшая его мысли.— Я дочь народа, у котораго чествованіе героевъ возведено въ настоящій культъ.

— Вы это такъ говорите, какъ будто не то же самое у насъ. Я полагаю, что моимъ разсказомъ я доказалъ, какъ высоко цѣню добрыя, если угодно, великія качества барона Ганса.

— Это очень счастливо. Я не позволю называться моимъ другомъ тому человѣку, который не считаетъ себя другомъ моего деверя.

— Въ такомъ случаѣ, я имѣю на это право, клянусь въ томъ! Прошу васъ, умоляю дозволить мнѣ называться вашимъ другомъ!

— Съ удовольствіемъ бы согласилась... На чужой сторонѣ такъ дорого дружеское расположеніе! Только сомнѣваюсь я въ искренности вашей дружбы.

— Вы полагаете...

— Вы очень хорошо знаете, что я полагаю.

— Извольте, я, по чести, скажу вамъ всю правду. Я былъ оскорбленъ. Мое искательство не было отклонено; напротивъ, оно было поощряемо... Довольно сказать, я былъ взбѣшенъ и

рѣшился требовать удовлетворенія. Вчера я пріѣхалъ съ пріятелями въ Прору съ тѣмъ, чтобы привести это намѣреніе въ исполненіе. Тамъ, въ саду я встрѣтилъ одну особу... О, позвольте не договаривать... Позвольте не передавать вамъ, что было со мною, когда я вернулся домой, какой день, какую ночь я провелъ, какъ сегодня утромъ я пренебрегъ гнѣвомъ моихъ родителей, которые вышли бы изъ себя, если бы узнали, что я сижу здѣсь, погруженный въ созерцаніе прелестнѣйшей изъ видѣнныхъ мною когда-либо женщинъ, забывши нанесенное мнѣ оскорбленіе, забывши свою месть... ничего въ мірѣ не желая, какъ только, чтобы эта прелестнѣйшая изъ красавицъ не отвергла моего нѣмаго обожанія, ничего въ мірѣ не опасаясь такъ, какъ ея гнѣва за мою смѣлость.

— А вы именно этого-то и заслуживаете. Но, гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Я не вскочу съ мѣста и не убѣгу, какъ бы поступили ваши соотечественницы. Только вы ужь позвольте мнѣ немножко посмѣяться.

Она дѣйствительно засмѣялась, и этотъ смѣхъ окончательно озадачилъ молодаго человѣка,—звонкій, серебристый и невинный, какъ смѣхъ ребенка, которому удалась шаловливая затѣя; только въ глазахъ свѣтился нѣжный и страстный огонь, незнакомый дѣтскому взору. Вдругъ она приподнялась немного и сказала:

— Довольно. Я позволяю вамъ быть моимъ другомъ, но дружба требуетъ доказательствъ.

— Какихъ? Говорите, приказывайте... Клянусь вамъ...

— Подождите, случай представится, если мы будемъ имѣть честь видать васъ здѣсь часто и если вы ради новаго друга не забудете старыхъ друзей, въ особенности моего мужа и молодую дѣвушку, разсчитывавшую встрѣтить въ немъ жениха... и если... Вонъ, смотрите, какъ тамъ сердце сердцу вѣсти подаетъ.

Она вскинула глазами по направленію къ балкону, на которомъ только что появились Герта и Густавъ.

— А-а! Понимаю,—сказалъ Аксель.—Положитесь на меня.

Глава XIX.

Старой Панкъ нужно было переговорить съ Гертой объ обѣдѣ, для котораго былъ уже накрытъ столъ, спросить, останется ли графъ и не снять ли приборы ихъ превосходительствъ, такъ какъ они прислали сказать, что не сойдутъ кушать. Въ сущности же

фрау Панкъ, вызывая Герту, имѣла въ виду совсѣмъ другое. Едва выслушавши приказаніе молодой хозяйки оставить приборы на мѣстахъ, а пока прислать въ садъ какихъ-нибудь закусокъ, экономка залилась слезами и воскликнула:

— Фрейленъ Гертинька, этого я не могу выдержать!

— Что еще такое случилось?

— Ахъ, фрейленъ Гертинька! Эта иностранная персона! Приходитъ она въ кухню готовить себѣ обѣдъ... Съ нами, съ добрыми христіанами, она не можетъ кушать и варитъ себѣ свое басурманское варево... мѣшаетъ кочергою въ печкѣ, того гляди опрокинетъ мой супъ... Я это ее за руку,—говоритъ, вѣдь, не могу я съ иностранной персоной,—а она какъ кинется на меня съ раскаленными угольными щипцами... при всѣхъ при людяхъ, въ моей собственной кухнѣ!.. Фрейлинъ Гертинька, это, наконецъ, невозможно... мнѣ, на старости лѣтъ! Нѣтъ, я этого не выдержу.

— Я ничѣмъ не могу тутъ помочь,—отвѣтила Герта нетерпѣливо. — Управляйся съ нею, какъ сама знаешь. Не могу же я сказать моей невѣсткѣ: отправьте во свояси вашу иностранную персону, какъ ты ее называешь...

— Это такъ, вѣрно, — возразила фрау Панкъ, рыдая.—По крайней мѣрѣ, хотя бы присмотрѣла она за своею вѣдьмою!.. Не то, если такъ пойдетъ дальше,—я уже и не знаю, что изъ этого выйдетъ.

— И я не знаю; стало быть, и толковать не о чемъ. Отправляйся лучше къ своему дѣлу, а мнѣ нужно въ садъ.

Фрау Панкъ ушла. Герта остановилась у стола. Настроеніе старой экономки совершенно совпадало съ ея собственнымъ расположеніемъ духа. Старики не сойдутъ къ обѣду. Бабушка еще утромъ предвидѣла это и сказала ей. Теперь она уже переговорила съ дѣдомъ, сообщила ему новость; онъ, само собою разумѣется, вышелъ изъ себя, какъ и слѣдовало ожидать. Герта могла себѣ представить всю сцену, какъ будто она происходила передъ ея глазами. Бѣдная бабушка! Кто бы могъ думать, что старушка такъ любитъ Ганса, когда она почти не произносила его имени, во всю жизнь не сказала ни слова въ его защиту при обычныхъ выходкахъ дѣда противъ него. Кто бы могъ ожидать, что ее такъ обрадуетъ извѣстіе о его помолвкѣ. Есть же на свѣтѣ душа, которая радуется этому. И отъ нея-то именно она лишена возможности услыхать, прочесть въ ея глазахъ:

«Ты хорошо сдѣлала; люби его, отдай ему всю свою душу, все сердце; онъ стоитъ того. Не допускай себя до того, чтобы быть пристыженной женщиною, сидящею тамъ въ саду, знающею его лишь два дня, не сказавшею съ нимъ сотни словъ и умѣющею такъ горячо хвалить его и цѣнить, тогда какъ ты сидишь молча, точно ребенокъ, и слушаешь старый урокъ, выучить который тебѣ было слишкомъ много времени и изъ котораго ты не знаешь ни слова».

— Густавъ!

Она только теперь увидала его, случайно взглянувши на дверь. Онъ быстро подошелъ къ ней и усадилъ ее на диванъ.

— Останься еще на минуту! Я знаю, кто тамъ. Ну, и пусть себѣ! Они какъ нельзя лучше обойдутся безъ насъ... А я еще не видалъ тебя сегодня.

Онъ крѣпко держалъ ея руку въ своей рукѣ и смотрѣлъ на нее искрящимися глазами. Согрѣтое знойнымъ солнцемъ лицо казалось опять молодымъ и такимъ же красивымъ, какъ въ былое время. Годовъ разлуки какъ бы не бывало... Точно онъ пріѣхалъ изъ Грюнвальда дня на два, на три поохотиться съ Гансомъ, побродить съ нею рука въ руку по полямъ и лѣсамъ. Счастливое, блаженное время!... Герта опомнилась, но Густавъ уже прочелъ по ея глазамъ все то, что въ этотъ моментъ пронеслось въ ея душѣ.

— Герта,—шепталъ онъ чуть слышно,—не уходи! Не отнимай руки! Видишь, я веду себя какъ слѣдуетъ... не цѣлую твоей руки... не падаю на колѣни, не цѣлую ногъ твоихъ, края твоего платья... А!

Она вырвала руку изъ его рукъ и вскочила съ дивана, сверкая на него широко раскрытыми, гнѣвными глазами.

— Если ты еще разъ... я скажу твоему брату, чтобы онъ выгналъ тебя опять вонъ!

Она не хотѣла сказать этого, но въ сильномъ возбужденіи не подыскала другаго выраженія. Ей жалко стало, когда она увидала, что Густавъ пошатнулся, какъ раненый, и долженъ былъ сдѣлать шагъ назадъ, чтобы не упасть. Но слово было сказано, и она изъ опасенія себя самой не рѣшилась взять его назадъ. Послѣ тяжелой паузы Густавъ заговорилъ медленно и тихо:

— Я прощаю тебѣ! Какъ же ты должна быть несчастна сама, если несчастному, молящему о кусочкѣ хлѣба, бросаешь только камень. Будь покойна, я не повторю моей просьбы; за

это время я достаточно притерпѣлся къ жаждѣ любви. Пойдемъ въ садъ съ веселыми и довольными лицами. Повести мнѣ тебя подъ руку? Нѣтъ? Мнѣ казалось, такъ было бы лучше; впрочемъ; какъ хочешь.

Онъ отворилъ балконную дверь и вмѣстѣ съ нею направился черезъ цвѣтникъ къ парочкѣ, сидѣвшей подъ тѣнью буковъ. Аксель, сидѣвшій опять черезъ стулъ отъ Изеи, обернулся и всмотрѣлся въ приближавшагося Густава, какъ человѣкъ, не вполнѣ довѣряющій своимъ глазамъ.

— Неужели онъ?—воскликнулъ Аксель и бросился Густаву на шею.

— Милый Густавъ! Нѣтъ, радъ-то я до чего! Наконецъ-то вернулся, бродяга! Заждались мы тебя... Нѣтъ... радъ-то я... радъ-то до чего! Загорѣлъ, бородка á la Henri IV... Я просто не узналъ тебя сразу.

Густавъ не особенно нѣжно снялъ руки Акселя съ своихъ плечъ и, смѣясь, отвѣтилъ:

— Ахъ, Боже мой! Не полстолѣтія же меня здѣсь не было! А вотъ ты такъ ни чуть не измѣнился, могу тебя завѣрить; каковъ былъ долговязый Аксель, такимъ и остался.

— Позволь,—я сталъ на десять фунтовъ тяжелѣе.—На послѣдней скачкѣ въ Зундинѣ... Но мы увлеклись и забываемъ дамъ! Фрейленъ, угодно вамъ сѣсть?... Madame, vous savez, ce cher Gustave et moi...

— Ну, зафранцузилъ!—воскликнулъ Густавъ. — Мы, слава Богу, на нѣмецкой землѣ; Изея отлично насъ понимаетъ, а чего не понимаетъ, то должна учиться понимать. Такъ, вѣдь, мое сокровище?

— Сокровище! Это божественно! Честное слово, божественно!—кричалъ Аксель.—Нѣтъ, Густавъ, вправду твоя супруга понимаетъ... Вы понимаете, madame?.. О, я вижу по вашимъ глазамъ, что да! И вы заставили меня, несчастнаго, коверкать французскій языкъ!...Нѣтъ, это неслыханно, это жестоко!.. Чѣмъ я заслужилъ?

— Очевидно, твоею страстью похвастать французскимъ языкомъ, когда можешь обойтись своимъ собственнымъ. Впрочемъ, собственный, должно быть, совсѣмъ пересохъ у тебя. Размочи-ка.

Густавъ налилъ вина, принесеннаго Вильгельмомъ, и подалъ Акселю полный стаканъ.

— Отъ всей души! За наше товарищество, какъ въ добрые, старые годы!—провозгласилъ Аксель.

— Не пройтись ли намъ, — обратилась Герта къ Изеѣ, — предоставивши имъ свободу предаваться своимъ воспоминаніямъ?

— Ни въ какомъ случаѣ!—воскликнулъ Аксель.—Дамы не должны покидать насъ; это значило бы уничтожить все очарованіе праздника по случаю нашего свиданья съ нимъ. За здоровье дамъ! И онѣ должны съ нами чокнуться!

— Моя жена не пьетъ никакого вина,—сказалъ Густавъ.—А ты, Герта, пила, бывало...

— Благодарю,—отвѣтила Герта. — Немного фруктоваго ликера... Изея, позвольте вамъ?

Изея отрицательно покачала головой и, поразительно подражая голосу Герты, сказала по-нѣмецки: «Благодарю!», отъ чего Аксель пришелъ въ неописуемый восторгъ и заявилъ, что въ ознаменованіе такого событія, какъ произнесеніе при немъ перваго нѣмецкаго слова супругою его стараго товарища, онъ выпьетъ свой стаканъ до дна. Густавъ чокнулся съ нимъ. Герта сѣла на свое прежнее мѣсто и приняла участіе въ разговорѣ, которымъ мало-по-малу овладѣвалъ Густавъ. Онъ не хотѣлъ дать Акселю превзойти себя въ находчивости и умѣньи владѣть собою, избыткомъ веселости думалъ замаскировать внутреннія тревоги. Онъ пустился въ повѣствованіе о томъ, какъ провелъ утро.

— Гансъ поднялъ меня чуть не до свѣту, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалась, хотя, быть можетъ, солнце уже часа два припекало землю... Поднялъ, не давши опомниться, водворилъ въ сѣдло и началъ мыкать по полямъ и лугамъ Стараго и Новаго Проница... т.-е.. собственно, не мыкать, это бы еще ничего, короче бы было; нѣтъ, таскалъ шагъ за шагомъ до того, что съ тоски и отчаянія наши несчастныя лошаденки уши повѣсили. А милѣйшій Гансъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, поочереди отрекомендовывалъ мнѣ то участокъ, бывшій съ незапамятныхъ временъ пустыремъ и превращенный имъ въ поле пшеницы, то ржаное поле на мѣстѣ болота, въ которомъ мы охотились по бекасамъ. Можешь себѣ представить, Аксель, въ какой восторгъ все это меня приводило, при моей необычайной и исконной любви къ хозяйству. Но мой восторгъ перешелъ всякою мѣру, когда въ одномъ четырехполѣнномъ, широкоплечемъ маломъ, ѣхавшимъ съ возомъ сѣна, я узналъ меньшаго сына принашика Штута, конфирмированнаго три года тому назадъ и бывшаго тогда настоящею

жердью... вродѣ тебя, Аксель! Потомъ, увы, я несказанно осрамился; мнѣ предложено было изъ шестидесяти или осмидесяти штукъ рогатаго скота узнать корову, интересовавшую меня своими необыкновенными рогами, когда она была еще телушкою; съ тѣхъ поръ она успѣла не только вырости. но и получить первую премію на выставкѣ; а я, несмотря на все это,—стыжусь признаться, — не узналъ ее. Такой позоръ роднаго брата крайне огорчилъ добряка Ганса и онъ всячески старался найти мнѣ оправданіе въ томъ, что я слишкомъ много видѣлъ всякой иностранной скотины, которая, какъ ему извѣстно изъ описаній и картинокъ, во многомъ разнится отъ его голштинскихъ коровъ, notabene, скрещенныхъ съ ольденбургскою породою. Чтобы утѣшить его, я согласился съ этимъ и позволилъ себѣ осторожно замѣтить, что ослабленіе моей проницательности можетъ происходить отчасти отъ того, что у меня со вчерашняго дня маковой росинки во рту не было. Къ такому заявленію онъ отнесся съ свойственнымъ ему человѣколюбіемъ и, хотя самъ, навѣрное, не чувствовалъ ни малѣйшей потребности ни въ какихъ росинкахъ, все-таки, милостиво согласился заѣхать позавтракать въ Ново-Проницъ. Къ счастью, мы были близко отъ дома, заѣхали и позавтракали... И какъ позавтракали! Знаешь, Герта, тебѣ бы слѣдовало очень серьезно переговорить съ фрау Рикманъ и внушить ей, что нельзя же варить яйца по десяти минутъ; такими хорошо слоновъ стрѣлять, а не угощать цивилизованныхъ европейцевъ... Ржаной хлѣбъ тоже можетъ оказаться не всякому европейцу по вкусу. О маслѣ и о ветчинѣ я умалчиваю; ихъ критиковать мнѣ воспрещаетъ уваженіе, съ которымъ мы обязаны относиться къ старости. И при этомъ добродушное лицо Ганса, его: «Ну, Густавъ, что, по вкусу тебѣ? Налягъ еще, у фрау Рикманъ найдется! Какого ты мнѣнія на счетъ стаканчика Рихтенбергера?»—Аксель! Помнишь зеленоватую чортову бурду, что солдатамъ давали пить, когда они замерзали на часахъ?... Такъ вотъ засѣдаемъ мы за нашимъ лукулловскимъ завтракомъ... я стараюсь принять внутрь второй стаканъ Рихтенбергера. Вдругъ подъѣзжаетъ экипажъ и Гансъ преспокойно объявляетъ: «Это князь пріѣхалъ».—Кто?—«Князь обѣщалъ пріѣхать сегодня утромъ, да я было совсѣмъ забылъ».—Онъ всталъ и отшагалъ вонъ изъ комнаты навстрѣчу гостю. Едва я выкарабкался съ просиженнаго кожанаго дивана,—чуть не опрокинулъ ходуномъ ходящій столъ съ завтракомъ и съ Рихтенбергеромъ, — какъ отворилась дверь

и вошелъ князь, привѣтливо протягивая мнѣ обѣ руки; а Гансъ идетъ за нимъ и тихонько руки потираетъ, — несомнѣнный признакъ, что очень доволенъ. Я, съ своей стороны, тоже не имѣлъ никакого повода быть недовольнымъ княземъ. Очень милъ и любезенъ, спросилъ о тебѣ, милая Изея, о томъ, мальчикъ у насъ или дѣвочка, очень интересовался моею ольденбургскою миссіей, много распрашивалъ про короля Людвига и про нашего юнаго короля Оттона... Словомъ, былъ такъ обворожителенъ, что я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, т.-е. первою паузою, чтобы распрощаться съ этими господами до радостнаго свиданія, такъ какъ имъ нужно толковать о дѣлахъ. Не смѣю похвалиться тѣмъ, чтобы меня удерживали; нѣтъ, совсѣмъ даже не удерживали, но я не могъ заподозрить въ томъ ничего для себя оскорбительнаго,—князь передъ тѣмъ сказалъ, что, какъ только ему позволитъ время, то онъ пріѣдетъ сюда, чтобы имѣть удовольствіе поговорить со мною и познакомиться съ тобою, милая Изея, и справиться о здоровьи нашихъ старичковъ, о которыхъ онъ слышалъ,—notabene, не отъ меня,— будто со времени бала у васъ, Аксель, они не выходятъ изъ своихъ комнатъ. И такъ, я всепочтительнѣйше откланялся и унесъ ноги въ ту минуту, какъ Гансъ преподносилъ его свѣтлости стаканъ своего Рихтенбергера,—да не сократитъ онъ дней стараго князя!... И вотъ я здѣсь, прошу дамъ не поставить мнѣ въ вину, что я такъ усердно прикладываюсь къ вину... За утро я такъ настрадался, что налью даже тебѣ, Аксель, не спрашивая, страдалъ ты или нѣтъ...

Болтовня Густава надрывала сердце Герты; она очень хорошо видѣла и знала, сколько дѣланнаго было въ этомъ смѣхѣ, въ этой игрѣ словами и чувствами. Если бы все это дѣланное было еще лучше разыграно, если бы онъ проявилъ еще большую силу воли надъ собою, самообладанія, то и тогда... о, тогда было бы тѣмъ хуже! Боже мой, ея ли вина, что вся эта сила, всѣ способности не находятъ другаго примѣненія, какъ на подобную жалкую игру жалкихъ комедій? Онъ самъ желалъ этого; онъ самъ вызвалъ безобразную сцену въ столовой, осмѣлившись говорить ей о любви... ей, невѣстѣ роднаго брата! Ей что за дѣло до какой-то жажды любви, которая его мучаетъ!

Герта взглянула украдкой на Изею, и тутъ только, какъ ей показалось, нашла разгадку словъ, полныхъ сердечной муки: откинувшаяся на спинку стула, красавица съ невозмутимымъ, без-

участнымъ лицомъ, съ полузакрытыми глазами, равнодушно блуждающими гдѣ-то въ пространствѣ, показалась ей отвратительною. Очень возможно, что она не все поняла изъ быстрой рѣчи Густава; допуская даже, что только половину... все-таки, вѣдь, это же ея мужъ, котораго она не видала цѣлое утро. Неужели такъ встрѣчаютъ любимаго человѣка? Не улыбнулась даже, тогда какъ для другихъ находятся такія очаровательныя улыбки. Хотя бы слово, хотя бы взглядъ, хотя бы признакъ чувства! Покой невозмутимый очаровательной головки, откинутой на мягкую спинку стула. Жажда любви! Опорожненный кубокъ, вылитый за окно въ тотъ моментъ, какъ они опять свидѣлись... А какъ любили! Господи Боже! И это только второй день... что ждетъ завтра, черезъ часъ, быть можетъ?

Герта не въ силахъ была долѣе выносить эти муки; она уже готова была встать и уйдти подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, когда увидѣла приближающуюся Зою съ ребенкомъ на рукахъ. Замѣтивши чужихъ, старуха хотѣла свернуть на боковую дорожку; нѣсколько словъ, сказанныхъ Густавомъ по-гречески, заставили ее подойти. Всѣ встали; Изея прикрыла вуалью блѣдное личико ребенка, начавшаго плакать при видѣ незнакомыхъ людей. Крикъ дитяти раздражалъ Густава; Изея отошла съ нянькой въ буковую аллею, сѣла не вдалекѣ на скамью и стала кормить ребенка. Герта сказала, что пойдетъ нарвать цвѣтовъ къ обѣденному столу, и принялась за составленіе букетовъ изъ клумбъ передъ балкономъ. Мужчины присѣли опять къ столику съ виномъ,—Аксель въ полъоборота по направленію аллеи, Густавъ—такъ, что могъ слѣдить за каждымъ движеніемъ Герты.

— Невеселый видъ у тебя, старый товарищъ, — сказалъ Аксель, хлопая Густава по колѣнкѣ.

— Стало быть, имѣются къ тому достаточно важныя основанія,—отвѣтилъ Густавъ, провелъ рукою по лбу и отпилъ большой глотокъ вина.

— Казалось бы, старина, что, имѣя такую жену... Не желая дѣлать комплементовъ, долженъ сознаться, что никогда ничего подобнаго не встрѣчалъ. Я просто пораженъ, и всѣ будутъ поражены не меньше. И попріятельски, между нами,— богата? Да?

— Была или, вѣрнѣе, будетъ со временемъ. Всѣ имѣнія... все состояніе, все рѣшительно конфисковано. Вѣдь, она дочь князя Колокотрини, знаменитаго героя Греціи, котораго временное пра-

вительство распорядилось посадить въ прошломъ году въ тюрьму... ты, вѣроятно, слышалъ.

— Понятія не имѣю! То-есть, конечно, до извѣстной степени... Про эти греческія дѣла приходилось читать, ну, про князя... Какъ ты его назвалъ? Настоящій князь?

— Болѣе настоящихъ не бываетъ... Можетъ вывести въ поле пять-десять тысячъ человѣкъ; вотъ потому-то... Ну, да я разскажу это тебѣ какъ-нибудь въ другой разъ...

Густавъ проговорилъ это недовольнымъ тономъ, на половину разсчитаннымъ, на половину натуральнымъ. Онъ такъ былъ увлеченъ снова возгорѣвшеюся любовью къ Гертѣ, что сталъ почти равнодушенъ ко всѣмъ остальнымъ интересамъ, ради которыхъ сочинилъ свою греческую сказку. На князя Прора она возъимѣла уже надлежащее дѣйствіе, слѣдовательно, половина дѣла обезпечена, и все же забавно было наблюдать за ея дѣйствіемъ на Акселя, смотрѣвшаго на Густава широко-раскрытыми глазами.

— Вчера вы этого никакъ не предполагали,—продолжалъ Густавъ,—когда при васъ нагружали на подводу багажъ изгнанниковъ? Гансъ намекалъ мнѣ кое на что: Цыганскій скарбъ? Да?

Аксель замѣтно сконфузился. Выраженіе это было дѣйствительно не разъ употреблено имъ и его пріятелями. Въ немъ еще ранѣе зародилось уже сомнѣніе въ вѣрности его перваго предположенія, что красавица, за которою онъ, не стѣсняясь, началъ ухаживать въ саду, «изъ легкихъ», что подцѣпилъ ее Густавъ гдѣ-нибудь на дорогѣ и что не трудно ее и отбить у пріятеля; но этого онъ никакъ не ожидалъ! Теперь понятнымъ становился и ея превосходный французскій говоръ, и изящество всей ея особы, и высокомѣрное кокетство... Дочь князя, слѣдовательно, принцесса, и доблестному рыцарю не такъ-то просто будетъ одержать побѣду, но тѣмъ славнѣе будетъ такая побѣда.

— Я просилъ бы не смѣшивать меня съ другими,—сказалъ Аксель.—Я же самъ говорилъ имъ вчера очень положительно, хотя никакъ не предполагалъ... То-есть я разсуждалъ такъ, что человѣкъ, какъ ты, не можетъ... но я, все-таки, не рѣшился бы явиться сюда сегодня... У меня былъ къ тому другой поводъ, очень основательный. Можно говорить прямо?

— Не вижу къ тому препятствій,—отвѣтилъ Густавъ.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Аксель,—я не знаю, насколько тебѣ извѣстны мои отношенія къ фрейленъ Гертѣ, въ особенности какъ они сложились въ послѣднее время.

— Полагаю, что я достаточно au courant.

— Тѣмъ лучше. Я уже говорилъ по этому поводу съ твоею супругою, внушающею мнѣ большое довѣріе, разсчитывалъ отчасти на то, что она передастъ нашъ разговоръ тебѣ. Я такого мнѣнія: случившагося не передѣлать; мы же съ тобою были всегда добрыми пріятелями. Должны ли мы изъ-за этого разойтись? Или даже ребра переломать другъ другу? Или же мнѣ слѣдуетъ накинуться на твоего брата, въ концѣ-концовъ, ровно ни-въ чемъ неповиннаго?...

— То-есть, это въ какомъ же смыслѣ?

— Ты не разсердишься?

— Даю въ томъ честное слово.

— Такъ я и говорю, нашъ добрякъ Гансъ помолвленъ съ фрейленъ Гертой потому только... ну, что тамъ растолковывать,—потому, что она этого хотѣла, потому что третьяго дня вечеромъ немножко потеряла голову, отпустивши стариковъ однихъ... Она просто подумала: пропустила одного, такъ выйду за другаго.

— Приношу благодарность отъ имени моей кузины. Стало быть, ты полагаешь, если я правильно понялъ, что теперь совершенно отъ тебя зависитъ возстановить status quo ante и желаешь, чтобы я помогалъ?

— Боже мой, если ты такъ принимаешь... и, притомъ, въ такомъ рѣзкомъ тонѣ... Увѣряю тебя честью, я даже и не думалъ, я слишкомъ гордъ для этого. И если она можетъ быть счастлива съ твоимъ братомъ, что мнѣ представляется нѣсколько сомнительнымъ...

— Мнѣ тоже.

— И тебѣ? Тебѣ почему?

— Надо полагать на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и тебѣ,—возразилъ Густавъ, стараясь громкимъ смѣхомъ скрыть злость на то, что выдалъ себя.

— Стало быть, я правъ?—сказалъ Аксель.—Ея поступокъ, выражаясь мягко, нѣсколько удивителенъ. Очень хорошенькая дѣвушка... она, все-таки, была и есть очень хорошенькая, несмотря на то, что твоя жена еще лучше... и вдругъ! Ты помнишь, Густавъ, какъ мы его прозвали: Филиномъ? Согласись, потѣшно немножко.

— Такъ ты серьезно отказываешься отъ всякихъ видовъ на нее?

— Конечно,—воскликнулъ Аксель.—Ты такъ говоришь, какъ будто не желалъ бы этого.

— Какъ бы ни было, могу завѣрить въ одномъ,—если Герта непремѣнно хочетъ выдти замужъ, за что я отнюдь не могу ее осудить,—то я не знаю человѣка, за котораго бы я ее съ большимъ удовольствіемъ выдалъ, чѣмъ за тебя. Но, понимаешь, все-таки, братъ... Этого нельзя передать словами, надо чувствовать. Глупо это, дико... можетъ быть. Но это такъ. Просто иногда тошно становится!

Густавъ вылилъ остатокъ вина изъ бутылки и выпилъ залпомъ. Аксель задумался.

— Такъ ты, вправду, думаешь... если бы не думалъ, такъ изъ-за чего бы...—говорилъ Аксель. — Ладно, давай сдѣлаемъ уговоръ. Я съ полною осторожностью, обусловливаемою положеніемъ дѣла, начну опять ухаживать за Гертой. Съ моими стариками выйдетъ у меня цѣлая исторія; это уже мое дѣло. Главное теперь въ томъ, чтобы мнѣ стать здѣсь опять на твердой ногѣ. Объ этомъ позаботься ты. По старой дружбѣ, мы опять должны быть постоянно вмѣстѣ. Понимаешь? А чтобы мнѣ имѣть легкій доступъ къ дамамъ, въ томъ случаѣ, если неудобнымъ окажется тотчасъ же начать ухаживать за фрейленъ Гертой...

— Ты станешь ухаживать за моею женою. Это само собою разумѣется.

— А ревновать не станешь?

— Вотъ выдумалъ!

— Такъ рѣшено?

— Рѣшено!

Они пожали другъ другу руки, но тотчасъ же опустили ихъ. Изъ боковой аллеи, ведущей къ воротамъ парка, показались князь Прора и Гансъ и направлялись къ нимъ черезъ цвѣтникъ. Густавъ и Аксель вскочили съ своихъ мѣстъ и поспѣшили имъ навстрѣчу.

Глава XX.

— А, любезный графъ, и вы здѣсь?—сказалъ князь, подавая руку Акселю и еще разъ здороваясь кивкомъ съ Густавомъ.— Очень радъ, сердечно радъ. Жаль, что не зналъ этого часъ тому назадъ, когда былъ въ Грибеницѣ, гдѣ нашелъ вашихъ родителей въ довольно воинственномъ настроеніи, тогда какъ вы тутъ благодушествуете и покуриваете трубку мира съ вашимъ старымъ другомъ. Отлично! Молодцомъ!

Онъ еще разъ пожалъ руку низко поклонившемуся молодому человѣку и обратился къ Гансу и Густаву:

— Теперь, господа, прошу представить меня вашимъ дамамъ. А, вотъ и онѣ!

Увидавши князя и Ганса, Герта хотѣла было скрыться, но ее задержала Изея, подошедшая къ ней съ вопросомъ, кто этотъ незнакомый господинъ.

— Князь Прора,—отвѣтила Герта.

Изея хотѣла въ свою очередь ускользнуть въ домъ; на этотъ разъ Герта задержала ее. По всей вѣроятности, ихъ уже замѣтили, и неловко было бы заставить князя ждать. Герта взяла Изею за руку и, несмотря на нѣкоторое сопротивленіе, повела къ мужчинамъ, рѣшившись лучше тотчасъ же выдержать неизбѣжныя представленія и поздравленія, которымъ ей предстояло подвергаться на каждомъ шагу. Густавъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу, взялъ жену подъ руку и, опередивши Герту, подвелъ Изею къ князю. Герта предвидѣла это, какъ равно и то, что Гансъ будетъ скромненько стоять въ сторонкѣ, ожидая своей очереди. Онъ всю жизнь и вездѣ стоялъ въ сторонкѣ! Приходилось привыкать къ тому же и ей!

Князь былъ пораженъ необыкновенною красотою чужеземки, подошедшей къ нему съ опущенными глазами и вдругъ поднявшей на него свой чудный, какъ бы просящій. дѣтски - плутовской взоръ. Съ замѣтнымъ усиліемъ преодолѣвая волненіе, удалось князю овладѣть собою и сохранить положеніе, приличествующее обстоятельствамъ. На представленіе Густава онъ отвѣтилъ съ нѣкоторою торжественностью, привѣтствуя дочь знаменитаго героя, такъ много послужившаго Греціи. Какъ онъ лично, такъ и все дворянство острова за честь и удовольствіе себѣ поставятъ сдѣлать все возможное для того, чтобы она въ новомъ отечествѣ нашла утѣшеніе въ разлукѣ съ родиною и близкими. Но онъ надѣется, что разлука продлится не долго и будетъ сокращена удачнымъ исходомъ дѣла, порученнаго ея мужу. Князь закончилъ тѣмъ, что поднесъ къ губамъ ея руку, которую держалъ концами пальцевъ въ продолженіе своей короткой рѣчи, и затѣмъ поцѣловалъ еще разъ, когда Изея подала ему пышную красную розу, мимоходомъ сорванную ею въ цвѣтникѣ. Онъ вложилъ цвѣтокъ въ петлицу и низко поклонился.

Пока все это происходило, Герта подошла къ Гансу и взяла его подъ руку. Но и въ эту минуту взглядъ ея жениха оставался какъ

бы прикованнымъ къ красавицѣ невѣсткѣ, точно все дѣло было лишь въ ней и въ томъ, какой пріемъ она встрѣтитъ у глубоко уважаемаго имъ князя. Не могло вознаградить ее за это пожатіе, съ которымъ онъ принялъ ея руку, и еще менѣе привѣтствіе князя, показавшееся ей до странности холоднымъ и натянутымъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ обошелся съ Изеей. Князь съ своей стороны тоже замѣтилъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ. Онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду немножко наказать ее, по справедливости бывшую всеобщею любимицею общества, за ея поступокъ, казавшійся неодобрительнымъ въ его глазахъ и въ глазахъ этого общества. Но урокъ вышелъ слишкомъ рѣзокъ. Между тѣмъ, раздражать эту своенравную, избалованную дѣвушку значило разрушить послѣдній остатокъ надежды на счастье Ганса, за котораго она рѣшилась выдти замужъ, очевидно, въ припадкѣ ревности. Князь искренно жалѣлъ Ганса и видѣлъ, что зашелъ далеко. Необходимо было поправить дѣло. Но этого мало; онъ рѣшился во что бы ни стало сегодня же уладить всѣ семейныя неудовольствія и въ особенности утишить гнѣвъ стариковъ. Князь считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это для честнаго Ганса. А ради такого блестящаго пріобрѣтенія, какъ дочь греческаго владѣтельнаго князя, можно было нѣсколько отступить отъ ригористической строгости.

— У меня есть къ вамъ просьба, господа,—сказалъ князь, прерывая общій разговоръ.—Побудьте здѣсь въ паркѣ и подождите меня; я надѣюсь задержать васъ не долго. Вы тоже, любезный графъ, побудьте здѣсь. Не провожайте меня, Гансъ, я уже пятьдесятъ лѣтъ знаю всѣ ходы и выходы въ вашемъ домѣ. И такъ, господа, до свиданія!

Онъ прошелъ въ домъ, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и постучался въ дверь одной изъ комнатъ, рядомъ съ большой залой.

— Entrez!—отвѣтилъ голосъ изнутри.

Князь отворилъ дверь и вошелъ. Камергеръ, лежавшій на диванѣ и читавшій книгу, поспѣшилъ встать и встрѣтить гостя.

— Молодому человѣку должна быть во всемъ удача,—сказалъ князь, — я искалъ васъ, excellence, и мнѣ удалось васъ найти; не достаетъ одного, чтобы я нашелъ васъ такимъ, какимъ желалъ найти.

— Какимъ же вашей свѣтлости желательно бы было меня найти?—возразилъ камергеръ, смутившись.

Князь сѣлъ рядомъ съ нимъ на диванъ и взялъ въ руки книгу, только что сунутую хозяиномъ подъ подушку и случайно выскользнувшую изъ - подъ нея. Камергеръ имѣлъ нѣкоторое основаніе думать, что строго нравственный гость не раздѣляетъ его вкуса къ чтенію «Liaisons dangereuses», съ помѣтками на поляхъ противъ наиболѣе пикантныхъ мѣстъ.

— Во-первыхъ, желалъ бы видѣть васъ настолько здоровымъ и бодрымъ,—продолжалъ князь,—насколько намъ, старикамъ, позволяютъ наши годы, особливо же послѣ сильныхъ волненій. На счетъ этого перваго пункта я спокоенъ: вы кажетесь и бодрымъ, и здоровымъ, даже съ каждымъ днемъ молодѣете... Я чуть не сказалъ: послѣ каждаго волненія. Я тоже былъ не мало взволнованъ, но нисколько не помолодѣлъ отъ того, хотя затронутъ, такъ сказать, лишь во второй линіи... правда, первымъ во второй линіи. Смѣю быть увѣреннымъ и увѣрять, что никого не трогаютъ такъ близко, какъ меня, всѣ крупныя событія, случающіяся въ нашемъ округѣ. Надѣюсь, excellence, что выговаривая себѣ такое право, я не встрѣчу возраженія съ вашей стороны?

— Конечно, конечно... совсѣмъ напротивъ даже, — пробормоталъ камергеръ, не спуская глазъ съ книги, которую князь продолжалъ держать въ рукахъ и внимательно разсматривалъ, точно оцѣнивая достоинство переплета.—Я всегда держался такого мнѣнія, что noblesse oblige!

— Вотъ это-то самое я и хотѣлъ сказать,—возразилъ князь съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ иронія.—И такъ, я съ облегченнымъ сердцемъ перехожу прямо къ дѣлу. Какъ прирожденному посреднику во всѣхъ неудовольствіяхъ, возникающихъ въ нѣдрахъ семьи или между двумя разными семействами, вы позволите мнѣ предложить мои добрыя услуги.

— Вы меня этимъ безгранично обяжете, — отвѣтилъ камергеръ, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы половчѣе и незамѣтнѣе отобрать и спрятать предательскую книжку. Такая попытка могла легко не удаться и сдѣлать катастрофу неизбѣжною. Онъ разсѣянно продолжалъ:

— Только я опасаюсь, ваша свѣтлость, что одинъ, при всемъ моемъ желаніи...

— На первый разъ мы удовольствуемся этимъ, — перебилъ его князь.—Несмотря на нѣкоторые признаки противнаго, я никогда не сомнѣвался въ вашемъ добромъ желаніи, такъ какъ, говоря

между нами, скажите, къ чему бы привела ваша оппозиція? Гансъ глава семьи; онъ опекунъ фрейленъ Герты, даже назначенъ судомъ попечителемъ надъ вами самими. Все, что уцѣлѣло отъ прониикаго состоянія, принадлежитъ сполна ему; а тѣмъ, что это уцѣлѣло, всѣ члены семьи обязаны его заботамъ и его бережливости. Я не стану, конечно, трогать старыхъ ранъ, excellence, тѣмъ болѣе не стану, что, какъ слышалъ вчера въ Грибеницѣ, вновь нанесенныя требуютъ исцѣленія; а отъ Ганса слышалъ, что исцѣленіе послѣдуетъ сегодня же, такъ что вы сполна будете освобождены отъ обязательствъ графу, особенно тягостныхъ для васъ въ настоящую минуту. Далѣе, до тѣхъ поръ, когда Густавъ составитъ себѣ какое нибудь положеніе въ свѣтѣ, онъ зависитъ отъ старшаго брата, и насколько я вижу, еще долго будетъ нуждаться въ его великодушной помощи. Хорошо ли, дурно ли это, по вкусу, или не по вкусу кому-нибудь такое положеніе,—оно таково, и измѣнить его невозможно. И вдругъ, вопреки всеобщему ожиданію, и моему въ томъ числѣ, Гансъ измѣнилъ своей обычной положительности и выразилъ, повидимому, очень давнишнюю склонность къ своей прекрасной кузинѣ. Этимъ создалось совершенно новое положеніе; но онъ, все-таки, былъ и остается господиномъ этого положенія. Протестовать противъ этого съ нѣкоторымъ правомъ могъ бы только одинъ человѣкъ, Аксель Грибенъ; но его я сейчасъ только что оставилъ въ саду въ самой дружеской бесѣдѣ со всѣми членами вашего семейства, исключая васъ самихъ и вашей супруги. Вотъ тутъ-то я и перехожу къ моей просьбѣ, исполнить которую вы уже до нѣкоторой степени выразили желаніе: если бы теперь же вы появились въ кругу вашего семейства и вашимъ появленіемъ санкціонировали бы все случившееся, чего въ сущности нѣтъ никакихъ средствъ ни измѣнить, ни передѣлать,—тогда я имѣлъ бы право сказать, что не даромъ пріѣзжалъ сюда, не даромъ былъ часъ тому назадъ въ Грибеницѣ, и могъ бы благодарить Бога за то, что еще разъ мнѣ посчастливилось внести миръ, единодушіе и согласіе, безусловно намъ необходимыя для поддержанія высокаго, родоваго значенія дворянства въ средѣ другихъ сословій.

Послѣднія слова князь проговорилъ особенно возбужденнымъ тономъ. Возбужденность эту камергеръ объяснилъ себѣ послѣдними, прискорбными для князя извѣстіями, полученными изъ Парижа, о разгульной жизни его единственнаго сына, служившаго при здѣшнемъ посольствѣ. Не доставало только, чтобы въ этомъ

плачевномъ настроеніи князь открылъ находившуюся въ его рукахъ книгу и прочелъ текстъ, приличествующій обстоятельству. Но онъ не замѣтилъ даже отсутствія отвѣта со стороны своего собесѣдника и продолжалъ съ еще бо́льшимъ волненіемъ:

— Повѣрьте мнѣ, любезный другъ, случаются въ семействахъ еще болѣе прискорбныя вещи, чѣмъ обманутое ожиданіе блестящей партіи, подготовленной нами для небогатой родственницы, или чѣмъ возвращеніе изъ чужихъ краевъ внука, женившагося на дѣвушкѣ безъ средствъ въ настоящемъ и, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, не имѣющей надежды когда-либо въ будущемъ на возвратъ ограбленнаго состоянія; но все же эта дѣвушка не только равная ему по происхожденію, а неизмѣримо выше его. Бываютъ случаи... да, случаи, передъ которыми невольно содрогаешься... бываютъ такія liaisons, и наша нынѣшняя молодежъ, къ сожалѣнію, такъ склонна къ этимъ... liaisons...

— Не пойти ли намъ, ваша свѣтлость? — сказалъ камергеръ, приподнимаясь съ мѣста и пытаясь взять книгу изъ рукъ князя, какъ бы изъ желанія освободить его отъ обременительнаго предмета. Но гость упорно и крѣпко́ держалъ книгу и продолжалъ:

— Liaisons dangereuses, какъ они изображены въ этой отвратительной книженкѣ, которую слѣдовало бы сжечь рукою палача, чтобы она не марала ничьихъ рукъ и не грязнила душъ... Бываютъ...

— Извините, ваша свѣтлость, если я осмѣлюсь еще разъ перервать вашу рѣчь. Я бы желалъ предварительно съ женою...

— Вы правы. Но еще одно слово: все ли извѣстно вамъ о Густавѣ?...

— Все, все извѣстно. Вчера Густавъ передалъ намъ въ пространномъ письмѣ...

— Превосходно. Слѣдовательно, вамъ извѣстно о секретномъ порученіи его баварскаго величества къ ольденбургскому двору... нѣтъ? Въ такомъ случаѣ, я не имѣю права говорить объ этомъ; но я убѣжденъ, что Густаву очень не лишнее будетъ, при первыхъ шагахъ на скользкомъ дипломатическомъ поприщѣ, воспользоваться указаніями стараго, умудреннаго опытомъ мастера этого дѣла. Замѣчу еще, что сердце знатока и цѣнителя женской красоты тоже не можетъ оставаться равнодушнымъ; но, не желая ослаблять впечатлѣнія, я умолкаю и предлагаю сперва отправиться къ вашей супругѣ.

Князь быстро всталъ съ дивана. Книга выскользнула изъ его рукъ и упала на полъ. Гость и хозяинъ одновременно нагнулись поднять ее и такъ стукнулись головами. что парикъ камергера свернулся на сторону.

— Mille pardon, monseigneur, ce livre dètestable!...—Камергеръ швырнулъ книгу въ уголъ.

Князь разсмѣялся.

— О юношеская живость! Бѣдная книга! Она, все-таки, сослужила мнѣ службу; надо вамъ сказать, для того, чтобы рѣчь моя вышла убѣдительною, мнѣ непремѣнно нужно вертѣть что-нибудь въ рукахъ. Гдѣ мы найдемъ вашу супругу?

— Я оставилъ ее въ залѣ.

— Такъ пройдемте туда.

Они прошли черезъ смежную комнату и, отворивши дверь залы, увидали старушку на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ камергеръ. По сложеннымъ на колѣняхъ рукамъ, по опущенной и немного склоненной на бокъ головѣ, легко было догадаться, что она крѣпко уснула. Князь, вошедшій первымъ, приложилъ палецъ къ губамъ, къ величайшему удивленію камергера, вытолкнулъ его изъ комнаты, осторожно вышелъ самъ и затворилъ дверь.

— Мнѣ пришла въ голову мысль, восхитительная мысль!— проговорилъ онъ шепотомъ.—Вы поможете привести ее въ исполненіе. Прошу, подождите меня здѣсь. Я вернусь черезъ пять минуть: вы же пока не двигайтесь съ мѣста... ни на шагъ, ни на шагъ!

Князь вышелъ въ дверь, ведущую въ корридоръ. До камергера долетѣлъ звукъ быстро удаляющихся, осторожныхъ шаговъ: наступила полная тишина. И вотъ онъ стоялъ тутъ одинъ, не смѣя шевельнуться, когда въ душѣ поднималась цѣлая буря злобы, въ груди спиралось дыханье отъ готовыхъ разразиться проклятій. Какъ школьникъ, какъ мальчишка, поставленный въ уголъ, одураченъ, проведенъ, — онъ, дипломатъ, ведшій переговоры съ великимъ королемъ, ровня и пріятель Талейрана,—и кѣмъ одураченъ? Какимъ-то мелкотравчатымъ князькомъ, предводителемъ двухъ десятковъ мелкихъ дворянъ, не добравшимся выше положенія маршала провинціальнаго сеймика и притомъ говорящимъ по-французски comme une vache espagnolle! Что онъ вынужденъ выслушивать, безнаказанно дозволять говорить себѣ! Зависимость... попечитель... незаплаченные карточные долги, даже графу Грибену по роспискѣ, которую обѣщано уничтожить какъ только состоится

помолвка Акселя съ этою несносною дѣвчонкою. О, черти! Съ негодяемъ Густавомъ можно бы еще помириться, хотя бы ради его прелестной жонки. Но быть принужденнымъ одобрять подлыя штуки, позорныя продѣлки низкаго скряги, отпускающаго ему жалкій паекъ, копѣечками отщитывающаго ему карманныя деньги... Проклятіе! Не смѣть даже поставить свои условія, поторговаться, быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ... и все изъ-за какого-то ребячества, изъ-за сумасброднаго, необъяснимаго страха быть пойманнымъ старымъ ханжею за чтеніемъ книги, столько разъ услаждавшей его въ часы невзгодъ среди общества здѣшнихъ пентюховъ! Нѣтъ, онъ не приметъ участія въ сантиментальной комедіи, затѣянной провинціальнымъ пашею, чтобы разыграть въ ней первую роль... на его же счетъ! Ахъ, чортъ ихъ возьми! Онъ, дипломатъ, въ роли благороднаго и одураченнаго отца, на посмѣшище всему обществу... Вотъ идутъ уже.

Послышались шаги на лѣстницѣ, въ корридорѣ. Камергеръ едва успѣлъ перестроить озлобленное лицо на любезно-благодушный ладъ, поправить жабо и манжеты и отойти отъ двери на середину комнаты, чтобы встрѣтить входящихъ съ надлежащимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ видомъ, ясно говорящимъ, что, несмотря на полное право быть разгнѣваннымъ, онъ всѣхъ прощаетъ по врожденному добросердечію.

Дверь изъ корридора отворилась, въ нее выглянулъ князь и спѣшно заговорилъ:

— Идите, идите скорѣе... не сюда, а въ ту дверь... на пальчикахъ, пожалуйста, на пальчикахъ и станьте за кресломъ вашей супруги; только постарайтесь не разбудить ее, по крайней мѣрѣ, до нашего прихода въ залу. Всѣ ждутъ тамъ у двери, и Аксель Грибенъ присоединился къ намъ, и даже прелестный ребенокъ участвуетъ въ процессіи. Смотрите же, надо все обдѣлать какъ можно лучше. Мы будемъ слѣдить за вашими движеніями и выжидать надлежащаго момента. Дверь притворена не плотно.

— Charmant! Délicieux!—бормоталъ камергеръ.—Вотъ обрадуется-то наша добрая старушка!...

На пальчикахъ, — онъ не разучился еще ходить на пальчикахъ, — чуть не вскрикивая отъ нестерпимой боли въ колѣнкѣ, пробирался онъ черезъ всю залу къ окну и внутренно посылалъ ко всѣмъ чертямъ князя, заставившаго его играть эту срамную роль, и всѣхъ, стоящихъ тамъ за дверью и навѣрное потѣшающихся теперь надъ нимъ.

— Милая, проснись! Посмотри, кто пришелъ тебя привѣтствовать?

Старушка открыла глаза. Что это? На яву, во снѣ?... Она провела рукою по глазамъ и опять взглянула. Передъ нею была все та же картина. Князь Прора подъ руку съ юною красавицею, женою Густава, которую она видѣла въ окно; самъ камергеръ только что стоявшій за ея стуломъ, взялъ подъ руку Герту; оба брата рука въ руку; прелестное дитя на рукахъ странной старой няньки; графъ Аксель скромно стоитъ въ сторонѣ...

— Дѣти мои! — хотѣла было выговорить старушка; но голосъ отказался повиноваться. Она смогла только протянуть руки. Герта упала въ ея объятія, громко рыдая, между тѣмъ какъ красавица чужестранка опустилась у ея ногъ на колѣни. Гансъ, едва осиливая волненіе, крѣпко жалъ руку брата; камергеръ моргалъ глазами и прижималъ къ груди руку князя; а Аксель, о которомъ всѣ забыли, вынулъ изъ кармана часы и вертѣлъ ихъ передъ глазами ребенка.

— Этимъ я вамъ обязана, ваша свѣтлость!—едва проговорила старуха сквозь рыданія и протянула руку князю. Онъ любезно поцѣловалъ ея руку и съ удареніемъ возразилъ:

— Воздадимъ хвалу Господу Богу, друзья мои! Ему не угодно было, чтобы семейство древняго, благороднаго рода представило міру картину прискорбнаго раздора, а, напротивъ, чтобы оно служило образцомъ исполненія заповѣди: дѣти, любите другъ друга!

Онъ обвелъ всѣхъ торжествующимъ взоромъ. Его глаза остановились на Изеѣ, которая взяла ребенка у няньки и съ нѣжною, нѣмою мольбою положила на колѣни бабушки. «Она обворожительна,—подумалъ онъ про себя,—надо непремѣнно ей попротежировать». Князь сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ:

— Многоуважаемый другъ и вы, досточтимый другъ, и вы, прелестныя дамы, и вы, милые, добрые друзья! Если вамъ угодно почтить ничтожную, но отъ сердца идущую услугу, которую мнѣ, съ Божьею помощью, удалось оказать вамъ, то я просилъ бы въ слѣдующее воскресенье удостоить вашимъ посѣщеніемъ замокъ Прора. Я считаю за честь для себя и даже, если хотите, за обязанность въ нѣкоторомъ смыслѣ, быть первымъ провозвѣстникомъ радостнаго событія въ семействѣ моихъ сосѣдей и друзей, принадлежащихъ къ великому и знаменитому роду. Я первый желалъ бы отпраздновать возвратъ намъ, по милости Божьей, того, кого мы въ близорукости своей считали уже поте-

рянным... возвратъ, такъ сказать, удвоенный присутствіемъ юной, прекрасной дамы, которую я привѣтствую какъ нашу, которая должна навсегда остаться нашею, хотя бы исчезли грозныя тучи, разлучившія ее съ отчизною, не надолго, будемъ надѣяться.

При послѣднихъ словахъ онъ взялъ руку Изеи и поднесъ ее къ губамъ. Увлеченный своею рѣчью и красотою молодой женщины, отъ такъ долго остался въ этомъ положеніи, что Густавъ обмѣнялся выразительнымъ взглядомъ съ Акселемъ, а камергеръ усиленно прижималъ къ глазамъ красный носовой платокъ, чтобы скрыть усмѣшку стараго сатира. Какъ бы желая наверстать нѣсколько продолжительное время, ушедшее на поцѣлуй, князь поспѣшно раскланялся на всѣ стороны и удалился, прося, чтобы никто не безпокоился провожать его, кромѣ Ганса, которому онъ имѣетъ сказать еще пару словъ. Гансъ, качавшій въ это время на рукахъ ребенка, передалъ его нянѣ и послѣдовалъ за княземъ.

Глава XXI.

Въ сумерки того же дня старый Пребровъ съ Пустоши, сидѣлъ передъ дверью своего дома за скуднымъ ужиномъ, принесеннымъ имъ самимъ изъ шкафа. Передъ нимъ стояла его жена и ругалась. Онъ долго не обращалъ никакого вниманія на ея крики.

— Онъ, говорю я тебѣ, и никто другой. Пусть повѣсятъ меня, если не правда!—закончила она свою рѣчь.

— Можетъ быть!—проворчалъ старикъ сердито.

Она поставила ведро съ молокомъ, подбоченилась обѣими руками и опять накинулась на мужа.

— Можетъ быть! Кромѣ-то этого ты ничего не можешь сказать, когда я тебѣ такъ все доказала, что понялъ бы даже нашъ крошка, Христофинька. Можетъ быть! Такъ, пожалуй, можетъ быть, что ты опять пустишь въ домъ эту дѣвку и съ ея щенкомъ въ придачу. А я тебѣ говорю...

— Молчать! И маршъ къ своему дѣлу, не то...

Пребровъ вынулъ изъ рта трубку и такъ стукнулъ кулакомъ по маленькому, шатающемуся столику, что на немъ запрыгали рюмка и бутылка съ водкой. Жена злобно посмотрѣла на него, но не посмѣла возражать, проворчала про себя еще какую-то ругань, взяла ведро, мимоходомъ позвала Христофиньку

и Руниньку, игравшихъ у лужи, и исчезла за полуразвалившимся заборомъ. Но долго еще раздавался ея пронзительный голосъ, зовущій старшаго сына Адольфа, шагавшаго далеко въ лугахъ на длинныхъ ногахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца. Пребровъ долилъ водки въ расплескавшуюся рюмку и спокойно продолжалъ курить и попивать.

«Можетъ быть! Нѣтъ, не можетъ быть, а навѣрное Гансъ-Филинъ; онъ знаетъ это не хуже старухи. Только надобности нѣтъ разсказывать, чего нельзя. И то глупо было, что онъ разсказалъ ей, какъ третьяго дня видѣлъ ее съ Гансомъ въ лѣсу; какъ тотъ усаживалъ ее въ свою карету и увезъ съ собою. Лучше было помолчать и спокойно все обдумать. А теперь вотъ слушай съ утра до ночи, да разыскивай новыя доказательства, чтобы притянуть барона къ суду. Доказательства! Вотъ то-то и есть, не слѣдовало дѣвчонку колотить и выгонять изъ дома, а сначала разспросить хорошенько... А то поди теперь. Да и въ судъ-то еще какъ? Сама же заставила формально отказаться отъ дочери; по какому же праву идти въ судъ? Съ бабами пива не сваришь. Одна безтолковщина,—то ругается и дерется, вылупя глаза, то увѣряетъ, что воды не замутила и растолковываетъ о «нашей дочкѣ», о доказательствахъ, о жалобахъ... Чепуха одна!»

Пребровъ снялъ шапку и провелъ рукою по головѣ. Во всей этой исторіи было не мало темнаго и нескладнаго; и чѣмъ больше онъ раздумывалъ, чѣмъ чаще прикладывался къ рюмкѣ, тѣмъ становилось нескладнѣе и запутаннѣе. Проклятое бабье! Все зло отъ нихъ. Такой малый, какъ онъ, учившійся въ школѣ не хуже людей, могъ бы теперь быть владѣльцемъ дворянскаго имѣнія, ѣздить четверикомъ съ форейторомъ, какъ они третьяго дня въ Грибеницѣ... сволочь дворянская! Будь они прокляты всѣ! Одного бы онъ выключилъ; этого одного онъ любилъ, какъ свою плоть и кровь, больше даже... Чортъ бы его задавилъ! Его перваго!...

— Здорово, Адольфъ Пребровъ!

— Здравствуй, Фрицъ Викъ! Откуда?

Старикъ не замѣтилъ приближенія контрабандиста, но его загорѣлое лицо осталось неподвижнымъ; онъ только подвинулся немного на скамейкѣ, давая мѣсто посѣтителю. Тотъ воспользовался этимъ нѣмымъ приглашеніемъ, сѣлъ и выбилъ трубку объ оконный косякъ дома.

— Изъ твоего лѣса,—отвѣтилъ Фрицъ Викъ.—Минутъ пять смотрѣлъ на тебя оттуда, съ дровяной кучи, не хотѣлъ сюда подходить, да ты такъ задумался что-то... Не слыхалъ, какъ я свисталъ?

— Нѣтъ. Въ чемъ дѣло? Ты былъ не изъ трусливыхъ.

— Кажется. Только видишь ли...

Контрабандистъ замолчалъ. На порогѣ дома показалась двѣнадцатилѣтняя дѣвочка и спросила отца, что ему угодно. Пребровъ молча показалъ на рюмку. Дѣвочка черезъ минуту поставила другую рюмку на столъ и опять скрылась.

— Хорошенькая, не хуже Ганны будетъ,—сказалъ Фрицъ Викъ, глядя вслѣдъ дѣвочкѣ.

— Въ чемъ же дѣло? — переспросилъ Пребровъ и налилъ гостю вина.

— Дѣло-то? Дѣло вотъ въ чемъ,—отвѣчалъ гость, выпивая рюмку и наливая другую безъ приглашенія.—Дѣло въ томъ, что я не одинъ; со мною тутъ есть еще молодецъ, грекъ, старый пріятель, сошлись еще въ Средиземномъ морѣ, когда онъ работалъ на своего будущаго тестя. Старикъ жилъ на Тино, островокъ такой тамъ есть... большія дѣла велъ, надъ человѣческой жизнью не задумывался. Только оборвалось у нихъ; старика засадили за семь замковъ, должно быть, вздернутъ. Добирались и до молодаго, да улизнулъ по добру, по здорову. Такая-то чортова головушка,— убей меня Богъ!—что нашихъ молодцовъ дюжину затянетъ за поясъ... Умница! Зовутъ его Вальяносъ, Іоаннъ Вальяносъ Паннурисъ... Ты запомни только: Вальяносъ, довольно и этого. Гонялись, гонялись тамъ за нимъ, надоѣло; вотъ онъ и пробрался сюда попробовать счастья уже за свой счетъ, только подъ французскимъ флагомъ,—понимаешь, для безопасности, на всякій случай. Я встрѣтился съ нимъ въ Зундинѣ, гдѣ онъ сдавалъ грузъ коринки и оливокъ изъ Греціи; а въ трюмѣ у него на двадцать тысячъ талеровъ шелковыхъ матерій изъ Марсели. Эрнстъ Пфаленъ въ Прорѣ покупаетъ все на свалъ... только, само собою разумѣется, безъ посредства зеленыхъ мундировъ. Дѣло я все настроилъ и подумалъ, не возмешься ли ты довести его до конца. Это не совсѣмъ тебѣ подъ руками, ну, да захочешь, такъ обработаешь не хуже другаго. Думалъ было я о Класѣ Венгакѣ, намъ и нужно-то, собственно, въ Прору, къ Пфалену; только къ Венгаку я не пошелъ: болтливъ онъ и ухватки настоящей нѣтъ еще. Берись одинъ, заработаешь хорошую деньгу. Тюки мы здѣсь

выгрузимъ и припрячемъ у тебя... все остальное по обыкновенію. Только мое вино они возьмутъ у тебя изъ лѣса, а тюки ты доставишь въ Прору въ возу съ сѣномъ, которое тебѣ заказалъ Пфаленъ... Сдашь все, а тамъ ищи, поди,—уже его дѣло будетъ управляться какъ самъ знаетъ. Согласенъ?

Пребровъ невозмутимо покуривалъ свою трубочку.

— Не охотникъ я связываться съ иностранцами,—сказалъ онъ.—Они тебя не понимаютъ. ты ихъ не разумѣешь; вѣчно ссоры выходятъ. А тутъ еще грекъ, поди съ нимъ, разговорись!

— Молодецъ говоритъ по-французски, — возразилъ Фрицъ Викъ.—Ты тоже силенъ; не забылъ, чай. со времени французовъ.

— Давно не говорилъ.

— Сойдетъ. Къ тому же я дамъ ему на бортъ одного изъ моихъ ребятъ. Онъ сплыветъ съ нимъ до Ростока, а я черезъ двѣ недѣли вернусь туда изъ Любека и захвачу его обратно.

— Въ Зундинъ вы когда? Сегодня же вечеромъ?

— Нѣтъ. Моя шкуна ушла сегодня въ обѣдъ на Бодденъ... крюкъ не великъ и спокойнѣе будетъ. Теперь половина восьмаго. Черезъ часъ она будетъ противъ прорской косы. Лодка будетъ ждать на нашемъ обычномъ мѣстѣ и доставитъ насъ на бортъ. Я высажу его у Грюнвальда, а завтра онъ вернется въ Зундинъ на почтовыхъ. А я возвращусь только къ осени: хочу побывать въ Англіи.

— А заработокъ, говоришь, добрый?

— Да убей же меня Богъ! Самъ поговори съ нимъ.

— Тащи его сюда.

Контрабандистъ ушелъ. Пребровъ остался на своемъ мѣстѣ и оглянулся на свой запущенный дворъ, по которому одиноко бродили пара утокъ и пара куръ, копавшихся у развалившагося пустаго хлѣва. Порядно голодны, должно быть. «Заработаешь хорошую деньгу! Не мѣшало бы, очень бы не мѣшало!»

Но его мысль никакъ не могла сосредоточиться на предстоящемъ дѣлѣ. Утромъ Класъ Венгакъ разсказывалъ про барона Густава и его красавицу жену, про то, что Филинъ помолвленъ съ фрейленъ Гертой, что его свѣтлость сегодня рано утромъ ѣздилъ въ Грибеницъ, а камердинеръ Пазедагъ слышалъ, какъ его свѣтлость говорилъ ея свѣтлости, княгинѣ, что онъ хочетъ уладить непріятности между графами Грибенъ и баронами Пронъ. Гансъ помолвленъ! И именно теперь! И вотъ конецъ старой исторіи, случившейся двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ вдругъ пересталъ бывать

здѣсь и не вспомнилъ про Ганну, которая прежде такъ ему нравилась. Ганна говорила, что маленькая десятилѣтняя барышня запретила барону видаться съ ними, а онъ дѣлаетъ все, что захочетъ барышня. Въ Зундинѣ, однако, они опять видались. Правда, люди болтали про графа Акселя; на этого скорѣе похоже, судя по нищенскому положенію Ганны. Но вчера... въ своей каретѣ... Ясно, поджидалъ ее въ лѣсу на случай, если здѣсь ея дѣла пойдутъ плохо, какъ это и случилось... Такъ, старуха права: онъ и никто другой. Если и не удастся притянуть его къ суду, какъ ей хочется, но уже съ него-то я бы потянулъ... Ишь, святошей притворяется, кривая шельма...

Легкій шумъ слѣва заставилъ старика оглянуться. Фрицъ Викъ привелъ иностранца, которому издали казалось лѣтъ подъ сорокъ, вблизи же, когда онъ снялъ шляпу, то по чернымъ, вьющимся волосамъ, по бородѣ и чернымъ глазамъ нельзя было дать больше двадцати пяти лѣтъ. Съ этимъ можно смѣло идти на какое угодно дѣло, только надо держать ухо востро, чтобы самъ не надулъ.

Всѣ трое вошли въ домъ и сѣли у окна, а Рику, для большей безопасности, послали за ворота присматривать за дорогою, идущею изъ Ново-Проница мимо двора и повертывающею тутъ вправо къ лѣсу на большую дорогу. Старикъ досталъ бутылку вина изъ тайника, гдѣ хранилось еще сотни двѣ бутылокъ, за которыми долженъ былъ на другой день пріѣхать Класъ Венгакъ. Фрицъ Викъ съ удовольствіемъ попивалъ красное вино, тогда какъ иностранецъ едва только приложилъ губы къ стакану; вообще онъ оставался очень сдержаннымъ. Говорилъ почти одинъ Фрицъ Викъ, съ замѣтною гордостью щеголяя греческимъ и французскимъ языками, которые онъ коверкалъ невыносимо. Объ условіяхъ договорились скоро; Пребровъ было заупрямился, находя, что на его часть достается слишкомъ мало. Но капитанъ Вальяносъ уступилъ и по этому пункту: онъ хлопочетъ на этотъ разъ лишь завязать добрыя знакомства съ тѣмъ, чтобы имѣть частыя, быть можетъ, постоянныя и правильныя сношенія. Фрицъ Викъ потиралъ руки и тоже примкнулъ къ заключенному торгу, въ которомъ, безъ сомнѣнія, онъ зарабатывалъ добрый кушъ, хотя объ этомъ ни съ чьей стороны не было сказано ни слова.

Была раскупорена вторая бутылка; Фрицъ Викъ говорилъ, что посидѣть еще полчасика ничего не значитъ, на шкуну отправ-

ляться рано, еще слишкомъ свѣтло, къ тому же давно ему не было такъ по душѣ, какъ сегодня; а онъ, кажется, умѣетъ пожить въ свое удовольствіе,—не всякому такъ удастся. Главное въ томъ, чтобы не связываться съ бабами; конечно, такъ—en passant... а чтобы надолго...

Фрицъ Викъ замѣтилъ, что заѣхалъ не въ ту сторону; старикъ сердито курилъ трубку, Вальяносъ мрачно смотрѣлъ на свой полный стаканъ. Понятно, у старика жена сущій дьяволъ; потомъ исторія съ Ганной, про которую Фрицъ слышалъ въ Зундинѣ; а капитанъ, хотя никогда словомъ не обмолвился, навѣрное тоже попался на бабій крючекъ. И такъ, стопъ! О чемъ бы еще заговорить? Да, о другой исторіи, разсказанной ему купцомъ Пфаленъ, которую тотъ слышалъ отъ Класа Венгака. Ее непремѣнно надо разсказать капитану, такъ какъ въ ней фигурируетъ его хорошенькая землячка; старику тоже любопытно будетъ послушать про новую сосѣдку.

Фрицъ Викъ хватилъ еще стаканчикъ и началъ разсказывать про сосѣда Адольфа Преброва, про барона Ганса Пронъ, прозваннаго Филиномъ за то, что у него только одинъ глазъ, которымъ онъ даже ночью видитъ лучше, чѣмъ другіе люди днемъ и двумя глазами... А его братъ, сорванецъ Густавъ, натворилъ здѣсь нехорошихъ дѣлъ и пустился шляться по чужимъ краямъ: третьяго дня онъ вернулся съ женою и съ ребенкомъ... Пріѣхалъ изъ Греціи, капитанъ Вальяносъ! — и такъ далѣе, Фрицъ выкладывалъ все, что слышалъ и что запомнилъ. Но и эта любопытная исторія, какъ видно, не особенно занимала стараго Преброва, хотя, по увѣренію купца Пфалена, вся Прора только о ней и говоритъ вотъ уже третій день: старикъ продолжалъ все такъ же угрюмо дымить своей трубкой. Съ грекомъ дѣло налаживалось лучше. Онъ придвинулся къ столу, положилъ на него локти и смотрѣлъ на разскащика искрящимися въ сумеркахъ глазами. Да, народецъ эти греки! Плуты первостатейные, не то чужихъ, другъ друга такъ надуваютъ, что любо-дорого посмотрѣть! А коснись только ихъ родины, земляковъ... о бабенкѣ, увезенной изъ Греціи иностранцомъ, особливо о хорошенькой бабенкѣ, да къ тому же изъ знаменитой семьи,—ну, тутъ уже словно изъ трубы выкинетъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ его перебила глупая, хорошенькая дѣвочка.

Рика отворила дверь и сказала, что изъ Ново-Проница ѣдутъ два господина: одинъ изъ нихъ—баронъ Гансъ.

Старикъ вскочилъ съ мѣста такъ быстро, что чуть не опрокинулъ стола съ бутылками и стаканами, и бросился вонъ изъ комнаты, къ немалому удивленію Фрица, по опыту знавшаго невозмутимое хладнокровіе Преброва и не видѣвшаго никакихъ поводовъ волноваться въ настоящую минуту. Въ домѣ было достаточно всякихъ укромныхъ уголковъ, куда можно спрятать неудобныхъ гостей въ томъ случаѣ, если бы эти господа вздумали заѣхать, что, во-первыхъ, совсѣмъ неправдоподобно. Во-вторыхъ, если бы и заѣхали,—не таможенные они, кажется!

Фрицъ Викъ подвинулся къ окну и сталъ такъ, чтобы не быть замѣченнымъ снаружи, а самому видѣть все, что произойдетъ на дворѣ, гдѣ стоялъ теперь Пребровъ спиною къ дому, лицомъ къ въѣзду, мимо котораго должны были проѣхать эти господа или же въѣхать во дворъ. Вотъ и они показались; одинъ побольше ростомъ, черный, навѣрное баронъ Гансъ, Филинъ, другой немного поменьше, побѣлѣе лицомъ,—братъ барона, сорванецъ Густавъ. Они остановились у въѣзда, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца; старшій сказалъ что-то меньшому; тотъ поѣхалъ дальше и скрылся за амбаромъ. Баронъ Гансъ повернулъ во дворъ и подъѣхалъ къ Преброву, стоявшему на томъ же мѣстѣ съ заложенными за спину руками. Онъ не шевельнулся даже въ то тремя, когда баронъ протянулъ ему руку, не сходя съ лошади. Что произошло между ними потомъ, Фрицъ Викъ не видалъ; его вниманіе было обращено на Вальяноса, стоявшаго за его спиною и неожиданно схватившаго его за плечо. Контрабандистъ оглянулся и увидалъ передъ собою такое страшное лицо,—блѣдное, искаженное, съ горящими глазами, съ судорожно дергающимися губами,—что струсилъ не на шутку... онъ, Фрицъ Викъ, убѣжденный въ томъ, что не побоится съ чортомъ потягаться, испугался, какъ корабельный юнга.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ спросить, что это значитъ, и разобрать быструю болтовню грека на его родномъ языкѣ, на дворѣ раздались неистовые вопли стараго Преброва. Одной рукой онъ схватилъ за поводъ лошадь, а другою самого всадника за грудь. Тотъ далъ шпоры лошади, поднялъ ее на дыбы. Старикъ покатился навзничь на землю. Въ слѣдующій моментъ всадника уже не было на дворѣ; за то передъ старикомъ стоялъ Вальяносъ, не слышно выскочившій изъ комнаты, что-то громко кричалъ, размахивалъ руками и показывалъ по направленію, въ которомъ скрылись оба господина одинъ за другимъ.

— Съ ума, должно быть, спятили,— сказалъ Фрицъ Викъ.— Ну ихъ совсѣмъ! Услышимъ, какой тарантулъ ихъ укусилъ.

Онъ присѣлъ опять къ столу и налилъ стаканъ вина, наблюдая въ окно за Пребровомъ и грекомъ. Они, казалось, нѣсколько успокоились, хотя еще очень оживленно разговаривали, очень близко придвинувшись другъ къ другу и оглядываясь на окно, какъ бы опасаясь, что имъ могутъ помѣшать.

— Совсѣмъ сошли съ ума.—повторилъ Фрицъ Викъ.

Онъ почти убѣдился въ этомъ мнѣніи, когда они вернулись въ комнату, и Вальяносъ, все еще блѣдный, но съ обычнымъ спокойнымъ лицомъ, объявилъ, что передумалъ и рѣшилъ отложить дѣло денька на два, чтобы лучше ознакомиться съ берегомъ и вообще съ мѣстными обстоятельствами. Господинъ Пребровъ предложилъ ему на это время свое дружеское гостепріимство. Во всемъ же остальномъ уговоръ остается въ своей силѣ.

— Ладно.—отвѣтилъ Фрицъ Викъ.—У васъ обоихъ что-то такое на умѣ, что вы хотите обдѣлать безъ меня. Это ясно. И такъ, черезъ двѣ недѣли въ Ростокѣ, капитанъ! Желаю успѣха. Прощай, Пребровъ, до свиданья осенью!

Онъ пожалъ обоимъ руки. Въ дверяхъ Фрицъ обернулся; они опять стояли такъ же близко другъ къ другу, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ на дворѣ, очевидно, намѣреваясь продолжать прерванный разговоръ.

— На чистоту помѣшались.—проворчалъ Фрицъ Викъ и затворилъ дверь.

Вальяносъ подошелъ къ окну, желая убѣдиться, что товарищъ дѣйствительно ушелъ; потомъ онъ обратился къ хозяину, схватилъ его за руку и торжественно проговорилъ:

— Поклянитесь мнѣ Матерью Божьею, или тѣмъ, что есть для васъ святаго, что будете, какъ честный человѣкъ, помогать мнѣ отмстить этому негодяю Густабосу, тяжко оскорбившему меня... такъ, какъ только можетъ человѣкъ оскорбить человѣка.

— Отъ моей клятвы не много будетъ для васъ толка.—мрачно возразилъ старикъ,—такъ какъ я ни во что не вѣрю. А разъ я обѣщалъ, такъ исполняю и безъ клятвы. Я уже сказалъ, что меня оскорбилъ другой братъ и я хочу отмстить ему, какъ вы меньшому. Такимъ образомъ дѣло это становится общимъ дѣломъ. Слушайте, капитанъ, вонъ идетъ моя жена. Я уже говорилъ, что никакой платы за дѣло не возьму съ васъ, на томъ и рѣшено, деньги останутся при васъ. Лучше отсчитайте вы эти пятьдесятъ лун-

доровъ вотъ тутъ на столѣ; пусть, войдя въ комнату, она увидитъ деньги, тогда у насъ въ домѣ будетъ тишина и покой во все время вашего пребыванія здѣсь.

Грекъ кивнулъ головой и подошелъ къ столу исполнить сказанное хозяиномъ, а Пребровъ, между тѣмъ, пошелъ навстрѣчу женѣ и объяснилъ ей, что пріѣзжій по дѣлу,—извѣстно уже по какому,—пробудетъ у нихъ съ недѣлю, или деньками двумя подольше; деньги же за квартиру и содержаніе гостя лежатъ въ комнатѣ на столѣ.

Глава XXII.

Сильно возбужденный безобразною сценою съ Пребровомъ, Гансъ, самъ того не замѣчая, продолжалъ скакать въ галопъ, не сообразивши, что такимъ образомъ онъ слишкомъ скоро догонитъ Густава. На поворотѣ лѣсной дороги онъ увидалъ брата шагахъ въ двухстахъ впереди. Поздно было исправлять сдѣланную ошибку; Густавъ услыхалъ галопъ лошади и пріостановился.

— Вотъ я и догналъ,—сказалъ Гансъ смущенно.

— И, судя по лицу, нельзя подумать, что рвалъ съ старикомъ розы,—возразилъ Густавъ.—Я же тебѣ впередъ говорилъ, что ему въ десять разъ пріятнѣе будетъ, если лѣсъ останется во владѣніи князя, чѣмъ попадетъ къ тебѣ. Князь большой баринъ, въ мелочи не входитъ, не держитъ даже ни одного полѣсовщика во всей дачѣ, такъ какъ нѣтъ желающихъ подвернуться подъ дуло стараго бездѣльника. Ты одинъ на всемъ островѣ не боишься его и можешь съ нимъ справиться. Негодяй это отлично знаетъ. Какъ ты, однако, такъ скоро сторговался съ княземъ! Расторжка у васъ была, кажется, порядочная?

— Въ цѣлыхъ пяти тысячахъ,—отвѣтилъ Гансъ,—и даже еще сегодня утромъ, когда былъ у меня. Надо полагать, что онъ убѣдился въ правильности моихъ доводовъ, иначе не могъ онъ ровно черезъ часъ послѣ того согласиться сразу на предложенныя мною двадцать тысячъ. Я, само собою разумѣется, не возобновлялъ и рѣчи о лѣсѣ; онъ самъ заговорилъ, когда я провожалъ его до экипажа. Удивилъ меня. Мнѣ подаваться не было никакихъ поводовъ; цѣну я далъ настоящую, по чести.

— И горя ты хватишь съ этимъ лѣсомъ и по настоящему, и по чести,—сказалъ Густавъ, смѣясь.—Отъ одного Преброва наплачешься. Что онъ тебѣ сказалъ, однако?

— Да ничего ровно; слова выговорить не далъ. Чуть-чуть не подрались. Навѣрное, былъ пьянъ.

— Жаль, меня не было; я бы его поучилъ вѣжливости. Ты слишкомъ добръ къ этому скоту.

Густавъ началъ насвистывать какую-то арію. Для него вопросъ былъ исчерпанъ, тогда какъ у Ганса онъ все еще лежалъ на душѣ.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ,—но я, все-таки, считаю себя обязаннымъ старику.

— Это за что?

— За тѣ чудные часы, которые провелъ съ нимъ въ лѣсахъ и поляхъ подъ зноемъ солнца, подъ дождемъ, грозой и непогодой. Въ то время у меня не было никого близкаго, кромѣ Преброва. Сколько разъ мы дѣлили единственный кусокъ хлѣба, пили изъ одной бутылки. Ему выгодно было такъ привязать меня къ себѣ; но онъ, все-таки, любилъ меня по своему. Въ этомъ я увѣренъ. Разъ, прыгая черезъ заборъ, я вывихнулъ ногу и цѣлую недѣлю пролежалъ у него въ домѣ. У насъ никто не позаботился даже справиться, гдѣ я и что со мною случилось... А онъ дни и ночи просиживалъ у моей кровати... то-есть у своей, которую отдалъ мнѣ... и тогда уже не было въ домѣ другой... ухаживалъ за мною... онъ и...

— Ну?—сказалъ Густавъ, когда братъ запнулся.—Не вздумай и теперь еще конфузиться своей тогдашней или, вѣрнѣе, нашей общей рыжеголовой страсти. Что она, однако? Какъ поживаетъ? Помнится, ты писалъ мнѣ какъ-то, что отвезъ ее въ Зундинъ послѣ того, какъ она не ужилась у твоего портного въ Прорѣ.

— Разскажу какъ-нибудь въ другой разъ,—отвѣтилъ Гансъ.

— Особенно хорошаго не жду. Яблоко едва ли далеко упало отъ яблони. Порода дрянная.

— Порода, сама по себѣ, совсѣмъ не дурная, Густавъ; она только испортилась мало-по-малу, и вина въ томъ лежитъ отчасти на насъ.

— Часъ отъ часу не легче!—воскликнулъ Густавъ, смѣясь.—Стало быть, мы съ тобою виноваты въ томъ, что старикъ—пьяная свинья, а его рыжая Ганна... тебѣ, кажется, лучше меня извѣстно, что она такое.

— Не о насъ съ тобою рѣчь,—возразилъ Гансъ.—Говоря: вина на насъ, я разумѣю дворянство и не считаю возможнымъ сдѣлать исключеніе для нашего рода. Бароны Пронъ тоже уча-

ствовали въ законодательствахъ о крестьянахъ и не менѣе другихъ виноваты въ томъ, что Пребровы стали тѣмъ, что они теперь... они и многія сотни другихъ, потомки которыхъ стали крѣпостными или служатъ работниками и работницами у потомковъ тѣхъ самыхъ дворянъ, съ предками которыхъ ихъ предки, какъ свободные земледѣльцы, засѣдали рядомъ въ судахъ и управленіяхъ и вступали между собою въ браки.

— Ахъ, чортъ возьми! Да ты сталъ настоящимъ ученымъ. Всякія законодательства проштудировалъ: о крестьянахъ, о судахъ, управленіяхъ!.. Откуда ты набрался такихъ премудростей?

— Отъ нечего дѣлать въ долгіе зимніе вечера, проводимые въ одиночествѣ,—отвѣтилъ Гансъ конфузливо.—Тутъ возьмешься и за такое старье, какъ «Рюгенскій обычай», написанный въ шестнадцатомъ вѣкѣ нѣкоимъ господиномъ фонъ Норманъ, жившимъ въ Трибберицѣ. Изъ его книги я почерпнулъ главный фондъ моихъ знаній. Впослѣдствіи, когда я принялъ управленіе имѣніемъ, потомъ попечительство надъ стариками, и сдѣлался членомъ мѣстнаго земства, я много рылся въ старыхъ книгахъ и документахъ, изъ нихъ узналъ, какъ дѣло шло съ шестнадцатаго вѣка. До тридцатилѣтней войны было еще довольно сносно. А уже съ тѣхъ поръ начались бѣды: самоуправство и притѣсненія становились все сильнѣе въ Помераніи и у насъ на Рюгенѣ, гдѣ властвовали шведы и знать не хотѣли ни старыхъ законовъ, ни преданій, ни правъ, да и не понимали въ нихъ ничего и переворачивали все шиворотъ на выворотъ; въ этомъ, къ сожалѣнію, имъ помогало мѣстное дворянство и не мало также большіе господа изъ городовъ, захватившіе въ свои руки управленіе церковными и монастырскими имѣніями. Тогда-то и началось устройство быта крестьянъ, то-есть деревни, какія были еще, превращались въ аренды и въ рыцарскія помѣстья, а крестьяне въ обязанныхъ или, правильнѣе, въ крѣпостныхъ, или же просто выгоняли ихъ вонъ. Въ прошломъ столѣтіи и даже въ началѣ нынѣшняго это повело къ настоящимъ крестьянскимъ бунтамъ, еще болѣе ухудшавшимъ положеніе несчастныхъ. Бывали нерѣдко взрывы одиночной мести противъ дурныхъ господъ. Одинъ подобный случай даже я припоминаю, или, быть можетъ, мнѣ только разсказывалъ о немъ Пребровъ. Вотъ въ эти-то старые годы дѣдъ старика съ Пустоши былъ владѣльцемъ четырехъ дворовъ, а именно: Пустоши съ лѣсомъ, нашего Ново-Проница, называвшагося тогда Польхофъ, и двухъ другихъ, вошедшихъ въ составъ

княжескихъ владѣній и совершенно исчезнувшихъ. Тогдашній князь былъ человѣкъ дурной, въ чемъ ему подражалъ и нашъ прадѣдъ, составившій не совсѣмъ хорошими средствами большое состояніе. Между тѣмъ, Пребровы все бѣднѣли. Отецъ владѣлъ еще Пустошью и лѣсомъ, который вынужденъ былъ продать князю, то-есть прежнему князю. Но, все-таки, онъ могъ еще считаться человѣкомъ состоятельнымъ, по крайней мѣрѣ, не бѣднякомъ. Все еще помня, чѣмъ когда-то были Пребровы, онъ бодро перебивался, держалъ даже домашняго учителя для старшихъ дѣтей. Этимъ впослѣдствіи даже я нѣсколько воспользовался, такъ какъ тѣмъ немногимъ, что я знаю изъ французскаго языка, я обязанъ по бо́льшей части Преброву. Въ молодости онъ владѣлъ имъ очень хорошо и тридцать лѣтъ тому назадъ во времена французовъ занималъ здѣсь должность переводчика и игралъ довольно важную роль. Но именно это - то время и погубило послѣдніе остатки пребровскаго состоянія. Всѣ дѣти померли или такъ разбрелись; остался одинъ Пребровъ. Безпорядочная жизнь, которую онъ вынужденъ былъ вести съ французами, шлянья то въ глубь Россіи, то въ Парижъ сбили его совсѣмъ съ толку; а вторая женитьба на дрянной, сварливой дочери мельника сдѣлала его окончательно тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь.

Гансъ помолчалъ немного и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Такъ вотъ почему, Густавъ, я не могу быть слишкомъ суровымъ къ старику, хотя мы очень давно не встрѣчаемся и онъ меня терпѣть не можетъ, въ чемъ я сейчасъ имѣлъ случай убѣдиться еще разъ. Но онъ, все-таки, убѣдится въ томъ, что я желаю ему добра и что ему же выгодно будетъ, когда въ лѣсу устроится раціональное хозяйство и его же луга будутъ осушены. Тебѣ наскучаютъ мои исторіи, Густавъ?

— Ничуть, — воскликнулъ Густавъ, выходя изъ задумчивости.—Я думаю только, что ты сводишь счеты, не спросивши хозяина.

— Какъ такъ?

— Я думаю, что старый негодяй, — извини, если я такъ неуважительно отзываюсь послѣ твоей защитительной рѣчи,— думаю, что ему и лучше, и больше по душѣ быть лѣснымъ воромъ и контрабандистомъ, чѣмъ твоимъ лѣсничимъ, къ чему ты, кажется, его предназначаешь!

— Лучше ли ему!—возразилъ Гансъ,—ты, кажется, могъ сразу

убѣдиться, взглянувши на его дворъ. Вѣдь, это же полное разоренiе! Но почему ты говоришь, Густавъ, *твоимъ* лѣсничимъ? И вообще ко всему такъ относишься, какъ будто тебѣ дѣла нѣтъ до нашего состоянiя?

— Ты что называешь нашимъ состояніемъ?

Гансъ остановилъ лошадь и съ грустнымъ удивленіемъ сказалъ:

— Что я называю? Удивительный вопросъ! Все называю... все!

— Не задерживайся, поѣдемъ,—сказалъ Густавъ, — не то стемнѣетъ прежде, чѣмъ мы доберемся до Проры, а намъ еще назадъ возвращаться. Не знаю, долго ли ты пробудешь у своего придворнаго портнаго.

Онъ опять пустилъ лошадь рысью. Гансъ проѣхалъ нѣкоторое время рядомъ съ нимъ молча, потомъ сказалъ:

— Ты уклоняешься, Густавъ. Вообще ты цѣлый день сегодня... какъ бы это сказать... не знаю какъ, но мнѣ это очень грустно.

— Милый ты мой малый,—воскликнулъ Густавъ, смѣясь.— Мало у тебя заботъ, должно быть, что ты надъ такими пустяками ломаешь голову! Я немного нервенъ и усталъ; покойная жизнь въ Мюнхенѣ совсѣмъ разслабила меня, хоть съизнова начинай учиться верхомъ ѣздить. Ты забылъ, кажется, что мы сегодня утромъ часа три или четыре не сходили съ лошадей.

— Отчего же ты не остался дома?

— Тебѣ не хотѣлось, чтобы я ѣхалъ; я это замѣтилъ... Ну, а ты мой характеръ знаешь, — именно потому-то я и поѣхалъ. Нѣтъ, серьезно говоря, Гансъ, мнѣ душно въ замкѣ, какъ поется въ пѣснѣ; я хотѣлъ проѣхаться, чтобы успокоиться. Аксель уѣхалъ, ты собрался уѣзжать, а вѣчная болтовня съ женщинами способна вогнать человѣка въ тоску. И потомъ ожиданіе вечерняго чая съ нашими стариками послѣ того, какъ мы имѣли удовольствіе провести съ ними два часа за обѣдомъ, и я наслаждался повѣствованіемъ о знаменитомъ пріемѣ въ Фонтенебло, гдѣ дѣдушка получилъ крестъ почетнаго легіона, а бабушка, надо полагать, отъ радости упала въ обморокъ... нѣтъ, mon cher, выслушивать эту исторію опять вечеромъ — слуга покорный... я ее наизусть знаю съ четырехлѣтняго возраста... C'était plus fort que moi... Такъ-то лучше... Вотъ мы и пріѣхали. Мѣшать важной конференціи съ портнымъ я не буду и проѣду на постоялый дворъ. У меня языкъ присохъ къ небу. До свиданья!

Онъ пожалъ Гансу руку и отправился черезъ немощеную улицу и площадь къ трактиру Класа Венгака.

Глава XXIII.

Густавъ съ трудомъ дозвонился, несмотря на то, что въ домѣ слышались голоса и возня. Отперъ дверь не Класъ Венгакъ, а работникъ Іохенъ.

— Простите, господинъ баронъ,—извинился онъ.—Хозяйкѣ Богъ далъ дочку, а хозяинъ пошелъ въ аптеку за лекарствомъ. Я за нимъ сбѣгаю. Не угодно ли въ комнату? Лошадь сведу въ конюшню, а самъ побѣгу за хозяиномъ.

Густавъ сказалъ, что пробудетъ не долго, и приказалъ привязать лошадь у воротъ. Въ общей комнатѣ было душно, стоялъ противный запахъ дряннаго табаку и водки. Молодой человѣкъ нетерпѣливо открылъ окно, чтобы освѣжить комнату вечернимъ воздухомъ. Его дурное расположеніе духа еще усилилось; томила жажда послѣ длиннаго семейнаго обѣда, за которымъ онъ все время болталъ, чтобы скрыть волненіе, и для успокоенія нервовъ слишкомъ усердно пилъ шампанское, присланное княземъ и подоспѣвшее какъ разъ къ дессерту. Свѣтлѣйшій что-то необыкновенно разщедрился; или же уступку лѣса и шампанское, и его хлопоты у стариковъ... словомъ, все должно приписать одной Изеѣ, поусердствовавшей обворожить стараго селадона? Къ тому же дочь владѣтельнаго князя! Что-нибудь да значитъ!

Онъ громко расхохотался; но смѣхъ вдругъ оборвался: комедія началась превосходно, только на долго ли? А потомъ что?

Тревожно и мрачно зашагалъ онъ взадъ и впередъ по полутемной комнатѣ. Жажда становилась все сильнѣе, точно кто горячей золы на языкъ насыпалъ. Іохенъ куда-то пропалъ, Класъ Венгакъ не показывался. Густавъ отворилъ шкафъ; на счастье, въ немъ оказались двѣ бутылки вина и стаканы. За неимѣніемъ штопора, онъ отбилъ горлышко бутылки о подоконникъ, налилъ вина и разъ за разомъ опорожнилъ два стакана, потомъ сѣлъ къ окну, зажалъ голову руками и горько задумался.

Что толку отъ успѣховъ Изеи и примиренія съ стариками, и отъ того, что, ради Герты, онъ готовъ оставаться спокойнымъ, и отъ братскихъ словъ, добродушія и готовности Ганса всѣмъ дѣлиться, если, все-таки, приходится быть его вассаломъ, въ зависимости отъ него, какъ въ былое время, когда онъ маль-

чишкою учился здѣсь въ школѣ и весело жилъ на карманныя деньги, выдаваемыя Гансомъ? Что было тогда въ маломъ, то же будетъ теперь въ большомъ; въ этомъ вся разница. Тройное, четверное право имѣлъ Гансъ на имѣніе и на фольваркъ, и на все, такъ какъ втрое и вчетверо выдалъ уже онъ ему стоимость наслѣдства матери; отъ отца же остались одни долги. Все это онъ зналъ, давно зналъ... И почему ему было не пользоваться прежде для себя одного, теперь для жены и ребенка, тѣмъ, что не нужно брату, что тотъ охотно отдавалъ? Не нужно? Отдавалъ охотно? Да! А теперь-то очень нужно, когда этому чудаку пришла въ голову блажь жениться на старости лѣтъ... Жениться на Гертѣ! Это возмутительно, невыносимо! Старый дѣдъ правъ: до сихъ поръ насъ били розгами, теперь наступаетъ время, когда будутъ бить скорпіонами. До сихъ поръ мы жили подъ властью Ганса, теперь попадаемъ подъ власть Герты. И онъ тоже, онъ всѣхъ прежде, влюбленный Филинъ! Проповѣдуетъ... какъ по книжкѣ читаетъ... Я всегда говорилъ: ему бы пасторомъ слѣдовало быть съ его христіанскимъ снисхожденіемъ къ мерзавцамъ и къ погибшимъ дѣвкамъ... Ничего другаго изъ Ганны и выдти не могло... Впрочемъ, я кое-кого знаю, близко, коротко знаю, кому бы совсѣмъ не подобало очень превозноситься передъ негодяями и погибшими тварями. Въ домѣ повѣшеннаго... Знаешь поговорку, другъ Густавъ?...

Въ его головѣ вдругъ какъ-то все спуталась. Вотъ онъ видитъ себя въ блестящихъ игорныхъ клубахъ Неаполя, Ниццы, въ дворянскомъ клубѣ въ Мюнхенѣ. Онъ мечетъ банкъ, выигрываетъ, проигрываетъ... по бо́льшей части выигрываетъ, ведетъ роскошную, шумную жизнь... съ Изеей. Въ то время онъ еще любилъ ее; любила и она его, иначе заложила ли бы она свои вещи, когда онъ проигрался; а потомъ, когда ушли и эти деньги, подала ли бы она же совѣтъ замѣнить настоящіе камни и жемчугъ поддѣльными? Она смѣялась и увѣряла, что смѣло можетъ обходиться фальшивыми, такъ какъ до сихъ поръ не нашлось человѣка, который бы, увидавши ея глаза, могъ отъ нихъ оторваться и обратить вниманіе на ея бриллианты. Да, сегодня ея глаза были такъ же хороши, какъ тогда! Къ тому же она научилась владѣть ими еще лучше, если только это возможно. Эти глаза обошлись уже сегодня князю въ пять тысячъ талеровъ, не считая ящика шампанскаго. Отчего бы не попробовать еще разъ влюбиться въ нее. Шансовъ на это мало, — слишкомъ хорошо

знаютъ, насквозь видятъ другъ друга... но все же лучше это, чѣмъ позволить высокомѣрной дѣвчонкѣ водить себя за носъ. Что въ ней искры нѣтъ любви къ Гансу, одна комедія, которую она разыгрываетъ мнѣ на зло и на смѣхъ,—въ томъ можно поручиться жизнью!... Куда запропастились всѣ эти дьяволы!

Класъ Венгакъ вошелъ въ комнату съ зажженными свѣчами. Густавъ сразу замѣтилъ, что онъ пьянъ. Класъ смѣялся не переставая и нетвердымъ языкомъ разсказывалъ господину барону, какъ обрадовала его Лизхенъ и что дѣвчонка вѣситъ десять фунтовъ. Все обошлось какъ нельзя лучше; Лизхенъ не приказала даже посылать за теткою... Ей теперь трудненько будетъ управляться въ Проницѣ... Ахъ, ты, Господи! Что же такое пьетъ господинъ баронъ! Десятигрошевую дрянь! И цѣлую бутылку! Господинъ баронъ позволитъ Класу Венгаку угостить себя, на радости, хорошимъ винцомъ... Можно и господину барону доставлять сколько угодно будетъ, если господинъ баронъ останется и заживетъ своимъ домомъ.

— Вотъ какъ? Откуда вы добываете это вино?—спросилъ Густавъ.

Онъ сидѣлъ опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ третьяго дня вечеромъ, передъ бутылкою хорошаго заграничнаго вина, которую Класъ досталъ изъ нижняго отдѣленія буфетнаго шкафа. Но сегодня онъ не предлагалъ хозяину сѣсть; его забавляло, съ какимъ усиліемъ тотъ держался на ногахъ и отъ времени до времени опирался красными кулаками на столъ. Къ тому же каждую минуту могъ пріѣхать Гансъ, и весьма нерѣшеннымъ представлялся вопросъ о томъ, простирается ли его либерализмъ, соболѣзнующій о пьяныхъ мужикахъ, и на пьяныхъ трактирщиковъ.

— Подходящее винцо?—едва выговаривалъ Класъ, стараясь изобразить хитрую улыбку.—А откуда оно, это, господинъ баронъ, торговая тайна до тѣхъ поръ, пока самъ господинъ баронъ...

— Не займется вмѣстѣ съ вами контрабандою,—договорилъ Густавъ. Класъ отшатнулся и вытаращилъ глаза.

— Чего удивился? Трезка пустоголовая! — воскликнулъ Густавъ.—Неужели вы воображали, что я не знаю, откуда бралъ вино вашъ предшественникъ, толстый Ниммо? Вы только теперь узнали, а я давно знаю стараго Преброва. Да, къ слову о Пребровѣ, какъ поживаетъ его Ганна?

— Плохо, очень плохо!—промямлилъ Класъ, покачивая отяжелѣвшею головою.

— Я всегда предсказывалъ ей неладное,—сказалъ Густавъ.

— По вашему и выходитъ!

— Ого!

— Да, господинъ баронъ,—едва ворочалъ языкомъ Класъ.— Прежде времени... мертваго. Больна, молочная лихорадка... Аптекарь говорилъ, опасно... Аптекарь все знаетъ лучше доктора... много лучше. Только не слѣдуетъ говорить Лизхенъ. Избави Богъ... Можно напугать до смерти, говоритъ молодой докторъ... отличный докторъ, все знаетъ... Не пьетъ только почти ничего. Лизхенъ ни слова, избави Богъ... Я далъ честное слово, господинъ баронъ... честное слово старику Краузе.

Густавъ, говорившій до сихъ поръ съ пьянымъ трактирщикомъ отъ нечего дѣлать, навострилъ уши. Ганна здѣсь въ такомъ положеніи и, повидимому, у придворнаго портнаго Ганса... Сегодняшняя ссора съ Пребровомъ, чуть не до драки... Говорить объ Ганнѣ онъ не хотѣлъ... Ганна его прежняя страсть. Все это пронеслось въ головѣ Густава въ то время, какъ Класъ теръ себѣ лобъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы стараясь основательнѣе уяснить себѣ, что объ этомъ не слѣдуетъ сообщать его Лизхенъ. Отъ пьянаго малаго можно было теперь все вывѣдать. Густавъ налилъ другой стаканъ вина, предусмотрительно поставленный Класомъ на столъ, и сказалъ:

— Садитесь, Венгакъ! Вамъ сегодня было много хлопотъ. Такъ. За здоровье вашей Лизхенъ и десятифунтовой дѣвчурки!

— Благодарю, господинъ баронъ, нижайше благодарю!—отвѣтилъ Класъ, поспѣшившій воспользоваться позволеніемъ сѣсть.— Передамъ Лизхенъ высокую честь...

Онъ чокнулся съ Густавомъ и выпилъ съ торжественною сосредоточенностью, боясь расплескать вино.

— Кланяйтесь ей отъ меня и смотрите ни слова о несчастной Ганнѣ. Вообще, чѣмъ меньше говору объ этой исторіи, тѣмъ лучше.

Класъ кивнулъ головою.

— Старикъ Пребровъ, конечно, все знаетъ?— небрежно замѣтилъ Густавъ.

— Конечно, все,—отвѣтилъ Класъ.—То-есть, въ сущности, узналъ только сегодня утромъ... Именно...

Класъ осмотрѣлся кругомъ.

— Никого нѣтъ,—сказалъ Густавъ,—а мнѣ вы можете все говорить. И такъ, сегодня утромъ онъ узналъ именно...

— Именно, я и написалъ ему про...

Класъ остановился и посмотрѣлъ на гостя съ отупѣлою усмѣшкою.

— Про что, я уже знаю,—сказалъ Густавъ.—Дальше!

Класъ продолжалъ хихикать и кивать головою. Густавъ съ наслажденіемъ разбилъ бы бутылку объ эту дурацкую голову. Гансъ могъ пріѣхать съ минуты на минуту; странно даже, что онъ такъ долго замѣшкался. Тѣмъ подозрительнѣе становилась вся эта исторія. Надо было сдѣлать рѣшительную попытку заставить говорить Класа.

— Ну, разсказывайте толкомъ, — сказалъ онъ, — иначе я подумаю, что вы сами ровно ничего не знаете.

— Я-то не знаю?—глупо усмѣхнулся Класъ.

— Или не знаете, или не можете сообразить, какъ что было.

— Не могу сообразить! Я-то, не могу! Ого, господинъ баронъ! Такъ вотъ же слушайте.

Класъ подвинулся ближе къ столу.

— И такъ!—подсказалъ Густавъ.

— И такъ,—повторилъ трактирщикъ, — стоимъ мы утромъ въ саду. Онъ не любитъ заходить въ домъ... стоимъ мы у забора, вдругъ идетъ мимо Вестфаль... знаете Вестфаль? Я и говорю: «Фрау Вестфаль, куда же вы? Я думалъ, вы у Лизхенъ».— «Еще успѣю, — говоритъ она,—мнѣ нужно къ Краузе».—«Что за пустяки, говорю я, къ такой-то старухѣ».—«Не о старухѣ тутъ дѣло идетъ», говоритъ она.—«А о комъ же?» спрашиваю я.—«Не знаю, говоритъ, приходилъ старикъ Краузе и просилъ какъ можно скорѣе». Сказала она это и побѣжала прямо къ Краузе. Оглядываюсь, а передо мной стоитъ старикъ; отъ Вестфаль онъ спрятался за дерево... А лицо у него страсть, просто страсть, господинъ баронъ! «Что съ вами, Пребровъ?» говорю я.— «Это, говоритъ, для Ганны».—«Что, говорю я, за вздоръ. Зачѣмъ она сюда зайдетъ?»—То-есть, господинъ, баронъ, почему бы ей и не быть здѣсь? Изъ Зундина ее прогнали, а старикъ даже въ газетѣ пропечаталъ, что отказывается отъ нея. Тутъ приходитъ Стина и зоветъ меня къ Лизхенъ. Та отдаетъ мнѣ ключь отъ шкафа съ бѣльемъ; до послѣдней минуты не хотѣла разстаться съ нимъ. да уже дѣлать нечего, отдала, а сама разливается, плачетъ. Я совсѣмъ было забылъ о старикѣ. Только черезъ часъ пришла Вестфаль, вызвала меня и говоритъ: Онъ меня подкараулилъ, я ему все и разсказала; все-таки, онъ, вѣдь, отецъ. Меня, правда,

къ Ганнѣ звали», ну и все прочее... Я и вамъ говорю это съ тѣмъ, чтобы вы никому не передавали, а то пойдетъ болтовня...

— Вотъ какъ сейчасъ въ аптекѣ,—сказалъ Густавъ.

— Никого по имени не называли, господинъ баронъ. Ей Богу, я никого не называлъ...

— А другіе?

Класъ почесалъ за ухомъ.

— Другіе-то, можетъ быть, и называли. Только, видите ли, господинъ баронъ, при всевозможной скрытности... здѣсь въ Прорѣ... еще нѣкоторое время была возможность; ну, а теперь...

— Это вѣрно,—сказалъ Густавъ, — теперь секретъ покончен. Но кому нужно держать все это въ такомъ секретѣ?

Класъ опять осмотрѣлся кругомъ, перегнулся надъ столомъ и прошепталъ:

— Никому ни полсловечка, господинъ баронъ... Вашъ братецъ...

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста,—сказалъ Густавъ.—Я изъ-за этого пріѣхалъ сюда съ нимъ вмѣстѣ. Онъ сейчасъ у нея.

Класъ только руками развелъ; непостижимо, какъ это такъ выходило, что баронъ все разспрашиваетъ, все разспрашиваетъ, а оказывается, что онъ все зналъ раньше? Этого Класъ никакъ не могъ сообразить.

— Всѣ мы люди, господинъ баронъ,—проговорилъ онъ плаксиво. — Всѣ мы люди, всѣ человѣки... и вашъ братецъ...

— Конечно, и онъ,—подтвердилъ Густавъ.

— Такая-то добрая душа,—чуть не плакалъ Класъ.—Третьяго дня привезъ ее самъ... въ своей каретѣ... точно принцессу, говорила фрау Краузе акушеркѣ, фрау Вестфаль... Ей Богу, точно, говоритъ, принцессу...

— Тсс!... Молчите!

Подъ открытымъ окномъ раздался топотъ лошади.

— Ты здѣсь, Густавъ?—послышался голосъ Ганса.

— Сейчасъ иду!—откликнулся Густавъ. — Не ходите, Венгакъ, я извинюсь за васъ.

— Ни полслова, господинъ баронъ,—едва ворочалъ языкомъ трактирщикъ, тщетно усиливаясь подняться со стула.—Всѣ мы люди... всѣ человѣки... всѣ...

— Уложите его,—сказалъ Густавъ Іохену, только что появившемуся въ дверяхъ.—Покойной ночи. Иду, Гансъ.

Глава XXIV.

Братья выѣхали шагомъ въ поле, на которое уже спустился ночной сумракъ. Гансъ ѣхалъ, низко опустивши голову.

— Не пустить ли рысью? — вывелъ его изъ задумчивости голосъ Густава.

— Нѣтъ, еще минутку, — отвѣтилъ Гансъ, опять опуская голову, и, помолчавши, прибавилъ:

— Тебя не удивило, что я такъ замѣшкался?

— А ты не спросилъ меня, о чемъ я такъ долго бесѣдовалъ съ Венгакомъ, порядочно нагрузившимся?

— Я видѣлъ уже въ окно, потому и не вошелъ. Счастливо, что его жена чувствуетъ себя хорошо; по крайней мѣрѣ, онъ проснится покойно.

— Ты, кажется, совершенно au courant того, что происходитъ въ домѣ Венгака?

— У Краузовъ все знаютъ... кромѣ того, мнѣ говорилъ докторъ.

— Да? Болѣнъ тамъ кто-нибудь?

Гансъ не тотчасъ отвѣтилъ. «Любопытно, какъ-то онъ вывернется», подумалъ Густавъ. Но тутъ же ему пришла въ голову другая мысль: глупо все это! Венгакъ проснится, можетъ вспомнить, что говорилъ со мною обо всемъ этомъ, и потомъ передастъ ему... болтунъ отчаянный... Тогда я окажусь въ скверномъ положеніи, неправдивымъ, двоедушникомъ. Надо предупредить его, разыграть откровеннаго, честнаго малаго. Это его нѣсколько осадитъ и навсегда собьетъ съ него менторство. Онъ приблизился къ Гансу, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Прости, Гансъ! Мнѣ не слѣдовало спрашивать, кто болѣнъ у Краузовъ; я знаю кто. Венгакъ съ пьяну все выболталъ.

— Возможно ли это! — удивленно спросилъ Гансъ. — Этого никто не знаетъ, кромѣ двухъ человѣкъ, которые болтать не станутъ: мужъ и жена Краузе изъ преданности мнѣ, а другіе— аптекарь, врачъ и Вестфаль потому, что не смѣютъ.

— Это по твоему, милый ты мой малый, — возразилъ Густавъ покровительственнымъ тономъ. — Ты людей не знаешь, даже тѣхъ немногихъ, что живутъ въ Прорѣ, гдѣ у всѣхъ чертовски чуткія уши. Мнѣ жаль уничтожать твою милую довѣрчивость и, быть можетъ, нарушить твое спокойствіе. Но для тебя же лучше видѣть дѣло такимъ, каково оно въ дѣйствительности; ты будешь, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать, сообразуясь съ

обстоятельствами. Въ случаѣ, если бы самъ не придумалъ, какъ поступить,—я тутъ... Только ахать будешь отъ удивленія, когда я возьмусь помогать тебѣ. На подобныя дѣла я такой мастеръ, что другаго не найти.

И Густавъ передалъ брату все, что узналъ отъ Класа, причемъ остался самъ въ роли человѣка, вынужденнаго противъ собственнаго желанія выслушивать пьяную болтовню. Гансъ выслушалъ его до конца, ни разу не прервавши. Даже когда Густавъ кончилъ, повторяя еще разъ увѣренія въ своей безусловной скромности и полной готовности выручить брата изъ скверной исторіи, вышедшей теперь наружу особенно несвоевременно, и тогда Гансъ промолчалъ довольно долго, прежде чѣмъ дать волю своему удивленію и огорченію.

— Неужели, Густавъ, и ты... и ты могъ повѣрить такой гадости обо мнѣ? Повѣрить, что имѣя на душѣ эту... Это жестоко, Густавъ, очень жестоко!

— А, чортъ! — проворчалъ Густавъ и такъ рванулъ спотыкнувшуюся лошадь, что чуть не опрокинулъ ее. А на душѣ у него было такъ, какъ будто онъ во всю длину валяется на грязной землѣ, сбитый, какъ мальчишка, съ изъѣзженной клячи Лжи, на которой онъ не съумѣлъ проѣхать, тогда какъ Гансъ высоко сидитъ на гордомъ конѣ Правды и съ сожалѣніемъ смотритъ на него. Проклятіе! Въ то время, какъ онъ съ отчаяніемъ и злобою въ душѣ подыскивалъ какой-нибудь сносный исходъ изъ унизительнаго положенія, ему вдругъ пришла въ голову мысль: уже не Аксель ли? Черезъ мгновеніе эта случайная идея получила въ его умѣ характеръ достовѣрности. Нѣсколько вольныхъ словъ, сказанныхъ давно когда-то Акселемъ про Ганну, его слишкомъ извѣстная безнравственность, ежегодное житье въ Зундинѣ, сегодняшній секретный разговоръ съ нимъ Ганса послѣ отъѣзда князя передъ самымъ обѣдомъ, стараніе Акселя уклониться отъ этого разговора, на который онъ вынужденъ былъ настойчивою просьбою Ганса, его вытянутое лицо за обѣдомъ, растерянный видъ, только послѣ шампанскаго смѣнившійся обычною самоувѣренностью и самодовольствомъ,—все это закружилось, завертѣлось, съ быстротою молніи пронеслось въ головѣ Густава.

— Такъ-то! — сказалъ онъ, похлопывая испуганную лошадь рукою по шеѣ. — Зазѣвываться не слѣдуетъ... Спасибо тебѣ, Гансъ; теперь мнѣ легче говорить съ тобою. Я хотѣлъ наглядно доказать тебѣ, какъ ты неосновательно поступаешь, взваливая

самъ на свои плечи чужіе грѣхи... хотя бы Акселевы, напримѣръ, и какъ ты своимъ добродушіемъ самъ навлекаешь на себя мерзкія подозрѣнія всѣхъ людей, знающихъ тебя не такъ хорошо, какъ я.

— Прости меня, Густавъ,—кротко проговорилъ Гансъ.

— Дѣло не обо мнѣ,—воскликнулъ Густавъ, очень довольный удачею своей выходки и въ душѣ смѣясь надъ дѣтски-простодушною довѣрчивостью брата. — Дѣло о тебѣ идетъ, и я не хочу, чтобы люди про тебя перешептывались и приписывали тебѣ такія вещи, о которыхъ ты и не думалъ. Повѣрь, милый Гансъ, я знаю свѣтъ, увы, много лучше тебя! Не такъ онъ созданъ, чтобы можно было въ немъ прогуливаться благодѣтельнымъ принцемъ и отметать соръ отъ чужихъ загрязненныхъ дверей. Аксель заварилъ себѣ эту исторію, самъ ее и расхлебывай. Вотъ я ему покажу, какъ эти дѣла-то дѣлаются.

— Нѣтъ, Густавъ, прошу тебя. Это будетъ имѣть видъ нарушенія съ моей стороны довѣрія; онъ никогда не повѣритъ, что ты самъ добрался до правды. Меня тоже очень удивляетъ, какъ могъ ты такъ быстро догадаться. Аксель охотно бы все на свѣтѣ сдѣлалъ. Въ нашихъ интересахъ не возбуждать теперь новыхъ недоразумѣній между нимъ и его отцомъ. Вслѣдствіе того, что несчастный ребенокъ родился мертвымъ, старикъ легче отнесется къ дѣлу, если только намъ не удастся совсѣмъ скрыть отъ него, что было бы особенно желательно ради Акселя и ради Ганны. Что касается несчастной дѣвушки, то, по словамъ доктора, нѣтъ никакой опасности... денька черезъ два посмотримъ, что можно будетъ для нея сдѣлать.

— А пока имя моего добраго Ганса будутъ на всѣ лады трепать такіе люди, какъ Класъ Венгакъ.

— Глупый болтунъ!

— А старый шутъ съ Пустоши?

— Теперь объясняется, почему онъ на меня бросился. Я напишу ему. На словахъ нѣтъ никакой возможности объясниться, доказать, что онъ ошибается и что скоро все разъяснится. Конечно, онъ очень дурно обошелся съ несчастною дочерью, но ему, бѣднягѣ, сбившемуся съ толку, можно многое извинить.

— Само собою разумѣется! Ну, а если узнаетъ еще кое-кто... Ты понимаешь, о комъ я говорю.

— Она ничего не услышитъ... Кто станетъ передавать ей? Да, наконецъ, найдись такой человѣкъ... Ты же самъ, Густавъ,

сказалъ, что ни на одно мгновеніе не считалъ возможнымъ повѣрить... и вдругъ она!... Ей, Густавъ! Ты, никакъ, опять хочешь подшутить надо мной. Нѣтъ, другъ, не такъ простъ Гансъ, не удастся!

И онъ тихо разсмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ, точно будто Густавъ необыкновенно остроумно подшутилъ; расхохотался и Густавъ, какъ человѣкъ, шутка котораго понята сразу. Они остановились у воротъ Ново-Проница.

— Я уже не поѣду туда сегодня,—сказалъ Гансъ.—Надо, наконецъ, отвѣтить Ливоніусу, знаешь, на счетъ пшеницы... Извинись тамъ за меня. Покойной ночи! Да прикажи хорошенько вытереть Фигаро; ему порядочно досталось сегодня.

Онъ крѣпко пожалъ руку брата.

— Такъ, вѣдь, Густавъ?

— Что—такъ?

— Какъ бы тамъ ни было, а хорошій день былъ сегодня!

Гансъ осторожно перебрался черезъ плотину и скрылся въ темномъ дворѣ. Густавъ повернулъ за амбары. Отъѣхавши настолько, что галопъ лошади уже не могъ быть слышенъ, онъ далъ шпоры измученному коню и немилосердно погналъ его во всю прыть между волнующимися и шелестящими нивами. Впереди сквозь ночной сумракъ свѣтились окна старо-проницкаго дома. Сквозь стиснутые зубы молодаго человѣка прорывались дикія слова, внушенныя его безумною страстью, насмѣшливый хохотъ надъ глупымъ Филиномъ, воображавшимъ, что прелестная пташка можетъ когда-нибудь залетѣть въ его мрачную нору.

Конецъ первой части.

НАМУНА.

(Восточная повѣсть).

Ал. де-Мюссэ.

Пѣсня первая.

Une femme est comme votre ombre
Courez aprés—elle vous làit; fuyez
elle court aprés vous.

I.

Мнѣ говорить придется объ Гассанѣ,
А потому, немедля, долженъ я
Васъ познакомить съ нимъ; онъ на диванѣ
Лѣниво возсѣдалъ, свой усъ крутя,
И опіумъ курилъ, ища забвенья...
Онъ былъ одѣтъ, какъ Ева до паденья...

II.

Что будетъ дальше, если съ первыхъ словъ
Герой поэмы нагъ? Читатель, строго
Глядишь ты на меня; еще немного,
И бросить ты мои стихи готовъ...
Согласенъ я; костюмъ героя странный,
Но онъ едва успѣлъ разстаться съ ванной.

III.

Читательница милая, и вы
Краснѣете... Невольно васъ смущаютъ
Мои слова; но какъ же въ свѣтѣ знаютъ,
Какъ добралось до вѣтреной молвы,
Что ваша грудь божественна и тѣло
Гранита тверже и какъ мраморъ бѣло?

IV.

Вы скажете, что вѣтеръ могъ поднять
Вашъ туалетъ; что падали, гуляя,
И что легко, вашъ образъ созерцая.
Другія совершенства отгадать...
Но я-бъ на эти сказки не поддался;
Любовникъ вашъ навѣрно проболтался...

V.

Сидѣть нагимъ въ пріятномъ полуснѣ,
Скажите, развѣ грѣхъ во время зноя,
На креслѣ тѣло нѣжа и покоя?
Когда бы вы могли отдаться мнѣ,
Я снялъ бы съ васъ ненужные покровы...
Вы на меня взглянули бы сурово...

VI.

Проснулся-бъ гнѣвъ, а тамъ, потупя взоръ,
Простили бы меня; мы любимъ въ милой
Не пышные наряды и уборъ;
Чтобы красѣ придать побольше силы,
Вы рядитесь; нарядъ оружьемъ служитъ...
Пріятно, побѣдивъ, обезоружить...

VII.

Открыта жизнь, открыты небеса;
Обнажены могилы, дѣти, боги...
Скрываются лишь тайныя тревоги
И ложь; скрываться не должна краса;
Все доброе не прячется отъ свѣта
И мой герой предъ вами неодѣтый

VIII.

Останется; бѣды большой въ томъ нѣтъ;
Когда жара—быть на легкѣ отрада;
Съ нимъ разставаясь, плакала Наядя;
Она ушла, оставя влажный слѣдъ;
Еще на немъ ея дрожали слезы;
Ему не до костюма и до позы...

IX.

Сентябрь стоялъ; подъ небомъ южныхъ странъ
Онъ сущій рай,—не мрачный и дождливый,
Какъ онъ у насъ... Безпечный и счастливый,
Любуясь на закатъ, сидѣлъ Гассанъ...
Не вѣдалъ онъ житейскія заботы
И другомъ былъ мечтанья и дремоты...

X.

Онъ былъ природой щедро одаренъ;
Ему въ удѣлъ достались ловкость, сила;
Хоть ростомъ малъ, но хорошо сложенъ;
Казалось, мать его такимъ родила,
Чтобъ онъ красивѣй и стройнѣе сталъ;
Его рѣзецъ художника ваялъ.

XI.

Онъ съ алебастромъ спорилъ бѣлизной;
Въ его рукѣ порода отражалась;
Онъ блѣденъ былъ и черной бородой
Его лице прекрасно обрамлялось;
Огонь страстей пылалъ въ его глазахъ...
Не стану говорить о волосахъ.

XII.

Татары брѣютъ это украшенье,
Смѣясь надъ нимъ. Герой мой ренегатъ,
Когда-то былъ искатель приключеній,
Потомъ дѣла поправилъ, сталъ богатъ;
Онъ былъ французъ по роду и понятьямъ,
Но измѣнилъ отчизнѣ, вѣрѣ, братьямъ

XIII.

И съ родиной простился онъ на вѣкъ;
Гассанъ имѣлъ характеръ сумасбродный
И вообще былъ странный человѣкъ,—
Дурной сосѣдъ, товарищъ превосходный
И добръ и золъ, довѣрчивъ и лукавъ,
Порою виноватъ, порою правъ...

XIV.

То въ праздности пустой искалъ отраду,
То мрачныхъ думъ вкушалъ онъ горькій плодъ.
Ты помнишь ли, читатель, серенаду,
Что Донъ-Жуанъ съ гитарою поетъ?...
Въ ней слышится унылый голосъ муки;
Тоской и страстью дышатъ эти звуки

XV.

И съ тихой грустью пѣсня раздается...
Гитара, еле внятно вторитъ ей,
И, въ ладъ звуча, надъ пѣснею смѣется
Веселою игривостью своей.
Пускай слова полны тоски и горя,
Она словамъ не вѣритъ, пѣснѣ вторя.

XVI.

Такъ въ жизни смѣхъ порой звучитъ сквозь слезъ,
Такъ мы порой, обманывая, любимъ,
Готовы правдѣ измѣнять для грезъ,
Съ душою чистой жизнь чужую губимъ,
Невинны и порочны; мракъ и свѣтъ
Соединились въ насъ; такъ созданъ свѣтъ...

XVII.

Гассанъ былъ въ полномъ смыслѣ добрый малый,
Но никакихъ властей не признавалъ;
Имъ прихоть безотчетно управляла,
Намѣренья, какъ платья онъ мѣнялъ,
Но если въ немъ вселялось убѣжденье,
Никто-бъ не могъ его заставить мнѣнье

XVIII.

Перемѣнить; всегда съ плеча рубилъ.
И много было странностей въ Гассанѣ:
Онъ на полу бы мухи не убилъ,
Но если бы нашелъ ее въ стаканѣ.
То запоролъ бы всѣхъ людей своихъ...
Вотъ притча вамъ про добрыхъ и про злыхъ...

XIX.

Зоилы говорятъ, что долгъ поэта
Живыхъ людей на сцену выставлять
И сердце человѣка изучать.
Но въ комъ его найти? гдѣ сердце это?
Зачѣмъ же мнѣ сосѣда предпочесть?
И у меня, вѣдь, тоже сердце есть.

XX.

Такъ сами вы герой своей поэмы
И рѣчь идетъ о васъ? Смѣшной вопросъ.
И безъ себя найти не трудно тэмы...
Я съ одного срисовываю носъ,
Съ другаго тылъ; вопросамъ мѣру знайте;
Что съ третьяго беру я—отгадайте...

XXI.

«Вы взяли на себя тяжелый крестъ...
«Ребенокъ вашъ отца имѣть не будетъ».
— Молчите, ради Бога; васъ осудитъ
Издатель мой. Къ тому-жь is pater est
Quem nuptiae; тѣмъ кончится тирада.
Увѣренъ я, латыни вамъ не надо...

XXII.

Гассанъ мой сынъ, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ;
Хотя-бъ онъ былъ щедушный и горбатый,
Все имъ бы я гордился; онъ на свѣтъ
Произведенъ моей мечтой крылатой...
Къ тому-жь о немъ исторія молчитъ
И мнѣ Гассанъ вполнѣ принадлежитъ.

XXIII.

За ложь меня не упрекаетъ совѣсть;
Я про Востокъ ни слова не сказалъ,
Хотя ему я посвящаю повѣсть;
Я въ тѣхъ странахъ, по правдѣ, не бывалъ,
Но, давъ просторъ фантазіи широкой,
Вамъ описать бы могъ красы Востока.

XXIV.

Кто смѣлъ бы уличить меня во лжи?
Я описалъ бы пѣсню муэззина
И синій кровъ богатаго хаджи;
Явилась бы волшебная картина:
На первомъ планѣ бѣлый минаретъ,
Лазурь небесъ и яркій солнца свѣтъ...

XXV.

Вы даже не замѣтили-бъ обмана;
Вѣдь, лучше книги память служитъ намъ...
Все это я разсказываю вамъ,
Чтобъ вы простили странности Гассана...
Пускай онъ вамъ не нравится вполнѣ,
Я васъ прошу уступку сдѣлать мнѣ

XXVI.

И не судить Гассана слишкомъ строго...
Мнѣ трудно вамъ понятье дать о немъ;
Загадка онъ для всѣхъ; съ нимъ сходенъ домъ
Безъ лѣстницы... Друзей имѣлъ онъ много,
Но ни одинъ изъ нихъ его не зналъ;
Онъ лишь подушкѣ тайны повѣрялъ.

XXVII.

Онъ общаго имѣлъ съ другими мало...
Родныхъ не зналъ; онъ странный былъ чудакъ:
Любовница съ нимъ жизнь не раздѣляла;
Онъ не любилъ ни кошекъ, ни собакъ.
Употребить я долженъ всѣ старанья,
Чтобъ какъ-нибудь къ нему привлечь вниманье

XXVIII.

Читателя; сказать, что онъ паша—
Смѣшно; что онъ на жизнь глядитъ сурово
И что какъ ночь его мрачна душа—
Во-первыхъ, ложь, а, во-вторыхъ, не ново;
Что я его лелѣю и люблю,
Я этимъ никого не удивлю—

XXIX.

Гассанъ мой сынъ; что онъ не вѣрить въ Бога—
Безнравственно, не перебрать всего...
Я на себя бы принялъ слишкомъ много,
Сказавъ, что вы полюбите его...
О немъ молчать бы лучше, безъ сомнѣнья,
Тогда прости мое произведенье...

XXX.

И такъ, скажу, чтобъ вамъ не надоѣсть,
Что онъ оригиналъ; я не виною,
Что глупости онъ дѣлаетъ порою.
Коль дуренъ онъ, другіе хуже есть;
Пусть будетъ онъ своей системѣ вѣренъ,
Я за него отвѣтить не намѣренъ...

XXXI.

Мнѣ до Гассана вовсе дѣла нѣтъ;
Съ нимъ никакого сходства не имѣю,
Я не съ себя писалъ его портретъ...
Предъ женщиной я таю и робѣю,
Ей отдаюсь всемъ сердцемъ и душой...
Увы, не такъ мой дѣйствовалъ герой.

XXXII.

Куда могла моя дѣваться совѣсть?
Я вамъ клянусь, что не могу понять,
Какъ написать безнравственную повѣсть
Рѣшился я. Стихи бы надо взять
И въ печкѣ сжечь, но, пожалѣвъ потомство,
Не совершу я это вѣроломство.

XXXIII.

Гассанъ въ любовь не вѣрилъ и взиралъ
На женщину съ особой точки зрѣнья;
Онъ лишь ее игрушкою считалъ,
Онъ съ ней искалъ минуту развлеченья;
Но вотъ и все—и если восемь дней
Онъ проводилъ съ любовницей своей,

XXXIV.

То для него ужь это было много;
Не грѣхъ ли такъ о женщинахъ судить?...
Гдѣ слыхано, скажите ради Бога,
Что можно только восемь дней любить?
Когда охватитъ насъ порывъ сердечный,
Мы женщину любить клянемся вѣчно...

XXXV.

Оправдывать Гассана не берусь...
Его неизвинительны причуды;
Онъ сливки лишь вкушалъ, но кислый вкусъ
Въ нихъ часто находилъ; въ нашъ вѣкъ не худо
И молоко имѣть. Среди друзей
Онъ говорилъ: «Я не терплю цѣпей.

XXXVI.

«У женщины особая сноровка
«Мужчину забирать въ позорный плѣнъ;
«Отдайся ей, и явится снуровка.
«Съ свободой ты простишься, а взамѣнъ
«Тюрьму получишь... Славная награда!
«За эту цѣну и любви не надо.

XXXVII.

«Кто властвовалъ, тотъ долженъ стать рабомъ.
«Приносишь въ дань свободу, силу, волю...
«А цѣпь все коротаетъ съ каждымъ днемъ,
«И такъ судьба готовитъ горя вволю...
«Нѣтъ, не могу съ тюрьмой мириться я,
«Гдѣ даже мнѣ повѣситься нельзя.

XXXVIII.

«Еще скажу, что женщина любая,
«Едва пройти успѣетъ первый пылъ,
«Готова вспомнить, плача и вздыхая,
«Любовника, что ей милѣе былъ...
«Который страсть ей выражалъ яснѣе
«И былъ добрѣй, красивѣй и сильнѣе».

XXXIX.

Я долженъ здѣсь опять замѣтить вамъ,
Что говоритъ Гассанъ, и эти мнѣнья
Его вполнѣ, внимать его словамъ
Я не могу безъ гнѣва и волненья...
«Чѣмъ съ женщиной разстанемся скорѣй,
«Тѣмъ вспоминать пріятнѣе о ней».—

XL.

Такъ продолжалъ Гассанъ.—«Мы не успѣемъ
«Ей надоѣсть и въ жертву дать себя;
«Былое счастье мы въ душѣ лелѣемъ,
«Намъ жаль его; такъ нянчитъ мать, любя,
«Дитя больное; сладостно и больно,
«И въ сердцѣ грусть рождается невольно.

XLI.

«Но если часъ разлуки настаетъ,
«Когда въ душѣ любовь и въ сердцѣ грезы,
«Несчастная уныло слезы льетъ,
«И у меня изъ глазъ струятся слезы;
«Я полонъ горя, мраченъ и унылъ
«И самъ готовъ лишиться чувствъ и силъ.

XLII.

«Чтобъ душу сохранить, теряю тѣло...
«Вы скажете, что съ женщиной иной
«Такимъ путемъ ручаться можно смѣло
«Все потерять; но гнустной клеветой
«Прекрасный полъ напрасно вы язвите;
«Насмѣшкой злой меня не убѣдите».

XLIII.

Во Франціи мой вѣтренный Гассанъ
Такъ разсуждалъ, когда родному краю
Не измѣнялъ для неба дальнихъ странъ
И ренегатомъ не былъ; я не знаю,
Какъ онъ дойти до этихъ мыслей могъ;
Должно быть, жизнь дала ему урокъ,

XLIV.

Иль тайная душевная невзгода...
Въ теоріи былъ силенъ мой герой,
Но слабъ на дѣлѣ; верхъ брала природа;
Въ минуту сладострастья онъ собой
Не могъ владѣть; пылая отъ волненья,
Онъ утопалъ въ восторгахъ упоенья...

XLV.

Дрожалъ, блѣднѣлъ; безумныя слова
Лились изъ устъ и слышались проклятья...
Дышать не могъ; кружилась голова;
Онъ открывалъ горячія объятья,
Лишаясь чувствъ и силъ, онъ замиралъ:
Казалось, жить тогда переставалъ.

XLVI.

Потомъ въ лицѣ опять являлись краски
И проходилъ минутный сонъ души...
Свою любовь и пламенныя ласки
Онъ расточалъ; какъ чудно хороши
Тѣ свѣтлые, но рѣдкія мгновенья,
Когда въ душѣ восторгъ и вдохновенье!

XLVII.

Гассанъ тогда отъ милой не скрывалъ
Своихъ надеждъ, стремленій и желаній...
Всѣ тайны ей съ любовью повѣрялъ
И каялся во всемъ; его признаній,
Казалось, безъ конца продлится нить;
Въ чужую душу душу перелить

XLVIII.

Онъ былъ готовъ; когда слабѣетъ сила
И воля измѣняетъ намъ порой,
Опасна связь межъ тѣломъ и душой;
Я не могу понять, какъ допустила
Природа эту связь... извѣстный мечъ
Не гордьевъ узелъ долженъ былъ пресѣчь,

XLIX.

А эту цѣпь. Какъ два быка у плуга,
Какъ пара рифмъ, идти однимъ путемъ
Должны душа и тѣло и другъ друга
Переносить; имъ не легко вдвоемъ;
Они идутъ безмолвно и уныло...
Нельзя сказать, чтобъ къ лучшему все было.

L.

Такъ много въ этой жизни слезъ и бѣдъ,
Такъ много въ ней и скорби, и печали,
Что мы иной себѣ создали свѣтъ,
Чтобы себя утѣшить; но едва ли
Волшебный міръ фантазіи и грезъ
Спасти насъ можетъ отъ тоски и слезъ.

LI.

Когда душа объята сномъ и лѣнью,
Ей не блеснетъ отрадный счастья лучъ...
Опасно предаваться упоенью
И бросить драгоцѣнный сердца ключъ
Въ потокъ шумящій, страсти лишь внимая.
Какъ въ оны дни Эльфрида молодая.

LII.

Одинъ визирь, боясь коварныхъ женъ,
Клалъ острый мечъ межъ ними и собою.
Блаженъ, кто можетъ дѣйствовать, какъ онъ,
Кто зналъ лишь смѣхъ и слезъ не лилъ порою,
Кто, не куря напрасно ѳиміамъ,
Не осквернилъ священный сердца храмъ!

LIII.

Когда стоитъ предъ нами счастья чаша,
Испить ее намъ хочется до дна...
Мужчина слабъ, а женщина сильна;
Въ ней наша жизнь и въ ней блаженство наше...
Какъ сладко на груди ея заснуть!
Отъ радости къ блаженству близокъ путь...

LIV.

И что-жь? Ты выпьешь чашу наслажденья,
Отдашься весь и тѣломъ, и душой,
А счастья не найдешь,—одно сомнѣнье,
Раскаянье съ тяжелою тоской;
Кто знаетъ свѣтъ и чары сладострастья,
Тотъ скажетъ, что во снѣ найдешь лишь счастье.

LV.

Да, сладко спать, когда волшебный сонъ
Своимъ крыломъ твои закроетъ вѣжды;
Въ страну чудесъ тебя уноситъ онъ,
Въ страну любви, восторговъ и надежды,
Гдѣ вѣчный миръ, гдѣ вѣчная краса...
Онъ сынъ небесъ и свѣтелъ, какъ роса.

LVI.

Какъ сладко бы прожить одними снами!...
Но жизнь идетъ обычной чередой,
Уноситъ сны съ отрадными мечтами
И давитъ насъ желѣзною рукой...
О, еслибъ человѣкъ былъ вѣчно молодъ
И могъ бы утолять любовь, какъ голодъ!

LVII.

Скажите, почему Manon Lescaut
Насъ съ первыхъ строкъ невольно привлекаетъ
И манитъ насъ къ себѣ? Ей далеко
До Элоизы, но въ ней жизнь играетъ.
А Элоиза только свѣтлый сонъ;
Ему не вѣримъ, но плѣняетъ онъ.

LVIII.

Зачѣмъ мечта крылатая поэта
Насъ хочетъ перенесть изъ царства тьмы
Въ тотъ чудный край, гдѣ льются волны свѣта,
Когда отъ сна должны очнуться мы,
Когда душа напрасно къ небу рвется
И на землѣ съ тоскою остается

LIX.

Какъ раненый орелъ? Передъ тобой,
Манонъ Лэско, склоняю я колѣна;
Ты Клеопатрѣ можешь быть сестрой;
Ты странный сфинксъ, опасная сирена;
Весь вѣкъ развратъ и золото любя,
Ты жизнью наслаждалась; пусть тебя

LX.

Зоилъ бранитъ, но ты изъ жизни взята,
И Клеоменъ *) лобзать не смѣлъ бы прахъ
Отъ ногъ твоихъ. . . . . .
Тебѣ я вѣрю; страсть въ твоихъ очахъ.
Насколько скученъ мнѣ Тиберж тяжелый,
Настолько по душѣ твой нравъ веселый...

LXI.

Ты ненависть вселяешь и любовь,
Тебѣ бы отдалъ я и жизнь, и душу,
Когда бы ты могла явиться вновь...
Я предъ тобой, читатель добрый, трушу:
Опять заврался я и на пути
Героя бросилъ... гдѣ его найти?

LXII.

Я говорилъ, что страстно увлекался,
Любовь не признавая, мой герой,
Что безъ любви безумно отдавался;
Какъ тѣло раздѣлять онъ могъ съ душой,
Когда одно лишь дымъ, другая пламя?
Для двухъ полковъ одно не служитъ знамя.

*) Греческій скульпторъ, которому приписываютъ Венеру

LXIII.

Я не берусь эту странность въ немъ
Вамъ объяснить и, право, самъ не знаю
Во что онъ вѣрилъ и какимъ путемъ
Рѣшился измѣнить родному краю,
Какъ въ цвѣтѣ лѣтъ и съ пламенемъ въ крови
Не признавалъ ни дружбы, ни любви.

LXIV.

Быть можетъ, у него скрывалась рана
На днѣ души; быть можетъ, съ юныхъ лѣтъ
Онъ жертвой былъ сердечнаго обмана.
Кто можетъ намъ на это дать отвѣтъ?
Однажды книгу о судьбахъ Востока
Онъ прочиталъ и сыномъ сталъ пророка.

LXV.

Къ нему еврей, что мѣсяцъ, приводилъ
Двухъ юныхъ дѣвъ; Гассанъ прощался съ ними,
Когда кончался мѣсяцъ; ихъ дарилъ
Нарядами, камнями дорогими
И отпускалъ на волю; мой герой,
Какъ видите, былъ человѣкъ не злой.

LXVI.

Четыре раза каждую недѣлю
Онъ въ дикой страсти съ ними утопалъ...
Восточныхъ языковъ Гассанъ не зналъ
И по-французки предавался хмѣлю
Восторговъ страстныхъ; трудно объяснить,
Какъ въ этомъ счастье могъ онъ находить.

LXVII.

Вы скажете, что онъ морально болѣнъ,
И, можетъ быть, его осудитъ свѣтъ;
Но онъ своей судьбою былъ доволенъ
И думалъ, что его счастливѣй нѣтъ.
У всякаго свой вкусъ, свои понятья...
Гассанъ сидѣлъ и звалъ въ свои объятья

LXVIII.

Волшебный сонъ; но не дождался сна.
А сладкой дрёмы; сердцу упоенье
Она даритъ и свѣтлое забвенье.
Она какъ сонъ прекрасна и блѣдна;
Съ ней не сравнить объятія Морфея,
Когда она, лаская и лелѣя,

LXIX.

Зоветъ къ себѣ; одна душа лишь спитъ;
Ворочаешься, куришь и зѣваешь,
А на сердцѣ легко и грусть молчитъ...
Ты о любви въ то время не мечтаешь,
Но могъ бы съ удовольствіемъ... Опять,
Читатель, глупость я хотѣлъ сказать...

LXX.

Не вѣдая ни скорби, ни кручины,
Въ тотъ свѣтлый сонъ былъ погруженъ Гассанъ...
На солнцѣ грѣясь, такъ порой фазанъ
Блаженствуетъ среди кустовъ долины;
Отъ счастья онъ сопитъ, склонивъ главу.
И, полонъ нѣги, прячется въ траву.

LXXI.

Тамъ, гдѣ стоялъ евреевъ градъ священный,
На голомъ камнѣ нищіе сидятъ:
Они, куря, на этотъ міръ презрѣнный
Съ глубокимъ равнодушіемъ глядятъ;
Они въ лохмотьяхъ, бѣдны и убоги,
Но, видя ихъ, ты скажешь: это боги!

LXXII

Ихъ мочитъ дождь, лучи дневные жгутъ;
Они молчатъ, суровы и угрюмы;
Не прерывай ихъ дремлющія думы:
Они тебя гяуромъ назовутъ;
Ихъ не дави: имъ лѣнь посторониться,
Не презирай: намъ съ ними не сравниться.

LXXIII.

И тупость, и безсмысліе Коранъ
Считаетъ счастьемъ; еслибъ мнѣнье это
Мы раздѣляли, многихъ христіанъ
Могло-бъ спасти ученье Магомета;
Ихъ выручилъ бы магометанизмъ;
Простите мнѣ ужасный барбаризмъ.

LXXIV.

Меня и такъ осудитъ людъ ученый—
Магометанство, надо бы сказать;
Но близко не лежало лексикона,—
Я жалкій стихъ успѣлъ ужь написать,—
Перо сломалъ съ досады; вдохновенье
Мнѣ измѣняетъ, сонъ одно спасенье...

LXXV.

Ты не сердись, читатель, на меня,
Прости мои невинныя замашки.
Съ тобой, какъ съ другомъ, обращаюсь я:
Герой мой нагъ, а я въ одной рубашкѣ.
Какъ справиться мнѣ съ музою своей!
Я рабъ ея; со мною схожъ Эней.

LXXVI.

Его жена дорогой отставала;
Онъ на плечахъ отца Анхиза несъ;
«Гдѣ ты, жена?»—Я платье поправляла,—
Креуза отвѣчала на вопросъ.
«Иди скорѣй, не то отца я брошу,—
Себѣ я не по силамъ выбралъ ношу».

LXXVII

Читатель, я пускаю притчу въ ходъ:
Анхизъ—моя поэма, а Креуза,
Что все, шутя, дорогой отстаетъ,—
Игривая и вѣтренная Муза...
Не знаю я, какъ съ нею кончить путь:
Она дорогой любитъ отдохнуть...

LXXVIII.

Эней совсѣмъ ослабъ; живымъ изъ боя
Не выйдетъ онъ безъ помощи жены...
Бѣда грозитъ, минуты сочтены,
Анхизъ тяжелъ—вдали пылаетъ Троя...
Старикъ ворчитъ, Креуза отстаетъ...
Никакъ идти не можетъ онъ впередъ.

Пѣсня вторая.

Qu'est—ce que l'amour? L'échange de deux fantaisies et le contact de deux épidermes.
Chamfort.

I.

Глупцы твердятъ, что сочинять умно,
Когда нѣтъ денегъ; если развлеченье
Писать стихи, не хуже картъ оно,
И если сынъ небесъ и вдохновенья
Ремесленникъ—все выше не стоятъ
Камелія, швейцаръ иль адвокатъ.

II.

Люблю стиховъ плѣнительные звуки;
Языкъ святой не созданъ для глупцовъ;
Онъ Божій даръ; языкъ любви и муки
Уноситъ душу въ царство свѣтлыхъ сновъ
И чудныхъ грезъ; невѣждъ толпа пустая
На немъ не говоритъ, ему внимая...

III.

Когда стихи читаете порой,
Вы ищете страданій слѣдъ унылый
И автора увидѣть предъ собой
Хотите вы; такъ на запискѣ милой
Любовникъ ищетъ слезъ горючій слѣдъ
И видитъ милой предъ собой портретъ.

IV.

Узнайте же, всегда душа поэта
Въ его стихахъ и дышетъ, и живетъ;
Чѣмъ мысль полна, чѣмъ грудь его согрѣта,
На лирѣ вдохновенной онъ поетъ,
Свою тоску, души восторгъ и радость;
Вамъ не понять стиховъ святую сладость.

V.

Пускай стихи не клеятся; мы въ дань
Приносимъ Музѣ жизнь и вдохновенье,
Мы любимъ въ ней свое лишь увлеченье,
Свои мечты; напрасна ваша брань;
Она не долетаетъ до поэта:
Онъ на небѣ и тонетъ въ волнахъ свѣта.

VI.

Вамъ безъ него не видѣть чуждыхъ странъ,
Гдѣ онъ паритъ крылатою мечтою.
Когда отъ сна очнетесь вы душою?
Когда, слѣпцы, рукой не тронувъ ранъ,
Покинувъ лжи печальную обитель,
Повѣрите, что распятъ вашъ спаситель?

VII.

Чего зоилы строгіе хотятъ?
Что требуютъ? Поэма—сердца греза,
Минутный сонъ души; она какъ роза,
Что, падая, бросаетъ ароматъ;
Какъ птичка, что щебечетъ, улетая,
Какъ другъ, съ которымъ думы раздѣляя,

VIII.

Бесѣдуемъ, его мечты цѣня...
Законамъ Музы слѣдуютъ поэты;
Не грѣхъ ли вамъ преслѣдовать меня,
Что я пишу веселые куплеты!...
Вы скажете, что Байрона я взялъ
Себѣ въ примѣръ, но Байронъ подражалъ

IX.

Поэту Пульчи; новаго въ природѣ
Искать, увы! напрасно и смѣшно...
Въ романѣ ли, въ поэмѣ или въ одѣ,
Что ни скажи, все сказано давно;
Нельзя не сдѣлать грустное признанье:
Сажать капусту даже подражанье.

X.

О, Лафоре *), тебя беру въ примѣръ,
Что идутъ въ рядъ безграмотность и чувство:
Свои труды тебѣ читалъ Мольеръ;
Какой урокъ цѣнителямъ искусства
Давала ты! Твой острый нравъ любя,
Онъ спрашивалъ совѣтовъ у тебя...

XI.

Онъ не читалъ тебѣ стиховъ Альсеста:
Свои стихи, своихъ фантазій плодъ
Читалъ бы я тебѣ; иное мѣсто
Прошло бы незамѣтно; соль остротъ
Пропала бы, но что изъ сердца взято,
То къ сердцу бы пошло, тоской объято;

XII.

Мнѣ остальнаго было бы не жаль...
Скажите мнѣ, любовнику что надо?
Зачѣмъ поэтъ поетъ свою печаль?
Слеза обоимъ лучшая награда...
Чтобъ вылилась она, пылаетъ кровь...
Какъ въ этомъ сходны геній и любовь!

XIII.

Свои стихи теперь прочелъ я снова,
Оплакивая горькій свой удѣлъ...
Безъ плана все писалъ я и ни слова
Не могъ сказать того, что я хотѣлъ;
Мои стихи звучатъ фальшивой нотой;
Я слезъ хотѣлъ, а создалъ лишь остроты.

*) Служанка Мольера.

XIV.

Два рода есть развратниковъ: одинъ
О ближнемъ не заботится, не тужитъ;
Глядитъ на свѣтъ, какъ гордый властелинъ,
И своему лишь честолюбью служитъ;
Красивъ какъ демонъ, холоденъ какъ змѣй
И только занятъ думою своей.

XV.

Онъ лишь себя на этомъ свѣтѣ любитъ
И въ тѣнь свою влюбленъ; собою полнъ,
Онъ холодно чужое сердце губитъ
И какъ Нарциссъ глядится въ лонѣ волнъ...
Несчастному онъ не протянетъ руку
Съ слезой участья; если ищетъ муку,

XVI.

То чтобъ себѣ въ ней зеркало найти...
Онъ свой кумиръ и въ вѣчномъ умиленьи
Передъ собой; всѣ на его пути
Должны стоять въ нѣмомъ благоговѣньи...
Онъ ось земли; онъ свѣтъ и радость глазъ;
Склоняйтесь ницъ—предъ вами Ловеласъ...

XVII.

Онъ слова не промолвитъ безъ разсчета;
Все у него обдумано впередъ,
Разставлены приманки и тенета;
Ужь онъ свое навѣрное возьметъ;
Онъ ищетъ соблазнительную славу
И смотритъ на любовь, какъ на забаву

XVIII.

И ремесло; напрасно въ немъ хотятъ
Искать любовь и сердца увлеченья.
Что въ жизни у него? Одни сомнѣнья,
Забытыя дуэли, жалкій рядъ
Пустыхъ интригъ, порою вздохъ унылый
И черный крестъ надъ темною могилой...

XIX.

Въ Клариссѣ будитъ онъ огонь страстей;
Онъ всѣ сердца плѣняетъ и тревожитъ;
Онъ хочетъ застрѣлиться, если въ ней
Любовь молчитъ; застрѣлиться, быть можетъ,
И что-жь? Кларисса сердце отдаетъ,
Умретъ сама, но жизнь его спасетъ...

XX.

Вотъ побѣдитель жалкій и бездушный,
Въ которомъ отъ любви не вспыхнетъ кровь;
Онъ, презирая муку и любовь,
Проводитъ вѣкъ, своимъ страстямъ послушный;
Когда бы измѣнить судьбы законъ,
Не Ловеласъ, а Кесарь былъ бы онъ.

XXI.

Ища пустыхъ забавъ, нашелъ ли счастье?
На это самъ отвѣтить бы не могъ;
Коль дуренъ онъ, его такъ создалъ Богъ;
Онъ жизнь провелъ, не вѣдая участья...
Газель нѣжнѣе льва, но, слыша ревъ
Царя пустынь, легко понять, что левъ

XXII.

Не можетъ быть газелью... Всѣхъ вниманье
Онъ на себя невольно обратилъ.
Онъ свѣта былъ блестящее созданье
И свѣтъ его лелѣялъ и любилъ...
Святой любви не можетъ вспыхнуть пламень,
Когда душа какъ ледъ, а сердце камень.

XXIII.

Смѣшонъ и пустъ французскій Донъ-Жуанъ:
Вся жизнь его одна пустая шутка;
Онъ ни во что не вѣритъ, вѣчно пьянъ,
Живетъ лишь для соблазна и желудка,
Кругомъ въ долгахъ, смѣется надъ отцомъ;
Искать, увы! напрасно сердца въ немъ.

XXIV.

Но свѣтлый типъ иного Донъ-Жуана
Еще никто на лирѣ не воспѣлъ,
Моцартъ о немъ понятье дать хотѣлъ,
Его обрисовала кисть Гофмана,
Но все еще о немъ не знаетъ міръ:
Его бы могъ создать одинъ Шекспиръ.

XXV.

Задумчивъ какъ любовь, красивъ какъ геній,
Съ своею милой юноша сидитъ,
Любуясь ею въ сладкомъ упоеньи;
Впервые страсть въ его груди горитъ
И нѣжныхъ клятвъ его плѣняютъ звуки;
Онъ для любви родился и для муки.

XXVI.

Красы полна, его любви святой
Природа вторитъ; пламенныя грезы
Его мечты уносятъ въ міръ иной,
Изъ глазъ его блаженства льются слезы,
Его любви плѣняетъ сладкій сонъ;
Какъ слабый плющъ, опоры ищетъ онъ.

XXVII.

Надъ милою склонясь съ любовью нѣжной,
Онъ вдохновенно пѣсни ей поетъ;
Душою чистъ, какъ ангелъ безмятежный,
Не зная зла, онъ для другихъ живетъ,
Чужой восторгъ своимъ считаетъ счастьемъ,
На все глядя съ любовью и съ участьемъ...

XXVIII.

Онъ любитъ всѣхъ и всѣми онъ любимъ;
Святыхъ надеждъ онъ знаетъ миръ и сладость;
Судьбою онъ взлелѣянъ и хранимъ...
Его удѣлъ богатство, сила, младость...
Краса души въ красѣ его лица,
А въ сердцѣ грезы, грезы безъ конца.

XXIX.

Скажите, что ему падетъ на долю?
Какъ жизнь свою счастливецъ проведетъ?
Судьба должна его исполнить волю—
Любовь предъ нимъ свои восторги льетъ,
Поэзія, въ нѣмомъ благоговѣньи,
Ему даритъ святое вдохновенье...

XXX.

Рѣка и лѣсъ, селеній длинный рядъ,
Дворецъ и монастырь, луга и нивы,
Гора и долъ ему принадлежатъ...
Ему судьба готовитъ вѣкъ счастливый;
Восторженно его встрѣчаетъ свѣтъ;
Ему вездѣ улыбка и привѣтъ.

XXXI.

Захочетъ онъ, и будетъ королевы
Любовникомъ; король бы самъ не прочь...
За гордаго счастливца выдать дочь...
Онъ могъ бы разбросать свои посѣвы
Для корма птицъ, не сдѣлавшись бѣднѣй;
Его богатства не сочтетъ еврей...

XXXII.

И что-жь? Смѣясь надъ свѣтомъ и судьбою,
Онъ будетъ лишь страстямъ своимъ служить,
Въ тавернахъ вѣкъ съ друзьями проводить!
По выходѣ изъ оргіи, порою,
Разврату и разгулу жизнь даря,
Онъ будетъ спать въ грязи, у фонаря.

XXXIII.

Онъ будетъ страхъ селенья и столицы,
Закономъ почитая только страсть,
И дѣвы непорочной, и блудницы
Онъ надъ собой шутя признаетъ власть ..
Всѣмъ женщинамъ, не дѣлая изъятья,
Откроетъ онъ горячія объятья...

XXXIV.

Служанка ли развратника плѣнитъ,—
Онъ для нея одѣнется лакеемъ;
Съ одной ягненка приметъ кроткій видъ,
Къ другой онъ подползетъ коварнымъ змѣемъ
И холодно зарѣжетъ старика,
Чтобъ обезчестить дочь; его рука

XXXV.

Не дрогнетъ, совершая преступленье.
Подумаешь, что чаша горькихъ бѣдъ
Озлобила его; что гордый свѣтъ
Даритъ ему насмѣшки и презрѣнье;
Что онъ, какъ Лара, хочетъ мстить за честь,
Платя за злобу злобу, месть за месть...

XXXVI.

О, нѣтъ! вездѣ открытыя объятья
Находитъ онъ; тоска не сушитъ грудь;
Въ его устахъ не слышатся проклятья,
Среди цвѣтовъ его проложенъ путь;
Его всѣ чтутъ, ему всѣ знаютъ цѣну,
Онъ не встрѣчалъ ни злобу, ни измѣну...

XXXVII.

Онъ шествуетъ съ сіяющимъ челомъ,
Хоть онъ порокъ избралъ себѣ кумиромъ;
Его прощаетъ свѣтъ и видитъ въ немъ
Любимца своего; царя надъ міромъ
Онъ сохранилъ и почести, и санъ,
Но только этотъ смертный Донъ-Жуанъ.

XXXVIII.

Великій Донъ-Жуанъ! Твои дѣянья
Прошли изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ...
Тебѣ звучатъ хвалы и порицанья,
Но кто тебя оцѣнитъ и поймѣтъ?
Среди людей пронесся ты свѣтиломъ...
Тебя воспѣть поэту не по силамъ...

XXXIX.

Какъ о тебѣ дерзаю говорить?
Тебя не разъ поэты воспѣвали,
Но не могли они тебя любить...
Твои мечты они не понимали.
А я тебя люблю, какъ короля
Любилъ Блондель; святымъ огнемъ горя,

XL.

Тебѣ я посвящаю гимнъ хвалебный;
Склонясь во прахъ, тебя хочу я пѣть...
Но гдѣ найду коня и плащъ волшебный,
Чтобъ за тобой дорогою поспѣть?
Кто мнѣ укажетъ чудныя видѣнья,
Которымъ ты дарилъ одно забвенье,

XLI.

Ища любовь? Три тысячи именъ!
Ты каждое произносилъ съ слезами...
Ты все искалъ любви отрадный сонъ,
Ты звалъ его влюбленными мечтами,
Но тщетно ты томился и страдалъ:
Твоей души волшебный идеалъ

XLII.

Скрывался въ небѣ; пламенно и страстно
Онѣ тебя любили, Донъ-Жуанъ,
И не скрывали тяжкихъ сердца ранъ;
Взаимности ища въ тебѣ напрасно,
Твоей любви онѣ лобзали тѣнь...
Ты бралъ ихъ жизнь, а имъ дарилъ лишь день...

XLIII.

Что дѣлалъ ты, глядя на ихъ страданья?
Чѣмъ заплатилъ за слезы и печаль?
Ты лишь любилъ свое очарованье,
И все душой рвался въ нѣмую даль.
Ты ихъ любилъ съ избыткомъ чувствъ и силы
И каждый разъ, глядя на образъ милый,

XLIV.

Надѣялся найти свой идеалъ...
Вездѣ, вездѣ, вседневно и всечасно
Ты звалъ его своей мечтою страстной;
Чтобъ уловить его, ты жизнь бы далъ...
Въ твоей груди страданій было много:
Ты создалъ храмъ, но въ немъ не видѣлъ Бога...

XLV.

Что ты хотѣлъ? Прошло уже триста лѣтъ,
А сфинксъ хранитъ зловѣщее молчанье—
И все тебя не знаетъ жалкій свѣтъ;
На дрязги обращаетъ онъ вниманье
И, въ мелкіе разсчеты погруженъ,
Увы, тебя понять не можетъ онъ.

XLVI.

Свѣтъ говоритъ: какой небесной дѣвы
Старался онъ увидѣть ликъ святой?
Какъ могъ онъ услыхать ея напѣвы,
Отдаться ей всѣмъ сердцемъ и душой,
Когда она на зовъ не отвѣчала?
Какая связь его соединяла

XLVII.

Съ невѣдомой красавицей? Она
Таинственною грезою блестѣла...
Изъ дѣвъ земныхъ ужели ни одна
Съ его мечтою сходства не имѣла?
Ты всѣхъ любилъ, всѣ были сходны съ ней...
Но все она скрывалась отъ очей...

XLVIII.

Напрасно ты за ней съ любовью гнался
И звалъ къ себѣ; ее ты не нашелъ...
Но все твой вѣкъ безплодно не промчался;
Когда на землю спустится орелъ,
Онъ безъ добычи въ горы не вернется,
Безъ молніи гроза не пронесется.

XXII.

Тебя не понималъ бездушный свѣтъ;
Онъ за тобой слѣдилъ съ недоумѣньемъ;
Святымъ огнемъ утѣшенъ и согрѣтъ,
Ты не клеймилъ его своимъ презрѣньемъ,
Его прощалъ, надѣясь и любя;
Бездушный свѣтъ не охладилъ тебя...

L.

Въ свой идеалъ ты не утратилъ вѣру;
Ты жизнь ему и думы посвящалъ;
И гордую принцессу, и гетеру
Къ своей груди ты страстно прижималъ;
Ты, дань платя мечтѣ благословенной,
Въ простомъ стеклѣ искалъ алмазъ безцѣнный.

LI.

Ты былъ вельможа въ замкѣ, съ воромъ воръ;
Во всѣ концы легла твоя дорога;
Чтобъ жизнь любить, ты лишь [illegible]билъ у Бога
Широкую свободу и просторъ;
Ты расточалъ любовь, богатства, силы,
Чтобъ хоть на мигъ увидѣть образъ милый.

LII.

Дѣйствительность губила свѣтлый сонъ;
Ты не встрѣчалъ святаго идеала;
Твоя душа томилась и страдала;
Ты шелъ впередъ, въ раздумье погруженъ,
А все мечталъ, души скрывая горе,
Свой чудный перлъ найти въ житейскомъ морѣ.

LIII.

Ты призраку пустому подарилъ
Свою красу и геній, кровь и слезы;
Гонясь за нимъ, себя ты не щадилъ
И отдалъ жизнь ему; съ завѣтной грезой
Ты не простился, вѣкъ кончая свой,
И въ лучшій міръ унесъ ее съ собой.

LIV.

Когда къ тебѣ явился гость могилы,
Къ нему, смѣясь, навстрѣчу ты пошелъ;
Онъ руку сжалъ твою и ты безъ силы
Упалъ на прахъ, таинственный символъ
Судьбы людей! Мы тѣшимся мечтами,
Мы ищемъ грезъ, а рокъ царитъ надъ нами!..

LV.

Погибель ждетъ того, кто подражать
Захочетъ Донъ-Жуану. Рокъ суровый
Наложитъ на него свою печать.
Для ясности одно прибавлю слово:
Гассанъ, какъ Донъ-Жуанъ, любовь искалъ,
Но онъ не вѣрилъ въ свѣтлый идеалъ!

Пѣсня третья.

Où vais-je? où suis-je
Classiques français.

I.

Клянусь, что не съумѣлъ достигнуть цѣли—
Не удался задуманный разсказъ;
Я планъ забылъ и мысли улетѣли;
Быть можетъ, мой герой плѣнилъ бы васъ,
Но, измѣнивъ всѣмъ правиламъ искусства,
Я описалъ не жизнь его, а чувства...

II.

Мои стихи пошли и вкривь, и вкось...
Гдѣ слишкомъ многословно, гдѣ неясно
И коротко,—хоть всю поэму брось...
Я Музой управлять хотѣлъ напрасно,
Какъ жалкій рабъ бѣжалъ за нею въ слѣдъ...
Съ моей поэмой схожъ дурной обѣдъ:

III.

Вамъ подаютъ по картѣ перемѣны;
Вы голодны, а въ ротъ нейдетъ кусокъ;
Одинъ сырой, другой вашъ поваръ сжегъ...
Понять легко, что сочинять для сцены
Не созданъ я; герои жалкихъ пьесъ
Пошли бы въ рознь, кто по дрова, кто въ лѣсъ.

IV.

Простясь на вѣкъ съ Гассаномъ и Намуной,
Мои друзья совѣтуютъ Парнасъ
Покинуть мнѣ и перервать всѣ струны
На лирѣ, не окончa свой разсказъ,
Но на пути мнѣ бросить жаль Гассана.
Вотъ въ двухъ словахъ сюжетъ его романа.

V.

Гассанъ ходилъ что мѣсяцъ на базаръ;
Двухъ юныхъ дѣвъ, невинныхъ и прекрасныхъ,
Онъ покупалъ и приносилъ имъ въ даръ
Безумный пылъ своихъ восторговъ страстныхъ.
Но скоро наставалъ разлуки часъ.
Онъ видѣлся не болѣе трехъ разъ

VI.

Со всякою изъ нихъ; затѣмъ на волю
Ихъ отпускалъ, когда кончался срокъ,
И на прощанье золота мѣшокъ
Онъ щедро имъ дарилъ; ему на долю
Разъ увидать красавицу пришлось,
Что старый грекъ изъ Кадикса увезъ.

VII.

Гассанъ любилъ испанокъ; у пирата
Купилъ ее и весь отдался ей;
Въ душѣ проснулась страсть; любовь и злато
Онъ расточалъ предъ милою своей;
Когда насталъ тяжелый часъ разлуки,
Онъ слезы лилъ, онъ страстно жалъ ей руку

VIII.

И снарядилъ ее въ далекій путь;
Съ ея ланитъ прелестныхъ скрылись розы.
Отъ горькихъ слезъ ея вздымалась грудь;
Мутился умъ; зачѣмъ прощанья слезы—
Не понимало бѣдное дитя,
Когда у ней онъ сердце взялъ шутя,

IX.

Когда она объята страстнымъ пыломъ...
Надежды нѣтъ; простясь, ушелъ Гассанъ...
Предъ ней лежалъ безбрежный океанъ,
Попутный вѣтеръ дулъ; шумя вѣтриломъ,
Корабль поплылъ; нѣмой тоски полна,
На берегу осталася она.

X.

Тяжелыхъ думъ ее томило бремя;
Ей было жаль любви погибшихъ чаръ...
Изъ глазъ катились слезы; въ это время
Роскошныхъ негритянокъ на базаръ
Привезъ еврей; толпа вокругъ стояла
И съ жадностью продажи ожидала...

XI.

Гассанъ стоялъ въ числѣ покупщиковъ...
Въ ея душѣ зардѣлся лучъ надежды;
Отвѣтя на любви молящій зовъ,
Она сняла роскошныя одежды
И къ продавцу пошла, чтобы еврей
Лице и тѣло выкрасилъ у ней...

XII.

Надѣялась бѣдняжка, что обмана
Любовникъ не замѣтитъ, что она
Падетъ опять въ объятія Гассана,
Что будетъ страсть ея награждена;
Чтобъ только мигъ его увидѣть снова,
Она бы жизнь и душу дать готова...

XIII.

Тебѣ бы я сказалъ, читатель мой,
Когда-бъ я былъ съ святою правдой въ ссорѣ,
Что милой дѣвы Богъ утѣшилъ горе
И что Гассанъ увелъ ее съ собой,
Что ей судьба улыбку подарила
И свѣтлымъ счастьемъ муку замѣнила...

XIV.

Въ нравоученье я сказать бы могъ,
Что безъ любви нельзя прожить на свѣтѣ,
Что мой герой въ ея попался сѣти;
Но бѣдною землею правитъ рокъ:
Мы исполнять должны его велѣнья
И часто счастье длится лишь мгновенье.

П. Козловъ.

Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи *).

II.

Причины движенія.

(Продолженіе).

Причины болѣе сильнаго выселенія изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ.— Степень зажиточности разныхъ разрядовъ крестьянъ и ихъ обремененности платежами.—Вліяніе хода переселенческаго движенія.—Приростъ населенія.—Неравномѣрность распредѣленія земли. — Малое развитіе мѣстныхъ заработковъ и арендованія внѣнадѣльной земли.— Переживаемый сельскохозяйственный кризисъ.

Посмотримъ же, какія причины вызываютъ болѣе сильное переселенческое движеніе среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ, сравнительно съ бывшими помѣщичьими? Обратимъ прежде всего вниманіе на наиболѣе вліятельныя земельныя условія обоихъ разрядовъ мѣстности выселенія и на ихъ сравнительное благосостояніе при началѣ послѣдняго шестилѣтняго періода движенія. Для того, чтобы послѣдующія цифры какъ можно ближе выражали земельныя условія и достатокъ крестьянъ *передъ выходомъ* изъ ихъ среды переселенцевъ, цифровыя данныя о наличномъ населеніи сложены съ соотвѣтствующими величинами у переселенцевъ: безъ этого пріема значительный % выселеній могъ бы сильно измѣнить экономическую физіономію оставшихся на мѣстѣ жителей, увеличивъ, напримѣръ, количество земли, приходящейся на ихъ средняго работника. Вотъ эти абсолютныя данныя, необходимыя для вывода послѣдующихъ среднихъ величинъ и процентныхъ отношеній для мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ, т.-е. для всѣхъ 261 общинъ, принимавшихъ участіе въ движеніи послѣдняго шестилѣтія:

*) *Русская Мысль*, кн. II

Разряды крестьянъ.		Число наличныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.			
		Дворовъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Внѣ надѣльной аренды.	Безлошадныхъ.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3-мя и болѣе.
Въ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ.										
Быв. государств.	Четвертн.	4.027	6.710	49.199	2.725	2.149	1.119	986	889	1.033
	Душевые.	17.334	28·948	166.107	2.287	7.754	5.671	5.060	3.619	2.984
Бывш. помѣщичьи.		9.749	14.554	57.985	3.495	9.843	3 518	2.636	1.943	1.652
Въ Раненб. уѣздѣ.										
Быв. государств.	Четвертн.	1.643	2.727	17.905	1.110	293	503	428	387	325
	Душевые.	6.380	10.400	65.437	977	2.310	2.089	1.908	1.283	1.100
Бывш. помѣщичьи.		6.099	8.940	34.967	2.634	5.580	2.222	1.684	1.224	969
Въ Данков. уѣздѣ.										
Быв. государств.	Четвертн.	2.134	3.584	29.272	761	1.671	551	502	462	619
	Душевые.	1.805	2.774	18.314	120	546	559	575	346	325
Бывш. помѣщичьи.		3.064	4.763	19.553	815	3.428	1.057	789	619	599
Въ Скопин. уѣздѣ.										
Быв. государств.	Четвертн.	250	399	2.022	854	185	65	56	40	89
	Душевые.	9.149	15.774	82.356	1.190	4.898	3.023	2.577	1.990	1.559
Бывш. помѣщичьи.		586	851	3.465	46	835	239	163	100	84

Изъ данныхъ предъидущей таблицы выведемъ количество земель, приходившихся на рабочаго каждаго разряда крестьянъ во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ:

		Десятинъ на работника.			
		Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе государственн.	Четвертные.	7,3	0,1	0,1	8,1
	Душевые.	5,7	0,1	0,3	6,1
	И тѣ и другіе.	6,1	0,1	0,3	6,3
Бывшіе помѣщичьи.		4	0,2	0,7	4,9

Мы видимъ, что въ земельномъ отношеніи бывшіе помѣщичьи въ началѣ послѣдняго шестилѣтняго періода переселеній были гораздо хуже об-

ставлены, чѣмъ бывшіе государственные вообще: надѣльной земли у послѣднихъ приходилось по 2,1 десятины болѣе на каждаго рабочаго, и только аренда нѣсколько поддерживала бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и съ ней, и съ собственной землей они все же бѣднѣе бывшихъ государственныхъ болѣе, чѣмъ на 1½ десятины (1,6 дес.) на работника. Наиболѣе многоземельными были въ то время четвертные крестьяне: въ общей сложности ихъ средній рабочій пользовался на 2 десятины бо̀льшимъ количествомъ земли, чѣмъ рабочій бывшихъ государственныхъ душевыхъ, и слишкомъ на 3 десятины (3,2 десят.) больше рабочаго изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Слѣдующая табличка указываетъ, каковы экономическія послѣдствія разсмотрѣнныхъ земельныхъ условій для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

		% % къ общему числу дворовъ.			
		Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 и бол.
Бывшіе государствен.	Четвертные . . .	28	24	22	26
				48%	
	Душевые	32	30	21	17
				38%	
	И тѣ и другіе . .	32	28	21	19
Бывшіе помѣщичьи		36	27	20	17
				37%	

Оказывается, что разряды крестьянъ по степени ихъ достатка слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, какъ и по ихъ надѣленности землей: тогда такъ у четвертныхъ крестьянъ почти ½ дворовъ владѣетъ 3-мя и болѣе лошадьми и больше ¼ имѣютъ по 3 лошадей и болѣе, у государственныхъ душевыхъ и бывшихъ помѣщичьихъ дву и болѣе лошадные не составляютъ и ⅔, а многолошадные и ⅕ ихъ общаго числа; причемъ у бывшихъ помѣщичьихъ наибольшій % безлошадныхъ дворовъ.

Посмотримъ на цифры каждаго уѣзда:

Раненбургскаго уѣзда.

		Десятинъ на работника.			
		Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе государствен.	Четвертные.	6,6	0,4	0,1	7,1
	Душевые.	6,3	0,1	0,2	6,6
	И тѣ и другіе.	6,1	0,2	0,2	6,9
Бывшіе помѣщичьи		3,9	0,3	0,6	4,8

Данковскаго уѣзда.

Бывшіе государствен.	Четвертные.	0,2	0,2	0,5	8,9
	Душевые.	6,6	0,04	0,2	6,84
	И тѣ и другіе	7,3	0,1	0,3	7,9
Бывшіе помѣщичьи		4,1	0,2	0,7	5

Скопинскаю уѣзда.

		Десятинъ на работника. Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе государственные	Четвертные	5,1	2,1	0,4	7,6
	Душевые	5,2	0,1	0,3	5,6
	И тѣ и другіе	5,2	0,1	0,3	5,6
Бывшіе помѣщичьи		4,1	0,1	1	5,2

Таблица показываетъ, что во всѣхъ уѣздахъ порядокъ разрядовъ по отношенію къ ихъ земельному обезпеченію остается тотъ же, что и по цѣлому району: лучше всѣхъ снабжены землей четвертные, затѣмъ государственные душевые, потомъ бывшіе помѣщичьи.

Подворное распредѣленіе лошадей для разныхъ разрядовъ каждаго уѣзда выразится въ слѣдующихъ процентахъ:

Раненбурскаю уѣзда.

		%% къ общему числу дворовъ. Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 и бол.
Бывшіе государственные	Четвертные	31	26	24	19
				43%	
	Душевые	33	30	20	17
				37%	
	И тѣ и другіе	32	30	20	18
Бывшіе помѣщичьи		36	28	20	16
				36%	

Данковскаю уѣзда.

Бывшіе государственные	Четвертные	26	24	22	28
				50%	
	Душевые	31	32	19	18
				37%	
	И тѣ и другіе	29	27	21	23
Бывшіе помѣщичьи		34	26	20	20
				40%	

Скопинскаю уѣзда.

Бывшіе государственные	Четвертные	26	22	16	36
				52%	
	Душевые	33	28	22	17
				39%	
	И тѣ и другіе	32	28	22	18
Бывшіе помѣщичьи		41	28	17	14
				31%	

Таблица показываетъ, что и въ отдѣльныхъ уѣздахъ разряды крестьянъ по отношенію къ степени ихъ зажиточности слѣдуютъ въ намѣченномъ раньше порядкѣ; только въ Данковскомъ уѣздѣ бывшіе государственные душевые мѣстности выселеній, если не бѣднѣе, то и не зажиточнѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: у послѣднихъ на 3% больше безлошадныхъ домохозяевъ, но за то на 3 же процента у нихъ больше дву и болѣе лошадныхъ.

Разобранныя цифровыя данныя свидѣтельствуютъ о сравнительно большемъ достаткѣ именно тѣхъ разрядовъ крестьянъ, откуда вышелъ и большій процентъ переселенцевъ.

Раньше, разсматривая силу переселенческихъ хозяйствъ сравнительно съ домохозяйствами, оставшимися на мѣстѣ,—мы пришли къ заключенію, что переселенческое движеніе вызывается нуждой, проявляющейся то въ несоотвѣтствіи количества земли съ рабочими силами семьи, то въ недостаткѣ угодьевъ для скота, то въ тяжелыхъ условіяхъ арендованія земли и во многихъ иныхъ постоянныхъ и временныхъ неудобствахъ и несчастіяхъ. Такое разнообразіе условій, влекущихъ въ переселенческое движеніе, дѣлаетъ участниками въ немъ не однихъ бѣдняковъ, но и домохозяевъ средняго достатка и даже вполнѣ зажиточныхъ; была даже намѣчена нормальная сила средняго переселенческаго двора, выражающаяся 2½ головами крупнаго скота и мало измѣняющаяся у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Эта норма, вѣроятно, зависитъ отъ стремленія переселенца брать съ собой извѣстную сумму денегъ; — не собравъ ее, крестьянинъ избѣгаетъ уходить въ далекую сторону. Правда, мы видѣли, что уходятъ въ Томскую губ. и менѣе, чѣмъ съ 50 руб., и даже христовымъ именемъ, но за то идутъ и «тысячники», унося съ собою до 5,000 р.; средняя же группа переселенцевъ, взявшихъ отъ 50—300 руб., составляетъ главное зерно движенія, вмѣщая въ себѣ 60% всѣхъ выходцевъ. Мы видѣли также, что нужда, вызывая движеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ и задерживаетъ его, видѣли, что это встрѣчается главнымъ образомъ у менѣе достаточныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Припомнивъ все это, станетъ ясно, что болѣе достаточный разрядъ крестьянъ можетъ выдѣлить на переселеніе и большій % семей.

Большая легкость выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ зависитъ не только отъ большаго ихъ достатка, сравнительно съ бывшими помѣщичьими, но и отъ меньшей обремененности платежами ихъ надѣльной земли, что даетъ имъ возможность безъ всякаго затрудненія передать свой надѣлъ обществу или отдѣльному домохозяину и даже получить за него нѣкоторую сумму денегъ на дорогу. Слѣдующая таблица *) разъяснитъ сказанное:

---

*) Данныя приведены для мѣстности выселеній, хотя среднія величины почти тѣ же и для цѣлыхъ уѣздовъ. Количество десятинъ надѣльной земли приведено раньше.

	Общая сумма платежей (въ рубляхъ).		Платежей на десятину надѣла.	
	Быв. госуд.	Быв. помѣщ.	Быв. госуд.	Быв. пом.
Раненбургскаго уѣзда	198,009	160,263	2,1	4,6
Данковскаго уѣзда . .	101,419	85,431	2,1	4,4
Скопинскаго уѣзда . .	203,413	14,980	2,4	4,2
По всѣмъ 3-мъ уѣзд.	502,841	260,674	2,2	4,3

Тогда какъ бывшіе государственные крестьяне съ десятины надѣла платятъ 2 р. 30 к., бывшіе помѣщичьи почти вдвое болѣе—4 руб. 50 коп. При такомъ высокомъ платежѣ съ десятины въ нѣкоторыхъ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ надѣльная земля сдается только за часть платежей, на ней лежащихъ; напримѣръ, переселенцы уже упоминавшихся Демкинскихъ выселокъ сдали свою землю только за выкупные платежи, остальные платежи и повинности они обязались уплачивать сами. Такихъ общинъ въ нашихъ уѣздахъ немного, но и въ остальныхъ бывшіе помѣщичьи крестьяне или вовсе никакой приплаты не получаютъ, или она значительно ниже, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ. Бывшіе государственные четвертные находятся еще въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи: они передъ выходомъ на самару продаютъ свою наслѣдственную землю по 50—70 р. за десятину, получая весьма значительныя для крестьянина средства, что дѣлаетъ для нихъ уходъ на переселеніе особенно легкимъ, причемъ во всѣхъ уѣздахъ они уносятъ съ собой наибольшія суммы.

Но однихъ этихъ условій далеко недостаточно для объясненія большихъ выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ помѣщичьими. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что достатокъ (въ тѣхъ общинахъ, откуда происходили переселенія съ 1877 г.) бывшихъ государственныхъ душевыхъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда не особенно превышаетъ зажиточность крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, а, между тѣмъ, % переселеній первыхъ вдвое больше; въ Данковскомъ же уѣздѣ достатокъ обоихъ этихъ разрядовъ мѣстности выселенія одинаковъ, а % выселенія у бывшихъ государственныхъ душевыхъ все же болѣе (въ $1^1/_2$ раза), чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Для объясненія этихъ и подобныхъ имъ фактовъ необходимо имѣть въ виду самый ходъ переселенческаго движенія и нѣкоторыя особенности экономической жизни различныхъ разрядовъ крестьянъ.

Намъ удалось прослѣдить ходъ переселенческаго движенія у бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія; весьма возможно, что оно происходило здѣсь и раньше и сдѣлалось, такимъ образомъ, обычнымъ явленіемъ среди селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ; у нихъ были въ разныхъ мѣстахъ односельцы и даже родные, извѣщавшіе объ условіяхъ жизни на новыхъ мѣстахъ. Ничего подобнаго такимъ переселенческимъ традиціямъ не могло быть у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, до 1861 г. прикрѣпленныхъ къ мѣстамъ своего жительства.

Мы знаемъ, что и за послѣднее время (съ 1877—82 годъ) % вовлеченныхъ въ движеніе общинъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (56%) значительно превышаетъ тотъ же % у бывшихъ помѣщичьихъ (21%) и видѣли изъ параллельнаго разряда цифръ, что % выселеній тѣмъ больше, гдѣ бо́льшій % общинъ участвуетъ въ движеніи. Наконецъ, было констатировано цифрами, что % выселенія разныхъ разрядовъ крестьянъ очень мало разнится, если при выводѣ его принимать во вниманіе не все населеніе разряда или извѣстной территоріи, а только населеніе общинъ, уже давшихъ движенію хотя бы одну семью. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что ходъ переселенческаго движенія до и послѣ 1861 г. является весьма вліятельной причиной большаго процента выселеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими; вліяніе же ея должно все болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ привлеченія къ движенію бо́льшаго процента общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и по мѣрѣ распространенія свѣдѣній о мѣстахъ переселеній.

Кромѣ этихъ причинъ, *облегчающихъ* движенія на вольныя земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ, есть и такія, которыя влекутъ ихъ въ переселенческій потокъ преимущественно предъ разрядомъ бывшихъ помѣщичьихъ. Сюда относятся: бо́льшій процентъ прироста населенія, бо́льшая неравномѣрность въ распредѣленіи земли (у государственныхъ четвертныхъ), менѣе развитые мѣстные заработки, меньшая возможность арендованія внѣнадѣльной пашни, переживаемый ими сельскохозяйственный кризисъ. О значеніи неравномѣрности распредѣленія четвертной земли уже было говорено раньше; здѣсь скажемъ объ остальныхъ намѣченныхъ причинахъ.

Экономически болѣе выгодное положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ заставляетъ предполагать у нихъ и бо́льшую плодовитость; дѣйствительно: приростъ населенія у нихъ значительно выше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; слѣдующая таблица даетъ цифры для сужденія объ этомъ во всей мѣстности выселенія каждаго уѣзда отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ:

			Раненбур. уѣзда.	Данков. уѣзда.	Скопин. уѣзда.	Во всѣхъ 3-хъ уѣз.
Душъ обоего пола.	По X ревизіи.	У быв. госуд.	38,851	20,565	47,353	106,769
		У быв. помѣщ.	28,979	15,843	2,676	47,498
	Наличныхъ (считая съ переселен. съ 1877 г.)	У быв. госуд.	54,737	26,779	68,036	149,552
		У быв. помѣщ.	37,433	20,109	3,530	61,072
% прироста населенія обоего пола.		У быв. госуд.	40	31	43	40
		У быв. помѣщ.	29	27	32	29

Приростъ населенія со времени X ревизіи во всѣхъ 261 общинахъ, участвующихъ въ движеніи, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ выше

на 11%, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; въ Данковскомъ уѣздѣ разница эта менѣе значительна (только 4%).

Конечно, болѣе возросшее населеніе бывшихъ государствен. крестьянъ дѣлаетъ для нихъ болѣе ощутительной разницу ихъ настоящихъ земельныхъ условій сравнительно съ прежними, чѣмъ для бывшихъ помѣщичьихъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ на ревизскую мужскую душу бывшихъ государственныхъ крестьянъ приходилось 4,1 десятины надѣльной земли, на наличную же приходится только 2,8 десятины; у бывшихъ помѣщичьихъ—вмѣсто 2,5 десятинъ, приходится 1,9 десятины, т.-е.:

У бывшихъ государ. уменьшилось на 1,3 *) десят. на каждую душу.
» » помѣщ. » » 0,6 » » »

Понятно, что такое болѣе осязательное стѣсненіе въ земельныхъ условіяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ должно заставлять ихъ выходить на новыя мѣста съ бо́льшей силой, чѣмъ бывшихъ помѣщичьихъ. Разбираемое вліяніе прироста населенія у разныхъ разрядовъ крестьянъ каждаго уѣзда видно изъ таблицы:

		Десятинъ надѣла на мужскую душу.					
		Раненб. уѣз.		Данк. уѣзд.		Скоп. уѣз.	
		Въ 1858 г.	Въ 1882 г.	Въ 1858 г.	Въ 1882 г.	Въ 1858 г.	Въ 1882г.
Бывшіе государств.	Четвертные	4,8	3,2	5,3	3,9	3,6	2,3
		1,6		1,4		1,3	
	Душевые	4,2	3	4,1	3	3,6	2,5
		1,2		1,1		1,1	
	И тѣ и другіе	4,3	3	4,3	3,5	3,6	2,4
Бывшіе помѣщичьи		2,4	1,9	2,5	1,9	2,6	1,9
		0,5		0,6		0,7	

Во всѣхъ уѣздахъ разряды крестьянъ по отношенію къ ощутительности земельнаго стѣсненія отъ прироста населенія слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, какъ и %% ихъ выселеній.

Весьма замѣтное стѣсненіе и въ пахатной, и, въ особенности, въ выгонной землѣ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ юга Раненбургскаго уѣзда заставляетъ нѣкоторыя общины этого разряда отдѣлять часть пашни подъ выгонъ и переходить отъ пестрополья къ болѣе правильному чередованію хлѣбовъ, къ трехпольному сѣвообороту. Объ этомъ придется говорить нѣсколько дальше; здѣсь же замѣтимъ, что этотъ сельскохозяйственный кризисъ приходится переживать бывшимъ государственнымъ крестьянамъ.

*) У бывшихъ государственныхъ произошло уменьшеніе надѣла на мужскую душу почти на 1/3 (на 32%), у бывшихъ помѣщичьихъ лишь на 1/4 (на 24%).

Приведенныя раньше цифры аренды внѣнадѣльной земли показываютъ, что бывшіе государственные крестьяне арендуютъ значительно меньше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи: въ мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ бывшіе государственные снимаютъ среднимъ числомъ на работника 0,₂ десятины, а бывшіе помѣщичьи въ 2¹/₃ раза больше—0,₇ десятины; въ Скопинскомъ уѣздѣ эта разница особенно велика: бывшіе помѣщичьи снимаютъ земли на работника въ 3¹/₃ раза больше, чѣмъ бывшіе государств.: первые — по 1 десят. на работника, вторые — но 0,₃ десят. Это нельзя объяснять только бо́льшей надѣленностью землей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а, слѣдовательно, и меньшей потребностью ихъ въ арендѣ: мы видимъ, напримѣръ, что бывшіе государственные четвертные Данковскаго уѣзда—съ наибольшимъ количествомъ надѣльной земли—арендуютъ больше государственныхъ душевыхъ своего уѣзда и больше государственныхъ душевыхъ и четвертныхъ уѣздовъ Раненбургскаго и Скопинскаго. Въ Скопинскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи и государственные крестьяне меньше, чѣмъ въ двухъ другихъ, отличаются по размѣру надѣла, а, между тѣмъ, въ немъ-то, какъ мы сейчасъ указали, бывшіе помѣщичьи крестьяне особенно превосходятъ государственныхъ количествомъ внѣнадѣльной аренды. Значительно меньшій размѣръ съемной земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ невыгоднаго положенія вдали частновладѣльческихъ имѣній: болѣе близкіе къ послѣднимъ крестьяне бывшіе помѣщичьи забираютъ бо́льшую часть сдаваемой земли. Въ Скопинскомъ уѣздѣ это особенно ясно: вся западная половина его почти сплошь заселена крестьянами, принадлежавшими къ вѣдомству государственнаго коннозаводства; только изрѣдка между ихъ землями попадаются надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и частновладѣльческія имѣнія; конечно, арендованіе земли здѣсь возможно лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Такимъ положеніемъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ по отношенію къ частновладѣльческимъ экономіямъ объясняется и меньшее развитіе у нихъ мѣстныхъ *) заработковъ, которые, какъ мы видѣли, по преимуществу состоятъ изъ работъ на землѣ частныхъ владѣльцевъ. На западѣ Скопинскаго уѣзда, напримѣръ, мѣстные заработки почти вовсе не развиты. Недостатокъ же арендной земли и малое развитіе мѣстныхъ промысловъ должны повліять на усиленіе переселенческаго движенія изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ преимущественно предъ бывшими помѣщичьими, у которыхъ и аренда земли, и мѣстные заработки развиты нѣсколько сильнѣе.

---

*) Вотъ проценты всѣхъ семей, высылающихъ хоть одного изъ своихъ рабочихъ на мѣстные заработки, у главныхъ разрядовъ крестьянъ цѣлыхъ уѣздовъ; проценты взяты изъ „Сборника статистич. свѣдѣній по Рязанской губ.“ Т. II.:

	Раненб. у.	Данк. у.	Скоп. у.
У бывшихъ государственныхъ	41%	41%	31%
„ „ помѣщичьихъ	63%	64%	58%

Постараемся теперь выяснить, отъ чего зависятъ переселенія изъ извѣстныхъ *мѣстностей* каждаго уѣзда. Для этого раздѣлимъ всѣ общины на двѣ части: въ одну войдутъ тѣ, гдѣ былъ хотя одинъ случай переселенія съ 1877 г., т.-е. вся мѣстность выселенія, въ другую—всѣ остальныя; сдѣлавъ соотвѣтствующую группировку главныхъ экономическихъ факторовъ и главныхъ признаковъ достатка, посмотримъ, каковы они въ мѣстности выселенія и въ остальномъ районѣ. Въ дальнѣйшихъ таблицахъ цифровыя данныя о переселенцахъ присчитаны по тѣмъ же соображеніямъ, какія были высказаны нѣсколько раньше. Приведемъ сначала выведенныя указаннымъ способъ абсолютныя цифры:

Мѣстности.	Число наличныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.			
	Дворовъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Вненадѣльной аренды.	Безлошадныхъ.	Съ 1-ою лошадью.	Съ 2-мя лошадьми.	Съ 3 лошадьми и болѣе.
Раненбургскаго уѣзда.									
Мѣстность выселенія	14,122	22,108	118,309	4,721	8,183	4,814	4,020	2,894	2,394
Остальной районъ . .	7,969	11,878	46,052	6,818	9,867	2,987	2,124	1,468	1,390
Данковскаго уѣзда.									
Мѣстность выселенія	7,004	11,139	67,139	1,696	5,645	2,167	1,866	1,427	1,543
Остальной районъ. .	8,764	13,207	62,943	482	8,147	3,147	2,125	1,740	1,753
Скопинскаго уѣзда.									
Мѣстность выселенія	9,985	17,026	87,843	2,090	5,918	3,327	2,796	2,130	1,732
Остальной районъ . .	10,891	17,225	84,560	5,496	16,685	3,664	2,816	2,323	2,088
По всѣмъ 3 уѣздамъ.									
Мѣстность выселенія	31,111	50,273	273,291	8,507	19,746	10,308	8,682	6,451	5,669
Остальной районъ. .	27,624	42,310	193,555	12.796	34,699	9,798	7,065	5,531	5,231

Изъ данныхъ таблицы опредѣлимъ сначала количество земли, приходящееся на работника обѣихъ мѣстностей всѣхъ уѣздовъ вмѣстѣ:

	Десятинъ на работника.			
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Мѣстность выселенія	5,4	0,2	0,4	6
Остальной районъ	4,6	0,3	0,8	5,7

Такимъ образомъ въ среднемъ выводѣ для всего района изслѣдованія тѣ общины, откуда происходили переселенія съ 1877 года, были нѣсколько

лучше обставлены въ земельномъ отношеніи: у нихъ каждый работникъ былъ снабженъ на 0,8 десят. надѣльной земли больше, чѣмъ въ томъ районѣ, откуда не было вовсе переселеній. Хотя въ мѣстности выселенія было меньше собственной и арендной земли, но все же и вмѣстѣ съ ними средній рабочій района, недавшаго переселенцевъ, былъ бѣднѣе землей на 0,3 десятины.

Сравнительная экономическая сила обѣихъ мѣстностей 3-хъ уѣздовъ видна изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

	% къ общему числу дворовъ.			
	Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лош. и болѣе.
Мѣстность выселенія	33	28	21	18
			39	
Остальной районъ.	35	26	20	19
			39	

Повидимому, и экономическій достатокъ мѣстности выселенія былъ нѣсколько выше, такъ какъ въ ней безлошадныхъ дворовъ было на 2% меньше, чѣмъ въ остальномъ районѣ, а проценты дву и болѣе лошадныхъ тамъ и тамъ одинаковы.

Теперь посмотримъ, какъ снабжены землей обѣ мѣстности каждаго уѣзда:

	Десятинъ на работника.				
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.	
Раненбургскаго уѣзда.					
Мѣстность выселенія	5,4	0,2	0,4	6	+0,1
Остальной районъ.	3,8	0,6	0,8	5,2	
Данковскаго уѣзда.					
Мѣстность выселенія	6	0,2	0,5	6,7	+1,28
Остальной районъ.	4,8	0,04	0,6	5,44	
Скопинскаго уѣзда.					
Мѣстность выселенія	5,2	0,1	0,2	5,6	—0,6
Остальной районъ.	4,9	0,3	1	6,2	

Т.-е. въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ мѣстности выселенія имѣли больше земли на работника, въ Скопинскомъ же было больше земли (всей вообще) въ тѣхъ общинахъ, которыя не приняли участія въ переселенческомъ движеніи.

То же самое придется повторить и относительно зажиточности: въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ мѣстность выселенія пользовалась большимъ достаткомъ, въ Скопинскомъ—нѣсколько меньше. Это видно изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

	% къ общему числу дворовъ.			
	Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лош. и болѣе
Раненбургскаго уѣзда.				
Мѣстность выселенія. . . .	34	28	21	17 (38)
Остальной районъ.	38	27	18	17 (35)
Данковскаго уѣзда.				
Мѣстность выселенія. . . .	30	28	20	22 (42)
Остальной районъ.	36	24	20	20 (40)
Скопинскаго уѣзда.				
Мѣстность выселенія. . . .	33	28	21	18 (39)
Остальной районъ	33	27	21	19 (40)

Констатированная цифрами нѣсколько бо́льшая надѣленность и немного высшій экономическій достатокъ мѣстности выселенія зависятъ отчасти отъ преобладанія въ ней бывшихъ государственныхъ крестьянъ:

	Душъ обоего пола въ мѣстности выселенія.		
		Бывшихъ государственныхъ.	
	Всего.	Число.	%
Раненбургскаго уѣзда	92,170	54,407	59
Данковскаго »	46,888	26,779	57
Скопинскаго »	71,566	68,012	95
Итого	210,624	149,198	71%

Но о причинахъ болѣе сильнаго выселенія изъ среды крестьянъ бывшихъ государственныхъ было уже сказано, а чтобы понять причину выселенія *по мѣстностямъ*, независимо отъ разрядовъ крестьянъ, надо изолировать вліяніе послѣднихъ. Для этого посмотримъ, каковы экономическія условія и достатокъ мѣстности выселенія каждаго уѣзда сравнительно съ остальнымъ райономъ *того же разряда крестьянъ*. Необходимыя для того сырыя цифры въ мѣстности выселенія каждаго разряда уже приведены раньше; теперь приводимъ ихъ лишь для района общинъ, стоящихъ внѣ движенія (остальной районъ).

Въ общинахъ, недавшихъ съ 1877 г. переселенческому движенію ни одной семьи. (Остальной районъ).	Число наличныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.			
	Дворовъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Внѣнадѣльной аренды.	Безлошад-ныхъ.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3-мя и болѣе.
Раненбургск. уѣзда.									
Бывшіе государств.	604	972	6.124	691	407	206	148	107	143
Бывшіе помѣщичьи.	7.365	10.906	39.928	2.153	9.454	2.781	1.976	1.361	1.247
Данковскаго уѣзда.									
Бывшіе государств.	1.607	2 290	16.709	27	548	592	409	314	292
Бывшіе помѣщичьи.	7.157	10.917	46.234	455	7.599	2.552	1.716	1.427	1.463
Скопинскаго уѣзда.									
Бывшіе государств.	5.131	8.587	48.297	3.265	3.314	1.712	1.307	1.104	1.008
Бывшіе помѣщичьи	5.760	8.635	36 263	2.230	8.372	1.952	1.509	1.219	1.080
По всѣмъ 3-мъ уѣздамъ.									
Бывшіе государств.	7.342	11.849	71.130	3.983	4.269	2.510	1.864	1.525	1.443
Бывшіе помѣщичьи	20.282	30.458	122.425	4.838	25.425	7.285	5.201	4.007	3.790

Сравнимъ сначала достатокъ и земельныя условія мѣстности выселенія и остальнаго района каждаго разряда въ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ:

		Десятинъ на работника:			
		Надѣльныхъ.	Собствен-ныхъ.	Аренд-ныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе государ-ственные.	Мѣстность выселенія. . .	6,1	0,1	0,3	6,5
	Остальной районъ	6	0,3	0,4	6,7
Бывшіе помѣщи-чьи.	Мѣстность выселенія . .	4	0,2	0,7	4,9
	Остальной районъ. . . .	4	0,2	0,8	5

Мы видимъ, что въ среднемъ выводѣ для всего района изслѣдованія какъ бывшіе государственные, такъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне выселялись изъ общинъ даже нѣсколько хуже обставленныхъ въ земельномъ отношеніи, чѣмъ остальныя общины соотвѣтствующаго разряда.

Экономическая сила домохозяйствъ мѣстности выселенія тоже была скорѣе немного ниже, чѣмъ въ остальномъ районѣ того же разряда:

		% къ общему числу дворовъ. Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3-мя и болѣе.
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія . . .	32	28	21	19
				40	
	Остальной районъ	34	25	21	20
				41	
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія. . .	36	27	20	17
				37	
	Остальной районъ	36	26	20	18
				38	

По отдѣльнымъ уѣздамъ мы получимъ слѣдующее количество земли на работника для обѣихъ мѣстностей каждаго разряда:

		Десятинъ на работника. Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.	
Раненбургскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія. .	6,1	0,2	0,2	6,5	−0,6
	Остальной районъ. . .	6,2	0,7	0,4	7,1	
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія. .	3,9	0,3	0,6	4,8	0
	Остальной районъ. . .	3,7	0,9	0,9	4,8	
Данковскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія .	7,3	0,1	0,3	7,9	+0,39
	Остальной районъ. . .	7,3	0,01	0,2	7,51	
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія .	4,1	0,2	0,7	5	+0,16
	Остальной районъ. . .	4,2	0,04	0,7	4,24	
Скопинскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія. .	5,2	0,1	0,2	5,5	−0,1
	Остальной районъ. . .	5,6	0,4	0,4	6,1	
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія .	4,1	0,1	1	5,2	−0,1
	Остальной районъ. . .	4,2	0,3	1	5,3	

Мы видимъ, что землевладѣніе и землепользованіе обѣихъ мѣстностей каждаго разряда весьма мало разнится во всѣхъ уѣздахъ; эта разница нѣсколько замѣтнѣе у бывшихъ государственныхъ крестьянъ: въ Скопинскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ средній рабочій мѣстности выселенія былъ бѣднѣе землей болѣе, чѣмъ на $^1/_2$ десятины сравнительно съ среднимъ рабочимъ остальнаго района, въ Данковскомъ же наоборотъ: средній рабочій мѣстности выселенія имѣлъ въ своемъ пользованіи на 0,4 десятины больше.

Подобныя же колебанія мы замѣтимъ и по отношенію къ экономической силѣ домохозяйствъ обѣихъ мѣстностей въ обоихъ разрядахъ каждаго уѣзда:

		% къ общему числу дворовъ. Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 и болѣе.	
Раненбургскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія. . .	32	30	20	18	38
	Остальной районъ	34	25	18	24	42
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія. . .	36	28	20	16	36
	Остальной районъ	38	27	18	17	35
Данковскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія. . .	29	27	21	23	44
	Остальной районъ	37	25	20	18	38
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія. . .	34	26	20	20	40
	Остальной районъ	36	24	20	20	40
Скопинскаго уѣзда.						
Бывшіе государственные.	Мѣстность выселенія. . .	32	28	22	18	40
	Остальной районъ	33	25	22	20	42
Бывшіе помѣщичьи.	Мѣстность выселенія. . .	41	28	17	14	31
	Остальной районъ	34	26	21	19	40

Достатокъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ мѣстности выселенія въ Раненбургскомъ и Скопинскомъ уѣздахъ ниже, а въ Данковскомъ выше, чѣмъ въ остальномъ районѣ; у бывшихъ помѣщичьихъ разница замѣтна въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ хозяйство крестьянъ мѣстности выселенія значительно болѣе расшатано, чѣмъ въ общинахъ, не выдѣлившихъ изъ себя переселенцевъ; у послѣднихъ, какъ видно изъ предъидущей таблицы, и земли нѣсколько меньше (на $0,_3$ десятины на работника).

Только что разобранныя цифры заставляютъ насъ придти къ выводу, что (если устранить вліяніе разрядовъ крестьянъ) причина выселенія *изъ цѣлыхъ районовъ* находится въ весьма малой зависимости отъ ихъ земельныхъ условій и достатка ихъ населенія.

Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть причину выселеній изъ данныхъ районовъ и чѣмъ задерживаются они въ остальныхъ мѣстностяхъ нашихъ уѣздовъ? Уже изъ первой главы настоящаго изслѣдованія и изъ только что разобранныхъ цифръ можно видѣть, что болѣе значительный выходъ крестьянъ на переселеніе изъ *извѣстной мѣстности* зависитъ отъ сгущенія въ ней государственныхъ крестьянъ, а также отъ близкаго положенія къ ней первоначальныхъ центровъ удачно направленнаго движенія. Это станетъ еще яснѣе, когда мы поближе вглядимся въ цѣлыя поуѣздныя площади и въ естественныя группы волостей, на которыя всѣ онѣ разбиты нами по процентамъ выселеній изъ нихъ.

Начнемъ съ выселеній изъ цѣлыхъ уѣздовъ. Но, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не приводить цифровыхъ данныхъ, безъ которыхъ легко можно обойтись, необходимо сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Мы не разъ уже убѣждались, насколько тѣсна связь земельныхъ условій крестьянъ нашего района и ихъ достатка, признакомъ котораго для нашей земледѣльческой мѣстности мы брали подворное распредѣленіе лошадей; мы видѣли, что между этими данными всегда существуетъ прямая зависимость: чѣмъ больше приходится надѣльной, собственной и арендной земли на работника, тѣмъ выше благосостояніе средней семьи, и обратно: чѣмъ земли меньше, тѣмъ ниже достатокъ взятой группы. Поэтому-то мы считаемъ вполнѣ возможнымъ, не входя въ разборъ достатка крестьянъ послѣдующихъ группъ, судить о немъ по количеству земли на ихъ средняго работника.

Намъ извѣстно, что по % выселеній изслѣдуемые нами уѣзды мало разнятся другъ отъ друга, но все же изъ Раненбургскаго уѣзда идутъ наиболѣе сильныя выселенія (съ X ревизіи онъ выдѣлилъ 7% своего населенія), наименѣе сильныя—изъ Скопинскаго (5%), Данковскій же занимаетъ среднее мѣсто, давъ движенію 6%. Мы познакомились съ причинами выхода съ родины отдѣльныхъ семей; теперь выяснимъ, гдѣ искать причину указанной разницы поуѣздныхъ %% выселенія. Обратимся сначала къ земельнымъ условіямъ, которыя, какъ замѣчено, укажутъ намъ и средній достатокъ уѣзда. Вотъ необходимыя для вывода сырыя цифры по цѣлымъ уѣздамъ:

	Наличныхъ рабочихъ *).	Всѣхъ десятинъ. Надѣльн.	Собствен.	Аренди. **).
Раненбургскаго уѣзда. . .	33,986	164,361	7,443	26,899
Данковскаго уѣзда	24,346	130,082	2,125	20,603
Скопинскаго уѣзда	34,248	172,403	7,573	26.124

*) Здѣсь приложены и рабочіе переселенческихъ семей, вышедшихъ съ 1877—82 г.

**) Арендная пашня взята въ 3-хъ поляхъ и къ ней приложенъ арендуемый лугъ: принята во вниманіе только внѣнадѣльная аренда.

Выводя среднія количества на рабочаго, получимъ:

	Десятинъ на работника.				
	Надѣльн.	Собствен.	Аренда.	Всѣхъ вообще.	Проценты выселеній.
Раненбургскаго уѣзда. .	4,3	0,2	0,8	5,3	7
Данковскаго уѣзда. . . .	5,3	0,1	0,9	6,3	6
Скопинскаго уѣзда. . .	5	0,2	0,8	6	5

Мы видимъ, что разница земельныхъ условій (а, слѣдовательно, и достатка) уѣздовъ *весьма не существенна*; но даже если бы и придавать ей значеніе, разница въ процентахъ выселеній не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ разницы въ земельныхъ условіяхъ,—онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ другъ другу: средній по % выселеній Данковскій уѣздъ наилучше обставленъ въ земельномъ отношеніи.

И такъ, большимъ или меньшимъ достаткомъ крестьянъ нашихъ уѣздовъ нельзя объяснить разницы въ % % выселеній изъ нихъ. Но мы видѣли уже, что бывшіе государственные крестьяне (въ силу разобранныхъ нами условій ихъ жизни) даютъ большій % выселеній; видѣли и то, насколько могущественно дѣйствуетъ на усиленіе движенія удачный выборъ его направленія: въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ оно сильно возросло въ послѣднее время въ значительной степени и оттого, что получались благопріятныя вѣсти отъ выходцевъ въ Томскую губ.; въ Скопинскомъ же уѣздѣ удвоеніе процентовъ ежегодныхъ переселеній послѣдняго шестилѣтія главнымъ образомъ слѣдуетъ объяснить смѣной южнаго направленія восточнымъ, «степнаго»—томскимъ. Посмотримъ, насколько цифры подтвердятъ намѣченную зависимость для поуѣздныхъ площадей:

	Душъ обоего пола по X ревизіи.			% выселеній
		У бывшихъ государс.		въ Сибирь
	Всего.	Число.	%	съ 1858 г.
Раненбургскаго уѣзда. . . .	103,098	41,222	40	76
Данковскаго уѣзда.	78,169	28,617	36	65
Скопинскаго уѣзда.	101,549	71,729	71	12

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ по сравненію съ Данковскимъ и % бывшихъ государственныхъ нѣсколько больше, и наиболѣе удачное—томское—направленіе нѣсколько сильнѣе развито; это, вѣроятно, и повышаетъ на 1% выселенія изъ перваго уѣзда. Въ Скопинскомъ уѣздѣ, несмотря на значительное преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ, малый % «томенцовъ» (12%) сдержалъ выселенія на 2% противъ Раненбургскаго уѣзда. Только благодаря чрезвычайно большому числу бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Скопинскомъ уѣздѣ и указанной уже скученности ихъ въ его западной части, изъ него и могла выйти такая масса крестьянъ (73% всѣхъ его переселенческихъ семей) по значительно менѣе удобному—южному—направленію: иного они тогда не знали, а тѣснота давно уже погнала ихъ

«въ степь», на земледѣльческіе и иные отхожіе заработки; поэтому-то изъ Скопинскаго уѣзда въ первый 18-тилѣтній періодъ (съ 1859—77 г.) и вышла такая масса всѣхъ его сходцевъ (4/5), пока неудобство южнаго направленія не выяснилось окончательно; тогда переселенія пріостановились, но съ 1877 г. снова начали усиливаться, получивъ новое — восточное направленіе.

Посмотримъ теперь, какъ степень сгущенности бывшихъ государственныхъ крестьянъ и ходъ движенія вліяли на % выселенія по группамъ волостей, отмѣтимъ и частныя уклоненія этихъ процентовъ въ отдѣльныхъ волостяхъ подъ вліяніемъ иныхъ дѣятелей. Начнемъ съ Раненбургскаго уѣзда, а въ немъ—съ его трехъ первыхъ группъ, заключающихъ въ себѣ всѣ волости, кромѣ одной. Вотъ сырыя цифры, необходимыя для сужденія о земельныхъ условіяхъ этихъ группъ:

	Наличныхъ рабочихъ.	Всѣхъ десятинъ. Надѣльныхъ.	Собствен.	Арендныхъ.
I группа.	5,751	36,486	277	1,400
II »	11,887	61,917	1,300	6,241
III »	15,458	62,008	4,074	18,002

А, выводя среднее количество земли на каждаго рабочаго, получимъ:

	Десятинъ на работника. Надѣльн.	Собств.	Аренди.	Всѣхъ вооб.	% выселеній съ 1859—82 г.
I группа.	6,3	0,1	0,2	6,6	18
II »	5,2	0,2	0,3	5,9	8
III »	4	0,3	1,1	5,4	2

Т.-е., какъ будто, % выселеній стоитъ въ прямой зависимости отъ земельныхъ условій и экономическаго достатка группы: выселеніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше благосостояніе группы. Но такія земельныя условія находятся въ тѣсной связи съ относительнымъ количествомъ въ нихъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ:

Въ I группѣ на 16,995 рев. душъ об. п. 15,361 душа быв. госуд., т.-е. 90%
Во II » » 35,713 » » » » 19,433 души » » т.-е. 54%
Въ III » » 47,600 » » » » 6,263 » » » т.-е. 13%

А мы уже познакомились съ причинами выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ и видѣли, что болѣе сильный выходъ изъ него на переселеніе зависитъ далеко не отъ одного размѣра ихъ надѣла, а и отъ многихъ иныхъ условій, которыя дѣйствительно и имѣются на лицо во всѣхъ 3-хъ волостяхъ I группы, такъ какъ ни въ одной изъ нихъ нѣтъ меньше 75% бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но, напримѣръ, во главѣ II группы стоитъ Головинщинская волость, сплошь состоящая изъ бывшихъ

помѣщичьихъ крестьянъ, а, между тѣмъ, изъ нея выселилось 15% всего населенія, а въ Старокленовской волости III группы, давшей только 1% выселенцевъ,—84% бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Чтобы понять эти уклоненія, надо пояснѣе представить себѣ географическое положеніе волостей и группъ, а также ходъ распространенія движенія по площади уѣзда.

Въ началѣ настоящаго изслѣдованія было замѣчено, что наши группы волостей суть сплошныя территоріальныя пространства. Всѣ три волости I группы (Путятинская, Колыбельская и Зенкинская) лежатъ близъ тамбовской границы, на самомъ югѣ Раненбургскаго уѣзда; изъ этихъ-то волостей, какъ мы знаемъ, и началось съ давнихъ поръ переселенческое движеніе; изъ нихъ же пошли первые «томенцы», благодаря родственнымъ связямъ съ переселенцами Тамбовской губ.; а мы видѣли, какое громадное значеніе для цѣлыхъ поуѣздныхъ площадей имѣютъ ходъ движенія и удачный выборъ его направленія; то же вполнѣ приложимо и къ разсматриваемымъ группамъ. Изъ волостей I группы движеніе стало распространяться къ сѣверу уѣзда; ближайшими къ нимъ волостями на этомъ пути были: Головинщинская*) и двѣ пригородныя (Кривополянская и Крючковская); первая, несмотря на то, что состоитъ исключительно изъ бывшихъ помѣщичьихъ, дала 15%, вторая и третья—только по 5% переселенцевъ, хотя около $^9/_{10}$ ихъ населенія составляютъ бывшіе государственные крестьяне, а по близости къ центру движенія всѣ онѣ расположены одинаково. Такое уклоненіе несомнѣнно объясняется подгороднымъ положеніемъ послѣднихъ двухъ волостей. Изъ самыхъ пригородныхъ слободъ выселеній вовсе нѣтъ: крестьяне здѣсь даже подсмѣиваются надъ ушедшими на самару изъ другихъ селеній, говоря: «ушли въ Сибирь,—такъ и найдутъ тамъ жизнь сибирскую,—хуже чего ужь!» Вообще у слободскаго, малоземледѣльческаго населенія, занятаго мастерствомъ и разными заработками въ городѣ, бросающаго земледѣліе больше подъ вліяніемъ послѣдняго и только изрѣдка по малоземелію,—у такого населенія не могло появиться много переселенцевъ, ищущихъ земельнаго простора за тысячи верстъ.

За этими волостями лежитъ Ломовская, съ 68% бывшихъ государственныхъ крестьянъ, но болѣе удаленная отъ центра движенія, чѣмъ Головинщинская, и давшая только 13% выселеній: за ними—и почти въ порядкѣ процентовъ — расположены остальныя волости II группы. Только Карповская волость, находясь между Головинщинской (15%) и Гагинской (8%), дала лишь 1% переселенцевъ, такъ что ее, какъ сказано, пришлось отнести къ третьей группѣ; такое уклоненіе было уже приводимо, какъ примѣръ вліянія крайней бѣдности крестьянъ; бѣдность не даетъ имъ силы собрать необходимыя средства для ухода въ Сибирь и для уплаты долговъ и недоимокъ. Дѣйствительно, это самая бѣдная волость уѣзда: судя по среднему количеству скота на домохозяина и по проценту безлошадныхъ дворовъ, бѣднѣе ея лишь подгородная Крючковская, но та, какъ мы за-

*) На почвенной картѣ Рязанской губ. село Головинщино названо Алексѣевскимъ.

мѣтили, мало и занимается земледѣліемъ, сдавая массу своихъ земель сосѣднимъ крестьянамъ. Вотъ относительныя величины для всего Раненбургскаго уѣзда, для подгородной и Карповской волостей, позволяющія составить понятіе объ экономическомъ характерѣ и силѣ Карповской волости:

	Крючковская волость.	Карповс. волость.	Весь Раненбур. у.
Головъ крупнаго скота на дворъ.	1,2	1,7	2,6
% безлошадныхъ дворовъ.	57	46	36
% всѣхъ мѣстныхъ промысловыхъ семей. . .	58	54	54
% рабочихъ, занятыхъ отхожими заработками.	21	46	20

Кромѣ сказаннаго, мы видимъ изъ этой таблички, что Карповская волость, занимая свои семьи мѣстными заработками не меньше средняго по уѣзду, вынуждена отпускать на сторону чуть не $^1/_2$ своихъ взрослыхъ рабочихъ, т.-е. въ $2^1/_2$ больше средняго по уѣзду. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о выдающемся низкомъ уровнѣ благосостоянія Карповской волости; если добавить, что она вся состоитъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ ея исключительное положеніе среди волостей съ сильно развитымъ переселенческимъ движеніемъ.

Волости III группы, расположенныя къ сѣверо-востоку отъ двухъ первыхъ группъ, значительно болѣе удалены отъ центра движенія и состоятъ почти изъ сплошнаго населенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; такой характеръ ихъ, а также и двѣ названныя выше пригородныя волости какъ бы заслонили собой развитіе движенія по ихъ направленію, уклонивъ его къ сѣверо-западу отъ главнаго центра, т.-е. отъ I группы. Въ III группѣ обращаютъ на себя вниманіе Сергіево-Шереметевская волость, стоящая во главѣ группы, хотя населена исключительно бывшими помѣщичьими крестьянами, и Старо-Кленская—лишь съ 1% выселеній, хотя въ ней 84% крестьянъ, бывшихъ государственныхъ. Но о массовомъ выселеніи въ Ставропольскую губ. изъ Сергіево-Шереметевской волости около 1863 г. уже было говорено при историческомъ обзорѣ движенія: бо́льшая часть «ставропольцевъ» возвратилась на родину, да и остальные плохо устроились на новомъ мѣстѣ, но все же своимъ уходомъ уменьшили населеніе волости на 5%; теперь выселенія изъ Сергіево-Шереметевской волости вовсе прекратились, такъ какъ о томскомъ направленіи сюда еще не дошли слухи, а Ставропольская губ. уже никого не влечетъ къ себѣ. Старо-Кленская волость, расположенная вблизи волостей, населенныхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, имѣетъ и вполнѣ сходный съ ними характеръ; въ ней довольно сильно развиты не только мѣстные земледѣльческіе заработки, но и составляютъ весьма существенное подспорье земледѣлію другіе промыслы, особенно шерстобитство и валянье сапоговъ.

Салтытовская волость, составляющая IV группу, стоитъ внѣ связи съ

движеніемъ трехъ первыхъ группъ. Хотя 95% ея крестьянъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ помѣщичьихъ, но она первая по благосостоянію волостей Раненбургскаго уѣзда. Всѣхъ рабочихъ мужчинъ (считая и переселенцевъ) въ ней было около 1877 г. 890.

Надѣльной земли	3,950	десятинъ	или на работника	$4_{,4}$	десят.
Собственной »	1,905	»	» »	$2_{,1}$	»
Арендной »	1,151	»	» »	$1_{,3}$	»

Т.-е. на средняго работника всей земли приходилось $7_{,8}$ десят. Изъ 76 семей, ушедшихъ на переселеніе, почти $^1/_2$ (36) взяли съ собой 300 и болѣе рублей и только 21 семья понесла на новыя мѣста менѣе 150 р. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ Салтыковской волости пошли весьма зажиточные крестьяне; шли они отъ сильной тѣсноты въ выгонахъ (почти всѣ пораспаханы), отъ тѣсноты усадебъ, доходившей до того, что по 3 двора строились другъ за другомъ, и отъ сильнаго поднятія арендныхъ цѣнъ на землю. Почти всѣ переселенцы отсюда направились въ Стерлитамакскій уѣздъ, Уфимской губ., въ 1876 и 1877 гг. Около этого времени салтыковцы прослышали о тамошнемъ привольѣ отъ одного знакомаго барина и послали на осмотръ земли двухъ ходоковъ; ходоки одобрили мѣста и повели за собой своихъ земляковъ въ Уфимскую губернію. Наиболѣе зажиточные переселенцы устроились тамъ хорошо, купивъ себѣ земли (по 15—23 р. за десятину); большинство же поселилось на арендной землѣ, платя первое время по 1 руб. за хозяйственную десятину чернозема; но теперь цѣны на землю сильно поднялись. Хотѣли еще выйти въ Уфимскую губ. до 50 семей изъ села Салтыковъ; послали вторыхъ ходоковъ. Ходоки попали въ Уфимскую губ. въ неурожайный годъ и не одобрили тамошнихъ мѣстъ; притомъ же они, повидавъ своихъ земляковъ, ушедшихъ въ Стерлитамакскій уѣздъ, разсказывали, что не многіе выиграли отъ переселенія, а что есть и такіе, которые совсѣмъ живутъ плохо: по работникамъ да по квартирамъ, не имѣя своего хозяйства и даже избы. Хотя ходоки и говорили, что тамъ стоятъ высокія цѣны на трудъ, что многорабочей семьѣ можно живо подняться, но общій ихъ отзывъ былъ таковъ, что движеніе ихъ въ Уфимскую губ. остановилось, а объ Томской губ. здѣсь совсѣмъ не слыхали: это самая сѣверная волость уѣзда, наиболѣе удаленная отъ южнаго центра движенія.

Волости Данковскаго уѣзда разбиты на 3 группы: первая состоитъ изъ одной Бигильдинской волости, лежащей на лѣвомъ берегу Дона, почти въ центрѣ уѣзда; вторая — изъ 6 волостей — расположена къ сѣверо-востоку отъ первой; остальныя 13 волостей образовали третью группу, занимающую югъ и западъ уѣзда. Абсолютныя цифры, характеризующія ихъ земельныя условія, таковы:

	Наличныхъ рабочихъ.	Всѣхъ десятинъ. Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.
I группа	1,332	9,685	267	798
II »	7,815	37,679	978	9,206
III »	15,199	82,718	880	10,599

Среднія количества земли на рабочаго:

	Десятинъ на работника. Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.	% выселеній съ 1859—82 г.
I группа	7,1	0,2	0,6	8,1	21
II »	4,8	0,1	1,2	6,1	9
III »	5,4	0,1	0,7	6,2	2

Проценты выселеній II и III группъ уже никакъ нельзя ставить въ связь съ ихъ земельными условіями; значительное же количество земли на работника I группы зависитъ отъ того, что вся эта волость состоитъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, тогда какъ ни въ одной изъ остальныхъ группъ этотъ разрядъ не составляетъ и $^1/_2$ всего населенія:

Въ I группѣ на 4,468 рев. душъ об. п. 4,468 душъ быв. гос., т. е. 100%
Во II » » 24,717 » » » » 4,144 души » » » » 17%
Въ III » » 48,984 » » » » 20,005 душъ » » » » 41%

Эти цифры показываютъ, что и преобладаніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ не могутъ быть объяснены %% выселеній изъ II и III поволостныхъ группъ Данковскаго уѣзда. Только послѣдовательный ходъ переселенческаго движенія даетъ удовлетворительное объясненіе такой неравномѣрности выселеній.

Мы видѣли уже, что въ Данковскомъ уѣздѣ было два центра движенія: на югѣ и въ серединѣ его. Переселенія съ юга уѣзда намъ удалось прослѣдить до 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда шли значительныя выселенія въ Самарскую губернію изъ Орловки, Звѣрева, Зашева и Телепнева *); мы видѣли, какъ это направленіе сильно дискредитировалось послѣ неудачнаго переселенія 70-хъ годовъ, какъ вслѣдствіе этого вовсе остановилось движеніе изъ южныхъ волостей уѣзда (извѣстія о Томской губерніи только что начали проникать сюда). Движеніе на вольныя земли изъ втораго переселенческаго центра — изъ Бигильдинской волости — начались, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія; въ то же время шли переселенія изъ смежныхъ съ Бигильдинымъ селеній Долгаго и Малинокъ.

*) На картѣ значится Покровское.

принадлажащихъ къ волостямъ Долговской и Кудрявской (Воскресенской тожь). Мы знаемъ, что съ 70-хъ годовъ здѣсь (главнымъ образ. въ Бигильдинской волости) привилось томское направленіе переселеній и что съ тѣхъ поръ оно усиливается. Изъ Бигильдина (Сурки тожь) движеніе стало распространяться во всѣ стороны, кромѣ юга, гдѣ пригородная Богословская волость, смежная съ Бигильдинской, еще болѣе безучастно отнеслась къ движенію (давъ 2% выселеній со времени X ревизіи), чѣмъ Крючковская Раненбургскаго уѣзда и по тѣмъ же причинамъ; такимъ образомъ I группа явилась центромъ движенія преимущественно для 6 волостей II группы, причемъ %% выселеній изъ нихъ находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ % бывшихъ государственныхъ крестьянъ каждой волости:

Долговская	волость	40%	бывшихъ	государ.	крестьянъ	15% выселилось.
Ягодновская	»	37%	»	»	»	12% »
Кудрявская	»	24%	»	»	»	9% »
Зміевская	»	6%	»	»	»	8% »
Кочуровская	»	1%	»	»	»	7% »
Мураевинская	»	0%	»	»	»	4% »

Впрочемъ, послѣдовательность процентовъ выселеній внутри этой группы находится въ соотвѣтствіи и съ разстояніемъ волостей отъ центра движенія всѣхъ дальше отъ него — Мураевинская волость, ближайшія—Долговская, Ягодновская и Кудрявская.

Подъ вліяніе бигильдинскаго центра, вѣроятно, подпадутъ и сѣверо-западныя волости III группы; если еще оно мало отразилось на нихъ, то потому, во-первыхъ, что онѣ очень отдалены отъ Бигильдина, а, во-вторыхъ, 3 изъ этихъ волостей (Лошаковская, Спѣшневская или Ивановская и Хитровская или Спасская) сплошь состоятъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Вліяніе этого главнаго центра переселенческаго движенія Данковскаго уѣзда сказывается уже и на юго-восточныхъ волостяхъ: Знаменской, выславшей 4% своего населенія въ Томскую губ., и Самодуровской, откуда выселилось 5% въ Томскую же и Оренбургскую губерніи; во время мѣстныхъ изслѣдованій намъ даже попадались письма выселившихся въ Томскую губ. изъ волостей, близкихъ къ Бигильдину, въ Баловневской волости, къ которой принадлежитъ одинъ изъ южныхъ центровъ движенія—Зашево.

Волости Скопинскаго уѣзда по проценту выселеній изъ нихъ естественно распадаются на двѣ группы: 7 западныхъ волостей составили I группу, откуда выселенія гораздо значительнѣе; остальныя 9 волостей образовали II группу, давшую въ $3^1/_2$ раза меньшій % сходцевъ. Земельныя условія обѣихъ группъ видны изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

	Наличныхъ рабочихъ.	Число десятинъ.		
		Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.
I группа. . . .	18,323	98,071	846	6,200
II »	15,925	74,332	6,726	19,924

А средніе размѣры земли на рабочаго видны изъ слѣдующей таблички:

	Десятинъ на работника.				% выселеній.
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всей вообще.	съ 1859—82 г.
I группа . .	5,4	0,05	0,3	5,75	7
II » . .	4,6	0,4	1,2	6,2	2

То-есть наиболѣе сильныя выселенія произошли изъ той части Скопинскаго уѣзда, гдѣ надѣленность крестьянъ выше, но собственной и, въ особенности, арендной земли настолько меньше, что и въ общей сложности у нихъ приходится меньше земли на работника, чѣмъ во II группѣ. Въ I группѣ надѣлъ выше, аренды меньше, а это—свойства экономическихъ условій бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и, дѣйствительно, эта группа почти исключительно состоитъ изъ нихъ:

Въ I группѣ на 54,540 рев. душъ об. п. 51,675 душъ быв. госуд., т. е. 95%
Во II » » 47,009 » » » » 20,252 » » » , т. е. 43%

Въ Скопинскомъ уѣздѣ не было особаго центра, откуда бы переселенческое движеніе постепенно распространялось на окрестныя селенія и волости, какъ это мы видѣли въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Здѣсь характеръ движенія былъ иной. Еще раньше X-й ревизіи отхожіе промыслы въ степныя и низовыя губерніи Россіи и на Кавказъ были очень развиты; государственные крестьяне западныхъ волостей Скопинскаго уѣзда, гонимые скученностью населенія, сначала шли туда искать работы, а за тѣмъ нѣкоторыя семьи осѣдали тамъ окончательно; свѣдѣнія о тѣхъ, сравнительно недалекихъ, мѣстахъ получались личнымъ опытомъ почти каждаго сходца,—и выселенія шли довольно равномѣрно по всей площади I группы: въ четырехъ волостяхъ (Чуриковской, Казинской, Павелецкой и Чернавской) и абсолютныя, и относительныя цифры выселенія почти одинаковы.

Волости II группы по характеру движенія подходятъ къ Раненбургскому и Данковскому уѣздамъ,—и у нихъ замѣтна гораздо бо́льшая неравномѣрность выселеній, а въ послѣднее время даже появился свой центръ движенія—Чулковскіе выселки, Корневской волости,—откуда въ 1882 году вышло много семей въ Томскую губернію; за ними потянулись туда и крестьяне окрестныхъ селеній Полянской и другихъ волостей. Въ этой группѣ обращаетъ на себя вниманіе Вослебская волость, почти всецѣло состоящая изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (96% ихъ), а, между тѣмъ, давшая лишь 1% выселеній; но это легко объясняется ея восточнымъ положеніемъ (среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и близостью къ Скопину, дающему всѣмъ 3-мъ селеніямъ этой волости разнообразные мѣстные заработки, благодаря чему ими занимаются здѣсь больше ½ семей (52%), а отхожіе развиты значительно менѣе, чѣмъ даже въ другихъ волостяхъ II группы, не говоря уже о I, гдѣ % работающихъ на сторонѣ

мужчинъ въ 4½ раза превышаетъ тотъ же % Вослебской волости: всѣхъ рабочихъ, занимающихся отхожими промыслами,

въ I группѣ	9,855,	т.-е. 54%
во II »	2,912,	т.-е. 18%
въ Вослебской волости	171,	т.-е. 12%

(въ ней всѣхъ наличныхъ рабочихъ 1,457).

Можно съ весьма большой вѣроятностью утверждать, что въ восточныхъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда переселенческое движеніе будетъ все усиливаться, если только Томская губернія будетъ представляться переселенцамъ такимъ же благословеннымъ краемъ, какъ до сихъ поръ. Въ западной группѣ тоже замѣтно въ послѣднее время измѣненіе и характера, и направленія переселенческаго движенія: вмѣсто юга, переселенцы идутъ на востокъ (главнымъ образомъ въ Бійскій округъ); вмѣсто случайнаго поселенія въ мѣстахъ своихъ отхожихъ промысловъ, крестьянинъ ищетъ новыхъ путей; здѣсь создался свой центръ движенія—Затворнинская волость, откуда уже выселилось до 30 семей въ Томскую губернію. Съ другой стороны, какъ уже и было замѣчено, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной части уѣзда отхожіе промыслы *на сѣверъ* (преимущественно въ Московскую и Владимірскую губерніи) принимаютъ такой сплошной характеръ, что придаютъ этимъ частямъ большое сходство съ промышленными уѣздами сѣвера губерніи, начиная развивать здѣсь типъ промысловаго крестьянина, теряющаго ту жажду земельнаго простора, которая влечетъ за тысячи верстъ истаго земледѣльца.

Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи переселеній нѣтъ, а въ изслѣдуемой нами южной черноземной мѣстности переселенческое движеніе принимаетъ такіе широкіе размѣры? Изъ сѣверныхъ уѣздовъ мы выбираемъ Рязанскій, такъ какъ цифровыя данныя о немъ имѣются въ изданномъ первомъ выпускѣ I тома статистическаго сборника по Рязанской губерніи.

Въ слѣдующей табличкѣ сопоставлены среднія цифры земли на работника во всѣхъ четырехъ уѣздахъ:

	Десятинъ на работника.			
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Рязанскій уѣздъ . . .	4,1	0,6	0,9	5,6
Раненбургскій уѣздъ .	4,8	0,2	0,3	5,3
Данковскій уѣздъ . .	5,3	0,1	0,9	6,3
Скопинскій уѣздъ . .	5	0,2	0,8	6

Песчаную, иловатую и суглинистую почву Рязанскаго уѣзда съ небольшими клиньями мелкаго чернозема, составляющими не болѣе 1/10 всей его площади,—такую почву нельзя и сравнивать съ прекраснымъ черноземомъ 3-хъ уѣздовъ юга губерніи, особенно Раненбургскаго; въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня едва занимаетъ ½ площади надѣльныхъ

земель, тогда какъ въ южныхъ уѣздахъ распахано около $^4/_5$ крестьянскаго надѣла; пашни частновладѣльческихъ экономій занимаютъ на югѣ не меньшую площадь и почти всѣ онѣ обрабатываются инвентаремъ крестьянина. При такихъ условіяхъ крестьянинъ южныхъ уѣздовъ, даже и одинаково надѣленный землей съ крестьяниномъ сѣвера, долженъ бы быть гораздо болѣе земледѣльцемъ, чѣмъ этотъ послѣдній; таблица же показываетъ, что средній рабочій переселенческихъ уѣздовъ пользуется почти на $^1/_2$ десятины большимъ количествомъ земли, чѣмъ рабочій Рязанскаго уѣзда; понятно, что этимъ еще болѣе опредѣляется земледѣльческій характеръ южнаго крестьянина.

Имѣя предъ собой такую массу своихъ и частновладѣльческихъ пахотныхъ земель, которыя онъ изъ году въ годъ обрабатываетъ своимъ рабочимъ скотомъ, крестьянинъ юга губерніи долженъ держать значительно больше лошадей, чѣмъ крестьянинъ Рязанскаго уѣзда; цифры вполнѣ подтверждаютъ эту догадку:

	Раненбур. уѣзда.	Данков. уѣзда.	Скопин. уѣзда.	Рязан. уѣзда.
% безлошадныхъ дворовъ	36	34	33	38
% дворовъ съ 1 лошадью	27	25	27	35
% » » 2 лошадьми	20 | 37	20 | 41	21 | 40	17 | 27
% » » 3-мя лош. и болѣе. .	17 |	21 |	19 |	10 |

Дѣйствительно, въ Рязанскомъ уѣздѣ значительно больше безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ и меньше дву и болѣе лошадныхъ, т.-е. въ сѣверномъ уѣздѣ значительно меньше вполнѣ исправныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, чѣмъ въ южныхъ. Необходимо замѣтить, что изъ этихъ данныхъ нельзя заключать о бо́льшей зажиточности крестьянъ юга губерніи: здѣсь нерѣдко встрѣчается такой фактъ, что двулошадный крестьянинъ по недостатку корма не въ силахъ держать коровы; это чаще всего бываетъ у помѣщичьихъ крестьянъ, «закладывающихся подъ подесятинные заработки»; чтобы выполнить свои обязательства предъ частнымъ землевладѣльцемъ, они должны держать, по крайней мѣрѣ, двухъ лошадей, хотя бы семья оставалась безъ молока. Дѣйствительно, сравнивъ общее количество скота (крупнаго и мелкаго въ переводѣ на крупный), мы увидимъ, что Рязанскій уѣздъ снабженъ имъ почти такъ же, какъ и уѣзды юга.

На средній дворъ приходится:

Въ Рязанскомъ уѣздѣ.	2,5	головъ крупнаго скота.
» Раненбургск. »	2,6	» » »
» Данковскомъ »	2,7	» » »
» Скопинскомъ »	2,9	» » »

Это объясняется гораздо бо́льшимъ количествомъ рогатаго скота у крестьянъ Рязанскаго уѣзда, гдѣ (сравнительно съ южными уѣздами) имѣются

значительныя луга и травяныя пастбища, такъ какъ только 37% общей площади уѣзда занято пашней.

Размѣръ промысловыхъ занятій всѣхъ 4-хъ уѣздовъ видимъ изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

		Раненбур. уѣзда.	Данков. уѣзда.	Скопин. уѣзда.	Рязан. уѣзда.
% семей, имѣющихъ мѣстные заработки		54	56	39	37
% занимающихся отхожими заработками . . .	мужчинъ.	20	21	37	50
	женщинъ.	—	—	—	6

Благодаря сильному развитію въ южныхъ уѣздахъ земледѣльческихъ заработковъ, мѣстныя работы имѣютъ значеніе для меньшаго % семей Рязанскаго уѣзда, чѣмъ даже въ Скопинскомъ уѣздѣ, но за то отхожіе промыслы въ Рязанскомъ уѣздѣ настолько развиты, что $^1/_2$ всѣхъ его мужчинъ рабочаго возраста занята ими; до такого развитія отхода на сторону доходитъ лишь западъ Скопинскаго уѣзда, но за то въ мещерской сторонѣ Рязанскаго уѣзда до $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ уходятъ на сторонніе заработки, покидая землю на руки женщинъ; ничего подобнаго, какъ мы видѣли, нѣтъ даже и въ западныхъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда; о другихъ мѣстностяхъ 3-хъ южныхъ уѣздовъ и говоритъ нечего: онѣ посылаютъ въ отходъ не болѣе $^1/_8$ доли своихъ рабочихъ. Изъ Рязанскаго уѣзда даже значительный % женщинъ уходитъ на заработки (болѣе $^1/_{20}$-й всѣхъ работницъ); правда, и съ запада Скопинскаго уѣзда уже начинается выходъ женщинъ на торфъ, но здѣсь онъ далеко не такъ развитъ, какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, а въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ и въ восточной части Скопинскаго женскихъ отхожихъ заработковъ вовсе нѣтъ. Надо замѣтить, что какъ мѣстные, такъ и отхожіе промыслы Рязанскаго уѣзда носятъ гораздо болѣе ремесленный характеръ, чѣмъ въ уѣздахъ юга: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рязанскаго уѣзда развито кустарное производство (сапожники, колесники, производство листовой ваты и пр.), а наиболѣе распространеннымъ отхожимъ промысломъ является здѣсь плотничество, тогда какъ мы видѣли, что ничего подобнаго нѣтъ въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ крестьянинъ и въ своихъ мѣстныхъ и отхожихъ заработкахъ въ большинствѣ случаевъ остается земледѣльцемъ или дѣлается чернорабочимъ.

Изъ этихъ краткихъ цифровыхъ указаній становится яснымъ, что въ южныхъ уѣздахъ земледѣліе и до сихъ поръ играетъ значительно бо́льшую роль, чѣмъ въ Рязанскомъ, гдѣ занятія крестьянина имѣютъ болѣе промысловый характеръ. Крестьянинъ юга губерніи почти исключительно земледѣлецъ. Поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема, онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія; всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отзывалось на его благосостояніи. Мы видѣли, что государственные крестьяне Раненбургскаго, Данковскаго и даже Скопинскаго уѣздовъ начали уходить съ

своей родины подъ давленіемъ «тѣсноты» еще лѣтъ 70 назадъ: отрѣзанъ кусокъ земли,—полсела переселяется на вольныя мѣста; соберутся нѣсколько родственниковъ и порѣшатъ «отъ здѣшней тѣсноты» уйти нѣкоторымъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ земля досталась остающимся; иногда даже цѣлая деревня посылала отъ себя развѣдчиковъ присмотрѣть гдѣ-либо мѣсть попросторнѣе. Такъ продолжалось, съ перерывами, до настоящаго времени. Даже отхожіе промыслы западной части Скопинскаго уѣзда, направленные въ мѣста, обильныя землей, нуждающейся въ рабочихъ рукахъ,—даже и они способствовали переселеніямъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Со времени освобожденія къ бывшимъ государственнымъ стали примыкать и бывшіе помѣщичьи крестьяне, тоже еще не привычные къ инымъ работамъ, кромѣ земледѣльческой, занимаясь хлѣбопашествомъ то на своей землѣ, то на барщинѣ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ были значительно иныя условія.

Изъ всѣхъ крестьянъ Рязанскаго уѣзда 74% принадлежали къ разряду помѣщичьихъ; но и остальная ¼ государственныхъ крестьянъ (какъ видно изъ статистическаго сборника по Рязанскому уѣзду) находилась не въ лучшихъ земельныхъ условіяхъ. Привычка видѣть въ землѣ свою исключительную кормилицу не могла у нихъ выработаться ужь потому, что много надѣльной земли (около 7,000 десятинъ, т.-е. почти ⅙ часть ея) лежало далеко отъ ихъ селеній, въ другихъ уѣздахъ; они были вынуждены сдавать ее, перебиваясь на остальной, которой приходилось лишь 2,,, десят. всѣхъ угодій на ревизскую душу, а пахотной земли немного болѣе 1⅓ десятины во всѣхъ трехъ поляхъ или подъ рожью было меньше ½ десятины. При указанномъ качествѣ почвы такое незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина Рязанскаго уѣзда иной типъ занятій: для него было невозможно прокармливаться только земледѣліемъ: онъ издавна занялся мѣстнымъ (при обиліи лѣсовъ), а потомъ и отхожимъ плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ *). Если такой типъ полупромысловаго крестьянина выработался у государственныхъ крестьянъ Рязанскаго узда, то у помѣщичьихъ и подавно такъ должно было случиться: они до 1861 г. не могли располагать собой для выселеній, тогда какъ отхожіе заработки были для нихъ вполнѣ доступны и при крѣпостномъ правѣ.

Въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства гораздо ближе стоитъ къ первобытнымъ способамъ веденія земледѣльческаго хозяйства. Тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на 3 поля, на югѣ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ

*) Нѣчто подобное мы видѣли въ пригородныхъ волостяхъ трехъ южныхъ уѣздовъ; только тамъ не въ силу неблагопріятныхъ земельныхъ условій, а подъ вліяніемъ города съ его заработками крестьянинъ отвыкалъ видѣть въ землѣ единственный источникъ жизни и не охотно шелъ устраивать новыя земледѣльческія хозяйства въ далекомъ краѣ.

до послѣдняго времени много «пестрополья», да и теперь еще въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ оно занимаетъ значительныя пространства; есть два-три случая пестрополья и у бывшихъ помѣщичьихъ. Обыкновенно отдаленная часть надѣльной пашни не разбита на 3 поля, а всякій получаетъ въ ней по нѣскольку полосъ (до 1 и даже до 2-хъ десятинъ на душу) въ полное свое распоряженіе, безъ всякаго вмѣшательства со стороны общины: каждый сѣетъ, что ему угодно, и заводитъ сѣвооборотъ, какой ему покажется удобнѣе. Проѣзжая мимо такого поля, видишь рядомъ съ полосами ржи разныхъ сортовъ яровое, и тутъ же изрѣдка чернѣетъ только что пометанный паръ; всѣ эти клочки перемѣшаны въ самомъ прихотливомъ порядкѣ и дѣйствительно придаютъ полю *пестрый* видъ. Рѣдко кто оставитъ подъ паромъ часть своей земли въ пестрополѣ; обыкновенно сѣютъ хлѣбъ на хлѣбъ, не давая землѣ отдыха: кто сѣетъ одни яровые, кто чередуетъ ихъ съ озимой рожью, а иногда встрѣтишь безсмѣнный посѣвъ ржи на рожь. Понятно, что только прекрасный черноземъ можетъ нѣкоторое время выдерживать такой посѣвъ, но и онъ истощился, такъ что урожай пестрополья не превышаетъ трехъ четвертей ржи на десятину, тогда какъ паровая десятина трехполья даетъ въ тѣхъ мѣстахъ не меньше шести четвертей ржи. Такъ какъ въ пестрополье поступаетъ дальняя часть пашни, то объ унавоженіи его не можетъ быть и рѣчи: навоза не хватаетъ и на ближайшую паровую землю.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, а иногда тамъ только и сѣютъ по унавоженному полю; безъ навоза земля не вернетъ и зеренъ. Въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется необходимость унавоживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія. Только въ самыхъ сѣверныхъ волостяхъ Данковскаго уѣзда да въ нѣкоторыхъ Скопинскаго весь навозъ вывозится на поля; въ южныхъ волостяхъ Раненбургскаго уѣда, хотя у нихъ (у бывшихъ государственныхъ крестьянъ) и есть топливо, помимо навоза, недостаточно созрѣло сознаніе необходимости вывоза его на пашню, а на остальномъ громадномъ пространствѣ всѣхъ трехъ уѣздахъ много навоза идетъ на отопленіе избъ или по крайней нуждѣ (особенно въ неурожайные годы и по веснѣ) опъ продается ближайшимъ частнымъ землевладѣльцамъ для удобренія ихъ земель или мѣщанамъ — на топливо. Вообще, за отсутствіемъ лѣсныхъ матеріаловъ въ южныхъ уѣздахъ, не только у крестьянъ идетъ на топливо навозъ и солома, но и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ и купеческихъ имѣніяхъ комнаты отапливаются соломой; дрова употребляются лишь на кухнѣ.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ 2 и 3 вспашки при посѣвѣ овса (третій разъ ломаютъ по посѣвѣ), три вспашки для озимаго хлѣба и отъ 4—5 разъ перепахиваютъ просо (4-й или 5-й ломаютъ); въ южныхъ уѣздахъ вспашка просянаго поля рѣдко производится болѣе 3-хъ разъ, ржанаго и яроваго обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва. Впрочемъ, слѣдуетъ

сдѣлать ту оговорку, что зажиточный крестьянинъ производитъ болѣе совершенную обработку земли. Таковы главныя черты обработки при трехпольномъ сѣвооборотѣ; въ пестропольѣ и того хуже: случается, что по только что скошенному ржищу снова сѣютъ рожь, запахивая зерна и даже оставляя посѣвъ не забороненнымъ. Но неурожаи послѣднихъ лѣтъ и замѣтно истощившаяся почва вообще заставляютъ не только вывозить на пашню навозъ и обрабатывать землю съ бо̀льшей тщательностью, но и замѣнять пестрополье трехпольемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ только что перешли къ трехпольному сѣвообороту, въ иныхъ собираются переходить къ нему и даже постановлены объ этомъ приговоры. Мы видѣли, что кривополянцы хотятъ сократить или вовсе уничтожить свое громадное пестрополье. Крайняя тѣснота пастбищъ заставила большое село Зенкино составить приговоръ о томъ, чтобы запустить часть своей пашни подъ выгонъ; съ 1882 г. зенкинцы думали уничтожить пестрополье, перейдя къ тремъ полямъ, что не только подыметъ урожайность полей, но и дастъ возможность выгона по пару. До 1880 г. въ селѣ Ломовомъ было около 700 десятинъ подъ пестропольемъ; теперь они раздѣлили всю пашню на 3 поля, и этотъ переходъ настолько затруднителенъ для многихъ крестьянъ, что они засѣваютъ чуть не $^1/_2$ своего яроваго поля рожью.

Понятно, что плохая обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и переживаемый или только что пережитый сельскохозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ,—все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополья трехпольемъ, запуская подъ выгонъ часть пашни) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала.

В. Григорьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Петербургскія ученыя общества.

Извѣстно, какой интересъ къ естественнымъ наукамъ пробудился въ русскомъ обществѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, особенно въ Петербургѣ. Читались иностранныя книги, многія изъ нихъ переводились на русскій языкъ, публика стремилась на публичныя лекціи, а также въ университетъ, аудиторіи котораго были фактически открыты для всѣхъ. Профессора естественныхъ наукъ и особенно практическія пособія для занятій были далеко не на уровнѣ требованій науки. Молодые русскіе ученые могли убѣдиться въ этомъ не изъ однѣхъ книгъ, а изъ посѣщенія заграничныхъ университетовъ, особенно нѣмецкихъ. Они воспользовались своей опытностью и болѣе широкими средствами, назначенными по уставу 1863 года, для устройства и расширенія кабинетовъ, лабораторій и музеевъ. Съ этого времени изученіе естественныхъ наукъ сдѣлало большіе успѣхи; доказательство этихъ успѣховъ можно видѣть не въ томъ только, что у насъ есть нѣсколько ученыхъ, имена которыхъ знамениты во всей Европѣ, но особенно въ томъ, что явилось большое число молодыхъ ученыхъ. Это поддерживаетъ преданія научнаго труда, да и болѣе вѣроятія, что изъ большаго числа найдется хоть нѣсколько выдающихся ученыхъ. Разъ явились научныя работы въ большомъ числѣ, явилась и потребность въ обмѣнѣ мысли между учеными, и въ началѣ 1867 года собрался первый общій съѣздъ русскихъ естествоиспытателей въ Петербургѣ. Главная заслуга принадлежитъ К. Ѳ. Кесслеру, который еще въ пятидесятыхъ годахъ, въ Кіевѣ, неутомимо работалъ за съѣзды и которому тогда уже удалось собрать съѣздъ по кіевскому учебному округу.

Съѣздъ 1867 года былъ очень удаченъ. Онъ особенно памятенъ тѣмъ, что тамъ укрѣпилась мысль объ основаніи обществъ естествоиспытателей при русскихъ университетахъ. Они должны были сдѣлаться научными центрами каждый своего района. Кесслеръ и тутъ принималъ самое дѣятельное участіе и въ пропагандѣ мысли о подобныхъ обществахъ между уче-

ными, и въ выработкѣ уставовъ, въ хлопотахъ объ ихъ разрѣшеніи и назначеніи казенной субсидіи и, наконецъ, онъ же былъ первымъ предсѣдателемъ петербургскаго общества.

Подобныхъ обществъ было основано пять: въ Петербургѣ, Казани, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Москва и Дерптъ уже ранѣе имѣли свои общества. Занятія естественными науками такъ уже подвинулись въ Россіи, что сразу нашлось достаточное количество матеріала для новыхъ обществъ. Сами они, конечно, помогли работамъ, особенно молодыхъ ученыхъ: 1) возможностью обсуждать работы на мѣстѣ, пользоваться опытомъ другихъ ученыхъ, а затѣмъ и печатать ихъ, 2) пособіями на изслѣдованія, особенно на путешествія съ научной цѣлью.

Петербургское общество сразу стало довольно высоко и большинство его работъ отличается именно тѣмъ характеромъ, который почему-то считается чуждымъ русскимъ людямъ: обстоятельностью, терпѣніемъ, медленнымъ накопленіемъ матеріала. Оно представляетъ собою хорошую научную школу.

Каждый годъ, весной, общество обсуждаетъ экскурсіи на слѣдующее лѣто сначала по своимъ тремъ отдѣленіямъ зоологіи, ботаники и минералогіи и геологіи, затѣмъ въ общемъ собраніи. Такъ какъ эти экскурсіи обыкновенно не дальнія, то и расходы на нихъ не велики; это даетъ возможность помогать нѣсколькимъ ученымъ, несмотря на небольшія средства общества.

Намъ кажется, что есть еще очень полезная сторона въ этихъ экскурсіяхъ, сдѣланныхъ на средства общества или хотя бы съ пособіемъ отъ него. Эти изслѣдованія ставятъ ученыхъ лицомъ къ лицу къ природѣ и мѣшаютъ научнымъ изслѣдованіямъ принять слишкомъ односторонній, кабинетный характеръ.

Это можно замѣтить о зоологіи и особенно ботаникѣ. Какъ въ Германіи, такъ и у насъ, въ этихъ наукахъ преобладаетъ теперь изслѣдованіе низшихъ организмовъ, а также микроскопическія, а въ ботаникѣ—изслѣдованія, которыя можно назвать физико-химическими. Сами по себѣ, эти изслѣдованія необходимы и между работами русскихъ ученыхъ въ этомъ направленіи есть очень важныя. Но опасность въ томъ, чтобъ систематика и ботаническая и зоологическая географія не были оставлены совсѣмъ въ сторонѣ. Путешествія съ научной цѣлью обращаютъ вниманіе ученыхъ на эту сторону и такъ какъ по каждому слѣдуетъ отчетъ въ обществѣ, то и его засѣданія становятся разнообразнѣе, научные интересы шире.

Изъ экспедицій, снаряженныхъ петербургскимъ обществомъ, упомянемъ о той или, вѣрнѣе, тѣхъ, которыя были отправлены на сѣверъ въ 1880 году. Проф. Вагнеръ изслѣдовалъ фауну въ Соловкахъ, проф. Богдановъ—фауну Мурманскаго берега и сосѣдняго моря, Н. В. Кудрявцевъ и другіе путешественники по пустынному Кольскому полуострову изслѣдовали его геологію и физическую географію. Въ послѣднемъ томѣ «трудовъ» общества

находятся отчеты по изслѣдованію Алтая; извѣстно, что туда направляется множество переселенцевъ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдуются минеральныя богатства края. Большая часть земель горнаго Алтая принадлежитъ Кабинету Его Императорскому Величеству и петербургское общество получило приглашеніе отъ министра двора участвовать въ изслѣдованіи Алтая, для чего были назначены денежныя средства. Понятно, что такое приглашеніе было охотно принято.

Помимо такихъ дальнихъ экскурсій, очевидно, что наши общества естествоиспытателей должны по возможности держаться своихъ райновъ. Они очень обширны и очень дурно изслѣдованы. Петербургскому обществу нельзя жаловаться на недостатокъ предметовъ для изслѣдованія: къ петербургскому учебному округу принадлежатъ и три сѣверныя губерніи: Олонецкая, Архангельская и Вологодская. Тутъ есть работа на нѣсколько поколѣній ученыхъ. Нужно надѣяться, что современемъ общества естествоиспытателей войдутъ въ соглашеніе между собой для совмѣстнаго, систематическаго изслѣдованія флоры и фауны Россіи, но до сихъ поръ подобнаго соглашенія нѣтъ: каждый работаетъ самъ по себѣ и стройности общаго плана въ работѣ не видно. Извѣстно, что на VI съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ, въ 1880 г., проф. Вагнеръ поднялъ вопросъ о систематическихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, но не встрѣтилъ сочувствія; это, впрочемъ, понятно: никто не хотѣлъ поступиться своей самостоятельностью, а, главное, не было великаго ума, который бы проложилъ новую дорогу и за которымъ бы охотно слѣдовали другіе. Очень возможно, что это еще придетъ, а пока не будемъ требовать сразу слишкомъ многаго. Вспомнимъ очень недавнее прошлое, лѣтъ 25—30 тому назадъ, и скажемъ, что естественныя науки очень много подвинулись за это время. Въ публикѣ естественныя науки не такъ популярны, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, но за то число ученыхъ все возрастаетъ, кругъ изслѣдованій расширяется, правительство и земства все чаще обращаются къ обществамъ естествоиспытателей за содѣйствіемъ ихъ научныхъ силъ по разнымъ вопросамъ.

Но возвратимся къ петербургскому обществу. Оно издало уже 14 томовъ своихъ «трудовъ». Въ каждомъ изъ нихъ найдутся хорошія работы. Изданіе въ первые годы было довольно небрежно и оно очень улучшилось въ послѣдніе годы, съ того времени, какъ имъ завѣдуетъ секретарь И. П. Бородинъ. Общество собирается въ зданіи университета, его засѣданія не многолюдны, но присутствіе молодыхъ ученыхъ очень замѣтно и не только рефераты, но и пренія часто интересны. Прибавимъ еще, что въ засѣданіяхъ участвуютъ и лица, не принадлежащія къ университету.

Другое общество, находящееся въ непосредственной связи съ петербургскимъ университетомъ,—*физико-химическое*. Поводомъ къ основанію этого общества*) также послужилъ первый съѣздъ естествоиспытателей въ 1867 г. Явилось сознаніе о необходимости постояннаго центра для наукъ, которыя

*) Сначала было основано два общества: физическое и химическое.

считали уже многихъ замѣчательныхъ ученыхъ. Такими центрами не могли быть съѣзды.

Русская школа химіи начинается съ Зинина, который еще ранѣе своего выбора въ академики и переселенія въ Петербургъ произвелъ свои важнѣйшія работы. Тогда же, въ Казани, въ лабораторіи подъ его руководствомъ успѣшно занимались химіей. Лучшій изъ его учениковъ, А. М. Бутлеровъ, продолжалъ его дѣло въ Казани, и въ то время, когда даже въ петербургскомъ университетѣ занятія химіей шли малоуспѣшно, изъ казанской лабораторіи, несмотря на малыя средства, которыя тогда ей отпускались, выходили замѣчательные труды. Они обращали на себя общее вниманіе въ нѣмецкихъ химическихъ журналахъ, гдѣ печатались, за неимѣніемъ для того русскихъ.

Мы уже замѣтили, какъ мало средствъ для занятій естественными науками было во время наибольшаго оживленія интереса къ нимъ, въ 1857—63 годахъ, и какъ русскіе ученые воспользовались своимъ заграничнымъ опытомъ, когда уставъ 1863 года далъ имъ сравнительно бо́льшія средства на устройство музеевъ, кабинетовъ и лабораторій, безъ которыхъ невозможны успѣшныя занятія естественными науками. Химики чуть ли не лучше другихъ воспользовались благопріятнымъ случаемъ.

Петербургскій университетъ сталъ во главѣ другихъ по химіи, какъ и по многимъ другимъ естественнымъ наукамъ. Достаточно упомянуть о томъ, что въ числѣ его профессоровъ были такіе химики, какъ гг. Менделѣевъ и Бутлеровъ, а лабораторіей завѣдуетъ Н. А. Меншуткинъ, авторъ превосходнаго курса аналитической химіи, давно переведеннаго на нѣмецкій языкъ.

Русскіе химики почувствовали потребность центра для сообщенія своихъ работъ, и такимъ центромъ стало химическое общество (сначала отдѣльное отъ физическаго). Его работы съ самаго начала стали такъ высоко, что отчеты о нихъ помѣщаются въ лучшихъ заграничныхъ химическихъ журналахъ. Нѣмецкое химическое общество въ Берлинѣ первое стало помѣщать подобные отчеты.

Извѣстно, что изученіе химіи тѣсно связано съ успѣхами химическихъ заводовъ. Лабораторія петербургскаго университета и химическое общество были полезны для русской промышленности. Они не отворачивались отъ требованій практики и можно указать на цѣлый рядъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ направленіи, полезномъ для промышленности. Изслѣдованіе нефти и ея продуктовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кто помнитъ положеніе нефтянаго дѣла въ Россіи еще лѣтъ десять тому назадъ, тотъ не можетъ не согласиться, что оно обязано своимъ развитіемъ прежде всего русскимъ химикамъ.

Физикѣ менѣе посчастливилось въ Россіи, чѣмъ химіи; это отчасти зависитъ отъ того, что пособія для практическаго изученія физики сложнѣе и дороже, чѣмъ для химіи, и потому, когда работы студентовъ въ химической лабораторіи уже вошли въ общее употребленіе, о работахъ въ физическомъ

кабинетѣ нельзя было сказать того же. Петербургскій университетъ первый изъ русскихъ получилъ кабинетъ, хотя далеко не роскошный, но довольно удобный. Центромъ для физиковъ Петербурга, и отчасти всей Россіи, послужило физическое общество, основанное одновременно съ химическимъ. Въ Ѳ. Ѳ. Петрушевскомъ оно нашло человѣка, который сдѣлалъ для физики то, что Кесслеръ сдѣлалъ для болѣе обширнаго круга наукъ, т.-е. ему оно обязано основаніемъ и помощью въ первыхъ, трудныхъ шагахъ. Онъ основатель петербургскаго физическаго кабинета въ его нынѣшнемъ видѣ. Такихъ полезныхъ дѣятелей слѣдуетъ не забывать, хотя бы ихъ личныя научныя работы были и не блестящія.

Благодаря кабинету и обществу, явилась возможность работы по опытной физикѣ для многихъ; явились и работники. Труды ихъ пока еще довольно скромные и трудно было бы указать на выдающееся имя, но будемъ пока довольны и этимъ. Успѣхи электротехники въ Россіи, особенно по электрическому освѣщенію, достаточно извѣстны, а они были бы невозможны безъ знанія физики и умѣнія вести самостоятельно физическія работы.

Нѣсколько лѣтъ послѣ основанія химическаго общества, явилось желаніе соединить его съ физическимъ; эти науки имѣютъ много общаго, и даже можно сказать, что чѣмъ далѣе подвигается химія, тѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія она имѣетъ съ физикой. Вся научная работа Д. И. Менделѣева касается области, смежной между химіей и физикой; такой же смежной области принадлежатъ многія изъ лучшихъ работъ Бертло (Berthelot), напр., его работы по термохиміи. Общія собранія физико-химическаго общества посвящаются изложенію важнѣйшихъ результатовъ обѣихъ наукъ и особенно такимъ работамъ, которыя стоятъ на рубежѣ той и другой. Здѣсь излагались нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ работъ послѣднихъ лѣтъ, напр., знаменитый періодическій законъ г. Менделѣева; затѣмъ каждое изъ отдѣленій, химическое и физическое, имѣетъ свои особыя собранія. Журналъ общій и расходится въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ другія научныя изданія въ Россіи, что доказываетъ интересъ къ этимъ наукамъ и умѣніе редакціи толково вести журналъ. Первая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ секретарю химическаго отдѣленія Н. А. Меншуткину. Средства общества очень скромныя, собранія происходятъ въ университетскихъ аудиторіяхъ, о дорого-стоющихъ изслѣдованіяхъ нечего и думать. Не только общія собранія и собранія химическаго отдѣленія, но и физическаго бываютъ довольно полны; особенно замѣтно присутствіе молодежи изъ кандидатовъ и даже студентовъ старшихъ курсовъ. Впрочемъ, бываютъ и люди, не принадлежащіе къ университету, напр., офицеры.

Географическое общество принадлежитъ къ довольно старымъ: ему безъ малаго 40 лѣтъ, его труды очень извѣстны въ Россіи и заграницей, его отдѣлы широко раскинулись по русскимъ окраинамъ, наконецъ, оно получаетъ болѣе крупную казенную субсидію, чѣмъ другія ученыя общества (конечно, за исключеніемъ академіи наукъ). Основано оно въ 1845 г.

Основателями его были люди, извѣстные своими изслѣдованіями и уже нѣсколько времени собиравшіеся частнымъ образомъ для обсужденія географическихъ вопросовъ; назовемъ между ними Литке, Врангеля, Бэра, Гельмерсена... Въ живыхъ остался только послѣдній. Со времени основанія сохранились 4 отдѣленія: географіи математической и физической, этнографіи и статистики.

Судя по разсказамъ стариковъ, первыхъ членовъ общества, сороковые и начало пятидесятыхъ годовъ были блестящимъ временемъ по качеству членовъ и по качеству работъ. Въ этихъ разсказахъ есть доля стариковскаго увлеченія прежнимъ временемъ, но не малая доля истины: въ то тяжелое время не было такого поприща для таланта и образованія, какъ теперь, и люди, интересовавшіеся науками, входившими въ кругъ общества, рады были найти убѣжище. Ихъ было мало, они знали и могли оцѣнить другъ друга, и труднѣе было создать фальшивыя репутаціи, чѣмъ позже, когда стало болѣе ученыхъ. Петербургъ тогда очень интересовался географическимъ обществомъ и происходившей тамъ «бурей въ стаканѣ воды», т.-е. препирательствомъ русскихъ съ нѣмцами, выходомъ Ѳ. П. Литке изъ вице-предсѣдателей *) и замѣной его М. Н. Муравьевымъ. Съ преобладаніемъ русскихъ изученіе народнаго быта свило себѣ гнѣздо въ обществѣ и продолжается до сихъ поръ. Эта «вторая формація» дѣятелей общества дала въ числѣ секретарей Е. И. Ламанскаго, достаточно извѣстнаго, и В. А. Милютина, брата двухъ извѣстныхъ государственныхъ людей и выдающагося даже въ такой семьѣ своимъ талантомъ.

Къ началу царствованія Александра II географическое общество оживилось, потребовались люди не прежняго канцелярскаго склада, нѣкоторые изъ видныхъ членовъ общества пошли въ ходъ и очень многіе изъ молодыхъ и честолюбивыхъ чиновниковъ поняли, что въ обществѣ дѣлаютъ карьеру. Понятно, что тогда не было недостатка въ людяхъ, искавшихъ возможности работать въ обществѣ. Особенно заманчива казалась должность секретаря. Отдѣленіе статистики стало особенно близко къ финансовому вѣдомству и къ группѣ «правовѣрныхъ экономистовъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чиновниковъ на пути къ крупной карьерѣ. Этого было мало и въ средѣ общества былъ основанъ «политико-экономическій комитетъ», который сдѣлался центромъ экономистовъ этой школы, хотя въ сущности почти совсѣмъ не подходилъ къ задачамъ географическаго общества. Онъ былъ закрытъ въ 1863 году и изъ него возникли ежемѣсячные «экономическіе обѣды», не имѣвшіе уже ничего общаго съ географическимъ обществомъ.

Казалось бы, такое выдѣленіе было очень счастливо для общества, но не даромъ Петербургъ «городъ-чиновникъ» и несомнѣнно, что репутація географическаго общества пострадала отъ этого. Нельзя стало дѣлать карьеры тамъ, и честолюбивая молодежь изъ «старшихъ юнкеровъ» отвернулась

*) Предсѣдателемъ общества великій князь Константинъ Николаевичъ.

отъ должностей въ обществѣ. Въ члены, все-таки, поступали охотно по прежнему, общія собранія посѣщались; въ большомъ городѣ подобныя собранія служатъ клубами, гдѣ можно встрѣтить нужныхъ людей, потолковать о новостяхъ дня и о дѣлѣ.

Несмотря на охлажденіе петербургскихъ карьеристовъ, вторая половина шестидесятыхъ годовъ и начало семидесятыхъ — хорошее время для общества. Въ эти годы продолжалось изслѣдованіе Сибири, начатое «большой сибирской экспедиціей» общества еще въ 1852 году, дѣятельно шло изслѣдованіе Средней Азіи, особенно горъ Тяньшана съ ихъ развѣтвленіями; были и многія другія работы, между прочимъ, и по отдѣленіямъ этнографіи и статистики.

Это время замѣчательно и тѣмъ, что въ самомъ обществѣ дѣятельно шла работа, изданія его стали выходить аккуратно. Былъ основанъ періодическій органъ *Извѣстія*, въ которомъ печатались протоколы собраній, новости географіи и мелкія статьи, а болѣе обширныя помѣщались въ «запискахъ» по общей географіи, этнографіи и статистикѣ. Особенно высоко стояли *Извѣстія* и записки по общей географіи, которыхъ въ то время вышло 6 томовъ (1 по 5 и 7-й). Секретаремъ общества въ теченіе 7 лѣтъ былъ баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ и ему общество во многомъ обязано тогдашнимъ ходомъ дѣлъ. Онъ не только работалъ самъ, но умѣлъ собрать вокругъ себя и другихъ дѣльныхъ людей. Затѣмъ многое измѣнилось къ худшему и мы застали уже другое, почти семилѣтнее секретарство (съ 1876 по начало 1883 г.) совсѣмъ иного характера, полнѣйшій хаосъ въ дѣлахъ, запаздываніе *Извѣстій* до такой степени, что даже теперь печатаніе ихъ за 1881 годъ незакончено, а съ сентября 1879 по декабрь 1881 г. не напечатаны даже протоколы засѣданій... Наконецъ, въ числѣ «географическихъ извѣстій» попадаются такія прелести, какъ упоминаніе о горѣ Геркулесѣ на Новой Гвинеѣ слишкомъ въ 32,000 ф. высоты. Это давно признано выдумкой, даже неловкой, и вдругъ она попадаетъ въ *Извѣстія* географическаго общества. Къ счастію для общества, этотъ журналъ мало доступенъ иностранцамъ по незнанію языка (только результаты важнѣйшихъ работъ общества даются въ извлеченіи въ иностранныхъ географическихъ журналахъ), иначе подняли ли бы насъ на смѣхъ наши друзья нѣмцы и мадьяры. Мы спрашивали одного изъ старыхъ членовъ общества, какимъ образомъ могло произойти такое паденіе, между тѣмъ какъ русскихъ географическихъ изслѣдованій еще болѣе, чѣмъ прежде, да и между членами общества нѣтъ недостатка въ способныхъ людяхъ? Отвѣтъ его такъ характеризуетъ извѣстный петербургскій слой, что стоитъ его привести: «Очень просто: понизили значеніе должностей общества. Какъ же удивляться, что дѣла идутъ дурно? Какіе люди прежде считали за честь служить обществу! Въ первые 26 лѣтъ у насъ было 2 вице-предсѣдателя; изъ нихъ М. Н. Муравьевъ былъ прямо назначенъ министромъ, а Ѳ. П. Литке былъ, въ то же время, президентомъ ака-

деміи наукъ, а это мѣсто, какъ извѣстно, занимали бывшіе и настоящіе министры. Теперь же самъ вице-предсѣдатель занимаетъ мѣсто, равное директору департамента; понятно, что и другія должности по обществу покачнулись, особенно должность секретаря: вѣдь, прежде секретари были чуть не сановники, вотъ хоть бы Е. И. Ламанскій или В. П. Безобразовъ, а тамъ вздумали предложить должность секретаря лицу не служащему; тотъ отказался; ну, кому же охота потомъ идти въ секретари?»

Другіе члены общества недоумѣвали, что дѣлаетъ совѣтъ, которому поручено вѣдать дѣла общества? Это такъ и осталось тайной для непричастныхъ къ этой избранной коллегіи. Наконецъ, заурядные члены рѣшились въ 1882 году избрать дѣловую ревизіонную коммиссію, вмѣсто прежней, которая только расшаркивалась передъ совѣтомъ, признавая, что дѣла идутъ самымъ наилучшимъ образомъ. Вслѣдствіе заявленій ревизіонной коммиссіи видно кое-какое улучшеніе и въ 1883 г. избранъ новый секретарь, болѣе энергическій и знакомый съ дѣлами.

Ознакомимся съ ходомъ засѣданій общества и ихъ физіономіей; это тѣмъ легче, что на общія собранія и засѣданія отдѣленій допускаются не только члены, но и посторонняя публика; зала небольшая, не вмѣщающая болѣе 150 человѣкъ; въ ней находится большая рельефная карта Кавказа, превосходно исполненная. Въ годовомъ собраніи, въ январѣ, читается отчетъ за годъ, производятся выборы на разныя должности и возглашается о выданныхъ медаляхъ. При стремленіи подражать порядкамъ, бывающимъ въ заграничныхъ обществахъ, замѣтномъ во многомъ, жаль, что не заимствовали обычая предсѣдательскаго *) отчета объ успѣхахъ географіи за истекшій годъ. Такой отчетъ имѣетъ не такой сухой и канцелярскій характеръ, какъ нашъ, и въ случаѣ, если должность предсѣдателя или вице-предсѣдателя занимаетъ выдающійся географъ, онъ бываетъ очень хорошъ. И у насъ не было бы недостатка въ людяхъ, способныхъ на такое дѣло, а то обстоятельство, что наше географическое общество занимается только Россіей и сосѣдними странами Азіи, еще облегчаетъ задачу, такъ какъ приходится вращаться въ кругу, и безъ того знакомомъ. Какой рядъ картинъ получился бы при прочтеніи подобныхъ отчетовъ, еслибъ они были заведены съ самаго начала; какое пособіе они бы составили для всякаго, интересующагося успѣхомъ наукъ и неимѣющаго возможности входить въ подробности; какой успѣхъ въ изслѣдованіи средней Азіи отъ первыхъ временъ общества, когда ни одинъ европеецъ не бывалъ еще въ сѣверномъ Тяньшанѣ и путешествіе въ Ташкентъ было географическимъ подвигомъ и до 1883, когда уже Памиръ пройденъ во всѣхъ направленіяхъ и на югѣ этого огромнаго нагорья русскія изслѣдованія связаны съ англійскими далѣе на востокъ! Вспомнимъ, что при началѣ общества Миддендорфъ откры-

*) По организаціи нашего географическаго общества, такая обязанность должна пасть на вице-предсѣдателя.

валъ, что русско-китайская граница совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее показываютъ карты. Сахалинъ считали полуостровомъ, а застѣнный Китай былъ извѣстенъ по китайскимъ источникамъ и работамъ геодезистовъ XVIII столѣтія да по изслѣдованію караванной дороги изъ Кяхты въ Пекинъ, а теперь застѣнный Китай пройденъ въ разныхъ направленіяхъ, особенно русскими путешественниками. Г. Пржевальскій былъ на таинственномъ Лобъ-Норѣ и доказалъ, что Тибетское нагорье чуть не вдвое болѣе, чѣмъ предполагали прежде.

Увѣряютъ, что въ прежнее время отчеты секретарей были лучше, и это очень вѣроятно; намъ же случалось бывать лишь на такихъ собраніяхъ, гдѣ они бывали скучны, да и не безъ промаховъ. Понятно при этомъ, что годовыя собранія непривлекательны по содержанію, но народа бываетъ много.

Обыкновенныя общія собранія бываютъ лучше; въ нихъ полагается, кромѣ краткаго отчета секретаря, еще сообщеніе, обыкновенно о новыхъ изслѣдованіяхъ въ Азіи; иногда они бываютъ очень интересны. Подобный интересъ часто достается, такъ сказать, даромъ, безъ особыхъ хлопотъ секретаря общества, такъ какъ путешественникъ желаетъ разсказать о своихъ изслѣдованіяхъ и, конечно, лучшее мѣсто для этого—общее собраніе географическаго общества. Преній на этихъ собраніяхъ не бываетъ.

Въ отдѣленіяхъ бываютъ пренія, что придаетъ имъ болѣе оживленный характеръ. Посѣтителей бываетъ меньше и собранія имѣютъ болѣе семейный характеръ.

Отдѣленія математической и физической географіи — близнецы, всегда засѣдающіе вмѣстѣ. Эти отдѣленія и свои записки издаютъ вмѣстѣ. Бываютъ иногда блестящія засѣданія не только по интересу сообщеній, но и по преніямъ. Въ составѣ предсѣдателей этихъ отдѣленій преобладаютъ нѣмцы: таковы уже преданія общества; точно также давно уже не бываетъ между ними выдающихся людей, особенно путешественниковъ; между тѣмъ отдѣленіе этнографіи, тоже по стариннымъ преданіямъ, преимущественно русское, съ замѣтнымъ оттѣнкомъ славянофильства. Въ отдѣленіи этнографіи бываютъ очень оживленныя засѣданія, но достоинство сообщеній и преній различно, иногда далеко не высоко. Это зависитъ отъ того, что характеръ этнографіи, какъ науки, далеко не такъ еще установленъ, какъ характеръ физической географіи, а кругъ людей, считающихся способными судить и рядить о ней, очень великъ; отсюда въ преніяхъ принимаютъ участіе и такіе знатоки востока, какъ В. П. Васильевъ, и простые собиратели матеріала для этнографическаго музея общества.

Этотъ музей составляетъ и драгоцѣнность, и заботу общества. Богатства очень велики, но порядкомъ разобрать ихъ и поставить негдѣ, оттого они пропадаютъ частью даромъ. Одно время посылали въ даръ обществу, въ видѣ матеріала для музея, все, что попадалось подъ руку, до полѣнъ включительно. Одно засѣданіе отдѣленія было даже посвящено *поѣданію*

этнографіи, т.-е. накопилось столько пряниковъ и баранокъ, что они были поданы членамъ за чаемъ.

Отдѣленіе статистики испытало на себѣ всего болѣе превратностей судьбы. Было время, когда оно было самое живое и дѣятельное въ обществѣ. На немъ особенно отразилось оживленіе всякаго рода дѣятельности во время прошлаго царствованія. Помимо того, здѣсь было единственное мѣсто, гдѣ можно было не только обсуждать статистическія работы, но и печатать ихъ, помимо казенныхъ изданій, такъ что даже работы, которыя не исходили изъ Петербурга, бо́льшею частью стекались сюда.

Въ послѣдніе годы это измѣнилось, и отдѣленіе статистики затихло, рѣдко собирается, давно не издаетъ своихъ записокъ. Это объясняется тѣмъ, что въ послѣдніе годы центръ тяжести передвинулся къ земской статистикѣ, которая издается самостоятельно.

Такое крупное измѣненіе въ условіяхъ статистическихъ трудовъ, конечно, не должно было пройти безслѣдно для отдѣленія статистики, по, казалось, можно было бы вступить въ сношеніе со статистическими бюро разныхъ земствъ, стараться направить ихъ дѣятельность. Этого мы не видимъ; единственное доказательство вниманія были медали, не разъ даваемыя географическимъ обществомъ за земскіе статистическіе труды.

Даже во времена оживленія отдѣленія статистики тамъ не было того, чего именно нужно было ожидать отъ ученаго общества,—сужденія о методахъ изслѣдованія, дѣльной, серьезной критики статистическихъ трудовъ, казенныхъ, земскихъ и частныхъ. А наша статистика очень нуждается въ этомъ. Еще теперь примѣнимы слова И. С. Аксакова (въ его изслѣдованіи объ украинскихъ ярмаркахъ, изданномъ въ 1852 году): «квартальный забылъ или вспомнилъ, а наши статистики ломаютъ себѣ голову, отчего въ одномъ году привезенъ товаръ, а въ другомъ нѣтъ». Только теперь нашъ первоначальный источникъ статистическихъ свѣдѣній уже не квартальный, а волостной писарь. Отъ него первоначально поступаютъ, напр., свѣдѣнія о количествѣ посѣва и урожая; эти свѣдѣнія поступаютъ и къ губернаторамъ чрезъ полицію, и въ земскія управы. А затѣмъ петербургскіе статистики видятъ залогъ вѣрности цифръ въ томъ, что совершенно такія же даются и администраціей, и земствомъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ то и другое мѣсто ихъ пишетъ на-обумъ, для очистки бумагъ, одинъ и тотъ же писарь.

Рядомъ съ подробной разработкой подобнаго матеріала остаются по цѣлымъ годамъ безъ разработки свѣдѣнія, основанныя на правильной записи, напр., о движеніи населенія, о переходѣ поземельной собственности.

Замѣтимъ еще, что болѣе правильный методъ собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ, посредствомъ опроса самихъ хозяевъ, введенный въ 1881 году министромъ государственныхъ имуществъ и давшій уже хорошіе результаты, точно также не былъ обсуждаемъ въ отдѣленіи статистики, какъ и земскія работы. У насъ нѣтъ статистическаго общества, и потому отдѣленіе

статистики остается единственнымъ органомъ въ Петербургѣ, гдѣ эти вопросы могли бы быть поставлены на правильную научную почву.

Общія географическія работы поставлены у насъ гораздо правильнѣе, благодаря тому, что у насъ въ этомъ отношеніи хорошія преданія. Наши геодезисты извѣстны во всемъ мірѣ, и большинство географическихъ изслѣдованій производится или ими, или подъ ихъ вліяніемъ. Почти всегда русскія изслѣдованія на дальнихъ окраинахъ или даже внѣ границъ Россіи имѣютъ твердое основаніе въ видѣ опредѣленій широты и долготы и съемки пути, чѣмъ они выгодно отличаются, напр., отъ большинства путешествій по Африкѣ; это не зависитъ отъ большей трудности послѣднихъ: напр., путешествіе г. Пржевальскаго, большинство изслѣдованій Тяньшана, Памира и Арало-Каспійскихъ степей и т. д. также были не легки, а денежныя средства на первое путешествіе г. Пржевальскаго были такъ ничтожны, что англичане удивлялись, какъ можно было двинуться въ путь съ такой суммой. Все дѣло въ томъ, что у насъ установились большія требованія и при составленіи плана экспедиціи обращаютъ вниманіе на выборъ людей, способныхъ удовлетворить имъ.

Совсѣмъ иначе поставлены изслѣдованія по археологіи и этнографіи, особенно на окраинахъ, и именно потому, что въ этомъ отношеніи нѣтъ преданій, нѣтъ школы. Самые знаменитые путешественники отправляются въ путь съ чрезвычайно малымъ запасомъ свѣдѣній по этимъ предметамъ; напр., въ послѣднемъ путешествіи г. Пржевальскаго попадаются крайне недостаточныя свѣдѣнія о народахъ, встрѣченныхъ имъ, рядомъ со слишкомъ смѣлыми выводами. Мы не думаемъ винить въ этомъ нашего знаменитаго путешественника, а лишь констатируемъ фактъ, что ему не могло бы придти въ голову такъ легко отнестись къ млекопитающимъ и птицамъ, какъ къ человѣку.

Не менѣе грустно то обстоятельство, что и наши путешественники-этнографы, вслѣдствіе незнакомства съ сравнительнымъ языкознаніемъ и неправильнаго метода изслѣдованія, способны часто скорѣе запутать дѣло, чѣмъ его разъяснить. И. П. Минаевъ еще недавно доказалъ, что такой замѣчательный путешественникъ, какъ Г. Н. Потанинъ, въ своемъ изслѣдованіи о сказкахъ, повѣрьяхъ и т. д. монголовъ и сосѣднихъ съ ними народовъ, проглядѣлъ вліяніе буддизма, а чрезъ него, конечно, Индіи на міровоззрѣніе этихъ народовъ. И это у народа, гдѣ чуть ли не четвертый человѣкъ—лама, т.-е. принадлежитъ къ буддійскому духовенству. Въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ и вблизи ихъ возможны раскопки, которыя бросили бы свѣтъ на цивилизацію древняго міра. Раскопки въ Греціи, Италіи и Малой Азіи отчасти измѣнили взглядъ на классическую древность, по которой у насъ и ранѣе была богатая литература, памятники зодчества и ваянія и т. д. Что же сказать о древнихъ цивилизаціяхъ Самарканда, Балха и т. д.? Какія открытія еще возможны здѣсь, гдѣ слились цивилизаціи Греціи и Индіи, и гдѣ многіе предполагаютъ колыбель арійскихъ на-

родовъ! Очевидно, что раскопки должны вестись людьми, вполнѣ свѣдущими въ исторіи и археологіи, и по лучшимъ методамъ, принятымъ въ геологіи.

Болѣе всего у насъ въ послѣдніе годы посчастливилось доисторической антропологіи: это положительно модная наука. Здѣсь именно умѣстно выраженіе «ищите и обрящете». Давно ли Россія считалась страной, очень бѣдной остатками каменнаго вѣка, но ихъ теперь находятъ все болѣе и болѣе и о бѣдности уже нельзя говорить. Рядомъ съ ними продолжаются этнографическія изслѣдованія въ другихъ направленіяхъ, начатыя уже давно. Изъ изслѣдованій русскаго народнаго быта укажемъ предпринятыя особой коммиссіей изслѣдованія юридическихъ обычаевъ, на предпринятое вмѣстѣ съ вольно-экономическимъ обществомъ собираніе свѣдѣній объ общинѣ и объ этнографической экспедиціи въ западно-русскій край. Всѣ они собрали не мало матеріала, особенно послѣдняя. Изслѣдованіе народныхъ обычаевъ тѣмъ болѣе своевременно теперь, что подъ вліяніемъ городовъ, фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ особенности, выработанныя вѣками, быстро сглаживаются, поэтому тѣ, которые занимаются подобными изслѣдованіями, сохраняютъ для потомства важный историческій матеріалъ. Нечего жаловаться на то, что много охотниковъ собирать такой матеріалъ, но мало ученыхъ, способныхъ его разработать. Лишь бы онъ былъ собранъ добросовѣстно и правильно, а разработка придетъ въ свое время.

По отдѣленію статистики можно упомянуть о матеріалѣ, собранномъ экспедиціей по изслѣдованію хлѣбной торговли (на средства вольно-экономическаго и географическаго обществъ). Его качество очень неравно. Есть хорошія изслѣдованія, бо́льшая часть посредственна, а иные изъ командированныхъ еще не представили полнаго отчета. Между тѣмъ, постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ и измѣненія въ тарифахъ повели къ большимъ измѣненіямъ въ направленіи торговли.

Подобныя статистическія изслѣдованія, произведенныя «экспертами отъ наукъ» (по выраженію Щедрина), очень рѣдко приводятъ къ цѣли. Является въ провинцію человѣкъ, совершенно незнакомый съ мѣстными условіями, и вступаетъ въ сношеніе съ людьми, которые видятъ свой интересъ или особое молодечество въ томъ, чтобъ обмануть его Когда производились эти изслѣдованія, не были еще выработаны методы, давшіе такіе хорошіе результаты въ рукахъ земскихъ статистиковъ, да, впрочемъ, и теперь они не признаны патентованными статистиками Петербурга.

Общія географическія изслѣдованія продолжались и въ послѣдніе годы и были почти всѣ посвящены Азіи. Въ послѣднія 10 лѣтъ пройдены въ разныхъ направленіяхъ пустынныя степи между Аму-Дарьей и Каспійскимъ моремъ и сдѣлано очень много для разрѣшенія вопроса о старомъ руслѣ этой рѣки. Въ 1873 году вопросъ стоялъ такъ, что иные, особенно геологи, признавая, что рѣка текла прежде въ Каспійское море, думали, что произошелъ подъемъ мѣстности, который поворотилъ рѣку въ Аралъ, а

многіе думали, что онъ и теперь продолжается, поэтому они признавали, что не только напускъ воды въ старое русло невозможенъ, но что и каналъ встрѣтилъ бы непреодолимыя затрудненія. Другіе полагали, что хивинцы запрудили старое русло и что стоитъ разрушить ихъ плотины, чтобъ вода опять потекла въ Каспійское море, чѣмъ возстановился бы непрерывный водный путь отъ Петербурга до Авганистана.

Обширныя изслѣдованія начались съ большой арало-каспійской экспедиціи географическаго общества подъ начальствомъ Н. Г. Столѣтова въ 1874 г. и продолжались до 1883 г. Они доказали, что подъема страны не было, что есть непрерывный склонъ изъ Хивинскаго оазиса до Каспійскаго моря, но доказали также, что правильное русло есть только на части этого пространства и что прямой впускъ воды не повелъ бы къ цѣли, тѣмъ болѣе, что вблизи Хивинскаго оазиса (верстъ 150 къ западу) есть обширная Сары-Камышская котловина, ниже уровня Каспійскаго моря, но что каналъ возможенъ, хотя и обошелся бы очень дорого.

Южная часть этой степи изслѣдована въ большихъ размѣрахъ лишь послѣ покоренія Ахалъ-Теке Скобелевымъ. Русское имя въ такой чести, что инженеръ Лессаръ прошелъ степь вдоль и поперекъ, побывалъ въ разбойничьемъ гнѣздѣ, Мервѣ, и все это съ конвоемъ изъ пяти туркменъ.

Изслѣдованіе Тяньшанской системы и Памира продолжалось съ большимъ успѣхомъ гг. Федченко, Сѣверцовымъ, Мушкетовымъ, Ошанинымъ, Путятой и т. д., такъ что на Памирѣ русскія изслѣдованія сошлись съ англійскими, и далѣе на западъ остался уже небольшой промежутъ. Монголія въ разныхъ направленіяхъ пройдена русскими и самое обширное изслѣдованіе ея сдѣлано г. Потанинымъ; наконецъ, на югъ и востокъ отъ Монголіи производились обширныя изслѣдованія г. Пржевальскаго.

Восточная Сибирь и пограничныя мѣста Китая, прежде любимое поле изслѣдованій географическаго общества, въ послѣднее десятилѣтіе были нѣсколько оставлены въ сторонѣ. Впрочемъ, восточно-сибирскій отдѣлъ общества продолжалъ свои изслѣдованія: въ самое послѣднее время было начато опять изслѣдованіе Алтая.

Во время послѣдней восточной войны были сдѣланы съемки въ большихъ размѣрахъ, особенно на Балканскомъ полуостровѣ, такъ что страны, почти совсѣмъ неизвѣстныя, имѣютъ теперь карты не хуже исполненныхъ въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы.

Одно изъ послѣднихъ предпріятій общества—полярныя магнито-метеорологическія станціи по плану Вейпрехта въ Малыхъ Кармакулахъ, на западномъ берегу Новой Земли и въ Сагастырѣ, у устья Лены. Наблюденія первой кончились и экспедиція, подъ начальствомъ г. Андреева, воротилась въ Петербургъ. Одинъ изъ ея участниковъ, г. Гриневецкій, первый изъ европейцевъ, прошедшій съ западнаго на восточный берегъ южнаго острова Новой Земли, о чемъ онъ сообщалъ уже въ географическомъ обществѣ. Ленская станція останется въ дѣйствіи до половины нынѣшняго года. Такое

предпріятіе, какъ эти двѣ станціи, потребовало крупной субсидіи отъ правительства (около 60,000 руб.).

Рядомъ съ крупными предпріятіями, которыя общество не можетъ исполнить на свои средства и на которыя оно проситъ особыхъ субсидій отъ правительства, или же, къ сожалѣнію, довольно рѣдко получаетъ пожертвованія отъ частныхъ лицъ, цѣлый рядъ болѣе скромныхъ изслѣдованій исполняется на его обыкновенный бюджетъ. Уже лѣтъ 15, какъ принятъ обычай ждать заявленій самихъ желающихъ сдѣлать изслѣдованіе и давать имъ небольшую субсидію, обыкновенно въ нѣсколько сотъ рублей. Опытъ показалъ, что люди, имѣющіе свою излюбленную цѣль изслѣдованія и хотя немного знакомые съ краемъ, куда желаютъ ѣхать, даютъ хорошую работу, требуя небольшихъ средствъ. Молодежь пробуетъ свои силы и у насъ уже есть люди, способные дѣлать хорошія изслѣдованія на небольшія средства, напр., гг. Поляковъ, Потанинъ, Адріановъ, Малаховъ и т. д.

Пять отдѣловъ географическаго общества не входятъ въ рамку нашей статьи, такъ какъ находятся внѣ Петербурга; на нихъ правильнѣе смотрѣть, какъ на особыя географическія общества, до нѣкоторой степени связанныя съ петербургскимъ.

Упомянемъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ общества.

Литература русской географіи, статистики и этнографіи г. Межова издается обществомъ съ 1866 года; это очень важное библіографическое изданіе. Правда, что составитель даже не пробуетъ входить въ оцѣнку трудовъ, заглавія которыхъ входятъ въ его указатель. Самая незначительная частная перепечатка входитъ въ него одинаково съ важнымъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ прискорбно, что совѣтъ общества рѣшилъ болѣе не издавать указателя г. Межова и даже не печатать послѣдняго тома его, за который деньги уже уплачены автору. Нужно надѣяться, что найдется другое общество или учрежденіе, которое продолжитъ эту работу. Всего ближе она, казалось бы, должна быть Императорской публичной библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ книги и журналы, изданные въ Россіи, обязательно доставляются туда. Указатель г. Межова, слѣд., вошелъ бы въ составъ каталога публичной библіотеки.

Географическій словарь Россійской имперіи, изд. подъ редакціей П. П. Семенова, можно бы назвать важнѣйшимъ изданіемъ общества, но, къ сожалѣнію, онъ начатъ уже около 20 лѣтъ тому назадъ и еще далеко не оконченъ. Между тѣмъ, первыя части уже устарѣли и потребуютъ большихъ измѣненій и дополненій. Очень странно, что такое общество, какъ географическое, не можетъ найти возможности быстро и своевременно издать подобный словарь. Даже въ одномъ Петербургѣ можно найти спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ географіи и по разнымъ частямъ Россіи. При толковой и умѣлой редакціи дѣло могло бы пойти скоро и хорошо. Не выборъ ли лица, обремененнаго другими занятіями, особенно служебными,

ведетъ къ такой медленности выхода изданія, которое должно бы сдѣлаться настольной книгой всякаго образованнаго русскаго?

Землевѣдѣніе Азіи Риттера также принадлежитъ къ очень важнымъ изданіямъ общества, но тянущимся слишкомъ долго. Можно сдѣлать еще возраженіе противъ того, что предпринятъ переводъ Риттера, а затѣмъ онъ дополняется самостоятельными работами русскихъ ученыхъ. Многія изъ странъ, описанныхъ Риттеромъ, особенно Средняя Азія и застѣнный Китай, были такъ мало извѣстны, когда Риттеръ издавалъ свой знаменитый трудъ, что позднѣйшія изслѣдованія совершенно измѣнили взглядъ на эти страны. Не проще ли было издать описаніе странъ Азіи, принадлежащихъ Россіи, и сосѣднихъ съ ними, лишь принимая во вниманіе труды Риттера, какъ и другихъ ученыхъ географовъ? Многіе томы этого изданія географическаго общества очень цѣнны, но намъ думается, что географическое общество могло бы сдѣлать больше и лучше.

САМАРСКІЕ ЧУВАШИ.

Среди множества разнообразныхъ по своему этнографическому составу инородческихъ группъ населенія Самарскаго уѣзда особенное вниманіе изслѣдователя обращаетъ на себя группа чувашъ, живущихъ разсѣянно по уѣзду, частію отдѣльными поселками, частію смѣшанно съ великорусскими крестьянами и мордвою. Въ 1870 г. мужскаго чувашскаго населенія числилось въ уѣздѣ 1,614 душъ, изъ коихъ большая половина, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской культуры, утратила свои нравы и обычаи и почти совершенно ассимилировалась съ русскими; но тамъ, гдѣ чуваши не роднятся, не сливаются съ русскими крестьянами, живутъ особнякомъ, какъ, напр., въ южной части уѣзда, они вполнѣ сохранили типическія черты своего племени и, несмотря на обращеніе въ православіе, до сихъ поръ остаются упорными послѣдователями культа фетишизма. Обрусѣлые чуваши, подобно соплеменникамъ своимъ, мордвѣ, крѣпки физически, въ трудѣ чрезвычайно выносливы, живутъ зажиточно и вполнѣ усвоили себѣ систему хозяйства русскихъ крестьянъ, тогда какъ чуваши, живущіе отдѣльными поселками въ южной части уѣзда, въ физическомъ отношеніи слабы, живутъ грязно, бѣдно и постепенно вымираютъ.

Я буду говорить здѣсь только о послѣдней группѣ чувашъ. Бѣдность чувашъ, ихъ крайнее невѣжество, непосильная тяжесть труда, требующая при современныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ напряженія всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ, и невозможность, слѣдовательно, приноровиться къ тяжелымъ физико-экономическимъ условіямъ и служатъ причиною вымиранія чувашъ. До послѣдней ревизіи 1858 г. чувашъ числилось здѣсь болѣе 1,000 душъ одного мужскаго населенія, въ настоящее же время наличнаго чувашскаго населенія считается менѣе 800 душъ. Такъ, въ д. Никольской, Ивановкѣ тожь, Екатериновской волости, въ 1850 г. чувашъ числилось 387 душъ, въ 1861 г. 358, въ настоящее же время ихъ количество сократилось до 354; въ д. Чувашскихъ Липягахъ, Воскресенской волости,

ревизскихъ душъ считается 147, въ настоящее время наличнаго мужскаго населенія 142 души; въ селѣ Александровкѣ, той же волости, ревизскихъ душъ числится 160, въ настоящее время на лицо только 141. Но еще рѣзче бросается въ глаза фактъ постепеннаго вымиранія чувашъ въ селѣ Покровскомъ, Томыловской волости, куда чуваши переселены были въ 1817 году изъ Симбирской губерніи въ количествѣ 316 душъ мужскаго населенія. Эти чуваши вмѣстѣ съ русскими крестьянами находятся на четвертномъ дарственномъ надѣлѣ. Въ моментъ послѣдней ревизіи количество ихъ уменьшилось до 263 душъ, а теперь ихъ всего 183 души. Чуваши поселились первоначально въ с. Покровскомъ около церкви вмѣстѣ съ русскими, но, видя неминучую бѣду своего исчезновенія съ лица земли, всѣ они изъ чувства самосохраненія выселились за село, на отдѣльную возвышенную мѣстность, къ р. Мочѣ, причемъ за селомъ же около своихъ избъ и отвели для покойниковъ особое кладбище, отдѣльное отъ русскихъ. «Насъ за то Богъ наказываетъ смертью,—говорили мнѣ чуваши,—что мы отъ своего-то Бога отстали, а къ русскому не привыкли».

Чтобы представить читателю болѣе наглядную картину хозяйственнаго состоянія чувашъ, я для примѣра опишу здѣсь одну чувашскую деревню, Чув. Липяги, причемъ дамъ краткую характеристику ихъ міросозерцанія, нравовъ и обычаевъ.

Деревня стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ подлѣ озера Полекъ, вокругъ котораго чуваши ежегодно устраиваютъ земляной валъ съ цѣлію сохраненія воды для пойла скота. Зимой это озеро совершенно вымерзаетъ, и тогда чуваши пользуются водой изъ другаго озера, Дегтянаго. Съ трехъ сторонъ деревню окружаетъ мелкій кустарникъ, съ четвертой — тянутся чувашское поле и луга, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе засоряемые пескомъ, наносимымъ весенними разливами рѣчки Кріуши. Чувашскій дворъ и изба носятъ на себѣ отпечатокъ совершеннаго убожества. У рѣдкихъ крестьянъ задняя часть двора, раздѣленная на нѣсколько перегородокъ, обыкновенно бываетъ прикрыта сверху соломой съ цѣлію предохраненія скота отъ непогоды и волковъ; у чувашъ весь дворъ открытъ, и только гдѣ-нибудь въ углу двора устроенъ навѣсъ для лошадей и овецъ, да за дворомъ отгорожена маленькая «калдочка» для гульбы скота въ хорошую погоду. Подлѣ избы нѣтъ никакихъ сѣней, а вмѣсто нихъ устроена изъ частоколу плетушка съ навѣсомъ изъ соломы, куда прямо на землю сваливаются хлѣбъ, крупа, картофель, прикрытые рогожей или грязными тряпками. Съѣстные припасы, находясь въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, нерѣдко зимою промерзаютъ, а лѣтомъ и осенью плеснѣютъ. Хозяйственный инвентарь весьма неказистъ. Рабочій скотъ тощъ и малосиленъ, сбруя изъ мочалъ и веревокъ, борона съ деревянными зубьями, чего у русскихъ никогда почти не бываетъ. Большинство избушекъ изъ осиновыхъ бревенъ; онѣ низки и грязны, многія даже безъ дымовыхъ трубъ: во время топки печей дымъ выходитъ въ отверстіе въ потолкѣ, отчего изба наполняется ѣдкимъ ды-

момъ. Печь непремѣнно устроена на правой сторонѣ избы; двери въ избу отворяются на востокъ, точь въ точь до малѣйшихъ подробностей осталось все такъ же, какъ описывалъ чувашскія деревни Палласъ во время своего путешествія по Самарскому краю осенью 1768 года. «Деревни всѣ построены на высокихъ мѣстахъ,—говоритъ онъ,—двери на востокъ, печи по правую сторону избы и хотя не всѣ, однако, есть съ трубами».

На 147 рев. душъ, живущихъ въ 55 избахъ, всей надѣльной земли числится 922 десятины, слѣдовательно, по 6,$_2$ д. на душу; рабочаго скота приходится въ среднемъ выводѣ по 4,$_1$ головы на наличную душу, безлошадныхъ 9 домохозяевъ, но въ 1870 г. таковыхъ было 7. Эта средняя цифра крупнаго скота, причитающагося на наличную душу, отнюдь не выражаетъ собой степени зажиточности чувашъ. Пятеро домохозяевъ имѣютъ каждый отъ 5 до 9 лошадей и почти по стольку же коровъ, тогда какъ большинство ограничивается одной коровой и одной лошадью. Точно также ограниченно и количество плуговъ или сабановъ. Въ среднемъ выводѣ одинъ плугъ приходится на 3 домохозяина. Ужасное несчастіе для чувашъ составляютъ падежи рогатаго скота и овецъ, повторяющіеся почти регулярно черезъ каждые 2—3 года. «У коровъ распухаютъ языки, ничего не ѣдятъ, стопутъ; овцы кашляютъ, изъ ноздрей текутъ сопли, а то подчасъ падаютъ отъ паршей». Причину частыхъ падежей слѣдуетъ искать, конечно, въ дурномъ содержаніи скота и вонючемъ пойлѣ въ озерѣ, изъ котораго лѣтомъ «выходитъ смрадъ». Не оставляютъ въ покоѣ чувашскій скотъ и волки, тѣмъ болѣе, что всѣ чувашскія постройки очень непрочны. Въ прошломъ году волки оставили трехъ домохозяевъ безъ овецъ; но они не брезгаютъ и курами. Куры обыкновенно сидятъ по ночамъ на шестѣ подъ повѣтью. Волкъ преспокойно пробирается на повѣть, стучитъ лапой по жердочкѣ, торчащей изъ-подъ снѣга на повѣти, съ цѣлію произвесть между курами переполохъ, прикладываетъ ухо къ соломѣ и слушаетъ, гдѣ куры обнаруживаютъ безпокойство, послѣ чего ему ничего уже не стоитъ прорыть въ соломѣ дыру и перетаскать оттуда всѣхъ куръ одну за другой. Случалось, что волкъ въ одну ночь такимъ образомъ переѣдалъ до 50 куръ.

Чуваши вполнѣ усвоили себѣ общинную форму землевладѣнія. Такъ какъ бо́льшая часть надѣльной земли недоброкачественна, состоитъ изъ солонцевъ и песку, то чуваши издавна практикуютъ двухпольное хозяйство, причемъ два года сряду одна половина поля пашется единовременно и подъ озимь и яровое, другая остается подъ толокой скота. Такая система хозяйства заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя выгоды, такъ какъ поле, оставаясь въ теченіе двухъ лѣтъ подъ толокой скота, нѣсколько отдыхаетъ, удобряется и потому арендная цѣна за десятину такого поля, по крайней мѣрѣ въ первый годъ, нѣсколько выше. Черезъ каждые два года чуваши подвергаютъ свои поля жеребьевкѣ, раздѣляясь обыкновенно на десятки или «ясаки» (въ д. Ивановкѣ). На каждый десятокъ или ясакъ кладется въ шапку одинъ жеребій и потомъ уже доставшійся десятку клинъ земли

передѣляется «по загончикамъ», соотвѣтственно числящимся за каждымъ домохозяиномъ ревизскимъ душамъ *). Пустовыя или упалыя души, въ числѣ 75, наваливаютъ на болѣе сильныхъ домохозяевъ; но такъ какъ такихъ въ деревнѣ очень мало, то приходится наваливать ихъ по $^1/_2$ души на 15, по одной душѣ на 17-ти лѣтнихъ подростковъ, на 20-ти лѣтнихъ и вообще на женатыхъ по полторы и двѣ души, такъ что черезъ каждые два года всѣ пустовыя души перераспредѣляются такъ или иначе между всѣми домохозяевами и подростками. Подобный способъ свалки и навалки душъ практиковался во многихъ волостяхъ здѣшняго уѣзда до голоднаго 1880 года; въ настоящее время высота арендной цѣны на землю заставляетъ крестьянъ разбирать пустовыя души на расхватъ.

Все, что усвоили чуваши отъ русскихъ: плугъ вмѣсто сохи, русскую избу, посѣвы пшеницы вмѣсто ржи.—ничто не идетъ имъ въ прокъ. До момента уничтоженія крѣпостнаго права чуваши жили, говорятъ, зажиточнѣе нынѣшняго. Хотя землю и пахали они кое-какъ сохами, хотя 3—4-хъ дневная барщина отнимала у нихъ много времени отъ занятій на своемъ полѣ, но за то земли у чувашъ было вволю, арендная цѣна на удѣльную землю не поднималась выше 50 к. за десятину, ихъ нивы не заростали сорными травами: «козлецомъ», «чернымъ арапомъ», молочаемъ и пр., и потому земля могла давать сравнительно обильные урожаи. Теперь почти совершенно выпаханная земля требуетъ сильнаго удобренія и тщательной обработки, что не подъ силу чувашину. Слабый, хилый физически, чувашъ стонетъ и дрожитъ при мысли, что ему придется весной вспахивать свои тощіе загоны 4-хъ коннымъ плугомъ и онъ бы лучше предпочелъ запастись своей неизмѣнной трубкой, сидѣть цѣлый день гдѣ-нибудь въ лѣсу у своихъ «бортей». Его малорослыя и также хилыя лошаденки еле двигаются по бороздѣ, погоняемыя ежеминутной бранью и побоями хозяина. Жена его, еще болѣе слабая и изможденная, ежеминутно принуждена бываетъ во время жатвы бросать серпъ на землю и отдыхать. Одинъ черствый хлѣбъ съ водой безъ приварка не въ состояніи, конечно, возстановить упавшія силы. Въ Чув. Липягахъ чуваши ежегодно предъ наступленіемъ момента жатвы яроваго, а въ сѣверной части уѣзда—передъ весенней пашней покупаютъ для общественнаго «моляна» быка и всей деревней приносятъ его въ жертву своему языческому богу съ тѣмъ, чтобы онъ далъ имъ «силы и много-много хлѣба». Старики идутъ съ быкомъ въ ближайшій лѣсъ съ жертвенными ножами въ рукахъ, закалываютъ быка, варятъ его цѣликомъ въ котлѣ и ѣдятъ, запивая ѣду водкой. Прежде этотъ обрядъ обыкновенно сопровождался угощеніемъ брагой и медомъ, чего теперь нѣтъ уже и вспоминѣ. Прошлымъ лѣтомъ чуваши купили жертвеннаго быка за 12 р. 75 к. и на пиръ пригласили къ себѣ русскихъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень.

*) Всѣ крестьяне и чуваши дѣлятъ здѣсь землю на саженныя десятины, равняющіяся каждая 4,000 кв. саж.

Чувашъ по натурѣ своей очень добръ, мягокъ, но трусъ. Малѣйшая ласка его ребенку или пустячный гостинецъ, доброе слово, добрый совѣтъ чувашину въ какомъ-нибудь трудномъ дѣлѣ заставятъ его распахнуть передъ вами всю свою душу, раскошелиться на угощеніе. Нѣтъ ничего легче обмануть чувашина, напугать его, узнать отъ него всю подноготную. Не удивительно, поэтому, что въ такой маленькой деревенькѣ, какъ Чув. Липяги, всѣхъ мірскихъ расходовъ ежегодно сходитъ до 1,200 рублей, изъ коихъ не малая доля падаетъ на угощеніе стариковъ. На окладную душу всѣхъ расходовъ падаетъ по 8,, р., а на работника по 14 руб. Я не беру здѣсь въ разсчетъ прочихъ непредвидѣнныхъ расходовъ чувашъ: на подесятинную аренду внѣнадѣльной земли, ремонтъ хозяйственнаго инвентаря, на обувь, одежду и пр., что въ общей сложности потребуетъ съ деревни не менѣе 1,000 р. Впрочемъ, въ обуви и одеждѣ чувашъ невзыскателенъ. Русскій армякъ или зипунъ изъ самодѣльнаго пеньковаго холста и традиціонные лапти составляютъ всегдашнюю, существенную принадлежность чувашскаго костюма. Въ лапти чуваши обуваютъ и своихъ покойниковъ, кладя съ ними въ гробъ и орудія производства обуви: кочадыкъ, шило, лыки, ножикъ, а также табакъ въ кисетѣ и трубку.

Большинство чувашъ обращены въ православіе въ началѣ текущаго столѣтія. Чуваши приняли православіе, но не усвоили сознательно христіанскаго вѣроученія; оттого-то до сихъ поръ они и остаются полу-язычниками и полу-христіанами. Космогоническія представленія чувашъ отличаются дуализмомъ, причемъ злое начало—*шайтанъ* играетъ въ чувашской космогоніи бо́льшую роль, нежели доброе. Какъ бы ни казался чувашъ наружно религіозенъ, какъ бы онъ усердно ни посѣщалъ церковь, онъ никогда не покидаетъ своего двоевѣрія: онъ усердно молится «русскому Богу—Миколѣ», но не менѣе усердные поклоны кладетъ и своему фетишу—Торѣ.

Хранительницей прадѣдовскихъ преданій, представительницей и истолкователь ницей языческаго культа считается старуха, играющая во всѣхъ религіозныхъ обрядахъ роль жрицы или пиѳіи. Фетишъ-Тора существо не вездѣсущее, не вездѣ являющееся людямъ въ одинаковомъ образѣ и не ко всѣмъ людямъ одинаково милостивое. Онъ не рѣдко гнѣвается на чувашъ, насылаетъ на нихъ разныя несчастія за то только, что они не съумѣли найти его. Самъ онъ чувашамъ не дается, его непремѣнно надо найти. Старуха обряжаетъ деревяннаго фетиша во все красное: красную рубаху, красную шапку и красныя рукавицы и запрятываетъ его гдѣ-нибудь въ лѣсу или болотѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ фетишъ изображается въ видѣ собаки или кошки—*ирихъ*, вылитыхъ изъ олова или мѣди. Всѣ чуваши ищутъ его иногда въ теченіе нѣсколько дней. Найденнаго фетиша помѣщаютъ или въ лѣсу, или въ кузовѣ подъ повѣтью, куда въ праздничные дни носятъ ему разныя яства. Въ селѣ Александровкѣ, той же волости, окруженномъ болотами—Линьковскимъ и Сухотскимъ, фетишъ, по мнѣнію чувашъ, живетъ въ этихъ упомянутыхъ болотахъ. Въ жаркіе лѣтніе дни, во время продол-

жительнаго бездождія, когда земля отъ зноя трескается, окружающія озера и рѣчки почти совершенно высыхаютъ, когда православный людъ молится Богу о ниспосланіи на изсушенную землю дождя, чуваши послѣ исправленія вмѣстѣ съ крестьянами общаго молебствія молятся еще и своему фетишу, въ полной увѣренности, что если «русскій Богъ не пошлетъ дождя, то пошлетъ, можетъ быть, Тора». Всѣ чуваши въ сопровожденіи старухи, которая держитъ въ одной рукѣ голубя, въ другой воробья, идутъ къ ближайшему озеру. Здѣсь старуха намазываетъ птичьи головы масломъ, окунаетъ птицъ въ воду и выпускаетъ изъ рукъ, причемъ присутствующіе замѣчаютъ: если птицы взовьются высоко и станутъ отряхать крыльями, значитъ будетъ дождь и вырастетъ высокій хлѣбъ; если же онѣ полетятъ низко надъ землей и гдѣ-нибудь не подалеку сядутъ, значитъ молитва чувашъ не услышана Торой. Во время этой церемоніи старуха, обратившись къ востоку, произноситъ молитву: «Тора — богъ, Линьковскамъ кочкамъ, Сухотскамъ кочкамъ! убра баръ, исикле баръ, туранъ брахъ» *). Вслѣдъ за этимъ чуваши, не раздѣваясь, купаются въ озерѣ, раскладываютъ костеръ, варятъ кашу и пируютъ. Всѣ языческіе обряды и церемоніи чувашъ всегда сопровождаются пиромъ.

Особенно несимпатичная черта между чувашами—совершеніе супружескихъ связей ad libitum. Чувашъ береть невѣсту къ себѣ въ домъ и живетъ съ ней нѣсколько мѣсяцевъ, иногда годъ, съ тѣмъ, чтобы испытать, понравится она ему или нѣтъ: если понравится, чувашъ оставляетъ ее у себя въ качествѣ жены и справляетъ свадьбу, не понравится — отсылаетъ ее обратно къ родителямъ, причемъ чувашу положительно все равно, какого поведенія была до замужества его будущая жена. Въ его глазахъ болѣе важное значеніе имѣетъ то, чтобы она родила дѣтей и была хорошая работница. Къ несчастію чувашъ, дѣти ихъ, постоянно живя среди неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій и вскармливаемыя неудобопитательной пищей, рѣдко доживаетъ до 10-ти лѣтняго возраста. Мать уже съ перваго мѣсяца послѣ рожденія ребенка толкаетъ ему въ ротъ хлѣбъ, завязанный въ грязную тряпку. Глазныя болѣзни, чесотка и диссентерія — обыкновенныя болѣзни дѣтей. Но и переживающіе критическій 10-ти лѣтній возрастъ чуваши живутъ не на радость. Чувашъ разстается съ жизнью безъ сожалѣнія, съ тихой покорностью судьбѣ. Если одинъ чувашъ обидѣлъ другаго, нанесъ ему тяжкое оскорбленіе, то обиженный нерѣдко прибѣгаетъ къ *сухой бѣдѣ*: онъ преспокойно вѣшается на веревкѣ на воротахъ дома обидчика, что считается самой горшей мѣстью обидчику. Послѣднему ничего другаго не остается послѣ этого, какъ переселиться съ своей избой на другое мѣсто.

Но чуваши питаютъ непреклонную вѣру, что въ будущей жизни имъ улыбнется счастье. Вотъ почему они въ поставленный на могилѣ покойника

*) „Тора—богъ, живущій въ Линьковскихъ и Сухотскихъ кочкахъ, не погуби насъ, дай намъ дождя и хлѣба".

вмѣсто креста пенекъ вколачиваютъ грошъ или копѣйку. «Былъ ты Аунъ (Иванъ) здѣсь бѣдна, такъ будь тамъ богата и счастлива»,—говоритъ чувашъ на могилѣ покойника, вколачивая мѣдную монету. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ гробъ съ покойникомъ везутъ на *мазаръ* (кладбище) на телѣгѣ, причемъ лошадь ведутъ въ поводу, а на гробу сидитъ родственникъ и играетъ въ балалайку въ знакъ радости, что покойный отошелъ въ лучшій міръ. На поминкахъ всѣ напиваются до безчувствія, варятъ кашу, щи, пекутъ пирогъ съ крупой; все это сваливаютъ въ одну чашку, перемѣшаютъ и ѣдятъ. Въ деревнѣ Большой Пролейкѣ, Елховской волости, поминки сопровождаются катаньемъ на лошадяхъ родственниковъ и пріятелей покойнаго. Запрягаютъ тройку или пару лошадей, на телѣгу или сани садится вся родня, сколько войдетъ, и скачутъ къ могилѣ, гдѣ, напившись водки, ѣдутъ домой заканчивать поминки. По дорогѣ случается иногда, что кто-нибудь изъ сидящихъ въ телѣгѣ вывалится, но его не подбираютъ: «Не ната поднимать,—говорятъ чуваши,—его тотъ свѣтъ догналъ». Иногда въ избу приводятъ для угощенія водкой и лошадь, которая привезла съ *мазара* пирующихъ. Горе чувашина выражается особеннымъ образомъ. Онъ не причитаетъ по покойникѣ, не плачетъ въ тихомолку, наединѣ съ самимъ собой, а топчется на одномъ мѣстѣ, кричитъ ай-ай-ай и бьется головой объ стѣну.

И. Красноперовъ.

Волостное и уѣздное устройство по земскимъ проектамъ.

Практика земскихъ учрежденій давно уже указала на необходимость одного существеннаго пополненія земской организаціи. Нашъ уѣздъ оказывается единицей, слишкомъ крупной, и веденіе уѣзднаго хозяйства, посредствомъ однихъ центральныхъ органовъ, встрѣчаетъ весьма серьезныя затрудненія. Между тѣмъ, земское управленіе располагаетъ только однимъ исполнительнымъ органомъ,—управой, дѣйствующей на пространствѣ всей уѣздной территоріи, и на мѣстахъ никакихъ органовъ не имѣетъ; учрежденія мѣстныя—сельскія и волостныя отъ земства не зависятъ, въ непосредственной связи съ нимъ не состоятъ. Вслѣдствіе этого многія отрасли земскаго хозяйства, требующія дѣятельности непосредственно на мѣстахъ, очень часто оставляются безъ надлежащаго попеченія и многіе существенные мѣстные интересы остаются неудовлетворенными. «Кромѣ губерніи и уѣздовъ,—говоритъ рязанскій гласный, кн. С. В. Волконскій, въ своемъ «мнѣніи о необходимости образованія мелкой земской единицы»,—у насъ есть еще села, деревни, хутора, фабрики, заводы и т. д., которые имѣютъ свои общія сосѣдскія нужды, мало интересныя для крупныхъ хозяйственныхъ единицъ, но для нихъ самихъ насущныя, часто составляющія вопросъ о поднятіи или упадкѣ ихъ благосостоянія. Но эти ихъ нужды забыты положеніемъ о земск. учр. А, между тѣмъ, только онѣ, эти мелкія единицы, эти наши сельскія захолустья и даютъ средства къ осуществленію всѣхъ земскихъ надобностей, не только ихъ собственныхъ, но и губернскихъ и уѣздныхъ, такъ какъ въ нихъ однихъ живутъ и только чрезъ ихъ посредство могутъ развиваться производительныя земскія силы и, конечно, никакое уѣздное, а тѣмъ паче губернское собраніе не угадаетъ и не удовлетворитъ ихъ собственныхъ нуждъ такъ же успѣшно, какъ они сами. А, между тѣмъ, что они могутъ сдѣлать для себя? Они разобщены до такой степени, что постоянные ихъ обыватели, будучи сосѣдями, сходясь въ одной церкви къ обѣднѣ, не имѣютъ законнаго права гдѣ-нибудь собраться для того, чтобы

потолковать и сдѣлать постановленіе, напр., хотя о прорытіи какой-нибудь канавы для осушенія гнилаго болота, издавна угощающаго ихъ лихорадками. Онѣ, эти мелкія единицы, не только разобщены между собою, но и съ существующими земскими учрежденіями имѣютъ одну только связь, вытекающую изъ обязанности выплачивать земскія повинности, а затѣмъ ни онѣ къ земскимъ учрежденіемъ, ни земскія учрежденія къ нимъ не имѣютъ никакихъ отношеній. При такомъ положеніи земскаго дѣла можно ли ожидать, что нынѣшнія земскія учрежденія одни когда-нибудь исполнятъ все то, что возлагаютъ на нихъ законъ, надежды и потребности земства? Нѣтъ, у нихъ нѣтъ для этого почвы подъ ногами». «За недостаткомъ прямой органической связи съ самой причиной возникновенія земскихъ учрежденій,—продолжаетъ авторъ, «мнѣнія»,—т.-е. съ интересами тѣхъ мелкихъ единицъ, для которыхъ они болѣе всѣхъ нужны, и за неимѣніемъ, вслѣдствіе того, живой производительной работы, имъ скоро придется или витать въ области отвлеченныхъ вопросовъ, разрѣшающихся ходатайствами, или превращаться мало-по-малу въ канцеляріи выборныхъ чиновниковъ, также мало заинтересованныхъ всѣмъ, что находится внѣ предѣловъ ихъ формальныхъ обязанностей, какъ и чиновники всякихъ другихъ канцелярій. Такимъ образомъ пятнадцатилѣтній опытъ приводитъ къ заключенію, что для правильнаго и успѣшнаго развитія земскаго дѣла недостаточно однихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, что наши мелкія хозяйственныя единицы, наши сельскія захолустья, эти производители всего нашего богатства, слишкомъ отдалены, слишкомъ изолированы отъ центровъ земской дѣятельности и что необходимо, наконецъ, заняться ихъ устройствомъ, соединить ихъ въ земскіе округа, менѣе крупные, чѣмъ уѣздъ, но болѣе способные видѣть ихъ нужды; необходимо, наконецъ, и имъ представить законное право совѣщаться о своихъ нуждахъ и удовлетворять ихъ общими силами» *).

Съ другой стороны, отсутствіе на мѣстахъ органовъ, чрезъ которые могли бы быть выполняемы возложенныя на земскія учрежденія обязанности, въ значительной степени затрудняетъ земскую дѣятельность. Управа одна, хотя бы въ составѣ, усиленномъ до высшаго, допускаемаго закономъ, не въ состояніи уследить за всѣми подробностями выполненія земскихъ дѣлъ на мѣстахъ уже потому, что члены ея не могутъ обладать достаточнымъ знакомствомъ съ условіями всѣхъ мѣстностей уѣзда, условіями, нерѣдко крайне разнообразными. Особенно рельефно обнаруживается безсиліе управы въ такихъ отрасляхъ земскаго хозяйства, какъ общественное призрѣніе и народное продовольствіе. Опытъ призрѣнія семействъ воинскихъ чиновъ во время войны 1877—1878 гг. вполнѣ убѣдительно доказалъ всю настоятельную необходимость содѣйствія въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ жителей. Для назначенія пособія солдатскому семейству нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли ходатайствующіе о призрѣніи въ немъ

*) Журн. рязанскаго губ. з. собр. X чрезв. соз., май 1881, стр. 126.

нуждаются и имѣютъ на него право. Исполнить эту задачу члену управы, если ему лично неизвѣстно положеніе изслѣдуемой семьи, не представлялось никакой возможности: приходилось или основывать свое сужденіе на чисто внѣшнихъ признакахъ, или полагаться на показанія мѣстнаго духовенства и волостныхъ правленій. Неудивительно, если, при такихъ условіяхъ, много земскихъ денегъ израсходовано непроизводительно, и если, въ то же время, многіе, дѣйствительно нуждавшіеся, не получили помощи. То же самое и въ отношеніи народнаго продовольствія. Ежегодно членами управъ производятся дознанія о положеніи крестьянъ, просящихъ ссудъ на посѣвъ; составляются подробныя подворныя описи, собираются разнообразныя свѣдѣнія и, въ концѣ-концовъ, производившій дознаніе членъ управы все-таки не въ состояніи надлежащимъ образомъ выяснить, которая семья нуждается въ ссудѣ, которая можетъ обойтись собственными средствами; онъ выноситъ лишь общее впечатлѣніе, что въ данномъ селеніи нужда въ сѣменахъ на посѣвъ существуетъ и, волей-неволей, ссуда разрѣшается всѣмъ домохозяевамъ, по душамъ, вопреки категорическому запрещенію закона. Но отпускомъ разрѣшенной данному обществу ссуды обязанности управы по продовольственной части не должны ограничиваться: чтобы ссуда достигла цѣли, необходимо наблюсти за раздачею сѣмянъ или денегъ согласно разрѣшенію, за употребленіемъ ссуды на предметъ ея назначенія, наконецъ, за своевременнымъ ея возвратомъ, а, между тѣмъ, выполненіе всего этого для управы совершенно невозможно. Если бы она и рѣшилась произвести всѣ указанныя операціи, то дѣло настолько бы затянулось, что большинство крестьянъ, вѣроятно, отказалось бы отъ земскихъ ссудъ и предпочло бы обратиться къ помощи ростовщиковъ, не сопряженной съ стѣснительными формальностями. Управа, поэтому, вынуждена предоставить всѣ исполнительныя подробности волостнымъ и сельскимъ властямъ, хорошо сознавая, что въ нихъ она не найдетъ усердныхъ помощниковъ.

Указанные примѣры наиболѣе рѣзки, но и въ другихъ отдѣлахъ земскаго хозяйства помощь мѣстныхъ органовъ не менѣе необходима. Завѣдываніе натуральными повинностями и наблюденіе за равномѣрной раскладкой ихъ между всѣми жителями мѣстности, безъ различія сословій (теперь постойная и подводная повинности отправляются почти исключительно крестьянами, за практической невозможностію привлечь къ ихъ отбыванію владѣльцевъ, неподвѣдомственныхъ волостнымъ правленіямъ), наблюденіе за соблюденіемъ санитарныхъ и противопожарныхъ правилъ, завѣдываніе школьнымъ хозяйствомъ,—все это требуетъ дѣйствій на мѣстахъ, при участіи лицъ, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями.

Потребность въ созданіи мѣстныхъ земскихъ органовъ ощущается уже давно; дѣлались попытки даже ея удовлетворенія: учреждались различныя попечительства,—приходскія, санитарныя и т. д., вводились разные смотрители, агенты и т. под., но всѣ эти мѣры не приводили къ цѣли; съ устройствомъ спеціальныхъ агентовъ, земство, все-таки, не пріобрѣтало орга-

новъ, которыми оно могло бы располагать для исполненія всѣхъ его порученій. Для обезпеченія успѣха дѣла нужны такія мѣстныя учрежденія, въ которыхъ сосредоточивались бы всѣ подвѣдомственныя земскимъ учрежденіямъ дѣла, поскольку они имѣютъ отношеніе къ мѣстности.

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ, почему земскія учрежденія, обсуждая вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія, обратили особое вниманіе на организацію волости. Помимо того, что разсмотрѣніе устройства крестьянскихъ сельскихъ и волостныхъ учрежденій составляло главную задачу, предложенную земству правительствомъ, вопросъ о волостномъ устройствѣ представляетъ особый интересъ и потому, что посредствомъ преобразованія волостнаго управленія открывалась возможность восполнить существенный пробѣлъ въ земскомъ устройствѣ и создать цѣлое земское единство. Такой взглядъ на волость въ большинствѣ земскихъ проектовъ оказывается господствующимъ. Какъ мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ *), большая часть проектовъ высказывается за расширеніе круга дѣятельности земскихъ учрежденій и за установленіе тѣсной связи между ними и органами сельскаго и волостнаго управленія. Способы, предлагаемые для достиженія послѣдней цѣли, весьма различны: тѣмъ не менѣе, во всѣхъ проектахъ можно подмѣтить два главныя теченія,—одно въ пользу централизаціи всего уѣзднаго управленія въ рукахъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій и упраздненія всякой самостоятельности волостныхъ единицъ, другое—въ пользу децентрализаціи и перенесенія существеннѣйшихъ отраслей управленія въ волость, съ предоставленіемъ послѣдней устройства, аналогичнаго съ уѣзднымъ. Въ подробностяхъ осуществленія поставленной задачи отдѣльные проекты отличаются весьма существенными особенностями; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

I.

Изъ проектовъ, совершенно устраняющихъ самостоятельность волости и сосредоточивающихъ все уѣздное управленіе въ рукахъ центральныхъ уѣздныхъ властей, особенно выдѣляются проекты гласнаго Д. Ѳ. Самарина, внесенный въ московскую губернскую коммиссію, и симбирской «общей коммиссіи». Основное положеніе, на которомъ построены оба эти проекта, заключается въ соединеніи судебной и административной власти въ лицѣ, стоящемъ во главѣ волости, и въ этомъ заключается ихъ несомнѣнное сходство, но въ частностяхъ они расходятся весьма существенно: въ то время, какъ первый подавляетъ всѣ проявленія мѣстной жизни, послѣдній сохраняетъ крестьянское волостное устройство и, такимъ образомъ, предоставляетъ хотя одному сословію свободно и самостоятельно удовлетворять его мѣстныя потребности.

*) «Вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія въ земскихъ собраніяхъ», *Русская Мысль* 1883 г., декабрь.

Симбирская коммиссія, при обсужденіи мѣръ къ улучшенію крестьянскаго управленія, пришла къ заключенію «о необходимости поднять среди крестьянскаго населенія авторитетъ волостной власти, т.-е. той власти, которая входитъ въ ближайшее непосредственное отношеніе къ крестьянскому населенію и которая, по условіямъ своей дѣятельности, можетъ водворить правомѣрный порядокъ въ общественномъ крестьянскомъ управленіи». Для этого коммиссія признаетъ «необходимымъ во главѣ волостнаго управленія поставить лицо, облеченное значительною властью, независимое по своему положенію, представляющее гарантію необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, способное дать защиту сельскому населенію отъ обидъ и притѣсненій и принять на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ волости». Такимъ лицомъ, по мнѣнію коммиссіи, представляется мировой судья, облеченный административной властью. При раздѣленіи властей судебной и административной, «лицо, поставленное во главѣ волости, не будетъ, говоритъ коммиссія, въ состояніи удовлетворять потребностямъ крестьянскаго населенія, интересы котораго, по его численности, должны занимать первенствующее положеніе, и не будетъ въ состояніи пріобрѣсти надлежащій авторитетъ». «Если строгое отдѣленіе суда отъ администраціи, — говоритъ коммиссіи, — признается необходимымъ въ областномъ и центральномъ государственномъ управленіи, то послѣдовательное проведеніе этого принципа въ управленіи мѣстномъ, ближайшемъ къ населенію, находитъ себѣ оправданіе лишь въ однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, которыя коммиссія не можетъ признать основательными. Условія быта нашего сельскаго населенія не представляютъ данныхъ для строгаго разграниченія потребностей юридическихъ отъ потребностей въ управленіи вообще. Всякое нарушеніе правомѣрнаго порядка, имѣетъ ли оно въ основаніи гражданскую сдѣлку или насиліе лицамъ, проистекаетъ ли оно отъ злоупотребленій низшихъ чиновъ полиціи или отъ бездѣятельности сельскихъ властей, — крестьянинъ считаетъ одинаково это обидой и ищетъ власти, которая могла бы защитить его отъ этихъ обидъ. Въ настоящее время крестьянское населеніе такой власти не находитъ. Система раздѣленія властей и разграниченія ихъ компетенцій, характеризующая существующій порядокъ управленія, весьма мало способствуетъ, какъ показываетъ опытъ, водворенію правомѣрнаго порядка. Эта система является, напротивъ, одной изъ главныхъ причинъ современной безурядицы и безвластія: крестьяне не знаютъ, куда имъ обращаться съ своими жалобами, и поневолѣ должны прибѣгать къ помощи повѣренныхъ, которые, составляя самый безнравственный классъ сельскаго населенія, эксплоатируютъ крестьянъ, забирая мало-по-малу всѣ отрасли управленія въ свои руки».

Судебно-мировой институтъ, по его исключительно судебной власти, принесъ, по мнѣнію коммиссіи, мало пользы народу. «Не участвуя самъ непосредственно въ управленіи и занимая, если можно такъ выразиться,

критикующее положеніе, онъ много содѣйствовалъ подорванію авторитета административныхъ властей, но нисколько не содѣйствовалъ прекращенію злоупотребленій. Стѣсненные формализмомъ въ своихъ рѣшеніяхъ, мировые судьи не могли развить уваженіе къ суду и лишь способствовали развитію адвокатуры и кляузничества. Но существенный вредъ полнаго отдѣленія суда отъ администраціи въ мѣстномъ управленіи заключается, по словамъ коммиссіи, въ томъ, что судебно-мировой институтъ отнимаетъ самыя лучшія нравственныя и умственныя силы зе́мства, такъ какъ независимое и безотвѣтственное положеніе, хорошее вознагражденіе и относительно малый трудъ побуждаетъ большинство способныхъ лицъ предпочитать должности мировыхъ судей всѣмъ другимъ должностямъ, болѣе отвѣтственнымъ и требующимъ бо́льшей работы». На-основаніи этихъ соображеній, большинство симбирской коммиссіи высказывается за соединеніе въ лицѣ начальника волости, называемаго «земскимъ судьей», судебныхъ и административныхъ обязанностей, съ присвоеніемъ ему «власти бывшаго мироваго посредника, нынѣшняго мироваго судьи и власти земско-полицейской». На «земскаго судью» возлагаются: «1) отвѣтственность за общій порядокъ и спокойствіе въ волости; 2) отправленіе правосудія въ предѣлахъ, предоставленныхъ нынѣшнимъ мировымъ судьямъ; 3) завѣдываніе нѣкоторыми земско-хозяйственными дѣлами; 4) наблюденіе за поступленіемъ казенныхъ и земскихъ сборовъ». Только при соединеніи перечисленныхъ правъ и обязанностей въ одномъ лицѣ, возможно, по мнѣнію коммиссіи, «установить правильный порядокъ въ мѣстномъ управленіи и дать власти тотъ необходимый для нея авторитетъ, котораго не имѣетъ въ настоящее время ни одинъ изъ мѣстныхъ представителей власти» *).

Соединеніе въ лицѣ начальника земской волости судебной и административной власти составляетъ центръ тяжести всего проекта большинства симбирской коммиссіи. Такое же значеніе имѣетъ оно и въ проектѣ Д. Ѳ. Самарина, внесенномъ въ московскую губернскую коммиссію и переданномъ на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній. Этотъ проектъ во главѣ волости ставитъ «волостнаго мироваго судью, совмѣщающаго въ себѣ власти судебную и административную». Доводы, приводившіеся въ пользу этой мѣры въ московской коммиссіи, нѣсколько разнятся отъ изложенныхъ выше. Здѣсь указывалось, во-первыхъ, на то, что «въ настоящее время въ уѣздахъ жалуются на недостатокъ людей, которые при тѣхъ цензуальныхъ условіяхъ, какія требуются, могли бы замѣщать выборныя должности. Допуская соединеніе въ одномъ лицѣ обѣихъ властей, не представляется надобности искать новыхъ лицъ; является возможность привлечь къ дѣлу тотъ контингентъ лицъ, которыя уже и теперь дѣйствуютъ въ уѣздѣ и которыя, обладая несомнѣнно необходимыми знаніями, имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и достаточно времени, чтобы посвятить себя и занятіямъ адми-

*) Труды симбирской общей земской коммиссіи по вопросу о преобразованіяхъ въ крестьянскомъ управленіи, стр. 87 и слѣд.

нистративнымъ». Этотъ доводъ склонилъ въ пользу совмѣщенія судебной и административной властей и нижегородское губернское собраніе, которое, «принимая во вниманіе наличность контингента умственныхъ и нравственныхъ силъ, съ которымъ, конечно, нельзя не считаться, и видя все неудобство соединенія въ одномъ лицѣ власти судебной и административной, полагало, однако, необходимостью, поневолѣ, высказаться предъ правительствомъ, при нашей бѣдности на людей, за совмѣщеніе, въ лицѣ мироваго судьи, власти и судебной, и административной» *).

Далѣе, въ московской коммиссіи указывалось, что «при соединеніи судебной власти съ административной значительно сократится составъ уѣзднаго управленія, а, слѣдовательно, значительно сократятся и расходы по управленію»; что «главная дѣятельность, которая придается мировому судьѣ, заключается въ надзорѣ за крестьянскимъ управленіемъ; характеръ этихъ дѣлъ близко подходитъ къ судебному, слѣдовательно, придача эта не будетъ искажать характеръ его судебной дѣятельности. Но главные доводы въ пользу соединенія заключались въ томъ, что въ низшей судебной инстанціи не можетъ быть вреда въ такомъ соединеніи, что сельскій мировой судья не то, что мировой судья въ большомъ городѣ, и что, поэтому, соединеніе властей не можетъ представить препятствій въ низшей, своеобразной инстанціи, которая призвана дѣйствовать въ средѣ сельскаго населенія. Если,—говорили,—наше законодательство и проводитъ строго отдѣленіе судебной власти отъ административной, то это еще не можетъ служить помѣхою для соединенія, ибо если бы такое соединеніе признано было полезнымъ и необходимымъ, то нынѣ дѣйствующіе законы всегда могутъ быть согласованы съ новыми требованіями и измѣнены. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе и того, что мировые судьи успѣли заслужить довѣріе народонаселенія; еще неизвѣстно, какъ отнесется народъ къ новому лицу, а потому лучше держаться того, что уже есть, нежели создавать новое» **).

По обоимъ названнымъ проектамъ, «земская волость» не составляетъ самоуправляющейся единицы, но устройство ея, по каждому изъ нихъ, не одинаково. По московскому проекту «земская волость имѣетъ значеніе не хозяйственное, а административное; въ ней не должно происходить никакихъ собраній мѣстныхъ жителей или выборныхъ изъ нихъ для избранія должностныхъ лицъ или для установленія какихъ-либо сборовъ; она не имѣетъ права ни выборовъ, ни самообложенія. Нынѣшняя крестьянская волость, съ ея административною организаціею (волостной сходъ, волостной старшина, волостное правленіе, волостной писарь) упраздняется». Напротивъ, симбирскій проектъ сохраняетъ крестьянское самоуправленіе со всѣми его органами и функціями, но только подчиняетъ его «земскому

*) XVII очер. нижегородское губ. зем. собр. 7—19 янв. 1882 г., стр. 87.

**) Докладъ (1881 г., № 34) коммиссіи по вопросу объ измѣненіи мѣстныхъ по крест. дѣл. учрежденій, стр. 37.

судьѣ». «Крестьянское населеніе будущей волости.—говоритъ коммисія.—по своей подавляющей другія сословія численности, по особенностямъ своего быта и понятій, по условіямъ экономическимъ и юридическимъ, требуетъ отъ волостнаго управленія особой заботливости и близкаго знакомства съ его жизнью и потребностями. Власть земскаго судьи будетъ имѣть всѣ условія для разумнаго руководства крестьянскимъ управленіемъ, но для исполненія, непосредственнаго наблюденія, для отправленія крестьянскаго правосудія и вообще для успѣшнаго хода всего крестьянскаго управленія земскому судьѣ необходимы помощники, хорошо знакомые съ бытомъ и нуждами крестьянскаго населенія волости. Такими помощниками, по убѣжденію коммиссіи, могутъ быть только лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію и избираемыя самимъ крестьянскимъ населеніемъ волости. Посему коммиссія пришла къ заключенію о необходимости сохранить сословное крестьянское волостное управленіе, которое должно войти въ общеземское волостное управленіе, какъ одна изъ его важнѣйшихъ отраслей. Всѣ дурныя стороны нынѣшнихъ волостныхъ правленій объясняются не сословнымъ ихъ характеромъ, а отсутствіемъ руководства и обремененіемъ ихъ непосильной работой. Съ учрежденіемъ должности земскаго судьи, который, въ качествѣ начальника волости, дѣлается предсѣдателемъ волостнаго крестьянскаго управленія, дѣятельность должностныхъ лицъ, избранныхъ крестьянскимъ сословіемъ, находясь подъ ближайшимъ руководствомъ, несомнѣнно будетъ направлена въ лучшую сторону».

При сохраненіи обѣихъ степеней крестьянскаго самоуправленія, земская волость, по симбирскому проекту, получаетъ такое устройство. Начальство надъ земской волостью, образуемой изъ нѣсколькихъ нынѣшнихъ волостей, съ населеніемъ не свыше 10 т. душъ, принадлежитъ земскому судьѣ, которому «присвоиваются всѣ права волостнаго старшины, съ распространеніемъ ихъ на всѣхъ жителей волости безъ изъятія, но съ исключеніемъ правъ, предоставленныхъ старшинѣ ст. 86 полож. о крест. *): права бывшаго мироваго посредника, какъ по поземельнымъ отношеніямъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, такъ и по общественному крестьянскому управленію, съ распространеніемъ права налагать административныя взысканія на сотскихъ и десятскихъ». При земской волости состоятъ: волостной сходъ (крестьянскій), волостное управленіе подъ предсѣдательствомъ земскаго судьи, изъ волостныхъ старшинъ и двухъ сельскихъ старостъ, приглашаемыхъ по очереди; волостные старшины, не менѣе двухъ, избираемые сходомъ и сохраняющіе права, предоставленныя имъ положеніемъ 19 февр. 1861 г.; волостной судъ и земскій приставъ, обязанный наблюдать за благоустройствомъ и благочиніемъ въ волости и подчиненный земскому судьѣ. Расходы по содержанію земскихъ судей и пристава возлагаются на земство, а содержаніе прочихъ

*) Т.-е. права подвергать взысканіямъ виновныхъ въ маловажныхъ полицейскихъ проступкахъ.

волостныхъ учрежденій—на средства крестьянъ. Къ обязанностямъ крестьянскаго волостнаго управленія относится и попеченіе о благосостояніи волости. Вѣдѣнію волостнаго схода, между прочимъ, предоставляются: мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе училищъ, и т. п. Онъ же производитъ раскладку мірскихъ сборовъ и повинностей на волостныя надобности; повѣряетъ дѣйствіе избираемыхъ имъ должностныхъ лицъ; даетъ довѣренности на хожденіе по дѣламъ волости.

Такимъ образомъ симбирскій проектъ сохраняетъ за волостью значеніе самоуправляющейся единицы, хотя касающейся только одного сословія. Совершенно иначе ставитъ дѣло первоначальный московскій проектъ, который предполагаетъ для земской волости такую организацію: «а) волостной мировой судья; б) его товарищъ по административной части; в) волостной приставъ полицейскій; г) волостная управа; д) волостной судъ, какъ вторая инстанція крестьянскаго суда; е) казначейство для пріема податей и ж) нотаріальная часть». Волостной судья и его товарищъ избираются земскимъ собраніемъ; полицейскій приставъ назначается правительствомъ. Всѣ расходы по содержанію волостнаго управленія, за исключеніемъ волостнаго пристава, предполагается отнести на счетъ земства. Волостной мировой судья, пользуясь, въ судебномъ отношеніи, тѣми же правами, какъ нынѣшніе участковые мировые судьи, какъ органъ административной власти, состоитъ членомъ уѣздной земской управы и завѣдуетъ административною частью въ земской волости въ тѣхъ предѣлахъ, какъ окажется возможнымъ разграничить административныя обязанности между полиціею, какъ органомъ правительственнымъ, и земствомъ. Сверхъ того на волостнаго мироваго судью возлагается: а) надзоръ за сельскимъ общественнымъ управленіемъ; б) разсмотрѣніе жалобъ на сельскихъ должностныхъ лицъ; в) всѣ дѣла, лежащія теперь на волостныхъ правленіяхъ по конской воинской повинности, надзоръ за поступленіемъ податей и понужденіе къ своевременной уплатѣ оныхъ; г) собраніе статистическихъ свѣдѣній по требованію правительственныхъ учрежденій; д) дѣла земскія—о страхованію, по народному продовольствію, по больницамъ, школамъ, путямъ сообщенія и проч., въ той мѣрѣ, какъ всѣ эти дѣла будутъ разграничены уѣзднымъ земскимъ собраніемъ между уѣздною управою и волостными судьями. «При волостномъ судьѣ, для коллегіальнаго обсужденія нѣкоторыхъ административныхъ дѣлъ (денежныя, принятіе мѣръ противъ повальныхъ болѣзней, по истребленію разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ и проч.) признается полезнымъ учредить, подъ предсѣдательствомъ его, волостную управу», изъ его товарища, почетныхъ мировыхъ судей, волостнаго пристава и трехъ очередныхъ сельскихъ старостъ».

Оба проекта—симбирскій и московскій—сходятся между собою въ новномъ положеніи—въ соединеніи власти судебной и административной подчиненіи «волостному» или «земскому» судьѣ органовъ крестьянскаго равленія. Сходство идетъ и далѣе,—въ отношеніи порядка назначенія

судей. Оба проекта предоставляютъ избраніе ихъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, порядкомъ, установленнымъ для выбора мировыхъ судей, т.-е. изъ лицъ, обладающихъ образовательнымъ и имущественнымъ цензами и даже непринадлежащихъ къ числу мѣстныхъ обывателей. Но затѣмъ слѣдуютъ существенныя различія между проектами. Въ то время, какъ симбирскій предоставляетъ населенію волости, хотя только крестьянскому, право представительства, обсужденія мѣстныхъ нуждъ, принятія мѣръ для ихъ удовлетворенія и избранія помощниковъ земскаго судьи, московскій лишаетъ волость всѣхъ этихъ правъ, сосредоточивая всю распорядительную власть исключительно въ земскомъ собраніи.

Предположеніе о соединеніи властей судебной и административной вызвало много возраженій. Такъ, члены симбирской общей коммиссіи гг. Ѳедоровъ, Пантусовъ и Михайловъ, въ представленномъ ими особомъ «проектѣ организаціи уѣзднаго земскаго управленія», указывали, что «судебныя учрежденія, какъ судъ общій, такъ и мировой, отдѣленныя отъ администраціи рѣзкою чертою, проведенною самимъ законодателемъ, имѣютъ и должны имѣть свою собственную компетенцію, необходимую имъ только для правильнаго отправленія правосудія. Къ суду нельзя примѣшивать администраціи и, наоборотъ, не парализуя дѣйствій того или другаго и не нарушая ихъ независимости. На этомъ принципѣ зиждется и вся наша судебная реформа. По этому соображенію нельзя допустить, чтобы дѣла сельскаго управленія могли быть отданы подъ надзоръ или въ руки мироваго судьи, какъ не соотвѣтствующія характеру его судебной дѣятельности и не подходящія къ его прямымъ обязанностямъ. Напротивъ, мы думаемъ, что такая комбинація поведетъ къ нежелательному результату—къ усиленію власти не на пользу ей подчиняемыхъ» *). И въ московской коммиссіи было представлено немало соображеній противъ проектированнаго сліянія властей. Его противники указывали, что «жалобы на недостатокъ въ уѣздѣ лицъ, удовлетворяющихъ цензуальнымъ требованіямъ, не могутъ служить доводомъ въ пользу соединенія, во-первыхъ, потому, что жалобы эти далеко не всегда основательны, что въ уѣздахъ найдется не мало лицъ, которыя въ настоящее время сторонятся отъ общественной дѣятельности, но при иныхъ условіяхъ, можетъ быть, съ охотою примутъ на себя нѣкоторыя обязанности; во-вторыхъ, если цензуальныя условія служатъ нѣкоторымъ затрудненіемъ въ привлеченіи лицъ, способныхъ къ дѣлу, то этому всегда можно помочь, понизивъ требованія по имущественному цензу. Относительно желанія путемъ соединенія власти судебной съ административною достигнуть сокращенія состава уѣзднаго управленія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и расходовъ, не отрицая всей важности финансовой стороны, противники соединенія властей полагали, однако, что сокращеніе личнаго состава управленія и расходовъ должно имѣть свои предѣлы и не должно идти въ ущербъ дѣлу: но въ данномъ случаѣ опасенія относительно значительности расходовъ

*) «Труды», стр. 123.

едва ли могутъ имѣть мѣсто, потому что даже при раздѣленіи властей новая организація управленія никогда не вызоветъ такихъ расходовъ по ея содержанію, какіе несутъ въ настоящее время крестьяне на содержаніе персонала волостнаго крестьянскаго управленія. Точно также нельзя признать правильнымъ и тотъ взглядъ на будущую административную дѣятельность завѣдующаго волостью, что главныя обязанности, которыя на него возлагаются, заключаются въ надзорѣ за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что рѣчь идетъ не о волости сословной крестьянской, а о волости всесословной. Въ такой волости, на лицѣ, завѣдующемъ ею, помимо надзора за сельскими должностными лицами, будутъ лежать и другія, не менѣе важныя обязанности, требующія серьезнаго отношенія къ дѣлу. Насколько это сознается всѣми, служитъ лучшимъ доказательствомъ то, что, даже и тѣ лица, которыя стоятъ за соединеніе судебной власти съ административною, вполнѣ признаютъ невозможнымъ одному лицу справиться съ дѣломъ; они считаютъ необходимымъ придать проектируемому ими волостному мировому судьѣ помощника собственно по административной части: такая придача на практикѣ неизбѣжно сводилась бы къ тому, что волостной судья сохранилъ бы за собою прямыя свои судебныя обязанности, а всю тягость административныхъ дѣлъ возложилъ бы на помощника. Другими словами, соединеніе властей было бы номинальное, на практикѣ же господствовало бы полное ихъ раздѣленіе. Равнымъ образомъ нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы судебныя функціи сельскихъ мировыхъ судей отличались отъ функцій городскихъ судей. Судъ, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, дѣйствуетъ совершенно одинаково и никогда не можетъ и не долженъ измѣнять своего характера и отклоняться отъ того пути, который указанъ ему законами. Если нынѣшніе мировые судьи успѣли пріобрѣсти довѣріе народонаселенія, то лишь благодаря тому положенію, въ которое они поставлены нашими судебными уставами. Измѣнять это положеніе, придавъ имъ власть административную, значило бы поставить нынѣшнихъ судей въ положеніе, худшее противъ того, которое они имѣютъ теперь. Однимъ изъ доводовъ въ пользу соединенія властей приводится то, что именно это довѣріе, которымъ пользуются мировые судьи, и заставляетъ обратиться къ нимъ, а не искать чего-то новаго, къ чему неизвѣстно еще какъ отнесется самъ народъ. Но если неизвѣстность того, какъ взглянетъ народъ на новыхъ администраторовъ, возбуждаетъ нѣкоторыя опасенія, то еще болѣе осторожно слѣдуетъ прибѣгать къ измѣненію такого порядка, который такъ недавно только укрѣпился и успѣлъ на дѣлѣ доказать какъ правильность взгляда, проведеннаго въ нашихъ судебныхъ уставахъ, такъ и всю пользу и цѣлесообразность отдѣленія судебной власти отъ административной. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе и того, что соединеніе двухъ властей, по характеру своему разнородныхъ, повело бы только къ нескончаемымъ недоразумѣніямъ и, вмѣсто строгой отвѣтственности передъ закономъ лица админи-

стративнаго, дало бы полный просторъ произволу, такъ какъ несомнѣнно на практикѣ возникаетъ множество дѣлъ, гдѣ завѣдующему волостью пришлось бы быть, въ одно и то же время, и обвинителемъ, и судьею. При строгомъ же отдѣленіи судебныхъ функцій отъ административныхъ этого быть не можетъ, и въ судѣ независимомъ и самостоятельномъ обыватели волости всегда найдутъ себѣ защиту противъ всякаго проявленія произвола со стороны административной власти».

Въ составленномъ нами докладѣ московской уѣздной земской управы, оставленномъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ безъ расмотрѣнія, мы высказывали слѣдующія соображенія. Нельзя, прежде всего, не замѣтить, что исполненіе тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на волостнаго мироваго судью, совершенно невозможно. По проекту коммиссіи, онъ несетъ обязанности: а) нынѣшняго мироваго судьи, т.-е. разбираетъ дѣла и засѣдаетъ въ съѣздѣ; б) члена уѣздной управы, сопряженныя съ разъѣздами; в) уѣзднаго исправника, или, по крайней мѣрѣ, становаго пристава, по взысканію податей; г) нынѣшняго члена присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, по надзору за сельскимъ управленіемъ; д) волостнаго старшины и писаря, по военно-конской повинности и собиранію статистическихъ свѣдѣній; е) предсѣдателя волостной управы, ж) предсѣдателя волостнаао суда... Такое обиліе обязанностей, для исполненія которыхъ едва ли достаточно 24 часовъ въ сутки, повлечетъ за собою или формальнае отношеніе къ дѣлу, или совершенное бездѣйствіе, тѣмъ болѣе, что вопроса объ отвѣтственности судьи за бездѣйствіе коммиссія не касалась. Но и независимо отъ бездѣятельности, вынуждаемой тѣмъ положеніемъ, въ которое ставитъ коммиссія волостнаго мироваго судью, соединеніе въ одномъ лицѣ власти судебной и административной представляетъ большую опасность. При существованіи самостоятельнаго и независимаго суда, населеніе можетъ находить въ немъ защиту противъ неправильныхъ притязаній администраціи. Если должностныя дѣйствія административныхъ лицъ подлежатъ обжалованію только ихъ начальству, то въ неслужебныхъ отношеніяхъ ихъ къ населенію судъ составляетъ достаточную охрану послѣдняго; а когда въ рукахъ администратора будетъ находиться и судебная власть, когда ему будутъ подчинены всѣ мѣстныя должностныя лица и подсудны всѣ обыватели, онъ можетъ сдѣлаться грозою для всей округи. Случаи злоупотребленій должностныхъ лицъ, пользовавшихся своею власти для полученія личныхъ выгодъ, для дешеваго найма рабочихъ и т. под., бывали. Нельзя быть увѣреннымъ, что всѣ должности волостныхъ мировыхъ судей будутъ заняты исключительно высоко-честными людьми, что въ среди ихъ не найдется такихъ, которые пожелаютъ воспользоваться своимъ положеніемъ и извлечь изъ него всѣ выгоды; а если такіе люди найдутся—горе будетъ тому населенію, которое подпадетъ подъ ихъ иго. Ничего такого, что могло бы сдержать недобросовѣстныхъ судей, коммиссія не проектируетъ: надъ ними нѣтъ никакого контроля (нѣтъ рѣчи даже объ отвѣтственности ихъ передъ земскимъ собраніемъ).

Разсматривая далѣе предположеніе коммиссіи о порядкѣ опредѣленія волостнаго мироваго судьи, нельзя не замѣтить, что порядокъ этотъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое даетъ судьѣ коммиссія. Кромѣ собственно судебныхъ обязанностей, на волостнаго судью возлагается и завѣдываніе, въ предѣлахъ волости, земскимъ хозяйствомъ, для успѣшнаго выполненія каковой обязанности необходимо знакомство съ мѣстными условіями, которымъ можетъ обладать только мѣстный обыватель. Между тѣмъ, по проэкту коммиссіи, волостной мировой судья избирается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ тѣмъ же порядкомъ, какъ нынѣшніе мировые судьи, т.-е. изъ числа лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ числу жителей уѣзда. Если въ отношеніи чисто-судебной дѣятельности, основывающейся, главнымъ образомъ, на писанномъ законѣ, такой порядокъ опредѣленія не представляетъ неудобствъ, ибо для судьи знакомство съ мѣстными условіями не можетъ считаться необходимымъ, то возложеніе обязанностей администратора, завѣдывающаго хозяйствомъ, постоянно имѣющаго дѣло съ бытовыми условіями, на лицо пришлое, чуждое мѣстности и съ нею незнакомое, совершенно неудобно. Проектируемый коммиссіею волостной судья, если онъ будетъ избранъ изъ числа пришлыхъ людей, будетъ отличаться отъ правительственнаго чиновника—исправника или становаго—только по способу опредѣленія, по существу же между ними никакой разницы не будетъ: и тотъ и другой одинаково чужды мѣстности, и тому и другому одинаково чужды ея интересы. Можетъ даже случиться, что будущій администраторъ, незнакомый съ крестьянами, не съумѣетъ объясняться съ ними и будетъ, поэтому, представляться имъ только начальникомъ. Между тѣмъ, крестьянамъ нужны не столько начальники, сколько совѣтники и защитники, т.-е. люди, къ которымъ они могли бы относиться съ довѣріемъ. Возможно, правда, устранить указанное неудобство установленіемъ правила, что волостной судья можетъ избираться только изъ числа мѣстныхъ обывателей, но такое правило, въ виду довольно высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ мировому судьѣ въ отношеніи имущественнаго и образовательнаго ценза, можетъ сдѣлать судейскую должность монополіею немногихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, чрезъ что утратится все значеніе выборнаго начала и установится фактическая несмѣняемость судей-администраторовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ признать проектируемое коммиссіею учрежденіе волостныхъ судей-администраторовъ крайне неудачнымъ и высказаться рѣшительно противъ него *).

Весьма рѣзкой критикѣ подвергаетъ проекты, подобные московскому, самарская губернская коммиссія. Доказывая невозможность самоуправляющейся всесословной волости, она замѣчаетъ, что «несостоятельность всесословной волости, какъ административно-судебной единицы, еще очевиднѣе бросается въ глаза, такъ какъ она не только представляетъ попытку несообразнаго

*) Нашъ докладъ напечатанъ въ газ. *Земство* 1881 г., №№ 49, 51, 52.

соединенія совершенно разнородныхъ общественныхъ функцій, но, по своей предполагаемой организаціи, грозитъ упраздненіемъ всякой самостоятельности крестьянскаго сословія въ составѣ земскихъ учрежденій. Совершенно очевидно, что при сосредоточеніи хозяйственно-административной, судебной и исполнительной власти въ рукахъ группы лицъ, которая, по условіямъ своего избранія, будетъ почти исключительно принадлежать къ одному сословію, это сословіе пріобрѣтетъ вліяніе и силу, совершенно несоотвѣтствующія интересамъ остальнаго населенія. Такое общественное устройство будетъ тѣмъ болѣе рискованнымъ, что контроль дѣятельности отдѣльныхъ представителей новаго административно-судебнаго института будетъ просто невозможенъ. По предположенію коммиссіи московскаго земства о такого рода институтѣ, жалобы на волостныхъ судей-администраторовъ разсматриваются уѣздною земскою управою, въ которой они сами состоятъ членами. Устанавливается, слѣдовательно, порядокъ, по внѣшности однородный съ дѣйствующимъ въ настоящее время въ судебно-мировомъ институтѣ. Но если такой порядокъ еще можетъ практиковаться, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, въ сферѣ судебно-правовой, въ которой личный интересъ судьи почти никогда не замѣшанъ и его общественныя воззрѣнія не играютъ замѣтной роли, то онъ совершенно немыслимъ въ сферѣ административной, въ которой преобладаніе представителей одного класса населенія влечетъ за собою неизбѣжно потерю вліянія всѣми остальными классами». «Для контроля административныхъ органовъ, на какомъ бы началѣ они ни были организованы,—продолжаетъ коммиссія,—необходимъ судъ, отъ нихъ вполнѣ независимый и никакими интересами съ ними несвязанный. Это положеніе настолько выработано историческою жизнью государствъ, что всякое уклоненіе отъ него было бы непростительнымъ пренебреженіемъ къ законамъ здороваго общественнаго развитія. Нераціональность предполагаемыхъ судебно-административныхъ волостей вытекаетъ и изъ смѣшенія самыхъ разнородныхъ предметовъ вѣдѣнія, которые предполагается сосредоточить въ этомъ институтѣ. Вообще, представляется крайне мало надежды получить въ новомъ волостномъ устройствѣ удовлетворительный исполнительный органъ по разнообразнымъ предметамъ вѣдѣнія нынѣшнихъ земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденій. Очевидно, что составители такихъ проектовъ упускаютъ изъ виду, что дѣятельность какъ административно-хозяйственная, такъ и судебно-мировая требуетъ спеціальнаго съ каждою изъ нихъ знакомства, а потому новые волостные судьи-администраторы, чтобы удовлетворить своему назначенію, должны будутъ совмѣщать въ себѣ самыя разнообразныя качества, для выработки которыхъ настоящая жизнь еще не создала никакой практической школы. А въ виду этого, вполнѣ очевидно, что и выборъ лицъ, отвѣчающихъ такимъ требованіемъ, будетъ прямо невозможенъ» *).

*) Постановленія XVII очер. самарскаго губ. з. соб. 1881 г., стр. 872.

Орловская коммиссія, склоняющаяся въ пользу расширенія круга дѣятельности мировыхъ судей, въ то же время, высказывается противъ возложенія на нихъ чисто-административныхъ обязанностей. «Власть,—говоритъ она,—тогда можетъ почитаться прочною и вѣрною, когда она пользуется общимъ уваженіемъ, когда ей подчиняются въ силу сложившихся бытовыхъ условій, помимо принудительныхъ мѣръ, являющихся, какъ исключеніе изъ общаго порядка; а такое положеніе возможно лишь при условіи отвѣтственности, разумѣя отвѣтственность реальную, а не признанную только въ принципѣ и на дѣлѣ неосуществимую. При разнородности обязанностей мироваго судьи его пришлось бы поставить въ отношеніе подчиненности къ двумъ разнороднымъ же установленіямъ—судебному и административному, независимымъ одно отъ другаго, ибо на этой высшей ступени судъ уже непремѣнно отграничивается отъ администраціи. Но подобная двойственная іерархія не сообразна съ основаніями правильнаго государственнаго строя и практически не примѣнима. Если же мировой судья будетъ попрежнему подчиненъ только мировому съѣзду, то по отношенію къ новымъ обязанностямъ административнаго свойства на немъ не лежало бы должной отвѣтственности, слѣдовательно, не было бы соблюдено одно изъ важнѣйшихъ условій хорошаго гражданскаго устройства. Совмѣщеніе въ низшихъ органахъ судебной и исполнительной власти, вызываемое практическими соображеніями, оказывается возможнымъ въ странахъ, гдѣ политическія и соціальныя условія совершенно иныя, нежели тѣ, на коихъ зиждется наше государство. У насъ же такая мѣра, при условіи подчиненія мировыхъ судей и административному начальству, повела бы съ одной стороны къ подрыву въ нихъ необходимой для суда нравственной независимости, съ другой — къ развитію служебнаго произвола. Что совмѣщеніе этихъ двухъ золъ возможно не только въ одномъ учрежденіи, но и въ одномъ лицѣ, на это не будетъ недостатка въ указаніяхъ житейскаго опыта» *).

Предложеніе Д. Ѳ. Самарина—о созданіи волостныхъ мировыхъ судей, встрѣтившее столько возраженій, было отвергнуто и большинствомъ членовъ московской коммиссіи (7 противъ 6), и большинствомъ уѣздныхъ земскихъ собраній (за него высказались только 4 уѣзда), и не вошло въ окончательный проектъ, представленный собранію. Въ этомъ послѣднемъ «волостной судья» устраняется, но остальныя основныя черты первоначальнаго проекта сохраняются вполнѣ. На мѣсто судьи ставится «земскій волостной старшина», избираемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ «безъ различія сословій», изъ лицъ не моложе 21 года, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и имѣющихъ въ предѣлахъ уѣзда имущественный цензъ не менѣе 200 дес. Въ случаѣ недостатка въ уѣздѣ лицъ, владѣющихъ имущественнымъ цензомъ въ указанномъ размѣрѣ, выборъ можетъ быть произведенъ изъ всѣхъ владѣющихъ 200 дес. въ предѣлахъ

*) Докладъ (брошюра), стр. 37.

губерніи и удовлетворяющихъ требованіямъ образовательнаго ценза. Подъ властію «земскаго волостнаго старшины», не ограничиваемаго ни представительнымъ собраніемъ, ни волостнымъ правленіемъ или совѣтомъ, волость совершенно теряетъ всякое общественное значеніе: крестьянскія волостныя учрежденія упраздняются, не замѣняясь никакими другими; сохраняются только сельскія общества, со своими сходами и старостами. Вліяніе, предоставляемое «старшинѣ» на крестьянское самоуправленіе, весьма значительно: «по дѣламъ, относящимся до сельскаго общественнаго управленія, земскому волостному старшинѣ предоставляется та же власть, какую имѣли прежніе мировые посредники. Ему принадлежитъ дисциплинарная власть надъ сельскими должностными лицами въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это установлено ст. 30, п. 1 общ. пол. (полож. о губ. и уѣздн. по кр. дѣл. учрежд.). Въ случаяхъ болѣе важныхъ нарушеній по должности, волостной старшина имѣетъ право временно удалить сельскаго старосту». По взысканію податей и повинностей земскій старшина «можетъ поручать полиціи приведеніе въ исполненіе понудительныхъ мѣръ, причемъ указываетъ, какія изъ опредѣленныхъ законами мѣръ взысканія должны быть примѣнены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ». Жалобы на дѣйствія волостныхъ старшинъ разсматриваются уѣзднымъ совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ двое изъ нихъ по очереди. «Въ случаѣ нарушеній волостными старшинами ихъ обязанностей по службѣ, уѣздный совѣтъ имѣетъ право давать имъ предостереженія, а въ случаѣ болѣе важныхъ нарушеній—дѣлаетъ постановленіе о привлеченіи ихъ къ судебной отвѣтственности».

Проектъ московской коммиссіи, отвергнутый губернскимъ собраніемъ, стоитъ совершенно одиноко: вполнѣ съ нимъ тождественныхъ не было представлено, кажется, ни въ одной губерніи. Мы уже видѣли, что проектъ симбирскій хотя и имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство, въ то же время, отличается отъ него весьма выгодно сохраненіемъ крестьянскаго самоуправленія. Въ то время, какъ этотъ послѣдній предоставляетъ крестьянскому населенію возможность самому распоряжаться своими мѣстными интересами и, въ лицѣ избираемыхъ имъ волостныхъ старшинъ, принимать участіе въ волостномъ управленіи, проектъ московской коммиссіи ограничиваетъ крестьянское самоуправленіе предѣлами сельской общины и совершенно устраняетъ крестьянъ отъ волостныхъ должностей, предоставляя эти послѣднія исключительно цензовому меньшинству.

II.

Къ одному типу съ симбирскимъ принадлежатъ еще нѣсколько проектовъ, сохраняющихъ сословное крестьянское волостное устройство и подчиняющихъ его надзору земскихъ органовъ и отличающихся отъ него только отдѣленіемъ судебной власти отъ административной. Таковъ, напр., проектъ воронежской коммиссіи, принятый губернскимъ земскимъ собраніемъ. По

этому проекту нынѣшняя волость и сельская община остаются неприкосновенными, «съ тѣми незначительными измѣненіями, которыя указываются, ради цѣлей практическихъ, самими крестьянами» и касаются, главнымъ образомъ, состава волостнаго и сельскаго сходовъ. Учрежденія крестьянскаго управленія «сливаются» съ учрежденіями земскими и становятся подъ надзоръ послѣднихъ. «Съ предоставленіемъ земскимъ учрежденіямъ распорядительной власти, — говоритъ коммиссія, — и съ возложеніемъ на нихъ обязанности наблюденія за поступленіемъ податей и сборовъ, сферою ихъ вѣдѣнія захватываются существенные жизненные интересы крестьянскаго населенія, непосредственное попеченіе о которыхъ возложено на волостныя и сельскія учрежденія. Логическимъ послѣдствіемъ этого является сліяніе крестьянскихъ учрежденій съ земскими, т.-е. подчиненіе сельскихъ и волостныхъ учрежденій земскимъ учрежденіямъ, а именно—земской управѣ. Отъ подобнаго подчиненія крестьянскаго управленія органамъ земскихъ учрежденій не только не можетъ произойти какого-либо ущерба для крестьянскихъ интересовъ, напротивъ, они отъ этого только выиграютъ. Въ настоящемъ земствѣ сливаются всѣ элементы нашего общества; интересы этихъ элементовъ, встрѣчаясь нынѣ на почвѣ земскихъ учрежденій, не сталкиваются между собою, а, приноравливаясь другъ къ другу, ищутъ выбрать наилучшій путь для мирнаго слѣдованія вмѣстѣ; земская почва до сихъ поръ—почва взаимныхъ уступокъ, гдѣ крестьянство, съ его общинными интересами, встрѣчаетъ со стороны частнаго землевладѣнія болѣе предупредительности, чѣмъ могло бы требовать. Дѣятельность земскихъ учрежденій, если можно такъ выразиться, имѣетъ крестьянскій характеръ».

Для того, чтобы земская управа могла успѣшно исполнять свои новыя обязанности по надзору за крестьянскимъ управленіемъ, проектируется ея переустройство. «Уѣздная земская управа, избираемая уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, состоитъ изъ предсѣдателя, участковыхъ членовъ ея и хозяйственныхъ, если собраніе признаетъ сихъ послѣднихъ нужными. Участковые члены избираются по числу участковъ въ уѣздѣ, а хозяйственные по усмотрѣнію земскаго собранія, не болѣе 6 и не менѣе одного». Участковые члены управы и служатъ органомъ надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ. Для управленія уѣздъ раздѣляется земскимъ собраніемъ, съ утвержденія губернатора, на участки, каждый съ населеніемъ около 30 т. душъ муж. пола. Каждый участокъ завѣдуется въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ участковымъ членомъ управы, имѣющимъ жительство въ предѣлахъ участка. По дѣламъ крестьянскаго управленія на участковыхъ членовъ возлагаются обязанности непремѣнныхъ членовъ и, кромѣ того, приводъ къ присягѣ волостныхъ старшинъ, наблюденіе за правильнымъ выполненіемъ волостными и сельскими должностными лицами возложенныхъ на нихъ всякаго рода обязанностей, производство ревизій, особенно денежныхъ, волостныхъ и сельскихъ правленій и должностныхъ лицъ, завѣдующихъ сельскими сборами, съ цѣлью довести до край-

нихъ предѣловъ невозможности растратъ, назначеніе сроковъ для собранія волостныхъ сходовъ, разсмотрѣніе жалобъ на лицъ сельскаго и волостнаго управленій. Участковымъ членамъ присвояется дисциплинарная власть надъ крестьянскими должностными лицами: лицъ сельскаго управленія они могутъ подвергать денежнымъ штрафамъ и арестамъ, а волостныхъ—выговорамъ, замѣчаніямъ и, въ крайнихъ случаяхъ, удалять временно волостныхъ старшинъ и старостъ отъ исправленія должности впредь до постановленія уѣздной земской управы объ окончательномъ удаленіи или преданіи суду. Волостной старшина можетъ быть подвергнутъ штрафу или аресту только по постановленію управы, рѣшенію которой подлежатъ также дѣла о продажѣ крестьянскаго имущества для пополненія недоимокъ, числящихся на сельскомъ обществѣ, или для удовлетворенія частныхъ взысканій съ общества. На предсѣдателя управы возлагаются обязанности, возложенныя нынѣ на предсѣдателя уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и предсѣдателя земской управы. Онъ пользуется въ предѣлахъ уѣзда тою властію, которую имѣютъ участковые члены въ предѣлахъ своихъ участковъ *).

Воронежскій проектъ не вноситъ въ устройство волости существенныхъ измѣненій: волость остается учрежденіемъ сословнымъ, крестьянскимъ, и только надзоръ за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ переходитъ въ другія руки. Такъ же приблизительно разрѣшаетъ вопросъ и пензенская губернская коммиссія, большинство которой находило «въ высшей степени полезнымъ поставить крестьянское управленіе въ тѣсную связь съ учрежденіями земскими, которыя неизбѣжно должны опираться на него въ большей части ихъ дѣятельности, до коренного преобразованія низшей хозяйственной и административной организаціи». По мнѣнію коммиссіи, «представляется необходимымъ, съ одной стороны, учредить постоянный контроль за правильнымъ развитіемъ самоуправленія крестьянъ, невозможный безъ увеличенія числа непосредственно привлеченныхъ къ нему лицъ, съ другой стороны, весьма цѣлесообразнымъ, для успѣха земскаго дѣла, большее сближеніе земскихъ исполнительныхъ органовъ со всѣми частями завѣдываемаго ими уѣзда и, наконецъ, столь же необходимо сообразоваться съ недостаточнымъ еще количествомъ дѣятельныхъ силъ въ уѣздахъ, избѣгая, притомъ, всякаго обремененія платежныхъ средствъ земства». Въ видахъ достиженія этихъ цѣлей, коммиссія проектируетъ раздѣленіе уѣзда на 2—4 участка, съ учрежденіемъ въ каждомъ «попечителя», по выбору уѣзднаго земскаго собранія, изъ лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ въ размѣрѣ, установленномъ для участія въ земскихъ выборахъ. Въ избраніи «попечителей» принимаютъ участіе по два уполномоченныхъ отъ каждой изъ волостей, входящихъ въ составъ участка. На «попечителей» возлагаются всѣ обязанности непремѣнныхъ членовъ, съ предоставленіемъ имъ права временно отстранять отъ должности сельскихъ должностныхъ лицъ.

*) Журн. воронежскаго губ. зем. собр. съ 7 по 21 декабря 1881 г.

въ случаѣ важныхъ проступковъ, дурнаго поведенія или явной неспособности, а также пріостанавливать неправильныя распоряженія сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ. «Попечители» должны считаться членами уѣздныхъ земскихъ управъ, со всѣми правами, присвоенными прочимъ членамъ, но обязанности членовъ управы они могутъ исполнять лишь въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ найдетъ это возможнымъ, по соглашенію съ земской управою. Обязательно, изъ земскихъ дѣлъ, возлагаются на нихъ только надзоръ за хлѣбными запасными магазинами, а также повѣрочныя дѣйствія и наблюденія по снабженію нуждающихся крестьянъ средствами продовольствія. По усмотрѣнію земскихъ собраній дозволяется, сообразно съ мѣстными условіями, соединять должность «попечителя» съ должностями какъ дѣйствительныхъ членовъ управы, такъ и участковыхъ мировыхъ судей, хотя безусловное соединеніе въ должности мироваго судьи обязанностей судебныхъ и административныхъ надзоромъ за крестьянскимъ управленіемъ большинствомъ коммиссіи признано неудобнымъ. Попечители должны имѣть мѣстопребываніе преимущественно въ предѣлахъ ихъ участковъ, «руководить сельскія общества, ихъ должностныхъ лицъ и все крестьянское населеніе въ правильномъ соблюденіи законнаго порядка и оказывать имъ всевозможное содѣйствіе въ сношеніяхъ съ правительственными и земскими учрежденіями». Завѣдываніе крестьянскими дѣлами въ уѣздѣ возлагается на особое, усиленное присутствіе уѣздной управы «по крестьянскимъ дѣламъ», съ участіемъ участковыхъ попечителей *).

Къ изложеннымъ проектамъ примыкаетъ, до нѣкоторой степени, проектъ тульской коммиссіи, который, сохраняя крестьянское общественное управленіе, вводитъ еще новое дѣленіе уѣзда, подобное пензенскому участку,—«округъ». Каждымъ округомъ завѣдуетъ окружный членъ управы, имѣющій надзоръ за всѣми органами сельскаго и волостнаго управленія и за полицейскою дѣятельностью волостнаго старшины и распоряжающійся, или единолично и самостоятельно, или съ разрѣшенія уѣздной управы и подъ ея контролемъ, всѣми отраслями земскаго хозяйства. Окружный членъ управы пользуется дисциплинарной властью въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели установляется другими проектами: онъ разсматриваетъ жалобы на дѣйствія старостъ и волостныхъ старшинъ и «виновныхъ за маловажные проступки по должности присуждаетъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ и денежному штрафу до 5 р.; за болѣе важные проступки присуждаетъ: сельскаго старосту къ временному удаленію или окончательному отрѣшенію отъ должности, а волостнаго старшину къ временному и, съ утвержденія управы, окончательному удаленію отъ должности». Жалобы на дѣйствія окружныхъ членовъ разсматриваются управою. Въ должности члена

*) Рукописный докладъ коммисіи, разсмотрѣнный пензенскимъ губернскимъ собраніемъ 12 декабря 1881 г. Полученіемъ этого доклада мы обязаны любезности предсѣдателя пензенской губернской управы А. Н. Бекетова.

и предсѣдателя уѣздной управы «могутъ быть избираемы всѣ лица, владѣющія въ уѣздѣ землею не менѣе 10 дес., а равно ихъ сыновья, достигшіе совершеннолѣтія, если они окончили курсъ наукъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержали испытаніе, соотвѣтствующее окончанію курса въ сихъ заведеніяхъ, или пріобрѣли опытность въ государственной службѣ, занимая должности не ниже 8 класса».

Проектъ тульской коммисіи имѣетъ одну особенность, которая существенно отличаетъ его отъ предъидущихъ проектовъ. Въ волостное устройство онъ вводитъ всесословное начало и устанавливаетъ всесословное совѣщательное собраніе. По проекту, «населенію волости предоставляется: 1) выборъ волостнаго старшины и судей волостнаго суда; 2) право совѣщаться о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ, удовлетворяемыхъ изъ общихъ земскихъ суммъ, и предоставлять свои заключенія по этимъ предметамъ въ уѣздное земское собраніе чрезъ окружнаго члена управы. Права самообложенія волости не предоставляется». Для означенныхъ дѣлъ, на ряду съ крестьянскимъ волостнымъ сходомъ, сохраняющимъ права, предоставленныя ему положеніемъ о крестьянахъ, кромѣ выбора волостнаго старшины, учреждается всесословный волостной сходъ, состоящій изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка по одному съ 10 дворовъ, всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, или ихъ повѣренныхъ, арендаторовъ имѣній и мельницъ, владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ и приходскихъ священно-служителей. Сходъ созывается по распоряженію предсѣдателя онаго, избираемаго на три года. Въ должность волостнаго старшины, завѣдывающаго всею волостью въ полицейскомъ отношеніи, исполняющаго всѣ порученія окружнаго члена управы по дѣламъ административнымъ и земскимъ и несущаго всѣ обязанности, лежащія на сословномъ крестьянскомъ волостномъ старшинѣ,—могутъ быть избираемы лица всѣхъ сословій, не моложе 25 лѣтъ, если они владѣютъ землею въ предѣлахъ волости, на правѣ собственности или на общинномъ началѣ и, по общимъ законамъ, не лишены права занимать общественныя должности *).

Установленіемъ волостныхъ совѣщательныхъ собраній, тульскій проектъ примыкаетъ къ тѣмъ проектамъ, которые, склоняясь въ пользу всесословной волостной организаціи, дѣлаютъ нерѣшительные шаги въ этомъ направленіи, и ближе всего сходится съ проектомъ псковской коммисіи. Эта послѣдняя тоже раздѣляетъ уѣздъ на участки («избирательные»), управляемые участковыми членами управы и вводитъ въ нихъ совѣщательныя собранія, созываемыя «съ цѣлью опредѣленія мѣстныхъ пользъ и нуждъ участка, для внесенія всѣхъ мѣръ, касающихся его благоустройства, установленнымъ порядкомъ, чрезъ посредство управы, на разсмотрѣніе земскаго собранія» **). Кромѣ совѣщательнаго собранія, псковскій проектъ не при-

*) Докладъ коммисіи, избранной 11 іюля 1881 г. чрезв. тульскимъ губ. з. собраніемъ (брошюра).

**) Постановл. псковскаго губ. з. собр. въ съѣздъ 7—19 дек. 1881 г., стр. 129.

знаетъ въ участкѣ другихъ общественныхъ учрежденій: самоуправленіе крестьянское сосредоточивается въ сельской общинѣ, а всесословное—въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Этимъ же путемъ идетъ проектъ самарской коммиссіи. Здѣсь волостныя учрежденія тоже упраздняются, но вводится «полицейскій участокъ», съ участковымъ собраніемъ изъ «всѣхъ правоспособныхъ домохозяевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали, прожившихъ въ участкѣ не менѣе года или владѣющихъ въ немъ недвижимой собственностью», созываемымъ одинъ разъ въ три года, исключительно для выбора полицейскаго пристава *). Къ той же группѣ проектовъ принадлежитъ и проектъ таврической губернской управы. Высказываясь за упраздненіе волости и за ограниченіе крестьянскаго самоуправленія предѣлами сельскаго общества, управа проектируетъ образованіе всесословныхъ сходовъ для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ («волостнаго конторщика» и «полицейскаго старосты») для обсужденія дѣлъ, до мѣстныхъ пользъ и нуждъ относящихся, наприм., заявленій о неправильности оцѣнокъ статей обложенія, указаній на нужды школъ, врачебной части, нужды, вызываемыя экономическими условіями данной мѣстности, и многое другое, перечисленіе которыхъ было бы излишнимъ, такъ какъ сама жизнь укажетъ на нихъ. Въ дѣла сельскихъ общинъ всесословный сходъ не имѣетъ права вмѣшиваться.

Взамѣнъ волостныхъ управленій предполагается учрежденіе «волостныхъ конторъ», на подобіе нотаріальныхъ, безъ какой-либо административной или распорядительной власти. «На обязанности волостныхъ конторъ должно лежать веденіе всѣхъ тѣхъ книгъ, вѣдомостей и списковъ, которые ведетъ теперь волостное правленіе, если ихъ нельзя сократить. Кромѣ того, волостнымъ конторамъ должно быть предоставлено свидѣтельствовать договоры и сдѣлки на сумму 500 руб. и не только между крестьянами, но и посторонними лицами; свидѣтельствовать подпись и самоличность на почтовыхъ объявленіяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; собирать и доставлять земской управѣ свѣдѣнія объ урожаѣ, о существующихъ цѣнахъ на предметы продовольствія и другія нужныя для сельскаго хозяйства и администраціи данныя. Для удобства мѣстныхъ жителей, можно возложить на волостныя конторы продажу гербовыхъ и почтовыхъ марокъ, пріемъ и отправку земской почты и нѣкоторыя другія въ этомъ родѣ обязанности. Конторою завѣдуетъ волостной конторщикъ, избираемый не одними крестьянами, а всѣми владѣльцами недвижимыхъ имуществъ данной мѣстности. Контора находится въ непосредственномъ вѣдѣніи уѣздной земской управы. Деньги на содержаніе ея собираются съ мѣстныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ и крестьянъ **).

---

*) Постановл. XVII очер. самарскаго губ. з. собр., стр. 869.

**) Пренія и постанов. таврическаго губ. з. сов. чрезвыч. сессіи 24—27 апр. 1881 г., стр. 47 и слѣд.

III.

Болѣе смѣло высказывается за примѣненіе въ волостномъ устройствѣ начала всесословнаго самоуправленія проектъ вологодской губернской комиссіи. И этотъ проектъ не рѣшается еще дать волостному обществу полной самостоятельности, ставя во главѣ волости лицо, избираемое уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; однако, въ немъ населенію предоставляется гораздо болѣе правъ, нежели по проектамъ, съ которыми мы уже ознакомились. Сущность этого проекта слѣдующая. Единицей общественнаго управленія для крестьянъ всѣхъ наименованій признается сельскій приходъ, разумѣя подъ таковымъ извѣстный территоріальный околотокъ, съ указаннымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ центральнымъ пунктомъ, къ которому примыкаютъ остальныя населенныя мѣста. Поземельныя общины, входящія въ составъ прихода, составляютъ отдѣльныя хозяйственныя единицы. Органами приходскаго управленія служатъ приходскій съѣздъ и приходскій старшина, на обязанности котораго лежитъ, главнымъ образомъ, охраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія. Приходъ является единицею сословнаго крестьянскаго управленія; напротивъ, *волость* обнимаетъ не только крестьянъ, но и лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ въ ней имущество или осѣдлость. Организація «земской» волости проектируетъ слѣдующее: «а) волостной (теперешній участковый) мировой судья и при нихъ нотаріатъ; б) начальникъ земской волости; в) волостная управа; г) волостной полицейскій приставъ, онъ же и судебный приставъ по волости; д) волостной судъ и е) волостной сходъ».

Мировой судья, хотя и вводимый въ составъ волостной администраціи, сохраняетъ функціи, исключительно судебныя. По проекту, онъ, «какъ органъ судебной власти, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и при названіи участковаго мироваго судьи», но, въ виду сокращенія района его дѣятельности, на него налагаются нѣкоторыя новыя обязанности, а именно: 1) разборъ споровъ и исковъ по документамъ, опредѣляющимъ поземельное устройство крестьянъ; 2) разборъ исковъ о причиненныхъ неправильными дѣйствіями сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ убыткахъ, въ размѣрѣ, предоставленномъ мировому суду. но не иначе, какъ по признаніи неправильности этихъ дѣйствій высшей земской инстанціей; 3) наложеніе взысканій на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, преданныхъ суду волостнаго суда волостнымъ сходомъ или уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, въ предѣлахъ, которые должны быть указаны въ уст. о наказ., налаг. мир. судьями; 4) ревизія волостныхъ управъ и приходскихъ управленій и предсѣдательствованіе на волостныхъ съѣздахъ; 5) установленіе установленныхъ закономъ мѣръ взысканія недоимокъ какъ съ общинъ, за круговой порукою, такъ и съ лицъ и съ частныхъ землевладѣльцевъ, и признаніе ихъ несостоятельными; 6) разрѣшеніе споровъ и недоразумѣній по увольненію членовъ общинъ и по выдѣламъ домохозяевамъ участковъ

общинной земли; 7) утвержденіе приговоровъ сельскихъ сходовъ объ удаленіи изъ общества и непринятіи обратно въ общество опороченныхъ по суду; разрѣшеніе заключать въ тюрьму лицъ, удаленныхъ изъ общинъ, въ случаѣ покушенія на побѣгъ; 8) нотаріальная часть въ предѣлахъ волости, относя сюда и утвержденіе купчихъ крѣпостей на сумму до 500 р. включительно; 9) обязанности, вытекающія изъ положеній 19 февраля по утвержденію актовъ и договоровъ, разверстанію угодій и пр.

Увеличеніе обязанностей и усиленіе власти мироваго судьи, въ указанныхъ предѣлахъ, не даетъ ему вмѣшательства въ управленіе волости и сохраняетъ за нимъ значеніе судебнаго органа. Въ такихъ же предѣлахъ расширяетъ дѣятельность мироваго судьи и орловская коммиссія, которая, однако, предоставляетъ ему болѣе простора въ надзорѣ за мѣстной администраціей. По ея проекту, мировой судья привлекаетъ къ отвѣтственности должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленій и низшихъ чиновъ мѣстной полиціи не только по жалобамъ и оффиціальнымъ сообщеніямъ, но и по собственному усмотрѣнію, «безъ предварительнаго распоряженія начальства обвиняемаго о преданіе его суду». На мироваго судью коммиссія возлагаетъ «общій, въ предѣлахъ сельскаго мироваго участка, непосредственный надзоръ надъ крестьянскимъ управленіемъ и полиціей, по всѣмъ отраслямъ служебной дѣятельности принадлежащихъ къ онымъ лицъ. Мировой судья можетъ производить внезапныя ревизіи дѣлопроизводства, денежной отчетности и наличныхъ суммъ въ волостныхъ правленіяхъ и у сборщиковъ податей. По усмотрѣннымъ имъ безпорядкамъ и нарушеніямъ онъ возбуждаетъ противъ виновныхъ преслѣдованіе и, сообразно установленной подсудности, или разрѣшаетъ дѣло самъ, или же даетъ ему дальнѣйшее законное направленіе. По обвиненію въ преступленіи или въ проступкѣ, влекущемъ за собою тюремное заключеніе, или наказаніе, болѣе строгое, мировой судья можетъ временно удалить обвиняемаго отъ должности» *).

Во главѣ «земской волости» вологодская коммиссія ставитъ «начальника», избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, простымъ большинствомъ голосовъ, изъ лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ и образовательнымъ, установленнымъ для мировыхъ судей, а при болѣе значительномъ большинствѣ (размѣръ не указанъ) и изъ лицъ, не удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, «лишь бы онъ обязательно былъ изъ мѣстныхъ жителей и способенъ былъ вести относящуюся до службы переписку толково и грамотно». Начальникъ волости избирается на 6 лѣтъ и утверждается въ должности губернаторомъ, который имѣетъ право и не утвердить его, съ обязательствомъ, въ такомъ случаѣ, «увѣдомить о томъ земское собраніе въ опредѣленный срокъ мотивированнымъ протестомъ, подлежащимъ разсмотрѣнію собранія на общемъ основаніи». Подъ этимъ же условіемъ губернаторъ можетъ и

*) Докладъ, стр. 53.

уволить начальника волости «во всякое время». Права и обязанности волостнаго начальника коммиссіею не указаны: они «должны быть опредѣлены точно и подробно правительственнымъ наказомъ, при участіи представителей отъ земства».

При начальникѣ волости, подъ его предсѣдательствомъ, состоитъ «волостная управа», изъ двухъ членовъ—засѣдателей, избираемыхъ волостнымъ сходомъ. Въ управѣ сосредоточиваются всѣ дѣла по управленію волостью, кромѣ полиціи безопасности, поручаемой «волостному полицейскому приставу». На обязанности управы лежитъ: «а) исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на нее порученій какъ правительствомъ, такъ и земствомъ; б) всѣ дѣла административныя: по строительной и пожарной части, по народному здравію, по прекращенію разныхъ болѣзней и т. п., въ предѣлахъ установленной правительствомъ инструкціи; в) наблюденіе за правильностью торговли въ предѣлахъ волости; г) наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ проселочныхъ дорогъ; д) веденіе всѣхъ установленныхъ правительствомъ и земствомъ книгъ и списковъ по отправленію воинской и конской повинностей и другимъ предметамъ, равно какъ и собраніе разныхъ свѣдѣній; е) разсмотрѣніе всѣхъ жалобъ волостнаго полицейскаго пристава на всякое уклоненіе должностныхъ лицъ приходскаго и сельскаго управленій и сотскихъ отъ исполненія законныхъ его требованій и распоряженій; ж) разсмотрѣніе жалобъ на крестьянъ со стороны должностныхъ лицъ приходскихъ и сельскихъ управленій на неисполненіе ихъ законныхъ требованій и распоряженій, и з) разсмотрѣніе жалобъ крестьянъ и всѣхъ вообще на дѣйствія и распоряженія приходскихъ и сельскихъ должностныхъ лицъ и сотскихъ. Волостной управѣ предоставляется судебно-полицейское разбирательство дѣлъ какъ по жалобамъ, указаннымъ выше, такъ и по другимъ предметамъ, точно опредѣленнымъ. Самый же характеръ и размѣръ налагаемыхъ управою взысканій было бы вполнѣ цѣлесообразно опредѣлить примѣнительно къ тѣмъ, какими располагалъ мировой посредникъ по ст. 30 и 32 полож. о губ. и уѣздн. по кр. дѣл. учр.» *). При управѣ состоитъ казначейство, для пріема всѣхъ податей и повинностей, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ. Обязанности казначея возлагаются на одного изъ засѣдателей.

Совѣщательнымъ и въ нѣкоторой степени распорядительнымъ органомъ волости служитъ «земскій волостной съѣздъ», созываемый волостнымъ мировымъ судьей и состоящій, подъ его предсѣдательствомъ, изъ волостной управы, въ полномъ составѣ, всѣхъ земскихъ гласныхъ уѣзднаго

*) Указанными статьями мировому посреднику предоставлялось: присуждать виновныхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленій, за маловажные проступки по должностямъ, замѣчаніямъ, выговорамъ и денежному штрафу до 5 р., аресту до *семи* дней; лицъ всѣхъ сословій—либо къ имущественному вознагражденію, сообразно перечисленному ущербу, либо къ денежному взысканію до 5 р.; лицъ податнаго состоянія—къ общественнымъ работамъ до *шести* дней, или аресту до семи дней, либо къ наказанію розгами до 20 ударовъ.

собранія, лицъ и учрежденій, имѣющихъ право голоса въ избирательныхъ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ по имуществу, находящемуся въ предѣлахъ волости, и крестьянъ, особо для сего избираемыхъ на шесть лѣтъ приходскими сходами, по одному отъ каждыхъ 50 дворовъ. Къ обязанностямъ волостнаго схода относятся: выборъ засѣдателей волостной управы, судей волостнаго суда и уполномоченнаго по отправленію конской повинности въ волости; обсужденіе вопросовъ, передаваемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ на предварительное заключеніе волостныхъ сходовъ и различныхъ мѣропріятій по устройству благосостоянія волости, а также ходатайствъ волости, обращаемыхъ къ уѣздному земскому собранію объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и потребностей волости; обсужденіе вопросовъ о приведеніи въ исполненіе установленныхъ правительствомъ и земствомъ всякаго рода санитарныхъ мѣръ; разсмотрѣніе жалобъ на неправильный призывъ по семейному положенію при отбываніи воинской повинности *).

Въ изложенномъ проектѣ права волостнаго представительства поставлены въ довольно тѣсные предѣлы, но они шире тѣхъ, которые предоставляются ему проектами тульскимъ и псковскимъ: по послѣднимъ, волостной сходъ только обсуждаетъ нѣкоторые вопросы, тогда какъ, по вологодскому, онъ, кромѣ того, избираетъ должностныхъ лицъ. Нѣсколько далѣе, въ направленіи волостной самостоятельности, идетъ, повидимому, проектъ большинства тамбовской коммиссіи, къ сожалѣнію, совершенно неразработанный. Хозяйственно-административная часть, по этому проекту, должна всецѣло перейти въ вѣдѣніе земства, съ обязанностію наблюденія за порядкомъ, необходимымъ для общественнаго благосостоянія. Уѣздъ признается слишкомъ крупной единицей, почему и долженъ быть разбитъ на единицы болѣе мелкія—участки. Представительство въ такомъ земскомъ участкѣ должно быть организовано на тѣхъ же основаніяхъ, какія приведены въ полож. о земск. учр., и такъ, чтобы интересы лицъ всѣхъ сословій были бы одинаково гарантированы. Исполнительная власть должна быть поручена въ каждомъ участкѣ участковому члену земской управы, избираемому уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа нѣсколькихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ участковымъ сходомъ. Кандидаты эти должны имѣть единственнымъ цензомъ—грамотность **).

IV.

Ближе всѣхъ разсмотрѣнныхъ проектовъ подходитъ къ типу самоуправляющейся всесословной волости организація, проектированная уфимской губернской управой, къ сожалѣнію, не представившей выработаннаго проекта. Входить въ подробное развитіе порядка кореннаго преобразованія управа

*) Журналы вологодскаго губ. земск. собр. III очер. сессіи 4-го трехлѣтія, стр. 4 и слѣдующія.

**) Журналы тамбовскаго губ. з. собр. декабрьской сессіи 1881 г., стр. 424.

считаетъ несвоевременнымъ, пока не одобрена общая мысль, тѣмъ болѣе, что преобразованіе это влечетъ за собою измѣненіе въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и въ другихъ органахъ администраціи». Въ общихъ чертахъ проектъ уфимской управы представляется въ слѣдующемъ видѣ. Не признавая хозяйственнаго значенія за второю инстанціею крестьянскаго управленія—волостью и считая ее учрежденіемъ, «чисто-административнымъ, созданнымъ для обобщенія интересовъ, порожденныхъ искусственной группировкой разрозненныхъ и въ большинствѣ случаевъ ничего общаго между собою не имѣющихъ сельскихъ обществъ», управа высказывается за упраздненіе крестьянскаго волостнаго управленія. «Все общественное хозяйство крестьянъ,—говоритъ она,—сосредоточивается въ естественной единицѣ сельскаго общества, которому въ этомъ отношеніи можетъ быть предоставлена полная самостоятельность: если кругъ дѣятельности сельскаго схода будетъ рѣзко ограниченъ дѣлами хозяйственными, то контроля за нимъ не требуется и всякое его дѣйствіе и постановленіе внѣ этой сферѣ лишено будетъ силы и значенія, а въ случаѣ нарушенія чьихъ бы то ни было правъ и интересовъ поведетъ лишь къ судебной отвѣтственности. Со старосты при этомъ должны быть сняты всякія полицейскія обязанности. Избраніе старосты можетъ быть производимо на сходахъ, въ присутствіи кого-либо изъ органовъ земства, а удаленіе отъ должности, наложеніе административныхъ взысканій и преданіе суду должны бы быть ввѣрены мировому съѣзду, при участіи прокурора».

Надъ сословной крестьянской общиной стоитъ всесословная административная единица—«земскій округъ» съ «окружнымъ управленіемъ», для завѣдыванія дѣлами благоустройства и мѣстной администраціи, кромѣ полиціи безопасности. «Округъ» пользуется правомъ собраній, выборовъ и самообложенія. «На обязанность округовъ передаются продовольственная, страховая, строительная и медико-полицейская части; они же завѣдуютъ школами, богадѣльнями, больницами, медициной и другими повинностями; наблюдаютъ за исправностью мостовъ, дорогъ, переправъ, за фабриками и заводами. Окружныя же управленія слѣдятъ за поступленіемъ всѣхъ сборовъ, понуждаютъ къ уплатѣ ихъ, принимая мѣры ко взысканію, по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ; выдаютъ всякаго рода свидѣтельства и билеты, собираютъ статистическія свѣдѣнія, составляютъ и ведутъ поселенные списки для отбыванія воинской повинности, списки для военно-конской повинности; вѣдаютъ запиской и созывомъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Имѣя право дѣлать распоряженія и принимать необходимыя мѣры по всѣмъ этимъ дѣламъ, окружныя управленія своею властію не должны налагать никакихъ взысканій и не могутъ касаться ничьего имущества. Въ случаѣ неисполненія ихъ законныхъ требованій, они обращаются къ мировому судьѣ, а для приведенія въ исполненіе рѣшеній суда требуютъ содѣйствія полиціи». Земскій округъ «образуютъ лица, проживающія въ извѣстной мѣстности и избирающія своихъ представителей, по разнымъ

категоріямъ ценза, на отдѣльныхъ съѣздахъ. Представители эти, на общемъ собраніи округа, подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, избираютъ уѣздныхъ гласныхъ отъ округа и членовъ въ окружное управленіе. Кругъ дѣятельности округа, ограничиваясь потребностями небольшой мѣстности, не можетъ быть самостоятеленъ, дабы не ввести начало полной розни въ земское управленіе, а потому округа полезно во всѣхъ отношеніяхъ подчинить уѣздному собранію, а окружныя управленія—уѣздной управѣ, и допустить самообложеніе округа частной повинностію на спеціальныя его надобности только въ очень тѣсной рамкѣ и съ утвержденія земскаго собранія».

Предположенія управы получили одобреніе учрежденной губернскимъ собраніемъ коммиссіи, а за нею и самого собранія, но съ весьма существенными оговорками. Коммиссія не нашла возможнымъ согласиться на приданіе «земскимъ округамъ» проектируемаго управою характера. «Создавать внутри уѣзда самостоятельныя единицы, со всѣми правами земскаго учрежденія, коммиссія считаетъ несвоевременнымъ и опасается столкновеній между окружнымъ собраніемъ и уѣзднымъ, какъ скоро обоимъ будетъ подлежать разрѣшеніе близкихъ предметовъ. Съ другой стороны,—говоритъ коммиссія,—возникаетъ вопросъ, настолько ли объединены уже интересы землевладѣльцевъ личныхъ и общественниковъ, чтобы возможно было уже теперь полное согласіе между ними относительно самообложенія въ тѣсномъ кругу предполагаемыхъ новыхъ округовъ. Цѣль этихъ учрежденій—болѣе успѣшное и правильное выполненіе тѣхъ административно-хозяйственныхъ обязанностей, которыя лежали до сихъ поръ на волостныхъ правленіяхъ, хотя и касались пользы всѣхъ обывателей. Коммиссія полагаетъ, что цѣль будетъ вполнѣ достигнута, если окружныя управленія будутъ дѣйствовать по указаніямъ уѣздныхъ собраній, подъ руководствомъ уѣздныхъ управъ, и содержаться на средства уѣзднаго земства. Волостныя правленія вполнѣ замѣнены будутъ такими низшими земскими органами, на которые перейдутъ всѣ ихъ обязанности, кромѣ полицейскихъ и фискальныхъ, передаваемыхъ полиціи и особымъ приставамъ; не замѣнятся только волостные сходы, совершенно ненужные, какъ скоро содержаніе окружныхъ управленій принято будетъ на себя уѣздомъ, а это казалось бы справедливымъ уже и въ томъ отношеніи, что кругъ дѣятельности и польза этихъ учрежденій будутъ совсѣмъ независимы отъ богатства каждаго округа». Но, ограничивая права «округовъ», коммиссія, тѣмъ не менѣе, предоставляетъ имъ право выбора лицъ, поставляемыхъ во главѣ ихъ («чтобы округа не страдали отъ неудачныхъ назначеній уѣздной управой и чтобы эти лица не глядѣли на себя единственно, какъ на агентовъ управы, не чувствовали необходимости подслуживаться ей»), право выбора гласныхъ въ земское собраніе и «обсужденіе мѣстныхъ нуждъ и потребностей округа, но только съ правомъ представленія въ уѣздное собраніе своихъ соображеній и ходатайствъ; всякій сборъ внутри округа долженъ зависѣть

уже отъ постановленія земскаго собранія». Къ числу обсуждаемыхъ окружными собраніями мѣстныхъ нуждъ «относится, конечно, и дѣятельность окружныхъ управленій, право контроля и ревизіи ихъ, съ представленіемъ уѣздному собранію добытыхъ результатовъ и сдѣланныхъ замѣчаній». Въ члены окружныхъ управленій собранія могутъ избирать «всякаго грамотнаго, совершеннолѣтняго и неопороченнаго человѣка, хотя бы и не принадлежащаго къ округу, и безъ всякихъ условій ценза; но выборъ членовъ управленія долженъ быть во всякомъ случаѣ утверждаемъ уѣзднымъ собраніемъ. Смѣна же этихъ лицъ должна зависѣть либо отъ уѣзднаго собранія, либо отъ суда» *).

V.

Мы переходимъ теперь къ тѣмъ проектамъ, которыми предполагается учрежденіе волости, организованной по одному плану съ уѣздными земскими учрежденіями, такой волости, которую по преимуществу принято называть «волостью всесословной». Проектамъ этого рода часто дѣлали упреки въ томъ, что они не достаточно разработаны, что ими обойдены и оставлены безъ разрѣшенія многіе весьма существенные вопросы. Такъ, покойный А. И. Кошелевъ, принадлежавшій къ числу рѣшительныхъ противниковъ всесословной волости **), ставилъ сторонникамъ ея въ вину, что они «не обращаютъ достаточнаго вниманія на главные вопросы по устройству всесословной волости: какъ уравновѣсить права крестьянскихъ обществъ и личныхъ землевладѣльцевъ и обезпечить ихъ интересы; сколько должно быть на всесословномъ волостномъ сходѣ представителей отъ тѣхъ и отъ другихъ; какой голосъ дать землевладѣльцамъ—единичный или по землевладѣнію? Эти вопросы крайне важны, а на нихъ нѣтъ нѣсколько положительныхъ и обстоятельныхъ отвѣтовъ... Настоящіе сторонники земской волости еще не дали на вышеуказанные вопросы сколько-нибудь положительныхъ и на знаніи дѣйствительнаго нашего быта основанныхъ отвѣтовъ, а они совершенно необходимы и неотложны. Если земская волость должна осуществиться, то она не можетъ не быть учреждена законодательнымъ порядкомъ, а для этого нужны не бюрократическія справки и заключенія, а земскія мнѣнія, свѣдѣнія и соображенія». Въ видахъ большаго разъясненія предположеній о всесословной волости А. И. Кошелевъ предлагаетъ своимъ противникамъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: «1) какой голосъ слѣдуетъ дать на волостныхъ сходахъ крестьянскимъ обществамъ и личнымъ землевладѣльцамъ, дабы обезпечить ихъ отъ владычества однихъ надъ другими и отъ угнетенія меньшинства большинствомъ? 2) какъ устроить управленіе въ земской волости,—въ единоличномъ или коллегіальномъ видѣ, и какія права ему предоставить и какія обязанности на него возложить? Наконецъ, 3) предоставить ли этимъ учрежденіемъ ту же самостоятельность, какою

*) *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* 1882 г., № 7, отд. II, стр. 13 и слѣд.

**) См. его статьи въ *Земствѣ* 1881 г., №№ 15, 21, 23, 43; 1882 г., №№ 17, 21.

пользуются земскія собранія и управы, или устроить надъ ними контроль отъ уѣзднаго земства и какъ этотъ контроль устроить»?—«Много я читалъ статей и даже проектовъ объ устройствѣ всесословной волости,—говоритъ Кошелевъ,—но во всѣхъ встрѣчалъ такъ много неопредѣленности, болѣе общихъ мѣстъ, чѣмъ положительныхъ мнѣній и почти вездѣ ссылки на имѣющія быть изданными законоположенія. Но если сторонники всесословной волости не знаютъ досконально, какъ ее устроить въ ихъ мѣстности, то откуда же законодательство почерпнетъ свѣдѣнія и мысли о томъ, какъ ее устроить вообще?» *).

На значительные пробѣлы въ существующихъ проектахъ указывалъ и Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. О существѣ всесословной волости, говоритъ онъ, земства еще не договорились до конца. «По этому вопросу они, такъ сказать, прошлись «по верхамъ», не разобравъ дѣла по ниточкѣ, не столковавшись по весьма существеннымъ пунктамъ. Тутъ есть еще поле для недоразумѣній, и если бы пришлось рисовать полныя картины всесословнаго волостнаго устройства, очень можетъ быть, что земства, ставшія теперь подъ одно и то же знамя, вдругъ обнаружили бы рознь въ пониманіи его значенія, что одни представляютъ себѣ всесословную волость въ одномъ видѣ, а другіе въ другомъ». По мнѣнію г. Воропонова, «недоразумѣнія существуютъ относительно *такихъ* частностей, отъ рѣшенія которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ могутъ зависѣть самыя *рѣшенія* земства—принять или не принять всесословную волость». Г. Воропоновъ, подобно Кошелеву, упрекаетъ, между прочимъ, «рѣшавшихъ всесословную волость» въ томъ, что они, «бо́льшей частью, не обратили достаточнаго вниманія на то, *какъ* составится представительство земской волости, какъ распредѣлены будутъ голоса между членами разныхъ сословій. Эта сторона,—говоритъ онъ,—едва ли не наименѣе выясненная и, въ то же время, едва ли не самая существенная, относительно которой возможна наиболѣе сильная рознь мнѣній. Рѣшать *вмѣстѣ*—хорошо, но *какъ* рѣшать, какими правами долженъ пользоваться каждый при рѣшеніи? Не столковавшись обстоятельно на счетъ этого щекотливаго предмета, едва ли можно съ полною сознательностью дѣлать постановленія о преобразованіи». Г. Воропоновъ указываетъ далѣе на неразрѣшеніе вопроса объ уравненіи правъ сословій, входящихъ въ составъ всесословной волости, въ отношеніи порядка взысканія сборовъ, участія въ отправленіи натуральныхъ повинностей: «пора,—говоритъ онъ,—опять поднять вопросъ о податной реформѣ». «Подавая голосъ,—говоритъ нашъ авторъ,—надо отчетливо выразить, за какое именно устройство, за какое распредѣленіе рѣшающихъ голосовъ, за какое объединеніе, за равноправіе или за разноправіе мы подаемъ голосъ. Нельзя оставлять неясностей и существенныхъ недоразумѣній. И, въ тоже время, нельзя оставлять безъ вниманія того, какъ отразится задуманное преобразованіе собственно для

*) «Отвѣтъ одному изъ сторонниковъ земской волости». *Земство* 1882 г., № 17.

крестьянскаго самоуправленія и что нужно сдѣлать, чтобы не пострадали интересы послѣдняго» *).

Изложенные упреки не лишены основанія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ земскихъ проектовъ оставляютъ открытыми многіе изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Такъ, тамбовская коммиссія, какъ мы видѣли, ограничивается лишь общимъ указаніемъ на желательность устройства мелкихъ земскихъ единицъ, не входя въ разсмотрѣніе подробностей ихъ организаціи. Точно также херсонская губернская управа, находя, что «въ настоящее время идетъ дѣло болѣе о принципѣ, нежели объ уставѣ», выставляетъ лишь основное положеніе: «волость, представляя младшую земскую единицу, должна состоять изъ волостнаго собранія и волостной управы. Собраніе входитъ во всѣ хозяйственныя нужды, дѣлаетъ по нимъ свои постановленія и избираетъ должностныхъ лицъ. Управы исполняютъ постановленія собраній». Затѣмъ всѣ дальнѣйшіе вопросы волостнаго устройства управа оставляетъ открытыми, признавая необходимымъ разсмотрѣніе ихъ въ связи съ пересмотромъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. «Соглашаясь вполнѣ съ проектируемой (уѣздными земствами Херсонской губ.) организаціею всесословныхъ волостей, какъ младшихъ земскихъ единицъ, устраиваемыхъ исключительно для цѣлей распорядительно-хозяйственныхъ, губернская управа полагаетъ, что, устанавливая законодательнымъ порядкомъ такую земскую единицу, какъ всесословная волость, необходимо точно опредѣлить, что подлежитъ вѣдѣнію ея и распоряженію, а также какія повинности лежатъ на обязанности волостей, какія на уѣздномъ и какія на губернскомъ земствѣ; отсюда вытекаетъ вопросъ о пересмотрѣ земскаго положенія вообще и о разграниченіи, или, лучше сказать, распредѣленіи предметовъ вѣдомствъ—волостнаго, уѣзднаго и губернскаго земствъ. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ также вопросъ, не предусмотрѣнный въ положеніи о земск. учр., но подлежащій также серьезному обсужденію. Какъ извѣстно, повинности земскія раздѣляются на обязательныя и необязательныя; разъ волость будетъ единицей земской, то, вѣроятно, повинности ея также будутъ раздѣлены на обязательныя и необязательныя. Не говоря о первой, которую земство обязательно исполняетъ и которую точно также и волостныя учрежденія, несмотря на размѣръ ея, безпрекословно должны будутъ исполнять,—является вопросъ, останутся ли необязательныя повинности, какъ и въ нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ, точно также безграничными и предоставленными усмотрѣнію волостныхъ собраній, или для нихъ должна быть установлена особая норма. Этотъ вопросъ, въ связи съ необходимостью такихъ положеній, которыя гарантировали бы, по возможности, равномѣрную раскладку не только будущихъ волостныхъ, но и нынѣ дѣйствующихъ земскихъ повинностей на всѣ предметы обложенія, а въ особенности на уклоняющуюся нынѣ отъ обложенія торговлю и капиталы.

*) «Пробѣлы проектовъ земской волости». *Земство* 1882 г., № 17.

еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости пересмотра положенія о земскихъ учрежденіяхъ вообще» *).

Несмотря на то, что ни однимъ земствомъ не было выработано подробнаго проекта «положенія о волостномъ устройствѣ» (исключеніе составляетъ одобренный петербургской коммиссіей проектъ губернскаго гласнаго А. И. Бланнова), въ земскихъ работахъ можно найти болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на всѣ вопросы, поставленные А. И. Кошелевымъ и Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ. Можно не соглашаться съ предложенными рѣшеніями, можно признавать ихъ неосновательными или несправедливыми, но нельзя, подобно Кошелеву, утверждать, будто бы «сторонники всесословной волости не знаютъ досконально, какъ ее устроить въ ихъ мѣстности». Обращаясь къ земскимъ проектамъ, мы разсмотримъ ихъ всѣ совмѣстно, по отдѣламъ, и прежде всего остановимся на вопросѣ о томъ, что такое всесословная волость, для достиженія какихъ цѣлей она предназначается.

Въ этомъ отношеніи между проектами не встрѣчается существенныхъ разногласій. Всѣ они сходятся въ томъ, что въ кругъ обязанностей волостнаго управленія должны входить тѣ же дѣла, какія подлежатъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, поскольку они связаны съ мѣстностью. По проекту рязанской коммиссіи, къ предметамъ вѣдомства «округовъ» относятся всѣ дѣла, которыми нынѣ вѣдаетъ земство, въ силу 2 ст. полож. о земск. учр., и которыя впредь имѣютъ быть законодательствомъ отнесены къ обязанностямъ земства. «Такъ какъ изъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій на округа должно быть отнесено удовлетвореніе тѣхъ земскихъ потребностей, которыя, по существу своему или отдаленности отъ центральныхъ земскихъ учрежденій, не могутъ быть вполнѣ удовлетворены послѣдними, то слѣдовало бы, въ соотвѣтствіе съ ст. 62 и 64 полож. о земск. учр., внести въ текстъ закона особую статью, опредѣляющую тѣ предметы, которые въ особенности относятся къ вѣдомству окружныхъ земскихъ учрежденій». Предметы эти, примѣрно, могли бы быть (по принятому коммиссіею проекту кн. С. В. Волконскаго) слѣдующіе: «а) *по народному продовольствію* — обсужденіе и принятіе сподручныхъ мѣръ противъ истощенія полей культурой, къ улучшенію скотоводства, къ предупрежденію падежей скота и конокрадства, къ распространенію травосѣянія и другихъ кормовыхъ средствъ; устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и завѣдываніе ими; распредѣленіе между нуждающимися пособій и ссудъ, выдаваемыхъ изъ продовольственныхъ капиталовъ, и т. п.; б) *по дѣлу призрѣнія*—устройство богадѣленъ, пріютовъ для дѣтей на время отсутствія ихъ родителей или взрослыхъ родственниковъ; отдѣльныя мѣры призрѣнія; временныя снабженія неимущихъ пищею, одеждой и т. п.; в) *по части предупрежденія пожаровъ*—обсужденіе и принятіе мѣръ къ устройству и распространенію дешевыхъ огнестойкихъ зданій и замѣнѣ

*) Херсонское губ. з. собр. Сессія XXIII, 22—29 окт. 1881 г. Прилож., стр. 81.

соломенныхъ крышъ менѣе опасными во время пожаровъ, къ устройству водоемовъ, къ устройству и содержанію въ исправности огнегасительныхъ снарядовъ и т. п.; г) *по санитарной части*—сподручныя мѣры къ осушенію гнилыхъ болотъ, къ содержанію въ чистотѣ прудовъ и рѣчекъ, къ привитію оспы, къ отдѣленію заразительныхъ больныхъ отъ здоровыхъ и т. п.; д) *по народному образованію*—мѣры къ устройству начальныхъ училищъ и къ обезпеченію ихъ содержанія, ближайшее завѣдываніе ими подъ руководствомъ и наблюденіемъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и т. п.; е) *по другимъ хозяйственнымъ нуждамъ*, какъ, напр., устройство и содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ и мостовъ на нихъ; представленіе на усмотрѣніе центральныхъ земскихъ учрежденій заявленій о потребностяхъ, непосильныхъ одному округу, и т. п.» *).

Казанская коммиссія, относя къ предметамъ вѣдомства волостныхъ учрежденій тѣ же предметы и «вообще попеченіе о всѣхъ мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ», расширяетъ кругъ ихъ обязанностей, возлагая на нихъ завѣдываніе мірскими капиталами крестьянъ и опеками надъ имуществами въ предѣлахъ волости, безъ различія сословій. При этомъ «опеки крестьянскія, т.-е. надъ лицами, входящими въ составъ сельскихъ обществъ, принадлежатъ самимъ обществамъ; опекуны надъ личностью малолѣтняго, проживающаго на территоріи волости, не крестьянскаго сословія, хотя избираются тоже волостнымъ собраніемъ, но вступаютъ въ должность не иначе, какъ съ утвержденія уѣзднаго земскаго собранія, которое имѣетъ право, въ случаѣ надобности, назначить иного опекуна, по своему усмотрѣнію». Распредѣленіе земскихъ потребностей на волостныя и уѣздныя принадлежитъ уѣздному земскому собранію, которое можетъ поручить ближайшему завѣдыванію волостнаго земства и учрежденія, содержимыя въ предѣлахъ волости на уѣздный земскій сборъ **).

Наиболѣе подробный перечень предметовъ вѣдомства волостнаго управленія мы находимъ въ проектѣ петербургскаго гласнаго и непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія А. И. Бландова, въ которомъ они формулируются слѣдующимъ образомъ: «1) Завѣдываніе имуществами, капиталами, денежными сборами и натуральными повинностями волости. 2) Раздѣленіе путей сообщенія волости, не входящихъ въ число путей государственныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ, на пути сообщенія волостные и частные; завѣдываніе волостными путями сообщенія. 3) Попеченіе объ обезпеченіи народнаго продовольствія, общественнаго здравія, народнаго образованія, общественнаго призрѣнія и попеченіе о прекращеніи падежей скота въ предѣлахъ волости. 4) Содѣйствіе развитію мѣстной торговли и промышленности, какъ, напр., содѣйствіе къ открытію рынковъ, ярмарокъ, базаровъ, пристаней, станцій желѣзныхъ дорогъ, теле-

*) Журн. рязанскаго г. з. с. X чрез. соб., стр. 161 и 129

**) Докладъ XVII очер. казанскому губ. зем. собр. особой коммиссіи по вопросу о преобразов. учрежд. по крест. дѣл. (брошюра).

графныхъ станцій, почтовыхъ конторъ и различныхъ кредитныхъ и страховыхъ учрежденій. 5) Раскладка внутри волости тѣхъ государственныхъ и земскихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, раскладка которыхъ по непосредственнымъ предметамъ обложенія будетъ возложена на обязанность волостнаго управленія. 6) Участіе, въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ, въ завѣдываніи воинскою, постойною и конскою повинностями, а равно и въ исполненіи всѣхъ повинностей, которыя будутъ возложены на обязанность обывателей волости закономъ или постановленіями земскихъ собраній, вошедшими въ законную силу. 7) Назначеніе, раскладка и расходованіе волостныхъ сборовъ для удовлетворенія потребностей волости. 8) Производство выборовъ въ различныя должности по волостному управленію и въ гласные уѣзднаго земскаго собранія. 9) Представленіе губернатору и земскимъ учрежденіямъ, по ихъ требованіямъ, свѣдѣній и заключеній по волостнымъ дѣламъ. 10) Ходатайство передъ правительствомъ и земскими учрежденіями о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ волости. На волостное управленіе возлагается обсужденіе, опредѣленіе и приведеніе, въ установленномъ порядкѣ, въ исполненіе законныхъ мѣръ, необходимыхъ для хода дѣлъ, вѣдѣнію сего управленія ввѣренныхъ» *).

Если добавить сюда возлагаемое владимірскимъ губернскимъ собраніемъ на волостные исполнительные органы свидѣтельствованіе сдѣлокъ и договоровъ на опредѣленную сумму, составленіе описи имуществъ, назначаемыхъ въ продажу за недоимки и долги по рѣшеніямъ мировыхъ судей и волостнаго суда, и производство самой продажи, собираніе статистическихъ свѣдѣній **), то получится полный перечень предметовъ вѣдомства волостныхъ учрежденій. На основаніи изложенныхъ проектовъ волость пріобрѣтаетъ права юридическаго лица и получаетъ значеніе самостоятельной земской единицы, вѣдающей всѣ дѣла общественнаго благоустройства, въ предѣлахъ волостной территоріи.

Организація волостнаго управленія, по всѣмъ проектамъ, тождественна съ организаціей земскихъ учрежденій. Оно состоитъ изъ распорядительнаго органа—участковаго или волостнаго собранія, и исполнительнаго—волостной управы. Составъ перваго по разнымъ проектамъ опредѣляется различно. Нѣкоторые, и такихъ большинство, сохраняютъ представительство группъ, по родамъ владѣній. Такъ, по мнѣнію кн. Волконскаго, принятому рязанской коммиссіей, «всѣ, владѣющіе въ округѣ подлежащею обложенію собственностію, въ размѣрѣ не меньшемъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, могли бы быть признаны членами собранія по праву ценза. Всѣ же мелкіе личные собственники могли бы избирать своихъ представи-

*) Коммиссія для изслѣдованія условій, вредно вліяющихъ на экономическое положеніе С.-Петербургской губ. Прилож. къ докладу по вопросу объ измѣненіяхъ въ мѣстномъ управленіи.

**) Заключеніе владимірскаго губ. зем. собр. объ измѣненіи полож. 27 іюня 1874 года. *Владимірскій Земскій Сборникъ* 1881 г., №№ 9—10.

телей въ число собранія по одному отъ каждаго коллективнаго ценза такого же размѣра. Крестьяне-общинники могли бы избирать своихъ представителей въ собраніе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ мелкіе личные собственники». То же начало—представительство по имуществу, съ предоставленіемъ владѣльцамъ опредѣленнаго цензa права участія въ волостномъ собраніи безъ выбора,—проводитъ и казанская коммиссія. По ея проекту, «право непосредственнаго участія на волостномъ собраніи, какъ для владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и для лицъ, получающихъ иной доходъ, опредѣляется нормою, которая должна быть установлена уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждена губернскимъ. Сельскія общины посылаютъ на волостное собраніе столько отъ себя представителей, избираемыхъ ими на сельскихъ сходахъ, сколько доходность ихъ надѣла представляетъ нормъ. На этомъ же основаніи избираютъ отъ себя представителей подворные владѣльцы надѣловъ, если они составляютъ цѣлыя селенія. Отдѣльные въ селеніяхъ подворные собственники, всѣ прочіе мелкіе владѣльцы земель, ниже установленной закономъ нормы, составляютъ изъ себя избирательный съѣздъ, на которомъ выбираютъ представителей въ томъ числѣ, какое будетъ слѣдовать по установленной нормѣ. Такимъ же образомъ соединяются для избранія отъ себя представителей въ волостное собраніе лица, участвующія въ платежѣ земскаго налога не по владѣнію землей, а по иному получаемому ими доходу, но ниже той нормы, какая будетъ установлена для непосредственнаго участія въ собраніи». По проекту костромской коммиссіи, принятому губернскимъ собраніемъ, для участія въ участковомъ земскомъ собраніи установляется имущественный цензъ — недвижимая собственность цѣнностью въ 7,000 руб. Въ собраніи участвуютъ: «1) непосредственно—лица, владѣющія цензовою недвижимостью; 2) по купонному избирательству—лица, имѣющія порознь недвижимость, не достигающую цензовой нормы, но участвующія въ уплатѣ земскихъ повинностей; 3) представители сельскихъ общинъ и обществъ, въ такомъ числѣ голосовъ, которое получится отъ раздѣленія всей общинной земли на цензовую норму, и 4) представители земель казенныхъ и удѣльныхъ» *).

Въ значительной степени расширяетъ кругъ лицъ, пользующихся непосредственнымъ участіемъ въ волостномъ собраніи владимірское губернское собраніе, вводя въ составъ его не только представителей собственности, но и лицъ извѣстныхъ профессій. «Волостной сходъ, по мнѣнію собранія, долженъ состоять подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго на каждый разъ самимъ сходомъ изъ среды себя, изъ волостнаго старшины, членовъ волостнаго правленія, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, выборныхъ, по одному на каждые 10 дворовъ, отъ сельскихъ обществъ, *всѣхъ* частныхъ владѣльцевъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, изъ лицъ, имѣющихъ торговыя и промысловыя свидѣтельства, изъ всѣхъ настоятелей церквей, церковныхъ старостъ, сельскихъ учителей, врачей, ветеринаровъ, наконецъ, уполномо-

*) *Земство* 1882 г., № 9.

ченныхъ отъ приписанныхъ къ волости, по одному на десять, избранныхъ ими изъ среды себя на особомъ сходѣ». Непремѣннымъ условіемъ ставится «срокъ—годичный владѣнія имуществомъ, а для невладѣющихъ имуществомъ—трехгодичный пребыванія въ волости или приписки къ ней и съ тѣмъ, притомъ, для послѣднихъ, чтобы они имѣли образованіе, не низшее того, какое получается въ училищахъ 3-го разряда». Личнымъ землевладѣльцамъ предоставляется присылать на сходъ своихъ повѣренныхъ.

Напротивъ, проектъ г. Бландова совершенно отвергаетъ непосредственное, безъ выбора, участіе въ собраніи: «волостная дума состоитъ изъ гласныхъ, въ числѣ отъ 20 до 30 человѣкъ, по опредѣленію уѣзднаго земскаго собранія, избираемыхъ на каждые три года избирательнымъ сходомъ». При этомъ устраняется и дѣленіе избирателей на группы по родамъ имуществъ. «Выборъ гласныхъ въ волостную думу, — говоритъ авторъ проекта,—предполагается производить не въ двухъ избирательныхъ сходахъ — отъ личныхъ собственниковъ и общинниковъ, а на одномъ сходѣ во избѣжаніе раздѣленія населенія волости на два сословія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что состоятельные и образованные члены волости не пуждаются въ особыхъ правахъ для избранія ихъ въ гласные; они во всякомъ случаѣ имѣютъ массу преимуществъ предъ остальнымъ населеніемъ для подобнаго избранія; на ихъ обязанности лежитъ только заслужить уваженіе отъ остальнаго населенія, чтобы быть избранными въ гласные волостной думы: безъ этихъ условій ихъ участіе въ волостной думѣ врядъ ли даже возможно. Раздѣленіе избирателей на собственниковъ и общинниковъ, допущенное въ земскихъ учрежденіяхъ, въ состояніи внести только рознь въ населеніе, что весьма легко можетъ проявиться въ волостномъ управленіи». Право на участіе въ избирательномъ сходѣ основывается не на владѣніи опредѣленнымъ имуществомъ, а на платежѣ въ извѣстномъ размѣрѣ налога по уѣздной земской раскладкѣ. «Это представляется необходимымъ въ виду предполагаемаго введенія подоходнаго налога, къ участію въ которомъ будутъ привлечены не одни собственники и торгующія по промысловымъ свидѣтельствамъ лица, но и лица, получающія доходъ съ личнаго труда или принадлежащаго имъ капитала». Относительно размѣра платимаго налога, дающаго непосредственное право участія въ избирательномъ сходѣ для выбора гласныхъ, г. Бландовымъ принята сумма 10 руб., какъ «приблизительно равняющаяся той суммѣ, которую платятъ сельскія общества по земской раскладкѣ съ каждыхъ 10 дворовъ, дающихъ право избранія выборщиковъ на избирательный сходъ». На основаніи этихъ соображеній, избирательный сходъ составляется: изъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ, по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ; изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ той волости, въ которой они проживаютъ, если они платятъ въ годъ земскихъ сборовъ не менѣе 10 руб.; повѣренные компаній, обществъ, учрежденій и вѣдомствъ, платящихъ ту же сумму земскаго сбора; уполномоченные отъ лицъ, платящихъ земскихъ сбо-

ровъ менѣе указанной нормы. Къ участію въ выборахъ не допускаются, между прочимъ, недоимщики, за которыми числится земская или волостная недоимка, превышающая годовой окладъ.

Исполнительнымъ органомъ волостнаго управленія, по однимъ проектамъ, является единоличная власть, по другимъ—коллегіальное учрежденіе. Въ пользу первой высказывается рязанская коммиссія, проектируя должность «управляющаго дѣлами округа». По принятому ею мнѣнію кн. Волконскаго, «единоличное завѣдываніе дѣлами округа не представляло бы никакихъ неудобствъ, такъ какъ всѣ дѣйствія управляющаго были бы на слуху членовъ собранія, которое, по незначительности пространства округа, могло бы открывать свои засѣданія во всякое время и всякую его ошибку или злоупотребленіе могло бы предупредить во время». Точно такъ же и по костромскому проекту «исполнительныя функціи по предметамъ вѣдомства участковаго собранія сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, избираемомъ участковымъ собраніемъ». Въ остальныхъ проектахъ проводится коллегіальное устройство волостнаго исполнительнаго органа, въ видѣ «волостной управы», состоящей изъ предсѣдателя—волостнаго головы или старшины, и членовъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ. Владимірскій и казанскій проекты не указываютъ случаевъ единоличныхъ дѣйствій предсѣдателя управы и въ этомъ отличаются отъ проекта г. Бландова. По этому послѣднему, «волостная управа завѣдуетъ дѣлами волости преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи», а «волостной голова», кромѣ предсѣдательства въ управѣ, несетъ полицейскія обязанности: онъ «отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія волости; въ этомъ отношеніи ему вполнѣ подчиняются сельскіе старосты, полицейскіе урядники, сотскіе и десятскіе». Всѣ полицейскія дѣйствія производятся «головой» единолично, равно какъ и нѣкоторыя дѣйствія «по дѣламъ общественнымъ».

При той постановкѣ, которая дается волости, какъ земской единицѣ, разсмотрѣнными проектами, предоставляющими ей права юридическаго лица, она должно обладать средствами для удовлетворенія волостныхъ нуждъ и пользоваться правомъ обложенія. Это право признаютъ за ней всѣ проекты. По предположенію херсонской губернской управы, «всѣ земли и предметы обложенія въ предѣлахъ волости, какъ землевладѣльцевъ, такъ равно и обществъ, а равно фабричныя, заводскія и промышленныя заведенія, одинаково включаются въ раскладку волостныхъ сборовъ». Но большинство проектовъ признаетъ необходимымъ извѣстное ограниченіе волостнаго обложенія. «Необходимо,—говоритъ г. Бландовъ,—обратить вниманіе на правильность опредѣленія волостныхъ потребностей и равномѣрность раскладки волостныхъ сборовъ. Достигнуть этого возможно только примѣненіемъ земскихъ раскладокъ для обложенія волостныхъ сборовъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности предоставить каждой волости право придумывать свою систему обложенія и оцѣнки имуществъ; примѣненіе же къ волостямъ земскихъ оцѣнокъ послужитъ поводомъ къ исправленію ихъ, согласно замѣ-

чаніямъ волостныхъ управленій и частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ правильности обложенія. Для того, чтобы ограничить излишнее увеличеніе волостныхъ потребностей, полезно было бы установить максимумъ обложенія на волостныя потребности, въ видѣ опредѣленнаго % къ земскому обложенію; въ случаѣ же необходимости, при обложеніи, превышенія установленнаго максимума, смѣта и раскладка волостныхъ расходовъ подлежали бы утвержденію уѣзднаго земскаго собранія. Хотя подобное вмѣшательство уѣздныхъ земскихъ собраній въ волостное хозяйство и создаетъ нѣкоторую опеку надъ волостями, но,—говоритъ г. Бландовъ,—я нисколько не боюсь этой опеки, такъ какъ она будетъ находиться въ рукахъ лицъ, избранныхъ тѣми же волостями, и, слѣдовательно, вполнѣ знакомыхъ съ хозяйственными условіями волостей. Предоставить полную свободу обложенія волостямъ врядъ ли возможно, вслѣдствіе невозможности опредѣлить въ законѣ всѣ необязательныя потребности волостей; излишняя же регламентанція въ этомъ отношеніе закона стѣснила бы еще болѣе волостныя учрежденія. Въ этихъ учрежденіяхъ, при недостаткѣ образованнаго вліянія, личные интересы могутъ имѣть преобладающее значеніе, а потому нѣкоторое вліяніе со стороны земскихъ собраній признается полезнымъ и необходимымъ».

Исходя изъ подобныхъ же соображеній, всѣ разсматриваемые нами проекты ограничиваютъ самообложеніе волостей, придавая волостнымъ сборамъ характеръ добавочнаго налога, въ размѣрахъ опредѣленнаго процента земскаго обложенія. Такъ ставятъ дѣло проекты рязанской и казанской коммиссій. Владимірское губернское собраніе, кромѣ того, допускаетъ пересмотръ волостнаго бюджета уѣзднымъ земскимъ собраніемъ: «волостной бюджетъ подлежитъ разсмотрѣнію, измѣненію и утвержденію уѣзднаго земскаго собранія; при этомъ послѣдній разсматриваетъ волостную смѣту расходовъ только въ томъ отношеніи, не превысили ли расходы волости установленнаго высшаго размѣра обложенія имуществъ, а въ разсмотрѣніе раскладки входитъ только по жалобамъ и протестамъ членовъ волостнаго схода и заинтересованныхъ лицъ». Обжалованіе уѣздному собранію волостнаго обложенія допускаетъ и рязанская коммиссія. Костромское губернское собраніе предоставляетъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ «право обязательнаго указанія основаній для раскладки сборовъ, поступающихъ на удовлетвореніе участковыхъ расходовъ».

Мы окончили изложеніе проектовъ волостнаго устройства. Правильная оцѣнка ихъ возможна только въ связи съ организаціей уѣзднаго управленія, къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

В. Скалонъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I по IX столѣтіе. *В. Кипарисова.*

Прежде чѣмъ приступить къ критическому разсмотрѣнію труда г. Кипарисова, прежде чѣмъ указать на спеціальныя достоинства его и недостатки, мы считаемъ пріятнымъ долгомъ своимъ предварительно замѣтить въ качествѣ общей его характеристики, что мы имѣемъ дѣло съ отраднымъ явленіемъ въ области нашей весьма еще бѣдной церковно-исторической литературы. Почтенный трудъ г. Кипарисова замѣчателенъ, во-первыхъ, по довольно значительному обилію собраннаго имъ частію изъ первыхъ источниковъ историческаго матеріала, а, во-вторыхъ, по жизненному значенію и важности того вопроса, который избралъ почтенный авторъ предметомъ своего изслѣдованія. Нельзя упрекнуть г. Кипарисова и въ незнакомствѣ съ церковно-исторической литературою Запада, хотя, къ удивленію нашему, ему остаются совершенно неизвѣстными спеціальныя изслѣдованія о вопросѣ, существующія въ западной литературѣ. Такъ, совершенно оставляются безъ вниманія и классическіе труды Гасса и Гофмана и превосходныя изслѣдованія Вильда, Гюдера, Янеля и Крамера, и статьи Гейзе, Лабуле и Мархейнеке. Русская, еще болѣе скудная литература предмета (за исключеніемъ весьма талантливыхъ, но и весьма узкихъ по постановкѣ вопроса, статей Іоанна Смоленскаго въ *Христіанскомъ Чтеніи*) оставляется точно также безъ всякаго вниманія; о статьяхъ И. С. Аксакова, впервые выставившаго вопросъ о свободѣ совѣсти на обсужденіе русскаго вѣрующаго общества, не упоминается даже и въ библіографическомъ указателѣ. Положимъ, что, какъ замѣчаетъ г. Кипарисовъ, всѣ эти спеціальныя изслѣдованія вопроса весьма мало касаются древней церкви, съ чѣмъ мы отнюдь не вполнѣ можемъ согласиться; но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ этими трудами много могло бы способствовать къ правильной постановкѣ и опредѣленію вопроса, разрѣшенію котораго они посвящены; а постановка вопроса, точ-

ное и ясное опредѣленіе предмета составляютъ въ историко-критическомъ изслѣдованіи едва ли не самую важную часть научной задачи, такъ какъ ими непосредственно обусловливается и самый подборъ того историческаго матеріала, который подлежитъ изслѣдованію и разсмотрѣнію.

Азбучную истину, выраженную въ послѣднихъ словахъ, мы должны въ на стоящемъ случаѣ развить съ гораздо бо́льшею подробностью, такъ какъ ее-то собственно и предполагаемъ мы принять основою, краеугольнымъ камнемъ нашей критики труда г. Кипарисова.

Какъ и въ какомъ смыслѣ можетъ свобода совѣсти быть предметомъ историческаго изслѣдованія, историческаго разсмотрѣнія? Можетъ ли быть исторія свободы совѣсти (не въ индивидуально-психологическомъ, конечно, значеніи этого слова) или, другими словами, можетъ ли свобода совѣсти имѣть свою исторію?

Исторія предмета отнюдь не тождественна съ самимъ историческимъ матеріаломъ. Понятіе объ исторіи отнюдь не исчерпывается простымъ *описаніемъ* совершившагося, въ качествѣ событій и явленій, взятыхъ въ ихъ послѣдовательности во времени, хотя каждое такое событіе и явленіе и представляетъ само по себѣ историческій памятникъ, историческій матеріалъ. Если греческое ἱστορία и близко по значенію своему съ словомъ описаніе, а нѣмецкое Geschichte и происходитъ отъ глагола geschehen—совершаться, то надо принять въ соображеніе, что слова эти возникли и существовали гораздо раньше, чѣмъ выработалось и сложилось понятіе объ исторіи.

Понятіе объ исторіи неразрывно связано съ понятіемъ о предметѣ, субъектѣ; не можетъ быть исторіи тамъ, гдѣ нѣтъ предмета, субъекта исторіи. Исторія относится къ предмету только какъ къ измѣняющемуся, становящемуся, вырабатывающемуся; предметъ, искони неизмѣнный, искони готовый, установившійся, не можетъ имѣть исторіи, которая беретъ своимъ содержаніемъ только послѣдовательный рядъ измѣненій предмета. Но не всѣ измѣненія предмета суть «историческія» измѣненія его или, что то же самое, имѣютъ «историческое» значеніе, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ исторія предмета была бы только повтореніемъ жизни. Исторія человѣчества была бы только воспроизведеніемъ жизни человѣчества, повтореніемъ всѣхъ явленій, совершившихся въ жизни, и такое повтореніе должно было бы занять во времени тѣ же самыя семь тысячъ лѣтъ, которыя прожило уже человѣчество.

Исторія несомнѣнно представляетъ выборъ явленій. Но чѣмъ же обусловливается такой выборъ? Выбираются, скажутъ намъ, явленія существенныя. Но чѣмъ же, спросимъ мы въ свою очередь, отличаются явленія существенныя отъ несущественныхъ въ историческомъ смыслѣ? Чѣмъ же опредѣляется историческая существенность явленія? Понятіе объ исторіи не есть понятіе самостоятельное, но понятіе формальное, и, какъ таковое, оно не имѣетъ въ самомъ себѣ, въ своемъ содержаніи мотивовъ для отличенія явленій другъ отъ друга. Понятіе объ исторіи не можетъ быть мыслимо, какъ уже мы говорили, безъ понятія о предметѣ, субъектѣ исторіи; оно

есть понятіе всецѣло и исключительно относительное. Слѣдовательно, и мотивы для опредѣленія исторической существенности явленій коренятся прежде всего въ понятіи о предметѣ, исторія котораго воспроизводится.

Предметъ, какъ критерій историческихъ явленій, является, разумѣется, или такимъ, какимъ представляется онъ намъ въ наше настоящее время, или какимъ представляемъ мы его себѣ въ тотъ болѣе или менѣе отдаленный отъ насъ періодъ, которымъ мы заканчиваемъ воспроизведеніе его исторіи. Что же называемъ мы историческими явленіями? Конечно, не иное что, какъ тѣ явленія, которыя вліяли на развитіе и образованіе предмета, которыя были причиною того, что предметъ пришелъ въ то относительно законченное состояніе, въ которомъ мы его застаемъ и себѣ представляемъ. Слѣдовательно, для того, чтобы отличать явленія историческія отъ неисторическихъ, для того, чтобы знать исторію предмета, надо знать настоящее его состояніе. Это-то настоящее состояніе и составляетъ первый и непосредственный матеріалъ историка; памятники другаго рода составляютъ только подтвержденіе того, что представляется анализомъ предмета въ его настоящемъ состояніи. Безъ этого живаго матеріала всякій памятникъ прошедшаго остается непонятнымъ, хотя иногда изученіе памятниковъ прошлаго и можетъ уяснять не подмѣченныя еще анализомъ стороны настоящаго и затѣмъ снова само получать свѣтъ и окраску отъ почерпнутаго и подвинутаго ею анализа.

И такъ, исторія всегда требуетъ предварительнаго познанія того предмета, рядъ послѣдовательныхъ состояній котораго она воспроизводитъ; изученіе исторіи, изслѣдованіе исторіи всегда идетъ въ нѣкоторомъ отношеніи путемъ регрессивнымъ. Существенный матеріалъ всегда представляется понятіемъ о предметѣ въ его относительной законченности въ настоящемъ.

Съ этой точки зрѣнія исторія человѣчества есть подтверждаемый фактами анализъ современнаго состоянія человѣчества. Она отвѣчаетъ на вопросъ: какимъ образомъ выработалось человѣчество въ то состояніе, въ которомъ оно нынѣ находится? Но состояніе человѣчества есть сознаніе человѣчества, а потому исторія есть прежде всего анализъ сознанія человѣчества.

Таковы въ общихъ чертахъ предметъ, задача и методъ исторіи, какъ науки. Изучая отжившее, мы не коснѣемъ необходимо въ этомъ отжившемъ, какъ отжившемъ и мертвенномъ, но причащаемся задатковъ жизни, и только настолько, насколько мы почерпаемъ ихъ, насколько взглядомъ на прошлое развиваемъ мы познаніе настоящаго и будущаго, получаетъ наше изслѣдованіе истинное научное значеніе. Бываютъ плохія исторіи, точно такъ же, какъ бываютъ плохіе романы. Романъ, написанный и читающійся для препровожденія времени, не роняетъ еще всецѣло значенія романа вообще. Если есть любители, изслѣдователи, а, можетъ быть, даже и цѣлыя школы, которыя наслаждаются перенесеніемъ себя въ иную эпоху, временною жизнью въ иномъ отдаленномъ отъ нихъ періодѣ времени, съ его особою обстановкой, міровоззрѣніемъ, нравами и проч., какъ наслаждаются поѣздкою въ чужія

края, заставляющею забывать заботы и злобы дня, то такая игра въ историческія прятки не имѣетъ для истинной исторіи, какъ науки, большаго значенія, чѣмъ романы Вальтеръ-Скотта или сказки «Тысячи одной ночи», хотя нерѣдко и такого рода работа полу-случайно прихватываетъ цѣнный историческій матеріалъ. Блаженъ, напримѣръ, тотъ, кто до такой степени постигъ духъ и жизнь древне-греческаго міра, что живетъ въ ней, чувствуетъ себя въ ней какъ дома, но если тѣмъ только и ограничиваются его познанія и его способности, то онъ не историкъ и не филологъ, а только случайно окунувшійся въ міръ эллинской древности, вѣчно переживающій одно и то же пріятное сновидѣніе. Если бы явился въ настоящее время одинъ изъ эллиновъ древняго періода, то онъ представился бы, конечно, богатымъ, живымъ матеріаломъ, но не былъ бы еще историкомъ своего времени, хотя и видѣлъ бы онъ на своемъ вѣку столько же городовъ и народовъ и пережилъ бы столько же событій, сколько и Одиссей многохитрый.

Историческій матеріалъ становится исторіей только черезъ проходящее черезъ всѣ послѣдующіе періоды сопоставленіе его съ понятіемъ, представленіемъ о предметѣ, какимъ застаемъ его мы, какимъ сознаемъ мы его. Только въ свѣтѣ этого сопоставленія каждая подробность вышесказаннаго матеріала получаетъ новое, иное совершенно значеніе и достоинство, каждое явленіе изъ чисто внѣшняго, разрозненнаго, отдѣленнаго дѣлается звѣномъ длиннаго ряда причинъ и слѣдствій. Историческій матеріалъ получаетъ значеніе исторіи только по мѣрѣ того, какъ мы постигаемъ эту внутреннюю связь явленій между собою. Нечего уже почти и говорить, что съ такимъ взглядомъ на исторію опредѣляется и самый методъ историческаго знанія и историческаго разслѣдованія, требующій единовременнаго разсмотрѣнія предмета въ его прошломъ (мірѣ явленій) и относительно, фиктивно-настоящемъ (какъ послѣдствіи, продуктѣ причинной связи этихъ явленій). Исторія является, такимъ образомъ, синтетическимъ построеніемъ, тѣсно сопряженнымъ съ аналитическимъ разсмотрѣніемъ самаго предмета, какимъ мы его застаемъ, т.-е. нашего представленія о предметѣ. Нельзя утверждать, чтобы анализъ всегда предшествовалъ синтезу или, наоборотъ, чтобы готовое понятіе или установившееся представленіе о предметѣ всегда предшествовало подтвержденію анализа его историческимъ построеніемъ. Два направленія раздвоеннаго въ самомъ себѣ историческаго метода идутъ совершенно самостоятельно, но отнюдь не обособленно другъ отъ друга; они, совершенно наоборотъ, руководятъ въ извѣстной степени другъ другомъ. Понятіе растетъ и развивается параллельно съ ходомъ историческаго построенія и отражаетъ въ свою очередь на немъ свое преуспѣяніе. Конечный результатъ историческаго познаванія весьма близко напоминаетъ собою проведенную Шоппенгауеромъ аналогію взаимо-отношенія индукціи и дедукціи съ ходомъ горныхъ работъ, въ которыхъ къ одному и тому же встрѣчному пункту ведутся, независимо другъ отъ друга, и вертикальныя, и горизонтальныя шахты.

Видоизмѣненное такимъ образомъ понятіе объ исторіи и ея методѣ

опровергаетъ само собою и раздающееся по временамъ нареканіе на изученіе древняго міра, какъ на переселеніе въ царство мертвецовъ. Древность является только обратною стороною настоящаго. Отжившаго нѣтъ и не можетъ быть въ исторіи, потому что то, что можетъ представляться нѣкоторымъ историческими реликвіями, мощами, введенное въ стройный исторический организмъ, является для насъ только началомъ бьющей въ настоящее еще время жизни. Мы погружаемся въ мнимо-отжившее только для того, чтобы лучше пользоваться живымъ и отчетливѣе сознавать его живучесть.

Мы надѣемся, что читатели простятъ намъ наше довольно долгое отступленіе, безъ котораго, по нашему мнѣнію, совершенно невозможна предполагаемая нами критическая оцѣнка труда г. Кипарисова, точно также какъ невозможенъ и отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ: можетъ ли и въ какомъ именно смыслѣ можетъ свобода совѣсти почитаться предметомъ исторіи?

Намъ кажется, что въ отсутствіи предварительной постановки этого вопроса и происходящихъ отъ этого послѣдствіяхъ и заключается коренной недостатокъ прекрасной во многихъ отношеніяхъ книги г. Кипарисова.

Мы уже видѣли, что предметомъ исторіи можетъ быть только то, что послѣдовательно измѣняется, растетъ, развивается, вырабатывается, движется. Совершенно понятно, что свобода совѣсти, какъ готовое, данное состояніе, не можетъ въ этомъ смыслѣ имѣть исторіи, какъ не можетъ имѣть исторіи математическая истина, по самой своей природѣ безусловно чуждая измѣненій. Конечно, свобода совѣсти можетъ быть предметомъ индивидуально-нравственной или индивидуально-психологической исторіи, какъ процессъ освобожденія, но о такой исторіи въ настоящее время, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Конечно, можетъ существовать и исторія постепеннаго открытія математической истины и то же самое могло бы быть приложимо и къ свободѣ совѣсти, но, какъ видно изъ первыхъ же страницъ разбираемой нами книги, свобода совѣсти вполнѣ открытымъ и опознаннымъ уже фактомъ выступаетъ на поприщѣ церковной исторіи съ самаго основанія церкви. Но, если сама свобода совѣсти не можетъ имѣть своей обособленной исторіи, то, конечно, предметомъ такой исторіи можетъ быть ученіе о свободѣ совѣсти вообще или ученіе церкви по преимуществу. Не такую ли постановку предмета и имѣлъ въ виду г. Кипарисовъ? Къ сожалѣнію, знакомство съ разбираемымъ нами трудомъ заставляетъ насъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ совершено отрицательный. Хотя въ трудѣ г. Кипарисова и можетъ послѣдующій историкъ найти кое-какой матеріалъ для такой исторіи, но самъ г. Кипарисовъ исторіи ученія церкви о свободѣ совѣсти отнюдь, разумѣется, не даетъ и, очевидно, вовсе не такую исторію ставитъ задачею своего труда. Намъ остается еще только одно предположеніе. Свобода совѣсти, хотя и не имѣетъ своей обособленной исторіи, является, тѣмъ не менѣе, могучею исторической силой, историческимъ

факторомъ. Не роль ли этого фактора въ исторіи церковной избралъ г. Кипарисовъ предметомъ своего изслѣдованія? Въ этомъ случаѣ предметомъ исторіи, историческимъ субъектомъ являлась бы уже не свобода совѣсти, а сама церковь, на судьбахъ которой отражались бы всѣ видоизмѣненія въ воззрѣніяхъ на свободу совѣсти и въ ученіи о ней. Такого рода изслѣдованіемъ превосходно выяснилось бы значеніе этого великаго фактора во всемъ организмѣ и жизни церковной, во всѣхъ историческихъ ея судьбахъ. Но, повторимъ опять, книга г. Кипарисова представляетъ по временамъ матеріалъ для такой исторіи, а сама такой исторіи не составляетъ, такъ какъ въ ней безусловно отсутствуютъ указанія на то, какъ отражались свобода или стѣсненія совѣсти на жизни всего церковнаго организма и его историческихъ судьбахъ. Да для того, чтобы поставить себѣ такую задачу, и невозможно было бы ограничиться разсмотрѣніемъ первыхъ только девяти столѣтій, такъ какъ послѣдствія всего совершившагося въ этотъ періодъ только позднѣе сказались во всей своей силѣ.

Не подходя ни подъ одну изъ исчисленныхъ выше постановокъ вопроса и ни одной изъ нихъ самостоятельно не удовлетворяя, книга г. Кипарисова представляетъ только рядъ ничѣмъ между собою, кромѣ хронологической послѣдовательности, не связанныхъ, хотя и прекрасно освѣщенныхъ и критически разслѣдованныхъ фактовъ, содержащихъ въ себѣ указаніе на религіозную свободу или ея стѣсненія. Вышедшій въ настоящее время первый томъ обнимаетъ собою факты, подтверждающіе свободу вступленія въ церковь, а также и начавшееся впослѣдствіи нарушеніе этой свободы со стороны Византійскаго государства, причемъ на раздѣленіе ролей церкви и государства и на взаимное ихъ между собою отношеніе обращено слишкомъ мало вниманія.

Конечно, всякій матеріалъ, подобранный на интересную историческую тему, подобаетъ встрѣчать съ надлежащею радостью; но, къ сожалѣнію, узкая или неопредѣленная постановка вопроса всегда влечетъ за собою и ограниченный подборъ фактовъ и явленій, заставляя совершенно упускать изъ вида многое, что само по себѣ представляло бы, можетъ быть, даже и главенствующій интересъ. Глубоко сожалѣя объ этомъ недостаткѣ труда г. Кипарисова, мы позволимъ себѣ пояснить мысль нашу нѣсколькими указаніями.

На стр. 2-ой своего изслѣдованія г. Кипарисовъ выражаетъ мысль, что форма вопроса о свободѣ совѣсти постоянно измѣнялась, но самый вопросъ никогда не сходилъ съ исторической сцены. «Доказываетъ ли христіанскій апологетъ III вѣка,—продолжаетъ онъ,—что принужденіе въ дѣлѣ религіи и беззаконно, и безполезно; побуждаетъ ли византійскій законъ къ «немедленному покаянію» уклонившихся отъ истинной церкви; обращается ли пастырь церкви къ правительству съ просьбой, «чтобы оно даровало безнаказанное слово и свободное право всякому желающему защищать свою вѣру»; вынуждаетъ ли папская инквизиція у мыслителя отреченіе отъ тѣхъ выводовъ науки, которые для него очевидны, какъ свѣтъ солнца, а въ глазахъ

папскихъ богослововъ «противны» прямому свидѣтельству священнаго писанія; ищетъ ли возвращенія потерянныхъ гражданскихъ правъ священнослужитель церкви, потерявшій эти права, быть можетъ, потому только, что онъ послушался голоса своей совѣсти; идетъ ли дѣло о томъ, можно ли допустить, въ видахъ нужды мѣста и времени, безвредное разногласіе въ обрядѣ для того, чтобы пощадить совѣсти немощныхъ по силѣ разумѣнія, но глубоко вѣрующихъ людей,—все это одинъ и тотъ же вопросъ о свободѣ совѣсти. Придетъ ли когда-нибудь время, когда вопросъ о свободѣ совѣсти перестанетъ быть вопросомъ и притомъ весьма различно рѣшаемымъ,—это, конечно, выше человѣческаго предвѣдѣнія».

Что должны обозначать эти слова, если это только не просто риторическій оборотъ? Совершенно понятно, что развитіе и развѣтвленіе жизненныхъ отношеній будетъ постоянно представлять новые и новые «вопросы для свободы совѣсти»; совершенно понятно, что для ученаго изслѣдователя, догматика, государственнаго человѣка, свобода совѣсти будетъ часто еще представляться вопросомъ, но неужели рѣшенія этого еще нѣтъ? Неужели церковь съ давнихъ еще временъ не положила своего окончательнаго рѣшенія по этому вопросу, не внесла въ ученіе свое давно уже разрѣшеннаго вопроса о томъ, что составляетъ существенное и необходимое условіе вѣры, т.-е. того камня, на которомъ она созиждена и которой врата адовы не должны одолѣть? Мы съ своей стороны полагаемъ совершенно противное; мы твердо увѣрены въ томъ, что церковь и ученіемъ своимъ, и практикой давно уже высказала истинное свое убѣжденіе. Конечно, нѣтъ спеціальнаго догмата «о свободѣ совѣсти», но оно составляетъ логическое послѣдствіе ученія о вѣрѣ и ученія о церкви, и, какъ таковое, естественно существуетъ, хотя бы и скрытнымъ образомъ, въ ученіи церковномъ.

Не признавая ученія о свободѣ совѣсти ученіемъ спеціально-церковнымъ, г. Кипарисовъ, очевидно, не признаетъ его и ученіемъ языческимъ, хотя бы и воспринятымъ и одобреннымъ церковью. Такъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ на стр. 57, онъ неодобрительно относится къ мнѣнію преосв. Іоанна Смоленскаго, что «свобода совѣсти въ религіи имѣетъ начало языческое». Вся неясность построенія этого объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ говорили мы выше, г. Кипарисовъ недостаточно выяснилъ себѣ вопросъ, подлежащій его изслѣдованію, а эта недостаточность, неточность основной постановки вопроса сама собою отразилась и на характерѣ подбираемыхъ имъ фактовъ, и на сбивчивости нѣкоторыхъ моментовъ понятія, историческому разсмотрѣнію котораго посвятилъ онъ свой интересный трудъ.

Мы попытаемся доказать подробнѣе выраженное нами предположеніе. Для того, чтобы выяснить, въ чемъ заключается сходство и различіе между языческою и церковною постановкой вопроса о свободѣ совѣсти, требуется предварительно уяснить: въ чемъ заключается самое ученіе о совѣсти и какъ постигалось оно мышленіемъ въ языческій и христіанскій періодъ исторіи.

Прежде всего: что такое совѣсть и въ чемъ заключается и можетъ заключаться ея свобода?

Уже Аристотель, такъ сказать, изъ самой глуби сознанія человѣческаго вывелъ основной признакъ, коренное отличіе человѣчности, существенное опредѣленіе человѣчности. «Основное отличіе человѣка отъ всѣхъ остальныхъ живущихъ существъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ многочисленныхъ трудовъ своихъ,—заключается въ томъ, что только человѣкъ способенъ понимать нѣчто высшее и совершеннѣйшее, нежели онъ самъ». Мы указываемъ въ данномъ случаѣ, разумѣется, не на изложеніе этого положенія, въ высшей степени неполное и несовершенное, а только на самый подмѣчаемый и констатируемый этимъ положеніемъ фактъ. Позднѣйшіе мыслители, разумѣется, облекали положеніе это въ несравненно лучшую и совершеннѣйшую форму, придавали ему обоснованность, въ аристотелевскомъ изреченіи вовсе отсутствующую, выводили изъ него послѣдствія и заключенія, проливающія свѣтъ на всю нравственную жизнь и на ея законы. Мы остановимся только на одномъ положеніи кантовской философіи, которое хотя съ перваго взгляда и можетъ показаться страннымъ, представляется намъ, однако, если не тождественнымъ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ Аристотеля, то, по крайней мѣрѣ, стоящимъ съ нимъ въ самой близкой и непосредственной связи. Знакомые съ философіей великаго мыслителя, можетъ быть, догадываются, что мы говоримъ о знаменитомъ положеніи, выведенномъ имъ для различенія міра физическаго — міра необходимости отъ міра нравственнаго—міра свободы. Въ первомъ, по словамъ его; явленія совершаются по *законамъ*; во второмъ—по *представленіямъ законовъ*. Законы эти,—въ данномъ случаѣ, разумѣется, нравственные законы,—и составляютъ именно то высшее, лучшее, о которомъ говоритъ Аристотель. Законы эти и составляютъ, именно, представленія добра, стоящаго выше совершающихъ его человѣковъ. Video meliora proboque; deteriora sequor!—воскликнулъ еще Ювеналъ. А рядомъ съ нимъ Апостолъ Павелъ, этотъ глубочайшій психологъ, говорилъ почти то же самое въ знаменитой седьмой главѣ своего посланія къ римлянамъ. Философъ восемнадцатаго столѣтія только правильно формулировалъ и обосновалъ тотъ фактъ человѣческаго сознанія, который художественнымъ чутьемъ подмѣтилъ еще Аристотель въ до-христіанскую эру жизни человѣчества. И Кантъ, и Аристотель были только переводчиками на языки различныхъ системъ и различныхъ эпохъ одного и того же факта человѣческаго сознанія.

Но и языкъ Канта можетъ показаться нѣкоторымъ изъ читателей уже устарѣвшимъ для той эпохи, въ которой приходится намъ жить и мыслить, носящимъ на себѣ признаки иной, отошедшей уже формаціи. Мы попытаемся поэтому сдѣлать еще иной, болѣе новый переводъ того же самаго древняго факта. Всѣмъ извѣстна теорія, по которой прогрессъ въ мірѣ животномъ и растительномъ, образованіе новыхъ формъ и опредѣленностей жизни объясняются принципомъ «борьбы за существованіе»; всѣмъ извѣстно также, что

не мало появлялось попытокъ примѣнить общій принципъ «борьбы за существованіе» и къ теоріи нравственности, къ развитію формъ нравственнаго, правоваго, историческаго строя человѣчества. Всѣ эти попытки нарушали истинное понятіе о нравственности и противорѣчили ему только по ошибочному приступу къ дѣлу. «Борьба за существованіе» велась и ведется въ мірѣ нравственномъ точно также, какъ велась и ведется она въ мірѣ физическомъ. Разница только и прежде всего въ понятіи о «существованіи». Существованіе человѣческое не имѣетъ одной опредѣленно-законченной формы, но, совершенно наоборотъ, многообразно почти до безконечности; понятіе о существованіи распадается на множество отдѣльныхъ представленій, идеаловъ «существованія». Въ то время, когда міръ физическій борется за «существованіе», нравственный міръ человѣчества борется за «идеалы существованія». Нѣтъ ни одного физическаго блага, ни одного эгоистическаго наслажденія или атракта, которые порою не приносились бы въ жертву въ этой борьбѣ, и, тѣмъ не менѣе, человѣкъ, какъ будто отъ себя отрѣшающійся, какъ будто обрекающій себя на гибель, несуществованіе,—борется въ сущности за тотъ же самый принципъ, ведетъ ту же самую «борьбу за существованіе», только существованіе свое въ качествѣ человѣка понимаетъ онъ иначе, чѣмъ понимаютъ его многіе другіе представители того же человѣчества, преслѣдуетъ иной, отличный отъ другихъ, идеалъ. Губя свою душу, онъ любитъ, спасаетъ ее.

Эта, присущая человѣку для жизни и самоопредѣленія его потребность идеала существованія составляетъ формальную возможность, условіе совѣсти, хотя въ сущности и не тождественна съ ней. Совѣсть есть, всеконечно, потребность идеала, направляющаго дѣйствія человѣческія и являющагося критеріемъ для внутренней ихъ оцѣнки, основою нравственнаго, внутренняго самосуда. Совершенно понятно, что «совѣсть въ *опытѣ* является съ безконечнымъ разнообразіемъ въ своемъ содержаніи», какъ справедливо замѣчаетъ г. Кипарисовъ, что «она не можетъ имѣть вообще одинаковаго содержанія», но слѣдуетъ ли изъ этого, какъ завѣряетъ онъ (стр. 7), что «*совѣсть есть понятіе чисто формальное*»?

Совѣсть есть потребность жить по идеалу, но, хотя идеалы эти и могутъ представлять великое разнообразіе, не слѣдуетъ забывать, что слово «жить» обнимаетъ собою всѣ безъ исключенія дѣятельности естества человѣческаго, а, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ и построеніе самихъ идеаловъ. Совѣсть составляетъ внутренній импульсъ къ построенію идеала, и, въ то же самое время, заключаетъ въ себѣ побужденіе и къ оцѣнкѣ, а, слѣдовательно, и переработкѣ этого идеала.

Изъ приведенныхъ у г. Кипарисова цитатъ видно, что не напрасно отцы церкви отождествляли «совѣсть съ внутреннимъ, естественнымъ закономъ», безъ котораго ни Адамъ, ни другой человѣкъ никогда не жилъ, такъ что всѣ люди и варвары, и язычники имѣютъ сей законъ» (Іоаннъ Златоустый).

Заблуждающаяся совѣсть есть только совѣсть, себя послабляющая, не выполняющая своей функціи по отношенію къ совѣстливому отношенію къ построенному ею идеалу,—сдѣлка совѣсти съ однимъ даннымъ, готовымъ содержаніемъ. Заблужденіе совѣсти (въ принципѣ, а не въ развѣтвленіяхъ и деталяхъ) происходитъ только отъ нравственнаго безсилія или нравственной лѣни, отсутствія нравственнаго напряженія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ она только пактизируетъ съ готовымъ, но не полнымъ и нравственно-неправымъ содержаніемъ; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ произвольность и относительность содержанія зависитъ только отъ ея самоудержанія, а не отъ того, что въ самомъ существѣ ея имѣется принципъ безразличія. Совершенно справедливо замѣчаетъ поэтому Фихте, что «совѣсть не заблуждается никогда и не можетъ заблуждаться, такъ какъ она есть непосредственное сознаніе нашего чистаго, начальнаго *я*, выше котораго не стоитъ никакое другое сознаніе и которое никакимъ другимъ сознаніемъ провѣряться не можетъ, но само является судьей всякаго убѣжденія и не признаетъ надъ собой въ человѣкѣ высшаго судилища» (System der Sittenlehre, 218).

Ученіе о совѣсти вообще и христіанское о ней ученіе въ частности слишкомъ слабо разработано въ книгѣ г. Кипарисова, а потому мы и позволимъ себѣ привести одну подробность церковнаго ученія, которая, какъ намъ кажется, имѣетъ близкое отношеніе къ только что приведеннымъ нами словамъ германскаго философа. Предварительно надо замѣтить, что греческіе церковные писатели четвертаго и пятаго столѣтія вмѣсто общаго выраженія συνειδησις—совѣсть (собственно не Gewissen, а Mitwissen) любили зачастую пользоваться для обозначенія того же понятія словомъ συντερησις, которое на языкѣ классическихъ писателей обозначало собственно охраненіе, сохраненіе, охрану. Мало-по-малу выраженіе συντηρησις, не утрачивая первобытнаго своего значенія, сдѣлалось синонимомъ, терминомъ совѣсти.

Григорій Богословъ въ одной изъ своихъ рѣчей, говоря о трудности руководства душъ, ярко рисуетъ передъ нами всю, получившую отчасти александрійскую окраску, психологію и этику своего времени. «Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—тѣло и душа соединены такимъ образомъ, что единовременно съ соединеніемъ составляютъ они и противуположности другъ друга. Внутренно-противоположныя другъ другу и противоборствующія другъ другу, они, тѣмъ не менѣе, примиряются и входятъ въ единую жизнь. Богъ, такимъ образомъ сочетавшій ихъ, сдѣлалъ это ради двоякой цѣли: во-первыхъ, хотѣлъ Онъ, чтобы заслуга добродѣтели добывалась побѣдоносною борьбою высшаго начала съ низшими, чувственными силами, а, во-вторыхъ, по волѣ Его земное должно было само слагать свою косность и тяготѣніе, дабы возвышаться къ служенію истинной силы духовной. Какъ Богъ относится къ душѣ, такъ и душа относится къ тѣлу, ибо въ ея назначеніи поднять матеріальное къ служенію божественнымъ цѣлямъ. Въ этой двойственности человѣческой природы, въ этой необходимости поднятія вещества къ служенію духа, составляющемъ функцію богоподобнаго духа нашего, заклю-

чается существенная трудность развитія человѣческой жизни и религіи». Но въ чемъ же заключается роль души по отношенію къ тѣлу въ этой художественно начертанной краснорѣчивымъ отцемъ церкви картинѣ? Эта роль есть роль охранительная — δυναμις συντεϛητικη. Совѣсть есть самоохраненіе души на основаніи ея особаго отъ тѣла сознанія. Душа черезъ совѣсть охраняетъ, держитъ всего человѣка, точно также какъ Божественное Слово держитъ и охраняетъ міръ (*Gass:* Die Lehre vom Gewissen. 1869, стр. 219.— Gregorii Nazianz Orat. II и IV).

Не трудно замѣтить, что роль совѣсти въ жизни человѣческой, какъ изображаетъ ее Григорій Богословъ, ни мало не отличается отъ той роли, которую опредѣляетъ ей Фихте въ приведенныхъ нами выше словахъ. Разница только въ терминахъ: для Григорія—совѣсть зиждется на непосредственномъ, внутреннемъ самосознаніи души, для Фихте—на непосредственномъ, начальномъ сознаніи нашего *я*.

Приведемъ еще другую картину.

Передавая ученіе греческихъ богослововъ, бл. Іеронимъ останавливается на извѣстномъ видѣніи Іезекіиля. «По мнѣнію этихъ богослововъ, говоритъ онъ, четыре животныхъ, явившіяся пророку, обозначаютъ собою четыре вида душевной дѣятельности. Разумъ, способность мышленія (το λογικον), олицетворяется человѣкомъ, страстная воля (το θυμικον) изображается львомъ, желательная способность души (το επιθυμητικον) представляется въ видѣ тельца. И при этомъ, продолжаетъ толкователь, принимаютъ греки еще четвертую дѣятельность души, которая стоитъ внѣ этихъ троихъ и господствуетъ надъ ними и которую они называютъ συντεϛησις, которая, какъ *искра совѣсти*, не умерла въ Адамѣ, когда и былъ онъ изгнанъ изъ рая. (Quartamque ponunt, quae super haec et extra haec tria est, quam Graeci vocant συντεϛησιν, quae *scintilla* conscientiae in Adami quoque pectore, postquam ejectus est de paradiso, non extinguitur). Черезъ нее-то познаемъ мы, когда согрѣшаемъ, когда оказываемся мы увлеченными страстью или похотью, или соблазняемся призракомъ разумности (т.-е. увлекаемся одною изъ трехъ подчиненныхъ дѣятельностей души). Эта четвертая способность (совѣсть) изображается орломъ; она не смѣшивается съ тремя остальными, но блюдетъ и охраняетъ ихъ отъ заблужденія. Въ Писаніи нерѣдко называется она духомъ, взывающимъ къ намъ воздыханіями неумолчными». (Hieronymi in Ezechiel. I. 4—10). Для Григорія Назіанзина орелъ обозначаетъ «совѣсть, господствующую надъ всѣми способностями души». Per aquillam Spiritum praesidentem animae significat... Non est a dextris ut homo vel leo, non est a sinistris ut vitulus, sed super omnes tres facies constitis,—замѣчаетъ Оригенъ.

Совершенно понятна и отнюдь не нуждается въ новомъ доказательствѣ сопряженность совѣсти съ свободою. Несвободная совѣсть не есть уже совѣсть, а посторонній давящій гнетъ,—сила внутреннихъ обстоятельствъ, которымъ только ложно придаемъ мы это названіе. Свобода совѣсти есть прежде всего психологическій фактъ, психологическая аксіома, голая истина.

Побѣдить психологическую свободу совѣсти невозможно, ибо сломленная, побѣжденная совѣсть есть абсурдъ, а свободная совѣсть — тавтологія. Совѣсть свободна сама по себѣ. Фактъ свободы совѣсти сознавался искони, съ тѣхъ поръ, какъ сознавалась совѣсть: это простой выводъ, заключеніе изъ понятія о совѣсти, и о немъ не можетъ быть особаго ученія, а потому и ученіе это не имѣетъ самостоятельной исторіи.

Одинъ изъ философовъ послѣднихъ годовъ до-христіанскаго міра былъ рабъ, и, несмотря на весь гнетъ рабства, который надъ нимъ тяготѣлъ, признавалъ себя безусловно свободнымъ и говорилъ, что не существуетъ такой ни нравственной, ни физической силы, которая могла бы сколько-нибудь стѣснить его свободу.

«Не бойся ничего,—говорилъ онъ,—и никто не будетъ имѣть для тебя ничего страшнаго, ничего угрожающаго. Развѣ не видишь ты, что опасенія твои и твои желанія служатъ когортою, посредствомъ которой владѣтели твои осаждаютъ тебя какъ въ крѣпости, чтобы тебя подчинить? Изгони эту когорту, и ты будешь свободенъ». «Ты можешь пугать меня, сколько хочешь,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своему тирану.—Ты владѣлецъ этого трупа, возьми его: надо мною не имѣешь ты никакой власти... Въ цѣпяхъ и въ самомъ жестокомъ рабствѣ, я могу быть свободенъ, потому что есть во мнѣ внутренняя мощь, которой не въ состояніи одолѣть никакія насилія, сила, надъ которой не властенъ никакой деспотизмъ. Эту силу не можетъ заковать никакое могущество. Пусть я буду закованъ, пусть я буду рабомъ, я все же останусь свободенъ, ибо я буду имѣть еще способность хотѣть или не хотѣть, которую ничто уже отнять у меня не въ состояніи» (слова Эпиктета). Антигона Софокла, не могущая, несмотря на всѣ давленія власти, отказаться отъ исполненія требованій нравственнаго закона по отношенію къ непогребенному трупу брата ея Полиника; Орестъ, не могущій даже самъ поработить и подавить въ себѣ внутреннихъ мученій, внутренняго голоса совѣсти; Прометей, нравственное величіе и нравственная свобода котораго поражаютъ даже и при громѣ его цѣпей,—все это было живою и могучею проповѣдью о совѣсти и ея свободѣ съ высотъ сцены греческаго театра.

Свобода совѣсти проявляется, какъ мы уже видѣли, въ язычествѣ, но проявляется только какъ индивидуальная сила и индивидуально-психологическій законъ. Въ этомъ-то самомъ видѣ можетъ быть взглядъ языческаго міра переносимъ и на область религіи.

Уже Теодорикъ Готскій сознавался, что религіей управлять онъ не можетъ, ибо никто не можетъ быть принужденъ вѣрить противъ желанія (Religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur ut credat invitus). Свобода убѣжденія, свобода вѣры составляетъ неотъемлемую собственность человѣка. Апологеты язычества въ эпоху государственнаго преобладанія христіанства стояли именно на той же самой индивидуально-психологической точкѣ зрѣнія. «Тѣлесныя заблужденія,— писалъ Юліанъ, прозванный отступ-

никомъ, — можно излѣчивать при помощи искусныхъ операцій, но болѣзнь заблужденія нельзя уничтожать ни огнемъ, ни желѣзомъ. Что пользы въ томъ, что рука будетъ приносить жертву, между тѣмъ какъ душа будетъ осуждать руку? Душа будетъ только обвинять руку въ слабости, но по прежнему тайно благоговѣть передъ тѣмъ, что до того времени она чтила явно... И что же изъ этого выходитъ? Люди павшіе—потомъ раскаяваются, а тѣ, которые гибнутъ за свои убѣжденія, почитаются какъ боги... Поэтому-то,—продолжаетъ Юліанъ,—мы не допускаемъ, чтобы кто-нибудь насильственно былъ привлекаемъ къ алтарямъ боговъ... Несправедливо было бы дѣлать насиліе людямъ съ инымъ настроеніемъ мыслей и противъ воли человѣка направлять его къ другимъ цѣлямъ» (г. Кипарисовъ, стр. 202). Извѣстный риторъ Ѳемистій, апологетъ язычества передъ императоромъ Іовіаномъ, такъ говорилъ, обращаясь къ государству своего времени: «Есть вещи, которыя не подчиняются ни авторитету, ни силѣ. Это—религія и добродѣтель. Чтобы религія не производила однихъ только обманщиковъ, нужно, чтобы правитель предоставилъ каждому слѣдовать свободному влеченію своей души. И чѣмъ болѣе мы будемъ вдумываться въ эту идею, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться въ ея справедливости. Если ты, напримѣръ, декретомъ не можешь заставить своихъ подданныхъ любить себя, то тѣмъ болѣе не можешь заставить ихъ быть благочестивыми и религіозными. Люди трепещутъ передъ законами человѣческими, на нихъ, конечно, дѣйствуетъ и мимолетная необходимость или страхъ, свойственный душамъ слабымъ, но этотъ страхъ исчезаетъ, какъ только обстоятельства мѣняются... Конфискаціи, кресты, костры не могутъ уничтожить божественнаго закона свободы: можно убить тѣло человѣка, можно сорвать съ его языка притворное исповѣданіе, но душа и мысль будутъ сохранять свою свободу» (г. Кипарисовъ, стр. 222). Такихъ же воззрѣній, какъ и Ѳемистій, держался и другой ревностный апологетъ язычества, краснорѣчивый риторъ Симмахъ; такъ же, какъ и Ѳемистій, указывалъ онъ на психологическую невозможность насильственнаго управленія совѣстью вообще и религіею по преимуществу, но къ этой аргументаціи прибавился у него и еще одинъ новый аргументъ. «Насъ освѣщаютъ,—говоритъ онъ,—одни и тѣ же свѣтила небесныя; мы имѣемъ одно и то же небо; одинъ и тотъ же міръ окружаетъ насъ: что же за важность въ томъ, какими путями кто стремится къ истинѣ? Человѣкъ, вѣдь, не всегда одной и той же дорогой приходитъ къ истинѣ... Непостижимая тайна вселенной ускользаетъ отъ пытливости смертныхъ и должно допустить владычество преданія и обычая тамъ, гдѣ разумъ безсиленъ и не можетъ подать никакой помощи. Быть можетъ, скажутъ, что государство не должно поддерживать религію, которая ему чужда. Но государство слагается изъ всѣхъ гражданъ и то, что исходитъ изъ государства, должно служить къ пользѣ каждаго. Вы имѣете власть надъ вещами, но вы же охраняете каждому свое и справедливость должна стоять для васъ выше, чѣмъ благорасположенность, а если уже послѣдняя, то пусть она простирается на спасительныя тайны

всѣхъ религій и въ особенности тѣхъ, коимъ покровительствовали ваши предки».

И такъ, язычество отмѣтило два момента въ ученіи о свободѣ совѣсти: во-первыхъ, абсолютную невозможность ея стѣсненія и, во-вторыхъ, абсолютную же невозможность примѣненія стѣсненія этого въ дѣлѣ религіи. Дальше ли пошло христіанство и созданная имъ церковь? «Церковь,—говоритъ г. Кипарисовъ въ заключеніи своего труда,—не усвоила иного способа распространенія христіанства, кромѣ проповѣди, и иныхъ условій принятія въ церковь, кромѣ свободы убѣжденія». Не тождественно ли это съ выводами языческихъ апологетовъ, съ общей теоріей язычества? Неужели церковь не внесла ничего новаго въ этотъ существенно важный вопросъ? Не зависитъ ли скудость этого вывода только отъ скудости матеріала, собраннаго г. Кипарисовымъ, или, точнѣе, отъ ограниченной постановки вопроса, о которой мы уже говорили?

Близко къ индивидуально-отрицательному воззрѣнію язычества стоитъ индивидуально-положительная постановка вопроса о свободѣ совѣсти въ области безцерковнаго протестантизма. Для этого послѣдняго свобода совѣсти составляетъ условіе и, притомъ, положительное условіе вѣры, что только слабо еще брезжилось для представителей языческаго міра, а потому и ученіе о свободѣ совѣсти для догматики протестантизма составляетъ только часть ученія о вѣрѣ. Въ сущности, при громадной разницѣ въ степени развитія, какъ ученіе протестантизма, такъ и ученіе язычества сводились и сводятся къ одному и тому же, т.-е. къ повторенію все того же самаго простаго восклицанія варвара Теодорика Готскаго: Nemo cogitur, ut credat invitus. Различіе заключается только въ томъ, что въ первомъ случаѣ, т.-е. у язычниковъ, фраза эта имѣла отрицательный смыслъ, выражая собою несостоятельность государственной свободы передъ психологическимъ фактомъ и гарантируя собою одно изъ неотъемлемыхъ правъ личности человѣческой; во второмъ случаѣ фраза эта содержитъ въ себѣ положительное условіе вѣры, какъ основы убѣжденія христіанскаго, какъ источника *личнаго* спасенія для человѣковъ въ силу этого самаго убѣжденія.

Для языческой и узко-протестантской постановки вопроса о свободѣ совѣсти совершенно достаточно приведеннаго нами выше вывода, что «церковь не усвоила иного способа распространенія христіанства, кромѣ проповѣди, и иныхъ условій принятія въ церковь, кромѣ свободы убѣжденія». Но иное совершенно представится намъ, если мы взглянемъ на занимающій насъ вопросъ, какъ выражался покойный Хомяковъ, *изъ церкви*, т.-е. какъ на ученіе церкви, какъ на вѣру церкви въ самою себя, въ свою цѣль и назначеніе и въ средства, которыми цѣль и назначеніе эти могутъ и должны достигаться. Простой и очевидный психологическій фактъ передъ сознаніемъ великой цѣли и высокаго назначенія церкви теряетъ первобытную простоту свою и опредѣленность, распадается на рядъ, съ виду для обыденнаго пониманія непримиримыхъ дилеммъ.

Передъ этими-то дилеммами должна была остановиться церковь въ началѣ историческаго своего самосознанія, изощрить на нихъ вѣру свою въ самою себя, и эту-то дилемму должна была премирить она и премирила въ дѣйствительности въ цѣлостную вѣру и въ цѣлостное сознаніе своимъ ученіемъ. То, что представлялось для обыденнаго мышленія простымъ, очевиднымъ психологическимъ фактомъ, что было просто для не имѣющихъ впереди опредѣленной, назначенной миссіи,—стало проблемой для церкви. И не всѣ части единаго организма церковнаго не отступили передъ трудностями этой проблемы, остались хранителями вѣры въ церковь, ея назначеніе и предоставленныя ей средства. Отпаденіе началось именно съ утраты вѣры въ средства и ея согласованіе съ вѣрою въ цѣль. Достижима ли цѣль непосредственно предоставленными средствами? Отсюда и омраченіе самосознанія церковнаго, отсюда и первое начало церковнаго раскола, распаденія.

Однимъ изъ существенныхъ назначеній церкви было созданіе самой себя, какъ единаго *общаго*, водвореніе единства въ человѣчествѣ. Церковь, какъ форма общенія, была единствомъ. Но такимъ же единствомъ общенія былъ и такое же единство ставилъ себѣ цѣлью другой существовавшій уже общественный организмъ—государство, идея котораго воплотилась въ древнемъ Римѣ. На каждую отдѣльную личность человѣческую смотрѣло это воплощенное въ Римѣ стремленіе къ государственному единству какъ на простой элементъ, на орудіе общаго. Каждой отдѣльной личности даровалъ Римъ свободу или, точнѣе, право пользоваться свободой только настолько, насколько не нарушаетъ она единства, которое ставилъ онъ конечною, существенною своею задачей. Гражданинъ римскій могъ жить только настолько, насколько онъ имѣлъ *право* жить, т.-е. настолько, насколько отождествлялся онъ съ образцомъ, который начертало для него римское государство; всякое нарушеніе этого образца, всякое проявленіе особенности почиталось нарушеніемъ права, преступленіемъ. То, что требуетъ для существованія своего *общее*, было для римлянина добродѣтелью, то, что нарушаетъ его,—преступленіемъ.

Вѣрный основнымъ государственнымъ своимъ традиціямъ, Римъ и религію свою старался поддержать посредствомъ той же силы, на которой одной основывалось и удерживалось его единство. Эта сила была приневоливаніе, принужденіе. Безъ этой силы не могло быть единства для Рима. Separatim nemo habesset deos neve novos, neve advenas, nisi publice adscitos (Cicero de leg. II, 8)—«никто да не имѣетъ ни отдѣльныхъ боговъ, ни новоизобрѣтенныхъ, кромѣ признанныхъ государствомъ».

Но церковь тоже искала единства, тоже стремилась осуществить единство всѣхъ разсѣянныхъ и непріобрѣтенныхъ еще чадъ своихъ, повторяя молитву Христа: «да всѣ будутъ едино, какъ мы, Отче, съ Тобою едино». Стремясь къ такому единству, желая достигнуть такого единства, она не могла не сознавать, что не всякими средствами можетъ она достигать его, что средства эти опредѣлены заранѣе самою ея природою.

«Вы назначены для того,—писалъ Иларій, епископъ пиктавійскій, къ императору Констанцію,—чтобы всѣ пользовались сладкой свободой. Миръ церкви не можетъ быть водворенъ иначе, разодранность ея не можетъ быть исцѣлена иначе, какъ если всѣ, освободясь отъ всякаго рабства, получатъ возможность жить по своему убѣжденію. Если и ради истинной вѣры будетъ примѣняться власть ваша, то неужели не воспротивятся вамъ епископы и не скажутъ: Богъ—творецъ міра; Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи?»

Римъ искалъ единства, требуя полнѣйшаго единообразія, стѣсняя и преслѣдуя всякое проявленіе особенности, индивидуальности, подавляя всякую свободу убѣжденія. Церковь также ищетъ единства, но, совершенно вопреки Риму, видитъ она возможность достиженія такого единства только въ полномъ, свободномъ развитіи индивидуальности. Всякое приневоливаніе, всякое насиліе, всякое подавленіе особенности почитаетъ она вредоноснымъ, способнымъ произвести раздѣленіе. Въ томъ, въ чемъ видѣлъ Римъ причину розни, видѣла церковь единственную стихію единенія; то, что почиталъ Римъ орудіемъ единенія, считала церковь орудіемъ розни, расколовъ и раздѣленія. «Разодранное тѣло церкви,—говоритъ она,—не можетъ быть исцѣлено иначе, какъ если всѣ будутъ пользоваться полною свободой убѣжденія». Безъ свободы нѣтъ и не можетъ быть вѣры, но точно также нѣтъ и не можетъ быть единства.

Но какъ и почему можетъ свобода убѣжденія или, какъ говорится въ настоящее время, свобода совѣсти быть единственнымъ орудіемъ для достиженія духовнаго единенія церкви? Вотъ основная проблема, которая представилась на разсмотрѣніе церкви, и эту проблему приходилось рѣшать ей своей жизнью, ученіемъ и практикой.

Въ этой общей исторической и догматической проблемѣ должны различать мы слѣдующіе моменты: 1) сознаніе церковью своего назначенія или, точнѣе, вѣра въ назначеніе; 2) сознаніе средствъ — вѣра въ средства и 3) сознаніе самой себя, какъ общаго, цѣлаго—вѣра въ себя и свои силы.

Совершенно понятно, что свобода совѣсти, разсматриваемая въ ея историческомъ проявленіи не въ качествѣ обособленнаго психологическаго факта, такъ или иначе, т.-е. съ большею или меньшею ясностью признаваемаго, но въ качествѣ историческаго фактора, затрогиваетъ собою всѣ три, исчисленные выше, моменты церковнаго сознанія, а потому и отражается съ силою и яркостью на всѣхъ судьбахъ жизни церковной и самоопредѣленія церкви.

Римскій католицизмъ начинается съ момента перваго сомнѣнія въ достаточности религіознаго своего убѣжденія, перваго сомнѣнія въ достаточности силы церковной для выполненія предназначенной миссіи. Изъ этого сомнѣнія вытекаетъ и постепенно растетъ и укореняется сознаніе необходимости перемѣны средствъ, предоставленныхъ церкви для достиженія историческаго своего назначенія, перемѣны самаго орудія церковнаго, а изъ

перемѣны орудія естественно вырабатывается и измѣненіе воззрѣній церкви на самою себя, на свою сущность и значеніе. Церковь римско-католическая очень быстро и почти непримѣтнымъ образомъ обращается въ стремленіе къ земному единству, въ земной, государственный организмъ. Нѣтъ ни единой черты католицизма римскаго, ни единаго его догмата, происхожденіе которыхъ не стояло бы въ связи съ этими измѣненіями, не имѣло бы своего начала въ измѣнившемся отношеніи къ вопросу о свободѣ совѣсти.

Протестантизмъ былъ послѣдствіемъ того же самаго разложенія. Но, исходя изъ того же самаго сомнѣнія, онъ рѣшился только пожертвовать иною частью основной вѣры церковной, совершить иную утрату. Какъ католицизмъ римскій пытался и пытается сохранить вѣру въ назначеніе церковное, утративъ вѣру въ достаточность религіозныхъ средствъ, предоставленныхъ церкви, такъ и протестантизмъ черезъ то же самое сомнѣніе рѣшился пожертвовать назначеніемъ церкви, сознаніемъ церковности, сохранивъ вѣру въ необходимость религіозной свободы, какъ условія единичной, разрозненно-индивидуальной вѣры людей.

Таково, какъ мы понимаемъ, истинное значеніе свободы совѣсти, какъ церковно-историческаго фактора, какъ необходимаго момента церковности, ученіе о которомъ составляетъ часть ученія о церкви, часть самосознанія церковнаго. Только при этомъ болѣе широкомъ пониманіи можетъ, какъ твердо убѣждены мы, существовать вопросъ о свободѣ совѣсти.

Иностранныя книги.

Среди льда и снѣга. Поиски экспедиціи «Жаннеты» и путешествіе на саняхъ черезъ Сибирь. *Вилліама Гильдера.* (**In Eis und Schnee. Die Aufsuchung der Jeannette-Expedition und eine Schlittenfahrt durch Sibirien.** *Von William Gilder*).

Едва ли во всемъ свѣтѣ найдется такой предпріимчивый человѣкъ, какъ редакторъ-издатель газеты *New-Iork-Herald'a*, Гордонъ Беннетъ. Его предпріимчивость стала предметомъ массы анекдотовъ, доходитъ почти до легендарности и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ едва ли можетъ считаться исчерпанной до конца. Благодаря его неутомимой погонѣ за новинками, наука обогащается новыми, весьма интересными данными, кладбища—новыми пришельцами. Беннету пожелалось изслѣдовать внутренность Африки, найти слѣды Ливингстона, и вотъ онъ отправляетъ Стэнли; встрѣтилась необходимость произвести изысканія на крайнемъ сѣверѣ Сибири, и онъ покупаетъ пароходъ «Пандору», переименовываетъ его въ «Жаннету» и отправляетъ на немъ капитана Жоржа Де-Лонга. Результаты не заставляютъ себя долго ждать: Стэнли изслѣдуетъ область рѣки Конго, возбуж-

даетъ къ себѣ ненависть туземцевъ и благополучно возвращается домой; Де-Лонгъ оказывается менѣе счастливымъ: часть его экспедиціоннаго состава пропадаетъ безъ вѣсти; другую часть, съ нимъ во главѣ, мы полтора мѣсяца тому назадъ проводили на мѣсто вѣчнаго успокоенія въ Нью-Іоркъ... Изъ 33 человѣкъ погибло 22. Гибель несчастныхъ произошла 2 года тому назадъ, и мы имѣемъ уже цѣлую литературу по этому предмету. Оно, впрочемъ, нисколько неудивительно: американцевъ можно упрекнуть въ чемъ угодно, но только не въ лѣни, не въ инертности; Беннетъ въ этомъ случаѣ является лишь блестящимъ примѣромъ. Едва только прекратились извѣстія о ходѣ дѣлъ экспедиціи «Жаннеты», какъ одна за другой на поиски за ней отправились еще двѣ экспедиціи: одна на пароходѣ «Корвинъ», другая на пароходѣ «Роджерсъ». Слишкомъ свѣжа та сенсація, которую произвело въ русскомъ обществѣ извѣстіе объ ужасной гибели Де-Лонга и его спутниковъ, слишкомъ разнохарактерны и подчасъ противорѣчивы были тѣ розсказни о причинахъ несчастнаго исхода экспедиціи, которыми угощала ежедневно печать русскую публику, слишкомъ, наконецъ, велико и тепло было сочувствіе, которое высказывалось той же публикой во время проѣзда праха несчастныхъ смѣльчаковъ-американцевъ черезъ Азіатскую и Европейскую Россію,—вотъ тѣ причины, по которымъ мы считаемъ не лишнимъ и даже обязательнымъ познакомить нашихъ читателей съ горькой истиной въ томъ видѣ, какъ она имѣла мѣсто на самомъ дѣлѣ, съ научными результатами, добытыми цѣною жизни 22 человѣкъ. Выбирая для этой цѣли книгу Гильдера, мы руководствовались не только тѣмъ, что она новинка въ сравненіи со всѣми другими, написанными по тому же поводу, но и тѣмъ, что Гильдеръ составилъ ее крайне добросовѣстно, на основаніи неопровержимыхъ документовъ, тогда какъ другія, напр., описаніе путешествія и гибели «Жаннеты», сдѣланное вдовой Де-Лонга *), грѣшатъ многими неточностями. Весь трудъ Гильдера естественно распадается на три части: 1) описаніе путешествія и гибели «Роджерса», 2) исторія «Жаннеты» и 3) путешествіе черезъ всю Сибирь автора. Оставляя за собой право коснуться впослѣдствіи первой и третьей части, мы прежде всего и преимущественно остановимся на второй. Выше мы указали, что разсказъ о гибели «Жаннеты» Гильдеръ передаетъ на основаніи документальныхъ данныхъ; прибавимъ теперь, что онъ даже ведетъ его не собственными словами, а, главнымъ образомъ, отъ лица Де-Лонга (его дневникъ) и затѣмъ отчасти отъ лица спасшихся матросовъ Ниндермана и Нороса и лейтенанта спасшейся шлюпки Мельвиля. Въ общемъ ужасная исторія обрисовывается такимъ образомъ.

Экспедиція «Жаннеты» покинула Санъ-Франциско 8 іюля 1879 года. Достигнувъ благополучно водъ Сѣвернаго океана, она черезъ два мѣсяца

*) *Emma De-Long*: The voyage of the «Jeannette»; the ship and ice journals of Lieutenant Commander George De-Long. Boston, 1882.

уже попала въ плотную массу льда. За годъ передъ тѣмъ, ту же участь пришлось испытать знаменитому шведскому путешественнику Норденшельду, но «Вега» попала въ сплошную, правда, но за то неподвижную массу льда, «Жаннетта» же—въ подвижную и должна была въ силу этого двигаться туда, куда двигался ледъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ очутилась значительно сѣверо-восточнѣе Ново-Сибирскихъ острововъ. Норденшельдъ, простоявъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, благополучно вернулся въ Европу. Де-Лонгъ же, очутившись среди льдовъ, вдали отъ всякой земли, пробывъ тутъ полтора года, долженъ былъ высадиться со всѣмъ экипажемъ на необозримую ледяную поверхность, когда «Жаннета», затертая льдами 12 іюня 1881 года, отказалась служить. Страшно мучительно было 33-мъ американцамъ сидѣть безъ движенія во льду въ теченіе 18 мѣсяцевъ, имѣя въ перспективѣ участь быть затертыми льдами на такомъ крайнемъ сѣверѣ, куда еще не ступала человѣческая нога; но еще страшнѣе стало имъ, когда фактъ свершился, когда имъ пришлось воочію убѣдиться, что отнынѣ они должны разсчитывать только на свои силы, да еще на силы немногочисленныхъ собакъ, долженствовавшихъ доставить ихъ на твердую почву. И вотъ начинается борьба людей со льдомъ,—борьба, продолжающаяся съ небольшими перерывами два мѣсяца. Чтобы составить себѣ ясное представленіе о ея характерѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ отчаянной храбрости этой кучки людей, надо припомнить только то время, въ которое она должна была происходить. Это были лѣтніе мѣсяцы и, притомъ, наиболѣе жаркіе: ледъ подъ ногами, а сверху дождь или палящее солнце и въ воздухѣ температура значительно выше нуля. Дневникъ Де-Лонга рисуетъ намъ въ этомъ смыслѣ страшную картину. Люди потеряли корабль и на нѣсколькихъ саняхъ отправляются по льду въ поиски за сушей; прежде чѣмъ сдѣлать хотя шагъ впередъ, посылаются развѣдчики для розысканія пути. Путь найденъ, развѣдчики возвращаются, экспедиція отправляется и тамъ, гдѣ первые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ проходили пѣшкомъ, вторая находитъ теперь каналъ, шириной до 5—10 и болѣе саженъ. Начинаютъ размышлять о томъ, что предпринять, приготовляютъ лодки, но прежде чѣмъ успѣваютъ спустить ихъ на воду, наноситъ ледъ, который ломаетъ противоположный берегъ и дѣлаетъ немыслимымъ переѣздъ на лодкахъ; строятъ мосты, для чего стараются поймать плывущій осколокъ льдины; перебрались на другой берегъ, ѣдутъ снова,—та же исторія, и это чуть ли не каждыя пять минутъ. Въ данномъ случаѣ еще счастливый исходъ, а бываетъ и такъ: въ моментъ переправы, средній ледяной устой ломается и сани съ людьми и собаками летятъ въ ледяную воду; приходится другимъ съ опасностью жизни вытаскивать ихъ. Въ другихъ случаяхъ на ровномъ, отысканномъ развѣдчиками пути, черезъ нѣсколько времени, во время слѣдованія экспедиціи оказываются нагроможденными цѣлыя горы льда. Наконецъ, въ то время, какъ экипажъ «Жаннеты» въ поискахъ за землей направлялся согласно географической картѣ къ юго-западу—по льду, теченіе

относило ледъ на сѣверо-востокъ. Какъ бы то ни было, отправившись въ путь по льду 12 іюня, несчастные путешественники 29 іюля добрались до твердой земли; такимъ образомъ разстояніе въ 300 съ чѣмъ-то верстъ они прошли въ полтора мѣсяца. Берегъ, котораго они достигли, принадлежалъ острову Беннетту, расположенному къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Остаться здѣсь, на этомъ необитаемомъ, состоящемъ главнымъ образомъ изъ однихъ ледниковъ островѣ, оказалось немыслимымъ; необходимо было успѣть во время добраться до береговъ Сибири, и вотъ снова начался тотъ же ужасный переходъ по зыбкой и измѣнчивой ледяной поверхности на югъ или, точнѣе, на юго-западъ, такъ какъ Де-Лонгъ во что бы то ни стало хотѣлъ попасть въ устье Лены. Когда 12 сентября экспедиція достигла Ново-Сибирскихъ острововъ—Семенова, идти по льду оказалось невозможнымъ: объ огромныхъ льдинахъ, встрѣчавшихся доселѣ, не было и помину; передъ глазами путешественниковъ разстилались или совершенно чистое пространство воды, или же поверхность, покрытая сплошь мелкими кусками льда; приходилось бросить сани и сѣсть въ лодки. Этотъ моментъ былъ роковымъ для большинства путешественниковъ. Дѣло въ томъ, что, желая навѣрняка достигнуть устья Лены и не считая возможнымъ добиться этого, если идти всѣмъ экспедиціоннымъ составомъ по одному направленію, Де-Лонгъ рѣшился раздѣлить своихъ спутниковъ на три партіи, посадить ихъ въ три лодки и послать къ берегу по тремъ различнымъ направленіямъ: лодку подъ начальствомъ Мельвиля къ юго-западу, самому отправиться западнѣе и, наконецъ, китоловное судно подъ управленіемъ лейтенанта Чипа болѣе къ востоку. Относительно участи послѣдней партіи неизвѣстно рѣшительно ничего: можетъ быть, она замерзла гдѣ-нибудь на берегу и во время разлива была унесена въ открытое море, а, можетъ быть, погибла, не достигнувъ берега. Что же касается остальныхъ двухъ партій, то партію Мельвиля занесло, по счастью, въ восточный рукавъ Лены и онъ благополучно достигъ берега и затѣмъ тунгузскихъ поселеній; партія Де-Лонга изъ 14 человѣкъ пристала въ западномъ и самомъ отдаленномъ рукавѣ и, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, вся погибла. Ужаснѣе всего то обстоятельство, что Де-Лонгъ находился всего въ 30 верстахъ отъ перваго поселенія, Сагастыря, расположеннаго у средняго рукава (устье Лены все состоитъ изъ множества рукавовъ и острововъ); онъ не зналъ объ этомъ, потому что имѣвшаяся у него въ рукахъ карта была невѣрна, и полагалъ, что ближе отъ мѣста его высадки находится Кумахъ-Сыртъ, на самомъ дѣлѣ расположенный выше дельты, на поиски котораго онъ и отправился съ своимъ отрядомъ. Если страшно было путешествіе по открытой, движущейся и измѣнчивой ледяной поверхности, то еще страшнѣе было путешествіе въ данномъ случаѣ: тамъ люди были полны энергіи, надеждъ на будущее, имѣли хорошіе запасы провіанта; тутъ не было ничего подобнаго. Гильдеръ говоритъ, что когда онъ прочелъ

дневникъ Де-Лонга,—къ слову сказать, веденный имъ весьма добросовѣстно, педантически-аккуратно за все время экспедиціи,—относящійся къ послѣднимъ 30-ти днямъ жизни несчастнаго капитана (съ 1 октября по 1 ноября), съ нимъ сдѣлалась въ первый разъ въ жизни истерика.

На глазахъ у читателя проходитъ исторія 30-ти дней жизни 14 человѣкъ, совершающихъ путешествіе по безлюдной и безжизненной снѣговой равнинѣ; запасъ пищи у этихъ людей крайне скуденъ: онъ состоитъ изъ ограниченнаго количества оленьяго мяса и пеммикана; запасъ питья еще менѣе (алкоголь и чай въ самыхъ незначительныхъ количествахъ); съ этимъ-то запасомъ приходится имъ совершать путешествіе, имѣя на рукахъ больнаго товарища (Эриксена), не могущаго идти, такъ какъ у него отморожены руки и ноги. Возможность достичь желаемой цѣли, т.-е. люднаго поселенія, уменьшается съ каждымъ днемъ не только потому, что у путешественниковъ падаютъ отъ недостатка пищи силы и они поминутно отмораживаютъ себѣ ноги, но и потому, что неизслѣдованность мѣстности заставляетъ постоянно сомнѣваться въ правильности выбраннаго направленія и мѣнять его на удачу. Настаетъ день, когда скудные запасы пищи приходятъ къ концу и больной товарищъ умираетъ гангреной. Необходимо принять крайнія мѣры, и на девятый день путешествія Де-Лонгъ посылаетъ двухъ наиболѣе сильныхъ матросовъ Ниндермана и Нороса отыскать пищу, а если возможно, и людскую помощь. Развѣдчики отправляются, терпятъ страшныя лишенія, рискуютъ неоднократно быть засыпанными пургой и, проголодавъ два дня, попадаютъ въ одну изъ тѣхъ избушекъ, которыя устраиваются тунгусами для зимнихъ остановокъ во время охотничьихъ экскурсій. Здѣсь ихъ находятъ тунгусы, оказываютъ имъ всякое попеченіе и отвозятъ въ свое поселеніе. Первой мыслью, первымъ дѣломъ счастливцевъ, какъ только они оправились, было помочь Де-Лонгу и товарищамъ; для этого необходимо побудить тунгусовъ отправиться вмѣстѣ съ ними къ мѣсту стоянки капитана. Является неожиданное препятствіе: тунгусы никакъ не могутъ понять, чего желаютъ отъ нихъ два американца. Напрасно Ниндерманъ старается объяснить имъ смыслъ той участи, которой подверглись его товарищи, рисуетъ пароходъ, картину его гибели, раздѣленіе на три партіи, путешествіе по снѣгамъ, покрывающимъ острова дельты,—тунгусы только покачиваютъ участливо головами и ничего болѣе, а, между тѣмъ, день идетъ за днемъ и наступаетъ, наконецъ, 16-й день съ тѣхъ поръ, какъ Ниндерманъ и Норосъ разстались съ Де-Лонгомъ. Наконецъ, повидимому, одинъ изъ тунгусовъ понялъ, въ чемъ дѣло, потому что немедленно же снарядилъ сани и отправился куда-то въ путь. На вопросъ Ниндермана: куда? ему отвѣчали, что къ капитану «Жаннеты», который находится въ настоящее время въ Булунѣ (поселеніе почти у устья Лены). Нечего и говорить, насколько была велика радость двухъ американцевъ, но ей не суждено было быть продолжительной. На другой день тунгусъ вернулся и привезъ съ собой русскаго, ссыль-

наго, который подтвердилъ Ниндерману, что капитанъ и 11 матросовъ находится въ Булунѣ. Ниндерманъ думая, что онъ ничего не можетъ предпринять безъ разрѣшенія начальства, рѣшился телеграфировать къ американскому посланнику въ Петербургъ; съ этой телеграммой явился въ Булунъ и вручилъ ее тому, кого онъ считалъ капитаномъ «Жаннеты», но который на самомъ дѣлѣ былъ спасшійся Мельвиль. Послѣдній же по полученіи этого извѣстія отправился на поиски Де-Лонга. Въ теченіе зимы Мельвиль сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ экспедиціи и 16 марта 1882 года отправился въ путь; результаты извѣстны: послѣ тщательнаго изслѣдованія мѣстности изъ-подъ снѣга были отрыты трупы всѣхъ несчастныхъ, погибшихъ отъ холода и голода, послѣ того какъ они съѣли шкуры и подошвы и выпили чай, алкоголь и глицеринъ. Несмотря на всѣ старанія, найдено только 10 труповъ (капитана погибшаго парохода «Жаннеты» Жоржа де-Лонга, доктора Джемса Амблера, поваровъ Адольфа Дресслера и А—Сама, корреспондента *New-Jork-Herald'a* Жерома Коллинза и матросовъ Генри Кэка, Георга Бойда, Нелли Иверсена, Карла Герца и Вальтера Ли; не были найдены тѣла Генри Эриксена, опущеннаго въ прорубь и, вѣроятно, унесеннаго водой, и индѣйца Алексіа, погребеннаго подъ лодкой и исчезнувшаго вмѣстѣ съ ней. Выбравши высокую скалу на югѣ восточнаго берега западнаго рукава, Мельвиль рѣшился похоронить здѣсь останки своихъ товарищей, для чего устроилъ ящикъ въ 22 фута длины, 6 футовъ ширины и 2 фута высоты, положилъ сюда 10 труповъ, забилъ его досками, вырубилъ въ серединѣ деревянный крестъ въ 22 фута высоты съ поперечной перекладиной въ 12 футовъ, положилъ на деревянный ящикъ стоймя ряды бревень и затѣмъ засыпалъ все камнями. Такимъ образомъ могила должна была быть видной далеко вокругъ. Старанія Мельвиля по устройству памятника оказались лишними, такъ какъ извѣстно, что американское правительство пожелало перевести трупы мучениковъ науки на родину, для чего и отправило за ними третью экспедицію подъ начальствомъ лейтенантовъ Гарбера и Шютце, которые и исполнили свое назначеніе.

Вторая экспедиція, отправленная американскимъ правительствомъ 16 іюня 1881 года на кораблѣ «Роджерсъ» (Гордонъ Беннетъ послѣ гибели «Жаннеты» не пожелалъ предпринять что-либо для ея отысканія), къ которой принадлежалъ и авторъ разбираемой нами книги, корреспондентъ газеты *New-Jork-Herald* Вилліамъ Гильдеръ, въ поискахъ за «Жаннетой» едва не потерпѣла ея участь, такъ какъ пароходъ, хотя и не былъ затертъ льдами, но за то 30 ноября 1881 года сгорѣлъ въ бухтѣ св. Лаврентія. Капитанъ Берри, начальникъ этого судна, отправился на лодкѣ за Де-Лонгомъ и его спутниками по тому же пути, по которому шла и «Жаннета», т.-е., изъ С.-Франциско въ Петропавловскъ (въ Камчаткѣ), затѣмъ за запасами угля въ с. фортъ св. Михаила (въ Аляскѣ), отсюда по сѣверному берегу Сибири на Врангелеву землю, вездѣ производя самые

тщательные розыски слѣдовъ Де-Лонга. Когда пароходъ отъ неизвѣстныхъ причинъ сгорѣлъ, капитанъ Берри высадилъ на берегъ, раздѣлилъ весь экипажъ на нѣсколько партій, а Гильдера отправилъ въ Якутскъ, чтобы отсюда послать телеграмму морскому министру Соединенныхъ Штатовъ и просить его о присылкѣ новаго парохода или, по крайней мѣрѣ, объ инструкціяхъ насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ. Гильдеръ отправился въ сопровожденіи одного русскаго торговца мѣхами, нѣкоего Банкера, проѣхалъ съ нимъ въ Нижне-Колымскъ, затѣмъ въ Средне-Колымскъ и, наконецъ, въ Верхоянскъ на Ленѣ. Вездѣ Гильдеръ, какъ и подобаетъ истому корреспонденту собиралъ, свѣдѣнія о бытѣ тѣхъ народностей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, о ихъ этнографическихъ особенностяхъ, о характерѣ мѣстностей, черезъ которыя ѣхалъ и, наконецъ, слухи объ участи Де-Лонга и его спутниковъ. Въ Верхоянскѣ до него впервые дошла печальная вѣсть и онъ немедленно рѣшился отправиться на мѣсто стоянки Мельвиля, а телеграмму отправилъ въ Якутскъ съ нарочнымъ, благодаря любезности бывшаго исправника Верхоянска г. Варова, который, кромѣ нарочнаго, далъ ему еще въ провожатые на Булунъ одного козака. 2 апрѣля онъ находился уже на разстояніи 200 англійскихъ миль отъ Верхоянска. Въ 9 часовъ вечера онъ попалъ на станцію Іоляска, куда только что прибылъ отъ Мельвиля курьеръ съ письмами и депешами въ Иркутскъ. Отъ него-то Гильдеръ получилъ возможность ознакомиться съ дневникомъ Де-Лонга и съ тѣми фактами, которые могъ сообщить Мельвиль по поводу отысканія несчастнаго капитана и его спутниковъ. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ къ сѣверу и не найдя Мельвиля, находившагося на мѣстѣ гибели Де-Лонга, Гильдеръ снова вернулся въ Верхоянскъ и сталъ продолжать путешествіе на родину, подробно изучая по пути всѣ города и поселенія. Наибольшей и, притомъ, самой непріятной задержкой для Гильдера былъ переѣздъ черезъ притокъ Лены, Алданъ, по пути изъ Верхоянска въ Якутскъ; онъ пріѣхалъ сюда какъ разъ во время вскрытія рѣки, перебраться на другую сторону не было возможности, и Гильдеръ отправился по берегу рѣки, надѣясь найти болѣе удобное мѣсто для переѣзда; его ожидало самое горькое разочарованіе: оказалось, что Алданъ уже вышелъ изъ береговъ и вся мѣстность впереди, куда только хваталъ глазъ, была залита водой; путешественники (Гильдеръ ѣхалъ не одинъ; съ нимъ находилось еще семейство одного русскаго, состоявшее изъ отца, матери и маленькой дочки) направились назадъ, на старую дорогу, но имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они опоздали, такъ какъ вода залила уже и то пространство, которое они только что проѣхали; единственной сухой мѣстностью оставалась та, на которой они находились въ данную минуту; весь остальной міръ былъ отрѣзанъ отъ нихъ водой. Пришлось покориться печальной участи и приступить къ устройству шалаша на возможно высокомъ мѣстѣ; вода, между тѣмъ, все прибывала и прибывала и неизвѣстно было, когда они отъ нея избавятся (туземцы разсказывали, что наводненіе продолжалось иногда 6 дней, а

иногда и 20); къ довершенію всѣхъ бѣдъ, у путешественниковъ вышли всѣ съѣстные припасы и надо было убить единственную, имѣвшуюся въ ихъ распоряженіи, лошадь; между тѣмъ, вода поднималась все болѣе и болѣе и, наконецъ, залила шалашъ. Положеніе отшельниковъ сдѣлалось крайне серьезнымъ. Къ счастью для нихъ, въ тотъ же вечеръ вода стала убывать, на другой день по утру прибыли лодки съ съѣстными припасами и взяли ихъ, а черезъ нѣсколько дней Гильдеръ былъ уже по ту сторону Алдана, въ Якутскѣ, гдѣ ему была выдана подорожная на дальнѣйшее путешествіе. Отсюда Гильдеръ направился въ Витимскъ, гдѣ осмотрѣлъ золотые пріиски, въ Иркутскъ, гдѣ къ нему присоединились товарищи несчастнаго Де-Лонга—Мельвиль, Данненгауеръ и остальные 11 человѣкъ, и затѣмъ черезъ Томскъ, Тобольскъ, Пермь, Нижній-Новгородъ, Москву и Петербургъ заграницу.

Какіе же научные результаты добыты экспедиціей «Жаннеты»? Искупаютъ ли они своей величиной и цѣнностью обогащеніе мартирологіи науки новыми 20 жертвами? Нѣтъ,—вотъ отвѣтъ, который мы читаемъ въ дневникѣ Де-Лонга, вотъ отвѣтъ, который сквозитъ въ каждомъ словѣ, каждой строкѣ книги Гильдера. Несмотря на массу экспедицій, посѣтившихъ океанъ, находящійся къ сѣверу отъ Сибири, несмотря на массу жертвъ, поглощенныхъ его водами, знакомство съ сѣверными берегами Сибири и съ омывающими ихъ водами остается до сихъ поръ крайне поверхностнымъ; причина кроется въ страшномъ однообразіи мѣстности, въ ея безлюдности и безжизненности, въ царящихъ тамъ суровыхъ холодахъ, съ трудомъ переносимыхъ тѣми людьми, которые берутъ на себя смѣлость пробраться въ таинственную, непривѣтливую область земнаго шара. Какъ и всегда, малоизвѣстность предмета ведетъ къ составленію самыхъ невѣроятныхъ представленій о немъ, даетъ поводъ къ возникновенію различныхъ гипотезъ. Сѣверный океанъ и сѣверные берега Сибири не исключеніе изъ этого правила; не мало сказокъ имѣется о немъ, благодаря, главнымъ образомъ, различнымъ росказнямъ промышленниковъ, занимающихся ловлей тюленей и моржей. До 60-хъ годовъ экспедиціи, отправлявшіяся въ Сѣверный ледовитый океанъ съ цѣлью открытія новыхъ острововъ и земель, оставались безъ результатовъ; только съ начала шестаго десятка лѣтъ нашего вѣка на географическія карты Азіи стали одинъ за другимъ заноситься вновь открытые дѣйствительные острова: Ново-Сибирскіе; въ концѣ этихъ же годовъ была открыта американцемъ Лонгомъ земля, которую въ честь неутомимаго Врангеля онъ назвалъ «Землей Врангеля». Но тутъ возникла внезапно гипотеза Петермана, согласно которой эта земля должна соединяться съ Гренландіей и, съ другой стороны, необходимо долженъ существовать цѣлый сѣверный полярный континентъ; отсюда и начались поиски этого континента. Изслѣдованіями Де-Лонга и позднѣе Берри констатирована вся шаткость основанія гипотезы Петермана: Земля Врангеля оказалась обыкновеннымъ островомъ, не обладающимъ никакими особыми преимуществами, скалистымъ, съ очень рѣдкимъ птичьимъ и звѣринымъ населеніемъ; само собой должно

исчезнуть и предположеніе о сѣверномъ, неизвѣстномъ, яко бы, континентѣ. Второй результатъ экспедиціи «Жаннеты»—это открытіе и присоединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ трехъ новыхъ острововъ—двухъ маленькихъ: Жаннеты и Генріеты (послѣдній сѣвернѣе перваго) и одного большаго, лежащаго приблизительно на 76° сѣверной широты и 151° восточной долготы; этотъ островъ Де-Лонгъ въ честь виновника экспедиціи назвалъ островомъ Беннета; всѣ три вновь открытые острова весьма напоминаютъ по своему физическому характеру Землю Врангеля, но только они еще безжизненнѣе ея. Третьимъ, наконецъ, результатомъ несчастной экспедиціи нужно считать несомнѣнную поправку, которую должны будутъ сдѣлать географы на картѣ сѣверныхъ береговъ Сибири и, главнымъ образомъ, устья Лены: эта поправка добыта цѣною жизни 12-ти человѣкъ. Вотъ тѣ научные результаты, которые мы имѣемъ послѣ гибели парохода «Жаннеты»; читатели сами могутъ судить, насколько правы въ своемъ приговорѣ надъ ними книга Гильдера и дневникъ Де-Лонга.

Критика современныхъ системъ морали. *Альфреда Фулье.* (**Critique des systèmes de morale contemporains.** *Alfred Fouillée.* Paris, 1883).

Легко проповѣдывать мораль, сказалъ Шопенгауэръ, но трудно установить ея основанія. Современное состояніе нравственныхъ теорій служитъ, по мнѣнію Фулье, лучшимъ доказательствомъ этого мнѣнія. Всѣ старые принципы поколеблены, ни одинъ новый не отличается достаточною широтою и не пользуется общимъ признаніемъ. Нѣкогда писали потрясающія страницы о томъ, какъ исчезаютъ религіозные догматы; теперь можно написать подобныя страницы о томъ, какъ исчезаютъ нравственные догматы. Чтобы выйти изъ этого положенія, замѣчаетъ Фулье, необходимо быть вполнѣ искреннимъ, должно приближаться къ рѣшенію вопроса *методическимъ сомнѣніемъ*.

Нравственныя ученія можно раздѣлить на два разряда: одни ограничиваются психологическою, физіологическою и соціологическою частью морали, *физикою нравовъ*; другія стараются подняться къ причинамъ и принципамъ, составляютъ *метафизику нравовъ*. Къ первымъ относятся такъ называемая эволюціонная мораль, утилитаризмъ и т. д.; ко вторымъ — старыя догматическія ученія и новокантіанская мораль.

Великое ученіе объ эволюціи, дарвинизмъ, не могло не оказать глубокаго, руководящаго вліянія во всѣхъ отрасляхъ знанія. Оно вызвало и новое построеніе морали. Гербертъ Спенсеръ и другіе мыслители представили замѣчательныя попытки объяснить происхожденіе и прослѣдить развитіе нравственныхъ началъ въ общежитіи изъ данныхъ физическихъ и психическихъ, безъ всякой примѣси метафизическихъ элементовъ. Два основныхъ влеченія, два инстинкта управляютъ человѣкомъ: эгоизмъ и симпатія. Послѣдняя обусловливается физіологически—законами рефлективнаго (отра-

женнаго) движенія, психологически—законами ассоціаціи идей, механизмомъ образовъ. Нравственныя истины, которыя обыкновенно считаются простыми, складывались въ теченіе долгаго времени изъ разнообразныхъ составныхъ частей. Спенсеръ и Д. С. Милль объясняютъ такимъ образомъ возникновеніе, напримѣръ, добродѣтели, любви къ добру, чуждой всякаго разсчета. Добродѣтель, будучи первоначально средствомъ для достиженія счастья, становится впослѣдствіи цѣлью сама по себѣ. Такъ, золото, которое доставляетъ возможность получать различныя удовольствія, можетъ вызывать ненасытную страсть къ себѣ, какъ у пушкинскаго *Скупаго рыцаря*. Наша склонность, съ виду первобытная, любить добродѣтель, наше, чуждое соображеній выгоды, чувство долга есть, такъ сказать, наслѣдственное нравственное корыстолюбіе (une sorte d'avarice morale héréditaire). Наслѣдственность объясняетъ и такъ называемую врожденность нравственныхъ идей, то-есть ихъ быстрое, иногда неуловимое для сознанія усвоеніе, благодаря накопленнымъ привычкамъ и инстинктамъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы, напримѣръ, испытываемъ радость, когда видимъ мѣсто родины. Всякому понятно, какая сложная масса впечатлѣній образуетъ это, повидимому, простое настроеніе. Наша симпатія къ страданію человѣка является также итогомъ изъ вѣка въ вѣкъ повторявшихся ощущеній въ общежитіи. Теорія эволюціи сходнымъ образомъ объясняетъ и всеобщность нравственныхъ сужденій: она является равнодѣйствующею всѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, всѣхъ временныхъ и мѣстныхъ условій, заключая въ себѣ признаніе того, что составляетъ общія условія нравственнаго существованія человѣка въ обществѣ. Эта всеобщность влечетъ за собою постоянство, относительную неизмѣнность нравственныхъ предписаній, потому что безъ исполненія извѣстныхъ условій, при отсутствіи опредѣленнаго *minimum'a* симпатіи, справедливости и т. д., самое общежитіе стало бы невозможнымъ. Въ основѣ, — учитъ дарвинизмъ, — нравственный инстинктъ есть инстинктъ общежительный (соціальный), который вѣчно борется съ личнымъ эгоизмомъ. Въ этомъ заключается и его принудительная (психизоики) сила: онъ представляетъ какъ бы совокупную силу общества, вложенную въ отдѣльную личность. Когда мы хотимъ поступить въ интересахъ исключительно эгоизма, намъ это сдѣлать бываетъ трудно, какъ трудно человѣку нападать на общество въ прямомъ, физическомъ смыслѣ слова. Сознательно относясь къ общественной и личной жизни, мы, по тонкому замѣчанію Бена, сами судимъ свой образъ дѣйствій, сами имѣемъ, въ не метафорическомъ смыслѣ, внутренній трибуналъ совѣсти, и это-то сужденіе, подобные приговоры и создаютъ для насъ самихъ обязательность слѣдовать тому или другому началу. Наша совѣсть соотвѣтствуетъ внѣшнему авторитету, образовывается въ подражаніи ему. Съ теченіемъ времени, предполагаетъ Спенсеръ, борьба между высшими и низшими влеченіями, между симпатіей и эгоизмомъ, прекратится, и тогда понятіе долга исчезнетъ изъ сознанія. Оно станетъ возобновляться въ этомъ сознаніи лишь при

чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Мы полюбимъ человѣчество такъ же, какъ любимъ теперь цвѣты, свѣтъ солнца, пищу.

Понятное дѣло, что величественная и свѣтлая картина, которую развертываетъ передъ нами эволюціонное ученіе, въ состояніи возбудить самыя радостныя упованія. Будемъ надѣяться (Sperabimus),—восклицаетъ Фулье, и самъ мечтаетъ о томъ времени, когда сила развитаго разума объединитъ народы въ свободную федерацію, когда справедливость и гуманность разрушатъ препятствія, разобьютъ оковы, наложенныя на всестороннее совершенствованіе человѣка и общества. Но французскій мыслитель находитъ мораль эволюціонистовъ не исчерпывающею всего содержанія предмета. Онъ полагаетъ, что эта мораль нуждается въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ. Эволюціонисты преувеличиваютъ вліяніе на насъ внѣшняго міра и придаютъ слишкомъ мало значенія идеямъ, разуму, благодаря которому человѣкъ строитъ идеалъ нравственнаго образа дѣйствій, поведенія, становящійся побудительною причиною поступковъ. Эгоизма, моего *я* не должно смѣшивать со мною, какъ субъектомъ мысли. Я могу думать и не о себѣ, а о другомъ лицѣ, о человѣчествѣ. Существенная особенность разума *(intélligence)* состоитъ въ стремленіи къ объективному, къ безпристрастію и безстрастію, и это не можетъ не отражаться на моемъ поведеніи. До тѣхъ поръ, говоритъ Фулье, покуда передъ моимъ разумомъ остается существо, лишенное счастья, разумъ не удовлетворенъ въ своемъ стремленіи къ всеобщности; для того, чтобы мнѣ быть въ дѣйствительности счастливымъ, надо,—поскольку я существо разсуждающее,—чтобы всѣ остальныя существа также были счастливы. Нами руководятъ не одни мотивы удовольствія чувствъ, но и чисто интеллектуальные. Всякая идея есть уже стремленіе и, слѣдовательно, дѣйствіе. Идея нравственности есть начавшаяся нравственность, и она является великимъ двигателемъ въ моральной эволюціи. Важнѣйшее значеніе Фулье придаетъ идеалу самопожертвованія. Вѣрная мысль есть фактъ, настоящій, прошедшій или будущій, и практика представляетъ собою теорію въ дѣйствіи, потому что, въ основѣ, чувство и мысль составляютъ единое. Гербертъ Спенсеръ въ отвѣтъ на эти мысли, высказанныя Фулье раньше, признаетъ, что нравственный идеалъ самъ становится факторомъ въ нашемъ нравственномъ процессѣ, но только Спенсеръ не соглашается назвать идею силою: она лишь благопріятствуетъ или затрудняетъ дѣйствіе силъ, рождаемыхъ волненіями. Однако, эта уступка Спенсера весьма значительна, ибо все, что уменьшаетъ или увеличиваетъ дѣйствія какой-либо силы, есть сила. Мысль идеала есть уже желаніе идеала; разумъ, говоритъ Фулье, не обсуждающая только, но и исполнительная власть; его можно уподобить актеру, который играетъ и, въ то же время, видитъ, что онъ играетъ. Такимъ образомъ Фулье даетъ въ нравственности законное мѣсто идеализму, указывая, что къ этому стремится, не давая себѣ отчета, эволюціонная мораль, вышедшая изъ утилитаризма, но переросшая его. Нельзя не согласиться съ упрекомъ французскаго писателя англійскимъ

мыслителямъ направленія Герберта Спенсера за пренебреженіе въ теоріи морали эстетическою стороною вопроса. Истиннымъ крайнимъ идеаломъ эволюціи Фулье признаетъ полноту личнаго и всеобщаго существованія, осуществленіе котораго составило бы совершенное счастье.

Послѣ теоріи эволюціонистовъ Фулье подвергаетъ разбору позитивную мораль О. Конта, Литтрэ и Тэна, хотя въ исторической послѣдовательности дѣло происходило наоборотъ и эволюціонное ученіе многимъ обязано положительной философіи. Ничему не удивляться, ни отъ чего не приходить въ негодованіе, а понимать; когда явленія поняты, воспользоваться знаніемъ законовъ этихъ явленій для управленія ими, для предохраненія въ будущемъ, для исправленія настоящаго; бороться со зломъ, какъ борятся съ наводненіемъ, съ пожаромъ, достигать полезнаго при помощи истиннаго, сторониться отъ безобразнаго и осуществлять прекрасное, — вотъ правила и стремленія позитивистовъ. Мораль для мыслителей этой школы есть совокупность знаній, необходимыхъ для того, чтобы превратить эгоизмъ въ альтрюизмъ для наибольшаго счастья и личности, и всего общества. Литтрэ видитъ въ потребности питанія, въ инстинктѣ самосохраненія основу эгоизма; въ инстинктѣ размноженія—основу альтрюизма. Послѣдній развивается въ исторіи сильнѣе перваго и конечная ступень нравственнаго состоянія общества должна быть братствомъ. Рядомъ съ этими естественными стремленіями позитивисты признаютъ существованіе безразсчётныхъ, безъинтересныхъ чувствъ, сочетающихся съ чистыми идеями. Эти чувства—любовь къ истинному, прекрасному и справедливому. Читателю ясно, какъ много самъ Фулье обязанъ положительной философіи. Идея справедливости, говоритъ Литтрэ, возникла благодаря инстинкту мести, который вызвалъ разсужденіе о возмездіи за причиненное зло. Способность ума видѣть тождество и находить равенство создала справедливость, воздаяніе каждому по его дѣламъ. Въ основѣ этой высокой идеи лежитъ, слѣдовательно, неразложимый актъ нашего сознанія. А=А, за опредѣленнымъ дѣйствіемъ должно слѣдовать (при существованіи инстинкта мести) эквивалентное дѣйствіе. Съ теченіемъ времени возмездіе переходитъ отъ заинтересованнаго и потому нарушающую мѣру этого возмездія лица къ обществу, а при дальнѣйшемъ развитіи разума и гуманности грубое пониманіе справедливости (око за око, зубъ за зубъ) замѣняется высшимъ, когда принимаются въ разсчетъ всѣ особенности каждаго даннаго случая, вся полнота общественныхъ условій *). Справедливость такой же природы, какъ и истина. Когда послѣдняя доказана, вы не можете не согласиться. Когда доказана справедливость опредѣленнаго требованія, у васъ нѣтъ основанія противодѣйствовать его осуществленію, для васъ возникаетъ долгъ, обязанность повиноваться подобному требованію. Можно, конечно, нару-

*) Фулье не сообщаетъ французскимъ читателямъ этихъ подробностей теоріи Литтрэ, предполагая ихъ извѣстными; мы думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это коротенькое добавленіе.

шить справедливость, какъ можно солгать. Во всякомъ случаѣ сужденіе порождаетъ чувствованіе, а чувствованіе ведетъ за собою дѣйствіе. Послѣдняя мысль принадлежитъ Тэну, который высказываетъ далѣе слѣдующія соображенія. Какъ распредѣлить блага и добрые поступки, чтобы образовать лѣствицу, которая могла бы служить руководствомъ для нашего поведенія? Тэнъ отвѣчаетъ: одно сужденіе о поступкѣ (стало быть, и самый поступокъ) должно подчиняться другому, если другое отличается бо́льшею общностью, бо́льшимъ объемомъ. Тэнъ употребляетъ при этомъ слово *grandeur* (*величина*), что даетъ ему возможность, по французскому словоупотребленію, замѣнить одно понятіе другимъ, не измѣняя слова, такъ какъ *grandeur* значитъ и *величіе*. На этотъ подмѣнъ справедливо обращаетъ свое вниманіе Фулье.

Нельзя, конечно, не отдать искренняго и глубокаго уваженія мыслителю (Литтрэ), который говоритъ, что еслибъ даже земля была разрушена, жить для другаго, подчинить личныя стремленія общественности не перестанетъ быть верховнымъ добромъ и обязанностью. Но за то самая идея обязанности, долга, не получила да и не могла получить у позитивистовъ достаточнаго развитія и обоснованія. Эту задачу пыталась рѣшить теорія независимой морали (*morale indepéndante*), къ которой должно отнести Прудона. Изъ представителей ученія слѣдуетъ назвать Фредерика Морена, Массоля, г-жу Куанье. Фулье причисляетъ сюда же и Вашро. Независимая мораль, отрицаясь отъ теологіи и метафизики, впадаетъ, однако, въ послѣднюю. Долгъ, какъ его понимаютъ сторонники ученія и въ частности Вашро,—замѣчаетъ Фулье,—заключаетъ въ себѣ прежде всего идею цѣли, которую надо достигнуть, а затѣмъ идею дѣятельности, способной достигнуть означенной цѣли. Между тѣмъ и другимъ неизбѣжно предположить естественное соотношеніе. Но если цѣль небезъусловна, то небезъусловною будетъ и обязанность (долгъ). Выставляя абсолютное понятіе долга, независимая мораль переступаетъ границу, отдѣляющую ее отъ метафизическихъ теорій. Неприкосновенность человѣческой свободы, достоинство и уваженіе человѣческой личности, говоритъ Фулье, является повтореніемъ (видоизмѣненнымъ) нравственныхъ формулъ Канта (Прудонъ признавалъ своими учителями Конта и Канта). Новокантіанство получило въ послѣдніе годы довольно сильное развитіе въ Германіи и во Франціи. Фулье основательно считаетъ великаго кенигсбергскаго философа воплощеніемъ переходнаго времени отъ старыхъ системъ къ новымъ. Его мораль есть послѣднее слово метафизическихъ построеній и открываетъ дорогу новымъ теченіямъ. Въ *Критикѣ современныхъ системъ морали* Канту и его французскимъ послѣдователямъ (Ренувье) отведено весьма значительное мѣсто; но такъ какъ Фулье при разборѣ этого ученія приходитъ къ отрицательнымъ результатамъ, то объ этой части его интереснаго труда мы можемъ и не сообщать читателямъ никакихъ подробностей.

Нравственное ученіе наиболѣе значительныхъ изъ новѣйшихъ герман-

скихъ мыслителей представляетъ замѣчательный контрастъ съ утилитарнымъ и оптимистическимъ направленіемъ, которое характеризуетъ британскія моральныя теоріи. Шопенгауэръ и Гартманъ—пессимисты. Единственный выходъ изъ скорбнаго и неразумнаго существованія они видятъ для человѣка въ уничтоженіи, въ новой нирванѣ. Съ ученіями Шопенгауэра и Гартмана русскіе читатели знакомы по переводу (довольно плохому) одной части главнаго сочиненія перваго изъ названныхъ философовъ и по изложенію ученія и по статьямъ о второмъ изъ нихъ. Удивительное сочетаніе силы мысли и поразительныхъ софизмовъ, глубокаго знанія и болѣзненныхъ бредней составляетъ особенность современныхъ германскихъ пессимистовъ.

Фулье въ концѣ своего сочиненія намѣчаетъ основныя черты той нравственной теоріи, защитникомъ которой онъ является. Какъ морякъ, говоритъ онъ, долженъ имѣть опредѣленную цѣль и весло, чтобы двигаться въ лодкѣ, такъ и у моралиста долженъ быть руководящій идеалъ и любовь къ добру, къ этому идеалу, какъ двигатель. Идеалъ этотъ есть совершенный человѣкъ и совершенное человѣчество. Относительность нашихъ знаній ведетъ не къ терпимости чужихъ убѣжденій, а къ признанію ихъ закономѣрными, къ уваженію человѣческой личности, въ силу признанія основнаго равенства людей, ихъ разума. Отсюда вытекаетъ и взаимность, составляющая связь и великую силу общежитія. Не возводи себя въ *абсолютное* (Ne t'érige pas en *absolu*), — вотъ основное требованіе знанія, имѣющее глубокія моральныя послѣдствія. Но рядомъ съ этою основою справедливости и права растетъ любовь къ другому (симпатія, альтруизмъ), безъ которой и справедливость, и право звучали бы сухою, отвлеченною формулою.

Двѣ маски. Трагедія—комедія. *Поль дс-Сенъ-Виктора.* (**Les Deux Masques. Tragédie—comédie.** *Paul de Saint-Victor.* Paris, 1883).

Третій томъ сочиненія Сенъ-Виктора подъ этимъ заглавіемъ вышелъ уже по смерти автора, не успѣвшаго приготовить окончательно къ печати собранный имъ матеріалъ. Книга издана при содѣйствіи Эрнеста Ренана, Полемъ Локруа (Bibliophile Jacob) и Алидоромъ Дельзантъ. Авторъ напечаталъ свои очерки современнаго театра первоначально въ фельетонахъ *Presse* и *Moniteur universel*, но издатели устранили слѣды случайныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ появленіе очерковъ.

Первая часть книги посвящена Шекспиру. Его, между царями интеллигенціи, Сенъ-Викторъ сравниваетъ съ Паномъ среди олимпійскихъ боговъ,— съ Паномъ, котораго древность чтила выше Зевеса. Весь міръ, по выраженію Эмерсона, *ошекспирился* (le monde entier est *Shakespearisé*). Во второй части сочиненія находятся очерки современнаго театра. Смерть помѣшала автору докончить свою работу.

За очеркомъ происхожденія французскаго театра, развившагося, какъ вообще европейскій театръ, и классическій, и новый, изъ церковныхъ мистерій и народныхъ ярмарочныхъ представленій, Сенъ-Викторъ подробно останавливается на Корнелѣ, Расинѣ, Мольерѣ. Очерки кончаются разборомъ произведеній Бомарше.

Извѣстный баронъ Гриммъ писалъ въ своей *Литературной Корреспонденціи*, послѣ первой пьесы Бомарше (Eugénie), что авторъ ничего не создастъ даже посредственнаго. Рѣдко пророчество, шедшее отъ компетентнаго лица, получало болѣе блестящее опроверженіе. Сенъ-Викторъ находитъ приговоръ Гримма черезъ-чуръ строгимъ, даже по отношенію къ самой пьесѣ, не лишенной достоинствъ. Пьесѣ предшествовало предисловіе, страстно написанное, гдѣ вѣрныя и смѣлыя мысли перепутывались съ удивительными заблужденіями. Бомарше овладѣваетъ теченіемъ, развитію котораго много содѣйствовали Лашоссе, Дидро, Соренъ, Седенъ. Въ Дидро, говоритъ Сенъ-Викторъ, резюмируется величіе и убожество XVIII вѣка. Онъ воспламеняетъ все, до чего касается. Его обширный, гибкій и плодовитый умъ не оставляетъ безъ болѣе или менѣе значительнаго освѣщенія ни одной отрасли знанія. Возвышенность мысли у Дидро переплетается съ цинизмомъ, увлекательное краснорѣчіе съ строгимъ и сжатымъ анализомъ самыхъ трудныхъ явленій природы или наиболѣе отвлеченныхъ теоретическихъ вопросовъ. Мыслитель, ученый, критикъ, художникъ нѣсколько хаотически соединяются въ великомъ отцѣ *Энциклопедіи*. Его голова, заключаетъ Сенъ-Викторъ, представляетъ обширный закромъ идей, откуда черпали, полными пригоршнями, всѣ голодные и бѣдные умомъ современники. Онъ не написалъ ни одного большаго сочиненія, вполнѣ достойнаго его генія, который разсыпался блестящими искрами въ собственныхъ произведеніяхъ Дидро и въ книгахъ многихъ другихъ авторовъ, гдѣ онъ либо внушалъ свѣтлыя мысли, либо писалъ самъ цѣлыми страницами. И при этомъ лучшая часть ума Дидро и его необычайныхъ дарованій исчезла для насъ совершенно, такъ какъ Дидро производилъ особенно обаятельное впечатлѣніе какъ собесѣдникъ, какъ удивительно гуманный человѣкъ. Его *Отецъ семейства* въ драматическомъ смыслѣ, очень плохъ; но Дидро выступаетъ въ немъ смѣлымъ новаторомъ. До тѣхъ поръ на сценѣ плакали и страдали только боги, полубоги и принцы; Дидро выводитъ обыкновенныхъ, нетитулованныхъ людей. Они льютъ слезы, и ихъ горе вызываетъ слезы на глазахъ зрителей. Все сбереженіе слезъ, въ теченіе двухъ столѣтій, говоритъ Сенъ-Викторъ, полученное отъ того, что драма обходила буржуазную семью, было израсходовано, благодаря писателямъ новаго направленія, въ нѣсколько вечеровъ. До того времени буржуа выводились на сцену только смѣшными по праву рожденія. *Отцы* въ аристократическихъ трагедіяхъ отличаются высокими достоинствами и нравственнымъ авторитетомъ царятъ въ семьѣ, окруженные почетомъ общества; *отцы* буржуазныхъ семействъ возбуждали лишь насмѣшки, попадали въ мѣшокъ Скапена, подъ его палочные удары.

Съ Дидро и его сотоварищами на театральной сценѣ твердою ногою сталъ именно буржуа, разночинецъ.

Сенъ-Викторъ не безъ устроумія указываетъ на крупные недостатки *Отца семейства* въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ. Въ этомъ семействѣ всѣ такъ изобильно плачутъ, что происходитъ драматическое наводненіе, и боги Овидія, сжалившись надъ плаксивымъ сыномъ плаксиваго отца, навѣрное превратили бы его въ меланхолическій фонтанъ. Тонъ драмы Дидро, вѣрно замѣчаетъ Сенъ-Викторъ, выше ея содержанія, что составляетъ существенный недостатокъ. Мелкія страданія, горе изъ-за недоразумѣній, пустяковъ и предразсудковъ принимаютъ неправдоподобные, исполинскіе размѣры. Въ этомъ отношеніи, замѣтимъ мы, старые писатели находились въ болѣе выгодномъ положеніи: страсти ихъ полубоговъ и царей развивались на свободѣ, были дѣйствительными, могучими страстями. Но буржуазная драма была исторически необходимымъ явленіемъ. Ея крайняя чувствительность являлась вслѣдствіе существованія другой крайности, то-есть полнаго пренебреженія къ горю и радостямъ, къ человѣческому достоинству людей, не бывшихъ ни царями, ни герцогами или маркизами. Что эта реакція была отчасти законна, признаетъ и Сенъ-Викторъ. Глаза гризетки, говоритъ онъ, могутъ быть полны слезъ также, какъ и глаза королевы, а лакей, въ извѣстныхъ случаяхъ,—Викторъ Гюго показалъ это,—является болѣе патетическимъ, чѣмъ иной принцъ. Но новаторы слишкомъ перегнули лукъ въ другую сторону. Въ ихъ драмахъ чувствуется присутствіе той идеи, которую впослѣдствіи формулировали отвѣтами на два вопроса: что такое третье сословіе? Ничто. Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ. Въ этомъ отношеніи демократизмъ Бомарше опережаетъ великую революцію, и этотъ писатель является, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркимъ представителемъ театральнаго натурализма. Надо изображать обыкновенную жизнь и обыкновеннымъ языкомъ,—вотъ къ чему стремится Бомарше. Цари и герои, дѣйствительные герои, то-есть великіе люди, изгоняются изъ новой драмы, что является, по замѣчанію Сенъ-Виктора, отплатой за предшествовавшее изгнаніе народа, этикетомъ навыворотъ.

Бомарше изгоняетъ изъ театра историческую драму на томъ основаніи, что обыкновенному зрителю, французу XVIII столѣтія, совершенно чужды революціи въ Аѳинахъ или въ Римѣ. Почему, спрашиваетъ онъ, извѣстіе о землетрясеніи, которое поглотило Лиму и ея жителей, за три тысячи лье отъ меня, волнуетъ меня, тогда какъ юридическое убійство Карла I., совершонное въ Лондонѣ, приводитъ меня только въ негодованіе? Бомарше отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: вулканъ, открывшійся въ Перу, можетъ открыться и въ Парижѣ, поглотить этотъ городъ и самого Бомарше, тогда какъ послѣдній безусловно далекъ отъ несчастія англійскаго короля. Сенъ-Викторъ замѣчаетъ, что двадцать два года спустя, въ разгарѣ французской революціи, Бомарше, ограбленный и заключенный въ тюрьму, пріобрѣлъ недоставшую ему опытность, могъ

уразумѣть и почувствовать состояніе, въ которомъ находился Карлъ I. Все случается, говоритъ французскій критикъ, и наиболѣе убогое существованіе не спасаетъ отъ самыхъ трагическихъ катастрофъ. Узость теоріи Бомарше вполнѣ очевидна. Черезъ восемь лѣтъ самъ Бомарше написалъ пьесу, которая служитъ блистательнымъ опроверженіемъ его первоначальнаго воззрѣнія на задачу театра: появился *Севильскій цирюльникъ*. Солнечный лучъ, замѣчаетъ Сенъ-Викторъ, весело пробѣгаетъ во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ этой комедіи, оставляя въ тѣни лишь Бартоло и Базиліо. Замѣчательна тѣсная, неразрывная связь, которая установилась между пьесою Бомарше и оперою Россини. Музыка насквозь проникла комедію, и невольно каждая фраза послѣдней напѣвается читателемъ или зрителемъ. Композиторъ побѣдилъ драматическаго писателя, придалъ новую силу его произведенію. *Свадьба Фигаро* также посчастливилось: она послужила, какъ либретто, для оперы Моцарта. И теперь понятно то восторженное опьяненіе, которымъ охватила современниковъ эта «драматическая вакханалія» Бомарше, это сценическое пророчество быстро приближавшагося общественнаго переворота.

Великія супруги. *Де-Лескюра.* (**Les grandes èpouses, études morales et portraits d'histoire intime.** *De Lescure.* 1884).

Де-Лескюръ нѣсколько времени тому назадъ напечаталъ сочиненіе, которое является предшественникомъ названнаго, подъ заглавіемъ: *Знаменитыя матери*. Авторъ имѣлъ въ виду обѣими книгами содѣйствовать возстановленію старыхъ преданій, бороться съ современными воззрѣніями на семью вообще и на положеніе въ ней женщины въ особенности. Такая архаическая цѣль обусловила, конечно, необходимость обратиться въ глубину вѣковъ, къ Маргаритѣ Прованской (1221—1295), женѣ Людовика святаго, къ Аннѣ Бретанской (1476—1514), супругѣ Карла VIII и затѣмъ Людовика XII. Для русскаго читателя въ этой книгѣ представляютъ наибольшій интересъ жизнеописанія нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ «женъ» XVIII столѣтія. Такова супруга, напримѣръ, знаменитаго энциклопедиста Гельвеціуса, которая смѣло выступила на защиту мужа, когда на сочиненіе его *О духѣ* обрушились кары церковной и свѣтской цензуры. Въ салонѣ г-жи Гельвеціусъ собирались многія знаменитости, какъ Тюрго, Франклинъ, Морелле и другіе, находившіе высокое наслажденіе въ оживленной бесѣдѣ съ хозяйкою дома, бывшею, въ то же время, образцовою матерью. Жена Ляфайетта служитъ другимъ примѣромъ, несмотря на то, что этотъ бракъ, по распространенному аристократическому обычаю, былъ дѣломъ рѣшеннымъ въ то время, когда жениху было четырнадцать, а невѣстѣ двѣнадцать лѣтъ. Свадьба состоялась черезъ три года, въ 1774 году, а въ 1777 году молодой Ляфайеттъ, вопреки приказаніямъ двора, пренебрегая предразсудками, отправился въ Америку, чтобъ защищать дѣло политической

свободы,—дѣло возставшихъ противъ притѣсненій монархической Англіи ея сѣверо-американскихъ колоній. Чистые лавры не завоевателя, а освободителя вызвали еще болѣе глубокую симпатію къ мужу со стороны любящей жены. Изъ Америки, съ поля сраженій, Ляфайеттъ обмѣнивался съ нею письмами, въ которыхъ звучитъ и мужественная рѣшимость защитника правоваго дѣла, и нѣжная привязанность къ семьѣ. Сенъ-Бёвъ, въ своихъ *Литературныхъ портретахъ*, съ свойственною ему мѣткостью указалъ на характерную для конца XVIII вѣка смѣсь въ письмахъ молодаго генерала чувствительныхъ и изящныхъ выраженій, вполнѣ искреннихъ, съ не менѣе искренними заявленіями о философскихъ принципахъ. Ляфайеттъ въ пылкихъ словахъ говоритъ о своемъ поклоненіи свободѣ, о томъ великомъ значеніи, которое должно имѣть освобожденіе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для всего человѣчества. Понятно, съ какимъ восторгомъ былъ встрѣченъ семьею Ляфайеттъ при своемъ возвращеніи, весьма непродолжительномъ, такъ какъ онъ вновь отплылъ въ Америку. Въ 1782 году, Ляфайеттъ, покрытый славою, окончательно вернулся на родину. Успѣхъ предпріятія, какъ это всегда бываетъ, привлекъ на сторону героя и прежнихъ враговъ, и прежнихъ скептиковъ. Госпожа Ляфайеттъ съ радостью привѣтствовала освободительное движеніе въ самой Франціи, вскорѣ затѣмъ начавшееся, нисколько не смущаясь тѣми имущественными невыгодами, которыми неизбѣжно грозило дворянству разрушеніе стараго общественнаго строя. Въ эпоху террора, когда Ляфайеттъ подвергался преслѣдованіямъ, когда его жизнь была въ опасности, въ женѣ онъ нашелъ энергическую, сильную, безстрашную подругу. Гонимый въ отечествѣ, Ляфайеттъ былъ заключенъ въ тюрьму на чужбинѣ. Госпожа Ляфайеттъ, получивъ освобожденіе (она была арестована революціоннымъ правительствомъ), поспѣшила употребить всѣ усилія, чтобъ соединиться съ мужемъ. Это ей удалось, наконецъ, вопреки, говоритъ де-Лескюръ, защитникамъ таинственной полиціи инквизиторскаго способа дѣйствія, достойнаго безславныхъ ужасовъ древняго Египта. Два года провела Ляфайеттъ въ заключеніи въ императорской крѣпости. Съ нею, какъ и съ мужемъ, обращались съ большою суровостью. Циническій и звѣрскій образъ дѣйствій нѣмецкихъ тюремщиковъ справедливо клеймится французскимъ писателемъ. Благородное самоотверженіе г-жи Ляфайеттъ лишь раздражало нѣмецкія власти, и она не могла добиться для мужа никакихъ облегченій. Ляфайеттъ получилъ свободу только на основаніи одного изъ условій кампо-формійскаго мира. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ болѣе пяти лѣтъ. Тревоги и страданія преждевременно свели въ могилу его знаменитую подругу: г-жа Ляфайеттъ скончалась въ 1807 году. На ряду съ нею можно поставить графиню Лавалеттъ. Ея мужъ былъ арестованъ за преданность Наполеону, во время ста дней. Реакціонное судилище приговорило Лавалеттъ къ смертной казни. Его жена бросилась къ ногамъ Людовика XVIII съ просьбою о помилованіи, но встрѣтила холодный отказъ. Она пала въ обморокъ, а король удалился своею обычною тяжелою поход-

кою. Вторичное обращеніе къ Людовику XVIII сопровождалось такимъ же печальнымъ результатомъ. Тогда эта удивительная женщина рѣшила спасти мужа на свой страхъ и отвѣтственность. Наканунѣ казни она явилась въ тюрьму; Лявалеттъ, по ея неотступному убѣжденію, переодѣлся въ платье жены и спасся. Она осталась вмѣсто мужа. Въ запискахъ Лявалетта, отрывки изъ которыхъ приводятся и въ книгѣ Лескюра, объ этомъ избавленіи разсказывается въ чрезвычайно простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ. Сколько тревоги и муки вынесли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и избавительница, и спасавшійся,—легко понять каждому. Одинъ великодушный чиновникъ, самъ спасенный, въ эпоху террора, отъ казни, благодаря самоотверженной преданности друзей, согласился дать убѣжище Лявалетту. Всѣ поиски полиціи остались тщетными. Посыпались насмѣшки, появились эпиграммы, пѣсни, въ которыхъ воспѣвалось необычайное ротозѣйство полиціи, что удесятеряло ея ярость. Всѣ выходы изъ Парижа строго охранялись, но Лявалеттъ не попадался. Въ обществѣ трогательная исторія этого освобожденія возбудила живое сочувствіе къ Лявалетту и его великодушной и смѣлой женѣ. Послѣднюю подвергли суровому заключенію, но горячее негодованіе лучшей части общества вынудило у правительства освобожденіе г-жи Лявалеттъ. Черезъ двадцать дней, съ помощью двухъ англійскихъ офицеровъ, Лявалеттъ благополучно выбрался изъ Парижа и достигъ безопаснаго убѣжища заграницей. Но подвигъ спасенія, ужасъ грубаго тюремнаго заключенія и долгая неизвѣстность, спасся ли мужъ, потрясли г-жу Лявалеттъ такъ сильно, что она впала въ душевное неизлѣчимое разстройство. Она пережила мужа, и ихъ прахъ покоится на кладбищѣ отца Ляшеза. На общемъ памятникѣ изсѣченъ барельефъ, изображающій сцену вечера 21 декабря 1815 года—томительный вечеръ освобожденія.

Православіе на Востокѣ.

Блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій Никодимъ, такъ долго жившій въ Россіи и такъ хорошо понявшій ее, отбывая на новую чреду своего высокаго служенія православной церкви, безъ сомнѣнія, вынесъ съ собою изъ Россіи наилучшія чувства и пожеланія. Отъ его не могли, конечно, укрыться и слабыя стороны Россіи; но на своемъ патріаршемъ престолѣ у Гроба Господня, онъ, конечно, сдѣлаетъ все отъ него возможное, чтобы дѣло православія на Востокѣ единодушно и успѣшно поддерживалось какъ русскимъ свѣтскимъ и духовнымъ представительствомъ въ Сиріи и Палестинѣ, такъ и мѣстнымъ греческимъ духовенствомъ. На самомъ себѣ, двукратно вычеркнутый изъ списка кандидатовъ на патріаршій іерусалимскій престолъ и уже въ третій разъ единогласно избранный на этотъ престолъ, при настоятельномъ содѣйствіи русскаго посланника въ Константинополѣ, г. Нелидова, блаженнѣйшій Никодимъ убѣдился, что не легко въ самомъ средоточіи православной вселенской церкви бороться съ крамолою, воздвигаемою противъ православія иновѣрными исповѣданіями. Съ другой стороны, и мы, русскіе, должны дорожить удобнѣйшимъ случаемъ, который представляется въ настоящее время для того, чтобы дружными усиліями противустать умнымъ, изощренно-ловкимъ и сильнымъ денежными средствами противникамъ, которые все болѣе и болѣе подкапываются на Востокѣ подъ православную вселенскую церковь.

Еще недалеко то время, когда русское консульство въ Палестинѣ разорило съ здѣшнею русской миссіею, а эта послѣдняя особилась отъ греческаго духовенства, такъ что въ итогѣ получалось только взаимное ослабленіе въ пользу усиливающихся здѣсь иновѣрцевъ. О прошломъ я не стану распространяться, но надо желать, чтобы, при воздѣйствіи русскаго правительства, водворилось на Святой Землѣ согласіе между служителями грекоосточной православной церкви для общаго блага. Какъ нравственная поддержка, такъ и вещественныя средства отъ Россіи здѣсь необходимы. Только съ помощію того и другаго обаяніе Россіи, ослабнувшее на Востокѣ послѣ парижскаго и берлинскаго трактатовъ, можетъ обновиться въ прежней

силѣ. Кто силенъ и великъ во Святой Землѣ, того чтитъ и передъ тѣмъ склоняется весь мусульманскій Востокъ. Россія должна имѣть преобладающее значеніе на всемъ, какъ мусульманскомъ, такъ и православномъ Востокѣ. Полагаю, что достиженіе этой цѣли есть долгъ ея внѣшней политики. Какъ великая держава, признающая православіе господствующимъ у себя исповѣданіемъ и долженствующая по своимъ основнымъ законамъ поддерживать, охранять и защищать его, Россія не можетъ уклониться отъ этой задачи уже по одному тому, что эта задача передана нынѣшнимъ ея дѣятелямъ наслѣдственно отъ прежнихъ дѣятелей, не хуже понимавшихъ обязанности Россіи передъ самой собою и передъ православіемъ Востока.

Въ данную минуту назначеніе патріарха Никодима имѣетъ прямое отношеніе къ общему дѣлу православія на Востокѣ. Годъ отъ году оно слабѣетъ, какъ вслѣдствіе внутреннихъ событій въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ, такъ и отъ смѣлаго натиска католицизма и протестантизма.

Никто не станетъ отрицать, что въ основной своей мысли православіе чуждо политическихъ стремленій. Если въ отдѣльныхъ православныхъ государствахъ, какъ въ Византійской имперіи, или какъ въ Россіи, духовенство дѣйствовало въ союзѣ съ государственною властію, или какъ въ Сербіи и новой Греціи въ единеніи съ народомъ, то въ исторіи не было примѣра, чтобы церковная православная іерархія стремилась когда и гдѣ-либо за предѣлы государственные, для составленія общаго церковнаго союза съ общею политическою цѣлью земнаго господства надъ цѣлыми государствами и народами. Не таково было и есть католичество, которое не знаетъ государственныхъ границъ и вездѣ, гдѣ бы оно ни находилось, служитъ одному своему главѣ—намѣстнику Христа на землѣ—римскому папѣ. Соборное начало православія, выражающееся во взаимномъ равенствѣ церквей и подчиненія ихъ единому не земному, а небесному главѣ—Христу, уже по самому существу своему дѣлаетъ невозможною въ православной вселенской церкви политическую дрессировку, которой подвергается католическое духовенство для безотвѣтнаго служенія римскому первосвященнику. Такъ какъ у православія нѣтъ земнаго средоточія вродѣ римскаго папы, то въ немъ нѣтъ и движущейся завоевательной силы. Его главная черта,— если можно такъ выразиться,—стояніе, недвижность, самоохраненіе. Мы не видимъ, чтобы православіе, направляемое впередъ изъ какой-нибудь исходной точки, вторгалось въ чужія христіанскія государства и тамъ, вооруженное всѣми орудіями и приманками, развивало свою пропаганду. Да у него и средствъ къ тому нѣтъ, потому что нѣтъ единой земной главы и единой руководящей воли, какъ въ католичествѣ. Напротивъ, католичество, въ своей тысячелѣтней исторіи, оставшееся вѣрнымъ основной мысли римскихъ первосвященниковъ—господствовать надъ государствами и народами, остается и до сихъ поръ силою воинственною, постоянно стремящеюся къ пріобрѣтенію новыхъ подданныхъ Ватикана и имѣющею своими главнѣйшими орудіями деньги и монашествующіе ордена, съ черною дружиною—іезуитами

во главѣ. Самовластно и непогрѣшимо распоряжающійся всюду, гдѣ только живутъ католики, ставящій своихъ подчиненныхъ служителей, епископовъ, даже надъ тѣми землями, гдѣ нѣтъ католиковъ, папа отовсюду съ своей паствы собираетъ динарій св. Петра и шлетъ его обильно въ помогу своей передовой черной дружинѣ. Въ старину католическіе епископы огнемъ и желѣзомъ покоряли новыя земли римскимъ императорамъ, подчиненнымъ римскимъ первосвященникамъ; князья-архіепископы, какъ свѣтскіе владѣтели, участвовали въ дѣлахъ и выборахъ священно-римской имперіи; папы поднимали войною однихъ государей на другихъ для утвержденія своего политическаго могущества; терроръ католицизма во образѣ инквизиціи имѣлъ государственную власть своимъ послушнымъ орудіемъ и держалъ въ своихъ рукахъ участь всѣхъ и каждаго, не исключая и государей. Послѣ удара, нанесеннаго католичеству ученіемъ Гуса и Лютера, и послѣ изнеможенія, постигшаго раздвоившуюся Европу вслѣдствіе религіозныхъ войнъ, когда уже невозможно стало орудовать европейскими государями какъ покорными слугами, политика римскихъ первосвященниковъ нѣсколько измѣнилась. Потерявши часть паствы, перешедшей въ протестантство, они стали отыскивать себѣ новое приращеніе паствы въ восточной половинѣ Европы, засылались послы къ московскимъ царямъ съ предложеніемъ принять латинскую вѣру. Польша окатоличила Литву и ввела унію въ Галицкой Руси. Когда Польша сдѣлала свое дѣло, у папы остался вѣрный другъ и союзникъ — его апостольское величество, глава священно-римской имперіи, переименованный Наполеономъ I въ австрійскаго императора. Такими же друзьями и союзниками остаются они поднесь. Странное однородство замѣчается между ними. Оба распростираютъ свою власть безразборчиво надъ самымъ разнообразнымъ населеніемъ; одинъ утверждаетъ своихъ епископовъ и водворяетъ пропаганду тамъ, гдѣ уже существуетъ изстари православіе съ своею церковною іерархіею и своими свѣтскими властями; другой усиливается управлять многими различными народами, изъ коихъ нѣкоторые составляли прежде отдѣльныя политическія тѣла, а нѣкоторые и теперь состоятъ подданными другаго государя. Оба стремятся къ захватамъ. Для обоихъ цѣль оправдываетъ средства, и потому одинъ изобрѣтаетъ новые догматы, другой отмѣняетъ права, утвержденныя императорскими патентами, и допускаетъ нарушеніе государственныхъ законовъ. Одинъ безъ другаго дѣйствовать не могутъ, и потому одинъ способствуетъ другому, такъ что гдѣ оканчиваются папскіе интересы и гдѣ начинаются австрійскіе интересы — опредѣлить трудно. Въ одномъ мѣстѣ католическая черная дружина прокладываетъ путь цесарскому войску, въ другомъ мѣстѣ цесарское войско ведетъ за собою монашествующіе ордена. Оба избрали предметомъ своихъ усиленныхъ притязаній восточныя православныя земли. Какъ бы въ видѣ залога вѣрности этому союзническому захвату, подъ давленіе католичества и свѣтской власти отданы и нѣкоторыя православныя области, лежащія въ предѣлахъ австро-венгерской имперіи.

Обращаясь къ протестантству, мы видимъ, что и оно усиленно работаетъ въ восточныхъ православныхъ земляхъ; но какъ религія по преимуществу разсудочная, возникшая именно чрезъ отрицаніе житейской практики и внѣшней обрядности католичества, оно, повидимому, въ своей пропагандѣ остается чуждымъ политическихъ притязаній. Не только нѣмцевъ, но еще болѣе англичанъ и американцевъ, встрѣчаемъ мы пропагандистами протестантства на Востокѣ. Изъ этого можно заключить, что протестантство трудится здѣсь ради себя и отъ себя одного внѣ постороннихъ усилій. Но хотя протестантскіе пропагандисты менѣе опасны, чѣмъ католическіе, уже и потому, что допускаютъ совершеніе богослуженія на народномъ языкѣ и не вносятъ въ народъ ни отрицанія своей народности, ни чувства невольнаго подчиненія, кромѣ своей государственной власти, еще какой-то другой отдаленной, но всемогущей власти римскаго папы, однако, не менѣе того и они, какъ и католики, дѣйствуютъ разрушительно на восточное православіе, ослабляя и разъединяя его. А, между тѣмъ, пока Востокъ остается предметомъ притязаній и захватовъ Запада, пока онъ не предоставился окончательно самому себѣ, православіе дорого и необходимо для него, какъ высшая духовная связь, дающая ему цѣльность силы для противустоянія разнороднымъ по вѣрѣ и племени западнымъ набродникамъ и хищникамъ.

Если допустить, что та или другая религія вноситъ въ духовный міръ человѣка и тѣ особенности, которыя присутствуютъ въ ней какъ главныя отличительныя черты ея, то надо сознаться, что водвореніе различныхъ религій въ одной народности расчленяетъ ее въ самомъ существѣ ея, а потому и ослабляетъ ее въ глубочайшихъ естественныхъ началахъ народнаго единства. Для православнаго Востока еще далека та пора совершеннѣйшаго нравственнаго развитія, когда убѣжденіе совѣсти каждаго отдѣльнаго лица, какъ утверждаютъ теоретики, останется въ сторонѣ отъ его народности и политики, или когда непосредственная цѣльность народа, условленная единствомъ религіи, духа и крови, замѣнится въ равной съ нею мѣрѣ разумно сознанною политическою цѣльностію, вслѣдствіе уже разсудочнаго сознанія каждымъ отдѣльнымъ лицомъ необходимости, въ силу собственнаго интереса, безусловной полной взаимной связи своей въ интересахъ цѣлаго народа. Востокъ могъ бы, можетъ быть, дождаться этой поры цѣлъ и невредимъ, если бы онъ былъ оставленъ въ покоѣ; но такъ какъ его уже разносятъ на части, его завоевываютъ и оружіемъ, и цивилизаціею въ смыслѣ всякаго разврата, обезнароденія и всякой эксплоатаціи, то пока настала бы эта пора—онъ уже не существовалъ бы самъ по себѣ, но сдѣлался бы добычею духовныхъ и свѣтскихъ поработителей, которые тогда дѣлали бы изъ него, что хотѣли. Историческая дѣйствительность подтверждаетъ это множествомъ примѣровъ, которые служатъ грозными предвѣстниками великаго бѣдствія, страшной погибели, если только православіе на Востокѣ не будетъ предохранено соотвѣтственными благоразумными мѣрами отъ расхищенія волками въ овечьей шкурѣ. Въ настоя

щее время православіе на Востокѣ какъ было, такъ
духовною силою, управляющею совѣстью и права
силою политическою, которая съ особеннымъ напряж
въ народѣ тотчасъ, какъ только народъ берется за от
возстаетъ на защиту своей самостоятельности. Оттог
и сербовъ духовенство съ крестомъ и оружіемъ выхо
родомъ на поле брани; оттого борьба провославны
всегда считалась борьбою религіозною и всегда велась
раздѣльно въ защиту православія и народной. свобод
войнахъ съ Турціею всегда находила себѣ сочувств
населеніи Востока. Наоборотъ, окатоличенные сербы ос
исключеніями, безучастны къ дѣлу православныхъ сер
ныхъ единородцевъ. Католическая часть албанцевъ,
своему непокорному, свободолюбивому народу, посылал
щенію своихъ фратровъ, просить австрійскаго цесаря,
ихъ съ землею подъ свое покровительство, т.-е. въ сво
и румыны, какъ скоро окатоличиваются, уже не призн
своего народа и на вопросъ: кто они? отвѣчаютъ: «м
точно и православные сербы называютъ своихъ окатол
уже не сербами, а другими именами, напр., «шокц
пр. Не говорю уже о фанатикахъ-католикахъ, котор
дѣйствуютъ во вредъ славянству, или о таковыхъ же х
ваемыхъ іезуитами и оттого теряющихъ истинный смыс
и общаго славянскаго дѣла, въ которомъ. единственно
поддержку своему политическому бытію.

Въ какомъ же положеніи встрѣтилъ православіе на Во
годъ? Какъ и всегда, только еще болѣе, православный
стороною нападаемою, а иновѣрный Западъ—стороною

Въ Сиріи и Палестинѣ католики и протестанты скуп
имущественно тѣ, которыя соединены со священными
пріобрѣтаютъ существующіе храмы на святыхъ мѣстахъ
возводятъ пріюты, больницы, школы, и все это во внут
рахъ, съ удобствами, съ хорошими средствами, разсчитан
произвести своимъ превосходствомъ впечатлѣніе на вос
которые, по своей привычкѣ къ преувеличенію, далеко по
молву о могуществѣ и богатствѣ латинцевъ. Православ
напротивъ, за неимѣніемъ средствъ, должно было закрыт
родныя училища и благотворительныя заведенія и прекрати
арабамъ. Тысячи арабовъ перешли въ иновѣріе. Сорокъ
патріархъ Мельхитовъ Маслумъ покинулъ Римъ съ тре
устроенія на Востокѣ іезуитской миссіи; а теперь въ сос
миссій считается 344 члена; въ Сиріи открыто ими 67
и женскихъ, гдѣ обучается болѣе 3,500 дѣтей безвозмез

устроена коллегія, которой папа Левъ XIII присвоилъ всѣ права католическаго университета. Здѣсь же находится типографія, гдѣ занято работою до 90 человѣкъ и печатается латинская арабская газета «Ель-Баширъ». Кромѣ того, въ Газирѣ вновь учреждена іезуитская школа съ новиціатомъ. Во многихъ другихъ городахъ Сиріи находятся іезуитскіе дома для пропаганды.

Въ Европѣ на Балканскомъ полуостровѣ, именно въ Восточной Румеліи и Болгаріи, уже началась усиленная пропаганда католическая и протестантская. Постепенно въ главнѣйшихъ городахъ водворяются католики и протестанты, пріобрѣтаютъ здѣсь себѣ церкви и устраиваютъ школы и пріюты. Располагая достаточными денежными капиталами, они, прежде всего, обратили вниманіе на народное воспитаніе, чтобы съ помощію его расположить молодое поколѣніе къ прозелитству. Особенно замѣтно усиленіе иновѣрной пропаганды въ Македоніи. Здѣсь въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ поставлены болгарскіе епископы, сербское населеніе, не желая переносить стѣсненія своихъ религіозныхъ обычаевъ, переходитъ цѣлыми семействами въ протестанство; то же дѣлаютъ здѣсь и болгары въ епархіяхъ греческихъ. Въ Салоникахъ находится центръ пропаганды для Македоніи. Здѣсь лазаристами уже основаны два католическихъ монастыря, мужской и женскій, и при нихъ школа, гдѣ преподаютъ католическіе монахи. Теперь на сумму, полученную отъ папы, лазаристы устроиваютъ католическую семинарію съ пансіономъ на 250 учениковъ. Іезуиты успѣли уже обратить почти всѣхъ жителей Кукушскаго округа въ числѣ 50 тысячъ человѣкъ. Округъ Аврать-Хиссаръ тоже почти весь обращенъ. Въ окрестностяхъ Солуна не мало селъ католическихъ. Округи Струмица, Радовичъ, Милошево—на пути къ окатоличенію. Почти весь городъ Разлогъ обращенъ въ протестантство. Гдѣ есть иностранные консулы, тамъ съ ними дѣйствуетъ иновѣрная пропаганда. По Македоніи разсыпаны австрійскіе агенты для утвержденія ея вліянія за Митровицу до Салоникъ. Это, въ то же время, и агенты католической пропаганды. Прежде миссіонеры боялись турокъ, а теперь ихъ можно встрѣтить десятками въ любомъ большомъ городѣ Македоніи. Въ Восточной Румеліи усердно дѣйствуютъ и протестанская, и католическая пропаганда. Въ Филиппополѣ живетъ католическій епископъ Гипингеръ, имѣющій сношенія съ болгарскимъ министерствомъ г. Цанкова и лично посѣтившій городъ Софію. Папа устроиваетъ здѣсь полную церковную іерархію, поставляетъ епископовъ изъ болгаръ и для приманки разрѣшаетъ отправлять богослуженіе на болгарскомъ языкѣ. Равномѣрно и протестантская пропаганда сильно процвѣтаетъ въ Филиппополѣ, Ямболѣ, Сливнѣ и Чирпанѣ. На 570 тысячъ православныхъ, живущихъ въ Восточной Румеліи, за короткое время причитается до 15 тысячъ католиковъ и протестантовъ. Въ княжествѣ Болгаріи, въ придунайскихъ городахъ, католическіе агенты находятся подъ руководствомъ епископа, проживающаго въ Букарештѣ. Въ Болгаріи основаны три уніатскія епископіи. Ренегатъ-болгаринъ, уніатскій архіепископъ Нилъ, постоянно держится въ Константинополѣ въ качествѣ представителя папы

и владыки всей Болгаріи. Въ Самоковѣ основался центръ протестантства; въ здѣшнемъ протестантскомъ училищѣ, построенномъ американцами, гдѣ учатся до 100 болгарскихъ дѣтей, подъ иновѣрною опекою болгарское юношество готовится къ отреченію отъ православія. Въ коллегіумѣ американца Роберта въ Константинополѣ ежегодно обучается до 80 болгарскихъ мальчиковъ; это тоже будущіе протестанты. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть болгарской интеллигенціи, нахватавшись или только наслышавшись заграницею поверхностныхъ и крайнихъ идей, ребячески наряжается въ эту мнимую западно-европейскую цивилизацію и думаетъ, что просвѣщеніе состоитъ въ томъ, между прочимъ, чтобы кощунствовать, безбожничать, равнодушествовать къ дѣлу народной вѣры. Эти дѣтскія понятія, обличающія нравственную и политическую незрѣлость болгаръ, только что пріучающихся ходить на своихъ ногахъ, отзываются вредно, коль скоро мнимые цивилизаторы имѣютъ возможность приложить ихъ къ дѣлу. Нынѣшній первенствующій министръ Драганъ Цанковъ былъ и прежде, въ 1880 году, министромъ и тогда уже далъ возможность судить о томъ, какъ смотритъ онъ на долгъ охраненія православія въ болгарскомъ народѣ. Другой бывшій министръ, Икономовъ, ученикъ кіевской духовной академіи, посвященный тамъ въ дьяконы и потомъ растригшійся, принадлежитъ къ папистамъ. Цанковъ ѣздилъ въ Римъ на поклоненіе папѣ и принялъ католическое ученіе. Живя въ Константинополѣ, онъ издавалъ сочиненія въ духѣ латинской вѣры и не мало способствовалъ къ переходу въ католичество многихъ болгаръ. Насчитываютъ до 20 тысячъ окатоличенныхъ болгаръ за его время. Сдѣлавшись министромъ, онъ отличился своими циркулярами. Такъ, напр., онъ предписалъ снимать крещеніе съ мусульманскихъ дѣтей и возвращать ихъ родителямъ опять въ магометанство; крещеныхъ турецкихъ дѣвицъ, вышедшихъ замужъ за христіанъ, разводить съ мужьями, по ихъ желанію, и разрѣшать имъ обратиться съизнова въ магометанство. Поэтому болгаре прозвали Цанкова вторымъ или болгарскимъ папою. Другимъ распоряженіемъ онъ предписываетъ конфисковать недвижимыя имущества училищъ въ пользу духовенства. Разумѣется, и это распоряженіе, какъ и предъидущее, осталось безъ исполненія, но за то въ нихъ видѣнъ духъ, враждебный православію. Богословское училище, основанное въ Самоковѣ въ противодѣйствіе протестантскому, оказалось столь плохимъ, что многіе ученики перешли изъ него въ протестантское, и потому не найдено было ничего лучшаго, какъ закрыть его, чтобы развязать руки пропагандѣ. Въ этомъ городѣ, по разсказамъ очевидцевъ, почти всѣ жители сдѣлались протестантами, а женщины въ особенности отличаются ревностію новообращенныхъ. Вообще въ Болгаріи правительство и часть интеллигенціи открываютъ широкій путь распространенію иновѣрной пропаганды. Это ребяческое щегольство своеобразно и дѣтски понимаемою цивилизаціею принесетъ болгарскому народу не малый вредъ. Сошлюсь на слова самого экзарха балгарскаго, преосвященнѣйшаго Іосифа, произнесенныя имъ въ прошломъ году въ болгарскомъ си-

нодѣ въ Константинополѣ: «Въ то время такъ называемая либеральная партія въ княжествѣ, которая была во власти, отказала дать средства поддержать экзархію. Воспользовавшись положеніемъ церковныхъ дѣлъ, она направила всѣ средства къ разстройству церкви и совершенному подчиненію ея свѣтской власти». Теперь эта партія опять у дѣлъ. При ея содѣйствіи иновѣрная пропаганда рѣшилась отвоевать отъ православія и восточную половину Балканскаго полуострова, какъ уже успѣшно, при содѣйствіи австро-венгерскаго правительства, папа отвоевываетъ себѣ западную или сербо-албанскую половину. Покровительство и защита со стороны консуловъ, безплатныя школы, больницы, раздача лекарствъ и денегъ, пріюты служатъ орудіемъ для миссіонеровъ. Видно, что свобода вѣроисповѣданія, провозглашенная на берлинскомъ конгрессѣ, понята католиками и протестантами въ смыслѣ борьбы съ православіемъ для ослабленія славянства и, главное, нанесенія ущерба международному положенію Россіи.

Для изображенія состоянія православія въ Румыніи я воспользуюсь запискою епископа романскаго, Мельхиседека, прочитанною имъ въ засѣданіи румынскаго синода. Преосвященный Мельхиседекъ указываетъ на водвореніе въ Румыніи разныхъ иностранцевъ католиковъ, которые открываютъ здѣсь частныя мужскія и женскія училища, куда богатые люди отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе. Въ этихъ училищахъ подростающія дѣти заражаются космополитизмомъ и теряютъ чувство народности и потребность религіи. Возвращающіеся изъ-за границы молодые люди приносятъ съ собою безвѣріе; они видятъ свое торжество въ отрицаніи церкви и погашеніи христіанскаго чувства въ народѣ. Нѣкоторые нападаютъ на свою православную церковь подъ политическимъ предлогомъ, полагая, что православная румынская вѣра можетъ послужить удобнымъ мостомъ для завоевательной политики Россіи. Бо́льшая часть бояръ не ходятъ болѣе въ церковь и не заботятся о ней, а оставили ее на попеченіе крестьянъ, которые, будучи изнурены трудомъ и бѣдностію, рѣдко посѣщаютъ церковь, такъ что храмы Божіи остаются пустыми и нагими. Даже наставники и воспитатели, на которыхъ лежитъ обязанность воспитывать и поддерживать набожность въ народѣ, не посѣщаютъ церкви; ихъ примѣру слѣдуютъ и воспитанники. При рѣдкой школѣ можно встрѣтить священника, въ особенности такого, который способенъ преподавать законъ Божій. Другіе преподаватели, щеголяющіе свободомысліемъ, нападаютъ на церковь и религію и со школьныхъ каѳедръ проповѣдываютъ единственное животное начало въ человѣкѣ. Это ученіе слышится и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ домахъ, и въ сочиненіяхъ. Само собою понятно, что, находясь въ такомъ умственномъ и нравственномъ заблужденіи, румынская церковь упадаетъ и тѣмъ болѣе, что для борьбы съ отрицаніемъ румынское духовенство сверху до низу не подготовлено ни умственно, ни нравственно. Семинаріи плохо организованы и лишены спеціальнаго направленія, которое могло бы давать воспитанникамъ характеръ христіанскаго апостольства. Выходящіе изъ нихъ священники

не пользуются выгоднымъ общественнымъ положеніемъ; они всю жизнь должны работать только для пропитанія себя и своего семейства, вслѣдствіе чего они забываютъ и то, что пріобрѣли въ школѣ. Они знаютъ только совершать обычное богослуженіе въ праздничные дни, да требы. Слово Божіе въ церкви не проповѣдуется. Нѣкоторые священники, для добыванія средствъ къ жизни, содержатъ шинки, другіе вступаютъ въ товарищество съ ворами, а иные торгуютъ церковными требами. Распущенность проникла и въ монастыри. Имущества монастырскія отобраны въ казну. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, поддержка церквей ослабѣла, такъ что церковь, утративши матеріальную независимость, утратила и нравственное значеніе и возможность дѣйствовать на духовной почвѣ. Но по мѣрѣ упадка православія въ Румыніи, католическая пропаганда дѣйствуетъ все сильнѣе и сильнѣе. Папа Пій IX послалъ въ Румынію іезуитовъ, которые основали въ Бухарестѣ и Яссахъ школы для воспитанія румынскихъ дѣвицъ подъ руководствомъ монахинь іезуитокъ, прибывшихъ во множествѣ изъ Германіи и Франціи. Потомъ такія же школы открылись и въ другихъ важнѣйшихъ городахъ, напр., Галацѣ, Браиловѣ, Краіовѣ. Въ нихъ воспитывается и обучается множество дѣвицъ румынокъ всѣхъ сословій—съ платою и безплатно. Всѣ онѣ воспитываются въ догматахъ и обычаяхъ католическихъ. Многія семейства, обольщенныя прекрасною внѣшностію и заботливостію въ этихъ духовныхъ училищахъ, посылаютъ своихъ дочерей въ подобныя іезуитскія училища въ Галиціи, Франціи, Австріи. Возвращаясь домой, воспитанницы уже обнаруживаютъ ненависть и презрѣніе къ православной вѣрѣ и своей народности и хвалятъ римско-католическую вѣру. Онѣ уже не любятъ ходить въ православныя церкви, говоря, что тамъ некрасиво и скучно, нѣтъ музыки, а попы необразованны; иныя уже не исповѣдываются и не пріобщаются у православныхъ священниковъ, но дѣлаютъ это съ удовольствіемъ у католическихъ; многія изъ бѣдныхъ дѣвицъ, воспитанницъ іезуитскихъ школъ, переходятъ въ католичество, отправляются заграницу, гдѣ постригаются и, по возвращеніи, сами дѣлаются учительницами въ этихъ школахъ. Католическіе епископы часто навѣщаютъ эти школы и раздаютъ воспитанницамъ маленькіе подарки, вродѣ, напр., образковъ и непремѣнно католическихъ святыхъ, или портретовъ папы. Католическіе священники ежедневно совершаютъ въ капеллахъ этихъ школъ богослуженіе, на которомъ присутствуютъ всѣ воспитанницы. Въ этихъ школахъ не допускается преподаваніе никакой другой религіи, кромѣ римско-католической. Молодые люди, вступая въ бракъ съ католичками, переходятъ сами въ католичество и приглашаютъ іезуитовъ въ духовные руководители для себя и своего семейства. Иногда совращенные іезуитами, они сами становятся пропагандистами. Дѣти таковыхъ обыкновенно бываютъ католиками. Недавно въ Букарештѣ, кромѣ церкви, называемой Бараци, воздвигнутъ величественный католическій каѳедральный соборъ на деньги, собранныя неутомимымъ монсиньоромъ Паоли, который за свою ревность ожидаетъ отъ папы возвышенія въ санъ бука-

рештскаго митрополита. Въ скоромъ времени откроется въ Букарештѣ іезуитскій коллегіумъ для воспитанія румынскихъ юношей, имѣется въ виду основать еще два епископства—въ Галанѣ и Краіовѣ. Все это показываетъ, что римская курія увѣрена въ торжествѣ католичества въ Румыніи, ибо иначе, какая бы была необходимость увеличивать здѣсь число римскихъ епископій, когда и тѣхъ двухъ епископовъ, которые теперь находятся, достаточно для 50 тысячъ румынскихъ католиковъ? Свобода вѣроисповѣданія, поставленная непремѣннымъ условіемъ на берлинскомъ конгрессѣ и допускаемая конституціею, высокое покровительство, оказываемое иностранцамъ, отсутствіе просвѣщенія въ румынскомъ духовенствѣ, безвѣріе и безучастіе образованнаго класса, противухристіанскія идеи, распространяемыя въ школахъ и обществѣ, неразвитость чувства народности и народнаго достоинства, бѣдность церкви и духовенства,—все это служитъ ручательствомъ, что католическая пропаганда въ Румыніи будетъ имѣть и дальнѣйшій успѣхъ.

Въ Сербіи, можно сказать, иновѣрной пропаганды пока еще нѣтъ; но за то само правительство недавно совершило такой поступокъ, который поколебалъ внутренній міръ его православныхъ подданныхъ. Я говорю о смѣщеніи высокопреосвященнѣйшаго Михаила съ митрополичьей каѳедры. Дѣло не въ самой смѣнѣ архіепископа, но въ способѣ, какъ онъ былъ смѣщенъ. Конечно, если бы духовно-народная почва подъ ногами преосвященнаго Михаила была столь же тверда, какъ при его предшественникѣ, митрополитѣ Петрѣ, то тогда свѣтская власть, какъ бы сильна ни была она, не отважилась бы посягнуть ни на личность предстоятеля церкви, ни на каноническое право, въ силу котораго онъ управляетъ церковью. Но упадокъ нравовъ сербскаго духовенства, нѣкоторыя не соотвѣтстствующія качествамъ посвящаемыхъ въ духовный чинъ назначенія, небреженіе къ храмамъ Божіимъ и кое-какія другія неблаговидныя дѣла ослабили въ народѣ не только нравственное почитаніе, питаемое къ священнослужителямъ и іерархамъ, но и самое чувство набожности. Это обстоятельство дало успѣхъ свѣтской власти, которая съ своей стороны, при поддержкѣ скупщины, незаконно составленной чрезъ вмѣшательство правительства, дѣйствовала настолько неканонично и самовластно, что, повторяю, при иномъ положеніи мѣстной іерархіи не могла бы имѣть успѣха. Лучше бы было, если бы во избѣжаніе церковной смуты сдѣланы были взаимныя уступки; но, къ сожалѣнію, этого не случилось, благодаря отчасти совѣтамъ, приходившимъ извнѣ. Пошлина на дары св. Духа, передаваемые рукоположеніемъ, введенная, по предложенію правительства, незаконною скупщиною; смѣщеніе митрополита и назначеніе новаго безъ епископскаго соборнаго постановленія, утвержденіе вновь поставленнаго митрополита Ѳеодосія Мраовича чужимъ духовнымъ сановникомъ, стоящимъ внѣ всякой связи съ сербскою и вселенскою константинопольскою церквами, именно архіереемъ Германомъ Анджеличемъ, который, въ свою очередь, назначенъ на

карловацкую патріархію не по избранію народно-церковнаго собора, а, вопреки канонамъ, единоличнымъ и самовластнымъ повелѣніемъ императора,— все это водворило глубокую смуту въ независимой сербской церкви, такъ что три прежнихъ епископа подали въ отставку, чтобы не быть причастными незаконному вмѣшательству свѣтской власти въ духовныя дѣла и противуканоническому церковному управленію. Нѣтъ нужды, что при нынѣшнемъ управленіи церковная практика пошла лучше; принципіальное нарушеніе церковнаго права остается въ своей силѣ, и потому православіе въ Сербіи несетъ ущербъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ. Константинопольская и русская церкви не признаютъ въ Сербіи теперешней іерархіи какъ противуканонической, а потому, къ сожалѣнію, въ восточно-православномъ мірѣ, всего болѣе нуждающемся во взаимномъ единеніи автокефальныхъ церквей для совокупнаго отпора нападающему католицизму, является расколъ; и тѣмъ болѣе достойно это сожалѣнія, что такое разъединеніе произошло единственно отъ неудачнаго образа дѣйствій обѣихъ сторонъ. Враги православія и сербской народности радуются этому злополучію. Доселѣ духовенство въ Сербіи чуть ли не поголовно стояло съ народомъ и за народъ. Это была сильная поддержка народному чувству, которое никогда не примирится съ правительственною политикою, клонящею Сербію къ подчиненію Австріи. Православный простой народъ въ Сербіи едва ли когда забудетъ свою духовную и историческую связь съ Россіею. Подчиняя церковь государственной власти, не безъ поддержки и совѣта изъ Вѣны, сербское правительство обнаружило намѣреніе взять въ свои руки эту народную силу, чтобы менѣе встрѣчать сопротивленія въ народѣ и тѣмъ свободнѣе гнуть Сербію подъ иго Австро-Венгріи. Есть уже извѣстіе, что Ѳеодосій Мраовичъ издалъ посланіе къ сербскому духовенству по случаю послѣднихъ выборовъ въ скупщину; въ этомъ посланіи онъ грозитъ священникамъ наказаніемъ, если бы они стали противодѣйствовать правительственнымъ кандидатамъ на выборахъ. Цѣль переворота, произведеннаго въ церкви министерствомъ Пирочанца-Новаковича, достигнута: высшій церковный сановникъ втянутъ въ политическую интригу правительства и дѣйствуетъ какъ его орудіе въ подавленіи свободнаго проявленія народной воли.

Съ этой точки зрѣнія и учрежденіе независимости сербской церкви въ 1879 году представляется преждевременнымъ. Сербская церковь, во время зависимости ея отъ вселенской константинопольской, всегда находилась въ мирѣ и любви съ послѣднею. Опираясь на константинопольскую матерь-церковь, съ нею и въ ней, безъ ограниченія государственными предѣлами одной нынѣшней независимой Сербіи, церковь сербская постоянно могла бы считать за собою право распространяться и на Старую Сербію, и на Герцеговину, и на Боснію. Хотя малое знакомство съ положеніемъ вещей въ сербскихъ земляхъ и отсутствіе ясно сознанной впереди цѣли, а подавно и твердой рѣшимости достигнуть чрезъ своевременную подготовку рано или поздно этой цѣли, лишили дипломатію здраваго взгляда на необходимость

предоставить Сербіи владѣть Печемъ—столицею древней сербской патріархіи, однако, несмотря на этотъ явный ущербъ, нанесенный дипломатами православію въ сербскихъ земляхъ, сербская церковь, пока она не возведена была въ автокефальную, ограниченную тѣсными рамками политическихъ предѣловъ нынѣшняго сербскаго королевства, всегда могла питать надежду водворить свой престолъ въ древней печской патріархіи, а чрезъ это сохранить свою духовную связь съ митрополіями мостарскою въ Герцеговинѣ, зворницкою и сараевскою въ Босніи. Въ союзѣ со вселенскимъ константинопольскимъ патріархомъ митрополитъ сербскій могъ бы получить отъ патріарха даже согласіе на возстановленіе сербской патріархіи съ древнимъ, столь дорогимъ для всѣхъ сербовъ именемъ печской. Если бы дипломатіи хотя отчасти было извѣстно историческое значеніе древней сербской патріархіи и если бы она, дѣлая въ политическомъ отношеніи угоду Австріи, взамѣнъ того поставила своимъ непремѣннымъ долгомъ, по крайней мѣрѣ, въ религіозномъ отношеніи, приберечь для Россіи и собственно для самого православнаго населенія Балканскаго полуострова духовную силу, въ ея цѣльности, то она настояла бы на присоединеніи къ Сербіи Призрена, который былъ столицею древняго сербскаго царства, и Печа, который былъ столицею сербскаго патріархата. Теперь всѣ эти, осуществимыя прежде при нѣкоторой долѣ настойчивости, соображенія уже болѣе не могутъ осуществиться, потому что императоръ Францъ-Іосифъ, заключая въ 1880 году договоръ съ константинопольскимъ патріархомъ, предоставилъ уже себѣ право утвержденія епископовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, чрезъ что высшая церковная іерархія въ этихъ сербскихъ областяхъ перешла въ подчиненіе католическому императору. А какова эта зависимость, мы сейчасъ увидимъ. И такъ, провозглашеніе независимости сербской церкви прямо вліяло на разъединеніе сербскаго народа въ высшей сферѣ народнаго духа. Разъ навсегда порвана высшая связующая сила. Народъ сербскій, оставаясь политически раздробленнымъ, могъ бы еще питать въ себѣ мысль объединенія въ своей народной церкви; но теперь и этого нѣтъ: одна часть его подчинена болгарской церкви, другая часть константинопольской, третья часть своей независимой церкви, четвертая часть карловацкой патріархіи въ Венгріи.

Кромѣ однихъ дипломатовъ, для всѣхъ ясно и понятно, что Россія страшно повредила себѣ въ международномъ положеніи, предоставивши Сербію вліянію Австріи. Единственнымъ средствомъ сколько-нибудь ослабить пагубныя послѣдствія этого добровольнаго отреченія отъ своего политическаго значенія, установленнаго прежними царствованіями и прежними умными людьми, было сохраненіе духовнаго единства между православными автокефальными церквами на Балканскомъ полуостровѣ. Для этого нужно было поддержать ихъ центро-стремительную силу, выражавшуюся въ общей склонности къ древнѣйшей константинопольской вселенской церкви,—матери этихъ церквей. Очевидныя выгоды Россіи и славянства на Балка-

скомъ полуостровѣ требовали, чтобы православіе здѣсь было само въ себѣ сосредоточено, являясь живою единящею народною силою. Между тѣмъ, допущено было то, что и въ церковномъ мірѣ предательская политика сербскаго правительства произвела разладъ, поставивши сербскую церковь на наклонность, обращенную къ чужимъ предѣламъ — къ патріархіи карловацкой, находящейся во владѣніяхъ австро-венгерскихъ и подчиненной государственной власти ревностнаго католика и папскаго союзника— императора австрійскаго. Уже въ Карловцѣ подготовляется отдѣленіе Босніи и Герцеговины въ церковномъ отношеніи отъ Константинополя и подчиненіе ихъ карловацкой патріархіи; а тутъ и сербская церковь, получившая, по милости короля Милана, управителя себѣ отъ карловацкаго quasi-патріарха Анджелича, притягивается тоже къ этой иноземной патріархіи, сдѣлавшейся при Анджеличѣ политическимъ орудіемъ Австро-Венгріи. Вотъ какъ враги Востока и православія всесторонне и тонко ведутъ свою наступательную войну противъ Россіи. Вѣками Россія созидала и укрѣпляла свой фундаментъ, обезопашивая его прочность контрафорсами, которые состояли въ ея связи съ славянскими народностями на Балканѣ; а теперь эти контрафорсы безпрепятственно разламываются одинъ за другимъ. Кто же другой сталъ бы такъ поступать, какъ не врагъ Россіи, намѣревающійся повести затѣмъ подкопъ и подъ самый фундаментъ ея!

Карловацкая патріархія образовалась для земель, отнесенныхъ къ венгерской коронѣ и населенныхъ сербами, переселившими изъ турецкихъ владѣній въ австрійскія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Патріаршій престолъ находится въ г. Карловцѣ, въ славонской Военной Границѣ. Къ стыду нашему, одинъ изъ учениковъ московской духовной академіи, австрійскій сербъ Емиліанъ Радичъ, теперь архидіаконъ карловацкой патріархіи, получившій даже заочно отъ академіи званіе доктора богословія, принялъ на себя задачу доказать, что карловацкій патріархъ есть непосредственный преемникъ печскаго и что поэтому и Боснія съ Герцеговиною должны быть въ церковныхъ дѣлахъ подчинены патріархіи карловацкой. Хотя тенденціозность его ученыхъ выводовъ очевидна и уже достаточно опровергнута, однако, нельзя не видѣть, куда направляется дѣло православія между сербами. Боснію и Герцеговину хотятъ вырвать изъ духовнаго единства сербскаго народа, составлявшаго подъ турецкою властію единое церковное тѣло, и подчинить ихъ также и въ церковныхъ дѣлахъ австро-венгерской государственной власти, а потомъ подъ ея давленіемъ ввести въ нихъ унію. Въ политическомъ отношеніи онѣ уже притянуты; въ церковномъ отношеніи, хотя по договору 1880 г. константинопольскій патріархъ и назначаетъ здѣшнихъ епископовъ, мостарскаго, зворницкаго и сараевскаго, и въ случаѣ опасности, грозящей здѣсь православію, предоставлено обращаться къ патріарху, однако, первый шагъ уже сдѣланъ въ пользу Австро-Венгріи чрезъ предоставленіе австрійскому императору права утверждать епископовъ

на здѣшнія каѳедры. Подъ такимъ условіемъ уже не трудно будетъ произвести давленіе на православную іерархію, не утвердить или же вытѣснить ревностнаго и достойнаго епископа, посадить на его мѣсто другаго, болѣе податливаго, какимъ уже и оказался мостарскій митрополитъ Игнатій, и такимъ образомъ дать волю католичеству распространяться въ средѣ православія.

Дѣйствительно, едва Францъ-Іосифъ успѣлъ занять своими войсками Боснію и Герцеговину, какъ уже папа принялся за дѣло пропаганды. Явились сотни іезуитовъ, и работа закипѣла. Изъ Ватикана и Вѣны высылаются громадныя суммы денегъ для устройства католическихъ школъ и монастырей. Прежнія школы православныхъ общинъ главныхъ городовъ Босніи и Герцеговины закрываются и имѣнія ихъ отбираются въ казну: такая участь постигла школы въ Сараевѣ, Баньялукѣ, Травникѣ, Бигачѣ, Вышеградѣ, Мостарѣ, Гацкѣ, Требиньѣ и др. Сараевскій католическій епископъ Штадлеръ распорядился выпискою изъ Рима іезуитовъ, которымъ и отдалъ въ управленіе семинарію въ Маглаѣ, основанную съ цѣлью образованія новыхъ проповѣдниковъ католицизма. Въ Сараевѣ была гимназія, основанная и содержавшаяся на средства богатыхъ сербовъ. Теперь австро-венгерское правительство закрыло и ее и вмѣсто нея устроило нѣмецкую гимназію съ учителями католиками, выписанными изъ Тироля и Верхней Австріи. Въ Мостарѣ всѣ представители городской общины, по распоряженію главнокомандующаго барона Іовановича, посажены въ тюрьмы за нравственное будто бы расположеніе къ происходившему возстанію. Имущество общины взято въ казну и обращено въ пользу католической пропаганды. Изъ народныхъ православныхъ школъ ученики по праздникамъ влекутся въ латинскія церкви слушать католическое богослуженіе. Не довольствуясь для 210 тысячъ католиковъ двумя епископами, папа назначилъ третьяго епископа, Марьяна Марковича, который и будетъ имѣть свою столицу въ Баньялукѣ. Какъ дѣйствуетъ здѣсь католичество, можно видѣть изъ недавняго столкновенія сараевскаго православнаго митрополита Саввы Косановича съ католическими епископами. Въ Вѣнѣ образовалось общество для пособія Босніи и Герцеговинѣ: Oesterreichischer Hülfsverein für Bosnien und Herzegowina, вѣроятно, въ противень благотворительному русскому обществу въ Дрезденѣ тоже для Босніи и Герцеговины, которому, однако, невѣдомыми судьбами велѣно бездѣйствовать. Цѣль вѣнскаго общества, въ которомъ участвуютъ и члены габсбургскаго дома и которое состоитъ подъ покровительствомъ эрцгерцога Альбрехта, заключается въ созиданіи церквей и открытіи училищъ для распространенія «просвѣщенія» или, другими словами, католичества. При его содѣйствіи множество книгъ съ портретами папы, съ изложеніемъ католическаго вѣроученія, съ бранными названіями для православныхъ, вродѣ еретиковъ, язычниковъ, дьяволовъ, пущено въ ходъ между учащимися въ православныхъ школахъ. Нѣкоторые католическіе патеры позволили себѣ нагло издѣваться надъ православными

храмами, оскверняя ихъ алтари, стрѣляя изъ ружей въ ихъ стѣны и пр. Дѣти насильно обращаются въ католическую вѣру. Во многихъ мѣстахъ православные лишены возможности пользоваться духовными требами; дѣти умираютъ некрещеными; дѣвицы увлекаются силою въ католическіе монастыри; совершать бракосочетанія не кому. Бѣдные лишены хлѣба и пособій, а въ глазахъ умирающихъ голодною смертію католики кормятъ хлѣбомъ собакъ. Много, много совершилось и совершается насилій надъ православными съ цѣлью совращенія ихъ въ унію, или католичество. Наконецъ, преосвященный Савва издалъ окружницу къ подвѣдомственному ему духовенству. «Архипастырская совѣсть наша,—пишетъ онъ,—испытываетъ мучительныя опасенія, чтобы коварными усиліями хитрыхъ пропагандистовъ, не отступающихъ ни передъ обманомъ, ни передъ подкупомъ, часть нашего безхитростнаго и малознающаго народа, особенно слабѣйшіе и бѣднѣйшіе, не пришли въ соблазнъ и не были совращены съ истиннаго пути». Поэтому архипастырь предлагаетъ священникамъ поучать, при всякомъ случаѣ и въ каждомъ домѣ, всѣхъ большихъ и малыхъ, старыхъ и немощныхъ, мужчинъ и женщинъ, дабы они непоколебимо оставались въ православіи, не соприкасались бы съ агентами пропаганды и не поддавались бы ни угрозамъ, ни обѣщаніямъ, точно также совѣтовать лицамъ обоего пола избѣгать браковъ съ иновѣрцами, и если кто изъ православныхъ находится въ услуженій у иновѣрцевъ, то родные, община и священники должны смотрѣть за этими невинными овцами, чтобы они великимъ постомъ исповѣдывались и причащались и получали при этомъ наставленіе въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. «Стойте твердо и ревностно на стражѣ православія, ибо наступили времена тяжелыя и искусительныя, ибо проповѣдуется не христіанство, а папство»,—такъ заключилъ онъ свою окружницу. Конечно, австрійская печать и эту окружницу назвала «фанатическимъ панславизмомъ» и «продуктомъ московскаго рубля». Задѣтые за живое, католическіе епископы—сараевскій Штадлеръ и мостарскій Буконичъ отвѣтили преосвященному Саввѣ открытымъ письмомъ, полнымъ высокомѣрія, лжи и фанатической ненависти къ православію. Латинскіе прелаты спѣшатъ по обычаю свести дѣло на уголовщину, намекая, что преосвященный Савва противодѣйствуетъ вѣнскому благотворительному обществу, въ которомъ участвуютъ члены императорскаго дома. Затѣмъ они отрицаютъ единство греко-восточной православной церкви на томъ основаніи, что она состоитъ изъ многихъ самостоятельныхъ церквей; ей приписываютъ они отпаденіе отъ вселенской римской церкви и потому, не стѣсняясь, называютъ схизматическою. Сильную злобу изливаютъ они на предостереженіе отъ смѣшанныхъ браковъ; этими браками они желали бы привлечь къ подножію римскаго престола не только православныхъ, но и другихъ иновѣрцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они высказываютъ и угрозу, что римская церковь никогда не откажется отъ дѣятельнаго распространенія ей одной сообщенной отъ Бога истины и благодати, такъ какъ она не можетъ быть довольна однимъ ка-

кимъ-либо народомъ или одною частію свѣта; всѣ народы, весь свѣтъ принадлежатъ ей по праву наслѣдія. Преосвященный Савва не могъ оставить безъ отвѣта это открытое письмо; но ему дано было знать, что онъ долженъ молчать. Однако, въ Новомъ Садѣ появился въ печати его отвѣтъ латинскимъ прелатамъ. Въ этомъ отвѣтѣ преосвященный объясняетъ соборное начало православія, выражающееся въ томъ, что всѣ самостоятельныя церкви составляютъ одно цѣлое и нераздѣльное тѣло, одну соборную апостольскую церковь, вождь и непогрѣшимый глава которой, верховный архипастырь и основатель есть самъ Господь Іисусъ Христосъ. Православная вселенская церковь въ теченіе стольнихъ вѣковъ не уклонилась отъ древнѣйшей истины и единообразія вѣры, какъ это сдѣлано и непрестанно дѣлается римскою церковью, которая заблудилась на скользкомъ пути своихъ нововведеній, такъ что ея не узнали бы апостолы и отцы церкви; потому-то отъ нея и отпали милліоны народа и цѣлыя государства. Но вся сила отвѣта сосредоточена на фактахъ. Преосвященный поименовываетъ тѣ книжки, которыя раздаются ученикамъ православныхъ школъ, напр., «Католическая церква», авторомъ которой есть самъ Штадлеръ, «Сердце Іисусово»—журналъ, печатаемый въ казенной типографіи и наполненный обидными для православныхъ названіями, и пр.; онъ указываетъ на поляка Длустуша, совѣтника верховнаго управленія Босніи, который раздавалъ католическія книжки даже въ самомъ Сараевѣ православнымъ дѣтямъ; упоминаетъ, какъ другой полякъ, Мѣрошевскій, являлся къ нему съ «чернымъ» пирогомъ и недобрымъ предложеніемъ, указываетъ также на кощунство, которое позволяли себѣ католическіе патеры надъ православными храмами. Неотразимыя указанія отвѣта сильно не понравились прелатамъ, а также и въ Вѣнѣ; печатный отвѣтъ митрополита былъ конфискованъ и преданъ сожженію. Правительство запретило преосвященному Саввѣ писать что-либо противъ католиковъ подъ угрозою лишить его мѣста и удалить въ монастырь. Митрополитъ подалъ въ отставку и если еще до сихъ поръ занимаетъ свою каѳедру, то потому только, что помощникъ венгерскаго министра финансовъ Каллая, завѣдывающаго управленіемъ занятыхъ областей, баронъ Николичъ, православный сербъ, взялся уладить дѣло и упросить Каллая отмѣнить наложенное на митрополита запрещеніе. Между тѣмъ, преосвященный Савва требуетъ или увольнить его, или же прекратить католическую пропаганду. Такъ, не прошло и трехъ лѣтъ со времени заключенія договора съ константинопольскимъ патріархомъ, а духъ и буква его уже нарушены. И немудрено, что, ошибшись въ назначеніи преосвященнаго Саввы, императоръ въ другой разъ назначитъ на православную сараевскую митрополію лицо болѣе податливое. Частныя извѣстія, приходящія изъ Босніи и Герцеговины, всѣ въ одинъ голосъ сообщаютъ о необыкновенной напряженной дѣятельности римской церкви послѣ берлинскаго договора для окатоличенія этихъ областей. Не пройдетъ и двадцати лѣтъ, пророчатъ они, какъ вся эта сербская земля погрузится въ

лоно католицизма и навсегда пропадетъ для православія, Востока и Россіи. На очереди за нею стоятъ Македонія и Болгарія.

Переступая изъ Балканскаго полуострова въ предѣлы австро-венгерской монархіи, мы находимъ здѣсь вдоль по Дунаю и Савѣ православныя земли, населенныя сербами, перешедшими въ разныя времена изъ Турціи и получившими здѣсь отъ здѣшнихъ императоровъ пристанище и привилегіи на вполнѣ свободное исповѣданіе православной вѣры и богослуженіе по обряду греко-восточной церкви. Но и они, несмотря на свое испытанное вѣрноподданство, не разъ подвергались отъ правительства гоненіямъ; между ними насильственно была вводима унія, такъ что здѣсь уже образовалось уніатское епископство. Однимъ изъ главнѣйшихъ правъ, которымъ они постоянно продолжали пользоваться, было право церковно-народнаго собора, состоящаго изъ духовенства и мірянъ, избирать себѣ главу церкви—митрополита, съ 1848 года именуемаго патріархомъ. Но въ послѣднее время и это право нарушено австро-венгерскимъ правительствомъ. Когда въ 1879 году престарѣлый патріархъ Прокопій Ивачковичъ вынужденъ былъ, по настоянію правительства, подать въ отставку, сербскій церковно-народный соборъ былъ обойденъ, и вмѣсто выбора воспослѣдовалъ императорскій указъ, назначавшій бачскаго епископа Германа Анджелича управляющимъ карловацкою митрополіею. Свѣтская власть, вопреки церковнымъ и народнымъ правамъ, предоставила самой себѣ назначить главу православной угро-сербской церкви въ лицѣ правительственнаго приверженца Анджелича, котораго церковно-народный соборъ не желалъ да и не могъ избрать на это мѣсто при жизни настоящаго патріарха Ивачковича. Вотъ подлинный указъ: «Снявъ съ греко-восточнаго патріарха Прокопія Ивачковича по его собственной просьбѣ и по представленію моего венгерскаго министра-президента обязанности по управленію карловацкимъ архіепископствомъ, мы назначаемъ администраторомъ названнаго архіепископства греко-восточнаго архіерея Германа Анджелича, а греко-восточнаго сербскаго патріарха Прокопія Ивачковича жалуемъ въ знакъ признательности за его сорокапятилѣтнюю ревностную и полезную службу большимъ крестомъ ордена Леопольда и грамотою. Францъ-Іосифъ». Этотъ указъ противорѣчитъ пп. 9 и 21 устава 1875 года, въ силу которыхъ за смертію патріарха мѣсто его до новыхъ выборовъ заступаетъ митрополичій совѣтъ церковно-народнаго собора, и этотъ же совѣтъ избираетъ ему и преемника. Такимъ образомъ и здѣсь грозитъ православію опасность. Не обезпеченное свободнымъ выборомъ главы церкви, оно, въ завѣдываніи подставнаго патріарха, подвергается опасности, и—кто знаетъ?—можетъ быть, новая насильственная унія ожидаетъ православныхъ подъ давленіемъ австро-венгерскаго правительства и его покорныхъ слугъ вродѣ Анджелича и Раича. По крайней мѣрѣ, уже замѣтны въ карловацкомъ патріархатѣ слѣды такого направленія, которое, искажая древнее соборное начало церкви, стремится всѣ дѣла церковныя, выборы и управленіе изъять изъ вѣдѣнія

церковно-народнаго собора и оставить ихъ въ рукахъ одного духовенства. Тотъ же архидіаконъ Радичъ въ предисловіи къ первому своему «Посланію къ сербской народно-либеральной сторонѣ» старается доказать, что въ силу будто бы основнаго начала православія іерархія церковная должна быть управляющимъ элементомъ церкви, а паства—управляемымъ. Какъ ни странно слышать отъ православнаго архидіакона и доктора богословія такое противуправославное и совершенно римское ученіе, однако, оно понятно съ точки зрѣнія австро-венгерской политики, слѣдующей постоянному правилу—обезсилить, обезправить народъ, а потомъ давленіемъ церковной бюрократіи окатоличить его. Радичъ прямо клонитъ къ подготовленію духовной бюрократіи въ православной церкви, а затѣмъ съ народомъ можно будетъ управиться по усмотрѣнію правительства, какъ того потребуетъ ratio status ad majorem Dei gloriam.

Постоянно держась правила divide et impera, австро-венгерское правительство еще ранѣе того раздѣлило православную церковь на два самостоятельныя управленія, сообразно съ народностями,—сербское и румынское. Съ цѣлымъ совладѣть труднѣе, чѣмъ съ частями. И вотъ изъ среды румынъ, живущихъ въ Седмиградіи и Буковинѣ, приносятся извѣстія, что и здѣсь правительство тѣснитъ православное румынское духовенство и насильственно обращаетъ народъ въ унію. Поддерживаемое изъ Вѣны и Пешта, латинское духовенство работаетъ здѣсь открыто въ пользу католицизма, употребляя при пособіи гражданской власти самыя возмутительныя по своей наглости средства; и лесть, и обманъ, и угрозы, и насилія,—все пущено въ ходъ противъ православія.

Наконецъ, притязанія католицизма не миновали и сосѣдней съ нами Галиціи. Небольшая Гниличская община Скалатскаго округа заявила, что она изъ уніи переходитъ въ православіе. Хотя въ силу дѣйствующей конституціи, свобода вѣроисповѣданія допущена въ австро-венгерской монархіи, однако, такого незначительнаго случая было достаточно, чтобы поднялись шумъ и гвалтъ по всей Галиціи и произошла тревога въ самой Вѣнѣ. Увидѣли въ этомъ заявленіи государственную измѣну, поспѣшили перехватить и разсадить по тюрьмамъ всѣхъ главныхъ приверженцевъ и поборниковъ русской народности. Назначенъ былъ уголовный судъ. Дѣло раздувалось католиками до того, что переходъ въ православіе толковался измѣною вѣрѣ, исповѣдываемой его апостолическимъ величествомъ, и, слѣдовательно, намѣреніемъ отпасть отъ Австріи и присоединиться къ Россіи. Не столько важенъ былъ исходъ суда, который, все-таки, приговорилъ четырехъ русскихъ дѣятелей къ тюремному заключенію за нарушеніе будто бы общественной тишины, сколько нуженъ былъ терроръ, который могъ бы пригодиться и на будущее время, чтобы уніатамъ и впредь не повадно было думать о переходѣ въ православіе. Въ этомъ дѣлѣ, гдѣ гниличане, отказавшіеся уже отъ своего заявленія, оставались почти въ сторонѣ и гдѣ всѣ удары были направлены противъ выдающихся ру-

скихъ людей, чтобы предупредить въ лицѣ ихъ всякую попытку къ сближенію съ православіемъ и Россіею,—въ этомъ дѣлѣ свѣтская власть дѣйствовала въ союзѣ съ духовною, какъ и слѣдовало ожидать. Прокуроръ въ своей рѣчи раздувалъ обвиненіе до фантастическихъ размѣровъ, врывался въ чужую политическую область, сыпалъ оскорбленіе за оскорбленіемъ на Россію; становился обвинителемъ не только австрійскихъ, но и нашихъ, русскихъ, подданныхъ. Коронный судъ спокойно выслушивалъ его нападки на Россію, а правительство, отвѣтственное за своего чиновника, и не подумало принести извиненіе передъ Россіею хотя бы уже по тому одному, что Россія исповѣдуетъ православіе. Какъ скоро окончился свѣтскій судъ, папа поспѣшилъ отстранить львовскаго уніатскаго митрополита Іосифа Сембратовича и двухъ его ближайшихъ совѣтниковъ по львовской консисторіи, протоіереевъ Малиновскаго и Жуковскаго. Львовскому греко-уніатскому капитулу не предоставлено было избрать новаго митрополита, а папа назначилъ отъ себя временнаго викарія Сильвестра Сембратовича. Затѣмъ воздвигнуто церковное гоненіе на священника Іоанна Наумовича въ Скалатѣ, семидесятилѣтняго старца, издателя народнаго журнала «Наука» и нѣсколькихъ народныхъ книгъ. Его считаютъ болѣе всѣхъ опаснымъ для католической пропаганды. Передъ своимъ удаленіемъ въ Римъ митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ со всѣми чинами львовской уніатской консисторіи подвергъ о. Наумовича каноническому суду и наложилъ на него запрещеніе священнослуженія, а потомъ произнесъ надъ нимъ и великое отлученіе (excommunicatio major). Отцу Наумовичу вмѣняется въ вину, что онъ распространялъ и высказывалъ мнѣнія, благопріятныя восточной «схизмѣ», написалъ галиличанамъ прошеніе ко властямъ, явно дышащее «восточною схизмою». Консисторія львовская увѣщеваетъ о. Наумовича пасть къ ногамъ римскаго первосвященника и за совершонное преступленіе схизмы молить о прощеніи этого окаянства: «Monemus autem te Joannem Naumowicz qui ob crimen schismatis excommunicatione majore affectus es—ut recurras ad misericordiam Pontificis Romani et ad pedes provolutus humillime plores ut clementissime miseriae tuae parcere dignetur». Въ завершеніе всего этого дѣла новоназначенный апостольскій администраторъ Сильвестръ Сембратовичъ обратился съ пастырскимъ посланіемъ къ уніатскому духовенству и народу. Онъ, уже не стѣсняясь правдою, называетъ русскихъ уніатовъ «католическими русинами» и возвѣщаетъ имъ, что великая задача ихъ выражена въ словахъ папы Урбана XIII: «O mei Ruthèni per vos ego Orientem spero convertendum!» (О мои русины! чрезъ васъ я надѣюсь обратить Востокъ). Ясно и поучительно! А вотъ и еще вызовъ, бросаемый Россіи и православію: изъ Львова пишутъ, что Сильвестръ Сембратовичъ запретилъ греко-уніатамъ ходить на поклоненіе святынѣ Почаевской лавры и просилъ намѣстника Галиціи не выдавать паспортовъ русскимъ галичанамъ, отправляющимся съ этою цѣлью въ Россію. Хороша свобода вѣроисповѣданія въ конституціонной Австріи!

Гдѣ же послѣ всего этого устоять православію въ австро-венгерской монархіи, хотя имѣющей свою конституцію, но управляемой апостолическимъ католическимъ императоромъ, который еще недавно, по случаю новаго года, увѣрялъ ватиканскаго первосвященника, что сдѣлаетъ все для него угодное и пріятное. Въ противень этому императорскому письму приведу слова почившаго на дняхъ высокопреосвященнаго Антонія: «Я видѣлъ,—говорилъ онъ по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ виленскомъ университетѣ,—что римская церковь носитъ въ нѣдрахъ своихъ нужный ей обскурантизмъ, препятствующій всякому прогрессу; я видѣлъ въ ней упорное стремленіе ко всемірному распространенію своей власти, охраняемой обскурантизмомъ, причемъ не пренебрегалось никакими средствами; видѣлъ, что вся его христіанская миссія разноситъ фанатическую ненависть; видѣлъ, что она враждебно вторгается въ нѣдра христіанскаго славянства, вооружая въ немъ однихъ противъ другихъ».

Только въ самомъ бѣгломъ, поверхностномъ очеркѣ представлено здѣсь положеніе православія на Востокѣ,—православія, которое по всей линіи отъ Сиріи и Палестины до Карпатовъ и до самой русской границы подвержено ожесточенному нападенію католицизма,—православія, которое, ввѣренное охраненію и покровительству Россіи, разъѣдается иновѣрною пропагандою или подавляется иновѣрною властію. Нельзя сказать, чтобы нападающая сторона не дѣйствовала, въ то же время, и въ политическихъ видахъ.

Но и въ самомъ православіи не все обстоитъ благополучно.

Недостатокъ вещественныхъ средствъ для противодѣйствія иновѣрной пропагандѣ ощущается повсемѣстно.

Затѣмъ въ Палестинѣ и Сиріи надобно желать большаго единодушія между русскими и греками.

Еще не улаженъ раздоръ между константинопольскою и болгарскою церквами. По этому поводу замѣчу, что соборное начало, выразившееся въ образованіи съ первыхъ апостольскихъ временъ нѣсколькихъ автокефальныхъ церквей, есть основное начало православія. Послѣ первыхъ автокефальныхъ церквей возникли позднѣе и другія таковыя же церкви. Приведу слова преосвященнаго Мельхисидека: «Во всѣхъ православныхъ государствахъ народы имѣютъ свои національныя церкви... Константинопольская патріархія, пользуясь положеніемъ духовнаго вождя всѣхъ христіанскихъ народовъ оттоманскаго Востока, хотѣла присвоить себѣ первенство надъ всѣми православными областями, составляющими турецкую имперію; но она не могла дѣйствовать иначе какъ въ интересахъ турецкой имперіи, а затѣмъ и греческаго народа, изъ котораго избираются патріархи. Народы, освободившіеся отъ турецкаго ига, освободились и отъ власти патріарха, основавши отдѣльно свои національныя церкви на основаніи древняго православія, сохраняя съ патріархіей только нравственныя отношенія единовѣрія. Такой примѣръ подали давно, еще въ XVI ст., русскіе, а затѣмъ въ настоящемъ вѣкѣ греки, румыны, сербы и болгары». Слѣдовательно,

греко-болгарскій церковный раздоръ долженъ быть приписанъ случайнымъ, а потому отстранимымъ обстоятельствомъ. Согласіе патріарха на независимость сербской церкви показываетъ, что изъ Константинополя не могли исходить неодолимыя препятствія противъ основанія независимой болгарской церкви. Стало быть, причину раздора надо искать въ другомъ мѣстѣ. И если мы припомнимъ, что болгары добились самостоятельности своей церкви, еще бывши въ турецкомъ рабствѣ; если и тогда уже, не освободясь изъ рабства, ихъ интеллигенція уже мечтала о какой-то Великой Болгаріи и что и теперь эта младенческая мечта, обличающая только ихъ легкомысліе, незрѣлость и сходство въ этомъ случаѣ съ поляками и хорватами, поддерживаетъ противъ нихъ вражду оскорбляемыхъ и насилуемыхъ ими сербовъ, грековъ, румынъ и другихъ народностей, которыя по ошибкѣ дипломатіи введены въ предѣлы ихъ княжества; если, наконецъ, въ этихъ предѣлахъ та же замашка оболгаренія другихъ народностей вызываетъ ненависть къ нимъ,—то нельзя не согласиться, что въ этой младенческой мечтѣ панболгаризма кроется главнѣйшая причина греко-болгарскаго церковнаго раздора. Предвидя его продолжительность и выгодность для себя, католическія державы и Ватиканъ стараются поддержать его, принимая всюду сторону болгаръ и внушая имъ упрямство. Дѣло православнаго Востока—какъ можно скорѣе разрѣшить эту распрю чрезъ соборное участіе другихъ церквей. Не мѣшало бы также подвергнуть тщательной повѣркѣ государственные предѣлы Болгаріи, которые должны совпадать съ предѣлами болгарской народности.

Далѣе мы видимъ, что въ независимой сербской церкви совѣсть народная возбуждена вмѣшательствомъ свѣтской власти въ дѣла церковныя. И міряне, и духовенство въ способѣ смѣщенія митрополита Михаила и поставленія на его мѣсто Ѳеодосія видятъ нарушеніе церковныхъ каноновъ и незаконное обращеніе къ карловацкой патріархіи, гдѣ управляющій, Анджеличъ, самъ есть незаконно поставленная власть. Такое обращеніе къ непризнанной церкви, стоящей подъ властію католическаго государя, вмѣшивающагося во внутреннія церковныя ея дѣла, есть отторженіе сербской церкви отъ православнаго Востока и вселенской церкви, съ которыми до сихъ поръ Сербія стояла въ тѣсной духовной связи. Наконецъ, новые церковные законы, предоставляющіе министрамъ назначать архіереевъ и свѣтскимъ лицамъ участвовать въ епископскихъ соборахъ, есть уже такое нововведеніе, которое отрываетъ сербскую церковь отъ существенныхъ правилъ церковнаго управленія, принятыхъ во всемъ православномъ мірѣ и, слѣдовательно, вводитъ ее въ расколъ лжеіерархіи.

Въ угро-сербской церкви назначеніе епископа Анджелича правителемъ карловацкаго патріархата въ силу одного только императорскаго указа и помимо избранія его въ этотъ санъ церковно-народнымъ соборомъ есть также вмѣшательство свѣтской власти и стремленіе ея, какъ и въ независимой Сербіи, подчинить церковь государству въ томъ отношеніи, въ кото-

ромъ церковь, какъ общество вѣрующихъ, имѣющая свои каноны и обряды, должна быть самоправна.

Румынская церковь также не избѣгла нѣкотораго замѣшательства. Не далѣе какъ года полтора тому назадъ румынскій синодъ получилъ посланіе константинопольскаго патріарха, поставлявшаго ему на видъ, что митрополитъ Каллиникъ переступилъ мѣру правъ своей церкви, совершивши съ подчиненными ему архіереями освященіе мура въ букарештскомъ каѳедральномъ соборѣ. Дѣло въ томъ, что румынская церковь, хотя и самостоятельная de facto, не признана еще до сихъ поръ за таковую вселенскимъ патріархомъ. Изъ отвѣта румынскаго синода, опубликованнаго въ мѣстныхъ газетахъ, можно было усмотрѣть нѣкоторое раздраженіе и страстность, а также и историческія натяжки; но, такъ какъ этотъ отвѣтъ не былъ отправленъ патріарху, то дѣло такъ и заглохло. Тѣмъ не менѣе, нежелательно бы было и этого малозначительнаго недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что источникъ его самъ по себѣ весьма важенъ; онъ заключается въ томъ, что вселенская константинопольская церковь не признаетъ еще автокефальности румынской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, и болгарская, и румынская, и угро-сербская церкви еще не признаны автокефальными. Если болгарская церковь, благодаря запальчивости и неумѣнью дѣйствовать самихъ болгаръ, не только не можетъ быть признана автокефальною, но, напротивъ, объявлена пребывающею въ расколѣ, то другія церкви могли бы немедленно быть признаны автокефальными, если бы только съ ихъ стороны послѣдовало заявленіе объ этомъ передъ вселенскимъ патріархомъ съ просьбою признать ихъ таковыми. А теперь, при такой неопредѣленности и неполнотѣ взаимныхъ отношеній этихъ церквей какъ между собою, такъ и къ константинопольской, греческой и русской церквамъ, какой же возможенъ союзъ, какое единодушіе, какое сотрудничество въ нѣдрахъ самого православія, когда церкви православныхъ стоятъ врознь одна отъ другой, и не замѣтно, чтобы онѣ сознавали потребность совокупнаго противодѣйствія нападающему иновѣрію?

Наконецъ, въ самой константинопольской вселенской восточной церкви произошло въ послѣднее время грустное событіе: патріархъ Іоакимъ III сложилъ съ себя свое званіе и удалился отъ управленія дѣлами вслѣдствіе того, что Порта предъявила намѣреніе сократить права Великой Церкви, которыми она пользовалась еще со временемъ Магомета II въ силу преемственно подтверждаемыхъ султанскихъ фирмановъ. По тайнымъ проискамъ Германіи и Австріи, которыя по оффиціальному заявленію покойнаго австро-венгерскаго министра барона Гаймерле въ бюджетной делегаціонной комиссіи въ 1880 г., дѣйствуютъ на Востокѣ безусловно вмѣстѣ, Порта и намѣрилась въ изготовляемомъ для патріарха бератѣ ограничить его юрисдикцію въ дѣлахъ судныхъ, касающихся греческаго духовенства, и вообще по бракоразводнымъ дѣламъ между христіанами. Сущность ограниченій видна изъ записки, поданной патріархомъ Портѣ 14 іюля 1883 г. и заклю-

чающейся въ 6 пунктахъ: 1) Дѣла, въ которыхъ замѣшаны интересы митрополитовъ и епископовъ, теперь разсматриваются и рѣшаются въ патріархіи; а тогда они стали бы разсматриваться у мѣстныхъ кадіевъ, которые руководствуются шаріатомъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ православное духовенство было бы, вмѣсто патріарха, какъ теперь, подчинено свѣтскому суду. 2) Юрисдикція высшихъ сановниковъ православной церкви не имѣла бы поддержки отъ гражданской власти для исполненія своихъ приговоровъ и явилась бы безсильною. 3 и 4) Въ бракоразводныхъ дѣлахъ и по завѣщаніямъ, которыя теперь подлежатъ духовному суду всецѣло, недовольная сторона могла бы приносить жалобу свѣтскому суду, а это упразднило бы значеніе и силу патріаршей власти, которая до сихъ поръ опредѣляла и размѣръ содержанія женѣ отъ мужа. 5 и 6) Исходящія отъ Порты стѣсненія въ постройкахъ церквей и школъ должны быть прекращены, такъ какъ они суть только придирки подъ разными пустыми предлогами или даже вовсе безъ объясненія причинъ. Такъ какъ Порта продолжаетъ настаивать на своемъ, ссылаясь на нововведенную судебную реформу, то блаженнѣйшій Іоакимъ, представивши султану свою отставку, выѣхалъ изъ патріархіи въ свой собственный домъ въ Вафеохоріонѣ. Наканунѣ праздника Рождества Христова патріархъ и большая часть греческихъ митрополитовъ уже не совершали обычнаго богослуженія, которое на этотъ разъ совершили священники. Синодъ и состоящій при немъ совѣтъ изъ мірянъ положили поддерживать безусловное требованіе блаженнѣйшаго Іоакима о дарованіи ему султанскаго берата, во всемъ согласнаго съ берата̀ми, выданными его предмѣстникамъ, принять временно отставку патріарха и не выбирать новаго патріарха, пока не послѣдуетъ полная уступка со стороны Порты. Что побудило Порту поднять новый еще небывалый вопросъ объ ограниченіи правъ Великой Церкви? Были султаны-реформаторы посильнѣе Абдулъ-Гамида, но и они не затрогивали этихъ правъ; были времена сильнѣйшей политической распри между турками и греками, напримѣръ, когда освобождалась Морея, но и тогда вселенскій патріархатъ оставался неприкосновеннымъ. Теперь же, зная, какъ чутко европейскія державы слѣдятъ за малѣйшими событіями въ Турецкой имперіи; зная, что обязательныя по берлинскому договору улучшенія въ управленіи еще не исполнены, какъ, наприм., въ Арменіи; зная, что греческій Фанаръ, стоящій безусловно на сторонѣ патріарха, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ денежныя средства имперіи; зная, наконецъ, что греческая народность въ европейскихъ владѣніяхъ, еще остающихся за султаномъ, можетъ сдѣлаться рѣшительницею судьбы Оттоманской имперіи въ Европѣ,—Порта такъ отважливо и настойчиво заводитъ распри съ Великою Церковію, не опасаясь возбудить международныхъ усложненій. Прибавимъ къ этому, что распря возникла не отъ самого султана, который, напротивъ, не радъ ей, а изъ нѣдръ Порты, гдѣ гнѣздятся интриги, сплетенія, подкупы, подстрекательства, и гдѣ теперь наибольшимъ вліяніемъ пользуется германскій представитель, поддерживающій

своего австро-венгерскаго товарища. Нельзя и думать, чтобы здѣсь не поджигала и не заправляла та рука, которая уже давно протянута для захвата Балканскаго полуострова,—рука, которая, поддерживаемая Бисмаркомъ, уже успѣла отхватить себѣ кусокъ живаго мяса отъ тѣла сербскаго народа. Ей обязаны мы возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ, которое, при интригахъ Бисмарка, разоблаченныхъ недавно въ нѣмецкой печати, привело Россію къ невольной войнѣ съ Турціею. Теперь возбужденіемъ раздора между турецкимъ правительствомъ и греческимъ народомъ имѣется въ виду опять зажечь новый пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ для новаго грабежа. Время дѣйствительно благопріятное. Франція и Англія заняты на дальнемъ Востокѣ; Испанія обласкана Германіею; противъ сближенія Франціи съ Россіею приняты всѣ необходимыя мѣры; союзъ Австріи съ Германіею и Италіею въ полномъ дѣйствіи, а Россія, которая въ силу прошлаго должна бы оставаться первенствующею державою на Балканскомъ полуостровѣ, сама теперь ищетъ себѣ мѣсто въ тройственномъ союзѣ, направленномъ, по признанію даже *Le Nord*, противъ нея же самой; Россія, стало быть, безграничная въ своемъ миролюбивомъ самоотреченіи, не заслуживаетъ, чтобы принимать ее въ соображеніе. Нѣмецкая политика выжидательна, терпѣлива, но за то и успѣшна, потому что она неизмѣнно, наслѣдственно, неотступно преслѣдуетъ свои цѣли. Поэтому надо ждать крупныхъ событій въ Европейской Турціи, къ которымъ теперешнія интриги служатъ подготовкою. А что интрига существуетъ и что Порта, въ лицѣ великаго визиря Саидъ-паши, есть только послушное орудіе германскаго посланника Гацфельда, — это открыто признаетъ и самъ патріархъ Іоакимъ.

Для полноты очерка упомяну, что даже и въ маленькомъ православномъ Аѳонѣ — и тамъ нѣтъ внутренняго спокойствія. Тамъ греки ссорятся съ русскими и грузинами. Пользуясь своимъ преобладаніемъ, греки отнимаютъ у русскихъ кельи, лѣса, не даютъ даже камня для построекъ. Есть надежда, что предположенный пріѣздъ сюда русскаго посланника изъ Константинополя, г. Нелидова, умиротворитъ эту домашнюю распрю въ Аѳонѣ; но неужели только на эти мелочи хватаетъ вліянія Россіи и, притомъ, весьма не труднаго, такъ какъ въ русской посольской кассѣ задержаны тѣ 200 тысячъ рублей, которыя ежегодно выдаются въ пособіе аѳонскимъ греческимъ монастырямъ. За то въ болѣе крупной и грозящей своими послѣдствіями распрѣ Порты съ патріархомъ г. Нелидовъ или является въ патріархатъ съ предложеніемъ компромисса на основаніи взаимныхъ уступокъ и получая, разумѣется, отказъ, сразу стушевывается, или остается затѣмъ уже вовсе безмолвнымъ. Если вѣрить корреспонденту *Новаго Времени*, то вотъ слова патріарха Іоакима: «Европа предоставила меня самому себѣ, хотя представители и высказались у султана въ мою пользу, но настолько мягко и въ такой формѣ, что это не имѣло никакого вліянія на сущность дѣла. Молчаніе г. Нелидова меня удивляетъ, тѣмъ болѣе, что то не первоудобный случай для русской дипломатіи испытать, насколько ея вліяніе на

дѣла Востока сильно, а въ этомъ церковномъ вопросѣ, не забудьте, задѣвается и славянскій вопросъ, такъ какъ послѣдній здѣсь извѣстенъ подъ названіемъ христіано-славянскаго вопроса».

Между тѣмъ, западные хищники съ радостію взираютъ на эту неслогу, водворившуюся въ восточномъ православномъ мірѣ. Они хорошо знаютъ, что вѣроисповѣданіе и народность составляютъ здѣсь единую нераздѣльную силу, и потому нестроеніе въ православномъ мірѣ ослабляетъ и народность; разъединеніе, разладъ, смута въ православіи препятствуютъ взаимному тяготѣнію балканскихъ народовъ, ихъ единодушію и союзу, который только одинъ, подъ обобщающимъ покровительствомъ Россіи, могъ бы стать препоною хищническимъ посягательствамъ нѣмецкаго племени.

Въ тѣсной связи съ политическими замыслами нѣмцевъ дѣйствуетъ и другой, не менѣе грозный врагъ Востока,—папство, которое никогда не перестанетъ домогаться свѣтскаго владычества. Употреблю опять выраженія епископа Мельхиседека: «Уже тысяча и нѣсколько сотъ лѣтъ римская церковь преслѣдуетъ двѣ великія цѣли: приматство или господство надъ всею христіанскою церковью и свѣтскую власть. Она цѣлые вѣка боролась съ національными церквами и правительствами всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ народовъ. Не разъ она была побѣждаема, но она снова начинала и продолжала борьбу, пока не достигла того, что подчинила своей волѣ и унизила императоровъ и королей западно-европейскихъ государствъ. И если государи и освободились послѣ вѣковой борьбы отъ безусловной воли римскаго папы, то, все-таки, они признали его власть надъ церквами своихъ государствъ. Нѣкоторыя изъ этихъ странъ, чтобы освободить церковь отъ папской власти, вынуждены были перемѣнить свою вѣру и вести кровавыя и продолжительныя войны, чтобы получить свободу своей возмущенной совѣсти. Всѣ эти вѣковыя войны римскаго папы за власть сдѣлали его весьма искуснымъ. Римская церковь собрала громадныя средства, создала множество учрежденій для приготовленія ловкихъ борцевъ, университеты, семинаріи, множество монашескихъ чиновъ, давшихъ церкви великое число преданныхъ мужей, апостоловъ и миссіонеровъ, полныхъ самоотверженія и безусловной покорности папѣ и его церкви, знаменитыхъ проповѣдниковъ, замѣчательныхъ писателей и примѣрныхъ подвижниковъ въ жизни. Въ особенности орденъ іезуитовъ удивилъ міръ своею преданностію, настойчивостію и искусствомъ. Не разъ они были выгоняемы изъ разныхъ странъ, но снова возвращались на прежнія свои мѣста, пока при Піи IX они не стали всемогущими и все католическое духовенство во всѣхъ странахъ не стало въ ихъ распоряженіи. Римская церковь, обладая громадными средствами, вещественными и нравственными, и духовенствомъ, состоящимъ изъ іезуитовъ, смотритъ глазами Аргуса во всѣ стороны земнаго шара и никогда не отступаетъ отъ разъ положенной цѣли, хотя бы потребовались сотни лѣтъ для ея достиженія. Она не пугается ни политическихъ преслѣдованій, ни невѣрія, ни соціализма, ни нигилизма, ни

схизматиковъ, ни временнаго неуспѣха. Гдѣ она не имѣетъ успѣха, тамъ вооружается терпѣніемъ и ожиданіемъ благопріятнаго времени, гдѣ требуется оппозиція, тамъ она ее предписываетъ своимъ органамъ съ рискомъ попасть даже въ тюрьму и потерять свое общественное положеніе—и голосу папы внемлютъ всѣ... Православный Востокъ покрытъ воспитательными заведеніями іезуитовъ... Преуспѣваетъ или отстаетъ какой-либо народъ политически—это для римской церкви безразлично, лишь бы ея католицизмъ былъ обезпеченъ. Если завоевательный народъ есть католическаго вѣроисповѣданія, римская церковь радуется, когда какой-нибудь маленькій народъ гибнетъ политически и переходитъ подъ католическій скипетръ. Если же завоевательный народъ другаго вѣроисповѣданія, тогда римская церковь, не имѣя надежды на господство въ завоевательномъ государствѣ, побуждаетъ завоевательный народъ къ оппозиціи и бунтамъ до его окончательной гибели, если она не успѣетъ заключить выгодныхъ конкордатовъ съ завоевателями. Это мы видимъ въ Польшѣ, Ирландіи, Италіи... Въ Галиціи папа содѣйствуетъ полонизаціи русскихъ, въ Венгріи—мадьяризаціи румыновъ и славянъ... Римская церковь не стоитъ за народности. Она имѣетъ космополитическій характеръ и чужда народу, вслѣдствіе чего находится въ вѣчной борьбѣ съ народами».

Съ такимъ-то врагомъ имѣетъ дѣло восточное православіе. Чего же ждать? Ужели того, чтобы Востокъ, предоставленный однимъ своимъ слабѣющимъ силамъ, палъ подъ двойнымъ напоромъ іезуитскихъ козней, идущихъ изъ Ватикана, и политическихъ орудій, направляемыхъ изъ Вѣны? На Россіи лежитъ долгъ, не теряя времени, пока еще не совсѣмъ поздно, напрячь всѣ свои силы для отпора этому врагу по всей линіи его наступленія. У русскихъ монастырей найдутся достаточныя вещественныя средства; у духовныхъ академій и миссіонерскаго общества должны найтись соотвѣтственныя нравственныя средства, чтобы противустать могущественному врагу и поддержать падающихъ духомъ братьевъ по вѣрѣ. Нападеніе идетъ съ Запада. Къ Западу и должна направиться наша помощь. Конечно, легче имѣть дѣло на отдаленномъ Востокѣ съ калошами или алеутами, чѣмъ съ учеными, хитроумными и богатыми іезуитами, но за то здѣсь и задача выше и плодотворнѣе, потому что здѣсь Россія своею духовною силою подала бы руку помощи православію, которое живетъ здѣсь исторически цѣлый рядъ вѣковъ и облечено въ плоть и кровь народовъ, имѣющихъ право на свободное человѣческое бытіе, а, между тѣмъ, поставленныхъ оплошностію, равнодушіемъ, враждебностію и предательствомъ въ такое положеніе, что ихъ давятъ, обольщаютъ и насильственно увлекаютъ въ иновѣріе. А что сталось съ дрезденскимъ православнымъ благотворительнымъ для Босніи и Герцеговины обществомъ, въ которомъ участвовали многіе видные русскіе люди? Ужь не признано ли болѣе цѣлесообразнымъ по «высшимъ» соображеніямъ пріостановить его дѣятельность, чтобы не помѣшать вѣнскому благотворительному обществу, о которомъ упоминаетъ въ своемъ окру-

номъ посланіи сараевскій митрополитъ Савва? Возстановленіе православнаго благотворительнаго и просвѣтительнаго общества на западной окраинѣ православія, тамъ, гдѣ всего сильнѣе дѣйствуетъ пропаганда иновѣрія, также необходимо, какъ необходимо и палестинское общество для охраны православія съ Востока. Въ турецкихъ областяхъ Босніи и Герцеговины, отданныхъ только во временное управленіе императору Францу-Іосифу, австрійское правительство не имѣетъ ни малѣйшаго права препятствовать дѣятельности русскихъ миссіонеровъ и распространенію въ народѣ православныхъ духовныхъ книгъ въ той же мѣрѣ свободы, въ какой дѣйствуютъ здѣсь іезуиты и разные фратры, и распространяются духовныя католическія изданія. А нашему святѣйшему правительствующему синоду необходимо позаботиться о скорѣйшемъ изданіи популярнаго сочиненія, въ которомъ бы съ общедоступною наглядностію и простотою изложено было догматическое и историческое различіе между греко-восточнымъ и западно-римскимъ вѣроученіемъ. Такое сочиненіе могло бы быть въ тысячахъ экземпляровъ распространено между православными на Балканѣ въ противодѣйствіе многочисленнымъ католическимъ изданіямъ вродѣ «Сіона», «Сердца Іисусова», «Католической церкви» и пр. Любовь къ ближнему должна быть дѣйственною, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Долгъ христіанскій не дозволяетъ оставаться въ равнодушіи при совращеніи ближнихъ въ иновѣріе. Мы должны придти на помощь нашимъ западнымъ единовѣрцамъ.

Но миссіонерство въ православныхъ земляхъ Европейской Турціи есть только крупица той неизбѣжной и великой задачи, которая день ото дня становится все болѣе и болѣе обязательною для Россіи. Эта задача есть объединеніе православія въ духѣ мира, любви и взаимной поддержки между автокефальными церквами. Для этого прежде всего нужно, чтобы всѣ церкви взаимно тяготѣли другъ къ другу, составляя между собою духовный союзъ, а не разбѣгались бы въ сторону, какъ это случилось съ сербскою церковью, и не поднимали бы брань одна на другую, какъ это имѣетъ мѣсто въ болгарской церкви, представитель которой, экзархъ, еще такъ недавно позволилъ себѣ въ синодѣ высказать въ страстныхъ и неприличныхъ выраженіяхъ обвиненія противъ греческой церкви; наконецъ, нужно взаимная въ духѣ любви поддержка церквей для охраненія православія и противодѣйствія иновѣрію. Неужели такъ и оставить православіе немощнымъ, постепенно слабѣющимъ, открытымъ для нападенія и постоянно теряющимъ своихъ чадъ? Не надо ни на минуту забывать, что при такомъ положеніи православія, столь выгодномъ для враговъ его, неизбѣжны и политическіе погромы.

Майковъ.

Опера г. Чайковскаго „Мазепа“ на московской сценѣ.

Имя г. Чайковскаго, какъ композитора, настолько популярно, что всякое его мало-мальски крупное произведеніе не можетъ не возбуждать всеобщаго интереса, и тѣмъ болѣе, что дѣятельность этого даровитаго мастера за послѣдніе годы отличается замѣчательно прогрессирующимъ характеромъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. На сей разъ г. Чайковскій выступилъ съ новымъ оперѣнымъ произведеніемъ, достоинства котораго оставляютъ за собою многое, имѣющееся по этой части въ русской музыкѣ. Матеріаломъ послужила пушкинская «Полтава» и, надо отдать справедливость композитору, воспользовался онъ имъ чрезвычайно удачно и въ музыкальномъ отношеніи. Содержаніе оперы таково.

1-я картина—въ саду у Кочубея. Прекрасный женскій хоръ открываетъ оперу; дѣвушки, плетущія вѣнки, подъѣзжаютъ въ лодкахъ и зовутъ съ собою Марію, только что вышедшую изъ дома. Марія отказывается: въ гостяхъ у Кочубея гетманъ Мазепа. Оставшись одна, Марія въ красивой аріи знакомитъ слушателя съ исторіей своей любви къ старику гетману, затѣмъ далѣе слѣдуетъ дуэтъ съ Андреемъ, молодымъ козакомъ, въ нее влюбленнымъ и ей въ этомъ открывающимся. Бесѣда ихъ прерывается выходящими въ садъ хозяевами и гостями. Сцена пированія съ хоромъ пѣсенниковъ (чрезвычайно красивый и эффектный номеръ) и съ гопакомъ, музыка котораго, взятая сама по себѣ, есть уже интересное оркестровое произведеніе. За пирушкой гетманъ предлагаетъ Кочубею отдать ему Марію въ жены, намекая при этомъ на свои отношенія къ ней; слѣдуетъ ссора, развивающаяся въ превосходный ансамбль, служащій финаломъ картины. Марія на призывъ Мазепы бросаетъ отчій домъ и уходитъ съ возлюбленнымъ.

2-я картина—въ домѣ Кочубея. Отецъ и мать сокрушаются о судьбѣ дочери. Въ сценѣ этой, помимо очень хорошаго хороваго ансамбля, выдвигается весьма эффектно партія матери Маріи (Любовь—меццо-сопрано). Замышляется впервые планъ отмщенія общему врагу посредствомъ доноса

на измѣнническіе замыслы гетмана и Андрей берется везти доносъ къ царю. Чрезвычайно помпезный, размашисто скомпанованный финальный ансамбль.

3-я картина—въ тюрьмѣ Бѣлоцерковскаго замка—вся посвящена сценѣ Кочубея-*solo* и сценѣ допроса его Орликомъ. Значительная часть матеріала — пушкинскіе стихи. Въ музыкально-драматическомъ отношеніи, вся эта картина есть одно изъ лучшихъ украшеній оперы и въ особенности въ моментѣ своемъ, когда, истерзанный пытками и душевной мукой, Кочубей въ послѣдній разъ издѣвается надъ своими врагами, упорствуя открыть, гдѣ хранятся его сокровища, и страдальчески иронизируетъ насчетъ трехъ кладовъ. Исполняй эту сцену артистъ, способный возвыситься до ея художественныхъ достоинствъ, впечатлѣніе она должна оставить огромное, хотя, разумѣется, и тяжелое, такъ какъ занавѣсъ опускается въ ту минуту, когда палачи срываютъ со старика козакинъ и тащутъ его къ колесу, чтобы снова начать пытку.

4-я картина—въ домѣ Мазепы. Дверь изъ комнаты ведетъ въ садъ; она открыта и въ нее видно звѣздное небо... «Тиха украинская ночь», начинаетъ свою сцену Мазепа. Содержаніе картины: сцена Мазепы-solo, сцена его съ Маріей, которой онъ на половину открываетъ свой замыселъ; въ особенно прекрасныя формы развивается комбинація послѣ того, какъ Марія въ увлеченіи выражаетъ готовность идти хоть на плаху съ человѣкомъ, который въ эту минуту для нея все, передъ которымъ она въ обожаніи склоняется. Мазепа, только что подписавшій Орлику смертный приговоръ Кочубея, допытывается у Маріи, кто ей дороже: онъ или отецъ? Кѣмъ бы изъ нихъ она пожертвовала, если-бъ одною изъ этихъ жизней жертвовать пришлось? Пораженная этимъ, но не вѣрящая въ возможность чего-либо подобнаго, Марія выражаетъ готовность даже отцомъ пожертвовать Мазепѣ. Послѣдній уходитъ и наступаетъ въ высшей степени выстраданная, прекрасная въ музыкальномъ отношеніи сцена Маріи съ матерью, тайно пробравшейся къ ней черезъ садъ въ надеждѣ при ея посредствѣ спасти Кочубея. Разсказъ ея непонятенъ Маріи; она не вѣритъ, хотя уже предчувствуетъ какой-то ужасъ. Выражено взаимное душевное состояніе обѣихъ женщинъ композиторомъ замѣчательно; то волненіе, которымъ проникнута музыкальная фраза матери «ужель еще не знаешь ты?» и дальнѣйшее развитіе ея, ужасъ и отчаяніе Маріи, наконецъ, понявшей, въ чемъ дѣло, словомъ, вся комбинація даетъ такую оперную сцену, какихъ не много; въ особенности эффектна она въ сочетаніи съ раздающимися издали звуками того шествія на казнь, которое составляетъ слѣдующую картину. Занавѣсъ опускается въ ту минуту, когда обѣ женщины, обезумѣвшія отъ отчаянія, бѣгутъ въ послѣдней надеждѣ спасти Кочубея хотя бы прямо изъ рукъ палачей.

5-я картина—казнь. Поле. Валъ, за которымъ стоитъ эшафотъ для казни. Толпы народа, мрачно ожидающаго страшнаго дѣла. Шествіе къ

мѣсту казни солдатъ Мазепы, его самого съ приближенными, палачей и осужденныхъ, сопровождаемыхъ двумя исповѣдниками. Сцена мрачна до такой степени, что ее почти тяжело выносить, тѣмъ болѣе, что хоровой ансамбль, превосходно задуманный, мастерски скомпанованный, усугубляетъ впечатлѣніе и безъ того страшной картины. Еще болѣе оттѣняется характеръ комбинаціи тѣмъ контрастомъ, который являетъ исторія пьянаго казака, снующаго въ толпѣ; парень сильно подгулялъ, ему море по колѣна... «Мнѣ-то что!—бросаетъ онъ въ толпу,—панамъ головы рубятъ, такъ чортъ возьметъ ихъ душу!» Моментъ молитвы колѣнопреклоненныхъ осужденныхъ чрезвычайно силенъ со стороны музыкальной фактуры, а тотъ ужасъ, который охватываетъ толпу, и испуганную, и лѣзущую на валъ, чтобъ взглянуть на казнь, имѣетъ исходомъ страшный крикъ, вырывающійся изъ груди Маріи, прибѣгающей съ матерью въ ту минуту, когда уже видѣнъ взмахъ топоровъ надъ головами Кочубея и Искры.

6-я и послѣдняя картина начинается собственно симфонической картиной Полтавскаго боя. Мастеръ-инструментаторъ, г. Чайковскій воспользовался для этой картины всѣми тѣми богатствами оркестровыхъ красокъ, истинныя тайны котораго доступны лишь такимъ крупнымъ симфонистамъ, какъ онъ. Образность и ширь этой картины замѣчательны. Занавѣсъ поднимается, когда картина боя, развернутая передъ слушателемъ, прошла уже всѣ фазы развитія и когда собственно бой уже оконченъ и разсѣянные шведы бѣгутъ отъ преслѣдующихъ ихъ русскихъ. Бѣглецъ Мазепа спасается въ томъ самомъ саду, гдѣ онъ впервые позналъ беззавѣтную любовь къ нему Маріи; но прежде него въ этотъ садъ попадаетъ Андрей, стремящійся хоть теперь отмстить своему злодѣю. Столкновеніе двухъ враговъ (очень красивый ансамбль) и Андрей падаетъ смертельно раненый выстрѣломъ. Далѣе слѣдуетъ прекрасная сцена Мазепы съ сумасшедшей Маріей, забредшей въ садъ,—сцена, въ которой партія Маріи возвышается до рѣдкой поэтичности, какъ и въ слѣдующей затѣмъ (по удаленіи Мазепы) сценѣ съ умирающимъ Андреемъ. Послѣдняя даже, можно сказать, лучше первой, въ особенности въ моментъ, когда безумная, не понимая дѣйствительности, старается убаюкивать умирающаго колыбельной пѣсенкой (мотивъ номера прелестенъ). На сцену приходитъ хоръ и наступаетъ финальная сцена оперы. Марія бросается въ рѣку и толпа, желающая спасти ее, достаетъ изъ воды лишь трупъ изстрадавшейся жертвы...

Исполненіео перы г. Чайковскаго на нашей сценѣ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ похвалы. Разучена опера, срепетована и инсценирована въ музыкальномъ и драматическомъ отношеніяхъ очень толково и добросовѣстно. Первое, что на этотъ счетъ слѣдуетъ назвать, есть нашъ прекрасный хоръ, сдѣлавшійся, по милости своего хормейстера, даровитаго и добросовѣстнаго труженника, г. Авранека, не только украшеніемъ нашей сцены, но и вообще первоклассымъ оперным хоромъ. Красивые, иногда почти чарующіе хоровые номера оперы г. Чайковскаго идутъ безукоризненно. Изъ

солистовъ пальма первенства принадлежитъ г. Корсову (Мазепа), создающему изъ своей, правда, весьма талантливо скомпанованной роли отличный типъ властнаго, сильнаго духомъ, все подчиняющаго себѣ старика Мазепы. Не обсуждая вопроса о томъ, какъ добываетъ г. Корсовъ въ своемъ увядшемъ уже голосѣ достаточно матеріала для прекраснаго исполненія сильной партіи, можно указать на результатъ; слушая г. Корсова, человѣкъ забываетъ, что предъ нимъ пѣвецъ съ утраченнымъ уже голосомъ: онъ знаетъ только одно: передъ нимъ артистъ, способный овладѣть ролью со всѣхъ сторонъ,— качество, котораго совершенно лишенъ другой главный солистъ, г. Борисовъ. Исполняемая имъ партія Кочубея въ высшей степени благодарна, средства у г. Борисова огромныя и замѣчательныя по качествамъ голосоваго тембра; а въ результатѣ выходитъ то, что впечатлѣнія партія не производитъ, а иногда еще и производитъ впечатлѣніе невыгодное, какъ, напр., въ сценѣ допроса, когда артистъ невозможно шаржируетъ и въ вокальномъ, и въ драматическомъ отношеніяхъ. Третья мужская роль, Андрей, не особенно благодарна и исполненіе ея г. Усатовымъ не возвышается за предѣлы обычной для этого пѣвца добросовѣстности. Марія, г-жа Павловская, производитъ очень удачное впечатлѣніе въ сценѣ сумасшествія и въ сценѣ съ матерью (4-я картина); ту и другую комбинацію она освѣщаетъ теплой, прочувствованной игрой, и что касается сцены сумасшествія, то даже игрой, положительно талантливой въ своей простотѣ; начальныя сцены оперы — болѣе вокальныя, чѣмъ драматическія— идутъ слабѣе, и впечатлѣніе отъ выполненія ихъ не столь удачно, благодаря качествамъ голоса артистки, уже пострадавшаго отъ времени, и вибраціи, свойственной ея пѣнію. Г-жа Крутикова (мать Маріи), какъ исполнительница, приближается къ тому же жанру, что и г. Корсовъ: остатки голоса и совершенно артистическое пониманіе роли, совершенно артистическая законченность ея выполненія. Маленькая роль Орлика удачно осуществляется г. Фюреромъ, а вводная роль пьянаго козака находитъ очень реальнаго, удачнаго исполнителя въ г. Додоновѣ.

Костюмы хороши только у солистовъ, остальные же бѣдноваты и имѣютъ видъ сборный; очевидно, тутъ фигурируютъ и костюмы изъ «Жизни за Царя» и другіе. Дѣло въ томъ, что дирекція поскупилась и отпустила на постановку произведенія г. Чайковскаго съ его пятью декораціями и широко задуманной обстановочной частью всего 8,000 р.! Еще бы! Вѣдь, это не «Ричардъ III», для котораго можно истратить 33,800 р. и въ особенности не балетъ «Пигмаліонъ», на который можно отпустить 30,000 р., не «Неронъ», поставленный итальянцами и обошедшійся въ 40,000 р., а русская опера даровитѣйшаго русскаго композитора, даваемая на русской столичной сценѣ. Въ результатѣ: сдѣлано все, что можно сдѣлать на малыя средства, но, конечно, не болѣе того. Одна изъ декорацій—поле для сцены казни—положительно плоха, другая—садъ Кочубея—недурна, но не особенно правдива со стороны украшающей ее растительности; остальныя очень

недурны и лучшая изъ нихъ—комната Мазепы, весьма тщательно обставленная со стороны аксессуарной. Требуетъ положительной постановки вновь балетъ (гопакъ 1-го акта), который умудрились поставить на половину изъ балеринъ, облеченныхъ въ козацкіе шаровары; аномалія эта рѣжетъ глазъ, тѣмъ болѣе, что гопакъ есть танецъ совершенно опредѣленнаго мужскаго характера. Странно въ этомъ слѣдующее: поставивъ по началу лезгинку въ «Демонѣ» съ балеринами въ мужскихъ костюмахъ, дирекція сознала потомъ ошибку и послѣ многихъ указаній печати поставила танецъ вновь и изъ мужчинъ; теперь ошибка снова повторена. Остается ожидать исправленія этой вторичной ошибки.

Успѣхъ опера имѣла уже на первомъ представленіи огромный, и именно огромный для самаго произведенія, такъ какъ всѣ вызовы артистовъ и руководителей оперным дѣломъ, добросовѣстно потрудившихся надъ ея постановкой, были ничто въ сравненіи съ единодушными овaціями по адресу композитора, находившагося въ театрѣ. Г. Чайковскаго вызывали послѣ каждой картины множество разъ, и вызывали, что называется, цѣлымъ театромъ. Буря аплодисментовъ охватывала при поднесеніи ему вѣнковъ всю публику отъ партера до райка включительно, оркестръ и артистовъ, выходившихъ на вызовы; словомъ, аплодировало рѣшительно все, все соединилось вмѣстѣ, чтобъ достойно чествовать общаго любимца.

А. Размадзе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«1884 годъ начался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ». Эта успокоительная фраза украшала собою, въ первыхъ числахъ января, страницы чуть ли не всѣхъ европейскихъ газетъ, въ томъ числѣ и нашихъ, разумѣется, да и теперь еще повторяется весьма часто. И дѣйствительно, если «благопріятными условіями» считать исключительно лишь отсутствіе кровопролитной войны въ самой Европѣ и шансы въ пользу сохраненія въ ней мира, по крайней мѣрѣ, хоть въ текущемъ году, тогда нынѣшній годъ безспорно начался и обѣщаетъ кончиться самымъ благопріятнымъ образомъ. Всѣ темныя тучи, всѣ болѣе или менѣе угрожающія облака, заволакивавшія политическое небо Европы весь прошлый 1883 годъ и даже въ самыя послѣднія недѣли не сходившія съ небосклона, какъ-то внезапно разсѣялись по горизонту и, наконецъ, совсѣмъ скрылись за нимъ, оставивъ небо такимъ чистымъ и яснымъ, какимъ давно уже отвыкли видѣть его вѣчно живущіе въ трепетномъ ожиданіи грозы народы. Это ожиданіе до того вошло въ привычку всѣхъ обитателей цивилизованнѣйшей части свѣта, что имъ какъ-то не вѣрится почти въ возможность сохраненія мира на долго, не вѣрится, въ особенности, что ни одна великая держава не питаетъ злоумышленныхъ воинственныхъ замысловъ противъ другой; все кажется, будто наступившее затишье не настоящій миръ, а, такъ сказать, перемиріе и что неизбѣжная война только отложена, а не отмѣнена. Не говоря уже о толкахъ въ обществѣ, даже въ радостныхъ по этому вопросу статьяхъ самыхъ миролюбивыхъ, всегда ратующихъ въ пользу мира газетъ можно прочесть эту всеобщую неувѣренность, всеобщее опасеніе за будущее. Выдаютъ ихъ слишкомъ большое изобиліе рѣчей о мирѣ и слишкомъ частое повтореніе фразы: «миръ, *по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ,* обезпеченъ». Ясно, что за слѣдующее за «ближайшимъ», за просто близкое будущее никто не ручается, никто въ немъ не увѣренъ, а только на радостяхъ по случаю успокоенія насчетъ «ближайшаго», о «близкомъ» ни думать, ни тѣмъ болѣе говорить не хотятъ. Это впечатлѣніе лишь

временной отсрочки грозы усиливается еще тѣмъ, что, несмотря на всѣми и вездѣ наперерывъ высказываемую увѣренность въ мирѣ, о разоруженіи нигдѣ и никто не заикается. Совсѣмъ наоборотъ, всюду со стремительной поспѣшностію вооружаются, укрѣпляются, готовятся не то къ оборонѣ, не то къ нападенію. Здѣсь, не глядя ни на какія траты, маршъ-маршемъ строятъ цѣлыя сѣти стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ; тамъ спѣшатъ укрѣплять чисто торговые, отъ роду не имѣвшіе фортовъ города, береговыя линіи и даже острова; тутъ одну за другою строятъ крѣпости, тамъ увеличиваютъ, подъ предлогомъ измѣненія состава полковъ, кавалерію и артиллерію, — вездѣ растутъ съ ужасающей быстротой расходы на министерства военное и морское. И это называется миромъ и сохраненію такого-то мира радуется вся Европа. Бѣдная Европа!... Тѣмъ не менѣе, даже и такой жалкій, всегда висящій на волоскѣ миръ (потому что какой ужь прочности можно ожидать отъ *вооруженнаго* мира! По остроумному выраженію одного нѣмецкаго ученаго, когда всѣ арміи стоятъ въ полной боевой готовности, съ отточенными саблями и заряженными ружьями въ рукахъ, тогда выстрѣлы раздаются иной разъ сами собой и драка начинается совершенно неожиданно, изъ-за самыхъ непредвидѣнныхъ пустяковъ), — даже такой жалкій миръ все же лучше кровопролитія, которое теперь, слава Богу, сохранило еще небольшую горсть страстныхъ любителей и горячихъ поклонниковъ только лишь въ одной Пруссіи. Изъ тамошняго генеральнаго штаба время отъ времени раздаются голоса, съ восторженнымъ упоеніемъ толкующіе о благородномъ «духѣ штыка» и съ убѣжденіемъ повторяющіе, будто военное искусство есть величайшее изъ искусствъ, а война—благороднѣйшее изъ занятій, вызывающее наружу лучшія свойства человѣческой души. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ цивилизованнаго міра подобные прославители международной бойни вывелись или выводятся уже и непопулярность войнолюбія такова, что непруссаку для того, чтобы громко признаться въ любви къ войнѣ для войны, нужна смѣлость весьма недюжинная *). Да, самый жалкій, самый ненадежный миръ все же лучше кровопролитія.

Говоримъ именно только *кровопролитія*, а не *войны*, потому, что, подъ сильно истертымъ и разодраннымъ плащемъ нынѣшняго кажущагося мира

*) Впрочемъ, и въ самой Пруссіи вкусъ генеральнаго штаба въ этомъ отношеніи раздѣляетъ только офицерство, да и то лишь высшее, а въ гражданскомъ обществѣ всѣхъ классовъ и въ средѣ простыхъ солдатъ количество ихъ единомышленниковъ уменьшается съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ. Успѣхи миролюбивыхъ тенденцій въ общественномъ мнѣніи Германіи вообще и, между прочимъ, Пруссіи констатированы недавно и докладчикомъ извѣстнаго „Общества мира и третейскаго суда“ (третейскаго суда для разбора международныхъ недоразумѣній и споровъ), членомъ англійскаго парламента Годсономъ Праттомъ. Докладъ его, обстоятельный и блестящій, представляетъ вообще много утѣшительныхъ данныхъ по вопросу о распространеніи миролюбія. Общество встрѣтило въ немъ столько поощрительнаго для своей почтенной дѣятельности, что рѣшило слѣдующее общее собраніе устроить въ самой пасти воинственнаго льва—въ Берлинѣ.

въ Европѣ происходитъ въ сущности ожесточенная война и, притомъ, именно та страшная, чудовищная, по своимъ размѣрамъ, война «всѣхъ противъ всѣхъ», которой насъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ пугаютъ безпрерывно. Въ этой войнѣ не льется кровь, но за то слезъ проливается столько, что еслибъ собрать ихъ вмѣстѣ, то ими можно бы потопить всѣ европейскія арміи, со всѣми ихъ казармами, запасными магазинами, артиллерійскими парками, лошадьми и даже фабриками и заводами, существующими спеціально для армій и арміями. Въ ней нѣтъ раненыхъ и увѣчныхъ, нѣтъ даже на картинѣ приводящихъ въ содраганіе полей, усѣянныхъ окоченѣлыми трупами, но жертвы ея за то считаются не тысячами, а сотнями тысячъ и милліонами; стоны и вопли этихъ жертвъ, стоны голода и холода, вопли отчаянія передъ нищетой и позоромъ способны олединеть всякое сердце, которое захочетъ прислушаться къ нимъ. Жестокостію же своею, жестокостію неумолимой и безпощадной, безкровная война эта превосходитъ все, что можетъ изобрѣсти въ этомъ отношеніи самое пылкое воображеніе современнаго человѣка, равно какъ и все, что можетъ представить самая страшная изъ современныхъ кровавыхъ войнъ. Ибо эта, свирѣпствующая теперь въ Европѣ, безкровная война—война экономическая, а человѣкъ никогда не бываетъ такъ безжалостенъ, такъ, можно сказать, животно жестокъ, какъ въ то время, когда въ дѣло замѣшаны матеріальные интересы.

Во всей Европѣ почти нѣтъ уголка, въ особенности въ именуемыхъ великими державахъ, гдѣ массы людей не страдали бы болѣе или менѣе отъ плохаго экономическаго положенія, не возникало бы вслѣдствіе его болѣе или менѣе тяжелыхъ внутреннихъ затрудненій, не обострялась бы все болѣе и болѣе вражда классовъ. Словомъ, подъ покровомъ своего страннаго мира съ оружіемъ въ рукахъ, охраняемыя всюду заготовленными лѣсами штыковъ, ружей и пушекъ, европейскія государства, каждое внутри самого себя, представляютъ какъ бы,—да простится намъ это некрасивое сравненіе!—рядъ котловъ, поставленныхъ на жарко растопленной плитѣ. Все въ нихъ кипитъ и бурлитъ и по временамъ паръ со свистомъ, клубами вырывается наружу. Жизнь ихъ въ области экономической и соціальной идетъ совершенно также, какъ въ области международной политики: всѣ живутъ, какъ говорятъ французы, au jour le jour, sur le qui vive. Какъ никто не знаетъ навѣрное, есть ли выхваляемый нынѣ миръ нѣчто прочное и живучее, или всѣ миролюбивыя увѣренія представляютъ лишь умышленный обманъ, съ цѣлію успокоить черезъ-чуръ взволнованную публику, тогда какъ въ тиши кабинетовъ опять ужь строятся губительныя дипломатическія козни, которыя въ одинъ несчастный день неожиданно ошеломятъ насъ грозою какой-нибудь колоссальной войны, такъ точно никто не можетъ предугадать, что принесетъ съ собою завтрашній день во внутреннихъ отношеніяхъ: достигнуто ли будетъ мирное и, по мѣрѣ возможности, для всѣхъ удовлетворительное разрѣшеніе волнующихъ общество многочи-

сленныхъ «вопросовъ», или налетитъ бурный шквалъ, который все изломаетъ, исковеркаетъ, разрушитъ и исчезнетъ, ничего не исправивъ, а только оставивъ послѣ себя груды развалинъ и изувѣченныхъ труповъ. Тяжело это напряженное состояніе всеобщей неувѣренности и ожиданія чего-то неопредѣленнаго, зловредно дѣйствуетъ оно на всѣ сферы человѣческой дѣятельности, но какъ долго оно продлится и къ чему приведетъ—предвидѣть трудно. Можетъ быть, годъ, можетъ, два, можетъ быть, десять, а, можетъ быть, и нѣсколько мѣсяцевъ всего. Можетъ быть, въ результатѣ получится долгая спячка, долгій застой жизни, а, можетъ быть, и то, что нынѣшнее довольно таки хоатическое состояніе окажется хаосомъ творческимъ. Все можетъ быть и первое такъ же возможно, какъ и послѣднее. Но, тѣмъ не менѣе, посреди непригляднаго мрака, окружающаго ближайшее будущее, проглядываютъ кое-гдѣ яркія звѣздочки, дающія право на болѣе отдаленное будущее смотрѣть съ надеждой и съ вѣрой въ него. Даже въ сферѣ внѣшней политики есть нѣсколько весьма утѣшительныхъ признаковъ, указывающихъ, что и тутъ настоящему порядку веденія дипломатическихъ дѣлъ наступило начало конца... Въ дальнѣйшемъ изложеніи, разсказывая о политическихъ событіяхъ въ каждомъ государствѣ въ отдѣльности, мы будемъ имѣть случай указать на эти признаки.

Въ Англіи парламентская сессія открылась при условіяхъ, повидимому, крайне неблагопріятныхъ для министерства Гладстона. Суданскія событія какъ разъ подоспѣли на помощь его противникамъ, доставивъ страстно желающимъ свергнуть ненавистнаго либеральнаго министра консерваторамъ ту зацѣпку, которой имъ не хватало до сихъ поръ. За все хватались бѣдные консерваторы. И ирландскія дѣла эксплуатировали, съ злорадствомъ указывая, какъ мало либеральныя реформы и всякаго рода примирительныя попытки Гладстона послужили дѣлу умиротворенія Ирландіи. Тамъ наступило затишье, правда, но требованія ирландцевъ нисколько не уменьшились, а, напротивъ, растутъ съ каждымъ днемъ и представительство ихъ въ парламентѣ сдѣлалось самоувѣреннѣе, чѣмъ когда-либо. Спокойный тонъ побѣдителя, увѣреннаго въ своей силѣ и будущемъ торжествѣ, принятый Парнеллемъ, и безумно-звѣрскія воззванія ирландскихъ террористовъ, укрывшихся въ Америкѣ и оттуда взывающихъ къ своимъ соотечественникамъ такимъ языкомъ, который скорѣе можно принять за бредъ буйныхъ помѣшанныхъ, чѣмъ за рѣчи искреннихъ патріотовъ, стремящихся къ освобожденію своего отечества,—все эксплуатировалось консерваторами. Пробовали они, по примѣру германскихъ и французскихъ сотоварищей своихъ, употребить въ свою пользу и новѣйшія теоріи государственнаго соціализма. Лордъ Сольсбёри и сэръ Страффордъ Норзкотъ выступили, одинъ въ палатѣ лордовъ, другой въ палатѣ общинъ, съ предложеніями государственнаго вмѣшательства въ дѣла рабочихъ съ цѣлію обезпеченія ихъ участи. Первый, человѣкъ лично очень хорошій и честный, но, къ несча-

стію его партіи, столь же туповатый, сколько и смѣлый, требовалъ даже чего-то вродѣ фаланстерій. Ничто не помогало. Страна оставалась глуха къ прекраснымъ рѣчамъ консерваторовъ и, сколько они ни гремѣли, это ни на шагъ не подвигало ихъ къ завѣтной цѣли: къ сверженію Гладстона. Популярность ненавистнаго либерала оставалась непоколебленной, несмотря даже на страшный экономическій кризисъ, тяготѣющій въ настоящее время надъ Англіей. О причинахъ и размѣрахъ этого кризиса мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, теперь же скажемъ только, что неожиданная заботливость о нихъ благородныхъ лордовъ не нашла никакого отклика между рабочими и не испугала либераловъ. Неизвѣстно, что предприняли бы они въ подготовлявшуюся къ открытію парламентскую кампанію. Ихъ единственной надеждой оставались избирательная реформа и реформа городскаго управленія Лондона, предложенія о которыхъ давно уже возвѣщены Гладстономъ и должны быть внесены въ нынѣшнюю сессію; но, какъ и сами консерваторы хорошо сознавали, надежда эта была болѣе чѣмъ невѣрна и шатка. Даже еслибъ имъ, паче всякаго чаянія, и удалось свергнуть Гладстона, отсрочить реформу, по крайней мѣрѣ, избирательную, все-таки, нельзя, и имъ ничего не оставалось бы, какъ повторить извѣстный маневръ покойнаго Биконсфильда, также въ свое время свергнувшаго Гладстона изъза избирательной реформы, которую немедленно вслѣдъ затѣмъ провелъ самъ. Но и на подобную продѣлку шансовъ, т.-е. на успѣхъ ея шансовъ не представлялось почти никакихъ надеждъ. Во-первыхъ, Сольсбёри не Биконсфильдъ и даже вмѣстѣ съ Норзкотомъ они и приблизительно не стоятъ на высотѣ ума и таланта своего прежняго главы. Во-вторыхъ, проученные опытомъ, либералы, конечно, не попали бы еще разъ въ ловушку, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ избирательныхъ реформъ имъ вполнѣ обезпечена поддержка какъ все возрастающей демократической партіи радикаловъ, такъ и ирландцевъ, которымъ всякое разсмотрѣніе избирательныхъ правъ можетъ быть лишь выгодно, ибо они прекрасно знаютъ, что ни чувство самосохраненія, ни простое чувство культурно-политическаго приличія не позволятъ англичанамъ исключить Ирландію изъ реформы, какъ бы ни кричали противъ этого консерваторы. Все, чего послѣдніе могли бы добиться, это, какъ весьма невразумительно высказались сэръ Чарльзъ Дилькъ и самъ Гладстонъ, распущенія парламента. Но, опять таки, новые выборы при такихъ условіяхъ отнюдь не представляли бы шансовъ торжества для консерваторовъ; напротивъ, всѣ шансы въ пользу того, что они явились бы тогда въ пользу либцинъ въ еще гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ теперь. Въ этомъ безнадежно-грустномъ (для нихъ) положеніи, тучи, покрывавшія небо консерваторовъ, вдругъ разорвались и звѣзда ихъ засіяла вновь яркимъ блескомъ. Какъ сказано, на помощь имъ явилась внѣшняя политика.

Это вообще слабое мѣсто Гладстона. Слабое не въ принципѣ. Прошлое достаточно доказало уже, что умѣренный, спокойный и справедливый образъ дѣйствій во внѣшнихъ дѣлахъ всегда лучше и польза, имъ приносимая,

часто прочнѣе блестящихъ и грандіозныхъ, но почти неизмѣнно эфемерныхъ предпріятій, вродѣ обширныхъ завоеваній, основанія новыхъ великихъ имперій и т. п.; будущее же, судя по всѣмъ признакамъ, окончательно установитъ это правило и сдѣлаетъ его незыблемой политической аксіомой. Внѣшняя политика слабое мѣсто Гладстона потому, что этотъ государственный мужъ, такой энергическій, послѣдовательный и твердый въ дѣлахъ внутреннихъ, во внѣшнихъ почему-то всегда выказываетъ чрезвычайную нерѣшительность, всегда колеблется, точно готовъ во всякую минуту отступить, вообще какъ будто дѣйствуетъ не по заранѣе обдуманному и ясно сознанному плану, а какъ случай укажетъ, на угадъ. Въ существѣ дѣла выходитъ то же, что и у консерваторовъ, ибо это ужь счастливая особенность Англіи, что внутренняя борьба ея соперничающихъ партій нисколько не вліяетъ на международное положеніе государства. Консерваторы и либералы чередуются между собою въ управленіи государствомъ, но внѣшнюю политику и тѣ и другіе ведутъ всегда въ одномъ неизмѣнно одинаковомъ направленіи—въ направленіи англійскихъ интересовъ. Небольшая разница въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ, что консерваторы склонны иной разъ преувеличивать важность англійскихъ интересовъ въ томъ или другомъ случаѣ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, да умѣютъ наружно обставить свою политику большимъ блескомъ,—напримѣръ, ноту какую-нибудь забористо-энергическую послать, когда безъ этого легко можно бы и обойтись, и въ парламентскихъ рѣчахъ своихъ пускаютъ въ ходъ больше красивыхъ и трескучихъ фразъ,—умѣютъ, словомъ, безъ вреда для самой политики польстить національному самолюбію англичанъ. Либералы же меньше прибѣгаютъ къ этимъ кунстштюкамъ; они дѣйствуютъ спокойнѣе, осмотрительнѣе и, надо отдать имъ справедливость, съ большимъ достоинствомъ. Но разъ гдѣ-либо дѣло коснулось дѣйствительно серьезныхъ интересовъ Англіи, всякое различіе исчезаетъ. Консервативные или либеральные, это все равно, министры ея британскаго величества одинаково строго охраняютъ британскіе интересы. Самый миролюбивый изъ либераловъ не задумается объявить войну, если того требуютъ интересы Великобританіи, какъ самый воинственный изъ консерваторовъ не поколеблется заключить миръ и отозвать свои войска. Можно съ полной увѣренностію утверждать, что если, какъ это весьма вѣроятно, къ этимъ двумъ издревле существующимъ въ Англіи, партіямъ прибавится еще уже формирующаяся и даже входящая въ извѣстную силу третья—демократическая, то и она, достигнувъ власти, въ отношеніи внѣшней политики поступитъ совершенно такъ же, какъ и ея предшественницы, т.-е., смѣнивъ ихъ въ управленіи и наложивъ свою, новую печать на внутреннюю политику, направленіе внѣшней преимущественно заимствуетъ отъ тѣхъ, изъ чьихъ рукъ вырветъ власть. Такъ это было всегда, такъ, конечно, будетъ и впредь, будетъ потому собственно, что англійскіе министры всегда ведутъ чисто англійскую и только англійскую политику, а не пальмерстоновскую.

росселевскую или чэмберленовскую. Если бы который и вздумалъ измѣнить этимъ прекраснымъ традиціямъ своей страны, то страна сама не допуститъ его до этого: общественное мнѣніе, свободно выражающееся въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, эта могучая сила, которую отвѣтственные передъ нею и отъ нея получающіе свою власть министры волею-неволею вынуждены уважать, быстро справится съ самовольными попытками политиковъ auf eigene Faust.

Гладстону, по всѣмъ вѣроятіямъ, и въ мысль никогда не приходило перевернуть внѣшнюю политику Англіи согласно съ своими личными вкусами, а не съ тѣмъ, что составляетъ суть интересовъ страны и народа и ими за свой интересъ признается. Онъ этого и не дѣлалъ, а, слѣдуя вѣковѣчнымъ традиціямъ, въ общемъ продолжалъ политику своего предшественника, освободивъ ее лишь отъ того, что въ ней было не англійскаго, а специфически биконсфильдовскаго. Но въ частностяхъ, въ подробностяхъ исполненія онъ и его товарищи не съумѣли избѣжать многихъ довольно странныхъ и, въ виду возможнаго, при неблагопріятныхъ условіяхъ, вліянія ихъ на судьбу министерства, прискорбныхъ ошибокъ. Египетская экспедиція сама по себѣ не была ошибкой. Она явилась лишь логическимъ и даже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ положенія вещей, созданнаго прорытіемъ Суэзскаго канала и преобрѣтеніемъ Англіей акцій этого канала. Но вмѣсто того, чтобы откровенно и просто утвердить въ Египтѣ англійскій протекторатъ, что послѣ подавленія возстанія Араби-паши сдѣлать было весьма легко и чему, чтобы тамъ ни говорили теперь post factum разные дипломаты и публицисты, ни одна изъ европейскихъ державъ, разъ всѣ онѣ допустили единичное вооруженное вмѣшательство Англіи, помѣшать не могла,—самое большее, что оживленная дипломатическая переписка затѣялась бы. Вмѣсто такого утвержденія протектората, гладстоновское правительство нашло нужнымъ составлять какой-то никого не вводящій въ заблужденіе и ни къ чему не обязывающій фантастическій «Protocole de Désintéressement» *); послали туда лорда Дёфферина, политика-мечтателя, вообразившаго, будто можно въ Египтѣ, съ египтянами установить англійскій политическо-соціальный строй, выведя оттуда англійскія войска; наконецъ, самъ Гладстонъ и большинство его товарищей не только пристали къ этому, очевидно, не выдерживающему критики воззрѣнію лорда Дёфферина, но и объявили категорически, что Англія не намѣрена овладѣвать Египтомъ, непремѣнно предоставитъ его самому себѣ и въ самомъ непродолжительномъ времени очиститъ его окончательно отъ англійскихъ войскъ. Непослѣдовательность и совершенная невозможность исполненія всѣхъ этихъ

*) Порта, давно уже только потѣшающая Европу своими дипломатическими выходками, надняхъ напомнила объ этомъ протоколѣ лорду Грэнвилю въ нотѣ, которой она сочла своевременнымъ обратить вниманіе англійскаго правительства на положеніе дѣлъ въ Суданѣ. Это теперь-то, когда Англія посылаетъ уже туда свои войска!

плановъ ясны были съ самаго начала. Серьезные люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ и народа въ Египтѣ, только посмѣивались при этихъ увѣреніяхъ англійскаго правительства, хорошо сознавая, что все преспокойно окончится протекторатомъ и иначе, при существующихъ условіяхъ, быть не можетъ. Общественное мнѣніе Англіи тоже весьма недвусмысленно высказывалось за протекторатъ, а это, какъ сказано, рѣшающій въ англійской политикѣ факторъ. Между тѣмъ, неосновательныя рѣчи министровъ, нисколько не измѣняя сущности дѣла, вели, однако же, къ тому, что придавали дѣйствіямъ Англіи чрезвычайно странный и вовсе нелестный для нея видъ. Разъ Египетъ имѣетъ быть предоставленнымъ самому себѣ, то для чего, спрашивается, было бомбардировать Александрію, разорять эту лучшую жемчужину древней страны фараоновъ, мѣшать попыткѣ народа освободиться отъ невыносимой тиранніи, становиться поперегъ дороги его стремленія къ независимости и все это съ значительной тратою англійскихъ денегъ и англійской крови? Ужели для того только, чтобы возстановить «законную» власть хедива и доставить нѣсколькимъ англійскимъ чиновникамъ доходныя мѣстечки съ огромнымъ жалованіемъ? Та же непослѣдовательность (вѣрнѣе сказать — разногласіе слова съ дѣломъ) съ придачею еще медлительности и колебаній проявилась и въ отношеніи суданскихъ дѣлъ.

Съ перваго момента появленія Магди, всѣ авторитетные знатоки Египта, каковы, напримѣръ, австрійскій консулъ въ Хартумѣ Ганзаль, 20 лѣтъ живущій въ Африкѣ, извѣстный ученый и германскій консулъ (если не ошибаемся, въ Александріи) д-ръ Нахтигаль, д-ръ Швейнфуртъ, Гиглеръ-паша, теперешній экстраординарный англійскій посолъ и бывшій генералъ-губернаторъ Судана генералъ Гордонъ, единогласно высказали мнѣніе, что успѣхъ лжепророка среди арабскихъ племенъ вовсе не есть новѣйшій крестовый походъ могометанскаго міра на міръ христіанскій, какъ поспѣшили провозгласить и теперь еще не перестаютъ повторять по временамъ нѣкоторые французскіе публицисты, а просто на просто естественное послѣдствіе безобразій египетскаго управленія. Суданцы, говорили эти знатоки, и умственными способностями, и развитіемъ своимъ далеко превосходятъ какъ египтянъ, такъ и турокъ. Удержать ихъ навсегда подъ господствомъ одного изъ этихъ низшихъ племенъ совершенно невозможно; они имѣютъ всѣ права на независимость и рано или поздно добьются ея. Во времена египетско-турецкаго господства, въ Суданѣ царствовало, повидимому, невозмутимое спокойствіе, но это было спокойствіе отчаянія, спокойствіе смерти. Не слышалось ни протеста, ни жалобъ, потому что всѣ уста сковывалъ страхъ. Гдѣ появлялась красная феска, тамъ самъ собою водворялся такъ называемый порядокъ, точно такой же порядокъ, но и точно такая же жизнь, какіе бываютъ въ склепахъ на кладбищахъ. Терроризмъ, который горькое невѣжество народа облекало ореоломъ могущества, праздновалъ свое торжество. Генералъ Гордонъ, за время своего генералъ-губернаторства, познакомилъ суданцевъ съ иными порядками, показалъ имъ иныя

пріемы управленія, иныя учрежденія. Послѣ отозванія Гордона терроризмъ попробовалъ снова вступить въ свои права, но престижъ его былъ уже сломленъ, потерянъ и возстановить его не представлялось никакой возможности. Съ тѣхъ поръ «безпорядки» стали снова повторяться въ Суданѣ отъ времени до времени, и полное освобожденіе его сдѣлалось лишь вопросомъ времени. Все это англійское правительство знало какъ нельзя лучше, а такъ какъ независимость красноморскаго побережья (независимость фиктивная, разумѣется, подъ явнымъ или лишь слегка газированнымъ протекторатомъ Англіи) съ его важными для торговли портами вполнѣ соотвѣтствуетъ и интересамъ самой Англіи, то правительству, очевидно, слѣдовало съ самаго начала объявить о своемъ рѣшеніи «посовѣтывать» Египту возвратить Судану его самостоятельность и предоставить населенію самому распорядиться своею судьбой. Нѣтъ, оно колебалось, молчало, предоставляло дѣламъ идти по произволу и допустило такіе два погрома, какъ пораженіе Гиксы-паши и Бекера-паши при Тэбѣ, да еще при участіи и въ томъ и въ другомъ сраженіи англійскихъ офицеровъ, служащихъ въ египетской арміи *). Извѣстіе о послѣднемъ пораженіи угодило придти въ Лондонъ въ самый день открытія парламента, и можно представить восторгъ консерваторовъ! Натурально, они поспѣшили тотчасъ же внести предложеніе о выраженіи правительству недовѣрія за его внѣшнюю политику. И либералы, хотя, разумѣется, твердо рѣшились отвергнуть это предложеніе, тѣмъ не менѣе, не могли отрицать нѣкоторой его основательности. Да и сами министры, и тѣ не нашли никакихъ особенно побѣдоносныхъ аргументовъ въ свою пользу; всѣ они защищались самымъ неудовлетворительнымъ и неудачнымъ образомъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, сказать? Развѣ каждый шагъ запечатлѣнъ тѣмъ же характеромъ нерѣшительности и непослѣдовательности? Возьмемъ, напримѣръ, посольство генерала [illegible]. Это очень разумная мѣра, которую давно слѣдовало принять. [illegible] ловѣкъ очень популярный въ Суданѣ, лично знакомый [illegible] мошними маленькими султанами и именитыми людьми, [illegible] нравы какъ свои пять пальцевъ и, конечно, съумѣетъ [illegible] всякихъ дипломатовъ и не хуже цѣлой арміи. Но [illegible] чрезвычайно важное посольство обставили? Не [illegible] генералъ, какъ изъ Лондона urbi et orbi растел[illegible]

*) Надо сказать, впрочемъ, что далеко не всѣ [illegible] туда по желанію, или хотя бы съ разрѣшенія [illegible] ственной охотѣ, просто изъ любви къ приключ[illegible] принялъ въ послѣднее время такое сильное [illegible] ровъ, что герцогъ кэмбриджскій, генерал[illegible] недѣли двѣ тому назадъ приказъ по войскам[illegible] просьбы офицеровъ о заграничномъ [illegible] отобравъ предварительно отъ просящихъ [illegible] нимать участія ни въ какихъ военныхъ [illegible] какой бы части свѣта и изъ-за какихъ [illegible]

зетъ съ собою сорокъ тысячъ фун. стер. звонкой золотой монетой. Еще еслибъ онъ отправлялся подъ охраною конвоя, по крайней мѣрѣ, хоть въ нѣсколько сотъ солдатъ, а то онъ везетъ одинъ одинешенекъ, въ сопровожденіи лишь секретаря да нѣсколькихъ проводниковъ арабовъ. Проѣзжать же приходится огромныя пустыни, по которымъ, Богъ ихъ знаетъ, можетъ быть, рыщутъ вооруженныя шайки Магди, а если и не рыщутъ еще, то легко могли бы отправиться нарочно для того, чтобы подкараулить Гордона, такъ какъ телеграфная линія не повреждена и исправно дѣйствуетъ вдоль всего нубійскаго берега (Хартумъ и по сегодня сносится съ Каиромъ по телеграфу); дикари же прекрасно умѣютъ пользоваться этого рода изобрѣтеніями невѣдомой имъ цивилизаціи и, слѣдовательно, навѣрное съ перваго же дня узнали какъ о посольствѣ Гордона, такъ и о драгоцѣнной кладѣ, которую онъ везетъ съ собою. Для чего бы, казалось, при подобныхъ условіяхъ, оповѣщать весь міръ о существованіи такого сокровища въ чемоданахъ одиноко ѣдущаго англійскаго посла! Вѣдь, ужь очень не трудно было сообразить, что этимъ только подается консерваторамъ поводъ, которымъ они, разумѣется, и поспѣшили воспользоваться, къ ядовитымъ толкамъ, что «правительство оцѣнило голову своего посланника». И въ самомъ дѣлѣ, выходило нѣчто какъ бы въ этомъ родѣ, потому что 40 тыс. фун. стер. это такая сумма, которая и не дикарей можетъ соблазнить; объ имѣніи ея при себѣ небезопасно заявить и на желѣзной дорогѣ высоко цивилизованной Англіи. Злобно-ироническое замѣчаніе консервативныхъ газетъ только фраза, конечно, но такія фразы убійственно дѣйствуютъ при случаѣ. Произойди въ самомъ дѣлѣ несчастіе съ Гордономъ, захвати и убей его сторонники Магди, впечатлѣніе въ Англіи было бы странное, и тогда нельзя поручиться, что палата общинъ не послѣдовала бы примѣру палаты лордовъ и не выразила бы неодобренія правительству. Либералы, конечно, тотчасъ же горько раскаялись бы въ этомъ, но въ первую минуту, увлеченные общимъ негодованіемъ, они навѣрное не посмѣли бы поддерживать своего промахнувшагося вождя. А тутъ еще добровольное присоединеніе Мерва къ Россіи подоспѣло тоже какъ разъ во время. Это присоединіе отнюдь не явилось неожиданностію для англичанъ. Послѣ завоеванія Геокъ-Тепе они и сами предвидѣли паденіе независимости Мерва и привыкли считать его просто вопросомъ времени, роковымъ и неизбѣжнымъ, такъ что встрѣтили это извѣстіе довольно равнодушно. И если въ Египтѣ и Суданѣ все пойдетъ отнынѣ хорошо, т.-е. съ англійской точки зрѣнія хорошо: въ исключительныхъ интересахъ Англіи, то присоединеніе Мерва само по себѣ, конечно, не вызоветъ никакихъ непріятныхъ и тѣмъ менѣе опасныхъ для нынѣшняго правительства преній. Но если тамъ произойдетъ опять что-нибудь вродѣ до сихъ поръ бывшихъ событій, тогда нѣтъ сомнѣнія, что и Мервъ будетъ играть свою роль въ кампаніи консерваторовъ противъ Гладстона. Послѣ сказаннаго выше о традиціонной преемственности внѣшней политики въ Англіи лишнее прибавлять, что роль

эта такъ и ограничится только тѣмъ, что Мервъ послужитъ лишнимъ оружіемъ въ парламентской борьбѣ партій, а затѣмъ, даже въ случаѣ паденія Гладстона, консерваторы такъ же хладнокровно отнесутся къ нему, какъ и самъ Гладстонъ. Безъ Геокъ-Тепе Мервъ не представляетъ никакого интереса для англичанъ, и есть полное основаніе полагать, что его «неожиданное» присоединеніе порядочно давно, можетъ быть, еще прошлымъ лѣтомъ, предусмотрѣно и обусловлено.

Къ счастію, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, суданскія дѣла принимаютъ болѣе благопріятный оборотъ. Безстрашный Гордонъ, повидимому, благополучно доберется до мѣста своего назначенія и англійское правительство рѣшилось, наконецъ, выйдти изъ своего бездѣйствія. Въ Суданъ посылаются англійскія войска, первый транспортъ которыхъ уже находится на пути. Рѣшимость правительства отдѣлить Суданъ отъ Египта заявлена почти оффиціально и, вѣроятно, програмой будущихъ дѣйствій Англіи въ долинахъ Синяго и Бѣлаго Нила послужитъ надняхъ опубликованный (хотя и давно уже полученный правительствомъ) меморандумъ Гордона. Въ этомъ меморандумѣ авторитетный знатокъ Судана предпочелъ возстановить тамъ въ различныхъ племенахъ власть бывшихъ маленькихъ султановъ, или ихъ потомковъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, предоставить выборъ главы населенію, главамъ же, избраннымъ, равно какъ и наслѣдственнымъ, предоставить на волю: или признать надъ собою верховную власть Магди, или остаться независимыми (точно можетъ быть хоть малѣйшее сомнѣніе, какую часть они изберутъ, если будутъ имѣть свободу выбора!). По мнѣнію Гордона, лучше всего составить изъ всѣхъ независимыхъ племенъ федерацію подъ покровительствомъ Англіи. Это слово — протекторатъ никѣмъ изъ англійскихъ министровъ не произнесено еще, но Гордонъ говоритъ о немъ прямо, не стѣсняясь, и его примѣру слѣдуетъ почти вся Англія, такъ что въ то время, когда читатели станутъ пробѣгать эту статью, это, вѣроятно, будетъ если не совершившимся еще, то уже готовящимся совершиться фактомъ.

Въ неанглійскихъ европейскихъ газетахъ появились и повторяются слухи, что-такой результатъ суданскихъ событій можетъ и даже непремѣнно долженъ вызвать вмѣшательство въ нихъ другихъ европейскихъ державъ. Если подъ вмѣшательствомъ подразумѣвать дипломатическую переписку, то это весьма возможно; но что касается болѣе серьезнаго шага, такого, который въ крайнемъ случаѣ могъ бы привести къ вооруженному столкновенію, или хотя бы къ болѣе или менѣе грознымъ переговорамъ, которые могли бы заставить Англію отступить отъ своего намѣренія, то это ужь совсѣмъ невѣроятно. Трудно даже представить себѣ, которая бы это изъ европейскихъ державъ могла взять на себя иниціативу подобнаго вмѣшательства. Одна Франція могла бы это сдѣлать, въ виду ея несомнѣнныхъ интересовъ въ Египтѣ. Но ея отношенія къ Англіи таковы теперь, что ничего подобнаго ожидать никоимъ образомъ нельзя. «Общій другъ» всѣхъ европейскихъ державъ вмѣстѣ и каждой изъ нихъ въ частности—Германія

сильно старалась поссорить Англію и Францію настолько, чтобы вызвать между ними войну. Но, къ счастію, эти ея благородныя усилія остались тщетными. Правительства обоихъ государствъ имѣли благоразуміе не попасться на удочку. Французское помнило опытъ прошлаго, англійское не упускало изъ виду почти неизбѣжно предстоящаго будущаго, и оба относились другъ къ другу, хотя, можетъ быть, и скрѣпя сердце, тѣмъ уступчивѣе и дружелюбнѣе, чѣмъ больше хлопотала Германія посѣять между ними вражду *). Гладстонъ, хотя и возмущался въ свое время (и, надо замѣтить, вполнѣ справедливо) тѣмъ, что Биконсфильдъ не меньше Бисмарка подстрекалъ французовъ овладѣть Тунисомъ, тѣмъ не менѣе, увѣнчалъ эту

*) Это и есть одинъ изъ тѣхъ утѣшительныхъ признаковъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи. Надѣемся, что если не безусловно всѣ наши читатели, то огромное большинство ихъ согласятся съ нами, что это безшумное, совершившееся въ тиши кабинетовъ, но, тѣмъ не менѣе, чувствительное пораженіе князя Бисмарка есть признакъ очень и очень утѣшительный. Онъ не привыкъ къ пораженіямъ въ дѣлахъ внѣшней политики (во внутренней привыкъ и весьма!), а его побѣды въ этой сферѣ такъ дорого обходятся Европѣ, что пораженіе должно радовать каждаго сторонника мира и прогресса. Чтобы, заговоривъ объ утѣшительныхъ признакахъ, сразу же и покончить съ ними, скажемъ теперь же, что второй, не менѣе пріятный признакъ того же характера, заключается въ очевидной для каждаго и въ особенности для него самого шаткости новыхъ союзовъ, устроенныхъ кн. Бисмаркомъ для Германіи. Народъ въ Италіи и Испаніи такъ недвусмысленно выказалъ свою антипатію къ этому союзу, что едва ли могущественный канцлеръ, такъ недавно еще именовавшійся всѣми «диктаторомъ Европы», можетъ разсчитывать извлечь изъ нихъ большую пользу, особенно если моментъ фактическаго пользованія будетъ отложенъ надолго. Наконецъ, третій и самый утѣшительнѣйшій изъ всѣхъ утѣшительныхъ признаковъ тотъ, что всѣ эти пораженія нанесены кн. Бисмарку ни кѣмъ инымъ, какъ седьмой и величайшей среди великихъ державой—печатью. Ея немногочисленная и не сильная физически, но могучая нравственно армія зорко слѣдила за каждымъ движеніемъ, за каждымъ хотя бы шепотомъ произнесеннымъ словомъ великаго канцлера и разоблачала его замыслы прежде даже, чѣмъ они успѣвали вполнѣ созрѣть. А такъ какъ для дипломатической игры тайна также нужна, какъ для шахматной безусловное молчаніе, то и понятно, что при подобной системѣ разоблаченій самые хитрые ходы ни къ чему не ведутъ, ибо противникъ, заранѣе предупрежденный, принимаетъ свои мѣры и парируетъ удары. Кто вдумается въ эту роль печати,— а что она насколько не преувеличена нами, этого никто не станетъ отрицать,—и сообразитъ логически необходимые послѣдствія дальнѣйшаго развитія этой роли, тотъ пойметъ, какую великую службу служитъ печать дѣлу человѣчества, дѣлу мира, справедливости и братскаго отношенія людей другъ къ другу. Чистыя и честныя дѣла не нуждаются въ тайнѣ, только злыя козни и безсовѣстные планы ищутъ потемковъ. Когда снимутся покровы «тайнъ» различныхъ наименованій, когда свѣтъ внесенъ будетъ во всѣ уголки, гдѣ теперь безъ ихъ участія и вѣдома обсуждаются и рѣшаются судьбы милліоновъ людей, тогда и только тогда правда воцарится на землѣ и будетъ господствовать въ человѣческихъ отношеніяхъ настолько, насколько это вообще возможно при органическомъ несовершенствѣ человѣческой природы. Помочь этому воцаренію должна печать. Это ея дѣло, ея призваніе и назначеніе. Недаромъ же она называется великой державой, или, переводя французское выраженіе буквально, отчего оно выйдетъ еще вѣрнѣе и правильнѣе—«великимъ могуществомъ» (une grande puissance).

политику, отказавшись отъ капитуляцій и признавъ для англійскихъ гражданъ компетенцію французскихъ судовъ въ Тунисѣ (это было, такъ сказать, новогоднимъ подаркомъ, сдѣланнымъ Англіей Франціи). Въ тонкинскомъ дѣлѣ, грозившемъ превратиться въ серьезную войну Франціи съ Китаемъ, Англія тоже существенно помогла своей сосѣдкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подтолкни она хоть слегка китайцевъ, война возгорѣлась бы, и если этого не случилось, то именно благодаря ея воздѣйствію на пекинское правительство. Англія выказала даже въ этомъ случаѣ вообще рѣдко проявляемую [illegible]ало кому свойственную деликатность. Когда предложенное было ею посредничество между Франціей и Китаемъ встрѣтило взрывъ неудовольствія во французскомъ обществѣ и рѣзкій отпоръ со стороны республиканскаго правительства, она тотчасъ перестала даже упоминать о немъ; и затѣмъ, когда, послѣ взятія Сонгъ-Тоя, взволнованное самолюбіе французовъ успокоилось нѣсколько, польщенное этой побѣдой, и слухи объ англійскомъ посредничествѣ возобновились, Гладстонъ объявилъ, что правительство ея британскаго величества не находитъ своевременнымъ предлагать его теперь, а предложитъ, можетъ быть, впослѣдствіи, но не ранѣе, какъ послѣ взятія французами Бакъ-Нинга. Тутъ ужь видна не только предупредительность къ интересамъ сосѣда, но и заботливость о его славѣ, стараніе щадить его самолюбіе,—заботливость и стараніе, которыми европейскія правительства обыкновенно не очень балуютъ другъ друга. Мадагаскарскій вопросъ тоже уладился благополучно, миновавъ всѣ усѣявшіе его подводные камни и мели. Недавно еще было оффиціально заявлено, что по этому вопросу состоялось дружелюбное соглашеніе между англійскимъ и французскимъ кабинетами. Гдѣ же вѣроятіе, чтобы Франція отвѣтила на все это враждебнымъ вмѣшательствомъ въ суданскія дѣла? Такое дѣйствіе было бы несовмѣстно ни съ рыцарскимъ характеромъ націи, ни съ ея интересами, потому что съ одной стороны Францію всегда подстерегаетъ ежечасно готовая вспыхнуть непріязнь Германіи, съ другой—тонкинская экспедиція далеко не кончена еще и можетъ тотчасъ же принять совсѣмъ другой оборотъ, если бы парижскому правительству вздумалось впутаться въ еще одно отдаленное предпріятіе. А, кромѣ Франціи, кто же могъ бы взяться за иниціативу вмѣшательства въ суданскій вопросъ? Италія? Ея интересы въ Африкѣ значительны, правда; но эта лишь по имени великая держава слишкомъ слаба и, при своей слабости, слишкомъ благоразумна, чтобы пускаться въ предпріятія, которыя особенныхъ выгодъ ей не обѣщаютъ, а вредъ, при случаѣ, причинить могутъ. Испанія? И она имѣетъ безспорные интересы въ Африкѣ и, подстрекаемая Германіей, усиленно хлопочетъ въ послѣднее время занять снова такъ давно утраченное ею мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Но что, спрашивается, можетъ вызвать вмѣшательство Испаніи? Кромѣ, опять таки, безобидной дипломатической переписки, не болѣе. Затѣмъ остаются: Германія, которая ужь ни въ какомъ случаѣ перваго шага не сдѣлаетъ, подтолкнетъ другихъ—это такъ, но сама останется какъ бы въ сторонѣ; Ав-

стрія, которая двинется лишь въ такомъ случаѣ, если это прикажетъ ей Германія, и, наконецъ, Россія. Въ европейской печати и прошелъ было слухъ, что именно Россія не только намѣрена сдѣлать, но даже ужь и сдѣлала первый шагъ въ этомъ отношеніи, пославъ будто бы сенъ-джемскому кабинету какой-то запросъ. Слухъ этотъ возникъ не изъ какого-либо дѣйствительно имѣвшаго мѣсто дипломатическаго факта, а просто изъ двукратной поѣздки русскаго посла въ Лондонѣ, барона Моренгейма, въ Монтрё къ пребывавшему тамъ министру иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирсу. Случилось такъ, что поѣздки эти произошли на разстояніи 24 часовъ одна отъ другой. Баронъ Моренгеймъ только что успѣлъ вернуться изъ Монтрё, какъ на другой же день вновь уѣхалъ туда. Эта, дѣйствительно нѣсколько необычайная, поспѣшность тотчасъ, разумѣется, обратила вниманіе на себя и политическіе вѣстовщики рѣшили, что русскій министръ и посланникъ совѣщались ни о чемъ иномъ, какъ о Суданѣ, извѣстія изъ котораго и заставили послѣдняго тѣмъ же оборотомъ поспѣшить въ Монтрё.

По всѣмъ вѣроятіямъ, главнымъ предметомъ этихъ совѣщаній служило гораздо болѣе готовившееся совершиться неожиданное присоединеніе Мерва, чѣмъ суданскій вопросъ. Но, вѣроятно, и о немъ тоже шли разговоры, хотя едва ли въ смыслѣ обсужденія инициативы Россіи во враждебномъ Англіи дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ дѣла Судана. Что за дѣло Россіи до нубійскаго берега и ради какихъ цѣлей стала бы она дѣлать явно направленный противъ Англіи шагъ, особенно теперь, когда ея и безъ того обширныя владѣнія въ Азіи еще расширились и почти что непосредственно граничатъ съ англійскими? Страдаютъ ея интересы въ Африкѣ? У нея ихъ тамъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, вовсе и нѣтъ, а будущее слишкомъ неопредѣленно, чтобы ради него жертвовать настоящимъ. Для чего же понадобилось бы ей искусственно вызывать снова къ жизни едва начинающую замирать непріязнь англійскаго народа къ себѣ? Развѣ для того, чтобы еще разъ своими руками вытащить для другихъ каштаны изъ печи? Но она эту пріятную и полезную (для *другихъ*) обязанность исполняла столько разъ уже, что теперь, казалось бы, болѣе чѣмъ время отказаться отъ нея. Да по всѣмъ видимостямъ и отказалась. На это тоже указываютъ многіе утѣшительные признаки, только такъ какъ они касаются Россіи и, слѣдовательно, не входятъ въ область «иностраннаго обозрѣнія», то намъ о нихъ говорить и не полагается. Впрочемъ, упомянутый нами слухъ о вмѣшательствѣ Россіи исчезъ такъ же скоро, какъ и появился, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ лишенъ всякаго основанія.

Такимъ образомъ, благодареніе Богу, дѣла внѣшней политики если и не устроились еще и представляютъ еще много опасностей, то во всякомъ случаѣ, повидимому, вступили на путь довольно благопріятнаго для Англіи устройства и есть надежда, что консерваторамъ еще и на этотъ разъ не удастся вырвать кормило правленія изъ рукъ Гладстона. Лорды поспѣшили уже, правда, выразить правительству свое неодобреніе и сдѣлали это зна-

чительнымъ большинствомъ ста голосовъ. Но, къ счастію Англіи, лорды, хотя бы они вотировали единогласно, министровъ не дѣлаютъ и не свергаютъ. Судьба правительства тамъ находится въ рукахъ палаты общинъ, не лордовъ, а нынѣшняя палата, хотя въ нее тоже внесено предложеніе о голосованіи недовѣрія и хотя либералы сами въ большинствѣ весьма недовольны внѣшней политикой своихъ министровъ, все же навѣрное не откажутъ имъ въ своей поддержкѣ. Да и основательныхъ причинъ къ тому никакихъ нѣтъ. Какъ уже не разъ сказано, при всей неудовлетворительности политическихъ дѣйствій министерства, оно существенно важныхъ, неисправимыхъ ошибокъ не сдѣлало еще, и изъ такихъ сравнительно пустяковъ покидать своего вождя со стороны либераловъ было бы не только неразсчетливо, но и недобросовѣстно. Недобросовѣстно въ виду громадной важности тѣхъ внутреннихъ реформъ, которыя проектированы Гладстономъ и которые онъ одинъ можетъ провести во всемъ ихъ объемѣ. Сколько бы ни производилось треску по поводу внѣшней политики, но рѣшающее значеніе для дѣятельности нынѣшняго парламента, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для будущихъ выборовъ, т.-е., иначе говоря, для направленія внутренней политики Англіи еще на шесть лѣтъ, остаются, все-таки, вопросы внутренніе. Потребность реформъ настолько назрѣла, что откладывать далѣе и невозможно, и опасно, и, можетъ быть, еще опаснѣе довѣрять ихъ консерваторамъ. Вотъ какія соображенія будутъ, конечно, руководить депутатами англійскихъ общинъ при голосованіи предложенія сэра Норзкота (о недовѣріи), а не большее или меньшее недовольство ихъ ошибками въ африканскихъ дѣлахъ. Такъ что неумѣренная и странно, чтобъ не сказать неприлично-выраженная «Сѣверо-германской всеобщей», «Кельнской» и прочими оффиціозными германскими газетами радость по поводу торжества консерваторовъ въ Англіи, оказывается столь же несвоевременной, сколько и неумѣстной. Гладстонъ еще не падетъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ Божіей помощію, долго еще будетъ служить бѣльмомъ на глазу князя Бисмарка, ошибочно воображающаго, будто консервативное правительство стало бы во враждебныя отношенія къ Франціи и къ Россіи.

Но если внѣшнее положеніе Англіи не можетъ внушать серьезныхъ опасеній никому изъ ея друзей, то, къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о внутреннемъ. Именно экономическое положеніе ея крайне печально, въ особенности потому, что оно и въ будущемъ обѣщаетъ мало хорошаго. Какъ уже было упомянуто, промышленность Англіи переживаетъ въ настоящее время страшный кризисъ, размѣрами своими равняющійся, если не превосходящій еще извѣстный кризисъ временъ американской войны за освобожденіе негровъ. Этотъ кризисъ гораздо хуже того. Хуже не только потому, что онъ тяготѣетъ почти надъ всей англійской промышленностію, тогда какъ отъ того страдала только часть ея, именно хлопчато-бумажное производство, но и потому, главное, что причины его гораздо глубже и устранить ихъ несравненно труднѣе. Въ настоящую минуту до 50 тысячъ ра-

бочихъ сидятъ сложа руки, только вслѣдствіе стачекъ и забастовокъ, да не менѣе того же количества слоняется безъ дѣла, а, слѣдовательно, и безъ хлѣба потому, что нѣтъ работы: гдѣ фабрики закрыты, гдѣ работы на нихъ сокращены. Рабочіе союзы, поддерживающіе забастовывающихъ рабочихъ во время стачки, разоряются; имъ не подъ силу, не по средствамъ содержать такую массу людей съ ихъ женами и дѣтьми, а, между тѣмъ, дѣло не подвигается нисколько и не можетъ подвинуться, потому что виноваты не люди, а равно тяготѣющая надъ всѣми ими сила обстоятельствъ. Не одни рабочіе устраиваютъ стачки; съ ними соперничаютъ въ этомъ и хозяева, и послѣдніе даже упорнѣе первыхъ, но обвинять ни тѣхъ, ни другихъ невозможно, потому что всѣ они являются жертвами одного и того же роковаго положенія дѣлъ и всѣ одинаково разоряются, одинаково страдаютъ. Рабочіе бушуютъ вовсе не по излишней притязательности, не изъ желанія добиться повышенія заработной платы или голоса въ администраціи фабрикъ и участія въ барышахъ хозяевъ. Нѣтъ, они только не соглашаются на предлагаемое хозяевами *пониженіе* платы, т.-е. цѣною страшныхъ страданій отъ голода и холода отстаиваютъ то немногое, что получали до сихъ поръ. Хозяева съ своей стороны не изъ корыстолюбія, не изъ жаднаго стремленія къ быстрой наживѣ отъ громадныхъ барышей понижаютъ заработную плату и сокращаютъ количество рабочихъ дней, а потому, что не имѣютъ никакихъ средствъ вести дѣла въ прежнихъ размѣрахъ. Они готовы довольствоваться самыми умѣренными барышами, хотя бы только сводить концы съ концами, покуда не пройдетъ кризисъ; но имъ не представляется даже и этого въ перспективѣ: если оставить прежнія условія производства, то имъ, хозяевамъ, предстоитъ неминуемое разореніе, безъ всякой пользы для рабочихъ. Работая въ убытокъ, нельзя долго вести дѣло, все равно придется скоро закрыть фабрики, и потому весьма естественно, что каждый предпочитаетъ сдѣлать это во время для себя, т.-е. раньше момента конечнаго разоренія. И вотъ стачки хозяевъ и забастовки рабочихъ объявляются однѣ за другими и какъ бы адской сѣтью покрыли собою чуть не всѣ промышленные центры Англіи. Чтобы судить о размѣрахъ кризиса, достаточно назвать города и отрасли промышленности, въ которыхъ онъ уже фактически разразился. Забастовки происходятъ: въ Дэрвенѣ, Престонѣ, Блэкбурнѣ, Лонгъ-Кэтонѣ, Лейчестерѣ, Ковентри и Зундерландѣ; готовятся и произойдутъ надняхъ, если уже не разразились сегодня: въ Эдинбургѣ, Лейтсѣ и Бельфастѣ; бастуютъ: прядильщики, ткачи, кружевники, чулочники, ленточщики, машинисты (т.-е. рабочіе на машинныхъ фабрикахъ), слесаря, кораблестроители, чугунолитейщики и плавильщики. И этому порядку дѣлъ не предвидится конца, потому что, повторяемъ, несмотря на ожесточенность борьбы, ни одна изъ борющихся сторонъ не виновата и не можетъ уступить. Депутаты отъ рабочихъ союзовъ и отъ хозяевъ безпрестанно съѣзжаются на совѣщанія, толкуютъ, торгуются, но бо́льшею частію изъ этого ничего не выходитъ, кромѣ обмѣ-

ныхъ потерь, которыя вдобавокъ грозятъ еще увеличиться въ будущемъ. Такіе продолжительные перерывы въ ея дѣятельности и треволненія не проходятъ даромъ для промышленности. Причиняя несостоятельность фабрикантовъ въ исполненіи заказовъ, они подрываютъ кредитъ не однѣхъ только данныхъ фирмъ, а вообще англійской промышленности и позволяютъ другимъ постепенно занимать ея мѣсто на всемірномъ рынкѣ. Было время, и весьма недавно, когда именно англійская промышленность могла не бояться такого результата своихъ кризисовъ, ибо она премировала надъ другими не только количествомъ, но и высокимъ достоинствомъ своихъ произведеній. Но теперь это уже не такъ. Въ однѣхъ отрасляхъ производства товары другихъ странъ по достоинству не уступаютъ англійскимъ, въ другихъ англичане сами вынуждены были понизить качество своихъ товаровъ, такъ что они, опять таки, или сравнялись съ другими, или немногимъ лишь превосходятъ ихъ. Первому подверглись стальныя, желѣзныя и чугунныя издѣлія, второму—мануфактурныя. Въ результатѣ—совершенная невозможность для англійской промышленности такъ же легко переносить кризисы, какъ она переносила ихъ прежде.

Происходитъ это печальное положеніе вещей отъ трехъ причинъ, реформированіе и устраненіе которыхъ составитъ, вѣроятно, задачу будущаго XX вѣка: 1) неумѣренное, стоящее внѣ всякаго отношенія съ потребностями всемірнаго рынка, развитіе многихъ отраслей промышленности; 2) столь же неумѣренная и совершенно фальшиво поставленная международная конкурренція, принявшая, какъ мы сказали въ началѣ, характеръ положительной экономической войны всѣхъ противъ всѣхъ; 3) переступившее всякія границы не только дозволеннаго, но и терпимаго, дошедшее до безобразія, можно сказать даже—до преступности развитіе биржевой спекуляціи; 4) неправильное распредѣленіе земельной собственности. Англія представляетъ типичнѣйшій въ мірѣ образецъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ причинъ (за исключеніемъ, впрочемъ, биржевой спекуляціи, которая въ Англіи развита не болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ,— замѣтимъ мимоходомъ, можетъ быть, потому, что еще дальше въ этомъ направленіи идти ужь и невозможно—некуда). Поэтому-то мы и сказали, что въ отношеніи экономическомъ будущее сулитъ ей мало хорошаго. Англичане народъ морально сильный, высоко развитый. Съ неудобными и обоюдно для всѣхъ классовъ вредными соціальными условіями они навѣрное съумѣютъ справиться безъ особенно сильныхъ бурь и потрясеній. Но есть одна грозная опасность, съ которой имъ придется долго и упорно бороться и которая можетъ, если и не совсѣмъ сломить ихъ, то все же значительно истощить ихъ силы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умалить ихъ міровое положеніе. Эта грозная опасность—вторая изъ упомянутыхъ причинъ экономическаго кризиса, та самая, которая и въ настоящее время послужила главнымъ и непосредственнымъ факторомъ, этотъ кризисъ вызвавшимъ: международная конкурренція и именно конкурренція Германіи.

Неизбѣжные въ наше время спутники всякихъ соціальныхъ неустройствъ дають себя чувствовать и въ Англіи. Соціалистическая пропаганда усиливается и преуспѣваетъ тамъ не по днямъ, а по часамъ. Давно уже производимая главнымъ образомъ изъ Лондона, куда стекались отовсюду изгоняемые правительствами ихъ государствъ вожди соціализма, пропаганда эта мало затрогивала самихъ англичанъ. Они прислушивались къ рѣчамъ невольныхъ гостей, которымъ предоставляли радушное и широкое гостепріимство въ своемъ домѣ, но къ своимъ собственнымъ домашнимъ дѣламъ принциповъ ихъ ученія не примѣняли. Еще какихъ-нибудь три, даже два года тому назадъ германскіе катедръ-соціалисты бисмарковской окраски съ презрѣніемъ относились къ англійскимъ рабочимъ, не желающимъ ничего знать о благодѣтельномъ вмѣшательствѣ государства и твердо рѣшившимся самимъ, своими собственными силами, хотя и легальнымъ путемъ, добиться избавленія тяготѣющихъ надъ ними невыгодныхъ соціальныхъ условій. Теперь соціалистовъ среди англійскихъ рабочихъ не меньше, чѣмъ и среди германскихъ, и количество ихъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Пересаживается на англійскую почву и ядовитое растеніе, выросшее въ послѣдніе годы въ Европѣ вблизи зловредныхъ парниковъ биржи, убійственные міазмы которыхъ, заражая воздухъ далеко окрестъ себя, способствовали какъ развитію, такъ и широкому распространенію упомянутаго ядовитаго растенія. Мы говоримъ объ антисемитской агитаціи. Только въ Англіи агитація эта началась не снизу, не изъ рабочихъ классовъ, а сверху, изъ аристократіи. Первый знакъ къ ней подалъ лордъ Чёрчиль, вздумавшій, на одномъ публичномъ митингѣ, обвинить Гладстона въ преступной стачкѣ съ еврейскими банкирами (главнымъ образомъ съ Ротшильдомъ), для которыхъ онъ собственно и затѣялъ будто бы всю египетскую экспедицію. Что это нелѣпое обвиненіе не найдетъ ни отклика, ни тѣнь болѣе сочувствія или вѣры нигдѣ и ни въ комъ, въ этомъ, разумѣется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но что ядовитыя сѣмена, брошенныя Чёрчилемъ, не встрѣтятъ благодарную почву въ Англіи и не разростутся и въ ней, какъ разрослись въ Германіи, въ Австріи и пр., за это поручиться никакъ невозможно, потому что, къ сожалѣнію, преобладающее участіе евреевъ въ спекуляціяхъ и тутъ, какъ вездѣ, даетъ къ тому поводъ.

Ограниченные размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ войдти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ, равно какъ и соціальныхъ условій Англіи. Мы сдѣлаемъ это въ одномъ изъ слѣдующихъ «обозрѣній», когда снова придется говорить объ этой странѣ; теперь же посмотримъ, что дѣлается у сосѣдей англичанъ—у французовъ.

Въ противуположность съ Англіей, во Франціи внѣшняя политика отодвинулась въ настоящее время на задній планъ, и все вниманіе страны и ея представительства поглощается внутренними дѣлами. Одну минуту, въ

концѣ прошлаго года, она грозила было вызвать новый, трудно и сказать, который ужь по счету, министерскій кризисъ. Оппозиція (вѣрнѣе сказать, оппозиціи, ибо оппозиціоннымъ партіямъ во Франціи имя легіонъ и каждая имѣетъ свою собственную программу, преслѣдуетъ свою собственную цѣль, ни въ чемъ не сходныя съ другими; одна только черта обща имъ всѣмъ: страстное желаніе во что бы то ни стало свергнуть всякое правительство, въ данную минуту находящееся у власти, и власть эту, хотя бы не на долго, захватить въ свои руки),—и такъ, оппозиціи, ухватившись за удобный предлогъ, представившійся имъ въ видѣ требованія правительствомъ новаго кредита на тонкинскую экспедицію, которую онѣ называютъ (не совсѣмъ безосновательно, впрочемъ) «авантюристской политикой», вздумали убѣдить палату отказать въ этомъ кредитѣ, что, разумѣется, неминуемо повлекло бы отставку министерства. Но этотъ маневръ не удался, благодаря совершенно необыкновенному теперь благоразумію монархистовъ, вотъ ужь сколько времени соперничающихъ съ анархистами въ безтактности и крайностяхъ уличной противуправительственной агитаціи. На этотъ разъ они отказались отъ состязанія съ «непримиримыми» и съ бонапартистами и почти единогласно стали на сторону правительства, хотя и не скрыли своего неодобренія тонкинской экспедиціи въ принципѣ. Къ общему и для большинства весьма пріятному удивленію, примѣръ такого достойнаго образа дѣйствій подалъ депутатъ анжерскій епископъ Фрепель. Онъ первый высказалъ, что теперь не время преслѣдовать партійные интересы, надо думать только о Франціи, о ея чести и интересахъ и дать правительству средства достойнымъ образомъ поддержать ихъ. Это неожиданное заступничество рѣшило судьбу вопроса: вмѣсто пораженія и паденія, на долю министерства выпало блестящее торжество, потому что въ пользу кредита вотировало громадное большинство и при этомъ еще выразило довѣріе правительству. Какъ ни плохо вообще ведутъ себя монархисты, но въ этомъ случаѣ имъ надо отдать справедливость: они выказали гораздо больше политическаго такта и истиннаго патріотизма, чѣмъ непримиримые и прочія фракціи крайнѣй оппозиціи. Дѣйствительно, печальное и унизительное зрѣлище представила бы страна, палата которой выбираетъ для внутреннихъ дрязгъ такой моментъ, когда государству грозитъ внѣшняя опасность. Печальное для друзей Франціи, конечно,—они же и друзья прогресса. Для враговъ ея и враговъ всякаго движенія впередъ оно, напротивъ, было бы даже очень радостно. Они торжествовали бы при видѣ униженія Франціи и, разумѣется, не преминули бы съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ объявить, что до этого безпомощнаго состоянія довела ее республика. Къ счастію, депутаты во время поняли всю несообразность подобнаго явленія и избавили страну отъ лишней горечи, исполнивъ какъ слѣдуетъ свой патріотическій долгъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы патріотизмъ возлагалъ на народныхъ представителей обязанность всегда поддерживать, разъ они уже

начали, всякія внѣшнія предпріятія правительства, какъ бы таковыя ни были легкомысленны и какой бы вредъ ни сулили странѣ въ будущемъ. Отнюдь нѣтъ. Иногда, напротивъ, именно долгъ патріотизма предписываетъ понудить правительство отказаться отъ ненужнаго и вреднаго предпріятія. Но это можно, а, слѣдовательно, въ случаѣ надобности и должно дѣлать лишь тамъ, гдѣ международное положеніе государства вполнѣ прочно и хорошо поставлено, такъ что никакая случайность въ этомъ родѣ не можетъ поколебать его. Положеніе Франціи, къ сожалѣнію, не таково. Она еще не успѣла вполнѣ оправиться отъ страшнаго разгрома 1870—71 гг., не заняла вновь мѣста, не возвратила себѣ голоса, по всѣмъ правамъ принадлежащихъ ей въ Европѣ. Тунисская война, такимъ жалкимъ образомъ веденная французами, испортила и то, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано ими до того времени. Она уничтожила почти въ концѣ начавшій было возстанавливаться престижъ Франціи; и еслибъ теперь еще тонкинская экспедиція, благодаря партійнымъ раздорамъ, окончилась нелѣпымъ фіаско, этотъ престижъ трудно было бы возстановить когда-либо. Вотъ почему епископъ Фрепель былъ правъ, говоря, что надо думать только о Франціи и ея чести, и почему палата исполнила свой патріотическій долгъ, поддержавъ правительство, хотя и не одобряла его. Они этимъ доказали, что истинная доблесть и самоотверженная любовь къ отечеству еще не умерли во Франціи и что французы съумѣютъ, когда представится случай, постоять за свою прекрасную родину.

Со времени взятія Сонгъ-Тоя въ экспедиціи произошелъ временный перерывъ. Бакъ-Нингомъ овладѣть рѣшено, но для этого отправленныхъ въ началѣ войскъ слишкомъ мало, требуются подкрѣпленія и покуда они не прибудутъ туда,—что случится, вѣроятно, скоро,—французы ограничиваются рекогносцировками и легкими стычками. Тѣмъ временемъ въ Анамѣ произошелъ переворотъ. Тамъ вступилъ на престолъ юный, всего 15-лѣтній король, съ воцареніемъ котораго отношенія ея съ правительствомъ въ Гюэ установились самымъ благопріятнымъ для Франціи образомъ. Регентъ королевства вновь ратификовалъ извѣстный трактатъ 1874 г., которымъ Анамъ признанъ независимымъ и поставленъ подъ покровительство Франціи и въ который теперь включена еще новая статья, дающая Франціи право, въ знакъ особеннаго почета, устроить мѣсто жительства своего резидента на землѣ, находящейся внутри цитадели Гюэ, куда иностранцы вообще не допускаются. Правда, если анамцы вообще и въ частности окружающіе короля такъ коварны и лживы, какъ ихъ описывалъ прежде г. Трику (французскій посланникъ въ Анамѣ), то на эти и другія выраженія ихъ расположенія къ французамъ послѣднимъ нельзя особенно полагаться. Но, по мнѣнію Трику, королевскихъ приближенныхъ, ненависть которыхъ къ иностранцамъ онъ самъ признаетъ, можно легко перемѣнить всѣхъ одного за другимъ, замѣнивъ ихъ креатурами Франціи, а затѣмъ поддержать тамъ вліяніе не трудно, лишь бы окончательно устранить интриги китайцевъ.

Китай, впрочемъ, и самъ теперь видимо желаетъ какою бы то ни было цѣною выпутаться изъ неудобнаго положенія, въ которое онъ сталъ, выказавъ неумѣренную воинственность по поводу Тонкина. Объ объявленіи войны, въ случаѣ приближенія французовъ къ Бакъ-Нингу, и объ удесятереніи ввозныхъ пошлинъ на всѣ иностранные товары, которыми китайцы грозили еще недавно, теперь нѣтъ и рѣчи, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, самое занятіе Бакъ-Нинга не вызоветъ вооруженнаго сопротивленія Китая, хотя этотъ городъ считается дверью въ Небесную имперію и нахожденіе его въ рукахъ сильной иностранной державы было бы дѣйствительно весьма неудобно для китайцевъ. Пекинское правительство просило уже Англію о посредничествѣ, но французское предпочитаетъ непосредственные переговоры и, конечно, настоитъ на своемъ. Министерскія газеты говорятъ, что единственныя, но за то рѣшительныя условія Франціи, отъ которыхъ она ни въ какомъ случаѣ не отступитъ, суть слѣдующія: присоединеніе къ Анаму цѣликомъ бассейновъ рѣкъ Красной и Сонгъ-Кау и амнистія, съ дозволеніемъ вернуться въ Китай, всѣмъ «чернымъ флагамъ». Послѣднее, повидимому, столь великодушное условіе, которымъ Франція выказываетъ такую заботливость объ участи своихъ враговъ, энергически дѣйствовавшихъ противъ ея войскъ, объясняется, конечно, желаніемъ очистить Анамъ отъ этихъ весьма неудобныхъ для французовъ гостей. По всѣмъ вѣроятіямъ, условія эти будутъ приняты, но состоится это не ранѣе взятія Бакъ-Нинга, а покуда, какъ мы уже сказали, въ Тонкинѣ царствуетъ полное затишье.

За то внутри самой Франціи кипитъ самая оживленная дѣятельность, а готовится еще оживленнѣйшая и, можетъ быть, если благоразуміе и патріотизмъ не возьмутъ снова верхъ въ палатѣ, даже опасная. Министръ-президентъ, Жюль Ферри, объявилъ, какъ извѣстно, что «1884 годъ будетъ годомъ пересмотра и передѣлки конституціи». Ему нельзя ставить этого въ черезъ-чуръ сильный упрекъ, потому что этотъ пресловутый «пересмотръ» есть конекъ, на которомъ съ давнихъ поръ выѣзжаютъ всѣ министры и всѣ вожди партій во Франціи, и Жюль Ферри вынужденъ былъ поневолѣ сѣсть на этого конька въ свою очередь. Онъ уже и потому долженъ былъ сдѣлать это, что пересмотръ составляетъ печальнѣйшую часть вообще печальнаго наслѣдства, полученнаго имъ отъ своихъ предшественниковъ. Онъ, такъ сказать, обязался подвергнуть конституцію пересмотру еще прежде, чѣмъ принялъ портфель. Тѣмъ не менѣе, нельзя не пожалѣть, что онъ выбралъ для этого именно нынѣшній годъ, когда и безъ того предстоитъ столько агитаціи, столько игры страстей и возбужденія. Не надо забывать, что страна стоитъ наканунѣ общихъ выборовъ въ палату, третнаго обновленія сената и окончанія президентуры Греви. Какое широкое поле для политической агитаціи всякаго рода! Ужь, конечно, ни одна изъ безчисленнаго множества партій и фракцій французскихъ не упуститъ столь удобнаго случая отличиться на свой ладъ и можно представить себѣ, какъ онѣ начнутъ всѣ орудовать. Время ли теперь ко всему этому прибавлять еще пересмотръ

конституціи? Не значитъ ли это почти навѣрное ставить вмѣстѣ и вопросъ о самомъ существованіи республики? А, между тѣмъ, можно ли сказать, что новое измѣненіе конституціи необходимо? Желаетъ ли, чувствуетъ ли въ немъ потребность страна? Ничуть. Она, напротивъ, частію положительно не хочетъ никакого пересмотра, частію относится къ этому вопросу вполнѣ равнодушно. Она это доказала какъ нельзя яснѣе въ прошломъ году, когда, по вступленіи Жюля Ферри на постъ министра-президента, онъ, спрошенный о томъ крайней лѣвой, добился отъ палаты отсрочки этого дѣла, послѣ чего крайняя лѣвая подняла было во всей странѣ сильнѣйшую агитацію въ пользу пересмотра. Эта агитація нигдѣ, кромѣ Парижа, не нашла живаго отклика, а если кое-гдѣ таковой и былъ, то скорѣе враждебный, чѣмъ дружественный вопросу, такъ что Клемансо съ товарищами принуждены были бросить на время начатое ими дѣло. Чего дѣйствительно вся страна, а не парижская толпа только желаетъ и требуетъ, это спокойствія, опредѣленности положенія и прочности какого бы то ни было правительства. Мы не случайно и не par manière de parler только говоримъ: «какого бы то ни было», а потому, что дѣло, въ самомъ дѣлѣ, именно такъ стоитъ во Франціи. Народъ искренно любитъ республику и сердечно желаетъ сохранить у себя именно эту форму правленія. Но если опять начнутся едва утихнувшія безпрестанныя смѣны министерствъ и вмѣстѣ съ ними перемѣны системъ управленія, если, несмотря на все нежеланіе народа вѣрить этому, ему придется все же поневолѣ убѣдиться, что прочный порядокъ несовмѣстимъ съ республикой, которая есть ничто иное, какъ рядъ непрерывныхъ треволненій, онъ еще разъ и, можетъ быть, надолго отвергнетъ ее. Не даромъ монархисты всѣхъ оттѣнковъ выказываютъ такую лихорадочную дѣятельность, недаромъ въ особенности бонапартисты доходятъ до такой дерзости, что осмѣливаются во всеуслышаніе, въ газетахъ укорять принца Наполеона за то, что «онъ, очевидно, желаетъ остаться простымъ гражданиномъ и если питаетъ надежду играть какую-нибудь роль въ государствѣ, то *только* роль президента республики», тогда какъ сынъ его, принцъ Викторъ, могъ бы «разсчитывать на бо́льшее». Они совсѣмъ не такъ глупы, какъ можетъ казаться со стороны, судя по ихъ наглымъ (иначе ихъ нельзя назвать, вспоминая столь еще свѣжее прошлое имперіи) рѣчамъ. Ils connaissent leur France, какъ сами они справедливо хвастаются, и знаютъ, что если произойдетъ новый переворотъ, то ужь никакъ не въ пользу въ остальномъ населеніи никогда его не имѣвшихъ, а въ послѣднее время даже и среди фабричныхъ рабочихъ утратившихъ авторитетъ анархистовъ и непримиримыхъ, а непремѣнно въ пользу «счастливаго солдата», о всемогуществѣ котораго во Франціи такъ справедливо разсуждалъ покойный Руэръ въ одномъ изъ писемъ, недавно напечатанныхъ въ «Фигаро». Самый фактъ напечатанія подобнаго письма въ бонапартисткой газетѣ въ высшей степени характеренъ, столь же, если не болѣе еще характеренъ, какъ и участіе депутатовъ монархистовъ на митингахъ рабочихъ и въ уличныхъ демон-

страціяхъ и усиленная агитація ихъ въ пользу пересмотра. Въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить, вотъ почему всѣ жаждущіе власти во Франціи и стараются такъ поднять со дна какъ можно больше илу. Они старались объ этомъ съ самаго момента введенія нынѣшней конституціи, ибо съ перваго же дня стали со всѣхъ сторонъ раздаваться увѣренія, будто эта конституція выдумана собственно явными и тайными монархистами для цѣлей имѣющей быть возстановленной ихъ интригами монархіи и потому она, конституція, не соотвѣтствуетъ достоинству республики. Поводомъ къ такимъ увѣреніямъ служило учрежденіе сената и присвоеніе ему слишкомъ, по мнѣнію радикаловъ, широкой компетенціи. Утверждали, что хотя двухпалатная система сама по себѣ и хороша и въ большихъ государствахъ гораздо болѣе пригодна, чѣмъ безконтрольно дѣйствующая одна палата, всегда грозящая превратиться въ подобіе конвента временъ великой революціи, но что такъ поставленная верхняя палата, какъ французскій сенатъ съ его пожизненными членами и правомъ вмѣшиваться въ бюджетъ, непремѣнно будетъ тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который долженъ разбиться корабль республики. Утверждали далѣе, что въ такомъ «аристократическомъ» учрежденіи монархисты неминуемо будутъ всегда преобладать и, слѣдовательно, столкновенія обѣихъ палатъ сдѣлаются постояннымъ явленіемъ, на что будто бы монархисты и разсчитываютъ, надѣясь путемъ этихъ столкновеній и слѣдующихъ за ними кризисовъ отвратить народъ отъ республики. И дѣйствительно, въ началѣ эти увѣренія могли казаться не совсѣмъ безосновательными, потому что большинство въ сенатѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ первые годы послѣ его учрежденія, было не особенно благопріятно республикѣ и не разъ возникали пререканія между палатами. Но этотъ ненормальный порядокъ вещей самъ собою, въ силу окружающихъ условій и вліянія духа времени, измѣнился весьма скоро. Уже съ 1879 г. въ сенатѣ воспреобладало республиканское большинство, достигшее въ 1882 г. огромнаго количества 210 голоса изъ 300, а съ того времени въ немъ образовалось еще и довольно сильное большинство демократическаго направленія. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ серьезныхъ, дѣйствительно прогрессивныхъ законовъ, выработанныхъ палатою, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія въ сенатѣ. Ясно, слѣдовательно, что если монархисты и разсчитывали на что-нибудь вродѣ вышеизложеннаго, то они горько ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Логика вещей оказалась сильнѣе интригановъ, думавшихъ изъ сената сдѣлать могилу республики. Буква конституціи въ отношеніи сената осталась та же, что и была, но духъ ея существенно измѣнился къ лучшему, и то учрежденіе, которое, можетъ быть, по мысли составителей конституціи, должно было служить препятствіемъ къ развитію демократическаго направленія, оказалось, наоборотъ, споспѣшествуетъ этому развитію, пожалуй, еще больше даже, чѣмъ переполненная радикалами всѣхъ сортовъ палата. Этотъ фактъ еще разъ доказалъ неопровержимость той аксіомы, что въ конституціяхъ, какъ и во всякихъ вообще законодатель-

ствахъ, духѣ, одушевляющій параграфы закона, и способъ примѣненія его несравненно важнѣе буквы его. Но французамъ, повидимому, прирожденна страсть создавать отвлеченныя системы государственной жизни и на бумагѣ, въ красиво изложенныхъ, фразистыхъ параграфахъ регулировать все отъ а до ѣ. Кромѣ того, они (да не они одни, впрочемъ) склонны корень всѣхъ общественныхъ золъ искать главнымъ образомъ въ государственномъ правѣ, въ данное время дѣйствующемъ въ странѣ, и поэтому, вмѣсто того, чтобы стараться перевоспитать самихъ себя, чтобы сдѣлаться болѣе способными на практикѣ къ той формѣ правленія, которая такъ люба и дорога имъ въ теоріи, они безпрестанно измѣняютъ законы, точно будто законъ, а не люди и не господствующіе среди нихъ нравы накладываютъ свою печать на политическую жизнь. И вотъ, благодаря этимъ фальшивымъ понятіямъ, всякіе политическіе проходимцы вродѣ разныхъ «счастливыхъ солдатъ», интриганы-реакціонеры вродѣ монархистовъ и клерикаловъ, да мечтатели-фантазеры вродѣ непримиримыхъ и анархистовъ пріобрѣтаютъ возможность, ради своихъ темныхъ цѣлей, періодически волновать страну и мѣшать ей твердо идти по пути правильнаго развитія. Грустно, какъ подумаешь, сколько ненужныхъ, вредныхъ для общаго дѣла прогресса испытаній предстоитъ еще Франціи и какъ легко можетъ снова пасть въ ней установившаяся, казалось, такъ хорошо республика. На этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: переворотъ, если таковой произойдетъ, ни въ какомъ случаѣ не создастъ того мифическаго «государства будущаго», о которомъ мечтаютъ многіе люди изъ среды республиканской оппозиціи, искренно желающіе улучшенія существующихъ отношеній; онъ создастъ «государство прошедшаго»—имперію.

А, между тѣмъ, для республики неожиданно явился весьма важный шансъ упроченія, и явился съ такой стороны, съ которой его никто не ждалъ—отъ папы. Отъ чего бы ни происходило это явленіе, какими бы временными и даже, можетъ быть, личными причинами ни было оно вызвано, но историческое значеніе его гораздо серьезнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Папство теперь утратило значительную долю своего прежняго престижа, но оно все еще сила и останется таковою, покуда сохранитъ свою силу католицизмъ, а насколько послѣдній непоколебимо еще крѣпокъ и жизнеспособенъ, объ этомъ, полагаемъ, нечего и говорить. Папство, по самому существу своему монархическое, никогда не примирялось съ республикой, какъ никогда же во вѣки вѣковъ не исходило изъ устъ его не только прямаго выраженія, но даже и намека на то, что церкви и ея слугамъ, духовенству, нѣтъ дѣла до формы правленія въ томъ или другомъ государствѣ и въ политическія дѣла они мѣшаться не должны. Эти слова произнесены Львомъ XIII, въ его послѣднемъ посланіи, произнесены именно по поводу Франціи и ихъ повторяютъ теперь всѣ епископы французскіе, все духовенство, въ концѣ разорвавшее съ монархистами. Разъ этотъ великій принципъ признанъ самимъ папствомъ, ему невозможно ужъ

больше взять его потомъ обратно. Всемогущій духъ времени не допуститъ его до этого, точно также, какъ не допустилъ французскій сенатъ сдѣлаться орудіемъ гибѣли республики и сдѣлалъ изъ него поддержку демократическаго направленія. А разъ принципъ этотъ войдетъ въ общее сознаніе католическихъ массъ (послѣ же признанія его самимъ папствомъ это случится весьма скоро, такъ какъ почва и безъ того хорошо приготовлена), каждому понятно, какія важныя послѣдствія это можетъ и навѣрное будетъ имѣть не для однихъ католическихъ народовъ...

И еще одинъ, не менѣе крупный и вѣрный шансъ упроченія ужь сама собою создала французская республика и именно стараніями главнымъ образомъ нынѣшняго министра-президента. Этотъ шансъ—широкое, невиданное еще до сихъ поръ въ Европѣ развитіе народнаго образованія и возвышеніе уровня преподаванія въ народныхъ школахъ. Устройство этихъ школъ далеко несовершенно еще. Въ нихъ есть одинъ весьма важный недостатокъ, который чѣмъ скорѣе исчезнетъ, тѣмъ лучше. Именно управленіе ими слишкомъ централизовано, какъ и все вообще управленіе во Франціи. Громадное большинство школъ содержится на счетъ государства, а не на счетъ общинъ, какъ бы слѣдовало по всей справедливости и для пользы какъ школъ, такъ и самихъ общинъ. Вслѣдствіе этого все въ этихъ школахъ, отъ постройки зданія до назначенія учителей и программы преподаванія, находится въ зависимости отъ министерства, внѣ контроля общинъ. Такая постановка дѣла существенно неправильна. Она служитъ лишь лишней опорой централизму, который и безъ того составляетъ главную язву Франціи. Но это дѣло поправимое и оно, безъ всякаго сомнѣнія, исправится подъ тѣмъ же вліяніемъ духа времени, о которомъ мы уже два раза упоминали. Одно то, что дѣломъ образованія завѣдуетъ Поль Бэръ, человѣкъ вполнѣ искренній и честный и поставившій это великое дѣло задачей своей жизни, одно это служитъ порукой, что все нужное для пользы школъ и учащагося въ нихъ народа будемъ сдѣлано, безъ соображенія съ партійными, личными, или даже общими, чисто политическими интересами. Проведеніе въ палатѣ и осуществленіе закона о народныхъ школахъ составляетъ великую заслугу этихъ двухъ людей—Поля Бэра и Жюля Ферри,—заслугу, за которую Франція на вѣки вѣковъ сохранитъ благодарную память о нихъ. И они не останавливаются на избранномъ ими въ этомъ отношеніи благотворномъ пути. Не далѣе какъ мѣсяцъ тому назадъ бюджетъ собственно народныхъ школъ увеличенъ на нынѣшній годъ изъ общаго бюджета министерства просвѣщенія на 30 милліоновъ франковъ. Вотъ тутъ, въ этихъ школахъ, болѣе крѣпкій оплотъ республики, болѣе вѣрное ручательство за будущее, чѣмъ во всевозможныхъ законодательныхъ измышленіяхъ господъ радикаловъ, крайнихъ лѣвыхъ, непримиримыхъ и какъ тамъ еще называются неисчислимыя французскія партіи. Ибо тутъ воспитаются настоящіе республиканцы, которые будутъ не только платонически *любить* республиканскую форму, какъ любятъ ее теперешніе французы, но и *умѣть пользоваться*

ею, чего теперь никто изъ нихъ не умѣетъ, и менѣе всѣхъ неугомонные крикуны, умѣющіе только вопить о неотложной необходимости революціи. Для чего и зачѣмъ революція—это они и сами знаютъ такъ мало, что даже на словахъ не могутъ сколько-нибудь толкомъ объяснить.

Неумѣніе же это ясно для всѣхъ (кромѣ ихъ самихъ, разумѣется, и ихъ столь же свѣдущихъ, какъ они, слѣпыхъ поклонниковъ) доказано ими въ происходившихъ надняхъ въ палатѣ преніяхъ о соціальномъ вопросѣ, о средствахъ противодѣйствія существующему нынѣ въ Парижѣ рабочему кризису и улучшить вообще положеніе рабочихъ классовъ, доставивъ болѣе дешевыя жилища рабочимъ, застраховавъ ихъ отъ увѣчій, обезпечивъ ихъ участь подъ старость и пр. Нѣсколько дней тянулись эти пренія и всѣ лучшія силы палаты (они же, бо́льшею частію, и вожди различныхъ партій какъ въ области мысли, такъ и на политической практикѣ) принимали въ нихъ участіе. Сколько тутъ было наговорено громкихъ словъ и красивыхъ фразъ, это и уму непостижимо. Но что же выяснилось изъ всего этого потока краснорѣчія? Только одно: что всѣ эти ораторы, мнящіе себя призванными обновить соціальный строй Франціи въ частности и всей Европы вообще, не составили еще себѣ ни самомалѣйшаго понятія о томъ, какъ за это дѣло взяться. Для примѣра укажемъ на рѣчь Клемансо, такъ какъ она была напечатана почти цѣликомъ въ русскихъ газетахъ. Это человѣкъ, стоящій во главѣ современнаго движенія и на котораго многіе во Франціи возлагаютъ лучшія свои надежды. Что мы находимъ въ его рѣчи? Блестящую критику существующаго, упреки правительству за его равнодушіе къ страданіямъ рабочихъ классовъ, подтвержденіе (никѣмъ, впрочемъ, не оспариваемой) необходимости вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, наконецъ, вполнѣ, къ сожалѣнію, справедливыя угрозы неминуемостію соціальной революціи, если не будутъ своевременно теперь же приняты мѣры къ устраненію существующихъ золъ. И посреди всего этого ни малѣйшаго намека на то, въ чемъ должны состоять эти мѣры. То же самое во всѣхъ прочихъ рѣчахъ платоническихъ друзей рабочихъ: ни одного практическаго указанія, ни тѣни хотя бы приблизительно выполнимаго немедленно предложенія. Потому что нельзя же, вѣдь, назвать практическими и выполнимыми такія предложенія, какъ выкупъ на государственный счетъ всѣхъ наиболѣе необходимыхъ въ домашнемъ употребленіи вещей, заложенныхъ рабочими (даже безъ указанія, какими именно рабочими: парижскими только, или и департаментскими тоже) въ казенныхъ учрежденіяхъ для заклада движимостей, и возвращеніе ихъ залогодателямъ, или, еще лучше, изгнаніе всѣхъ иностранныхъ рабочихъ изъ Франціи, запрещеніе ввоза извѣстныхъ произведеній или утроеніе ввозныхъ пошлинъ на нихъ и т. п. Вѣдь, такія предложенія понятны въ устахъ какого-нибудь пылкаго, но не имѣющаго понятія о жизни юноши, а не серьезныхъ представителей великой націи. Давно извѣстно, что la critique est aisée, mais l'art est difficil, и министры, явившіеся въ этомъ случаѣ козлами отпущенія за общественные грѣхи, имѣли бы пол-

ное право сказать нападавшимъ на нихъ: «Боже мой, господа, мы сами знаемъ, что зла много и оно велико, сами признаемъ, что государство обязано помочь рабочимъ. Но, вѣдь, вы въ числѣ законодателей нашего государства, т.-е. вы представляете собою часть той благодѣтельной силы, которая подразумѣвается подъ этимъ словомъ: государство. Придумайте же что-нибудь, найдите, обработайте подробно, всесторонне и формулируйте, что надо сдѣлать; за исполненіе, и исполненіе быстрое и мирное, отвѣчаемъ мы». Поставленные такимъ образомъ въ необходимость высказаться не однѣми только волнующими фразами, «друзья рабочихъ» навѣрное не сказали бы ничего путнаго. Рабочіе, повидимому, и сами поняли это вполнѣ ясно, потому что если они и до палатскихъ преній уже не много сохраняли иллюзій насчетъ тѣхъ благъ, которыхъ имъ можно ждать отъ перехода власти въ руки льстящихъ имъ въ своихъ рѣчахъ и печатныхъ произведеніяхъ вождей партій, то теперь видимо утратили и послѣднія, что и выразили самымъ недвусмысленнымъ образомъ, отказавшись явиться на митинги, которые пытались устроить нѣкоторые изъ «друзей», для обсужденія практическихъ мѣръ противодѣйствія кризису.

Считать ли это хорошимъ признакомъ? Богъ вѣсть. Среди рабочихъ преобладаетъ (особенно усилилось въ послѣднее время) направленіе хорошее, именно то, лозунгомъ котораго служитъ собственная организація рабочаго сословія: расширеніе правъ и компетенціи ихъ синдикатовъ, увеличеніе количества этихъ синдикатовъ, образованіе союзовъ ихъ, устройство различныхъ кассъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣстѣ съ расширеніемъ образованія, это и есть самый вѣрный путь къ устраненію зла. Но устраненію постепенному, требующему долгой и упорной борьбы, а французы упорной и долгой борьбы и неустанной, не прекращающейся ни на минуту работы не любятъ и отъ природы несклонны къ нимъ. Къ тому же и время не терпитъ. Нужда не такъ велика, какъ изображаютъ политическіе агитаторы, изъ весьма понятныхъ цѣлей старающіеся нарочно рисовать положеніе какъ можно болѣе мрачными красками, но она все же велика, и если не будетъ принято дѣйствительныхъ мѣръ противъ нея и ее допустятъ еще,—какъ есть основаніе опасаться,—разрастись въ будущемъ году, тогда весьма возможно, что пароль анархистовъ (весьма, надо замѣтить, непопулярныхъ въ массѣ рабочаго населенія даже въ Парижѣ) восторжествуетъ на минуту, и совершится то, чѣмъ грозилъ Клемансо и чего такъ хочется разнымъ Гэдамъ, Тони-Ревильонамъ и прочимъ: насильственная соціальная революція. Все теперь будетъ зависѣть отъ того, что сдѣлаетъ коммиссія, назначенная палатою для разслѣдованія положенія рабочаго вопроса и изысканія средствъ помочь кризису. Если эта коммиссія серьезно отнесется къ возложенному на нее дѣлу и съумѣетъ выработать какой-нибудь дѣльный практическій планъ государственной помощи, а правительство приступитъ къ примѣненію хотя бы первыхъ основъ этого плана, можно надѣяться, что элементъ насилія будетъ устраненъ надолго, если не навсегда,

и «соціальная революція», хотя и совершится, но совершится мирнымъ путемъ, идя сверху, а не снизу. Къ сожалѣнію для правительства, къ новымъ нападкамъ на которое открывается этимъ широкая дверь, но, можетъ быть, къ счастію для дѣла рабочихъ, въ палатскую комиссію изъ 44-хъ членовъ попало мало депутатовъ изъ крайнихъ оппозиціонныхъ партій. Впрочемъ, главные корифеи, все-таки, попали — Клемансо и Бріону *), Андріё, Тони-Ревильонъ, повѣренный парижскихъ каменщиковъ, плотниковъ и пр., Генри Морэ, изобрѣтатель новаго ученія о правѣ наслѣдства, Лэзонъ, внесшій остроумное предложеніе о выкупѣ на государственный счетъ заложенныхъ вещей рабочихъ, и нѣкоторые другіе находятся въ числѣ членовъ коммиссіи. Но все же ихъ несоразмѣрно мало сравнительно съ сторонниками правительства и,—что хуже всего,—съ такими депутатами, которые высказались въ принципѣ противъ назначенія коммиссіи. Какъ оказался возможнымъ такой странный составъ коммиссіи, которымъ недовольно и само правительство, судя по очевидно непритворнымъ заявленіямъ о томъ такихъ органовъ, какъ «Temp», «National», «République «Française» и пр.? Дѣйствовала тутъ недобросовѣстность, подтасовка голосовъ или еще что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничуть. Простой случай, и это станетъ понятно каждому, кто знакомъ съ тѣмъ, по истинѣ черезъ-чуръ своеобразнымъ способомъ, какимъ французская палата избираетъ свои коммиссіи. Дѣлается это такъ: все наличное количество депутатовъ ежемѣсячно раздѣляется, по жребію, на одиннадцать группъ, носящихъ названіе бюро. Когда бываетъ нужно избрать какую-либо коммиссію, то эти бюро собираются для предварительнаго обсужденія вопроса, подлежащаго разсмотрѣнію коммиссіи, стараясь при этомъ вести пренія такъ, чтобы

*) Бріону—ліонскій рабочій, избраніе котораго въ депутаты произвело въ свое время чуть не панику въ рядахъ умѣренныхъ республиканцевъ. Однако къ величайшему ихъ и, полагаемъ, всѣхъ благоразумныхъ людей удовольствію, этотъ рабочій, долженствовавшій, по общему мнѣнію, явиться чуть ли не поджигателемъ, въ палатѣ оказался совершенно на высотѣ своей великой задачи. Это не одинъ изъ тѣхъ „сыновъ народа“, которые, получивъ кое-какое образованіе, совершенно выдѣляются изъ народа, сохраняя съ нимъ лишь ту связь, что неутомимо подстрекаютъ его на всякаго рода насилія. Бріону настоящій рабочій, даже плохо еще владѣющій тонкостями литературнаго языка и совсѣмъ не умѣющій сыпать высокопарно краснорѣчивыми фразами. Но онъ говоритъ дѣльно и высказываетъ правильные взгляды. Его рѣчь во время преній о соціальномъ вопросѣ дышала умѣренностію и,—что лучше еще,—тѣмъ благоразуміемъ и знаніемъ хоть части дѣла, которыхъ совсѣмъ не хватало дѣтямъ буржуазіи, позирующимся друзьями и сынами народа. Бріону сдѣлалъ два весьма дѣльныя и цѣлесообразныя предложенія. Именно онъ сказалъ, что правительство могло бы, не прибѣгая къ насилію, повліять на хозяевъ съ цѣлію побудить ихъ удѣлить извѣстную долю барышей рабочимъ, предоставивъ тѣмъ, которые это сдѣлаютъ, нѣкоторыя льготы въ уплатѣ налоговъ и пошлинъ,—льготы, которыя увеличивались бы, смотря по высотѣ удѣляемаго рабочимъ процента, и точно также повліять на корыстолюбіе домовладѣльцевъ, заставляя ихъ уплачивать налогъ и съ незанятыхъ квартиръ, такъ чтобъ имъ былъ разсчетъ отдавать ихъ хоти бы и дешевле. Это немного, но это все же что-нибудь; другіе не сказали ничего.

каждый депутатъ болѣе или менѣе опредѣленно высказалъ свой личный взглядъ на дѣло. Послѣ этого уже каждое бюро выбираетъ своего члена въ коммиссію, состоящую обыкновенно, по количеству бюро, изъ одиннадцати членовъ. На этотъ разъ имъ впервые пришлось отрядить по четыре члена. А такъ какъ составъ самихъ бюро зависитъ отъ случая, то ясно, что и выборъ членовъ коммиссій зависитъ отъ того же. Случается такъ, что въ одно или два, три бюро попадутъ почти сплошь все сторонники подлежащаго разсмотрѣнію вопроса, а въ остальные наоборотъ. Тогда, разумѣется, и въ составѣ самой коммиссіи окажется то же неправильное распредѣленіе партій. Съ коммиссіей для разслѣдованія соціальнаго вопроса произошелъ какъ разъ одинъ изъ такихъ несчастныхъ случаевъ, а потому и получился неизбѣжный результатъ. Виноватъ, впрочемъ, на этотъ разъ главнымъ образомъ лично Клемансо. Одинъ изъ дружественныхъ правительству депутатовъ,—если не ошибаемся, Фрейсине,—предлагалъ, въ виду важности дѣла и необычно большаго количества членовъ коммиссіи, измѣнить порядокъ избранія ихъ и принять способъ избранія по спискамъ. Но Клемансо воспротивился этому, его поддержали его партія и нѣкоторыя другія и вотъ теперь имъ же пришлось поплатиться за это. Впрочемъ, судя по первымъ шагамъ коммиссіи, по тому, какъ она взялась за собираніе матеріаловъ для своего разслѣдованія, можно думать, что она намѣрена добросовѣстно отнестись къ своей обязанности. Дай Богъ, хотя и трудно сказать, какъ пойдетъ у нея дѣло далѣе. Развѣ близость разныхъ предстоящихъ выборовъ не допуститъ уклониться отъ добраго пути. Всеобщіе выборы—это вездѣ весьма важный факторъ господъ народныхъ представителей къ добросовѣстной дѣятельности на пользу народа, а во Франціи, съ ея безконечнымъ обиліемъ партій, и подавно.

Мѣсто и время не позволяютъ намъ сказать многое объ экономическомъ кризисѣ, вызвавшемъ образованіе «коммиссіи сорока четырехъ», какъ ее окрестили уже во Франціи. Поэтому ограничимся на этотъ разъ лишь немногими словами. Несмотря на отрицаніе правительства и его органовъ въ печати, кризисъ безспорно существуетъ. «Эра затрудненій», которую пророчилъ во время своего министерства покойный Гамбетта, начала наступать (говоримъ начала наступать, а не наступила, потому что она далеко не достигла еще того развитія, о которомъ говорилъ Гамбетта, и можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, и вовсе не наступить). Но размѣры кризиса, относительно говоря, ограничены и устраненіе его не представляетъ непреоборимыхъ трудностей, хотя и зависитъ не столько отъ мѣропріятій правительства, сколько отъ самихъ главныхъ факторовъ промышленности—хозяевъ и рабочихъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, какъ это теперь несомнѣнно выяснилось изъ преній въ палатѣ, изъ представленныхъ ей оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ и, между прочимъ, изъ петицій самихъ рабочихъ, кризисъ обнимаетъ вовсе не всю, или хотя бы значительную часть Франціи, и не исключительно лишь въ одномъ Парижѣ, да и тутъ

лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Во-вторыхъ, причины кризиса лишь отчасти коренятся, какъ въ Англіи, въ общемъ неблагопріятномъ положеніи соціальныхъ и экономическихъ условій. Даже международная конкурренція, о губительномъ дѣйствіи которой на французскую промышленность такъ много кричали, играетъ въ настоящемъ парижскомъ кризисѣ второстепенную роль. Главная причина заключается въ ненормально сильномъ сосредоточеніи промышленныхъ заведеній и рабочихъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Собственно говоря, теперешнее положеніе нельзя и называть *экономическимъ* кризисомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Это скорѣе, если можно такъ выразиться, кризисъ перемѣщенія парижской промышленности. Подобный кризисъ пережила, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и германская промышленность, тоже сосредоточенная въ то время въ большихъ городахъ. Но тогда еще не былъ прочно установленъ принципъ обязательнаго вмѣшательства государственной власти въ преходящія явленія этого рода, и германская промышленность, проученная горькимъ опытомъ и принужденная бороться съ возникшими затрудненіями однѣми своими силами, съумѣла выпутаться изъ нихъ самымъ простымъ образомъ: она децентрализовалась, фабрики и заводы перемѣстились подальше отъ политическихъ центровъ, въ маленькіе города, гдѣ жизнь дешевле и всѣ вообще условія производства благопріятнѣе. Тѣмъ же самымъ рано или поздно придется кончить и Парижу, какъ ни нежелательно для рабочихъ и для самихъ хозяевъ разстаться съ увлекательными прелестями жизни въ «столицѣ міра». Только при этомъ условіи иностранная конкурренція, подавляющая теперь исключительно лишь парижскую промышленность, перестанетъ быть страшна для тѣхъ, кто этой промышленностію живетъ. Иначе нѣмецкія произведенія будутъ продолжать вытѣснять парижскія не только на заграничныхъ рынкахъ, но даже и въ самомъ Парижѣ, какъ это происходитъ уже нынѣ, и, наконецъ, совсѣмъ вытѣснятъ заграницей. Сами по себѣ эти нѣмецкія произведенія, безъ всякаго сравненія, хуже французскихъ, но они и несравненно же дешевле, а конкуррировать съ этой дешевизной, при условіи производства въ Парижѣ, съ его городскими таможнями, высокой заработной платой и пр., французы не могутъ, иначе имъ пришлось бы работать въ убытокъ. Словомъ, причины настоящаго критическаго положенія парижской промышленности таковы, что ихъ не можетъ устранить никакая посторонняя самимъ дѣятелямъ этой промышленности сила.

Чрезмѣрное сосредоточеніе,—органическая, какъ мы уже замѣтили выше, язва Франціи,—язва, дающая себя чувствовать во всѣхъ сферахъ политической, общественной и даже частной французской жизни,—дѣйствуетъ вообще неблагопріятно на всю промышленность Франціи. Недостатка въ работѣ въ этой странѣ нѣтъ и едва ли можетъ когда-либо быть. Но мѣста, гдѣ эту работу можно получить, распредѣлены въ высшей степени неправильно. Какъ большія фабрики, такъ и сами рабочіе, въ особенности послѣдніе,

слѣдуютъ не тому направленію, какое указывается имъ потребностями дѣла. Фабрики и заводы все стремятся сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ, а рабочіе все жмутся къ большимъ городамъ, тогда какъ земледѣліе страдаетъ отъ недостатка рукъ. Несправедливо, что иностранные рабочіе привлекаются въ страну исключительно жадностію хозяевъ, стремящихся къ легкой наживѣ на счетъ нищенской заработной платы рабочихъ. Конечно, и это бываетъ, но въ гораздо бо̀льшей степени происходитъ переселеніе иностранцевъ-рабочихъ потому, что французскіе въ большинствѣ не хотятъ подчиниться условіямъ необходимости. Довольно сказать, что масса иностранцевъ *) нанимается для земледѣльческихъ работъ и это не одними крупными землевладѣльцами, а и мелкими тоже, составляющими, какъ извѣстно, огромное большинство во Франціи, гдѣ, въ противуположность Англіи, возникъ даже вопросъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ чрезмѣрнаго раздробленія земельной собственности. Это (т.-е. конкурренція иностранцевъ съ французами въ земледѣліи, которому не хватаетъ рабочихъ силъ) тоже такое условіе, котораго никто, кромѣ самихъ рабочихъ, устранить не можетъ.

*) Ничего не можетъ быть несостоятельнѣе,—мы сказали бы комичнѣе, еслибъ это не было такъ печально въ сущности,—разсужденій Клемансо о разрушительномъ, даже смертоносномъ дѣйствіи работы подъ чуждымъ небомъ, при непривычныхъ съ дѣтства климатическихъ и соціальныхъ условіяхъ, на иностранцевъ, ищущихъ себѣ работы въ чужеземныхъ государствахъ. Интересно знать, существовали бы въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Америка, Австралія и вся масса населенныхъ уже европейцами острововъ, если переселеніе и работа подъ чуждымъ небомъ такъ убійственно дѣйствовали на людей, какъ угодно повѣствовать о томъ вождю французской крайней лѣвой.

Картина К. Е. Маковскаго „Свадебный пиръ".

Отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ шагъ, а отъ прекраснаго до безобразнаго и того ближе. Тутъ нѣтъ даже возможности измѣрять разстояніе: переходъ составляетъ слишкомъ незамѣтную черту, ничѣмъ неопредѣленную, кромѣ внутренняго чутья художника или критика. Общихъ правилъ нѣтъ, граней не установлено и не можетъ быть установлено. Въ дѣлѣ искусства все предоставлено свободному творчеству художника. Единственнымъ руководящимъ указаніемъ можетъ служить одно: художественное произведеніе должно быть созданіемъ свободнаго творчества, т.-е. не принужденнаго, не заказнаго, не воспроизведеніемъ только съ фотографическою точностью чего-либо видѣннаго, въ дѣйствительности бывшаго. «Мазепа» Байрона, «Мазепа» Пушкина (въ «Полтавѣ») въ области поэзіи, «Мазепа» г. Чайковскаго въ музыкѣ—художественныя произведенія, хотя съ настоящимъ, историческимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою они имѣютъ очень мало общаго, начиная даже съ имени его возлюбленной, дѣвицы Кочубей, которую звали не Маріей, а Матреною. И Кочубей, и Орликъ, не говоря уже объ Андреѣ, являются у великихъ поэтовъ чистѣйшими созданіями ихъ геніальнаго творчества. «Мазепа» г. Костомарова, несомнѣнно, болѣе вѣренъ дѣйствительности, за то это и не художественное произведеніе, а почтенное историческое изслѣдованіе. Что вѣрно по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ, то всецѣло примѣнимо и къ произведеніямъ живописи. Разъ нѣтъ въ картинѣ признаковъ творчества, мы не вправѣ признать ее художественнымъ произведеніемъ; это будетъ стѣнное украшеніе, декорація, можетъ быть даже и очень хорошая декорація, но... и только.

Вотъ такую-то декорацію и выставилъ профессоръ живописи К. Е. Маковскій. Въ его картинѣ «Баярскій свадебный пиръ» равно столько же творчества, сколько въ любомъ кускѣ обоевъ изъ магазина Дабо или Камюзе. Только фабрикуютъ эти обои не профессора, а простые мастера и рисовальщики. Такихъ картинъ, какъ картина г. Маковскаго, можно нафа-

бриковать столько же, сколько образцовъ обоевъ найдется въ магазинѣ; послѣ «свадебнаго пира»—«крестинный обѣдъ», «именинный пиръ», «похоронную трапезу» и т. д. до безконечности, съ одинаковымъ *богатствомъ* содержанія, понимая богатство въ смыслѣ расточенія на полотнѣ мастерски выписанныхъ жемчуговъ, парчей и соболей, и съ одинаковымъ отсутствіемъ мысли и смысла.

Затѣялъ свою картину г. Маковскій, очевидно, не зная, какъ бы пристроить на большое полотно свое умѣнье рисовать старую посуду, парчу, бархатъ и всякія цѣнныя вещи, которыя до сего времени разбрасывались имъ щедрою рукою на головкахъ восточныхъ женщинъ и иныхъ некрупныхъ картинахъ. Чтобы *создать* приличествующій сюжетъ, требуется, во-первыхъ, творчество, во-вторыхъ, знаніе. Перваго у профессора живописи въ наличности не оказалось, о чемъ свидѣтельствуетъ его декорація. Что касается втораго, то на мысль о его отсутствіи насъ наводитъ та же декорація. Не такъ же, въ самомъ дѣлѣ, бѣдно прошлое русскаго народа и высшаго боярскаго сословія, что въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ свадебъ, родинъ, крестинъ и т. п., ничто не въ состояніи вдохновить художника, одержимаго желаніемъ рисовать... костюмы и домашнюю утварь минувшихъ вѣковъ. Въ плохихъ, невѣрно задуманныхъ, слабо, иногда дурно исполненныхъ картинахъ съ историческими сюжетами у насъ недостатка нѣтъ. Но г. Маковскій не лишенъ таланта и техники, и отъ него можно было бы ожидать... нѣтъ, этого мало: должно требовать большаго, чѣмъ то, что онъ далъ въ своемъ «свадебномъ пирѣ». Русская исторія такъ богата,—наконецъ, она оставила намъ не мало такого, что хорошему рисовальщику-технику нѣтъ даже особенной необходимости ломать себѣ голову надъ измышленіемъ сюжетовъ, надъ идеей, — стоитъ только добросовѣстно отнестись къ своему дѣлу, честно признать свою немощь и взяться писать на готовые, дѣйствительно историческіе сюжеты, въ которыхъ есть просторъ для кисти, изощрившейся на камняхъ самоцвѣтныхъ и дорогихъ тканяхъ. Для этого достаточно ознакомиться съ тѣмъ, что историки называютъ источниками. Мы могли бы указать нашимъ художникамъ на двѣ картины, маленькихъ и мало извѣстныхъ, хранящихся въ московской оружейной палатѣ, — на «обрученіе Марины Мнишекъ самозванцу» и на «вѣнчаніе Марины русскою царицею».

Намъ могутъ возразить, что это будутъ копіи. Пускай будутъ копіи. Но, во-первыхъ, хорошая копія можетъ быть лучше плохаго оригинала; во-вторыхъ, всякая историческая монографія не есть оригинальное произведеніе, какъ вымыселъ, а есть таковое по тому, какъ исполнена, какая въ нее вложена идея; въ-третьихъ, лучше воспользоваться, какъ оригиналомъ и, въ особенности, какъ источникомъ, историческимъ документомъ, чѣмъ писать пошлости собственнаго изобрѣтенія и переносить на полотно картинно и безсмысленно разсаженныхъ за столомъ переряженныхъ натурщиковъ и натурщицъ. Вопроса о томъ, должна ли быть живопись тенден-

ціозна, мы не касаемся; это завело бы насъ слишкомъ далеко, вывело бы изъ предположенной рамки. Но оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, мы все же считаемъ безспорно рѣшеннымъ, что всякое художественное произведеніе должно быть освѣщено мыслью и оставлять какое-либо впечатлѣніе въ умѣ зрителя. Картина г. Маковскаго не оставляетъ никакого впечатлѣнія ни въ умѣ, ни въ душѣ, а только впечатлѣніе невообразимой пестроты въ глазахъ; освѣщена же она не мыслью, а... керосиновыми лампами! Смотрѣть ее насъ заставляютъ днемъ съ огнемъ.

Такой странный способъ показывать картины завезенъ въ Россію однимъ иностраннымъ живописныхъ дѣлъ фокусникомъ, Максомъ. Послѣдователей ему не находилось довольно долго, до появленія года два тому назадъ г. Сухоровскаго съ своею картиною, неизвѣстно почему названною имъ «Нана», въ честь героини романа Эм. Зола. Ее показывали въ какомъ-то необитаемомъ домѣ на Петровкѣ; потомъ, когда домъ сталъ обитаемъ, увезли куда-то за городъ, или на окраины города. Быть можетъ, жильцы потребовали удаленія изъ дома этой мерзости. Затѣмъ однимъ изъ подражателей завозныхъ изъ чужихъ краевъ фокусовъ явился К. Е. Маковскій, профессоръ, что очень удивительно, а еще удивительнѣе, что помѣщеніе для показыванія фокусовъ онъ нашелъ не въ необитаемыхъ палестинахъ, а на постоянной выставкѣ картинъ противъ Страстнаго монастыря, гдѣ дирекція этого почтеннаго учрежденія ради того закрыла двѣ залы для публики, закупорила окна и, вмѣсто выставленія многихъ, иногда хорошихъ картинъ, вотъ уже нѣсколько недѣль подчуетъ москвичей потемками съ ярко освѣщеннымъ пестрымъ пятномъ г. Маковскаго и даже съ отражательнымъ зеркаломъ на противуположномъ концѣ комнаты. Во Франціи это показываніе картины днемъ съ керосиновымъ освѣщеніемъ такъ поразило людей, интересующихся живописью, что они пришли въ полное недоумѣніе относительно побудительныхъ къ тому причинъ. Изъ этого недоумѣнія ихъ поспѣшили вывести ни передъ чѣмъ, какъ извѣстно, не останавливающіеся парижскіе литературщики и заявили въ одномъ толстомъ журналѣ, что сдѣлано это по крайней необходимости, вслѣдствіе непроглядной сѣверной тьмы, царящей надъ Московіей въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Объясненіе очень характеристичное какъ по отношенію давшихъ его, такъ и по отношенію къ показывателямъ картинъ въ потемкахъ. Такимъ объясненіемъ, между прочимъ, доказывается, что ни одинъ свѣжій человѣкъ не можетъ себѣ представить даже возможности умышленно закрывать ставни и изгонять дневной свѣтъ для того, чтобы лучше видѣть картину.

Но что же такое сама картина? спросятъ насъ. Картина... да нѣтъ никакой картины: нарисованы на большомъ полотнѣ два старыхъ боярина и два не старыхъ, четыре боярыни и одинъ ребенокъ; сидятъ они за столомъ и размѣщены такъ, чтобы не заслонять другъ друга отъ зрителя. Бояре взялись за кубки, боярыни показываютъ зубки; надъ ними слуга поднялъ подъ самый потолокъ блюдо съ сахарнымъ лебедемъ; а въ сто-

ронкѣ молодой паренекъ лѣзетъ цѣловаться съ только что повѣнчанною съ нимъ боярышнею, которую мамка убѣждаетъ не стыдиться. Вотъ и все; ни толка, ни смысла, или, какъ говорится по-русски, ни свѣта, ни радости. Нѣкоторыя детали выписаны превосходно, поразительно... насколько можно судить въ потемкахъ, впрочемъ. Что окажется при дневномъ свѣтѣ, пока неизвѣстно. Размѣщеніе фигуръ, какъ мы уже сказали, искусственное, натянутое и производитъ непріятное впечатлѣніе дѣланности; это не настоящіе пирующіе люди, а нарочно посаженные натурщики, не смѣющіе шевельнуться. Пошевельнись они, и все пропало; останутся только пестрыя спины и пестрые затылки. Поставь слуга на столъ своего лебедя... Его, впрочемъ, нельзя поставить, не помѣстится. Г. Маковскій этого не разсчиталъ, блюдо съ лебедемъ вышло вдвое больше стола, и слуга обреченъ держать его вѣки вѣчные надъ головами своихъ деревянныхъ бояръ. Многаго не разсчиталъ профессоръ живописи; не разсчиталъ онъ задняго плана, лѣзущаго впередъ изъ-за боярынь; не разсчиталъ, что въ нарисованной имъ комнатѣ нѣтъ мѣста для втораго стола, стоящаго глаголемъ, за которымъ пируютъ еще нѣсколько человѣкъ; не разсчиталъ, что при солнечномъ сіяніи, врывающемся въ окна, не можетъ быть тьмы, царящей за этимъ вторымъ столомъ. Все полотно представляетъ такую смѣсь первокласснаго, истинно профессорскаго мастерства съ ученическою неумѣлостью, такое сочетаніе выдающейся талантливости съ тѣмъ, что ничего общаго съ талантомъ не имѣетъ и имѣть не можетъ, что больно, обидно становится за родное искусство

Чего же требовать отъ молодыхъ, начинающихъ художниковъ, если у профессоровъ хватаетъ силы лишь на разрисовку обоевъ, если учителя даютъ такіе образцы, которые сами стыдятся показать при дневномъ свѣтѣ? Что боится свѣта Божія «Нана» академика Сухоровскаго, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; ея оригиналъ тоже невозможенъ при свѣтѣ дня. Отъ его яркаго, уличающаго свѣта прячется всякая ложь и фальшь, всякій развратъ и позоръ. «Свѣта больше! Свѣта! Свѣта!» — требуютъ истинные служители науки, литературы, искусства, и бѣгутъ отъ него только жрецы и жрицы позорнаго культа золотому тельцу и... инымъ божествамъ мрака. Слѣдующій за ними на этомъ пути губитъ даръ Свѣта-Свѣтовъ— талантъ, самъ себя лишаетъ права называться художникомъ, служителемъ чистаго и свѣтлаго искусства.

Статья была закончена, когда въ газетахъ появилось объявленіе о томъ, что картина г. Маковскаго показывается при дневномъ освѣщеніи. Само собою разумѣется, мы были въ тотъ же день на выставкѣ, еще разъ осмотрѣли картину и не убавимъ ни одного слова изъ сказаннаго о ней выше; прибавить же имѣемъ, что отъ дневнаго свѣта картина не выиграла, а скорѣе проиграла, хотя самый свѣтъ дается, опять таки, очень искусственно и обстановка разнится отъ прежней не особенно многимъ. Въ прежнемъ

помѣщеніи была абсолютная тьма, какъ въ пещерахъ кіевскихъ; изъ нея выдѣлялся яркій четырехугольникъ картины, освѣщенной откуда-то сверху. Теперь въ залѣ темно, примѣрно, какъ на улицахъ Москвы, когда фонарей не зажигаютъ по думскому календарю, и весь свѣтъ единственнаго, оставленнаго незакрытымъ, окна сосредоточенъ на картинѣ. Стѣны комнаты отъ потолка до пола завѣшаны очень темною матеріей. Опять штуки и фокусы, недостойные искусства; все это напоминаетъ стереоскопы. Остается ожидать, что г. Маковскій станетъ показывать свое произведеніе съ перемѣннымъ освѣщеніемъ... Грустно и досадно!

N**.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Судебное вѣдомство передъ судомъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Московскія Вѣдомости давно ведутъ агитацію противъ суда вообще и нашихъ судебныхъ учрежденій въ особенности. Мы говоримъ, что ихъ агитація направлена противъ суда вообще, такъ какъ онѣ не обмолвились ни единымъ словомъ о томъ, въ какомъ видѣ онѣ желали бы видѣть наши судебныя учрежденія. Мы никакъ не можемъ предположить, чтобъ онѣ, напр., желали возвращенія къ прежнимъ порядкамъ дореформеннаго быта, такъ какъ это было бы абсурдно и противъ этихъ порядковъ газета эта высказывалась въ прежнее время неоднократно. Но теперь она даже не старается выискать въ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ являются тѣ или другія нежелательныя, по ея мнѣнію, явленія въ нашей судебной практикѣ, и не говоритъ ни слова о томъ, какими измѣненіями въ законодательствѣ могли бы быть устранены подобныя явленія на будущее время. Редакція этой газеты просто задалась цѣлію выставлять неправильныя, по ея мнѣнію, судебныя рѣшенія и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, убѣждаетъ своихъ читателей и въ этой неправильности, и въ томъ, что судебныя учрежденія ничего, кромѣ вреда, не приносятъ. Въ этомъ отношеніи *Московскія Вѣдомости*,— надо имъ отдать должную справедливость,—дѣйствуютъ чрезвычайно послѣдовательно и ловко, и не только не пропускаютъ никакой ошибки лицъ судебнаго персонала но не пренебрегаютъ никакими натяжками для того, чтобъ доказать, что судъ дѣйствуетъ въ направленіи, идущемъ прямо въ разрѣзъ съ дѣятельностію администраціи. Редакція газеты, какъ будто, игнорируетъ, что совершенство не есть удѣлъ человѣческихъ учрежденій и что оцѣнка дѣйствительнаго ихъ достоинства можетъ быть сдѣлана только на основаніи бо́льшаго или меньшаго количества ошибочныхъ дѣйствій. Что же касается дѣятельности судебныхъ учрежденій, то всѣ они сосредоточены на разрѣшеніи вопросовъ спорныхъ, возникающихъ именно вслѣдствіе несовершенства законодательства и человѣческихъ отношеній, и потому здѣсь ошибка гораздо возможнѣе, чѣмъ при всякой другой дѣятельности. Законодатель-

ства всѣхъ странъ и народовъ, сколько-нибудь цивилизованныхъ, допускаютъ возможность подобныхъ ошибокъ и для устраненія ихъ установляютъ всевозможныя гарантіи, которыми заинтересованныя стороны могутъ пользоваться совершенно свободно. Но этого мало: газета не только не желаетъ принимать въ соображеніе этого обстоятельства, она не обращаетъ даже вниманія, вслѣдствіе какихъ мотивовъ принято то или другое рѣшеніе, и обрушивается на лицъ судебнаго персонала, хотя рѣшеніе обусловливается ошибками, упущеніями или незаконными дѣйствіями лицъ, вовсе не принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Не желаетъ знать газета и о тѣхъ случаяхъ, когда законодательство относится слишкомъ строго къ извѣстному проступку или преступленію и установляетъ наказаніе, не соотвѣтствующее, по принятымъ въ жизни понятіямъ, злому умыслу преступника,—о тѣхъ случаяхъ, говоримъ мы, когда присяжному или судьѣ не только тяжело, но даже невозможно принять на свою совѣсть обвинительнаго приговора, слѣдствіемъ чего бываютъ оправдательные приговоры, несмотря на очевидность уликъ, служащихъ поводомъ къ обвиненію на судѣ. Между тѣмъ, мы думаемъ, что судебная практика въ подобныхъ случаяхъ должна служить прямымъ доказательствомъ, что законъ расходится съ жизненными требованіями и, слѣдовательно, нуждается въ исправленіи. Жизнь ея съ постоянно измѣняющимися условіями и требованіями не можетъ быть втиснута въ рамки, разъ созданныя законодательствомъ, а потому судебная практика и въ особенности практика суда присяжныхъ служитъ лучшимъ средствомъ указанія, когда эта жизнь переросла установленную рамку. Въ государствахъ, гдѣ судъ уважается, существуютъ иногда не отмѣненные законы добраго стараго времени, которые, однако же, не имѣютъ никакого значенія и оставлены практикою, такъ сказать, за штатомъ. Такъ, въ Англіи существуетъ законодательство, по которому опредѣляются очень строгія взысканія за проступки по дѣламъ печати; между тѣмъ, никому и въ голову не придетъ на основаніи этихъ законовъ преслѣдовать передъ судомъ лицъ, нарушившихъ эти постановленія, такъ какъ присяжные никогда не признаютъ факта виновности и не одинъ судья не рѣшится примѣнить эти законы къ дѣлу. Судебная практика, такимъ образомъ, смягчаетъ суровость законодательства, и обычай такъ силенъ, что Англія не чувствуетъ даже и надобности въ отмѣнѣ закона, вышедшаго изъ употребленія, и подобное предложеніе показалось бы тамъ очень страннымъ и положительно ненужнымъ. Такой порядокъ вещей, тѣмъ не менѣе, не возбуждаетъ въ странѣ никакихъ жалобъ, никакого недовѣрія къ судебной власти, которая пользуется полнымъ авторитетомъ.

Если бы *Московскія Вѣдомости* желали дѣйствительнаго улучшенія нашихъ судебныхъ порядковъ, то онѣ не прибѣгали бы къ банальному способу перечисленія ненормальныхъ явленій судебной практики, такъ какъ не могутъ же онѣ не понимать, что подобнымъ пріемомъ доказать ничего нельзя, что противъ отдѣльныхъ фактовъ всегда можно привести массу другихъ фактовъ, не только вполнѣ нормальныхъ, но и весьма отрадныхъ.

свидѣтельствующихъ, что законность и справедливость существуютъ у насъ только со времени введенія судебной реформы, что составляетъ огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ прогресса. Нельзя начинать прямо съ порицанія основныхъ принциповъ реформы, выработанныхъ вѣковымъ опытомъ народовъ, опередившихъ насъ на пути прогресса, и признаваемыхъ всѣми компетентными авторитетами наиболѣе серьезными гарантіями правильности правосудія, а необходимо внимательно разсмотрѣть, примѣнены ли эти основные принципы въ нашемъ законодательствѣ въ той мѣрѣ, которая требуется, чтобъ они могли оказывать тѣ же благодѣтельныя послѣдствія, какія они приносятъ въ другихъ странахъ, и не происходятъ ли извѣстныя ненормальныя явленія именно потому, что существуютъ ограниченія этихъ принциповъ какъ въ самыхъ судебныхъ уставахъ, такъ и въ силу сохранившихся въ практической жизни порядковъ дореформеннаго времени, защитниковъ которыхъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Кромѣ того, мы слыхали иногда жалобы на неудовлетворительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебнаго персонала, и нельзя не согласиться, что жалобы эти иногда имѣютъ основаніе. Но, вѣдь, вопросъ, отчего становятся возможными неудовлетворительныя назначенія, вовсе не можетъ быть названъ вопросомъ праздным: Подобное явленіе можетъ быть слѣдствіемъ очень разнородныхъ причинъ. Прежде всего, это можетъ происходить оттого, что русское общество не представляетъ достаточнаго контингента лицъ, пригодныхъ для занятія судебныхъ должностей, а администрація не имѣетъ выбора и должна довольствоваться тѣмъ, что Богъ послалъ; во-вторыхъ, можетъ быть не вполнѣ удовлетворителенъ самый порядокъ избранія кандидатовъ и представленіе ихъ на Высочайшее усмотрѣніе; въ-третьихъ, администрація можетъ не соблюдать условій, установленныхъ въ судебныхъ уставахъ для опредѣленія на судебныя должности; въ-четвертыхъ, самыя эти условія могутъ быть не вполнѣ удовлетворительны, и, наконецъ, въ-пятыхъ, при полномъ отсутствіи непотизма, при всемъ желаніи сдѣлать наиболѣе подходящій выборъ и при соблюденіи всѣхъ закономъ установленныхъ правилъ, возможны ошибки, отъ которыхъ не можетъ быть свободна никакая человѣческая дѣятельность. При добросовѣстной оцѣнкѣ ненормальныхъ явленій въ судебной практикѣ, всѣ эти обстоятельства должны быть приняты въ соображеніе, строго взвѣшены, и прежде чѣмъ возставать противъ самыхъ принциповъ судебной реформы, надлежало разрѣшить вопросъ, не кроются ли причины этихъ явленій въ тѣхъ порядкахъ, которые установились въ нашемъ отечествѣ при назначеніи лицъ судебнаго персонала.

Но ничего подобнаго въ статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*, направленныхъ противъ судебныхъ учрежденій, мы не встрѣчаемъ, а, напротивъ, онѣ беруть фактъ незаконнаго, по мнѣнію газеты, опредѣленія суда и съ большими натяжками доказываютъ не только незаконность опредѣленія, но и явное стремленіе суда идти въ разрѣзъ съ дѣятельностію

администраціи. Затѣмъ, установивъ такую точку зрѣнія на отдѣльный случай, газета идетъ далѣе и, обобщая нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, взводитъ тяжкое обвиненіе на все судебное вѣдомство, стараясь изъ всѣхъ силъ посѣять недоразумѣнія въ административныхъ сферахъ. Если подобныя тенденціи остаются безъ результатовъ по отношенію къ высшимъ административнымъ сферамъ, то нельзя сказать, чтобы подобная дѣятельность газеты, пользующейся особымъ довѣріемъ администраціи, не производила вреднаго вліянія въ средѣ мѣстной администраціи и полиціи. Старые дореформенные административные порядки въ провинціи вообще довольно сильны и иныя судебныя учрежденія, ограничившія значительно произволъ мѣстной администраціи, не могли пользоваться особеннымъ ея расположеніемъ, и подобныя статьи *Московскихъ Вѣдомостей* прямо подливаютъ масла въ огонь и поддерживаютъ противъ новыхъ учрежденій чувство непріязни въ средѣ мѣстнаго чиновничества. Выраженія подобнаго рода, какъ «*самодержавный судъ*», «*противодѣйствіе административной власти*», «*подрывъ ея авторитету*», «*нанесеніе ей оскорбленія*», прямо указываютъ, что здѣсь ведется борьба не противъ той или другой неудовлетворительной стороны нашихъ судебныхъ порядковъ, а вообще противъ судебныхъ учрежденій, поставленныхъ сколько-нибудь самостоятельно и представляющихъ до извѣстной степени ту силу, которая заставляетъ людей подчиняться своему авторитету вслѣдствіе нравственнаго своего значенія. Подрывая въ обществѣ авторитетъ судебной власти и стремясь возбудить противъ нея администрацію, *Московскія Вѣдомости*, сами того не замѣчая, проповѣдуютъ идеи чисто анархическія, такъ какъ безъ правильно устроеннаго и самостоятельнаго суда порядокъ въ обществѣ существовать не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое судебная власть и какое ея назначеніе въ государствѣ? На поставленный вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ, что назначеніе судебной власти состоитъ въ устраненіи необходимости употребленія грубой матеріальной силы и въ замѣнѣ ея въ умахъ людей силой нравственной—идеей права и справедливости, въ установленіи такого порядка, при которомъ люди подчиняются рѣшеніямъ суда, какъ безусловной необходимости. Верховная власть, издавая законъ, поручаетъ наблюденіе за исполненіемъ этого закона непосредственнымъ своимъ органамъ, но не беретъ на себя сужденія по вопросамъ о нарушеніи закона и не можетъ принимать на себя отвѣтственность за правильное примѣненіе законовъ со стороны своихъ органовъ. Разрѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ верховная власть предоставляетъ особымъ спеціальнымъ органамъ, ставя, такимъ образомъ, какъ бы посредниковъ изъ самихъ гражданъ между агентами правительственной или административной власти и остальными подданными государства, и передаетъ на разрѣшеніе этихъ спеціальныхъ органовъ вопросы о нарушенномъ правѣ, возлагая на администрацію только исполненіе приговоровъ суда. Такимъ образомъ, правительственная власть устраняетъ отъ себя всякое нареканіе, если требуется приложеніе физической силы, которое

есть только орудіе силы нравственной, выраженной въ приговорѣ суда. Съ другой стороны, судебная власть, принимая на себя разрѣшеніе вопроса о нарушенномъ правѣ, передаваемаго на ея заключеніе со стороны администраціи или предъявляемаго ей частнымъ лицомъ, является ео ipso властію контролирующею дѣятельность не только частныхъ лицъ, но и органовъ власти, такъ какъ судъ можетъ вовсе не признать нарушенія закона тамъ, гдѣ видитъ его администрація, или наоборотъ. Поэтому административная власть, составляя активную силу государства, при содѣйствіи и санкціи со стороны судебной власти, стоящей въ сторонѣ, отъ всякаго другаго вмѣшательства въ общественную жизнь, можетъ пользоваться громаднымъ нравственнымъ значеніемъ. Исторія доказала, что институтъ судебной власти имѣетъ громадное могущественное вліяніе на умы людей. Но, чтобы судебная власть дѣйствительно получила среди населенія это нравственное значеніе и авторитетъ, необходимо, чтобы она была независима отъ администраціи и произносила свои приговоры совершенно свободно. Только при такомъ положеніи судебной власти административныя распоряженія, поддержанныя судомъ, получатъ въ глазахъ общества характеръ не простаго принужденія, а водворенія законности и справедливости. Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что лица, желающія поставить судъ подъ вліяніе администраціи, стремятся къ тому, чтобы подорвать въ корнѣ нравственное вліяніе на общество не только суда, но и администраціи.

Если, такимъ образомъ, судебная власть является въ государствѣ властію контролирующею дѣятельность администраціи, если законъ предоставляетъ ей окончательный приговоръ въ спорныхъ случаяхъ о нарушенномъ правѣ и виновности обвиняемаго и находитъ этотъ порядокъ необходимымъ въ видахъ соблюденія справедливости, то тѣмъ самымъ онъ признаетъ и возможность неправильнаго отношенія къ этимъ вопросамъ со стороны администраціи, и возможность болѣе правильнаго взгляда на нихъ со стороны суда. Не допускать возможности подобнаго различія во взглядахъ значитъ вопреки самому закону считать административную власть непогрѣшимою и безусловно отвергать самую необходимость суда. Напротивъ, мы думаемъ, что случаи подобнаго разногласія весьма естественны и неизбѣжны при сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи судебной власти, такъ какъ увлеченія, ошибки и неправильныя дѣйствія всегда могутъ встрѣтиться въ сложномъ административномъ дѣлѣ, и видѣть въ этихъ разногласіяхъ не простое исправленіе административныхъ ошибокъ, а какое-то противодѣйствіе административной власти, какъ то дѣлаютъ *Московскія Вѣдомости*.

Кромѣ всего сказаннаго, приводимъ еще одно соображеніе: судебная власть не можетъ сдѣлать ни шагу, не приводя законнаго основанія своихъ распоряженій, а коллегіальное обсужденіе этихъ основаній представляетъ серьезную гарантію противъ ошибочнаго толкованія или неосторожнаго отношенія къ дѣлу, тогда какъ административная дѣятельность трудно поддается законному опредѣленію и потому въ дѣлѣ администраціи усмотрѣніе играетъ

довольно значительную роль; на этомъ основаніи при всякомъ разногласіи суда и администраціи неправильный образъ дѣйствій скорѣе можетъ встрѣтиться со стороны послѣдней.

До сихъ поръ мы возражали противъ общей тенденціи *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ она выразилась въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ не только въ послѣднее время, но и въ прошедшемъ году. Но такая полемика можетъ быть названа голословною, а потому во избѣжаніе подобнаго упрека мы перейдемъ къ фактическимъ указаніямъ и это для насъ тѣмъ удобнѣе, что въ февральскихъ №№ этой газеты мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, подтверждающихъ все, что мы говорили выше. Такъ, въ № отъ 1 февраля *Московскія Вѣдомости* поднимаютъ старый вопросъ по дѣлу волчанскаго исправника Зографа, осужденнаго судомъ за неправильное лишеніе свободы крестьянина Пономарева. Просматривая газеты въ то время, когда печатался въ нихъ этотъ процессъ, и встрѣчая въ нихъ извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, мы не слѣдили подробно за стенографическимъ отчетомъ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду очень частыхъ примѣровъ незаконнаго лишенія свободы, мы допускали возможность такой незаконности и въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что она подтверждалась осужденіемъ г. Зографа; полнаго же убѣжденія въ виновности послѣдняго мы не имѣли и не знали даже къ какому наказанію онъ присужденъ. Но вотъ *Московскія Вѣдомости* начинаютъ агитацію по этому дѣлу, печатаютъ подлинные документы и посвящаютъ ему рядъ статей, направленныхъ къ тому, чтобы обвинить цѣлое судебное вѣдомство въ незаконномъ преслѣдованіи г. Зографа и обѣлить послѣдняго. Мы внимательно просмотрѣли всѣ документы и всю аргументацію газеты и что же оказывается въ результатѣ? То, что *Московскія Вѣдомости* оказали плохую услугу г. Зографу, такъ какъ онѣ представили самыя наглядныя доказательства его виновности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указали, что и въ нашемъ отечествѣ подобные факты произвола и насилія не остаются безнаказанными. По крайней мѣрѣ, мы вынесли именно такое впечатлѣніе изъ напечатанныхъ вновь документовъ при сличеніи ихъ съ существующими узаконеніями.

Мы вовсе не думаемъ защищать Пономарева и готовы допустить, что онъ человѣкъ сомнительной нравственности, быть можетъ, способный совершить какіе-либо проступки или преступленія, но въ благоустроенномъ государствѣ, во избѣжаніе злоупотребленій и ошибочныхъ дѣйствій со стороны агентовъ власти, существуютъ узаконенія, которыми они обязаны руководиться и нарушать которыя они не имѣютъ никакого права даже по отношенію къ дѣйствительнымъ преступникамъ, а тѣмъ болѣе къ лицамъ, только подозрѣваемымъ. Но лучше обратимся къ фактамъ и документамъ.

29 мая 1880 года въ г. Волчанскѣ, по распоряженію исправника Зографа, былъ арестованъ содержатель ресторація крестьянинъ Пономаревъ, а 30 мая, т.-е. на другой день послѣ ареста, исправникъ дѣлаетъ нижеслѣдующее постановленіе: «выслушавъ показаніе крестьянина Елисея Чиг-

рина, данное въ полицейскомъ управленіи о томъ, что крестьянинъ Захаръ Пономаревъ подстрекалъ его убить исправника, и имѣя въ виду дурную репутацію, которой пользуется Пономаревъ, что, между прочимъ, явствуетъ изъ письменнаго заявленія 38 домовладѣльцевъ города Волчанска, постановилъ крестьянина Волчанской волости Захара Пономарева подвергнуть задержанію при полицейскомъ управленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти съ представленіемъ къ харьковскому губернатору о высылкѣ его административнымъ порядкомъ изъ края, какъ человѣка вреднаго и опаснаго, слѣдовательно, способнаго на то преступленіе, о которомъ заявилъ Чигриновъ; въ подкрѣпленіе чего приложить упомянутое выше заявленіе жителей города Волчанска». Вслѣдствіе такого постановленія крестьянинъ Пономаревъ содержался до высылки его изъ Волчанска болѣе трехъ недѣль.

При первомъ взглядѣ на такое постановленіе прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что подговоръ къ убійству составляетъ по нашимъ законамъ уголовное преступленіе, которое подлежитъ вѣдѣнію окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и исправникъ не имѣлъ никакого права прекращать этого дѣла собственною властію и еще менѣе представлять начальству объ административной высылкѣ изъ края подозрѣваемаго лица, парализуя такимъ образомъ дѣятельность судебной власти. Уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 250 и послѣдующія) обязываетъ полицію сообщать немедленно и ни какъ не далѣе сутокъ о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, судебному слѣдователю и прокурорскому надзору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлать негласное дознаніе и стараться сохранить слѣды преступленія въ томъ случаѣ, если ни судебнаго слѣдователя, ни товарища прокурора нѣтъ на мѣстѣ. Ежели же кто-либо изъ нихъ былъ на мѣстѣ, то исправникъ долженъ былъ, записавъ въ протоколъ показаніе крестьянина Чигрина, передать его на распоряженіе подлежащей власти, отъ которой и зависѣло принять ту или другую мѣру къ пресѣченію обвиняемому уклоняться отъ суда. Самъ же исправникъ не имѣлъ никакого права подвергать аресту крестьянина Пономарева, руководствуясь только даннымъ ему показаніемъ, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ Чигринъ въ подтвержденіе своего показанія не привелъ ни малѣйшихъ доказательствъ и исправникомъ для повѣрки этого отвѣта не было сдѣлано никакихъ попытокъ, что, разумѣется, должно было предшествовать арестованію подозрѣваемаго лица.

Но дѣло въ томъ, что Пономаревъ былъ арестованъ прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ подговаривалъ будто бы крестьянина Чигрина убить исправника и, слѣдовательно, не этотъ подговоръ былъ причиною ареста, а другіе мотивы; подговоръ же выставленъ для приданія постановленію вида законности, а самое постановленіе было составлено въ догонку за совершившимся фактомъ арестованія. Къ тому же, какъ видно изъ всего предъидущаго и послѣдующаго, исправникъ Зографъ и самъ не придавалъ и не могъ придавать извѣту крестьянина Чигрина никакого довѣрія и зна-

ченія какъ потому, что послѣдній его не заслуживалъ, такъ и потому, что онъ въ то время содержался при полицейскомъ управленіи и могъ сдѣлать свое показаніе въ надеждѣ на освобожденіе. Доказательствомъ, что этому извѣту не придавалось никакого значенія, служитъ то обстоятельство, что ни самъ г. Зографъ не сдѣлалъ никакой попытки удостовѣриться въ его справедливости или ложности, ни судебному слѣдователю не сообщилъ о немъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда этотъ извѣтъ выставлялся какъ основаніе ареста Пономарева. Ясно, что вся эта исторія о подговорѣ къ убійству понадобилась лишь для того, чтобъ оправдать незаконность ареста, и явилась на свѣтъ Божій послѣ ареста Пономарева.

Теперь представляется вопросъ: чѣмъ же обусловливался этотъ арестъ? А вотъ чѣмъ: исправнику Зографу вздумалось выслать крестьянина Пономарева изъ Волчанска административнымъ порядкомъ. Очень можетъ быть, что Пономаревъ дѣйствительно безнравственный человѣкъ и что г. Зографъ имѣлъ основаніе не желать присутствія его въ городѣ Волчанскѣ. Но тутъ можно сдѣлать одно замѣчаніе, именно: чѣмъ же провинилась та мѣстность, въ которую вышлютъ подобную личность, и почему Волчанскъ долженъ быть свободенъ отъ подобныхъ вредныхъ элементовъ, тогда какъ другія мѣстности на это права не имѣютъ? Но мы не будемъ входить въ разбирательство такихъ вопросовъ, такъ какъ представленія г. Зографа начальствомъ признаны уважительными, да и это обстоятельство вовсе не касается того вопроса, который мы разсматриваемъ. И такъ, г. Зографу вздумалось выслать Пономарева, но самъ онъ на это не имѣлъ никакого права и долженъ былъ получить разрѣшеніе отъ харьковскаго генералъ-губернатора, а на это нужно время, въ которое Пономаревъ можетъ скрыться. Между тѣмъ, представился удобный случай: городской голова подалъ исправнику заявленіе, подписанное имъ и еще 32 домовладѣльцами города (подписи такого числа лицъ въ городѣ, имѣющемъ болѣе 11,000 жителей, городскому головѣ, конечно, собрать было не трудно), которымъ они просили исправника ходатайствовать о высылкѣ изъ города вреднаго и опаснаго для города крестьянина Елисея Чигрина, угрожавшаго сдѣлать поджогъ. Въ этомъ заявленіи, между прочимъ, было указано на Пономарева, какъ на человѣка безнравственнаго и какъ на одного изъ руководителей Чигрина. А этотъ Чигринъ былъ то самое лицо, которое, будучи подъ арестомъ, сдѣлало доносъ на Пономарева въ подстрекательствѣ къ убійству исправника. Спрашивается теперь, имѣлъ ли г. Зографъ право арестовать человѣка, на котораго городской голова и нѣсколько домовладѣльцевъ указали, какъ на человѣка дурной нравственности и имѣющаго сношенія съ неблаговидными личностями? *Московскія Вѣдомости* силятся доказать, что онъ не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ сдѣлать это въ видахъ предупрежденія какого-либо вреднаго съ его стороны поступка. Между тѣмъ, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства, полиція имѣетъ право принимать мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому уклоняться отъ суда и слѣдствія только

тогда, когда фактъ преступленія дѣйствительно совершился и, притомъ, только за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя и прокурскаго надзора; между тѣмъ какъ тутъ ни о какомъ совершившемся преступленіи нѣтъ и помину. Если бы нѣсколько подписей отдѣльныхъ гражданъ и, притомъ, набранныхъ городскимъ головой по его усмотрѣнію, какъ говорится, съ борка да съ сосенки, могли создавать полиціи право лишать человѣка свободы, тогда бы это было хуже, чѣмъ судъ Линча. Этого ли желаютъ *Московскія Вѣдомости?* Все, что имѣлъ право сдѣлать исправникъ на основаніи подобнаго заявленія, это установить бдительный, но не гласный надзоръ съ тѣмъ, чтобъ наблюсти, не производится ли какихъ-либо преступныхъ дѣйствій въ домѣ Пономарева, и собрать объ нихъ доказательства. Но никакихъ другихъ правъ подобное заявленіе для исправника создать не могло. Губернское правленіе, разсматривая сообщеніе прокурора харьковскаго окружнаго суда, сознается, что „*въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній для принятія подобной мѣры*“, но оно оправдываетъ г Зографа тѣмъ, что „*обстоятельства настоящаго дѣла не исключаютъ возможности примѣняться въ этомъ случаѣ къ Высочайше утвержденнымъ правиламъ 1 сентября 1873 года, такъ какъ покушеніе на жизнь полицейскихъ чиновъ можетъ быть и съ политическою цѣлію*“. Ясно, что законъ не предоставлялъ г. Зографу права брать подъ стражу человѣка, если губернскому правленію въ оправданіе его дѣйствій пришлось ссылаться на правила, установленныя для политическихъ преступленій, хотя въ настоящемъ случаѣ никакого повода къ подобнымъ предположеніямъ не представлялось, да и самое предположеніе о покушеніи на жизнь г. Зографа, какъ мы видѣли, было совершенно фиктивное. Относительно же того обстоятельства, что крестьянинъ Пономаревъ могъ скрыться и такимъ образомъ избѣжать административной высылки, о которой ходатайствовалъ г. Зографъ, и что здѣсь являлась необходимость пресѣчь Пономареву эту возможность, то на это можно возразить только, что окончательное рѣшеніе въ этомъ случаѣ принадлежало г. генералъ-губернатору и до разрѣшенія этого вопроса полиціи вовсе не предоставлено угадывать это рѣшеніе и стѣснять чѣмъ-либо свободу лица, никѣмъ не осужденнаго, тѣмъ болѣе, что г. генералъ-губернаторъ могъ совершенно не согласиться съ мнѣніемъ исправника и вовсе не признать высылку необходимой или могъ предписать обязать лишь подпиской о выѣздѣ въ извѣстный срокъ безъ лишенія свободы и съ предоставленіемъ высылаемому избрать мѣсто жительства. Въ обоихъ этихъ случаяхъ арестъ не могъ имѣть ни тѣни, не говоримъ законности, но даже цѣлесообразности.

Если затѣмъ намъ укажутъ еще на два заявленія, одно г-жи Ивановой, о томъ, что сынъ ея пьянствовалъ и игралъ въ трактирѣ Пономарева на билліардѣ, а также другое крестьянина Галушки, что сынъ его, не заплативъ въ трактирѣ Пономарева, остался ему долженъ и въ обезпеченіе долга оставилъ сюртукъ, то, во-первыхъ, родителямъ очень есте-

ственно претендовать на тѣхъ трактирщиковъ, въ заведеніяхъ которыхъ ихъ дѣти пьянствуютъ, и они, разумѣется, готовы взвести на трактирщиковъ Богъ знаетъ что. Но, допуская даже какія-либо недобросовѣстныя дѣйствія со стороны Пономарева, нельзя не замѣтить, что они могли послужить поводомъ къ преслѣдованію Пономарева судомъ, а не административной высылкой, и къ тому же только тогда, когда виновность его была бы доказана предварительнымъ слѣдствіемъ, чего въ настоящихъ случаяхъ вовсе не было, такъ что поданныя исправнику заявленія остались безъ послѣдствій, по всей вѣроятности, на томъ основаніи, что были признаны имъ самимъ незаслуживающими уваженія. Такимъ образомъ и эти заявленія не могли служить основаніемъ для ареста.

И такъ, мы разсмотрѣли всѣ выставленные *Московскими Вѣдомостями* поводы для ареста Пономарева и ни въ одномъ изъ нихъ не нашли и тѣни законности. Теперь посмотримъ на существующіе у насъ законы, гарантирующіе личную свободу частныхъ лицъ. Вторая часть 348 статьи уложенія о наказаніяхъ говоритъ: когда кто-либо взятъ подъ стражу, безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, или когда виновный въ томъ не имѣлъ на сіе по закону или особому разрѣшенію права, то онъ подвергается высшей мѣрѣ наказанія, въ статьяхъ 1540—1544 опредѣленныхъ за противузаконное задержаніе и заключеніе. Въ приведенной же 1540 статьѣ говорится: кто, *по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ*, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ коихъ задержаніе и самое предварительное заключеніе по уликамъ, или подозрѣніямъ, или же въ видѣ показанія дозволено, или предписано закономъ самовольно и насильственно лишить кого-либо свободы, тотъ.... если таковое заключеніе или задержаніе продолжалось болѣе недѣли, но, однакожъ, не болѣе трехъ мѣсяцевъ, то виновный въ ономъ, смотря по продолжительности заключенія или задержанія, подвергается: лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи ст. 50 сего уложенія, правъ и преимуществъ и *заключенію въ смирительномъ домѣ* на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. А такъ какъ мы видѣли выше, что крестьянинъ Пономаревъ содержался болѣе трехъ недѣль безъ всякаго законнаго повода и даже, какъ мы увидимъ ниже, безъ соблюденія должныхъ формальностей, то г. Зографъ прямо совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2-й частью 348 ст., и подлежалъ наказанію по 2 части 1540 статьи, т.-е. ограниченію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на время болѣе восьми мѣсяцевъ, такъ какъ Пономаревъ содержался болѣе трехъ недѣль. На этомъ основаніи, присяжные совершенно справедливо признали его виновность, а судъ, насколько можемъ припомнить, отнесся къ нему довольно снисходительно и присудилъ его къ менѣе тяжкому наказанію.

Московскія Вѣдомости силятся доказать, что арестъ Пономарева былъ сдѣланъ въ видахъ предосторожности и во исполненіе служебныхъ обязанностей. Очень можетъ быть, что г. Зографъ не имѣлъ никакого злаго

умысла при этомъ; но дѣло въ томъ, что подчеркнутыя нами слова закона не позволяютъ обращать вниманія ни на какія намѣренія человѣка, посягнувшаго внѣ правилъ на свободу другаго человѣка, и г. Зографъ долженъ быть присужденъ къ наказанію, хотя бы онъ поступилъ такъ и съ добрыми намѣреніями. Къ сожалѣнію, свобода личности, хотя и ограждена у насъ закономъ, но на практикѣ самоуправство полицейскихъ чиновъ встрѣчается такъ часто, что г. Зографу арестъ какого-нибудь крестьянина могъ казаться дѣломъ заурядным, и мы готовы допустить, что онъ не находилъ ничего преступнаго въ этомъ случаѣ и поступилъ только легкомысленно. Но, если практика извращаетъ настолько понятія полицейскихъ чиновъ, что они не считаютъ нужнымъ даже знать законы, ограждающіе свободу обывателей, то обстоятельство это еще сильнѣе обязывало лицъ судебнаго вѣдомства настаивать на примѣненіи въ данномъ случаѣ силы закона, и намъ кажется, что честные люди могутъ отнестись къ дѣйствіямъ мироваго судьи Малиновскаго, обнаружившаго преступленіе г. Зографа, только съ благодарностью и сочувствіемъ. Между тѣмъ, не такъ поступаютъ *Московскія Вѣдомости*. Онѣ не пожалѣли словъ, чтобъ забросать г. Малиновскаго всяческой бранью и кинуть на него тѣнь подозрѣнія въ неблагонадежности. Ни къ селу, ни къ городу газета припомнила, что были и такіе мировые судьи, которые судились по политическимъ преступленіямъ. Спрашивается: что это такое? Зачѣмъ понадобилась подобная аргументація?

Г. Малиновскій въ настоящемъ случаѣ исполнилъ только свою обязанность. Получивъ заявленіе о незаконномъ лишеніи свободы крестьянина Пономарева, онъ лично удостовѣрился въ справедливости этого и, не найдя никакого постановленія въ полицейскомъ управленіи объ его арестѣ, требовалъ его освобожденія, что, однако же, исполнено не было. Фактъ отсутствія постановленія, во время посѣщенія полицейскаго управленія мировымъ судьей, г. Зографъ объясняетъ случайностію и это объясненіе, приведенное въ постановленіи губернскаго правленія 13 августа 1880 года, состоитъ въ томъ, что постановленіе объ арестѣ было составлено 30 мая, на другой же день послѣ ареста, и «*копія съ него* тогда же передана была полицейскому унтеръ-офицеру; случайно, при посѣщеніи арестантской мировымъ судьею, полицейскій тотъ былъ въ командировкѣ и унесъ съ собою копію, но черезъ нѣсколько часовъ она была предъявлена судьѣ». Такое объясненіе, по нашему мнѣнію, не заслуживало ни малѣйшаго довѣрія и губернское правленіе менѣе нежели кто-нибудь имѣло право принять такое объясненіе какъ обстоятельство, оправдывающее г. Зографа: губернское правленіе должно было знать лучше нежели кто-нибудь, что находящіеся въ мѣстахъ заключенія документы хранятся не въ карманахъ полицейскихъ унтеръ-офицеровъ, а должны находиться при дежурствѣ полицейскаго управленія, дежурнаго чиновника, и не могутъ быть выносимы изъ полицейскаго управленія; затѣмъ, если бы по какой-либо случайности указанная копія съ постановленія и не могла быть предъявлена мировому судьѣ,

то во всякомъ случаѣ имѣлось въ полицейскомъ управленіи подлинное постановленіе, которое, конечно, не могло находиться въ карманѣ откомандированнаго унтеръ-офицера и при личномъ объясненіи исправника съ мировымъ судьей, 14 іюня 1880 года, могло быть предъявлено послѣднему. Но этого, однако же, сдѣлано не было и лишь на другой день было доставлено при отношеніи. Отсюда ясно, что Пономаревъ содержался по обыкновенной халатности нашихъ полицейскихъ чиновъ безъ всякаго постановленія и оно было составлено тогда только, когда въ дѣло вмѣшался мировой судья, и составлено заднимъ числомъ, что, въ свою очередь, составляетъ преступное дѣйствіе со стороны г. Зографа. Всѣ эти обстоятельства не должны были остаться безъ вниманія со стороны губернскаго правленія, а, напротивъ, обязывали послѣднее отнестись къ сообщенію прокурора серьезнѣе и назначить слѣдствіе о поступкѣ г. Зографа; оставленіе же этого дѣла безъ послѣдствій представляется намъ также нарушеніемъ служебныхъ обязанностей и бездѣйствіемъ власти и мы можемъ только пожалѣть, что правительствующій сенатъ не привлекъ въ этомъ случаѣ губернское правленіе хотя бы къ дисциплинарной отвѣтственности.

Мировой судья, получивъ копію съ постановленія исправника, призналъ послѣдняго на основаніи 10 ст. устава уголовнаго судопроизводства не подлежащей властію для подобнаго распоряженія и постановилъ освободить Пономарева, а копію съ сего постановленія препроводить къ прокурору харьковскаго окружнаго суда. Мы думаемъ, что мировой судья имѣлъ полное право признать въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ исправника неподлежащей властію для постановленія объ арестѣ, такъ какъ Пономаревъ, какъ видно изъ самаго постановленія, обвинялся въ подговорѣ къ убійству, т.-е. въ такомъ дѣйствіи, по которому уставомъ уголовнаго судопроизводства, статьею 256 и послѣдующими, полиціи предоставлено принимать мѣры только при отсутствіи судебнаго слѣдователя и прибѣгать къ аресту только при несомнѣнности уликъ и въ виду опасенія, что несомнѣнный преступникъ скроется; здѣсь же даже фактъ подговора подтвержденъ ни чѣмъ не былъ, а потому, при сомнительности самаго факта преступленія, подобную мѣру могъ принять только судебный слѣдователь, отсутствіе котораго изъ города въ теченіе двухъ недѣль, что только и давало право дѣйствовать полиціи самостоятельно, со стороны исправника доказано не было. Поэтому распоряженіе судьи было вполнѣ основательно, но оно было не достаточно мотивировано, тѣмъ болѣе, что, кромѣ того обстоятельства, что въ данномъ случаѣ исправникъ не могъ быть подлежащей властію для постановленія объ арестѣ, онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ для этого, о чемъ въ приговорѣ судьи вовсе не упоминается, но такое упущеніе судьи могло бы только тогда имѣть значеніе, если бы обстоятельства этого дѣла показались прокурору харьковскаго окружнаго суда недостаточно убѣдительными для возбужденія дѣла объ отвѣтствен-

ности г. Зографа; но такъ какъ этого не случилось, то эта недостаточность мотивировки не имѣла вредныхъ послѣдствій.

Довести до свѣдѣнія прокурора харьковскаго окружнаго суда о незаконныхъ дѣйствіяхъ исправника мировой судья не только имѣлъ право, но обязывался и присягой, данной имъ въ качествѣ судьи, и положительнымъ закономъ, выраженнымъ не только въ 10, 53 и 487 статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства, а по аналогіи и въ статьѣ 8 гражданскаго судопроизводства, но и по всему духу нашего законодательства, которое обязываетъ даже частныхъ лицъ доводить до свѣдѣнія подлежащихъ властей о совершающихся противузаконныхъ дѣйствіяхъ. Подобныя распоряженія судебныхъ лицъ и мѣстъ не подлежатъ даже обжалованію (рѣшенія кассаціоннаго департамента 1867 г., № 493, и 1869 г., № 902).

Съ своей стороны прокуроръ харьковскаго окружнаго суда поступилъ также совершенно правильно: получивъ увѣдомленіе мироваго судьи о совершившемся, онъ сообщилъ на распоряженіе губернскаго правленія согласно 1085 статьи устава уголовнаго судопроизводства, а затѣмъ, не соглашаясь съ постановленіемъ правленія 13 августа 1880 года, онъ довелъ до свѣдѣнія правительствующаго сената, что предписывалось ему 1092 и 1093 статьями того же устава.

Затѣмъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ правительствующемъ сенатѣ, г. Зографъ признанъ подлежащимъ отвѣтственности за противузаконное лишеніе свободы и преданъ суду харьковской судебной палаты съ участіемъ присяжныхъ, которыми и признанъ виновнымъ и приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, т.-е. къ наказанію значительно меньшему, чѣмъ полагаетъ законъ.

Что же ненормальнаго заключается во всемъ этомъ дѣлѣ и, притомъ, настолько, что *Московскія Вѣдомости* сочли необходимымъ поднять снова вопросъ объ этомъ дѣлѣ и взвести на судебное вѣдомство обвиненіе въ оскорбленіи правительственной власти? Вотъ заключительныя слова передовой статьи въ № отъ 14 февраля: «Въ результатѣ всѣхъ этихъ незаконныхъ дѣяній судебной іерархіи *и въ низшихъ и въ высшихъ ея инстанціяхъ* было съ одной стороны осужденіе невиннаго человѣка, съ другой—оскорбленіе правительственной власти».

Но можетъ ли власть оскорбиться тѣмъ, что не въ мѣру расходившійся исправникъ подвергнутъ наказанію, вполнѣ имъ заслуженному? Неужели же для поддержанія достоинства власти нужно, чтобъ всѣ нарушенія законовъ, ограждающихъ свободу личности, оставались безнаказанными? Вѣдь, послѣ этого остается только требовать, чтобъ полицейскіе чины, изобличенные въ убійствѣ съ корыстною цѣлію, тоже не подвергались наказаніямъ по приговорамъ судебной власти.

Мы не стали бы такъ подробно говорить объ этомъ, давно забытомъ дѣлѣ, если бы оно не представило повода къ очень характеристическому эпизоду той пропаганды, которую ведутъ *Московскія Вѣдомости* противъ нашего

судебнаго вѣдомства съ энергіей, достойной лучшаго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ случайно приняли участіе мировой судья, прокуроръ окружнаго суда, правительствующій сенатъ, затѣмъ судебный слѣдователь, товарищъ прокурора и, наконецъ, судебная палата съ присяжными засѣдателями. Такимъ образомъ цѣлая судебная іерархія разомъ могла быть обвинена и забросана грязью. Можно ли было пропустить такой случай, въ особенности, когда представляется возможность взять подъ свою защиту полицейскаго чиновника, представляющаго собою въ извѣстномъ округѣ властную руку? Въ этихъ видахъ, конечно, нужно было взять старое, забытое дѣло, провѣрять фактическую сторону котораго, конечно, не будутъ, а потому здѣсь можно дать волю своей фантазіи извращать истину сколько угодно и привести къ такимъ выводамъ, которые могутъ показаться логичными. А чтобъ достигнуть этой цѣли, можно напечатать рядъ документовъ, которые, по всей вѣроятности, останутся непрочтенными и будутъ служить только для подтвержденія того, что г. Зографъ пострадалъ за человѣка очень дурной нравственности, на защиту котораго выступило все судебное вѣдомство.

Такія соображенія могли быть сдѣланы въ разсчетѣ на невѣжество или невнимательность читателей, но русское общество, конечно, съумѣетъ понять, во-первыхъ, что здѣсь личность Пономарева не играетъ никакой роли; во-вторыхъ, что судебное вѣдомство ополчилось на г. Зографа потому, что въ его дѣйствіяхъ заключались самоуправство и нарушеніе закона, ограждающаго свободу личности и, въ-третьихъ, что это дѣло представляетъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ примѣровъ, когда злоупотребленіе властію получаетъ свое возмездіе.

Что дѣло о высылкѣ Пономарева было также раздуто г. Зографомъ, это видно изъ того, что какъ скоро возбуждено было дѣло въ правительствующемъ сенатѣ о незаконномъ лишеніи свободы Пономарева, какъ состоялось и разрѣшеніе харьковскаго генералъ-губернатора о его возвращеніи на родину, о чемъ и сообщено харьковскому губернатору 9 іюня 1881 года.

Обсуждая, наконецъ, всю совокупность обстоятельствъ этого дѣла, мы должны замѣтить, что въ немъ допущены нѣкоторыя отступленія отъ законнаго порядка вещей. Такъ, напр., харьковское губернское правленіе, разсматривая объясненіе г. Зографа по сообщенію прокурора, не обратило никакого вниманія на незаконность дѣйствій исправника и тѣмъ вызвало положительное бездѣйствіе власти. Хотя въ настоящемъ случаѣ, благодаря настойчивости прокурора харьковскаго окружнаго суда, дѣло это получило законное направленіе, но, тѣмъ не менѣе, подобное отношеніе къ дѣйствіямъ подчиненныхъ правленію лицъ не могло остаться безъ вредныхъ послѣдствій вообще, такъ какъ оно составляетъ попустительство къ превышенію власти и предусмотрѣно 342 статьей уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ, правительствующій сенатъ, предписывая привлечь къ отвѣтственности исправника Зографа, вовсе не обратилъ вниманія на отноше-

ніе къ этому дѣлу губернскаго правленія. Затѣмъ, разсматривая дѣйствія г. Зографа, сенатъ не обратилъ вниманія также и на то, что г. Зографъ оказалъ сопротивленіе постановленію судебной власти и не исполнилъ немедленно приговора мироваго судьи. Законный порядокъ вещей до тѣхъ поръ не можетъ у насъ водвориться, пока полицейскимъ чинамъ будетъ дозволено обсуждать—законно или нѣтъ постановленіе судебной власти. Разъ судебная власть принимаетъ на себя отвѣтственность за извѣстное рѣшеніе, полицейскій чиновникъ не долженъ сопротивляться исполненію, какъ бы незаконно ни казалось ему это рѣшеніе; а подобное сопротивленіе предусмотрѣно въ 344 статьѣ уложенія о наказаніяхъ. Поэтому г. Зографа слѣдовало привлечь къ отвѣтственности не за одно противузаконное лишеніе свободы, а по совокупности преступленій за *препятствіе дѣйствіямъ другаго по отправленію должности*. Вмѣстѣ съ г. Зографомъ должны были подлежать отвѣтственности передъ судомъ и полицейскіе служители, не исполнившіе приказа мироваго судьи объ освобожденіи Пономарева, когда судья именемъ закона требовалъ освобожденія. Повторяемъ, мы не увидимъ законнаго порядка вещей до тѣхъ поръ, пока подчиненное лицо не будетъ отвѣчать за исполненіе незаконныхъ приказаній начальства. Наконецъ, судебная палата, присуждая наказаніе г. Зографу, была слишкомъ снисходительна, понизивши ему наказаніе, положенное закономъ, на четыре степени.

Но не одно это дѣло даетъ поводъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* нападать на наши судебныя учрежденія. Дѣло князя Оболенскаго и кронштадтскаго банка послужило къ тому же поводомъ. Тогда газета эта набросилась на судебное вѣдомство за привлеченіе къ судебной отвѣтственности титулованнаго лица за явную мошенническую сдѣлку съ воротилами банка, состоявшую въ томъ, что вкладные билеты банка выдавались подъ векселя князя, и силилась доказать, что въ подобной сдѣлкѣ нѣтъ ничего законо-противнаго, и весьма возрадовалась, когда присяжные вынесли оправдательный вердиктъ князю. Въ виду того обстоятельства, что вы можете, учтя въ банкѣ принадлежащій вамъ векселъ, внести полученныя вами деньги въ тотъ же банкъ и получить вкладной билетъ, газета доказывала, что и въ систематическомъ обмѣнѣ дутыхъ векселей на вкладные билеты нѣтъ ничего преступнаго. Нужды нѣтъ, что подобныя сдѣлки банка съ отдѣльными лицами привели банкъ въ несостоятельность и разорили въ конецъ массу его кліентовъ; нужды нѣтъ, что подобное мошенничество доставляетъ возможность частному лицу, вмѣсто ничего не стоющихъ подписей своей и своего пріятеля, имѣть въ укахъ бумагу, пользующуюся въ обществѣ кредитомъ, и обманывать такимъ образомъ не только частныхъ лицъ, но и правительство, принимающее вкладные билеты частныхъ банковъ въ залогъ по своимъ операціямъ,—вся эта безнравственная махинація не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ газеты, а преступны только тенденціи судебнаго вѣдомства, привлекающаго къ отвѣту передъ судомъ такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ г. Суздальцевъ и князь Оболенскій. Можно ли сильнѣе извращать здравый смыслъ

и значеніе такихъ простыхъ и не подлежащихъ, повидимому, никакому спору явленій нашей жизни? Позволительно ли печатному органу, сколько-нибудь уважающему и себя, и своихъ читателей, пользуясь недомолвками и пробѣлами нашего банковаго законодательства и неосторожнымъ разрѣшеніемъ частнымъ банкамъ выдавать вкладные билеты на предъявителя,—разрѣшеніемъ, создающимъ возможность подобныхъ мошенническихъ сдѣлокъ, — позволительно ли, говоримъ мы, топтать въ грязь нравственныя понятія общества, доказывая, что въ подобныхъ дѣйствіяхъ нѣтъ ничего преступнаго и безнравственнаго?

Въ оправданіе этого намъ случилось слышать такое соображеніе, что операціи съ выдачею вкладныхъ билетовъ взамѣнъ векселей совершались не въ одномъ кронштадтскомъ банкѣ, что онѣ производились также и въ волжско-камскомъ банкѣ, при прежнемъ управленіи, и что правительство потерпѣло на нихъ значительные убытки по взиманію солянаго налога и было принуждено вмѣсто этихъ билетовъ принять недвижимое имущество, далеко не стоившее тѣхъ суммъ, которыя были обезпечены вкладными билетами. Почему же, говорили намъ, это обстоятельство не вызвало никакихъ преслѣдованій, а дѣятели кронштадтскаго банка привлечены къ отвѣтственности предъ судомъ? Но мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: причемъ же тутъ дѣятели судебнаго вѣдомства, чтобъ вспрокидываться на нихъ за то, что они исполнили свой долгъ по дѣлу, поступившему въ ихъ вѣдѣніе? Вѣдь, гражданское дѣло, какими бы обманными дѣйствіями оно ни сопровождалось, можетъ поступить въ вѣдѣніе судебной власти только по жалобѣ потерпѣвшей стороны; если же оно оканчивается миролюбивой сдѣлкой, то оно никогда не поступитъ въ вѣдѣніе суда и виновные, конечно, не могутъ быть привлечены къ отвѣтственоости. Но, спрашивается, причемъ же тутъ судъ?

Въ отношеніи *Московскихъ Вѣдомостей* къ дѣлу князя Оболенскаго замѣчательно то, что онѣ возрадовались оправданію князя, несмотря на явную его виновность, тогда какъ во всѣхъ другихъ случахъ, когда присяжные засѣдатели оправдываютъ виновныхъ при несомнѣнности факта преступнаго дѣянія, онѣ вскидывается на присяжныхъ и не находитъ слишкомъ рѣзкихъ словъ, чтобъ подвергать ихъ оплеванію. Мы, конечно, не позволимъ себѣ входить въ обсужденіе тѣхъ мотивовъ, которые руководятъ присяжными при постановленіи того или другаго вердикта, на томъ основаніи, что трудно проникнуть въ совѣсть людей, произносящихъ приговоръ. Мы думаемъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ приговоръ есть необходимое слѣдствіе той обстановки, въ которой находился обвиняемый во время совершенія преступнаго дѣянія, и въ болѣе или менѣе удачномъ воспроизведеніи этой обстановки во время судебнаго слѣдствія, такъ что приговоръ присяжныхъ вовсе не зависитъ отъ ихъ воли: они являются только истолкователями того впечатлѣнія, какое выноситъ каждый человѣкъ изъ судебнаго засѣданія. Но достоинство нашего суда состоитъ именно въ

томъ, что приговоръ присяжныхъ, если онъ явился слѣдствіемъ неправильнаго веденія дѣла или неправильной постановки вопросовъ на ихъ разрѣшеніе, можетъ быть отмѣненъ. Такъ, въ настоящемъ случаѣ прокурору не трудно было добиться кассированія приговора и новаго разсмотрѣнія дѣла, причемъ, конечно, ошибка присяжныхъ можетъ быть исправлена и виновные получатъ должное.

Въ ожиданіи будущаго разсмотрѣнія этого дѣла, *Московскія Вѣдомости* пробавляются мелкими литературными процессами, чтобъ изливать свою желчь на представителей судебной власти. Такъ, въ № отъ 7 февраля помѣщена передовая статья, доказывающая неправильность привлеченія къ суду редактора *Петербургской Газеты* г. Худекова и г. Гермоніуса, автора статьи по процессу кронштадтскаго банка, помѣщенной въ означенной газетѣ 9 марта 1883 года, за напечатаніе данныхъ предварительнаго слѣдствія ранѣе судебнаго засѣданія, которое началось въ петербургскомъ окружномъ судѣ только 14 марта 1883 года. Между тѣмъ, мы видимъ, что Высочайше утвержденными 20 ноября 1864 г. правилами для печатанія судебныхъ рѣшеній статьями 1 и 2 повременнымъ изданіямъ разрѣшается печатать рѣшенія по существу дѣла въ томъ видѣ, въ которомъ они изложены въ приговорѣ или рѣшеніи, а также о всемъ происходившемъ въ публичномъ засѣданіи судебнаго установленія при разсмотрѣніи дѣлъ; слѣдовательно, не прежде, а послѣ засѣданія. Затѣмъ, въ видѣ продолженія къ 1038 ст. уложенія о наказаніяхъ, установлено и взысканіе за опубликованіе данныхъ предварительнаго слѣдствія до публичнаго засѣданія. Стало быть, судебная власть не только имѣла право, но и была обязана привлечь виновныхъ къ отвѣтственности за несоблюденіе установленныхъ закономъ правилъ. Что же дѣлаютъ *Московскія Вѣдомости*? Онѣ усиливаются доказать, что отъ опубликованія данныхъ предварительнаго слѣдствія въ то время, когда обвинительный актъ уже врученъ обвиняемымъ, и отъ обсужденія поводовъ къ судебному преслѣдованію никакого вреда для дѣла быть не можетъ. Положимъ такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Законъ, все-таки, остается закономъ, запрещающимъ оглашать данныя предварительнаго слѣдствія до судебнаго разбирательства въ публичномъ засѣданіи. Пока существуетъ этотъ законъ, никто не имѣетъ права опредѣлять другаго срока для оглашенія данныхъ предварительнаго слѣдствія. Если бы критеріемъ для опредѣленія этого срока могъ быть только возможный вредъ для дѣла, безъ точнаго его обозначенія, то всякій будетъ опредѣлять его по своему усмотрѣнію и законъ, не дозволяющій опубликовывать фактической стороны дѣла, останется мертвой буквой. Если *Московскія Вѣдомости* находятъ, что никакого вреда для дѣла быть не можетъ отъ его оглашенія съ момента врученія обвинительнаго акта подсудимымъ, то и слѣдовало бы доказывать необходимость измѣненія въ этомъ смыслѣ существующаго закона и нечего было вспрокидываться на судебное вѣдомство и обвинять его въ незаконномъ привлеченіи газеты къ суду, въ распространительномъ толкованіи

закона и въ желаніи затѣять дѣло *ради острастки*. Въ этомъ случаѣ судебная власть только исполняла законъ и ничего болѣе; между тѣмъ, вотъ что говоритъ московская газета: «И такъ, вредныхъ послѣдствій, предусматриваемыхъ закономъ, не могло произойти отъ того, что нѣкто студентъ юридическаго факультета Гермоніусъ (не тотъ ли это Гермоніусъ, который еще во времена «диктатуры сердца» явился энергическимъ защитникомъ порядка, за что былъ судимъ университетскимъ судомъ и подвергся, кажется, какому-то взысканію?) сказалъ нѣсколько словъ касательно обвинительнаго опредѣленія. И виноватъ ли этотъ студентъ Гермоніусъ, что совѣсть присяжныхъ, передъ которыми было раскрыто дѣло со всѣми его подробностями, оправдала сужденія его, а не прокуратуры и судебной палаты? Вотъ вамъ и совѣсть присяжныхъ! Какъ только случится ей высказаться не по насъ, мы ее по боку. Если же никакихъ вредныхъ послѣдствій не только не произошло, но и не могло произойти, то въ чемъ же бѣда и зачѣмъ было нужно дѣлать насиліе закону, чтобъ привлечь редактора газеты и автора статьи къ суду? Требуется «уваженіе къ судебной власти»; допускается только рукоплескать ей, но находить въ чемъ-либо неправильными или несправедливыми ея дѣйствія значитъ оскорблять ея величество. Но цѣну имѣетъ уваженіе, которое заслуживается, а не налагается. Правда, государственная власть должна требовать къ себѣ уваженія вольнаго или невольнаго, ибо органы ея вынуждались бы каждый разъ прибѣгать къ силѣ, если бы общество не оказывало имъ безпрекословнаго повиновенія. Но судебная корпорація выдѣляетъ себя изъ системы правительственныхъ учрежденій, мнитъ себя независимою отъ правительства даже въ томъ высшемъ значеніи, какое оно имѣетъ въ Россіи, даже можетъ находиться въ оппозиціи съ нимъ. Какъ же претендовать ей на то *обязательное* (курсивъ въ подлинникѣ) уваженіе, которое должно быть принадлежностію лишь правительственной власти? Да и зачѣмъ понадобилось бы ей уваженіе? За исполненіе судебныхъ рѣшеній ручается правительство; судамъ нечего безпокоиться объ исполненіи ихъ рѣшеній. Все съ совершенною точностію и безпрекословно исполняется тою самою полиціею, которой нерѣдко, кстати и не кстати, приходится такъ солоно въ судебныхъ засѣданіяхъ. Стало быть, судебная власть можетъ очень удобно обходиться и безъ уваженія».

Тирада эта начинается какой-то инсинуаціей на университетскую корпорацію по поводу имени автора статьи и сдѣлана она мимоходомъ. Зачѣмъ понадобилась эта вставочная инсинуація, неизвѣстно. Затѣмъ неправильное обвиненіе прокуратуры въ томъ, что будто бы редакторъ газеты и авторъ статьи привлечены къ отвѣтственности за то, что они указывали на неправильность привлеченія къ суду князя Оболенскаго и Суздальцева и, притомъ, въ досадѣ, что присяжные согласились съ доводами газеты и оправдали обвиняемыхъ, тогда какъ они судились за преждевременное опубликованіе фактической стороны дѣла, а вовсе не за высказанное мнѣніе о неправильности обвиненія. Далѣе опять неосновательное утвержденіе.

что здѣсь сдѣлано насиліе закону, тогда какъ законъ прямо воспрещаетъ оглашеніе фактической стороны дѣла ранѣе публичнаго засѣданія. Въ чемъ же выразилось здѣсь небрежное отношеніе судебной власти къ совѣсти присяжныхъ и чѣмъ она показала, что *желаетъ ее по боку?* Фраза приведена ни къ селу, ни къ городу. И изъ чего заключилъ авторъ, что судебная корпорація выдѣляетъ себя изъ системы правительственныхъ учрежденій и мнитъ себя независимой отъ правительства? Судебная корпорація сама не можетъ себя выдѣлять ни откуда и не можетъ создавать себѣ никакого положенія: ее положеніе создано закономъ, изданнымъ Высочайшей волей, и поставлено въ независимое положеніе вовсе не отъ правительства, какъ утверждаютъ *Московскія Вѣдомости*, а отъ администраціи, что не одно и то же. Два рода органовъ правительственной власти—административная и судебная власть поставлены рядомъ, независимо одна отъ другой; каждая имѣетъ свой кругъ дѣятельности и имъ нечего, кажется, пререкаться изъ-за первенства.

Но и это еще не все. На другой день по напечатаніи этой статьи авторъ ея помѣщаетъ другую, въ которой говорится, что индуктивный методъ, идущій отъ частнаго къ общему и не пренебрегающій никакой мелочью, будетъ такъ же плодотворенъ въ сферѣ политической, какъ и въ естествознаніи. Статья считаетъ не лишнимъ обратить вниманіе еще на одинъ *мелкій* судебный фактъ, въ которомъ всякій съ совершенной наглядностію усмотритъ то положеніе дѣлъ, которое при незнаніи подробностей скрадывается въ туманныхъ очертаніяхъ, и обѣщаетъ относиться къ этому факту объективно, не внося въ него никакихъ лицепріятій. Конечно, это послѣднее обѣщаніе дается только на словахъ, на дѣлѣ же авторъ относится къ дѣлу совершенно субъективно, что и будетъ нами доказано ниже.

Мы совершенно согласны съ авторомъ статьи, что индуктивный методъ можетъ быть не безполезенъ въ сферѣ политической, но мы позволимъ себѣ замѣтить, не слишкомъ трудную задачу предположилъ себѣ авторъ? Вѣдь, индуктивный методъ требуетъ наблюденія цѣлой массы фактовъ и прежде чѣмъ поставить какую-либо гипотезу, необходимо точно опредѣлить отличительные признаки этихъ фактовъ и подмѣтить также и общіе, группировать ихъ по этимъ общимъ признакамъ и вновь подмѣчать общіе признаки отдѣльныхъ группъ, приводя ихъ къ единству. Только послѣ такой самой тщательной обработки матеріала можно позволить себѣ поставить гипотезу и такая гипотеза можетъ получить значеніе научнаго вывода только при тщательной повѣркѣ точности наблюденій со стороны другихъ ученыхъ. Но даже и научная гипотеза остается только гипотезой до тѣхъ поръ, пока существуетъ возможность предполагать существованіе фактовъ, противорѣчащихъ сдѣланному выводу. Такая тщательная разработка фактовъ требуется по отношенію къ области міра физическаго, гдѣ явленія представляются далеко менѣе сложными, чѣмъ явленія въ сферѣ политической, гдѣ объектами для наблюденій представляются люди съ ихъ матеріальными, умственными и нравственными потребностями и, притомъ, не только отдѣльные люди,

но и цѣлыя группы людей, болѣе или менѣе сложныя. Какая же масса наблюденій нужна, чтобъ придти къ какому-либо выводу по самому простѣйшему вопросу изъ политической жизни, идя путемъ индуктивнаго метода?

Такъ, напримѣръ, въ настоящей статьѣ авторъ предположилъ себѣ сравнить отношеніе судебныхъ учрежденій къ различнымъ органамъ печати съ отношеніемъ къ тѣмъ же органамъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Читатель, конечно, вправѣ требовать, чтобы всѣ органы нашей печати, по крайнѣй мѣрѣ, безцензурные, были опредѣлены по ихъ отличительнымъ признакамъ, чтобы они были сгруппированы по направленіямъ, чтобы всѣ производившіеся процессы по дѣламъ печати также были приведены и также распредѣлены по своимъ отличительнымъ и общимъ признакамъ. Точно также и административныя взысканія необходимо было не только исчислить, но и распредѣлить ихъ и по органамъ, на которые они падали, и по причинамъ, ихъ вызвавшимъ. Затѣмъ необходимо еще указать и тѣ функціи, которыя призваны выполнять судебныя учрежденія и главное управленіе по дѣламъ печати. Вотъ еслибъ нашъ авторъ принялъ всѣ эти обстоятельства и факты въ разсчетъ, тогда мы могли бы согласиться съ нимъ, что онъ шелъ въ своемъ изслѣдованіи путемъ индуктивнымъ.

Ничего, однако же, подобнаго въ статьѣ мы не видимъ: авторъ сопоставляетъ три опредѣленія судебныхъ мѣстъ Московской губерніи, одно по поводу клеветы, за которую судился г. Пастуховъ, редакторъ-издатель *Московскаго Листка*, и два по поводу клеветы, за которую судился г. Ланинъ, издатель *Русскаго Курьера*, и изъ сравненія двухъ родовъ наказанія, болѣе или менѣе строгаго, выводитъ, что судъ относится не одинаково къ издателямъ этихъ органовъ печати, и предполагаетъ, что эта разница обусловливается направленіемъ газеты, изъ которыхъ одно считается вреднымъ, другое полезнымъ. При этомъ авторъ статьи вовсе не указываетъ, въ чемъ состояла клевета, а, между тѣмъ, это составляетъ самый существенный признакъ при изслѣдованіи подобнаго рода явленій, такъ какъ клевета клеветѣ рознь. Можно оклеветать человѣка въ поступкѣ совершенно ничтожномъ, неимѣющемъ ровно никакого значенія, и это, все-таки, будетъ клевета; иногда же можно взвести на человѣка обвиненіе, не только позорящее его честь, но и подвергающее его тяжкому уголовному наказанію. Само собою разумѣется, что судъ соразмѣряетъ опредѣленное имъ наказаніе со степенью вреда, который наносится клеветою, а, между тѣмъ, этого признака преступленія въ статьѣ не указано и, слѣдовательно, нѣтъ критерія для сужденія о правильности постановленнаго приговора.

Точно также нѣтъ характеристики ни періодическихъ органовъ, редакторы которыхъ были привлечены къ отвѣтственности передъ судомъ, ни характеристики самихъ редакторовъ, между тѣмъ, и та, и другая могли имѣть значеніе на вѣсахъ правосудія. Бываютъ органы печати, спеціальность которыхъ есть шантажъ, сплетня и скандалъ; бываютъ другіе, которые не представляютъ собою рѣшительно ничего, кромѣ набора жалкихъ словъ,

между которыми попадаются иногда и хлесткія фразы, бо́льшею частію не идущія ни къ селу, ни городу. Есть также значительная разница и между редакторами. Для одного публичное осужденіе за клевету и обязательство напечатать приговоръ въ газетѣ составляютъ уже чувствительное наказаніе, способное понудить его къ бо́льшей осторожности на будущее время; другаго же, какъ говорится, и дубиной не проймешь. Само собою разумѣется, что судъ долженъ соразмѣрять наказанія со всѣми этими обстоятельствами, между тѣмъ какъ авторъ статьи игнорируетъ всѣ подобныя соображенія. На этомъ основаніи мы прямо можемъ сказать, что обѣщанной имъ объективности въ его отношеніи къ факту вовсе не оказалось на лицо, и докладъ, сдѣланный имъ читателю, указываетъ на присутствіе предвзятой мысли.

Но, кромѣ того, самая мысль сравнивать отношеніе къ извѣстнымъ органамъ печати главнаго управленія по дѣламъ печати и суда представляется положительно невозможною. Функціи этихъ двухъ учрежденій совершенно различны: первое наблюдаетъ за политическимъ и соціальнымъ направленіемъ органовъ печати, тогда какъ суду почти исключительно приходится имѣть дѣла съ нарушеніями со стороны печати правилъ нравственности и приличія по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ или обществъ. Какъ бы предосудительно съ точки зрѣнія нравственныхъ понятій ни велъ себя органъ печати, если только онъ не нарушаетъ цензурныхъ правилъ, главное управленіе по дѣламъ печати не имѣетъ никакого права подвергать такой органъ какимъ-либо административнымъ взысканіямъ, хотя бы по своимъ нравственнымъ понятіямъ оно относилось къ извѣстному органу даже съ полнымъ презрѣніемъ. Совсѣмъ другое дѣло судъ, который призванъ въ каждомъ подлежащемъ его разсмотрѣнію случаѣ оцѣнить нравственную сторону дѣла. Само собою разумѣется, что здѣсь нравственный обликъ подсудимаго, его умственныя способности и степень злаго умысла должны обусловливать болѣе или менѣе строгое къ нему отношеніе суда. Не понимать этого громаднаго различія *Московскія Вѣдомости*, конечно, не могутъ. Зачѣмъ же понадобилось имъ такое невозможное сравненіе? Слишкомъ было бы наивно съ нашей стороны предположить, что оно допущено по неосторожности или по несообразительности; напротивъ, мы утверждаемъ, что пріемъ этотъ сдѣланъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ возбуждать административныя сферы противъ судебныхъ учрежденій. Мы, конечно, убѣждены, что подобныя попытки, какъ бы ловко и тонко онѣ ни были задуманы, останутся безъ результата, но авторъ, конечно, могъ думать: отчего не попробовать?... Вѣдь капля камень долбитъ...

Мы считали необходимымъ высказаться по поводу той агитаціи, которую ведутъ *Московскія Вѣдомости* противъ нашихъ судебныхъ учрежденій, дорогихъ для каждаго человѣка, искренно преданнаго интересамъ родины,—учрежденій, составляющихъ славу прошедшаго царствованія. Если крестьянская реформа вызвала наше отечество къ новой жизни, уничтоживъ крѣпостное право въ самомъ грубомъ его проявленіи, то задача судебной реформы состояла въ

томъ, чтобъ уничтожить въ нашемъ обществѣ самые инстинкты этого права, которыми были проникнуты всѣ сферы нашей общественной жизни, и замѣнить царство произвола царствомъ закона. Само собою разумѣется, что такая роль новыхъ учрежденій не могла быть по вкусу всѣмъ поклонникамъ крѣпостныхъ порядковъ въ нашей общественной жизни и, конечно, только этимъ и объясняется ихъ вражда къ нимъ и агитація, о которой мы говорили и которая особенно усилилась въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, *Московскія Вѣдомости* въ теченіе только первой половины текущаго февраля помѣстили пять передовыхъ статей, направленныхъ къ тому, чтобъ подорвать довѣріе не только ко всему судебному персоналу, но и къ тѣмъ принципамъ, которые положены въ основу судебной реформы. Въ виду той неустойчивости понятій, которыя такъ замѣтны въ нашемъ обществѣ, въ виду, такъ сказать, шатанія общественной мысли, подобная агитація можетъ произвести извѣстное впечатлѣніе, и мы сочли своимъ долгомъ подробно разобрать эти статьи и показать, что въ нихъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго соображенія.

Впрочемъ, отстаивая судебную реформу противъ нападокъ на нихъ *Московскихъ Вѣдомостей*, мы не думаемъ утверждать, что наши судебные уставы не имѣютъ недостатковъ. Мы говоримъ только, что основные принципы реформы, въ особенности положенные въ основаніе реформы уголовнаго судопроизводства, должны быть дороги для каждаго истиннаго патріота, какъ благодѣтельные результаты вѣковаго общечеловѣческаго опыта; примѣненіе ихъ въ настоящее время представляетъ безусловную необходимость въ жизни каждаго благоустроеннаго общества. Что же касается подробностей, а также примѣненія на практикѣ основныхъ принциповъ, то въ этомъ отношеніи мы должны согласиться, что намъ остается пожелать очень многаго.

Само собою разумѣется, что подобный критическій разборъ судебныхъ уставовъ и установившихся на практикѣ порядковъ не можетъ быть предметомъ настоящей статьи. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ указать, по крайнѣй мѣрѣ, на нѣкоторую непослѣдовательность и неудобства нашего законодательства.

Институтъ судебной власти только тогда можетъ соотвѣтствовать своему назначенію и выполнять возложенную на него законодательствомъ функцію, когда онъ поставленъ совершенно самостоятельно и независимо отъ администраціи. Что бы ни говорили *Московскія Вѣдомости*, но имъ, конечно, не удастся сбить съ толку ни общественнаго мнѣнія, ни высшихъ правительственныхъ сферъ и заставить забыть ту почти азбучную истину, что администрація, судъ и государственный контроль представляютъ собою такія учрежденія, которыя должны стоять въ государственномъ управленіи рядомъ и не могутъ быть поставлены въ зависимость одно отъ другаго: администраціи принадлежитъ активная роль; суду и государственному контролю повѣрочная: первому въ дѣлахъ о нарушеніи существующихъ зако-

новъ, второму въ дѣлахъ по государственному хозяйству. Администрація, наблюдая за составленіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ, только констатируетъ фактъ нарушенія закона и указываетъ, если это возможно, лицо нарушителя; судебная власть повѣряетъ, дѣйствительно ли было это нарушеніе, произведено ли оно тѣмъ именно лицомъ, на которое указано, изслѣдуетъ, кѣмъ оно произведено, если виновный не указанъ, обсуждаетъ степень виновности и опредѣляетъ наказаніе. Распоряженіе административной власти, констатирующее фактъ нарушенія закона и указывающее нарушителя, можетъ получить въ глазахъ населенія авторитетъ и значеніе правильнаго и вполнѣ законнаго распоряженія только въ такомъ случаѣ, когда оно подтверждается судомъ вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ. Разъ этой независимости и самостоятельности не будетъ, всякій приговоръ суда будетъ казаться пустой формальностію, предрѣшенной заранѣе, а административное распоряженіе, какъ дѣйствіе одностороннее,—произволомъ. Не только масса населенія, но и образованное общество не можетъ слѣдить за дѣйствіями администраціи и удостовѣряться въ ихъ законности; между тѣмъ, для водворенія въ государствѣ полнаго благоустройства, для спокойствія самой администраціи и успѣшнаго развитія всѣхъ государственныхъ силъ необходимо, чтобъ населеніе исполняло требованія властей *не только за страхъ, но и за совѣсть*. Стало быть, въ интересахъ самой администраціи, въ видахъ охраненія ея авторитета въ глазахъ населенія, независимость и самостоятельность суда положительно необходимы, и намъ грустно, читатель, что эти очевидныя и простыя истины мы должны повторять теперь, черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ онѣ торжественно признаны и введены въ наше законодательство.

Дѣйствительно, въ основаніе нашей судебной реформы положено начало независимости суда отъ администраціи и судья не можетъ быть переводимъ съ одного мѣста на другое помимо его желанія, а можетъ быть устраненъ отъ должности только по суду. Но, намъ кажется, что это начало проведено въ судебныхъ уставахъ недостаточно послѣдовательно, а практика ограничила его еще болѣе. Мы говоримъ объ установившемся порядкѣ замѣщенія открывающихся вакансій какъ въ судахъ существующихъ, такъ и во вновь открывающихся. Хотя въ судебныхъ уставахъ и предоставляется каждому судебному учрежденію представлять кандидатовъ на замѣщеніе открывшейся среди его членовъ вакансіи, но мы очень часто встрѣчаемъ примѣры представленія на Высочайшее утвержденіе кандидатовъ, о которыхъ судебное учрежденіе вовсе не ходатайствовало. Въ настоящее время выборъ кандидатовъ зависитъ совершенно отъ министерства юстиціи, а такъ какъ министру юстиціи при значительномъ числѣ судебнаго персонала могутъ быть извѣстны только высшія лица судебной іерархіи, то фактически въ большинствѣ случаевъ этотъ выборъ зависитъ отъ канцеляріи министра. Слѣдствіемъ такого порядка вещей явилось то обстоятельство, что условія, установленныя судебными уставами для кандидатовъ на судебныя должности,

очень часто не соблюдаются, и въ спискахъ судебнаго персонала мы встрѣчаемъ лицъ, не получившихъ не только юридическаго, но и никакого образованія, а также лицъ, не прослужившихъ въ опредѣленныхъ должностяхъ узаконенныхъ сроковъ, и, притомъ, назначеніе этихъ лицъ происходило не только въ первое время, когда это допускалось закономъ въ видѣ исключенія, но и впослѣдствіи. Намъ кажется, что подобный порядокъ вещей не можетъ не вредить какъ достоинству, такъ и самостоятельности суда: мы смѣемъ утверждать это на томъ основаніи, что служебная карьера не можетъ не интересовать даже самыхъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей: а эта карьера оказывается въ полной зависимости не отъ закона и продолжительности службы, къ чему стремились судебные уставы, а отъ усмотрѣнія чиновъ министерства юстиціи и иногда даже отъ чиновъ второстепенныхъ.

Слѣдствіемъ того же порядка явилось то, что прокуратура, непосредственно зависящая отъ министерства, получила особое значеніе въ судебномъ мірѣ, и должности предсѣдателей судебныхъ учрежденій достаются въ большинствѣ случаевъ лицамъ, занимавшимъ прежде прокурорскія должности. Между тѣмъ, способности для успѣшнаго исполненія той и другой должности требуются совершенно иныя. Для исполненія прокурорскихъ обязанностей нуженъ человѣкъ находчивый и впечатлительный, тогда какъ судья долженъ быть человѣкъ вполнѣ хладнокровный и осторожный, способный отнестись критически къ каждому явленію и подробно его анализировать. Если же принять въ соображеніе, что умъ нашъ вслѣдствіе привычки изощряется особенно въ томъ, чѣмъ онъ преимущественно занимается, то необходимо придти къ заключенію, что прокуроръ, привыкшій въ теченіе довольно продолжительнаго времени отыскивать въ дѣлѣ и группировать однѣ улики виновности, будетъ очень одностороннимъ рѣшителемъ спора и станетъ помимо своей воли склонять вѣсы правосудія на сторону обвиненія, и практика представляетъ иногда примѣры, что заключительная рѣчь предсѣдателя мало чѣмъ отличается отъ рѣчи обвинителя. Если же судья, бывшій прокуроромъ, человѣкъ вполнѣ добросовѣстный, и замѣтитъ въ себѣ подобную привычку, то онъ не будетъ довѣрять себѣ и можетъ впасть въ противуположную крайность. Вообще отличный прокуроръ можетъ быть очень плохимъ судьею и наоборотъ; а потому намъ бы казалось, что при выборѣ кандидатовъ на судебныя должности необходимо строго взвѣшивать эти различныя способности людей и привычку ихъ къ той или другой дѣятельности, отнюдь не смѣшивая судебной карьеры съ карьерой прокурорскаго надзора. Но такъ какъ въ настоящее время выборъ кандидатовъ на тѣ и другія должности зависитъ всецѣло отъ министерства юстиціи, то это смѣшеніе почти неизбѣжно.

Мы готовы согласиться, что безусловное право самихъ судебныхъ учрежденій на представленіе кандидатовъ для замѣщенія вакансій, открывающихся въ этихъ учрежденіяхъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ правосудія, какъ по ограниченности контингента, изъ котораго можетъ быть сдѣланъ

выборъ, такъ и вслѣдствіе товарищескихъ отношеній лицъ одного судебнаго учрежденія; но мы думаемъ, что также неудобно ввѣрять этотъ выборъ единичному усмотрѣнію министра юстиціи, тѣмъ болѣе, что, по числу лицъ судебнаго персонала, онъ не можетъ руководиться однимъ личнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а по необходимости долженъ основывать свой выборъ на мнѣніи другихъ лицъ, вовсе не отвѣтственныхъ въ этомъ случаѣ. Кромѣ ого, для точнаго соблюденія тѣхъ правилъ, которыми обусловлено право на занятіе извѣстной должности, вопросъ этотъ долженъ рѣшаться коллегіальнымъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ трудно ожидать, чтобъ правила эти строго соблюдались, несмотря на всю важность и значеніе ихъ для поддержанія авторитета и достоинства суда: одному человѣку трудно устоять противъ личныхъ ходатайствъ и уберечься отъ личныхъ симпатій.

Намъ кажется, что всѣ эти неудобства могли бы быть вполнѣ устранены, еслибъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ судебныхъ палатъ велись списки лицъ, занимающихъ судебныя должности и имѣющихъ право на занятіе открывающихся вакансій въ округѣ палаты. Самый же выборъ кандидатовъ изъ числа имѣющихъ право могъ бы производиться въ періодическихъ съѣздахъ членовъ судебныхъ учрежденій округа палаты и восходить на Высочайшее утвержденіе чрезъ 1-й департаментъ правительствующаго сената, какъ вѣдающаго административныя дѣла, по Всеподданнѣйшему докладу постановленія сената первоприсутствующимъ. Мы убѣждены, что подобный порядокъ вещей устранилъ бы всѣ неудобства, существующія нынѣ, обезпечилъ бы вполнѣ строгое исполненіе установленныхъ правилъ и обезпечилъ бы служебное положеніе судебнаго персонала, предоставивъ всѣмъ одинаковую возможность повышенія при извѣстныхъ способностяхъ и нравственныхъ достоинствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и принципъ независимости суда отъ администраціи былъ бы проведенъ послѣдовательно, что, какъ мы думаемъ, не мало бы возвысило не только значеніе суда, но и авторитетъ административныхъ распоряженій. Не согласится съ этимъ можетъ только тотъ, кто думаетъ, что администрація въ своей дѣятельности не всегда можетъ держаться законной почвы.

Другой очень серьезный недостатокъ нашихъ судебныхъ уставовъ заключается въ порядкѣ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Извѣстно, что общій списокъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными засѣдателями, разсматривается въ особой коммиссіи, которая безконтрольно, руководствуясь только своими свѣдѣніями о способностяхъ и нравственномъ достоинствѣ лицъ, внесенныхъ въ общій списокъ, составляетъ особый, такъ-называемый очередной списокъ, въ который вноситъ опредѣленное число лицъ изъ каждаго города и уѣзда. Какой же принципъ принятъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей: законныя условія правоспособности или выборъ? Если законныя условія правоспособности, къ чему же тутъ коммиссія, которая дѣлаетъ нравственную оцѣнку своихъ согражданъ, и кто порукой, что члены коммиссіи сами способны сдѣлать эту оцѣнку, и

сдѣлаютъ ее безошибочно? Если же выборъ, то выборное начало только тогда имѣетъ смыслъ, когда значительное число голосовъ оцѣниваетъ достоинство одного или нѣсколькихъ лицъ, но теряетъ всякое значеніе, если выборъ двухъ сотъ или болѣе лицъ изъ нѣсколькихъ тысячъ поручается сдѣлать только нѣсколькимъ лицамъ. Нельзя допустить, чтобъ члены коммиссіи знали не только всѣхъ лицъ, включенныхъ въ общіе списки; но даже тѣхъ, кого они вносятъ въ очередные списки. Наиболѣе удачный исходъ дѣла получается тогда, когда списки составляются на обумъ, т.-е. когда рѣшеніе вопроса предоставляется случаю; въ противномъ случаѣ ошибки и злоупотребленія неизбѣжны. Въ массѣ голосовъ ошибка и недобросовѣстность теряютъ свое значеніе; но когда выборъ идетъ между нѣсколькихъ глазъ, тогда достаточно одного голоса, чтобъ испортить весь списокъ.

Но, кромѣ того, почему явилась необходимость назначать опредѣленное количество присяжныхъ для разныхъ городовъ и составлять отдѣльные очередные списки помимо общихъ? Если для того, чтобы возложить эту обязанность на болѣе способныхъ и нравственныхъ людей, то мы видѣли, что цѣль эта при избранномъ способѣ оцѣнки вовсе не достигается. А затѣмъ, чѣмъ бо́льшее число гражданъ несло бы эту обязанность, тѣмъ легче бы сдѣлалось исполненіе этой обязанности для остальныхъ и тѣмъ бо́льшее число присяжныхъ могло быть вызываемо въ каждое засѣданіе, представляя бо́льшій контингентъ для выбора посредствомъ жребія, а это обезпечивало бы болѣе безпристрастіе и справедливость приговора. Теперь при правѣ отвода 12 человѣкъ изъ 30, въ особенности когда прокуратура не пользуется этимъ правомъ, защита очень легко можетъ устранить лицъ, почему-либо неудобныхъ для нея, и оставить только тѣхъ, на которыхъ способъ защиты можетъ подѣйствовать. Съ вызовомъ же въ судъ, напр., 60 человѣкъ подобная цѣль не можетъ быть достигнута и правосудіе обезпечивается вѣрнѣе. Намъ кажется, что если въ обществѣ раздаются иногда жалобы на присяжныхъ и, притомъ, иногда жалобы справедливыя, то причину этого необходимо искать, во-первыхъ, въ составленіи особаго очереднаго списка присяжныхъ, что можетъ только портить контингентъ лицъ призываемыхъ, а затѣмъ въ ограниченномъ числѣ лицъ, изъ которыхъ дѣлается выборъ по жребію. Сколько мы ни думали о тѣхъ причинахъ, которыя могли привести къ ограниченію числа присяжныхъ для каждаго города и его уѣзда, мы не могли найти сколько-нибудь уважительныхъ доводовъ, оправдывающихъ установленіе подобныхъ правилъ, и намъ кажется, что практика вполнѣ доказала ихъ непрактичность и необходимость измѣненій въ этомъ смыслѣ.

Мы могли бы доказать необходимость и нѣкоторыхъ другихъ весьма существенныхъ поправокъ къ нашимъ судебнымъ уставамъ, какъ, напр. реорганизація весьма неудовлетворительно дѣйствующей слѣдственной части, но это не могло бы вмѣститься въ предѣлы настоящей бесѣды, которую пора и кончить.

Назарій Андреевичъ Ивановъ.

(Замѣтка).

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ 11 марта 1883 г., въ городѣ Вильнѣ, скончался *отъ истощенія силъ* заслуженный профессоръ Горнаго института, генералъ-маіоръ Назарій Андреевичъ Ивановъ.

Н. А. Ивановъ, сынъ бѣднаго отставнаго офицера, родился въ Екатеринославской губерніи, въ 1816 году. Числясь кандидатомъ перваго кадетскаго корпуса, по неимѣнію въ немъ ваканціи, былъ опредѣленъ въ 1829 году въ горный кадетскій корпусъ, названный впослѣдствіи Горнымъ институтомъ. Несмотря на отсутствіе всякой предварительной подготовки, пройдя два офицерскихъ класса, въ 1837 г. онъ кончилъ курсъ съ чиномъ поручика и, по указанію профессора химіи въ этомъ заведеніи, академика Гесса, назначенъ репетиторомъ къ нему по преподаванію аналитической химіи въ офицерскихъ классахъ. Не прошло и года, какъ поручено было ему химическое изслѣдованіе каменнаго угля, добывавшагося тогда въ Луганскомъ горномъ округѣ и въ Донецкомъ краѣ, съ каковою цѣлью былъ командированъ онъ на югъ Россіи начальникомъ горнаго штаба Чевкинымъ. Въ это же время Н. А. былъ назначенъ преподавателемъ теоретической химіи въ Горномъ институтѣ, съ оставленіемъ въ должности репетитора аналитической химіи и завѣдующаго институтскою учебною лабораторіею. Въ 1849 году, послѣ академика Гесса, каѳедра аналитической химіи въ Горномъ институтѣ перешла къ Н. А. и оставалась за нимъ вплоть до 1867 г., т.-е. до выслуги пенсіи по званію профессора. Въ томъ же 1849 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ пробирнаго училища и преподавателемъ въ немъ химіи и пробирнаго искусства, а въ 1857 г. поручено было Н. А. управленіе лабораторіею горнаго департамента, составлявшею особую при департаментѣ инстанцію, на обязанности которой лежало: производство химическихъ испытаній всѣхъ полезныхъ ископаемыхъ, открываемыхъ въ Россіи какъ казною, такъ и частными лицами, контролированіе достоинства монеты, испытаніе употребляемыхъ въ техникѣ сплавовъ, и пр. и пр. Двадцать одинъ годъ

Н. А. управлялъ этой лабораторіей, сохраняя, притомъ, преподаваніе химіи въ Горномъ институтѣ и въ пробирномъ училищѣ.

Въ 1865 г. признано было полезнымъ лабораторію горнаго департамента, какъ отдѣльное учрежденіе подъ вѣдомствомъ Н. А., соединить съ петербургской пробирною палаткою и состоящимъ при ней пробирнымъ училищемъ. Проектъ такого преобразованія, составленіе новаго штата соединеннаго учрежденія, а также и перестройка зданія, занимаемаго палаткою и училищемъ въ Казанской улицѣ, поручено было Н. А. Въ началѣ 1866 г. лабораторія могла уже быть открыта для ея дѣйствій и пробирныхъ испытаній. Для того, чтобы по достоинству оцѣнить всю важность этого преобразованія, вспомнимъ, что лабораторія горнаго департамента, сдѣлавшись вполнѣ доступною относительно химическихъ и пробирныхъ испытаній требованіямъ *частныхъ лицъ*, увеличила количество химическихъ изслѣдованій разныхъ полезныхъ ископаемыхъ болѣе чѣмъ въ два раза; доходъ же отъ пробирныхъ испытаній золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, обращающихся въ торговлѣ, съ 10,000 руб. достигъ въ 1871 г. до 24,500 руб.

Приведемъ здѣсь отзывъ относительно новой лабораторіи горнаго департамента членовъ съѣзда естествоиспытателей, посѣтившихъ ее 29 декабря 1867 г.: «По мнѣнію лицъ, видѣвшихъ заграничныя лабораторіи, лабораторія горнаго департамента, удобствомъ размѣщенія зданія для работъ и совершенствомъ тягъ, и практическимъ результатомъ въ разрѣшеніи техническихъ вопросовъ, при помощи прекрасныхъ приборовъ и вѣсовыхъ аппаратовъ, представляетъ вполнѣ образцовое учрежденіе, не уступающее, если не превосходящее таковыя же заграницей» (*Новое Время* 1868 г., № 4).

Среди этой горячей дѣятельности А. Н. находилъ еще время, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, работать надъ своимъ извѣстнымъ капитальнымъ трудомъ: *Наличныя основанія аналитической химіи*. Сочиненіе это было выпущено въ свѣтъ въ 1854 г. и было удостоено академіей наукъ демидовской преміи. Болѣе чѣмъ сочувственные отзывы объ этомъ *первомъ въ своемъ родѣ* трудѣ были напечатаны почти во всѣхъ спеціальныхъ обозрѣніяхъ того времени.

Спеціальныя статьи, помѣщаемыя Н. А. въ *Горномъ Журналѣ*, ежегодные отчеты по управляемой имъ лабораторіи, постоянные комитеты и коммиссіи, число которыхъ за сорокалѣтнюю его службу возросло до почтенной цифры *34*, частыя (8) командировки съ ученою цѣлью по горнымъ заводамъ, по осмотру въ 28 губерніяхъ пробирныхъ учрежденій, единовременное преподаваніе химіи въ Горномъ институтѣ, пробирномъ училищѣ и въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—все это подкашивало мало-по-малу по истинѣ колоссальную силу Н. А., но никогда не было въ состояніи сломить его убѣжденій и неподкупной честности.

Какъ предсѣдательствовавшій въ 1865 г. надъ составленіемъ новаго для с.-петербургскаго монетнаго двора рабочаго положенія и какъ составитель проекта устройства новой лабораторіи при монетномъ дворѣ, въ 1872 г.

Н. А. былъ призванъ на новый постъ—начальника с.-петербургскаго монетнаго двора.

Черезъ годъ, разбитый физически, но нравственно по прежнему бодрый и крѣпкій, Н. А., по предписанію докторовъ, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей службы и выйдти въ отставку.

Знавшіе близко Н. А. помнятъ, что мучимый сознаніемъ своихъ надломленныхъ для общественнаго служенія силъ, онъ оставался до послѣдней минуты вѣренъ своимъ завѣтнымъ принципамъ: *правды и любви къ ближнему*.

Z.

Вовсѣхъ магазинахъ учебныхъ пособій и дѣтскихъ игръ, а также въ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу

НОВЫЕ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

БѢЖИНЪ ЛУГЪ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ разсказу *И. С. Тургенева,* съ приложеніемъ портрета писателя-художника, краткой его біографіи и отрывка изъ разсказа «Бѣжинъ лугъ». **Цѣна 60 коп.**

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ стихотворенію *Н. А. Некрасова,* съ приложеніемъ портрета Н. А. Некрасова, краткой его біографіи и стихотворенія «Дядюшка Яковъ». **Цѣна 60 коп.**

Картинки гравированы на камнѣ и отпечатаны красками въ 8 тоновъ, причемъ каждая картинка со всѣми къ ней приложеніями заключена въ изящную коробку.

Главный складъ у издателя **А. А. Попова** (Москва, уголъ Пименовской улицы и Щемиловки, домъ Мартыновой).

Выписывающіе непосредственно отъ издателя за пересылку не платятъ.

Приложеніе къ *Русской Мысли*.

МАКБЕТЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ [1])

Сочиненіе

ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ

С. А. ЮРЬЕВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1883.

Дѣйствующія лица:

Дунканъ, король Шотландіи.
Мэлькольмъ, Дональбенъ } его сыновья.
Макбетъ, Банко } полководцы королевской арміи.
Мэкдофъ, Леноксъ, Россъ, Ментисъ, Энгосъ, Кэтнесъ } Шотландскіе дворяне.
Фліансъ, сынъ Банко.
Сивардъ, принцъ Норсомберлэндскій, предводитель англійскихъ войскъ.
Молодой Сивардъ, его сынъ.
Сэйтонъ, офицеръ, состоящій при Макбетѣ.
Малолѣтній сынъ Мэкдофа.
Англійскій докторъ.
Шотландскій докторъ.
Сержантъ.
Привратникъ.
Старикъ.
Лэди Макбетъ [2]).
Лэди Мэкдофъ.
Придворная лэди Макбетъ.
Лорды, дворяне, офицеры, солдаты, убійцы, адъютанты и послы.
Геката.
Три вѣдьмы.
Видѣнія.

Дѣйствіе происходитъ въ концѣ четвертаго дѣйствія въ Англіи, а въ остальныхъ дѣйствіяхъ въ Шотландіи.

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Открытое мѣсто. Громъ и молнія.

Три вѣдьмы.

1-я вѣдьма.

Когда-жь слетимся мы опять втроемъ
Съ громами, въ блескѣ молній и съ дождемъ?

2-я вѣдьма.

Когда вся суматоха прекратится,
Побѣдой полной битва завершится.

3-я вѣдьма.

А сбудется все это, совершится,
И солнце не успѣетъ закатиться.

1-я вѣдьма.

А гдѣ?

2-я вѣдьма.

Вонъ тамъ, гдѣ верескомъ одѣта
Пустыни гладь.

3-я вѣдьма.

Чтобъ видѣть тамъ Макбета.

1-я вѣдьма.

Котъ сѣрый [3]), я иду, лечу сейчасъ!

2-я ВѢДЬМА.

Чу, жаба [4]) кличетъ!... а?... Примчусь какъ разъ!...

ВСѢ ВМѢСТѢ.

рекрасное—все гниль, а гниль прекрасна [5])!
Летимъ, гдѣ смрадъ, гдѣ мгла, гдѣ высь ненастна!

(Улетаютъ).

СЦЕНА II.

Поле близъ Форесa. Шумъ битвы за сценой.

Входятъ ДУНКАНЪ, МЭЛЬКОЛЬМЪ, ДОНАЛЬБЕНЪ, ЛЕНОКСЪ. Они встрѣчаютъ раненаго воина.

ДУНКАНЪ.

Кто это?... Весь въ крови. Судя по виду,
Онъ можетъ намъ подробно разсказать,
Чего добилось дерзкое возстанье.

МЭЛЬКОЛЬМЪ.

А, это тотъ сержаитъ [6]), который долгъ
Исполнилъ свой, какъ добрый, честный воинъ!—
Онъ выручилъ меня изъ плѣна. Здравствуй,
Мой храбрый другъ. Повѣдай королю,
Въ какомъ ты положеніи оставилъ
Жестокій бой?

ВОИНЪ.

Въ сомнительномъ, король,
Какъ двухъ пловцовъ, которые, сцѣпясь
Другъ съ другомъ, выбившись изъ силъ, другъ друга
Искусныя усилья подрываютъ.
Свирѣпый, безпощадный Макдональдъ,
Вполнѣ достойный быть бунтовщикомъ—
Такое множество злодѣйствъ презрѣнныхъ
Роилося въ его природѣ гнусной!—
Внезапно подкрѣпленье получилъ
Отъ Керновъ, Голловгласовъ [7]) съ острововъ
На западѣ... Сама богиня счастья,
Смѣясь рѣзнѣ проклятой, оказалась
Наложницей распутною злодѣя!...

Все это ни во что!... Макбетъ нашъ храбрый—
Онъ заслужилъ вполнѣ такое имя—
Развратницу богиню презирая,
Мечемъ, дымящимся парами крови,
Въ работѣ страшной пролитой, себѣ,
Какъ истинный любимецъ бранной славы,
Къ измѣнщику прорѣзалъ путь широкій
И грозно сталъ предъ нимъ лицомъ къ лицу...
Но не пожалъ руки и не сказалъ
Прощай, а въ мигъ, взмахнувъ мечемъ, разсѣкъ
Его отъ челюстей по самый поясъ,
И голову бунтовщика надъ замкомъ,—
Высоко надъ бойницей,—утвердилъ!

Мэлькольмъ.

О, доблестный нашъ братъ! О, славный витязь!

Воинъ.

Но какъ оттуда же, откуда солнце
Свой начинаетъ свѣтлый въ небѣ бѣгъ,
Вздымаются и бури, потопляя
Въ пучинахъ моря корабли, и громы
На насъ съ ужаснымъ грохотомъ несутся;
Такъ и теперь: откуда, намъ казалось,
Ужь засіяли радость и покой,
Нахлынули бѣды на насъ нежданно.
Внимай, король Шотландіи, внимай!
Едва успѣло мужество свершить
Свой судъ, заставивъ быстроногихъ Керновъ,
Довѣрясь бѣгству, показать намъ пятки;
Король Норвегіи минуту понялъ,
Съ оружіемъ блистающимъ и новымъ
И съ войскомъ свѣжимъ вдругъ на насъ нагряпулъ!

Дунканъ.

Что-жь? Испугались наши полководцы—
Нашъ Банко, храбрый нашъ Макбетъ?

Воинъ.

О, да!
Какъ воробьевъ орлы, какъ зайцевъ львы.—
Всю правду передать хочу: они,
Какъ пушки, заряженныя вдвойнѣ,
Ударами двойными разразились!

Хотѣли ли въ крови купаться жаркой,
Иль повторить всѣ ужасы Голгоѳы,—
Не знаю, но... я чувствую: слабѣю
И къ помощи взываютъ громко раны...

Дунканъ.

Прекрасенъ твой разсказъ не менѣй ранъ,
И дышатъ славою они! Скорѣй
Ведите къ лѣкарю его. (Воина уводятъ). Но кто
Идетъ сюда?

Мэльколмъ.

Достойный Росса—танъ..

Леноксъ.

Какой поспѣшностью блистаютъ взоры!
Такъ смотрятъ только вѣстники чудесъ.

Россъ (входитъ).

Да здравствуетъ король!

Дунканъ.

Откуда ты,
Достойный танъ?

Россъ.

Изъ Файфа, государь.
Оттуда, гдѣ норвежскія знамена [8])
Смѣются надъ судьбой людей! Они,
Теперь, уже вiясь надъ нашимъ войскомъ,
Борьбою распаленномъ, на него,
Не на своихъ владыкъ, норвежцевъ гордыхъ,
Отрадную прохладу навѣваютъ.
Король норвежскій съ войскомъ страшнымъ, силой
Измѣнника коварнаго, Кавдора [9]),
Безчестнѣйшаго тана, заручившись,
Ужасную самъ началъ сѣчу смѣло;
Но встрѣтилъ грудь Беллоны обрученца!—
Макбетъ, закованный надежно въ сталь,
Не зная равнаго себѣ,—предъ нимъ!
Копье противъ копья и мечъ на мечъ,
И сломлена въ конецъ гордыня! Словомъ,
Побѣда наша!

Мэльколмъ.

О, какое счастье!

Россъ.

Свенонъ, король норвежскій, мира проситъ.
Ему убитыхъ не дали убрать,
Пока не внесъ на островъ Сенкольмѣ [10])
Намъ десять тысячъ долларовъ сполна.

Дунканъ.

Такъ не удастся же Кавдора тану
Впередъ довѣрье наше обмануть! (къ Россу).
Иди, вели казнить его немедля.

Россъ.

Исполню, государь.

Дунканъ.

Что проигралъ
Предатель гнусный,—выигралъ Макбетъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Пустыня, покрытая верескомъ. Громъ.

Выстаютъ ТРИ ВѢДЬМЫ.

1-я вѣдьма.

Гдѣ была ты, сестрица?

2-я вѣдьма.

Давила свиней [11]).

3-я вѣдьма.

Ну, а ты? Гдѣ была ты, сестрица, скажи-ка?

1-я вѣдьма.

У жены моряка каштановъ былъ полный передникъ,
И проклятая грызла ихъ, грызла и грызла, все грызла.
«Ну, такъ дай же и мнѣ ты», —ввернула я. «Къ чорту ты, вѣдьма!»
Распаршивая, грязная, жирная [12]) крикнула туша.—
А мужъ ея—шкиперъ на «Тигрѣ» и отплылъ въ Алеппо!
Туда же за нимъ поплыву я на днѣ рѣшета [13]),
Ударюсь въ догонку я крысою злой, безъ хвоста [14]),
За нимъ поплыву, поплыву, поплыву-жь, поплыву!

2-я вѣдьма.

Я дамъ тебѣ вѣтеръ, сестра [15])!

1-я вѣдьма.

Ахъ, какъ ты мила и добра!

3-я вѣдьма.

Сестра, и я дамъ тебѣ мой.

1-я вѣдьма.

Другіе-жь мои и со мной! —
Такъ во власти моей всѣ вѣтры всѣхъ странъ и морей
Что мо́рякъ осторожный намѣтилъ на картѣ своей...
Изнывая всѣ девятью девять ночей,
Какъ отверженный міромъ, въ мученьи своемъ,
Въ душевной истомѣ и ночью и днемъ,
Не сомкнетъ онъ на мигъ отягчаемыхъ сномъ
И безъ слезъ и безъ сна воспаленныхъ очей!
Не погибнетъ въ волнахъ, но корабль безъ снастей
Буду бить и трепать, и кидать средь морей!...
Я души его крѣпость до тла разорю,
Истомлю, истощу, изморю, изморю!...
А что у меня?

2-я вѣдьма.

Покажи, посмотрю.

1-я вѣдьма.

А палецъ матроса большой!
Вернется уродомъ домой.

3-я вѣдьма.

Чу, бьетъ барабанъ уже тамъ,
Макбетъ уже близится къ намъ.

Всѣ.

Сестры рока, мы рука съ рукой [16])
Властны надъ землей и надъ водой!
Кругомъ здѣсь пойдемъ, все кругомъ —
Три тебѣ, вотъ три и мнѣ [17]),
Три еще, чтобъ намъ вполнѣ,
Крѣпко взявшися другъ съ другомъ.
До девяти
Теперь дойти.
Стойте. Все уже полно.
Колдовство совершено!

Входятъ Макбетъ и Банко.

Макбетъ.

Такой прекрасный ясный день и вдругъ [18])
Здѣсь смрадъ, а воздухъ полонъ гнили! Странно!
Такихъ чудесъ нигдѣ я не встрѣчалъ!

Банко.

Далеко ли до Форесъ?—Кто такія?
Такъ тощи, сухи, по одеждѣ дики,
На жителей земли такъ не похожи,
Хотя и на землѣ! Живете вы
Иль нѣтъ? Вы то-ль, что можно вопрошать [19])?
Вы видно поняли меня: къ губамъ
Изсохшимъ каждая изъ васъ свой палецъ
Костлявый приложила! Съ виду судя,
Должны вы женщинами быть, но ваши
Сѣдыя бороды лишаютъ права
За женщинъ васъ признать.

Макбетъ.

Кто вы, скажите?

1-я вѣдьма.

Слава тану Гламиса [20])—Макбету!

2-я вѣдьма.

Слава тану Кавдора [21])—Макбету!

3-я вѣдьма.

Слава королю Макбету! Будешь
Послѣ королемъ.

Банко.

Мой добрый сэръ,
Смутился ты, какъ будто испугало
Тебя, что̀ такъ звучитъ для всѣхъ прекрасно!...
(Вѣдьмамъ).
Васъ правдой заклинаю, говорите:
Вы призракъ иль на самомъ дѣлѣ то,
Чѣмъ кажетеся намъ? Товарищъ мой
Услышалъ съ новымъ саномъ поздравленье,
Пророчествомъ нежданнымъ награжденъ,
Богатымъ столь великимъ содержаньемъ,
Столь царственно сіяющей надеждой,
Что, кажется, восторгомъ обезумленъ

И внѣ себя. —Что жь мнѣ отъ васъ ни слова?
Когда вамъ вѣдомы временъ посѣвы
И видите впередъ, зерно какое
Взойдетъ, какое нѣтъ,—вѣщайте мнѣ!—
Мнѣ милостей не надо, злобы-жь вашей
Я не боюся.

1-я вѣдьма.

Слава!

2-я вѣдьма.

Слава!

3-я вѣдьма.

Слава!

1-я вѣдьма.

Макбета меньше ты, хотя и больше!

2-я вѣдьма.

Не такъ, какъ онъ, ты счастливъ, но счастливѣй!

3-я вѣдьма.

Ты не король, но королей отецъ!
Обоимъ слава, Банко и Макбету!

Всѣ вѣдьмы.

Макбету, Банко, слава, слава!

Макбетъ.

Стойте!...
Не кончили!... Высказывайте все,
Вы, вѣстницы пророчествъ! Знаю самъ:
Съ Синеля [22]) смертью Гламиса я танъ,
Но какъ Кавдора? Живъ Кавдора танъ
Въ довольствѣ... А король? Быть королемъ —
Внѣ всѣхъ предѣловъ вѣроятій также,
Какъ и Кавдора таномъ. Говорите
Откуда вашихъ чудныхъ знаній сила?
Зачѣмъ теперь, въ пустынѣ этой дикой,
Сожженной солнцемъ, странно прорицая,
Вы путь намъ заступили? Говорите,—
Я требую отъ васъ...

(Вѣдьмы исчезаютъ).

Банко.

И на землѣ,
Какъ на водѣ, бываютъ пузыри!
Мы видѣли... Куда исчезли?

Макбетъ.

Въ воздухъ!
И то, что намъ казалось тѣломъ, вдругъ
Мгновенно распустилось и пропало,
Какъ паръ отъ устъ дыханья на вѣтру.
Ахъ, если бы еще остались дольше!

Банко.

Да было-ль то, о чемъ мы говоримъ?
Иль мы наѣлися кореньевъ вредныхъ[23]),
И разумъ, какъ невольникъ, ими скованъ?

Макбетъ.

Твои, вѣдь, дѣти будутъ королями.

Банко.

А ты—самъ будешь королемъ.

Макбетъ.

А также
Кавдора таномъ. Такъ онѣ сказали?

Банко.

Звукъ въ звукъ и слово въ слово.—Кто идетъ?

Входятъ Россъ и Энгосъ.

Россъ.

Макбетъ, съ восторгомъ радости король
Вѣсть принялъ о твоихъ побѣдахъ славныхъ!
Когда-жь услышалъ онъ, какъ въ битвѣ страшной
Съ бунтовщикомъ себя ты не щадилъ,
Заспорили въ душѣ его два чувства:
Которое тебя, его достойнѣй:
Желанье-ль страстное тебя хвалить,
Иль предъ тобой нѣмое удивленье?
И, наконецъ, онъ смолкъ отъ изумленья,
Когда, обозрѣвая славный день,
Тебя увидѣлъ онъ въ рядахъ норвежцевъ

Безъ страха средь картинъ ужасныхъ смерти,
Которыя ты самъ же создавалъ!
Спѣшили вѣсти съ поля славной битвы,
Какъ въ частый градъ градины другъ за другомъ [24]),
И груды сыпались къ его ногамъ
Похвалъ великимъ подвигамъ твоимъ
Въ защиту королевства!

Энгосъ.

Насъ послалъ
Сюда король отъ имени его
Благодарить тебя; но не платить
За подвиги твои, а только звать
Предъ свѣтлое его лицо.

Россъ.

Въ задатокъ
Награды бо́льшей мнѣ онъ повелѣлъ
Провозгласить тебя Кавдора таномъ.
Будь счастливъ ты и въ этомъ новомъ санѣ,
Нашъ славный танъ,—санъ этотъ твой!

Банко (въ сторону).

Иль можетъ
И діаволъ правду говорить?

Макбетъ.

Но живъ
Кавдора танъ; зачѣмъ меня рядить
Въ заемныя чужія одѣянья?

Энгосъ.

Кто былъ Кавдора таномъ—живъ еще;
Но жизнь влачитъ надъ тяжестью суда.
Затѣмъ, чтобъ потерять ее законно.
Въ союзѣ ли съ норвежцами онъ былъ,
Бунтовщикамъ ли тайно помогалъ,
Иль съ тѣми и съ другими замышлялъ
Странѣ родной погибель,—я не знаю;
Но только за измѣну онъ умретъ!
Она доказана вполнѣ; онъ въ ней
Сознался.

МАКБЕТЪ (про себя).

Гламиса, Кавдора танъ.
А то, что больше—впереди! (Къ Россу и Энгосу). За трудъ
Благодарю. (Къ Банко тихо). Ты вѣришь ли теперь?
Короны ждутъ твоихъ дѣтей! Вѣдь, тѣ,
Тѣ самыя, что сдѣлали меня
Кавдора таномъ, въ силахъ дать и то,
Что будетъ поцѣннѣй.

БАНКО (тихо Макбету).

Увѣруй въ нихъ;
Такъ мало будетъ и Кавдора тана.—
Протянешь страстно руку и къ коронѣ.
Какъ странно, право: часто силы мрака,
Чтобъ крѣпче насъ въ своихъ силкахъ запутать,
Намъ правду говорятъ! Въ вещахъ ничтожныхъ
Онѣ насъ честностью своей прельщаютъ,
Чтобъ послѣ обмануть безстыдно въ томъ,
Что гибелью надъ нами разразится.
(Къ Россу и Энгосу, отводя ихъ въ сторону). Прошу на слово.

МАКБЕТЪ (про себя).

Сказаны двѣ правды [25]),
Два пролога закончены вполнѣ
Передъ началомъ дивнымъ представленья,
Его же содержанье—царство! (Громко). Други,
Благодарю. (Про себя). Заботливость о насъ
Таинственныхъ, нездѣшнихъ силъ не можетъ
Быть зломъ.... да и добромъ не можетъ быть!
Коль зло, зачѣмъ такой задатокъ цѣнный,
Зачѣмъ же правдой началося? Я—
Кавдоръ... А ежели добро, зачѣмъ
Столь страшному внушенью поддаюсь,
Что образъ, возникающій въ душѣ,
Вздымаетъ дыбомъ волосы мои
На головѣ и вынуждаетъ сердце,
Столь прочно укрѣпленное въ груди,
Болѣзненно такъ биться и стучать
Такъ неестественно мнѣ въ ребра?! О,
Всѣ ужасы дѣйствительности самой
Не такъ страшны, какъ страшенъ образъ ихъ

Въ воображеньи! Мысль моя, въ которой
Убійство—лишь мечта, уже весь міръ
Замкнувшейся въ себя моей природы
Приводитъ въ трепетъ до его основъ
И чувствъ моихъ всѣ отправленья душитъ
Однимъ лишь размышленіемъ о дѣлѣ!...
И для меня ужь существуетъ то,
Чего еще не существуетъ...

Банко.

О,
Какъ восхищенъ товарищъ нашъ: имъ все
Забыто.

Макбетъ (про себя).

Если хочетъ ужь судьба
Меня вѣнчать короной, такъ сама
Ужь и вѣнчай, а я не шевельнусь.

Банко.

Всѣ почести, когда онѣ новы—
Что платья новыя:—сидятъ на насъ
Отмѣнно ловко только лишь тогда,
Когда уже ноносятся довольно.

Макбетъ (про себя).

Пусть будетъ только то, что можетъ быть!
И время и часы своей чредой
Бѣгутъ и въ день дождливый, и въ сухой.

Банко.

Мы ждемъ васъ, доблестный Макбетъ.

Макбетъ.

Простите.
Мой бѣдный умъ теперь надъ тѣмъ работалъ,
Что ужь давно прошло, давно забыто.
Друзья мнѣ дорогіе, вѣрьте: то,
Что сдѣлали вы въ жизни для меня,
Я на листахъ той книги записалъ,
Которую читаю каждый день.
Идемте къ королю. (Къ Банко тихо). А что случилось,

О томъ подумай хорошенько. Послѣ,
Мы на досугѣ взвѣсимъ все какъ надо,
Поговоримъ открыто, по душѣ!

БАНКО (тихо Макбету).

Я радъ.

МАКБЕТЪ (также).

Теперь довольно. (Громко) Други, въ путь.
(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА IV.

Форесъ. Дворецъ.

Трубы. Входятъ ДУНКАНЪ, МЭЛЬКОЛЬМЪ, ДОНАЛЬБЕНЪ, ЛЕНОКСЪ и свита.

ДУНКАНЪ.

Ну что-жь? Казненъ ли бывшій танъ Кавдора?
Вернулись тѣ, кому я поручилъ
Блюсти за исполненьемъ приговора?

МЭЛЬКОЛЬМЪ.

Нѣтъ, государь. Еще не возвратились.
Я встрѣтилъ одного, который видѣлъ
Какъ бывшій танъ Кавдора умиралъ [26]).
Онъ говорилъ: преступникъ откровенно
Покаялся во всѣхъ своихъ измѣнахъ
И вашего величества прощенья
Просилъ чистосердечно, выражая
Глубокое раскаянье свое.
Такъ въ жизни не украсило его
Ничто, какъ разставанье съ ней: онъ умеръ,
Какъ будто бы учился умирать;
Онъ показалъ, что бросить былъ готовъ
И то, что для него всего дороже,
Какъ самую ничтожную бездѣлку.

ДУНКАНЪ.

И нѣтъ искусства по лицу узнать,
Что на душѣ у человѣка! Я
Ему такъ вѣрилъ много!

Входятъ Макбетъ, Банко, Россъ и Энгосъ.

Дунканъ (продолжаетъ).

Доблестный
Нашъ братъ! На мнѣ до сихъ поръ тяготѣетъ
Неблагодарности великій грѣхъ.
Ты такъ уносишься впередъ далеко
Въ полетѣ гордомъ подвиговъ твоихъ,
Что и быстрѣйшее крыло наградъ
Уже догнать тебя не въ силахъ! Право,
Желалъ бы я, чтобы заслугъ твоихъ
Поменьше было; я уже не въ силахъ
Достоинство наградъ привесть въ согласье
Съ желаньемъ награждать тебя, какъ должно...
И, наконецъ, могу сказать одно:
Въ долгу я неоплатномъ у тебя!

Макбетъ.

Властитель, служба вѣрная сама
Себѣ уже награда. Все вполнѣ
Принадлежитъ лишь вамъ, что только можемъ
И что должны мы сдѣлать, чтобъ исполнить
Первѣйшія обязанности наши.
Они же—ваши дѣти, ваши слуги!
Нашъ долгъ главнѣйшій—охранять
И вашу честь, и вашу къ намъ любовь!

Дунканъ.

Тебя еще я только посадилъ
И постараюсь вырастить вполнѣ!
(Къ Банко). Мой благородный Банко, ты не менѣй
Услугъ мнѣ оказалъ. Пусть знаютъ всѣ,
Что много сдѣлалъ ты! Дай мнѣ обнять
Тебя и къ сердцу моему прижать!

Банко.

Взойду я здѣсь, какъ доброе зерно,
А жатва ваша будетъ, государь!

Дунканъ.

Отъ радости играетъ мое сердце
И радость такъ полна, что ищетъ слезъ,
Которыя приличны лишь печали,
Чтобы подъ ними скрыть свою чрезмѣрность!

Вы, наши сыновья, родные, таны,
Вы, близкіе къ престолу, къ намъ,—хотимъ
Теперь же, въ эту свѣтлую минуту,
Наслѣдникомъ престола объявить
Мэлькольма, старшаго изъ всѣхъ дѣтей
Моихъ, и будемъ звать его впередъ
Отнынѣ принцемъ Кумберлэндскимъ [27]). Такъ
Да будетъ! Онъ, однакожь, не одинъ
Здѣсь нами осчастливленъ: знаки чести,
Какъ звѣзды въ небѣ, ярко засіяютъ
На всѣхъ, кто только ихъ достоинъ будетъ!
(Макбету). Теперь скорѣе ѣдемъ въ Инвернесъ.
Хочу тѣснѣе сблизиться съ тобой.

Макбетъ.

Мнѣ отдыхъ—трудъ, когда тотъ отдыхъ самый
Вамъ не на пользу, государь. Желаю
Я въ Инвернессѣ [28]) васъ предупредить,
Скорѣй обрадовать мою жену,
И я прошу смиренно позволенья
Оставить васъ на время.

Дунканъ.

Мой достойный
Кавдоръ!

Макбетъ (про себя).

Принцъ Кумберлэндскій! Вотъ порогъ.
Онъ на пути моемъ. На немъ споткнувшись,
Упасть я долженъ иль... перескочить
Черезъ него... О, звѣзды, вы закройте
Сіяній вашихъ свѣтъ, чтобъ онъ не видѣлъ
Моихъ желаній черныхъ и глубокихъ!...
Глаза, что дѣлаетъ рука, не знайте!...
И пусть свершится то, на что взглянувъ,
Окаменѣетъ отъ испуга взоръ,
Когда ужъ будетъ все совершено!

(Уходитъ).

Дунканъ.

Да, правда, правда, мой достойный Банко,
Таковъ онъ и такъ доблестенъ, какъ мы

Съ тобою говоримъ. Хвалить его—
По правдѣ, пища для меня и пиръ
Моей душѣ! Ну, ѣдемъ же за нимъ
Заботится онъ насъ опередить,
Чтобы радушно встрѣтить... Да, ему
Подобнаго не знаю человѣка!

(Трубы. Всѣ уходятъ).

СЦЕНА V.

Инвернесъ [23]). Комната въ замкѣ Макбета.

Входитъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ (читая письмо).

«Онѣ мнѣ встрѣтились въ самый день побѣды. Онѣ, какъ послѣ ока-«залось, знаютъ болѣе, чѣмъ можетъ знать смертный. Когда я горѣлъ же-«ланьемъ распросить ихъ подробнѣе, онѣ обратились въ воздухъ, въ ко-«торомъ и исчезли. Когда стоялъ я, пораженный чудомъ, прибыли послан-«ные отъ короля и поздравили меня таномъ Кавдора, именно тѣмъ самымъ «саномъ, которымъ привѣтствовали меня сестры, указывая притомъ на «будущее пророческимъ восклицаніемъ: «Слава будущему королю!» Я по-«челъ необходимымъ сообщить тебѣ объ этомъ, дорогая участница моего «величія, чтобы при невѣдѣніи о такомъ пророчествѣ ты не лишилась твоей «доли радости. Храни это на сердцѣ и прощай».

Танъ Гламисъ, танъ Кавдора!—Будешь тѣмъ,
Что обѣщали. Только вотъ боюсь
Твоей природы: молока въ ней много,
Въ ней нѣжной человѣчности ужь слишкомъ.
Чтобъ путь избрать кратчайшій! Да, я знаю:
Великимъ хочешь быть, и честолюбье,
Пожалуй, есть въ тебѣ, да только нѣтъ
Того лишь зла, что добываетъ все.
И гордость ты свою насытить хочешь,
Да и святымъ остаться въ то же время!
Не любишь ты играть въ фальшивую игру,
А выигрышъ безчестный радъ схватить!
О, Гламисъ мой, ты хочешь вѣдь того,
Что громко вопіетъ [27]): «Ты вотъ что сдѣлай,
Когда желаннаго достигнуть жаждешь
И именно то самое ты сдѣлай,
Чего страшишься болѣй, чѣмъ желаешь.

Чтобъ не было исполнено оно!...
Скачи-жь сюда; несись, лети, мой Гламисъ!
Огонь моей души я перелью
Въ твой слухъ и силой рѣчи поражу
Все то, что держитъ отъ тебя далеко
Корону, всю въ сіяньи, золотую,
Которой силы свыше и судьба
Тебя уже вѣнчали сами!... (Входитъ Вѣстникъ). Что?

Вѣстникъ.

Король пріѣдетъ на ночь къ намъ.

Лэди Макбетъ

Что-жь, ты?
Съ ума сошелъ?... А господинъ?... Не съ нимъ?
Вѣдь, если такъ, меня-бъ онъ извѣстилъ,
Чтобъ приготовиться могла.

Вѣстникъ.

Простите.
Я правду говорю. Супругъ вашъ, лэди,
Сейчасъ сюда прибудетъ. Мой товарищъ
Спѣшилъ впередъ его примчаться къ вамъ.
Чуть не задохся на пути, едва
Былъ въ силахъ передать, что танъ ему
Сказать вамъ приказалъ.

Лэди Макбетъ.

Помочь ему,
Скорѣй! Принесъ великую онъ новость!
(Вѣстникъ уходитъ).

Лэди Макбетъ.

Осипъ и воронъ, каркая на крышѣ,
Зловѣще къ намъ Дункана накликая!...
О, духи, вы, владыки думъ злодѣйскихъ,
Сюда! Убейте женственность мою,
Жестокостью лютѣйшею меня
Наполните отъ темени до пятъ!
Сгустите кровь мою, заприте дверь
И совѣсти моей, чтобы не грызла,

Чтобъ голосъ человѣческой природы,
Карающій мученьями укора,
Не колебалъ рѣшимости моей
Свирѣпой,—въ дѣлѣ не было бъ уступокъ!...
Къ грудямъ моимъ, властители убійствъ!
Незримые, гдѣ-бъ вы ни сторожили,
Готовя тайно гибель для людей,
Къ грудямъ моимъ!... И молоко изъ нихъ
Все выпейте и вашей желчью горькой
Наполните одной!... Ночь черная,
Заволокись густѣйшимъ дымомъ ада,
Чтобы не видѣлъ острый ножъ тѣхъ ранъ,
Что будетъ наносить, чтобъ неба взоръ
Насквозь завѣсы мрака не проникъ
И чтобъ оно не закричало: «стой!»
(Входитъ Макбетъ). Великій Гламисъ! Доблестный Кавдоръ!
И болѣе, чѣмъ Гламисъ и Кавдоръ,
По третьему затѣмъ провозглашенью!
Письмо твое, объявъ меня восторгомъ,
Перенесло далеко за предѣлы
Слѣпой минуты настоящей: въ ней
Я будущее вижу!

Макбетъ.

Другъ, Дунканъ
Пріѣдетъ нынче.

Лэди Макбетъ.

А когда уѣдетъ?

Макбетъ.

Да хочетъ завтра.

Лэди Макбетъ.

О, никогда
Такого завтра не увидитъ солнце!...
Да что-жь, мой танъ? Твое лицо, какъ книга,
Въ которой странныя прочтутся вещи.—
Чтобъ время обмануть, смотри такимъ,
Какимъ повелѣваетъ время быть.

Ласкай рукой, глазами, языкомъ,
Кажись для всѣхъ на видъ цвѣткомъ невиннымъ,
И будь змѣей, сокрытою подъ нимъ!...
Того-жь, что̀ на ночь къ намъ пріѣдетъ, примемъ
Мы хорошо. Ты дѣло этой ночи,
Великое, одной мнѣ предоставишь.
Оно и только лишь оно одно
Даруетъ нашимъ днямъ, ночамъ грядущимъ
Величье, славу, царственную власть!

Макбетъ.

Объ этомъ послѣ будемъ говорить.

Лэди Макбетъ.

Кажись, ты только веселѣй, безпечнѣй;
Мѣняться въ выраженіи лица
Всегда опасно очень, вѣрь ты мнѣ!
А остальное мнѣ ужь предоставь.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Передъ замкомъ Макбета.

Входятъ Дунканъ, Мэльколь мъ, Дональбенъ, Банко, Мэкдофъ, Ленокс ъ, Росс ъ, Энгос ъ и свита.

Дунканъ.

Какъ мѣсто замка хорошо! Какой
Прекрасный видъ! И легкій вѣтерокъ
Привѣтствуетъ такъ нѣжно наши чувства,
Которымъ тихій сладостенъ покой!

Банко.

И ласточка, гость лѣта дорогой,
Своимъ домкомъ любимымъ говоритъ,
Что воздухъ здѣсь заманчивъ, ароматенъ.
Смотрите: нѣтъ ни выступа. ни фриза,

Нѣтъ уголка и нѣтъ колонны, гдѣ-бъ
Висячей ни было у ней постельки,
Гдѣ-бъ ни качалась люлька для птенцовъ.
Замѣтилъ я: гдѣ больше ихъ
Родится и живетъ, всегда тамъ воздухъ
И нѣженъ, и пріятенъ.

(Входитъ лэди Макбетъ).

Дунканъ.

Вотъ смотрите!
Сама почтенная хозяйка наша!
Любовь, когда она дружится съ нами [2]),
Источникомъ бываетъ безпокойствъ;
Но мы ее благодаримъ всегда
За то лишь только, что любовь—она.
Такъ и теперь, желая намъ всѣхъ благъ
Отъ Бога, насъ за трудъ благодарите,
Что причиняемъ вамъ прибытьемъ нашимъ,
Что безпокоимъ вашу мы любовь.

Лэди Макбетъ.

Заслуги наши, взятыя вдвойнѣ,
Затѣмъ еще удвоенныя снова—
Ничтожныя и жалкія бездѣлки
Въ сравненьи съ тою честію великой,
Какою вы счастливите нашъ домъ!
За прежнія и новыя награды,
Которыми осыпаны мы вами,
Молить за васъ мы будемъ вѣчно Бога
Въ молитвахъ нашихъ тайныхъ.

Дунканъ.

Гдѣ же тапъ
Кавдоръ? Мы по пятамъ его скакали;
Хотѣли мы его предупредить.
Бздокъ отличный онъ! Его любовь,—
Остра, какъ шпора,—помогла ему
Скорѣе насъ, какъ вихрь, сюда примчаться.
Почтенная и милая хозяйка,
На эту ночь мы ваши гости.

Лэди Макбетъ.

Мы
И слуги наши, все, что мы имѣемъ,—
Все ваше, государь. Во всемъ отчетъ [3"])
Отдать готовы, все вамъ возвратить,
Когда угодно будетъ.

Дунканъ.

Дайте-жь руку
И къ нашему хозяину ведите.
Его мы любимъ сильно; милость наша
Къ нему не оскудѣетъ никогда!
Клянуся вашей жизнію, хозяйка!
(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ Макбета

Гобои и факелы. Черезъ сцену проходятъ КРАВЧІЙ и другіе СЛУГИ съ блюдами и посудою. Потомъ МАКБЕТЪ.

Макбетъ.

Когда-бъ все было кончено вполнѣ
Однимъ ударомъ—было-бъ хорошо,
Все было-бъ сдѣлано въ одно мгновенье!
Когда-бъ могло убійство это сразу,
Однимъ ударомъ только, уловить
И всѣ послѣдствія его и тутъ же
Добыть успѣхъ желанный! О, когда-бъ
Въ ударѣ этомъ заключалось все,
Конецъ всему, что ждетъ насъ здѣсь, лишь здѣсь,
На этой отмели временъ потока,
О жизни-бъ я иной не думалъ'... Но
Въ такихъ дѣлахъ есть судъ для насъ и здѣсь:
Попробуй только дать урокъ кровавый,
И онъ бѣдой воротится назадъ
На голову учителя,—твою!
И правосудье строго, безпристрастно

Вновь къ нашимъ же устамъ подноситъ чашу
Съ отравой, нами-жь налитой!—Онъ здѣсь
Вдвойнѣ быть долженъ безопасенъ: я—
Его вассалъ и родственникъ его;
И это заграждаетъ путь злодѣйству;
Потомъ—хозяинъ я, и долженъ дверь
Убійцамъ запереть, а не идти
Съ отточеннымъ ножемъ на гостя!
Къ тому-жь, Дунканъ и царствовалъ такъ кротко
Свой долгъ великій въ правдѣ исполняя,
Что добродѣтели его святыя,
Какъ ангелы на небѣ, съ воплемъ, громко
Вдругъ затрубятъ повсюду о такомъ
Проклятомъ, дьявольски-злодѣйскомъ дѣлѣ!...
И жалость, какъ безпомощно-нагое,
Едва на свѣтъ рожденное дитя,
Несясь по вѣтру съ жалкимъ крикомъ,
И херувимы грозные небесъ,
Коней незримыхъ вѣтра осѣдлавъ,
Ударятъ бурей—страшнымъ дѣломъ всѣмъ
Въ глаза,—и буря та въ слезахъ утонетъ!...
О, нѣтъ, пришпоривать теперь мнѣ нечѣмъ
Мою рѣшимость—развѣ честолюбьемъ!
А честолюбье,—всадникъ страшно пылкій,
Вскочить въ сѣдло желая, чрезъ него
Перемахнетъ и въ прахъ падетъ!... (Входитъ леди Макбетъ) Что ты?

Лэди Макбетъ.

Ужь онъ отъужиналъ почти. А ты
Зачѣмъ ушелъ?

Макбетъ.

Онъ спрашивалъ меня?

Лэди Макбетъ.

А ты не зналъ?

Макбетъ.

Оставимъ это дѣло.
Почтилъ меня онъ такъ еще недавно
Великимъ саномъ, и такое мнѣнье
Златое о себѣ я пріобрѣлъ
Въ народѣ... Нѣтъ, еще походимъ лучше

Въ убранствѣ этомъ новомъ и блестящемъ
И сбрасывать его съ себя не станемъ
Такъ скоро...

Лэди Макбетъ.

Что-жь? Пьяна была надежда,
Въ которую рядился ты такъ пышно?—
Проспалась, наконецъ, и вдругъ, взглянувъ
На что смотрѣла прежде такъ отважно,
Позеленѣла вся, дрожа отъ страха!
И о любви твоей такъ буду думать
Я съ этихъ поръ. Что-жь? Страшно стало очень
Того добиться мужествомъ и дѣломъ,
Чѣмъ ты уже въ твоихъ желаньяхъ страстныхъ?
Хотѣлось бы тебѣ владѣть всѣмъ, всѣмъ,
Что ты считаешь жизни красотой,
И, въ то же время, смирно оставаться
Подлѣйшимъ трусомъ въ собственныхъ глазахъ!
«Не смѣю» у тебя сильнѣй «хочу»!
Ну, точно вотъ у кошки жалкой въ сказкѣ:
«И рыбку хочется словить,
«И страшно ножки обмочить!» *)

Макбетъ.

Молчи, прошу! Не дрогну ни предъ чѣмъ,
Что лишь возможно человѣку: кто-жь,
На бо́льшее дерзнетъ—не человѣкъ!

Лэди Макбетъ.

Что-жь ты за звѣрь? Ты самъ... Зачѣмъ же ты
Мнѣ самъ внушилъ о замыслѣ твоемъ?—
Ты мужемъ былъ, когда рѣшался дѣлать...
Ну что же? Сдѣлай болѣе, чѣмъ можешь,
И будешь болѣе, чѣмъ мужъ! Ни время,
Ни мѣсто не давали средствъ для насъ,
И самъ ты все хотѣлъ найти, уладить,
А вотъ теперь, когда само собой

*) Послѣдніе два стиха мы прибавили, переведя ту англійскую присказку, на которую, по указанію Джонсона и другихъ коментаторовъ, ссылается лэди Макбетъ, а именно: The cat loves fish, but dares not wet her feet.

Все въ руки намъ дается такъ удобно,
Удобство это самого тебя
Въ бездѣйствье полное ввергаетъ! Слушай:
Кормила грудью я и знаю хорошо,
Какой любовію младенца любишь,
Когда онъ грудь твою сосетъ; но если-бъ
Я поклялась, какъ ты,—въ минуту ту,
Когда онъ улыбался-бъ въ очи мнѣ,
Изъ деснъ беззубыхъ вырвала-бъ сосокъ
И черепъ разможжила-бъ такъ ему,
Что разлетѣлся-бъ мозгъ его кругомъ!

Макбетъ.

А если не удастся?

Лэди Макбетъ.

Не удастся?!
Лишь крѣпче завинти ты силу духа,—
И все удастся! Только лишь Дунканъ
Уснетъ,—а тяжкая дорога дня
Заснуть заставитъ скоро, глубоко,—
Я двухъ постельниковъ его такъ сильно
Виномъ и медомъ напою, что память,
Стражъ вѣрный мозга, обратится въ паръ,
А черепъ, разума сосудъ, въ простой
Лишь кубъ. Когда-жь сонъ скотскій овладѣетъ
Всей пьяной ихъ природой, то, чего
Не въ силахъ будемъ сдѣлать мы съ Дунканомъ?!
Его никто не будетъ охранять!
Чего тогда не въ силахъ будемъ мы
Взвалить на слугъ, пропитанныхъ виномъ,
Какъ губки? Преступленье все падетъ
На нихъ.

Макбетъ.

Рождай мнѣ только сыновей!
Мужей однихъ лишь можетъ создавать
Твоя безстрашная природа! Кто-жь
Тутъ не повѣритъ, что они убійцы,
Когда мы кровью выпачкаемъ ихъ,
И ихъ же мы кинжалы пустимъ въ дѣло?

Лэди Макбетъ.

А кто посмѣетъ иначе подумать,
Когда въ стѣнаніяхъ, вопляхъ объ убитомъ
Мы поразимъ всѣхъ громкимъ нашимъ горемъ?

Макбетъ.

Рѣшился я!—Я напрягу всѣ силы,
Чтобъ ужасъ этотъ совершить... Идемъ!
Надъ всѣми нашимъ видомъ посмѣемся:
Пусть лжетъ лицо, когда и въ сердцѣ ложь!

(Уходятъ).

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Дворъ замка Макбета.

Входятъ Банко и Фліансъ.

Банко.

Далеко-ль за полночь, мой милый?

Фліансъ.

Я
Часовъ не слышалъ. Уже мѣсяцъ сѣлъ.

Банко.

Садится онъ часовъ въ двѣнадцать.

Фліансъ.

. Ну,
Я думаю, теперь позднѣе, сэръ.

Банко.

Возьми мой мечъ. Какъ на небѣ скупятся:
Огни всѣ погасили. Къ сну призывъ
Тяжелый, какъ свинецъ, нависъ на вѣки.
Заснуть мнѣ-бъ не хотѣлось!... Боже мой!
О милосердый Боже, обуздай
Ты мысли грѣшныя мои; имъ путь
Во снѣ ночномъ природа открываетъ!
Подай сюда мой мечъ. Кто тутъ?

Входитъ Макбетъ. Передъ нимъ идетъ слуга съ факеломъ.

Макбетъ.

Здѣсь другъ.

Банко.

Еще ты не въ постелѣ? А король
Ужь спитъ. Онъ былъ необычайно веселъ.
Онъ всю прислугу вашу одарилъ,
А брилліантами твою супругу
Привѣтствовалъ, какъ добрую хозяйку.
И такъ закончивъ свой прекрасный день,
Доволенъ, счастливъ былъ онъ чрезвычайно!

Макбетъ.

Мы не были готовы. Наша воля
Рабыней недостатковъ оказалась,
А иначе не такъ бы развернулась,
Чтобъ угодить.

Банко.

Прекрасно было все!—
Послѣдней ночью видѣлъ я во снѣ
Старухъ, сестеръ трехъ вѣщихъ. Много словъ
Сбылося ихъ...

Макбетъ.

Не думаю о нихъ.
Найти бы намъ хоть часъ одинъ свободный;
Его-бъ охотно очень я потратилъ
На разговоръ объ этомъ дѣлѣ... если-бъ
Согласенъ былъ и ты.

Банко.

Когда угодно.

Макбетъ.

А если будешь ты со мной въ согласьи,
Такъ честь великую себѣ добудешь.

Банко.

О, какъ бы тутъ, стремясь честь удвоить,
Не потерять и той, какой владѣешь!—
Лишь только-бъ духъ остался мой свободенъ
И чисто сердце, преданное долгу,
Пойду на всякій я совѣтъ охотно!

Макбетъ.

Затѣмъ покойной ночи, почивай.

Банко.

Благодарю. Того-жъ тебѣ желаю.

Макбетъ (слугѣ).

Скажи тамъ госпожѣ: когда питье
Совсѣмъ готово будетъ, позвонила-бъ.
Теперь прощай. Ступай, ложися спать. — (Слуга уходитъ).
Что тутъ?... Кинжалъ ли вижу предъ собой
И рукоять обращена ко мнѣ?...
Схвачу тебя!... Я ничего не взялъ,
А, все-таки, тебя до сихъ поръ вижу!
Видѣнье роковое! Иль тебя
Глазами только можно видѣть,
Не ощущать рукой?... Иль ты кинжалъ
Воображенья только, лживый призракъ,
И созданъ мозгомъ, жаромъ воспаленнымъ?...
А все тебя я вижу также ясно
И столь дѣйствительнымъ на видъ, какъ тотъ,
Который здѣсь теперь я обнажаю.
Ведешь меня путемъ, какимъ я шелъ
Съ оружіемъ такимъ же, какъ и ты.
Глаза шутами стали чувствъ другихъ,
А ихъ цѣннѣй они: они одни
Тебя лишь зрятъ. На лезвеѣ твоемъ,
На рукояти вижу капли крови...
Ихъ не было тутъ прежде!... Это вздоръ,
И ничего тутъ нѣтъ!... Кровавый замыслъ
Дурачитъ бѣдные глаза видѣньемъ!...
Теперь на цѣломъ полушаріи земномъ
Какъ будто умерла природа вся;
Лишь злыя сновидѣнія тревожатъ
Отвсюду занавѣсившійся сонъ!...
Волшебство тайное приноситъ жертвы
Гекатѣ блѣдной!... Тощее убійство,
Поднятое въ урочной ночи часъ,
Призывнымъ воемъ волка, стража ночи,
Трепещетъ, движется, какъ воръ, украдкой,
Тарквинія разбойническимъ шагомъ,
И близится къ злодѣйской цѣли!... О!

Ты, прочно утвержденная земля,
Не слышь моихъ шаговъ и не внимай,
Куда они меня ведутъ, чтобъ камни
О замыслѣ моемъ не разгласили,
Нарушивъ страшное вокругъ молчанье
Минуты этой; ей оно такъ нужно!...
Но я грожу, а онъ еще живетъ!
Слова пылъ дѣла только холодятъ... (Ударъ колокола).
Чу, колоколъ зоветъ!... Иду—и кончу
Все!:.. Дунканъ, не слушай этотъ звонъ;
Зоветъ тебя онъ въ адъ, или на небо!
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Декорація та же.

Входитъ ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

То самое, что опьянило ихъ,
Мнѣ придало всю смѣлость!... Что въ нихъ жизнь
Всю угасило, то меня зажгло!...
А?... Нѣтъ, то крикнула сова на кровлѣ!—
Зловѣщій это вѣстникъ смерти: грозно
Послѣднее «прощай» онъ произноситъ
Тому, кто съ жизнію разстаться долженъ!—
Онъ тамъ теперь... Открыта дверь... А храпомъ
Смѣется тамъ пьянѣйшая охрана
Надъ службой вѣрною своей!—Въ питье
Я ихъ ночное зелья подмѣшала,
И такъ, что смерть съ природой въ спорѣ: живы-ль
Теперь, мертвы-ль они.

МАКБЕТЪ (изнутри).

Кто тутъ?... Что?. . Э!...

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

О ужасъ!... Разбудили ихъ, и все
Пропало, все не удалось!... Не дѣло,
А покушенье насъ погубитъ!... Чу!...
Да я кинжалы тутъ же положила
Готовыми; не могъ онъ ошибиться!...
Ахъ, если бы во снѣ не походилъ
Онъ такъ на моего отца, сама
Все порѣшила бы давно!... А! Мужъ!

МАКБЕТЪ (входитъ).

Покончилъ дѣло!... Шума не слыхала?

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Лишь только крикъ совы, да трескъ сверчка!
Ты говорилъ?

МАКБЕТЪ.

Когда?

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Сейчасъ

МАКБЕТЪ.

Когда
Сходилъ я?

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Да.

МАКБЕТЪ.

Послушай, кто же спитъ
Тамъ, въ комнатѣ второй?

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Тамъ Дональбенъ.

МАКБЕТЪ (смотритъ на свои руки).

Какой печальный видъ!

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Какая глупость
Такъ говорить: «какой печальный видъ»?

МАКБЕТЪ.

Одинъ во снѣ захохоталъ такъ громко,
Другой-же вскрикнулъ: «рѣжутъ!»—Этимъ оба
Другъ друга разбудили. Я стоялъ
И слушалъ! Оба помолились спѣшно
И снова погрузились въ сонъ.

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Понятно:
Они лежали оба тѣсно рядомъ.

Макбетъ.

Одинъ сказалъ: «О, Господи помилуй!»
Другой: «Аминь!»—Какъ будто увидали
Меня съ руками палача!—И тотъ же
Былъ ужасъ и во мнѣ; но я не могъ
Сказать: «аминь» на ихъ «помилуй Боже!»

Леди Макбетъ.

Не углубляйся такъ ты въ это дѣло.

Макбетъ.

Да почему же я не могъ «аминь»
Произнести?!... О, какъ нужна была
Мнѣ милость... да «аминь» засѣлъ тутъ въ горлѣ...

Леди Макбетъ.

Къ такимъ дѣламъ нельзя такъ относиться,
Не то сведутъ они съ ума!...

Макбетъ.

Казалось,
Я слышалъ голоса: «Не спите больше!...
«Макбетъ здѣсь рѣжетъ сонъ, невинный сонъ.
«Который нити спутанныхъ заботъ
«Житейскихъ такъ свиваетъ стройно, эту
«Смерть жизни ежедневной, эту ванну
«Для всѣхъ измученныхъ трудомъ, бальзамъ
«Для всѣхъ страдающихъ душевной болью,
«Вторую перемѣну яствъ роскошныхъ,
«Какими насъ природа угощаетъ,
«И блюдо лучшее на пирѣ жизни!...»

Леди Макбетъ.

О чемъ ты говоришь?

Макбетъ.

На весь онъ домъ
Кричалъ: «Зарѣзалъ Гламисъ сонъ!... Кавдору
«Не спать ужь больше никогда!... Макбету
«Не спать ужь никогда!...»

Леди Макбетъ.

Но кто-же такъ
Кричалъ?... Достойный танъ, зачѣмъ же ты
Безумными мечтами ослабляешь
Твой мужественный духъ?... Иди, добудь
Воды немного, смой скорѣе съ рукъ
Свидѣтельство противное на нихъ!...
Зачѣмъ же ты кинжалы взялъ оттуда?
Они должны, вѣдь, оставаться тамъ...
Снеси назадъ и кровью вымарай скорѣй
Безпечно спящихъ стражей—молодцевъ.
Иди!

Макбетъ.

Туда?... Туда я не пойду!...
Подумать страшно, что я сдѣлалъ!... Нѣтъ,
Взглянуть опять на это не рѣшусь!...

Леди Макбетъ.

О малодушный!... Ну, такъ дай кинжалы мнѣ!...
Что мертвый, что заснувшій—все одно—
Картинки!—Только лишь дѣтей глаза
Боятся намалеваннаго чорта!
А если кровь его еще струится,
Я сдѣлаю прекрасными ихъ лица!
Вина всей тяжестью падетъ на нихъ!

(Уходитъ съ кинжалами. Стукъ за сценой).

Макбетъ (одинъ).

Стучатся!... Что же сдѣлалось со мной?!...
Отъ шума каждаго дрожу, блѣднѣю!...
Но что за руки тутъ?... Га! Га!... Онѣ
Глаза мнѣ вырываютъ изъ очницъ....
О, всѣмъ водамъ великимъ океана
Не вымыть чисто этихъ рукъ!—Скорѣй
Всѣхъ волнъ безчисленныхъ, морскую зелень
Онѣ мгновенно въ пурпуръ обратятъ!...

Входитъ Леди Макбетъ.

Леди Макбетъ.

И у меня такого-жь цвѣта руки,
Какъ у тебя. Смотри.... Стыжуся только
Я сердце блѣдное въ груди носить!

(Опять стукъ въ ворота).

У входа южнаго стучать!... Скорѣй!...
Мы въ комнату къ себѣ уйдемъ. Воды
Не много.—и мы чисты въ этомъ дѣлѣ!—
Увидишь, какъ легко потомъ!—Въ тебѣ,
Другъ, твердости совсѣмъ не стало.—(Стукъ) Чу!...
Стучать сильнѣе. Да скорѣй надѣнемъ
Ночное платье! Позовутъ насъ вѣрно.
Они подумать даже не должны.
Что мы еще не спали.... Да не стой
Такимъ несчастнымъ, утонувшимъ въ думахъ?...

Макбетъ.

О! Это дѣло ясно знать и помнить...
Ахъ, лучше бы совсѣмъ себя не помнить!...
Да разбудите же Дункана мнѣ
Хоть стукомъ этимъ!... Какъ бы мнѣ хотѣлось!...
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Декорація та-же.

Стукъ въ ворота. Входитъ Привратникъ.

Привратникъ.

Вонъ, какъ стучать!... Вотъ, если бъ быть привратникомъ въ аду;—пришлось бы повертѣть ключемъ. (Стучатся). Стучи, стучи, стучи!... Кто тутъ, во имя Вельзевула?... Мызникъ, что ли, скряга, что повѣсился, дождавшись урожая, съ испугу, что хлѣбъ подешевѣлъ?—Во время пришелъ!... Запасся ли платками? Придется здѣсь попотѣть. (Стучатся). Да стучи, стучи!... Да кто-жь ты, во имя, если не Вельзевула, такъ какого-нибудь другаго дьявола?— Навѣрно, какой-нибудь молодчикъ о двухъ языкахъ и двухъ лицахъ [33]), готовый клясться направо и налѣво, за тѣхъ и другихъ. Вотъ, Бога-то и не удалось надуть, хоть чай, и больно хотѣлось! Милости просимъ, двулицый молодчикъ; милости просимъ. (Стучатся). Опять!... Ну да стучи, пожалуй, стучи, стучи! Это, должно быть, англійскій портной, что стянулъ суконца даже отъ французскихъ узкихъ штановъ [34]). Ступай, ступай сюда, портной, голубчикъ. Здѣсь хватитъ огонька и для твоихъ утюговъ. (Стучатся). Опять стучатся! Видишь, какъ стучатся!... Покоя нѣтъ! Да кто вы тамъ? Однако, здѣсь холодновато для ада. Нѣтъ, будетъ!... Не хочу быть привратникомъ въ аду!... А съ охотой бы я впустилъ туда нѣсколько молодчиковъ изъ тѣхъ, что бѣгомъ бѣгутъ по цвѣтистой дорожкѣ прямехонько въ знатный огонекъ. (Стучатся). Сейчасъ, сейчасъ! (Отпираетъ ворота). Не будетъ-ли милости привратнику?

Входятъ: Мэкдофъ и Леноксъ.

Мэкдофъ.

Ты очень поздно, что ли, легъ въ постель,
Что поздно такъ уже встаешь, мой милый?

Привратникъ.

По правдѣ, сэръ, мы пировали до вторыхъ пѣтуховъ, а вино—производитель трехъ вещей.

Мэкдофъ.

Какія же, по твоему, три вещи
Вино такъ спеціально производитъ?

Привратникъ.

А какже? Красные носы, сонъ и урину. А вотъ развратъ оно и производитъ и не производитъ. Оно возбуждаетъ желаніе и отнимаетъ возможность его удовлетворить, а потому большое пьянство, сэръ,—двуличный обманщикъ для любовной страсти: оно родитъ и убиваетъ ее, напускаетъ и отталкиваетъ, и ободряетъ и обезкураживаетъ, поднимаетъ и заставляетъ падать и, наконецъ, надувши такимъ образомъ человѣка, совсѣмъ покидаетъ его.

Макдофъ.

Какъ видно, и тебя оно надуло,
Такъ крѣпко этой ночью усыпивъ.

Привратникъ.

А и надувало же оно меня, вливаясь прямо въ горло. Ну да и отплатилъ я ему за это знатно! Не подъ силу значитъ пришелся ему: сколько разъ подкашивало оно мнѣ ноги, да я изловчился и... сразу его вонъ!

Мэкдофъ.

А господинъ твой всталъ?—Да вотъ и онъ.
Его мы нашимъ стукомъ разбудили.

Входитъ Макбетъ.

Леноксъ.

Вамъ утра добраго желаю, сэръ.

Макбетъ.

Желаю утра добраго обоимъ.

Мэкдофъ.

А что, достойный танъ, не замѣчали:
Король не просыпался?

Макбетъ.

Нѣтъ еще.

Мэкдофъ.

Онъ мнѣ велѣлъ пораньше разбудить
Себя, а я почти проспалъ часъ срочный.

Макбетъ.

Васъ провожу къ нему.

Мэкдофъ.

Я знаю, сэръ,
Пріятенъ вамъ, конечно, этотъ трудъ,
Но все же трудъ.

Макбетъ.

По сердцу трудъ—не трудъ.
Вотъ двѣрь.

Мэкдофъ.

Я самъ осмѣлюсь разбудить.
Да это и обязанность моя.

(Уходитъ).

Леноксъ.

Король сегодня васъ оставитъ?

Макбетъ.

Да.
Онъ такъ назначилъ самъ.

Леноксъ.

А эта ночь
Пребезпокойная была! Тамъ, гдѣ
Мы спали, вихрь всѣ трубы съ кровель снесъ
И, говорятъ, что въ воздухѣ кругомъ
Все слышались отчаянные вопли;
И стоны смерти страшные звучали,
Ужасныя намъ смуты предвѣщая.
Событья грозныя, что на бѣду людей
Высиживаетъ время. Птица мрака
Всю эту ночь, ночь, длившуюся долго,
Какъ жизнь, кричала дико. Говорятъ,
Сама земля, какъ будто въ лихорадкѣ,
Тряслася.

Макбетъ.

Да, ночь бурная была.

Леноксъ.

Другую ночь подобную припомнить
Не можетъ память юная моя.

Вбѣгаетъ Мэкдофъ.

Мэкдофъ.

О, ужасъ, ужасъ!... Нѣтъ, не могутъ
Ни сердце, ни языкъ назвать, постичь
Весь ужасъ....

Леноксъ и Макбетъ.

Что такое?...

Мэкдофъ.

Бунтъ злодѣйскій
Исполнилъ дѣло мастерское тамъ:
Кощунной, святотатственной рукой
Разрушилъ Богу посвященный храмъ,
И зданья этого всю жизнь укралъ
Проклятый воръ!

Макбетъ.

Что говорите?.. Жизнь?..

Леноксъ.

Его величества?

Мэкдофъ.

Туда взгляните!...
Ослѣпните отъ новой тамъ Горгоны!...
О, нѣтъ!... Разсказывать не заставляйте....
Смотрите,—сами говорите!... О!...
Проснитесь же скорѣй, проснитесь!... Бейте
Въ набатъ!... Измѣна и убійство!... Банко
И Дональбенъ!... Мэлькольмъ!... Проснитесь всѣ!...
Стряхните подлый сонъ, поддѣлку смерти;
На самую вы смерть теперь взгляните!...
Скорѣй!—Вскочите быстро и взгляните
На образъ страшнаго суда!—О, Банко!...
Мэлькольмъ!... Какъ изъ могилъ своихъ возстаньте
Какъ духи принеситеся, чтобъ видѣть
Весь этотъ ужасъ!... Ахъ, скорѣй звоните!...
Да бейте-жъ громче въ колоколъ набатный!..

Входитъ Лэди Макбетъ.

Лэди Макбетъ.

Что здѣсь случилося? .. Зачѣмъ насъ будитъ
Такимъ ужаснымъ, дикимъ ревомъ трубъ?
О чемъ тутъ совѣщанье? Въ чемъ тутъ дѣло?
Ахъ, говорите! говорите!...

Мэкдофъ.

О,
Любезнѣйшая лэди!... Нѣтъ, не вамъ
Услышать то, что разсказать теперь
Могу Для уха женскаго разсказъ
Такой—убійство злое! (Входитъ Банко). Банко. Банко!...
Зарѣзанъ царственный властитель нашъ!...

Лэди Макбетъ.

О, горе, горе!... Какъ?!... И въ нашемъ домѣ?...

Банко.

Гдѣ-бъ ни было—равно ужасно!... О,
Мэкдофъ мой дорогой, прошу тебя,
Возьми скорѣй назадъ твои слова,
Скажи, что не было того совсѣмъ!...

Входитъ Макбетъ и Леноксъ.

Макбетъ.

Когда-бъ за часъ предъ этимъ умеръ я,
Сказалъ бы: прожилъ счастливо я жизнь!...
Съ минуты этой въ нашей смертной долѣ
Невѣрно ничего, игрушка все!...
Все умерло: и красота, и слава,
И милость!... Пролито вино до капли,
Подонки лишь остались одни
Въ подвалѣ темномъ этой жизни! Здѣсь
Подонками лишь тѣшиться мы будемъ!

Входитъ Мэлькольмъ и Дональбенъ.

Дональбенъ.

Съ кѣмъ здѣсь случилося несчастье?

Макбетъ.

Съ вами.—
Не знаете лишь вы о томъ. Потокъ,
Родникъ всей вашей крови истощенъ,
И даже самый ключъ его изсякъ.

Мэкдофъ.

Вашъ царственный отецъ убитъ!

Мэлькольмъ.

О!... Кѣмъ?

Леноксъ.

Должно быть, стражами, что спали съ нимъ:
Ихъ руки, лица всѣ покрыты кровью
И даже, не обтертые отъ крови,
Кинжалы ихъ лежатъ на ихъ подушкахъ!
На насъ они смотрѣли дико такъ,
Испуганно, безумно. Имъ никто
Своей не поручилъ бы жизни!

Макбетъ.

О!
Проклятье! Какъ жестоко каюсь я
Въ чрезмѣрномъ бѣшенствѣ моемъ!—Я ихъ
Убилъ.

Мэкдофъ.

Зачѣмъ же сдѣлали вы это?

Макбетъ.

Кто-жь можетъ быть въ одно и тожь мгновенье
И обезумленъ и спокойно мудръ,
Взбѣшенъ и хладнокровенъ, вѣренъ долгу
И равнодушенъ? Кто? Никто, конечно....
И взрывъ любви неудержимо быстрый
Опередилъ медлительность разсудка!...
Вотъ тутъ лежалъ Дунканъ весь блѣдный, бѣлый,
Покрытый кровію своей, какъ ткань
Сребристая, оправленная въ злато [35];
На немъ зіяли раны, какъ проломы
Въ стѣнахъ природы, въ нихъ же разрушенье
Ворвалося легко; а тутъ убійцы,
Покрытые кровавою одеждой
Ихъ ремесла, и ихъ кинжалы тутъ же
Въ вмѣстилищахъ, позорнѣйшихъ для нихъ
Изъ ссѣвшейся ужь крови!.... Кто бы могъ,

Въ комъ только сердце есть, а въ сердцѣ томъ
Любовь и мужество, чтобъ доказать
Ее, кто-бъ удержаться могъ....

Лэди Макбетъ.

О, Боже!...
Охъ помогите!... Дурно, дурно мнѣ?...

Мэкдофъ.

Смотрите!... Лэди!... Помогите ей!...

Мэлькольмъ. (Тихо Дональбену).

Что-жь мы молчимъ, когда все дѣло
Касается насъ болѣй, чѣмъ ихъ всѣхъ?

Дональбенъ. (Тихо ему).

А что же здѣсь мы будемъ говорить,
Когда подстерегаетъ гибель насъ
Тутъ въ каждой просверленной дыркѣ, можетъ
Вдругъ броситься на насъ и уничтожить?...
Уѣдемъ мы отсюда. Наши слезы
Еще сперлись въ груди и не готовы!

Мэлькольмъ.

Жестоко и ужасно наше горе!...
Окаменѣвъ, оно еще недвижно.

Банко.

Да помогите лэди! (Лэди Макбетъ уносятъ). Мы, однакожъ,
Скорѣй прикроемъ нашу наготу,—
Вѣдь тѣло бренное страдаетъ здѣсь
Безъ должнаго покрова,—а потомъ
Сойдемся, дѣло страшное мы вмѣстѣ
Изслѣдуемъ въ подробностяхъ, какъ должно,
И взвѣсимъ, что откроется намъ дальше.—
И ужасомъ и опасеньемъ мы
Потрясены: но знаю твердо я,—
Десница Божья надо мной всегда
И не боюсь возстать на замыслъ тайный
Злодѣйства.

Макбетъ.

Также я.

Всѣ.

Мы всѣ, мы всѣ!

Макбетъ.

Такъ облечемся-жь въ мужества готовность
И соберемся въ залѣ всѣ.

Всѣ.

Прекрасно.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Мэлькольма и Дональбена).

Мэлькольмъ.

Что думаешь ты дѣлать? А? Не будемъ
Товарищами ихъ!—Лжецу всегда
Легко показывать такое горе,
Какого онъ не чувствуетъ совсѣмъ.
Я въ Англію уѣду.

Дональбенъ.

Я отправлюсь
Въ Ирландію. Судьбами раздѣлившись,
Надежнѣе себя мы охранимъ.
Намъ здѣсь въ улыбкѣ каждаго кинжалъ.
Кто ближе всѣхъ по крови намъ, тотъ всѣхъ
И кровожаднѣй.

Мэлькольмъ.

Пущена стрѣла,
Да не попала въ цѣль еще, и лучше
Удара избѣжать. Такъ на коней!
Не нужно намъ особенныхъ прощаній...
И ускользнемъ. Когда пощады нѣтъ,
Украсть себя у нихъ мы въ правѣ полномъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Внѣ замка Макбета.

Входятъ: Старикъ и Россъ.

Старикъ.

Лѣтъ семьдесятъ я помню хорошо.
За это время много видѣлъ я

Чудесъ и много страховъ пережилъ;
Но эта ночь ужасная все, все,
Что испыталъ я на вѣку моемъ,
Въ игрушку обратила.

Россъ.

Ахъ, старикъ!
Ты видишь ли разгнѣвано все небо
Ужаснымъ зрѣлищемъ людскихъ дѣяній;
Грозитъ оно кровавой ихъ аренѣ.
Теперь по времени ужъ день, но ночь
Плывущій въ небѣ свѣточъ міра тушитъ.
Иль ночь осилила, иль день стыдится,
Что ночь могильнымъ мракомъ закрываетъ
Лице земли въ тотъ часъ, какъ ясный свѣтъ,
Несущій жизнь, лобзать ее желаетъ.

Старикъ.

И неестественно все это также,
Какъ то, что вотъ случилося недавно:
Въ послѣдній вторникъ соколъ, гордо, смѣло
Парившій въ небѣ, пойманъ былъ совой,
Совой, способной лишь ловить мышей,
И тутъ же, тотчасъ былъ заклеванъ ею

Россъ.

А лошади Дункана [36])? Тутъ еще
Чудеснѣе, но также точно вѣрно.
Красавцы быстроногіе и гордость
Природы лошадиной вдругъ взбѣсились,
Разбили стойла, вырвался вонъ
И противъ всякой власти надъ собой
Неукротимо взбунтовались. Точно
На родъ людской они, возставъ, пошли
Войной.

Старикъ.

Пожрали, говорятъ, другъ друга.

Россъ.

Такъ, такъ, моимъ глазамъ на удивленье!...
Я видѣлъ самъ. Вотъ добрый нашъ Мэкдофъ.
(Входитъ Мэкдофъ). Что? Какъ дѣла?

Мэкдофъ.

Не видите вы сами?

Россъ.

Узнали-ль, наконецъ, кто совершилъ—
О, болѣй, чѣмъ кровавое!—убійство?

Мэкдофъ.

Тѣ самые, кого убилъ Макбетъ.

Россъ.

Проклятье! ... Да на что же имъ?

Мэкдофъ.

Они—
Не отъ себя. Мэлькольмъ и Дональбенъ,
Родные сыновья Дункана, скрылись,
Украдкою бѣжали, и на нихъ
Поэтому упало подозрѣнье.

Россъ.

Противъ-естественно все это очень!—
Какой ты расточитель, честолюбье:
Само все пожираешь у себя.
Чѣмъ можешь жить!—Ну, вотъ, теперь Макбетъ
Навѣрно будетъ королемъ.

Мэкдофъ.

Ужь онъ
Провозглашенъ, уѣхалъ даже въ Скону [37])
Короноваться.

Россъ.

Гдѣ-жь Дункана тѣло?

Мэкдофъ.

Отправили въ Кольмкиля [38]) кладовую
Священную предмѣстниковъ его,
Въ которой кости ихъ всегда хранятся.

Россъ.

Поѣдете вы въ Скону?

Мэкдофъ.

Нѣтъ. Я ѣду
Въ мой Файфъ.

Россъ.

А и туда.

Мэкдофъ.

Желаю очень,
Чтобъ вы нашли, что въ Сконѣ все прекрасно.
Прощайте.—Ну, какъ старое-то платье
Окажется намъ новаго удобнѣй!...

Россъ.

Прощай, старикъ.

Старикъ.

Благословенье Бога
Надъ вами и надъ всѣми, кто творитъ
Изъ зла добро, а изъ враговъ друзей.

(Всѣ уходятъ).

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Форесъ. Комната во дворцѣ.

Банко.

Ну вотъ теперь ты все: король. Кавдоръ
И Гламисъ, все, что вѣщія тебѣ
Ни обѣщали!—Только я боюсь,
Въ дурную ты игру играешь!—Да. —
Но все, чѣмъ ты теперь обогащенъ,
Не за твоимъ останется потомствомъ;
Я—многихъ королей отецъ и корень!
И если правда ихъ слова,—а ты,
Макбетъ, уже въ сіяньи этой правды—
Такъ почему-жь, потомъ, и надо мной
Не сбыться также прорицанью ихъ
И почему-жь не жить надеждой мнѣ?
Но тише, тише и, ни слова болѣ.

Входятъ: Макбетъ и лэди Макбетъ, Леноксъ, Россъ, лорды, лэди и свита.

Макбетъ.

А вотъ нашъ самый главный, первый гость.

Лэди Макбетъ.

На нашемъ праздникѣ и на пиру
Забыть его не малый былъ бы пропускъ
И было-бъ даже преступленьемъ.

Макбетъ.

Нынче
Даемъ торжественный мы ужинъ. Васъ
Усердно просимъ принять участье въ немъ.

Банко.

Располагайте мною, государь.
Мой долгъ меня на вѣкъ соединяетъ
Союзомъ крѣпкимъ, неразрывнымъ съ вами.

Макбетъ.

Вы ѣдете сегодня по полудни?

Банко.

Такъ точно.

Макбетъ.

Иначе сегодня
Желали-бъ мы совѣтъ услышать вашъ,
Всегда намъ дорогой, всегда намъ нужный,
Несущій счастье намъ всегда. Коль такъ,
До завтра совѣщанье отлагаемъ. —
Вы ѣдете далеко?

Банко.

Такъ, что я
Вернуться къ ужину едва успѣю.
Придется часъ иль два занять у ночи.

Макбетъ.

Прошу васъ, къ ужину не опоздайте.

Банко.

Никакъ не опоздаю, государь.

Макбетъ.

Мы слышали, что братья наши, кровью
Напившись здѣсь, изволятъ проживать
Въ Ирландіи и Англіи. Они,
Не признаваясь въ зломъ отцеубійствѣ,

Переполняютъ слушателей уши
Предикихъ вымысловъ разсказомъ! Но
Объ этомъ завтра, какъ сберемся всѣ
Для государства дѣлъ, чтобъ ихъ намъ дружно,
Полнѣе, лучше обсудить... И такъ,
Спѣшите на коня скорѣй! Прощайте
До вечера! А сынъ вашъ съ вами ѣдетъ?

Банко.

Да, государь. Онъ мнѣ необходимъ.

Макбетъ.

Да будетъ бѣгъ коней подъ вами быстръ
И вѣренъ, а затѣмъ передаю
Васъ спинамъ ихъ. Прощайте!—
(Лордамъ). Пусть каждый будетъ до семи часовъ
Властителемъ досуга своего.
Чтобъ обществомъ намъ болѣй насладиться,
Останемся до вечера одни.
Прощайте, и Господь да будетъ съ вами.

(Всѣ уходятъ, исключая Макбета и одного изъ свиты).

(Одному изъ свиты). На пару словъ. Что-жь, ждутъ насъ тѣ, за кѣмъ
Мы посылали?

Одинъ изъ свиты.

У воротъ.

Макбетъ.

Зови.

(Одинъ изъ свиты уходитъ).

Быть этимъ ничего не значитъ: но
Быть тѣмъ надежно, прочно—въ этомъ все!—
Мнѣ Банко страшенъ!—Этотъ страхъ гнѣздится
Въ душѣ глубоко. Да. Въ его природѣ
Владычной царствуетъ всесильно то,
Предъ чѣмъ нельзя не трепетать: онъ смѣлъ.
На многое дерзаетъ.... При безстрашьи
Всегда спокоенъ духомъ онъ, умѣренъ
И мудростью высокой одаренъ.
Управленъ силою ея, идетъ
Онъ къ цѣли вѣрно, неуклонно, твердо,—
И въ цѣломъ мірѣ Божьемъ одного

Страшусь — его. Мой геній имъ подавленъ,
Какъ Цезаремъ подавленъ былъ Антоній!—
Съ какимъ упрекомъ обратился онъ
Къ старухамъ вѣщимъ въ часъ, когда онѣ
Меня провозгласили королемъ.
И ихъ заставилъ прорицать себѣ!—
Тогда онѣ, какъ бы одушевясь
Пророчества далеко зрящимъ духомъ,
Его чудесно нарѣкли отцемъ
Грядущихъ поколѣній королей,
А на мою главу властителя вѣнецъ
Ничтожный и безплодный возложили
И въ руку всунули такой же скипетръ,—
И только для того, чтобы не мой
Прямой наслѣдникъ и не сынъ родной,—
Чужой ихъ вырвалъ нагло у меня!—
Такъ значитъ для потомковъ Банко я
Грѣхомъ всю душу отравилъ мою,
Для нихъ зарѣзалъ кроткаго Дункана,
Для нихъ, для нихъ однихъ отраву зла
Я влилъ въ сосудъ покоя моего?...
И вѣчное сокровище мое
Я отдалъ человѣчества врагу
Лишь только для того, чтобъ сдѣлать ихъ,
Отродьевъ Банко, королями?—Нѣтъ.—
Ужь если такъ, ты лучше выходи,
Судьба, на бой со мной.—на жизнь и смерть!
Кто тамъ?

(Входитъ слуга съ двумя убійцами).

Уйди отсюда, позову.
Ступай! (Убійцамъ).
Не говорилъ вчера я съ вами?

1-й УБІЙЦА.

Такъ точно, государь. У васъ мы были.

МАКБЕТЪ.

Обдумали-ль, что вамъ я говорилъ?—
Вотъ видите-ль: не я васъ погубилъ,
Какъ думали вы прежде, на меня
Невиннаго вину слагая,—*онъ*.—
Во всѣхъ подробностяхъ я разсказалъ,
Всѣ доказательства представилъ.

Какъ проводили васъ, какъ обманули,
Кто былъ орудіемъ, кто самъ работалъ!—
Я такъ вамъ разсказалъ, что даже
И тотъ, въ комъ умъ на половину цѣлъ
И разумъ плохъ, навѣрно скажетъ: «да,
«Все это сдѣлалъ Банко».

1-й убійца.

Вы глаза
Открыли намъ.

Макбетъ.

Ну, да, открылъ.—Но я
Иду и дальше.—Вотъ за этимъ самымъ
Вы во второй здѣсь разъ.—Ну, что-жъ?—Иль васъ
Господь такимъ терпѣньемъ наградилъ,
Что все простите навсегда, иль вы
Такъ набожны, что станете молиться
За добраго такого человѣка
Съ его потомствомъ, словомъ, за того,
Чья сильная рука пригнула васъ
Къ могилѣ, нищими на вѣкъ пустила?

1-й убійца.

Не женщины, мужчины мы, нашъ лордъ.

Макбетъ.

Да что,—не женщины!—Конечно такъ,
Мужчинами записаны вы въ спискахъ.—
Вотъ какъ и всѣ собаки: пуделя,
Болонки, гончія, борзыя, шавки,
Испанки, всѣ собаками зовутся.—
Но списокъ и другой ведется имъ:
Одну проворной отмѣчаютъ, ловкой,
Лѣнивою другую, ту горячей,
Ту сильной, сторожемъ хорошимъ дома,
Охотничьей собакой съ нюхомъ добрымъ.—
По тѣмъ способностямъ собачьимъ,
Какими ихъ природа одарила,
И разныя прозванья имъ даютъ,
Чтобъ отличать ихъ сразу отъ другихъ.—
Вотъ также точно и мужчины всѣ
Отличны другъ отъ друга.—Если вы

По качествамъ въ мужчинъ разрядномъ спискѣ
Считаетесь не на послѣднемъ мѣстѣ,
Скажите, вамъ тогда довѣримъ дѣло,
Которое врага съ лица земли
Снесетъ и крѣпко васъ соединитъ
Съ любовью сердца нашего на вѣкъ.—
И это потому, что болѣнъ я,
Пока онъ живъ,—воскресну, какъ умретъ.

2-й убійца.

Я тотъ, кого подлѣйшіе толчки,
Удары, колотушки въ этомъ мірѣ
Такъ разожгли, что беззаботно я
Готовъ, чѣмъ можно, міру насолить!—

1-й убійца.

А я такъ, такъ судьбой моей измыканъ,
Истрепанъ весь и истомленъ бѣдами
И безпрерывной всюду неудачей,
Что жизнь мою готовъ рискнуть на все,
Хоть выскочить, хоть провалиться сразу!

Макбетъ.

Ну вотъ, обоимъ вамъ вполнѣ извѣстно,
Что Банко врагъ вашъ главный.

Оба убійцы.

Вѣрно, лордъ.

Макбетъ.

И мой.—Врагъ этотъ здѣсь, со мной,
Въ такомъ смертельно близкомъ разстояньи,
Что чувствую ежеминутно я:
Его удара остріе—ужъ тутъ,
Близъ мѣста, гдѣ вся жизнь моя.—Я-бъ могъ
Безъ совѣсти зазрѣнья съ глазъ моихъ
Его смахнуть, и послѣ утвердить
Такое дѣло волею моей
Высокой; но такъ дѣлать я не долженъ

По милости друзей обоихъ насъ,
Его, а также и моихъ.—Мнѣ ихъ любви
Нельзя лишиться. Вынужденъ я буду
Оплакивать паденіе того,
Кого я самъ же поразилъ.—Вотъ,
Теперь уже вполнѣ извѣстно вамъ
Зачѣмъ я, по причинамъ очень важнымъ,
Съ любовью вашу помощь принимаю,
Желая дѣло самое сокрыть
Отъ глазъ толпы.

2-й УБІЙЦА.

Исполнимъ, государь,
Что приказали вы.

1-й УБІЙЦА.

Хоть наша жизнь...

МАКБЕТЪ.

Вашъ духъ въ очахъ сіяетъ вашихъ, вижу! —
Я черезъ часъ не болѣе назначу,
Гдѣ вамъ засѣсть и сторожить его.—
Узнаете и времени разсчетъ,
И самую минуту дѣла. Все
Сегодня ночью должно кончить, все,
И въ нѣсколько далекомъ разстояньи
Отъ нашего дворца.—Не забывайте,
Я требую, чтобъ тѣни подозрѣнья
Не пало на меня! Поѣдетъ съ нимъ
И сынъ его Фліансъ. Мнѣ смерть его
Не менѣе существенно нужна,—
И чернаго мгновенія судьбу
Съ отцемъ онъ долженъ раздѣлить! Смотрите,
Чтобъ чисто было все и недодѣлокъ
Чтобъ никакихъ!—Наединѣ вы все
Обдумайте другъ съ другомъ и рѣшитесь.
Я ворочусь тотчасъ.

ОБА УБІЙЦЫ.

Рѣшились мы.

МАКБЕТЪ.

Я позову васъ скоро. Ждите тамъ.

(Убійцы уходятъ).

Все рѣшено!—Ну, Банко, если въ небо
Твой духъ парить, сегодня будешь тамъ. (Уходитъ).

СЦЕНА II.

Другая комната во дворцѣ Макбета.

Входятъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ И СЛУГА.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Уѣхалъ Банко?

СЛУГА.

Точно такъ; но къ ночи
Онъ возвратится.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Королю скажи,
Я жду его на пару словъ.

СЛУГА.

Исполню. (Уходитъ).

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Все—прахъ, ничто, и все пропало даромъ,
Коль то, чего достигли мы съ трудомъ,
Желаньямъ нашимъ не дало довольства!
И лучше-бъ было оставаться тѣмъ,
Что уничтожили мы сами смѣло,
Чѣмъ радостью сомнительною жить!

(Входитъ Макбетъ).

Ну что, мой добрый лордъ? Ты все одинъ,
Съ печальными бесѣдуешь мечтами?—
Такія думы умереть должны бы,
Какъ умеръ тотъ, кого все въ мысляхъ
Чего никакъ ужь воротить нельзя,
О томъ совсѣмъ и вспоминать не должно!
Что сдѣлано, то сдѣлано—всему
Конецъ.

МАКБЕТЪ,

Змѣю мы не убили,—только
Лишь ранили ее... а рана та
Закроется и ядовитый гадъ
Вругъ оживетъ и прежнимъ острымъ зубомъ
Грозить безсильной нашей злобѣ будетъ!—
Скорѣй разрушится составъ природы

Скорѣй погибнутъ въ мукахъ оба міра,
Чѣмъ соглашуся ѣсть мой хлѣбъ я въ страхѣ
И спать въ томленьи тяжкомъ сновъ ужасныхъ.
Что въ трепетъ насъ приводятъ по ночамъ!
Гораздо лучше съ мертвымъ тѣмъ лежать,
Котораго мы на покой послали,
Чтобъ мѣсто для себя его очистить,
Чѣмъ корчиться, въ душевной пыткѣ лежа,
Въ безсонномъ бредѣ, ночью, средь видѣній! —
Дунканъ въ могилѣ. Послѣ лихорадки
Тревожной жизни онъ тамъ спитъ спокойно:
Все худшее, что сдѣлать лишь могла
Измѣна,—совершила, и ни сталь,
Ни ядъ, ни близкихъ ковы, ни угрозы
Враговъ его не потревожатъ болѣ!...

Лэди Макбетъ.

Ну полно, милый другъ!—А ты разгладь
Свое суровое лице, все въ складкахъ.—
Будь веселъ, ясенъ съ нашими гостями
Сегодня ночью...

Макбетъ.

Буду веселъ, буду.—
Будь весела и ты, и больше
Кажи вниманья Банко. Языкомъ,
Глазами чаще говори, какъ цѣнимъ
Его высоко... Не надежно мы
Стоимъ, пока должны мы омывать
Достоинство свое словами лести
И наши лица въ маски обращать
Чтобъ скрыть что на душѣ!—

Лэди Макбетъ.

Оставь все это.

Макбетъ.

О скорпіонами душа
Полна, другъ милый!—Банко съ сыномъ живы

Лэди Макбетъ.

Не вѣченъ же ихъ съ жизнью договоръ.

МАКБЕТЪ.

Вотъ только въ томъ и утѣшенье! Да,
Не заколдованы-жь на самомъ дѣлѣ!...
Такъ радуйся: и не успѣетъ жукъ
Своими жесткими крылами въ тьмѣ
На зовъ Гекаты черной прожужжать
Свой стонъ лѣнивый и дремотный, мышь
Летучая не сможетъ быстро такъ
Монастыря ограду облетѣть
Кругомъ, какъ дѣло страшное свершится!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Какое-жь это дѣло?

МАКБЕТЪ.

Будь невинной
Своимъ незнаніемъ, моя голубка,
До самаго мгновенья, какъ узнавъ,
Похвалишь это дѣло!—Ночь, ты, всѣхъ
Слѣпящая, приди и завяжи
Глаза дню скорому на жалость!—О!
Рукой кровавой и во тмѣ незримой
Ты разорви въ клочки и уничтожь
До тла то обязательство мое.
Что гонитъ краску съ моего лица!...
Мутится свѣтъ и меркнетъ; воронъ черный
Поднялся, мчится къ лѣсу роковому;
Все доброе, дневное къ сну отходитъ,
А черное, ночное поднялось
И на добычу движется свою!...
Дивишься ты моимъ рѣчамъ?—
Зломъ начато упрочится лишь зломъ!...
Пойдемъ, прошу, пойдемъ мы дружно вмѣстѣ!—

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Паркъ близъ дворца.

Входятъ ТРОЕ УБІЙЦЪ.

1-Й УБІЙЦА.

А кто прислалъ тебя сюда?

3-й убійца.

Макбетъ

2-й убійца.

Да что тутъ сомнѣваться!—Знаетъ все,
И что и какъ намъ дѣлать. Знаетъ вѣрно.

1-й убійца.

Ну если такъ, останься съ нами.—Вонъ,
Тамъ на закатѣ дня—еще полоска.—
Подумаешь, какъ шпорить, чай, теперь
Коня ѣздокъ, порядкомъ запоздалый,
Чтобъ во время добраться до ночлега!—
Ужь близится и тотъ, кого мы ждемъ.—

3-й убійца.

Чу! топотъ слышится коней.

Банко (за сценой).

Ей, вы!
Свѣтите намъ сюда.

2-й убійца.

Конечно, онъ!—
Другіе же, кого ждутъ къ королю,
Давно ужь тамъ.

1-й убійца.

Въ объѣздъ, я слышу, ѣдутъ.

3-й убійца.

Объѣздъ почти на милю. Онъ, какъ всѣ,
Пѣшкомъ пойдетъ отсюда до дворца.

2-й убійца

Вонъ. факелъ. факелъ!

3-й убійца.

Это онъ!

1-й убійца.

Держитесь.

(Входятъ Банко и Фліансъ съ факеломъ)

Банко.

А ночью быть дождю.

1-й убійца (нападаетъ на Банко).

И пусть онъ будетъ.

Банко.

Предательство! Бѣги, Фліансъ, мой милый!
Бѣги, бѣги! Отмстить ты можешь! О!

(Падаетъ и умираетъ. Фліансъ убѣгаетъ [30]).

3-й убійца.

Кто факелъ потушилъ?

1-й убійца.

Аль нуженъ былъ?

3-й убійца.

Вотъ тутъ—одинъ: сынъ видно убѣжалъ.

2-й убійца.

Ну вотъ оно! И лучшее полдѣла
Пропало.

1-й убійца.

Что объ этомъ толковать!
Пойдемъ, разскажемъ, что успѣли сдѣлать.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Приготовленъ пиръ. Входятъ: МАКБЕТЪ, ЛЭДИ МАКБЕТЪ, РОССЪ, ЛОРДЫ И СВИТА.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Извѣстно каждому, какое мѣсто
По сану долженъ онъ занять,—а мы
Послѣдняго, какъ перваго равно
Привѣтствуемъ сердечно. Сядьте!

ЛОРДЫ.

Ваше
Величество благодаримъ.

МАКБЕТЪ.

Мы сами
Желаемъ вмѣстѣ съ вами сѣсть и роль
Смиреннаго хозяина исполнить.—
Хозяйка-жь добрая пускай займетъ
Почетное, готовое ей мѣсто;
Но въ самый свѣтлый, лучшій пира часъ
Попросимъ у нея для насъ привѣта.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Скажите-жь нашимъ всѣмъ друзьямъ, мой сэръ,
Что отъ души привѣтствую ихъ всѣхъ.

МАКБЕТЪ.

Смотри, какъ съ благодарностью встрѣчаютъ
Привѣтъ твой ихъ сердца.—Но съ двухъ сторонъ
Ужь полонъ столъ: я сяду посрединѣ.

(1-й убійца показывается въ дверяхъ).

За пиръ, друзья! Широкое веселье!
Вина! Пусть вольно ходитъ кубокъ полный
И быстро вкругъ стола.

(Подходитъ къ дверямъ).

Тутъ у тебя
Кровь на лицѣ!

УБІЙЦА.

То Банко кровь.

Макбетъ.

Ей лучше
Быть на тебѣ, чѣмъ въ жилахъ у него.—
Отправили?

Убійца.

Перехватили горло.
Я этимъ угостилъ его.

Макбетъ.

Такъ лучшій
Изъ горлорѣзовъ ты! Хорошъ и тотъ,
Кто тѣмъ же самымъ подарилъ Фліанса
И, если ты,—нѣтъ равнаго тебѣ.

Убійца.

Ахъ, царственный мой лордъ, Фліансъ бѣжалъ!

Макбетъ.

Ну вотъ, и воротилась вся опять
Болѣзнь моя!—Умри теперь Фліансъ,
Мнѣ ничего-бъ не доставало болѣй;
Я-бъ былъ здоровъ какъ мраморъ, какъ скала
Неколебимо твердъ, какъ воздухъ вольный,
Объемлющій собою всю природу,
Распространялся-бъ я надъ всѣмъ свободно.
Все-бъ охватилъ!—А вотъ теперь я снова
Въ тюрьму засаженъ, запертъ, сдавленъ,
Сомнѣньями и страхомъ. Что-жъ, хоть Банко!...
Покончили-ль вы съ нимъ?

Убійца.

О, да, мой лордъ.
Уложенъ онъ во рву надежно, прочно
И двадцатью разрубами такими
На головѣ, что каждый—смерть навѣрно!

Макбетъ.

Спасибо и за это!—Змѣй большой
Раздавленъ, а червякъ, что скрылся ловко,
Хотя со временемъ накопитъ яда.
Теперь еще безъ зубъ! Ступай. Мы завтра
Опять послушаемъ тебя.

Лэди Макбетъ.

Мой лордъ,
Не веселитесь вы совсѣмъ. Вѣдь, пиръ,
Когда веселіемъ своимъ хозяинъ
Не говоритъ гостямъ, что радъ имъ всѣмъ,
Какъ будто продается. Дома лучше
Обѣдать.—Кушанью всегда приправой
Любезность быть должна, а безъ нея
Безцѣленъ, пустъ весь пиръ.

Макбетъ.

Благодарю
За доброе напоминанье.—Пусть
Здоровое пищеваренье быстро
Здоровый вызываетъ аппетитъ!—
Обоимъ имъ здоровыхъ силъ!

Леноксъ.

Быть можетъ,
Угодно будетъ сѣсть вамъ, государь?

(Духъ Банко поднимается и садится на мѣсто, оставленное для Макбета).

Макбетъ.

О, если-бъ Банко дорогой былъ съ нами,
Собрались бы подъ этой кровлей всѣ,
Кѣмъ славится страна родная!—Вѣрьте,
Намъ легче полагать, что не любезенъ
Онъ къ намъ, чѣмъ думать съ горемъ, что нежданно
Бѣда, его постигла, можетъ быть
И насъ его присутствія лишила.

Леноксъ.

Ему упрекомъ несомнѣннымъ служитъ
Его же обѣщанье. Государь,
Порадуйте насъ царственнымъ участьемъ
Въ бесѣдѣ нашей общей за столомъ!

Макбетъ.

Всѣ заняты мѣста!

Ленокс ъ.

Но вотъ для васъ
Оставлено здѣсь мѣсто.

Макбетъ.

Гдѣ?

Ленокс ъ.

Вотъ здѣсь,
Мой добрый лордъ... Что поражаетъ васъ,
Король?

Макбетъ.

Изъ васъ кто это сдѣлалъ?

Лорды.

Что,
Нашъ добрый лордъ?

Макбетъ.

Не можешь ты сказать,
Что это сдѣлалъ я! —Ты не кивай
Такъ на меня кровавой головой
Твоей!....

Росс ъ.

Скорѣе, лорды, встаньте всѣ;
Его величеству нехорошо!

Лэди Макбетъ.

Останьтеся, достойные друзья!—
Съ нимъ часто, очень часто такъ бываетъ....
И съ самой юности такъ было.—Сядьте,
Прошу.—Припадокъ—на мгновенье... быстро
Какъ мысль пройдетъ, и онъ опять здоровъ!...
Чѣмъ болѣй примѣчаете за нимъ,
Тѣмъ болѣй оскорбляете его
И длите самое его страданье.—
Мужчина-ль ты?

Макбетъ.

Да, и безстрашный самый.
Когда смотрѣть дерзаю вонъ на то,
Чего-бъ самъ дьяволъ испугался! Да.

Лэди Макбетъ.

И что за вздоръ! Твой страхъ въ твоихъ глазахъ
Рисуетъ этотъ образъ. Онъ не тоже-ль,
Что въ воздухѣ создавшійся кинжалъ,
Который велъ тебя къ Дункану въ спальню,
Какъ мнѣ ты говорилъ.—Охъ эти мнѣ
Всѣ вспышки потрясенныхъ нервъ, испуги!
Лгуны на страхъ дѣйствительный они,—
Пригодны только для разсказовъ зимнихъ
Старухъ у комелька. Стыдися ихъ!
Ну, чѣмъ искажено твое лице?!
Тамъ просто напросто лишъ стулъ пустой.

Макбетъ.

Нѣтъ, посмотри туда!—Прошу смотри,
Вглядись!—Вонъ, вонъ!—Что скажешь ты?—
Но что-жь?... Чего-жь боюсь я?—Если можешь
Кивать, такъ говори!... Нѣтъ, если такъ...
Нѣтъ, если гробы будутъ къ намъ назадъ
Всѣхъ мертвыхъ высылать, такъ лучше пусть
Желудки коршуновъ гробами будутъ!

(Духъ исчезаетъ).

Лэди Макбетъ.

Ты отъ безумья трусомъ сталъ совѣмъ.

Макбетъ.

Его я видѣлъ также точно вѣрно,
Какъ то, что здѣсь теперь стою!

Лэди Макбетъ.

Фи, фи!
Стыдися!

Макбетъ.

Кровь лилась и прежде насъ,
И въ древнія вѣка, когда законъ
Людскія общества не очищалъ
Отъ зла, да и позднѣе совершались

Убійства, страшныя для слуха даже!—
Бывало: мозгъ изъ головы, и—мертвъ;
А съ этимъ и всему конецъ, всему!
А вотъ теперь—встаютъ; и двадцать ранъ
На головѣ смертельныхъ,—все встаютъ,
И съ мѣста гонятъ насъ!—А это, вѣдь,
Страшнѣе всякаго убійства!

Лэди Макбетъ.

Лордъ.

Достойный лордъ, васъ ожидаютъ здѣсь
Всѣ наши благородные друзья.

Макбетъ.

Да, я забылъ... Въ раздумьи обо мнѣ
Не оставайтеся, мои друзья!
Странна моя болѣзнь; но, кто меня
Лишь знаетъ, не заботится о ней.—
Любви, веселья пожелаемъ прежде,
Потомъ и сядемъ мы.—Вина давайте!
Полнѣе наливай! Мы пьемъ за всѣхъ,
Кто здѣсь шпруетъ съ нами и за друга
Намъ милаго и дорогаго Банко,
Котораго теперь мы лишены!—
За васъ и за него мы жаждемъ пить,
За всѣхъ, за всѣхъ!

Лорды.

Въ отвѣтъ благодаримъ
Съ почтеньемъ полнымъ.

(Является духъ).

Макбетъ.

Прочь!.. Прочь съ глазъ моихъ!
Сквозь землю провались и скройся! Прочь!—
Нѣтъ мозга у тебя въ костяхъ и кровь
Какъ льдина холодна! Въ глазахъ нѣтъ зрѣнья
И блеска нѣтъ, чтобъ ими яростно
Сверкать!

Лэди Макбетъ.

О перы добрые, смотрите
На это все, какъ на простое дѣло,
Какъ на припадокъ лишь привычный! Тутъ
Нѣтъ больше ничего. Вотъ только время
У насъ онъ похищаетъ, не даетъ
Намъ пировать.

Макбетъ.

Рѣшусь на все, на все,
На что рѣшиться въ силахъ человѣкъ:
Явись медвѣдемъ онъ свирѣпымъ, русскимъ,
Явися носорогомъ броненоснымъ,
Явись гирканскимъ тигромъ и чѣмъ хочетъ,—
И нервы крѣпкіе мои не дрогнутъ!
Иль оживи и вызови меня
На бой, смертельный бой, въ пустынѣ дикой
И, если задрожу,—зови меня
Хоть куклою въ рукахъ дѣвчонки жалкой!...
Тѣнь страшная, изчезни! Призракъ [illegible],
Смѣющійся надъ разумомъ моимъ,
Прочь, прочь! (Духъ изчезаетъ) Ну, что?... Пропалъ.... Я снова мужъ!
Прошу я, лорды, васъ, садитесь.

Лэди Макбетъ.

Вотъ,
Веселье ты прогналъ, разстроилъ пиръ
Твоимъ, для всѣхъ столь дивнымъ иступленьемъ.

Макбетъ.

Да можно ли такимъ вещамъ бывать
И тучей темною на насъ идти
И въ то же время насъ не поражать
Особымъ изумленьемъ? Странно мнѣ,
Что-жь о себѣ я долженъ думать,
О силѣ духа моего, теперь?
Когда могли спокойно вы смотрѣть
На страшное явленіе такое

И краска не сбѣжала съ вашихъ щекъ;
Мои-жъ совсѣмъ отъ страха побѣлѣли!

Россъ.

Какое же явленье, государь?

Лэди Макбетъ.

Я васъ молю, не говорите съ нимъ!—
Ему становится все хуже, хуже!
Вопросы изъ себя его выводятъ...
Я всѣмъ равно желаю доброй ночи!...
Оставьте церемоніи, прощанья
Всѣ въ сторонѣ и уходите заразъ.

Лэноксъ.

Покойной ночи, лучшаго здоровья
Его величеству желаемъ мы.

Лэди Макбетъ.

Всѣмъ, всѣмъ желаю я покойной ночи.

(Лорды и свита уходятъ)

Макбетъ.

А это крови требуетъ еще!—
Издавна говорятъ: кровь жаждетъ крови!—
Извѣстно: камни двигались чудесно,
Деревья говорили и авгуры
Таинственнымъ путемъ черезъ грачей,
Сорокъ и галокъ ясно открывали
Убійцу, скрытаго отъ всѣхъ!... Какъ поздно!

Лэди Макбетъ.

Мракъ ночи уже споритъ съ свѣтомъ дня—
Кто побѣдитъ?

Макбетъ.

Мэкдофъ лишаетъ насъ
Своей особы! Это—намъ въ отвѣтъ
На наше приглашенье!—Что ты скажешь?

Лэди Макбетъ.

Къ нему ты посылалъ особо?

Макбетъ.

Нѣтъ,
А слышалъ стороной объ этомъ вѣрно.—
Но я пошлю за нимъ.—Нѣтъ никого,
Въ чьемъ домѣ не было-бъ слугъ вѣрныхъ мнѣ,
Которымъ я плачу.—А завтра утромъ
Чѣмъ свѣтъ пойду къ таинственнымъ я сестрамъ!...
Онѣ мнѣ скажутъ больше. Знать хочу
Хоть худшее и въ самомъ худшемъ смыслѣ!—
Мнѣ всѣ пути и средства хороши!—
Я ужь зашелъ въ такую глубину
Потока крови,—бродомъ ужь идти
Совсѣмъ нельзя, а воротиться вспять
Мнѣ также тяжко, какъ пройти опять
Чрезъ весь потокъ!—Престранный, дивный замыслъ
Въ моемъ мозгу!... Онъ просится ужь въ дѣло!
Свершить его скорѣе надо, прежде,
Чѣмъ мысль его обдумать сможетъ!

Лэди Макбетъ.

Спа
Тебѣ не достаетъ, приправы жизни.

Макбетъ.

Ну, такъ пойдемъ же спать!—Видѣнье-жь то
Порождено лишь страхомъ новичка,
Который не набилъ себѣ привычки.—
А дѣти мы еще въ такихъ дѣлахъ!—

(Уходятъ).

Сцена V.

Пустыня, покрытая верескомъ. Гроза

Геката [46]), съ нею слѣтаютъ 3 вѣдьмы.

1-я вѣдьма.

Скажи, Геката, что съ тобой: на насъ
Бросаешь взгляды злобные, косые?

Геката.

Да можно-ль не сердиться мнѣ на васъ!—
Ахъ, дерзкія вы вѣдьмы, озорныя,
Затѣяли съ Макбетомъ торгъ проклятый,
Загадками, убійствами богатый,
А я, владычица всѣхъ вашихъ чаръ,
Когда всѣ силы зла—мой тайный даръ,
Не позвана ни съ вами потрудиться,
Ни торжествомъ хоть вашимъ насладиться!
А хуже: все на пользу лишь тому
Пойдетъ, кто непокоренъ никому,
Не любитъ васъ и страшно своенравенъ,
Честолюбивъ и мнитъ, что всѣмъ неравенъ,
Готовъ на зло, чтобъ тѣшить лишь себя,
А не для зла!—Но все исправлю я!
Покайтесь и въ пещеру Ахерона [41])
Сберитесь до начала къ утру склона.
Тамъ буду тайно я. Туда Макбетъ
Придетъ узнать судьбы своей отвѣтъ.
Готовьте снадобья, сосуды, чары,
Чтобъ мѣтки были волшебства удары.
Я-жь въ воздухѣ займусь всю эту ночь
Противныя мнѣ силы перемочь,
Что вы напутали скорѣй исправить,
Макбета къ страшной гибели направить!—
Но прежде чѣмъ исполнится полдня,
Великое свершится чрезъ меня:—
На рогѣ мѣсяца уже сгустилась
Изъ пара капля [42]), къ кончику скатилась,
Нависла, упадетъ; но на лету
Перехвачу я ловко каплю ту!
Очистясь силою волшебныхъ словъ,
Она намъ дастъ искусственныхъ духовъ.
Они его мечтами обовьютъ
И на погибель быстро повлекутъ.
Въ немъ вѣры въ счастье вспыхнетъ жаръ напрасный,
Онъ презритъ мудрость, страхъ и разумъ ясный.—
Надъ смертію смѣясь, на страшный бой
Надмѣнно выйдетъ онъ съ самой судьбой!—
Всегда увѣренность въ судьбѣ своей—
Извѣстно вамъ—первѣйшій врагъ людей.

Поютъ за сценой

Иди-жь сюда, иди скорѣй,
Геката, да лети-жь быстрѣй!

Гекета.

Чу, тамъ духъ маленькій меня зоветъ,
На облачкѣ туманномъ сидя, ждетъ.—
(Уносится).

1-я вѣдьма.

Спѣшимъ, спѣшимъ; она какъ разъ вернется.
(Уносятся).

Сцена VI.

Форесъ. Дворецъ.

Ленокс и другой лордъ.

Ленокс.

А тѣмъ, что вамъ я прежде говорилъ,
Я только въ вашу мысль попалъ! За тѣмъ
Вы можете и дальше объяснять,
А я одно лишь только говорю:
Престранныя дѣла у насъ творятся!...
О добромъ королѣ Макбетъ нашъ плакалъ!—
Еще-бъ не сожалѣть: вѣдь, умеръ онъ.—
А Банко доблестный?—Онъ поздно ѣхалъ.—
Когда угодно можете сказать:
Убилъ его Фліансъ. И какъ же нѣтъ:—
Фліансъ бѣжалъ.—Нельзя такъ поздно ѣздить!—
Кто-жь не пойметъ, какъ невозможно дико
Со стороны Мэлькольма съ Дональбеномъ
Убить отца, и добраго отца?
Проклятое, вѣдь, дѣло!—Развѣ сразу
Въ святомъ негодованьи не убилъ,
Не растерзалъ Макбетъ убійцъ въ крови,
Рабовъ въ винѣ утопшихъ, сна холопей,
И не было-ль то честно, благородно?
Прибавимъ: это было и умно;

Они-бъ, конечно, стали отпираться,
А, вѣдь, кого-бъ не разбѣсило это?
Я утверждаю: хорошо онъ сдѣлалъ.—
Ну, въ руки попадись ему Мэлькольмъ
И Дональбенъ;—ихъ сохранитъ Господь—
Узнали бы, что значитъ убивать
Отца, а также и Фліансъ, конечно!—
Но тише—за свободныя слова
И за отказъ прибыть на пиръ тирана
Въ немилости Мэкдофъ.—Такъ слышалъ я.—
Не знаете ли, сэръ, гдѣ онъ теперь?

Лордъ.

Дункана сынъ, котораго правами
Теперь такъ нагло завладѣлъ тиранъ,—
При англійскомъ дворѣ. И Эдуардъ
Благочестивый принялъ такъ его
Любезно, хорошо, что какъ судьба
Ни придавила принца, не могла
Ослабить должнаго къ нему почтенья.
Туда-же путь направилъ свой Мэкдофъ.
Просить святаго короля онъ хочетъ
Призвать къ оружію Норсомберленда
Съ воинственнымъ Сивардомъ за одно,
Чтобъ съ помощію ихъ, а въ небѣ Бога.
Успѣхомъ полнымъ дѣло увѣнчать,
Трапезамъ нашимъ пищу возвратить,
Покой ночамъ; пиры и съѣзды наши
Избавить отъ ножей кровавыхъ, тайныхъ;
Чтобъ честно службу мы могли нести
И почести правдиво получать.—
Объ этомъ всемъ тоскуемъ мы теперь.—
Слухъ обо всемъ достигъ до Эдуарда
Ужь прежде. Имъ онъ возмущенъ такъ сильно,
Что сталъ и самъ готовиться къ войнѣ.

Леноксъ.

Мэкдофа звалъ къ себѣ Макбетъ?

Лордъ.

О, да.—
Но мрачный посланный въ отвѣтъ услышалъ:

«О, нѣтъ, мой сэръ, къ вамъ не пойду» и тутъ же,
Спиной оборотяся, проворчалъ:
«Покаешься, да будетъ поздно,
«Что отослалъ меня съ такимъ отвѣтомъ».

Леноксъ.

А это осторожности Мэкдофа
Пускай научитъ: далѣе держаться
Отъ злобнаго, коварнаго тирана.
А какъ? Ужь разумъ собственный научитъ!
О, если бы святый, пресвѣтлый ангелъ,
Спустяся въ Англію, предупредилъ
Моленіе Мэкдофа и ускорилъ
Спасенье родины несчастной нашей,
Терзаемой мучительно жестоко
Рукой проклятой!

Лордъ.

Я молю о томъ же.

(Уходятъ).

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I [42]).

Темная пещера. Посрединѣ кипитъ котелъ. Громъ. Являются три вѣдьмы.

1-я вѣдьма.

Трижды промяукалъ пестрый котъ.

2-я вѣдьма.

Трижды. Разъ и ежикъ пропищалъ [44]).

3-я вѣдьма.

Гарпія кричитъ: пора, пора! [45])

1-я вѣдьма.

Вкругъ котла волшебный ходъ свершайте;
Всѣ въ котелъ отравы собирайте!—
Жаба, что недвижно пролежала
Тридцать сутокъ день и ночь подрядъ,—
Въ снѣ подъ хладнымъ камнемъ накопляла
Свой смертельно-жгучій, тонкій ядъ,
Въ кипяткѣ теперь здѣсь размягчись,
Въ заколдованномъ котлѣ варись!

Всѣ.

Удвойте, удвойте трудъ и силы чаръ!
Клокочи котелъ, пылай огонь, взвивайся паръ!

2-я ведьма.

Мясо нечистое гадовъ, варися,
Въ пѣнѣ и парѣ котла распустися!—
Мыши летучей съ спины волоса,
Ящера кость, языкъ лютаго пса,
Лапки лягушки и крылья совиныя,
Глазъ саламандры и жала змѣиныя!—
Чтобъ умножить силу чаръ,
Кипятися адскій взваръ!

Всѣ.

Удвояйте, удвояйте трудъ и силы чаръ!
Клокочи котелъ, пылай огонь, взвивайся паръ!

3-я ведьма.

Съ болотъ глубокихъ гниль и испаренья,
Ковыль, добытый въ часъ луны затмѣнья,
Дракона кожи жесткой чешуя,
Козлиной желчи ѣдкая струя,
Печенка богохульнаго еврея,
Носъ турка и болотнаго ядъ змѣя,
Болиголова корень, въ тмѣ ночной
Добытый, кожа съ дряхлой вѣдьмы злой,
Татарина, степей отродья, губы,
Кишки и пасть акулы, волчьи зубы!—
Чтобы сильнѣй сгустить нашъ адскій взваръ,
Чтобы усилить ядовитость чаръ—
Малютки палецъ!—Подлая родила
Его во рву и тутъ же задушила!—
Теперь ужъ тигра требуху бросайте
И этимъ завершайте, завершайте!

Всѣ.

Удвояйте, удвояйте трудъ и силы чаръ!
Клокочи котелъ, пылай огонь, взвивайся паръ!

Является Геката.

Геката.

Все сдѣлано на славу.—Я довольна вами!—
Добычу межъ собой раздѣлите вы сами.—

Теперь вокругъ котла носитеся и пойте!
Круги волшебные, какъ Эльфы-феи, стройте
И силу взвара силой новою удвойте!

(Музыка и слѣдующая пѣсня).

Пѣсня вѣдьмъ.

Духи черные и бѣлые [16]),
Духи красные и сѣрые,
Вы мѣшайте и мѣшайте,
Въ силахъ вы мѣшать, мѣшайте...

2-я вѣдьма.

Мой палецъ большой ужь зудитъ [17]).—Возвѣщается вамъ:
Злодѣйство великое близится, близится къ намъ!...
Засовы прочь, ктобъ ни стучался тамъ!

Входитъ Макбетъ.

Макбетъ.

Что вы? Что здѣсь творите въ тайнѣ мрачной,
Вы, черныя, полуночныя вѣдьмы?—

Всѣ.

Мы дѣло безымянное свершаемъ!

Макбетъ.

Васъ заклинаю вашимъ волшебствомъ,
Откуда-бъ вы его ни получили,
Отвѣтъ на мой вопросъ вѣщайте!—О!
Хотя-бъ отвѣтомъ вашимъ разнуздались
Всѣ вѣтры буйные и, разъярясь,
На храмы Божіи напали злобно;
Хотя-бы въ морѣ вспѣненныя волны
Разбили, поглотили всѣ суда;
Хотя бы буря грозная въ поляхъ
Весь хлѣбъ еще незрѣлый истребила
И съ корнемъ вырвала деревья всѣ;
Хотя бы рухнули всѣ замки съ громомъ
На головы защитниковъ своихъ
И съ трескомъ всѣ дворцы и пирамиды

Сломившись, пали головами ницъ
Къ подножіямъ своимъ; хотя бы даже
Разрушилось сокровище само
Зародышей, творящихъ жизнь въ природѣ,
И гибло все до истощенья силъ
Губящихъ, отвѣчайте! — Жду, хочу
Отъ васъ отвѣта!

1-я ВѢДЬМА.

Говори.

2-я ВѢДЬМА.

Спроси.

3-я ВѢДЬМА.

Отвѣтимъ.

1-я ВѢДЬМА.

Ты отъ насъ услышать хочешь,
Или отъ старшихъ?...

МАКБЕТЪ.

Старшихъ подавайте!
Я старшихъ вашихъ видѣть самъ хочу!

1-я ВѢДЬМА.

Вотъ кровь свиньи, что девять поросятъ
Пожрала, потъ, что съ висѣльника взятъ!—
Въ огонь все это лейте, лейте, лейте.
Труда, усилій чаръ вы не жалѣйте!

ВСѢ.

Явись, явись, герой иль негодяй,
Съ стараньемъ должностнымъ дѣло выполняй!

(Громъ. Первое явленіе: ГОЛОВА въ шлемѣ).

МАКБЕТЪ.

Скажи мнѣ ты, невѣдомая сила....

1-я вѣдьма.

Все знаетъ самъ. Предъ нимъ обнажено
Что въ мысляхъ у тебя затаено.—
Ты молча стой, смотри
И слухъ твой навостри!

Голова въ шлемѣ.

Макбетъ, Макбетъ, Макбетъ, ты тана Файфа берегись.
Мэкдофа берегись!—Пусти! Довольно!—Отступись!

Макбетъ.

Кто-бъ ни былъ ты, благодарю за твой
Совѣтъ; ты страха моего струны
Чувствительной коснулся. Слово лишь...

1-я вѣдьма.

Нѣтъ, имъ повелѣвать нельзя!—Вотъ здѣсь
Сильнѣй его.

Громъ. Второе явленіе: окровавленный ребенокъ.

Окровавленный ребенокъ.

Макбетъ! Макбетъ! Макбетъ!

Макбетъ.

Хотя-бъ три уха было у меня,
Я всѣми бы тремя сталъ слушать жадно!

Окровавленный ребенокъ.

Лей смѣло, дерзко кровь, всѣхъ ставя ни во что,
И смѣйся надъ врагомъ, какъ ни былъ бы силенъ!
Не можетъ зла тебѣ нанесть никто
Изъ всѣхъ людей, кто женщиной рожденъ!

Макбетъ.

Ну, такъ—живи Мэкдофъ! Чего бояться?—
Иль нѣтъ!—Себя вдвойнѣ я обезпечу:
Саму судьбу себѣ закабалю.

Хочу я страху блѣдному сказать:
«Ты лжешь», и спать спокойно, какъ-бы громы
Тамъ ни гремѣли! Нѣтъ, не жить тебѣ,
Мэкдофъ.—

Громъ. Третье явленіе: МАЛЬЧИКЪ увѣнчанный съ деревомъ въ рукѣ.

МАКБЕТЪ.

Кто этотъ отпрыскъ королей?
Вѣнецъ блеститъ вкругъ дѣтскаго чела!

ВСѢ ВѢДЬМЫ.

Ни слова съ нимъ не говори и слушай.

МАЛЬЧИКЪ ВЪ КОРОНѢ.

Будь смѣлъ и гордъ, какъ левъ, пренебрегай борьбой
Враговъ противъ тебя; безсильны предъ тобой
Вражда ихъ, ропотъ, злоба, тайный заговоръ! —
Макбетъ непобѣдимъ, пока Бирнамскій лѣсъ
Не двинется къ вершинамъ Донзинанскихъ горъ
И не пойдетъ на замокъ Макбета—Форесъ!

МАКБЕТЪ.

А этого не будетъ никогда!—
Кто-жь завербуетъ лѣсъ, его заставитъ
Землею крѣпко стиснутые корни
Изъ нѣдръ ея извлечь на вольный свѣтъ?—
О сладкое пророчество!—Какъ ты
Прекрасно!—Бунтъ, смотри-жь, не поднимай
Своей главы, себѣ-жь на гибель злую,
Пока не забунтуетъ лѣсъ Бирнамскій!—
Макбетъ на высотѣ своей великой
Весь срокъ тотъ долгій проживетъ покойно,
Какой отмѣрила ему природа,
И смерти духъ отдастъ, лишь повинуясь
Закону общему для смертныхъ всѣхъ!—
Теперь горитъ желаньемъ сердце знать
Еще одно: скажите-жь мнѣ немедля—
Когда то въ силахъ вашихъ чудныхъ чаръ—
Потомство Банко будетъ ли царить
Надъ этимъ королевствомъ?

Всѣ вѣдьмы.

Не старайся
Знать болѣе того, что знаешь.

Макбетъ.

Нѣтъ,
Я требую отвѣта! —За отказъ
Проклятье вѣчное на васъ!—Отвѣтъ!—
Котелъ вашъ провалился!... (Гобои). Что за звуки?

1-я вѣдьма.

Явитеся!

2-я вѣдьма

Явитеся!

3-я вѣдьма.

Явитесь!

Всѣ вѣдьмы.

Явитеся ему и сердце растерзайте!
Пройдите молча, а потомъ и исчезайте!

(Являются восемь королей [49]) и проходятъ одинъ за другимъ. Послѣдній держитъ зеркало и за нимъ духъ Банко).

Макбетъ.

На Банко слишкомъ ты похожъ!—Исчезни!—
Твоя корона жжетъ мои глаза!—
Увѣнчанный короной золотой,
Какъ и у перваго твой волосъ!—Ты
Вторый—какъ первый!—Гнусныя вы вѣдьмы!
Зачѣмъ все это мнѣ казать?—Четвертый!—
Ослѣпните глаза!—Иль этотъ рядъ
До грома страшнаго суда продлится?—
Еще? Седьмой?—Я больше не смотрю.—
Еще восьмой... и зеркало въ рукахъ!—
Въ томъ зеркалѣ я многихъ, многихъ вижу;
У нихъ державы по двѣ, скиптра по три!—[50])
Ужасный видъ! Теперь мнѣ ясно все!—
Испачканный весь кровью Банко смотритъ
Въ глаза мнѣ съ наглымъ смѣхомъ надо мной!...

(Видѣнья исчезаютъ).

И это такъ и будетъ?!

1-я ВѢДЬМА.

Такъ и будетъ.—
Зачѣмъ король смущенъ, ошеломленъ? —
Давайте, сестры, духъ его развеселимъ
И нашею забавой лучшей угостимъ!
Велю волшебной пѣснью воздухъ огласить,
А мы начнемъ круги старинные водить,
Чтобъ могъ король великій видѣть и сказать,
Какъ можемъ мы его достойно величать!

(Музыка. Вѣдьмы пляшутъ и исчезаютъ).

МАКБЕТЪ.

Но гдѣ-жь онѣ? Исчезли!—Пусть этотъ день
Отмѣтится во всѣхъ календаряхъ
Проклятьемъ!—Гей!—Войди сюда скорѣй!

(Входитъ Ленoксъ).

ЛЕНОКСЪ,

Что вашему величеству угодно?

МАКБЕТЪ.

Сестеръ ты вѣщихъ видѣлъ?

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ, мой лордъ.

МАКБЕТЪ.

А тамъ, мимо тебя не проходили?

ЛЕНОКСЪ.

По истинѣ, не проходили, лордъ.

МАКБЕТЪ.

Да заразится же и воздухъ самый,
Который ихъ умчалъ теперь отсюда!
Да будетъ проклятъ тотъ, кто вѣритъ имъ!—
Я слышалъ топотъ лошадей; кто тамъ?

ЛЕНОКСЪ.

Тамъ прискакали два иль три гонца.
Съ извѣстьемъ: въ Англію бѣжалъ Мэкдофъ!

Макбетъ.

Какъ?—Въ Англію бѣжалъ Мэкдофъ?!

Леноксъ.

Да, сэръ.

Макбетъ.

Ты, время, грозшимъ подвигамъ моимъ
Идешь на перерѣзъ!—Нѣтъ, мимолетенъ
Тотъ замыслъ, и догнать его нельзя,
Съ которымъ дѣло дружно вразъ нейдетъ!—
Отнынѣ будутъ сердца первенцы
И первенцами дѣла у меня!—
И вотъ, теперь же увѣнчаю мысль
Мою быстрѣйшимъ полнымъ исполненьемъ!—
Задумано и сдѣлано тотчасъ!
На замокъ я Мэкдофа нападу
Нежданно, захвачу весь Файфъ себѣ
И острію меча предамъ тамъ всѣхъ:
Его жену, дѣтей, весь родъ его
Несчастный. Нѣтъ, не хвастовство глупца—
Мои слова!—Не охладѣетъ мысль,
Какъ будетъ все совершено!—Теперь
Уже не нужны духи мнѣ.—А гдѣ
Гонцы? Веди меня скорѣе къ нимъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Файфъ. Замокъ Мэкдофа.

Входятъ лэди Мэкдофъ, ея сынъ и Россъ.

Лэди Мэкдофъ.

Что сдѣлалъ онъ, чтобъ такъ бѣжать отсюда?

Россъ.

Терпѣнья....

Лэди Мэкдофъ.

Нѣтъ терпѣнья у меня!—
Бѣжать?!—Вѣдь, это сумасбродство!—Вотъ,
Когда не сердце, не дѣла, такъ страхъ
Измѣнниковъ изъ насъ творитъ!

Россъ.

Милэди,
Не знаете, вѣдь, сами: что его
Заставило бѣжать, благоразумье
Иль страхъ?

Лэди Мэкдофъ.

Благоразумье?!... Бросить все:
Жену, дѣтей, имущество и домъ
И бросить тамъ, откуда самъ спасался!—
Нѣтъ, онъ не любитъ насъ!—Лишенъ онъ этихъ
Естественнѣйшихъ чувствъ!—Крапивникъ бѣдный,
Малѣйшая изъ птичекъ, защищаетъ
Свое гнѣздо, птенцевъ отъ хищныхъ совъ!—
Все страху отдано и ничего
Любви!—Какое-жъ тутъ благоразумье,
Когда безсмысленно такъ это бѣгство.

Россъ.

Ну, полно, милая сестрица, ты
Спокойся и пошколь сама себя:
Твой мужъ и разсудителенъ и честенъ;
Уменъ онъ, понимаетъ наше время.—
Не смѣю больше говорить ни слова.—
По истинѣ, жестоко наше время,
Когда винятъ всѣхъ насъ въ измѣнѣ тяжкой,
А мы не знаемъ: въ чемъ, кому
Мы измѣнили? Слухъ наводитъ страхъ,
А мы не знаемъ: что и почему...
И носимся туда, сюда, по волѣ
Какого-то взволнованнаго моря!
Прощайте. Скоро буду здѣсь опять.
Когда дурное положенье дѣлъ
Послѣдняго предѣла достигаетъ,
Тогда или конецъ всему, иль все
На прежнее пойдетъ. Племянникъ милый,
Прощай! Благослови тебя Господь!

Лэди Мэкдофъ.

Отецъ вотъ живъ, а онъ ужь сирота.

Россъ.

Мнѣ было-бъ глупо оставаться здѣсь:
Себѣ и вамъ бы повредилъ. Прощайте.

(Уходитъ).

Лэди Мэкдофъ.

О, бѣдное дитя, отецъ твой умеръ!
Чѣмъ будешь? Какъ ты будешь жить теперь?

Сынъ.

Какъ птички.

Лэди Мэкдофъ.

Мушками и червячками?

Сынъ.

Да, всѣмъ, что́ я найду. Такъ и онѣ.

Лэди Мэкдофъ.

О птичка бѣдная! Ты не боишься
Силковъ, сѣтей и западней и клея?

Сынъ.

Чего-жь бояться, мама? Это все,
Вѣдь, не для птичекъ маленькихъ, ничтожныхъ!—
А чтобъ ни говорила ты, отецъ
Мой живъ.

Лэди Мэкдофъ.

Нѣтъ, умеръ. Гдѣ-жь себѣ отца
Добудешь?

Сынъ.

Ты же гдѣ добудешь мужа?

Лэди Мэкдофъ.

Купить могу, вонъ на торгу, дитя,
Мужей хоть двадцать.

Сынъ.

Что-жь? Накупишь ихъ,
Чтобъ послѣ продавать?

Лэди Мекдофъ.

Ты говоришь
Какъ смыслишь; все-жь неглупо по лѣтамъ.

Сынъ.

Мама, мой отецъ измѣнникъ!

Лэди Мэкдофъ.

Да, измѣнникъ.

Сынъ.

Что такое измѣнникъ?

Лэди Мэкдофъ.

А тотъ измѣнникъ, кто клянется и лжетъ.

Сынъ.

И всякій кто дѣлаетъ такъ—измѣнникъ?

Лэди Мэкдофъ.

Всякій, и долженъ быть повѣшенъ.

Сынъ.

И всѣ, которые клянутся и лгутъ, должны быть повѣшены?

Лэди Мэкдофъ.

Всѣ.

Сынъ.

Кто-жь будетъ ихъ вѣшать?

Лэди Мэкдофъ.

Честные люди.

Сынъ.

Такъ глупы же тѣ, которые клянутся и лгутъ; ихъ такъ много, что они могли бы перебить и перевѣшать всѣхъ честныхъ людей.

Лэди Мэкдофъ.

Ахъ, Господь тебѣ помоги, милая обезьянка! Ну, какъ же ты себѣ отца добудешь?

Сынъ.

Если бы умеръ отецъ, ты бы плакала, а нѣтъ, значило бы, что скоро будетъ у меня новый отецъ.

Лэди Мэкдофъ.

Что ты болтаешь, говорунчикъ мой!

(Входитъ вѣстникъ).

Вѣстникъ.

Благословитъ васъ самъ Господь, миледи!
Хоть вы совсѣмъ не знаете меня;
Но я высокій санъ вашъ понимаю. —
Подозрѣваю:—къ вамъ близка бѣда. —
И если вы совѣтъ принять хотите
Простаго человѣка,—васъ молю:
Не оставайтесь ни минуты здѣсь,
Бѣгите и съ малютками отсюда.—
Боюсь, жестоко васъ пугаю я;
Но допустить то худшее до васъ,
Что ожидаетъ, было бы совсѣмъ
Бѣзчеловѣчно!—А злодѣйство близко
И очень близко къ вамъ! Храни васъ Богъ!—
Не смѣю больше оставаться здѣсь.

Лэди Макдофъ.

Куда бѣжать?—Не сдѣлала дурнаго
Я ничего.—Но я, вѣдь, на землѣ,
А здѣсь и зло прославлено бываетъ,
И доброе отвергнуто съ презрѣніемъ,
Какъ вредное безумье.—Да за что-жь,
О Боже!—Что-жь я сдѣлала такое?! —
Я положусь на женское оружье
И закричу: не сдѣлала я зла.

(Входятъ убійцы).

Кто это?—Что за лица!

1-й убійца.

Гдѣ твой мужъ?

Лэди Макдофъ.

Надѣюсь, не въ такомъ поганомъ мѣстѣ,
Гдѣ-бъ ты или подобные тебѣ
Могли его найти!

1-й убійца.

Измѣнникъ онъ.

Сынъ.

Ты лжешь, лохмотникъ мерзкій!

1-й убійца.

Ты, мозглякъ,
Яйце съ зародышемъ измѣны! (Закалываетъ сына Макдофа)

Сынъ.

Мама!
Онъ... онъ убилъ меня! Бѣги... прошу! (Умираетъ).

(Лэди Макдофъ бѣжитъ вонъ съ крикомъ „рѣжутъ“; за ней убійцы).

СЦЕНА III.

Англія. Передъ дворцомъ короля.

Входятъ: Мелькольмъ и Макдофъ.

Мэлькольмъ.

Поищемъ уголокъ уединенный
Подъ тѣнію густой деревъ вѣтвистыхъ
И выплачемъ все горе наше...

Макдофъ.

Нѣтъ,
Скорѣй, какъ люди чести защитимъ
Мы грудью нашей, сталью смертоносной
Отчизну и права намъ дорогія! —
Вѣдь съ каждымъ утромъ новыя рыданья
Несчастныхъ вдовъ и новый крикъ
И новый вопль дѣтей и горе бьютъ
Въ лице небесъ, и сводъ ихъ ясный стонетъ
Стенаніямъ Шотландіи созвучно,
Сочувствуя ея страданьямъ тяжкимъ!

Мэлькольмъ.

Я плачу лишь о томъ, въ чемъ я увѣренъ,
Увѣренъ же лишь въ томъ, что знаю точно;
А что могу исправить, если время
Способствовать мнѣ будетъ, то исправлю! —
Быть можетъ, правда—все, что вы сказали...
Тирана этого—чье имя вамъ,
Теперь, какъ бы нарывъ на языкѣ —
Считали честнымъ вы, его любили;
Онъ васъ ничѣмъ пока не оскорбилъ;
Я молодъ, но собой даю вамъ случай
Услугу оказать ему.—Умно
Невиннаго и слабаго ягненка
Принесть на жертву искупленья всѣхъ
Отъ ярости разгнѣваннаго бога!

Макдофъ.

Я не предатель!

Мэлькольмъ.

Но Макбетъ таковъ,
А добродѣтель можетъ отступить
Передъ велѣньемъ мощнаго владыки...
Прошу, простите мнѣ великодушно!—
Конечно, чтобъ ни думалъ я о васъ,
Останетесь вы тѣмъ же, что̀ вы есть.
Вѣдь ангелы сіять не перестанутъ,
Хоть лучезарнѣйшій изъ нихъ и палъ.—
И еслибъ маскою добра прикрылось
Все зло,—добро останется добромъ!

Мэкдофъ.

Теперь погибли всѣ мои надежды!

Мэльколмъ.

Сгубило, можетъ, то, что возбудило
Сомнѣнія во мнѣ.—А почему
Оставили поспѣшно вы жену,
Дѣтей, безцѣнныя сокровища
И крѣпкія узлы любови вашей
И—даже не простилися вы съ ними? —
Молю васъ, недовѣрчивость мою
Себѣ въ безчестье не примите! Нѣтъ,
Одинъ источникъ ей—самохраненье. —
По истинѣ вы можете быть честнымъ,
Чтобъ думать я ни сталъ о васъ впередъ.

Мэкдо̀фъ.

Такъ обливайся-жь кровью, обливайся,
Несчастная страна!—Тиранство злое
Незыблемо и прочно утвердись;
Сдержать тебя не смѣетъ человѣчность!—
Рядися въ ложь свою теперь открыто;
Права твои законно скрѣплены!...
Прощайте, лордъ.—Такимъ мерзавцемъ стать,
Какимъ считаете меня теперь,
Не согласился-бъ я за всѣ тѣ земли,
Что въ когти захватилъ свои тиранъ,
За весь востокъ, за всѣ его богатства!

Мэлькольмъ.

Не оскорбляйтесь. Такъ я говорю
Не потому, чтобъ я не вѣрилъ вамъ
Вполнѣ и безусловно.—Да, я вѣрю,
Что родина раздавлена ярмомъ,
Что кровью и слезами залита,
Что къ ранамъ прежнимъ каждый новый день
Все раны новыя приноситъ ей!
И вѣрю я, что за мои права
Тамъ много рукъ мечи свои поднимутъ,
А здѣсь и Англія великодушно
Мнѣ тысячи испытанныхъ въ бою
Даетъ; но что же изъ того?—Когда
На голову тирана наступлю
Или на мечъ мой подниму ее,
Ждутъ родину несчастную тиски
Сильнѣе тѣхъ, что вынесла она. —
Страданій болѣй разнородныхъ тяжкихъ,
Ей вытерпѣть придется отъ того,
Кто власть наслѣдуетъ надъ нею. —

Мэкдофъ.

Кто-жь
Наслѣдникъ этотъ?

Мэльколмъ.

Я.—Я о себѣ
Вамъ говорю. Мнѣ,—знаю это я,—
Привиты всѣ пороковъ разныхъ виды.
Раскроются они; Макбетъ вашъ черный
Представится бѣлѣй и чище снѣга! —
И государство бѣдное, сравнивъ
Его дѣла со зломъ тѣмъ безконечнымъ,
Какое принесу въ моемъ лицѣ,
Почтетъ его за кроткаго ягненка.

Мэкдофъ.

Во всѣхъ ужасныхъ легіонахъ ада
Нѣтъ дьявола проклятѣй и ужаснѣй
Макбета!

Мэлькольмъ.

Да, онъ кровожаденъ, лживъ,
Коваренъ, бѣшенъ, золъ и сладострастенъ,
Ненасытимо жаденъ; всякій грѣхъ,
Которому названье только есть,
Ему любезенъ. Я согласенъ; но
Неизмѣримо глубока, бездонна
Пучина сладострастья моего!
Ее всѣ ваши дочери и жены,
Всѣ женщины, дѣвицы не наполнятъ;
А страстныя желанія мои
Сломаютъ всѣ преграды безпощадно,
Какія вздумаютъ противу стать
Ихъ волѣ... Нѣтъ, пусть царствуетъ Макбетъ;—
Онъ лучше, чѣмъ такой, какъ я!

Мэкдофъ.

Да, точно:
И сладострастье безъ узды—тиранство.
Оно причиной было опустѣнья
Счастливыхъ троновъ, многихъ королей
Паденья; но, не бойтеся принять
Что вамъ давно принадлежитъ по праву.—
Со всей широкой полнотою тѣшьтесь! —
Холодности наружнымъ видомъ можно
Глаза всѣмъ завязать; у насъ же дамъ
Податливыхъ найдется въ изобильи! —
И какъ бы ни былъ этотъ коршунъ въ васъ
Прожорливъ, не сожрать ему всѣхъ тѣхъ,
Которые величеству отдать
Себя готовы; только бы оно
Ихъ удостоило своимъ вниманьемъ!

Мэлькольмъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ въ моей душѣ,
Уродливо сложенной, страсть къ стяжанью,
Столь ненасытная, что будь лишь я
Король;—я перерѣжу Тановъ всѣхъ,
Чтобъ захватить себѣ ихъ деньги, замки
И всѣми ихъ землями завладѣть! —

Богатство-жь, накопляясь у меня,
Какъ острая приправа, разжигала-бъ
Лишь алчность ненасытную мою.
Кто добръ и честенъ, съ тѣми-бъ распри, тяжбы
Я безпрерывно затѣвалъ и ихъ
Губилъ, губилъ, чтобъ только грабить!

Мэкдофъ.

Да.—
Къ стяжанью страсть внѣдряется легко.
И корни вредоносные пускаетъ
Гораздо глубже страсти сластолюбья,
Которое цвѣтку весеннему
Подобно,—отцвѣтаетъ очень скоро.
Да. Страсть къ стяжанію была мечемъ,
Который срѣзалъ королей у насъ
Не мало!... Но,—вамъ нечего бояться:
Въ Шотландіи достаточно всего,
И съ тѣмъ, что вамъ принадлежитъ давно,
Насытитъ вашу страсть къ стяжанью.—
Все это перенесть еще возможно,
Лишь только-бъ добродѣтели другія
Вознаграждали зло.

Мэльколмъ.

Но у меня
Нѣтъ никакихъ. Я доблестей лишенъ,
Какими долженъ обладать король.
Нѣтъ и слѣда во мнѣ ни стойкости, ни правды,
Ни справедливости, ни милосердья,
Ни благости святой, ни благочестья,
Ни мѣры должной въ жизни, ни смиренья,
Ни той настойчивости твердой въ дѣлѣ,
Которая порукой за успѣхъ,
Ни мужества, ни мудраго терпѣнья.
А будь во власти я, я въ адъ бы вылилъ
До капли сладкое млеко согласья,
Я возмутилъ бы миръ вселенной цѣлой,
Единство-бъ всякое разрушилъ!

Мэкдофъ

О,
Шотландія, Шотландія!

Мэлькольмъ.

Ну, вотъ:
Я точно то, что я сказалъ. Такой
Достоинъ ли, скажите, царства?

Мэкдофъ.

Царства?! —
Онъ жизни недостоинъ!—О, народъ
Несчастный, ты, подъ скипетромъ кровавымъ
Тирана безымяннаго стенящій,
Увидишь ли ты вновь тѣ времена,
Какъ жизнь твоя здоровьемъ вся дышала;
Когда и отпрыскъ истинный и юный
Твоихъ властителей законныхъ самъ
Отрекся отъ тебя и проклялъ тѣмъ
Себя, свой родъ!—Отецъ вѣнчанный твой
Святымъ былъ королемъ, а мать, тебя
Носившая подъ сердцемъ королева,
Сгибала чаще ноги, стоя долго
Въ молитвѣ къ небу теплой на колѣнахъ,
Чѣмъ выпрямляла ихъ въ весельи шумномъ,
И въ мысляхъ покаянныхъ ежедневно,
Часъ смертный вспоминая, умирала!—
Прощай! Тѣ демоны, которыхъ ты
Вокругъ себя совсѣхъ сторонъ сзываешь,
Меня изъ родины моей изгнали!...
О, грудь моя!—Твоимъ надеждамъ всѣмъ —
Конецъ!...

Мэлькольмъ.

Мэкдофъ, твой благородный гнѣвъ —
Дитя великой честности твоей! —
Съ души моей всѣ черныя сомнѣнья
Онъ снялъ и духъ мой примирилъ съ тобой
И правдою твоей!—Макбетъ проклятый
Не разъ пытался хитростью лукавой
Меня въ тенета заманить свои;
Но разумъ осторожный спасъ меня
Отъ промаха довѣрчивости спѣшной. —
Пусть судитъ насъ съ тобой Господь!—Но я

Отнынѣ въ руки отдаюсь твои,
Беру назадъ слова и клеветы,
Какія произнесъ я на себя,
Отъ грязи и пороковъ отрекаюсь,
Какими я себя чернилъ! — Они
Моей природѣ чистой чужды. Женщинъ
Еще не знаю, клятвъ не нарушалъ
И что̀ мое — едва тѣмъ дорожилъ!
Я никому ни въ чемъ не измѣнялъ,
И дьявола-бъ я дьяволу не предалъ! —
Была, какъ жизнь, мнѣ правда дорога,
И на себя—ложь первая моя!
Такимъ, каковъ на самомъ дѣлѣ я,
Теперь всецѣло отдаю себя
Тебѣ и бѣдной родинѣ моей! —
Повелѣвайте! Родинѣ на помощь, —
Еще за долго до тебя,—готовы
Ужь десять тысячъ воиновъ надежныхъ,
Въ оружьи полномъ съ ногъ до головы.—
Ведетъ Сивардъ ихъ старый!—Ну, теперь
Идемъ же вмѣстѣ съ нимъ и пусть успѣхъ
Даруетъ то, на что̀ намъ полномочье
Даетъ святое право нашихъ битвъ! —
Но что же?—Ты молчишь!

Мэкдофъ.

Такую радость
И столько горя въ разъ соединить
И согласить не въ силахъ я!

Мэльколмъ. (Входитъ докторъ).

Пусть такъ.
Поговоримъ мы послѣ. (Доктору) Что̀, скажите,
Король къ намъ выдетъ?

Докторъ.

Да, сэръ, конечно, выдетъ.
Тамъ цѣлая толпа больныхъ несчастныхъ
Ждетъ помощи его [59]). А ихъ болѣзни
Не въ силахъ одолѣть искусство наше.

Къ какимъ бы мы усильямъ ни прибѣгли;
Его-жъ прикосновеніе одно
Мгновенно исцѣляетъ ихъ. Такую
Святую силу даровалъ Господь
Его рукѣ!

Мэлькольмъ.

Благодарю васъ докторъ. (Докторъ уходитъ).

Мэкдофъ.

Онъ про какую говорилъ болѣзнь?

Мэлькольмъ.

Ее всѣ просто называютъ «зломъ».
Король нашъ добрый чудеса творитъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ въ Англію пріѣхалъ я,
Ихъ очень, очень часто видѣлъ самъ.
Какъ молится онъ небу, то извѣстно
Ему лишь одному; но исцѣляетъ
Мгновенно странно страждущій народъ,
Опухшій, язвами покрытый такъ,
Что жалостно смотрѣть.—Ужь всѣ врачи
Отчаялись въ возможности лѣчить,
А онъ лишь вѣшаетъ на шею имъ,
Съ молитвами святыми на устахъ,
Какую-то изъ золота медаль! —
И дивную цѣлительную силу,
Какъ говорятъ, онъ передастъ потомкамъ,
Прямымъ наслѣдникамъ его престола.
А сверхъ того, еще онъ одаренъ
Пророчества необычайнымъ даромъ.—
И множество другихъ благословеній
Небесъ на немъ и на его державѣ
Покоится и громко говоритъ,
Что благодатью преисполненъ онъ!

Мэкдофъ.

Смотри: кто къ намъ идетъ?

(Входитъ Россъ).

Мэлькольмъ.

Землякъ; но я
Его не знаю.

Мэкдофъ.

Здравствуй, милый братъ!

Мэлькольмъ.

О Боже правый, устрани все то,
Что сдѣлало чужими насъ другъ другу!

Россъ.

Аминь.

Мэкдофъ.

Ну, что Шотландія? Что съ ней?

Россъ.

Несчастная отъ ужаса себя
Не узнаетъ! Не матерью ее
Должны мы называть, а гробомъ нашимъ.
Тамъ можетъ улыбаться только тотъ,
Кто ничего не знаетъ: вздохи, слезы
И вопли воздухъ раздираютъ тамъ;
Но ихъ уже никто не замѣчаетъ! —
Тамъ горя иступленье—ужь обычно! —
Тамъ раздается-ль погребальный звонъ,
Никто почти не спроситъ у другаго:
По комъ? Тамъ блекнетъ жизнь людей хорошихъ
Скорѣе, чѣмъ цвѣты на шляпахъ ихъ:—
Мрутъ ранѣй, чѣмъ успѣютъ захворать!

Мэкдофъ.

Разсказъ необычайно рѣзокъ, остръ;
Но поразительно и вѣренъ онъ!

Мэлькольмъ.

Послѣднее, новѣйшее тамъ горе?

Россъ.

На часъ одинъ состарѣвшися, время,
Разскащика насмѣшниками освищетъ! —
Тамъ каждая минута порождаетъ
И новое несчастье...

Мэкдофъ.

Что жена?

Россъ.

Жена твоя?... Какъ надѳ.

Мэкдофъ.

Дѣти?

Россъ.

Также.

Мэкдофъ.

Тиранъ покой не потревожилъ ихъ?

Россъ.

Покоился мирно!—Такъ оставилъ...

Мэкдофъ.

Не будь же скупъ ты на слова!—Что съ ними?

Россъ.

Какъ я отправился сюда съ вѣстями,
Съ тяжелой этой ношею для сердца,
Ходили слухи: выступило много
Мужей достойныхъ въ поле на тирана,
И это подтвердилось для меня
Вполнѣ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ самъ.—Злодѣй
Вооружилъ и двинулъ рать свою. —
Теперь—минута самая помочь! —
Въ Шотландіи единымъ вашимъ взглядомъ
Вы разомъ войско создадите.—Тамъ
И женщины всѣ ринутся на битву,
Чтобъ съ сердца муки злыя всѣ сорвать!

Мэлькольмъ.

Утѣшьтесь, мы идемъ туда немедля. —
Добрѣйшій Англіи король Сиварда
И десять тысячъ воиновъ намъ далъ!
Сиварду старому въ войнѣ не равенъ
Никто во всѣхъ владѣньяхъ христіанства!

Россъ.

Хотѣлось бы и мнѣ отвѣтить вамъ
Такимъ же утѣшеньемъ; но могу

Слова я только произнесть такія,
Что лучше ихъ провыть въ пустынѣ дикой
И въ воздухѣ пустомъ, чтобъ не могло
Ихъ ухо человѣка уловить.

Мэкдофъ.

О чемъ ты говоришь?—Объ горѣ-ль общемъ?..
Иль въ грудь ударить хочешь одному?

Россъ.

Нѣтъ честнаго, кто-бъ горе то не счелъ
Своимъ; но доля большая—твоя.

Мэкдофъ.

Моя?... Такъ не скрывай, такъ выдавай
Скорѣе мнѣ!—

Россъ.

О пусть тебѣ не будетъ
На вѣкъ мой голосъ ненавистенъ! Онъ
Такимъ тяжелымъ звукомъ прозвучитъ,
Какого не слыхалъ никто на свѣтѣ....

Мэкдофъ.

А!—Понимаю....

Россъ.

Замокъ взятъ, жена
И дѣти всѣ зарѣзаны, убиты
Свирѣпою рукой, безчеловѣчно....
Разсказывать подробно смерть ихъ—значитъ
Прибавить къ жертвамъ дорогимъ злодѣйства
Еще твой трупъ!

Мэлькольмъ.

О, милосердый Боже!
Нѣтъ, нѣтъ, Мэкдофъ, не надвигай глубоко
Ты шляпы на глаза! Дай горю слово.—

Отчаянье безъ словъ все о себѣ
Лишь сердцу тихо говоритъ и сердце,
И такъ ужь переполненное горемъ,
Не вынесетъ и разорвется сразу!

Мэкдофъ.

И дѣти всѣ мои?!

Россъ.

Жена и дѣти
И слуги, всѣ кто въ замкѣ лишь нашелся.

Мэкдофъ.

И я тамъ не былъ!... И жена убита?!

Россъ.

Сказалъ ужь я.

Мэлькольмъ.

Мужайся! Страшнымъ мщеньемъ
Смертельное мы горе уврачуемъ!—
Крѣпись!

Мэкдофъ.

Дѣтей нѣтъ у него!—И [53]) всѣ,
Всѣ милые мои малютки!.. Всѣ,
Вѣдь, ты сказалъ?—О коршунъ адскій—всѣхъ!...
Всѣхъ птенчиковъ моихъ и съ маткой милой
Однимъ налетомъ лютымъ!...

Мэлькольмъ.

Будь же мужемъ!

Мэкдофъ.

Да, буду.—Все перенесу!—Но какъ
Не чувствовать? Вѣдь, я же человѣкъ!
Все это дорогое было, было
Вѣдь, у меня!... И какъ того не помнить?!...
Ты Боже зналъ, ты видѣлъ это все;
Такъ какъ же ты не защитилъ?—Мэкдофъ,
Они погибли за твои грѣхи,
Не за свои, а за твои убиты!—
О, Боже правый, успокой ихъ души!—

Открытіе дѣйствій общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ.

Въ воскресенье, 26 февраля, въ Москвѣ, происходило открытіе дѣйствій Общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ. Вотъ его уставъ:

I. Цѣль общества.

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью призрѣвать неимѣющихъ крова дѣтей и вообще оказывать всякаго рода помощь бѣдствующимъ дѣтямъ, какъ въ Москвѣ, такъ и ея окружностяхъ.

§ 2. Для этого общество, по мѣрѣ средствъ своихъ:

а) устраиваетъ и содержитъ убѣжища и дѣтскія больницы;

б) открываетъ и содержитъ, въ узаконенномъ порядкѣ, школы и ремесленныя училища;

в) размѣщаетъ поступающихъ на его попеченіе дѣтей по ремесленнымъ заведеніямъ и отдаетъ ихъ на воспитаніе въ учебныя и воспитательныя заведенія и въ извѣстныя членамъ общества семьи;

г) оказываетъ неимущимъ и живущимъ личнымъ трудомъ лицамъ матеріальную помощь, нужную для обученія и воспитанія ихъ дѣтей

и д) принимаетъ мѣры къ уменьшенію числа дѣтей, просящихъ милостыню.

II. Составъ общества.

§ 3. Общество составляется изъ совершеннолѣтнихъ лицъ обоего пола, вносящихъ на нужды общества ниже сего указанный членскій взносъ.

§ 4. Члены общества дѣлятся на почетныхъ, платящихъ ежегодно не менѣе 100 р. или внесшихъ единовременно не менѣе 1000 р., и дѣйствительныхъ, вносящихъ ежегодно не менѣе 5 р. или единовременно уплатившихъ не менѣе 100 р.

III Средства общества.

§ 5. Средства общества составляютъ: 1) ежегодные и единовременные взносы членовъ и 2) всякаго рода пожертвованія въ пользу общества деньгами и вещами.

IV. Устройство общества и управленіе его дѣлами.

§ 6. Веденіе дѣлъ общества возлагается на:

а) правленіе общества,

б) общее собраніе его членовъ и

в) членовъ общества, завѣдывающихъ его учрежденіями.

А. Правленіе.

§ 7. Правленіе общества находится въ Москвѣ и состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, казначея, секретаря, завѣдывающихъ учрежденіями (§ 23) и, кромѣ того, отъ двухъ до шести, по усмотрѣнію общаго собранія, членовъ правленія. Лица эти, а равно кандидаты къ нимъ, избираются общимъ собраніемъ изъ числа членовъ общества на три года.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя правленія и его товарища, ихъ замѣщаетъ одинъ изъ членовъ правленія, по опредѣленію правленія; другія же, указанныя въ семъ параграфѣ, лица замѣщаются кандидатами.

§ 8. Правленіе собирается не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, въ опредѣленное самимъ правленіемъ время и въ избранномъ имъ мѣстѣ. Засѣданіе считается состоявшимся, если въ него прибудетъ не менѣе трехъ изъ числа составляющихъ правленіе лицъ. Рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 9. На обязанности правленія лежитъ:

а) веденіе дѣлъ общества;

б) исполненіе постановленій общаго собранія;

в) ежемѣсячное свидѣтельствованіе суммъ общества;

г) созваніе общихъ собраній;

д) представленіе общему собранію годичнаго отчета по дѣламъ общества и

е) составленіе смѣтъ расходовъ общества и представленіе ихъ на утвержденіе общаго собранія.

§ 10. Казначей ведетъ счетоводство, принимаетъ поступающія въ общество суммы и составляетъ денежную часть отчета по дѣламъ общества.

Примѣчаніе. Счетныя книги выдаются казначею за печатью общества и скрѣпою предсѣдателя правленія.

§ 11. Капиталы общества хранятся въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій, по опредѣленію общаго собранія.

§ 12. Расходы производятся соотвѣтственно утвержденнымъ общимъ собраніемъ смѣтамъ, по постановленіямъ правленія; но въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, предсѣдатель правленія можетъ разрѣшать денежныя выдачи, принимая ихъ на свою отвѣтственность и доводя о томъ до свѣдѣнія правленія въ ближайшее засѣданіе онаго.

§ 13. Секретарь составляетъ журналъ правленія, ведетъ дѣлопроизводство и составляетъ отчетъ общества, за исключеніемъ казначейской части (§ 10).

В. Общее собраніе.

§ 14. Общія собранія общества бываютъ годичныя и чрезвычайныя. Годичныя созываются въ первой половинѣ февраля, чрезвычайныя по усмотрѣнію правленія.

§ 15. Въ общемъ собраніи предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ общества, по выбору явившихся въ собраніе.

Примѣчаніе. Предсѣдатель и члены правленія въ общемъ собраніи предсѣдательствовать не могутъ.

§ 16. Общее собраніе считается состоявшимся, если въ него прибудутъ члены общества въ числѣ не менѣе $^1/_{10}$ числа живущихъ въ Москвѣ членовъ, не считая въ томъ числѣ предсѣдателя и членовъ правленія. Если же, за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, собраніе не состоится, то оно вновь созывается чрезъ двѣ недѣли, для обсужденія исключительно тѣхъ же дѣлъ и вопросовъ, и считается состоявшимся, какое бы число членовъ на немъ ни присутствовало.

Примѣчаніе. Для постановленій собранія объ измѣненіи или дополненіи устава общества требуется присутствіе въ собраніи членовъ въ числѣ не менѣе $^1/_3$ числа живущихъ въ Москвѣ членовъ.

§ 17. Члены общества, желающіе внести на обсужденіе собранія предположенія, касающіяся дѣлъ общества, заявляютъ о нихъ правленію письменно, не позже какъ за двѣ недѣли до срока созыва.

§ 18. За десять дней до собранія, члены общества, живущіе въ Москвѣ и сообщившіе правленію свои адресы, оповѣщаются о времени и мѣстѣ засѣданія и о предметахъ занятій предстоящаго собранія повѣстками, остальные публикаціей въ одной изъ московскихъ газетъ.

§ 19. Предметы занятій общаго собранія суть:

а) избраніе личнаго состава правленія и завѣдывающихъ учрежденіями общества;

б) разсмотрѣніе и утвержденіе годовыхъ отчетовъ и смѣтъ;

в) разрѣшеніе поступившихъ на его обсужденіе вопросовъ и предложеній.

г) разсмотрѣніе предложеній объ измѣненіи или дополненіи устава общества.

§ 20. Рѣшенія общаго собранія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ предложеній объ измѣненіи или допол-

неніи сего устава, для чего требуется большинство $^2/_3$ числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи собранія (§ 16, примѣчаніе).

Примѣчаніе. На измѣненіе устава испрашивается разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

§ 21. Постановленія собранія заносятся въ журналъ, который ведется секретаремъ собранія, избираемымъ изъ числа присутствующихъ членовъ общества, коими журналъ и подписывается.

§ 22. Для предварительнаго разсмотрѣнія и повѣрки отчетовъ правленія и осмотра учрежденій общества, общее собраніе ежегодно избираетъ изъ членовъ общества ревизіонную коммиссію, которая и представляетъ собранію свой докладъ въ слѣдующее очередное засѣданіе его.

Примѣчаніе. Члены общества, занимающіе какія-либо должности въ правленіи общества или въ его учрежденіяхъ, не могутъ входить въ составъ ревизіонныхъ коммиссій.

В. Завѣдывающіе учрежденіями общества.

§ 23. Ближайшее завѣдываніе каждымъ учрежденіемъ общества поручается лицу, избираемому для сего общимъ собраніемъ изъ числа членовъ общества, срокомъ на три года (§ 7).

Примѣчаніе. Одинъ и тотъ же членъ общества можетъ завѣдывать и нѣсколькими учрежденіями общества.

§ 24. На обязанности завѣдывающаго учрежденіемъ лежитъ:

а) непосредственное управленіе дѣлами и хозяйствомъ учрежденія;

б) опредѣленіе и увольненіе служащихъ въ томъ учрежденіи лицъ;

в) завѣдываніе кассой учрежденія и выполненіе расходовъ, на сіе учрежденіе назначенныхъ по смѣтѣ, утвержденной общимъ собраніемъ, и по постановленіямъ правленія общества, и

г) выполненіе постановленій общаго собранія и правленія общества, до дѣлъ того учрежденія относящихся.

§ 25. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, завѣдывающій учрежденіемъ можетъ производить, изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ, непредвидѣнные собраніемъ и правленіемъ расходы, принимая ихъ на свою отвѣтственность и доводя о томъ до свѣдѣнія правленія въ ближайшее засѣданіе онаго.

§ 26. Общее собраніе можетъ, если найдетъ нужнымъ, поручить завѣдываніе тѣмъ или другимъ изъ учрежденій общества особымъ коммиссіямъ, составляемыхъ изъ членовъ общества, опредѣляя кругъ дѣйствій и обязанностей такихъ коммиссій и ихъ отношенія къ правленію общества особыми инструкціями.

§ 27. Завѣдывающіе учрежденіями общества могутъ приглашать къ себѣ въ помощники и для замѣщенія ихъ въ случаѣ болѣзни или отсутствія кого-либо изъ членовъ общества, съ согласія на то правленія.

V. Права общества.

§ 28. Общество имѣетъ право пріобрѣтать и владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ на правахъ, общихъ всѣмъ юридическимъ лицамъ.

§ 29. Общество имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ.

§ 30. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи ст. 1520—1524 уст. общ. призр., т. XIII св. зак.

§ 31. Отчеты общества, по утвержденіи ихъ общимъ собраніемъ, представляются въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чрезъ посредство московскаго губернатора.

VI. О закрытіи общества.

§ 32. Если общество, по какимъ-либо обстоятельствамъ, прекратитъ свои дѣйствія, то весь принадлежащій ему капиталъ, по опредѣленію общаго собранія, обращается на употребленіе, соотвѣтствующее цѣли общества.

§ 33. О закрытіи общества доводится до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, чрезъ посредство московскаго губернатора.

ЖУРНАЛЪ
ОБЩАГО СОБРАНІЯ.

Засѣданіе 26 февраля 1884 года.

Въ засѣданіе прибыли 32 лица изъ числа 65 заявившихъ желаніе быть членами общества и жительствующихъ въ Москвѣ, вслѣдствіе чего, согласно 16 § устава общества, засѣданіе признано состоявшимся.

Въ виду открытія дѣйстій общества, отслужено было молебствіе, по окончаніи котораго предсѣдательствованіе въ собраніи, по общему желанію, принялъ на себя графъ Павелъ Алексѣевичъ Капнистъ.

Секретаремъ собранія былъ избранъ Николай Николаевичъ Бахметевъ.

Собраніе выслушало докладъ слѣдующаго содержанія:

«Желаніе, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать дѣлу призрѣнія и воспитанія находящихся въ несчастномъ положеніи дѣтей побудило основать въ Москвѣ пріютъ, въ которомъ извѣстное число дѣтей женскаго пола, будучи принято въ возможно меньшемъ возрастѣ, получало бы, вполнѣ безплатно, воспитаніе и обученіе, могущія приготовить ихъ къ самостоятельно-трудовой жизни. Имѣвшіяся для этого средства оказались достаточными для устройства и содержанія въ теченіе нѣкотораго времени (примѣрно двухъ лѣтъ) пріюта на 25 воспитанницъ. Забота объ его дальнѣйшемъ существованіи привела къ мысли учредить общество, которое, принявъ пріютъ въ свое вѣдѣніе, призвало бы на помощь этому дѣлу част-

ную благотворительность. Съ этою цѣлью былъ составленъ проектъ устава общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ, дѣйствія коего нынѣ открываются. Изъ наименованія общества видно, что уставъ не ограничиваетъ круга его вѣдѣнія однимъ только вышеуказаннымъ пріютомъ, но и вводитъ въ него вообще заботы о нуждающихся въ помощи дѣтяхъ. Побужденіемъ тому служили далеко неудовлетворительное положеніе дѣла призрѣнія бѣдствующихъ дѣтей и надежда, что частная благотворительность дастъ возможность, хотя въ будущемъ, расширить дѣятельность общества. 29 декабря прошлаго года послѣдовало закономъ установленное утвержденіе этого устава.

«Одновременно съ представленіемъ на утвержденіе проекта устава, учредители общества обратились къ г. московскому генералъ-губернатору съ просьбою о разрѣшеніи, впредь до утвержденія устава, открыть дѣйствія пріюта. Ходатайство это генералъ-губернаторомъ было уважено и 7 декабря пріютъ былъ открытъ.

«Пріютъ помѣщается на 3 Мѣщанской, въ домѣ Моженской. Въ него поступило 19 воспитанницъ, изъ коихъ младшей 5 лѣтъ, старшей 11. Изъ приложеннаго при семъ списка ихъ видно, что дѣти принимались въ пріютъ безъ различія сословій, причемъ приняты и сироты, и дѣти, родители коихъ живы, ибо положеніе дѣтей, имѣющихъ несчастныхъ или дурныхъ родителей, не лучше, часто хуже положенія сиротъ. Несчастное положеніе дѣтей, принятыхъ въ пріютъ, вполнѣ удостовѣрено. Хозяйство пріюта, устроенное первоначально на 20 воспитанницъ, въ настоящее время дополняется до комплекта 25. Персоналъ служащихъ состоитъ изъ надзирательницы, учительницы, нянки и кухарки. Дѣти обучаются чтенію, письму, ариѳметикѣ и закону Божію. Выборъ профессіи, которой будутъ обучаться воспитанницы пріюта, зависитъ отъ усмотрѣнія общества.

«Въ кассу пріюта передано 4,000 рублей и, кромѣ того, вещей, учебныхъ пособій и книгъ въ пріютъ доставлено приблизительно на 1,000 р. Независимо отъ этого, на надобности пріюта поступило: 1) деньгами 3,623 руб., которые и представляются при особой вѣдомости, 2) указанныхъ въ описи вещей, для устройства въ пользу общества лоттереи или базара, на сумму 5,211 р., 3) три билета 2-го съ выигрышами займа (по курсу 630 рублей) и 4) 200 рублей на укомплектованіе дѣтской библіотеки пріюта. Всего на надобности пріюта и общества, деньгами и вещами, не считая членскихъ взносовъ, поступило: на сумму 14,664 руб. Желаніе быть членами общества заявило 72 лица. Сумма ихъ годовыхъ взносовъ составляетъ 1,400 рублей».

Докладъ собраніемъ утвержденъ.

По предложенію предсѣдателя, собраніе приступило къ избранію правленія общества.

Избраны:

Предсѣдателемъ: Иванъ Александровичъ Кошелевъ.

Товарищемъ предсѣдателя: Графиня Эмилія Алексѣевна Капнистъ.

Завѣдывающей пріютомъ: Княжна Марія Александровна Ливенъ.

Казначеемъ: Владиміръ Владиміровичъ Коншинъ.

Членами правленія: Марія Александровна Мамонтова, Анатолій Ильичъ Чайковскій и Платонъ Алексѣевичъ Богдановъ.

Секретаремъ: Николай Николаевичъ Бахметевъ.

Кандидатомъ секретаря: Митрофанъ Ниловичъ Ремизовъ.

Въ ревизіонную коммиссію: Прасковья Владиміровна Чайковская, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, Василій Юрьевичъ Скалонъ и Николай Григорьевичъ Высотскій.

Постановлено:

1. Денежныя суммы общества держать въ московскомъ обществѣ взаимнаго купеческаго кредита или купеческомъ банкѣ по усмотрѣнію привленія.

2. Срокомъ членскихъ взносовъ считать 1 января каждаго года, при чемъ поступившіе взносы зачесть за текущій 1884 годъ.

За справками по дѣламъ общества и пріюта, а также лицъ, желающихъ вступить въ члены общества, просятъ обращаться къ одному изъ слѣдующихъ лицъ:

Ивану Александровичу Кошелеву (*предсѣдатель*). Большая Никитская, 57.

Графинѣ Эмиліи Алексѣевнѣ Капнистъ (*товарищъ-предсѣдателя*). Волхонка, квартира г. попечителя учебнаго отруга.

Княжнѣ Маріи Александровнѣ Ливенъ (*завѣдующая пріютомъ*). Грузинская площадь, домъ Дмитріева.

Маріи Александровнѣ Мамонтовой (*членъ правленія*). Леонтьевскій, соб. д.

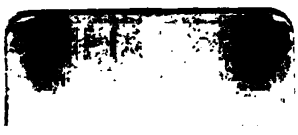
Анатолію Ильичу Чайковскому (*членъ правленія*). Трубный пер., д. Холмскаго.

Платону Алексѣевичу Богданову (*членъ правленія*). Сытинскій переулокъ, домъ Житорева.

Владиміру Владиміровичу Коншину (*казначей*). Пречистенка, соб. домъ.

Николаю Николаевичу Бахметеву (*секретарь*). Леонтьевскій, 21.

Пріютъ общества помѣщается на 3-й Мѣщанской, № 35 (110).

Адресъ для корреспонденціи Общества: Москва. Леонтьевскій, 29, квартира 15.

BOOK[illegible]NG CO., INC.
APR 1 7 1984
100 CAMBRIDGE [illegible]
CHARLESTOWN, MASS.